This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 467.50

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
RUSSIAN COLLECTION OF 1922

P Slav 467.50

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
RUSSIAN COLLECTION OF 1922

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1869

Іюль—Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
1869.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г. ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. редняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или **Галицкой Руси** до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Книга, Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана. съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г. 50 к., перес. за 4 ф.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1870 ГОДУ ЖУРНАЛА:

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

«Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» будуть издаваться и въ наступающемъ 1870 году, по той же самой программѣ, какъ доселѣ, въ томъ же самомъ объемѣ, направленіи и въ тѣ же сроки.

ПОДПИСКА ГОДОВАЯ:

Шесть рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкою въ другія мѣста *семь* рублей *50* к. сереб.

Съ требованіями обращаться:

1. Въ самое Общество, или

2. Въ книжный магазинъ Московскаго книгопродавца и Коммисіонера Общества Ивана Григорьевича Соловьева (бывшій Ивана Васильевича Базунова), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1869

Іюль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1869.

P S/aw 467.50
Sloan 2540

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1, 1922

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

СОЕДИНЕНІИ ПОДЪ ОБЩИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ

БОЛГАРСКАГО РЫЛЬСКАГО И РУССКАГО АѲОНСКАГО МОНАСТЫРЕЙ.

Братія Болгарскаго Рыльскаго монастыря, посѣщая, по временамъ, Св. Аѳонскую Гору, которая не перестала и, надѣемся, не перестанетъ никогда быть духовною школою для Православнаго иночества, оказываютъ особенное расположеніе нашей Русской Аѳонской обители (Руссику). Расположеніе это, по ихъ объясненію, кромѣ духовныхъ причинъ, имѣетъ и основы историческія; въ доказательство чего они, въ 1867 году, привезли въ Руссикъ копію съ акта, хранящагося у нихъ, въ числѣ отборныхъ бумагъ, въ особомъ кивотѣ. Актъ этотъ относится къ 1466 году, и составленъ возстановителями Болгарскаго Рыльскаго монастыря (послѣ запустѣнія его, въ слѣдствіе разоренія Турками, при завоеваніи Болгарскаго Царства, въ концѣ XIV столѣтія), Игуменомъ Давидомъ и, братомъ его, Іеромонахомъ Ѳеофаномъ, по смерти старшаго ихъ брата, перваго Игумена обновленной обители, отца Іоасафа.

Исторія этого возстановленія и обратнаго перенесенія изъ Тернова въ обновленную обитель мощей ея основателя, Преподобнаго Іоанна Рыльскаго (содѣйствіемъ вдовы, Царицы Мары, супруги Султана Амурата II-го, а младшей дочери Сербскаго Деспота, Георгія Бранковича, 1428—1457), описана подробно и обстоятельно въ драгоцѣнномъ сборникѣ, именуемомъ «Панегирики», составленномъ въ XV же столѣтіи Грамматикомъ Владиславомъ и хранящемся въ томъ же Рыльскомъ монастырѣ. Описаніе это со-

ставляетъ добавленіе къ Житію Пр. Іоанна Рыльскаго, написанному, какъ извѣстно, послѣднимъ Терновскимъ Патріархомъ, блаженнымъ Евѳиміемъ, и принадлежитъ перу самого составителя Сборника, Владиславу Грамматику (см. «Гласникъ Српскога Ученога Друштва,» новаго реда кн. V, 1867 года). Упоминаемыхъ въ этомъ актѣ хрисовуловъ прежнихъ святыхъ ктиторовъ (Рыльской обители): «како суть были оба монастыра (Рыльскій Болгарскій и Русскій Аѳонскій) едино и прежде,» (т. е., прежде разоренія Рыльской обители Турками въ концѣ XIV, или началѣ XV, столѣтія), хрисовуловъ, которые, по объясненію отцевъ Давида и Ѳеофана, видѣны были ими нѣкогда въ Русскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, нынѣ нѣтъ, такъ какъ большинство древнихъ Славянскихъ актовъ этой обители утратилось во время оставленія ея Русскими иноками въ прошломъ столѣтіи. По нашему заключенію обстоятельство, упоминаемое въ актѣ, то есть, соединеніе обоихъ монастырей подъ общимъ управленіемъ при прежнихъ ктиторахъ, судя по извѣстнымъ намъ историческимъ событіямъ обѣихъ обителей, можно съ достовѣрностію отнести къ первой половинѣ XIV столѣтія, по слѣдующимъ соображеніямъ: Обновителемъ Болгарскаго Рыльскаго монастыря, послѣ обветшанія его зданій, былъ, какъ извѣстно, одинъ изъ вельможъ Царя Стефана Душана (владѣвшаго тогда всею Македоніею), Правитель Струмицкой области, Протосевастъ (а потомъ Кесарь) Хреля Охмучевичъ, скончавшійся въ 1343 году, въ монашескомъ образѣ подъ именемъ Харитона, и погребенный въ обновленной имъ обители, гдѣ доселѣ указываютъ надгробную плиту съ полуистертой надписью. Воздвигнутыя Хрелею въ Рыльскомъ монастырѣ зданія истреблены пожаромъ въ началѣ текущаго столѣтія; уцѣлѣла лишь одна каменная башня, которую народъ и доселѣ зоветъ «Релинъ пиргъ»; на ней находится надпись, составленная изъ каменнаго кирпича: «При держави Господина превысокаго Степана Доушана Крала созда сеи пиргъ Господинъ Протосевастъ Хрель с троудомь великимь и ексодомь светомоу отцоу Їоанноу Рыльскомоу и Матери Божїей, нарицаемѣй Осеновица, въ лѣто ҂ѕѡмг (6843=1334), Ноемврїа е҃ (5).» Владиславъ Грамматикъ, говоря о современномъ ему возстановленіи обители Рыльской въ 1460 году, упоминаетъ и объ обновленіи ея въ XIV столѣтіи Хрелемъ, говоря: «юже (обитель) добрѣ зѣло и благолѣпьнѣ же прѣвьзорьныи онъ Кесарь Хрела, образомь же

иноуьскыимь нареуеныи Харитонъ монахь, вь славословие Божие и вь уьсть прѣподобьномоу, отъ основаниа въздвиже и създа» (Гласникъ кн. V, стр. 288).

Относительно Русской Аѳонской обители Св. Пантелеимона также извѣстно, что въ 1340 г. (по завоеваніи Душаномъ всей Македоніи и части Ѳракіи) она была принята Стефаномъ Душаномъ подъ его личное покровительство, и онъ, видя «нищетѫ последню монастира и всакаго промишлениа и попеуениа тыщь и пѫсть, и еще оть Рѫсие вьсеконьуно оставлениe,» сдѣлавшись, по просьбѣ иноковъ, ктиторомъ сей обители, «наложиль попеуение и промышлениe» о ней на одного «многолюбимаго и вѣрнаго» ему монаха, Исаию, «томѫ и не хотещѫ, одва упросивь его, сь великимь уминлениемь и метаниемь, вькѫпѣ и сь Царицею Кѵра Еленою.» * По прошенію избраннаго такимъ образомъ настоятеля, щедролюбивый Царь надѣлилъ монастырь метохіями въ той же Струмицкой области, которою управлялъ тогда Кесарь Хреля, а послѣ него Царица Евдокія (вдова Деака), съ сыновьями Деспотами, Костандиномъ и Драгашемъ. Такое видимое благоволеніе Царя къ Русской Аѳонской обители, сравненной при томъ въ правахъ своихъ, по просьбѣ того же многолюбимаго Царемъ старца Исаіи (Игумена обители), съ Царскою Сербскою Хилендарскою Лаврою, не могло не привлечь къ Русскому монастырю вниманія и Сербскихъ властелей. Вотъ по чему и ктиторъ возобновленной тогда же Рыльской обители, Кесарь Хреля Охмучевичь (Харитонъ), легко могъ присоединить свой монастырь къ Русской Аѳонской обители на томъ же основаніи, какъ сдѣлалъ это Правитель сосѣдней Овчепольской области, Великій Воевода Оливеръ (братъ супруги Душановой, Царицы Елены), относительно обновленнаго имъ монастыря Пр. Гавріила Лѣсновскаго (между Истибомъ и Кюстендилемъ), «записавь златопеуатнымь хрисовоуломь и предавь оныи (монастырь) оу светоу гороу Богородици Хиландарьской сь всакимь

---

* См. хрисовулъ Царя Стефана Душана Русику 1349 г., Іюня 12, въ «Гласникѣ 1868 г., кн. VII, статья: «Стара Српска писма,» стр. 232 и слѣд. Въ этомъ хрисовулѣ, коимъ онъ подтверждаетъ за монастыремъ его владѣнія внутри и внѣ Св. Горы, объ упомянутыхъ выше событіяхъ, по устройству монастыря, говорится въ прошедшемъ времени, слѣдовательно, онъ относится къ началу 40-хъ годовъ XIV столѣтія.

утвержденіемъ» (см. «Описаніе Сербской Хиландарской Лавры,» стр. 70—71, въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древности Россійскихъ,» 1867 г., кн. IV, отд. 3, и особо). Словомъ, достовѣрность событія XIV столѣтія, упоминаемаго въ актѣ XV столѣтія, не смотря на утрату относящагося къ сему хрисовула, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и въ этомъ смыслѣ, актъ 1466 года лишь обновляетъ, для обѣихъ существующихъ понынѣ обителей, «память лѣтъ древнихъ.» Долго ли продолжалось условленное этимъ актомъ вторичное соединеніе обоихъ монастырей подъ общимъ управленіемъ, * намъ не извѣстно; но и донынѣ, при совершенной независимости сихъ монастырей одного отъ другого, память ихъ двукратнаго соединенія означается сохраненіемъ духовнаго и дружелюбнаго общенія между братствомъ обоихъ монастырей, образуя одну изъ тѣхъ мало примѣтныхъ, но тѣмъ не менѣе крѣпкихъ, нитей, которыми черезъ цѣлые вѣка поддерживается взаимный духовный союзъ родственныхъ и единовѣрныхъ племенъ, въ терпѣливомъ ожиданіи того вожделѣннаго для всѣхъ Славянъ дня, когда, не опасаясь болѣе ни чьего предательства и не боясь ни чьего преслѣдованія, они будутъ въ состояніи откровеннымъ лицомъ взглянутъ другъ на друга и, ясно сознавая свое духовное и племенное родство, братски протянутъ другъ другу руки на вѣчный союзъ, для общаго блага, какъ своего, такъ и своихъ нынѣшнихъ насельниковъ.

---

* Первое соединеніе, какъ легко догадаться, окончилось вмѣстѣ съ разореніемъ Рыльской обители, во время паденія Болгарскаго Царства, въ концѣ XIV, или въ началѣ XV, столѣтія.

АКТЪ 1466 ГОДА.

Благодатїю и҆ человѣколюбїемъ гд҃а и҆ бг҃а и҆ сп҃са нашегѡ і҆исꙋса хр҃та, и҆ молитвами пречистыѧ вл҃цы на́шеѧ богородицы и҆ преподобнагѡ и҆ бг҃оноснагѡ оц҃а нашегѡ і҆ѡанна, пꙋстыни жителѧ рыльскагѡ, мы и҆ноцы, и҆же въ монастырѣ пꙋстыни рыльскїѧ, и҆гꙋменъ і҆еромона́хъ даві́дъ и҆ і҆еромонахъ ѳеофанъ и҆ съ братомъ нашимъ ст҃опочившимъ и҆гꙋменомъ і҆еромонахомъ і҆оасафомъ, ѡ҆брѣтохомъ ст҃ый монастыръ рыльскый ꙁапꙋстѣвшїй ѿ мно́гихъ лѣтъ, и҆ мл҃тїю бж҃їею и҆ помощїю пречистыѧ и҆ молитвами ст҃агѡ, воꙁдвигохомъ его̀ и҆ ѡ҆бновихомъ и҆ оу҆ державныхъ царѐй и҆ госпо́дъ всѧкимъ ꙁаписа̀нїемъ и҆ оу҆твержденїемъ свободихомъ ѿ телоса * царе́ва, и҆ всѧкихъ и҆ныхъ даѧнїй про́чїихъ господь. По времени же ви́дѣхомъ во ст҃ѣй горѣ въ монастырѣ ст҃агѡ великомꙋченика хр҃това и҆ цѣле́бника панделеимона хрїсовꙋлы пре́жнихъ ст҃ыхъ кти́торѡвъ, какѡ сꙋтъ были ѻ҆́ба монасты́ри е҆дино. Тѣмъ же и҆ мы, совѣщавшесѧ по преставленїи бра́та нашеѡ, кѵръ і҆ѡасафа, сотворихомъ, да сꙋтъ паки ѻ҆́ба монастыра е҆ди́но, ꙗ҆́ко же сꙋть и҆ прежде были, и҆ да си поставлѧютъ наставника ꙁдѣ, ѿ нихъ монастыра строити ѻ҆́вꙁи монастыръ, на́мъ же, двѣма̀ братома, і҆еромонахꙋ даві́дꙋ и҆ і҆еромонахꙋ ѳеофа́нꙋ, а҆́ще прилꙋчитсѧ прїити во ст҃ꙋю горꙋ, въ ст҃ый монастыръ, да и҆́мамо свободꙋ ѿ всѧкихъ работъ; а҆́ще ли па́ки пребꙋдемъ ꙁдѣ, такожде да и҆́мамо ѿрадꙋ; ті́и же да стро́ѧтъ монастыръ, ꙗ҆́коже хотѧтъ; по преставленїи же нашемъ и҆ли тамо, и҆ли ꙁдѣ, да и҆мамо ко́лѵва и҆ лїтꙋргїѝ ꙗ҆́ко же и҆ прочаѧ братїѧ, и҆ всѧ и҆́же сꙋть монастырскаѧ, и҆ли́ внꙋтръ, и҆ли внѣ що, да се ѡ҆брѣта́е, преда́смо тѣмъ съ писанїемъ по и҆́мени, и҆ ꙁаписанїѧ царскаѧ и҆ господскаѧ. И тако́ꙁи оу҆чини́смо междꙋ собою, что либо да есть ꙁдѣ въ монастырѣ, да се не воꙁметъ ѿносити ѿ монастыра, кромѣ нꙋжди расыпанїѧ монастырскаго. И҆ и҆же дерꙁнетъ раꙁорити сїе на̀ше вчиненїе и҆лѝ ѿ тѣхъ, и҆ли ѿ насъ, таковаго да раꙁоритъ гд҃ъ богъ въ день страшнагѡ и҆спытанїѧ, и҆ да га оу҆бїетъ сила честнагѡ и животворѧщагѡ креста, и҆ да ѐ про̀клетъ ѿ триста и҆ осмнаесетъ ст҃ыхъ и҆ бг҃оносныхъ оц҃ъ и҆́же въ нїкеи, и҆ ѿ всѣхъ ст҃ыхъ ѿ вѣка бг҃ꙋ оу҆гождшихъ, и҆ да мꙋ ѐ сопе́рница пречистаѧ бг҃омати, и҆ ст҃ый великомꙋче-

* Дани.

никъ хр҃товъ панделеимонъ, и҆ преподобный и҆ бг҃оносный оц҃ъ і҆ѡаннъ рыльскїй, на страшнѣмъ сѹдѣ хр҃товомъ. И҆ ради и҆звѣщенїа и҆ оу҆твержденїа, и҆же сїа вчинившїи, вписахомса ꙁдѣ по и҆мени: и҆гѹменъ оби́тели ст҃агѡ великомѹченика хр҃това и҆ цѣлебника панделеимона і҆еромонахъ аверкїе, и҆ и҆гѹменъ о҆би́тели преподобнагѡ и҆ бг҃оноснагѡ о҆ц҃а і҆ѡанна рыльскаго і҆еромонахъ даві́дъ, и҆ і҆еромонахъ ѳеофанъ, проигѹменъ рѹшки харїтонъ, проигѹ́менъ герасимъ, проигѹ́менъ і҆еромонахъ аверкїе, проигѹ́менъ никандръ, проигѹменъ малахїа, екклисїа́рхъ і҆еромонахъ дїомидїе, дѹховникъ і҆еромонахъ ефремъ, ста́рецъ аѳана́сїе, старецъ рафаилъ, старецъ варлаа́мъ, старецъ григорїе, старецъ досїѳей, еѯодїа́стъ попъ митрофанъ, и҆ всѣ и҆же во хр҃тѣ братїи о҆бои́хъ монастырей; и҆ писа́се въ лѣто ҂ѕ҃цо҃д, мц҃а і҆ѹнїа ѕ҃.

Λαυρεντιος γραματικος.

(М. П.) Тутъ находятся двѣ печати восковыя: одна Русскаго монастыря Святаго Валикомученика Пантелеимона, а другая Рыльскаго монастыря Преподобнаго Іоанна.

Февраль,
1869 года.
Константинополь.

Д. Членъ Архимандритъ **Леонидъ.**

О ВРЕМЕНИ СДАЧИ ПОЛЯКАМИ РУССКИМЪ КРЕМЛЯ ВЪ 1612 ГОДУ.

Очищеніе Кремля отъ Поляковъ въ 1612 г. было вѣнцемъ тяжелыхъ усилій народа Русскаго для освобожденія столицы своей отъ чуждаго господства. Это событіе положило конецъ смутѣ, порожденной Самозванцами и притязаніями иноземцевъ на Русскій престолъ; оно уничтожало опасеніе владычества Поляковъ надъ Русскою землею.

Казалось бы, день, когда совершилось подобное событіе, долженъ былъ врѣзаться въ памяти современниковъ и остаться приснопамятнымъ для потомства. Но на дѣлѣ не такъ. Дошло до насъ не мало сказаній современниковъ объ этомъ событіи, даже отъ принимавшихъ личное и дѣятельное участіе въ ономъ, но показанія ихъ или неопредѣленны, или разнорѣчивы. Два событія предшествовали сдачѣ Кремля Поляками: отбитіе Хоткевича и взятіе Русскими приступомъ Китая города.

Всѣ свидѣтельства согласны въ томъ, что Хоткевичъ 21-го Августа подошелъ къ Москвѣ и 23-го Августа, отбитый Русскими, отступилъ отъ нея.

Большая часть свидѣтельствъ днемъ взятія Китая города назначаетъ 22 Октября. Въ Лѣтописи о мятежахъ, писанной очевиднымъ свидѣтелемъ событій, говорится, что Китай городъ взятъ

былъ Октября 22 дня, на память Аверкія, Епископа Іерополь-скаго. [1]

Аврамій Палицынъ, бывшій тогда при войскѣ Русскомъ, говоритъ также, что Воеводы взяли Китай городъ приступомъ Октября въ 22-й день. [2]

Во второмъ сказаніи о Самозванцахъ, сходномъ съ сказаніемъ Аврамія Палицына, указывается тоже число. [3]

Въ Никоновской лѣтописи говорится, что на память Аверкія Великаго (22 Октября) Китай взяша. [4]

Въ Новомъ лѣтописцѣ, сходномъ съ Никоновскою лѣтописью, также говорится, что Китай городъ взяли 22 Октября. [5]

Въ Прологѣ, на который часто ссылается Новый лѣтописецъ, сказано: «Взяша градъ Китай Октября въ двадесятъ вторый день.» [6] Тоже читаемъ въ Филаретовой рукописи (Сбор. Мух., изд. 2-е, стр. 320). Отдѣльнымъ стоитъ свидѣтельство отписки Воеводъ Трубецкаго и Пожарскаго къ Новгородскому Митрополиту, Иси-дору, въ которой днемъ взятія Китая города назначается Сентября 22-й. [7] При сличеніи съ предшествующими событіями, должно думать, что здѣсь допущена описка и, вмѣсто Сентября, слѣдуетъ читать Октября 22-й.

Въ иномъ сказаніи о Самозванцахъ говорится: «Пріяша вои Русскія Москву Октября въ 24 день, на память Святаго муче-

---

[1] Стр. 265: «Какъ убо взяли Китай, что сами видѣхомъ очима своима, что многіе чаны насолены быша человѣческими мясами.»

[2] Осада Троицкаго монастыря, 245.

[3] Временникъ, кн. XVI, 130.

[4] Никонов. лѣт. VIII, 196.

[5] Временникъ, кн. XVII, 158.

[6] Первая и вторая часть Пролога напечатаны въ первый разъ въ 1642 г.

[7] Дополн. къ Акт. Истор. т. 1-й, № 166.

ника Ареевы.» Здѣсь на два дня позднѣе полагается взятіе Китая города. [8]

Взятіе Кремля въ большей части сказаній сливается съ взятіемъ Китая города.

Въ статьѣ, помѣщенной предъ Дворцовыми Разрядами, сказано, что въ память взятія Китая города и Кремля уставлено празднованіе образу Пречистыя Богородицы Казанскія Октября въ 22-й день. [9]

Въ грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича говорится, что въ 121 г., Октября 22, Московское Государство отъ Литовскихъ людей очистилось, по сему и установлено при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ праздновать въ Москвѣ въ сей день явленіе Казанской иконы Божіей Матери. [10]

Въ сказаніи о дѣйственныхъ чинахъ Московскаго Успенскаго Собора, писанномъ въ третій годъ Патріаршества Филарета (1621 г.), говорится о большомъ ходѣ крестномъ Октября 22-го. Къ сему сказанію прибавлено объясненіе происхожденія сего крестнаго хода, именно, что въ сей день въ 1612 г. Москву отъ Польскихъ людей взяли, и всѣхъ ихъ изъимали. [11]

У Аврамія Палицына, въ Прологѣ и въ Никоновской лѣтописи, говорится, что въ день недѣльный Русскіе вступили въ Кремль.

---

[8] Временникъ, кн. XVI, 71. Что подъ Москвой здѣсь разумѣется Китай городъ, видно изъ слѣдующихъ за симъ словъ: «потомъ же и крѣпкій Кремль градъ пріяша, и множество Польскихъ и Литовскихъ людей побиша.» Сказаніе это составлено современникомъ, какъ замѣтилъ издатель его въ предисловіи.

[9] Дворцов. Разряд. стр. 8.

[10] Акты Археогр. IV, стр. 60.

[11] Вивл. Росс. ч. 6, стр. 179. Объясненіе праздника, конечно, приписано послѣ.

Въ Новомъ лѣтописцѣ сказано: «Октября 23-го вошли въ Кремль, и очистися царствующій градъ Москва отъ Латинъ, 7121, мѣсяца Октября въ 23 день. [12]

Въ первой Псковской лѣтописи говорится: «въ 121 г., Октября въ 20 день, Москву взяли у Литвы.» [13]

Въ отпискѣ Воеводъ Трубецкаго и Пожарскаго къ Митрополиту Новгородскому, Исидору, говорится, что они вошли въ Кремль Октября 26 дня. [14]

Книга Дворцовыхъ Разрядовъ даетъ отличное отъ всѣхъ свидѣтельство. Она начинается извѣстіемъ: «Лѣта 7121... промысломъ и радѣніемъ ко всей земли Боярина и Воеводы, Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, да Стольника и Воеводы, Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго... царствующій градъ Москву отъ Поляковъ, и отъ Литовскаго Короля, и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, изъ плѣну и изъ работы очистили и учинили свободно Ноября въ 27 день. [15]

При такомъ разногласіи современныхъ свидѣтельствъ неудивительно, что и у нынѣшнихъ историковъ мы встрѣчаемъ не одинаковое опредѣленіе времени очищенія Кремля отъ Поляковъ. Для примѣра приводимъ выписки изъ сочиненій Гг. Соловьева и Костомарова. С. М. Соловьевъ припоминаетъ, что 22 Октября Казаки взяли Китай городъ. Въ Кремлѣ Поляки держались еще мѣсяцъ, 27 Ноября Русскіе вступили въ Кремль. [16]

По разсказу Н. И. Костомарова: 22 Октября Трубецкой приступомъ взялъ Китай городъ. 24 Октября Поляки отворили во-

---

[12] Новый лѣт. во Временникѣ, кн. XVII, стр. 158.

[13] П. С. Р. Л. IV, 340.

[14] Допол. къ Акт. Ист. т. 1, № 166.

[15] Дворц. Разр. стр. 9.

[16] Истор. Рос. т. VIII, стр. 455, 456.

рота на Неглинную и стали выпускать Бояръ и Русскихъ людей. На другой день, 25 Октября, отворились всѣ ворота Кремля, и Русскіе торжественно вступили въ Кремль. [17]

Г. Соловьевъ основалъ свое показаніе, очевидно, на свидѣтельствѣ Дворцовыхъ Разрядовъ. Держаться этого свидѣтельства побудила его, вѣроятно, невозможность въ два, три, дня помѣстить тѣ событія, какія совершились послѣ взятія Китая города до выхода Поляковъ изъ Кремля.

Что Кремль очищенъ былъ отъ Поляковъ въ Октябрѣ, въ этомъ, кажется, не можетъ быть ни какого сомнѣнія. Отписка Трубецкаго и Пожарскаго къ Митрополиту Новгородскому, Исидору, извѣщающая объ очищеніи Кремля, писана 15 Ноября, слѣдовательно, за двѣ почти недѣли до 27 Ноября, которое указываетъ Г. Соловьевъ. Вступленіе въ Кремль они въ отпискѣ своей относятъ къ 26 Октября; на Октябрь указываютъ и всѣ прочія свидѣтельства. Дворцовые Разряды, указывая на 27 Ноября, разумѣютъ здѣсь, вѣроятно, тотъ день, когда миновала опасность для Москвы отъ Сигизмунда съ Владиславомъ, подходившаго къ Москвѣ. Только тогда, какъ Сигизмундъ началъ свое отступленіе въ Польшу, можно было сказать: «царствующій градъ Москву отъ Поляковъ, и отъ Литовскаго Короля, и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, изъ плѣну и изъ работы очистили и учинили свободно.» Такъ связываетъ 27 Ноября Бантышъ-Каменскій съ отступленіемъ Сигизмунда. Онъ пишетъ: «22 Октября Поляки, бывшіе подъ предводительствомъ Николая Струся, принуждены были сдаться военноплѣнными. Неожиданную сію вѣсть получа Король Польскій, въ пути своемъ уже изъ Вязьмы, съ печалію поворотилъ въ Польшу. Симъ образомъ очистивъ столичный городъ отъ непріятелей, посланы были, Ноября 27, отъ Московскихъ Бояръ во всѣ города Указы, повелѣвающіе, чтобы въ Москву высланы были со всѣхъ сторонъ Депутаты отъ духовенства, Дворянъ и мѣщанъ, для избранія новаго Россіи Государя.» [18]

---

[17] Вѣстн. Евр. 1867, ч. III, стр. 31, 32.

[18] Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1861, кн. 1, отд. 2: «Переписка между Россіею и Польшею,» ч. II, стр., 124, 125.

Такимъ образомъ мнѣніе Г. Соловьева не можетъ быть принято.

Отписка Воеводъ къ Митрополиту Исидору, въ которой говорится, что они вступили въ Кремль 26 Октября, не позволяетъ согласиться и съ тѣмъ распредѣленіемъ времени, какое принимаетъ Г. Костомаровъ. Она подверждается и показаніемъ Филаретовой рукописи, въ которой сказано: «Октября 22 взяша Китай градъ и много Литвы побиша, а иніи побѣгоша въ Кремль и тамо затворишася, и сидя во градѣ три дня, чтобы града не сдати.» [19] Если Поляки три дня послѣ 22 Октября держались въ Кремлѣ, то сдача ихъ также и по Филаретовой рукописи должна происходить 26 Октября.

Статься можетъ, Г. Костомарова привело къ назначенію торжественнаго вступленія въ Кремль въ 25 день Октября то указаніе, что оно было въ день недѣльный. Но это указаніе можетъ быть объяснено инымъ образомъ. Октября 22 въ 1612 г. было дѣйствительно въ Четвертокъ, и по тому первый Воскресный день послѣ 22 Октября приходится 25 Октября. Но, за исключеніемъ Новаго лѣтописца, ни одно свидѣтельство не говоритъ, чтобы Поляки сдались въ тотъ же день, когда взятъ Китай городъ, или на другой день. Изъ предшествующаго разсказа въ самомъ Новомъ лѣтописцѣ видно, что отъ 22 Октября прошелъ не одинъ день до вступленія Русскихъ въ Кремль. Здѣсь говорится, что, послѣ взятія Китая города, Королевскіе люди, и съ ними измѣнники, «запрошася во градѣ Кремлѣ, гладъ же тамо паче соодолѣ ихъ и утѣсненіе; Королевскіе же люди повелѣша измѣнникомъ всѣмъ женъ своихъ и дѣтей изъ града выпустить.» Послѣ выпуска женъ и дѣтей, Королевскіе люди и измѣнники начали переговоры о сдачѣ, и сначала вышли Русскіе, а на другой день Поляки. Очевидно, что эти событія не могли совершиться въ одинъ день. Предварительная высылка женъ и дѣтей изъ Кремля, вопреки желанію Бояръ, бывшихъ съ Поляками въ Кремлѣ, показывала намѣреніе Поляковъ сохранить нѣкоторое количество жиз-

[19] Сборн. Мух., изд. второе, стр. 320.

ненныхъ запасовъ для выдержанія осады. Воеводы писали также Митрополиту Исидору, что они приступомъ хотѣли брать Кремль: очевидное доказательство намѣренія Поляковъ держаться въ Кремлѣ. Но жизненныхъ припасовъ не было; еще до 22 Октября Поляки питались кошками, крысами и даже человѣческимъ мясомъ. Рѣшимость защищаться въ Кремлѣ была не болѣе, какъ порывомъ отчаяннаго мужества. Не ожидая пощады, въ случаѣ взятія Кремля приступомъ, и съ изнеможенными голодомъ не надѣяся отразить его, Струсь созвалъ свою дружину, указалъ на бѣдственное положеніе, невозможность дальнѣйшаго сопротивленія. Рѣшено было сдаться. На канунѣ сдачи Поляковъ отпущены были изъ Кремля Бояре Русскіе, и 26 Поляни сдали Кремль.

Г. Костомаровъ вынужденъ въ своемъ разсказѣ допустить, что прежде войска Русскаго вступило въ Кремль духовенство съ крестнымъ ходомъ; за нимъ ополченія, которыя раздѣлили между собою бросившихъ оружіе Поляковъ. Но вѣроятно ли, чтобы Русскіе пошли съ крестнымъ ходомъ въ Кремль прежде, нежели были обезоружены и отданы подъ присмотръ Поляки, которыхъ было въ Кремлѣ до 9000? Вожди могли ожидать, что безъ кровопролитія не обойдется сдача Поляковъ, какъ и случилось. Притомъ удобно ли было ити крестнымъ ходомъ въ Кремль, въ которомъ, по словамъ современниковъ, было всякое осквернение святыни и скажденіе, когда вездѣ валялись трупы, кости и головы человѣческія? Можно ли было въ такое короткое время собрать все нужное для крестнаго хода? И какимъ образомъ могъ первенствовать въ этомъ ходу Архимандритъ Троицкій, Діонисій, за которымъ, по словамъ самаго Г. Костомарова, нарочно послали? Конечно, Троицкая Лавра всего въ 65 верстахъ отъ Москвы, но въ осеннюю пору, безъ насыпной дороги, сутки приходилось ѣхать въ одинъ конецъ по этому пути.

По тому мы полагаемъ, что торжественное вступленіе Русскихъ въ Кремль съ крестнымъ ходомъ было уже въ слѣдующее Воскресенье, то есть, 1-го Ноября, когда празднуется память Святыхъ Безсребренниковъ Космы и Даміана. Пять дней прошли въ распоряженіяхъ касательно плѣнныхъ Поляковъ, въ приведеніи въ извѣстность того, что осталось отъ Царской казны, въ очищеніи

храмовъ и Кремля отъ нечистотъ и труповъ, въ посылкѣ въ Лавру за Діонисіемъ и въ приготовленіи къ крестному ходу.

Остается вопросъ: почему 22 Октября поставлено было праздновать освобожденіе Москвы отъ Поляковъ? Конечно, по тому, что взятіемъ Китая города рѣшена была судьба Поляковъ, державшихся въ Москвѣ; это была послѣдняя, рѣшительная побѣда народнаго ополченія, имѣвшая слѣдствіемъ сдачу Поляковъ. Первые переговоры, можетъ быть, начались и на другой день, и показывая рѣшимость защищаться, Поляки хотѣли выпросить себѣ болѣе выгодныя условія сдачи. Сдача же безъ битвы послѣдовала вскорѣ; по тому у многихъ современниковъ оба событія сливаются вмѣстѣ, и 22 Октября осталось навсегда для Православной Церкви днемъ воспоминанія освобожденія Москвы отъ Поляковъ.

По чему въ этотъ день празднуется Казанской иконѣ Божіей Матери, лучше всего, по нашему мнѣнію, разъясняетъ Новый лѣтописецъ. Неясныя извѣстія Лѣтописи о мятежахъ и Никоновской лѣтописи подали нѣкоторымъ мысль, что въ Москвѣ находится подлинная Казанская икона Богоматери. Новый лѣтописецъ излагаетъ обстоятельно исторію сей иконы: «Егда во градѣ Москвѣ сидѣша Королевскіе люди во облежаніи отъ Боярина отъ Князя Дмитрія Тимоѳѣевича Трубецкаго съ товарищи, тогда въ таборы ихъ изъ града Казани принесли образъ Пресвятыя Богородицы, списанный съ того явившагося образа въ Казани, и былъ сей образъ Ея въ таборахъ подъ Москвою до зимы.» Конечно, по мысли Патріарха Гермогена, описавшаго явленіе Казанской иконы и составившаго Службу Ей, принесена была сія икона изъ Казани. Полный усердія и вѣры къ ней, онъ хотѣлъ, чтобы она знаменемъ и щитомъ была для воинства Русскаго. «Боринъ же Князь Дмитрій Тимоѳѣевичь Трубецкой (говорится далѣе въ лѣтописцѣ), отпусти образъ той съ Протопопомъ Казанскимъ вспять. Протопопъ же съ образомъ пріиде въ Ярославль, а въ Ярославль въ тоже время пріиде изъ Нижняго Новгорода со множествомъ воинства Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, и видѣвъ оную икону и слыша, что пришествіемъ Ея подъ Москву подъ Королевскими людьми Новодѣвичей монастырь

взяша, повелѣ съ онаго образа списати, и съ онымъ Протопопомъ отпустити, а тую икону поставити повелѣ въ Ярославлѣ, и начать къ ней велію вѣру имѣти, и многія сотворишася чудеса отъ иконы тоя во время бою съ Гетманомъ съ Хоткевичемъ, и во взятіи града Москвы; того ради по взятіи Кремля, Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій воздвигну храмъ Пресвятѣй Богородицѣ честнаго Ея въ церковь Введенія, и оную икону внесе и постави ту въ церкви въ своемъ приходѣ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь слышавъ о чудесѣхъ устави..... ходъ Октября въ 22 день, егда царствующій градъ очистися.»

Патріархъ Гермогенъ, возбудитель новаго ополченія и мученикъ за независимость Отечества, по своей вѣрѣ привлекъ Казанскую икону Богоматери въ Русское ополченіе, стоявшее подъ Москвою. Князь Пожарскій, наслѣдовавъ его ревность къ освобожденію Москвы отъ Поляковъ, наслѣдовалъ усердіе и вѣру Патріарха Гермогена къ Казанской иконѣ Богоматери. Чувства двухъ великихъ дѣятелей времени междуцарствія сошлись въ одномъ упованіи на помощь Пресвятой Богородицы. На что надѣялся только Гермогенъ, то Пожарскій видѣлъ исполненнымъ. По сему учрежденіе празднества Казанской иконѣ Богоматери, въ память освобожденія Москвы отъ Поляковъ, имѣетъ глубокій историческій смыслъ.

Д. Членъ **Петръ Казанскій.**

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ГЛАВА XLIV.

Нечаянное безпокойство.

Проживъ дней съ пять въ Одессѣ и осмотрѣвъ все, что въ ней было любопытнаго, я уже задумывалъ о нашемъ отъѣздѣ, и совсѣмъ собрался уѣхать 12-го числа; простился съ Дюкомъ, объявя, что ѣду въ Крымъ, къ чему и онъ меня подстрекалъ не мало и на сей конецъ былъ у меня самъ, по крайнему снисхожденію, начертилъ маршрутъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, кои тамъ примѣчательнѣе: любить Крымъ значило приласкать самаго Дюка. Всѣ пособія въ пути отъ него мнѣ доставлены были; всѣ ордера и подорожныя даны, словомъ, за однимъ только собственнымъ моимъ произволомъ могло остановиться такое предпріятіе. Тамошній Губернаторъ, старый пріятель, звалъ къ себѣ прямо на мызу. Все привлекательное соединялось съ моимъ любопытнымъ намѣреніемъ, какъ встрѣтило его вдругъ нечаянное препятствіе.

Проведя день по обыкновенію почти на улицѣ, уже я легъ спать съ тѣмъ, чтобъ на завтра ѣхать, какъ жена меня будитъ и отдаетъ мнѣ записку. Я протираю глаза, дивлюсь необычайной перепискѣ; ибо я давно уже ночныхъ записокъ не получаю; узнаю руку Сентъ-При, читаю въ ней дружеское увѣдомленіе, что флотъ Турецкій въ виду Севастополя и, можетъ быть, высадитъ войска на Крымскіе берега, или придетъ показать себя въ Одессу, и что Дюкъ, получивъ съ симъ извѣстіемъ нарочнаго, поскакалъ въ Херсонъ; далѣе проситъ меня предохранить жену мою отъ всякого страха и безпокойства, которое дамамъ столь свойственно имѣть и безъ основательныхъ причинъ, отъ однихъ слуховъ; а ими Одесса вся уже наполнена была, по случаю внезапнаго отъѣзда Дюка опять въ Херсонъ, изъ котораго онъ такъ недавно прибылъ.

Я сообщилъ женѣ вѣсточку, закутался въ одѣяло и легъ опять спать въ твердомъ намѣреніи еще на сутки остаться въ Одессѣ, дабы видѣть, чѣмъ кончится вся эта суматоха. «Ну, пусть придутъ, думалъ я, Турки къ Одессѣ: что они сдѣлаютъ? Ни чего!

А я, между тѣмъ, погляжу на нихъ и потолкую объ этомъ въ Москвѣ.» Сонъ скоро замѣнилъ своими грезами мечты воображенія; я уснулъ и проспалъ долго. На завтра, т. е., 13 числа побѣжалъ къ Сентъ-При. Онъ, бѣдный, отъ простуды разнемогался горячкой, и я его не могъ видѣть: это меня еще болѣе Турокъ на сутки задержало. «Нѣтъ, сказалъ я женѣ, не уѣду отсюда, не видавшись съ Сентъ-При, и не увѣрясь, что ему лучше: я слишкомъ полюбилъ его, чтобъ съ нимъ разстаться равнодушно.»

Однако жена моя, наслушавшись о Туркахъ, колебалась въ намѣреніи ѣхать въ Крымъ; пробывъ цѣлыя сутки почти одни, мы имѣли все время одумать наше предпріятіе. Крымъ хорошъ, любопытенъ, не спорю; тамъ, говорятъ, царствовалъ Митридатъ; тамъ крестился Владиміръ; тамъ Ифигенія принесена была на жертву; а чего стоитъ Чатырдагъ, гора, просѣкающая облака? Все это очень заманчиво; но ѣздить въ одну лошадь верхомъ, по скаламъ и утесамъ между пропастей, и ѣздить, потерявъ такъ, какъ я, совершенно привычку къ верховой ѣздѣ, это также имѣло большой вѣсъ въ нашей думѣ. Въ коляскѣ всѣхъ прелестей Крыма не увидишь, срокъ отпуска недалекъ. Надобно будетъ торопиться, глядѣть безъ примѣчанія и все потомъ забыть. Сколько сильныхъ причинъ приводили меня въ неудоумѣніе, а на жену, какъ женщину, дѣйствовалъ одинъ страхъ и Турки; къ тому же одинъ изъ нашихъ товарищей отправился, не доѣзжая Одессы изъ Николаева, въ Крымъ; и такъ онъ намъ все объ немъ разскажетъ, будто какъ видѣли, говорила мнѣ жена. Я молчалъ, ни кто не противорѣчилъ, и мы рѣшились оставить Крымъ въ сторонѣ, а возвращаться по прежнему плану, прямо изъ Одессы въ Кіевъ. Какъ быть съ бумагами, выпрошенными у Дюка: извиниться и оставить ихъ у Графа. «Такъ, точно такъ!» закричала вся компанія. И пославши за лошадьми, улежили все съ тѣмъ, чтобъ 14 числа уѣхать. Не судила мнѣ судьба видѣть природу во ужасѣ въ нашей Россійской Португаліи; и чего смотрѣть? Руинъ древностей! Развѣ не вездѣ онѣ одинаковы болѣе или менѣе? Онѣ же и молчатъ; а исторія, какъ сказка: не разберешь, что было въ правду, что къ стати солгала. О! передъ исторіей виноватъ я, какъ Ѳома передъ Мессіею: вѣрю тому, что слышалъ отъ самовидца; а далѣе что было, Богъ то вѣдаетъ. Что лежитъ до на-

туры, то гдѣ она не равна? У нея нѣтъ пасынковъ: рѣже, или чаще, но ясный день также хорошъ и въ Колѣ, какъ и въ Судацкой долинѣ; солнце вездѣ одно и то же, и захожденіе его лучезарное также восхищаетъ Вотяка, какъ и Абиссинца, скажите, Господа, скажите, я прощаю: «Вотъ какъ невѣжество ищетъ найти предлогъ, когда чего сдѣлать не хочется!»

Въ самую меланхолическую минуту моего о томъ размышленія подаютъ мнѣ письма: откуда? Не еще ли Турки? Ахъ! нѣтъ, я узнаю руку моихъ домашнихъ: это изъ Москвы. Слава Богу! Они живы и насъ помнятъ: свычка первое чувство въ природѣ. Тотчасъ пакетъ растерзанъ; съ какимъ удовольствіемъ видѣлъ я почеркъ каждаго изъ дѣтей, изъ ближнихъ! Такъ, милые моему сердцу, надобно быть розно съ вами, чтобъ умѣть цѣнить добро быть неразлучно вмѣстѣ. Что дѣлать? Такая противоположность въ естествѣ нашемъ. Я тщетно искалъ тутъ же извѣстія изъ Володиміра: ни слова! Нѣтъ полной радости; я опять унылъ. И такъ у меня есть друзья, которыхъ память жизнь мою краситъ.

ГЛАВА XLV.

Отъѣздъ изъ Одессы.

На канунѣ отъѣзда нашего день былъ не хорошъ, дождливъ, пасмуренъ. Одесскіе жители такъ привыкли къ солнцу, что они грустятъ, когда его не видятъ: это имъ въ диковинку, а мы, Сѣверные бродяги, къ непостоянству этого свѣтила привыкли. Не смотря на непогодь, мы весь день то тамъ, то сямъ, прошатались и ходили на военную гавань. Пріятно было видѣть, что тамъ всѣ пушки вычищены, приготовлены, какъ полы въ церквахъ на Свѣтлый День Христовъ, все на мази; только покажись Чалма, то и батцъ изъ нѣсколькихъ сотъ орудій; а все, однако, это прикрыто скромностію, будто не нарочно, будто такъ и всегда. Надобно было вглядываться, чтобъ увидѣть, что подлинно на батареяхъ было что-то суетнѣе прочихъ дней. Впрочемъ, отдадимъ это и на счетъ предубѣжденія.

Нашатались мы еще до полнаго удовольствія по рядамъ, театру и клубной залѣ, въ которой тогда встрѣтились намъ Графъ Раз.... и Апраксинъ какой-то: первый лѣчится, какъ слышалъ я, отъ мотовства и глупости, а послѣдній страждетъ нервическими болѣзнями. Подъ вечеръ любовались съ купеческой гавани на отходящій корабль. Вѣтеръ воздымалъ море, и корабль, какъ наша шлюбка онамеднишная, очень высоко прыгалъ, не смотря на свою величавую фигуру, когда онъ прикованъ якорями къ матерой землѣ. О! вода, раскачавшись отъ бури, научитъ вальсировать всякое человѣческое строеніе, хотя бы тысячи лѣтъ на созиданіе его употребили. Что выше натуры? Кто сладитъ съ разъяренными ея стихіями?

Когда мы не обѣдывали и не вечеряли у Графа, или у нашей доброй и любезной хозяйки, которая такъ мило насъ угощала въ своемъ уединеніи, то намъ носили ѣсть изъ трактира, и кормили довольно хорошо, разумѣется, за хорошую плату. Здѣсь все дорого, кромѣ натуры, которая прекрасна и ни кому ни чего не стоитъ: богачъ и нищій равно ею наслаждаются!

Г. Р. обѣщался со мною заѣхать по дорогѣ изъ Одессы въ Болгарскую колонію и показать славныя заведенія овецъ Г. Пиктета, къ чему я и готовился, но съ утра рано прислалъ извиниться и сказать, что плотину прорвало отъ дождя и доѣхать туда нельзя. Не изыскивая прямой причины такого отзыва, я мало тужилъ, что не видалъ овчарни, а Болгарскія населенія имѣлъ еще въ надеждѣ видѣть подъ Николаевымъ.

14 числа побѣжалъ я къ Графу, но онъ еще былъ въ жару въ постелѣ; и такъ я принужденъ былъ, не простясь съ нимъ, уѣхать изъ Одессы. Сердце мое, эта самая привязчивая часть всего меня, стократно о томъ сѣтовало. Я неоднократно прочитывалъ тѣ прекрасные стишки, кои онъ мнѣ вписалъ въ мои «Сумерки.» У всѣхъ есть альбомъ; а я, какъ странный человѣкъ, вожу, вмѣсто того, съ собой «Сумерки» мои съ бѣлыми листами и прозвалъ ихъ: «Nigrum.»

Пора, пора оставить край волшебный, пріятный, непостижимый въ скорости своего созиданія. Простясь съ Графинею,

поблагодаря ее за всѣ ласки и пріязнь, простясь съ почтенною Госпожею Турчаниновой, я еще разъ сходилъ на балконъ взглянуть, и можетъ быть въ послѣдній разъ въ жизни, на Черное море, отъ котораго столько имѣлъ отрадъ по вечерамъ и страха въ прогулку. Оно меня учило тогда не быть дерзкимъ. Поскакалъ еще въ крѣпость, окинулъ глазами море съ самой высокой точки горы, откуда ужь оно не кажетъ ни какихъ границъ, а въ городѣ видны еще Очаковской области берега. Тамъ, воздавъ хвалу Творцу, показавшему мнѣ прелести новаго міра, я воротился домой. Дрожки меня разтрясли до смерти; я тихонько побранилъ ихъ хозяина, который вѣрно охотнѣе потратитъ свой доходъ на покупку лишняго вола, чѣмъ на ресоры. Есть люди, для коихъ барышъ драгоцѣннѣе покоя.

Лошади были уже готовы. Мы сѣли въ наши коляски и поскакали въ Россію. Такъ изъясняются всѣ, говоря здѣсь о нашей сторонѣ, когда въ нее сбираются ѣхать. Прости, Одесса! Можно тебя не полюбить, и по причинамъ, мнѣ собственно свойственнымъ; но не дивиться тебѣ, не похвалить тебя, не возможно. Правда, что ты предметъ хвастовства многихъ журналистовъ; объ тебѣ, какъ и о красавицахъ, хорошіе наши писатели много пишутъ лишняго, но простимъ имъ маленькую крайность: она плодъ восхищенія отъ истинныхъ твоихъ добротъ и льстивыхъ о тебѣ наслышекъ.

Изъяснимъ, однако, отъ чего собственно мнѣ не совсѣмъ полюбилась Одесса. Я признаюсь въ моемъ свойствѣ. Мнѣ милы тѣ удовольствія и разсѣянія, которыя не требуютъ рекомендательныхъ писемъ и знакомствъ. Они хороши для пріязни и дружества, но для забавы хорошо жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ даромъ, или за деньги, можно видѣться со всякимъ въ саду, въ трактирѣ, на площади, словомъ, въ публичномъ мѣстѣ, а не безпрестанно въ гости ѣздить, рекомендоваться, знакомиться съ скучнымъ иногда хозяиномъ, съ вертопрашной хозяйкой, для того только, что они богаты и у нихъ можно видѣть то, чего публично нигдѣ не увидишь, по тому что оно слишкомъ дорого для частнаго содержателя. А этѣ принужденія несносны! Я люблю всѣхъ видѣть, но видѣться только съ тѣми, съ кѣмъ я знакомъ.

Я надѣюсь, что читатель захочетъ различить силу, которую я даю слову видѣть просто и видѣться. Гдѣ есть такія общія увеселенія, я называю ихъ публичною жизнію; а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ неволя и, ея несносныя послѣдствія, скука, тоска. Но можно ли требовать того общаго разсѣянія въ Одессѣ, какого мы еще и въ столицѣ нашей, въ моей родинѣ, которая столько вѣковъ живетъ на свѣтѣ, не имѣемъ? Прошу здѣсь припомнить начало моей книжки: «Уѣхалъ бы въ Парижъ,» и проч., и проч., и проч.

ГЛАВА XLVI.

Ночлегъ въ Анчекрагѣ.

Погода вдругъ перемѣнилась: дождь проливной лилъ двадни сряду. Стало вѣтрено и холодно; понадобился капотъ, а жена закуталась въ ватку. И въ Одессѣ также холодно, какъ въ нашемъ градусѣ! Въ 10 часовъ утра 14 числа отправились мы въ любимый Николаевъ. Вездѣ, гдѣ мы проѣзжали мимо маленькихъ морскихъ заливовъ, кои называются балками и вдаются въ материю землю, видѣли воду зеленую. Она цвѣтетъ и очень тяжело пахнетъ. На самомъ Черномъ морѣ отмели его такъ зелены, что издали кажутся лугомъ. Мы ѣхали шибко; въ Дофинѣ остановясь мѣнять лошадей, взглянули еще разъ на Одессу. Отсюда она очень видна: обѣдали худо на станціи Г. Коменданта Коблева, по тому что поваръ нашъ занемогъ, и я весь день ѣхалъ сердитъ. По всей дорогѣ ни чего примѣчательнаго не нашли, кромѣ могилы и камня надъ какимъ-то Маіоромъ, котораго люди свои убили. Видно, хотѣлъ похозяйничать прилежно и скорѣй набогатиться.

До города не успѣли доѣхать; ночь застигла насъ въ Анчекрагѣ: * послѣдняя станція въ 28 верстахъ отъ Николаева. Нужда укажетъ пристанище. Здѣсь жила сама помѣщица того мѣста, Госпожа Генеральша Гаксъ. Она случилась дома, приняла насъ, позволила у себя ночевать, угостила вкуснымъ ужиномъ; спасибо

---

* Анчокракъ или Янчокракъ при колодцахъ на балкѣ того же имени, въ 95 верстахъ отъ Уѣзднаго города (Одессы), съ 82 дворами и церковью. О. Б.

ей, много разъ спасибо! Эта заслуженнаго Офицера вдова поселилась здѣсь по необходимости. Не имѣя достатка жить въ Россіи, она купила тутъ 130 душъ счетомъ, а нашла только 30; на работу выходитъ 15; остальные всѣ въ ревизскихъ сказкахъ, а въ натурѣ разбѣжались. Что мудренаго? Сторона новая, завоеванная, вся заселена бѣглыми и бродягами. Въ самой Одессѣ ихъ 20 тысячъ слишкомъ душъ, кои только числятся по окладу; у многихъ нѣтъ ни какого виду, и откуда взялись, ни кто не знаетъ; всякой поселянинъ бѣжитъ, куда глаза глядятъ и гдѣ нахвастаютъ ему, что лучше. Границы близки: одинъ скрывается въ Молдавіи, другой въ Турціи; и такъ нѣтъ у помѣщика ни чего надежнаго. Съ одной стороны это очень хорошо и спокойно для полиціи кроткой: помѣщики мягче обходятся съ своими вассалами, чтобъ не растерять ихъ. Сверхъ такого непрочнаго состоянія хлѣбопашца, погода имѣетъ свои непостоянства: засухи часто лишаютъ вовсе жатвы; пожары истребляютъ въ степяхъ сѣнокосы. Всякой помѣщикъ подверженъ большимъ потерямъ въ замѣну большихъ иногда барышей. Здѣшняя хозяйка увѣряла меня, что для прибытка въ самой торговлѣ нужны часто протекція и хитрость; иначе ни чего недостанешь. Кизику у нея наставлено пропасть. Странно видѣть Русскому человѣку такія огромныя кучи жесткаго навозу. Столъ ея чистъ и вкусенъ. Черезъ ея селеніе гоняютъ рекрутскія партіи, и она очень этѣмъ распорядкомъ скучаетъ.

Семейство ея состоитъ изъ нея съ замужней дочерью, зятя, и двухъ родственницъ, съ ней въ сосѣдствѣ живущихъ. Всѣ они очень не худо говорятъ по Французски. въ домѣ водятся клавикорды и, натурально, очень разстроены. Тѣмъ больше этого жаль, что меньшая изъ барышенъ имѣетъ склонность къ музыкѣ и довольно твердо уже играетъ; въ степи слышать фортепіано необыкновенно. Мы, по благосклонности Госпожи Генеральши, у нея переночивали и проспали до 10 часовъ, между тѣмъ какъ Дюкъ уже возвращался мимо насъ изъ Херсона, а Графъ Безбородко, преслѣдуемый свитой своей, спѣшилъ въ свои Римскія развалины. Довольно было услышать, что Дюкъ пріѣхалъ, чтобъ всякому на догадкѣ своей основать причину отъѣзда его туда. Вотъ что при насъ объ этомъ сказывали сторонніе въ Анчекрагѣ:

Турки потерлись, де, около нашихъ судовъ съ хлѣбомъ, посчитались маленько и ушли. Видно, что голодъ ихъ пронялъ не на шутку.

На завтра Іюля 15 предстоялъ намъ великій подвигъ: надлежало переѣхать Бугъ прежде, нежели наслаждаться роскошнымъ покоемъ въ Николаевѣ, а буря рѣку сильно трясла. Напившись чаю въ Ачекрагѣ, поблагодаря, какъ умѣли лучше, благодѣтельную Генеральшу, скоро перебѣжали мы лоскутокъ степи до Буга: но тутъ какъ быть! Кромѣ бѣднаго хутора ни какого жила; не допросишься ни яицъ, ни молока, нѣтъ ни чего: убожество пустынное! Вотъ бы гдѣ хорошо жить монахамъ! Поварня наша была уже въ Николаевѣ, слѣдовательно, и пища тамъ. Бугъ разгорячен былъ волнами; одна другую пробивала и берега во кругъ его взмылились отъ пѣны; легкая лодка давала по три и по четыре оборота изъ края въ край и не могла прибиться къ пристани. На большихъ баркахъ поднять паруса не можно: вѣтеръ изорветъ, какъ паутину, да и противъ вѣтра ити тяжело. Мы выжидали часъ, два и три: буря не утоляется. Какое зрѣлище ужасное разъяренная рѣка! Бугъ же по натурѣ своей безпокоенъ. Мощное дѣтище бѣшенаго моря! Между тѣмъ голодъ насъ пошеливалъ; ночи дожидаться тутъ еще болѣе боялись: надобно было рѣшиться. Сперва послали мы слугу въ городъ за чѣмъ ни будь съѣстнымъ, чтобъ надежнѣе располагать остатками дня, естьли вихрь на ту сторону ни какъ не перепуститъ. Поѣхала лодка и зачала съ слугой нашимъ нырять такъ сильно, что мы ее изъ глазъ теряли.

Это насъ остановило опять на полчаса; межъ тѣмъ день склонялся къ вечеру, и мы рѣшились пустить впередъ нашу карету порожнюю на баркасѣ по канату, чтобъ видѣть ея движеніе и по оному ввѣрить себя волнамъ. Колымагу нашу сильно било, однако она шла, и уже мы начинали ей завидовать. Взглянулись другъ на дружку, чтобъ занять взаимно храбрости—и пустились. Баркасъ былъ великъ, обширенъ, но канатъ не весьма надеженъ. Однако сѣли, поставили тутъ же нашу коляску; кинулись къ намъ на судно еще Казакъ и Офицеръ Казацкій; отчалили, потянули насъ матросы по канату поперекъ рѣки: вода ревѣла подъ

нами и подымала насъ очень высоко; вспомнилъ я тутъ 9-й валъ, надъ которымъ такъ смѣялся въ несчастной оперѣ своей: «Любовное волшебство,» которой ни кто не покупаетъ; отмстилъ мои насмѣшки мнѣ этотъ валъ и внутренность вся во мнѣ мутилась: одному изъ нашихъ товарищей Казаковъ сдѣлалось такъ дурно, что онъ бросился на полъ и метался, какъ угорѣлый. «Казакъ-вацъ братъ, говорилъ я другому, велико дѣло на конѣ, а на водѣ дрянь!»

Лодка съ пищей шла къ намъ на встрѣчу и перекинула на баркасъ хлѣба, мяса кусокъ, вина. Добрый нашъ Кл. цекся объ нашемъ благосостояніи. Онъ насъ ожидалъ на томъ берегу. Мы плавали съ часъ и, не смотря на страхъ и ужасъ, среди качки ѣли и пили. По мѣрѣ приближенія вечера, сталъ стихать и вѣтеръ, рѣка по немножку успокоилась; поверхность ея снова получила кристальный свой блескъ и гладкую струю. Весело было приставать къ тому берегу, и я издали восклицалъ уже Николаеву:

Утихло на Бугѣ волненье;
Отъ сердца прочь отходитъ страхъ;
Гостепріимно утѣшенье
Вблизи насъ ждетъ на берегахъ.
Бѣгутъ пріятели на встрѣчу,
Несутъ всѣхъ радостей предтечу,
Край хлѣба, пищу и вино.
Хвала тебѣ, Творецъ вселенной,
Что насъ стихіи разъяренной,
Еще не погрузилъ на дно!

Вотъ доказательство, что и страхъ не мѣшаетъ стиховъ сочинять! Къ счастію нашему, уцѣлѣлъ канатъ: порвись — и бѣда! Баркасъ унесетъ къ чорту; онъ же и худъ былъ. «Великъ Богъ Русской!» справедливая пословица. Онъ одинъ охраняетъ насъ отъ нашей неосторожности. Естьли бъ изъ каждой минуты нашей безпечности должна была родиться новая бѣда, какъ бы жить нашему лѣнивому народу! Скажемъ еще: «Подлинно великъ Богъ Русской!» Съ Нимъ все и прочно и надежно.

На берегу нашли мы Кл., который провожалъ въ Одессу Г. Ф. Дук., главнаго товарища или повѣреннаго Господина

Пертца. Особа толстая, пышная, богатая и, слѣдовательно, рѣдко учтивая! Я думаю, что я съ нимъ тутъ увидѣлся и простился вдругъ. Не на чемъ было еще всѣ наши экипажи довести въ городъ; намъ хотѣлось всѣмъ поскорѣй до мѣста Въ нетерпѣніи сѣли мы двое, жена и я, на дрожки къ нему. Ахъ, какъ мы обрадовались его комнатамъ, какъ будто бы своимъ собственнымъ! Тотчасъ насъ напоили чаемъ, скоро мы отдохнули, согрѣлись; все насъ занимало, веселило, пошли розсказни, появились шутки. Кто изъ путешествовавшихъ въ свой вѣкъ не признается, что отрады искренняго гостепріимства въ краяхъ самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ нашей хижины обольстятъ и заставятъ подумать, что ты дома? Виноватъ добрый нашъ хозяинъ!

ГЛАВА XLVII.

Балъ на берегахъ Буга.

Какъ скоро свѣдали о нашемъ пріѣздѣ въ Николаевъ Господа морскіе Офицеры и тѣ, кои болѣе прочихъ намъ были знакомы, тотчасъ насъ посѣтили. Недавно воротясь изъ чужихъ краевъ, имѣли они чѣмъ наполнить бесѣду. Всякой хвасталъ своими диковинками: кто хвалилъ Тріестъ, кто Корфу, а домосѣды восхищались Крымомъ. На это я одному пустилъ свою шутку: конечно, Богъ изъ 7 дней цѣлые сутки употребилъ на то только, чтобъ отдѣлать Крымъ и удивить міръ своимъ искуствомъ, а прочія части свѣта слѣпилъ, за недосугомъ, на скорую руку, и отъ того на нихъ смотрѣть не такъ пріятно. Мы всѣ посмѣялись этой мысли. Она насъ завела въ другія: похохотали и надъ Страховой Одесской Конторой, которая все беретъ на страхъ и сама всего боится, и заключили день нашего пріѣзда тѣмъ опредѣленіемъ, что торговля есть банкъ, въ который не всякой играетъ съ увѣренностію выиграть. Безпокойства путевыя мнѣ дали почувствовать ночью лихорадочный пароксизмъ; одолѣли меня грехы одна другой чернѣе. Сильный потъ разорвалъ жаръ, и я проснулся здоровъ и бодръ по прежнему.

Въ планѣ моемъ было ѣхать смотрѣть окрестностей города; но разшумѣлись небеса: громъ былъ большой во все утро и ведромъ пошелъ дождикъ. Мы остались на весь день въ стѣнахъ. Утромъ я заходилъ съ моимъ почтеніемъ къ Адмиралу: нашелъ его, какъ и всегда, одного, совсѣмъ одного. Уединеніе не моя страсть; я ее даже понять не могу и въ другихъ. А у насъ, разумѣется, что цѣлый день были люди. Спасибо добрымъ и вѣжливымъ мореходамъ: они насъ не покидали. Отецъ Ефимій потчивалъ своими абрикосами. Бостонъ и бесѣда скоро промчали день и набѣжалъ вечеръ: къ ужину разговоръ всегда бываетъ отважнѣй, зашелъ споръ; кто вступается за Французовъ, кто за Англичанъ. Виноватъ! я послѣднихъ не люблю: этотъ народъ все продаетъ за гинеи, и всему измѣнитъ. Что намъ до чужихъ народовъ? Поговоримъ лучше, Господа, объ нашихъ. Какъ вы поживали въ Корфу? Дешево ли тамъ, дорого ли? «Изрядно! Хлѣбъ ставили туда мукой; она сюда обходилась въ 10 руб. четверть подрядомъ, а туда становилась въ 20 руб.; завезли ея до 40 тысячъ четвертей, и когда флотъ нашъ, снявъ людей, былъ отданъ и съ орудіями Французамъ, то все сіе количество хлѣба въ Тріестѣ брошено: предметъ, составляющій до милліона рублей убытка. Сюда теперь въ Николаевъ Г. Перетцъ порядился ставить хлѣба въ Черноморское Адмиралтейство по 6 руб. четверть слишкомъ.»

Между прочими баснями, Господа наши путешественники Средиземнаго моря разсказали мнѣ анекдотъ, очень пріятный для имени Русскаго. Французы, принимая наши корабли, низко цѣнили мачты, и хотѣли принять ихъ въ качествѣ дровъ и по той же самой оцѣнкѣ. Отважный начальникъ эскадры обидѣлся такимъ пренебреженіемъ. «Коль такъ, сказалъ онъ, пусть берутъ дрова, а не мачты!» велѣлъ ихъ изрубить въ полѣнья и сдавалъ дровами, а не уронилъ чести кораблей уничиженіемъ мачтъ. Прямая Скиѳская гордость! Естьли это и выдумано, скажемъ Италіянскимъ выходцамъ тамошнюю пословицу!

«Si non è vero, è ben trovato.»

17 числа Іюля время поправилось; утро было прекрасное, и мы въ селѣ Божьемъ слушали обѣдню: отправлялъ ее отецъ Ефимій, пѣли морскіе пѣвчіе. Послѣ обѣдни старый и добрый Іерей

убѣдилъ насъ посѣтить его зятя, у котораго въ саду мы нашли пропасть плодовъ и винограду, но еще зеленаго. Самыя малыя усадьбы тамъ разработываются съ большимъ тщаніемъ, и на сады въ этой сторонѣ залюбуется всякой путешественникъ. Обѣдали дома въ семействѣ Черноморскихъ Офицеровъ, и я прибавилъ знакомство Флотскаго монаха изъ Черногоровъ: хворый человѣкъ, замученный въ походахъ, но довольно интересный. Странно слышать Италіянскій языкъ въ устахъ монаха: уши наши къ тому не приготовлены; впрочемъ, этотъ монахъ въ одежѣ только и похожъ на нашихъ черноризцевъ: я говорю о самыхъ послѣднихъ, о тѣхъ, кои въ церквахъ носятъ поясъ усменъ, а въ кельяхъ пьютъ крѣпкую брагу.

Я рѣдко проводилъ такъ пріятно вечеръ, какъ сегодня! По Воскресеньямъ бываетъ съѣздъ въ Спаскомъ. Я уже объ немъ говорилъ, ѣхавши въ Одессу. Пусть позволятъ мнѣ повториться въ послѣдній разъ. Спасское стоитъ того, чтобъ остаться въ памяти. Мы поѣхали туда на гулянье. Ахъ, какое очаровательное мѣсто! Какой божественный уголокъ въ природѣ! Натура! Гдѣ ты взяла свои замыслы и планы, кои образовала на этой благословенной почвѣ земнаго шара? Надъ горой, изчерченной садовыми дорожками, усаженной плодоносными деревьями, скрывающей овраги невинные, откуда не хищные выбѣгаютъ звѣри, но, какъ изъ курильницъ огромныхъ, вылетаютъ на воздухъ благоуханія тысячи разныхъ ароматическихъ растеній и окуриваютъ вокругъ васъ весь воздухъ, надъ этой горой нѣкогда великой человѣкъ, Потемкинъ, построилъ залу, пожилъ въ ней и бросилъ. Преемники его поддерживали строеніе и открыли въ немъ публичные съѣзды. Маркизъ де Траверсе, полубогъ Николаева, давалъ тутъ балы и пріохочивалъ публику къ прогулкамъ; привычка увѣнчала благія его намѣренія успѣхомъ. Сюда съѣзжается весь городъ, а кто не имѣетъ коня, тотъ бѣжитъ пѣшкомъ: это не далеко.

По склоненію горы, которую не надобно представлять крутой, разсыпаны для отдохновенія лавки и убѣжища, а сойдя весь покатъ до низу, вы находитесь на пологомъ берегу рѣки Буга. Обдѣланный родникъ на подобіе фонтана четырьмя кранами выливаетъ воду въ воду и возвратно ее получаетъ. По краямъ зем-

ли гладкая тропинка помогаетъ идеямъ и развертываетъ тѣ картины, которыми пылкое воображеніе всегда обогащается. Тутъ-то мы пріѣхали погулять среди 300 человѣкъ свободныхъ и веселыхъ людей. Морскіе Офицеры, одушевленные самой тонкой и прихотливой вѣжливостью, безпрестанно въ залѣ танцовали, и каждая дѣвушка почитала этотъ день особымъ праздникомъ въ ихъ сторонѣ: никогда здѣсь такого множества кавалеровъ не собиралось. Все шутило, смѣялось и плясало. Роговая музыка раздавала по рѣкѣ свои унылые звуки; духовая въ кущѣ, утаенной отъ общества, наигрывала меланхолическія пѣсенки; а скрыпки, бубны, барабаны гремѣли Польскіе и вальсы на широкомъ предверьѣ залы. Въ ней было душно и тѣсно; я протанцовалъ одинъ Польской, и бросился дышать въ садъ. О, какая величественная картина! Сколько нѣги для глазъ и ушей!

Въ обществѣ Черноморскихъ краевъ я забывалъ, что я въ Россіи, гдѣ такъ часто молодые люди безъ извиненія толкаютъ дамъ и дѣвушекъ, маракотъ ихъ нѣжныя платья грубыми своими сапогами, дерутъ ихъ шпорами безбожно. Я думалъ, что я въ какой ни будь иностранной пристани Средиземнаго моря: всѣ говорятъ чужеземными языками, или своего природнаго не ковержаютъ.

Гуляви по саду, я скоро задумался и, очутившись нечувствительно одинъ, дошелъ до любимой моей стихіи: я такъ любию смотрѣть на воду; ходя по берегу Буга, размышленія мои увлекли далеко мое воображеніе. Я мечталъ, не умѣя дать самому себѣ ни въ одной мысли отчета. Бугъ зачинаетъ здѣсь стремиться въ Лиманъ и обдѣлывать его; суда по нему плаваютъ, и мореходы прислушиваются къ музыкѣ, на горѣ все пляшетъ; я слышу топотъ ногъ, нестройную смѣсь голосовъ, гулъ страшный сверху катится по воздуху къ ушамъ моимъ; а рядомъ со мной шумятъ быстрыя струи Буга, бьютъ въ берегъ и сливаютъ звукъ свой со звономъ струнъ. Пещаный берегъ ноги не безпокоитъ; густый рядъ деревъ служитъ вамъ оградой; чистый родникъ въ разные смыслы бѣжитъ изъ каменной колонны и даетъ животворную прохладу жаждущему. Царь міра, Фаетонъ, кончаетъ бѣгъ свой и въ глазахъ моихъ скрывается въ антиподы. О, какъ я тутъ наслаждался! Здѣсь не Крымскія одни прелести натуры,

нѣтъ; здѣсь подлѣ меня, среди неописанныхъ красотъ той же натуры, люди, миръ, забавы, нѣга, роскошь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весь видъ дикаго уединенія и шумной водопадъ; хочу я,—одинъ, хочу я—въ кучѣ непринужденныхъ весельчаковъ. Вотъ, гдѣ можно писать романы, пылать страстью, и дать ее почувствовать другому! Но что я говорю? Мое воображеніе уже вездѣ погасло; старость остудила восторги ума и сердца.

Долго любовался я берегомъ, небомъ и водой. Между тѣмъ сумерки опустошили залу; собранье, которое никому ни чего не стоитъ, по тому что музыка казенная, оканчивается подъ вечеръ за тѣмъ, что зала не освѣщается. И такъ надобно было и намъ ѣхать домой; но прежде чѣмъ уѣду, долженъ дать читателю идею еще объ одной руинѣ на этомъ же самомъ мѣстѣ. На нижней площади горы представляется развалившаяся хижина. «Что такое?» спросилъ—я. «Баня Потемкина.» Онъ властвовалъ надъ самой натурой: вода, поднятая насосами вверхъ до нарочитой высоты, сбѣгала къ нему подъ крышку, и сквозь потолокъ, уподобленный ситу, упадала въ его купальню и орошала его внезапу съ головы до ногъ: какая сладострастная выдумка! Подумайте, что былъ Николаевъ при немъ: конечно, Царство радостей мірскихъ въ Россіи! Когда Екатерина набивала сваи въ Петербургскія болота и творила канавы, Потемкинъ на другомъ краю свѣта нашелъ дѣвственную природу и въ степи насаждалъ вертограды! Посадите колъ, и черезъ годъ онъ, какъ жезлъ Ааронов, покрывается зеленью и даетъ плодъ. Роскошь столько же чудотворна въ затѣяхъ богатаго владыки, какъ натура въ десницѣ премудраго своего Творца.

Еще поговоримъ о Спаскомъ. За симъ отдѣленіемъ сада для прогулки онъ простирается еще далеко чрезъ оврагъ: я и тамъ былъ. Какая дичь! Густой лѣсъ скрываетъ почти сводъ небесный и сквозитъ мѣстами одинъ Бугъ: но тамъ онъ позволяетъ шутить съ собой и играть своей волной; а здѣсь онъ кажетъ свои одни ужасы; вездѣ около его стремнины, ущелины и взглянуть на него страшно. Одна узенькая тропа доводитъ къ прозрачному источнику. Утомишься, ходя по горамъ и оврагамъ. О милый вечеръ въ Николаевѣ! Я тебя никогда не забуду: ты много

дорожныхъ безпокойствъ вознаградилъ мнѣ собою. Дышать всегда и вездѣ возможно: преимущество не важное! Но жить, какъ жилъ я часа два сегодня на берегу Буга, и именно въ Спаскомъ, это такой даръ неба, котораго ни чѣмъ оцѣнить нельзя.

ГЛАВА XLVIII.

Описаніе Богоявленскаго.

Поживи Потемкинъ, и Николаевъ сталъ бы шире Москвы: отъ города до Богоявленскаго считается 12 верстъ, а все это пространство было уже разбито на кварталы. Дорога лежитъ по берегамъ Буга, подобно Петергофской; на ней розданы были мѣста подъ загородные домики многимъ приближеннымъ. Иной строился для своего, иной для его, удовольствія. Мѣста безлѣсныя, но быстрый токъ воды утѣшаетъ зрѣніе. Вельможа умеръ, и все исчезло!

Въ самомъ Богоявленскомъ прелесть: я туда ѣздилъ и не могъ довольно налюбоваться этимъ мѣстомъ. Я нигдѣ не видалъ такого соединенія вдругъ богатства природы, роскоши искуственной и нищеты. Потемкинъ любилъ это мѣсто, и разводилъ тутъ сады. Всякое растеніе и дерево, какое только въ томъ климатѣ достать можно около Крыма, все сюда превезено было на подводахъ и посажено безъ пощады человѣческаго поту; все принялось и пустилось, а послѣ все поросло тростникомъ и облеклось въ пустыню. Тутъ уже не садъ теперь пышный и пространный, а дичь одна необработанной природы.

Посреди сада видна еще купальня. Она изъ дикаго камня на 8 столбахъ. Нѣсколько ступеней сводятъ васъ въ чистую и прохладную воду; подъ сводомъ гранитнымъ васъ солнце не печетъ. Тутъ орошался нѣкогда исполинъ, и ни кто, кромѣ нимфъ, приближиться къ нему не смѣлъ. Дабы сохранить и нынѣ, сколь возможно, сей памятникъ роскоши его отъ суровости погоды, а

паче соблюсти источникъ въ чистотѣ, поставлена бѣдная избушка, не стоющая ни чего, изъ хворосту и тростника: одинъ широкій шагъ поставитъ васъ на ея кровлю; но взгляните вкругъ этого убогаго шалаша, въ которомъ старичекъ стражъ плететъ лапти и куритъ табакъ, взгляните: около его разрослись не рябина, или черемуха, нѣтъ; тутъ отягченныя вѣтки абрикосами, бергамотами, осѣняютъ верхъ его и обвиваютъ столбы его ограды. Высокій кустъ Грецкихъ орѣховъ царствуетъ надъ прочими плодами; съ нимъ сблизила природа и каштановое дерево. Старикъ глядѣлъ на насъ съ изумленіемъ; онъ не понималъ, отъ чего мы такъ дивимся: столь для него сіе зрѣлище было обыкновенно! Гдѣ жъ вы такъ тѣсно найдете вмѣстѣ рѣдкія прозябенія лучшихъ странъ свѣта, нищету хижины, вросшей въ землю, и великолѣпную купальню? О деревьяхъ обыкновенныхъ, какъ-то: грушѣ и яблони, говорить ужь нечего: пропасть!

Сердце ноетъ, когда видишь въ такомъ все запущеніи. Садъ этотъ отданъ одному фабриканту, который тутъ содержитъ суконную фабрику и все мѣсто получилъ изъ казны въ аренду. Онъ печется о своемъ промыслѣ и, конечно, мало думаетъ о садѣ. Я весь его исходилъ съ конца до другого, неоднократно возвращался къ банѣ, близъ которой обрывалъ бергамоты, запивалъ хорошимъ виномъ и задумывался о скоромъ теченіи случаевъ и всей жизни нашей.

Я сидѣлъ на самой той скамейкѣ, на которой Потемкинъ сматривалъ рано по утру, какъ возятъ въ садъ щебень, песокъ, деревья, какъ все шевелится для прихоти его и ищетъ его благосклоннаго взора. Натура, думалъ я, все та же, но снятъ съ нея нарядъ; душа сихъ мѣстъ удалилась въ другія селенія: все мертво было около меня.

Садъ при немъ назывался Витовкой. Въ то время, какъ онъ убиралъ его, Госпожа Витъ кружила ему голову. О, я въ томъ стою, умру съ тѣмъ, что въ жизни нашей то только время и можно счесть блаженнымъ, въ которое любовь сводитъ насъ съ ума.

Меня водилъ по дорожкамъ, кои трудно отыскать уже въ густой травѣ, одинъ современникъ Потемкина и тѣхъ самыхъ

дней, когда Богоявленское во всей красѣ своей сіяло: одинъ морской Офицеръ былъ въ нашемъ обществѣ, который видѣлъ здѣшнее мѣсто въ 89 году. Онъ намъ казалъ тамъ сухіе рвы и болотистыя тинныя мѣста, гдѣ я ни какъ не повѣрилъ бы, что были когда либо токи свѣжей воды, естьли бъ онъ не засвидѣтельствовалъ намъ, что тутъ прорыты были вездѣ каналы и столько наполнены водою, что Князь разъѣзжалъ на нихъ въ раззолоченныхъ лодочкахъ. Гребцы пѣли, кричали, весла отражали лучи яркаго дневнаго свѣтила; вода сливала съ нихъ крупные свои перлы, а Князь не вмѣщалъ своихъ восторговъ. Вездѣ тутъ нынѣ илъ, камышъ и на каждомъ шагу увязнешь. Вмѣсто торжественныхъ пѣсенъ и кликовъ народныхъ, одинъ слышенъ крикъ неугомонныхъ лягушекъ. Ахъ, что печальнѣй сей картины!

Домъ Княжой сломанъ, но онъ былъ такъ великъ, что изъ матеріаловъ его вышелъ прекраснѣйшій лазаретъ для морскихъ силъ. Онъ тутъ же расположенъ; ни что не заслуживаетъ такого прилежнаго вниманія; его построилъ Маркизъ, и къ зимней огромной больницѣ присоединилъ лагерный гофшпиталь, какого я еще нигдѣ не видывалъ: самое спасительное изобрѣтеніе для недужныхъ, истинный, а не тщеславный только, опытъ человѣколюбія! Сказывали мнѣ, что и во всѣхъ портахъ настроены такіе же. Вотъ его расположеніе:

Все строеніе состоитъ изъ стѣны деревянной не выше $1^1/_2$ аршина, и съ самой крутой и высокой крышкой, которая уподобляется полотняному намету. Эта кровля не доходитъ до земли, слѣдовательно, воздухъ не стѣсненъ и проходитъ между ею и стѣнъ чрезъ всю галерею. Кровать больнаго поставлена головами къ стѣнѣ и въ крышкѣ надъ каждой слуховое окошко, которое занавѣсомъ защищаетъ больнаго отъ солнца. Полъ земляной, но крѣпко убитъ, усыпанъ зеленью и всегда свѣжъ, чистъ и сухъ: больному покойно, прохладно и пространно: выгодная замѣна зимнимъ лазаретамъ, въ коихъ лѣтомъ такъ сгущается воздухъ; а между тѣмъ двоякая польза: ибо когда хворые переносятся сюда, тогда зимнія казармы больничныя провѣтриваются и дѣлаются въ нихъ необходимыя починки; самая перемѣна мѣста столь часто для больнаго служитъ отрадой. При насъ было

ихъ здѣсь до 100 человѣкъ, а иногда накопляется до 400. При больницѣ 6 лѣкарей, докторъ одинъ и сверхъ того Инспекторъ. Все содержаніе этого лазарета, относительно пищи, бѣлья, опрятства и чистоты около постелей, отмѣнную честь дѣлаетъ надзирателямъ. Рѣдко немощное человѣчество видитъ подобныя о себѣ попеченія.

И такъ кромѣ сада есть въ Богоявленскомъ и полезныя заведенія. Я упомянулъ о больницѣ. Скажу нѣчто и о фабрикѣ. Арендаторъ на многихъ станахъ точетъ здѣсь сукно изъ тонкой шерсти въ свою пользу. Чтобъ доказать, домой пріѣхавши, что можно уже обходиться и безъ иностранныхъ суконъ, я сдѣсь купилъ на фракъ, по 6 руб. аршинъ, сукно, которое вытkано было изъ шерсти не совсѣмъ Испанской, но снятой съ породы отъ смѣси Крымскихъ нашихъ овецъ съ мериносами, т. е., отъ métis происшедшей. Оно нѣсколько сурово, но носить можно; за то какая же разница въ цѣнѣ съ иноземными сукнами! Передъ нашими щеголями тѣмъ-то оно и виновато, что дешево. Хозяинъ фабрики работаетъ съ усердіемъ и успѣхомъ: становъ много, заведеніе обширное, строеніе казенное, работники вольные. Есть тутъ машина, посредствомъ которой одинъ ткачъ очень легко отдѣлываетъ сукно въ 3 аршина слишкомъ ширины, но онъ не ломается, какъ тотъ, о которомъ я говорилъ, бывши въ Полтавѣ; этотъ, просто одной кистью руки шевеля рукоятку, посылаетъ челнокъ съ удивительною скоростію чрезъ всю основу съ края стана на другой. Главный предметъ этой фабрики — выдѣлка солдатскихъ суконъ. Бывъ въ Богоявленскомъ, надобно зайти и ее посмотрѣть, какъ заведенія достойнаго примѣчанія.

Но я, не будучи смышленъ въ этой промышленности, все обращалъ глаза мои на сады, источники и купальню. Сколько разъ я обошелъ ее вокругъ, сколько пилъ тутъ воду и подставилъ черепъ подъ фонтанъ и, подъ тѣнью пожилаго орѣшника, оплакивалъ мысленно разрушеніе такихъ драгоцѣнныхъ прелестей! Изъ саду пошедши къ коляскѣ, я еще наполненъ былъ тѣми идеями, кои мѣстоположеніе и исторія его въ нестройной кучѣ вселяли въ мое воображеніе, какъ наступилъ на мягкое и жирное тѣло. «Ай!» закричала жена. «Что такое?»—«Убитая змѣя.»

Онѣ часто, говорятъ, изъ густыхъ травъ вытягиваются и шипятъ. Согласимся, сказалъ я своимъ товарищамъ, что вездѣ есть добро и зло: прекрасенъ садъ, но змѣя не хороша.

Гдѣ чижъ поетъ вверху, тамъ змѣй шипитъ въ травѣ,
Не все то хорошо, что взоръ прельщенный хвалитъ.
Червь точитъ алый цвѣтъ на мягкой муравѣ,
И прежде, чѣмъ ѣсть медъ, пчела тебя ужалитъ.

«Правда, правда!» закричали мои товарищи: сѣли въ коляску и поскакали въ Николаевъ. Отъѣхавъ съ версту, я кинулъ еще взоръ на вѣтвистый орѣшникъ и на куполъ великолѣпной ванны. Витовка! мѣста безподобныхъ очарованій! Естьли ты и нынѣ дивишь любопытныхъ, что жь была ты тогда, какъ вельможа сыпалъ въ тебя всѣ свои сокровища! Конечно, рай земной!

ГЛАВА XLIX.

Потемкинъ.

Естьли кто хочетъ имѣть прямое понятіе о Потемкинѣ, нигдѣ такъ не успѣетъ, какъ здѣсь. Мнѣ удавалось объ немъ слыхать въ свѣтѣ разныя разсужденія: иные чли его лѣнивцемъ, другіе человѣкомъ немилосердымъ, большая часть порицали гордостью. Здѣсь скоро я нашелъ доказательство, что все то болѣе изъ предубѣжденія и ненависти разглашали, чѣмъ по любви къ истинѣ и справедливости. Льстить ему теперь мудрено: онъ умеръ и никому ни на что не надобенъ; и такъ естьли можно что похвальное объ немъ сказать, то теперь самая пора.

Начальники морскіе, изъ любви и особенной ко мнѣ довѣренности, позволили мнѣ прочесть двѣ большія книги въ хорошемъ переплетѣ, въ которыя съ большимъ тщаніемъ собраны разные Князя Потемкина Ордера къ Фалѣеву и предложенія Черноморскому Адмиралтейству. Я ихъ всѣ прочелъ, и не одинъ разъ, нѣкоторыя изъ нихъ выписалъ, и думаю, что сообща публикѣ, принесу ей

удовольствіе: каждое слово чрезвычайнаго человѣка, каковъ былъ Потемкинъ, и которому, естьли не вовся можно дать титло великаго, по крайней мѣрѣ, ни кто не отниметъ у него названія чрезвычайнаго, каждое его, говорю, слово, мысль, строка, должны быть предметомъ общаго вниманія.

Повѣрятъ ли, что этотъ лѣнивый Князь въ состояніи былъ исписывать, когда прямая нужда и польза того требовали, цѣлыя страницы своей рукой, и давать самыя подробныя предписанія, не только на счетъ отличныхъ работъ и распоряженій, но даже въ иныхъ мѣстахъ упоминалъ, какой фрегатъ течетъ, отъ чего именно, и что къ исправленію его потребно: приказанія его иногда доходили до самыхъ крайнихъ мелочей. Повѣрятъ ли, что этотъ вельможа, котораго донынѣ едва не тираномъ ли своего времени многіе почитаютъ, былъ столько сострадателенъ, сколько то увидятъ въ письмѣ его къ Фалѣеву, отъ 6-го Іюля изъ Колотени?

Извѣстно, что онъ не щеголялъ перомъ, и по тому въ его бумагахъ не надобно искать ни слога, ни красоты. Онъ писалъ просто, но вразумительно, бранился не рѣдко подлыми выраженіями и на письмѣ, въ бумагахъ оффиціальныхъ. Кто поспоритъ, что это не прилично? Конечно, нѣтъ. Но гдѣ жь мы находили человѣка чрезвычайнаго въ его дѣяніяхъ, который бы вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ чрезвычайныхъ странностей и навыковъ своевольныхъ? Этѣ люди уже не подходятъ подъ общія правила. Они сами себѣ законъ. Довольно, естьли въ нихъ душа, умъ и сердце расположены къ благу; впрочемъ, Потемкинъ былъ, что мы называемъ, чудакъ.

Онъ особенно любилъ здѣшнее мѣсто: Николаевъ, Богоявленскъ, Спаское были его утѣшеніе и отрада! Изъ самой переписки его видно, сколько онъ пекся о малѣйшемъ украшеніи своихъ садовъ, какъ часто отвлекался онъ отъ своихъ занятій, чтобъ объ нихъ подумать. Многіе иностранцы живыми красками описали его портретъ, и дали объ немъ понятіе всему свѣту. Я не умѣю дать преимущества ни которому изъ тѣхъ двухъ, коихъ читалъ и въ самое даже мое путешествіе около Николаева. Хо-

рошо обрисовалъ его Сегюръ, но живо изобразилъ также и де Линь. Кто не читалъ ни того, ни другого, тотъ, конечно, не осердится на меня, прочтя обоихъ, что я у него выпросилъ на этотъ трудъ полчаса времени: оба стоятъ вниманія и каждый приличной ему похвалы.

Наслушавшись здѣсь отъ всѣхъ очень иного о Потемкинѣ, я пожелалъ видѣть гробъ его, и для этого только съѣздилъ въ Херсонъ. Тамъ онъ похороненъ въ Соборѣ, который отстроенъ иждивеніемъ Екатерины и представляетъ на фронтонѣ своемъ слѣдующую надпись: «Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ.» Коротко, но чувствительно и красно! Тутъ подъ церковью былъ сдѣланъ погребъ и поставленъ гробъ исполина. Передъ нимъ горѣлъ неугасаемый елей въ золотой лампѣ; окружали мертвенность его и собраніе сухихъ костей богатыя подсвѣчники со свѣчами. Все возвѣщало въ преисподнемъ и мрачномъ томъ жилищѣ, что скрытъ тутъ въ землю прахъ знаменитаго вождя Екатерининыхъ храбрыхъ воевъ. И все засыпано землею. Нѣтъ уже нынѣ туда ни входа, ни отверстія. Я любопытствовалъ узнать хотя снаружи то мѣсто, подъ коимъ онъ погребенъ былъ: не хотѣли, или не умѣли, мнѣ и того причетники указать. Я, выходя изъ Собора, вспомнилъ столь извѣстныя слова псаломника: «Мимо идохъ, и се не бѣ, и не обрѣтеся мѣсто его.» Подлинно правда! Многіе нашлись съ готовыми доказательствами о правѣ своемъ на раздѣлъ оставшагося послѣ Князя имѣнія,—и кто тогда, какъ онъ былъ въ силѣ, не приклепывался ему въ родственники?—а нынѣ, когда дѣло идетъ о томъ только, чтобъ открыть гробъ его, оживить его памятникъ, воспрославить, воскресить, такъ сказать, имя его въ потомствѣ, нѣтъ ни друга, ни сродника, ни облагодѣтельствованнаго, кто бы похлопоталъ о томъ. Учитесь, вельможи, читать глубже и яснѣе въ сердцѣ вашихъ тварей!

Я ни чего еще здѣсь не говорю о Херсонѣ, хотя упоминаю уже о самой первой тамошней рѣдкости; но, начавъ рѣчь мою о Потемкинѣ, мнѣ хотѣлось все то сказать вдругъ, что лично до него относилось. За симъ слѣдуютъ списки нѣкоторыхъ его писемъ. Они не изъ самыхъ уважительныхъ по его начальству и

званію, но мнѣ показались всѣхъ замысловатѣе, въ его собственномъ вкусѣ:

4 Августа. Бендеры.

«Я черезъ нѣсколько дней буду къ вамъ, батюшка Михайла Леонтьевичъ!

Поворачивайся!»

«Николаевъ.

Федотъ течетъ по четыре дюйма; приказалъ его отправить, и уже ему не быть военнымъ. Поговори съ Семеномъ Ивановичемъ; я думаю хорошенько разбирать старые фрегаты и что годное употреблять на меньшія суда, а то коштъ и трудъ напрасно пропадаетъ, да и конструкція ихъ дурна. Кораблей умножается; лучше людей на нихъ употребить; такъ и оставьте Матвѣя и Григорья Богослова.

Наши, благодаря Бога, такого перцу задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу.—Коли бы трусъ былъ В., то бы онъ ср. у Тарфанова куста, либо въ гавани.

Вашъ другъ

К. Потемкинъ Таврической.»

Получено 16 Августа.

«Бендеры, 14 Августа.

Я вчера къ обѣду рано пріѣхалъ, употребя въ дорогѣ 15 час.

Прикажи домъ въ Богоявленскѣ скорѣй отстроивать и на крышу гонтъ доставить, оштукатурить, а паче внутри ровнѣе; ибо по стѣнамъ письмо будетъ. Скажите Аладову, что ему готовится бархатный кафтанъ, или брань жестокая, а коли разсержусь, то въ матросы. Алексѣевъ скоро отправится. Найдя хорошихъ арбузовъ и дынь, пришлите съ нарочнымъ, да и моркови.

Вѣрный слуга

К. Потемкинъ Таврической.

Ps. Прінскивайте воду около Николаева, также покопайтесь и лѣсковъ!»

Получено 4 Декабря, 1788 года.

«Послушай, Михайло Леонтьевичъ! Когда былъ ты у меня, то всему былъ просторъ, а теперь сдѣлалось тѣсно. Я говорилъ тебѣ, что людей много, а ты сказалъ, что еще мало; а теперь кричите караулъ, что некуда помѣстить. О конвойныхъ я тогда же тебѣ приказывалъ, и еще, какъ помнится, изъ Дубоссаръ, чтобъ содержать имъ караулъ, и когда бы ты мнѣ сказалъ, что Астраханскому быть у тебя не нужно, я бы ихъ въ то время поставилъ въ другомъ мѣстѣ, а теперь трудновато ходить, однако я приказалъ перевести.

Князь Репнинъ, говоря о землянкахъ Танбовскихъ, упоминаетъ, что хотя и просторно расположены, но больныхъ у насъ вездѣ умножается, а вы мнѣ о такомъ умноженіи ни слова не говорите, тоже и объ успѣхѣ Елинговъ не увѣдомляете. Молчите, молчите, да вдругъ потребуете чего ни будь прислать изъ Сибири, или изъ Астрахани.

На одежу я приказалъ ассигновать сумму.

О святой Аннѣ возмите мѣры, чтобъ не повредилась въ зиму. Судно въ ходу было самое легкое. Вы не дивитесь, что я ворчу. Богу извѣстно, что силъ не достаетъ: вездѣ самому быть нельзя, а все до малѣйшихъ способовъ отъ меня требуютъ.

К. Потемкинъ Таврической.»

«Оберъ-Интендантъ по моему требованію о числѣ пушекъ, о чемъ и тебѣ записка дана была, ни слова не отвѣчаетъ, а я не могу сдѣлать распредѣленія.

Объ желѣзѣ говняли изъ Таганрога. Нанимали перевозить, промѣшкали, да вдругъ ко мнѣ кинулись, чтобъ я велѣлъ доставить. Какъ уже теперь возить одному? Словомъ: мнѣ кажется, что они любятъ остановки, и ихъ ищутъ.»

Получено 10 Іюля.

«Колотени. 6 Іюля.

Лучше въ десятеро заплачу, нежели отдать жиду Гильму поставку. Пора отстать отъ мошенниковъ подрядчиковъ, кои истощили сумму и все недостатками потчивали; чрезъ нихъ разворовали много. Прикажи въ Чутѣ заготовлять больше тѣхъ членовъ, какихъ тамъ найти можно, прочее въ Смѣлѣ.

Канатному заводу въ Херсонѣ быть, или нѣтъ, посмотрю самъ. На прочія донесенія дамъ резолюцію, пріѣхавши въ Богоявленское, а теперь только скажу о числѣ умершихъ, которыхъ не могло бы больше и въ чуму пропасть. Что прибыли доставать людей, ежели ихъ морятъ, какъ нарочно? Вамъ бы надлежало мнѣ доносить правду, и я не знаю, какъ вамъ не совѣстно скрывать отъ меня истину! Я опредѣлялъ людей въ работу, да еще и съ заплатою, а изъ сего сдѣлали каторгу, и по нещастію, какъ вездѣ мое имя, то они могутъ думать, что я тиранъ, а вмѣсто того мучатъ другіе, а потакаете вы.

К. Потемкинъ Таврической.»

ГЛАВА L.

Херсонъ.

Отъ Николаева Херсонъ очень близко, только 60 верстъ: дорога ровная и степная. Мы двое съ женой послѣ обѣда туда поѣхали, и ранѣе вечера прибыли. На пути нѣтъ ни какого жила, кромѣ почтоваго сарая, въ которомъ, на половинѣ дороги, мѣняютъ лошадей. Полиція тутошная позаботилась о нашей квартирѣ, и отвела намъ ее въ лѣсной конторѣ Г. Перетца, у одного Жида: вездѣ намъ судьба судила стоять въ его домахъ, но не вездѣ такіе у него хозяева, какъ въ Николаевѣ. Поздно было ходить по городу; тотчасъ съ пріѣзда мы отъужинали и легли спать, но разныя твари, коихъ пыль и нечистота производятъ, не дали намъ заснуть хорошенько.

На завтра пріѣзда нашего, 19 числа, дождь пошелъ пресильный и безъ экипажу нельзя было выйти изъ дому; окошки наши на дворъ: и такъ, сидя въ четырехъ стѣнахъ въ скукѣ, я имѣлъ досугъ одумать все состояніе неволи, которой подвержены заключенные въ тюрьму, какъ въ клѣтку, и не имѣющіе передъ глазами ни какого предмета. Я только могъ замѣтить, не выходя изъ горницы, что здѣсь пропасть Жидовъ и комаровъ: либо перваго увидишь, либо послѣдняго убьешь. Я старался прогонять скуку пріятнѣйшимъ для сердца упражненіемъ: я писалъ письма къ домашнимъ, къ друзьямъ, готовилъ ихъ заранѣе къ отсылкѣ, при случаѣ удобномъ.

Около полудня улыбнулось небо: стало ясно, тихо, хорошо, и здѣшній Г. Губернаторъ посѣтилъ меня. По приглашенію его, я у него обѣдалъ, ужиналъ и весь день пробылъ. Онъ молодъ, но наполненъ усердія къ своей должности; супруга его—барыня прелюбезная и мастерица играть на фортепіано. Цѣлый вечеръ слушалъ я ее безъ устали. Съ ними жили тогда, по случаю родинъ ея, нѣсколько ихъ родственниковъ. Они дома въ городѣ не имѣютъ: онъ еще строится, а между тѣмъ занимаютъ домъ Военнаго Губернатора, верстахъ въ двухъ отъ города, въ крѣпости: это удаляетъ отъ нихъ общество городское, особливо въ осенніе длинные вечера, въ которые такъ нуженъ всякому кто ни будь; они по большой части одни въ своей семьѣ. Кабинетъ его наполненъ бумагами:—обыкновенная роскошь и убранство внутреннихъ покоевъ дѣловыхъ людей! Боже мой! Какая куча пакетовъ, и когда это все читать! Я одни сутки провелъ въ ихъ бесѣдѣ довольно пріятно; сожалѣлъ только объ ихъ собственной скукѣ, которую, кажется, ни кто изъ цѣлаго ихъ дома скрыть не можетъ. И правда, что Херсонъ мѣсто не прекрасное. Губернаторъ далъ мнѣ свой экипажъ, и самъ безъ принужденія возилъ меня по всѣмъ занимательнымъ мѣстамъ города. Станемъ говорить объ немъ.

Городъ разбитъ на Днѣпрѣ, но очень непріятенъ: улицы нечисты, строеніе скверное, ни одного нѣтъ хорошаго дома, кромѣ, такъ называемаго, обжорнаго ряду, который выстроенъ изъ городскихъ доходовъ. Надобно знать, что Херсонъ имѣлъ въ пользу свою весь собираемый съ него въ тогдашнее 4-хлѣтіе от-

купный доходъ. Онъ населенъ бродягами, бѣглыми, всякимъ сбродомъ. Крѣпость, хотя еще не стара, однако требуетъ уже значительныхъ поправокъ и только что поддерживается отъ совершеннаго разрушенія. Внутри много разныхъ каменныхъ строеній, какъ-то: домъ Военнаго Губернатора, Комендантскій и Ордонансъ-Гаузъ, тутъ же и Соборъ. Я объ немъ говорилъ прежде, а теперь добавлю то только, что въ этомъ великолѣпномъ и огромномъ храмѣ нѣтъ ни какой примѣчательной утвари. Иконостасъ сведенъ круглымъ куполомъ на 8 столпахъ голубаго цвѣта; ризница неважная; показывали мнѣ ризы и стихарь, кои приложены Екатериной, но безъ отличнаго богатства, и естьли бъ не снабдила здѣшній Соборъ многими драгоцѣнными вещами Госпожа Мартынова, у коей сынъ, убитый на ратномъ полѣ, похороненъ здѣсь, то бы и похвастать не чѣмъ было; ея приклады всѣ роскошны и со вкусомъ въ отдѣлкѣ.

Сколько знаменитыхъ гробницъ около Собора! Тутъ увидите вы храбраго Миллера. Я остановился у его мавзолея: шишакъ надъ нимъ столько жъ чистъ еще понынѣ, какъ и слава его. Она сохранилась безъ пятна: рѣдкое счастіе для воина. Тамъ подалѣе былъ его сынъ, достойный таковаго отца. Тутъ Князь Волконскій. Кто не знаетъ его кончины подъ Очаковымъ? Кто не оплакалъ отважности его геройской: я первые тогда почувствовалъ восторги славы; смерть его восхитила мою душу, еще прикованную къ школьнымъ теоріямъ; я развернулся и осмѣлился первые мои стихи выдать въ свѣтъ на смерть его. Здѣсь предана землѣ нѣжная отрасль Царскаго Дома. Въ молодости сущей Принцъ Виртембергскій позналъ нетлѣнной жизни сокровище. Камень надгробный его великъ, огроменъ, но безъ всякой красоты.

Корабельная верфь любопытна; при насъ отстроивался тутъ одинъ корабль 74 пушечный; такого же размѣра дѣлались еще два и одинъ 100 пушечный былъ уже заложенъ. Капитанъ надъ портомъ, Г. Миз.—Газ. всѣ работы намъ показывалъ. При насъ корабль обивали мѣдью: предосторожность необходимая отъ морскихъ червей, кои, какъ говорятъ, въ Черномъ морѣ очень скоро проѣдаютъ корабль. Какое страшное зданіе на берегу, а на морѣ—лукошко; подъ него готовятся уже и катели для спуска его

къ тому мѣсту, гдѣ онъ оснащиваться будетъ. Говорили, что онъ полетитъ въ Днѣпръ 8-го Августа. На лѣвой сторонѣ рѣки весь берегъ усыпанъ корабельными лѣсами: они лежатъ на открытомъ мѣстѣ, отъ чего удобно и повреждаются. Видно, что или еще лѣсу много, что нѣтъ нужды его беречь, или издержки для предохраненія его болѣе важны, нежели сама цѣна вещи; въ такомъ случаѣ жаль, что не оставили тамъ множества дубовъ и сосенъ на корнѣ: они бы еще пожили и не опоздали стать на своемъ мѣстѣ въ кораблѣ.

Гавань купеческая очень хороша: въ ней строится много транспортныхъ судовъ по самымъ прекраснымъ образцамъ. Многіе изъ нихъ при насъ были въ отдѣлкѣ. Торговля животворитъ совершенно берега Днѣпровы при скучномъ Херсонѣ. Лѣсная пристань обогащена бревнами и досками. Днѣпръ приноситъ сюда все богатство лѣсовъ Бѣлорусскихъ: на немъ чрезъ Кременчугъ приплыло сюда въ 1810 году до 150 тысячъ деревъ. Какое важное пособіе для Крыма и Николаевской степи! Днѣпръ по берегу убитъ сваями, и отъ пристани саженъ на сто убавили его широты.

Чего не дѣлаютъ искуство и труды?
Каналъ, Азовъ и Понтъ вѣнчаютъ, какъ пруды.
И древній Борисѳенъ, теряя здѣсь свободу,
Сто саженъ отступилъ для пристани народу.

Канатная фабрика помѣщается въ огромномъ строеніи на 240 саженяхъ длины. Внизу крутятъ веревки, а вверху подъ крышкой, на чердакѣ съ просторомъ, прядется пенька. Народъ употребляется ссылочный, осуждаемый по приговорамъ къ каторжнымъ и крѣпостнымъ работамъ. Ни на одно лицо взглянуть нельзя равнодушно: всякаго черты ужасны; печать злодѣйства отражаетъ всякое состраданіе. То ли бы было, подумалъ я, ходя по этой пространной галереѣ и прислушиваясь къ нестройному звону желѣзъ, естьли бъ по обоимъ концамъ поставили громкіе оркестры и вдоль строенія вытянуть въ два фрунта экосесъ? Всякой, думаю, воленъ дѣлать въ себѣ и про себя, какія хочетъ, примѣчанія. Волтеръ гдѣ-то сказалъ: «Les volontés sont libres.» Кажется, онъ ошибся: а тому, кто скажетъ: «Les pensées sont libres,» не чѣмъ возразить.

Много здѣсь хорошаго и полезнаго вздумала Екатерина; скажемъ же и то, что Потемкинъ многое и исполнилъ хорошо. Память Херсонской Царицы здѣсь незабвенна; цѣлы еще стѣны того строенія, въ которомъ нѣкогда она ужинать изволила; говорятъ, что на столѣ, вмѣсто обыкновеннаго убранства, въ модели изображенъ былъ искуственнымъ образомъ весь ея флотъ, и что какъ скоро она сѣла кушать, то на немъ поднялись флаги. Скажемъ это тысячу разъ: «Вѣкъ ея былъ вѣкъ очарованія.»

Здѣсь я опять настигъ питку политическихъ происшествій: нѣсколько прочелъ № «Сѣверной Почты,» узналъ о новой монетной системѣ. Удалясь нѣсколько отъ центра новостей, всякой листочикъ свѣженькой печати займетъ чрезвычайно. Я часто это испытывалъ дорогой. Здѣшнему Губернатору нѣкогда лишній часъ проспать. Дюкъ опять сегодня проскакалъ въ Крымъ: видно, флотъ Турецкой хоть не страшенъ, да и не забавенъ.

Вездѣ есть диковинки: почтетъ ли читатель мой ею то, что я готовлюсь ему сказать, не знаю; но для меня весьма удивительно было услышать, что въ Херсонѣ Городской Голова—Французъ, поселившійся здѣсь болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Чудо!

Въ день отъѣзда нашего отсюда, 20 числа, я, съ дозволенія Господина Губернатора, ходилъ купаться въ Днѣпръ: у него закрытая и пловучая ванна. Прохлада не совсѣмъ пріятная; водз мутна и съ зеленью. Въ Володимірской Губерніи Нерль не Днѣпръ, но какая разница для этого наслажденія! Мы позавтракали у Губернатора, простились съ нимъ, съ его семействомъ, и поѣхали, какъ будто домой, въ Николаевъ. Въ четыре часа съ половиною мы проскакали 60 верстъ: лошади не бѣгутъ, летятъ, и ихъ дикія лошади у насъ не отпрягали. Я долженъ эту строчку объяснить; иначе она будетъ казаться непонятною.

Одинъ путешественникъ, напечатавъ многое объ Одессѣ и здѣшнихъ мѣстахъ, между прочимъ, помѣстилъ слѣдующее извѣстіе:*

---

* Пр. «Письма о Крымѣ,» переводъ съ Французскаго сочиненія, съ которымъ рядомъ выпечатанъ и оригиналъ.—1810. Полное заглавіе его таково: «Письма о

«Сія степь сколь ни худа, однако питаетъ дикихъ лошадей, которыя и имѣютъ странный инстинктъ освобождать лошадей, естьли увидятъ запряженными: онѣ нападаютъ иногда толпами на запряженныхъ лошадей, разбивая повозки, перерываютъ сбрую, потомъ убѣгаютъ съ новыми товарищами, естьли удастся имъ освободить ихъ.»

Я Херсонскую степь, т. е., разстояніе между Херсономъ и Николаевымъ, проѣхалъ два раза, и по утру и въ вечеру, но ни отъ кого этого не слыхалъ, нигдѣ этого не видалъ. Замысловатыя лошадки! Видно, и въ ихъ родѣ водятся республиканскія головки, кои узды не терпятъ. Благодаря Бога, или лучше сказать Херсонскую фею, это, все ея, видно, превращенія! Наши кони очень смирно довезли насъ до Николаева, гдѣ мы нашли всю свою домашнюю бесѣду, и въ ней отстатокъ дня весьма пріятно проводили.

ГЛАВА LI.

Отъѣздъ изъ Николаева.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Николаевѣ расхарчился нашъ хозяинъ, зазвалъ много гостей и не пожалѣлъ хорошей бутылки вина. По утру я таскался по рядамъ, по базару: купилъ, во первыхъ, сукно, но ошибся въ выборѣ, сукно гнило; однако фракъ стоилъ 30 рублей: изрядныя бы деньги и не для фрака лѣтъ 20-ть ранѣе. Арбузовъ и дынь въ Николаевѣ пропасть и дешевы. Купя за 40 копѣекъ двѣ штуки, я на силу ихъ съѣлъ въ моей компаніи, которая была не мала въ тотъ день.

Откланявшись Господину Адмиралу, зашелъ проститься къ отцу Ефимію: засталъ благоговѣйнаго Іерея, читающаго Соломона.

Крымѣ, Одессѣ и Азовскомъ морѣ; соч. Г-жи Гутри, перевелъ съ Французскаго И. Снегиревъ, на Россійскомъ и Французскомъ языкахъ. М. Въ типографіи Всеволожскаго. 1810. 8.» О. Б.

Поговорили мы съ нимъ о многихъ предметахъ суеты человѣческой. Онъ, провожая меня, кричалъ: «Всяческая суета!» а я ему отвѣчалъ: «Безъ нея нельзя!» и съ этѣмъ мы разстались.

Господа морскіе пожаловали къ намъ на вечеръ и привезли всю свою роговую музыку. Какое прекрасное изобрѣтеніе! Оно питаетъ унылыя мысли, развертываетъ ихъ и даетъ душу меланхоліи. Я не могъ равнодушно слушать звуковъ этѣхъ мѣдныхъ, разноголосныхъ трубъ. Лакримальные сосуды мои напружились, и я потихоньку плакалъ, ходя одинъ въ саду. Есть такія минуты, въ которыя печаль, одна печаль, овладѣя всѣми нашими чувствами, среди самыхъ шумныхъ бесѣдъ и роскошныхъ вечеринокъ, даетъ намъ чувствовать всю свую тягость. Это было на канунѣ 22-го Іюля, дня имянинъ покойной дочери моей. Я вспомнилъ Машу, которая, когда я слушалъ искуственные мусикійскіе звуки, плѣпялась уже далеко отъ меня согласіемъ превосходной небесной гармоніи. Хорошо дѣлаетъ Русскій человѣкъ, что пьетъ, когда ему грустно: самое вѣрное лѣкарство отъ печали! Я изъ саду вышелъ въ комнаты; всѣ пили пуншъ, давайте-ка и мнѣ! Выпилъ очередную чашу, голова закружилась, и я скоро забылъ, что радость и что печаль. Въ такомъ расположеніи чувствъ мы отужинали и ѣли много. Всякой разсказывалъ свое, кто былъ, кто небылицу. Помѣстите, куда вамъ угодно, слѣдующее:

Въ Тріестѣ, сказывалъ намъ нѣкто изъ собесѣдниковъ нашихъ, содержатель Театра обязанъ платить очень дорого за привилегію свою Французскому Двору. Какъ-то сборъ началъ упадать и содержатель сдѣлался неисправнымъ. Правительство не шутитъ: давай деньги! Содержатель жалуется, что многіе богатые жители не ѣздятъ въ Театръ, не берутъ ложъ изъ одного ругательства Французамъ. Правительство, чтобъ выручить свои деньги, принуждаетъ богачей брать мѣста годовыя. Они ихъ откупаютъ, насильно ѣздятъ забавляться, а содержатель оплачиваетъ долгъ свой, и всѣ довольны. Славная контрибуція! Вотъ что называется прекраснымъ насосомъ выжимать изъ чужихъ кармановъ деньги. Вѣдь, можетъ быть, это и вздоръ!

Распростясь со всѣми, мы расположились на другой день, 22 числа, рано по утру, выѣхать, и намѣреніе наше исполнилось. Въ

минуту нашихъ сборовъ узнали мы, что часть Россійской эскадры заняла Сухумъ-Кале, крѣпостцу на матеромъ берегу Мингреліи. Ею управлялъ отцеубійца. Кого пощадитъ тотъ, кто не чтитъ родителя? Народъ взволновался, звалъ Русскихъ на помощь, увидѣлъ флаги ихъ и покорился.

Прости, Николаевъ! Я тебя вспомню всегда и вездѣ въ радости и въ печали. Настоящія наши наслажденія суть рода удовольствій нашихъ въ будущемъ. Естьли бъ воспоминанія не оживотворяли души человѣческой, она бы отходила къ своему Создателю, не испытавъ ни какой радости въ свѣтѣ. Такъ, такъ мы живемъ въ прошедшемъ стократно болѣе, чѣмъ въ настоящемъ: это нашъ удѣлъ, это участь человѣка чувствительнаго! Простите, Спасское, Богоявленское, мѣста славы знаменитаго вельможи, мѣста взнѣженныя самой природой! Вы всегда привлечете къ себѣ восторги тѣхъ, кои любятъ жить въ натурѣ, по натурѣ и не разлучно съ нею; равно обратятся къ вамъ и мысль и взоры тѣхъ, коихъ изумляло когда ни будь и изумитъ впредь, въ лѣтописяхъ нашихъ, величество Потемкиныхъ:

Таврической! Тебѣ въ твой вѣкъ дивился Питеръ:
Но въ немъ ты былъ лишь Князь, а здѣсь ты былъ Юпитеръ.

Съ этѣмъ восклицаніемъ я уѣхалъ, и скоро скрылся отъ глазъ моихъ Бугъ. Съ великолѣпными его берегами пропали высокія Ингульскія трости. Опять я скачу въ степи и возвращаюсь въ Елисавету.

4 версты отъ Николаева есть селеніе Терновки. Сюда проводили насъ хозяинъ нашъ и Боб. Прежде тутъ была Турецкая слободка; въ ней видны и поднесь разоренный домъ Паши и маленькая рощица, подъ которой бѣжитъ чистый ключъ воды. Здѣсь въ уединеніи онъ, чаю, исповѣдывался въ тайнѣ своему Пророку и лобызалъ раболѣпныхъ наложницъ; а нынѣ тутъ обитаютъ Болгары, вытѣсненные Турками изъ Адріанополя и прибѣгшіе подъ покровительство Россіи. Здѣсь они забываютъ смутныя времена своего отечества и живутъ спокойно. Вотъ прямо полезная колонія! Болгары трудолюбивы, любятъ хлѣбопашество

и разумѣютъ искуство воздѣлывать землю: у нихъ ни одна черта земли не теряется, все засѣяно и воспитано. По огороднымъ своимъ усадьбамъ они еще разводятъ и шелковичныя деревья. Я долго радовался, глядя на ихъ сельскія упражненія.

Старая мечеть обращена въ Греческую церковь; башни ея однако сохранены, какъ памятникъ, и эти два различныя по началу своему зданія странное представляютъ соединеніе язычества съ Православіемъ. На одной изъ нихъ повѣшены колокола. Я ходилъ на самый верхъ ея, но видовъ пріятныхъ она не открываетъ. При храмѣ семъ Священникъ изъ Болгаръ; иконостасъ въ Греческомъ вкусѣ, но безъ всякихъ украшеній, рѣзнаго нѣтъ ни чего. Утварь пожалована Государемъ не богатая, но полная.

Здѣсь послѣднюю рюмку вина выпилъ я съ добрымъ моимъ хозяиномъ и съ Черноморскимъ пріятелемъ Б. и, разцѣловавши обоихъ, прижавши крѣпко къ сердцу, надвинулъ шляпу на сырые очи и ускакалъ во всю конскую скачь.

Доѣхавъ со мною до первой станціи, читатель вспомнилъ, что ее зовутъ Кандыбино, что тутъ славный источникъ въ горѣ. Я подошелъ къ ней, выпилъ стаканъ воды изъ ключей ея, освѣжилъ осеннюю свою голову и, перемѣня лошадей, удалился отъ Николаева. На пути встрѣтился намъ какой-то Ливонецъ Бар., ѣдетъ въ Крымъ искать ужасовъ и развалинъ. Счастливый ему путь! Право я ему не позавидовалъ. Крымъ, признаюсь, ни сколько не раздражалъ моего любопытства.

Въ Виландовой мызѣ или, по здѣшнему, трактирѣ (пустомъ, однако) мы потерпѣли задержку въ лошадяхъ, по тому что день былъ почтовый и лошади въ оба конца въ разгонѣ; объ обѣдѣ въ суетахъ мы не подумали; повариа ѣхала съ нами и успѣла дать намъ только яичницу, которую очень скоро сварили и вдвое скорѣе мы съѣли. Лежа на травѣ, похлебали молока, и за трапезой простой натуры насытившись, поспѣшали на ночлегъ, который судьба, случай, нечаянность, такъ часто гораздо лучше о насъ промышляющія, нежели самыя заботливыя наши суеты, приготовили намъ на пути, въ мызѣ доброй Госпожи Лореновой, гдѣ мы уже очутились въ 64 верстахъ отъ Николаева.

ГЛАВА LII.

Ночлегъ у Госпожи Лореновой. Путь до Новоміргорода и пріѣздъ туда.

Послѣ такой ночи, какую провели мы, естьли вспомнитъ читатель, въ Громоклеѣ, въ степи, на сырой землѣ, нынѣшній ночлегъ нашъ казался Божественнымъ угощеніемъ; въ самомъ дѣлѣ, случай намъ очень благопріятствовалъ. Помѣщица здѣшняго хутора, Госпожа Лоренова охотно насъ къ себѣ приняла, не смотря на тѣсноту своихъ комнатъ; и какое было мое удивленіе, когда въ самыхъ маленькихъ ея горенкахъ, по нашему даже убогихъ, ибо въ нихъ не было дощатыхъ половъ, а набитая земля вымазана желтой глиной и подкрашена, нашелъ я краснаго дерева мебель, т. е., зеркала, столы, Турецкій диванъ, хорошіе клавикорды, на которыхъ нѣкогда играла, вышедшая за мужъ, дочь нашей хозяйки, и шкапъ съ книгами: тутъ были романы Госпожи Сталь и Жанлисъ на оригинальномъ ихъ языкѣ: все это мнѣ такъ было странно, что я думалъ быть въ области какой ни будь феи. Въ степи находить книги, музыку, нѣкоторую роскошь не только просвѣщенныхъ, но уже и испорченныхъ отъ излишнихъ наслажденій, городовъ, все это меня очень удивляло; а къ удивленію мало по малу присоединилось и уныніе. Вотъ причина:

Все, что мы видѣли, занимало любопытство; намъ хотѣлось узнать, у кого мы. Госпожа Лоренова, добрая и гостепріимная наша хозяйка, сестра родная извѣстному по Москвѣ (что' нужды, впрочемъ, съ какой стороны!) К. Ц., котораго жена, любезная и достойная барыня, нѣкогда въ Москвѣ, бывъ случайно очень съ домомъ отца моего знакома, крестила дочь мою, Машу. Крестницы ея уже нѣтъ на свѣтѣ, а мать ея крестную мнѣ не случалось видѣть съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она милое мое дитя въ Москвѣ принимала отъ купели. Надобно было мнѣ самымъ неожиданнымъ образомъ попасть на ночлегъ въ такой домъ, который живѣйшее представить могъ мнѣ напоминаніе о Машинькѣ въ самый день ея имянинъ, чтобъ умножить тѣмъ сердечную

болѣзнь. Какое странное стеченіе случаевъ! Непостижимая судьба! Для чего я именно сего дня, а не вчера, не въ другой день, попалъ къ Госпожѣ Лореновой, съ которой никогда болѣе, можетъ быть, не увижусь? Тщетно я тебя спрашиваю: ты смертнымъ никогда ни на что не отвѣчаешь.

Госпожа Лоренова не удовольствовалась однимъ нашимъ помѣщеніемъ: при недостаткахъ своихъ она дала намъ хорошій ужинъ. Комнатки ея тѣсны, но опрятны. Видно изъ книгъ и инструментовъ, что она о воспитаніи дочери своей пеклась съ усердіемъ и разумомъ. Мы тутъ спокойно провели ночь въ верхней свѣтелкѣ, и на завтра отправились въ путь, осыпавъ ее признательнѣйшими ласками. Мы не могли ни чѣмъ, кромѣ благодарности, платить за благосклонность къ намъ тутошнихъ жителей. Тѣмъ цѣннѣе были въ глазахъ нашихъ малѣйшія ихъ услуги.

Проѣзжая Громоклею, мы порадовались за будущихъ путешественниковъ: тутъ уже строится чей-то довольно огромный домъ деревянный; и такъ здѣсь можно будетъ года черезъ три ночевать, и не на голой землѣ.

Въ Судоклеѣ хотѣли обѣдать, но только поѣли. На столъ поставить было нечего: ни яицъ, ни молока, ни масла. Привелъ бы сюда главнаго ресторатора Aimé, далъ бы ему сто рублей и велѣлъ показать свое искуство. Изъ ни чего выходитъ ни чего: самая вѣрная посылка. Мы поглодали старыхъ засушеныхъ запасовъ и поскакали. Отдыхалъ съ нами тутъ же проѣзжій церковникъ: онъ пробирался домой верстъ за 20-ть отсюда. На досугѣ и онъ собесѣдникъ, вошли мы въ рѣчь: гдѣ и чему учился, давно ли славитъ Всепѣтаго? Каково жить, дорого ли, дешево ли? Что даютъ за молебенъ и пр. и пр.? Добился только того, что онъ Дьяконъ, ходилъ пѣшкомъ верстъ за 500 ставиться въ чинъ. Это, подумалъ я, тяжелѣе старой нашей Герольдіи. Бѣдные люди! Здѣсь есть мѣста, за 1000 верстъ отъ Владыки отстоящія, и Дьячекъ долженъ пройти весь Крымъ до Екатеринослава, чтобъ получить право, воротясь домой, надѣть изорванный стихарь. Вотъ, хоть и не прилично, да къ стати вспомнить пословицу иностранную: игра свѣчи не стоитъ! Дьяконъ мой, однако, здоровъ и

дюжъ; голосъ у него прекрасный; мы съ нимъ пропѣли: «О паче ума,» въ честь Богородицы, и распростились. Я думаю, что онъ съ восторгомъ, а можетъ быть и съ насмѣшкой, разсказывалъ, пришедъ къ себѣ, домашнимъ, что проѣзжій заставилъ его пѣть, любовался его голосомъ, самъ съ нимъ подтягивалъ, и знаетъ также, какъ онъ, съ конца до другого, Осмогласникъ.

Въ Елисаветѣ мы долго слонялись по городу безъ квартиры; старая была заперта: хозяинъ куда-то отъѣхалъ, а хозяйка пьяна, и мы толку не добились; на силу нашли мы какого-то доброхота купца, который изъ тщеславія растворилъ для насъ огромную залу съ картинами, эстампами и прочими красотами купеческихъ домовъ въ провинціяхъ. Кони насъ сюда очень скоро поставили, мы проѣхали 100 верстъ; погода была въ степномъ климатѣ прекрасная, не жарко и не пыльно: сильный дождь выпалъ за сутки до насъ, и избавилъ отъ этого безпокойства. Надлежало за то вытерпѣть другое, т. е., посѣщеніе Молдаванскаго Князя, который у насъ посидѣлъ и помолчалъ.

Весь вечеръ мы освѣдомлялись, отъ кого могли, какъ доѣхать до Кіева и гдѣ лучше выбрать туда дорогу. Переночевавъ тутъ, я имѣлъ еще время, прежде нежели привели намъ лошадей, коихъ мы и не очень торопили, сходить въ Соборъ къ обѣднѣ. Храмъ пространный и хорошъ, письмо старинное. Народу было много для Воскресенья, и опять появились здѣсь около паперти нищіе: мы давно ихъ не видали. Пѣвчіе кричали во весь голосъ, басы ревѣли безъ всякаго вкуса; обѣдня шла до полудня, и, къ несказанному отягощенію Православныхъ, Пресвитеръ разсудилъ пощеголять проповѣдью. Я ушелъ, не дослушавши конца, и онъ вѣрно принялъ меня за невѣжу.

Изъ Собора ѣздилъ я съ визитомъ къ Молдаванамъ въ ихъ экипажѣ. Опять тоже великолѣпіе, цугъ въ шорахъ, а кучеръ съ широкими усами въ Турецкомъ своемъ одѣяніи. У нихъ не много посидѣвши (ибо они уже были мнѣ не въ диковинку), пріѣхалъ домой, отобѣдалъ, сѣлъ въ коляску, взглянулъ раза два еще на Елисаветградъ, и пустился въ Кіевъ.

ГЛАВА LIII.

Новомірградъ и Златополь.

Отъ Елисаветы сюда 60 только верстъ, хотя словарь и утверждаетъ, что 150. Дорога прекрасная: мы проѣхали ее очень скоро. Степь продолжается, но не такъ уже гола; появились пріятные виды; показался мѣстами кустарникъ; вездѣ золотыя нивы радуютъ взоръ путешественника. Жатва, сѣнокосъ, все въ своей порѣ и народъ въ движеньѣ. Разнообразіе предметовъ украсило для насъ этотъ путь совершенно. Я съ удовольствіемъ любовался на сарафанъ нашего покроя, какого уже давно не видалъ. Подъ самымъ Новомірградомъ селились при насъ Обоянскіе крестьяне, душъ до 100.

Недалеко отъ города встрѣтились намъ кучи Турокъ плѣнныхъ, коихъ везутъ на волахъ также селить подалѣе отъ своей родины. Война гоняетъ людей съ мѣста на мѣсто, какъ садовникъ пересаживаетъ деревья. И къ стати вспомнилъ: у самой заставы увидите вы старинный садъ, и также, какъ и я, вѣрно объ немъ потужите. Нѣкогда владѣлъ имъ Архіерей; потомъ, по стеченію случаевъ, обратился въ оброчную статью и поступилъ въ казенное вѣдомство, а тамъ, разумѣется, и брошенъ; всѣ плодовитыя деревья погибли, осталась одна только густая зелень, которая свидѣтельствуетъ, что человѣкъ столько удобенъ все воздвигнуть и создать, столько же и разорить все можетъ: однако и этотъ нечистый лѣсокъ, что былъ прежде садъ, здѣсь для глазъ пріятенъ.

Въѣхавши въ городъ довольно рано, мы остановились у Г. Пот...., тутошняго Гор., который прямо принялъ насъ въ свой домъ и позволилъ у себя ночевать. Съ нимъ жены не было, онъ хозяйничалъ одинъ. Домикъ у него маленькой, но крайне опрятенъ; впрочемъ, лучшей квартиры въ городѣ нѣтъ, хотя тутъ до 2000 душъ считается народу. Время было прекрасное, и мы имъ воспользовались, просидя на крыльцѣ весь вечеръ. Я неосторожно напустилъ на грушы: ихъ здѣсь очень много.

Природа никогда насилій не прощаетъ:
Невоздержаніе недуги привлекаетъ.

И подлинно: натура, чтобъ доказать мнѣ справедливость моихъ стиховъ, потѣшила меня индижестіей и сильной мигреной, отъ которой я самую худую ночь провелъ. Это мнѣ не помѣшало, оставляя Новомиргородъ, на завтра взять грушъ съ собою хорошій въ дорогу запасъ, и на упреки жены моей, что я неумѣренъ въ прихотяхъ своихъ, или короче и яснѣе сказать, жаденъ, я ей отвѣчалъ слѣдующими стихами:

Безъ груши нѣтъ въ саду хорошаго плода;
Безъ груши земляной нѣтъ вкуснаго стола;
Безъ груши для невѣсть серегъ нѣтъ драгоцѣнныхъ,
Безъ груши для меня нѣтъ въ жизни дней блаженныхъ.

Жену мою зовутъ Аграфеной: что ей оставалось сдѣлать, какъ улыбнуться, замолчать и дать мнѣ волю наѣдаться грушъ?

Виноватъ! Я ужъ собрался изъ Новомиргорода, не сказавъ ни чего объ немъ самомъ. Городъ не важный; домовъ хорошихъ деревянныхъ въ немъ очень мало, все мазанки. Онъ заштатный и безъ уѣзда: въ немъ нынѣ только Магистратъ, Городничій, два частныхъ Пристава, и нѣсколько Десятскихъ: вотъ все его правительство! Нѣтъ ни Ст. Ком., ни Казначейства, и обыватель ѣздитъ судиться судомъ и расправой въ Елисавету, и когда доводится Уѣздному Суду съ Магистратомъ держать общее присутствіе, то членъ Уѣзднаго Суда изъ Елисаветы наѣзжаетъ въ Новомиргородъ.

Въ Россіи все дѣлается творческимъ духомъ: да будетъ то,— и бысть! Здѣсь нѣкогда была граница наша къ Польшѣ и живали иностранные Консулы, цвѣла торговля. Вдругъ потомъ поставленъ былъ здѣсь же престолъ Вознесенской Губерніи, Губернскій ея городъ хотя и назначенъ былъ въ Вознесенскѣ, посреди области Бугскихъ Казаковъ, но, до отстройки того мѣста, все гражданское его сословіе поселилось въ Новомиргородѣ. Недолго это такъ побыло; наконецъ Новомиргородъ, обратясь въ посадъ, удостоенъ остаться безуѣзднымъ городомъ, и теперь весь составленъ изъ развалинъ: судьба многихъ нашихъ городовъ!

Я полюбопытствовалъ видѣть здѣшнее рекрутское депо. Командиръ его, Г. С., принялъ меня очень учтиво и дозволилъ весь свой лагерь видѣть. Шалаши ихъ лѣтніе, кои повсемѣстно уже зовутъ бивуками, хотя, думаю, Французское слово bivaq совсѣмъ не то значитъ: сдѣланы изъ прутника и обмазаны глиною; на строеніе ихъ матеріалъ отводятъ имъ изъ казеннаго лѣсу. Пекарни очень хороши, и здѣсь уже топятъ дровами: мы по маленьку разстаемся съ кизикомъ. Лазаретъ въ особомъ домѣ, который отводитъ купеческое общество. Сюда сбираются рекруты Харьковской и Симбирской Губерній.

Чтобъ договорить о Новомиргородѣ, скажу еще нѣчто на счетъ здѣшняго мѣста весьма странное. Городъ этотъ принадлежитъ къ Херсонской Губерніи; отъ него въ верстѣ мѣстечко Златополье въ Кіевской уже Губерніи. Миргородскіе жители сами покупаютъ хлѣбъ въ Златополѣ, однако проходящія команды обыватель Златопольскій обязанъ кормить за 8-мь, а въ Миргородѣ за 5-ть копѣекъ.

Златополье не что иное, какъ очень не важная полоса земли подъ городомъ. Мы тутъ, продолжая путь свой, остановились: я не знаю, кому оно принадлежитъ. Тутъ выстроены ряды, по наружности своей ни чего не обѣщающіе; въ нихъ торгуютъ Жиды всѣмъ, что только вздумать можно. Вы найдете въ нихъ прекраснѣйшія сукна, казиміръ, бархатъ, дамскіе уборы и старые богатые придворные кафтаны, совсѣмъ сшитые, которые распродали, конечно, съ плеча 18-го вѣка Господа Камергеры, когда увидѣли, что сѣдинъ ихъ и шитые кафтаны уже не красятъ. Нынѣ такое платье обратилось въ театральный костюмъ, и въ немъ увидишь только Украсова въ оперномъ домѣ въ Москвѣ; признаюсь, что я не могъ надивиться той обширной торговлѣ, какую я здѣсь нашелъ, въ разныхъ предметахъ роскоши, почти на чистомъ полѣ. Кому купить, кому продать? однако, все это идетъ своимъ чередомъ, а Жиды еще долго будутъ здѣсь Польскія злотыя притягать въ свои запачканные карманы.

ГЛАВА LIV.

Путь до Звенигородки.

Проѣхавши Златополь, мы впали въ предѣлы Кіевской Губерніи. Ахъ! какая разница со степью! По всѣмъ сторонамъ открылись плѣнительныя зрѣлища плодоносной земли и благосклонной къ мѣстамъ симъ природы: изобильная жатва вездѣ, наметаны огромныя скирды хлѣба. Дорога хуже степной тѣмъ, что гориста, но отъ того-то самаго она кажетъ разныя пріятныя картины; селенія встрѣчаются чаще; во всякомъ изъ нихъ увидишь ручей, чего глаза наши лишены были уже такъ давно. По нѣкоторымъ мѣстамъ сохранились отъ бурь и лѣсныхъ надзирателей дубовыя и кленовыя рощи, но весьма уже рѣдки: дубъ одинъ отъ другого въ большой разлукѣ. При всемъ томъ каждое дерево густотою своею окружаетъ около себя довольно большую тѣнь. Я не примѣтилъ валежника въ прозрачныхъ сихъ лѣснахъ, въ коихъ болѣе площадей, нежели живыхъ деревьевъ; все очень выметено: не валяется ни прутъ, ни кустъ. По такой примѣтѣ можно бы думать, что нуждающійся въ дровахъ обыватель, для тепла своей хижины, бережливо вычищаетъ свою дачу; но видѣлъ же я и сухостою пропасть, который сохраняется, не знаю для чего, а между тѣмъ печалитъ взоръ самаго веселаго странника. Для меня нѣтъ ни чего способнѣе къ возбужденію меланхоліи самой мрачной, какъ видъ сухаго дерева: мертвецъ обнаженный на ногахъ — какая страшная идея для воображенія! Безъ того этѣ рощи могли бы показаться садами.

Вообще можно залюбоваться всѣмъ этѣмъ лоскуткомъ старой Польши, * который имѣетъ разновидныя прелести. Въ селеніяхъ роскошь; Жиды вездѣ торгуютъ и копышатся, какъ пчелы въ ульяхъ; на поляхъ трудники собираютъ дары природы и города ставятъ хлѣба.

---

* По понятіямъ Польскимъ, собственно же это часть исконной Южной Руси, или Украины, Малой Россіи. О. Б.

У самой почти большой дороги, у подошвы небольшой горы, при чистомъ источникѣ, омывающемъ нѣсколько жилъ крестьянскихъ, разсѣянныхъ на зеленой лужайкѣ, увидѣли мы часовню. «Вотъ нѣчто наше, Россійское!» закричалъ я, и мы остановились. Подошелъ къ намъ старецъ съ крестомъ: онъ изъ монастыря, который въ 5-ти верстахъ отсюда во имя Георгія поставленъ. Здѣсь молятся о Митрополитѣ Кіевскомъ, и мы уже приближаемся къ селеніямъ святымъ, гдѣ Провидѣнію угодно было воздвигнуть вѣчные памятники своей славы.

Лошадей мѣняли мы въ Шполѣ. Это мѣсто принадлежитъ, по наслѣдству, послѣ Князя Потемкина. племянницѣ его, Госпожѣ Лопухиной. Село огромное, но ни чего не значущее ни по мѣстоположенію, ни по строенію, а съ перваго взгляда оно обѣщаетъ очень много, по тому, что въѣдешь какъ бы въ заставу городскую: двѣ колонны и рогатки. Лошадей даютъ тутъ прескверныхъ, не смотря на большой перегонъ, и мы съ большимъ трудомъ доѣхали до Звенигородки, гдѣ и остановились ночевать. *

За нѣсколько верстъ отъ нея проѣхали мы сквозь большое имѣніе Потоцкаго, по имени Богачево. ** Здѣсь должно замѣтить, и съ большимъ вниманіемъ, огромные камни, кои природа раскидала по берегамъ умѣренной рѣки. Издали и при упадающемъ свѣтѣ дня они наводятъ ужасъ разнообразіемъ своихъ фигуръ. Нѣтъ! Изъ такихъ каменьевъ не выдолбить того, что въ Одесскихъ каменоломняхъ надѣлать можно. Тотъ снисходительнѣе гораздо этого. Я очень долго дивился на дикіе хребты камней, кои опоясуютъ, кажется, большое пространство здѣшнихъ земель.

---

* Она напоминаетъ намъ городъ Звенигородъ, близъ Кіева, на р. Ветѣ, упоминаемый не разъ въ Исторіи, и другой Звенигородъ, Уѣздный городъ Московской Губерніи, въ 50 верстахъ отъ столицы. Звенигородка теперь Уѣздный городъ, на лѣвомъ берегу рѣки Гнилаго Тикича, впадающаго въ Синюху, съ 21,000 жителей, въ 188 верстахъ отъ Губернскаго города. Въ концѣ прошлаго вѣка Звенигородка была мѣстечкомъ Екатеринославскаго Уѣзда Вознесенскаго Намѣстничества. О. Б.

** Теперь Богачевка. О. Б.

Съ большимъ сожалѣніемъ принужденъ я былъ проскакать подъ городомъ самую пріятную долину, но сумерки не позволили мнѣ мѣшкать въ дорогѣ. Днемъ коляска—прекрасная квартира, но не ночью. Самая худая изба для меня ея лучше. Извѣстно тѣмъ, кто меня читывалъ, что

Я ночью не ѣздокъ, хоть дай почтовыхъ даромъ.

Спустясь съ горы, лежитъ путь между холмами, въ долу, покрытомъ зеленью, какъ эмалью, и усыпанномъ благовонными цвѣтами. Никто ихъ не разсаживалъ: вѣтеръ ихъ сюда занесъ; солнце пригрѣло, выросли и курятъ воздухъ. Отъ долины версты на три пошелъ небольшой дубовый лѣсокъ: тѣнь повсюду вокругъ его разстилается. Уходить сюда въ жаръ—безподобно. Пріятно и вечеркомъ полежать на травѣ, отдохнуть и поблагодарить натуру. Еще я все это придумывалъ и загадывалъ, какъ ужь кони наши подвезли къ Звенигородкѣ. И мы очутились на квартирѣ,—уже темно было.

Звенигородка, Повѣтовый или Уѣздный городъ Кіевской Губерніи, населенъ Жидами и Козаками. Квартиръ хорошихъ нѣтъ, все мазанки, или Жидовскія корчмы: и въ тѣхъ, и въ другихъ нечисто; во всемъ городѣ одинъ только каменный домъ, занимаемый Присутственными Мѣстами, можетъ быть названъ зданіемъ. За недостаткомъ жилъ удобныхъ, Городничій принужденъ былъ пустить насъ къ себѣ, и изрядно потѣшилъ: безъ театра комедія! Этотъ добрый, заслуженный Офицеръ, молодецъ на штурмѣ, станется; но въ гражданскомъ состояніи, увы! Мы почти насильно къ нему въѣхали и заняли одну только комнату. На бѣду нашу Господинъ Маіоръ, лѣтъ до 60-ти доживщій, судя по лицу, за три передъ симъ мѣсяца, разсудилъ жениться, и тѣмъ сдѣлалъ домъ свой еще тѣснѣе для услугъ гостямъ.

Поелику мы не прямо еще ѣхали въ Кіевъ, а хотѣлось взглянуть на славную въ томъ краю Софіевку, садъ Графа Потоцкаго, куда, по слухамъ, дорога сворачивала отсюда въ сторону, то мы и просили нашего Городничаго наставить насъ, какъ держать путь въ Умань, той же Губерніи и такой же Уѣздный городъ, какъ и здѣш-

ній; но онъ, какъ человѣкъ не романическій, до диковинокъ природы не охотникъ, и не умѣлъ намъ дать совѣта. Мы послали спросить у Почтоваго Смотрителя, и тотъ ни чего не знаетъ, и кабы насъ, просто сказать по Русски, не надоумилъ одинъ добрый обыватель, то бы мы толку не нашли, а, кажется, рѣчь шла не о Китаѣ. Смѣшно было видѣть, какъ они, всѣ трое, заспорили между собою: одинъ шлетъ на сѣверъ, другой на югъ, третій ни туда, ни сюда; наконецъ перебранились и ушли. Я давно такъ не хохоталъ.

Вспыльчивый нашъ хозяинъ, отдохнувши на постелѣ, зашелъ къ намъ опять, чтобъ снова разсердиться, но уже не на Экспедитора, а на всѣхъ насъ. Между рѣдкостями, какими онъ въ домѣ своемъ хвасталъ, показывалъ намъ Г. Маіоръ картину, висящую у него надъ дверьми. Она представляла страннаго виду урода каріатиду, пронзенную отвсюду стрѣлами и въ безобразномъ положеніи. На спросъ: «Что это такое?» Отвѣтъ, что въ «прошедшую Прусскую войну было такое явленіе на небѣ,» и онъ называлъ эту малевку оказіей. Подлинно оказія и онъ и картина. Ему подарилъ какой-то пріятель и сослуживецъ, и онъ чтитъ ее гораздо больше, нежели Жиды свой Декалогъ. Мы всѣ хохотали; и какъ иначе? Онъ разсердился, надвинулъ усы, раза два харкнулъ и ушелъ. У него же мы поучились бить гвоздемъ въ кольцо; это упражненіе въ его гостиной; кольцо воткнуто въ стѣну, а гвоздь на ниткѣ: искуство въ томъ, что, раскачавши гвоздь, отступя нѣсколько шаговъ отъ стѣны, попасть мѣтко въ кольцо и не дать промаху. «Забава не простая и очень увеселительное времяпровожденіе,» сказалъ я ему, какъ онъ сталъ мнѣ свое мастерство показывать и смѣялся надъ моей неудачей. «Тото же!» возразилъ онъ, улыбнувшись, и ретировался во внутренній свой чуланъ: много еще проказниковъ на свѣтѣ! Вы можете вообразить, какія въ этой головѣ соображенія, умозрѣнія, системы, планы, идеалы и пр. Кто имѣетъ теоретическое только понятіе о дурачествѣ, тотъ можетъ пріѣхать въ Звенигородку разсмотрѣть его на практикѣ.

ГЛАВА LV.

Дорога до Умани.

Отъ Звенигородки до Умани 78 верстъ, но хуже ста въ другомъ мѣстѣ;—добрый день ѣзды по тому, что дорога боковая, а не широка; горъ множество, особливо въ послѣдней станціи; лошади обывательскія самыя тощія и на силу насъ довезли. Къ тому же повсюду за ними остановки. Мы выѣхали въ 8 часовъ утра, а пріѣхали въ 10-ть, и очень уже было темно.

Но для глазъ по пути пріятнаго много: горы вездѣ рисуютъ ландшафты; селенія очень часты: въ нихъ костелы и церкви издали видны; травы и хлѣбы вездѣ прекрасные: сладкая надежда для обывателя и приманчивая картина для путешественника! На поляхъ жнутъ и поютъ, а на перекресткахъ Жидовскія корчмы, въ которыхъ запахъ горѣлки привлекаетъ проѣзжихъ и прохожихъ: тутъ всегда людно.

Мы обѣдали въ селеніи, по названію Талня; въ ней бѣжитъ рѣчка Якичъ *—мѣсто прекрасное. По берегу ея тянется хребетъ каменныхъ высокихъ горъ и такія индѣ видны скалы, которыя ужаснѣе гораздо самыхъ береговъ Чернаго моря. Источникъ нешироко и перерѣзанъ частыми островками; за каменной его оградой лѣсокъ убираетъ вдали этотъ пріятной рисунокъ природы. Мы здѣсь съ часъ помѣшкали на почтовомъ дворѣ и безпрестанно то въ ту, то въ другую, сторону на мѣстоположеніе глядѣли.

Не меньше пріятно было взглянуть среди полей, украшенныхъ безчисленными копнами, на полосу земли, засѣянную гречей. Она, какъ лента, на полверсты протянута. Греча тогда была въ самомъ сильномъ цвѣтѣ, и ее проросли какіе-то еще другіе желтые цвѣты: соединеніе сихъ двухъ красокъ такой производило къ солнцу прекрасный отливъ, что я, имѣвъ привычку въ

---

* Горный Тикичъ? О. Б.

коляскѣ читать и рѣдко отрываясь отъ книги, тутъ, не смотря на самое занимательное сочиненіе, закрылъ книгу, велѣлъ ѣхать шагомъ и все глядѣлъ на двуличневую гречу. Ни какой живописецъ, конечно, не подобралъ бы искусною кистію на холстѣ столь живыхъ тѣней, ни самъ Рафаель, хотя онъ для живописи былъ то, что Богъ для естества.

Подъ самой Уманью прекрасная роща. Остановитесь тутъ погулять, естьли вы рано пріѣдете, а мы торопились на квартиру: вечеръ стращалъ своей темнотой. Что ближе къ Умани, то горы круче и чаще, лошади наши утомились и насилу везли. Облака спрятали мѣсяцъ, зги не видать: поскорѣй хотѣлось вонъ изъ коляски въ комнату и напиться чаю въ комнатѣ; повозки отъ насъ всѣ отстали: ни поварни съ нами, ни постели; все надобно было брать чужое. Пріѣхавши въ Умань, мы заняли квартиру у богатаго и семьянистаго Жида. Онъ снабдилъ насъ своими постелями; отъужинавши очень дурно, мы на нихъ повалились, и ночь провели безпокойно. На разсвѣтѣ собрались наши люди и повозки.

Къ умноженію досады съѣхался здѣсь со мной человѣкъ, котораго оставлялъ я въ Николаевѣ для доставленія мнѣ писемъ изъ дому; но онъ, доставя мнѣ разныя извѣстія тамошняго края, по отъѣздѣ моемъ оттуда дощедшія, ни строчки не привезъ отъ родныхъ и друзей. Какъ я разсердился! Топалъ ногами, бѣгалъ по широкимъ комнатамъ стараго Еврея, который думалъ, что я въ бѣлой горячкѣ; но что ни дѣлай, писемъ нѣтъ. Ахъ! Сколько бываетъ неудачъ на нашей пакостной планетѣ. Признаюсь, что этотъ день былъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ въ нашемъ путешествіи. «Увидимъ, увидимъ,» ворчалъ я про себя, «что за прелести такія необыкновенныя въ хваленомъ саду Потоцкаго, и стоятъ ли они такихъ сильныхъ безпокойствъ, какія для него мы терпимъ.» Скоро увидя Софіевку, согласился, что подлинно для такого зрѣлища много труда перенести возможно, и пакостная планета обратилась въ прекраснѣйшій міръ во всемъ твореньи. Это стоитъ Іониной тыквы.

ГЛАВА XVI.

Уманъ и разные въ ней предметы.

Уманъ есть Повѣтовый городъ Кіевской Губерніи, и какъ онъ, такъ и весь его Уѣздъ, составленъ изъ имѣнія Потоцкаго, и до нынѣ ему принадлежитъ. Казна имѣетъ здѣсь своего Полиціймейстера и Уѣздный Судъ. Городъ сидитъ на горѣ, но не хорошъ: строеніе тѣсно и безъ правильности, а вкуса и совсѣмъ нѣтъ. Каменныхъ зданій важныхъ не найдете, по большой части все Жидовскія корчмы. Наша квартира была изъ лучшихъ въ цѣломъ городѣ.

Среди большой улицы выстроенъ каменный тюремный домъ по обѣ стороны и связанъ двумя колоннами со сводомъ, кои издали кажутъ видъ торжественныхъ воротъ; но какъ удивишься, когда, подойдя къ нимъ, услышишь жалостный стонъ колодничій. Я не думаю, чтобъ это было хорошо, во первыхъ, по тому, что заключенные въ тѣсномъ сообщеніи съ народомъ и проходящими, а во вторыхъ, и для того, что имъ на воздухъ выйти некуда: они окружены строеніемъ и улицами.

При насъ тутъ стоялъ Гусарской полкъ и содержалъ караулъ въ городѣ: прекрасные люди, одѣты щегольски, мастера своего дѣла. Каждое утро разводъ съ музыкой; каждый вечеръ заря отправляется съ музыкой; а народъ, какъ и вездѣ, около гауптвахты толпится, слушаетъ и дивуется.

Церковь Россійская бѣдна, но велика; иконостасъ въ ней круглый на столбахъ и съ куполомъ. Храмъ строенъ еще во время Польскаго владѣнія Потоцкимъ, и въ немъ стоятъ портреты его и женщинъ. Священникъ старъ, и 30 уже лѣтъ поетъ тутъ своему Господу. Онъ съ большимъ тщеславіемъ хвалился мнѣ тѣмъ, что приводилъ въ этой церкви къ присягѣ Князя Прозоровскаго на чинъ Фельдмаршала. Рядомъ съ большимъ или главнымъ престоломъ, на поворотѣ въ другую сторону, и по нашему совсѣмъ не на востокъ, поставленъ тутъ же подвижный храмъ полковый, въ которомъ иногда для полку поется и обѣдня. Духовные люди пусть разсудятъ, прилично ли такое несходство съ

правилами. Для меня собственно, когда дѣло идетъ о призываніи Бога, Востокъ и Западъ, Югъ и Сѣверъ, все равно. Лучшій домъ молитвы предъ Вышнимъ есть сердце праведнаго.

Я ходилъ въ костелъ и слушалъ тутъ Уніятскую обѣдню: мнѣ очень пріятно было видѣть образъ ея отправленія. Смѣсь Католицкаго съ нашимъ. Двѣ важныя разницы, кои я нашелъ противъ нашей обѣдни, состоятъ въ томъ, что поминаютъ Папу на ектеніяхъ и на выносѣ даровъ, и въ Символѣ Вѣры исповѣдуютъ происхожденіе Духа Святаго не по Гречески. Впрочемъ, существо литургіи тоже, но образъ совсѣмъ различенъ. Подобно Католикамъ, Уніяты не имѣютъ иконостаса и трехъ вратъ, къ нему принадлежащихъ. Престолъ ихъ наружи; Священникъ служитъ предъ нимъ, открытъ отвсюду; выходитъ изъ особой комнаты боковой въ полномъ облаченіи, какъ наши Іереи, выноситъ утвари церковныя, ставитъ ихъ на престолъ и начинается обѣдня; ектеньи всѣ читаются и крылосы поютъ по Русски. Причетъ тутошній похвастаться хотѣлъ пѣвчими. Они отправляли при мнѣ службу и многое довольно хорошо пѣли по нотѣ; одѣты всѣ 6 человѣкъ въ стихаряхъ бѣлыхъ.

Во время отправленія сей службы предъ главнымъ престоломъ въ слухъ, вышелъ другой Священникъ изъ другой комнатки со всѣми церковными принадлежностями и въ облаченіи, уставилъ ихъ на особомъ престолѣ въ боковой стѣнѣ и въ одно и то же время съ первымъ отправлялъ свою обѣдню, но все читалъ про себя. Самая молчаливая и сокровенная молитва! Странно было весьма слышать и видѣть этѣ двѣ обѣдни въ одно время и въ томъ же храмѣ, особливо на нашемъ природномъ языкѣ. Естьли дозволено о вкусахъ разсуждать и въ этомъ предметѣ, то признаюсь, что мнѣ Уніятскіе обряды не показались. Скажемъ просто: ни то, ни се — немножко нашего, немножко Папскаго. Согласимся, что все можетъ имѣть двоякой видъ въ свѣтѣ, и даже въ самой природѣ, кромѣ Вѣры, которая вездѣ, всегда, для всѣхъ одна, и обряды ея должны въ сложеніи своемъ быть началу сему совершенно подобны, т. е., одно и тоже вездѣ.*

* Извѣстно, что Уніяты первоначально отличались отъ Православныхъ только од-

Костелъ весь вообще огромное строеніе; въ немъ нѣсколько престоловъ по сторонамъ, кромѣ главнаго въ срединѣ. Отвсюду зданія внутри убраны колоннадой: это даетъ храму видъ великолѣпный. При этомъ домѣ учреждена и школа: строеніе большое, уважительное. Здѣсь преподаютъ науки, Философію и Богословію. По случаю вакаціи въ настоящее время, мы никого не видали изъ учащихся. Замѣтьте, что почти вездѣ, при всѣхъ отличныхъ костелахъ или Католическихъ и Уніятскихъ храмахъ, заведены училища: отъ этого величайшая происходитъ польза для духовенства и прихожанъ; первое не терпитъ уныній и скуки, обыкновеннаго плода праздности; ибо всякой болѣе или менѣе занятъ и не имѣетъ времяни удовлетворять подлымъ страстямъ низкаго человѣка; а послѣдніе, приходя въ церковь слушать поучія, не все выпускаютъ въ другое ухо, что въ одно приходитъ. Общая выгода!

ГЛАВА LVII.

О Жидахъ вообще, ихъ промыслѣ и Богослуженіи.

Городъ наполненъ Жидами; много и Хохловъ. Русскаго и Поляка мало примѣтишь. При насъ былъ въ Умани торговый день, и народу собралось пропасть; я цѣлое утро шатался въ рядахъ. Торговля обширная, и все найдете, что вамъ угодно. Товары привозятся прямо изъ чужихъ краевъ; о цѣнѣ ихъ нечего и говорить: все отмѣнно дорого. Сверхъ того, безъ большой потери трудно за что ни будь платить бумажками. Лучшая монета здѣсь червонныя; ихъ много, и они очень ходки; потомъ серебро, и чѣмъ старѣе, тѣмъ выгоднѣе. Жиды въ лавкахъ обступятъ проѣзжаго, какъ мухи, и, не купя чего отъ нихъ, не отобьешься: я самъ это

имѣ признаніемъ главенства Папы надъ собою въ дѣлахъ духовныхъ, но въ послѣдствіи, мало по малу, Езуиты и ихъ воспитанники стали привносить много изъ Католическаго въ Православное Богослуженіе, и тѣмъ показали, что Унія есть для приготовляющихъ ее просто ступенькой къ Католичеству. О. Е.

цепылалъ: одинъ ухватился за фалду, другой держитъ за другую; всякой хочетъ заманить къ себѣ въ лавку и, подъ благовиднымъ словомъ продажи, ищетъ обмануть.

Я въ лавкѣ своего хозяина купилъ сукна на фракъ, и не успѣлъ выйти изъ гостинаго ряду, какъ человѣкъ 5 портныхъ Жидовъ меня окружили; и всякому хотѣлось меня одѣть. Пока я договаривался съ однимъ, остальные съ мѣрками своими около меня прыгали и требовали преимущества; наконецъ снялъ ее одинъ, и въ тотъ же вечеръ принесъ мнѣ фракъ совсѣмъ готовый. «Ну! что за работу (прикладъ его)?»—«Три червонныхъ.» По тамошней цѣнѣ это составляло 27 рублей. Бѣшеная ряда! Но дѣлать нечего; надобно было заплатить. Пошумѣлъ я напередъ немножко, и Жидъ, чтобъ смягчить мою досаду и уловить меня другимъ образомъ, повинился мнѣ коротко и ясно, что онъ взялъ лишняго половину: «Но съ кого же, прибавилъ, мнѣ и взять? Свой братъ не даетъ. Вы путешествуете по доброй волѣ, тратите деньги на то и на другое: для чего же не кинуть лишній пѣнязь и въ мою кису? Вѣдь и все, что вы расточаете дорогой, лишнее: сидя дома, ни кто бы съ васъ ни чего не взялъ.» — «Резонъ! Спасибо, Жидъ, за правду; по крайней мѣрѣ ты не льстивъ, и вотъ тебѣ за то твои червонныя!»

Около рядовъ мѣняловъ пропасть, и вы на многихъ столахъ увидите кучи огромныя серебра и мѣди. Здѣсь-то, я думаю, они черезъ разные обороты и плавятся и выбѣгаютъ за границу. Жиды—великіе мастера повертывать деньги, и въ ихъ рукахъ червонной прытко вальсируетъ.

Между ими есть особые услужники, кои называются факторы. Совѣтую ихъ остерегаться: это, по Русски сказать, сводчикъ; онъ вамъ достанетъ все, что вамъ нужно и не нужно; чтобы вамъ на мысль ни пришло, одно слово фактору,—и готово. Онъ вамъ натаскаетъ хлѣба, вина, мяса, пригонитъ четверню и цугъ лошадей въ коляску, или карету, отнесетъ письма, исправитъ комиссію, заманитъ рядовича съ товаромъ, размѣняетъ деньги; словомъ, для фактора нѣтъ не возможнаго, но ужь не плачьте, какъ дѣло дойдетъ съ нимъ до счету. Ни какой аптекарь вамъ

такого не подастъ, и мой портной противъ этого—бездѣлка. Мало того, что онъ за все съ васъ возметъ двойную цѣну и прибавитъ къ тому плату себѣ за труды, онъ еще на каждый рубль бумажный возметъ лажъ, приводя его въ равную цѣну съ мѣднымъ рублемъ; да, разочтясь съ вами, еще возметъ и съ того, у кого забиралъ для васъ припасы, или товары, за то только, что онъ у него, а не у другого, для васъ ихъ бралъ. О! факторы—люди отмѣнной чести и доброты души, а при всемъ томъ и голы и босы. Естьли увидите Жида въ отрепьяхъ, не спрашивайте, кто такой—факторъ!

Едва успѣли мы попасть въ Умань, какъ къ намъ набѣжало ихъ нѣсколько, и я принужденъ былъ на угадъ ввѣриться изъ нихъ любому. Поживши дни съ три, благочестивый мой Еврей подалъ мнѣ свой счетъ, самое трогательное сочиненіе для всякаго Православнаго кармана; я сокрушенно воздохнулъ, оросилъ итогъ чувствительными слезами и расплатился, съ намѣреніемъ крѣпкимъ бѣгать впередъ отъ фактора, какъ отъ піявки: одна лишаетъ крови естественной, а тотъ высосетъ всю сущность живота.

И здѣсь я былъ въ ихъ Синагогѣ. При мнѣ случилось обрѣзаніе—отвратительной обрядъ Ветхозаконной Церкви. Младенца внесутъ въ предверіе ихъ сборища: оно уже наполнено Жидами. Ближній къ дверямъ беретъ его у бабки, а прочіе всѣ по очереди принимаютъ его одинъ отъ другого, и такъ передаютъ въ пеленкахъ до Раввина, который въ клѣткѣ, сидя подъ столярнымъ зонтомъ, нажидаетъ его съ ланцетомъ. Принявъ его, кладетъ на колѣни, возводитъ глаза горѣ, кричитъ какъ бѣсноватый, и всѣ Жиды за нимъ: ребенокъ испуганъ, пищитъ; операція скора: все кончено въ минуту; младенецъ обрѣзанъ; среди шуму и крику вопль его не слышанъ. Раввинъ потомъ подноситъ его къ табернаклу, гдѣ Декалогъ у нихъ хранится, нарицаетъ ему имя и, надъ стаканомъ пива прокричавъ еще нѣсколько стиховъ, омываетъ имъ уста младенца и отдаетъ его принесшей женщинѣ; тѣмъ все и оканчивается. Сколько я любопытствовалъ это видѣть, столько потомъ унесъ съ собою изъ храмины ихъ непріятныхъ впечатлѣній. Врачи говорятъ, будто въ горячихъ климатахъ обрѣзаніе

необходимо, для сохраненія мужескаго пола отъ разныхъ болѣзней. Я этого не знаю, но только знаю то, что это очень не миловидно. Я спрашивалъ ученыхъ Жидовъ, для чего всѣ они берутъ младенца и на перерывъ его изъ рукъ въ руки передаютъ. «Мы это дѣлаемъ, отвѣчали они мнѣ, въ увѣренности такой, что чѣмъ болѣе людей занимается въ это время младенцемъ, тѣмъ для него будто бы спасительнѣе; равно и тотъ для души своей получаетъ пользу, кто услугой своей способствуетъ сему дѣйствію.» Вотъ какъ всякой самъ себѣ сочиняетъ законъ и Вѣру!

Въ тотъ самый день, когда происходила у нихъ эта церемонія, Жиды постились и воспоминали разореніе храма во Іерусалимѣ. Этотъ постъ называется у нихъ констернація Іерусалимская и продолжается весь день: они не должны ѣсть до заката солнечнаго и не обуваются, сходятся въ Синагогу и по обыкновенію въ лохмотьяхъ: такъ имъ велитъ ихъ заповѣдь; тутъ они тужатъ о своемъ храмѣ, сѣтуютъ, поютъ жалобнымъ напѣвомъ «Плачь Іереміи,» и этотъ превосходный псаломъ, вдохновенный Царю Давыду любовью къ родинѣ: «На рѣкахъ Вавилонскихъ» оканчиваетъ ихъ унылое Богослуженіе. Нигдѣ такъ сильно не выражено чувство любви къ отечеству, какъ въ этомъ прекрасномъ стихѣ: «Аще забуду тебе, Іерусалиме.» Сколь ни омерзительно настоящее положеніе Жидовъ, ихъ обряды, службы и сходбища, я не могъ, однако, не тронуться, видя кучку людей, сошедшихся оплакивать свое отечество, свою церковь, свою землю, гонимую повсюду, посвященную гнѣвомъ Божіимъ, не имущую ни алтаря, ни кадила, ни всесожженія. Въ эту трогательную минуту я забывалъ всѣ предубѣжденія разсудка и, по внушенію сердца одного, глядѣлъ на послѣдняго Жида, какъ на брата своего по человѣчеству.

ГЛАВА LVIII.

О семействѣ нашего хозяина.

Послѣ описанія не весьма обольстительнаго, которое я сдѣлалъ Жидамъ вообще, справедливость требуетъ, чтобъ я ознакомилъ нѣсколько читателя съ моимъ хозяиномъ. Мы квартировали въ Умани, въ домѣ богатаго Еврея, имѣющаго знатный торгъ во всей Кіевской Губерніи, по имени Гуровича. Онъ имѣлъ сына 24 лѣтъ, съ которымъ я проводилъ вечера въ самой пріятной бесѣдѣ. Онъ никуда, кромѣ Лейпцига, не ѣзжалъ, и нигдѣ не былъ, воспитался дома, но, какъ видно, съ большимъ тщаніемъ: очень хорошо знаетъ по Нѣмецки, по Французски и по Русски, а еще лучше на каждомъ изъ сихъ языковъ пишетъ, нежели говоритъ. Упражняясь съ охотой и даже съ жаромъ въ Словесности, онъ перевелъ на Еврейскій языкъ Французское сочиненіе подъ именемъ:—«La découverte de l' Amerique.» Образъ мыслей его гораздо выше его сферы: онъ разсуждаетъ о вещахъ здраво, понятія остраго и въ разговорахъ со мною о разныхъ нравственныхъ предметахъ удивилъ меня качествомъ своего сердца. Этотъ молодой человѣкъ очень занимателенъ. Онъ сидитъ въ лавкѣ у своего отца, торгуетъ, ѣздитъ за товаромъ иногда въ Прусскія области, и сѣтуетъ только о разныхъ глупыхъ обычаяхъ своей собратіи, отъ которой онъ отличается умомъ, поведеніемъ, благопристойностью и чистотой. Чтобъ лучше еще дать объ немъ понятіе, я передамъ публикѣ здѣсь одинъ разговоръ мой съ нимъ, который, по рѣзкимъ чертамъ его характера, тогда же записалъ въ свою книжку; онъ со мной говорилъ всегда по Французски. Вотъ переводъ нашей бесѣды:

«Чего недостаетъ къ вашему счастію?»

—«Я бы желалъ, чтобъ намъ запретили прежде всего носить наше шутовское платье, по тому что оно кладетъ на насъ печать безчестія и срамоты. Кто презрѣнъ, тотъ теряетъ духъ, теряетъ уваженіе къ самому себѣ и вдается въ слабость: вотъ отъ чего нашъ народъ нынѣ такъ сраменъ, глупъ и невѣжественъ. Всякой, кто

меня увидитъ въ моей скуфьѣ, указываетъ пальцемъ и говоритъ: «Это Жидъ!» а я слишкомъ человѣкъ, чтобъ плюнуть на этотъ не справедливый позоръ, который всегда запираетъ мнѣ входъ и отчуждаетъ меня отъ свѣта.»

«Для чего же вы не перемѣните вашей одежды?»

—«Когда бы на это послѣдовалъ Указъ: о! ни кто скорѣй бы меня его не исполнилъ; но самъ собою не смѣю, не могу.»

«Да для чего?»

—«У меня мать старуха и суевѣрна: перемѣня платье, я бы ее огорчилъ, а я лучше вынесу уничиженіе ста Христіянъ правовѣрныхъ, нежели допущу мать свою отъ меня уронить одну слезу.»

О! какое превосходное чувство! Скажи мнѣ, читатель-философъ, а я тебя спрошу на ушко, много ли нашей братьи Православныхъ такъ чувствуютъ и разсуждаютъ? Я забылъ въ ту минуту, что онъ Жидъ, вскочилъ ему на шею и расцѣловалъ его.

«Любите ли вы чтеніе?»

—«Очень! Я читалъ неоднократно вашъ Новый Завѣтъ. У меня онъ есть, и я хочу его перевесть на Еврейскій языкъ. За то вся моя братья почитаетъ меня атеистомъ, или еретикомъ.»

«Какъ вы не боитесь читать Евангелистовъ?»

—«А что жъ такое! Развѣ это запрещенная переписка? (очень остро!) Рано, или поздно, насъ надобно насильно осчастливить. Мораль Евангельская превосходнѣе всего въ нравственномъ мірѣ. Я хочу съ ней ознакомить моихъ соотчичей, хочу, чтобъ они ее читали. Мы властны вѣрить, или нѣтъ, Евангелію, но вкушать изящное всегда пріятно. Пора сжечь нашъ Талмудъ, который не что иное, какъ книга, наполненная дурачествъ, обезобразившая совсѣмъ истинный законъ Моисеевъ. Пусть намъ оставятъ одни его книги въ неприкосновенномъ ихъ видѣ: его правила суть наилучшія для насъ.»

«Нравятся ли вамъ Христіяне?»

—«Безъ нихъ намъ обойтись нельзя. Мы погибли бы въ Палестинѣ, естьли бы насъ туда услали. Когда у насъ празднуютъ шабашъ, мы не смѣемъ даже пожара домашняго потушить безъ пособія Христіянскаго: намъ ни за что не велятъ тогда приниматься, и въ этой глупой нѣгѣ мы бы въ несчастную минуту въ гробъ вселились.»

«За то у васъ въ этѣ дни гораздо свѣтлѣе!»

«Напротивъ: мы зажжемъ пропасть свѣчъ, это правда; а у васъ одна, или двѣ; но наши нагораютъ, мы ихъ не смѣемъ снять, и отъ того вѣчная темнота въ шабашѣ у Жида. Для чего не уничтожить всѣхъ этѣхъ глупостей? Народъ Еврейскій не посмѣетъ тому воспротивиться; а естьли кто изъ невѣждъ и покусился бы на то, пусть его ѣдетъ, куда знаетъ; какая польза отъ шалуновъ? Всѣ дурачества, какъ цѣпь, связываются между собою звеньями. Сорвите первое кольцо, подъ которымъ разумѣю Талмудъ, всѣ прочіе вздоры разсыплются сами собою, и этѣмъ только способомъ прервутся всѣ узы нашихъ глупыхъ предубѣжденій, отъ которыхъ мы столько бѣдствуемъ въ свѣтѣ. Когда отъ насъ приглашали депутатовъ, для участія въ образованіи нашего народа, старики послали глупцовъ, которые ни за что болѣе не стояли, какъ за свою одежду, и снисходительное Правительство насъ оставило въ этомъ поганомъ нашемъ рубищѣ.»

Вотъ каковъ былъ сынъ Жида, нашего хозяина. Онъ много читалъ, обогатилъ память свою разными историческими произшествіями, и умѣетъ въ разговорѣ приложить познаніе свое къ стати, никогда не забывается, всегда скроменъ, вѣжливъ, не уступчивъ, когда торгуется, и счета не теряетъ. Я рѣдко видалъ подъ Еврейскимъ саваномъ такого воспитаннаго человѣка. Жаль, что суевѣріе его ближнихъ препятствуетъ ему открыть себѣ дорогу къ лучшему состоянію! Онъ горячо любитъ свой народъ, жарко защищаетъ его выгоды и, кажется, готовъ жизни лишиться, чтобъ только возспособствовать благоденствію своей собратіи.

И такъ мы дни съ три провели въ Умани очень пріятно: утромъ шатались въ рядахъ и мотали, днемъ ѣзжали гулять въ Софіевку, а по вечерамъ, воротясь домой, толковали съ нашимъ молодымъ хозяиномъ. Хвала и честь родителямъ его, что они такъ пеклись объ его воспитаніи! Можетъ быть, далеко доведенное понятіе о сравнительномъ добрѣ прочихъ народовъ съ его племенемъ приготовитъ ему многія злоключенія въ свѣтѣ; ибо не всѣ еще его сотоварищи могутъ вмѣстить истинное просвѣщеніе и не расположены къ оному; но лучше, я такъ думаю, по крайней мѣрѣ, кончить вѣкъ непрочный, но пережить его въ наслажденіяхъ любомудрія и чувствительности, нежели очень глубоко состарѣться и умереть, не вкусивъ прямыхъ отрадъ ума и сердца въ жизни.

Естьли ты поѣдешь, читатель, въ Умань, смотрѣть на торжество натуры, въ Софіевку, то заверни поговорить съ Гуровичемъ, и вѣрно имъ будешь доволенъ.

ГЛАВА LIX.

Предисловіе къ описанію Софіевки.

Кто читалъ «Вѣстникъ Европы,» тотъ, конечно, кинулъ взоръ и на описаніе этого мѣста: оно помѣщено въ № 6-мъ. * Здѣсь, въ слѣдъ за симъ повторится. Кто не видалъ Софіевки, тотъ еще не имѣетъ полнаго понятія о томъ, что можетъ искуство на природу. Камня, вода—вотъ здѣсь все ея сокровище. Потоцкій купилъ эту усадьбу у своего вассала и, какъ слышалъ я, только за 300 руб. серебромъ; но оцѣнить, чего она стоила въ отдѣлкѣ, ни какой бухгалтеръ не будетъ въ состояніи. Онъ самъ, сказываютъ, никогда не сматривалъ своихъ счетовъ и не любилъ, чтобъ спрашивали его, чего ему стоитъ Софіевка.

---

* 1811 года, стр. 123, въ переводѣ съ Французскаго Поспѣлова. Подъ описаніемъ выставлена подпись: «К. И. М. Д—ій (Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій.» О. Б.

Милліоны сыпалися на камни безъ расчету,
И въ ужасахъ скалы воздвигнуть храмъ Эроту.

Жалѣлъ я о томъ, что многихъ надписей Польскихъ на усыпанныхъ по саду памятникахъ не понималъ.

Эта прогулка въ двухъ верстахъ отъ Умани. Странно, что вельможа ни чего не успѣлъ для жилища построить: негдѣ пріютиться, а жить подавно нѣтъ средства. И такъ одинъ садъ, и не весьма пространный, не подаетъ издали ни какой надежды, чтобъ въ немъ была какая ни будь прелесть. Войдешь,—и не вышелъ бы вѣчно: все прекрасно, превосходно, божественно. Вездѣ видѣнъ геній вкуса. О! что можетъ быть равно во вселенной съ Софіевкой? Одинъ Едемъ, естьли онъ есть и на небѣ.

Не знаю, всѣмъ ли ее кажутъ во всей ея красотѣ и пышности. Предупредить надобно, что этотъ садъ не имѣетъ и половины своихъ прикрасъ, когда воды не шумятъ. При насъ всѣ фонтаны брызнули, каскады зашумѣли, смирные ручьи потекли, и всякая капля воды заиграла. Мы симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ обязаны были благосклонному письму Цесарскаго Консула, проживающаго въ Одессѣ. Онъ, по знакомству съ Графомъ Сенъ-При, далъ намъ открытую рекомендацію къ надзирателю садовъ Графа Потоцкаго, котораго хотя мы тутъ и не застали, но старшій подъ нимъ всѣ чудеса Софіевки намъ показалъ, и садовникъ съ отличнымъ снисхожденіемъ подчивалъ насъ плодами.

Оранжереи съ садомъ сравниться не могутъ: онѣ не велики и не богаты плодами и деревьями, совсѣмъ не отвѣчаютъ дикимъ каменьямъ, изъ коихъ каждый дороже въ обдѣлкѣ многихъ алмазовъ. Оранжерей такихъ, какъ въ Умани у Потоцкаго, много въ Россіи; Софійки другой нѣтъ въ мірѣ; она стоитъ этой пословицы:

Кто хочетъ видѣть рай,
Въ Софійку поѣзжай.

Въ одну изъ моихъ тутъ прогулокъ, сидя противъ большой каскады, подъ навѣсомъ обширнаго камня, на лавочкѣ, занялся

я чтеніемъ домашнихъ писемъ, которыя, садясь въ коляску, въ городѣ получилъ. Я въ нихъ углубился и забылъ на минуту развернутую предо мной картину. Что милѣе свычки? Родные мои, дѣти, друзья, скучали о моей съ ними разлукѣ. О! естьли бъ вы видѣли, милые обыватели моего сердца, гдѣ я, что вижу, чѣмъ наслаждаюсь: какъ бы (восклицалъ я къ нимъ мысленно) потужили вы, что васъ здѣсь нѣтъ со мной! Вы воображаете меня въ дорожныхъ безпокойствахъ, въ пыли, въ усталости несносной. Какая разница! Я живу въ прекраснѣйшей природѣ, вкушаю дары Творца непостижимаго въ дѣлѣ рукъ своихъ; вижу торжество естества и любуюсь чѣмъ ни будь на каждомъ шагѣ; повѣрьте, что жить для васъ и съ вами есть одно счастіе, съ которымъ Софіевка теряетъ равновѣсіе. Впрочемъ, чему не предпочту сихъ селеній райскихъ?

Описаніе Софіевки слѣдуетъ за симъ на обоихъ языкахъ; я имъ занимался въ деревнѣ, у сестры моей, на свободѣ, писалъ его по Французски, а напечаталъ переводъ его; я имъ доволенъ, но отнюдь не смѣю хвалиться живописью словесной: отдадимъ эту кисть ея Творцу на нашемъ языкѣ.

О рай земной! дерзну ль твои красы писать?
Державинъ пусть придетъ здѣсь списокъ съ неба снять.

SOPHEIKA.

Si vous voulez vous faire une juste idée de ce qu'on nomme vulgairement jardin d'Eden, champs Elysées, paradis; venez à Sopheika et admirez y un génie Créateur. Là, la nature et l'art ont confondu tous leurs moyens pour produire un chef d'oeuvre éclatant. Quelle belle harmonie dans l'ensemble miraculeux de leurs combinaisons! Riche d'une simplicité majestueuse, ce local efface tout souvenir d'Armide et de Babylone; rien n'est à comparer à ce qu'on y voit; tout séduit et tout enchante. Ne croyez pas, que ce soit un beau idéal ou romanesque, dont je veuille vous offrir la peinture; bien au contraire! c'est un de ces heureux résultats de l'industrie humaine, lesquels n'ont pas toujours réussi même à la providence, qui lorsqu'elle a travaillé toute seule s'est plu à négliger les attraits du luxe, et de la somptuosité.

Figurez-vous d'abord une chaîne de montagnes appuyée et soutenue par des rocs immenses, un tas de pierres accumulées sans ordre l'une sur l'autre, depuis la création du monde, et dont la moindre n'a pu être ni taillée ni dérangée sans le secours de la poudre à canon. Celle-ci comme vous savez, quand un habile ingénieur s'en sert, feroit sauter jusqu'au crâne de l'Olympe. Quelques sources, qui filtrent leurs eaux fraîches dans la cavité de ces mêmes rochers, qui les distillent; une centaine d'arbres isolés ça et là et que rien n'abrite contre le souffle du Nord. Tels sont ici les dons du ciel sur un terrain de trois à quatre verstes en diamètre. L'art toujours émule de la nature, jaloux de la surpasser, se mit en frais pour embellir ces horreurs; mais il lui falloit de l'or; sans lui tout périt dans la planète terraquée des hommes.

СОФІЕВКА.

Естьли вы хотите получить справедливое понятіе о томъ, что обыкновенно называютъ полями Елисейскими, земнымъ раемъ, придите въ Софіевку, и подивитесь въ ней генію Творческому. Тамъ природа и искуство, соединя всѣ силы свои, произвели превосходнѣйшее твореніе. Какое стройное согласіе въ чудномъ сліяніи ихъ взаимныхъ работъ! Величественная своею простотою Софіевка приводитъ въ забвеніе сады Армиды и Вавилонскіе; ни что не можетъ сравниться съ тѣмъ, что здѣсь видишь; все плѣняетъ и приводитъ въ восторгъ. Не думайте, однако жь, чтобы я хотѣлъ представить вамъ красоту вымышленную! Садъ сей есть одно изъ счастливыхъ и непремѣнныхъ послѣдствій искуства человѣческаго, послѣдствій, кои не всегда заканчиваю и самое Провидѣніе, которое когда трудится, то не обращаетъ вниманія на чары роскоши и пышности.

Представьте себѣ рядъ горъ, опершихся на скалахъ ужасной величины и ими поддерживаемыхъ: громады камней, съ начала міра въ безпорядкѣ одинъ на другомъ лежащихъ, изъ которыхъ и самой меньшій безъ подрыва порохомъ не могъ бы быть ни разсѣченъ, ни съ мѣста сдвинутъ. Извѣстно, что порохъ, когда напрягаетъ его искусный инженеръ, можетъ силою своей потрясти и самые верхи Олимпа; представьте еще нѣсколько источниковъ, льющихъ свѣтлыя воды свои въ разсѣлинахъ тѣхъ самыхъ утесовъ, изъ нѣдръ коихъ они выходятъ, и сотню разбросанныхъ деревъ, ни чѣмъ не защищаемыхъ отъ дуновеній Сѣвера. Таковы были здѣсь дары Неба, на пространствѣ трехъ, или четырехъ, верстъ. Искуство, всегдашній соперникъ природы, ревнуя превзойти ее, взялось сдѣлать прекрасными самые ея ужасы. Но что искуство безъ денегъ? Безъ нихъ все гибнетъ на земноводной людской планетѣ.

Arrive un millionaire, Grand de Pologne Pototzky. Un coup d'oeil juste le séduit et l'anime; une pluye d'or inonde ce roc aride et stérile, et bientôt la nature fatiguée d'un aussi long repos, tourmentée de produire, offre à la vue la végétation la plus belle et la plus rapide. Tout s'élance, se meut et se colore. Après quinze années d'un travail opiniâtre et dur, le propriétaire enfin lui même ne s'y retrouve plus; étonné dans son paradis, il ne sait si le Tout-puissant s'est donné la peine de débrouiller un nouveau cahos dans ses domaines, ou si las de créer l'Architecte du monde a arraché un morceau de son dôme azuré pour le lancer dans son jardin.

C'est là, que j'aurois desiré un Thomson, un Virgile, un Delille pour en éterniser une image fidèle. Essayons de vous en tracer quelques traits principaux. Prenez un fil pour ne pas vous y perdre et suivez-moi dans ce jardin plus magique cent fois, que celui des Hespérides.

À peine entré, qu'une Cascade vous frappe et vous étonne; elle est magnifique. Un torrent, dont on ne voit ni ne devine la source, s'élance avec la rapidité des éclairs du haut d'un roc sourcilleux, couvre d'écume comme de neige, un granit escarpé. Dans ses sinuosités admirables l'art a découpé des échelons tors, aigus, angulaires. Chaque gradin produit mille nouveaux jets d'eau. La vague se brise à tout moment, mugit et vient enfin crever à vos pieds; dès lors plus tranquille elle forme un lac transparent; vous voyez dans l'onde un tas de petits poissons, qui serpentent, se jouent aux rayons du soleil, sautent par dessus votre badine sans crainte et sans défiance, sûrs que vous n'en saurez attraper un seul. Au milieu de ce fluide condensé, une belle corbeille de porphyre, remplie de fleurs odoriférantes embaume l'air autour de vous des parfums les plus suaves. Un peu plus loin du sein d'une pierre gauchement enfoncée

Является Потоцкій, владѣлецъ милліоновъ, вельможа Польши. Первый взглядъ здѣсь его одушевляетъ. Золотый дождь упадаетъ на каменныя безплодныя горы, и природа, утомленная продолжительнымъ бездѣйствіемъ, мучимая производить, открываетъ взору прекрасное и самое быстрое прозябеніе. Все прорастаетъ, движется и получаетъ цвѣтъ. Послѣ пятнатцати лѣтъ безпрерывной и трудной работы, владѣлецъ самъ наконецъ не узнаетъ болѣе сихъ мѣстъ. Удивляясь въ своемъ раѣ, онъ думаетъ: не взялъ ли Всемогущій на себя трудъ привести въ стройность хаосъ его владѣній, или Зиждатель міра, переставъ творить, отторгнулъ клочекъ небеснаго жилища и бросилъ его среди сада.

Сюда желалъ бы я привести Томсона, Виргилія, Делиля, чтобъ увѣковѣчить изображеніе Софіевки. Постараюсь обрисовать хотя главныя только черты ея. Возьмите нить, чтобъ не заблудиться, и слѣдуйте за мною въ этомъ саду, сто разъ болѣе волшебномъ, нежели Гесперидской.

Едва вошли, какъ взоръ вашъ пораженъ каскадою. Что ея величественнѣе? Потокъ, котораго источника нельзя ни видѣть, ни угадать, съ быстротою молніи низвергается съ верху высокой скалы и покрываетъ пѣною, какъ снѣгомъ, утесистой гранитъ. Въ его удивительныхъ крутизнахъ искуство высѣкло излучины, углы и повороты. На каждомъ уступѣ вода получаетъ тысячу новыхъ отпрысковъ; волна дробится ежевзглядно, шумитъ, ревetъ и падаетъ у ногъ вашихъ. Здѣсь тише, тише, она образуетъ прозрачное озеро; въ немъ видите вы множество маленькихъ рыбъ; онѣ плаваютъ туда и сюда, ныряютъ на солнцѣ, прыгаютъ на поверхность безъ страха и безъ опасенія, зная, что вы ни одной изъ нихъ не тронете. Посреди сей затвердѣлой влаги, прекрасная порфировая корзина, наполненная душистыми цвѣтами, окуриваетъ вокругъ васъ воздухъ пріятнѣйшими благовоніями. Нѣсколько далѣе изъ камня съ лѣ-

dans le lit d'un étang et qu'on voudroit en arracher, une autre fontaine fait jaillir son eau à quatre ou cinq toises de hauteur et arrose un gazon frais qui borde son enceinte.

Osez escalader ce roc, arrêtez—vous sur un pont, vous y verrez la chûte de la première cascade, roulant ses eaux du plus loin qu'on puisse en apercevoir, la source prenant à chaque échelon de la montagne un nouvel essort. Ombragé à droite et à gauche par des saules pleureurs, qui semblent à l'envie vouloir se baigner dans son onde, elle semble être prête à submerger la galerie du pont qui vous soutient; mais bientôt comme si elle avoit craint de vous jeter une rosée indiscrète, elle va se cacher sous la digue, blanchit, travaille et enfante un nouveau torrent, qui fait culbute dans le bassin, auprès duquel vous admiriez un moment avant sa chute inconcevable. Un seul coup d'oeil embrasse à la fois toutes ces varietés pittoresques. Qui n'en seroit enthousiasmé? On verroit cette cascade avec le plus grand plaisir, même après s'être extasié sur la chûte du Rhin à Schaf-hause.

Avançons! vous voilà dans un caveau, dont la voute est masquée de verdure; l'issue n'en est pas à comprendre, le bruit, des vagues dans cette profonde obscurité vous fait pressentir le voisinage d'un moulin. Quelle est votre surprise, quand vous entrez dans un temple, dont le dôme soutenu par quatre colonnes de granit, tout d'une pièce, vous offre le plus doux asyle! Chacun vous voit, personne ne peut pénétrer jusqu'à vous, au dessus du temple une nouvelle cascade fidèle à la loi de la gravité et cherchant à tomber quelque part, vient devant vous dérouler son rideau; vous croyez voir une gaze transparente; point du tout c'est de l'eau; elle seule garantit le sanctuaire des grâces et vous met à l'abri d'un abord indiscret; la mobilité continuelle de ce store ondoyant, les draperies variées à chaque clin d'oeil,

вой стороны несладно вдавшагося въ прудъ, и который хотѣлось бы оттуда вырвать, бьетъ фонтанъ на четыре или на пять саженъ вверхъ и орошаетъ свѣжій лугъ, его остѣняющій.

Вы все смотрѣли съ низу, отважтесь теперь взойти на черепъ самаго утеса, и остановитесь на мосту; вы откроете тамъ начало перваго водопада; вамъ не видно ключей его, они бьютъ гораздо далѣе, и по крутизнѣ покатой горы получаютъ на каждомъ переломѣ новое усилie. Съ обѣихъ сторонъ осѣняютъ его плакучія ветлы, которыя на перерывъ другъ передъ другомъ хотятъ, кажется, погрузиться въ волнахъ его. Они готовы уже затопить перилы, васъ охраняющія; но вдругъ, какъ будто боясь омочить васъ своими брызгами, вода скрывается подъ плотину, клубится и прорвавшись составляетъ новый потокъ, низвергающійся съ бассейна, подлѣ котораго за минуту предъ этимъ вы удивлялись сильному той же воды стремленію. Одинъ взоръ вдругъ обнимаетъ всѣ эти живописныя прелести. Кто бы отказалъ имъ въ своемъ восхищеніи? На такое зрѣлище природы съ величайшимъ удовольствіемъ взглянули бы и тѣ, которые въ восторгѣ видали паденіе Рейна при Шафгаузенѣ.

Далѣе! вы вдругъ въ темной пещерѣ, которой сводъ заровненъ зеленью. То, что ожидаетъ васъ при выходѣ, непостижимо: шумъ волнъ, которой слышите вы среди этого глубокаго мрака, не инаго чего заставляетъ васъ ожидать, какъ приближенія къ плотинѣ; но сколь велико ваше удивленіе, когда, вмѣсто того, входите вы въ храмъ, котораго верхъ, подерживаемый четырьмя гранитными колоннами, высѣченными изъ одного камня, открываетъ вамъ пріятнѣйшее уединеніе. Всякой можетъ тутъ васъ видѣть, но никто къ вамъ проникнуть; надъ куполомъ новая каскада. слѣдуя законамъ тяготѣнія и стремясь куда ни будь упасть, развиваетъ предъ вами свой завѣсъ; вы думаете видѣть дымку—совсѣмъ нѣтъ; это вода: она одна охраняетъ это святилище Граціи и удалитъ отъ васъ приступъ нескром-

le mouvement des flots, et cet élan rapide, qui aidé par les reflets du soleil donne à chaque goutte d'eau l'éclat du crystal ou du diamant; toute cette magie vous étonne et vous éblouit au point, que vous vous croyez transporté au troisième ciel. Quel rédnit pour la volupté!

Вышемъ отсюда, тропинка, служившая для васъ проводникомъ къ этому волшебному мѣсту, исчезаетъ: вы видите себя на открытомъ лугу, украшенномъ дарами флоры. Подойдите сюда, новое зрѣлище! въ преогромной горѣ, гдѣ порохъ, конечно, далъ почувствовать свою силу, выдѣлалъ гротъ величественный и мрачный. Эта громада камня, которую по гласу Вѣчнаго какой ни будь атлетъ могучею своей рукою повергъ на землю, гдѣ вѣки еще болѣе связали и укрѣпили ее, образуетъ одну скалу, поражающую величиною своею. Всѣ украшенія въ гротѣ нарѣзаны на томъ же камнѣ. Не чудно ли видѣть, какъ въ этомъ углу рѣзвый источникъ воды пробивается, сквозь пять, или шесть, разщелинъ; онъ съ избыткомъ можетъ утолить вашу жажду, природа была здѣсь не скупа. Вся эта пустота, изрытая въ каменной твердынѣ, и столь ужасная пещера, держится на одномъ столпѣ, тѣмъ же кремнемъ округленномъ. Геркулесъ, нынто больше, его тутъ поставилъ: это атлантъ, поддерживающій міръ и изнемогающій подъ его бременемъ. Между тѣмъ взоръ вашъ находитъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько приладокъ. Я самъ садился на нихъ, надъ конми навѣсы столь искусно опущены и обнороженіе здѣсь такъ сильно, что по истинѣ имѣешь причину бояться, не оторвался бы камень отъ горы и не расшибъ бы тебя въ одну минуту. Здѣсь, здѣсь какая ни будь Радклифъ первая при свѣтѣ луны, испытавъ ужасъ ночи, доставила бы свѣту тысячу новыхъ предметовъ страха.

Vous n'êtes pas plutôt dehors, que vous perdez la trace, l'indice le plus léger de cet enchantement: vous voilà sur un sol uni émaillé des dons de Flore. Avancez, nouveau spectacle! dans un rocher de grosseur énorme on la poudre à canon a du faire sentir toute sa force, on a pratiqué une grotte auguste et sombre. Cette masse de pierres, qu'à la voix de l'Eternel quelque athlète d'un bras nerveux aura lancé en tout sens, joints et resserrés par les siècles, ne fait plus qu'un seul bloc, dont le volume vous épouvante. Tous les meubles y sont excavés dans la pierre. Admirez dans le coin cette source d'eau vive, qui scintille par quatre ou cinq crevasses et vous désaltère en profusion. La nature n'en a pas été avare. Tout ce creux a été excavé dans le roc vif. Une caverne aussi menaçante repose sur une seule colonne elle est taillée d'une pierre; Hercule est venu la poser, sans doute c'est Atlas, qui soutient le monde et se courbe sous sa sphère. Vos yeux rencontrent plus d'un reposoir dessus, dessous, dans le rocher; je me suis assis moi même sur des banquettes, dont les pavillons ont été si artistement suspendus et l'illusion si frappante, qu'en vérité on a quelque raison de craindre en s'asseyant dessous, que quelque fragment de caillou ne se détache du rocher et ne vienne vous écraser dans la minute. C'est d'ici qu'une Radcliff épouvantée la première au clair de la lune, auroit donné au monde mille nouveaux sujets de terreur.

Свернитe въ сторону. Красивая и покойная шлюбка ждетъ васъ для прогулки по водѣ, на стеклянной ея поверх-

Allons plus loin sur la côte. Une chaloupe élégante et commode vous invite à vous promener par eau. Nous al-

lons dans la plage et cotoyons d'abord une isle déserte; deux avenues de peupliers superbes en dessinent le contour; au milieu c'est un petit monument, il vous rappelle le tombeau du citoyen de Genève! Qui peut lui refuser son tribut? Sa mémoire vous arrache un soûpir, et deux trois larmes; puis votre pensée se livre toute entière à ses méditations mélancoliques; vous cherchez la trace d'un doux souvenir, seule ressource habituelle et triste d'un coeur, qui a joui, qui malgré soi palpite encore sous sa frêle enveloppe et s'accroche à l'illusion du sentiment. Soudain vous entendez du bruit; les rameurs quittent leurs rames; cela vous rend à vous même; la barque au gré du courant se jette avec vous dans un souterrain de cent toises de longueur recouvert de gazon. On n'y voit goutte, on se sent seulement bercé sur un corps fluide; sa fraîcheur à midi aide à la respiration. Vous ne savez, où vous allez, mais vous en avez déja assez ou pour démêler le prestige du danger et pour voguer sans crainte. Non, nous ne descendons pas dans les Enfers. Quelques lucarnes pratiquées d'en haut jettent un rayon de lumière dans cet aqueduc ténébreux pour servir de fanal au pilote. Quel moment pour l'amour chaste et discret! A l'aide de cette lueur pâle vous parvenez à une écluse, entrant dedans, deux portes cochères se ferment sur vous; tout à coup le canal disparoit; on fait jouer les machines hydrauliques, qui remplissent le bassin d'eau; les flots soulevant la nacelle, elle monte et petit à petit se trouve au niveau du terrain. Vous en sortez tout émerveillé et vous vous promenez un peu sur une superbe pelouse, qui aboutit à un grand lac; ici ce n'est plus une chaloupe, c'est un bâtiment plus sûr et plus grand, qui est à votre service. Grand mât, mât de misaine, cordages, voiles, ancres, on n'a rien négligé pour rendre l'illusion d'un vaisseau complette; imitons Vespuce, cherchons un nouveau monde. Vous verrez le grand réservoir, qui fournit l'eau à toutes ces fontaines et cascades, dont vous avez admiré le jeu, c'est là, que vous prenez la nature sur le fait, que se développe à vos yeux le grand secret

ности. Мы плывемъ мимо пустаго острова, два ряда прекрасныхъ тополей замыкаютъ окружность береговъ его, въ срединѣ небольшой памятникъ: онъ напоминаетъ вамъ гробницу гражданина Женевскаго. Кто откажетъ въ дани ему должной? память его вырвала вздохъ; за нимъ у васъ катятся слезы; мысль ваша предается вполнѣ печальной своей думѣ. Вы ищете стези пріятныхъ воспоминаній: единственное и обыкновенное пріютъ язвленнаго сердца, которое нѣкогда наслаждалось, которое противъ воли своей трепещетъ еще подъ бренною своею оболочкою и прилѣпляется къ обольщенію чувства! Вдругъ слышенъ шумъ: гребцы бросаютъ весла; это приводитъ васъ въ себя. Шлюпка по теченію воды несетъ васъ въ подземной проводъ сажень во сто длины и сверху закрытый дугами; въ немъ ни чего не видно, чувствуешь только, что выбешься на влажной стихіи, которой прохлада въ полдень способствуетъ дыханію. Вы не знаете, гдѣ вы, но довольно уже видѣли, чтобъ не подозрѣвать тутъ ни какой опасности и плыть безъ боязни. Нѣтъ, мы не въ царство тѣней опускаемся; нѣсколько отверстій, сдѣланныхъ въ сводѣ, бросаютъ блѣдные лучи свѣта въ этотъ мрачной водоводъ, чтобъ служить маякомъ для кормщика. О какая минута для любви скромной и непорочной! При этомъ слабомъ озареніи вы достигаете шлюзъ; тутъ двое воротъ тихо опускаются. Приводятся въ движеніе машины, которыя наполняютъ бассейнъ водою. Волны поднимаютъ лодку мало по малу выше, и она становится наровнѣ съ землею. Вы выходите изъ нея въ изумленіи, и прогуливаетесь нѣсколько на прекрасномъ лугу, который ведетъ къ озеру. Здѣсь не лодка уже, но строеніе, гораздо ея большее и безопаснѣйшее для васъ, готово. Мачты, снасти, парусы, якори, ни что не забыто, чтобъ обмануть васъ картиной корабля. Переймемъ у Веспуція, станемъ искать новаго міра. Вы увидите большое водохранилище, доставляющее воду для всѣхъ фонтановъ и каскада, которыхъ игрѣ вы удивлялись. Здѣсь-то находите вы натуру въ ея работѣ; глазамъ вашимъ открываются всѣ чудотворенія искуства

de l'art et le système hydraulique au moyen duquel, dès le commencement de l'année, l'eau s'accumule dans des citernes, et donne au jardin son superflu nécessaire. La digue et les pompes sont ici tout ce qu'on connoît de plus achevé dans ce genre d'ouvrage. Mais nous avons assez vogué; abordons, il en est tems.

Entrons dans cette allée oblique, jonchée de fleurs à droite et enrichie à gauche de toutes les plantes exotiques, dont vous avez jamais lu la nomenclature. Quel mélange d'odeurs suaves et délicieuses! Quel air on y respire. Je vous amène à un banc de pierre, où il faut enfin vous asseoir. Vous voyez devant vous un bloc de granit, qui après 7 mille ans d'existence passive se prête au ciseau d'un artiste habile; et pour vous être utile, prend la forme d'une table; l'hospitalité toujours aimable la combla des trésors de Pomone; vous savourez des fruits exquis. Accoudé sur une colonne de marbre, vous flottez encore, d'idée dans cette série de toutes sortes d'extases, dont votre ame fut émue pendant la promenade et dont elle n'a pu suivre les gradations infinies. Un doux murmure à côté de vous éveille et vous fait appercevoir dans un bassin de porphyre un courant d'eau limpide; jamais vous n'en avez bu et n'en boirez d'aussi fraîche. Egale dans sa chûte et son mouvement elle tombe d'un robinet comme une glace de miroir et remplit son assiette. Un bel arbre à perruque s'incline au dessus d'elle et fait voute; il semble, que la nature l'a placé là exprès afin qu'ébranlée par un doux zéphir son feuillage rosé éloigne de là tout insecte vénéneux ou les moucherons, si incommodes dans les climats chauds. Ici vous vous délecterez, vous faites vos libations au dieu du plaisir. Fixez encore cette source bienfaisante ; la fontaine de Vaucluse n'est pas plus belle; celle de Salgire en Crimée n'est pas plus pure.

и опытъ системы гидравлической, посредствомъ которой сначала весны вода собирается въ водоемъ и доставляетъ саду необходимое ея излишество. Плотины и насосъ здѣсь суть совершеннѣйшія произведенія въ искуствѣ сего рода. Но довольно плавать; пристанемъ; пора.

Войдемъ теперь въ эту косвенную дорогу, съ обѣихъ сторонъ пестрѣющую цвѣтами и обогащенную чужеземными растеніями, какихъ только названія вамъ извѣстны. Какое смѣшеніе пріятнѣйшихъ ароматъ! Какой воздухъ для дыханія! Мы доходимъ до каменной скамьи, гдѣ наконецъ надобно присѣсть. Тутъ неподвижный гранитъ, который, послѣ семи тысячъ лѣтъ ни чѣмъ невозмущаемаго бытія, покорился рѣзцу искуснаго художника, и чтобъ быть вамъ полезнымъ, принялъ видъ стола. Гостепріимство, всегда любезное, обременило его сокровищами Помоны, и вы наслаждаетесь прекраснѣйшими плодами. Опершись на мраморную колонну, вы переходите мысленно всю связь многоразличныхъ восторговъ, которыми душа ваша была тронута во время прогулки и которыхъ за безчисленными измѣненіями едва могла она слѣдовать. Тихое журчаніе васъ пробуждаетъ; его производитъ паденіе воды въ порфировой бассейнъ. Никогда не пили вы и никогда не будете пить столь свѣжей. Ровна въ своемъ движеніи, она упадая кажетъ видъ зеркальнаго стекла и потомъ наполняетъ свою лоханъ. Прекраснѣйшее дерево перютъ осѣняетъ ее и дѣлаетъ изъ листьевъ своихъ сводъ. Кажется, что природа нарочно здѣсь его возрастила, чтобы розовыя и пуховыя его вѣтви, колеблемыя вѣяніемъ Зефира, отгоняли отсюда всѣхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и столь безпокойныхъ въ жарномъ климатѣ. Здѣсь вы утоляете жажду свою, здѣсь совершаете изліяніе въ жертву богу удовольствій. Остановитесь еще на минуту у этихъ водъ благотворныхъ. Право, потокъ Петрарковъ въ Воклюзѣ не прекраснѣе, и не свѣтлѣе источникъ Са..ра на полуостровѣ Крымскомъ.

Quittons pourtant puisqu'il le faut, la vie de ces lieux enchanteurs, produit d'une féerie sans exemple. Agenouillons nous devant le père des hommes et rendons grace à la Nature, qui a bien voulu nous donner ici le plus merveilleux spectacle. Heureux celui, dont le sort conduit ici les pas.

Наконецъ должно оставить эту волшебную страну. Преклонимъ колѣна предъ отцемъ земнородныхъ и дадимъ хвалу природѣ, приготовившей здѣсь зрѣлище толико чудесное. Счастливъ тотъ, коего стопы судьба сюда направитъ!

Voilà Sopheika! j'ai tâché de vous en décrire la mille millième partie peut être; suppléez y par votre imagination: vous n'avez pas à craindre d'excès; on ne sauroit exagérer, en traçant le portrait de ce jardin; moi, qui l'ai vu je sens toutes les défectuosités de mon tableau. Mais tous les chantres du vieux et du nouveau monde y seroient en défaut. Je ne vous parle plus de cette quantité prodigieuse de colonnes, statues, cariatides, vases et monuments symboliques, que le luxe a répandu par ci par là dans ce jardin. Celui, qui parmi ces derniers doit le plus arrêter votre attention, c'est une colonne à moitié brisée; elle base sur trois gradins de granit ombragée de deux jeunes tilleuls, qu'on a soin de ne pas laisser croître jusqu'à maturité d'âge et adossée à une muraille de gazon. Elle rappelloit au propriétaire un souvenir douloureux. Po'otzky dépouillé de son faste ordinaire venoit pleurer ici la perte de deux jeunes enfans. Quel endroit touchant! j'ai cru y voir aussi absorbé dans mes rêveries les ombres de Marie et d'Héléne, douce illusion d'un coeur ulcéré de sa perte! Eugénie du haut du ciel ajoutoit au tableau qu'inventoit mon idée

Вотъ Софіевка! Я описалъ вамъ, можетъ быть, только тысячную часть ея. Дополните прочее вашимъ воображеніемъ, не опасаясь вдаться въ крайности. Изображая красоты ея, нельзя сказать ни чего лишняго. Я, который видѣлъ этотъ садъ, глядя на свою картину, я лучше прочихъ чувствую недостатки моей кисти; но ни одинъ бы изъ пѣвцовъ древняго и новаго міра не избѣжалъ ихъ. Не говорю уже вамъ о множествѣ пирамидъ, статуй, каріатидъ, вазъ и таинственныхъ памятниковъ, которые роскошь разбросала по всему саду. Между сими послѣдними болѣе всего должна привлекать ваше вниманіе недѣланная колонна: она прислонена къ дерновой стѣнѣ; основаніемъ ей служатъ три дикаго камня уступа. Осѣняемый двумя молодыми липами, которымъ съ умыслу не даютъ достигнуть полнаго ихъ возраста, обелискъ сей служитъ владѣльцу горестнымъ напоминаніемъ. Потоцкій, освободясь отъ пышности, его вездѣ окружавшей, приходилъ сюда грустить о потерѣ двухъ юныхъ дѣтей своихъ. Какое трогательное мѣсто! Погрузившись тутъ въ глубокую задумчивость, и я самъ, какъ мнѣ казалось, видѣлъ тѣни Маріи и Елены; сладостное обольщеніе сердца, потерею своею сокрушеннаго! Видъ Евгеніи, улыбающійся съ высоты небесъ, умножалъ унылость моего воображенія.

Il faut, qu'avant de partir vous apperceviez encore un léger filet d'eau; ce n'est qu'un puits creusé sous une voute de pierre molle, on peut s'asseoir vis-à-vis sur une couchette dont le marbre, par une élasticité surnaturelle, semble avoir gardé l'empreinte incrustée du coude de quelque voyageur fatigué, qui étoit venu s'y reposer. Effet étonnant de

Прежде нежели выйдете отсюда, я васъ остановлю у небольшаго ключа воды: это не что иное, какъ колодязь, покрытый сводомъ изъ мягкаго камня; въ соотвѣтствіе ему на мраморной скамьѣ сверхъестественною какою-то силою сохранился отпечатокъ руки одного странника, пришедшаго сюда отдохнуть; локоть его какъ будто вдав-

l'art, dont la recherche a été si ingénieuse! c'est ici, qu'on se rappelle de Pythagore et qu'on veut s'écrier avec lui: Quoi! tout est sensible.

ленъ въ мраморъ. Удивительное дѣйствіе искуства и утонченнаго его вымысла. глядя на это вспомнишь Пиѳагора и вмѣстѣ съ нимъ скажешь: «Такъ! Все имѣетъ чувство.»

Encore un mot, il est indispensable; ne vous attendez pas à trouver dans ce jardin des buchers artificiels, kiosques, pagodes, chaumières et toutes ces frêles masures, dont on charge les palais de nos grands seigneurs et qu'un luxe mal entendu, pour mieux éblouir le vulgaire, qui ne veut qu'un éclat mesquin recouvre de clinquant, coquilles, vitrages et tant de misères semblables. Non, tout ici a été travaillé dans le grand genre; le créateur a versé de l'eau et jeté par terre des pierres énormes; la nature et le tems en ont façonné des montagnes. L'artiste après, mais bien tard est venu y poser ses chefs d'oeuvre. Ce n'est que marbre, granit et porphyre; tout y résiste au tems et au climat; rien n'est fragile et ne craint la vicissitude des saisons.

Еще одно слово: оно необходимо. Примѣтьте, что вы не нашли въ этомъ саду искуственныхъ стоговъ сѣна, костровъ, Китайскихъ и Индѣйскихъ доминовъ, хижинъ, поддѣльныхъ развалинъ, которыми наполнены сады нашихъ вельможъ и которые обманчивая роскошь, чтобъ лучше ослѣпить чернь, ищущую одного только пустаго блеска, украшаетъ мишурою, ракушками, стеклами и подобными бездѣлками. Нѣтъ, здѣсь все прямо великолѣпно. Творецъ пролилъ воду на землю, и бросилъ въ нее страшные камни; природа и время составили изъ нихъ горы; Послѣ, гораздо послѣ, пришелъ художникъ и разставилъ свои работы. Всюду здѣсь гранитъ, порфиръ и мраморъ; все въ состояніи противиться погодѣ и прихотямъ климата, все твердо и не боится перемѣны времени года.

Pototzky, fils aîné du bonheur, enfant gâté de la fortune fut heureux d'en jouir. Je le suis davantage si mon récit vous a plu.

Потоцкій, старшій сынъ фортуны, любимецъ счастія, блаженъ былъ здѣсь въ своихъ наслажденіяхъ: но я ему не позавидую, естьли мое описаніе вамъ понравилось.

ГЛАВА LX.

Отъѣздъ изъ Умани. Продолженіе пути.

29-го числа Іюля мы поѣхали изъ Умани; на силу добились лошадей: почту держатъ Евреи и по наряду возить не ототники; у нихъ ни шлей, ни хомутовъ, сбруя негодная и все рвется. Ихъ надобно вездѣ остерегаться на пути, и на мѣстѣ у нихъ свой вѣсъ, мѣра и счетъ; они въ то употребляютъ остроту ума своего, чтобъ обмануть: не вѣрьте имъ ни въ чемъ!

Возвращаясь въ Звенигородку, мы обѣдали на томъ же мѣстѣ, гдѣ и прежде, т. е., въ Тальной, но послѣ Уманскихъ са-

довъ здѣшніе каменные утесы намъ уже не такъ прелестны казались. Въ Звенигородку мы довольно рано пріѣхали, и опять пристали у нашего балагура. Онъ увѣдомилъ насъ, что тутъ расположенъ новоформирующійся Уланскій полкъ изъ Татаръ, котораго я ни въ сборѣ, ни порознь, не видалъ. Городъ намъ показался сегодня въ самомъ торжественномъ видѣ: вездѣ иллюминація; подумать можно было, что у всякаго хозяина радостный пиръ; что жь? Это шабашъ: Жиды имѣютъ привычку въ своихъ корчмахъ съ навечерія Субботы все заготовлять къ завтрему такъ, чтобъ можно было уже ни руками, ни ногами не дѣйствовать, сидѣть, лѣниться и славить день Субботній, въ ожиданіи котораго вездѣ зажгутъ пропасть свѣчъ; свѣтъ въ комнатахъ превеликой, а хозяинъ лежитъ и ни за что не принимается.

Переночевавши въ этомъ мѣстечкѣ, мы поторопились ѣхать далѣе, имѣя въ предметѣ деревню сестры моей, куда намъ хотѣлось пріѣхать на ночлегъ. Дорога наша лежала на Ольшанку,* отъ Звенигородки 26-ть верстъ. Горъ много, однако ѣхали изрядно. Это селеніе большое. Оно принадлежитъ В. В. Енг. Тутъ господской домъ, двѣ богатыя мельницы и для Жидовъ построено, по обѣ стороны широкой улицы, множество домовъ; они еще пусты, но со временемъ, конечно, и здѣсь этотъ досужій и хитрый народъ расторгуется. Здѣсь намъ показалось рано обѣдать, и мы въ 12 часовъ поѣхали въ Корсунь. Какъ прекрасно воздержаніе наше было наказано! До Корсуня 32 версты: долго ли бы до ѣхать? Но лошадей намъ въ Ольшанкѣ впрягли тощихъ: горы стали увеличиваться, и цѣпь ихъ далѣе сдѣлалась почти безпрерывной; послѣ полденъ усилился жаръ; лошади везли насъ по пескамъ шагомъ, а иногда вовсе становились, и я, для облегченія ихъ, версты по двѣ мѣстами шелъ пѣшкомъ.

Непріятные походы! Тутъ между многими забавными воспоминаніями, пришелъ мнѣ на мысль проектъ, однимъ пожилымъ градодержателемъ сочиненный, подъ названіемъ: «Объ учрежденіи конной почты по образу пѣшаго хожденія.» Я этотъ проектъ

---

* Ольшана. О. Б.

испытывалъ на самомъ дѣлѣ. Есть ли позволяется иногда сказать правду и не совсѣмъ льстивую, то можно ли обвинить того путешественника, который сѣтуетъ и ропщетъ, когда, заплатя за подорожную пошлины впередъ, заплатя за лошадей всѣ прогоны впередъ, принужденъ ити пѣшкомъ, по тому что лошади стали, и думать, не смотря на то, что онъ по почтѣ ѣдетъ? Мы 32 версты ѣхали 6 часовъ, и пріѣхали обѣдать въ Корсунь въ 7 часу по полудни. Жаръ насъ истомилъ, а голодъ выучилъ впередъ быть умнѣй и обѣда не откладывать.

По всему этому тракту виды прекраснѣйшіе; но они меня не веселили, по тому что я спѣшилъ къ сестрѣ, а почта, которая шла тише пѣшехода и, признаюсь, голодъ, все вмѣстѣ наносило мнѣ большую досаду.

Корсунь—мѣстечко, принадлежащее Князю Лопухину: онъ имѣетъ тутъ славный винокуренный заводъ, и селеніе большое, однако ни путнаго ночлега, ни припасовъ съѣстныхъ хорошихъ отыскать не можно. Евреевъ пропасть, да гдѣ ихъ нѣтъ? Камня дикаго громады. Натура та же, что и въ Умани, но, дѣйствуя здѣсь одна, не произвела Софіевки. На большой дорогѣ черезъ рѣку, задержанную вездѣ въ потокѣ своемъ каменьями, воздвигнутъ широкій и прекрасный мостъ, но не помѣщикъ его строилъ: онъ имѣетъ только участіе въ общей складкѣ, которую для него собирали со всего Уѣзда.

Исправникъ здѣшній, будучи знакомъ зятю, уже дожидался насъ здѣсь, чтобъ указать къ нимъ дорогу. Онъ съ нами отобѣдалъ на скорую руку, и мы, въ слѣдъ за нимъ, отправились. Онъ считалъ отсюда до ихъ деревни 45 верстъ; мы очень скоро ѣхали, дорога началась ровнѣе, но сколько я самъ себѣ ни дѣлалъ насилій, не могъ до нея добраться. Скоро постигли насъ сумерки и сама ночь; темнота ея отъ тучъ еще сдѣлалась ужаснѣе; молнія разсѣкала облака и гулъ отдаленнаго грома безпокоилъ сердце. Хотя мѣсяцъ изъ за тучъ иногда и показывалъ бѣлый зракъ свой, но что въ его свѣтѣ, когда отражаемые имъ предметы непріятны? Поля, пустыня, неизвѣстность разстоянія, проселочная дорога, на которую мы еще засвѣтло съ большой своротили, все это дѣйствовало на наши чувства.

Я зачалъ проситься на ночлегъ, какъ малое дитя послѣ школы рѣзвиться, но гдѣ пристать? Жилъ другихъ нѣтъ, кромѣ Жидовскихъ сараевъ, въ которыхъ гаду и свѣчъ много, а покою ни какого. Наконецъ въ 6 верстахъ отъ сестры увидѣли мы деревню. Какое счастіе! Она принадлежала Госпожѣ Турчаниновой, матери той самой, у которой мы гостили въ Одессѣ. Благодарность требовала отъ насъ, чтобъ мы къ ней заѣхали, а желаніе поскорѣй быть подъ крышкой, представило намъ эту обязанность въ самомъ большомъ видѣ, и мы рѣшились тутъ остановиться.

ГЛАВА LXI.

Пріѣздъ и пребываніе мое у зятя.

Съ какой радостью на завтра моего пріѣзда къ Госпожѣ Турчаниновой увидѣлъ я въ своей комнатѣ Бедрина, стараго прикащика отца моего, который, бывъ отданъ сестрѣ моей при ея замужствѣ, пріѣхалъ отъ нея поздравить насъ съ пріѣздомъ въ ихъ край и привелъ лошадей насъ довезти до зятниной деревни. Старый слуга нашего дома, посѣдѣвшій отъ лѣтъ и всякихъ трудовъ, поклонился мнѣ, по старинному, до земли, ударилъ въ полъ челомъ и прочелъ длинную свою поздравительную проповѣдь. Я вспомнилъ, глядя на него, мое ребячество, забылъ неравенство состояній и обнялъ ветхаго служителя родительской моей семьи. Съ нимъ, къ умноженію моей радости, получилъ я и письма изъ Москвы. Тамъ адресовали ихъ сюда, зная, что я въ эту пору уже буду около сихъ мѣстъ. Все соединилось къ моему удовольствію. Содержаніе писемъ было сходно съ моимъ желаніемъ, всѣ у меня были здоровы: чего больше!

Но какъ согласить нетерпѣливость видѣться съ сестрой съ благопристойностію противъ хозяйки дома. Госпожа Турчанинова, воротясь домой, просила насъ у нея отобѣдать. Совѣстно было отказать послѣ всѣхъ одолженій, сдѣланныхъ намъ ея любезною дочерью въ Одессѣ; съ другой стороны и непріятно было

въ 6 верстахъ остановиться и показать такую безпечность на счетъ свиданія. Сестра и зять не могли по зву хозяйки нашей къ ней пріѣхать, по тому что, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ отъ Исправника, назвали всѣхъ своихъ сосѣдей къ себѣ въ тотъ же день для насъ въ гости. Надобно было пожертвовать пріязнію благодарности, и мы остались обѣдать дома, и угощены были со всею ласковостію старинныхъ людей: нынѣ чиновъ больше, а пріязни ни чего!

Помѣстье Госпожи Турчаниновой прекрасно. Она имѣетъ домъ изрядной величины и на хорошемъ мѣстѣ; видъ изъ ея саду пріятенъ: отсюда разглядѣть уже можно дачи зятя моего и его мельницы. Здѣсь церковь и маленькія ярмарки бываютъ, а гдѣ ярмарки, тамъ и Жидовъ какъ мухъ.

Отобѣдавши, поспѣшили мы къ сестрѣ, а хозяйка наша насъ туда же проводила. На границѣ ихъ земель встрѣтилъ насъ племянникъ мой съ няней своей—милой ребенокъ! Онъ на силу держалъ превеликой хлѣбъ съ солью, и поднесъ намъ, сказавши: «Я обыватель здѣшній.» Мы взяли его къ себѣ въ коляску, посадили на колѣни. Жаръ былъ несносный. Дитя не умѣлъ понять, что около его дѣлается; все было для него ново: въ три года отъ роду что не удивляетъ человѣка! Отъѣхали съ версту еще, и родные мои уже прижимали меня къ своему сердцу. Слезы, смѣхъ, радость, все смѣшалось, и ни кто не умѣлъ разобрать ни чувствъ своихъ, ни мыслей. Всѣ мы бѣгали, суетились, вопросъ за вопросомъ; намъ въ одну минуту хотѣлось другъ другу все то разсказать, что мы, нѣсколько лѣтъ не видавшись, видѣли, слышали, испытали. Какое множество происшествій разныхъ мы вспомнили и опять постарались спрятать подалѣе въ памяти: сколько потерь и вознагражденій! Сестра обнимала жену мою, я зятя, и мы долго не могли прійти въ себя; между тѣмъ, какъ Миша уже спокойно, принявшись за свою игрушку, спускалъ волчка и говорилъ нянѣ: «Посмотри!» Сосѣди зятнины занимались нашими путешественниками и ознакомливались съ ними, а мнѣ было не до нихъ.

Войдя въ гостинную и увидя въ ней портреты моего отца, матери, первой жены, всѣхъ родныхъ моихъ, я не буду изъ-

ясннть, что я почувствовалъ: это выше всякаго выраженія. Я въ чужой сторонѣ, за тысячу слишкомъ верстъ отъ своей, находилъ домъ свой и свою родину. Черты людей, вѣчно въ памяти моей поселившіяся, мнѣ представляли тѣ же покои, въ коихъ я живу обыкновенно дома, тѣ же тутъ видѣлъ лица и, казалось, живую на нихъ видѣлъ улыбку. Такъ! пріятно обольщаться и думать, что разлучившіеся съ нами по закону естества, не разлучены по закону любви и по связи животной въ природѣ. О! безподобное искуство живописи! Этѣми живыми впечатлѣніями, этой сущностью восторговъ нашихъ, даже и по смерти тѣхъ, кои намъ были милы, мы обязаны тебѣ, тебѣ единственно; ты питаешь нашу меланхолію и даешь чувство вещамъ неодушевленнымъ.

Я прожилъ здѣсь въ деревнѣ у зятя * отъ 1-го Августа до 5-го числа, и провелъ все это время въ неограниченной свободѣ

---

* О немъ вотъ что сказано сочинителемъ сего путешествія въ его «Кладбищѣ моего сердца.»—20 Февраля. Василій Лаврентьевичъ Селецкій, зять мой родной, мужъ сестры моей, человѣкъ, обязавшій меня чрезвычайно много. Благороднѣйшій его поступокъ, который дѣлаетъ честь его характеру, состоитъ въ томъ, что онъ, полюбя сестру мою уже въ лѣтахъ, но не имѣя возможности на ней жениться, по тому что не былъ раздѣленъ съ матерью своей и не могъ доставить ей участи независимой, вдругъ скрылся изъ Москвы въ свою родину, Малороссію, и тамъ прожилъ лѣтъ двѣнадцать, не давалъ о себѣ ни какой вѣсти. Съ той же скоропостижностію, съ какой оставилъ онъ нашъ домъ, написалъ изъ Чернигова сестрѣ моей письмо, которымъ увѣдомляя, что онъ получилъ свое имѣніе, умножилъ его и можетъ доставить ей спокойное состояніе, возобновилъ исканіе руки ея. Сестрѣ было почти сорокъ лѣтъ: раздулся прежній огонь. Онъ пріѣхалъ немедленно въ Москву, женился на ней и повезъ въ свой край Мы тамъ у нихъ были, видѣли ихъ житье, и сестра совершенно счастлива. Рѣдкой примѣръ вѣрности и благородства. Потомъ, какъ мать моя скончалась и я обязанъ былъ, по выданной сестрѣ родной, выдѣлить ей часть изъ имѣнья, Селецкой, отъ лица жены своей, поступилъ съ оной въ пользу дочерей моихъ, и, взявъ съ меня векселя, передалъ право полученія денегъ по онымъ тѣмъ дочерямъ моимъ. Какой родной и другъ нынѣшняго образованія поступитъ столь нѣжно и благодѣтельно? Я до гроба не забуду сихъ его одолженій, коими болѣе обязанъ правиламъ его, нежели родству, и по тому-то онъ и превосходенъ въ глазахъ моихъ; ибо здѣсь побудительной причиной былъ не случай, не пристрастіе, по пословицѣ старинной: «Свой своему по неволѣ другъ,» а характеръ, готовой на все благородное, возвышенное и доброе. Въ сіе число (20-го Февраля) родила сестра сына. Онъ одинъ у нихъ и есть. Дай Богъ, чтобы онъ былъ имъ въ радость!» В. Л. Селецкій умеръ 1831 года. О. Б.

и упражненіяхъ прямо пріятныхъ для сердца. Здѣсь я вставалъ и ложился спать, когда хотѣлъ, бѣгалъ, читалъ, писалъ, рѣзвился, и все по произволу, безъ роскоши и безъ принужденія; какъ Царь въ своемъ дворцѣ, я приготовлялъ себѣ забавы; здѣсь я писалъ мою Софіевку, и заочно еще восхищался ея райскими прелестями; здѣсь я ко всѣмъ моимъ роднымъ писалъ о себѣ, о нашемъ путешествіи, бесѣдовалъ съ друзьями и занимался уже заранѣе тою радостью, которую они, увидѣвши меня, почувствуютъ; или, оставя перо, бумагу, забывъ и умъ и сердце, машинально съ Мишей * кубари каталъ и смѣялся съ нимъ въ запуски, когда волчекъ засвищетъ.

Временемъ мы ѣзжали по сосѣдямъ ихъ, а по вечерамъ, сидя дома, говаривали о всякой старинѣ: тотъ свое вспомнитъ, другой свое. Подъ кровомъ чистаго неба, въ ясную погоду, на лавкѣ у воротъ дома, иногда любовались на хороводы, иногда на возвратъ съ поля тучныхъ овецъ и коровъ: все въ полѣ лѣтомъ занимательно, все прекрасно. День великъ, а не увидишь, какъ пройдетъ въ обществѣ пріятномъ и непринужденномъ.

Въ первый день пріѣзда нашего зять мой велѣлъ потарить у себя въ погребѣ, и такимъ прекраснымъ подпоилъ насъ Венгерскимъ, что я на силу нашелъ дверь къ себѣ въ спальню. Скажемъ къ извиненію сего семейственнаго пиршества, вмѣстѣ съ хорошимъ переводчикомъ затѣйливой Французской пѣсенки:

Вина употребленье
Самъ Богъ не запретилъ,
Зримъ Его въ томъ изволенье,
Что вино сладко сотворилъ.

---

* Михаилъ Васильевичъ Селецкій, единственный сынъ Василія Лаврентьевича, въ послѣдствіи служилъ въ Полтавѣ, и, будучи Надворнымъ Совѣтникомъ и Вице-Губернаторомъ, между прочимъ, съ 14-го Октября, 1843 года, исправлялъ должность Полтавскаго Гражданскаго Губернатора послѣ Д. С. С. Александра Егоровича Аверкіева, до Іюня 1845 года, когда былъ назначенъ въ

ГЛАВА LXII.

Мѣстоположеніе. Сосѣдство. Здѣшнее хозяйство.

Деревня Селецкихъ называется Ковали. Церкви здѣсь нѣтъ, ярмарокъ также, а по тому и Жиды не такъ часто бродятъ. Приходъ ихъ въ 4 верстахъ отсюда. Зять отстроиваетъ большой и прекрасный домъ, однако со всякимъ хозяйствомъ и умѣренностію. Мы застали его отдѣланнымъ въ черне: но они жили, и мы съ ними вмѣстѣ расположились, въ старомъ низенькомъ домикѣ, весьма помѣстительнымъ для ихъ семейства: комнаты не высоки, но теплы, крышка соломенная.

Мѣстоположеніе прекрасное Садъ разбитъ въ ущелинахъ и оврагахъ; горъ пропасть, и я, какъ вепрь, прыгалъ поминутно съ холма на другой. Со временемъ здѣсь красотъ будетъ много, и тѣ, кои любятъ, что называется pittoresque, найдутъ въ прогулкахъ своихъ большое удовольствіе.

Зять — искусный хлѣбопашецъ; у него не одинъ садъ въ предметѣ; онъ мастеръ обработывать поля свои; объѣзжая ихъ вмѣстѣ съ нимъ, я дивился его дѣятельности и предусмотрѣнію; ни одно зерно не пропадаетъ: все обдумано, сбережено, приказано; за то какія огромныя у него скирды хлѣба поставлены! Какъ весело смотрѣть на эти кучи богатыхъ сноповъ, которые сама натура золотомъ покрыла! Зимой все это обратится въ горѣлки; горѣлка даетъ деньги, а на деньги, когда ихъ много, покупай, что изволишь!

Селецкій имѣетъ около 500 душъ, кои даютъ ему до 20 тысячъ доходу посредствомъ винокуренія: отнимите эту вѣтвь промышленности (говоря по модѣ) у здѣшнихъ обывателей, они обнищаютъ и не получатъ ни чего, по тому что съ хлѣбомъ некуда будетъ дѣваться: здѣшніе шинки многихъ обогатили.

Губернаторы Д. С. С. Николай Ильичъ Ознобишинъ. Теперь Михаилъ Васильевичъ въ отставкѣ Д. С. С. и живетъ въ своемъ помѣстьѣ, Ковалихъ. О. Б.

Когда этотъ край былъ присоединенъ къ Россіи, то Князь Понятовскій, имѣвшій здѣсь до 40 тысячъ душъ, знатную часть владѣній своихъ распродалъ. Многіе поспѣшили покупать здѣшнія земли, населенныя Хохлами, которыми вся эта страна наполнена, по тому что она отъ самой древности составляла одну область съ Малороссіей и отнюдь не болѣе принадлежала Польшѣ, нежели намъ. Тогда душа продавалась по 80 и 70 руб., а нынѣ ни кто не возметъ и по 250 руб.; ибо узнали, какъ они доходны и какъ велику пользу приносятъ. Безъ труда же, извѣстно, что нигдѣ нѣтъ ни чего.

По многимъ селеніямъ ярмарки, т. е., торговые съѣзды еженедѣльно, хлѣба у всякаго помѣщика пропасть, мельницы прекрасныя; Жиды разъѣзжаютъ съ товарами, продаютъ, мѣняютъ, обманываютъ; вездѣ ихъ встрѣтишь, такъ какъ въ нашей Россіи разнощиковъ, кои на возахъ по деревнямъ развозятъ всякую всячину.

Деревень правильныхъ и вытянутыхъ въ улицу здѣсь не найдешь; всякой строится, какъ вздумалъ. Усадьбы у крестьянъ обширны. Они по большой части въ оврагахъ и строятся при подошвахъ горъ. Лѣсу у обывателей немного, однако на нужду есть. Рѣкъ проточныхъ мало, но ключей и родниковъ вездѣ много; помѣщики поднимаютъ плотины и роютъ пруды.

Хохолъ по природѣ, кажется, сотворенъ на то, чтобъ пахать землю, потѣть, горѣть на солнцѣ и весь свой вѣкъ жить съ бронзовымъ лицомъ. Лучи солнца его смуглятъ до того, что онъ свѣтится ,какъ лакомъ покрытъ, и весь черепъ его изъ желта позеленѣетъ; однако онъ о такомъ порабощенномъ состояніи не тужитъ: онъ не умѣетъ понять ни чего лучше. * Я съ ними говорилъ. Онъ знаетъ плугъ, вола, скирдъ, горѣлку, и вотъ весь его лексиконъ. Естьли бы гдѣ Хохолъ пожаловался на свое состояніе, то тамъ надобно искать причину его негодованія въ какой либо жестокости хозяина, по тому что онъ охотно сноситъ вся-

---

* Естественно, въ томъ незавидномъ положеніи, въ какомъ находился. О. Б.

кую судьбу и всякой трудъ, только нужно его погонять безпрестанно; ибо онъ очень лѣнивъ: на одной минутѣ пять разъ и волъ и онъ заснутъ и проснутся; такъ, по крайней мѣрѣ, я замѣтилъ его въ моихъ наблюденіяхъ, и, смѣю думать, что естьли бы весь этотъ народъ не былъ обязанъ помѣщикамъ добронравнымъ за ихъ къ себѣ доброхотство и уваженіе къ человѣчеству, то бы Хохла трудно было отдѣлить отъ Негра во всѣхъ отношеніяхъ: одинъ прѣетъ около сахару, другой около хлѣба. Дай Богъ здоровья и тѣмъ и другимъ!

ГЛАВА LXIII.

Каневъ. Монастырь.

Зять возилъ меня, за 9 верстъ отъ деревни, смотрѣть мѣстечко, называемое Каневъ. Мы много горъ переѣхали, и очутились въ близи Днѣпра, который тѣшитъ своими излучинами. Говоря согласно съ тамошними преданіями, я скажу вотъ что. Нѣкогда, и очень, очень давно, была тутъ складка всѣхъ Азіятскихъ товаровъ, кои отсюда развозились въ Польшу, Молдавію, Украйну, Малую и Великую Россію. Нынѣ Каневъ только безъуѣздный городокъ и принадлежитъ къ Богуславскому Уѣзду. Населенъ Жидами и Хохлами: есть нѣсколько и Шляхты, но мало. Во времена Польши тутъ было Староство, въ которомъ считалось отъ 12 до 14 тысячъ душъ. *

---

* Каневъ, при рѣкѣ Каневкѣ, впадающей въ Днѣпръ, упоминается уже въ XI-мъ столѣтіи; онъ одинъ изъ крайнихъ Русскихъ городовъ на югъ Кіева и Переяслава по Днѣпру, и по тому былъ не разъ мѣстомъ съѣзда Русскихъ Князей съ Половцами по разнымъ дѣламъ. Въ 1239 г. онъ былъ взятъ Батыемъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлался было пребываніемъ Татарскихъ Баскаковъ, управлявшихъ оттуда окрестною страною. Во время Польскаго владѣнія онъ составлялъ Староство, изъ Старостъ коего въ послѣднее время выдается въ особенности Николай-Василій Потоцкій, извѣстный въ Заднѣпровьѣ своими забубенными похожденіями. О. Б.

Самаго городка я не видалъ, а ѣздилъ смотрѣть близъ лежащаго, клостера или монастыря, который заслуживаетъ, по древности своей, особенное любопытство. Въ немъ старая церковь деревянная, а новую выстроили изъ кирпича, и уже освященіе ея при насъ назначено было къ 1-му Октября; думаю, что совершилось. Обѣ этѣ церкви, разумѣется, Уніятскаго Исповѣданія. * Во всякомъ храмѣ по два и по три престола на всѣ стороны безъ разбора. Въ деревянномъ иконостасѣ былъ отдѣланъ по нашему, а въ каменномъ не было еще ни какого внутренняго убранства. Первоначально церковь эта основана тутъ въ 1145 году, и тогда поставленъ былъ въ ней престолъ Греческій; въ послѣдствіи времени, когда Поляки восхитили и присвоили себѣ всю по обѣ стороны Днѣпра Малороссію, храмъ этотъ превращенъ въ Уніятской.

До того времени правилъ монастыремъ симъ Архимандритъ Макарій, котораго нынѣ церковь наша чтитъ святымъ Чудотворцемъ Переяславскимъ, гдѣ и мощи его почиваютъ. Наконецъ храмъ сей со 160 лѣтъ былъ пустъ и забытъ; нынѣ возобновленъ тщаніемъ, и усердіемъ одного Русскаго Дворянина Г. Казаринова, который женился на Полячкѣ и здѣсь сдѣлался помѣщикомъ. Въ обители 6 монаховъ Базиліянскаго (Св. Василія) Ордена, т. е., Уніяты. Одинъ изъ нихъ ожидалъ себѣ скоро посвященія по ихъ въ Опаты (Аббаты), по нашему въ Архимандриты. Уже и Указъ объ немъ въ наше время полученъ былъ.

На церкви фронтонъ съ слѣдующею подписью: «Богу въ Святой Троицѣ Единому, Справедливому. Твоя отъ твоихъ Тебѣ приношу 1810.» Простое выраженіе благодарной твари предъ своимъ Создателемъ.

Монахи здѣсь не тунеядцы и лѣнтяги: они обучаютъ разнымъ языкамъ юношество и получаютъ за то жалованье. При костелѣ

---

* А прежде были Православнаго. Въ этомъ монастырѣ похороненъ славный Малороссійскій Гетьманъ, Иванъ Серпяга, въ народѣ извѣстный подъ именемъ Подковы, измѣннически убитый 1578 года въ Львовѣ. Въ Каневъ тѣло его принесъ товарищъ и другъ его, Гетьманъ Жахъ (или Шахъ), который тутъ же и постригся черезъ годъ въ монахи. Дорога, по которой везли мертваго

выстроенъ каменный большой домъ, въ которомъ учреждены школы. Поляки отдаютъ сюда дѣтей своихъ учиться разнымъ наукамъ; это заведеніе подобно Академіи. Оно подъ главнымъ вѣдомствомъ Министерства Просвѣщенія и Католицкаго Духовнаго Правленія, а на мѣстѣ управляетъ въ подробности Митрополитъ Уніятскій. Я не утаю примѣчанія, общаго между помѣщиками Русскими, что Поляки дѣтей своихъ не учатъ по Русски и, кажется, будто мѣстоначальники на это смотрятъ очень равнодушно. Мы ни кого изъ школьниковъ не видали: время было вакантное; всѣ по домамъ, а Настоятель на ту пору отлучился отъ монастыря въ городъ Каневъ. По правамъ Польскимъ, туда пріѣзжалъ въ этотъ день Повѣтовый Богуславскій Судъ учреждать конкурсъ надъ имѣніемъ одного Жида, объявившаго себя банкротомъ; а какъ онъ долженъ былъ и монастырю, то Архимандритъ выѣзжалъ въ Судъ защищать свое право; ибо и черноризцы хотятъ жить, а для этого потребны деньги.

Мѣстоположеніе монастыря прекрасно: когда монахи селятся на худыхъ мѣстахъ? Вездѣ лучшія усадьбы подъ ними, отдадимъ имъ эту справедливость. Обитель на горѣ, въ низу ея, въ небольшомъ разстояніи, видѣнъ Днѣпръ, и я, глядя на его быстрыя

Серпягу до Канева, называлась долгое время Серпяжиным шляхом (трактом). О смерти этого Гетьмана упоминаютъ двѣ Малороссійскія думы:

1-ая:

«Охъ и сила, сила, сила силу подолѣла,
Серпягови да у Львовѣ сподѣлась могила.»

2-ая:

«Ой зъ города изъ Полтавы выѣжжали Козаки,
Усѣхъ було три таборы, да всѣ три однаки.»

Въ послѣдней поется также:

«А въ городѣ у Каневѣ да й заголосили,
Що Серпягу у могилу тихо положили!»

См. Украинскія народныя пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ. Москва, 1834, стр. 78—80. А о походѣ Серпяги по Черному морю см. Думу въ Сборникѣ Украинскихъ пѣсенъ, изд. тоже М. А. Максимовичемъ. Кіевъ, 1849, стр. 27—30. О. Б.

струи, мечталъ о Кіевѣ, о томъ препрославленномъ градѣ въ лѣтописяхъ нашихъ, куда стремились нетерпѣливо мой духъ и мысли.

Дачи въ окрестности сихъ мѣстъ вездѣ пріятны; я ѣздилъ съ зятемъ къ сосѣду его, тому самому Казаринову, который украшаетъ Каневскую церковь, былъ имъ обласканъ чрезвычайно, и видѣлъ всѣ его заведенія. Садъ попечительною рукой разведенъ и воспитанъ: какъ онъ лелѣетъ каждое дерево! Какія возвышенныя тополы, какія стройныя раины осѣняютъ не богатый, но со вкусомъ прибранный, его домикъ! Онъ въ немъ живетъ просто, безъ чиновъ, гостямъ радъ безъ принужденія. Мы у него посидѣли часа съ два. Хлѣбопашество его въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ богатъ, по тому что кажется доволенъ, и у него можно найти маленькой оттѣнокъ патріархальныхъ нравовъ.

Жена его изъ Полячекъ, барыня скромная, вѣжливая и любезная: ихъ ни что не раздѣляетъ, кромѣ Вѣры; все у нихъ за одно, но церкви разныя. Она Уніятка, а онъ—нашъ братъ Католикъ Греческаго Исповѣданія. Любя свою подругу, онъ для нея выстроилъ при домѣ маленькую Католицкую церковь: въ ней отправляется служба по Польски, а книги церковныя тѣ же, что и наши, да и на нашемъ языкѣ. Сколько я ни всматривался въ Унію, находилъ въ ней ядро Папистовъ подъ скорлупою Греко-Восточной Церкви. Я ни какой смѣси не терплю: она хороша въ одной поварнѣ, а въ нравственности, найпаче же въ Религіи, Химія никуда не годится. Но что до этого? У Казаринова много пріятнаго и хорошаго; онъ добрый и ласковый панъ; такъ и спасибо ему, что полюбилъ насъ!

У зятя я находилъ себя ближе къ своему дому, ко своимъ пенатамъ; онъ окруженъ добрыми сосѣдями, и со всѣми ими меня ознакомилъ; ласки ихъ меня трогали, искренность привлекала: какъ не любить того, что любезно? Сверхъ того, сестра, живучи здѣсь постояннымъ образомъ, установила ходъ переписки своей съ нашими общими домашними и, получая отъ нихъ порядочно каждую недѣлю извѣстія, снабжала меня ими; и такъ я отвыкъ отъ антиподовъ и чувствовалъ, что приближаюсь по маленьку къ тому краю, гдѣ Богъ велѣлъ мнѣ родиться и первые лучи солнца увидѣть.

ГЛАВА LXIV.

Балъ у зятя, прощанье и отъѣздъ.

4 Августа зять мой бываетъ имянинникъ: достаточная причина для роскоши и мотовства; нашъ пріѣздъ увеличивалъ праздникъ; и такъ явились сюда всѣ сосѣди Польскіе, Малороссійскіе, Русскіе, привезли съ собой женъ и дѣтей: собраніе сдѣлалось большое; съ утра до вечера день прошелъ въ пляскѣ и удовольствіи. Сперва, какъ водится за обѣдами, хозяева зачали пить здоровье гостей, а гости хозяйское. Вино развязываетъ языки и у самыхъ скромныхъ: пошли поговорки. На мою долю пришлось бокаловъ съ 10: отказъ не пріемлется. Какъ скоро сказано: «Въ ренцѣ!» надо бѣжать къ сигналу, брать бокалъ въ руки и осушивать его до дна. Поляки, не знаю, всѣ и вездѣ ли, по крайней мѣрѣ, здѣшніе, выпивъ чье ни будь здоровье, вызывали того, кому хотѣли передать рюмку, говоря: «Въ ренцѣ, панъ» такой-то! Слово «въ ренцѣ,» значитъ въ руки, слѣдовательно, вызванный на этотъ прекрасный поединокъ гость бѣжитъ къ тому, который пьетъ, и за нимъ дѣлаетъ тоже. «Въ ренцѣ» чаще всѣхъ словъ было у нихъ слышно. Замѣтить еще надобно, что Поляки иначе не называютъ другъ друга, какъ «панъ,» прибавляя его чинъ, или званіе, на пр.: панъ Хорунжій, или панъ Подкоморій, и такъ далѣе.*

Выпивши здоровье всѣхъ тетушекъ, матушекъ и бабушекъ, всѣ между собой застучали рюмками, не пустыми, однако, и кричали въ одинъ голосъ: «Виватъ! Кохаймосы!» Это уже крайнее выраженіе согласія и любви. Всѣ стаканы чокъ, чокъ! а гости чмокъ, чмокъ! и радость во всѣ чувства полилась рѣкой. Славное Венгерское вино, какого, кромѣ Польши, нѣтъ нигдѣ, цѣльное, безъ обмана, вскружило всѣ умы, и въ честь Бахусу часть большая зятниная погреба осушилась. Простительно въ праздничный день, въ хорошей семьѣ, въ пріятной бесѣдѣ, забыть мѣру

---

* Съ Итальянскаго обычая. О Б..

въ наслажденіяхъ. У пьяныхъ, какъ и у трезвыхъ, своя логика, умствованіе и вкусъ. Послѣ стола я говорилъ сосѣду:

По чести, можетъ ли что быть
Хмѣльныхъ пріятнѣе напитковъ?
Не надо золота мнѣ слитковъ,
Когда могу такой я пить.

Что думалъ тогда, то теперь написалъ: «In vino veritas.»

Молодымъ дѣвушкамъ хотѣлось поплясать: ихъ было довольно, молодцовъ также, а музыка готова. Начался балъ, и панъ Подкоморій въ Польскомъ своемъ платьѣ, подпоясанъ богатымъ кушакомъ, открылъ его своимъ отечественнымъ танцомъ. Что можетъ быть прелестнѣе для глазъ въ искуствѣ Терпсихоры, какъ Польской, когда его водитъ Полякъ? Какіе изгибы во всѣхъ мускулахъ, какой изворотъ въ ходьбѣ, какъ онъ рисуетъ путь свой, какъ прекрасно водитъ даму; на всякомъ переломѣ новое паденіе до ногъ; съ какою ловкостью Полякъ закидываетъ свои рукава назадъ, бросаетъ шапку подъ мышку и поглаживаетъ усы; какъ живъ у него взоръ, когда онъ танцуетъ: все его лице изъясняетъ его чувства! Нѣтъ ни чего любострастнѣе этого танца; но что можетъ быть усыпительнѣе его же, когда мы, по своему, по Русски, называя Польскимъ какой-то прескучный ходъ изъ угла въ уголъ по большой залѣ, шагаемъ просто, безъ снаровки съ музыкой, тащимъ дѣвушку, которая бѣжитъ во весь духъ, или дремлетъ, естьли передняя пара остановилась: тутъ нѣтъ ни какого выраженія, мертво. Я вспомню при этомъ шутку одного моего пріятеля, который, танцуя паръ въ сорокъ предлинный Польскій въ клубѣ и съ трудомъ продираясь сквозь кучу людей, говорилъ мнѣ: «Nous allons à la terre promise, Мы шествуемъ въ обѣтованную землю.»

Послѣ пана Подкоморія и панъ Совѣтникъ Казариновъ отдернулъ Польской. Потомъ начались Мазурка, Краковякъ и прочія Польскія же пляски. Какъ мило отличались проворствомъ, искуствомъ и прелестьми многія здѣшнія барышни! Какъ много давали чувствовать тоненькіе ихъ каблучки, когда они, избоченясь, ими постукивали! Межъ ими нашелъ я родню свою, Княжну Долгорукую:

она воспитывается у родной своей бабушки, Генеральши Бандеръ, которая изъ ближней своей деревни на это время пріѣхала къ сестрѣ и у нея погостила. Съ какимъ вниманіемъ и сердечнымъ удовольствіемъ она любовалась, глядя на свою внучку, а та обучилась иностраннымъ языкамъ съ прилежностью, мастерски говоритъ по Польски и вообще приготовлена воспитаніемъ своимъ къ счастію семейному. Веселый панъ Викуловскій, острая и пригожая пани Хорунжева, жена Хорунжаго, учувствовали безъ принужденія во всѣхъ нашихъ забавахъ. Всѣ играли, смѣялись, искали удовольствія, и находили его безъ хлопотъ и труда. Можно забыть мѣста, воды, прохладный источникъ, тѣнистый лѣсъ и всѣ красы природы; но гдѣ тотъ смертный равнодушный, который забудетъ пріязнь, искренность, ласку? Нѣтъ, я васъ не забуду, удостоившіе меня вашей ласки, новые мои соотчичи: всѣ вы въ мысляхъ моихъ и теперь!

Однако на всякомъ сраженіи бываютъ раненые: какъ безъ того? И здѣсь кого запалилъ Бахусовъ огонь, тотъ простывалъ на мягкой перинѣ; а коихъ стрѣлы Венеринны пронзили, тѣ вздыхали ходя, сидя и лежа. Бѣдный мой Алексѣй до того допрыгалъ мазурку, что не зналъ, куда дѣвать свое сердце: оно подымалось у него, какъ волны морскія, «Ахъ, папинька! Естьли бъ вы знали, какъ мила моя Цезирушка!»—«Вѣрю, мой другъ: такіе припадки и меня схватывали часто. Умные люди считаютъ то время счастливымъ, когда отъ нихъ совсѣмъ вылѣчишься: что въ этомъ здоровья? Съ нимъ жизнь хуже смерти:

О юноша любезный!
Дней красныхъ не теряй;
Стяжи совѣтъ полезный—
И чувства разбирай!
Желать и наслаждаться,
Есть дѣйство естества;
Любить и восхищаться; —
Внушенье Божества.

Вотъ какъ мы проводили время у зятя, и отпраздновали его именины въ новомъ его домѣ, хотя и не совсѣмъ еще готовомъ; но лѣтомъ вездѣ крышка и покой. На сватра расположились

ѣхать къ Казаринову позавтракать, и отъ него въ путь. До Кіева намъ оставалось не съ большимъ 100 верстъ. Сестра и зять обѣщали и туда пріѣхать раздѣлить съ нами время; и такъ прощанья наше еще не рѣшительны, и мы, отдохнувши отъ именинъ, разцѣловавши Мишу, поѣхали и хозяевъ съ собой увезли къ Казаринову.

ГЛАВА LXV.

Пиръ у Казаринова. Отъѣздъ и путь до Кіева.

Нашедши у Казаринова на завтра всю туже компанію, которая была на канунѣ у зятя, нетрудно было догадаться, что мы тутъ пробудемъ весь день и ночуемъ. Немного для сего потребно было убѣжденія: два слова съ пріязнію,—и мы остались. Возобновилась вечерняя потѣха, хозяинъ не пощадилъ своего погреба; полилось Венгерское, и самое превосходное. Какъ отказаться отъ рюмки хорошаго вина? А вторая, третья и такъ далѣе, тѣ сами текутъ въ душу. Немножко головѣ накладно, но ума съ друзьями не надо, были бы искренни чувства; а вино такъ очищаетъ сердце, какъ бѣлка облупитъ орѣхъ.

Мы пили, ѣли, играли, рѣзвились и всѣ были молоды; хозяева люди добрые, зажиточные и не скупы. Еще прогостили день съ родными, отдохнули, и по утру рано, 6 числа, простясь со всѣми на долго, естьли не навсегда, а съ родными еще только на недѣлю, скрылись отъ дальнихъ проводовъ, и на зятниныхъ лошадяхъ поѣхали въ Богуславль обѣдать.

Лошади рабочія и на силу насъ туда довезли: ѣхать скоро было нельзя, верстъ 40 слишкомъ, а дорога еще гориста и тяжела. Окрестности по пути хороши, много деревень разныхъ пановъ Польскихъ и вездѣ пропасть гусей: ни какой птицы такъ много не увидишь, и ни какихъ фруктовъ въ такомъ изобиліи не найдешь, какъ абрикосовъ: мы переставали даже находить вкусъ

въ нихъ. Вездѣ разныя хозяйственныя заведенія, огромныя скирды хлѣба, прекрасныя и очень частыя мельницы, также винокурни. Погоду мы имѣли сухую и самую жаркую

Городъ Богуславль* самъ по себѣ не завиденъ: онъ имѣетъ свой Уѣздъ; въ немъ есть и Городничій. Въ этотъ самый день, т. е., въ Преображенье, тутъ бываетъ ярмарка; но такъ какъ это былъ шабашъ, то Жиды не торговали, и отъ того она была очень пуста. Подъѣзжая къ городу, спуститься надобно въ долину, которая обросла дубнякомъ и очень хороша положеніемъ своимъ и тѣнью.

На счетъ Жидовъ мнѣ къ стати помѣстить пресмѣшное приключеніе. Лошади наши шли худо; меня безпокоило нетерпѣнье доѣхать до мѣста. Увидѣлъ я у Жидовской корчмы лошадей; Жиды выпрягли ихъ изъ повозки, пустили по лугу, а сами сѣли на лавки, сложили руки и, какъ мертвые, не дохнутъ: шабашъ!— Я къ нимъ подослалъ нанимать лошадей, чтобъ перемѣнить своихъ: еще оставалось до города бѣжать 10 верстъ. Нѣтъ, Жиды не согласились, самимъ надобно. «Да вѣдь, у васъ шабашъ, а къ завтрему воротятся.»—«Ни подъ какимъ видомъ.» Желая посмотрѣть, что отъ нихъ будетъ, естьли лошадей впрячь насильно, я послалъ ихъ переловить, опутать и привести. Жиды все это видѣли. Стали ихъ впрягать,—ни одинъ ни слова, какъ прикованы были къ лавкѣ. Мнѣ жаль стало ихъ дурачества, я лошадей ихъ отпустилъ и дотащился на своихъ. Вотъ каковъ шабашъ! Жида хоть запали, онъ сгоритъ, и не тронется. Отъѣхавъ отъ Богуславля 30 верстъ съ небольшимъ, мы остановились ночевать въ имѣніи Графа Браницкаго; дорога сюда ровнѣе, горъ меньше, мѣстами степь, но корчмы Жидовскія очень часто настроены. Винцентовка— вотчина большая; о ней можно сказать, какъ о градѣ Ниневіи: «и скоти его мнози;» ибо стада огромныя, а сливокъ за червонной не достанешь: не продадутъ и не дадутъ. Прикащика не было дома, а жена его, женщина препрубая, надѣлала намъ множество неучтивостей, и не только отказала въ порядочной квар-

* Богуславъ, съ 8-го Декабря, 1796 года, Уѣздный городъ, на рѣкѣ Росѣ. О. Б.

тирѣ на своемъ дворѣ, гдѣ бы мы, не стѣсняя ее, могли помѣститься; даже была такъ невѣжлива, что не хотѣла дать ни какого свѣдѣнія о разстояніяхъ и окрестностяхъ этого мѣста: во все путешествіе не случилось намъ встрѣтить другой такой грубіянки; прямая Горгона, и видомъ и нравомъ. Я въ тотъ день, читая какую-то книжку въ колискѣ, нашелъ два стиха Латинскіе, которые очень идутъ къ ней и къ ея сестрамъ, бѣшенымъ бабамъ:

Aspidi quid pejus?—Tigris.
Quid tigride?—Demon.
Quid Demone?—Mulier.
Quid muliere?—Nihil.

Намъ хотѣлось съѣздить въ Бердичевъ, мѣсто въ здѣшней сторонѣ знаменитое, по его ярмаркѣ, монастырю и торговлѣ: это Польскій Парижъ. Естьли молодой человѣкъ, окончивъ воспитаніе, не былъ въ Бердичевѣ, то онъ сто процентовъ въ большомъ свѣтѣ теряетъ. Узнавши, что туда 100 верстъ крюку и что, въ разсужденіи военнаго тракта, прогоны должно платить вдвое, я раздумалъ въ Бердичевъ ѣхать: жаль стало денегъ, а при томъ признаюсь, что очень спѣшилъ поскорѣй доѣхать до Кіева.

7 числа былъ Воскресный день. Какъ въ большомъ селеніи не быть большому храму и крупному благовѣсту? Я услышалъ звонъ и пошелъ къ обѣднѣ, но ея не было: иконостасъ весь выломанъ и дѣлается новой. Дьячекъ прочелъ Часы, а Попъ прочелъ на престолѣ Евангеліе того дня, вотъ и вся служба! Народу собралось много. Одинъ Хохолъ или Козакъ, выѣвши самую большую свѣчу, разсудилъ съ ней стоять во время службы. Одинъ съ такою тягостью, онъ былъ очень примѣтенъ въ толпѣ прочихъ смиренныхъ овецъ. Я хотѣлъ узнать отличности такой причины, спросилъ: «На что ты держишь такое бремя?»—«Такъ!» Мнѣ очень полюбился этотъ резонъ. Я прежде его вышелъ изъ церкви, и не знаю, отдалъ ли онъ ее, или еще и теперь стоитъ съ нею въ церкви.

День былъ вѣтренъ, дорога безпокойна, въ 20 верстахъ мѣняли лошадей въ селеніи Проскуры; тутъ почтовый домъ дере-

нный, обмазанъ; далѣе 20 верстъ селеніе Гребенки,* почтовый домъ по общему фасаду съ прочими Малороссійскими, каменный, выстроенъ отъ казны; здѣсь мы обѣдали, и еще проѣхавши 28 верстъ, увидѣли Васильковъ, и колебались, остаться тутъ, или нѣтъ; еще было рано до Кіева отсюда только 39 верстъ; но устрашили насъ пески; сверхъ того, мы не хотѣли пріѣхать туда ночью, чтобъ не потерять перваго взгляда издали на Лавру. Услужливый Жидъ держитъ тутъ хорошій трактиръ; онъ обольстилъ насъ своею уклончивостью, зазвалъ къ себѣ, и мы, хотя уже съ тонкими ѣхали на богомолье карманами, однако склонились одинъ вечеръ въ жизни подарить Василькову, и расположились тутъ на ночлегъ.

Васильковъ прежде былъ пограничный городъ. Тутъ учрежденъ былъ карантинъ и таможенная застава; теперь въ немъ стоялъ какой-то пѣхотный баталіонъ, который оживотворялъ нѣсколько сей запустѣвшій городокъ. Въ немъ есть по немногу каменнаго строенія. Онъ разбросанъ по холмамъ и долинамъ, издали видъ его хорошъ; двѣ церкви каменныя, одна деревянная; я въ нихъ былъ: нѣтъ ни чего особенно примѣчательнаго. Соборъ на самой высокой точкѣ города, и отъ него видъ долу очень красивъ. За Васильковомъ, приближаясь къ Кіеву, мы опять въѣхали въ старую свою Россію и оставили бывшія за Польшею земли.**

Отъ Василькова до Кіева пески утомительны, на силу лошади насъ дотащили. Верстахъ въ 10 отъ города видна уже Лаврская колокольня, и я отъ радости затрепеталъ. Уже Богъ благословлялъ давнишнее мое намѣреніе, и я достигалъ главнаго предмета моего путешествія. Въѣхавши въ городъ, пустились, не заходя на квартиру, прямо въ Лавру: тамъ, изнуренныя трудомъ, молитвою и напастьми, почивали кости почтенной прародительницы моей, схимонахини Нектаріи. Сердце мое, приближась къ

---

* Гребенка. О. Б.

** Въ древности Васильевъ, построенный Великимъ Княземъ Владиміромъ Святославичемъ, съ 1795 года Уѣздный городъ. О. Б.

мертвеннымъ ея остаткамъ, готово было выскочить; въ пыли, въ поту, въ слезахъ, я воздѣлъ руки къ небу, воздалъ хвалу Богу, палъ ницъ на гробъ, толико знаменитый въ родѣ нашемъ; онъ въ самыхъ вратахъ Лавры, накрытъ простой доскою безъ надписи: я угадалъ его по предчувствію, и вспомнилъ тутъ глаголъ Іякова, пробудившагося отъ сна своего на пути въ Харранъ: «Страшно мѣсто сіе: нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная.» *

ГЛАВА LXVI.

О Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой.

Гробъ схимонахини Нектаріи былъ главный предметъ моего путешествія и давнишняя цѣль моего желанія. Достигнувши его, начну тѣмъ, что сообщу публикѣ нѣкоторыя черты исторіи сей знаменитой Россіянки.

Родилась она 1714 года, Генваря 17 дня, и наречена при крещеніи Наталіей. Послѣ отца своего, Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева, осталась она 4 лѣтъ, а послѣ матери 14, и сію эпоху она въ Запискахъ ** своихъ сама называетъ началомъ

---

* Быт. XXVIII, 17. О. Б.

** Записки сіи первоначально напечатаны были въ журналѣ: «Другъ юношества,» издававшемся Максимомъ Невзоровымъ, 1810 года, въ Генварской книжкѣ, стр. 8—69, за тѣмъ въ: «Сказаніяхъ о родѣ Князей Долгорукихъ,» составленныхъ Княземъ Петромъ Владимировичемъ Долгорукимъ. Спб.. 1840, стр. 128—156, но не вполнѣ и съ поновленіемъ слога; вполнѣ же, по подлиннику, принадлежащему семейству покойнаго Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго, правнука ея, а сына Князя Ивана Михайловича, изданы въ 1-мъ выпускѣ «Русскаго Архива» 1867 г., и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Памятныя записки Княгини Натальи Борисовны Долгорукой;» рукопись въ 4-ку, на 48 листахъ, въ старинной, тисненой черной кожѣ; коегдѣ на листахъ, на одной сторонѣ рукопись, а на другой изображенія благочестиваго и иносказательнаго значенія, сдѣ-

всѣхъ своихъ бѣдъ. Въ 1730 году, Апрѣля 5, вышла она замужъ за дѣда моего роднаго, Князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго. Кто читалъ Россійскую Исторію, тотъ знаетъ, что онъ былъ ближайшій любимецъ Петра II-го. По кончинѣ сего порфироноснаго покровителя всѣхъ Долгорукихъ, перемѣнились обстоятельства нашего рода. Императрица Анна искала крови каждаго изъ нашихъ; Бирономъ гналъ все наше племя. Дѣдъ мой сосланъ, и Княгиня Наталья Борисовна поѣхала съ нимъ въ Сибирь, на третій день послѣ вѣнца. Тамъ, въ Березовѣ, за крѣпкой стражей, прожили они, со всѣми ихъ родными, 8 лѣтъ; никуда, кромѣ церкви, ихъ не выпускали, да и Богу молились подъ карауломъ.

По прошествіи 8 лѣтъ, разлучили ее съ мужемъ, и вотъ какъ она сама о семъ изъясняется: «Отняли у меня жизнь мою, безпримѣрнаго моего милостиваго отца и мужа, съ кѣмъ я хотѣла свой вѣкъ окончить и въ тюрмѣ ему была товарищъ; эта черная изба, въ которой я съ нимъ жила, казалась мнѣ веселѣе Царскихъ палатъ, но попущеніемъ Божіимъ, за грѣхи мои, его лишалась.»

Въ 38 году дѣдъ мой заключенъ въ особливый покой. Сіи опыты новыхъ мученій начались Апрѣля 10 дня; приставленъ удвоенный караулъ; не велѣно допускать къ нему жены. Любя его страстно, она изобрѣла одно средство видѣть его по одной минутѣ въ сутки тогда, какъ сама носила ему ѣсть; но и кушанье передавала ему не она, а часовой; такое страдательство продолжалось для нея до 4 Августа.

ланныя тушью; въ началѣ раскрашенное изображеніе Св. Великомученицы Варвары, а въ концѣ приписка сына Княгини, Князя Михайла Ивановича, сына Ивана Михайловича, слѣдующаго содержанія: «Получилъ сію книгу изъ Кіева, по кончинѣ нещастной матери моей въ 1773 году, Января 17 дня, въ день ея рожденія.» Къ Запискамъ присоединено нѣсколько писемъ Княгини и эта статья объ ней внука ея, Князя Ивана Михайловича. Записки въ этомъ изданіи сопровождены многими подстрочными примѣчаніями. Кромѣ того, переводъ Записокъ изданъ по Французски Княземъ П. В. Долгорукимъ, въ Парижѣ, озаглавленныхъ такъ: «Souvenirs de la princesse Natalie Borisovna Dolgoroukow, née comtesse Schérémétew.» О. Б.

Присталъ гвардіи Капитанъ съ командой, разорвалъ двухъ супруговъ, не далъ имъ проститься и увезъ дѣда моего въ Новгородъ. Здѣсь опять дамъ говорить ей самой: «Я не знала, что его уже нѣтъ; пришла къ той комнатѣ, вижу, что караулъ снѣденъ; я такъ сильно туда вошла,—его тутъ нѣтъ; мнѣ сказываютъ, что его, де, увезли. Что я дѣлала? Кричала, билась, волосы на себѣ драла. Кто ни попадетъ на встрѣчу, всѣмъ валялась въ ноги, прошу со слезами: «Помилуйте, когда вы Христіане: дайте только взглянуть на него и проститься!» Не было милосердаго человѣка, кто бы словомъ меня утѣшилъ, а только взяли меня и посадили въ темницѣ, и часоваго, примкнувши штыкъ, поставили.

По разлукѣ съ мужемъ, оставшись въ Сибири съ двумя сыновьями, отцомъ моимъ и дядей, она тутъ жила еще годъ и 10 мѣсяцевъ. Какая мука для души нѣжной и чувствительной! Тогда мучить была система правленія. 1739 года, Ноября 8 дня, дѣдъ мой назначенъ въ Новѣгородъ, а въ 40 году, по повелѣнію кроткой Самодержицы, Елисаветы, бабка моя, съ малолѣтными сыновьями своими, изъ коихъ старшему, отцу моему, было 8 лѣтъ, вывезена изъ Сибири въ Россію Іюня 17 дня, а въ Москву пріѣхала Октября 17.

И здѣсь не въ радостяхъ текли дни ея: сперва странствовала по чужимъ домамъ, со слезами и всякимъ трудомъ воспитывала дѣтей своихъ, сносила нападки, тѣсноту, нужду и разныя домашнія непріятности. Богатый Лазарь (такъ назову брата ея роднаго, Графа Петра Борисовича), не рѣдко допускалъ отца моего ходить безъ обуви у него въ домѣ и просить сапоговъ у глупаго его Библіотекаря, Воробьевскаго: да, такъ, это правда! На судѣ Божьемъ онъ истяжется съ нами, а здѣсь, по словамъ Царя Соломона: «Кто съ богатымъ поборется и на сильнаго вознесетъ гласъ?»

Для тѣхъ, кои захотятъ осужденіе мое почесть клеветой (ибо нѣтъ нечестиваго, который бы кому ни будь не сдѣлалъ иногда добра), для нихъ скажу два слова: Графъ Петръ Борисовичъ остался наслѣдникомъ 60 тысячъ душъ не одинъ: у него было два брата и нѣсколько сестръ, въ томъ числѣ и бабка моя, о коей рѣчь идетъ; она выдана послѣ отца братомъ; слѣдовательно, раз-

суждая о порядкѣ наслѣдства по настоящимъ временамъ, она имѣла право на 14 часть, которая составляла болѣе, нежели 500 душъ, ей братомъ почти Христа ради данныя изъ ругательства къ ея злосчастію; ибо, ѣхавши въ ссылку, она могла бы и тѣхъ не получить; подъ штыками въ Сибири апелляціи нѣтъ. Поворотимъ теперь въ другую сторону законъ наслѣдства и опредѣлимъ такъ. Все слѣдуетъ, по старымъ узаконеніямъ, старшему сыну, и тогда не Петръ Борисовъ, но Михайло, у котораго были малолѣтныя дѣти, пустившія потомъ свое племя, имѣлъ право на все родительское достояніе. И такъ ясно, что Графъ Петръ Борисовичъ отнялъ все у безсильнаго и сдѣлался могучъ на чужихъ развалинахъ. Но обратимся къ небесному существу, къ схимонахинѣ Нектаріи. Наконецъ Княгиня Наталья Борисовна, женивъ отца моего, въ 1758 году, въ Мартѣ, прибыла въ Кіевъ, а Сентября 27 постриглась и приняла имя Нектаріи. Тутъ она посвятила всю себя Богу и въ унынiи взывала: «Кто дастъ главѣ моей воду и глазамъ моимъ слезы? Недостаетъ силъ ни плакать, ни вздыхать.» Но гдѣ уйдетъ человѣкъ отъ злоключеній? Бѣды въ горахъ, бѣды во градѣхъ, бѣды и въ пропастяхъ земныхъ. Въ 1767 году, Марта 18 дня, приняла схиму и въ умиленіи Христіанскомъ писала къ отцу моему: «Господь совершилъ всѣ мои намѣренія: сподобилась и схиму принять; теперь только осталось ожидать повелѣнія Господня, когда душѣ моей выйти изъ тѣла и стать предъ Судьей къ отвѣту.»

Но не у пріиде часъ кончины; еще житейскія бури волновали праведную ея душу: въ 1768 году, Генваря 30, лишилась она брата своего, Графа, Сергѣя Борисовича, о которомъ такъ изъясняется въ своей перепискѣ: «Скончался любезный мой братъ, отецъ и другъ, Графъ Сергѣй Борисовичъ.» Казалось, истощило небо всѣ свои удары. О! нѣтъ, еще остался одинъ, сильнѣйшій, и который отверзъ ей самой двери гроба. Скончался сынъ ея меньшій, Князь Дмитрій Ивановичъ: поврежденный умъ вселилъ его въ молодости сущей въ монастырь; тамъ, бывъ въ разныхъ трудахъ и послушаніяхъ, онъ долго хворалъ и не могъ ни чѣмъ исправить своего воображенія, умеръ наконецъ въ монашескомъ рубищѣ и погребенъ въ глазахъ матери своей, въ Лаврѣ. Что могло быть еще чувствительнѣе для нея сей послѣдней потери? Жизнь станови-

лась для нея тягостнѣйшимъ бременемъ; одна вѣчность могла представлять ей отрады. И въ самыхъ послѣднихъ дняхъ бытія своего Нектарія, испытавъ всѣ ужасы моровой язвы въ Кіевѣ, изливала кровью послѣднія свои жизненныя силы. Наконецъ, судьба тихой смертью праведныхъ прекратила біеніе утомленнаго ея сердца и перенесла ее въ одно мгновеніе изъ ада въ рай.

Въ Запискахъ ея, предъ кончиной, какъ думать надобно, оставленныхъ, видно слѣдующее увѣщаніе: «Оставшіе по смерти моей, пролейте слезы, вспомня мою бѣдственную жизнь; всякаго Христіанина прошу сказать, вспомня меня: «Слава Богу, что окончалась ея жизнь; не льются уже токи слезъ и не вздыхаетъ сердце ея!» Я васъ Богу вручаю; онъ васъ наградитъ за всѣ ваши успокоенія въ моемъ странствіи и усугубитъ вамъ небесныхъ и земныхъ благъ. Отецъ мой милосердый помилуетъ и доведетъ меня къ тихому пристанищу.»

Такъ умирала, такъ умерла, схимонахиня Нектарія, вдова Князя Долгорукаго, дочь Графа Шереметева. По собственному ея изволенію, тѣло ея погребено при самомъ входѣ въ Кіево-Печерскую Лавру, рядомъ съ гробомъ сына ея, котораго потеря растворила всѣ ея раны душевныя. Надъ сими остатками положены были, наровнѣ съ чугуннымъ поломъ, двѣ чугунныя же плиты съ надписями; но какъ шествовалъ чрезъ Кіевъ Государь Павелъ въ чужіе краи, тогдашній Митрополитъ Кіевской * разсудилъ приказать доски повернуть гладью вверхъ; причина этого не извѣстна. Съ тѣхъ поръ надгробныя доски такъ и остались; надписей не видно, всѣ черезъ нихъ ходятъ. ** И мнѣ, когда я подошелъ ко вратамъ собора, какое-то внутреннее предчувствіе сказало: «Падай! Это та, кого ты ищешь.»

---

* Гаврінлъ Кременецкій. О. Б.

** Въ «Описаніи Кіевопечерской Лавры, Преосвященнаго Евгенія, Митрополита Кіевскаго, изданномъ въ Кіевѣ 1826 года,» въ «Прибавленіи,» на стр. 178 и 179, въ статьѣ: «Списокъ разныхъ надписей въ Кіевопечерской Лаврѣ, внутрь Со-

ГЛАВА LXVII.

Общій взглядъ на Кіевъ.

Кіевъ поставленъ на горахъ: подъ ними течетъ быстрый Днѣпръ и краситъ картину города. Нѣтъ ни чего пріятнѣе, какъ видъ изъ за рѣки отъ самыхъ Броварей; за 18 верстъ шпицъ колокольни Лаврской кинется вамъ въ глаза.

Мѣстоположеніе самой Лавры безподобно: ни чего я лучше не видывалъ. Владиміръ, какъ говорятъ многіе, маленькой рисунокъ Кіева: я на это согласенъ. Крѣпость и Печерскій монастырь стоятъ на срединѣ горы; тутъ земля, какъ будто уступая свято-

---

борной великой Успенской Церкви, и внѣ оной,» подъ № 25 и 26 сказано, именно № 25: «На преддверіи Великой Лаврской Успенской Соборной церкви, на двухъ чугунныхъ доскахъ, лежащихъ на землѣ одна подлѣ другой, вылиты слова съ надписью, на правой: «Подъ сей доской положено тѣло Княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой, дочери Генералъ-Фельдмаршала, Графа Бориса Петровича Шереметьева, супруги Оберъ-Камергера Князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, которая родилась въ Лубнахъ въ 1714 году, Генваря 17 числа, въ супружество вступила въ 1730 году, Апрѣля 5, а овдовѣла въ 1739 году, Ноября 8 числа, постриглась въ монахини въ Кіево-Флоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ 1758 году, Сентября 28, и наименована при постриженіи Нектарія, и въ томъ имени приняла схиму въ 1767 году, Марта 18 числа, и поживе честно и богоугодно по чину своему, скончалась въ 1771 году, Іюля 3 дня.» На второй: «На семъ мѣстѣ погребенъ тѣломъ Князь Димитрій Ивановичъ Долгоруковъ, внукъ Генералъ-Фельдмаршала, Графа Бориса Петровича Шереметьева, сынъ Генералъ-Аншефа, Князя Ивана Алексѣевича, родился 1738 года, мѣсяца Октября, служилъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскомъ полку отъ 1751 году по 1761 годъ, и за болѣзнію отставленъ съ рангомъ Армейскаго Поручика; 1763 года, Іюня 26, пріѣхалъ въ Кіевъ, имѣлъ желаніе постригтися въ монахи Кіевопечерской Лавры, имѣлъ жительство на пещерахъ Преподобнаго Ѳеодосія по 1767 годъ, Апрѣля 8 день, потомъ, по обѣщанію, жилъ въ Кіево-Николаевскомъ Пустынномъ монастырѣ по 1769 годъ, гдѣ и заболѣлъ Апрѣля 24 дня, на Свѣтлой Недѣлѣ, въ Четвертокъ, и, будучи въ болѣзни, шесть разъ причащался Святыхъ Таинъ и Елеемъ Святымъ Соборомъ помазанъ, и на исходъ души Канонъ читанъ, и Маія въ 26 день, во Вторникъ по полудни, въ 5 часу въ 50 минутѣ, на канунѣ отданія Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ вечерній благовѣстъ, отъиде съ сего свѣта, и 29 погребенъ Архимандритомъ той же Лавры, Зосимою

сти мѣста, дала впадину; отъ монастыря внизъ до Дѣпра тянется хребетъ горъ, и въ нихъ двѣ пещеры, ближняя и дальняя. При каждой есть каменный соборъ, и все это вмѣстѣ несказанно плѣняетъ взоръ.

Подъ всѣми этѣми горами, какъ будто изъ самаго Днѣпра, выходитъ пространный городокъ, наполненный монастырями, прекрасными зданіями, населенный множествомъ обитателей; тутъ рынки, торги, лавки, магазины, и это только часть Кіева, называющаяся Подолъ.

Колокольня Печерская огромна и высока, архитектуры нерегулярной, но для меня она меньше великолѣпна Ивановской въ Москвѣ, и не такъ красива, какъ Троицкая въ Лаврѣ.

Городъ дѣлится на три части: Старый Кіевъ, Печерская Сторона и Подолъ. Въ Старомъ Кіевѣ Соборъ * и Михайловскій монастырь, на Печерской сторонѣ крѣпость, построенная Петромъ Великимъ, и дворецъ, въ которомъ изволила ожидать весны въ 1787 году Екатерина II, на Подолѣ Братскій монастырь, и въ немъ Академія.

Вообще городъ великъ и хорошо устроенъ; онъ имѣетъ 15 верстъ длины и много домовъ со вкусомъ. Безпрестанно надобно всходить, или сходить, съ горы; до сихъ поръ ихъ обработываютъ и углаживаютъ. Улицы не мощеныя. Недавно разломаны ворота, такъ называемыя, Золотыя, какъ и во Владимірѣ, для употребленія матеріяловъ съ большею пользою въ другомъ мѣстѣ. Трактировъ нѣсколько, модныхъ лавокъ болѣе 10, музыкальные

Валкевичемъ, но душа его со Святыми да упокоится, и вси видящіи гробъ сей и чтущіи, поминая свою смерть, молитеся объ немъ, да водворитъ его Господь въ царствіи своемъ.» Говорятъ, Императрица Екатерина II, будучи въ Кіевѣ 1787 года, велѣла поставить рѣшетку вокругъ надгробной плиты Княгини. Въ нынѣшнее время могилы матери и сына означены боковыми надписями на стѣнахъ трапезы, справа и слѣва при входѣ въ Успенскую Соборную Лаврскую церковь. О. Б.

* Кіево-Софійскій. О. Б.

магазины и книжныя лавки; одна изъ нихъ съ надписью: «Cabinet de lecture.»

Дворецъ—строеніе огромное, залы большія и прекрасный садъ; въ немъ живетъ Военный Губернаторъ и часто даетъ роскошные праздники. Музыка почти ежедневно забавляетъ публику въ его саду, и онъ всегда наполненъ.

Домъ для Присутственныхъ Мѣстъ великъ, по меньше Владимірскаго корпуса, также каменный съ колоннами и строенъ по новѣйшей архитектурѣ; для Губернатора Гражданскаго каменный же домъ построенъ отъ казны. Идучи отъ дворца къ монастырю, отдѣлываютъ бульваръ, и деревья при насъ садили.

Въ крѣпости Комендантъ, и для караула стоятъ въ Кіевѣ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты.

Ремесленниковъ въ городѣ очень много; все нужное есть; на каждомъ домѣ увидишь вывѣски три, четыре, разнаго мастерства: жить здѣсь въ свободѣ пріятно, я очень этому вѣрю; но по обязанностямъ службы, думаю, что очень тягостно, по тому что Губернія наполнена всякимъ народомъ: въ ней Поляки, Малороссы (Хохлы) и Россіяне; разность правъ, нравовъ и обычаевъ каждаго изъ нихъ наносятъ служащимъ большія хлопоты и затрудненія.

На Подолѣ выгорѣли ряды и строятся новые; между тѣмъ купцы торгуютъ по домамъ. Ни что такъ не удивляетъ, какъ магазинъ Губарева, у котораго вы найдете все, что можетъ обворожить самаго равнодушнаго къ прелестямъ роскоши скупца; все выписное: стекло, фарфоръ, золотыя вещи, бронзы; о мелочахъ уже и говорить нечего—сюрпризы, какихъ лучше нѣтъ и въ Москвѣ; все это завелось здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ сюда перенесены Контракты. * Это очень возвысило красоту города и возспособило его отстройкѣ.

---

* Контракты эти первоначально были въ Львовѣ, изъ котораго, по присоединеніи Галиціи къ Австріи, перешли, въ 1774 году, въ Дубно, а изъ него уже, по Указу 27-го Сентября, 1797 года, переведены въ Кіевъ. О. Б.

Домъ для Контрактовъ выстроенъ превеликой на Подолѣ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда живали мои родители, когда они со мною, сущимъ младенцемъ, пріѣзжали видѣться съ Княгинею Натальей Борисовной; нынѣ этого мѣста и тотъ бы не узналъ, кто здѣсь бывалъ послѣ ребячества. Всѣ знаютъ, что такое Контракты: они начинаются въ Генварѣ и продолжаются недѣли три. Въ эту бѣшеную пору всѣ магазины и лавки опустошаются, все раскупятъ. Поляки наѣзжаютъ кучами отвсюда для своихъ продажъ, размѣновъ, арендъ и откуповъ. Изъ кармановъ ихъ посыплются кучи золота, и я видѣлъ такіе домы, которые невѣроятный даютъ хозяину доходъ, на примѣръ, домъ Г-на Спер., въ которомъ жилъ тамошній Прокуроръ, занимается уже нѣсколько лѣтъ сряду во время Контрактовъ какой-то Графинею Потоцкой, которая за двѣ недѣли найма платитъ до 4 тысячъ рублей; а домъ деревянной и далекъ отъ того, чтобъ быть очень обширнымъ; мнѣ самъ постоялецъ это сказывалъ.

На спросъ мой и съ нѣкоторымъ удивленіемъ: «Для кого такъ много вещей, прямо драгоцѣнныхъ и ломкихъ, выписываетъ въ свою лавку Губаревъ?» сидѣлецъ его мнѣ отвѣчалъ: «Ни чего не останется: въ Контракты все раскупятъ Поляки;» а конечно, по продажной цѣнѣ судя, которая и въ Кіевѣ нынѣ, благодаря общему стѣсненію торговли, на все поднялась страшнымъ образомъ, конечно, Губаревъ имѣлъ тогда въ своемъ магазинѣ на нѣсколько сотъ тысячъ товару.

Театръ хотя и есть въ Кіевѣ, и снаружи хорошъ и великъ, но, за недостаткомъ актеровъ, въ немъ игры нѣтъ. На одни только Контракты наѣзжаетъ какое-то иноплеменное сборище скомороховъ и что-то представляетъ; роскошь и мотовство болѣе, нежели вкусъ къ театру, его наполняютъ.

Вотъ крупныя черты города. Кіевъ старъ, но древность его не такъ видна, не такъ осязательна, какъ Новгородская. Тамъ столѣтія на всякомъ церковномъ зданіи, на всякомъ шпицѣ колокольни, явственно изображены и свидѣтельствуютъ долговременность того города; здѣсь все что-то новое, больше моды, меньше старины.

Нигдѣ, однако, думаю, во всей Россіи, нѣтъ столько предметовъ, возбуждающихъ любопытство, какъ въ Кіевѣ. Я постепенно буду говорить о всемъ томъ, что меня занимало, и начну съ Печерской Лавры, но скажу напередъ, что мы, по особенному доброхотству Госпожи Турчаниновой, у которой гостили въ деревнѣ, заняли собственный ея въ Кіевѣ домъ. Онъ хорошо построенъ, прибранъ со вкусомъ, на лучшемъ самомъ мѣстѣ, противъ Лавры. Не проходило дня, чтобъ я, проснувшись, не устремилъ на нее первый мой взглядъ; не проходило ночи, чтобъ я не засыпалъ подъ томную и унылую гармонію Печерскаго звона. Прерывистый его благовѣстъ, рѣдкое удареніе колокола и протяженный звукъ, все душу мою располагало къ меланхоліи. Хозяйка дома намъ дозволила занять всѣ его покои. Къ намъ подъѣхали сестра съ зятемъ, и мы препріятно провели еще здѣсь дней 10 вмѣстѣ.

ГЛАВА LXVIII.

Кіево-Печерская Лавра.

Печерская Лавра есть первый предметъ любопытства въ Кіевѣ; она внутри крѣпости. Кто здѣсь бывалъ, тотъ вѣрно имѣетъ, или читалъ, книжку, въ которой помѣщено подробное описаніе всѣхъ ея памятниковъ и красотъ. * Всякой на все глядитъ своими глазами. Описывая Лавру, я коснусь только того, что преимущественно заняло меня.

При самомъ входѣ въ ограду, по стѣнамъ написаны всѣ Святые, въ Лаврѣ почивающіе. На одной сторонѣ Антоній, на другой Ѳеодосій, знаменитые основатели пещеръ, держа въ рукахъ

---

* Краткое историческое описаніе Кіевопечерскія Лавры, соч. Митрополита Самуила (Мисловскаго). Кіевъ, въ типографіи Академіи Кіевской, 1795, 98, 1801 года, въ 8 д. л. О. Б.

икону Успенія Богородицы, предшествуютъ сонму избранныхъ Божіихъ и, кажется, идутъ въ срѣтеніе богомольцамъ, отвсюда въ Кіевъ приходящимъ. Я не говорю о живописи: она не хороша, однако дѣйствуетъ на воображеніе, и первый сей взглядъ уже располагаетъ душу вашу къ умиленію.

У вратъ церковныхъ представится вамъ также много наружной живописи и лѣпной работы. Всѣ стѣны въ краскахъ, а главы, коихъ нѣсколько разной величины, всѣ въ золотѣ, какъ огнемъ горятъ: преддверіе храма отмѣнно богато.

Въ самомъ соборномъ храмѣ вотще искалъ я того великолѣпія, какое мечталъ по славѣ сего мѣста въ Россіи. Архитектура старинная, но ни чего чрезвычайно величественнаго въ ней нѣтъ; богатства большаго, которое бы кинулось въ глаза, я вовсе не примѣтилъ, хотя, конечно, въ Успеньевъ день, во время обѣдни, Лавра щеголяетъ всѣмъ тѣмъ, что только есть въ ней превосходнаго.

Монаховъ мало, или они лѣнивѣе, или, можетъ быть, безкорыстнѣе прочихъ извѣстныхъ обителей: въ иныхъ по два, по три, бѣгутъ за богомольцемъ, чтобъ убѣдить его отслужить молебенъ и получить что ни будь за то; а здѣсь на силу добьешься съ большими поклонами, чтобъ монахъ отправилъ службу: это случилось со мной. Обрядъ церковный установилъ поминовеніе надъ усопшими; я хотѣлъ отправить его надъ гробомъ моей бабки, и съ большимъ трудомъ склонилъ какого-то старичка удовлетворить моей просьбѣ: всѣ мимо меня шли, говоря: «Не время, недосугъ!» хотя еще къ обѣднямъ не было и приготовленія.

Хуже всего то, что въ самой церкви, позади столбовъ, въ трапезѣ, сидитъ монахъ за столомъ, записываетъ подаяніе, ведетъ бухгалтерію и разсчитывается съ Православными въ копѣйкѣ, въ денежкѣ; весь этотъ порядокъ могъ бы быть соблюденъ внѣ храма, а не въ немъ: канцелярія въ церкви есть что-то отвратительное. А на паперти старички монахи продаютъ крестики и образа; народъ около ихъ шевелится: тотъ передалъ и проситъ сдачи, другой переплатилъ, монахъ ловитъ за платье; часто шумъ, брань, я чаю, и драка: какое безчинство!

Иконостасъ при насъ былъ выломанъ и отданъ въ починку; одинъ нижній рядъ иконъ оставался. Надъ Царскими дверьми есть образъ Успенія Богородицы, который спускаютъ внизъ, когда кто хочетъ прикладываться. Онъ очень хорошо убранъ Госпожею Опочининой. По примѣру Лавры, и во многихъ другихъ церквахъ въ Кіевѣ спускаются образа съ Царскихъ дверей. Мнѣ случилось спросить одну духовную особу: «Съ чего завели это въ Кіевѣ?» Умный монахъ отвѣчалъ мнѣ: «Все то, что удалено отъ прикосновенія человѣческаго, кажется ему священнѣе тѣхъ вещей, кои онъ всегда удобно осязать можетъ; особливо же сошествіе образа сверху внизъ поражаетъ сильно воображеніе простолюдиновъ.» Согласился я на эту причину, но проворчалъ ему тихонько и свою: «Если бы образъ лежалъ на налоѣ, всякая бѣдная старушка, сирота, или недужный, могъ бы дотащиться до него и поцѣловать икону; но когда ее надобно спустить, то напередъ слѣдуетъ попросить о томъ монаха, и за трудъ его потомъ дать денегъ, не такъ ли, святой отецъ?» Преподобный замолчалъ.

На правой сторонѣ церкви выставлена въ ракѣ, со многими частьми разныхъ мощей, глава Св. Князя Владиміра: рака бѣдна; я не могъ довольно пожалѣть о томъ. Уже ли, думалъ я, Владиміръ менѣе заслужилъ признательности Христіянской, чѣмъ Сергій у Троицы, Димитрій въ Ростовѣ? Не онъ ли начальникъ и основатель въ Россіи Вѣры Греческой? Не ему ли обязаны мы боговдохновеннымъ нашимъ крещеніемъ? И какъ могла одна голова его отыскаться? Сомнѣнія нѣтъ, что онъ схороненъ въ Кіевѣ; когда голову его нашли, найденъ гробъ и весь человѣкъ: для чего же не вырыты изъ земли всѣ его остатки? Для чего не сдѣлано ему памятника, сообразно славѣ его и дѣяніямъ? * Такъ ли почитаютъ въ отечествѣ нашемъ мужа, вѣчной славы достойнаго? Кому приличнѣе во всѣхъ храмахъ воспѣть можно: «Вѣчная память!» какъ не Владиміру? Однако при всемъ томъ онъ разрушенъ; тѣло оставлено въ могилѣ, и гдѣ? Ни кто не знаетъ, не умѣетъ сказать, ни указать; ни кто не любопытствовалъ до нынѣ открыть его

* Извѣстно, однако, что памятникъ Владимиру имѣется нынѣ уже въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, новый, хотя, правда, не совсѣмъ соотвѣтствующій славѣ и дѣяніямъ его. О. Б.

гроба: одна глава наружи, и то въ ракѣ простой, ни чѣмъ не украшенной: и стыдно, и жалко!

Противу сихъ мощей выстроенъ гробъ Св Михаила Епископа, который, вмѣстѣ съ Владиміромъ, крестилъ Россіянъ. *

Сверхъ Соборной церкви множество придѣловъ, но, судя объ нихъ по описанію общему, нѣтъ ни чего отмѣнно любопытнаго, кромѣ двухъ, изъ которыхъ въ одномъ погребенъ Фельдмаршалъ Графъ Румянцевъ, въ другомъ Фельдмаршалъ Князь Прозоровскій.

Монументъ Графа Петра Александровича поставленъ не на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ его тѣло: расположеніе церкви какъ-то помѣшало. Бюстъ его изъ бѣлаго мрамора изображаетъ грозный видъ постояннаго побѣдителя; онъ держитъ въ рукѣ булаву, подъ нимъ золотыми литерами: «Внемли, Россъ! Предъ тобою гробъ Задунайскаго.» Какая жалкая суета въ храмѣ Божьемъ и противъ алтаря! Задунайской весь здѣсь умеръ: предъ Богомъ нѣтъ Гетмановъ: всѣ раби Господни.

Надъ Прозоровскимъ еще нѣтъ ни какого памятника: подождемъ! Можетъ быть и онъ будетъ грозить небесамъ мечемъ булатнымъ.

Со входа въ Соборную церковь, на лѣвой сторонѣ, мраморный мавзолей надъ Княземъ Литовскимъ. ** Темнота тѣней, по тому что онъ вдался въ стѣну, представляетъ его въ ужасномъ видѣ:

---

* Память его 30-го Сентября, а скончался 992 года. Онъ былъ родомъ Сиринъ, и присланъ изъ Царьграда Великому Князю въ Корсунь; онъ погребенъ былъ въ Десятинной церкви, гдѣ мощи его въ послѣдствіи обрѣтены и перенесены, въ началѣ XII столѣтія, въ Антоніевскую пещеру, а оттуда, въ 1730 году, въ Соборную Успенскую Лаврскую церковь. О. Б.

** То есть, надъ знаменитымъ Княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ, Гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго, извѣстнымъ «защитникомъ Восточнаго Благочестія, многія церкви Божія, ради отроковъ училища, вторую Геосиманію, Пресвятыя Богородицы Печерскія домъ, ущедрившимъ пребогатно, въ немъ же, яко ктиторъ именитый по преставленіи своемъ, сподобися положенъ быти 1533 года,» какъ сказано въ надписи золотыми буквами на гробѣ, поставленномъ на сдѣланномъ изъ гипса монументѣ. О. Б.

онъ изображенъ изнемогающимъ на одрѣ смерти; одръ сей поддерживается тремя львами на огромномъ катафалкѣ. Трудно разглядѣть искуство художества, по тому что въ эту впадину свѣтъ дневный мало даетъ ударенія.

Въ Ризницѣ нѣтъ ни какихъ достопамятныхъ рѣдкостей, или отмѣнныхъ сокровищъ. Нельзя сравнить ее ни мало съ Троицкой. Хорошъ прикладъ Екатерины II-й: лампада золотая къ мощамъ Князя Владиміра, но она спрятана и, подъ предлогомъ боязни, чтобъ ея не украли, ее кажутъ въ ризницѣ тѣмъ посѣтителямъ, кои могутъ заплатить что ни будь за такое снисхожденіе, и все это отъ той же причины, отъ которой, какъ выше изъяснено, спускаются иконы сверху внизъ. Естьли бы лампада висѣла, ее всякой видѣлъ бы даромъ; но она заперта, и безъ денегъ ея не покажутъ. Другая причина также не болѣе извинительна: «Естьли, де, ее повѣсить передъ образъ, или мощи, она затускнетъ, замарается, чистка чаще.»—«Лѣнивый! Это твое дѣло.»—«Но оно, де, требуетъ труда.» И такъ, лучше спрятать? Между нѣкоторыми портретами видѣлъ я портретъ дяди моего, Князя Дмитрія Ивановича, во весь ростъ; въ монашескомъ одѣяніи; со дня кончины его онъ тутъ сохранился; въ собраніи церковныхъ одеждъ кажутъ также любопытнымъ трои ризы, кои приложила Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, бабка моя, живши въ Кіевѣ. Она, конечно, не съ тѣмъ дала ихъ въ Лавру, чтобъ ихъ показывали. Я прошу прощенія у всѣхъ духовныхъ властей; но для меня всегда казаться будетъ неприличнымъ, что изъ ризницъ сдѣлались ломбарды, гдѣ собраны разныя драгоцѣнности, кои показываются за деньги. Всякой вкладчикъ приноситъ свой даръ для церкви, для ея употребленія. Изломается ли вещь, издерется ли риза, другіе вкладчики явятся и обновятъ ветхое, а недостатокъ наполнятъ. Церковь не должна разсчитывать, упрочивать, беречь: пусть она носитъ, употребляетъ, расточаетъ; Вѣра Христіянъ никогда богатствъ ея не умалитъ; но накласть полны кладовыя золота, серебра, каменьевъ, чтобъ хвастать ими, — оставимъ это суетѣ человѣческой.

При Лаврѣ учреждена Типографія; въ ней печатаются церковныя книги, и тутъ же продаютъ ихъ: я нѣсколько купилъ и

съ собой привезъ. Буквы, форматъ, бумага, переплетъ ихъ, все различествуетъ отъ гражданскихъ сего рода заведеній. Тутъ вы найдете и планъ Печерской печатный на атласѣ.

Любопытство завело меня одинъ разъ къ схимникамъ въ кельи. Ихъ двое. Я не помню, когда бы я видѣлъ монаха подъ такимъ нарядомъ: одинъ простъ и слѣпъ, а по тому трогаетъ чувствительныя фибры сердца; на него глядя, тронешься по неволѣ: онъ живое носитъ изображеніе того, что все на свѣтѣ тлѣнъ, и что старость въ недугахъ есть натуральная и неизбѣжная схима. Другой всѣ этѣ печальныя воображенія разсѣетъ: онъ еще не слишкомъ старъ, пьетъ и ѣстъ исправно, любуется своимъ нарядомъ, надѣваетъ его для всякаго, кто къ нему ни войдетъ, дурачится въ немъ. Сколько одинъ сожалѣнія, столько другой негодованія, возбудитъ. И такъ платье, все платье: сатана можетъ быть подъ митрой такъ, какъ Ангелъ въ шитомъ кафтанѣ.

Тутъ же познакомился я съ отставнымъ, бывымъ Вологодскимъ, Епископомъ Ѳеофилактомъ: онъ въ кельяхъ живетъ на обѣщаніи, человѣкъ пожилой, добродушный и, кажется, не хитрый. Бесѣда его для меня была занимательна, не смотря на его простоту, по тому что онъ зналъ мою бабку, разсказывалъ мнѣ многое объ ней. Онъ тогда еще былъ Дьякономъ и служилъ при погребеніи дяди моего; онъ мнѣ и указалъ удостовѣрительно, гдѣ гробы ихъ похоронены. Я съ удовольствіемъ принималъ всякое впечатлѣніе сего современника двухъ лицъ, толико для меня драгоцѣнныхъ.

ГЛАВА LXIX.

Пещеры.

Праведные два мужа, Антоній и Ѳеодосій, нѣкогда посвятили жизнь свою Богу на семъ обѣтованномъ мѣстѣ, создали обитель, утрудились въ ней, какъ говоритъ Царь Давыдъ, воздыханіемъ сердечнымъ и скончали жизнь, исполненную поста и доб-

рыхъ дѣлъ. Примѣръ ихъ привлекалъ многихъ къ Христіанскому поученію; собралася братія, ископали для остатковъ своихъ могилы при Днѣпрѣ, и тутъ положили кости свои; все спаслось около ихъ; земля исполнилась благовонія; святость убогихъ труженниковъ возсіяла во всемъ мірѣ Христіянскомъ. Вотъ исторія Кіевскихъ пещеръ!

По времени стекаться стали отвсюда богомольцы. Обогатилась казна монастырская, и роскошь украсила пустыню дикую и непроходную. Нынѣ уже надобенъ большой запасъ духовной приверженности къ Вѣрѣ, чтобъ не соблазниться велелѣпною наружностію Печерской Лавры, которая, украсивъ соборы, иконы и утвари церковныя, оставила вездѣ знаки внутренняго пренебреженія къ святынѣ и дому Божію. * Удалились отъ насъ тѣ дни, когда блаженные старцы, Духомъ Божіимъ ежеминутно тутъ водимые, силились утвердить корень Вѣры въ сердцахъ благодушныхъ Христіянъ. Посмотримъ на пещеры нынѣ въ такое время, когда богатые и пресыщенные прикрыли золотомъ кровы церквей и обнищали въ усердіи къ Богу.

У обѣихъ пещеръ выстроены пятиглавые соборы, въ коихъ свѣтло, просторно и хорошо; отъ нихъ по лѣстницамъ спускъ въ самые подземныя жилища Святыхъ, лѣстницы не круты, а при томъ нѣсколько на нихъ сдѣлано площадокъ для отдохновенія. Днѣпръ въ весеннее время близко подтекаетъ къ пещерамъ, и для охраненія ихъ отъ разрушенія, Правительство занимается укрѣпленіями, на кои казна не щадитъ ни чего.

Прежде нежели вы на лѣстницу ступите, вы найдете у воротъ множество булошницъ съ кренделями и сайками: тутъ торгъ и рынокъ настоящій; безпорядокъ сей прикрытъ благовидной причиной: по лѣстницѣ разложены недужные, разслабленные и всякіе уроды; не будучи въ силахъ молиться Богу, они лежатъ, стонутъ и просятъ куска хлѣба у проходящихъ. Не всякой въ состояніи кинуть въ эту Силоамскую купель столько денегъ, чтобъ

* Слишкомъ строгъ приговоръ, и потому односторонень. О. Б.

надѣлить ими ужасное множество странныхъ; и для того богомолецъ накупитъ сухарей и хлѣбовъ, и ими снабжаетъ лежащихъ.

Какое трогательное зрѣлище и какъ оно приготовляетъ къ ожиданному предмету! Вдругъ въ подземное жилище растворяются чугунныя двери; престарѣлый монахъ даетъ вамъ свѣчу; ибо безъ огня ни чего тамъ не видно, и, идучи передъ вами, онъ вамъ называетъ имена почивающихъ праведниковъ. Ихъ сонъ тихъ и безмятеженъ; для нихъ утро прекраснѣйшаго и вѣчнаго дня уже наступило; каждый изъ нихъ, кажется, говоритъ вамъ: «Тако тецыте, да постигнете!» (1 Кор. 9, 24). Мысль о пещерахъ страшна, приближаешься съ ужасомъ, но войдешь въ нихъ, и спокойнымъ окомъ, безъ малѣйшаго смятенія, видишь гробы по обѣ стороны себя; воздухъ чистъ, свѣжъ и прохладенъ, нѣтъ ни какого зловонія. Безъ проводника ходить ни какъ нельзя: потеряешься въ изворотахъ. Монахи, особо приставленные къ тому дѣлу, очень навычны и пещеры для нихъ не лабиринтъ: все покажутъ и выведутъ осторожно.

Въ одной изъ соборныхъ церквей надъ пещерами всѣ прикладыотъ Мазепы, а въ самыхъ пещерахъ, т. е., въ землѣ, до 6 придѣловъ настроено. Темнота мѣшаетъ разсмотрѣть работу рѣзную и по золоту, которая въ иныхъ съ отмѣннымъ тщаніемъ отдѣлана; мы спросили факеловъ, и видѣли много художества. Жаль, что оно здѣсь безъ всякой пользы употреблено.

Между множествомъ мощей, къ коимъ мы прикладывались, идучи другъ за дружкой ниткой, я осмѣлюсь особенно отличить нѣкоторыя: иныя поразили мое воображеніе, иныя подѣйствовали на сердце.

Учредители обители, Антоній и Ѳеодосій; во имена ихъ устроены придѣлы, но сами они подъ спудомъ.

Несторъ лѣтописецъ: при названіи его я невольно палъ и прикоснулся ко гробу его съ благоговѣніемъ. Отлагая святость, которой Богъ одинъ только можетъ опредѣлить сущность и достоинство, Несторъ былъ первый нашъ лѣтописецъ, вождь Рос-

сійскихъ дѣописателей, источникъ историческихъ событій своего вѣка: какъ не поклониться ему и не уважить его гроба! но онъ малымъ чѣмъ отличенъ отъ прочихъ. Для чего не вынести его въ соборъ, не поставить предъ очами каждаго? Несторъ ли такого торжества не стоитъ? Или же мы не уразумѣли, что онъ его достоинъ? *

Св. Іоанна Многострадальнаго: снимаютъ шапочку и надѣваютъ на голову, чтобъ она не болѣла; онъ вкопанъ въ землю.

У Марка Гробокопателя подносятъ святую воду въ крестѣ, изъ котораго самъ онъ пивалъ: этотъ крестъ былъ мѣра его дневнаго питья.

Нѣсколько мироточивыхъ главъ: у одной изъ нихъ, гдѣ мажутъ приходящихъ, миро ни какого запака не имѣетъ.

Много затворниковъ, коихъ видѣть можно въ круглыя маленькія окошки. Я съ большимъ трудомъ вижу и днемъ, когда тѣни много, а въ пещерахъ при свѣчкѣ ни одного не разглядѣлъ.

Екатерина II, въ бытность свою въ Кіевѣ, изволила къ каждымъ мощамъ приложить парчевое покрывало: но они всѣ прибраны, лежатъ въ ризницѣ, ихъ кажутъ за деньги, а праведники лежатъ въ ракахъ простыхъ, не пышныхъ, и прикрыты ризами бѣднѣйшими. При насъ одно только богатое покрывало видѣли мы на гробѣ Евфросиніи Полотской.

Пещеры очень узки и тѣсны: двумъ пройти рядомъ не возможно. Одинъ голосъ монаха раздается въ уединенныхъ сихъ стѣнахъ; набожные Христіане идутъ молча за нимъ, прикладываются и не отстаютъ отъ товарищей, чтобъ не потеряться.

Среди самыхъ искреннихъ ощущеній Христіанской религіи часто мнѣ приходило здѣсь на мысль, что весь видимый нашъ

---

* По крайней мѣрѣ, рака его мощей окована серебромъ (см. «Описаніе Кіево-печерской Лавры. Кіевъ, 1826, стр. 86), и надъ ними серебреная доска съ надписью: «Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.» О. Б.

міръ не что иное, какъ плачевная картина человѣческой бѣдности, и ежели бы сонъ вѣчнаго упокоенія, какое ожидаетъ насъ въ могилѣ, было даже началомъ вѣчнаго ничтожества, то и тогда умереть лучше, нежели жить.

Близъ пещеръ примѣтилъ я памятникъ свѣтской: мѣдная доска съ литерами, и прочелъ имя Княгини Екатерины Петровны Хованской, * вспомнилъ ее и принесъ ей обыкновенную жертву человѣческаго сожалѣнія — нѣсколько слезъ.

Мнѣ разсудилось отслушать обѣдню въ самыхъ пещерахъ. Добрый старецъ, и почти уже мертвый, отслужилъ ее для насъ 17 числа въ придѣлѣ Св. Антонія. Церковь такъ мала, что вокругъ престола даже обхода не дано: онъ прислоненъ къ стѣнѣ; въ алтарѣ и въ церкви вездѣ свѣчки горѣли, и тусклый ихъ огонь удвоивалъ мрачный видъ плачевнаго сего жилища: душно, темно, тѣсно, пѣніе нестройное и непривлекательное. Позволятъ ли мнѣ сказать мысль мою? Я не нашелъ, чтобъ прилично было возсылать Богу жертву хвалы и воскликновенія въ нѣдрахъ земли, гдѣ ни какой лучъ дневнаго свѣта не проходитъ. Какое сообщеніе свѣта со тьмою! Не мертвые восхвалятъ тя, Господи, но мы, живые. Спастись можно вездѣ. Богъ и червей въ преисподнихъ земли согрѣваетъ такъ же, какъ и живущихъ на прекрасной ея поверхности; рука Божія вездѣ, и мы отъ нея нигдѣ не скроемся. Такъ, конечно! Но когда мы слушаемъ обѣдню, когда купно съ служителемъ Вѣры говоримъ: «Горѣ имѣемъ сердца,» тогда къ небесамъ и взоръ нашъ обращаться хочетъ. Мы всегда невольнымъ движеніемъ глядимъ вверхъ, когда призываемъ Бога; мы Его ищемъ выше звѣздъ, а не посреди тлѣнныхъ гробовъ человѣческихъ. Естьли бъ можно было, я бы желалъ, чтобъ литургія отправляема была, какъ можно выше, какъ можно ближе къ небесному кругу, коего славится въ пѣснопѣніяхъ нашихъ непостижимый верхотворецъ. По мнѣнію моему, гораздо бы лучше сдѣ-

---

* Урожденной Нарышкиной, а по матери Репниной, р. 1757 г., Іюля 3, супруги Кіевскаго Вицегубернатора, Бригадира Князя Василія Алексѣевича Хованскаго; умерла 1795 г., Октября 22 дня. О. Б.

ли, естьли бы деньги, употребленныя на иконостасы и храмы внутри пещеръ, обратили на то, чтобъ одѣть гробъ Нестора, обогатить его, и тѣмъ память въ исторіи духовной и ученой воспрославить; но суевѣріе долго еще питаться будетъ вещественностію. Пусть мое разсужденіе назовутъ энтузіазмомъ пылкаго воображенія.* Согласенъ. Но что же и Религія? Восторгъ въ самой высшей степени. **

ГЛАВА LXX.

Михайловскій монастырь. Софійской соборъ. Леванда.

Въ старомъ Кіевѣ есть мужескій монастырь, Михайловскимъ именуемый. Въ немъ лежатъ мощи Великомученицы Варвары. Кто ихъ не знаетъ? Кто не слыхалъ объ ея Христіянскихъ подвигахъ? Слушавши у гроба ея обѣдню и молебенъ, мы прикладывались къ рукѣ ея, обогащенной алмазами: на каждомъ пальцѣ нѣсколько перстней; въ ногахъ тарелка съ кольцами; послѣ умилительныхъ вздоховъ и молитвословій, ихъ выбираютъ въ самомъ гробѣ, какъ въ ящикѣ: монахи торгуются и просятъ подороже, а богомольцы, не теряя головъ, хотятъ достать ихъ подешевле: шумъ да крикъ. Какая неблагопристойность!

По исторіи Святой извѣстно, что у нея отрублена голова; слѣдовательно, рака скрываетъ обезглавленный трупъ мученицы. Нынѣ уже вмѣсто головы накладываютъ живописное изображеніе лица ея: оно представляетъ ея страдальчество и хорошо для картины. Но на что такое дополненіе къ натурѣ, да еще и къ мощамъ? Увы!

Намъ показывали тотъ самый образъ, съ котораго снятъ этотъ рисунокъ. На немъ написанъ и золотомъ обложенъ ликъ

---

* Оно такъ то и есть и при томъ напрасный и неумѣстный. О. Б.

** Это не совсѣмъ точно и сбивчиво! О. Б.

Великомученицы Варвары. Монахъ сказывалъ, что это натуральная конія съ нея, присланная въ Кіевъ изъ Рима лѣтъ десять назадъ. «Да гдѣ же настоящая?» спросилъ я. — «Въ Македоніи.» Вѣрьте, или нѣтъ, какъ вамъ угодно.

Рака, въ которой мощи лежатъ, богата, обита серебромъ и украшена рѣзными позолоченными убранствами вокругъ всего балдахина. Она въ лѣвой сторонѣ стоитъ отъ входа въ соборную церковь, въ особомъ своемъ придѣлѣ. Настоящій храмъ довольно великъ; стѣнное письмо хорошо; иконостасы въ немъ и придѣлахъ стариннаго вкуса и немного значатъ. Екатерина посвятила гробницѣ Великомученицы Варвары лампаду золотую съ кисточкой изъ жемчужныхъ нитокъ и алмазныхъ по поламъ; ее кажутъ въ ризницѣ, а у мощей виситъ простая. Въ ризницѣ видѣлъ я и замѣтилъ Часословъ, печатанный въ Краковѣ въ 1491 году и сохранился въ ней доселѣ: рѣдкость настоящая!

Въ этомъ монастырѣ живетъ Викарій Митрополита Кіевскаго, Епископъ Чигиринскій, Иринеи: я любопытствовалъ видѣть его въ служеньи. Онъ уже немолодъ и отправляетъ званіе свое безъ всякой сановитости; нѣтъ въ немъ ни величія, ни пріятной простоты. Онъ не ходитъ, а бѣгаетъ; движенья его всѣ отмѣнно скоры; рѣдко смотритъ вверхъ, или по сторонамъ, всегда взоръ его потупленъ въ землю, даже и тогда, какъ осѣняетъ свѣчами. Всякое Воскресенье онъ поетъ обѣдню и, вмѣсто проповѣди, онъ толкуетъ Апостольскія Посланія съ амвона всенародно. Ни слово его, ни обращеніе, не плѣняетъ. Я входилъ къ нему въ келью: пріемъ принужденный, бесѣда пустая. Говорятъ, что онъ очень ученъ; и такъ видно, что онъ не хотѣлъ предъ нами разсыпать умственныхъ своихъ сокровищъ.*

---

*Фальковскій, происхожденіемъ изъ села Бѣлоцерковки или Бѣлоцерковецъ Лохвицкаго Уѣзда Полтавской Губерніи, 2-го стана, при рѣкѣ Многѣ (въ нынѣшнее время съ 344 дворами), въ 42 верстахъ отъ Лохвицы (отнюдь же не изъ Бѣлоцерковки близъ Кіева), родился 1762 года, Мая 28 дня, отъ Священника, и названъ былъ Иваномъ. По смерти жены, отецъ отправился съ нимъ въ Кіевъ, постригся, 1774 года, подъ именемъ Іустина (въ мірѣ Іоакимъ) въ чернецы въ Братскомъ монастырѣ, чтобы самому наблюдать за ученіемъ единственнаго сво-

Между разными въ Кіевѣ древностями нигдѣ я такой не видалъ, какъ въ Софійскомъ соборѣ: онъ въ старомъ Кіевѣ. Въ немъ множество предметовъ вдругъ бросятся въ глаза и остановятъ ихъ:

его сына. Отправляясь, въ Генварѣ 1775 г., въ Угріе Настоятелемъ Русской церкви въ городѣ Токаѣ, онъ взялъ съ собою и сына, обучавшагося тогда уже въ Академіи до класса Поэзіи (съ 1773 г.); сдѣсь онъ, исправляя причетническую должность, посѣщалъ тамошнія школы Піаровъ, гдѣ усвоилъ себѣ окончательно языки Латинскій и Нѣмецкій; отсюда отосланъ былъ отцомъ въ Пресбургскую Гимназію, для слушанія Риторики, а въ 1779 г., по кончинѣ отца, отправился въ Пештъ, и въ Гимназіи его 7 мѣсяцевъ слушалъ Философію, Исторію и Математику, въ слѣдующемъ 1780 годѣ Физику въ Будинскомъ (Офенскомъ) Университетѣ, въ Мартѣ 1781 опредѣлился въ Канцелярію Русскаго Посольства въ Вѣнѣ, но черезъ 3 мѣсяца (въ Маѣ) возвратился въ Токай и поступилъ въ Канцелярскіе же Русской Коммисіи, бывшей тогда тамъ, и продолжалъ заниматься Философскими науками. Въ началѣ 1783 г. поѣхалъ въ отечество, и прибывъ, въ Апрѣлѣ, въ Кіевъ, поступилъ въ Академію, для изученія Богословія и языковъ Еврейскаго и Французскаго, а въ Декабрѣ, бывши еще Студентомъ, опредѣленъ Учителемъ Ариѳметики, по окончаніи же ученія, преподавалъ тамъ языки Латинскій и Нѣмецкій, Математику, Архитектуру и Философію. Онъ былъ для Академіи того времени незамѣнимымъ, какъ обладавшій самой многосторонней ученостью, и по тому, гдѣ только недоставало преподавателя, его употребляли, и онъ порученное ему излагалъ, по свѣдѣтельству современниковъ, въ самомъ лучшемъ видѣ по тому времени. Въ 1786 году, продолжая преподаваніе, принялъ монашество и нареченъ Иринеемъ; 1789 Архимандритъ Гамаліевскаго монастыря (Черниговской Губ. Глуховскаго Уѣзда, близъ слободки Гамаліевки, на рѣкѣ Шосткѣ), 1803 Кіевобратскаго и Ректоръ Академіи; 8-го Сентября переведенъ въ Кіево-Николаевскій, а Февраля 25, 1804 г., оставилъ Ректорство; 1807, Генваря 25, Епископъ Чигиринскій и Викарій Кіевскій, 1811 г. получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени, а Февраля 7, 1812 года, перемѣщенъ на Смоленскую Епархію, на коей находился и во время осады Французами Смоленска и удалился изъ него въ самый день приступа (4-го Августа), получивъ приказаніе на то отъ высшаго Начальства, за 30 верстъ, гдѣ принялъ чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери Одигитріи (Путеводительницы), взятый изъ Успенскаго Собора духовенствомъ, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, и отправился съ нимъ въ Москву, въ коей и прежде укрывалась она отъ непріятелей (въ XV и XVII стол.), а изъ Москвы въ Ярославль, откуда возвращена въ Смоленскъ 24 Декабря по изгнаніи враговъ и поставлена на прежнемъ мѣстѣ. Что до другой иконы той же чудотворной Смоленской Божіей Матери, то она—списокъ съ первой, сдѣланный во время возвращенія ея изъ Москвы при Вел. Московскомъ Князѣ, Василіѣ Васильевичѣ въ 1455 г., повелѣвшемъ отпустить принесенный въ Москву образъ за 50 лѣтъ предъ тѣмъ (во время напа-

1. Весь куполъ церкви отдѣланъ мозаической работой. Апостолы во весь ростъ донынѣ почти невредимы; правда, что уже мѣстами наборка портится, и жаль, что ни кто не умѣетъ, или не печется, возобновлять его; но удивительно навсегда останется, что такое изящное художество сохранилось до дней нашихъ. Кто не знаетъ, что въ самомъ этомъ соборѣ нѣкогда враждебные полки лошадей своихъ ставили?

денія Вел. Кн. Литовскаго, Витовта, на Смоленскъ, Князь тамошній, Юрій, удалился съ онымъ къ Вел. Кн. Василію Дмитріевичу и оставилъ у него). Смоляне, получивъ отъ Москвичей свою чудотворную икону, несли ее на рукахъ до самаго города, и тамъ, гдѣ остановился торжественный ходъ, воздвигли послѣ храмъ во имя Божіей Матери Одигитріи, и въ немъ поставили одну изъ иконъ, полученныхъ въ Москвѣ, именно списокъ съ чудотворной. По разсказамъ эта икона первоначально поставлена въ крѣпости (построенной въ началѣ XVII в.), надъ одними изъ воротъ ея, откуда уже перенесена въ воздвигнутый для нея особый храмъ, а изъ него перемѣщена временно въ Благовѣщенскій, такъ какъ, по распоряженію Епископа Серафима (въ послѣдствіи Митрополита) новостроившійся для нея болѣе обширный не былъ еще оконченъ; изъ Благовѣщенской-то церкви, по приказанію Генерала А. П. Ермолова (см. его «Записки,» въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1864, кн, 4, отд. II, стр. 170, и отдѣльно), вынесена была эта надворотная Одигитріи икона, послѣ всенощнаго служенія, вечеромъ 5-го Августа, за городъ и оставила Смоленскъ вмѣстѣ съ Русскими. Она, по приказанію Князя Кутузова, обнесена была, на капунѣ страшнаго побоища при Бородинѣ, по всей линіи войска, при чемъ самъ Кутузовъ встрѣтилъ ее и поклонился ей до самой земли, а воины, больше ста тысячъ, падали на колѣна, касаясь тоже челомъ оной, крестясь и восклицая: «Помоги, Пресвятая Мать Богородица, постоять за родную Русь!» Послѣ истребленія Французовъ и очищенія сообщеній, икона сія, взятая Артиллерійскою ротою Полковника Глухова и находившаяся при 8-й пѣхотной дивизіи, возвращена была, по волѣ Главноначальствующаго, обратно въ Смоленскъ, 6-го Ноября, и сдана 10-го Ноября гвардіи Поручикомъ Шембелемъ, при письмѣ Генерала П. П. Коновницына къ старшему духовному лицу, съ разными вкладами и приношеніями (между ними одного серебра, отбитаго у непріятеля, въ лому было пудъ). Объ этомъ свѣдѣтельствуетъ самая надпись, сдѣланная на одной (2-ой) изъ досточекъ сей иконы (см. «Историко-статистическое описаніе Смоленской Епархіи,» Преосвященнаго Антонія (нынѣ Казанскаго Архіепископа). Спб. 1864). Это случилось черезъ 3 мѣсяца, какъ бы въ оправданіе словъ: «пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы, и возвратися въ домъ свой» (Лук. 1, 56). Съ этого времени въ Смоленскѣ празднуется изгнаніе враговъ ежегодно всенощнымъ служеніемъ 5-го Ноября предъ образомъ Путеводительницы. Ириней же освятилъ надворотній храмъ, по возвращеніи своемъ въ Смоленскъ, назвавъ его Одигитреев-

2. Мощи Святаго Макарія,* для которыхъ приготовлена серебряная гробница съ приличнымъ убранствомъ.

скимъ; но самъ, не видя возможности въ разоренной Епархіи оставаться, и испытывая безпрестанно нѣкоторыя огорченія при приведеніи въ порядокъ Епархіи, перепросился, Іюля 6-го, 1813 года, на прежнее мѣсто, съ званіемъ Коадъютора Кіевскаго Митрополита. Черезъ десять лѣтъ, 29 Апрѣля, 1823 года, онъ скончался въ Кіево-Золото-Верхо-Михайловскомъ монастырѣ, на 61-мъ году отъ рожденія, и погребенъ въ немъ, съ лѣвой стороны придѣла Св. Великомученицы. Между исправленіемъ своей должности и благочестивыми размышленіями, онъ не оставлялъ своихъ любимыхъ научныхъ занятій, изъ коихъ нѣкоторыя только напечатаны, большая же часть остается въ рукописяхъ и хранится въ семъ монастырѣ, Софійскомъ Соборѣ и Лаврѣ. Изъ печатныхъ извѣстны: 1. Orthodoxae Theologiae dogmaticae compendium. М. 1802, 2 тома въ 8-ку, «хотя (какъ замѣчаетъ «Обзоръ Русской духовной литературы. Черниговъ, 1863, стр. 210) по плану Ѳеофановой догматики, но далеко лучше ея по содержанію и по изложенію. Это—лучшая догматика изъ писанныхъ дотолѣ въ Россіи, по ея ясности, отчетливости и систематической строгости.» Она была довольное время классической книгой въ Семинаріяхъ. 2. Толкованіе на посланія Апостола Павла къ Римляномъ и Галатомъ. Кіевъ, 1806, 1807. 3. Сокращеніе Церковной Хронологіи или науки о Пасхаліи. К. 1797, 8. 4. Два Календаря на 1797 и 1798, въ 8, съ историческими статьями. К. въ 4. А изъ рукописныхъ: 1. Изъясненія на всѣ посланія Павловы. 2. Словъ и бесѣдъ нѣсколько книгъ. 3. Рѣчи и стихи на Русскомъ и Латинскомъ. 4. Сокращеніе церковныхъ Прологовъ на весь годъ, въ 12 книгахъ, съ краткими поученіями на каждый день. 5. Мартирологъ, т. 1, неоконченный. 6. Ежедневныя размышленія. 7. Сокращеніе смѣшенной Математики Вольфіевой. 8. Записка о своей жизни до прибытія въ Кіевъ: извлеченіе изъ нея, сдѣланное Протоіереемъ и Профессоромъ Кіевскихъ Академіи и Университета, И. М. Скворцовымъ, помѣщено въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1862 года. Иринеи пользовался большою славой въ Академіи и любовью своихъ слушателей, которые до того привязаны были къ нему, что очень многіе старались усвоить себѣ даже почеркъ его, который очень красивъ и четокъ, хотя и сжатъ. Замѣчательно также, что почти всякій изъ его воспитанниковъ отличался Математическими познаніями. Это былъ (по словамъ Филарета, Архіепископа Черниговскаго) человѣкъ съ дарованіями необыкновенными и свѣдѣніями разнообразными. Оставшаяся по немъ библіотека хранится въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, но принадлежитъ инѣ, по поступной моихъ двоюродныхъ и роднаго братьевъ отъ лица ихъ родителей, какъ единственныхъ законныхъ наслѣдниковъ имущества сего Архіерея. О. Б.

* Онъ былъ Архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря и Митрополичьимъ Намѣстникомъ, въ Митрополиты же избранъ и посвященъ въ Вильнѣ 1495 года, гдѣ онъ и пребывалъ, по примѣру своихъ предмѣстниковъ, при Великихъ Кня-

3. Два древніе образа Богородицъ, явившихся въ Польшѣ и сохранившихъ тамошнія наименованія, кои, думать надобно, епрешли къ намъ отъ Католиковъ.

4. Надгробный камень, скрывающій гробъ Ярослава, сына Владимірова, который, раздѣля дѣтей своихъ, далъ имъ удѣлы и написалъ Русскую Правду. Памятникъ сей въ придѣльномъ алтарѣ; на немъ высѣчены разные эмблеммы: сухія деревья и рыбы; довольно взглянуть на него, чтобъ, безъ сомнѣнія, удостовѣриться въ его древности.

5. Иконостасъ старинный, украшенъ рѣзнымъ искуствомъ и роскошной позолотой. Въ храмѣ есть каѳедра: ее ли не назовемъ первой въ нашей Россійской Церкви? Здѣсь Леванда проповѣдуетъ.

Митрополитъ живетъ въ Архіерейскомъ домѣ по зимамъ, при соборѣ, а на лѣто переѣзжаетъ въ Печерскую Лавру, и тамъ для него огромныя есть покои; видъ на Днѣпръ безподобенъ, и всѣ прелести природы для него готовы.

Нѣкогда былъ здѣсь пастыремъ и скончался Самуилъ, мужъ скромный, благоразумный, набожный. Я имѣлъ счастіе изъ дѣтства быть отличенъ его благосклонностью, до смерти моей сохраню письмо его Латинское и книгу, которую онъ мнѣ еще въ 70-тыхъ годахъ подарилъ. Онъ похороненъ въ соборѣ; я отыскалъ гробъ его и поклонился великому сему человѣку въ исторіи нашей Церкви, великому, говорю, по разуму, какой я даю сему слову. Пусть Самуилъ не былъ громокъ, но сколько мы видимъ мелкихъ людей, о коихъ міръ шумитъ непрестанно и сколько прямо великихъ мужей, коихъ прославитъ вѣчность, а современники объ нихъ и не шепчутъ! *

зьяхъ Литовско-Русскихъ, такъ какъ въ Кіевѣ, безпокоемомъ частыми нападеніями Татаръ, нельзя было проживать. Желая посѣтить свою паству, онъ, въ 1497 году, Мая 1-го дня, въ нее отправился, но былъ убитъ на пути своемъ въ Кіевъ, въ деревнѣ Стриголовѣ, при рѣкѣ Припети, а по Кіевскому лѣтописцу при рѣкѣ Вычи, въ пяти миляхъ отъ Мозыря. О. Б.

* Родился въ селѣ Полошкахъ Глуховскаго полка, 1731 г., Мая 24, и названъ Самсономъ, отъ Священника Григорія, учился въ Кіевской Академіи и училъ въ

Говоря о великихъ и въ Кіевѣ, мысль представляетъ тотчасъ Леванду: какой выродокъ во дняхъ нашихъ! Потомки позавидуютъ такому современнику предковъ своихъ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ его, ѣздилъ слушать его бесѣды, учиться у него, думать, чувствовать и жить. Почтенный старецъ не скучаетъ своими сѣдинами; онъ бодръ еще и съ перомъ въ рукахъ паритъ, какъ юный орелъ. Какой сладкій органъ! Какая скромность въ выборѣ предметовъ разговора! Какая нѣжность въ произношеніи! Для чего Небо мало такихъ людей ниспосылаетъ на землю? Я не смѣлъ говорить при немъ, слушалъ, молчалъ, благоговѣлъ. Видъ его всякому благопріятенъ и вѣжливъ въ обхожденіи. Кажется, будто память ему не всегда вѣрно служитъ, однако жъ онъ еще говоритъ проповѣди и сочиняетъ. Давно ли похоронялъ онъ тамошняго Губернатора и съ такою рѣчью вселилъ его во гробъ, какой ни самые наши молодые духовные витіи не сочинятъ и не скажутъ? Въ словахъ его, а паче въ надгробныхъ, неизчерпаемая руда чувствительности. Гдѣ онъ возметъ свои мысли и выраженія? Откуда родятся чувствованія? Но онъ плѣнитъ, изумитъ, восхититъ; ему-то прилично, идучи на каѳедру, сказать: «Отверзу уста моя,—и наполнятся духа!»

Проповѣдникъ слова Божія болѣе всѣхъ заимствовать премудрость свою долженъ отъ самаго Бога; онъ всегда долженъ быть вдохновенъ: такимъ показался мнѣ Леванда. При этой глу-

---

ней съ низшихъ классовъ до высшихъ; 1754 кончивши курсъ и принявши монашество съ именемъ Самуила, 1757 Профессоръ Философіи и Префектъ, 1759 Профессоръ Богословія, съ исправленіемъ Ректорской должности, 1761 Архимандритъ Братскій, Ректоръ и Членъ Дикастеріи по 1764, а въ 1766 оставилъ Академію по болѣзни, но съ 1768 вторично поступилъ въ нее, съ переводомъ, въ Августѣ, въ Кіево-Николаевскій монастырь, и вскорѣ вызванъ на чреду служенія въ Петербургъ, гдѣ рукоположенъ тогда же въ Бѣлгородскаго Епископа, въ 1771 (24 Сентября) поступилъ на Крутицкую Епархію, съ пожалованіемъ въ Члены Синодальной Конторы и порученіемъ надзора по обновленію Московскихъ соборовъ, за что сдѣланъ Членовъ Синода (1775), 1776 (Марта 17) Ростовскій Епископъ, 1777 Архіепископъ (22 Сентября), а 1783 (Сентября 22) Митрополитъ Кіевскій, куда прибылъ въ концѣ Ноября; ум. 1796, Генваря 5. Онъ издалъ отысканные имъ Богословскіе трактаты Ѳеофана Прокоповича (въ Кенигсбергѣ и Москвѣ 1773—1776) въ VII частяхъ, продолжалъ ихъ,

бокой старости, ибо ему болѣе 70 лѣтъ, онъ, живучи на Подолѣ для выгодъ своихъ, по тому что ближе и къ рѣкѣ и къ рынку, для всякой закупки нужнаго домашняго запаса, не лѣнится ѣздить въ соборъ, подниматься на крутую гору въ старый Кіевъ, и тамъ отправлять службу. Сколько его ни награждаютъ, свѣтскія почести никогда не войдутъ въ соразмѣрность съ его дарованіями; духъ его не ослабѣваетъ еще и сердце не увядаетъ. Образъ жизни его простъ. Окруженъ книгами, рукописями, читаетъ, пишетъ, или очищаетъ въ саду деревья и наслаждается природою. Леванда любимое дитя натуры и небесъ; я ласку его и пріязнь почитаю пріобрѣтеніемъ. *

также исправилъ и напечаталъ въ видѣ Богословія (въ Лейпцигѣ) 1782, въ 3-хъ частяхъ въ 8 д. л., издававшагося не разъ для Семинарій; исправилъ и разсужденіе Адама Зерникова о происхожденіи Св. Духа и издалъ (въ Кенигсбергѣ) 1774, въ 4 д. л., въ 2-хъ томахъ. Слова и рѣчи его печатались въ Петербургѣ и Москвѣ и нѣкоторыя переводились на Греческій, Латинскій и Нѣмецкій: онѣ отличаются чистотою языка и правильностію изложенія. Имъ составлено также Краткое описаніе Кіевской Лавры, и Наказъ о преподаваніи въ Академіи, въ которую, равномѣрно и въ Переяславскую Семинарію, зависѣвшую отъ оной, ввелъ Математику (чистую и смѣшенную), Всеобщую и Естественную исторію, Географію, равно какъ преподаваніе языковъ Нѣмецкаго и Французскаго, въ особенности же чистаго Русскаго языка (по Великорусскому выговору), изученіе которыхъ пренебрегалось, какъ извѣстно, изъ за древнихъ языковъ, къ большему вреду вообще образованности и въ частности развитія Словесныхъ наукъ, этой основы всякой грамотности; посылалъ также способнѣйшихъ Студентовъ въ Московскій Университетъ и за границу; имъ же введено и преподаваніе въ Академіи нѣкоторыхъ искуствъ, на пр., рисованія и т. п., а при Лаврѣ завелъ для Академіи гражданскую типографію, въ коей и напечатана была, 1787 г., первая книга его «Поздравительныя рѣчи» Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II-ой, сказанныя въ пребываніе ея тогда въ Кіевѣ. При Самуилѣ послѣдовало подведеніе и Кіевской Іерархіи подъ штатъ наровнѣ съ прочими Русскими. О. Б.

* Иванъ Васильевичъ, р. 1736 г., въ Кіевѣ, сынъ ремесленника (сапожника) Сикачки, помѣщеннаго въ Академію Священникомъ Кіевской Воскресенской церкви Іоанномъ Левандою, полюбившимъ его за его проворство и ловкость и позволившимъ принять его и фамилію. По окончаніи ученія, онъ былъ, съ 1759 г., самъ въ ней учителемъ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ, 1763 Священникъ Успенской Со-

ГЛАВА LXXI.

Разные духовные предметы.

Пустынно-Николаевскій мужеской монастырь стоитъ на горѣ, и съ нея видѣнъ Днѣпръ. Мѣстоположеніе прекрасное, съ верху до низу густой садъ и много тѣни. Храмъ старинный. Строенъ Мазепой. Иконостасъ высокъ и очень хорошей работы; стѣнное письмо аллегорическое. Противъ алтаря хоры и подъ ними во всю ихъ величину картина, изображающая Никейскій Соборъ; лицъ написано множество. Въ задней стѣнѣ соборной церкви, по обѣ стороны входныхъ дверей, два шкапа съ книгами; на одномъ написано по Русски: «Для ума и сердца.» На другомъ въ томъ же духѣ Латинская надпись—затѣя въ монастыряхъ нашихъ необыкновенная! Ризница небогата и отмѣннаго нѣтъ ни чего. Настоятель обители Архимандритъ Кипріянъ, человѣкъ немолодой, но спи-

---

борной церкви Подола, 1783 Протоіерей, а 1786 первый Протоіерей Софійскаго Собора, по переименованіи его изъ монастыря въ Соборъ, гдѣ ревностно проповѣдывалъ почти при каждомъ служеніи съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, и по тому пользовался большою извѣстностью; въ особенности слова его отличаются теплотою чувства и картинностію выраженій, что, при богатыхъ внѣшнихъ качествахъ, производило на слушающихъ необыкновенное дѣйствіе. Собраніе его словъ и рѣчей издано въ Петербургѣ 1821 г., въ 3-хъ частяхъ, но, по замѣчанію Преосвященнаго Евгенія (Словарь писателей духовнаго чина, ч. 1-ая, стр. 289), изданы по невѣрному и неполному списку, и при томъ неисправно напечатаны. Другіе замѣчаютъ въ нихъ до 1769 года словосочиненіе большею частію Латинское и не совсѣмъ чистый языкъ, но послѣ того времени онъ у него легокъ, боекъ и совершенно Русскій. Награды сыпались на него щедро: Императрица Екатерина II-я, въ бытность свою въ Кіевѣ, подозвавъ его послѣ заамвонной молитвы во время Преждеосвященной въ Андреевской церкви, на 5-й недѣлѣ Великаго Поста, въ Четверкъ, сама возложила на него кабинетный крестъ съ брильянтами на алой лентѣ, а 15 Марта повелѣла ему употреблять при священнослуженіи жезлъ, присвоенный только Архимандритамъ и Архіереямъ; 1798, Октября 7-го, получилъ онъ митру; 1806, Ноября 19 орденъ Анны 2-й степени, а 12 Декабря, 1810 года, и 1-ой: отличія, до которыхъ ни кто изъ бѣлаго духовенства не достигалъ прежде; скончался въ глубокой старости, Іюня 25, 1814 года, и погребенъ въ своемъ Софійскомъ Соборѣ, въ Благовѣщенскомъ предѣлѣ, въ углу, при южной стѣнѣ. О. Б.

сходительный; онъ насъ принялъ очень ласково, угостилъ дружелюбно; кельи его не просторны, но натура поставила въ каждомъ окошкѣ прекраснѣйшіе виды. Это лучше золота и серебра, особливо въ климатѣ тепломъ, гдѣ ранняя весна прелестями своими не скупится.

Говорятъ, что на самомъ этомъ мѣстѣ Оскольдова была могила: живыхъ и достовѣрныхъ знаковъ нѣтъ, одно увѣряетъ преданіе, или общая сказка. Но кто знаетъ истину? Что Оскольдъ кости свои оставилъ въ Кіевѣ, это вѣрно, но тутъ ли, гдѣ Никольскій монастырь, позволено усомниться: можетъ быть и полверсты выше, или ниже. Но какъ бы то ни было, ветхая церковь, здѣсь существовавшая, разломана, и, вмѣсто ея, на полугорѣ поставленъ круглый храмъ каменный съ куполомъ въ новомъ вкусѣ. Онъ обведенъ колоннадой. Вмѣсто обыкновеннаго яблока на главѣ поставлена вызолоченная корона и надъ ней большой крестъ. Все это построено коштомъ Воронежскаго откупщика, котораго жена, пріѣхавъ въ Кіевъ на богомолье, умерла и завѣщала себя здѣсь похоронить. Вотъ причина обновленія Оскольдовой могилы, отъ которой она новую славу получила!

Подъ церковью въ землѣ сдѣланы кругообразныя пещеры и для погребенія тѣлъ заготовлены въ стѣнахъ мѣста. По мѣрѣ, какъ впадины сіи будутъ наполняться каждая своимъ гробомъ, она снаружи замажется и въ церкви видна будетъ только надпись, кто похороненъ въ этомъ гнѣздѣ (Спустя лѣтъ триста, пять сотъ, и здѣсь, можетъ быть, будутъ пѣть молебны, есть ли Днѣпръ, неугомонное дитя Нептуна, не предваритъ человѣческихъ замысловъ и не подмоетъ каменныхъ оградъ новаго зданія). Подземная церковь построится во имя Ольги, а верхняя посвящена Святителю Николаю. Освященіе ея предназначено было 20 Августа, 1810 года.

Исторія дала намъ знать, что Владиміръ построилъ первую здѣсь Христіанскую церковь, которая донынѣ называется Десятинною, по тому что Князь сей велѣлъ въ нее сбирать десятую долю всякаго отъ земли пріобрѣтенія. Сія церковь, или на томъ мѣстѣ другая, еще существуетъ. Я ее видѣлъ и воздохнулъ, глядя

на ея опустошеніе и бѣдность; нѣтъ еще ни чего приманчиваго для глазъ, все опущено; одно воображеніе даетъ цѣну и мѣсту тому и храму. Неоспоримо, что съ такого отдаленнаго времени и Татары, и Поляки, и пожары, все подѣйствовало на Десятинную церковь, и изъ великолѣпнѣйшей привело ее въ убогое состояніе. Но никогда бы я не подумалъ, что она такъ брошена и презрѣна, какъ я ее нашелъ. Чудно ли, что храмъ Владиміра въ такомъ низверженномъ состояніи, когда самъ онъ безъ пощады растерзанъ? Голова его въ Лаврѣ, часть его мощей въ Соборѣ, а весь онъ гдѣ? Ни кто не знаетъ, не искалъ, не любопытствовалъ. Мы скорѣй пустимся добывать кусокъ лавы изъ подъ Римскихъ развалинъ, нежели похлопочемъ о славѣ собственной нашей древности.

Недалеко отъ Десятинной увидите вы церковь Трехъ Святителей: она, сказываютъ, основана на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ идолъ Зевесовъ кинутъ въ Днѣпръ и напоминаетъ старое преданіе, будто бы язычники, видя его утопающа въ волнахъ, кричали: «Выдыбай же намъ, Боже!» т. е., выплыви на берегъ! Иконостасъ въ ней изрядный; церковь стара, но не старинная. Вѣроятно, что всѣ сіи знаменитые по исторіи храмы уже нѣсколько разъ были по разореніи Кіева поновляемы и иные совсѣмъ перестроены: довольно, естьли, по крайней мѣрѣ, сохранили тѣ самые пункты, на коихъ происходили историческія событія. Гора и тутъ довольно высока. Тяжело бы катиться золотому болвану по ней и падать въ Днѣпръ.

У подошвы самой высокой горы, при краяхъ Днѣпра, поражаетъ взоръ, такъ называемый, Крещатикъ. Это купель, въ которой Владиміръ крестилъ Кіевлянъ; она украшена монументомъ. На аркахъ выстроены каменныя стѣны съ рѣшеткою, и фонтанъ охраненъ отъ всякой нечистоты; вокругъ его разставлены образа; на стѣнѣ надпись, означающая только годъ и время, когда граждане Кіева соорудили этотъ памятникъ, въ возблагодареніе Александру I-му за дарованныя городу права. Изъ купели проведена труба о 4-хъ кранахъ. Каждый изъ нихъ льетъ воду въ большой общій бассейнъ или лахань, и для жаждующихъ готовъ глиняный ковшъ; но вода мутна и видомъ непріятна:

видно, что еще до сихъ поръ не очистилась струя отъ погружавшихся въ ней идолопоклонниковъ. Надъ сводомъ этой палатки вытянута въ нѣсколько саженъ вышины кирпичная колонна; конецъ ея жестяный шаръ, а надъ нимъ вызолоченный крестъ.

Памятникъ этотъ вообще не соотвѣтствуетъ важности своего предмета. Но мысль все здѣсь дополняетъ: она краситъ каждую пядень земли, вездѣ говоритъ о древности, о старыхъ Россіянахъ, о младенчествѣ нашей Религіи, о мужествѣ нравовъ, и все, на что ни взглянешь,—драгоцѣнный монументъ.

Весь хребетъ Кіевскихъ горъ наполненъ живописныхъ красотъ. Какъ бывши тамъ, бывши вездѣ, спорить противъ этого? Не возможно. Однажды шелъ я, задумавшись, по вершинамъ стараго Кіева; мысли мои быстро текли одна за другою и предметы мѣнялись, какъ воздухъ: вдругъ увидѣлъ я на холму превысокомъ огромную церковь; она разсѣяла всѣ мои размышленія и привлекла всю дѣятельность моего воображенія къ себѣ: это храмъ Андрея Первозваннаго. Что можетъ быть восхитительнѣе и величавѣе во всей природѣ этого мѣстоположенія. Нельзя остановиться на паперти его безъ восторговъ. Не станемъ говорить о самой церкви: иконостасъ красный, вызолоченъ, но ни работой, ни вкусомъ не отличенъ. Чтобъ художество отвѣчало здѣсь натурѣ, надобно разбудить Рафаелевъ и самаго Апелла и дать имъ кисти въ руки. Подъ храмомъ построены жилыя комнаты и кладовыя, въ коихъ Коммисаріатъ хранитъ свои заготовленія и содержитъ при нихъ караулъ вокругъ всего храма. На крышкѣ этого жилья выстроена широкая открытая галерея. Она внѣ церкви, слѣдовательно, всякому по ней гулять свободно и любоваться на красоту природы: отсюда видѣнъ весь Днѣпръ и по ту сторону его сыпучіе пески, открытая Московская дорога, направо овраги, буераки, пропасти, окружающія гробы Святыхъ и мірное жилище ихъ въ прохладныхъ пещерахъ; налѣво, рядомъ съ волнами Днѣпра, открывается Подолъ со всѣми своими зодческими красотами и кажетъ вамъ городъ въ водѣ. Обольщеніе взора превосходно!

Не здѣсь ли Іисусъ искушаемъ былъ діаволомъ, когда онъ за одинъ себѣ поклонъ сулилъ ему все, что съ высоты показалъ?

Я безъ мѣры этимъ мѣстомъ прельщался. Истину провидѣлъ Андрей Первозванный, когда, какъ говоритъ исторія, идучи изъ Херсона, водрузилъ на сей горѣ крестъ въ знаменіе настоящаго Православія. И подлинно: гдѣ Вѣра убидительнѣе свою славу кажетъ, какъ не въ Кіевѣ? Здѣсь тьмы мучениковъ всю землю кровію своей оросили. Здѣсь уединенные праведники изъ вертеповъ создали храмы, обогатили ихъ и прославили. Но оставимъ чудодѣйства Вѣры: они сами о себѣ вѣщаютъ повсюду, и, обратясь къ природѣ, скажемъ, что тотъ не видалъ ее въ торжествѣ, кто не взглянулъ на нее у храма Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ.

ГЛАВА LXXII.

Фроловскій монастырь.

Сойдемъ на Подолъ, и онъ имѣетъ свои достопамятности. Тутъ женскій монастырь, именуемый Фроловскимъ. Самъ по себѣ онъ не значилъ бы ни чего особеннаго, но для меня что можетъ быть уважительнѣе? Въ немъ проводила жизнь свою въ монашествѣ бабка моя, Княгиня Наталья Борисовна. Родители мои, изъ почтенія къ ней, каждые три года ѣзжали сюда со всѣмъ семействомъ нашимъ, и меня два раза, въ моемъ младенчествѣ, сюда возили. Я не могъ ни чего вспомнить, но такъ часто твердили мнѣ о бабушкѣ, о Подолѣ и о Фроловскомъ монастырѣ, что воображеніе мое представляло мнѣ всѣ здѣшнія предметы, какъ будто знакомые. Монастыремъ управляетъ игуменья Княгиня Шаховская. Она отличена наперснымъ крестомъ и знакомъ ордена Св. Екатерины.

Я видѣлъ бабушкины кельи; мнѣ сказали, что это онѣ; впрочемъ, весь видъ свой перемѣнили, и въ нихъ живутъ уже другіе люди: что нужды? Довольно для меня было, что она на самомъ этомъ мѣстѣ скончала дни свои: тутъ я испыталъ ея нѣжныя ласки, принималъ неоднократно ея благословеніе, былъ предметомъ горячей любви ея; она осыпала меня милостями своими. И мнѣ ли ихъ забыть? Нѣтъ, во вѣки!

Нашлись престарѣлыя сиротки, кои при ней жили, служили ей, помнятъ ее, плачутъ объ ней ежедневно предъ престоломъ Божіимъ и меня съ удовольствіемъ увидѣли, вспомня мое ребячество: они свидѣтелями были благоволенія ко мнѣ старицы Нектаріи.

Ею построена была больничная церковь, и я въ ней слушалъ обѣдню. Сюда и по прочимъ придѣламъ монастыря раздаины были оставшіяся по смерти ея образа и крестъ, къ которому въ послѣдній разъ уста ея прикоснулись.

Внѣ церкви, на монастырѣ, погребены многія ея современницы и здѣшнія Игуменьи: Апраксина, Милославская: эта послѣдняя намъ родня. Надъ гробомъ той и другой ни кто пышныхъ памятниковъ не ставилъ: смиреніе Христіанское не ищетъ сей суеты мірской.

Соборная церковь обыкновеннаго со многими другими рисунка и формы; ни чего въ ней нѣтъ отмѣннаго. Мощей монастырь не имѣетъ, но хвалится сокровищемъ прямо чудеснымъ: въ маленькомъ ковчегѣ, за стекломъ, поставленъ сосудъ самой крошечный и подъ нимъ подписано: «Здѣсь кровь Іисуса Христа.» На что спрашивать: кто и откуда ее доставилъ? Какъ она до сихъ дней сохранилась? Мы въ храмѣ; все свято въ домѣ Божіемъ: поклонимся и дадимъ вѣру преданію многихъ вѣковъ!

Всякой, кто читалъ память великихъ женъ, придетъ сюда вспомнить схимонахиню Нектарію, и память ея увѣнчаетъ похвалами. Я не одинъ разъ приходилъ въ сію обитель и, не тревожа ни кого, садился на камнѣ противъ бывшихъ ея келій, переносился мысленно во дни ея здѣсь пребыванія, и каждое ея слово, переданное мнѣ ея сыномъ, моимъ отцемъ, приводилъ на память. Здѣсь она источила рѣки слезъ, умертвила всѣ свои страсти, пригвоздила всѣ чувства ко кресту; послѣдній вздохъ былъ для нея мгновеніе отрады и зарею невозмущаемаго блаженства. Хижина ея обвалилась, вросла въ землю, такъ какъ и гробъ ея, но духъ пребудетъ вѣченъ и перейдетъ имя ея изъ рода въ родъ. Такъ славится прямая добродѣтель: она и за гробомъ восхищаетъ мзду свою въ потомствѣ.

ГЛАВА LXXIII.

Интересная сумасбродка.

Въ этомъ же Фроловскомъ монастырѣ, въ особой кельѣ при больницѣ, содержится подъ присмотромъ супруга Г. Рахманова, урожденная Пас. Я ее не видалъ, по тому что она мужчинъ не принимаетъ: жена моя съ сестрой ее навѣстили. Несчастная! Она говорила имъ вздоръ, все еще безумствуетъ. Вспомнивши вѣкъ славы ея и обольщенія въ Москвѣ, я далъ волю моему воображенію: оно уже не пылаетъ, но иногда еща загорается. Вотъ стихи мои, кои напечатаны были въ Аглаѣ:

Тебя ли видѣлъ я, владычица Москвы,
Плѣнявшая въ свой вѣкъ брега самой Невы?
Тебя ли видѣлъ я отшельницею нынѣ,
Безъ друга, безъ родни, отчаянну въ пустынѣ,
Куда, чтобъ испытать послѣднюю напасть,
Не Вѣра привлекла, обманутая страсть?
Гдѣ дѣлась красота? Гдѣ дѣлся видъ прелестный,
Въ Россіи до тебя едва ль кому извѣстный,
Которымъ Божество, создавъ твои черты,
Хотѣло, чтобъ ему подобилася ты?
Что сталося съ твоей осанкой горделивой,
Сей вывѣской души невинной и счастливой?
Кто жаломъ острымъ стеръ, подобно злой пчелѣ,
Рисунокъ совершенствъ на радостномъ челѣ?
Потухъ всежгущій взоръ и пламенныя очи
Померкли, какъ звѣзда въ туманахъ темной ночи;
Прелестны тѣ уста, гдѣ вся любви краса
Въ отверстьи нѣжномъ ихъ вмѣщала небеса,
И каждымъ словомъ духъ въ восторгахъ изумляла,
Безмолвная печать на вѣкъ ихъ нынѣ сжала.
Куда ушли толпы вельможескихъ сыновъ,
Бѣгущихъ за тобой искать златыхъ оковъ,
Которыми ты ихъ опутывать любила,
Когда не сердцемъ ихъ, улыбкой лишь дарила?
О время! ты летишь, и нѣтъ тебѣ преградъ:
То рай намъ на пути, то страшный кажешь адъ.
Блаженство и бѣда, печаль и восхищенье,
Все случаевъ однихъ различное стеченье.
И ты лукавыхъ дней игралищемъ была,

Платила дань страстямъ и чувственно жила.
Чье сердце противъ язвъ любви жестокой твердо,
Коль Богъ попуститъ ей насъ гнать немилосердо?
Какъ кормчій въ тростникахъ увязнувши съ ладьей,
Изыскиваетъ путь за легонькой струей,
Чтобъ ею чистыхъ водъ пробиться на средину,
Далеко за собой оставивши пучину:
Такъ силился твой умъ изъ омута суетъ
Прочистить сердцу путь и выйти съ нимъ на свѣтъ;
Но бѣдный одолѣть свой рокъ сколь ни стремился,
Погибъ, и наконецъ всѣхъ дѣйствій онъ лишился.
Что дѣлать безъ ума? Жизнь мука,—свѣтъ—хаосъ;
Не внемлется совѣтъ; не страшенъ гласъ угрозъ,
Готовъ уже твой стражъ, звенятъ неволи узы;
Весь свѣтъ расторгъ твои общественны союзы.
Бѣги отъ міра прочь, отрекся онъ тебя,
И ближніи твои не зрятъ въ тебѣ уже себя;
Иди тянуть свое дыханіе въ пещеру.
О если бы ты тамъ облобызала Вѣру;
И сладости ея внутрь сердца ощутивъ,
Когда бъ могла познать, сколь духъ ея правдивъ!
Но могутъ ли вмѣстить ея дары священны
Потерянная мысль, разсудокъ помраченный?
Куда же, если смерть себя заставитъ ждать,
Дѣваться дни свои плачевныя скончать?
Безъ мира въ мірѣ жить несносно—скрыться въ келью:
Тамъ, четки замѣнятъ алмазны ожерелья;
Тамъ, думалъ, посмотрѣвъ я съ жадностью на ту,
Которой славнъ вѣкъ протекшій красоту:
Вздохнулъ и пороптавъ. На что жъ намъ дарованья,
Художествъ и наукъ полезныя познанья,
Когда не бережетъ натура ни чего?
Тоскуй, сѣдѣй, умри, и вотъ предѣлъ всего!
Разсудокъ мой вздрогнулъ. Чти Вѣчнаго законы,
Паси въ степяхъ овецъ, или садись на троны,
Остеръ будь, или тупъ, силачъ, или дряхлъ и слабъ—
Ты узникъ естества, титулъ твой—Божій рабъ:
Сынъ персти, крупный червь, мятущійся всечасно,
Въ которомъ и добро не вовсе безопасно.
И слѣдуетъ ли намъ отколь, что давимъ тварь,
Тотчасъ и заключить, что мы надъ нею царь?
Откуда человѣкъ на гордость права хочетъ?
Царь съ скиптромъ, а Парфенъ съ сумой равно хлопочетъ.
Ни что здѣсь не для насъ, мы сами для того,
Чтобъ цѣпь кольцомъ связать творенія всего.

Сегодня ты востокъ и западъ покоряешь,
Сегодня ты моря судами покрываешь,
А завтра какъ ни будь и не спросясь тебя,
Животный механизмъ разстроитъ чуть себя,
То дурь твою всѣхъ царствъ умы не сладятъ справить,
И надобно тебя въ безумный домъ отправить.
По что же ты, какъ кедръ, вздымаешь деркій лобъ,
Когда деспотъ и Негръ въ одинъ хоронятся гробъ?
Когда тотъ и другой, по дѣйствію природы,
Трепещутъ иногда малѣйшей непогоды?
О истинно! тебя все намъ познать велитъ,
И благо лишь тому, кого Господь смиритъ!

ГЛАВА LXXIV.

Академія.

Недалеко отъ Флоровскаго монастыря, на Подолѣ же, мужской монастырь, называемый Братскій, въ которомъ помѣщена Академія; при ней живетъ и Ректоръ. Я не могъ порядочно разсмотрѣть Академію, по тому что всѣ пользовались вакаціями: видѣлъ строеніе, и нашелъ его прекраснымъ; зала собранія велика, т. е., въ сравненіи съ прочими, ей подобными, и со вкусомъ расписана.

Мнѣ полюбились болѣе прочихъ слѣдующіе замыслы живописца: надъ дверьми Философскаго класса изображенъ Фаетонъ, надъ дверьми Богословскаго Аполлонъ; Фаетонъ хотѣлъ поревновать солнцу и взялъ его упряжку, но кони его помчали, и онъ стремглавъ низвергся на землю: живой образъ Философіи, которая ищетъ премудрости, плѣняется ложнымъ умозрѣніемъ и пропадаетъ въ своихъ путлявыхъ системахъ; Аполлонъ, напротивъ, прямые лучи Феба отражаетъ на себѣ, и лира его плѣняетъ всю вселенную: не такъ ли учитъ насъ Богословія, когда она прямо отъ источника Вѣры заимствуетъ свои доказательства и истины?

Далѣе примѣтилъ я нѣчто также замысловатое: написанъ юноша: онъ глядитъ на солнце, силится разсмотрѣть его, но жму-

рится и взоръ его темнѣетъ: такъ глядитъ атеистъ, или язычникъ, на Саваоѳа. Другой рядомъ съ нимъ держитъ трубу, наводитъ на солнце, и видитъ его безъ помѣхи; труба въ рукахъ его— есть Вѣра. Когда она дѣйствуетъ на наши мысленныя очи, мы тогда видимъ и ощущаемъ Божество.

Кромѣ сихъ аллегорическихъ изображеній, зала наполнена портретами благотворителей Академіи, и Самуилъ между ними: какъ забыть его? Надъ ними на хорахъ разставлены грудные списки съ остроумныхъ писателей въ Язычествѣ. Вы найдете Цицерона, Саллюстія, Виргилія и проч. Кто располагалъ эту залу, тотъ не былъ суевѣръ.

Академія считаетъ у себя до 1400 учениковъ; изъ нихъ 400 на казенномъ коштѣ. При ней библіотека хотя не велика, но хороша, составлена изъ книгъ отборныхъ и во вкусѣ лучшей Словесности; много иностранныхъ сочиненій на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ Еврейская Псалтырь, подаренная Потоцкимъ.

Церковь при Академіи только что изрядная, утварь небогата. Храмъ соборный въ обители великолѣпенъ, и такой почти архитектуры, какъ Пустынно-Николаевскій. Встарину всѣ церкви строились на одинъ образецъ до тѣхъ поръ, какъ сыскался одинъ человѣкъ отважный, который дерзнулъ ввести въ обычай новый рисунокъ. Понятія о Божествѣ опредѣляли самый тѣсный и матеріяльный смыслъ, и поставленный разъ на Востокѣ столъ, или дверь, не могли безъ потрясенія совѣсти Православныхъ быть перенесены на Западъ. Чувственность одолѣвала всѣ усилія разума, и онъ сквозь плотяную свою оболочку едва наконецъ могъ пробиться. Слава Богу! Но побережемся другой крайности.

ГЛАВА LXXV.

Гражданскія строенія и заведенія.

Я уже сказалъ нѣчто о Дворцѣ, а теперь войду въ подробность. Онъ строенъ при Елисаветѣ, а исправленъ при Екатеринѣ. Огромное деревянное зданіе, при которомъ обширный садъ до самаго почти Подола, по всей горѣ аллеи; деревьевъ и зелени много. Онъ не совсѣмъ брошенъ, да и не совсѣмъ въ томъ состояніи, въ какомъ желательно видѣть садъ на такомъ превосходномъ мѣстѣ. Утомительно долго гулять по его крутизнамъ. Оранжереи наполнены кадками, но плодовъ уже мы не застали, а видѣли на воротахъ, на черной доскѣ, одну только таксу ихъ. Публика тутъ ежедневно гуляетъ: всякой вечеръ въ хорошую погоду можно застать большое собраніе. Музыка и пѣсенники безпрестанно къ услугамъ прогульщиковъ готовы. Для отдохновенія сдѣлана въ саду большая галерея, изъ которой видѣнъ Днѣпръ, съ разными его излучинами, и вездѣ, вездѣ Подолъ довершаетъ прелесть всѣхъ видовъ Кіевскихъ. Но здѣсь картины не такъ восхитительны, по тому что Днѣпръ пересыхаетъ.

Крѣпость въ большомъ содержится порядкѣ; видно, что въ нее смотритъ попечительное око. Внутри ея, кромѣ Лавры, замѣтить можно Арсеналъ. Онъ окруженъ еще и другими строеніями, какъ то: Комендантскимъ домомъ, въ которомъ разведенъ большой садъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ пещерами, и Провіантская Коммисія; но домъ ея не краситъ этой части города.

Посмотримъ прилежнѣе на Арсеналъ: онъ стоитъ нашего вниманія. Зданіе прекрасное выстроено изъ здѣшняго кирпича, который не стыдливъ, и даже отъ огня не краснѣетъ: желтая глина, добываемая въ Кіевской Губерніи, всегда сохраняетъ въ немъ свой цвѣтъ такъ, что стѣны Арсенала кажутся почти похожи на фаянсъ. Онъ не штукатуренъ, только вычищенъ, чтобъ блѣдность желтизны не терялась.

Въ Арсеналѣ для выходовъ сдѣланы спуски довольно пологіе, покойнѣе гораздо господскихъ лѣсницъ; по нимъ катаются

орудія. Бомбъ и ядеръ пропасть: но кто на витязя Русскаго ихъ наготовится? Безпрестанно на волахъ возятъ въ Молдавію: дни два постоятъ вокругъ Арсенала пирамиды, а потомъ и въ походъ. Чалма тянетъ къ себѣ нашъ чугунъ, какъ магнитъ желѣзо.

Разгуливая по пространнымъ заламъ сего огромнаго зданія, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на все, и особенно любовался на слѣдующіе предметы: 1-е. Шатеръ кумачный, шитый, завоеванный Румянцевымъ у Визиря—огромный наметъ, вывѣска всей пышности Восточныхъ народовъ! Взглянувши на такой памятникъ Россійскихъ подвиговъ, невольно вздыхаешь о томъ, кто умѣлъ ими себя и всю родину прославить. 2. Мѣдныя орудія, взятыя у Турокъ, хороши! Однако не удержались, перестали стрѣлять и нетподвижныя стоятъ въ Кіевѣ. 3. Ихъ же бунчуки—странный знакъ почести: навязать лошадиный хвостъ, два и три на палку, и возить передъ собой, чтобъ узнавалъ народъ чиновника! 4. Гетманскія булавы съ каменьями тутъ же хранятся. Все имѣетъ свое время, подумалъ я; теперь кинь самую богатую изъ нихъ куда хочешь, а въ рукахъ Мазепы, я чаю, не очень близко къ ней подходили. 5. Всякихъ Россійскихъ орудій, ружей, палашей, пистолетовъ запасъ изрядный. Между ими случилось мнѣ видѣть и Французскія, къ употребленію готовыя. На всю четвертую дивизію вписано нужное по штату количество. 6. Въ особомъ ряду выставлены подъ надписью: мѣдныя разнокалиберныя пушки, пожертвованныя во время милиціи. А знаменамъ разнородными нѣтъ и счета: одныя завоеваны, другія отобраны отъ полковъ по разнымъ реформамъ. Вся лѣстница ими уставлена съ низу до верху по обѣ стороны, и когда выходишь изъ этого военнаго хранилища подъ сводъ мирнаго неба, то сколько разныхъ уносишь съ собою впечатлѣній и чувствъ, сколько въ одномъ покоѣ сближается вѣковъ, людей и дѣлъ! Нельзя равнодушно смотрѣть на такое зданіе. Но при томъ какъ сравнить Арсеналъ Кіевскій съ Тульскимъ!

Заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія разсѣяны на нѣсколькихъ верстахъ вокругъ города. Я не ѣздилъ ихъ смотрѣть, по тому что они не имѣютъ тамъ большой славы. Равнымъ образомъ не знаю и Гимназіи Кіевской: ни кто меня не зазвалъ въ

нее, и я ни чего объ ней отъ жителей не слыхалъ. Право, я не холодѣю подъ старость къ просвѣщенью, но, видѣвъ нѣсколько училищъ, смѣю спросить: тамъ ли оно, гдѣ по стату есть домъ, Директоръ и учители?

Въ Уѣздѣ не далеко отъ Кіева устроенъ Фаянсовый заводъ: онъ называется, а по немъ и посуда слыветъ Межигорской. Большая часть его до насъ не задолго сгорѣла, и онъ еще былъ не въ полномъ дѣйствіи. Я видѣлъ работы тамошнія: можно ихъ назвать лучшими въ Россіи; конечно, далеко еще фаянсъ нашъ отъ иностраннаго: нечистъ въ отдѣлкѣ и не всегда выдерживаетъ горячую воду.

Одинъ иностранецъ держитъ Пансіонъ для благородныхъ дѣвушекъ; я его не видалъ, и судить достоинства заведенія не могу; а заѣхавши нечаянно въ обѣденную пору, засталъ барышень за столомъ: хозяева, мужъ и жена, вмѣстѣ съ ними обѣдали, и мнѣ показалось содержаніе сего училища по наружности благопристойнымъ.

Я нашелъ тутъ давнишнюю знакомку. Жена этого иностранца жила у Господина Л. въ то время, какъ я въ первый разъ женился. Я видалъ ее тогда въ суетахъ около женинаго приданаго. Старое пріятное знакомство всегда приноситъ удовольствіе, напоминая молодость нашу, счастливыя событія судьбы: оно насъ переноситъ въ прекраснѣйшую полосу жизни, мы забываемъ старость и, естественныхъ ея подругъ, уныніе и скуку, и стараемся схватить бѣглую минуту наслажденія въ воспоминаніяхъ прошедшихъ. Тоже ощущала и жена моя: она живала долго съ первымъ мужемъ своимъ въ Кіевѣ, нашла много знакомыхъ, вспомнила стиринку, и мы, раздѣляя между собою чувство прошедшихъ нашихъ радостей, находили въ томъ взаимное и новое для насъ удовольствіе въ настоящемъ; ибо любовь искренняя во всѣ годы и вездѣ умѣетъ дать цѣну всякому ощущенію, и память прошедшаго наслажденія не тревожитъ, когда источникъ его чистъ.

Окрестности Кіева, какъ слышалъ я, и вѣрю безъ труда, прекрасны; жаль, что я не имѣлъ времени ихъ осмотрѣть. Уже-

говоря, не блистательно; Викарій, проповѣдникъ, Ректоръ, главныя лица въ здѣшнемъ сословіи духовномъ, не привлекаютъ особеннаго вниманія. Викарій, такъ сказать, простонароденъ; Ректоръ * въ служеніи кривляется и вскрикиваетъ на возгласахъ какъ Дьяконъ. Леванда одинъ восхищаетъ всѣхъ пріѣзжающихъ въ Кіевъ и словомъ и обращеніемъ. Ужь ли прямая набожность не совмѣстна съ свѣтскою благосклонностію? Ужь ли чинъ Іерея требуетъ удаленія всякой привѣтливости и грубыхъ отношеній ко всѣмъ? Такъ думать значитъ, по мнѣнію моему, унижать сущность Вѣры и Богопочитанія; учтивость и лукавство не суть одно и то же. Пора пастырямъ нашимъ быть довольно просвѣщеннымъ, чтобъ стыдиться мнѣніемъ общимъ ихъ братьи, простыхъ монаховъ, будто тотъ и угоденъ Богу, кто кидаетъ на всѣхъ свирѣпый взглядъ и ни кому добраго слова не хочетъ молвить.

Митрополитъ сему мнѣнію не слѣдуетъ: онъ возращенъ въ Столицѣ, и далъ намъ послѣ обѣдни превеликолѣпный пиръ. Много было знатныхъ чиновниковъ, пріѣзжихъ въ Кіевъ изъ разныхъ сторонъ, и за столъ насъ сѣло человѣкъ до ста. Зала большая и помѣстительная, а обѣдъ продолжался до вечера: изъ за стола встали въ 6 часовъ. Чего не ѣли и не пили? Угощеніе было свѣтское и роскошное; плоды всякаго времени на столѣ стояли. Пѣвчіе пѣли во весь обѣдъ духовныя пѣсни. Разумѣется, что пили разныя здоровья и

По нотѣ много лѣтъ намъ пѣвчіе сулили.

Изъ внутреннихъ покоевъ видъ въ пещеры и на Днѣпръ безподобенъ. Пастырь привѣтливъ, обходителенъ, не тяготится собраніемъ народнымъ, любитъ, кажется, людей и охотно раадѣляетъ съ ними время. Послѣ обѣда онъ водилъ насъ на монастырь

---

* Іакинѳъ Лагоновскій, въ мірѣ Иванъ, сынъ бѣднаго Кіевскаго Дворянина, учился въ Академіи съ 1779 по 1792 годъ, по выходѣ изъ нея былъ учителемъ Грамматики и Греческаго языка въ Переяславской Семинаріи, откуда вызванъ въ Академію на Математику, 1795 монахъ, 1800 Префектъ и Архимандритъ, съ 1804 (Марта 30) Ректоръ; 1813 переведенъ въ Курскій Знаменскій монастырь, гдѣ и умеръ 1817 года. О. Б.

слушать главнаго звона, который плѣнялъ, сказываютъ, Потемкина. На Лаврской колокольнѣ есть колоколъ, прозванный Орелъ; я не упомню, какъ онъ тяжелъ на вѣсъ, * но слышалъ его звукъ, и признаюсь, что онъ меня ни сколько не восхитилъ. Въ одинъ только этотъ день въ его звонятъ, по тому, думаю, что трудно съ нимъ обходиться. ** Его раскачиваютъ разомъ человѣкъ 30, и когда раскачаютъ хорошенько, то пустятъ и языкъ, ударяя изъ стѣны въ стѣну, раздаетъ звонъ отъ себя очень далеко. Многіе (и, конечно, изъ предубѣжденія) увѣряютъ себя и другихъ, будто онъ въ себѣ всѣ тоны содержитъ: дишкантъ, теноръ, альтъ и басъ. Я очень вслушивался въ тоны и, кромѣ шуму, ни чего не слыхалъ, реветъ да и только. Впрочемъ, я до колоколовъ не охотникъ и роскоши въ этомъ вкусѣ не разумѣю. Въ Кіевѣ народъ любитъ звонъ: да гдѣ же не такъ? Черпь почти вездѣ одинакіе имѣетъ вкусы. Здѣсь, какъ и во всей Малороссіи, обычай звонить при смерти каждаго гражданина въ той церкви, гдѣ онъ былъ прихожаниномъ; равнымъ образомъ звонятъ во всѣ колокола въ церквахъ, мимо конхъ несутъ мертвеца, какого бы званія онъ ни былъ, о чемъ заранѣе и дается по пути знать: это входитъ въ обрядъ погребенія.

Митрополитъ хорошо живетъ и при Соборѣ; мы тамъ у него были. Кельи его не велики, но для пріема вседневнаго изрядны. Въ день пріѣзда нашего въ городъ онъ прислалъ намъ пять большихъ хлѣбовъ съ солью, и самъ пожаловалъ, посѣтилъ насъ. Благосклонность его ко мнѣ во все время пребыванія нашего тутъ оказывалась постоянно. Прощаясь съ нимъ, я получилъ отъ Его Высокопреосвященства въ подарокъ разныя книжки Кіевской печати и планъ Лавры, вытисненный на атласѣ.***

---

* Въ 500 пудовъ. О. Б.

** Звонятъ въ этотъ день въ колоколъ Успенскій, вылитый въ Москвѣ Моторинымъ, при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ 1000 пудовъ, по тому такъ и называемый. О. Б.

*** Митрополитъ Серапіонъ Александровскій, по городу Александрову Владимирской Губерніи, въ коемъ родился 22-го Іюля, 1747 г., сынъ Священника, учился

Въ Успеньевъ день Кіевъ наполненъ богомольцами; пѣшаго народу пропасть, и изъ самыхъ отдаленныхъ странъ; пріѣзжихъ множество, но совсѣмъ тѣмъ ярмарки нѣтъ, и торгъ самый неважный разными бездѣлушками на базарѣ. И такъ, кто хочетъ молиться въ Кіевѣ, тотъ пріѣзжай сюда къ Успеньеву дню; а кто ищетъ въ немъ забавъ, пусть жалуетъ сюда въ Генварѣ, къ Контрактамъ.

ГЛАВА LXXII.

Общія увеселенія города. Жизнь Кіева при насъ.

Лѣтомъ ни кто не живетъ въ городахъ, и Кіевъ не изъятъ изъ сего правила, тѣмъ болѣе, что около его мѣстоположенія завидны. Однако Успеньевъ день многихъ привлекаетъ въ Лавру, за нѣсколько дней жизнь городская становится живѣе. По особенному какому-то счастію, на которое во все мое путешествіе не было мнѣ причины пожаловаться, изъ разныхъ сторонъ наѣхали въ Кіевъ мои знакомые, какъ-то, на прим.: Графъ Безбородько, изъ Рима очутились Мятлевъ съ женою и семействомъ; переведенный изъ Москвы Губернаторъ Г. Л. * подъѣхалъ къ той же

у Троицы Сергія въ Семинаріи, съ 1750 (съ Марта) до 1770 (Сентября 23) учитель, въ ней Латинскаго языка и Географіи, 1771 (Февраля 8) монахъ, 1772 проповѣдникъ въ Московской Академіи и Іеромонахъ по 1775 г., съ 15 Марта Игуменъ Воздвиженскаго монастыря и Членъ Консисторіи, 1776 (Генваря 7) Знаменскій Игуменъ, 1779 (Февраля 17) Архимандритъ Богоявленскій, 1782 на чредѣ въ Петербургѣ, послѣ чего возвратился на свое мѣсто; 1785 Цензоръ духовныхъ книгъ по Іюнь 1788; съ Іюня (11-го) того же года Викарій Московскій, 1799 Епископъ Калужскій (16 Октября), но вскорѣ (21-го) Казанскій Архіепископъ, а Декабря 11-го, 1803, Митрополитъ Кіевскій и Членъ Синода; въ Кіевъ прибылъ Февраля 5-го, 1804, гдѣ 24 Генваря, 1822 г., уволился по прошенію на покой въ Московскій Даниловъ монастырь, но скончался тамъ же 14-го Сентября, 1824, и погребенъ 17-го въ Софійскомъ Соборѣ. При немъ Кіевская Академія, 14-го Августа, 1817 года, по Указу Синода, обращена была въ Семинарію, до преобразованія оной по новому Уставу, которое и послѣдовало 28-го Сентября, 1819 года, а Семинарія основана новая. О. Б.

* Д. С. С. Дмитрій Семеновичъ Ланской? О. Б.

норѣ. И такъ время проводилъ я очень пріятно въ разныхъ обществахъ, у каждаго изъ нихъ. Досуги мои, послѣ любопытныхъ занятій, бывали очень коротки и всегда наполнены пріятной бесѣдой путешествующихъ.

Я часто воображалъ себѣ, что мы въ чужихъ краяхъ, гдѣ соотечественники, собравшись вмѣстѣ, дѣлятъ между собой дни и часы и проводятъ время какъ бы на своей родинѣ. Такъ точно и здѣсь: мы всѣ заѣзжіе люди, не имѣя ни какой особенной связи ни съ кѣмъ въ Кіевѣ, съѣзжались между собой. Кіевляне были для насъ какъ бы чужеземцы, и мы одни проводили вечера во взаимныхъ разсказахъ о томъ, что кто изъ насъ видѣлъ. Натурально, что Г. Мятлевъ, пріѣхавши изъ Рима, первую ролю игралъ въ разговорѣ: его новости были занимательнѣе прочихъ, и я съ жадностію всегда его слушалъ.

Военный Губернаторъ Кіевскій, занимая весь дворецъ, живетъ въ немъ очень роскошно. Кромѣ ежедневныхъ публичныхъ съѣздовъ въ его садъ для того, чтобъ гулять, глазѣть, слушать музыку и пѣсни, онъ далъ огромный праздникъ 10 числа Августа, въ честь Г-жи Мятлевой. У него былъ во дворцѣ прекрасный балъ, залы великолѣпнѣйшимъ образомъ были освѣщены. Богатый ужинъ, огромная музыка, большое число гостей, все способствовало къ общему удовольствію. Мы также приглашены были, и пробыли тутъ часовъ до трехъ утра.

Хозяинъ отмѣнно вѣжливъ и благосклонно всѣхъ принимаетъ: нѣтъ ни чего гордаго, суроваго, несноснаго въ его обращеніи. Онъ веселъ и любитъ, чтобъ у него было весело; не щадя своихъ доходовъ, расточаетъ ихъ безъ всякой бережливости. Вкусъ и роскошь неразрывны были на его балѣ, и я отъ сердца пожелалъ, чтобъ онъ имѣлъ милліоны. Его богатство не ему одному, но многимъ доставило бы отрадныя минуты.

Графъ Безбородько пользуется въ городѣ прекраснѣйшей усадьбой, и выстроилъ не весь домъ еще, какой для него приличенъ, но многія его принадлежности, и отдѣлалъ для себя флигель, въ которомъ при насъ на недѣлю расположился. Онъ его убралъ со

вкусомъ прелести; видъ изъ окошекъ наполненъ: съ правой стороны открывается холмъ съ Михайловскимъ монастыремъ, съ лѣвой Софійской соборъ на своей высотѣ: все вмѣстѣ несравненно и одному Кіеву прилично. Въ этомъ домѣ Графъ разсудилъ позвать Мятлева, Военнаго Губернатора и насъ къ себѣ по Русски на полдникъ—у иностранцевъ тоже самое нынѣ называется un thée, т. е., чай: чего мы тутъ не ѣли и не пили? Лучшіе плоды земнаго шара, изящнѣйшее вино въ природѣ. Сосуды, чаши, подсвѣчники, все соглашалось съ богатствомъ хозяина, вездѣ въ глаза кидались бронза, фарфоръ превосходный, стекло отмѣнное, живопись лучшая. Взглянувши на каждую вещь, трудно было снять съ нея глаза и обратить въ другую сторону, гдѣ новыя прелести также ихъ задерживали. Присоединимъ къ такой роскоши ласковое угощеніе хозяина, остроумныя шутки гостей, бесѣду безпрерывную и ума наполненную, готовность каждаго блеснуть замысловатымъ словцомъ. Все восхищало, и нельзя было довольно возблагодарить Графа за доставленіе такой пріятной вечеринки.

Сестра познакомила насъ съ однимъ родственникомъ мужа ея, Черниговскимъ помѣщикомъ Г. Ми** который два раза насъ угощалъ у себя съ истинной пріязнью; мы у него обѣдали и ужинали: семейство любезное, благосклонное, готовое къ услугамъ. Такое знакомство всегда находка.

На Подолѣ одинъ Кіевлянинъ, нѣкто Могилевскій, отецъ любезнаго молодаго человѣка, который нѣкогда дѣлилъ занятія мои по службѣ, захотѣлъ насъ имѣть у себя въ домѣ и пригласилъ по Малороссійски на борщъ. Мы у него обѣдали и ѣли всякое тамошнее кушанье. Столъ былъ жирный, сытый и лакомый, вино пили доброе, хозяинъ радовался нашимъ посѣщеніемъ, а мы его лаской, и разстались другъ съ другомъ взаимно довольны.

Онъ зналъ свычку мою съ его сыномъ и мое къ нему доброхотство. Признательность его дѣлаетъ честь его чувствамъ, что нужды, что онъ невнатенъ? Лучшая порода—душа и сердце.

---

* Миклашевскимъ? О. Б.

Вообще Кіевляне, сколько я ихъ видѣлъ и изъ посѣщеній у нѣкоторыхъ распознать могъ, гостепріимны и до людей охотники. Имѣя мало публичныхъ увеселеній, какъ и всѣ Губернскіе города, они съѣзжаются между собой, принимаютъ другъ друга, составляютъ частныя общества и ни одинъ гость не уѣдетъ, не выпивъ за здоровье хозяина добраго бокала славнаго Венгерскаго вина.

Между живущими въ Кіевѣ безъ службы и дѣла примѣтенъ особенно Молдавскій бывшій Господарь, Князь Ипсилантій, который, послѣ бывшаго Кіевскаго Коменданта, Вигиля, * купилъ здѣсь прекрасный домъ. Я нигдѣ не имѣлъ случая съ нимъ встрѣтиться.

Чаще всѣхъ и почти всякой день запросто бывали мы у Мятлевыхъ, которые тамъ оказывали намъ большую ласку; всѣ вечера мы у нихъ просиживали, говорили о Римѣ, о руинахъ, о тамошнихъ красотахъ. Возможно ли находить время длиннымъ въ пріятной бесѣдѣ?

Однажды Пр. Ив. угодно было написать нѣсколько лестныхъ строкъ въ моихъ «Сумеркахъ.» ** Тутъ она и мужъ ея оставили почеркъ свой въ память частыхъ нашихъ свиданій въ Кіевѣ. Вотъ мой отвѣтъ:

Давно, весьма давно, призналъ ученый свѣтъ,
Что Римъ есть тронъ наукъ, изящнаго искуства,
Нигдѣ, какъ говорятъ, такихъ диковинъ нѣтъ,
И такъ рѣзецъ и кисть не дѣйствуетъ на чувства.
Я вѣрилъ; но чтобъ быть увѣрену неложно,
Я опыта для глазъ и для души желалъ;
Сомнѣнію сему продлиться не возможно,
Я въ «Сумеркахъ» моихъ нашелъ, чего искалъ:
Искуснаго пера прекрасныя черты,
Какъ солнца яркій лучъ въ листахъ моихъ явились;
Откуда, думалъ я, такія красоты

---

* Филиппъ Лаврентьевичъ 1788—1798, отецъ Филиппа Филипповича Вигиля. О. Б.

** Есть книжка моихъ стиховъ, прозванная «Сумерки моей жизни,» въ которую, какъ въ альбомъ, мои знакомые дарили меня своимъ перомъ.

Волшебнымъ слогомъ вдругъ въ тѣни изобразились?
Желая пошутить, попробовать перо,
Изъ Рима на пути пригожая Московка
Черкнула строчекъ пять и нѣжно и остро,
Нечаянно плѣнять знакома ей уловка.
О! вѣрить я теперь и возгласить готовъ,
Что точно Римъ одинъ изяществомъ владѣетъ;
Нѣтъ, скажемъ, что владѣлъ, благодаря боговъ,
Ужь Матлеву не Римъ, Москва въ себѣ имѣетъ.

ГЛАВА LXXVIII.

Отъѣздъ изъ Кіева. Козелецъ.

Проживши дней 10 въ Кіевѣ въ безпрестанномъ, такъ сказать, изумленьи, пора было ѣхать домой. Изъ переписки моей съ родными я видѣлъ нетерпѣливость ихъ опять съ нами увидѣться: я ее цѣнилъ въ полной мѣрѣ, и при всемъ томъ удовольствіи, какое доставило мнѣ мое путешествіе, я скучалъ по своимъ домашнимъ. У кого есть дѣти, тому безъ нихъ вездѣ скучно; кто имѣетъ друзей, тотъ всегда ищетъ къ нимъ приближиться.

Мы рѣшились выѣхать отсюда 18 числа. На канунѣ я ходилъ еще разъ взглянуть на Кіевъ съ Андреевской башни или галереи: это было въ вечеру. Солнце, оканчивая бѣгъ свой, скрывалось отъ нашихъ странъ; закатъ его былъ ясенъ, чистъ; небо ни чѣмъ не помрачено, и лазурный сводъ его принималъ на себя отраженіе послѣднихъ солнечныхъ лучей. Въ такое время дня взошелъ я на Андреевскую гору и окинулъ глазами весь Кіевъ еще разъ въ жизни. Нѣтъ ни чего прекраснѣй сего зрѣлища; я отъ него былъ внѣ себя и не вмѣщалъ своихъ восторговъ. На Подолѣ выстроенъ Магистратъ: онъ держится Германическихъ обрядовъ, будучи образецъ тамошнихъ Ратушъ. По обыкновенію того края трубачъ выходитъ на каланчу, трубитъ въ часъ утренней и вечерней зари и въ полдень: музыка заиграла въ эту самую минуту; я ее слышалъ съ горы, и звукъ трубъ раздавался далеко по струямъ Днѣпра. Все способствовало къ потрясенію моихъ

чувствъ; они были живы, пламенны, обнимали вдругъ прошедеше и настоящее. Простясь съ солнцемъ, простился съ Кіевомъ и пошелъ домой готовиться къ отъѣзду.

Въ самый день нашего отъѣзда посѣтилъ я въ послѣдній разъ гробъ моей бабки, принесъ ей жертву моего благоговѣнія, оросилъ слезами мертвенное ея покрывало и пожелалъ всѣмъ сердцемъ, чтобы они проникли до безсмертной души ея, и естьли мертвые въ селеньяхъ пренебесныхъ могутъ убѣждаться чувствами земнородныхъ, еще населяющихъ юдоль міра, то пусть великая душа ея приметъ наше поклоненіе съ такимъ же благопріятствомъ и кротостію, съ какимъ Отецъ тварей, изливая на насъ щедроты свои, внемлетъ моленію сыновъ, ищущихъ угождать ему.

Съ трепещущимъ сердцемъ и въ сильномъ волненіи его выѣхали мы изъ Кіева. Сестра провожала насъ: она не плакала, чтобъ насъ не растрогать; но черты лица ея изображали истинное положеніе огорченнаго ея сердца. Проводы ея мужа умножили безпокойство наше внутреннее: намъ жаль было разставаться съ ними; намъ жаль было ихъ—Кіево-домашнихъ, словомъ, всего: хотѣлось ѣхать, хотѣлось остаться. Чувствительный человѣкъ есть самое мятежное существо во вселенной.

Нечаянная встрѣча насъ разсмѣшила на минуту. Одинъ бѣдный Полякъ, издавна знакомый женѣ моей, странствующій въ Кіевѣ безъ пристанища, увидѣвши ее, узналъ и, называя старымъ именемъ: «Ah! Madame Pojarina (сказалъ онъ ей), grand triste et grands pleurs!» Такъ онъ хотѣлъ изъявить сожалѣніе свое о томъ, что ея давно не видалъ; а за два дня передъ тѣмъ видѣлъ ее и спрашивалъ у всѣхъ: кто такая? Прямой Полякъ: и холоденъ и жарокъ въ одну и ту жь минуту; мы всѣ этому посмѣялись.

Екипажи наши дожидались насъ за рѣкой; чтобъ дойти до нея, надобно спуститься съ превысокой и крутой горы, которую стараются всячески сдѣлать отложе, и не безъ успѣха; но работа понынѣ стоитъ казнѣ до 4,000 руб. Многіе критикуютъ эту издержку, и не совсѣмъ безъ основанія разсуждаютъ, говоря: въ VI-мъ вѣкѣ строенъ городъ; въ него и изъ него въ цѣлыя XV столѣтій

выѣзжали по другой сторонѣ, гдѣ путь съ объѣздомъ былъ несравненно легче и отложе: для чего же въ XIX вѣкѣ вздумали проложить на Днѣпръ новый спускъ, который крутъ, опасенъ и дорогъ?

На берегу Днѣпра я простился съ сестрой, съ зятемъ. Минуты разлуки съ людьми любезными неспосны: ни что ихъ не краситъ. Я побѣжалъ, не оглядываясь, за мостъ, и, на той сторонѣ остановясь нѣсколько секундъ, взглянулъ на Лавру: какъ видъ ея изъ за рѣки величественъ! Тутъ надобно глядѣть на Кіевъ, и дивиться этому хребту горъ превысокихъ, на которыхъ онъ поставленъ. Отсюда глядя на нихъ, признаться должно, что онѣ много выше Владимірскихъ холмовъ; да и Днѣпръ, при всѣхъ его отмеляхъ, гораздо шире и важнѣе Клязьмы. Чтобъ много похвалить Владиміръ, довольно сказать, что онъ—Кіевъ въ маленькомъ видѣ. Какъ всю картину города украшаетъ Подолъ! Ни какому описанію повѣрить нельзя; надобно это видѣть: одинъ собственный взоръ увѣритъ въ превосходствѣ мѣстоположенія. Думаю, что въ цѣлой Россіи нѣтъ ему подобнаго. Долго я не могъ усидѣть въ коляскѣ: сяду—и опять вонъ; оборочусь назадъ—и смотрю на Кіевъ. Чѣмъ больше я отъ него удалялся, тѣмъ плѣнительнѣе представлялась картина его въ отдаленіи. Онъ восхитителенъ, и я только тогда пересталъ закидывать глаза назадъ, какъ взбѣсили меня пески: тутъ я спрятался въ уголъ моей коляски, поднялъ ее и задремалъ. *

До Броварей 18 верстъ только, но онѣ утомительны: песокъ сыпучій, лошади едва тащатъ повозки, насъ пекло до смерти. На силу въ 4 часа времени доѣхали. Во всю дорогу двигались

---

* О Кіевѣ см. прекрасное сочиненіе Н. В. Закревскаго, подъ заглавіемъ: «Описаніе Кіева,» явившееся въ первый разъ въ Ревелѣ 1836: «Очеркъ исторіи города Кіева», стр. 68; вторично въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1848 г.: «Лѣтопись и Описаніе города Кіева,» 256 стр., кн. II, и особо, и въ третій въ 1868 г., въ Москвѣ, отдѣльно, въ 2-хъ большихъ томахъ, съ изображеніями и чертежами: «Описаніе Кіева,» вновь обработанное и значительно умноженное изданіе, но при чтеніи его слѣдуетъ имѣть подъ руками и не менѣе прекрасныя изслѣдованія о Кіевской старинѣ М. А. Максимовича, въ особенности его: «Объяснительные параграфы о Кіевѣ. Кіевъ, 1869.» О. Б.

шагомъ, и почти третью часть ея шли пѣшкомъ. Какая тоска! Отъ Броварей до другой станціи, Семиполки, 27 верстъ, пески не такъ глубоки, но все еще есть, и мы ѣхали не очень скоро. Это селеніе принадлежитъ Княгинѣ Хованской, которая сама тутъ живетъ. * Карета и повозки отъ насъ отстали, но намъ не хотѣлось терять дня, и мы съ женой одни въ коляскѣ поскакали въ Козелецъ. Тутъ дорога пошла лучше. Мы 24 версты проѣхали въ два часа. Селенія часты, и рощи есть. Вечеръ былъ прекрасный, и послѣ горячихъ песковъ эта станція дала намъ отраду. Мы захватили часа полтора сумерекъ и темноты, но доѣхали въ Ковелецъ одни, безъ прислуги и всѣхъ товарищей оставя назади. Козелецъ — Уѣздный городокъ Черниговской Губерніи: она начинается подъ самымъ Кіевомъ, тотчасъ за Днѣпромъ, и мы, вступя въ нее, увидѣли тѣ же распоряженія по дорогѣ, какія въ Полтавѣ. По обѣ стороны деревья, но, проклятыя, не хотятъ ни какъ приниматься. До Козельца прогоны почтовыя платятся по 3 копѣйки на лошадь, по тому что это называется военный Петербургскій трактъ.

Городничій далъ намъ квартиру въ своемъ домѣ. Козелецъ — городъ неважный и можетъ хвалиться только отмѣннымъ множествомъ водяныхъ мельницъ, коихъ до 12 почти рядомъ. Часть ихъ принадлежитъ казнѣ, другая помѣщикамъ, и когда воды для всѣхъ недостаточно, то они мелютъ по очереди, понедѣльно. Гербъ города мнѣ показался забавенъ: серебряный козелъ, и на немъ золотые крестъ и держава. Какъ могли такіе священные аттрибуты соединиться между рогъ самаго неблаговоннаго скота? Вотъ все, что о Козельцѣ сказать можно. * Всѣ наши от-

---

* Какъ Бровари, такъ и Семиполки, прежде принадлежали Кіевопечерской Лаврѣ, теперь же первое—мѣстечко съ 2 церквами, Еврейской молельней, 2 ярмарками и торгами; въ немъ около 300 дворовъ или 2,000 душъ обоего пола, лежитъ при озерѣ Свѣдловщинѣ; другое при ручьяхъ Пилевкѣ и Татаркѣ, подъ болотомъ Сяволожью, съ 163 дворами или почти около 2,000 жителей обоего пола, церковью и тремя заводами. О. Б.

** Козелецъ дѣйствительно можетъ похвалиться своими мельницами, такъ какъ онъ стоитъ надъ рѣкой Остромъ и рѣчкой Карашней. Остеръ течетъ по нему извилисто, окружаетъ его съ 3-хъ сторонъ и впадаетъ въ Десну; мѣстоположеніе

ставшіе спутники пріѣхали очень поздно, и мы, пообѣдавши сегодня на скорую руку въ Броваряхъ, легли спать не ужинавши. Послѣ всѣхъ тѣхъ наслажденій, кои намъ представилъ Кіевъ, одинъ день поста перенести было не трудно. Обыкновенно при выѣздѣ изъ большихъ городовъ, особливо гдѣ нѣсколько дней промѣшкаешь, наши люди не умѣютъ скоро собраться, и пока господа любопытствуютъ, смотрятъ старыхъ, или новыхъ, диковинъ, слуги шатаются по трактирамъ, пробуютъ свойство хмѣля, сравниваютъ чужестранный съ своимъ, наконецъ не стоятъ на ногахъ, и когда надобно сбираться, то или спятъ, или отстали, или чего ни будь въ поклажахъ не сыщутъ. Да здравствуютъ Русскіе холопы!

ГЛАВА LXXIX.

Нѣжинъ.

19 числа выѣхали мы изъ Козельца съ намѣреніемъ поспѣть ночевать въ Нѣжинъ, въ чемъ и успѣли. Поѣхавши въ 9 часовъ утра, пріѣхали въ 5 по полудни. Дорога сюда пещана, а къ Нѣжину гати и недомостки очень безпокоятъ. Обѣдали мы въ Носовкѣ, помѣстьѣ Графа Безбородька, гдѣ у него для пріюту маленькой флигель построенъ. Графъ еще въ Кіевѣ во всѣ свои Малороссійскія деревни далъ намъ приказы, которымъ одолжены мы были большими пріятностями.

равное со многими въ предмѣстьяхъ садами. Въ немъ была когда-то и крѣпость, обнесенная валомъ; въ городѣ теперь церквей 5, изъ конхъ одна построена матерью Графовъ Разумовскихъ, во имя Рождества Богородицы, по плану архитектора Графа Растрели, съ колокольней, похожей на Кіевопечерскую; въ церкви многія иконы Итальянской живописи. Извѣстно, что въ 7 верстахъ отъ Козельца находится село Лемеши—родина реестроваго Козака сего полку, Григорія Розума, отца Разумовскихъ. За городомъ находятся женскій Богоявленскій монастырь, а въ нѣсколькихъ верстахъ мужской Георгіевскій, управляемый Игуменомъ; сверхъ того Еврейскихъ двѣ молельни, Уѣздное и Приходское Училища, Больница, ярмарокъ 5, еженедѣльные торги и нѣсколько заводовъ. Жителей около 450 дворовъ съ 5,000 обоего пола. Отъ Губернскаго города Чернигова

Лишь въѣхали въ Нѣжинъ, какъ встрѣтили любопытное зрѣлище—Жидовскую свадьбу. Одинъ Жидъ шелъ отъ жениха съ дарами къ невѣстѣ, неся по улицѣ на головѣ какой-то не покрытый коленкоръ, который мы скоро, ѣхавши рядомъ, накрыли пылью. За нимъ пѣшествовали три Жида, изъ которыхъ одинъ игралъ на скрыпкѣ, другой на цымбалѣ, а третій шумѣлъ кастаньетами или гремушками. Гуляки эти дошли до дому невѣсты и встрѣчены были у двора ея роднею. Черезъ часъ началась свадьба, и я нарочно пошелъ ее посмотрѣть. Вотъ въ чемъ состоялъ ихъ обрядъ:

Новобрачные выведены были изъ дому на улицу подъ большой наметъ, на четырехъ жердяхъ висящій. Женихъ 16 лѣтъ одѣлся въ шубу и надвинулъ шапку. То же сдѣлала невѣста, совершенная ему ровестница; все лице у нея было закрыто. Около навѣса торчали родственники и наша братья зрители. Жиды, по обыкновенію, кричали во весь голосъ. Тотъ, который бракъ совершалъ, стоялъ подъ общимъ съ ними холстомъ, обручалъ ихъ кольцами, поилъ виномъ, держалъ подъ носомъ у нихъ свѣчи и стаканъ, изъ котораго ихъ поилъ: опорожнивъ, бросилъ на земь, и его въ мелкіе кусочки истопталъ народъ; все это сопровождалъ онъ пѣніемъ и кривляньемъ, безъ котораго у Жидовъ нѣтъ ни какого духовнаго дѣйствія. Послѣ различныхъ своихъ фарсъ, онъ прочелъ имъ брачный договоръ, и тѣмъ все кончилось. Отъ вѣнца повели ихъ подъ руки въ домъ; тѣ же музыканты заиграли плясовыя пѣсни, Жиды и жены пріударили въ ладоши, и самые усердные пріятели новобрачныхъ, идучи впереди, въ присядку плясали. Какая трогательная церемонія!

Я эту чету проводилъ до воротъ, но въ домъ не пошелъ, за тѣснотой; я могъ вообразить, какъ тамъ душно, тѣсно, гадко!

отстоитъ въ 62 верстахъ, а прежде былъ, до открытія Намѣстничествъ, онъ главнымъ городомъ Кіевскаго полка съ своей сотней. Нынѣшней гербъ его взятъ съ печати городской Магистратской, между тѣмъ какъ печать Полковая представляла Кіевскія горы съ крестомъ, водружаемымъ Апостоломъ Андреемъ, который благословляетъ еще свыше десницей. О. Б.

Между Жидовокъ одно только лицо можно замѣтить было по красотѣ его и пригожеству: впрочемъ, въ этомъ разсѣянномъ сбродѣ людей, я мало встрѣчалъ хорошихъ лицъ женскаго пола. Сколько ни старался узнать, отъ чего женихъ и невѣста вѣнчались въ шубахъ и шапкахъ, не могъ ни какъ причины добиться, а жаръ былъ несносный, и ихъ вѣрно солнце пекло, какъ огонь куропатокъ на вертелѣ. Я думаю, что это для того, чтобъ они всегда были жарки другъ къ другу и холодны къ другимъ. Хорошо, естьли имъ это удастся.

Поговоримъ о самомъ городѣ. Онъ неопрятенъ и нехорошъ, но видно, что торговый, и отъ того богатъ. По превосходству числа жителей въ немъ изъ Грековъ, можно назвать его Греческимъ городомъ. Мостовыхъ нѣтъ, и такъ осенью и весной въ большія грязи ни проходу, ни проѣзду. Площадей и регулярныхъ улицъ не увидишь, а пустырей много; рѣчка скверная или, лучше сказать, протечная лужа. Домъ для Присутственныхъ Мѣстъ каменный; Магистратовъ два: одинъ Уѣздный, по общему стату всѣхъ Россійскихъ городовъ, и строеніе его такой же формы, какъ въ Кременчугѣ, только поменьше и не столь великолѣпно; другой учрежденъ собственно для Грековъ, кои пользуются здѣсь разными преимуществами, и изъ нихъ самое важное то, что домы ихъ свободны отъ постоя. * Ряды скверные: обыватели намѣреваются строить новые.

---

* Въ нынѣшнее время Грековъ въ Нѣжинѣ очень мало, не болѣе 365 душъ обоего пола, изъ коихъ многіе, со времени перевода Всеѣдинской ярмарки въ Роменъ, живутъ въ другихъ Русскихъ городахъ, не выписываясь, однако жъ, изъ своего общества и присылая въ своей Магистратъ о себѣ сказки, откуда получаютъ видъ на прожитіе. Они отличаются отъ прочихъ Нѣжинскихъ обитателей только однимъ своимъ типомъ; впрочемъ, между ними было и есть довольно и Булгаръ, говорящихъ по Гречески и выдающихъ себя за Грековъ, чтобы участвовать въ тѣхъ выгодахъ, которыя предоставлены имъ были у насъ еще со времени Гетмана Богдана Хмельницкаго, старавшагося привлечь ихъ въ Малороссію для развитія торговли. Выгоды этѣ въ наше время ограничиваются: свободой отъ податей, постоевъ, подводъ и личной службы, платежа гильдій по всей Черниговской Губерніи, поступленіемъ въ войско на правахъ личныхъ Дворянъ, имѣютъ своей Магистратъ съ Членами его, утверждаемыми Губернскимъ Начальствомъ, и пользуются преимуществами купцовъ 1 и 2-й гильдіи. Кромѣ того,

Въ Нѣжинѣ есть мужской монастырь, построенный Яворскимъ, котораго и портретъ стоитъ въ соборномъ храмѣ. Онъ заложенъ при Петрѣ 1, ровесникъ Полтавской побѣдѣ. Около тѣхъ дней поставленъ тутъ престолъ во имя Благовѣщенія. Отсюда его названіе Назаретъ. * Архимандритъ тутошній, Ректоръ

Нѣжинскіе Греки имѣютъ свое Александровское Училище на правахъ Уѣзднаго. Нѣжинъ раскинутъ на равнинѣ, по обоимъ берегамъ рѣки Остра, протекающей черезъ городъ прорытымъ каналомъ, конченнымъ въ 1812 году, теперь заросшимъ травою, а по тому жители нуждаются въ водѣ, пользуясь ею отчасти изъ колодцевъ. Южная часть города больше сѣверной. Основаніе его теряется въ древности; думаютъ, что онъ встрѣчается уже около XII-го столѣтія (подъ 1147 г. въ Ипатьев. спискѣ упоминаются Нѣжатинъ въ одномъ мѣстѣ, и Унечѣжь въ другомъ, но одно ли и то же этѣ названія, равно какъ и Нѣжатина нива?). Судьба его нераздѣльна съ судьбою прочихъ Малорусскихъ городовъ; въ XVII столѣтіи онъ получилъ Магдебургскія права, нѣкоторыя земли (на 12 верстъ кругомъ себя и нѣкоторыя населенные хутора и села въ своемъ и Борзенскомъ Уѣздахъ) и самый гербъ: Георгій на конѣ, поражающій копьемъ змія: онъ употреблялся въ Магистратѣ до открытія Черниговскаго Намѣстничества; настоящій же гербъ Нѣжина: четвероугольный продолговатый щитъ, коего нижніе углы закруглены, а въ нижнемъ краю на срединѣ острое возвышеніе; щитъ перерѣзанъ съ права на лѣво, на двѣ части, изъ коихъ въ верхней, въ красномъ полѣ, двѣ руки, одна другую держащія, а въ нижней въ синемъ полѣ золотой жезлъ Меркуріевъ. Этотъ гербъ употребляется Полковой Канцеляріей, и утвержденъ навсегда Государыней въ 1782 году. При Гетьманахъ Нѣжинъ высоко было поднялся: преимущества, полученныя имъ какъ прежде, отъ Польскихъ Королей, такъ и отъ Гетьмановъ своихъ, подтверждались и Русскими Государями. Онъ былъ одинъ изъ 4-хъ увѣрительныхъ Малороссійскихъ городовъ (съ Переяславомъ, Черниговомъ и Полтавой) для Московскаго Государя, и по тому занимался Русскимъ войскомъ съ Комендантомъ. Съ 1782 г. Нѣжинъ сдѣлался Повѣтовымъ городомъ Черниговскаго Намѣстничества, а потомъ Уѣзднымъ Малороссійской, послѣ Черниговской, Губерніи. Нынѣ Нѣжинъ принадлежитъ къ значительнѣйшимъ городамъ своей Губерніи по величинѣ, храмамъ (22 Православныхъ, 1 Католическій и Синагога), учебнымъ заведеніямъ (6-ть: Лицей, Гимназія, Греческое, Уѣздное, Приходское и Еврейское казенное Училища) и другимъ учрежденіямъ (Больница, домъ для Инвалидовъ, Богодѣльня, 2 частныхъ Пансіона), населенію (2,334 дома съ 20,000 жителей обоего пола) и промышленности, производимой особенно Греками и Малороссіянами (папушный табакъ, соленые огурцы и другіе плоды, отправляемые на Покровскую ярмарку въ Кролевецъ, а оттуда развозимые по всей Россіи). Есть свой гостинной дворъ, и т. п., еженедѣльные торги; Полицеймейстеръ съ 4 Квартальными. О. Б.

* Митрополитомъ Рязанскимъ Стефаномъ, какъ въ мѣстѣ, въ которое (городъ

Черниговской Семинаріи, родомъ изъ Болгаръ, и худой, сказываютъ, проповѣдникъ. По случаю вакаціоннаго времени во всѣхъ училищахъ, мы его застали въ своемъ монастырѣ и познакомились съ нимъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ скромнымъ и благодушнымъ, принялъ насъ очень ласково, и самъ посѣтилъ на нашей квартирѣ; водилъ меня по всему монастырю и всѣ его красоты показывалъ. Всѣхъ рѣдкостей выше кровь Іоанна Предтечи, которую онъ самъ мнѣ съ разными частьми мощей показывалъ на престолѣ, въ особомъ ковчегѣ; впрочемъ, ни чего я не нашелъ отмѣннаго. Церковь прекрасна, судя по вкусу—старинной архитектуры. Архимандритъ этой обители имѣетъ права служенія подобнаго Настоятелямъ Ставропигіяльныхъ монастырей, т. е., осѣняетъ свѣчами, принимаетъ дары и пр. и носитъ панагію.

Между новыми строеніями замѣтить можно Греческую церковь. Она похожа на всѣ новѣйшіе соборы, какіе видѣли мы въ Одессѣ и Херсонѣ. Иконостасъ и убранство церкви въ Греческомъ вкусѣ. Мнѣ не понравилось только то, что подъ ней сдѣланы подвалы, изъ которыхъ, думать надобно, отпускаются на продажу бочки съ виномъ. Стыдно, по мнѣнію моему, унижать достоинство домовъ Божіихъ такими экономическими, да еще большею частію и къ пользѣ разврата служащими, заведеніями. Колокольня хороша и сквозная. Жаль, что поскупились Греки сдѣлать съ третьимъ уступомъ еще одинъ этажъ. Она бы тогда была образцовой красоты.

Но оставимъ эти предметы, какъ входящіе въ рядъ весьма обыкновенныхъ человѣческихъ предпріятій, а обратимся къ совершенно диковинному зданію. Нѣжинъ уже и теперь имъ щеголять можетъ, а со временемъ прославится въ ученомъ свѣтѣ. Графъ Безбородько пожертвовалъ милліономъ рублей на то толь-

---

Нѣжинъ) родители его, избѣгая гоненій отъ Уніятовъ, выселились изъ мѣстечка Явора-Волынской Губерніи, въ коемъ онъ родился 1658 года; но храмъ построенъ не въ 1709, а въ 1716 году. Этой обители онъ завѣщалъ и свою многочисленную библіотеку, которая, однако, по просьбѣ Бѣлогородскаго Епископа, Досиѳея, въ 1731 г., перенесена въ Харьковскій Коллегіумъ, но, говорятъ, въ этомъ монастырѣ все таки осталось нѣсколько его рукописей на Латинскомъ языкѣ. О. Б.

ко, чтобъ здѣсь основать огромную Гимназію для Грековъ и Малороссіянъ. Основательные здѣшніе жители до сихъ поръ утверждаютъ, что братъ его, Свѣтлѣйшій Князь, очень привязанъ былъ къ Нѣжину, хотѣлъ тутъ построить для себя домъ, и въ немъ перестать жить, такъ какъ Разумовской скончался въ Батуринѣ; но всѣ предположенія человѣческія суетны: Князь умеръ на Невѣ, а въ Нѣжинѣ, вмѣсто дома для него, подымаетъ братъ его колосальное зданіе для распространенія наукъ и художествъ. Мысль прекрасная, достойная знатнаго расточителя! *

Этотъ домъ строится изъ кирпичу, и длина его будетъ 40 саженъ. Первый этажъ уже выведенъ; года въ три, думать долж-

---

* Князь Александръ Андреевичъ былъ сынъ Малороссійскаго Генеральнаго Судьи, Андрея Яковлевича Безбородька, родился въ Глуховѣ 1746 г., учился сперва въ домѣ родительскомъ, а потомъ въ Кіевской Академіи; 1765 Бунчуковый Товарищъ и Правитель Канцеляріи Графа Румянцова-Задунайскаго, Генералъ-Губернатора Малороссіи; 1767 Членъ Генеральнаго Суда, черезъ два года предводитель Нѣжинскаго, Лубенскаго, Миргородскаго и Компанейскихъ полковъ, участвовалъ въ сраженіяхъ съ Турками при Румянцовѣ, завѣдывая, кромѣ того, его походными дѣлами; 1774 Полковникъ, 1775 у принятія прошеній на Высочайшее имя; 1779 Бригадиръ; 1780 Генералъ-Маіоръ; 1784 Тайный Совѣтникъ, Вице-Канцлеръ и Графъ Римской Имперіи; 1786 Гофмейстеръ; 1790 Д. Т. Совѣтникъ; 1797 Канцлеръ и Свѣтлѣйшій Князь. Послѣ себя оставилъ брату своему, Ильѣ Андреевичу (см. выше стр. 63, примѣч. 1-е), около 40,000 душъ, которыя перешли потомъ въ домы Графа Г. Г. Кушелева и Князя А. Я. Лобанова-Ростовскаго, женатыхъ на дочеряхъ Графа Ильи, изъ коихъ сынъ первой получилъ позволеніе именоваться Графомъ Кушелевымъ-Безбородькомъ, старшій изъ его рода всегда Почетный Попечитель Гимназіи высшихъ наукъ, а нынѣ Нѣжинскаго Лицея. Въ бумагахъ Князя по смерти отыскалось завѣщаніе вносить ежегодно въ теченіе 6 лѣтъ по 10,000 въ пользу Богоугодныхъ заведеній, а потомъ въ продоженіе 8-ми по 20,000. Графъ Илья, присоединивъ отъ себя по 15,000 въ годъ на вѣчныя времена, съ обезпеченіемъ того 3000 душъ, рѣшился основать въ Нѣжинѣ Училище высшихъ наукъ, подарилъ для него мѣсто съ садомъ, что и одобрено Императоромъ 29 Іюля, 1805 г. Постройка зданія стоила 400 т. бум.; открытіе послѣдовало въ 1820 г. Гимназія состояла изъ 9 классовъ, въ коихъ преподавались науки Словесныя, Политическія, Физико-Математическія; отличные изъ воспитанниковъ выпускались съ званіемъ Кандидата и чиномъ 12 класса, а прочіе Дѣйствительнаго Студента и чиномъ 14-го класса. Въ 1832 (по другимъ 1834) Гимназія эта переименована въ Лицей съ 3-хъ курснымъ Физико-

но, что и весь корпусъ кончится. Графъ для пріѣздовъ своихъ имѣетъ и въ Нѣжинѣ деревянный домъ, но ни чего незначущій, хуже деревенскихъ его квартиръ. При немъ старый садъ, разведенный какимъ-то Обыдовскимъ, * отъ котораго усадьба дошла къ Безбородьку и до сихъ поръ называется Обыдовщина. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ сей обширный храмъ паукъ обезсмертитъ имя учредителя и Нѣжинскаго патріота.

Мы въ Нѣжинѣ одну ночь переночевали и стояли въ прекрасной квартирѣ. По сосѣдству Черниговскихъ своихъ помѣстьевъ, зять мой знакомъ съ однимъ зажиточнымъ обывателемъ Нѣжинскимъ, Грекомъ купцомъ, по имени Клица, и далъ къ нему письмо. Онъ насъ принялъ очень ласково, отдалъ намъ весь домъ, который, при выгодномъ расположеніи покоевъ, очень хорошо прибранъ. Садъ его не великъ, но для прогулки довольно просторенъ; въ немъ бесѣдка круглая на изрядномъ мѣстѣ; мы въ ней пили чай на завтра, рано по утру, передъ отъѣздомъ нашимъ и въ удовольствіе хозяина хвалили нѣкоторыя окрестности Нѣжина, кои, впрочемъ, изъ одной учтивости, для привѣтствія, можно назвать хорошими. Хозяинъ добрымъ ужиномъ насъ угостилъ, и мы ему остались очень благодарны. Кто охотникъ до ликеровъ, пусть ѣдетъ сюда: они превосходны; не напрасно хвалится всякими водками Нѣжинъ; правда, что нигдѣ такихъ отличныхъ не дѣлаютъ.

Математическимъ Факультетомъ, а 1840 въ Юридическій Факультетъ; при Лицеѣ учреждена еще особая Гимназія, въ которой приготовлялись бы къ поступленію въ оный. Оба основателя покоятся въ Петербургѣ: первый скончался 6-го Апрѣля, 1799, а второй 3-го Іюня, 1815 г. О. Б.

* Полковникомъ Нѣжинскимъ и племянникомъ по сестрѣ, Александрѣ Степановнѣ, Гетьмана Ивана Степановича Мазепы, бывшей въ замужствѣ за Обидой, Полковникомъ Гетмана Ханенка, котораго въ 1670 г. онъ посылалъ къ Царю въ Москву съ увѣреніемъ въ своей вѣрности и проч. Этотъ племянникъ былъ

ГЛАВА LXXX.

Батуринъ. Гробъ Графа Разумовскаго.

Отъ Нѣжина до Батурина 80 верстъ, и мы туда поспѣли ночевать 20 числа. Дорога ровная, но еще пещана. Во многихъ мѣстахъ разводятъ табакъ. Къ удивленію нашему, яровые хлѣбы еще не поспѣли; гдѣ же? Въ Малоросіи! Чего же у насъ ожидать? Гати и проспекты продолжаются: первыя мучительны въ грязную пору, а послѣднія цѣлыми верстами прерываются и сохнутъ. Обѣдать останавливались мы въ Борзнѣ: городокъ Уѣздный, ни чего не значущій, въ которомъ мы ни кого и ни чего не видали. * На квартирѣ замѣтилъ я, что передъ образомъ положено въ переднемъ углу два пучка ржаныхъ колосьевъ и ступка соли. Хозяйка сказывала намъ, что у нихъ въ обрядѣ первые начатки плодовъ земныхъ приносить къ образамъ, а потомъ они эти зерны смѣшиваютъ съ тѣми, кои у нихъ идутъ на посѣвъ.

Батуринъ—мѣстечко, принадлежащее Разумовскимъ. Само по себѣ оно ни чего не значитъ: строеніе въ немъ бѣдное, положеніе мѣста самое некрасивое. Здѣсь нѣкогда была столица Малороссійскихъ Гетмановъ. Фельдмаршалъ Графъ Кириллъ Григорьевичъ, извѣстный своею роскошью, послѣдніе годы жизни провелъ въ Батуринѣ и въ немъ скончался. Говорятъ, что и здѣсь жилъ очень пышно: такъ думать должно, судя по его домамъ; одинъ изъ нихъ деревянный и похожъ на Дворецъ. Мы не нашли уже въ немъ ни

женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Кочубей, дочери извѣстнаго Василія Леонтьевича Кочубея, а сестрѣ Матроны Васильевны, соблазненной Мазепой, хотя и крестницѣ его. О. Б.

*Онъ лежитъ при болотистой рѣчкѣ того же имени, на ровной мѣстности. Около половины XVII столѣтія Борзна является въ Исторіи Сотеннымъ мѣстечкомъ Нѣжинскаго полка, потомъ была Повѣтовымъ, а теперь Уѣзднымъ, городомъ. Вокругъ его множество вѣтряныхъ мельницъ (за сто), такъ какъ обитатели ведутъ большую торговлю хлѣбомъ (особенно рожью), коего сбывается до полумилліона пудовъ въ годъ; кромѣ того занимаются изготовленіемъ сапоговъ (до 10,000 паръ ежегодно), продаваемыхъ въ окрестностяхъ и далѣе. Домовъ за 1200 съ 9,000 жителей, 4 церквами, Еврейской молельней, Уѣзднымъ и Приходскимъ Училищами, Больницей, 3 ярмарками, еженедѣльными торгами. О. Б.

какого убранства; онъ обнаженъ всѣхъ своихъ прелестей, но, по огромности своей и количеству покоевъ, достоинъ и понынѣ примѣчанія. При немъ садъ великъ, но запущенъ; оранжереи наполнены плодами. Другой домъ каменный: въ немъ Графъ и жить не успѣлъ, только что отдѣланъ; онъ поставленъ на лучшемъ мѣстѣ, какое отыскаться могло въ Батуринѣ, на горѣ и надъ рѣкой. Домъ въ три этажа, съ широкимъ балкономъ и колоннадой. Комнатъ большихъ нѣтъ, а отъ того онъ внутри и не очень великолѣпенъ, но снаружи, особливо изъ за рѣки, видъ его довольно пригожъ. Это имѣніе принадлежитъ нынѣ Графу Андрею Кирилловичу * одному, и даетъ ему доходу до 200 т.; за нимъ считается здѣсь 16 тысячъ душъ; управляетъ всѣмъ этимъ добромъ Англичанинъ, родившійся въ Россіи и воспитанный въ Лондонѣ; онъ говоритъ очень чисто по Русски и весьма привѣтливъ, отвелъ намъ покой въ большомъ деревянномъ Графскомъ домѣ, накормилъ насъ, освѣтилъ и закотчивалъ фруктами: яблокъ здѣсь и абрикосовъ пропасть. Повѣрятъ ли, однако, что въ этомъ климатѣ былъ морозъ 10 Іюня, и съ 7 Августа опять начались морозы? Не знаю, такой ли былъ годъ, или это обыкновенно и въ Малороссіи, какъ у насъ около Сѣвера; но узнавши это, я сказалъ про себя: «Славны бубны за горами. Искали тепла—нашли стужу.»

Въ Батуринѣ разныя заведенія. Извѣстно, что здѣсь дѣлаютъ славныя восковыя свѣчи; нынѣ зачали лить коротенькіе огарки нарочно для ночниковъ; свѣтъ ихъ теменъ, но очень полезнѣе и

---

* Сыну Гетьмана Графа Кирилла Григорьевича, р. 22-го Октября, 1752 г.: на 12 году Мичманъ, учился съ 1764 за границей въ Университетахъ по 1769, служилъ въ Англійскомъ флотѣ и вышелъ изъ него Лейтенантомъ, участвовалъ въ походѣ въ Архипелагъ, 1773 Капитанъ-Лейтенантъ и Камеръ-Юнкеръ, 1774 Бригадиръ, 1775 Генералъ-Маіоръ; 1776 Полномочный Министръ въ Венеціи, 1778 въ Неаполѣ по конецъ Ноября 1783, 1784 Дѣйствит. Камергеръ, 1786 Чрезвычайный Посланникъ въ Стокгольмѣ, 1790 помощникъ нашего Посла въ Вѣнѣ (Князя Д. М. Голицына), съ 1792 самъ Посолъ при этомъ Дворѣ; 1797 Д. Т. Совѣтникъ; 1806 уволился, но не выѣхалъ изъ Вѣны; былъ первымъ Полномочнымъ нашимъ на Вѣнскомъ Конгресѣ и возведенъ въ Князья 1815, а вскорѣ за тѣмъ получилъ и титулъ Свѣтлости; 1819 Д. Т. С. 1-го класса; скончался въ Вѣнѣ, 11-го Сентября, 1836 г., на 84 г. отъ рожденія; потомства не оставилъ по себѣ. О. Б.

пріятнѣе всякой лампы ночью; они горятъ часовъ 12; тѣхъ и другихъ мало продаютъ, по тому что Графъ Андрей Кирилловичъ затребовалъ къ себѣ въ Вѣну до 400 пудовъ свѣчъ. Какая прозасть! Жаль, что это не разойдется по насъ въ Россіи и что отъ этого мы съ другихъ фабрикъ скверныя свѣчи будемъ покупать гораздо дороже!

Въ 40 верстахъ отсюда Графъ имѣетъ овчарный заводъ; сказываютъ, что на немъ считается до 1200 настоящихъ Испанскихъ овецъ. Разумѣется, что есть и фабрика суконная; пятьдесятъ становъ въ работѣ; на иныхъ точется солдатское сукно, а на другихъ тонкое. Для храненія ихъ устроенъ особый магазинъ, изъ котораго сукна выпускаются на вольную продажу. *

Всѣмъ вообще управляетъ сказанный Англичанинъ. Я читалъ вѣрющее письмо, которое изъ Вѣны отъ Графа ему прислано. Силою сей довѣренности онъ имѣетъ право на всякое распоряженіе; можетъ даже для изворотовъ хозяйственныхъ продавать и закладывать. Неограниченное полномочіе! Отецъ его поселился здѣсь за 40 лѣтъ назадъ и правилъ имѣніемъ Фельдмаршала. Когда тотъ и другой скончались, сынъ того же иноземца смѣнилъ въ правленіи своего отца и угодилъ Графу Андрею Кирилловичу. Условія его всѣ состоятъ въ томъ, что онъ съ чистаго Графскаго дохода получаетъ десятую долю. Въ прошедшемъ году ему дошло взять тысячъ съ 16, кромѣ того столъ, услуга, погребъ, освѣщеніе, квартира, все Графское и все съ большою роскошью: какое прекрасное состояніе! За 30 тысячъ доходу его нельзя себѣ доставить нигдѣ въ Россіи. Обязанности другой онъ не несетъ, какъ посылать годовой отчетъ въ доходѣ и расходѣ. Отчетъ сей состоитъ безъ всякихъ мелочныхъ подробностей въ показаніи крупныхъ статей сбора и издержекъ. Расходы по дѣламъ въ Присутственныхъ Мѣстахъ совершенно лежатъ на его совѣсти; за тѣмъ чистый барышъ переводится въ Вѣну. Графъ Андрей Кирилловичъ такъ привыкъ ему вѣрить, что онъ ни чего болѣе не требуетъ, а все аппробуетъ. Естьли такая довѣренность дѣлаетъ

* Это была первая суконная фабрика въ нынѣшней Черниговской Губерніи, устроенная 1756 года; нынѣ, говорятъ, находится въ бездѣйствіи. О. Б.

много чести Англичанину, который черезъ 40 лѣтъ ее не употребилъ во зло и всегда больше и больше оной удостоивался, то не меньше, смѣю думать, похвально и для помѣщика-вельможи, что, испытавъ качества повѣреннаго своего, не мучитъ его мелочьми, не дрожитъ изъ копѣйки и не прѣетъ надъ расходными кипами бумагъ.

Въ Батуринѣ 4 церкви: въ лучшей изъ нихъ, каменной, похороненъ Фельдмаршалъ. * Онъ умеръ по философски и самъ назначилъ мѣсто своего погребенія. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною онъ поручилъ Англичанину, отцу нынѣшняго Управителя, вырыть ему въ церкви могилу. Болѣзнь препятствовала ему долго самому ее осмотрѣть. Онъ спросилъ иностранца: «Зробивъ

---

* Построена она имъ во имя Воскресенія Христова въ послѣднее время своей жизни. Да и все, что ни было тогда въ Батуринѣ хорошаго, либо создано имъ, либо же улучшено: дворецъ, садъ, паркъ, каменныя лавки, мосты, мельницы, фабрики, церкви и т. д., такъ какъ до назначенія Батурина, въ 1750 г., въ пребываніе ему, какъ Гетьману, городъ этотъ лежалъ въ развалинахъ послѣ взятія его Меньшиковымъ въ 1709, коему и подаренъ былъ 1726, а потомъ считался казеннымъ. Извѣстно, что онъ основамъ Польскимъ Королемъ, Стефаномъ Баторіемъ, коего имя и носитъ (Батуринъ вмѣсто Баторинъ), и назначенъ въ пребываніе для Гетмановъ Козацкихъ на самой крайней точкѣ Польскихъ владѣній. Для той же цѣли онъ всѣми мѣрами поощрялъ Козаковъ переходить съ праваго берега Днѣпра на лѣвой и заселять оный. Имѣлось при томъ въ виду Заднѣпровскихъ Козаковъ употребить, въ случаѣ надобности, и оплотомъ противъ Московскаго Государства, начинавшаго уже время отъ времени замѣтно усиливаться, и по тому безпокоить Поляковъ. Но безпокойныя обстоятельства послѣ Баторія долго мѣшали его укрѣпленному городу быть столицей Козацкой, такъ что онъ, вмѣстѣ съ другими Южнорусскими городами, лишился много, даже сталъ частной собственностью (Пана зъ Тепчина Осолинскаго). Лишь при Гетьманѣ Многогрѣшномъ Батуринъ ожилъ и сдѣлался его мѣстопребываніемъ (съ 1669 г.). Гетьманъ этотъ, при переходѣ въ него, расчитывалъ, конечно, на возможность скораго пособія отъ Воеводъ Московскихъ въ Путивлѣ, Сѣвскѣ, Бѣлгородѣ и другихъ. Преемники этого Гетьмана по тому же оставались въ немъ; изъ нихъ Мазепа чрезвычайно пышно зажилъ въ Батуринѣ и на славу укрѣпилъ его. Извѣстно, что Батуринъ упорно сопротивлялся Меньшикову, а по взятіи артиллерія его состояла изъ 315 пушекъ, которыя отправлены были въ Сѣвскъ. Теперь отъ прежняго Батурина немного сохранилось: середи его замѣтны еще остатки стариннаго вала и рвовъ; не въ далекѣ урочище «Городокъ,» въ коемъ былъ дворецъ Мазепы, а въ другомъ урочищѣ «Тепловкѣ»—полуразвалившійся дворецъ Разумовскаго. О. Б.

мнѣ хату?» Графъ любилъ весьма нарѣчіе своей родины и часто въ Батуринѣ мѣшалъ его въ разговоръ свой. Узнавши, что яма готова, самъ ее осмотрѣлъ и одобрилъ. Не всякой вельможа такъ равнодушно спустится въ землю!

Монументъ надъ гробомъ его хорошъ и величественъ своею простотой; сработалъ его извѣстный ваятель Мартосъ изъ мрамора. Надпись безъ всякаго витійства, и нѣтъ регистра его титуловъ; въ средней части памятника бюстъ его и въ подножіи урна подъ покровомъ. Противъ его мавзолея, на лѣвой сторонѣ, на черной доскѣ, изображенъ гербъ Фельдмаршала, со всѣми его доспѣхами. Мраморъ и работа стоили на мѣстѣ въ Петербургѣ 12 тысячъ.

ГЛАВА LXXXI.

Обѣдня въ Бутуринѣ. Дорога до Сѣвска.

Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, бывши Посломъ въ Вѣнѣ, имѣлъ своихъ пѣвчихъ, которыхъ, оставя службу, возвратилъ въ Батуринъ. Они учились въ Россіи у Бортнянскаго * и у превосходныхъ мастеровъ въ чужихъ земляхъ. Теперь живутъ здѣсь, и въ праздничные дни поютъ обѣдни у гроба стараго своего господина: ихъ только 12 человѣкъ. Дисканты еще слабы, недавно набраны и требуютъ навыковъ, а прочіе голоса образованы съ найлучшимъ искуствомъ. Я остался на полсутки лишняго въ Батуринѣ, чтобъ ихъ услышать. Они при мнѣ пѣли обѣдню. Подлинно, я давно не слыхалъ такой сладкой гармоніи: какіе нѣжные голоса! Какая музыка! Какое выраженіе въ лицѣ каждаго

---

* Дмитрія Степановича, род. въ Глуховѣ 1752 года; онъ былъ взятъ въ Придворную пѣвческую, 1768 посланъ Императрицей въ Италію, гдѣ въ Венеціи обучался у Капельмейстера Галуппи, сочинилъ двѣ оперы и нѣсколько ораторій, одобренныхъ знатоками, путешествовалъ по извѣстнымъ городамъ Италіи и, возвратясь въ Россію, въ концѣ 1779, сдѣланъ былъ Композиторомъ Придворнаго хора, а Императоромъ Павломъ пожалованъ въ Регенты, послѣ былъ Директоромъ Пѣвческаго Придворнаго хора. Онъ написалъ множество концертовъ и другихъ пѣвческихъ піесъ; умеръ Д. С. С. въ Петербургѣ 1826 г. О. Б.

изъ нихъ! Всякой не ноту только беретъ и не голосъ возвышаетъ: онъ въ это время чувствуетъ, восхищается, восторгъ одушевляетъ всѣ его черты; словомъ, вспомните время Екатерины, зимній ея Дворецъ, обѣдню тамошняго храма. Я нечувствительно былъ перенесенъ въ тотъ вѣкъ и тронутъ до глубины души.

Церковь очень хорошо отдѣлана, иконостасъ отличной работы. Старичекъ Священникъ служитъ просто и, кажется, забывается, по тому что онъ, растворя Царскія двери во время выхода съ Евангеліемъ, не затворялъ уже ихъ до самаго Причастнаго; или и служба Божія подходитъ подъ общую пословицу: «Всякъ молодецъ на свой образецъ?» Примѣчено, что Графъ Кириллъ Григорьевичъ, гдѣ у себя ни строилъ по волѣ своей церкви, вездѣ посвящалъ или Воскресенію Христову, или Захарію и Елисаветѣ: преданность похвальная къ имени той Владычицы, которая развела родъ ихъ и разсыпала на него свои щедроты! Кто не знаетъ многихъ замысловатыхъ словъ покойнаго Графа? Изъ разныхъ поступковъ его можно было замѣтить, что онъ отъ природы одаренъ возвышенными чувствами благороднаго человѣка.

Послѣ обѣдни мы остались обѣдать у Англичанина: онъ далъ намъ столъ прекрасный. Чужимъ подчивать забавно! На что тутъ мѣра, счетъ и вѣсъ? Во время стола пѣвчіе пѣли разные духовные канты, потомъ Италіянскіе и наконецъ Малороссійскія пѣсни. Симъ послѣднимъ они насъ совершенно обворожили: въ Малороссійскихъ пѣсняхъ я всегда находилъ что-то томное, унылое, что идетъ прямо до души: они запѣли меня до слезъ!

Видѣть у Графа Разумовскаго въ домѣ при немъ самомъ множество людей въ богатой ливреѣ, столъ его въ большомъ убранствѣ, слышать музыку и пѣвчихъ, пить настоящее Шампанское— немудрено; но всѣмъ этѣмъ наслаждаться безъ него, въ его деревнѣ, у прикащика иноземца, надо признаться, что не скоро повѣришь своимъ глазамъ, особливо, когда сравнишь съ изобиліемъ такого иностранца тѣсноту и бѣдность многихъ Россійскихъ Дворянъ, да какихъ?—Изувѣченныхъ! Гдѣ?—На полѣ брани. За кого?— За Отечество!! Глядя на это, запечалишься и безъ Черкаскихъ романсовъ. Однако, оставя разсужденія, скажемъ спасибо доброму

Англичанину за то, что онъ такое учредилъ здѣсь пріятное гостепріимство.

Запоздавши въ Бутуринѣ,* мы не могли далѣе доѣхать Кролевца, 44 версты. Дорога сюда пещана и безпокойна; лошади тощія, къ тому же и холодно стало; воздухъ перемѣнился, какъ будто давалъ намъ чувствовать, что мы приближаемся къ Сѣверу.

Жиды отъ самаго Кіева уже мало попадались. Когда деревья по пути разростутся, то лоскутокъ этой дороги будетъ очень хорошъ; но теперь еще голо и степно; частыя гати, мѣстами очень нехорошія, наносятъ большія непріятности. Перемѣнивъ лошадей въ селеніи, по имени Алтыновка,** пріѣхали въ Кролевецъ къ закату солнца.

Кролевецъ—Повѣтовый городокъ, очень плохой и квартирами бѣдный.*** На ту пору Городничій былъ въ отпуску, а Ст. Ком.

---

* Батуринъ нынѣ мѣстечко, съ 1855 года съ его волостью взятъ въ казну за долги его владѣльцевъ. Въ немъ теперь до двухъ съ половиною тысячъ жителей обоего пола или 559 дворовъ, 2 годовыхъ значительныхъ ярмарки, 2 церкви, почтовая станція и контора, 3 завода (свѣчновосковый и 2 свѣчносальныхъ). О. Б.

** При колодцахъ, Козачье, въ 18 верстахъ отъ Уѣзднаго города, съ 580 дворами или 2500 душъ обоего пола, 2 церкви, приходское Училище, Волостное Правленіе, ярморокъ 3 и торги. О. Б.

*** При рѣкѣ Свиднѣ, основанъ кѣмъ-то изъ Польскихъ Королей, отъ чего и названіе свое получилъ; имѣлъ Замокъ, Магдебургію, потомъ былъ Сотеннымъ, послѣ Повѣтовымъ, нынѣ Уѣзднымъ; теперь съ 800 слишкомъ домовъ или за 4,000 жителей обоего пола, 6 церквами, Уѣзднымъ и Приходскимъ Училищами, Больницей, 3 ярмарками и еженедѣльными торгами; въ немъ много разныхъ заводовъ. Положеніе его возвышенное и покатое къ р. Свиднѣ. Изъ ярморокъ особенно замѣчательна 14-го Сентября, болѣе 200 лѣтъ существующая и считающаяся въ Малороссіи (послѣ Ильинской и Крещенской и послѣ перевода Ильинской изъ Ромна) значительнѣйшей, годъ отъ году видимо усиливающейся. Будучи послѣдней въ году изъ большихъ ярмарокъ, чрезвычайно цѣнится купцами, которые посылаютъ товары свои на нее уже послѣ Успенскаго поста, а торговля длится почти до конца Сентября (съ 10-го съѣзжаются купцы, а съ 14-го покупатели). О. Б.

Офицеръ едва умѣлъ сыскать для насъ одну какую-то горницу, въ которой мы и помѣстились коекакъ почевать. Это безпокойство было слѣдствіемъ удовольствій нашихъ въ Батуринѣ: естьли бъ мы рано выѣхали оттуда, мы бы его миновали.

Имѣя въ предметѣ поспѣть въ одинъ день въ Сѣвскъ, 110 верстъ отъ Кролевца, мы 22 числа очень рано собрались въ путь, и никогда еще во всю дорогу я не испытывалъ такихъ безпокойствъ, какъ сегодня. Самъ на станціяхъ выгонялъ лошадей, чтобъ не потерять времени напрасно, а мало успѣвалъ въ желаемомъ. Нигдѣ почти не останавливаясь, мы не путешествовали, а скакали во весь духъ, и совсѣмъ тѣмъ прихватили два часа ночи. По моему разсчету и дорожнику, мнѣ необходимо было поспѣть въ Сѣвскъ, и отъ этой суеты я многихъ мѣстъ по пути хорошихъ не разглядѣлъ порядочно: ночь была темна; подъѣзжая къ городу, или шелъ пѣшкомъ, или ѣхалъ шагомъ.

Обѣдъ насъ на часокъ задержалъ въ Глуховѣ. Я досадовалъ и жалѣлъ вмѣстѣ, что не могъ побыть тутъ нѣсколько подолѣе и высмотрѣть городъ; онъ съ наружнаго виду показался мнѣ хорошъ, домовъ и церквей примѣтилъ я довольно: одна, съ куполомъ и колоннадой, за заставой мнѣ очень полюбилась. Мы лошадей дожидались въ трактирѣ и насилу ихъ добились. * Тѣмъ

---

* Глуховъ находится при рѣчкахъ Есмани и Березѣ, на скатахъ пологихъ береговъ ихъ; онъ одинъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ городовъ Сѣверы, по крайней мѣрѣ упоминается уже въ половинѣ XII-го столѣтія; во время нашествія Татаръ Глуховъ одинъ только, говорятъ, остался неприкосновеннымъ; въ 1663 г. выдержалъ осаду Поляковъ почти двухмѣсячную; въ 1708 сдѣлался пребываніемъ Гетьмана Скоропадскаго, по смерти коего учреждена въ немъ Малороссійская Коллегія, помѣщавшаяся въ обширномъ въ 3 жилья домѣ съ 250 комнатами: въ 1836 уцѣлѣвшее отъ нея разобрано на постройку Присутственныхъ Мѣстъ; съ 1782 году Уѣздный Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества, потомъ Черниговской Губерніи. Теперь въ Глуховѣ 11 церквей, Еврейскихъ молелень 2, Уѣздное и Приходское Училища, Богадѣльня и Больница, много хорошихъ домовъ и каменныхъ лавокъ; есть улицы, вымощенныя камнемъ; отъ старины остатокъ вала и каменныя крѣпостныя ворота; домовъ больше тысячи почти съ 12 тысячнымъ населеніемъ обоего пола. Онъ весьма промышленный городъ, особенно хлѣбомъ и сахаромъ, и по тому считается по капиталамъ первымъ въ Губерніи; имѣетъ

временемъ зашелъ къ намъ одинъ монахъ изъ монастыря, въ 20 верстахъ отъ Глухова находящагося, * слоняется по городу и таскаетъ связку сухихъ грибовъ. Поговоря съ нимъ, я узналъ, къ крайнему моему удивленію, что онъ Владимирскій мужикъ, отпущенный изъ деревни Плесецъ ** въ монашество. Сколько тунеядцевъ по монастырямъ! Что онъ тутъ дѣлаетъ? Не лучше ли бы ему пахать землю, платить подать и окружить себя семействомъ? А въ монастырѣ онъ тянетъ брагу, лѣнится, или въ ясный день сбираетъ березовые грибы въ рощѣ и ходитъ въ Глуховъ и промѣниваетъ ихъ на чарку горѣлки.

Отдаленность монастыря отъ города помѣшала мнѣ видѣться съ однимъ знакомымъ мнѣ Архимандритомъ, отцомъ Филаретомъ, который, будучи здѣшній уроженецъ, избралъ его по отставкѣ въ жилище себѣ. Онъ на родинѣ, ему прекрасно; я чаю, для него Глуховъ лучше всѣхъ столицъ обширнаго міра. Я тамошнему бродягѣ поручилъ отправить ему отъ меня поклонъ; естьли онъ его не исправилъ и естьли путешествіе мое попадется въ руки черноризца Филарета, то пусть онъ видитъ, что я его не забылъ, и что со мною заочные мои знакомые ни чего не теряютъ.

До Глухова все еще кряжъ земли песчаный, но дорога хороша. Черниговская Губернія вся въ проспектахъ: многія деревья разрослись. Видно, что этотъ предметъ занимаетъ Правительство. Со временемъ, когда ветлы дадутъ тѣнь, похвалятъ и тѣхъ, кои занимались насажденіемъ ихъ, а теперь еще бранятъ и бранить долго будутъ, по тому, что ни кто труда не любитъ, а безъ труда ни чего сдѣлать нельзя полезнаго.

общественный Банкъ, лавокъ за 200, большею частію каменныхъ, ярмарокъ 4, торгъ 2 раза въ недѣлю, фабрикъ и заводовъ много, раздѣляется на 4 квартала. О. Б.

* Нынѣ въ 24 верстахъ отъ Глухова, на правомъ возвышенномъ берегу рѣки Клевени, посреди густаго дубоваго лѣса. Обитель во имя Св. Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, основанная около 1230 г.; съ 1744 Архимандрія вмѣсто Игуменства. Въ 3-хъ верстахъ отъ монастыря скитъ, въ которомъ Св. Димитрій Ростовскій писалъ «Житія Святыхъ.» О. Б.

** Нынѣ погостъ при р. Уводи Ковровскаго Уѣзда, въ 7 верстахъ отъ Коврова, съ 8 дворами, 40 душами обоего пола и церковью. О. Б.

ГЛАВА LXXXII.

Сѣвскъ.

И такъ простились мы съ Малороссіей и въѣхали въ Орловскую Губернію. Появились рощи, а съ ними вмѣстѣ и бѣдное жилье, называемое курни. Далеко позади насъ остались мазанки и бѣлыя хаты, въ коихъ чистота красила убожество; зачалъ подувать и сѣверный вѣтерокъ: полно легко одѣваться. Учтивый Городничій Сѣвскій позволилъ намъ пристать въ своихъ покояхъ. Онъ самъ живетъ въ огромномъ каменномъ корпусѣ Присутственныхъ Мѣстъ, и занимаетъ комнаты большія съ зеркалами, паникадилами и всякими прихотливыми убранствами. Жалованья ему только 300 рублей. Чудеса! На дрова и на свѣчи, конечно, мало. Догадку къ сторонѣ: спасибо доброхотному хозяину! Естьли бъ онъ насъ ввелъ и къ ключнику своему въ избу, я бы и той обрадовался, по тому что ночью нѣтъ для меня ни чего хуже коляски: я изъ нея радъ всюду выскочить.

Сѣвскъ имѣетъ мѣстами хорошіе виды, на пр., съ старой крѣпости, или обрытаго землянаго валу, гдѣ еще бомбы и пушки какія-то разметаны, когда въ одну точку зрѣнія соберешь стеченіе двухъ рѣкъ, Сѣва (по ней и городу имя дано) и Морицы; на нихъ плотина и мельница въ самомъ сельскомъ расположеніи; за ней, въ одну сторону, Архіерейскій домъ, Семинарія и монастырь, съ другой часть города, называемая Заморицкая: когда на это вдругъ взглянешь съ верху, получишь пріятную картину. Впрочемъ, хоть городъ вообще, собравъ всѣ его части, и довольно великъ, но виды его не прекрасны, особливо Морица можетъ справедливѣе названа быть болотомъ, нежели рѣкой. *

Орловскій Архіерей имѣетъ здѣсь свой домъ верстахъ въ двухъ отъ города, и живетъ въ немъ постоянно; тутъ же помѣ-

* Собственно Сѣвскъ на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки Сѣва, при впаденіи въ нее Морицы, отъ чего городъ распался на двѣ части: на Городскую (Сѣвскую) и Заморицкую. Древность Сѣвска не далѣе XVI-го столѣтія. Прежде въ немъ до новѣйшаго времени пребывали Архіереи, называвшіеся Сѣвскими и Брянскими, какъ Викаріи Московскої Митрополіи, а съ 1788 Орловскими и Сѣвскими. О. Б.

щается Семинарія въ двухъ деревянныхъ флигеляхъ; для нея строится каменный домъ. Все пусто: ученики гуляютъ, а Богословія пылится въ шкапахъ. Я заходилъ къ Преосвященному съ визитомъ и побесѣдовалъ съ нимъ; я зналъ его прежде. Онъ мнѣ показался человѣкомъ умнымъ, просвѣщеннымъ, любитъ Словесность и много читаетъ; обхожденіе его ни чѣмъ не разнитъ отъ вѣжливости людей свѣтскихъ; онъ монахъ, но монахъ опрятный, вѣжливый, благоразумный. Но поелику я съ одинакой откровенностью сообщаю читателю худое и доброе, по мѣрѣ, какъ что тѣмъ, или другимъ, мнѣ въ пути покажется, то со всей похвалой, какой я обязанъ Епископу Сѣвскому, за его ласку и пріязнь, не могу не признаться, что я удивился построенному трудами его собору въ городѣ.

Храмъ прекрасный, обширный, сообразный лучшимъ рисункамъ новѣйшей Архитектуры; входъ въ него величественъ; первый взглядъ плѣняетъ; нигдѣ нѣтъ пестроты, вездѣ видѣнъ вкусъ, разборчивость; стѣны расписаны подъ мраморъ; иконостасъ окруженъ колоннами; на верхнемъ ярусѣ во всю церковь хоры: они окружаютъ и алтарь; слѣдовательно, безпрепятственно на служеніе пастыря у престола женской полъ глядѣть можетъ, когда хочетъ, обходя хоры кругомъ. Но чего я простить не могу, то живопись алтарную: на всѣхъ стѣнахъ и даже на мѣстныхъ иконахъ внутрь алтаря увидите вы зелень, деревья, сельскіе виды, садовыя картины, словомъ: престолъ жертвы безкровной въ здѣшнемъ Успенскомъ соборѣ поставленъ въ храмѣ натуры—это боскетъ. Можно для вкуса подражать иногда свѣту, вводить его и въ церковныя зданія, но до нѣкоторой степени: все имѣетъ свое приличіе и мѣру; крайности во всякомъ родѣ досаждаютъ. Можетъ быть новость меня поразила: я нигдѣ еще такихъ затѣй въ церквахъ не видалъ. Мнѣ пришли на мысль Дамаскины, Златоусты. Ахъ! естьли бы они увидѣли нашу бѣдную Вѣру и ея богатыя жертвы!

Мы заѣхали въ женской монастырь: * онъ очень также хорошъ и богатъ. Въ немъ все золото и стекло; гдѣ нѣтъ перваго,

* Троицкій 3-го класса, на большой Московской дорогѣ, близъ земляного вала, построенъ въ концѣ XVII-го столѣтія. О. Б.

тамъ окошко, а гдѣ стѣна, тамъ позолота! Храмъ отъ этого очень свѣтелъ и торжественный видъ имѣетъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ спущено до 6-ти паникадилъ хрустальныхъ: солнце отражаетъ въ нихъ свои лучи, камушки даютъ повсюду блескъ, и игра отъ нихъ чрезвычайно веселитъ взоръ. Чистота самая строгая въ церкви, и это болѣе всего домъ Божій украшаетъ. Игуменья, женщина простая, позвала насъ къ себѣ въ келью; мы застали у нея сестру родную Генерала Вязмитинова, Маргариту: она 20-ть лѣтъ тутъ монахиней и еще не очень стара. Портретъ Досиѳея* поставленъ въ церкви надъ мѣстомъ Игуменьи. Такъ и должно: это значитъ, что пастырь всегда въ храмѣ на сестръ своихъ о Христѣ назираетъ и, какъ добрый стражъ, блюдетъ стадо Господне.

Переночевавъ въ Сѣвскѣ и по милости Г. Городничаго отобѣдавши у него, часовъ въ 12 мы поѣхали далѣе, и прибыли 23 числа въ Дмитріевскъ: это 63 версты отъ Сѣвска. Съ нами хорошій былъ запасъ тамошнихъ вишенъ и сливъ. Дорога хороша; ни что не мѣшаетъ ѣхать скоро, разумѣя, когда напередъ заготовлены лошади. Эта предосторожность почти вездѣ необходима; безъ того или пойдешь пѣшкомъ, хотя бы кучу имѣлъ подорожныхъ въ карманѣ за всѣми знатѣйшими подписаньями въ Государствѣ, или простоишь на одномъ мѣстѣ до послѣдняго издыханія, а Смотрителя почтоваго ни одного не учтешь, не уговоришь. Деньги, деньги, деньги: вотъ, господа путешествующіе, ключъ во всѣ двери и надежнѣйшая подорожная!

Мы переѣхали сегодня очень длинный просѣкъ, который ведетъ въ имѣніе Князя Н. П. Голицына. Знаменитая вотчина! Здѣсь не во время пошевелились крестьяне. Фельдмаршалъ Князь Р., посѣдѣвшій въ подвигахъ военныхъ, пріѣзжалъ стращать пушками: далъ два, три залпа—мужики стали валиться; увидѣли, что не шутятъ—бѣжать домой; спрятались и покорились. Кого ядра не урезонятъ? Аргументъ превосходный!

---

* Досиѳей Ильинъ, изъ Викаріевъ Новгородскихъ, 1798 г., Октября 26, переведенъ былъ на каѳедру Орловскую и Сѣвскую. О. Б.

Солнце садилось, какъ мы вышли изъ коляски на ночлегъ: оно вездѣ мило, вездѣ прекрасно, но въ дорогѣ особливо на него глядишь, какъ на Божество, покровительствующее тебѣ: не хочется потерять ни одной искры его лучей.

ГЛАВА LXXXIII.

Дмитріевскъ. Домъ Безбородька. Кромы.

Городъ Уѣздный Дмитріевскъ, въ которомъ мы остановились, не великъ, но довольно хорошо расположенъ. Въ немъ строятся каменный Соборъ и корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ. Около города было нѣкогда все имѣніе Кантемира, но казна взяла послѣ него до 13 тысячъ душъ въ свое вѣдомство, и Императоръ Павелъ пожаловалъ ихъ всѣ Свѣтлѣйшему Князю Безбородьку. * Нынѣ они по наслѣдству дошли къ брату его, Графу, а сей изъ Кіева снабдилъ меня приказомъ къ здѣшнему своему Управителю, у котораго я ожидалъ найти квартиру самую простую; но сколько удивленъ я былъ, войдя въ домъ Графской, который стоилъ ему до 100 тысячъ!

Онъ расположенъ великолѣпнѣйшимъ образомъ: нижній этажъ каменный, а верхній деревянный; по обѣ стороны колоннада съ крыльцами; на концахъ ея два флигеля: одинъ для гостей, другой для первыхъ надобностей дома, т. е., для поварни; на боковыхъ апоронахъ еще два большіе флигеля, и отъ нихъ, противъ дома, полукружіемъ смыкается заборъ съ красивыми въ срединѣ воротами. Внутри домъ прибранъ просто, но со вкусомъ: всѣ комнаты

---

*Въ старину городъ этотъ принадлежалъ къ Украйнѣ; въ немъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, было и Управленіе Комарицкихъ Государевыхъ волостей; въ смутное время держалъ сторону Самозванца, и по тому былъ послѣ разоренъ совершенно; въ послѣдствіи, по пожалованіи Петромъ I-мъ его округи бывшему Молдавскому Господарю, Дмитрію Кантемиру, за его Молдавское Господарство (вмѣстѣ съ

расписаны, всѣ окошки убраны самыми лучшими ситцами, эстампы отборные, паникадилы новыхъ рисунковъ, зеркала чистой самой воды и дорогой мѣры; словомъ, домъ такой вездѣ бы былъ прекраснымъ, въ Дмитріевскѣ это Дворецъ.

Садъ великъ, но не убранъ и разбитъ не по Англійски; дороги всѣ правильно проведены и очень узки, а отъ того и темны; между ими въ квадратныхъ густотахъ насажены плодовитыя деревья, около сада обводится каменная высокая ограда, которая станетъ дорого, по тому что садъ занимаетъ 10 десятинъ земли: изрядное поле для хлѣбопашества! Но что можетъ разстроить такое имѣніе, какъ Графское? Для него сотни тысячъ меньше, чѣмъ рубль для многихъ тысячъ Дворянъ, его братьи. Счастье есть что-то такое, что мы никогда не поймемъ и чему завидовать не перестанемъ. Я знаю, что Философы насъ учатъ находить его въ умѣренности. Какъ имъ угодно, но я пристану къ Вольтеру и скажу вмѣстѣ съ нимъ, что для счастья излишество иногда очень необходимо.

Это завело меня въ глубокія размышленія. Въ большой залѣ дома поставленъ на колоннѣ бронзовый бюстъ Павла I. Долго я на него глядѣлъ, ходилъ шибко по комнатѣ, вспомнилъ ту эпоху жизни моей, въ которую, безъ поврежденія ума, могъ я думать, участвуя въ его забавахъ, что со временемъ и у меня, по милости его, будутъ залы. Остановясь на сихъ впечатлѣніяхъ, я далъ свободу мыслямъ своимъ и, забывъ на минуту все преимущество роскоши и богатства, сказалъ неодушевленному кумиру:

Ты дать мнѣ не судилъ ни вотчинъ, ни мильона,
И только лишь одну мнѣ душу подарилъ,
Но душу ту самъ Богъ въ Евгенію вложилъ,
И ею жребій мой возвысилъ выше трона.

другими помѣстьями), это мѣсто было возобновлено Господаремъ, заселено Малороссіянами и Молдаванами и названо по его имени Дмитровкой, а въ 1788 г., съ обращеніемъ въ Уѣздный, Дмитріевскомъ (вмѣсто города Луганп). О. Б.

Вѣрьте, что я ихъ не сочинялъ: душа мгновенно ихъ въ уста мои вложила.

Графскимъ имѣніемъ управляетъ отставной Офицеръ, которому онъ даетъ жалованья три тысячи рублей; разумѣется, что, сверхъ того, онъ пользуется всякимъ домашнимъ довольствомъ. Онъ насъ принялъ отмѣнно вѣжливо, отворилъ намъ весь домъ, далъ намъ ужинъ и уналъ назавтра отобѣдать. Угощеніе было не пышное, но безъ недостатка; мы за столомъ выпили за здоровье Графа Ильи Андреевича хорошимъ Горскимъ виномъ, и съ признательностію оставили Орловскія его помѣстья. Говорятъ, что здѣсь нуждаются очень проѣзжіе лошадьми, иногда сутки двое ждутъ ихъ, протверживаютъ наизустъ свои подорожныя и насилу добьются, что ихъ отпустятъ. Причина очевидна: лошадей на станціи въ городѣ держатъ мало, обывательскихъ нельзя нарядить иныхъ, какъ съ деревень Безбородька. Маломощный Дворянинъ въ другомъ мѣстѣ поспоритъ, пошумитъ, но уймется и пару свою вышлетъ, чтобы избавиться хлопотъ и не прослыть невѣжей; а знатный баринъ, каковъ Графъ, выше всѣхъ обыкновенныхъ принужденій, усилія земской полиціи раздѣляются около его и расходятся, какъ облака подъ скалами высокихъ горъ. И такъ безъ снисходительнаго Графскаго приказа невыгодно ѣздить на Дмитріевскъ по почтѣ.

Отправясь перано отсюда, проѣхали мы 50 верстъ и почевали въ Кромахъ, городѣ Орловской Губерніи. Дорога нехороша, вся въ клеяхъ и неровная. Въ деревнѣ Чувардинѣ, гдѣ приходится по тракту мѣнять лошадей, нашли мы самаго помѣщика, Г. Шипова. Пріятное пристанище для людей утомленныхъ отъ жару и пыли! Хозяинъ привѣтливъ и держится стариннаго гостепріимства, хотя, по молодости лѣтъ своихъ питомецъ новѣйшаго времени. Онъ встрѣтилъ насъ, пригласилъ къ себѣ, потчивалъ чаемъ, плодами и конфектами. Домъ у него маленькой, но уютенъ и пригожъ: собственные ремесленники украсили его лѣпной работой и снабдили модною мебелью. Онъ, вѣрно, любитъ музыку, по тому что у него я видѣлъ фортепіано и разные струнные инструменты; думать надобно, что онъ отъ заботъ хозяйства сельскаго умѣетъ находить пріятныя отдохновенія, и что онъ не далеко отъ себя

ихъ ищетъ. У него строятся большія 4 связи для суконной фабрики на 15 становъ.

Мѣстоположеніе дома выгодное и для глазъ пріятно. Домъ поставленъ на высотѣ и обстроенъ весь со вкусомъ. Не знаю, дѣлитъ ли кто съ нимъ уединеніе: мы, кромѣ его, ни кого тутъ не застали и не видали. Ему казалось пріятнымъ наше посѣщеніе; онъ уималъ насъ ночевать у себя, но мы чѣмъ ближе подвигались къ Москвѣ, тѣмъ больше спѣшили до нея доѣхать, а сверхъ того не всякое привѣтствіе можно принимать за чистыя деньги: они въ общежитіи то, что банковыя ассигнаціи въ монетѣ—всегда есть лажъ.

Что сказать о Кромахъ? Городъ Уѣздный, ни чего не значущій. Два каменные корпуса показываютъ въ развалинахъ своихъ Присутственныя Мѣста и составляютъ все великолѣпіе города.* Квартира у насъ была изрядная. Перепочевавши, мы отправились въ Орелъ, и доѣхали къ обѣду, не смотря на большую остановку въ лошадяхъ на станціи Кнубри: на силу добились ихъ и почти отъемомъ брали у хозяевъ со дворовъ; счетъ почтовыхъ лошадей здѣсь оченъ ограниченъ: только по десяти на перемѣнѣ, а разгонъ превеликой. Совѣтую всѣмъ путешествующимъ противъ сего неудобства брать всякія мѣры, а въ жаркое время ни что такъ не смягчитъ досады дѣятельнаго вояжера, какъ прогулка въ березовой рощѣ, которая послѣ степей покажется сокровищемъ; подлѣ нея, близъ мельницы, есть родникъ самой свѣжей и прозрачной воды: я ее пилъ, окачивался ею и съ удовольствіемъ вспомнилъ Кандыбинской фонтанъ.

---

* При рѣчкахъ Кромѣ (впадающей въ 10 верстахъ въ Оку) и Неднѣ, сливающейся съ первой въ самомъ городѣ. Упоминается уже въ половинѣ XII столѣтія, а укрѣпленъ въ концѣ XVI или началѣ XVII-го столѣтія. О. Б.

ГЛАВА LXXXIV.

Орелъ и Болховъ. Деревня Княгини Урусовой.

Подъѣзжая къ Орлу, я вспомнилъ услугу здѣшняго Г. Полицеймейстера, по милости котораго мы такой худой ночлегъ имѣли въ Хотѣтовѣ, и сбирался ему попенять. Но его не было въ городѣ, и мы, чаятельно, никогда уже другъ съ другомъ не сойдемся. Остановились мы въ трактирѣ, который зоветъ Итальянскимъ, хотя нѣтъ ни макароновъ, ни шеколаду, ни мороженаго. По чему жь Итальянской?—Простой Орловской постоялый дворъ; плата вездѣ и за все дорога.

Орелъ—городъ большой, но не отвѣчаетъ пышному своему имени. Онъ мнѣ совсѣмъ не показался хорошимъ: въ немъ множество настроено мучныхъ лавокъ, по причинѣ зпатнаго торга хлѣбомъ. Ока здѣсь очень мелка, бѣдна водою и ни чего не значуща. Нигдѣ не было за мной такого присмотра, какъ здѣсь, и не знаю, для чего, но полицейскіе Офицеры меня не покидали; я не могъ приписать этого особливой ихъ вѣжливости, по тому что они, цо Русской пословицѣ судя: «Каковъ Попъ, таковъ и приходъ,» были бы въ большой противоположности съ своимъ начальникомъ. Сколько я ни старался съ нимъ ознакомиться, ни какъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Мы обмѣнялись карточками, другъ у друга были, другъ друга не застали. И въ Петербургѣ застаютъ вельможу иногда дома, а въ Орлѣ, гдѣ разсѣяній и забавъ, кажется, меньше, Г-на Губернатора трудно въ глаза увидѣть.

Заведенія здѣшняго Приказа Общественнаго Призрѣнія не заслуживаютъ ни какого вниманія. Они расположены въ старомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Г. Мацневу, и дѣлятся на общія и обыкновенныя части: безумный домъ, больницу и покои для инвалидовъ. Все это нечисто, тѣсно и неопрятно. Около того же дома садъ для публичныхъ лѣтнихъ гуляньевъ, который также никуда негодится. Естьли бъ онъ опредѣленъ былъ для прогулки хворыхъ, можно бы его назвать хорошимъ; двѣ, три куртины есть, чего для нихъ и больше? Но для собранія цѣлаго общества на него и глядѣть жалко. Алгвазилы,

кои насъ провожали, хвастали, какъ рѣдкостью, колодцемъ, ледникомъ и поварней. Кто въ хорошемъ саду любуется на погребъ, очагъ и колодязь? Тутъ другіе предметы должны приворачивать зрѣніе; домикъ для увеселенія при огнѣ, когда вечеръ сгонитъ всѣхъ въ комнату, отвѣчаетъ и наружностью своей и внутреннимъ убранствомъ всему прочему—жалкая храмина: для Орла! Въ степяхъ гулянье пышнѣе и опрятнѣе.

Для сукна поставлено два стана. Приказъ тратитъ деньги, сукно точится сквозное, и отъ этой вѣтви промышленности большихъ плодовъ ожидать трудно. Неволя дерево это посадила, а хозяйственный умъ и разсчетъ скоро его вырвутъ съ корнемъ.

Гимназія бѣдна книгами и машинами, и вообще не заслуживаетъ поставлена быть въ виду путешественника, какъ предметъ примѣчанія достойный. Директоръ ея, человѣкъ очень вѣжливый, посѣтилъ меня: мы долго говорили объ учености, о пользѣ частныхъ заведеній въ городахъ Губернскихъ; онъ очень вступился за свою Гимназію, оправдывалъ жарко ея недостатками, но отъ того она все не лучше.

Нигдѣ нѣтъ такого затрудненія достать лошадей, какъ здѣсь: со всѣми предосторожностями, какія принялъ я къ избѣжанію безпокойства, но нигдѣ такого не вытерпѣлъ несноснаго, какъ въ Орлѣ. Вотще предварилъ Г. Губернатора изъ Кіева еще о моемъ возвратномъ пути: ни какія убѣжденія не сильны; учтивость одна и простая благосклонность къ проѣзжему суть безполезныя средства; надобенъ страхъ и гроза. Такъ какъ я ни того, ни другого не имѣлъ, то я мучительнымъ задержкамъ былъ подверженъ: лошадей вездѣ мало, а снаровки нѣтъ вовся; почтовые Смотрителя дѣлаютъ, что хотятъ: жмутъ, тѣснятъ и ни кого не слушаютъ.

Пробывши одни только сутки въ Орлѣ, я бы не сообразилъ съ скукой, естьли бы на помощь мнѣ, къ облегченію ея, не подоспѣли письма изъ Москвы отъ 15, изъ Володиміра отъ 8 числъ. Прочтя ихъ, я успокоился, а перечитывая, находилъ безпримѣрное удовольствіе, а особливо, когда чувствовалъ, что всѣ тѣ, кои ко мнѣ писали, черезъ недѣлю будутъ говорить со мною, и я ихъ услышу. Жаль, что нельзя было привязать крыльевъ, а коляска

на почтовыхъ въ Орловской Губерніи не скорѣе бѣжитъ черепокожной твари.

Товарищъ нашъ, Г. Ш., отлучился въ деревню къ знакомымъ, а мы съ женой, чтобъ не потерять напрасно ни часу времени (ибо у меня и минуты были разочтены), оставили прочихъ товарищей своихъ въ Орлѣ и поѣхали въ Болховъ. Тамъ живетъ сестра моя двоюродная, Княгиня Урусова: ей хотѣлось съ нами видѣться, я не могъ ей въ томъ отказать; и такъ, уговорясь съ нашими, чтобъ они, дождавшись Г. Ш., настигали насъ въ Болховѣ, взяли только 6 лошадей въ колескѣ, и самъ другъ, 26 числа, ускакали, ни мало не жалѣя объ Орлѣ.

Отъ него до Болхова верстъ 50. Къ Орлу дорога вся въ горахъ и тяжела, а сюда ровна, и было бы только на чемъ, а то можно скоро ѣхать. Отъѣхавши 30 верстъ, мы перемѣнили на станціи свою шестерку, предупредили, что на завтра будутъ еще за нами экипажи, и отправились далѣе, но напередъ вспомнили, что съ нами отпущено было коечто поѣсть, и расположились позавтракать въ лѣску, сидя на травѣ; подъ тѣнью густыхъ березъ. На что столъ, приборы и прочія затѣи? Аппетитъ научитъ услужить себѣ безъ большихъ вымысловъ и въ рощѣ.

Болховъ—Уѣздный городъ Орловской Губерніи, обширенъ и хорошо расположенъ; онъ стоитъ на горѣ, и отъ того видъ его издали очень хорошъ, по тому что вдругъ открываются какъ бы въ кучѣ два монастыря и до 20 приходскихъ церквей. * Сестра насъ тутъ уже дожидалась и, посадя въ свою карету, увезла къ себѣ въ деревню верстъ 5 отъ города. Тамъ, съ милой простотой, угостила она насъ совершенно по деревенски; она тутъ живетъ въ строгомъ уединеніи. Я весь день занятъ былъ перепиской моей въ Москву и далѣе, на свѣжія письма отвѣчалъ живыми впечатлѣніями; это меня очень заняло, а, сверхъ того, будучи у

---

* Онъ былъ когда-то Удѣльнымъ Княжествомъ; лежитъ по лѣвую сторону рѣки Нугры, впадающей за 17 верстъ въ Оку, также при рѣчкахъ Клечетнѣ и Болховкѣ. Изъ монастырей женскій Рожественскій въ городѣ, а мужской Оптинь за городомъ, на берегу Нугры; оба заштатные. О. Б.

родни, съ которой росли въ одно время, много старинки занимательной вспомнилъ, видѣлъ предметы, напоминающіе мою молодость: когда не весело объ ней вспомнить и говорить! Ржевскаго портретъ, отца ея, привелъ мнѣ на мысль старыя наши театральныя игры; то она мнѣ, то я ей разсказывали взаимно давнишнія приключенія и въ запуски смѣялись. Старики наши померли, а мы вступили въ ихъ мѣста и состарѣлись. Но что въ молодости подѣйствовало на душевные органы, то останется навсегда врѣзано въ памяти. Такъ, на примѣръ, я никогда не забуду остроты Ржевскаго и Толстаго; умъ и бесѣда ихъ были свойства превосходнаго, по сравненію со многими ихъ современниками, и сравненію не моему только, но людей, способныхъ судить объ умахъ человѣческихъ и отличить изрядное отъ прекраснаго. Нынѣче и умъ будто въ широкомъ капотѣ у всякаго; не скоро его отыщешь.

ГЛАВА LXXXV.

Двое сутки у сестры. Пріѣздъ и пребываніе въ Бѣлевѣ.

Въ ожиданіи товарищей нашихъ мы очень спокойно время проводили до вечера; но когда стало темнѣть и по расчету нашему пора приходила имъ съ нами съѣхаться, то мы помаленьку начали приходить въ безпокойство, что ни кто изъ нашихъ не ѣдетъ. Не прежде глухой полночи пріхали повозки съ необходимой услугой. Люди наши сказывали, что каретѣ съ послѣдней станціи тронуться не чѣмъ, по тому что у нихъ праздникъ, народъ пьянъ; передоваго, изъ города, посланнаго съ приказомъ, ни кто не слушаетъ: ни лошадей, ни толку добиться нельзя. Я шумѣлъ, сердился, но досадой ни чему ни поможешь. Сестра, будучи меня разсудительнѣе, послала по деревнямъ собирать своихъ лошадей, чтобъ ихъ оттуда выручить, а между тѣмъ мы провели худую и самую безпокойную ночь.

Не думаете ли вы, что, проснувшись по утру, мы ускокоились, собравши нашихъ расточенныхъ товарищей? Совсѣмъ нѣтъ: цѣлый день еще мы ихъ ждали, и въ самомъ жалкомъ положеніи явились они наконецъ къ намъ подъ вечеръ, изнурясь голо-

домъ и холодомъ, по тому что сильный отъ Орла подулъ холодный вѣтеръ и началась осенняя непогода; дождь ведромъ, какъ сквозь сито, изъ темныхъ облаковъ пустился. Отъ этой суматохи мы потеряли цѣлый день въ дорожномъ счетѣ и пріобрѣли опытъ тѣхъ непріятностей, какія на пути встрѣчаться могутъ. Естьли бъ сидя на мѣстѣ всякой зналъ, что они неизбѣжны и не надѣялся ихъ отвратить, то бы ни кто и въ Римъ не поѣхалъ смотрѣть драгоцѣнныхъ рытвинъ городовъ погибшихъ.

Сколько ни былъ я радъ, увидѣвшись съ родней и признателенъ къ ея ласкѣ, но поѣхавши изъ деревни, сказалъ: «Слава Богу!» Нѣтъ, я не могу жить въ уединеніи, природа не приготовила меня къ тихимъ удовольствіямъ пустыни; вѣрю, что онѣ плѣнительны; что лугъ, роща, вода, хозяйство домашнее, все это очень пріятно занимаетъ многихъ, но ощущать самъ того не способенъ. Какъ все ходить за грибами, все ловить пискарей на уду! Все смотрѣть, какъ гонятъ стадо или въ поле, или въ деревню! Все тянуть для забавы круглые хороводы сонныхъ нашихъ крестьянокъ, которыя, часа два на одномъ мѣстѣ стоя, съ ноги на ногу переваливаются! Для меня это походило бы на ссылку. Нѣсколько часовъ въ сутки гдѣ бы то ни было остаться самому съ собою, отдаться въ свободѣ своимъ мечтамъ, творить около себя новый міръ, по своему произволу, это не только весело, даже, смѣю сказать, для поддержанія душевной жизни, необходимо; но всегда быть одному, или, что, по мнѣнію моему, все тоже, съ людьми, которые меня не понимаютъ, не разумѣютъ, не чувствуютъ, и здакъ жить всегда, всегда: нѣтъ цѣны, за которую бы я согласился кого ни будь этѣмъ потѣшить!

Въ такомъ размышленіи доѣхалъ я до другой деревни, гдѣ жила тетка родная жены моей, Г-жа Бунина. Ей было лѣтъ 80 слишкомъ и, по виду ея судя, нельзя было еще думать, чтобъ ей оставалось меньше года жить послѣ нашего свиданія. Она очень намъ обрадовалась. Съ ней дѣлятъ время двѣ внуки ея, дѣвицы Юшковы, воспитанныя съ большимъ тщаніемъ, знающія иностранные языки, умѣющія рисовать и заниматься музыкой. Словесность имъ пріятна: онѣ читаютъ все, что выходитъ новаго. Я тутъ нашелъ изрядное собраніе книгъ, и мы цѣлые сутки съ

ними провели препріятно, забывая, что мы въ деревнѣ; но только одни сутки: я оговорился, чтобъ меня не укорили въ противорѣчіи съ самимъ собой.

Дорога сюда отъ Болхова лежитъ по горамъ. Въ сторонахъ прекрасные виды, и много помѣщичьихъ селъ съ домами. Деревня тетушкина отъ Бѣлева только двѣ версты. Домъ большой старинный, разумѣется, съ залами, аванзалами. Въ нихъ портреты древнихъ праотцовъ фамильныхъ, въ латахъ и съ доспѣхами, ведутъ мысль за многія столѣтія назадъ. Краски уже стерлись, золото съ рамъ слетѣло, но воображеніе наполнено именами ихъ и славой. Широкой балконъ, почти въ просторную комнату, съ котораго сойти въ хорошую погоду не хочется. Съ него видѣнъ весь городъ Бѣлевъ; онъ открытъ, какъ на блюдѣ, и стоитъ на горѣ; Ока плещетъ въ него волнами; разбросанныя 20 церквей между хорошими домами придаютъ совершенству картины. *

Въ Августѣ да и въ концѣ ловить надобно ясныя минуты на воздухѣ. Жаль, что погода была холодна, хотя утихъ утренній несносный вѣтеръ, но все еще было свѣжо. Однако, не смотря на то, мы съ барышнями пошли гулять по селу и окрестностямъ: много нашли пригожихъ мѣстоположеній, хорошія высоты, тѣни, стыя рощи. Звукъ Бѣлевскихъ колоколовъ доходилъ въ уши наши на зарѣ и пріятную составлялъ вдали гармонію: рѣдки такія прогулки; я заглѣдѣлся на прекрасную долину. Одна изъ молодыхъ хозяекъ, которой она особенно нравится, потребовала тутъ отъ меня стиховъ. Долго ли дѣлать ихъ, когда воображеніе воспламеняется самой природой? Мѣсячная ночь удвоила восторгъ, и онъ произвелъ ихъ въ минуту.

Какъ бы убить осенній вечеръ? Онъ такъ длиненъ. Этотъ вопросъ и въ городѣ часто слышенъ: что жь въ деревнѣ? Право я не видалъ, какъ онъ у нихъ прошелъ. Поминутно читали разные стихи, разсуждали объ нихъ по своему и кто какъ умѣлъ, критиковали, или плѣнялись. Между прочими бумагами попался мнѣ

---

* Нынѣ Православныхъ 16, Единовѣрческая 1, монастырь. О. Б.

тотъ номеръ «Вѣстника Европы,» въ которомъ выписаны были лучшія мѣста изъ проповѣди Левандовой на кончину Кіевскаго Губернатора, Г. Панкратьева. * Какъ сладко смягчалъ онъ горесть плачущихъ надъ его гробомъ! Какъ убѣдительно увѣщевалъ сѣтующихъ объ немъ! Я не могъ читать его безъ слезъ: онѣ невольно брызнули. Скоро послѣ того поднялся и смѣхъ: всякой изъ насъ читалъ свой отрывокъ: иному нравилось веселое, иному унылое; впечатлѣнія скоропостижно мѣнялись и слѣдовали одно другому безпрерывно. И такъ безъ всякаго шума и трескотни мы провели день весело, и въ заключеніе нашей бесѣды я прочелъ и подарилъ милой А. П. ** слѣдующіе стихи, ею, конечно, ею вдохновенные:

Нѣтъ средства не сказать: прекрасная долина!
Прелестнѣй во сто кратъ, чѣмъ мертвая руина,
Какія сохранилъ отъ Генуэзцевъ Крымъ,
Какихъ мы посмотрѣть во весь духъ скачемъ въ Римъ,
Живой натуры тронъ! Дыханіе зефира
Не стонетъ въ заперти подъ сводами порфира;
Въ свободѣ полной мысль—волшебныя мечты
Повсюду вкругъ меня рождаютъ красоты.
Безсонный чародѣй, мое воображенье,
При каждомъ шагѣ духъ приводитъ въ восхищенье.
Здѣсь Солнца западъ зрю; тамъ вишу всходъ Луны
И слышу въ далекѣ Бѣлевскіе звоны.
О родина *** моя! Москва, къ которой таю,
Котору въ жизни я подобилъ часто раю,
Которая по смерть пребудетъ мнѣ мила—
Мнѣ слышатся же твои колокола!
Природа! предъ тобою что наши милліоны?
Люблю твои дары, блажу твои законы.

---

* Тайный Совѣтникъ Петръ Прокофьевичъ Панкратьевъ 1802—1810 г., а надгробное слово ему помѣщено въ № 16-мъ 1810 года, стр. 316 и слѣд., съ разборомъ его В. Измайлова. О. Б.

** Авдотья Петровна Елагина. О. Б.

*** Кто родину любитъ, тотъ кстати и не кстати всегда найдетъ случай заочно вспомнить ее.

Божественны мѣста: еще побудемъ здѣсь;
Пусть врѣжутся въ умѣ лѣса, рѣка, вся весь!
Дай память вѣчну кисть, рисуйся въ ней картина,
Дай, сердце, имя ей: блаженная долина!

ГЛАВА LXXXVI.

Бѣлевъ. Козельскъ. Дачи Г. Пилисьера.

Бѣлевъ—городъ прекрасный, лучше многихъ Губернскихъ, въ томъ числѣ и Володиміра, но не по мѣстоположенію: онъ на Окѣ; а Уѣздныхъ городовъ такихъ, какъ онъ, конечно, мало. Улицы всѣ правильныя и вымощены дикимъ камнемъ, т. е., булыжникомъ. Домовъ кирпичныхъ множество, * площадь широкая и красивая. Мы его проскакали, не останавливаясь, и за нимъ попали въ пески, которые насъ утомили. Подъ Козельскомъ переѣзжается на паромѣ рѣка Жиздра, но ни она, ни городокъ не важны. Онъ также разбросанъ на горѣ, но не великъ и не заманчивъ съ виду. Два корпуса для Присутственныхъ Мѣстъ и каменныя порядочныя лавки: вотъ все, что въ немъ примѣтить можно! **

Въ 7 верстахъ отъ города, который принадлежитъ уже Калужской Губерніи, имѣетъ домъ свой и поселился жить Инспекторъ по лѣсной части, мнѣ очень хорошій знакомый, старикъ Г. Пилисьеръ. Будучи такъ близко, совѣстно казалось не заѣхать.

---

* Въ нынѣшнемъ Бѣлевѣ всѣхъ домовъ считается около 1300 съ 8 тысячнымъ населеніемъ. Въ немъ Уѣздное Училище, публичная Библіотека, Лѣчебница, Больница, Вдовій Домъ, еженедѣльные торги. Какъ извѣстно, въ Бѣлевѣ находится домъ, въ коемъ родился нашъ славный поэтъ, В. А. Жуковскій. О. Б.

** Козельскъ на лѣвомъ берегу Жиздры и по обѣимъ сторонамъ Драгунки или Другусны, съ 1200 душами или 8,000 жителей обоего пола, 8 церквами, 2 Училищами (Уѣзднымъ и Приходскимъ), Больницей, еженедѣльными торгами, т. п. Извѣстенъ съ XII-го столѣтія, а во время нашествія Батыя долго ему сопротивлялся, взятъ, разрушенъ, жители избиты, и прозванъ имъ злымъ городомъ. О. Б.

Мы въ городѣ лошадей не перемѣнили, но дорогою заплатили за упрямство; ибо свѣжія были готовы, а намъ, или лучше сказать, мнѣ одному, не разсудилось выпрягать старыхъ и помѣшкать минутъ пять: отъ этого мы принуждены были идти почти всю дорогу пѣшкомъ: старыя лошади стали. Досада весь день меня искушала и ни что не помогло ее разсѣять. Пришедши къ доброму Швейцаро-Русскому мореходцу, мы нашли, однако, обѣдъ еще не початымъ. И порядочно поѣли: хозяинъ предупрежденъ былъ на счетъ нашего пріѣзда и ждалъ насъ.

Помѣстье его изрядное и чрезвычайно уединенно; тѣмъ-то оно ему и нравится: о вкусахъ спорить не должно. Г. Пилисьеръ родился въ Швейцаріи, служилъ же во флотѣ, попалъ въ лѣса и живется между горъ, около сосновыхъ рощъ. Естьли кто хочетъ имѣть понятіе о натуральной семейственной жизни, пусть завернетъ къ нему въ гости. Онъ, жена и ребенокъ—вотъ вся семья, весь домъ и вся компанія! Живучи въ самой глуши, они не скучаютъ, и онъ только тужитъ о томъ, что служба отнимаетъ у него много досуговъ. Надобно прямо изъ пріязни къ нимъ пріѣхать, чтобъ не почувствовать не только скуки, даже тоски; кажется, весь міръ отъ нихъ отрѣзанъ. Домикъ маленькой и помѣщеніе не широкое. Я весь вечеръ просидѣлъ у камина и поджигалъ дрова. Въ окошко смотрѣть любя: небо ясно, воздухъ чистъ, солнце ярко, а лишь только на дворъ, холодъ всѣмъ костямъ говоритъ: «Скоро зима! Пора къ огню, въ покои!» Бесѣда наша о чемъ бы ни началась, все сбивалась на лѣса и лѣсныя постановленія. Мы съ хозяиномъ толковали, а жены наши, какъ подъ сказки, дремали.

Для лѣсоводства или лѣсогубства заведенъ Институтъ: онъ вблизи этого помѣстья, окруженъ лѣсами для лучшихъ опытовъ въ натурѣ. Всѣ ученики изъ Дворянъ, живутъ въ казенномъ зданіи и обучаются Форшмейстерской наукѣ. По присвоенной имъ привилегіи, они, изучась въ три года, выпущаются въ Офицерскій классъ, прямо въ Форшмейстеры. Ихъ въ то время обучалось до 60-ти человѣкъ. Имъ преподаютъ Химію и Ботанику лѣсную, сверхъ того еще часть лѣснаго искуства, называемую технически Форстъ-Маненція: что она значитъ и въ чемъ состоитъ, меня

не спрашивайте. Долго слушалъ и ни чего не понялъ; да едва и изъ самыхъ теористовъ кто понимаетъ ли самъ себя, однако учители учатъ, ученики учатся и, подивитесь, выучиваются. О; глубина премудрости!

Домъ и все заведеніе этого Института стало казнѣ въ 40 тысячъ, а содержаніе училища требуетъ до 15 тысячъ. Я очень жалѣлъ, что не могъ удѣлить часа четыре на то, чтобъ посмотрѣть его; но послѣ поздняго нашего обѣда скоро смеркаться стало, а на цѣлый день лишній для этого остаться не позволялъ расчетъ времени, котораго я строго держался.

Для смѣшливыхъ отлучусь на часъ отъ дороги и разскажу нѣчто изъ лѣсной теоріи. Всѣ лѣса имѣютъ свои чувства и навыки. На примѣръ, сосна, она—дерево обходительное и любитъ сообщество себѣ подобныхъ, но не во всякомъ возрастѣ. Молодой соснякъ терпитъ густую зелень около себя: ему еще немного питательныхъ соковъ для жизни потребно; но чрезъ каждыя 5 лѣтъ, естьли хотятъ дать дереву выгодную толстоту, надобно обрыть около его маленькія деревья и вырубить, чтобъ большое доставало прямо изъ земли болѣе влаги и соковъ—это его пучитъ: оно подымается, ростетъ, дородничаетъ; черезъ десять лѣтъ надобно еще уединить его больше, и наконецъ товарищество ему такъ наскучитъ, что около его цѣлыя десятины свалить потребно. Вотъ чему обучаются ученики лѣсоводства! Они выѣзжаютъ въ рощу и примѣчаютъ, около которой сосны пора вырубить лишнюю компанію; узнаютъ, когда настоящая пора уединить ее; тогда, въ пособіе теоріи, практика тотчасъ принимается за топоръ и, оставя на сырой землѣ пеньки, совершаетъ полезный курсъ лѣсоводства. Желалъ бы я, чтобъ это была шутка, но, къ несчастію, дороговизна въ дровахъ и вообще въ лѣсѣ скоро намъ покажетъ, что Форстъ-Маненція не шутитъ.

Возвратимся къ нашему пункту. Ѣздить по деревнямъ—настоящая фантасмагорія: во всякой свой Богъ, свой обрядъ, свое занятіе. Подъ Болховымъ мы убили два вечера за картами; близъ Бѣлева читали, писали и плели стихи, какъ лапти; а около Козельска насмотрѣлись на настоящую картину сельской домашней жизни: ни картъ, ни книгъ; пять, шесть минутъ бесѣды и

часъ задумчивости у камина. Вотъ кстати гдѣ сказать: день слѣдуетъ за днемъ, но всѣ они несходны.

30-е число мнѣ хотѣлось взять въ Калугѣ—не удалось. Выѣхали въ 8-мъ часовъ утра отъ нашего добраго Генерала, который принялъ насъ съ самой доброхотной лаской и угостилъ найлучшимъ образомъ для деревни. Мы съ нимъ распрощались очень дружелюбно; онъ далъ намъ своихъ лошадей до Козельска. Тамъ, не мѣшкавши, взяли почтовыхъ и пустились обѣдать въ Перемышль. Мы эти 34 версты проѣхали отъ 9 часовъ утра до 3-хъ пополудни: нигдѣ желчь моя такъ не кипѣла во всю дорогу. Погода поправилась и стало тепло; дорога хотя песчана, но не чрезвычайно, а лошади совсѣмъ стали, и мы всячески старались возобновить ихъ силы, но природа готовила уже ихъ на живодерню. То, вышедши изъ коляски, ходили по рощамъ, то по селамъ и деревнямъ, у всѣхъ воротъ стучались, чтобъ выпросить свѣжихъ лошадей, и вездѣ отъ насъ запирали ворота на крюкъ. Коекакъ дотащились до Перемышля, гдѣ отъ хлопотъ и досады посѣтила меня моя мигрень, и я, чтобъ не усилить ее, принужденъ былъ поститься. Отъ Козельска до Перемышля дорога усыпана, такъ сказать, господскими мѣстностями и прекрасно отстроеными. Болѣе всѣхъ прочихъ глядѣть хочется на деревню Г. Кашкина. Большой каменный домъ въ три жилья; вокругъ него прекрасный садъ, бесѣдки, павильонъ, искуственные шатры, стогъ сѣна съ мночисленными круглыми окошками (oeils de boeufs) немножко не кстати: въ стогахъ окошекъ не бываетъ; но простимъ роскоши нѣкоторыя отступленія отъ натуры; впрочемъ, мнѣ не до видовъ было: я бѣсился на почтаря, на лошадей, на всѣхъ, на все; и это примѣчаніе, можетъ быть, съ сердцемъ вылетало тогда у меня на бумагу.

Перемышль—городокъ пустой, но вездѣ есть какой ни будь Засѣдатель, какъ котъ въ избѣ. Появился къ намъ тотъ, который, правилъ городомъ и очень учтиво съ нами обошелся, достав всякія средства какъ можно скорѣе съ собою распрощаться, чего мы и добивались, чтобъ дотянуть до Калуги. Подъ Перемышлемъ переправа черезъ Оку: она тутъ не широка. * Въ сторо-

* Перемышль на берегу ручья, составляющаго 3 озера: Силаевское, Глубокое и

нѣ отъ Перемышля—монастырь или пустыня, такъ называемая Лютикова. ** Послѣднюю къ Калугѣ отсюда станцію мы проскакали очень шибко: путь ровный и безъ горъ; лошади попались рѣзвыя, но совсѣмъ тѣмъ отъ утренней мѣшкоты мы при лунномъ свѣтѣ въѣхали въ Губернскій городъ. Гора до моста и гора за мостомъ чрезвычайно круты, спускъ и подъемъ экипажей труденъ. Мы шли пѣшкомъ, и остановились въ домѣ стараго знакомца жены моей, члена Врачебной Управы, Г. Баумгартена. У кого лучше найти прибѣжище больному, какъ не у медика? Я тотчасъ далъ головѣ моей покой, приложилъ ее къ подушкамъ, протянулся на софѣ и благополучно уснулъ. «Извольте понѣжиться,» говаривалъ старый мой панглосъ, Кливеръ, когда я съ молоду бывало пожалуюсь нездоровьемъ: «Превосходнее лѣкарство!» Въ самомъ дѣлѣ, простой совѣтъ понѣжиться иногда дѣйствительнѣе премудренаго рецепта.

Подгорное, близъ рѣки Оки, по косогорамъ; построенъ Великимъ Княземъ Юріемъ Долгорукимъ и названъ въ память Южно-Русскаго Перемышля. Въ немъ теперь за 300 домовъ съ 3 тысячами жителей обоего пола, 6 церквей, 3 Училища (Уѣздное, Приходское и женское первоначальное), Больница, Богадѣльня, 3 ярмарки, еженедѣльные торги. О. Б.

** Во имя Св. Троицы 3-го класса мужская обитель, на правомъ берегу Оки, въ 7 верстахъ отъ Перемышля. Построенъ, по преданію, Князьями Воротынскими, а названіе дано яко бы по имени бывшаго при строеніи Надзирателемъ нѣкоего Лютика. До 1663 правили имъ Игумены, а съ того времени Архимандриты съ правомъ служить на коврѣ; въ 1704 опять Игумены, а съ 1807 Архимандриты. О. Б.

ГЛАВА LXXXVII.

Калуга.

Губернскій городъ Калуга можетъ назваться прекраснымъ. Онъ великъ и выстроенъ правильно, домовъ каменныхъ много, церквей довольно. * Соборъ строится огромный, куполъ его почитается по величинѣ своей рѣдкостью; подлѣ него отдѣлывается Архіерейской домъ и для Семинаріи пространное зданіе. Между старыми строеніями видны большіе разные домы. Для Присутственныхъ Мѣстъ длинныя стѣны безъ всякой красоты въ фасадахъ; Гостинный дворъ съ лавками Готической архитектуры, и Губернаторскій домъ, выстроенный по общему образцу, недавно аппробованному: вотъ тѣ казенныя строенія, кои стоютъ пишть мѣсто въ описаніяхъ города; большая часть приводитъ на память вѣкъ Кречетникова. ** Подъ самымъ городомъ отведена дача для кладбища. Я рѣдко видалъ такое обширное пепелище. Видно, что Калужскіе жители, или въ тѣсной связи съ парками и часто садятся въ Харонову шлюбку, или въ самой землѣ хотятъ нетлѣвать въ широкихъ гнѣздахъ: и въ этомъ есть своя роскошь у предубѣжденія.

Генералъ-Губернаторъ человѣкъ весьма уединенный, почти нелюдимъ, но уменъ и благоразуменъ (на моемъ языкѣ эти два качества разныя), дѣятеленъ, честенъ, пріятенъ въ бесѣдѣ и любитъ острую шутку. Онъ насъ очень обласкалъ, посѣтилъ въ

---

* Всѣхъ 33, Единовѣрческая 1, монастырей 2 (мужской и женской), Раскольническая молельня, за 4,000 домовъ съ 40,000 почти населеніемъ обоего пола, учебныхъ заведеній 12: мужская и женская Гимназіи, Семинарія, Уѣздныя Училища, духовное и свѣтское, 7 Приходскихъ (3 муж. и 4 жен.), разныя благотворительныя заведенія, пристань на Окѣ для судовъ и плотовъ, торги всякую недѣлю и проч. О. Б.

** Михаила Никитича, открывшаго, въ Генварѣ 1777 года, Калужское Намѣстничество и бывшаго Генералъ-Губернаторомъ 3-хъ Намѣстничествъ, Калужскаго, Тульскаго и Рязанскаго, тоже имъ открытыхъ, по 1791 годъ. О. Б.

нашей квартирѣ и доставилъ всѣ средства, какъ прожить тутъ два дни съ самымъ тихимъ удовольствіемъ, такъ и на пути нигдѣ не терпѣть остановокъ; самъ возилъ меня съ собою по городу и казалъ всѣ заведенія Приказа. Обращеніе его со мною было очень обязательно, и я былъ бы невѣжда, естьли бъ не остался ему весьма признательнымъ.

Узнавши его, естьли можно жалѣть о чемъ, такъ о томъ, что онъ не любитъ общества. Извѣстно, что болѣе или менѣе свойства перваго человѣка въ городѣ отливаются въ обществѣ. И такъ публичная жизнь въ Калугѣ скучна и единообразна; веселостей нѣтъ, ни какого даже нѣтъ редута, безъ котораго всякій Губернскій городъ и сиръ и пустъ. Гдѣ ихъ нѣтъ? Театръ былъ когда-то деревянный, но заросъ травою: онъ вдовствуетъ. Актеровъ нѣтъ, играть на немъ некому, и скоро, говорили, пойдетъ совсѣмъ въ ломку.

Богоугодныя заведенія здѣсь особенную честь приносятъ начальнику. Онъ все придумалъ, обстроилъ и поставилъ на ногу совершеннаго порядка. Они состоятъ въ слѣдующемъ: 1-е, Инвалиды, и 2-е, Безумные помѣщаются въ большомъ каменномъ зданіи. Нѣкто Хлюстинъ пожертвовалъ онымъ. Во всѣхъ покояхъ видна особенная попечительность и большое раченіе. Мало пользы растянуть огромное строеніе, поставить вездѣ колонны и щеголять фасадой, межъ тѣмъ какъ не рѣдко бѣдный старикъ, или несчастный сумасбродъ, страждутъ въ прекрасныхъ стѣнахъ безъ призора. Здѣсь совсѣмъ противное: нехороши стѣны снаружи, но прямо, въ полномъ смыслѣ слова, Богоугодное содержаніе въ нихъ. Сколько настроено дворцовъ, кои носятъ на себѣ вывѣску не призрѣнія, но презрѣнія общественнаго! При томъ Инвалидномъ домѣ маленькая церковъ внизу, въ которой много новаго вкуса. 3-е, Лазаретъ расположенъ въ старинномъ двуэтажномъ домѣ, не такъ достаточенъ во всемъ, какъ прежнія два заведенія, но, по возможности, строенія содержатся найлучшимъ образомъ. Довольно для доказательства примѣра, не изъ теоріи, а изъ опыта взятаго: въ 6 мѣсяцевъ изъ 200 больныхъ умерло только два человѣка. Я душевно пожелалъ другого Хлюстина, чтобъ и Больница въ строеніи своемъ сравнялась съ Инвалиднымъ. Хоро-

шо привлекать и пожертвованія гражданъ туда, гдѣ они такъ полезно употребляются. 4-е Сиротскій Домъ, внутри города въ маленькомъ деревянномъ домѣ; дѣтей въ немъ немного; взрослыя отсылаются въ Московскій Воспитательный Домъ, а грудные младенцы раздаются вольнымъ кормилицамъ изъ платы отъ Приказа.

Сверхъ всѣхъ сихъ заведеній найдете вы въ Калугѣ небольшой Кадетскій Корпусъ. Онъ содержится прекрасно. Въ немъ до 100 человѣкъ Калужскихъ Дворянъ воспитываются и обучаются, на казенный коштъ пользуются пищей и одеждой. Нельзя не похвалить такой основательной заботы о благѣ человѣчества. Я видѣлъ этѣхъ мальчиковъ въ собраніи, въ лѣтнемъ ихъ домѣ: они ходятъ въ мундирахъ, занимаются полевыми упражненіями, по барабану движутся и маршируютъ, какъ добрые солдаты; въ нихъ есть уже воинской духъ; на зарѣ жизни своей они прилѣпляются уже къ славѣ и достигать ея стремятся. Когда исполнится юношѣ 16 лѣтъ, его отсылаютъ въ С.-Петербургской Кадетскій Корпусъ: недавно туда отправлено 20 человѣкъ воспитанниковъ здѣшнихъ. Такое благодѣтельное училище содержится изъ капитала, въ пользу его собраннаго, разумѣется, добровольно съ Дворянъ; Государь изволилъ пожаловать 5 тыс. Каждый пансіонеръ или кадетъ стоитъ содержаніемъ своимъ до 100. Очень дешево! Но замѣтьте, что обученіе ихъ наукамъ не требуетъ ни какихъ издержекъ: они ходятъ въ классы въ общую Губернскую Гимназію.

Около этого лѣтняго дома, гдѣ лагеремъ стоятъ Кадеты, но безъ палатокъ, я видѣлъ рѣдкое мѣстоположеніе въ натурѣ: чрезвычайность его самая необыкновенная. Я съ умыслу это говорю, по тому что въ нынѣшнихъ сравненіяхъ естественныхъ видовъ такъ много чрезвычайнаго въ путешествіяхъ, что и въ нихъ надобно настоящей чрезвычайности сдѣлать изъятіе. Представьте домъ, окруженный водою, за ней роща, какъ стѣна; она выходитъ дугой около этого мѣста; въ полукружіи ея есть выемки, кои по краямъ рощи видъ дѣлаютъ завѣсовъ съ нарядными борами и подзорами; а что всего для глазъ чудеснѣе—съ конца до другого всѣ деревья, какъ будто фрунтъ солдатъ по ранжиру, вытянуты натурой по мѣрѣ своего роста. Картина, наполненная пріятности! Дай Богъ, чтобъ Козельскіе лѣсоводы не приходили сюда прак-

тиковаться въ своей Форстъ-Маненціи, а то—прощай лѣсной строй, ранжиръ вѣтвистыхъ березъ! Молодцы все повалятъ.

Прогуливаясь по городу, я завернулъ въ одинъ переулокъ, не чая ни чего найти особеннаго. Ошибся: часто нечаянность наведетъ на прекрасное. Въ углу небольшой деревянный домъ несетъ громкую надпись: «Домъ Старичковыхъ.» Кто не помнитъ этого витязя храбрыхъ Россійскихъ воевъ? * Мало ли было шуму объ немъ въ газетахъ? Патріоты, т. е., тѣ, кои гортанью это имя заработали, уцѣпились за него, какъ за штандартъ Магометовъ, прославляли его во всѣхъ листахъ и сочиненіяхъ; помнится, и на театрѣ видѣли мы Старичковыхъ. Здѣсь они: вотъ и домъ ихъ! Сюда, сюда, господа энтузіасты Старичковыхъ! О! какъ я счастливъ! Я видѣлъ въ жизни своей Одессу, Черное море, Очаковъ, Херсонъ, Николаевъ и домъ Старичковыхъ!

ГЛАВА LXXXVIII.

Еще нѣчто о Калугѣ. Малоярославецъ. Боровскъ.

Чтобъ видѣть Калугу, и не только взглянуть на нее, но и осмотрѣть совершенно, довольно одного дня. Пріязнь заставила меня провесть здѣсь день лишній противъ моего предположенія. Издавна друженъ будучи съ здѣшнимъ Архіереемъ, я не могъ ни ему, ни себѣ, отказать въ продолженіи моего пребыванія: я цѣлый день гостилъ у него и съ нимъ. Сказавши, что онъ мнѣ другъ, я отнялъ у себя средство воздать ему должную похвалу;

---

* Старичковъ былъ Унтеръ-Офицеръ Азовскаго пѣхотнаго полка, который во время Аустерлицкаго сраженія умѣлъ спрятать свое знамя подъ одежду, былъ отведенъ въ плѣнъ и умеръ, передавъ его, бывшему съ нимъ въ неволѣ, рядовому Бутырскаго пѣхотнаго полка Чайкѣ, для возвращенія въ полкъ, что тотъ и исполнилъ. Знамя это хранится теперь въ Петербургскомъ Арсеналѣ. Императоръ Николай I подарилъ (15 Генваря, 1848 г.) въ Чесменскую Богадѣльню картину, представляющую подвигъ Старичкова. О. Б.

можетъ быть, ее отнесутъ къ пристрастію, но не лишу себя удовольствія поговорить объ немъ.

Онъ для насъ служилъ обѣдню Сентября 1-го числа. Я увидѣлъ въ немъ образъ юнаго Платона: та же осанка, видъ, произношеніе! Онъ не тянетъ голоса на возгласахъ, онъ выговариваетъ ихъ. Лѣта его еще не глубоки, но болѣзни даютъ ему видъ старости; подагра лишаетъ его свободы порядочно ступать: онъ ходитъ съ принужденіемъ; при всемъ томъ пріятно видѣть его во храмѣ: настоящій пастырь! Онъ любимъ многими въ городѣ, и церковь, гдѣ онъ служитъ, всегда полна народу.

Не имѣя еще дому въ городѣ, Евлампій * живетъ въ Лаврентьевскомъ монастырѣ ** верстъ двѣ отъ города; тамъ у него храмъ не великолѣпенъ, но ризница богата; нѣсколько въ ней изрядныхъ саккосовъ, а митра есть одна съ алмазами и жемчугомъ; какъ рѣдкость, замѣтить должно панагію изумрудную съ бриліянтами, въ которую вставленъ одинъ большой камень, но не очень чистой воды. Исторія этой панагіи говоритъ, что она предмѣстникомъ его *** сдѣлана изъ ефеса, пожалованнаго Екатериною II

---

* Введенскій, въ мірѣ Евѳимій, сынъ Дьячка Юрьевскаго Введенскаго дѣвичьяго монастыря; воспитывался въ Троицкой Семинаріи въ 1771 г., гдѣ въ послѣдствіи былъ 1781 Учителемъ Синтаксическаго класса, 1786 Риторики и Поэзіи въ Перервинской Семинаріи, съ 1787 монахъ и тогда же возвращенъ въ Троицкую Семинарію, 1789 Префектъ ея, 1792 и Ректоръ, за тѣмъ съ 1795 г. Ректоръ Московской Духовной Академіи, 1801 Епископъ Архангельскій, 1809 Калужскій; умеръ 1813 года. О. Б.

** Монастырь этотъ 3-го класса, на гористомъ мѣстѣ лѣваго берега, далеко окруженный рощами. О. Б.

*** Ѳеофилактомъ Русановымъ, р. 1765 г. въ Архангельской Губерніи, учился въ Олонецкой Семинаріи и Александро-Невской Академіи, изъ коихъ въ послѣдней былъ Учителемъ Поэзіи и Реторики, 1794 монахъ и законоучитель Кадетскаго Корпуса, въ Мартѣ 1795 Архимандритъ Зеленецкаго, потомъ 1796 Сергіевой пустыни, 1798 Новогородскаго Антоніева монастыря и Членъ Синода, а съ Октября 1799 Иверскаго монастыря, въ Сентябрѣ Епископъ Калужскій, 1807 на чредѣ въ Синодѣ, 1808 г., Декабря 25, Архіепископъ, 1809 Рязанскій (Марта 5), 1813 уволенъ въ свою Епархію (11 Ноября), 1817 (Мая 14) Екзархъ Грузіи, 1819 (1-го Февраля) Митрополитъ; скончался 19-го Іюня, 1821 г. и погребенъ въ Сигнахскомъ Георгіевскомъ Соборѣ. Былъ вліятельнымъ Членомъ Коммиссіи Духовныхъ Училищъ; кавалеръ Св. Анны, Владимира и Александра Невскаго 1-й степени. О. Б.

въ 1774 году Генералъ-Маіору Князю П. В. Репнину. Я не распрашивалъ, какъ она сюда попала; конечно, смерть героя вселила его въ церковную ризницу: общая участь многихъ сокровищъ, кровію, или алчностію, нажитыхъ!

Архіерей живетъ хорошо и прилично своему сану. Мы у него обѣдали: онъ кормитъ сытно и поитъ умѣренно. Покои его просты, но приборны и вездѣ чисто. Пѣвчіе поютъ согласно, хоть не чрезвычайно хорошо; басъ много выражаетъ: онъ отъ души постъ, а не по наряду, и отъ того невольно его замѣтишь. Я съ Преосвященнымъ до вечера просидѣлъ у него, а вечеръ онъ пробылъ у меня; и такъ мы съ нимъ не разставались цѣлыя сутки: бесѣда наполнила все это время. Это лучшая пища для сердца, Я не изъ тѣхъ людей, кои въ самомъ разговорѣ съ другимъ помрачаются, когда порода собесѣдника ихъ не равна ихъ происхожденію. Для меня все равно, изъ какого бы саду ни принесли, изъ богатой ли оранжереи вельможи, или изъ крестьянскаго огорода, благовонный цвѣтокъ всегда пріятенъ; цѣна его въ немъ, а не во внѣшностяхъ его: такъ и умъ, гдѣ бы онъ ни былъ природой насажденъ, а обстоятельствами образованъ, въ героѣ, или рабѣ, въ отшельникѣ, иль Царедворцѣ, почерпать отъ него познанія всегда драгоцѣнное занятіе. И такъ мы, угождая собственному своему вкусу и понятію, промѣшкали сутки въ Калугѣ: но что день для дружбы? Одна минута!

2-го Сентября въ Калугѣ великое празднество, всѣ колокола въ городѣ шумятъ; всѣ Попы съ иконами приходятъ къ Собору, и тамъ торжественное воздается Богу благодареніе за избавленіе Калуги отъ чумы; однако, въ такой близости отъ Столицы ни что не сильно было насъ еще удержать на пути, и мы рано выѣхали.

Лошади намъ попались прекрасныя, и мы прибыли очень скоро въ Малой Ярославецъ, Уѣздный городъ Калужской Губерніи, въ 60 верстахъ отъ Губернскаго. Дорога сюда славная, горъ немного, лошадей перемѣняли только одинъ разъ, въ Салѣйкинѣ. Малоярославецъ ни чего не значитъ, хотя натура снабдила его хорошимъ мѣстоположеніемъ. Отъ него до самой рѣки Лужи тя-

нется гора со многими переломами и очень украшаетъ городъ. * Здѣсь мы обѣдали, и пріѣхали довольно рано въ Боровскъ, городъ Калужской же Губерніи; погода во весь день была теплая.

На дорогѣ замѣтить можно только деревню и въ ней большой домъ Г. Болтина. Въ Боровскѣ ** мы остановились у зажиточнаго купца Большукова. Каменный большой домъ, строенъ 50 лѣтъ назадъ и въ старинномъ вкусѣ, лучшій въ городѣ и славенъ по тому, что Гг. Губернаторы всегда въ немъ останавливаются.

Подъ городомъ монастырь мужской, въ которомъ почиваютъ мощи подъ спудомъ Пафнутія, Боровскаго Чудотворца.*** Поздно было итти туда пѣшкомъ, а когда всѣ наши повозки собрались, то еще позднѣе было собираться ѣхать далѣе; и такъ мы остались тутъ ночевать. Городъ для Уѣзднаго довольно великъ, но писать объ немъ совершенно нечего, хотя онъ и не изъ новыхъ; развѣ сказать, что въ немъ для Присутственныхъ Мѣстъ выстроенъ новый корпусъ по образцу, изданному для всѣхъ, ему подобныхъ, по Уѣзднымъ городамъ въ Россіи.

---

* На правомъ берегу рѣки Лужи, при впаденіи въ нее рѣчки Ярославки, почти съ 400 домовъ и 3,000 обитателей обоего пола, 4 церквами, мужскимъ монастыремъ, 3 Училищами (Уѣзднымъ, Приходскимъ и первоначальнымъ женскимъ), Больницей, 5 ярмарками, еженедѣльными торгами и проч. т. п. При немъ и въ немъ происходило славное сраженіе 12 и 13 Октября, 1812 года, послѣ котораго Наполеонъ принужденъ былъ потянуться на разоренную уже имъ Смоленскую дорогу во время двоженія въ Москву, и здѣсь положенъ былъ предѣлъ его завоеваніямъ и начало спасенію Россіи. О. Б.

** Расположенъ по обѣимъ берегамъ рѣки Протвы и при впаденіи въ нее рѣчки Тихижи, съ 900 домовъ и 9 тысячнымъ населеніемъ обоего пола, 8 церквами, 1 Единовѣрческой, 2 Училищами (Уѣзднымъ и Приходскимъ), Больницей, 4 ярмарками, еженедѣльными торгами. Извѣстно, что Боровскъ былъ нѣкогда удѣльнымъ Княженіемъ меньшихъ дѣтей Московскаго Великаго Князя. По нему Калужскій Епископъ пишется и Боровскимъ. О. Б.

*** Первокласный, на устьѣ рѣчки Истремы, впадающей въ Протву, въ 3-хъ верстахъ отъ города; основанъ въ 1444 г. Пафнутіемъ, скончавшимся въ 1479; съ начала правили имъ Игумены, а со времени Св. Синода—Архимандриты. Въ немъ погребенны многіе изъ Князей Оболенскихъ, Щербатовыхъ, Лыковыхъ и Репнинныхъ. О. Б.

ГЛАВА LXXXIX.

Послѣднія.

По разстоянію мѣста для добрыхъ коней, для нетерпѣливыхъ ѣздоковъ, отъ Боровска до Москвы—нѣсколько часовъ ѣзды. Карета наша съ своими сѣдоками взяла у насъ полсутокъ переду, отправясь въ ночи, но, не смотря на всѣ предварительныя средства, принятыя къ тому нами, чтобъ вездѣ имѣть лошадей и летѣть въ Москву во весь духъ, убили мы цѣлый день до вечера въ дорогѣ. Чѣмъ ближе къ Москвѣ подъѣзжаешь, тѣмъ болѣе готовишься къ терпѣнію разныхъ искушеній и досадъ. Почта окружила столицу затрудненіями для поспѣшающихъ въ ея каменныя ограды. Начинаются на каждой станціи натяжки, сдѣлки, насилія и разныя безпокойства: ямщикъ знаетъ, что всякому хочется скорѣе доѣхать, и прижимаетъ изъ всѣхъ силъ проѣзжихъ; почталіонъ, или Смотритель на станціи, тотъ же Воевода въ городѣ, дѣлаетъ, что хочетъ: даетъ лошадей, или не даетъ, впрягаетъ и выпрягаетъ по своему произволу, и на него нѣтъ ни суда, ни апелляціи. Отъ такихъ хлопотъ одни деньги оборонить могутъ: зазвени кошелькомъ—и всѣ ямщики становятся услужливы. Принужденъ былъ и я, за двѣ станціи отъ Москвы, сорить послѣднія свои пѣнязи, лишь бы поскорѣй ѣхать и увидѣть небо моей родины.

Не знаю, можно ли что ни будь примѣтить по пути отъ Боровска въ Москву и сохранить въ запискахъ дорожныхъ. Я такъ былъ занятъ Москвою и моимъ возвращеніемъ домой, что ни чего около себя не видалъ такого, чтобъ отъ нея отвлекло мое вниманіе на минуту. Съ Калужской дороги своротили мы на Можайскую, чтобъ въѣхать въ городъ ближайшей заставой къ нашему дому подъ Дѣвичьимъ, и передъ вечеромъ проѣхали мы село Волынское, принадлежавшее нѣкогда отцу моему: * отсюда видна уже Москва. Я выскочилъ изъ коляски, и всею дачею Во-

---

* Село владѣльческое, при рѣчкѣ Сетуни, въ $9^1/_2$ верстахъ отъ Москвы, съ 22 дворами и 35 душами обоего пола и церковью. О. Б.

лынскаго прошелъ пѣшкомъ. Тутъ же пришли мнѣ на мысль живѣе, чѣмъ гдѣ ни будь, рѣбяческіе мои годы; увидѣлъ, спустясь съ горы, въ правую сторону, старую аллею, усаженную липами, въ которой такъ часто съ мамой своей я хаживалъ гулять и въ перелѣскахъ грибы бралъ. Цѣлъ еще тотъ храмъ, въ которомъ мы приносили Богу по праздникамъ дѣтскія наши молитвы. Не тотъ уже ветхій домъ, которой былъ при насъ: гораздо огромнѣе и великолѣпнѣе выстроенъ новый съ колоннами; но та же подъ нимъ гора, тѣ же уступы, съ которыхъ мы падали нерѣдко и приносили на лбу живые знаки нашей рѣзвости. Въ лѣвой сторонѣ Давыдково, * деревня, гдѣ живали наши кормилицы и заманивали насъ въ избы свои поѣсть ягодъ съ молокомъ въ ясную погоду. Вотъ и мостъ, съ котораго я удочкой ловить любилъ рыбу и гдѣ осторожный дядька назиралъ всякое мое движеніе, чтобъ я не упалъ въ воду! Вотъ и Сетунь—рѣка, воспоившая меня въ первые годы моей жизни. Она также свѣтла, быстра, прозрачна, но она уже не моя, струи ея принадлежатъ другому, а мнѣ въ удѣлъ досталось только то, чего ни чьи предки продать не могутъ—пріятное воображеніе о прошедшемъ и пристрастіе къ мѣсту: оно тутъ, тутъ, въ глубинѣ моего сердца, и ни кто его у меня по купчей никогда не отниметъ. За рѣкой была при насъ прекрасная роща, называемая Борокъ. Когда мы пріѣзжали изъ Москвы въ Волынское на все лѣто и появлялись въ немъ наши кареты и линѣйки, залпы пушечныхъ выстрѣловъ изъ села во всю рощу раздавали свои отголоски. То было тогда, но теперь я шелъ между пеньковъ: они свидѣтельствуютъ одни, что тутъ нѣкогда была роща, которую нынѣшніе владѣльцы изъ прибытка вырубили совершенно.

На сихъ развалинахъ я позволилъ себѣ быть на минуту малодушнымъ: взглянулъ назадъ на село, окинулъ взоромъ весь свой горизонтъ, собралъ всѣ напоминанія въ одну точку, точно такъ, какъ въ зажигательное стекло собираются всѣ лучи солнца; они жгутъ подверженный предметъ огнемъ физическимъ; такъ

---

* Деревня владѣльческая при рѣкѣ же Сетуни, въ 9 верстахъ отъ Москвы, съ 36 дворами и 250 душами обоего пола. О. Б.

и душа моя загорѣлась своимъ пламенемъ, и на зеркалѣ ея потекли слезы. Такъ, я не стыжусь признаться, что я заплакалъ; я дерзну сказать болѣе: съ этѣмъ лоскуткомъ земли бѣдный, но всегда честный, родитель мой терялъ послѣднюю свою собственность и домъ, который нѣкогда считалъ за собою тысячи душъ, отъ воли котораго зависѣло, не весьма давно, пріобрѣтать безчисленное въ Россіи, приведенъ былъ не виной, но бѣдствіями, лишиться послѣдняго своего имущества. O patria, patria! И твой ли дымъ мнѣ будетъ сладокъ? Осуждайте суету мою, философы, но да избавитъ васъ Богъ отъ пагубной необходимости думать и чувствовать по моему въ настоящемъ случаѣ! Чувствительный человѣкъ извинитъ мой жаръ и пожалѣетъ обо мнѣ.

Сѣвши въ коляску, я не помню почти, какъ я доѣхалъ до Поклонной Горы, и еще терялся въ глубокомъ размышленіи, какъ милая жена моя, дѣлившая во все это время мою грусть со мною, чтобъ разсѣять ее, закричала: «Другъ мой! Москва!» Я проснулся, какъ отъ сна, взвидѣлъ Ивановскую колокольню и, по чувству непостижимой любви къ родинѣ, сердце мое затрепетало. «Москва! Москва!» вскричалъ я съ нею и, не смигая съ нея, до Заставы ѣхалъ стоя. Ужь солнце кидало послѣдніе лучи свои на нашу земли поверхность. Дѣти наши ожидали насъ въ Дорогомиловой слободѣ: они бросились къ намъ на шею, и мы, отлучавшіеся отъ нихъ не надолго, но далеко, прижимали ихъ къ нашему сердцу. Ахъ! какъ оно бьется, когда оно довольно! Тутъ же получилъ я письмо изъ Володиміра, и одно чувство радости ощущая внезапно за другимъ, я вдругъ очутился на прагѣ родительскаго дома, въ дрожащихъ объятіяхъ престарѣлой моей матери. Тутъ, воздавъ хвалу Богу, совершающему всѣ начинанія наши, я нашелъ въ эту блаженую минуту невидимый рай въ видимомъ мирѣ.

Все, Боже, отъ тебя,
И все по благости твоей!

ДОПОЛНЕНІЕ.

Къ стр. 274—277, примѣч. Говоря тутъ, въ примѣчаніи (стр. 276), о надворотной иконѣ Смоленской Божіей Матери, я сообщилъ свѣдѣнія о ней по тѣмъ источникамъ, которые были у меня подъ рукою, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратился за ними и къ извѣстному нашему военному писателю, И. П. Липранди, какъ участнику въ нашемъ славномъ прошедшемъ 12-го и слѣдующихъ годовъ. Но свѣдѣнія его не поспѣли, по краткости времени, къ отпечатанію упомянутаго примѣчанія, и я ихъ, по ихъ важности, сообщаю при семъ. На вопросъ мой: «Присягали ль Русскіе, какъ ходятъ слухи, передъ Смоленской иконой Божіей Матери на канунѣ Бородинскаго побоища?» И. П. отвѣчаетъ:

«Ни какихъ присягъ предъ иконой Смоленской Божіей Матери, на канунѣ Бородинской битвы, дѣлаемо не было. Князь Кутузовъ приказалъ поднять ее и обойти полки. Для придания болѣе торжественности, собраны были полковые Священники съ хоругвями и другими принадлежностями. * Князь, окруженный Штабомъ, въ числѣ котораго находились тутъ: Принцъ Александръ Виртембергскій, Бенигсенъ, Графъ И. И. Марковъ, а равно и нѣкоторые начальники отдѣльныхъ частей: Платовъ, Милорадовичъ и

* Св. икона на Смоленскомъ предмѣстьѣ поставлена была на запасной лафетъ батарейной роты (№ 1) Полковника Глухова, корпуса Н. А. Тучкова 1-го, и такъ совершила весь походъ; здѣсь было и два Священника съ причтомъ, сопровождавшихъ ее. Можетъ быть, когда-либо кто изъ усердія и служилъ ей на походѣ молебны, не знаю; ибо я былъ въ корпусѣ Дохтурова; но знаю навѣрное, что А. П. Ермоловъ первый подалъ мысль поставить ее на лафетъ, для сопутствованія арміи.

др., были ли они призваны, или случились при Князѣ, не знаю. Главнокомандующіе же 1-й и 2-й арміями, корпусные, дивизіонные и другіе начальники, встрѣчали Св. икону при своихъ частяхъ и присоединялись къ процессіи, нѣкоторые слѣдовали и далѣе расположенія своихъ частей, увеличивая такимъ образомъ кортежъ.

Фельдмаршалъ прослѣдовалъ около половины всего протяженія, само собою разумѣется, съ открытыми головами. Каждый полкъ преклонялъ колѣна, когда Св. икона приближалась къ оному. Въ промежуткахъ двухъ полковъ процессія останавливалась и совершала краткія молебствія, какъ это бываетъ во всѣхъ крестныхъ ходахъ. Особенность была только въ томъ, что обстоятельства выходили изъ круга обыкновенныхъ случаевъ. Здѣсь каждый мыслено стоялъ на своей могилѣ.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Предисловіе		I.
ГЛАВА	I. Выѣздъ изъ Москвы	1
	II. Серпуховъ	4
	III. Тула. Оружейный заводъ	6
	IV. Разныя заведенія въ Тулѣ	11
	V. Ночлегъ на дорогѣ. Мценскъ	16
	VI. Выѣздъ изъ Мценска. Проѣздъ чрезъ Орелъ. Ночлегъ того дня	20
	VII. Поворотъ на ярмарку. Ночлегъ въ каретѣ	24
	VIII. Ярмарка	27
	IX. Курскъ	33
	X. Бѣлгородъ	38
	XI. Харьковъ	45
	XII. Продолженіе	48
	XIII. Выѣздъ изъ Харькова. Валки	56
	XIV. Окрестности Полтавы. Земляное строеніе	59
	XV. Полтава	62
	XVI. Монументъ	68
	XVII. Полтавское торжество	71
	XVIII. Богоугодныя заведенія	80
	XIX. Забавы и увеселія	85
	XX. Путь до Кременчуга. Балъ въ клубѣ	88
	XXI. Описаніе Кременчуга	93
	XXII. Дворцовый садъ. Театръ	95
	XXIII. Путь до Елисаветы	98
	XXIV. Елисаветградъ	102

Стр.

XXV. Николаевская степь. Громоклея ... 105
XXVI. Пріѣздъ въ Николаевъ ... 108
XXVII. Николаевъ ... 111
XXVIII. Верфь. Депо. Штурманская школа ... 114
XXIX. Кладбище Спаское ... 118
XXX. Имѣніе Графа Безбородька ... 121
XXXI. Очаковъ ... 125
XXXII. Пріѣздъ въ Одессу ... 129
XXXIII. Одесса. Пріѣздъ въ нее. Положеніе мѣста ... 133
XXXIV. Городъ вообще. Строеніе. Улицы ... 136
XXXV. Торговля. Гавань. Магазины. Лавки ... 140
XXXVI. Храмы Греческіе и Иновѣрные ... 144
XXXVII. Правительства военное и гражданское ... 147
XXXVIII. Богоугодныя и полезныя заведенія ... 150
XXXIX. Общественныя увеселенія ... 152
XL. Колоніи ... 155
XLI. Мои знакомства ... 160
XLII. Публичная жизнь въ Одессѣ ... 163
XLIII. Прогулка на морѣ въ шлюбкѣ ... 166
XLIV. Нечаянное безпокойство ... 171
XLV. Отъѣздъ изъ Одессы ... 173
XLVI. Ночлегъ въ Апчекратѣ ... 176
XLVII. Балъ на берегахъ Буга ... 180
XLVIII. Описаніе Богоявленскаго ... 185
XLIX. Потемкинъ ... 189
L. Херсонъ ... 194
LI. Отъѣздъ изъ Николаева ... 199
LII. Ночлегъ у Госпожи Лореновой. Путь до Новомиргорода и пріѣздъ туда ... 203
LIII. Новомиргородъ и Златополь ... 206
LIV. Путь до Звенигородки ... 209
LV. Дорога до Умани ... 213
LVI. Умань и разные въ ней предметы ... 215
LVII. О Жидахъ вообще, ихъ промыслѣ и Богослуженіи ... 217
LVIII. О семействѣ нашего хозяина ... 221
LIX. Предисловіе къ описанію Софіевки ... 224
LX. Отъѣздъ изъ Умани. Продолженіе пути ... 234

LXI. Пріѣздъ и пребываніе мое у зятя 237
LXII. Мѣстоположеніе. Сосѣдство. Здѣшнее хозяйство 241
LXIII. Капевъ. Монастырь 243
LXIV. Балъ у зятя, прощанье и отъѣздъ 247
LXV. Пиръ у Казаринова. Отъѣздъ и путь до Кіева 250
LXVI. О Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой 254
LXVII. Общій взглядъ на Кіевъ 259
LXVIII. Кіево-Печерская Лавра 263
LXIX. Пещеры 268
LXX. Михайловскій монастырь. Софійской соборъ. Леванда 273
LXXI. Разные духовные предметы 281
LXXII. Фроловскій монастырь 285
LXXIII. Интересная сумасбродка 287
LXXIV. Академія 289
LXXV. Гражданскія строенія и зданія 291
LXXVI. Успеньевъ день 294
LXXVII. Общія увеселенія города. Жизнь Кіева при насъ 298
LXXVIII. Отъѣздъ изъ Кіева. Козелецъ 302
LXXIX. Нѣжинъ 306
LXXX. Батуринъ. Гробъ Графа Разумовскаго 313
LXXXI. Обѣдня въ Батуринѣ. Дорога до Сѣвска 317
LXXXII. Сѣвскъ 322
LXXXIII. Дмитріевскъ. Домъ Безбородька. Кромы 325
LXXXIV. Орелъ и Болховъ. Деревня Княгини Урусовой 329
LXXXV. Двое сутки у сестры. Пріѣздъ и пребываніе въ Бѣлевѣ ... 332
LXXXVI. Бѣлевъ. Козельскъ. Дачи Г. Пилисьера 336
LXXXVII. Калуга 341
LXXXVIII. Еще нѣчто о Калугѣ. Малоярославецъ. Боровскъ 344
LXXXIX. Послѣдняя 349

ОБРЯДНЫЯ.

I.

Колядныя.

Въ навечеріе Рождества Христова, въ селахъ и деревняхъ, дѣвицы,* собравшись по нѣскольку вмѣстѣ, ходятъ кучками по улицамъ отъ одного дома къ другому и подъ окнами поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

Приходила коледа
Напередъ Рождества.
Виноградье красно зеленье мое.**
Напала пороша,
Снѣгу бѣлинькаго;
Какъ по этой по порошѣ
Гуси, лебеди, летѣли,
Коледовщички,
Недоросточки,***
Недоросточки,

---

* Во многихъ мѣстахъ мальчики и парни.

** Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

*** Это слово употребляется по тому, что сюда собираются несовершеннолѣтніе.

Красны дѣвушки
Сочили и искали
Иванова * двора.
И Ивановъ дворъ,
Ни близко, ни далеко:
На семи верстахъ,
На восьми столбахъ;
Вокругъ этого двора
Тынъ серебряный стоитъ;
Вокругъ этого тына,
Все шелковая трава;
На всякой тынинкѣ
По жемчужинкѣ.
Во этомъ во тыну
Стоитъ три терема,
Стоитъ три терема,
Златоверхіи:
Во первомъ терему
Свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему
Красно солнышко,
Въ третьемъ терему
Часты звѣздочки.
Свѣтелъ мѣсяцъ—
То хозяинъ во дому,
Красно солнышко—
То хозяюшка,
Часты звѣздочки—
Малы дѣточки.
Какъ самаго господина
Дома нѣтути,
Дома нѣтути,
Не случилося,
Въ Москву съѣхавши
Суды судить,

---

* Сдѣсь упоминаютъ имя хозяина, подъ чьимъ окномъ поютъ.

Суды судить,
Да ряды рядить.
Посудивши, порядивши,
Домой ѣдетъ онъ:
Онъ женѣ-то везетъ
Кунью шубу, кунью шапочку,
А своимъ-то сынамъ
По добру коню,
Своимъ доченькамъ
По злату вѣнку,
Своимъ служенькамъ
По сапоженькамъ.
Наша-то коледа
Ни мала, ни величка,
Она въ двери не лѣзетъ,
И въ окно намъ шлетъ.
Ни ломай, ни гибай,
Весь пирогъ подавай!
Виноградье красно зеленье мое!

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Губ.

2.

Ходили, гуляли, коледовщики,
Сочили, искали, Боярскаго двора:
Нашъ Боярскій дворъ на семи верстахъ,
На семидесяти столбахъ.
Какъ поѣхалъ Государь на судимую гору,
Судъ судить по сто рублей,
Рядъ рядить по тысячи.
Какъ ѣдетъ Государь со судимой со горы,
Везетъ своей женѣ кунью шубу,
Своимъ сыновьямъ по добру коню,
Своимъ невѣстушкамъ по кокошничку,
Своимъ дочушкамъ по ленточки,

Своимъ служенькамъ по сапоженькамъ.
Подарите, не знобите, коледовщичкамъ.
Наша коледка ни мала, ни велика,
Ни въ рубль, ни въ полтину,
Ни въ четыре алтына.
Подарите, не знобите, каледовщичковъ,
Либо съ печи пирогомъ,
Либо съ клѣти осьмакомъ.
Наша коледка ни мала, не велика,
Въ двери не лѣзя,
Въ окно какъ щье (?):
Либо кружечку пивца,
Либо чарочку винца.
Хозяинъ, ясенъ мѣсяцъ,
Хозяйка, красно солнышко во дому. *

Тамъ же и тѣмъ же.

3.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Мы ходили, 2
По Мишину селу
Авсень, Авсень! 2 **
Кишки да желудки
На печкѣ сидѣли,
На насъ-то глядѣли,
Въ кошель захотѣли.
Какъ у Павла на дворѣ
Стоитъ дровъ костеръ.
Ему пиво варить,

---

* Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ повторяется припѣвъ: «Виноградье красно зеленье мое!»

** Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Ему сына женить.
Самъ-то Павелъ—
Свѣтлой мѣсяцъ,
Его жонушка—
Красно солнышко,
Его дѣточки—
Часты звѣздочки.
Даримъ Павлу шадру: *
Да чѣмъ погонати?
Простой кишкой,
Шелудивымъ парсукомъ.

Зап. А. И. Худяковымъ, Ряз. Г. Зар. У., въ с. Мишинѣ.

4.

Таусинь! Таусинь!
Ребята, ребята,
Таусинь!
Берите топоры!
Таусинь!
На что брать топоры?
Таусинь!
Рубите вы сосны!
Таусинь!
На что рубить сосны?
Таусинь!
Колите вы доски!
Таусинь!
На что колоть доски?
Таусинь!
Мостите вы мосты!
Таусинь!
На что мостить мосты?

---

* Лошадь.

Таусинь!
Кому по немъ ѣздить?
Таусинь!
Василію ѣздить;
Таусинь!
На чемъ ему ѣздить?
Таусинь!
На сивенькой свинкѣ;
Таусинь!
Чѣмъ ее погонять-то?
Таусинь!
Цуцкимъ поросенкомъ;
Таусинъ!
А чѣмъ ему взнуздать-то?
Таусинь!
Жирною кишкою,
Таусинь!

(Въ одинъ голосъ:)

Пышка лепешка
Въ печи сидѣла,
На насъ глядѣла,
Въ ротъ захотѣла.
Дайте намъ кишку съ локоть,
Чтобъ семерымъ не слопать;
Дайте намъ ломоть пирога,
Во всѣ коровіи роги.
Не дадите лепешки,
Закидаемъ всѣ окошки;
Не дадите пирога,
Закидаемъ ворота. *

Зап. В. А. Мясоѣдовой, Сар. Г. Серд. У., въ с. Пяшѣ.

---

* Поется мальчиками передъ каждымъ домомъ.

5.

У Иванова двора
Стоитъ горенка нова,
Баусимъ, баусимъ!
Вы этой вы горенки
Стоятъ двѣ скамеечки,
Баусимъ, баусимъ!
На этихъ скамеечкахъ
Сидятъ двѣ дѣвчоночки.
Баусимъ, баусимъ!
Онѣ косы плетутъ,
Приговариваютъ:
Баусимъ, баусимъ!
Ты рости, рости, коса,
До шелкова пояса,
Баусимъ, баусимъ!
До Нѣмецкаго чулка,
До чернаго башмака.
Баусимъ, баусимъ!
Кишки, желудки,
Въ печи сидятъ,
На насъ глядятъ.
Давайте пирога!
Кто не дастъ пирога,
Сведемъ корову за рога.

Зап. мною Ряз. Г. Данк. У., въ с. Муравьевнѣ.

---

* Въ другихъ:
Не дадите пирога
Мы корову за рога,
Авсень, Авсень!
Не дадите ножку—
Мы свинью объ сошку.

Зап. мною Тул. Г. Епиф. У.

II.

Подблюдныя.

Подъ Новый Годъ дѣвушки собираются вмѣстѣ и обыкновенно гадаютъ о своемъ суженомъ такъ: ставятъ на столъ чашку съ водою, и кладутъ въ нее кольца и серьги, потомъ накрываютъ скатертью. Всѣ садятся, не крестясь, за столъ, и женщины, которыя лучше знаютъ пѣсни, поютъ. Въ это время каждая старается вынуть свое кольцо подъ звуками того пѣсеннаго стиха, который ей особенно по сердцу.

1.

Я золото хороню, хороню! 2
Пріучистово серебро хороню! 2
Я по краснымъ по дѣвушкамъ,
По молодымъ молодушкамъ.
Гадай, гадай, дѣвица!
Отгадывай, красная!
Во чьи руки перстень,
Во чьи золоченый.
Ядеръ сударь гадайте,
Отъ батюшки идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ поплетаючи,
Златомъ перевиваючи.
Сыщите, найдите!
Пани моей матушки
Вы не скажите.
Пани моя матушка,
Ена ернива,
Чтобъ меня молоду не побила,

Да на игрища отпустила.
Вы, кумушки, гадайте,
Голубушки гадайте!
По три утра, по чатыре,
По три прута золотые,
Чатвертый замчужный.
Палъ, палъ перстень,
У калины, у малины,
У черную смородину.
Смородина не ягода,
Смердинъ * сынъ не баръ сынъ:
Енъ во шапочки хорошъ,
Во колпанчики пригожъ.

Зап. мною Пск. Г. Великол. У. въ с. Ѳедорцовѣ.

2.

И я золото хороню, 2
Чисто серебро хороню, 2
Я у батюшки въ терему,
Я у матушки въ высокомъ.
Палъ, палъ перстець
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину,
Очутился перстень
У дворянина у молодова, 2
На правой на ручкѣ, на мезинцѣ.
Ужь вы кумки, вы голубки,
Вы скажите, не утайте:
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,

---

* Пѣвица произносила собственно: «Смеринъ сынъ.»

По три прута золотые,
Четвертый жемчужный.
Гадай, гадай, дѣвица!
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиная крылица?—
Я бы рада гадала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ прививаючи,
Златомъ приплетаючи.
Ищи золото со свѣчами:
Золото пропало,
И порохомъ запало.

Сообщ. Граф. В. Д. Толстая, Ряз. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ.

3.

Исусъ Христосъ,
У воротъ стоитъ,
Онъ съ хлѣбомъ, съ солью,
Со скатертью,
Съ скотинкою,
Съ животинкою.
Слава Дѣвы!
Кому вынется,
Тому и сбудется,
Не минуется. Слава!

4.

Зерно, зерно Бурмиское!
Нѣтъ на тебѣ, зерно, погибели.
Кому вынется, и т. д.

5.

Маленькій точокъ,
Большой ворошокъ.
Кому вынется, и т. д.

6.

Разсыплю я монисто по закрому,
Съ кѣмъ монисто собирать будетъ?
Собирать монисто съ милымъ дружкомъ.
Кому вынется, и т. д.

7.

Расколю колоду
Дубовую.
Кому вынется, и т. д.

8.

Заинка, повиляинка!
Ты виляй, виляй,
Не отвиляешься:
Вилялъ, вилялъ,
Въ тенета попалъ.
Кому вынется и т. д.

9.

Рылась курочка на заваленкѣ,
Вырыла курочка золотъ перстень,
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися.
Кому вынется, и т. д.

10.

Мышь пищитъ,
Коровать тащитъ;
Еще попищу,
Еще потащу.
Слава Дѣвы!
Кому вынется, и т. д.

11.

Курочка ряба
Изъ подъ порога навозъ гребла,
Вырыла золотъ перстень.
Кому вынется, и т. д.

12.

На печи звѣзда
Высоко взошла.
Кому вынется, и т. д.

13.

Сидитъ воробей
На Пилѣ городѣ,
Глядитъ воробей
На чужую сторону.
Кому вынется, и т. д.

14.

За дежей сижу,
Пятерней вожу,
Ай, Дѣва!
Ай, Слава!
Кому вынется и т., д.

15.

Еще посижу,
Еще повожу,
Ай, Дѣва!
Ай, Слава!
Кому вынется, и т. д.

16.

Ужь вы, саночки мои,
Самокаточки,
Ай, Дѣва!
Ай, Слава!
Кому вынется, и т. д.

7.

Я за закромъ мету,
Ай, Дѣва! и т. д.

18.

Еще посижу,
Еще помету,
Ай, Дѣва! и т. д.

Всѣ 16 зап. мною Тул. Г. Епиф. У. въ с. Ѳедосовкѣ.

19.

Растворю квашонушку
На донушко,
Поставлю квашонку
На столбушкѣ,
И моя квашонка,
Полнымъ полна.
Ладу! Ладу!
И съ краями ровна.
Кому вынется, и т. д.

20.

Бѣгала мышка по закромцамъ,
И сбирала мышка по зернышку.
Кому вынется, и т. д.

21.

Сидѣлъ пѣтухъ на повѣти,
И кричалъ онъ кукареку!
Кому вынется, и т. д

22.

Катилось колечко
По бархату,
Прикатилось
По янхонту.
Кому вынется, и т. д.

23.

Бѣле клубокъ,
Красе клубокъ,
Трястить нитки
И стрястить поясокъ.
Кому вынется, и т. д.

24.

Валялась шубенка
По подлавочью.
Кому вынется, и т. д.

Всѣ 6 зап. мною въ Москвѣ отъ крестьянки Смол. Г. Дух. У.

25.

Катилось, валилось,
Одонье ржи,
Погодя маленько
Скирдъ овса.
Кому мы спѣли,
Тому добро;
Кому вынется,
Скоро сбудется,
Не минуется!

26.

За дежей сижу,
Пятерней вожу,
Еще посижу,
Еще повожу.

Кому вынется,
Скоро сбудется,
инуется.

27.

Курочка ряба
Навозъ гребла,
Выгребла колечко серебреное.
Кому вынется, и т. д.

28.

За корытомъ сижу,
Корысти себѣ жду.
Еще посижу,
Еще подожду.
Кому вынется, и т. д.

29.

За рѣкой мужики живутъ богатые,
Гребутъ жемчугъ лопатами.
Кому вынется, и т. д.

30.

Ѣдутъ Бояре изъ города,
Торчатъ ноги изъ гроба.
Кому вынется, и т. д.

31.

Сидѣла ворона на столбикѣ,
Очутилась ворона середь избы.
Кому вынется, и т. д.

Зап. мною Ряз. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ.

III.

Святочныя игрища.

1.

Какъ и нонче у насъ святые вечера пришли,
Святые вечера, святыя игрища,
Всѣ мои подружки, всѣ на игрища ушли,
Всѣ на игрища ушли, по дворамъ нарядныя ходятъ,
А красная дѣвица дома замѣшкалась,
Дома замѣшкалась, работой занялась. *

Зап. мною Ряз. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ.

2.

Охъ, хо, хо!
Я по келійку хожу,
Черничку бужу:
Черничка, встань!
Молодая, встань! —
Не могу я встать,
Головы поднять.
Ужь и встати было,
Поплясати было,
Для милыхъ гостей,
Поломать костей:
Ты, святой отецъ, Игуменъ,
Постриги меня, пожалуй!
Охъ, хо, хо! и т. д.
Растриги меня, пожалуй!
Мой батюшка растригся,
Такъ и мнѣ захотѣлось.

---

* Дальше пѣвица не могла вспомнить.

Сообщ. Граф. В. Д. Толстая Р. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ.

Примѣчаніе. Эта пѣсня играется такъ: избирается изъ среды играющихъ одна личность въ Игумены, ей даютъ въ руки жгутъ, и каждая изъ играющихъ подходитъ къ ней по одиночкѣ, и когда хоръ поетъ: «Ты, святой отецъ, Игуменъ! Постриги меня, пожалуй!» онъ наклоняется къ нему и даетъ легкій ударъ жгутомъ по спинѣ; этотъ отходитъ прочь, его мѣсто заступаетъ другой, и такъ каждый, по очереди, пока перейдутъ мимо него всѣ; Потомъ всѣ, схватясь руками, начинаютъ пѣть: «Охъ хо хо!» Остановившись вдругъ среди пѣнія, начинаютъ спрашивать: «Пріѣхалъ ли Игуменъ? Тотъ отвѣчаетъ: «Еще далеко.» Тогда опять продолжаютъ круговую пѣсню и, кончивши, снова спрашиваютъ: «Далеко ли Игуменъ?» Онъ скажетъ: «Близко;» и это вновь повторяется, пока скажетъ: «Пріѣхалъ.» Тогда подходятъ къ нему каждый поочередно, какъ и прежде, наклоняясь передъ нимъ, а хоръ поетъ: «Растриги меня, пожа луста. Мой батюшка растригся, такъ и мнѣ захотѣлось,» тотъ ему даетъ сильный ударъ жгутомъ и игра кончается.

3.

Ужь вы, кумушки мои, голубки!
Вы которому святителю молилися,
Вы которому чудотворцу обѣщалися?
Что у васъ-то мужья молодые,
У меня ли у младеньки старичище,
Не пущаетъ старичище на игрище:
Я уходомъ отъ старова уходила,
Подъ полою цвѣтно платье унесла,
У сосѣда подъ навѣсомъ одѣвалась,
Я бѣлымъ-то снѣжкомъ умывалась,
Я кисейнымъ рукавомъ утиралась,
Я не долго и не мало проходила,
Со вечерней зари до бѣла дня.
Я не знаю, какъ старому подъявиться:
Ужь я утушкою прилетала,
А касаточкою подъявилась;
Ужь я стукъ-то, стуки! за колечко

Ужь я брякъ-то, бряки у калитки,
Какъ за то ли золотое, за витое;
Какъ не лютые медвѣди заревѣли,
Не борзыя ли собаки завизжали;
Заревѣлъ-то мой старый старичище,
Солѣзаетъ старичище со печищи,
Онъ снимаетъ съ черна крюка плетище,
Онъ и бьетъ ли, не бьетъ, полегоньку,
Что на каждое мѣсто по десятку.
Какъ и тутъ я старому возмолила:
Ты прости, сударь, меня, я не буду;
Какъ другой-то разъ уйду, я не приду.

4.

Мимо нашего села,
Мимо свекрова двора,
Что ни въ гуселькн играютъ,
Ни въ свирѣль говорятъ,
Говорятъ, мои подруженьки,
На игрища пошли,
А меня младу, младешеньку,
Свекоръ не пускаетъ.
Какъ заставилъ свекоръ батюшка,
Гумно грести,
Какъ гумно грести,
Все метлой мести:
Ужь я въ сердце-то войду,
Разсердитоваюсь;
Ужь гумно-то истопчу,
Я метлу-то изломлю,
А сама млада, младешенька,
На игрища пойду.

Мимо нашего села,
Мимо свекрина двора,
Что ни въ гуселькн играютъ,

Ни въ свирѣль говорятъ,
Говорятъ, мои подруженьки,
На игрища пошли,
А меня младу, младешеньку,
Свекровь не пускаетъ.
Какъ заставила свекровь матушка,
Красна дотыкать:
Ужь я въ сердце-то взойду,
Разсердитоваюсь,
Я красна-то изорву,
Я челнокъ-то залукну,
А сама млада, младешенька,
Во игрища пойду.

Обѣ зап. В. М. Кузьминою, Симб. Г. Буин. У. въ с. Серезневѣ.

5.

Какъ во старова мужа молодая жена,
Вотъ на емъ, хо, хо!
Вотъ на емъ, охти мнѣ!
Ена часто неможетъ, все повохивать:
Такъ вохъ, таки вохъ! да головушка болитъ,
Такъ вохъ, таки вохъ! ретиво сердце щемитъ!
Вотъ на емъ, хо, хо,
Вотъ на емъ, охти мнѣ!
Охъ ты мужъ, муженекъ, молодой разумокъ!
Ты поѣзжай, мужъ, въ городъ, ты купи жаны лынька,
Ты купи жаны лынька, ты купи животка!
Вотъ на емъ, хо, хо!
Вотъ на емъ, охти мнѣ!
Присадился мой лынекъ, присадился животокъ,
Ко сырой землѣ, ко желтымъ пескамъ,
Потихошечку, помалешечку, *

---

* При этѣхъ словахъ одна изъ играющихъ потихоньку садится на полъ впереди всѣхъ, и при пѣніи послѣдующихъ стиховъ становится на

Вотъ на емъ хо хо!
Вотъ на емъ охти мнѣ!
Какъ присѣлъ же мой лынекъ, какъ присѣлъ же животокъ,
Лынекъ ножку протянулъ, онъ другую протянулъ,
Лынекъ ручушкой махнулъ, онъ другою махнулъ,
Лынекъ бровку теребилъ, онъ другую теребилъ,
Лынекъ ручкой скоблилъ, онъ другою скоблилъ,
Подымался мой лынекъ, подымался животокъ,
Отъ сырой землѣ, отъ желтыхъ пескахъ;
Полетѣлъ же мой лынекъ, полетѣлъ же животокъ,
У сырые боры, у желтые пески.
Вотъ на емъ, хо, хо!
Вотъ на емъ, охти мнѣ!

Зап. мною Псковск. Губ. Великол. У. въ с. Ѳедорцовѣ.

6.

Играющіе раздѣляются на два разряда, изъ которыхъ одинъ изображаетъ собою представителей деревни, т. е., деревенскихъ жителей, а другой представителей Боярскаго сословія, и становятся другъ противъ друга. Во время пѣнія перваго стиха выступаетъ, двигаясь, подъ медленный тактъ, впередъ парень (Бояринъ) во главѣ Боярскаго ряда. При пѣніи втораго стиха выступаетъ такимъ же порядкомъ деревенскій рядъ, потомъ опять Боярскій, и т. д., и это чередованіе продолжается до конца пѣсни, т. е., до тѣхъ поръ, пока Бояринъ не выберетъ облюбованной имъ невѣсты.

Деревня. Да пусти въ карагодъ!
Ай да ли года! *
Бояринъ. Да за чѣмъ въ карагодъ?
Деревня. Дѣвить любовать.

колѣна и исполняетъ все въ нихъ сказанное: то протягиваетъ одну ногу, то другую, махнетъ одной рукой, махнетъ и другой, и т. д.

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Бояринъ. Покажи женишка!
Деревня. Вотъ мнѣ женишокъ!
Бояринъ. Покажи шапку!
Деревня. Вотъ мнѣ шапка!
Бояринъ. Покажи мнѣ кафтанъ!
Деревня. Вотъ мнѣ кафтанъ!
Бояринъ. Покажи мнѣ кушачекъ!
Деревня. Вотъ мнѣ кушачекъ!
Бояринъ. Кая тебѣ невѣста люба?
Деревня. Вотъ мнѣ эта люба!

7.

Сиди, сиди, ящеръ,
Ладу, Ладу!
Въ орѣховомъ кустѣ,
Ладу, Ладу!
Въ бѣлой капустѣ.
Ладу, Ладу!
Въ бѣлой капустѣ,
Чего досидѣти?
Ладу, Ладу!
Выбирай, ящеръ, панью,
Ладу, Ладу!
Кая тебѣ люба,
Ладу, Ладу!
Кая у фересцахъ,
Ладу, Ладу!
Кая у сапожкахъ.
Ладу, Ладу!
Мнѣ Машинька люба,
Ладу, Ладу!
Ена по совѣту,
Ладу, Ладу!
Ена по привѣту.
Ладу, Ладу!

8.

Составляется кругъ. Одинъ изъ играющихъ выступаетъ впередъ и ходитъ по кругу. Хоръ поетъ:

Ходилъ Борисъ, гулялъ Борисъ *
Енъ по карагоду, енъ по дѣвичью,
Енъ по дѣвичью, енъ по молодичью;
Искалъ Борисъ ласковую тещу,
Привѣтливой невѣсты.
Вотъ моя теща, вотъ моя невѣста!

(Указывая на избранную дѣвушку:)

Поѣзжай, Борисъ, на рыночикъ,

(При этомъ парень выходитъ за кругъ).

Ты купи жены подарочикъ,
Что подарочикъ, на шею жемчужку.
Принимай, жена, не гнѣвайся!
Молодая, не сердися на меня!
Поѣзжай, Борисъ, на рыночикъ,
Ты купи жены подарочикъ,
Что подарочикъ, ременну плеть!

(Входя опять въ кругъ, предлагаетъ избранницѣ своей:)

Принимай, жена, не гнѣвайся!
Молодая, не сердися на меня! **

---

* Вар. Ходилъ баринъ, гулялъ баринъ.

** При послѣднихъ словахъ онъ бросаетъ на полъ плеть, а она тотчасъ ее поднимаетъ, за тѣмъ оба схватятся за руки и цѣлуются.

9.

(Царевна въ кругу, а Царевичь за кругомъ:)

Кругъ города ходитъ
Царевъ сынъ, Королевъ,
Невѣстъ выбираетъ,
Царевъ сынъ, Королевъ.
Что за городомъ Царевичъ,
Что во городѣ Царевна
Золотымъ перстнемъ сіяла,
Все Царевича прельщала,
Золотымъ ключомъ бряцала.
Разрубай, Царевичь, вороты,
Что воротички пошире,
Что еще того пониже!
Войди, Царевичъ, во городъ,
Подойди, Царевичъ, поближе,
Что еще того поближе!
Поклонись, Царевичъ, пониже,
Что еще того пониже!
Поцѣлуй ее послаще,
Что еще ль того послаще!
Ты возьми ее за ручку,
Поведи ее за городъ!
Выбирай себѣ другую,
Что изъ тысячи любую!

(Ср. въ отд. хороводн. игров. № 73 и 149).

Всѣ 4 зап. мною Пск. Г. Великол. У., въ с. Ѳедорцовѣ.

IV.

Пѣсни волочебниковъ. *

1.

Стояло древо тонко, высоко,
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ! **
Тонко, высоко, листомъ широко,
На томъ древѣ сидѣлъ орелъ,
Сизой орелъ, сизы перья.
А гдѣ же взялся препышный стрѣлецъ,
Препышный стрѣлецъ, Михаилушка,
И хочетъ онъ да й лань убити.
Не бей меня, Михаилушка,
А я жь тебѣ понадоблюся,
Принадоблюся, пригожуся:
Поѣдешь, братъ, жениться,
Не будетъ тебѣ ни переѣзду, ни переходу,
А я жь тебе возьму подъ право крыло,
Суженую я возьму подъ лѣвое,
Хартовъ твоихъ всѣхъ пересвищу.

---

* Т. е., ходящихъ изъ деревни въ деревню крестьянъ пѣсенниковъ поздравляющихъ хозяевъ съ праздникомъ Святаго Христова Воскресенія.

** Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

2.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ ХОЗЯИНУ.

Стояла рыня тонка, высока,
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ! *
Тонка, высока, широмъ широка,
У той рыни два столика,
Два столика дубовые,
Дубовые, тесовые;
На тыхъ столикахъ
Все скатерти,
Все скатерти, все бранныя,
Все бранныя, нашиванныя;
На тыхъ столахъ
Все святки, все празднички:
Первое Свято—Великъ Христовъ день,
Великъ Христовъ день съ краснымъ яичкомъ;
Другое Свято—Юрій-Егорій,
Во чистомъ полѣ стадокъ спасаетъ,
Стадокъ спасаетъ, домой гоняетъ;
Третье свято—Святой Микола,
Святой Микола около двора,
Около двора кануни вариць,
Кануни вариць, коники гладзиць;
Четвертое Свято—Свято Вознесенье,
Свято Вознесенье съ синимъ цвѣтомъ;
Пятое Свято—Святый Пяцеръ, **
Святый Пяцеръ съ бѣлымъ сыромъ;
Шестое Свято—Илья Пророкъ,
Илья Пророкъ по межамъ ходзиць,
По межамъ ходзиць, рожь зажинаиць,
Рожь зажинаиць, ярь наливаиць.

---

* Повторяется послѣ каждаго стиха

** Петръ.

Ясенъ, красенъ макъ въ огородѣ,
Ясньй, краснѣй на полѣ снопы,
Все аржаные, все яровые.
Широкъ, высокъ, на небѣ мѣсяцъ,
Шире и выше на полѣ копы,
Все аржаныя, все яровыя.
Часты и густы на небѣ звѣзды,
Чащѣй, гущѣй на полѣ бабки,
Все Ивана, все Михеича.
За этимъ же хозяинушка,
Живи здорово, живи богато!
Дай тебѣ Богъ сколько въ полѣ дубковъ,
Столько тебѣ сынковъ,
Сколько въ полѣ ялушекъ,
Столько тебѣ дочушекъ.
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ!

3

ПОЗДРАВЛЕНІЕ ХОЗЯИНА ДОМА.

Не гуси летять, не лебеди,
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ. *
Идуть, бредуть, волочебнички,
Волочебнички, полуночнички,
Челомъ здоровъ, хозяинушка!
Чи спишь, ляжишь, аль спочиваешь?
Коли жь ты спишь, такъ Богъ съ тобой!
Коли жь не спишь, говори ты съ намъ!
Не хошь говорить, ходзи ты съ намъ!
Ходзи ты съ намъ, съ волочебничкамъ,
Съ волочебничкамъ, съ полуночничкамъ,
По темной ночи грязи толочи,
Собакъ дразнить, людзей смѣшить!

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Не хошь ходзить, дари жь ты насъ:
Наши подарки малы, велики,
Малы, велики, въ двери не лѣзуть,
Въ двери не лѣзуть, въ окны какшіють:
Починальничку сорокъ яичекъ,
Сорокъ яичекъ, золотой червонъ,
Золотой червонъ, кварту горѣлки,
Кварту горѣлки, сыръ на тарелки;
Помощничкамъ хоть по десятку,
Хоть по десятку, хоть полъ золотаго,
Кварту горѣлки, сыръ на тарелки;
Миханошу пирогъ съ ношу,
Дударини хоть солонины:
Дуду помазать, струны погладзить,
Чтобы играла, не залегала.
За этимъ же, хозяинушка,
Живи здорово, живи богато!
Дай тебѣ, Боже, пиво варить,
Пиво варить, сыновъ женить,
Горѣлку гнать, дочекъ отдавать!
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ!

4.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ ДѢВУШКѢ.

Ой рано, рано, солнце играло,
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ! *
Ой раньше того пава летала,
Пава летала, перья роняла,
Красная дѣвка тамо гуляла,
Красная дѣвушка, Прасковьюшка,
Тамо гуляла, перья сбирала,
Перья сбирала, въ рукавокъ брала,

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Съ рукавовъ брала, вѣнокъ вила;
А и гдѣ узялись буйны вѣтры,
Буйны вѣтры, добры дожди,
Сохватили да й златъ вѣнокъ,
Да й златъ вѣнокъ, золотыя перья,
Понесли на сине море, на лукоморье.
Пошла Прасковьюшка
Заплакавши, зарыдавши;
На сустрѣчу три рыболова,
Три рыболова, три холостые:
Чего, дѣвка, слезно плачешь,
Слезно плачешь, слезно рыдаешь?—
Какъ же мнѣ не плакати, не рыдати?
Ой рано, рано, солнце играло,
Ой раньше того пава летала, и т. д. *
Три рыболова, три молодые,
Закинули сѣточку,
Да й сѣточку шелковую;
Они поймали да й златъ вѣнокъ,
Да й златъ вѣнокъ, золотое перья.
Пошла дѣвка домой заплакавши,
Заплакавши, зарыдавши.
Чего, дѣвка, слезно плачешь,
Слезно плачешь, слезно рыдаешь?
Какъ же мнѣ не плакати, не рыдати?
Ой рано, рано, солнце играло,
Ой раньше того пава летала и т. д. **
Иди ты, батька, вѣнокъ принеси!
Пошелъ батька, коня повелъ:
Подайте, дайте, мой вѣнокъ,

---

* Дѣвушка разсказываетъ, что съ нею случилось, до стиха: «Понесли на сине море, на лукоморье.»

** Дѣвушка разсказываетъ родителямъ все, что съ нею случилось, какъ рыбаки молодцы закинули шелковую сѣточку и поймали ея вѣнокъ да не отдали ей, до стиха: «Да й златъ вѣнокъ золотое перья.»

Не мой вѣнокъ, дочки моей! —
Коня не беремъ, вѣнка не даемъ!
Иди, матушка, вѣнокъ принеси!
Матушка пошла, платокъ понесла:
Подайте, дайте, мой вѣнокъ,
Не мой вѣнокъ, дочки моей! —
Платка не беремъ, вѣнка не даемъ!
Иди, братецъ, вѣнокъ принеси!
Братецъ пошелъ, корову повелъ.
Подайте, дайте, мой вѣнокъ,
Не мой вѣнокъ, сестры моей! —
Корову не беремъ, вѣнка не даемъ!
Пошла дѣвка заплакавши,
Заплакавши, зарыдавши:
Три рыболова, три молодые,
Три молодые, три холостые!
Подайте, дайте, мой вѣнокъ,
Золотъ вѣнокъ, золотое перья:
Одному дамъ перчаточки,
Другому дамъ шелковой платокъ,
Третьему дамъ золото кольцо;
Что дамъ перчаточки,
То братецъ мнѣ;
Что дамъ шелковой платокъ,
То сосѣдъ мнѣ;
Что дамъ золото кольцо,
То миленькій мнѣ!

Всѣ 4 зап. Иск. Г. Тор. У. К. Ф. Тышецкой. Сообщ. М. И. Семевскій.

Этѣ пѣсни поются преимущественно въ деревняхъ Торопецкаго Уѣзда, пограничныхъ съ Велижскимъ Уѣздомъ.

V.

Весеннія.

Когда, весною, въ первый разъ услышатъ кукушку, дѣвушки украшаютъ цвѣтами и лентами ивовую вѣтку и идутъ съ пѣснями въ лѣсъ, гдѣ онѣ водятъ хороводъ и крестятъ кукушку: крестятъ онѣ и пѣснями, и скаканіемъ или пляскою, и всѣ дѣвушки, которыя дружны и хотятъ покумиться, цѣлуются во время хоровода.

Когда выходятъ изъ деревни, поютъ:

1.

Кукушка ряба,
Кому ты кума?—
Я, кумушки, голубушки,
Богородицѣ кричу.

2.

Въ лѣсу поютъ:

Кабы знала я да вѣдала,
Молоденька чаяла,
Свою горьку долю,
Несчастье замужество,
Замужъ не ходила бы,
Доли не теряла бы:
Пустила бъ я долю
По чистому полю,
Пустила бъ красоту
По цвѣтамъ лазоревымъ,
Отдала бъ я черны брови
Ясному соколу.
Красуйся, красота,
По цвѣтамъ лазоревымъ!
Гуляй, гуляй, воля,

По чистому полю!
Бѣлѣйся, бѣлета,
На бѣлой березѣ!
Чернѣйтеся, очи,
У чернаго ворона!

Зап. Ю. Ѳ. Ауербахъ. Орл. Г. Дмитр. У. въ с. Глодневѣ.

VI.

Семицкія.

1.

Калинушка, малинушка, лазоревый цвѣтъ!
Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьетъ;
Онъ пить не пьетъ, голубчикъ мой,
За мной младой шлетъ,
Ужь я млада, младешенька, замѣшкалася,
За утками, за гусями, за лебедями,
За мелкою, за пташечкой, за журинькою,
Какъ зорюшка вечерняя по бережку шла,
Шелковую листъ-травушку защипывала,
Холодною водицей захлебывала.
Тутъ за рѣчкой за быстрой четыре двора,
Въ этѣхъ во дворикахъ четыре кумы.

2.

Калинушка съ малинушкой разолевый цвѣтъ! 2
Смиренная бесѣдушка, гдѣ милова нѣтъ, 2
Веселая кампанія, гдѣ миленькій пьетъ, 2
Онъ пить не пьетъ, голубчикъ мой, 2
За мной молодою онъ шлетъ, 2
А я млада, младешенька, замѣшкалася, 2
За утками, за гусями, за лебедями, 2
За вольною за пташечкой, за журушкой, 2

Какъ журушка вдоль берега похаживаетъ, 2
Шелковую во полѣ травушку пощипываетъ, 2
Холодною водицею прихлебываетъ, 2
За рѣченьку за быструю посматриваетъ; 2
Какъ за рѣчерькой за быстрою слободка стоитъ, 2
Не маленькая слободушка, четыре двора, 2
Въ томъ ли во четвертомъ дворикѣ четыре кумы: 2
Вы, кумушки голубушки, подружки мои! 2
Кумитеся, любитеся, любите и меня! 3
Вы пойдете въ зеленъ садъ гулять, возьмите и меня! 2
Вы будете цвѣточки рвать, сорвите и мнѣ! 2
Вы станете вѣнки вить, сплетите и мнѣ! 2
Вы будете на воду бросать, бросьте вы и мой! 2
Какъ и всѣ вѣнки по воды поплыли, а мой потонулъ, 2
Какъ и всѣ дружки домой пришли, а маво дружка нѣтъ! 2

Зап. Вл. Тюкинъ, Твер. Г. Осташ. У. въ сельцѣ Ѳедорова двора.

3.

Торна бойка дороженька, гдѣ миленькій шелъ,
Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьетъ;
Онъ пить не пьетъ, за мной младой шлетъ,
А я млада, младешенька, замѣшкалася,
За утками, за гусями, за лебедями,
За вольною за пташечкой за журушкой.
Какъ журушка вдоль берега похаживаетъ,
Ковыль, травку шелковую, защипываетъ,
Холодною водицею захлебываетъ.
За рѣкою за быстрою четыре двора,
Во этихъ во дворикахъ четыре кумы:
Вы кумушки голубушки, подружки мои,
Вы пойдете въ зеленъ садъ, возьмите меня!
Вы станете вѣнки вить, свейте и мнѣ!
Вы пойдете на Дунай рѣку вѣнки бросать, бросьте и мой!
Какъ всѣ вѣнки посверхъ воды, а мой потонулъ,
Какъ всѣ мужья изъ Москвы пришли, а мой не бывалъ.

Зап. мною Тул. Г. Епиф. У.

64

4.

Что сильна, сильна пчела
По полету летала,
Ай, Лели, Лели!
По полету летала,
Разные цвѣты рвала,
Мнѣ младой вѣнокъ плела,
Ай Лели, Лели!
Мнѣ младой вѣнокъ плела,
На мою головушку,
На мою на буйную,
Ай Лели, Лели!
На мою на буйную.

Зап. мною Тул. Г. и У. въ с. Лотовиновѣ.

5.

Во лѣсу ли, во лѣсочку,
На желтинькомъ на песочку,
На мягкой травы, 2
Тамъ и дѣвушки гуляли,
Съ лужка цвѣточки 2 собирали,
Вѣночки плели 2
На вѣнкахъ онѣ гадали,
Вѣнки въ рѣку 2 побрасали:
Чей вѣнокъ всплыветъ,
Про ту милый вспомянетъ.
Мой вѣнокъ въ волнахъ всплываетъ,
Знать мнѣ варваръ клятву измѣняетъ,
Знать онъ позабылъ,
Знать онъ разлюбилъ.
Одна дѣвушка вскричала,
Во слезахъ она сказала:
А мой потонулъ! 2
Къ ней подруженьки сбирались,

Утѣшать ее старались: 2
Полно, глупая, тужить,
Можно лучшаго нажить,
Можно разлюбить, 2
Можно позабыть.—
Я не слушаюся васъ,
Полюбила дружка разъ,
Буду до смерти любить. 2

Зап. Гр. А. А. Татищевой Моск. Г. Серп. У. въ с. Бѣгичевѣ.

VII.

Жнивныя.

1.

На ленъ роса пала, 2
На ленъ студеная,
Ранымъ рано! *
Кому роса теплая,
А мнѣ холодненькая.
На чужой сторонкѣ,
Во чужово батьки, 2
Поздно спать ложатся,
Рано побужаютъ,
Рано побужаютъ,
Къ дѣлу принужаютъ, 2
Ко тяжкой работѣ 2
Ко бѣлому каманю, 2
Ко сырой пшеницы, 2
Къ болотной водицы. 2

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія.

2.

Жали мы, жали,
Жали, пожинали,
Жнеи молодыя,
Серпы золотые.
Два поля пожали,
Третье распахали, 2
Жнеи молодыя,
Серпы золотые.
Нива долговая, 2
Постать широкая,
По мѣсицу жали, *
Серпы поломали,
Въ краю не бывали, 2
Людей не видали.

3.

По зарѣ, матушка,
По зарѣ, матушка,
Сиза птица поеть,
А меня молодешеньку,
Да и мысли беруть:
За старова, матушка,
Да замужъ дають;
Охъ замужъ дають!
А у меня молодешеньки,
Да старый мужъ старешенекъ,
Со вечера, матушка,
Поздно спать ложиться,
Ко бѣлу свѣту, матушка,
Енъ рано побужаить,
И никогда мнѣ, молодешеньки,
Просвѣту нѣтути.

---

* По мѣсицу, т. е., до восхода солнца.

4.

Я дорогою шла, я широкою,
Я пущу голосокъ черезъ темный лѣсъ,
Не заслышалъ бы мой лютый свекоръ,
Не сказалъ бы енъ мому мужу,
Мому мужу, своему сыну.
Какъ и мой мужъ горькій пьяница:
Енъ вина, пива не поетъ, *
Всегда пьянъ живетъ.
Енъ и боетъ ** жену понапрасницу,
По чужимъ рѣчомъ, по моимъ плечомъ:
Не ходи, жена, ты на вулицу,
Не играй, жена, со ребятами,
Со ребятами неженатыми!

5.

Надъ рѣкою, надъ рѣкою,
Груша зеленая стояла, 2
Буйная шумѣла,
Сучикомъ махала, } 2
Листикомъ трепала; }
Какъ подъ той ли подъ грушей,
Да кровать тесовая,
На той на кровати,
Да перина пуховая,
На той на перинѣ
Одѣяло теплое,
Лежить мой милый дружочикъ,
Енъ лежить со мною,
Съ красной дѣвушкою.

Всѣ 5 зап. мною Пск. Г. Великолуц. У. въ с. Ѳедорцовѣ.

---

* Не пьетъ.

** Бьетъ.

VIII.

Толочныя. *

1.

Дуброва моя, дубровушка,
Дуброва моя зеленая!
По тебѣ, моя дубровушка,
Дробныя пташки разлетались.
Одна пташка оставалася,
Горемышная кукушечка,
Куковала кукушечка день до вечера,
А со вечера до полуночи:
Кабы знала я млада, вѣдала,
Про свое про горе про великое,
Про замужьице несчастливое,
Я бъ сидѣла вѣкъ во дѣвушкахъ,
Я бъ чесала буйну голову,
Я бъ плела свою русу косу,
Я бъ, плетучи, приговаривала:
Не доставайся, моя руса коса,
Что ни Князю, ни Боярину,
Ни мому мужу Татарину!

---

* Т. е., тѣ, которыя поются во время толоки; толокою же называются всѣ работы по накладкѣ, свозкѣ и разметкѣ въ полѣ, или огородѣ, навоза, по чему онѣ иногда и называются навозными толоками. Онѣ совершаются, по приглашенію хозяина, сообща нѣсколькими дворами, или даже цѣлыми деревнями. Награда за трудъ — приличное количество водки. Такія общественныя работы во внутреннихъ и Приволжскихъ Губерніяхъ извѣстны подъ названіемъ «Помочь.»

2.

Черезъ Дона досочка тонка, гибка, лежала,
Что нихто по ёй не ходить,
Только я млада съ горы шла,
Я со миленькимъ дружочкомъ,
А я милому говорила:
Ты, мой миленькій дружочикъ,
Ты не бей жану безъ вины,
Ты бей жану за вину,
За великую за бѣду:
Мой батюшка далече,
Моя матушка дальше того,
Голосочка маво не слышить,
Горючихъ моихъ слезъ не видить.

3.

На той горы на крутой,
Стоить церква безъ верха,
Что безъ золотова безъ креста,
Безъ Священника, безъ Попа:
Во той церкви соловей,
Соловей поеть пѣсенки:
Горбуновщины дѣвушки, *
Девять дѣвокъ брюхатыхъ,
А десятая родила,
Во сыромъ бору хоронила,
Что подъ бѣлою березой,
Да подъ горькою осиной.

На той горы на крутой,
Стоить церква съ верхомъ,
Со золотымъ со крестомъ,

---

* Сосѣднихъ деревень помѣщика Горбунова.

Со Священникомъ, со Попомъ;
Во той церкви соловей,
Громко пѣсенки поеть;
А сходить было мнѣ къ соловью,
Воспросить было мнѣ соловья:
У Семевскова дѣвушки,
Девять дѣвокъ шелкомъ шьють,
А десятая золотомъ.

4.

На той горы на крутой, 2
Молодецъ зелье копаить, 2
Енъ самъ его не знаить, 2
Енъ у батюшки пытаить: 2
Государь, родной батюшка!
Вотъ и што это за зелье? —
Ой, дитё ль мое, дитятко,
Ето зелье—козелье,
Да й дѣвичья красота,
Молодецкая сухота.

Всѣ 4 зап. мною Пск. Г. Великолуц. У. въ с. Ѳедорцовѣ.

IX.

Когда рубять капусту.

1.

Я колышки тешу,
Я огородъ горожу,
Я капусту сажу,
Я сажу капусту,
Сажу бѣлинькую,

Развеселинькую:
Ты родись, моя капуста,
И бѣла, и вила,
И со тыномъ ровна!
Ахъ ребята, вы ребята,
Удалые молодцы!
Кому надобно капусту,
Приходи ко мнѣ торговать,
А я буду продавать!
Гдѣ ни взялся паренекъ,
Зашелъ къ дѣвкѣ въ огородъ,
Онъ капусту не торгуетъ,
Самъ на дѣвушку смотритъ,
Онъ на дѣвушку глядитъ,
Вѣрно хочетъ полюбить,
За себя ее становить;
Кабы волюшка была,
Ночевать дружка взяла;
Черезъ волюшку ступлю,
Ночевать дружка возьму;
Мы спали, ночевали,
Вдругъ проснулися — заря,
Пора милому со двора.
Какъ на улицѣ бѣлый снѣгъ,
Погляжу милому въ слѣдъ,
Куда миленькій пошелъ,
Куда скоро побѣжалъ,
Вдоль улицы столбовой,
Ко Дуняшѣ вдовиной;
Какъ Дуняша вдовина.
Чѣмъ же лучше она меня? —
Она умильнѣй глядитъ,
Поучливѣй говоритъ.

Зап. мною Тул. Г. и У. въ с. Лотошиновѣ, отъ дворовой женщины.

X

Масляничныя.

1.

ВО ВРЕМЯ КАТАНЬЯ.

За рѣкою, матушка,
Гусельки гудятъ,
За быстрою, сударыня,
Звончатые;
Пусти меня, матушка,
Гуслей послушать!—
Пустить тебя, дитятко,
Вѣкъ не видать!—
Приду, приду, матушка,
На Великъ День,
Съ красненькимъ, матушка,
Со яичкомъ,
Съ молоденькимъ со зятечкомъ.—
Милое дитятко!
Мнѣ тебя далече ждать!—
А ты меня, матушка,
Кличь закликай!—
Дитя мое милое!
Голосу нѣтъ.—
А ты, моя матушка,
Близко подойди!—
Дитя мое милое,
Ножки не идутъ.—
А ты, моя матушка,
П сьмо напиши!—
Дитя мое милое!
Писаря нѣтъ

Зап. Ю. Ѳ. Ауербахъ, Орл. Г. Дмитр. У. въ с. Гледневѣ.

2.

Мы масляницу сострѣчали, 2
Люли, люли, сострѣчали,
Гоголекъ, гоголечикъ!
На горушки не бывали, 2
Люли, люли не бывали,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Сыромъ гору набивали, 2
Люли, люли набивали,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Наши горушки катливы, 2
Люли, люли, катливы,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Наши дѣвушки игривы,
Люли, люли, игривы,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Молодушки веселыя. 2
Люли, люли, веселыя,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Стары бабушки воркотливы, 2
Люли, люли, воркотливы,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Ены на печки сидять, 2
Люли, люли, на печки сидять,
Гоголекъ, гоголечикъ!
На насъ воркотять, 2
Люли, люли, воркотять,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Вы, бабушки, не ворчите, 2
Люли, люли не ворчите,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Дайте масляницу намъ прогулять, 2
Люли, люли, прогулять,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Съ ребятами поиграть, 2
Люли, люли, поиграть,
Гоголекъ, гоголечикъ!

Съ ребятами со холостыми, 2
Люли, люли, со холостыми,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Со холостыми, не женатыми, 2
Люли, люли, не женатыми,
Гоголекъ, гоголечикъ!

3.

На горы Казаки,
Подъ горой мужики,
Гоголекъ, гоголечикъ! *
Все посвистывают,
Погаманивают,
Меня молоду
Подговаривают,
А у меня, молодой,
Свекоръ батюшка лихой:
Енъ на горушку
Меня не пущаить;
А я свекру угожу,
Три бѣды наряжу: 2
Подошлю воровъ,
Чтобъ покрали коровъ;
Подошлю людей,
Чтобъ покрали клѣтей;
Подошлю куманей, **
Чтобъ увели комоней.

---

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

** Кумовей.

4.

Горе мое гореванье, 2
Люли, люли, гореванье, *
Гоголекъ, гоголечикъ!
Тяжело мое уздыханье! 2
На чужой дальней на сторонкѣ, 2
У чужова у батьки, 2
У чужой у матки, 2
Протекала рѣка слезовая, 2
Вококо той рѣкѣ же лѣсочикъ, 2
Усе лѣсочикъ, усе рябина, 2
Усе пташки, усе кукушки: 2
Ены день и ночь усе кукують, 2
А меня молоду усе прослезують, 2
На чужой дальней на сторонкѣ! 2

5.

Съ горы на гору снѣги сыплють, 2
Люли, люли, снѣги сыплють,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Меня молоду домой кличуть: 2
Будь, невѣстка, домой, 2
Будь, лебедка, домой! 2
У насъ дома нездоровье: 2
Убился свекоръ съ палатей; 2
Кабы знала молода, 2
Подняла бы полатья, 2
Что повыше того, 2
Чтобъ убился свекоръ, 2
Да побольше того. 2

---

* Послѣ каждаго стиха повторяется: «Люли, люли,» съ прибавленіемъ послѣдняго слова стиха, и потомъ «Гоголекъ, гоголечикъ!» Тоже самое и въ слѣдующихъ пѣсняхъ.

6.

Наша масляница годовая, 2
Ена гостика дорогая, 2
Ена пѣшою къ намъ не ходить, 2
Все на комоняхъ разъѣзжаить, 2
Чтобы коники были вороные, 2
Чтобы слуги были молодые. 2

7.

На долинушки сыръ дубъ стоить,
На дубу сидить самъ сизой орелъ,
Во когтяхъ ень держить черна ворона,
Да черна ворона, да свово недруга;
Енъ пустилъ же руду по сыру дубу:
Ужь вы́ возвейтеся, вѣтры буйные,
Вы и выбивайте да сизова ворона,
Сизова ворона да свово недруга,
Свово недруга, да братца роднова!

Всѣ 6 зап. мною Пск. Г. Великол. У. въ с. Ѳедорцовѣ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ЧЕШСКАГО ВѢРОИСПОВѢДНАГО ДВИЖЕНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА КЛЕВАНОВА.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ЧЕШСКАГО ВѢРОИСПОВѢДНАГО ДВИЖЕНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА КЛЕВАНОВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еще до 1848 года выпала было очередь для Студентовъ Московскаго Университета по Историко-Филологическому Факультету писать сочиненіе на золотую медаль по преподававшемуся тогда мною предмету. Я задалъ разсмотрѣть дѣятельность извѣстнаго Славянскаго преобразователя, Гуса, непосредственно по имѣющимся источникамъ. Какъ источники, такъ, для соображеній при изслѣдованіи, и пособія, я доставилъ во всей полнотѣ желавшимъ заняться тѣмъ, очертивъ напередъ самый ходъ работъ и т. п. Черезъ годъ съ небольшимъ представлены были въ Факультетъ два изслѣдованія, которыя, по разсмотрѣніи моемъ, признаны оба единогласно достойными искомой награды, и по тому обоимъ присуждено по золотой медали: одному золотая медаль отъ Правительства, а другому на пожертвованныя самими Профессорами деньги. Въ послѣдствіи я раздвинулъ рамки вопроса, предложивъ первому заняться отношеніемъ къ Чешскому преобразователю преобразователя Нѣмецкаго, плодомъ чего было критическое изслѣдованіе: «Гусъ и Лютеръ», представленное въ тотъ же Факультетъ въ 1848 году на степень Магистра по каѳедрѣ Исторіи и Литературы Славянскихъ Нарѣчій, которое, однако, тогдашній Деканъ Факультета успѣлъ устранить, и по тому Магистрантъ долженъ былъ написать другое изслѣдованіе, доставившее уже ему искомую ученую степень въ концѣ 1849 года, а опальное сочиненіе могло появиться въ свѣтъ только черезъ семь лѣтъ. Первая часть его напечатана въ повременномъ Московскомъ изданіи: «Русской Бесѣдѣ» 1857 — 1858 г., а вторая въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» 1858 — 1859 года, и потомъ отдѣльно, въ 2-хъ частяхъ (см. объ этомъ Предисловіе

мое къ сему сочиненію). Это, въ высокой степени добросовѣстное, изслѣдованіе, какъ извѣстно, обратило на себя вниманіе и удостоилось лестныхъ отзывовъ людей свѣдущихъ. Другому изъ соискателей поручилъ я сдѣлать критико-историческій очеркъ вообще Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія, что и выполнено имъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ, и я приступилъ было къ печатанію его въ названномъ повременномъ изданіи Московскаго Историческаго Общества: уже оттиснуто было 13 листовъ на бѣло, а 14 набирался, но извѣстный погромъ, постигшій это Общество въ концѣ 1848 года, пріостановилъ его повременное изданіе, а съ нимъ и печатаніе этого изслѣдованія.

Празднованіе Чехами въ нынѣшнемъ году Пятисотлѣтія со дня рожденія ихъ Гуса побуждаетъ меня обнародовать и этотъ трудъ другого моего нѣкогда слушателя, не менѣе замѣчательный, какъ и трудъ перваго, по многимъ и многимъ достоинствамъ, написанный тоже прямо по источникамъ, съ обращеніемъ вниманія на все, сдѣланное по этому предмету въ прежнее и новѣйшее время, за исключеніемъ нѣсколькихъ только сочиненій самыхъ послѣднихъ лѣтъ. О нихъ, какъ не вошедшихъ въ предлагаемый «Очеркъ,» представленъ будетъ отчетъ въ особой добавочной статьѣ, въ заключеніе всего труда.

О. Бодянскій.

12-го Октября, 1869 г.
Москва.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Объемъ и содержаніе вопроса. — Важность его. — Планъ изслѣдованія.

Неистощимъ міръ явленій человѣческой природы; но всѣ они служатъ проявленіемъ немногихъ постоянныхъ законовъ, независимыхъ отъ внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ. Одни и тѣ же законы высшаго духовнаго міра дѣйствуютъ и проявляются и въ частныхъ, отдѣльно взятыхъ, людяхъ, и въ народахъ, и въ человѣчествѣ, и часто внутренняя жизнь того или инаго лица, много жившаго мыслью и сердцемъ, а не однимъ тѣломъ, важнѣе предъ лицемъ Всемогущаго и предъ нелицепріятнымъ судилищемъ потомства, безконечно важнѣе, чѣмъ прозябательная жизнь милліоновъ людей, нулей на поприщѣ мысли. Безконечно велико число всѣхъ явленій жизни человѣчества за его прошедшее: не уступитъ оно ни какому матеріальному множеству, ни какому иному количеству явленій внѣшней природы. Если бы Исторія была только хранительницею явленій, если бы назначеніе ея состояло въ томъ, чтобы сложить въ ея архивы какъ можно болѣе ихъ, то тогда она была бы дѣломъ одной памяти, а не разумнаго изслѣдованія. Но человѣчество не есть и само по себѣ собраніе отдѣльныхъ существъ, носящихъ человѣческую форму, гдѣ числится по головамъ, по матеріальному ихъ количеству. Нѣтъ! Человѣчество есть разумное цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, управляемое высшими духовными законами и представляющее въ своемъ развитіи тѣ же явленія, которыя совершаются въ духѣ каждаго, не одною внѣшностью живущаго лица. Человѣчество имѣло свой періодъ дѣтства и отрочества, когда оно не отдавало себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, и — тогда оно не имѣло и не могло имѣть исторіи; она началась съ совершеннолѣтія человѣчества, съ минуты пробужденія его къ разумному сознательному

бытію; къ нему призваны всѣ лица и народы, и никто не вправѣ лишить ихъ этого назначенія. Дошедшій до высшей степени внутренняго развитія, Европеецъ, и, совершенно чуждый внутренней (духовной) жизни, Бошменъ предназначены свыше къ одной и той же высокой цѣли—быть гражданами одного и того же небеснаго отечества; ибо все здѣшнее разумное развитіе человѣчества есть приготовленіе къ высшей степени совершенства, въ которомъ уже невозможно развитіе и движеніе, которое само въ себѣ заключаетъ полноту неизреченнаго блаженства. Къ разумному развитію человѣчества призваны всѣ безъ различія, но не всѣ въ немъ участвуютъ. Главная цѣль здѣшняго развитія духа человѣческаго есть возможное распространеніе внутренняго совершенствованія, внутренняго образованія между наибольшимъ числовъ лицъ. Если несправедливо то, что немногіе сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ средства внѣшняго благосостоянія, и если высшимъ идеаломъ внѣшняго состоянія человѣчества будетъ то его положеніе, въ которомъ каждый его членъ будетъ пользоваться наибольшею ему доступною массою благосостоянія, безъ вреда для другихъ, то не менѣе несправедлива монополія духовнаго образованія, присвоенная себѣ извѣстными классами общества, и не менѣе отрадна каждому другу человѣчества будетъ та минута, когда всѣ люди будутъ имѣть между собою не одну внѣшнюю форму, имъ общую, но и будутъ соединены единствомъ духовнаго развитія, единствомъ нравственной физіономіи, будутъ представлять одно тѣло, въ которомъ будетъ витать одинъ духъ. И это не пустая утопія; нѣтъ! Эти мысли возникаютъ изъ наблюденія надъ фактами и оправдываются всею исторіею человѣчества. Кто же принадлежитъ къ человѣчеству, какъ духовному тѣлу, и кто имѣетъ право на то, чтобы составлять его часть? Всѣ лица и народы, жизнь которыхъ не есть сплетеніе событій, условленныхъ причинами второстепенными и современно случайными, не есть простой перечень самыхъ обыкновенныхъ явленій, а совокупность разумныхъ явленій, проявляющихъ въ себѣ законы духовнаго міра вѣчные, неизмѣнные, неумолимые. Эти лица и народы не всегда дѣйствуютъ съ полнымъ сознаніемъ, но ихъ дѣйствія всегда имѣютъ внутренній смыслъ, разгадать который есть назначеніе исторіи. Степень духовнаго развитія даетъ право гражданственности въ мірѣ человѣчности. Исторія была бы невозможна, если бы она занима-

лась каждымъ лицомъ, каждымъ его дѣйствіемъ; потому то она занимается изслѣдованіемъ внутренней жизни и внѣшнихъ ея проявленій только тѣхъ народовъ, которыхъ развитіе есть вмѣстѣ развитіе человѣчества.

Рабство тѣлесное ничто въ сравненіи предъ рабствомъ духа и мысли, и горе народу и человѣку, который въ теченіе всего своего поприща дѣйствовалъ сообразно влеченію случая, не разливалъ благородныхъ сѣмянъ, лежащихъ въ груди его, и жилъ только внѣшнимъ образомъ. Есть цѣлые народы, не говоря уже объ отдѣльныхъ лицахъ, дѣйствія которыхъ лежатъ внѣ сферы исторіи: можетъ ли исторія, благородная наука о томъ, какъ чрезъ рады вѣковъ въ народахъ развиваются нравственныя начала и примѣняются къ дѣлу, говорить объ нихъ? Долго смотрѣли на исторію какъ на складочное мѣсто, куда должны улечься всѣ происшествія изъ жизни народовъ за ихъ прошедшее; теперь же видимъ въ исторіи осуществленіе и оправданіе высшихъ законовъ духовнаго развитія человѣчества въ внѣшнихъ измѣняющихся явленіяхъ. Потому тѣ народы, которые еще не созрѣли для самобытнаго нравственнаго бытія, которые еще живутъ и дѣйствуютъ, такъ сказать, ощупью, которыхъ дѣйствія лишены внутренняго смысла—не имѣли и не могутъ имѣть исторіи. Но и здѣсь необходимо различать тѣ народы, въ жизни которыхъ по чему либо не хотятъ видѣть внутренняго развитія, отъ тѣхъ, которые вовсе чужды его. Особенно значительную роль играютъ здѣсь интересы родовые, національные, твердое убѣжденіе въ превосходствѣ того племени, того народа, къ которому принадлежишь. Не безъизвѣстно гордое мнѣніе Китайцевъ въ томъ, что будто бы они одни хранители образованія, а что Европейскіе и всѣ иные народы погружены, въ сравненіи съ ними, въ глубокое невѣжество; та же странная, смѣшная самоувѣренность встрѣчается и въ области Европейской науки. Что бы ни твердили о необходимости для ученаго быть скромнымъ и не возноситься своимъ знаніемъ, на опытѣ всегда видимъ и будемъ видѣть противное: это уже лежитъ въ слабости человѣческой природы. И по истинѣ, если человѣкъ, обладающій большею силою физическою, вправѣ ею гордиться, то тѣмъ съ большимъ правомъ человѣкъ, одаренной значительными духовными, силами, можетъ гордиться ими: отъ сознанія своего достоинства проистекаетъ, съ одной стороны, стремленіе оставаться вѣрнымъ своему высшему назначенію и не уклоняться отъ предположеннаго пути, а съ дру-

гой—вредное убѣжденіе въ превосходствѣ предъ другими, что легко можетъ повести къ тысячи непріятностей и разочарованій. Если же наука, въ теченіи значительнаго промежутка времени, сосредоточиваетъ всю свою дѣятельность въ лицахъ, принадлежащихъ къ одному какому ни будь народу, то почти всегда происходятъ отъ того печальныя слѣдствія: этотъ народъ привыкаетъ смотрѣть на науку, какъ на свою частную собственность, заставляетъ ее служить своимъ особеннымъ, частнымъ интересамъ, уменьшаетъ чрезъ то ея высокое значеніе; сверхъ того въ этомъ народѣ очень легко укореняется мнѣніе, что онъ одинъ сосудъ образованія, источникъ свѣта, и что иные народы несравненно ниже его стоятъ на степени духовнаго развитія. Особенно вредныя послѣдствія влечетъ за собою то, когда частные интересы лица, или народа вкрадываются въ исторію, когда ее дѣлаютъ орудіемъ особенныхъ цѣлей, предубѣжденій партій и народныхъ предразсудковъ.

Ложный взглядъ, управляемый народнымъ предубѣжденіемъ, противенъ высокому назначенію исторіи. Случается, что цѣлое племя, взросшее подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, наслѣдовавшее безъ особеннаго труда науку, развивши ее у себя, воздымается гордостью и приписываетъ исключительно своему достоинству то, чему значительно благопріятствовалъ случай, пренебрегаетъ иными народами, тружениками исторіи, которымъ достался менѣе блистательный удѣлъ, которые, съ кровавымъ потомъ отстаивая свое существованіе, не имѣли времени для развитія науки. Мы назвали бы чудовищемъ и безумцемъ того образованнаго богача, который, гордясь своимъ, дорого купленнымъ, образованіемъ, сталъ бы упрекать бѣднаго поденьщика за то, что тотъ не образованъ; а между тѣмъ для насъ очень естественно, если какой ни будь напыщенный Германецъ упрекаетъ племя Славянское вообще, и насъ Русскихъ въ особенности, въ томъ, что мы отстали въ развитіи противъ нашихъ Западныхъ братій. Такимъ образомъ племя Германское, отъ умиравшаго Рима принявшее сокровище его образованія, воспитавшее свое развитіе при благопріятномъ и счастливомъ соединеніи идей, принесенныхъ Христіанствомъ, съ матеріаломъ, добытымъ древними Греками и Римлянами, возгордилось своими успѣхами преимущественно предъ племенемъ Славянскимъ. Въ слѣдствіе такого односторонняго направленія Германской науки и самая исторія стала вѣрнымъ отраженіемъ Германской народности,

Германскихъ предъубѣжденій и интересовъ. Немногіе, очень немногіе историки Германскіе, и то въ послѣднее время, умѣли возвыситься надъ тѣснымъ взглядомъ своихъ предшественниковъ и дали Славянамъ право гражданства въ исторіи. Рѣзкими чертами природа обозначила характеръ обоихъ племенъ: Славянское племя миролюбиваго и семейнаго характера, Нѣмецкое — воинственнаго и дружиннаго; кромѣ различія характеровъ многія внѣшнія и внутреннія причины, на которыя мы будемъ имѣть случай указать въ теченіи нашего изслѣдованія, указали обоимъ племенамъ особенные различные пути развитія: точки соприкосновенія ихъ обозначаются враждебными столкновеніями. Не смотря на то, развитіе обоихъ племенъ совершалось своимъ чередомъ, по непреложнымъ законамъ каждаго человѣческаго развитія. Племя Нѣмецкое, почти исключительно присвоившее себѣ науку, считало свое развитіе единственнымъ общечеловѣческимъ, и какъ оно было твердо убѣждено, что нѣтъ спасенія внѣ Римской Церкви, такъ не менѣе твердо вѣрило и тому, что нѣтъ развитія внѣ его собственнаго; на всѣ иныя племена и народы оно смотрѣло, какъ на лишенные высокаго нравственнаго и духовнаго развитія, живущіе одною животною жизнью, и потому считало священнымъ и необходимымъ дѣломъ пропаганду своего образованія. Полное чистосердечнаго убѣжденія въ превосходствѣ своей національности, оно распространяло его всѣми возможными средствами — насиліями и убѣжденіями, и даже удивлялось, почему грубые Славяне такъ упрямо отказываются принимать благодѣянія Нѣмецкой гражданственности, къ нимъ приносимой! Самые образованные представители Нѣмецкой націи считали Славянскія племена лишенными всякаго внутренняго развитія, животно живущими; они до такой степени были ослѣплены, что не хотѣли видѣть успѣховъ Славянской гражданственности и тамъ, гдѣ они яснѣе дня. Отъ того всѣ безъ исключенія исторіи, Западными Европейцами писанныя даже до половины XVIII стол., суть исторіи Нѣмецкаго племени съ его многочисленными подраздѣленіями: Славяне совершенно исчезаютъ въ лучахъ блистательнаго свѣтила Нѣмецкой національности. При самомъ лучшемъ братскомъ расположеніи къ племени Нѣмецкому, справедливость требуетъ записать несомнѣнный фактъ; это—постоянное недоброжелательство племени Нѣмецкаго къ Славянскому, какая-то тоскливая зависть къ успѣхамъ послѣдняго, какое-то не

опредѣленное сознаніе невозможности удержать за собою монополію развитія гражданственности, и потому не менѣе неопредѣленное, но дѣйствительно существующее, темное чувство вражды и (въ нѣкоторыхъ) даже ненависти къ своимъ сверстникамъ и наслѣдникамъ на пути образованія, чувство, подобное тому, съ которымъ скупецъ бережетъ свое богатство и заранѣе не терпитъ наслѣдниковъ, которые имъ воспользуются. Очень естественно, что историки Западные смотрѣли съ пренебреженіемъ на жизнь племенъ Славянскихъ, мало удостоивали ее вниманія, а она, безъ ихъ вѣдома, шла своимъ путемъ, и развитіе племенъ Славянскихъ, совершавшееся втихомолку, не уступало развитію народовъ Нѣмецкихъ; но въ характерѣ народа Славянскаго вообще лежитъ особенная, можетъ быть странная, но, вмѣстѣ, прекрасная, черта: *совершать все*, самые геройскіе, *подвиги, какъ дѣла, очень обыкновенныя, не трубя объ нихъ по всему свѣту.*

Доселѣ въ исторіи господствуетъ Нѣмецкій взглядъ, завистливый ко всему Славянскому, и потому неоцѣнена еще вполнѣ роль, которую Славяне играютъ въ исторіи Европы, и участіе, принятое ими во всѣхъ великихъ событіяхъ, знаменующихъ шаги человѣчества на пути его развитія. Племя Славянское не уступитъ Германскому въ богатой почвѣ для образованія: оно обладаетъ неистощимымъ богатствомъ духа, *удивительною легкостью воспринимать въ себя все богатство развитія иныхъ народовъ, сосредоточивать въ себѣ черты, разбросанныя въ другихъ народахъ, отвѣчать своимъ сочувствіемъ всѣмъ народамъ.* Но самое это богатство духа условило для племени Славянскаго особенное *медленное развитіе* и поставило его въ тѣсную зависимость отъ внѣшнихъ условій. Такъ въ природѣ растительной видимъ, что деревья высшихъ породъ требуютъ, для полнаго и успѣшнаго прозябанія, несравненно болѣе времени и благопріятныхъ внѣшнихъ условій, нежели растенія низшаго разряда: при малѣйшемъ вредномъ вліяніи нѣжныя растенія блекнутъ и умираютъ, а, подлѣ нихъ, растенія, болѣе грубыя, живутъ совершенно здоровыя. Славянскія племена требуютъ чистаго, вольнаго воздуха, простора и, что главное, воли для полнаго и безпрепятственнаго развитія богатыхъ, неистощимыхъ силъ своего духа; но въ этихъ дарахъ отказала имъ судьба. Да! ни одно племя не вынесло такихъ тяжкихъ испытаній, не перенесло столькихъ бѣдствій, не было преслѣдуемо съ такимъ ожесточеніемъ своими врагами, какъ племя Славянское. Самое ге-

ографическое положеніе странъ, имъ занятыхъ, со всѣхъ сторонъ открытыхъ, условило его тяжкую судьбу: ему не на что было опереться, у него не было ни хребтовъ горъ, ни морей, ни рѣкъ, чтобы остановить врага, чтобы отдохнуть, собраться съ силами. Съ Запада племена Германскія, съ Востока дикія Азіатскія орды, стремились на гибель Славянъ: первыя хотѣли ихъ народности, вторыя только свободы, и эти послѣднія были милостивѣе. Сильные Славянскіе народы, жившіе до самаго Рейна, опасные враги и вѣрные союзники Карла Великаго, истреблены въ теченіи четырехъ вѣковъ пагубной и безпрерывной войны, и съ самой Одры все стало Нѣмецкимъ. Какъ Южные Славяне покорностью и гибкостью своего характера спасли свое существованіе, такъ Сѣверные всѣмъ своимъ значеніемъ и даже бытіемъ обязаны оружію.

Въ исторіи Славянъ самый неопытный глазъ различитъ три, рѣзко отдѣленные, періода, отличительная черта которыхъ одна и та же; это—борьба. Въ первомъ періодѣ Славяне борются за свое существованіе отъ нападеній многочисленныхъ враговъ; ибо нигдѣ такъ не укоренились семейныя вражды, какъ въ народахъ Славянскихъ: тутъ не время было думать Славянамъ о развитіи мирныхъ дарованій человѣческаго духа, и кто, хотя сколько ни будь знакомый съ ихъ исторіею, станетъ укорять ихъ за то? Продолжительность этого періода для разныхъ Славянскихъ племенъ не равна: ее условили и географическое положеніе, и сосѣдство, и частныя наклонности самаго племени. Раньше другихъ нашихъ братьевъ отстояли свою самобытность мы, Русскіе: побѣда Куликовская рѣшила судьбу Руси и положила конецъ ея шаткому положенію со стороны Азіатскихъ варваровъ. Южные Славяне первые должны были принять своею грудью напоръ Турковъ, и до самаго Бѣлградскаго мира не были увѣрены въ своей самостоятельности и даже бытіи. Славяне Средней Европы сохранили бытіе, но съ потерею своего народнаго правленія: одни Поляки были счастливѣе, какъ отдѣленные своими соплеменниками отъ Нѣмцевъ и принимавшіе удары послѣднихъ, уже притупленные о грудь Славянскую. Отстоявъ свое бытіе, Славяне должны были бороться за свою національность, за свою народную личность, за то, что составляетъ священную, неотъемлемую собственность каждаго народа. Главнымъ дѣломъ было здѣсь положить преграду наводненію Нѣмецкой національности. Эта борьба, которую выдержали исключительно Западные Славяне, имѣла болѣе опа-

сный характеръ, нежели первая борьба за существованіе: въ послѣдней дѣло шло о сопротивленіи врагу открытому, явному, средствами очевидными и позволенными; въ первой—врагъ принималъ наружность друга, незамѣтно вкрадывался въ сердце довѣрчиваго Славянина, приманивалъ его внѣшностью жизни, ея удобствами, и за нихъ бралъ—его духовную личность, его нравственную физіономію. Ни одно Западное Славянское племя не избѣгло совершенно чуждаго вліянія: не въ равней степени, но каждое изъ нихъ причастилось Нѣмецкаго духа, приняло въ свои жилы Нѣмецкой крови. Только часть Южныхъ Славянъ, именно Сербы и Булгары, живущіе въ Турецкой имперіи, сохранили въ цѣлости свою національность, которой Турки никогда не касались, служа въ томъ живымъ укоромъ Нѣмцамъ. У насъ только не было этой борьбы, потому что, если со времени преобразованія, попытка, которая принадлежитъ Петру Великому, часть общества увлеклась легкомысленнымъ пристрастіемъ къ чужому, во вредъ и пренебреженіе своего роднаго, то большинство народа и, вмѣстѣ, лучшая, нетронутая часть его, оставались всегда вѣрными своимъ роднымъ началамъ, кореннымъ убѣжденіямъ и обычаямъ своего племени. Такимъ образомъ, борьба за народность кончилась несчастливо для племенъ Славянскихъ, за исключеніемъ Сербовъ, Булгаръ и Русскихъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи начался, подъ счастливыми предзнаменованіями, третій періодъ — то же борьбы, но борьбы торжествующей, борьбы съ инымъ, нежели прежнія, характеромъ: это мирная борьба или, лучше, соперничество, цѣль котораго—успѣхи на поприщѣ нравственнаго развитія, успѣхи, оспориваемые у Нѣмцевъ. Многозначителенъ характеръ этой борьбы, носящей уже въ себѣ зародышъ побѣды: Цѣль ея — духовное освобожденіе племени Славянскаго отъ ига какого бы рода оно ни было: оно носитъ въ себѣ имя великихъ жизненныхъ вопросовъ человѣчества.

Отколь начинается эта борьба? спросите вы. Уже давно приготовилась она, но первое великое ея явленіе совершилось въ 1812 — 1814 годахъ. Внезапное появленіе Наполеона, такъ дерзко поправшаго всѣ законы и учрежденія, вѣками добытые Западною Европою, такъ явно подавившаго, непомѣрнымъ развитіемъ матеріальной силы, всѣ духовныя начала, такъ горько насмѣявшагося надъ кореннымъ основами Западнаго общества, показало всю слабость Нѣмецкихъ народовъ, показало то, что формы ихъ быта отжили свое существованіе., что исто-

лось развитіе началъ ихъ и пришло къ крайностямъ. Совершенное отсутствіе твердаго, нравственнаго убѣжденія, твердыхъ, внѣ человѣческаго произвола, началъ, повлекло за собою неслыханное и въ самыя времена мнимаго варварства господство матеріальной силы. Опираясь на штыки своихъ воиновъ, Наполеонъ дерзко и безнаказанно игралъ всѣмъ, что считалось еще священнымъ на Западѣ: ему не стоило ни какаго труда подчинить себѣ массы людей, потерявшихъ вѣру въ самихъ себя, въ нравственныя начала. Не забудемъ, что могущество его стало безсильнымъ предъ народомъ Русскимъ, сохранившимъ неприкосновенно убѣжденія отцевъ и народную личность; а тѣ, которые добровольно отреклись отъ своего народа и его началъ, не вправѣ присвоивать себѣ участія въ подвигѣ, котораго они оставались праздными зрителями. Кѣмъ возстановлены ниспровергнутыя деспотизмомъ Западныя учрежденія, кѣмъ подняты отъ земли обломки ниспровергнутаго и отжившаго порядка вещей и слѣпленные на живую нитку на короткій срокъ, какъ не Русскими или, что все то же, Славянами? Не буйная молодежь Нѣмецкая возстановила спокойствіе и порядокъ, хотя на время, въ Европѣ: она не въ состояніи была отразить Наполеона, и никогда не могла бы она и ниспровергнуть однажды наложенное на нее иго. Какъ бы то ни было, но Наполеонъ исчезъ, а порядокъ вещей, которому онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, остался: съ того времени замѣчаемъ странныя явленія на Западѣ, въ Нѣмецкой его половинѣ: едва только не стало общаго врага, какъ народы Нѣмецкіе обнаружили явное и совершенное недовольство возстановленіемъ тѣхъ отношеній, которыхъ они такъ пылко желали, и устремились къ ихъ ниспроверженію. Вообще, племена Нѣмецкія отжили свое нравственное существованіе: у нихъ не осталось уже ни одного начала, на которое можно было бы опереться, ни одного убѣжденія: все уже пережито, остается умереть; но человѣку и народамъ жить хочется, и если не духомъ, если не нравственными, то промышленными интересами. Вся ослѣпительная внѣшность Запада, блескъ и роскошь его, все это прикрываетъ совершенную нравственную пустоту: одна промышленность господствуетъ нераздѣльно на развалинахъ религіи, поэзіи, науки и искусства; это самъ Западъ знаетъ вполнѣ.

Чей, самый непривычный, самый предубѣжденный взглядъ не поразитъ одновременность упадка нравственныхъ, духовныхъ началъ

на Западѣ и пробужденіе къ самобытной дѣятельности племенъ, сохранившихъ въ неприкосновенности родныя начала своего духа — племенъ Славянскихъ? Съ этого-то времени начинается всеобщее броженіе въ народахъ Славянскихъ: тѣ изъ нихъ, которые изъ страсти къ подражанію увлеклись легкомысленымъ пристрастіемъ къ чужому, начали возвращаться къ началамъ роднымъ, народнымъ (Русскіе); а тѣ, которые, по несчастнымъ обстоятельствамъ, потерпѣли чуждое вліяніе, поработали чуждымъ идеямъ, теперь, когда эти идеи отжили, и тамъ, гдѣ явленіе ихъ было послѣдовательно и необходимо, начали пробуждаться къ своей народной жизни и проникать въ неистощимый рудникъ своихъ народныхъ началъ, давно забытый. Наконецъ, и племя, вполнѣ сохранившее Славянскую физіономію, не опасаясь теперь за свое существованіе, обратилось къ духовному развитію: уже первые шаги этого узника въ неволѣ, разучившагося ходить, обращаютъ на себя вниманіе и Западной Европы; что же будетъ, когда этотъ узникъ забудетъ свое рабство, потеряетъ слѣды, на немъ оставленные его тяжкими цѣпями, и пойдетъ, вольный и полный надеждъ, по пути, куда призываютъ его и собственное призваніе, и опредѣленія Судьбы?

Съ самаго недавняго времени начали вникать во внутреннее развитіе Славянскихъ народовъ, искать въ огромной массѣ фактовъ значенія и смысла. Между тѣмъ какъ философская исторія племенъ Германскаго происхожденія богата столькими превосходными творсніями, философская исторія Славянъ еще ждетъ дѣятеля. Пора уже не вѣрить на слово Нѣмцамъ и признавать хорошимъ только то, что прошло сквозь ихъ сужденіе; пора углубиться въ прошедшее нашего народа и ему родственныхъ, и указать всему свѣту высокое значеніе и того и другихъ, значеніе, доселѣ очень мало, а отчасти и вовсе, непризнанное. Явленіе не удивительное, что Нѣмецкіе историки, или Славянскіе онѣмеченные, отдаютъ вездѣ пальму первенства племени Нѣмецкому, вездѣ даютъ ему играть первую роль. Во всѣхъ всемірныхъ исторіяхъ, доселѣ писанныхъ, видимъ исторію племени Нѣмецкаго и его развитія; *Исторія Славянскихъ народовъ и ихъ развитія, къ стыду нашему, пренебрежена до крайности.* Молодой образованный человѣкъ знаетъ очень хорошо исторію Вавилонскаго Царства, Мидіи и т. п., но вовсе ничего не знаетъ изъ исторіи Хорватовъ, Словенцевъ, Словаковъ, Моравцевъ, и даже Чеховъ, доколѣ они не становятся

членами тѣла Нѣмецкой Имперіи. Удивительное и печальное явленіе!

Развитіе народовъ Славянскихъ совершалось медленно и постепенно: не скоро зрѣли силы, которымъ суждено было дѣйствовать, но тѣмъ продолжительнѣе и вѣрнѣе было ихъ дѣйствіе. И вотъ послѣ долгаго, незамѣтнаго движенія, вдругъ возникаетъ грозное и поразительное явленіе. Такъ большія рѣки весною долго сохраняютъ свое обыкновенное теченіе, уже и тогда, когда меньшіе потоки бушуютъ, но потомъ вдругъ возвышаютъ свои воды и распространяютъ повсюду удивленіе и страхъ, тѣмъ больше, чѣмъ менѣе ожидали самаго явленія. Въ XIII и XIV стол., въ періодъ торжества Нѣмецкой народности, имя Славянъ едва было извѣстно: самые ученые люди Нѣмецкаго Запада едва ли были знакомы съ исторіею этого племени. Тогда же Чехія была извѣстна какъ одно изъ Курфиршествъ Имперіи, не болѣе: она стала извѣстнѣе, благодаря благородному королю своему, Карлу IV, императору Германіи; но прошло XIII ст., и уже въ первой четверти XV вся Европа была наполнена вѣстями о Чехіи: Чехи привлекли всеобщее вниманіе; происшествія, у нихъ возникшія, произвели у большей части ужасное негодованіе, въ немногихъ только благородное сочувствіе. Удивленіе было во всѣхъ одинаково; всѣ спрашивали: какъ это народъ, дотолѣ рабски покорный королямъ, преданный всею душею Католической Церкви, въ высшей степени терпѣливый, какъ такой народъ назвалъ папу антихристомъ, презрѣлъ власть императора, лишилъ его престола, на которомъ уже онъ сидѣлъ въ мысляхъ, отразилъ нѣсколько разъ силы всей Германіи и сталъ грозою сосѣдей, даже самыхъ отдаленныхъ? И дѣйствительно, съ Нѣмецкой точки зрѣнія, признающей развитіе только у Нѣмцевъ, вовсе непонятно становится *религіозное движеніе въ Чехахъ, произведенное Гусомъ*: оно является какимъ-то среднимъ, неопредѣленнымъ явленіемъ, безъ предъидущаго и послѣдующаго. Между тѣмъ, или исторію великаго религіознаго движенія въ Чехіи разсматривать въ связи съ предъидущею исторіею Чеховъ и Славянъ вообще, или видѣть въ этомъ религіозномъ движеніи одинъ изъ великихъ періодовъ развитія Славянъ, совершавшагося подлѣ развитія Нѣмцевъ, но скромно и безъ шуму. Не опасаясь преувеличенія, смѣло можемъ сказать, что доселѣ религіозное движеніе Чехіи не представлено въ его надлежащемъ свѣтѣ, въ его истинномъ зна-

ченіи; причины тому, кромѣ преобладанія въ исторіи Нѣмецкой школы, самая важность и многосторонность вопроса, заживо задѣвающаго многіе важные интересы. Самые лучшіе историки Чешскіе не могли обойдти всѣхъ подводныхъ камней, ограждающихъ этотъ вопросъ. Религіозное убѣжденіе, политическіе разсчеты останавливали на устахъ ихъ слова и давали имъ иное соединеніе и значеніе. Обстоятельства въ этомъ отношеніи намъ благопріятствуютъ: мы можемъ не щадить интересовъ, которые руководили и лучшими Чешскими историками; наше положеніе скорѣе всего можетъ указать намъ истинную точку зрѣнія на вопросъ, въ коемъ, по нашему мнѣнію, главное дѣло. Давно уже по этому предмету собрано множество фактовъ друзьями и недругами, но никто еще не освѣтилъ ихъ свѣтомъ идеи, не бросилъ на нихъ взгляда, исполненнаго глубокаго сочувствія, не разгадалъ ихъ внутренняго смысла.

Религіозное движеніе въ Чехіи до и послѣ Гуса не есть только частное явленіе жизни Чешскаго народа: оно имѣетъ болѣе одной стороны для изученія и заключаетъ въ себѣ, какъ въ зернѣ, множество частныхъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый очень важенъ въ своей сферѣ; и потому, при указаніи на значеніе нашего предмета, мы разсмотримъ его сначала въ его полномъ объемѣ, а потомъ въ частныхъ, имъ представляемыхъ, отдѣлахъ. При изслѣдованіи этого предмета въ цѣломъ, мы обратимъ вниманіе на значеніе его въ исторіи Чешскаго народа, въ исторіи Славянъ вообще, и мѣсто его въ ряду явленій жизни человѣчества. Сверхъ того, предметъ принадлежитъ равно духовной или, правильнѣе, церковной, и свѣтской или политической, исторіи. Однимъ словомъ, ни на одинъ предметъ нельзя смотрѣть съ столькихъ точекъ зрѣнія и съ каждой находить столько новаго и поучительнаго, какъ на предметъ, изученіемъ котораго мы займемся. Такъ точно взглядъ вдругъ обнимаетъ небольшой холмъ и со всѣхъ сторонъ видитъ въ немъ одно и тоже; но не то бываетъ съ исполинскою горою, богатою пропастями для самонадѣяннаго путника и прелестными видами, вполнѣ вознаграждающими подъятый трудъ: она на каждомъ шагу, въ разное время дня, съ разныхъ сторонъ представляетъ взору все новыя и новыя явленія.

Исторія Чешскаго религіознаго движенія безконечно важна для человѣчества, и каждый мыслящій человѣкъ найдетъ въ ней осо-

бенный интересъ. Общечеловѣческое не есть пустое, безсмысленное слово, не есть совершенное отрицаніе всѣхъ народныхъ и личныхъ частностей, и, съ другой стороны, оно не есть принадлежность одного извѣстнаго народа, по своей гордости принявшаго себя за единственнаго представителя человѣчества и свое образованіе за образованіе всего человѣчества. Общечеловѣческое не исключаетъ ни одной народности: всѣхъ ихъ воспринимаетъ въ себя и соединяетъ узами братства и любви. Взглядъ исключительной народности, перенесенный въ исторію, кромѣ того, что противенъ истинѣ, лучшему качеству историка, способенъ еще произвести многія и важныя ошибки: всѣ событія представляются только одною стороною, а тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ къ исторіи инаго народа, инаго развитія, совершенно являются искаженными и не въ надлежащемъ свѣтѣ. Такъ Римскій взглядъ на исторію древнихъ народовъ ошибоченъ въ высшей степени; не менѣе ошибоченъ взглядъ Нѣмецкій, признающій развитіе только у народовъ своего племени. При такомъ взглядѣ исторія религіознаго движенія въ Чехіи въ XV стол. совершенно необъяснима и невозможна; она стоитъ въ тѣсной связи съ исторіею развитія Славянскихъ племенъ вообще и Чешскаго въ особенности. Ставъ на эту точку зрѣнія, вы увидите, что всѣ явленія великой Чешской религіозной борьбы разумны и послѣдовательны къ высшей степени. А въ жизни Чешскаго народа его религіозное движеніе XV стол. событіе первой важности, рѣшительный моментъ, къ которому все предъидущее развитіе его было приготовленіемъ и все послѣдующее слѣдствіемъ. Никогда и нигдѣ не выразилась такъ вполнѣ вся мощь, вся энергія Чешскаго народа: важные вопросы политическіе и религіозные, жизненные вопросы проникли въ самый народъ и подвинули не часть одну, а весь на геройскіе подвиги. Между тѣмъ какъ въ иныхъ великихъ переворотахъ народъ играетъ роль страдательную, идетъ за тѣми, которые умѣли увлечь его, здѣсь весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, долго сдерживая свое негодованіе, вдругъ и страшно разразился грознымъ гнѣвомъ на тѣхъ, которые хотѣли лишить его единственнаго достоянія: его религіозныхъ убѣжденій и его народной личности.

Жестоко ошибаются тѣ, которые хотятъ видѣть въ Гусѣ единственнаго виновника вспышки Чешскаго народа, и думаютъ, что если бы онъ не явился, то Чехи остались бы въ бездѣйствіи и человѣчество цѣлымъ вѣкомъ опоздало въ развитіи. Нѣтъ!

Гусъ не есть виновникъ религіознаго движенія Чеховъ. Мало по малу и издалека накоплялись горючіе матеріалы, угрожавшіе страшнымъ пожаромъ, и не Гусъ подложилъ подъ нихъ огонь, не онъ разорвалъ плотину, едва удерживавшую буйный потокъ: притязанія папъ на нравственную и притязанія королей на политическую свободу Чеховъ были главнымъ и побудительнымъ орудіемъ, понудившимъ ихъ раскрыть удивительное, неслыханное богатство своихъ силъ и средствъ. По этому не льзя представить себѣ весь Чешскій народъ послушнымъ слугою Гуса, дѣйствующимъ по его мановенію: это было бы придавать слишкомъ много значенія Гусу и отымать слишкомъ много у Чешскаго народа. *Гусъ былъ представителемъ народа Чешскаго*; онъ безсознательно олицетворилъ въ себѣ весь народъ Чешскій съ его тогдашними требованіями, съ вопросами, его волновавшими, и отъ лица всего Чешскаго народа онъ возсталъ противъ нравственнаго и политическаго порабощенія, угрожавшаго Чешскому народу, и тѣмъ подалъ знакъ къ ожесточенной борьбѣ, рѣшившейся пагубнымъ днемъ 8-го ноября, 1620 г. Никогда, ни прежде, ни послѣ исторія не представляетъ ничего подобнаго этому дивному двухсолѣтнему напряженію силъ; никогда не встрѣчалось на одномъ полѣ столько религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, сплетшихся въ одинъ чудовищный клубъ, нити котораго разобрать принадлежитъ еще будущимъ историкамъ.

Періодъ времени отъ 1412 до 1620 года есть самый блестящій періодъ Чешской исторіи, самая славная страница изъ страдальческой исторіи Чешскаго народа. Какъ мало знаютъ сердце человѣческое тѣ, которые приписываютъ движеніе Чешскаго народа въ XV стол. минутному негодованію на безнравственность духовенства, а самую вспышку—сильному чувству оскорбленія въ лицѣ сожженнаго Гуса. Сильныя страсти дѣйствуютъ недолго: и человѣкъ и народъ въ сильномъ порывѣ негодованія заходятъ слишкомъ далеко, даютъ полную волю своимъ дѣйствіямъ и мыслятъ осуществить самыя завѣтныя мечты свои. Но проходитъ первый жаръ, первый порывъ досады, и человѣкъ и народъ возвращаются назадъ, сами помогаютъ разрушать свое дѣло и становятся мягче и снисходительнѣе. Не таково религіозное Чешское движеніе XV-го стол.—не подъ вліяніемъ дневныхъ побужденій воспиталось оно и не въ безсознательномъ порывѣ гнѣва разразилось оно: внимательный и непредубѣжденный глазъ увидитъ удивительную постепенность въ дѣйствіяхъ Чешскаго на-

рода въ этѣ торжественныя для него минуты, разумную осмотрительность, перешедшую даже въ излишнюю медлительность. Немногія народныя движенія произошли въ слѣдствіе столь тяжкихъ обидъ, каковы были нанесены Чешскому народу, а этотъ послѣдній подавлялъ въ груди своей негодованіе, доколѣ не коснулись его религіозныхъ и политическихъ убѣжденій: тогда, затронутый въ томъ, что у него было самаго священнаго, онъ, подобно Леониду, сказалъ: Прійди и возьми! взялся за оружіе и — дорого поплатились ему императоръ и папа, посягнувшіе на его политическія и нравственныя права. Силы всей Германіи сокрушились о желѣзную крѣпость груди Чеховъ.

Оскорбляемые самымъ чувствительнымъ образомъ въ своихъ народныхъ интересахъ, Чехи не тотчасъ прибѣгли къ оружію, а вступили въ состязаніе съ противниками своей народности словомъ, и представителемъ этого то періода великой религіозной Чешской борьбы является Гусъ. Онъ именно потому привлекъ на себя одного жесточайшее негодованіе враговъ Чешской народности, и именно потому заслужилъ благословенія и вѣчную память у друзей Чешскаго народа, что понялъ и оцѣнилъ свое положеніе и безстрашно представилъ предъ лицо папы и всего свѣта жалобы Чеховъ, утвердилъ ихъ неоспоримыми доводами, и когда всѣ усилія образумить противниковъ были тщетны, онъ запечатлѣлъ кровію своею свою долговременную, словесную борьбу Чешскаго народа, и отъ того, по справедливости, благодарный Чешскій народъ *придалъ его имя своему великому религіозному движенію*. Гусъ не былъ только проповѣдникъ, но адвокатъ Чешскаго народа, защитникъ его и его интересовъ передъ папою и императоромъ, и такимъ онъ *долженъ* явиться и предъ потомствомъ; онъ не причинилъ и не ускорилъ религіознаго движенія, а шелъ передъ нимъ вѣрнымъ его представителемъ; отсюда въ немъ, какъ бы въ миніатюрѣ, видимъ всѣ черты Чешскаго народа, видимъ то, чего этотъ послѣдній хотѣлъ и требовалъ. Отсюда будетъ понятно высокое значеніе Гуса въ цѣломъ развитіи Чешскаго народа; *въ Гусѣ сходится настоящее, прошедшее и будущее Чешскаго народа:* онъ есть послѣднее проявленіе Чехіи въ XIV стол., т. е., онъ вмѣщаетъ въ себѣ все прошедшее развитіе Чешскаго народа, есть крайній, возможный результатъ его. А относительно послѣдующаго развитія Чешскаго народа, совершившагося по смерти Гуса, Гусъ есть его источникъ; въ немъ

имѣютъ корень свой всѣ послѣдующія явленія Чешской жизни. И это очень естественно: Гусъ не значитъ ничего самъ по себѣ, и все вмѣстѣ съ Чешскимъ народомъ, потому что онъ есть *олицетвореніе нуждъ этого послѣдняго.*

Человѣческое развитіе есть совокупность развитій народовъ, которые дѣйствовали не по вліяніямъ одного инстинкта къ грабежу, или къ перемѣнѣ, но народовъ, жизнь которыхъ представляетъ осуществленіе вопросовъ, интересующихъ каждаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи. Чешскій народъ, какъ и всякій иной, есть членъ человѣчества и, слѣдственно, какъ такой, призванъ участвовать въ его развитіи. И тщетно бы какой ни будь привилегированный народъ сталъ называть себя единаго представителемъ развитія человѣческаго. Исторія неоспоримо показываетъ, что не одни народы Нѣмецкаго племени осуществляютъ законы разума въ своихъ дѣйствіяхъ, что не въ нихъ однихъ совершалось внутреннее развитіе и совершенствованіе человѣчества. Религіозное движеніе Чехіи въ XV стол. есть фактъ *всемірной важности, есть шагъ на пути развитія человѣчества.* Во имя какихъ побудительныхъ причинъ поднялся Чешскій народъ? Не во имя корыстолюбія, алчности къ чуждымъ владѣніямъ, не изъ пустаго мщенія, но за вопросы, которые, бывъ глубоко народными Чешскими, дороги *для* каждаго человѣка. Чехи возстали за *права человѣчества* противъ религіознаго и политическаго деспотизма, подававшаго другъ другу руку помощи, заключившаго въ виду общей опасности самый тѣсный союзъ. Между тѣмъ какъ вся остальная Европа, раздробленная на множество мелкихъ владѣній, еще не умѣла возвыситься надъ мелочными частными интересами и вела войны за куски земли, пренебрегши высшими вопросами, Чехи рѣшали въ своей жизненной дѣятельности эти вопросы, которыхъ окончательное завершеніе столько занимало и еще будетъ занимать человѣчество. Были люди, наскучившіе этою внѣшностью, въ которой сосредоточили все, люди, которымъ опостылѣли эти безжизненныя формы, которые обратились къ вопросамъ высшимъ, вопросамъ религіознымъ, но они не осмѣливались вступать въ борьбу съ сильнымъ и могущественнымъ, вѣками утвержденнымъ, порядкомъ вещей. Въ XIII стол. папская власть достигла высшей степени могущества и значенія; но никогда она не простирала своего гнета до такой степени, какъ въ XIV стол. Самый расколъ способствовалъ къ тому. Папская власть не признавала на землѣ ничего выше себя, а права человѣчества не

ставила ни во что. Воспользовавшись періодомъ глубочайшаго невѣжества, Папство утвердило свое владычество на началахъ, самыхъ прочныхъ; политикою его было: постоянно подавлять противодѣйствіе, гдѣ бы и подъ какою бы формою оно ни явилось. Но Чешское религіозное движеніе нанесло жестокій и рѣшительный ударъ папской власти; не только Чехи отказали папѣ въ его притязаніяхъ, но и заставили предоставить имъ то, чего бы они прежде никогда не смѣли ожидать. Притомъ Чехи вступали въ бой съ Папствомъ еще совершенно здоровымъ и сильнымъ; но они совершенно истощили его силы своимъ постояннымъ противодѣйствіемъ и сдѣлали легкою и возможною полную побѣду надъ нимъ, одержанную Лютеромъ. И тогда, когда человѣчеству были обезпечены плоды долгой и исполненной тяжкихъ бѣдствій борьбы Чеховъ, Провидѣнію угодно было послать на этихъ послѣднихъ великія испытанія, страшныя и, по видимому, незаслуженныя наказанія. И не удивительно ли, что годъ гибельный для политической и религіозной свободы Чехіи, былъ годомъ, обезпечившимъ навсегда политическую и религіозную свободу Германіи, а чрезъ нее и всего человѣчества? Такимъ образомъ безкорыстно страдали и дѣйствовали Чехи: они трудились не для себя, а для послѣдующихъ поколѣній, которые не только не умѣли быть благодарными, но и оцѣнить ихъ безвинныя страданія. Реформа Лютера, столь превозносимая, была бы невозможна безъ явленія Гуситовъ, приготовившихъ своими усиліями, своими войнами и даже своимъ истребленіемъ торжество разума надъ авторитетомъ, свободы надъ деспотизмомъ. Подъ главнымъ религіознымъ вопросомъ скрываются и важные политическіе вопросы: для вольнолюбиваго народа Чешскаго свобода мысли была нераздѣльна съ свободою дѣйствій, и годъ паденія Чехіи былъ годомъ уничтоженія не только религіозныхъ позволеній, прежде данныхъ и самимъ Фердинандомъ II-мъ скрѣпленныхъ, но также и правъ народа Чешскаго и привилегій различныхъ его сословій, разорванныхъ императоромъ со словами: „Этѣ-то бумажки стоили такого труда моимъ предшественникамъ!“

Въ религіозномъ движеніи Чеховъ должны принимать участіе всѣ Славяне; сюда долженъ привлечь ихъ и самый характеръ борьбы: Чехи сражаются за народность общеславянскую съ Нѣмцами. Въ самой борьбѣ ихъ всѣ сосѣдніе Славяне: Лужичане, Шлезане, Моравцы, Словаки, отчасти Поляки, принимаютъ дѣятельное

участіе. Такимъ образомъ Чехи идутъ во главѣ *великаго Славянскаго движенія*. Вообще, хотя, можетъ быть, не найдете въ исторіи примѣра подобнаго разъединенія, разногласія и *отсутствія единодушія*, какое встрѣчаемъ *между народами Славянскими*, однако *это отсутствіе* единства, столь поразительное при первомъ взглядѣ, болѣе *внѣшнее*, нежели внутреннее: ни одни народы не имѣютъ столь тѣсной *духовной симпатіи*, столь сходнаго *духовнаго настроенія*, *какъ народы Славянскіе*; *они постоянно чувствуютъ влеченіе другъ къ другу*; *ихъ судьбы дополняются взаимно* и представляютъ удивительное воздѣйствіе однѣ на другихъ. Торжество Фердинанда II надъ Чехами было торжествомъ *начала Нѣмецкаго надъ Славянскимъ*, и съ тѣхъ поръ преобладаніе перваго не встрѣчало себѣ препятствія по самое начало нынѣшняго столѣтія.

При многозначительности историческаго періода, который мы будемъ разсматривать и при множествѣ частныхъ явленій историческихъ, въ него входящихъ, необходимо, прежде нежели приступимъ къ источникамъ, которыми мы будемъ пользоваться, предначертать планъ изслѣдованія.

Въ религіозномъ движеніи Чешскаго народа до и послѣ Гуса различаемъ *три главные періода*: А) *Періодъ предъуготовительный*, отъ принятія Христіанства Чехами до появленія Гуса, какъ народнаго проповѣдника (862—1402). Б) *Періодъ словесной борьбы* Чеховъ съ ихъ противниками, или исторія дѣятельности Гуса до его кончины, а его послѣдователей до смерти Вацлава IV (1402 — 1419). В) *Періодъ открытой борьбы* Чеховъ съ ихъ врагами, Нѣмцами и Католиками, отъ смерти Вацлава IV-го до несчастнаго дня битвы на Бѣлой Горѣ, или, правильнѣе, до гоненія противъ всего Чешскаго (1419—1620). Въ слѣдствіе этого мы посвятимъ каждому періоду особенную *книгу*; въ *заключеніе* будетъ присоединена краткая исторія несчастныхъ остатковъ религіознаго движенія Чешскаго народа, ушедшихъ отъ преслѣдованія Іезуитовъ и Фердинанда II, или исторія Моравскихъ Братьевъ. Мы уже выше указали на значеніе Гуса: изучая его, изучаете весь характеръ движенія, котораго онъ былъ представителемъ, а потому главнымъ нашимъ стараніемъ будетъ — опредѣлить характеръ этого великаго человѣка, изучить его по отношенію къ мѣсту, имъ занимаемому въ религіозномъ движеніи Чешскаго народа. Сюда относится его дѣятельность отъ его появленія, какъ

проповѣдника народнаго, до его отъѣзда на Костницкій Соборъ; слѣд., его дѣятельность въ Чехіи; здѣсь изучимъ его личный характеръ и характеръ его ученія, его отношеніе къ народу и къ Католицизму въ Чехіи. За тѣмъ мы послѣдуемъ за нимъ, какъ защитникомъ чести Чешскаго народа отъ клеветъ въ ереси, предъ Костницкій Соборъ; здѣсь намъ надобно будетъ изучить отношеніе его къ Церкви Католической вообще. Слѣдственно, *вторую* нашу *книгу*, которая будетъ содержать исторію дѣятельности Гуса, какъ Чеха и проповѣдника, мы раздѣлимъ на два отдѣла: I) исторія дѣятельности Гуса въ Чехіи, и II) исторія дѣятельности Гуса на Костницкомъ Соборѣ. Въ первомъ отдѣлѣ различимъ главы: 1. О первыхъ годахъ жизни и дѣятельности Гусадъ до 1402 года; 2. О дѣятельности Гуса отъ 1402 года до изгнанія Нѣмцевъ изъ Пражскаго Университета; 3. О дѣятельности Гуса отъ изгнанія Нѣмцевъ изъ Пражскаго Университета [1] до спора его съ папою Іоанномъ XXIII за индульгенціи; 4. исторія дѣятельности Гуса отъ времени спора его за индульгенціи съ папою Іоанномъ XXIII до его отъѣзда на Костницкій Соборъ. Во второмъ отдѣлѣ второй книги будутъ изложены слѣдующіе предметы: въ главѣ 1-й: — путешествіе Гуса въ Костницъ; переписка съ дороги съ друзьями; прибытіе въ Костницъ и событія до его задержанія; въ главѣ 2-й: судебное изслѣдованіе и осужденіе Гуса; въ главѣ 3-ей: судъ надъ Іеронимомъ Пражскимъ и казнь его; дѣйствія Собора въ отношеніи къ Чешскому религіозному движенію до избранія папы Мартына V; въ главѣ 4-й: исторія религіозныхъ движеній въ Чехіи отъ сожженія Гуса и Іеронима Пражскаго по самую смерть Вацлава IV (1419).

Но ни какого историческаго явленія не льзя изучить вполнѣ, не изслѣдовавъ причинъ, условившихъ его и сообщившихъ ему такую, а не иную, форму; тѣмъ болѣе въ всемірно-историческомъ явленіи, каково нами разсматриваемое, необходимо прослѣдить ту нить происшествій, которою оно связывается съ прошедшимъ. Въ слѣдствіе того *первая книга* будетъ посвящена причинамъ появленія Гуса, какъ историческаго дѣятеля. И такъ какъ мы уже выше видѣли, что Гусъ есть столько же явленіе Чешско-Славянскаго сколько и обще-человѣческаго раз-

[1] Здѣсь будетъ вкратцѣ помѣщена исторія Чаши въ Евхаристіи, столь важный эпизодъ Чешской исторіи.

витія, и что онъ, защищая интересы Чешской народности, былъ, въ то же время, защитникомъ правъ человѣчества, то, на этомъ основаніи, во второмъ отдѣлѣ первой книги, будутъ изложены причины общія, заимствованныя изъ состоянія Католической Церкви и Имперіи и изъ расположенія умовъ. Въ первомъ отдѣлѣ первой книги разсмотримъ частныя причины изъ жизни Чешскаго народа, приготовившія то религіозное движеніе, которому Гусъ оставилъ свое имя, и тѣ явленія, въ которыхъ вырывались наружу религіозныя мнѣнія и расположеніе умовъ Чеховъ. Множество матеріаловъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣлѣ заставляетъ насъ раздробить ихъ на нѣсколько главъ, изъ которыхъ въ каждую войдетъ особенно важное явленіе въ кругу иныхъ, второстепенныхъ. *Первая книга.* Отдѣлъ I-й. *Глава первая*: исторія религіознаго броженія въ Чехіи, отъ введенія туда Христ. вѣры до изгнанія Славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря (862—1097). *Глава вторая*: исторія религіознаго движенія въ Чехіи отъ изгнанія Славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря до появленія Гуса проповѣдникомъ въ Виѳлеемской церкви; воздѣйствіе въ народѣ противъ Католицизма; такъ называемые предшественники Гуса и значеніе ихъ. *Глава третья*: причины изъ развитія Чешскаго народа, приготовившія появленіе Гуса, и политическія, народныя и иныя обстоятельства, условившія характеръ самаго народа и великаго двигателя. Отдѣлъ II-й. *Глава первая.* Отношеніе Чешскаго религіознаго переворота къ религіознымъ движеніямъ, возникшимъ въ другихъ земляхъ: §. 1. Отношеніе Чешскаго религіознаго движенія къ Манихейскимъ ересямъ, а въ особенности къ Вальденсамъ. §. 2. Отношеніе Чешскаго религіознаго движенія къ такому же движенію въ Англіи; различіе характеровъ Виклифа и Гуса. §. 3. Отношеніе Чешскаго религіознаго движенія къ инымъ, тайнымъ и явнымъ, современнымъ религіознымъ движеніямъ. §. 4. Исторія послѣдователей ересей Манихейскихъ, Вальденскихъ и Виклефитовъ. *Глава вторая.* Состояніе Католической Церкви вообще въ минуту появленія Гуса и значеніе этого послѣдняго къ инымъ явленіямъ ея развитія.

Историческое явленіе тѣмъ важнѣе, чѣмъ долговѣчнѣе послѣдствіе его; чѣмъ глубже всколыхается народъ, чѣмъ крѣпче пріиметъ онъ къ сердцу какую нибудь идею, тѣмъ она необходимѣе становится ему и тѣмъ ярче отражается во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Притомъ, идея не

есть пустая отвлеченность: она, какъ совокупность всѣхъ частныхъ вопросовъ, въ ней заключающихся, однажды живо коснувшись сознанія народнаго, живетъ съ нимъ одною жизнью; она развивается сообразно съ потребностями народа, и какъ народъ живетъ своимъ сознаніемъ, сообразно съ своими внутренними потребностями, такъ и самая идея проходитъ тѣже самыя ступени развитія, какъ и самый народъ, въ которомъ она пребываетъ. Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ слѣдить за развитіемъ идеи въ народѣ, за ея видоизмѣненіями, тѣмъ важнѣйшими, что они всегда соотвѣтствуютъ измѣненіямъ характера и правилъ народа, знаменуютъ его нравственное движеніе. Не въ природѣ человѣка и народовъ неподвижность: все въ человѣкѣ и внѣ его измѣняется и идетъ впередъ. Такъ и Чешскій народъ не остановился на первомъ явленіи своего религіознаго движенія; въ слѣдствіе внезапнаго, но послѣдовательнаго, переворота въ самомъ характерѣ народа, и характеръ борьбы измѣняется; идея религіознаго движенія переходитъ изъ области слова въ область дѣйствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ народъ совершилъ шагъ впередъ: тѣ, которые думали остаться при прежнемъ пониманіи идеи и старались удержать при своемъ личномъ мнѣніи весь народъ, были обойдены иными, болѣе прозорливыми, смѣтливыми, постигавшими потребности народа и потому ставшими его представителями. Такъ, при видоизмѣненіи отношенія религіозной идеи къ народу Чешскому, легко объясняется перемѣна характера лицъ дѣйствующихъ и самыхъ дѣйствій: вмѣсто Гуса являются Жижка, Прокопій; то, что прежде рѣшалось словомъ, теперь предоставляется оружію. Но здѣсь-то и обнаруживается важность и значеніе характера Гуса и религіознаго движенія, котораго онъ былъ главнымъ дѣятелемъ: *въ ученіи Гуса видимъ сѣмя всѣхъ послѣдующихъ частныхъ ученій, раздѣлившихъ Чешскій народъ; въ его личномъ характерѣ находимъ зародыши всѣхъ послѣдующихъ дѣятелей Чешскаго религіознаго движенія.* Рокицана и Жижка суть оба послѣдователи Гуса, и этотъ послѣдній соединяетъ въ своей физіогноміи черты лицъ того и другаго. Въ изслѣдованіи нашемъ это будетъ развито подробнѣе изъ самыхъ явленій. Такъ мы постараемся показать тѣ видоизмѣненія, которыя принимала религіозная идея у Чеховъ, прослѣдить ея развѣтвленія, указать, какъ изъ одного и того же пункта вышли столь расходящіяся направленія, отношенія этихъ направленій одного къ другому, и

мѣсто, какое каждое изъ нихъ занимаетъ въ жизни Чешскаго народа. Изучивъ характеръ религіознаго движенія Чеховъ въ его самомъ полномъ и вѣрномъ представителѣ, Гусѣ, намъ надлежитъ прослѣдить это религіозное движеніе въ связи его съ внутреннимъ развитіемъ Чешскаго народа и послѣ смерти Гуса: этому будетъ посвящена вся *третья книга*, которая будетъ заключать въ себѣ исторію религіознаго движенія Чешскаго народа отъ смерти Вацлава IV до пагубной битвы на Бѣлой горѣ. Точками поворота религіознаго движенія и внутренней жизни Чеховъ въ этотъ періодъ, до несчастной Бѣлогорской битвы, парализовавшей на цѣлыя 180 лѣтъ самостоятельное развитіе Чешскаго народа, суть: битва у Липанъ (1434), гдѣ истреблены Табориты, и смерть Юрія Подѣбрада (22-го марта, 1471). Промежутку времени между этими событіями будутъ посвящены три главы; четвертая третьей книги представитъ, по возможности, гибельныя послѣдствія Фердинандова торжества относительно религіознаго и политическаго развитія Чешскаго народа. Въ *заключеніе* будетъ представлена: исторія Чешскихъ и Моравскихъ Братьевъ и, по возможности, опредѣлено значеніе религіознаго броженія въ Чехіи *для* исторіи Чешскаго народа вообще, исторіи народовъ Западной Европы и исторіи человѣчества, а равно и отношеніе къ соотвѣтствующему движенію Германскому, котораго главнымъ дѣятелемъ былъ Лютеръ.

Обратимся теперь къ критической оцѣнкѣ *источниковъ* и *пособій*, которыми мы пользовались при предлежащемъ трудѣ.

ГЛАВА II.

Источники и пособія.

§. 1. *Источники.*

По значительному числу, ихъ необходимо подвести подъ опредѣленные разряды, и потому мы разсмотримъ сначала сочиненія *самихъ дѣятелей* великаго религіознаго движенія Чехіи. Здѣсь различимъ при разсматриваніи: 1) *сочиненія Гуса*; 2) *сочиненія* его *предшественниковъ*, и 3) *учениковъ и послѣдователей.* За тѣмъ мы займемся изслѣдованіемъ *Чешскихъ источниковъ*, касающихся этого періода, и, наконецъ, разсмотрѣніемъ источниковъ

не Чешскихъ, но проливающихъ хотя нѣсколько свѣта на отношенія этого народа въ самый важный періодъ его существованія.

А. *Сочиненія Гуса.* Онъ оставилъ послѣ себя чрезвычайное множество сочиненій, которыхъ часть напечатана, а часть еще находится въ рукописи. *Печатныя сочиненія Гуса*: 1) На *Латинскомъ* языкѣ. Что касается до сочиненій Гуса на этомъ языкѣ, то они напечатаны гораздо позднѣе Чешскихъ: Моравскіе или Чешскіе братья еще около 1509 и 1510 издали нѣкоторыя сочиненія Гуса, на Чешскомъ языкѣ [1]; между тѣмъ письма Гуса въ Латинскомъ переводѣ изданы Лютеромъ не прежде 1536 года [2]; и даже изданныя Оттономъ Брунфелзіемъ нѣкоторыя мелкія сочиненія, будто бы Гусу принадлежавшія, относятся уже къ 1524 году; во всякомъ случаѣ книжечка Оттона Брунфелзія заслуживаетъ вниманія [3]. Въ ней помѣщены, какъ бы сочиненіе Гуса, слѣдующіе трактаты: 1) De anatomia Antichristi, liber unus. 2) De mysteriis iniquitatis Antichristi, fragmentum unum. 3) De revelatione Christi et Antichristi, fragmentum unum. Палацкій [4] говоритъ, что сочиненіе: De anatomia Antichristi, изданное Оттономъ Брунфелзіемъ, не только не принадлежитъ Гусу (а Матѳею Янову), но что отрывки изъ сочиненій Янова искажены Брунфелзіемъ до безсмыслія. 4) De abolendis sectis et traditionibus hominum, liber 1. 5) De unitate ecclesiae et schismate vitando. 6) De Evangelica perfectione, l. 1. 7) De pernicie traditionum humanarum. Эти четыре небольшіе трактата безспорно принадлежатъ Гусу, но 8) De regno, populo, vita et moribus Antichristi долженъ быть отрывкомъ изъ сочиненій Янова, потому что онъ ясно написанъ тою же рукою, какою и трактаты первой, второй и третій. Къ нимъ Оттонъ прибавилъ свои собственныя размышленія, гдѣ не щадитъ самыхъ рѣзкихъ выраженій относительно папы. За тѣмъ слѣдуетъ краткая Vita Ioannis Huss,

---

[1] *Dobrowsky*'s Geschichte der böhmischen Litteratur. Изд. 1-е, 1792, стр. 143, изд. 2-е, стр. 226.

[2] *Hussi* Opera. T. I. Praef.

[3] Она находится въ Библіотекѣ Императорскаго Московскаго Университета и составляетъ небольшой томикъ въ 4-ку; печать очень хороша, но бумага до крайности пожелтѣла, вѣроятно отъ времени

[4] *Palacky*'s Geschichte von Böhmen. 3-ten B. 1-te Abth. S. 176. Anm. 215.

которому Оттонъ даетъ слѣдующій аттестатъ: „Nascentis ecclesiae Jesu Christi Apostolus, vir sapientia, doctrina vitaeque exemplo clarus, populum Boemicum fide instituit.“ Далѣе называетъ онъ Гуса—„discipulus Wiclephi.“ Изъ приложеннаго списка сочиненій Гуса узнаемъ, что Оттону были извѣстны, кромѣ вышеисчисленныхъ трактатовъ, еще слѣдующіе: Объясненія на пророка Озію, Объясненія на нѣкоторыя мѣста Апокалипсиса, Sermones ad populum plures, item fragmenta quaedam, и только. Оттонъ Брунфелзій посвящаетъ свое изданіе Лютеру и между прочимъ пишетъ [5]: „Теперь я издаю въ свѣтъ самаго величайшаго врага [6], какого „только имѣлъ онъ (Антихристъ, папа), а именно — Гуса, и „твердо убѣжденъ, что тѣ, которыхъ онъ поражаетъ здѣсь, „будутъ готовы снова воздвигнуть на него всю землю; а „онъ былъ, какъ тебѣ извѣстно лучше моего, мужъ знамени„тый вѣрою, святостью жизни и ученостью преимущественно „предъ всѣми другими, и, что болѣе (безъ всякой зависти мож„но сказать), единственный и первый, который отъ имени раж„давшейся Церкви дерзнулъ исповѣдать Христа предъ синагогою сатаны.“ Увѣщевая Лютера къ терпѣнію и постоянству, Оттонъ ставитъ ему въ примѣръ Гуса, въ судьбѣ котораго находитъ очень много сходнаго съ судьбою Лютера. Относительно издаваемой книги Оттонъ пишетъ: „Ты, можетъ быть, спросишь, какъ „мнѣ попали въ руки эти трактаты? Такъ знай, что это длин„ная исторія и на первый разъ довольно будетъ, если я тебѣ „скажу, что они изъ числа перехваченныхъ книгъ Гуттена et „quod bona fide vetustissimisque exemplaribus testari possumus, „supposititicum non esse. Болѣе говорить объ этомъ и безполезно „и небезопасно: utinam vero integre fuisset assignatus (слѣд., самъ Оттонъ имѣлъ сомнѣнія на счетъ полноты попавшагося ему въ руки сочиненія)! Nam erat adhuc alius ejusdem nominis, qui „deperiit, ad quem ille remittebat frequenter: quo dici non po„test, quantum caruerimus aegre ad restitutionem. Nam multa non „cohaerebant, multa vetustate nimia erant abrasa, quaedam sic „scripta a libraris, ut nesciremus, quid vellent. — In Bohemicis „quoque vehementer laboravimus ad marginem scriptis: quae quo-

[5] Opera *Hussi* f. CCCXXXIII. 2 и CCCXXXIV. 1. Tomus I.

[6] Ago in lucem quo nunquam habuit pestilentiorem hostem, Ioannem Hus.

„niam non intelleximus, multa coacti sumus praeterire. Quaedam „tamen adscripsimus.“ Лютеръ, между прочимъ, отвѣчалъ на это Оттону слѣдующее: „Радуюсь, что Іоаннъ Гусъ, поистинѣ му„ченикъ Христовъ, является въ свѣтъ снова въ наше время и „что его совершенно заслуженно причисляютъ къ лику святыхъ, „хотъ бы всѣ Паписты лопнули отъ досады. Дай Богъ, чтобы я „достоинъ былъ того, чтобы мнѣ заслуженно были посвящены „труды столь великаго мужа. — Поторопись и издай въ свѣтъ „и то, что осталось, да вполнѣ прославляется этотъ мужъ [7]“.

Знакомый еще въ отрочествѣ [8] съ трудами Гуса, Лютеръ никогда не упускалъ ихъ изъ виду; но находка Оттона Брунфелзія, вѣроятно, много содѣйствовала къ тому, что Лютеръ рѣшился издать письма Гуса: онъ избралъ изъ нихъ четыре, имѣющія характеръ болѣе общій, нежели другія, и, присоединивъ къ нимъ посланіе магнатовъ и вельможъ Чехіи и Моравіи къ Костницкому Собору, издалъ въ 1536 г. Намъ сохранилось [9] предисловіе Лютера къ этимъ письмамъ и другое къ изданію 1537, которое заключало ли въ себѣ какія ни будь дополненія и прибавки, не знаемъ. Въ предисловіи изданія 1536 года Лютеръ говоритъ, что, издавая письма Гуса, онъ имѣетъ въ виду двѣ цѣли: первую, чтобы примѣромъ Костницкаго Собора доказать недѣйствительность и безполезность Собора, около того времени назначеннаго Карломъ V; вторую, чтобы сдѣлать то, что я всегда охотно дѣлаю и впередъ съ радостью буду дѣлать—клеймить позоромъ Костницкій Соборъ, самый достойный безславія [10]. Цѣль предисловія 1537—предостеречь богослововъ, отправлявшихся на папскій Соборъ, чтобы они, посте-

---

[7] Op. *Hussi* T. I. f. CCCXXXVI. 1.

[8] Op. *Hussi* T. I. f. 4, 1. Praef.

[9] Добровскій въ Исторіи Чешской Литературы (изд. 1-е, стр. 230) говоритъ: „Первыя Латинскія письма, которыя Лютеръ съ своимъ первымъ предисловіемъ и подъ заглавіемъ: Tres (а не четыре?) Epistolae Sanctissimi Martyris Ioannis Hussi e carcere Constantiensi ad Bohemos scriptae, переведены съ Чешскаго. Также въ болѣе полномъ изданіи его писемъ (Виттенбергъ, 1537, 8) встрѣчаются еще произведенія, какъ то: intimationes и нѣкоторыя письма, также первоначально писанныя по Чешски.

[10] Op. *Hussi*, T. I. f. 2. 1.

янно помышляя о тиранствѣ судей Костницкаго Собора, были осторожны. Это сочиненіе Лютера, заключающее въ себѣ его мнѣніе на счетъ обстоятельствъ жизни и ученія Гуса, чрезвычайно важно, и мы возвратимся къ нему, когда будемъ говорить объ отношеніи двухъ великихъ представителей: одного представителя религіознаго движенія въ Чехіи, а другаго представителя такого же движенія въ Германіи.

Объ изданіи сочиненій Гуса въ свѣтъ первые подумали Чешскіе Братья, которые въ Литомышлѣ выдали два небольшія сочиненія Гуса [11]: одно, направленное противъ священника, доказывавшаго, что Гусъ хуже всякаго дьявола (1509, in 8°), а другое — извѣстный его трактатъ *О шести заблужденіяхъ* (O sssti bludjch), 1510, in 8°). Въ числѣ запрещенныхъ Римскою Куріею книгъ, подъ 1449 стоитъ письмо Гуса къ священнику Галлу; но Добровскій не считаетъ этого года годомъ изданія самаго письма; въ томъ же Указателѣ запрещенныхъ книгъ подъ 1459 (а не подъ 1495) находимъ и другія сочиненія Гуса. Добровскій [12] упоминаетъ еще объ изданныхъ въ 1495 г. Passiones, гдѣ, въ особенномъ приложеніи для Утратраквистовъ, въ шестнадцати мѣстахъ изложено повѣствованіе о жизни и смерти Гуса, къ которому приложено четыре письма Гуса изъ Костница къ священнику Гавлику и др. мелкія его сочиненія. Въ 1533 г., въ 8-ку, вышло второе изданіе этихъ писемъ у Павла Северина. Изложеніе 12 Членовъ Символа Вѣры, сдѣланное Гусомъ, вышло въ 1520 въ л. Съ 1540 года начали тщательно собирать и печатать сочиненія Гуса; особенно ревностно занимался этимъ Духекъ Хмелиржъ зе Семехова [13]. Этому любителю и собирателю Гусовыхъ сочиненій Утраквистскій священникъ церкви Св. Галла посвятилъ изданное имъ въ томъ же 1545 году сочиненіе Гуса: Prowázek Třjrgramenný); тогда же Быджовскій (Bydžowsky) издалъ въ Прагѣ Гусову проповѣдь: о Тѣлѣ Христовомъ и Якубка слово о Тайной Вечери, оба сочиненія по Чешски и по Латыни. Въ 1554 году изданы въ Магдебургѣ двѣ проповѣди объ Антихристѣ, переведенныя на Чешскій Викториномъ Анксигиномъ. Въ 1558 го-

[11] Все это лежитъ на отвѣтственности Добровскаго. — G. der Böhm. Litt., стр. 226 и слѣд.

[12] *Dobrowsky's* Исторія Чешской Литтературы, изд. 2-е, стр. 226—229.

[13] Это былъ богатый гражданинъ Стараго Города Праги.

ду вышли въ свѣтъ два огромные тома въ л. сочиненій Гуса, подъ заглавіемъ: Ioannis Hus et Hieronimi Pragensis, confessorum Christi, historia et monumenta, partim annis superioribus publicata [14], partim nunc demum in lucem prolata et edita. Noribergae.

Цѣль изданія высказана въ Предисловіи типографщика: сочиненія Гуса должны были служить новымъ свидѣтельствомъ противъ Папистовъ и доказательствомъ истинности и древности оппозиціи противъ папы. Замѣчательно видѣть, какъ для Нѣмецкихъ Реформаторовъ Гусъ уже остался назади, его ученіе казалось слишкомъ мягкимъ и снисходительнымъ. Типографщикъ въ Предисловіи говоритъ: „При чтеніи предлагаемыхъ здѣсь сочиненій надобно дѣйствовать осмотрительно и не терять изъ виду того, что писавшіе ихъ должны были съ большимъ трудомъ возставать (?) противъ отовсюду окружавшаго ихъ мрака. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что они дошли бы до ученія еще чистѣйшаго и болѣе святаго (которымъ было, безъ сомнѣнія, ученіе Лютера ?!), если бы Богу угодно было продлить ихъ жизнь и споспѣшествовать ихъ начинаніямъ.“ Это изданіе было потребностью того времени, какъ замѣчаетъ и самъ издатель, присовокупляя къ тому, что онъ собралъ со всѣхъ сторонъ все, что относилось къ памяти *Святыхъ исповѣдниковъ и мучениковъ*, Іоанна Гуса и Іеронима Пражскаго, и *что было пощажено* яростью Папистовъ. Издатель надѣется присоединить въ послѣдствіи къ издаваемымъ двумъ томамъ Объясненіе Воскресныхъ Евангелій Гуса, которое по тому не могло быть тогда же издано, что его необходимо было перевести съ Чешскаго на Латинскій [15]. Далѣе, издатель (Typographus) говоритъ, что относительно неизданныхъ еще сочиненій Гуса онъ

---

[14] Cum scriptis et testimoniis multorum nobilitate, eruditione atque pietate praestantium, qui Sanctorum Martyrum doctrina praeclare instituti, tandem tractationum omnium in Synodo Constantiensi conscii, et crudelium et indignissimorum suppliciorum spectatores fuerunt. — Эпиграфъ: Vox sanguinis fratri tui clamat ad me de terra. — Издатели: типографщики Монтанъ и Нейберъ.

[15] Explicatio Evangeliorum Dominicalium, e Bohemica in Latinam linguam convertenda, aliquando post adjungetur.

пользовался единственнымъ спискомъ, и то до крайности испорченнымъ. Эти два дома сочиненій Гуса необходимы при изученіи Чешскаго религіознаго движенія; они должны лежать въ основаніи каждаго изслѣдованія по этому предмету: въ нихъ находимъ сводъ, хотя не всѣхъ сочиненій Гуса, но именно тѣхъ, которые объясняютъ намъ его характеръ, какъ народнаго дѣятеля.

Можно смѣло сказать, что доселѣ ни одинъ изъ историковъ, занимавшихся этимъ предметомъ, не воспользовался богатствомъ матеріаловъ, щедро собранныхъ въ этихъ двухъ томахъ. Мы ограничимся здѣсь только перечнемъ статей, которыя въ каждомъ изъ нихъ содержатся, и краткими замѣчаніями объ ихъ относительномъ достоинствѣ. Въ послѣдствіи, показывая развитіе характера народнаго религіознаго Чешскаго движенія и постепенное его развитіе, какъ въ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ явленіяхъ, мы будемъ обращаться къ подробному изслѣдованію каждаго изъ сочиненій Гуса въ томъ порядкѣ, въ какомъ они появлялись, и здѣсь-то покажемъ, какую сторону и что именно изъ характера религіознаго движенія каждое изъ нихъ содержитъ и обнаруживаетъ. Сочиненія Гуса относятся къ весьма различнымъ между собою временамъ: разсматривая всѣ ихъ вмѣстѣ, легко впасть въ крайнія ошибки и заблужденія на счетъ характера Гуса; сочиненія его написаны не всѣ подъ одними и тѣми же впечатлѣніями и содержатъ, какъ мы увидимъ, мнимыя противорѣчія. Но разсматривая внутреннее содержаніе сочиненій Гуса въ порядкѣ ихъ историческаго появленія, мы, во первыхъ, узнаемъ лучше самый ходъ событій жизни Гуса и его дѣятельности, каждому періоду которой соотвѣтствуетъ извѣстное сочиненіе Гуса, и во вторыхъ, прослѣдимъ внутреннее развитіе религіозныхъ мнѣній Гуса и Чешскаго народа, которыя не всегда же однѣ и тѣ же. Какъ великія народныя движенія условлены бываютъ важными и существенными причинами, а не пустою прихотью и не внезапнымъ капризомъ, которымъ болѣе подвержены отдѣльныя лица, такъ великія народныя идеи, какъ политическія, такъ и религіозныя, созрѣваютъ медленно и, однажды поразивъ сознаніе народа, производятъ перемѣну во всемъ его внутреннемъ существѣ, но онѣ не принимаютъ постоянныхъ формъ и продолжаютъ развиваться. Тутъ-то необходимы историческіе дѣятели, какъ сосуды, проводники идеи, и дѣйствія ихъ важны, какъ вы-

раженіе этой послѣдней. Сквозь сочиненія Гуса мы прослѣдимъ, по періодамъ, переворотъ религіозный, совершавшійся въ Гусѣ и Чешскомъ народѣ, и его развитіе и тѣ измѣненія, которыя въ немъ совершались и которыя внѣшнимъ образомъ высказываются въ историческихъ явленіяхъ. За первымъ изданіемъ твореній Гуса въ 1558 г. послѣдовало скоро другое, а именно, въ 1583 г., но рѣшительно безъ всякихъ поправокъ и прибавленій [16]. Въ 1715 году, опять въ Нирнбергѣ, послѣдовало третье изданіе сочиненій Гуса, по прежнему въ двухъ томахъ: это изданіе гораздо исправнѣе предыдущихъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и рѣже: въ немъ на поляхъ обозначены страницы предыдущихъ изданій, 1558 и 1583 г., для удобнѣйшаго отысканія ссылокъ писателей, разсуждавшихъ объ этомъ періодѣ. Послѣ оглавленія, гдѣ издатель указалъ на тѣ сочиненія Гуса, которыя были прежде изданы, и тѣ, которыя никогда прежде не являлись въ свѣтъ, слѣдуетъ извлеченіе историческихъ данныхъ, относящихся къ главнѣйшимъ событіямъ жизни Гуса и религіознаго Чешскаго движенія. За тѣмъ приведенъ тридцать первый членъ Лютера, осужденный папою Львомъ X-мъ, гдѣ говорится, что еретиковъ сожигать противно духу Св. Писанія и что сожженіе Гуса и Іеронима на Костницкомъ Соборѣ ничего не доказываетъ, потому что „Ioannem Hus et Hieronymum, viros Catholicos, combusserunt haeretici ipsi et apostatae et Antichristi discipuli.“ Тутъ слѣдуетъ: epitaphium Ioannis Hussii, Apostoli et Martyris Christi Jesu, гдѣ, между прочимъ, Гусъ названъ: docto Vuiclephi de grege discipu, lus. Далѣе, приложено изображеніе Гуса, сожигаемаго на кострѣ: онъ представленъ среди пламени, въ шапкѣ съ изображеніемъ драконовъ, въ одной рубашкѣ, прикованный у пояса и у шеи къ столбу цѣпями, правая нога обнажена, а лѣвая въ обуви; лицо совершенно не походитъ на обыкновенно изображаемые портреты Гуса; вверху изображенія и внизу его стихи, гдѣ прославляется память Гуса, показывающіе, что ихъ сочинялъ какой ни будь Чехъ [17].

---

[16] Wilhelmi *Seyfridi* Norimbergensis Commentatio de Iohannis Hussi Martyris vita, fatis et scriptis, p. 285 sqq.

[17] Вотъ эти стихи, очень замѣчательные:

На первомъ листѣ перваго Тома встрѣчаемъ: Historia sanctissimi Martyris Ioannis Hus, digna quae a piis hominibus cognoscatur (f. I—XXIX). Она была издаваема нѣсколько разъ и прежде, какъ увидимъ ниже при изслѣдованіи, кому принадлежитъ редакція этого сочиненія. Неизвѣстный сочинитель говоритъ въ началѣ: „Отъ насъ не должно ожидать полнаго жизнеописанія Гуса, хотя этотъ мужъ въ высшей степени достоинъ, чтобы сохранить всѣ малѣйшія, до него относящіяся, подробности. Мы имѣемъ въ виду изложить самымъ простымъ и краткимъ образомъ только то, что случилось во время путешествія Гуса въ Костницъ и во время, тотчасъ за тѣмъ послѣдовавшее.“ Въ концѣ находимъ слѣдующія слова сочинителя: „Очень хорошо знаю, что весьма слабо изобразилъ въ этомъ сочиненіи страданія пресвятаго (sanctissimi) мученика, Св. Іоанна Гуса, и его многотрудные подвиги, въ сравненіи съ которыми ничтожны кажутся хваленые подвиги Геркулеса. Тотъ древній Геркулесъ побѣдилъ нѣсколько чудовищъ, но нашъ Геркулесъ съ удивительною твердостью духа вызвалъ на бой и побѣдилъ міръ, мать всѣхъ чудовищъ и отвратительнѣйшихъ гадовъ. Предметъ заслуживалъ бы изложенія болѣе краснорѣчиваго, но, не могши ничего сдѣлать болѣе, предлагаю благочестивымъ душамъ самую истину, потому что я не отъ другихъ слышалъ объ этомъ, но *лично присутствовалъ при всемъ повѣствуемомъ и записалъ, какъ могъ*, да какимъ бы то ни было образомъ сохранится память святѣйшаго мужа и проповѣдника чистой Евангельской истины.“ Что касается до этого труда, то онъ представляетъ чрезвычайно богатую массу важныхъ матеріаловъ: здѣсь не только въ самомъ подробномъ видѣ узнаемъ всѣ дѣйствія Гуса предъ Костницкимъ Соборомъ, но и получаемъ

Albicolas nimeo vincens candore volucres — Candorem spurco vellicet ore tuum.

Salve Boiocmis, auser amande, tuis: — *Nulla sed Boemis, nec erit praestantior ales,*

Te manet aeternum decus, et memorabile nomen, — Conferri viva quae tibi voce queat.

Quod furor, aut aetas tollere nulla potest. — Grex avium vanis oblectat cantibus aures,

Atra licet cornix furtivis abdita pennis, — Tumentes niveo pectore, et ore pias.

изъ отвѣтовъ самаго Гуса объясненія многихъ важныхъ фактовъ его предшествовавшей жизни. Это сочиненіе невольно вселяетъ къ себѣ полную довѣренность, какъ чуждое всякой полемической формы: это простой, голословный перечень всего, что случилось на Костницкомъ Соборѣ относительно Гуса: здѣсь говорятъ факты за себя. Записавшій совершенно уничтожилъ свою личность и не позволилъ себѣ ничего прибавить: онъ даже не произнесъ ни одного браннаго слова ни на императора, ни на отцевъ Собора. Правдивость, откровенность и хладнокровіе — вотъ черты этого труда, и если бы мы имѣли подобное сочиненіе относительно всего поприща дѣятельности Гуса, то намъ ничего болѣе не оставалось бы желать.

2. Explicatio Symboli, Decalogi, Orationis Dominicae, cum aliis quibusdam scriptis de peccato mortali, de matrimonio, de cognitione et dilectione Dei, de tribus hostibus hominis, et septem peccatis mortalibus, de poenitentia, de sacramento corporis et sanguinis Domini, quae omnia in carcere in gratiam custodum composuit (f. XXIX—XLII). Эти трактаты всѣ вмѣстѣ составляютъ [21], такъ называемый, Катехизисъ Гуса; они очень мало замѣчательны въ историческомъ отношеніи, но чрезвычайно важны въ догматическомъ и нравственномъ.

3. De sanguine Christi sub specie vini a laicis sumendo, quaestio Magistri Ioannis Hus, quam Constantiae conscripsit, priusquam in carcerem conijceretur. Отвѣтъ на вопросъ: Utrum expediat laicis fidelibus sumere sanguinem Christi sub specie vini? (f. XLII—XLIV). Это сводъ мѣстъ Св. Писанія и Св. Отцевъ въ пользу утвердительнаго рѣшенія вышепредложеннаго вопроса: сочиненіе въ высшей степени важное во всѣхъ отношеніяхъ.

4. a) I. Hus De sufficientia legis Christi ad regendam Ecclesiam, positio Magistri Ioannis Hus, quam sibi collegerat, volens in Concilio Constantiensi, si sibi data fuisset audientia, intentionem suam publice declarare (XLIV—XLVIII). b) I. Hus Sermo de fidei suae elucidatione, quem intendebat in Concilio Constantiensi proponere. (XLVIII—LII). c) Sermo Mag. I. Hus de pace, quem etiam intendebat praedicare in Concilio Constantiensi (f. LII—LVII). Всѣ важны въ догматическомъ отношеніи.

---

[21] *Seyfridi* Commentatio: Hi tractatus conjunctim *Catechismus Hussi* vocari solent; p. 155.

5. Epistolae Ioannis Hus et aliorum sub tempus Concilii Constantiensis scriptae [19]: онѣ занимаютъ въ первомъ томѣ отъ л. 57 до листа 86; ихъ числомъ 68, но не всѣ они принадлежатъ Гусу. Въ изданіи Твореній Гуса, они раздѣлены на два отдѣла: одни, писанныя Гусомъ прежде его заключенія въ темницу, числомъ 9, а другія, написанныя въ темницѣ. Къ числу первыхъ относятся: 1) Магистру Мартину, письмо, написанное Гусомъ еще до отъѣзда въ Костницъ; 2) письмо прощальное къ Чехамъ предъ отъѣздомъ на Костницкій Соборъ; 3) письмо изъ Нирнберга; 4) письмо, писанное по Чешски и по Латынѣ и принадлежащее, если вѣрить надписанію, Іоанну изъ Яновицъ, одному изъ лицъ, провожавшихъ Гуса въ Костницъ; 5) письмо Гуса, къ друзьямъ изъ Костница; 6) письмо Гуса оттуда же; 7) письмо Гуса къ народу, писанное уже въ 1415 г. и, слѣдственно, изъ темницы; 8) письмо Гуса къ Пражанамъ, которое содержитъ обіція увѣщанія остаться вѣрными истинѣ; 9) письмо Гуса къ нѣкоему священнику объ обязанностяхъ его сана. Тутъ (f. LIX) II. слѣдуютъ: Epistolae, quas conscripsit M. Ioannes Hus, anno 1415 in carcere Constantiae apud Minores, ad Bohemos. cum summariis eorundem, ex Bohemico versis: 1) письма Іоанна Гуса къ своимъ послѣдователямъ вообще; наставительнаго содержанія — отъ 10 до 15-го письма включительно; 2) письмо Гуса къ священнику Гавлику (XVI); 3) письмо Гуса къ Магистру Христану; 4) письмо Гуса къ Пражскому Университету; 5) прощальное письмо Гуса къ его благодѣтелямъ; 6) прощальное письмо Гуса ко всему Чешскому народу; 7) письма Гуса къ Чехамъ, его провожавшимъ въ Костницъ (21, 22, 23 и 24, 27 и 29); 8) письма Гуса, къ его друзьямъ въ Чехіи: Лидерію, Генриху изъ Скопова, ученику своему, Мартыну (25, 26, 28 и 42); 9) письма Гуса вообще къ его послѣдователямъ, гдѣ онъ изображаетъ состояніе своего духа и внутреннія страданія, имъ переносимыя (30, 32 и 33); 10) письма Гуса, относящіяся къ разнымъ обстоятельствамъ его борьбы съ Соборомъ: 1) къ первой аудіенціи, данной ему Соборомъ относится письмо 31-е; 2) къ отношеніямъ Гуса и Сигисмунда относится письмо 35-е; 3) ко второй аудіенціи Гуса передъ

[19] Письма Гуса составляли любимое чтеніе Гуситовъ и Лютеранъ, и были издаваемы нѣсколько разъ; мы уже говорили о двухъ изданіяхъ ихъ, надъ которыми трудился самъ Лютеръ.

Соборомъ письмо 36; 4) къ отношеніямъ Гуса и Кардинала Гостійскаго относятся письма 38, 39 и 40. II). Письма Гуса, содержащія изложеніе его собственнаго нравственнаго положенія и его мнѣній—37 и 41. За тѣмъ, на л. 71, читаемъ: Epistolas sequentes scripsit M. I. Hus de carceribus, in quibus primum detentus fuit apud fratres Praedicatores in stageo Constantiensi extra muros civitatis. Эти послѣднія письма, которыхъ числомъ 15, составляютъ часть переписки Гуса съ его друзьями Чехами, бывшими въ Костницѣ, а именно, съ Хлумомъ, Петромъ нотаріусомъ, и иными. Здѣсь, среди писемъ Гуса, находятся три письма къ нему, одно Петра нотаріуса, другое Іоанна Хлума и третье друзей Гуса вообще. Письма Гуса исполнены высокаго значенія: безъ нихъ невозможно опредѣлить характеръ Гуса и того религіознаго движенія, котораго онъ самъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Это не письма частнаго человѣка, имѣющія предметомъ только его частныя нужды, а письма человѣка, играющаго великую историческую роль, человѣка, исполненнаго сознаніемъ важности своего назначенія. Въ письмахъ Гуса видимъ внутреннюю сторону религіознаго движенія, проникаемъ въ изгибы сердца великаго дѣятеля: здѣсь онъ раскрываетъ предъ своими друзьями всю свою душу, всѣ свои помышленія, не думая, чтобы онѣ могли быть когда ни будь извѣстны потомству. И что же? Нельзя безъ глубокаго чувства, безъ умиленія, читать эти сердечныя изліянія великаго Гуса его друзьямъ: такъ чисты, такъ благородны они, такъ неожиданно поражаютъ душу читателя, настроеннаго на пониманіе всего прекраснаго; здѣсь только узнаемъ вполнѣ прекрасный характеръ Гуса, сосудъ религіозныхъ мнѣній его и народа Чешскаго, съ которымъ онъ имѣетъ одни и тѣ же помыслы, одни и тѣ же чувства. Кромѣ этого общаго интереса, письма Гуса имѣютъ и частный: одни изъ нихъ объясняютъ намъ отношеніе Гуса и Чеховъ къ императору и Собору, другія содержатъ его нравственно-религіозныя размышленія и совѣты; но все это представляетъ важность второстепенную главное то, что мы узнаемъ изъ писемъ Гуса духъ этого великаго человѣка и религіознаго движенія, во главѣ котораго онъ шелъ. Подлинность и достовѣрность писемъ Гуса неподвержена сомнѣнію: они были собраны другомъ Гуса, нотаріусомъ Петромъ, который счелъ нужнымъ присоединить къ нимъ свое свидѣтельство, которымъ тожественность писемъ Гуса поставлена внѣ всякаго со-

мнѣнія [20]. За тѣмъ въ твореніямъ Гуса помѣщены нѣкоторые акты, относящіеся къ дѣятельности Гуса и его послѣдователей: 1) Litterae quaerimoniales de injuria Papae, quas Dominus Ioannes de Chlum in lingua Latina et Teutonica cum suo sigillo affixit valvis ecclesiarum Constantiae; 2) Epistola Baronum regni Bohemiae, quam scripserunt Romanorum et Hungariae Regi Sigismundo ad Constantiam (1414); 3) Alia Baronum epistola ad eundem — (1415); 4) письмо Бароновъ Чехіи и Моравіи, собравшихся въ Бырнѣ и требовавшихъ, чтобы Гусу дана была аудіенція; 5) Syngrapha quaedam Magnatum et Procerum regni Bohemiae et Marchionatus Moraviae, circiter sexaginta, qua promittunt se communi opera veram Evangelii doctrinam, in Constantiensi Concilio damnatam, summo studio defensuros esse (1415); 6) Письмо Магнатовъ, Бароновъ и Вельможъ, подписанное болѣе нежели тысячью благородныхъ людей, воиновъ и гражданъ; 7) Посланіе Собора къ Чехамъ; 8) Посланіе Собора къ Моравцамъ; 9) Testimonium Universitatis Pragensis de doctrina et vita Ioannis Hus; 10) Summaria ratio fidei totius communitatis Pragensis; 11) Archiepiscopus Pragensis scribit Regi Ungariae, renuncians omnibus juramentis, quibus se illi obstrinxerat; 12) Invectiva quorundam amicorum Ioannis Hus, quod Concilium Constantiense injuste damnaverat eum. Важность этихъ актовъ видна уже изъ самихъ надписей: особенно замѣчательны и въ историческомъ отношеніи полезны: 5 й, 6 й, 9 и 10 й.

6. Sequitur narratio et scripta quaedam reverendi viri M. Ioannis Hus, quibus occassiones, initia et progressus certaminum ipsius cum factione Pontificia explicantur, quorum omnium aliquoties in Historia Synodi et epistolis mentio facta est. Ordo procedendi in causa M. Ioannis Hus, per ipsumet signatus, cum aliquot Pontificum ac legum sententiis, ab ipso adjectis, de non comparendo coram judicibus suspectis, et in loco minus securo. Здѣсь раскрываются отношенія Гуса къ Сбинку, Архіепископу Пражскому, и споръ его съ нимъ по случаю сожженія книгъ Виклефа (LXXXVI—LXXXIX). Сюда же относится и слѣдующее за тѣмъ сочиненіе: Tenor appellationis Magistri Ioannis Hus, cum sibi adhaerentibus, a sententia

[20] Opera Hus — t. I. f. LXXV: I. Testimonium Petri Notarii (послѣ 56 письма): Istae cartae praemissae, omnes sunt de schedulis Magistri Ioannis Hus de manu ipsius scriptis bona fide redditae. Respondent enim de verbo ad verbum cum suis originalibus.

Archiepiscopi Pragensis, contra combustionem librorum Ioannis Vuigleff, et contra alia, in eadem appellatione contenta, ad sedem Apostolicam (LXXXIX — XCIII.).

7. Epistolae aliquot Ioannis Hus, tempore anathematis et interdicti Pontificii scriptae. Они всѣ принадлежатъ Гусу, за исключеніемъ пятнадцатаго, гдѣ одинъ Виклефовъ ученикъ, саномъ священникъ, подкрѣпляетъ Гуса и его послѣдователей къ борьбѣ противъ злоупотребленій, вкравшихся въ Церковь. Изъ четырнадцати писемъ собственно Гуса 8 обращено къ вѣрнымъ, находящимся въ Прагѣ (fidelibus, qui Pragae sunt), одно къ вѣрнымъ городъ Лунъ, одно къ Кардиналамъ, четыре къ разнымъ инымъ лицамъ (XCIII—CII). — Стоитъ только сравнить письма Гуса изъ Костница съ его письмами, относящимися къ времени, когда онъ, принужденный оставить Прагу, потерпѣвшую за него папское запрещеніе, чтобы тотчасъ увидѣть безконечную перемѣну, происшедшую въ образѣ мыслей Гуса и въ его направленіи, а равно и въ направленіи религіознаго движенія, котораго онъ былъ самымъ вѣрнымъ представителемъ. Тщательное и долговременное чтеніе всѣхъ сочиненій Гуса, какія только мы могли имѣть, а равно и знакомство со всѣми явленіями, въ которыхъ выражалось наружу преобразованіе, совершавшееся въ умѣ и расположеніи народами, привело насъ къ тому выводу, что Чешское религіозное движеніе, начавшись съ глубокаго негодованія, причиненнаго страшною безнравственностью духовенства, а еще болѣе его наглымъ обхожденіемъ со всѣмъ, что Чешскій народъ привыкъ считать святаго, и съ безъотчетной ненависти къ нему и его внѣшнимъ дѣйствіямъ богослуженія, начинало возвращаться къ народнымъ источникамъ, къ силамъ духа народнымъ въ постепенномъ своемъ ходѣ. Приготовленный къ живому воспріятію всего, что только вооружалось противъ наглости духовенства, Чешскій народъ жадно принималъ въ себя все, что только приносило ему хотя минутное облегченіе, все, что удовлетворяло на первый разъ его негодованію; но мало по малу Чешскій народъ обратился къ своему собственному духу и вынесъ изъ него неотразимые и страшные вопросы, которые заставили содрогнуться папу на его престолѣ. Не забудемъ и того, что народный Чешскій вопросъ о пріобщеніи Св. Таинъ подъ обоими видами только тогда коснулся сознанія народнаго, когда близорукіе отцы Костницкаго Собора думали, что имъ нечего опасаться дальнѣйшихъ

движеній Чешскаго народа, потому что они обманомъ и кривдою заманили къ себѣ Гуса. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе Виклефа глубоко подѣйствовало на Чешскій народъ, но оно дѣйствовало недолго, оно изрыло внутренній составъ народа и коснулось жизненныхъ силъ Чешскаго народа. Ученіе Виклефа не могло удовлетворить требованіямъ Чешскаго народа: оно только поманило ихъ къ себѣ и тѣмъ условило ихъ развитіе. Гусъ потому-то и великъ, что онъ совлекъ свой личный характеръ и свои личныя убѣжденія, что онъ отказался отъ дѣятельности самостоятельной, что онъ рѣшился быть органомъ мнѣній своего народа, сосудомъ его убѣжденій. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ съ горячностью принялъ мнѣнія Виклефа, какъ утолившія хотя на минуту его безконечную жажду къ обличенію существовавшаго порядка вещей; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что въ послѣдствіи онъ приблизился болѣе къ религіознымъ потребностямъ Чешскаго народа и что изъ мнѣній Виклефа онъ удержалъ только тѣ, которые соотвѣтствовали народному развитію. Чрезвычайное непониманіе характера всего религіознаго Чешскаго движенія обнаружилъ бы тотъ, кто сталъ бы видѣть въ Гусѣ реформатора, изъ глубины духа высказывающаго свои личныя мнѣнія и силою краснорѣчія и твердостью воли невольно увлекающаго за собою умы слушателей, или вообще современниковъ. Гусъ не имѣлъ личныхъ мнѣній и убѣжденій: его мнѣнія и мнѣнія народа Чешскаго были одни и тѣ же, и потому въ ученіи Гуса, живомъ изліяніи глубоко страждущаго Чешскаго сердца, нѣтъ неподвижности, нѣтъ рѣзкихъ и постоянныхъ пунктовъ; этимъ-то объясняется различіе, которое встрѣчаемъ въ первыхъ сочиненіяхъ Гуса, написанныхъ подъ вліяніемъ Виклефа, и въ послѣдующихъ, на пр., писанныхъ въ Костницѣ. Только самый тупой и въ мелочахъ растерявшійся взоръ не примѣтитъ той постепенности въ сочиненіяхъ Гуса, по которой онъ, отправившись отъ религіозныхъ положеній Виклефа, пришелъ къ тѣмъ религіознымъ мнѣніямъ, которыя наиболѣе удовлетворяли потребностямъ Чешскаго народа. Такъ Гусъ гораздо мягче, снисходительнѣе кажется въ письмахъ изъ Костница, чѣмъ въ нынѣ нами разбираемыхъ: въ первыхъ онъ ближе къ народу, а во вторыхъ онъ богословъ-мистикъ.

8. De libris haereticorum legendis (CII—CVIII): простой сводъ мѣстъ Св. Писанія въ пользу утвердительнаго рѣшенія предложеннаго въ заглавіи вопроса.

9. Actus pro defensione libri Ioannis Wiclef de Trinitate Sancta, publice celebrata an. 1410 (CV—CVIII).

10. Два сочиненія въ защиту Виклефа: 1) Replica Magistri Ioannis Hus contra Anglicum Ioannem Stokes, Viclephi calumniatorem (Октябрь 1411); 2) Defensio quorundam articulorum Ioannis Wicleff (1412) (CVIII — CXVII).

11. De ablatione temporalium a clericis, determinatio Ioannis Hus (1412), (CXVII—CXXV): въ высшей степени замѣчательное, равно какъ и послѣдующее:

12. De decimis (1412) (CXXV—CXXXV.).

13. Replica contra occultum adversarium (1412) (CXXXV-CXLIV).

14. Replica contra praedicatorem Plznensem (1412) (CLIV-CXLIX).

15. Quaestio Magistri Ioannis Hus de arguendo clero pro concione (CXLIX — CLIV).

16) De quinque officiis sacerdotis (CLIV).

17) Determinatio quaestionis, cum suo tractatulo, de omni sanguine Christi glorificato, per Ioannem Hus (CLIV—CLXIII).

18. De corpore Christi (CLXIII—CLXVIII).

19) De tribus dubiis factis in Holomutz, quae idiotae asserunt pro vero et tanquam fidem, anno Domini 1412 (CLXVIII—CLIX).

20) Quaestio de credere (CLXIX—CLXXI).

21) Сочиненія Гуса и вообще бумаги относительно индульгенцій папы Іоанна XXIII; сюда относится четыре акта: 1) Bulla indulgentiarum Papae Ioannis XXIII pro subsidio contra Ladislaum, Regem Apuliae, Pragam allata 1412. 2) Alia bulla commissariis data de erectione crucis contra Ladislaum, continens remissionem omnium peccatorum a poena et a culpa. 3) Quaestio Magistri Ioannis Hus, disputata ab eo anno Domini 1412 post Viti de indulgentiis sive de cruciata Papae Ioannis XXIII, fulminata contra Ladislaum, Apuliae Regem. 4) Ioannes Hus contra bullam Papae Ioannis XXIII, in qua erexit crucem contra Ladislaum, Regem Apuliae, Replica, facta post Viti, post sanctam Synodum, an. 1412 (CXXXI—CXCI). Всѣ эти акты и трактаты имѣютъ чрезвычайно важное историческое значеніе.

22) Opusculum Magistri Ioannis Hus, de sex erroribus compilatum atque cura ipsius parietibus Bethlehemiticis inscriptum, an. 1413 (CXCI — CXCVI).

23) Tractatus Magistri Ioannis Hus *de Ecclesia*, quem collegit an. D. 1413 et est pronunciatus publice in civitatie Pragensi (CXCVI—CCLV). Безспорно, самое важное сочиненіе Гуса.

24) 1. Responsio Magistri Ioannis Hus ad scripta M. Stephani Paletz, Theologiae Doctoris; 2. Responsio ad scripta M. Stanislai de Znoyma, Doct. Theologiae; 3) Refutatio (Ioannis Hus) scripti octo Doctorum Theologiae. За тѣмъ слѣдуетъ: Repetitio Magistri Ioannis Jessinetz, Doctoris juris Canonici, pro defensione causae Magistri Ioannis Hus, scripta anno 1412, die 16 mensis Decembris (CCLV—CCCXXXIV).

25) Мнимыя сочиненія Гуса: 1) De Antichristo et membrorum ejus anatomia; 2) De regno, populo, vita et moribus Antichristi (CCCXXXVI — CCCXXV). Эти два сочиненія перепечатаны издателями по Оттону Брунфелзію, котораго два предисловія и отвѣтъ Лютера присоединены здѣсь. 3) De sacerdotum et monachorum abhorrenda abominatione desolationis in ecclesia Christi, Tractatio loci ex Oseae cap. V. Издатели присоединили къ этому трактату 41 главу, нигдѣ прежде не напечатанную (отъ 46 до 87) (CCCLXXV — CCCCLXXII).

26. За тѣмъ слѣдуетъ нѣсколько мелкихъ сочиненій, обыкновенно Гусу приписываемыхъ: 1) De abolendis sectis et traditionibus hominum; 2) De pernicie traditionum humanarum; 3) De unitate ecclesiae et schismate, съ предисловіемъ Оттона Брунфелзія. „Уже изъ этой одной книги читатель Христіанинъ узнаетъ, что 1. Гусъ „далеко не былъ еретикомъ и что онъ безвинно осужденъ тѣми „поджигателями и палачами. Можно ли написать что нибудь бо„лѣе въ духѣ Христіанскомъ? Существуетъ и другое твореніе „Гуса, но гораздо большаго объема, хотя подъ схожимъ назва„ніемъ: это доказываетъ, что оно не можетъ не быть подлин„нымъ, хотя, къ величайшему несчастію, единственный, до насъ, „дошедшій, списокъ испорченъ и неполонъ. Этимъ мы обязаны „тѣмъ же истребителямъ и тиранамъ; ибо что удивительнаго, если, „изведши самаго мужа, они сочиненія его изгнали изо всѣхъ би„бліотекъ?“ [21] 4) De evangelica perfectione, съ небольшимъ предисловіемъ Оттона Брунфелзія, гдѣ объясняется содержаніе этого трактата, затемненнаго въ началѣ отсутствіемъ нѣсколькихъ главъ; 5) De mysterio iniquitatis Antichristi fragmentum. Въ краткомъ предисловіи Оттонъ Брунфелзій говоритъ, что рукопись, откуда онъ заимствовалъ этотъ отрывокъ, была совершенно испорчена и предурно написана. „Думаю, продолжаетъ онъ, что это вы-

[21] Opera *Hussi* T. I. p. 445, 2.

„писки какого ни будь студента, изъ значительнаго сочиненія, „котораго заглавіе было: De mysterio iniquitatis Antichristi.“ Раздѣленіе на главы этого отрывка принадлежатъ Оттону: дотолѣ не было никогда раздѣленія и все было написано сплошь; 6) De revelatione Christi et Antichristi, fragmentum 2. И этотъ отрывокъ найденъ Оттономъ въ очень испорченной и неполной рукописи; 7). Quaedam fragmenta (какъ бы Ioannis Hus). Оттонъ считаетъ ихъ простыми выписками для памяти изъ иныхъ, болѣе значительныхъ, сочиненій (CCCCLXXII — CCCCCI). — Изъ многочисленныхъ сочиненій Гуса, которымъ мы упомянули только названіе, чаще другихъ перепечатываемы въ Германіи и болѣе другихъ находили себѣ слушателей его сочиненія полемическія, или тѣ, въ которыхъ онъ вооружается противъ злоупотребленій духовенства и особенно папы; такъ издатели твореній Гуса говорятъ, что еще прежде, нежели они принялись за свой трудъ, были напечатаны: 1) Historia Hussii in Concilio Constantiensi; 2) Epistolae Ioannis Hus et aliorum; 3) Tractatus de corpore Christi; 4) Tractatus de Ecclesia; 5) Всѣ сочиненія относительно Антихриста были особенно часто издаваемы; 6) Мелкія сочиненія Гуса, исчисленныя у насъ подъ N0 22. Много упрекали издателей твореній Гуса въ томъ, что они помѣстили ихъ не въ порядкѣ, а на удачу, гдѣ какое пришлось. Мы думаемъ, что эти обвиненія напрасны: принять при изданіи сочиненій Гуса основаніемъ ихъ размѣщенія то время, когда каждое изъ нихъ вышло, невозможно, отчасти потому, что время написанія нѣкоторыхъ сочиненій Гуса очень сомнительно, а отчасти потому, что къ одному и тому же году относится множество сочиненій, которыхъ пришлось бы распредѣлять по мѣсяцамъ и днямъ. Относительно содержанія также нельзя подвести Гусовыхъ сочиненій подъ опредѣленные разряды: всѣ они болѣе или менѣе соединяютъ въ себѣ элементы: богословскій и историческій. Это условливаетъ ихъ важность и значеніе для историка, потому что нѣтъ ни одного сочиненія, которое сплошь было бы посвящено вопросамъ богословскимъ: во всѣхъ изъ нихъ есть историческія указанія и намеки. Потому ихъ невозможно иначе съ пользою разсматривать и изучать, какъ въ связи съ самою жизнью Гуса. Гусъ былъ Славянинъ по своему характеру: *какъ всѣ Славянскіе дѣятели въ области умственной, онъ не пристрастенъ къ умствованіямъ и схоластическимъ тонкостямъ*, составлявшимъ тогда все богословіе; онъ ищетъ

въ высокихъ отвлеченныхъ вопросахъ ихъ *практической стороны*, ихъ вліянія на жизнь. Потому при изученіи его дѣятельности невозможно отдѣлять его слова отъ его дѣйствія: одно объясняетъ и дополняетъ другое.

Во второмъ томѣ Operum et Monumentorum Ioannis Hus et Hieronymi Pragensis, которымъ, къ несчастію, мы не могли пользоваться, находятся слѣдующія статьи [22]: 1) Historia gestorum Christi ex quatuor Evangelistis in unum collecta et secundum tres annos praedicationis ejus distincta, f. 1. 2) Historia passionis Christi ex IV Evangelistis in unum collecta et scholiis illustrata. 3) Edidit etiam conjunctim Conciones Synodicas IX, quas habuit diversis temporibus ad clerum, ejusque vitia et impietatem in illis maximo verborum pondere depingit Hussius [23]. 4) Explicatio in VII priora capita 1. Ep. Pauli ad Corinthios (f. LXXXIII.). 5) Commentarii in epistolam Jacobi, Petri, Ioannis, Iudae Apostoli, sive in epistolas Apostolorum canonicas septem (f. CV). 6) Enarratio Psalmi 109, 108 et 9 sequentium Psalmorum (f. CCXXIX). 7) De corpore Christi in Sacramento altaris, quod non creetur, neque incipiat esse, contra quosdam crassiores Papistarum errores. 8) De adoratione et contra imaginum adorationem. 9) Narratio historica de condemnatione et supplicio Ioannis Hus in Synodo Constantiensi (f. CCCXLIV). 10) Carmen de cena Domini. 11) Commentarius in Oseam et Ezechielem prophetam. Здѣсь тотъ, у кого мы заимствуемъ содержаніе втораго тома твореній Гуса, замѣчаетъ: „Ab aliis hoc scriptum allegatur sub hoc titulo: „Loca aliquot ex Osee et Ezechielis Prophetis c. 5 et 8 de abhorrenda sacerdotum et monachorum Papisticorum in ecclesia Christi abominatione eorumque impietatate detestanda," et scriptum hoc idem est cum illo, cujus supra (при первомъ томѣ) mentionem fecimus [24]. Въ 1520 году въ Виттенбергѣ, безъ имени Гуса, вышелъ „Commentarius in Apocalypsin," который многіе ему приписывали, но большая часть ученыхъ въ послѣдствіи согласились съ тѣмъ мнѣніемъ, что этотъ комментарій принадлежитъ Іоанну Парвею, ученику Виклефа. Ю-

---

[22] *Seyfridi* Commentatio de vita Ioannis Hus, p. 290.

[23] Здѣсь мы пропустили сочиненіе Гуса: De dictis Scripturae sermones 28 ad populum — in bibliotheca Huttenica inventi et anno 1524 editi. In his sermonibus Antichristus describitur (*Seyfrid* p. 290).

[24] *Seyfrid.* p. 288.

неманнъ въ своемъ каталогѣ рѣдкихъ книгъ, на стр. 73, упоминаетъ о третьемъ томѣ твореній Гуса, содержащемъ въ себѣ проповѣди его къ народу касательно Антихриста; въ концѣ присоединено сравненіе ученій Іисуса Христа и папы: время и мѣсто изданій этой книги неизвѣстны. Статьи втораго тома уступаютъ своею важностью и историческимъ значеніемъ статьямъ, содержащимся въ первомъ томѣ: первыя болѣе догматическаго содержанія, но все же нельзя не пожалѣть объ отсутствіи втораго тома, ибо и въ немъ мы нашли бы разбросанныя черты характера религіознаго Чешскаго движенія, котораго Гусъ былъ только сосудомъ; особенно жаль, что мы не могли дополнить тѣхъ пропусковъ въ развитіи Гуса и его мнѣній, которыхъ избѣжать невозможно при особенности движенія религіозныхъ мнѣній въ Гусѣ: каждому малѣйшему измѣненію направленія ихъ, соотвѣтствуетъ и новое твореніе Гуса. Гусъ писалъ не только для того, чтобы писать, а по неотразимому внутреннему побужденію, которое постоянно подстрекало его къ изслѣдованію истины. Гусъ въ высшей степени народный Чешскій проповѣдникъ, и *его творенія суть памятники высокой умственной и нравственной гражданственности этого народа*, народа Чешскаго; потому сильно ошибется тотъ, который будетъ разсматривать Гуса, какъ самостоятельнаго дѣятеля; какъ *явленіе всемірной исторіи*, *Гусъ* получаетъ высокую неотразимую важность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весь *Чешскій народъ*, которому Гусъ всѣмъ обязанъ. Поблагодаримъ же трудолюбивыхъ типографщиковъ Нирнбергскихъ, Іоанна Монтана и Ульриха Нейбера, за то, что они создали, сами того не зная, вѣчной памятникъ великому и столь несправедливо униженному Чешскому народу, который, подъ гнетомъ самыхъ тяжкихъ обстоятельствъ, обнаружилъ такое великое и благородное развитіе силъ, достигъ такого высокаго нравственнаго образованія, какого ни одинъ иной народъ. Наше время, болѣе нежели какое иное, сознало вполнѣ права каждаго человѣка, признало пустоту внѣшнихъ общественныхъ различій и установило только различіе, основанное на степени духовнаго образованія каждаго лица, наше время потерпитъ ли и въ исторіи абсолютизмъ нѣкоторыхъ народовъ надъ другими, дозволитъ ли, чтобы нѣкоторые народы незаконно присвоивали себѣ монополію развитія духовнаго, чтобы преимущественно предъ другими, не уступающими имъ силою и благородствомъ духа,

но безконечно превосходящими ихъ *скромностью*, эти привилегированные народы требовали вниманія человѣчества, какъ мнимые его единственные представители въ его внутреннемъ развитіи? Строгія и безпристрастныя изслѣдованія показываютъ, что Русь и до Петра Великаго не была, какъ думали на Западѣ, Татарскою державою, гдѣ народъ жилъ только прозябательною жизнью, гдѣ все, что еще оставалось жизненнаго въ его развитіи, удалилось въ голову, и гдѣ подъ гнетомъ Азіатскаго деспотизма задавлено было всякое самостоятельное движеніе силъ народа, но что она постоянно дѣйствовала по законамъ высшаго духовнаго развитія, осуществляла ихъ въ себѣ и представляла игру самыхъ благородныхъ силъ, высшихъ потребностей духа человѣческаго. *Пора вникнуть попристальнѣе и въ исторію иныхъ Славянскихъ племенъ*, и въ ней, отдѣливъ внѣшнія, безконечно разнообразныя, явленія, найдемъ *развитіе*, найдемъ *высокую степень внутренняго образованія*. Но *удѣломъ Славянскаго племени было только дѣйствовать, а удѣломъ Германскаго дѣйствовать и говорить за себя*, и тѣмъ только можно объяснить взаимныя ихъ отношенія, которыя безпристрастно изслѣдовать принадлежитъ наконецъ, намъ, Славянскимъ писателямъ.

Въ Нирнбергѣ, въ 1563 году, напечатано было собраніе Чешскихъ проповѣдей (Postille) Гуса, гдѣ присоединено нѣсколько иныхъ мелкихъ сочиненій его, но, какъ Добровскій замѣчаетъ, издатели не воспользовались многими, доступными имъ, сочиненіями Гуса [25]. Въ слѣдующемъ году (1564), неизвѣстно гдѣ, вышло второе изданіе Гусовыхъ Проповѣдей и при немъ Прибавленіе, содержащее Воскресныя посланія Якубка. Нѣкоторые писатели приписывали Гусу переводъ Чешской Библіи; но Чехи имѣютъ изъ XIII стол. Псалтырь, изъ XIV Новый Завѣтъ и нѣкоторыхъ Пророковъ: очень можетъ быть, какъ думаетъ Добровскій, что Гусу принадлежитъ первая редакція Библіи, что онъ дополнилъ недоставшія книги ея, исправилъ языкъ уже переведенныхъ и издалъ тѣ и другія вмѣстѣ. Многія сочиненія Гуса написаны на Чешскомъ языкѣ, особенно тѣ, которыя имѣли цѣлью наставленія народу: таковы объясненія Десяти Заповѣдей и Воскресныхъ Евангелій. Неподвержено сомнѣнію и то,

[25] *Dobrowsky's* Geschichte der Böhm. Litt. S. 143.

что Гусъ перевелъ на Чешскій Тріалогъ Виклефа: на стѣнахъ Виклеема, народной Чешской церкви, былъ написанъ трактатъ о *шести* заблужденіяхъ, составленный Гусомъ; многія духовныя пѣсни принадлежатъ безспорно Гусу. Нѣтъ сомнѣнія, что Чешскихъ сочиненій Гуса далеко болѣе, нежели Латинскихъ, но ни тѣ, ни другія вполнѣ доселѣ неизвѣстны. Самъ Гусъ пишетъ, что Соборъ осудилъ его книги, которыхъ онъ и разумѣть не могъ: конечно, здѣсь разумѣются Чешскія книги, потому что всѣ члены Собора не могли не знать по Латынѣ. Одинъ Утраквистъ въ сочиненіи отъ 1496 года, опровергая мнѣніе одного Францисканца относительно Чаши въ Евхаристіи, замѣчаетъ, приведши слова Гуса изъ его проповѣди о Тѣлѣ Христовомъ: „какъ мы имѣемъ и иныя его проповѣди, писанныя его рукою [26]." Его Чешскія сочиненія разсѣяны по разнымъ рукописямъ: такъ въ рукописи Голомуцкой Библіи (второй по Добровскому) находится принадлежащее Гусу объясненіе 10-ти Заповѣдей послѣ книги Бытія съ напоминаніемъ на концѣ: „Um Gottes Willen lass es stehen." Въ городской Нирибергской Библіотекѣ должна храниться рукопись, содержащая проповѣди (Postille) Гуса, съ припискою: Kratičky wýklad na přikazanie bozie desatero pro sprostne a nepřazdne w pracy, wyložene skrzie mystra."..... самое имя выскоблено и на концѣ приписано: „Nechay stati pro Boh!" Проповѣдь Гуса о Страстяхъ Іисуса Христа должна находиться въ Стокгольмѣ (въ Hodynář [27]). Прекрасный и полезный былъ бы трудъ собрать всѣ сочиненія Гуса, какія только уцѣлѣли отъ времени и страстей человѣческихъ, и вмѣстѣ съ тѣми, которыя уже были изданы, напечатать въ самомъ точномъ хронологическомъ порядкѣ; но, къ несчастію, въ наше время любятъ болѣе поверхностныя умствованія, чѣмъ основательный и существенный трудъ. Изслѣдованіе судьбы, которымъ подвергались сочиненія Гуса и его послѣдователей, могло бы составить порядочное разсужденіе. Такъ съ 1540 года, послѣ того, какъ Католики и Утраквисты на сеймѣ въ 1539 г. постановили, чтобы всѣ богословскія сочиненія подвергались цензурѣ Ректора и Консисторіи, книги, относившіяся къ великимъ дѣятелямъ

---

[26] Jakožto y gine geho kazanie máme geho ruku psane.

[27] Добровскаго путешествіе по Швеціи, стр. 69.

Чешскаго религіознаго движенія, Гусу, Якубку и другимъ, должно быть попали въ число запрещенныхъ, потому что иначе мы объяснить себѣ не можемъ, почему съ того самаго времени Нирнбергъ сталъ мѣстомъ, гдѣ издавалось все, что было объявляемо относительно Гуса и поры его дѣятельности: всѣ значительныя изданія твореній Гуса, Якубка и другихъ вышли въ Нирнбергѣ, а не въ Прагѣ или иномъ Чешскомъ городѣ. Такимъ образомъ, честь издать значительное число сочиненій Гуса принадлежитъ Нѣмецкому городу: такъ враждебная судьба не оставила преслѣдовать мученика и во гробѣ и его мнѣнія не переставали страдать отъ несчастныхъ обстоятельствъ, потому что не холодности Чеховъ къ Гусу должно приписать выше указанное явленіе, напротивъ, Чехи всегда усердно чтили память Гуса, котораго имя соединено съ періодомъ блестящей судьбы Чешскаго народа, когда онъ разорвалъ и политическіе и религіозные оковы и жилъ всею полнотою своей свѣжей жизни. Къ этому періоду времени устремлены мечты и надежды каждаго Чеха, въ которомъ еще не замерло народное чувство [28].

Б. *Сочиненія предшественниковъ Гуса.* Первое мѣсто по времени принадлежитъ *Конраду изъ Вальдгуза* или *Вальдгаузена* (Conradus de Waldhusa, in Waldhausen) (1349 — 1369), родомъ Нѣмцу, изъ Австріи, а потому не рѣдко *Conradus ab Austria*, но долго жившему въ Чешской землѣ, гдѣ особенно гремѣлъ онъ своими проповѣдями въ Прагѣ противъ порчи духовенства. Онъ проповѣдывалъ на родномъ своемъ языкѣ, бывшемъ тогда, въ слѣдствіе тѣсныхъ связей Чеховъ съ Имперіей и ихъ Нѣмецкаго Владѣтельнаго Дома, довольно извѣстнымъ, особенно въ столицѣ; впрочемъ, къ намъ дошли сочиненія его только на Латинскомъ, именно: 1) Postilla studentium Universitatis Pragensis. „Postillam hanc, — говоритъ Конрадъ въ самомъ началѣ ея,—supra evangelia dominicalia, quae leguntur per anni circulum, per talem modum, quo ipsam ad populum proprio declamavi gutture, conscribere vellem, crebertimis precibus rogitatus, piis vocibus refragari nequiens, ad laudem Dei, ut potui, perfeci.“ 2) Pro-

---

[28] Нѣкоторыя, болѣе подробныя указанія, о сочиненіяхъ Гуса на Чешскомъ языкѣ см. въ Исторіи Чешской Словесности, соч. Іос. *Юнгманомъ*, 1825, стр. 59, 83, 95, 127, 139, 141, 143, 231 и 270.

themata sermonum. Небольшое сочиненіе. 3) Apologia противъ обвиненій, взведенныхъ нищенствующимся монахами на Конрада передъ Архіепископомъ Пражскимъ, Арнестомъ: „Haec sunt, quae praedicavit Conradus in ecclesia et foro contra religiosos Minorum et specialiter Mendicantium.“ Всѣ эти сочиненія находятся въ рукописи въ библіотекѣ Чешскаго Музея и Пражскаго Капитула. Бальбинъ, въ своемъ Epitome rerum Bohemicarum (p. 406 ff.), говоритъ, что онъ видѣлъ между книгами, принадлежащими Крумловской церкви „quoddam Conradi volumen manuscriptum grande,“ названный: „Accusationes mendicantium,“ а писанный еще при жизни сочинителя, въ Прагѣ, 1364 г. Судя по огромности этого сочиненія, должно полагать, что это было отличное отъ упомянутаго выше, которое въ спискѣ Чешскаго Музея содержитъ въ себѣ всего только 13 *л.*

Второе мѣсто занимаетъ *Янъ Миличъ изъ Кромѣржищъ*, Моравецъ (1350 — 1374), оставившій по себѣ сочиненія на Латинскомъ и Чешскомъ языкахъ. Къ Латинскимъ принадлежатъ: 1) Libellus de Antichristo. Это небольшое сочиненіе состоитъ изъ 4-хъ главъ и сохранено намъ Матѳеемъ изъ Янова, вполнѣ внесшимъ его въ одно изъ своихъ твореній. 2) Gratia Dei, i. e., Postilla, sive Semones de tempore et de Sanctis per totum anni circulum. Два большихъ писанныхъ тома. 3) Sermones quadragesimales, особенное сочиненіе, но почти также, какъ предыдущее, огромно. Всѣ находятся въ Пражской Публичной Библіотекѣ. Унгаръ (въ дополненіяхъ къ Балбиновой Bohemia docta (II. p. 183) говоритъ, что есть еще (но гдѣ именно, не сказываетъ) „Milicii manuscriptae epistolae ad summos quosque praesules et principes (Gregorium XI Papam, Carolum IV Imperatorem, Cardinalem Albanensem, Arnestum et Ioannem Ocellum, Archiepiscopos Pragenses, Udalricum et Ioannem de Rosenberg etc.).“ На Чешскомъ же языкѣ: 1) Knižky o zarmúceních welikých cierkwe swaté i każde duše wěrné, kteréž mají trpěti od draka na poslednie dni Antikristowy, и пр. Павелъ Быджовскій и М. Брикцій изъ Личка издали это сочиненіе (съ предисловіемъ послѣдняго) въ Прагѣ, 1542, въ 4-ку. Бальбинъ такъ отозвался о немъ: „Hunc librum haeretici et catholici commendant,“ что, однако же, не спасло ее отъ Index librorum prohibitorum. Содержаніе ея чисто нравственное. 2) Postilla a wýklady na Ewangelia weyročnj, тоже напечатанная по указанію того же Index libr. prohib., въ 4-ку.

Третье мѣсто между предшественниками Гуса принадлежитъ Магистру *Матѳею изъ Янова*, по прозванію Magister Parisiensis, род. около 1342, умер. 30 Ноября, 1394 года, въ Прагѣ. Оставшіяся послѣ него сочиненія всѣ почти въ рукописи и писаны на Латинскомъ языкѣ; списокъ ихъ имѣемъ въ рукописи библіотеки Пражскаго Капитула (Г. 55); вотъ онъ: 1) Regulae veteris et novi testamenti: весьма большое и важное сочиненіе, состоящее изъ пяти книгъ и многихъ отдѣльныхъ трактатовъ. 2) Tractatus de praeceptis Domini. Это сочиненіе неизвѣстно въ полномъ видѣ, а имѣются изъ него одни отрывки. 3) Слова на разные случаи; болѣе несуществующее, а можетъ статься неотысканное сочиненіе; извлеченія же остались въ рукописи библіотеки Пражскаго Капитула. Важнѣйшее изъ сочиненій Матѳея и во всякомъ случаѣ одно изъ замѣчательнѣйшихъ твореній духовнаго содержанія, написанныхъ въ Чехіи, есть вышеупомянутое сочиненіе: Regulae или De regulis veteris et novi testamenti, или, какъ можно было бы назвать его съ приличною ясностью и краткостью: Книги объ истинномъ и ложномъ Христіанствѣ. Сочиненіе это уже нигдѣ, сколько, по крайней мѣрѣ, извѣстно, не существуетъ въ совершенно полномъ видѣ, хотя изъ отдѣльныхъ рукописей, которыя донынѣ извѣстны, можно возстановить его въ истинномъ видѣ. Объемъ его очень великъ, и сочинитель началъ его въ 1388 году, а въ 1392 году покончилъ. Первая книга была окончена и явилась въ свѣтъ именно предъ Соборомъ, имѣвшимъ мѣсто въ Прагѣ въ 1388 году, 19-го Октября, и только гораздо послѣ, и уже по закрытіи Собора, умножено различными прибавленіями, какъ это ясно видно изъ рукописи, хранящейся въ Чешскомъ Музеѣ. Магистръ Матѳей самъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что онъ сначала предполагалъ написать только одну эту книгу, но позднѣе, особенно по случаю опредѣленій вышеупомянутаго Собора, онъ прибавилъ вторую и третью книгу, а еще позднѣе присоединилъ четвертую и пятую. Рукопись въ Чешскомъ Музеѣ № 289, которая на бумагѣ въ *л.* и имѣетъ 364 листа, современна автору и, можетъ статься, подъ надзоромъ его написана. Этотъ экземпляръ содержитъ только первыя четыре книги, и то неполныя, ибо тамъ и сямъ вырваны отдѣльные листы; отъ пятой же книги остался лишь одинъ Указатель. Но эту-то пятую книгу имѣемъ полную въ рукописи, хранящейся въ Пражской Университетской библіотекѣ, отъ листа 105 по 175 и, по счаст-

дивой игрѣ случая, въ томъ же самомъ экземплярѣ, который нѣкогда принадлежалъ сочинителю. Для пополненія недостающихъ мѣстъ въ первыхъ четырехъ книгахъ рукописи Музея можетъ служить списокъ Пражскаго Капитула, на бумагѣ въ 4°-ку, который на листахъ 1 — 154 содержитъ всю первую книгу и части двухъ слѣдующихъ.

B. *Сочиненія послѣдователей и учениковъ Гуса.* Число ихъ столь велико, что мы принуждены здѣсь поименовать только важнѣйшія: 1) *Якубка изъ Стржибра*, *Стржибрскаго* (Jacobellus de Mies), профессора Пражскаго Университета, Проповѣди (Postille), присоединенныя къ 3-му издан. Гусувыхъ проповѣдей, 1564 г. 2) Магистра *Яна Рокицаны*, тоже Проповѣди на цѣлый годъ, 1470. 3) Яна *Августы*, Епископа Чешскихъ Братьевъ, друга Лютера и Меланхтона: Spis jmenem wsj Jednoty, и Rejstřjk a Řeči, гдѣ изложено ученіе Чешскихъ Братьевъ. 4) *Билеговскаго*, священника въ Кутной Горѣ и Прагѣ (живш. около 90 л.): Kronyka Česka, въ которой много хорошихъ свѣдѣній о нашемъ предметѣ и которая первоначально явилась 1537 г., въ Прагѣ, а послѣ повторена 1816 тамъ же, подъ заглавіемъ: Kronjka Cýrkewnj и пр., изд. *Скалицкимъ*, съ примѣчаніями. 5) Яна *Благослава*, преемника Августы: Ziwot J. Augusty, издан. въ Прагѣ 1837 Франтой Шумавскимъ. 6) *Жаланскаго*, ученаго священника въ Кутной Горѣ, а потомъ Прагѣ: O mucedlnjcjch Českych, Janowi z Husince a Jeronymowi Pražskému, 1619, и пр. 7) В. *Будовца изъ Будова*, который, окончивши ученіе въ Парижѣ и объѣздивши почти всю Европу, занималъ весьма важное мѣсто при Дворѣ, былъ ученѣйшимъ знатокомъ Правъ Государственныхъ, ораторомъ и самымъ пламеннымъ и могущественнымъ защитникомъ Чешскихъ Братьевъ; онъ то заставилъ Императора Рудольфа 1609 г. даровать вѣроисповѣдную свободу и писалъ, кромѣ прочаго, отъ лица Государственныхъ Чиновъ многія апологіи въ защиту ея, изъ коихъ особенно замѣчательны первая и вторая, въ Прагѣ 1618, въ 4-ку. 8) *Яна Амоса Коменскаго*, род. въ Комнѣ на Моравѣ 1592 года, умер. въ Амстердамѣ въ 1672: онъ былъ послѣдній Епископъ Братьевъ Чешскихъ, учился въ Герборнѣ, былъ ректоромъ школы въ Пржеровѣ и въ Фульнекѣ, потомъ, будучи уже изгнанникомъ, находился въ Лешнѣ инспекторомъ школъ и Суперъинтендентомъ въ Лондонѣ, въ Стокгольмѣ и въ Эльбогенѣ, далѣе у Сигисмунда Ракоція въ Шарошпатакѣ, въ Угріи, опять въ

Лешнѣ, оттуда въ Гамбургѣ и, наконецъ, въ Амстердамѣ, гдѣ и скончался. Важнѣйшія его сочиненія суть: 1) Historia persecutionum Ecclesiae Bohemicae (безъ означенія мѣста) 1648. въ 12 долю листа. Она сочинена собственно всѣми Старшими Чешскихъ Братьевъ въ Лешнѣ, между коими былъ и Коменскій. По Чешски вышла подъ заглавіемъ: O těžkých protiwenstwjch Cjrkwe České, потомъ переведена на Латынскій А. *Гартманомъ*, съ предисловіемъ Коменскаго, въ Лешнѣ 1655, въ Амстердамѣ 1663, въ 12., на Нѣмецкій же языкъ перевелъ ее *Эльснеръ*. Послѣднее Чешское изданіе подъ заглавіемъ: Hystoria o těžkých protiwenstwjch Cjrkwe České až do léta 1632, вышло въ Гиршбергѣ 1844 г., въ 12 дол., съ двумя изображеніями въ началѣ, Гуса и Коменскаго. 2) Ioan. Lasitii, nobilis Poloni, historiae de origine et rebus gestis Fratrum Bohemorum liber octavus, qui et de moribus et institutis eorum. Lissae 1649, Amstelodami 1660, въ 8-ку; на Чешскомъ тамъ же и въ томъ же форматѣ: Urozeného Pana Jana Lasytského historye o počátku a činech Bratřj Českých kniha osma od Jana Amos. Komenského přeložena 1649. Ласицкій написалъ полную исторію Братьевъ Чешскихъ, но Коменскій издалъ только одну 8-ю книгу оной. 3) Ratio disciplinae ordinisque ecclesiastici in Unitate Fratrum Bohemorum, cum praemissa de Ecclesiae Bohemicae ortu, progressu mutationibusque historiola. Amstelod. 1660. 8. Полное исчисленіе сочиненій Коменскаго въ ихъ хронологической послѣдовательности помѣщено въ Ж. Чеш. Музея. 1829 г., Кн. III., стр. 113 — 120, гдѣ показано ихъ 92.

Списокъ остальныхъ сочиненій, менѣе важныхъ, какъ этихъ, такъ и иныхъ писателей, служащихъ и могущихъ послужить источникомъ къ лучшему уразумѣнію событій Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія, можно найдти въ слѣдующихъ книгахъ: 1) Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur, v. J. *Dobrowsky*. Prag. 1818. 224 — 255; 317 — 321; 332 — 339, 370 и 375. 2) Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, v. P. J. *Schaffarik*. Offen 1826. 316 — 330; 337 — 352; 3) Historie literatury České, *Josefa Jungmana*. W Praze, 1825, стр. 127 — 148, 170—177, 257—318, и пр.

Обращаемся къ *Чешскимъ лѣтописцамъ*, оставившимъ повѣствованіе о томъ періодѣ Чешской исторіи, къ которому относится великое Чешское религіозное движеніе. Разсмотримъ тѣ Чешскія лѣтописи, которыми мы могли пользоваться, и, прежде всего, о

тѣхъ, которыя напечатаны *Добнеромъ*, трудолюбивымъ Чешскимъ ученымъ XVIII стол., въ его чрезвычайно полезномъ сборникѣ: Monumenta historica Boemiae, nusquam ante hac edita, VI томовъ [29]. I) Въ Штегликіанской рукописи Добнеръ, между прочими сочиненіями относительно Чешской исторіи, нашелъ статью подъ заглавіемъ: Incipit Cronica Bohemorum ab ipsorum initio conscripta, de multis aliis provinciae Cronicis excerpta, quae ita breviata memoriam inducit posteris, et tradita, qui fuerunt inventores terre, Judices, Duces, Principes, Reges et Episcopi, Archiepiscopi scriptotenus relicta [30]; по палеографическимъ признакамъ эта рукопись принадлежитъ къ XV стол. [31]. Хроника, нами разсматриваемая, представляетъ сводъ изъ многихъ Чешскихъ лѣтописей; видно, что писавшій ее, пользовался Косьмою и, его продолжателемъ, Винцентіемъ [32] и Франциской [33]; но съ Бартошемъ изъ Драгоницъ (о которомъ ниже) она не имѣетъ ничего общаго, а индѣ и прямо противорѣчитъ ему. Кто сочинитель этой Хроники, не извѣстно. Добнеръ доказалъ неосновательность мнѣнія, нѣкоторыми высказаннаго, будто бы она принадле-

---

[29] Quibus non modo patriae aliarumque vicinarum regionum, sed et remotissimarum gentium historia mirum quantum illustratur, collegit et partim ex autographis, partim ex legitimis apographis codicibus recensuit, cum aliis manuscriptis exemplaribus contulit, pluribus animadversionibus aerique incisis sigillis adornavit, denique locupletissimo indice instruxit, P. Gelasius *Dobner*, a S. Catharina, e clericis regularibus scholarum piarum. Pragae 1764 — 85. in 4°. Трудолюбивый Добнеръ, безсмертный своими услугами для Чешской исторіи, издалъ въ 6 томахъ: Объясненія на Чешскую Лѣтопись (Хронику) Гайка: Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum, e Bohemica editione Latine redditi et notis illustrati, etc. Pragae, 1761—82. in 4°.

[30] Mon. hist. Boem. *Dobner* T. III. a. 1774. p. 43.

[31] Другія статьи этой рукописи написаны рукою начала XV или конца XIV стол., но Хроника безъименнаго (Chronicon Anonymi) приписана позднѣе и крупнѣйшимъ письмомъ.

[32] Винцентій, Пражскій Каноникъ, жилъ въ XII стол. и оставилъ лѣтопись, обнимающую событія отъ 1140 по 1167.

[33] Францискъ, Каноникъ и Священникъ Пражскій, жилъ въ XIII и XIV стол., оставилъ лѣтопись дѣяній Карла IV и, его отца, Яна, помѣщенную у Пельцеля и Добровскаго Script. Bohem. II.

житъ Франциску, канонику Пражскому. Во всякомъ случаѣ видно, что сочинитель ея былъ очевидцемъ Гуситскихъ волненій и самъ не былъ имъ чуждъ: онъ подробнѣе разсказываетъ о нихъ, нежели о многихъ предъидущихъ происшествіяхъ. Добнеръ называетъ его зараженнымъ язвою Гуситскою, или, по крайней мѣрѣ, благорасположеннымъ къ сектѣ Сиротъ и Таборитовъ. Какъ бы то ни было, но въ этой Хроникѣ находимъ очень важныя и любопытныя извѣстія. 2) *Бенешъ* (Бенедиктъ) *Крабице изъ Вейтмиля*, Пражскій каноникъ, оказалъ большія услуги Чешской исторіи: о немъ Бальбинъ [34], Менкенъ, Добнеръ и др. критики сдѣлали самые лестные отзывы; не смотря на то, онъ долго оставался въ рукописи. Собственно ему принадлежащая лѣтопись носитъ названіе „Chronica ecclesiae Pragensis“ и обнимаетъ исторію Чехіи отъ 1283 до 1374 г.; она раздѣлена на 4 книги, изъ которыхъ четвертая содержитъ въ себѣ жизнеописаніе Карла IV-го въ хронологическомъ порядкѣ. Это сочиненіе Бенеша издано уже Добровскимъ и Пельцелемъ. Бенешъ происходилъ изъ древняго и знаменитаго рода Чешскаго, Крабице изъ Вейтмиля. Отецъ его, также Бенешъ, былъ въ большой милости у Іоанна, Герцога Хорутанскаго и Графа Тирольскаго, который ввѣрилъ его управленію Трутновскій округъ. Что касается до лѣтописца Бенеша, то, онъ, по мнѣнію издателей его лѣтописи, воспитанъ былъ при Дворѣ и сопровождалъ Карла IV во всѣхъ его путешествіяхъ [35]. За тѣмъ мы встрѣчаемъ его подъ названіемъ Архидіакона Жатецкаго, и притомъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Каноника Пражскаго [36]. Съ 1355 г. былъ онъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, третьимъ смотрителемъ (director fabricae) созидавшейся соборной церкви Св. Вита, что исполнялъ въ теченіи 20 лѣтъ, и дѣло, возложенное на него, кончилъ съ успѣхомъ въ 1374. Съ тѣхъ поръ до самой смерти мы рѣшительно ничего не знаемъ о немъ, а потому и годъ этой послѣдней съ достовѣрностью опредѣленъ быть не можетъ. Что касается до самой Хроники Бенеша, то она полезна и необходима въ высшей степени: Бенешъ собственными глазами видѣлъ часть религіознаго Чешскаго волненія и, по своему высокому положенію, могъ знать болѣе, нежели одну внѣш-

[34] *Dobrowsky* et *Pelzel*. Script. rerum Boh. t. II.

[35] *Bobner*. t. III. p. 19.

[36] *Dobner*. t. III. p. 13

ною сторону происшествій. Добнеръ издалъ продолженіе его лѣтописи до 1487 года; такихъ продолжателей было нѣсколько; Добнеръ знаетъ ихъ два или три. Одна изъ этѣхъ краткихъ лѣтописей написана Гуситомъ и, начавшись съ 1487 г., доходитъ до 1497; къ сожалѣнію, она очень потерпѣла отъ времени и многаго въ ней недостаетъ. Добнеру случилось еще найти рукопись, содержащую повѣствованіе о событіяхъ Чешской исторіи съ 1497 года подъ заглавіемъ „Continuator Benesii," очень подробную и замѣчательную.

Переходимъ къ, такъ называемымъ, *продолжателямъ Пулкавы*. Подъ ними разумѣемъ всѣхъ тѣхъ лѣтописцевъ Чешскихъ, которые повѣствуютъ намъ о событіяхъ Чешской исторіи послѣ того времени, на которомъ остановился Пулкава (около 1330 года). Добнеръ знаетъ много такихъ продолжателей [37]; въ четвертомъ томѣ его Monumenta [38] находимъ трехъ лѣтописцевъ Чешскихъ, повѣствующихъ объ исторіи Чехіи въ XIV и XV ст. Лѣтопись перваго, очень краткая, не переходитъ 1378 года и потому намъ безполезна. Лѣтопись втораго продолжателя Пулкавы, найденная Добнеромъ въ Штегликіанской рукописи, начинается съ 1310 года и доходитъ до 1419: извѣстія ея очень кратки, но замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Несравненно важнѣе ея *третье* продолженіе Пулкавы. Добнеръ нашелъ его въ Литомѣржицкой рукописи [39] на Чешскомъ языкѣ и, разсмотрѣвъ его, увидѣлъ, что въ немъ содержатся происшествія отъ послѣднихъ годовъ царствованія императора Карла IV даже до 1470 г.; скоро послѣ того Добнеръ случайно досталъ Латинскую рукопись XV ст., содержащую вѣрный и даже слишкомъ буквальный переводъ вышеупомянутой Чешской лѣтописи. Древность этого Латинскаго перевода поставила Добнера въ сомнѣніе на счетъ того, Чешскій, или Латинскій, текстъ считать подлинникомъ; но это сомнѣніе даже странно: сочинитель лѣтописи долженъ былъ, естественно, писать на своемъ родномъ языкѣ а потомъ или самъ (что очень часто случалось) перелагалъ на Ла-

[37] *Dobner* Mon. t. IV, p. 124. Observationes praeeviae in tres Continuatores Pulcavae.

[38] Monumenta Boh. t. IV, p. 124 — 190.

[39] Такъ названный кодексъ имъ по тому, что онъ принадлежалъ графу Емануэлю Вальдштейну, Епископу Литомѣржицкому.

тинскій, или заставлялъ другихъ. Эта лѣтопись сообщаетъ многія драгоцѣнныя извѣстія относительно Чешскаго религіознаго движенія, котораго сочинитель былъ очевидцемъ [40]. Нѣтъ никакого сомнѣнія на счетъ того, что вся лѣтопись принадлежитъ не нѣсколькимъ, а одному лицу [41]. Какъ истинный Чехъ, сочинитель, котораго имя осталось, къ несчастію, неизвѣстно, былъ приверженцемъ Гуса и, кажется, членомъ Пражскаго Университета, потому что все, что относится къ этому послѣднему, онъ записалъ съ особенною любовью и знаніемъ дѣла. Изъ хроники его можно заключить, что онъ принадлежалъ въ послѣдствіи къ числу Чешскихъ Братьевъ. Эта лѣтопись тѣмъ драгоцѣннѣе, что очень мало имѣемъ мы современныхъ источниковъ относительно внѣшней стороны великаго Чешскаго религіознаго движенія; вотъ что объ этомъ говоритъ Добнеръ, опытный знатокъ въ дѣлѣ Чешской исторіи. „Всякому занимающемуся Чешскою исторіею, изъ„вѣстно, какъ рѣдки и малочисленны [42] современные Чешскіе „лѣтописцы, которые сохранили бы намъ повѣствованіе о собы„тіяхъ нашего отечества съ 1412 г. и далѣе, когда, съ распро„страненіемъ заразы Гуситства, обнявшей всю Чехію и Моравію, „многіе монахи и священники изгибли, а съ ними погибла и „надежда и возможность записать дѣла того времени, когда страхъ „препятствовалъ браться за перо, или водилъ имъ въ направле„ніи, противномъ истинѣ (по этой то причинѣ и нашъ лѣтопи„сатель, третій продолжатель Пулкавы [43], умолчалъ свое имя, а „индѣ и самыя происшествія, какъ замѣчаетъ въ многихъ мѣ„стахъ лѣтописецъ), и когда, однимъ словомъ, занятіе отечествен„ной (Чешской) исторіей было совершенно опущено [44].“ Въ этомъ, въ высшей степени, важномъ лѣтописцѣ находимъ многія важныя извѣстія, которыхъ тщетно стали бы искать въ другихъ источникахъ. Удивительно и даже непонятно, какъ мало умѣли воспользоваться имъ всѣ писатели, занимавшіеся этимъ періодомъ

---

[40] *Dobner* Monumenta t. IV, p. 127.

[41] Доказательства у Добнера t. IV, p. 128.

[42] Вотъ его слова: „Quam rari perpaucique ab ea aetate nobis supersint patrii synchroni scriptores, nemini historiam patriam tractanti potest esse incognitum.“

[43] *Dobner* p. 126.

[44] Omne patriae historiae studium „penitus intercidit.“

Чешской исторіи, не смотря на то, что изданіе Добнера, обнародовавшаго его на Латинскомъ языкѣ, сдѣлало его всѣмъ доступнымъ.

Бартошекъ или Варѳоломей *изъ Драгонищъ* оставилъ (дошедшее до насъ) обстоятельное описаніе событій Чешской исторіи отъ 1419 до 1443. Бальбинъ говоритъ о немъ съ похвалою [5]. Бальбинъ пользовался Чешскимъ текстомъ Варѳоломея и приводитъ изъ него многія мѣста въ своихъ Miscellanea. Добнеръ уже не могъ найти Чешскаго текста, а досталъ себѣ Латинскій, въ которомъ недостаетъ многихъ мѣстъ, приводимыхъ Бальбиномъ [46]; это, впрочемъ, нисколько не препятствуетъ Добнеру считать подлинникомъ свой Латинскій текстъ и говоритъ, что та лѣтопись, которою пользовался Бальбинъ, есть переводъ съ Латинскаго текста, гдѣ позднѣе сдѣланы внесенія (интерполяціи); съ этимъ мы согласиться не можемъ и думаемъ, что, напротивъ, Латинскій есть извлеченіе изъ Чешскаго подлинника, какъ тотчасъ мы увидимъ доказательство тому относительно хроники Лаврентія изъ Бржезова. Варѳоломей, родомъ изъ Драгонищъ (за́мка, въ округѣ Прахинскомъ, во время Добнера составлявшаго собственность графовъ Коловратовъ), изъ Дворянскаго рода, принадлежавшаго къ второстепенному Чешскому Дворянству, родился въ концѣ XIV-го стол., и жилъ даже за половину XV-го стол., какъ видно изъ его исторіи; онъ служилъ въ военной службѣ и достигъ до званія Capitaneus. Постоянно вѣрный своимъ Католическимъ убѣжденіямъ, Варѳоломей сражался противъ Таборитовъ и принималъ участіе въ рѣшительной битвѣ, происшедшей между Чешскимъ Бродомъ и Куржимомъ; въ своей лѣтописи (какъ она напечатана у Добнера) онъ часто говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, но никогда не называетъ себя по имени. Исторія его, написанная съ Католической и императорской [47] точки зрѣнія, сообщаетъ много новаго, но вовсе не имѣетъ той важности, какую придавалъ ей Добнеръ. Сочинитель, самъ дворянинъ, преимущественно обращаетъ вниманіе на свое сословіе и не столько занимается подробностями и слѣдствіями событій, сколь-

---

[46] *Balbini* Epitome rerum Bohemicarum t. IV. 5.

[46] *Dobner* Mon. t. IV.

[47] Бартошекъ изъ Драгонищъ былъ приверженцемъ папы и императора Сигисмунда.

ко исчисляетъ, какіе дворянскіе роды принимали въ нихъ участіе; мелочность и односторонность сочинителя не препятствуетъ, впрочемъ, ему имѣть своего рода относительное достоинство при недостаткѣ иныхъ источниковъ [48].

Добнеръ нашелъ при своей рукописи Бартошка изъ Драгоницъ еще отдѣльную краткую лѣтопись событій отъ 1310 по 1464 годъ и не усумнился приписать ее тому же писателю. Она представляетъ замѣтки о разныхъ событіяхъ, сдѣланныя поспѣшно для памяти на языкахъ Латинскомъ и Чешскомъ и набросанныя безъ всякаго порядка, но притомъ, большею частью, новыя, и потому эта лѣтопись, не смотря на свою краткость, важна при изученіи нашего періода Чешской исторіи [49].

Во второмъ томѣ „Памятниковъ“ Чешской исторіи, изданныхъ Добнеромъ, находится крайне замѣчательное и полезное сочиненіе, полное заглавіе котораго: „De adventu Gubernatoris Hungariae Archiducis Mathiae in Bohemiam a. 1608, qua de causa venire et quid agere dignatus sit. Item quid factio sub utraqua ratione religionis et privilegiorum tunc proposuerit, et quid effecerit. Item quomodo sua Archiducalis gratia cum populo suo e Boemia exire dignata sit.“ Это небольшое сочиненіе, какъ будетъ видно изъ самой исторіи, безконечно важно; къ нему присоединенъ еще отрывокъ: „Solemnis ingressus Mathiae Regis Hungariae anno 1611 in urbem Pragam, et trium Statuum regni Bohemiae ad eum accessus [50].“ Въ этихъ двухъ небольшихъ сочиненіяхъ видимъ, какъ въ зеркалѣ, чисто и ясно всѣ внутреннія и политическія отношенія, развившіяся въ Чешскомъ народѣ въ слѣдствіе его двухъвѣковаго религіознаго движенія, которыя знать для насъ тѣмъ важнѣе, что мы видимъ ихъ наканунѣ совершеннаго разстройства и истребленія въ слѣдствіе жестокости Фердинанда II. Сочинитель самъ принадлежалъ къ Утраквистамъ и былъ однимъ изъ Чиновъ Чешскихъ, но кто именно, неизвѣстно; развѣ повѣрить Добнеру, который считаетъ имъ Славнаго Вацлава изъ Будовы; но на это нѣтъ ни малѣйшаго основанія [51]. Добнеръ здѣсь гово-

[48] *Dobner* Monumenta t. I. Observationes previae 130 sq.

[49] *Dobner* Monumenta t. I. Observationes praeviae 208 и 209. A Appendix historiae temporum Бартошка тамъ же p. 209 — 218.

[50] *Dobner* Mon. t. II. p. 301 — 322.

[51] *Dobner* p. 302.

рить, что при этомъ сочиненіи находилось множество важныхъ документовъ и актовъ, объясняющихъ отношенія Чиновъ Чешскихъ къ Рудольфу и уясняющихъ всѣ ихъ дѣйствія. Какъ же съ ними поступилъ Добнеръ? Выпишемъ его слова: „Изъ этихъ „документовъ нѣкоторые (quaepiam, а прежде сказалъ объ нихъ: „quorum notitiam copiamque vix aliis, quam summis hujus facti„onis regnique ministris factam fuisse, suspicari licet) мы извлек„ли и помѣстили въ сборникѣ Угро-Чешскихъ актовъ [52]; другіе „достойно мы осудили на забвеніе, которые въ духѣ омерзитель„ной наглости Утраквитской партіи написаны противъ власти и „величія благочестивѣйшаго императора, Рудольфа [53]."

Въ шестомъ томѣ „Памятниковъ Чешской исторіи" Добнера [54] помѣщено „Chronologica compilatio brevis anonymi," найденное имъ въ Штегликіанской рукописи: оно обнимаетъ время отъ 1310 по 1432 г. и составлено въ первой половинѣ XV стол. До 1400 году эта краткая лѣтопись представляетъ сводъ извѣстій о времени различныхъ событій, заимствованныхъ изъ различныхъ лѣтописей, но съ 1400 года видно, что неизвѣстный, ее писавшій, записывалъ то, что видѣлъ и слышалъ. Не смотря на свою краткость, эта лѣтопись весьма любопытна, и неизвѣстный составитель ея, хотя Католикъ и явный противникъ Гуса и Іеронима, откровенно и съ подробностью разсказываетъ о безнравственномъ состояніи духовенства [55]. — Смѣло можно сказать, что мы доселѣ, не смотря даже на труды Пельцеля и Палацкаго, не имѣемъ полной исторіи Чешскаго религіознаго движенія, и она не будетъ возможна, доколѣ не будутъ найдены и изданы вмѣстѣ всѣ, сюда относящіеся, источники, которые теперь недоступны историкамъ или по незнанію языка Чешскаго, или по невозможности имѣть ихъ подъ рукою. Вообще, не смотря на то, что столько писали и пишутъ объ этомъ предметѣ, это еще дѣло не начатое и ждетъ трудолюбиваго историка. Совершенно правиль-

---

[52] Тотчасъ за Diarium Anonymi Добнеръ во второмъ томѣ своего изданія Monumenta помѣстилъ „Specimen diplomatarii Bohemico-Hungarici," необходимаго для уразумѣнія отношеній обѣихъ странъ.

[53] Вотъ эти замѣчательныя слова: „Cetera merito ad umbras condemnavimus, quod detestanda factionis utraquisticae audacia adversus authoritatem majestatemque piissimi imperatoris Rudolphi scripta sunt."

[54] *Dobneri* Mon. t. VI, p. 483.

[55] *Dobneri* t. IV, p. 484—491.

ное разумное представленіе событія, его философское значеніе можно вывести только изъ наблюденія самихъ явленій историческихъ въ ихъ полнотѣ и связи; а какъ это можетъ случиться, если большая часть лѣтописцевъ, собственными глазами видѣвшихъ великое Чешское религіозное движеніе, или слышавшіе объ немъ разсказъ отъ другихъ, доселѣ еще скрываются въ пыли библіотекъ, удерживаемые тамъ отчасти собственнымъ нерадѣніемъ ученыхъ, отчасти разнымъ политическимъ и вѣроисповѣднымъ расчетомъ? *Добровскій* въ своей исторіи литтературы Чешской [56] упоминаетъ объ одной хроникѣ, представляющей обширную компиляцію изъ многихъ лѣтописей, изъ которыхъ, конечно, иныя для насъ вовсе погибли, обнимающую событія отъ 1312 до 1509 года, коей не воспользовался вполнѣ еще ни одинъ историкъ; особенно любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ она относительно Рокицаны. Издана ли эта хроника? Нѣтъ, какъ и многія другія. Не говоримъ уже о другихъ, менѣе обширныхъ, но не менѣе замѣчательныхъ, о которыхъ упоминаетъ *Добровскій* и которыя также не изданы. Небольшая, къ нашему времени относящаяся, хроника неизвѣстнаго сочинителя, напечатана въ изданныхъ въ 1784 году источникахъ Чешской исторіи, найденныхъ *Добровскимъ* и *Пельцелемъ* въ библіотекѣ Собора Пражскаго [57]: издатели помѣстили ее подъ заглавіемъ „Chronicon Bohemicum anonymi“ [58], заимствовавъ изъ одного списка 1477 года. Она сложена около времени Базельскаго Собора и до 1420 года представляетъ одно собраніе историческихъ актовъ безъ всякихъ подробностей, но съ этого времени до 1432, которымъ оканчивается самая хроника, разсказъ становится подробнѣе и представляетъ много новыхъ и любопытныхъ подробностей.

Въ извѣстномъ Сборникѣ „Collectio Reliquiae manuscriptorum ac monumentorum ineditorum adhuc Петра *Лудевига* [59],“ находимъ

---

[56] *Dobrowsky* Gesch. d. böhm. Liter. S. 68.

[57] Scriptores rerum Bohemicarum (*Dobrowsky* и *Pelzel*), t. II. Chronicon anonymi, p. 447 — 487.

[58] Вмѣстѣ съ хроникою помѣщено „Series Episcoporum et Archiepiscoporum Pragensium omnium,“ гдѣ содержатся нѣкоторыя извѣстія относительно Сбинка и др. архіепископовъ Пражскихъ, принимавшихъ участіе въ движеніи религіозномъ.

[59] Francofurti et Lipsiae 1724. t. VI.

слѣдующій памятникъ относительно Чешской исторіи, и именно нашего періода: „*Laurentii Byzynii*, Cancellarii novae urbis Pragensis sub Wenceslao Imperatore, origo et diarium belli Hussitici ab a. 1414 ad 1423 (T. VI, p. 124 по 216).“ Издатель, въ небольшомъ предисловіи [60], замѣчаетъ, что *Лаврентій изъ Бржезова* занимаетъ какъ бы средину между двумя крайними партіями, дѣлившими тогда Чешскій народъ, что онъ, съ одной стороны, не одобряетъ крайностей Гуситовъ, но съ другой самыми рѣзкими красками описываетъ безнравственность, жестокость и злобу Католиковъ; вообще, Лаврентій, по замѣчанію Людевига, лѣтописецъ чистосердечный и вполнѣ заслуживающій довѣріе. Рукопись, которою пользовался Людевигъ, искажена; на концѣ ея недостаетъ нѣсколькихъ листовъ и въ серединѣ попадаются пропуски. Добнеръ въ одномъ мѣстѣ своего сборника [61] замѣчаетъ, что изданная Людевигомъ лѣтопись есть только отрывокъ, fragmentum, полной хроники Лаврентія изъ Бржезова, котораго онъ называетъ самымъ подробнымъ и пріятнымъ изъ Чешскихъ лѣтописцевъ. „Я, говоритъ „Добнеръ, получилъ полный, исправный и современный списокъ „хроники Лаврентія изъ Бржезова, которая обнимаетъ только событія отъ 1414 по 1421 г.“ Во второмъ мѣстѣ [62] тотъ же Добнеръ замѣчаетъ, что онъ полную (integrum) хронику Лаврентія изъ Бржезова издалъ въ сборникѣ: „Manuscripti Bohemiae.“ Очень вѣроятно, что оба списка суть извлеченія, дѣланныя различными лицами изъ подлинной, обширной и доселѣ не изданной, лѣтописи изъ Бржезова, обнимающей событія отъ начала дѣятельности народной Гуса до 1425 и даже далѣе. Въ то время, при отсутствіи всей возможности имѣть дешево и безъ труда списки замѣчательныхъ историческихъ сочиненій, каждый, доставшій по случаю рѣдкую историческую лѣтопись, дѣлалъ изъ нея извлеченіе; отъ того отъ каждаго извѣстнаго Чешскаго лѣтописца мы имѣемъ нѣсколько различныхъ редакцій, на примѣръ, Пулкавы, Бенеша изъ Вейтмиля, Бартошка изъ Драгоницъ, а также и Лаврентія изъ Бржезова. Кромѣ этихъ извлеченій, болѣе или менѣе подробныхъ, другіе записывали себѣ на память краткія замѣтки изъ полныхъ

[60] *Ludewig* t. VI, p. 10.

[61] *Dobner* t. I, p. 141.

[62] *Dobner* t. IV, p. 22.

отечественныхъ лѣтописцевъ, попавшихся имъ подъ руку, иногда однѣ числа событій, и къ нимъ присоединяли болѣе подробныя извѣстія относительно тѣхъ происшествій, которые совершились передъ ихъ глазами; отсюда то множество безъименныхъ краткихъ хроникъ, которыя, обыкновенно, начинаются хронологическимъ перечнемъ и переходятъ потомъ въ разсказъ очевидца о происшествіяхъ его времени. Редакторы этѣхъ сводныхъ хроникъ дѣлали ихъ *для себя*, а не *для потомства*, и потому не сочли нужнымъ выставить на нихъ своихъ именъ; нѣкоторыя (пять [63]) изъ такихъ хроникъ разсмотрѣли мы выше. Въ 1843 г., наконецъ, Палацкій нашелъ эту, столько неоцѣненную, лѣтопись, въ Дѣчинской библіотекѣ, на Чешскомъ языкѣ. Подлинное заглавіе ея таково: „Tatoť jest Kronika, kterauž jest sepsal mistr Wawřinec, někdy písař radní nového města Pražského za času krále Wáclawa Českého, které se wěci dáli w královstwí Českém před spálením božské paměti mistra Jana Husy, a po smrti jeho za času Žižky, kteryžto lituje jeho smrti s jinými bratřími welké škody znamenité učinil w zemi České s záhubem duchowenstwí.“ Нѣсколько отрывковъ изъ нея было уже помѣщено въ Журналѣ Чешскаго Музея.

Изъ современныхъ великому Чешскому религіозному движенію *лѣтописцевъ*, *не принадлежавшихъ къ Чешскому народу*, многіе касались событій его исторіи; но ими очень немногіе воспользовались; къ сожалѣнію, мы пользовались очень немногими. Первое мѣсто по праву принадлежитъ здѣсь житію Іоанна XXIII, описанному *Теодорикомъ изъ Нима* [64]. Этотъ писатель, родомъ Нѣмецъ, болѣе 37 лѣтъ занималъ разныя должности при 5 различныхъ папахъ, Григоріѣ XI, Урбанѣ IV, Бонифаціѣ IX, Иннокентіѣ XII, Григоріѣ XII, и умеръ въ 1418 г. Въ написанной имъ „*Vita Ioannis* XXIII,“ одномъ изъ многочисленныхъ его произведеній [65], находимъ поразительную и страшную картину состоянія

---

[63] А именно: трехъ (будто бы) продолжателей Пулкавы, хронику неизвѣстнаго компилатора (*Dobner*, t. IV), Appendix ad Chronicon Benessii de Weitmil (t. IV) и неизвѣстнаго хроника, изданная Добровскимъ и Пельцелемъ.

[64] Такъ названнаго отъ г. *Нигемб* или Нимъ въ Падерборнскомъ округѣ.

[65] Кромѣ „Vita Ioannis XXIII,“ [онъ написалъ важное и огромное сочиненіе „De schismate,“ другое „Nemus unionis“ и еще нѣсколько мел-

Католическаго духовенства того времени въ лицѣ его представителя, папы; сочинитель проникаетъ въ самые внутренніе причины событій. Теодорикъ изъ Нима, какъ Нѣмецъ, одушевленъ какою-то безразсудною брюзгливостью относительно всего Чешскаго и, присутствуя самъ при судѣ и казни Гуса и Іеронима, оставилъ не много подробностей относительно ихъ дѣятельности, по скольку ее самъ видѣлъ и слышалъ, но очень любопытнымъ образомъ развилъ отношенія, въ которыхъ два знаменитые представителя Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія находились къ Нѣмцамъ, имѣвшимъ сильный перевѣсъ на Костницкомъ Соборѣ и воспользовавшимся имъ, какъ орудіемъ народныхъ предубѣжденій и вражды. — Кромѣ того, мы пользовались сочиненіемъ *Гобелина*, Декана Бильфельдскаго и Падерборнскаго приходскаго священника: „Cosmodromium, hoc est Chronicon Universale, complectens res Ecclesiae et Reipublicae usque ad 1418 [66]. Оно гораздо болѣе обѣщаетъ заглавіемъ, нежели сколько представляетъ содержаніе. Гобелинъ [67], родившись въ 1358 году, присутствовалъ при зарожденіи Чешскихъ вѣроисповѣдныхъ движеній, при постепенномъ ихъ развитіи дотолѣ, покуда оно не измѣнило своего характера и изъ области слова пришло на самое дѣло; но онъ остался чуждъ этой великой, въ его глазахъ разъигрывавшейся, драмы и не постигалъ ея значенія: о судьбѣ Гуса онъ разсказалъ точно также, какъ нѣсколько прежде о судьбѣ бичевавшихся монаховъ [68]. Нѣкоторыя любопытныя извѣстія касательно Гуса и его послѣдователей находимъ у Сигмунда *Мейстерлина* въ его „Norimbergensis civitatis S. R. I. historia ad a. 1470," помѣщенной Лудевигомъ въ его „Reliquiae," томѣ VIII-мъ [69]. Мейстерлинъ жилъ во второй половинѣ XV-го стол., и около 1480 года, бывши приходскимъ священникомъ у св. Себальда, по порученію Ниринбергскаго Сената, составилъ хронику своего города, очень подробную, гдѣ старается защитить Сенатъ отъ притязаній Ниринбергскихъ Бургграфовъ.

кихъ сочиненій. Мы пользовались Vita Ioannis XXIII въ *Meibomii* Rerum Germanicarum t. I, p. 5 — 52.

[66] *Meibomii* Rerum Germ. t. I. p. 52 — 369.

[67] *Meibomii* t. I, p. 54.

[68] *Meibomii* t. I, p. 341 — 344.

[69] *Ludewig* Reliquiae t. VIII, p. 145.

Относительно Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія Мейстерлинъ знаетъ немного новаго: главнымъ его источникомъ, для составленія главъ своей исторіи относительно этого періода, служитъ Эней Сильвій; впрочемъ, ему были извѣстны и другіе источники, но, какъ Католикъ, онъ крайне поноситъ Гуситовъ и ихъ дѣйствія [70]. Вотъ все изъ иностранныхъ лѣтописцевъ, намъ доступныхъ, относительно нашего времени: какъ видно, это очень немного, но станемъ надѣяться, что со временемъ будемъ въ состояніи глубже разработать этотъ вопросъ по современнымъ Чешскимъ и не Чешскимъ историкамъ и лѣтописцамъ.

Обращаемся теперь къ историку временъ Гуситскихъ, наиболѣе извѣстному и пользующемуся авторитетомъ значительнымъ, который съ XVI-го стол. до нашего времени былъ главнымъ источникомъ всѣхъ извѣстій для западной Европы о Чешскомъ вѣроисповѣдномъ движеніи и который служитъ источникомъ той лжи, которая такъ смѣло господствуетъ въ большей части всѣхъ позднѣйшихъ сочиненій этого періода, который далъ умышленно ложное понятіе западной Европѣ и отдаленному потомству о великихъ явленіяхъ всемірной драмы Гуса, который былъ родоначальникомъ тѣхъ историковъ, что смотрѣли на исторію, какъ на науку, въ коей можно безсовѣстно выдавать ложныя показанія за истину; мы намѣрены говорить объ „*Aeneae Sylvii* Senensis, S. Rom. Eccles. Cardinalis tituli S. Sabinae, de Bohemorum et ex his Impp. Rom. aliquot origine et restis ad illustrissimum Principem et Dominum Alfonsum Regem Aragonum Historia [71].“ Мы пользовались этимъ сочиненіемъ въ сборникѣ памятниковъ Чешской исторіи, изданныхъ въ 1602 г. Марквардомъ *Фрегеромъ*. Предисловіе этого замѣчательнаго ученаго, обращенное къ Христофору Радзивилу, показываетъ удивительное пониманіе важности Чешскаго народнаго движенія XV-го стол. и Чешской исторіи вообще: „Если есть только народъ или вѣкъ историческій, который „достоинъ того, чтобы глядѣть на него съ глубокимъ чувствомъ „удивленія и сохранить о немъ подробное и полное свѣдѣніе „потомству, то, конечно, этотъ народъ есть отрасль Славянъ, Чехи.

---

[70] *Ludewig* Reliquiae t. VIII, p. 141 199.

[71] *Freheri* Rerum Bohemicarum antiqui scriptores aliquot insignes, partim hactenus incogniti. Hanoviae 1602, p. 118 — 206.

„И это ихъ право на вниманіе потомства и на удивленіе совре„менниковъ лежитъ не въ геройскихъ подвигахъ ихъ доблести, „не въ раннихъ успѣхахъ наукъ и гражданственности, но въ „томъ, что они первые возвратились къ чистотѣ ученія Еван„гельскаго, не безъ явнаго содѣйствія Промысла. Когда еще всѣ „народы Европы терпѣливо несли вѣроисповѣдное и государствен„ное рабство, одни Чехи смѣло возстали противъ него: имъ долж„но было разрушить цѣлый порядокъ вещей, еще крѣпкій и силь„ный, и они совершили свое міровое назначеніе сквозь рядъ бра„ней междоусобныхъ, на перекоръ врагамъ внѣшнимъ и внутрен„нимъ, и когда дѣло, котораго честь принадлежала имъ однимъ, „было навсегда обезпечено для иныхъ народовъ, Чехи поплати„лись горько за свою побѣду: на нихъ пала вся тяжесть гнѣва „безсильнаго порядка вещей, который умѣлъ мстить, не зная „побѣждать.“ Эней Пикколомини родился въ 1405 году въ г. Сіенѣ, учился тамъ праву и, по случаю безпорядковъ въ этомъ городѣ, оставилъ его и на двадцать шестомъ году отправился въ Базель. Какъ секретарь Базельскаго собора, онъ принималъ участіе въ оппозиціи противъ умственнаго и внѣшняго деспотизма, и даже былъ секретаремъ, по выбору Базельскаго Собора, папы Феликса V. Въ 1443 году сталъ извѣстенъ императорскому канцлеру, графу Каспару Шлику, который принялъ его въ число императорскихъ секретарей, въ званіи которыхъ Эней, при различныхъ императорахъ, оставался до избранія въ папы. Императоры поручали ему важныя дѣла: въ 1450 Фридрихъ III отправилъ его въ Чехію и Эней успѣшно совершилъ дѣло, ему порученное. Онъ долго жилъ въ Прагѣ, имѣлъ тамъ много знакомыхъ и пользовался большею извѣстностью. Послѣ Базельскаго Собора онъ успѣлъ спасти Папство своими благоразумными мѣрами (1450—57). Въ различное время онъ былъ епископомъ Тріентскимъ, потомъ Сіенскимъ, потомъ кардиналомъ, а съ 1458 года папою подъ именемъ Пія II. Въ качествѣ высшаго духовнаго лица, онъ старался возвратить Папству утраченное значеніе и дѣйствовалъ очень удачно до своего страннаго спора съ Подѣбрадомъ, королемъ Чешскимъ, въ которомъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своего личнаго оскорбленнаго самолюбія и принесъ ему въ жертву и благо всего Христіанства, и свою добрую славу. Онъ много способствовалъ распространенію раждавшейся любви къ образованію: среди общаго невѣжества и суевѣрія, онъ отличался

знаніемъ древности и свѣтлымъ проницательнымъ умомъ. Все это сдѣлало его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Всѣ его слова пользовались авторитетомъ необыкновеннымъ. Эней въ бытность свою въ Чехіи имѣлъ случай узнать Чешскій народъ, а великія событія жизни его совершались предъ его глазами: чего болѣе для того, чтобы оставить вѣрную и подлинную лѣтопись событій? Но истины нечего искать въ исторіи Энея: вся она есть сплетеніе ложныхъ или сомнительныхъ извѣстій, при чемъ сочинитель думалъ не столько о томъ, чтобы дать потомству вѣрное понятіе о событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, сколько о томъ, чтобы округлить фразу. Совершенное незнаніе языка Чешскаго закрыло отъ него источники о прошедшемъ Чехіи; его собственное высокоуміе и исключительность Католическаго взгляда совершенно ослѣпили его взглядъ на событія, которыя при томъ онъ не только поставилъ въ ложномъ свѣтѣ, но и умышленно исказилъ. Замѣчательно посланіе Энея къ Альфонсу, королю Португальскому, которому онъ подноситъ посвященіе своей исторіи Чехіи. Ничто не нанесло такого удара Средневѣковымъ вѣрованіямъ, какъ появленіе и независимое положеніе Гуситовъ. Періодъ духовнаго единодержавія папы, на которомъ основывался весь внутренній и внѣшній бытъ Средневѣковой, кончился: дотолѣ папа все держалъ подъ строгимъ уровнемъ, заставлялъ все покоряться своему престолу; его могущество было страшно; внутренняя сторона его опиралась на общественномъ мнѣніи, внѣшняя на дѣйствительности средствъ духовныхъ, лежавшихъ въ его рукахъ. Но Гуситы смѣло вызвали на бой Римскую Церковь и папу: проклятія послѣдняго перестали имѣть силу; Богъ пересталъ вѣщать устами своего намѣстника и давалъ побѣду и благоденствіе тому, кого этотъ послѣдній осыпалъ самыми страшными проклятіями. Крестовые походы имѣли самый неблагопріятный конецъ: и надъ свѣтскою властью папы торжествовали Чехи. Дотолѣ ничто не могло существовать внѣ Католическаго единства: теперь важная страна отдѣлилась отъ него и составила себѣ свой порядокъ вещей, показала, что и безъ папы, что и внѣ Католической Церкви, можетъ существовать благоустроенное государство. Это безсиліе Римской Церкви, это противорѣчіе ея ученія, не признающаго спасенія внѣ своихъ предѣловъ, съ неумолимымъ фактомъ безнаказанности, упрекнувшимъ эту Церковь въ внутреннемъ разстрой-

ствѣ, въ уклоненіи отъ истины, не могло не поразить умы людей величественной и неравной борьбой. Все посланіе Энея къ Альфонсу служитъ отвѣтомъ на сомнѣнія, необходимо возникавшія въ душѣ каждаго относительно того, что Богъ лишилъ свою Церковь помощи. „Въ наше время преступные люди, отвергнувъ „повиновеніе Рямской Церкви, поправши религію отцевъ своихъ, „избивъ священниковъ Христа, разграбивъ св. храмы, презрѣвъ „вѣру и добрую нравственность, въ грабительствѣ, прелюбодѣя„ніи и всякой нечистотѣ живущіе, остались непобѣдимы передъ „могущественными царями, сильными народами, искусными вож„дями и наилучшими войсками. А тѣ, которые защищали бла„гое дѣло или погибли въ мученіяхъ, или были изгнаны изъ „отечества.“ Эней рѣшаетъ это, какъ обыкновенно рѣшаютъ подобныя сомнѣнія, говоря, что Жижка, Коранда, Якубекъ, вмѣстѣ съ Гусомъ, Іеронимомъ и Рокыцаной, горятъ въ вѣчномъ огнѣ, а тѣ, которые остались вѣрны Католицизму, получили вѣчное блаженство. „Источники моей исторіи, пишетъ между прочимъ Эней, были мои глаза и слухъ: я писалъ то, что слышалъ и видѣлъ. Съ Божіею помощію намѣренъ я изложить исторію Чехіи отъ происхожденія Чешскаго народа до нашихъ временъ. Хотя вся исторія этого народа заслуживаетъ вниманіе, однако преимущественно предъ прочимъ новыя событія, которыя, правда, удивительны, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрны. Мое мнѣніе, что въ наше время ни въ одномъ королевствѣ не случилось столько переворотовъ, столько войнъ и битвъ, столько чудныхъ дѣяній, сколько ихъ показала намъ Чехія.“ Все сочиненіе Энея раздѣлено на 72 главы, и простирается отъ самыхъ древнихъ временъ Чехіи до избранія въ короли ея Подѣбрада. Тридцать четыре первыя главы исторіи Энея * посвящены древней исторіи Чехіи до Вацлава IV-го, гдѣ сочинитель сообщаетъ сказки простонародныя или свои поверхностныя сужденія, опуская самыя важныя подробности. Отъ тридцать четвертой до 72-й главы разсказываются, съ удивительною злонамѣренностію и пристрастіемъ, происшествія Чешской исторіи отъ появленія Гуса до коро-

---

* Какими чертами описалъ Эней Чеховъ? „Plebs tuto regno bibula et ventri dedita, superstitionumque sequax et auida novitatum.“ *Aeneas.* c. I. p. 121 (ed. *Freher*).

ля Чешскаго, Юрія Подѣбрада. Далѣе мы будемъ не одинъ разъ имѣть случай обличать это сочиненіе, написанное съ цѣлью оболгать предъ потомствомъ весь Чешскій народъ и ввести оное въ заблужденіе на счетъ происшествій, послѣдовавшихъ за появленіемъ Гуса.

„Historiae Hussitarum libri duodecim per ioannem *Cochlaeum*, artium et sacrae Theologiae Magistrum, Canonicum Vratislaviensem, operose collecti ex variis et antiquis, tum Bohemorum, tum aliorum codicibus, antea nunquam excusis. Quibus adjuncti sunt duo de sacramentis septem et de ceremoniis ecclesiae tractatorum Bohemorum, Io. Rokyzanae et Io. Przibram: cum Philippica septima Cochlaei de publica Caroli V Imperatoris ordinatione, quae vulgo interim dicitur. 1549 [72]." Вотъ полное заглавіе этой, до крайности занимательной, книги. Кохлей пользовался постоянно дурною славою: его обвиняли въ излишнемъ фанатизмѣ воззрѣнія, въ искаженіи событій, въ пристрастномъ ихъ изложеніи. Съ перваго взгляда принимаясь за книгу Кохлея, предубѣждаешься противъ него; видя его любовь къ дѣлу Католицизма, читая его проклятія на его противниковъ, останавливаясь вездѣ на возгласахъ, самыхъ странныхъ и пылкихъ, видишь въ немъ человѣка, который и на поле исторіи перенесъ всю желчь вѣроисповѣдныхъ диспутовъ, все неистовство фанатика. Но бранчивая наружность исторіи Кохлея также обманчива, какъ и внѣшность строгаго историка, которую принимаетъ на себя Эней Сильвій Пикколомини. Видимое хладнокровіе и безпристрастіе Энея нанесли исторіи несравненно болѣе вреда, нежели пылкость и одушевленіе къ дѣлу Католицизма, которымъ отличается Кохлей. Если выбросить изъ исторіи Энея все сомнительное и ложное, то въ ней останутся развѣ одни заглавія книгъ истинными; напротивъ, если у Кохлея отнять всѣ его вѣроисповѣдныя сужденія, всѣ его размышленія, все, что онъ говоритъ отъ своего лица, то у насъ останется еще подробная и вѣрная исторія событій временъ Гуса. Внимательно изучая подробную исторію Кохлея, не останавливаясь на одной внѣшности ея, но постигая самый духъ ея, проникая въ намѣренія и характеръ самаго Кохлея, какъ историка, мы дошли, наконецъ, до того результата, что въ Кохлеѣ соединя-

[72] Apud Vietorem, prope Moguntiam, ex Francisci Behem typographi officina. 1569.

ются два, весьма различнаго характера и направленія, человѣка: Кохлей - богословъ, Католическій, ревностный приверженецъ и твердый защитникъ всѣхъ убѣжденій Церкви, ненавидитъ ересь и еретиковъ, осыпаетъ ихъ величайшими ругательствами; Кохлей-историкъ ищетъ болѣе всего истины. Эти два характера, историка и богослова такъ рѣзко обличаются въ исторіи Кохлея, что ихъ можно примѣтить рядомъ въ разныхъ мѣстахъ его исторіи. Кохлей-историкъ, сообщаетъ и тѣ факты историческіе, которые относятся не къ свѣтлой сторонѣ исторіи Церкви (такъ, на пр., Кохлей очень ясно указалъ на двусмысленное поведеніе папы Пія, и относительно Чешскаго короля, Юрія Подѣбрада, на подвиги Жижки, на прекрасныя государственныя качества Юрія Подѣбрада), но тотчасъ Кохлей-богословъ является на сцену и своими возгласами старается уничтожить благопріятное впечатлѣніе, которое возникаетъ изъ откровеннаго разсказа Кохлея-историка. Эней Сильвій написалъ всю свою исторію изъ своей головы, на основаніи своей памяти, и всѣ ошибки ея вошли въ исторію, будучи повторены тысячу разъ. Напротивъ, Кохлей представляетъ начало самостоятельнаго историческаго изученія на основаніи различныхъ достовѣрныхъ источниковъ. Уже любовь Кохлея къ истинѣ и его желаніе узнать ее, видны въ томъ тщаніи, съ которымъ онъ сообщаетъ подлинные документы, которые могутъ служить къ усиленію и уразумѣнію историческихъ событій; важность этихъ актовъ, изъ которыхъ нѣкоторые нигдѣ въ другомъ мѣстѣ найдены быть не могутъ, понимаетъ самъ Кохлей и, мало, пользуясь ими, онъ, приводя ихъ, замѣчаетъ: „Ad certiorem itaque hujus rei cognitionem habendam, subjungam ipsa maferialia," или „operae praetium est Lectori," или „quorum tenorem, qui ad historiae cognitionem nonnihil conducat, hic ex vetusto codice recitare convenit." Мы постараемся, при нашемъ изслѣдованіи, отдѣлить то, что сообщилъ Кохлей-историкъ изъ любви къ истинѣ, отъ того, что Кохлей-богословъ, въ негодованіи и досадѣ, сказалъ о томъ или иномъ лицѣ и событіи. Кохлей обращался болѣе къ кореннымъ источникамъ Чешскимъ и къ старымъ ихъ памятникамъ: онъ обнаруживаетъ очень плохую вѣру въ *Сильвія* и не разъ обличаетъ его невѣдѣніе [75]. Въ предисло-

[75] Заимствуя, при недостаткѣ иныхъ источниковъ, цѣликомъ мѣста изъ Исторіи Сильвія, Кохлей, приводя какой-либо древній источникъ,

віи своемъ къ Іоанну де Гангестъ, Епископу и Графу Невшательскому, которому Кохлей посвящаетъ свою книгу, онъ предостерегаетъ его на счетъ вреда, который можетъ произойти отъ распространенія во Франціи различныхъ еретическихъ книгъ, а особенно сочиненій Кальвина, котораго неуважительныя слова относительно Тридентскаго Собора Кохлей не забываетъ привесть и указываетъ ему на то, что случилось въ прекраснѣйшемъ [74] королевствѣ Чешскомъ *чрезъ козни одного еретика*, и что онъ (Кохлей) намѣренъ, болѣе сожалѣя, чѣмъ обличая, изложить откровенно, на основаніи старыхъ рукописей [75]. Далѣе, говоря для Французскаго Епископа о страшномъ вредѣ, который можетъ произойти для всей Франціи отъ сосѣдняго съ нею ученія Кальвина, Кохлей говоритъ: „Такъ, если въ цвѣтущее время [76] королевство „Чешское принесло столько опасности, смятеній и гибели чрезъ „огромное пространство земли, чрезъ столькія страны и чрезъ „самое море, тѣмъ молодымъ Чехомъ, который принесъ сюда не„многія Латинскія (которыя Гусъ, потомъ, перевелъ на Чешскій „языкъ) сочиненія Виклефа, то какія бѣдствія могутъ послѣдо„вать для Франціи отъ распространенія Кальванизма [77].“ Предъ подробнымъ оглавленіемъ своей исторіи Кохлей, между прочимъ, замѣчаетъ: „Въ этой книгѣ читатель найдетъ упоминаніе о многихъ дѣйствіяхъ и прочтетъ многіе документы, найденные въ разныхъ старыхъ рукописяхъ“ [78]. Въ концѣ самой исторіи (p. 441) находимъ извѣстіе, что она сочинена въ Дрезденѣ, при Герцогѣ Саксонскомъ, Георгѣ, въ 1533 году. Въ предисловіи къ изданному имъ трактату Рокицаны, Кохлей, обращаясь къ Шведскому Архіепископу и изгнаннику, Олаю, сначала жалуется на то, что онъ въ

обличающій ложь Энея, наивно замѣчаетъ: „Haec Aeneas Sylvius, cetera in vetusto codice clarius, licet non elegantius, hac de re dictum est.“

[74] Pulcherrimum Regnum Bohemiae, p. 5.

[75] Deplorans potius, quam exprobrans, bona fide ex antiquis codicibus commemoravi.

[76] Florentissimum r. B.

[77] Здѣсь Кохлей показалъ не мало историческаго предвѣдѣнія.

[78] Multa est in hisce libris epistolarum gestorumque commemoratio ex variis et vetustis exemplaribus collecta.

чужихъ земляхъ видитъ къ себѣ болѣе сочувствія и уваженія, чѣмъ въ своей родной. Далѣе, относительно своей исторіи Гусиновъ и цѣли ея, самъ Кохлей замѣчаетъ: Я издаю это не изъ „ненависти или презрѣнія къ кому либо; напротивъ, я отъ Чеховъ, не видѣлъ ничего, кромѣ добра, а между ними имѣю многихъ добрыхъ знакомыхъ. — Все это написалъ я въ примѣръ „и наставленіе нѣкоторыхъ набожныхъ Католиковъ, особенно „Нѣмецкихъ, которыхъ теперь новыя главы сектъ стараются у„влекать въ мнѣнія, болѣе вредныя и опасныя, нежели каковы „были мнѣнія Гуситовъ." Что касается до трактата Рокицины о „Таинствахъ, то Кохлей счелъ его нужнымъ издать, для того, „чтобы нынѣшніе Гуситы въ Чехіи, а Лютеране и послѣдователи Цвинглія въ Германіи, узнали, сколько удалились они отъ „истиннаго ученія Церкви и мнѣній Св. Отцевъ (на сужденіе „которыхъ ссылается и самъ Рокицана, который, въ теченіи „многихъ лѣтъ, изъ всѣхъ Гуситовъ былъ злѣйшій врагъ и по„носитель Церкви и Римскаго Первосвященника)." Мы разсмотримъ этотъ трактатъ въ своемъ мѣстѣ. Помѣстивъ, въ видѣ дополненія къ своей исторіи, Рокицаны De septem Sacramentis Ecclesiae [79], Кохлей далѣе переходитъ къ трактату Пржибрама De professione fidei Catholica et errorum revocatione, который scriptus est Pragae 1428 г. Этому трактату предшествуетъ очень замѣчательное посланіе Кохлея къ Іоанну Газенбергу, Епископу Литомѣржицкому, котораго онъ зналъ уже болѣе 20 л. Изъ него узнаемъ, что онъ былъ въ Чехіи, а именно въ Прагѣ и Литомѣржицахъ, и что Кохлей самъ ни слова не зналъ по Чешски: переводчикомъ ему и въ дружескомъ разговорѣ служилъ выше сказанный Епископъ Литомѣржицкій. „А ты, обращается къ нему Кохлей, превосходно знаешь свой отечественный языкъ и „отлично говоришь на немъ не только дома, но и въ проповѣдяхъ, „произносимыхъ всенародно (предъ всѣмъ народомъ): ему ты у„чилъ Эрцгерцоговыхъ дѣтей и Императора, которые будутъ имѣть „великую выгоду отъ того при управленіи дѣлами." Замѣчательно еще слѣдующее мѣсто Кохлея изъ этого же письма. „Вамъ, „которые изъ личнаго обращенія со мною, знаете очень хорошо

[79] Tractatus Magistri Ioannis *Rokyzanae*, Bohemi, de septem sacramentis Ecclesiae (p. 440—500).

„мой характеръ и правила, извѣстно, что я не позволилъ себѣ „ни малѣйшей горечи, ни малѣйшаго пристрастія противъ пле„мени Чешскаго. А каковы мои занятія этимъ народомъ, кото„рымъ я посвятилъ столько лѣтъ, это увидитъ легко изъ того, „что я нынѣ издаю, всякій благорасположенный читатель.“ Затѣмъ Кохлей упоминаетъ о трудахъ людей, предшествовавшихъ ему и посвятившихъ силы свои одному съ нимъ предмету: онъ приводитъ Энея Сильвія, Альберта Саксонскаго или Альберта Кранца, Ганноверскаго декана, въ его Vandalia, Іоанна Штумпфа, Швейцарца, который собралъ и напечаталъ въ Торговѣ (Торгау) много свѣдѣній о Гусѣ. „Этотъ послѣдній писалъ свою книгу довольно спустя послѣ того, какъ я, Кохлей, окончилъ свою, и потому я, при составленіи ея, не могъ ничего изъ нея заимствовать [80]. Разсказъ Штумпфа, какъ Цвингліанца, заподозрѣваетъ Кохлей. Что касается до Кранца, то этотъ сочинитель многихъ исторій, въ своей Vandalia, состоящей изъ XIV книгъ, собралъ многое, что относится къ дѣйствіямъ Гуситовъ, но набросалъ это безъ всякаго опредѣленнаго и строгаго порядка. Заключеніе письма слѣдующее: „Будьте увѣрены, что я предпринялъ этотъ трудъ въ славу и честь славнаго народа и твердаго племени Чеховъ, откуда прочіе народы, особенно Германскій, узнаютъ, сколь упорныя гоненія и битвы вытерпѣли Чешскіе Католики [81].“ — Наконецъ, остается еще, изданное Кохлеемъ, его собственное сочиненіе Philippica Septima contra Melanchtonem, которое, впрочемъ, къ намъ не относится. Кохлей жилъ въ самый разгаръ Лютеровой реформаціи; въ качествѣ богослова, онъ долженъ былъ, волею, неволею, защищать Католическую Церковь отъ нападокъ многочисленныхъ Протестантскихъ проповѣдниковъ. Это заставило его поискать корня Лютеранизму, напасть на него въ самомъ его сердцѣ и обратиться къ изслѣдованію исторіи, которая одна могла дать ему средства бороться съ успѣхомъ противъ враговъ. Это историческое изслѣдованіе показало ему, что ученіе Гуса есть корень послѣдующаго ученія Лютера и возбудило въ немъ охоту прослѣдить развитіе перваго. Кохлей принялся за дѣло съ замѣтнымъ искуствомъ и талантомъ и исполь-

[80] *Cochlaei* p. 502.

[81] *Cochlaei* p. 500—549 и p. 549—598 — Philippica.

нилъ свое дѣло возможно добросовѣстно. Пользуясь имъ, мы будемъ здѣсь брать на разсмотрѣніе только самые факты, сообщаемые Кохлеемъ, а его личныя мнѣнія, какъ порожденныя его убѣжденіями и извѣстнымъ порядкомъ вещей и сравнивать ихъ съ тѣми же фактами по другимъ источникамъ. Кохлей болѣе историкъ, нежели богословъ, но и тотъ и другой вмѣстѣ составляютъ болѣе частный личный его характеръ; во всякомъ случаѣ мы очень много обязаны Кохлею и тѣмъ важнымъ актамъ, которые необходимы были намъ при изученіи духа Чешскаго народнаго исповѣднаго движенія въ связи съ политическимъ его бытомъ [82].

Очень важны по своему содержанію тѣ прибавленія, съ которыми *Фрегеръ* въ Scriptores Rerum Bohemicarum издалъ исторію Чехіи Энея Сильвія; вотъ они: 1) *Poggii* Florentini de Hieronymi haeretici obitu et supplicio narratio [83], столь необходимое для полнаго понятія о характерѣ и дѣйствіяхъ этого славнаго мученика за свободу Чехіи; 2) Quomodo Bohemi vocati productique sint ad Basiliensem Synodum Oecomenicam et quid illic egerint, ex verbosissimis commentariis compendio relatum, изображаетъ очень хорошо отношенія, въ которыхъ стали Чешскіе Гуситы къ Германіи [84]. 3) Описаніе путешествія Энея Сильвія въ Таборъ и вѣроисповѣднаго прѣнія, которое имѣло тамъ мѣсто: сочиненіе [85], изображающее намъ пристрастно, но подробно, состояніе Чешскихъ Таборитовъ.

Iacobi *Picolominei*, Cardinalis Papiensis, de Hussitis et Georgio Pogiebracio (Подѣбрадѣ), Bohemorum Rege historica narratio (ex commentariorum ejus l. VI desumta), написана съ самой Папистской точки зрѣнія: сочинитель большею частью списываетъ Энея Сильвія, но прибавляетъ, особенно относительно Юрія Подѣбра-

[82] Дальнѣйшее историческое изслѣдованіе болѣе и ближе оправдываетъ историческую честь Кохлея; такъ Палацкій подтвердилъ его разсказъ объ осужденіи книгъ Виклефа и Гуса вмѣстѣ съ прочими.

[83] *Freheri* p. 143—145.

[84] *Freheri* p. 158—170. Онъ предполагаетъ, что это извлеченіе принадлежитъ Энею Сильвію; во всякомъ случаѣ оно очень важно и заключаетъ, въ видѣ дополненія, на концѣ просьбы и предложенія, сдѣланныя Чехами, и рядомъ съ ними отвѣты Собора.

[85] *Freheri* p. 181 — 193 въ видѣ письма Энея Сильвія къ Кардиналу Карваялу.

да, подробности, которыхъ у того нѣтъ; здѣсь находимъ довольно подробный разсказъ о знаменитой борьбѣ Юрія Подѣбрада съ Папскимъ престоломъ [86].

Melchioris *Goldasti* Heiminsfeldii Commentarii de Regni Bohemiae incorporatorumque provinciarum juribus et privilegiis, in libros VI divisi [87]. Эта книга заключаетъ въ себѣ нѣсколько очень важныхъ изслѣдованій о Чешскомъ правѣ сравнительно съ Германскимъ и проливающихъ ясной свѣтъ на отношенія Чехіи къ Имперіи, какъ члену ея. Впрочемъ, самыя изслѣдованія мы оставимъ въ сторонѣ: для насъ важенъ приложенный, въ пополненіе, къ нимъ: Appendix, in quo continentur privilegia, documenta et alia instrumenta, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ [88]; вотъ тѣ, которыя послужатъ намъ къ яснѣйшему представленію событій: 1) Imperatoris Sigismundi edictum de salvo conducti Hussi, 1414 [89]. 2) Copia literarum Regis Sigismundi ad Barones regni Bohemiae foventes memoriam Hus, 1417 [90]. 3) Articuli XXIV a Patribus Conciliis Constantiensis praescripti, ad reducendos ab Hussica haeresi Bohemos, a. 1417. 4) Articuli excessuum et culparum contra Regem Ungariae, quas intulit Regno et Coronae Bohemiae, oblati eidem per Barones ac Civitates Bohemiae, a. 1421. 5) Epistola Hussitarum ad quendam Principem et ad Lusatiae populos, a. 1421. 6) Dehortatoriae literae Martini Pontificis, ad Vitoldum, Ducem Lithuaniae, a. 1422. 7) Campactata Pragae proposita, a. 1433. 8) Literae Thaborensium sacerdotum, a. 1434. 9) De gratiis Deo agendis, pro victoria Bohemorum adversus Thaboritas. a. 1434. 10) Sigismundi Imp. Decretum, quo compactata et concordata Legatorum Synodalium de calicis usu laicis petentibus concedendo, iterum comprobavit confirmavitque Iglaviae in Moravia, a. 1434. 11) De conciliatione Bohemorum in materia articulorum fidei, in Comitiis Imperialibus Ratisbonae concludenda, a. 1434. 12) Responsa Legatorum Conci-

---

[86] *Freheri*, p. 206—221.

[87] Ученая дѣятельность Гольдаста относится къ первой половинѣ XVII ст. и его соч. Commentarii de regni Bohemiae juribus ac privilegiis вышло въ первый разъ въ 1627, а въ 1719 издано съ дополненіями 1. Германномъ Шминкомъ.

[88] Этотъ Appendix занимаетъ 243 страницы въ л.

[89] Есть въ соч. Гуса Т. I.

[90] У Кохлея есть.

lii ad dubia Bohemorum, a. 1435. 13) Copia Mandati pro obedientia sub sigillo Regni, a. 1435. 14) Formula Pactionum Imperatoris Sigismundi cum Bohemis, a. 1435. 15) Executoria Dominorum Legatorum, super Compactatis data Bohemis, a. 1436. 16) Sigismundi Imperatoris confirmatio articulorum, cum Hussitis concordatorum per legatos Synodales, an. 1436. 17) Literae concordiae, Thaboritis concessae, an. 1436. 18) Literae Magistrorum Pragensium super IV arbitris, an. 1436. 19) Tenor literarum Sacri Concilii, an. 1436. 20) Tenor literarum Imperatoris et Ducis Alberti, an. 1436. 21) Tenor literarum Concilii. 22) Copia mandati ad subditos Regni Bohemiae et Marchionatus Moraviae pro pace servanda, an. 1436. 23) Articuli editi per Magistros et Clerum Pragensem, Feria IV ante festum S. Viti, a. 1442. 24) Responsum Cardinalis S. Angeli, legati de latere, ad articulos, sibi oblatos, per generalem Congregationem Regni Bohemiae, an. 1448. 25) Bulla Nicolai V ad Capistranum, an. 1451. 26) Epistola Nicolai de Cusa Cardinalis ad Bohemos, an. 1452. 27) Epistola Ladislai Regis ad Pragenses, an. 1455. 28) Pontificis Romani vocatio Georgii Regis Bohemiae ad conventum Mantuanum, an. 1458. 29) Friderici III Confirmatio Privilegiorum Boemicorum, an. 1459. 30) Literae Baronum Regni Bohemiae ad Slesitas, an. 1459. 31) Bulla Pontificis ad Vratislavienses, an. 1459. 32) Pontificis epistola ad Georgium Regem Bohemiae, an. 1459. 33) Formula concordiae, inter Regem et Vratislavienses factae, an. 1460. 34) Capitula concordiae, a Vratislaviensibus proposita et petita, atqe etiam obtenta, an. 1460. 35) Bulla Pii II Papae, Georgii Regis Bohemiae, juramentum continens, an. 1463. 36) Literae deprecatoriae Georgii Regis Bohemiae, ad summum Pontificem, an. 1463. 37) Responsum Pontificis ad intercessionem Friderici III pro Georgio rege Bohemiae, an 1463. 38) Recognitio Ferdinandi I Imperatoris de libera clectione Bohemica, an. 1526. 39) Obligatio Ferdinandi I de conservatione privilegiorum Bohemicorum, an. 1526. 40) De haeresi sacramentaria Zwinglianorum exterminanda, an. 1534. 41) Ferdinandi Imp. aurea bulla de societate Jesu, an. 1563. 42) De exercitio religionis libero Augustanae Confessionis et interdicto aliarum sectarum, an. 1564. 43) Judicium de Brocardo Baronio Italo, qui consultationem quandam Pontificis Romani de extirpandis in Bohemia, Moravia, Slesia etc. Evangelicis, a. 1603 per Germaniam divulgavit. 44) Rudolphi II edictum de pace religionis concessa Bohemis et conjunctarum Provinciarum incolis, Silesiis, Moravis, Lusatis, a. 1609. 45) Ferdinandi Archiducis Pactum cum Rege

Hispaniarum de successione Hungariae et Bohemiae, an. 1617. Издатель сочиненія Гольдаста, Шминкъ, присоединилъ опущенные этимъ послѣднимъ акты, заимствовавъ ихъ изъ Miscellanea Бальбина. Изъ нихъ [91] для насъ замѣчательны: 1) Salvus Conductus, datus a Caesare Friderico Bohemis, ut Comitia Viennae celebrare possint, an. 1447. 2) Concordia inter Vladislaum, Bohemiae Regem, et Matthiam Hungariae, an. 1478. 3) Literae Rudolphi II, datae Ordinibus Bohemiae pro fratre suo Archiduce Matthie. 4) Reversales literae Archiducis Matthiae, datae Ordinibus Bohemiae, an. 1608. 5) Imperatoris Matthiae literae reversales ante suam coronationem, a. 1611. 6) Regis Matthiae Reversales et obligatio universalis quoad religionem et privilegia, post coronationem Ordinibus datae, an. 1611. [92]. Изъ документовъ исторіи Чехіи на Нѣмецкомъ языкѣ, помѣщенныхъ во второй части Гольдаста, мы пользовались слѣдующими: 1) Kayser Sigmunds Schreiben an die Landtsstaende zu Czaslau versamblet, 1421. 2) Kayser Sigmunds anderweit Schreiben an den Landtag zu Czaslau. 3) Antwort aus d. Czaslavischen Landtag auf Kaysers Sigmunds Schreiben, an. 1421. 4) Beschluss des Landtags zu Czaslau gehalten, an. 1421. 5) Kayser Sigismundi erste concordata mit den Staenden des Koenigreichs Boeheim, a. 1435. 6) Kaysers Sigismundi privilegium den Pragern gegeben sonderlich wegen der Religion, 1435. 7) Kayserliche Obligation den Staenden des Koenigreichs Boehmen gegeben, an. 1436. 8) Kayser Sigmunds Goncession wegen der freyen Wahl eines Ertzbichoffs zu Prag, an. 1436. 9) Königs Ladislai Juramentum, so er hat sollen auf den Graentzen schweren, aber erst hernacher zu Prag bey der Krönung geleistet worden, an. 1453. 10) Koenigs Georgen Jurament bey der Krönung geschworen, an. 1458. 11) Kayser Fridrichs Lehenbrieff, König Wladislawen gegeben, über Boeheim a. 1477. 12) Знаменитый актъ: Kayser Rudolphis Majestaet-Brieff den Ständen des Königreichs Boeheim gegeben über die Freyheit der Religion, an. 1609. 13) Articul und Vergleichung von Verordnung, Gewalt und Verrichtung der Defensorum, desgleichen von Uebergab des Consistorii und der Academien, auch dem rechtlichen Austrag in vorfallenden Religions-Streitigkeiten, a. 1609. 14) Kayser Rudolfs Majestätbrieff, Religionsfrieden den Herrn Fürsten und Ständen in

---

[91] *Goldasti* p. 244—351.

[92] *Goldasti* t. II p. 269—408.

Schlesien gegeben, an. 1609. 15) Königliche Ladung an Herrn Heinrichen von Wallenstein, wegen eines auf sein Anordnung gedruckten Famoslibells, a. 1617. 16) Extract aus der Landtags Proposition, so gehalten zu Prag, den 18 Martii, an. 1619 17) и 18) Два списка лицъ, которые на сеймъ Чешскомъ, Марта мѣсяца, 1619 года, лишены чиновъ и навсегда изгнаны изъ Чехіи. 19. Confirmation aller Privilegion Чешскаго Королевства Фердинандомъ II-мъ (1619). Большая часть актовъ, помѣщенныхъ въ первомъ разрядѣ, находятся у Кохлея, которому первому (сколько намъ извѣстно) принадлежитъ честь попытки составить исторію какого н. времени на основаніи дипломатическихъ актовъ. Хотя онъ ими не воспользовался, а помѣстилъ ихъ по порядку времени въ своей исторіи, однако, онъ уже за свою добросовѣстность, съ которою обращался къ самимъ источникамъ исторіи, заслуживаетъ, чтобы дать ему мѣсто въ ряду историческихъ изслѣдователей несравненно выше, нежели какое занимаютъ Эней Сильвій, Дубравскій, Гаекъ и под. имъ.

10. *Dubravii*, Olomucensis Episcopi, historia Bohemica, ab origine gentis per diversas temporum et familiarum vices usque ad Ferdinandi Imp. et Regis auspicia deducta, изданная съ прибавленіями и объясненіями Ѳомой Іорданомъ [93]. Изъ предисловія, написаннаго въ 1574 году, отъ лица одного медика, Іоанна Крато, къ Рудольфу и Эрнесту, Эрцгерцогамъ Австрійскимъ, узнаемъ, что Дубравскій, Епископъ Оломуцкій, напечаталъ въ Моравскомъ городѣ *Простѣевѣ* свою Чешскую исторію въ 1551 г., но что она извѣстна очень немногимъ: это-то было главною причиною, понудившею издать вновь, въ болѣе исправленномъ видѣ, исторію Дубравскаго. Дѣло это взялъ на себя Іоаннъ Іорданъ, медикъ: издатель совѣтовалъ ему сличить извѣстія, сообщаемыя Дубравскимъ, съ тѣмъ, что говорятъ объ нихъ Угорскіе, Чешскіе и Силезскіе историки. „Но, замѣчаетъ самъ издатель, относительно дѣлъ Чешскихъ и Моравскихъ существуетъ очень не много Латинскихъ источниковъ и даже, если исключить записки Энея, или лучше сказать его вымыслы (praeter commentaria. Aeneae S. seu

[93] — a Thoma Jordano Medico novis Genealogiarum Episcoporum, Regum, Ducum Catalogis, necessariis atque annotationibus ornata et illustrata. Hanoviae, 1602.

potius „*opinionum commenta*"), вовсе нѣтъ никакихъ." Дубравскій отличается постояннымъ недоброжелательствомъ Нѣмцамъ, а также и крайнимъ пристрастіемъ ко всему, что касается интересовъ Католицизма вообще и его ордена въ частности. Послѣ очень замѣчательныхъ генеалогическихъ таблицъ Королей Чешскихъ, Польскихъ и Угорскихъ по Іордану, слѣдуетъ краткая Vita authoris. Іоаннъ Дубравскій родился въ Пьзнѣ: родъ, изъ котораго онъ происходилъ, назывался, до полученія дворянскаго достоинства, *Скала*. Онъ воспитывался въ Италіянскихъ Университетахъ и, по возвращеніи оттуда, сдѣлался помощникомъ Станислава Турзы, Епископа Оломуцкаго. Іоаннъ Дубравскій по смерти его занялъ Епископство Оломуцкое, которое оставалось за нимъ до самой смерти: въ этомъ званіи онъ былъ посредникомъ въ великомъ спорѣ Силезцевъ и Чеховъ, а потомъ и членомъ Коммиссіи, которой назначено было судить виновныхъ въ заговорѣ противъ Фердинанда, и дѣйствовалъ очень умно и благородно [94]. Исторія Чехіи Дубравскаго простирается отъ начала Чешской земли до несчастной Могачьской битвы (26 Августа, 1526), и исторія Гуса и его послѣдователей занимаетъ въ ней довольно мѣста [95]. Дубравскій рѣшительно нигдѣ не указываетъ на источники, изъ которыхъ онъ почерпнулъ свой разсказъ: въ томъ, что онъ говоритъ о Гусѣ, видно вліяніе на Дубравскаго исторіи Энея Сильвія; не смотря на то, что Дубровскому былъ извѣстенъ Чешскій языкъ, его природный, нигдѣ, однако, не замѣтно, чтобы онъ пользовался источниками родными. Что касается до историческаго значенія исторіи Дубравскаго, то это болѣе разсказъ старика, много видѣвшаго и слышавшаго въ свою жизнь, нежели основательный и подробный разсказъ умнаго и смѣтливаго лѣтописца. Если Энеи Сильвій позволилъ себѣ изъ своей собственной головы сочинить (въ полномъ смыслѣ этого слова) исторію, и представлять за историческіе факты догадки и соображенія свои, то Дубравскій составилъ свою исторію изъ народныхъ разсказовъ. Извѣстно,

---

[94] См. Vita Dubravii p. 1. Эти подробности сохранены Яномъ изъ *Бискупицъ*, который, учившись въ дѣтствѣ у Епископа, принужденъ собственною рукою переписать большую часть соч. Епископа.

[95] Все соч. заключаетъ въ себѣ тридцать три книги; съ 23 й излагаются извѣстія о Чешскомъ вѣроисповѣдномъ движеніи.

что народъ, какъ дитя, удерживаетъ въ памяти внѣшнюю сторону событія, тѣ его черты, которыя представляютъ что-нибудь новое и странное: такъ и Дубравскій ищетъ во всѣхъ событіяхъ ихъ внѣшней стороны, ихъ подробностей, иногда разукрашенныхъ воображеніемъ народа. Онъ не ищетъ истины и не заботится объ ней, но старается собрать какъ можно болѣе невѣроятныхъ, удивительныхъ частностей, и онъ исполнилъ это такъ хорошо, что вся исторія, отъ первой до послѣдней страницы, есть собраніе народныхъ разсказовъ по поводу того или инаго событія, состоитъ изъ эпизодическихъ статей касательно того или инаго, особенно многосторонняго, происшествія. Но, по нашему, мнѣнію, болтливость Дубравскаго полезнѣе наглости Энея: первый, собирая нарочные разсказы, хоть не взначай могъ простодушно высказать истину, тогда какъ второй слишкомъ уменъ для того. При такомъ образѣ мыслей Дубравскаго исторіей его презирать не должно, но необходимо съ строгою критикою изслѣдывать его извѣстія и тщательно отдѣлять ложь отъ истины [96].

Waclawa *Hayka* z Liboczan Kronyka Czeska, въ Прагѣ 1541, въ *л.* [97]. Іоаннъ Сандель перевелъ эту книгу на Нѣмецкій языкъ и издалъ въ 1596 году въ Прагѣ въ *л.* Вацлавъ Гаекъ изъ Либочанъ, проповѣдникъ при монастырѣ св. Ѳомы, на Малой Странѣ, въ Прагѣ, посвятилъ свой трудъ Императору Нѣмецкому и Королю Чешскому, Фердинанду 1-му. Предисловіе постоянно толкуетъ о пользѣ исторіи, а ничего объ источникахъ ея и направленіи, которому намѣренъ былъ послѣдовать Гаекъ; но въ немъ замѣчательны двѣ частности: первое, онъ съ глубокою горестью упоминаетъ о сожженіи Архивовъ и актовъ Королевства, въ кото-

---

[96] За исторіею Дубравскаго помѣщено тотчасъ небольшое сочиненіе, въ видѣ дополненія, подъ заглавіемъ „Catalogus Episcoporum Olomucensium“, гдѣ исчислены Епископы Оломуцкіе отъ св. Кирилла, поставленнаго будто бы на Епископство Велеградское, до Станислава Турзы. Это сочиненіе принадлежитъ Августину, praeposito церквей Оломуцкой и Бърнской, и находится у Freheri R. B. p. 276—286; въ немъ встрѣчаемъ подробности объ извѣстномъ Конрадѣ, въ послѣдствіи Пражскомъ Архіепископѣ.

[97] Перепечатано въ 1819 г., въ листъ: этимъ изданіемъ я пользовался.

ромъ погибли всѣ лѣтописи исторіи и драгоцѣнные акты. Второе, то, что исторія его, по словамъ его, должна представить сводъ всѣхъ иныхъ Чешскихъ лѣтописей, очищенныхъ, въ ихъ естественномъ порядкѣ. Послѣ краткаго и неважнаго вступленія, находимъ списокъ всѣхъ лѣтописей и источниковъ, которыми пользовался Гаекъ. Посмотримъ, какими источниками пользовался Гаекъ для исторіи великаго Чешскаго религіознаго движенія въ XV вѣкѣ: это были: Aeneas Sylvius, Mistr Wawřynec z Březowa — и только. Но Гаекъ принадлежитъ къ числу историковъ, которыхъ не очень затрудняетъ недостатокъ источниковъ, который они могутъ легко восполнить свою собственною фантазіею. Огромное вліяніе, которое имѣли книги Гайка на народъ Чешскій, условилось самою наружною формою хроники, которая, представляя непрерывный связный разсказъ, иногда оживленный рѣчами дѣйствующихъ лицъ, заключаетъ сходство съ историческими книгами Ветхаго Завѣта. Критики касательно большей или меньшей достовѣрности событій, внесенныхъ имъ въ исторію, у Гайка нѣтъ вовсе, да и тщетно было бы искать ее у него, простаго разскащика, не болѣе. Исторія Гайка, которая простирается до 1517, не вся одинаковаго достоинства: лучшая и достовѣрнѣйшая часть ея это та, гдѣ Гаекъ записываетъ то, чему былъ самъ свидѣтелемъ, то, что случилось предъ его глазами; это въ первой четверти XVI-го стол. Вторая часть представляетъ смѣсь истины съ ложью и въ ней истинныя событія украшены небывалыми подробностями, даже подлинными разговорами разныхъ дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь нельзя не замѣтить методы Гайка: за основаніе бралъ сухой фактъ, но онъ разлагалъ его на составныя части и каждую часть украшалъ, дополнялъ, передѣлывалъ по своему, доколѣ самое событіе принимало совершенно иной, нежели какой оно имѣло прежде, видъ. Къ этой-то второй части относятся и событія Гуситскаго періода: съ перваго взгляда удивимся, заглянувъ въ исторію Гайка, откуда этотъ человѣкъ набралъ столько свѣдѣній новыхъ, нигдѣ болѣе не встрѣчаемыхъ, но, разсмотрѣвъ подробное описаніе событія, видимъ, что Гаекъ давалъ полную волю своему воображенію и присоединялъ тамъ подробности, гдѣ мы видимъ одинъ фактъ. Потому книга Гайка, очень занимательная для читателя, мало полезна для историческаго изслѣдованія; но не должно пренебрегать и тѣми немногими драгоцѣнными свѣдѣніями, которыя зарыты въ хламѣ

подозрительныхъ и сомнительныхъ частностей. Касательно отношенія Дубравскаго къ Гайку, замѣтимъ, что Дубравскій собираетъ анекдоты, дѣйствительно случившіеся, форму воспоминаній народа о рѣшительныхъ минутахъ его жизни, представленіе народа о томъ или иномъ лицѣ. Гаекъ сообщаетъ такія же частныя подробности, но не изъ жизни народа заимствованныя, а записанныя на основаніи размышленій, изобрѣтенныя досужимъ воображеніемъ такъ, что одно непонятое или странное слово или имя, стоящее въ современной хроникѣ, должно было непремѣнно быть объяснено, а въ слѣдствіе того возникала цѣлая басня по поводу или непонятаго звука, или переставленной запятой. Третья часть исторіи Гайка, содержащая древнѣйшую исторію Чехіи, состоитъ вся всплошь изъ басенъ, сказокъ и небывальщины.

Наконецъ, остается намъ разсмотрѣть три сочиненія, изданныя уже послѣ того, какъ иго религіознаго и политическаго деспотизма подавило всякую самостоятельную жизнь въ Чехіи, сочиненія, изданныя Чешскими изгнанниками, поставленныя ими какъ памятники славнаго былаго ихъ отчизны, теперь уже памятники надгробные. Грустно и вмѣстѣ умилительно читать эти сочиненія, проникнутыя живою любовью къ родинѣ, къ ея чести и славѣ. Бѣдные изгнанники, которыхъ прихоть деспота осудила на вѣчное изгнаніе, позаботились, прежде всего, о томъ, чтобы, если въ настоящемъ все для Чехіи погибло, такая же участь не постигла и великихъ воспоминаній Чешскаго народа, чтобы потомство не было обмануто торжественными кликами побѣдителей, заглушавшими слабый стонъ побѣжденныхъ. Древняя славная Чехія кончила свое славное существованіе жертвою несогласія и низкой измѣны; но она завѣщала исторіи рядъ блестящихъ подвиговъ, страницы самихъ величественныхъ воспоминаній. Отъ того-то несчастные Чехи, имѣвшіе горе пережить вѣкъ славы и свободы своего отечества, смотрѣли и сами на исторію его, какъ бы на оконченную, и потому старались сохранить хотя что нибудь потомству изъ его славныхъ воспоминаній.

I. Historia persecutionum Ecclesiae Bohemicae, jam inde a primordiis conversionis suae ad Christianismum, hoc est a. 894 ad annum usque 1632, Ferdinando Secundo Austriaco regnante, in qua inaudita hactenus arcana politica, consilia, artes, praesentium bel-

lorum verae causae et judicia horrenda exhibentur [98] (A. D. 1648). Обыкновенно приписываютъ эту книгу Іоанну Амосу *Коменскому*, или Коменіусу, извѣстному ученому, родомъ Моравцу, „изгнанному, вмѣстѣ съ другими Некатоликами, изъ Чехіи въ 1627. „Типографщикъ пишетъ въ предисловіи, что ему случайно по„палась въ руки рукопись съ надписью: Synopsis historica persecutionum Ecclesiae Bohemicae. Отъ друга своего, доставившаго „ему ее, онъ узналъ, что авторы предполагали издать ее, въ видѣ „приложенія, при Martyrologium Foxii, и что, послѣ неудачи ихъ „предначертаній, они оставили рукопись ненапечатанною, предпо„лагая собрать болѣе матеріаловъ и издать подробную исторію „своего времени; но такъ какъ, продолжаетъ типографщикъ, я „узналъ, что нѣкоторые изъ собирателей этой исторіи (histo„riae hujus collectores) умерли, то я рѣшился сохранить это „для читателей, желая, чтобы не погибло это сочиненіе, за„ключающее въ себѣ исторію Церкви, и проч.“ Предисловіе неизвѣстнаго (Pio lectori S.) исполнено грусти невыразимой: онъ тоскуетъ по отечествѣ, по вѣрѣ.... касаясь слегка несчастій, постигшихъ Церковь Чешскихъ Братьевъ, онъ примѣняетъ къ Фердинанду II эти страшныя слова Маккавея: „Мы терпимъ за грѣхи наши, но, ты, который ведешь войну съ Богомъ, налагая „руки на его служителей, не избѣжишь суда Всемогущаго.“ Относительно цѣли сочиненія, авторъ говоритъ, что издатели Martyrologii Фокса отъискивали и собирали вездѣ дополненія для новаго его изданія: „Услышавъ это (слова сочинителя) соотечест„венники мои, разсѣянные по Бельгіи, не отказались присоеди„нить и описаніе нашего гоненія и изгнанія, и написали къ брать„ямъ, разсѣяннымъ по Мишніи, Польшѣ и Угріи, прося у нихъ „подробнѣйшихъ извѣстій касательно разныхъ частныхъ про„исшествій, относящихся къ этому времени.“ При этомъ случаѣ. неизлишнимъ показалось присоединить краткія извѣстія, заимствованныя изъ лѣтописей (ex annalium nostrum monumentis accuratius excerpta), относительно религіозныхъ страданій Чешской Церкви отъ крещенія ея въ Христ. вѣру до гоненія Фердинанда II-го. Изъ древнихъ Чешскихъ историковъ замѣтно толь-

[98] „Написанная, прибавляетъ онъ, 14 лѣтъ тому назадъ,“ слѣдственно въ 1634 году.

ко знаніе Дубравскаго; все же относительно времени религіознаго гоненія записано со словъ очевидцовъ. Изъ 107 главъ, изъ которыхъ состоитъ все сочиненіе, 43 относятся къ исторіи Чехіи до Бѣлогорской битвы, а остальныя 64 содержатъ въ себѣ описаніе борьбы Фердинанда II съ вѣроисповѣдными упорствомъ Чеховъ, которые, легко отказывавшись отъ политической свободы, твердо и крѣпко стояли за свою религіозную свободу, за свои духовныя и нравственныя права. Разныя явленія этой борьбы, гдѣ народъ Чешскій показалъ столько благороднаго, страдательнаго сопротивленія, записаны въ разсмотрѣнномъ нами сочиненіи [99].

2. M. Paulus *Stransky* de republica Bohemiae, книга, изданная въ первый разъ въ Лейденѣ въ 1634 году [100]. Сочиненіе это посвящено сыновьямъ несчастнаго Фридриха Пфальцкаго, погубившаго себя и Чешскую землю, Роберту и Маврикію. Оно заключаетъ въ себѣ подробное описаніе Чешской земли во всѣхъ отношеніяхъ такою, какою она существовала до гибельнаго Бѣлогорскаго сраженія [101]. Разнообразіе предметовъ и важность этой книги достаточно показываетъ ея содержаніемъ: Caput I. De situ et qualitatibus Bojemiae. II. De districtibus Bojemiae. III. De statu Bojemiae. IV. De incolis Bojemiae et eorúm moribus. V. De regimine Politico Bojemiae. VI. De religionis mutationibus et regimine ecclesiatico in Bojem., особенно для насъ важная глава. VII. De provinciis, coronae unitis. VIII. De principibus regibusque Bojemiae. IX. De reginis Boiemiae. X. De regum Bojemiae liberis. XI. De ordinibus Bojemiae. XII. De Bojemorum legibus. XIII. De comitiis Bojemorum. XIV. De muneribus seu officiis publicis in Bojemia. XV. De consilio seu consistorio regio. XVI. De tribunalibus juri dicundo constitutis. XVII. De opulentia et potentia regni Bojemiae. XVIII. De re numaria et computandi ratione. XIX.

---

[99] См. выше стр. 47 и 48.

[100] Respublica Bohemiae, a M. Paulo Stransky descripta. Lugd. Batav. Ex officina Elzeviriana etc.

[101] Слова предисловія: „Adumbravi vero Resp. Bojemam, non ea facie, in quam belli hactenus flagrantis iniquitate est transformata, sed qua eam cum jam olim, tum sedente adhuc ad ejus clavum patre vestro beatae memoriae Rege, ornatisimam vidimus, quaque eam reflorescentem, a nobis et posteritate videri cum lacrymis optamus.“

De regiis reditibus. XX. De regum apud Bojemos funebralibus. Вообще это сочиненіе изобилуетъ чрезвычайно важными извѣстіями относительно Чехіи, хотя, должно признаться, Странскій многія изъ нихъ вносилъ такъ, на удачу: оно представляетъ все прошедшее Чехіи, которое завершено было кровавымъ гоненіемъ на Чеховъ Фердинанда II го.

Bellum Bohemicum, recensente *Andrea* ab *Habernfeld*, ab anno MCXVII. Lugd. Batav. 1645[102]. Въ ней содержится написанное очевидцемъ повѣствованіе о событіяхъ, повлекшихъ за собою политическое и религіозное порабощеніе Чеховъ; главное вниманіе автора постоянно устремлено на дѣла религіозныя и все, что относится къ ихъ исторіи. Кромѣ того, помѣщены, въ видѣ особеннаго приложенія, многіе акты, особенно тѣ, которыми утверждается политическая свобода Чехіи; изъ нихъ намъ принесли особенную пользу: 1) Missiva omnium trium ordinum ad collegium electorale, Francofurti ad Moenum congregatum. 2) Recognitio Ferdinandi I-mi Imperatoris de libera electione Bohemica [103]. — Вопросъ о религіозномъ движеніи Чешскаго народа въ XV, XVI и XVII стол. есть вмѣстѣ вопросъ всей Чешской жизни: потому источники Чешской жизни вообще суть тѣ источники, изъ которыхъ только можемъ прослѣдить историческое развитіе религіознаго переворота Чешскаго. Отдѣлить изученіе религіозныхъ явленій отъ политическихъ въ этомъ періодѣ невозможно: однѣ и тѣ же причины условливаютъ ихъ. Вокругъ религіозныхъ вопросовъ сосредоточивается загадка жизни и бытія Чешскаго народа: въ нихъ заключается все его прошедшее, въ нихъ же и зародышъ его блестящаго будущаго.

§. 2.

Пособія.

Подъ *пособіями* разумѣемъ не только позднѣйшія сочиненія, составленныя на основаніи первостепенныхъ источниковъ, но и современныя лѣтописи и сочиненія, которыя имѣютъ предметомъ исторію инаго народа или событія и въ которыя извѣстія о Чеш-

---

[102] Небольшая книжечка въ 64 долю листа.

[103] Bellum Bohemicum p. 106 sqq.

скомъ вѣроисповѣдномъ движеніи вошли случайно или эпизодически; таковы сочиненія относительно исторіи странъ сосѣднихъ съ Чехіею, дѣла которой естественно должны были найти въ ней свое мѣсто, какъ то: лѣтописи Польскія, Нѣмецкія и Французскія; таковы же всѣ сочиненія относительно Костницкаго Собора, обезславившаго себя пристрастнымъ судомъ Гуса и Іеронима Пражскаго, въ которыхъ, какъ бы они ни были кратки, найдется извѣстіе о знаменитыхъ Чешскихъ страдальцахъ. Множество сочиненій, въ которыхъ мы должны отдать отчетъ, заставляетъ насъ приступить къ нимъ по извѣстному и заранѣе предначертанному порядку. Итакъ прежде всего скажемъ о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя относятся къ исторіи самаго Гуса, въ которомъ сосредоточилось все развитіе Чешскаго религіознаго движенія, и притомъ не только тѣ, которыя излагаютъ исторію всей его жизни, но также и тѣ, которыя относятся къ одному какому ни будь частному событію его жизни; слѣдственно: А) Сочиненія относительно Гуса и относительно Костницкаго Собора. За тѣмъ мы коснемся тѣхъ сочиненій, которыя относятся къ религіозному броженію Чеховъ вообще, или къ отдѣльному какому ни будь его явленію; слѣдственно: Б) сочиненія, имѣющія предметомъ религіозное движеніе въ Чехіи до и послѣ Гуса. Наконецъ, сочиненія въ которыхъ повѣтствованіе о великомъ Чешскомъ религіозномъ переворотѣ составляетъ только эпизодъ, малую часть всего труда, т. е., сочиненія касательно Чешской и Церковной исторіи будутъ разсмотрѣны по степени ихъ важности и относительнаги достоинства. Всемірное значеніе Чешскаго религіознаго переворота уже видно изъ того, что вопросъ о немъ есть вопросъ исторіи всемірной, вопросъ, который камнемъ преткновенія лежитъ на пути каждаго историка, котораго обойти невозможно: по какому направленію вы ни пойдете въ исторіи Среднихъ вѣковъ, а рано или поздно вы прійдете къ этому неизбѣжному вопросу. Въ какое горькое противорѣчіе съ истиною, съ самими собою впадаютъ тѣ, которые привыкли видѣть въ народахъ племени Нѣмецкаго единственныхъ представителей духовнаго развитія, которые видятъ въ Славянахъ только второстепенныхъ дѣятелей исторіи, назначенныхъ (будто бы) для того, чтобы дѣйствовать не разумнымъ развитіемъ силъ, а одною мертвою силою массы. Въ XV стол., гдѣ лучше и полнѣ развиваются жизненные вопросы человѣчества, какъ не у наерода Чешскаго? Какой народъ

является съ большимъ правомъ представителемъ духовныхъ интересовъ человѣчества, какъ не Чехи, ставшіе такъ твердо за права свои и вмѣстѣ права, природныя человѣку, противъ духовнаго деспотизма Папы Римскаго, которому въ этомъ отношеніи помогала сильная аристократія свѣтскаго и монашествующаго духовенства? Какъ бы кто ни старался умышленно унижать религіозный Чешскій переворотъ XV стол., называть его однимъ случайнымъ и чисто внѣшнимъ явленіемъ частной жизни Чешскаго народа, но мы твердо убѣждены, что рано или поздно будетъ принято за историческую аксіому, что *не Германія*, а *Чехія*, первая положила основаніе теоретическое и первая сдѣлала попытку на дѣлѣ освободить человѣчество отъ тѣхъ вѣроисповѣдныхъ и политическихъ оковъ, которыя наложены на него суевѣріемъ и обманомъ. До сихъ поръ не было ни одного сочиненія, въ которомъ опредѣлено было бы надлежащимъ образомъ значеніе Чешскаго религіознаго переворота для человѣчества, въ которомъ показанъ былъ бы духовный смыслъ явленій, доселѣ необыкновенныхъ. Но чѣмъ важнѣе переворотъ въ жизни человѣчества, чѣмъ болѣе слѣдствій имѣетъ онъ, чѣмъ глубже обхватилъ онъ умы людей, тѣмъ труднѣе бываетъ оцѣнить его вполнѣ. Между тѣмъ какъ каждый охотно говоритъ истину касательно того или инаго мелкаго историческаго явленія, никто не можетъ и не смѣетъ высказать откровенно свое мнѣніе относительно великаго переворота, гдѣ были затронуты всѣ самые глубокіе народные интересы, гдѣ за живо были задѣты скользскіе вопросы, которыхъ рѣзкое рѣшеніе повлекло бы измѣненіе всѣхъ общественныхъ и вѣроисповѣдно-государственныхъ отношеній. Кто доселѣ измѣрилъ всю глубину и важность Чешскаго религіознаго переворота, кто оцѣнилъ его многоразличныя стороны, которымъ онъ глядитъ вмѣстѣ и въ область политической, и въ область духовной, и въ область внутренней исторіи развитія? Кто вникъ вполнѣ въ цѣль и смыслъ Чешской религіозной борьбы, опредѣлилъ и разобралъ вопросы, за которые ведена она, внутренній смыслъ въ внѣшнихъ скоропреходящихъ явленіяхъ? Кто показалъ, какое значеніе играютъ въ Чешской религіозной борьбѣ политическіе вопросы? Кто, наконецъ, обнялъ въ цѣломъ всю слишкомъ двухвѣковую Чешскую религіозную борьбу и, не теряясь въ частныхъ явленіяхъ, постарался немногими, но рѣзкими чертами опредѣлить духъ этой религіозной борьбы, главную ея идею и тѣ второстепенныя, ко-

торыя необходимо потомъ изъ нея развились? Кто отдѣлилъ внѣшнія измѣняющіяся явленія отъ великихъ духовныхъ законовъ, законовъ развитія духа человѣческаго и, не останавливаясь на поверхностномъ знаніи событій, поискалъ въ нѣдрахъ народнаго Чешскаго духа источниковъ къ надлежащему рѣшенію всемірнаго значенія великаго религіозно-нравственнаго Чешскаго переворота XV стол.? Мы сказали, что чѣмъ значительнѣе какое ни будь событіе по своему внутреннему смыслу или послѣдствіямъ, тѣмъ долѣе остается оно неоцѣненнымъ вполнѣ. Самое лучшее оправданіе нашему положенію представляетъ нынѣ насъ занимающій вопросъ. Сколько толковали и писали объ немъ! Сколько разъ выставляли его въ новомъ видѣ, въ новомъ свѣтѣ! И, однако, безъ всякаго ущерба славѣ тѣхъ, которые приложили свои усилія и старанія къ посильному рѣшенію этого вопроса, смѣло можемъ сказать, что много и много осталось еще дѣлать касательно этого предмета, что необходимы и трудолюбивыя усплія историка-труженика, и разумныя соображенія историка-философа, чтобы дать видъ нѣкоторой оконченности этому великому историческому періоду.

Довольно обширное и занимательное сочиненіе написалъ бы тотъ, кто изложилъ бы исторію различныхъ взглядовъ на исторію религіозной Чешской борьбы XV вѣка, исторію различныхъ мнѣній и соображеній, вызванныхъ у людей мыслящихъ наблюденіемъ ея внѣшнихъ явленій. Значительную услугу исторіи мысли человѣческой оказалъ бы тотъ, кто прослѣдилъ бы внутреннюю исторію вопроса о Чешской религіозной борьбѣ XV столѣтія, показалъ бы всѣ видоизмѣненія, которыя отражались въ ней, какъ въ зеркалѣ, произведенныя или внѣшними, внѣ власти человѣка лежащими, условіями, или внутренними, медленно обнаруживающимися, но тѣмъ болѣе продолжительными, измѣненіями въ расположеніи умовъ, въ общественномъ мнѣніи. Послѣ приговора и казни Гуса и Іеронима на Костницкомъ Соборѣ, на этихъ обоихъ великихъ именахъ историческихъ наложено было клеймо отверженія и проклятія, еще всесильнаго. Тѣмъ драгоцѣннѣе этѣ имена для Чеховъ, для которыхъ съ ними связаны были ихъ жизненные вопросы, всѣ надежды на будущее: отъ того оба этѣ имена пользовались необыкновенною признательностью и памятью Чеховъ. Но во всей Западной Европѣ Гуса считали великимъ еретикомъ, а у Нѣмцевъ и самое имя Чеховъ стало означать ереги-

ка. При такомъ образѣ мыслей естественно было не до хладнокровной оцѣнки событій, такъ глубоко взволновавшихъ страсти всѣхъ. Отъ того, при господствующемъ нераздѣльно вездѣ (за исключеніемъ одной Чехіи) Католическомъ воззрѣніи, нечего было ожидать вѣрнаго представленія событій жизни Гуса, ужь не говоря о его духовномъ значеніи: если бы кто изъ Католиковъ и хотѣлъ и могъ узнать истину относительно Гуса, то онъ не въ силахъ былъ познакомиться вполнѣ съ этимъ послѣднимъ, т. е., не могъ узнать его сочиненій и его дѣйствій; онъ зналъ только то, что Церковь заблагоразсудила открыть ему на этотъ счетъ. Въ Чехіи, гдѣ религіозная борьба продолжалась, гдѣ былъ пріютъ свободной мысли и самостоятельнаго историческаго изслѣдованія, произошла первая біографія Гуса, заключающая въ себѣ, по крайней мѣрѣ, историческія явленія жизни этого великого дѣятеля. Особенно дорожили памятью Гуса и всѣмъ, что къ ней относится, Чешскіе Братья, хотя труды ихъ по этой части погибли большею частью, особенно въ гоненіе Фердинанда II го. И тѣ источники Чешскіе, которые уцѣлѣли, доселѣ мало были изучены, потому что доселѣ монополія историческаго изслѣдованія принадлежала историкамъ Нѣмецкаго племени, которые вовсе не знали Чешскаго языка и потому невольно должны были пользоваться вымыслами Энея Сильвія и иныхъ. Съ появленіемъ Лютера и распространеніемъ его ученія по Германіи, Гусъ сдѣлался предметомъ болѣе дѣятельнаго историческаго изученія. Новое ученіе должно было всѣми силами отражать нападки перваго; оно необходимо должно было опереться на исторію и доказать, что оно произошло не вчерашняго дня, что основаніе его лежитъ глубже, нежели въ охотѣ свѣтскихъ лицъ завладѣть духовными имѣніями. Въ длинномъ ряду лицъ, составлявшихъ оппозицію противъ Папъ, прежде всего вниманіе богослововъ Лютерова ученія пало на Гуса, и съ того времени, въ теченіи XVI и XVII стол., много въ Лютеранской Германіи писали о Гусѣ. Даже Католики, возражая Лютеранамъ, должны были изучать его и говорить объ немъ (Кохлей). Писатели Лютеровыхъ мнѣній, естественно, превозносили Гуса, какъ врага Папства и Католической Церкви, но въ своемъ усердіи сдѣлать Гуса, во что бы то ни стало, Лютераниномъ, они вкоренили въ поколѣніяхъ превратное объ немъ понятіе: Гусу приписывали тѣ мнѣнія, которыхъ ему никогда не приходило въ голову, и дѣлали изъ него

какого-то нововводителя, который хотѣлъ основанія Католической Церкви ниспровергнуть или, по крайней мѣрѣ, существенно измѣнить. Слѣдствіемъ такого жаркаго заступничества за Гуса со стороны писателей-Лютеранъ было то, что Католическіе писатели напали на него съ усиленною яростью: они охотно готовы были видѣть въ Гусѣ Лютера или Кальвина XV столѣтія, чтобы обратить на него всю мощь своей догматики. И Католическіе, и Лютеранскіе писатели XVI и XVII вѣковъ не поняли Гуса: не изучая хорошо и основательно характера его, какъ историческаго дѣятеля, они, наконецъ, создали себѣ небывалое существо съ вымышленнымъ ученіемъ и дѣйствіями, котораго они назвали Гусомъ и которому, если они были Лютеране или вообще Некатолики, не щадили похвалъ, а какъ Католики, самыхъ страшныхъ обвиненій. Есть ли хотя одно противу Католическое мнѣніе, которое первые въ своемъ слѣпомъ рвеніи не навязывали бы Гусу? Не думаю. Либеральная Католическая партія, возникшая въ XVIII стол., во Франціи, которая добровольно отказывалась отъ Католическихъ убѣжденій, обратила особенное вниманіе на всѣхъ, дѣйствовавшихъ противъ Католической Церкви, и привѣтствовала въ нихъ своихъ братій и предшественниковъ; но и при этомъ случаѣ не пускались въ точныя изслѣдованія духа каждаго религіознаго предпріятія и переносили образъ мыслей XVIII вѣка въ XV й. Только въ позднѣйшее время обращено дѣятельное и трудолюбивое вниманіе на явленіе Гуса, на смыслъ религіознаго Чешскаго движенія, не минутной вспышки, но глубокаго, изъ внутри самаго парода, возникшаго явленія. Но во всякомъ случаѣ недостаточно самаго свѣтлаго соображенія и самыхъ трудолюбивыхъ изслѣдованій, если и тѣ и другія управляются односторонним воззрѣніемъ. Гусъ есть дѣятель міровой, но, прежде всего, Чешскій, и только какъ такой, онъ занимаетъ такое высокое мѣсто въ исторіи; потому недостаточно изучать его съ обще человѣческой точки зрѣнія, но, главнымъ образомъ и прежде всего, должно представить Гуса, какъ представителя Чешскаго народа, явленіе его жизни. Здѣсь-то, въ исторіи развитія Чешскаго народа, настоящая точка опоры, самое выгодное мѣсто для оцѣнки Гуса, потому что изслѣдованіе исторической дѣятельности Гуса внѣ таковой же Чешскаго народа не будетъ ни на чемъ утверждено, будетъ висѣть въ воздухѣ. Не въ томъ главное дѣло, что Гусъ возсталъ противъ индульгенцій Іоанна XXIII; при всей

важности этого шага его не было бы достаточно, чтобы придать такую высокую историческую важность имени Гуса. Нѣтъ! Каждое дѣствіе Гуса становится безконечной важности потому, что оно соотвѣтствуетъ такому же дѣйствію Чешскаго народа, который съ такою славою предшествовалъ всѣмъ инымъ народамъ Западной Европы на пути духовнаго развитія, который первый пытался осуществить въ своей жизни священнѣйшіе идеалы человѣчества, которымъ покланяться хотя въ умѣ никакая тиранія не въ состояніи отнять у человѣка — полную политическую и религіозную свободу, основанную на вѣчныхъ законахъ Откровенія и разума.

А. Въ числѣ сочиненій *относительно Гуса* первое мѣсто, по справедливости, принадлежитъ біографіи этого мужа, составленной *Зейфридомъ:* Wilhelmi *Zeyfridi* Norimbergensis commentatio de Iohannis Hussi martyris vita, fatis et scriptis; cum annotationibus M. Iohannis Christophori *Mylii* adj. et biblioth. lenensis denuo publicata; praefetus est de hodierno Moravorum Fratrum coetu nec priscis Fratrum unitatis nec Evangelicis ecclesiis adscribendo Frid. Andreas, *Hallbauer* SS. Theol. D. et Professor Ordinarius, lenae. 1743 [104]. Изъ предисловія, принадлежащаго Г. Галлбауеру, узнаемъ, что сочиненіе Зейфрида о Гусѣ въ первый разъ вышло въ 1688 году, и потомъ перепечатано было три раза, а именно въ 1711 году, въ 1728 и, наконецъ, въ 1743 г., съ примѣчаніями Милія, которыя значительно увеличиваютъ достоинство и безъ того очень полезной книги. Въ 1728 нѣсколько Моравцевъ нашли себѣ убѣжище въ помѣстьѣ Графа Цинцендорфа, Бертельдорфѣ, и, съ помощью другихъ бѣглецовъ изъ Чехіи, основали вѣроисповѣдное общество, члены котораго возстановили у себя ученіе древнихъ Чешскихъ Братьевъ и назвались потому Моравскими Братьями. Скоро тамъ и сямъ въ Шлезіи, Лужицахъ и Саксоніи образовались другія общины; недовольствуясь этимъ Моравскіе Братья пытались утвердиться въ Эстоніи, Швеціи, Даніи и особенно въ Кобург-Готѣ, но быстрое распространеніе ихъ ученія, а равно его истинно Христіанская общность возбудила опасеніе въ Лютеранахъ и имъ было отказано. Предисловіе къ

---

[104] Небольшой томъ въ 4 ку, около 300 страницъ.

Зейфриду Галлбауера, заглавіе котораго уже показываетъ его содержаніе, направлено противъ новыхъ Моравскихъ Братьевъ, по случаю ихъ просьбы у Герцога Готскаго основать въ его владѣніяхъ свою общину. Главною цѣлью своего разсужденія [105] имѣетъ Галлбауеръ доказать, что новые Моравскіе Братья Графа Цинцендорфа существенно отличны отъ древнимъ Чешскихъ Братьевъ или Пикардовъ; по этому случаю онъ представляетъ важныя выписки изъ сочиненій Амоса Коменскаго, Камерарія и Лазицкаго относительно древнихъ Чешскихъ Братьевъ, которыми мы воспользуемся въ своемъ мѣстѣ. Первый отдѣлъ сочиненія Зейфрида представляетъ разборъ источниковъ, которыми онъ пользовался (p. 1—10); здѣсь онъ пишетъ, что онъ твердо рѣшился изучить жизнь Гуса, о которой (говоритъ онъ) такъ различно толкуютъ съ тѣхъ поръ, какъ ему попалась въ руки медаль, выбитая въ честь Гуса. Относительно источниковъ вообще Зейфридъ говоритъ: „Нѣтъ ни одного учебника Церковной исторіи, гдѣ не были бы разсказаны подробно обстоятельства его смерти. Многіе, начавши говорить о Гусѣ, увлекались посторонними предметами и отъ того важнаго слегка коснулись, а многое вовсе просмотрѣли. Но большая часть писателей (plurimi scriptores) начинаютъ исторію Гуса отъ временъ Костницкаго Собора, и всѣ прежнія обстоятельства его жизни или вовсе опускаютъ, или едва, едва упоминаютъ.“ Это очень важный фактъ. И дѣйствительно, для Лютеранскихъ писателей важна стала жизнь Гуса съ той минуты, когда онъ вступилъ въ явный и открытый споръ съ Папою; но жизнь Гуса вся есть полное цѣлое, необъяснимое безъ знанія Чешской исторіи. Потому, что же удивительнаго, если писатели Нѣмецкіе не могли оцѣнить Гуса и осыпали его похвалами, къ нему не относившимися? То забыли, что Гусъ на Костницкомъ Соборѣ явился не столько *нововводителемъ въ дѣлѣ религіи и врагомъ Папства*, сколько *представителемъ потребностей Чешскаго народа*, *защитникомъ правъ человѣчества*. Изъ источниковъ Зейфридъ прежде всего упоминаетъ о Кохлеѣ и Варильясѣ, приводя о нихъ строгое сужденіе Спангема [106]. Здѣсь же мы узнаемъ, что Кохлей, родомъ Австріецъ

[105] Оно было изд. отдѣльно какъ то видимъ у Пельцеля — G. von Böhmen. F. A. Hallbauer — de hodierno Moravorum Fratrum coetu. Hilperghasae; in 4°.

[106] Вотъ оно: „Cave historiam Hussiticam requiras ex Ioanne Cochlaeo et ex Varillasio nupero, quibus historiam non scribere, sed fingere hocce fuit negotii.

и чуть ли не Славянинъ; у него два фамильныхъ прозванія, одно Dobenek, а другое Wendelstein, которое онъ перевелъ по Латынѣ Cochlaeus [107]. Къ Папистскимъ писателямъ, писавшимъ о Гусѣ, самъ Зейфридъ относитъ еще, кромѣ Кохлея и Варильяса, и Рейхенталя (о коемъ ниже), а Милій присоединяетъ къ этому же разряду Александра Ноэля (Natalis), въ его Церковной исторіи [108], Майлебурга—Histoire du schisme d'Occident, и даже Ланфана — Исторію Костницкаго Собора. Въ первой половинѣ XVI стол., нѣкто Іоаннъ Агрикола, родомъ изъ Ислеба, родины Лютера, издалъ въ Гановерѣ [109] на Нѣмецкомъ языкѣ жизнь, Гуса: въ ней читаемъ, что Агрикола, изъ библіотеки Павла Рокенбаха получилъ (будто бы) оригинальную Латинскую рукопись Нотарія Петра изъ Младеновицъ, съ которой сдѣланъ Нѣмецкій переводъ другомъ Агриколы, Николаемъ Кромпахомъ. Кохлей пользовался этимъ сочиненіемъ и представилъ изъ него отрывки. Но сочиненіе Петра Младеновица гораздо прежде уже было издано въ Чехіи съ нѣкоторыми письмами Гуса; по свидѣтельству Лупача (подъ 7 Февраля) это жизнеописаніе Гуса читали въ церквахъ, и потому то, вѣроятно, оно было присоединено къ Пассіоналу, напечатанному въ Прагѣ въ 1495 году, потомъ въ 1533 году оно было отдѣльно издано въ Прагѣ [110]. Книга, изданная Агриколою, служила главнымъ источникомъ неизвѣстному автору Нѣмецкой книжки: Die im Hussen bekriegte, doch unbesiegte, Wahrheit. Francof. und Leipz. 1686, in 8°. Но, замѣчаетъ Зейфридъ, и Агрикола, и неизвѣстный описываютъ только дѣйствія Гуса на Костницкомъ Соборѣ, какъ въ этомъ подражалъ имъ Штумпфъ въ своей Нѣмецкой исторіи этого Собора. Что же касается до предшествовавшихъ обстоятельствъ жизни Гуса, продолжаетъ Зейфридъ, то немного объ этомъ находимъ въ соч. Іеремирія и Нигрина хотя они посвятили этому особен-

---

datum." Гораздо справедливѣе сужденіе Милія: „Continet quidem haec historia res veriosas, sed auctor parum accuratus est."

[107] *Zeyfridi* Comm. de vita *Hussi*, p. 5 et 16.

[108] Historia Ecclesiastica saec. XV.

[109] Historia de Ioh. *Husso*. 1548, in 8°.

[110] *Dobrawsky* Gesch. des Böhm. Sprache und Litt. S. 266.

ное сочиненіе, въ соч. Бальбина (Epitome rerum Bohemicarum), который пользовался трудомъ Жаланскаго, въ соч. Самуила Гоффовія: Hussi et Lutheri historica collatio, въ сочиненіи Захарія Теобальда. Затѣмъ Зейфридъ упоминаетъ о сочиненіи Христофора Вальпургера, Протестантскаго богослова, подъ заглавіемъ: Hussus combustus, non convictus; оно писано на языкѣ Нѣмецкомъ (имѣло два изданія 1624 in 4°, и 1628), и если вѣрить Милію, то Вальпургеръ собралъ въ своемъ сочиненіи многіе, очень, важные, документы, которые нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не находятся [111]. Многое относительно Гуса находится въ трудахъ Филиппа Меланхтона tom. 2 Declamatio de Sigismundo Imperatore, ab Oelhafio Norimbergae recitata. Мюллеръ въ 1728 г. издалъ соч. подъ, много обѣщающимъ, заглавіемъ: Des standthafften Märtyrers Ioh. Hussens entdecktes Lutherthum vor Luthero, mit einer historischen Nachricht von Hussens Ursprung, Leben und Tod; но вы раскрываете книжку, и находите тамъ, вмѣсто всего обѣщаннаго, соч. Гуса: de pernicie traditionum humanarum. Кромѣ этихъ источниковъ, Зейфридъ еще пользовался рѣчью относительно Гуса, говоренною въ Іенскомъ Университетѣ (въ 1566 г., in 8° издана). Мы перечислили всѣ этѣ сочиненія относительно Гуса не потому, чтобы они были особенно важны, но съ тѣмъ, чтобы показать, какъ дѣятельно въ XVI и XVII столѣтіяхъ занимались въ Германіи всѣмъ тѣмъ, что относилось къ памяти Гуса. Милій, трудолюбивый дополнитель Зейфрида, замѣчаетъ, что, къ сожалѣнію, многіе Чешскіе памятники относительно Гуса не переведены на языкъ, болѣе извѣстный; такъ, на пр., Житіе Гуса при его Словахъ, изданныхъ въ 1621 году: Die Unverweckliche Krone der Böhmischen Märtyrer Christi, in Böhmischer Sprache. Изъ

---

[111] *Walpurger* egregia documenta, quae alibi non occurant, ad exarandum scriptum suum in manibus habuit, nimirum *ipsius Hussi manuale relictum*, item Protocollum Secretarii Baronis de Chlum, nec non instrumenta, quae *Hussius* propter quasdam actiones a notariis et testibus concipienda curaverat, partim ex antiquis bibliothecis et variis Missivis, uti vocant, varia subsidia inusum suum convertit Walpurgerus; но ниже тотъ же Милій говоритъ: Qui *Hussi* opera possidet, ipso hoc Walpurgeris cripto non opus habet.

Латинскихъ источниковъ упоминаетъ еще Милій: уже извѣстное намъ соч., Historia de actis et martyrio I. Hussii, которое одно и тоже съ переведеннымъ Агриколою трудомъ Петра Младеновица; Camerarius въ Histor. narr. de Fratrum orthod. ecclesiis in Bohemia, Moravia et Polonia оставилъ довольно подробное жизнеописаніе Гуса; наконецъ, еще соч. какого-то Мартинія о Гусѣ, и много другихъ.— Сочиненіе Зейфрида представляетъ сводъ всего, что только онъ нашелъ гдѣ либо касательно Гуса, и потому представляетъ чрезвычайно богатый матеріалъ; что же касается до воззрѣнія Зейфрида на дѣла и ученіе Гуса, то оно въ высшей степени ложно и странно: онъ влагаетъ въ уста Гуса Лютеранскія мнѣнія, въ Гусѣ видитъ смѣлаго нововводителя, а въ его дѣйствіяхъ мнимую непріязнь къ Кат. Церкви и Римскому Первосвященнику. Примѣчанія Милія, составляющія болѣе половины всей книги, очень важны. Милій, какъ библіотекарь Іенской библіотеки, пользовался чрезвычайно богатыми и важными источниками, заимствуя ихъ изъ книгъ этой библіотеки. Здѣсь мы приведемъ его слова касательно одной, весьма важной, Чешской рукописи, относящейся къ жизни Гуса и доселѣ еще ни однимъ знающимъ Чешскій языкъ не разобранной [112]. Эта книга состоитъ частію изъ печатныхъ, а частію изъ рукописныхъ листовъ .... Къ сожалѣнію, Милій говоритъ [113], такъ какъ Струве сдѣлалъ описаніе этой книги въ Observationum Halensium t. IV, p. 171—188, то онъ сообщитъ о ней только тѣ подробности, которыхъ Струве не сообщаетъ. Печатная часть этого кодекса издана въ Костницѣ въ 1486 (какъ заключаетъ Струве изъ Чешской приписки), а рукописная написана, безъ сомнѣнія [114], тѣмъ же богословомъ, которому принадлежатъ (какъ видно изъ заглавія), всѣ изображенія въ этомъ кодексѣ. Первая часть этого кодекса содержитъ въ себѣ 60 изображеній, представляющихъ антитезъ Христа и Антихриста: 4 изъ нихъ изображаютъ искаженныя черты церкви, прочія же дѣла Іисуса Христа и вѣрныхъ съ одной стороны, а съ противуположной дѣла Антихриста. Потомъ четверояkое изображеніе Гуса на кострѣ, и всякой разъ отличное. Четыре письма Гуса на

[112] *Zeyfridi* p. 44—49.

[113] *Zeyfrid*, p. 44. Струве былъ библіотекаремъ Іенскаго Университета и профессоромъ исторіи и правъ.

[114] Все это говоритъ Милій p. 46.

Чешскомъ языкѣ (которыя суть тѣ же самыя, что переведены подъ руководствомъ Лютера и изданы въ 1536 году и, вѣроятно, переведены изъ этого кодекса, принадлежавшаго Фридриху Саксонскому, извѣстному покровителю Лютера и основателю Іенскаго Университета). За тѣмъ слѣдуютъ 22 письма или акта, написанные отчасти Гусомъ, отчасти Іеронимомъ Пражскимъ; послѣднее письмо принадлежитъ Поджи Флорентинскому и адресовано къ Леонарду Аретино. Далѣе слѣдуютъ два изображенія: одно представляетъ служеніе обѣдни, а второе звѣрство Крестоваго похода. Тутъ идетъ рукописная часть. За тѣмъ 26 изображеній представляютъ разные случаи, имѣвшіе мѣсто во время Гуса и относящіеся къ дурнымъ нравамъ монаховъ и монахинь. Тутъ опять слѣдуетъ Чешскій текстъ, въ который вставлено 20 меньшихъ фигуръ. Многіе изъ этихъ изображеній имѣютъ, безъ сомнѣнія, историческое значеніе, но смыслъ большой части ихъ не понятенъ потому, что объясненіе, къ нимъ приложенное, написано по Чешски [115]. Рисунки сдѣланы съ большимъ тщаніемъ на бумагѣ, а нѣкоторые и на пергаменѣ, и всѣ болѣе или менѣе украшены золотомъ. На первой страницѣ кодекса находятся слова: Bohuslaus de...suae causa memoriae manu propria me fecit; имя автора, слѣдовавшее послѣ de, выскоблено, говоритъ Милій, а мы думаемъ, что его вовсе тамъ не было, потому что составитель книги такого рода имѣлъ не одну причину осторожности скрывать свое имя. Милій думаетъ, что это Богуславъ изъ Козле, но на слишкомъ шаткомъ основаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что Лютеръ многое въ своихъ памфлетахъ противъ Католической Церкви и Папы заимствовалъ изъ этого кодекса; самъ Милій не скрываетъ этого: вотъ еще одно звено, чтобы связать явленія Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія съ таковыми же Германскаго, и вотъ новое доказательство того, какъ много пользовался Лютеръ тѣмъ, что было сдѣлано Гусомъ и его послѣдователями. Зейфридъ упоминаетъ на самомъ концѣ своего сочиненія о книгѣ Богуслава Чеха, говоря, что свѣдѣніе о ней пришло къ нему слишкомъ поздно, и что потому онъ не могъ

---

[115] Ex solis figuris non satis cognosci potest, quid auctor indicare voluerit, sed si ea, quae in lingua Bohemica adscripta sunt, in notiorem linquam essent translata, forsitan haud difficili negotio sensus ubique pateret.

прежде сію воспользоваться; главное содержаніе ея (говоритъ онъ) состоитъ въ подробномъ изложеніи дѣйствій Гуса на Костницкомъ Соборѣ [116].

Hussiten Krieg, darinnen begriffen das Leben, die Lehr und Tod Magistri Iohannis Hussii und wie derselbige von den Böhmen, besonders Iohanne Zisska und Procopio Raso, ist gerochen worden. Alles aus glaubwürdigen Geschichtschreibern, alten Monumenten und Manuscriptis, mit fleiss zusammen getragen, und Teutscher Nation allerdings gnugsam zum nöthigen Bericht in öffentlichen Druck verfertiget, durch M. Zachariam *Theobaldum* den Jüngern. Wittemberg, gedruckt bey Lorentz Seuberlich, in Verlegung bey Samuel Selfisch, Buchführer, 1609 [117]. Теобальдъ былъ пасторомъ прихода Крафтсгофъ, и въ то самое время, какъ былъ назначенъ профессоромъ математики въ Альторфѣ, умеръ въ 1627 году, на 43 своего возраста [118]. Его имя находимъ въ числѣ прочихъ жертвъ нетерпимости Фердинанда II, осудившаго ихъ, въ 1626 г., на вѣчное изгнаніе [119] изъ Чехіи. Захарій Теобальдъ оставилъ, кромѣ Гуситской войны, еще нѣсколько другихъ трактатовъ касательно Чешской исторіи [120]; но изъ нихъ всѣхъ наибольшею извѣстностію пользуется жизнеописаніе Гуса и Гуситская война; Гизелеръ отнесъ даже это сочиненіе къ источникамъ относительно Гуса, но это незаслуженнымъ образомъ. Изданіе 1609 г. посвящено славному историческому лицу Чехіи, твердому защитнику вѣроисповѣдной свободы, графу Іоакиму Каспару Шлику. Изъ посвященія узнаемъ, что сочинитель учился, за пять лѣтъ до изданія этого своего труда, въ Виттенбергскомъ Университетѣ: здѣсь чтеніе сочиненій Гуса возбудило въ немъ любопытство уз-

---

[116] *Zeyfrid* p. 285.

[117] У Пальцеля заглавіе приведено вовсе иначе: Hussiten Kreig oder Geschische des Lebens und der Lehre Ioh. *Hussens*, ingleichen der böhmischen Kirche, nebst einem Anhange des böhmischen Glaubenbekenntnisses. Wittenberg 1609, Nürnberg 1621 in 4°, 1640, Вратислава, 1750, въ 4-ку. Латинскій переводъ Понтана, почти современный самому подлиннику, вышелъ въ 1621 г., in f°.

[118] *Zeifrid* p. 8., прим. (i).

[119] *Pelzel* Gesch. von Böhmen, 3 Auflage, 1782, S. 759.

[120] *Pelzel* Gesch. v. B. S. 976 и 977.

нать всѣ подробности его жизни. Оставивъ Университетъ, Теобальдъ, съ друзьями, молодыми людьми, отправился въ Чехію, и тутъ тщательно собралъ всѣ извѣстія, все, что относились къ памяти Гуса. Но онъ не зналъ Чешскаго языка, и хотя заставлялъ переводить для себя Чешскія лѣтописи, однако никогда не могъ (какъ ниже увидимъ) вознаградить того недостатка въ своихъ знаніяхъ, который былъ неизбѣженъ; отъ сего ему осталась неизвѣстна большая часть важныхъ Чешскихъ памятниковъ. Списокъ авторовъ, предпосланный исторіи Теобальда, носитъ на себѣ крайнюю односторонность; такъ онъ пользовался не только писателями, едва, едва коснувшимися дѣла Гуса, какъ то Баптистомъ Фульгозіемъ, Вилибальдомъ Виркгаймеромъ и др., но и писателями, которые не имѣютъ никакого авторитета въ дѣлахъ Гуса, какъ то Кранцомъ, Энеемъ и Дубравскимъ. Единственные хорошіе и къ дѣлу относящіеся источники: Acta concilii Constantiensis, Confessio Fratrum Bohemicorum, Laurentius Professor Pragensis (?), Procopius Lupacius — только: все прочее—одинъ наборъ именъ, не болѣе. Какой матеріалъ для изученія Гуса и Гуситскихъ войскъ могутъ доставить Герсонъ, Вальденъ, Певьеръ и под.? Въ краткомъ Латинскомъ извѣстіи, слѣдующемъ тотчасъ за исчисленіемъ источниковъ, Теобальдъ говоритъ, что онъ пользовался многими рукописными сочиненіями, которыя бралъ у Якова Будыхія, пасынка профессора Пражскаго и вмѣстѣ книгопродавца, Прокопія Лупача изъ Главачова. Сюда, продолжаетъ Теобальдъ, я внесъ описаніе всего того, что случилось встрѣтить мнѣ въ храмахъ и другихъ общенародныхъ мѣстахъ относительно моего предмета [121]: Nihil enim omittere volui, quod ad veram, planam plenamque narrationem facit. Въ главѣ 1 своей исторіи въ началѣ Теобальдъ говоритъ: „Я намѣренъ кратко, но чистосердечно, изобразить все, что знаю „касательно ученія, жизни и смерти Гуса, и того, что случилось „при Императорѣ Сигизмундѣ до 1436 г. [122]“ И дѣйствительно, въ изданіи 1609 года Теобальдъ довелъ исторію Гуситовъ только до пріѣзда Императора Сигизмунда въ Чехію и принятія его Королемъ Чешскимъ на всей волѣ Чеховъ. Странны слова Тео-

---

[121] Adjici etiam antiqua monumenta, quae in templis vel aliis locis publicis vidi et descripsi; nihil enim omittere etc.

[122] *Theobald.* p. 1.

бальда: „Лучшимъ доказательствомъ моего безпристрастія можетъ служить то, что я мало читалъ Чешскихъ писателей, а напротивъ очень много Папскихъ [123]." Многословная исторія Теобальда служила источникомъ извѣстій относительно Гуса для писателей Протестантскихъ точно также, какъ Эней Сильвій былъ такровымъ же источникомъ для Католическихъ писателей. Теобальдъ не только что не въ состояніи былъ понять значенія Гуса, но и не собралъ для потомства извѣстій изъ жизни этого мужа совѣстливо, безъ всякой задней мысли. Какъ Лютеранинъ, Теобальдъ навязалъ Гусу мнѣнія, которыхъ тотъ никогда не выдавалъ своими. Какъ Эней Сильвій сдѣлалъ Гуса Вальденсомъ, такъ Теобальдъ не менѣе неосновательно приписалъ Гусу самыя нелѣпыя мнѣнія. Ни Католики, ни Протестанты не хотѣли видѣть въ Гусѣ того, чѣмъ онъ былъ: первые сожгли его и потому волею неволею, для оправданія своего съ нимъ поведенія, должны были обвинять его въ еретическихъ мнѣніяхъ. Напротивъ Протестанты хотѣли видѣть въ Гусѣ одного изъ своихъ, и тѣмъ умножить точки опоры своей защиты противъ обвиненій Папства. Гусъ, Чешскій историческій дѣятель XV го стол., совершенно не похожъ на того Гуса, котораго сдѣлали себѣ Паписты и Протестанты: его дѣйствія и слова совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя приписываютъ ему Эней Сильвій и Теобальдъ, оба произвольно исказившіе характеръ Гуса. Впрочемъ, Теобальдъ, не смотря на то, что совершенно невѣрно изобразилъ Гуса, замѣчателенъ и полезенъ потому, что представляетъ множество извѣстій относительно него хотя совершенно безъ всякаго разбора, безъ всякой оцѣнки ихъ важности или неважности.

Много въ разное время выходило сочиненій касательно Гуса и его ученія, но всѣ они мало замѣчательны: составленныя по выше упомянутымъ источникамъ, онѣ не приносятъ ничего новаго въ исторіо, повторяютъ то, что тысячу разъ прежде было повторено, и потому не имѣютъ никакого научнаго интереса [124].

---

[125] Solche Geschichten hab ich sonderlichen aus Bästischen und wenig Bömischen Scribenten zusammen gelesen, darumb desto weniger in Verdacht ein kann, als hette ich einer Parthey mehr als der andern zugelegt.

[124] Geschichte des Hussiten Krieges als Lesebuch, bearheitet von W. l. *Schubert*. Neustadt 1824.

Намъ попалась въ руки исторія Гуса и Гуситовъ *Шуберта*, составленная какъ книга для легкаго чтенія; она дѣйствительно читается очень легко, пріятно и представляетъ выборъ самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о Гусѣ, и хотя лишена всякихъ глубокихъ соображеній и новыхъ фактовъ историческихъ, однако составлена очень умно и совѣстливо.

Переходимъ теперь къ *сочиненіямъ по части Костницкаго Собора*, столь важнаго въ исторіи Гуса. Хотя много важныхъ предметовъ занимало Костницкій Соборъ, хотя онъ совершилъ много очень замѣчательнаго, однако важнѣйшимъ дѣломъ его, безъ сомнѣнія, былъ процессъ Гуса и Іеронима Пражскаго или, лучше сказать, всей Чехіи. Воспитанные религіознымъ движеніемъ Чеховъ, эти мужи въ лѣтахъ дѣятельности стали во главѣ его, одинъ словомъ, другой словомъ и дѣломъ. Мало по малу религіозное движеніе, долго таившееся подъ пепломъ, вдругъ обличило себя съ самыми страшными признаками и общностью своего характера, и удобоприложимостью навело страхъ на Императора и Папу. Оба равно виновны въ беззаконномъ сожженіи Гуса и Іеронима Пражскаго: оба полагали, что Чехія добровольно подклонитъ свою выю политическому и религіозному рабству, потерявъ своихъ первыхъ представителей и защитниковъ, но оба горько обманулись въ своихъ расчетахъ. Слѣдственно, не въ томъ важность, что Гусъ и Іеронимъ Пражскій были сожжены: они не первые и не послѣдніе жертвы нетерпимости и мірскаго духа Католической Церкви; но при историческомъ изслѣдованіи, ни на минуту не должно забывать (и мы постараемся не забыть), что Гусъ и Іеронимъ не суть частныя лица, призванныя предъ судилище отвѣчать обществу за свои вредныя и рушительныя для него мнѣнія, но два представителя Чешскаго народа, призванные на судъ Германской Европы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, защитники правъ духовной и политической свободы человѣка отъ притязаній Императора и Папы, олицетворившихъ въ себѣ свѣтскій и духовный абсолютизмъ. Съ этой точки зрѣнія, единой истинной, всѣ дѣйствія Гуса и Іеронима получаютъ особенное, высшее значеніе, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, становятся послѣдовательны и понятны; потому-то для насъ важны всѣ сочиненія, относящіяся къ этому *процессу* Чехіи предъ Западной Европой; иногда самый забытый, оставленный, маловажный фактъ, проливаетъ здѣсь свѣтъ на цѣлый рядъ событій и служитъ къ яснѣйшему постиженію ихъ смысла.

Полное собраніе памятниковъ и подлинныхъ актовъ относительно Костницкаго Собора представляетъ сборникъ *Гардта*. Magnum Oecumenicum Constansiense Concilium ex ingenti antiquissimorum manuscriptorum mole diligentissime erutum opere Hermann von der *Hardt*. VI tom. Francofur. et Lips.; 1627—1700, in f°, Tomus VII, sistens indicem generalem, congessit *Bohnstedt*. Berol. 1742 [125]. Прежде изданія этого сборника, не было ничего издано, за исключеніемъ сокращенныхъ актовъ изъ подлинныхъ документовъ относящихся къ исторіи Костницкаго Собора [126]; нѣкоторые изъ нихъ, разсѣянные по библіотекамъ Германіи, погибли тамъ: въ 1623 въ пожарѣ, случившемся въ Кенигсбергѣ, сгорѣла исторія Костницкаго Собора, составленная Іоанномъ де Валенродомъ, братомъ Рижскаго Епископа того же имени, присутствовавшаго лично на Соборѣ; различные пожары въ Соборной церкви г. Костница, въ Шпейерѣ, въ Брауншвейгѣ, и въ 1697 г. въ монастырѣ Салмансвейерѣ, въ Швабіи, пожрали не мало актовъ, относящихся къ Костниц. Собору. Рукописи Швеціи и Палатината перешли въ Ватиканъ, чтобы тамъ, безъ сомнѣнія, на вѣки остаться [127]. Съ цѣлью сохранить отъ истребленія и привести въ общую извѣстность всѣ документы, которые еще можно было имѣть относительно Костницкаго Собора, столь важнаго для исторіи Германіи, Герцогъ Брауншвейгскій, Рудольфъ Августъ, поручилъ Германну фонъ деръ *Гардту*, Профессору Восточныхъ языковъ въ

---

[125] Что касается до Чешской исторіи Энея Сильвія, то отъ 1458 по 1765 вышло, по Пельцелю (S. 968) извѣстныхъ одиннадцать изданій (Romae 1475, Basileae 1532, 1575, 1589; Salingiaci 1538; Hanov. 1602; Wolfenbütt. 1620, Francof. 1687; Helm. 1699; Pragae 1766. Кромѣ того вышелъ Итальянскій переводъ исторіи Энея Сильвія Venetiis 1544; Чешскій переводъ вышелъ въ Прагѣ уже въ 1510 году; также съ Cutheni Chronico et Epistola Pogyii Flor. 1585.

[126] Эти сокращенные акты Костницкаго Собора въ томъ видѣ, какъ ихъ утвердилъ Соборъ Базельскій въ 1442, въ первый разъ изданы Іеронимомъ de Kroaріа, профессоромъ Юриспроденціи въ Ингольштадтѣ: Aca scita dignissime docteque concinnata Concilii Constantientis celebratissimi; съ немногими дополненіями вышли послѣдующія изданія 1506—1511 и 1606 года.

[127] Lenfant L'hist. du Conc. de Constance; Introduction, p. XXXV. ssq.

Гельмштадтѣ, отыскать и издать всѣ бумаги, какія только найдутся въ библіотекахъ Костницкаго Собора. Сильное покровительство Герцога и неутомимое трудолюбіе Гардта исполнили удачно это трудное дѣло; сборникъ Гардта необходимъ каждому историку Костницкаго Собора, столь важнаго для исторіи всей Европы, что не изслѣдовавъ дѣйствій этого знаменитаго Собора, непонятенъ вовсе ходъ современныхъ событій. Главный матеріалъ Гардту доставили библіотеки: Брауншвейгская, Вольфенбютельская, Гельмштадская и Целльская; отчасти пользовался онъ рукописями библіотекъ Вѣнской, Берлинской, Готской, Эрфуртской и особенно библіотеки Св. Павла въ Липскѣ. Конечно, нельзя не сожалѣть, что Гардту были недоступны многія библіотеки Швабіи и Франконіи, не говоря уже о библіотекахъ Франціи, Англіи, Италіи и др., скрывающихъ многія сокровища, но намъ нельзя достаточно оплакать то обстоятельство, что архивы Чехіи, по многихъ причинамъ, остались вовсе нетронутыми; этимъ достаточно объясняется бѣдность Гардтова сборника на счетъ дѣлъ Чешскихъ; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, процесъ Гуса и Іеронима Пражскаго вполнѣ изучаемъ быть не можетъ безъ помощи документовъ, напечатанныхъ въ сборникѣ Гардта; особенно важенъ для насъ третій томъ, гдѣ содержатся всѣ постановленія и дѣйствія собора относительно догматовъ Вѣры.

Въ сборникъ Гардта не вошло нѣсколько исторій Собора Костницкаго, писанныхъ на языкѣ Нѣмецкомъ: это труды *Дашера*, *Рейхенталя* и *Штумпфа*, которые Гардтъ намѣревался издать отдѣльно подъ заглавіемъ „Нѣмецкихъ историковъ Костницкаго Собора“, но не успѣлъ въ томъ. *Дашеру* поручено было отъ Курфирста Рудольфа Саксонскаго записывать имена всѣхъ чужестранцевъ, бывшихъ на Соборѣ; Дашеръ не только исполнилъ это съ крайнею отчетливостью и точностью, но и записалъ все, случившееся на Соборѣ, поденно; впрочемъ, рукопись его доселѣ вполнѣ издана не была. Тѣмъ замѣчательнѣе трудъ совершенно такого же рода, принадлежащій Ульрику *Рейхенталю*, другу Дашера. Ульрихъ *Рейхенталь*, Каноникъ Костницкаго Собора, долженъ былъ, по порученію Императора Сигизмунда, приготовить въ Костницѣ все для принятія и содержанія Отцевъ Собора, а также и записать все, что замѣчательнаго случится на Соборѣ. Сочиненіе Рейхенталя заслуживаетъ полнаго довѣрія на счетъ всей внѣшности Собора, названій, титуловъ и гербовъ разныхъ лицъ и прочихъ мелочей, но имъ надо поль-

зоваться съ чрезвычайною осторожностью и осмотрительностью относительно повѣствованія его о внутренней сторонѣ дѣйствій Собора и даже относительно хронологіи, потому что Рейхенталь записывалъ не тотчасъ, какъ случилось, а уже въ 1434 году и, вѣроятно, съ памяти; этимъ только можно объяснить странную неточность и небрежность его исторіи, заключающей важнѣйшія данныя рядомъ съ мелочами, а иногда и просто ложью. Первое изданіе сочиненія Рейхенталя вышло въ 1486; въ 1536 году исправлено было, сообразно съ потребностями языка, и издано вновь подъ заглавіемъ: Das Concilium so zu Constanz gehalten ist worden des jars do man zalt von der geburdt unsers erlösers MCCCCXIII Jar. и т. д.

Сочиненіе *Штумпфа*, Швейцарскаго историка XVI стол. (первой его половины), котораго Швейцарцы называютъ своимъ Титомъ Ливіемъ, очень важно. Относительно процеса Гуса, правда, оно заключаетъ въ себѣ только переводъ извѣстнаго уже намъ протокола Петра изъ Младеновицъ и отчасти актовъ Собора, но относительно процеса Іеронима представляетъ извѣстія, очень любопытныя и драгоцѣнныя по отсутствію другихъ источниковъ. Des grossen gemeinen Conciliums zu Costentz gehalten kurtze, doch gründlichere und volkommnere dann vor nie in Teütsch gesähen, beschreybung, was täglich von einer Session zu der andern, in geistlichen und weltlichen sachen, darinn und darnebend gehandlet ist, durch Johann Stumpffen (Sine Loco et Anno). Въ предисловіи Штумпфъ пишетъ, то онъ пользовался всѣми книгами относительно Костницкаго Собора и разныхъ происшествій, на немъ случившихся; такъ видно, что ему извѣстны: Рейхенталь, Эней Сильвій, письмо Поджи и многое другое. Семь отдѣловъ сочиненія распредѣлены такъ, что *первый* посвященъ причинамъ и началу собора, *второй* всему, что относилось къ процесу Гуса и Іеронима Пражскаго, *третій* повѣтствованію о войнѣ Сигизмунда съ Фридрихомъ Австрійскимъ, *четвертый* уничтоженію Папскаго раскола, *пятый* вѣнчанію и посвященію, а равно и дѣйствіямъ Папы, Мартына V, *шестый* попыткамъ преобразованія, имѣвшимъ мѣсто на Соборѣ, и изслѣдованію плодовъ этого преобразованія, поскольку оно было совершено Костницкимъ Соборомъ, и *седьмый* описанію внѣшности Собора, числу его членовъ, ихъ людей и проч. Вообще, эта книга чрезвычайно полезна и написана очень просто и завлекательно.

Ланфанъ, трудолюбивый ученый XVIII стол., написалъ очень хорошее и дѣльное сочиненіе относительно Костницкаго Собора, подъ заглавіемъ: Histoire du Concile de Constance, par Jaques Lenfant. Amsterdam. 1727. Сочиненіе *Ланфана* есть изложеніе и переводъ документовъ, собранныхъ Гардтомъ и представляетъ первое сочиненіе, авторъ котораго воспользовался богатыми матеріалами Гардтова сборника. Мы уже замѣтили, что этотъ сборникъ бѣденъ памятниками относительно религіознаго Чешскаго движенія: сочиненіе Ланфана относительно Костницкаго Собора очень слабо въ этомъ отношеніи. Но должно отдать совершенную справедливость *Ланфану*, что онъ первый критически прослѣдилъ жизнь Гуса и отдѣлилъ отъ нея и то, что ненависть Католиковъ вымыслила, и то, что слѣпое рвеніе Протестантовъ выдумало въ пользу своего дѣла; сочиненіе *Ланфана* представляетъ немногіе, но за то вѣрные, факты. Въ исторіи Пизанскаго собора *Ланфанъ* подробно, на основаніи несомнѣнныхъ источниковъ, прослѣдилъ внѣшнія явленія жизни Гуса. Вообще, за исключеніемъ того, что *Ланфанъ* не изучалъ Гуса, какъ явленія Чешской исторіи, и потому, естественно, ошибался и при оцѣнкѣ его, какъ перваго дѣятеля, изслѣдованія *Ланфана* о немъ суть самыя безпристрастныя и истинныя, какія мы только до сихъ поръ имѣемъ. Здѣсь мы разумѣемъ изслѣдованія писателей Нѣмецкаго племени.

Б. Что касается до сочиненій, имѣющихъ спеціальною своею цѣлью *изслѣдованіе Чешскаго религіознаго движенія*, то, сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного, которое бы обнимало всѣ явленія этого религіознаго движенія, его причины и слѣдствія. Многіе изъ ученыхъ Чеховъ, пережившихъ страшное гоненіе Фердинанда, сознали, что великій, геройскій періодъ ихъ отечества, кончился, и спѣшили собрать и издать все, что имъ было извѣстно. Такому-то побужденію обязаны мы трудами *Бальбина*, *Амоса Коменскаго*, *Павла Странскаго*, *Теобальда* и многихъ др. Въ великую историческую эпоху не до того бываетъ, чтобы хладнокровно записывать событія: тутъ дѣятельность поглощаетъ все и не даетъ отдыху; но съ возвращеніемъ дѣлъ въ ихъ обыкновенный уровень, настаетъ время собирать и записывать все, что случилось прежде: послѣ періода дѣйствія настаетъ періодъ науки. Однако, въ исторіи Чехіи немедленно за періодомъ высокой исторической дѣятельности настало время религіознаго и полн=

тическаго рабства: не только писать, но и говорить о страшномъ для Австріи народномъ движеніи Чеховъ было опасно, и трудолюбивые Чешскіе историки XVII и XVIII стол. тщательно обходятъ самый славный періодъ исторіи своего отечества. Потому, за исключеніемъ историческихъ трудовъ Пельцеля и, недавно вышедшаго тома исторіи Чехіи, Палацкаго, мы не имѣемъ рѣшительно ничего важнаго относительно періода, насъ занимающаго. Писатели, незаботливые о своей исторической доброй славѣ, лгутъ, очертя голову, но истинолюбивые писатели тщательно избѣгаютъ говорить о немъ. Кромѣ сочиненій, выше разсмотрѣнныхъ, сюда относятся слѣдующія: 1) Kronyka czeska, spnosob wijry Křestianske pod obogi zpuosobu Tiela a Krwe Pana Gesu Krysta, y take pod gednau w sobie obsahuge, sepsaná od *Bohuslawa Bjlegowského.* 1537; во второй разъ издана подъ заглавіемъ: Kronyka Cýrkewnj, w njž se přjběhowé a přjhody cýrkwe České od gegjho počátku až do léta Pané 1532 wyprawugj, sepsaná před třemi sty lety od Boh. Bjlegowského, Kněze strany pod obogj, nyni pak wydana s předmluwau a mnohými zaznamenanjmi od *Jozefa Skalického,* Kněze strany pod gednau. W Praze. 1816. 2) Kalendarž hystorýczky, sepsaný a wydaný praczy *Adama z Weleslawjny.* W Praze. 1577. 3) Rerum bohemicarum Ephemeridis historicae liber primus, concinnatus studio atque opera Procopii *Lupacii.* Norimb. 1578. 4) Chronologica Bohemicae Ecclesiae adumbratio, authore Zacharia *Theobaldo* juniore. Wittenberg. 1611. 5) Balth. *Lydii* M. F. Palatini Ecclesiastae apud Dordrechtanos, Waldensia, i. e., conservatio verae Ecclesiae, demonstrata ex confessionibus, cum Thaboritarum ante CC fere annos, tum Bohemorum circa tempora reformationis, scriptis. Roterodami. 1616. 2 tomi [128]. Число сочиненій относительно какого ни будь изъ многочисленныхъ дѣятелей великаго Чешскаго религіознаго движенія или какого нибудь изъ частныхъ его событій—безчисленно; такъ, сколько и въ Чехіи и внѣ ея было написано относительно Гуса, Іеронима Пражскаго, Жижки! Сколько писали и издавали сочиненій относительно Гуситскихъ войнъ и различныхъ ихъ событій! Изъ числа спеціальныхъ сочиненій относительно этого періода мы приведемъ только тѣ, которыя прибавляютъ какой нн

[128] См. на концѣ третьяго изданія исторіи Пельцеля (1782) Verzeichniss der Geschichtsbücher von Böhmen, S. 957—1014.

будь новой фактъ въ наукѣ, или отличаются новымъ и свѣтлымъ взглядомъ. Намъ не извѣстно ни одного сочиненія, за исключеніемъ уже выше разсмотрѣннаго труда Амоса Коменскаго, которое содержало бы исторію Чешскаго религіознаго движенія отъ первыхъ его началъ до его парализаціи гоненіями Фердинанда II го. Болѣе всѣхъ прочихъ замѣчательно и здѣсь сочиненіе *Ланфана:* Histoire de la guerre des Hussites et du Concile de Basle. Amsterdam. 1731. Оно представляетъ необходимое продолженіе исторіи Костницкаго Собора того же сочинителя. Изъ предисловія [129] узнаемъ, что Ланфанъ намѣренъ былъ довести исторію Гуситовъ до 1460 г., но смерть застала на 1453 г., до котораго только доходитъ разсказъ его. Ланфанъ пользовался многими и хорошими источниками, длинный списокъ которыхъ выставленъ предъ его трудомъ. Яковъ Ланфанъ, Реформатскаго исповѣданія, былъ родомъ изъ Франціи, гдѣ родился въ 1686 году; въ слѣдствіе Нантскаго едикта, онъ, 22 лѣтъ отъ роду, принужденъ былъ оставить Францію и удалиться въ Женеву; скоро потомъ онъ переѣхалъ въ Берлинъ, куда удалилась большая часть Реформатовъ, изгнанныхъ изъ Франціи, и здѣсь, въ теченіи 39 лѣтъ, былъ пасторомъ при этой Французской колоніи; онъ умеръ, отъ паралича, въ 1728 году и оставилъ послѣ себя множество сочиненій, изъ которыхъ самыя замѣчательныя суть исторіи соборовъ Пизанскаго, Костницкаго и Базельскаго. Ланфанъ въ исторіи Гуситовъ и Базельскаго Собора попытался представить Гуса явленіемъ жизни Чешекаго народа нормальнымъ и послѣдовательнымъ и объяснить появленіе его изъ прошедшаго жизни этого народа: опытъ чрезвычайно удачный и замѣчательный, обличающій въ Ланфанѣ качества хорошаго историка, откровенность и прозорливость къ проникновенію идеи, выражающейся въ внѣшнихъ явленіяхъ. Онъ разсказываетъ здѣсь не только подробно жизнь Гуса въ связи съ исторіею Чехіи и Церкви Католической вообще, но и касается исторіи религіозной Чехіи до Гуса; это самый сомнительный и малоизвѣстный періодъ исторіи Чехіи, отъ котораго осталось чрезвычайно мало памятниковъ, да и тѣ, большею частью, неизвѣстны. Столь важный

[129] Pag. XI.

переворотъ, каковъ тотъ, котораго словеснымъ представителемъ является Гусъ, принадлежитъ къ числу кризисовъ въ жизни народовъ и человѣчества, кризисовъ, къ которымъ приготовленіемъ является вся предшествующая исторія народа и человѣчества. Великое религіозное движеніе Чешское XV стол. не уступаетъ ни важностью своихъ слѣдствій, ни глубокимъ интересомъ событій великому политическому движенію во Франціи конца XVIII стол., и причины перваго не менѣе зависятъ отъ всей жизни Чешскаго народа, какъ и причины втораго имѣютъ корнемъ все развитіе Французскаго народа. Меньше всего доселѣ сдѣлано историками для изученія явленій религіозной жизни въ Чехіи до Гуса, а между тѣмъ въ нихъ-то лежитъ зародышъ всѣхъ послѣдующихъ явленій. Ланфанъ чувствовалъ необходимость связать явленіе Гуса съ жизнью всего Чешскаго народа и, такимъ образомъ, разумно и послѣдовательно объяснить его ученіе и дѣйствія: при бѣдности матеріаловъ его относительно этого періода, онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, и то, что онъ сдѣлалъ, было единственнымъ доселѣ источникомъ для изученія періода до Гуса. Только изслѣдованія Палацкаго стоятъ выше изслѣдованій Ланфана, самаго дѣльнаго изъ всѣхъ Западныхъ историковъ, писавшихъ относительно Чешской исторіи и Гуса. До изданныхъ въ самое новѣйшее время изслѣдованій Палацкаго, основанныхъ на совершенно новыхъ и замѣчательныхъ источникахъ, все, что говоритъ Бальбинъ на счетъ мнимыхъ предшественниковъ Гуса, было единственнымъ источникомъ для ихъ изученія: съ Бальбиномъ не соглашались, но все таки принуждены были возвращаться къ нему, за недостаткомъ другихъ источниковъ: самыя ошибки Бальбина вошли въ исторію и повторены всѣми. Вообще, относительно религіознаго состоянія Чехіи до Гуса мы принуждены были собирать отвсюду матеріалы и не пренебрегать никакимъ, самымъ ничтожнымъ, по видимому, извѣстіемъ. Относительно вліянія Католическаго и Православнаго Богослуженій на Чехію отрывочныя, но важныя, извѣстія находимъ у *Палацкаго* „Исторія Чехіи," т. Iй, и у *Пельцеля* „Исторія Чехіи," т. 1. Относительно исторіи Православнаго исповѣданія въ Чехіи мы совѣтовались съ сочиненіемъ *Мацѣевскаго*: „Исторія первобытной Христіанской Церкви у Славянъ (переводъ О. Евецкаго. Варшава. 1840)"; относительно Славянскаго обряднаго богослуженія (ritus)

замѣчательныя свѣдѣнія сообщаетъ *Добровскій* въ „Исторіи Чешской Литературы“; относительно исторіи Сазавскаго монастыря, какъ представителя не только Славянскаго языка и обряда, но и остатковъ Православія въ Чехіи, важныя свѣдѣнія представляетъ *Добнеръ* въ примѣчаніяхъ на Гайка [130]. Здѣсь Добнеръ предложилъ, въ хронологическомъ порядкѣ, сводъ разныхъ извѣстій относительно древней Чешской исторіи, изъ множества Чешскихъ и иностранныхъ писателей; такъ онъ прекрасно очертилъ исторію Сазавскаго монастыря, основываясь на словахъ неизвѣстнаго Сазавскаго лѣтописца, продолжателя Козьмы. *Добровскій*, въ своей исторіи Чешской Литературы, представилъ исторію Славянскаго Богослуженія въ Чехіи, которая заключаетъ въ себѣ много важныхъ данныхъ; онъ же очень хорошо опредѣлилъ вліяніе религіознаго Чешскаго движенія на ихъ умственную дѣятельность и внѣшнюю сторону Литературы. Чрезвычайно важные матеріалы для исторіи предуговительнаго періода великаго Чешскаго религіознаго движенія содержатся въ двухъ трудахъ извѣстнаго Чешскаго историка, *Пельцеля:* это — Исторія царствованій двухъ королей Чешскихъ, изъ которыхъ при одномъ пришли въ зрѣлость сѣмена, давшія такой богатый плодъ во второмъ: царствованіе Карла IV въ Чехіи важно особенно, какъ преддверіе царствованія Вацлава IV го. Оба царствованія, съ своимъ особеннымъ историческимъ характеромъ, составляютъ непрерывное продолженіе событій, гдѣ все связано цѣпью причинъ и слѣдствій. Обыкновенно видятъ въ царствованіи Вацлава внезапный переломъ въ жизни Чешскаго народа, переворотъ въ его характерѣ и дѣйствіяхъ, а въ образѣ мыслей и поступковъ обоихъ королей, Карла IV и Вацлава, замѣчаютъ противуположность. Но по закону исторической необходимости, царствованіе Вацлава должно было смѣнить царствованіе Карла IV. Народъ не есть масса единицъ безъ всякаго духовнаго значенія, не есть только одна отрицательная, матеріальная сила: въ немъ, какъ цѣломъ, совершается

---

[130] Wenceslai Hagek a Libocsan Annales Bohemorum, e Bohemica editione latine redditi et notis illustrati a P. Victorino a S. Cruce e scholis piis, nunc....aucti a P. Gelasio a S. Catharina. VI. Pragae.

постоянное развитіе, движеніе, въ которомъ каждый изъ частныхъ лицъ принимаетъ безсознательное участіе. Процесъ этого развитія скрытъ во глубинѣ духа народнаго и разгадать его принадлежитъ истинной исторіи, которая скажетъ, что приписываемое личнымъ качествамъ и усиліямъ того или иного историческаго дѣятеля, дано ему народомъ, поскольку этотъ дѣятель есть представитель народа. Не великія личности по своему произволу влекутъ за собой народъ, но этотъ послѣдній, отъ времени до времени, въ слѣдствіе своего собственнаго внутренняго развитія, выдвигаетъ человѣка, который, дѣйствуя, будто бы, отъ своего лица, сознаетъ только то, что безсознательно совершилось уже или совершается въ тайнѣ духа народнаго. *Народъ весь, взятый вмѣстѣ, живетъ разумною жизнью, которая высказывается преимущественно въ тѣхъ лицахъ, которыя сознаютъ потребности народа*; въ этой жизни народа, какъ отвлеченнаго цѣлаго, различаемъ двѣ стороны: внутреннюю и внѣшнюю. Законы развитія духа народнаго одни и тѣже, но самое развитіе безконечно: неистощимъ міръ явленій внѣшней природы; во сколько же разъ богаче міръ внутренній, міръ духа человѣческаго? Внѣшнія явленія жизни народа, какъ проявленія его разумнаго развитія, служащія къ постиженію направленія, хода и поступанія впередъ этого развитія, важны всѣ безъ исключенія: иногда самыя пренебреженныя, ничтожныя явленія служатъ къ разгадкѣ тайны жизни народа. *Чешскій народъ, какъ народъ, живетъ своею разумною жизнью: постигнуть тайну и смыслъ его жизни—вотъ дѣло его историковъ!* Но если трудно бываетъ постигнуть явленія міра внутренняго человѣка, какъ лица, то тѣмъ невозможнѣе подмѣтить тайну жизни народа; остается отгадывать ее въ частныхъ явленіяхъ, изъ которыхъ каждое, съ этой точки зрѣнія, бываетъ исполнено смысла. Доселѣ, за исключеніемъ немногихъ, кто обращалъ вниманіе на народъ? Строгое изученіе историческихъ явленій покажетъ рано или поздно, что въ народѣ совершается втихомолку великое дѣло развитія, что тамъ приготовляются и матеріалы для исторіи и историческіе дѣятели, что, по видимому, тупая и безсмысленная масса народа господствуетъ надъ всѣми дѣйствіями историческихъ лицъ, которыя потому только и историческія, что суть представители народа. Карлъ IV и Вацлавъ IV были необходимыми явленіями въ жизни Чешскаго народа:

характеръ того и другаго былъ условленъ характеромъ народа и зависѣлъ непосредственно отъ него. Потому-то, по видимому, внезапная перемѣна въ характерѣ Вацлава IV, надъ разгадкою которой тщетно трудились историки, находитъ себѣ полное и удовлетворительное объясненіе въ измѣненіи внутренняго расположенія всего Чешскаго народа. Потому-то царствованія Карла IV, (1 го въ порядкѣ Чешскихъ Королей) и Вацлава IV го важны для насъ, какъ проявленія расположенія Чешскаго народа въ двухъ періодахъ времени, столь, по видимому, близкихъ и столь разнохарактерныхъ. Въ этомъ смыслѣ важны для насъ два слѣдующіе сочиненія Пельцеля: 1) Kaiser Karl der Vierte, König in Böhmen. Prag. 1780. 2) Lebensgeschichte des Römischen und Böhmischen Königs Wenceslaus. Prag. 1788. Каждое изъ этихъ сочиненій состоитъ изъ тома текста и тома актовъ и документовъ различнаго рода и представляетъ богатый матеріалъ изучающимъ Чешскій народъ и жизнь его въ ея внѣшнихъ явленіяхъ: этѣ послѣднія являются здѣсь совершенно такъ, какъ были неискажены личными любимыми идеями автора. Тутъ много видимъ фактовъ относительно религіознаго Чешскаго движенія, его предуготовительнаго и его дѣятельнаго періода, фактовъ, которыми доселѣ никто не воспользовался: изъ многихъ приведемъ одинъ примѣръ; таковъ актъ, приложенный Пельцелемъ къ концу перваго тома своей исторіи, актъ безконечный важности для исторіи религіознаго движенія въ Чехіи — это: Acta in Curia Romana a Genzenstein, Archiepiscopi Pragensis, извлеченныя Пельцелемъ изъ Ватиканской библіотеки, такъ живо представляющія религіозное состояніе Чехіи предъ выступленіемъ Гуса на поприще дѣятельности. Исторія Карла IV превосходно обработана Пельцелемъ по богатымъ собраніямъ актовъ, относящихся ко времени этого Императора. Что касается до жизнеописанія короля Вячеслава, то самъ авторъ видитъ въ немъ продолженіе царствованія Карла IV го; составляя его, онъ пользовался множествомъ источниковъ, списокъ которыхъ приложенъ тамъ же. Добросовѣстный трудъ Пельцеля, истинно Славянскаго историка, заслуживаетъ большей извѣстности: важность его для изученія идеи развитія Чешскаго народа — безконечна. Только изъ подробнаго и дѣятельнаго изученія явленій можетъ возникнуть общая идея времени или событія: въ этомъ отношеніи каждый исто-

рикъ, занимающійся Чешскою исторіею, благословитъ въ душѣ память трудолюбиваго Пельцеля, который трудился для другихъ, доставлялъ матеріалы къ полному и свѣтлому воззрѣнію на исторію Чешскаго народа, воззрѣнію, которое безъ трудолюваго Пельцеля было бы или не возможно, или не основано на истинѣ [151].

Въ иномъ отношеніи замѣчательна исторія Чехіи *Палацкаго* [152]; это трудъ историка, впервые пытающагося пролить свѣтъ на исторію Чешскаго народа, проникнуть въ тайну его внутренней жизни и, какъ первый опытъ въ этомъ родѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Палацкій уже не старается, какъ его предшественники (не исключая и Пельцеля), сообщить, какъ можно болѣе фактовъ Чешской исторіи, но онъ пытается проникнуть въ ихъ внутреннюю сторону, подвести ихъ подъ законы высшаго развитія. Нельзя было бы не пожелать сочинителю большей живости и свѣжести чувства любви къ народному своему и Славянскому въ особенности; но нельзя не замѣтить и того, что сочинитель, по причинамъ, очень понятнымъ, вездѣ избѣгаетъ случая высказывать свои личныя убѣжденія и мнѣнія; онъ боится на шагъ удалиться отъ событій. Къ сожалѣнію, кромѣ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя способы была остановить слово правды на концѣ пера историка и повести его въ иномъ направленіи, нежели въ какомъ ему было бы желательно, и самый личный характеръ и убѣжденія г. Палацкаго не всегда благопріятствовали безпристрастному и свѣтлому взгляду на событія, особенно нхъ смыслъ. Религіозныя убѣжденія чрезвычайно вредны при оцѣнкѣ великаго Чешскаго религіознаго движе-

---

[151] *Franz Martin Pelzel's* Geschichte der Böhmen, von den ältesten bis auf die neuesten Zeiten. Aus den besten Gechichtschreibern, Kroniken und gleichzeitigen Hundschriften zusammen getragen. Prag, 1782. Это третье изданіе, доведенное до смерти Императрицы Маріи Терезіи, умножено многими прибавленіями, очень важными, съ изображеніемъ умственной жизни Чеховъ по истеченіи каждаго періода, и т. д.

[152] Geschichte von Böhmen, grösstentheils nach Urkunden und Handschriften, von *Franz Palacky*. Prag. 1836—1845. 3 Bände.

нія, и его оцѣнить вполнѣ нельзя ни Католику, ни Протестанту: непремѣнно надобно быть *Славяниномъ и Православнымъ*, чтобы вполнѣ понять глубокое значеніе этого событія, которое и доселѣ оставило глубокіе слѣды въ жизни Западныхъ Славянъ. Въ первомъ отдѣлѣ третьяго тома Г. Палацкій изложилъ исторію Чехіи при Вацлавѣ IV, гдѣ коснулся (не болѣе) исторіи религіознаго Чешскаго движенія: умно и ясно излагаетъ онъ событія, но и только; ему было извѣстно много новыхъ источниковъ для оцѣнки Гуса, и онъ воспользовался ими; но прочтите все, что у Палацкаго написано о Гусѣ, и вы все таки не узнаете ни характера этого *дѣятеля*, ни его значенія. Масса вашихъ свѣдѣній о немъ умножилась, но свѣтлаго взгляда, обнимавшаго бы всѣ частныя событія Гуса и дававшаго имъ смыслъ, у васъ не останется послѣ чтенія Палацкаго. Вообще это — *исторія внѣшнихъ дѣйствій Гуса*, а не его внутренней жизни въ связи съ развитіемъ Чешскаго народа.

Недостатокъ книга Г. Палацкаго выполняетъ съ избыткомъ сочиненіе *Бонншоза*: Les Réformateurs avant la Réforme. Siecle. XV. Jean Hus et le Concile de Constance, par *Emile de Bonnechose*. Paris. 1845. 2 voll. Все это сочиненіе, отъ первой до послѣдней страницы, дышетъ самимъ Христіанскимъ чувствомъ, не исключающимъ никакой народности, никакого явленія. Бонншозъ принесъ къ изученію Гуса зрѣлое, общехристіанское, воззрѣніе, и тѣмъ уже сталъ безконечно выше всѣхъ своихъ предшественниковъ, смотрѣвшихъ на Гуса съ точки зрѣнія своихъ личныхъ, или народныхъ религіозныхъ, взглядовъ. Это сочиненіе написано человѣкомъ, глубоко чувствительнымъ, способнымъ на все доброе: къ сердцу взялъ онъ дѣло Гуса и далъ ему вовсе иной оборотъ, нежели какой оно имѣло прежде. И не странно ли? Человѣкъ инаго племени, съ иными убѣжденіями, приступаетъ къ изученію Гуса и невольно проникается любовью къ нему и его ученію, со всѣмъ жаромъ благородной души заступается за него и грудью отстаиваетъ его отъ ложныхъ обвиненій враговъ. А между тѣмъ одинъ новѣйшій историкъ остается холодно равнодушенъ и важно строгъ при изученіи самаго лучшаго періода своего народа. Конечно, чувство иногда способно увлечь, но оно же открываетъ великія истины, которыхъ никогда не найдти холодному, систематическому уму. *Не уже ли и въ оцѣнкѣ явленій нашей Сла-*

вянской жизни должны обогнать насъ люди иного племени? Неуже ли у нихъ научимся понимать событія, въ которыхъ принимали участіе наши предки? Сочиненіе Боншоза вышло почти въ одно время съ Палацкаго третьимъ томомъ, и первый дополнитъ недостатокъ втораго, и на оборотъ. Съ какою любовью смотрѣлъ на Гуса Боншозъ, покажутъ слѣдующія строки [133]: „Излагая исторію Гуса и Костницкаго Собора, я знаю заранѣе, „что, представляя на удивленіе нѣкоторыхъ жизнь этого праведника, жертвы Собора, я подвергну его новымъ обидамъ. Но каждому, кто захотѣлъ бы оскорбить его память, я скажу: Гусъ „отвергнулъ мысль, чтобы человѣкъ, по какому бы то ни было „поводу, долженъ былъ оглушать голосъ своей совѣсти и дѣйствовать противъ внутренняго убѣжденія, согласитесь ли вы съ „нимъ или нѣтъ? Скажу еще: пройдите мыслью всѣ обстоятельства его жизни, прочтите его письма, его трогательныя письма, въ которыхъ обличается душа самая непорочная и святая „ревность; посмотрите, сколько любви къ благу, сколько отвращенія отъ зла, сколько преданности истинѣ! Посмотрите на жизнь „его, на его смерть: потомъ положите руку на сердце и скажите: Я лучшій Христіанинъ, нежели этотъ человѣкъ.... И тогда „оскорбляйте его!....“ Боншозъ изложилъ не только исторію борьбы Гуса съ Католическою Церковью, но и слѣдствія ея въ самой Чехіи. Но здѣсь-то обнаружилась односторонность его взгляда. Своимъ чистымъ неиспорченнымъ чувствомъ, Боншозъ отгадалъ многое чрезвычайно удачно, но, при всей силѣ и полнотѣ своего таланта, онъ не могъ вознаградить недостатка основательныхъ и твердыхъ познаній касательно жизни всего Чешскаго народа. Гуса невозможно разсматривать врозь отъ народа, котораго онъ есть первокласный представитель. *Гусъ прежде всего Чехъ, потомъ Славининъ, а потомъ уже Реформаторъ-Христіанинъ:* всѣ его дѣйствія нераздѣльны съ дѣйствіями народа Чешскаго, и онъ потому такъ великъ, какъ всемірный дѣятель, что онъ не только свидѣтельствуетъ о высокой степени нравственнаго воспитанія Чешскаго народа, но и воплощаетъ въ себѣ всѣ его элементы, всѣ его требованія и постоянно дѣйствуетъ не во имя

[133] Preface p. XXX.

своихъ частныхъ интересовъ, но во имя Чешскаго народа. Къ сожалѣнію, Боншозу мало была извѣстна жизнь Чешскаго народа, а потому онъ смотрѣлъ на Гуса издали, съ высоты общечеловѣческаго воззрѣнія, давалъ ему слишкомъ общій и всесторонній характеръ. Гусъ въ изображеніи Боншоза теряетъ вовсе свой Чешскій характеръ и является какимъ-то философомъ-космополитомъ новаго времени [134]. Но свѣтлый взглядъ Боншоза отрадно поражаетъ насъ и заставляетъ забыть въ немъ недостатокъ самобытнаго изслѣдованія и излишнюю самонадѣянность на свои силы.

Остается сказать о *тѣхъ сочиненіяхъ, которыя не имѣютъ спеціальною цѣлью изученіе Чешскаго религіознаго движенія, но касаются его мимоходомъ, излагая исторію всеобщую, свѣтскую, или церковную*, или тѣ сочиненія, *которыя занимаются исторіею религіознаго развитія до Гуса и въ иныхъ странахъ*, и, такимъ образомъ, показываютъ его отношеніе къ нашему Чешскому движенію. Здѣсь особенно важны тѣ сочиненія, которыя могутъ служить къ тому, чтобы оцѣнить мѣсто Чешскаго религіознаго движенія въ ряду иныхъ оппозиціонныхъ Католицизму движеній, въ разное время и въ разныхъ странахъ Европы обнаружившихся, особенно тѣхъ, которыя проявились въ Вальденсахъ и Виклефѣ. Относительно *Вальденсовъ* мы пользовались слѣдующими сочиненіями: 1) De Vraldensibus eorumque doctrina et moribus, liber a Pontificio scriptore (Reinerium quidam putant) ante CCC annos sriptus, ex veteri codice desumptus (это слова Фрегера въ 1602 году), сочиненіе [135], заключающее въ себѣ драгоцѣнныя извѣстія относительно Вальденсовъ, которыя могутъ повести къ полезнымъ выводамъ относительно сходства Вальденсовъ съ Чешскими Братьями. Это сочиненіе тѣмъ важнѣе, что оно написано Католикомъ, которому невозможно было обмануться въ своихъ наблюденіяхъ сочувствіемъ къ Вальденсамъ: вездѣ онъ величаетъ ихъ еретиками, но даетъ объ ихъ ученіи иное, и довольно откровенное, свѣдѣніе; только тотъ узнаетъ вполнѣ цѣну этому сочиненію

---

[134] Доказательствомъ тому все предисловіе Боншоза, исполненное высокихъ идей, сильнаго и благороднаго чувства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ идеальное, не имѣетъ ничего, или очень мало, общаго съ дѣйствительностью.

[135] *Freheri* Rerum Bohemicarum aliquot scriptores insignes, p. 222—232.

кому извѣстны тѣ жалкія фанатическія выходки, которыми Католическіе писатели запутали исторію ересей въ Средніе вѣка. 2) Disputatio Academica de Valdensium secta ab Albigensibus bene distinguenda, a *Petro Jas.* Lugduni Batav. 1834. Цѣль этого разсужденія, основаннаго на совѣстливомъ изученіи источниковъ, есть доказать, что Вальденсы существенно отличны отъ Альбигойцевъ; потому-то первая часть посвящена повѣркѣ всего того, что различные писатели сообщили намъ относительно Вальденсовъ и Альбигойцевъ, и доказательствамъ тому, что Вальденсы и Альбигойцы существенно отличны другъ отъ друга; вторая часть показываетъ, въ какихъ именно точкахъ состояло различіе Вальденсовъ и Альбигойцевъ. Сочинитель этого труда чрезвычайно совѣстливо разработалъ источники и представилъ выводы своихъ изслѣдованій, опираясь на этихъ источникахъ. Хотя онъ преимущественно занимается Альбигойцами, но и относительно Вальденсовъ сообщаетъ много важнаго.

Какъ Католическіе, такъ и Протестантскіе, писатели постепенно твердятъ, что Гусъ есть ученикъ и послѣдователь Виклефа: нелѣпость этого мнѣнія мы увидимъ въ самомъ изслѣдованіи; теперь укажемъ на тѣ *источники, которые помогли намъ разобрать отношеніе Виклефа къ Гусу.* Важнѣйшій изъ нихъ есть, конечно, „Trialogus“ [136] Виклефа, котораго вліянія на первый юношескій періодъ дѣятельности Гуса отрицать нельзя, хотя въ послѣдствіи самъ Гусъ, сознавъ важность свою, какъ представителя Чешскаго народа, отказался отъ безусловнаго одобренія всѣхъ мнѣній Виклефа. Необходимо прочесть Тріалогъ Виклефа и увидѣть то различіе, которое находитъ между мнѣніями Англійскаго Богослова и Чешскаго духовнаго нашего роднаго оратора: тутъ увидимъ ясно и чисто народно-Чешскій характеръ Гуса и того движенія, во главѣ котораго онъ стоялъ, и то глубокое различіе, которое находится между Гусомъ и его предшественникомъ въ Англіи. Гусъ не только не ученикъ Вик-

---

[136] Joan. *Wiclefi* Dialogorum libri quatuor. Francofurti et Lipsiae MDCCLIII. Этому предшествуетъ: D. Iohannes *Wiclefii* wahrhafte und gegründete Nachrichten von seinem Leben, Lehrsätzen u. Schriften, aus bewährtesten Urkunden u. Schriftsteller gezogen u. entworfen von L. Ph. *Wirth.* Bayreuth und Hof. 1754.

лефа, но и несравненно высшій его историческій дѣятель; если онъ въ первомъ періодѣ своего славнаго поприща увлекся блестящими софизмами Виклефа, то въ послѣдствіи онъ забылъ ихъ и сталъ дѣйствовать самостоятельнымъ представителемъ духовныхъ потребностей своего народа. До сихъ поръ не было еще ни одного труда, посвященнаго именно тому, чтобы разобрать тѣ отношенія, которыя дѣйствительно существовали между мнѣніями Гуса и Виклефа; а этотъ предметъ вполнѣ заслуживалъ бы того.

Очень естественно, что каждая исторія Церкви Христіанской, обнимающая Средніе вѣка, должна непремѣнно коснуться Чешскаго религіознаго движенія и его отношенія къ инымъ, прежнимъ и послѣдующимъ, религіознымъ движеніямъ, но составители сборниковъ и учебниковъ Церковной исторіи повторяютъ постоянно однѣ и тѣже извѣстія относительно Чешскаго религіознаго движенія, основываясь на авторитетѣ нѣкоторыхъ, особенно уважаемыхъ, писателей, которые на самомъ дѣлѣ безсовѣстно искажали событія. Всѣ ложныя свѣдѣнія, сообщаемыя Энеемъ Сильвіемъ, безусловно приняты въ большую часть книгъ относительно Всеобщей и Церковной исторіи Средняго вѣка. Странно читать, какъ упорно въ нихъ держатся старыхъ, опровергнутыхъ уже, мнѣній, выдаютъ за факты то, что существовало только въ головѣ Энея Сильвія, Дубравскаго, Гайка и др. Изъ древнѣйшихъ писателей Церковной Исторіи особенно замѣчателенъ *Рейнальдъ* [137], начавшій свой трудъ съ событій 1198, на которыхъ остановился Бароній, и продолживший его по 1565 годъ: это трудолюбивое и старательное изслѣдованіе всѣхъ современныхъ памятниковъ и актовъ Церковной Исторіи, кои сочинитель могъ видѣть и изучать въ Ватиканской библіотекѣ; оно заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ и важныхъ извѣстій относительно Чешскаго религіознаго движенія. Протестантскіе писатели, несравненно болѣе Католическихъ сдѣлали для изученія оппозиціонныхъ религіозныхъ движеній, которыхъ привыкли называть *ересями*: они первые начали изучать своихъ предше-

---

[137] *Raynaldi* Annales ecclesiastici ab anno 1198 usque ad annum 1565. Romae. 1646—77. 10 tomi. fol. Это продолженіе Бароніевой Лѣтописи Церковной въ 12 т. in f°.

ственниковъ, которые, если во многомъ важномъ отъ нихъ и отличались, однако всѣ за одно возставали противъ духовнаго деспотизма въ лицѣ Папства. Цѣлью при этомъ имѣли Протестанты опровергнуть упрекъ, который имъ дѣлали Католики, упрекъ въ *новизнѣ*, въ неслыханномъ, будто бы, никогда прежде уклоненіи отъ единой истинной Церкви; для того Протестанты обратились къ прошедшему Церкви и, послѣ многотрудныхъ изысканій, увидѣли, что Папство постепенно находило противодѣйствователей своимъ крайнимъ стремленіямъ, и что рядъ этихъ противодѣйствователей тянется безпрерывно отъ первобытной Церкви до Лютера. Съ такою цѣлью составлены Магдебургскія Центуріи, первый опытъ Церковной Исторіи, основанный на изученіи источниковъ; съ такою же цѣлью утвердить корень Протестантства въ прошедшемъ Церкви составлена книга: Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem Pontifici Romano et Papismi erroribus reclamarunt pugnantibusque sententiis scripserunt. 1562, 2-е изд. Francofurti 1666 [138]. Составитель этой книги есть Матѳей *Флакъ* (собственно *Flacich*), Илирикъ, одинъ изъ Славянскихъ дѣятелей и церковныхъ защитниковъ Реформаціи XVI стол. Онъ родился, въ 1520 году, въ г. Альбонѣ, въ Иллиріи, и потому носилъ названіе Илирика, воспитывался въ Базелѣ, потомъ въ Тюбингенѣ, гдѣ жилъ у своего земляка, профессора Греческой Словесности, Гарбиція. Сперва профессоръ въ Виртембергѣ, Флакъ отправился въ Іену и тамъ былъ профессоромъ Св. Писанія; въ началѣ Смалькальденской войны онъ переселился въ Магдебургъ, гдѣ издалъ, съ нѣкоторыми иными учеными, Магдебургскія Центуріи. Принужденный оставить Магдебургъ по случаю ссоры съ Викториномъ Стригеліемъ, происшедшей по поводу диспута объ участіи воли въ спасеніи человѣка (при чемъ Флакъ защищалъ свободу дѣйствій человѣка), онъ остальное время своей жизни (Флакъ ум. въ 1575) провелъ въ различныхъ городахъ Германіи, занимаясь важными учеными трудами, которыми доселѣ пользуются историки. Catalo-

---

[138] Все сочиненіе направлено къ опроверженію упрека Католиковъ тамъ же выставленнаго. Католики говорили Протестантамъ: „Vestra nova est Religio, nuper ante XXX annos a Luthero orta et instituta. Igitur nostra Ecclesia ac Religio, hoc est Romana, vera ac genuina est.“

gus testium veritatis явился, какъ сказано, въ 1562 году, Магдебургскія Центуріи отъ 1554—1574; по его же внушенію изданы сочиненія Гуса въ Нирнбергѣ [139] (Opera Hussi an. 1558 г.), и, такимъ образомъ, первымъ изданіемъ сочиненій Гуса мы обязаны нашему и его соотечественному Славянину, Матѳею Флаку. Онъ самъ считаетъ Catalogus testium veritatis необходимымъ дополненіемъ Магдебургскихъ Центурій; не излишнимъ будетъ замѣтить, что составляя Catalogus, онъ пользовался множествомъ рукописей и рѣдкихъ сочиненій. Дѣйствительно, Catalogus представляетъ удивительное богатство и разнообразіе матеріаловъ, хотя нельзя не признаться, что Флакъ очень мало обращалъ вниманія на выборъ, значеніе и заслуги своихъ „свидѣтелей"; важные историческіе дѣятели, оставившіе по себѣ долгіе, неизгладимые слѣды, и ничтожные проповѣдники, ни чѣмъ не ознаменовавшіеся, имена которыхъ едва извѣстны, занимаютъ его совершенно одинаково, такъ что онъ, сообщая много пустыхъ и незначительныхъ лицъ, не многое только сказалъ относительно Гуса, Виклефа и иныхъ. Но особенно сильное сочувствіе питаетъ онъ къ Вальденсамъ и Таборитамъ, которыхъ считаетъ послѣдователями одного и того же ученія; касательно Вальденсовъ Catalogus представляетъ хорошую и подробную статью; замѣчательны также статьи о Гусѣ, Яковѣ изъ Стржибра, Миличѣ и нѣкоторыя другія [140].

Изъ *Церковныхъ исторій*, принадлежащихъ ко времени позднѣйшему, замѣчательны, особенно по изложенію Чешскаго религіознаго движенія, слѣдующія: 1) Allgemeine Geschichte der christlichen Kirche nach der Zeitfolge, von H. P. C. *Henke* (Professor d. Theologie zu Helmstadt). 3 Aufl. Braunschweig. 1795—97, 4 Theile. Здѣсь, во второмъ томѣ, находимъ превосходно очерченное состояніе Церкви Католической предъ появленіемъ Гуса, гдѣ яркими красками изображено ея внутреннее устройство, дошедшее, наконецъ, до крайности, до такихъ путей, которые приходили къ мѣстамъ непроходимымъ; но относительно Гуса и его значенія Генке по-

[139] Videatur (Catal. p. 727) ingens volumen ejus Operum, quod Norimbergae *curavi* edi.

[140] Кромѣ извѣстій, содержащихся въ Catalogus testium veritatis, присоединенъ еще, въ изданіи 1667 года, Auctarium Catalogi testium veritatis, гдѣ весь *восьмой* отдѣлъ посвященъ Чешскимъ дѣятелямъ, p. 176 — 195, in 4°.

казываетъ мало проницательности: онъ какъ-то не можетъ отдать себѣ отчета въ его духовномъ значеніи. За тѣмъ у него изложена сокращенно исторія Гуситовъ, безъ всякихъ новыхъ данныхъ и соображеній; за то хорошо и подробно описано происхожденіе и ученіе новыхъ Гуситовъ или, обыкновенно называемыхъ, Моравскихъ Братьевъ. 2) Christliche Kirchengeschichte, v. J. M. *Schröckh* (Professor der Geschichte auf Universität Wittenberg.); 34 томъ. Лейпцигъ. 1802. Здѣсь Шрекъ изложилъ исторію Чешскаго религіознаго движенія отъ его начала до 1517; онъ вполнѣ сознаетъ важность и значеніе этого движенія въ исторіи Церковной вообще и излагаетъ очень подробно и обстоятельно всѣ его явленія. Начавши съ принятія Христіанства Чехіею, Шрекъ пытается провести до самаго Гуса оппозицію большей части народа противъ Католичества; очень также хорошо изложено у него ученіе Гуса, при чемъ онъ разбираетъ каждое его сочиненіе порознь. Вообще, изложеніе всего Чешскаго религіознаго движенія въ Чехіи до 1517 сдѣлано чрезвычайно хорошо Шрекомъ, хотя и онъ внесъ въ свою исторію мнимое вліяніе Виклефа на Гуса и нѣкоторыя иные сомнительныя данныя; впрочемъ, во всякомъ случаѣ Шрекъ прекрасно опредѣлилъ отношеніе Гуса къ Католической Церкви и критически разсмотрѣлъ его ученіе и жизнь. 3) Lehrbuch der Kirchengeschichte, von J. C.L. *Gieseler* (Professor d. Theologie an d. Rheinuniversität.). Bonn. 1827—1840. Этого сочиненія доселѣ (сколько мнѣ извѣстно) вышло 3 тома, изъ которыхъ первые два состоятъ изъ двухъ отдѣленій (Abtheilung), а третьяго вышло, покудова, еще только первое отдѣленіе, въ которомъ событія Церковной исторіи доведены до 1648 года. Самый разсказъ событій не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго: въ первыхъ двухъ томахъ онъ такъ кратокъ, что содержитъ въ себѣ только перечень главнѣйшихъ происшествій съ означеніемъ времени, когда они случились; въ третьемъ томѣ до 1517 года разсказъ Гизелера становится подробнѣе и потому важнѣе. Но главное неотъемлемое достоинство первыхъ двухъ томовъ Гизелера заключается въ выпискахъ изъ подлинныхъ документовъ и современныхъ сочиненій, по большей части недоступныхъ простымъ изслѣдователямъ, выпискахъ, сдѣланныхъ съ удивительнымъ знаніемъ дѣла; каждая выписка такъ важна, что безъ нея не возможно имѣть яснаго понятія о событіи, или лицѣ дѣйствовавшемъ: пустыхъ выписокъ вовсе нѣтъ. Превосход-

ные матеріалы въ выпискахъ своихъ представилъ Гизелеръ относительно чрезвычайно запутанной секты ересей Манихейскихъ и Вальденсовъ, а мы ниже увидимъ ту важность, какую имѣютъ Вальденсы въ исторіи Чехіи. Не менѣе полезныхъ свѣдѣній сообщаетъ Гизелеръ относительно, такъ называемыхъ, предшественниковъ Гуса въ Чехіи, потомъ относительно самаго Гуса. Прекрасно прослѣдилъ онъ, по источникамъ, развитіе религіозныхъ мнѣній въ Чехіи до 1517 года; менѣе важности имѣетъ то, что онъ говоритъ въ третьемъ томѣ о религіозной исторіи Чехіи послѣ 1517 года. 4) Kirchengeschichte, von B. *Hase*. Leipzig. 1837. Въ ней находимъ отчетливое и живое, хотя въ немногихъ словахъ, изображеніе Чешскаго религіознаго движенія; но главное право этой книги на упоминаніе здѣсь — это прекрасное изложеніе литературы книгъ, къ нашему вопросу относящихся.

Вотъ главнѣйшія сочиненія, съ которыми мы совѣтовались при изложеніи исторіи религіозной Чешской борьбы до и послѣ Гуса. Въ наше разсмотрѣніе источниковъ и пособій, ради краткости, не вошли многія сочиненія, менѣе важныя, которыми мы пользовались (сюда относятся труды Бальбина, Спитлера, Вариньяса и мн. др.); мы ихъ поименуемъ въ началѣ той главы нашего изслѣдованія, къ которой они особенно относятся. Не считаемъ излишнимъ замѣтить, что, дабы безъ пользы не умножать примѣчаній и ссылокъ, мы предъ каждою главою укажемъ на заглавія и мѣста сочиненій, которыя вошли въ ея составъ; чрезъ это мы будемъ имѣть возможность дать большій объемъ тексту.

Множество сочиненій, которыми мы пользовались, по видимому, оставляетъ намъ только легкій трудъ извлекать то, что намъ покажется важнымъ: матеріаловъ много; кажется, остается только воспользоваться ими. И дѣйствительно, у насъ въ головѣ накопилось множество фактовъ, но значитъ ли это разумно изложить исторію религіознаго Чешскаго движенія, если мы сообщимъ ихъ одинъ за другимъ? Ставить главную цѣль изслѣдованія нашего въ томъ, чтобы собрать отовсюду, какъ можно болѣе данныхъ, мы не думаемъ; главное намѣреніе наше — представить *смыслъ* великой *Чешской религіозной борьбы*, показать, какъ въ Чешскомъ народѣ высшія идеи духовной свободы зрѣли и развивались; какія измѣненія, въ слѣдствіе перемѣны народнаго характера, претерпѣвали онѣ; какіе дѣятели и въ какой степени

воплощали въ себѣ духовныя потребности Чешскаго народа; однимъ словомъ, показать значеніе всей Чешской религіозной борьбы отъ первыхъ ея началъ до несчастной Бѣлогорской битвы. Отсюда, для насъ особенно важны будутъ тѣ только событія, въ которыхъ выражается религіозное развитіе Чешскаго народа, тѣ только дѣятели, изучая которыхъ мы смѣло можемъ быть увѣрены, что изучаемъ представителей этого развитія. Гусъ, вполнѣ воплотившій въ себѣ духовныя потребности Чешскаго народа, будетъ главнымъ предметомъ нашего изслѣдованія: въ немъ-то выражается преимущественно характеръ Чешской религіозной борьбы вполнѣ. Однимъ словомъ, мы постараемся, сколько станетъ на то нашихъ силъ и средствъ, чтобы наше предлежащее изслѣдованіе не понапрасну носило названіе Исторіи религіознаго движенія въ Чехахъ, а представило бы духовный смыслъ борьбы, не одни только ея внѣшнія явленія.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

КНИГА ПЯТАЯ

ОПИСАНІЯ НОВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ,

ПОВѢСТВУЮЩАЯ О ПЕРСИДСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ И ОБЪ ЕГО ОБИТАТЕЛЯХЪ.

ГЛАВА I.

О Персидскомъ Царствѣ вообще.

Царство Персидское, получившее имя свое отъ одного Греческаго героя, Персея, издревле было въ высшей степени знаменитымъ и славнымъ Государствомъ и Монархіею, такъ что, какъ свѣдѣтельствуетъ Брисонъ (De regio Persarum principatu. Paris. 1606, lib. 1, pag. 2), въ цѣломъ свѣтѣ не было ни одного Государства, которое превосходило бы его въ силѣ и величіи. По этому-то и правители его назывались великими Царями, и даже Царями всѣхъ Царей, какъ это читаемъ мы у Платона (De legib. Dial. 3, pag. 783; Platonis opera. Lugd., 1590), Страбона (lib. 15, pag. 502, 1587), у Светонія (in Caligula § 5. Lugd., 1547), а также и въ 1-й книгѣ Есеирь (Esther, гл. 3, ст. 12). Монархія эта простиралась далеко и широко въ своихъ предѣлахъ, содержала подъ своимъ владычествомъ весьма много областей, богатыхъ народонаселеніемъ, что, между прочимъ, можно видѣть и изъ несмѣтнаго войска и воинскихъ снарядовъ, съ которымъ Царь Дарій ходилъ войною противъ Александра, и свѣдѣнія о которыхъ сообщаетъ Кв. Курцій (lib. 3, cap. 2. Coloniae Agrippinae, 1628).

Въ такомъ цвѣтущемъ состояніи и благоденствіи находилась эта, именно 2-я, Монархія, начатая Киромъ и существовавшая 230 лѣтъ, и при Царѣ Даріи, передъ послѣднимъ сраженіемъ при Арбеллахъ; но вскорѣ за тѣмъ, вмѣстѣ съ симъ Царемъ, стала клониться къ упадку, и наконецъ совершенно пала.

Съ теченіемъ времени Персія была весьма ослаблена войнами, какъ туземныхъ, такъ и иноземныхъ, Государей, иногда же была совершенно порабощаема и низводима въ тяжелое рабство, даже до того, что жители ея, Персіяне, при покореніи ихъ Арабами (въ 632 г.), принуждены были отречься отъ своего имени и называться не Персами, но Сарацинами, какъ повѣствуетъ о томъ Ботеръ (Boterus), въ своей «Politia Regia» (Marpurgi, 1620), на стр. 146. Иногда же Персіяне снова усиливались и пріобрѣтали опять своихъ собственныхъ Царей, которые опять расширяли предѣлы своего Царства и свое владычество.

Какъ далеко и широко простиралось Царство это въ древности, о томъ находимъ мы свѣдѣнія у древнихъ писателей. Особенно повѣствуютъ объ этомъ Страбонъ, въ помянутой сейчасъ 15 книгѣ, и Бизаръ (Bizarus), въ «Historia rerum Persicarum» (Francofurti, 1601), книга 1, страницы 2 и 3; послѣдній заимствуетъ свои свѣдѣнія у Армянскаго географа, Гайтона (Haithon). Что касается до положенія Персіи въ настоящее время и до названія ея областей, то хотя объ этомъ и можно найти свѣдѣнія у новыхъ географовъ, но они частію слѣдуютъ древнимъ писателемъ (какъ, наприм., въособенности, Марій Нигеръ (Marius Niger), въ своей географіи (Basiliæ, 1557), въ заглавіи которой значится, впрочемъ: «Loca ut nostro tempore sunt sita et denominata,» и смѣло выписываютъ изъ нихъ, частію же даютъ областямъ и городамъ невѣрныя и странныя названія, въ слѣдствіе чего тѣмъ же грѣшатъ и обыкновенныя Персидскія карты, находящіяся въ большомъ Атласѣ, кромѣ того, что въ нихъ невѣрно опредѣлены долгота и широта мѣстъ. Я не видалъ еще ни одной изъ этихъ картъ, которая бы, относительно Персидскихъ областей, подходила къ истинѣ ближе Французскихъ географическихъ таблицъ Самсона де Аббевиля (Samsons de Abbeville), вышедшихъ недавно на большомъ листѣ и вырѣзанныхъ на мѣди. Но изъ этихъ переведенныя

на Латинскій языкъ тоже не выдерживаютъ критики и сбиваются на древніе образцы.

Я изложу здѣсь и назову этѣ области такъ, какъ онѣ въ настоящее время, по свѣдѣніямъ и описанію теперешнихъ Персовъ, называются, по ихъ собственному произношенію, на сколько оно можетъ быть передано въ Нѣмецкомъ выговорѣ.

Извѣстно, что такъ какъ Персія и Парѳія, хотя онѣ были совершенно разныя Государства, но по тому, что Парѳяне часто находились внутри Персіи и описывались подъ однимъ именемъ, именно подъ именемъ Персіи, то въ слѣдствіе этого и вокругъ лежавшіе подвластные имъ края и области считались какъ бы членами Персидскаго Царства. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ настоящее время, и такимъ образомъ къ Персидскому Государству принадлежитъ все, что отъ сѣвера къ югу лежитъ между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, или Sinu Persico; съ востока же на западъ, между Евфратомъ и границами Кандагара (Candahar). Оно простирается даже по западной сторонѣ Каспійскаго моря до половины его, вверхъ до Арменскихъ горъ; на западъ же до самой рѣки Ruth-Chane-kurkahn (въ древности Оксъ, Oxus, называвшейся), въ сѣверной части которой обитаютъ Узбеки или Бухарскіе Татары, которые суть также отчасти данники Царя Персидскаго.

При этомъ Іоаннъ Ботеръ впадаетъ въ ошибку, говоря, въ своей «Politia Regia,» что Персидское Государство отъ полуночи къ полудню имѣетъ протяженіе 18 градусовъ по равноденственному, тогда какъ собственно оно имѣетъ его едва 12 градусовъ. Если возмемъ только самые крайніе предѣлы, или мѣста, находящіяся на двухъ, лежащихъ другъ противъ друга, моряхъ, именно: на Каспійскомъ морѣ и Персидскомъ заливѣ, не только такъ, какъ я обозначилъ ихъ на моей картѣ Персіи, но и какъ полагаютъ ихъ сами Арабы и Персы, и какъ старательный и ученый мужъ, Г. Іоаннъ Граве означалъ ихъ въ изданіи своемъ, напечатанномъ недавно въ Англіи (Elementa linguæ Persicae. Londini, 1649), то найдемъ, что городъ Гусумъ (Husum) (который туземцы называютъ Рештъ, Reschi, и который лежитъ только въ 2-хъ малыхъ

миляхъ отъ Каспійскаго моря), находится подъ 37, а Ормусъ (Ormus) въ Персидскомъ заливѣ подъ 25. По сему объемъ этой широты будетъ не болѣе 12 по равноденственнику. Длину же я полагаю согласно съ мнѣніемъ Ботера, что она простирается болѣе 20 градусовъ, хотя 1 градусъ долготы подъ 33 градусомъ широты, гдѣ находится средина Персіи, содержитъ въ себѣ едва 50' минутъ.

ГЛАВА II.

О разныхъ краяхъ и областяхъ, входящихъ въ составъ Персидскаго Царства. Въ особенности же объ Эракѣ, Фарсѣ, Ширванѣ, Иранѣ и Адирбейджанѣ.

Славнѣйшія области въ Персіи суть слѣдующія, начиная съ главнѣйшихъ изъ нихъ:

عراق	Erak,	Эракъ.
فارس	Fars,	Фарсъ.
شروان	Schirwan,	Ширванъ.
كيلدن	Kilan,	Киланъ.
ادربيجان	Adirbeitzan,	Адирбейджанъ.
طبرستان	Thabristan, vel Mesanderan,	Табристанъ, или Масандеранъ.
ايران	Iran, vel Karabach,	Иранъ, или Карабахъ.
حراسان	Chorasan,	Хорасанъ.
زبلستان	Sablustan,	Саблустанъ.
سجستان	Sitzestan,	Сиджестанъ.
كيرمان	Kirman,	Кирманъ.
خوزستان	Chusistan,	Хусистанъ.
جزيره	Tzisire,	Джисире.
ديار بكر	Diarbek,	Діарбекъ.

Ерак.

Имя Ерак (Erak) присвоивается двумъ различнымъ областямъ, а именно той, въ которой находится Багдадъ или Вавилонъ, бывшая Ассирія, и нѣкоторые пишутъ ее также Еракайнъ (Erakain): эта область сюда не относится. Другой Ерак (Erak) лежитъ среди страны, граница съ Фарсомъ (Fars) или Персіей, въ отличіе отъ перваго называется онъ Ерак Аджемъ (Erak atzem), и есть то, что въ древности была Парѳія (Parthia). Этой области вовсе не придается названіе Харасенъ (Charassen), какъ значится это въ «Archontologia.» Хуаресмъ же (Chuaresm) есть совсѣмъ другая область, которая простирается по восточному берегу Каспійскаго моря и принадлежитъ Узбецкимъ Татарамъ.

Важнѣйшіе города въ этой Персіи суть: Исфаганъ (Isfahan), который Бизаръ называетъ Спага (Spaha), а другіе Спаа (Spaa), и Аспаханъ (Aspachan), въ древности же назывался Гекатомпиле (Hecatompile), отъ сотни воротъ, которыя онъ имѣлъ по причинѣ своей громадности. Теперь это есть столичный городъ Персидскихъ Царей, и скоро я буду говорить еще о немъ подробнѣе.

Касвинъ (Kaswin), Солтаніе (Solthaniæ), были также мѣстопребываніе Царя; Сенканъ (Senkan), Кашанъ (Kaschan), Эббегеръ, (Ebbeher), Савва (Sawa), Рей (Rhey), Гемеданъ (Hemedan), Комъ (Kom), Шагеррисуръ (Schahertisur), Деркасинъ (Dercasin), Тегеранъ (Theheran), и Кульпаянъ (Kulpajan), въ которомъ дѣлаются лучшіе луки. Кромѣ того въ этой области есть еще множествомалыхъ городовъ, городковъ и селеній.

Фарсъ.

Область эту Іоаннъ де Лаэтъ (Johannes de Laet), въ своемъ «Описаніи Персіи» (in descriptione Persiæ), несправедливо пишетъ Parc и Farc; она-то собственно называется Персіей, а не Парѳіей, какъ думаетъ Граве, въ «Tabulis Geographiæ Persarum,» и главный городъ въ ней былъ Персеполь (Persepolis), славный своимъ паденіемъ (причиною котораго была непотребная женщина, Таисъ, Thais). Изъ оставшихся камней этого города выстроенъ потомъ

городъ Ширасъ (Schiras), который и теперь еще находится въ цвѣтущемъ состояніи. Этотъ послѣдній городъ весело стоитъ въ горахъ и виноградникахъ при рѣкѣ Бендемирѣ (Bendemir), у Курція Араксомъ именуемой. По своимъ превосходнымъ виноградникамъ, кисти котораго висятъ словно бѣлые, красивые мѣшки, онъ славится во всемъ Царствѣ. Выдѣлываемое здѣсь изъ этѣхъ виноградниковъ вино составляетъ лучшій напитокъ Шаха и знатныхъ Вельможъ, и оно развозится отсюда по всей странѣ. Вино это въ самомъ Ширасѣ довольно дорого, и кружка его стоитъ тамъ, на Нѣмецкія деньги, половину рейхсталера, какъ свѣдѣтельствуетъ объ этомъ Фонъ Мандельсло, бывшій мой товарищъ по путешествію, проѣзжавшій черезъ Ширасъ. Кромѣ винограда тамъ множество и другихъ всякаго рода прекрасныхъ садовыхъ плодовъ. Въ этой области кромѣ того находятся еще 4 слѣдующіе большіе города: Касирунъ (Kasirun), Буниджанъ (Bunitzan), Фирусабатъ (Firusabath) и Астаръ (Astar). Къ этой же области причислена и страна Лагоръ (Lahor), съ городомъ того же имени.

Ширванъ.

Область Ширванъ (Schirwan), именуемая Европейцами обыкновенно Серванъ (Servan), въ древностии азывалась Media Atropatia, но не Hircania, какъ пишетъ Англичанинъ Антонъ Дженкинсонъ (Anton Jenkinsonius), въ своемъ «Itinerario.» Это была сѣверная часть Мидіи, и по тому мы нашли справедливымъ, что писалъ о ней Геродотъ, въ 1 книгѣ, на стр. 47: «Media valde montosa est et edita ac nemoribus frequens, reliqua vero tota admodum plana;» и Страбонъ въ 11 книгѣ, на стр. 361: «Media magna sui parte sublimis et frigida,» т. е., что она лежитъ высоко и очень холодна; о чемъ я сообщилъ уже подробное свѣдѣніе выше, говоря о пути изъ Мидіи въ Моганъ. Главный городъ въ этой области есть Шемаха (Schamachie), а не Сумахія (Sumachia), какъ пишутъ его многіе, и лежитъ онъ за Дербентомъ на сѣверѣ, о чемъ я также говорилъ уже выше. За тѣмъ

Городъ Баку (Bakuje), лежитъ на горѣ у моря, отъ чего и самое море у нѣкоторыхъ писателей получило имя: «Бакуйское море» (Mare de Baku). Городъ этотъ ведетъ значительную торговлю.

Дербентъ (Derbent), который, находясь въ узкомъ проходѣ, составляетъ одни изъ воротъ Каспійскаго моря. Это городъ, который Александръ Великій выстроилъ для покоя своимъ старымъ, отслужившимъ ему, Македонянамъ, и который назвалъ онъ своимъ именемъ Александрія (Alexandria), какъ свѣдѣтельствуетъ о томъ Кв. Курцій, въ 7 книгѣ, въ концѣ 3 главы. По этому и нынѣ еще жители его одну часть города называютъ «Греческимъ городомъ» (Schaher Junan).

Шабранъ (Schabran), чистенькій городокъ въ области Мискуръ (Miskûr), гдѣ мы пристали къ берегу; лежитъ недалеко отъ моря.

Эресъ или Арасъ (Eres, Aras), о которомъ упоминалось уже нѣсколько разъ, городъ опустошенный и теперь не болѣе, какъ голое мѣсто, находящееся при рѣкѣ Арасѣ, называемой нынѣ Арисбаръ (Arisbâr).

Иранъ или Карабахъ.

Иранъ (Iran), который большинство, особенно простые люди, называютъ Карабахъ (Karabach), есть область, лежащая между двумя благородными рѣками, Араксомъ и Куромъ (Araxes, Cyrus), нынѣ Aras и Kûr называемыхъ, и заключающая въ себѣ часть Арменіи, которую жители называютъ Арминія (Arminieh), и Грузія, которую они называютъ Гурджъ (Gurtz): это весьма плодородная и богатая страна, особенно шелкомъ, и раздѣляется на нѣсколько малыхъ краевъ, изъ коихъ важнѣйшіе суть:

Каппанъ (Kappan), Циціанъ (Sisian), Эрванъ (Eruan) или Ирванъ (Iruan), Ахстава (Achstawa), Саршатъ (Sarschat), Туманисъ (Thumanis), Джульфа (Tzulfa), Кештасъ (Keschtas), Аберанъ (Aberan), Индже (Intze), Альгетъ (Alget), Шабусъ (Schabus), Сарсебиль (Sarsebil), Керхбулахъ (Kerchbulach), Шёргель (Schörgel), Табакъ-Мелекъ (Tabak-melec), Вцильдеръ (Vzilder).

Въ этѣхъ областяхъ находятся многіе красивые города, городки и крѣпости; извѣстнѣйшія изъ нихъ: Берде (Berde), Берку-

шатъ (Berkuschat), Маку (Maku), Билаганъ (Bilagan), Нахчуанъ (Nachtschuan), Магасбуртъ (Magasburt), Шемкуръ (Schemkur), Ордебатъ (Ordebat), Тифлисъ (Tiflis), Кендже (Kentze), Баесидъ (Bajesied), Джилдеръ (Tzilder).

Я пріобрѣлъ отъ Персовъ изображеніе этой Карабахской, области, вмѣстѣ съ описаніемъ того, что есть замѣчательнаго въ той, или другой, крѣпости, такъ какъ онѣ лежатъ на Турецкой границѣ и часто подвергаются нападеніямъ. Но чтобы привести все это сдѣсь, я долженъ бы былъ войти въ довольно пространныя описанія; по этому я помѣщу ихъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ, рядомъ съ описаніемъ нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, которые я, по извѣстнымъ причинамъ, не могъ помѣстить въ этомъ изданіи, но постараюсь скоро, съ Божіей помощію, сообщить въ общую извѣстность.

Адирбейджанъ.

Область Адирбейджанъ (Adirbeitzan), которую иные изъ нашихъ также довольно странно переиначиваютъ, занимаетъ южную часть Мидіи, и, слѣдовательно, она была когда-то Великая Мидія (Media major). Нубіецъ (Nubiensis), въ своей Географіи, полагаетъ, что въ древности область эта составляла сѣверную часть Ассиріи, каковому заключенію даетъ поводъ самая страна; ибо она граничитъ съ Курдестаномъ (Curdestan), который былъ прежде Ассиріей. Съ другихъ сторонъ она отдѣляется Могайскою степью отъ Ширвана и рѣкою Арасомъ отъ Карабаха, а на восточной сторонѣ сосѣдями имѣетъ Гилянцевъ.

Область эта полна горъ и заключаетъ въ себѣ много другихъ малыхъ краевъ, каковы: Эршекъ (Erschek), Халхалъ (Chalchal), Мешкинъ (Meschkin), Тарумать (Tharumat), Кермерутъ (Kermeruth), Сульдусъ (Suldus), Серабъ (Scrab), Уджанъ (Utzan), и проч.

Сдѣсь города: Ардебиль (Ardebil), мѣсто рожденія Шихъ-Софи, основателя Персидской секты, городъ, въ которомъ онъ имѣлъ свое пребываніе и въ которомъ онъ погребенъ, рядомъ со

многими другими Царями. Выше было уже подробно говорено объ этомъ городѣ.

Табрисъ (Tabris), Европейцами Таврисъ (Tauris) называемый, и по нынѣ еще у Персовъ удержалъ имя, данное ему Птоломеемъ Ταβρὶς. Нѣкоторые считаютъ его принадлежащимъ Великой Арменіи, съ которою граничитъ Адирбейджанъ. Нѣкогда онъ былъ славнымъ городомъ Экбатаной (Ekbatana), и въ прошломъ еще столѣтіи былъ столицею Царя Персидскаго.

За тѣмъ также довольно большіе города:

Мерраге (Merrage), Карніарухъ (Karniaruch), Салмасъ (Salmas), Тесу (Thesu), Хой (Choi), Тель (Thel), Міане (Miane), и Джейстеръ (Tzeuster).

Джорсъ (Tzors) и Урумн (Urumi)—превосходныя крѣпости; близъ послѣдней изъ нихъ показываютъ гробъ Бурле (Burle), жены Царя Касана (Kasan), длиною въ 40 футовъ.

ГЛАВА III.

О Киланѣ и о Карибъ-Шахѣ.

Область Киланъ (Kilan), Гилянъ, получившая имя свое отъ особаго народа Килекъ (Kilek), жившаго тамъ, въ древности называлась Гирканія (Hircania), и лежитъ прямо у Каспійскаго моря, по описанію Кв. Курція, какъ бы полумѣсяцемъ окруженная высокими горами, поросшими кустарникомъ, имѣетъ весьма жирную и плодородную почву, орошаемую многими, вытекающими изъ горъ, рѣками, которыя большею частію весьма богаты рыбою.

«Natura (говоритъ Курцій lib. 6, cap. 6.) difficilis aditu, perpetua vallis jacet, usque ad mare Caspium patens, duo terrae ejus velut brachia excurrunt: media flexu modico sinum faciunt lunae maxi-

me similem, cum eminent cornua nondum totum orbem sidere implente.» Также: «pingue vallis solum rigantibus aquis, quae ex petris eminentibus manant.»

Но это, впрочемъ, не уполномочивало Радера (Raderus), утверждать, что Курцій хотѣлъ сдѣсь описать ворота Каспія (portas Caspiae).

Область эта дѣлится на нѣсколько малыхъ краевъ. Персы причисляютъ теперь сюда и сосѣднюю страну Табрустанъ (Thabrustahn) или Масандеранъ (Masanderan), и въ Царской Канцеляріи означаютъ эту страну названіемъ Daralmers دارالمرز, какъ пишутъ они, хотя въ древности это была особая область, жители которой, во времена Александра, по свѣдѣтельству Курція (lib. 6, c. 9) назывались Марды (Mardi).

Станы (Tractus) и края, исчисляя ихъ отъ сѣвера внизъ, суть слѣдующія:

Кизильагачъ (Kisilagatsch), Машиханъ (Maschichan), Булади (Buladi), Килекеранъ (Kibekeran), Дисекеранъ (Disekeran), Рикъ (Rihk), Лагеджанъ (Lahetzan), Дештевендъ (Deschtewend), Ленжеркунанъ (Lengerkunan), Шихкеранъ (Schichheran), Гове (Howe), Лисаръ (Lissar), Кескеръ (Kesker), Масандеранъ (Masanderan), Маранку (Maranku), Астара (Astara), Нёкеранъ (Nökeran), Лемуръ (Lemur), Джейландань (Tzeulandan), Рештъ (Rescht), Астарабатъ) Astarabath).

Во всей Киланской странѣ Персы считаютъ 46 городовъ и городковъ, и кромѣ того множество селеній. Главнѣйшіе города суть:

Въ Астрабатѣ: Астрабатъ (Astrabath), главный городъ. Фируску (Firusca), гдѣ находятся прекрасные бирюзовые камни.

Въ Масандеранѣ: Амюль (Amül), Тюнкабюнъ (Tünkabün), Ней (Nei), Сару (Saru), Нуркеджуръ (Nurketzur), и прекрасный, веселый городъ Ферабатъ (Ferabat), который прежде назывался Тагона (Tabonà), но который Шахъ-Абасъ (часто, особенно въ зимнее время, проживавшій и наконецъ даже умершій тамъ), съ громадными издержками и множествомъ народа, приведеннаго туда изъ

Карабаха, отстроенъ трудами и потомъ этого народа, и далъ ему сказанное имя Ferabat, отъ слова ferah, فراخ, что значитъ веселый.

И вся страна эта чрезвычайно пріятная и веселая. Іоаннъ (Johannes) de Persia оказываетъ этой странѣ большую несправедливость, говоря, что въ Масандеранѣ, по причинѣ горъ, такая сильная стужа, что овощи созрѣваютъ тамъ весьма рѣдко. Это замѣчаніе можетъ быть отнесено или только къ мѣстностямъ на горахъ и въ горахъ выше Масандерана, или же и совсѣмъ не имѣетъ сдѣсь мѣста; ибо всѣ Персіяне единогласно утверждаютъ, что въ цѣлой Персіи нигдѣ нѣтъ болѣе умѣреннаго климата, какъ въ Масандеранѣ, и по тому тамъ собираются самые лучшіе плоды, и почва его никогда ни зимою, ни лѣтомъ, не снимаетъ, такъ сказать, своей зеленой, всевозможными цвѣтами украшенной, одежды. Это явствуетъ и изъ слѣдующаго глубокомысленнаго Персидскаго стихотворца, Гакима Фирдуси (Hakim Firdausi):

چو مازندران جو کلنحنده زار
نکوم نسرد همیشه نهار

Tschu Masanderan, tschu kulchende sar?
Nikerem we nesert, henische besar.

То есть: «Что такое Масандеранъ? То же, что и долина розъ: ни слишкомъ жарко, ни холодно, вѣчная въ немъ весна!

Въ Лагеджанѣ (Lahetzan), гдѣ выдѣлывается лучшій шелкъ, города суть: Ленкеру (Lenkeru), Куджесбаръ (Kutzesbar), и Амелекенде (Amelekende).

Въ Рештѣ (Rescht) города: Рештъ, главный городъ; Кисма (Kisma), Фуменъ (Fumen), Тулумъ (Tullum), Шефтъ (Schefft), Дилумъ (Dilum) и Масула (Massula), на горѣ, гдѣ находятся желѣзные рудники и заводы. Жители сдѣшніе большею частію кузнецы, которые дѣлаютъ всякаго рода желѣзные снаряды и вещи, комми и снабжаютъ эту и вокругъ лежащія страны. Въ этой же странѣ, на протяженіи 20 миль, растутъ большею частію Волошскія (Грецкія) орѣховыя деревья, изъ которыхъ туземцы выдѣлываютъ всю свою деревянную посуду и орудія.

Въ Кескерѣ (Kesker) города: Кескеръ, Шагеррутъ (Schaherruth), Курабъ (Kurab), Энсели (Enseli), Дулабъ (Dulab), Шаль (Schal).

За тѣмъ, подымаясь къ сѣверу, лежатъ: Рюсеру (Ruesseru), Міаншакеръ (Mianschaker), Сенжергасара (Sengerhasara), Гове (Howe), Хошкадегене (Choschkadehene), Ленкеранъ (Lenkeran), и Кизильагачъ (Kisilagatz).

Въ этой странѣ лежитъ и гора Шинданъ (Shindan), на которой находится вольное селеніе Шахъ-Сагаданъ (Schah Sahadan); ибо тамъ жилъ и погребенъ одинъ изъ бывшихъ учителей Шиха Сефи, именни Сагадъ (Sahad). Какіе плоды еще произрастаютъ собственно въ этой области и краяхъ, и какою промышленностію занимается большинство сдѣшнихъ жителей, обо всемъ этомъ скажу я еще ниже, при описаніи проѣзда нашего черезъ этѣ мѣста.

Такъ какъ Киланъ, какъ сказано, окруженъ высокими, нависшими одна надъ другой, скалистыми горами, то въ него существуетъ только 4 дороги и узкихъ прохода. 1-й съ сѣвера изъ Макана, черезъ Ленкеркунанъ (Lenkerkunahn), 2-й съ юго-запада, черезъ Pyle Rubar; 3-й и 4-й съ юга, черезъ Масандеранъ, при Ферабатѣ, и черезъ Хорасанъ, при Астарабатѣ.

Эней Сильвій (Aeneas Sylvius) пишетъ: «De portis Caspiis multa memoria est, nemo tamen satis explicat, ubi terrarum existent.» Много говорится о Каспійскихъ воротахъ, но никто не сказываетъ, гдѣ именно находятся они. Смотри объ этомъ Blancard in Curt. pag. 502.

По моему мнѣнію, названные сейчасъ проходы и суть настоящіе ворота Каспія, Portae Caspiae, о которыхъ упоминаютъ Птоломей, Плиній, Страбонъ, а заимствуя изъ сихъ, и Солинъ (Solinus), или, по крайней мѣрѣ, они могутъ быть названы такимъ образомъ; ибо проходы этѣ изъ Персидскаго Царства къ Каспійскому морю идутъ словно узкія ворота. Въ нихъ не только двѣ лошади, или два верблюда, рядомъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

тамъ не могутъ проходить безъ опасности эти животныя и гуськомъ одно за другимъ, какъ это дознали мы сами, на обратномъ пути нашемъ, при Пиле Рубарѣ (Pyle Rubar) и Ленкеранѣ (Lenkeran). Сюда же можетъ быть причисленъ и лежащій также у Каспійскаго моря городъ Дербентъ, такъ какъ въ немъ также находится узкій проходъ изъ Татаріи въ Персію; нижняя часть этого города какъ бы выходитъ изъ моря, а другой конецъ его заканчивается въ горѣ; для того же, чтобы никто не могъ пройти черезъ гору, отъ города черезъ эту гору, на цѣлыя 50 миль, (какъ сказываютъ Персы), проведена была довольно толстая каменная стѣна къ морю (Pontus), и только черезъ городъ оставлены были для прохода одни ворота. Самое имя Дербентъ также обозначаетъ это значеніе его, воротъ; ибо слово Der значитъ дверь или ворота, а Bende узелъ (band), или засовъ, затворъ. Если кто самъ обозритъ эту мѣстность и страну, то также скажетъ, что Дербентъ для тѣхъ, которые захотятъ сухимъ путемъ пройти оттуда въ Персію, есть единственная и довольно крѣпкая дверь, такъ что если запереть эту дверь, то ни собака, ни кошка (какъ выражаются Персы) не можетъ пройти въ Персію, какъ это нѣкоторымъ образомъ можно видѣть и изъ изображенія самаго города. [1] Но въ упомянутыхъ сейчасъ Pylis я не нашелъ того, что пишетъ Солинъ, заимствуя изъ Плинія: «Caspiae portae panduntur itinere manufacto longo 8 miliaribus passuum;» это былъ бы довольно длинный проходъ. Персидскія дороги хорошо извѣстны Персіянамъ, и отъ нихъ я не слышалъ ни чего подобнаго, а тѣмъ менѣе то, что разсказываетъ Радеръ (Raderus) въ своихъ «Praeludiis super Q. Curtium,» заимствуя изъ Меѳодія (Methodio), [2] будто бы Александръ заставилъ Іудеевъ, которыхъ Царь Салманасаръ вывелъ изъ Ассиріи въ Мидію (назадъ они уже не возвратились), пройти въ Каспійскія ворота, и своею молитвою къ Богу достигнулъ того, что гора замкнулась за Іудеями, такъ что послѣ этого ни къ нимъ нельзя уже было пройти, ни имъ выйти снова оттуда.

---

[1] Въ подлин. стр. 720—721. О. Б.

[2] Патарскаго. О. Б.

Киланъ, страна очень богатая, въ прежнее время имѣла даже своихъ собственныхъ Царей правда незначительныхъ, содержала ихъ, и нѣкоторые изъ потомковъ этѣхъ Царей существуютъ еще и по нынѣ, хотя теперь они не смѣютъ передъ другими хвалиться своимъ Царскимъ происхожденіемъ и ставить себя выше другихъ. Вообще Киланцы неспокойный и дерзкій народъ, особенно живущіе между Масандераномъ и Кескеромъ, которые, видя, что природа окружила ихъ, словно твердымъ валомъ, непроходимыми суровыми горами, и щедро надѣлила страну ихъ всякаго рода произведеніями, избытокъ которыхъ удѣляютъ они и другимъ областямъ, часто не очень-то уважаютъ Шаха Персидскаго.

Сдѣсь я долженъ упомянуть объ одномъ возмущеніи, происшедшемъ въ царствованіе уже теперешняго Шаха Сефи. Шахъ-Абасъ, не за долго до своей смерти, въ то время, когда Киланцы имѣли еще собственныхъ Государей, покорилъ ихъ своей власти. За тѣмъ, когда онъ умеръ и Киланцы услыхали, что Шахъ Сефи началъ свое правленіе множествомъ кровопролитій, они возмутились и выбрали себѣ своего собственнаго Царя, котораго Персіяне назвали Карибъ-Шахомъ (Karib-Schah). Царь этотъ происходилъ изъ племени одного древняго Киланскаго Царя въ Лагеджанѣ (Lahetzan), и родомъ былъ изъ селенія Лештеншахъ (Leschtenschah). Чтобы упрочить свое правленіе, Карибъ тотчасъ же поставилъ на ноги войско въ 14 тысячъ человѣкъ, и для снаряженія его всѣмъ необходимымъ, пошелъ на главный городъ Рештъ, завладѣлъ тамъ земскою и Царскою казною, сдѣлалъ то же и въ другихъ близъ лежавшихъ городахъ и поспѣшилъ скорѣе занять проходы. Между тѣмъ нѣкоторые изъ Киланскихъ Хановъ извѣстили о такомъ возстаніи Шаха Сефи, бывшаго тогда въ Касвинѣ. Шахъ тотчасъ же приказалъ Ханамъ: Астарскому, Сарухану, Кескерскому, Эмиръ Хану, Сейтерабатскому, Магумеду Хану Кохтюму, Хану степей Тунехабюнскихъ, Султану Коинлюгесару Масандеранскому Адаму Султану Георгіану (Georgianus) (Грузину), захватить Карибъ-Шаха со всею его силой и уничтожить. Названные Ханы поспѣшно снарядились, образовали 3 войска и съ двумя изъ нихъ пошли на Карибъ-Шаха, котораго и нашли между Рештомъ и Кескеромъ въ полномъ вооруженіи. Они тотчасъ

же напали на Кариба, но такъ какъ онъ имѣлъ болѣе выгодное положеніе, то онъ отбросилъ ихъ назадъ, и на этотъ разъ удержалъ поле за собою. Ободренные этимъ успѣхомъ, одолѣвшіе сдѣлались смѣлѣе и увѣреннѣе въ себѣ, подумали, что навели на непріятеля такой страхъ, что онъ не скоро еще воротится; и по тому расположились стоянками въ окрестныхъ селеніяхъ и городахъ, веселились въ нихъ, пировали и оставили Царя своего съ небольшимъ отрядомъ въ Кисмѣ и Фуменѣ (Kisma и Fumen). Ханы же, соединившись съ остальнымъ 3-мъ войскомъ (всего вмѣстѣ 40 тысячъ человѣкъ), двинулись вторично на Кариба, зашли на него съ правой и лѣвой сторонъ и разбили его на голову. Самъ Карибъ спрятался было въ Фуменѣ, въ саду, за шелковичнымъ деревомъ, называемымъ Туръ (Tur), но его увидалъ тамъ нѣкто Джебни (Tzebni), слуга Эмиръ-Хана, и узналъ его по красивой одеждѣ. Когда Джебни хотѣлъ схватить Карибъ-Шаха, то этотъ послѣдній сталъ просить его не выдавать его, а, напротивъ, помочь ему скрыться, обмѣнявшись съ нимъ одеждой, за что обѣщалъ наградить его множествомъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Джебни охотно пошелъ на сдѣлку; но когда поменялся платьемъ съ Карибъ-Шахомъ и навѣсилъ на себя его саблю, то сказалъ: «Ну, теперь я Царь, а ты Haramsade, т. е., пройдоха, выходика-ка теперь наружу!» При этомъ крикнулъ другимъ и Кариба схватили. Ему набили колодку (palenk) на шею и руки (по ихъ обыкновенію), одѣли въ богатое платье, посадили на осла и такимъ образомъ привезли къ Шаху Сефи. При въѣздѣ его къ Шаху Сефи ему предшествовали и сопровождали его, съ большими торжественными кликами, нѣсколько сотенъ непотребныхъ женщинъ.

Шахъ Сефи приказалъ подковать Кариба, по рукамъ и ногамъ, желѣзными подковами, словно лошадь, съ такою бранною къ нему рѣчью: «Ты привыкъ, пройдоха, въ Киланѣ ходить по тучной и мягкой почвѣ, и тебѣ сдѣшняя каменистая страна трудновата для ходьбы, по этому тебя и слѣдуетъ подковать!» Послѣ такихъ тридневныхъ истязаній, Карибъ-Шахъ выведенъ былъ на Майданъ, привязанъ тамъ къ верхушкѣ шеста, употребляемаго для стрѣльбы въ цѣль, и разстрѣлянъ стрѣлами и ружьями. Шахъ Сефи самъ сдѣлалъ въ него первый вы-

стрѣлъ и сказалъ: «Кто любитъ меня, Царя своего, тотъ сдѣлаетъ тоже!» Послѣ этого полетѣло нѣсколько тысячъ стрѣлъ въ Кариба, и черезъ полчаса все тѣло его было утыкано ими до того, что за ними не видать было и самаго трупа. Въ такомъ видѣ тѣло это провисѣло на шестѣ еще три дня, послѣ чего было сброшено съ шеста и погребено.

При одержаніи этой побѣды и усмиреніи возстанія мужественнѣе всѣхъ оказалъ себя Саруханъ, Князь Астарскій, за что и получилъ великую Царскую милость, какъ разсказывалъ намъ это онъ самъ.

Въ это время въ селеніи Лештеншѣ (Leschtenscha) проживалъ одинъ знатный купецъ, по имени Миръ-Муратъ (Myr-Murath), у котораго ходило въ морѣ 7 торговыхъ кораблей и богатство котораго считалось въ три тонны золота. Такъ какъ Карибъ-Шахъ былъ родомъ изъ сказаннаго селенія, Лештеншa, то въ слѣдствіе Киланскаго возстанія Миръ-Муратъ, за то, что не тотчасъ же донесъ о немъ Царю, впалъ у него въ большую немилость, что чуть было не былъ истребленъ со всѣмъ своимъ родомъ, если бъ только не выпросилъ ему помилованія у Царя Саруханъ, бывшій хорошимъ пріятелемъ Миръ-Мурату.

По усмиреніи возстанія, Киланцы, именно жившіе между Масандераномъ и Кескеромъ, всѣ были обезоружены, и ни кто изъ нихъ не смѣлъ имѣть у себя ни сабли, ни ружья, ни лука, ни стрѣлъ, ни даже ни какого секира (sekir) или луковаго кольца, которое употребляютъ Персіяне при натягиваніи лука и носятъ обыкновенно на большомъ пальцѣ. Они могли имѣть только эксенъ (Exen) и другія орудія, изогнутыя, словно коса, называемыя дасъ (Dâs) и употребляемыя при деревянныхъ подѣлкахъ и полевыхъ работахъ. Остальные Киланцы, отъ Кескера до Кизильагача, называемые Талишъ (Talisch), такъ какъ они все время пребывали вѣрными Царю и помогали низверженію Карибъ-Шаха, могли употреблять свои оружія, точно какъ и всѣ другіе Персіяне.

ГЛАВА IV.

Объ областяхъ Хорасанѣ, Саблустанѣ и Сиджестанѣ.

Хорасанъ.

Область Хорасанъ (Chorasan) граничитъ на востокѣ съ Масандераномъ и называлась нѣкогда Бактріаной (Bactriana), раздѣляется на нѣсколько малыхъ краевъ, изъ коихъ важнѣйшій Гери (Heri), въ которомъ извѣстенъ мнѣ только главный городъ Гератъ (Herât). Это страна весьма богатая, какъ по плодородію, такъ и по величинѣ своей, имѣетъ много большихъ, великолѣпныхъ городовъ, которымъ подобныхъ немного въ остальныхъ Персидскихъ областяхъ; въ нихъ изготовляются всякаго рода товары и производится значительная торговля. Важнѣйшій изъ всѣхъ городовъ сдѣсь есть большой городъ Мешедъ (Mesched), который въ Персидскихъ спискахъ земель и каталогѣ пишется Тусъ (Thus). Онъ хорошо украшенъ городскою каменною стѣною, башнями и другими зданіями. Въ немъ считаютъ до 200 башенъ, а Тейксера (Teixera) пишетъ даже о 300 башняхъ, которыя всѣ отстоятъ одна отъ другой на ружейный выстрѣлъ.

Сдѣсь покоится прахъ одного изъ 12-ти Персидскихъ Имамовъ или великихъ святыхъ, изъ рода Аали, по имени Имана Ризы (Iman Risa), и находится богатый мисаръ (Mesar) или гробница сего святаго, которая великолѣпіемъ постройки, доходами и богатствомъ, мало уступаетъ гробницѣ Шиха Софи въ Ардебилѣ. Въ этой гробницѣ совершаются такія же службы, обрядности и моленья, какъ и при гробницѣ Софи. Многіе Князья и знатные Вельможи этой страны также имѣютъ сдѣсь свои гробницы. Недалеко отъ Мешеда лежитъ городъ Нисабуръ (Nisabûr), у одной горы, изъ которой добываются самые красивые бирюзовые камни, составляющіе исключительное достояніе Шаха. Послѣ Мешеда Гератъ (Herât) есть найбольшій и пайкрасивѣйшіе городъ. Сдѣсь дѣлаются лучшіе ковры, и Индійцы ведутъ въ этотъ городѣ значительную торговлю. Путешествующіе изъ Испагани въ Кандагаръ должны проѣзжать черезъ этотъ городъ. Сдѣсь же задержаны были лошади у Индійскаго Посланника, о которомъ говорено было выше.

Шикгардусъ (Schikhardus) въ Тарифъ (in Tarich) полагаетъ, что сюда же прибыли нѣкогда и уведенные Израильтяне.

Тунъ (Thun), Табесъ-Килеки (Thabes kileki), Табесъ-Месинанъ (Thabes Messinan), суть также большіе города, въ которыхъ выдѣлываются и распродаются разные шелковые товары. Также: Себсеваръ (Sebsewar), Турфхисъ (Turfchis), Каинъ (Kain), Пушенджъ (Puschentz), Бадкисъ (Badkis), Меру (Meru), Мерверудъ (Merwerud), Джурджанъ (Tzurtzan), Фаріабъ (Fariab), Ашурканъ (Aschurkan), Бельхъ (Belch), Баміанъ (Bamian), Семканъ (Semkan), Талеканъ (Thalecan), Сусенъ (Susen), все это многолюдные и промышленные города, а при нѣкоторыхъ изъ нихъ собирается разнаго рода Манна (Manna).

Саблустанъ.

Область Саблустанъ (Sablustan) лежитъ далѣе на востокъ, и жители ея у Курція называются Паропамисцы (Paropamisadae), именно по весьма высокой, вокругъ лежащей, горѣ, составляющей часть Тавра (Taurus) и называемой Паропамизусъ (Paropamisus). Область эта окружена далѣе множествомъ лѣсовъ.

Горопій Беканъ (Goropius Becanus), въ своей книгѣ объ Индо-Скиѳахъ (Indoscythicis, pag. 476), въ противность мнѣнію всѣхъ Отцовъ, утверждаетъ, что сдѣсь-то, на горѣ, остановился ковчегъ Ноя. Въ этой области и нынѣ обитаетъ такой же суровый и жестокій народъ, какъ и во времена Александра, безъ всякаго образованія. Города въ ней: Бексабатъ (Beksabath), Меймене (Meimine), Асбе (Asbe), Бустъ (Bust), и Саренджъ (Sarentz).

Сиджистанъ.

Сиджистанъ (Sitzistan), который называютъ нѣкоторые Сижестанъ (Sigestan), Сажестанъ (Sagestan) и даже Систонъ (Siston), есть область, лежащая на югъ отъ Саблустана, и въ древнія времена въ ней находились Дранге (Drangae). Область эта также окружена сплошными горами, и она есть отечество храбраго богатыря Рустама (Rustam), котораго Персіяне не знаютъ какъ

достойно прославить за его геройскій духъ и храбрыя дѣянія, такъ что, если они хотятъ воздать кому либо великую похвалу за храбрость, то говорятъ: «Онъ подобенъ Рустаму.» Важнѣйшіе города въ этой области суть: Систанъ (Sistan), Халукъ (Chaluk), Кеджъ (Ketz)и проч.

ГЛАВА V.

О Кирманѣ, Ормусѣ и Діарбекѣ.

Кирманъ.

Кирманъ (Kirman) есть также большая область, лежащая между Фарси и Сиджестаномъ и простирающаяся внизъ до моря по строва Ормуса, отъ котораго береговая часть ея получила и свое имя. Хотя въ ней также находятся горы, однако есть и прекрасныя долины, богатыя произрастеніемъ всякаго рода цвѣтовъ и плодовъ, въ особенности же розъ, изъ которыхъ Персіяне искусно гонятъ воду, называемую у нихъ khül или gûl-Ab (можетъ быть и наше Guleb, означающее вообще прохладительный напитокъ, получило отсюда свое имя). Воды этой тамъ выдѣлывается такъ много, что множество ея вывозятъ въ другія мѣста и торгуютъ ею. Она привозится также и въ Испаганъ однимъ племенемъ, называемымъ Луръ (Lur), которое живетъ собственно въ Кирманѣ, но торговцы котораго, по своему промыслу, состоящему преимущественно въ продажѣ превосходнѣйшихъ ковровъ, проживаютъ въ Испагани. У людей этого племени головныя повязки или тулипанты (Tulipanten) длиннѣе, но уже, чѣмъ у другихъ Персовъ, и изъ повязокъ этѣхъ идутъ концы, висящіе внизъ. Между прочимъ цѣлебнымъ зельемъ, растущимъ въ странѣ Кирманъ, есть одно, составляющее хорошее средство противъ глистовъ. Персіяне называютъ его Дару Керманъ (Daru Kerman), названіемъ, которое можетъ быть толкуемо двояко, именно: средствомъ отъ глистовъ, и средствомъ изъ Кермана; ибо Керманъ не только есть названіе этой мѣстности, но означаетъ также и червь, глистъ. По этому двойному значенію одинъ Пер-

сидскій поэтъ сочинилъ и написалъ одно довольно забавное слѣдующее сказаніе:

Одинъ изъ могущественныхъ Царей Персидскихъ проѣзжалъ однажды по этой странѣ и услыхалъ позади себя голосъ, назвавшій его по имени. Когда же Царь оглянулся, то не видѣлъ ни чего, кромѣ полусгнившей уже, лежавшей на землѣ, мертвой головы. Догадавшись, что голосъ могъ исходить только изъ этой мертвой головы, онъ спросилъ: «Кто ты? и по чему ты знаешь мое имя?» Черепъ отвѣчалъ: «Знай, что нѣкогда и я былъ человѣкъ и, подобно тебѣ, носилъ вѣнецъ; я покорилъ многія земли и области; когда же достигъ до Кермана (Kerman) (т. е., червиваго, или глистоваго, vermiculos), и хотѣлъ тамъ сдѣлаться также Государемъ, то червь (глистъ, Kerman) одолѣлъ и пожралъ меня. По этому, прими къ свѣдѣнію этотъ примѣръ, и обдумай его на дальнѣйшую для себя пользу!»

Въ странѣ Кирманъ, вверху, на сѣверѣ, лежитъ большая, пустынная степь, внизу же, къ морю, въ ней находятся красивые города и удобная для обработыванія земля. Названія городовъ суть слѣдующія:

Берсиръ (Bersir), Бермасиръ (Bermasir), Бемъ (Bem), Хабисъ (Chabis), Джирефтъ (Tzirefft), Камронъ (Kamron) и Ормусъ (Ormus).

Камронъ (Kamron), лежащій у воротъ моря, называется иногда Бендеръ (Bender), а иногда и Бендеръ Камронъ (Bender Kamron), Ормусъ же, (Ormus), который Персіяне пишутъ Hörmûs, есть большой островъ въ Персидскомъ заливѣ, лежащій въ 3-хъ миляхъ отъ материка. Прежде онъ принадлежалъ Португальцамъ, которые вели на немъ значительную торговлю; но Шахъ-Абасъ снова отнялъ этотъ островъ у Португальцевъ и присоединилъ къ Персидскому Царству. Причины этого событія, и какъ оно совершилось, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ самой мѣстности острова, будутъ изложены въ описаніи путешествія въ Индію Іоанна Альбрехта Фонъ Мандельсло, которое, съ Божіею помощію, я скоро издамъ въ свѣтъ, и которое, надѣюсь, прочтется каждымъ съ удовольствіемъ. Къ этому описанію я и отсылаю благосклоннаго читателя.

Въ этой же полосѣ на востокъ лежитъ еще край Мекеранъ (Mekeran), который также подвластенъ Царю Персидскому и причисляется къ области Кирманъ. Извѣстные города сдѣсь суть: Тиръ (Tihr), Киджъ (Kitz), Халакъ (Chalak). Объ этомъ краѣ, такъ какъ онъ рѣдко посѣщается Персіянами, живущими въ Еракѣ, я не могъ получить ни какихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

Хусистанъ.

Хусистанъ (Chusistan), нѣкогда была Сузіана (Susiana), а также Еламъ (Elam), откуда и названіе Еламитовъ; область эта лежитъ между Фарсомъ и рѣкою Диджель (Ditzel), и въ ней находится обширный когда-то городъ Суза (Susa), упоминаемый въ 8-й книгѣ Даніила; сдѣсь Даніилъ имѣлъ видѣніе и предсказалъ паденіе Персидской и начало Греческой Монархій.

Этотъ городъ Суза называется теперь Десу (Desu). Въ немъ былъ и Царскій дворецъ Сусенъ (Susen), лежавшій при рѣкѣ Улай (Ulai), называемый у Плинія, въ 6-й книгѣ, главѣ 27-й, Eulaeus, въ которомъ Агасѳеръ, обладатель 127 странъ, имѣлъ свое жительство и давалъ великій пиръ. Кромѣ того въ Хусистанѣ есть еще нѣсколько многолюдныхъ и промышленныхъ городовъ, каковы: Агавасъ (Ahawas), Рамегёрмусъ (Ramehörmus), Шабуръ (Schabur), Аскеръ (Asker), и Арганъ (Arhan). Жители этѣхъ городовъ, на сѣверѣ которыхъ лежатъ горы, въ лѣтнее время, въ слѣдствіе невыносимыхъ жаровъ, обыкновенно уходятъ въ горы.

Джисиретъ.

Область Джисиретъ (Tzisireh) находится въ каталогѣ городовъ (in catalogo urbium), и подъ нею должно разумѣть Месопотамію, какъ упоминаетъ это и г. Яковъ Голій, въ своемъ Арабскомъ Лексиконѣ (Lexicon Latino-Arabicum. Lugduni, 1653). Область эта теперь обыкновенно называется Діарбекъ (Diarbek) и находится между двумя славными рѣками, Евфратомъ и Тигромъ, изъ которыхъ первая называется теперь по Турецки Морачу (Moratsu), а вторая Диджель (Ditzel). На обыкновенныхъ картахъ рѣка эта пишется Digel, но произносится Нѣмцами по ихъ выговору неправильно,

ибо буква g должна выговариваться сдѣсь по произношенію Французскому.

Страна эта невсегда находилась подъ владычествомъ Царя Персидскаго. На границахъ и внутри ея находится два главныхъ города (при Тигрѣ): Мосулъ (Mosul), называвшійся нѣкогда Ниневіей (Ninive), и Багдадъ (Bagdad), бывшій нѣкогда Вавилонъ (Babylon). За этѣ города между Персами и Турками велись часто великія и кровавыя войны, въ слѣдствіе которыхъ то тѣ, то другіе, народы дѣлались ихъ обладателями.

По списку Персидской земли Багдадъ записанъ собственно не въ области Діарбекѣ, а въ Эракайнѣ (Erakain), составляющей часть древней Ассиріи. Въ томъ же спискѣ значатся города: Васитъ (Wasith), Бесре (Besre), Куфа (Kufa), Медайнъ (Medain).

Нахожу нужнымъ сказать сдѣсь еще нѣсколько словъ о Багдадѣ. Онъ хотя построенъ изъ древняго Вавилона, но не на томъ же мѣстѣ. Вавилонъ лежалъ при рѣкѣ Евфратѣ, которая даже протекала черезъ городъ, какъ это видно у Страбона, изъ книги 15-й 508). Багдадъ же лежитъ при Тигрѣ. Обѣ этѣ рѣки сливаются вмѣстѣ нѣсколько миль ниже Багдада. Намъ разсказывалъ Персидскій Посолъ, который съ нами ѣхалъ изъ Персіи, а также и мой Hakwirdi, оба старые люди, хорошо знающіе положеніе Персіи, что Вавилоняне, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Багдадъ, такъ какъ это была низменная и веселая мѣстность, имѣли свои увеселительные сады и бесѣдки, какъ свѣдѣтельствуетъ это и самое имя Багдадъ; ибо Bag означаетъ садъ, а Багдадъ, мѣсто, гдѣ много садовъ. Когда Вавилонъ былъ разрушенъ, жители его совсѣмъ перебрались на житье въ сказанные сады, и выстроили тамъ городъ, такъ какъ онъ есть тамъ теперь. Вотъ и все о разныхъ областяхъ и важнѣйшихъ въ нихъ городахъ, состоящихъ теперь подъ властію Царя Персидскаго.

ГЛАВА VI.

О Царскомъ стольномъ городѣ Испагани и о томъ, что находится въ немъ и внѣ его.

Такъ какъ Испагань (Ispahan) есть теперь главный городъ въ цѣлой Персіи и составляетъ мѣстопребываніе Шаха, мы же пробыли въ немъ довольно долгое время и видѣли много достопримѣчательнаго, почти всю Персію, узнали также въ немъ и свойства этой страны, то я не лишнимъ считаю пространнѣе поговорить сдѣсь объ этомъ городѣ и написать о немъ особую главу, тѣмъ болѣе, что я не видалъ еще, чтобы кто либо изъ Европейцевъ сообщилъ о немъ обстоятельное и основательное свѣдѣніе.

Испагань не за долго до времени Тамерлана назывался Сипагань (Sipahan), частію по множеству жителей въ немъ, частію же по тому, что въ немъ собирались и приводились въ порядокъ войска въ тѣхъ случаяхъ, когда Персіяне задумывали ити войной противъ непріятеля. Ибо Сипганъ (Siphan) есть множественное число отъ Узбецкаго и Древне-Персидскаго слова Сипе (Sipae), которое также, какъ и Лескеръ (Lesker), означаетъ войско, рать, по чему и теперь еще военачальника Персіяне называютъ иногда Сипесаларъ (Sipesalar). Послѣ же Тамерлана слово это, перестановкой буквъ (per Methatesin literarum), перешло въ имя Испагань. Арабскій лѣтописецъ, Агмедъ-бинъ-Аребша (Ahmed bin Arebscha), описавшій «Военныя дѣянія Тамерлана» (Tamerlani res gestas), называетъ его Исбаганъ (Isbahan), съ буквою ب; нынѣшніе же Персы пишутъ его اسفهان Исфаганъ (Isfahan), отъ Арабскаго سن, которое также означаетъ aciem и seriem. Я же слышалъ самъ, что они безразлично говорятъ то Ispahan, то Isfahan. Высоту полюса я нашелъ сдѣсь также, какъ полагаютъ ее и Персіяне: 32°, 26′, долготу же 86°, 40′. Магнитная стрѣлка имѣетъ уклоненіе сдѣсь на 17° отъ сѣвера къ западу.

Городъ стоитъ на равномъ, гладкомъ полѣ, и только кругомъ, въ 3-хъ и 4-хъ миляхъ отъ города, виднѣются горы, а именно:

на югъ и юго-западъ гора Демавендъ (Demanend) и на сѣверо-востокъ къ Масандерану гора Ейлакъ-Перянъ (Jeilak Perjan). Вмѣстѣ съ предмѣстіями городъ имѣетъ въ окружности 8 миль, такъ что, если бъ кто захотѣлъ объѣхать его верхомъ въ одинъ день, то не долженъ зѣвать много по сторонамъ. Городскія стѣны плохи и выведены просто изъ земли, толщиною внизу въ 6 локтей, а вверху только въ 1 футъ, съ башнями, которыя однѣ собственно сложены изъ камня, высушеннаго только на солнцѣ. Ровъ кругомъ города совсѣмъ завалился, такъ что черезъ него, почти вездѣ, и зимою и лѣтомъ, можно перейти, не замочивъ ноги. Такимъ образомъ сказанныя городскія стѣны сдѣланы вовсе не изъ лѣсу, какъ это пишетъ Петръ Бизаръ (Petrus Bizarus lib. 12, p. 331), а за нимъ и другіе писатели. Одинъ только замокъ или казнохранилище, окруженное стѣной и башнями, было, вѣроятно, выбѣлѣно когда-то мѣломъ, или известью, что и теперь еще видно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно же на сѣверной сторонѣ его.

Мимо города, у юго-западной и южной стороны, течетъ довольно большая рѣка Сендерутъ (Senderut), выходящая изъ горы Демавендъ; рѣка эта раздѣляется на нѣсколько малыхъ ручьевъ, которые жители проводятъ по всему городу и жилищамъ въ нѣсколько водоемовъ (Cisternen), называемыхъ ими Гавсъ (Haws) и Бурке (Burke), не смотря на то, что тамъ и сямъ, по разнымъ дворамъ, находится у нихъ множество вырытыхъ колодцевъ. Тотчасъ за городомъ отъ этой рѣки отдѣляется рукавъ, идущій въ помянутый выше звѣринецъ Гасарджирибъ (Hasartzirib), и въ другомъ мѣстѣ, черезъ проложенную подъ землею трубу, протекающій въ главнѣйшій Царскій садъ Джарбагъ (Tzarbagh); назади за этѣмъ садомъ, черезъ главное русло рѣки, перекинутъ довольно изящный, длинный каменный мостъ, построенный однимъ Ширазскимъ Ханомъ, Аллавердиханомъ (Allawerdichan), на свой собственный счетъ.

Шахъ-Абасъ цѣлыя 14 лѣтъ усиленно старался другую рѣку, Абкуренъ (Abkuren), текущую по другой сторонѣ горы Демавендъ (Demawend), провести черезъ гору въ рѣку Сендерутъ (Senderut), для чего у него ежедневно работало, попеременно,

отъ 800 до 1000 человѣкъ, и каждому изъ нихъ выдавалось заработной платы, въ день, по полуабасу или по 4 гроша. Но, по причинѣ великой стужи и снѣгу, которые бываютъ здѣсь большую часть времени года въ сѣверной части, ни въ одинъ изъ сказанныхъ годовъ нельзя было работать болѣе 3-хъ мѣсяцевъ въ году. Если бъ въ то время жилъ еще великой Персидскій Святой чудотворъ, Аали, и употребилъ бы свое искуство, которое Персы ему приписываютъ, яко бы въ Карабахѣ (Karabach) онъ мечемъ разсѣкъ скалы, то тогда сказанный проводъ рѣки можно было бы сдѣлать съ меньшимъ трудомъ и издержками. Такъ, Персы разсказываютъ, что великая скала, черезъ которую протекаетъ р. Арасъ, и которая кажется какъ бы расколотою на двое, была разсѣчена Аалiемъ; по этому они называютъ эту узкую бездну или разсѣлину: Aaly deretjj, т. е., Aaly angustiae. Ханы и разные знатные Вельможи, чтобъ угодить Царю и пособить дѣлу, приняли на себя пробить извѣстную часть скалы, и хотя она и была весьма тверда и въ этомъ мѣстѣ высотою во 100 локтей, тѣмъ не менѣе прорыто и пробито ея было уже около 100 локтей. Но около этого-то времени Шахъ-Абасъ умеръ, а слѣдовавшій за нимъ юный Царь охотнѣе любилъ наслаждаться на мягкомъ ложѣ своего гарема, нежели заботиться о какой ни будь твердой скалѣ, а по тому и дѣло это осталось не приведеннымъ въ исполненіе.

Городъ Испаганъ былъ дважды опустошенъ Тамерланомъ: въ первый разъ при взятіи его, и во второй, когда онъ возмутился противъ Тамерлана. Такое же опустошеніе потерпѣлъ онъ и отъ Ходжи (Chotza), въ слѣдствіе возстанія же; ибо при этомъ не только разрушены были зданія, но и самое народонаселеніе въ немъ истреблено и перебито было во множествѣ. Такъ, по свѣдѣтельству Іосафата Барбаро, бывшаго въ Персіи послѣ этого событія, именно въ 1471 году, высланнымъ противъ этого города воинамъ было строго наказано, чтобы ни кто изъ нихъ не возвращался безъ головы хоть одного возмутившагося. Въ слѣдствіе чего, нѣкоторые воины, за недостаткомъ мужчинъ, отрубливали головы женщинъ, брили ихъ и приносили вмѣсто головъ мужчинъ, которыя также были бритыя. При Шахѣ Измаилѣ I положеніе города Испагани нѣсколько улучшилось; Шахъ же Абасъ, пере-

несшій сюда, ради пріятнаго мѣстоположенія, свое Царское мѣстопребываніе изъ Касвина, не только обстроилъ городъ великолѣпными зданіями, но и заселилъ его множествомъ народа, переведеннаго сюда изъ разныхъ другихъ областей, такъ что теперь Испагань представляетъ собою какъ бы небольшой міръ, въ которомъ считается болѣе 500 тысячъ душъ жителей. Обширности города во многомъ, впрочемъ, помогаетъ то обстоятельство, что при каждомъ домѣ непремѣнно находится одинъ, а иногда и два, довольно просторныхъ сада. Персіяне очень любятъ сады, но они не украшаютъ ихъ въ родѣ Европейцевъ всѣми возможными прекрасными цвѣтами, но усаживаютъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ всякаго рода плодовыми деревьями и виноградникомъ, въ особенности же любятъ, за красоту и тѣнь, дерево чинаръ, неизвѣстный въ Германіи родъ платана, которое растетъ прямо, вышиною съ ель, и толщиною вообще въ половину, а иногда и въ цѣлый локоть. Листъ этого дерева широкій, похожій на листъ винограда, но само дерево не приноситъ ни какого полезнаго плода, а даетъ плодъ, или наростъ, величиною и твердостію подобный каштану, только безъ ядра. Цвѣтъ дерева въ подѣлкахъ свѣтло-коричневый, съ жилками, забѣгающими одна въ другую, подобно волнистому дереву. Персы употребляютъ это дерево на дверныя и оконныя принадлежности, и оно, выполированное масломъ, имѣетъ довольно изящный видъ. Я привезъ довольно большой кусокъ этого дерева съ собою домой, и помѣстилъ его въ Готторфской Палатѣ рѣдкостей.

Лучшее за тѣмъ, послѣ такихъ деревьевъ, удовольствіе и украшеніе садовъ составляютъ неглубокіе, выложенные камнемъ, колодцы и подземныя водохранилища, съ жолобами, положенными въ извѣстномъ порядкѣ, черезъ которые вода могла быть проводима изъ одного колодязя въ другой. Обыкновенно колодязи эти устраиваются одинъ выше другого, такъ что, въ случаѣ надобности, вода изливается изъ одного въ другой, бѣжитъ далѣе и орошаетъ садъ. Болѣе зажиточные Персіяне, кромѣ всего этого, устраиваютъ въ садахъ своихъ открытыя галереи и особыя бесѣдки, которыя часто бываютъ разукрашены лучше, чѣмъ ихъ жилые дома. Рядомъ съ обыкновенными домами гражданъ въ городѣ есть много дорогихъ палатъ, которыя, впрочемъ, снаружи

не такъ великолѣпны, какъ внутри. Всѣ онѣ, по употребительному у Персовъ способу, выстроены четырехъугольниками, частію изъ глиняныхъ и земляныхъ кирпичей, высушенныхъ только на солнцѣ, частію же, принадлежащія именно важнѣйшимъ гражданамъ, изъ обожженныхъ кирпичей, выведены въ два, три и даже четыре яруса, и каждый ярусъ имѣетъ свое особое названіе. Погребъ называютъ они сирсеминъ (Sirsemin), нижнее за тѣмъ жилое помѣщеніе ханѣ (Chanè), слѣдующее надъ нимъ кушкъ (Kuschk), третій ярусъ джауфе (Tzaufè), и четвертое касеръ (Kasser). Открытые покои ихъ, снабженные сверху наружу низкими рѣшетками, называютъ они эйванъ (Eiwan). Этѣ послѣдніе устраиваются иногда на всѣхъ четырехъ сторонахъ дома, и въ жаркое лѣто, въ слѣдствіе того, что въ нихъ постоянно продуваетъ вѣтеръ и воздухъ свѣжѣе, они попеременно служатъ спальнею. Окна въ этѣхъ домахъ, большею частію такой же величины, какъ и двери, и также, какъ этѣ послѣднія, доходятъ до полу, или до мостовой, вовсе безъ стеколъ, но снабжены деревянными рѣшетками, которыя зимою заклеиваются пропитанною масломъ бумагой. Зимнія жилыя комнаты обыкновенно бываютъ въ нижней части дома.

Сдѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мало лѣсу, нужда научила жителей сноровкѣ имѣть тепло въ комнатахъ. Для этого въ земляномъ полу они вырываютъ тенуръ (Tenûr), т. е., круглую яму, величиною съ большой горшокъ, въ которомъ и держутъ раскаленные уголья; надъ этой ямой ставятъ низенькой стулъ, или столъ, покрытый широкимъ ковромъ, который спускается на землю и стелется по ней со всѣхъ сторонъ; желающіе погрѣться располагаются кругомъ сказаннаго стула или курси (Kursi), подсовываютъ подъ него ноги, покрываютъ половину своего тѣла ковромъ, и въ такомъ положеніи отлично спятъ во время ночи. Немногихъ угольевъ бываетъ достаточно для того, чтобы добыть тѣлу пріятную теплоту, а иногда даже и довольно сильный жаръ, производящій испарину. Вмѣстѣ съ сбереженіемъ топлива, этотъ способъ нагрѣванія Персы считаютъ и здоровымъ, по тому что при немъ голова постоянно остается на вольномъ и чистомъ воздухѣ. Для того же, чтобы отъ угольевъ не было чаду, изъ тенура подъ землею проводятся трубы на дворъ. Такіе тенуръ Персы употребляютъ иногда и вмѣсто печей, въ которыхъ пекутъ, и жарятъ

кушанья. При домахъ имѣются обыкновенно передніе дворы (или преддверія), черезъ которыя ходятъ въ жилыя части дома и покои.

Переулки и улицы между домами въ прежнее время были такъ велики и широки, что 20 и болѣе человѣкъ могли по нимъ ѣхать верхомъ рядомъ; во время жь Шаха-Абаса, въ слѣдствіе увеличенія числа домовъ, большая часть улицъ сдѣлались такъ тѣсны, что часто въ нихъ съ трудомъ можно разойтись при встрѣчѣ другъ съ другомъ, особенно по близости Майдана и торжища, гдѣ обыкновенно бываетъ большое движеніе, такъ что иногда, если встрѣтится Харбенде (Charbende, погоньщикъословъ), съ 10, 20 и болѣе навьюченными ослами, которые тянутся обыкновенно гуськомъ одинъ за другимъ, то приходится совсѣмъ остановиться и порядочно подождать, пока они пройдутъ мимо. Самый же Майданъ, или большая площадь для торговли и прогулокъ, такъ обширенъ, что подобнаго мы еще нигдѣ не видали, и онъ содержитъ въ себѣ именно: въ длину 700 и въ ширину 250 шаговъ. На западной сторонѣ, гдѣ Царскій Дворъ и Палаты, вдоль Майдана тянется довольно порядочно устроенное сводомъ зданіе, въ два яруса, съ эйванами (открытыми покоями) и коридорами, въ которомъ золотыхъ дѣлъ мастера, ювелиры и другіе ремесленники промышляютъ своимъ ремесломъ; а передъ зданіемъ этѣмъ насажены красивыя, стройныя деревья, называемыя шимшадъ (Schimschad, особый родъ буковаго дерева), изящно подстриженныя, такъ что изъ за листьевъ ихъ виднѣются лавочки и разныя питейныя заведенія, полузакрытыя деревьями, дающими въ то же время отрадную тѣнь. Еще передъ этѣми деревьями устроено длинное, неглубокое каменное корыто, на подобіе высѣченной изъ камня мостовой, нѣсколько возвышенное надъ этой послѣдней; черезъ это корыто по всему Майдану кругомъ доставляется вода для омовенія и другихъ потребностей горожанъ.

Насупротивъ же, на восточной сторонѣ, воздвигнуты сводомъ же широкіе ходы съ арками и столбами, подъ которыми всякаго рода ремесленники, каждый по собственному цеху своему, имѣютъ свои мастерскія; ибо Персіяне обыкновенно или вовсе не работаютъ, или мало работаютъ въ своихъ жилыхъ домахъ, и работая

свои издѣлія открыто, представляютъ для прохожихъ довольно пріятное развлеченіе. За этой галереей къ Царскому Дворцу идетъ зданіе, съ двумя, другъ противъ друга лежащими, ходами, называемое накара-хане (Nakara chane), на которомъ ежедневно играютъ флейтщики, барабанщики и керенеи (Kerenei), трубачи, свою музыку при закатѣ солнца, и также во время входа и выхода Шаха. Музыка при захожденіи солнца употребляется по всей Персіи, гдѣ только есть Ханы и большіе господа; обычай этотъ введенъ Тамерланомъ, когда онъ былъ еще обладателемъ сдѣшнихъ странъ, и соблюдается охотно и понынѣ его потомками.

Что касается до Царскаго Дворца, то Персіяне называютъ его Дёвлетъ-Хане (Döwlet Chane), а также Деръ Хане-Шахъ (Der Chane Schah). Передъ дверьми Дворца въ наше время лежало нѣсколько большихъ металлическихъ пушекъ, подобныхъ половиннымъ и цѣльнымъ картаунамъ, только нѣсколько короче и грубой, нечистой работы. Пушки этѣ лежали на бревнахъ на землѣ неподвижно, привезены сюда издалека, изъ Ормуса, и назначены для защиты воротъ; но если не становиться у самаго жерла ихъ, то опѣ во все не опасны. Дворъ самъ по себѣ не особенно укрѣпленъ, но обведенъ только кругомъ высокою стѣною. Днемъ у внѣшнихъ воротъ сторожатъ обыкновенно не болѣе 3-хъ, или 4 человѣкъ; ночью же сдѣсь ставится 15 тѣлохранителей, а у Царскаго покоя еще 30 человѣкъ, большею частію изъ дѣтей Хановъ, которые частію стоятъ на часахъ, частію же ходятъ кругомъ дома, гдѣ и спятъ подъ открытымъ небомъ. Кишикджи (Kischiktzi) или сторожевой писарь обязанъ каждый вечеръ сообщать Шаху имена долженствующихъ быть на стражѣ, чтобы Шахъ зналъ, что́ за люди находятся около него. Передній покой за воротами при насъ былъ высокій, снабженный множествомъ рѣшетчатыхъ оконъ и внутри изящно изукрашенъ выдающимися изображеніями (картинами) и золоченою лѣпною работой. Другіе, главнѣйшіе покои въ Шахскомъ дворцѣ суть: табхане (Tabchane), большой залъ, въ которомъ Шахъ съ своими Ханами и знатными Вельможами празднуетъ Наврусъ (Naurus) или Новый Годъ. Другой покой составляетъ упомянутый уже неоднократно Диванъ-Хане (Diwan Chanè) или Судебная Палата: въ ней Шахъ обыкновенно принимаетъ Пословъ

собственно по тому, что при ней находится дворъ, удобный для показа его убранныхъ лошадей и другого великолѣпія, а также и для предъявленія подарковъ. Третій покой гарамъ-хане (Haram Chane), залъ дѣвицъ Царскихъ, въ которомъ собираются Царскія Хасега (Chasseha) или наложницы, сохраняемыя обыкновенно въ отдѣльныхъ комнатахъ; сдѣсь онѣ пляшутъ передъ Шахомъ, при чемъ играютъ особые холощеные музыканты. Четвертый покой деке (Dekae), собственно жилой Шаха, въ которомъ онъ ежедневно и послѣ общественныхъ дѣлъ (actibus publicis) обѣдаетъ съ своими законными женами или Царицами. Кромѣ того есть еще множество богатыхъ покоевъ, служащихъ для разныхъ потребностей и украшеній Царскаго двора. Въ этомъ же дворѣ есть нѣсколько большихъ садовъ съ прекрасными бесѣдками. При входѣ въ дворъ, въ 40 почти шагахъ отъ воротъ, на правой рукѣ, есть дверь, ведущая въ большой садъ, по срединѣ котораго стоитъ часовня. Этотъ-то садъ и есть великое убѣжище (Asylum), которое Персіяне называютъ Аллакапи (Allakapi), т. е., Божьи ворота, куда убѣгаютъ должники, убійцы и другіе преступники, и гдѣ они остаются до тѣхъ поръ, пока содержатъ тамъ себя на свой собственный счетъ; воровъ, впрочемъ, тамъ долго не терпятъ. Въ наше время въ этомъ саду, въ одной палаткѣ, проживалъ съ семьей своей одинъ Султанъ, впавшій въ немилость Шаха и опасавшійся по этому за жизнь свою. Позади Царскаго двора находится Таберикъ-Кале (Taberik Kalè), казнохранилище, или скорѣе замокъ и крѣпость, какъ явствуетъ это изъ самаго слова Кале (Kalè); оно посредственной величины, окружено весьма высокими земляными стѣнами и множествомъ высокихъ же островерхихъ башенъ, которыхъ Николай Геммъ (Nicolaus Hemmius) насчитываетъ болѣе 40 (Этого писателя, который самъ былъ тамъ въ 1623 году по Р. Х., по свѣдѣнію Іоанна де Лаэта, въ его описаніи, я считаю за достовѣрнѣйшаго изъ всѣхъ, особенно относительно того, что касается Испагани). Сказанный замокъ постоянно снабженъ множествомъ войска, и хотя самъ Шахъ не живетъ въ немъ, но въ ономъ хранятся лучшія сокровища его, относящіяся до всякаго рода воинскихъ вооруженій и снарядовъ. За тѣмъ, на другой сторонѣ Майдана, въ особой улицѣ, есть еще большое зданіе, Чегиль Сютунъ (Tschehil Sûtun) называемое, получившее такое названіе свое отъ 40 балокъ; ибо въ этомъ

зданіи есть мечеть (Mestzid), имѣющая по срединѣ своей огромный столбъ, на которомъ сходятся и лежатъ 40 балокъ, подерживающихъ крышу мечети. Въ эту мечеть толпами стекались Персы, когда Тамерланъ хотѣлъ казнить возмутившихся противъ него; онъ пощадилъ только эту мечеть и укрывшихся въ ней Персіянъ; остальныхъ же, бывшихъ на кладбищѣ и около зданія, всѣхъ изрубилъ саблями и самый дворъ вокругъ разрушилъ до основанія. Шахъ Измаилъ снова возобновилъ все зданіе и самое мѣсто это сдѣлалъ убѣжищемъ (Asylum).

Въ южной части Майдана находится огромная, великолѣпная и богатѣйшая мечеть, которую началъ строить и почти достроилъ Шахъ-Абасъ; Шахъ Сефи уже въ наше время приказалъ только покрыть въ ней еще одну стѣну нѣсколькими плитами изъ мрамора. Мечеть эта посвящена одному изъ 12 послѣднихъ Имамовъ Персидскихъ, Мегеди (Mehedi), который ушелъ въ пещеру близъ Куфы (Kufa), и когда придетъ его время, снова явится верхомъ Аали на конѣ Дюльдюль (Düldül), и цѣлый свѣтъ обратитъ къ Алкорану. Объ этомъ подробнѣе будетъ сообщено ниже, при описаніи Вѣры Персовъ. Въ слѣдствіе всего сказаннаго мечеть самая называется мечетью Мегеди Сагебесеманъ (Mestzid Mehedi Sahebeseman). Въ ней, надъ большими воротами, значится слѣдующая надпись:

مهدي ماحبر الزمان

Ходъ въ мечеть идетъ черезъ мостовую, сложенную изъ большихъ четыреугольныхъ камней, на которой устроенъ большой, четырехъугольный водоемъ (Cisterne), для омовенія приходящихъ сюда на молитву. За этѣмъ колодцемъ, двумя ступенями вверхъ, всходишь на узкую площадку, послѣ которой, еще черезъ одну ступень, входишь и въ мечеть. Послѣднія ступени сдѣланы дѣйствительно изъ мрамора; но чтобы входъ въ эту мечеть состоялъ изъ 13 ступеней, которыя всѣ будто бы высѣчены изъ одного мраморнаго камня, какъ разсказываетъ это Іоаннъ de Лаэтъ (Johannes de Laet), изъ relation. Nic. Hemmio, того я, признаться, не видѣлъ. Ворота сложены изъ искусно высѣченнаго мрамора, и также высоки, какъ и ворота при

мечети Ходабенде (Meschaich Chodabende) въ Султаніи. Дверь, растворяющаяся на обѣ стороны на прочныхъ крючкахъ, покрыта плотнымъ листовымъ серебромъ, мѣстами вызолоченнымъ. Вошедши въ ворота, видишь по обѣимъ сторонамъ два широкихъ, съ высокими сводами хода (галереи), устланныхъ по полу рогожами, на которыхъ Персіяне молятся. Ходы эти идутъ кругомъ около большаго Геятъ (Hejat) или двора, посреди котораго находится другой, восьмиугольный водоемъ (цистерна), полный до верху водою. Вверху, надъ большими ходами, воздвигнуты другіе малые, снабженные къ сторонѣ двора столбами, разукрашенными мраморомъ и золотомъ. Прошедши черезъ площадку, въ самой глубинѣ достигаешь главной мечети, гдѣ находятся мегерабъ (Meherab) и катибъ (Cathib), т. е., алтарь и каѳедра. Входъ въ нее составляетъ сводъ, высоты достойной удивленія, уложенный весь камнями, расписанными голубою глазурью и золотомъ. Мечеть сама по себѣ также чрезвычайно высока, съ нѣсколькими придѣлами и углами, и множествомъ столбовъ изъ прекраснаго мрамора. На право отъ мечети, черезъ ворота, выходишь въ особый, изящно устроенный, дворъ. Самое дорогое во всемъ эмератѣ (Emerat), т. е., зданіи, состояло въ томъ, что всѣ стѣны въ ходахъ, дворахъ и главной мечети, на высотѣ 4-хъ локтей отъ полу, выложены мраморомъ, гладко, словно зеркало выполированнымъ, состоящимъ, правда, изъ плитъ, но такихъ, которыя всѣ длиною были выше роста человѣка, шириною же нѣсколько уже, и вдѣланы онѣ были одна къ другой чрезвычайно искусно. Meherab или алтарь, за исключеніемъ двухъ столбовъ, стоящихъ по сторонамъ, высѣченъ изъ одного цѣльнаго камня. Мраморъ, большею частію совершенно бѣлый, добытъ былъ для всего этого изъ горы Эльвендъ. Шахъ-Абасъ построилъ подобную же мечеть въ честь Мегеди въ Таврисѣ, но только та значительно меньше Испаганской, и мраморъ въ ней, бѣлый какъ мѣлъ и выполированный будто зеркало, доставленъ былъ изъ Еруана (Eruan). Кромѣ описанной сдѣсь, въ Испагани тамъ и сямъ находится и еще несчетное множество мечетей и часовенъ.

Обращаюсь къ дальнѣйшему описанію Майдана. По срединѣ его, не вдалекѣ отъ Царскихъ воротъ, стоитъ высокій шестъ,

подобный нашему шесту для стрѣльбы, на который втыкаютъ иногда дыню, арбузъ, или яблоко, а иногда ставятъ серебряную тарелку съ деньгами, и въ этѣ вещи Шахъ, забавляясь съ своими Ханами и знатными Вельможами, стрѣляетъ на всемъ скаку, ѣдучи верхомъ, при чемъ держатся большіе заклады. Попавшій въ цѣль, или получившій какую выгоду отъ выигрыша заклада, считается хозяиномъ игры, и къ нему отправляется въ гости Шахъ съ другими Вельможами. Сбитыя выстрѣломъ съ тарелочки деньги отдаются, впрочемъ, прислужникамъ. Въ этомъ же мѣстѣ знатные господа потѣшаются также игрою, называемою куйчауканъ (Kuitschaukan), въ которой, таже верхомъ на лошади на всемъ скаку, мечутъ палкой, нарочно для этого приспособленной, въ мячикъ, или въ деревянный шаръ. Сдѣсь же упражняются они и въ джиридъ (Tzirid) или въ метаніи копья, о чемъ подробнѣе сказано уже выше. Наконецъ сдѣсь же, на Майданѣ, поставлены, вверху и внизу, двѣ пары плоскихъ столбовъ, служащихъ цѣлію для состязающихся въ бѣгѣ на перегонку.

Внизу Майдана стоитъ небольшой деревянный домикъ, на 4-хъ колесахъ, называемый Шанешинъ (Schaneschin), въ которомъ иногда помѣщается Шахъ, чтобы смотрѣть на описанныя игры и огненныя потѣхи, и въ этомъ домикѣ подвозятъ его къ любому мѣсту.

Кромѣ того тутъ есть и гадатели, которые обыкновенно сидятъ на западной сторонѣ, не вдалекѣ отъ Döwlet chane и раскладываютъ сдѣсь свои лавочки: о нихъ скажу подробнѣе, при описаніи суевѣрія Персіянъ.

Въ сѣверной части Майдана находится нѣсколько кабаковъ или харчевенъ, каковы: 1. Шире-Хане (Schire Chane): это суть распивочныя лавочки или кабаки, въ которыхъ большею частію сидятъ разгульные люди, заставляющіе плясать передъ собою суркеръ (Surker) или плясуновъ, обыкновенно мальчиковъ, которые пляшутъ съ разными сладострастными тѣлодвиженіями и представленіями. Когда, глядя на такія пляски у зрителей возбуждается вожделѣніе, распаляемое въ нихъ и виномъ, то они уходятъ съ мальчикомъ куда ни будь въ уголокъ, или же отправляются въ общественные дома непотребныхъ женщинъ.

2. Джай-Хатай-Хане (Tzai Chattai Chane): это такая харчевня, въ которой пьютъ иностранную теплую воду, [1] о которой подробнѣе скажу скоро ниже. Попивая этотъ напитокъ, Персіяне играютъ сдѣсь въ шашки, или же и въ шахматы. Въ игрѣ этой они искуснѣе даже Русскихъ игроковъ, также хорошихъ, и Персіяне говорятъ, что игра эта изобрѣтена ими, какъ значится это изъ самаго ея названія Шахъ, означающаго Царя. Шахматную игру называютъ они седренцъ (Sedrenz), т. е., сто заботъ, потому что она заставляетъ много думать и направлять свои мысли на различныя обстолтельства. О томъ, кто былъ первый изобрѣтатель этой игры, мною сообщено уже подробное свѣдѣніе въ Персидской «Долинѣ Розъ,» въ 7 книгѣ, 13 Исторія.

3. Каве-Хане (Kahweh Chane), харчевня, въ которой собираются курители табаку и любители кофе (Kahveh). Во всѣхъ этѣхъ трехъ родахъ харчевенъ присутствуютъ также поэты и историки, которыхъ я встрѣчалъ тамъ сидящими посреди комнаты, на высокихъ стульяхъ, и расказывающими разнаго рода событія, басни и другія поэтическія произведенія. Во время разсказовъ своихъ люди этѣ помаваютъ палочкою, подобно тому, какъ дѣлаютъ это фокусники; не вдалекѣ отъ этой кофейни сидятъ, въ своихъ трактирахъ и лавкахъ, двоякаго рода цирюльники (Chirurgi), изъ которыхъ одни называются хирургами джерра (Tzerrah), которые только лѣчатъ раны, а не убираютъ; другіе же не лѣчатъ, а только брѣютъ, или стригутъ и убираютъ волосы, называются деллакъ (Dellak) и употребляются и для обрѣзыванія. Къ этѣмъ послѣднимъ ходитъ множество народа, такъ какъ Персіяне брѣютъ себѣ всю голову и дѣлаютъ это часто. Каждый приходящій сюда приноситъ съ собою и собственную свою бритву, по тому что, изъ опасенія кеши (Keschi) (такъ называютъ они Французскую болѣзнь), они не дозволяютъ прикасаться къ себѣ ни какою чужою бритвой.

Внизу, у сѣверной части Майдана, начинается уже настоящее торжище, гдѣ находится огромная Кайзеріе (Kaiserie) (галерея),

---

[1] Напитокъ этотъ чай, какъ видно сдѣсь изъ названія самой харчевни. Прим. Перев.

въ которой продаются самые дорогіе товары. Надъ входомъ въ это зданіе висятъ большіе часы, устроенные при Шахъ-Абасѣ однимъ Англичаниномъ, по имени Феси (Fessi); часы эти вначалѣ, когда еще въ цѣлой Персіи не было ни колоколовъ, ни такихъ большихъ часовъ, считались чудомъ, въ наше же время они уже не ходили, были испорчены, а самый мастеръ изрубленъ саблями, подобно Рудольфу Стадлеру, за убіеніе имъ одного Персіянина.

Базаръ или торгъ раздѣляется на множество улицъ, большею частію крытыхъ. Здѣсь можно получить всякаго рода товары и все то, чего только можетъ пожелать душа, сообразно свойствамъ страны. И каждый родъ товаровъ размѣщенъ по лавкамъ отдѣльно отъ другихъ и въ извѣстномъ порядкѣ, въ различныхъ мѣстахъ.

Между прочими отличалась красивымъ видомъ одна богатая лавка естественныхъ произведеній (Materialisten-Kram), находящаяся подлѣ большой мечети, на лѣвой рукѣ, по пути къ ней. Кромѣ обыкновенныхъ, въ ней находится и множество иноземныхъ, превосходныхъ травъ, сѣмянъ, корней, камней и рѣдкихъ растеній. Тамъ во множествѣ продаются: Radix Tzinae или козій корень, какъ называетъ его Tabernaemontanus, Персы же называютъ его Bich-Tzini; и Rhabarbarum, называемый Персами Rawendetzini; оба эти растенія привезены сюда изъ Китая и Великой Татаріи, и стоятъ за фунтъ по 3 абаса или по одному рейхсталеру.

Въ Испагани находятся купцы и лавочники всѣхъ возможныхъ народностей, торгующіе оптомъ и по мелочамъ, въ розницу, отрѣзными кусками, а именно: кромѣ Персовъ, Индійцы, разные Татары изъ Хуаресма, Китая (Chattai) и Бухары, Турки, Іудеи, Армяне, Грузины, и кромѣ нихъ: Англичане, Голландцы, Французы, Итальянцы и Испанцы.

Кромѣ Персидскихъ на торгѣ находились большею частію Индійскіе магазины и лавки, съ шелковыми и бумажными товарами, которые добротою и изяществомъ превосходили Персидскіе. Самихъ Индійцевъ въ городѣ проживало постоянно до

12,000, и многіе изъ нихъ имѣли на лбу нарисованную шафраномъ черту, спускающуюся внизъ къ носу длиною и толщиною въ палецъ; что означаетъ эта черта, я дознать не могъ. Большинство этихъ Индійцевъ Магометане, нѣкоторые же язычники, не обрѣзанные; этѣ послѣдніе и понынѣ сожигаютъ своихъ покойниковъ, для чего употребляютъ абрикосовое дерево (Abricos), называемое ими мешмешъ (Meschmesch); въ нашу бытность сожженъ былъ ими одинъ такой трупъ.

Находясь здѣсь, на торжищѣ, при куплѣ и продажѣ, сдѣлаемъ обозрѣніе и Персидскимъ монетамъ, которыя у нихъ въ употребленіи при торговлѣ вообще.

О персидскихъ монетахъ (деньгахъ).

Деньги, находящіяся въ обращеніи на торжищѣ, суть серебряныя и мѣдныя: золотыя бываютъ въ торговлѣ очень рѣдко. Серебряныя монеты суть: Абасъ (Abas), Гаремъ-Абасъ (Garem abas) или Ходабенде (Chodabende), Шахи (Schahi) и Бисты (Bisti). Абасъ (Abas) цѣнятъ Персіяне наравнѣ съ рейхсталеромъ, на Мишенскую же монету считаютъ его равняющимся 8 грошамъ и 8 пфеннингамъ. Но одинъ рейхсталеръ вѣситъ четыре Абаса. Большіе и дорогіе товары оцѣниваютъ туменами (Tumain), а одинъ туменъ содержитъ въ себѣ 50 абасовъ. Особо чеканеной такого рода монеты нѣтъ, и туменъ собственно исчисляется суммообразно, подобно тому, какъ Русскіе считаютъ свой рубль. Абасъ получилъ свое названіе отъ Шаха-Абаса, который повелѣлъ чеканить эту монету, точно также, какъ полуабасъ называется Ходабенде (Chodabende) по тому, что введенъ Шахомъ Ходабенде. Прежде Персы имѣли иную монету, называвшуюся Лари (Lari): это была сложенная вдвое и изогнутая серебряная проволока, посреди сплюснутая вгладь, гдѣ и выбита печать (величина и видъ этой монеты значится на прилагаемомъ изображеніи); [1] монета эта нѣсколько тяжеле одной Ходабенде и введена она была Шахомъ Измайломъ I. Этого рода монета находится въ

[1] Въ подлин. стр. 560. О. Б.

Княжескомъ Готторфскомъ Книгохранилищѣ, между множествомъ другихъ древнихъ монетъ разныхъ народовъ. Послѣ полуабаса идутъ Шахи (Schahi)—четверть абаса, и потомъ Бисти (Bisti), которыхъ въ одномъ Schahi заключается $2^1/_2$.

Мѣдныя монеты, которыя Персіяне вообще называютъ Пулъ (Pul), а въ отдѣльности Касбеки (Kasbeki), стоимостію считаются по 40 штукъ въ одномъ абасѣ. Когда Европейцы торгуютъ съ Персіянами и покупаютъ у нихъ что либо на чистыя деньги, то даютъ рейхсталеры, которые и размѣниваются на ихъ монету; для этого, тутъ же, на Майданѣ, находится нѣсколько мѣнялъ, Серафъ (Seraf). Монетный дворъ Серабъ-хане (Serab chane), также стоитъ не далеко отъ торжища. Монетчики, имѣющіе за огромную сумму монету на откупу, получаютъ, по упомянутой причинѣ, на рейхсталеровъ большія выгоды и пользу. Испанскіе реалы берутъ они также охотно, и почти охотнѣе, чѣмъ рейхсталеры. Вообще относительно мѣдной монеты у Персіянъ дѣлается такъ, что каждый большой городъ имѣетъ у нихъ свою особенную монету, которая нигдѣ и не ходитъ, какъ только тамъ, гдѣ она отчеканена, и при этомъ не далѣе, какъ на одинъ годъ, такъ что и знаки на этѣхъ монетахъ ежегодно перемѣняются. Знаки этѣ или изображенія бываютъ иногда олень, коза, сатиръ, рыба, змѣя и тому подобное; въ наше время на Казбекахъ (Kasbeki) въ Шамахѣ было изображеніе Фавна (Faunum) или молодаго дьявола, въ Кашанѣ изображеніе пѣтуха, въ Испагани льва, и въ Киланѣ рыбы. Съ наступленіемъ Новаго Года, совпадающаго по нашему Календарю съ Февралемъ мѣсяцемъ, старые Казбеки воспрещаются, стоятъ уже по два старыхъ за одинъ новой, и по этому должны поступить снова на монетный дворъ, гдѣ они только раскаляются и клеймятся новымъ знакомъ. Фунтъ мѣди стоитъ тамъ около абаса, и изъ него вычеканивается обыкновенно 64 Казбека.

Такъ какъ въ Испагани скопляется много купечества и ведется такая громадная торговля, то въ немъ находится и великое множество каравансераевъ, въ которыхъ производится оптовая торговля. Этѣ каравансераи, какъ уже выше сказано, суть большіе дворы, построенные четырехъугольниками, съ высокими

каменными стѣнами и разными покоями, анбарами и галереями въ два и три яруса, въ которыхъ иноземные люди имѣютъ всѣ возможныя удобства, какъ для собственнаго проживанія, такъ и для складки своихъ товаровъ.

Между прочими красивыми зданіями, одно не изъ послѣднихъ составляетъ Царская главная конюшня съ довольно высокою башнею, называемою Келеминаръ (Keleminar), и сложенною изъ роговъ оленей и агу (Aahu), сплоченныхъ землею. Шахъ-Тамасъ въ одной изъ охотъ убилъ болѣе 2000 оленей и агу, и въ память о такомъ событіи приказалъ выстроить сказанную башню изъ роговъ этѣхъ животныхъ.

За городскою стѣною, на южной сторонѣ, недалеко отъ большаго моста, находится помянутый выше чрезвычайно богатый садъ Джарбагъ (Tzarbagh), подобнаго которому мы не видѣли еще въ Персіи. Названіе свое получилъ онъ отъ того, что въ слѣдствіе крестообразнаго хода и протекающей въ немъ рѣки, онъ кажется какъ бы раздѣленнымъ на четыре сада. Въ окружности онъ простирается на добрую четверть мили, устроенъ четырехъугольникомъ и на каждой его сторонѣ имѣются особыя ворота. На южной сторонѣ его возвышается холмъ, красиво отдѣланный множествомъ уступовъ или террасъ. По обѣимъ сторонамъ его и въ серединѣ находится вода, проведенная сюда черезъ проложенную подъ землею трубу изъ рѣки Сендерутъ, и игравшая здѣсь протоками и водометами. Протоки сдѣланы были изъ высѣченнаго камня шириною въ локоть, ровные будьто шнуръ и на уступахъ положены довольно круто, такъ что вода, совершая по нимъ быстрое паденіе, производитъ въ то же время и шумъ. Въ этѣхъ же протокахъ подѣлано было множество маленькихъ трубокъ, которыя высоко подбрасывали текущую по нимъ воду. Кромѣ того въ нѣсколькихъ мѣстахъ находились особые водометы изъ бѣлаго мрамора, которые играли чрезвычайно высокими водяными лучами и представляли пріятное зрѣлище. Изъ водометовъ вода стекала въ большой прудъ, лежавшій въ нижней части сада, изъ средины котораго вода также била вверхъ, на высоту 12 локтей. Подлѣ этого пруда стояла одна изъ 4-хъ изящныхъ бесѣдокъ, построенныхъ въ четырехъ углахъ сада и

разъукрашенныхъ внутри всякаго рода золоченою рѣзьбою, изображающую листья и цвѣты. Открытые покои, увеселительные ходы и ходы для гулянья, повсюду усажены прекраснымн и высокими чинарами, которыхъ было сдѣсь нѣсколько тысячъ деревьевъ.

Кромѣ чинаръ сдѣсь растетъ множество и плодовыхъ деревьевъ и винограднику, которыя Шахъ-Абасъ, засадившій садъ этотъ, повелѣлъ привезти сюда изъ многихъ мѣстъ и областей; такъ сдѣсь растутъ разнаго рода яблони, груши, миндаль, фиги, абрикосы, персики, гранаты, лимоны, померанцы, каштаны, Грецкіе и обыкновенные орѣхи, вишни, смородина и всякаго рода виноградъ, котораго нѣкоторые виды давали виноградины величиною и толщиною въ большой палецъ, цвѣта коричневаго, съ жесткимъ мясомъ и безъ зеренъ; этотъ сортъ винограда называется тамъ галаже (Hallage). Для надзора и ухода за садомъ приставлено 4 садовника, съ 40 человѣками пособниковъ имъ.

Въ то время, когда плоды созрѣютъ, дозволяется всякому, заплатившему только 4 Касбека (на Мишненскія деньги 9 пфенинговъ), входить въ садъ, и ѣсть тамъ плоды досыта; но изъ саду съ собою брать плодовъ не позволяется ни сколько.

У города Испагани находится шесть большихъ Рабатъ (Rabath) или предмѣстій, изъ которыхъ важнѣйшее, найбольшее и красивѣйшее есть Джульфа (Tzulfa), съ 3000 домовъ и 12-ю мечетями, которыя въ богатствѣ постройки не уступятъ находящимся въ городѣ. Жители этого предмѣстья исключительно богатые Армянскіе купцы, которыхъ Шахъ-Абасъ переселилъ сюда изъ Великой Арменіи. Они платятъ Шаху дань по 200 туменовъ въ годъ, которые должны были вносить бывшіе при насъ ихъ Даруга, Хосровъ Султанъ и Калентеръ Сеферасбекъ.

По ту сторону рѣки Сендерута лежитъ другое предмѣстье Табрисабатъ (Tabrisabath), иначе также Абасабатъ (Abasabath) называемое, по тому что жителей этого предмѣстья Шахъ Абасъ перевелъ сюда изъ Тавриса (Tabris). За тѣмъ

Гасенабатъ (Hassenabath), есть также предмѣстье, населенное Джурджи (Tzurtzi) или Грузинскими Христіянами, которые

переведены сюда изъ Грузіи. Жители его тоже знатные купцы, которые по торговымъ дѣламъ своимъ, также какъ и Армяне, далеко разъѣзжаютъ кругомъ и посѣщаютъ разныя иныя земли.

Есть еще замѣчательное предмѣстье на западной сторонѣ, называемое Кебрабатъ (Kebrabath), а жители его Кебберъ (Kebber), которые тоже богатые купцы. Жители этѣ носятъ длинныя бороды и совсѣмъ другое платье, чѣмъ обыкновенные Персіяне; они ходятъ въ длинныхъ, не повязанныхъ кафтанахъ, которые только на шеѣ и плечахъ имѣютъ отверстія, гдѣ и завязываются лентами. Жены ихъ не стыдясь ходятъ съ открытымъ лицомъ; вообще же люди этѣ считаются совѣстливыми, кроткими и добросердечными. Они древняго языческаго происхожденія, не признаютъ ни обрѣзанія, ни крещенія и не имѣютъ ни жрецовъ, ни храмовъ. Въ чемъ собственно заключается Вѣра ихъ, я узнать не могъ; но позднѣе я старательно распрашивалъ о ней, и узналъ только то, что они не огнепоклонники, ignicolae, какъ древніе Kebber, хотя Готтингеръ и считаетъ ихъ таковыми (Hottinger, Thesaur. Philol. Tiguri, 1651, pag. 56).

Если кто умретъ у этѣхъ Кебберовъ, то изъ дому умершаго выпускаютъ и гонятъ въ поле пѣтуха, и если лисица поймаетъ и унесетъ этого пѣтуха, то они полагаютъ, что душа умершаго принята въ другую жизнь. Такъ какъ подобные опыты не всегда удавались, и даже давали поводы къ подозрѣнію въ злоупотребленіи, то они приняли другую мѣру, въ которую наиболѣе вѣрятъ, а именно: они выносятъ трупы умершихъ, одѣтые въ лучшія платья и увѣшанные золотыми цвѣтными и всякаго рода другими украшеніями, на кладбище и подпираютъ ихъ деревянными вилами, приставляя къ стѣнѣ; если за тѣмъ птицы небесныя выклюютъ у покойника правый глазъ, то умершій считается уже непремѣнно удостоившимся Неба; если же птицы выклюютъ лѣвый глазъ, то значитъ покойникъ осужденъ на муку. По этому на кладбищѣ имѣются и двѣ глубокія ямы: въ одну тихо и бережно спускаютъ трупы блаженныхъ, въ другую же просто бросаютъ стремглавъ осужденныхъ.

Кажется, это уцѣлѣвшіе еще остатки способа погребенія умершихъ у древнихъ Персовъ; ибо въ древности покойни-

ковъ ихъ также предоставляли на расклеваніе птицъ; объ этомъ повѣствуетъ Herod. Agatias: «Cadaver ad quod non statim dilacerandum advolent aves, aut canes accedant, hominis fuisse affirmant, qui inquinatis moribus fuerit iniquiorisque animi, et dignus plane, qui in baratrum detrudatur, inque pravi Daemonis ditionem veniat.»

Около города Испагани считается 1460 мѣстечекъ и селеній, въ которыхъ находятся всякаго рода ткачи.

Хотя лѣтомъ, особенно въ Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцахъ, въ Испагани весьма жарко, но противъ этого неудобства жители имѣютъ свои, со сводами, прохладные покои, черезъ которые проводятъ воду и гдѣ воздухъ можетъ проходить со всѣхъ сторонъ; кромѣ того у нихъ есть и погреба со льдомъ, въ которыхъ они сберегаютъ ледъ во все лѣто для прохлажденія себя. Вообще зимою морозы и снѣгъ тамъ не велики, и въ случаѣ суровой стужи, ледъ образуется толщиною не болѣе, какъ въ палецъ, и ледъ этотъ въ полдень обыкновенно растаеваетъ. Тѣмъ не менѣе жители сдѣшніе умѣютъ искуственно добывать ледъ толщиною въ локоть. Приготовляютъ они такой ледъ слѣдующимъ образомъ: въ холодномъ мѣстѣ, обращенномъ на сѣверъ, они складываютъ изъ четырехъугольныхъ камней покатый помостъ, который всю ночь, когда морозитъ, и поливаютъ водою. Въ одну ночь образуется при этомъ ледъ толщиною въ полъ локтя. На день, для защиты отъ солнечнаго тепла, надъ этѣмъ добытымъ льдомъ разбивается крыша, и на слѣдующую ночь продолжаютъ поливаніе его водою. Когда ледъ сдѣлается такимъ образомъ достаточно толстъ, его разбиваютъ на куски, укладываютъ въ погреба, и лѣтомъ очень дешево продаютъ всякому желающему.

ГЛАВА VII.

О свойствѣ воздуха (климата), болѣзняхъ, почвѣ земли и произведеніяхъ Персидской страны.

Страна Персовъ лежитъ отъ равноденственника въ 25 градусахъ и простирается на сѣверъ до 37 градуса; по этому она находится вся въ умѣренномъ поясѣ (zona temperata). Суровый скалистый Тавръ проходитъ посреди всей страны и, отбрасывая отъ себя тамъ и сямъ свои отроги, въ разныхъ мѣстахъ получаетъ различныя наименованія. Въ слѣдствіе прохожденія этого хребта и воздухъ въ разныхъ областяхъ оказывается различный. Въ областяхъ, у которыхъ горы лежатъ на сѣверѣ, лѣтомъ бываетъ великій жаръ; въ тѣхъ же, у которыхъ горы на югѣ, пріятный и умѣренный воздухъ. Отсюда произошло то, что Персидскіе Цари искони перемѣняли, въ извѣстныя времена года, свои мѣстопребыванія и удалялись въ разныя области. Писатель Leonicus Tomaeus (De varia historia. Basileae, 1531, lib. 3, cap. 94) считаетъ это въ нихъ роскошью и изнѣженностью, что они, по причинѣ воздуха, не хотятъ выносить уже ни какихъ неудобствъ; но, по моему мнѣнію, и другіе Государи не отвергли бы этого обыкновенія, если бъ находились въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Лѣтомъ Персидскіе Цари держали обыкновенно свой дворъ въ Экбатанѣ (теперь называемой Таврисомъ), которая, имѣя съ юго-западной стороны горы, даетъ сдѣсь пріятный и прохладный воздухъ. Зимою въ Сузѣ, въ нынѣшнемъ Сусистанѣ; ибо сдѣсь близко на сѣверѣ находится горный хребетъ, который, отражая солнечные лучи, дѣлаетъ мѣстность теплой и пріятной, какъ это видно изъ ея названія; ибо слово сусенъ (Susen) по Персидски значитъ лилія. Осенью и весной отправлялись они въ Персеполь и Вавилонъ, и проживали тамъ эти времена года. Такимъ удобствомъ воздуха Персидскіе Цари продолжаютъ пользоваться и понынѣ: Шахъ-Абасъ зимою любилъ область Масандеранъ, и жилъ тамъ въ Ферабатѣ. Шахъ-Сефи, часто объѣзжая страну свою (что дѣлаютъ Персидскіе Цари), останавливался и въ Таврисѣ, и въ Ардебилѣ, и въ Касвинѣ, гдѣ и держалъ свой дворъ по извѣстнымъ временамъ.

Кромѣ того, теперешняя столица Царя, Испагань, также удобна для проживанія въ ней и лѣтомъ и зимою; ибо лежитъ она на широкой равнинѣ, гдѣ горы удалены отъ нея на три мили, и гдѣ, по этому, воздухъ привольный и умѣренный, и въ самомъ городѣ, какъ выше помянуто, имѣются удобныя и прохладныя помѣщенія.

Перемѣну воздуха въ различныхъ мѣстахъ испытывали также и мы, не безъ тягостей, въ нашемъ путешествіи. Такъ какъ, по причинѣ сильныхъ жаровъ, днемъ ѣхать мы не могли, а путешествовали только ночью, то, когда бывали мы между горами, случалось иногда, если путь шелъ на югъ, что намъ напротивъ дулъ такой жаркій воздухъ, будто изъ печи; иногда же, когда мы поворачивали на востокъ, и при этомъ дулъ сѣверный вѣтеръ, мы ощущали такую сильную стужу, что остановившись, утромъ въ гостинницѣ, зябли до того, что большая часть нашихъ людей едва могли слѣзть съ лошадей и ходить на ногахъ. Мы испытывали тогда то же, что и Патріархъ Іаковъ, въ полѣ, у тестя своего, Лавана, именно: днемъ онъ изнемогалъ отъ жара и ночью отъ холода; [1] отъ этого-то, какъ помянуто выше, мы заболѣвали одинъ за другимъ, во время этого путешествія нашего.

Въ слѣдствіе такого различія воздуха, какъ легко догадаться, въ Персіи есть здоровыя и нездоровыя мѣстности и разныя обыкновенныя и опасныя болѣзни. Въ Ширванѣ и Гилянѣ въ особенности часты лихорадки; напротивъ воздухъ въ Таврисѣ считается за самый здоровый и цѣлительный, и жители тамъ никогда не заболѣваютъ лихорадкой; и если даже такой больной лихорадкою придетъ откуда либо въ Таврисъ, то у него тотчасъ же она прекращается. По этому Персіяне говорятъ, что городъ Таврисъ, или какъ произносятъ его Гилянцы, Тебрисъ (Tebris), получилъ и названіе свое отъ того, что въ немъ лихорадка у больнаго проходитъ; ибо слово Тебъ (Teb) значитъ у нихъ лихорадка, и рисъ (ris) вонъ. Кромѣ того у Персіянъ бываютъ и другія болѣзни, какъ, напримѣръ, кровавый поносъ (dysenteria), а иногда и моръ (язва, чума), хотя и

[1] Быт. 31, 40: Быхъ во дни жегомъ зноемъ, и студенію въ нощи.

не такъ часто и сильно, какъ въ Германіи. Наиболѣе же всего страдаютъ отъ скверной Французской болѣзни, которую они приписываютъ сами себѣ, удовлетворяя свою горячую природу и похоть непозволительными средствами. Подобно тому, какъ у насъ болѣзнь эта получила свое имя отъ Французскаго народа, по тому что въ немъ она наиболѣе распространена, такъ и Персіяне незываютъ ее Сегемет каши (Sehemet kaschi), Кашанскою немочью, по тому что она болѣе всего господствуетъ въ городѣ Кашанѣ. Ибо Кашанъ, не смотря на пріятность своего мѣстоположенія, отличается вовсе нездоровымъ воздухомъ: въ немъ мало свѣжей воды и обиліе гадовъ, какови самые большіе скорпіоны и тарантулы, о которыхъ говорилось при описаніи города Кашана. Въ Киланѣ господствуетъ по преимуществу болѣзнь ушная (Tympanis) и водяная; но одержимыхъ каменною болѣзнію очень немного и, къ удивленію, ни одного подагрою.

О ст

Вообще же между Персіянами встрѣчаются довольно старые люди, много близкихъ къ сотнѣ лѣтъ, а нѣкорые живутъ и за сто. Въ наше время былъ тамъ одинъ областной начальникъ, въ краѣ Серабъ, между Моканомъ и Ардебилемъ, которому было уже 130 лѣтъ. Дѣдъ нашего Гаквирда, который жилъ у насъ въ Голштиніи, имѣлъ 120 лѣтъ. Вообще Персіяне довольствуются немногими и недорогими яствами и большею частію живутъ умѣренно.

Что касается до почвы земли, то тамъ, гдѣ идетъ ровная страна и безъ горъ, мы нашли ее вообще, за исключеніемъ Килана, сухою, крупно песчаною, смѣшанною съ красноватымъ камепистымъ щебнемъ, и на ней не ростетъ ни чего, кромѣ чертополоху или волчца и отдѣльныхъ кустарниковъ, которые, въ мѣстахъ безлѣсныхъ, собираютъ и употребляютъ на топливо въ поварныхъ печахъ. Въ долинахъ же и лощинахъ, на которыхъ есть горы, тянущіяся внутрь страны, и гдѣ расположена большая часть селеній, почва покрыта зеленью и плодородна. Ибо Персіяне умѣютъ бѣгущіе изъ горъ источники собирать въ ручей, шириною не болѣе двухъ локтей, и искусно проводятъ воду эту у подошвы горъ кругомъ, часто на пространствѣ полумили, чтобы, за недостаткомъ дождя, мало выпадающаго въ Персіи, орошать

этой водой сады и поля свои. Поля же свои они устроиваютъ такъ: разбиваютъ ихъ на отдѣльныя площадки, въ 8 и 12 квадратныхъ саженъ величиной, иногда и менѣе, и запруживаютъ эти площадки, лежащія одна подлѣ другой, небольшими, въ футъ вышиною, плотинами, и за тѣмъ отводомъ сказаннаго ручья орошаютъ площадки одну изъ другой, и часто, смотря по надобности, держатъ ихъ совсѣмъ подъ водою цѣлую ночь, днемъ же на нихъ дѣйствуетъ горячее солнце, отъ чего и бываетъ тамъ превосходная растительность и плоды.

Чтобы вспахать землю, Персіяне также употребляютъ плуги, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва жирна и жестка, какъ, напримѣръ, въ Ерванѣ и Арменіи, плуги эти такіе огромные, что для управленія ими требуется четыре и болѣе человѣка, и запрягаются отъ 12 до 24 буйволовъ; борозды дѣлаютъ ими въ одинъ футъ глубиною и въ два шириною.

Изъ хлѣба и произведеній земли Персіяне воздѣлываютъ преимущественно рисъ, пшеницу и ячмень. Рожь они считаютъ ни во что и не сѣютъ ея; если же иногда зерна ея попадутся въ пшеницѣ, изъ которой она собственно и происходитъ, то на нихъ смотрятъ тамъ также, какъ мы смотримъ на куколь или плевелы во ржи. Объ овсѣ они даже и вовсе не знаютъ. Кромѣ того, они воздѣлываютъ много проса, чечевицы, бобовъ и гороху. Горохъ у нихъ двухъ родовъ: овечій (стручковый), называемый у нихъ нагутъ (Nagud), и обыкновенный, который они называютъ кюлюль (Külül).

Они засѣваютъ также цѣлыя поля дивнымъ (клещевиннымъ) деревомъ (Ricinus) какъ его у насъ называютъ, у Персовъ же кюнджютъ (Küntzüt) называемымъ. Изъ сѣмянъ его бьютъ масло, на вкусъ сладковатое и пріятное, которое называется ими ширбахтъ (Schirbacht) и употребляется въ кушаньяхъ. Крестьяне же ѣдятъ это растеніе, вмѣсто лакомства, просто въ зернахъ, смѣшивая его съ коринкой и струковитымъ горохомъ.

Хлопчатая бумага (Pambech) возделывается почти во всѣхъ областяхъ, и ею засѣваются цѣлыя страны; растетъ она кустарни-

ГЛАВА VII.

О свойствѣ воздуха (климата), болѣзняхъ, почвѣ земли и произведеніяхъ Персидской страны.

Страна Персовъ лежитъ отъ равноденственника въ 25 градусахъ и простирается на сѣверъ до 37 градуса; по этому она находится вся въ умѣренномъ поясѣ (zona temperata). Суровый скалистый Тавръ проходитъ посреди всей страны и, отбрасывая отъ себя тамъ и сямъ свои отроги, въ разныхъ мѣстахъ получаетъ различныя наименованія. Въ слѣдствіе прохожденія этого хребта и воздухъ въ разныхъ областяхъ оказывается различный. Въ областяхъ, у которыхъ горы лежатъ на сѣверѣ, лѣтомъ бываетъ великій жаръ; въ тѣхъ же, у которыхъ горы на югѣ, пріятный и умѣренный воздухъ. Отсюда произошло то, что Персидскіе Цари искони перемѣняли, въ извѣстныя времена года, свои мѣстопребыванія и удалялись въ разныя области. Писатель Leonicus Tomaeus (De varia historia. Basileae, 1531, lib. 3, cap. 94) считаетъ это въ нихъ роскошью и изнѣженностью, что они, по причинѣ воздуха, не хотятъ выносить уже ни какихъ неудобствъ; но, по моему мнѣнію, и другіе Государи не отвергли бы этого обыкновенія, если бъ находились въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Лѣтомъ Персидскіе Цари держали обыкновенно свой дворъ въ Экбатанѣ (теперь называемой Таврисомъ), которая, имѣя съ юго-западной стороны горы, даетъ сдѣсь пріятный и прохладный воздухъ. Зимою въ Сузѣ, въ нынѣшнемъ Сусистанѣ; ибо сдѣсь близко на сѣверѣ находится горный хребетъ, который, отражая солнечные лучи, дѣлаетъ мѣстность теплой и пріятной, какъ это видно изъ ея названія; ибо слово сусенъ (Susen) по Персидски значитъ лилія. Осенью и весной отправлялись они въ Персеполь и Вавилонъ, и проживали тамъ эти времена года. Такимъ удобствомъ воздуха Персидскіе Цари продолжаютъ пользоваться и понынѣ: Шахъ-Абасъ зимою любилъ область Масандеранъ, и жилъ тамъ въ Ферабатѣ. Шахъ-Сефи, часто объѣзжая страну свою (что дѣлаютъ Персидскіе Цари), останавливался и въ Таврисѣ, и въ Ардебилѣ, и въ Касвинѣ, гдѣ и держалъ свой дворъ по извѣстнымъ временамъ.

Кромѣ того, теперешняя столица Царя, Испагань, также удобна для проживанія въ ней и лѣтомъ и зимою; ибо лежитъ она на широкой равнинѣ, гдѣ горы удалены отъ нея на три мили, и гдѣ, по этому, воздухъ привольный и умѣренный, и въ самомъ городѣ, какъ выше помянуто, имѣются удобныя и прохладныя помѣщенія.

Перемѣну воздуха въ различныхъ мѣстахъ испытывали также и мы, не безъ тягостей, въ нашемъ путешествіи. Такъ какъ, по причинѣ сильныхъ жаровъ, днемъ ѣхать мы не могли, а путешествовали только ночью, то, когда бывали мы между горами, случалось иногда, если путь шелъ на югъ, что намъ напротивъ дулъ такой жаркій воздухъ, будто изъ печи; иногда же, когда мы поворачивали на востокъ, и при этомъ дулъ сѣверный вѣтеръ, мы ощущали такую сильную стужу, что остановившись, утромъ въ гостинницѣ, зябли до того, что большая часть нашихъ людей едва могли слѣзть съ лошадей и ходить на ногахъ. Мы испытывали тогда то же, что и Патріархъ Іаковъ, въ полѣ, у тестя своего, Лавана, именно: днемъ онъ изнемогалъ отъ жара и ночью отъ холода; [1] отъ этого-то, какъ помянуто выше, мы заболѣвали одинъ за другимъ, во время этого путешествія нашего.

Въ слѣдствіе такого различія воздуха, какъ легко догадаться, въ Персіи есть здоровыя и нездоровыя мѣстности и разныя обыкновенныя и опасныя болѣзни. Въ Ширванѣ и Гилянѣ въ особенности часты лихорадки; напротивъ воздухъ въ Таврисѣ считается за самый здоровый и цѣлительный, и жители тамъ никогда не заболѣваютъ лихорадкой; и если даже такой больной лихорадкою придетъ откуда либо въ Таврисъ, то у него тотчасъ же она прекращается. По этому Персіяне говорятъ, что городъ Таврисъ, или какъ произносятъ его Гилянцы, Тебрисъ (Tebris), получилъ и названіе свое отъ того, что въ немъ лихорадка у больнаго проходитъ; ибо слово Тебъ (Teb) значитъ у нихъ лихорадка, и рисъ (ris) вонъ. Кромѣ того у Персіянъ бываютъ и другія болѣзни, какъ, напримѣръ, кровавый поносъ (dysenteria), а иногда и моръ (язва, чума), хотя и

[1] Быт. 31, 40: Быхъ во дни жегомъ зноемъ, и студенію въ нощи.

ГЛАВА VII.

О свойствѣ воздуха (климата), болѣзняхъ, почвѣ земли и произведеніяхъ Персидской страны.

Страна Персовъ лежитъ отъ равноденственника въ 25 градусахъ и простирается на сѣверъ до 37 градуса; по этому она находится вся въ умѣренномъ поясѣ (zona temperata). Суровый скалистый Тавръ проходитъ посреди всей страны и, отбрасывая отъ себя тамъ и сямъ свои отроги, въ разныхъ мѣстахъ получаетъ различныя наименованія. Въ слѣдствіе прохожденія этого хребта и воздухъ въ разныхъ областяхъ оказывается различный. Въ областяхъ, у которыхъ горы лежатъ на сѣверѣ, лѣтомъ бываетъ великій жаръ; въ тѣхъ же, у которыхъ горы на югѣ, пріятный и умѣренный воздухъ. Отсюда произошло то, что Персидскіе Цари искони перемѣняли, въ извѣстныя времена года, свои мѣстопребыванія и удалялись въ разныя области. Писатель Leonicus Tomaeus (De varia historia. Basileae, 1531, lib. 3, cap. 94) считаетъ это въ нихъ роскошью и изнѣженностью, что они, по причинѣ воздуха, не хотятъ выносить уже ни какихъ неудобствъ; но, по моему мнѣнію, и другіе Государи не отвергли бы этого обыкновенія, если бъ находились въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Лѣтомъ Персидскіе Цари держали обыкновенно свой дворъ въ Экбатанѣ (теперь называемой Таврисомъ), которая, имѣя съ юго-западной стороны горы, даетъ сдѣсь пріятный и прохладный воздухъ. Зимою въ Сузѣ, въ нынѣшнемъ Сусистанѣ; ибо сдѣсь близко на сѣверѣ находится горный хребетъ, который, отражая солнечные лучи, дѣлаетъ мѣстность теплой и пріятной, какъ это видно изъ ея названія; ибо слово сусенъ (Susen) по Персидски значитъ лилія. Осенью и весной отправлялись они въ Персеполь и Вавилонъ, и проживали тамъ эти времена года. Такимъ удобствомъ воздуха Персидскіе Цари продолжаютъ пользоваться и понынѣ: Шахъ-Абасъ зимою любилъ область Масандеранъ, и жилъ тамъ въ Ферабатѣ. Шахъ-Сефи, часто объѣзжая страну свою (что дѣлаютъ Персидскіе Цари), останавливался и въ Таврисѣ, и въ Ардебилѣ, и въ Касвинѣ, гдѣ и держалъ свой дворъ по извѣстнымъ временамъ.

Кромѣ того, теперешняя столица Царя, Испагань, также удобна для проживанія въ ней и лѣтомъ и зимою; ибо лежитъ она на широкой равнинѣ, гдѣ горы удалены отъ нея на три мили, и гдѣ, по этому, воздухъ привольный и умѣренный, и въ самомъ городѣ, какъ выше помянуто, имѣются удобныя и прохладныя помѣщенія.

Перемѣну воздуха въ различныхъ мѣстахъ испытывали также и мы, не безъ тягостей, въ нашемъ путешествіи. Такъ какъ, по причинѣ сильныхъ жаровъ, днемъ ѣхать мы не могли, а путешествовали только ночью, то, когда бывали мы между горами, случалось иногда, если путь шелъ на югъ, что намъ напротивъ дулъ такой жаркій воздухъ, будьто изъ печи; иногда же, когда мы поворачивали на востокъ, и при этомъ дулъ сѣверный вѣтеръ, мы ощущали такую сильную стужу, что остановившись, утромъ въ гостинницѣ, зябли до того, что большая часть нашихъ людей едва могли слѣзть съ лошадей и ходить на ногахъ. Мы испытывали тогда то же, что и Патріархъ Іаковъ, въ полѣ, у тестя своего, Лавана, именно: днемъ онъ изнемогалъ отъ жара и ночью отъ холода; [1] отъ этого-то, какъ помянуто выше, мы заболѣвали одинъ за другимъ, во время этого путешествія нашего.

Въ слѣдствіе такого различія воздуха, какъ легко догадаться, въ Персіи есть здоровыя и нездоровыя мѣстности и разныя обыкновенныя и опасныя болѣзни. Въ Ширванѣ и Гилянѣ въ особенности часты лихорадки; напротивъ воздухъ въ Таврисѣ считается за самый здоровый и цѣлительный, и жители тамъ никогда не заболѣваютъ лихорадкой; и если даже такой больной лихорадкою придетъ откуда либо въ Таврисъ, то у него тотчасъ же она прекращается. По этому Персіяне говорятъ, что городъ Таврисъ, или какъ произносятъ его Гилянцы, Тебрисъ (Tebris), получилъ и названіе свое отъ того, что въ немъ лихорадка у больнаго проходитъ; ибо слово Тебъ (Teb) значитъ у нихъ лихорадка, и рисъ (ris) вонъ. Кромѣ того у Персіянъ бываютъ и другія болѣзни, какъ, на примѣръ, кровавый поносъ (dysenteria), а иногда и моръ (язва, чума), хотя и

[1] Быт. 31, 40: Быхъ во дни жегомъ зноемъ, и студенію въ нощи.

ГЛАВА VII.

О свойствѣ воздуха (климата), болѣзняхъ, почвѣ земли и произведеніяхъ Персидской страны.

Страна Персовъ лежитъ отъ равноденственника въ 25 градусахъ и простирается на сѣверъ до 37 градуса; по этому она находится вся въ умѣренномъ поясѣ (zona temperata). Суровый скалистый Тавръ проходитъ посреди всей страны и, отбрасывая отъ себя тамъ и сямъ свои отроги, въ разныхъ мѣстахъ получаетъ различныя наименованія. Въ слѣдствіе прохожденія этого хребта и воздухъ въ разныхъ областяхъ оказывается различный. Въ областяхъ, у которыхъ горы лежатъ на сѣверѣ, лѣтомъ бываетъ великій жаръ; въ тѣхъ же, у которыхъ горы на югѣ, пріятный и умѣренный воздухъ. Отсюда произошло то, что Персидскіе Цари искони перемѣняли, въ извѣстныя времена года, свои мѣстопребыванія и удалялись въ разныя области. Писатель Leonicus Tomaeus (De varia historia. Basileae, 1531, lib. 3, cap. 94) считаетъ это въ нихъ роскошью и изнѣженностью, что они, по причинѣ воздуха, не хотятъ выносить уже ни какихъ неудобствъ; но, по моему мнѣнію, и другіе Государи не отвергли бы этого обыкновенія, если бъ находились въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Лѣтомъ Персидскіе Цари держали обыкновенно свой дворъ въ Экбатанѣ (теперь называемой Таврисомъ), которая, имѣя съ юго-западной стороны горы, даетъ сдѣсь пріятный и прохладный воздухъ. Зимою въ Сузѣ, въ нынѣшнемъ Сусистанѣ; ибо сдѣсь близко на сѣверѣ находится горный хребетъ, который, отражая солнечные лучи, дѣлаетъ мѣстность теплой и пріятной, какъ это видно изъ ея названія; ибо слово сусенъ (Susen) по Персидски значитъ лилія. Осенью и весной отправлялись они въ Персеполь и Вавилонъ, и проживали тамъ эти времена года. Такимъ удобствомъ воздуха Персидскіе Цари продолжаютъ пользоваться и понынѣ: Шахъ-Абасъ зимою любилъ область Масандеранъ, и жилъ тамъ въ Ферабатѣ. Шахъ-Сефи, часто объѣзжая страну свою (что дѣлаютъ Персидскіе Цари), останавливался и въ Таврисѣ, и въ Ардебилѣ, и въ Касвинѣ, гдѣ и держалъ свой дворъ по извѣстнымъ временамъ.

Кромѣ того, теперешняя столица Царя, Испагань, также удобна для проживанія въ ней и лѣтомъ и зимою; ибо лежитъ она на широкой равнинѣ, гдѣ горы удалены отъ нея на три мили, и гдѣ, по этому, воздухъ привольный и умѣренный, и въ самомъ городѣ, какъ выше помянуто, имѣются удобныя и прохладныя помѣщенія.

Перемѣну воздуха въ различныхъ мѣстахъ испытывали также и мы, не безъ тягостей, въ нашемъ путешествіи. Такъ какъ, по причинѣ сильныхъ жаровъ, днемъ ѣхать мы не могли, а путешествовали только ночью, то, когда бывали мы между горами, случалось иногда, если путь шелъ на югъ, что намъ напротивъ дулъ такой жаркій воздухъ, будто изъ печи; иногда же, когда мы поворачивали на востокъ, и при этомъ дулъ сѣверный вѣтеръ, мы ощущали такую сильную стужу, что остановившись, утромъ въ гостинницѣ, зябли до того, что большая часть нашихъ людей едва могли слѣзть съ лошадей и ходить на ногахъ. Мы испытывали тогда то же, что и Патріархъ Іаковъ, въ полѣ, у тестя своего, Лавана, именно: днемъ онъ изнемогалъ отъ жара и ночью отъ холода; [1] отъ этого-то, какъ помянуто выше, мы заболѣвали одинъ за другимъ, во время этого путешествія нашего.

Въ слѣдствіе такого различія воздуха, какъ легко догадаться, въ Персіи есть здоровыя и нездоровыя мѣстности и разныя обыкновенныя и опасныя болѣзни. Въ Ширванѣ и Гилянѣ въ особенности часты лихорадки; напротивъ воздухъ въ Таврисѣ считается за самый здоровый и цѣлительный, и жители тамъ никогда не заболѣваютъ лихорадкой; и если даже такой больной лихорадкою придетъ откуда либо въ Таврисъ, то у него тотчасъ же она прекращается. По этому Персіяне говорятъ, что городъ Таврисъ, или какъ произносятъ его Гилянцы, Тебрисъ (Tebris), получилъ и названіе свое отъ того, что въ немъ лихорадка у больнаго проходитъ; ибо слово Тебъ (Teb) значитъ у нихъ лихорадка, и рисъ (ris) вонъ. Кромѣ того у Персіянъ бываютъ и другія болѣзни, какъ, напримѣръ, кровавый поносъ (dysenteria), а иногда и моръ (язва, чума), хотя и

[1] Быт. 31, 40: Быхъ во дни жегомъ зноемъ, и студенію въ нощи.

ГЛАВА VII.

О свойствѣ воздуха (климата), болѣзняхъ, почвѣ земли и произведеніяхъ Персидской страны.

Страна Персовъ лежитъ отъ равноденственника въ 25 градусахъ и простирается на сѣверъ до 37 градуса; по этому она находится вся въ умѣренномъ поясѣ (zona temperata). Суровый скалистый Тавръ проходитъ посреди всей страны и, отбрасывая отъ себя тамъ и сямъ свои отроги, въ разныхъ мѣстахъ получаетъ различныя наименованія. Въ слѣдствіе прохожденія этого хребта и воздухъ въ разныхъ областяхъ оказывается различный. Въ областяхъ, у которыхъ горы лежатъ на сѣверѣ, лѣтомъ бываетъ великій жаръ; въ тѣхъ же, у которыхъ горы на югѣ, пріятный и умѣренный воздухъ. Отсюда произошло то, что Персидскіе Цари искони перемѣняли, въ извѣстныя времена года, свои мѣстопребыванія и удалялись въ разныя области. Писатель Leonicus Tomaeus (De varia historia. Basileae, 1531, lib. 3, cap. 94) считаетъ это въ нихъ роскошью и изнѣженностью, что они, по причинѣ воздуха, не хотятъ выносить уже ни какихъ неудобствъ; но, по моему мнѣнію, и другіе Государи не отвергли бы этого обыкновенія, если бъ находились въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Лѣтомъ Персидскіе Цари держали обыкновенно свой дворъ въ Экбатанѣ (теперь называемой Таврисомъ), которая, имѣя съ юго-западной стороны горы, даетъ сдѣсь пріятный и прохладный воздухъ. Зимою въ Сузѣ, въ нынѣшнемъ Сусистанѣ; ибо сдѣсь близко на сѣверѣ находится горный хребетъ, который, отражая солнечные лучи, дѣлаетъ мѣстность теплой и пріятной, какъ это видно изъ ея названія; ибо слово сусенъ (Susen) по Персидски значитъ лилія. Осенью и весной отправлялись они въ Персеполь и Вавилонъ, и проживали тамъ этѣ времена года. Такимъ удобствомъ воздуха Персидскіе Цари продолжаютъ пользоваться и понынѣ: Шахъ-Абасъ зимою любилъ область Масандеранъ, и жилъ тамъ въ Ферабатѣ. Шахъ-Сефи, часто объѣзжая страну свою (что дѣлаютъ Персидскіе Цари), останавливался и въ Таврисѣ, и въ Ардебилѣ, и въ Касвинѣ, гдѣ и держалъ свой дворъ по извѣстнымъ временамъ.

Кромѣ того, теперешняя столица Царя, Испагань, также удобна для проживанія въ ней и лѣтомъ и зимою; ибо лежитъ она на широкой равнинѣ, гдѣ горы удалены отъ нея на три мили, и гдѣ, по этому, воздухъ привольный и умѣренный, и въ самомъ городѣ, какъ выше помянуто, имѣются удобныя и прохладныя помѣщенія.

Перемѣну воздуха въ различныхъ мѣстахъ испытывали также и мы, не безъ тягостей, въ нашемъ путешествіи. Такъ какъ, по причинѣ сильныхъ жаровъ, днемъ ѣхать мы не могли, а путешествовали только ночью, то, когда бывали мы между горами, случалось иногда, если путь шелъ на югъ, что намъ напротивъ дулъ такой жаркій воздухъ, будьто изъ печи; иногда же, когда мы поворачивали на востокъ, и при этомъ дулъ сѣверный вѣтеръ, мы ощущали такую сильную стужу, что остановившись, утромъ въ гостинницѣ, зябли до того, что большая часть нашихъ людей едва могли слѣзть съ лошадей и ходить на ногахъ. Мы испытывали тогда то же, что и Патріархъ Іаковъ, въ полѣ, у тестя своего, Лавана, именно: днемъ онъ изнемогалъ отъ жара и ночью отъ холода; [1] отъ этого-то, какъ помянуто выше, мы заболѣвали одинъ за другимъ, во время этого путешествія нашего.

Въ слѣдствіе такого различія воздуха, какъ легко догадаться, въ Персіи есть здоровыя и нездоровыя мѣстности и разныя обыкновенныя и опасныя болѣзни. Въ Ширванѣ и Гилянѣ въ особенности часты лихорадки; напротивъ воздухъ въ Таврисѣ считается за самый здоровый и цѣлительный, и жители тамъ никогда не заболѣваютъ лихорадкой; и если даже такой больной лихорадкою придетъ откуда либо въ Таврисъ, то у него тотчасъ же она прекращается. По этому Персіяне говорятъ, что городъ Таврисъ, или какъ произносятъ его Гилянцы, Тебрисъ (Tebris), получилъ и названіе свое отъ того, что въ немъ лихорадка у больнаго проходитъ; ибо слово Тебъ (Teb) значитъ у нихъ лихорадка, и рисъ (ris) вонъ. Кромѣ того у Персіянъ бываютъ и другія болѣзни, какъ, напримѣръ, кровавый поносъ (dysenteria), а иногда и моръ (язва, чума), хотя и

[1] Быт. 31, 40: Быхъ во дни жегомъ зноемъ, и студенію въ нощи.

Они бодрѣе носятъ свою ношу, когда слышатъ пріятное пѣніе или звукъ и звонъ; по этому Персіяне привязываютъ нѣкоторымъ верблюдамъ по два бубенчика около колѣнъ, а на шею вѣшаютъ колокольчикъ. Арабы по этому же самому, когда отправляются въ путь черезъ пустыню, берутъ съ собою всякій разъ барабанъ, или бубны, какъ подробнѣе упомянуто мною объ этомъ въ Персидской «Долинѣ Розъ,» въ 23 разсказѣ 2-й книги.

Удивительно какую превосходную память и желаніе отомстить своему оскорбителю имѣютъ верблюды, и какъ долго питаютъ они гнѣвъ въ такомъ случаѣ. Такъ, если кто сдѣлалъ верблюду какое насиліе, или ужь черезъ чуръ больно побилъ его, то онъ не можетъ забыть этого, и долгое время, иногда даже цѣлый годъ, терпитъ, а потомъ, чуть представится случай, разражается мщеніемъ. По этому Персіяне о неуживчивомъ, или зломъ, человѣкѣ говорятъ: «У него гнѣвъ верблюда.» Примѣръ такой мстительности, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Персіи, видѣлъ и разсказалъ мнѣ одинъ хорошій пріятель мой, Гансъ Георгъ Фарсъ (Hans Georg Fars), Персіянинъ, состоящій нынѣ начальникомъ артиллеріи Его Княжеской Свѣтлости (Герцога Голштинскаго), а именно: въ Ерванѣ случилось, что одинъ верблюдъ, бывши въ течкѣ, оставленъ былъ съ незавязанной мордой, и онъ укусилъ за руку шедшаго передъ нимъ возчика (прислужника). Возчикъ поколотилъ верблюда, давши ему порядочное количество тяжкихъ ударовъ палкою по шеѣ (мѣсто наиболѣе чувствительное у верблюдовъ). Верблюдъ въ этомъ же путешествіи выждалъ случай, и когда однажды караванъ сдѣлалъ привалъ подъ открытымъ небомъ, и верблюда опять оставили, покормивши его, съ незавязанной мордой, то ночью онъ поднялся, сталъ искать своего обидчика, и нашелъ его лежащимъ подлѣ другихъ верблюдовъ, съ ногами, подсунутыми, ради тепла, подъ верблюжью грудь (по ихнему обыкновенію), и покрытаго одѣяломъ. Отыскавши такимъ образомъ возчика, верблюдъ вытащилъ его и истоптал до смерти, будто мѣшокъ, наполненный киселемъ и костями. Отецъ убитаго возчика, бывшаго единственнымъ у него сыномъ, принесъ судьѣ жалобу, и ему присужденъ былъ виновный верблюдъ, въ его полное распоряженіе, и такимъ рѣшеніемъ хозяинъ верблюда, разумѣется, остался доволенъ. Послѣ этого, если желчь

есть основаніе гнѣва, principium irae, какъ говоритъ Целій Родигинъ (Cael. Rodiginus), въ 29-й книгѣ, главѣ 19-й (Lectiones antiquae. 1550, pag. 1132), то какъ понимать то, что пишетъ Плиній (lib. 9, pod. 17), будто верблюдъ, также какъ лошадь и оселъ, ни какой желчи не имѣютъ? Также не могъ дознать я и того, правду ли пишетъ онъ въ 8-й книгѣ, въ главѣ 18-й, будто верблюдъ, по природѣ своей, питаетъ ненависть къ лошади; это говоритъ и Ксенофонтъ: «Equi Camelos fugiunt» (Basiliae, 1572, книг. 7, стр. 140). Когда я спрашивалъ объ этомъ у Персіянъ, то они шутя, съ улыбкою отвѣчали мнѣ: «Да, говорятъ, что верблюды по справедливости могутъ гнѣваться на лошадей; ибо носятъ гораздо большую тягость и получаютъ худшій кормъ, чѣмъ лошади. И когда они останавливаются вмѣстѣ на ночлегъ въ селеніи, то лошадь можетъ найти себѣ пристанище въ какой ни будь избѣ, гдѣ обыкновенно дверь небольшая, верблюдъ же, по громадности своей, долженъ оставаться больше на дворѣ и быть доволенъ уже тѣмъ, если иногда лошадь помѣстятъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ верблюжьемъ стойлѣ. Вообще же, очень обыкновенно, что въ одномъ караванѣ находятся верблюды, лошади и ослы (какъ это извѣстно), и часто животныя эти помѣщаются близко другъ съ другомъ. Но Плиній справедливо пишетъ, что самки верблюдовъ ходятъ тельныя 12 мѣсяцевъ, прежде чѣмъ даютъ дѣтеныша. Совокупленіе же свое (congressum) самцы и самки совершаютъ не такъ, какъ говорятъ нѣкоторые, retrorsum (хотя стоя въ стойлѣ самцы держатъ членъ свой обращеннымъ назадъ, что и могло дать поводъ къ такому заключенію; при случкѣ же обращаютъ его обыкновеннымъ образомъ), но также, какъ и другія животныя, «sed faemina genubus incumbente, et quamvis camelus ingentis magnitudinis sit animal, memorum tamen virile (ultra tres pedes quidem longum) crassitiem nucis avellanae non excedit.»

Такъ какъ верблюды дороги и очень полезны для возки тяжестей, то ихъ не легко употребляютъ въ пищу, и бываетъ это только тогда, когда, изнемогши подъ тяжестью вьюка (что случается въ слѣдствіе бойкой комковатой дороги), верблюдъ падаетъ, или когда его ужалитъ мегере, или если онъ такъ заболѣваетъ чѣмъ либо: въ такихъ случаяхъ его убиваютъ и ѣдятъ. Способъ убоя верблюда такой: дѣлаютъ ему два удара, или над-

рѣза, въ шею: одинъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ шея соединяется съ головою, другой же тамъ, гдѣ она соединяется съ грудью; если убить его иначе, то, говорятъ, верблюдъ нескоро издыхаетъ.

Лошадей въ настоящее время Персіяне держатъ въ великомъ множествѣ, и большею частію лошади этѣ съ красивой головой, ушами, шеей и бедрами. Въ древности область Мидія (Media) славилась тѣмъ, что въ ней водились лучшія и роскошнѣйшія лошади, которыхъ называли «equos nobiles Nisaeos,» отъ города того же имени, о чемъ смотри Геродота (Herod. lib 3, cap. 106), и Амміяна Марцеллина (Ammianus Marcell. lib. 23, pag. 27). То были любимыя лошади Царей Персидскихъ, какъ свѣдѣтельствуетъ Страбонъ (lib. 11, pag. 365), и кто хотѣлъ показаться въ полномъ своемъ великолѣпіи, тотъ садился на такую лошадь, какъ это видно у Геродота, въ 9-й книгѣ, въ главѣ 20-й

Хотя и теперь еще Мидійскія лошади, особенно попадающіяся въ Эршекѣ, не вдалекѣ отъ Ардебиля, также составляютъ очень хорошую породу, но Персіяне отдаютъ преимущество Арабскимъ лошадямъ, которыя считаются теперь важнѣйшими изъ любимыхъ Царскихъ лошадей; ибо онѣ обладаютъ прекрасной головой, шеей, крестцомъ, грудью, бедрами и вообще всѣмъ, чего только можно пожелать отъ природы лошади. Послѣ Арабскихъ они очень цѣнятъ Турецкихъ, особенно тѣхъ, которыя водятся въ Туркоманіи и этѣхъ лошадей у нихъ множество. Шахъ имѣетъ свои собственные конскіе заводы въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно же въ Эршѣ, Ширванѣ, Карабахѣ и Моганѣ, гдѣ находятся лучшіе луга. Лошадей своихъ Персіяне употребляютъ главнымъ образомъ для верховой ѣзды, нѣкоторыхъ только для возки тижестей и въ Мюрсурѣ не многодля упряжи въ двуколескахъ своихъ; телѣгъ четырехколесныхъ у нихъ вовсе нѣтъ. И такъ какъ они особенные любители лошадей и славятся также конницей (въ которой на войнѣ, въ древности, по свѣдѣтельству Амміяна Марцеллина (Amm. Marcell. lib. 24, pag. 291) состояла, до и нынѣ состоитъ ихъ, главная сила), то они заботливо держатъ и холятъ лошадей своихъ. Для лошадиной подстилки они не берутъ ни соломы, ни чего подобнаго, но употребляютъ собственной лошадиный навозъ, который сушатъ на солнцѣ и накла-

дываютъ за тѣмъ на полъ конюшни на цѣлую пядень вышины, и на такой-то подстилкѣ лошади лежатъ также мягко, какъ на хлопчатой бумагѣ, и если подстилка эта хоть немного смокнетъ въ стойлѣ, то ее берутъ вонъ и снова просушиваютъ. Въ такомъ положеніи Персіяне окутываютъ еще лошадей волосянымъ одѣяломъ, подбитымъ мягкимъ войлокомъ. Они привязываютъ также путами, или веревкою, лошадей за заднія ноги къ колышку, вбитому въ землю, и говорятъ, что дѣлаютъ это для того, чтобы тамъ, гдѣ много стоитъ лошадей, онѣ не могли лягать другъ друга. Я нахожу, что это былъ даже и древній обычай у Персовъ; ибо Ксенофонтъ пишетъ о немъ, какъ о существовавшемъ еще до временъ Александра Великаго, какъ это явствуетъ изъ его 3-й книги (p. 245) de exp. Cyri, и онъ полагаетъ, что древніе дѣлали это для того, что если лошадь сорвется съ повода, то все таки убѣжать она никуда не можетъ; но это доставляло имъ и большое неудобство на войнѣ, когда требовалось неожиданно скакать скорѣе. Лошадей своихъ Персіяне ни къ чему болѣе не пріучаютъ, какъ только къ быстрому бѣгу и чтобы онѣ не были пугливы, и такую быстро бѣгущую лошадь они называютъ бадъпай (Bad pay), т. е. ноги-вѣтеръ. У многихъ бѣлыхъ и съ сѣрыми яблоками лошадей своихъ, ради красы, Персіяне окрашиваютъ хвосты, гривы, а у нѣкоторыхъ даже бедра и брюхо красною, или желтопомеранцевою краскою. О томъ, какъ составлять этѣ краски и красить ими, сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Персіяне очень щеголяютъ украшеніями лошадей; отъ этого, чуть только дозволяютъ достатки, убираютъ ихъ уздечками, сѣдлами и попонами, обитыми золотомъ и серебромъ и изящно вышитыми, подобно тѣмъ, которыя подарили Царь и знатные Вельможи нашимъ Посланникамъ, какъ объ этомъ было выше упомянуто. Это былъ древній еще придворный обычай Персовъ, бывшій въ ходу еще во времена Царя Ксеркса, какъ свѣдѣтельствуетъ о томъ Діонисій (Dionisius de situ orbis p. 1132).

На разубранныхъ такимъ образомъ лошадяхъ отправлялись и на войну, какъ видно изъ примѣра Масистія (Masistii), начальника конницы въ Ксерксовомъ войскѣ, о чемъ говорится у Геродота въ 9-й книгѣ, главѣ 20-й.

Персіяне держатъ и множество муловъ, особенно для верховой ѣзды во время путешествій, и на нихъ ѣздятъ также знатные Вельможи и даже самъ Царь. Мулы оказали намъ, по причинѣ ихъ спокойнаго шага, большую услугу, когда мы впали въ изнеможеніе во время нашего путешествія и все таки должны были продолжать путь. Они цѣнятся также дорого, какъ и лошади, и хоть сколько ни будь порядочный мулъ стоитъ до ста рейхсталеровъ. Мнѣ говорили, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Персіи водятся бѣлые мулы, весьма дорого стоющіе и присылаемые только въ даръ Царю и Ханамъ; но я самъ не видѣлъ такихъ ни одного.

Ословъ, перевозящихъ тяжести, въ Азіи всегда водилось болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ свѣта; въ Персіи же, я полагаю, ихъ болѣе, чѣмъ въ остальныхъ Восточныхъ странахъ, и въ Испаніи мы видѣли ихъ въ неисчислимомъ множествѣ. Такъ какъ тамъ возка на телѣгахъ не въ большомъ обычаѣ, то на всѣхъ улицахъ встрѣчается бездна вьючныхъ ословъ. Погонщики этѣхъ ословъ имѣютъ на кнутахъ цѣпочку съ примой (Prime, Tzarwedar), которой позванивая, постоянно подгоняютъ ословъ, при томъ то и дѣло покрикиваютъ на нихъ. По этому у нихъ есть поговорка:

«Два осла и двѣ лѣнивыя женщины требуютъ порядочнаго погонщика.

ГЛАВА IX.

О садовыхъ растеніяхъ и плодахъ.

Такъ какъ Персія страна теплая, въ которой лѣто продолжительнѣе зимы, и въ теченіи лѣта погода въ ней болѣе постоянная и ясно-солнечная, то въ ней растутъ превосходные садовые плоды, служащіе не только для удовлетворенія потребностей поварни, но и для наслажденія лакомствомъ. Что касается до обыкновенныхъ поварныхъ овощей, то тамъ есть все, что и въ Германіи, но только многіе изъ нихъ крупнѣе и вкуснѣе. По-

мимо другихъ поварныхъ овощей, упомяну здѣсь только о лукѣ, который въ области Тарумъ (Tarum), граничащей съ Халхалемъ (Calchal), такой громадный, что одна луковица вѣситъ 3 фунта. Капуста сафо попадается тамъ величиной съ голову, растетъ красиво-курчавая, хорошо водится и имѣетъ пріятный вкусъ.

Персіяне большіе охотники до дынь, разводятъ ихъ въ громадномъ количествѣ, и дыни этѣ тамъ сладкія, будто сахаръ, по чему ихъ ѣдятъ тамъ безъ сахару, и Персіяне даже смѣялись, услыхавши, что мы ѣдимъ дыни съ сахаромъ. Такія дыни, какія бываютъ у насъ въ Голштиніи, хотя бы самыя лучшія, они ставятъ ни во что. Настоящихъ же своихъ дынь у нихъ тоже двѣ породы, именно: лѣтнія и зимнія дыни. Лѣтнія дыни, называемыя кермекъ (Kermek), отъ кермъ (Kerm), тепло, суть раннія, созрѣваютъ въ Іюнѣ, желтыя какъ воскъ и самыя сладкія. Другія же, харбусеи паси (Charbusei pasi) (арбузы?), созрѣваютъ только осенью, большія, отъ 30, 40 и до 50 фунтовъ вѣсомъ, могутъ быть сберегаемы не только въ теченіи зимы, но и на цѣлый годъ. Персіяне большіе знатоки ухаживать за ними и сберегать ихъ свѣжими, и сберегаемыя ими дыни такъ хороши, что во время привоза новыхъ, прошлогоднія какъ разъ купишь за свѣжія, если не обратишь вниманія на различіе, обнаруживающееся при подавленіи кожицы. Ихъ вѣшаютъ между камышемъ или тростникомъ, который срѣзывается зеленый и проспособляется къ этому особымъ образомъ. Такимъ же способомъ Персіяне сберегаютъ на цѣлый годъ виноградъ и другіе плоды.

Есть еще тамъ другой, особый родъ дынь, называемыхъ шаммаме (Schammame), величиной не болѣе померанца, разписанныхъ красными и зелеными пятнами, между которыми кожица очень шероховата. Дыни этѣ на вкусъ вовсе не сладкія, но имѣютъ весьма пріятный запахъ, и именно ради этого запаха и разноцвѣтныхъ красокъ Персіяне носятъ ихъ въ рукахъ и играютъ ими. Персидскіе поэты также пользуются этѣми дынями, при описаніяхъ красоты и прелестей дѣвицъ, говоря собственно о персяхъ послѣднихъ. По запаху своему дыни этѣ получили и свое имя Schemmame, отъ Арабскаго слова Schammeh, что значитъ замѣтный, видный. Господинъ Якобъ Голій (Jacobus Golius) также

упоминаетъ объ этѣхъ дыняхъ въ своемъ Арабскомъ лексиконѣ на стран. 1309. Есть у Персіянъ и арбузы, которые они называютъ гиндуане (Hinduane), по происхожденію ихъ изъ Индіи; сдѣсь арбузы этѣ еще болѣе тѣхъ, какіе мы видѣли въ Астрахани и о коихъ я уже говорилъ при описаніи этого города. Такъ какъ такой громадный плодъ растетъ, лежа на землѣ на тоненькомъ стеблѣ, плоды же громадныхъ и высокихъ Грецкихъ деревьевъ очень малы, то различіе это дало поводъ Персидскимъ поэтамъ къ слѣдующему стиху, въ которомъ намекается на то, какъ нѣкоторые великіе господа приносятъ часто на свѣтѣ мало пользы, и какъ, напротивъ, ничтожные простые люди доставляютъ иногда огромную пользу:

درختي كيرندكان ازان بوزوركي
درختي هندوانه ال اكبر

Drachti kirdekan es ohn busurki,
Drachti Hinduane! Alla ekber!

Что значитъ:

Съ великаго Грецкаго дерева падаетъ очень маленькій плодъ,
А длинный и слабый стебель арбуза приноситъ громадный плодъ.
Кто бы искалъ тебя, Hinduane, на такомъ стеблѣ.
Такъ-то устроено это на свѣтѣ, Тобою, Боже великій!

Персіяне имѣютъ нѣсколько видовъ тыквы и, между прочимъ, одинъ видъ у насъ, въ Германіи, не обыкновенный, у нихъ же кабахъ (Kabach) называемый, а въ Травникахъ Cucurbita lagenaria, величиною съ голову человѣка, даже больше, съ длинной, какъ у гуся, шеей, съ головою на верху, какъ видно это на изображеніи впаденія рѣки Волги около Астрахани. Употребляютъ ихъ тогда, когда онѣ еще зелены и не совершенно созрѣли; когда же онѣ совсѣмъ поспѣютъ, то наружная кожица ихъ дѣлается такою твердою, какъ древесная кора, и такою непроницаемою, какъ кожа. Мясо тогда совершенно ссыхается такъ, что въ нихъ уже ни чего не остается, кромѣ сѣмянъ. Самую кожицу высушенную Персіяне употребляютъ вмѣсто чана для воды и вообще вмѣсто посуды для питья.

У Персіянъ есть еще плодъ намъ, Нѣмцамъ, не извѣстный, называемый ими падинджанъ (Padintzan), величиной и наружнымъ видомъ похожій на малыя дыни, или на спѣлый уже огурецъ, и растетъ онъ подобно послѣднему. Плодъ вездѣ зеленый, только снаружи у стебля синеватый. Сѣмя у него круглое, нѣсколько продолговатое, какъ барбарисовая ягода. Сырой его не ѣдятъ, по тому что онъ горьковатъ; вареный же и жареный въ маслѣ доставляетъ пріятное кушанье.

О винограднѣ.

Виноградъ въ Персіи превосходный и во всѣхъ областяхъ растетъ большими сладкими кистями; но Магометане, по закону своему, не могутъ выдѣлывать изъ него ни какого вина, ни пить его, хотя многіе изъ нихъ не соблюдаютъ этого послѣдняго запрещенія. Причиною такого запрещенія приводятъ они довольно забавное сказаніе, которое для шутки я разскажу здѣсь. Было два Ангела, по имени Аротъ и Маротъ (Aroth, Maroth), которыхъ Богъ послалъ съ неба на землю, чтобы они творили между людьми судъ и правду, при чемъ онъ далъ имъ троякій запретъ, именно: они не должны никого убивать, не должны судить неправедно, и не пить ни какого вина. Во исполненіе такого запрета Ангелы довольно долгое время управляли на землѣ хорошо. Но однажды случилось, что одна молодая, непомѣрно красивая женщина, не поладивши съ своимъ мужемъ, пришла съ жалобою на него къ нимъ, какъ къ своимъ обычнымъ судьямъ; для того же, чтобы склонить ихъ на свою сторону и достигнуть желаемаго ею рѣшенія, или суда, она хотѣла задобрить ихъ, и пригласила ихъ къ себѣ въ домъ попировать съ нею. Ангелы охотно согласились на приглашеніе, и когда сѣли за столъ, то красавица, между прочими напитками, принесла и прекрасное вино и упрашивала Ангеловъ выпить его; хотя Ангелы сначала и сильно отнѣкивались, но, послѣ долгихъ просьбъ и неоднократныхъ обольстительныхъ предложеній прекрасной женщины, они наконецъ уступили и стали пить кубокъ за кубкомъ. Когда же наконецъ вино распалило Ангеловъ, то въ нихъ возбудилось грѣховное пожеланіе къ хозяйкѣ, и они не долго уже думали, стали просить ее раздѣлить съ ними ложе. Красавица согласилась уступить ихъ желаніямъ, но съ слѣдую-

щимъ условіемъ, чтобы прежде одинъ изъ нихъ открылъ ей дорогу, по которой они сошли съ неба, а другой, по которой они всходятъ на небо. Ангеламъ понравилось это предложеніе: они открыли ей обѣ этѣ дороги, послѣ чего она тотчасъ же поднялась и ушла на небо. Когда Богъ увидалъ красавицу на небѣ, то спросилъ, откуда она пришла туда? Красавица разсказала все, какъ было дѣло, изъ котораго цѣломудріе ея обнаруживалось какъ нельзя яснѣе, по чему, тронутый этѣмъ, Богъ восхотѣлъ прославить ее и обратилъ ее въ звѣзду Венеру, для того, чтобы она, бывши на землѣ прекраснѣйшею изъ женщинъ, точно также и на небѣ была блистательнѣйшею изъ звѣздъ. Ангеловъ же Богъ потребовалъ къ себѣ на судъ, и объявилъ имъ такой приговоръ: такъ какъ они, помимо своего проступка, сдѣлали на землѣ много добраго, то Богъ предоставилъ имъ самимъ избрать себѣ наказаніе, которое было бы срединою между вѣчнымъ и временнымъ.

По этому, по ихъ собственному желанію, они были повѣшены на желѣзной цѣпи за ноги, въ одной безднѣ, называемой Бебиль (Bebil) и лежащей между Вавилономъ и Бесретомъ (Bessreth), гдѣ и должны висѣть до Страшнаго Суда.

Такъ какъ вино причиняетъ такое нечестіе, то Магумедъ, по велѣнію Бога, справедливо запретилъ употребленіе его. Но Персіяне, будучи большими охотниками до вина, и желая въ то же время хоть чѣмъ ни будь удовлетворить требованіе закона, рѣшили тѣмъ, что сами ни какого вина не дѣлаютъ, а предоставляютъ это Армянскимъ Христіянамъ, которыхъ, ради этой причины, и терпятъ вездѣ у себя въ городахъ и по селеніямъ, и у нихъ уже покупаютъ вино. Но Армяне этѣ не умѣютъ изготовлять вина такъ хорошо, какъ Европейцы. Они сберегаютъ его въ большихъ выжженныхъ кружкахъ, въ которыхъ вмѣщается по ому [1] (Ohm) и болѣе вина, ставятъ его въ малыхъ узкихъ погребахъ, или же зарываютъ въ землю, но не оттягиваютъ (не очищаютъ) его при этомъ. Иногда, когда вино недовольно красно, его

[1] Особая мѣра жидкостей. Прим. Перев.

подсвѣчиваютъ краснымъ деревомъ, или шафраномъ. Бѣлое же вино они не ставятъ ни во что. Но Персіянамъ позволяется употреблять виноградное сусло и дѣлать изъ него сиропъ, называемый у нихъ душабъ (Duschab); они варятъ сусло это до того долго, что изъ него остается только шестая часть, которая дѣлается густою и льется какъ масло. При употребленіи этого масла или душабъ, его мѣшаютъ съ водою и не большимъ количествомъ уксусу, каковая смѣсь даетъ довольно пріятный напитокъ, которымъ угощалъ меня Шамахинскій Минадримъ или Астрологъ, на утроенной имъ для меня пирушкѣ, какъ объ этомъ говорилъ я выше.

Иногда Персіяне варятъ душабъ этотъ такъ густо, что его можно рѣзать только, и путешествующіе люди обыкновенно засушиваютъ его, берутъ съ собою въ дорогу и, по мѣрѣ надобности, разводятъ его въ водѣ, для питья своего.

Заговоривъ объ этомъ варенномъ до суха виноградномъ суслѣ, вспомнилъ я объ одномъ славномъ изобрѣтеніи, заявленномъ славнымъ химикомъ, Г-мъ Іоанномъ Рудольфомъ Глауберомъ (Iohan Rudolph, Glauber), моимъ добрымъ другомъ, а именно: будто 5-ть возовъ [1] вина могутъ быть перевезены на одной телѣжкѣ съ такими же незначительными издержками, какія нужны только для перевоза одного воза вина; для этого стоитъ только извлечь изъ винограда, описаннымъ сейчасъ способомъ просушки, найбольшую часть воды, и за тѣмъ, въ своемъ мѣстѣ, снова подлить ее въ опредѣленномъ количествѣ, изъ самотечной ключевой воды. Не упускается ли при этомъ изъ виду, что виноградъ, прежде чѣмъ еще начнетъ бродить, долженъ потерять спиртъ отъ жара при высушеніи сусла? Искуство это слѣдовало бы испытать. Персіяне примѣшиваютъ иногда душабъ въ вино, особенно жители области Келекъ; ибо вино ихъ не такъ сладко, какъ въ южныхъ областяхъ. Съ такою примѣсью вино получаетъ вкусъ, подобный Испанскому вину.

---

[1] По Нѣм. das Fuder, по Франц. le foudre, возъ вина, тоже особая мѣра жидкости, содержащая 6 омовъ, или 480 кружекъ. Прим. Перев.

Въ Таврисѣ изъ такого душаба дѣлаютъ Персіяне еще особое лакомство, или конфекты, называемыя у нихъ халва (Helwà); при чемъ они примѣшиваютъ въ душабъ размельченный миндаль, пшеничную муку и ошелушеные Грецкіе орѣхи; все это вмѣстѣ сдавливается въ длинноватыхъ мѣшкахъ и дѣлается такимъ твердымъ, что въ зимнее время лакомство это рубить можно только косарями, или топорами. Изъ такого же тѣста приготовляютъ они въ длинноватыхъ формахъ, на подобіе колбасъ, конфекты, называемыя ими суджухъ (Sutzuch), въ срединѣ которыхъ помѣщаютъ, или замѣшиваютъ нитку изъ бумажной матеріи, въ родѣ парусинной нитки, на которой собственно и держится вся конфекта.

Въ Персіи растетъ много видовъ винограда; самый сладкій и лучшій растетъ въ Ширасѣ и Таврисѣ; самый же лучшій изъ растущаго въ Таврисѣ Персіяне называютъ таберсегъ (Taberseh): онъ попадается и въ другихъ мѣстахъ, но сдѣсь найболѣе; ягоды этого винограда продолговатыя, безъ зеренъ, и могутъ держаться цѣлую зиму. Другой родъ винограда кесеки (Keseki), желтоватый и чрезвычайно сладкій, растетъ болѣе всего въ Тарумѣ, Таврисѣ и Ордебатѣ. Отъ этого послѣдняго винограду, если не въ мѣру поѣсть его, легко получить кровавый поносъ (dysenteriam).

Персидская коринка темножелтоватая, крупнѣе нашей, и лучшая получается изъ Баваната (Bawanat), лежащаго при Гератѣ, и называется кишмишъ (Kischmisch). Кромѣ того, есть еще два необыкновенныхъ вида винограда, подобныхъ которому нѣтъ въ Германіи. Первый Персіяне называютъ галлаже (Hallage), ягоды котораго болѣе полутора дюйма въ длину и дюймъ въ ширину, цвѣта темноватаго, съ жесткимъ мясомъ, безъ особой сочности, также безъ зеренъ, и могутъ быть сберегаемы до другого лѣта. Другой необыкновенный видъ винограда есть энкури Аали дереси (Enkuri Aaly deresi); кисти его очень велики, въ полълоктя длиною; ягоды величиной съ Испанскія сливы, темнокрасноватыя, очень сочны, но не могутъ быть долго сберегаемы, и по тому ихъ ѣдятъ только свѣжія; этотъ виноградъ нигдѣ не растетъ, кромѣ какъ въ Иранѣ, и именно только между Ордебатомъ и Ходдаферіномъ (Choddaferin); послѣдній есть мостъ, или проходъ, о которомъ

скажу еще въ другомъ мѣстѣ. Отъ чего виноградъ этотъ получилъ свое названіе, Персіяне разсказываютъ слѣдующую исторію: Однажды зимою прибылъ въ это мѣсто ихъ великій, святой чудотворъ, и когда его встрѣтилъ сдѣсь виноградарь или садовникъ, то Аали сказалъ ему: «Дай мнѣ поѣсть винограду!» Садовникъ отвѣчалъ, что не возможно сдѣсь достать винограду въ зимнее время; тогда Аали приказалъ ему пойти въ виноградникъ, гдѣ онъ найдетъ его вдоволь. Виноградарь повѣрилъ словамъ Аали, пошелъ въ виноградникъ, и нашелъ тамъ на лозахъ превосходнѣйшія и громадныя виноградныя кисти, какихъ онъ никогда не видывалъ. Отсюда-то этотъ родъ винограда и получилъ свое названіе Enkuri Aaly deresi, т. е., виноградъ въ узкой долинѣ Аали.

Древесные плоды.

Изъ древесныхъ плодовъ у Персіянъ есть всякаго рода, общіе съ нашими, а также и чуждые роды. Между прочими есть одинъ родъ грушъ, называемый ими мелледже (Melletzö); груши этѣ растутъ въ Ордебатѣ, цвѣтомъ и наружнымъ видомъ почти похожи на лимонъ; имѣютъ пріятный запахъ, довольно странный вкусъ, и чрезвычайно сочны.

Гранаты, миндаль и фиги или винныя ягоды растутъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но особенно въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ и горахъ Гилянскихъ. Дикія гранаты всѣ кислы, и ихъ множество находится около рѣкъ въ Карабахѣ. Персіяне вынимаютъ изъ нихъ зерна, высушиваютъ ихъ и продаютъ ихъ въ другихъ мѣстахъ подъ названіемъ нарданъ (Nardan) (отъ Nar гранатовое яблоко). Зерна этѣ Персіяне употребляютъ для того, чтобы сдѣлать свои кушанья темноватыми и кисловатыми; для этого ихъ размачиваютъ въ водѣ и выжимаютъ изъ нихъ сокъ сквозь полотно. Они также выварываютъ и свѣжій сокъ изъ гранатъ, изготовляютъ и сберегаютъ его, подкрашиваютъ имъ обыкновенно на пиршествахъ свое Сарачинское пшено, которому придаютъ тѣмъ и пріятную кислоту. Для такого же употребленія служитъ имъ также и плодъ извѣстнаго у насъ красильнаго дерева (Sumach). Персіяне вообще охотники до кисловатыхъ соковъ, которые употребляютъ чистыми и въ своихъ кушаньяхъ; по этому изъ нихъ немногіе только подвергаются скорбуту, болѣзни, къ сожалѣнію, у насъ довольно распространенной.

Что касается до остальныхъ древесныхъ плодовъ, каковы наринджъ (Narintz), померанцы, лимоны, мешмеши (Meschmeschi), а прикосы, шаптала (Schafftala) и персики и проч., которые частію разведены и въ нашей странѣ, частію растутъ и воздѣлываются только въ Персіи, то я не считаю нужнымъ много писать о нихъ. Плоды этѣ въ различныхъ мѣстахъ бываютъ различной доброты и достоинства. Персіяне обыкновенно считаютъ, что въ Ештѣ и Касвинѣ растутъ лучшія гранаты, въ Карабазѣ самыя крупныя; въ Испагани лучшія дыни, въ Касвинѣ лучшіе персики, въ Таврисѣ лучшіе априкосы; въ Лагеджанѣ и Киланѣ лучшія шелковичныя деревья.

О шелковичныхъ деревьяхъ и шелковичныхъ червяхъ.

Шелковичныя деревья привожу и исчисляю я по справедливости между садовыми плодовитыми деревьями, по тому что Персіяне имѣютъ цѣлые огороженные сады, засаженные ими. Деревья этѣ сутъ не что иное, какъ шелковицы или тутовыя деревья съ бѣлыми и красными ягодами, которыя Персіяне разсаживаютъ весьма густо и часто, такъ что человѣкъ едва можетъ пройти межъ ними; ихъ не пускаютъ рости выше пяти съ половиной футовъ для того, чтобъ человѣку вездѣ можно было достать и обрѣзывать вѣтьви ихъ. Листва ихъ дается въ кормъ шелковичнымъ червямъ. Все производство съ шелковичнымъ червемъ дѣлается слѣдующимъ образомъ: весною, когда тутовое дерево распустится и покроется листьями, Персіяне берутъ сѣмя шелковичныхъ червей и въ небольшомъ мѣшечкѣ держатъ его подъ мышкою полдня, а иногда и цѣлый день. Въ слѣдствіе теплоты червячки въ сѣмени пробуждаются и выползаютъ вонъ; тогда ихъ помѣщаютъ на листья тутоваго дерева, положенныя на деревянномъ блюдѣ. Къ этѣмъ листьямъ ежедневно подбавляютъ свѣжихъ, при чемъ слѣдуетъ весьма остерегаться, чтобы не попало на нихъ ни какой мокроты, или влаги. На листьяхъ червячки сидятъ и кормятся пять дней, за тѣмъ три дня они уже не ѣдятъ и спятъ. Въ это время они бываютъ уже такой величины, какъ сырные червячки. Послѣ сна червячковъ помѣщаютъ въ сарайчикъ или устроенныя для того нарочно чистыя покойцы, которыя обыкновенно простираются болѣе въ длину. Въ Киланѣ Персіяне устроиваютъ для этого особые домики, на по-

добіе нашихъ кирпичныхъ сараевъ. Балки или брусы вездѣ уложены шахтами или расщепленными жердями, изъ которыхъ у насъ дѣлаютъ обыкновенно обручи, на жерди набрасываютъ цѣлыя вѣтви и пруты со всѣми листьями, на которые сажаютъ шелковичныхъ червей, и каждый день опять прибавляютъ свѣжихъ вѣтвей. Когда же червячки совсѣмъ станутъ большими и будутъ по этому ѣсть много, то свѣжихъ прутьевъ съ листьями подбавляютъ по два и по три раза въ день. Наконецъ червячки принимаютъ видъ гусеницы, и тогда сарайчики, въ которыхъ они помѣщаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть отверстія и доступъ къ червячкамъ, покрываются сѣткой, чтобы птица не поклевала червей.

Въ это время, прежде чѣмъ червячки достигнутъ совершенной зрѣлости и способности прясть, они снова спятъ 8 дней. При этомъ надо хорошенько присматривать, чтобы къ нимъ не касался грязный человѣкъ, или не чистая женщина, иначе они тотчасъ околѣваютъ и какъ бы растаеваютъ, расплываются въ своей собственной влагѣ. Послѣ семи недѣль сидѣнья ихъ на полномъ корму, наступаетъ время пряденья ихъ, и тогда они уже ѣсть не могутъ, а изъ верхняго ихъ отверстія, изъ горла, показывается нитка, которую они слѣпляютъ, и прядутъ изъ нея вокругъ себя помѣщеньица (коконы). Тогда покой или сарай, въ которомъ они помѣщены, крѣпко закрывается, и сторожатъ, чтобы ни чья чуждая рука не имѣла въ него доступа. Черезъ 12 дней покой снова открывается, и тамъ находятъ: сколько прежде было червячковъ, столько и коконовъ (помѣщеньицъ или домиковъ), видомъ и величиною похожихъ на сливу. Найбольшіе изъ нихъ выбираются и откладываются на племя (сѣмена), остальныя же тысячами бросаются въ жестяной котелъ съ горячей водой, въ которомъ отъ того образуется нѣчто въ родѣ соуса или кашицы. Въ этой кашицѣ бьютъ коконы розгами, или особо приготовленной для того метелкой, отъ чего на прутьяхъ этой метелки нацѣпляются нитки, которыя за тѣмъ собираютъ и разматываютъ. Червячки, или коконы, которые оставались отложенными и оказывались въ тонкой кожицѣ, выбрасываются вонъ; тѣ же, которые должны служить для разводу, на племя, выкладываются на столъ и менѣе 14-ти дней вылупливаются (прогрызаютъ личинку), и изъ нихъ выползаютъ бѣлыя бабочки или бѣлыя

капустницы. Самцы и самки бѣгаютъ сдѣсь вмѣстѣ, кладутъ за тѣмъ болѣе чѣмъ по сотнѣ яицъ, величиною въ маковое зерно, послѣ чего оба ложатся и умираютъ. Этѣ яички или сѣмена сберегаются не въ жаркомъ, но и не въ холодномъ мѣстѣ до слѣдующей весны, когда съ ними поступаютъ прежнимъ же порядкомъ. Великое чудо природы открывается намъ въ этомъ маленькомъ червячкѣ, именно въ его работѣ, въ измѣненіяхъ, которымъ онъ подвергается, и наконецъ въ его плодѣ, или произведеніи. Торговля шелкомъ доставляетъ Персіянамъ огромные доходы, и многіе изъ нихъ, особенно имѣющіе по нѣскольку описанныхъ сараевъ, богатѣютъ отъ этѣхъ червячковъ.

Вотъ все о плодахъ, которые сдѣшняя страна доставляетъ своимъ обитателямъ, для содержанія и пропитанія ихъ. Къ этому могутъ быть также причислены нефтяные колодцы при Баку; также превосходнѣйшія соляныя горы и копи (ямы), находящіяся въ разныхъ мѣстахъ страны, какъ, на примѣръ, въ Нахичеванѣ (Nachtschuan), гдѣ добывается лучшая соль и свѣтлая, какъ кристалъ (Sal gemmae). Онѣ находятся также въ Кульбѣ, Урумѣ, Кемрѣ, Гемеданѣ, Бисетунѣ, Сульдусѣ и Килисимѣ (Kilissim).

Разработываемыхъ рудниковъ въ странѣ немного, хотя и есть желѣзныя рудныя горы при Масулѣ и Кенджѣ; при Масулѣ добывается и разработывается лучшее желѣзо, которое такъ гибко, что даже холодное подъ молоткомъ выдѣляется на малые куски. Хотя между Серабомъ и Міаномъ есть извѣстныя и золотыя и серебряныя мины, но Персіяне говорятъ, что разработывать ихъ нѣтъ ни какихъ выгодъ; ибо въ мѣстности этой нѣтъ лѣсу для плавки этѣхъ рудъ. Такой же недостатокъ въ топливѣ ощущается и во многихъ другихъ областяхъ. По этому, если даже отыщутся по всѣмъ признакамъ и хорошіе прiиски, то для разработки руды въ нихъ нельзя найти охотниковъ.

Тавръ и нѣкоторыя другія скалистыя мѣстности отъ солнечнаго жара выжжены до черна. Между Пирмарусомъ и Шамахой мы видѣли у дороги одну высокую гору изъ шпата, Lapidibus Specularibus, которые на солнцѣ блестѣли какъ настоящій алмазъ.

ГЛАВА X.

О происхожденіи и названіи Персіянъ.

Что касается до самыхъ Персіянъ, то я буду описывать такъ, какъ нашелъ ихъ по наружному виду, одеждѣ, природѣ, нравамъ, въ свѣтскомъ и духовномъ состояніи и по другимъ обстоятельствамъ. Въ этой же главѣ скажу я также о томъ, какъ назывались они въ различныя времена.

Геродотъ упоминаетъ (lib. 7, c. 105), что посолъ Ксеркса, Царя Персидскаго, заявлялъ Грекамъ, что они, Персы, ведутъ свое начало отъ Греческаго Князя Персеса (Perses), который былъ сыномъ Персея (Perses), рожденнаго Андромедой, и что, слѣдовательно, они суть происхожденія Греческаго. Амміянъ же Марцелинъ (lib 31, p. 469) говоритъ, что происхожденіе Персіянъ—Скиѳское. Скиѳы всегда славились своимъ воинскимъ искусствомъ и умѣньемъ ловко стрѣлять изъ лука. «Unde etiam Persae, говоритъ онъ, qui originitus Scythae, pugnandi sunt peritissimi». Скиѳами называетъ ихъ и Плиній, въ 6-й книгѣ, главѣ 17-й. Евреи въ древности называли ихъ Эламитами, отъ Персидской области Эламъ (Elam), какъ это видно изъ Пророка Исаіи и Дѣяній Апостольскихъ (гл. II, 11). Въ настоящее время они называются также, какъ и въ началѣ, и какъ назывались они у большинства историческихъ писателей и у насъ, Персами (Perser). Нѣкоторые называютъ ихъ и Софіанами (Sofianer), отъ Софи, основателя ихъ секты (Вѣры). Сами же себя Персіяне, въ отличіе отъ Турокъ, которыхъ они именуютъ Суннами (Sunni), называютъ Шаи (Schai), отъ Аали (Aaly), котораго они уподобляютъ Шаху. Такое же названіе даютъ имъ и Турки, въ отличіе ихъ Вѣры. Они называются также Кизиль-башами (Kisilbasch), красная голова, каковое названіе дано было имъ вначалѣ Турками, какъ бранное. Теперь же Персіяне сами полюбили это названіе, охотно дозволяютъ называть себя такимъ образомъ и полагаютъ, что въ названіи этомъ скрывается великая тайна ихъ Вѣры и оно доставляетъ имъ великую честь. Я нахожу, что названіе это у нѣкоторыхъ Европейскихъ писателей пишется раз-

лично; такъ его пишутъ: Cuselbas, Quezelbach и Querzelbach. Собственно же оно должно писаться: Kisilbasch, такъ какъ оно есть Турецкое слово, состоящее изъ Kisil, قزل красный, а также и золото, и Basch, باش голова. Большинство писателей именно говоритъ, что это значитъ красная голова; но весьма немногіе только упоминаютъ о томъ, отъ чего Персамъ дано такое имя. Правда, нѣкоторые писатели говорятъ, что оно произошло отъ красной, съ 12 складками, шапки, которую носятъ Персіяне; но отъ чего Персіяне, и при томъ отъ чего не всѣ, а только нѣкоторые носятъ красныя шапки, писатели этѣ не упоминаютъ.

Хотя Іовій и пишетъ въ своей Исторіи (Basileae, 1678), lib. 13, p. 236, а заимствуя изъ него, повторяетъ и Бизаръ въ книгѣ 10, на стр. 267, что изобрѣтатель такой шапки былъ нѣкто Техелій (Techellis), ученикъ Гардуэля (discipulus Harduellis), иначе Эйдеръ называемый, но они ошибаются, точно также, какъ и Іовій ошибается въ томъ, что считаетъ Гардуэля основателемъ Персидской секты, и что секта эта возникла будто бы во время Лютера; ибо она существовала уже за долго прежде, какъ это будетъ скоро доказано. По этому онъ справедливо опровергается Минадомъ (Minadoo, lib. 2 Belli Turco-Persici. Francofurti, 1601), p. 531.

Обо всемъ этомъ я хочу представить сдѣсь благосклонному читателю настоящее свѣдѣніе, какое я самъ слышалъ отъ свѣдущихъ Персіянъ, и какое частію извлекъ я изъ книгъ на Персидскомъ языкѣ, хранящихся въ Княжеской Готторфской библіотекѣ. Свѣдѣніе это заключается въ слѣдующемъ: Когда Персіяне черезъ Софи, основателя ихъ секты, отдѣлились отъ Турецкаго исповѣданія и стали возвышать и почитать Аали выше ложныхъ наслѣдниковъ Магумеда, Омара, Османа и Абубекера, то они захотѣли, чтобы и 12 ближайшихъ потомковъ Аали (имена которыхъ исчислены будутъ ниже, когда будетъ рѣчь о Вѣрѣ Персіянъ) были также почитаемы, какъ ихъ Святые и Имамы. Въ ознаменованіе этого и было установлено, чтобы духовныя лица Персіянъ носили шапки съ 12-ю складками, по прилагаемому сдѣсь образцу.[1]

[1] См. подлин. стр. 582, т. е., точь въ точь какъ тыква. О. Б.

Когда же послѣ этого Турки неоднократно ходили войной на Персіянъ, побѣждали ихъ (о чемъ читайте Бизара «De rebus Persicis») и мучили Персидскихъ духовныхъ, которыхъ пайболѣе ненавидѣли они за отпаденіе отъ ихъ Вѣры, то шапки этѣ во многихъ мѣстностяхъ вышли изъ употребленія. За тѣмъ Шахъ Измаилъ Великій снова возсталъ противъ Турокъ, которые заняли уже почти всю Персію. Онъ разослалъ изъ Килана, въ который вынужденъ былъ бѣжать отъ Турокъ, гонцовъ въ главнѣйшія области и города и велѣлъ тамъ объявить опасность, грозящую странѣ и Вѣрѣ ихъ отъ владычества Турокъ, и увѣщевать жителей, чтобы они собрались къ нему и помогли изгнать изъ отечества врага, съ обѣщаніемъ, что если онъ снова получитъ царство свое, освобожденное отъ непріятеля, то всѣ, оказавшіе ему дѣйствительную въ томъ помощь, сдѣлаются на вѣчныя времена съ своими потомками людьми свободными, которые не будутъ облагаемы ни какою податью. Это воззваніе понравилось Персіянамъ, они поспѣшно собрали войско въ триста тысячъ человѣкъ, сдѣлали первое нападеніе на Ардебиль, гдѣ основатель ихъ секты, Шахъ-Софи, почтенъ былъ гробницею, и выгнали оттуда Турецкій гарнизонъ, безъ сопротивленія. Сдѣсь области составили съ Царемъ союзъ, отдать свое имущество и кровь за Вѣру ихъ и Царя. Въ знакъ этого Царь приказалъ изготовить описанныя выше шапки съ 12-ю складками, означавшія 12 ихъ Имамовъ, и одарилъ ими воиновъ. Но такъ какъ нельзя было тамъ тотчасъ найти запасъ краснаго сукна, то одинъ бачмачникъ въ Ардебилѣ сдѣлалъ первыя 12 шапокъ изъ краснаго сафьяну и подарилъ ихъ Царю, который и роздалъ ихъ важнѣйшимъ изъ Офицеровъ; послѣ этого всѣ уже, кто только участвовалъ въ этой Измаилитской войнѣ, носили такія шапки. Когда Турки увидѣли на воинахъ красныя шапки, то и прозвали Персіянъ красноголовыми, Kisilbasch. Шапки этѣ должны быть краснаго цвѣта, означая золотую корону, которой весьма былъ достоинъ Аали, считавшійся Персіянами за близко-родственнаго съ божествомъ и называемый ими Шахомъ, или Царемъ. Отсюда такія шапки назывались у нихъ тачь (Tatsch),—корона. Персіяне по этому бываютъ очень довольны, когда ихъ называютъ красными или золотыми головами. Оставшіеся и понынѣ потомки Аали носятъ подобныя же шапки; но онѣ обматываются обыкновенно особой повязкой и называются такіе (Takie).

Но подобно тому, какъ въ настоящее время не всѣ Персіяне, но только не многіе изъ видѣнныхъ нами, и именно только потомки помянутыхъ выше союзниковъ поколѣнія Софи (Suffian) и Аали, носятъ такія шапки, точно также и не всѣ Персіяне называются безразлично Кизильбашами (Kisilbasch), но только именно сказанные потомки. Кромѣ того, названіе это носятъ и Царскіе тѣлохранители и важнѣйшіе изъ воинскихъ прислужниковъ при Царскомъ дворѣ, и за тѣмъ Курджи (Kurtzi), стрѣлки изъ лука. Царскіе тѣлохранители изъ рода товарищей союза цѣнятся, ради мужества и вѣрности предковъ ихъ, также высоко, какъ и Швейцарцы при Императорскомъ Римскомъ Дворѣ.

ГЛАВА XI.

О видѣ и сложеніи Персіянъ.

Что касается до вида и сложенія Персіянъ, то они росту средняго. Ксенофонтъ (Basileæ, 1572) въ своей Рѣчи de Agesilao, на стр. 518, говоритъ, что Персіяне въ его время вообще были тучны. Амміянъ же Марцелинъ (Hamburg, 1609) пишетъ противное: «Graciles fere sunt omnes, subnigri et livido colore pallentes,» и это повторяетъ онъ и въ книгѣ 24, на стр. 303. Я держусь теперь свѣдѣтельства Марцелина и нахожу, что большинство Персіянъ худощавы, но крѣпки членами (крѣпкаго сложенія); лицомъ темножелтоватые и имѣютъ вообще ястребиные съ горбиной носы. Такой носъ былъ у Кира, и по тому Персіяне всѣ любятъ изогнутые съ горбиной носы.

Мужч ны гладко брѣютъ волосы на головѣ, именно черезъ каждые 8 дней. По этому у нихъ нѣтъ того, что пишетъ Сенека въ 124 письмѣ: «Parthorum crines effluere,» т. е., они носили длинные волосы. Это могло относиться только къ Сеидамъ (Seid), потомкамъ Магумеда, которые носили на головѣ длинные волосы, такъ какъ такіе носилъ и Магумедъ. Но Персіяне носятъ за то длинные, висящіе въ низъ, усы, и чѣмъ длиннѣе они могутъ

отпустить ихъ, тѣмъ болѣе это нравится имъ. Подбородокъ они также брѣютъ, за исключеніемъ ихъ Пировъ (Pyhr), старыхъ, святыхъ людей, которые изможданотъ тѣло свое воздержаніемъ въ пищѣ и питіи, постоянно молятся и представляютъ собой добрый примѣръ благочестія; этѣ люди отпускаютъ длинныя и широкія бороды и бакенбарды, подобно Русскимъ, и такія бороды у нихъ въ большомъ почетѣ.

Есть еще особый родъ людей въ Персіи, которые никогда не подстригаютъ усовъ, но отпускаютъ ихъ длинными, висящими черезъ ротъ, такъ что люди этѣ, также какъ и наши лѣнивые крестьяне, только черезъ усы этѣ и могутъ хлебать питье. Люди этѣ называются Суффи (Suffi), и говорятъ, что Аали носилъ такіе длинные висячіе усы, а въ честь его и они должны отпускать такіе же усы.

Причину же, по которой Аали носилъ длинные усы, Персіяне объясняютъ слѣдующимъ баснословнымъ сказаніемъ: Когда Магумеда потребовали къ Богу на небо (о чемъ говорится въ Алкоранѣ его, Azoara 27), то Аали тоже поднялся за нимъ туда, и тамъ этого послѣдняго не хотѣли было сначала впустить, когда онъ постучался у воротъ неба. Но Аали сказалъ: «Это стучится Schir Chodda, Божій Левъ», по этому его впустили, и тамъ онъ увидѣлъ, какъ Ангелы угощали Магумеда драгоцѣннымъ напиткомъ. Когда же и ему, Аали, поднесли полную чашу того напитка, то онъ обмочилъ въ этой дорогой влагѣ свои усы; стало, съ его стороны было бы грѣхомъ, если бъ онъ послѣ того остригъ, или утратилъ хотя бы одинъ волосъ изъ своихъ усовъ. Басня эта находится въ Персидской «Долинѣ розъ», на стр. 89.

Рыжихъ волосъ Персіяне рѣшительно терпѣть не могутъ, не долюбливаютъ также и сѣдыхъ волосъ, но чрезвычайно уважаютъ черные какъ смоль волосы, въ слѣдствіи чего у нихъ въ обычаѣ и въ большомъ ходу красить волосы. Для этого они берутъ траву съ сѣменемъ, которую называютъ они весме (Wesme) и привозятъ изъ Вавилона. Трава эта въ сборникахъ травъ очень похожа на Securidaca, если только не есть она самая; Персіяне крошутъ ее мелко, примѣшиваютъ къ ней гранатовую корку, нѣ-

сколько мыла и желтаго мышьяку, варятъ все это въ водѣ, и такимъ настоемъ мажутъ волосы. За тѣмъ они снова обмываютъ ихъ щелокомъ, въ которомъ разведена негашеная известь. Они собираютъ также весною влагу, вытекающую изъ подрѣзанныхъ виноградныхъ розъ, и жидкостью этой смачиваютъ мужчины свои усы, а дѣвицы волосы (которые они носятъ заплетенные въ нѣсколько косъ, спереди и сзади длинно ниспадающихъ по спинѣ и плечамъ), полагая, что отъ этого будутъ расти длинные и черные волосы.

У Персіянъ также въ большомъ употребленіи, равно какъ и у всѣхъ Турокъ (какъ свѣдѣтельствуетъ о томъ Geuffracus, lib. 2, »De Religione et cerem. Turcarum. Basileae 1573, pag. 63), красить руки красножелтой краской; нѣкоторые же красятъ ею только одни пальцы и ногти. Такіе ногти похожи на ногти нашихъ кожевниковъ. Другіе красятъ всѣ руки и ноги, и у Персидскихъ невѣстъ это составляетъ необходимое украшеніе. Такая краска на свадьбахъ даже открыто выставляется и удѣляется гостямъ. Краской этой нѣкоторые красятъ и трупы, особенно дѣвицъ, что бы онѣ могли показаться изящно убранными для двухъ Ангеловъ, ихъ examinatoribus въ гробу (о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже, при описаніи погребенія умершихъ). Сказанная краска добывается изъ растенія, которое они называютъ хинне (Chinne); листья этого растенія почти такія же, какъ зелень сладкаго дерева, или, еще ближе, какъ у мирты. Сѣется оно и собирается въ области Эракъ. Для употребленія его высушиваютъ, трутъ мелко, какъ муку, смачиваютъ сокомъ кислаго граната, или лимона, или же только негодною водою, и смѣсью этой мочатъ руки. Если хотятъ потемнѣе окрасить руки, то нѣкоторые трутъ ихъ для этого посильнѣе свѣжими кистьями изъ Волошскаго орѣха. Краска эта остается цѣлые 14 дней, хотя бы ежедневно умывались водою.

ГЛАВА XII.

Объ одеждѣ Персіянъ, именно мужской.

Что касается до одежды Персіянъ и того, какими они представляются въ ней, то объ этомъ хотя кратко, но вѣрно и хорошо говоритъ Амміянъ Марцелинъ слѣдующее (pag. 279, Hamburgi, 1609): «Persae adeo dissoluti sunt, ut artuum laxitate, vagoque incessu jactantes se, ut effaminatos existimes, cum tamen sint celeberrimi bellatores». Одежда виситъ у нихъ вокругъ тѣла распущенно и небрежно, и издали мужчины кажутся въ нихъ женщинами; ходятъ они, покачиваясь, словно гуси, со стороны на сторону, особенно же ихъ женщины, и я мало видѣлъ Персіянъ, которые бы имѣли важную и почтенную походку. Я полагаю, что это происходитъ отъ ихъ образа сидѣнья; ибо всѣ они, какъ портные во Франціи, сидятъ на землѣ, поджавши подъ себя и положивши ноги одна на другую, въ слѣдствіе чего они еще съ дѣтства привыкаютъ не прямо опираться на бедра. Отъ чего же Персіяне пришли къ употребленію такой полуженской одежды, о томъ сообщаетъ свѣдѣніе Діодоръ (Hannoviae, 1604), во 2-й книгѣ, на стр. 94, будто одежда эта введена была Семирамидой, и случилось это такимъ образомъ: однажды, когда Царь Нинъ воевалъ съ Бактріянами, и осадилъ главный городъ ихъ, Бактры, то между другими знатными начальниками онъ имѣлъ при себѣ и Менона, Правителя Сирійскаго. У этого Менона была чрезвычайно красивая и отмѣнно умная жена, по имени Семирамида (бывшая въ послѣдствіи женою Царя Нина и построившая Вавилонскія стѣны), и такъ какъ осада затянулась долѣе, чѣмъ предполагалось, то нетерпѣливый въ любви Менонъ выписалъ къ себѣ въ станъ жену свою. Для того же, чтобы она безопаснѣе совершила свое къ нему путешествіе, на которое требовалось нѣсколько дней, онъ приказалъ ей сдѣлать и надѣть особое платье, по которому нельзя было бы узнать, мущина ли то, или женщина. Когда она прибыла въ станъ и когда, по ея мудрому совѣту, осажденный городъ скоро былъ взятъ, то она вошла у всѣхъ (по тому еще, что была и чрезвычайно красива) въ великое уваженіе, и такъ какъ всѣ находили при этомъ, что и одежда ея также способна украшать, то Мидяне, равно какъ и

Персы, начали подражать ей и въ одеждѣ. «Tantaqde vestis gratia erat, говоритъ онъ, ut Medi postea et Persae Asia potiti, Semiramidis stolam gestarent». Позднѣе Царю Киру, по извѣстнымъ причинамъ, тоже понравилась такая одежда, и онъ совѣтовалъ носить ее своимъ людямъ; ибо она придавала красивый и величественный видъ и ею ловко можно было скрыть тѣлесный недостатокъ, что подробнѣе можно читать у Ксенофонта въ 8-й книгѣ, на стр. 163 (Basileae, 1572). Обозримъ одежду Персіянъ по порядку.

Мужчины носятъ на головѣ большія толстыя повязки (чалмы) изъ бумажныхъ и ситцевыхъ платковъ, обмотанныхъ одинъ на другомъ, и повязки этѣ называются мендиль (Mendil); ткутся платы этѣ обыкновенно съ пестрыми полосами, и нѣкоторые изъ нихъ прошиты золотыми нитками; длиною они обыкновенно въ 16 — 18 локтей. У духовныхъ лицъ, особенно же у Гафисъ (Hafis), повязки вообще бѣлыя, равно какъ и остальная одежда ихъ. Нѣкоторые оставляютъ назади у мендиля конецъ, висящій въ полъ локтя, другіе же не дѣлаютъ этого. Сеиды (Seid), т. е., тѣ, которые славятся происхожденіемъ отъ Магумеда и считаются его потомками, носятъ такіе концы только зеленаго цвѣта, или должны носить только такіе, хотя нѣкоторые, изъ угожденія придворному обычаю, перестаютъ носить ихъ. Нѣкоторые Персіяне, даже великіе господа, носятъ мохнатыя шапки, внутри и снаружи обложенныя курчавымъ, Бухарскимъ бараньимъ мѣхомъ. На обшивкѣ этѣхъ шапокъ мѣхъ виситъ длиною съ палецъ, и шерсть этого мѣха на ощупь мягкая, какъ шелкъ; шапки этѣ также высоко цѣнятся, какъ у насъ бобровыя шляпы, и за такую шапку, если она красива, надо заплатить 50 Любецкихъ марокъ или 16 рейхсталеровъ слишкомъ. Описанные мендили и шапки Персіяне носятъ зимою и лѣтомъ, и удивительно какъ могутъ они въ сильные лѣтніе жары держать такъ тепло голову въ такихъ мендиляхъ и шапкахъ. Такъ какъ головы ихъ привыкли къ этому, то они становятся у нихъ мягковаты (изнѣженны), не могутъ долго оставаться открытыми и совершенно не въ состояніи выносить ни малѣйшаго прохладнаго воздуху. Сдѣсь приведу я то, что пишетъ Геродотъ въ 3-й книгѣ, а именно: однажды Персіяне имѣли съ Египтянами такую жестокую битву, что съ обѣихъ сторонъ на городскомъ валу осталось множество убитыхъ;

кости убитыхъ каждымъ изъ этѣхъ народовъ сложены были въ отдѣльныя мѣста; но такъ какъ съ теченіемъ времени нѣкоторые черепа перемѣшались другъ съ другомъ, то различали ихъ только по тому, что черепа Персіянъ были такъ мягки и хрупки, что ихъ можно было пробить небольшимъ черепкомъ и легко раздробить; черепа же Египтянъ были такъ тверды, что ихъ едва можно было разбить большимъ крѣпкимъ камнемъ. Геродотъ самъ видѣлъ этѣ черепа и слышалъ отъ жителей этого мѣста объясненіе причины такого явленія, именно, что черепа Египтянъ крѣпки будьто отъ того, что съ дѣтства они брили головы свои, такъ съ непокрытыми головами ходили на солнцѣ, отъ чего и головы ихъ затвердѣли отъ солнечнаго жара. Черепа же Персіянъ мягки и хрупки по тому, что Персіяне постоянно кутаютъ свои головы въ теплыхъ Tiaris, или мендиляхъ, и шапкахъ. Такія шапки и повязки они не снимаютъ, ни когда молятся, ни при встрѣчѣ съ знатными, ни даже съ самимъ Шахомъ. По этому у нихъ теперь не въ обычаѣ уже, что пишетъ Евстафій (Eustathius) in Dionys. de situ orbis, именно, что если Персы хотятъ привѣтствовать кого, то снимаютъ съ головы повязку; вмѣсто этого они теперь только кланяются и прикладываютъ руку къ сердцу. Они носятъ длинные, до лядвей достигающіе, кафтаны изъ бумажной и шелковой матеріи разныхъ пестрыхъ цвѣтовъ. Бумажные кафтаны ихъ вообще украшены набивными или нарисованными цвѣтами; а по тому справедливо въ этомъ отношеніи говоритъ Амміянъ на стр. 280: «Indumenta lumine colorum fulgentia vario». Кафтаны этѣ выстегиваются на хлопчатой бумагѣ, подобно нашимъ тюфякамъ, напереди закидываются пола на полу и завязываются подъ мышкой лѣвой руки. На бедрахъ Персіяне повязываются особымъ платкомъ или поясомъ, называемымъ джаркеси (Tzarkesi), по тому что онъ бываетъ длиною въ 4 локтя. Если же чуть дозволяютъ достатки, то сверхъ этого они опоясываются еще другимъ, щегольскимъ шелковымъ поясомъ, который они называютъ шалью (Schal). Шали этѣ, равно какъ и платы на мендили, покупаются Индійскія, которыя вообще лучше и красками прочнѣе, чѣмъ Персидскія. Молла или Священникъ Персидскій, если носитъ такой поясъ, то снимаетъ его, когда стоитъ предъ алтаремъ, или готовится къ молитвѣ, въ знакъ своего смиренія передъ Богомъ. За такими поясами Персіяне носятъ иногда кин-

жалъ, ножъ, носовой платокъ, деньги, а если это писарь, то и всѣ письменныя принадлежности, точильный камень, а также и письма, подобно тому, какъ Русскіе носятъ все это въ сапогахъ. Поверхъ описаннаго кафтана Персіяне познатнѣе, а также и самъ Шахъ, носятъ еще короткіе плащи или капишоны, называемые курди (Kurdi), достигающіе только до бедеръ; плащи эти безъ рукавовъ, спереди отвороты у нихъ сбложены, или обвѣшены до низу соболемъ, какъ у насъ женскія шубки. Когда Персіяне выходятъ куда, или выѣзжаютъ верхомъ, то посверхъ такой одежды надѣваютъ еще одинъ кафтанъ, обыкновенно шелковый, шитый золотыми цвѣтами; кафтанъ этотъ называется Якубъ Кани (Jakub Cahni), по имени того Шаха, который первый сталъ носить и ввелъ въ употребленіе его. Штаны у нихъ изъ бумажной матеріи, подъ колѣнами съуживаются, достигаютъ до щиколодки, надѣваются прямо на голое тѣло и шнуромъ собираются въ складки; чулки они носятъ суконные, скроенные безъ всякаго фасону, по чему всегда спускаются и мотаются около ногъ. Многіе Персіяне носятъ чулки изъ зеленаго сукна, что приводитъ въ негодованіе Турокъ, и составляетъ также остатокъ несогласія въ ихъ Вѣрахъ. Турки говорятъ, что Магумедъ носилъ шапку изъ зеленаго сукна, а этотъ цвѣтъ Персіяне безчестятъ, нося его на ногахъ. Башмаки у Персіянъ, кефсъ (Kefs), остроносые, съ низкими задками, такъ что они надѣваютъ ихъ, какъ мы наши туфли, легко и прямо, и тотчасъ снова могутъ снять ихъ. Если они хотятъ походить, или посидѣть у себя въ комнатахъ, то всегда снимаютъ башмаки и ставятъ ихъ у двери. Я часто удивлялся, когда въ Шамахѣ ходилъ бывало къ Хану, и онъ засѣдалъ въ Судѣ, какое множество паръ башмаковъ всегда стояло тамъ у двери: точно тамъ была башмачная лавка. Къ башмакамъ обыкновенно приставляется сторожъ, который, когда посѣтители выходятъ, подаетъ имъ башмаки особой палочкой, сдѣланной на подобіе вилки.

ГЛАВА XIII.

Объ одеждѣ женщинъ.

Одежда женщинъ еще легче мужской; онѣ не опоясываются вокругъ тѣла, штаны и рубахи носятъ по образцу мужчинъ; чулки у нихъ большею частію изъ краснаго и зеленаго бархата; на головѣ онѣ не носятъ ни какихъ особенныхъ украшеній, но заплетаютъ волосы въ косы, которыя и висятъ у нихъ спереди и сзади. Вокругъ щекъ и подбородка онѣ надѣваютъ рядъ, или два, жемчуга, или пряжки, такъ что у нихъ почти все лицо завѣшено жемчугомъ и пряжками, какъ это можно видѣть, съ изображеніемъ и остальной Персидской одежды, на прилагаемомъ при семъ рисункѣ. [1] Я полагаю, что подобный жемчугъ и пряжки были весьма древнимъ Восточнымъ украшеніемъ, ибо на нихъ указывается въ высокой пѣснѣ Соломона, именно тамъ говорится: твои ланиты прекрасно окаймлены пряжками, и шея твоя въ цѣпяхъ. [2] Дѣвицы носятъ также въ правой ноздрѣ кольца, съ драгоцѣнными каменьями, подобно описаннымъ выше Татарамъ; пальцы свои онѣ украшаютъ кольцами, а руки широкими, изъ листоваго серебра выбитыми, браслетами. Кольца же, которыя носятъ на пальцахъ мужчины, должны быть, по закону Магумеда, не золотыя, а только серебряныя; по этому-то Государственный Канцлеръ, Сару Тагги (Taggi), когда наши Посланники подарили ему прекрасный брильянтовый золотой перстень, тотчасъ же приказалъ вынуть бриллянтъ изъ золота, вдѣлать его въ серебряное кольцо, и въ такомъ видѣ поднесъ его въ даръ Шаху. Женщины, выходя на улицу, лица не показываютъ и покрываются

---

[1] Подлин. стр. 485. О. Б.

[2] Греч. (Polyglotten-Bibel, v. Stier u. Theile; Bielefeld, 1854) гл. 1, ст. 10: Τί ὡραιώθησαν σιαγόνες σου ὡς τρυγόνες, τράχηλός σου ὡς ὁρμίσκος. Тоже Греч. по 70, изд. Тишендорфа (Lipsiae, 1850): Τί ὡραιώθησαν σιαγόνες σου ὡς τρυγόνος, τράχηλός σου ὡς ὁρμίσκοι. Вульгата: Pulchrae sunt genae tuae sicut turturis, collum tuum sicut monilia. Нѣмецк. у Лютера: Deine Backen stehen lieblich in den Spangen, und dein Hals in den Ketten. Славян., 1, 9: что украшени ланити твоя яко горлицы, выя твоя яко монисты. О. Б.

длиннымъ, съ головы до лядвій висящимъ на нихъ, бѣлымъ покрываломъ, оставляя только у лица небольшую прорѣху или отверстіе, черезъ которое едва только могутъ видѣть куда ити. Подъ такими покрывалами скрываются часто прекрасныя, а иногда подъ изящными покровами и отвратительныя лица. Что случилось однажды со мною въ Ардебилѣ въ этомъ отношеніи, я разсказалъ въ моей Персидской «Долинѣ розъ», при 56-й пословицѣ въ 8-й книгѣ. Богатый мыслію, Персидскій поэтъ Шихъ-Саади (Schich Saadi) пользуется этѣмъ обычаемъ покрывать лицо, для сравненія, въ описаніи человѣка, который на словахъ и въ движеніяхъ кажется и хорошъ, но если разсмотрѣть его жизнь и поступки, то найдешь совсѣмъ другое. Стихъ его объ этомъ заключаетъ слѣдующее:

پس قیامتر خوشکه زیر چادر بلشد چ
چون بانرکي مادر بلشد ∴

«Многихъ считаютъ красавицами, когда они закутаны въ покрывало; но когда онѣ снимутъ его, то смотрятъ точно старыя маменьки.»

Достойно похвалы въ Персіянахъ то, что они очень опрятно и чисто держатъ какъ свои покои, такъ и одежду. У знатныхъ людей хоть немного запачкается, или замарается чѣмъ платье, они тотчасъ же его оставляютъ; простолюдины же почти еженедѣльно моютъ свои одежды, что совершенно противоположно обыкновенію Русскихъ; ибо у этѣхъ послѣднихъ болѣе грязныя, и блестящія отъ пятенъ, чѣмъ чистыя платья, точно также какъ и избы Русскихъ простолюдиновъ далеко не такъ чисты, какъ Персидскія конюшни.

Чистота же одежды соразмѣрна съ чистотою природы, Сенека очень хорошо говоритъ объ этомъ въ 379 письмѣ (ed. Antverpiæ, 1605): «Mundae vestis electio appetenda est homini; natura enim homo est mundum et elegans animal». Должно любить чистую одежду, ибо человѣкъ отъ природы есть чистое и красивое животное; quod de veste dixi (пишетъ онъ далѣе весьма умно), idem de corpore me dixisse existima. Nam hoc quoque natura ut quandam vestem animo circumdedit, velamentum ejus est». Что сказалъ я

объ одеждѣ, то желаю, чтобы разумѣли и о тѣлѣ, которое есть такая одежда и покровъ души, чтобы и въ ней не было ни какого грязнаго обычая и порока, въ чемъ Персіяне, впрочемъ, оказываются очень несостоятельны, какъ это мы скоро увидимъ.

ГЛАВА XIV.

О внутренней природѣ и правахъ Персіянъ.

Персіяне отъ природы одарены отличными способностями и хорошимъ разсудкомъ, остроумны и любознательны, отъ этого между ними есть много превосходныхъ поэтовъ, которые пишутъ возвышенныя творенія и вообще держатъ свободныя искуства на высокой степени. Нравомъ они не горды, такъ чтобы презирать своихъ ближнихъ, но ласковы и общительны, обращаются со всѣми, особенно съ иностранцами, весьма дружески; въ разговорахъ употребляютъ особую вѣжливость и благорасположеніе; такъ, на примѣръ, если они приглашаютъ кого къ себѣ въ домъ, то говорятъ: «Удостой облагородить домъ мой своимъ присутствіемъ»; также: «Я предаю себя тебѣ въ жертву»; или: «Повергаюсь къ стопамъ твоимъ; зрачекъ глазъ моихъ отдаю, чтобъ онъ послужилъ тропинкою для ногъ твоихъ» и проч. и проч. Такимъ образомъ они умѣютъ, также какъ Французы, и даже еще лучше, вертывать изысканныя и льстивыя слова; но, какъ справедливо замѣчаетъ Амміянъ Марцеллинъ, въ приведенномъ уже неоднократно мѣстѣ, слова эти часто бываютъ только пустою скорлупой, «abundantes sunt verbis inanibus».

Вспомнилъ я при этомъ, какъ разъ одинъ Персіянинъ пришелъ къ нашему врачу жаловаться на сильную боль въ ляшкахъ, думая, что у него камень, и просилъ лѣкарства, а когда тотъ помогъ ему, то онъ предлагалъ врачу свою голову; когда же я замѣтилъ: «Какая же тебѣ польза, что ты здоровъ, если сейчасъ же долженъ будешь отдать голову»? онъ отвѣчалъ: «По этому-то я и не сдѣлаю этого, а это только такъ говорится у насъ».

Дѣписатели обыкновенно дѣлаютъ упрекъ Персамъ, что они скупы на правду, и даже считаютъ почти за простока того, кто всегда говоритъ истину. У нихъ вовсе не считается оскорбленіемъ говорить другъ другу: «Drugh mikui», или по Турецки: «Galan dierfen», т. е., ты говоришь неправду, ты лжешь. Гонорій, тотчасъ въ началѣ своего «Tractatus de statu Regni Persici (Thesaurus politicus. Francofurti, 1617) говоритъ: «Eae nationes sunt natura mendaces»; также Горацій, lib. 2. Epistol: «mendatior Parthis»; и Юстинъ, lib. 41, c. 3: «Fides dictis promissisque nulla, nisi quatenus expedit». Они мало исполняютъ слово, развѣ когда видятъ въ томъ свою выгоду. Но въ древнія времена это было не такъ. Геродотъ пишетъ, въ 1-й книгѣ, § 138: «Turpissimum apud Persas ducitur mentiri, secundo loco, aes alienum, debere tum ob alias multas causas, tum quod necessum sit eundem, qui debet, mendacio quoque obnoxium esse».

Ложь считалась у нихъ главнѣйшимъ порокомъ и дѣлала лжеца какъ бы должникомъ другого; кромѣ разныхъ другихъ причинъ, считалась такъ главнымъ образомъ по тому, что должникъ обыкновенно пробивается (помогаетъ себѣ) ложью. Юношей своихъ они также наставляли главнымъ образомъ въ слѣдующихъ 3-хъ вещахъ: крѣпко держаться и ѣздить на лошади, употреблять лукъ и стрѣлы и говорить правду, какъ это можно читать у Геродота въ 1 кн., § 136.

Въ то время, по ученію Платона, у Персіянъ не могло быть и никакихъ врачей; ибо въ 3 книгѣ «De Republica (Lugduni, 1590, p. 433), онъ говоритъ, что однимъ только врачамъ лгать не запрещается. Можетъ быть, Персіяне унаслѣдовали ложь съ Греческой Монархіей и научились лгать отъ Грековъ, которые въ отношеніи къ правдѣ, вѣрности и вѣрѣ, всегда пользовались дурной славой.

Но Персіяне пребываютъ вѣрны другъ другу, если заключаютъ между собой особую дружбу; ибо у нихъ есть обычай вступать въ союзъ другъ съ другомъ и на все время ихъ жизни держать вѣрную дружбу и братство; дѣлается же это у нихъ, не такъ какъ у насъ, за попойкой и посредствомъ питья другъ съ другомъ, но слѣдующимъ образомъ:

Такъ какъ Персіяне даютъ большое значеніе фамиліямъ и родамъ, то всѣ, достигшіе совершеннолѣтія, мужчины ежегодно собираются однажды вмѣстѣ, бесѣдуютъ о своихъ состояніяхъ и потѣшаютъ себя пирушкою. Если окажутся здѣсь между ними такіе, которые пожелаютъ питать другъ къ другу особую любовь и заключить между собою вѣчную дружбу, то они говорятъ: «Будемъ братьями». Это случается большею частію между двумя парами. А такъ какъ братья должны имѣть и отца, то они выбираютъ изъ остальныхъ еще одного, къ которому имѣютъ полное довѣріе, подходятъ къ нему, хватаютъ его за край кафтана и говорятъ: «Мы выбираемъ тебя въ нашего Баббу, или отца»! и тотъ отказываться не можетъ. Тогда этѣ трое идутъ впередъ и отправляются къ Калифу (Kalife), котораго имѣетъ у себя каждый родъ, цѣлуютъ у него руку, въ знакъ своего союза, и испрашиваютъ у него благословенія; для этого каждый ложится, одинъ за другимъ, животомъ на землю, сперва отецъ, а потомъ братья, и Калифъ ударяетъ каждаго изъ нихъ посохомъ по спинѣ три раза, произнося, за первымъ ударомъ: «Алла!» за вторымъ: «Магумедъ!» и за третьимъ: «Аали»! За тѣмъ отецъ съ братьями цѣлуютъ посохъ, чѣмъ и связуется союзъ дружбы Этѣ братья крѣпко и вѣрно живутъ другъ съ другомъ, даж. болѣе, чѣмъ кровные братья, и говорятъ, что въ будущей жизни они прежде и блаженнѣе соединятся, чѣмъ кровные братья; ибо они были духовными братьями. О такой дружбѣ, что она должна соблюдаться нерушимо, и что скорѣе можно надѣлать другіе большіе грѣхи, чѣмъ измѣнить ей, Персіяне сложили пословицу, которую, впрочемъ, они часто повторяютъ, говоря и объ обыкновенной дружбѣ, а именно:

Mei buchur munber bussusan oteschi ender chirkhe sen,
Sakini but chane basch merdum asari mekun.

Пей вино, зажги въ церкви каѳедру, подпали кафтанъ Абдаллы, дозволь себѣ войти въ капище идолопоклонниковъ (все это грѣхи, высшей степени воспрещаемые), но только не оскорбляй друга твоего!

Если случится, что между такими братьями возникнетъ большое неудовольствіе, то они должны примириться снова открыто

на собраніи въ слѣдующемъ году; тогда считающій себя обиженнымъ приходитъ къ двери обидчика, печально опустивъ внизъ руки и голову, стоитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока обидчикъ трижды не пригласитъ его къ себѣ въ домъ. Послѣ этого они идутъ вмѣстѣ въ собраніе, отдаютъ тамъ себя на судъ, и кто изъ нихъ окажется болѣе виновнымъ, тотъ обязанъ, ради примиренія, задать пирушку, на которой братьевъ снова благословляютъ, какъ и въ первый разъ.

Вообще же Персіяне склонны на доброе дѣло, благодарны къ тѣмъ, которые подарили имъ что либо, но и страшны въ отношеніи къ своимъ оскорбителямъ. Они также храбры, даютъ изъ себя добрыхъ воиновъ, и часто отваживаютъ жизнь свою на видимую опасность. По наружному виду они тоже скромны и стыдливы: «Nec standо mingens, nec ad requisita naturae sedens facile visitur Persa», справедливо говоритъ Амміянъ Марцеллинъ въ приведенномъ уже неоднократно мѣстѣ, т. е., не легко увидѣть Персіянина, отправляющаго свою малую нужду; для этого они всегда садятся на корточки, и за тѣмъ обмываютъ уды (pudenda) и пальцы. По этому на свадьбахъ ихъ и пирушкахъ, въ сокровенныхъ мѣстахъ, всегда уже стоитъ нѣсколько кувшиновъ съ водой. Посему также, когда они проходятъ мимо проточной воды, или рѣки, къ которой можно подойти, то всегда почти присаживаются подлѣ, отъ чего Турки ради брани называютъ ихъ херъ-шагеи (Cher Schahei), т. е., ослами Шаха (именно Аали); ибо оселъ, переходя черезъ рѣку, всегда мочится. Въ противуположность этому Персіяне называютъ Турокъ сексюнни (Seksünni) за то, что они, подобно собакамъ, мочатся на стѣну, что обыкновенно дѣлаютъ Турецкіе воины и простолюдины. Знатные же и почтенные люди также присаживаются для этого на карточки. Сдѣсь упомяну еще слѣдующее: ни Персіянинъ, ни Турокъ, для отправленія своихъ надобностей, отнюдь не присядетъ, обратившись спиною, или лицомъ на полдень, по тому что они обращаются туда лицемъ во время молитвы.

ГЛАВА XV.

О великомъ любодѣяніи въ Персіи.

Въ сладострастіи и нецѣломудріи Персіяне ни на волосъ не уступятъ ни какому другому народу; ибо, кромѣ того, что они имѣютъ по нѣскольку женъ, они сильно предаются и любодѣйству. Во всѣхъ городахъ (за исключеніемъ Ардебиля) содержатся открытые дома терпимости, покровительствуемые и Правительствомъ. Когда мы стояли въ Шемахѣ, и одинъ изъ нашихъ солдатъ, побывши въ такомъ мѣстѣ, не уплатилъ слѣдуемаго, то на него подана была жалоба Хану. Ханъ же прислалъ къ нашимъ Посланникамъ съ просьбою заставить солдата уплатить. Ибо Kabeh (такъ называются по Турецки непотребныя женщины) платитъ большую подать, то справедливость требуетъ, чтобы онѣ получали свое.

О томъ, какъ потѣшаются такими общественными женщинами на пирушкахъ, сказано мною уже выше, въ 44-й главѣ 4-й книги. Кажется, что у Персіянъ это былъ древній обычай. Такъ, когда однажды Аминта, Царь Македонскій, на одной пирушкѣ роскошнѣйшимъ образомъ угостилъ Персидскихъ Пословъ, то Послы этѣ пожелали еще дѣвицъ, говоря: «Nobis Persis consvetudinis est, quoties magnam exhibuimus coenam, tunc etiam concubinas ad assidendum introducere», то есть, такъ какъ Царь угостилъ ихъ богатѣйшимъ образомъ, недостаетъ еще только того, чтобы приказалъ онъ, по обычаю Персовъ, доставить имъ и дѣвицъ. Когда же, для того чтобъ хоть нѣсколько исполнить ихъ желаніе, привели на пиръ нѣсколькихъ женщинъ и посадили ихъ насупротивъ Пословъ, то этѣ послѣдніе заявили, что отъ этого только больно глазамъ ихъ; почему просили, для того чтобы поласкать женщинъ, имъ дозволено было перейти на ихъ сторону; хотя и въ этомъ имъ также дано было согласіе, но какъ произошло далѣе самое возлежаніе, и какъ Послы должны были воротиться домой безъ головъ, подробнѣе обо всемъ этомъ можно читать у Геродота, въ книгѣ 5-й, гл. 19, стр. 296 и слѣд.

Шахъ Сефи самъ содержалъ нѣсколько такихъ женщинъ, которыя часто прислуживали ему для забавы, но только плясками и скоморошествомъ, какъ говорили онѣ. По этому такія женщины должны быть не только красивы, но искусны какъ въ пляскѣ, такъ и во всякаго рода забавныхъ представленіяхъ.

Такихъ женщинъ и нынѣ возитъ Шахъ съ собою и въ походъ, подобно тому, какъ дѣлали это искони древніе Цари. Царь Дарій возилъ съ собою 360 непотребныхъ женщинъ, всѣхъ въ Царскихъ украшеніяхъ и во всемъ ихъ порядкѣ, какъ свѣдѣтельствуетъ Курцій, описывая походъ этого Царя.

Но гнуснѣе всего то, что у Персіянъ въ полномъ ходу и обычаѣ постыднѣйшій порокъ, называемый у насъ Содомитскимъ: «pueros muliebria pati assvetos», какъ говоритъ приведенный выше писатель (lib. 3, ст. 7). За этотъ порокъ Государственный Канцлеръ потерялъ свое patrimonium, какъ уже выше упомянуто мною въ 4 книгѣ, и порокъ этотъ самый древній и былъ у нихъ въ ходу съ давнѣйшихъ временъ. Хотя Геродотъ и говоритъ, что Персы научились этому пороку у Грековъ, и именно отъ Ѳивскаго Царя Лаюса (Lajus), qui primus formosum puerum amoribus arsisse, et Chrysippum, filium Penelopis, rapuisse dicitur. Ex quo factum, ut honestum apud Thebanos amare elegantes (referente Aeliatno, lib. 13, pag. 15. variarum histor.). Plutarchus (Francof. 1599, p. 857) vero de malignitate Herodoti dicit: «Persas Graecis hujus impuritatis minervas debere». Но Персы знали этотъ порокъ и прежде, до знакомства своего съ Греками. Шахъ Сефи также заподозрѣнъ въ этомъ порокѣ; по этому онъ не преслѣдовалъ его и въ другихъ. Намъ разсказывалъ Рудольфъ Штадлеръ, часовщикъ, котораго Шахъ приказалъ изрубить саблями, что въ 1634 году, когда Шахъ Сефи отправился съ войскомъ своимъ въ походъ, для взятія города Ервана, то при этомъ находился одинъ военачальникъ, имѣвшій при себѣ одного красиваго и скромнаго мальчика. Однажды, возвратившись изъ Царскаго стана весьма пьянымъ домой, начальникъ этотъ вздумалъ было силою заставить этого мальчика уступить его страсти; ибо прежде уже нѣсколько разъ добромъ онъ ни чего добиться отъ него не могъ. Мальчикъ же, увидавшій, что уже не можетъ ни какъ защититься отъ своего преслѣдователя,

выхватилъ кинжалъ, заткнутый за поясомъ начальника, по обычаю Персовъ, и пронзилъ имъ его въ сердце. На слѣдующее утро, когда Офицеры явились для службы къ Шаху, и между ими не оказалось убитаго, Шахъ спросилъ, гдѣ онъ? ибо любилъ видѣть при себѣ отсутствующаго болѣе другихъ. Ему отвѣчали, что начальникъ тотъ не будетъ уже служить Шаху, ибо его мальчикъ закололъ его. Потребованный къ Шаху мальчикъ разсказалъ ему все дѣло: какъ сперва сказанный начальникъ нѣсколько разъ склонялъ его на порокъ, къ которому онъ питалъ отвращеніе, и какъ, наконецъ, вчера онъ силою хотѣлъ удовлетворить своему желанію, и онъ, мальчикъ, ни какимъ другимъ образомъ не могъ защититься отъ насилія, какъ только поступивши такъ, какъ онъ поступилъ, и по тому просилъ о помилованіи его. Но Шахъ жестоко разгнѣвался, приказалъ мальчика затравить собаками, и такъ какъ приведенныя для этого первыя двѣ собаки не брали его, то добыто было два большихъ Англійскихъ догга, которые должны были напасть на мальчика на бѣгу; этѣ настигли и растерзали его. Такой способъ казни не рѣдокъ у Персіянъ. Это ужасное зрѣлище, вмѣстѣ съ другими, видѣлъ и сказанный Рудольфъ, который также находился тамъ въ числѣ слугъ Шаха. Но послѣ этого въ Шаховомъ станѣ насталъ необычайный моръ, такъ что въ короткое время умерло нѣсколько тысячъ людей.

Что Персіяне даютъ уже слишкомъ большую волю своимъ плотскимъ желаніямъ, къ тому не мало подаетъ поводъ ихъ лжепророкъ, Магумедъ, который, будучи самъ сладострастнымъ псомъ, черезъ мѣру уже дозволилъ плотское наслажденіе въ угоду людямъ. Они вѣрятъ даже, благодаря ихъ ложному ученію, что такое наслажденіе составитъ большую долю радостей въ жизни вѣчной, отъ чего и самая вѣра сдѣлалась пріятнѣе народу невѣжественному. Объ этомъ можно прочесть дополненіе къ Алкорану у Библіяндра (Bibliandro), стр. 175; тамъ развратитель говоритъ: «Si ullum oblectamenti genus in Paradyso deesset, beatitudo minime plena esset. Frustra ergo deliciæ adessent, si voluptas deesset. Quinimo si quid volunt, praesto est, et quascunque et quomodocunque volunt, habent, et qualiter, et ubi, et quando, et quantum, et quotieus volunt, sine mora et difficultate, ita quidem, quod quas hic habuerint

uxores fideles, habebunt et illic, caeterae concubinae erunt. Ancillarum vero non erit numerus».

Для возбужденія и усиленія сладострастія Персіяне употребляютъ всевозможныя средства; на пирушки свои они призываютъ плясуновъ и плясуній, которые пляшутъ съ совершенно непристойными и страстными тѣлодвиженіями и возбуждаютъ въ зрителяхъ пожеланія. Пляску они чрезмѣрно любили всегда, какъ говоритъ Геродіянъ (Herodianus, lib. 14. histor. Francof., 590, pag. 552). Многіе изъ нихъ употребляютъ въ большомъ количествѣ конопляное сѣмя и листья, которыя будто укрѣпляютъ природу и дѣлаютъ ее болѣе пылкою къ плотскимъ наслажденіямъ. Наши же травники (Herbaria) всѣ приписываютъ конопли совершенно противное дѣйствіе, а именно, что отъ нея природа холодѣетъ, ослабѣваетъ и портится. Не знаю, какъ служитъ конопля для достиженія ихъ цѣли; ибо она производитъ скопленіе вѣтровъ (flatulentiam); или же, можетъ быть, растеніе это въ ихъ жаркой мѣстности и въ ихъ природѣ имѣетъ иное свойство. Приготовляется конопля для такого употребленія слѣдующимъ образомъ: собираютъ съ нея листья прежде еще, чѣмъ покажется на стеблѣ сѣмя, высушиваютъ ихъ въ тѣни, стираютъ въ порошокъ, замѣшиваютъ съ медомъ и дѣлаютъ изъ этого шарики величиною съ голубиное яйцо; шарики эти ѣдятъ по два, или по три, и за тѣмъ съѣвшій ихъ готовъ въ дѣло. Они поджариваютъ также и конопляныя зерна, посыпаютъ ихъ солью и ѣдятъ, вмѣсто лакомства. Персидскій Посланникъ въ Голштиніи, Имамъ-Кули-Султанъ, человѣкъ 70 лѣтъ, употреблялъ это средство постоянно въ дорогѣ послѣ того, какъ въ Асрахани взялъ себѣ молодую жену.

Впрочемъ тѣ, которые употребляютъ эти средства, въ Персіи у почтенныхъ людей не пользуются доброй славой; люди эти зовутъ ихъ бенги (Bengi), киди-бенги (Kidibengi), т. е., обжоры конопляные, или цапли конопляныя и развратныя собаки. Они говорятъ даже, что это большой грѣхъ, равный тому, какъ если бы кто свою мать обезчестилъ на гробѣ Магумеда; но предающіеся сладострастію не очень-то считаютъ это грѣхомъ.

Удовлетворившіе свою похоть думаютъ, что если только наружно очистить себя, то самое дѣло ни чего не значитъ; но

этому въ Персіи множество общественныхъ бань во всѣхъ мѣстахъ, а въ этѣхъ баняхъ они собираются во множествѣ и тотчасъ послѣ совокупленія. Нѣкоторые, не могущіе выносить бани, окачиваютъ все тѣло водою; отъ этого-то въ домѣ, въ извѣстномъ мѣстѣ, вода всегда уже стоитъ на готовѣ.

ГЛАВА XVI.

О домоводствѣ Персіянъ, и въ особенности о стряпнѣ и погребѣ, или объ яствахъ и напиткахъ.

Домоводство у Персіянъ вообще недорогое; хозяйство ихъ по дому, т. е., содержаніе поварни и погреба, если только немного женъ, требуетъ незначительныхъ издержекъ. Бумажные и шелковые товары, какъ туземные и тамъ же производимые, стоятъ недорого. Домашней утвари у нихъ немного, нѣтъ ни ларей, ни шкафовъ, и если комнаты у нихъ устланы на полахъ коврами, а столовая снабжена рисомъ, то имъ остается покупать только мясо, которое вездѣ очень дешево, за исключеніемъ Испагани; ибо народу въ Испагани чрезвычайно много и продовольствіе туда доставляется изъ другихъ мѣстъ. Плоды, которые ѣдятъ они во множествѣ, доставляетъ имъ садъ, находящійся при домѣ, а погребъ ихъ составляетъ протекающая вблизи рѣка, или источникъ. Покои ихъ устланы коврами, по которымъ они ходятъ въ чулкахъ, и сидятъ. Въ комнатахъ ихъ не допускается ни какой нечистоты, собакъ въ нихъ не бываетъ, и вообще для сору имѣются въ покояхъ особые, приспособленные къ тому, горшки, называемые тюфтанъ (Tüfthan), которые всегда они ставятъ подлѣ себя и, при ѣдѣ плодовъ и кушаній, бросаютъ въ нихъ корки и всѣ ненужные объѣдки, равно какъ и плюютъ въ нихъ. Такихъ тюфтановъ всегда вдоволь при пиршествѣ, такъ что непремѣнно ставится между двумя гостями по одному.

Что дѣлаютъ Персіяне зимою для доставленія себѣ тепла и сбереженія топлива, и какъ употребляютъ они тенуръ (Tenur)

для печенія и жаренія своихъ кушаній, о томъ сказано уже выше, въ 6-й главѣ этой 5-й книги. *

Для варки кушаній Персіяне употребляютъ горшки изъ руды, луженой мѣди и обожженной земли (глины), и горшки эти у нѣкоторыхъ старательно вмазаны въ очаги, походятъ на наши перегонныя (дистиллаціонныя) печи. Топливо у нихъ, смотря по мѣсту и области, составляютъ лѣсъ, солома, коровій и верблюжій пометъ. Блюда у нихъ мѣдныя, чисто и тонко выточенныя и вездѣ гладко вылуженныя, такъ что ихъ можно принять за серебряныя. У нихъ въ большомъ ходу также фарфоровыя блюда и другая посуда, а по селеніямъ большею частію земляные, изъ обожженной глины, сосуды. Что касается кушаній ихъ, то вообще онѣ не обильны, и Персіяне довольствуются малымъ. По этому у нихъ нѣтъ того, въ чемъ обвиняетъ ихъ Бизаръ (Bizarus lib. 12, p. 333), будто бы говядина у Персіянъ дорога такъ по тому, что они ужасно обжорливы; такъ, старики будто бы ѣдятъ по 4 раза въ день; по скольку же должны были ѣсть молодые ихъ люди? Но Бизару я противопоставлю Юстина (Argentorati, 1631, lib. XLI, c. 3, p. 144), который говоритъ: «Persae sunt in cibum parci»; Атенея (Lugduni Batavor. 1597), который свѣдѣтельствуетъ: «Paucis cibis utuntur Persae et bellariis multis»; также Александра ab Alexandro «Dies geniales (Francof., 1594), заимствуя изъ котораго Штуке (Stuckius), in Antiquit. convival. (Tiguri, 1582, lib. 1, c. 11, p. 26), говоритъ, что Персіяне ѣдятъ едва однажды въ день, и именно въ полдень. Съ этѣми тремя послѣдними писателями соглашаюсь и я; ибо большинство Персіянъ въ теченіи дня дѣйствительно ѣдятъ едва одинъ полный обѣдъ; но, кромѣ того, они ѣдятъ немного масла, сыру и садовыхъ плодовъ; впрочемъ, видѣлъ я и такихъ, которые ѣдятъ въ день по два раза вареныя кушанья. Главное блюдо ихъ, которое всегда подаютъ прежде всего, составляетъ простой разваренный рисъ; называютъ они его плау (Plau), и на этотъ рисъ кладутъ обыкновенно вареную баранину. Кромѣ того, рисъ же приготовляютъ они различнымъ образомъ, мѣшаютъ его съ коринкой, миндалемъ, подкрашиваютъ гранатовымъ, или вишневымъ, сокомъ, также

* Въ подлинникѣ сказано: 4-й книги, по ошибкѣ. Перев.

шафраномъ, а отъ Шахскаго стола мы получали бывало на одномъ блюдѣ рисъ, наложенный въ извѣстномъ порядкѣ, различныхъ цвѣтовъ.

Они укладываютъ еще рисъ жареными курами и рыбой, также шпинатомъ, кислымъ щавелемъ и бѣлой капустой; сѣрой капусты они не употребляютъ. У нихъ есть разнаго рода пернатая дичь, которую они и ѣдятъ также, какъ и мы, за исключеніемъ индѣекъ. Намъ разсказывали, что одинъ Грузинскій купецъ привезъ, во времена еще Шаха Абаса, нѣсколько индѣекъ изъ Венеціи въ Испагань, и ему давали за каждую по одному тумену или по 16-ти рейхсталеровъ. Но куропатокъ и фазановъ у нихъ довольно, и тамъ, гдѣ онѣ водятся, очень дешевы.

Хотя Персіяне употребляютъ рисъ вмѣсто хлѣба, но все таки они имѣютъ и разнаго рода хлѣбы, изъ пшеницы печеные, каковы: комачъ (Komatsch), печенье, толщиною въ 3 пальца и длиною полъ локтя слишкомъ; лавашъ (Lawasch), круглый хлѣбъ, въ полъ дюйма толщиною; пеасекеше (Peasckesche), длиною въ локоть; его налѣпляютъ на домовую печь или тенуръ (Tenur), и проводятъ по немъ борозды пятью пальцами (отъ которыхъ онъ получилъ и свое названіе); сенгекъ (Sengek), взбиваемый на круглыхъ булыжникахъ, которыми обкладываются нѣкоторыя печи, отъ чего хлѣбъ этотъ горбоватый; юха (Jucha), тонкое печенье, почти какъ бумага, длиною въ локоть и такое же почти въ ширину; употребляютъ его вмѣсто салфетокъ, или передниковъ, и вытираютъ имъ пальцы; ибо рисъ съ блюда Персіяне берутъ прямо 4-мя первыми пальцами и ими же подносятъ его въ ротъ. Они и мясо также разрываютъ пальцами, по чему у нихъ очень рѣдко увидишь, чтобы употребляли ножъ за ѣдою. Когда юха отслужитъ свое назначеніе, то ее разрываютъ на куски, завертываютъ въ нихъ кусочки мяса, или рисъ, и все это съѣдаютъ, иногда же она съѣдается и одна безъ мяса, или рису.

Для супу самыя употребительнѣйшія у нихъ, даже за Царскимъ столомъ, не серебряныя, какъ у насъ, но деревянныя, ложки, овальныя, съ тонкой, въ полъ локтя длиною, ручкой; такого рода ложку я привезъ съ собою домой.

Напиткомъ большей части Персіянъ, особенно простаго народа, служитъ только вода, иногда смѣшанная съ душабомъ и небольшимъ количествомъ уксусу. Вино хотя и недорого; ибо, напримѣръ, въ Эракѣ, Адирбеджанѣ и Ширванѣ, одинъ лулейнъ (Lûllein) (такой же величины, какъ наша мѣра, или кружка) стоитъ два, или 3, гроша; но такъ какъ, по закону ихъ, оно воспрещается, то отъ этого очень многіе Персіяне совсѣмъ не пьютъ вина, также какъ и хаджи (Hatzi), т. е., бывшіе въ Меккѣ и Мединѣ на поклоненіи у гроба Магумеда, которые во всю жизнь свою уже не должны пить ни какого вина. Но есть, однако жь, и много такихъ Персіянъ, особенно состоящихъ при Дворѣ, которые страстно любятъ вино и которые думаютъ, что грѣхъ этотъ будетъ отпущенъ имъ тѣмъ же средствомъ, какимъ отпускаются и другіе грѣхи, и если только они не сами дѣлаютъ вино, то спокойно дозволяютъ себѣ угощаться имъ. Послѣ обѣда всегда, и главнымъ образомъ на пирушкахъ ихъ, обносится въ кружкѣ теплая вода, для омовенія засаленныхъ жиромъ рукъ.

ГЛАВА XVII.

О другихъ предметахъ, употребляемыхъ Персіянами кромѣ необходимыхъ яствъ и напитковъ, именно: объ опіумѣ, табакѣ, кофеѣ и чаѣ.

Персіяне, хотя не всѣ, но весьма многіе, имѣютъ привычку довольно часто принимать опіумъ, называемый ими офіунъ (Offiuhn), а также тирякъ (Tiriak), который дѣлаютъ они въ видѣ круглыхъ шариковъ, величиною съ горошину, и шарики эти просто глотаютъ. Привыкшіе къ нему, могутъ употреблять его по половинѣ квентина [1] (Quentin) и даже болѣе; нѣкоторые же принимаютъ его черезъ день и черезъ два на третій, когда захотятъ только быть въ туманѣ и какъ бы выпивши. Опіуму въ Персіи въ разныхъ мѣстахъ, особенно же въ Испагани, собирается очень

[1] Мѣра вѣса, равная 2-мъ лотамъ. Перев.

много. Для этого маковыя головки, еще зеленыя, надрѣзываютъ, и изъ надрѣзокъ этѣхъ выступаетъ бѣловатый сокъ, который, когда немного постоитъ и сдѣлается чернымъ, снимаютъ, и тогда онъ уже дѣлается годнымъ къ употребленію. Персидскіе аптекари и продавцы москательныхъ товаровъ выручаютъ отъ опіума огромную прибыль, по тому что потребляется его весьма много.

Но опіумъ не въ одной только Персіи: онъ въ большомъ употребленіи также въ Турціи и Индіи. Беллони (Belloni, Observationes singularium et memorabilium rerum in Graecia Asia, Aegypto aliisque provinciis conspectarum, per Carolum Clusium. Raphelingii, 1605), въ 3-й книгѣ, въ главѣ 15-й, пишетъ, что въ Турціи нѣтъ человѣка, который бы, имѣя одинъ пфеннингъ, не отдалъ половину его на опіумъ. Онъ разсказываетъ, что во время пребыванія его тамъ, 50 верблюдовъ, нагруженныхъ опіумомъ, прошли изъ Малой Азіи въ Турцію, Персію и Индію. Одинъ янычаръ въ его присутствіи проглотилъ разъ полквентина, и въ немъ не было ни чего замѣтнаго отъ такого пріема, кромѣ только того, что на ходу онъ нѣсколько покачивался. Персіяне увѣряютъ, что опіумъ придаетъ смѣлость и бодрость духа, полагаю я, въ родѣ того, какъ бываетъ у пьянаго, «qui in bellum trudit inermem.»

Нѣкоторыя женщины, дурно живущія съ своими мужьями, не привыкши къ опіуму, сокращаютъ имъ иногда свою безотрадную жизнь. Онѣ принимаютъ его разомъ въ большомъ количествѣ, и запиваютъ его водою.

Персіяне любятъ также безъ мѣры и табакъ, и всякаго званія люди встрѣчаются у нихъ вездѣ, даже въ храмѣ, сидящими и курящими.

Табакъ привозятъ они изъ Багдада или Вавилона и изъ Курдистана, гдѣ онъ растетъ въ изобиліи. Но Персіяне не умѣютъ приготовлять его, и сушатъ его просто, какъ и другія травы. Въ Испагани цѣлыя лавки полны табакомъ, гдѣ онъ сложенъ въ большихъ мѣшкахъ, и листья его крошатъ такимъ образомъ, что онъ принимаетъ видъ скошенной травы. Они очень любятъ

Европейскій табакъ, называя его Инглисъ тамбаку (Inglis Tambaku), по тому что привозятъ его туда преимущественно Англичане. Когда я, бывши въ Шамахѣ, подарилъ своему учителю, о которомъ я упоминалъ выше, кусочекъ такого табаку, длиною въ палецъ, то онъ былъ очень доволенъ и готовъ на всѣ для меня услуги. Обыкновенный способъ пить (т. е., курить) табакъ у нихъ слѣдующій: берутъ стеклянную флягу, или кружку, Индійскій орѣхъ, или кабабъ (kabab) (жесткую корку особого рода тыквы), и наливаютъ ее болѣе, чѣмъ на половину, водою, смѣшиваемою иногда съ благовонною водою; за тѣмъ сверху проводятъ въ эту воду трубочку, а на ней придѣлывается чашечка, въ которую накладываютъ табакъ, а на табакъ горячій уголь. Наконецъ, другую трубочку, величиною съ локоть, или два, вводятъ въ сосудъ надъ водою, и черезъ эту вторую трубочку втягиваютъ въ себя воздухъ; отъ этого, такъ какъ трубочки вставляются въ сосудъ плотно, табачный дымъ проходитъ черезъ воду, въ которой и осаждаются черныя и жирныя части. Нѣкоторые же, за недостаткомъ сосудовъ, тянутъ дымъ по нашему, сквозь длинныя деревянныя трубки, у которыхъ на переднемъ концѣ придѣлывается изъ обожженной глины наконечникъ съ отверстіемъ, который и берутъ въ ротъ.

Когда курятъ табакъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, Персіяне попиваютъ и горячую черную воду, называемую кофе (Cahwae). Это отваръ плода, получаемаго сдѣсь изъ Мисера (Misser) или Египта, похожаго въ сущности на Турецкую, а внѣшнимъ видомъ на нашу, пшеницу; величиною же плодъ этотъ съ Турецкій бобъ и даетъ бѣлую муку. Зерна поджариваются, или скорѣе ихъ жгутъ, мелютъ въ порошокъ, который варятъ въ водѣ, и воду эту пьютъ. Напитокъ этотъ имѣетъ сженный и непріятный вкусъ. Онъ очень охлаждаетъ и дѣлаетъ природу безплодною, для чего большею частію и пьютъ его.

Если же напитокъ этотъ (Cahwae) употреблять уже черезъ чуръ много, то онъ совершенно убиваетъ въ человѣкѣ плотское пожеланіе. Персіяне пишутъ объ одномъ Шахѣ, Султанѣ Магмудѣ Каснинѣ (Mahmud Casnîn), царствовавшемъ въ Персіи еще до

Тамерлана, будьто бы Шахъ этотъ до того пристрастился къ напитку Cahwae, что за нимъ совсѣмъ забылъ жену свою и получилъ отвращеніе отъ брачнаго ложа съ ней, что Царицѣ было крайне прискорбно. Однажды Царица эта, возлежа на окнѣ, увидѣла, какъ на дворѣ повалили жеребца для того, чтобы охолостить его, и спросила у окружающихъ: «Что бы это значило?» Когда ей, въ приличныхъ выраженіяхъ, объяснили, что это дѣлается для уничтоженія у жеребца охоты и вожделѣнія, чтобы онъ не вскакивалъ на другихъ и былъ равнодушенъ къ кобылицамъ, то она замѣтила, что ни чего бы этого дѣлать не нужно, а поить бы только жеребца скверною водою Cahwae, и онъ скорехонько сдѣлается похожимъ на Шаха, мужа ея.

Персіяне разсказываютъ еще о сынѣ этого Шаха, называвшемся тоже Магумедъ, что когда онъ, по смерти отца, принялъ управленіе страной, то оказался чрезвычайнымъ любителемъ поэзіи, и приказалъ одному, славному въ то время, поэту, по имени Гакиму Фирдуси (Firdousi), написать ему какое ни будь поэтическое произведеніе въ веселомъ духѣ, обѣщая за каждый стихъ заплатить сочинителю по червонцу. Фирдуси засѣлъ и написалъ 60 тысячъ стиховъ, которые и понынѣ читаются и высоко уважаются Персіянами. Когда сочиненіе было готово и представлено, то хотя Шахъ и хотѣлъ было вознаградить поэта, согласно съ своимъ обѣщаніемъ, но совѣтники Царскіе отговорили его давать такъ много поэту, который долженъ быть доволенъ и меньшимъ вознагражденіемъ. По этому поэту послано было только нѣсколько червонцевъ, что весьма раздосадовало его, и онъ тотчасъ же написалъ Шаху другое стихотвореніе, въ которомъ доказывалъ, что присланный ему даръ отнюдь не Царскій; что только ремесленники, каковы, на примѣръ, хлѣбникъ и башмачникъ, могутъ благодарить такими подарками; и развѣ жь онъ не сынъ Царя, а плодъ и кровь какого ни будь хлѣбника? Царь понялъ это такъ, что поэтъ обозвалъ его сыномъ хлѣбника и, въ негодованіи, жаловался на это своей матери и спросилъ ее: «Развѣ жь не Султанъ Магумедъ былъ отецъ его?» Мать подумала, что поэтъ, написавшій такое сочиненіе, должно быть, знаетъ дѣло, и въ тайнѣ призналась сыну, что такъ какъ Шахъ весьма часто и много пилъ напитокъ кофе (Cahwae), отъ чего исчезла

всякая надежда имѣть наслѣдника, то чтобы пріобрѣсть послѣдняго Царству, она допустила до себя одного придворнаго хлѣбника, имѣвшаго нѣжныя бѣлыя руки. Если бъ не было хлѣбника, не было бъ и его, сына ея; по чему и совѣтовала сыну ублаготворить поэта, чтобы истина не разошлась далѣе. Другіе же пишутъ, что все это случилось съ Августомъ и Виргиліемъ (Bersmann, Comment. in Virgil., de vita ipsius).

Такъ какъ чрезмѣрное употребленіе напитка кофію (Cahwae) уничтожаетъ плотскія пожеланія, къ которымъ Персіяне, по природѣ своей, весьма склонны, и большинство ихъ поставляетъ въ этѣхъ удовольствіяхъ свое высшее благо (summum bonum), то поэты Персидскіе, хуля этотъ напитокъ, сложили слѣдующій стихъ:

ان سیه رو که نام اوستر قهوه
قاتل نوم قاطع شهوه

То есть:

Ohn syc Ru ki namiust Kahwae,
Katil naum kathehi schahewe.

Ты, черное лицо—Кофій!
Можно ли терпѣть тебя?
Куда входишь ты, тамъ ужь нѣтъ
Ни страсти, ни наслажденія съ женщиной.

Выше, въ 6-й главѣ этой 5-й книги, было упомянуто, что въ Испагани, на Майданѣ, въ числѣ другихъ гостинницъ, находилась и такая, которую Персіяне называютъ: «Tzai Chattai Chane,» и въ которой, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, они пьютъ тоже черную (темноватую) воду, отваръ изъ растенія, привозимаго Узбецкими Татарами въ Персію изъ Китая. Листья этого растенія продолговаты, остроконечны, около дюйма въ длину, и въ полъ дюйма въ ширину, и будучи высушены, получаютъ видъ черноватый, свертываются и закручиваются словно червячки. Это именно то растеніе, которое Китайцы называютъ чаемъ (Thee), Японцы и Индійцы Хіа и Хаа (Chia, Chaa), и оно въ большомъ почетѣ у этѣхъ народовъ. Персіяне варятъ его въ чистой водѣ, прибавляютъ туда анису, укропу, а нѣкоторые не много гвоздики,

сахаромъ. Оно имѣетъ вяжущій или стягивающій вкусъ. Персіяне, Китайцы, Японцы и Индійцы приписываютъ этому напитку превосходную силу и дѣйствіе: оно полезно дѣйствуетъ на желудокъ, печень, легкое, на кровь и вообще на внутренность человѣка, очищаетъ ихъ, укрѣпляетъ, изгоняетъ камень, облегчаетъ головныя боли и уничтожаетъ всѣ мокроты, отъ которыхъ человѣкъ дѣлается вялымъ и сонливымъ. Напившійся вдоволь этого напитка, можетъ нѣсколько ночей сидѣть свѣжо и бодро, безъ обремененія сномъ и съ охотою заниматься головною работою. Употребляя его умѣренно, человѣкъ можетъ не только пользоваться постоянно добрымъ здоровьемъ, но и достигнуть глубокой старости.

Это растѣніе чай (Thee) хорошо извѣстно теперь и въ Голландіи и его привозятъ туда мореплаватели Восточно-Индійскіе. Его можно найти въ Амстердамѣ, хотя и не въ большомъ количествѣ; ибо, какъ извѣщали меня, Французы закупаютъ его чрезвычайно много.

Кто желаетъ прочитать объ этомъ растеніи другихъ писателей, тотъ да обратится къ Маффею (Maffeum), къ его «De rebus Indicis,» 6-й книгѣ, стран. 108 (Joh. Petr. Maffei Historia Indica. Colon. Agrippinae, 1589), гдѣ пишетъ онъ о Китайцахъ: «Ex herba quadam expressus liquor admodum salutaris, nomine Chia, calidus hauritur, ut apud Japonios, cujus maxime beneficio pituitam, gravedinem, lippitudinem nesciunt, vitamque bene longam sine ullo fere languore traducunt.» И книга 12, стр. 242: «Circa potionem illam diligentissimi sunt, ac principes interdum viri suis ipsi manibus eidem temperandae ac miscendae amicorum honoris causa dant operam certasque habent aedium partes, ad hoc destinatas, venientibus et abeuntibus amicis pocula porrigunt.»

Линшотанъ (Linschotanus), въ главѣ 26, de Insula Japonia, стр. 31: (Joh. Hug. Linschotani Navigatio in Orientalem Indiam et cet. Amstelodami, 1614): «Ex herba, quam Chaa vocant, in magnam hujus potus aestimatione et Indi, qui aliqua opulentia pollent, loco fere secreto aquam hanc servant, eamque excipientes amicos summa benignitate depromunt, ollas peculiares ad coquendas habent etc.»

Помянутые народы, желая оказать всевозможную любезность, встрѣчаютъ гостей своихъ этимъ напиткомъ, т. е., чаемъ; онъ же есть и прощальный напитокъ, при разставаніи съ гостями. У нихъ есть особые, весьма чистые, сосуды, въ которыхъ завариваютъ и приготовляютъ чай; нѣсколько такихъ сосудовъ, вмѣстѣ съ растеніемъ, хранится у насъ, въ Готторфской Палатѣ рѣдкостей. Объ этомъ растеніи, изъ приведенныхъ сейчасъ, а также и изъ другихъ, писателей, Николай Тульпій (Nicolaus Tulpius) сообщаетъ найподробнѣйшія свѣдѣнія, какъ это видно въ послѣдней главѣ 4-й книги его «Observationum medicarum (Observationes medicae. Amstelodami, 1652).

ГЛАВА XVIII.

О ремеслахъ и промышленности Персіянъ, которыми они снискиваютъ себѣ пропитаніе.

Промышленность Персіянъ, которою они снискиваютъ себѣ пропитаніе, кромѣ земледѣлія и садовоства, отъ которыхъ собираютъ и продаютъ огородные и садовые плоды, исчисленные выше, составляютъ всякаго рода ремесла, торговля, письменность, а также и воинское дѣло. Когда идешь въ городахъ по Майдану и базару, то съ удовольствіемъ видишь, какъ всякаго рода промышленники занимаются своими ремеслами, въ своихъ мастерскихъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ другъ за другомъ. Ибо никто изъ Персіянъ, за исключеніемъ развѣ очень немногихъ, именно не могущихъ выходить, не сидитъ дома, но постоянно на базарѣ, въ опредѣленныхъ для того улицахъ и въ открытыхъ со сводами зданіяхъ. Большинство ремесленниковъ составляютъ ткачи и красильщики, или рисовальщики цвѣтовъ, которые занимаются обработкой хлопчатой бумаги и шелку, обращая ихъ довольно искусно въ разныя ткани, и въ золотыя парчи, кусками не длиннѣе 10-ти, или 12, локтей, потребными на постройку одного Персидскаго кафтана. Въ Ештѣ и Кашанѣ есть такіе искусные ткачи, которые на шел-

ковой ткани выводятъ всевозможныя фигуры, преимущественно же свои письмена, такъ тонко и изящно, что и лучшій писецъ не въ состояніи написать красивѣй, какъ доказываетъ образецъ такой работы, привезенный нами домой. Такіе товары, именно все то ихъ количество, которое не пошло на туземныя платья, вездѣ внѣ страны распродаются вмѣстѣ съ хлопчатой бумагой и сырымъ шелкомъ, съ большими выгодами. Замѣчу здѣсь подробнѣе о шелкѣ слѣдующее: въ самой странѣ фунтъ шелку стоитъ 16 и 18 грошей или двѣ Любскихъ марки и нѣсколько болѣе. Персіяне у себя продаютъ все на бадманъ (Badman); который въ разныхъ мѣстахъ различный: Таврискій бадманъ содержитъ 6 фунтовъ; Шахскій бадманъ, употребляемый найболѣе въ Гилянѣ, 12 фунтовъ, Шамахинскій и Карабахскій бадманъ 16 фунтовъ.

Вообще считаютъ, что въ Персіи, смотря по году, собирается ежегодно шелку отъ 10 до 20 тысячъ тюковъ или 10 тысячъ соомовъ Soom (каждый соомъ содержитъ два тюка), въ тюкѣ же полагается 216 фунтовъ. Одинъ Гилянъ, въ хорошіе годы, даетъ 8000 тюковъ; Ширванъ доставляетъ 3000 тюковъ; Хорасанъ до 3000; Масандеранъ 2000; Карабахъ 2000, не считая уже того, что даетъ Грузія, также богатая шелкомъ, и другія мѣстности. Изъ всего этого количества, все, что остается въ Персіи на разныя потребы, не превышаетъ 1000 тюковъ. Все остальное распродается въ Индіи, Турціи, Италіи, на Англійскіе и Голландскіе корабли. Этѣ послѣдніе изъ своихъ странъ привозятъ олово, мѣдь, Англійское, Французское и Голландское сукно, которое, по неумѣнію Персовъ хорошо обдѣлывать шерсть и изготовлять сукно, высоко одобряется и цѣнится ими, такъ что за локоть хорошаго сукна въ Испагани платится по 8, 10 и по 12 рейхсталеровъ.

Самые многочисленные и богатѣйшіе купцы и торговые люди въ Персіи суть Армянскіе Христіяне, которые повсюду ѣздятъ въ странѣ и внѣ ея; ибо Персія есть свободно открытая, а не такая замкнутая, какъ Русская земля. Жители Персіи и чуждые народы могутъ выѣзжать и въѣзжать въ нее, торговать и промышлять тамъ, какъ хотятъ, лишь бы только Правительство получало съ нихъ свои пошлины и доходы.

Персіяне и Турки установили между собою договоръ, чтобы торговые люди ихъ въ военное, также какъ и въ мирное, время безпрепятственно разъѣзжали и торговали другъ съ другомъ, въ самой странѣ и внѣ ея, и чтобы караваны ихъ безопасно могли ходить вездѣ; ибо это равно необходимо и выгодно какъ тому, такъ и другому, изъ этѣхъ народовъ.

Персіяне могли бы извлечь изъ своей торговли гораздо значительнѣйшія выгоды, если бъ были искусны въ управленіи большими кораблями и вообще въ мореходствѣ, но искуства этого у нихъ нѣтъ.

Такъ какъ въ Персіи книгопечатанья нѣтъ, а книги вообще высоко и дорого цѣнятся, то по этому книга у нихъ, и особенно Алкоранъ, который у насъ, если бъ его напечатать, стоилъ бы одинъ рейхсталеръ, тамъ писанный стоитъ 15, 20 и болѣе рейхсталеровъ. Въ слѣдствіе сего многіе Персіяне, особенно у кого много дѣтей, стараются обучать ихъ хорошему письму, и въ Персіи есть нѣсколько тысячъ людей, добывающихъ себѣ пропитаніе писаніемъ такихъ книгъ и инымъ письмоводствомъ.

Различныя области должны держать на готовѣ извѣстное войско въ мирное и военное время; по этому многія тысячи кизильбашей и воиновъ живутъ жалованьемъ. Объ этомъ и скоро буду говорить подробнѣе.

ГЛАВА XIX.[1]

О брачномъ состояніи Персіянъ; многоженствѣ и о томъ, что случается иногда при многоженствѣ.

Сказавши о домоводствѣ Персіянъ, обозрѣвъ ихъ поварскую и погребъ, равно какъ и промыслы, которыми они занимаются,

[1] Въ подлинникѣ XXI, очевидно по ошибкѣ. Перев.

пройдемъ теперь поближе въ ихъ покои, и взглянемъ на брачное ихъ состояніе. Персіяне, чуть только позволяютъ достатки, рѣдко ограничиваются одною женою. Съ давнихъ временъ у нихъ въ обычаѣ брать по нѣсколько женъ. Страбонъ полагаетъ, что это происходило «multiplicandae prolis gratia,» ради того, что они очень желали расплодить и возрастить побольше дѣтей. Ибо Цари ихъ ежегодно назначали будьбо бы подарки для раздачи тѣмъ изъ подданныхъ, которые имѣли наиболѣе сыновей. Но въ настоящее время Персіяне охотники до многоженства не по этой причинѣ, даже многіе изъ нихъ желали бы теперь лучше вовсе не имѣть дѣтей. По этому-то нѣкоторые обращались къ нашему Врачу и, провѣдавъ, что онъ славится излѣченіемъ въ иныхъ болѣзняхъ, спрашивали его, не имѣетъ ли онъ какого либо медицинскаго средства для молодыхъ женъ, чтобъ онѣ не такъ скоро рождали дѣтей? на что Врачъ отвѣчалъ, что онъ скорѣе готовъ помочь женамъ тѣмъ въ рожденіи дѣтей, чѣмъ мѣшать имъ въ томъ. Я полагаю, что, по причинѣ такого сладострастія Персіянъ, они сложили слѣдующій стихъ и пословицу, въ которой они вновь взятую ими жену сравниваютъ съ Мѣсяцесловомъ, годнымъ только на одинъ первый годъ:

مرقي نوكن لي خراجه هر بوبهار
كه تسقويم پاريز نيايد بكار

Бери чаще новую жену, чтобъ у тебя была постоянная весна.
Мѣсяцесловъ негоденъ ни къ чему, когда годъ уже прошелъ.

Магуметъ въ Алкоранѣ (Azoar 8) дозволилъ, и даже милостиво повелѣлъ, чтобъ Персіяне, даже по Вѣрѣ своей, могли брать себѣ столько женъ, сколько имъ угодно и сколько они могутъ прокормить ихъ. Богатые купцы, торгующіе въ Персіи въ нѣсколькихъ городахъ, имѣютъ въ главнѣйшихъ мѣстностяхъ свои собственные домы и жену, такъ что, куда бы они ни пріѣхали, они вездѣ дома. Но только, чтобы Персіяне, особенно будьто бы въ Мидіи, должны были имѣть не менѣе 7-ми женъ, и чтобы дѣти сами должны были убивать своихъ родителей, прожившихъ за 70 лѣтъ, какъ пишетъ о томъ Нигеръ, въ своей Географіи (Basileae, 1557, стр. 531); ни чего этого ни въ настоящее, ни въ отдаленнѣйшія времена въ обычаѣ у Персіянъ не было.

Но что частенько причиняетъ имъ многоженство, они извѣдываютъ это на дѣлѣ съ великимъ прискорбіемъ. Между людьми, находящимися въ такомъ бракѣ (многоженствѣ), не можетъ быть истинной, горячей любви и довѣрія. Ибо, какъ говоритъ Амміянъ Марцеллинъ: «Apud eos per libidines varias charitas dispersa torpescit.» Мужья не могутъ любить всѣхъ женъ одинаково. Ибо любовь раздѣленная никогда не бываетъ такъ сильна, какъ сосредоточенная и обращенная только на одно лице. Подобное встрѣчается и въ другихъ случаяхъ, особенно у владѣтельныхъ особъ, когда одинъ Государь имѣетъ многихъ слугъ. Скорѣе можно допустить, что многіе, и даже всѣ слуги, сердечно любятъ одного Государя, чѣмъ одинъ Государь всѣхъ слугъ. Отсюда и происходитъ, что если они въ чемъ хоть немного не угодили, попадаютъ въ опалу. И такъ, если, на примѣръ, жена видитъ, что мужъ ея оказываетъ другой такіе же, часто еще и большіе, чѣмъ ей, знаки супружеской любви, то настаетъ, также какъ это бываетъ при любви, по комику (Terent. in Eun.) ссора, нерасположеніе, ненависть и вражда. Между женами часто возникаетъ даже опасная ссора и споръ, къ великой досадѣ и неудовольствію мужа. По этому случаю есть одна Турецкая пословица:

ايكي ارون بير ديوان
ايكي ايشك بير لاروان

Iki Ischek bir karwan,
Iki arwat bir diwan.

То есть:

Два осла—стоятъ одного каравана,
На двухъ женъ нужно цѣлое судилище.

Это значитъ, что съ двумя ослами, такъ какъ они ленивы, столько возни, какъ съ животными цѣлой странствующей толпы, или общества. И у кого двѣ сварливыя жены, тотъ постоянно долженъ судить и укрощать. Иногда такое брачное состояніе доводитъ мужа до величайшей опасности и несчастія, и стоитъ ему даже жизни. Такъ какъ мнѣ разсказывали много подобныхъ примѣровъ, то два изъ нихъ, случившіеся при Шахѣ Абасѣ, я хочу привести здѣсь.

Въ Шамахѣ былъ одинъ Ханъ, по имени Сильфагаръ (Silfahar), пользовавшійся большимъ уваженіемъ Шаха и всей страны и имѣвшій женой сестру Шаха Ходабенде (отца Шаха Абаса). Видя, что мужъ ея беретъ себѣ еще молодую жену, и что къ этой молодой онъ оказывается ласковѣе, чѣмъ она желала, прежняя жена Сильфагара, будучи дочерью Шаха, по высокомѣрію своему, возненавидѣла мужа, написала племяннику своему, Шаху Абасу, чтобы онъ остерегался мужа ея, который яко бы замышляетъ на жизнь его, Абаса. Шахъ Абасъ, и безъ того человѣкъ подозрительный, повѣрилъ такой клеветѣ, и послалъ Мешедскаго Хана, Карчихай-Хана, находившагося тогда у него въ Ардебилѣ, достать голову Хана Сильфагара. Карчихай-Ханъ тотчасъ же отправился въ Ширванъ, расположился тамъ у горы Эльбруса и послалъ къ Сильфагару, чтобы тотъ прибылъ къ нему. Не ожидая ни чего дурнаго отъ Карчихай-Хана, какъ отъ давнишняго знакомаго своего и пріятеля, Сильфагаръ поздно вечеромъ прибылъ въ назначенное мѣсто и разбилъ свою палатку не въ далекѣ отъ палатки Карчихая. На другой день Карчихай всталъ рано утромъ, отправился съ нѣсколькими слугами въ палатку Сильфагара, котораго засталъ еще въ постели; хотя не спавшаго уже, дружески привѣтствовалъ его и сказалъ, чтобы тотъ всталъ и прошелъ съ нимъ прогуляться, такъ какъ ему нужно переговорить съ нимъ. Едва только Сильфагаръ всталъ, полуодѣтый, и хотѣлъ было совершать свою молитву, какъ Карчихай-Ханъ подалъ своимъ слугамъ заранѣе условленный знакъ, тѣ напали на Сильфагара и изрубили его саблями. Карчихай взялъ голову и поспѣшилъ съ нею къ Шаху. Вотъ что сдѣлало Сильфагару его двоеженство (Bigamia).

Послѣ этого былъ еще другой случай съ однимъ Ардебильскимъ виноторговцемъ, по имени Шириджи Аали (котораго хорошо зналъ нашъ Hakwirdi). Однажды виноторговецъ этотъ поздно вечеромъ сидѣлъ съ хорошимъ пріятелемъ своимъ на мосту Heider Aaly (мостъ этотъ изображенъ на рисункѣ города) и пилъ вино. Въ это время проходилъ мимо навьюченный оселъ одинъ безъ хозяина; хозяинъ его, какой-то купецъ, присѣлъ за своей надобностію у рѣки, а оселъ бѣжалъ отъ него и направился къ лежавшему вблизи городу. Увидѣвши осла одного, виноторговецъ

поймалъ его, снялъ съ него грузъ и отпустилъ его опять на волю. Купецъ приходитъ въ Ардебиль, ищетъ тамъ своего осла, и хотя и находитъ его наконецъ на улицѣ, но безъ груза; по чему и отправился къ Хану съ жалобою на свою пропажу. Но Ханъ объявилъ, что помочь ему не можетъ, такъ какъ онъ не знаетъ виновныхъ. Купецъ обратился послѣ этого къ Шаху, который тотчасъ же послалъ его опять назадъ въ Ардебиль съ строгимъ приказаніемъ Алла-Кули-Хану, что такъ какъ онъ, Ханъ, не содержитъ дорогъ въ безопасности и не сдѣлалъ обыска о пропажѣ, какъ бы слѣдовало, то онъ и долженъ уплатить купцу стоимость пропавшаго у него добра, по его оцѣнкѣ, безъ всякаго замедленія, что и было исполнено Ханомъ. Между тѣмъ виноторговецъ, завладѣвши купеческимъ добромъ, нѣсколько освободрился, не захотѣлъ уже довольствоваться одной женой и, въ добавокъ къ прежде бывшей у него, взялъ другую, молодую жену, изъ одного дома терпимости, собственно за красоту ея; но отъ нея не было ни одного ребенка. Единственное дѣтя его, сынъ первой жены, мальчикъ 9 лѣтъ, пришедши однажды изъ училища домой, увидалъ въ комнатѣ лежащую, начатую уже, дыню, которая была еще маленькою въ томъ году, и отрѣзалъ кусокъ этой дыни себѣ; молодая жена разгнѣвалась за это, ударила мальчика, послѣ чего обѣ жены вцѣпились другъ другу въ волосы. Когда мужъ пришелъ домой, то мать и сынъ передали ему все дѣло въ такомъ трогательномъ видѣ, что онъ постегалъ таки молодую жену. Въ отмщеніе за такой позоръ, эта послѣдняя пошла тайкомъ къ Хану и открыла ему о покражѣ мужа; виноторговца тотчасъ же потребовали къ отвѣту, допросили и повѣсили, женъ же его, за то, что онѣ такъ долго покрывали мужа, предали общественному позору и прогнали, а сына обратили въ невольники. Все ихъ имущество Ханъ забралъ себѣ, и, такимъ образомъ, онъ получилъ опять больше еще того, что долженъ былъ уплатить купцу. Вотъ что значитъ взять двухъ женъ, и довѣрять имъ свои тайны.

V

СМѢСЬ

ДВѢ ГРАМОТЫ

ИЗЪ

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

I.

ГРАМОТА

Земскихъ людей Никитѣ Парамоновичу Лихареву, за его службу подъ начальствомъ Боярина и Воеводы, Князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, и Стольника, Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, противъ Польскихъ и Литовскихъ полчищъ.

Московскаго Государства Митрополиты и Архіепископы, и Епископы, и Архимариты, и Игумены, и весь Освященный Соборъ, и Бояринъ и Воевода Князь Дмитрей Тимоѳѣевичь Трубецкой, да Столникъ и Воевода Князь Дмитрей Михайловичь Пожарской, с товарыщи, и Околничие, и Столники, и Стряпчие, и Дворяне, и Дети Боярские, и всѣ ратные люди, приговорили Миките Парамоновичу Лихареву, за его многую службу и за кровь и за радѣнье, что онъ, помня Бога и свою душу и Православную Крестиянскую истинную Вѣру, на Польскихъ и на Литовскихъ людей, разорітелей Божиехъ Церквей и гонителей на Православную Крестиянскую истинную Вѣру Польскихъ и Литовскихъ людеі, Бояринъ и Воевода, Князь Дмитреі Тимоѳѣевичь Трубецкой, и онъ зъ Бояры и Воеводы пришедъ подъ Москву, Польскихъ людеі въ Москвѣ осадили. И какъ пришолъ подъ Москву Столникъ и Воевода, Князь Дмитреі Михайловичь Пожарской, и положилъ совѣтъ з Бояриномъ и Воеводою, со Княземъ

Дмитреемъ Тимофѣевичемъ Трубецкимъ, и со всѣю ратью, коі стоя ли подъ Москвою. И стоявъ подъ Москвою и на Москвѣ зъ Бояриномъ и Воеводою, со Княземъ Дмитреемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, многую службу показалъ, противъ Польскихъ и Литовскихъ людеі стоялъ, и ихъ всѣхъ ратныхъ людеі радѣніемъ Московское Государство очистилось. И образъ Пречистые Богородицы Владімерские, и Великихъ Чюдотворцовъ многоцелебныхъ мощей Петра, и Олексѣя, и Іоны, и сродникъ Великихъ Государеі Росіскаго Царствія, Благовѣрнаго и Великаго Князя Михайла Черниговскаго, и Боярина его, Ѳеодора, и новаго страстотерпца, Благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея, доступили, и прежнихъ Великихъ Государей Боговенчанныхъ Росіского Царствія Царя и Великого Князя Ивана Василевича всея Русіі, и праведного Государя Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всея Русіі, и иныхъ прежнихъ Великихъ Государей гробоносные домы отъ того осквернѣнія очистили, и плѣнныхъ и насилующихъ отъ бѣдъ храбрѣствомъ свободили, Польскихъ и Литовскихъ людеі побили и поимали: и по своему приговору дали ему в вотчину с поместьемъ ево окладу, с тысечи четеі со ста четеі по двадцати четеі, и того двѣсти четеі, во Брянскомъ Уѣзде въ Воронитцой волости подъ Рославлемъ, * Дворцовую деревню Хорошкову, да деревню Бѣхову. А по дачѣ нынѣшнего 121, году, Декабря въ 15 день, по его, Микитине, скаске, въ деревняхъ написано: пашни и перелогу триста пятдесять четвертеі въ поле, а въ дву по тому жъ, и перешло въ той ево отчине сто пятдесятъ четеі, и тѣмъ лишкомъ владѣти ему по прежнему въ помѣстье. А та вотчина ему, Миките, и женѣ ево, и дѣтямъ ево, і внучатомъ ** и правнучатамъ, и в родъ ихъ безповоротно. А какъ дастъ Богъ на Московское Государство Государя, и тогды Государь велитъ на ту вотчину дати свою Царьскую жалованную грамоту за красною печатю. К сей грамоте Бояринъ и Воевода Князь Дмитреі Тимо-

---

* Слова: «подъ Рославлемъ» приписаны сверху инымъ почеркомъ и чернилами нѣсколько отмѣнными, блѣднѣе чернилъ грамоты, которыя рыжеватыя.

** «І внучатомъ» тоже приписано сверху совсѣмъ инымъ почеркомъ и чернилами блѣдночерными.

овѣевичь Трубецкой, да Столникъ и Воевода Князь Дмитрей Михайловичь Пожарской, велѣли земскую печать приложить. Лѣта. 7121, Февраля въ 1 * день.

Печать чернаго воска, а на ней одноглавый орелъ съ опущенными крыльями, кругомъ же въ ободкѣ надпись: «Печать Росѣіскаго Государства Московскаго.»

На оборотной сторонѣ грамоты подписи:

Бояринъ Князь Дмитрей Тимофеевичъ Трубецкой.

А подписалъ Думной Діякъ Ѳедоръ.... **

Справилъ Ѳедка Ивановъ.

Грамота писана на двухъ листахъ желтоватой бумаги, протянутыхъ во всю длину и перехваченныхъ на концѣ ихъ бумажной подкладкой подъ печать.

---

* И это число написано другими чернилами блѣдными, одинаковыми съ подписью Думнаго Дьяка.

** Далѣе нельзя разобрать.

II.

Царя и Великаго Князя, Михайла Ѳедоровича, Казарину Ивановичу Срѣзневу, за услуги его противъ Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ при Царѣ Василіѣ, въ нужное и прискорбное время.

Божиею милостию Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михайла Федоровичь, всея Русіі Самодержецъ, пожаловали есмя Казарина Ивановича Срѣзнева, за его многу службу, что онъ, помятуя Бога, и Пречистую Богородицу, и Московскихъ Чюдотворцовъ, будучи у насъ въ Московскомъ Государствѣ при Царѣ Василие нужное и прискорбное время, за Вѣру Крестьянскую, и за Святыя Божіа Церкви, и за насъ за всѣхъ Православныхъ Крестьянъ, противъ враговъ нашихъ, Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ, которые хотѣли разорить Государство Московское и Вѣру Кр естьянскую попрать, а онъ, Казаринъ, будучи у насъ, въ Московскомъ Государстве, во совѣте противъ тѣхъ злодѣевъ нашихъ, стоялъ крѣпко, мужественно, и многое дородство, и храбрость, и службу показалъ, и голодъ, и наготу, и всякую нужду осадную терпѣлъ многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на какую не покусился, стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо, безо всякие шатости, и отъ тоеи жъ великие службы и отъ терпѣнья Польские и Литовские люди и Руские воры отъ Москвы отошли. И за тѣ за всѣ великие и нужные осадные службы я, Царь и Великій Князь, Михайла Ѳедоровичь, всеа Русіі, пожаловалъ-сь его, Казаринова, с помѣстного окладу, с семи сотъ с пятьдесятъ чети, и зо сто по дватцати чети, и старого его помѣстье в Каширскомъ Уѣзде, в Растовскомъ стану, на рѣчке на Корытне и в деревне Корытне, да въ деревнѣ Такаревѣ, сто пятьдесятъ чети в вотчину со всѣмъ угодьемъ, что дано было ему в вотчину при Царѣ Василе за Московское осадное сиденье. А в Каширскихъ книгахъ писцовыхъ писма и мѣры Князя Ивана Гагарина с товарыщи лѣта. 7186 в деревне Карытне написано: пашни паханые и перелогу середней земли доброю землею с наддачью сто три чети, да в деревнѣ Такаревѣ пашни доброй земли тритцать чети, да перелогу дватцать восмь чети с осминою, и обоего в тѣхъ деревняхъ пашни и перелогу середней земли доброю землею

с наддачью сто шездесятъ одна четь с осминою в поле, а в дву по тому жъ, и перешло у него свѣрхъ вотчинного указу за вотчиною одиннатцать чети с осминою, и тотъ переходъ оставленъ за нимъ же, за Казариномъ, в помѣстье. Какъ по Кашире будутъ наши писцы или болшие мѣрщики, и онѣ тое его вотчинную землю отъ помѣстной земли отмежуютъ опрочѣ, ямы перекопаютъ и грани потешутъ, и всякие признаки учинятъ вотчинную землю с одново сряду, а помѣстную по тому же. И на ту его вотчину ся наша Царская жалованная грамота, за нашею за Царскою печатью, ему, Казарину, и дѣтемъ его, и внучатамъ, и правнучатомъ, и въ родъ ихъ неподвижно, чтобъ наша Царьская жалованная и ихъ великое дородство, и крѣпость, и храбрость, и служба за Вѣру и за свое отечество, послѣднимъ ихъ родомъ было на память, и ихъ служба и терпѣнья воспоминая впредь дѣти ихъ, и внучата, и правнучата ихъ, и хто по нехъ родъ будетъ, тако жъ за Вѣру Крестьянскую, и за святыя Божия Церкви, и за свое отечество, противъ враговъ стояли мужественно, безо всякаго позыбания. А въ той вотчине Казаринъ, и дѣти, и внучата, и правнучата, по нашему Царьскому жалованью вольны. Писана нашего Государства в царьствующемъ граде Москвѣ лѣта 7121, Іюня въ 23 день.

Къ грамотѣ привѣшена на красномъ снуркѣ печать краснаго воска, а на ней, съ одной стороны, Георгій Побѣдоносецъ и вокругъ въ ободкѣ надпись: «Божиею милостию Царь и Великій Князь Михаилъ Федоровичь,» а на другой двуглавый орелъ и продолженіе надписи въ ободкѣ же: «всеа Русіи Самодержецъ і многихъ....» (печать отъ правой руки нѣсколько отбита).

Внизу написано: «Полполтина.»

На оборотной сторонѣ грамоты въ верху: «Царь и Великій Князь Михайло Федоровичь всеа Русіи Самодержецъ.»

Внизу: «Справилъ Олекша Карнауховъ.»

Бумага и проч., какъ и у первой грамоты.

ЗНАКЪ

ОТЛИЧІЯ БЕЗПОРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

и

НѢКОТОРЫЕ ПРОФЕССОРЫ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I.

ПИСЬМО

Профессора И. И. Давыдова къ Князю Н. Н. Голицыну. *

Ваше Сіятельство,

Милостивый Государь!

Прошлаго Апрѣля мѣсяца, 9-го числа, имѣлъ я честь подавать Его Сіятельству, Князю Сергію Михайловичу, прошеніе объ исключеніи изъ Послужнаго Списка моего, для Знака отличія безпорочной службы, отмѣтки касательно недоимки, происшедшей въ бывшемъ Университетскомъ Пансіонѣ, въ бытность мою Инспекторомъ онаго, отъ родителей, не плативпихъ въ срокъ за содержаніе дѣтей своихъ, а послѣ съ процентами взысканной, и о представленіи меня вновь къ сему Знаку.

---

* Князь Николай Николаевичъ Голицынъ былъ въ это время Правителемъ Канцеляріи у своего родственника, Князя Сергѣя Михайловича Голицына, тогдашняго Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. О. Б.

Его Сіятельство, находя прошеніе мое совершенно справедливымъ и согласнымъ съ Высочайшими узаконеніями, составлявшимися по Знаку отличія безпорочной службы въ 1829-мъ году, Марта 30-го дня, и въ семъ 1831-мъ, Января 12-го дня, предложилъ Правленію Университета, въ томъ же Апрѣлѣ 13-го дня, за № 352, означенную отмѣтку изъ Послужнаго моего Списка исключить и вновь изготовить оный по прежнему, безъ сей токмо отмѣтки, и въ семъ видѣ препроводить къ Его Сіятельству, для представленія, вмѣстѣ съ прочими, къ удостоенію Знакомъ отличія безпорочной службы. Въ слѣдствіе сего предложенія Правленіе такимъ образомъ изготовленный Списокъ и препроводило къ Его Сіятельству.

Такъ какъ нынѣ настоитъ время представленія Чиновниковъ къ сему Знаку, то я покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство, соблаговолить привести въ исполненіе сіе предложеніе и представить Его Сіятельству къ подписанію мой Списокъ, изъ Правленія препровожденный; ибо перемѣны въ производствѣ дѣлъ представляются токмо къ высшему начальству. Симъ ко многимъ благодѣтельнымъ для меня дѣйствіямъ Вашего Сіятельства присоедините новое доказательство Вашего ко мнѣ вниманія, за что почитаю долгомъ всегда оставаться признательнымъ Вашему Сіятельству и благодарнымъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства,

Милостивый Государь Князь,

покорнѣйшій слуга

Иванъ Давыдовъ.

1831 года, Ноября 11.

II.

ПИСЬМО

къ тому же Ректора Университета И. А. Двигубскаго.

Милостивый Государь,

Князь Николай Николаевичъ!

Г. Фаворскій * спросилъ у меня, по Вашему требованію, Записки, поданной Князю Сергію Михайловичу мною и другими Профессорами, не получившими Знака отличія безпорочной службы; копіи той Записки у меня не осталось, и я просилъ его обратиться къ Г. Антонскому; ** между тѣмъ я нашелъ у себя копію съ Записки особой, которую представлялъ Князю С. М. Дмитрій Павловичъ *** и которую Его Сіятельство изъявилъ согласіе свое представить при удобномъ случаѣ Государю. Я рѣшился сію Записку препроводить къ Вашему Сіятельству при семъ и покорнѣйше просить, употребить все Ваше ходатайство у нашего добраго начальника. Д. П. мнѣ сказалъ, что Князь С. М., по прочтеніи посылаемой Записки, сказалъ именно: «О прочихъ Профессорахъ онъ не знаетъ, но о мнѣ лично походатайствуетъ;» изгладивъ сіе пятно изъ нашей службы, Князь окажетъ величайшее благодѣяніе. Надѣясь на Ваше ко мнѣ благорасположеніе, я осмѣлива-

---

* И. П. Фаворскій, служившій тогда въ Канцеляріи Попечителя Московскаго Университета. О. Б.

** А. А. Прокоповичу-Антонскому. О. Б.

*** Голохвастовъ, тогда Помощникъ Попечителя Университета. О. Б.

юсь безпокоить Васъ моею докукою о семъ дѣлѣ. Прослужа 30 лѣтъ съ лишнимъ при одномъ и томъ же мѣстѣ безъ всякаго другого порока, бывши Секретаремъ Совѣта 18 лѣтъ безпрерывно, и при сей же должности будучи десять лѣтъ сряду избираемъ въ Деканы Отдѣленія Физико-Математическихъ наукъ, и три раза въ Ректоры; кромѣ сего, участвуя всегда во всѣхъ при Университетѣ бывшихъ Комитетахъ по разнымъ случаямъ, бывши 11 разъ Визитаторомъ Училищъ, и никогда не отказываясь ни отъ какихъ препорученій, право, больно по одной только, и при томъ чужой, винѣ, и въ которой не столько Деканы, сколько Ректоръ * и Секретарь, по множеству дѣлъ, просмотрѣли мошенничество Бухгалтера, лишиться заслуженнаго отличія безпорочной службы. Странно видѣть не только намъ, но и посторонннимъ, что наши Чиновники, не служащіе вмѣстѣ и въ другихъ мѣстахъ, награждаются по тѣмъ мѣстамъ, какъ люди того стоющіе, а по Университету нѣтъ. Но это дѣло постороннее; я не смѣю повторить мою просьбу Князю С. М., да теперь не время, о увольненіи меня отъ Ректорства, истинно для меня тягостнаго и по той причинѣ, которую представилъ я въ моемъ прошеніи Г. Попечителю въ прошломъ году; ибо точно мои силы начинаютъ ослабѣвать, и я боюсь сдѣлать что ни будь по Университету такое, что навлекло бы для него непріятность, и, сверхъ того, по тому, что Ректорское званіе, для поддержанія его хотя сколько ни будь приличнымъ образомъ, требуетъ излишнихъ издержекъ, которыя и пополнялись изданіемъ изображеній растеній и Магазиномъ Естественной Исторіи; но теперь Г. Министръ и вторично отказалъ въ изданіи изображеній растеній, ссылаясь на то, что не онъ утверждалъ изданіе, и что онъ отдалъ это еще въ прошломъ году на произволъ Г. Попечителя. Я теперь въ большомъ затрудненіи, и покорнѣйше прошу извинить мое многоглаголаніе: право, отъ избытка сердца уста глаголютъ. Ни одного не было Попечителя, при которомъ я за мои труды не былъ бы чѣмъ ни будь награжденъ; и не уже ли при такомъ благонамѣренномъ, добромъ и могущественномъ, начальникѣ останусь брошеннымъ? Я твердо надѣюсь на его благодѣтельную справедливость въ испрошеніи

Прокоповичъ-Антонскій. О. Б.

выключки изъ Послужнаго Списка непріязненной отмѣтки, въ чемъ, конечно, не откажитесь пособить, по своему добродушію, и Вы, Милостивый Государь, снисходя на всепокорнѣйшую просьбу того, который всегда съ чувствами истиннаго почтенія и душевной преданности имѣетъ честь быть,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

Иванъ Двигубскій.

1832, Мая 18.
Москва.

III.

ЗАПИСКА

ОБЪ

исключеніи изъ Послужныхъ Списковъ непріязненной отмѣтки.

Заслуженные Профессоры Московскаго Университета: Прокоповичъ-Антонскій, Двигубскій, Цвѣтаевъ, и Ординарные: Мухинъ и Сандуновъ, въ 1829 году, вмѣстѣ съ другими Профессорами, выслужившими 15 лѣтъ и болѣе, были удостоены Университетскимъ начальствомъ представленія къ Знаку отличія безпорочной службы, но до сихъ поръ не получили упомянутаго Знака отличія, вѣроятно, по тому, что въ Послужныхъ ихъ Спискахъ, для сего составленныхъ, подъ статьею IX: «Не былъ ли подъ судомъ и въ числѣ прощенныхъ Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ, и именно какимъ?» находится слѣдующая отмѣтка:

«Подъ судомъ не былъ; въ числѣ прощенныхъ самъ по себѣ не былъ, но по случаю растраты 1710 рублей казенныхъ денегъ

бывшимъ Бухгалтеромъ Университета и Помощникомъ Кассира, Титулярнымъ Совѣтникомъ Попелахинымъ, пополненіе оныхъ денегъ предполагалось Правительствующимъ Сенатомъ, по неимуществу его, Попелахина, возложить на Присутствующихъ Университетскаго Правленія (въ числѣ коихъ Прокоповичъ-Антонскій былъ Ректоромъ, а Двигубскій, Цвѣтаевъ, Мухинъ и Сандуновъ Деканами); но на основаніи V-й статьи Всемилостивѣйшаго Манифеста, 1826 года, Августа 22-го дня, отъ онаго избавленъ Указомъ Правительствующаго Сената, даннымъ Московской Палатѣ Уголовнаго Суда 1-му Департаменту, 1828 года, 12 дня.»

1. Изъ самой отмѣтки явствуетъ, что никто изъ Присутствующихъ въ Университетскомъ Правленіи Членовъ нигдѣ подъ судомъ не былъ, и ни отъ одного изъ нихъ ни какихъ свѣдѣній и запросовъ о растратѣ денегъ требовано не было, а находится подъ слѣдствіемъ одинъ только бывшій Бухгалтеромъ Попелахинъ, наказанный за свою вину не опредѣленіемъ впредь, ни къ какимъ дѣламъ. Если бы онъ былъ въ состояніи самъ внести растраченную сумму, то и не было бы надобности возлагать пополненіе оной на Присутствующихъ Университетскаго Правленія и распространять на нихъ силу Всемилостивѣйшаго Манифеста. По симъ причинамъ и Правительствующій Сенатъ не опредѣлилъ вносить сего обстоятельства въ Послужные Списки выше означенныхъ Профессоровъ, а сдѣлана прописанная отмѣтка въ слѣдствіе предложенія бывшаго въ то время Попечителемъ, Генералъ-Маіора Писарева, съ оправдательнымъ, впрочемъ, объясненіемъ. Указомъ же 1830 года, Генваря 13 дня, Высочайше повелѣно: «Отмѣчать въ Послужныхъ Спискахъ токмо выговоры отъ Высочайшаго Имени, штрафы и взысканія, налагаемыя Правительствующимъ Сенатомъ и Уголовными инстанціями.»

2. Въ дополнительныхъ статьяхъ 1829 года, Марта 30 дня, Высочайше утвержденныхъ, въ статьѣ 14 повелѣно: «Не исключать изъ выслуги лѣтъ бытности подъ судомъ, когда подсудимые оправданы;» а упомянутые Профессоры не только не имѣли нужды въ оправданіи, но ни слѣдствію, ни суду, подвергаемы не были.

3. Въ 23 статьѣ упомянутыхъ дополненій изображено: «Представлять къ Знаку отличія безпорочной службы Чиновниковъ По-

чтоваго Вѣдомства, подвергшихся денежному взысканію и замѣчанію начальства за растрату денегъ, съ прописаніемъ только сущности дѣла и причинъ, побуждающихъ начальство представлять таковыхъ Чиновниковъ къ Знаку отличія, и на семъ основаніи повелѣно поступать и другимъ Вѣдомствамъ.» По сему же пункту одни только Чиновники, подвергшіеся по слѣдствію сомнѣнію въ умышленномъ злоупотребленіи и оставленные въ подозрѣніи, не удостоиваются Знака отличія безпорочной службы. Означенные же Профессоры не сами растратили деньги и ни какому сомнѣнію въ злоупотребленіи, или злоумышленіи, не подлежатъ, но въ теченіи многолѣтней своей службы и занимая разнообразныя должности, при непоколебимой нравственности, всегда оказывали себя вѣрными, постоянными и точными исполнителями въ дѣлахъ службы, что означено и въ Послужныхъ ихъ Спискахъ.

Касательно же отмѣтки въ графѣ XIV Послужнаго Списка Профессора Антонскаго, внесенной въ оной также въ слѣдствіе предложенія бывшаго Попечителемъ, Генералъ-Маіора Писарева, и относящейся къ долгамъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, въ которомъ онъ былъ Директоромъ, то какъ долги сіи накопились не по сего винѣ, а по не своевременному взносу денегъ родителями воспитывающихся въ оном Пансіонѣ дѣтей, и теперь взносомъ денегъ родителями и представленнымъ имъ, Антонскимъ, вмѣстѣ съ бывшимъ Инспекторомъ Пансіона, Давыдовымъ, надлежащимъ залогомъ, совершенно очищены, и дѣло сіе почтено начальствомъ въ 1831 году конченнымъ, то обстоятельство сіе слѣдуетъ изъ Списка его, Антонскаго, исключить.

МОНИНСКОЕ СОГЛАСІЕ

ВЪ МОСКВѢ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Сдѣсь помѣщенъ Уставъ Согласія Покровской Монинской часовни; за тѣмъ Каноникъ, по которому совершался обрядъ вѣнчанія у, такъ называемыхъ, новожеповъ Монинскаго Согласія, и Епитимейникъ, въ которомъ изложены правила о церковномъ взысканіи за нарушеніе правилъ выше упомянутаго «Устава.»

Со дня раздѣла съ господствующею Церковью, Расколъ бросилъ вѣтви по всей Россіи; корень же его остался въ Москвѣ, какъ въ главной средѣ Старовѣрческаго движенія.

До 1771 года разновѣрующіе не дѣйствовали явно; вся дѣятельность ихъ ограничивалась совращеніемъ въ Расколъ слабѣйшихъ изъ членовъ господствующей Церкви: то дѣлалось въ тайнѣ, скрытно. Въ этомъ году постигла Москву моровая язва; Правительству, преслѣдовавшему до того времени Старообрядцевъ, не до нихъ было въ годину народнаго бѣдствія, а они, пользуясь симъ бѣдствіемъ, выпросили разрѣшеніе построить на свой счетъ карантинъ и при немъ кладбище, подъ предлогомъ общественной пользы; и такъ основалась секта Безпоповцевъ Преображенскаго кладбища; въ слѣдъ за этѣмъ воздвиглось и Рогожское Поповщинскаго Согласія, * и за тѣмъ Покровская Монинская часовня Поморскаго Со

---

* Филипповская часовня.

гласія. Объ этой послѣдней помѣщаемъ мы нѣсколько свѣдѣній, со дня ея существованія до нашего времени.

Основателемъ ея былъ нѣкто Василій Емельяновъ, бывшій сначала самъ однимъ изъ главныхъ членовъ Преображенской Ѳеодосіевской общины, перешедшій къ Поморскому Согласію, въ слѣдствіе разномыслія съ Ѳеодосіевцами относительно моленія за Царя и брачной жизни, чего Преображенцы не допускали.

Василій Емельяновъ первый возсталъ на отверженіе Преображенцами браковъ, отошелъ отъ Ѳеодосіевской общины къ Поморцамъ, и вскорѣ обратился онъ къ своимъ единомышленникамъ съ такою рѣчью: «Стыдно намъ теперь, Православные Христіане, таиться, когда Ѳеодосіевцы кичатся; стыдно не имѣть общественной молельни. Они упрекаютъ насъ, будто мы служимъ молебны и благословляемъ браки въ конюшняхъ; необходимо устроить намъ молитвенный домъ, чтобъ избѣгнуть поношенія.» Воззваніе было принято единодушно всѣми Поморцами, и немедленно, совокупными стараніями, они составили въ Москвѣ общество Поморцевъ изъ 50 человѣкъ, въ числѣ коихъ были и богатыя купеческія семейства, какъ то: Пименъ Алексѣевъ, каретникъ, жившій въ приходѣ Св. Пимена въ Воротникахъ, Василій Ѳедоровъ Монинъ, въ Покровской Части (нынѣшнемъ 5-мъ кварталѣ Лефортовской Части), Андрей Тимоѳеевъ Заикинъ, на Никитской улицѣ, и Никифоръ Петровъ, ленточникъ.

Василій Емельяновъ, пользуясь своимъ вліяніемъ и сочувствіемъ къ его воззванію богачей Московцевъ, выше упомянутыхъ нами, сдѣлалъ сборъ, для устройства и основанія молельни Поморскаго Согласія. Сборъ былъ такъ удаченъ, что немедленно было приступлено къ осуществленію возникшаго намѣренія: купленъ домъ съ большимъ количествомъ свободной земли, выстроили на дворѣ деревянную часовню, а при ней просторное зданіе для «призрѣваемыхъ,» по примѣру Преображенскаго кладбища. Эта молельня находилась въ нынѣшнемъ 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части, въ приходѣ Св. Ирины, на Покровской улицѣ. Мѣстность и домъ укрѣплены были за Московскимъ купцомъ Василіемъ Ѳедоровымъ Мониннымъ, который занимался ходатайствомъ по частнымъ исковымъ дѣламъ, большею частію Старообрядческимъ, родственникомъ

Емельянова, въ слѣдствіе чего молельня эта и получила названіе Монинской.

Такъ какъ начало устройства часовни принадлежало Емельянову, то онъ былъ избранъ Настоятелемъ, а Василій Монинъ его помощникомъ, а въ послѣдствіи Монинъ былъ попечителемъ часовни.

Покровская Монинская часовня, съ самаго своего основанія, руководствовалась правилами, принятыми Выговскимъ общежитіемъ, т. е., уставомъ Андрея Денисова; хотя въ послѣдствіи и расширила она значительно предѣлы ученія о бракѣ, но никогда не отлагалась отъ ученія своего Согласія. Главныя начала Покровской часовни заключаются въ слѣдующемъ: «Женившіеся не согрѣшаютъ; бракъ чистъ, ложе не скверно и не блазненно. Подобаетъ молиться за предержащія власти.» Остальныя правила, какъ читатели увидятъ изъ прилагаемыхъ ниже постановленій Монинской часовни, составляютъ не болѣе, какъ исправленіе тѣхъ статей Ѳеодосіевскаго Устава, въ которыхъ послѣдователи Ковылина отступили отъ здраваго смысла и отъ коренныхъ положеній первоначальнаго Раскола.

Сдѣсь не лишнимъ считается указать и на иногородныя Согласія Поморской общины, которыя въ ту пору уже существовали въ слѣдующихъ городахъ: 1) въ Вологдѣ, подъ управленіемъ купцовъ братьевъ Кокоревыхъ; 2) въ Саратовѣ, подъ управленіемъ купца Алексѣя Казанова, очень вліятельнаго человѣка между Раскольниками, и не въ одной только Саратовской Губерніи, и 3) въ Рыбинскѣ, подъ настоятельствомъ купца Ѳедора Тюменева.

Ученіе Покровской молельни направлено было противъ ученія Преображенцевъ, и Настоятель ея, Василій Емельяновъ, заботился исключительно о привлеченіи въ свою общину Ѳеодосіевцевъ Преображенскаго кладбища. Цѣль эта достигалась очень просто. Такъ какъ ученіе Ильи Ковылина не допускало правильной семейной жизни, и новожены не могли присутствовать на общей братской молитвѣ съ Преображенцами, да и не допускались между своими единовѣрцами «ни къ ястію, ни къ питію, ни къ любви, ни къ дружбѣ,» то Василій Емельяновъ допустилъ ихъ въ свою Покровскую общину, съ условіемъ предварительнаго испытанія весьма не отяготительныхъ обрядовъ: переходящій въ ихъ общину Ѳеодосіевецъ клалъ

только восемь поклоновъ въ молельнѣ, отправлялъ непродолжительный постъ, цѣловалъ Крестъ и Евангеліе, и, по исполненіи сихъ обрядовъ, онъ дѣлался прихожаниномъ Монинской часовни, тогда какъ Ѳеодосіевцы, при переходѣ Поморцевъ въ ихъ Согласіе, заставляли переходившихъ класть тысячи поклоновъ, нести продолжительные посты и присягать торжественно на вѣрность кладбищу (смотр. Сборникъ Н. Попова, т. «I-й: Польскій уставъ и Чинъ оглашенія»). Кромѣ того, допускалось, и даже какъ бы дѣлалось необходимымъ, въ Покровской часовнѣ брачное сожительство, съ благословенія родителей и Поморскихъ наставниковъ, также и моленіе за Царя, чего Ѳеодосіевцы не позволяли. Подобная уступка Покровской часовни, въ глазахъ учителей Преображенскаго кладбища, служила для нхъ, единовѣрцевъ соблазнительнымъ примѣромъ; въ слѣдствіе этого возникла между ними непримиримая вражда, выразившаяся въ послѣдствіи безконечнымъ рядомъ препирательныхъ писемъ, направленныхъ преимущественно на Поморскихъ учителей и «Новоженовъ.»

Ежели Покровская Монинская часовня уступала Преображенскому кладбищу численностію прихожанъ, то можно сказать, что къ этой молельнѣ принадлежали люди болѣе сильные и вліятельные между Старобрядцами, и если не умомъ, то матеріяльными средствами: «Хотя малое стадо, но крѣпкое,» говаривалъ Емельяновъ; Монинское Согласіе было образованнѣйшей частью Московскихъ Безпоповцевъ.

Василій Емельяновъ управлялъ Покровской часовнею 30 лѣтъ, умеръ въ 1797 году, на 68 году отъ рожденія. По смерти его званіе Настоятеля принялъ на себя братъ Емельянова, Алексѣй, и управлялъ этой часовнею до начала XIX вѣка.

Въ послѣдствіи ревностнымъ прихожаниномъ Монинской молельни былъ уроженецъ города Зарайска, Московскій купецъ Гаврило Ларіоновъ Скачковъ, который, какъ видно изъ помѣщеннаго ниже «Прошенія» на Преображенское кладбище, былъ Ѳеодосіевецъ, какъ и Емельяновъ. Онъ учился у кого-то изъ лицъ духовнаго званія и былъ однимъ изъ лучшихъ Старообрядческихъ писателей. Скачковъ въ скоромъ времени сдѣлался ревностнымъ распространителемъ ученія Емельянова о сводныхъ бракахъ въ Безпоповщинѣ, совершаемыхъ въ Покровской молельнѣ. Онъ установилъ правила

для совершенія браковъ съ молебнымъ пѣніемъ, и написалъ для этого «Уставъ,» «Канонъ» и «Епитимейникъ,» о которыхъ мы упомянули выше. По принятіи имъ настоятельства въ часовнѣ, вниманіе его прежде всего было обращено на внутреннее устройство общины и на основаніе прочнаго капитала. Съ этою цѣлію Скачковъ завелъ при молельнѣ, такъ называемую, «Брачную книгу,» для внесенія въ нее именъ всѣхъ повѣнчанныхъ въ часовнѣ Московскихъ и иногородныхъ Старообрядцевъ, поручивъ веденіе этой книги зятю своему, Андреяну Сергѣеву (тоже перешедшему изъ Ѳеодосіевцевъ), и постановивши правиломъ дѣлать, при записи въ книгу, со стороны вступающихъ въ бракъ, посильныя денежныя приношенія, не менѣе, впрочемъ, 10 рублей; богатые платили гораздо больше, и ихъ пожертвованія доходили иногда до 1000 рублей Другому своему зятю, Захарѣ Ѳедорову Бронину, Скачковъ поручилъ писаніе иконъ для молельни и на продажу, при чемъ вырученныя за иконы деньги тоже обращались въ общественное достояніе часовни. Самъ Скачковъ принялъ на себя служеніе въ молельнѣ и надзоръ за проживавшими при ней, число коихъ простиралось тогда до 80 человѣкъ; онъ же былъ и духовнымъ отцомъ прихожанъ этой молельни.

При вступленіи своемъ въ управленіе часовнею, Скачковъ нашелъ въ своей общинѣ упущенія, несоблюденіе установленныхъ брачныхъ правилъ часовни, и написалъ «Епитимейникъ, т. е., уставъ о взысканіяхъ за несоблюденіе правилъ, который и помѣщаемъ въ слѣдъ за его брачнымъ «Канонникомъ.»

Покровская часовня, какъ мы уже сказали выше, имѣла прихожанъ болѣе вліятельныхъ и сильныхъ по вещественнымъ средствамъ. Еще до 1812 г. она пріобрѣла почти всѣхъ богачей изъ Старообрядцевъ того времени; почти всѣ они были прежде послѣдователями Преображенской Ѳеодосіевской общины: Максимъ Ѳедоровъ Зенковъ, Евѳимъ Ѳедоровъ Осининъ, Тимоѳей Даниловъ Шевалдышевъ, Ѳеопемптъ Яковлевъ, жившій въ Срѣтенской Части, Филиппъ Елисеевъ, Григорій Ивановъ Позументщиковъ, Акимъ Дмитріевъ, серебренникъ, Иванъ Пименовъ, каретникъ и проч. и проч. Число прихожанъ Покровской часовни около 1812 года увеличилось до 4000, а число призрѣваемыхъ перешло уже за сотню.

Въ такомъ блестящемъ видѣ засталъ Монинскую часовню памятный для Россіи 1812 годъ. Въ это время Скачковъ употребилъ всѣ силы, чтобы сохранить достояніе своей часовни, какъ-то: деньги, иконы, книги и проч.; все это было вывезено изъ Москвы въ разныя Губерніи: Ярославскую, Саратовскую, Костромскую, Астраханскую. Призрѣваемыхъ же при часовнѣ Скачковъ, съ общаго согласія, перевезъ къ купцу Евстигнѣеву, и взялъ слово, что онъ не покинетъ «несчастныхъ» ни въ какомъ случаѣ; а этотъ крайній случай былъ очень возможенъ; по тому что Покровцы отнюдь не расчитывали вступать, подобно Ѳеодосіевцамъ Преображенскаго кладбища, въ какія либо сношенія съ Французами, тогда какъ Безпоповцы Преображенскаго кладбища выдали руками золото,—огромнаго быка, могилу отцовъ своихъ и родину врагу Отечества (смот. Исторію Преображенскаго кладбища въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1862 г., № 2). Самъ же Скачковъ, съ своими зятьями, тоже не выѣзжалъ изъ Москвы, дѣля съ призрѣваемыми радость и горе. Въ 1813 году онъ встрѣтилъ и возвратившихся изъ разныхъ странъ Россіи Покровцевъ.

1812 годъ для Москвы былъ, какъ извѣстно, самымъ бѣдственнымъ: пожаръ и враги Отечества превратили столицу почти въ одно пепелище, въ томъ числѣ и Покровская часовня была сожжена, такъ что отъ нея осталось едва одно основаніе.

Первымъ дѣломъ возвратившихся въ Москву Поморцевъ было построеніе новой часовни. Начались пожертвованія, явились богатые вклады купцовъ: Василія Ѳедорова Панфилова, Никона Матвѣева Гусарева, Акима Андреева, Ѳедора Макарова Фарыскова, Сидора Герасимова Шмакова, сургучника, Тимоѳея Михайлова Ракова, Михаила Васильева, рамщика, Петра Алексѣева Вѣтрова, Егора Семенова. Иногородные Поморцы также приняли участіе въ пожертвованіи: изъ Вологды прислали свои вклады Кокоревы, изъ Борисоглѣбска Звѣздины, изъ Рыбинска Тюменевы, изъ Углича Ждановъ, изъ Ярославля Молотковъ и Моховъ. Получивши такимъ образомъ богатые вклады, Скачковъ немедленно приступилъ, по совѣту своихъ прихожанъ, къ отдѣлкѣ новой часовни, которая была уже выстроена каменная въ два яруса. Перенесли изъ домовъ прихожанъ все нужное для часовни, и также свезенныя изъ разныхъ странъ вещи,

вывозившіяся изъ Москвы отъ непріятеля. Часовня украсилась еще лучше прежней, и богослуженіе, совершавшееся Скачковымъ временно въ домахъ прихожанъ, перенесено въ часовню. Число призрѣваемыхъ при часовнѣ опять перешло за 100, а число прихожанъ дошло до 4256 человѣкъ.

Такимъ образомъ дѣла Покровской часовни шли весьма успѣшно, и число прихожанъ увеличивалось со дня на день, въ ущербъ Преображенскому кладбищу. Скачкову уже было трудно одному и настоятельствовать, и быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, духовникомъ прихожанъ его часовни; онъ, съ общаго совѣта прихожанъ, избралъ себѣ въ помощники Антипа Андреева, Московскаго мѣщанина, родомъ изъ Владимира, который жилъ въ своемъ домѣ, въ Колосовомъ переулкѣ, Срѣтенской Части, и имѣлъ хорошее состояніе.

Принявши себѣ помощникомъ Антипа Андреева, Скачковъ, чрезъ нѣсколько времени отправился странствовать по Руси: посѣщалъ обители своихъ единовѣрцевъ, изучалъ ихъ общежитіе, службу, а главное предостерегалъ Поморцевъ отъ ученія, враждебныхъ Покровской часовнѣ, Ѳеодосіевцевъ Преображенскаго кладбища. Не извѣстно, долго ли продолжалось путешествіе Скачкова, но во время его отсутствія Антипъ Андреевъ управлялъ часовнею и велъ дѣла не хуже самаго Скачкова: онъ усилилъ при часовнѣ торговлю книгами, писанными, большею частію, иногородными Поморцами, а равно торговлю иконами, такъ что Поморцы со всѣхъ концовъ Россіи начали съѣзжаться въ часовню для бесѣды съ ея наставникомъ и за пособіями, иные же и за покупками, именно книгъ и иконъ, которыя предпочитали другимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣзжались желающіе полу́чить благословеніе на бракъ отъ Настоятеля часовни: «Онъ благословитъ, говорили Раскольники, да и въ книгу запишетъ.» Средства часовни тоже стали увеличиваться.

По возвращеніи Скачкова изъ путешествія, онъ снова вступилъ въ управленіе дѣлами часовни, и управлялъ ими, съ помощію Антипа Андреева, до самой своей смерти. Въ 1818 г. Скачковъ написалъ сочиненіе: «О мнѣніяхъ Ѳеодосіевцевъ Преображенскаго кладбища, и о различіи ихъ ученія отъ ученія Покровской часовни. Мы помѣщаемъ его ниже.

Въ 1821 г., 15 Августа, Скачковъ умеръ, проживши около осьмидесяти лѣтъ, и его должность занялъ Антипъ Андреевъ.

Какъ великъ былъ капиталъ Покровской общины, когда вступилъ въ должность Андреевъ, не извѣстно; извѣстно только, что общественныя деньги хранились, въ настоятельство Скачкова, у купца Гусарева. Антипъ Андреевъ, кромѣ торговли книгами и иконами, открылъ особый доходъ для часовни—отъ пѣвчихъ: это его личное нововведеніе. Въ то время пѣвчихъ, во всей Старообрядческой средѣ въ Россіи, имѣло только Преображенское кладбище. Были, правда, пѣвцы и въ Выговскомъ монастырѣ, на Керженцѣ, въ Стародубѣ и Москвѣ при Филипповской часовнѣ, но въ особенности славились пѣвчіе у Преображенцевъ. Андреевъ, желая ослабить и въ этомъ дѣлѣ преобладаніе Преображенскаго кладбища, завелъ своихъ пѣвчихъ, которые въ послѣдствіи были лучше и пѣли стройнѣе Преображенскихъ, что отчасти привлекало Старообрядцевъ къ Покровской часовнѣ. Прихожане вполнѣ сочувствовали этому нововведенію, и наиболѣе достаточные изъ нихъ предложили Андрееву брать его пѣвчихъ на всенощныя, обыкновенно совершавшіяся въ домашнихъ молельняхъ богачей, чрезъ что, разумѣется, увеличились пожертвованія въ часовню. Кстати перечислимъ домашнія молельни: 1) купца Н. М. Гусарева, во 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части; 2) купца В. Ѳ. Панфилова, въ Прѣсненской Части; 3) купца Ѳ. Зенкова, во 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части; 4) купца С. Г. Шмакова, сургучнаго фабриканта, тамъ же; 5) Купца А. П. Соколенкова, тамъ же; 6) купца И. Макарова, тамъ же; 7) мѣщанина Соловьева, въ 3-мъ кварталѣ Лефортовской Части; 8) купца Д. Д. Бавыкина, тамъ же; 9) купца Панкратова, въ 6-мъ кварталѣ той же Части; 10) купца Ѳ. Макарова, во 2-мъ кварталѣ Рогожской Части; 11) купца Н. П. Шевалдышева, въ Тверской Части; 12) купца Прокофьева, тамъ же; 13) купца Бѣляева, въ Мѣщанской Части, и 14) купца Е. Евѣпмова, въ Срѣтенской Части. Всѣ этѣ молельни, особенно молельни купцовъ Панфилова, Шевалдышева, Шмакова, Зенкова и Гусарева, имѣли богатые иконостасы и разнаго рода цѣнныя украшенія, а сходбища въ нихъ далеко не ограничивались семейными кружками: онѣ всегда были полны народомъ, особенно когда Андреевъ началъ являться въ нихъ съ своими пѣвчими.

Успѣхи Антипа Андреева наиболѣе были замѣчательны въ 1827 году. Прихожанъ въ Покровской часовнѣ набралось до 7000, а призрѣваемыхъ при ней состояло около 200 человѣкъ.

Это увеличеніе прихожанъ отчасти слѣдуетъ приписать миролюбивому духу распространенія Поморцевъ и отчасти отсутствію стѣсненія со стороны мѣстной полиціи, которая даже не задолго предъ тѣмъ выхлопотала, у высшаго начальства, признаніе законными браки, совершавшіеся въ Покровской часовнѣ, для чего и была заведена книга, какъ мы выше сказали, хранившаяся у Андреяна Сергѣева. Не дозволено было, однако же, Покровскимъ наставникамъ вѣнчать иногородныхъ Раскольниковъ. Разумѣется, на самомъ дѣлѣ это условіе въ отношеніи къ иногороднымъ не было исполняемо. Покровцы также вѣнчали иногородныхъ, какъ и Московцевъ, только съ большею платою за записку въ книгу, хотя она исключительно была установлена для столичныхъ Раскольниковъ. *

---

* «Свидѣтельство о бракѣ.

1835 года, Октября 24 дня, на основаніи Высочайшихъ существующихъ Указовъ, всемилостивѣйше Старообрядцамъ о бракахъ состоявшихся 1718, Марта 2 и Октября 9, 1719, Марта 24, 1762, Декабря 14, 1775, Марта 17, ст. ст., и Высочайше утвержденнаго въ 26 день Марта, 1819 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта и Правительствующимъ Сенатомъ распубликованнаго Указомъ въ Апрѣлѣ 1819 г., и по Указу Правительствующаго Сената, распубликованному отъ 4 Января, 1819 г., мы нижеподписавшіеся симъ свидѣтельствуемъ, что дворовый человѣкъ Семенъ Тимофѣевъ, Старообрядецъ Ярославской Губерніи, Ростовскаго Уѣзда, Экономической Жадимеровской волости, деревни Сельниковъ, съ крестьянской дочерью, дѣвицею Матреною Федоровою, Старообрядкою, въ Москвѣ Лефортовской Части въ Старообрядческомъ общественномъ домѣ, сего 1835 г., Октября 23 дня, вступилъ въ законное супружество, оба первымъ бракомъ. Въ утвержденіе чего, по Указу Московскаго Магистрата 2-го Департамента 1804 г., Февраля 15 дня, означеннаго Старообрядческаго дома Попечители подписуемся: Московской 1 гильдіи купецъ Никаноръ Матвѣевъ Гусаревъ, Московской мѣщанинъ Маркелъ Никитинъ. Подпись рукъ удостовѣряю Лефортовской Части 4 квартала Квартальный Надзиратель Колосовскій.

Въ третьей книгѣ записной 1835 г., № 13.

Съ подлиннымъ вѣрно: Села Хаседѣева Священникъ Іоаннъ Николаевъ Воскресенскій.»

Чета, которой дано это свидѣтельство, Ѳеодосіевскаго Согласія.

Маловажный случай повелъ къ раскрытію этого злоупотребленія Покровской часовни. Разъ пріѣхала вѣнчаться какая-то богатая чета изъ Владимирской Губерніи. Бракъ совершился, молодые уѣхали домой, и дѣло, казалось бы, было кончено. Вышло, однако же, не такъ. Приходскій Священникъ той мѣстности, гдѣ жили новобрачные, донесъ своему начальству о злоупотребленіи Покровцевъ въ вѣнчаніи браковъ. Началось изслѣдованіе заявленнаго дѣла, по которому добрались и до другого, болѣе важнаго. Антипъ Андреевъ, не извѣстно по чему, вопреки Поморскимъ установленіямъ, отмѣнилъ молитву за Царя, и не признавалъ браковъ, совершенныхъ въ Православной Церкви. Это заставило мѣстныя власти упразднить молельню Покровцевъ, съ передачею земли, на которой она была построена, наслѣдникамъ Монина. Впрочемъ, полиція оказала тутъ Покровцамъ всевозможныя услуги, естественно, за извѣстную благостыню: прежде чѣмъ опечатывать часовню, она предупредила Покровцевъ, кои и успѣли вывезти изъ часовни иконы и утварь въ домашнюю молельню купца Гусарева. Тогда домашняя молельня купца Гусарева обратилась въ общественную, и призрѣваемые размѣстились частію у Гусарева, а частію у купчихи Рудаковой. Антипъ же Андреевъ продолжалъ распространять ученіе по прежнему.

Этотъ случай, постигшій Покровскую часовню, еще болѣе соединилъ общину, и заставилъ быть болѣе осторожными въ отношеніи полицейскихъ властей. Такъ какъ прихожане не могли вмѣщаться въ одну общую молельню, и богослуженіе совершалось по разнымъ домамъ и по частнымъ молельнямъ, то Антипу Андрееву одному трудно было управляться съ службами: онъ вызвалъ двухъ помощниковъ: наставника Михайла Яковлева, изъ города Гороховца (Владимирской Губерніи), и Поморца Казанкова, изъ Саратова, поручивъ имъ отправленіе домашняго богослуженія.

Для вящшаго же значенія, Андреевъ вызвалъ еще, изъ того же Гороховца, гдѣ иноки славились своимъ благочестіемъ, монаха Тарасія. Лишь только появился при часовнѣ этотъ монахъ, какъ къ нему нахлынули цѣлыя толпы стариковъ и старухъ, для полученія разрѣшенія отъ грѣховъ: значительная часть прихожанъ избрала его своимъ духовникомъ.

Сдѣсь, для сохраненія послѣдовательности мы вынуждены возвратиться къ прежнимъ событіямъ, имѣющимъ неразрывную связь съ настоящими. Андреянъ Сергѣевъ, какъ мы видѣли выше, былъ зять Гаврила Ларіонова Скачкова. Онъ занималъ должность главнаго прикащика у купца Л. Осипова. Сергѣевъ, обойденный послѣ тестя настоятельствомъ, только наружно ладилъ съ часовнею. Въ его завѣдываніи была упомянутая выше брачная метрическая книга, привлекавшая къ Покровской часовнѣ многихъ Московскихъ и иногородныхъ Поморцевъ, только по тому, что записанные въ неѣ браки признавались Правительствомъ.

Андреянъ Сергѣевъ свелъ дружбу съ, призрѣваемымъ у купца Грачова, прихожаниномъ Преображенскаго кладбища, который, по своимъ убѣжденіямъ, болѣе подходилъ къ ученію Поморскому. Грачовъ, лишившись на старости лѣтъ единственнаго сына, выстроилъ, въ память умершаго наслѣдника своего, молельню, во 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части, и при ней помѣстилъ нѣсколько бѣдняковъ своего Согласія, съ тѣмъ, чтобы они молились за упокой души любимаго его сына. Въ числѣ призрѣваемыхъ былъ, между прочими, бѣглый солдатъ И. В. Онисимовъ, перешедшій, укрываясь отъ суда, въ Ѳеодосіевское Согласіе въ 1813 г. Благодаря стараніямъ Бѣлевскаго купца, Е. И. Сорокина, и содѣйствію, за извѣстную благодарность, Казначея Московской Управы Благочинія, Онисимовъ былъ приписанъ въ Московскіе мѣщане, по билету умершаго въ Бѣлевѣ его роднаго брата, и такимъ образомъ съ этой стороны положеніе Онисимова было обезпечено. Вотъ съ этѣмъ-то Онисимовымъ Андреянъ Сергѣевъ, изъ личныхъ своихъ видовъ, свелъ дружбу, какъ съ человѣкомъ нужнымъ въ молельнѣ Грачова. И Онисимову представлялись выгоды отъ знакомства съ Сергѣевымъ, какъ съ человѣкомъ имѣющимъ въ рукахъ своихъ такую важную для Покровцевъ браковписную книгу. Изложеніе дальнѣйшихъ событій объяснитъ читателямъ поводы этого загадочнаго сближенія.

Сергѣевъ придумалъ съ своимъ сообщникомъ средство, для охлажденія прихожанъ къ введенному Антипомъ Андреевымъ въ Покровской молельнѣ, крюковому пѣнію, о которомъ мы говорили выше. На это-то пѣніе Сергѣевъ обратилъ свое оружіе, доказывая,

что крюковое пѣніе извращаетъ слова церковныхъ пѣсней, которое идетъ не по удареніямъ, ни мало не вразумительно, между тѣмъ какъ Аввакумовскій Уставъ: «пѣть протяжно и безъ перемѣны голоса,» дѣлаетъ понятнымъ каждое слово. Старый Поморскій напѣвъ, введенный Антипомъ Андреевымъ, не соотвѣтствуетъ, говорили они, грамматическимъ правиламъ произношенія словъ, и исполнять его грѣшно; ибо заповѣдь Протопопа Аввакума обязываетъ «не тянуть голосъ, когда поешь, не дѣлать возвышеній и пониженій, не измѣнять словъ, но ровно произносить, какъ бы разговоръ, чтобы не было разврату.» Мысль Сергѣева раздѣляли: купецъ Ѳ. Фарыковъ, Чугуевскій Казакъ Т. Алексѣевъ, купецъ С. Яковлевъ и другіе. Отысканъ былъ Уставъ Аввакума, и мѣщанинъ П. В. Сорокинъ взялся обучить пѣвчихъ новому напѣву. Но лишь только новый безобразный хоръ огласилъ часовню, какъ Настоятель, Антипъ Андреевъ, прихожане купцы: Морозовъ, Гусаревъ, Шевалдышевъ и Зенковъ, «возопили противъ новаго раскола, осквернившаго (перемѣною крюковаго пѣнія на нарѣчное) часовню.» Оскорбленные нововводители составили отдѣльную партію, и были преданы Мониницами проклятію. Хоръ пѣвчихъ раздѣлился: одни пѣли по крюкамъ, а другіе по Аввакумовски. Начались споры, брань, даже драка среди службы; случалось, страсти разгорались до такой степени, что стоящіе забывали богослуженіе, бросали не отпѣтымъ покойника, къ огорченію родныхъ, и проч. Ни одна сторона не уступала. Раздѣленіе часовни на два враждебные стана должно было неизбѣжно послѣдовать; оно, впрочемъ, было задумано напередъ. Андреянъ Сергѣевъ перешелъ съ своими въ молельню Грачова, ввелъ въ ней съ Онисимовымъ Аввакумовское пѣніе, началъ вѣнчать браки, «съ записью ихъ въ похищенную имъ брачную книгу,» и число прихожанъ Грачовской молельни скоро достигло до 3000, да призрѣваемыхъ при ней собралось до 200 человѣкъ.

Слѣдствіемъ такого успѣха Сергѣева и Онисимова было соединеніе съ Грачовской часовней Поморскихъ общинъ: Стародубской, Волоколамской и Поморцевъ по берегамъ Хутыни, Оки и Волги. Хотя послѣдователи старой Покровской часовни и говорили: «Онисимовъ совращалъ слабодушныхъ слѣдовать его напѣву, и забыли малодушные Христіане крюковой уставъ, которымъ поютъ сами Ангелы, предались губящему душу нарѣчному пѣнію,» однако Онисимовъ

продолжалъ свое дѣло безъ препеканій. Впрочемъ, отдѣленіе отъ Покровской часовни Сергѣева вызвало усиленную дѣятельность и въ Антипѣ Андреевѣ. Онъ успѣлъ подчинить своей часовнѣ Поморцевъ подмосковнаго села Зуева и почти весь Покровскій Уѣздъ Владимирской Губерніи, а брачную книгу, унесенную Сергѣевымъ, замѣнилъ выдачею свѣдѣтельствъ, за подписью первостатейныхъ прихожанъ.

Въ 1836 году Антипъ Андреевъ умеръ. На его мѣсто избранъ былъ Настоятелемъ часовни нѣкто Петровъ, ленточникъ. Капиталъ часовни простирался тогда до 60 тысячъ рублей Въ помощники Петрову, за старостію лѣтъ, избраны были Казанковъ и Тарасій.

Въ 1843 г. Казанковъ, по смерти Петрова, сдѣлавшись Настоятелемъ, снова объединилъ общину и увеличилъ ее до 9000 человѣкъ, но это было только до его смерти, послѣдовавшей въ 1847 г. Тогда прихожане Покровской часовни все таки распались на мелкія партіи, и изъ этѣхъ партій образовались еще особыя молельни: 1) три Морозовскія, въ 3 кварталѣ Яузской Части, въ домѣ богача Елисея Морозова, * сдѣлавшагося прихожаниномъ Покровской часовни изъ Поповцевъ; Настоятелемъ ея сдѣланъ былъ мѣщанинъ М. Андреевъ; 2) въ Лефортовской Части, въ его же домѣ, гдѣ назначена, для отправленія богослуженія, послѣ мѣщанина Д. А. Маморина, взятаго въ темницу, крестьянская дѣвка Дарья Нефедьева, съ старухами, содержавшимися при молельнѣ на счетъ Морозова; 3) на фабрикѣ Морозова, въ селѣ Зуевѣ, гдѣ служба отправлялась самимъ хозяиномъ. Молельня эта, благодаря дѣятельности Морозова, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе преуспѣвала: было дошло до того, что Морозовъ задумалъ увѣковѣчить свое имя, назвавши Зуевскихъ фабрикантовъ «Морозовскимъ Толкомъ,» для чего раздавалъ безплатно матеріи и другія вещи, привлекая этѣмъ мірянъ къ своему Согласію. Елисей Морозовъ признаетъ Антихриста чувственнымъ, вопреки Поморскому ученію, и ввелъ другія особенности противъ ученія Поповцевъ; 4) во 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части, въ домѣ купца Соколова, въ которую

* Елисей Савичъ Морозовъ скончался въ Февралѣ 1868 г., въ Москвѣ.

наставниками назначены: С. Яковлевъ, С. Матвѣевъ и Г. И. Бронцевъ (первый въ 1854 году присоединился къ Единовѣрію); 5) въ 1-мъ кварталѣ Рогожской Части, въ домѣ Д., у купца А. П. Зайцева: наставникомъ въ ней былъ тотъ же Бронцевъ.

Та же участь постигла и Грачовскую молельню: она также распалась на партіи. Примѣръ Андреяна Сергѣева соблазнилъ одного изъ Петербургскихъ Поморскихъ наставниковъ, нѣкоего Петра Онуфріева. Онъ распространилъ слухъ, чрезъ своихъ людей между Старообрядцами въ разныхъ мѣстахъ Россіи, что ему позволено Святѣйшимъ Синодомъ совершать браки и выдавать брачныя свѣдѣтельства. Вѣнчаніе Поморцевъ пошло свободно и въ Петербургѣ. Слухи объ этомъ дошли и до Святѣйшаго Синода; назначено было слѣдствіе. Онуфріевъ указалъ на примѣръ Сергѣева. Послѣдній успѣлъ только скрыть до обыска брачную книгу и долженъ былъ спѣшить выпутаться въ Петербургѣ, снабженный отъ Грачовской общины 50 тысячами рублей. Разными происками онъ хоть и успѣлъ въ этомъ, но вести брачную книгу ему запрещено навсегда. * Документы Покровской Монинской молельни я получилъ отъ Евдокіи Гавриловны Брониной, родной дочери Настоятеля часовни, Гаврила Ларіонова Скачкова, бывшей прихожанки Монинской молельни, перешедшей, въ 1843 году, въ Единовѣріе. Эта женщина была замѣчательна своимъ, рѣдкимъ въ Расколѣ, образованіемъ и основательнымъ знаніемъ классическихъ языковъ, преимущественно Греческаго, а равно и Богословія. Въ послѣдствіи я помѣщу нѣкоторыя изъ ея статей противъ Раскола, особенно противъ Преображенскаго кладбища, гдѣ раскрыто много тайнъ Старообрядческаго быта. Е. Г. Бронина скончалась въ Москвѣ, въ 1862 году, на 76 году своей жизни.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о религіозномъ значеніи Покровскаго (Монинскаго) Согласія. Оно было основано, какъ мы и сказали, на ученіи братьевъ Денисовыхъ,

---

* Этѣми свѣдѣніями мы воспользовались изъ статьи: «Исторія Покровской Молельни,» напечатанной въ журналѣ: «Православное Обозрѣніе,» № 6-мъ, за 1863 годъ.

основателей Поморскаго Согласія, и дѣйствительно шло по основоположенію Поморскихъ учителей до настоятельства Гаврила Ларіонова Скачкова, человѣка весьма замѣчательнаго въ Старообрядческой средѣ. Читатели найдутъ ниже его сочиненія, и прочтутъ его «Прошеніе,» поданное объ увольненіи изъ общины Преображенскаго кладбища, изъ чего увидятъ, что Скачковъ также, какъ и Василій Емельяновъ, Андреянъ Сергѣевъ и другія замѣчательныя личности Раскола, былъ прежде Ѳеодосіевскаго Толка. Что именно заставило ихъ перейти отъ Преображенскаго Ильи Алексѣева Согласія къ Покровской Монинской часовнѣ, мы постараемся объяснить, на основаніи помѣщенныхъ ниже документовъ.

Согласіе Безпоповцевъ Преображенскаго кладбища принадлежитъ къ числу Раскольническихъ Согласій самыхъ враждебныхъ Православной Церкви: сдѣсь характеръ ереси доходитъ почти до крайней степени ожесточенія, и развѣ только уступитъ въ своей напряженности Согласіямъ Филипповцевъ и Бѣгунковъ или же Странниковъ, и становится, такъ сказать, насилованіемъ совѣсти своихъ послѣдователей. Каждое насиліе, по законамъ природы, а равно и по законамъ общественнымъ, необходимо вызываетъ противодѣйствіе. Сдѣсь противодѣйствіе выразилось въ отпаденіи отъ Преображенской общины Согласія Покровской часовни. Изувѣрство Преображенцевъ пробудило нѣкоторые, не вполнѣ еще подавленные имъ, умы, указало имъ всю нелѣпость изувѣрныхъ убѣжденій, порожденныхъ не выводами безпристрастной мысли, а слѣпою, безсознательною враждою къ Православію. Покровцы отторглись отъ Толка; и въ «Уставѣ» своемъ (смотри ниже) искренно и безбоязненно исповѣдали свои прежнія заблужденія, и указали причины, побудившія ихъ отречься отъ этѣхъ заблужденій.

Отпаденіе этѣхъ новотолковъ не было вызвано какою либо Богословскою распрею: оно совершилось естественнымъ ходомъ разочарованія, мирно, не шумно, не громко, благодаря дѣятельности Емельянова, Скачкова и другихъ, чрезъ которыхъ образовалось въ Москвѣ новое Согласіе Покровской Монинской часовни. Небольшое число людей, какъ мы видѣли, наиболѣе образованныхъ въ общинѣ, отошло отъ кладбища, не для того, однако же, чтобы присоединиться къ Православной Церкви, убѣдившись въ истинѣ ея ученія, а един-

ственно, чтобы устраниться отъ исповѣданія безмысленныхъ вѣрованій, не имѣющихъ ни какого разумнаго основанія. Этѣ разновѣрцы не шли, какъ мы уже сказали, къ Православію, а, между тѣмъ, сами не зная того, къ нему приблизились, и это сближеніе было не притворнымъ сближеніемъ Окружнаго посланія, а искреннимъ невольнымъ сознаніемъ, не устраняемаго преобладанія истины. Замѣчательно, что основатели Покровской Монинской часовни были люди, какъ мы уже сказали, найболѣе просвѣщенные изъ цѣлой общины, каковы: Василій Емельяновъ, Скачковъ, Андреянъ Сергѣевъ и другіе. Не доказываетъ ли это, что, по мѣрѣ распространенія истиннаго просвѣщенія въ Раскольничьихъ Согласіяхъ, свѣтъ истины все болѣе и болѣе проникаетъ въ нихъ? Не предвѣщаетъ ли это, что всѣ Раскольники, удерживаемые въ своихъ заблужденіяхъ только невѣжествомъ, необразованностію и закоренѣлымъ упрямствомъ, необходимымъ спутникомъ не просвѣтленной мысли, не развитой природы, обратятся къ истинной Церкви, какъ только свѣтъ истиннаго просвѣщенія озаритъ ихъ? Образованность тѣмъ, или другимъ, путемъ необходимо проникнетъ въ огрубѣвшій отъ историческихъ причинъ низшій слой нашего общества. Быть можетъ, мы не далеки уже отъ того времени, когда Русскій Старовѣръ раздвинетъ пошире теперешніе предѣлы своей разумно-нравственной дѣятельности, когда мысль его перестанетъ быть отголоскомъ чужихъ звуковъ, когда чувства его, застывшія въ холодной атмосферѣ безучастія, оттаютъ, осмыслятся, сдѣлаются воспріимчивѣе, и это омраченное подобіе Создавшаго его будетъ сердечно горѣть теплой истинной вѣрой къ Создателю, не по внѣшней только формѣ благочестія, завѣщанной ему праотцами, но и по душевной потребности, какъ долга совѣсти, какъ влеченія признательнаго сердца. Тогда Расколъ увидитъ свои заблужденія, и ему не нужно будетъ насилій изувѣрства, чтобы обратиться къ истинной Церкви, къ господствующему на Руси Православію.

Дозволено Цензурой Москва 28 Іюня 1869 г. Печатано въ Типографіи при Музеумѣ на Мясницкой.

ГАВРІИЛЪ ЛАРІОНОВИЧЪ СКАЧКОВЪ.

(Родился 1745 г. умеръ 1821 года.)

Вокругъ портрета Скачкова на подлинникѣ сдѣлана слѣдующая надпись:

«Московскій мѣщанинъ, Старообрядецъ, Гавріилъ Иларіоновичъ Скачковъ, родился 1745 г., Марта 18-го, скончался 1821 г., Августа 15-го.»

Внизу же самаго портрета написаны стихи, сочиненные Андреяномъ Сергѣевымъ, такого содержанія:

«Спасительна ума, премудрости любитель,
Чтилъ вѣру, чинъ, законъ, неправды обличитель,
Сей дѣвству честь принесъ, супружество почтилъ,
Закономъ дѣвства нѣтъ, писаньемъ изъяснилъ.»

I.

УСТАВЪ БРАЧНЫЙ

ПРАВОВѢРНАГО СТАРОВѢРЧЕСТВА.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ самаго начала, какъ родилось въ Россіи священное имя «Старовѣръ,» и до истеченія осьмагонадесять вѣка, такъ Старовѣрство угнетаемо было проклятымъ тиранизмомъ и постыднымъ предразсудкомъ, соединеннымъ съ суевѣріемъ, что едва могло возникать на стези откровенія и природы въ разсужденіи шестой тайны. А это все по тому, что нѣкоторые ученые, есть-ли жь ихъ можно назвать (таковыми), проповѣдавши о сей жизни трагическимъ образомъ и облекшись по большой части въ трауръ, почитая его истуканомъ, и представляя себѣ оное дѣйствіе въ видѣ священной роли, брали особенно каждая оружія клятвъ и поражали всякаго, противящагося ей..... Тогда невѣжество надъ ихъ сердцами торжествовало, премудрость попираема и обожаемъ былъ хаосъ; нѣкоторыя особы, познакомясь нѣсколько съ Откровеніемъ и натурою брачною, погрѣшность замѣчали, вздыхая и удивляясь слѣпотѣ ожесточенныхъ сердецъ. Но сами, напротивъ того, мало отступая отъ водворившейся въ душѣ ихъ постыдной мѣты; поелику не имѣли въ виду положительныхъ истинъ сего предмета, а по тому и не было, какъ рѣшительнаго исповѣданія о сей таинѣ, такъ и священнаго чина или порядка, совершаю-

---

* Первая половина Брачнаго Устава, отъ Предисловія до конца: «Предварительныя наблюденія законныхъ браковъ,» сочинена, 1808 года, въ Москвѣ, Павломъ Онуфріевымъ Любопытнымъ. Смотри его «Словарь и Каталогъ,» на стр. 161-й, изданія Н. И. Попова.—Сдѣсь, однако, тотъ и другой (Словарь и Каталогъ) составляютъ простую перепечатку ихъ изъ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ,» 1863 г., кн. I, отд. 1, стр. 1—178. О. Б.

щаго оную публично въ молитвенномъ храмѣ; по сей самой причинѣ въ истинномъ даже Старовѣрствѣ брачное совершеніе существовало во многовидномъ и преглупомъ безобразіи относительно до Религіи и наружностей. Не смотря на такія плачевныя разстройства, стыдъ и позоръ всѣмъ Внѣшнимъ, содрогались, вздыхали и ужасались, будучи Царское священіе, языкъ святъ, находилися у всѣхъ почти Исповѣданій въ крайнемъ презрѣніи, поношеніи и яко овощномъ хранилищѣ; для того пророчески сказать: «Ревность дому твоего, Господи, снѣсть мя.» Призвавъ въ помощь Всевышняго Бога, рѣшились всѣ оныя постыдства въ истинныхъ сочленахъ ослабить и пресѣчь, и образовать сей предметъ разумомъ, благочиніемъ и непоколебимостію; по чему, сообразуясь со временемъ и нравами людей, издали, на первый разъ, сей «Брачный Уставъ,» дабы Церковь сохранить отъ всѣхъ нелѣпостей, Творца своего восхвалять и прославить, совершающей же четѣ милость Божію получить, а труждьшимся въ священномъ семъ изданіи вящьшей благодати сподобиться, и, по заглажденіи всѣхъ продерзостей противъ своего виновника жизни, наслѣдовать превыспреннія небеса, и во вѣки вѣкомъ съ Создателемъ оныхъ царствовать.

ГЛАВА I.

Предварительныя наблюденія законныхъ браковъ.

Первое положеніе.

Всякъ, кто вознамѣрится вступить въ союзъ священнаго брака, и чтобъ оный навсегда былъ твердъ, непоколебимъ и счастливѣйшій, по подобію дому Израилева, то долженъ быть засвидѣтельствованъ въ храмѣ Бога живаго отъ служителей Всевышняго; а по тому и обязывается каждый истинный сочленъ Церкви о семъ предметѣ вступленія объявить за нѣсколько дней Настоятелю.

Настоятель, по извѣстіи сего, долженъ немедленно о намѣревающихся брачиться прилежно разсмотрѣть:

1. Родство ихъ степеней, какъ духовное, такъ и тѣлесное.
2. Годы, кои бъ были сообразны Правиламъ Святыхъ Отецъ, какъ молодыхъ, такъ и пожилыхъ, людей.
3. Не пущеница ли?
4. Не имѣетъ ли другого мужа, равно и у него нѣтъ ли другой жены?
5. Не господская ли: то надобно отъ оного имѣть отпускную.
6. Не бѣглая ли?
7. Не было ли у котораго когда обѣщанія на цѣломудренную жизнь?
8. Дозволяютъ ли родители, или начальствующіе? Но сей дозволъ служитъ въ разсужденіи обстоятельствъ и годовъ брачущихся. И такъ, естьли въ означенныхъ пунктахъ не будетъ противорѣчія, то, по росписаніи свидѣтелей, на то въ опредѣленной книгѣ, должно таковый бракъ, яко законный, надлежащимъ образомъ омолитвословить. Буде жь что окажется сему разсмотрѣнію противное, то онаго брака, яко незаконнаго, не молитвословить, подъ казнію изверженія настоятельскаго сана, или строжайшаго наказанія.

Второе положеніе.

Ежели Ѳедосѣйцы, или Филипповы, либо которая изъ нихъ часть изъ упомянутаго Исповѣданія, то надобно ихъ исповѣдать, и при томъ еще узнать, что чистосердечно ли признаютъ существо брака въ взаимномъ согласіи жениха и невѣсты, продолжающемся во весь свой вѣкъ? И когда согласятся на сіе мнѣніе, тогда уже и разсматривать въ нихъ перваго положенія пункты, и естьли онымъ противнаго открыто не будетъ, то ихъ слѣдуетъ омолитвословить.

Третіе положеніе.

Естьли жь случится Внѣшняя, или Уніятская, * либо Старообрядческая ** часть, то на этотъ разъ должно быть гораздо осторожнѣе; разсмотрѣвши всѣ опасныя обстоятельства подробно, приступать къ образованію оной такимъ образомъ: буде не окажется изъ обстоятельствъ противорѣчій, то разсматривать найстрожайше перваго положенія пункты, и, по неоказаніи противностей онымъ, надобно огласить, научить и крестить. Послѣ котораго омовенія не омолитвословливать восемь дней. Сіе наблюдать должно найстрожайше, подъ отлученіемъ отъ Церкви.

ГЛАВА II.

Порядокъ законнаго брака.

§ 1. Благоразумные родители, сообразуясь, какъ съ натурою *** дѣтей своихъ, такъ и со всѣми обстоятельствами внѣшностей, должны совѣтоваться съ сыномъ своимъ, что время ему сопрящись законному браку, равно и дщери предлагаютъ, что время ей быть въ супружествѣ.

§ 2. И естьли оные на такіе приговоры окажутъ знаки своего желанія, то родители, или воспитанники ихъ, должны не-

---

* Уніаты тѣ, которые, какъ новые, такъ и древніе, догматы признаютъ за равноспасительны.

** Поповщина; они называются такъ по тому, что имѣютъ бѣглыхъ, изверженныхъ и недостойныхъ, Поповъ; Старообрядцами же проименованы за то, что находящійся въ нынѣ существующей Россійской Церкви въ новомъ вкусѣ или фигурѣ церковный обрядъ замѣчаютъ быть не согласнымъ съ древнимъ Святыхъ Отецъ положеніемъ, и не вникая въ цѣль онаго, или разсматривая оной церемоніи таинство и исповѣданіе объ ономъ же Внѣшнихъ, по тому и принимаютъ отъ Россійской Церкви нѣкоторыя таинства за благодатныя.

*** Съ натурою, естьли они сложеніемъ крѣпки, здоровы и находятся въ нихъ особенно побужденія къ сонтію, или даже разумъ и лѣта довольныя.

медленно посылать свата, или сваху, съ объявленіемъ своего намѣренія, что такой-то имянно прислалъ объяснить требованіе свое, который желаетъ вашу дщерь сопрящи съ сыномъ своимъ законнымъ бракомъ, или намѣревается выдать дочь свою въ супружество вашему сыну.

§ 3. Особы, которыя въ совершенныхъ лѣтахъ и ни отъ кого не зависимы, сообразясь съ своими обстоятельствами, оное сватовство могутъ чинить самолично, но благопристойнѣе чрезъ ходатаевъ.

§ 4. Ходатаи должны быть правовѣрны, яко чада свѣта, а не тьмы внѣшнихъ толковъ.

§ 5. Чрезъ которыхъ ходатаевъ узнавши обѣ стороны свои пользы и желаніе, дѣлаютъ договоръ о приданомъ, родители жениха и невѣсты лично, или посредствомъ росписи ходатаи.

§ 6. И ежели согласятся съ обѣихъ сторонъ на упомянутое предложеніе росписи, то женихъ, или родители, либо воспитанники его, назначутъ время смотра.

§ 7. На сей смотръ сторона невѣсты, прибывшихъ въ хорошемъ уборѣ родителей жениха и родственниковъ, или, вмѣсто ихъ, пріятелей, принимаютъ благосклонно и учтиво въ домъ невѣсты; прибывшіе смотрѣльщики, при входѣ своемъ въ покои, перекрестясь, дѣлаютъ трикратное поклоненіе въ поясъ Святымъ иконамъ, и, поздравствовавшись съ домашними, приглашаются сими садиться подлѣ стола, впереди и назади онаго. Помѣшкавъ нѣкоторыя минуты, является невѣста въ великолѣпномъ видѣ присутствующимъ и, поклонившись, поднося питіе, спрашиваема бываетъ женихомъ, или родительми жениха, иль ходатаемъ, о имени ея, состояніи, или другихъ какихъ вещахъ; равнымъ образомъ и съ невѣстиной стороны должно наблюдаемо быть оное дѣйствіе. И такъ реченнымъ видомъ поступая, невѣста въ одномъ уборѣ выходитъ троекратно, или перемѣняя оное по волѣ жениха, или родителей, сколько разъ показывается, гдѣ обѣ стороны должны разсматривать одинъ другого весь фасонъ: всѣ черты лица, вкусъ, обороты и всю пріятность каждой особы. По рѣшеніи

сего, прибывшіе отпускаются въ свои домы, съ такою ласкою съ невѣстиной стороны, какъ и прибытіе ихъ было.

§ 8. И не усмотря съ обѣихъ сторонъ ни какихъ противорѣчій, опредѣляется отъ нихъ лично, или посредствомъ ходатая, время зарученія или рукобитія.

§ 9. Оное рукобитіе отправляется такимъ образомъ послѣ полденъ: собравшись въ домъ находящейся невѣсты, въ богатомъ платьѣ, какъ невѣстины родственники съ друзьями, такъ и женихъ съ своими родительми, естьли существуютъ, и родственниками, если есть, а то хотя съ друзьями, и краткое время посидѣвъ, вводится невѣста пышно одѣтая въ зало прибывшихъ гостей и, подходя къ онымъ тихимъ и важнымъ образомъ, и ставши, кланяется всѣмъ, говоря: «Здравствуйте, почтеннѣйшіе господа и госпожи навсегда!» Пришедшіе, по входѣ невѣстиномъ возстаютъ и откланиваются оной съ словами: «Равно и вамъ, сударыня, желаемъ того жь, и еще успѣть во всѣхъ предпріятіяхъ вашихъ счастливо!» И цѣлуетъ невѣста всѣхъ гостинныхъ женъ. По окончаніи сего подноситъ оная жениху, родителямъ, дружкѣ и прочимъ, смотря по большинству, кто какой употребляетъ напитокъ, послѣ чего, раскланявшись, невѣста отходитъ въ надлежащее свое мѣсто. Выдающіе и съ жениховой стороны родители, или ходатаи, дѣлаютъ разговоры относительно до нареченной четы, то есть, жениху и невѣстѣ, одинъ другому нравятся ли во всѣхъ обстоятельствахъ? Нѣтъ ли какихъ запутанностей или сумнительствъ, о приданомъ, равно и споровъ? И естьли съ обѣихъ сторонъ окажутъ знаки своихъ удовольствій, то родители новобрачныхъ поставляютъ рядомъ, жениха съ правой, невѣсту съ лѣвой, стороны, и кладутъ обыкновенный «началъ» всѣ прибывшіе гости, выключая Внѣшнихъ, по окончаніи котораго старѣйшій замолитствуетъ. По сказаніи аминя, поютъ стихи: Первой: «Владычице, пріими молитву рабъ своихъ!» Второй: «Не остави насъ въ человѣческое предстояніе!» «Третій: Подаждь утѣшеніе своимъ рабомъ, Всенепорочная!» И по пропѣтіи каждаго стиха, класть земный поклонъ. Наконецъ: «Слава и нынѣ,» «Господи помилуй,» дважды, «Господи благослови!» и отпускаетъ старѣйшина: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, ради молитвъ пре-

чистыя ти Матере и святыхъ славныхъ и всехвальныхъ Апостолъ, (и святыхъ, которыхъ имена имѣютъ :женихъ и невѣста) и всѣхъ святыхъ, помилуй и спаси насъ, яко благъ и человѣколюбецъ!» и по «аминѣ: «Господи помилуй!» трижды. Потомъ отецъ невѣсты, ставши съ образомъ, лицомъ къ четѣ, а матерь оной, также обратясь лицомъ къ новобрачущимся съ хлѣбомъ, имѣющимъ на себѣ въ солоницѣ соль; чета становится лицомъ впередъ покоя, и, перекрестясь, полагаютъ два въ поясъ поклона, и, приступая благоговѣйно съ молитвою, перекрестясь, цѣлуютъ святый образъ и кланяются, перекрестясь, поклонъ до земли, и поцѣловавши въ уста отца, кланяются и ему до земли; потомъ матерь, взявши оную икону, а хлѣбъ отецъ, и сочетавающая чинятъ тотъ же священный обрядъ, какъ и со отцемъ производили; точно такимъ образомъ чета поступаетъ и съ жениховыми родителями. По прекращеніи сей церемоніи, отецъ невѣсты, взявши назначенную въ бракъ дщерь за десную руку, вручаетъ жениху, называя его имя съ отчествомъ, говоря: «Сія наша дщерь, которую вручаемъ тебѣ по волѣ Творца нашего въ вѣчно не расторженное супружество; и ты съ ней живи въ страсѣ Божіи и въ соблюденіи святыя его заповѣди, одинъ другого слушайте здравыхъ разсужденій, во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ, ложе храните свято; и ты чадо, чти мужа своего, яко главу тѣла твоего!» Женихъ, принявши отъ отца руку невѣсты, кланяется ему въ поясъ и, поцѣловавъ ее трижды, ведетъ за правую руку, и садятся за столъ, за которымъ продолжая малое время, вставши невѣста, подноситъ жениху стаканъ квасу, или другого питія, по выкушаніи коего даритъ жениха, а по пріемѣ дара, чета дѣлаетъ три поцѣлуя. Такимъ образомъ поступаетъ невѣста съ родительми и всѣми гостями по большинству, и каждый, по принятіи дара, поклонившись говоритъ: «Господинъ новобрачный! Я желаю и хочу видѣть васъ навсегда въ супружеской любви.» Женихъ, по выраженіи сихъ словъ, цѣлуетъ невѣсту трижды. Въ продолженіи сей бесѣды женихъ держитъ у невѣсты руку, а пѣвчіе поютъ стихи: «Богъ, творецъ всесиленъ,» * и другіе, относительны къ сему предмету; и, по удовольствіи сего торжества всѣхъ присутствующихъ гостей, расходятся они въ свои домы.

---

* Смотр. Сборникъ о Расколѣ, изданіе Н. Попова, выпускъ IV-й.

§ 10. Къ вечеру, во второй день рукобитія, женихъ съ дружкою, одѣвшись въ хорошее платье, прибываютъ къ невѣстѣ съ принадлежащими ей подарками, при входѣ которыхъ, какъ богатоубранная невѣста, такъ и домашніе, жениха всѣми ласками встрѣчаютъ и, по обыкновенныхъ поясныхъ трехъ перекрестясь поклонахъ святымъ иконамъ, здравствуются съ родительми невѣсты и прочими, и цѣлуется чета троекратно, и, взявши женихъ невѣсту за руку, садятся за столъ, и нѣсколько времени поупражняяся въ хорошихъ разговорахъ, дружка съ родителями, или отважно смѣлый женихъ; невѣста, вставши за онымъ столомъ, подноситъ жениху стаканъ питья, и паки, взявъ его, по выкушаніи даритъ его, при полученіи коего цѣлуется чета трижды; симъ видомъ поступаетъ невѣста съ выдающими и прибывшими гостями. И каждый при полученіи оныхъ даровъ долженъ упомянутыя слова въ § 9-мъ говорить. Послѣ чего невѣста паки подноситъ жениху стаканъ питья, кой, откушавъ онаго, подноситъ невѣстѣ, и та поступаетъ тако, и отдаетъ стаканъ, потомъ просто прочимъ подноситъ. Въ продолженіи сей бесѣды поются брачные стихи. Таковое посѣщеніе жениха къ невѣстѣ одинаковымъ образомъ бываетъ до того дня, въ который совершается бракъ.

§ 11. Женихъ, посѣщавши такимъ образомъ нѣсколько разъ невѣсту, опредѣляетъ, посредствомъ дружки, или лично, либо начальствующими его, день торжественнаго сговора.

§ 12. На сговоръ прибывши въ вечеру женихъ въ такомъ видѣ, со всею своею свитою, въ домъ невѣсты, какъ предписано въ § 9-мъ, принимаютъ отъ невѣсты съ прочими, и онъ поступаетъ сдѣсь такъ, какъ описано въ § 10-мъ, выключая только изъ оныхъ, что сдѣсь прежде даровъ женихъ, яко глава, подноситъ рюмку питья невѣстѣ, и, не выпивши половину оной, принявъ, и самъ допиваетъ; послѣ сего невѣста дарить его перстнемъ, равно и оный и ей подноситъ перстень, говоря: «Жизнь моя! Какъ сей перстень дарю вамъ въ знакъ сердечной любви моей, такъ равно искренно желаю и хочу оную продолжить во всю жизнь свою, по подобію Искупителя нашихъ душъ, обручившагося съ церковью своею.» Это выражаемо бываетъ съ обѣихъ сторонъ четы.

§ 13. Въ послѣдній день предъ бракосочетаніемъ, подъ вечеръ, отправляется дѣвичникъ, на который женихъ и дружка, прибывши въ домъ невѣсты въ изрядномъ уборѣ съ найлучшими подарками ея украшеній, долженъ поступать и приниматься прекрасно одѣтой невѣстою и всей ея свитою, такъ какъ показано въ § 10-мъ; по рѣшеніи даровъ, поцѣловавшись чета троекратно, оставляютъ столъ и подъ назрѣніемъ невѣсты, женихъ съ дружкою принимаютъ отъ выдающихъ по договору или росписи опредѣленное ей приданое, и отвозятъ въ домъ жениха; женихъ и дружка распрощавшись съ родителями невѣсты, а онъ съ супружницей своей, ласковыми поцѣлуями, отбываютъ какъ женихъ, такъ и всѣ собравшіеся, въ свои домы.

§ 14. Въ самый же день бракосочетанія прибываютъ, отъ жениха дружка со свахою и свѣчникомъ въ хорошемъ убранствѣ въ домъ невѣсты, которыя отъ выдающихъ встрѣчаются, и при входѣ своемъ въ покои, помолившись троекратно въ поясъ, и поздоровясь, приглашаются садиться въ передъ, коимъ тогда жь, посредствомъ выдающихъ, является богато убранная невѣста, и, поздравствовавшись съ прибывшими за ней, занимаетъ столъ, подлѣ коей правую сторону держитъ небольшихъ годовъ мальчикъ, лѣвую сваха, дружка жь съ свѣчникомъ въ передн, и по поднесеніи, невѣстою онымъ по стакану питья и даровъ, дружка, торгуя у мальчика косу невѣсты, забавнымъ и почтительнымъ образомъ и съ тысячъ или сотъ имперіаловъ сходятъ на рубли и копѣйки, и по окончаніи продажи сей, взявши мальчикъ договорную цѣну, оставляетъ столъ, сваха же беретъ косу, и, расчесавши оную, завязываетъ лентою, и оставивъ невѣста сѣдалище свое, становится въ рядъ со всею свитою лицомъ къ образамъ, и полагаютъ всѣ купно обыкновенный началъ, и по пропѣтіи трехъ при концѣ стиховъ, благословляется отъ выдающихъ, невѣста святою иконою, въ сообразность § 9-го, и вышедши въ другой покой, убирается оная въ найлучшій уборъ, и помолясь троекратно въ поясъ, распрощавается со всѣми домашними и выводится изъ дому опредѣленною особою, коимъ предшествуетъ свѣчникъ съ святою иконою, дружка жь и сваха съ прочими богато выряженными сопровождаютъ ее къ молитвенному храму, родители жь остаются въ домѣ. И прибывши невѣста въ такой пыш-

ности къ оному храму, встрѣчается ожидавшимъ въ уборной, женихомъ и прочими, и, ухватясь за руки, чета шествуетъ со всѣми прибывшими въ храмъ, коимъ предшествуетъ свѣчникъ со благословеннымъ образомъ, носящимъ предъ нимъ въ одномъ или двухъ подсвѣчникахъ возженныя свѣщи, и ставши новобрачные рядомъ среди храма, женихъ на правой, невѣста на лѣвой, сторонѣ, прочіе жь подлѣ ихъ благочинно у свѣчника жь. Взявши причетникъ образъ, поставляетъ на лѣвой сторонѣ, подлѣ крылоса, на налоѣ, съ горящею предъ нимъ въ подсвѣчникѣ свѣщею во все молитвословіе четы. Пѣвчіе жь при самомъ входѣ сей за прагъ церковный, поютъ по крылосамъ антифоны:

1. Гласъ 5. На горы души воздвигаемъ.
2. Десная ти рука.
3. Гласъ 7. Боящіися Господа.
4. Окрестъ трапезы.
5. Гласъ 8. Воззвахъ къ тебѣ, Господи.
6. Се нынѣ что добро.

§ 15. Женихъ на отбытіе къ молитвословію брака въ дому своемъ полагаетъ съ родительми своими обычный «началъ» и благословляется отъ оныхъ святою иконою предписаннымъ порядкомъ, кромѣ хлѣба и соли.

§ 16. По окончаніи молитвословія въ уборной заплетаютъ невѣстѣ косы и убираютъ главу ея женскимъ уборомъ.

§ 17. По прибытіи изъ молитвеннаго храма новобрачныхъ съ провождающими ихъ особами въ домъ жениха, предваряетъ имъ на крыльце, или въ сѣни, свѣчникъ съ благословящимъ образомъ. Родители жениха, встрѣтя, отецъ держа святую икону, а мать хлѣбъ, и на оном солоница съ солью, стоя рядомъ съ свѣчникомъ на упомянутомъ мѣстѣ лицомъ къ четѣ, коя въ особенности женихъ и невѣста, предъ сею иконою полагаютъ съ крестнымъ знаменіемъ два поясные поклона и, приложась къ нему, перекрестясь, полагаютъ третій поклонъ до земли, и поцѣ-

ловавъ отца, кланяются и ему до земли, и, приближась къ матери, цѣлуютъ хлѣбъ и ее и кланяются до земли, потомъ шествуютъ родители, свѣчникъ, новобрачные и вся ихъ взаимная свита, по два въ рядъ, въ покои, и поставя иконы въ надлежащее свое мѣсто, хлѣбъ и соль среди стола, полагаютъ всѣ совокупно, кромѣ Внѣшнихъ, перекрестясь, три поясные поклона святымъ образамъ, и поздравствовавшись чета со всѣми прибывшими, которые взаимно поздравя о благополучномъ совершеніи ихъ брака, желаютъ успѣвать во всѣхъ счастливыхъ успѣхахъ, при цвѣтущемъ здравіи. Послѣ сего новобрачные отходятъ въ особую комнату для сложенія лишняго съ себя платья; по переправкѣ сей, новобрачные впереди, а прочіе всѣ по большинству, занимаютъ столъ; чета, сидя не кушавъ, продолжаетъ до трехъ перемѣнъ яствъ, отходятъ въ свою спальню, изъ коей выходя, не однократно подчиваютъ гостей; по окончаніи стола свита, поблагодаря за угощеніе чету, и желая имъ быть навсегда счастливыми, распрощавшись, отбываютъ въ свои домы, а новобрачные наслаждаются драгоцѣннымъ своимъ покоемъ.

§ 18. На второй день бракосовершенія, новобрачная даритъ родственниковъ своего супруга и прочихъ; потомъ женихъ съ дружкою одѣвшись великолѣпно, прибываютъ въ домъ тестя и тещи, кои, встрѣтя ихъ, принимаютъ ласково и, помолившись троекратно въ поясъ, благодарятъ выдавшихъ, называя ихъ отцомъ и матерью, за честное и благонравное воспитаніе супружницы своей, и желаютъ имъ благоденствія и счастливыхъ во всемъ успѣховъ, и по просьбѣ выдававшихъ, зять съ дружкою садятся, по подареніи оныхъ и родственниковъ невѣсты, кои всѣ отдариваютъ взаимно, приглашаются къ столу кушать, кои, откушавъ легкимъ и оборотнымъ образомъ, просятъ къ себѣ кушать, и отбываютъ къ прочимъ супружницы своей родственникамъ съ дарами, которые также отдариваютъ, смотря по дарамъ, и просимы бываютъ кушать, и возвращаются немедленно въ свой домъ. По прибытіи всѣхъ гостей, чета лично угощаетъ ихъ, по мѣрѣ своего состоянія, и сіе угощеніе продолжается, по состоянію каждой особы, день, или два, либо три и болѣе.

II.

ПОРЯДОКЪ ПРИСОЕДИНЕНІЯ.

Присоединяющій спрашиваетъ.

Чего ради вы къ себѣ насъ призвали?

Отвѣтствуетъ:

Изъявити наше желаніе, чтобы присоединиться къ вашему Православному сословію.

Спрашиваетъ:

Для чего же вы отъ того общества, въ которомъ пребываете, объявляете желаніе самовольно отдѣлиться?

Отвѣтствуетъ:

Для того, что усмотрѣли мы нѣчто разгласное съ Православнымъ содержаніемъ.

Спрашиваетъ:

Извольте объявить истинно самую истину, для чего желаете къ намъ присоединиться?

Отвѣтствуетъ:

Азъ рабъ Божій (имя рекъ), разсматривая въ единосогласныхъ по Вѣрѣ Христіянѣхъ чиносодержанія и о разныхъ дѣяніяхъ разсужденія, усмотрѣлъ нѣкая разномнѣнія, и, по довольномъ разсматриваніи и разсужденіи, желаніе мое возымѣлось присоединиться къ вашему Православному собранію. Сего ради.

Какъ я, находясь въ обществѣ или Согласіи, называемомъ Ѳеодосіевымъ, усмотрѣлъ нѣкая разгласія съ мудрованіемъ и содержаніемъ Православно-Христіянскимъ, не упоминая ихъ (Ѳеодосіевцевъ) прежніе творимые съ Правовѣрными раздоры о четырехъ буквахъ, пишемыхъ на крестѣ Христовѣ: І. Н. Ц. І.; о воздѣваніи рукъ во

дни Святыя Пасхи, и прочихъ несогласіяхъ съ Древле-Православною Церковію, которая уже многайшими отложена суть, а воспоминаю токмо нынѣшняя:

1) Многіе изъ нихъ Святѣйшую Евхаристію отъ лѣтъ древнихъ, аще гдѣ хранимую, не пріемлютъ, и говорятъ: хотя бы гдѣ она и дѣйствительно была, но уже своей святости и силы лишилась. Чего ради и безчестными и злохульными нарицаніями именословятъ, въ чемъ я съ ними не соглашаюсь.

2) Святыхъ угодниковъ Божіихъ мощи, находящіяся во обладаніи Инославныхъ, именуютъ лишившимися Божія благодати и святости не имущими. Но я таковаго мнѣнія не имѣю, а паче увѣряюсь словесамъ Пророка, вѣщающаго: «Хранитъ Господь вся кости ихъ (Пс. 33, 21).

3) Святыя иконы, хотя гдѣ и древлеписанныя, имѣющіяся въ домахъ Православно-Христіянскихъ, но токмо не согласующихся съ ними, оныя иконы поклоненіемъ не почитаютъ и ни каковыя чести первообразнаго ради не воздаютъ. Но я таковое мнѣніе не пріемлю и съ таковымъ разумомъ не соглашаюсь.

4) Многіе Святое Писаніе не согласно разсуждаютъ и сущую исторію, ясно что сказующую, на иносказательный разумъ темно прелагаютъ, и тѣмъ сущее дѣяніе и бытіе, какъ не бывшее вмѣняютъ. Но я таковыхъ мыслей не оправдываю и самъ съ ними не соглашаюсь.

5) За предержащую власть, установленную отъ Бога, о мирѣ, здравіи, спасеніи, благополучіи и побѣдѣ на враговъ, Господа Бога не молятъ, и симъ противляются Апостольскому и Пророческому повелѣнію и ученію; ибо молитися за властей непремѣнно подобаетъ, хотя бы и невѣрніи были; а молящихся за властей Папежниками называютъ и отъ общемоленія отлучаютъ. Но я таковое ихъ развращенное ученіе не почитаю быть правымъ, но сопротивнымъ Святоотеческому ученію, и въ семъ я съ ними не соглашаюсь.

6) Бракъ законный не пріемлютъ, ради того, что самое свойство, или сущность, его полагаютъ только въ одномъ единогласномъ священнодѣйствительствѣ,* не разсматривая времени, возможности, свободы и нужды, полноты, недостатка и сравненія одного дѣянія съ другимъ, и не разсуждая, что есть необходимое и случайное, и что естественное и самопроизвольное.

И тако Божіе всемощное благословеніе отлагаютъ, и таковою воздержностію не приводятъ ли многихъ въ слабость и распутство? Ибо не возможное возможнымъ быти опредѣляютъ, и не всѣмъ вмѣстимое вмѣщати установляютъ, несогласно самому Христу Спасителю, рекшему: «не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имъ же дано есть» (Матѳ. 19, 11).

По сему лучше вѣровать Богу, благословившему быть браку законному, не на время нѣкое, но навсегда. Чего ради и я съ отлагающими законный бракъ согласіе имѣть опасаюсь.

И какъ вся помянутая ихъ толкованія, такъ и прочая ихъ самовольная мнѣнія, отлагаю, и соглашаться съ ними въ оныхъ ихъ толкованіяхъ не желаю, но прошу Всесильнаго Господа Бога, да соблюдетъ меня отъ таковыхъ не согласныхъ со Святымъ Писаніемъ содержаній.

Того ради къ сему правомудрствующему Согласію и присоединяюсь и съ законною моею женою (имя рекъ) и съ дѣтьми нашими (имя рекъ). Аще ли же, по благоволенію Божію, будутъ рождаться у насъ (и еще) дѣти, то оныхъ крестить намъ въ Православномъ сословіи, а въ то Согласіе, отъ котораго мы нынѣ самовольно, несогласныхъ ради содержаній, отлучаемся, и ни въ какое иное не носить, и тѣмъ безчестія сему Православному сословію не наводить. Присоединяемся же не на время нѣкое, но какъ поможетъ Господь Богъ, то быть съ вами, въ Святоотеческихъ положеніяхъ, всегда, до конца моея жизни желаю. Такъ же и духовнаго отца имѣть въ семъ же Православ-

---

* Въ Іерейскомъ священнодѣйствіи, а Іереевъ-то они и не пріемлютъ.

номъ Согласіи, а безъ духовника не пребывать, и тѣмъ прочимъ сомнѣнія и соблазна не наводить.

А что я сіе Православное Согласіе ругалъ и поносилъ, и Святоотеческое содержаніе, какое въ семъ обществѣ имѣется, злорѣчилъ и безчестилъ, оное я творилъ по незнанію и невѣжеству моему, и по внушенію мнѣ отъ не любящихъ истину, но развращенное имѣющихъ мнѣніе и самосмысленное ученіе. Въ чемъ я предъ Всемогущимъ Господомъ Богомъ чистосердечно приношу покаяніе, а отъ васъ всѣхъ всеусердно прошу прощенія.

А что я сіе творю не лживо, не лицемѣрно и безъ обману, но истинно, вѣрно и справедливо, въ томъ увѣряю васъ моею чистою совѣстію и цѣлованіемъ святаго и животворящаго Креста Христова. *

---

* О законномъ бракѣ, что въ немъ имѣется: 1-е, Матерія, то есть, изъ чего бракъ производится—женихъ и невѣста—и о прочемъ. Кормчая, глава 51-я; Катихизисъ Большой о 6-й тайнѣ. Гавріилъ Филадельфійскій о 6-й тайнѣ.

2-е. Форма, отъ чего бракъ происходитъ въ совершенство. Кормч. глава 51; Катихизисъ Большой и Гавріилъ Филадельфійскій о 6-й тайнѣ.

3-е. Дѣйствитель: кто долженъ и можетъ бракъ дѣйствовать и приводить въ собственный его образъ. Катихизисъ Большой о 6-й тайнѣ; Катихизисъ Малый о тайнѣ брака.

4-е Конецъ, т. е., для чего бракъ Богомъ устроенъ и продолжаться долженъ. Кормчая глава 51; Бесѣда Апостолъ 1 Коринѳян. правоуч. 12; Іоаннъ Дамаскинъ книга 2-я, глава 35; Катихизисъ Большой, глава 62; Катихизисъ Малый о тайнѣ брака; Гавріилъ Филадельфійскій о 6-й тайнѣ.

5-е. По чему бракъ нареченъ тайною. Колосаемъ правоуч. 12; тайною великою зач. 231 и бесѣда 20.

6-е. Долго ль продолжится бракъ и для чего потребенъ. Въ Благовѣстникѣ толкованіе на Марка зач. 55-е, на Луку зач. 102; Симеонъ Ѳесалонит. глава 276; Гавріилъ Филадельфійскій о 6 тайнѣ; Кириловъ старопечат. листъ 58.

7-е. Для чего женихамъ вѣнцы. Бесѣд. Апостол. 1 Тимоѳею, правоуч. 9; Симеонъ Ѳесалонит. глав. 270, 279, 289.

И цѣлуетъ Святый Крестъ Господень.

По семъ полагаетъ начальные поклоны и кланяется тутъ находящимся.

И потомъ къ присоединенію еще съ пріемлющимъ полагаютъ поклоны и поздравляютъ другъ друга

Брачные обѣты для вступающихъ въ супружество.

1.

Всесильнаго, Преблагаго и Премилосердаго, въ трiехъ ѵпостасѣхъ прославляемаго Бога милостію щедротами и человѣколюбіемъ, находяся мы въ совершенномъ возрастѣ и лѣтахъ, по его же Всемогущаго Господа и Творца нашего благоволенію, и родителей нашихъ любовнымъ благословеніемъ, сродниковъ и пріятелей нашихъ благопріятнымъ совѣтомъ, и собственнымъ нашимъ незазорнымъ другъ ко другу согласіемъ, вступаю я (имя рекъ) съ дѣвицею сею (имя рекъ) въ законнобрачное сожитіе, которое сохранять мы должны законно и соблюдать во всю жизнь нашу ненарушимо, нераздѣльно и во всемъ честно, какъ повелѣваетъ Божій законъ.

Но кто изъ насъ какое преступленіе учинитъ, вѣрность не сохранитъ и обѣщаніе свое премѣнитъ, или въ наученія странная уклонится и бракъ законный обезчститъ, и яко незаконный, по ученію бракоотложителей, вмѣнять будетъ, или раждаемыхъ дѣтей во иное Согласіе крестити понесетъ, то сицевый явственно покажетъ себя противникомъ истины и нарушителемъ Божія закона, за что и будетъ самъ отвѣтствовать праведному судіи, Господу Богу, на страшномъ Его судѣ.

И что все сіе изреченное мною, какъ устами, такъ я исповѣдую и сердцемъ истинно, неложно и справедливо, въ томъ я увѣряю васъ моею чистою совѣстію и цѣлованіемъ честнаго и животворящаго Креста Господня.

2.

Когда Всесильный Господь Богъ произвелъ насъ отъ законнаго супружества на сей видимый свѣтъ, и по времени узнали мы себя, что уже въ совершенномъ возрастѣ и лѣтахъ, то, разсматривая жизнь нашу и состояніе, разсудили, что лучше вступить въ законное супружество, нежели входить въ безчестная и непристойная дѣянія.

И такъ благодѣтелей нашихъ благопріятнымъ совѣтомъ и собственнымъ нашимъ незазорнымъ другъ ко другу согласіемъ и единомыслiемъ, не входя во Инославная общества, ради утвержденія и крѣпости, положили крѣпкое упованіе на Всесильнаго Господа Бога, и призвавше его въ помощь, я (имя рекъ) въ законнобрачно сожитіе, которое мы обѣщались, и нынѣ обѣщаемся хранить и соблюдать законно и во всю нашу жизнь.

3.

Всесильный Господь Богъ какъ сотворилъ и создалъ насъ человѣками, и умомъ, и словомъ, и дыханіемъ наградилъ, и даровалъ намъ смыслъ раздѣлять доброе отъ злаго, того Всемогущаго Бога благодатію и человѣколюбіемъ узнали мы свѣтъ Православныя Христіянскія Вѣры, въ которой и крестилися, что и хранить желаемъ непремѣнно. Но какъ духъ есть бодръ, а полоть немощна, то, по совѣту сродниковъ и благодѣтелей нашихъ, и родителей нашихъ благословеніемъ, да и собственнымъ нашимъ добровольнымъ изволеніемъ и согласіемъ, я (имя рекъ) вступилъ съ сею, бывшею тогда дѣвицею (имя рекъ) въ богоблагословенное брачное сожитіе, что мы и полагаемъ самою твердостію законнаго брака. Но воспослѣдовалъ такой (по нашему неразсужденію) случай, что, ради мнящіяся твердости, вступили мы къ несогласнымъ съ нами по Исповѣданію и Вѣрѣ, чинодѣйствіе (пріяти), что почитаемъ мы, за грѣхъ и законопреступленіе, въ чемъ предъ Всемогущимъ Господемъ Богомъ чисто-

сердечное приносимъ покаяніе, а отъ васъ всеусердно просимъ о насъ молитвъ и прощенія.

И хотя мы признаемъ, что преступленіе наше есть не мало, но бракъ нашъ почитаемъ быть истинный и правильный, который и обѣщаемся мы соблюдать законно, безъ всякаго нарушенія, честно, какъ Божій законъ повелѣваетъ и Святоотеческая ученія и повелѣнія.

И съ таковымъ нашимъ твердымъ между собою залогомъ и съ дѣтьми нашими (имя рекъ), приходимъ и присоединяемся въ сіе правомудрствующее Согласіе, не на время нѣкое, но, какъ поможетъ Господь Богъ, вѣчно, гдѣ и отца духовнаго избрать себѣ, и быть намъ твердымъ въ разумѣ и содержаніи, а въ наученія странная и различная не прелагаться.

Но ежели кто изъ насъ вѣрность не сохранитъ и бракъ законный будетъ, по ученію бракоиенавистниковъ, отвергать, или раждаемыхъ (ежели будутъ) дѣтей въ иное Согласіе крестити пойдетъ, то сицевый будетъ нарушитель истины, за что да воспріиметъ казнь отъ самого страшнаго Судіи, Христа Господа. А что мы содержимъ такъ истинно, въ томъ увѣряемъ васъ цѣлованіемъ Креста Христова.

III.

КАНОНЪ,

ПѢВАЕМЫЙ ВО ВРЕМЯ СОЧЕТАНІЯ БРАКА, ИЛИ ЧИНЪ БРАЧНОМУ МОЛИТВОСЛОВІЮ. *

Наблюденія для брачущихся.

Здѣсь замѣчается, что во время пѣнія антифоновъ, должно немедленно зажечь свѣчи у мѣстныхъ образовъ и въ паникадилѣ,

---

* «Чинъ брачнаго молитвословія или Канонъ, пѣваемый во время сочетанія брака,» составленъ Гавріломъ Ларіоновымъ Скачковымъ. При печатаніи «Брачнаго

налой же, на которомъ полагается Евангеліе съ Крестомъ, или животворящій Крестъ долженъ пріуготовленъ быть во всемъ своемъ видѣ среди часовни, отступя отъ крылосовъ взадъ на локоть, или полтора, до входа новобрачныхъ, предъ коимъ должны горѣть въ подсвѣчникахъ двѣ свѣчи. По окончаніи антифоновъ, Настоятель занимаетъ свое мѣсто, пѣвчіе жь по крылосамъ, и кладутъ всѣ совокупно, кромѣ Внѣшнихъ, обыкновенный началъ, послѣ коего подходитъ Настоятель къ брачущимся и спрашиваетъ ихъ велегласно: «Охотою ль и безъ всякаго принужденія берешь сію рабу Божію?» Отвѣчаетъ: «Охотою и безъ всякаго принужденія.» «Въ вѣчную ли и нераздѣльную жизнь съ нею вступаешь?» Отвѣчаетъ: «Въ вѣчную и нераздѣльную.» «За самый ли истинный бракъ вмѣняешь сіе священное обстоятельство?» Отвѣчаетъ: «За самый истинный.» Также и съ невѣстою поступается. По обязательствѣ семъ Настоятель провозглашаетъ четѣ: «Господа новобрачные! для точнаго засвидѣтельствованія вашей сердечной истины, цѣлуйте животворящій Крестъ!» кои, подходя благоговѣйнымъ образомъ къ оному, вкупѣ перекрестясь, съ двукратнымъ поклоненіемъ въ поясъ, и еще перекрестясь, цѣлуютъ правую ногу Христа Спасителя, и, паки перекрестясь, кланяются вмѣстѣ до земли, и идутъ на свое мѣсто.

Пѣвчіе жъ поютъ псаломъ 122-й: «Блажени всѣ боящіися Господа,» на шесть пріемовъ 7-мъ голосомъ. По пропѣтіи сего, Настоятель замолитствуетъ: «Аминь, Царю Небесный, Трисвятое. Слава и нынѣ, Пресвятая Троице, Господи помилуй 3, Слава и нынѣ, Отче нашъ.» По возгласѣ, чтецъ: «Аминь,» «Пріидите поклонимся,» съ поклонами; и читаетъ псаломъ: «Господи, услыши молитву мою.» По прочтеніи сего: «Слава и нынѣ, «Аллилуія» 2-жды съ поклонами, а третій разъ пѣть: «Богъ Господь» на 1-й гласъ.

чина или канона,» мы имѣли подъ руками два экземпляра: одинъ, оставшійся послѣ смерти извѣстнаго Безпоповца, Елисея Саввича Морозова, другой, и

КАНОНЪ.

ПѢВАЕМЫЙ ВО ВРЕМЯ СОЧЕТАНІЯ БРАКА.

Тропарь (Гласъ 1-й).

Господи Боже, Спасителю нашъ, творяй всегда милость твою съ нами, и нынѣ призри на моленіе рабъ своихъ, помилуй и спаси насъ, яко единъ благъ и человѣколюбецъ.

Слава и нынѣ.

Богородиченъ.

Архангела Гавріила гласъ воспріимше, Дѣво радуйся, вопіемъ ти; ты бо родила еси плотію безначальное слово отчее, его же моли, Всечистая, да подастъ намъ свою благоутробную милость, яко единъ благъ и человѣколюбецъ.

По семъ псаломъ 50-й: «Помилуй мя, Боже.»

По возгласѣ: «Аминь.»

Поютъ же ирмосъ овіи по единожды, овіи же по дважды.

Канонъ Всемилостивому Спасу: Съ краегранесіемъ: (Спасителю Христе, благослови бракъ сей!) Гласъ 1-й, пѣснь 1-я.

Ирмосъ.

Твоя побѣдительная десница боголѣпно въ крѣпости прославися, та бо, безсмертне, яко всемогущи, противныя сотре, Израильтяномъ путь глубины обновль ми * (Исходъ гл. 14).

какъ самый важный экземпляръ по собственноручной рукописи, Гавріила Ларіонова Скачкова. Въ Скачковской рукописи нѣтъ предыдущихъ «Наблюденій для брачущихся.» Въ Морозовскомъ же поставленъ и годъ 1803, и Москва, его также у Скачкова нѣтъ.

* Теперь поется, вмѣсто «обновль ми» «новосодѣлавшая» О. Б.

Запѣвъ: Милостиве Господи, услыши молитву рабъ своихъ, молящихся тебѣ.

Создателю всея твари, всесильному владыцѣ (Бытія гл. 1) вси вѣрніи со страхомъ припадемъ и со усердіемъ возопіемъ: призри на ны, Спасе всеблагій, и подаждь намъ твою неизреченную милость, да прославится и въ насъ твоя побѣдительная десница, жизнь всѣмъ обновляющая.

Премудрымъ своимъ изволеніемъ всякую тварь изъ небытія въ бытіе шестію деньми (Бытія гл. 1) привелъ еси, Всесильне, и человѣка по образу своему и по подобію создалъ еси, и въ раи жити ему повелѣлъ еси (гл. 2), да хвалитъ тя съ невещественными лики, вопія: Ты единъ еси, Создателю нашъ, всю тварь обновляющій.

Слава.

Адама отъ земли, Всесильне, создалъ еси, Евву же отъ ребра его произвелъ еси, и благословеніе свое, еже раститися и множитися, наполняти землю и обладати всѣми созданными отъ тебе тварьми, даровалъ еси, да прославляютъ тя съ лики невещественныхъ твоихъ слугъ, единаго всеблагаго, всякое созданіе обновляющаго.

И нынѣ.

Совѣтъ змія пріимши Евва, прельстивши снѣдію Адама, имъ же наведе всему человѣческому роду клятву: Ты же, Пречистая Дѣво, Владычице, безъ сѣмене заченшая и рождьшая плотію пребезначальное слово Отче, моли его прилежно, да ниспошлетъ намъ свою милость и благословеніе, яко единъ всякое созданіе обновляющій.

Катавасія.

Сохрани отъ бѣдъ рабы своя, Милостиве, яко усердно къ тебѣ прибѣгаемъ, къ милостивому Избавителю и всѣхъ Владыцѣ Господу Исусу.

Господи помилуй, 3-жды.

Пѣснь 3-я, Ирмосъ.

Едине свѣдый земныхъ существо немощное и милостивно въ не оболкся, препояши мя свыше силою воспѣвати ти, Святый. церкви * душевная неизреченныя славы ты, человѣколюбче.

Изгнанъ бысть Адамъ изъ рая сладости (Быт. гл. 3) и землю дѣлати въ потѣ лица своего осужденъ бысть. Услыша и Евва горестныя глаголы, еже въ болѣзнѣхъ родити чада, ихъ же имъ даровалъ еси, по неизреченнѣй милости твоей, человѣколюбче.

Твоимъ, всесильне Боже, промысломъ благоизволилъ еси умножатися роду человѣческому (Быт. гл. 4), и Сифа, сына Адамова, прославилъ еси, и сѣмя его возлюбилъ, являя неизреченную милость свою, человѣколюбче.

Слава.

Еноха праведнаго законно браку пріобщившагося (Быт. гл. 5) и чада родившаго, всесильне Спасе, возлюбилъ еси, преселивъ его не видѣти смерти до дне, ему опредѣленнаго, сим являя, яко ты еси бракъ благословляя, по неизреченнѣй твоей милости, человѣколюбче.

И нынѣ.

Богородиченъ.

Лестію врага плѣненъ бысть человѣческій родъ, впаде, во мновая беззаконія (Быт. гл. 6 — 7), и страшнымъ потопомъ наказася. Мы же молимъ тя, Пречистая Богомати, яко родившую Господа неизреченно, моли его, да спасетъ насъ по неизреченнѣй милости своей, яко единъ человѣколюбецъ.

---

* Старинная форма, образовавшаяся изъ «церкы,» вмѣсто новыхъ формъ: «церковь, церква.» О. Б.

Сѣдаленъ (Гласъ 6-й).

Владыко, Боже всемогущій, призри съ небесе и виждь наше смиреніе, и умилосердися, человѣколюбче преблагій. Благослови рабы твоя благословеніемъ благостыннымъ, да будетъ обрученіе ихъ другъ ко другу безъ всякаго соблазна и порока. Тѣмъ же буди съ нами, и ни кто же на ны.

Слава.

Разрушивый врата Адовы и смерти силу упразднивый, всесильне Господи, вонми моленію рабовъ своихъ и благослови бракъ сей, яко же благословилъ еси праведнаго твоего Ноя, и сочетай рабы твоя, якоже сочеталъ еси Товію и Сарру, да и сіи восхвалятъ тя, человѣколюбца, въ радости вопіюще: О Владыко, буди съ нами, и ни кто же на ны.

И нынѣ.

Исуса Христа рождшую тя, присно Дѣво, въ напастѣхъ имамы твердую заступницу, въ скорбехъ крѣпкое спасеніе, въ печалѣхъ пресладкое утѣшеніе, въ бѣдахъ помощь непостыдную, и на вся враги побѣду и одолѣніе необоримое, и вѣчное упованіе тобою получити спасеніе. Тѣмъ же, о Пречистая, буди съ нами, и ни кто же на ны.

Пѣснь 4, Ирмосъ.

Гору тя благодати Божія пріосѣнену прозорливыма Аввакумъ усмотривъ очима, изъ тебе изыти Израиля провозглашаше святаго, на спасеніе наше и обновленіе.

Юже показалъ еси милость угоднику твоему, праведному Ною (Быт. гл. 9), всемогуще Спасе, и благословеніе свое, и отъ него умножатися человѣческому роду второе даровалъ еси, тако и нынѣ намъ низпошли благодать твою, Всесильне, на спасеніе наше и обновленіе.

Хотяй, всесильне Творче, умножити сѣмя праотца твоего, Авраама, благословилъ еси Сарру родити въ старости сына, да

тѣмъ прославится пресвятое имя твое, пришедшаго воплотитися на спасеніе наше и обновленіе.

Слава.

Рожденному въ старости, Авраамъ, сыну своему, восхотѣвъ закономъ брака сопрящи жену, посылаетъ раба въ Месопотамію, да обрящетъ тамо невѣсту; той же обрѣтъ Ревекку, приведе ко Исааку, юже поятъ радостно, восхваляше грядущаго воплотитися Сына Божія на спасеніе наше и обновленіе. *

И нынѣ.

Богородиченъ.

Іаковъ, грядый путемъ, восхотѣ уснути, и видѣ во снѣ лѣствицу, утвержденну на земли, ея же глава досязаше до небесе, на ней же Господь утверждашеся, проявляя отъ тебе, Пречистая Богомати, неизреченное свое воплощеніе на спасеніе наше и обновленіе.

Пѣснь 5-я, Ирмосъ.

Богъ сый міра, отецъ щедротамъ, великаго совѣта ти Ангела мира подающа, послалъ еси намъ (Исаіи гл. 9), тѣмъ богоразумія къ свѣту наставляеми, отъ нощи утреннюющe, славословимъ тя, человѣколюбче.

Состарѣвся Іаковъ, рыдаше Іосифова лишенія, той же, царствуяй во Египтѣ, пребываше, жену поятъ и чада роди (Быт. гл. 37), славословяше избавльшаго его отъ узъ и темницы, всесильнаго всѣхъ Творца Бога, единаго человѣколюбца.

Твоему возлюбленному пророку, Моисею, бльговолилъ еси, всеблагій Творче, пощадѣну быти отъ смерти во Египтѣ и по-

* Въ пришествіи Христовомъ самый бракъ обновленъ; по тому и совершаться долженъ по закону церкви Православно-Христіанской, во образъ союза Христа съ Церковію, какъ научаетъ Апостолъ: «Тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и во Церковь» (Ефес. 5, 32).

жити въ земли Мадіамстѣй, идѣже, поимъ жену и чада родивъ (Исхода гл. 3), сподобися видѣти купину, огнемъ горящу и не опаляему, восхваляше тя, единаго всеблагаго человѣколюбца.

Слава.

Егда благоволилъ еси, Господи, помиловати раба твоего, Товію, тогда послалъ еси Ангела твоего, Рафаила, да избавитъ невѣсту его отъ бѣса человѣкоубійца, и да будетъ ему помощникъ въ законномъ брачномъ сочетаніи, да прославляетъ тя, единаго человѣколюбца.

И нынѣ.

Божественный Исаія, аще и браку пріобщися, но Бога сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесенна, отъ Ангелъ хвалу пріемлюща, видѣти сподобися, и тебе, Пречистая Дѣво, жезлъ отъ корене Іессеева быти проповѣда, восхваляше хотящаго воплотитися отъ тебе единаго человѣколюбца.

Пѣснь 6-я, Ирмосъ.

Пророку Іонѣ подобяся (Іоны гл. 2), вопію: животъ мой, Блаже, свободи из тли и спаси мя, Спасе міра, зовуща: Слава тебѣ!

Любяй человѣческій родъ, всемогущій Спасе, егда восхотѣлъ еси воплотитися, тогда предуготовалъ еси Пречистую себѣ матерь, отъ праведныхъ родителей, Іоакима и Анны прозябшую, и сихъ показалъ еси, яко честно есть супружество, да усердно вси тебѣ взываютъ: Спасе міра, слава тебѣ!

Архангела твоего, Гавріила, послалъ еси, всесильне Господи благовѣстити Захаріи, яко родитъ жена его, Елисавета, въ старости сына (Луки зач. 1), предтекуща твоему божественному воплощенію, да симъ покажеши, яко честное супружество есть тебѣ благопріятно, иже и взываютъ: Спасе міра, слава тебѣ!

Слава.

Гласъ словесе, свѣтильникъ свѣта, великій Предтеча (Луки зач. 1), аще и отъ неплодныя утробы, но не безъ сѣмене ро-

дися, дѣвственную жизнь въ пустыни имый (зач. 4), но законопреступное смѣшеніе Ирода обличая (Матѳ. зач. 57), и яко проповѣдникъ и мученикъ пострада (Марк. зач. 24), взывая: Спасе міра, слава тебѣ!

И нынѣ.

Освятивый селеніе свое, Вышній, и плоть нашу воспріятъ, безгрѣшный Христе, Владыко, на бракъ съ пренепорочною ти матерію и со святыми твоими ученики, въ Кану Галилейскую пришелъ еси, и тамо первое чудо сотворилъ еси, мы же вопіемъ ти: Спасе міра, слава тебѣ!

Кондакъ (Гласъ 4).

Избави насъ отъ всѣхъ напастей, благоутробне Господи, и подаждь неизреченную твою милость и благословеніе рабомъ твоимъ, совокупи ихъ совокупленіемъ спасительнымъ, и соблюди ихъ во единствѣ и цѣломудріи, даруй имъ вся, яже ко спасенію прошенія, и благослови бракъ ихъ, яко же въ Канѣ Галилейстѣй, едине прославляемый во святыхъ своихъ.

Икосъ.

Лѣность всю отложше, припадемъ къ Создателю нашему, Богу, и возопіемъ, глаголюще: призри, Господи, на предстоящія рабы твоя, и утверди бракъ ихъ, и благослови ихъ благословеніемъ духовнымъ, яко же благословилъ еси Авраама и Сарру (Быт. гл. 21); благослови ихъ, Владыко, яко же благословилъ еси Исаака и Ревекку (гл. 24); благослови ихъ, Святый, яко же благословилъ еси Іакова и Рахиль (гл. 30); благослови ихъ, Преблагій, яко же благословилъ еси Іосифа и Асенефу (гл. 41); благослови ихъ, Всемогущій, яко же благословилъ еси Товію и Сарру (Тов. гл. 7); благослови ихъ, Всесильне, яко же благословилъ еси Захарію и Елисаветъ (Лук. зач. 1); и подаждь имъ жизнь мирну и долголѣтну, и цѣломудріе и чистоту, самѣмъ къ себѣ любовь, яже есть союзъ міра, племя долгоживотно и неувядающій славы вѣнецъ, и сподоби ихъ видѣти чада и внучата добродѣтельныя, и наполни домъ ихъ всякаго изобилія, и даруй имъ и намъ вся, яже ко спасенію прошенія, едине прославляемый во святыхъ своихъ.

Пѣснь 7, Ирмосъ.

Отроцы, во блазѣй вѣрѣ воспитани, нечестива велѣнія небрегоша, огненнаго прещенія не убояшася (Даніила гл. 3), но посредѣ пламене стояще, пояху: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

Со ученики твоими, Христе, и Пречистою ти Матерію на бракъ въ Кану Галилейскую пришелъ еси, мы же вопіемъ ти: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

Льстиваго врага козней избавляя, Христе, человѣческій родъ, благоизволилъ еси воплотитися отъ чистыя Богоотроковицы (Лук. зач. 3), и симъ истинное дѣвство свѣтлѣйши солнца показалъ еси, и небеснаго твоего царствія хранящія оное достойны сотворяеши, да купно съ законнобрачными воспѣваютъ: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

Слава.

Остави намъ грѣхи наша, всесильне Господи, и призри съ небесе святаго твоего, и виждь предстоящія люди и молящіяся твоему благоутробію, и просящія твоея великія милости, да благословиши бракъ сеіі благословеніемъ твоимъ, яко да согласно вси воспѣваемъ ти: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

И нынѣ.

Всенепорочная присно Дѣво Маріе, моли сына своего, Христа, Бога нашего, да благословитъ рабы своя предстоящія и молящіяся, просящія его великія милости, да продолжится жизнь ихъ въ православнѣй вѣрѣ и благочестіи, да въ радости сердца воспѣваютъ: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

Пѣснь 8-я, Ирмосъ.

Чудо превеліе росодавицу вообрази пещь образомъ, * и яже бо пріятъ не опали юныхъ, такоже и огнь божественный

---

* Сія рѣчь если не повреждена переписчикомъ, то очевидно требуетъ сличенія съ подлинникомъ Греческимъ и исправленія по нему.

дѣву юже пройде чисту, тѣмъ поюще возопіемъ: да благословитъ тварь всякая Господа и превозноситъ его во вѣки.

Изволивый, Христе, въ плоть нашу облещися и путь жизни вѣчныя всѣмъ вѣрующимъ въ тя показалъ еси, самъ, Владыко, устрой путь правый рабомъ твоимъ, да поидутъ по немъ во истинѣ твоей, хваляще тя, превозносимаго во вся вѣки.

Благословивый, Всесильне Боже, Авраама и Сарру, родити сына въ старости, и рожденному отъ нихъ Исааку сочетатися съ Ревеккой благоволилъ еси, и сихъ сыну, Іакову, съ Рахилію воспріяти супружество благоспѣшилъ еси, благослови и сія рабы, сочетавающіяся днесь закономъ брака, да въ радости сердца восхваляютъ тя, превозносимаго во вся вѣки.

Слава.

Рабы твоя предстояще, Спасе, молятся тебѣ, благослови ихъ, яко же благословилъ еси вся праотцы наша, и яко же Товіи Ангела Рафаила помощника послалъ еси, тако и симъ, человѣколюбче, подаждь твое всемощное благословеніе, да поживутъ въ цѣломудріи, соблюдутъ ложе нескверно и возвеселятся о видѣніи сыновъ своихъ и дщерей, и восхвалятъ тя, превозносимаго во вся вѣки.

И нынѣ.

Архангельскій гласъ взываемъ ти, Пречистая: радуйся, ты бо родила еси плотію единородное слово Отчее, его же моли, Царице, да подастъ рабомъ своимъ, сочетавающимся днесь въ законное супружество, и намъ всѣмъ, неизреченную свою милость, да восхваляемъ его, превозносимаго во вся вѣки.

Пѣснь 9-я, Ирмосъ.

Образъ чистаго рождества твоего, распаляему купину яви неопалиму (Исх. гл. 3), и нынѣ на насъ напастей свирѣпѣющую угасити молимся пещь, да тя, Богородице, непрестанно величаемъ.

Красное супружество богомудрыхъ Іоакима и Анны рожествомъ Пречистыя Дѣвы, ристе Царю, прославилъ еси, и див-

наго во Пророцѣхъ Захарію и Елисаветъ (Лук. зач 4) прозябеніемъ крестителя твоего возвеличилъ еси, возвесели и сія, предстоящія и молящія, рабы твоя, и благослови бракъ ихъ благословеніемъ твоимъ, да тя непрестанно величаемъ.

Славное твое чудотвореніе въ Канѣ Галилейстѣй показалъ еси, Христе Боже, и благословеніемъ своимъ законное бракосочетаніе почтилъ еси; призри и нынѣ на рабы твоя сія, просящія твоего благоутробнаго милосердія, и благослови бракъ ихъ, яко же и въ Канѣ Галилейстѣй, да тя съ любовію величаемъ.

Слава.

Едине щедре и всеблагій, со Отцемъ твоимъ безначальнымъ и Пресвятымъ Духомъ прославляемый, Христе Спасе, пошли твою благодать и милость сочетавающимся законнымъ бракомъ, симъ рабомъ твоимъ, подаждь имъ жизнь мирну и долголѣтну и душевное спасеніе, да тя непрестанно величаютъ.

И нынѣ.

Избавителя всѣхъ рождшая, едина Пречистая Дѣво, подаждь помощь и милость симъ твоимъ рабомъ, въ законное сочетавающимся супружество, и благоспѣши имъ, Преблагая, во всемъ спасительномъ, да непрестанно вси величаемъ.

По исативаніи, * «Достойно есть яко во истину!» А нині, вмѣсто «Дотойно есть,» поютъ сей стихъ, гласъ 8-й:

О тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь, Ангельскій соборъ и человѣческій родъ, освященная церкви и раю словесный, дѣвственная похвало, изъ нея же Богъ воплотися и младенецъ бысть, еже прежде вѣкъ сый Богъ нашъ; ложесна бо твоя престолъ сотвори и чрево твое же пространнѣйши небесъ содѣла, дѣвице. О тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь, слава Тебѣ.

Прокименъ: «Спаси, Господи, люди твоя, и благослови достояніе твое.»

---

* По исативаніи, не то ли значитъ, что послѣ: «Исаіе, ликуй!»...

IV.

ЕПИТИМЕЙНИКЪ.

1.

Ащ екто самовольно оставить Правовѣріе (?!) и присоединится ко Внѣшнимъ съ присягою, и пріемлетъ тамо всѣ тайны съ вѣрою и любовію, и аще таковый обратится паки къ Правовѣрію, и принесетъ съ чистымъ сердцемъ прощеніе, и восхощетъ истинно покаятися, таковому епитимій два года ясти всякъ день по единожды, кромѣ Субботъ и Недѣль и дванадесятыхъ великихъ праздниковъ, такожде Свѣтлыя Недѣли, и по сошествіи Св. Духа, и двападесяти дней по Рожествѣ Христовѣ, и Недѣли Мытаря и Фарисея. Мяса же, млека, яицъ и рыбы никогда не ясти, но токмо въ помянутыя дни масло постное. А питія хмѣльнаго и виноградпаго отнюдь не пити. Поклоновъ же полагати (кромѣ что за службу церковную) на всякъ день земныхъ шестьсотъ, поясныхъ четыреста. А стоять въ молитвословъ въ продолженіи всякія службы и молиться со смиреніемъ и сокрушеніемъ сердца позади всѣхъ, ясти же и пити купно съ Правовѣрными.

2.

Аще кто присоединится ко Внѣшнимъ безъ присяги, и приметъ тамо съ вѣрою всѣ тайны, таковому постъ, какъ выше сказано, единъ же годъ, поклоновъ на всякъ день земныхъ по пятисотъ, а стояти во время службы позади всѣхъ.

3.

Аще кто по принужденію и неволѣ присоединится ко Внѣшнимъ съ присягою, и пріиметъ ихъ тайны, таковому постъ шесть мѣсяцевъ, поклоновъ на всякой день земныхъ по сту и поясныхъ по четыреста, во время же службы стояли позади всѣхъ.

4.

Аще кто по неволѣ присоединится ко Внѣшнимъ безъ присяги, и пріиметъ ихъ тайны, таковому постъ три мѣсяца, покло-

новъ на всякой день земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по двѣсти; во время же молитвословія стояти позади всѣхъ.

5.

Аще ли кто такожде присоединится ко Внѣшнимъ по неволѣ и принужденію безъ присяги, токмо чрезъ едину исповѣдь, кромѣ пріятія прочихъ таинъ, таковому постъ четыредесять дней, на всякій день поклоновъ земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по сту, во время службы стояти позади всѣхъ.

6.

Аще ли кто притворно, а не истинно, но ради каковаго честолюбія, или своего ради прибытка, самовольно присоединится ко Внѣшнимъ съ присягою, и пріиметъ тамо тайны ихъ, и аще покается, то таковому постъ (какъ означено въ первой статьѣ) два года, поклоновъ на всякій день земныхъ по двѣсти, поясныхъ по пятисотъ.

7.

Аще ли кто такожде притворно, а не истинно, присоединится самовольно ко Внѣшнимъ безъ присяги, и пріиметъ тайны ихъ, хотя не ради пользы душевныя, но мірскихъ ради пріобрѣтеній, таковому посту годъ единъ, на всякій день поклоновъ земныхъ по сту, поясныхъ по триста.

8.

Аще кто ходитъ во храмъ Инославныхъ и токмо тамо исповѣдуется, не пріемля прочихъ тайнъ, однако не со истиннымъ залогомъ, но нѣкихъ ради причинъ, собственную ему пользу составляющихъ, и аще покается, то таковому постъ шесть мѣсяцевъ, на всякъ день поклоновъ земныхъ по сту, и поясныхъ по сту.

9.

Аще кто по безразсудству входитъ въ храмъ Инославныхъ, и тамо въ молитвахъ съ ними и въ яденіи и питіи сообщается,

а ни какихъ тайнъ не пріималъ, таковый аще пріидетъ и прощеніе принесетъ, то ему постъ три мѣсяца, поклоновъ на всякій день по сту земныхъ и по сту поясныхъ.

10.

Аще кто пойдетъ въ храмъ Инославныхъ * (кромѣ пріятія каковыхъ прочихъ тайнъ), а токмо ради единаго браковѣнчанія по всему обряду, и тамо весь чинъ вѣнчанія воспріиметъ, и оное, яко истинное и совершающее законный бракъ, вмѣнять будетъ, и аще таковіи истинно покаются, то таковымъ поститися три мѣсяца и на всякій день поклоновъ земныхъ по сту, поясныхъ по триста.

11.

Аще кто пойдетъ въ храмъ Инославныхъ ради браковѣнчанія, хотя и не вмѣняя оное за усовершенствованіе брака, но ради стыда отъ людей, и тамо весь чинъ пріиметъ, таковому постъ шесть недѣль, на всякъ день поклоновъ земныхъ по пятидесяти, поясныхъ по двѣсти.

12.

Аще кто во храмѣ Инославныхъ былъ, рукоосѣненія жъ и прочихъ дѣяній свободился, но токмо происходило чтеніе и пѣніе, таковому постъ шесть недѣль, поклоновъ на всякъ день земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по сту.

13.

Аще кто страха ради, или по принужденію, пріиметъ отъ Внѣшнихъ браковѣнчаніе, таковому постъ три недѣли, на всякій день поклоновъ земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по сту.

---

* У Мониицевъ бракъ пріемлется и правится по ветхому Закону Моисееву, а по новой благодати въ церкви Свято-Православной дѣйствуемый бракъ не принятъ. У Новоженовъ, вѣрно, также, равно и у другихъ Безпоповцевъ, не имущающихся бракомъ.

14.

Аще кто безъ нужды, но самовольно, впишется въ книги, аки браковѣнчався, и сообщится со Внѣшними въ ядѣніи и питіи, таковымъ постъ три недѣли, поклоновъ на всякъ день по сту земныхъ и по двѣсти поясныхъ.

15.

Аще ли кто самовольно же, безъ всякія нужды, впишется въ книги Инославныхъ, но не сообщится съ ними въ ядѣніи и питіи, таковому постъ двѣ недѣли, поклоновъ на всякъ день по пятидесяти земныхъ и поясныхъ по сту.

16.

Аще кто сыну своему, или дщери, дозволитъ сочетатися съ Внѣшнимъ лицемъ, и отпуститъ онаго въ храмъ Инославныхъ браковѣнчатися, но аще покается, таковому постъ шесть недѣль, поклоновъ на всякъ день земныхъ по сту и поясныхъ по четыреста.

17.

Аще которые родители тако сотворятъ, т. е., попустятъ дѣтямъ въ храмѣ Инославныхъ получить молитвословіе, боязни ради и притѣсненія отъ Внѣшнихъ, таковому постъ три недѣли, поклоновъ на всякъ день по пятидесяти земныхъ и по сту поясныхъ.

18.

Аще кто въ путешествіи (т. е., въ дорогѣ), по невозможности себя соблюсти, сообщится со Инославными въ ядѣніи и питіи, тотъ принесетъ въ молитвенномъ храмѣ прощеніе и сотворитъ поясныхъ сто поклоновъ.

19.

Аще кто по слабости и небреженію сообщится со Внѣшними единожды въ ядѣніи и питіи, той да принесетъ прощеніе и по-

ложитъ поклоновъ пятьдесятъ поясныхъ. Аще ли кто по вторы учинитъ тоже, то, по прощеніи, да положитъ сто поклоновъ поясныхъ же. Но аще ли кто, небрегій самъ о себѣ, и въ третіе тоже учинитъ, той, по принесеніи прощенія, да положитъ поклоновъ сто земныхъ и сто поясныхъ.

20.

Аще ли, по небреженію, самопроизвольно, въ разныхъ мѣстахъ многократно въ яденіи и питіи общался съ Инославными, каковый, аще чистосердечно принесетъ прощеніе, то да постится двѣ недѣли, и на всякъ день да полагаетъ поклоновъ сто земныхъ и сто поясныхъ.

21.

Аще кто сообщится въ яденіи и питіи со Инославными дважды, или трижды, ради стыда людскаго, не хотя себя показати, что онъ не того Исповѣданія, таковому, скрывающему истину и покрывающемуся лжею, по принесеніи прощенія, постъ едина недѣля и на всякъ день поклоновъ земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по пятидесяти же, или больше, смотря его дѣянія.

22.

Аще кто ходитъ ко Внѣшнимъ въ гости съ своими сосудами, не ради душевныя пользы себѣ и ближнему, но токмо ради забавы и увеселенія, а при томъ и ради человѣкоугодія, и аще въ томъ покается, то таковому за первый случай, яко соблазняющему таковымъ своимъ дѣяніемъ прочихъ, въ общемолитвенномъ храмѣ, предъ собраніемъ, съ положеніемъ начала, принести прощеніе. Аще ли во второе тоже учинитъ, то, по принесеніи прощенія, да положитъ пятьдесятъ поклоновъ поясныхъ. Аще ли и въ третіе тоже учинитъ, то, по принесеніи прощенія, да положитъ поклоновъ пятьдесятъ земныхъ и пятьдесятъ поясныхъ. А за четвертое таковое своевольство, по принесеніи прощенія, да положитъ поклоновъ сто земныхъ и сто поясныхъ. Но ежели же симъ не удовлетворится, и аще, любя свое чрево, паки тоже

творити имать, и аще покается, то, въ наказаніе своего преступленія, вопріиметъ епитимію: постъ двѣ недѣли и на всякій день сто земныхъ и сто поясныхъ поклоновъ.

23.

Аще ли кому въ домѣ, или въ своемъ жительствѣ, по крайней необходимости, не возможно себя будетъ соблюсти отъ общенія со Инославными, таковый да признаваетъ самъ свой грѣхъ, и да полагаетъ на всякую недѣлю поясныхъ поклоновъ по семидесяти, или на всякій день по двенадесяти поклоновъ безъ всякаго отложенія. Съ единовѣрными же, безъ полученія свободности и безъ прощенія, купно молитися, ясти и пити не долженствуетъ.

24.

Аще кто сообщится со Внѣшними въ яденіи и питіи не своего ради сластолюбія и чревоугодія, но ради душевныя пользы ближняго, что и дѣйствительно ему, по благости Божіей, учинится, то таковому, ради прочихъ, дабы не было ни кому соблазна, въ молитвенномъ храмѣ положить начало и принести прощеніе въ томъ, что общался съ непріобщенными, объявля и каковыя ради вины.

Всякъ же по каковому случаю, ежели когда со Внѣшними въ яденіи и питіи сообщится, то не долженъ онъ съ прочими не общающимися купно молиться и ясти и пити изъ единыхъ сосудовъ, но прежде, аще не возможно каковыя ради причины, тогда ити въ молитвенный храмъ, то хотя предъ своими домашними, или во иномъ домѣ, куда прежде пріидетъ предъ необщающимися, съ положеніемъ обычныхъ начальныхъ поклоновъ, да принесетъ прощеніе. И тако ему купно съ ними молитися и ясти и пити, однако же, не продолжая времени, долженъ онъ въ молитвенномъ храмѣ объявити свое дѣяніе предъ всѣми, въ немъ обрѣтающимися единовѣрными, приносити прощеніе и пріяти по своей винѣ наказаніе.

Аще ли кто сего не учинитъ, т. е., не признаетъ себя виновнымъ и прощенія не принесетъ, и наказанія пріяти не восхо-

щетъ, таковый да не дерзнетъ съ прочими правомудрствующими и на единѣ и въ собраніи купно молитися, но да пребываетъ особно, имѣя своя сосуды ради яденія и питія.

Того ради всякъ доможитель долженъ имѣть различные сосуды: Едины ради единогласныхъ, а другія ради Иногласныхъ или Внѣшнихъ, дабы не имѣть съ ними общенія и не быть тѣмъ нарушителемъ положеніямъ и правиламъ Святыхъ Отецъ (?), за что полагается отъ Святыя Церкви прежесточайшее наказаніе.

Желающіе же истинно спастися и получить отъ праведнаго и страшнаго Судьи, Бога, своихъ грѣховъ прощеніе, тѣ во время продолженія епитиміи, святыхъ мощей и святыхъ иконъ и божественнаго Евангелія, и животворящаго Креста, и прочихъ святынь не цѣловати, и кутьи, съ которою поютъ по умершихъ панихиды, не ясти.

Поклоны же полагати при прощеніи или въ молитвенномъ храмѣ, или въ домѣ, сіе оставляется на благоусмотрѣніе и разсужденіе искуснаго врача, и гдѣ удобнѣе. Но въ Субботу и въ Недѣлю и въ великіе праздники, не земные, но поясные, поклоны полагати, яко же святоцерковное положеніе повелѣваетъ.

А кому положенъ будетъ постъ, то въ оные дни мяса, млека, яицъ, сыра и прочаго, и рыбы не ясти, и хмѣльныхъ и виноградныхъ напитковъ не пить, но въ трезвости и воздержаніи просити, съ сокрушеніемъ сердца и смиреніемъ духа, отъ всещедраго Бога грѣховъ прощенія, и глаголати: аще восхощеши разумно, истину изъявляй любезно. Аминь.

Въ Потребникѣ Большомъ предъ исповѣдію, на лис. 141-мъ на оборотѣ:

1. Прилогъ помысла безгрѣшенъ.
2. Соглаголаніе поклоновъ 12.
3. Сложеніе же запрещенію виновно.
4. Борьба или вѣнцемъ или мукамъ виновна и достойна.

Изъясненіе.

Прилогъ, т. е., ежели что приложится или пріидетъ въ помыслъ неблагопристойное, мерзкое, непотребное святохульное и богопротивное, а умъ къ тому не соглашается, но и противится, то оное неполезное и душевредное помышленіе, какъ не по своему желанію и любовному воображенію, но отъ случая (?), или отъ врага душъ нашихъ, приходитъ, того ради та ковыя мысли или прилогъ помысла безгрѣшенъ есть, и наказанія за то или епитиміи не бываетъ.

Соглаголаніе, т. е., разговоръ, или совѣщаніе, или совѣтъ, а еще нѣтъ согласія къ произведенію и исполненію грѣховнаго дѣла, и сіе называется соглаголаніемъ: за сіе епитиміи 12 поклоновъ.

Сложеніе, т. е., договоръ, положеніе, опредѣленіе и согласіе къ дѣйствительному исполненію, но еще въ самое дѣло по какому препятствію не произведенное, однако должное быть; смотря и разсуждая по ихъ дѣянію, наказаніе.

Борьба, или вѣнцемъ или мукамъ виновна и достойна.

Борьба вѣнцемъ достойна за то, ежели мысли къ дѣянію грѣха согласятся, а разумъ воспротивится и Божіею помощію преодолѣетъ, и грѣха въ дѣло не произведетъ, за сіе самое отъ Бога вѣнецъ пріиметъ и отъ духовника наказаніе не получитъ.

А мукамъ достойна за то, ежели что ради сотворенія грѣха помыслитъ, и хотя не скоро, но той грѣхъ самымъ дѣломъ исполнитъ, то за сіе, по силѣ произведеннаго грѣха, должно быть неотложительно епитиміи или наказанію правильному.

Въ томъ же Словѣ ниже: въ цѣлованіе и осязаніе пришедшая, не растлѣвшежеся, еже о малакіи, запрещеніе да пріемлютъ, 40 дней сухо ядущи и проч.

Въ Номоканонѣ.

Правило 58-е.

Иже малакію сотвори, да сухо ястъ четыредесять дней, по святому Іоанну Постнику, и да творитъ на всякъ день поклоновъ сто. Аще же не можетъ сухо ясти, да удержится отъ причастія едино лѣто, и поклоновъ пятьдесятъ на всякъ день.

Примѣчаніе.

Здѣ многіе останавливаться будутъ и произносить такія рѣчи: «Я не могу 40 дней такъ жестоко поститься, и Причастія у насъ нѣтъ, но епитиміи держать не возможно.»

Таковымъ отвѣтствуется: Хотя святаго Причастія у многихъ и нѣтъ, но желаніе къ полученію того, ежели кто признаетъ себя быть правовѣрнымъ Христіаниномъ, имѣть всегда съ сокрушеніемъ сердца должно. * А при томъ да исчислитъ, колико будетъ въ годъ по пятидесяти поклоновъ па каждый день, то въ годъ будетъ осемьнадцать тысячъ двѣсти пятьдесятъ, а въ 40 со стомъ поклоновъ, т. е., въ сорокъ дней по сту поклоновъ на день, только четыре тысячи. Здѣ избирай, что есть полезнѣе и лучше для тебя.

Въ Потребникѣ Большомъ, листъ 669.

Въ Номоканонѣ.

Да внимаетъ же себѣ духовникъ во время исповѣди, еже не испытывати имене лица прочихъ сообщниковъ грѣха, яко ниже есть лѣть духовнику имя лица иному являти, внегда совѣта и поученія искати ему о грѣсѣ нѣкоемъ недоумѣтельномъ, епитиміи

---

* Желаніе причастія не есть причастіе, и поклоны молитвенные не могутъ замѣнить ни какого таинства церковнаго, хотя бы всѣ четки истерлись на поклонахъ.

ради и исправленія. Се бо предательству Іудину подобно; обаче приступльшему къ исповѣданію, воспомянути и поучити его, не извѣщати имене лицъ оныхъ, съ ними же согрѣши.

Но да повелитъ исповѣдающемуся онѣхъ лицъ, съ ними же согрѣши, то, что рещи, санъ, чинъ, званіе, лѣта и рода близность—вины грѣховъ, да речетъ, и всякъ грѣхъ особь и по виду да исповѣсть.

Внемли и сему:

1. Егда обрящется человѣкъ благоговѣйный и произволитъ творити нѣколико метаній въ нощь и день, по силѣ своей, отпусти ему едино лѣто отъ мѣры канона причастія.

2. Аще же произволитъ сотворити милостыню по мѣрѣ своей, остави ему и другое лѣто.

3. Аще ли постится Среду и Пятокъ, по божественнымъ правиломъ, остави ему еще другое лѣто.

4. Аще же и Понедѣльникъ восхощетъ воздержатися отъ мяса, еще паки отпусти ему лѣто.

5. Аще ли отъ сыра и яицъ—другое.

6. Такожде и ину добродѣтель аще сотворитъ, другое паки отпусти ему лѣто.

7. Аще ли человѣкъ той нижае тридесяти лѣтъ есть, другое лѣто паки остави ему.

Аще же есть и отъ двадесяти нижае, мнѣе да запрещается. Аще не изволитъ написаннмхъ, да исполнитъ цѣло нареченная лѣта.

Подобаетъ истинно кающимся и плоть жестокимъ пребываніемъ изнуряти хотящимъ, и житіе благоразумное проходити, первыя злобы сопротивосильное, и по мѣрѣ воздержанія, такимъ и времене покаянія умаленіе, яко се·

Аще кто вина пити во уреченные дни не изволитъ, и мы годище судихомъ отъяти едино отъ уставленнаго его паденію отъ отецъ запрещенія.

Такожде: аще отъ мяса воздержатися обѣщевается на время, и мы другое лѣто отпустити искусихомъ.

Аще отъ сыра и яицъ, рыбы и масла, воздержатися обѣщаетъ, тогда на всякое воздержаніе единаго сицевыхъ вида, едино лѣто отъяти.

Но аще и частыми колѣнопреклоненіи Бога умилостивити изволитъ, подобнѣ творити.

Наипаче же аще обильное къ милостыни и силы не лишаемое произволеніе показуетъ.

Пристяжаніе.

О, духовниче! да не погрѣшиши, при глубоцѣмъ разсужденіи сія три памятствуй:

1. Количество: много кто согрѣши, да многая постраждетъ.

2. Качество: да противная противными врачуются, чревонеистовство воздержаніемъ и проч.

3. Время: долго кто согрѣшающе, да долго и казнится, паче же всѣхъ желаніе и произволеніе въ кающемся зрительно есть.

Въ Кормчей.

Изъ правилъ Святаго Василія Великаго.

Правило 33, листъ 236.

Жена аще на пути родитъ и о рождшемся отрочати небрегущи, оставитъ е, убійства грѣху повинна есть. Се разумно.

Правило 521, листъ 241.

Жена небрегши о рождшемся отъ нея отрочати на пустыни и оставльши е, тако убійца есть. Аще ли скудоти ради, не имѣющи потребныхъ, безъ вины есть.

Правило 34, листъ 236.

Въ тайнѣ убо прелюбодѣяніе сотворшую и обличаему увѣдѣхомъ, безъ общенія сію поставляемъ, дондеже запрещеніе скончаетъ.

Толкованіе.

Жена прелюбы сотворши въ тайнѣ, и не обличена сущи, грѣхъ свой исповѣсть, съ говѣніемъ, или инако како отъ духовнаго отца своего обличена бывши, не подобаетъ предъ всѣми обличити ея; и яко любодѣица отъ своего мужа познана бывши, да не будетъ ей се вина смертная. Безъ общенія же сей повелѣваютъ пребыти отцы, и съ вѣрными женами стояти до скончанія лѣтъ, еже о прелюбодѣянія согрѣшеніи. Аще бо съ плачущимися и съ послушающими поставлена будетъ зазорна, будетъ своему мужеви, и единаче убіетъ ю.

Правило 49, листъ 240.

Растлѣніе по насилію не повинно, и раба нудима отъ господина безъ вины есть.

Толкованіе.

Дѣвица, нуждею растлѣнна бывши, и жена срамоту пріемши насиліемъ нѣкоего, не повинни суть, и тако раба, смѣсившися съ господиномъ своимъ, безъ запрещенія.

Къ сему согласно смотри въ Номоканонѣ правило 66, листъ 687:

Аще инокиня насилуема будетъ, или дѣвица отъ господаря своего, или иная жена отъ кого, явитъ же ся первое ея житіе чисто, 14 дней запрещается, или едино лѣто да не причастится.

V.

РѢЧЬ

ГАВРІИЛА ЛАРІОНОВА СКАЧКОВА ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ДОЛЖНОСТЬ НАСТОЯТЕЛЯ И ДУХОВНИКА ПОКРОВСКОЙ МОНИНСКОЙ ЧАСОВНИ. *

Почтенное Собраніе!

Главная причина стеченія нашего состоитъ нынѣ единственно въ томъ, чтобы въ Православіи нашемъ (!) водворялись непрестанно любовь святая, миръ Божій и тишина церковная.

Каковыми божественными побужденіями Св. Христова Церковь во всѣ времена изобиловала, не только въ единомысленныхъ состояніяхъ, но и въ различности правильныхъ положеній.

О чемъ всему свѣту извѣстно, что и о крещеніи еретическомъ учинены Церковію Божіею различныя положенія. Ибо всякаго еретика крестить повелѣваютъ Правила Апостольскія: 46, 47 и 68. Сему слѣдуя, и священномученикъ Кипріянъ со священнымъ своимъ соборомъ утвердили, чтобъ отъ всякаго еретика, крещеннаго во имя Св. Троицы и въ три погруженія, безъ изъятія отметать крещеніе и совершенно крестить.

Все же правосудіе сихъ правилъ Святѣйшій Патріархъ Филаретъ съ соборомъ Первосвященниковъ изъясняетъ, и свято подтверждаетъ, и причину полагаетъ вѣчно неоспоримую таковую, что (соборное изложеніе Филарета Патріарха, листъ 561): «яко вси еретики различныхъ еретическихъ Вѣръ не имутъ права святаго крещенія, еже водою и Духомъ Святымъ. И того ради отъ всѣхъ еретическихъ Вѣръ различныхъ приходящихъ къ Православію Христіанскаго закона, подобаетъ совершенно крестити святымъ крещеніемъ.»

---

* Сдѣсь содержится обличеніе на самочиніе и раздоры въ Расколѣ.

И что дѣйствительно токмо едина Святая Церковь имѣетъ право преподавать святое крещеніе, сіе же изъ Св. Писанія видно, въ коемъ сказано, что «Церковь Божія есть яко вертоградъ и источникъ запечатлѣнъ. (Апост. Толков. зач. 108). И того ради не возможно нигдѣ же тайнѣ статися, токмо въ единости Церкви Божіей.»

Но какъ въ обращеніи отъ еретикъ къ Православію явились препятствія, то Церковь Христова принужденною нашлась въ принятіи отъ еретикъ учинить нѣкоторыя изъятія. И, вмѣсто, чтобъ крестить, установила: нѣкоторыхъ токмо помазывать муромъ, иныхъ же, съ проклятіемъ только ересей, къ Благовѣрію присоединять. Какъ значится 1-го Вселенскаго Собора правило 8, Лаодикійскаго 7, 2-го Вселенскаго 7, 6 Вселенскаго 95 и Тимоѳея, Пресвитера Великія Церкви и другихъ.

Таковый же церковный пріемъ есть одно только снисхожденіе къ еретикамъ и раскольникамъ, для скорѣйшаго ихъ обращенія къ Церкви. По свидѣтельству Тимоѳея, Архіепископа Александрійскаго, пишущаго: «По что не покрещеваемъ еретики?» Отвѣтъ: «Аще бы се было, не бы ся человѣкъ скоро отъ ереси обращалъ, стыдясь по крещеніи: обаче и возложеніемъ рукъ и молитвою Іерейскою вѣсть приходити Духъ Святый.» Подобно же сему имѣется въ толкованіи правила 1-го Василія Великаго, что Новотіанъ чистыхъ крещеніе Духъ Св. оставляетъ, но смотрѣнія ради да будетъ пріято.»

Такъ же разность открылась и въ самихъ Апостолахъ, когда Петръ съ Павломъ и Павелъ съ Варнавою и Христіане изъ Іудей и Еллиновъ о снѣдяхъ и обычаяхъ препирахуся.

Тоже Восточные съ Западными согласились обще по полнотѣ перваго мѣсяца Пасху праздновати въ Недѣлю, а Епископы Азійскіе сему не согласились.

Что жь? И въ дѣлѣ за отверженіе законныя супружницы и за поятіе сродницы Царемъ Константиномъ, сыномъ благочестивыя Царицы Ирины, Патріархъ съ прочимъ духовенствомъ

и премногими вѣрными были на сторонѣ Царя, Ѳеодоръ же Студійскій и Царю и всѣмъ онымъ воспротивился, и претерпѣлъ за то многія мученія.

И не меньше сего таже съ мученіями явилась распря въ Христіанѣхъ и за изгнаніе Св. Златоуста до самаго возвращенія мощей его, хотя Св. Златоустъ, отходя въ заточеніе, за свое изгнаніе творити церковныхъ распрей не позволялъ и запрещалъ.

Да не маловажнѣе сего и Римская Церковь, когда въ ересяхъ Богословскихъ, вопреки Священному Писанію и противу естественныхъ законовъ, открылась, какъ-то: безженство клириковъ, опрѣсночное служеніе и прочія несообразности имѣла, однако жъ истинная Церковь Божія, зная совершенно, что миръ святый болѣе пріятенъ Богу, нежели сколько поспѣшный и пагубный раздѣлъ, и она, при всѣхъ своихъ объясненіяхъ и обличеніяхъ, всякимъ несогласностямъ, и разнообразнымъ мнѣніямъ, и чиноположеніямъ терпѣла, снисходила и уступала, и, не давъ совершеннаго суда, опасалась исключать Церкви и множить раздѣлы. И всякихъ погрѣшающихъ въ Вѣрѣ и обрядахъ не вскорѣ еретиками порицала и въ чинъ еретическій включала, какъ развѣ тогда только, когда кто явится въ глубочайшихъ заблужденіяхъ и нераскаянностяхъ погрязшимъ. И чтобы прочихъ предостеречь отъ заблужденія, дабы не заразились ядомъ еретичества, а заблужденнаго и нераскаяннаго, яко смертоноснаго члена, исторгнуть, тогда Св. Церковь, яко же мать чадолюбивая и правосудная, не хотя законный судъ исторженія на таковаго износить, по Евангельскому опредѣленію: «Аще же преслушаетъ Церковь, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь,» и по совѣту Святыхъ, о немъ возглашаетъ: «да возвѣстится о немъ всюду не пріяту ему быть на всяко общеніе.»

А доколѣ полагаются надежды въ обращеніи о заблуждающемъ, и доколѣ собираются всѣ подробности къ объясненію истины, и къ обличенію ложныхъ и вредныхъ содержаній, тогда обѣ противоборствующія страны, одна съ другой составляли едину Церковь, и спасались въ обѣихъ сторонахъ. Хотя, впрочемъ, между тѣмъ происходили и жаркія состязанія, по описанію церков-

ныхъ исторій, что и за не согласное празднованіе Пасхи, Викторъ, Папа Асійскихъ Епископовъ, клятвѣ предаде и общеніе отсѣче, которой клятвѣ, однако жь, многіе Епископы святые зазрѣша и похулиша, яко таковыхъ Епископовъ дерзнулъ отлучити, каковыхъ ради причинъ прежніе Папы раздѣла не имѣли.

И Кипріанъ Священномученикъ, по собраніи двухъ Соборовъ, которыми еретическое крещеніе отметать утвердили и крестить узаконили, писалъ же Папѣ Стефану, чтобы и онъ далъ о томъ такое же свое согласіе. Стефанъ же Папа отписалъ къ Кипріану, ни что же возобновляти, кромѣ преданнаго, и согласія не далъ. А Кипріанъ за сіе, гнѣваяся на Папу Стефана, и въ посланіи своемъ поносить ему, гордымъ и немудрымъ его нарицаетъ и помогающимъ еретикамъ числитъ. Котораго, однако жь, оправдываетъ Блаженный Августинъ: ибо аще и упоренъ въ томъ бяше, обаче любви и соединенія со Стефаномъ Папою не разрываше.

И Церковь Восточная Кипріана, а Западная Стефана, въ числѣ Священномучениковъ почитаютъ. Которые оба въ своихъ мнѣніяхъ скончались, не каяся, да и причины не имѣлось извиняться. Поелику что Кипріаново мнѣніе по резонамъ необходимымъ и основательнымъ было праведно и свято, а Стефаново, по случайнымъ и снисходительнымъ, тожъ было Церкви полезнымъ; Кипріаново и по тому хорошо, что древо зло не можетъ плоды добры творити, а Стефаново и за тѣмъ изрядно, что и всякаго же плодоноснаго древа не каждый сучецъ плоды одинаковы приноситъ, но иногда мало, или во многомъ, неподобны. И Стефаново было легчайшимъ способомъ къ обращенію еретиковъ, каковаго мнѣнія держались послѣ Вселенскіе и Помѣстные Соборы, и Василій Великій (прав. 47) и другіе Святые Отцы. А какъ снисхожденіе не есть необходимый законъ, но уступка и случайность, то одни и тѣ же правила повелѣваютъ крестити тѣхъ же еретиковъ.

Подобныхъ сему происшествій весьма довольно можно видѣть въ исторіяхъ церковныхъ, въ самой Восточной, и между Западной и Восточной Церквами.

И Восточная Церковь отъ Западной, не учиня рѣшительныхъ разсмотрѣній, и доколѣ не открылась она заблужденіями, отчаянно,

безъ возвращенія, погрязшею, раздѣла съ нею не имѣла и пребывала въ мирѣ, любви и соединеніи, яко единыя матери, святыя Каѳолическія Вѣры, чада, многія времена.

И въ продолжительныхъ терпѣніяхъ, колико было въ Греческой Церкви святыхъ Учителей и премудрыхъ Патріарховъ, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ, и прочихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ слова Божія, но ни кто никогда изъ оныхъ не смѣлъ дерзнуть составить расколъ.

Оные благоразумные пастыри знали совершенно величество грѣха, въ расколѣ живущаго, и его ужасались.

Колико же золъ и тяжекъ грѣхъ раскола, о семъ Златоустъ вѣщаетъ: «Ни что же тако раздражаетъ Бога, яко еже Церкви раздѣлятися; аще и безчисленная будемъ содѣявше благая, отъ иже тѣло Его пресѣцающихъ, не меньшую пріиметъ казнь, ссѣцающе исполненіе церковное. Сія мною не къ начальникамъ токмо речена суть, но и къ начальствуемымъ, яко отъ еже въ ересь пасти, еще Церковь раздрати, не меньшее есть зло. Паче всего Богъ раздражается о раздорѣ церковномъ, ниже мученическая кровь можетъ сего загладити грѣха.»

И Св. Ѳеофилактъ, отъ лица Христова, рекъ: «Мое есть дѣло собирати, а діаволе еже расточати.»

Павелъ же Апостолъ пишетъ (Апостолъ зач. 121): «Блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры; сіи бо не работаютъ Господеви нашему Исусу Христу.»

И Римская Церковь когда уже въ своихъ заблужденіяхъ явилась нераскаянною, тогда и Никита, инокъ Студійскій, и Всероссійскій Патріархъ Филаретъ, Западной Церкви новыя ложныя и пагубныя узаконенія: клириковъ безженство, исхожденіе Св. Духа и отъ Сына и служеніе опрѣсночное, съ прочими новостями ересію именуетъ, и раздѣлъ съ нею имѣть состоявшійся почитаютъ правильнымъ, руководствуясь на таковый случай церковнымъ симъ закономъ: правило 15 собора второперваго: «Аще же

нѣцыи отступятъ отъ нѣкоего Епископа, не грѣховнаго ради извѣта, но за ересь его, отъ собора, или отъ Святыхъ Отецъ невѣлому сущу, таковіи чести и пріятія достойни суть, яко правовѣрніи» (глава 19 Кормч., л. 221).

Изъ сего всякой усмотрѣть можетъ, что сіе правило позволяетъ отступать отъ Епископа токмо за ересь, кромѣ же ереси отступать позволенія не предвидится.

Сему Восточная Святая Церковь слѣдуя безпрекословно во всѣ времена, всякихъ несогласностей, внутри ея продолжающихся, и отъ Римской Церкви разномыслiями ея касающейся, но безъ соборнаго суда и подробныхъ разсмотрѣній, раздѣловъ рѣшительныхъ, кромѣ ересей, не производила, и заблуждающимъ богословски и погрѣшающимъ противуестественно, * великодушно терпѣла. И ея святыя и премудрыя рукоположенныя церковныя власти являли человѣколюбное снисхождеціе и здраворазсудныя уступки творили, и коими при томъ повсеминутно были воспоминаемы Христа Спасителя сіи божественныя словеса, на случай погубити заблуждающихъ желающимъ, рекшаго (Луки зач. 48): «Не вѣсте, коего духа есте вы; Сынъ бо человѣческій не пріиде погубити, но спасти.»

Тоже и Святіи пастыри, спасители душамъ, неусыпно старались соблюсти церковное соединеніе, болѣе и болѣе возграждали всюду святый миръ, вездѣ любовь Божію и всегда союзъ единства, различными средствами, чрезъ которыя могли бы познаваемы быть вѣрнѣйшими учениками человѣколюбиваго, кроткаго и премудраго своего учителя, Христа, и тѣмъ имѣть бы всегда едино стадо и единого пастыря, Господа нашего Исуса Христа, спасающаго всяческая.

А какъ и вѣрно, что Церковь Господня во времена какихъ либо стѣсненій творила все благоразумно, то и сіе въ томъ ее оправ-

---

* Разумѣется, вѣроятно, безженство Священниковъ въ Западной Церкви, не свободнымъ произволеніемъ пріемлемое, а закономъ наложенное и вынуждаемое, и по тому противоестественно, т. е., противъ естественныхъ законовъ, какъ выше сказано.

дываетъ, что Православнымъ Священникамъ, въ плѣну бывшимъ у Агарянъ и преподававшимъ святое крещеніе дѣтямъ Агарянскимъ, которыхъ родители почитали крещеніе за очарованіе или волшебство, а не за святость, и приносили дѣтей къ крещенію единственно токмо для отгнанія злосмрадныхъ воней, съ коими они раждались, а не вѣры ради во Христа, и не очищенія ради грѣховъ, ниже для наслѣдія вѣчнаго блаженства и усыновленія Богу, каковыхъ ради неблагочестивыхъ мыслей оное ихъ крещеніе Святою Церковію узаконяется повторять, Священниковъ же творящихъ оное не казнить и раздоровъ и раздѣловъ съ оными не имѣла. А какъ значится, и были къ тому резоны сіи: «не дадите святая псомъ,» и что на сей случай не имѣли имяннаго дозволенія, а дѣйствовали. И здѣсь премного удивляться должно премудрому церковному расположенію сему, что крещеніе, отгоняющее злосмрадныя вони и чудотворное, отмещется и повторяется, а дѣйствители того, Священники, казней свобождаются. Что же ихъ извиняетъ? Нужда, обладаніе нечестивое, власть Агарянская.

И видно, что Церковь Божія, яко разумнѣйшая, нужду со свободою различаетъ, и свободными правилами нужду не осуждаетъ и не казнитъ. Да и ни кому вопреки сему поступать не дано воли, и запрещается самимъ Богомъ и Святыми Отцами. Екклесіастъ глав. 3; Матѳ. зач. 44; Василія Великаго прав. 39, 85 и 53, въ толков.; Лѣствица слов. 26, листъ 207 обор.; Златоустъ къ Галатамъ гл. 1-я, на стихъ 17 сказаніе; Апостолъ зач. 245, Филиписеемъ гл. 3, стихъ 16.

И такъ, ежели учители церковные и пастыри рукоположенные премного несогласностямъ терпѣли, снисходили и расколовъ убѣгали, то какою же бы властію наши, простолюдины суще, какъ нынѣ мы видимъ многихъ, и рукоположенія святаго на себѣ не имѣющіе, не разобравъ совершенно вещь, тѣми же и одними книгами ее означающими, по необходимымъ и случайнымъ знакамъ дающимъ о ней истинное познаніе, отважно дерзаютъ раздирать ризу Христову, растлѣвать Церковь Божію, разсѣвать въ ней раздоры, смущать единство Христіанское и творить расколы, безъ всякаго церковнаго соборнаго сужденія и подробнаго

разсмотрѣнія, но только послѣдуя собственно своему мнѣнію и упорно пренебрегая ясное и откровенное Писаніе, спорность о вещахъ разрѣшающее? А ко многимъ изъ таковыхъ пишется и Апостоломъ Павломъ (Апостолъ зач. 278): «Не разумѣюще ни яже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ. Человѣцы растлѣнни умомъ и не искусни о вѣрѣ (зач. 295). И должни суще быти учители лѣтъ ради, паки требуете учитися, кая письмена начала словесъ Божіихъ (зач. 312).» А нцыми не обрящется ли и сего, что отъ неправильныхъ ихъ ученій родилось и раждается то, о чемъ по Апостолу срамно есть и глаголати. Въ разсужденіи же вѣры то веліе нечестіе, а по жительству естественному и семейственному то обширное безобразіе, стыдъ и поношеніе отъ благомыслящихъ, и собственною совѣстію уличаемымъ, судимымъ и мучимымъ повсегда.

Каковые нынѣшніе новые любзатели раздѣловъ до толикой высочайшей степени своевольствомъ возрасли, что маловѣдущихъ умовъ ко мнѣніямъ своимъ и обычаямъ противу воли каждаго склоняютъ!! Но буде кто ихъ ученіямъ не послѣдуетъ, отъ того Христіанина дѣлаютъ немедленно раздѣлъ: отсѣкаютъ его отъ церкви, отъ богослуженія, отъ общенія пищи и всякихъ Христіанскихъ соединеній, и лично и заочно, ни сколько не разсмотря и не познавъ вины исторженія. И совсѣмъ сіе ими предано забвенію, что исключеніе изъ Церкви не иное что значитъ (Златоустъ бесѣда 5), какъ отданіе Христіанина во власть и снѣдь діаволу, чего самые верховные первосвященники и святые пастыри безъ разбора трепетали строить и весьма ужасались Писаніемъ сказаннаго: «Ежели Епископъ кого отлучитъ не по закону, той самъ себе отлучилъ есть!»

И нынѣ на своевольникахъ нашихъ явственно исполняется Св. Златоуста писаніе слѣдующее: «Ни что же тако раздираетъ тѣло Церкви, яко же гордыня и любоначаліе. Аще тыяжде догматы, аще тыяжде тайны, чесо ради инъ начальникъ на ину церковь наскачетъ? Видите, рече, яко Христіанъ вся тщеславія исполнена суть, и любоначалія у нихъ и прелесть... есть, рече, всякому хотящему обрѣсти повинующихся, и никогда же оскудѣетъ сихъ. Оле смѣха! Сія коликаго студа суть: како претерпимъ отъ Еллиновъ смѣхъ!»

Да и подлинно, что нынѣшніе наши простолюдины оное тяжчайшее зло, грѣхъ раскола церковнаго, почитаютъ за великую добродѣтель и святою честію, что онъ произвелъ въ Церкви раздоръ и расколъ, и себя въ ономъ сдѣлалъ учителемъ, дабы отъ его имени возросло новое согласіе, котораго до него не было, по чему и склоняетъ къ себѣ повинующихся. А самое высочайшее добро—единство Церкви, миръ ея, любовь тоя и согласіе въ ней полагаютъ за ни что. И свое душевредное ученіе «прикрывая благими словесы и благословеніемъ, прельщаютъ сердца незлобивыхъ, непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестію (Апост. зач. 121), отступай отъ таковыхъ, Апостолу» (зач. 287) рекшу.

Сіе же сказано и для того паче, что свары и вражды между братіею творящіе, рождаютъ грѣхъ смертный противу Духа Святаго (Катихизисъ малый листъ 57).

И дѣйствительно, таковые своевольники за послѣдованіе своему мнѣнію подлежатъ писанію сему: «Кто своему мнѣнію послѣдуетъ, той еретикъ есть.»

Но явственнѣе, кто по чему еретикъ, то Преподобный Максимъ Грекъ сказуетъ (глава 81): «Еретикъ бо онъ есть, кто мнѣнію своему лживому крѣпцѣ прилѣпляется, и извѣстно совѣстію истину вѣдый, и сопротивъ глаголетъ жестоцѣ, безъ надежды исправленія. Аще бо отъ невѣдѣнія сіе сотвори, тогда наречется заблудникъ, а не еретикъ.»

То же и Киръ Зиновій, ученикъ Преподобнаго Максима Грека, глаголетъ: «Еретицы именуются отъ сего, яко не соглашаются правовѣрнымъ, кривѣ вѣрующе, и по крещенію они Христіане, кривовѣрія же ради они еретицы.

А равно же что есть ересь, то Св. Іосифъ Волоколамскій пишетъ (Слово 12), и великій Аѳанасій глаголетъ: «Тяжчайшій и страшнѣйшій всѣхъ смертныхъ грѣховъ грѣхъ, еже въ ересь впасти. А ересь глаголется, по многимъ богословцемъ, еже не тожде со Святыми Отцы мудрствовати, или что свое, и сему послѣдовати. Или аще кто похулитъ правое преданіе церковное, или от-

метаетъ что Божественныхъ Писаній, мало, или велико, весь отметаетъ законъ.»

А наши нынѣшніе любители расколовъ и разсѣкатели союза церковнаго, сего ни сколько не страшатся.

И хотя они сколько ни приводятъ къ защищенію своихъ мнѣній свидѣтельствъ отъ Писанія Святаго, но какъ не по разуму, то повсегда остаются виновными, и ученія ихъ исчезаютъ, яко самая слабѣйшая влажность, весьма жаркими солнечными лучами сгараетъ и пропадаетъ, здраворазсудными церковными законами, противу ихъ являющимися.

Однако же они, какъ человѣкъ, пришедши во глубину золъ, не радитъ, или скверный да осквернится еще, или нечестивый да нечестивѣе будетъ (Апоколип. гл. 22), не хотя раскаятится, и еще изобрѣтаютъ въ Священномъ Писаніи, яко бы имъ помогающее повелѣніе, чтобъ имъ производить въ Церкви Христовой раздоръ и расколы, и глаголютъ, что «не всяко добро миръ и согласіе, но которые и расколы вещь Божія мнится быти.» Но и сему въ каковыхъ же случаяхъ должно быть, ни сколько не понимаютъ и разсуждать не хотятъ, надъ всѣми же превозносятся и презираютъ святѣйшее предписаніе сіе, что Филаретъ, Патріархъ Всероссійскій, вѣдая же сіе, ими представляемое, и зная всю силу того, о расколѣ же вопіетъ (Соборн. излож. Филарета Патріарха): «идѣ же бо аще и мало раскольство учинится, и тамо возстаетъ вражда гнѣва Божія и мечь ярости, и пребывающимъ въ томъ конецъ мука вѣчная.»

Съ творящими же своевольные раздѣлы и молитися купно Писаніе (Толков. 33) запрещаетъ: «Аще помолится кто съ еретики, или съ отлучившимися своею волею отъ Соборныя Церкви, самъ отлученъ да будетъ.»

А Христосъ, Сынъ Божій, о паденіи вѣрныхъ уподобительнѣ глаголетъ въ Евангеліи (Матѳ. зач. 46): «Всяко царство раздѣльшееся на ся запустѣетъ, и всякъ градъ, или домъ, раздѣлившійся на ся, не станетъ.»

О мирѣ же законополагаетъ, глаголя (Іоанна зач. 48): «Миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ.» (Зач. 56): «О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.»

И Златая Уста вѣщаютъ: «Безъ любви никое же можетъ добро быти, ни жизни нашея не требуетъ Господь безъ любви. Аще, рече, въ злобѣ живемъ, и аще и ни одинъ о насъ зло глаголяй будетъ, всѣхъ человѣкъ окаяннѣйшіи есмы.»

Максимъ же Грекъ, предостерегая и отъ письменныхъ заблужденій, умоляетъ: «Да внимаемъ себѣ прилежно, Господа ради, и да не безъ искуса вѣруемъ всякому духу ученія. Но да искушаемъ прилежно писанія, аще по всему согласуютъ Апостольскимъ и Пророческимъ преданіямъ и ученіямъ. Аще бо по нечесому разликуютъ, или сами къ себѣ не согласуютъ, да не пріимемъ я, но да отвержемъ отъ себе, аки лукаваго бѣса плевелъ, сѣянныхъ посредѣ чистыя пшеницы благовѣрія, на прельщеніе и погибель душамъ нашимъ.»

Онъ же пишетъ: «Сего ради должни есьмы во всѣхъ же, ихъ же глаголемъ и творимъ, имѣти показаніе отъ Божественныхъ Писаній, да не, человѣческими помышленьми прельщаеми, испаднемъ съ праваго пути и впаднемъ въ пропасть погибели. Заповѣдь бо Господня свѣтла, просвѣщающи очи.»

И вѣрно сіе, что Писаніе Божественное не допускаетъ впасть въ пропасть погибельныхъ мнѣній. И оно есть истинный спаситель отъ заблужденій, поколику что нынѣ и мы упражняемся во изслѣдованіи о мирѣ церковномъ и о важности раскола отъ Писанія же Святаго, которое и о томъ еще насъ увѣряетъ, что каждый, хотя бы священнаго чина былъ, но разрывающій единство церковное и творящій расколъ, лишается хиротоніи, чуждъ бываетъ благодати Св. Духа, крестять воля отъемлется, крещеніе его отмещется, и повторяется, яко отъ самозванца безблагодатное, по изысканію и утвержденію вселенскаго учителя, Великаго Василія (Никонъ Слово 63), пишущаго слѣдующими словами: «Понеже начало раздѣленія произошло отъ раздора, а тѣ, которые совершенно отъ Церкве отступили, уже

не имѣли болѣе благодати Св. Духа въ себѣ, по тому что оскудѣло преподаяніе оныя, чрезъ пресѣченіе въ нихъ перваго правильнаго мнѣнія; ибо первѣе всѣхъ отлучившіеся отъ Отцевъ Церковныхъ имѣли въ священствѣ рукоположеніе, и возложеніемъ рукъ ихъ имѣли дарованіе духовное, а отторгшіеся и мірскими сдѣлавшіеся, не имѣя власти ни крещать, ни рукополагать, не могли болѣе инымъ преподавать благодати Святаго Духа, которыя сами лишилися, и по сему отъ нихъ, аки отъ мірскихъ, крещаемые и къ Церкви присовокупляющеся, истиннымъ крещеніемъ церковнымъ паки очищаться должны были.»

И какъ здѣсь отъ Святыхъ Писаній нынѣ мы очевидно находимъ ко всякому Христіанину относящееся, столь правильное запрещеніе, возбраняющее чѣмъ либо колебать Церковь Божію, или возраждать въ ней по своевольству распри и раздѣлы; но такъ же, кольми паче не меньше сего, усматривается и ко ограниченію особенно и предстателямъ церковнымъ, яко служителямъ Церкви и получившимъ власть отъ Церкви, во святость и спасеніе Церкви, но употребляющимъ ее самовластно и высокомѣрно во зло, кромѣ святыхъ узаконеній, и угнетающимъ Христіанъ неправильными запрещеніями, о коихъ преподобный Никонъ Черногорскій пишетъ (Номок. листъ 63): «Вѣжды убо, отче мой, яко божественная Писанія съ божественными законами опредѣляютъ, яко неправедно налагаемая запрещенія у Бога не связуютъ. Аще я и Архіерей положилъ, кольми паче аще меньшій, яко же глаголетъ Св. Діонисій: «Иже убо неразсуднымъ изреченіемъ и невоздержнымъ сердцемъ отъ вѣрныхъ кого отлучи, сего не токмо не коснуся, но и на главу его возвращается, яко же и Святыи Соборы провѣщаваютъ. Но сія запрещенія связуютъ, яже по божественнымъ правиломъ и законамъ наложишася, а не по своей воли. Безсловеснѣ бо казнь налагаяй, самъ отлучается, и самъ сію казнь долженъ есть соблюдати, яко же божественная и святая правила усмотряютъ.»

Тотъ же Номоканонъ (листъ 63 об.):

«Аще убо Архіерей чрезъ волю Божію кому запретитъ, Богъ ему не послѣдуетъ, и се обрѣтается запрещеніе его неправедное, и сего ради не крѣпкое.»

Того же Номоканона (листъ 86):

«Да будетъ же разумно, яко пѣсть лѣтъ, не точію Іереомъ, но ниже Архіепископомъ и Епископомъ, противу канономъ что дерзати, творити же и разрѣшати.»

Во увѣреніе же сего пишетъ Святый Игнатій: «Иже глаголетъ паче, яже узаконена суть, аще бы былъ и вѣрный, аще бы и постился, аще бы и дѣвственникъ былъ, аще бы и знаменія творилъ, аще бы и пророчествовалъ, водкъ тебѣ да мнится быти въ кожѣ овчей, убійство овцамъ содѣваяй.»

И великій Ѳеодоръ Студитъ глаголетъ: «Власть предстателемъ ни въ чемъ же дается ко преступленію правила, развѣ токмо да прилежатъ тѣмъ, яже узаконена суть, и послѣдуютъ, яже предыдоша, и да связуютъ и разрѣшаютъ неразмысленно, но яко же мнится истинѣ, и канону, и правилу высочайшаго закона.»

Пастыремъ же, не разумѣющимъ законовъ и правилъ, или ложнаго учащимъ слѣдовать, и пріемлющимъ отъ никъ лживыя ученія за истинныя, будетъ казнь Божія, по свидѣтельству Игнатія Богоносца, глаголющаго: «Всякъ человѣкъ, силу разсужденія отъ Бога пріявый, мученъ будетъ, аще не искусному пастырю послѣдуетъ и ложное ученіе, яко истинное, пріиметъ.»

Таковыя святыя церковныя законы и содержанія мы предложивше яко необходимыя и основательныя положенія, ко всякимъ Вѣры обязанностямъ принадлежащія, къ которымъ нынѣ мы являемъ истинное наше согласіе, неотмѣнно должно намъ по всему слѣдовать токмо оными, и не иначе, какъ токмо по сообразности той, каковою Святая Соборная и Апостольская Церковь, при всѣхъ своихъ терпѣніяхъ и снисхожденіяхъ, отъ самыхъ временъ Апостольскихъ даже до позднѣйшихъ, ощущавши всегда внутри себя лжебратію и развраты, и внѣ посторонннихъ злѣйшихъ враговъ, еретиковъ и невѣрныхъ, многообразными непристойностями спокойство и благочестіе его тревожащихъ, но, однако жь, какъ она никогда не бывала соучастницею въ

противоборствахъ святости и спасенію, и что также никогда и ни чѣмъ не бывала руководствомъ ни къ какимъ беззаконіямъ и паденіямъ, напротивъ неусыпно Апостольскими посланіями, общими совѣтами, Соборами Вселенскими и Помѣстными, частными переписками, святоотеческими и гражданскими законами, яко пребогатѣйшая здравомыслями, повсегда и всюду всякая безпорядки приводила въ благочиніе, лжи обличала, еретичество исторгала и въ недоумѣніи вразумляла, и кающихся врачевала правосудно; по какимъ обстоятельствамъ и ею изданы и подтверждены Церковные законы и чины, по сообразности временъ и надобностемъ необходимые, случайные и великолѣпные, необходимости же вещей не разрушающіе, дабы чрезъ то явственно доказать всему свѣту, что она существовала и будетъ существовать вѣчно не дремлющею, и что она сообразительна, проницательна, знаетъ свойство вещей, вѣдаетъ достоинство произшествій, раздѣляетъ цѣну послѣдствіямъ, а при всемъ томъ, что и во всякомъ случаѣ руководствуется Священнымъ Писаніемъ, и поступаетъ соотвѣтственно тому Писанію, въ которомъ сказано (Апостолъ зач. 245, 157, 273, 141): «Въ нѣже достигохомъ, тоже да мудствуемъ, и тѣмъ же правиломъ жительствуемъ. Вся же благообразно и по чину да бываютъ. Вся же искушающе, добрая держите. Отъ всякія вещи злыя отгребайтеся. Да не хулится убо ваше благое.»

По чему и слѣдственно, о почтенное Собраніе, таковымъ-то Священнымъ Писаніемъ, во всѣхъ стремленіяхъ къ миру Церковному и соблюденію Вѣры Православныя, отъ насъ нашему благочестивому сословію одушевляться слѣдуетъ, и все, что правовѣрно, благочинно и Христіанской благопристойности приличествуетъ, неизмѣнно любить и исполнять. Все же, что симъ противорѣчитъ, внимательно и безпристрастно разсматривать, и снискивать правильное познаніе о вещахъ, сомнѣнію подлежащихъ, словомъ рещи: чтобы благовѣріе наше по всѣмъ Церковнымъ учрежденіямъ было всегда согласно съ Богомъ и съ его Святыми.

Но чѣмъ же именно миръ Церковный нынѣ у насъ колеблется, и что съ сего времени постепенно разсматривать и приводить въ порядокъ должно, о томъ въ будущихъ собраніяхъ объявлено быть имѣетъ.

Нынѣ же съ сего нашего собранія каждый можетъ отбыть изъ онаго съ напоминаніемъ Священнаго Писанія сихъ словесъ: (Апост. зач. 116, 152): «Кійждо же васъ да угождаетъ ближнему во благое къ созданію. Да не будетъ распри въ тѣлеси.»

А за вся давшему намъ и сподобльшему насъ видѣть, слышать и познать словеса Святаго Писанія о мирѣ Церковномъ, воздадимъ Господу Богу нашему усердную нашу благодарность! И да поможетъ намъ Господь Богъ пребывати всегда въ мирѣ и любви и Ему благоугождати плодами.

VI.

ПРОШЕНІЕ

ГАВРІИЛА ЛАРІОНОВА СКАЧКОВА, ОБЪ УВОЛЬНЕНІИ ЕГО ОТЪ ДОЛЖНОСТИ НАСТОЯТЕЛЯ МОНИНСКОЙ ЧАСОВНИ.

Православное (!) наше общество въ молитвенномъ общественномъ нашемъ храмѣ, сего 1810 года, Марта 20 дня, собравшись, слушало прошеніе нашего Христіанина, Гавріила Иларіонова, поданное имъ общему же нашему собранію, протекшаго 1809 года, Августа 1 дня, коего все содержаніе изображено въ слѣдующихъ словахъ:

«Почтенное Собраніе!

Прошедшаго 1807 года, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, по предложенію и согласію покойнаго Евстрата Ѳедоровича, въ общемолитвенномъ семъ храмѣ, единовѣрныхъ нашихъ собраніемъ, назначили, ради отправленія принадлежащихъ потребностей, избрать меня, всенижайшаго. А по прошествіи болѣе пяти мѣсяцевъ, 1808 года, 23 Февраля, и совершенно тоже собраніемъ общественно утвердили, къ чему, я, по прошенію и воли общества, и приступилъ, что, при помощи Божіей, по силѣ моей

и исправлялъ. Но какъ долгъ сего дѣянія есть подобный стражамъ, смотрѣть и наблюдать, дабы не вшелъ кто и не обезпокоилъ бы правовѣрное собраніе, и не научилъ бы кого каковымъ непринадлежностямъ Христіанству, кои у нѣкіихъ уже и являются, что не токмо въ домахъ своихъ не раздѣляютъ сосудовъ своихъ отъ Внѣшнихъ, но и явно нѣкіе вездѣ и со всѣми, намъ не согласными, въ яденіи и питіи самопроизвольно общаются, такъ же и съ Православнымъ нашимъ обществомъ разглашающимися не имѣютъ ни какого раздѣленія, и не признавая въ томъ ни какой противу Святоотеческихъ положеній погрѣшности и противности, но и защищая себя многими не по сущему разуму толкованіями, развращаютъ мысли человѣческія; и тако не признавая въ семъ ни каковой за собою вины, безъ обычнаго прощенія, ходятъ въ общемоленіе, и тѣмъ прочимъ не общающимся съ несогласными, но чисто соблюдающими Христіанство, наводятъ смущеніе, а всему обществу отъ несогласныхъ за сіе причиняется подозрѣніе и поношеніе; такъ же и ношеніемъ неприличнаго нашему Православію одѣянія, въ каковомъ нѣкоторые не только въ публикѣ бываютъ, но и въ молитвенный храмъ приходятъ съ отважнымъ дерзновеніемъ, и таковыми непристойностями наводятъ нашему правовѣрному обществу поношеніе и посмѣяніе. И хотя по не долгомъ пребываніи моего опредѣленія, кратко отъ Священныхъ и Святоотеческихъ Писаній я предлагалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ удалить являющіеся въ нашемъ правовѣрномъ состояніи пороки, и дабы не уподобиться Инославнымъ, какъ сообщеніемъ въ пищѣ и питіи, такъ и противными знаками одежды; но оная моя предложенія нѣкіимъ явились непріятны, отъ чего нѣкоторые пришли въ огорченіе и начали оправдываться тѣмъ: «Ежели не сообщаться намъ съ несогласными, то, по нашей привычкѣ и по нашему со многими знатными людьми обхожденію, обойтися не можно, также и за одежду не уже ли отъ Бога будетъ какое наказаніе?» Сія и прочая подобная симъ, какъ я слышу: то чтобъ успокоить многихъ колебаніе мыслей, желаю быть не въ числѣ съ первенствующими, но обще съ прочими на ряду, да утишатся волнующіяся тѣхъ сердца, которымъ предложенія мои ко истребленію пороковъ являются непріятны. О чемъ ежели молчать и поступать снисходительно, по прихотямъ каждаго, и дѣлать всякому потаковство такъ, чтобы они были сами себѣ законъ, то страшусь и

ужасаюсь всемірнаго суда Христова, и трепещу за то нестерпимыхъ и вѣчныхъ адскихъ мученій. И сего ради лучше мнѣ остаться въ спокойствіи духа и несмущаемой совѣсти; и чтобъ не досадить тѣмъ, которые не хотятъ слѣдовать всеобщему Православному обычаю, то и желаю отъ возложеннаго на меня бремени освободиться, и при ономъ нынѣ соблаговолите меня не числить, и учинить извѣстнымъ, что я отъ возложенныя на меня должности освобожденъ. О чемъ я съ почтеніемъ моимъ, всѣмъ единогласнымъ нашего общества сіе прошеніе и предлагаю. Всепослѣднѣйшій Гавріилъ Иларіоновъ. 1809 года, Августа 1 дня.»

VII.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ НА ОНОЕ ПРОШЕНІЕ.

Таковому прошенію наше общее собраніе внявши, и его принявши во уваженіе, за благо признало разсмотрѣть, что причины, побудившія его просить увольненія отъ должности, на немъ лежащей, могутъ ли быть прочными къ тому основаніями? По разсмотрѣніи же существа предложенныхъ причинъ, и по соображеніи обстоятельствъ, онымъ прикосновенныхъ, отъ общаго собранія совѣтомъ къ разрѣшенію сего открылось, что какъ общество наше, будучи по всему (себѣ) Православнымъ, и что оно никогда не желаетъ отступить отъ учрежденныхъ въ Церкви Божіей святыхъ положеній, и что благообразныя и всеобщія обыкновенія, чѣмъ либо неблагопристойнымъ колебать и разрушать почитаетъ несвойственнымъ быти благочестію; къ непреложному же сего сохраненію и во отраженіе противностей, за свято полагаетъ ограждаться и себя руководствовать сими церковными законами: Кормчая, глава 71: «Любезнѣ божественная правила въ персѣхъ объемлемъ, и совершенно тѣхъ завѣщаніе и непоколебимо утверждаемъ.» И Никона Черногорскаго въ Словѣ 57: «Всяко уклоненіе отъ Православныхъ велѣній отпаденіе есть отъ Свободныя Апостольскія Церкви.» И верховнаго Апостола Павла въ 1 посланіи Коринѳ. зачал. 157: «Вся же благообразно

и по чину да бываютъ;» и 2-е посланіе Корине. зач. 181-е: «Ни едино ни въ чемъ же дающе претыканіе, да служеніе безпорочно будетъ.» То, чтобъ отмѣнить сіи святоцерковные законы и преданія и къ превращенію благопристойностей, чтобы пагубныя самовольства и душевредныя дерзновенности, въ наше Православное Христіанство вводящія безобразіе, развращеніе, смятеніе и разрушеніе порядка, сообщеніями пищею съ несогласными и ношеніями неприличнаго одѣянія, могли успокоиться и не роптать, и быстрыми своими стремленіеми чтобы текли всегда обширно и свободно, безъ задержанія, и вмѣстѣ съ оными же и оставались бы съ нами въ соединеніи, общество наше для сихъ причинъ онаго, Гаврiила Иларіонова, признать уволеннымъ отъ должности ни какъ не можетъ; поелику что общеніе пищею со Инѣдинными и неприличность одѣянія нами не пріемлются, и святыми законами именно отвещутся, какъ явствуетъ:

Первое, о сообщеніи пищею со Инославными.

Первое, Св. Ефрема Сирина въ словѣ 106: «Горе сквернящимъ святую Вѣру ересьми, или съ еретики смѣшающимся. Второе, Василія Великаго, въ главѣ 279-о постничествѣ: «Съ еретики, съ Еллины и съ Жиды, ясти имамы запрещеніе.» Третіе, Преподобнаго жъ Ефрема Сирина, въ Словѣ 8, вторая книга: «Еретичествующія, яко хульнословящія и Божіи враги, Писаніе не именова человѣки, но псы, и волки, и свиніи, и антихристы, и съ ними не подобаетъ ниже купно молитися, ниже купно ясти, да дѣломъ тѣхъ лукавыхъ не сообщимся.» Четвертое, Священномученика Кипріана въ первой книгѣ 6-го посланія къ Магну: «Съ раскольниками и въ земномъ и въ свѣтскомъ яденіи и питіи общенія имѣть не должно.» Пятое, въ Потребникѣ Большомъ, въ Чинѣ исповѣданія, печати Іосифской: «Или ѣдалъ еси съ волхвомъ, или съ еретикомъ, или съ некрещенными, или пивалъ еси съ ними и изъ ихъ сосуда?» Шестое, въ книгѣ Зонаръ, 72-е правило: «Иже со Арменіномъ кто ястъ, или съ Павликіанином, или со инѣмъ еретикомъ каковѣмъ либо, сему глаголемъ, да оставится; аще ли не послушаетъ наказанія, но хощетъ съ ними ясти и пити, таковый съ Христіаны да не ястъ и въ церкви не пріемлется, но отвращатися всякому Христіанину, яко отъ идолослужителя. Да еще паки когда пріидетъ

ко исповѣди, да отлучится на покаяніе три лѣта.» Седьмое, тояже книги, въ правилѣ 112: «Всякаго ядущаго съ еретики, или піющаго, или дружбы дѣющаго и любви единенія, таковаго анаѳема.» Осьмое, святаго Златоуста, въ Словѣ о лжеучителяхъ: «Услышите вси вы, иже съ еретики вкупѣ ядущіи, болѣзненный сей отвѣтъ, яко вы Христовы врази бысте. Послушайте, иже съ ними оскверняющіеся въ яденіяхъ и питіяхъ, послушайте, Православніи, и съ еретики не смѣшивайтеся, да не сведени будете въ вѣчныя муки съ ними.»

Второе, о неприличныхъ одеждахъ.

Первое, святаго Пророка Софонія глава 1-я, глаголетъ Господь: «Изъиму безаконныя отъ лица земли, и отмщу на вся оболченная во одѣянія чуждая.» Второе, Св. Златоустаго въ 28 нравоуч. Колоссаемъ: «Ризы да будутъ, яже потребы, а не излишнія; сицевыми убо да облачимся ризами, яже потребу исполняютъ.» Третіе, Св. Кирилла Іерусалимскаго, въ 12 огласительномъ Поученіи: «Да проженется всякое украшеніе ухищренное, и всякое вредное зрѣніе, и всякое хожденіе распустное, и всякое одѣяніе и кажденіе сластопрелестное.» Четвертое, Вселенскаго Собора 6, въ толкованіи 71 правила: «Аще кто во одежду нѣкую, яже есть кромѣ общаго обычая, облечется, да отлучится.» Пятое, въ Благовѣстникѣ листъ 24, Евангелиста Матѳея: «Многихъ вижу отъ васъ, паче некрещенныхъ и горше пребывающихъ, и нерадящихъ, и не имущихъ дѣлъ знаменія Христіанскаго. Внѣшніи бо саны извнѣ имуще знаменія, отъ сего явѣ познаваются; нынѣ же откуду аще повщу тебе познати, вездѣ чужимъ образомъ вижу тя ходяща; по чему прочее познати тя возмогу, яко вѣренъ Христіанинъ еси, толика сопротивна и другая множайша имуща?» Шестое, Святаго Златоуста, въ 6 нравоученіи къ Римляномъ: «Бѣгати же не въ имѣніяхъ сущаго точію лихоимства, но еже въ ризахъ; ибо много лютѣйшую мы воспріимемъ месть, не покоряющіеся Господнимъ закономъ.»

Но если же симъ святымъ закономъ воспротиворѣчимъ и во угожденіе развратнымъ мыслямъ и досаждающимъ благочестію, все законами сими зазрѣнное и отвергнутое буде въ Православіе

наше допустимъ и помѣстимъ, а Гавріила Иларіонова, что онъ печется соблюсти Православіе въ непорочности и Христіанство сохранить въ благообразіи и добродѣтеляхъ и что за нетаковство онъ страшится всемірнаго суда Христова и трепещетъ вѣчныхъ адскихъ мученій, ежели уволимъ отъ должности, то за таковыя наши расположенія, яко же и на древнихъ Израильтянъ, отступающихъ отъ порядковъ, Богомъ установленныхъ, и болѣе любящихъ пресыщаться Египетскими брашны и ропщущихъ на Моисея и Аарона, благоразумно по законамъ Божіимъ управляющихъ, не сшелъ бы и на насъ гнѣвъ Божій и казни его, яко же и на тѣхъ Израильтянахъ бысть. Какъ Священномученикъ Игнатій Богоносецъ, въ Посланіи къ Магнесіанамъ, изъясняя, глаголетъ: «Моисей рече, не бо на насъ роптаніе, но на Бога, никто же пребысть безъ наказанія, иже возносеся противу лучшихъ себѣ. Не закону бо Даѳанъ и Авиронъ противорѣчиша, но Моисею, и живи суще, во адъ снидоша. Корей же и единомысленницы его, возставшіе на Аарона, двѣсти пятьдесятъ, огнесожени быша.» Да и кромѣ сего за непристойныя единомыслія и соединенія не подпадаетъ ли еще и осужденію, Св. Златоустомъ, во 7 бесѣдѣ 1 послан. Коринѳ., глава 2 на стихъ 14 изреченному: «Видѣлъ ли еси дьявольско злодѣйство? Аще негдѣ нѣчто растлѣнно видѣ глаголющихъ, единомыслити всѣхъ сотвори; аще ли же негдѣ здраво нѣчто провѣщавшихъ, иныхъ на ня воздвиже.» А Св. Священномученикъ Игнатій Богоносецъ, въ посланіи къ Ирону Діакону, о изъявленіяхъ согласій, повелѣваетъ быти осторожнымъ, и глаголетъ: «Не всякому вѣруй, не на всѣхъ уповай, ниже аще бы кто ласкательствовалъ тя; многи бо суть служители сатанины; себе чиста соблюдай, яко Божіе жилище; храмъ бо еси Христовъ и Духа Святаго орудіе.»

И по сему, въ силу существа означенныхъ законовъ и изъясненій, и нашего съ оными соединенія, причины къ освобожденію отъ должности, прошеніемъ представленныя, не имѣютъ такого могущества, которое оному Гавріилу Иларіонову могло бы даровать увольненіе отъ степени, въ коей онъ находится. И такъ слѣдуетъ ему числиться и состоять съ оною неразлучнымъ и пребывать въ ней по прежнему, и по званію тоя паки продолжать со всевозможнымъ стараніемъ и прилежностію полное попеченіе,

наковыми усердіями къ лучшему и святому благообразію внутренняго и наружнаго состоянія нашего, да благотворитъ и возводитъ онъ каждаго изъ насъ на святыя и душеспасительныя стези, по законамъ и преданіямъ Церкви Христовой и Апостольской.

А какъ нашего Правовѣрнаго общества* вся связь и существо соединенія состоитъ токмо въ единомысленномъ содержаніи всѣхъ церковныхъ святыхъ законовъ и въ единообразномъ оныхъ исполненіи; какъ всѣми нами вообще, такъ и каждому особенно всюду, съ помощію взаимныхъ пособій, то, чтобъ сію святую нашу связь вящше сохранить въ непорочности, мы нынѣ, общимъ нашимъ согласіемъ, способствуя успѣхамъ того Гавріила Иларіонова, попеченіе твори, содѣлать труды его легчайшими, отвергая и исключая изъ общества нашего душевредности, къ нашему же удобному исполненію законовъ и преданій, до сообщенія пищею съ несогласными и до неприличности платья относящихся, все въ законахъ сихъ содержащееся, вѣрно сохранять и изображать на самомъ видѣ, единомысленно и единообразно утверждаемъ и укрѣпляемъ слѣдующими положеніями:

VIII.

УСТАВЪ

ИЛИ ПРАВИЛА ДЛЯ ПРИХОЖАНЪ МОНИНСКОЙ ЧАСОВНИ.

Положеніе первое.

Общенія пищею съ Инославными и съ несогласными намъ никогда нигдѣ не имѣть.

---

* Безъ церкви, безъ священства, безъ благодати Духа Святаго!!

Положеніе второе.

Неприличнаго намъ одѣянія не носить.

Положеніе третіе.

Общія наши обязанности общими силами намъ охранять и защищать.

Собственно же до перваго положенія касающееся слѣдуетъ исполнено нами быть въ таковыхъ видахъ:

1.

Каждый нашъ Правовѣрный Христіанинъ долженъ въ домѣ своемъ имѣть свою и внѣшнюю посуду.

2.

Никогда ихъ одну съ другою ни чѣмъ не смѣшивать.

3.

Кто либо когда въ домѣ своемъ по нечаянности, или по забывчивости, вкусить пищу изъ Внѣшней посуды, то тотъ же часъ, по узнаніи сего, долженъ полагать начало и прощаться. Извиненію же сему надлежитъ быть или предъ своимъ Правовѣрнымъ семействомъ, или когда нѣтъ такого, то предъ своими нѣкоторыми Православными Христіанами, живущими въ сосѣдствѣ и въ замѣщательствѣ таковомъ, не участвующими. Буде же и сихъ гдѣ не случится, то предъ единымъ токмо Богомъ.

4.

Къ Инославнымъ и несогласнымъ намъ, и явно и тайно, съ намѣреніемъ, въ забавность, насытиться, или во упожденіе несогласному составить тѣмъ компанію, и съ своими сосудами не ходить.

5.

Въ домахъ Инославныхъ и несогласныхъ намъ, родство же имѣющихъ съ нашими Христіанами, но во особенномъ навсегда

отличіи и сохраненіи въ незамѣнчанности нашей посуды, буде открывается сомнительность, то въ таковыхъ домахъ изъ ихъ сосудовъ пищи не вкушать.

6.

Отъѣзжающимъ въ дорогу брать свою посуду неотмѣнно.

7.

На случай же неимѣнія въ пути своихъ сосудовъ, принятіе пищи изъ несогласныхъ нами, кромѣ новой, почитать сотвореніемъ, и при первой встрѣчѣ предъ нашими Христіанами прощаться.

8.

По возвращеніи же въ домъ свой, или по прибытіи гдѣ въ обществѣ нашихъ Христіанъ, хотя бы и не замѣшавшись, въ дорогѣ полагать начало и прощаться.

9.

Всѣхъ же тѣхъ замѣшавшихся, кои иногда извинятся, и соединиться съ нами хотятъ, или только для воспріемничества, или присвоять вкупѣ какое съ моленіемъ молитвословіе, или тонмо вкусить купно пищу, словомъ, точію на часовое только время, а не для отстатія отъ сообщеній съ несогласными и не для продолжительнаго соединенія съ нашимъ Христіанствомъ входящихъ въ общество наше, каковыхъ ни въ воспріемники, ни къ службамъ, ни къ купной пищѣ, ни числиться съ нами въ соединеніи, отнюдь не принимать, дондеже возъимѣютъ свободность и дадутъ обѣщаніе не сообщаться съ несогласными, и утвердятъ пребывать безъ замѣшательства возможнымъ и согласятся состоять въ соединеніи съ нами непрелучною продолжительностію.

10.

Каждый мужъ и каждая жена нашего Христіанства, сожительствующіи съ супружескимъ своимъ лицемъ, или Инославной Вѣры, или не состоящимъ въ соединеніи съ нами, ежели хотя и не не-

возможности таковой будетъ мѣшаться сообщеніями пищею съ оными, то съ таковыми, ни въ ихъ домахъ, ни индѣ гдѣ, ни частно кому, ни общему собранію, ни моленіемъ, ни пищею не общаться и не мѣшаться.

11.

Въ коихъ домахъ нашихъ Христіанъ окажется замѣшательство и неразборчивость посуды] Внѣшней съ нашей, то съ таковыми ни въ домѣ ихъ, ни въ другихъ мѣстахъ, ни особенно кому, ни собраніемъ, какъ случается молитвословными празднествами, или кромѣ оныхъ, ни моленіемъ, ни пищею, общенія не имѣть.

12.

Всякому за сообщеніе преступившемуся, изъ замѣшанной посуды пищи не вкушать, и надлежитъ имѣть, или новую, или ни когда не замѣшанную.

13.

Всякому замѣшавшемуся съ несогласными по вѣдѣнію и по незнанію, слѣдуетъ прощаться въ общемъ молитвенномъ храмѣ предъ собраніемъ, колико когда случится, а не потаенно или скрытно въ какомъ либо мѣстѣ предъ единымъ Христіаниномъ. Поелику что сіе согрѣшеніе учиняетъ разрывъ союза не со однимъ Христіаниномъ, но со многими, то къ составленію связи съ обществомъ надлежитъ извиняться предъ многими же.*

14.

За сообщеніе съ несогласными пріемлется врачествомъ не начальное токмо обыкновенный, но и поклоны земные и поясные,

---

* Такимъ образомъ прямо означаютъ, что не къ спасенію души тѣмъ заботливо устроялось, а къ сохраненію своего обособленнаго отъ общества положенія, а начальники при томъ и для удержанія правъ власти надъ членами своего общества.

и въ собраніи и внѣ онаго, и не лобзаніемъ святыхъ иконъ; и въ собраніяхъ отлученіемъ чтенія книгъ и отъ кринсовъ; и отъ посуды не замѣшанной, на нѣкоторое время, смотря по причинамъ завлекшимъ и державшимъ въ сообщеніи, и прочихъ потребностей, до сего касающихся.

15.

Къ какимъ либо должностямъ церковныхъ службъ при общихъ собраніяхъ и въ воспріемники, состоящихъ за сообщеніе въ епитиміяхъ, до окончанія оныхъ, участвовать не допускать.

16.

При всякомъ же прощеніи за сообщеніе, должно доказывать подробно, и именно, противу какихъ законовъ сіе сопрѣченіе учиняется, колико важно оное, и человѣкъ чѣмъ отъ того быти имать предъ Богомъ и Святыми его и предъ Православнымъ Христіанствомъ. *

Положеніе второе.

Неприличнаго намъ одѣянія не носить.

Въ настоящемъ случаѣ, по мѣсту жительства нашего подъ общимъ именованіемъ, неприличность одежды разумѣется всякое платье мужское и женское, Нѣмецкаго и Французскаго покроя различныхъ формъ, и именно: капоты, шинели съ сборами и безъ сборъ, съ мантіями и безъ мантій, сюртуки, бекеши, халаты съ воротниками стоячими и лежачими и съ лацканами, жабо около шеи, рубахи съ нашивками въ видѣ галстуковъ, салопы, манте-

* Важность и достоинство сихъ правилъ вообще опредѣлены въ Писаніи. См. Мате. 23, 25; Колос. 2, 21. Въ разсужденіи же примѣненія ихъ къ состоянію Безпоповщинскихъ обществъ смотри: «Показаніе, яко воздержностію своею Ѳеодосіево, Согласіе и подобніи имъ древнихъ еретиковъ многія ереси обновиша». Показаніе 2, 3 и 4.

ліи, и къ симъ покроямъ приличные разныхъ фигуръ, головные женскіе уборы и многіе другіе прочихъ званій означенныхъ покроевъ, или иныхъ какихъ. Къ употребленію же нашему нынѣ опыхъ, всякому изъ насъ извѣстно, что лѣтъ на какой необходимости и благопристойности по обрядамъ нашимъ, кромѣ какъ роскоши, забавы, подражанія Инославнымъ, подобнымъ быть опымъ. А симъ, принявши на себя Инославный видъ одежды, чтобы отвести очи зрящихъ, разумѣть, не быти въ Старовѣрствѣ, или дабы имя и отличіе Старообрядецъ не стыдило и не задерживало сближаться, соединяться и мѣшаться съ несогласными обществами въ пищахъ, или для иныхъ какихъ пріобрѣтеній, могущихъ и безъ того въ состояніе прійти, То по симъ обстоятельствамъ всѣми благосмыслящими и постоянными Старообрядцами Московской сей столицы, означенныя преобразованія принять на себя, или помѣстить въ свое общество, почитается разрушеніемъ общаго Старообрядческаго обыкновенія, потеряніємъ благопристойности и лишеніемъ благочестія.

И такъ, чтобы отъ общихъ Старообрядческихъ благоразсужденій не отдалиться, и дабы еще не отступить отъ святоцерковныхъ и таковыхъ содержаній: Іисуса Сирахова въ главѣ 19: «Одѣяніе мужа, и смѣхъ зубовъ, и стопы человѣка возвѣстятъ, яже о немъ;» и Миней Четій Декабря 25 дня на Рождество Христово: «Яко внѣшняя одежда внутреннѣй мысли и обычаю согласуетъ, и чрезъ внѣшнее одѣяніе внутренній сердца человѣкъ на дно выходитъ.» И общество наше, признавъ необходимымъ образомъ къ отличію наружнаго благочестія, и принявъ оное существеннымъ основаніемъ къ сему положенію, неприличнаго намъ одѣянія не носить, подтверждаетъ сіе сохранять таковыми благодѣяніями:

1.

Каждому Православному нашему Христіанину повседневно и въ праздничное время носить одежды, по обычаю общихъ Старообрядческихъ здѣшней столицы скромностей и пристойностей принятыхъ, по приличію или отъ образа градскихъ жителей, или обыкновеній сельскихъ, по собственному изволенію употребляемыхъ, но спокойство общественное не разрушающихъ.

2.

Всякое же таковое платье, которое у многихъ здѣшнихъ Старообрядцевъ общимъ обыкновеніемъ не состоитъ, съ перваго на него взгляда приводитъ оно, или когда наше собраніе, или кое иногда частно, въ смятеніе и колебаніе, и возраждаетъ мысли, признавать по оному въ носящемъ иновѣрство, или несогласность, отнюдь таковое не носить.

3.

Всякому, къ приличности платья соглашающемуся, и въ томъ составляющему общественное единомыслiе, слѣдуетъ то исполнить не токмо устнымъ исповѣданіемъ, но и показать въ самой очевидности вседневнымъ ношеніемъ на себѣ самомъ приличнаго одѣянія.

4.

Буде жъ кто далъ словесное согласіе къ приличной одеждѣ, носить же будетъ несообразное одѣяніе, то съ таковыми всякихъ церковныхъ общеній не имѣть.

5.

Всѣмъ же, противное сему разумѣющимъ и ропщущимъ на общія Старообрядческія благопристойныя наблюденія и носящимъ неприличныя одежды, ни въ общемоленіе, ни къ купной пищѣ, ни въ воспріемники, не допускать и не внѣщать, дабы сими разнообразностями не поколебать церковное единомыслiе, не нарушить бы общественнаго спокойствія, не ввергнуть бы въ оное распри и раздора, и не навлечь бы на свое благочестіе сихъ прискорбныхъ заключеній, что оно противностями составило единственность съ Инославными и съ несогласными и поступило со благопристойныхъ Христіанскихъ обязанностей.

Положеніе третіе.

Общія наши обязанности общими связми насъ охранять и защищать.

Симъ положеніемъ общество наше, основавшись на сихъ Апостольскихъ законахъ (Апостолъ зач. 272): «Созиждите кождо ближ-

няго» и (зач. 273): «Вся же искушающе, добрая держите, и отъ всякія вещи злыя огребайтеся,» пріемлетъ на себе непреложнымъ Христіанскимъ долгомъ, чтобы къ отдаленію общеній со Внѣшними и ко исключенію неприличности одеждъ во всѣхъ о семъ въ общепринятыхъ обязанностяхъ другъ друга утверждать и подкрѣплять, дабы святоцерковное наше единомысліе пребывало въ насъ всегда непорочно и свято. сопротивныхъ же сему разумѣній всячески всѣмъ купно и каждому особенно отвращаться и удаляться, «да служеніе безпорочно будетъ» (Апок. зач. 18) сего же достигнуть усердно да потщимся, возбуждающе всегда сами себе и другъ другу повторяюще Св. Писаніе, сіи статьи и Закона: (книга 5) Моисеева (гл. 4, ст 9 и 10): «Вонми себѣ, и снабди душу твою зѣло, и не забуди всѣхъ словесъ, яже видѣста очи твои, и да не отступятъ отъ сердца твоего вся дни живота твоего, и да наставиши сыны твоя и сыны сыновъ твоихъ» (глав. 6 ст. 7—8): «и да возглаголеши о нихъ сѣдяй въ дому и идый путемъ, и лежа, и востая, и навяжеши я въ знаменіе на руку твою, и да будутъ непоколеблема предъ очима твоима.» И сія сотворши вѣрно, услышати возможемъ верховнаго Апостола Петра (1 Петр. зач. 58), къ намъ вѣщающаго: «Вы же родъ избранъ, Царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвѣстите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ, иже иногда не людіе, нынѣ же людіе Божіи.»

Такимъ образомъ, къ нашему продолжительному благосостоянію и къ честности истиннаго нашего Христіанства, во всѣхъ предположенныхъ благочестивыхъ содержаніяхъ, въ силу Апостольскаго сего закона (2 Коринѳ. зач. 188): «кійждо яко же изволеніе имать сердцемъ, ни отъ скорби, не отъ нужды,» и сами себе укрѣпивше, и тѣмъ, по словесамъ Святѣйшаго Патріарха Филарета, состоящимъ въ его изложеніи: «Се не новое преданіе введше, но древнее укрѣпляюще, поновыхомъ, послѣдующе заповѣдемъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, яко же они заповѣдаша.» Но симъ же самымъ на прошеніе Гавріила Иларіонова учинивши законное разрѣшеніе, общимъ нашимъ нынѣ совѣтомъ, надлежащимъ признано, чтобы сіе общественное наше исправленіе въ полномъ его образѣ, чрезъ управляющихъ общественнымъ

нашимъ дѣломъ, сообщить тому Гавріилу Иларіонову, вручивъ ему оное въ общемъ нашемъ молитвенномъ храмѣ.

Чѣмъ удостовѣря его общимъ нашимъ совѣтомъ признаннымъ его быть въ первой должности по прежнему, и просить его производить по тому званію въ обществѣ нашемъ полное попеченіе. А по причинѣ дальняго его жительства, чтобы во всякіе свободные ему часы посѣщалъ нашъ общественный домъ и въ немъ исправлялъ все, ему принадлежащее, а равно также и каждаго нашего Христіанина, въ домъ къ ему пришедшаго, снабдѣвалъ всѣмъ необходимымъ по его должности. А чтобы сіе общественное наше исправленіе, какъ здѣсь, въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ странахъ, всѣмъ нашимъ Христіанамъ было извѣстнымъ, и чтобъ ни кто незнаніемъ того не отзывался, то всѣмъ, съ нами согласнымъ его, объявить во всемъ его видѣ чрезъ тѣхъ же управляющихъ общимъ нашимъ домомъ, и на увѣдомленіе отъ оныхъ ожидать единообразныхъ и согласныхъ исправленій, такъ какъ мы всѣ съ ними, будучи единой святой Вѣры, единыхъ божественныхъ догматовъ, единыхъ благочестивыхъ обрядовъ и единыхъ благочестивыхъ обязанностей. Къ общему и согласному же нашему содержанію, все здѣсь изображенное, утверждаемъ.

Читано сіе Андреемъ Сергѣевымъ 1810 года, Марта 20 числа, въ общемъ домѣ, при собраніи многихъ, кромѣ Гавріила Иларіонова Скачкова.

IX.

О

ЦЕРКОВНОМЪ МИРѢ.

МОНИНСКІЙ СОГЛАСОВНИКЪ СЪ ПРЕОБРАЖЕНСКИМЪ КЛАДБИЩЕМЪ ГАВРИІЛА ЛАРІОНОВА СКАЧКОВА. 1814 года.

Московское Старобрядческое Православное (!) наше общество, подъ названіемъ Ѳеодосіевскаго состоящее, зная подлинно, что любовь, миръ и согласіе церковныя есть истинный образъ Вѣры Христовой, вражды же и расколы суть знаки Церкви про-

тивнической, Антихристовой; по чему и рѣшилось оно, сего 1814 года, Іюня 21 дня, собраться въ Богадѣльномъ Преображенскомъ домѣ, къ возстановленію внутри себя общественнаго согласія и церковнаго мира, и къ прекращенію распрей и несогласныхъ мнѣній, объ одной и той же вещи возымѣвшихся противорѣчій, и именно, о приглашеніи въ молитвословіяхъ: «побѣды и пособій даровати Православнымъ Христіанамъ,» или: «рабамъ своимъ Правовѣрнымъ» противу враговъ; но при томъ же, однако, тою и другою стороною подкрѣпляющихся Святымъ Писаніемъ, въ единообразность же еще не пришедшихъ. И общество наше, держася здравыхъ предосторожностей и разсмотрѣній внимательныхъ, разсудило за благо принять и содержать во всей Москвѣ одно, доселѣ съ давнѣйшихъ временъ предками введенное, кромѣ же сего, какое либо иное оставить и не употреблять всѣмъ и каждому впредь до обысканія того, или другого, во всей справедливости, свѣривъ и согласивъ оныя со Святымъ Писаніемъ, пользою и честностію благочестивыя Вѣры. Изъ чего и открывается, что съ сего времени та и другая сторона нашего общества взаимно нынѣ обязались принять всѣ возможныя и дѣятельныя упражненія, изобрѣтать, гдѣ и сколько можно, отъ Святаго Писанія подробныхъ, ясныхъ и основательныхъ доводовъ, руководствующихъ къ единообразному познанію о таковомъ важномъ догматѣ. По таковому дѣлу одна и другая сторона, снискавъ все потребное, и снесясь доказательствами Святаго Писанія и здравыми разсужденіями между собою, уваживъ истину, отдѣливъ несообразности и давъ согласіе справедливости и правому разумѣнію, купно и обще водворять внутри себя на предбудущія времена единовидный тому порядокъ, святость Вѣры болѣе и яснѣе подтверждающій.

Учиня сіе, сообщить всѣмъ въ прочія страны, съ нами согласнымъ, дабы единомысліе церковное сіяло въ каждомъ и всю ду, въ чемъ и подписуемся.

Сія статья со страны общественной къ Настоятелямъ и Попечителямъ кладбищенскимъ послана Іюня 23, того же 1814 года, для подписанія, но они ее не подписали и отвергли, за тѣмъ что обыскывать не согласны.

X.

О

МНѢНІЯХЪ ѲЕОДОСІЕВЦЕВЪ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА.

Сочинено со стороны Поморскаго Согласія, извѣстнаго въ Москвѣ подъ именемъ моленной Монина, Гавріломъ Ларіоновымъ Скачковымъ. 1818 года.

Всякъ раздоролюбивый не желаетъ жить въ мирѣ и согласіи, какъ и многіе изъ общества Ѳеодосіевыхъ: они стараются больше умножать раздоръ, отвергать миръ и утверждать свои мнѣнія, оставляя прежде бывшая ихъ, какія имѣли они съ Поморскими и прочими раздѣленія (какъ то:) о титлѣ четырехлитерной, пишемой на крестѣ Господни: І. Н. Ц. І., которую по времени многіе сами оставили; такъ же о воздѣваніи рукъ на Святой Пасхѣ; * о пѣніи всенощныхъ съ псалмомъ 103-мъ; о моленіи за пищу, покупаемую на торжищѣ и проч.

Нынѣ же многіе содержатъ такое мнѣніе и ученіе:

1. Святѣйшую Евхаристію отъ лѣтъ древнихъ, аще гдѣ имѣется хранимая, не пріемлютъ и говорятъ: «Хотя бы гдѣ она идѣйствительно была, но уже святости своей и силы лишилась,» чего ради и безчестными и злохульными нарицаніями именуютъ. **

2. Святыя Святыхъ угодниковъ Божіихъ мощи, отъ мѣста, содержащаго несогласная съ ними, почитаютъ, яко бы уже они

---

* На возгласѣ: «Христосъ воскресе!» обращаемомъ къ народу, при окончаніи службы Пасхальной, у Безпоповцевъ было въ обыкновеніи поднимать руки, съ отвѣтомъ, конечно: «Во истину воскресе!»

** Не такая Евхаристія и заповѣдана къ совершенію въ Христовой Церкви, какую вздумали было содержать Безпоповцы, чтобъ къ дарамъ прежде освященнымъ или запаснымъ притекать вновь, прилагая прежніе къ раствору новому.

не имѣютъ присутствующія съ ними и въ нихъ благодати Божія, но есть уже безблагодатныя и святости не имущія. А сего не видятъ, что глаголетъ псалмопѣвецъ: «Хранитъ Господь вся кости ихъ,» а божественный Златоустъ и книги, лежащія въ храмѣ Серапидовомъ (?), святыми именуетъ.

3. Святымъ иконамъ, не токмо новописаннымъ отъ Православныхъ Христіанъ, но и древлеписаннымъ, находящимся въ домахъ несогласныхъ имъ и мнѣніямъ ихъ, многіе не поклоняются, такъ же и въ своихъ домахъ не дозволяютъ кланяться, предлагая, что оные несогласники ихъ грѣшные, и что они грѣхами своими оскверняютъ святыя иконы и отгонятъ отъ нихъ святость и благодать Божію. *

4. Многіе Святаго Писанія сущую исторію, ясно что сказующую, на иносказательный разумъ прелагаютъ, ** и тѣмъ сущее дѣяніе и бытіе аки не бывшее вмѣняютъ, хотя и сами не понимаютъ, какимъ разумомъ толкуютъ.

5. За Самодержавнѣйшую Высочайшую власть, не согласную имъ въ Вѣрѣ и чиносодержаніяхъ, о здравіи ихъ, спасеніи, благополучіи и побѣдѣ на непріятелей, Господа Бога не просятъ и не молятся. Повелѣнія и ученія Апостольскаго, Пророческаго и Св. Отецъ не слушаютъ и не пріемлютъ; ибо молитися за властей непремѣнно должно, хотя бы они и невѣрніи были; а молящихся за властей Папежниками называютъ и общемоленія отлучаютъ.

6. Бракъ законный не пріемлютъ *** и разсуждаютъ несогласно ни съ естественнымъ, ни съ писаннымъ богопреданнымъ за-

---

* Ибо седмины Даніиловы наводятъ на нынѣшнее время, по ихъ мнѣнію, Антихристово, начавшееся отъ Никона Патріарха, также Апокал. и слова Святыхъ Ипполита и Ефрема превращаютъ на свои толкованія. Это начало премѣненія истины во лжу, и ведетъ въ погибель.

** Господь же говоритъ (Матѳ. зач. 20): «Не судите, да не судими будете.» И Св. Апостолъ (Тит. 1, 15): «Чистымъ убо вся чиста.»

*** Въ подрывъ общественнаго благосостоянія и чистоты нравовъ.

комъ, ни съ Евангельскимъ, Апостольскимъ, Пророческимъ и Святоотеческимъ ученіемъ, и не соображая времени со временамъ, но только говорятъ, что тайна брака * чрезъ Іерея токмо свое имѣетъ совершенство, и самую сущность или свойство его полагаютъ только въ одномъ священнодѣйствителѣ, не разсматривая времени возможности, свободы и нужды, полноты и недостатка, и сравненія одного дѣянія съ другимъ, и не разсуждая, что есть необходимое и случайное, и что естественное и самопроизвольное, и не объясняя, что есть въ бракѣ (какъ и въ прочихъ тайнахъ) матерія, форма, кто дѣйствитель, и для чего установленъ, что есть конечная онаго причина.

Церковныя таинства, какъ то: Святое Крещеніе, Покаяніе, такъ же службопѣнія и проч., что соединяютъ человѣка съ Богомъ и безъ рукоположенныхъ Священнослужителей (Безпоповцы) дѣйствуютъ, а законный бракъ составить и соединить не человѣка съ Богомъ, но человѣка съ человѣкомъ, весьма упорно отлагаютъ, и какъ законный бракъ не пріемлютъ, то симъ явственно показуютъ, что Господь Богъ уже не печется и не промышляетъ о умноженіи и продолженіи рода Христіанскаго, чрезъ законнобрачное сопряженіе, но будто оставилъ Христіанскій родъ хуже всѣхъ животныхъ въ презрѣніи.

И такъ, говорятъ, что отъ Христіанъ нынѣ не наполняется послѣдственно число избранныхъ въ Царство небесное, а наполняться будетъ отъ приходящихъ въ Православіе ** еретиковъ, Магометанъ, Жидовъ, идолопоклонниковъ и прочихъ.

И по сему, по ихъ мнѣнію, Богъ только нынѣ печется о безсловесныхъ тваряхъ и людяхъ нечестивыхъ, въ невѣріи пребывающихъ, а Христіанскій родъ, по неимѣнію рукоположенныхъ служителей, оставилъ безъ всякаго призрѣнія, жить въ

* И точно, бракъ, какъ новоблагодатная тайна, чрезъ Іерея токмо свое имѣетъ совершенство.

** Въ какое же Православіе внѣ Церкви-то Христовой, и освящающія человѣка таинства безъ священнаго Іерарха?

свободѣ и творить всякія мерзости, не вмѣняя, по неимѣнію закона брачнаго, ни каковаго плотскаго грѣха. По сему разсужденію, гдѣ нѣтъ о чемъ закона, то тамъ нѣтъ и преступленія; ибо кто преступаетъ законъ, тотъ долженъ пріимать наказаніе. А безъ закона не должно быть наказанію, по словесамъ Божественнаго Златоуста, въ бесѣдѣ 63-й на Посланіе ко Евреомъ вѣщающаго: «Аще бо женитва попущена бысть, праведнѣ блудникъ мучится, праведнѣ прелюбодѣй томленіе пріемлетъ.» Изъ сего явственно показуется: гдѣ нѣтъ попущенія женитвѣ, тамо нѣтъ блудниковъ, нѣтъ прелюбодѣевъ; по сему и не должно быть за тѣлесныя сквернодѣянія ни какова наказанія, и въ таковомъ безчинномъ пребываніи не могутъ быть и почитаться степени родства и свойства, * на подобіе псовъ и волковъ, и прочихъ звѣрей и скотовъ, и иныхъ животныхъ безсловесныхъ.

И такъ Божіе всемощное благословеніе отлагаютъ, таковою воздержностію приводятъ многихъ въ слабость и въ распутство: ибо невозможное возможныхъ быти законоопредѣляютъ, и не всѣмъ вмѣстимое вмѣщати установляютъ, не согласно Христу, рекшему (Матѳ. зач. 78): «Не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имъ же дано есть. По сему лучше вѣровать Богу, благословившему быть браку законному, не на время нѣкое, но навсегда. И таковою воздержностію едва ли не погибаетъ множество на свѣтъ происшедшихъ и свѣтъ не видѣвшихъ младенцовъ; также и прочими содѣйствіями не истребилось ли довольное количество рода человѣческаго? и хотя не всѣмъ вмѣстимое дѣвство учатъ сохранять, но нѣкоторые смѣло вопіютъ: «Лучше имѣть десять любовницъ тайно, нежели одну, называемую жену, явно, чему многіе слѣдуютъ; а многіе явственно имѣютъ, и называютъ женами, но законными именовать боятся, чего ради и называются «новоже нами,» каковаго названія ни въ какихъ языкахъ и странахъ не

---

* Состояніе отчаянія, въ которое низвергнувшись, отчаянные обыкновенно богохульно уполномочиваютъ себя пребывать въ противленіи истинѣ и въ развращеніи, сверженіемъ съ вы и своей законаБожія, и за тѣмъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ совѣсти своей упраздняютъ сознаніе различія между добродѣтелію и порокомъ, которыя и въ порядкѣ естественномъ обыкновенно различаются.

слышно, чтобы публично почитали женою, мысленно и по залогу блудницею.

Но Ѳеодосіевскіе учители всѣхъ хотятъ привести во едино состояніе и всѣмъ одинаковое возлагаютъ бремя, не разсуждая о силѣ и возможности каждаго, и не воображая, что есть въ нашемъ естествѣ врожденное и въ произволеніи состоящее. Но многіе разсуждаютъ, что естественное съ произволительнымъ великое несогласіе и разность имѣютъ.

Поморскихъ же и прочихъ, съ ними въ моленіи за властей не согласующихъ, живыхъ, нынѣ существующихъ, не признаютъ совершенно Православными, но аки бы отъ пути праваго заблуждающими, и почитаютъ съ тѣми за равно, что написано въ Филаретовскомъ Соборномъ Изложеніи, которые согласились съ Римляны во всѣхъ ихъ содержаніяхъ и молятъ Бога за Папу; того ради и скончавшихся ихъ не поминаютъ, а многіе и явственно именуютъ ихъ отступниками и еретиками. *

За что нѣкія смѣлодерзостно и паки водою возобновляться ** безстрашіе возъимѣли.

Прочая ихъ мнѣнія и дѣянія, несогласная съ правомудрствующими, не воспоминаемъ; ибо самомнительныхъ толкованій у нихъ очень довольно.

---

* Вотъ что открывается самими Безпоповцами въ искреннихъ заявленіяхъ предъ лицемъ своихъ единовѣрцевъ относительно внутренняго состоянія Безпоповщинскихъ обществъ, и что, однако, доселѣ таится отъ истинно Православныхъ подъ благовидными наименованіями: «согласія, толка, старообрядчества, старовѣрства» и проч.

** Т. е., перекрещиваться и перекрещивать: какую же силу послѣ того имѣетъ тайна крещенія, когда она такъ злоупотребляется?

XI.

СПИСОКЪ

ПРИХОЖАНЪ ПОКРОВСКОЙ МОНИНСКОЙ ЧАСОВНИ ВЪ 30-хъ ГОДАХЪ НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ.

Никифоръ Петровичъ (ленточникъ), и жена его Пелагія Георгіева, Михаилъ Елисеевичъ Бавыки, и жена его Ирина Никифорова, Семенъ Алексѣевичъ Суморокова, и жена его Татьяна Иванова, Аѳанасій Ивановичъ (умре) Паленовъ, и жена его Татьяна Ѳедорова (умре), и Ѳома Аѳанасьевичъ, съ женою Евдокіей Петровой, Алексѣй Аѳанасьевичъ, съ женою Ириною Аверьяновой. Паленовы, дѣти Аѳанасія: Иванъ Ѳедоровичъ Соколовъ, съ женою Евдокіей Петровою, Иванъ Ивановичъ Леонтьевъ (наборщикъ), съ женою Пелагеею Алексѣевой, Андреянъ Сергѣевичъ, съ женою Марьею Гавриловой, Михаилъ Ивановичъ Дуланъ, съ женою Мариной Гавриловой, Семенъ Матвѣевичъ Сафоновъ, съ женою Агаѳьею Аѳанасьевой, Максимъ Филипповичъ Осиповъ. съ женою Екатериною Борисовой, Константинъ Степановичъ (бердошникъ), съ женою Ѳеодосіею Матвѣевой, Иванъ Кузмичъ Ѳеклинъ, съ женою Дарьею Прокофьевой, Захаръ Ѳедоровичъ Бропинъ, съ женою, Евдокіей Гавриловой (дочерью Скачкова), Андрей Васильевичъ (лѣсникъ), съ женою Ксеніею Викуловой, Осипъ Кондратьевичъ, съ женою Агриппиной Агаѳоновой, Гавріилъ Ефимовичъ (портной), съ женою Дарьей Ивановой, Иванъ Никитичъ (большой, переплетчикъ), съ женою Василисой Кондратьевой, братъ его (меньшой) Иванъ Никитичъ, съ женою Евдокіей Филипповой, Степанъ Описимовичъ Ланинъ, съ женою Ксеніей Ѳаддѣевой, Петръ Описимовичъ (портной), съ женою, Дарьей Панкратьевой, Степанъ Егорьевичъ (живорыбникъ), съ женою Прасковьей Ивановой, Филиппъ Ивановичъ (на Арбатѣ), съ женою Прасковьей Аѳанасьевой, Илья Владимировичъ, съ женою Аграфеной Карповой, Сергѣй Васильевичъ Ланинъ, съ женою Настасьей Степановой (умре), Епифанъ Егоровичъ (за Москвой рѣкой), съ женою Варварой Лаврентьевой. Ульянъ Гавриловичъ Скачковъ, съ женою Домной Игнатьевой, Семенъ Кондратьевичъ (зять Вас. Вас. Ланина),

съ женою Екатериной Васильевой, Андрей Васильевичъ Опаринъ, съ женою Еленой Онисимовой, Прохоръ Васильевичъ Опаринъ, съ женою Натальей Андреевой, Григорій Ивановичъ (зять Иван. Иван. наборщика), съ женою Пелагеей Ивановой, Иванъ Степановичъ (племянникъ Соколова, сусальщикъ), съ женою Агаѳьей Андреевой, Ѳедоръ Степановъ Лежневъ, съ женою Евдокіей Григорьевой, Андрей Ѳедоровичъ Бронинъ, съ женою Марьей Алексѣевой, Антипъ Ивановичъ Забахтыркинъ, съ женою Дарьей Степановой, Семенъ Терентьевъ (иконникъ), съ женою Ксеніей Ѳедоровой, Ѳедоръ Ермиловичъ Ермаковъ (зять Ирины Емельяновой), съ женою Ефросиніей Ульяновой, Александръ Ивановичъ Кокоревъ, съ женою Прасковьей Васильевой, Карпъ Ивановичъ (на Солодовкѣ), съ женою Евдокіей Ефимовой, Власъ Михайловичъ Гладковъ (за Серпух. воротами), съ женою Степанидой Васильевой, Матвѣй Власьевичъ (также), съ женою Пелагіей Семеновой, Иванъ Андреевичъ Марковъ, съ женою Матреной Абрамовой, Ѳедоръ Марковичъ (на Стрѣтенкѣ), съ женою Гликеріей Трофимовой, Иванъ Абрамовичъ (также) съ женою Пелагеей Петровой, Филиппъ Алексѣевичъ Корчагинъ, съ женою Степанидой Васильевой, Иванъ Прохоровичъ (въ городѣ), съ женою Евдокіей Леонтьевой, Иванъ Васильевичъ (лавочникъ изъ Кудрина), съ женою Вѣрой Ермиловой, Степанъ Никифоровичъ, съ женою Марьей Петровой, Филиппъ Елисеевичъ Бовыкинъ, съ женою Маѳеой Степановой, Василій Ивановичъ Жуковъ, съ женою Ѳеклой Семеновой (дочь Сем. Алексѣев.), Ѳедоръ Алексѣевичъ (въ Семеновскомъ) Пучинъ, Максимъ Филипповъ, съ женою Натальей Егоровой (умре), Сидоръ Яковлевичъ (въ Преображенскомъ), съ женою Варварой Петровой, Александръ Ивановъ (сынъ Иван. Алексѣев. мучникова), съ женою Ѳедосьей Дмитріевой, Тимоѳей Тихоновъ Раковъ (въ Преображенскомъ), Никифоръ Петровъ, съ женою Акилиной Леонтьевой, Михаилъ Аѳанасьевичъ, съ женою Аграфеной Андревой, Иванъ Андреевъ, съ женою Ксеніей Прокофьевой, Петръ Абрамовичъ съ женою Любовію Петровой (на Стрѣтенкѣ) Василій Алексѣевичъ Медовчинъ, съ женою Анисьей Петровой, Егоръ Самсоновичъ (въ Преображенскомъ), съ женою Агриппиной Ивановой, Аврамъ Васильевичъ, съ женою Ѳеклой Петровой, Василій Кирилловичъ (Тульскія), съ женою Вѣрой Ивановой, Петръ Андреевичъ Бѣляевъ, съ женою Прасковьей Филимоновой, Поликарпъ Емельяновичъ (за Москво-

рѣцкой), съ женою Соломонідой Николаевой, Евстратъ Ивановъ Пикиновъ, съ женою Агаѳьей Аѳанасьевой (урож. Полѣнова), Андрей Корниловичъ, съ женою Татьяной Максимовой, ихъ дѣти: Матвѣй, Евстаѳій, Антипъ, Матрена; Никонъ Матвѣевъ, съ женою Евдокіей Тихоновой, Яковъ Емельяновичъ (у Георгія, живорыбникъ), съ женою Анастасьей Евстаѳьевой, Климъ Васильевичъ (юхотникъ), съ женою Вѣрой Ларіоновой, Ѳеофанъ Трофимовичъ (ефанъ), съ женою Маріей Павловой, Яковъ Кузмичъ (кровельщикъ), съ женою Анисьей Никифоровой, Иванъ Абрамовичъ (Елисаветской столяръ), съ женою Евдокіей Семеновой, Гурій Ивановичъ (живописецъ) съ женою Агриппиной Павловой, Иванъ Антоновичъ Забахтыркинъ, съ женою Ѳедосіей Марковой, Иванъ Васильевичъ (портной), съ женою Матреной Ѳоминичной Полѣновой, Семенъ Ивановичъ (съ Зацѣпы), съ женою Ксеніей Степановой. *

XII.

ПОМОРСКІЕ ПРОТИВУ ѲЕОДОСІЕВЦЕВЪ СОДЕРЖАТЪ:

1. Мощи Святыхъ, во всякомъ мѣстѣ находящіяся, святости своея не лишаются, того ради благочестно ихъ почитаютъ и съ любовію цѣлуютъ.

2. Святымъ иконамъ, истово написаннымъ, покланяются и почитаютъ, яко они святость себѣ не отъ мѣста получаютъ, но отъ благодати Божіей и подобія къ первообразному.

3. Писанія Святыхъ, како гдѣ и каковымъ смысломъ написанная, тако и пріемлютъ.

4. Святѣйшую Евхаристію, отъ древнихъ лѣтъ сохраняемую, пріемлютъ, и любезно пріобщаются ея. **

---

* Этотъ списокъ, перепечатываемый съ подлинной руки Андреяна Сергѣева, вѣроятно былъ имъ составленъ, когда былъ Настоятелемъ часовни Никифоръ Петровъ.

** Но эта не та Евхаристія, какую Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, установилъ въ

5. Всепресвѣтлѣйшаго Государя нашего о мирѣ и здравіи, спасеніи, благопребываніи и на враги побѣдѣ Господа Бога молятъ.

6. Бракъ законный не въ единомъ токмо священническомъ молитвословіи, но въ прочихъ необходимыхъ принадлежностяхъ состоящій, законно пріемлютъ, и со Апостоломъ возглашаютъ (Евр. зач. 333): «Честна женитва во всѣхъ и ложе нескверно» Аще ли же и оженишися, не согрѣшилъ еси, и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть» (1 Коринѳ. зач. 138), и съ таковыми не раздѣляются, но паче и подтверждаютъ, свидѣтельствуя, что и «лучше есть женитися и посягати, нежели разжизатися» (зач. 136)..

Сдѣсь кратчайшее разиство показуется, а прочее, яко не весьма нужное, умалчивается, и таковыя разгласія можно ль и должно ль почитать за ни что, суди всякъ благоразумный. *

Церкви своей и повелѣлъ совершать до втораго своего пришествія, и по тому не спасительная.

* «Сіе различіе Ѳеодосіевыхъ съ Поморскими объяснено справедливо отъ стороны Поморскаго Согласія, извѣстнаго въ Москвѣ подъ названіемъ «Монина.»

Въ 1-хъ, О Святѣйшей Евхаристіи. О сей древней Евхаристіи повѣствуютъ предки такъ: Когда, повелѣніемъ Государя Алексѣя Михайловича, былъ разоряемъ Соловецкій монастырь, тогда въ ономъ пекли большіе просфоры, сотворили, какъ должно, запасные Святые Дары; а когда побѣжали изъ монастыря, то и Дары съ собою унесли; поселились сіи люди въ Поморьѣ, и въ семъ Поморскомъ монастырѣ, именуемомъ Выгорѣцкій, сохранили сіи запасные дары, кои раздавали разнымъ своего Толка людямъ. Но нынѣ уже оскудѣла сія древняя Евхаристія, которую Ѳеодосіяне многіе очень попосятъ. Въ нынѣшнихъ же святыхъ церквахъ совершаемую святѣйшую Евхаристію такъ же величайшими хулами поносятъ зѣло дерзостно, и о семъ должно внимательно разсудить: если Ѳеодосіяне почитаютъ древность благочестіемъ, то по чему дерзостно поносятъ запасные Святѣйшіе Дары, то есть, Евхаристію пресвятѣйшую, еще благочестивыми Соловецкими Іереями освященную?»

Это примѣчаніе въ рукописи приписано рукою Евдокіи Гавриловны Бронниной.

XIII.

ПИСЬМО

ЗАХАРА ѲЕДОРОВА БРОНИНА О ЦЕРКОВНОМЪ МИРѢ.

Почтенное общество!

Желаю пребывати въ единомыслiи церковномъ.

Какъ Святымъ Ѳеодору и Ѳеофану еретики начертили на лицѣхъ ругательные стихи, такъ и въ слѣдствіе вашего неосмотрительнаго отверженія брачнаго Канона, на камнѣ * ревностнаго защитника истины, покойнаго отца нашего, Гавріила, написали слѣдующее:

«О горько плачевны слухи,
Прислали ко мнѣ нечисты духи,
Яко бы новобрачный Канонъ у васъ оставленъ,
Или вы не видите, что Антипъ прославленъ?
У меня въ рукахъ брачны свѣщи и обѣты,
А вы моего ученія наги и раздѣты.
Увѣряетъ васъ мой портретъ,
Будите давать мнѣ отвѣтъ.
Послушай же, мой намѣстникъ, Антипо,
Тебѣ наше новое разумѣніе открыто.
Други, вамъ самимъ извѣстно,
Что хорошо жить ни какъ невмѣстно.
Почувствуйте, почувствуйте!—
Слушаемъ, слушаемъ.»

Дождѣ изображенное на камнѣ. Зрите, братіе, противники восторжествовали радостно о семъ, что вы отвергнули безъ правильной причины брачный Канонъ. Зрите, какъ ихъ духъ прельстилъ васъ отринуть его; да они же и вознесли свой рогъ и воздвигли поносный на Церковь нашу свой гласъ! Изъ сего ясно усматривается, что имѣются въ нашей Церкви внутренніе ея враги,

---

* Могильномъ.

и ежели бы ихъ не было, то внѣшніе враги не узнали бы того, что между васъ происходило. И таковые тайные волки, покрытые овчею кожею, имущіи образъ благочестія, лицемѣрное смиреніе, преобразующіися во Ангела свѣтла, прельстили васъ, аки невинныхъ младенцевъ, всему вѣру емлющихъ, лжи отъ истины не различающихъ, подъустили васъ къ незаконному отверженію брачнаго Канона. Положили насъ въ поношеніе сосѣдомъ нашимъ, въ поруганіе сущимъ окрестъ насъ, въ причту во языцѣхъ, покиваніе главѣ въ людехъ, учинили нашему обществу язвительную укоризну сими словами: «а вы моего ученія наги и раздѣты;» слѣдовательно, ученія Христова; * ибо отецъ нашъ, Гавріилъ, еретикомъ не былъ, ни какого своего ученія, противнаго Богу и Церкви, не всѣвалъ, а содержалъ крѣпко ученіе Христово, Апостольское и Святыхъ Отецъ. И какъ самъ оное благочестно сохранялъ, такъ и прочихъ научалъ.

«Будете давать мнѣ отвѣтъ.» И хотя сіе сказано отъ непріятелей, однако справедливо; поелику онъ содержалъ твердо Божіе повелѣніе, то и будете давать Богу отвѣтъ на Страшномъ его Судѣ за сіе, что незаконно отвергаете Канонъ, содержащій хвалу Богу и нашей Церкви полезный, и особенно тотъ будетъ истязанъ, кто подалъ первоначальную причину къ отверженію Канона, и жестокое пріиметъ наказаніе отъ правосуднаго судіи, Бога, яко учинившій соблазнъ. Но горе тому человѣку, имъ же соблазнъ приходитъ, и таковый зачинщикъ долженъ исправить оное дѣло и покаяться. Но каковые же на отверженіе Канона употреблены неправильные извѣты, то изъ сего ясно видѣть можно, что произошли по злобѣ на нѣкоторыхъ людей и на самаго покойнаго; а зло за зло воздавать, и мщеніе дѣлать человѣку, отверженіемъ хвалы Божіей, есть знакъ недобродѣтельныхъ людей; ибо пылать гнѣвомъ и распыхаться сердцами есть подражать самому діаволу, изгнавшему по зависти Адама изъ рая, также Каину, Дафану и Авирону, Езавели и древнимъ еретикамъ и всезлобной Евдокіи, которая, терзаясь злобою, за обличеніе богопротивныхъ дѣлъ ея, на Іоанна Златоустаго, тайною и ковар-

* Непослѣдовательно, далеко не то.

ною лестію воабуждала Епископовъ, а особливо Святаго Епифанія Кипрскаго, на изгнаніе Іоанново, много ему глаголющи: «и отъ великаго гнѣва вся трепетаніе,» яко же речется въ Житіи Святаго Златоуста. И паки рече Царица: «Нѣсть бо достойно многихъ отцевъ трудити, приводяще сѣмо на соборъ, но твоя святыня, отче: иждени его изъ Церкве, и вмѣсто его постави инаго, его же ти Богъ покажетъ, азъ же устрою, да вси начнутъ тебе послушати.» Рече же къ ней Епифаній: «Чадо, послушай твоего отца безъ гнѣва: аще Іоаннъ еретикъ есть, яко же глаголете, и аще не покается о той ереси, то недостоинъ будетъ Патріаршаго сана, и сотворимъ ему, яко же велиши. Аще ли же единыя ради вины тоя, яко похулилъ тя, изгнати его хощете, то Епифаній на то не соизволитъ: Царемъ бо подобаетъ (также и Начальникомъ церковнымъ) не памятозлобнымъ быти, но благимъ, кроткимъ и прощающимъ, яже на себе хулы; ибо и вы имате надъ собою Царя на небесѣхъ и прочее. Царица же рече къ Епифанію: «Отче, аще сотвориши препятствіе изгнанію Іоаннову, то отверзу храмы идольскіе, и сотворю, да мнози, отступившіе отъ Бога, поклонятся идоломъ, и будутъ послѣдняя горша первыхъ.» Сія глаголаше съ гнѣвомъ, и слезы изливаше отъ очесъ своихъ. Епифаній, удивившися безумному гнѣву ея, глагола: «Чистъ есмь отъ суда того,» и то рекши, изыде изъ палаты.» Дондѣ отъ Житія Іоаннова.

И я мню, братіе, не произнесены ли были и у васъ при собраніи словеса, подобныя симъ, Евдоксіинымъ, словамъ, но Епифанію видно мало подражали.

Прошу васъ, именемъ Божіимъ и Пречистою его Матерію, хранится отъ клеветниковъ и льстецовъ: отъ нихъ много зла раждается; ибо и Святый Кириллъ отъ таковыхъ былъ прельщенъ, имѣлъ вражду на Златоуста: «Гнѣвашеся бо Кириллъ Святый не токмо на живаго бывша Іоанна Златоустаго, но уже и скончавшагося, и не хотяше во Святыхъ того поминати. Бѣ же той его гнѣвъ не отъ злобы, но отъ невѣдѣнія: ово бо отъ дяди своего, Ѳеофила Патріарха, ово же отъ иныхъ, на Святаго Іоанна враждовавшихъ, слышаше многія неправедныя клеветы на неповиннаго. Писа же къ нему и Аттикъ, Патріархъ Цареград-

скій, совѣтуя и моля, да имя Іоанново въ диптихи церковные, си есть, въ книгѣ именъ Святыхъ, впишетъ; бяше же Аттикъ прежде единъ отъ враждебниковъ Іоанна Златоустаго, но послѣже, разсмотрѣвъ неповинность Святаго, каяшеся, и пріемъ по Арсеніи престолъ Патріаршества Цареградскаго, вписа во Святые имя Златоустово, и доселѣ же живъ бѣ, увѣщеваше Святаго Кирилла совѣтными писаніями, да тожде сотворитъ, онъ же не слушаше его, не хотя уничтожити прежде бывшаго Ѳеофилова на Іоанна собора; тако Святый Исидоръ Пилусіотъ писа къ нему дерзновенно: яко подобаетъ разсмотрѣвши гнѣватися, аще что обрящется гнѣва достойно; ибо мнози, бывшіи съ тобою на Ефесскомъ Соборѣ, явѣ о тебѣ глаголютъ негодующе, яко неправедно гнѣваешися на неповиннаго, Ѳеофиловъ сущи племянникъ, подражаеши нраву того,» и прочее. И въ другомъ писаніи глаголетъ: «Устрашаютъ меня сущія въ божественномъ Писаніи образы, и принуждаютъ глаголати и писати, яже суть потребная. Аще отецъ есмь тебѣ, яко же ты мя нарицаеши, боюся осужденія, еже прія Иліи, ветхозаконный Священникъ, за то, яко не наказоваше согрѣшающихъ сыновъ своихъ. Аще сынъ твой есмь, яко же самъ вѣмъ, устрашаюся, да не постигнетъ мя казнь, яже постиже Іонаѳана, сына Саулова, за то, яко отца своего, волшебства ищущаго, можаше отвести отъ грѣха того, и не отведе, ни сотвори то, еже можаше сотворити; сего ради первый онъ на брани убіенъ бысть. Да не буду убо и азъ осужденъ; глаголю тебѣ, яже суть на пользу твою, и ты отъ праваго судіи да не осудишися. Послушай мя, отложи гнѣвъ твой, его же имаши на мертваго, да не смутиши живую Церковь и раздоръ въ ней содѣеши,» и проч. Доздѣ Исидоръ. И сіе предложихъ вкратцѣ; но како Святый Кириллъ покаяся, и како Златоустъ примирися, ходатайствомъ Пречистыя Богородицы, прочтите въ Житіи его Іюля 9, въ Минеи Четіи.

Прошу васъ, братіе, для успокоенія внутреннихъ возмущеній и отвращенія сопротивныхъ поруганій, не только сей брачный Канонъ не оставлять, но должно и еще присовокупить дополненіе къ брачной сей церемоніи, въ силу боговдохновеннаго Царя и Пророка Давида (Псал. то 14): «И приложу на всяку похвалу твою;» ибо у насъ не новое какое мнѣніе имѣется о бракахъ, но древ-

нее и утвержденное святыми законами. А когда отвергаете Канонъ, то отвергаете и бракъ, поелику отвергаете символъ брака, содержащійся въ семъ Канонѣ, при томъ же отвергаете и прошеніе благословенія Божія бракосочетавающимся.

Потребно убо каждому право мудрствующему и любящему истину сочлену нашему, противъ таковыхъ сопротивныхъ умышленій мужественно стати и вооружиться оружіемъ Божіимъ, облещися во броню правды, защитить свою Церковь, заградить уста ихъ словомъ Божіимъ, взять пращу духовную, прогнать волковъ отъ стада Христова, и обратить въ бѣгство волки чуждые. Но не оскорбитесь, братіе, что я дерзнулъ выше сихъ моихъ писать къ вамъ: понеже сія должность есть пастырей и учителей церковныхъ; но, видя бѣду церковную и смущеніе ея, повинуюся предстоящаго предъ престоломъ Божіимъ, Святаго Іоанна Златоустаго повелѣнію, «яко не вся подобаетъ на учителей возверзати, но всѣмъ тщатися другъ друга созидати и другъ друга тяготы носити. (Евреомъ гл. 20). «Не убо вся на учителей возлагайте, не вся на наставники; можете и вы, рече, другъ друга созидати.» Еже и къ Солуняномъ пишай, глаголаше: «Единъ единаго созидайте, яко же и творите.» И паки: «Утѣшайте другъ друга въ словесѣхъ сихъ. Сія и вамъ завѣщаемъ нынѣ мы. Множайшее бо насъ, аще восхощетъ, вы другъ друга исправите; ибо множайшее время съ собою есте, и яже дружная паче меня вѣсте и другъ дружнихъ недостатковъ не не разумѣете, и множайшее дерзновеніе имате и любовь и обычай; не мнимя сія суть во ученіе, но входы велицы и благовременства, и паче насъ и запретити и умолити возможете, и не сіе токмо, но яко азъ убо единъ есмь, вы же мнози: и возможете, елицы есте, вси быти учителіе. Тѣмже молю, не нерадите о даровании семъ.* Кійждо жену имать, друга имать, раба имать, сосѣда имать: сему да запрещается. сего да наказуетъ. Како бо нѣсть безмѣстно, о пищи убо соучреж-

* Святитель даетъ наставленіе, чтобы Христіане учили другъ друга, при взаимныхъ своихъ отношеніяхъ, дома, въ кругу семейномъ, никого не освобождая отъ обязанности ходить въ церковь и знать своего пастыря, и здѣсь въ церкви пребывать ученикомъ.

денія творити и пиры и день имати учиненный, еже собратися другъ ко другу, и еже комуждо суще оскудѣвшее собою исполнити пріобщеніемъ, сирѣчь, или на погребеніе ити требѣ будетъ, или на обѣды, или способствовати въ нечесомъ искреннему: въ наученіи же добродѣтели не творити сіе, ей, молю, никто же да не нерадитъ, мзду бо пріиметъ отъ Бога многую,» и прочее до конца. 1 Коринѳ. нр. 3. «Веліе убо благо, и еже миловати нищихъ; но ни что же таково, яко еже прелести свободити, иже бо сіе творяй, бываетъ яко Петръ и Павелъ. Достоитъ бо пріяти яже оныхъ проповѣдь, не бѣдствуемъ, яко же они, и глады и губительства и иные терпимъ, но да усердія тщаніе покажемъ. Ибо лѣть есть въ дому ходящимъ сію молитву содѣяти. Аще кто имать друга, и сродника, и домашняго, сія да творитъ, сія да глаголетъ, и будетъ яко Петръ и Павелъ; и что глаголю Петра и Павла? Устами будетъ Христовыми. 1 Коринѳ., нр. 25. «И ты убо, брате, аще и отъ брашна воздержаяся пребываеши, аще и пепелъ яси, и рыдаеши выну, а никого же инаго пользуеши, ни что же веліе содѣлалъ еси.» 2 Коринѳ. нр. 44. «Сице убо и мы другъ друга да наказуемъ, и ниже обличаяй да гнѣвается, нѣсть бо се исправленія, но страсти, ниже обличаемый да озлобляется: врачество бо есть бываемое, а не вражда.»

А о Канонѣ нѣкоторые говорятъ, что ежели отверженъ не будетъ, то и мы не будемъ съ вами; то о таковыхъ вѣщаетъ святый Кипріанъ: «Сію имѣть надобно въ Церкви простоту, сію должно любовь соблюдать, чтобы голубямъ братство подражало любовію, чтобы въ тихости и кротости агнцемъ и овцемъ подобилося. Что творитъ въ сердцѣ Христіанскомъ свирѣпство волчье, и ярость и смертоносный ядъ зміиной, и кровожадная лютость звѣрская? Радоваться надобно, когда такіе отъ Церкви отлучаются, чтобъ голубей, чтобы овецъ Христовыхъ, лютою своею и ядоносною заразою не погубляти. Соединяться и сопряженія имѣть не можетъ горечь съ сладостію, тьма со свѣтомъ, ненастье съ ведромъ, брань съ миромъ, съ плодоносьемъ безплодіе, съ источниками сухость, съ тишиною буря. Не думай ни кто, чтобы добрые могли отъ Церкви отступить. Не восхищаетъ вѣтръ пшеницы, и древа твердо укорененнаго жестокая буря не исторгаетъ. Пустые плевелы возметаетъ вѣтръ, и слабыя древа вихорь

превращаетъ. Гнушается и поноситъ сихъ Іоаннъ Апостолъ (1 Іоан. зач. 71). глаголя: «Отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ; аще бо быша были отъ насъ, пребыли убо быша съ нами. Отсюда часто ереси и произошли и происходятъ, когда развращенная мысль мира не имѣетъ, когда безвѣріемъ раздоръ единства не содержатъ.» Доздѣ Кипріанъ.

Возлюбленніи братія, чада Церкви Христовой! Прошу васъ, ради имени Божія, не отлагати Канона, составленнаго изъ Священнаго Писанія, ради хвалы Божія и испрошенія благословенія его надъ сочетавающимися. И паки повторяю, что въ немъ содержится исповѣданіе законнаго брака, и ежели Канонъ не принимать, то сіе будетъ то же, что отвергнуть бракъ законный; и естьли бы въ семъ Канонѣ было какое еретическое мудрованіе и Православной Церкви нашей противное, то слѣдовало бы его отвергнуть. Въ жизни Святаго Ѳеодора Едескаго речется, яко нѣкая блудница молитвою воскреси мертваго отроча, которую молитву она сама составила, а не Святые Отцы; но Богъ услыши ея молитву, воскреси отроча; кольми же паче сіе наше прошеніе, составленное изъ боговдохновеннаго Писанія, не услышитъ ли, и не подастъ ли свою неизреченную милость?

И тако съ Ѳеотимомъ Епископомъ и Святымъ Аѳанасіемъ Александрійскимъ глаголю: «Иже хулитъ сей Канонъ, той хулитъ, о нихъ же суть словеса сія.

Извѣстный Вамъ Захаръ Ѳедоровъ Бронинъ.»

29-го Іюля, 1822 г.

XIV.

О

МОЛЕНІИ ЗА НАПУ РИМСКАГО. *

сочиненіе

Андрея Сергѣева.

Къ читателю.

Молиться за враговъ Христосъ самъ научаетъ,
Молитва и враговъ другами устрояетъ.
Молиться надлежитъ о всѣхъ и завсегда,
Чтобы зла не получить, явится гдѣ бѣда.
Егда желаетъ кто ко истинѣ прибѣгнуть,
Да разумъ просвѣтитъ, и ложно что отвергнуть,
Евангельски пожить, спокойствіе снискать,
И разны мысли здѣ, чтобъ явственно познать,
Вины раздоровъ всѣхъ да знаемъ откровенно,
И истину хранить не тайно, но явленно,
И людямъ и себѣ спасенія желать,
На Страшный Судъ предстать, отвѣтъ о семъ воздать.
Но спросимъ что другихъ, молчатъ какъ безсловесны,
Хотя и скажутъ что, рѣшенія безвѣстны;
Весь разумъ потемнятъ, доводовъ нѣтъ прямыхъ,
Хотя и говорятъ, но все умовъ своихъ,
Которые гласятъ не право, и что лукаво,
Разсудка не имѣвъ, не знаютъ справедливо;
Но мы отвергнемъ все ученіе чуждыхъ,
Потщимся сохранять преданія Святыхъ.

---

* Въ этомъ трактатѣ, хотя отъ шуихъ, однако благопріятное для нравственнаго догмата о моленіи за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть, представляется разсужденіе, въ обличеніе тѣхъ изъ Безпоповцевъ, которые, въ силу своего вѣрованія воцаренію въ Русской землѣ Антихриста, неудобно преклоняются къ моленію о Царѣ своемъ и о гражданскихъ властяхъ.

Имѣть прилежное тщаніе, вѣдать о разныхъ вещахъ и дѣяніяхъ, дѣло есть полезное и похвальное.

Тако многіе желаютъ нынѣ знать о семъ.

Первое: Должно ли, и можно ли молиться Богу за Папу Римскаго? И ежели можно и должно, то чего ради и какъ молиться за него? А ежели не должно, то коль великъ есть грѣхъ, или преступленіе? Что будетъ тому, кто за него молиться будетъ?

Второе: Для чего Филаретъ, Патріархъ Московскій, не почитаетъ тѣхъ Православными Христіанами, которые молятъ Бога за Папу Римскаго, но и крещеныхъ отъ нихъ паки крестить повелѣваетъ.

На сіе любопытательнымъ изыскателямъ предлагаются рѣшенія.

На первое, раздѣленное на три части:

А. Должно ли и можно ли молиться Богу за Папу Римскаго?

Молиться Богу за Папъ Римскихъ можно и должно, по чтенію церковному изъ Апостола Павла, пишущаго къ Тимоѳею (1 Тим. зач. 282) тако: «Чадо Тимоѳее, молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки. Но Папа Римскій есть человѣкъ, слѣдовательно, и за него молиться можно и должно. Понеже онъ изъ числа всѣхъ человѣковъ не исключается, и существо его во иную тварь, какъ-то: въ скота, звѣря, птицъ, рыбъ, гада, червя, личицъ и прочихъ насѣкомыхъ, не претворилось, но былъ и есть всегда человѣкъ, но только во исповѣданіи и содержаніи Православія не согласующійся. Сего ради въ церковныхъ молитвословіяхъ, гдѣ должно поминать Православнаго Архіерея, онъ именно у насъ не поминается, да и поминать его не должно.

В. И ежели должно и можно, то чего ради и какъ молиться за него должно?

Сего ради должно, да просвѣтитъ ему Господь Богъ очи сердечніи, и да пріидетъ онъ въ соединеніе Православныя Вѣры.

А молиться за таковыхъ должно, какъ во вседневномъ Помянникѣ повелѣвается тако: «Отступившихъ отъ Православныя Вѣры, и погибельными ересьми ослѣпленныхъ, свѣтомъ твоего познанія просвѣти, и Святѣй твоей Апостольской Церкви причти!» Тако и божественный Златоустъ, въ толкованіи Апостольскаго посланія къ Тимоѳею (во главѣ 2, въ бесѣдѣ 1), глаголетъ: «Аще общимъ хощешь разрѣшитися бранемъ и распрямъ, и мятежемъ, и сего ради за Царей и за Князей Священникомъ творити молитвы, много паче и людянином достоитъ сіе творити. Се бо добро есть и пріятно, рече, предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ. Кое сіе? Еже молитися за всѣхъ, сіе пріемлетъ Богъ, сіе хощетъ. Всѣмъ бо человѣкомъ хощетъ спастися, рече, и въ познаніе истины пріити. Подражай Богу, иже и всѣмъ хощетъ спастися. Въ лѣпотѣ подобаетъ за всѣхъ молитися? Аще всѣмъ той восхотѣ спастися, хощи и ты. Аще ли же хощешь, молися. Таковыхъ бо есть, еже молитися. Зриши ли, какъ отвсюду душу увѣща, тако еже и о Еллинѣхъ молитися. И прибытокъ показалъ, еликъ отъ сего раждается: «да тихое, рече, и безмолвное житіе поживемъ,» и еже много сего вящше есть, яко и Богу сіе угодно, и яко подобни сему по сему бываемъ, по чему же таяжде съ нимъ хотѣти. Довольная суть сія умилити и звѣря. Да не убоишися прочее о Еллинѣхъ моляйся: и той сего хощетъ; убойся точію, еже на ня молитися подобаетъ, яко о еретицѣхъ явленно есть. О всѣхъ бо человѣцѣхъ молитися достоитъ, а не отгонити. Сіе же и наше добро, о еже тогожде намъ естества пріобщитися, и Богъ похваляетъ и пріемлетъ благоразуміе, и любленіе еже другъ къ другу. Аще убо самъ хощетъ, рече, дати Господь, кая потреба молитвъ, яже отъ мене? Много сіе онымъ и тебѣ споспѣшаетъ. Къ любви ихъ привлачитъ, тебѣ не оставляетъ развѣритися. Довольна яже суть сія къ вѣрѣ привлещися. Мнози бо отъ человѣкъ за прю, сущую другъ къ другу, отступиша отъ Бога. Сіе (моленіе) спасеніемъ слово нынѣ Божіе нарицаетъ: иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися, реклъ; понеже и сіе во истину есть спасеніе. Сего бо кромѣ, ни что же веліе ино есть, но имя спасенія есть и нарѣчіе токмо. По сему образу не токмо за Папу Римскаго, но и за всѣхъ, сущихъ на земли, человѣковъ молитися должно и можно. Ибо и самъ Христосъ Спаситель глаголетъ (Матѳ. зач. 15): «Любите враги ваша, благословите клену-

щыя вы, добро творите ненавидящымъ васъ, и молитеся за творящихъ вамъ напасть, и изгонящыя вы, яко да будете сыновe Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя.»

Г. Аще ли не должно, то коль великъ есть грѣхъ (или преступленіе), ежели кто за него (то есть, за Папу) молитися будетъ?

Таковаго повелѣнія, чтобы не молитися за Папу Римскаго, для того, что онъ Папа, едва ли обрѣсти можно; ибо Святый Іоаннъ Златоустъ, на посланіе ко Евреемъ, во нравоученіи 3, глаголетъ: «Инъ убо имать други два, или три, инъ же четыре. Но сіе нѣсть Бога ради любити, но за еже любимымъ быти. А еже Бога ради любити, не сіе имать любое начало, но ко всѣмъ, яко же ко братьямъ, сицевый пребудетъ; единовѣрныхъ убо яко же преискренныхъ сущихъ братій любяй, еретиковъ же, и Еллиновъ, и Іудеевъ, яко брата убо по естеству, злыхъ же сущихъ и непотребныхъ милуяй и истаевая за нихъ и слезой, о чемъ подобны будемъ Богу, аще всѣхъ любимъ и враговъ, а не аще знаменія творимъ.»

Отъ сего показуется, что молитися о еретикахъ, Еллинахъ и Іудеяхъ, грѣха нѣсть, но похвально и Богу пріятно. Папа же Римскій, яко единъ есть отъ воспомянутыхъ, по сему и за него молиться грѣха нѣсть, но похвально и Богу пріятно. Но токмо съ несогласующимися въ вѣрѣ и церковныхъ преданіяхъ согласоватися не должно.

А еще и сего ради молитися за Папу должны, ежели кто жительствуетъ въ его области, и есть ему подвластный, то и о таковыхъ великій Апостолъ глаголетъ (Римл. зач. 111): «Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется. И молитися повелѣваетъ за всѣхъ, ижев о власти суть, ради того, чтобы «тихое и безмолвное житіе жити, во всякомъ благовѣріи и чистотѣ.» И таковое моленіе пріятно есть предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити. Ибо молилися и молитися повелѣваютъ Святіи за Царей иновѣрныхъ. Про-

сили Господа Бога, дабы подалъ имъ помощь и побѣду на враговъ, но не на себя, почитаемыхъ по вѣрѣ несогласующими и противящимися, а на тѣхъ враговъ, которые подвизаютъ брани и оружіе, нападаютъ на царство, разоряютъ селенія, плѣняютъ скотовъ и не подчиняются державѣ его. Того ради Святый Апостолъ повелѣваетъ молитися о Царѣ, тогда бывшемъ идолопоклонникѣ, гонителѣ на Церковь Христову, о великомъ мучителѣ Христіанъ, и о таковыхъ же властѣхъ, а причина сія: «да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. зач. 232). О чемъ и святый Златоустъ подтверждаетъ, глаголя: «Не быша бо во истинѣ тогда благочестивіи Царіе, но даже до многа времени произыдоша нечестивіи нечестивыхъ пріемлюще. Та же да не ласкательства вещь будетъ (Апостолъ), предваритъ, рече, за всѣхъ, и тогда за Царей. Аще бы рекъ бы за самыхъ Царей, негли бы нѣкто сіе нещедалъ тяжцѣ. Понеже лѣпо бѣ Христіанстѣй души утерпѣти, сія слышащей и не припущати наказанія.» Аще о Еллинѣ во время таинъ достоитъ моленія приносити, зри, что глаголетъ и како полагаетъ прибытокъ, да коне сице пріиметъ назиданіе: «да тихое, рече, и безмолвное житіе поживемъ,» сирѣчь, о тѣхъ моленіе наше есть безпечаліе. Таковое повелѣніе Святаго Апостола и разсужденіе божественнаго Златоуста Православная Церковь всегда неотложительно имѣетъ. Но ни отъ кого, никогда, нигдѣ зазираема изъ разумныхъ и свойство Святаго Писанія вѣдущихъ не была; ибо сіе творящи, исполняла повелѣніе Апостольское и Пророческое. Понеже и въ Ветхомъ Завѣтѣ, за несогласныхъ въ вѣрѣ Царей молились и жертвы приносили, о чемъ ясно показуется въ книгѣ Варуха Пророка въ главѣ 1: Когда плѣнены были Іудеи въ Вавилонъ, тогда, собравши злато, послали во Іерусалимъ, и писали, чтобы принесли жертву и молилися за житіе Навуходоносора, Царя Вавилонскаго, и за житіе Валтасара, сына его, да будутъ дніе ихъ, яко дніе небесніи на земли; но за сіе, ни тогда, ниже послѣ никогда, ни отъ кого зазрѣны не были. По сему, ежели кто за Папу, жительствующій въ его по гражданству области, яко власть предержащую, молитися будетъ, то погрѣшити не можетъ, но токмо бы не имѣлъ единомудреннаго и единосогласнаго въ вѣрѣ исповѣданія и церковныхъ по ихъ догматамъ содержаній. Ибо кто за кого творитъ молитвы и моленія, той съ

тѣмъ по исповѣданію Вѣры, или содержанію каковыхъ догматовъ, не согласуется. По сему несправедливъ тѣхъ людей вопль, которые поносятъ приносящихъ Господу Богу молитвы за властей, отъ Бога устроенныхъ, аще и не единаго исповѣданія; ибо они, Принося моленіе Богу, исполняютъ Апостольское и Пророческое ученіе, которое отъ самого Бога есть имъ вдохновенно.

По семъ предлагается второе:

Для чего Филаретъ, Патріархъ Московскій, не почитаетъ тѣхъ Православными Христіонами, которые молятъ Бога за Папу Римскаго, но и крещенныхъ отъ нихъ паки крестити повелѣваетъ?

Тако бо онъ въ своемъ Соборномъ Изложеніи опредѣляетъ: «А которой Бѣлорусецъ (пришедъ въ Россію) скажетъ о себѣ, яко крещенъ онъ въ Христіанскую Вѣру, а которой Попъ его крестилъ, и тотъ Попъ въ божественной Литургіи, въ приношеніи и во ектеніяхъ, во первыхъ поминаетъ Римскаго Папу, да и во всякомъ пѣніи и въ литіяхъ молитъ Бога за Папу, и таковаго подобаетъ совершенно крестити въ три погруженія, и мѵромъ и масломъ помазывати. Да и Латинскую ему ересь и Папежевъ Римскихъ еретиковъ проклинати.» И еще повторяетъ: «А который Бѣлорусецъ скажется, что былъ онъ въ иной Вѣрѣ, и пришелъ изъ оной Вѣры въ совершенныхъ лѣтахъ, и крестился въ Христіанскую Вѣру въ Литвѣ отъ Русскаго Попа, а тотъ Попъ, который его крестилъ, молитъ Бога за Папу, и таковаго совершенно крестити, и Латинское и еретическое отрицаніе ему говорити, и молитвы ему говорити, и младенческое отрицаніе такожде, что и еретику, для того, что крещенъ отъ отступника, который молитъ Бога за Папу же.»

Изъ сего многіе заключаютъ, аки бы Филаретъ Патріархъ, безъ всякаго разсмотрѣнія и разсужденія, не обрѣтши прочихъ винъ за оными Бѣлорусцами, но токмо за единое моленіе за Папъ, повелѣваетъ (оныхъ Бѣлорусцевъ) крестити; но противъ таковыхъ симъ показуется: Святѣйшій Филаретъ, Патріархъ Московскій и всея Россіи, со освященнымъ соборомъ въ лѣто 7129, Де-

кабря 16 дня, установили крестить поминаемыхъ Бѣлорусцевъ, для того, что они отъ Православныя Восточныя Церкви отступили, и Римскія Церкви догматы приняли за истинные и спасительные, и Папу Римскаго признали за правомудрствующаго и совершенно съ нимъ соединились, что видно изъ словъ сего же Патріарха, которыя содержатъ тако: «Понеже азъ, смиренный Филаретъ, Патріархъ Московскій и всея Россіи, егда убо бых въ Польскомъ и Литовскомъ Государствѣ, и многая въ нихъ видѣхъ несогласія церковная, въ самыхъ тѣхъ Христіанѣхъ, иже суть Бѣлорусцы въ нихъ нарицаются.» Ниже: «А въ которой у нихъ церкви, аще она и Христіанская есть, молятъ Бога за Папу, и таковая церковь у нихъ нарицается Унѣя, и по ихъ же разсужденію нарицается отъ нихъ Уніей, сирѣчь соединеніе, еже мирующіися и соединяющіися съ Папежники. Въ чемъ же тогда у оныхъ Бѣлорусцевъ состояло съ Папежниками соединеніе и мирствованіе, о семъ явственно Показуется въ книгѣ «О правой Вѣрѣ,» глав. 24, какъ пять Владыкъ Рускихъ, а шестый Митрополитъ, въ лѣто 1595, отъ послушанія настоящаго имъ пастыря, Патріарха Константинопольскаго, отступили, и на всей воли Римскаго Папы заручную грамоту ему дали, и къ ихъ Исповѣданію согласились:

а). Духа Святаго исхожденіе отъ Отца и Сына вѣровать.

б) Опрѣсноки и квасный хлѣбъ въ тайнодѣйствіи (всѣмъ по чину своея Церкве, Западныя и Восточныя) полагать за едино.

в) Подъ единымъ видомъ хлѣба простый народъ причащать.

г) Огнь чистительный проповѣдывать.

д) Папу Римскаго главою всея Церкви почитать.

е) И вся дѣйствуемыя ими тайны благодать подающими исповѣдывать. А повтореніе крещенія (дѣйствуемаго отъ несогласныхъ, въ противность всего церковнаго о крещеніи положенія) святотатствомъ исповѣдывать, и прочая, несогласная Православной Церкви содержанія, за правая и истинная вмѣнять, и тѣмъ съ древними Святыми Отцы и богоправославленными учители, и

божественными Апостолы, паче же съ самимъ Начальникомъ Вѣры и Совершителемъ, Христомъ, раздоръ имѣть. И тако Уніяты, хотя и Греческія Церкви видъ и обычай въ священнослуженіи содержатъ, но по залогу ихъ и данной (Папѣ со Исповѣданіемъ) присягѣ, мысленно и явственно съ нимъ соединились, и соединяются, и яко единыя Римскія Церкви чада, братіею себя другъ другу вмѣняютъ, и единаго верховнаго пастыремъ пастыря Папу проповѣдуютъ и прославляютъ, и противу Православныхъ вси равно противоборствуютъ.» Таковыхъ ради важнѣйшихъ ересепріятій, какъ отъ самыхъ, отъ нихъ же свидѣтельствуетъ въ лѣто 1054, подъ числомъ 6, на Грековъ въ винѣ 3, Бароній, что тогда Греки Римлянъ паки крестили, для того, что крещеніе, дѣйствуемое отъ еретиковъ Римлянъ, они за спасительное и святое не вмѣняли. Сему слѣдуя и Святѣйшій Филаретъ Патріархъ, какъ Римлянъ, такъ и единосогласниковъ ихъ, Уніятъ, законно и правильно крестити повелѣваетъ; о семъ и глаголетъ: «Тѣмже убо азъ, смиренный Филаретъ, Патріархъ Московскій и всея Русіи, съ сыновы моими положихъ и утвердихъ завѣтъ и уставъ грядущимъ по насъ сыновемъ и братіямъ нашимъ, и всѣмъ церковникомъ, сущимъ подъ нами, се, не новое, преданіе введше, но древнее укрѣпляюще, поновихомъ. Того ради да увѣдятъ вси людіе всея Россійскія земли, яко вси еретики различныхъ еретическихъ Вѣръ не имѣютъ права святаго крещенія, еже водою и Духомъ Святымъ. И того ради отъ всѣхъ еретическихъ Вѣръ различныхъ, приходящихъ Православію Христіанскаго закона, подобаетъ совершенно крестити святымъ крещеніемъ, по преданію и содержанію Святыхъ Вселенскихъ Патріархъ, еже утвердиша по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ!» Ибо Уніяты съ Римляны, отъ единаго горчайшаго злобы еретическаго корене, свое неправедное мудрованіе производятъ, и древо, приносящее плоды погибели душевны я (различныхъ ересей), произращаютъ. Отъ него же самохотно и безразсудно вкушаютъ умирающіи вѣчною смертію. Что и дѣйствительно случилось въ царство Царя Греческаго, Михаила Палеолога, когда Римляне, собравши свое воинство, принуждали Православныхъ Христіанъ къ соединенію своему: тогда пришли и на Аѳонскую Гору, гдѣ много монастырей, не восхотѣвшихъ съ ними согласиться, разорили, иноковъ великими мученіями различнымъ смертямъ пре-

дали. Потомъ пришли къ монастырю великому и славному, Ксиропотамскимъ именуемому. Иноки сего монастыря слышали, что съ прочими монастырями Римляне учинили, ослабѣли духомъ, устрашились и не восхотѣли противостати мужески и подвизатися какъ прочіе, но вышли во срѣтеніе ихъ со кресты, приняли ихъ съ любовію и честію, и на Унію (то есть, къ единомысленному съ ними соединенію въ Вѣрѣ и содержанію ихъ догматовъ) согласились, въ церковь съ ними вошли, начали пѣть вкупѣ Литургію. И какъ Діаконъ помянулъ въ ектеніи имя Папы Римскаго, страшное чудо совершилося: сталъ великій шумъ и страшное трясеніе земли, и вдругъ упали всѣ стѣны церковныя и монастырскія, чѣмъ подавило множество народа, какъ иноковъ Греческихъ, такъ и пришедшихъ Римлянъ. Но что сія казнь, не по случаю каковому, а по самому Божію изволенію, воспослѣдовала, то и еще другое удивленія достойное чудо всѣмъ явственно показано было: остались части стѣны и башни, чрезвычайно къ землѣ наклонившіяся, а не разсыпавшіяся, въ воспоминаніе чудеснаго Божія наказанія.

Симъ ясно показуется всякому, каковъ есть полезенъ миръ Грековъ съ Римляны, что страшнымъ показаніемъ отъ самаго Бога засвидѣтельствовано. Такова есть Унія (или соединеніе) съ Римскою Церковію, чго многихъ мучительнымъ умерщвленіемъ, не согласующихъ ей, жизни лишила. Таково ея мнящееся быти Богу жертвоприношеніе, что многимъ погибель душевную и тѣлесную исходатайствовало.

Взирая на сіе всякъ, истинно любящій Бога и Православную Церковь, не долженъ въ наученія странная и различная прелагатися, но поминати тѣхъ наставниковъ, которые глаголаша намъ слово Божіе, и взирати на скончаніе жительства ихъ, и подражати Вѣрѣ ихъ.

Отъ сего всякъ разумный, а не раздоротворный, усмотрѣти и разумѣти можетъ, что Святѣйшій Филаретъ, Патріархъ Московскій, со освященнымъ Соборомъ, не просто за едино творимое, по гражданской власти, за Папу Римскаго моленіе, не Православными нарицаетъ, и крещенныхъ отъ таковыхъ Поповъ паки

крестити повелѣваетъ, но за присоединеніе къ Папѣ, по исповѣданію Вѣры и прочихъ догматовъ и чиносодержанію единомудренное и единомысленное съ нимъ согласіе, таковыхъ не Православными именуетъ, и крестити отъ таковыхъ, по древлебывшему въ Православнѣй Церкви установленію, повелѣваетъ и утверждаетъ.

Но аще бы за едино токмо по гражданской или свѣтской власти моленіе за Папу, тако не Православными нарицалъ, и за сіе токмо единое крещенія отъ нихъ не пріималъ, но паки крестити крещенныхъ отъ нихъ повелѣвалъ, то явственно показалъ бы себя противниковъ Апостольскому, Пророческому и прочихъ Святыхъ духопросвѣщенныхъ пастырей ученію, повелѣвающихъ молитися, и молившихся, о Царѣхъ и сущихъ на властѣхъ, яко же и Папа по гражданству власть именуется, хотя бы и невѣрны были.

Того ради должно о всякой вещи истинно разсуждать, и не имѣть ни какого притворствія и своемнительнаго мудрованія, которое не приноситъ пользы, но паче вредъ душѣ и тѣлу и погибель вѣчную. Чего ради любитель истины избираетъ разумно видѣть, аще гдѣ правда обитаетъ, а прелесть и непостоянная ложь далече прогоняется, отъ нея же да избавитъ насъ всемилостивѣйшій Господь Богъ своею неизреченною благостію! Аминь.

XV.

ВОЗНИКШЕЕ НОВОЖЕНСТВО ВЪ СОГЛАСІЯХЪ БЕЗБРАЧНЫХЪ СТАРООБРЯДЦЕВЪ. *

СОЧИНЕНІЕ

Андрея Сергѣева.

Умніи уразумѣютъ, каково Новожество.

Почтеннѣйшій читателю!

Любя вѣрность къ чести и славѣ правильнаго разумѣнія, благоволите обратить ваше умное вниманіе на возшедшія сдѣсь обстоятельства, которыя хотя въ краткости, но должно ясно сообщить о Новоженствѣ: откуда оно произошло, въ какомъ образѣ, какія того дѣйствія, о чемъ знаменованіи, отъ кого, чему, за что удостоено, какія отличія, сколько тому отъ рожденія годовъ: о матеріяхъ, самыхъ, знанію достойныхъ, легко можете усмотрѣть въ дѣйствіяхъ здѣсь идущихъ.

О

Новоженствѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

1.

Возникнуть Новоженству способными источниками были сами Старообрядцы, Вѣры (мнимо) Дѣвственной, Согласіевъ Безбрачныхъ, по Безпоповщинѣ, Пустынниковъ, Поморянъ, Ѳеодосіевыхъ, Филипповыхъ, Бабушкиныхъ и Аристовыхъ.

2.

Отъ Согласій произошло и умножено поженщинское состояніе, которое, подобно большему наводненію, расплодилось по всѣмъ Губерніямъ въ Россіи.

---

* Статья, важная какъ для подсудности (юрисдикціи), такъ и для управительства

3.

Многіе сочлены Дѣвственныхъ Вѣръ, будучи въ невозможности содержать Вѣру выше естественную, дѣвственной честности, то и рѣшились перемѣстить себя къ состоянію естественному, но съ тѣмъ, однако жь, чтобы принадлежать всегда къ Согласіямъ Дѣвственнымъ.

4.

Выходцы Дѣвственныхъ Вѣръ, усвоя себѣ здравомыслiе и честности народныя, облекшись въ благовидности, и въ публикѣ народной обнаружили себя въ супружествѣ.

5.

Но супружество ихъ такое, кромѣ обрядовъ Христіанскихъ, согласіемъ родительскимъ отвергнутое, и святымъ образомъ не благословленное, и въ костелахъ Польскихъ полученное.

6.

Но, впрочемъ же, однако, по такимъ обстоятельствамъ избѣгая безобразія и уважая совѣты почтенныхъ людей, нѣкоторые изъ нихъ соглашались исполнять обряды Христіанскіе. Но дѣйствуютъ у кого родственные, а гдѣ и чужіе, люди, и нѣкоторые (соединялись) согласіемъ и волею родительскою, за благословеніемъ святымъ образомъ, цѣлованіемъ Евангелія и Креста Христова, въ собраніи родственниковъ и друзей.

7.

Но состояніе и такое у нихъ точію подъ видомъ, лицемѣрно, не истинно, притворно и ложно. По тому паче, что они, подъ покрываломъ благообразности, содержатъ Вѣру бракоборную, от-

---

(администрація), описываетъ дѣйствія и отношенія Безбрачниковъ или мнимыхъ Дѣвственниковъ секты Безпоповской къ Новоженамъ, показывая, что первые относятся къ послѣднимъ въ духѣ крайней нетерпимости, умыслившей противъ нихъ разнаго рода, неслыханныя вовсе между Православными, внутреннія преслѣдованія.

трицаютъ продолженіе браковъ таинственныхъ всюду (т. е., Православно-церковныхъ) и свое супружество рузумѣютъ явнымъ блудничествомъ, въ таинствѣ такомъ: Жену свою сознать хозяйкою всегда, законной же назвать, по Вѣрѣ, никогда. Они въ публикѣ женатые, по совѣсти въ безбрачіи, по Вѣрѣ въ блудничествѣ.

8.

Дѣвственныхъ Согласіевъ духовныя особы, видя своихъ таковыхъ сочленовъ, кои явились въ толико чудовищномъ безуміи, что у нихъ одна и та же (супружество, т. е.) вещь (т. е., по супружеству жена) законная и незаконная, честная и безчестная, тьма и свѣтъ, различія въ томъ нѣтъ, но уважая толикія злохитрости растлѣнныхъ умовъ, возложили на нихъ почетное званіе Новоженства.

9.

Новожены слово такое знаменуетъ, чтобы разумѣть ихъ явными блудниками, что отрѣшилися супружества законнаго, чуждыми собранія вѣрныхъ, чуждыми церкви Божіей, чуждыми Святыя Троицы, чуждыми Христа и Святыхъ, чуждыми Богослуженія общаго съ Христіанами, чуждыми Православія, чуждыми благочестія, чуждыми и Христіанскаго званія. Знаменованія такія Новожены носятъ на себѣ съ уваженіемъ!

10.

Новоженству, толико значительному, Дѣвственныхъ Согласіевъ уставы соборные и частные приносятъ знаменитыя отличія, въ числѣ коихъ:

1. Съ Новоженами во одной храминѣ Христіанамъ не жити.
2. Въ домахъ Новоженовъ Христа не славити.
3. У Новоженовъ ни какого Богослуженія Христіанамъ не совершати.
4. Съ Новоженами молитвою и пищею Христіаномъ не сообщатися.
5. Изъ Новоженской посуды Христіанамъ не пити и не ясти.
6. Въ домахъ Новоженскихъ Христіанамъ не стряпати.

7. Новоженкамъ у Христіанъ стрянать запретить.

8. Новоженскихъ дѣтей Христіанамъ не пѣстовать.

9. Дѣтямъ Новоженскимъ по крещеніи стрянать самимъ на себя.

10. Въ чадородіяхъ Новоженскихъ Христіанамъ не пособствовати и повиванію не служити.

11. Дѣтей Новоженскихъ здоровыхъ не крестить.

12. Но крестить точію больныхъ, и со обѣщаніемъ, чтобы отцу съ матерью разлучиться.

13. Новоженскаго младенца по крещеніи отдавать на Христіанскія руки (т. е., въ среду или въ кругъ безбрачниковъ).

14. Новоженскаго младенца, крещеннаго матерью, Новоженкѣ своими грудями не кормить, а поить молокомъ коровьимъ и изъ горшка, а не изъ рожка.

15. Младенца Новоженскаго, по крещеніи умершаго при погребеніи, не отпѣвать, аще отецъ и мать его не разлучилися.

16. Новоженокъ здоровыхъ кающихся примати съ распутствомъ брака (т. е., по разводѣ).

17. Новоженовъ, сотворшихъ покаяніе, разводити въ разныя деревни.

18. Изъ Новоженской храмины отъ иконъ восковыя свѣчи въ комнатѣ Христіанской (т. е., у безбрачниковъ) къ святымъ иконамъ не поставляти.

19. Въ Новоженскихъ покояхъ иконъ и Новоженовъ не кадити. *

---

* Такими запрещеніями, епитиміями и стѣсненіями преслѣдовались Новожены отъ мнимыхъ Дѣвственниковъ, въ страшной ихъ бракоборной ревности..... И замѣчательна сила этого совокупнаго со стороны Ѳеодосіевцевъ, Филипповцевъ и проч. натиска на несчастныхъ Новоженовъ: первые, можно сказать, съѣли послѣднихъ.

20. Во святую Пасху съ Новоженцами не христосоватися.

21. Въ продолженіи погребенія по умершемъ Христіанинѣ, Новоженамъ стоять позади всѣхъ, съ Христіанами не молитися и не креститися. И лѣстовки въ рукахъ не держати. Свѣщей возженныхъ росковыхъ Новоженамъ въ рукахъ не имѣти, ко св. иконѣ Новоженамъ це прикладыватися, съ Христіаниномъ умершимъ Новоженамъ по Христіански не прощатися.

22. Христіанина умершаго Новоженамъ запретить до могилы носить.

23. Ко иконамъ, Новоженами писаннымъ, Христіанамъ не молитися.

24. Въ домахъ Новоженскихъ, и къ древнимъ иконамъ, Христіанамъ не поклонятися.

25. Отъ браковъ Новоженскихъ въ семействахъ родство тѣлесное числити токмо по обычаю народному и для полученія имѣнія наслѣдственнаго.

26. Въ семействахъ Новоженскихъ, отъ дѣтей незаконно рожденныхъ происшедшихъ родства тѣлеснаго по всѣмъ степенямъ не признавать, а почитать ихъ между собою всѣхъ чадами.

27. Различности очевидныя, Новоженамъ присвоенныя по духу Вѣры, образа мыслей и дѣйствій Новоженческихъ (?).

29. Христіанамъ съ Новоженками въ одной банѣ и шайкѣ не мыться.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Новоженство, отверженное своею хитростію, укрываетъ и охраняетъ незаконное свое супружество отъ упрековъ народныхъ, кои за беззаконіе обличаютъ публично. Новожены постыдное свое сопряженіе заботятся украшать честнымъ порядкомъ, подобно нѣкоего кумира съ духомъ лукавымъ поставити въ храмѣ мрамор-

номъ для украшенія. Новожены, поправъ свою совѣсть, и Вѣру, и благоправіе, не устыдилися обманывать начальство и лукавить предъ Правительствомъ, что, утаивъ свое незаконное Новоженство, называли себя законными и платили пошлину, Указами дозволѣнную, за совершеніе браковъ не у церквей. Но собирать съ Новоженовъ не предписано, ибо въ Новоженствѣ законы брака не совершаются, и Указы къ беззаконію Новоженскому не относятся. По тому Новожены не подлежатъ такому платежу; они, заплативъ пошлину, и незаконное свое сочетаніе и дѣтей своихъ незаконнорожденныхъ вводили подъ покрывало законности. И успѣхами такими воспользуясь, торжественно ликовали и пѣсни Езоповы воспѣвали: «И мы яблоки, яблоки, и мы яблоки, яблоки!»

Новожены, разными происками, свое постыдное супружество и дѣтей незаконнорожденныхъ успѣвали соединять къ честнымъ семействамъ. Изобразивъ же хамелеона, коего разноцвѣтностію себя украшали и украшаютъ, отъ перваго Указа Высочайшаго съ 1718 по 1775 въ дѣйствіи 57 лѣтъ. Отъ сего же времени по уничтоженіи кончины, по 1846 годъ продолжаютъ 71 годъ; до прежде Указовъ въ размноженіи Новоженства 33 года; всего же времени Новоженства отъ рожденія 161 годъ.

XVI.

ИЗВѢСТІЕ О НОВОЖЕНАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Андрея Сергѣева.

Безпоповцы Филипповскаго и Ѳеодосіевскаго Толка научаютъ препровождати время свое въ безженномъ пребываніи, имѣюще извѣтъ, яко нѣсть нынѣ единосогласнаго имъ Священства, и глаголютъ: «Лучше впасти въ каковый грѣхъ, ради угоденія естественныя страсти, нежели безъ согласнаго священнодѣйствителя вступить

20. Во святую Пасху съ Новоженами не христосоватися.

21. Въ продолженіи погребенія по умершемъ Христіанинѣ, Новоженамъ стояти позади всѣхъ, съ Христіанами не молитися и не креститися. И лѣстовки въ рукахъ не держати. Свѣщей возженныхъ восковыхъ Новоженамъ въ рукахъ не имѣти, ко св. иконѣ Новоженамъ не прикладыватися, съ Христіаниномъ умершимъ Новоженамъ по Христіански не прощатися.

22. Христіанина умершаго Новоженамъ запретить до могилы носить.

23. Ко иконамъ, Новоженами писаннымъ, Христіанамъ не молиться.

24. Въ домахъ Новоженскихъ, и къ древнимъ иконамъ, Христіанамъ не поклонятися.

25. Отъ браковъ Новоженскихъ въ семействахъ родство тѣлесное числити токмо по обычаю народному и для полученія имѣнія наслѣдственнаго.

26. Въ семействахъ Новоженскихъ, отъ дѣтей незаконно рожденныхъ произшедшихъ, родства тѣлеснаго по всѣмъ степенямъ не признавать, а почитать ихъ между собою всѣхъ чадами.

27. Различности очевидныя, Новоженамъ присвоенныя по духу Вѣры, образа мыслей и дѣйствій Новоженческихъ (?).

29. Христіанамъ съ Новоженками въ одной банѣ и шайкѣ не мыться.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Новоженство, отверженное своею хитростію, укрываетъ и охраняетъ незаконное свое супружество отъ упрековъ народныхъ, кои за беззаконіе обличаютъ публично. Новожены постыдное свое сопряженіе заботятся украшать честнымъ порядкомъ, подобно нѣкоего кумира съ духомъ лукавымъ поставити въ храмѣ мрамор-

номъ для украшенія. Новожены, поправъ свою совѣсть, и Вѣру, и благонравіе, не устыдилися обманывать начальство и лукавить предъ Правительствомъ, что, утаивъ свое незаконное Новоженство, называли себя законными и платили пошлину, Указами повелѣнную, за совершеніе браковъ не у церквей. Но собирать съ Новоженовъ не предписано; ибо въ Новоженствѣ законы брака не совершаются, и Указы къ беззаконію Новоженскому не относятся. По тому Новожены не подлежатъ такому платежу; они, заплативъ пошлину, и незаконное свое сочетаніе и дѣтей своихъ незаконнорожденныхъ вводили подъ покрывало законности. И успѣхами такими, воспользуясь, торжественно ликовали и пѣсни Езоповы воспѣвали: «И мы яблоки, яблоки, и мы яблоки, яблоки!»

Новожены, разными происками, свое постыдное супружество и дѣтей незаконнорожденныхъ успѣвали соединять къ честнымъ семействамъ. Изобразивъ же хамелеона, коего разноцвѣтностію себя украшали и украшаютъ, отъ перваго Указа Высочайшаго съ 1718 по 1775 въ дѣйствіи 57 лѣтъ. Отъ сего же времени, по уничтоженіи кончины, по 1846 годъ продолжаютъ 71 годъ; до прежде Указовъ въ размноженіи Новоженства 33 года; всего же времени Новоженства отъ рожденія 161 годъ.

XVI.

ИЗВѢСТІЕ О НОВОЖЕНАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Андрея Сергѣева.

Безпоповцы Филипповскаго и Ѳеодосіевскаго Толка научаютъ препровождати время свое въ безженномъ пребываніи, имѣюще извѣтъ, яко нѣсть нынѣ единосогласнаго имъ Священства, и глаголютъ: «Лучше впасти въ каковый грѣхъ, ради утоленія естественныя страсти, нежели безъ согласнаго священнодѣйствителя вступить

въ законное супружество.» Изъ нихъ же нѣкоторые боятся отъ таковыхъ тайно творимыхъ дѣяній, бываемыхъ злосчастій, гдѣ прилучается лишеніе не токмо всего имѣнія, но и самыя жизни. И хотя такожде разсуждаютъ, что, безъ согласнаго имъ Священника, вступити въ законное супружество, глаголютъ, не возможно, однако изобрѣли себѣ новую и отъ начала вѣка въ концѣхъ всея вселенныя во всѣхъ языкахъ никогда же слышимую женитьбу. Отъ коего дѣйствія и наименованіе новое притяжали себѣ нарицатися «Новожены.» Есть бо ихъ (Новоженовъ) состояніе сицевое: когда кто, яко человѣкъ, не возможетъ плотскимъ возмущеніямъ противостати, и восхощетъ прилѣпитися въ ихъ общество, то ищетъ себѣ друговъ подобонравныхъ, и такъ прилѣпляется единомысленнѣй дружинѣ, ищетъ случая, гдѣ бы обрѣсти согласную по своему намѣренію жену, или дѣвицу, съ нею же воспріяти сожитіе. И егда, или чрезъ каковыхъ единонравныхъ ходатаевъ гдѣ обрящетъ, или чрезъ лицезрительное разглагольствіе согласіе возъимѣетъ, или чрезъ написаніе другъ другу намѣренія своя явятъ, тогда и желаніе свое въ конечное дѣйствіе приведутъ.

Имѣютъ же оныи Новожены своему сопряженію соразличныя виды: овіи тайно пришедшіе восхищаютъ отъ родителей дѣвицъ и во своя жилища отводятъ, творятъ же сіе по предсогласному условію и совѣту. Овіи же дѣвицы, восхитивше имѣніе своихъ родителей, тайно къ рачителю своему убѣгаютъ. Иніи же и вѣдущимъ родителемъ ихъ, но яко не знати притворяющимся, и молчанія на уста своя налагающимъ, въ начинаніи таковаго дѣянія послабляютъ. Егда же совокупятся чада ихъ, тогда по малѣ времени, едини о дщери, аки о мертвой, плачутъ, друзіи же аки о впадшемъ въ тяжкій грѣхъ, и великое беззаконіе сотворшемъ сынѣ, притворное рыданіе составляютъ; потомъ обоихъ родители сошедшеся, аки сѣтующе, нѣкій часъ пребываютъ, и по семъ о награжденіи дщери глаголати начинаютъ, и тако окончавши своя совѣты, расходятся во свояси. Иніи же родители совѣтуютъ съ сыномъ и дщерію о сопряженіи таковомъ, и когда совѣтъ свой утвердятъ, тогда единъ сынъ идетъ въ домъ той, гдѣ нареченную себѣ любовницу видѣти желаетъ, но родители, страха ради, да не будутъ отъ общества за сіе отлучени, не приходятъ. Тако и въ дому томъ, гдѣ оная любовница жительствуетъ, родители

ея къ таковому дѣйствію, чтобы показати тому свою дщерь, не приступаютъ, но сродницѣ каковой, или пріятельницѣ, оное дѣяніе производити вѣряютъ. Овіи же родители какъ сыну своему ищутъ таковыя согласницы, такъ и о дщери пекутся, дабы обрѣсти ей любовника, и соглашаются между собою о награжденіи или приданомъ, и приходятъ въ домъ родителей, аще суть, или сродниковъ дѣвицы, не таковымъ образомъ, какъ законнобрачущіися творятъ, смотрити невѣсты сыну своему, но не тако Новожены, не тако. Приходятъ бо аще и дѣвицу зрѣти, но притворяются, яко что продати, или купити, или каковыхъ въ домѣ имѣющихся вещей видѣти. И тако усмотряютъ дѣвицу, и совѣтуютъ овіи съ сыномъ, овіи же со дщерью, аще видятся угодни другъ другу. И какъ соизволеніе ихъ узнаютъ, и согласіе возъимѣютъ, тогда родители изъ храмины тоя вонъ исходятъ, оставляя дѣтей своихъ съ нѣкіими чуждими предначати ихъ будущаго сожитія любовническое дѣйствіе и, смотря изъ тоя храмины, сослаждаются, зряще ихъ дѣянія. Овіи же, по усмотрѣніи любовницы и по учиненіи согласія, отходятъ съ сыномъ въ домъ свой, и потомъ обоихъ родители пріуготовленія творятъ, едини ради приведенія сыну своему рачительницы, пищу изобильну, и питія многоразлична уготовляютъ, друзіи же, какъ дати дщерь свою любовнику, да лучши красота ея съ прелестьми явится, различными одеждами украшаютъ. Егда же приспѣетъ нареченный день таковаго сопряженія, тогда юноша и дѣвица не требуютъ по обычаю Христіанскому, по подобію сочетавающихся законнымъ бракомъ, отъ родителей благословенія, но какъ незнаеми и чужди ходятъ, пріуготовляющеся къ совершенію предначатаго дѣйствія. Тако и родители будто странни являются, и яко не сопричастни таковаго ихъ дѣянія показуются. И хотя совѣтъ каковый и творятъ, но благословенія сыну по обычаю законнобрачившихся не подаютъ. И тако сынъ, не получивъ благословенія, посылаетъ, да возмется его любовница изъ дому ея родителей, и ожидаетъ оную, гдѣ надѣются сожитію своему, да не будетъ отъ народа зазрѣнія, нѣкую твердость получити. Тако и дѣвица, украсившися свѣтлыми одеждами, къ присланнымъ отъ любовника, такожде не получивши благословенія отъ родителей, исходитъ и въ нареченное мѣсто къ рачителю своему является, откуду, по подобію законнобрачившихся, въ домъ возвращаются. И какъ родители

увидятъ сына своего, приближающагося съ любовницею его къ дому, то немедленно или въ иную храмину входятъ, или на улицу исходятъ, и въ чуждый домъ переходятъ, ожидающе времени, дондеже сынъ ихъ введетъ въ домъ нареченную себѣ, по народному именованію, жену, по ихъ же залогу и намѣренію блудницу. Другіе же, хотя и во единомъ дому, но въ иную храмину входятъ и тайно на входящихъ сына и приводимую имъ любовницу смотрятъ, и прилежно взираютъ не на лице токмо, но и одежд стройность, и ступаніе могутъ усматриваютъ: и сими веселящеся услаждаются. Таже по малѣ отъ затвора своего исходятъ, и пришедшихся гостей любезно привѣтствуютъ. На сына же и приведенную, мимо ходяще, яко на незнаемыхъ, и не взираютъ. Но потомъ во второй, или третій, день, яко законную сына своего жену, снохою и невѣсткою называютъ. Овіи же лицемѣрящеся и да не познаны будутъ отъ несогласныхъ, творятъ, по подобію законнобрачившихся, вмѣсто своихъ родителей, чуждыхъ нѣкіихъ призываютъ, и отъ тѣхъ, яко требующе благословенія, къ родительницѣ своей отходятъ. И егда приведутъ любовницу въ домъ свой, то отъ тѣхъ своихъ благословителей, яко истинніи супружницы, со святою иконою и прочимъ, къ тому принадлежащимъ, срѣтаемы бываютъ, и какъ отъ невѣдущихъ залога, ихъ, вопрошаются: чего ради сами родители во время сіе не быша, но чуждимъ срадоватися мѣсто сіе даша? На сія ложная отвѣтословія вымышляютъ, и неудобства и пренятія нѣкая предлагаютъ. Нѣцыи же родители, да не приведутъ по гражданству въ стыдъ чадъ своихъ, и сами таковой видимой блудотворной радости пріобщаются, овы подаяніемъ благословенія при отхожденіи къ любовницѣ, овы при введеніи въ домъ срѣтеніемъ со святою иконою и прочимъ радостовидными дѣяніи. Но за сіе, яко весьма тяжкое, преступленіе, что чадомъ своимъ соизволеніе на явное блудное сѣшеніе подали, приходятъ къ Настоятелемъ, приносятъ покаяніе и требуютъ прощенія. Настоятели же, разсмотряюще качество человѣка, даютъ епитимію въ наказаніе, и бываютъ отлучни общія молитвы и купнованія. Когда же оная любовница сына ихъ родитъ младенца, тогда, яко освернившіися отъ единодомовнаго ихъ спребыванія, паки въ общемоленіе до четыредесяти дней и вящше, приходити возбраняются. Младенцы же аще (по многомъ прошеніи, ибо по уставу ихъ старшихъ не велѣно у тако-

выхъ крестити, развѣ страха ради смертнаго) и сподобляются крещенія, но питати (кормить грудью) матери ихъ не повелѣваютъ, скотскимъ же млекомъ напаяти не запрещаютъ; понеже скоты не согрѣшаютъ, тако, яко же Новожены, того ради и лучше матерей вмѣняются. Что же творятъ родители оныхъ Новожепъ? Сына своего любовницу, яко законносопряженную ему жену, снохою и невѣсткою нарицаютъ, и рожденныхъ отъ нихъ дѣтей, яко законныхъ своихъ внучатъ, вмѣняютъ, о пищи и утѣшеніи ихъ пекутся, на рукахъ своихъ носятъ, всякими привѣтствы ласкаютъ, цѣлуютъ, и тѣмъ увеселяются. Когда же онъ, яко младенецъ немощію объятъ будетъ, тогда съ рождшими ихъ сѣтуютъ, скорбятъ, сожалѣютъ и о здравіи его пекутся, и не токмо сихъ блудорожденныхъ незлобивыхъ младенцевъ любятъ, но и самаго блудодѣятеля, отца ихъ, а своего сына и его любовницу, родители изъ дому своего не отгоняютъ. Но и Настоятели, егда призываемы бываютъ празднества совершати, тогда безъ всякаго отрицанія приходятъ и торжественно церковную службу воспѣваютъ. Приносимыя же свѣщи, и масло, и ѳиміамъ, отъ держащихъ сыновнюю блудницу въ дому своемъ родителей, Настоятели не отметаютъ, но токмо сына и его любовницу молитися купно съ собою не попущаютъ, въ притворѣ же нѣгдѣ стояти и слушати пѣнія и чтенія не возбраняютъ, но токмо ихъ тѣмъ хуждше скотовъ вмѣняютъ, яко скоты безсловесные случается кажденія ѳиміамнаго сподобляются, яко же кони, въ память Святыхъ мучениковъ Флора и Лавра, кропленія святыя воды удостоиваются, но Новожены, яко во истину сущіи всѣмъ явніи и знаеміи блудники, того лишаются. Иніи же Новожены, не имѣющіе родителей и хотяще празднество каковое торжествовати, тогда сродника каковаго нищаго въ дому имѣти тщатся, или своего служителя, иніи же имуще дѣтей малыхъ, и ни каковаго имѣнія своего не имѣющихъ, призываютъ Настоятелей праздничное составити торжество. Настоятели же и прочіе празднолюбцы, егда услышатъ званіе, идутъ неотложно и, по совершеніи молитвословія, поздравляютъ не сроднику нищему, ниже служителю господина дому, ниже малымъ дѣтямъ, но самому господину дому, блудника наименованіе носящему, и его рачительницѣ, господствующей въ дому, яко женѣ законнѣй.

Такожде и егда по молитвѣ представлена будетъ трапеза, исполнена брашенъ, по окончаніи оныя, паки тому же господину благодареніе приносятъ. Святыхъ же и богопросвѣщенныхъ святыя Церкви истинныхъ пастырей правильная установленія и опредѣленія, которыя, какъ отъ самыхъ блудниковъ, такъ и отъ держащихъ оныя, то есть, родителей, или господій, приносимая приношенія въ церковь, равнѣ отметаютъ и пріимати не повелѣваютъ, донелѣ же блудодѣющіи отъ своего блудодѣянія, родителіе же отъ потаковства, престанутъ, и тако удобрившеся истиннымъ покаяніемъ, и сами и приносимая отъ нихъ пріяти будутъ. Сія нынѣ мнози честніи Настоятели, яко не знающе и не видяще, мимо протекаютъ, и прежнихъ своихъ отцевъ и учителей, аки вторая содержащихъ по Апостолѣхъ, установленія отлагаютъ. Что же къ сему оныхъ Настоятелей и прочихъ праздолюбцевъ, праздную щихъ въ домѣхъ Новоженческихъ и ядущихъ трапезы ихъ, приводитъ, недоумѣтися подобаетъ. Но развѣ сіе, о чемъ единъ, аще и не Россійскій, но славный, Архипастырь со удивленіемъ тако изрече: «О глубокаго срама! О злаго имѣнія! О горькаго сребролюбія! О ненасыщеннаго брюха! Не отъ сихъ ли соблазны, хуленія, укоризны, свары, мятежи и прочая злая прозябаютъ?» Вси же оніи, именуеміи Новожены, аще и разнообразнѣ сочетаваются, но сопряженницъ своихъ единомысленно законными женами наименуютъ, но многіе истинными блудницами, яко же и суть, нарицаютъ. Другіе же блудницами и наложницами называть стыдятся, законными же супружницами именовать боятся, но домостроительницами, попечительницами, госпожами и хозяйками въ дому, а иные прибылыми товарками и стряпухами оныхъ именуютъ. И любя ихъ, какъ Иродъ Иродіаду, а въ гражданствѣ называя женою, на имя ихъ домы, лавки, заводы и фабрики покупаютъ, и прочее имѣніе подписываютъ имъ и утверждаютъ. И какъ стыда ради предъ честными гражданы и въ Присутственныхъ Мѣстахъ женами называютъ, такожде и дѣтей (по ихъ самихъ сущему исповѣданію) незаконнорожденныхъ, наслѣдниками своего имѣнія, въ противность церковнаго и гражданскаго установленія, устрояютъ. Провождаютъ же оніи Новожены жизнь свою не такъ, какъ прочія ихъ общества, не связавшіяся таковыми узами, и отъ общемоленія и купноядѣнія не отлученныя, но какъ уже явно отторженные отъ сообщества молитвы и трапезы, и

отчаявшіеся о своемъ спасеніи, многіе ни каковаго радѣнія о снисканіи душевныя пользы не имѣютъ. Съ Инославными обществуютъ, ядятъ вкупѣ и піютъ, постовъ уставленныхъ не хранятъ, но какъ въ престрашнѣйшую глубину золъ вшедше, увязаютъ въ тинѣ самовольствія. И яко же сами пребываютъ, тако и дѣтемъ своимъ не внушаютъ истиннаго разсужденія. И возрастшимъ сыномъ женъ вводятъ, и дщерей своихъ мужемъ даютъ, съ таковымъ же, не законнаго бракосочетанія, но беззаконнаго (какъ и сами) сожитія, залогомъ; законнобрачившихся же, по ученію своихъ старѣйшинъ, отвращающеся, ненавидятъ, поносятъ и единокупнаго молитвословія и единотрапезнаго вкушенія отбѣгаютъ. Во время же нѣкіихъ приключившихся болѣзней когда, какъ человѣки, въ содѣянныхъ грѣхахъ восхотятъ принести покаяніе, тогда духовные отцы таковымъ болящимъ предлагаютъ, если дадутъ такое обѣщаніе, чтобы оставить по народному именованію женъ, по залогу же и исповѣданію сущихъ блудницъ, тогда въ общѣмоленіе съ прочими, не вступившими въ Новоженство, пріяти будутъ. Аще ли умруть, то какъ уклонившіеся отъ зла, и восхотѣвшіи творити благая, поминовенія сподоблени будутъ. Слышавше же сія болящіе и убоявшеся смерти, давше таковое обѣщаніе, отъ жизни сея отходятъ. Что же творится во время одержанія болѣзни и въ самый часъ разлученія души отъ тѣла? Предстоитъ любовница у одра своего рачителя, и при самыхъ Настоятелехъ, сѣтовательная составляетъ вопли, кричитъ неутѣшно, припадаетъ къ персемъ больнаго, цѣлуетъ уста, лобзаетъ руцѣ и, къ себѣ жалостно прижавши, испускаетъ великія слезы, умильно проситъ, да при послѣднемъ издыханіи (аще прежде не устроено) распредѣлитъ имѣніе, коликое число чего ради употребити. Здѣ ниже отъ Настоятелей, ниже отъ прочихъ, мнящихся быти вѣдателей Писанія, ему возбраненіе бываетъ. И когда отходящему отъ жизни долженствуетъ прилежно каятися о прелести, ею же содержимъ былъ, но здѣ предъ очесы его представляется и въ сердцѣ попеченіе о той влагается, и жалостію снѣдаемъ, слезами о разлученіи съ своею любовницею лице свое обливаетъ: аще бо и на одрѣ смертнѣмъ лежа, но возводитъ на оную очи, жалостное вѣщаніе испущаетъ и своей именуемой блудницѣ, которую предъ малымъ, или въ самое то время, во исповѣданіи предъ духовнымъ отцемъ, тако нарицати не усомнился,

отъ нея же отлучится обѣщаніе даде предъ Богомъ, оной о имѣніи и поминовеніи души своея завѣщеваетъ. Сущіи же сродницы, яко не имѣющіе участія въ имѣніи того, къ тому не опредѣляются. Егда же оный умретъ, тогда оставшаяся, подъ видомъ жены, оная любовница, безъ всякаго зазрѣнія, такожде при присутствіи самихъ Настоятелей и прочихъ, о разлученіи своего любовника зѣльно плачетъ и нелѣпыя причанія гласы испускаетъ, другомъ, защитникомъ, надеждою и питателемъ своимъ нарицаетъ, и незаконнорожденныхъ (по самому же ихъ исповѣданію) чадъ сиротами и беззаступными именуетъ, и такъ какъ законная жена въ наслѣдіе, послѣ своего любимца, вступаетъ, и не токмо сама, но и прочіе къ тому споможествующими ей бываютъ. Иногда же и сами Настоятели ближнихъ своихъ, понеучителями о тѣхъ устрояютъ. Аще ли прежде умретъ любовница, тогда сожительствующій ея такожде великія плачи составляетъ, и яко о законной супругѣ поминовеніе творитъ, и надъ гробомъ на камени съ наименованіемъ супруги или сожительницы таковаго надписываютъ. А иные завѣщаваютъ, да положатся и тѣлеса ихъ неразлучно. Аще ли же останутся у таковыхъ Новоженовъ родители, тогда, по смерти сына, оставшую любовницу, яко законную снеху, къ себѣ присвояютъ, и надъ ихъ, аще младолѣтни, подобно законнорожденнымъ внучатамъ, воспитываютъ. Аще ли самимъ имъ прежде сына своего, а ихъ отца, скончаніе жизни пріидетъ, то не токмо сицевыхъ живыхъ незаконнорожденныхъ, но еще и въ чаянія родитися имущихъ, именуемыхъ внучать, святыми иконами благословляютъ, и наслѣдниками (въ противность закону) своего имѣнія устрояютъ. И таковыхъ рожденныхъ такожде (по ихъ залогу) къ блудодѣйственной жизни предопредѣляютъ, а особливо ради дѣвицъ и о приготовленія приданаго попеченіе имѣютъ. Друзіи же Новожены въ приключившихся болѣзнѣхъ, видя своя юностная лѣта и невоздержное плоти стремленіе, и яко да не отторжени будутъ отъ своихъ любовницъ, убоялися дати таковое, яко же предъявися, обѣщаніе, и тако косою смерти, яко не зрѣлы класы, посѣчени бываютъ и въ иную жизнь, не извѣстно же, въ кая мѣста, преселилися, однако сіе вѣстно яко отъ своихъ бывшихъ пастырей поминовенія не сподобляются. Иніи же и давше въ болѣзни своей обѣщаніе, чтобы разрѣшитися съ своими любовницами, но какъ здравіе получили и,

гражданства ради съ ними единодомовнѣ пребываніе восъимѣли, тако по первой другъ другу прилѣпительности, разрушивши обѣщаніе, аки огнь съ сѣномъ соединившеся и первою узою плоти связавшеся, препровождаютъ дни свои, яко и первѣе, и отъ Настоятелей нѣкогда аще и зазираются, обаче отъ общенія не отлучаются, разнѣ плодъ ихъ обличникомъ явится, тогда паки они отриновени бываютъ. Друзіи же по своему обѣщанію, сія исполнивше, да пріяти будутъ въ общество, и молитися и единотрапезнаго вкушенія пріобщатися, съ своими любовницами расторглися, и уединенное кромѣ другъ друга житіе провождати начолни. Но нѣцыи отъ таковыхъ, чтобы не впасти во унынію, а къ тому и ради пріуготовленія пищи, наемницъ себѣ стяжали. Таожде и любовницы ихъ, не могуще чимъ питатися, къ инѣмъ во услуженіе себе предаша. И хотя случалося таковымъ отъ единодомовнаго пребыванія и бременоношеніемъ отягчитися, и чадородію тайному быти, но уже не претерпѣваютъ отуда, чтобы отъ общенія и единотрапезнаго вкушенія отлученными быти. Рожденіи же младенцы родителемъ ихъ токмо извѣстно гдѣ сохраняются, и тако необличительни въ вѣцѣ сем родителемъ своимъ бываютъ. Таковыми и прочими дѣяніи (не осуждая, глаголю), изобилующе славное Новожеиство, отъ многихъ слабоумныхъ, или любострастныхъ, человѣковъ похвалено есть и почтено.

XVII.

ПОКАЗАНІЕ

ЯКО ВОЗДЕРЖНОСТІЮ СВОЕЮ ОНОДОСІЕВО СОГЛАСІЕ И ПОДОБНІИ ИМЪ ДРЕВНИХЪ КРИТИКОВЪ МНОГІЯ ЕРЕСИ ОБЛОВИША.

Братотва нашего нѣціи мужіе, а наипаче престарѣлыи жены, на Онодосіево Согласіе воздержности зряще, удивляются, сирѣчь, видяще ихъ отъ мясъ воздержаніе, видяще отъ винопитія воздержаніе, видяще отъ сообщенія Внѣшнихъ воздержаніе, видяще отъ брановѣнчанія тѣхъ воздержаніе, видяще подобно же и отъ

сосудовъ и отъ брашенъ и снѣдей торжищныхъ, ихъ воздержаніе, соблазняются на оныя, а похваляютъ тѣхъ крѣпость, а тая воздержанія неразсудно вмѣняюще, за воздержности ихъ, самыхъ сыновъ Церкве святыя и непорочныхъ блюстителей тоя преданій хулятъ и въ Согласіи оныхъ надѣются совершенному спасенію. Но мы правильно о томъ соблазнѣ разсмотривше, познаемъ братіи нашея соблазнъ дѣтскаго нѣкоего неразумія преполнъ; ибо дѣти младенческими слабыми умы, зряще блещаемыя имъ вещи, неразсудно къ тѣмъ руцѣ простираютъ, мняще утѣху свою въ тѣхъ, дондеже отъ прикосновенія почувствующе вредное, и абіе на слезы обращаются, то наша братія страждутъ, о чемъ Павелъ Апостолъ увѣщеваетъ, таковая глаголя (Коринѳ. зач. 156): «Братіе, не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте,» и на иномъ мѣстѣ пишетъ (Евреомъ зач. 312): «Всякъ бо причащаяйся млека, неискусенъ слова правды, младенецъ бо есть; совершенныхъ же есть твердая пища, имущихъ чувствія обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіе добра же и зла.» И во иномъ (Ефес. зач. 228) паки: «Блюдите убо, како опасно ходите, не яко же не мудри, но яко же премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумѣвайте, что есть воля Божія.» Отъ сихъ Павловыхъ словесъ, азъ вину пріемъ, поносителю къ своему братству глаголю: Зазирая ихъ лѣность и нерадѣніе, како въ толикихъ раздорахъ, въ толико ложнѣ умноженныхъ церквахъ, въ толикихъ соблазнахъ, неопасно, небоязненно, несискательно разума священныхъ преданій пребываютъ; како не готовятъ слово благодатно разуму вѣдати коемуждо, како любовно о своемъ упованіи отвѣщати, и всѣмъ указати стадо сущее превышняго пастыря душамъ, и отлучено явити отъ прочихъ оно словомъ, и подкрѣпити пасти хотящія сердца, но вси просто сіяютъ безпечально, аки уже въ самое небо достигше, не тщатся о взысканіи истиннаго разума, въ немъ же вся благая и дивная Церкве растетъ, тѣмъ же и многимъ невѣжествомъ одержими пребывающе, едино точію созираютъ, аще кое согласіе внѣшнее воздержаніе имать, то и сущая Христова Церковь. Младенческаго се неразумія, зане не вѣдятъ, что и еретицы древле бывшіи мнози бяху высокаго житія, яковыми быша: Воздержницы, Вретищницы, Монтане, Тертулліане, Донатіане, Духоборцы, Естаѳіяне,

Богомилы, и прочіи еретицы, яко высокаго ради житія ихъ, нѣцыи отъ нихъ и по водамъ ходяху немокренно, и во огни бяху не опаляеми, больнымъ отъ прикосновенія здравіе подаваху, мертвыхъ воскрешаху молитвами, о чесомъ изволяй да чтетъ во обоихъ книгахъ Никона Черногорскаго и въ Баронія. Истинная бо Соборная и Апостольская Церковь та есть, которыя люди вся преданія Апостольская и Соборная цѣла соблюдаютъ; * кромѣ же сего нѣсть Церковь истинная Христова, но раздорная и еретическая, яко же и видимъ.

Ѳеодосіево же Согласіе и подобніи имъ людіе великаго воздержанія, но въ томъ ихъ самомъ воздержаніи многія ереси древнихъ еретиковъ оживлени суть, яко же сими показаніи явимъ вамъ.

Показаніе 1-е. Оживленіе ереси Галилейскія.

Во дни Христовы бяше сія ересь Галилейская (Баронія лѣта 1-го), ея же вожди быша Іуда и Садокъ, раздорники Жидовскіе, и многіе народы къ себѣ обратиша, смятенія на власти творяще, дани не хотяху даяти, ниже въ приношеніи жертвъ о Римскихъ Царехъ мольбы творити. Увѣдено же бысть то Кесарю Римскому, посла на нихъ Пилата съ воинствомъ, и изби ихъ во время жертвъ, о ихъ же избіеніи возвѣщено бысть Христу (Луки зач. 70; «И отвѣщавъ имъ, рече: мните ли, яко Галилеяне сіи грѣшнѣйши паче всѣхъ Галилеянъ бяху, яко тако пострадаша; ни, глаголю вамъ, но аще не покаетеся, вси такожде погибнете.» Здѣ отъ Христа не вмѣнена быша сіи избіенніи за мучениковъ Божіихъ, но за погибшихъ: «тако же и вы погибнете.» Но ересь сія Галилейская и по смерти Іудиной пребысть.

Іерусалимская же Церковь за Кесарей невѣрныхъ въ жертвоприношеніяхъ мольбы творяше; свидѣтельствуетъ сіе дѣло посла-

---

* Та, которой основаніе и глава Христосъ, а не Ѳеодосій, или Филиппъ; та, которая пріемлетъ освященіе отъ Духа Святаго, чрезъ священнодѣйствія Таинствъ, и управляется законно поставленными пастырями Церкви, а не чуждымъ святымъ духомъ водится, хотя бы и прикрывался онъ писаніемъ Апостольскимъ и Святоотеческимъ.

ніе Іереміи Пророка въ Вавилонъ, къ плѣненнымъ Іудеомъ, въ немъ же писа, да молятъ Бога за Навуходоносора Царя (Четьи-Минея 1-го Мая); писа же и Варухъ Пророкъ (Варуха глава 1-я) къ сущимъ: «Серебро собравше, послаша во Іерусалимъ, да купятъ потребная въ жертву, и да молятъ Бога за Царя Вавилонскаго и за сына его, да будутъ дніе ихъ, яко дніе неба.» 2-й книги Ездры глава 6: «Повнегда же Израильтяномъ изъ Вавилона во Іерусалимъ свободитися, уставлено бысть Перскимъ Царемъ отъ даней на жертву Господню во всяко лѣто, елико потребуютъ, да приносятъ Богу Вышнему за Царя и за рабы его, и молятъ Бога за животъ ихъ.» Но онія Іудейстія раздорницы ереси Галилейскія вопреки сташа Пророкомъ оныхъ и Церкви Іерусалимской, не моляху Бога за Царя и рабовъ ихъ, тѣмъ же и погибоша.

Въ новой благодати, во истинной Церкви, тожде обыкновеніе древнее о богомоліи за властей творяшеся, о чесомъ Павелъ Апостолъ не просто, но аки о великой вещи, всѣхъ вѣрныхъ на то принуждая, проситъ, глаголя: (2 къ Тимоѳ. глава 2, зач. 282): «Молю убо вы прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, за Царя и за всѣхъ же, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ» и проч. Книга: «Завѣщаніе Святыхъ Апостолъ» (книга 8, глава 10). На сія на Павлова слова Святый Златоустъ глаголетъ: «Въ самое то безкровныя жертвы приношеніе за невѣрныхъ Бога молити» (зри о семъ въ бесѣдѣ 2 на послан. къ Тимоѳею). И паки: «Да не мятется Христіанинъ, что же на время Таинъ поминается Царь многащи, и невѣрный суще, являетъ намъ, пріобрѣтеніе онѣхъ спасеніе.» Послѣдовательнѣ же Апостольскому повелѣнію сему, (Апост. толк. зач. 281) неотложно Восточная Церковь молитвы за невѣрные Цари и рабы ихъ творяше. Свидѣтельствуетъ се Аѳинагоръ, философъ Христіанскій, яко писа ко Аврелію Кесарю Римскому, и сыну его (Барон. лѣто Господне 174): «Мы за державу всегда Бога молимъ, дабы и сынъ отеческое царство воспріялъ отъ Него, всегда умоляемъ; дабы вамъ все благополучно успѣвало, то и намъ полезно есть, да мирно житіе имамы и вамъ доброхотно по повелѣнію служимъ.» Сей философъ объявилъ, яко святая Церковь усердныя молитвы о властѣхъ творяше и творитъ.

Едины сіи новыя Галилеяне, ревнующе ереси древнихъ Галилеянъ, молитвъ си не творятъ, противницы суще Апостольскому повелѣнію и обычаю Всточныя Церкви.

Показаніе 2. Обновленіе ереси Донатскія, Новотіанскія и прочихъ.

Еретики Новотіаны, а наипаче Донатіаны, веліе о себѣ мечтающе, мняхуся быти святыми и блюстительми заповѣдей Христовыхъ, преданій Апостольскихъ, милостивы быша, странноолюбивы, обидимыхъ заступатели, скудныхъ награждатели и смерти не боящеся, и, во знакъ святыни своея, бѣлыя носяще одѣянія, истинныя же Церкве пастырей и собранія Христіанскаго ненавидяще, и аки скверныхъ и грѣшныхъ гнушающеся, и бѣгающе Правовѣрныхъ собесѣдованія, нечестивыми ихъ нарицающе и глаголюще: яко грѣховъ ради Христіанскихъ, во всемъ мірѣ паде Церковь Христова, точію въ нихъ единѣхъ остася; святыя же Церкви пастыріе и учители показоваху имъ, яко грѣховъ ради человѣческихъ не можно Церкви пасти.

Древнихъ еретиковъ обновися сія ересь въ согласіи Ѳеодосіевомъ и прочихъ, не разумѣющихъ, что ересь и что грѣхъ, о чемъ умалчивати и о чемъ обличати годствуетъ, въ чемъ долготерпѣти и въ чемъ ревностно поступати спасенно бываетъ, не разсуждающихъ, но заравно пріемлющихъ грѣхъ и ересь. Тѣмъ же тако вси вящшіи испытатели грѣховъ человѣческихъ бываютъ глаголюще: «Сей-то согрѣшаетъ!» а другій оно, и бредятъ, какъ и Донаты оніи, яко тако согрѣшающихъ нѣсть Церковь Христова, и не достоитъ съ ними ясти, ни пити, ни молитися; сея ради причины, не токмо оныхъ еретиковъ подражатели, но и противницы Христу являются; ибо Христосъ, человѣколюбія ради своего, до смерти дарова покаяніе человѣческому роду. Того ради Петру, верховному ученику своему, глагола (Луки зач. 84, Матѳ. зач. 20): «Аще кто и семдесятъ седмерицею согрѣшитъ, но кается, прощати подобаетъ.» А наипаче простому народу запрети Христосъ грѣхи братніе судити. Павелъ бо Апостолъ тако о семъ къ Римляномъ пишетъ (Римл. зач. 114): «Не къ тому убо другъ друга осуждаемъ.» Той же (1 Кор. зач. 134). Аще нѣкій братъ

именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идослужитель, или досадитель, или піяница, или хищникъ, съ таковымъ ниже ясти.» Сіе глаголетъ ползы ради сотрѣшающаго, а не ядущихъ ради осквернения; не положи бо намъ Богъ очи отверзати на грѣхи братнія и судитися, или тѣхъ ради во своемъ спасеніи сомнѣватися и отдѣлятися грѣшныхъ, яко и еретицы, но врачевати болящія и разслабленныя грѣхми, и долготерпѣти брату во грѣхахъ, подражающе долготерпѣливаго Владыку, ждущаго грѣшныхъ раскаянія и обращенія; сего бо ради не пріиде праведныя призывати, но грѣшныя къ покаянію. Ты, о человѣче, что болѣзнуеши, что снѣдаешися скорбію, что сомнѣваешися, что тя отъ собранія отгоняетъ, святилниче? «Братъ согрѣшаетъ, и боюся, да и азъ, со грѣшными пребывая, не погибну.» О слѣпоты! О невѣжества крайняго! Давидъ къ Богу глаголетъ (Псаломъ 129): «Аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ?» Не вси ли предъ Богомъ тьмою талантъ грѣховъ должны есьмы? (Матѳ. зач. 74). Братняя же грѣхи предъ нами, аки сто пенязь долженствуютъ; обаче Богъ, безгрѣшенъ сый, тьму талантъ грѣховъ прощаетъ, ты же сто пенязь грѣховъ немилостивно тако истязуешь, а своя грѣхи имаши; аще бы ты явѣ преклоненъ былъ во грѣхъ, обаче и тогда просяща и увѣщающа тя послушати подобаетъ (Римляномъ зач. 116): «Вы сильніи немощи немощныхъ носите.» И паки (Галатомъ зач. 213): «Братіе, аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы, духовніи, исправляйте таковаго духомъ кротости, блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши. Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ.» Тѣмъ же подобаетъ дивитися по истинѣ слѣпотѣ пыпѣшнихъ Фарисеовъ, како не могутъ видѣти и разумѣти онаго словеси Христова, еже глаголетъ (Матѳ. зач. 86): «Яко мытари и любодѣйцы варяютъ вы въ царствіи Божіи; сынове же царствія изгнани будутъ во тьму кромѣшную.» И пака (зач. 44): «Идите и научитеся, что есть милости хощу, а не жертвы;» и кая сія противность, что Богъ хощетъ, то сіи не хощутъ! Да постыдятся прочее испытающіи испытанія грѣховъ человѣческихъ, и да воспомянутъ притчу оную о Мытари и Фарисеи, а наипаче да чувствуютъ, кому симъ грѣховъ назираніемъ подражатели? Да, Фарисеомъ. Кому противницы во ономъ немилосердіи? Самому милостивому Господу нашему, Іисусу Христу. Сего ради жестокосердія

древніе еретики: Донатіане, Монтане и славнѣйшіи въ мудрости въ и воздержаніи Тертулліане, погибоша.

Показаніе 3. Оживленіе еретиковъ Воздержныхъ.

Древле убо сіи еретицы, воздержающіися яростію нѣкоею, пріобщницы быша Маркіанитской сектѣ (ереси); обаче, точно намъ, вѣроваху во Святую Троицу и плотскому Сына Божія смотрѣнію, но Богомъ повелѣнныхъ снѣдей отвращахуся, скверными мняху быти, яко же и Маркіанъ оный, прежде ихъ бывый еретикъ, кое ихъ еретичество бяше проклято и нарачено бысть отраслію Маркіанитскія ереси.

Но сія ересь нынѣ ожила въ согласіи Ѳеодосіевомъ сицевымъ дѣломъ. Понеже чрезъ Павла Апостола Христосъ повелѣ все, продаемое на торжищѣ, ясти, ни что же сумнящеся; сіи же чрезъ Павла Христу глаголющу не вѣрятъ и продаемое на торжищѣ нарицаютъ скверно быти и нечисто, и всякъ ядый тое оскверняется. Того ради съ торжищъ брашно освящаютъ, полагая по 100 поклоповъ за нь. И кто купитъ брашно кое и, не освятивъ мнимою ихъ молитвою, вкуситъ, таковый осуждается ими скверноядецъ быти и отъ сочлененія ихъ отторгается.

Вонмите о семъ, боголюбивіи: Богъ что повелѣваетъ, то повелѣніе Божіе вѣруемо пріити на вещь освященія и ядомое сообщено съ божественнымъ освященіемъ, и кто есть той, иже освящаемое Богомъ, невѣрствія ради, наречетъ скверно? и нѣсть ли сія противность съ воздержниками еретиками сообщна? ибо равное Божіе повелѣніе, яко же въ снѣдѣхъ животныхъ, такоже и въ торжищныхъ брашнахъ, бысть; но убо въ животныхъ ноткнушася снѣдяхъ Воздержницы, а въ торжищныхъ снѣдѣхъ Ѳеодосіевы. Сего ради Павелъ, оглаголуя таковыя, пишетъ сице (Тит. зач. 310): «Бога исповѣдаютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся его, мерзцы суще и непокоривы, и на всяко дѣло благое не искусни.» Тойже и паки (Тим. зач. 284): «Всякое созданіе Божіе добро, и ничто же отметно, со благодареніемъ пріемлемо, освящается бо словомъ Божіимъ и молитвою.» Коимъ словомъ Божіимъ и молитвою освящается, Златоустъ о семъ ясно глаголетъ: «Знаменіемъ

Креста и изреченіемъ молитвы Іисусовы вся освящаются.» И паки: «Яко аще и не чисто было бы, но имамы цѣленія: знаменай, благодари, прослави Бога, и вся нечистота отлетитъ.» Здѣ ясно изобличается богопротивное ученіе, въ Согласіи Ѳеодосіевомъ: како убо, повелѣвшу Богу чрезъ Павла Апостола, ни что же мнѣти скверно быти, тіи же глаголюще своимъ лжесловіемъ скверно, нечисто? Увы прелесть вражія! Како не устыдишася глаголъ Апостольскихъ, яже вдохну Пресвятый Духъ, глаголюще сице (Римл. зач. 114): «Вѣмъ и извѣщенъ есмь о Христѣ Іисусѣ, яко ни что же скверно само собою, точію помышляющему что скверно быти, оному скверно есть.» И паки (Тим. зач. 301): «Вся убо чиста чистымъ, оскверненнымъ же и невѣрнымъ ни что же чисто, но осквернися ихъ умъ и совѣсть.» Златоустъ: «Ни что же бо есть естествомъ нечисто, но отъ совѣсти пріемлющаго бываетъ нечисто, и идѣже егда душа нечиста будетъ, вся нечиста непщуетъ быти; осквернися бо ихъ умъ и совѣсть. Бога исповѣдаютъ вѣдѣти, дѣлы же его отмещутся, мерзцы суще и непокориви и на сяко дѣло благое не искусни.» Оле помраченнаго ума Ѳеодосіевыхъ, Христу глаголющу и Святымъ его: «Вся чиста;» они же: «Скверно, нечисто, помолиться надобно,—лѣстовка!» Оле блядословія, смѣха преисполненна!

Показаніе 4-е. Обновленіе ереси еретиковъ Водопредстателей.

Еретицы Водопредстатели, или рещи оные же Воздержники, отвращаются вина, мняще и скверно быти, тѣмъ же и въ приношеніи безкровныя жертвы не вливаютъ вина.

Подобнѣ же и Ѳеодосіевы и прочихъ Сосласій, не за собственное спасеніе свое, но отъ самыя ненависти, того гнушаются, въ нѣкое то осквернѣніе вмѣняюще, и симъ подражаютъ Водопредстателей оныхъ воздержныхъ, Церкви Соборной и Апостольской противники являются. Понеже Писаніе Святое не вино хулитъ, но пьянство, не питіе мѣрное, но безмѣрное, самое же то по себѣ вино хулити мерзко вмѣняти, твари Божіей досажденіе, о чемъ и правило Святыхъ Апостолъ (глава 16-я), предлагаю вамъ; глаголетъ бы Писаніе: «Властеріяри суще, вина

да не піютъ, да не, упившися, забудутъ премудрость и право судити не возмогутъ.» И ниже: «Се же рѣхомъ, не яко да не піютъ; еже бо не пити, досажденіе есть бывшей твари отъ Бога на веселіе, но да не упиваются. Не рече бо Писаніе не пити вина, но что рече: не пити вина въ піянство, и паки рече: терніе ростетъ въ руку пьяницы. Се же не о причетникахъ токмо рѣхомъ, но и всѣхъ Христіанѣхъ.» Доздѣ правило. Зри убо, каково средствіе сіе правило о винѣ положи и устави: ниже оно отрину и оскрачи, ниже въ немъ излишествовати остави, но мѣрное пріятіе введе, елико ко здравію и елико къ разгнанію мрачныхъ печалей. Еже бо отрѣвати и гнушатися вещи благословенныя, еретическо есть, а еже мѣру превосходити пріятіемъ тоя, клятвы достойно, мѣру же тоя вѣдати благословенно, и сіе ни во единомъ ищется винѣ, но и во всякой вещи, Богомъ благословенной. Тѣмъ же да слышатъ вси, яко сіе глаголю, не пьянство вводя, ниже въ винное питіе кого принуждаю, но да не будетъ въ насъ оный еретическій недугъ, да, невѣжества нѣкоего ради, впадемъ въ злоумное воздержаніе, чесого ради злохульни и Богомъ отвержени явимся. Благо убо во истину и похваламъ достойно, аще кто, своего ради спасенія, не ястъ мяса и не піетъ вина, не вмѣняючи осквернения; аще ли же сихъ не ясти и не пити, вмѣняючи тѣхъ естествомъ скверны быти и глаголати о нихъ: «Не коснися, не вкуси, ниже осяжи, да не осквернишися!» сіе умствованіе не есть Православнаго ученія, но оныхъ еретиковъ, иже не точію мясо, но и вино, глаголютъ быти нечисто и отметно: таковы бяху Манихеи, о нихъ же пишетъ Августинъ въ ереси 46, такови суть и нынѣ Магометане, и нынѣ нововозникшіе Расколщики, на которыхъ Павелъ изощренно глаголетъ (Томъ 254): «яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ Вѣры, внемлюще духовомъ лестчымъ и ученіемъ бѣсовскимъ.» О Манихеяхъ, и Енкратитахъ, и Маркіанитахъ, сице Апостолъ глагола; тѣмъ же святая Церковь Православная съ Павломъ Апостоломъ ни что же исповѣдуетъ отметно, съ благодареніемъ пріемлемо, человѣка же гнушающагося вина, или мяса, или брака, яко еретика, отмещутъ по 21-му правилу Апостольскому, сице глаголющему (Кормч. листъ 310): «Всякъ причетникъ и мірскій человѣкъ вина, или мясъ, или брака, гнушаяся, аще токмо не воздержанія ради, аще не исправится, отверженъ.»

Показаніе 5-ое. Обновленіе ереси древнихъ еретиковъ въ бракѣ.

Здѣ показати настоитъ не о новыхъ еще бракахъ, но о тѣхъ, кои, прежде познанія, внѣшнее браковѣнчаніе воспріимше, отъ него же Ѳеодосіевы и подобніи имъ поткнушася и падоша, яко же и древніе еретицы, о нихъ же Духъ Святый явственно предглаголетъ (1 Тим. зач. 284), «яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ Вѣры, внемлюще духовомъ лестчымъ и ученіемъ бѣсовскимъ, возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ,» и проч. Сіе предглаголаніе Духа Святаго прежде исполнися на еретикахъ Гностикахъ, тоже на Маркіанѣхъ, на Монтанѣ, на Тертулліанѣ, на Манихеяхъ, на Мессаліанѣхъ, на Евстаѳіанѣхъ, послѣдовательнѣе же коснеся и Западныя Страны, аще и инѣмъ образомъ: сіи вси на тайну брака воополчишася и разводы въ браковѣнчанныхъ уставиша, и лучше вмѣниша наложницъ имѣти, нежели браковѣнчаніемъ сопрящися женѣ, а наиболѣе Манихеи въ томъ утвердишася. Объ Евстаѳіи же ересеначальникѣ пишется, яко «бяше великаго житія инокъ и могій иноческое любомудріе прочимъ уставити, и опасно общежительное благочиніе разчиняти тако, яко и многихъ отъ блудящихъ мужей и женъ на цѣломудренное житіе преложити; но, зане не имяше хитрости, ниже изученъ бяше тоя, пріиде въ сіе, да, хотящіи спастися, браковѣнчанія разводъ сотворятъ, и внимающіи его ученію мнози мужіе жены, а жены мужей, разлучахуся, желающе чисто жити, и потомъ страсти естественныя не терпяще, въ блуды и въ прелюбодѣянія впадоша. Обаче и тако сущимъ имъ, съ браковѣнчанными не ядяху, не піяху, ни къ молитвѣ пріобщахуся. Увѣдано же бысть сіе во иныхъ Церквахъ. Ближніи убо Епископи, собравшеся на нихъ, и чуждихъ Святыя Церкве сотвориша, и 19 правилъ изложиша, по тако умствующихъ, отъ нихъ же нѣкая здѣ предлагаемъ; Собора иже въ Гангрѣ, правило 19-е: «Аще кто дѣвствуетъ или воздержится, яко же се мерзокъ творя бракъ, яко гнусна отшедъ, и не доброты ради и святаго дѣвственнаго пребыванія, да будетъ проклятъ.» Того же правило 12-е: «Аже которая жена оставляетъ мужа и отъити хощетъ, гнушающися брака, да будетъ проклята.»

Что убо на сіе рекутъ Ѳеодосіева Согласія и подобніи имъ, навѣтницы браковъ и похвальницы подложницъ? Ибо мнѣ здѣ о тѣхъ есть слово, кои до познанія браковѣнчашася, ихже тіи обѣтами обязуютъ, или разводятъ; но Павелъ Еллинскіе браки воспрія, а не расторже. Іоаннъ Богословъ, егда дщерь Мироню крести, потомъ посла ю въ домъ мужа: (чти Житіе его Сентября 26-го). Что же Павелъ о семъ Коринѳяномъ глаголетъ (1 Кор. зач. 136), услышимъ: «а оженившымся завѣщаваю не азъ, но Господь: женѣ отъ мужа не разлучатися, и прочимъ же азъ глаголю, а не Господь, аще который братъ имать жену невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея; и жена аще имать мужа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его. Святитъ бо ся мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ; иначе бо чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть.» Доздѣ Апостолъ. Да постыдятся вси ненавистницы браковъ, иже, мерзящеся на бракъ, не хощутъ младенцы родственные крестити, да не осквернятъ матери крещеніе младенцевъ. Вонмите убо, что Апостолъ здѣ, отъ Еллинъ приступающихъ, глаголетъ: «жена идолослужительница, а мужъ во Христа вѣритъ»: како Апостолъ чадо ихъ нарицаетъ свято; или Апостолъ не вня, яко рожденное дѣтище хощетъ мать идолослужительница по крещеніи питати, и како тое наречетъ свято отъ нечистые питаемо? Колико бо здѣ различіе между сея и иныя жены, коея вы опасны, да не осквернитъ младенца крещеннаго вами: ибо сія идолослужительница, оная же во Христа вѣрная, а имущая въ томъ многую опасность, неже идолослужительница, а наипаче сія и не требуетъ дѣтищу крещенія, оная же съ Вѣрою проситъ того. Но у васъ что? Вѣрная жена пріимше дѣтище, вами крещенное, осквернитъ. Павелъ же и невѣрной матери, питающей дѣтище, не мнитъ скверну нѣкую подати, и мнится, яко Апостольское крещеніе сильнѣйши вашего, яко и нечистыя матери не опасно. Зрите ли, въ коликія вы бабіи басни своимъ мнѣніемъ пріидосте, яко и писати срамно? Вы же въ семъ студномъ ученіи и хвалитеся. О нечувствія вашего и окаменѣнія! И кто васъ не окаетъ, яко въ толикія дебри заблудивше, и въ той путь ходите, его же ни Христосъ, ни Апостолъ, ни вся Святая Церковь, показа! Христосъ женѣ отъ мужа не повелѣ разлучатися, вы же разлучаете мужа отъ жены, а жену отъ мужа. Апостоли вѣр-

ное лице обращающагося къ невѣрной еще привязуютъ, вы же обращенныхъ къ вамъ развязуете. Святая Соборная Церковь отъ еретикъ обращенныхъ сопряженія не распрягаетъ, вы же не рѣшаемые союзы развязуете и своевольно по міру сему влачитися отпущаете. И нѣсть ли се явственнаго обновленія дѣлъ оныхъ Евстаѳіянъ? ибо жены законныя блудницами устрояюще.

Показаніе 6-ое. О новыхъ бракахъ.

Святая убо Церковь аще не предаетъ Правовѣрнымъ, чтобы во Внѣшнихъ браковѣнчатися, обаче случившіяся таковыя браки не отрѣваше, ни расторгаше, ни повторяше своимъ вѣнчаніемъ, о чемъ правила Святыхъ Соборовъ и вси Церковніи исторіи и обычаи Святыя Апостольскія Церкви свидѣтельствуютъ.

Ѳеодосіева же Согласія рабы и подобніи имъ всѣмъ онымъ правиламъ Святыхъ Соборовъ, всѣмъ исторіямъ и всему обычаю Святыя Церкве, вопреки сташа: нарицаютъ сіи новые браки блуднымъ сшествіемъ, но и злѣйше; понеже имъ подложницы не такъ противны, яко же пріявшіи браковѣнчаніе, подражающе Римскаго Костела ученію, въ немъ же аще и не весьма явѣ, обаче предается: лучше есть, рече, Попу имѣти сто наложницъ, нежели едину браковѣнчанную жену (Книга о вѣрѣ, Московск. печати, глава 28-я, листъ 250-й). А у Манихеевъ то бяше и всенародный законъ коемуждо подложницу, а не браковѣнчанную жену, имѣти. Тѣмъ же и повелѣно бяше всѣмъ, доколѣ хощетъ, ю держитъ, а не хощетъ имѣти, отпущаетъ. Таково подражаніе и у Ѳеодосіевыхъ: бракъ не въ бракъ, но блудное сшествіе, подложницу держатъ ненадежно, браки аки блудныхъ разводятъ; подложницъ, аки закономъ необузданныхъ, премѣняютъ. И нынѣ сей ю имѣ, спастися восхотѣвъ, оставляетъ. Другій предъ очима его поемлетъ ю, оный же во спасенную ограду вшедъ, не имѣя оныя подложныя ни для употребленія домовнаго, пріемлетъ себѣ нѣкую дѣвицу, или иную нѣкую подложницу бывшую, жити Бога ради. Что же подъ симъ покрываломъ творится, срамъ есть писати, а наипаче, егда о самыхъ бракахъ, о согласіи юношей ихъ и дщерей глаголати, злѣйшій студъ обрѣтается; ибо дѣти ихъ вѣдятъ извѣстно, что родители превозростшихъ

ихъ бракочиновно не совокупятъ, сынъ самъ о невѣстѣ, а дочь сама о женихѣ, промышляютъ, и тако о себѣ промышляюще, едино изъ трехъ бываетъ: или довольно время прежде блудити, таже связавшеся браковѣнчатися, или подъ именемъ браковѣнчанія такъ жити, или странно чрезъ сходника нѣкоего убѣгомъ брачнѣ съ нѣкоимъ чуждымъ и непристойнымъ лицемъ совокупитися: кое дѣло Мордоскаго превосходитъ злодѣйства! Что же же сему вина? Безсовѣстное ихъ ученіе, имъ же добро хотящее быти, злѣ содѣловается; безъ воли бо родителей послѣдующая мужу блудница именуется; той же судъ правильный и на женящимся сынѣ безъ воли родителей святыми Архипастырьми положенъ есть. И сицевыя пакости подъ видомъ воздержанія, вси гнушающіеся браковъ, исполнени, въ коихъ дѣлъ сокровенныхъ перо описати не можетъ, обаче сицеваго святаго воздержнаго согласія нѣкіе изъ насъ являются блажители, по сущей простотѣ своей, къ нимъ же съ Павломъ Апостоломъ печальный оный гласъ приличествуетъ изнести (2 Кор. зач. 191): «Боюся (рече), да не како, яко же змій Еву прелсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты.» Аще бо и мы нынѣ многажды вамъ глаголемъ, и не вѣруете намъ, что же тогда будетъ, егда глаголы сіи умолкнутъ? Тѣмъ же свидѣтельствую о сихъ Согласіяхъ предложенныхъ вамъ, яко аще и ревность имутъ тіи, но не по правому разуму: не разумѣюще бо Божію правду, и свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася. Но сіе ли въ расчетъ брать намъ, яко воздержаніе веліе имутъ? Того ради, по свидѣтельству моея совѣсти, показанія сія предложихъ вамъ, яко воздержаніемъ своимъ неразсмотрительнымъ, тіи многихъ еретиковъ ереси обновиша, о нихъ же въ показаніяхъ сихъ явихъ вамъ.

Подтверждаетъ же ми сія и Златоустъ на отрѣвающія браки, глаголя (Бесѣды листъ 2164-й): «Сія еретическаго суть ученія, сія вводящихъ блудницы.» Сего ради очистити того хощу, во еже на свое благородіе возвѣсти, дабы еретиковъ заградити уста. Удивляюсь азъ во истину симъ людемъ, каково ожесточенно обыкновеніе свое имутъ, яко толикія хулы пародныя на ся дѣлы своими и ученіемъ влекутъ, и такого срамнаго студа не чувствуютъ слышать, яко отрѣвати браки, и прочая предпоказанная

дѣла творить наука есть древнихъ еретиковъ, и не тщатся разума правильнаго о томъ взыскати и извинутися того подобенства еретическаго. По что не ревнуютъ онымъ Берейцамъ, кои, слышавше проповѣдь Павлову, «по вся дни разсуждающе ту, аще тако суть глаголемая Павломъ,» или сія то суть ихъ надежда спасенія. (Дѣяній зач. 39). Святіи Отцы и Архипастыри церковніи иначе твориху: увѣдано бо бысть въ Римѣ, яко Гностики въ студномъ своемъ собраніи, за студная ихъ дѣла, престолы свои покрываху; того ради не повелѣ Папа престолы своя покрывати. Такоже Восточная Церковъ позна время беззаконнаго поста у Арменъ, вопреки тѣхъ, разрѣши Среду и Пятокъ разрѣшати; того же ради 1-й Вселенскій Соборъ, не купно си съ Жидами, но послѣ, Пасху праздновати устави. Бароній пишетъ (лѣто Господне 563): «яко нѣцыи Іереи во Ишпаніи мясъ не ядяху, но дабы въ подозрѣніи въ ереси Приміасіанистовъ не были, повелѣша соборнѣ имъ съ зеліемъ мало мяса вкушати, толь опасны (и о васъ сіе), яко и подозрѣнія терпѣти не можаху, но токмо взирающе тамо, идѣже горитъ, или тамо, идѣже мало дыма является.» Доздѣ Бароній.

Зрите ли, коликая опасность бяше Свытыя Церкви отъ еретиковъ? ибо вся дѣла ихъ вопреки поставляше, да безпорочна предъ всѣми явится, ни единаго дѣла еретическаго имущи. Подобало бы и симъ ревновати обычаю Святыя Церкви, и вся вопреки творити еретикомъ, а наипаче и правила и обычаи святыя о томъ имуще.

Окончивъ убо показанія, се обращаю слово мое ко братіи нашей:

Хвалю убо разумъ вашъ, яко далече отстоите своевольныхъ оныхъ подражаній, и въ томъ собраніе свое непорочно имате. Зазираю же вы, яко образа добродѣтельнаго въ житіи не сохраняете, по чему бы собраніе наше и ваше предъ Внѣшними прославити могло Бога. Павелъ бо Апостолъ учитъ насъ, тако глаголя (1 Кор. 147): «не преткновени бывайте Іудеемъ и Еллиномъ и церкви Божіей.» Но малое ли то претыканіе Внѣшнимъ, егда тіи жительствуютъ добрѣ, аще внутреннимя развращени, мене же аще слышите человѣка и правыхъ догматъ, но видите житіе растлѣнно

имуща и благочестія Христіанскаго лишена, чему поревнуете? Како прославите? Къ чему приступите? Что же пользуется и Церковь? Но не аки ли корабль волнами біемъ внутренними помышленіи и потопляемъ сомнѣніи? Не Бога ли взыщетъ сихъ всѣхъ на таковыхъ? ибо повреждаяй совѣсть брата своего, въ того самаго Христа согрѣшаетъ. Блюдите, да не како власть ваша преткновеніе будетъ немощнымъ (Рим. зач. 113): добро не ясти мясъ, не пити вина, ни о немъ же братъ твой претыкается, или изнемогаетъ; нѣсть ли се соблазнъ, или изнеможеніе совѣсти немощныя брата, аще видитъ тя упивающася и безчинно ходяща и возлежаща въ корчемницахъ, и ина стыда исполнена дѣла творяща, и Внѣшнимъ смѣхъ и руганіе составляюща? Страшенъ по истинѣ судъ Божій на таковыя (Матѳ. зач. 74): «Иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй.» Что насъ пользуетъ, яко Православными именуемся и еретическихъ догматъ ненавидимъ, и тѣми еретики гнушаемся, а сами еретически живемъ? Не надѣйся ни кто на словеса лжива, глаголюща: «Храмъ Господень, храмъ Господень, храмъ Господень!» Всуе Православными наречемся, егда тако живемъ и творимъ. Тѣмъ же молитъ васъ Апостолъ Павелъ (Римл. зач. 112): «Отложше убо дѣла темныя, облечемся во оружіе свѣта, яко во дни благообразно да ходимъ: не козлогласованіи и піянствы, не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію, но облечемся Господемъ нашимъ,» Іисусомъ Христомъ. И (къ Солун. зач. 273): «Молимъ же вы, братіе, вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ, не оставляюще своихъ собраній, но другъ друга въ то подвизающе, пребывайте, и Богъ мира посѣтитъ вы.» Аминь.

XVIII.

ЗАБЛУЖДЕНІЯ ѲЕОДОСІЯНЪ, ФИЛИППОВЫХЪ И АРИСТОВА СОГЛАСІЯ.

Сочиненіе

Павла Онуфріева Любопытнаго.

1. Что зломудренно отвергаютъ въ мірѣ вѣчность брачнаго бытія.

2. Злочестиво вѣруютъ, дабы не молить Бога о благоденствіи Внѣшнихъ.

3. Брачное существованіе, бѣснуясь, не исповѣдуютъ Божіемъ опредѣленіемъ въ мірѣ.

3. Промыслъ Всевышняго о продолженіи человѣчества, не истовствуя, признаютъ быть общимъ духомъ сатаны и всѣхъ нечестивцовъ.

5. Духъ Святый и всю Христову Церковь, утверждающія въ мірѣ вѣчность брака, злохульствуютъ своими адскими устами ярмомъ сатанинской проповѣди.

6. Священныя остатки древней Евхаристіи, нечистивствуя, не вѣруютъ быть истинною и богомерзко уничижаютъ ее.

7. При святыхъ мощахъ и чудотворныхъ образахъ, находящихся у Внѣшнихъ, богохульствуя, не вѣруютъ быть при нихъ существующей благодати.

8. Въ промыслъ о мірѣ вводятъ нечестиво два начала, первое управляетъ Христовою Церковію, а послѣднее Внѣшними.

9. Зломудрствуя, исповѣдуютъ, что исполненіе отпадшаго лика будетъ изъ числа приходящихъ къ Правовѣрію, а не собственно изъ Христовой Церкви.

10. Таинство законнаго брака нечестиво вѣруютъ быть въ церкви Антихриста.

11. Богомерзко суемудрствуютъ, что въ мірѣ бытіе брака устроено отъ Всевышняго для насыщенія страстей, а не для доношенія отпадшей Денницы чина.

12. Богохульно злохульствуютъ, что благодать Святаго Духа оскудѣваетъ.

12. Нечестивствуютъ, что образъ міра сего существуетъ нынѣ въ иныхъ законахъ естества.

14. Развращенно вѣруютъ, что растлѣнность дѣвства блудомъ паки раждается покаяніемъ дѣвства и дѣвственный вѣнецъ заслуживаетъ отъ Бога.

15. Святаго Пророка Іереміи 29 главу зломудренно по еретически не признаютъ богодухновенной.

16. Безумно вѣруютъ, въ бракѣ быть существо вѣнчаніе, а не вѣчной обѣтъ брачущихся.

17. Литеральный смыслъ Святаго Писанія нечестиво развращаютъ и облекаютъ его въ иносказательный образъ мыслей.

18. Церковь Христову, признающую бытіе истинное брака, сквернословно и безбожно, во всѣхъ обстоятельствахъ, по еретически ругаютъ и поносятъ.

19. Чрезъ совокупные знаки Христіанства со Внѣшними исповѣдывать воскресшаго Христа вѣруютъ суевѣрно быть нечестіемъ.

20. Посредствомъ тропаря, кондака, и проч. признаютъ ослѣпленные Антихристово сонмище Православнымъ, благочестивымъ Христолюбивымъ и проч.

21. Въ отношеніи супружескаго союза въ разныхъ родахъ продолжали свой нечестивый законъ.

22. Уважая нечестиво скверныхъ Циникъ, и лобызая мерзкое Николаитство, слѣдуютъ ихъ стопамъ.

23. Пребывая долговременно во многихъ заблужденіяхъ, и оставя ихъ предъ Христовою Церковію, не извинялись и не хотятъ чистосердечно раскаяться.

24. Въ разныхъ обычаяхъ, нѣкоторыхъ дѣяніяхъ и довольныхъ концахъ, многое суемудренно умствуютъ.

XIX.

ЗАМѢТКИ.

Изложивъ, съ возможною краткостію, очеркъ Монинскаго Согласія, не безполезнымъ находимъ указать на обрядности Старообрядцевъ Безпоповцевъ, совершаемыя при бракосочетаніи, которыя установлены въ Новопоморскомъ, такъ называемомъ, Монинскомъ Согласіи, и сличить оныя съ обрядностями Молоканъ, наблюдаемыми при совершеніи ихъ браковъ.

Съ исхода XVIII вѣка и въ началѣ нашего столѣтія Безпоповцы ожесточенныя вели прѣнія межъ собою, преимущественно Преображенцы-Филипповцы съ Поморцами о введеніи брачной жизни у Безпоповцевъ. Съ той и съ и другой стороны много было потрачено труда и красноглаголанія за и противъ брака, а плодомъ отъ таковой борьбы за брачную жизнь, было то, что нѣкоторые изъ суровыхъ послѣдователей Ковылинского Толка отдѣлились и образовали изъ себя особый разрядъ людей, на ученіи пріемлющихъ бракъ. Во главѣ этѣхъ послѣднихъ былъ своего рода преобразователь у Безпоповцевъ, Гавріилъ Ларіоновичъ Скачковъ. Онъ, бывши самъ истымъ Ѳедосіевцемъ, благодаря усиленному труду и дѣятельности своей на пользу Старообрядства, дошелъ до того разумѣнія, что постепенно сознавалъ ложное ученіе Ѳеодосіевцевъ о безбрачіи, отдѣлился отъ нихъ и сталъ карающимъ бичомъ Иліи Ковылина и его послѣдователей. Старожилы говорятъ, что Ковылинъ, при всемъ могуществѣ своемъ въ свое время, говаривалъ нерѣдко съ горестью: «Нѣтъ у меня злѣе и опаснѣе врага Гаврюшки Скачкова.» Разсматривая собственноручныя письма и писанія Ковылина и Скачкова, мы должны замѣтить, что Илья Алексѣевичъ не ошибался въ опасности своего врага, Гаврила Ларіоновича. Съ отпаденіемъ Скачкова отъ Ѳеодосіевскаго безбрачнаго толка, день ото дня рѣдѣла община Преображенскаго кладбища, такъ какъ люди съ болѣе развитымъ и здравымъ умомъ послѣдовали въ Новопоморское Согласіе, за своимъ учителемъ, Скачковымъ, принявшимъ въ основное ученіе, какъ священное таинство, брачную жизнь. Для переходящихъ изъ Ѳеодосіевщины и Филипповщины въ новое Согла-

сіе, Скачковъ написалъ особыя, какъ мы видѣли, правила; къ одному изъ нихъ, именно Уставу, Павломъ Любопытнымъ сочиненъ обрядъ для жениха и невѣсты, гдѣ съ подробностію описывается приготовленіе новобрачной четы, смотрины и тѣ обрядности, которыя не извѣстны не только намъ, «Внѣшнимъ» (какъ называютъ насъ Старообрядцы), но большею частію и самимъ Старообрядцамъ не ихъ Согласія. Я собралъ по возможности всѣ документы и сочиненія Скачкова и его послѣдователей, также письма и сочиненія Ильи Ковылина и другихъ Безпоповцевъ обоихъ Согласій, Новопоморцевъ и Ѳеодосіевцевъ. По сему, думаю, не безполезно сличить правила и обрядности касательно брачной жизни, изложенныя Скачковымъ для своихъ послѣдователей, съ Молоканскими. Скачковское сочиненіе можетъ оказать немалую пользу самому Расколу, а именно тѣмъ самимъ, кои отрицаютъ бракъ и моленіе за предержащую власть. Брачный обрядъ Духовныхъ Христіянъ или Молоканъ, предлагаемый нами тутъ, для изслѣдователя-историка вообще Раскола въ Россіи можетъ быть богатымъ матеріяломъ касательно брачной жизни сектантовъ и ихъ бытовой стороны, построенной на религіозной почвѣ и занесенной съ Запада. Историкъ-изслѣдователь, сличивъ Брачный уставъ Скачкова и Молитвословія при совершеніи брака у Молоканъ съ ученіемъ Протестантовъ о бракѣ и обязанностяхъ брачащихся, спроситъ: кто и отъ кого заимствовалъ брачныя молитвословія (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Св. Писанія весьма сходныя между собою), Молокане ли у Безпоповцевъ, или Безпоповцы, подобные Скачкову, у Молоканъ, между тѣмъ какъ Молоканы, по ученію, отъ Безпоповцевъ и на оборотъ, Безпоповцы отъ Молоканъ, стоятъ весьма далеко другъ отъ друга? Не привела ли въ этомъ случаѣ тѣхъ и другихъ такъ близко другъ къ другу семейная, брачная жизнь? Словомъ, предлагаемые нами матеріялы не будутъ лишними и для тѣхъ, кого занимаетъ гражданско-духовный бракъ въ нашемъ Расколѣ, для нѣкоторыхъ Согласій отчасти признанный и самимъ Правительствомъ. Для повѣрки нашихъ словъ мы просимъ обратить вниманіе на помѣщенное нами въ заключеніе всего разбирательство у Мироваго Судьи Лефортовской Части, невѣнчанныхъ женъ съ мужьями Ѳеодосіевскаго Безбрачнаго Толка, и вообще на наши Замѣтки для Безпоповцевъ Преображенскаго кладбища.

1.

БРАЧНЫЙ ОБРЯДЪ

ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ ИЛИ МОЛОКАНЪ.

Мы не будемъ входить здѣсь въ подробности бытовой и вѣроисповѣдной стороны Молоканъ Самарской Губерніи, но постараемся изложить вкратцѣ ихъ обрядности брачащихся.

Проживающій въ селѣ, или деревнѣ, Молоканинъ прежде всего избираетъ себѣ по сердцу женщину, или дѣвицу, съ которою, по обоюдному согласію, пожелаетъ сойтись на сожительство. Тогда женихъ, въ день своего сочетанія съ невѣстою, разодѣнется въ лучшее, приличное своему званію, платье, и съ окончаніемъ, сосѣди, домашніе: мать, отецъ, сестры и прочіе, передъ отпускомъ жениха за невѣстою, всѣ купно поютъ: «Живый въ помощи Вышняго» (Псал. 90), послѣ коего тоже псаломъ: «Се нынѣ благословите Господа вси раби Господни» и проч. (Пс. 133).

По окончаніи пѣнія и славословія женихъ, при окружающихъ его, кланяется земно въ ноги своему отцу и матери; если же таковыхъ нѣтъ въ живыхъ, то кому либо изъ своихъ старѣйшинъ, и проситъ отъ нихъ благословенія на брачную жизнь; въ это время сказывается имя невѣсты, ея лѣта, родство и проч. Благословляющіе, съ торжественнымъ возложеніемъ рукъ, произносятъ слѣдующее: «Буди, чадо наше, благословенъ Богомъ Вышнимъ, да благословитъ тя Господь отъ Сіона, и узриши благая Іерусалима, и узриши сыны сыновъ твоихъ: миръ на Израиля»..... За тѣмъ женихъ, со всѣми своими и сосѣдями, переходитъ въ домъ, гдѣ находится его невѣста, куда уже къ бракосочетанію сбирается все село, старый и малый. Лицо, совершающее обрядъ брачный, избирается изъ самыхъ старѣйшихъ межъ Молоканами, на обязанности коего дѣлать возгласы новобрачнымъ, предварительно поставя ихъ лицомъ къ лицу, передъ окружающими зрителями, съ вопросомъ: «Не родня ли они между собою? Имѣютъ ли совершенныя лѣта? Волею ли соединяются на брачную жизнь?» Получивъ удовлетворительный отвѣтъ на свои вопросы, старѣйшина произноситъ: «Во имя Отца, и Сына, и

Святаго Духа. Аминь! Женихъ съ невѣстою, падая въ ноги старѣйшинѣ и предстоящему народу, говорятъ: «Мы такіе-то (упоминая свои имена), рабы Бога живаго, обѣщаемся и клянемся предъ Всемогущимъ Богомъ и предъ святымъ его Евангеліемъ, и передъ святою его Церковію, что, по повелѣнію Божію, желаемъ совокупиться законнымъ бракомъ, по благословенію и согласію нашихъ родителей и по собственному нашему желанію, съ тѣмъ, чтобъ безъ нарушенія Божіихъ заповѣдей, и между нами наблюдена бы была вѣрность и ложе нескверно, удалятися отъ блуда и прелюбодѣйства до скончанія нашей жизни.» За тѣмъ женихъ, обращаясь къ невѣстѣ и присутствующимъ, произноситъ громко: «Не поиму жены иныя, кромѣ сея, тоже поемлю.» Тѣмъ же порядкомъ невѣста отвѣчаетъ: «Не буду имѣть инаго мужа, кромѣ сего, за него же посягаю.» Старѣйшина съ предстоящимъ народомъ, какъ свѣдѣтели сихъ словъ, произносятъ въ одинъ голосъ: «Реченная обоихъ, въ заключеніе нашего обѣщанія, полагаемъ вѣрность и истину во вѣки. Аминь!» Старѣйшина заканчиваетъ слѣдующими словами: «Слышите, мужіе, обѣщаніе ихъ!» повторя ихъ трижды. За тѣмъ, если живъ невѣсты отецъ, выходитъ на средину, взявъ дочь свою за правую руку, и подводитъ ее къ жениху со словами: «Се вдаю дщерь мою тебѣ въ жену. Се, по повелѣнію закона Божія, пойми ю и отведи къ отцу твоему!»

Женихъ, кланяется земно отцу, и взявъ изъ его руки руку невѣсты, и кланяясь поясным поклономъ всему собранію, старѣйшина же начинаетъ читать изреченія изъ Пророчествъ и Апостола, предварительно сказавъ отъ себя, въ видѣ вступленія, слѣдующее: «Богомъ благословенны мужъ и супруга! Слышите сія и разумѣйте Божественное Писаніе: домъ и имѣніе раздѣляютъ отцы чадомъ. Отъ Господа сочетавается жена мужу.» Чтеніе продолжается въ такомъ порядкѣ изъ Божественныхъ книгъ: «Отъ начала же созданія мужа и жену сотворилъ я есть Богъ. Сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину. Еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ; тѣмъ же уже нѣста два, но плоть едина» (Евангг. Св. Марка, глава 10-я, отъ стиха 9-го до 9-го). За тѣмъ рекутся слова Апостола: «Или не разу-

мѣете, братіе; вѣдущимъ бо законъ глаголю: яко законъ обладаетъ надъ человѣкомъ, во елико время живетъ. Ибо мужатая жена живу мужу привязана есть закономъ; аще-ли же умретъ мужъ ея, разрѣшится отъ закона мужескаго. Тѣмже убо, живу сущу мужу, прелюбодѣйца бываетъ, аще будетъ мужеви иному; аще ли умретъ мужъ ея, свободна есть отъ закона, не быти ей прелюбодѣйцѣ, бывшей иному» (Римляномъ глава 7-я отъ ст. 1-го по 4-й). За тѣмъ старѣйшина переноситъ священнословіе къ посланію того же Апостола Павла къ Ефесеомъ (изъ главы 5-й отъ стиха 5-го до 33-го), до окончанія словъ: «а жена да боится своего мужа.» Молитвословіе переносится къ соборному посланію Св. Апостола Петра: «Тако бо иногда и святыя жены, уповающыя на Бога, украшаху себе, повинующеся своимъ мужемъ, яко же Сарра послушаше Авраама, господина того зовущи, ея же бысте чада, благотворяще и не боящеся ни единаго страха. Мужіе такожде, вкупѣ живуще съ своими женами по разуму, яко немощнѣйшу сосуду женскому воздающе честь, яко и спаслѣдницы благодатныя жизни, во еже не прекращатися молитвамъ вашимъ» (гл. 3-я отъ ст. 5-го до 8-го).

Съ окончаніемъ славословія женихъ и невѣста кланяются всему собранію и начинаютъ читать молитвы, начиная такъ: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь! И молитву: «Отче нашъ;» и изъ Псалма: «Помяни насъ, Господи, во благоволеніи людей твоихъ, посѣти насъ спасеніемъ твоимъ» (Псал. 105, ст. 4), и 50-й Псаломъ: «Помилуй мя, Боже;» за тѣмъ молитву: Товія (глава 8-я, стихъ 5-й): «Благословенъ еси, Боже, отецъ нашихъ, и благословенно имя твое святое и славное во вѣки. Да благословятъ тя небеса и вся созданія твоя. Ты сотворилъ еси Адама, и далъ еси ему помощницу Еву, утвержденіе жену его. Отъ тѣхъ родися человѣческое сѣмя. Ты рекъ еси: не добро быти человѣку единому, сотворимъ ему помощницу, подобную ему! И нынѣ, Господи, не блудодѣянія ради азъ поемлю сестру мою сію (поемлются оба сія между собою), но по истинѣ. Повели помилованну имъ быти и съ нею вкупѣ состарѣтися.» Кн. Товія (гл. 8-я, ст. 5—8, и со стиха 15-го): «Благословенъ еси ты, Боже, во всякомъ благословеніи чистомъ и святомъ; и да благословятъ тя святіи твои, и вся созданія твоя и вси

Ангели твои, и избранніи твои, да благословятъ тя во вѣки; по многой милости твоей сотвори съ ними, Господи; благословенъ еси, да помилуеши рабовъ Твоихъ (имя рекъ) и нынѣ сочетавшихся; сотвори имъ, Владыко, милость, и соверши животъ нашъ во здравіе съ веселіемъ. И милостію Твоею, спаси насъ, Господи, и помилуй. Аминь!» Съ окончаніемъ оныхъ молитвъ, женихъ кланяется земно въ ноги невѣстину отцу и матери, прося благословенія отъ нихъ на брачную жизнь. Родители новобрачной произносятъ по порядку, начиная съ отца, благословеніе свое, такими словами: «Буди, чады наши, благословены Богомъ Вышнимъ. Да благословитъ васъ Господь отъ Сіона, и узрите благая Іерусалима, и узрите сыны сыновъ вашихъ, миръ на Израиля да почіетъ на главахъ вашихъ во вѣки. Аминь.» За тѣмъ мать невѣсты, или какая либо изъ пожилыхъ женщинъ приступаетъ къ обрядностямъ: повязываетъ голову четы новобрачной темнымъ платкомъ, какъ это носятъ замужнія женщины. Во время этой обрядности все собраніе присутствующихъ начинаетъ пѣть Псаломъ 102-й: «Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя,» и проч. Тѣмъ и заканчивается бракосочетаніе у Молоканъ. По окончаніи, новобрачныхъ вводятъ въ домъ жениха, и снова общимъ собраніемъ принимаются за пѣніе, начиная: «Радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеся! Кротость ваша разумна да будетъ всѣмъ человѣкомъ. Господь близъ. Ни о чемъ же пецытеся» и проч. (Филип. глав. 4-я, отъ 4-го до 10-го ст.). Въ заключеніе всего новобрачные просятъ гостей и родныхъ къ столованію. При этомъ угощеніе у Молоканъ происходитъ безъ вина и пива, довольствуясь одними сладкими пряностями: медомъ, конфектами и другими закусками.

Изложивъ въ краткихъ чертахъ обрядности брачныя Молоканъ, не лишнимъ находимъ указать и на обязанности брачащихся между собою и въ отношеніи своего общества.

Сколько извѣстно, ученіе Молоканъ построено на соціальныхъ теоріяхъ; религіозное вѣрованіе ихъ видимо основано на отсутствіи сложныхъ обрядностей, такъ что Молокане, во всѣхъ своихъ богомоленіяхъ, стараются вести свои богоелуженія сообща, купно; старѣйшина ихъ играетъ въ этомъ случаѣ только

роль починателя, но не болѣе. Всѣ ихъ общественныя дѣла, а равно и богомоленія, управляются и ведутся сообща, соборнѣ. И такимъ образомъ самый бракъ Молоканъ, точно какъ и его обрядности, описанныя нами выше, построены на общихъ началахъ равенства человѣка, какъ мужескаго, такъ и женскаго, пола. И хотя у Молоканъ бракъ въ дѣйствительности не введенъ въ ученіе Таинства, но на дѣлѣ признается священнымъ и обязательнымъ для брачащихся, какъ въ отношеніи супружеской вѣрности, такъ и въ отношеніи хозяйства и своего общества; впрочемъ, Молокане допускаютъ и разводъ брачный, но не иначе, какъ предварительно обсудивши, такъ сказать, соборнѣ, вину или причину семейнаго несогласія.

Сдѣсь укажемъ на ихъ постановленія въ отношеніи несогласныхъ, мужа, или жены, своего рода епитиміи. Если мужъ измѣнитъ женѣ своей, или оскорбитъ ее какимъ либо ругательнымъ словомъ, или же нанесетъ женѣ побои, то она немедленно заявляетъ о поступкахъ своего мужа своему обществу, черезъ его старѣйшину, отъ котораго и назначается, на первое же церковное собраніе, разбирательство виновнаго передъ своею общиною. По окончаніи богомоленія, избирается совѣтъ изъ престарѣлыхъ старцевъ, и заявляется жалоба обиженнаго, мужа, или жены. На судебномъ разбирательствѣ находится, въ качествѣ засѣдателей, адвокатовъ и судей, почти что цѣлое село, или извѣстный околотокъ изъ Молоканъ. На столъ, въ видѣ Свода Законовъ, кладется Библія изданія Екатерининскаго времени, большаго формата. По выслушаніи жалобы отъ обиженнаго и оправданія противной стороны, старецъ принимается за изустное чтеніе Библейскихъ текстовъ, относящихся до семейной жизни и супружеской вѣрности: «Мужъ долженъ любить жену, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь,» говоритъ старецъ; «а развѣ Христосъ оскорбляетъ свою Церковь? Союзъ между мужемъ и женою долженъ быть союзомъ любви, союзомъ духовнымъ. Любящій свою жену любитъ самаго себя; зане преступникъ противъ заповѣди Господней тотъ мужъ, кой дурно обращается съ своею женою словомъ, или дѣломъ. Ибо какая можетъ быть любовь и согласіе у враждующихъ? Безъ любви и согласія жена не можетъ быть помощницею своему мужу, какъ завѣщано самимъ

Господомъ, а рабой для плотскаго, тѣлеснаго, только сожительства, понижающаго жену на степень безсловеснаго животнаго, и духъ и образъ подобія уничиженъ и обезчещенъ: зане не любовь соединяетъ узы сочетававшихся, а блудъ и прелюбодѣяніе.»

Такимъ образомъ, истощивши весь запасъ нравственнаго поученія враждующимъ, собраніе всѣми силами старается помирить несогласныхъ, и буде дѣло не дойдетъ до развода, то на нарушителей церковнаго мира отъ общины налагаются особыя наказанія, смотря по степени виновности каждаго. Виновный, въ видѣ епитиміи, проситъ передъ всѣми у обиженнаго прощенія, или обѣщается снести отъ 10 до 40 дней строгій постъ, сотворить щедрую милостыню, сдѣлать пожертвованія на обезпеченіе сиротъ и вдовъ своего округа, раскаяніе и прошеніе прощенія за оскорбленіе своего общества на молитвенномъ собраніи своихъ совѣрцевъ. Въ крайнемъ случаѣ, на виновнаго налагаются тяжкія наказанія, а именно: отлученіе отъ участія при общественномъ богомоленіи, на недѣлю, мѣсяцъ, полгода и годъ. Въ иныхъ случаяхъ, смотря по степени виновности, дозволяется присутствіе при молитвословіи общественномъ, но съ тѣмъ, чтобы обратясь стоять въ уголъ, къ стѣнѣ. Для нѣкоторыхъ бываетъ наказаніемъ и то, когда осуждаютъ преступнаго на лишеніе права братскаго привѣтствія при встрѣчахъ на улицѣ, и недозволеніе пѣть и читать Библію на общемъ братскомъ молитвословіи. Въ случаѣ развода мужа съ женою, имъ дозволяется вступить снова въ брачное сочетаніе по своему выбору. Иногда бываетъ и такъ: разведенные мужъ и жена вступаютъ въ сожительство съ новымъ лицомъ и, по прошествіи нѣкотораго времени, снова разводятся и соединяются по прежнему на брачную жизнь съ прежними мужьями, или женами; но эти случаи у Молоканъ бываютъ рѣдкостію, и за это виновные подвергаются строгому наказанію, изложенному нами выше.

Общія богомоленія у Молоканъ происходятъ гдѣ либо: въ лѣтнее время на гумнѣ, въ сараяхъ, а зимою въ домахъ.

2.

БЕЗБРАЧІЕ ѲЕОДОСІЕВЦЕВЪ ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Перейдемъ отъ ученія Ѳеодосіевцевъ къ дѣйствительности. Какъ извѣстно, Согласіе Ѳеодосіевцевъ-Преображенцевъ проповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ жизнь безбрачную. Посмотримъ, на сколько это ученіе заняло мѣсто въ дѣйствительности.

2 Мая, 1867 года, происходило разбирательство въ Съѣздѣ Мировыхъ Судей 2 округа города Москвы. Чрезъ повѣреннаго своего мѣщанка Марья Юдина, по Ѳеодосіевскому Согласію, обратилась съ кассаціонною жалобою на Мироваго Судью Лефортовскаго участка, Г. Данилова, за произведенное имъ разбирательство, по ея, Юдиной, жалобѣ на пасквильное письмо (съ угрозами лишить жизни), доставленное изъ дома бывшаго ея сожителя (по Преображенскому обряду), купца Игнатія Виноградова, солдаткою Марьей Дамьяновой. Въ сочиненіи пасквильнаго письма падаетъ сильнее подозрѣніе со стороны Юдиной на новую сожительницу купца Игнатія Виноградова, Авдотью Яковлеву, сочетанную съ нимъ по тому же Преображенскому обряду. По чему Мировой Съѣздъ постановилъ: «Поручить произвести дополнительное изслѣдованіе уже Яузскому Мировому Судьѣ, съ вызовомъ купца Игнатія Виноградова, названной его жены Авдотьи Яковлевой, и солдатки Марьи Демьяновой, за тѣмъ снова въ Засѣданіи Съѣзда доложить.»

Теперь обратимся къ жалобѣ того же купца, Игнатія Виноградова, на прежнюю свою сожительницу, Марью Юдину, и къ разбирательству у того же Мироваго Судьи, Г. Данилова; сущность жалобы купца Виноградова въ слѣдующемъ: «Я, купецъ Игнатій Виноградовъ, съ своею (названною) женою, Авдотьею Яковлевою, катался въ селѣ Черкизовѣ (Лефортовской Части) въ саняхъ, въ прошлое Воскресенье, на масляницѣ, сего 1867 года, 6 Февраля; въ это время, мѣщанка Марья Юрина (прежняя его сожительница по Преображенскому обряду) бросила мнѣ въ сани пятилѣтняго мальчика Павла съ словами: «Возьми, покатай и его! Вѣдь, онъ твой!»

По этому дѣлу происходило разбирательство у него же, Г. Данилова, 31 Марта, также въ Маѣ и въ Іюнѣ того же года, и по приговору Г. Судьи Лефортовскаго участка Марья Юдина была присуждена къ двухнедѣльному аресту, или ста рублямъ штрафа.

Вообще съ перваго раза дѣло это само по себѣ не обѣщаетъ широкихъ послѣдствій, но внимательно всмотрясь въ обстоятельства жалобъ, какъ той, такъ и другой, сторонъ, видно, что купецъ Игнатій Виноградовъ нѣкогда принадлежалъ къ Православной Церкви, какъ объ этомъ заявляетъ прежняя его сожительница по Преображенскому обряду, Марья Юдина, такъ какъ родные братья Игнатія Виноградова и до сего времени находятся въ нѣдрахъ Православія; но какими судьбами Виноградовъ и когда именно уклонился въ Расколъ Ѳеодосіевской, Юдина опредѣлить съ точностію не можетъ. Такъ ли, иначе, но Игнатій Виноградовъ уклонился въ Расколъ, чему неопровержимымъ доказательствомъ служатъ какъ его родные братья, рожденные въ Православіи, такъ и самыя Метрики. Если же купецъ Игнатій Виноградовъ не признаетъ своею женою по Преображенскому обряду сочетанную съ нимъ, Марью Юдину, то на какомъ основаніи онъ, какъ сектантъ безбрачнаго толка, не вѣнчанный ни въ какой церкви, и даже въ кладбищенской часовнѣ (гдѣ, какъ извѣстно, сектанты безбрачники брака не совершаютъ и не признаютъ его), признаетъ своею женою послѣднюю свою сожительницу, Авдотью Яковлеву? Правда, купецъ Игнатій Виноградовъ ссылается на какое-то заявленіе въ Канцеляріи Г. Московскаго Генералъ-Губернатора, отъ 8 Октября, 1866 года, утверждая, что черезъ подобныя заявленія сектанты по Преображенскому Согласію установляются въ ихъ гражданскомъ бракѣ, т. е., бракъ ихъ признается, говоря словами самаго Игнатія Виноградова, по Высочайшему Манифесту дѣйствительнымъ и законнымъ. На вопросъ Г. Повѣреннаго Маріи Юдиной купцу Виноградову, какой это Манифестъ (?) подразумѣваетъ онъ въ свою пользу? Виноградовъ разъяснить этого вопроса не могъ, но заявлялъ только одно, что у нихъ, на кладбищѣ (Преображенскаго Толка), это всегда ведется такъ. Дальнѣйшихъ же подробностей этого гражданскаго бракосочетанія мы узнать не могли. Впрочемъ, купецъ Виноградовъ обѣщался Г. Лефортовскаго участка Миро-

вому Судьѣ представить изъ Канцеляріи Губернатора болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія по этому Ѳеодосіевскому безбрачному многоженсву. *

Разскажемъ еще случай изъ недавняго времени, касательно сводныхъ гражданскихъ браковъ у Ѳеодосіевцевъ.

Въ послѣдній мясоѣдъ, передъ масляницею 1868 года, былъ совершенъ сводный бракъ нѣкоего Ѳеодосіевца Преображенскаго Толка, Сырцова, съ Московскою мѣщанкою, Пелагеею Михайловою, чрезъ одно родительское, или кого изъ старшихъ своего Толка, благословеніе. Пелагею Михайлову выдавала замужъ тоже Старовѣрка бабка, у коей Михайлова находилась на воспитаніи, какъ пріемышъ. Въ приданое за невѣстою Сырцову было дано 300 руб. денегъ и нѣсколько ткацкихъ становъ, кромѣ извѣстнаго приданаго, состоящаго изъ носильнаго платья и другихъ необходимыхъ вещей для невѣсты. Пелагея Михайлова прожила въ замужствѣ за Сырцовымъ съ масляницы по Ѳомину недѣлю, и такъ какъ она находилась въ семьѣ свекрови, которая завѣдывала всѣмъ домомъ своего сына, мужа Михайловой, и, въ слѣдствіе какихъ-то житейскихъ расчетовъ, свекровь Сырцова начала тѣснить молодую Михайлову, то дѣло черезъ семейныя непріятности было доведено до развода мужа съ женою. Волею, неволею, Михайлова должна была покинуть слабохарактернаго своего, почти несовершеннолѣтняго, мужа Сырцова, и такимъ образомъ на Ѳоминой состоялся бразный разводъ при извѣстныхъ свѣдѣтеляхъ.

Изъ дѣла, происходившаго у Лефортовскаго Мироваго Судьи, а равно и изъ свѣдѣтельскихъ показаній, было видно, что Пелагея Михайлова, сбирая всѣ свои приданные пожитки, три раза поклонилась своему мужу, по своему обряду, въ ноги, положила началъ передъ иконами, и за тѣмъ стала прощаться со своею свекровью и предстоящими свѣдѣтелями. При этомъ, довольно своеобразномъ и простомъ, разводѣ родственники и сама Михайлова неоднократно обращались къ свекрови Сырцовой за деньгами, данными за нею въ приданое, 300 руб. сер., и за ткацкими

* См. газету «Гласный Судъ,» за 1867 г., № 228.

станами. О первыхъ Сырцова мать отвѣчала, что деньги истрачены на свадьбу, а станы будутъ возвращены ей въ другое время.

Сдѣлка видимо была руководима опытною юридическою рукою, по тому что, какъ шли всѣ этѣ семейные переговоры, мать Сырцова составила особую росписку чрезъ кого-то изъ присутствующихъ, и при возвратѣ приданаго Михайловой велѣла и ей подписать росписку, за нею подписались зрители, въ видѣ свѣдѣтелей сей миролюбовной разводной сдѣлки. Въ роспискѣ, конечно, не было упомянуто ни о деньгахъ 300 руб., ни о станахъ ткацкихъ. Но въ скоромъ времени изъ приданыхъ 300 руб. и ткацкихъ становъ возникло у Лефортовскаго Мироваго Судьи дѣло, гдѣ мы и были очевидцами безженнаго-многоженства Ѳеодосіевцевъ-Преображенцевъ, проповѣдующихъ своимъ послѣдователямъ жизнь безбрачную, но на самомъ дѣлѣ сводящихъ для своихъ парней и дѣвицъ какіе-то браки, не признаваемые, въ случаѣ видимой пользы и нужды, даже самими брачащими. Спрашивается: что же это? Ученіе ли въ жизни, или дѣйствительность въ формѣ Ѳеодосіевскаго развратнаго безженнаго многоженства? Въ Судѣ намъ пришлось спросить сторонниковъ Пелагеи Михайловой, «что именно заставило мать Сырцова тѣснить молодую чету?» Намъ замѣтили: «Сдѣсь, отецъ мой, простой житейскій расчетъ. Взять въ приданое за сына деньги и станы, а послѣ молодую прогнать, за тѣмъ подыскать своему сыну другую сводную жену, разумѣется, чтобы была не безъ выгоды, да и не безъ денегъ: это и значитъ у нихъ сводить свадьбу по Ѳеодосіевскому благочестію,» сирѣчь наживать капиталецъ. Вѣдь, оно тутъ не завидно для дѣвокъ и бабъ, за то мужикамъ-то добре хорошо и тепло отъ таковыхъ ихъ браковъ....

20-го Сентября, 1868 г., у Хамовническаго Мироваго Судьи разбирались слѣдующее дѣло:

Крестьянинъ Владимирской Губерніи, Никита Филипповъ, обвинялъ Верейскую мѣщанку, Глушкову, въ кражѣ у него во время сна, изъ за голенища сапога, 93 р. с.; Глушкова же обвиняла Филиппова въ томъ, что онъ, будучи съ нею обвѣнчанъ по Старообрядчеству, прогналъ ее отъ себя и не хочетъ признавать ее своею женою.

Судья. Такъ вы мужъ и жена?

Филипповъ. Ни какъ нѣтъ, Ваше Благородіе.

Глушкова. Какъ нѣтъ! Чай на свадьбѣ-то всѣ твои родственники и знакомые были, всѣ скажутъ....

Филипповъ. Это точно-съ, что меня поздравляли, только она у меня въ прачкахъ жила, да вотъ и вытащила у меня изъ сапога 93 р. с., когда я спалъ.

Глушкова. Вретъ онъ все, Ваше Благородіе! Никогда у него не была прачкой; для него больно дорога будетъ такая прачка.

Филипповъ. Еще бы не дорога! 93 р. вытащила.

Глушкова. Я свои взяла; ты у меня сколько денегъ-то перетаскалъ?....

Судья снова останавливаетъ спорящихъ и читаетъ обвиненіе Глушковою Филиппова, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что вѣнчали ихъ подъ праздникъ Всѣхъ Святыхъ, гдѣ-то на Нѣмецкой улицѣ; дома она, впрочемъ, не помнитъ; что свадьбу эту устроилъ живущій въ Дорогомиловской Слободѣ, въ своемъ домѣ, мѣщанинъ Петръ Ѳоминъ, который увѣрялъ ее, Глушкову, что Филипповъ подастъ прошеніе о признаніи этого брака законнымъ; а что они дѣйствительно вѣнчаны, о томъ знаютъ всѣ родственники и знакомые Филиппова, бывшіе на свадьбѣ. При этомъ Глушкова приложила, какъ доказательство, выданное Филиппову отъ Волостнаго Правленія дозволеніе на вступленіе во второй бракъ.

Судья (Глушковой): Вы Старообрядка?

Глушкова. Нѣтъ-съ, я Церковная.

Судья. А вашъ мужъ?

Глушкова. Вы видите, Ваше Благородіе, лобъ-то стриженый.

Филипповъ. Никогда я не былъ Раскольникомъ.

Глушкова. Не былъ? Онъ и въ церковь не ходитъ, Ваше Благородіе; сколько лѣтъ уже не говѣлъ.

Судья (Глушковой). За чѣмъ же вы, будучи не Раскольницей, выходили за него замужъ и вѣнчались съ нимъ не въ церкви, а въ какомъ-то домѣ?

Глушкова. Мнѣ сказали, что это все равно, и онъ самъ увѣрилъ меня, что подастъ прошеніе, чтобы насъ считали повѣнчанными.

Судья (Филиппову). А вы обвиняете ее въ похищеніи ею у васъ денегъ?

Филипповъ. 93 р. вытащила изъ за сапога.

Глушкова. Я свои взяла изъ сундука. Онъ и женился-то на мнѣ за тѣмъ, что питейный домъ хотѣлъ открыть, да денегъ на патентъ не было.

Филипповъ. Какая ты мнѣ жена? Моя жена умерла.

Судья (Глушковой). Вы признаетесь, что взяли деньги?

Глушкова. Взяла свои, чтобы онъ ихъ не пропилъ. Онъ пьянствуетъ безъ просыпу, только вотъ нынче маленько очнулся. Мнѣ и родные его говорятъ: «Не давай ему денегъ!» Онъ самъ меня кругомъ обобралъ и дѣтей своихъ отъ первой жены на мою шею бросилъ.

Филипповъ. Я не знаю, какъ ты украла и дѣтей моихъ. А вѣнчанъ съ нею я не былъ: развѣ постомъ вѣнчаютъ? Она, Ваше Благородіе, такая женщина, что когда я пошелъ на нее жалиться, такъ она въ квартиру въ окно влѣзла и самоваръ мой унесла.

Глушкова. Неправда, безстыжіе твои глаза! Я свой самоваръ взяла, чтобы ты и его не пропилъ.

Филипповъ. Бѣлье мое удержала у себя, мѣру картофеля унесла, три подушки (обращаясь къ публикѣ): вотъ какова жена-то!

Глушкова. Онъ все говоритъ неправду; спросите, Ваше Благородіе, Петра Ѳомича: онъ все знаетъ.

Филипповъ. Петръ-то Ѳомичъ самъ хотѣлъ жениться на ней.

Глушкова. И родственниковъ его спросите; всѣ знаютъ что я жена ему, а то передайте дѣло Судебному Слѣдователю.

Судья (Глушковой). Вы говорите, что вынули изъ сундука свои деньги: откуда же вы взяли ихъ?

Глушкова. У меня были 2 коровы, я ихъ и продала: это вся Дорогомиловка знаетъ, да вотъ еще....

Филипповъ. Она путаетъ все (зажмуриваясь): ни какихъ я коровъ у ней отродясь не видалъ.

Судья (Филиппову). Помолчите!

Глушкова. Вотъ еще, Ваше Благородіе: онъ у меня деньги бралъ, вотъ и росписка его (подаетъ Судьѣ росписку).

Судья. Это онъ самъ писалъ?

Глушкова. Нѣтъ-съ. Вонъ тамъ (указываетъ на входныя двери) три пьяницы стоятъ: изъ нихъ кто ни будь.

Судья. Росписка писана на имя Филипповой.

Глушкова. Я и есть Филиппова: какая я Глушкова!

Судья (Филиппову). Какія вы можете представить доказательства, что Глушкова дѣйствительно похитила у васъ 93 р. с.

Филипповъ. Въ дѣлѣ все прописано.

Судья. Постановилъ рѣшеніе: «Глушкову считать по суду оправданною во взведенномъ на нее обвиненіи, а дѣло о бракѣ передать въ Московскую Духовную Консисторію.»

Судья (Глушковой). Довольны ли вы?

Глушкова. Довольна-съ.

Филипповъ. Еще бы не довольна! Возьми еще полтораста рублей, еще довольнѣе будешь.

Судья. Не смѣйте такъ говорить!

Филипповъ. Слушаю, Ваше Благородіе, слушаю!

Судья (Филиппову). А вы довольны?

Филипповъ. Ни какъ нѣтъ-съ, очень недоволенъ даже. *

---

* См. «Петерб. Газету,» 1868 года, № 142.

3.

ДЛЯ СТАРООБРЯДЦЕВЪ БЕЗПОПОВЦЕВЪ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА.

«Щадить слабаго есть дѣло человѣчное, когда относятся къ людямъ; но оказывать пощаду направленіямъ, которыхъ господство мы допустить не хотимъ и не можемъ, значитъ плодить этѣ направленія и приготовлять въ будущемъ новую борьбу съ ними, борьбу, которая по необходимости будетъ сопряжена съ новою гибелью людей. Въ борьбѣ съ людьми примиреніе возможно, но въ борьбѣ съ идеями, какъ замѣчаютъ, не можетъ быть мира: ихъ надобно упразднить до конца; съ ними надобно бороться, пока не исчезнетъ послѣдній слѣдъ ихъ» («Моск. Вѣд.», въ перед. стат., № 203, за 1864 г.).

Мудрое правило, которое мы сдѣсь выписали, должно составлять основную статью каждаго политическаго уложенія. Щадить слабыхъ людей есть святая обязанность человѣка, и для того именно, чтобы щадить ихъ, необходимо не щадить направленія, которыя ведутъ ихъ неправымъ путемъ. Преслѣдованіе личностей не искореняетъ направленія; мы это видимъ въ Расколѣ.

Мудрое Правительство отмѣнило преслѣдованіе въ отношеніи къ личностямъ Раскола, но нельзя полагать, чтобы оно отказалось отъ борьбы съ Расколомъ, какъ съ идеею, какъ съ направленіемъ; иначе оно отказалось бы отъ покровительства Православной Церкви. Общество обязано содѣйствовать Правительству и, чуждаясь гоненій, направленныхъ на личность, должно, однако же, бороться съ идеей и съ направленіемъ. Вотъ предисловіе и вступленіе къ моей примирительной статьѣ противъ сочинителя «Гражданскихъ думъ.» Я легко могъ бы указать на ошибки, на непохвальный умыселъ, на хитрыя намѣренія сочинителя «Гражданскихъ думъ,» но я имѣю дѣло не съ нимъ, а съ его исповѣданіемъ; я завелъ тяжбу не съ Старовѣромъ Преображенскаго кладбища, а съ Расколомъ, и если въ моемъ отвѣтѣ я обращаюсь къ Раскольничьему писателю, то единственно какъ къ представителю убѣжденій и направленія: до его личныхъ мнѣній мнѣ нѣтъ ни какого дѣла.

Въ Замѣткѣ нашей, помѣщенной въ «Сѣверной Пчелѣ,» № 127, за 1863 г., * мы спросили сочинителя «Гражданскихъ думъ: «Отъ себя ли, или отъ своего общества, онъ говоритъ?»

Въ «Отповѣди Старовѣра» дается косвенный отвѣтъ на этотъ вопросъ; онъ выражается такъ: «По собственному призванію и убѣжденію я говорилъ за общество, а общество за себя отвѣчало предъ всѣмъ міромъ» («Совр. Лѣт.,» № 33-й, за 1864 г.).

Не то высказалъ онъ въ «Гражданскихъ думахъ» («Совр. Лѣт.» за 1863 г., № 33); тамъ онъ прямо говоритъ какъ бы за общество; а теперь утверждаетъ, что онъ писалъ за себя, а общество отвѣчало предъ цѣлымъ міромъ. Ужь не въ адресѣ ли? Адресъ, конечно, есть актъ, составленный смѣло и подписанный старшинами общества; но и «Исповѣданія,» представляемыя отъ разныхъ Согласій Правительству, также составлены смѣло, за общимъ подписомъ, какъ акты. Спрашиваемъ теперь послѣдователя Ильи Ковылина и, вмѣстѣ съ нимъ, всѣхъ его единовѣрцевъ, пусть отвѣтятъ они по чистой совѣсти, на сколько слова поданныхъ ими Исповѣданій согласуются съ дѣломъ? Такъ ли они поступаютъ, какъ обѣщаютъ поступать? И жилые бѣгунки (странники), отрасль Ѳеодосіевская, такъ же какъ и Преображенцы, удостовѣряютъ въ своихъ Исповѣданіяхъ, что они признаютъ предержащія власти и имъ повинуются. Но такъ ли это на дѣлѣ?

Тѣмъ ли Преображенцы признаютъ «предержащія власти,» что признаютъ всѣ дѣла ихъ дѣломъ Антихриста, а исполнителей закона—слугами или поборниками Антихриста? (См. «Сборникъ Н. Попова,» т. 1-й, стр. 4). Вотъ ихъ духовное исповѣданіе, ихъ убѣжденіе, правила, которыми они руководствуются въ жизни. Они присягаютъ быть вѣрными своему Уставу, слѣдовать неуклонно этѣмъ правиламъ (См. т. 1-й: «Польскій Уставъ и Чинъ оглашенія,» стр. съ 1-й по 121). Будутъ ли Ѳеодо-

---

* Эта «Замѣтка» помѣщена также въ «Сборникѣ для исторіи Старообрядчества,» изд. Н. Попова, т. 1-й, на стр. 143.

сіевцы Преображенцы утверждать послѣ того, что они искренно и нелицемѣрно сознаютъ то, что послѣ этой присяги пишутъ въ «Исповѣданіяхъ» и другихъ завѣреніяхъ, представляемыхъ Правительству, содержаніе которыхъ идетъ въ явный разладъ съ коренными правилами ихъ Вѣры? Но не всѣ такъ смѣло рѣшатся расходиться съ правдой всенародно, какъ смиренный Старовѣръ, сочинитель «Гражданскихъ думъ и Отповѣди;» не всѣ съ такою готовностію рѣшатся отречься отъ Вѣры, въ которой родились и воспитаны. Даже самъ послѣдователь Ковылина не рѣшается сказать всенародно, что онъ пишетъ отъ своего Согласія, что выражаетъ въ думахъ своихъ внутреннія убѣжденія людей его Согласія, хотя во многихъ мѣстахъ этихъ думъ говоритъ не своимъ только именемъ: «мы, Старовѣры, насъ, Старообрядцевъ» и т. п. Вотъ по чему я такъ смѣло спросилъ сочинителя «Гражданскихъ думъ:» за себя ли, или и за общину говоритъ онъ въ своихъ писаніяхъ, и вотъ по чему былъ онъ поставленъ въ невозможность опредѣлительно отвѣчать на мои вопросы. Вмѣсто отвѣта, Феодосіевецъ самъ задаетъ мнѣ вопросы о моемъ происхожденіи и проч., какъ это обыкновенно дѣлаютъ Раскольничьи витіи, уклоняясь отъ отвѣтовъ.

Сочинитель «Отповѣди» спрашиваетъ меня: кто я такой, и изъявляетъ какъ будто сомнѣніе, что я Русскій. Что Николай Ивановъ Поповъ Русскій по происхожденію, это доказываетъ его имя и исповѣдуемая имъ Православная Вѣра, и объ этомъ вопроса быть не можетъ. Русскій ли я по духу, это я по возможности доказывалъ вамъ въ первой моей «Замѣткѣ» на ваши «Гражданскія думы.» Я защищалъ Православіе, одну изъ главныхъ основъ Русской народности, и если намъ свести счеты съ вами, по характеристическимъ отличительнымъ признакамъ Русскаго человѣка, то я болѣе Русскій, чѣмъ вы, и мнѣ предстоитъ уже не только сомнѣваться, точно ли вы Русскій, но рѣшительно сказать, что вы не вполнѣ Русскій, пока вы не Православный. Въ политическомъ отношеніи вы, конечно, Русскій, какъ сынъ общей матери, столько же Русскій, какъ подданные Россіи Поляки, Татары, Чуваши, какъ всѣ дѣти, которыхъ питаетъ Русь Православная; но предъ лицомъ Русской Церкви вы отщепенецъ, такъ какъ вы отщепились отъ нея, а наше единоборство съ вами происходитъ на

почвѣ церковной, а не политической: мы сражаемся съ вами не за Государственное знамя, не за національный флагъ, а за святую хоругвь Православной Церкви, и на этомъ полѣ брани я стою подъ Русскимъ стягомъ, а вы подъ знаменемъ чуждымъ Русской Церкви и, слѣдственно, Русскаго народа.

Сочинитель «Отповѣди,» ссылается на наши извѣстные журналы и газеты, которые съ снисхожденіемъ отзывались о Раскольникахъ: но не полагаетъ ли онъ, перебирая, какъ по лѣстовкѣ, имена всѣхъ литературныхъ дѣятелей, у которыхъ чувство вѣротерпимости вызвало доброе слово за заблудшихъ братій, не полагаетъ ли онъ, что утвердилъ тѣмъ за собою право думать, какъ думалъ доселѣ, поступать, какъ поступалъ доселѣ? Слова этѣхъ литературныхъ заступниковъ только терпимость, а не одобреніе; только снисхожденіе къ заблужденію, а не поощреніе въ заблужденіи.

Будь Старовѣры тѣ исполнителями, какъ гражданскихъ, такъ и общественныхъ, законовъ не на словахъ, какъ въ вашихъ «Исповѣданіяхъ,» или «Гражданскихъ думахъ,» но исполнителями на дѣлѣ, тогда больше и желать нечего, и споръ нашъ прекратился бы, да и не возникъ бы никогда. Не за сладкія рѣчи ваши ратую я противъ васъ, а за лукавое слово въ устахъ вашихъ, за Фарисейство вашей братіи, и не перестану ратовать, пока у меня станетъ силъ. Я не возстаю на учрежденія вашего общества, на уравненіе васъ въ правахъ религіозныхъ и гражданскихъ со всѣми другими подданными Россіи. Этого уравненія я только и желаю; но я, вмѣстѣ съ этѣмъ, желаю и того, чтобы вы не могли безнаказанно дѣлать то, чего другимъ законъ не позволяетъ. Не отъ какого-то фантастическаго общества требую васъ къ отвѣту, какъ вы выражаетесь, а отъ всего Русскаго гражданскаго общества, которое не можетъ допустить, чтобы вы присвоивали какія либо права въ ущербъ этого общества, и чтобы еще утверждали, что религіозная терпимость должна быть распространена и на противозаконныя ваши дѣйствія. Вы пишете, что «не ищете себѣ ни какихъ правъ и преимуществъ, ни государственныхъ, ни политическихъ, ни какихъ льготъ,» а между тѣмъ, въ этой же «Отповѣди» не-

осторожно проговорились, что «вы желаете, чтобы ваши незаконныя жены или любовницы были признаны законными, и незаконнорожденныя дѣти были законными наслѣдниками.» Развѣ это не премущество предъ другими Русскими подданными? За что же вы хотите, чтобы этотъ неумолимый законъ былъ снисходительнѣе къ вамъ, чѣмъ къ другимъ гражданамъ общества? За что долженъ онъ оказывать вамъ это преимущество предъ другими? Не за то ли, что вы Старовѣры?—Но Старовѣрчество есть только терпимое закономъ заблужденіе, а ни какъ не заслуга и не право на то, въ чемъ законъ отказываетъ нестаровѣрамъ.

Да и для какихъ женъ и для какихъ дѣтей просите вы правъ, когда у васъ ни женъ, ни дѣтей быть не можетъ? Вѣнчанныхъ женъ у васъ нѣтъ, по тому что у васъ нѣтъ обряда вѣнчанія; наложницъ у васъ быть не должно, по тому что, по установленнымъ Ильей Ковылинымъ правиламъ, послѣдователи его должны жить безженно и въ цѣломудріи. * А вѣдь вы сами подписались подъ одной изъ вашихъ статей «послѣдователемъ Ильи Алексѣева Ковылина» (Смотр. «Моск. Вѣд.,» № 78-й, за 1863 г.), и опять выходитъ, что не то во устахъ, что въ мысли. **

Теперь сочинителю «Отповѣди» я не лишнимъ считаю объяснить коечто о предпринятомъ мною изданіи: «Сборникъ матеріяловъ для исторіи Старообрядчества.» Въ изданіи моемъ я помѣщаю всѣ собранныя мною его Толка церковныя правила, ихъ духовный уставъ, и дѣлаю это какъ съ тѣмъ, чтобы этѣ документы могли послужить матеріяломъ для исторіи Раскола, такъ и для того, чтобы общество и власти видѣли, что именно въ Ѳеодосіевскомъ Преображенскомъ Согласіи подлежитъ разумной

---

* Ужь не для Новоженовъ ли вы желаете этѣхъ правъ, которые, по ученію Ильи Ковылина, не допускаются даже ни къ вашей общей молитвѣ, ни къ ястію, ни къ дружбѣ и т. п.?

** Желающіе знать въ подробности правила безбрачной жизни Преображенцевъ Ѳеодосіевцевъ, могутъ прочесть ихъ въ нашемъ «Сборникѣ для исторіи Старообрядчества,» т. I, въ отдѣлѣ «Безпоповщина.»

терпимости и что оскорбляетъ законъ. Только высшимъ властямъ извѣстенъ отчасти ихъ Церковный Уставъ и главные ихъ обряды. Властямъ второстепеннымъ, въ управленіи которыхъ находятся и они, ученіе ихъ и религіозные обычаи, или вовсе незнакомы, или извѣстны только по слухамъ, не всегда вѣрнымъ, часто сбивчивымъ и иногда противорѣчивымъ. Для нихъ-то мой Сборникъ будетъ важнымъ пособіемъ при разбирательствѣ случаевъ, гдѣ нерѣдко они, Ѳеодосіевцы, свои гражданскіе проступки оправдываютъ своими религіозными правами. Этѣ власти будутъ знать, съ кѣмъ онѣ имѣютъ дѣло, будутъ видѣть, до какихъ границъ можетъ ити вѣротерпимость безъ нарушенія законовъ и обязательныхъ Правительственныхъ правилъ. Тѣ же лица духовныя, или свѣтскія, которыя примутъ на себя обязанность проповѣдниковъ въ ихъ духовной области, найдутъ въ моемъ Сборникѣ вѣрныя указанія: гдѣ гнѣздится зло, въ чемъ именно состоитъ заблужденіе, и какъ предстоитъ имъ дѣйствовать, чтобы бороться съ этѣмъ зломъ и образумить заблудшихъ.

Въ заключеніе я беру смѣлость посовѣтовать сочинителю «Гражданскихъ думъ» не писать «Отповѣдей» на то, на что отвѣчать нечего. Ваши слова, какъ бы краснорѣчивы они ни были, никогда не будутъ такъ убѣдительны, какъ данныя, а этѣхъ данныхъ вы не сотрете своей Раскольничьей діалектикой ни въ исторіи Раскола, ни въ исторіи Преображенскаго кладбища, ни въ вашихъ Церковныхъ Уставахъ. Прочтите «Уставъ Покровской Мониной часовни,» и тогда у васъ пройдетъ охота увѣрять печатно, что вы молитесь за Царя. Тамъ найдете вы явныя улики, что это неправда; кромѣ указаннаго «Устава (Мониного), это доказано несомнѣнно также и въ статьѣ «Примиреніе Преображенцевъ съ Филипповцами въ 1780 г.»*

---

* См. газету «Современный Листокъ» за 1865 г., №11 и 12.

4.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА СТАТЬЮ «РАСКОЛЪ И ЕДИНОВѢРІЕ» Г. ЮРЬЕВА. *

Въ 1863 году, № 44 «Современной Лѣтописи,» сочинитель «Гражданскихъ думъ Безпоповца,» только что вступившій тогда на литературное поприще и за статьи свои попавшій въ опалу у своего Согласія, упоминаетъ о нѣкоемъ Юрьевѣ, «протянувшемъ руку помощи упадшему духомъ и силами.»

Этотъ Г. Юрьевъ не удовольствовался тогдашнимъ покровительствомъ ему; но та самая рука, которую онъ протянулъ собрату своему, написала теперь длинную статью, съ единственною, кажется, цѣлью, чтобы, въ концѣ ея, сказать нѣсколько словъ въ защиту опальнаго, «претерпѣвшаго безчисленное множество непріятностей и гоненій отъ тѣхъ, за кого онъ ратовалъ—отъ своихъ братій по Вѣрѣ и убѣжденіямъ» (?).

Мы не совсѣмъ согласны съ Г. Юрьевымъ въ томъ, чтобы Преображенское Согласіе было однихъ убѣжденій съ своимъ одновѣрцемъ, сочинителемъ «Гражданскихъ думъ.» Если бы было такъ, за что бы, кажется, подвергать своего защитника непріятностямъ и гоненіямъ? У людей съиздавна заведено отстаивать своихъ единомышленниковъ, и если бы тотъ раздѣлялъ мысли и убѣжденія Преображенцевъ, ему нечего было бы бояться опалы и гоненій; но мы объ этомъ поговоримъ въ другой разъ, а теперь взглянемъ на содержаніе статьи Г. Юрьева.

Въ прошломъ году я возсталъ противъ Ѳеодосіевца за невѣрность его показаній времени и основныхъ правилахъ Преображенской общины (см. «Сборникъ Н. Попова» т. I, стр. 143). Съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ которымъ возражалъ на хвалебно-

* См. «Современную Лѣтопись,» № 8, за 1865 г.

ложныя слова соч. «Гражданскихъ Думъ,» скажу теперь, что Г. Юрьевъ вѣрно очертилъ теперешнее положеніе дѣлъ въ Преображенской общинѣ. Дѣйствительно, тѣ нелѣпые взгляды на браки, которые до сихъ поръ еще существуютъ между Преображенцами, внушили имъ ихъ наставники, такіе какъ Илья Ковылинъ и другіе. Аскетизмъ и безбрачіе и строгія правила Согласія, совершенно исключающія не только семейную жизнь, но и общеніе съ людьми, какъ справедливо замѣчаетъ Г. Юрьевъ, непримѣнимы для людей торговыхъ и промышленныхъ, поселившихся въ многолюдныхъ городахъ и селахъ. Распущенность въ нравахъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе безбрачія, явилось очевидною уликой несовмѣстимости этого состоянія съ жизнію, была замѣчена самими Безпоповцами, и вопросъ о бракѣ еще былъ возбужденъ между ними во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Этотъ вопросъ вызвалъ вражду и рознь между защитникомъ брачной жизни, Василіемъ Емельяновымъ, и основателемъ Преображенскаго кладбища, Ильею Ковылинымъ, а послѣдствіемъ этой вражды было отдѣленіе Емельянова съ своими приверженцами отъ Преображенскаго Согласія и основаніе Покровской Мониной молельни.* До сихъ поръ Г. Юрьевъ говорилъ дѣльно, но, въ слѣдъ за этимъ, не знаю, какой враждебный геній внушилъ ему убѣжденіе, что та самая распущенность нравовъ, которая въ Ковылинскомъ Согласіи явилась какъ неизбѣжное послѣдствіе безбрачной жизни, проникла въ общину Василія Емельянова, какъ слѣдствіе обязательныхъ браковъ. Съ перваго взгляда такое противорѣчіе невольно поражаетъ читателя, но, прочтя раза два съ должнымъ вниманіемъ статью Г. Юрьева, мы видимъ, что онъ сопоставилъ двоякаго рода распущенность нравовъ: общественную у Ковылина, и религіозную у Емельянова. Онъ называетъ развратомъ въ Покровскомъ Монинскомъ Согласіи не то, что мы понимаемъ подъ этимъ словомъ, т. е., не распутную жизнь, не отсутствіе всякихъ супружескихъ и семейныхъ обязательствъ между двумя полами, но онъ называетъ развратомъ и распущенностію нравовъ самые браки по уставу Монинской часовни, по тому только, что обрядъ вѣнчанія, установленный Монинскимъ Уставомъ, не вполнѣ

* Подробности о семъ см. выше.

согласуется съ обрядомъ вѣнчанія Православной Церкви. И такъ, по мнѣнію Г. Юрьева, всѣ браки, совершенные по обрядамъ Католиковъ, Лютеранъ, Протестантовъ, — также разврат и распущенность нравовъ? Слова нѣтъ, что благочестивые ревнители Православной Церкви весьма основательно могутъ сожалѣть о томъ, что Согласіе, отторгшееся отъ нечестивой ереси и подвинувшееся ближе къ Православію, не вполнѣ приняло обряды нашей Церкви; но и самое строгое благочестіе не можетъ, и не должно, называть «распущенностію нравовъ» сочетаніе двухъ супруговъ, обязательное для обоихъ и скрѣпленное обрядомъ Христіанскаго Исповѣданія. И по тому нѣтъ крайней необходимости слагать съ такого брака «форму религіознаго брака и облекать только въ форму полнаго брака гражданскаго, какъ совѣтуетъ сочинитель статьи.

Еще болѣе странный выводъ дѣлаетъ Г. Юрьевъ изъ одного знаменательнаго событія, бывшаго, какъ онъ говоритъ, послѣдствіемъ розни и распрей по вопросу о бракѣ между Преображенцами и, отдѣлившимися отъ нихъ, Монинцами. Вотъ что сказано въ статьѣ Г. Юрьева: «Хотя два враждебные стана, по вопросу о бракѣ, каждый остался при своемъ убѣжденіи, но пылъ вражды, возникшей по поводу этого вопроса, особенно по смерти главныхъ дѣятелей, въ его разрѣшеніи, сталъ мало по малу стихать, страсти по немногу усмирились: каждая изъ противныхъ сторонъ увидала несостоятельность и ложность началъ, на которыхъ они защищали и отвергали брачную жизнь; отъ вопроса о бракѣ перешли и къ другимъ ученіямъ, но и тутъ оказалось, что они во многомъ ошиблись и далеко отдѣлились отъ общаго духовнаго и гражданскаго строя. При такомъ сознаніи своихъ заблужденій, одна часть Безпоповцевъ, болѣе либеральная, тогда же прямо обратилась къ Православію; а нѣкоторые, кому особенно трудно было разстаться съ старинною обрядностію, рѣшились искать твердой опоры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшенія своихъ недоумѣній въ Единовѣріи.»

Какіе Безпоповцы и когда перешли въ Единовѣріе и Православіе? Читая это, можно подумать, что многіе изъ Преображенцевъ также перешли въ Православіе, или Единовѣріе, а дѣло

было вовсе не такъ. Переходъ въ Единовѣріе и Православіе совершался не въ слѣдствіе распрей о бракѣ, перешли не Преображенскіе Безпоповцы, а исключительно Монинцы. Вотъ какъ это было: Уставъ Монинской часовни (Чинъ пріема Ѳеодосіевца въ часовню, Канонникъ и Епитимейникъ) есть явный протестъ противъ обязательныхъ правилъ Преображенскаго кладбища. Въ этомъ Уставѣ указаны главнѣйшія несообразности ученія Преображенской общины и объяснены поводы, побудившіе Монинцевъ отвергнуть этѣ начала и отдѣлиться отъ Согласія. Въ числѣ отвергнутыхъ Монинцами правилъ были: обреченіе на безбрачіе и не моленіе за предержащія власти, главная основа ученія Преображенской общины. Въ 1827 году одинъ изъ наставниковъ Монинской часовни, Антипъ Андреевъ, самъ прежде Ѳеодосіевецъ, вздумалъ отмѣнить бывшее въ часовнѣ обязательнымъ правиломъ моленіе за предержащія власти, и не признавать браковъ, совершенныхъ въ Православной Церкви... Большинство возстало противъ этого нововведенія, и изъ среды своей дало о томъ знать Правительству; часовня была закрыта, а оставшимся ея послѣдователямъ предстояли двѣ дороги: либо возвратиться къ прежнимъ заблужденіямъ, либо же перейти въ Православіе. Уставъ, которому слѣдовали Монинцы около полувѣка, несравненно ближе подходитъ къ правиламъ Православныя Церкви, чѣмъ къ нелѣпымъ ученіямъ Преображенской общины, и понятно, что дѣти разрозненной паствы пошли не назадъ, а впередъ. Очень многіе изъ Монинцевъ перешли въ Православіе и Единовѣріе; тѣ же, которые не избрали этой дороги, раздѣлились на куски и образовали нѣсколько отдѣльныхъ молеленъ. И такъ, Г. Юрьевъ, Монинцевъ понудило перейти въ Православіе и Единовѣріе не «сознаніе своихъ заблужденій,» а то, что религіозное ученіе ихъ наставника, Гаврила Ларіонова Скачкова, очищенное отъ многихъ заблужденій Раскола, открыло имъ глаза и дозволило постигнуть святыя истины, проповѣдуемыя Православною Церковью, истины, которыя для закоренѣлыхъ въ ереси Преображенцевъ были непонятны и недоступны. *

---

* Подъ названіемъ Монинцевъ мы здѣсь разумѣемъ только первоначальныхъ основателей этой молельни, послѣдователей Емельянова и Скачкова, а отнюдь не

Еще въ статьѣ Г. Юрьева есть промахъ. Въ ней говорится о какомъ-то Соборѣ въ 1666 году, но въ этомъ году ни какого Собора не было. Были, правда, одиннадцать пріуготовительныхъ Совѣщаній Русскаго духовенства, безъ участія Восточныхъ Патріарховъ; но на этѣхъ совѣщаніяхъ ни какихъ постановленій не со-

---

тѣхъ закоренѣлыхъ Раскольниковъ, которые поступили въ это Согласіе изъ Старо-Поморской общины и въ послѣдствіи, предводимые Антипомъ Андреевымъ, своими пагубными нововведеніями довели молельню Скачкова до разрушенія. Похвалы наши относятся исключительно къ разсудительнымъ Старообрядцамъ, сочувствовавшимъ Скачкову въ положенныхъ имъ началахъ новаго вѣрованія у Безпоповцевъ, болѣе всѣхъ другихъ приблизившагося къ Православію. Изъ числа Безпоповцевъ, Скачковъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ о томъ, что Православное священство не утратило своей благодати, а Таинства и Православная хиротонія своей священной силы. Общее дѣло о моленныхъ Монина и Владычина въ Канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора хранится за № 106-мъ. Молельня Монина находилась въ Лефортовской Части, а молельня Владычина въ Пятницкой части, на Озеркахъ. Обѣ молельни закрыты въ слѣдствіе предписанія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Графа Блудова, отъ 10-го Генваря, 1837 года, за № 35. Причины, побудившія къ закрытію помянутыхъ моленныхъ, были слѣдующія: По смерти Монина и Владычина, какъ дома ихъ, такъ равно и находящіяся въ нихъ моленныя, по завѣщанію владѣльцевъ, были переданы въ безраздѣльное владѣніе Раскольничьему обществу Безпоповщинскаго Согласія; но духовныя завѣщанія, какъ Монина, такъ и Владычина, не были утверждены, на томъ основаніи, что новые Раскольническіе монастыри и богадѣльни запрещены закономъ; по чему дома Владычина и Монина, съ принадлежащимъ къ нимъ имуществомъ, переданы законнымъ наслѣдникамъ, а находящійся при моленной Монина иконостасъ и церковныя принадлежности, предписаніемъ на имя Надворнаго Совѣтника, Г. Бороздина (см. докумен. Преображ. клад.), отъ 25-го Іюля, 1838 г., за № 450, разрѣшено передать на Преображенское кладбище. При моленной Монина была устроена богадѣльня, гдѣ проживали 6-ть человѣкъ мужчинъ и 14 женщинъ; лица этѣ переведены частію на Преображенское кладбище, частію же, какъ безпаспортные и предосудительные, высланы изъ Москвы, съ запрещеніемъ возвращаться. Мѣщанинъ Леонтій Гавриловъ и купецъ Гусаревъ подавали просьбы на Высочайшее Имя, чтобы утвердить и исполнить волю завѣщателей, Монина и Владычина касательно ихъ домовъ и общественныхъ моленныхъ, но просителямъ въ семъ было отказано, о чемъ Г. Министръ Внутр. Дѣлъ и сообщилъ Московскому Военному Генералъ-Губернатору, 18 Октября, 1838 года, за № 6101. Дѣйствія по сему дѣлу производились чрезъ Г. Оберъ-Полицеймейстера Цынскаго, Управу Благочинія и Лефортовскую Часть, отъ Канцеляріи же Генералъ-Губернатора былъ командированъ къ сему дѣлу чиновникъ особыхъ порученій, Г. Германъ (смот. объ исполненіи предписанія отъ 10-го Генваря, 1837 года, за

стоялось. Соборъ Русскаго духовенства, съ участіемъ въ немъ Патріарховъ Антіохійскаго и Александрійскаго, былъ въ 1667 году, и на этомъ Соборѣ положено проклятіе, а не клятва, какъ въ статьѣ сказано. Я знаю, слово клятва употребляется иногда въ Русскомъ языкѣ вмѣсто слова проклятіе, но не должно было позволять себѣ этого, говоря о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ Соборное постановленіе по религіозному вопросу; не должно было дѣлать этого, повторяю я, какъ по тому, что выраженіе клятва могло ввести многихъ въ недоразумѣніе и побудить принять Соборъ 1667 г. за другой Соборъ, бывшій въ 1551 году, названный Стоглавымъ, на которомъ составлена была клятва, чтобъ ввести въ Православіе сугубое аллилуіа и двуперстное крестное знаменіе, между тѣмъ какъ клятва эта законно отмѣнена именно Соборомъ 1667 года, о которомъ идетъ рѣчь въ этой статьѣ.

Относительно снятія проклятія, произнесеннаго этѣмъ послѣднимъ Соборомъ, мы поговоримъ въ свое время, на своемъ мѣстѣ.

Напрасно опять обвиняетъ меня Г. Юрьевъ, будто бы я хотѣлъ набросить «неблаговидную тѣнь на Преображенское Согласіе.» Не тѣнь бросилъ я на это Согласіе, но указалъ на немъ неблаговидныя пятна, и теперь самые ревностные послѣдователи Ильи Алексѣевича увидали этѣ пятна и намѣреваются смыть ихъ. Вамъ не безъизвѣстно, что въ концѣ Генваря, 1865 года, поднятъ въ Согласіи вопросъ (въ слѣдствіе моихъ статей) о введеніи моленія за предержащія власти, также объ установленіи браковъ. Объ этомъ собраніи Безпоповцевъ Поморскаго Согласія пріемлющихъ браки, и Ѳеодосіевскаго, послѣдователей Ильи Ковылина, какъ не пріемлющихъ браки, мы сообщимъ краткое свѣдѣніе.

Причиною этого собранія послужили обличительныя статьи на сочинителя «Гражданскихъ думъ,» Безпоповца, писанныя издателемъ «Сборника для исторіи старообрядства, Н. И. Поповымъ» (см. Сборникъ т. 1-й, стр. 144), а равно и помѣщенныя въ духовной

№ 35, Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Князя Дмитрія Владимировича Голицына, и его донесеніе Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 25 Іюля, 1838 г., за № 452-мъ).

газетѣ: «Современномъ Листкѣ» (№ 11, 12 и 14, выше нами приведенныя).

Означенныя статьи возбудили въ общинѣ Безпоповцевъ снова старый Раскольничій вопросъ, то есть: о не моленіи за Царя, и о безбрачіи Ѳеодосіевцевъ Преображенцевъ.

Собраніе Безпоповцевъ происходило въ 1865 году, 24 Генваря, въ домѣ Михайла Филиппова Иванова, что въ Преображенскомъ, въ 9-й ротѣ.

Со стороны Поморскаго Согласія представителями были слѣдующія лица: Елисей Савичъ Морозовъ, Онисимъ Никифоровъ Бабушкинъ, Авдѣй Семеновъ Володимирскій, Василій Тимоѳеевъ, Алексѣй Михайловъ Мышинъ, Зарайскій, Иванъ Евграфовъ, и другіе; со стороны Ѳеодосіевцевъ: Власъ Емельяновъ Кулешниковъ, Ѳедоръ Павловъ Ермиловъ, Иванъ Андреевъ Горшечниковъ, Михайло Филипповъ Ивановъ, Мартынъ Степановъ, наставникъ съ Преображенскаго кладбища: и другія лица, всего съ обѣихъ сторонъ до 200 человѣкъ. Къ сожалѣнію, изъ подобнаго собранія Безпоповцевъ не вышло ни чего путнаго. Каждая сторона осталась при своихъ мнѣніяхъ: Ѳеодосіевцы отрицали брачную жизнь у своихъ послѣдователей, а до вопроса: моленіе за Царя, даже и очередь не дошла. Вы знаете, что противъ этого нововведенія явилось и противодѣйствіе, за которымъ, къ сожалѣнію, на первомъ прѣніи осталась побѣда. Впрочемъ, обѣ партіи почти равносильны и упорство безбрачниковъ видимо ослабѣваетъ. Не протягивайте же имъ «руку помощи,» Г. Юрьевъ, какъ вы, по добротѣ своей, привыкли это дѣлать; предоставьте своей участи «упадшихъ духомъ и силами,» и тогда, въ настоящемъ случаѣ, вы поступите, быть можетъ, не такъ великодушно, какъ вы поступили съ сочинителемъ «Гражданскихъ думъ,» за то честно и добросовѣстно. *

Москва.

---

* См. газету «Современ. Листокъ» за 1865 г., № 41.

XX.

НАДГРОБНАЯ НОВОЖЕНУ.

Подъ камнемъ симъ лежитъ
Отличный человѣкъ:
Ни холостъ, ни женатъ,
Онъ былъ во весь свой вѣкъ.
Святой иконой ихъ
Хотя благословляли,
Во скверности пожить
Святыней покрывали.
Онъ звалъ жену свою
Хозяйкою всегда,
Законною жь женой
По Вѣрѣ никогда.
Любовника отцы,
Пѣвцы что отпѣвали,
Съ любовницей его
Друзья здѣсь провожали.

Андреянъ Сергѣевъ.

С.-Петербургъ.
13 Октября, 1836 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Ѳеодосіевцы Преображенскаго кладбища.

		Стр.
	Портретъ Ильи Алексѣева Ковылина и объясненіе къ нему	I.
I.	Житіе Ѳеодосія Васильева, основателя Ѳеодосіевскаго Согласія	1
II.	О началѣ раздора Ѳеодосіевыхъ съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ и о причинѣ того, чего ради оный бысть	21
III.	Второе посланіе изъ Польши, писанное отъ Ѳеодосія Васильевича въ Поморье, объ общемъ и братскомъ совѣтѣ о церковныхъ догматѣхъ	43
IV.	Отъ посланія изъ Москвы въ Ярославль къ Балчужнымъ въ 7292 лѣто (1782 г.)	107
V.	Преложеніе Ѳеодосіевцевъ Поморцамъ о соединеніи въ одно Согласіе	110
VI.	Предложеніе Ильи Алексѣева Ковылина Поморцамъ или Исповѣданіе	114
VII.	Письмо Ильи Алексѣева Ковылина Петру Ѳедорову въ Поморье	121
VIII.	Прошеніе Ильи Алексѣева Ковылина Императору Александру Павловичу объ упраздненіи Преображенскаго кладбища	127
IX.	Планъ или изъяснительное начертаніе мѣстнаго положенія и внутренняго распорядка богадѣленнаго дома съ больницами, Московскимъ Старообрядческимъ обществомъ построеннаго	131
X.	Указъ Государя Императора о Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ	139
XI.	Разсмотрѣніе Ильи Алексѣева Ковылина, кто отъ сотворенной твари паче всѣхъ согрѣшил, на небеси и на земли	40
XII.	Посланіе Казанскимъ Христіанамъ объ Іаковѣ Петровѣ, за противное его писанію мудрованіе	161
XIII.	Показаніе правильныхъ винъ, препятствующихъ соединенію нашему въ сообщеніе съ монастырскими, то есть, Ѳеодосіевцамъ съ Поморскими	169

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Монинское согласіе въ Москвѣ.

		Стр.
	Портретъ Гаврила Ларіонова Скачкова и объясненіе къ нему	I.
	Вступленіе	13
I.	Уставъ брачный Праповѣрнаго Старовѣрчества, Павла Любопытнаго	29
II.	Порядокъ присоединенія приходящихъ въ Монинское Согласіе	40
III.	Канонъ, пѣваемый во время сочетанія брака или Чинъ брачному молитвословію	46
IV.	Епитимейникъ	58
V.	Рѣчь Гаврила Ларіонова Скачкова при вступленіи въ должность Настоятеля и духовника Покровской Монинской часовни	70
VI.	Прошеніе Гаврила Ларіонова Скачкова, объ увольненіи его отъ должности Настоятеля Монинской часовни	84
VII.	Постановленіе на оное прошеніе	86
VIII.	Уставъ или правила для прихожанъ Монинской часовни	90
IX.	О церковномъ мирѣ. Монинскій согласовникъ съ Преображенскимъ кладбищемъ Гаврила Ларіонова Скачкова. 1814 года	98
X.	О мнѣніяхъ Ѳеодосіевцевъ Преображенскаго кладбища	100
XI.	Списокъ прихожанъ Покровской Монинской часовни въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія	105
XII.	Поморскіе противу Ѳеодосіевцевъ содержатъ что	107
XIII.	Письмо Захара Ѳедорова Бронина о церковномъ мирѣ	109
XIV.	О моленіи за Папу Римскаго	116
XV.	Возникшее новоженство въ согласіяхъ безбрачныхъ Старообрядцевъ, Андреяна Сергѣева	126
XVI.	Извѣстіе о новоженахъ, Андреяна Сергѣева	131
XVII.	Показаніе, яко воздержностію своею Ѳеодосіево Согласіе и подобніи имъ древнихъ еретиковъ многія ереси обновиша, Лукьяна Даровченцева.	139
XVIII.	Заблужденія Ѳеодосіянъ, Филипповыхъ и Аристова Согласія, Павла Любопытнаго	154
XIX.	Замѣтки	156
1.	Брачный обрядъ духовныхъ Христіанъ или Молоканъ	158
2.	Безбрачіе Ѳеодосіевцевъ въ дѣйствительности	164
3.	Для Старообрядцевъ Безпоповцевъ Преображенскаго кладбища	171
4.	Замѣчанія на статью «Расколъ и Единовѣріе» Г. Юрьева	177
XX.	Надгробіе Новожену, Андреяна Сергѣева	184

О
ЗАПИСКАХЪ
ЮРЬЕВСКАГО АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ.[1]

Въ 1-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1868 года (отд. V, стр. 261—272) напечатаны «Извлеченія изъ Записокъ Фотія.» Злорадство и гордыня сочинителя «Записокъ» выразились въ нихъ во всей наготѣ своей. Издатель, впрочемъ, предваряетъ читателей, что слѣдуетъ «осторожно принимать показанія и отзывы такого страстнаго человѣка, сличать ихъ съ показаніями и отзывами другихъ, болѣе хладнокровныхъ и безпристрастныхъ современниковъ, то же не хуже его знакомыхъ съ тѣмъ, что разсказываетъ онъ.» Передаваемое же имъ о Филаретѣ и его о немъ сужденіе онъ совѣтуетъ «сличить и повѣрить съ извѣстіями другихъ и съ разсказами самаго Владыки, какъ извѣстно, справедливѣйшаго человѣка нашихъ дней, сохраненными потомству въ «Запискахъ о жизни и времени Святителя.» Тогда правда выйдетъ наружу, что бы ни говорили нерасположеніе, зависть и злоба къ мужу, который составляетъ лучшее

---

[1] Сочинитель «Записокъ о жизни и времени М. М. Филарета» приготовляетъ свой трудъ къ посмертному, какъ говоритъ, изданію. Иное изъ пополненій и поясненій онъ помѣщаетъ въ повременныхъ изданіяхъ. Предлагаемая статья войдетъ въ число приложеній, къ стр. 105. Такъ «Замѣтка на замѣтку»—отвѣтъ «Русскому Архиву» во 2 кн. 1868 г. «Чтеній въ Общ. Ист. и Др. Рос.,» относится къ стр. 200; нѣсколько словъ въ 1-й кн. того же года «Чтеній» по поводу занимательныхъ разсказовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ:» «Изъ прошлаго,» къ стр. 223 и т. д. О. Б.

украшеніе и гордость не только современной Россіи, но и всего Православнаго міра....»

Фотій, не столько страстный, сколько властолюбивый, коварный и завистливый, самъ себя обличаетъ передъ судомъ потомства въ своихъ сказаніяхъ на столько же и даже больше, нежели обличился въ своихъ запискахъ Синодскій Оберъ-Прокуроръ Яковлевъ.

Облагодѣтельствованный, по собственному признанію, Филаретомъ, [2] неблагодарный Фотій клевещетъ на него и силится затемнить его свѣтлый путь на земли.

Не возражая на явное безуміе вражды, утверждающей, будто бы Святитель принадлежалъ къ одной изъ масонскихъ ложъ, и даже письменно просилъ начальника секты «включить и считать его въ ложѣ;» не упоминая также и о ненависти клеветника къ Библейскому Обществу, которое, какъ въ зеркалѣ, отражается въ отчетливомъ трудѣ А. Н. Пыпина, [3] приведу разныя попытки Фотія, въ сущности жалкаго, страннаго, смѣшнаго изувѣра-самохвала, [4] запятнать чистое имя своего благодѣтеля.

Вытребовалъ Аракчеевъ съ Дону на Неву Есаула Котельникова, затѣявшаго новую секту Духоносцевъ. Фотій взялся обратить его на путь истины. Хитрецъ хитреца-издалека чуетъ. От-

---

[2] «Чтенія въ Моск. Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія,» 1868 г., кн. IV, стр. 104—111.

[3] «Вѣстникъ Европы» 1867 г., Авг., Сент., Нояб. и Декабрь.

[4] См. «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1868 г., кн. IV, стр. 79—80: объ истребленіи художественной, драгоцѣнной вещицы (каме). Не смѣшно ли, что Архимандритъ кликалъ Графиню А. А. Орлову-Чесменскую и пожилую, дружную съ ней, А. И. Жадовскую, какъ дѣвченокъ: «Анна! Аграфена!..» Самохвальство же его еще недавно выказалось въ ничтожныхъ выпискахъ изъ его Записокъ (6 тетрадь Русскаго Архива на 1869 г.), на примѣръ: «Авва Фотій» — такъ величаетъ онъ себя — «поддержалъ Митрополита Серафима; примирилъ съ нимъ Князя А. Н. Голицына; въ Петербургѣ чествли его знатные и ученые Бояре и Боярыни; Императоръ Александръ Павловичъ кланялся ему въ ноги, стоялъ предъ нимъ на колѣняхъ, цѣловалъ десницу его!» и т. д.

щепенецъ разгадалъ хаджу и удовлетворилъ его тщеславной самонадѣянности: онъ, немного поспоривъ, ударился въ отчаянное раскаяніе, и былъ отпущенъ на родину, да еще и съ наградой. Ему дано 1,000 р., какъ означено въ «Запискахъ Шишкова.»[5] Зная, какимъ богатствомъ распоряжается буйно-строгой и грубонастойчивый духовникъ Графини Орловой-Чесменской, по ея слѣпой, необъяснимо безпредѣльной, ему послушности, лукавый Казакъ пытался выманить отъ него не одну тысячу, да не удалось. Раздосадованный до неистовства своей неудачей, онъ сбросилъ съ себя личину, ругательно насмѣялся простотѣ повѣрившихъ его мнимому обращенію, въ своемъ еретическомъ сочиненіи: «Острый серпъ,» и послалъ свою рукопись[6] къ разнымъ лицамъ. Московскій Архіепископъ вовсе не заботился о Котельниковѣ. Фотій его обратилъ. Фотій его наградилъ, Фотій же его и управилъ въ Соловки, гдѣ тотъ и умеръ. Однако Юрьевскій самоуправецъ съумѣлъ и тутъ накинуть тѣнь на Святителя: «Филаретъ, сказано въ его Запискахъ, видя въ письмѣ Котельникова (при которомъ присланъ будто бы ему «Острый серпъ»), что онъ до небесъ восхваленъ за терпимость ереси и хладнокровность къ Православію (!), Митрополитъ же Серафимъ весьма очерненъ, а Фотій самыми скверными красками расписанъ, и надѣясь симъ сильнымъ ругательнымъ письмомъ привести въ подозрѣніе Фотія, послалъ въ собственныя руки Его Величества; но Государь принялъ сей поступокъ Филарета Московскаго за весьма дурной, о чемъ изволилъ сказать Аракчееву, и бумагу передалъ для разсмотрѣнія Серафиму, а послѣ Фотію.»

Участь Котельникова рѣшена зимой 1824 г., когда было поднято гоненіе на Филарета, бывшаго въ ту пору въ Москвѣ и отстаивавшаго запрещенный Катихизисъ: могъ ли же онъ, гонимый и въ опалѣ, обратиться къ Императору съ письмомъ и книгой раскольника, уже осужденнаго? Имѣлъ ли онъ право писать къ Государю непосредственно о чемъ и когда вздумается?

---

[5] «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1868 г., кн. 3

[6] По словамъ Шишкова и Фотія «книгу.»

Гдѣ предлогъ войти въ дѣло, чуждое Московской каѳедрѣ? Было ли еще получено имъ письмо Котельникова? Гдѣ же оно, гдѣ и всеподданническое письмо Архіепископа? Согласно ли съ безпримѣрной сдержанностью Александра показаніе, что онъ «принялъ сей поступокъ Филарета Московскаго за весьма дурной?» и таковъ ли былъ Аракчеевъ, чтобъ наединѣ ему сказанное передавать кому бы то ни было? Наконецъ, какъ могло случиться, чтобы «бумага,» послѣ разсмотрѣнія Первоприсутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ, была предоставлена заключенію Юрьевскаго Архимандрита?.... Ограничу предложенными вопросами опроверженіе этого сказанія.

На 108—111 стр. моихъ «Записокъ о М. Филаретѣ» напечатанъ, со словъ его, разсказъ А. Н. Муравьева, повѣренный мною личнымъ вновь, по моей просьбѣ, разсказомъ мнѣ Владыки, о запрещеніи въ 1818 — 1819 г. сочиненія Станевича «Плачъ (бесѣда) надъ гробомъ младенца.» [7] Въ 1824 г. Шишковъ съумѣлъ измѣнить взгдядъ на «Плачъ» и исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе на выпускъ въ свѣтъ не безсмертнаго творенія Станевича. [8] Въ 1815 г. оно было одобрено Архимандритомъ Иннокентіемъ. Митрополитъ Михаилъ и Ректоръ Петербургской Духовной Академіи Филаретъ, признали нужнымъ иное въ немъ исправить и перемѣнить; но Князь Голицынъ представилъ свои на него замѣчанія Императору, и оно было запрещено. Цензоръ, однако, тогда же возведенъ въ санъ Епископа Оренбургскаго. Что же говоритъ Фотій? «Дабы удалить его, подъ благовиднымъ предлогомъ, дѣйствовалъ съ Духовной стороны Филаретъ, Ректоръ Академіи. Онъ далъ свое мнѣніе о книгѣ.» Стало быть, Епископство—предлогъ къ ссылкѣ и наказаніе. А какъ же назвать ходатайство Филарета о порученіи Иннокентію «вмѣсто Оренбургской Епархіи, Пензенской, болѣе по климату ему благопріятной?» По логикѣ Фотія это—злоба, ненависть, преслѣдованіе и т. п.

---

[7] Первоначально напечатанъ въ «Чтеніяхъ Общества и Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1861 года, кн. 1, отд. V, стр. 201—202. О. Б.

[8] Напечатано въ первый разъ тоже въ «Чтеніяхъ» 1861 г., кн. 2-й, отд. V, стр. 201—202. О. Б.

«Онъ (Филаретъ) написалъ книжицу: «Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ,» въ духѣ не Православныхъ, совѣтуя каждому оставаться въ своей Вѣрѣ, въ какой родился (о книжицѣ говорено въ моихъ «Запискахъ,» стр. 82—84 и Приложеніи XVII); переводъ Священнаго Писанія, со своими учениками, новотворилъ (т. е., «Записки на книгу Бытія, Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи и т. п.!!!);» «для повсемѣстнаго распространенія своего духа принаровилъ Катихизисъ пространный и краткій, въ которыхъ Символъ Вѣры, Заповѣди Господни и Молитва Господня изложены на простонародномъ языкѣ.» Вопросъ о Катихизисахъ давно рѣшенъ: на различныхъ языкахъ, въ разныхъ, даже не Православныхъ, Церквахъ, они преподаются и въ Азіи и въ Америкѣ.

«Какъ писаніями своими, такъ и словомъ и дѣломъ (продолжаетъ Фотій), Филаретъ Московскій не сдѣлалъ Православной Церкви и Вѣрѣ ни какой пользы, кромѣ услугъ нововведеніямъ и не Православію и всему, что угодно было тайному обществу!» Филаретъ—безполезный человѣкъ и на словахъ и на дѣлѣ!... Труды его, ученые, историческіе, догматическіе, его проповѣди, извѣстныя на обоихъ полушаріяхъ земли, его честное, до послѣдняго вздоха искренно ревностное, служеніе Церкви, Государству, человѣчеству, его любовь къ просвѣщенію, воспитавшая столько извѣстныхъ служителей, проповѣдниковъ и столповъ Православія, вся долголѣтняя жизнь его, исполненная трудовъ и подвиговъ Вѣры, любви, благочестія, благотворительности, все отринуто неистовой завистью клеветника!... Жалокъ Фотій, невыразимо жалокъ бѣдный Фотій!...

Далѣе идетъ рѣчь о Князѣ Голицынѣ, мелькаютъ нѣкоторыя имена членовъ Библейскаго Общества и Масоновъ, т. е., почтенныхъ дѣятелей почтеннаго Дружескаго Общества, упоминается о Госнерѣ, о Феслерѣ, о Ѳеофилактѣ.

Фотій спуталъ Феслера, о которомъ подробно разсказано въ «Запискахъ» моихъ (стр. 39—41), съ Ансильономъ (стр. 91—94), и относитъ извѣстную полемику Ректора Духовной Академіи, Филарета, съ Членомъ Синода, Ѳеофилактомъ, по поводу Эстетики

Ансильона, къ рецензіи справедливыхъ замѣчаній Преосвященнаго [9] на конспектъ Философскихъ наукъ Профессора Феслера, къ рецензіи ужь, конечно, не въ защиту чьихъ либо заблужденій. Что до Госнера, я не упомянулъ по тому объ его преданной огню книгѣ (Толкованіе на Евангеліе отъ Матѳея), что дѣло о переводѣ ея (съ Нѣмецкаго на Русскій) и о напечатаніи давно и достаточно извѣстно по производству суда надъ Поповымъ, [10] а также и надъ привлеченными къ дѣлу Гречемъ и другими, къ Государственномъ Совѣтѣ оправданными.

Довольно. Все, приведенное изъ Записокъ Юрьевскаго Архимандрита, ярко обличаетъ его недобросовѣстность. Въ заключеніе сопоставлю его разнорѣчащіе о Филаретѣ отзывы въ три разныя поры. Одна пора 1814—1817, когда молодой Ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими учеными трудами, краснорѣчіемъ глубокомысленныхъ проповѣдей, твердостію догматическихъ свѣдѣній, и слава его росла «не по днямъ а по часамъ.» Вторая пора 1824—1825, когда козни нѣсколькихъ узкомыслящихъ ханжей и низкопоклонниковъ Аракчеева пособили послѣднему охладить Александра I-го къ Князю Голицыну; когда продолжалось еще гоненіе на преподавателей въ С.-Петербургскомъ Университетѣ [11] и на Библейское Общество; когда Московскій Архіепископъ подвергся преслѣдованіямъ. [12] Третья пора 1827 — 1837, когда Фотій догадался, что

---

[9] Ѳеофилакта, помѣщенной въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1859 г., кн. 2, отд. V, стр. 115—123. О. Б.

[10] См.: «Мнѣніе Сенатора Муравьева-Апостола по дѣлу Д. С. С. Попова о Цензурѣ,» въ защиту Попова, въ 4-ой кн. «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1859 г., отд. V, стр. 37—42; а противъ Попова и Муравьева тамъ же (стр. 43—48): «Мнѣніе Сенатора Сумарокова,» и Адмирала Шишкова, въ его «Запискахъ,» напечатанныхъ тамъ же, въ «Чтеніяхъ» 1869 г., кн. 3-ей, отд. 2, стр. 88 и слѣд. О. Б.

[11] См. «Дѣло о С-Петербургскомъ Университетѣ въ 1821 году,» въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1866 г., кн. 3, отд. V, стр. 61—164. О. Б.

[12] Непримиримымъ гонителемъ его былъ одинъ Фотій. Шишковъ, возставая на

Митрополитъ Московскій въ свѣтѣ славы Святительской стяжалъ уваженіе и въ чуждыхъ странахъ; что любовь, довѣріе и благоговѣніе къ нему народа безпредѣльно; что онъ проченъ на своей каѳедрѣ.

Отзывы Фотія о Филаретѣ.

1814—1817.

Разсказавъ объ его благодѣяніяхъ, отъ вступительнаго испытанія, своего поступленія въ Духовную Академію, выпуска преподавателемъ въ училищѣ при Семинаріи, а потомъ въ Кадетскомъ Корпусѣ, и до постриженія, Фотій вспоминаетъ, какъ Филаретъ помогалъ ему деньгами, и какъ много заботился объ излѣченіи его отъ болѣзни, пригласивъ къ себѣ знаменитаго О. К. Каменецкаго (а не Каменскаго), позже Лейбъ-Медика. Далѣе онъ превозноситъ его такъ: «Сила, красота, достоинство и слава Духовной Академіи былъ одинъ Филаретъ.» «Когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердіе слушать его еще болѣе безъ ястія и питія».... «Сердоболенъ, милостивъ... Видъ лица его былъ яко Ангела Божія.... отъ устъ его никогда ни одного слова не слыхалъ напротивъ Вѣры Православной, напротивъ Церкви Восточной Христовой; онъ молчаливъ былъ, кротокъ, тихъ; каждое слово его имѣло вѣсъ и силу; человѣкъ былъ, исполненъ многаго ученія».... «Филаретъ не былъ единаго духа съ лукавыми. Въ оное время былъ союзъ любви между Филаретомъ и Иннокентіемъ, и яко други были искренніе, искренніе свѣтильники, подававшіе надежду собою во благо Церкви?...»

Катихизисы, только повторялъ внушенія Фотія; Кикинъ хлопоталъ лишь о «Бесѣдѣ» Станевича; Магницкій не шелъ явно противъ Московскаго Пастыря; Аракчеевъ хотѣлъ только уронить Голицына. Митрополитъ Серафимъ, страдательное оружіе овладѣвшихъ имъ, не прерывалъ возможно добрыхъ сношеній съ Филаретомъ, не порицалъ, хотя и не отставалъ, «Катихизисовъ,» уважалъ гонимаго и въ послѣдствіи дорожилъ его совѣтами. Шатка паша бѣдная человѣческая природа! Грустно вспомнить, что такіе честные люди, какъ добродушный Шишковъ и Стасъ-Секретарь Кикинъ, могли подаваться вліянію Фотія!

1824—1285.

Похоже ли въ эту пору сказанное о немъ съ тѣмъ, что говорено въ 1814—1817? Тогда онъ: «витія, писатель, ученнѣйшій мужъ, образователь всѣхъ отличныхъ духовныхъ заведеній» и т. д. Теперь онъ: «человѣкъ вредный Православію—«и ничего-то путнаго не сказалъ, не написалъ, не сдѣлалъ!»..

1827—1830—1837.

Въ 1827 г. Фотій вновь напоминаетъ Филарету объ его благодѣяніяхъ; въ письмѣ, отъ 26 Ноября 1830, онъ радуется его служенію въ Церкви Божіей словомъ и дѣломъ и восклицаетъ: «Всеблагій и дивный во святыхъ своихъ Господь, удивляя въ тебѣ вся хотѣнія своя, благоволилъ тебе сохранить подъ сѣнію покрова своего отъ чуднаго недуга, отъ многихъ лѣтъ въ писаніи явленнаго (отъ холеры). Спасеніе твое отъ летящаго недуга среди паствы твоея есть дѣйствіе перста Божія. Не дивлюся сему въ тебѣ. Кто не видитъ и во всемъ отъ тобою перста Божіяго, Святитель Божій!.. Ты нуженъ Церкви Божіей!.. Да свѣтится свѣтъ Господень въ тебѣ всѣмъ и мнѣ, да между всѣми тѣнь сладости свѣтѣнія твоего въ дѣлѣ благодати коснется и гортани сердца моего.» Наконецъ въ письмѣ къ Жадовской, отъ 26 Ноября, 1837 г., онъ говоритъ: «Я за знаменіе Божіей благодати полагаю въ томъ, кто изъ Москвичей своего пастыря, наставника и учителя, Святителя Филарета, почитаетъ, по Бозѣ истинно слушаетъ. Я скажу то, что никогда инаго слова не слышалъ отъ Филарета Митрополита, какъ на пользу души.... Никогда не посылалъ Богъ такого мудраго пастыря граду Москвѣ, какъ Филарета. Жизнь его лучше Платона, какъ сребро олова. Его намѣренія всегда человѣколюбны и превосходны. Пастырь, Ангелъ Господень! Есть нѣкая настоятельница въ паствѣ его, и почитаетъ его за святаго: и я ее почитаю единственно за праведную въ женахъ, что праведно поступаетъ, такъ почитая своего Святителя. Ея душа не погибнетъ: благословеніе Архіерейское исполнитъ въ ней мѣру совершенства во спасеніе. Правда, не всегда Филаретъ по природѣ разливается въ чувствіяхъ нѣжныхъ, но бываютъ черты

премилыя сердцу въ свѣтлости его лица и очесъ. Я объ одномъ болѣе всего Бога молю, дабы быть ему во Святыхъ.»

Какого же довѣрія заслуживаютъ сказанія Фотія? Какой плодъ принесутъ онѣ? Глумленіе и соблазнъ!... Правда: «не возможно не прійти соблазнамъ, но горе тому, чрезъ кого они приходятъ» (Лук. гл. XVII 2, 5).

Только ничтожность и незавидная посредственность пребываютъ въ мирѣ съ міромъ.... Кого же и преслѣдовать клеветѣ человѣческой и молвѣ людской, какъ не Филарета?

Нельзя, конечно, требовать, чтобы всѣ поняли, оцѣнили и полюбили одинаково кого бы то ни было. Независящія отъ насъ въ жизни встрѣчи, случаи и недоразумѣнія, не рѣдко оставляютъ въ душѣ слѣды непріятныхъ столкновеній. Такъ не любилъ Московскаго Филарета ученый и даровитый ученикъ его, Павскій (мои «Записки» стр. 89 — 91); такъ не отдавалъ ему справедливости просвѣщенный и полезный служитель Церкви, Ѳеофилактъ; [13] такъ извѣстный писатель и дѣятель духовный, Филаретъ, Черниговскій, Ректоръ Московской Духовной Академіи до Архіерейства, порой досадовалъ на него за нѣкоторыя замѣчанія на свои труды (тамъ же стр. 86); такъ и всеуважаемые Іерархи, оба Иннокентія, Пензенскій и Таврическій, не вполнѣ понимали его. Пензенскій, однако, хоть не скоро, да убѣдился въ его правотѣ и искренности: недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ были легко забыты; Филаретъ постоянно отзывался объ Иннокентіѣ дружелюбно; Иннокентій прекратилъ свои сѣто-

---

[13] А вотъ что сказалъ о немъ незлобивый Филаретъ въ письмѣ къ Гавріилу, Архіепископу Тверскому, отъ 29 Мая, 1824 г.: «Вы помогли мнѣ оплакивать Преосвященнаго Симеона (Ярославскаго), а теперь помогите оплакивать Преосвященнаго Ѳеофилакта. Служилъ, обѣдалъ, почивалъ, проснулся, исповѣдался, скончался. Едва вѣрю, но нельзя не вѣрить: пишутъ оттуда Преосвященному Викарію. Да будутъ блажени умирающіи о «Господѣ! Не должно ли сказать и то, что за тѣми словами слѣдуетъ у тайновидца: «Горе живущимъ на землѣ?» См.: «Душеполезное Чтеніе» Апр. 1869 г. Не надо смѣшивать писемъ Московскаго Митрополита къ Гавріилу Тверскому, помѣщенныхъ въ «Душепол. Чтеніи,» съ его же письмами къ другому Гавріилу Рязанскому, которыя напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1869 г. кн. 1.

вапія на Филарета, особенно же когда не стало тѣхъ лицъ, которыя, по ревности не по разуму, и не понимая послѣдняго, смущали перваго. Правда, они также повинились потомъ въ своей несправедливости къ порицаемому ими туне; но въ то время большое имѣли значеніе опрометчивыя сужденія такихъ особъ, какъ, на примѣръ, Кн. С. С. Мещерская, бывшая въ силѣ при Дворѣ и въ такой милости у Императора, что ей, съ Княгиней Голицыной, пожаловано 100 т. р. изъ Инвалиднаго капитала. Такой слухъ носился по Петербургу. Пусть же теперь литературные сыщики выкапываютъ и ловятъ какую ни будь строчку, намекъ, словцо на безмолвно переносившаго пересуды: не собрать имъ такой обильной пищи злорадству, какую приготовилъ имъ Фотій. Записки послѣдняго хранятся въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Внутреннее достоинство ихъ достаточно уже раскрыто отрывками, выше обсуженными и разъясненными. Но какъ бы ни пристрастны, какъ бы ни лживы были онѣ, все же необходимо ихъ огласить вполнѣ, чтобъ отдѣлить все достовѣрное отъ невѣрнаго въ повѣтствованіяхъ Фотія о событіяхъ и лицахъ. Не уже ли Московская Духовная Академія не позаботится о толковомъ изданіи его «Записокъ,» съ изслѣдованіями и поясненіями историческими, біографическими, хронологическими и т. д.? Тогда только окажется, какъ говорилъ Филаретъ, что тутъ правда и неправда. Впрочемъ, если Академія, при другихъ занятіяхъ своихъ, не можетъ приступить къ такому труду вскорѣ, то Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, безъ сомнѣнія, не отказалось бы отъ него, если бы рукопись Фотія была передана Обществу, а также и всѣ, относящіяся къ ней, свѣдѣнія, какія могутъ найтись въ Академіи, бумаги, письма и т. п. Что до Иннокентія Херсонскаго и Таврическаго, нелюбовно отзывался онъ о Московскомъ Митрополитѣ въ письмахъ къ Архіепископу Гавріилу Рязанскому. [14] Онъ пишетъ, на примѣръ: «Москва, по старой привычкѣ своей, не умедлила сдѣлать изъ меня явной оппозиціи своему (къ сожалѣнію, не любимому) Владыкѣ... Онъ самъ принялъ меня, по видимому, съ искреннимъ участіемъ, но съ

[14] Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Россійскихъ, 1869 г., кн. 1, отд. V, стр. 57—158.

какимъ то вмѣстѣ замѣшательствомъ и какъ бы стыдомъ. Замѣтилъ, что я не учащаю моихъ посѣщеній къ нему, хотя живу въ Москвѣ недѣлю.» Потомъ: «Въ праздникъ Алексѣя Митрополита я имѣлъ удовольствіе въ первый разъ слышать Преосвященнаго Филарета проповѣдающимъ. Слово было написано очень умно, но по всѣмъ правиламъ школы, безъ приспособленія къ понятію слушателей; произнесено хорошо, но такъ, какъ произносятъ по Указу Консисторіи. Такому огромному таланту теряться въ ребяческихъ формахъ!... Истинно жаль!...»

Не уже ли соперничество съ великимъ проповѣдникомъ внушило ему такой странный отзывъ? «Истинно жаль!» его же словами скажу на это. Нелюбимому Владыкѣ великую, однако, любовь обнаружила Москва по кончинѣ его.

Далѣе: Митрополитъ принялъ его «съ замѣшательствомъ и стыдомъ!» Эти слова объясняются мрачнымъ, въ 1841 году, настроеніемъ духа его передъ отъѣздомъ изъ Кіева въ Вологду. Сказавъ, что онъ оставилъ безъ отвѣта поздравительное письмо Оберъ-Прокурора, Графа Протасова, «съ возведеніемъ его на степень Епархіальнаго Епископа;» что «его нагло отрываютъ отъ своего мѣста, любимаго круга занятій и, безъ особенной причины и цѣли, бросаютъ въ отдаленный Сѣверъ,» онъ потомъ разсказываетъ, какъ назначеніе его подѣйствовало на другихъ: «Кіевъ завопилъ противъ него всею силою своего голоса; въ слѣдъ за тѣмъ понеслись со всѣхъ сторонъ сожалѣнія и недоумѣнія. На бѣду этому треволненію содѣйствовали самые столпы Церкви. Владыка Кіевскій пріѣзжаетъ провѣдать больнаго, и при людяхъ заклинаетъ именемъ Божіимъ перенести искушеніе. Владыка Московскій пишетъ съ великимъ сожалѣніемъ о случившемся и съ желаніемъ, чтобы я своею славою (o! o!) озарилъ Вологду. Пишетъ непосредственно въ другой разъ къ Владыкѣ Кіевскому съ увѣдомленіемъ, что они рѣшились единодушно представить меня въ Каменецъ, изъ уваженія къ состоянію моего здоровья. О томъ же пишетъ Преосвященный Іона, и проситъ помолиться объ успѣхѣ предпріятія. Такой жалобный хоръ не могъ не смутить всякаго, а я долженъ былъ слушать его на одрѣ болѣзненномъ.»

Не останавливаясь на восклицаніи: «o! o!»—знакъ явнаго неблаговоленія проповѣдника къ проповѣднику, раскрою источникъ не мирныхъ чувствъ одного къ другому. Кто смолоду, кромѣ развѣ совершенно сухихъ, холодныхъ, лѣнивыхъ умовъ, не увлекался подъ часъ, невольно, безсознательно, новизной смѣлой мысли, пышною на показъ рѣчью (phrase ronflante), даже удачнымъ только выраженіемъ? Многіе ли же изъ юноученыхъ мыслителей вовсе не поддавались порой вліянію современныхъ стремленій той или другой школы Философіи на Западѣ и не ослѣплялись, такъ сказать, космополито-религіозными блестками въ разглагольствованіяхъ мечтателей? Такъ и нашъ молодой ученый Иннокентій, при началѣ своего поприща, увлекался навѣянными со стороны умопредставленіями (идеями). Филаретъ замѣчалъ его увлеченія, и нерѣдко въ бесѣдахъ своихъ съ нимъ обличалъ то или другое уклоненіе его отъ строго Православнаго ученія.

Но обличаемый, или побѣждаемый, едва ли когда бываетъ признателенъ и любовенъ къ своему обличителю и побѣдителю. Не легко признать себя меньшимъ предъ кѣмъ бы то ни было!

Таковы были ихъ отношенія съ 1826 по 1829. Не менѣе того Митрополитъ, уже извѣстный учитель и проповѣдникъ, цѣнилъ даровитость новаго учителя и проповѣдника, и тѣмъ болѣе, что послѣдній, мужая духомъ и богатѣя свѣдѣніями, чистосердечно отказался отъ заблужденій, въ которыхъ укорялъ его Московскій Первосвятитель. И вотъ какъ это случилось: Синодъ, отдавая справедливость ученой и служебной дѣятельности Архимандрита, желалъ возвести его въ санъ Епископа. Нѣкоторые изъ Членовъ сомнѣвались въ чистотѣ догматическихъ убѣжденій Иннокентія. Первоприсутствующій, при обычной нерѣшительности своей, не могъ дать себѣ отвѣта на возникшій въ душѣ его вопросъ: кого обрѣтетъ въ новомъ Архіереѣ Церковь: пастыря ли добраго, или же колеблемаго вѣтромъ ученія по стихіямъ міра? Онъ прибѣгаетъ къ единственному средству: онъ возлагаетъ на Филарета испытать Иннокентія. Испытатель принялъ испытуемаго уже не какъ гостя и собесѣдника, а какъ Архипастырь монаха, какъ вліятельнѣйшій Членъ Св. Правительствующаго Синода, какъ учитель и просвѣтитель духовенства двухъ столицъ съ ихъ Епархіями.

Онъ повелъ съ нимъ не ту уже мягкую, бережную рѣчь, какою, убѣждая его дотолѣ, щадилъ въ немъ щекотливость самолюбія; онъ потребовалъ отъ него полной, такъ сказать, исповѣди. Иннокентій высказался честно. Филаретъ обратилъ тогда къ нему то мощное и съ тѣмъ вмѣстѣ строго-любовное Апостольское слово, по ученію и догматамъ Восточной Церкви, слово крѣпкое крѣпостію глубокосердечной вѣры проповѣдника, слово самой истины, на которое нѣтъ возраженій.... Иннокентій сознался въ своихъ заблужденіяхъ и былъ тронутъ до того, что, какъ пронесся тогда слухъ, заплакалъ.... Но слезы не потопили человѣческое въ немъ тщеславіе и гордость самолюбія.

Испытатель поручился за него—и онъ былъ возведенъ въ санъ Епископа. Митрополитъ слѣдилъ за нимъ, и радовался его успѣхамъ ученымъ и проповѣдническимъ. А Иннокентій, какъ выше указано, умалялъ, даже уничтожалъ его славу, какъ проповѣдника!.. Филаретъ не хвалилъ только его комунистическія рѣчи (на пр., въ «Москвитянинѣ») и многія мѣста тамъ и сямъ черезъ чуръ драматическія и лирическія, на показъ (ефектныя). Нѣтъ искренности въ рисованіи; плохо вѣрится возгласамъ; каѳедра не зрѣлище, проповѣдникъ не актеръ. Такія мѣста встрѣчаются даже и въ «Седмицахъ.» [15] Правда, неожиданныя выходки

[15] Въ подтвержденіе сказаннаго и разсказаннаго здѣсь, приведемъ слова самаго Святителя изъ изданія А. Н. М.: «Письма М. М. Филарета. Кіевъ, 1869.» Настоящая статья поступила въ редакцію вскорѣ по выходѣ 2-й кн. нашихъ «Чтеній,» а изданіе Муравьева появилось въ Москвѣ лишь недавно. Вотъ слова Владыки (письмо 10, стр. 21): «Бесѣды Страстной Недѣли получилъ до Вашего письма, а имъ побужденъ былъ прочитать нѣкоторыя. Отлично много способности: но, какъ Вамъ угодно, а я желалъ бы, чтобы спокойный разсудокъ прошелъ по работѣ живаго и сильнаго воображенія, и очистилъ дѣло. Проповѣдь: «Старецъ сказалъ монахамъ: Будемъ плакать!—и мы будемъ плакать при гробѣ Господнемъ,» не знаю, понравится ли разсудку, если не дать себѣ ослѣпиться поверхностными блесками. Какъ малъ примѣръ для самаго великаго предмета! Какъ небрежно, неполно и невѣрно пересказана проповѣдь С. Макарія! На Голгоѳѣ не было, видишь, проповѣди! Какъ легко остроуміе убиваетъ истину! Проповѣдь: «Дщери Іерусалимски, не плачитеся о мнѣ,» и пр., не есть ли точно проповѣдь, и не могла ли быть ближайшимъ образцомъ разбираемой теперь, нежели изреченіе С. Макарія? А: «Совершишася!» не есть ли сіе величайшая

производятъ впечатлѣніе на слушателей, но оно мимолетно, какъ музыка, цвѣты, благоуханіе, ласкающіе чувства: умолкла музыка, увяли цвѣты, испарился запахъ, и—пріятныя ощущенія забыты. Не побѣдилъ онъ Филарета, порываясь дѣйствовать на сердце, и дѣйствуя преимущественно на чувства. Московскій Златоустъ дѣйствуетъ на разумъ, поучаетъ, убѣждаетъ, трогаетъ, укрѣпляетъ, исправляетъ и принятое головой посѣвается въ сердцѣ, и многіе,

---

изъ проповѣдей? И Сотникъ сказалъ свою проповѣдь: «Во истину Божій Сынъ бѣ сей.» Проповѣдь сія не много короче разбираемой, и развѣ по тому только не проповѣдь, что Сотникъ не былъ Докторъ Богословія, и произнесъ ее безъ аналогія и каѳедры.» Издатель въ своихъ поясненіяхъ говоритъ (стр. 23): «Мнѣніе его (Филарета) о проповѣдяхъ Пр. Иннокентія, показываетъ всю глубину и проницательность его критическаго взгляда. Мнѣ случалось присутствовать при бесѣдѣ сихъ двухъ геніяльныхъ людей, но Иннокентій казался далеко не въ уровень предъ Филаретомъ, и критическій молотъ сего великаго старца разбивалъ въ пухъ всѣ легкія восторженныя сужденія юнаго Епископа.» Много любопытнаго въ поясненіяхъ А. Н. М., но много же и неудовлетворительнаго, уклончиваго, невѣрнаго, ошибочнаго. На примѣръ (стр. 95): «Община Одигитріева была основана недалеко отъ Новаго Іерусалима благочестивою Княгинею Мещерскою, которая впослѣдствіи была тамъ первою Игуменьею, а послѣ нея, ея племянница, Озерова.» Въ Словахъ и Рѣчахъ (ч. III, стр. 170—172), Бесѣда 19, о дивныхъ судьбахъ Троице Одигитріевскаго Общежитія, приписывается основаніе его Грузинской Царевнѣ Ѳамари, какъ это видно изъ письма Митрополита къ Муравьеву (стр. 94), названной въ изданіи Тамарой. Княгиня же Мещерская основала Аносинское Борисо-Глѣбское женское общежитіе, гдѣ и теперь Игуменіей внучка ея (Озерова). Княгиня Е. Н. Мещерская названа даже въ оглавленіи Бесѣды при открытіи общежитія (ч. II, стр. 13). Но предоставимъ спеціалистамъ провѣрить и оцѣнить свѣдѣнія, мелькающія въ объясненіяхъ, оговоркахъ, особенно же словопрѣніяхъ и самооправданіяхъ издателя. Мы укажемъ только на важнѣйшія, по своему содержанію, три письма Филарета: «О времени преложенія Св. даровъ.» (Душепол. Чтеніе Сент. 1869). В. П. Нечаевъ, почтенный редакторъ журнала, по истинѣ душѣ полезнаго, помѣстилъ ихъ, вмѣстѣ съ письмами А. Н. М., въ дополненіе къ своей прекрасной статьѣ: «О Св. возношеніи въ Литургіи вѣрныхъ.» Для исторической правды, или хоть ради библіографіи, слѣдовало бы сказать, что эта переписка, за полтора года до изданія писемъ Митрополита къ М., помѣщена въ «Запискахъ Сушкова о жизни и времени Святителя, * и тѣмъ болѣе, что издатель писемъ (стр. 215) говоритъ, что списки

---

* Прилож. стр. 173—149.

конечно, благодатно уразумѣли и уразумѣютъ изреченіе учителя: «Покоренный умъ позналъ и сердцемъ пріялъ вѣчныя истины.»

Такъ и самая «преданность Богу, зачатая отъ убѣжденія ума, перераждается въ живое чувство сердца. См.: «Слова и рѣчи Филарета М. М. ч. 1, стр. 159.

полемики «появились въ печати, но не въ удовлетворительномъ видѣ.» Это, впрочемъ, еще вопросъ, который будетъ разъясненъ повѣркой напечатаннаго, какъ въ Запискахъ Сушкова, такъ и въ изданной книгѣ А. Н. М., съ тѣми дополненіями и списками, которые переданы самимъ Филаретомъ въ Московскую Духовную Академію. Во всякомъ случаѣ едва ли можно назвать полемикой (таже 215), съ одной стороны вопросы и защитительныя писанія мірянина, вовсе не богослова, съ другой отвѣты и опроверженія догматика, святителя; проповѣдника; другими словами: заблужденія ученика и назиданія учителя. Странно и непріятно читать въ предисловіи къ полемикѣ: «Началась между нами (между Филаретомъ и Муравьевымъ!) странная и не совсѣмъ пріятная переписка» (таже 215). Видно Іерархъ не убѣдилъ писателя. Не возьметъ ли на себя Московская Духовная Академія разъяснить весь ходъ этой переписки благосклоннаго наставника съ настойчивымъ совопросникомъ? И кому же, какъ не ей, да Обществу Любителей Духовнаго Просвѣщенія слѣдить за всѣмъ, что теперь пишется, печатается и разглагольствуется о Святителѣ, чтобы разгонять тѣни, накидываемыя на свѣтлое имя его, когда завистью и клеветою, когда невѣжествомъ и упрямствомъ, когда спесью и тщеславіемъ? Легко живущему еще на землѣ сказать свое послѣднее слово взятому съ земли: изъ за могилы не боишься обличенія. Такъ и многія, даже очень многія, письма, изданныя Г. Муравьевымъ, нужно разъяснить опредѣлительнѣе, особенно же когда рѣчь идетъ о догматическихъ и церковныхъ вопросахъ, на примѣръ: письма 437—441, гдѣ, между прочимъ, видно, что не радуется Митрополитъ тому, что «свѣтская особа» сочиняетъ Акаѳистъ Апостолу Андрею Первозванному; также отзывы къ вразумленію извѣстнаго Овербека (стр. 640—644) и касательно нѣкоего Аббата Маундреля (657 — 661). Не Мандрюэль ли? А сколько неудовлетворительно объясненныхъ, или пройденныхъ молчаніемъ, событій и случаевъ въ продолженіе 35-лѣтней переписки, совѣтовъ, уроковъ и назиданій въ письмахъ, указаній издателя ихъ, требовавшихъ справокъ, изслѣдованій, опроверженій и т. п., его, наконецъ, недоразумѣній, столкновеній, подозрѣній и жалобъ на мірянъ и на духовныхъ лицъ: на Княжну Циціанову, на Секретаря Владыки Святославскаго, на Економа Троицкаго подворья (пристанище Московскихъ Первосвятителей въ Петербургѣ), на редакторовъ газетъ и журналовъ: Протоіерея Н. А. Сергіевскаго, Аксакова и иныхъ, и на многихъ и на многое!... Все это

И такъ источникъ неблаговоленія Архіепископа къ Митрополиту—ревнивое чувство соперничества..... Но миръ вамъ, понявшимъ и не понявшимъ Московскаго Филарета! Миръ и добрая память!... За могилой нѣтъ недоразумѣній и соперничества. Каждый получитъ заслуженное воздаяніе, каждый обрѣтетъ мѣсто: «Въ дому отца моего обители многи суть» (Іоан. XIV, 2).

Николай Сушковъ.

требуетъ строгой повѣрки и исторической оцѣнки, не только писемъ, но и оговорокъ, оправданій, разсказовъ, сужденій издателя. «Вся же искушающе, добрая держите,» и «отъ всякія вещи злыя отребайтеся» (1 Солун. 5, 20—21). О. Б.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ОБЪ

ИГОЛЬЧАТЫХЪ РУЖЬЯХЪ.

Разгромъ Австрійцевъ при Кёнигингрецѣ, или Садовой, возбудилъ вниманіе всѣхъ военныхъ людей. Каждый, какъ говорится, сѣлъ на своего конька: Баронъ Жомини приписываетъ успѣхъ Прусаковъ стратегическому, мудро составленному, плану, въ слѣдствіе котораго обѣ Прусскія арміи (1-я и 2-я), направленныя съ разныхъ сторонъ, соединились въ данное время для пораженія непріятеля; при этомъ знаменитый стратегикъ даетъ игольчатому ружью второстепенное уже значеніе. Сторонники артиллеріи выставляютъ ее, какъ могущественно повліявшую на разгромленіе арміи Бенедека и т. д. Господствующее же мнѣніе приписываетъ главный успѣхъ Прусаковъ ихъ игольчатому ружью.

На сколько каждое изъ этѣхъ мнѣній основательно, судить не буду, но думаю, что главною причиной разгрома едва ли не былъ составъ противоборствовавшихъ армій: Прусская, за малымъ исключеніемъ (Познанцевъ-Католиковъ), была вся составлена изъ одной соплеменной народности, одного Вѣроисповѣданія, языка и обычаевъ, между тѣмъ какъ Австрійская представляла изъ себя какъ бы мозаику, сложенную изъ различныхъ племенъ и народовъ, съ рѣзкими противоположностями характеристическихъ свойствъ и политическихъ мнѣній, стремленій, надеждъ: здѣсь были особенные по областямъ полки Австрійцевъ и другихъ Нѣмцевъ, Венгерцевъ, Итальянцевъ, Тирольцевъ, жи-

телей Баната, Буковины, Трансильваніи, Чехіи, Моравіи, Далмаціи, Хорваціи, Крайны, Хорутаніи, Штиріи, Галиціи, Поляковъ и т. п., что все дѣлало части Австрійской арміи совершенно не похожими одна на другую, иногда же совершенно противоположными, не одинаково сочувствующими славѣ Имперіи; были и такіе, которые тайно вовсе не желали торжества Австрійской арміи, хотя и составляли часть оной, какъ, на примѣръ, Венгерцы, которымъ, для достиженія своего заповѣднаго желанія, предстояло легче справиться съ пораженными, нежели съ торжествующими, Габсбургами, что теперь очень ясно и обнаружилось. За Венгерцами и Чехами начали заявлять свои права несравненно крѣпче, нежели когда либо, и стали домогаться того же, что даровано Венгріи; за ними пробудились и другія Славянскія племена Австріи, чего, повторяю, не могло бы быть, если бы Австрія въ 1866 году вышла побѣдительницей, и тогда силой Нѣмецкаго элемента могла бы подавлять всякія подобныя попытки.

Изъ таковыхъ-то элементовъ была сложена Австрійская армія. Присоединивъ же къ этому еще и то, что въ головѣ Прусаковъ, при Садовой стоялъ самъ Король и главными дѣятелями были: одной арміи Наслѣдный Принцъ, другой братъ его; между тѣмъ у Австрійцевъ, какъ впослѣдствіи оказалось, Фельдцейхмейстеръ Бенедекъ былъ отчасти не вполнѣ еще исчезнувшимъ въ Австріи Гофъ-Кригсратомъ, то такое положеніе не могло не имѣть совершенно противоположнаго вліянія на ту и на другую армію. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что, независимо отъ всего выше сказаннаго, Австрійская армія, до начала еще Садовской битвы, была въ половину уже побѣждена, въ особенности нравственно, зная себя вооруженной не тѣмъ оружіемъ, какимъ были вооружены ея противники и о которомъ разсказы, еще болѣе увеличенные, нежели были въ дѣйствительности, заронили въ солдатѣ недовѣрчивость, какъ ближайій синонимъ страха. Не всѣ племена обладаютъ тѣми неподражаемыми качествами, которыми одарены Русскіе, что въ послѣднее время торжественно подтвердили это въ Севастополѣ и вообще въ Крымской кампаніи; ибо въ отношеніи вооруженія они были противъ союзниковъ въ томъ же положеніи, какъ въ Садовской Австрійцы противъ Прусаковъ, а разобрать ближе, то, пожалуй, еще и въ худшемъ

Почтенный сочинитель превосходной статьи: «Австро-Прусская война 1866 года» (Воен. Сборн. 1867 г., № 3, 6), разсуждая о томъ, что игольчатое ружье не у каждаго въ рукахъ окажетъ одинаковое дѣйствіе, и исчисляя успѣхи Прусаковъ, съ глубокою практическою точностью (нынѣ столь рѣдкою въ военныхъ сочиненіяхъ) опредѣляетъ ихъ, ставя зависимость отъ предварительнаго приготовленія солдата, его нравственно-политическаго состоянія, и, исходя изъ этой точки, относитъ разгромъ Австрійцевъ не исключительно однимъ только ружьямъ Прусаковъ, дѣлая между прочими слѣдующее заключеніе (№ 6, стр. 215): «Въ военное время долженъ былъ битъ тотъ, кого бьютъ въ мирное время, если онъ только встрѣтится съ небитымъ.» Само собой разумѣется, что это относится къ различію дисциплинарныхъ уставовъ, существовавшихъ, или доселѣ еще существующихъ, въ обѣихъ арміяхъ. Сознаюсь, что я далеко не раздѣляю этого вывода въ общемъ его смыслѣ, и едва ли онъ можетъ быть приложенъ ко всѣмъ, чтобы «битый въ мирное время долженъ быть битымъ въ военное не битымъ.» Въ каждомъ Государствѣ дисциплинарные уставы основываются на общихъ свойствахъ народа и на степени его просвѣщенія. Мы видимъ, что въ настоящее время Англія, въ извѣстныхъ случаяхъ, вновь ввела въ свои законы тѣлесныя наказанія, и даже очень жестокія. На грубаго, нравственно [1] не развитаго, человѣка можетъ дѣйствовать только страхъ физическій; его животная природа не признаетъ иного; всякое другое впечатлѣніе скользитъ на немъ.

. . . . . .

У насъ, когда не только что розги и палки, но тесаки и шомпола были въ полномъ ходу, не мѣшало же, однако, намъ, битымъ въ мирное время, бить и въ военное тѣхъ, которые вовсе не подвергались тѣлесному наказанію. Мы громили Прусаковъ, бывшихъ подъ предводительствомъ генія-полководца-Государя, Фридриха Великаго, въ то самое время, когда онъ разбивалъ Австрійцевъ и Французовъ; мы разбивали его и овла-

[1] Во флотѣ же тѣлесныя дисциплинарныя взысканія никогда не прекращались, и имъ подвергаются Мичманы, даже часто сыновья Лордовъ!

дѣли столицей Пруссіи. Въ Ларгѣ и Кагулѣ громили Турокъ, никогда въ мирное время не подвергавшихся тѣлесному наказанію, исключая прямаго лишенія жизни. Въ Италіи громили Французовъ, вовсе изъятыхъ отъ такихъ наказаній; въ 1812 — 1815 тоже и пр. Теперь и мы сдѣлались полунебитыми: смягченіе нравовъ и развивающееся умственное образованіе того требовали. [2]

Но какъ бы то ни было, а общій авторитетъ, повторяю, отнесъ разгромленіе Австрійцевъ скорострѣльному оружію Прусаковъ, и всѣ Государства поспѣшили вооружать свои арміи по образцу Прусской системы Дрейзена, съ нѣкоторыми измѣненіями, усовершенствованіями и т. п.

До сихъ поръ мы видѣли только Прусаковъ, вооруженныхъ такими скорострѣлками противъ Австрійцевъ, не имѣвшихъ оныхъ; Французовъ, съ «своими шасспо,» противъ Гарибальдійцевъ, большею частію босыхъ мальчишекъ съ револьверами и бѣлымъ оружіемъ, и наконецъ въ Абисиніи, гдѣ Непиръ, съ своими Англичанами, испыталъ дѣйствіе скорострѣлокъ противъ арміи, или лучше сказать, сброда, скученнаго Императоромъ Ѳеодоромъ и преимущественно вооруженнаго колотушками. Въ этѣхъ трехъ случаяхъ успѣхъ остался на сторонѣ скорострѣлокъ, и Французскій Генералъ, командовавшій при Монтанѣ, въ донесеніи своемъ говоритъ: «Шасспо творилъ чудеса!» [3]

Было бы безразсудно не признавать преимущества скорострѣлокъ, и при томъ еще посылающихъ пули несравненно далѣе противъ ружей прежнихъ системъ, и въ этомъ отношеніи превос-

---

[2] Не слѣдуетъ, однако же, думать, что и тогда палки и т. п. была общеупотребительны и чтобы правило это было общимъ. Были полки одной и той же бригады, изъ коихъ въ одномъ употреблялось тѣлесное наказаніе, а въ другомъ не знали онаго, но знали, что шефъ, или полковой командиръ, были въ правѣ употреблять его, который замѣнялъ его другими дисциплинарными взысканіями и вполнѣ успѣвалъ. Я могъ бы, съ 1807 г., назвать многіе полки и шефовъ, такъ дѣйствовавшихъ.

[3] У Французовъ такія выраженія ни по чемъ. Давно ли мы читали рапортъ Французскаго Маршала, начинающійся словами: «Le canon du Votre Majesté a grondé» и т. д?

ходящихъ систему Минье, также, и въ недавнее еще время, надѣлавшей столько шуму, не смотря на важные недостатки свои въ прицѣлѣ на быстро приближающагося непріятеля. [4] Съ другой же стороны безразсудно отвергать общее значеніе скорострѣлокъ въ битвахъ прежде столкновенія двухъ армій, одинаково вооруженныхъ и при одинаковыхъ условіяхъ. Здѣсь уже не теорія, а практика (послѣ опытовъ и разсмотрѣнія предмета со всѣхъ сторонъ, изобразивъ ясно все то, что можно сказать объ этомъ предметѣ «за и противъ») произнесетъ свой приговоръ. До тѣхъ же поръ превозносить губительное дѣйствіе этого оружія значитъ колебать, пугать тѣхъ, у которыхъ поднесь тверда еще Суворовская поговорка: «Пуля—дура, штыкъ—молодецъ.» Мнѣ случалось уже слышать, какое грустное вліяніе производитъ описаніе убійственнаго дѣйствія этого ружья на молодыя, неопытныя еще, головы; и это очень понятно: имъ представляется только одна лицевая сторона, а взглянувъ на изнанку, увидимъ, что битвы съ этимъ ужаснымъ оружіемъ сдѣлались несравненно менѣе кровопролитными, а по тому, вопреки безусловнымъ сторонникамъ скорострѣлокъ, и жизнь въ битвахъ подвергается меньшей опасности противъ прежнихъ битвъ съ ружьями старыхъ системъ, какъ это увидимъ далѣе.

Неоспоримо, что ружье новѣйшей системы, при оборонѣ тѣснинъ, ущелій, деревень и другихъ строеній, опушки лѣса, словомъ, вездѣ тамъ, гдѣ обороняющійся можетъ быть болѣе или менѣе прикрытъ какимъ либо предметомъ, конечно, губительно, по тому что вооруженные имъ, будучи болѣе или менѣе прикрытыми, такъ сказать, невидимыми, начинаютъ вредить наступающему учащенно, посылая въ него пули на разстояніе, несравненно

---

[4] По теоріи, вооруженные штуцерами Минье, должны были истреблять противника въ нѣсколько минутъ; на практикѣ же вышло совсѣмъ другое. Адмиралъ Нахимовъ, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, служилъ для нихъ цѣлью, на самый вѣрный прицѣлъ, и только послѣ столь долгаго времени, когда въ него послано было, можетъ быть, нѣсколько тысячъ пуль, роковая и, къ отчаянію штуцермановъ, еще не штуцерная, а простая, пуля сложила героя. Въ другомъ мѣстѣ я говорилъ объ этомъ подробно (см. «Матеріялы для Отечественной войны 1812 г. Спб. 1867,» стр. 9).

дальнѣйшее противъ прежнихъ ружей. Но въ полевыхъ Генеральныхъ битвахъ всѣ преимущества этѣ должны почти не только что исчезнуть, но, очень можетъ быть, повлекутъ за собой, для нѣкоторыхъ арміи, и гибельныя послѣдствія, о чемъ скажу далѣе, а теперь попытаюсь навести ученыхъ на предметъ, который до сихъ поръ, кажется, не былъ еще принятъ въ соображеніе, и вотъ именно на что:

Каждый народъ имѣетъ свои характеристическія свойства, свои нравы, обычаи, привычки и пр. Все это никогда и нигдѣ не обнаруживается такъ сильно, какъ во время войны, и особенно въ день битвы, при встрѣчѣ лицомъ къ лицу со смертію, когда человѣкъ обнажаетъ всѣ свои природныя свойства, всѣ свои страсти, которыя, въ мирное время, на учебныхъ мѣстахъ, не возбуждаются, гдѣ обязанность дисциплины, необходимость вытерживанія наставленій, обуздываетъ его природу. Но тому-то мы и встрѣчаемъ разительныя противоположности во вліяніи однѣхъ и тѣхъ же опасностей на тотъ, или другой, народъ. [5]

[5] Мы видимъ, что устрашающее однихъ возбуждаетъ мужество въ другихъ; средство, употребленное съ успѣхомъ противъ войскъ одного Государства, не дѣйствуетъ противъ другой страны; однихъ можно одушевить тѣмъ, отъ чего другіе теряютъ духъ; опасность, доложенія, надѣлетъ мужествомъ одного, тогда какъ другой отъ того же самаго приходитъ въ робость; одни безстрашно выдерживаютъ огонь артиллеріи, но теряютъ присутствіе духа отъ свиста пуль, между тѣмъ какъ другіе, почитая тучи сихъ послѣднихъ за ни что, спасаются бѣгствомъ отъ свиста одного ядра, котораго часто страшатся даже болѣе, чѣмъ самой густой картечи. Ночныя тревоги имѣютъ пагубное вліяніе на однихъ, на другихъ же производятъ дѣйствіе совершенно противное; паническій страхъ, это, доселѣ не разгаданное чувство, дѣйствуетъ на одного сильно, но непродолжительно; между тѣмъ какъ другіе подвергаются какъ бы легче, но не скоро отъ онаго освобождаются, такъ что слѣды этой боязни замѣчаются въ нихъ часто въ продолженіе цѣлой компаніи, а иногда и всей войны. Одни упорно обороняются въ крѣпости, когда она обложена кругомъ, но тотчасъ же пользуются случаемъ, если видятъ одну сторону, не занятую непріятелемъ, чтобы оставить знамена и бѣжать; на другихъ это не имѣетъ ни какого вліянія, а, напротивъ, надѣляетъ еще ихъ большею отвагой. Одни упорно защищаютъ родину, когда вторгается въ нее непріятель, но не проявляютъ той отваги, когда дѣйствуютъ внѣ отечества своего. Другіе же, напротивъ, дѣйствуютъ мужественнѣе внѣ границъ своихъ, нежели тогда, когда непріятель вторгается въ

Словомъ, по моему крайнему разумѣнію, при введеніи новой системы ружей, должно быть принято во вниманіе главное: природныя характеристическія свойства народовъ, ихъ темпераментъ, естественно истекающій отъ климата, образа издавна существующаго духа правительственнаго строя, обычаевъ и т. п. Въ мирное время успѣхъ въ образованіи солдатъ дѣйствовать скорострѣлками, вѣроятно, будетъ одинаковъ у всѣхъ народовъ, но не то окажется въ военное. Скорострѣлка въ рукахъ Шведа, Датчанина, нѣкоторыхъ племенъ Сѣверной Пруссіи, Голландца, Англичанина (о Русскомъ скажу особо), будетъ имѣть преимущественное значеніе противъ скорострѣлки, находящейся въ рукахъ Француза, Испанца, Итальянца, Грека, Турка и другихъ народностей, рожденныхъ въ странахъ, гдѣ пылкость есть условіе свойствъ климатическихъ, дѣйствующихъ невольно, въ моменты крайностей, на свое природное произведеніе, и гдѣ разсудокъ, хладнокровіе, образованіе въ мирныхъ наставленіяхъ мѣста имѣть не могутъ. Ставъ лицомъ къ лицу со смертію, повторяю, природное свойство беретъ верхъ надъ всѣмъ. Принцъ Карлъ-Фридрихъ, Главнокомандующій 1-ой арміей, почитаемый лучшимъ въ настоящее время полководцемъ, сознаетъ эту истину. Въ инструкціи, составленной имъ для его арміи, встрѣчаемъ, между прочимъ (Воен. Сб. № 3): «Моральная сила, воображеніе и т. п., до того играютъ важную роль» и т. д. Въ другомъ мѣстѣ: «къ стрѣльбѣ залпами дозволяется прибѣгать не далѣе, какъ на 200 и 300 шаговъ до непріятеля. На такомъ разстояніи можно, конечно, опасаться потери хладнокровія. (Какъ же это было въ наше-то время, когда перестрѣливались не иначе, какъ несравненно ближе?) и безпорядочной стрѣльбы, къ которой заряжаемое съ казны оружіе представляетъ такое удобство.» Чтобы не допускать солдата до безтолковой трескотни, не позволяется заряжать ружье прежде, чѣмъ сойдутся, а заряжать его мгновенно, чего съ прежнимъ ружьемъ «сдѣлать было не возможно; и если ружье заряжено, то нельзя расчитывать, чтобы

нимъ. Исторія всѣхъ временъ представляетъ примѣры тому. Это послѣднее Французы въ наше время доказали, и именно въ 1814 и 1815 годахъ. И я того убѣжденія, что Прусскій Ландверъ и Ландштурмъ проявятъ то же самое.

не нашелся въ батальонѣ человѣкъ, на столько не хладнокровный, чтобы выстрѣлить безъ команды, а за однимъ выстрѣломъ послѣдуютъ сотни, и огонь обратится въ ни что, да и прекратить его становится почти не возможнымъ.» Вообще инструкція пропитана практическими замѣчаніями, основанными на познаніи человѣка въ минуту очевидной опасности. Приведу еще слѣдующее (стр. 60): «Не нужно перестрѣливаться больше, чѣмъ слѣдуетъ, [6] но ограничиться крайне необходимымъ, такъ какъ при продолжительной перестрѣлкѣ потеря въ людяхъ и потронахъ велика, и перестрѣлка никогда не рѣшитъ дѣла, и только служитъ подготовленіемъ.» И послѣ залповъ отбросить въ штыки. Въ другомъ мѣстѣ: «Если непріятель не будетъ остановленъ залпами и сблизится на 50 — 80 шаговъ, то атаковать его въ штыки;» и еще (стр. 65): «Въ разговорахъ съ солдатами должно растолковать имъ, что съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, ни одна большая побѣда не была выиграна боемъ на большихъ разстояніяхъ. Необходимо схватиться съ врагомъ, т. е., атаковать штыками, если набѣгъ стрѣлковъ недостаточенъ. Въ большей части случаевъ, выраженныхъ атакой, рѣшимость схватиться въ штыки, до того дѣйствуетъ на непріятеля, что онъ поворачиваетъ кругомъ до свалки.» (Стр. 66): «Если непріятель рѣшился насъ атаковать въ штыки, то, предупредивъ людей о нашемъ намѣреніи, открыть дальную и частую стрѣльбу, и въ послѣдній моментъ, на разстояніи отъ 20 до 60 шаговъ, броситься впередъ.»

Изъ сего видно, что Принцъ возлагаетъ въ битвахъ главную надежду на успѣхъ не на игольчатое ружье, котораго такъ безсознательно пугаются, а на Суворовскій штыкъ. Здѣсь заслуживаетъ еще вниманія, какъ это видно изъ послѣдней ссылки, что по непріятелю, предпринявшему атаку въ штыки, начинаетъ производиться съ дальняго разстоянія учащенная стрѣльба, а онъ,

---

[6] Выраженіе, ни чего не опредѣляющее: взгляды начальниковъ не одинаковы: одинъ будетъ находить, что слѣдуетъ уже прекратить перестрѣлку, другой, что слѣдуетъ еще продолжать оную и т. д.

не смотря на ужасное (предполагаемое) дѣйствіе скорострѣлокъ посылающихъ на весьма дальнее разстояніе свои пули, подходитъ на 20 шаговъ!! Вѣдь теорія должна была давно уже истребить наступающаго до послѣдняго человѣка?

Дѣйствительно, повторяю, при оборонѣ закрытыхъ мѣстностей, огонь изъ такихъ ружей долженъ быть чрезвычайно губителенъ, по тому что, кромѣ учащенности своей изъ прикрытаго мѣста, [7] огонь этотъ обладаетъ и значительною дальностію пораженія, а по тому наступающій, не будучи прикрытымъ, долженъ подвергать себя огню на несравненно большемъ противъ прежняго пространствѣ, которое, при тогдашнихъ условіяхъ, проходилось бѣглымъ напоромъ [8] скорѣе, нежели можно это дѣлать теперь.

Въ линѣйныхъ же генеральныхъ сраженіяхъ, при одинаковомъ вооруженіи противниковъ (чего еще мы не видали), бой уравняется, и тогда за штыкомъ, который и въ Инструкціи Прусскаго Принца занимаетъ первую роль въ битвахъ, окажутся тѣ же самыя послѣдствія, какъ и при прежнемъ вооруженіи, съ тою только разницей, что они будутъ несравненно менѣе кровопролитны, нежели были прежніе, когда снаряды дальняго полета были еще не извѣстны.

Въ прежнихъ битвахъ процентъ потерь былъ несравненно выше настоящаго. Министръ Государственной Печати, Графъ Мельмсбери, въ произнесенной имъ рѣчи, 23 Іюля, 1868 г., въ Палатѣ Лордовъ, между прочимъ сказалъ: «Одинъ изъ Фран-

---

[7] По инструкціи Принца Карла-Фридриха Прусскаго (Воен. Сборн. 1867 г., № 3, стр. 60), войско должно располагаться въ возможно закрытой позиціи, для произведенія залповъ въ наступающаго непріятеля.

[8] Подъ Лейпцигомъ, 6-го Октября, Наслѣдный Принцъ Шведскій, пославъ Графа Воронцова съ его отрядомъ (корпуса Барона Винцегероде), атаковать сильно укрѣпленную и упорно до того времени, съ 5-го Октября, защищавшуюся противъ арміи Блюхера деревню Шёнфельдъ, приказалъ разрядить ружья, чтобы не заниматься перестрѣлкой, замедляющей приступъ. Воронцовъ съ полками Красовскаго и сводными гренадерами Тимашева мгновенно влетѣлъ въ укрѣпленіе, что въ настоящее время, при дальнихъ полетахъ изъ артиллерійскихъ орудій и ружей, было бы сдѣлано не такъ легко.

цузскихъ Офицеровъ, находящійся въ близкихъ отношеніяхъ съ Парижскимъ Военнымъ Министромъ, вручилъ мнѣ свѣдѣнія, изъ которыхъ оказывается, что въ продолженіе великихъ войнъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, жизнь людей истреблялась гораздо болѣе, чѣмъ въ наши дни. Въ битвѣ подъ Фридландомъ Французы лишились 14 процентовъ, Русскіе 30, а Австрійцы 44%, или почти половины арміи. [9] Подъ Ваграмомъ Французы лишились 13%, а Австрійцы 14. Въ Бородинской битвѣ Французы лишились 33%, а Русскіе 44. Подъ Ватерло Французы потеряли 36, а союзники 30. Сорокъ лѣтъ спустя со времени введенія новаго оружія, Французы потеряли подъ Манджентой 7% своей арміи, Австрійцы тоже 7% Подъ Сольферино Французы и Сардинцы лишились 10%, а Австрійцы только 8%. Объяснить этѣхъ данныхъ я и не берусь, но изъ нихъ оказывается, что процентное содержаніе людей, погибающихъ во время сраженія, уменьшилось введеніемъ новаго оружія почти вдвое.

Взглянувъ съ этой точки на Австро-Прусскую войну 1866 года, оказывается, что у Австріи съ ея союзниками (исключая Италію) выставлено было въ поле противъ Пруссаковъ 360 тыс. человѣкъ, а всей потери (не считая плѣнныхъ), вмѣстѣ съ Кёнигингрецомъ, было только 21,200 человѣкъ, что составляетъ шесть процентовъ. У Пруссаковъ въ 1 и 2, въ Эльбской и Майнцкой арміяхъ было всего дѣйствующихъ 363,109, а потери, считая тоже и Кёнигингрецъ, было 18,469 человѣкъ, т. е., пять процентовъ. Изъ сего слѣдуетъ, что Кёнигингрецкая битва, такъ многихъ напугавшая, далеко не была битвой упорной, каковыми были въ 1812 году, на примѣръ, Смоленская, Малоярославецкая и въ особенности Бородинская, гдѣ потери достигали до 50 проц., [10] а потери составляютъ единственную оцѣнку упорства борьбы; другой оцѣнки и быть не можетъ. Въ Бородинѣ, съ каждой сто-

---

[9] Должно быть что либо выпущено въ Спб. Вѣдомостяхъ (№ 194, 1868 г.); ибо подъ Фридландомъ Австрійцевъ не было.

[10] Однихъ Генераловъ въ эту послѣднюю битву убито и ранено: у насъ 23, у Французовъ 49. Здѣсь уже не можетъ быть ни какого и приблизительнаго сравненія съ пресловутой Садовой.

роны было по тысячѣ плѣнныхъ, израненыхъ, [11] и такихъ же по одному Генералу, а подъ Садовой Австрійцы взяли у Пруссаковъ 3023 человѣкъ въ плѣнъ, а Пруссаки у нихъ 21,700 человѣкъ и 174 орудія, конечно, несравненно большею частію не защищавшихся, а брошенныхъ. Въ Бородинѣ же съ каждой стороны потеряно 14—18 пушекъ: мы взяли ихъ въ полѣ, а Французы въ люнетахъ или редутахъ (не вполнѣ сооруженныхъ), большею частію подбитыми. Ни съ той, ни съ другой стороны не было потеряно ни одного знамени.

Но вотъ еще обстоятельство, заслуживающее вниманіе: изъ Прусскихъ отчетовъ видно, что въ кругломъ счетѣ израсходовано во всю кампанію на ружье по семи патроновъ; что по числу дѣйствовавшихъ войскъ, 363,109 человѣкъ, выпущено патроновъ 2,541,763. Изъ этѣхъ цифръ выходитъ, что изъ 118 ружейныхъ пуль только одна достигала своей цѣли; ибо вся потеря Австрійцевъ, какъ видѣли выше, заключается только въ 21,200 человѣкахъ; въ Бородинской же битвѣ Французы израсходовали почти въ половину менѣе, и именно: 1,400,000 ружейныхъ зарядовъ; а изъ этого слѣдуетъ, что тогда не 118, а 25 [12] пуля достигала предмета. Здѣсь не привожу дѣйствія изъ орудій, какъ при Садовой, такъ и при Бородинѣ, не мало содѣйствовавшихъ къ избіенію противниковъ; а принявъ въ расчетъ и ея дѣйствіе, на долю игольчатыхъ ружей достанется немного, въ особенности, когда изъ отчетовъ видно, что артиллерія 1 и 2 только арміи выпустила 37,000 зарядовъ. [13] Слѣдуетъ еще замѣтить, что Прус-

---

[11] Сверхъ того на нашемъ лѣвомъ флангѣ было подобрано около такого же числа умирающихъ.

[12] См.: «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня?» Спб. 1867, стр. 94.

[13] Въ «Артил. журналѣ» 1866 г., стр. 661, сказано, что «въ Прусской 1-й и 2-й арміяхъ во всю войну израсходовано въ среднемъ числѣ изъ 12 фунт. пушекъ, по 13 зарядовъ, изъ 6 ф. нарѣзныхъ около 40, а изъ 4 ф. нарѣзныхъ же по 88 зарядовъ, что среднимъ числомъ изъ находившихся при этѣхъ арміяхъ 800 орудій и выходитъ 37 т. Газета Время (Times, стр. 542), заключаетъ, что при Кёнигингрецѣ среднимъ числомъ сдѣлано по 60 выстрѣловъ, что изъ 500 такихъ

сія и Австрія имѣли болѣе орудій въ Кёнигингрецѣ, нежели Русскіе и Французы при Бородинѣ, и при томъ у Австрійцевъ всѣ орудія были нарѣзныя, слѣдовательно, несравненно дальнѣйшаго полета противъ дѣйствовавшихъ въ 1812 г. У Пруссаковъ же нарѣзныхъ было только 500 орудій, а остальныя 300 гладкія. [14]

Такимъ образомъ изъ дѣйствій 1866 года двухъ армій, такихъ громадныхъ размѣровъ (въ которыхъ и во время Наполеоновскихъ войскъ встрѣчается только одинъ разъ, но и то приблизительно, подъ Лейпцигомъ 1813 года, 6 Октября, соединенныхъ на одномъ мѣстѣ), и изъ коихъ одна была вооружена игольчатыми ружьями дальняго полета, другая ружьями старой системы, окузывается итогъ въ потеряхъ почти одинаковый. Принявъ же въ соображеніе, что послѣдняя была составлена изъ множества разнородныхъ племенъ, болѣе или менѣе враждебныхъ между собой, различныхъ языковъ и нарѣчій и трехъ Вѣроисповѣданій, между тѣмъ, какъ составъ Прусской былъ одного народа, [15] языка, Вѣроисповѣданія, въ головѣ которой стоялъ самъ Король съ двумя сыновьями своими, то, при такихъ рѣзкихъ противоположностяхъ обѣихъ армій, потеря почти равная, въ 5 и 6 процентовъ, приводитъ ко многимъ размышленіямъ, которыя объясняются только тогда, когда двѣ арміи, одинаково вооруженныя, одной народности, схватятся между собой съ одинаковымъ воодушевленіемъ и при одинаковыхъ условіяхъ опытности и знанія дѣла вождей, тогда только военная наука произнесетъ свое мнѣніе, свой приговоръ. Во всякомъ, однако же, случаѣ, по моему крайнему разумѣнію, ни игольчатыя ружья, ни нарѣзныя

орудій и составляетъ 3,000. Слѣдовательно, остальные 7,000 зарядовъ должно отнести къ другимъ дѣйствіямъ этихъ армій. Что же до Эльбской и Майнцкой армій, я не встрѣтилъ данныхъ, и если судить объ ихъ числительности (141,400) и по встрѣчамъ, которыя они имѣли, то и здѣсь количество выстрѣловъ должно быть значительно. По свѣдѣніямъ этой же газеты, Австрійцы сдѣлали несравненно болѣе выстрѣловъ изъ своихъ орудій, нежели Прусаки.

[14] Артил. журн. 1866 г., № 12, стр. 624.

[15] Малая часть Католиковъ Познанскихъ.

пушки, ни металлическіе патроны, ни гранаты-шрапнели, ни «mitrailleuse,» которую только обѣщаютъ еще пустить въ ходъ, [16] не произведутъ кореннаго измѣненія въ военной наукѣ или, лучше сказать, нынѣшняго образа дѣйствія. Такое измѣненіе можетъ послѣдовать тогда только, когда воздухъ подчинится волѣ человѣка, подобно тому, какъ пары измѣнили морскую тактику. Тогда, конечно, и общія войны, если и не совершенно прекратятся, то уже, конечно, будутъ явленіемъ необыкновеннымъ, лишеннымъ всякаго здраваго смысла. До того же времени каре Румянцова, колонны Суворова, густыя цѣпи застрѣльщиковъ, «nuées de tirailleurs» Бонапарта, [17] усовершенствованный батальный огонь развернутаго фронта Веллингтона, останутся неизмѣнными на полѣ битвъ; а за тѣмъ уже умѣнье сосредоточивать знатную силу огня

---

[16] Пугали же насъ въ 1827 и 1828 годахъ паровою пушкой Перкенса! Да и теперь мало ли говорятъ объ изобрѣтеніи истребительныхъ средствъ, хранимыхъ будто бы въ тайнѣ и т. п.? Все это шарлатанство. Во вновь устроенномъ въ Петербургской Петропавловской крѣпости арсеналѣ, можно видѣть, что многое, почитаемое нынѣ за новоизобрѣтеніе, было давно уже извѣстно, въ особенности заряженіе съ казенной части, но оно не усвоилось, и не усвоилось при томъ въ тѣ времена, когда Государи были геніальными вождями, а изъ сего слѣдуетъ, что это мнимо-новое изобрѣтеніе ожидаетъ еще испытанія на практикѣ, и тогда, можетъ быть, тоже поступитъ въ арсеналы, какъ куншткъ для потомства.

[17] Разсыпной строй получилъ рожденіе свое въ борьбѣ съ Шуанами и Вандейцами и усовершенствованъ Наполеономъ. Колонны его почти всегда были предшествуемы густою цѣпью застрѣльщиковъ, производившихъ какъ бы батальный огонь, что съ 1812 года часто употреблялось и нами. У насъ основателемъ егерей (егеря, стрѣлки, штуцерные и т. п., почти одно и тоже) былъ Графъ П. И. Панинъ, видѣвшій легкую пѣхоту въ Семилѣтнюю войну. Начальствуя въ 1763 и 1764 годахъ войсками, расположенными въ Финляндіи, гдѣ мѣстоположеніе страны не дозволяло, въ случаѣ надобности, употреблять легкую конницу, сформировалъ онъ особый егерскій отрядъ въ 300 человѣкъ. Польза была признана всѣми, и число егерей у насъ постоянно увеличивалось, такъ что въ 1812 году у насъ было уже 50 егерскихъ полковъ армейскихъ и два гвардейскіе (конные егеря были основаны Княземъ Потемкинымъ въ 1788 году). Въ 1807 г., когда я началъ службу, въ егерскихъ полкахъ были штуцера или винтовки, слѣдовательно, и это не ново. Нова только коническая пуля, поражающая на болѣе дальнее разстояніе. Впрочемъ, за 200 лѣтъ предъ симъ, въ Европѣ были уже карабинеры, вооруженные винтовыми ружьями.

артиллеріи на данные пункты; умѣнье соединять и строить конныя массы и своевременно направлять ихъ для стремительныхъ атакъ, а штыкъ, одинъ штыкъ, будетъ всегда занимать первое мѣсто и довершать побѣду, что ясно даетъ понимать въ своей Инструкціи арміи передъ походомъ 1866 года и Прусскій Принцъ Карлъ-Фридрихъ, принимавшій блистательное участіе въ этой войнѣ. [18] Нѣкоторые изъ военныхъ теоретиковъ начертываютъ уже тактическія правила, измѣняющія прежнія, такъ какъ игольчатое ружье требуетъ этого; конница не можетъ уже дѣйствовать такъ, какъ она дѣйствовала прежде: теперь, позволите видѣть, нарѣзныя пушки и игольчатыя ружья бьютъ издалека! Но мы видимъ, однако же (Воен. Сб., Австрійско-Прусская война, 1866 года), что подъ Кёнигингрецомъ одинъ кирасирскій Полковникъ, умнымъ распоряженіемъ своимъ, умѣлъ сберегать свой полкъ отъ этихъ ужасающихъ снарядовъ; слѣдовательно, если одинъ умѣлъ, то должны умѣть и другіе, если они достойно предводительствуютъ своими частями. Военное дѣло подъ огнемъ требуетъ прозорливости: тогда всякому губительному огню найдется свое противодѣіе.

Искусный и опытный военачальникъ скоро ознакомится съ своимъ положеніемъ и прозритъ все то, чѣмъ непріятель можетъ превосходить насъ въ своихъ дѣйствіяхъ и, конечно, найдетъ, по примѣру предшествовавшихъ великихъ полководцевъ, возможность противопоставить ему преграду преимуществамъ, которыя бы имѣлъ предъ нами, и тѣмъ не только уравнять борьбу, но извлечь еще выгоду. Это доказывается Финляндской войной 1808 года, когда мы, по существу оной, должны были брать шагъ за шагомъ крѣпкія позиціи, занятыя искусными Саволацкими, Карель-

---

[18] Отмѣны того или другого измѣненія, замѣненія въ военномъ дѣлѣ, были и будутъ всегда; но перемѣны эти не будутъ касаться прямо военныхъ дѣйствій, а только административнаго управленія: снабженія арміи снарядами, продовольствіемъ, одеждой и вообще аммуниціею и т. п. Впрочемъ, и эти измѣненія требуютъ не менѣе практической опытности. Продовольствовать и одѣвать армію во время военныхъ дѣйствій, особенно внѣ границъ, не то, что дѣлать это въ мирное время. Здѣсь останавливаюсь; ибо важный предметъ этотъ потребовалъ бы пространнаго изложенія, основывающагося на примѣрахъ.

скими и Нюландскими стрѣлками, вооруженными ружьями, бившими несравненно на большее разстояніе противъ нашихъ. Атака такихъ позицій днемъ влекла за собой значительныя, часто безполезныя, потери, и по тому, естьли не представлялось возможности дѣлать обходы,[19] то, по предварительному изученію позиціи и объясненію на мѣстѣ предпріятія лицамъ, которыя предназначались къ передовому дѣйствію, атаковали оную ночью, иногда даже до полуночи, какъ это было въ Гернефорсѣ. Такія ночныя атаки всегда увѣнчивались полнымъ успѣхомъ и не сопровождались тѣми потерями, которыя, и при успѣшномъ исходѣ предпріятія, бывали сильными; ибо ночью наступающіе не представляли изъ себя мишени искуснымъ Финскимъ стрѣлкамъ.[20] Одинаково и Шведы неоднократно атаковывали насъ ночью и, конечно, не изъ опасенія нашего ружейнаго огня, а артиллеріи, которая у насъ была многочисленнѣе непріятельской.

Чтобы игольчатыя ружья оказались на практикѣ столь же губительными, какъ по теоріи, это очень сомнительно, принимая

[19] Въ ту пору обходы имѣли весьма сильное вліяніе на духъ нашихъ противниковъ, что скоро было подмѣчено нашими предводителями. Такіе обходы иногда составлялись изъ нѣсколькихъ десятковъ егерей, которые заявляли свое присутствіе въ тылу непріятеля; лѣсистая же мѣстность не дозволяла сему послѣднему видѣть ихъ малочисленность, а по тому онъ находилъ всегда благоразумнѣе оставлять позицію и занимать другую.

[20] Большая часть такихъ предпріятій днемъ была неудачна; не говоря уже о Иденсальскомъ дѣлѣ, 15-го Октября, гдѣ погибъ Князь М. П. Долгорукой, но и самое Аравайское дѣло, содѣлавшее славу Графу Н. М. Каменскому и предпринятое днемъ, было съ огромными потерями отбиваемо нѣсколько разъ до самаго лагеря, и только съ наступленіемъ ночи мы могли занять позицію непріятеля, который при концѣ дня получилъ повелѣніе отступить, чтобы не быть отрѣзаннымъ. Кульневъ, выставляя передовую ночную цѣпь, услышалъ на непріятельской позиціи необычайный стукъ колесъ, донесъ Графу, и атака тотчасъ возобновилась и т. д. Вообще мы приступали къ атакамъ днемъ тогда только, когда не было возможности выжидать ночи. Самая атака главной арміи Шведовъ на Орѣ назначена была по диспозиціи Графа Каменскаго на полночь; но, получивъ извѣстіе о высадкѣ въ тылъ Графа Вахтмейстера, онъ, вмѣсто этого, поспѣшилъ на лѣвый берегъ р. Умео къ Севару, гдѣ уже нельзя было ожидать ночи, а съ ранняго утра предприняли атаку.

во вниманіе Инструкцію Принца Карла-Фридриха Прусскаго, который, указывая на дистанцію, съ которой должно начаться дѣйствіе изъ ружей по наступающему непріятелю, говоритъ, что «стрѣльбы не должно начинать прежде, нежели непріятель не приблизится на 300 шаговъ, и тогда дѣйствовать въ него залпами, и естьли это не остановитъ его, и онъ подойдетъ на 20 шаговъ, тогда принять его въ штыки.» Здѣсь ясно, что огонь изъ нгольчатыхъ ружей не такъ смертоносенъ, какъ бы должно было предполагать изъ опытовъ въ мирное время: пройти 280 шаговъ подъ учащеннымъ огнемъ скорострѣлокъ, сохранить себя въ такомъ еще положеніи, чтобы вызвать на атаку въ штыки, не допускаю возможности: наступающіе должны быть всѣ перестрѣлены прежде, нежели достигнутъ 20 шаговъ, а по тому какъ изъ сего, такъ и изъ другихъ мѣстъ помянутой Инструкціи я заключаю, что дѣйствіе такими ружьями, въ особенности, когда и противники будутъ также вооружены, не такъ губительно, какъ по теоріи, что ясно доказывается ничтожною потерей Австрійцевъ подъ Садовой, вооруженныхъ ружьями старой системы, да еще и нанесшихъ Прусакамъ почти одинаковый уронъ. [21]

Допустимъ, наконецъ, что ружья новыхъ системъ имѣютъ большое преимущество предъ ружьями прежнихъ системъ, что очень справедливо и безспорно, и по тому преимущества эти, какъ замѣчено выше, едва ли не ограничиваются только обороной тѣснинъ и т. п.; то, что же будетъ мѣшать начинать наступательныя дѣйствія въ ночной темнотѣ, какъ это дѣлалось въ Финляндскую войну? Надо полагать, что мысль эта уже проведена у Французовъ; ибо, мѣсяца три тому назадъ, я встрѣтилъ въ журналахъ, что Французы упражняютъ свои войска въ эволюціяхъ ночью. [22] Мы же, Русскіе, имѣемъ для сего преимущества,

---

[21] Не то ли было и въ Крымскую войну, когда непріятель былъ вооруженъ оружіемъ системы Минье, а у насъ, исключая одного баталіона, всѣ другіе имѣли старыя ружья, между же тѣмъ во всѣхъ дѣлахъ потеря непріятеля, въ особенности Генералами и Офицерами, превышала потери съ нашей стороны, исключая дѣла на Ѳедюхиныхъ горахъ, которое, впрочемъ, имѣло особенный источникъ.

[22] Въ 1857 году, говоря о штуцерахъ Минье, между прочимъ замѣтилъ я (Собраніе

которыхъ лишены всѣ другія Европейскія Государства. Мы обладаемъ пространными степями и болѣе или менѣе открытыми мѣстностями; а извѣстно, что жители такихъ мѣстъ одарены предъ жителями горъ зоркостью глаза и особенностію, по врожденному инстинкту, отличать предметы ночью, а этимъ послѣднимъ обладаютъ и нѣкоторые изъ жителей нашего Сѣвера, болѣе лѣсистаго, и усвоившіе темноту, гдѣ цѣлевая стрѣльба составляетъ жизненную ихъ необходимость для своего существованія охотой; такой же наставникъ могущественнѣе другихъ. Изъ набора рекрутъ съ помянутыхъ пространствъ могли бы быть составлены исключительно стрѣлковые баталіоны, которые, по предназначенію своему, или защищаютъ тѣснины, или предшествуютъ колоннамъ, прикрывая ихъ фланги и т. п., и въ такихъ случаяхъ были бы незамѣнимы: природная способность владѣть ружьемъ, видѣть лучше другихъ мѣстность ночью и различать предметы на такомъ разстояніи, что не для всѣхъ доступно, несомнѣнно принесли бы великую пользу, которой отъ другихъ ожидать нельзя. [23] А наши Казаки, и въ особенности Калмыки, обладаютъ такимъ глазомъ,

---

статей о 1812 годѣ, Спб. 1867, стр. 50), что Офицеръ Генеральнаго Штаба «долженъ пріучиться различать мѣстность ночью почти также, какъ и днемъ» и проч., и говорилъ это на основаніи собственнаго опыта. Въ Шведскую войну 1808 г., будучи поставленъ въ необходимость такого изученія, въ началѣ казавшагося весьма труднымъ и почти не возможнымъ, но пріобрѣтая навыкъ и пользуясь данными отъ Казаковъ, мы мало по малу привыкли къ такимъ рекогносцировкамъ, и въ послѣдствіи то, что сперва казалось не возможнымъ, выполнялось удовлетворительно. Помянутыя слова мои въ статьѣ подняли противъ меня теоретистовъ, которые обрушились на всю статью всею силой своего Профессорскаго званія: что я, де, «не образованъ;» что «берусь учить уму-разуму,» и т. д., и т. д., и, не имѣя достаточно силы опровергнуть научно, всѣхъ ветерановъ обозвали «облысившими, оббезубленными, не слѣдящими за развитіемъ человѣческихъ знаній» и пр., и пр., что можно видѣть въ Военномъ Сборникѣ 1858 года, № 1, и въ нѣсколькихъ нумерахъ Русскаго Инвалида. Прошло десять лѣтъ,—и Французы признали полезнымъ то, что было мною слегка только замѣчено.

[23] Не знаю, какъ теперь, а въ мое время изъ рекрутъ Малороссіянъ выбирались люди преимущественно въ конницу. По какимъ достаточно уважительнымъ причинамъ это дѣлалось, до сихъ поръ не могу уяснить себѣ. Изъ всѣхъ Русскихъ крестьянъ Малороссіяне менѣе другихъ знакомъ съ лошадью; волы

который не только что днемъ усматриваетъ предметы на значительно дальнихъ разстояніяхъ, но и ночью видитъ то, чего другой наблюдатель ни какъ замѣтить не можетъ. При всемъ этомъ у Казаковъ вообще столько практическихъ примѣтъ, что невольно подчиняешься имъ въ минуты, гдѣ теоретическое знаніе совершенно спушевывается. Я имѣлъ случай слегка коснуться сего въ помянутой же книгѣ.

И такъ, вотъ у насъ и конница, какой ни одинъ изъ Европейскихъ народовъ имѣть не можетъ. Слѣдовательно, обладая такими элементами и принявъ съ практической точки зрѣнія заблаговременно мѣры, чтобы съ пользой употребить ихъ въ данный моментъ, тогда для насъ ружья Дрейзена, Шасспо и имъ подобныя не будутъ страшны.

Изложивъ вкратцѣ лицевую сторону игольчатыхъ ружей, такъ какъ она представляется съ теоретической точки зрѣнія, а съ практической досель только въ Садовой, въ Монтанѣ и Абиссиніи, [24] противъ непріятеля, не имѣвшаго оныхъ (и еще повторяя,

составляютъ все его хозяйство.* Правда, многіе изъ нашихъ легкоконныхъ полковъ формировались въ Малороссіи и носили имена городовъ; но эти полки составлялись преимущественно изъ Сербовъ, Молдовалаховъ и Болгаръ, поселенныхъ со временъ Петра Великаго, Елисаветы и Екатерины II, въ тѣхъ мѣстахъ. Могла попадать малая часть и Малороссійскихъ Казаковъ, которые всѣ по преимуществу были пѣшіе. Замѣчательно тутъ и то, что въ послѣдствіи Малороссовъ выбирали не въ легкоконные полки, а въ тяжелую конницу: въ кирасиры, драгуны. Я говорю это мимоходомъ.

[24] О мишенныхъ данныхъ въ мирное время я умалчиваю; ибо замѣтилъ уже, что въ дѣйствіи противъ непріятеля они не могутъ быть одинаково оцѣниваемы.

* По тѣмъ достаточно уважительнымъ причинамъ выбирались и выбираются Малороссіяне въ конницу, что они—природные Казаки. Ни кто изъ 3-хъ Русскихъ народовъ такъ скоро не дѣлается лихимъ наѣздникомъ, какъ Малоруссъ, не смотря на то, что въ мирное время возится онъ по преимуществу съ волами. Степь и степь—его училище въ этомъ случаѣ. Сербы, Болгары и Молдовалахи составляли во время оно далеко ничтожную часть въ конницѣ Русской противъ Малороссіянъ, а теперь первыхъ двухъ и совсѣмъ не видать въ оной, кромѣ, развѣ, единицъ. О. Б.

что въ извѣстныхъ случаяхъ преимущество ихъ неоспоримо), для вѣрной оцѣнки слѣдуетъ взглянуть на нихъ и съ противоположной стороны.

Принцъ Карлъ-Фридрихъ Прусскій, въ своей Инструкціи, обращаетъ особенное вниманіе на сбереженіе патроновъ, запрещая производить пальбу съ дальняго разстоянія, хотя полетъ пули и могъ бы достигать до непріятеля; приказываетъ отбирать патроны отъ убитыхъ и раненыхъ и т. д. Забота эта очень понятна: игольчатое ружье требуетъ въ этомъ отношеніи несравненно болѣе, нежели это было при употребленіи прежняго ружья, и именно вотъ по чему:

Смотрѣть за сохраненіемъ патроновъ въ линейномъ сраженіи представляется еще возможность; здѣсь, нѣкоторымъ образомъ, начальники могутъ имѣть контроль за ихъ расходомъ, въ особенности при выполненіи Инструкціи Принца, которою приказывается, при движеніи линій или колоннъ на непріятеля, итти съ незаряженными ружьями, изъ опасенія, чтобы въ баталіонѣ не нашелся какой малодушный и не выстрѣлилъ прежде команды, и что за такимъ выстрѣломъ неотмѣнно откроется безпорядочная стрѣльба, которую было бы весьма трудно остановить, а приказывается ожидать команды на заряженіе оныхъ въ моментъ, избранный для начала стрѣльбы. Одинаково и стоя на позиціи въ оборонительномъ положеніи ожидать того же приказанія, для открытія дѣйствія залпами. Въ этѣхъ случаяхъ можно еще наблюдать за сохраненіемъ патроновъ; количество употребленія оныхъ обусловливается числомъ залповъ. Въ батальномъ огнѣ будетъ гораздо затруднительнѣе;[25] въ разсыпномъ же строѣ, особенно въ лѣсу, при защитѣ городовъ, селеній и т. п., такой надзоръ не возможенъ. Здѣсь почти безусловно должно подчиниться произволу солдата; глазъ даже взводнаго начальника безсиленъ; въ такихъ случаяхъ каждый дѣйствуетъ по своему темпераменту.

---

[25] Но и здѣсь многое будетъ зависѣть отъ случайностей; такъ, на примѣръ, убитъ баталіонный командиръ—порядокъ разстроивается, пока не приметъ начальство другимъ, и тод.

Все это не ново; такъ было и прежде. Но теперь разница въ слѣдующемъ: при прежней системѣ ружей, солдату, при безпрерывной и произвольной стрѣльбѣ, нуженъ былъ, по крайней мѣрѣ, часъ времени, чтобы израсходовать имѣвшіяся при немъ 60 патроновъ, между тѣмъ какъ игольчатое ружье можетъ израсходовать такое же число въ 5, 6 минутъ, и остаться безъ патроновъ въ такой моментъ, гдѣ они были бы необходимо ему нужны. Снабженіе патронами въ линіи еще можетъ производиться во время, но въ лѣсу, при оборонѣ деревень, гдѣ люди разсѣяны по разнымъ прикрывающимъ ихъ мѣстамъ, очень трудно, и въ живой перестрѣлкѣ очень часто случается, что солдаты, несущіе къ цѣпи въ сумахъ патроны, на пути бываютъ убиты, ранены, не будучи замѣченными. Удерживать же въ такихъ мѣстахъ людей отъ произвола стрѣльбы, можно только на бумагѣ: здѣсь почти никогда нѣтъ мѣста ни благоразумію, ни хладнокровію; солдатъ предается вполнѣ господству врожденныхъ ему свойствъ: одинъ будетъ выжидать, пока ему не представится удобный случай пустить пулю въ стрѣлка, пускающаго въ него свою; другой, (а такихъ не соразмѣрно болѣе первыхъ), отвѣчаетъ на каждую просвистѣвшую около него пулю, не замѣчая даже, не только что противника, но и мѣста, откуда она пущена. Это было такъ прежде, такъ будетъ и теперь: природный темпераментъ человѣка, повторяю, не измѣняется. Въ мирное время, на ученьяхъ, онъ обуздывается наставленіями, и часто убѣждается въ ихъ пользѣ; но ставъ лицомъ къ лицу со смертію, природное свойство беретъ верхъ: не много людей, которые въ подобныя минуты сохраняютъ присутствіе духа; словомъ, въ разсыпномъ строю, особенно въ лѣсу и при защитѣ селеній, удерживать людей отъ произвольнаго расходованія патроновъ не возможно. При прежнихъ ружьяхъ такой произвольный расходъ могъ продолжаться болѣе часа, при настоящихъ же не продолжится и десяти минутъ. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить и то, что, какъ это бывало прежде, и нѣтъ причины полагать, чтобы не было и нынѣ, что люди выбрасывали изъ сумъ патроны, съ цѣлію быть замѣненными свѣжею цѣпью, что, по необходимости, конечно, и будетъ дѣлаться. А это должно будетъ дѣлаться чаще, нежели дѣлалось прежде, по тому уже одному, что, какъ утверждаютъ, стволъ скорострѣлки, послѣ двадцати выстрѣловъ, разгорячается до того, что рука

отказывается держать его, и что для охлажденія его потребно довольно времени, въ продолженіе котораго стрѣлокъ остается безъ ружья, и, чтобы избавить себя отъ такого положенія, естественно, онъ прибѣгнетъ къ освобожденію сумы отъ остающихся патроновъ, чтобы быть замѣненнымъ свѣжею цѣпью.[26] Прежнія ружья разогрѣвались не такъ скоро, по тому, что между выстрѣлами проходило болѣе времени, нежели между выстрѣлами нынѣшней системы. Сверхъ того утверждаютъ, что игольчатыя ружья часто портятся въ казенной части и требуютъ особеннаго вниманія стрѣлка, чтобы оградить себя отъ обратнаго движенія пули и т. д.; но это техника, которой я достаточно не понимаю, а по тому ограничиваюсь только замѣчаніемъ, которое я слышалъ отъ лицъ, болѣе съ этимъ предметомъ знакомыхъ. Съ своей же стороны замѣчу только то, что кратковременная Садовская кампанія недостаточно еще доказала прочность скорострѣлокъ, а что для сего нужно будетъ кампаній, подобныхъ прежнимъ, продолжавшихся годами и лѣто и зиму. Обращусь къ предмету.

Быстрота расходованія патроновъ изъ скорострѣлокъ доказывается, какъ свидѣтельствуетъ Артиллер. Журналъ (1866, № 12, стр. 682), тѣмъ, что послѣ сраженія при Садовой, всѣ парковыя колонны, а послѣ дѣла при Пресбургѣ, нѣкоторыя колонны 4-го корпуса, должны были отходить назадъ на нѣсколько переходовъ «для пополненія себя изъ колоннъ полеваго резервнаго парка, и за тѣмъ опять догонять армію.» Значитъ, два раза расходовался запасъ зарядовъ[27] въ столь непродолжительную кам-

---

[26] Графъ Кутайсовъ, предъ Бородинскимъ дѣломъ, издалъ безсмертное приказаніе по артиллеріи, на счетъ сохраненія зарядовъ до послѣдней минуты, присовокупивъ при томъ, чтобы орудія не снимались, какъ бы непріятель ни былъ близокъ отъ нихъ; что послѣдній картечный выстрѣлъ, пущенный въ него, далеко выкупаетъ потерянное орудіе и т. д. Храбрые артиллеристы свято выполнили это завѣщаніе, и погибали на своихъ орудіяхъ, что свидѣтельствуется всѣми иноземными писателями (см.: «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня?» Спб. 1867 г.).

[27] Здѣсь встрѣчается какъ бы недоумѣніе. Изъ общаго отчета видно, что среднимъ числомъ на каждое ружье израсходовано около шести патроновъ, а солдаты при себѣ имѣли почти въ десять разъ болѣе. Если же корпусныя парковыя

нанію и такъ мало кровопролитную, какъ это доказывается убылью людей отъ огня. Изъ этого какъ-то невольно заключаешь, что въ эту войну было болѣе трескотни, нежели цѣлевой стрѣльбы, какъ изъ нарѣзныхъ пушекъ, такъ и изъ игольчатыхъ ружей, блистательно отличающихся на смотрахъ сихъ послѣднихъ, иногда всаживающихъ въ отдаленную мишень всѣ выпускаемые заряды. Впрочемъ, относительно ружей, здѣсь ни чего нельзя прибавить къ тому, что сказано о дѣйствіи оными Г. Драгомировымъ (Русск. Инвал. № 13, 1809 г.). Мнѣніе его основано на вѣрномъ практическомъ заключеніи, которое и я вполнѣ раздѣляю.

Нельзя не сказать здѣсь нѣсколькихъ словъ о металлическихъ патронахъ, которые, по моему разумѣнію, едва ли оправдаютъ ожиданія теоретиковъ и экзерциръ-мейстеровъ, выводящихъ заключеніе изъ опытовъ, почерпаемыхъ въ мирномъ упражненіи, или, какъ теперь принято, основывать все на Садовской кампаніи, продолжавшейся нѣсколько дней, пожалуй, въ сущности только нѣсколько часовъ. Принявъ же въ соображеніе войны продолжительныя, въ которыхъ огромныя массы войскъ находятся въ безпрерывныхъ схваткахъ, какъ, на прим., безостановочно въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, крайне сомнительно, чтобы металлическіе патроны, требующіе въ приготовленіи оныхъ особой точности, безъ которой, по многимъ отношеніямъ, они не только что не окажутъ ожидаемой пользы, но и могутъ быть пагубны, могли быть самыми лучшими. Трудно изготовлять многіе милліоны безпрерывно потребныхъ патроновъ, съ соблюденіемъ той математической точности, которая для сего требуется, какъ то видно изъ описаній (Русск. Инв., №, ст. В. Чебышева).

колонны отправлялись снабжать себя за нѣсколько переходовъ назадъ только пушечными снарядами, то изъ этого ясно, что количество выпущенныхъ зарядовъ было громадно и не могло не поразить значительнаго числа непріятеля; не стрѣляли же на вѣтеръ! Въ такомъ случаѣ, пораженныхъ изъ игольчатыхъ ружей приходится немного изъ показанной во всю войну потери, какъ это видно выше. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что отправлявшіеся парки въ резервный паркъ снабжали себя и ружейными снарядами. Во всякомъ случаѣ, значительно такое движеніе назадъ, для пополненія себя, когда у непріятеля убыль такъ незначительна.

Нѣсколько же несчастныхъ случаевъ въ баталіонѣ, во время битвы (а такіе случаи бываютъ и на ученьяхъ, гдѣ есть возможность тщательно сохранять оружіе), будетъ достаточно, чтобы поселить въ солдатѣ недовѣріе къ своему оружію и породить въ немъ то, чего должно всячески избѣгать; ибо ни что не роняетъ столько духа, какъ недовѣріе вообще и въ частности. [28] Здѣсь я разсуждаю не такъ, какъ спеціалистъ и теоретикъ, но какъ практикъ; вывожу, можетъ быть, заключеніе и очень странное, но вполнѣ убѣжденъ въ ономъ: въ кратковременномъ столкновеніи, при всѣхъ удобствахъ путей, не далеко отдѣляющихъ дѣйствующія войска отъ своихъ запасовъ, такіе патроны могутъ быть еще употреблены съ пользой; но въ долговременную войну, продолжающуюся нѣсколько лѣтъ въ частыхъ битвахъ, въ отдаленіи отъ своихъ арсеналовъ, думаю, что «армія съ прежними патронами получитъ неминуемую поверхность надъ той, которая будетъ продолжать дѣйствовать металлическими патронами.»

Сдѣлавъ краткій очеркъ послѣдствіямъ дѣйствій игольчатыхъ ружей и личное мое о нихъ заключеніе по тѣмъ даннымъ, которыя приводятся при начертаніи войны 1866 года, я прихожу, во первыхъ, къ тому, что такъ какъ до сихъ поръ мы не видѣли еще двухъ армій, вступавшихъ въ борьбу, одинаково вооруженныхъ, то и положительнаго заключенія о губительномъ дѣйствіи игольчатыхъ ружей сдѣлать нельзя. Во вторыхъ, что и самое это заключеніе тогда только можетъ быть основательно, когда каж-

---

[28] Гдѣ-то я читалъ, что латунь, употребляемая для металлическихъ патроновъ, будучи не надлежащаго достоинства, можетъ прильнуть въ стволѣ, и что, не очистивъ онаго, слѣдующій зарядъ можетъ подвергнуть опыій разрыву, но что это устраняется тѣмъ, что ружье, заряжающееся съ казенной части, представляетъ всю возможность замѣтить это, такъ какъ стволъ сквозной! Изъ этого слѣдуетъ, что послѣ каждаго выстрѣла солдатъ долженъ будетъ заглядывать въ стволъ. Что же онъ сдѣлаетъ, замѣтивъ засѣвшую оболочку патрона въ стволѣ? Вѣдь онъ долженъ имѣть при себѣ необходимый для очищенія онаго какой-либо инструментъ? Ну, пусть его снабдятъ имъ, а время ли ему будетъ заниматься симъ въ цѣпи и вообще въ строю? Сознаюсь въ невѣжествѣ по части теоретической и технической, но съ точки практической не допускаю полезной возможности даже и въ употребленіи на все количество патроновъ для долговременной войны необходимаго достоинства латуни и т. д., и. т. д.

дая сторона окажетъ упорство; ибо Садовская битва, относительно разсматриваемаго предмета, ни чего не доказываетъ: обѣ арміи были въ равныхъ силахъ, съ многочисленною артиллеріей; одна изъ армій была вооружена игольчатыми ружьями и представляла болѣе единства въ своихъ частяхъ, другая же имѣла ружья прежней системы, лишенная всякаго единства, а между тѣмъ каждая изъ оныхъ понесла почти равныя потери, совершенно ничтожныя относительно громадныхъ политическихъ послѣдствій, а именно, убыли изъ наличнаго бившагося числа въ 5, 6 процентовъ! Изъ сего слѣдуетъ, что между ними не было ни упорства, ни натиска: большое число плѣнныхъ Австрійцевъ и потеря ими множества орудій есть обычное явленіе въ рядахъ, ихъ, что отнюдь нельзя приписывать игольчатымъ ружьямъ.

Въ третьихъ, ближайшее наблюденіе покажетъ, какой народъ способенъ болѣе или менѣе владѣть такимъ ружьемъ, которое менѣе, чѣмъ въ десять минутъ можетъ остаться безъ патрона, а на этомъ, по моему мнѣнію, основывается все: народы различныхъ свойствъ въ мирныхъ упражненіяхъ всѣ почти одинаковы, но предъ наводимымъ въ него дуломъ—далеко не одинаковы.

И наконецъ, въ четвертыхъ, положительно уже доказано, что битвы, по окончаніи великой эпохи въ 1815 году, постепенно дѣлаются менѣе кровопролитными, не смотря на безпрерывно изобрѣтаемыя усовершенствованія смертоносныхъ орудій, съ того времени увеличившихъ свой полетъ вчетверо и болѣе прежнихъ, равно какъ не смотря и на дѣйствіе снарядовъ въ битвахъ, рѣшающихъ участи Государствъ потерей только пяти, шести процентовъ съ выставленной рати на защиту ихъ. [29] Я воздержусь опредѣлять причины тому, и отнесу ихъ къ появившемуся нынѣ выраженію: «гуманности, прогрессу человѣчества.»

И дѣйствительно, эта гуманность, этотъ прогрессъ человѣчества, заявляютъ себя постепенно. Такъ сначала явились забавники

---

[29] Можно предполагать, что если изобрѣтенія оружія дальняго полета пойдутъ впередъ тою же пропорціей, то столицы могутъ перестрѣливаться между собой, не сходясь на полѣ другихъ битвъ.

изъ гражданъ, составившихъ общество для проповѣданія всеобщаго мира, между тѣмъ какъ съ заводовъ своихъ снабжали всѣхъ желающихъ оружіемъ, снарядами и всѣми принадлежностями войны, и своихъ и иноземцевъ; таковы, на примѣръ, въ Англіи члены Общества Мира, съ 1821 по 1827 годъ, снабжали снарядами и т. п. въ одно время и своихъ Грековъ и Турокъ, словомъ, всѣхъ, желавшихъ подраться, и въ помянутое время часто одинъ и тотъ же корабль, отправлявшійся изъ Англіи съ оружіемъ, заказаннымъ возставшими противъ Турокъ Греками, сдавалъ его симъ послѣднимъ, и тутъ же продолжалъ плаваніе въ Константинополь съ частью, заказанною Турками и т. п. Мысль о возможности внушенія владыкамъ Государствъ миролюбія не удалась; начали образовываться еще болѣе смѣшные «Конгрессы мира,» на которые стекались со всѣхъ сторонъ лица, болѣе другихъ извѣстныя за ярыхъ демагоговъ и республиканцевъ, по существу своему жаждущихъ смутъ, крови, чтобъ трактовать о всеобщемъ мирѣ!! Послѣдствіемъ этѣхъ съѣздовъ было, съ одной стороны, разлитіе самыхъ демагогическихъ и республиканскихъ идей и, рядомъ съ ними, забавный проектъ о неприкокновенности раненыхъ, попадающихся въ плѣнъ и т. п. Къ такому размышленію могли прійти только люди, коимъ война и ея случайности извѣстны лишь изъ романовъ, да и то самыхъ плохихъ. Желательно было бы видѣть, какія мѣры приняло бы Женевское общество о неприкосновенности раненыхъ [30] противъ Наполеона, который въ Смоленскѣ и въ Москвѣ буквально выбрасывалъ, иногда даже чрезъ окна, изъ госпиталей и обывательскихъ домовъ, оставленныхъ нами тяжело раненыхъ, и, такъ очистивъ мѣсто, помѣщалъ своихъ. Впрочемъ, взглянувъ на это съ настоящей точки зрѣнія, то, независимо отъ нѣкоторыхъ жестокихъ мѣръ, безъ которыхъ можно было бы обойтись, Наполеонъ иначе и не могъ поступить: не своихъ же раненыхъ оставлять безъ крова и призрѣнія, когда другихъ помѣщеній не было! Иное дѣло общее распоряженіе, сдѣланное имъ по занятіи Москвы, о пристрѣливаніи плѣн-

[30] Къ начертанному этѣмъ Обществомъ проекту приступили нѣкоторыя Государства, конечно, по тому только, что цѣль благонамѣренная, хотя и недостижимая, въ чемъ едва ли кто можетъ сомнѣваться.

ныхъ, безъ чего очень бы можно было обойтись. [31] Ни что не остановило бы Наполеона въ принятіи помянутыхъ мѣръ относительно раненыхъ, и, конечно, встрѣченные его арміею непріятельскіе раненые въ фургонахъ, украшенныхъ значками и т. п. по образцамъ Женевскимъ, были бы опорожнены и назначились бы служить раненымъ Французамъ. Мы видѣли ихъ поступки и прежде войны 1812 года въ мѣстахъ, гдѣ, не трогая Русскихъ, было достаточно помѣщенія, но и это не соблюдалось, какъ, напр., въ Фридландѣ, гдѣ не только раненые солдаты и Офицеры были вытащены изъ своихъ помѣщеній, но и Генералъ Маковскій выпесенъ былъ на улицу, гдѣ и умеръ. Не правила Женевскаго Общества о неприкосновенности раненыхъ могутъ быть могущественнымъ двигателемъ къ состраданію; это лежитъ въ сердцѣ человѣка, какъ это доказалъ Императоръ Александръ I-й и Великій Князь Константинъ Павловичъ въ Вильнѣ, заваленной непріятельскими ранеными: никто не былъ пошевеленъ, напротивъ Государь и Великій Князь посѣщали сіи Госпитали, не смотря на развившійся тифъ, заботились объ оказаніи чужимъ помощи, точно также, какъ и своимъ; сами Французы говорятъ о семъ и свидѣтельствуютъ, что многіе изъ нихъ, по выздоровленіи, были еще и облагодѣтельствованы. Слѣдовательно, облегченіе раненыхъ зависѣло, и будетъ зависѣть, отъ лицъ, управляющихъ войной, и отъ ея случайностей.

Къ этому же разряду благопожеланій принадлежитъ еще и другое: «изъятіе употребленія въ битвахъ разрывныхъ пуль.» Конечно, и эта мысль то же человѣчная и своевременно выраженная починомъ и, конечно, искренно. Но будетъ ли она безусловно соблюдаться всѣми Державами? Я позволяю себѣ думать, что положительно нѣтъ. Развѣ только одна Россія искренно послѣдуетъ, согласно съ заключеніемъ. Другіе, если признаютъ неупотребленіе разрывныхъ снарядовъ, то не остановятся употреблять ихъ золотникомъ, или нѣсколькими, ниже опредѣленнаго вѣса, что

---

[31] Предметъ этотъ вполнѣ разсмотрѣнъ въ книгѣ: «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня?» Спб. 1867 г.

будетъ столь же, если не болѣе, ужаснымъ. Вѣдь, не притянуть же такого нарушителя къ Мировому Судьѣ!

Оставивъ тридцать семь лѣтъ тому назадъ военную службу, что мнѣ, однако же, не мѣшало, по привычкѣ и пристрастію къ оной, слѣдить за всѣмъ, совершающимся на этомъ поприщѣ, я, въ изложенныхъ мною, преимущественно практическихъ, взглядахъ и сужденіяхъ о нынѣшнемъ развитіи теоретическихъ предположеній, могъ, конечно ошибиться, какъ и каждый. Всякая наука, и въ особенности военная, есть дѣло общее; оно можетъ вырабатываться одною только полемикой, людьми, въ своихъ мнѣніяхъ независимыми отъ вліянія тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ настоящее и будущее. Опровергать, или даже только обсуждать, планы такихъ лицъ, какъ говорится, не приходится, а между тѣмъ въ такомъ дѣлѣ «одинъ человѣкъ сдѣлать всего не въ состояніи и можетъ заблуждаться; гдѣ нѣтъ критики, тамъ нѣтъ ни искуства, ни науки; въ такихъ случаяхъ похвала—злая насмѣшка,» какъ это сказалъ Полковникъ Астафьевъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи: «О современномъ военномъ искуствѣ.»

И. Липранди.

1869 г. Май.

ЗАПИСКА

Министра Финансовъ, Графа Е. Ф. Канкрина, для Генералъ-Фельдмаршала Графа И. И. Дибича-Забалканскаго,

ВЪ НАЧАЛѢ ВОЙНЫ СЪ ПОЛЯКАМИ 1830 ГОДА.

Довѣренный чиновникъ, прибывшій изъ обѣихъ Литовскихъ Губерній, объясняетъ:

1. Шляхты и высшее дворянство въ дурномъ духѣ.

2. На бывшій Литовскій корпусъ нельзя полагаться: офицери, самъ сынъ Влодека, говорятъ дурно, полки увязли на мѣстахъ разными заведеніями, и прежде дошли свѣденія, что артиллерія не держала положенныхъ лошадей, что полковые командири, неопытные, только по фронту отличившіеся офицери, мало обѣщаютъ.

3. Управленіе въ Вильнѣ такъ дурно, что повѣрить нельзя; слабый Корсаковъ былъ окруженъ какъ бы корою плутовъ. Духъ въ Вильнѣ очень дуренъ. Вицегубернатора Листовскаго надобно остерегатся.

О семъ будетъ представлено Его Величеству.

Прокуроръ Ботвинко не хорошъ.

Отъ препонъ сихъ людей и Комисія Скурыдина не имѣла успѣховъ.

4. Казаки на Голиденскомъ кордонѣ всѣ взяты въ пленъ.

Я долгомъ счелъ уведомить о семъ Ваше Сіятельство, присовокупляя свидѣтельство моего отличнаго почтенія.

Канкринъ.

СП. 16 Дек. 1830.

Это собственноручная записка Канкрина, съ сохраненіемъ его правописанія. Напечатанное разрѣдкой подчеркнуто краснымъ карандашемъ.

ПИСЬМО

А. Н. Оленина къ Григорію Ивановичу Спаскому.*

---

23 Маія, 1821. Понедѣльникъ.

Премного, чувствительно, благодаренъ любезному и досужему моему Григорію Ивановичу за любопытную выписку изъ Китайской Исторіи. Но этого теперь не довольно, а надобно по пословицѣ: «Кормилъ до бороды, корми же до усовъ.» Это по нашему называется глухая исповѣдь. Наша братья, древностей копальщики, любили во всякомъ случаѣ знать всю подноготную, а по тому прошу намъ сказать: 1-ое, что это за Китайская Исторія, въ Китаѣ ли Китайцами она писана, или здѣсь Европейцами? 2-е Напечатана ли она, или нѣтъ, и на какомъ языкѣ ?3-е. Если напечатана, то гдѣ? когда? въ какомъ форматѣ? и какой ей точно данъ титулъ? и наконецъ, четвертое, на какой страницѣ сказано то, что въ выпискѣ написано. Вотъ что надобно знать преданному вамъ

Алексѣю Оленину.

Его Высокоблагородію

Григорію Ивановичу Спаскому.

На конвертѣ письма:

Отъ Оленина.

Прошу отвѣта, а если свободны, то прошу ко мнѣ обѣдать въ три часа.

---

* Нѣкогда издателю Сибирскаго (1818—1825 г.), и Азіятскаго (1825—1828) Вѣстника, Горнаго Словаря (М. 1841—43), 3 тома, Книги большому чертежу (по порученію Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1846 г., коего былъ Дѣйствительнымъ Членомъ), Босфора Киммерійскаго (М. 1846), Археолого-Нумизматическаго Сборника (М. 1850), и т. д.; скончался 1864 г., Апрѣля 29, и похороненъ въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. О. Б.

ПИСЬМО

И. И. Дмитріева къ тому же.

Милостивый Государь мой,

Григорій Ивановичъ!

Съ чувствомъ искренней благодарности, я имѣлъ удовольствіе получить послѣднюю книжку Сибирскаго, и первую Азіятскаго Вѣстника.

Нѣтъ сомнѣнія, чтобы послѣдній не имѣлъ успѣха, равнаго успѣхамъ его предшественника, даже можно обѣщать еще и большаго: съ нѣкоторыхъ лѣтъ Азія обращаетъ на себя вниманіе всей ученой Европы. Вы можете много заимствовать изъ актовъ Азіятическаго Общества, существующаго въ Парижѣ, и изъ записокъ объ Азіи Г. Клапрота, въ коихъ находятся двѣ довольно любопытныя статьи: 1, О границахъ Руской и Китайской, и 2, Описаніе Россіи; переводы съ Китайскаго.

Относительно сего Государства, желательно было бы, чтобъ вы могли воспользоваться выписками изъ записокъ и переводовъ бывшаго Архимандрита нашего Іакинфа.

Простите меня, естьли я вмѣшался не въ свое дѣло. Одно только живѣйшее участіе во всемъ служить къ пользѣ и чести Отечества заставило меня сказать, можеть быть больше, нежели сколько требовало приличіе.

Между тѣмъ прошу васъ принять искреннее увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и уваженіи, съ коими навсегда имѣло честь быть,

Милостивый Государь мой,
покорнѣйшимъ вашимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

Москва.
1825,
Февраля 4 дня.

ПИСЬМО

Рижскаго Епископа Филарета къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому, о нуждахъ Православія.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь!

Давно хотѣлось писать къ Вашему Высокопреосвященству съ изъявленіемъ душевнаго уваженія и благодарности къ любви Вашей и съ объясненіемъ нуждъ своихъ: но отъ сихъ послѣднихъ такъ тѣсно, что оставлялъ нѣсколько разъ возбуждавшееся намѣреніе. Что дѣлать? Видно, такова воля Господня о мнѣ грѣшномъ. Ваше Высокопреосвященство изволите уже частію знать обстоятельства мои, а разсказывать о нихъ обстоятельно означало бы писать толстую исторію. Да и на душѣ нѣтъ расположенія касаться горькаго предмета. Такъ онъ истомилъ душу! Благодареніе Господу и за то, что меня грѣшнаго не вывезли точно также, какъ вывезли предшественника; * пока держусь кое какъ милостію Божіею. Что будетъ, Господу извѣстно. Лучшаго себѣ не ожидаю; далъ бы Богъ, чтобы не было хуже. Тотъ, кто ходитъ по пожару среди пламени, счастливымъ себя считаетъ, если самъ не сгорѣлъ: точно также и я. Все дѣло въ томъ, что не хотятъ, ни за что не хотятъ, чтобы было здѣсь Православіе. Отселѣ чего не дѣлаютъ? Но Господь—Судія.

Какъ бы много я сталъ молить Господа за тѣхъ, кто назначилъ бы мнѣ другое мѣсто служенія! Но надежды нѣтъ, и остается молчать.

---

* Иринарха въ 1841 году, нынѣ Архіепископа Рязанскаго на покоѣ съ Августа 1867 въ Рязанскомъ Спасскомъ монастырѣ. О. Б.

Нѣсколько представленій препровождено мною къ Высокопреосвященѣйшему Наѳанаилу, * которыя, по содержанію ихъ, должны бы быть и въ виду Вашего Высокопреосвященства. Но не знаю, достигли ли они до Васъ, или же укрылись въ смиренномъ мѣстѣ? Одно касается Раскольниковъ; въ немъ заключается нѣсколько донесеній объ открытіи новыхъ молелень Раскольниками и о буйствѣ ихъ; желалъ бы, чтобы возвращена была милость угнетенному здѣсь Православію—посылать со стороны духовной депутата при слѣдствіяхъ о Раскольникахъ, безъ чего здѣсь нѣтъ ни какой возможности имѣть какое либо дѣло въ Судѣ. Другимъ испрашивается разрѣшеніе: можно ли присоединять къ Православію дѣтей, когда отецъ, или мать, присоединяясь къ Православію, желаетъ присоединить ихъ? Здѣсь это рѣшительно запрещаютъ. Третіе съ предположеніемъ о прибавленіи, или назначеніи, окладовъ причтамъ. Съ своей стороны я старался о томъ только, чтобы причты не боролись съ нуждами и не казались такимъ образомъ низкими въ глазахъ Иновѣрцевъ; о достаткѣ, или избыткѣ, забылъ я думать. Положеніе здѣшнихъ причтовъ по двумъ причинамъ бѣдственно: во первыхъ, и болѣе всего, по тому, что дороговизна здѣсь на всѣ жизненныя потребности необыкновенная: на нѣкоторые предметы цѣны гораздо выше даже тѣхъ, какія существуютъ въ Петербургѣ; о другихъ городахъ и говоритъ нечего; во вторыхъ, по тому, что въ большей части приходовъ прихожанъ Православныхъ весьма мало, или же живутъ въ отдаленности. По тому-то за грѣхъ совѣсти считалъ я не предположить назначеніе увеличенія окладовъ въ томъ видѣ, въ какомъ препровождено назначеніе къ Его Высокопреосвященству. Но Высокопреосвященный, какъ слышно, уменьшаетъ, и очень уменьшаетъ, оклады. Онъ, конечно, судитъ по тому, какъ идутъ дѣла во Псковѣ. Но грѣшно, именно грѣшно, такъ судить. По двумъ другимъ предметамъ (по Благочинію и Правленію) доселѣ не представлено мною предположеній собственно по тому, что безъ Священниковъ, доселѣ недостающихъ въ Ригѣ, нѣтъ возможности представить, или составить, предположенія. Нужды есть, и большія, сдѣлать, или точнѣе, предположить перемѣны въ

---

* Архіепископу Псковскому съ 1834 года, скончавшемуся 1848. О. Б.

Правленіи и завѣдываніи Благочиніемъ: людей рѣшительно нѣтъ, кромѣ уже извѣстныхъ по дѣяніямъ своимъ. Остается молчать и терпѣть. Не знаю, кого-то Господь дастъ въ Ректора, или Смотрителя Училищъ? Или кто будутъ наставники? Для меня все это не извѣстно.

Желалъ бы услышать, что дѣлается съ «Исторіею Отцевъ Церкви,»* которой часть Ваше Высокопреосвященство читали? Странствуетъ ли она гдѣ ни будь, или лежитъ на покоѣ? Что съ нею думаютъ дѣлать? Куда ее назначаютъ? Много было трудовъ, и съ намѣреніемъ принесть посильную пользу. А по тому признаюсь, жалко будетъ, если придется сказать: «Oleum perdidi et laborem.» Окажите вспоможеніе, въ чемъ можно будетъ.

Изъявляя искреннее душевное уваженіе, имѣю честь быть,

Вашего Высокопреосвященства,

Милостивѣйшаго Архипастыря,

покорнѣйшій слуга

Викарій Псковскій и Епископъ Рижскій Филаретъ.

P. S. Много скорбей ждалъ, когда ѣхалъ въ Ригу: но далеко больше увидалъ, прибывъ въ Ригу. Не оставьте въ Архипасторской молитвѣ Вашей.

---

* Сочиненіе самаго Филарета, иначе Патристика. О. Б.

ТРИ ПИСЬМА

ІОСИФА, МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО,

КЪ

ГАВРІИЛУ, АРХІЕПИСКОПУ РЯЗАНСКОМУ.

I.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Государь!

Почтенный Графъ Павелъ Дмитріевичъ * вручилъ мнѣ на дняхъ письмо Вашего Высопреосвященства и приложенную при немъ подлинную Грамоту. Не знаю, имѣетъ ли моя фамилія какую связь съ упоминаемымъ въ Грамотѣ Иваномъ Симашкомъ: но мнѣ пріятно видѣть, что одинъ изъ моихъ однофамильцевъ удостоился вниманія Русскаго Царя за сто восемдесятъ лѣтъ тому назадъ;** а еще пріятнѣе, что этимъ свѣдѣніемъ обязанъ я благосклонному о мнѣ памятованію Вашего Высокопреосвященства, за которое искреннѣйше благодарю. Въ торопяхъ я забылъ спросить Графа, гдѣ онъ здѣсь остановился и когда возвращается на Бѣлорусь; и если не случится видѣться съ нимъ, то не премину Грамоту препроводить обратно къ Вашему Высопреосвященству по почтѣ.

Примите увѣреніе въ чувствахъ истиннаго почтенія и преданности, кои питаю къ вамъ съ перваго знакомства и съ коими пребуду на всегда

Вашего Высокопреосвященства
покорнѣйшій слуга
Іосифъ, Епископъ Литовскій.

22 Декабря,
1836 года.

---

* Киселевъ? О. Б.

** Гавріилъ былъ съ 1831 по 1837 годъ на Епархіи Могилевской. О. Б.

II.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Архипастырь!

Прошу Ваше Высокопреосвященство принять отъ меня девять Словъ, при семъ прилагаемыхъ, не какъ литературное произведеніе, но какъ добрую вѣсть о воскресшемъ и утвердившемся уже, Божіею милостію, въ Литовскомъ краѣ древнемъ Православіи. Другой экземпляръ этихъ Словъ прошу передать въ Библіотеку Рязанской Семинаріи. Я душевно желалъ бы, чтобы всѣ края Руси Православной сроднились съ ново-возстановленною Литовскою паствою, и чтобы паства сія занимала не одно только мѣсто по списку Православныхъ Епархій, но была съ цѣлою Православною Церковью въ тѣснѣйшемъ духовномъ и молитвенномъ общеніи. Вашему Высокопреосвященству въ особенности не чужда наша страна;* и надѣюсь, Вы болѣе другихъ примете къ сердцу добрыя о ней вѣсти.

Поручая себя молитвамъ Вашимъ и братской любви, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Высокопреосвященства

сослужитель о Господѣ,

Іосифъ, Митрополитъ Литовскій и Виленскій.

29 Апрѣля,
1852 года.
Вильна.

Его Высокопреосвященству,
Гавріилу,
Архіепископу Рязанскому.

---

* Сличите съ симъ мое 6-ое примѣчаніе къ статьѣ Н. В. Сушкова: «Воспоминанія о Литовскомъ Митрополитѣ Іосифѣ,» помѣщенной въ 1-ой книгѣ «Чтеній» 1869 г., отд. V, стр. 162—164. О. Б.

III.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Архипастырь!

Въ знакъ добраго памятованія, примите отъ меня, Ваше Высокопреосвященство, два Слова, къ послѣднее время напечатанныя; только не осудите, если что покажется рѣзкимъ; — тридцать пять лѣтъ стою я лицемъ къ лицу противу неправдъ Запада, и естественно долженъ говорить иначе, какъ другіе.

Поручая себя памяти и молитвамъ Вашимъ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Высопреосвященства

покорнѣйшій слуга,

Іосифъ, Митрополитъ Литовскій.

13 Іюня,
1855 года.

Вильна.

Сообщ. Св. **П. Гуслевъ.**

ПРИВѢТСТВІЕ

ЧЕХАМЪ ВЪ ПЯТИСОТЛѢТІЕ РОЖДЕНІЯ

ІОАННА ГУСА.

Чешскому Распорядительному Комитету для празднованія 500-лѣтней памяти рожденія Іоанна Гуса 4—7-го Сентября, 1869 года.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ спѣшитъ привѣтствовать братьевъ Чеховъ съ свѣтлымъ празднествомъ 500-лѣтней годовщины рожденія своего Іоанна Гуса, безсмертнаго борца за свободу людей во всѣхъ ея законныхъ проявленіяхъ, и желаетъ всѣми силами души, да отнынѣ всѣ предначертанія, стремленія и мѣропріятія Чеховъ, направленныя къ охраненію и утвержденію народной самобытности и самодѣятельности, вѣнчаются на всѣхъ путехъ своихъ благоуспѣшеніемъ и совершеніемъ, къ счастію, радости и славѣ необъятнаго и могучаго отечества Славянскихъ племенъ.

Августа 17-го дня,

1869 года.

Москва.

ПРИВѢТСТВІЕ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

ВЪ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕЯ ПО ПРЕОБРАЗОВАНІИ,

28-го СЕНТЯБРЯ, 1869 ГОДА,

ОТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ привѣтствуетъ Кіевскую Духовную Академію съ торжественнымъ празднованіемъ Пятидесятилѣтія ея по преобразованіи, отъ всей души желая, да, въ матери градомъ Роуськимъ, колыбели Православія и Царства Русскаго, первоисточникъ и разсадникъ Русскаго просвѣщенія и ученія, воззванный къ жизни братскимъ согласіемъ и любовію къ своему роду, Вѣрѣ и самобытію, никогда не оскудѣваетъ и неприкосновенно охраняетъ сіи основы Руси и въ грядущія времена и лѣта, въ своей многополезной и примѣрной дѣятельности производя намъ новыхъ Захарієвъ, Исаіевъ, Іоанникіевъ, Димитріевъ, Стефановъ, Ѳеофановъ, Сильвестровъ, Рафаиловъ, Георгіевъ, Самуиловъ, Іоанновъ, Иринеевъ, Иннокентіевъ на служеніи Церкви; Хмельницкихъ, Безбородьковъ, Заводовскихъ, Трощинскихъ на полѣ ратномъ и полѣ мирномъ; Барскихъ, Сковородъ, «измѣрившихъ стопами своими и пядію удолій глубину и горъ знатныхъ высоту», вѣдѣнія ради и размноженія его между братіей; Прокоповичей-Антонскихъ, Сохацкихъ, Тимковскихъ, Веланскихъ въ храмѣ научномъ; Березовскихъ, Веделей въ храмѣ славословія Божія и духовныхъ пѣснопѣній; да цвѣтетъ и процвѣтаетъ онъ,

какъ цвѣтутъ и процвѣтаютъ вертограды Южнорусскіе; да обилуетъ и преизобилуетъ всѣмъ, яже на потребу, какъ обилуютъ и преизоби уютъ пажити окрестъ его; да висится и превозносится имя Могило-Заборовской Академіи, какъ висятся и превозносятся тополи Кіевскихъ вершинъ надъ всѣми сорастущими древесами; да та, отъ коей, «аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпала, и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила,» согласно предсмертному желанію виновника своего бытія, старшаго брата въ Богоявленскомъ Братствѣ, благодѣтеля и попечителя Кіевскихъ высокихъ школъ, «вѣчно пребываетъ, ради умноженія славы Божіей и воспитанія дѣтей Православно-Русскихъ!»

Сентября 25, 1869 г.

Москва.

ОПЕЧАТКИ.

Въ 1-й кн. «Чтеній» 1869 г., отд. V.

		Напечатано:	*Читайте:*
Стран.	Строк.		
154	5 снизу:	19,	18

Въ 3-й книгѣ, отд. V:

116,	6 сверху:	Апдрея	Андреяна
126,	6 —	Андрея	Андреяна

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Стран.

О средненіи подъ общимъ управленіемъ Болгарскаго Рыльскаго и Русскаго Аѳонскаго монастырей. Д. Чл. Архимандрита Леонида. . . . . 1 — 6

О времени сдачи Поляками Русскимъ Кремля въ 1612 году. Д. Члена П. С. Казанскаго. . . . . 7 — 15

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда 1810 года. Сочиненіе Князя Ивана Михайловича Долгорукаго (Окончаніе). . . . . 171 — 356

Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть 1. Пѣсни обрядныя. . . . . 365 — 410

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Очеркъ исторіи Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія. Д. Члена А. С. Кадьянова. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. Введеніе. . . . . 1 — 116

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Подробное описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное Секретаремъ Посольства Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмецкаго П. П. Барсова. Книга V, повѣствующая о Персидскомъ Государствѣ и его обитателяхъ. 693 — 796

V.

СМѢСЬ.

	Стран.
Двѣ грамоты изъ смутнаго времени Русскаго Государства	1 — 5
Знакъ отличія безпорочной службы и нѣкоторые Профессоры Московскаго Университета	6 — 12
Матеріалы для Исторіи Безпоповщинскихъ Согласій въ Москвѣ: II. Монинское Согласіе. Собранные Николаемъ Поповымъ. Съ портретомъ Гавріила Ларіонова Скачкова	13 — 186
О Запискахъ Юрьевскаго Архимандрита Фотія. Д. Члена Н. В. Сушкова	187 — 202
Нѣсколько мыслей объ игольчатыхъ ружьяхъ. Д. Члена И. П. Липранди	203 — 229
Записка Министра Финансовъ, Е. Ф. Канкрина, для Генералъ-Фельдмаршала Графа И. И. Дибича-Забалканскаго, въ началѣ войны съ Поляками 1830 года	230
Письмо А. Н. Оленина къ Г. И. Спасскому	231
Письмо И. И. Дмитріева къ тому же	232
Письмо Рижскаго Епископа, Филарета, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому, о нуждахъ Православія.	233 — 235
Три письма Іосифа, Митрополита Литовскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому	236 — 238
Привѣтствіе Чехамъ въ пятисотлѣтіе рожденія Іоанна Гуса	239
Привѣтствіе Кіевской Духовной Академіи, въ день пятидесятилѣтія ея по преобразованіи	240 — 241

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Годъ 2, книги 2—9, по 2 руб. каждая.
Годъ 3, книги 1—9, по 2 руб. каждая.
Годъ 4, книги 1, 2 рубля.
Годы 1858, 1859, 1860, по 4 книги въ каждомъ, по 10 руб. годъ.
Годы 1861—1868, тоже по 4 книги, по 6 руб. годъ.
Все же изданіе, безъ пересылки, 114 руб.
За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 года.

25 книгъ, каждая по . . 1 р. 50 к.
а за всѣ безъ перес. . . 37 „ 50 „
съ пересылкой . . . . 45 „ — „

На пересылку всякой книги „Временника“ за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Алексѣя Егоровича Кудрявцева, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Комиссіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

Славянскія Древности, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 ф.

О времени происхожденія Славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855 г., ц. 2 р., съ перес. 3 р.

Исторія Руссовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго Георгія Конискаго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылки.

Гусъ и Лютеръ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., два тома, ц. 4 р.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860 г., ц. 1 р. 50 к.

О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма, соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стриннгольма, пер. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Путешествія Венеціянца Марка Поло въ XIII стол., съ объясненіями Авг. Бюрка, перев. А. Н. Шемякина, М. 1863 г., ц. 1 р. 50к., съ перес. 2 р.

Жизнеописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Письма Филарета, Митрополита Московскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1868 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Письма Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1869 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Записки Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 г. М. 1868 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. серебр.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ

выходятъ и въ 1869 году, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріялы: Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая—шесть рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста—семь съ полтиной. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или къ Московскому книгопродавцу, Ивану Григорьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Базунову), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,

въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ,

Князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ,

на Якиманкѣ, въ домѣ Нечаева.

СЕКРЕТАРЬ,

Осипъ Максимовичъ Бодянскій,

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещеринова.

БИБЛІОТЕКАРЬ,

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,

Въ Кремлѣ у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ,

Михаилъ Леонтьевичъ Назимовъ,

на Рождественкѣ, въ Университетской Клиникѣ.

АКТУАРІЙ,

Алексѣй Егоровичъ Кудрявцевъ,

на Моховой, въ новомъ зданіи Университета.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1869

Октябрь — Декабрь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
1869.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г. ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Книга, Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Ѳедоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана. съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г., 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1869

Октябрь — Декабрь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1869.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г. ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф.

Книга посольская метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; **два тома**, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Книга, Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Ѳедоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана. съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г., р. 50 к., перес. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1869

Октябрь — Декабрь.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1869.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

I

НОВГОРОДЪ САМЪ ВЪ СЕБѢ.

Новгородъ своею исторіей представляетъ сильное, живое стремленіе вымолить благословеніе Неба на жизнь земную. Новгородецъ высоко цѣнитъ эту жизнь, дорожитъ ею, и лѣтописи его наполнены свѣдѣніями о постройкѣ храмовъ, объ основаніи монастырей; чувство религіозное было единственнымъ утѣшителемъ Новгородца въ минуты неотразимаго несчастія, во время междоусобныхъ споровъ, внѣшнихъ войнъ, голода, мора, пожаровъ. Съ другой стороны жизнь его печатлѣется необыкновенною дѣятельностію и мощью. Какъ воинъ и торговецъ, двигался онъ впередъ и впередъ по безконечности пустынь, которыя идутъ отъ нынѣшней Финляндіи къ горамъ Уральскимъ, пустынь непріютныхъ, покрытыхъ вѣковыми, въ иныхъ мѣстахъ еще доселѣ дѣвственными, лѣсами, не видавшими внутри себя человѣка, богатыхъ озерами, болотами, тундрами, изрѣзанныхъ значительными рѣками, а въ зимнее время еще менѣе пріютныхъ, когда обымутъ ихъ трескучіе морозы, и завоетъ вьюга, и засыпятъ глубокіе снѣга. И этѣ пустыни, съ ихъ полудикими народами, признаютъ въ немъ своего хозяина властителя, который, не снимая оружія, бродитъ посреди этой безпріютности, собираетъ богатства, серебро и дорогіе мѣха, и уноситъ ихъ чрезъ этѣ пустыни къ своей родинѣ. Народы южныхъ и сѣверныхъ береговъ Чудскаго залива были знакомы съ оружіемъ Новгородца и отчасти признавали надъ собою власть его: этого требовала безопасность сообщенія Новгорода съ Западомъ. Море Балтійское съ своими бурями, берега теперешней Пруссіи и Даніи, были также знакомы Новгородцу: онъ долго разво-

зилъ по нимъ свои богатства, въ замѣнъ которыхъ получалъ богатства новыя. Не разъ также видѣла его Сѣверо-Восточная и Южная Русь у себя въ гостяхъ, какъ воина, и, испробывая силы свои съ нимъ, признавала его воиномъ достойнымъ, смѣлымъ, отважнымъ; а какъ богатаго торговца онѣ видѣли его у себя постоянно и въ палатахъ Княжескихъ, и въ палатахъ Боярскихъ, и въ хижинѣ мужика; продолжительной кровавой борьбой завязалъ онъ знакомство свое съ Нѣмцами, когда они отказывались отъ признанія какихъ либо правъ его на страны, прилегающія къ южному берегу Чудскаго залива... Была же мечта въ жизни Новгородца, которая влекла его въ предпріятія опасныя и отдаленныя; была же вѣра сильная, которая поддерживала его посреди кровавой борьбы; былъ же въ душѣ его живой храмъ, котораго онъ былъ мощнымъ стражемъ и за который онъ готовъ былъ положить свою голову.

Но странно: кругъ стремленій его, какъ будто бы, былъ тѣсенъ: холодно относился Новгородъ къ судьбѣ другихъ частей Руси, хотя постоянно обращался къ нимъ съ просьбою о помощи, и никогда не встрѣчалъ отказа для борьбы съ врагами внѣшними; его силы, его дѣятельность—для области Новгородской; его цѣль—въ предѣлахъ его области. Что же плѣняетъ его здѣсь? Что поддерживаетъ, живитъ, придаетъ ему силу, мощь? Къ чему стремится онъ?

Внутренная жизнь Новгорода, религіозная съ одной стороны, съ другой тревожна, исполнена ссоры, вражды, безпокойства, расхищенія, грабительства, убійствъ, въ которыхъ играютъ главныя роли то та, то другая сторона, то какіе-то концы, то улицы, наконецъ даже частныя лица, и ни начала, ни исхода всѣхъ этихъ безпорядковъ и тревогъ; гдѣ жь тутъ мечта Новгородца? Или обольщая его, увлекая за тысячи верстъ въ опасности, лишенія, она смѣялась надъ нимъ и раскрывала обманъ свой уже тогда, какъ онъ, совершивъ свое странствованіе, свой бѣгъ за нею, думалъ, что онъ уже владѣлецъ ея, думалъ испить чашу истиннаго счастливаго забытія на родинѣ?

Противорѣчіе страшное, и мы не выйдемъ изъ него до тѣхъ поръ, пока не ознакомимся съ мѣстностію Новгорода и составныхъ его частей.

Главнѣйшія изъ этѣхъ составныхъ частей были: сторона Софійская и сторона Торговая. Оба этѣ названія еще до сихъ поръ сохраняются въ памяти народной и, сверхъ того, мы имѣемъ въ лѣтописяхъ достаточныя данныя, чтобъ повѣритъ современныя понятія о той и другой сторонѣ: первая составляла поселеніе по лѣвому берегу широкаго Волхова, другая по правому, и та и другая были защищены стѣнами, и первая еще не одной, а тремя, какъ это видно изъ древняго изображенія Новгорода, хранящагося въ Знаменскомъ соборѣ, подъ образомъ Знаменской Божіей Матери. [1] Растягиваясь по самому берегу р. Волхова, гордо смотритъ и теперь каменный высокій Дѣтинецъ Софійской стороны на сторону противоположную, почти утратившую уже свои внѣшнія ограды, существованіе которыхъ доказываетъ сказанное изображеніе. Обѣ части соединялись только мостомъ, который примыкалъ какъ съ той, такъ и съ другой, стороны къ башеннымъ воротамъ, и который иногда, во время вражды между двумя сторонами, разбирался, и сообщеніе, такимъ образомъ, пресѣкалось. Каждая сторона имѣла свое вѣчевое соборное мѣсто: Софійская около храма Софіи, а Торговая на Ярославовомъ Дворищѣ, около Никольскаго собора. [2] Первая изъ этѣхъ сторонъ, какъ положительно видно изъ лѣтописей, была средоточіемъ начала патріархально-военнаго или боярскаго, правительственнаго, вторая—средняго сословія, или втораго гражданскаго, которое можно было бы назвать началомъ денежнымъ. Отдѣльно отъ поселенія двухъ главныхъ частей Новгорода, лежало Городище, мѣсто котораго сохраняетъ доселѣ свое древнее наименованіе. Оно находится за малымъ Волховцемъ, на сторонѣ Торговой, по отношенію къ самому Волхову, отстоя отъ ближайшаго стараго поселенія сей сто-

---

[1] Г. Вельтманъ, обращая вниманіе на содержаніе изображенія, вырѣзаннаго на мѣди и представляющаго осаду Новгорода полчищами Андрея Боголюбскаго, полагалъ, что оно относится къ тому же времени, какъ и самое содержаніе его, но, безъ сомнѣнія, оно вырѣзано нѣсколько позднѣе. Самый соборъ, въ которомъ оное хранится, устроенъ въ 1354 году, т. е., 185 лѣтъ спустя послѣ осады. Нов. I, стр. 228. О Госп. Вел. Новгородѣ. А Ѳ. Вельтмана. Москва, 1834 г.

[2] Общія вѣча, гдѣ собирался весь Новгородъ, были около этѣхъ же храмовъ, при чемъ Софійская, или Торговая, сторона переходила съ своего вѣча на вѣче стороны противуположной. См. ниже.

роны, которое обозначается древнимъ валомъ и рвомъ, съ версту, или около того.

Городище, какъ это видно изъ Новгородскихъ лѣтописей, было собственно мѣстомъ пребыванія Князя и его двора и, безъ сомнѣнія, какъ это мы можемъ заключать изъ его наименованія, было укрѣплено. Такимъ боразомъ, какъ двѣ главныя части раздѣлены между собою самою мѣстностію, и это раздѣленіе упрочено еще болѣе искуствомъ, такъ представляется совершенно отдѣльнымъ и укрѣпленнымъ поселеніе Княжеской дружины и самаго Князя. Принимая въ соображеніе положеніе его въ отношеніи каждой изъ сторонъ въ отдѣльности, совокупно съ другими предметами, входящими въ составъ мѣстописнаго описанія древняго Новгорода, мы приходимъ къ очень важному выводу, который объясняетъ намъ главную ткань внутренней жизни Новгорода, и одно изъ самыхъ темныхъ, самыхъ важныхъ мѣстъ исторіи Новгородской.

Въ періодъ, отдаленный отъ насъ восемью столѣтіями, совершилось событіе, которое, опредѣливъ на цѣлые вѣка особенность исторіи Великаго Новгорода, судьбу частную Новгородца, скрылось само отъ наблюдателя не только въ подробностяхъ явленія, но даже по своимъ прямымъ началамъ. Сами Новгородцы, въ отношеніяхъ своихъ къ Князьямъ, ссылаются на это событіе, какъ на законъ, какъ на основу своей гражданской жизни, и этотъ голосъ вторится въ продолженіе всей ихъ исторіи, а начала событія все таки нѣтъ ни въ исторіи, ни въ разсказахъ лѣтописцевъ, ни въ преданіи. Самый годъ, когда оно именно совершилось, остается не извѣстнымъ для насъ; ни одна изъ лѣтописей, ссылаясь не разъ на него, не упоминаетъ даже о томъ, чтобъ оно когда ни будь совершилось; но тѣ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась дальнѣйшая судьба Новгорода, которые даже явно стремились противоборствовать основамъ быта Новгородскаго, знали это событіе, не безъ благоговѣнія взирали на него, и потомъ утверждали сами за Новгородомъ тѣ права, которыя покоились въ этомъ же событіи, въ той же общей основѣ.

Событіе это стоитъ въ рѣзкой противоположности съ событіями однородными по предмету, совершившимися въ другихъ частяхъ Руси и опредѣлившими ея современный характеръ, складъ и фор-

му гражданственности. Когда въ этѣхъ частяхъ идея Князя, какъ сердце, сосредоточивала вокругъ себя жизненныя государственныя силы, въ Новгородѣ она, напротивъ, соприкасаясь всюду къ жизни оставаясь главнымъ покровомъ ея, сама добровольно снимала съ себя священное право власти свободной, неограниченной, какъ будто не вѣря въ возможность, не желая развиться до подобнаго предѣла, согласнаго своимъ собственнымъ основамъ, основамъ чисто народнымъ для остальной Руси. Такъ поступилъ съ Новгородомъ Ярославъ Великій. Когда, въ слѣдствіе какихъ соображеній, или обстоятельствъ, и какъ именно, объ этомъ молчатъ всѣ лѣтописи. Конечно, Князь такого свѣтлаго ума не могъ не имѣть къ подобному распоряженію какихъ ни будь важныхъ основаній. Что касается да самаго распоряженія Ярослава, то, каковы бы ни были подробности его, сущность остается все та же: Ярославъ низвелъ имъ въ предѣлы неограниченную, какъ жизнь, власть Княжескую, и предоставилъ Новогородцамъ право хранить свое распоряженіе, какъ святыню, какъ скрижаль ихъ жизни. [3] Каждый Князь, управлявшій Новогородомъ, дѣлался уже по этому не Княземъ въ томъ значеніи, въ какомъ онъ былъ для другихъ частей Руси: ведя жизнь Новогородскую за предѣлы, очер-

---

[3] Г. Соловьевъ сдѣлалъ вѣрный перечень всѣхъ случаевъ, гдѣ упоминается объ Ярославовыхъ грмотахъ прямо, какъ и грамотахъ, которыми Князья должны были руководствоваться при управленіи Новгородомъ (Объ отношеніяхъ Нов. къ Вел. Князьямъ, стр. 32). Этѣ случаи относятся къ 1228, 1229, 1230 и 1339 г. Тѣ случаи, гдѣ косвенно упоминается о предоставленныхъ этѣми грамотами болѣе обширныхъ правахъ, мы приведемъ ниже, подъ княженіемъ Всеволода. Въ Ипатьевской лѣтописи мы имѣемъ еще болѣе раннее свѣдѣтельство, подтверждающее за Новгородцами этѣ права, которыя признавалъ за ними Всеволодъ и современные ему Князья: «Пишетъ бо, глаголя, Давидъ: наказая накажи мя, рече, Господи, смерти не предай мене. Тако и сія люди Новьгородьскыя: наказавъ, и смири я дозѣла, за преступленіе крестьное и за гордость ихъ наведе на ня, милостью своею избави градъ ихъ. Не глаголемъ же: прави суть Новьгородци, яко издавна суть свобожени прадѣды Князь нашихъ; но злое невѣрьствіе въ нихъ вкоренилося, крестъ къ Княземъ преступати, и Князѣ внукы и правнукы обезчествовати и соромляти, а крестъ честный къ нимъ цѣловавши переступати. То доколѣ Господеви терпѣти надъ ними? За грѣхи навелъ и наказа, по достоянью, рукою благовѣрнаго Князя Андрея.» Такъ разсуждаетъ южный лѣтописецъ объ ужасѣ, въ который Боголюбскій поставилъ Новгородъ осадою его, и о совершенномъ наконецъ пораженіи полчищъ Андрея подъ стѣнами Новгорода. Пол. Собр. Р. Л. т. II, стр. 105.

ченные Ярославомъ, онъ дѣлался оскорбителемъ святости правъ, нарушителемъ скрижалей, дарованныхъ Новгородцамъ предкомъ его. По этому-то Новгородцы, какъ хранители скрижалей своихъ, должны были быть старшими надъ Княземъ, судьями его, не позволяя добровольно ни малѣйшаго нарушенія въ распоряженіяхъ Ярослава: Князь правитъ Новгородомъ не иначе, какъ по Ярославовымъ грамотамъ Новгородцы требуютъ этого, готовые, во имя грамотъ Ярослава, на все. Вотъ отношенія, въ которыхъ Ярославъ поставилъ потомковъ своихъ къ Новгороду. Чрезъ все это ясно проглядываетъ недовѣрчивость къ той идеѣ, которой остальная Русь, и Кіевская, южная, и Владимирская, сѣверная, непреклонно, мощно стремились подчинить жизнь. Гдѣ же крылось начало этой недовѣрчивости: въ самой ли душѣ Ярослава, или въ отсутствіи основныхъ условій идеи Князя, въ отсутствіи любви, вѣры и довѣрія въ самомъ бытѣ Новгородскомъ и въ глубокой прозорливости Ярослава?... Жизнь этого Князя, какъ Князя Кіевскаго, печатлѣется полною довѣренностью къ основной гражданской идеѣ быта Русскаго: жизнь Новгорода, напротивъ, какъ увидимъ ниже, постоянно была исполнена недовѣрія ко всѣмъ и ко всему. Она, лишенная широкаго, величаваго полета, которымъ неслась жизнь и Кіева и Владимира на Клязьмѣ, искала постоянно заключиться въ извѣстные, ограниченные предѣлы, назначенные ей еще язычествомъ и страстною привязанностію къ земному: вѣра ея не знала безпредѣльности благъ Божественныхъ, высшихъ, духовныхъ: знала одни блага земныя. По этому разстаться съ земными, ограниченными благами значило для Новгородца то же, что разстаться съ жизнію. Бѣдность ли и дикость природы не успѣла развернуть въ душѣ Новгородца думы о безконечности ея жизни, о безконечности, красотѣ и величіи жизни міроздания, о безконечности благъ всемогущей, вѣчной, живой воли Всеблагаго, или отсутствіе въ исторіи Новгородской событій, которыя бы заставили Новгородца радостно встрепенуться душой, разорвать грани, въ которыя заключалась она съ своимъ земнымъ, и броситься съ религіознымъ восторгомъ, съ полною вѣрою, на встрѣчу знакомаго, родного ей, по ея первобытной чистотѣ и безгранности, забывая въ этомъ восторгѣ, въ своемъ глубокомъ религіозномъ убѣжденіи, земное жилье свое, кто рѣшитъ это? Но какъ бѣдна, уныла и дика природа Новгородская, такъ безцвѣтна, дика, безъ живой вѣры, безъ живыхъ порывовъ любви, исторія Новгорода. Какая же идея

безгранности могла имѣть здѣсь прочное примѣненіе? Жизнь Новгорода закидывала ее земнымъ прахомъ, подавляла ее этимъ прахомъ, заглушала, и безгранное не возникало тамъ, а прозябало подъ прахомъ, подобно самой природѣ, принимая иногда даже формы болѣе, нежели грубой дикости, формы ужаса и безобразія. Настоящій трудъ нашъ представитъ вполнѣ достаточныя къ тому доказательства. Самое указанное нами событіе, самое распоряженіе Ярослава, говоритъ уже много въ настоящемъ отношеніи, и отмѣчаетъ исторію Новгорода недовѣріемъ, или довѣріемъ, снятымъ въ земной личности, въ земныхъ страстяхъ Новогородца: это двѣ крайнія точки, между которыми улегаются всѣ подобныя историческія событія этой области. Идея Князя, возродившись, пребывала въ жизни; но жизнь не сосредоточивалась въ ней окончательно: идея эта была въ Новгородѣ только плодомъ недовѣрія въ старую идею жизни, въ идею докняжескихъ Бояръ, или древнихъ правителей области, и по тому та и другая, идея согласно самому распоряженію Ярослава, существуютъ рядомъ въ исторіи Новогородской, находятся въ совершенномъ противоположеніи другъ къ другу, и жизнь безсильна преобразиться въ новой идеѣ, которая въ другихъ частяхъ Руси смѣняла собою всюду идею старую, находится въ внутреннемъ борении и, не находя исхода, безпрерывно волнуется. Ни что возвышенное не выноситъ Новогородца изъ этой внутренной разладицы. При отсутствіи внутренняго мира, высокія чувства тѣмъ болѣе уже были безсильны перенесть Новогородца въ жизнь, совершавшуюся внѣ, за предѣлами его области, и одни только разсчеты, однѣ выгоды, могли выводить его за этѣ предѣлы; а по этому Новгородъ съ своею исторіею является какъ бы совершенно обособленнымъ отъ другихъ частей Руси: онъ какъ будьто замкнутъ для остальной Руси, какъ будьто остальная Русь составляетъ для него нѣчто особое, стороннее, не привлекающее его къ себѣ душой, не вызывающее на любовь, на братство, не возбуждающее въ немъ дѣятельнаго, безкорыстнаго участія. Въ дѣйствительности это было и не со всѣмъ такъ. Но говоря вообще, духъ Новогородца пребываетъ въ предѣлахъ области какъ воина, защитника: однѣ нужды, одно вещественное, могутъ вызвать его за этѣ предѣлы; а въ нихъ Новгородецъ почти полный господинъ-судья всякаго, кто нарушитъ его права, утвержденныя самимъ Ярославомъ, слѣдовательно, и всякаго движенія въ этѣхъ предѣлахъ новой Княжеской идеи. Отношенія Новгорода, по его внутренному областному быту, къ

Князьямъ другихъ частей Руси, не могли не быть послѣ этого, согласно тѣмъ же грамотамъ, еще болѣе самобытными.

Князь Новгородскій, по симъ грамотамъ, не вотчинникъ Новгорода, не глава Православія и Православныхъ, не законъ, а только исполнитель самихъ грамотъ и верховный блюститель искони установленнаго порядка, и по этому въ Новгородѣ не утверждается ни одна Княжеская вѣтвь, а, напротивъ, Князья разныхъ системъ безпрерывно смѣняются тамъ одни другими. При такомъ положеніи, конечно, уже ни одинъ изъ Новогородскихъ Князей, какъ Князь Новогородскій, не могъ найти въ Новогородцахъ постояннаго, твердаго отвѣта, опоры на поддержаніе думы его о томъ, что онъ можетъ быть отчинникомъ всей Руси, или главою Православія и Православныхъ. Физическія нужды могутъ требовать расширенія областныхъ предѣловъ, и достигнуть этого, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, но нравственнаго требованія на это, при выше изложенныхъ условіяхъ быта Новогородскаго, быть не можетъ, или оно составитъ сдѣсь чистое исключеніе, и тѣ же нужды, привычка, областная щекотливость честолюбія, сторожатъ цѣлость областнаго жилья; но оторванная часть области, порабощеніе ея, не тронетъ души Новогородца, не поразитъ его нравственнымъ страданіемъ, не поведетъ его на дѣла самоотверженія, нѣтъ, даже не оторветъ его отъ наслажденія его вещественными и бѣдными нравственными благами, по тому что Новогородецъ порабощенъ вещественными, заключилъ въ тѣсные предѣлы духъ свой и не имѣетъ требованія вырваться изъ нихъ, остается въ нихъ покойнымъ и довольнымъ, защищая только, подобно звѣрю, берлогу свою и, оставляя иногда дѣтей своихъ въ добычу силѣ, не тревожится потомъ жизнію въ берлогѣ новой. Все это, какъ увидимъ ниже, не преувеличеніе, а горькая истина. Ни внутри, ни внѣ, по этому, не могло быть стройности жизни при подобномъ нравственномъ безсиліи, а, напротивъ, всюду должно было обнаруживаться неотвратимое отстутствіе мира, разладица: чувство любви было безсильно въ немъ и къ собрату и къ отечеству; вѣра его пресмыкалась въ прахѣ, не раскрывала въ немъ безконечныхъ благъ въ безконечно благомъ Всемогуществѣ, не влекло его испить этѣ блага на лонѣ Зиждителя настоящаго, прошедшаго и будущаго всей неугасимой вѣчности, полной красотъ, величія и любви, полной жизни,

и жизни въ безконечно разнообразныхъ формахъ. [4] Прахъ земли былъ для него садъ Едема. Грамоты Ярослава, по этому уже, были не плодомъ случайности, не плодомъ стремленія Ярослава къ югу, а великимъ плодомъ геніяльности Князя, объявшей бытъ Новгорода на цѣлыя вѣка впередъ. Подробности, переданныя лѣтописью, о событіяхъ, сопровождавшихъ княженіе Ярослава въ Новгородѣ, при приведеніи въ извѣстность топографіи этого города, ведутъ насъ къ тому же, и сами, послѣ того, выходятъ изъ мрака, въ которомъ они оставались погруженными до сихъ поръ, въ слѣдствіе неполноты разсказа стараго лѣтописца.

Какъ мы уже сказали, городище лежитъ отдѣльно и отъ Софійской и отъ Торговой сторонъ; отъ первой отдѣляется оно, однако жь, самимъ Волховомъ, весьма широкимъ и глубокимъ, отъ второй же только рукавомъ его, имѣющимъ въ ширину не болѣе 30, или 40, саженъ, и при томъ находится на Торговой сторонѣ, въ отношеніи Волхова. Вотъ топографическое отношеніе Княжескаго начала къ двумъ другимъ главнымъ частямъ, и оно обозначилось такимъ образомъ исключительно въ Новгородѣ: Княжеское начало не въ средѣ, вокругъ котораго скучиваются остальныя части города; оно имѣетъ совершенно отдѣльное поселеніе, и эта отдѣльность указываетъ, что оно составляетъ собою въ Новгородѣ особое, не тѣсно связанное съ сторонами, начало; но такъ какъ, въ отношеніи Волхова, онъ лежалъ на сторонѣ Торговой, то послѣдняя, по всѣмъ вѣроятіямъ, преимущественно опиралась на него: вотъ самое естественное заключеніе, которое мы можемъ сдѣлать изъ мѣстоположенія Городища въ отношеніи двухъ другихъ составныхъ частей Новгорода; по этому въ Софійской и Торговой сторонахъ противопоставлялись два совершенно особыхъ начала: начало новое, которое искало преображенія жизни въ новой идеѣ, идеѣ о Княжеской власти, и начало старое, поддерживавшее, въ лицѣ своихъ докняжескихъ Бояръ, бытъ патріярхальной старины, отъ которой всѣ безъ исключенія составныя части древней Руси стремились оторваться во имя идеи Князя. Къ то-

[4] Дума, которая высказывалась не разъ въ нашей Исторіи, по этому она для насъ событіе, а не мысль отвлеченная религіознаго мечтателя.

му заключенію ведутъ насъ еще слѣдующія данныя. Ярославовъ дворъ или Ярославово дворище, которое существуетъ до сихъ поръ, хотя, по разсказамъ старожиловъ, несравненно въ меньшемъ размѣрѣ противъ того, какъ оно было въ прежнее время, находится посреди самой Торговой стороны, и, слѣдовательно, было окружено поселеніемъ младшихъ, тогда какъ, по общему порядку вещей, Княжескому двору было бы приличнѣе быть среди поселенія старѣйшинъ Новогородскихъ, т. е., на сторонѣ Софійской. Замѣтьте, сверхъ того, что дворище Ярославово лежитъ почти на самомъ мѣстѣ соединенія Торговой стороны съ Софійскою, такъ что, примыкая къ самому берегу р. Волхова, около моста, оно смотритъ и теперь съ своей башни, какъ какой ни будь стражъ первой изъ нихъ. Мало этого: Ярославовъ дворъ служитъ сборнымъ мѣстомъ для Торговой стороны, а колокольня Княжескаго храма, устроеннаго посреди дворища Мстиславомъ, во имя Св. Николая Чудотворца—вѣчевой башней для той же стороны. [5] Такимъ образомъ мы не можемъ не признать въ Ярославѣ представителя собственно одной только стороны, и, слѣдовательно Варяги, призванные имъ для защиты Новгорода, были стражами того же начала, которое прислонялись къ самому Ярославу. При этомъ взглядѣ, основанномъ на неоспоримыхъ данныхъ, становятся ясными всѣ дальнѣйшія отношенія Ярослава къ Новгороду, которыя, признаюсь откровенно, были для меня до сихъ поръ совершенной загадкой. Ярославъ избиваетъ на Ракомѣ множество, какъ говоритъ лѣтописецъ, Новгородскихъ нарочитыхъ мужей, и на другой же день, по разсказу лѣтописца, Новгородцы готовы были пожертвовать своимъ имуществомъ, своею жизнію, чтобъ только доставить ему Кіевскій престолъ. Не таковы были Новгородцы: всякое нарушеніе ихъ вольности волновало ихъ и влекло за собою изгнаніе; а сдѣсь вдругъ нѣтъ слѣдовъ подобнаго; напротивъ, они преданы Ярославу всей душой: вооружаются за него противъ Святополка, идутъ съ нимъ къ землямъ Кіевскимъ и жестокою битвою успѣваютъ преодолѣть врага, и замѣтьте, врага не ихъ, а единственно Ярослава. Вглядитесь же теперь ближе въ событія, и опять въ самую мѣстность Новгорода. Ракома, [6] гдѣ были избиты Новгородцы, находится, въ отношеніи

---

[5] См. ниже.

[6] О Великомъ Новгородѣ, А. Ѳ. Вельтмана (планъ окрестностей Новгорода).

Волхова, на Софійской сторонѣ, верстахъ въ 8 отъ города: въ Ракому, по показанію лѣтописца, Ярославъ удалился гнѣвный, немедленно же послѣ избіенія Варяговъ. [7] Имѣя при этомъ въ виду, что какъ Городище, такъ и Ярославовъ дворъ, находились на сторонѣ Торговой, мы не можемъ не предполагать, что удаленіе Ярослава на сторону Софійскую было плодомъ гнѣва его на сторону Торговую, и въ то же время было сближеніемъ его съ стороною противной, и, слѣдовательно, не можемъ не допустить, что въ избіеніи Варяжской дружины учавствовала только Торговая сторона, а Боярская поддерживала послѣ того Ярослава и, быть можетъ, даже пробуждала въ немъ еще большій гнѣвъ противъ своихъ младшихъ, которые собственно и были представителями новаго начала. Гнѣвъ Ярослава высказался, по этому, на сихъ послѣднихъ, а не на Боярахъ; но казнь многихъ изъ нихъ была ни что, въ сравненіи съ тою, которая могла бы угрожать Новгородцамъ, если бы Ярославъ отказался отъ нихъ и предоставилъ ихъ вполнѣ на произволъ Боярскій, а тѣмъ болѣе если бъ, вмѣстѣ съ докняжескими Боярами, налегъ на нихъ. Слѣды подобной думы въ Ярославѣ замѣтны въ его распоряженіяхъ относительно Новгорода. Грамоты, данныя имъ Новгородцамъ, если онѣ и не дошли до насъ, по крайней мѣрѣ вездѣ, гдѣ Новогородцы ссылаются на нихъ, говорятъ намъ положительно, что Ярославъ сдѣлалъ значительныя уступки Боярамъ, утвердилъ за ними исключительно права вотчинныя или помѣстныя, судъ и расправу по всей землѣ Новогородской, оставаясь, однако жь, главнымъ судьею между ними и подсудимыми, какъ этого конечно желала Торговая сторона, избѣгая неограниченности и произвола въ судѣ Боярскомъ. [8] Это-то примиреніе взаимныхъ притязаній двухъ враждебныхъ сторонъ, утвер-

---

[7] Варязи бяху мнози у Ярослава въ Новѣградѣ, и насиліе твориху Новгородцемъ и женамъ ихъ. И возставше Новгородцы, и побиша Варягъ во дворѣ Парамони, и разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Ракомъ, сѣде во дворѣ, и посла къ Новгородцемъ и рече: «Уже мнѣ ихъ не поскрести.» И призва нарочитыя мужи къ себѣ, и же бяхусѣкли Варяги, и, обльстивъ ихъ, изсѣче 1000 мужей.» Новг. III, стр. 209.

[8] Замѣчательно, что сами иностранцы, которые вели дѣла въ Новгородѣ, въ одномъ изъ договоровъ выразили ту же мысль, требуя, въ замѣнъ суда Боярскаго, суда Княжескаго. Та же мысль выражена иностранцами въ одномъ изъ договоровъ съ Смоленскимъ Княземъ.

жденіе докняжескихъ Бояръ снова въ обширныхъ правахъ и изъявленіе готовности быть посредникомъ въ ихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ, тяжбахъ и распряхъ, дало Ярославу возможность найти между всѣми Новгородцами ревностныхъ поборниковъ своего права, заставивъ ихъ забыть казнь многихъ собратій. Софійская сторона торжествовала надъ Торговою; и изъ чувства благодарности, даже изъ прямаго разсчета, могла быть готовою поддерживать права Ярослава на Княжескій престолъ; ибо если бъ Ярославъ не достигъ сего престола, не сдѣлался старшимъ Княземъ и не утвердилъ за своимъ родомъ Кіева, его грамоты, данныя Новгородцамъ, не имѣли бы въ послѣдствіи ни какого значенія; между тѣмъ сторона Торговая, вѣчно ревнивая къ сторонѣ Боярской, избавившись, сверхъ того, отъ вліянія Варяжскаго начала, не могла не поревновать въ семъ случаѣ, дабы заставить Ярослава забыть ея своевольство и склонить его дѣйствовать въ ея выгодахъ. Слѣдовательно, въ этомъ живомъ содѣйствіи Новгородцевъ Ярославу нѣтъ теперь для насъ ни чего удивительнаго. Новгородцы остаются и въ этомъ явленіи тѣми же Новогородцами. Они готовы были положить за Ярослава животъ свой, подобно тому, какъ хотѣли положить свои головы за Мстислава Мстиславича, освободившаго ихъ изъ подъ тягостной опеки Всеволодовой и на котораго они единственно разсчитывали въ борьбѣ своей съ Владимирскимъ Княземъ и съ его сыномъ: «Мстиславъ началъ звать Новгородцевъ къ Кіеву противъ Всеволода Чермнаго... Куда, Князь, поведешь ты очима своими, тамъ положимъ головы свои,» былъ отвѣтъ ихъ Мстиславу; и они выступили ополченіемъ по его призыву; правда, колебаніе, которое обозначаетъ всю внутреннюю исторію Новгорода, не могло не высказаться и сдѣсь: они пошли, а изъ подъ Смоленска чуть, чуть не вернулись домой; за всѣмъ тѣмъ слова Посадника возвратили ихъ къ обѣту положить головы свои за Князя, и великій подвигъ, къ которому призвалъ ихъ Мстиславъ, былъ ими совершенъ: вмѣстѣ съ Смолянами и дружинами внуковъ Ростислава, Новгородцы повоевали земли Князей Черниговскихъ, взяли нѣсколько Черниговскихъ городовъ на щитъ, взяли и Вышгородъ, принудивъ, наконецъ, Всеволода Святославича оставить престолъ Кіевскій для Мстислава Мстиславича. [9] Такъ лили Новогородцы кровь за Князей

[9] Нов. I, стр. 32. И доидоша Смольньска, и бысть распря Новгородьцемъ съ

и въ XIII столѣтіи, когда духъ колебанія и безвластія рѣзко запечатлѣлъ уже ихъ исторію. По этому живое содѣйствіе Новгородцевъ въ тяжбѣ Ярослава за Кіевъ само по себѣ, послѣ всего изложеннаго, говоритъ не много и ни сколько не можетъ придать другой окраски Новогородскому характеру, который ясно и опредѣлительно высказался въ послѣдствіи. Но велика должна была быть благодарность Новгородцевъ, съ одной стороны, и ревность съ другой, когда Ярославъ единственно только въ Новгородѣ черпаетъ всѣ средства противъ враговъ своихъ для достиженія и удержанія за собою Кіевскаго престола. Разбитый Святополкомъ, или Болеславомъ, онъ во второй разъ, совершенно безъ всякихъ собственныхъ средствъ, собираетъ въ Новгородѣ побѣдоносныя полчища противъ врага своего, и наконецъ, въ третій разъ, при содѣйствіи же Новгородцевъ, получаетъ войско, чтобъ противодѣйствовать Мстиславу Тмутараканскому, и, разбитый имъ, снова бѣжитъ въ Новгородъ и поддерживается Новгородцами. Замѣчательное событіе въ исторіи Новгорода подобной преданости, и значеніе его другое, нежели какое можно было бы дать ему съ перваго взгляда: Ярославъ купилъ у нихъ эту преданность, и заплатилъ за нее дорого. [10] Что жь касается до внутренней борьбы между Софійской и Торговой сторонами, между дoмняжескими Боярами и вторымъ гражданскимъ началомъ, борьбы, которую мы допустили, для объясненія отношеній Ярослава къ Новгороду, основываясь лишь на топографическомъ положеніи составныхъ частей Новгорода, то, для доказательства въ дѣйствительномъ существо-

---

Смолняны, и убиша Новгородци Смолнянина, а по Князи не поидоша... Князь же чѣловавъ всѣхъ, поклонившься, поиде. Новгородьци же, створивъше вѣче о собѣ, почаша гадати; и рече Твьрдиславъ Посадникъ: «Яко, братье, страдали дѣды наши и отчи за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидемъ по своемъ Князи;» и тако поидоша изъ Смольньска, и постигъше Князя, и начаша воевати по Днѣпрю городѣ Черниговьскеѣ, и възяша Рѣчицѣ на щитъ и иные городѣ мнозѣ Черниговьскыя, и поидоша подъ Вышегородъ, и начашася биги, и одолѣ Мьстиславъ съ братьею и съ Новогородьци... а Всеволодъ изъ Кіева выбѣжа за Днѣпрь... и възеmьше дары, придоша Новугороду вси здрави....

[10] Не отрицаемъ, что желаніе имѣть сильнаго покровителя обширной торговли съ Кіевомъ могло имѣть значительное вліяніе на участіе Новгорода въ дѣлахъ Ярослава за Кіевскій престолъ.

ваніи этой борьбы, мы имѣемъ множество данныхъ, которыя будутъ изложены ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Таковъ нашъ взглядъ на отношенія Ярослава къ Новгороду: онъ образуется естественнымъ образомъ, при соображеніи всѣхъ историческихъ данныхъ, миритъ ихъ между собою, и объясняетъ одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ исторіи Новогородской, необъяснимыхъ до сихъ поръ и рѣзко противорѣчащихъ всѣмъ другимъ даннымъ исторіи Новгорода.

Въ исторіи Ярослава по настоящему событію мы замѣчаемъ два главнѣйшихъ мгновенія: первое, когда онъ является представителемъ новаго Новогородскаго начала, въ несогласіи сего послѣдняго съ началомъ старобоярскимъ; второе, когда Новгородцы, представители того же новаго начала, показали Ярославу полную невозможность твердо опереться на сіе начало. Первое изъ этѣхъ мгновеній было для Ярослава не чѣмъ инымъ, какъ наслѣдіемъ старины: Городище, это мѣстопребываніе Князей и собственныхъ Княжескихъ силъ,[11] конечно, древнѣе[12] Ярослава, и на

---

[11] Нов. I, стр. 36: И бысть на зиму побѣже Матеи Душельцевиць, съвязавъ Моисеица бириць ябетниць. Новгородци же, угонивъше, и яша и ведоша и на Городище, и въиде лжа въ городъ, выдалъ Твьрдиславъ Князю Матея. Тамъ же стр. 38: Приде Князь Всеволодъ изъ Смоленска.... въ Новъгородъ, и възвади вьсь городъ, хотя убити Твьрдислава, а Твьрдиславъ бяше больнъ, и поиде Князь Всеволодъ съ Городища съ всѣмъ дворомъ своимъ, искрутяся въ брънѣ (бронѣ) якы на рать, и пріѣха на Ярославль дворъ. Тамъ же 57: Александръ Невскій пріѣхалъ въ Новгородъ съ Татарскими послами, чтобъ, безъ кровопролитія, согласить Новгородцевъ платить Татарамъ поголовную дань, но это произвело въ низшемъ слоѣ сильное движеніе, и Александръ рѣшился было съ Татарскими послами оставить Новгородъ. Это рѣшеніе заставило чернь замолчать и согласиться на требованіе Татаръ: и бысть заутра съѣха Князь съ Городища, и окаянніи Татары съ нимъ. Ипатьев. стр. 97 подъ 1169 годомъ: Томъ же лѣтѣ начаша Новгородьци вѣче дѣяти въ тайнѣ по дворомъ на Князя своего на Святослава на Ростиславича. И пріѣхавше на Городище пріятели его начаша повѣдати: «Княже, дѣютъ людье вѣче ночь, а хотять тя яти, а промышляй о собѣ.» Подъ 1384 годомъ въ IV Новогородской: Той зимы пріѣхаша отъ Князя Дмитрія съ Москвы Бояре его черный боръ брати по Новгородцкимъ волостемъ: Ѳедоръ Свибло и иные Бояре, и тогда ѣздиша Бояре Новогородцкіи на Городище тягатися съ Княжими Бояры о обидахъ, и побѣгоша съ Городища на Москву Свиблова чадь...

него опиралась, какъ мы выше объяснили изъ самаго мѣстоположенія, Торговая сторона; Ярославъ хотѣлъ, кажется, сдѣлать шагъ далѣе и думалъ слить въ едино Княжеское начало съ началомъ, которое выразила тогда Новогородская жизнь въ Торговой сторонѣ, а по тому передвинулъ было мѣстопребываніе Княжескаго начала внутрь самаго Новгорода, утвердивъ его посреди Торговой стороны, на грани съ стороною Софійской (Ярославово дворище); [13] но

Въ договорной грамотѣ 1471 г. съ Іоанномъ III (Пол. Соб. Г. г. и д. т. I, № 20, 2). Повелѣхомъ судъ дати на Городищѣ: отъ Великихъ Князей Бояринъ судью, а отъ Великаго Новагорода Бояринъ; судити имъ Князей Великихъ человѣка съ Новогородцомъ... А оже ся сопрутъ о каковѣ дѣлѣ, а не возмогутъ управити; и коли будетъ Князь Великій въ Новгородѣ, или Великаго Князя сынъ, или Великаго Князя братъ, и тому дѣлу тогда учинить на Городищѣ съ Посадникомъ конецъ. Подъ 1476 годомъ во II Новогородской лѣтописи: Пріиде Князь Великій Иванъ Васильевичъ въ Новгородъ, и стоялъ на Городищи на миру 9 недѣль. Иванъ IV, пріѣхавъ въ Новгородъ для того, чтобъ окончательно осудить его, остановился тоже на Городищѣ. Нов. II, стр. 256. Пріѣхалъ въ Великой Новгородъ Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ всея Руссіи, а съ нимъ сынъ его, Іоаннъ Іоанновичъ, и Князей, и Бояръ, и Дѣтей Боярскихъ многіе полки, и прочихъ воинскихъ людей множество, да съ нимъ же Государемъ тысячъ пятсотъ стрельцовъ Московскихъ; и пріѣхавъ, сталъ совсѣми силами на Торговой сторонѣ, на Городищи, отъ града отъ посаду два поприща.

[12] Объ основаніи Городища лѣтописи не сохранили свѣдѣній, чего, кажется, не могло бы случиться, если бъ оно было основано уже во времена чисто историческія. Въ первый разъ объ немъ упоминается подъ 1103 годомъ. Нов. I, стр. 3. Мы считаемъ его древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ Князя и Княжеской дружины. Самыя укрѣпленія его, на которыя указываетъ наименованіе «Городище», говорятъ о другихъ отношеніяхъ между началомъ Княжескимъ и Новогородцами, а не о тѣхъ, въ которыя поставилъ Ярославъ Князей къ Новгороду и которыя дали Новогородцамъ право обезсилять Княжеское военное начало до того, что оно лишено было всякой возможности на открытую борьбу противъ Новгорода, дали право, воспользовавшись которымъ, Новгородцы сгладили, уничтожили и всѣ древнія укрѣпленія Городища, такъ что въ настоящее время нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, чтобъ когда нн будь они и существовали.

[13] О Ярославовомъ дворищѣ въ первый разъ упоминается подъ 1029 годомъ. Того же лѣта Ярославъ иде въ Новгородъ, и посади въ Новѣгородѣ сына своего, Владимира 14 лѣтъ; и жилъ Великій Князь, Ярославъ, на Торговой странѣ, близъ рѣки Волхова, гдѣ нынѣ церковь каменная Николая Чюдотворца, яже и до нынѣ сло-

избіеніе Новгородцами-торговцами его Варяжской дружины показало невозможность подобнаго сліянія. Замѣтивъ подобную кичливость въ самихъ представителяхъ новаго начала, и отыскивая опоры въ этомъ колебаніи жизни, Ярославъ легко нашелъ ее въ докняжескихъ Боярахъ, когда своимъ именемъ, именемъ Князя, снова ввелъ ихъ во многія утраченныя ими права, относительно всей земли Новогородской, а въ томъ числѣ и въ отношеніи Новогородскихъ представителей новаго начала, т. е., въ отношеніи Торговой стороны. Старина повторилась во имя самаго Князя. Пусть кичливость новаго начала, обнаружившаяся въ избіеніи Варяжской дружины, тогда же бы смолкла, но вредъ, нанесенный ею, палъ уже тяжелымъ недугомъ на Новгородъ, исцѣленіе котораго требовало новыхъ усилій, новой борьбы, особыхъ условій, обстановки, не возможныхъ для того времени: Бояре докняжескіе опирались уже теперь въ своихъ притязаніяхъ не на одну старину, а на имя Ярослава, на имя самаго Князя, на распоряженіе главы самаго новаго начала. Уступка Ярослава, въ слѣдствіе недостаточнаго сознанія новой жизни Торговою стороною, или введеніе имъ Бояръ въ старинныя, утраченныя ими, права, совершенно разрушило равновѣсіе въ Государственной жизни Новгорода, отбросило ее назадъ на цѣлыя столѣтія и грозило даже гибелью. Идея Княжеской власти, въ слѣдствіе этого распоряженія, этой уступки, должна была все болѣе и болѣе терять свои опорныя точки. То, отъ чего спасалъ Новгородцевъ покровъ Княжескій, должно было снова разить ихъ свободно: Князья не могли уже рѣшительно дѣйствовать противъ докняжескихъ Бояръ, по тому что Бояре господствовали по прежнему въ Новогородскихъ земляхъ уже не по старинѣ, а отъ имени предка сихъ Князей, отъ имени самой власти Княжеской. Два совершенно противоположныхъ стремленія, одно къ новой жизни, другое къ жизни старины, не находили теперь мирителя себѣ, не смотря на то, что та и другая по формѣ опирались на одно и то же начало, на идею Княжеской власти: жизнь должна была сильно всколебаться; должна была, при этомъ условіи, заговорить открытая вражда, открытая борьба, борьба безысходная, по тому что новое начало, начало Государственное, которое должно было повести Нов-

---

ветъ Ярославле Дворище. Нов. III, стр. 210. Не забудемъ, что Ярославово Дворище было мѣстомъ вѣчевыхъ сходокъ для Торговой стороны.

городъ по тому же пути, на которомъ мы видимъ другія области древней Руси, оказалось въ Новгородѣ слабо развитымъ, недостаточно сознаннымъ, а потомъ юридически обезсиленнымъ, въ слѣдствіе распоряженія Ярослава; а старое начало, отрицаемое уже самою жизнію и облеченное теперь для господства тѣмъ же распоряженіемъ въ форму законную, не могло, между тѣмъ, не искать удержаться въ своемъ положеніи, и даже не дать себѣ еще большой просторъ, просторъ незаконный въ жизни Новогородской. Да, открытая и безысходная борьба должна была заговорить между двумя жизнями, старою и новою, а въ этой борьбѣ разрушаться всѣ законныя формы новой жизни, преобразуясь въ формы совершеннаго произвола, и этотъ произволъ долженъ былъ вести Новгородъ къ окончательной гибели; ибо продолжительная открытая борьба не могла не развить въ Новгородцахъ духа непокорности, не сдѣлать этой непокорности общею чертою ихъ свойствъ, не могла не переносить этѣхъ свойствъ уже свободно отъ старины на всю жизнь, и, слѣдовательно, на всю жизнь новую, не проявлять его въ большей и большей кичливости противъ самой Княжеской власти, и, такимъ образомъ, идея Князя не могла не ослабѣвать все болѣе и болѣе въ этой борьбѣ противоположныхъ началъ, и жизнь Государственная гаснуть все больше и больше, съ большимъ проявленіемъ стариннаго общиннаго начала, съ постепеннымъ развитіемъ произвола. Къ несчастію, еще, какъ это мы увидимъ ниже, распаденіе Новгорода было болѣе обширно, представители начала новаго, по своей сущности, еще менѣе способны для новой жизни, нежели представители начала стараго, и по тому водвореніе мира въ жизни должно было дѣлаться еще болѣе затруднительнымъ, даже почти невозможнымъ, безъ особеннаго и сильнаго внѣшняго вліянія.

Нѣтъ мгновенія въ исторіи Новогородской, гдѣ бъ идея Князя достигала въ сознаніи народномъ до такого развитія, что составляла бы полную, внутреннюю потребность къ осуществленію и утвержденію себя въ жизни дѣйствительной; по этому Новогородцы не удержали у себя ни одной изъ Княжескихъ вѣтвей, какъ это сдѣлали остальныя части Государства. [1] Напротивъ, жизнь Новгорода, какъ

[1] Объясненіе, что Князья, плѣняемые болѣе роскошными странами, лучшими областями, не хотѣли сами быть постояннымъ властителями Новгорода, ошибочно

увидимъ ниже, никогда не настаивала на этомъ, и, отрицая старое правительственное начало, не стремилась сосредоточиваться въ идеи Князя, сопротивопоставляя лишь жизни старой жизнь новую. Были мгновенія, благопріятнѣйшія для подобнаго сосредоточенія, Новгородъ пугался ихъ еще болѣе, нежели старины. Самое распоряженіе Ярослава могло ли бы состояться, если бъ жизнь Новгорода благоговѣла предъ идеею Князя? Сила его основывалась единственно

исторически; столь же ошибочно и предположеніе, что самыя распри между Князьями за Новгородъ были другою главнѣйшею причиною, что ни одна изъ Княжескихъ вѣтвей не утвердилась въ Новгородѣ. Новгородская область, дикая по природѣ, была богатѣйшею областью, и этѣ-то богатства Новгородскія возбуждали ссоры Князей между собою изъ за Новгорода; слѣдовательно, область эта была лестною для Князей, и они были бы не прочь получить ее въ наслѣдственное достояніе своей вѣтви, въ особенности когда Княжескія вѣтви не избѣгали утверждать наслѣдственно за собою даже области бѣднѣйшія и столь же дикія по своей природѣ, какъ, на прим., Бѣлозерскую, или Устюжскую. Нѣтъ сомнѣнія, что та или другая Княжеская вѣтвь не могла утвердиться въ Новгородѣ безъ борьбы съ другими вѣтвями; но сильная борьба Князей противъ Ростиславичей, какъ мы видѣли уже, не помѣшала симъ послѣднимъ утвердиться прочно и наслѣдственно въ земляхъ Галицкихъ: Галичане напрягали свои силы, отражали своею грудью всѣ покушенія Кіева отнять отъ нихъ Ростиславичей; то же напряженіе во всѣхъ другихъ частяхъ древней Руси — отстоять свою Княжескую вѣтвь, и ни чего подобнаго въ области Новогородской. Новогородцы не сливаются между собой, подобно Владимирцамъ на Клязьмѣ, въ думѣ: добудемъ такую-то Княжескую вѣтвь себѣ, или голову свою сложимъ за нее, не выступаютъ, подобно тѣмъ же Владимирцамъ, грознымъ ополченіемъ противъ всѣхъ враговъ той завѣтной думы, съ полною готовностію за утвержденіе у нихъ желанной ими вѣтви, за уничтоженіе стараго порядка вещей и утвержденіе власти Княжеской, сложить свои головы; они не борятся, подобно Полоцкой области, до послѣдняго, противъ громадныхъ ополченій, бывшихъ въ распоряженіи Кіева и которыя громили не разъ и страшно Полоцкія земли, уничтожали благосостояніе ихъ, разрушали ихъ военныя силы, уводили Князей ихъ въ плѣнъ, заточали ихъ въ Кіевѣ и Константинополѣ, но не могли только поколебать Полочанъ въ любви ихъ къ своей Княжеской вѣтви, къ своимъ Князьямъ, разбитымъ, поруганнымъ, заточеннымъ, поколебать ихъ въ новой готовности стоять грудью, лить кровь, за этѣхъ Князей, бѣжавшихъ изъ плѣна и заточенія. Говорить ли уже послѣ этого, что Новгородцы не были готовы, для удержанія за собою той или другой Княжеской вѣтви, принять на себя удары страшно кровавой войны, какую выдержали Кіевляне послѣ смерти Всеволода Ольговича, для того, чтобъ отстоять за собой собственную Княжескую вѣтвь въ лицѣ Изяслава, сына покойнаго ихъ Князя, Мстислава Великаго?

на томъ же безсиліи Новгорода преобразиться въ идеи новой жизни, какъ мы ясно замѣтимъ это въ послѣдующей исторіи, на его отрицаніи и жизни новой и жизни старой, на его стремленіи къ произволу. Новгородъ, какъ увидимъ ниже, не могъ быть другимъ. Ни какого нравственнаго движенія ни къ какой Государственной формѣ вы въ немъ не замѣчаете. Всѣ формы для него не нравственная потребность, а только орудіе для частныхъ цѣлей. Старая форма существуетъ въ немъ по тому, что существовала прежде на силѣ, и не разрушается по тому, что существуетъ сила; по тому что Новгородъ не ищетъ новой формы, не способенъ выразиться въ ней. Онъ не Государство, онъ община, которая ищетъ только довольства, и еще община нестройная, не сдерживаемая ни чѣмъ, гдѣ борьба между составными частями лишаетъ сочленовъ единомыслія и порождаетъ личный произволъ.

И до Ярослава и при немъ Новгородцы были тѣми же самыми Новгородцами, которыхъ представляетъ намъ дальнѣйшая исторія, хотя, безъ сомнѣнія, сила сдерживала ихъ. Распоряженіе Ярослава и раздоры между Князьями дали только Новгородцамъ большій просторъ и узаконили за ними тѣ неправильныя отношенія къ Княжеской власти, какія мы замѣчаемъ во всей ихъ исторіи до Ивана III, и даже послѣ того, иначе: дали Новгороду областную самобытность совершенно на особыхъ условіяхъ, гдѣ отживающая старина, не встрѣчая въ противоположной сторонѣ достаточныхъ силъ для новой формы, сохранила права свои, облеклась въ законную форму и противодѣйствовала власти Княжеской, по волѣ самаго же родоначальника тѣхъ Князей, которые владѣли Новгородомъ или Новгородскимъ престоломъ.

Уже при внукѣ Рюрика Новгородцы говорили, что, если Кіевскій Князь, Святославъ, не дастъ имъ на княженіе котораго либо изъ сыновей, то они найдутъ себѣ Князя и внѣ дома Рюрика [15] (970).

---

[15] Придоша людье Ноугородьстіе, просяще Князя собѣ: «Аще не поидете къ намъ, то налѣземъ (найдемъ, добудемъ) Князя собѣ». — П. С. Р. Л. Лавр., стр. 49. Замѣчателенъ отвѣтъ Новогородцамъ Святослава: «Абы пошелъ кто къ вамъ»; и еще замѣчательнѣе, что двое изъ сыновей Святослава отказались отъ управленія Нов-

При правнукѣ перваго нашего Князя, Владимирѣ Великомъ, они вооружали сына противъ отца, Князя своего противъ Князя Великаго, и отказались отъ той дани, которую они обязались платить Князьямъ Великимъ [16] (1014). По смерти Владимира Великаго они произвели движеніе, посреди котораго погибла Княжеская наемная дружина [17] (1015). Отношенія ихъ къ Святополку Михаилу (1102) были проникнуты дерзкой строптивостію противъ распоряженій Великаго Князя и ряда его съ Владимиромъ Мономахомъ, строптивостію, тѣни которой мы не встрѣчаемъ въ другихъ частяхъ Государства: «Если двѣ головы у твоего сына, то посылай его къ намъ княжить,» говорили послы отъ лица всего Новогорода Святополку, когда, согласно ряду своему съ Владимиромъ, Святополкъ назначалъ въ Князья Новогородскіе своего сына. [18] При Владимирѣ Мономахѣ, въ 1118 году, т. е., 64 года спустя послѣ смерти Ярослава (въ это время власть Кіевскихъ Князей была въ полной силѣ), замѣтно было броженіе между докняжескими Новгородскими Боярами: Мономахъ вытребовалъ всѣхъ ихъ къ себѣ въ Кіевъ, взялъ съ нихъ вновь клятву, и отпустилъ послѣ того большую часть въ Новгородъ, заточивъ остальныхъ въ Кіевѣ, виновныхъ въ томъ, какъ сказано въ лѣтописи, что грабили Даньслава и Ноздрьчю; въ чемъ именно винилъ Мономахъ другихъ, кои отпущены были въ Новгородъ, или въ чемъ именно заставлялъ ихъ присягать вновь, это не извѣстно, но, за всѣмъ тѣмъ, необходимость въ этой присягѣ говоритъ положительно, что Новгородскіе докняжескіе Бояре выходили уже тогда изъ законнаго порядка, нарушали дѣйствія воли Княжеской. [19] Съ смертью сына

городомъ: «и отпрѣся Ярополкъ и Олегъ». Домъ Рюрика заключался въ это время въ семьѣ Святослава.

[16] Ярославу же сущу Новѣгородѣ, и урокомъ даюшу Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года... а тако даяху вси Посадници Новъгородьстіи, а Ярославъ сего не даяше отцю своему. Тамъ же стр. 56.

[17] Тамъ же, стр. 61.

[18] Тамъ же, стр. 128.

[19] Новг. I, стр. 4: Приведе Володимеръ съ Мьстисловомъ вся Бояры Новгородьскыя Кыеву, и заводи я къ честьному кресту, и пусти я домовь, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю, и на Сочьскаго на Ставра, и затоци я всл.

Мономахова, Мстислава,[20] немедленно же обнаружилось въ Новгородѣ сильное движеніе. Лѣтописецъ замѣтилъ его слѣдующими словами: «Ходилъ въ это лѣто Всеволодъ (изъ Новгорода), согласно повелѣнію Ярополка (Великаго Князя) на княженіе въ Переяславль, цѣловавъ между тѣмъ крестъ къ Новгородцамъ, что хочетъ быть у нихъ Княземъ до смерти,[21] но Георгій и Андрей (дяди Всеволода), подозрѣвая, что Ярополкъ думаетъ послѣ своей смерти отдать Всеволоду и Кіевъ, выгнали сего послѣдняго изъ Переяславля. Тогда Всеволодъ снова пришелъ въ Новгородъ, и было сильное открытое волненіе между Новгородцами; тогда же пришли Псковичи и Ладожане въ Новгородъ, и Князь Всеволодъ былъ изгнанъ изъ Новгорода; но вскорѣ потомъ Новгородцы одумались и возвратили Всеволода съ пути.[22] Это было въ 1132 году. Чрезъ четыре года послѣ этого открылось новое, и еще болѣе сильное, движеніе противъ Всеволода же: приведены были дружины Псковскія и Ладожскія, и Всеволодъ былъ задержанъ, впредъ до прибытія Святослава Ольговича, посланнаго къ нимъ Княземъ Черниговскимъ. Въ слѣдующемъ 1137 году открылось опять смятеніе въ Новгородѣ, и опять за того же Князя, Всеволода. Его уже не было въ Новгородѣ, а нѣкоторые изъ Бояръ, даже самъ Посадникъ, держали его сторону и желали видѣть его на Новгородскомъ престолѣ. Псковъ стоялъ за него даже цѣлымъ городомъ; между тѣмъ сторона, противная Всеволоду, была по прежнему сильна. Борьба этѣхъ сторонъ не могла окончиться миромъ. Тогда Посадникъ, Константинъ, и нѣкоторые изъ добрыхъ мужей бѣжали изъ Новгорода къ Всеволоду, а другіе изъ Новгородцевъ, приверженные къ нему, вмѣстѣ съ Псковитянами, тайно послали звать Всеволода на Новогородскій престолъ, увѣряя, что это—общее желаніе Новгорода. Когда, въ слѣдствіе этого, Всеволодъ пріѣхалъ въ Псковъ, какъ Князь Новогородскій, въ Новгородѣ откры-

---

[20] Княженіе Мстислава относится также къ той порѣ, когда власть Великихъ Князей не была ослаблена междоусобіями.

[21] Подобныя оговорки, косвенно снимающія вину съ Новогородцевъ, допускаются Новогородскими лѣтописцами часто, и вводятъ ихъ, какъ и въ настоящемъ случаѣ, при описаніи отношеній Новгорода къ Всеволоду, въ страшныя противорѣчія и съ ходомъ событій и съ самими собою.

[22] Новгор. I, стр. 6.

лась разладица: одни обнаружили явное, открытое нерасположеніе къ нему, другіе оставили Новгородъ и бѣжали къ Всеволоду въ Псковъ, подобно самому Посаднику, Константину, и другимъ добрымъ мужамъ, о которыхъ мы сказали выше. Между оставшимися даже въ самомъ Новгородѣ были приверженцы Всеволода. «И взяты были тогда на разграбленіе дома Константиновъ (Посадникъ), Нѣжатинъ (положительно Боярскій) и иныхъ многихъ, да еще кто изъ Бояръ (конечно, остававшіеся внутри Новгорода) былъ на сторонѣ Всеволода, съ тѣхъ взыскали болѣе полуторы тысячи гривенъ и отдали этѣ деньги купцамъ на вооруженіе къ войнѣ противъ Пскова, при чемъ нѣкоторые подверглись пенѣ и невинно.» Псковъ, эта составная часть Новогородскихъ владѣній, между тѣмъ не хотѣлъ слушать воли главной или сильнѣйшей стороны Новогородцевъ, относительно Всеволода: онъ признавалъ въ послѣднемъ по прежнему Князя Новогородскаго, и былъ готовъ на открытую борьбу за него противъ Новгорода; даже по смерти Всеволода призналъ своимъ Княземъ брата его, Святослава, не обращаясь уже къ Новгороду за совѣтомъ, и не признавая, конечно, въ избранномъ сильнѣйшею стороною Князѣ властителя Новогородскаго. [23]

Изъ какихъ именно стихій образовывалась противная Всеволоду сторона, это оставлено лѣтописцемъ безъ прямаго объясненія; но указаніе, что пенныя деньги съ Бояръ, приверженныхъ Всеволоду, были отданы купцамъ, какъ средство на вооруженіе ихъ для войны противъ Всеволода же, за всѣмъ тѣмъ ясно говоритъ, что главнодѣйствующая сторона, распоряжавшаяся дѣлами противъ Всеволода, была не Торговая сторона, не купцы, по тому что, въ противномъ случаѣ, лѣтописецъ не могъ бы сказать: «людье отдали деньги купцамъ на вооруженіе», а сказалъ бы, что купцы употребили этѣ деньги на вооруженіе. И такъ ясно, что сторона, противная Всеволоду, состояла изъ самихъ же докняжескихъ Бояръ: раздоръ шелъ между ними, и въ немъ скрывалась, изъ него исходила,

---

[23] Нов. I, стр. 7 и 8.—Ипатьев., стр. 14. Лѣтописецъ Южной Руси говоритъ, что Всеволода вызвали Псковитяне, слѣдовательно, сторона слабѣйшая въ самомъ Новгородѣ, державшаяся Всеволода, прислонялась въ своемъ дѣлѣ къ Пскову, и терялась въ личности сего послѣдняго.

въ настоящемъ случаѣ несостоятельность Княжеской власти. Торговая сторона могла играть только страдательную роль, подобную той, какую играли Псковитяне за годъ передъ тѣмъ въ дѣйствіяхъ Новгорода противъ того же Всеволода, и это предположеніе подтверждается тѣмъ, что мысль удалить Всеволода силою изъ предѣловъ области Новогородской, т. е., силою заставить Псковитянъ отказаться отъ Всеволода, не нашла живаго отвѣта между Новогородцами: вспомоществуемые Половцами и дружинами, вызванными Княземъ Святославомъ изъ области Курской, Новогородцы выступили въ походъ противъ Пскова, но съ дороги безъ всякаго боя вернулись опять въ Новгородъ. На другой годъ Новогородцы изгнали и Святослава, а жену его заставили скрыться въ монастырь Св. Варвары. Въ 1139 году Святославъ былъ снова призванъ въ Новгородъ, и чрезъ два послѣ того года обнаружилось въ отношеніи его то же раздвоеніе, одна вѣсть о которомъ заставила его тайно бѣжать. [24] Посадникъ Якунъ, какъ сказано въ лѣтописи, и иные держали сторону Святослава, а всѣ остальные были противъ него; трое же изъ Бояръ, изъ коихъ два были явно искателями Посадничества, находились до такой степени въ дурныхъ отношеніяхъ къ Князю и Посаднику, что еще до бѣгства Святослава сами скрылись изъ Новгорода, и возвратились только съ удаленіемъ Святослава; [25] остальная же часть противной стороны Святославу, не извѣстно, изъ кого именно состояла, но была столь сильна, что безъ всякаго сопротивленія дала и жестоко распорядилась судьбой Посадника, его брата, и остальныхъ. [26] Сверхъ того, должно замѣтить, что въ продолженіи же кня-

---

[24] Нов. I, стр. 9: Онъ же, убоявъся Новгородьць, чи прельстивъше мя имуть, и бѣжа отаи въ ноць. Ипат. стр. 17: И съпрьяя ему кумъ Тысячкоіі его: «Княже! хотять тя яти»; онъ же, убоявъся, и бѣжа, и съ женою и съ дружиною своею, на Полтескъ, Смоленску.

[25] Судило, Нѣжата: оба они были въ послѣдствіи Посадниками, и первый назначенъ былъ въ эту важную должность немедленно же по возвращеніи своемъ въ Новгородъ, послѣдовавшемъ въ слѣдъ за удаленіемъ Святослава. Нов. I, стр, 9. Призваху изъ Суждаля Судилу, Нѣжату, Страшка, оже бяху бѣжали изъ Новагорода, Святослава дѣля и Якуна.

[26] Нов. I, стр. 9: И Якуна (Посадника) яша на Плисѣ, и приведъше и сѣмо съ

женія Всеволода и Святослава совершились три такихъ дѣла, которыя свѣдѣтельствуютъ о дикомъ произволѣ суда Новогородскаго: подъ 1134 годомъ мы читаемъ въ лѣтописи, что Новгородцы, толкуя на вѣчѣ о войнѣ противъ Суздальскаго Князя, вооружились вдругъ противъ нѣкоторыхъ своихъ собратьевъ (мужи), убили ихъ и свергли съ моста въ Волховъ; въ самомъ началѣ княженія Святослава Новгородцы также убили какого-то Георгія Жирославича, [27] и бросили тѣло его съ моста въ Волховъ. Тогда же раненъ былъ одинъ изъ дружинниковъ изгнаннаго уже Всеволода. Подъ 1156 годомъ лѣтописецъ передаетъ намъ важное свѣдѣтельство о совершенномъ отсутствіи единства нравственныхъ убѣжденій Новогородцевъ въ дѣлѣ Государственномъ, или о распаденіи Новгорода въ двухъ основныхъ Государственныхъ началахъ, распаденіи на сторону докняжескихъ Бояръ и сторону небоярскую: обѣ онѣ стояли во враждебномъ положеніи, и Княжеская власть не только нѣ могла водворить мира между двумя сторонами, но, потерявъ всякую возможность на посредничество, она, сама при этомъ общемъ волненіи, требовала физической опоры себѣ въ сторонѣ небоярской противъ стороны боярской, которая открыто дѣйствовала противъ Князя (Мстислава): «Бысть котора зла въ людѣхъ, и возсташа на Князя Мьстислава на Гюргевиця, и начяша изгонити изъ Новагорода; търговыи же полъ сташа въ оружіи по немъ,» мостъ, раздѣлявшій двѣ враждующія стороны, былъ разобранъ; по концамъ моста стояли караулы, такъ что все готово было къ явной борьбѣ и кровопролитію; въ это время между тѣмъ вошли въ Новгородъ двое Князей Ростиславичей, Святославъ и Давидъ, напередъ высланные Ростиславомъ Смоленскимъ, который, безъ сомнѣнія, по просьбѣ Новогородцевъ, готовъ былъ взять Новгородъ подъ свое управленіе, т. е., безмолвно согласился на изгнаніе Мстислава. Князь Мстиславъ бѣжалъ послѣ того, а чрезъ три дня, посреди Новород-

---

братомъ его Прокопьею, мало не до смерти убиша, и обнаживше, яко мати родила, и съвергоша и съ моста; но Богъ избави, прибрьде къ берегу, и болѣ его не биша, иъ възяша у него 1000 гривенъ, а у брата его 100 гривенъ, тако же и у инѣхъ имаша; и затоциша Якуна въ Чюдь съ братомъ, оковавъше и руцѣ къ шьи.

[27] Не сынъ ли Посадника Жирослава?

цевъ явился самъ Ростиславъ (отецъ Святослава и Давида), Князь Смоленскій, и только съ приходомъ его враждебное положеніе двухъ сторонъ прекратилось. Событіе замѣчательное, вполнѣ обозначающее бытъ Новгорода: одна часть его требуетъ одного, другая другого; не совѣщаніемъ, а силой рѣшится споръ; такъ во всемъ; такъ и въ отношеніи къ власти: ни что не имѣетъ въ немъ нравственной опоры, все колеблется, подобно тому, какъ колеблется въ немъ и вѣра о Княжеской власти. Убѣжденіе Новгородцевъ говоритъ, что нѣтъ мира въ жизни безъ сосредоточенія власти въ помыслѣ о Князѣ; по чему двѣ враждующія за Мстислава стороны, до явленія новаго Князя, Ростислава, не мирятся и стоятъ другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, и съ явленіемъ Ростислава представляютъ собою опять единое, какъ будто бы лицо Князя облечено было общимъ довѣріемъ къ себѣ и могло водворить между ними миръ; а въ то же время сами же разрушаютъ это убѣжденіе: святотатствуютъ, поругаются надъ властію, позорно преслѣдуя ее теперь въ лицѣ Мстислава, а въ 1132 г. въ лицѣ Всеволода.

Но если стремленіе докняжескихъ Бояръ сохранить свои старинныя права, пользоваться ими безъ стѣсненій, стремленіе къ поддержанію своего доисторическаго значенія, освященнаго самимъ Ярославомъ, понятно, то непонятною остается для насъ разладица въ самой Боярской сторонѣ, безъ соображенія другихъ данныхъ, которыя будутъ изложены ниже и уяснятъ обширный смыслъ этой разладицы; непонятно также для насъ, Русскихъ, какъ слабо было развито понятіе о Княжеской власти въ остальной толпѣ, представительницей которой являлась въ Новгородѣ торговая сторона. Вотъ она вооружается за Князя Мстислава Георгіевича, подобно тому, какъ Владимирцы на Клязмѣ вооружались за Князей Михаила и Всеволода противъ докняжескихъ Ростово-Суздальскихъ Бояръ, стремившихся и здѣсь къ поддержанію своего древняго значенія, въ ущербъ власти Княжеской; но не вступаетъ, однако, подобно имъ, въ кровавую, мощную борьбу за Мстислава, а остается покойною и довольною, получивъ, вмѣсто Мстислава, другого Князя. Очевидно, что она противоборствовала докняжескимъ Боярамъ лишь на столько, чтобъ не быть, какъ прежде, подъ властію ихъ однихъ, чтобъ для нея судъ былъ выше Боярскаго, былъ правитель выше Боярина, чтобъ былъ Князь, а будетъ тотъ или другой

Князь, это было для нея безразлично; однимъ словомъ, эта слабость дѣйствій, въ поддержаніи Мстислава Георгіевича, говоритъ, что даже въ пору, близкую къ Ярославу, между Князьями и новымъ Княжескимъ началомъ не было въ Новгородѣ того святаго союза, которымъ связывались Владимирцы съ своими Князьями: «Вы отцы наши, нашихъ семей; мы желаемъ вамъ всякаго добра, и чтобы видѣть васъ, дѣтей нашихъ, своими Князьями, готовы положить за васъ свои головы: нѣтъ мира между нами и старыми докняжескими, господствовавшими досель началами; вѣра наша въ него изсякла; въ господствѣ его погибнемъ мы, жены и дѣти наши, погибнетъ жизнь: вы только можете спасти насъ; мы вѣруемъ въ васъ, мы любимъ васъ, какъ любимъ жизнь свою, какъ любимъ своихъ женъ, дѣтей, и мы бьемся за васъ противъ всѣхъ враговъ, какъ за вѣру нашу въ жизнь нашу, за свои родныя семьи, какъ за отцевъ спасителей нашихъ. Любите же вы насъ, какъ мы преданы вамъ, какъ мы вѣруемъ въ васъ, и не миритесь съ врагами жизни нашей; преслѣдуйте ихъ строго и неизмѣнно, какъ неизмѣнно преслѣдуетъ отецъ враговъ семьи своей; будьте отцами намъ, дѣтямъ нашимъ!» Слѣдовъ подобнаго вѣчнаго святаго союза Владимирцевъ съ своими Князьями мы не замѣчаемъ въ Исторіи Новогородской даже въ пору, близкую Ярославу: Новогородцы чувствуютъ только нужду въ посредничествѣ Князя, а святаго союза между ними и ихъ Князьями нѣтъ.

Вотъ по чему говоримъ мы, ни одна изъ Княжескихъ вѣтвей и не могла утвердиться въ Новгородѣ. Это подтверждаютъ и всѣ выше приведенныя явленія, въ особенности изгнаніе и захватъ Всеволода и бѣгство Святослава. Не та ли же безжизненность и шаткость въ нравственныхъ убѣжденіяхъ Новгородцевъ относительно всего, въ томъ числѣ и власти Княжеской, и необходимо истекавшая отсюда шаткость самой жизни, были причиною удаленія изъ Новгорода Олега, и не преданность ли Кіевлянъ къ своимъ властителямъ съ самыхъ раннихъ временъ приковала первыхъ Князей нашихъ къ Кіеву? Да, если даже не подъ этимъ, а подъ особымъ, вліяніемъ Олегъ удалился изъ Новгорода на Югъ, то за всѣмъ тѣмъ колебаніе Новогородской жизни и свойство прихотливости Новгородцевъ относительно Князей отталкивали отъ нихъ другихъ потомковъ Рюрика.

Святославъ Ольговичъ, замѣтивъ движеніе противъ себя на вѣчахъ, и готовясь тайно скрыться изъ Новгорода, послалъ сказать брату своему Всеволоду, Великому Кіевскому Князю: «Тягота, брате, въ людѣхъ сихъ; а не хочю въ нихъ быти; а кого тобѣ любо, того и посли въ онь (Новгородъ)». [28] Подобныхъ словъ изъ устъ самого Князя не раздавалось во всей нашей древней Исторіи ни объ одной изъ составныхъ частей тогдашней Руси, за исключеніемъ Новгорода. Таково было сдѣсь положеніе Князей чрезъ восемь лѣтъ послѣ смерти Мстислава Великаго, принадлежавшаго къ цвѣтущей порѣ власти Великокняжеской, и спустя восемдесять семь лѣтъ послѣ смерти Ярослава I-го. Уже строптивость Новгородцевъ высказалась въ это время не только противъ Святослава Ольговича, но и противъ самого Великаго Князя: призваны лучшіе мужи изъ нихъ, принявъ отъ Великаго Князя къ себѣ на княженіе сына его, Святослава, и отправившись уже съ нимъ въ Новгородъ, вдругъ на дорогѣ передумали, и явились снова къ Великому Князю съ словами, что Новгородъ не хочетъ имѣть у себя Княземъ его сына, а хочетъ Святополка Мстиславича; и Новгородцы были столь настойчивы въ своемъ требованіи, что таки не приняли Святослава Всеволодовича, и до назначенія желаемаго ими Князя, котораго они потомъ также назвали злобнымъ, приняли къ себѣ на княженіе сына Суздальскаго Князя, Ростислава Георгіевича, [29] поступивъ съ

---

[28] Ипат. 17.

[29] И прислаша Новгородци Епископа съ мужи своими къ Всеволоду, рекуче: «Дай намъ сынъ твой, а Святослава, брата твоего, не хочемъ!» И посла къ нимъ сынъ свой, Святослава. И бывшю ему въ Черниговѣ, Новогородци сдумавше, рекоша Всеволоду: «Не хочемъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хочемъ племени Володимеря». Всеволодъ же се слышавъ, посла по нихъ, вороти Епископа съ ними и удержа ѣ со Епископомъ, рекоша бо тако: «Дай ны шюрина своего, Мьстиславича!» Всеволодъ же, не хотя перепустити Новагорода Володимерю племени, призва шюрина своя, да има Берестій, река: «Новагорода не березѣта, ать сѣдять сами о своей силѣ, кдѣ Князя не налѣзуть!» (замѣчательное выраженіе!); а Новогородци же держа у себе зиму же и лѣто, и съ Епископомъ.... Слышавше Новогородци, оже пріялъ Всеволодъ братью ихъ, и не стерпяче безъ Князя сѣдити, и ни жито къ нимъ не идяше ни отколѣ же, и послаша Гюргеви мужи своя, и пояша Ростислава Гюргевича, и посадиша Новогородьци съ великою честью Новѣгородѣ на столѣ своего ему отца. Ипатьев. стр. 17.—И сѣдѣша Новгородци безъ Князи 9 мѣсяць.... Епископъ, и купьцѣ Новгородьскыя, и

нимъ, при назначеніи Всеволодомъ желаннаго ими Святополка, точно такимъ же образомъ, какъ поступили они и съ Всеволодомъ Мстиславичемъ, т. е., захватили его до прибытія Святополка. Положеніе новаго начала замѣчательно также и здѣсь. Если нѣтъ положительныхъ данныхъ, которыя бы доказывали, что само новое начало принимало какое ни будь участіе въ захватѣ Ростислава, по крайней мѣрѣ оно явилось столь безцвѣтнымъ, столь безжизненнымъ, что даже не обнаружило ни малѣйшаго движенія противъ княжескихъ Бояръ въ пользу Ростислава. Столь же безцвѣтнымъ, столь же безжизненнымъ, явилось новое начало въ 1160 году, когда въ глазахъ его Князь Святославъ Ростиславичъ, сынъ Великаго Князя, насильно былъ выгнанъ въ Ладогу, когда жена этого Князя принуждена была искать покрова въ монастырѣ Св. Варвары, а дружина Княжеская заточена. [30] Въ слѣдующій за тѣмъ годъ Святославъ Ростиславичъ снова введенъ былъ въ Новгородъ на княженіе, но чрезъ шесть лѣтъ онъ увидалъ полную невозможность безъ посторонннихъ силъ имѣть здѣсь твердую себѣ опору, и потому, думая застращать Новгородцевъ и заставить ихъ открыть въ средѣ своей болѣе сильную, хотя временную, опору для власти Княжеской, удалился въ Луки, и оттуда прислалъ сказать имъ, что не хочетъ у нихъ болѣе княжить; но эта тактика, вмѣсто желаннаго, произвела совершенно обратное дѣйствіе. Новгородцы, сами послѣ того не только не хотѣли видѣть Святослава своимъ Княземъ, но, вооружившись, выгнали его силою и изъ Лукъ, и въ то же время отрядили посольство въ Кіевъ просить къ себѣ на княженіе сына Кіевскаго Великаго Князя, Романа Мстиславича: союзъ Ростиславичей, Святослава и Романа, съ Княземъ Ростово-Суздальскимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, и съ Князьями Полоцкими, опустошеніе пограничныхъ частей Новогородской области, занятіе пути Новогородскимъ посламъ къ Кіеву на всемъ пространствѣ, начиная отъ Полоцка до Москвы и Ростова, не измѣнили свойства первоначальнаго движенія, а напротивъ еще пробудили въ Новгородцахъ нена-

---

слы не пущаху изъ Руси, и они не хотяху иного Князя, развѣ Святополка; и въда имъ Святополка изъ своею руку. Нов. I, стр. 9.

[30] Нов. I, стр. 13.

вость противъ Посадника Захарія и двухъ другихъ лицъ, именно Неревина и Нѣзды, изъ коихъ первый, т. е. Неревинъ, какъ и самъ Посадникъ принадлежалъ къ Боярамъ,—[31] ненависть, которая развернулась дикимъ произволомъ и повлекла за собою гибель всѣхъ этихъ трехъ лицъ, [32] которыя или заподозрѣны были въ готовности дѣйствовать за Святослава, или дѣйствительно дѣйствовали въ пользу его. [33] Такъ Новгородъ былъ ревнивъ къ свободѣ, которую Князь могъ найти себѣ посреди его, и такъ было безначаліе, бременѣтно въ Новгородѣ новое начало. Романъ Ростиславичъ явился на княженіе тоже для того лишь, чтобы видѣть одно колебаніе жизни Новгородской и невозможность открыть посреди этого колебанія прочныя основы для закона и порядка: онъ былъ главою Новгорода въ то время, когда Андрей Боголюбскій устремилъ противъ того города огромное ополченіе, чтобъ силой стѣснить кичливость Новгородцевъ и совершенно подчинить ихъ своей волѣ. Князь Романъ кончилъ эту борьбу въ пользу Новгорода, и Новгородцы, въ благодарность за это, въ слѣдующій же за тѣмъ годъ, указали ему путь изъ Новгорода и послали къ Андрею за миромъ; и потомъ послѣ двухъ лѣтняго княженія въ немъ Рюрика Ростиславича, смѣнившаго Романа, просили опять у Андрея же Боголюбскаго на княженіе сына его.

Это обращеніе къ Боголюбскому, при неполномъ знакомствѣ съ Исторіею Новгорода, не можетъ не поражать насъ, какъ, при знакомствѣ съ нею, открываетъ съ перваго же взгляда истинное свойство внутренней Новгородской жизни и отношеній Новгорода къ Князьямъ. Романъ, противоборствовавшій покушенію Андрея, гибельному для старины Новгородской, изгнанъ Новгородцами; мало

---

[31] Кто былъ Нѣзда—положительно не извѣстно. Легко быть можетъ, что онъ былъ родоначальникъ богатѣйшей Боярской фамиліи — отецъ Посадника Мирошки Нѣздинина и дѣдъ Посадника Дмитрія Мирошкинича.

[32] Всѣ они были убиты. Тамъ же, стр. 14.

[33] Въ годъ вторичнаго приглашенія Святослава на княженіе въ Новгородъ былъ Посадникомъ Нѣжата, коего тогда же уволили отъ должности и вмѣсто него поставили Захарія. Тамъ же стр. 13.

того, Новгородцы сами же обращаются къ пораженному врагу съ предложеніемъ о мирѣ, и сынъ Боголюбскаго, врагъ Новгорода, княжитъ въ немъ, по просьбѣ самихъ же Новгородцевъ. Что жь значитъ въ дѣйствительности подобный оборотъ дѣла? Объ изгнаніи Романа Мстиславича мы уже не говоримъ: оно прямо указываетъ, какъ и другія выше приведенныя наши происшествія, на ту же безжизненность новаго начала; но отношенія къ Боголюбскому, послѣ его пораженія, объясняютъ весь внѣшній бытъ Новгорода, и мы остановимся на нихъ съ большимъ вниманіемъ.

По всѣмъ даннымъ въ основаніи ихъ лежитъ денежная нужда, и не болѣе. Мы увидимъ скоро, на какую низкую ступень эта зависимость отъ вещественныхъ выгодъ, это стремленіе къ стяжанію ихъ, къ ихъ сохраненію, низведутъ всѣ думы о законности, порядкѣ и власти. Это-то стремленіе къ поддержанію вещественныхъ выгодъ заставляетъ и теперь Новгородцевъ обратиться къ Андрею съ просьбою о дарованіи имъ Князя, въ лицѣ его сына, и принять отъ Владимірскаго Князя въ Посадники Жирослава, котораго Ростикъ лишилъ посадничества и изгналъ изъ Новгорода.

И трудно было не соблазниться холодному Новгороду вещественными выгодами. Этѣ выгоды были велики. Кто не будетъ стараться приблизить къ себѣ прекрасные, чудные дары, которыми Богъ исполнилъ міръ нашъ? Новгородецъ тѣмъ болѣе. Его собственная природа была бѣдна, его богатства были внѣ и далеко отъ его страны. Земли самого Новгорода не изобиловали ни чѣмъ, развѣ только рыбой, и до такой степени были неплодородны, что область Новгородская всегда нуждалась въ продовольствіи. Лѣтописи ея часто говорятъ о недостаткѣ въ продовольственныхъ произведеніяхъ, о высокой цѣнѣ на нихъ, наконецъ о голодѣ и морѣ. Этотъ недостатокъ въ продовольствіи рѣзко выдается, когда мы сравнимъ сказанія Новгородскихъ лѣтописцевъ съ сказаніями лѣтописцевъ другихъ частей Руси. Въ семъ отношеніи Новгородъ имѣлъ большое сходство съ Англіей, и въ этомъ же отношеніи былъ въ сильной зависимости отъ другихъ частей нашего Государства. Безъ торговли Новгородская область была одна изъ бѣднѣйшихъ областей, и одичала бы въ нищетѣ, или значительная часть ея жителей выселилась бы въ другія области. Между

тѣмъ торговля приближала къ ней богатства Западной Европы, отдаленныхъ лѣсныхъ пустынь нынѣшней сѣверной Россіи, еще болѣе отдаленныхъ богатыхъ Государствъ средней Азіи и наконецъ Римской Восточной Имперіи. Золото, серебро, многоразличныя украшенія изъ нихъ: браслеты, серги, ожерелья, пуговки, бусы, бляшки для платья, бляшки для оружія, самое оружіе, дорогія сѣдла, вещи разнаго рода изъ мѣди, вещи изъ разноцвѣтнаго стекла, драгоцѣнные каменья, янтарь, издѣлія изъ слоновой кости, дорогіе мѣха: чернобурыя лисицы, песцы, горностаи, бобры, и мѣха не столь цѣнные, какъ, на прим., бѣличьи, разныя лакомства: финики, орѣхи и т. п., вина, парчи, шелковыя бумажныя матеріи, пергаменъ, а въ послѣдствіи и многіе другіе товары. Еще теперь подобныя богатства потревожатъ болѣе или менѣе каждаго, а тогда, во время полнаго нашего невѣжества въ дѣлѣ искуства и ремесла, во время бѣдности нашей въ богатствахъ природы, во время малаго знакомства нашего съ роскошью жизни..... «Дайте хоть частичку этихъ богатствъ, говорили одни, и добивались!» [34] другіе только и мечтали объ этихъ богатствахъ. А Новгородъ пользовался ими еще рано, въ IX, X столѣтіяхъ, богатѣя потомъ еще болѣе этотъ Новгородъ, посреди бѣдной и немощной природы, окруженный болотами и болотами. Онъ, бѣднякъ—богачъ! Одинъ только Кіевъ могъ превосходить, и конечно превосходилъ, его своими богатствами. Положеніе Новгорода въ торговомъ отношеніи было самое выгодное. Онъ опять, подобно Англіи, успѣлъ рано двинуть свои поселенія къ сѣверу и сѣверо-востоку, успѣлъ рано завладѣть до береговъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана и до горъ Уральскихъ, въ томъ числѣ землями Печоры, Югры, [35] и вмѣстѣ съ этимъ присвоить себѣ главнѣйшій родникъ нашихъ древнихъ богатствъ.

---

[34] Припомнимъ, какъ въ X столѣтіи дружина Великаго Князя хвалилась, что она ѣстъ за столомъ Княжескимъ не деревянными ложками, а серебряными; припомнимъ договоръ XII столѣтія Риги съ Смоленскомъ, гдѣ особой статьей выговаривается у купцовъ заграничныхъ Князьямъ кусокъ полотна, а Тіуну — перчатки (рукавицы съ перстами).

[35] Обонежьемъ и землями Двинской области — въ X столѣтіи; Емью и Корелой — въ XI, Пермью—то же не позже XI столѣтія; Печорой — то же; Югрой — не позже XII столѣтія.

Послѣ этого громнаго пріобрѣтенія пушной товаръ, который расходился по высокимъ цѣнамъ между самыми отдаленными странами Азіи, продавался въ значительномъ количествѣ въ Византійской Имперіи, отправлялся въ Западную Европу, даже украшалъ собой богатые наряды властителей Испаніи и переходилъ оттуда, тожъ какъ предметъ роскоши, въ самую Африку. Ни города, передававшіе наши товары въ Среднюю Азію, ни города, имѣвшіе торговыя сношенія съ Византійской Имперіей, наконецъ ни города, имѣвшіе сношенія съ Западомъ, не могли снабжать ихъ пушнымъ товаромъ безъ Новгорода: они, безъ малѣйшаго сомнѣнія, получали его главною частію изъ Новгорода, въ особенности самые дорогіе мѣха. [36] Полоцкъ, Смоленскъ и Псковъ, чрезъ которые также шелъ торговый путь изъ Азіи и Восточной Имперіи въ Западную Европу, не могъ представить ни какихъ равноцѣнныхъ съ пушнымъ товаромъ богатствъ своихъ въ обмѣнъ чужестранныхъ, переходящихъ чрезъ наше Отечество и останавливавшихся въ нихъ для нуждъ мѣстныхъ. Кромѣ того, съ сказаннымъ пріобрѣтеніемъ Новгородъ пріобрѣлъ источники серебра, которыхъ не имѣла ни одна изъ составныхъ частей тогдашней Руси.

Нашъ Новгородъ богачъ, и, какъ богачъ, онъ спесивъ, онъ кичливъ: общая черта наша, размягченная, сглаженная слезами и кровію въ другихъ частяхъ Россіи въ продолженіи долгихъ невзгодъ, и развившаяся во всей силѣ, со всей рѣзкостію, въ Новгородѣ. Въ спеси и кичливости теряется чувство семейное и религіозное. Вся цѣль жизни: стяжая богатства, стать выше другихъ по внѣшней обстановкѣ. Это направленіе воспитывало и ставило дѣтей въ подобное же ложное положеніе къ семьѣ и къ обществу: теряя изъ виду ихъ душевное истинное счастіе, отцы только удовлетворяли тщеславію, хлопотали, чтобы только поставить ихъ повидиѣе въ обществѣ. Боярство гордилось передъ нашими, [37]

[36] До подчиненія Новгороду, конечно, Югра могла имѣть прямыя торговыя сношенія съ Азіятскими торговцами, о чемъ сохранились темныя сказанія у Аравитянъ.

[37] Этотъ характеръ Боярскій ниже будетъ очерченъ подробно, на основаніи довольно богатыхъ историческихъ данныхъ.

не руководя ихъ ни въ семейномъ, ни въ религіозно-гражданскомъ чувствѣ; болѣе низшій слой, въ своемъ глубокомъ невѣжествѣ, тупѣлъ въ этѣхъ чувствахъ, терялъ сознаніе въ нихъ и, сосредоточиваясь на думахъ старшихъ, искалъ самъ только стяжаній и внѣшней, болѣе видной, обстановки; каждый честный и благородный гражданинъ, при этѣхъ условіяхъ, долженъ былъ пугаться общей насмѣшки, общаго пренебреженія, въ случаѣ своей бѣдности, или измѣнить честности и благородству, жертвуя ими для стяжанія богатствъ, или же, раздражаясь уклоненіемъ жизни отъ истиннаго пути, возставать противъ ея ложности, являться одинокимъ борцомъ истины, и сдѣлаться, наконецъ, при общемъ ложномъ убѣжденіи, Новогородскимъ Донкихотомъ, юродивымъ, примѣръ чего и представляетъ намъ Новогородская Исторія. [38] Той же спесью и кичливостію Новгородецъ долженъ былъ выражаться и въ отношеніи къ другимъ частямъ Руси: отсюда холодность его къ судьбамъ сихъ частей. Въ этой спеси и кичливости, какъ въ глубокомъ корнѣ страшныхъ золъ, крылась и неправильность отношеній къ власти: власть должна была питать только эту спесь, поддерживать внѣшнюю обстановку жизни, раскрывать большій просторъ къ стяжаніямъ, какъ къ первому условію для этой обстановки, и по этому жертвовать истинными, здравыми, требованіями жизни семейной и религіозной, жертвовать порядкомъ общественнымъ, дающимъ просторъ и свѣтъ симъ двумъ основнымъ чувствамъ для жизни всякаго общества, Государства. Кичливость помогала этому внутреннему разстройству.

Но Провидѣніе, давъ Новгороду обширное поле для торговыхъ предпріятій, давъ возможность стяжать несмѣтныя, по тогдашнему времени, богатства, положило предѣлъ гибельнымъ чувствамъ, исполнявшимъ Новгородъ, и нашъ богачъ и гордецъ, не хотѣвшій знать никого, могъ умереть иногда съ голоду безъ подвоза продовольственныхъ припасовъ изъ земель сосѣднихъ.

Былъ случаи, когда онъ съ уничиженіемъ, какъ милостыни, долженъ былъ просить кусокъ хлѣба. Недостатокъ въ продовольствіи

---

[38] См. ниже Жизнь Угодниковъ Новгородскихъ, Николы и Ѳеодора.

проглядываетъ чрезъ всѣ сказанія Новогородскихъ лѣтописцевъ. Не разъ голодъ, съ своимъ непремѣннымъ спутникомъ, повальной болѣзнью, пустошилъ его съ его областями страшнымъ образомъ, когда мертвыхъ не успѣвали хоронить, когда псы терзали человѣческіе трупы на улицахъ и площадяхъ. Постигали Новгородъ и такія несчастія, что родители отдавали Богъ знаетъ въ чьи руки дѣтей своихъ, отказывались отъ нихъ, разставались съ ними на вѣки, чтобъ только спасти ихъ отъ голода. Постигало и то страшное несчастіе, когда человѣкъ, томимый гододомъ, терялъ разсудокъ и поѣдалъ своихъ собратій живыхъ и мертвыхъ. Страшно подумать!...

Въ этомъ отношеніи Новгородъ былъ въ сильной зависимости отъ богатствъ Владимиро-Ростовскаго Княжества. Торговыя выгоды по другимъ предметамъ связывали его еще тѣснѣе съ этѣми землями: онъ не могъ оторваться отъ нихъ. Но онъ долженъ былъ ладить и со всѣми другими частями Руси, желая сохранить тѣ же торговыя выгоды. Его торговые дѣльцы, его богатства, были разбросаны повсюду: ссора съ властителями другихъ частей Руси, какъ ссора съ Княземъ Владимиро-Ростовскимъ, могла остановить за разъ всѣ огромные торговые обороты его, завладѣть двигавшимися всюду его товарами, захватить самихъ дѣльцовъ и купцовъ, и поразить, такимъ образомъ, всѣ жизненныя силы его: онъ богатъ и силенъ только этѣми обширными, почти повсемѣстными, торговыми оборотами своими. Его политическое положеніе въ отношеніи другихъ частей Руси было по этому опять подобно настоящему положенію Англіи, которой всѣ богатства и силы тѣсно, неразрывно, связаны почти съ судьбою цѣлаго міра. Но со второй половины XII столѣтія его зависимость отъ Владимиро-Ростовского Князя сдѣлалась болѣе рѣшительною. Тремя главнѣйшими путями шла его обширная торговля: однимъ чрезъ Кіевъ, съ Византійской Имперіей, другимъ чрезъ земли Владимиро-Ростовскія, съ Азіятскими народами, и третьимъ чрезъ Чудскій заливъ и Балтійское море, съ Западомъ. Съ паденіемъ Тмутараканскаго Княжества Азіятская торговля должна была сосредоточиться на пути чрезъ Владимиро-Ростовское Княжество. Сверхъ того, мы должны припомнить, что Князья Владимиро-Ростовскіе, начиная съ Георгія, Андреева отца, и до самаго нашествія Татаръ, имѣли по временамъ обширное вліяніе на всѣ южныя системы нашего Государ-

ства, оставаясь постоянно внѣ всякой зависимости отъ Великихъ Кіевскихъ Князей, и замѣтить, что во второй половинѣ XII столѣтія торговля Кіева съ Византійской Имперіею и съ землями, входящими нынѣ въ составъ Восточной части Австрійскихъ владѣній, должна была много пострадать отъ усиленія Половцовъ въ степяхъ нынѣшней Южной Россіи: суда и караваны съ товаромъ не могли свободно подходить къ Кіеву, безъ содѣйствія значительныхъ военныхъ силъ. [39] Самое паденіе вліянія Кіева на Князей Полоцкихъ, Черниговскихъ, Владимиро-Волынскихъ и на земли Галицкія, равно какъ безпрерывныя смуты на Югѣ и отдаленность Кіева, для содѣйствія Новгороду военными силами, все это заставляло Новгородцевъ еще болѣе заискивать и по возможности поддерживать добрыя отношенія къ Князьямъ Владимиро-Ростовскимъ.

Новгородъ, подобно Англіи, долженъ былъ высматривать всюду выгоды свои, и онъ поддерживалъ ихъ, жертвуя, подобно же Англіи, для этого выгодами другихъ областей на столько, чтобъ не накликать на себя опаснаго врага. Да, нашъ Новгородъ была наша Англія. Вещественныя, а не нравственныя, выгоды опредѣляли его внѣшнія отношенія: нравственнаго начала въ внѣшнихъ дѣлахъ не существовало для Новгорода. Самая религія была, подобно какъ въ Англіи, орудіемъ вещественныхъ выгодъ, и по тому лѣтописи всѣхъ частей Руси, даже лѣтописи самаго Новгорода, относятся о Новгородцахъ, какъ объ людяхъ, для которыхъ клятва — игрушка: они постоянные клятвопреступники; клянутся, по тому что этого

---

[39] Ипатьев. стр. 93, подъ 1167 годомъ: Се же увѣдавши Половци, оже Князи не въ любви живуть, шедше въ порогы (Днѣпровскіе), начаша пакостити Гречьникомъ; и посла Ростиславъ Володислава Ляха съ вои, и възведоша Гречникы (суда изъ Греціи съ товаромъ). Тамъ же, стр. 94, подъ 1168: Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ вспмъ съвъкупитися у себе съ всими полки своими, и приде (такой и такой-то Князь, всего 11 Князей и Галичане)... и стояша у Канева долго время, дондеже взыде Гречникъ и Залозникъ, и оттолѣ възвратишася въ свояси. Тамъ же, стр. 98, подъ 1170: И нача молвити Мьстиславъ братьи своей: «Се, братье, Половцемъ есме много зла створили, вѣжѣ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, и стада и скотъ, а тѣмъ всяко пакостити Гречнику нашему и Залознику; а быхомъ въшли противу Гречнику.» И люба бысть рѣчь всѣ братьѣ, и рекоша ему братья: «Тако буди!...»

требуетъ необходимость, но въ душѣ таятъ другое, и при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ нарушаютъ эту клятву.[40] Всѣ обломки отъ жизни, всѣ порождавшіе тревогу и опасеніе въ другихъ частяхъ Руси, находили пріютъ въ Новгородѣ, если только пребываніемъ этѣхъ лицъ онъ могъ грозить за свои выгоды тревогой остальной Руси; въ противномъ же случаѣ онъ преслѣдовалъ и гналъ безъ изъятія, даже людей благороднѣйшихъ и дѣтей, даже казнилъ собственныхъ своихъ собратій, совершенно невинныхъ въ нравственномъ отношеніи: «Въ немъ выгоды наши гибнутъ!» вотъ и все обвиненіе для казни. Конечно, его политика не могла быть такъ изворотлива, такъ тонка, какъ Англійская, но и Новогородцы умѣли искусно замаскировывать себя личиной великодушія, безкорыстія, высокой образованной благонамѣренности, глубочайшаго себялюбія; отсюда, въ основаніи жизни Новгорода лежали тѣ же вещественныя выгоды, какъ и въ политикѣ Англіи, и правило одного изъ первыхъ мыслителей Англіи,[41] что отношенія должны быть опредѣляемы степенью выгодъ, и ни чѣмъ другимъ, т. е., ни чувствомъ любви, ни чувствомъ религіознымъ, ни чувствомъ благородства и самодостоинства, было весьма знакомо и въ Новгородѣ.

Съ этой точки зрѣнія объясняются совершенно достаточно отношенія Новгорода къ Князьямъ. Напрасно Новгородъ говоритъ Святославу: «Не дашь намъ своего сына на княженіе, такъ мы сыщемъ Князя въ другихъ земляхъ;» напрасно Новгородцы показывали видъ, что не очень дорожатъ назначеніемъ къ нимъ Князя-правителя тѣмъ или другимъ изъ Князей нашихъ; напрасно они показывали видъ, что, въ случаѣ несогласія относительно условій управленія, они имѣютъ еще передъ собою множество другихъ Князей, которые согласятся править ими на условіяхъ, ими предложенныхъ; ихъ Князь-правитель долженъ былъ принести съ собою для Новгорода право торговли въ другихъ частяхъ Руси: это было одно изъ первыхъ условій прочности его власти въ Новгородѣ. По этому ни одинъ изъ Князей Рязанскихъ, кото-

---

[40] См. ниже. Голосъ этотъ вторился по всей Руси.

[41] Блакстонъ.

рые совершенно ни чего не значили въ семъ отношеніи, не сидѣлъ на престолѣ Новгородскомъ. Князья Полоцкіе также не приглашались никогда править Новгородомъ, по тому что Полоцкъ былъ соперникомъ Новгорода по торговлѣ съ Западомъ, и Князья Полоцкіе, сѣвъ на престолѣ Новогородскомъ и покровительствуя торговцамъ Новгорода, измѣнили бы родной области: Новгородъ не могъ отъ него ожидать ни чего подобнаго; кромѣ того, Князья Полоцкіе не имѣли власти, которая сколько ни будь отражалась бы въ другихъ частяхъ Руси и которая могла бы покровительствовать ихъ торговлѣ, выгодамъ Новгородскимъ. Расчетъ Новгорода въ настоящемъ отношеніи былъ вѣренъ. Безполезно было ему призывать къ себѣ на престолъ Князей Полоцкой системы и Рязанской области. Тотъ же расчетъ указывалъ Новгородцамъ на Князя Кіевскаго, когда подъ рукой его, въ его волѣ, ходили Князья остальныхъ частей Руси: отъ него Новгородъ принималъ себѣ Правителя, даже Посадниковъ. Заискавши въ Князѣ Кіевскомъ, ставши подъ его руку, Новгородъ свободно могъ вести торговлю во всѣхъ областяхъ Русскихъ: Князя Кіевскаго слушаютъ всѣ области, и ослушниковъ онъ имѣетъ силу смирить. Князь Кіевскій, сверхъ того, даетъ вспомогательныя дружины и для подчиненія Причудскихъ народцевъ, которые тревожили и на сухомъ пути и на морѣ торговцевъ Новгорода, и обезопасываетъ такимъ образомъ путь этотъ, по которому стремились богатства къ Новгороду и изъ Новгорода. И Правители, назначаемые Новгороду Кіевомъ, остаются тамъ на долго: имъ не указываютъ пути, пока Кіевъ силенъ своимъ Княземъ. Такъ Владимиръ Великій оставался въ Новгородѣ до тѣхъ поръ, пока смерть отца не призвала его на Югъ; Ярославъ тоже, и обоимъ еще Новгородъ даетъ силу, для завладѣнія Кіевскимъ престоломъ, слѣдовательно, болѣе или менѣе еще обязываетъ ихъ, расчитывая, конечно, на болѣе вѣрное покровительство своей торговлѣ во всей тогдашней Руси съ ихъ стороны; Владимиръ, сынъ Ярослава, правилъ Новгородомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, до самой своей смерти, безсмѣнно. Безсиліе Великаго Князя надъ Князьями другихъ частей Руси, его отношенія къ нимъ, отражаются и въ отношеніяхъ къ нему Новгорода: онъ слабъ, онъ не господствуетъ надъ Князьями, есть другой Князь, хотя и не Великій, но который въ дѣйствительности имѣетъ большое вліяніе на другихъ, имѣетъ вліяніе нравственное, или опирающееся на его личныя достоинства и

свойства,—и Новгородъ выходитъ изъ подъ руки Великаго Князя, становится подъ руку сильнѣйшаго, даже безъ усилія, или требованія, сего послѣдняго Князя. Новгородъ преклоняется не предъ помысломъ о Великомъ Князѣ, не предъ Великимъ Княземъ, а предъ Княземъ-покровителемъ ихъ торговыхъ отношеній съ Русскими областями. Богъ Новгорода—золотой идолъ, который руководитъ всѣми ихъ отношеніями къ порядку, къ власти. Такъ въ Святополкѣ-Михаилѣ вся Русь признавала Великаго Князя; Новгородъ нѣтъ: по чему же? Онъ былъ Князь по праву, а не по вліянію: нравственное вліяніе на всѣхъ безъ исключенія Князей сосредоточивалъ тогда въ себѣ удѣльный Князь, Владимиръ Мономахъ;—и Новгородъ ищетъ себѣ Князя изъ его рукъ, покоряется этому удѣльному, а не Великому, Князю. Напрасно Святополкъ, согласно съ другими Князьями, отдаетъ Новгородъ въ управленіе Давиду: Давидъ остается тамъ недолго; [42] напрасно Великій Князь дѣлаетъ договоръ съ Мономахомъ, чтобъ потомки его, а не потомки Мономаха, правили Новгородомъ. Новгородцы не признаютъ договора: они унчтожаютъ всѣ ряды Князей, всѣ Княжескіе договоры, чтобъ только стать подъ руку Князя удѣльнаго, но такого удѣльнаго, который можетъ защитить ихъ торговлю вездѣ, даже въ самомъ Великомъ Княжествѣ; подъ руку Князя, котораго боялись и чтили, которому нравственно подчиненъ былъ самъ Великій Князь. Остальная Русь ставитъ Мономаха въ благоговѣйныя отношенія къ Святополку Михаилу, какъ Князя младшаго къ Князю старшему, какъ сына къ отцу: [43] Новгородъ насильственно попираетъ этѣ отношенія, и изъ сына благоговѣйнаго передъ отцомъ, передъ порядкомъ, дѣлаетъ нарушителя договора, мятежника,

---

[42] Предоставленіе въ его управленіе Новгорода упоминается подъ 1095 годомъ, а подъ 1097 управлялъ Новгородомъ уже другой Князь.

[43] Безподобно, какъ мы видѣли, выразила Русь этѣ отношенія въ торжественномъ совѣщаніи о походѣ на Половцевъ: «Вложи Богъ Володимеру въ сердце, и нача глаголати брату своему, Святополку, понужая его на поганыя, на весну... И посла Святополкъ къ Володимерю, глаголя: «Да быхомъ ся сняли (собрались), и о томъ подумали быхомъ съ дружиною»... И прінде Володимеръ.... и сѣдоша въ единомъ шатрѣ, Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И бывшу молчанью, и рече Володимеръ: «Брате! Ты еси старѣй; почни глаголати, како быхомъ промыслили о Русьской земли!» И рече Святополкъ: «Брате! Ты почни!» И рече Володимеръ. Ипат. стр. 1.

какъ это онъ дѣлалъ и потомъ съ сыномъ Невскаго. И не Давидъ, не дѣти, не внукъ Святополка-Михаила, не власть Великокняжеская управляетъ Новгородомъ, а Князь удѣльный съ своимъ родомъ, не только не искавшій самъ этого, но благоговѣйно стоявшій передъ старшимъ Княземъ и заискиваемый насильно Новгородомъ. [44] Этотъ родъ, послѣ смерти Святополка-Михаила, удерживаетъ за собою право на Великокняжескій престолъ; но Новгородъ покоряется этому роду до тѣхъ поръ, пока временно не поколебалось вліяніе этого рода на дѣла другихъ частей Государства: тогда онъ немедленно же станетъ въ тѣ же отношенія къ Великому Князю и изъ этого рода, въ какихъ стоялъ къ Святополку-Михаилу. Это было во время Ярополка, одного изъ благородныхъ, но безталантныхъ Князей. Власть Великокняжеская въ его лицѣ была поколеблена однимъ изъ удѣльныхъ Князей (Всеволодомъ Ольговичемъ), который силою заставлялъ Великаго Князя смириться передъ собой: но этотъ сильный, этотъ нарушитель порядка, пріобрѣтаетъ вліяніе на всѣ дѣла Южной Руси, и Новгородъ немедленно же обнаруживаетъ колебаніе противъ Князя-правителя, назначеннаго Ярополкомъ (Всеволода Мстиславича), не знаетъ, удержать ли его у себя, или изгнать, [45] но съ успѣхами Всеволода противъ Великаго Князя, онъ

---

[44] Декабря 20 дня прінде Мстиславъ, сынъ Володимирь, съ Новогородцы къ Кіеву; бѣ бо Святополкъ рядъ имѣлъ съ Володимиромъ, яко Новгороду быти Святополчу, и посадити сынъ свой въ немъ, а Володимиру посадити сынъ свой въ Володимирѣ. И прінде Мстиславъ къ Кіеву, и сѣдоша въ избѣ со Святополкомъ, и рѣша мужи Володимири Святополку: «Се прислалъ Володимиръ сына своего съ Новогородцы, да, поимши сына твоего къ Новгороду, а Мстиславъ да идеть къ Володимирю.» И рече имъ Князь Великій Святополкъ: «Межи нами Богъ и правда есть; како урядимся есмы съ Володимиромъ, яко Новгородъ мнѣ есть, да идетъ въ Новгородъ сынъ мой». Рѣша Новогородцы Святополку: «Се мы, Княже, присланы къ тобѣ; рекли намъ тако: «Не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ главы имѣетъ сынъ твой, то посли; а сего ны далъ Всеволодъ, да воскормили есмо себѣ Князя, а ты еси шелъ отъ насъ.» Святополкъ же имѣ многу прю съ ними; онимъ же не хотѣвшимъ, поимаша Мстислава, и ведоша паки къ Новгороду. Кенигсб. стр. 167.

[45] И приде (Всеволодъ) опять Новгороду; и бысть въстань велика въ людехъ, и выгониша Князя Всеволода изъ города.... и паки сдумавъше, въспятиша и (его).

уже колеблется менѣе, и изгоняетъ Всеволода, принявъ къ себѣ Князя правителя изъ рукъ Всеволода Ольговича. [46] Но вотъ этотъ Всеволодъ, послѣ смерти Ярополка, дѣлается самъ Великимъ Княземъ, и Новгородъ знаетъ, что, съ достиженіемъ Великокняжескаго престола, онъ утратилъ совершенно свое вліяніе на дѣла Юга; знаетъ, что онъ не въ ладахъ съ Князьями Черниговскими; знаетъ, что онъ обсажался кругомъ Мономаховичами; что сіи послѣдніе и удаленные отъ Великокняжескаго престола составляютъ кормчихъ Юга, имѣютъ даже съ Сѣверовосточными областями связи; слѣдовательно, также могутъ покровительствовать ихъ торговымъ дѣламъ; предвидятъ, что родъ Всеволода не можетъ утвердить за собою Великокняжескаго престола; что этотъ престолъ принадлежитъ по областному праву Мономаховичамъ, которымъ, въ лицѣ Ярополка, они измѣнили уже; предвидятъ, что Мономаховичи снова займутъ его, удерживая за собой до того времени одно нравственное вліяніе; знаютъ все это, и дерзко, съ пренебреженіемъ, минуя властителя корабля, предъ которымъ только что кланялись, дружатъ съ кормчими, заискиваютъ въ нихъ! И напрасно Великій Князь захватываетъ всѣхъ ихъ пословъ, ихъ Епископа, ихъ гостей, чтобъ заставить ихъ почтить свое назначеніе: онъ самъ долженъ уступить, по тому что былъ въ рукахъ кормчихъ, и, просидѣвши 9 мѣсяцевъ безъ Князя, Новгородцы, минуя Великаго Князя, получаютъ въ правители роднаго кормчихъ (Ростислава Георгіевича), а потомъ и самъ Великій Князь согласился дать имъ въ правители Князя, котораго они желали и который, чрезъ значеніе своего рода, могъ легче покровительствовать ихъ торговлѣ на Югѣ и на Сѣверѣ (Святополкъ, одинъ изъ Мономаховичей). Таковы отношенія между Новгородомъ и Великимъ Княземъ. Новгородъ не благоговѣетъ передъ главою Руси; поклоняется передъ Великимъ Княземъ, пока онъ имѣетъ силы и можетъ покровительствовать обширной торговлѣ Новгорода по всему Государству, или можетъ грозить ему; но едва вліяніе его поколебалось, Новгородъ тотчасъ, замѣчая это, измѣняетъ ему и дѣйствуетъ противъ него дерзко и смѣло. Новгородъ не можетъ дать опоры для развитія средоточной власти, которую сознала и лелѣяла древняя Русь, осуществляя въ ней идею нашего Самодержавія, на

---

[46] Святославъ Ольговичъ, братъ Всеволода.

которую, какъ мы видѣли, полагались предки, какъ на твердыню, о которую сокрушится спесь старыхъ докняжескихъ Бояръ, попиравшая благосостояніе общественное, и объ которую сокрушились внутреннія крамолы, междоусобія, подъ вліяніемъ которой зрѣло семейное чувство до чувства любви Государственной, которая сосредоточила въ себѣ силы народа и сокрушила силы сильныхъ враговъ нашихъ, которая олицетворила въ себѣ высоко нравственное значеніе власти и дала великій образъ самому народу Русскому. Новгородъ самъ полонъ этой спеси, и поддерживаетъ ее всѣми силами; полонъ себялюбія, которое поражаетъ самыя семьи и поселяетъ между членами семьи раздоръ. Новгородъ противникъ новой жизни, и признаетъ ее на столько, сколько указываетъ нужда, для того, чтобъ покровительствовать чувству общественнаго себялюбія, выгодамъ вещественнымъ, обширной торговлѣ, связывавшей его со всѣми остальными частями Государства. Ставши подъ руку Великаго Князя, онъ не думалъ быть вѣренъ ему: поколеблютъ обстоятельства силу Великаго Князя,—и Новгородъ измѣнитъ ему: правитель, назначенный Великимъ Княземъ, не будетъ его правителемъ. Неопредѣленность или колебаніе въ исходѣ борьбы Великаго Князя съ противниками, заставляетъ также дѣйствовать неопредѣленно и выжидать, на которой сторонѣ будетъ побѣда. [47] Положительное колебаніе власти, вліянія Великаго Князя, какъ мы уже выше объясняли, даетъ теперь Новгородцамъ рѣшимость дерзко дѣйствовать противъ воли Великаго Князя, въ назначеніи правителя для Новгорода. Идея жизни, общая для цѣлаго Государства, идея патріотизма, національности, однимъ словомъ, жизнь духа порабощается въ Новгородѣ думою о выгодахъ вещественныхъ. Матеріяльный расчетъ опредѣляетъ въ Новгородѣ тѣ или другія отношенія его къ Великому Князю, къ власти, блюдущей жизнь, цѣль, порядокъ и стройность жизни.

---

[47] Не зная, чѣмъ кончится возобновившаяся въ 1139 году война между Великими Князьями, Ярополкомъ и Всеволодомъ, Новгородъ отказался отъ брата Всеволодова, Святослава, но и не просилъ къ себѣ правителя отъ Великаго Князя, «ждуще», какъ сказано въ лѣтописи, «оправы Ярополку съ Всеволодомъ»; до рѣшенія же спора имъ правитъ правитель отъ Князя Суздальскаго; но когда Всеволодъ незаконнымъ образомъ завладѣлъ Кіевскимъ престоломъ, Новгородъ немедленно же признаетъ въ удаленномъ, можно сказать, за часъ правителѣ своемъ, опять своего правителя.

Вотъ по чему Новгородъ, поразивъ полчища Андрея, самъ же первый ищетъ въ немъ, самъ же первый хлопочетъ стать подъ его руку: гордыня склонялась предъ выгодами вещественными! Между тѣмъ Новгородъ отлично хорошо понимаетъ сокрушительное для себя значеніе Великихъ Князей Сѣверо-Восточной Руси; онъ видѣлъ, какъ и на чемъ возсоздавалась сила и могущество этѣхъ Князей; онъ зналъ, что въ основаніяхъ этой силы, этого могущества, лежитъ помыслъ преобладанія духа надъ жизнію матеріяльною, помыслъ правды, порядка, лежитъ духъ, мощно сокрушающій во внутренней жизни преграды, опиравшіяся на матеріялизмъ, на матеріяльную силу и богатства, на духъ язычества, отяжелѣвшій надъ жизнію, на себялюбіе, на преданность земному; духъ, сокрушающій грубую, холодную спесь, не знавшую благородныхъ, высокихъ движеній духа, поработившую любовь собрата къ собрату, помыслъ правды, исполненную однихъ черныхъ козней и кичащуюся величіемъ праха надъ жизнію любви, правды, надъ жизнію вѣчной духа. Предъ глазами Новгорода совершилась эта борьба въ Сѣверо-Восточной Руси, предъ глазами же его помыслъ любви и правды восторжествуетъ разомъ надъ матеріялизмомъ и воздвигнетъ силу и могущество этой Руси. Онъ слышалъ отъ перваго самобытнаго сдѣсь Князя рѣчь властительную къ себѣ; сынъ этого Князя еще рѣзче выразился къ Новгороду: ни тотъ, ни другой не могли помирить въ духѣ своемъ благородныя, высокія требованія, которыми напитывала ихъ новая жизнь и давала имъ силу, крушила сопротивленія съ кичливостію Новгорода. Боголюбскій объявилъ Новгородцамъ, что онъ, во что бы то ни стало, поставитъ ихъ подъ свою волю: это требованіе было требованіемъ новой жизни, имѣвшимъ мощную и громадную опору во внутренней борьбѣ области Андрея. Одна мощь новой жизни въ этой части Руси пугала Новгородъ и заставляла искать мѣръ спастись отъ вліянія ея. Два рода этѣхъ мѣръ представлялись Новгороду: одними противодѣйствовать, выставляя въ противодѣйствіе областное несогласіе между Князьями, выставляя Князей другихъ частей Государства противъ властительства Князей Сѣверовосточной Руси; другими заискивать въ сихъ послѣднихъ, стараясь по возможности почтить требованія, желанія, уклоняясь, однако жь, отъ ихъ непосредственнаго вліянія на внутреннюю Новогородскую жизнь. Тѣ и другія мѣры, при приведеніи ихъ въ исполненіе, были до чрезвычайности сложны и затруднительны. Новго-

родъ долженъ былъ весьма искусно рѣять. Удовлетворяя требованіямъ и желаніямъ Князей одной системы, онъ могъ возбудить противъ себя недовольство другихъ; а его Богъ, его душа, выгоды вещественныя, требуютъ мира и согласія со всѣми; [48] нужно было, при неизбѣжномъ недовольствѣ съ той или другой стороны, водворить миръ со стороны болѣе выгодной въ матеріяльномъ отношеніи, и сдѣсь Новгородъ, съ постепеннымъ ослабленіемъ вліянія Кіева и съ возрожденіемъ Владимиро-Ростовскаго Княжества, становится опять лицомъ къ лицу съ новой жизнію: выгоды вещественныя заставляли заискивать миръ преимущественно со стороны Князей Сѣверо-Восточной Руси. И такъ нужно было враждовать всѣми силами противъ требованій этой Руси, и нужно, въ то же время, всѣми силами заискивать въ ней, чтобъ осуществить главнѣйшую цѣль своего существованія. А эта Русь, съ своей стороны, стремилась, при управленіи Новгородомъ, къ осуществленію въ немъ своихъ основъ. Сдѣсь завязывалось у Новгорода дѣло не о 2 тысячахъ гривенъ, которыя онъ платилъ Кіеву мира дѣля, или за покровительство.

Небосклонъ всей политики и отношеній между Князьями различныхъ системъ былъ открытъ предъ Новгородомъ. Всѣ измѣненія въ этой политикѣ и отношеніяхъ, имѣвшія вліянія на Новгородскія выгоды, отражались ясно въ политикѣ и отношеніяхъ Новгорода къ самимъ Князьямъ. Раздвоеніе выгодъ Новгорода на двѣ главнѣйшія вѣтви, на вѣтвь торговли съ Югомъ и на вѣтвь торговли Восточной, и соперничество между Князьями Южной Россіи и Владимиро-Ростовскимъ за первенство въ распоряженіи судьбами Руси и самаго Новгорода, выражалось въ Новгородѣ тѣмъ же раздвоеніемъ между Новогородцами: одни въ этомъ соперничествѣ ясно держались Юга, другіе Сѣверо-Востока, сохраняя главную цѣль Новогородской

---

[48] По сему мы находимъ даже примѣры, что Новгородцы вмѣшивались въ ссоры Князей, и старались о прекращеніи войны между ними: такъ они посылали цѣлую почетную депутацію для прекращенія войны между Ярополкомъ и Всеволодомъ Черниговскимъ. Война эта, конечно, страшно вредила торговымъ предпріятіямъ Новгорода. Кіевъ игралъ тогда важную роль для Новгорода въ этѣхъ предпріятіяхъ, передавая послѣднему товары Восточной Имперіи и принимая отъ него сырые товары Сѣвера и товары Западной Европы.

политики — пользоваться покровительствомъ власти, правившей жизнію Руси, и удержать за собою разрушительную старину. Раздвоеніе это выразилось смѣною Посадниковъ, бѣгствомъ и изгнаніемъ, наконецъ казнями и убійствами. Обращая вниманіе на равнодушіе, съ которымъ Новогородцы смотрѣли, править ли ими тотъ или другой Князь, мы, кажется, съ достовѣрностію можемъ сказать, что стороны Юга держались Юга по тому, что имѣли свои главнѣйшія торговыя выгоды на Югѣ, а стороны Владимиро-Ростовскія въ земляхъ Владимиро-Ростовскихъ. Впрочемъ, на раздвоеніе въ семъ отношеніи Бояръ могли имѣть также вліяніе, какъ увидимъ ниже, и личныя враждебныя отношенія, и духъ соперничества между Боярскими родами.

Послѣ этого очерка положенія Новгорода въ отношеніи различныхъ частей Государства становятся ясными и странныя съ перваго взгляда отношенія его къ Андрею Боголюбскому: Владимиро-Ростовскій Князь могъ однимъ своимъ словомъ разстроить ихъ Азіятскую торговлю и торговлю съ собственными своими землями; могъ и не пропустить къ Новгороду жизненныхъ припасовъ. Къ этому мы должны прибавить еще два важныя обстоятельства, ставившія Новгородъ еще въ большую зависимость отъ Князей Владимиро-Ростовскихъ. Отряды, посылаемые изъ Новгорода, для собранія дани съ разныхъ областей теперешней Сѣверо-Восточной Руси, не были столь сильны, чтобъ въ состояніи были выдерживать сколько ни будь значительную битву: Князь Владимирскій могъ задерживать, или перехватывать, ихъ. Сверхъ того, какъ сосѣдъ Новогородскихъ владѣній, онъ могъ дѣлать вторженія въ ближайшія пограничныя части этѣхъ владѣній, въ случаѣ недовольства своего на Новгородъ, и защита этѣхъ областей отъ подобныхъ вторженій была почти всегда для Новгорода невозможною, по причинѣ значительной растянутости его владѣній и отдаленности средоточія военныхъ силъ отъ границъ. [49] Между тѣмъ духъ Сѣверо-Восточной Руси, разрушавшей

[49] Въ 1273 году изъ этѣхъ мѣръ были приведены въ исполненіе противъ Новгорода за разъ три: Василій выжегъ Торжекъ, и посадилъ тамъ своего Тіуна, а братъ его, Святославъ, «съ Тферичи начаша воевати волость Новогородскую, Волокъ, Бѣжичи, Вологду, а въ Новѣгородѣ хлѣбъ бысть дорогъ, а у гостинниковъ по Низовьской земли товаръ отъимаша.» Нов. I, стр. 63.

мощно старину, былъ исполненъ вражды противъ быта Новогородскаго, и этѣмъ духомъ могли свободно пользоваться Князья Владимиро-Ростовскіе: обстоятельство важное, которое, конечно, также обращало на себя вниманіе политиковъ Новгородскихъ.

Андрей не могъ не знать всѣхъ сихъ средствъ, которыя были въ его власти противъ Новгорода. Уже подъ 1141 годомъ южный лѣтописецъ замѣтилъ, что Новгородъ не можетъ обойтись безъ подвоза хлѣба изъ другихъ областей, а въ 1179 году отецъ Андрея, Георгій, желая стѣснить Новгородцевъ, употребилъ противъ нихъ еще другое изъ сказанныхъ средствъ. Въ 1169 году самъ Андрей высылалъ дружину для задержанія Новогородскихъ данниковъ. [50] Послѣ неудачнаго своего похода на Новгородъ, онъ, кажется, прибѣгнулъ къ другому способу заставить Новогородцевъ поклониться себѣ, именно не пускалъ, сколько можно догадываться, къ нимъ хлѣба, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, быть можетъ, стѣснилъ вообще всю ихъ торговлю въ своихъ владѣніяхъ. По крайней мѣрѣ, изъ лѣтописи видно, что въ слѣдующемъ же году, послѣ претерпѣннаго войскомъ Андрея пораженія, обнаружилась въ Новгородѣ дороговизна на жизненные припасы: «была дороговизна въ Новгородѣ: покупали кадь ржи по 4 гривны, а хлѣбъ по 2 ногаты, а медъ по 10 кунъ за пудъ;» слѣдовательно, можно предполагать, что торговля съ владѣніями Андрея не была возстановлена съ

---

[50] Нов. I, стр. 14. Иде Даньславъ Лазутиницъ за Волокъ даньникомъ съ дружиною, и присла Андрей изъкъ свой на нь, и бишася съ ними; и бѣше Новгородьць 400, а Суждальць 7000, и пособи Богъ Новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а Новгородьць 15 мужь; и отступиша Новгородьци, и опять воротившеся взяшя всю дань. Подъ 1149 годомъ въ Новогородской Лѣтописи отмѣчено: Идоша даньницы Новогородьстіи въ малѣ, и учювъ Гюрги, оже въ малѣ шли, и посла Князя Берладьскаго съ вои, и, бившеся мало нѣгдѣ, сташа Новгородьци на островѣ, а они противу ставше, начаша городъ чинити; въ лодьяхъ идоша Новогородьци къ нимъ на третій день, и бишася; и много леже обоихъ, въ Суждальць безъ числа. П. С. Р. Л., стр. 11. При семъ не можемъ не сказать, что самохвальство составляетъ одну отличительную черту Новгородскихъ лѣтописей. Подъ 1141 годомъ въ Ипатьевской Лѣтописи: и не стерпяче безъ Князя сѣдити, и ни жито къ нимъ не идяше ни откол же, и посла Гюргеви (отецъ Андрея) мужи своя, и пояша Ростислава Гюргевича, и посадиша Новогородьци съ великою честью Новѣгородѣ на столѣ своего ему отца. П. С. Р. Л. стр. 17.

окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Нельзя не замѣтить также, что, въ слѣдъ за разсказомъ о дороговизнѣ, лѣтописецъ дѣлаетъ немедленно же слѣдующій переходъ: «и вздумали Новогородцы, показали путь Князю Роману, а къ Князю Андрею послали за миромъ на всей волѣ своей.»

Такова была связь между враждою Новгорода къ Андрею и поклономъ его предъ тѣмъ же Княземъ. Ключъ отъ воротъ, чрезъ которыя шла обширная торговля Новгорода съ Сѣверо-Восточною Русью и Азіей, и чрезъ которыя Новгородъ получалъ жизненные припасы, былъ въ рукахъ Боголюбскаго: сей послѣдній могъ затворить и, кажется, затворилъ эти ворота, по крайней мѣрѣ, для подвоза въ Новгородъ жизненныхъ припасовъ, и поставилъ тѣмъ Новгородъ въ затруднительное положеніе. [51] Это обстоятельство по-

---

[51] Въ самыхъ договорныхъ грамотахъ, относительно свободнаго вывоза хлѣба и другихъ произведеній изъ Восточной Руси въ Новгородъ, мы встрѣчаемъ выраженіе «затворить, или отворить ворота.» Такъ, въ договорной грамотѣ 1318 года: «А гости всякому гостити безъ рубажи, а ворота ти отворити, и хлѣбъ ти пустити, и всякой ти гость пустити въ Новгородъ.» № 14. Въ договорной грамотѣ 1426 года (№ 18) встрѣчаемъ то же самое выраженіе. Въ грамотѣ 1317 года: «А какъ возмешь Князь и двѣстѣ, тако ему пустиши хлѣба и всякой гость.» Въ 1215 году недовольство Сѣверо Восточной Руси и остановка чрезъ то подвоза жизненныхъ припасовъ повлекли за собою страшныя послѣдствія— голодъ и моръ: «Тои же осени много зла ся сотвори, поби мразъ обилье по волости, а на Тържьку все чѣло бысть. И зая Князь вьршь на Тържьку, не пусти въ городъ ни воза; и послаша по Князя (Ярослава, который удалился изъ Новгорода, недовольный на него, и который теперь дѣйствовалъ въ отношеніи Новгорода, какъ врагъ, и не пускалъ туда ни воза хлѣба).... и кого послаша, и Князь прія. А Новѣгородѣ зло бысть вельми: кадь ржи куплахуть по десати гривенъ, а овса по три гривнѣ, а рѣпѣ возъ по 2 гривьнѣ; ядяху люди сосновую кору, и листъ липовъ, и мохъ. О горе тогда, братье, бяше! дѣти своѣ даяхуть одьрень. И поставиша скудельницю, и наметаша полну. О горе бяше! По тьргу трупіе, по улицямъ трупіе, по полю трупіе, не можаху пси изъѣдати человѣкъ; а Вожане помроша, а останькѣ разъидеся. И тако, по грѣхомъ нашимъ, разъидеся власть наша и градъ нашь.... И бысть Новѣгородѣ печаль и въпль.» Пол. Соб. Р. Л., т. III, стр. 33. Ниже мы приведемъ еще нѣсколько данныхъ, которыя показываютъ, что Новгородъ не могъ обойтись безъ хлѣба Восточной Руси. Между другими товарами, получаемыми Новгородомъ для себя и заграничной торговли изъ Владимиро-Ростовскихъ земель, были: медъ, воскъ, ленъ и хмель.

рождало страшное противорѣчіе въ самихъ Новогородцахъ: они хотѣли высвободить свои выгоды изъ подъ вліянія Великаго Князя, а между тѣмъ ихъ важный интересъ былъ совершенно въ волѣ сего Князя, и они видятъ невозможность полнаго высвобожденія, — и кланяются Князю. Вотъ отношенія ихъ къ Боголюбскому, когда они обратились къ нему съ просьбою о назначеніи имъ Князя. Мощно и всѣми силами они борятся противъ Владимиро-Ростовскаго Князя, когда Боголюбскій стремится силою подчинить Новгородцевъ волѣ своей, стремится заставить ихъ признать въ себѣ главу свою, и одерживаютъ надъ Андреемъ верхъ; но, поставивъ себя въ положеніе независимое отъ Князя Владимирскаго въ этомъ отношеніи, доказавъ ему на дѣлѣ, что не страшатся силъ его и могутъ бороться съ нимъ успѣшно; однимъ словомъ, лишивъ Андрея надежды подчинить ихъ силою, они приносятъ все остальное на жертву: сами же первые обращаются къ Князю Владимирскому съ предложеніемъ о мирѣ; принимаютъ изъ рукъ его въ Князья-правители сначала Рюрика, потомъ сына его, Георгія, а въ Посадники, своего бѣглеца, Боярина Жирослава. [52] Роля новаго начала замѣчательна во всѣхъ этѣхъ отношеніяхъ Новгорода къ Боголюбскому. Нѣтъ сомнѣнія, что,

---

[52] Первый поклонъ Новгорода (1170 г.) не могъ удовлетворить Андрея. По Софійской Лѣтописи, условіемъ мира Новгородцы предложили Андрею—назначить имъ Князя, который бы правилъ Новгородомъ, по волѣ самого Новгорода: подобнаго условія духъ новой жизни, съ которымъ такъ согласовался природный мощный характеръ Андрея, не могъ вынести, и Новгородцы видимо ошиблись въ своемъ расчетѣ: Андрей отказался отъ Новгорода въ пользу Рюрика, который, не пробывъ въ Новгородѣ и двухъ годовъ, тайно оставилъ его. * Посылая вторичный поклонъ (1172 г.) Владимиро-Ростовскому Князю, Новгородцы уже видимо дѣлаютъ уступку, отказываются отъ права на назначеніе Посадника, соглашаясь, вопреки своему желанію, принять въ Посадники Боярина, назначеннаго Андреемъ, вмѣсто бывшаго у нихъ тогда, Ивана Захарьевича: Присла (Андрей) Жирослава посадницать съ мужи своими. Послѣ того только Андрей далъ имъ въ правители сына своего, Георгія, и Новогородцы, успокоивъ такимъ образомъ Андрея, чтобъ примириться вполнѣ съ нимъ и имѣть Посадникомъ желаннаго имъ, отправляютъ для переговоровъ самаго Архіепископа Илію Ходи Арьхіепископъ... къ Андрею на вьсю правьду. Тъгда же и дана опять посадництво Иванъкови Захарінцу.

* Соф. I, стр. 164, и Лавр. 155: выбѣже Рюрикъ изъ Новгорода. Новгор. I: иде Рюрикъ изъ Новгорода. Ипатьев: выйде Рюрикъ изъ Новгорода.

имѣя представителемъ своимъ въ Новгородѣ сторону Торговую, онъ въ самомъ началѣ войны съ Андреемъ долженъ былъ ясно видѣть, что война сія повлечетъ разстройство въ торговлѣ Новогородской, въ торговлѣ его собственной, но, не смотря на то, онъ является въ этой войнѣ совершенно слитымъ съ началомъ старымъ, и вмѣстѣ съ нимъ мощно борется противъ полчищъ Андрея. [53] Ясно, что дума о Княжеской власти, отъ которой онъ не могъ оторваться, не достигала того развитія, чтобъ онъ призналъ въ этой власти волю полную, независимую, и уничтожилъ бы въ этой волѣ древній порядокъ, подчинилъ бы ей докняжескихъ Бояръ, чего онъ, по видимому, такъ добивался, какъ добивались и достигали этого другія части Государства.

Да, подобнаго развитія, до котораго достигали другія наши области, не было въ Новгородѣ; въ противномъ случаѣ минута войны Боголюбскаго была бы благопріятнѣйшею для новаго начала: недовольство на старый порядокъ вещей должно бы было соединиться тогда съ видами на утвержденіе порядка новаго, находившаго могучую опору себѣ въ силахъ Князя Владимиро-Ростовскаго; ибо онъ походомъ своимъ желалъ только установить въ Новгородѣ такой же порядокъ въ помыслѣ о Князѣ, какой утверждался въ Сѣверо-Восточной Руси, желалъ подчинить жизнь высшему началу, а съ тѣмъ вмѣстѣ ограничить докняжескихъ Бояръ въ ихъ произволѣ, и, ограничивъ этотъ произволъ, давъ силу новому помыслу, онъ, конечно, далъ бы просторъ новому началу и въ его торговыхъ предпріятіяхъ. Новое начало въ Новгородѣ ни сколько не походитъ на новое начало, развившееся въ Сѣверо-Восточной Руси, въ лицѣ Володимирцевъ, а потомъ въ лицѣ Москвитянъ; онъ не стремится сдѣсь подъ покровъ

---

[53] Замѣчательно, что образъ Знаменской Божіей Матери, которому Новогородцы приписали все торжество побѣды своей надъ дружинами Андрея, составляетъ святыню торговой стороны, гдѣ и устроенъ, въ память побѣды, Знаменскій храмъ (въ настоящее время великолѣпный соборъ), въ которомъ и нынѣ этотъ образъ находится. Пол. Соб. Рус. Лѣт. т. III, стр. 228: Поставлены быша двѣ церкви каменныхъ: Знаменіе Пресвятѣй Богородицы, на Ильинѣ улицы, повелѣніемъ Владыки Моисея и всего Новогородскаго священства людей, послѣ чудеси спустя 185 лѣтъ и тогда, молитвами Пресвятыя Богородицы, веліе чудо сотворися въ Великомъ Новѣградѣ, что Новгородскіе людіе рыбу руками имаша у брега, сколко кому надобно...

Князя, а, напротивъ, встрѣчаетъ полчища Андрея съ чувствомъ страшно враждебнымъ. И по чему? По чему онъ забываетъ при этомъ и недовольство свое противъ стараго порядка, и временныя выгоды торговли своей съ земляли Владимиро-Ростовскими? И чего жь онъ искалъ? Онъ искалъ, по видимому, новаго порядка, и теперь не только не поддерживаетъ этотъ порядокъ, а самъ мощно противодѣйствуетъ утвержденію его: онъ кичливъ и въ отношеніи новаго порядка, какъ кичливъ въ отношеніи порядка стараго; онъ ищетъ не покрова жизни, а вождя, который утвердилъ бы его въ исключительныхъ торговыхъ выгодахъ, и для этого готовъ жертвовать какъ старымъ, такъ и новымъ, порядкомъ; ему нуженъ не порядокъ, а исключительныя выгоды, и въ Князьяхъ своихъ онъ хочетъ видѣть не болѣе, какъ вождей къ достиженію этой-то исключительности. Утвердивъ власть свою надъ Новгородомъ, Андрей не могъ бы допустить этой исключительности, какъ совершенно несогласной съ народнымъ помысломъ о Княжеской власти, и въ выгоды Новгородскихъ торговцевъ вошли бы другіе подданные Князя Владимирскаго. Сего-то всего больше страшится Торговая Сторона. Чтобъ избѣжать этого столкновенія областныхъ выгодъ, вообще дорогихъ и для другихъ частей древней Русіи, Новгородъ имѣлъ другой путь замкнуться отъ прямаго вліянія срединной Княжеской власти утвержденіемъ на престолѣ своемъ одной Княжеской вѣтви: это былъ общій путь древней Руси; но и этотъ путь требовалъ жертвъ, а Новгородъ, увлекаясь выгодами, не хотѣлъ ни чѣмъ жертвовать. Въ этомъ направленіи своемъ, въ періодъ Татарскій, онъ высказался яснѣе; тогда онъ ревнуетъ къ своимъ выгодамъ не только подданныхъ Великаго Князя, но и самаго Великаго Князя: обязываетъ его особой договорной статьей не имѣть, для продажи собственныхъ лавокъ въ Новогородскомъ Нѣмецкомъ гостинномъ дворѣ, а весь товаръ, привозимый отъ него для заграничнаго сбыта и складываемый въ этомъ дворѣ, продавать посредствомъ ихъ же, Новогородскихъ торговцевъ; [54] далѣе не имѣть при этомъ дворѣ своихъ собственныхъ полицейскихъ чиновниковъ (приставовъ), не вмѣшиваться въ

[54] А въ Нѣмечкомъ дворѣ тебѣ, Княже, торговати нашею братьею.—Въ первый разъ это условіе появляется въ договорной грамотѣ 1270 г., и потомъ постоянно повторялось въ грамотахъ до самаго паденія Новгорода. Пол. соб. гр. и дог. т. I, №№ 3, 6, 7, 8, 15, 20.

назначеніе времени, въ которое можетъ, и въ которое не можетъ, производиться въ ономъ торговля, т. е., поставить наблюденіе за порядкомъ въ этомъ дворѣ за самими же Новгородцами. [55] Въ этѣхъ видахъ Торговая Сторона выговариваетъ у Князя также другое условіе, именно, чтобъ пошлины, которыя онъ получалъ съ земли Заволоцкой натурой, были отвозимы не прямо въ Великое Княжество, а чрезъ Новгородъ, т. е., продавались не кому другому, какъ ей же, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ Князь не могъ свободно располагать продажею пошлинныхъ произведеній и, продавая ихъ въ другомъ городѣ, гдѣ могло бы быть болѣе соперничества при покупкѣ, возвышать этѣмъ соперничествомъ цѣны на произведенія; наконецъ, даже прямо выговариваетъ за собою право на исключительную покупку этѣхъ произведеній. [56] Мало этого: пользуясь владычествомъ Монголовъ, Сторона эта успѣла ограничить власть Великихъ Князей по торговлѣ своей не только въ Новгородѣ, но и въ самомъ Великомъ Княжествѣ: свобода и выгода ея торговли опредѣлена была сдѣсь Ханскою грамотою, которую Новогородскіе торговцы исходатайствовали себѣ у враговъ нашей родины. [57] Вотъ чего страшится

---

[55] А двора (Нѣмечькаго) ти не затворяти, и Приставовъ не приставливати.—Тамъ же. Въ договорной съ Иваномъ III, 1471 года, это условіе уже выражено ограниченнѣе, и первая половина его: «а дворъ ти не затворити», выпущена.

[56] А за Волокъ ти слати своего мужа изъ Новгорода въ дву насаду по пошлинѣ, а опять ѣхать туды же на Новгородъ, и съ низу ти не слати, такоже и въ Бѣжицѣ. Тамъ же №№ 6, 7, 8 (съ Мих. Яросл. 1305 г.). Въ слѣдующей за тѣмъ (№ 9), заключенной съ Михаиломъ же Ярославичемъ въ томъ же 1305 г.: А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати Новогородца; а тебѣ серебро емати. Въ договорѣ съ тѣмъ же Княземъ 1307 г.: А за Волокъ ти, Княже, своего мужа не слати, продаяти дань своя Новогородцю (№ 10). Въ 1317 г. это условіе замѣнено слѣдующимъ: А за Волокъ ѣздити судьи, како пошло, по Новогородской пошлинѣ (Тамъ же, съ Мих. Ярос.).

[57] А гости нашему гостити по Суждальской землѣ безъ рубежа, по Царевѣ грамотѣ (тамъ же №№ 6, 7, 8, 15). Въ 1375 уже иначе: А гости гостити съ обѣ половинѣ безъ рубежа. Еще прежде того, въ 1327 году, прибавлено: А Суждальскому гости гостити въ Новгородѣ безъ рубежа, безъ пакости. Уже смиренный предъ Иваномъ III, Новгородъ все еще напоминаетъ ему о Ханской грамотѣ. Въ договорѣ съ нимъ, 1471 года, говоритъ: А гостемъ гостити безъ рубежа по Царевой грамотѣ. См. П. собр. грам. и дог. т. IV, стр. 107 и 108.

и вотъ чего добивается Торговая Сторона, эта представительница въ Новгородѣ новаго начала. Вещественныя выгоды—ея жизнь, цѣль жизни, цѣль всѣхъ желаній, всей дѣятельности, ея Богъ. Она противодѣйствуетъ старому порядку по тому, что, какъ будто бы, надѣется на возстановленіе новаго; между тѣмъ противодѣйствуетъ и новому порядку, какъ противодѣйствуетъ порядку старому: она кичлива, она дѣйствуетъ беззаконно, она разрушаетъ всякій порядокъ въ стремленіи своемъ къ стяжаніямъ, къ вещественнымъ выгодамъ: и порядокъ старый, продолженіе существованія котораго утверждено было самимъ Ярославомъ, и порядокъ новый, который долженъ бы былъ водвориться въ Новгородѣ въ помыслѣ о Князѣ, двигавшемъ событіями во всѣхъ остальныхъ частяхъ тогдашней Руси.

По этому, старое докняжеское начало, казалось, по основнымъ своимъ стремленіямъ, находилось въ враждебныхъ отношеніяхъ къ началу новому, между тѣмъ въ дѣйствительности почти совершенно сливалось съ нимъ въ отношеніи Княжеской власти: новое начало, въ лицѣ Торговой Стороны, видимо стремилось придать помыслу о Князѣ только такое значеніе, чтобъ подъ покровомъ его хранить однѣ вещественныя выгоды отъ стѣсненій со стороны докняжескихъ Бояръ. То и другое начало, та и другая сторона, добиваются, хлопочутъ, напрягаются, чтобъ поддержать исключительное свое господство, одна въ торговлѣ, другая въ управленіи, и только тогда, какъ выгоды ихъ сталкиваются, онѣ становятся въ враждебныя отношенія между собою; во всемъ остальномъ онѣ остаются безразличными другъ къ другу, и каждое начало идетъ, въ этомъ отношеніи, свободно къ осуществленію своихъ цѣлей. По этому новое начало, ревнуя страшно всѣхъ въ стремленіи овладѣть сколько ни будь его вещественными выгодами, не думаетъ обнаруживать ни малѣйшей ревности къ докняжескимъ Боярамъ, когда сіи послѣдніе, какъ живой еще обломокъ отъ древняго патріархальнаго военнаго быта, всюду преобразовывавшагося въ помыслѣ о Княжеской власти, стремятся поддержать древнее свое значеніе, узаконенное за нимъ самимъ Ярославомъ, и уничтожаютъ слѣды новой жизни въ Новгородѣ, которая искала ихъ внѣ вновь подчинить ихъ помыслу о Княжеской власти. По этому, рядомъ съ упомянутыми статьями, коими Торговая Сторона обезпечивала за собою исключительность торговли, мы читаемъ въ договорахъ Новгород-

цевѣ съ Великими Князьями статьи, коими утверждалось исключительное господство докняжескихъ Бояръ по пользованію выгодами, сопряженными съ господствомъ надъ всею Новгородскою областью, исключительное господство, которое ревнуетъ Князей въ этѣхъ выгодахъ, подобно торговцамъ, до самого ничтожнаго. Согласно этѣмъ статьямъ, ни Князь Великій, ни Княгиня, ни Бояре и Дворяне Великаго Князя, не имѣли права пріобрѣтать въ Новгородской области селъ, какимъ бы то ни было образомъ, даже не имѣли права удерживать ихъ за собою, если бъ получили ихъ въ даръ: этѣмъ правомъ собственно пользуются одни Бояре Новгородскіе, а Князь не можетъ имѣть даже Дворянской собственности посреди земель Новгородскихъ: Бояре исключаютъ его въ семъ случаѣ со всѣми его Великокняжескими Боярами и Дворянами. [58] Князь пользуется лишь опредѣленными дарами, судебными пошлинами; онъ не имѣетъ даже права свободно охотиться въ земляхъ Новгородскихъ, или разъѣзжать по онымъ; [59] самое мѣсто для сѣнокосовъ ему опредѣлено [60] и проч. Уступая требованіямъ новой жизни, старое начало столь же мало раскрылось для воспріятія помысла о Князѣ въ другихъ отношеніяхъ: правда, не спорило съ Княземъ, не могло спорить о верховности КняжескагоСуда, но, стремяся сохранить свое древнее значеніе въ землѣ Новгородской, оно явилось подлѣ Князя-Судіи, въ лицѣ избраннаго своего старшаго Боярина, подъ именемъ Посадника, и Князь безъ этого Посадника не могъ

---

[58] Основная форма этого исключенія выразилась въ договорныхъ грамотахъ слѣдующимъ образомъ: А въ Бѣжичахъ тебѣ, Княже, ни твоей Княгини, ни твоимъ Боярамъ, ни твоимъ слугамъ, селъ не держати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новогородской. Пол. соб. гр. и догов. томъ 1. Новогор. догов. 1265, 1270 и 1305 гг. По особымъ случаямъ эта форма измѣнялась, но сущность ея оставалась та же: Князья отказывались за Княгинь и за всѣхъ своихъ подданныхъ и отъ земель уже пріобрѣтенныхъ въ области Новогородской. Тамъ же №№ 6, 7, 8, 9, 12 и др.

[59] А въ Русу ти, Княже, ѣздити на третьюю зиму, по грамотѣ дѣда твоего, Ярослава; а лѣтѣ на озвадъ звѣрій гонить. А въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамотѣ дѣда своего, Ярослава, а въ Ладогу, Княже, ѣздити на третьее лѣто. Пол. соб. грам. и дог. томъ 1, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8 и др. Это условіе встрѣчается даже въ договорныхъ грамотахъ съ Иваномъ III, 1471 года.

[60] Соб. госуд. гр. и дог. т. 1, №№ 1, 2 и 3, 1265 и 1270 гг.

дать рѣшенія ни по· какому дѣлу. Новое начало не ревновало докняжескихъ Бояръ и въ этомъ, допустивъ вносить его торжественно въ договоръ съ Великими Князьями. Оно свободно допускало также докняжескихъ Бояръ устранять волю Князей въ назначеніи для разныхъ частей Новгородской области правителей изъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу Новгородцевъ, когда, въ видахъ вліянія своего вообще на назначеніе этѣхъ правителей даже изъ Новгородцевъ, старое начало сопротивоставило и сдѣсь волѣ Князя своего Боярина Посадника, который могъ дать и не дать согласіе на таковое назначеніе. Вотъ начала, которыми опредѣлялись отношенія Новгорода къ Андрею Боголюбскому и вообще къ Великокняжеской власти.

Всеволодъ, братъ Андрея, заступившій его мѣсто и престолъ на Сѣверѣ, какъ мы уже замѣтили, геніяльно пользуется своимъ выгоднымъ положеніемъ. Онъ не думаетъ назначать походовъ противъ Новгорода: это значило бы сосредоточить ихъ вокругъ ихъ языческаго божества, заставить ихъ дать клятву умереть за это божество; нѣтъ, онъ только показалъ Новгородцамъ, что ихъ божество въ его рукахъ, что онъ не позволитъ имъ поклоняться этому божеству, пожать богатыя даянія его прежде, чѣмъ не поклонятся ему самому и, въ лицѣ его, самой новой жизни; дѣйствовалъ въ исполненіи этого плана искусно, мощно, — и Новогородцы кланялись ему, склоняли главу свою предъ новою жизнію, чтобъ имѣть только счастіе узрѣть языческое божество свое и приблизить къ себѣ его высокія даянія.

Подобной искусной политики Новгородъ, очевидно, не ожидалъ, по чему долго не хотѣлъ вѣрить ей: не было кругомъ ни какой вещественной силы, которая стѣсняла бы его: онъ былъ господиномъ самаго себя у себя дома, и Всеволодъ утверждалъ за нимъ это право правительственно. Стоя въ подобномъ положеніи, какъ Русскій необразованный человѣкъ, какъ Русскій мужичекъ, Новгородъ думалъ кичиться по прежнему, торговаться съ Великимъ Княземъ.

Принявъ отъ Всеволода Князя Ярослава Владимировича, Новгородцы, какъ хозяева, какъ хранители грамотъ, дарованныхъ имъ предкомъ нашихъ Князей, удалили его на слѣдующій же годъ въ Волокъ Ламскій, и призвали къ себѣ на престоль врага и соперника

Великаго Князя по Великокняжескому престолу, а послѣ смерти его, послѣдовавшей не далѣе какъ черезъ годъ, признали своимъ Княземъ его брата, Ярополка, тоже врага Великаго Князя. Они, конечно, ждали, что Всеволодъ, изъ духа соперничества въ назначеніи для Новгорода Князей, также какъ изъ опасенія видѣть на Новгородскомъ престолѣ врага своего, будетъ искать въ Новгородцахъ, и сдѣлаетъ имъ уступки въ тяжелыхъ для нихъ требованіяхъ новой жизни, если не откажется отъ этѣхъ требованій почти совершенно. Попытка, однако жь, не удалась. Всеволодъ не предъявилъ своихъ притязаній на назначеніе въ Новгородъ Князя, не вошелъ даже въ сношенія съ Новымъ Городомъ, а захватилъ торговцевъ, бывшихъ по своимъ дѣламъ, въ Великомъ Княженіи, и въ то же время двинулъ силы для занятія Торжка, этого ключа Новгородской торговли съ Восточными областями Россіи.

Одна первая мѣра заставила уже Новгородцевъ сдѣлать въ торгу съ Великимъ Княземъ немедленно же уступку: прежде, чѣмъ Торжокъ былъ взятъ, врага Великаго Князя не было уже на Новгородскомъ престолѣ: Новгородцы указали ему путь, остановившись, однако жь на мысли, что одно соперничество, по назначенію въ Новгородъ Князей правителей, дастъ имъ возможность удержать Всеволода въ своей волѣ; и по этому ожидаютъ подобнаго предъявленія со стороны Всеволода, сами не шлютъ къ нему пословъ о назначеніи имъ правителя Князя, а призываютъ къ себѣ, сначала Романа Смоленскаго, потомъ Мстислава, изъ земель Кіевскихъ, на конецъ сына Князя Черниговскаго, Владимира. Въ семъ послѣднемъ призваніи видимо мелькаетъ у Новгородцевъ снова мысль застращать Всеволода связью своей съ Княземъ Черниговскимъ, его сильнымъ врагомъ. Въ этѣхъ же, конечно, надеждахъ и видахъ, они снова приняли къ себѣ въ Торжковскіе правители помянутаго Ярополка, врага Великаго Князя; въ этѣхъ же надеждахъ и видахъ они высылали помощь Князю Черниговскому, когда онъ пошелъ войною противъ Великаго Князя. Но Всеволодъ выдержалъ себя и сдѣсь, какъ нельзя лучше: не входилъ въ сношенія съ Новгородцами, не притязалъ на назначеніе отъ себя Князя въ Новгородъ; уклонился отъ рѣшенія ссоры своей съ Княземъ Черниговскимъ битвою; сохранилъ силы свои, свое значеніе, какъ сосѣда сильнаго въ отношеніи Новгорода, и потомъ, когда Князь Черниговскій, за разли-

тіемъ рѣкъ, долженъ былъ удалиться, Всеволодъ началъ сосредоточивать свои силы, и въ слѣдующій за тѣмъ годъ осадилъ Торжокъ, и, послѣ пятинедѣльной осады, взялъ его приступомъ, сжегъ, и Князя Ярополка и Торжковскихъ обывателей увелъ съ собою въ плѣнъ. Вторая попытка — торговаться съ Великимъ Княземъ также, не удалась, и Новгородцы, указавъ отъ себя путь сыну Князя Черниговскаго, просили уже Всеволода о назначеніи къ нимъ Князя; мало того, приняли [61] отъ него на Княженіе того же самого Ярослава, котораго далъ имъ Всеволодъ въ 1176 году и котораго они не хотѣли держать у себя въ Новгородѣ, отославъ его въ слѣдующій же за тѣмъ годъ въ Волокъ Ламскій. Теперь Новгородцы полно торговаться съ Великимъ Княземъ: они послушны волѣ его; теперь они, не довольные снова Ярославомъ, не смѣютъ указать ему путь, а дѣйствуютъ чрезъ самаго Великаго Князя: самъ Всеволодъ выводитъ его изъ Новгорода; но эта уступчивость, со стороны Всеволода, основанная, какъ видно изъ всего, на томъ глубокомъ соображеніи, что Новгородцы не могутъ выйти изъ подъ руки его, что ихъ стремленіе къ вещественнымъ выгодамъ возвратитъ ихъ снова и добровольно подъ его руку, эта уступчивость перетолкована была, какъ это очевидно, не настойчивостію Всеволода удерживать Новгородъ въ зависимости отъ себя, въ случаѣ, если Новгородцы будутъ наружно высказываться къ нему покорностію и уваженіемъ; и по тому съ выводомъ Ярополка, не просятъ у Всеволода назначить имъ новаго Князя, а призываютъ Мстислава, сына Смоленскаго Князя, Давида. [62] Какъ дѣйствовалъ при этомъ случаѣ Всеволодъ, лѣтописцы не оставили ни какихъ свѣдѣній; но что онъ въ кругу своего Княжества дѣйствовалъ, и дѣйствовалъ сильно, противъ ихъ вещественныхъ выгодъ, въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія: это было бы не согласно съ свойствами сего Князя, съ его взглядомъ на отношенія къ Новгороду; и спустя четыре года послѣ

---

[61] 1182 года.

[62] Г. 1184. Нов. I, стр. 18: Выведе Всеволодъ, прислався, своякъ свои изъ Новгорода Ярослава Володимиряця; негодовахуть бо ему Новгородьци, зане много твориху пакостиволости Новогородстѣй; и съ думавъше Новогородьци, послашася Смольньску къ Давидови, прослце сына у него; и въда имъ Мьстиславъ, и приведоша и Новугороду, и посадиша и на столѣ.

того Новогородцы указали путь Мстиславу Давидовичу, и снова поклонились Всеволоду, съ просьбою о назначеніи къ нимъ Князя; но что замѣчательнѣе, снова приняли изъ рукъ его того же Ярослава Владимировича, два уже раза оставлявшаго ихъ; въ продолженіи десяти лѣтъ держали его на престолѣ, и только въ 1195 году искали смѣны его; однако жь не смѣли указать ему путь изъ Новгорода, боясь, конечно, Всеволода, котораго уклончивость поняли теперь, убѣдившись, что эта уклончивость только есть орудіе политики твердой и неуклончивой. Ходатайствуя чрезъ особое посольство о смѣнѣ Ярослава, они уже не думали теперь искать себѣ Князя мимо Всеволода: чрезъ то же посольство они просятъ Великаго Князя дать имъ на княженіе сына. Нужно еще при этомъ замѣтить, что Новогородцы дѣйствовали столь смиренно въ то время, когда шла вражда между Великимъ Княземъ и Князьями Черниговской системы, т. е., что Новгородцы, имѣя возможность, однимъ призваніемъ на свой престолъ котораго ни будь изъ Князей Черниговской системы, противоставить этѣхъ Князей Князю Великому и по собственнымъ своимъ выгодамъ, и соединить силы свои съ силами Князей Черниговскихъ противъ Всеволода. Новгородцы испытали уже подобное средство для освобожденія себя изъ подъ вліянія Всеволода, и знали, что оно безуспѣшно; по этому-то они не только не думаютъ воспользоваться теперь враждою Черниговскихъ Князей къ Князю Великому, но даже, по требованію Всеволода, выводятъ силы свои, для поддержанія выгодъ Великаго Князя противъ Князя Черниговскаго. Такъ хитро умѣлъ Всеволодъ опутать Новгородцевъ ихъ же собственной политикой, устремленной къ вещественнымъ выгодамъ и жертвующей всѣмъ для этѣхъ выгодъ: онъ зналъ, что этѣ выгоды — душа Новгорода въ его рукахъ, и маня ими Новгородцевъ, заставлялъ ихъ исполнять свою волю, смиряться предъ ней. Самое удержаніе пословъ Новгородскихъ, ходатайствовавшихъ у Великаго Князя о выводѣ изъ Новгорода Ярослава и о присылкѣ на княженіе одного изъ сыновей Великокняжескихъ, Новгородцы перенесли, по видимому, съ полнымъ смиреніемъ. Ярославъ оставался у нихъ по прежнему Княземъ; новое посольство ихъ не тревожило уже Великаго Князя просьбою о смѣнѣ Ярослава, а ходатайствовало только объ освобожденіи первыхъ пословъ своихъ; мало того, въ это же время они не смѣли отказать Великому Князю въ высылкѣ дружинъ сво-

ихъ, для поддержанія его въ войнѣ противъ Князей Черниговской системы; [63] только послѣ того, какъ Всеволодъ, возвратившись изъ Черниговскаго похода, не удовлетворилъ и въ послѣдней ихъ просьбѣ, давъ лишь свободу одному изъ бывшихъ въ первомъ посольствѣ, а другихъ, въ томъ числѣ Поездника, по прежнему удерживая у себя, только тогда Новгородцы рѣшаются дѣйствовать въ отношеніи назначеннаго Всеволодомъ Князя, какъ они дѣйствовали въ отношеніи другихъ Князей, и указали ему путь; но и это было однимъ невыдержаннымъ порывомъ затаенныхъ настоящихъ отношеній Новгорода къ Великому Князю: они увидали послѣдствія, и преклонились снова предъ волею Всеволода, безъ борьбы противъ нихъ со стороны сего послѣдняго. Великій и на этотъ разъ не выводилъ дружинъ своихъ противъ самого Новгорода, для возстановленія пріобрѣтеннаго имъ на самомъ дѣлѣ права: онъ закрылъ только Новгородцамъ входъ въ ихъ языческій храмъ, и этого было достаточно вполнѣ для того, чтобъ Новгородцы явились предъ нимъ съ смиреніемъ. [64] Просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ Князя, они хотя и обращались съ просьбою къ Князю Черниговскому о назначеніи къ нимъ сына Ярополка, но едва только успѣлъ прибыть къ нимъ Ярополкъ, какъ они указали ему путь, и сами же просили Всеволода о назначеніи къ нимъ того же Ярослава, отъ котораго они не разъ старались избавиться. Здѣсь мы не можемъ не замѣтить, что хитрая по наружности политика Всеволода имѣла въ сущности другой характеръ, сливаясь совершенно съ покойнымъ, величавымъ, полнымъ сознанія, державствомъ Русскаго властителя, и была ни чѣмъ инымъ, какъ необходимымъ плодомъ полной увѣренности въ незыблемости и величіи власти державно-княжеской. [65] Всеволодъ не удовлетворился

---

[63] А Новгородцемъ повелѣ (Всеволодъ) ити на Лукы. Идоша съ Ярославомъ, и сѣденьше на Лукахъ, воротишася домовь. Нов. I, стр. 23.

[64] Иде Князь Ярославъ (послѣ изгнанія своего изъ Новгорода) на Новый Торгъ, и пріяша и Новоторжьцы съ поклономъ... княжяше на Търъжьку въ своей волости, и дани поима по всему Верху, и Мьстѣ и за Волокомъ възьма дань, а Новгородѣ измавъ Всеволодъ за Волокомъ и по всей земли своей, держаше у себе, не пустя ихъ Новугороду.

[65] Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что жизнь Восточной Руси невольно налагала на Всеволода этотъ величавый характеръ.

однимъ посольствомъ, назначеннымъ для испрошенія на престолъ Ярослава, и не послалъ Ярослава въ Новгородъ, а, напротивъ, вызвалъ его изъ самаго Торжка, и, какъ видно изъ Лѣтописи, потребовалъ, или ждалъ, посольства болѣе торжественнаго. Это посольство, состоя изъ первыхъ Новгородскихъ Вельможъ, и прибыло вскорѣ за первымъ во Владиміръ, для того, чтобъ торжественно принять изъ рукъ Великаго себѣ Князя въ Новгородъ. Съ той же торжественностію, согласно волѣ Всеволода, Новгородъ долженъ былъ, въ 1199 году, принять къ себѣ на княженіе малолѣтняго сына его, Святослава.[46] Всеволодъ дѣйствуетъ спокойно, величаво, не выходитъ изъ своей роли; его власть священна и истинна; онъ не увлекается радостію при первой возможности распространить эту власть; не принимаетъ покорности, просто изъявленной, и требуетъ, ожидаетъ, чтобъ признаніе его воли, его власти, было изъявлено со всею торжественностію, чтобъ покорность предъ нимъ была покорностію предъ властію истинною и священною; не прихоть, не гордость, требуетъ этого торжественнаго изъявленія покорности, а самая власть, которую новая жизнь земель Ростово-Владимирскихъ стремится окружить величіемъ, торжественностію; здѣсь говоритъ сознаніе, вѣра новой жизни, о незыблемости, святости Княжеской власти: понятія незнакомыя, чуждыя жизни Новгородской, которая стремится обратить всякую власть въ орудіе своихъ вещественныхъ выгодъ, составляющихъ божество для Новгорода. И Новгородъ, удовлетворяя Всеволода торжественнымъ признаніемъ его надъ собою власти, противорѣчитъ самому себѣ, дѣйствуетъ противъ начала своей жизни, вводится насильно въ начало новой жизни. Его призваніе къ себѣ на престолъ Князя уже не честь теперь для самого Князя; напротивъ, дарованіе Новгороду Князя составляетъ теперь милость, особую честь самому Новгороду, оказываемую со стороны Великаго Князя, милость и честь, которыя снискиваются Новгородомъ торжественною покорностію предъ волею Великаго Князя. Устрашая времени, Всеволодъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ Нов-

[46] За Святославомъ, согласно волѣ Великаго Князя, были посланы самъ Архіепископъ и Новгородскій Посадникъ, съ лучшими Новгородскими мужами. Нов. I, стр. 24: Приславъ Всеволодъ, выведе Ярослава изъ Новагорода, и веде й къ себѣ; и изъ Новгорода позва Владиміку и Посадьника Мирошку и вячьшіи мужи по сынъ...

городу является въ полномъ смыслѣ властителемъ новой жизни, Княземъ съ неограниченною властію; и покорность Новгорода предъ нимъ была покорностію предъ новою жизнію, хотя и исходила совершенно изъ другого начала, нежели изъ какого развивалась она въ остальныхъ частяхъ Руси. Князь Новогородскій былъ теперь не болѣе, какъ Намѣстникъ Великаго Князя, который могъ смѣнить его во всякое время, по собственному своему желанію, не спрашиваясь Новогородскаго вѣча, и Новгородъ безмолвно покоряется въ этомъ отношеніи предъ Всеволодомъ. Назначивъ въ 1197 году въ Новгородъ Ярослава, Всеволодъ чрезъ два года вызвалъ Ярослава, и на его мѣсто назначилъ малолѣтняго своего сына, Святослава; въ 1205 году, на мѣсто Святослава, послалъ въ Новгородъ старшаго своего сына, Константина; въ 1208 году онъ далъ Новгороду правителемъ опять Святослава. При такомъ положеніи дѣлъ воля Всеволода не могла не быть закономъ Новгороду и въ другихъ отношеніяхъ: она дѣйствительно была такова. Это положительно подтверждаютъ слѣдующія данныя. Въ 1208 году, тамъ, гдѣ раздавались шумныя вѣча, разрѣшавшіяся часто, въ думахъ своихъ, дикостію, кичливостію противъ порядка и всякой власти, тамъ Новгородцы, покорные волѣ Великаго Князя, казнятъ одного изъ своихъ собратовъ, по ихъ понятіямъ невиннаго, и виновнаго, по понятіямъ только новой жизни.[67] Изъ разсказа лѣтописца подъ 1209 годомъ видно также, что Всеволодъ облагалъ Новгородцевъ даже данями и повинностями по своей волѣ.[68] Участіе Новгородцевъ въ походахъ Великаго Князя противъ враговъ его говоритъ совершенно согласно съ двумя приведенными событіями, именно о томъ, что Всеволодъ сдѣлалъ волю свою закономъ для Новгорода.[69]

---

[67] Приде Лазорь, Всеволожь мужъ, изъ Володимиря, и Борисе Мирошкиниць: повелѣ убити Ольксу Сбыславиця на Ярославли дворѣ, и убиша и безъ вины, въ суботу, Марта въ 17, на Святого Альксія, а заутра плака Св. Богородиця у Св. Якова, въ Неревьскѣмъ конци. Нов. I, стр. 30.

[68] См. ниже.

[69] Кромѣ двухъ походовъ, о которыхъ мы упоминали выше, Новгородцы, исполняя волю Великаго Князя, участвовали въ походѣ противъ Рязанскихъ Князей.

Опутанный своими вещественными выгодами, Новгородъ явно клонилъ тогда главу свою предъ Великимъ Княземъ; но бесѣдая съ самимъ собою, онъ то утопалъ въ горѣ, то скрежеталъ зубами и терзалъ въ какомъ-то отчаяніи самаго себя: стремленіе къ вещественнымъ выгодамъ, подавленное Всеволодомъ, смиряясь предъ Княземъ Великимъ, искало простора, а новая жизнь для Новгорода была только извнѣ, чуждая, тягостная ему, подчиняющая страсти, коими исполнена была душа Новогородца, какому-то высшему покойному и строгому началу; жизнь, подавляющая ихъ. Разсказавъ о казни Алексѣя Сбыславича, совершенной Новогородцами, какъ мы выше замѣтили, въ исполненіе воли Великаго Князя, казни несправедливой, по понятіямъ, свойственнымъ началамъ жизни Новгородской, лѣтописецъ выразилъ тревогу души Новогородской, пробужденную этимъ событіемъ, слѣдующими словами: «а заутра плака Святая Богородица у Святого Якова, въ Неревьскѣмъ конци.» [70] Вотъ какъ глубоко трогательно было тогда положеніе Новогородцевъ, по разсказу ихъ лѣтописца, что самое небо изронило слезу надъ ними! Въ 1209 году эта внутренная тревога Новгорода высказалась движеніемъ, въ которомъ не виднѣлось уже слѣдовъ религіознаго созерцанія и чаянія, а напротивъ слѣды одной неподдѣльной, дикой страсти, столь разрушительно колебавшей постоянно жизнь Новгорода. Здѣсь Новгородъ является опять самимъ собою, и подавленная Всеволодомъ страсть исходитъ дико и бурно на просторѣ. Не смѣя коснуться прямо стѣснительной для нея власти Всеволода, она разразилась страшною, всеразрушающею грозою надъ Посадникомъ, надъ его дѣтьми и братьями-приверженцами, или друзьями. Она буйно кричала на вѣчѣ, что не самъ Всеволодъ виноватъ въ томъ, что стѣсняетъ ихъ въ вещественныхъ выгодахъ, облагаетъ ихъ податями и повинностями, а виноваты Посадникъ и его братья-приверженцы, обуяла собой всѣхъ Новгородцевъ, бросилась съ вѣча къ жилищу этѣхъ виновныхъ, разграбила домы приверженцевъ Посадника, испепелила его отцовскій домъ, испепелила

---

[70] Въ лѣтописи разсказъ о казни отдѣленъ отъ сего послѣдняго разсказа точкою; но первое слово послѣдняго разсказа начинается не большою буквою, слѣдовательно, точка здѣсь поставлена вмѣсто точки съ запятой, какъ и въ другихъ мѣстахъ; самый противоположный союзъ: «а», соединяющій оба разсказа, указываетъ на внутреннюю связь ихъ.

его собственный домъ; отчудила отъ его отца, отъ него самаго недвижимыя имѣнія, самую челядь; захватила всюду принадлежащія имъ несмѣтныя движимыя имущества, раздѣливъ оныя между Новогородцами; конфисковала всѣ богатства ихъ, состоящія въ долгахъ, представивъ оныя своему Князю, сыну Всеволода; готова была броситься на мертвое тѣло Посадника, привезенное въ родную сторону изъ Владимира, [71] для того, чтобъ свергнуть его въ волны Волхова, но была удержана отъ этого Архіепископомъ; далѣе, изгнала изъ Новгорода дѣтей и двухъ друзей, или родственниковъ, Посадника, заточивъ ихъ, чрезъ своего Князя, въ землѣ Великокняжеской; наказала другихъ приверженцевъ Дмитрія несмѣтнымъ количествомъ денегъ. Буйно гуляла тогда страсть Новогородская, долго задерживаемая въ самой себѣ. Она разразилась надъ семьей Посадника и близкими ему, но въ сущности направлена была противъ распоряженій, которыя выносили сокровища изъ языческаго храма Новагорода, принося ихъ въ жертву новой жизни Христіянской. [72] Власть Всеволода надъ Новгородомъ явно держалась извнѣ; и не могла найти мѣста въ жизни Новогородской, гдѣ бы она прочно бросила корень свой: двѣ жизни, исходившія совершенно изъ противоположныхъ началъ, начала языческаго и начала Христіянскаго, ни сколько не мирились между собою, а, напротивъ, при видимомъ наружномъ единствѣ, стояли другъ къ другу въ страшно враждебныхъ отношеніяхъ. Явленіе Мстислава Мстиславича въ земляхъ Ново-

---

[71] Посадникъ Дмитрій Мирошкинскій умеръ во Владимирѣ на Клязьмѣ, отъ раны, полученной во время похода съ Новогородцами противъ Рязанскихъ Князей.

[72] Нов. I, стр. 30. Новгородьци же, пришьдъше Ноугороду (изъ Рязанскаго похода), створиша вѣче на Посадника Дмитра и на братью его: яко ти повелѣша на Новгородьцихъ сребро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую и повозы возити, и все зло. Идоша на дворы ихъ грабежьмъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житіе ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изъискаша и поимаша безъ числа, а избытъкъ раздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу и на щитъ; аще кто потаи похватилъ, а того единъ Богъ вѣдаетъ, и отъ того многи разбогатѣша; а что на дъщькахъ, а то Князю оставиша. Того же лѣта привезоша Дмитра Мирожкинича мьртвого изъ Володимира, и погребоша и у Св. Георгія въ манастыри, идьлѣ отчя; а Новгородьци хотяху съ мѣста съврещи, нъ възбрани имъ Архіепископъ Митрофанъ.

городскихъ вполнѣ подтверждаетъ это. Пусть Мстиславъ не былъ тайно призванъ самими Новгородцами, пусть самъ онъ вызвался на борьбу противъ Всеволода, это совершенно все равно: съ его явленіемъ вся многолѣтняя покорность Новгородцевъ предъ Всеволодомъ исчезла, какъ сонъ. Новгородъ явно ждалъ Князя-витязя, который бы далъ просторъ ихъ страстямъ, избавилъ бы отъ стѣснительныхъ, для страстей, началъ новой жизни, избавилъ бы ихъ отъ власти Всеволода. Мстиславъ только воспользовался этимъ настроеніемъ. По этому-то прежде, нежели сѣлъ на Новгородскій престолъ, прежде даже, нежели явился въ Новгородъ, онъ могъ такъ легко задержать въ Торжкѣ дружину Святослава.[73] Вотъ по чему, когда онъ изъ Торжка послалъ сказать Новгородцамъ: «Клянюся Святой Софіи и гробу отца моего и всѣмъ Новгородцамъ: пришелъ я къ вамъ за тѣмъ, что слышалъ о насиліи вамъ, и этотъ слухъ пробудилъ ко мнѣ сожалѣніе,» Новгородцы немедленно же отрядили почетное за нимъ посольство съ словами: «Поиде, княже, на столъ!» по этому же они немедленно послѣ того задержали самаго Святослава въ домѣ Архіепископа на все время, какъ сказано въ лѣтописи, «пока будетъ продолжаться управа съ отцемъ его,» т. е., Всеволодомъ; по этому же весь Новгородъ обрадовался прибытію Мстислава, слился вокругъ него, составилъ мгновенно огромное ополченіе противъ Великаго Владимирскаго Князя;[74] вотъ по чему рѣшилъ до самой смерти Всеволода Мстиславъ такъ легко устранялъ всякое вліяніе Великаго Князя на Новгородъ. Напрасно, по этому же, думаютъ, что какой-то небывалый духъ южной Руси отразился, въ лицѣ Мстислава, въ этой борьбѣ: она вся двигалась на духѣ самаго Новгорода, а Мстиславъ дѣйствовалъ здѣсь въ томъ же духѣ, какъ дѣйствовали всѣ тогдашніе Князья, въ томъ числѣ и самъ Всеволодъ, т. е., въ духѣ областномъ, который, развиваясь, преображалъ другія части Руси, готовя ихъ свободнѣе войти въ составъ Государства самодержавнаго. Если бы это было иначе, то не только самостоятельность Новгородской области, но и всѣхъ

[73] Сынъ Великаго Князя, правившаго въ это время Новгородомъ.

[74] Приде Мьстиславъ въ Новъгородъ, и посадиша и на столѣ отци; и рады быша Новъгородьци, и поиде Мьстиславъ съ всѣмъ пълкомъ на Всеволода.... Новгород. I, стр. 31.

безъ исключенія областей, на которыя распадалась тогдашняя Русь, даже самостоятельность Великокняжескихъ Владимиро-Ростовскихъ земель, должна бы была считаться незаконною; но законность ея для всѣхъ областей признавалъ неразвитый еще духъ всей тогдашней Руси, и Всеволодъ приводилъ не въ повиновеніе отшатнувшихся Новогородцевъ, а, пользуясь выгодными обстоятельствами, только мало по малу покорялъ ихъ, и по этому нигдѣ и никогда онъ самъ не намѣкалъ на то, что они обязаны повиноваться ему вполнѣ, какъ своему настоящему законному Государю-властителю, а, напротивъ, не разъ показывалъ имъ, что они, подобно другимъ областямъ, пользуются своею самостоятельностію. По этому-то онъ, когда Новогородцы, въ 1184 году, просили его о выводѣ изъ Новгорода назначеннаго имъ Князя, онъ вывелъ его, оставивъ имъ свободу просить себѣ властителя у другихъ областныхъ Князей; точно также онъ призналъ эту самостоятельность Новогородской области при заключеніи, въ 1197 году, мира съ Черниговскимъ Княземъ, ни сколько не присвоивая себѣ правъ властителя надъ Новгородскою областію, а, напротивъ, утверждая за нею право на призваніе къ себѣ Князей изъ той или другой области, по ея собственному желанію;[75] въ 1209 году, послѣ участія Новогородцевъ въ его походѣ на Князей Рязанской системы, Всеволодъ высказался къ нимъ точно такимъ же образомъ, одаривъ ихъ за участіе въ походѣ безъ числа: онъ далъ имъ волю всю и уставы старыхъ Князей, такъ что предоставилъ имъ управляться самими собою, задержавъ въ то же время ихъ Князя, сына своего, Константина, у себя, во Владимирѣ, какъ будьто бы уже ненужнаго для Новогородской воли;[76] по этому же, когда въ 1210 году Новогородцы воспользовались этою областною самостоятельностію и, вмѣсто власти Всеволода, признали надъ собою власть Мстислава, Всеволодъ не думалъ поддерживать обшир-

---

[75] Нов. I, стр. 23. . . Новгородъ выложиша вси Князи въ свободу, кдѣ имъ любо, ту же собѣ Князя поимаютъ.

[76] Нов. I, стр. 30. А Новогородьци пусти съ Коломна Новугороду, одаривъ безъ числа, и вда имъ волю всю и уставы старыхъ Князь, его же хотѣху Новогородьци, и рече имъ: «Кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните!» а со собрю поя сына своего, Костянтина, и Посадника Дъмитра, стрѣлена подъ Проньскомъ а вятъшихъ 7.

ныя права свои, вынужденныя имъ у Новгородцевъ къ тому времени, или права на исключительную покорность Новгорода Князьямъ Владимиро-Ростовскимъ; а, ясно видя необходимость враждебнаго столкновенія двухъ областныхъ самостоятельностей въ случаѣ подобныхъ настояній, искалъ лишь, чтобъ временное, добровольное отреченіе, сдѣланное было Новгородцами отъ этой самостоятельности, въ слѣдствіе его искусной политики, не потревожило самостоятельности его собственной области; по чему, высвободивъ своего сына, задержаннаго въ Новгородѣ, онъ безъ малѣйшей борьбы оставилъ Новгородъ за Мстиславомъ и захваченнымъ торговцамъ Новгородцамъ предоставилъ свободу.[77] Кромѣ того, какъ Мстиславъ, такъ и другіе Князья, при тогдашнихъ, неразвитыхъ, еще Государственныхъ порядкахъ, не могли смотрѣть[78] на неправильное движеніе Новогорода къ исключительности, какъ на движеніе противугосударственное и незаконное, когда самъ же предокъ ихъ, Ярославъ, даровалъ Новогороду особыя права и преимущества, которыя и поддерживали это движеніе. Да, въ настоящемъ дѣйствіи Мстислава мы не можемъ видѣть ни чего особеннаго: оно исходило изъ общаго начала, было въ полномъ смыслѣ своевременно, а по тому законно, какъ своевременно и законно было признаніе его своимъ Княземъ со стороны Новгорода. Но куда шелъ Новгородъ, пользуясь въ настоящемъ случаѣ своими правами и опираясь на военный талантъ Мстислава, это другое дѣло, другой вопросъ, которой мы и постараемся разрѣшить далѣе, въ настоящемъ же трудѣ; а теперь повторимъ только, что Новгородъ шелъ туда подъ полнымъ вліяніемъ собственныхъ своихъ началъ, а не подъ вліяніемъ Мстислава, не подъ вліяніемъ ободреній Мстислава противъ жизни новой, которая зародилась и поддерживалась для всего Государства, для всѣхъ областей, долго и долго въ думахъ и жизни Южной Руси, которую

---

[77] И поиде Мьстиславъ съ всѣмъ полкомъ на Всеволода, и быша на Плоскѣнѣ, и присла къ нему Всеволодъ: «Ты ми еси сынъ, а язъ тебѣ отець; пусти Святослава съ мужи и все, еже засѣдналъ, исправи, язъ гость (гостей, купцевъ) пускаю и товаръ;» и пусти Мьстиславъ Святослава и мужи его, а Всеволодъ пусти гость съ товары, хрестъ чьловаста и миръ взяста. И приде Мьстиславъ въ Новъгородъ. Новгород. I, стр. 31.

[78] См. ниже.

винятъ современные изслѣдователи въ развитіи ложнаго направленія въ думахъ Мстислава. [79]

Такъ Всеволодъ не произвелъ внутренняго преобразованія въ жизни Новогорода, а политикою своей умѣлъ заставить Новгородцевъ невольно подчиниться началамъ новой жизни и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ признавать этѣ начала законными для Новгорода. Дѣйствовалъ онъ такимъ образомъ не во имя Великаго Князя, а единственно какъ сильный сосѣдъ и какъ властитель тѣхъ земель, чрезъ которыя скоплялись въ Новгородѣ огромныя богатства и связь съ которыми была Новгороду необходима даже для устраненія голода въ своей области. Одно и то же начало скрывалось какъ въ самой покорности Новогородцевъ предъ Всеволодомъ, такъ и въ движеніи ихъ противъ него, съ прибытіемъ въ Торжокъ, а потомъ и въ самый Новгородъ, Мстислава Мстиславича—начало вещественныхъ выгодъ. Новогородцы уступали Всеволоду, по тому что они не имѣли у себя Мстислава, и по тому, что неудовлетвореніе ими Всеволода, ссора съ нимъ, повлекли бы за собой совершенное разстройство торговли ихъ съ землями Владимиро-Ростовскими и чрезъ этѣ земли; получивъ же теперь возможность попользоваться всѣми выгодами еей торговли, безъ всякихъ уступокъ, они немедленно воспользовались этѣмъ, отказавшись не только отъ дальнѣйшихъ уступокъ въ пользу новой жизни, но даже отъ сдѣланныхъ уже ими. Вещественныхъ выгоды теперь—единственный живой двигатель ихъ жизни, ихъ властитель, ихъ богъ. Торговая Сторона, которая сначала, по видимому, была представительницею новой жизни въ Новгородѣ, развившись въ своемъ финансовомъ началѣ, страстно стоитъ теперь около стяжанныхъ ею сокровищъ, трепетно смотритъ вдаль на сокровища, которыя она можетъ сдѣлать своими, и, въ напряженной думѣ о сокровищахъ, гаснутъ въ ней думы о новой жизни; она врагъ новой жизни, если новая жизнь усиливается прикоснуться къ ея сокровищамъ, хотя сдерживаетъ себя въ порывахъ вражды, если эта вражда можетъ нанести еще болѣе сильный ударъ ея любимой думѣ, страстно любимому ея дѣтищу. Въ движеніи противъ Посадника, его родныхъ и близкихъ, въ дви-

[79] Таковъ Г. Соловьевъ.

нiи, противъ Всеволода, вы не различаете ни сколько Торговой Стороны отъ стороны Софiйской: новое начало и начало старое совершенно сливаются сдѣсь и дѣйствуютъ, какъ при Андреѣ, чрезвычайно страстно противъ новоiи жизни, одушевляемые думою о сокровищахъ. Такъ положительно было въ минуты критическiя; но въ минуты болѣе покойныя слѣдъ думы о новой жизни, однако жь, обозначается еще въ жизни Торговой Стороны, даже въ Княженiи Всеволода. Въ 1195 году, когда Всеволодъ потребовалъ, чтобъ Новгородцы выступили походомъ на помощь къ нему противъ Князей Черниговскихъ, это требованiе нашло отвѣтъ въ Торговой Сторонѣ: докняжескiе Бояре не ополчились, по этому требованiю, а одна только Торговая Сторона, вмѣстѣ съ гридьбою и огнищанами. [80] Правда, и эта видимая покорность предъ волей Всеволода, по соображенiю всѣхъ данныхъ, могла исходить не изъ сочувствiя къ новой жизни, а изъ страха, въ которомъ держалъ Всеволодъ весь Новгородъ, и который могъ сильнѣе дѣйствовать на корыстолюбивыхъ торговцевъ, нежели на докняжескихъ Бояръ; за всѣмъ тѣмъ движенiе противъ Ярослава въ 1196 году и указанiе ему пути изъ Новгорода, по сказанiю лѣтописца, не для всѣхъ Новгородцевъ было радостнымъ событiемъ; напротивъ, одни только злые радовались этому, а люди добрые изъявляли сожалѣнiе. [81] Не забудемъ при семъ, что это былъ тотъ Ярославъ, о которомъ, подъ 1184 годомъ, лѣтописецъ говоритъ, что на него негодовали Новгородцы, за сiе (по тому что) много пакости творяху области Новгородской; который оставилъ уже Новгородъ и возвратился въ него единственно по волѣ Всеволода: удаленiе этого-то Князя, явно дѣйствовавшаго несогласно съ старыми началами Новгородской жизни, поддерживаемаго только политикою Всеволода, пробуждаетъ сожалѣнiе между извѣстною частiю Новгородцевъ, которую лѣтописецъ отличаетъ отъ другой именемъ добрыхъ: это событiе замѣчательное въ исторiи Новгородской, кто бы ни входилъ въ составъ этѣхъ добрыхъ

---

[80] Позва Всеволодъ Новгородьцѣ на Чьрниговъ... и не отпьрѣшася ему, идоша съ Княземъ Ярославъмъ, огнищане и гридьба, и купцн...

[81] И съдумавше Новгородьцѣ, и показаша путь изъ Новагорода, и выгнаша й на Гюргевъ день, осень, Ярослава Князя; иде Князь Ярославъ... и желяху по немъ въ Новѣгородѣ добрiи, а злiи радовахуся. Тамъ же.

людей, т. е., лица ли Софійской, или лица Торговой, Стороны, или тѣ и другіе вмѣстѣ, и вотъ настоящее значеніе его. Одни не любятъ Ярослава, но не за то, что онъ стѣснялъ добро въ области Новогородской; нѣтъ, люди добрые жалѣютъ объ его удаленіи: онъ не давалъ простора злу старины, и злые настояли на изгнаніи его; такъ показываетъ самъ лѣтописецъ. Теперь мы понимаемъ, въ какомъ родѣ надѣлалъ много зла Ярославъ и въ 1184 году, когда не хотѣли его видѣть правителемъ Новогородскимъ. Ясно изъ этого обнаруживается, что въ Княженіи Всеволода требованія новой жизни находятъ еще себѣ отвѣтъ между извѣстною частію Новогородцевъ, или, по выраженію лѣтописца, между людьми добрыми. Не будемъ, по этому, отвергать, что этѣ-то люди добрые имѣли вліяніе на то, что Новгородъ долгое время уступалъ волѣ Всеволода; однако жь вліяніе ихъ вообще должно было быть слабо: они не предпринимали ни чего, не противодѣйствовали злымъ, не высказывались противъ злыхъ мощно въ минуты рѣшительныя: въ этѣ минуты господствовала дума однихъ злыхъ. Мѣра, принятая Всеволодомъ, въ слѣдъ за изгнаніемъ Ярослава въ 1196 году, для того, чтобъ снова возвести его на Новогородскій престолъ и удержать такимъ образомъ Новогородцевъ въ своей волѣ, была его общею мѣрою и показываетъ, что Торговая Сторона, если не вся, то значительнѣйшею частію входила въ части злыхъ или готова была уже войти: онъ захватилъ Новогородцевъ въ землѣ своей, которые не за чѣмъ другимъ находились тамъ, какъ по дѣламъ торговымъ, и, слѣдовательно, принадлежали къ Торговой Сторонѣ. Дѣйствовать же такимъ образомъ Всеволодъ не могъ, если бъ Торговая Сторона была за новую жизнь, состояла бы изъ однихъ добрыхъ, которые сожалѣли объ изгнаніи Ярослава и о нарушеніи чрезъ это воли самаго Всеволода. И такъ есть полное основаніе предполагать, что этѣ люди добрые, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, составляли собой особое отъ самой Торговой стороны, по чему мы и смотримъ на исполненіе Торговою Стороною воли Всеволода, вызвавшей ихъ на походъ противъ Черниговскихъ Князей, какъ на плодъ страха, а не какъ на стремленіе къ поддержанію новой жизни.

Напряженіе, въ которомъ держалъ выгоды Новогородцевъ Всеволодъ, или лучше духъ и политика срединной Россіи въ княженіе Всеволода, а потомъ сына его, Георгія, какъ это мы объ-

яснимъ ниже, было, однако жь, не по силамъ Новгороду, хотя Новгородъ и выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ. Оно-то, по нашему мнѣнію, играло одну изъ важныхъ ролей въ странномъ, уродливомъ, раздвоеніи Новгорода въ 1215 году. Ярославъ, братъ Георгія, княжа тогда въ Новѣгородѣ, дѣйствовалъ въ духѣ отца своего, и вдругъ, по желанію, или только при содѣйствіи брата своего, Георгія, задумалъ заставить Новогородцевъ силою подчиниться требованіямъ новой жизни. Въ это время на его сторонѣ мы видимъ многихъ Новогородцевъ, которые, вмѣстѣ съ дружинами Ярослава и брата его, Георгія, ополчились противъ своихъ же братьевъ, Новогородцевъ. Что же заставляетъ ихъ дѣйствовать такимъ образомъ? Были ли это добрые, которые, наконецъ, подобно Владимирцамъ, воспрянули и стали подъ знамена новой жизни, развернуться Ярославомъ и Георгіемъ, давши обѣтъ утвердить власть Княжескую въ Новѣгородѣ, или положить за нее свои головы, лѣтописецъ умалчиваетъ объ этомъ. Пораженный страшной картиной враждебнаго стремленія Новгородцевъ противъ Новгородцевъ же, враждебнаго стремленія, выступившаго за предѣлы вѣроятности даже для воображенія, пріобыкшаго къ враждѣ Новогородскихъ началъ, лѣтописецъ не оправдываетъ ни ту, ни другую сторону, останавливаясь всѣмъ вниманіемъ на самой картинѣ: «Страшное и дивное чудо совершается тогда, о братія! Сынъ идетъ на отца, братъ на брата, рабъ на господина, господинъ на раба!» [82] Что было причиною такого страшнаго внутренняго раздора, какія желанія и думы оживляли обѣ враждующія стороны, объ этомъ лѣтописецъ не говоритъ ни слова. Подробности же этого поразительнаго явленія заключались въ слѣдующемъ:

---

[82] Новгор. I, стр. 34. Ярославъ же поиде съ Торжку, поимавъ старѣйшіе мужи съ собою Новгородьстіи и молодыхъ изборомъ, а Новоторжьци вси, и приде Переяславлю, и скопи волость свою всю, а Гюрги свою, Володимиръ также, а Святославъ также, и выиде изъ Переяславля съ пълкы, и съ Новгородьци, и съ Новоторжьци. Оле страшно чюдо и дивно, братье! Поидоша сынове на отця, братъ на брата, рабъ на господина, господинъ на рабъ... Мьстиславъ же... узрѣша пълки стояща, и послаша Ларіона Сочьскаго къ Гюргю... посласта къ Ярославу, глаголюще: «Пусти мужи мои, Новгородьци и Новоторжьци!»

Ярославъ, братъ Георгія, какъ видно изъ всего, не мирился душей съ жизнью Новгорода; и не мудрено: онъ выросъ въ другой обстановкѣ, напитался въ этой духомъ новой жизни. Дальнѣйшія отношенія его къ Новгороду положительно говорятъ, что онъ стремился стѣснить докняжескихъ Бояръ въ правѣ суда, и дать въ этомъ дѣлѣ просторъ новой жизни; но держался ли онъ вообще Стороны Торговой, противобоярской, или принялъ свои мѣры противъ Бояръ уже въ послѣдствіи, когда занимающій насъ раздоръ оконченъ былъ битвою, этого рѣшить не возможно, хотя первое предположеніе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, судя по дурнымъ отношеніямъ его къ Боярамъ. Въ самомъ началѣ перваго вступленія его на Новгородскій престолъ, онъ былъ пораженъ нѣкоторыми явленіями, вызвавшими его къ строгимъ мѣрамъ: онъ задержалъ какого-то Якуна Зуболомца и Новоторжковскаго Посадника, Ѳому, заковалъ ихъ и сослалъ въ Тверь; тогда же онъ собиралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ противъ Тысяцкаго Якуна, и въ слѣдствіе сего вѣча былъ разграбленъ домъ сего чиновника и задержана его жена; явленіе на другой день къ Князю самаго Тысяцкаго повлекло за собою еще новое задержаніе, именно и самаго Тысяцкаго. Въ слѣдъ за тѣмъ обыватели извѣстной части города, входившей въ составъ Софійской Стороны, убили какого-то Овстріата и, сына его, Луготу, бросивъ трупы ихъ въ греблю, извѣстіе о чемъ Князь принялъ съ прискорбіемъ, и былъ, какъ будто бы, не въ состояніи даже выносить этой душной, вѣчно напряженной, враждующей среды: онъ оставилъ Новгородъ и удалился въ Торжокъ, съ твердымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, утвердить оттуда господство новой жизни надъ дикою и необузданною жизнью Новгорода. При отъѣздѣ онъ взялъ съ собою многихъ Бояръ; въ Торжкѣ онъ обласкалъ, одарилъ ихъ, и потомъ отпустилъ въ Новгородъ. [83] Три посольства къ нему Новгородцевъ, съ призваніемъ въ Новгородъ, не только остались безуспѣшными, но всѣ, участвовавшіе въ сихъ посольствахъ, были задержаны Ярославомъ, въ томъ числѣ и Новгородскій Посадникъ, Георгій Ивановичъ: съ братомъ своимъ, Георгіемъ,

---

[83] Не сомнѣваемся, что дѣйствуя такимъ образомъ, Ярославъ надѣялся на разладицу, въ которой жили между собою Новгородскіе Бояре, и расчетъ его, какъ увидимъ ниже, былъ не совершенно ошибоченъ.

онъ готовилъ Новгороду рѣшительную борьбу. Чѣмъ разрѣшилась бы эта тяжба двухъ противоположныхъ жизней, безъ явленія снова посреди Новогородцевъ Мстислава, мы не будемъ догадываться; но съ явленіемъ Мстислава жизнь старая мгновенно стала подъ его знамя. Тогда Намѣстникъ и дружина Ярослава, оставшіеся въ Новгородѣ, были схвачены и закованы. Въ то же время самимъ Ярославомъ была принята крутая мѣра противъ Новгородскихъ торговцевъ, которыхъ онъ, вмѣстѣ съ другими, захваченными имъ въ Торжкѣ, оковалъ и разослалъ по городамъ земли Владимиро-Ростовской, а товары ихъ, вмѣстѣ съ конями, велѣлъ раздать. Въ это же самое время братъ измѣняетъ тайно брату, сынъ отцу, отецъ сыну, господинъ слугѣ и слуга господину. Противорѣчіе жизни видимо ищетъ благопріятнѣйшаго исхода, и возможность этого исхода находитъ единственно въ открытой, кровавой борьбѣ. Между тѣмъ, можно сказать, за минуту до сей борьбы Новгородцы какъ будто полны единомыслія. Сторона злыхъ сильнѣе въ немъ стороны добрыхъ, и послѣдніе безмолвствуютъ, опасаясь, и весьма основательно, безъ совѣщаній и суда быть казненными за свои мнѣнія, когда въ то же время сами были полны недовольства и готовы были на открытую борьбу противъ злыхъ. Споръ Новгорода долженъ былъ рѣшиться подъ вліяніемъ сторонней силы, и стойкость Георгія и Ярослава даетъ Новогородцамъ, готовымъ скорѣе подчиниться требованіямъ новой жизни, мощь, и, безсильные въ Новѣгородѣ, они, опираясь на силы внѣшнія, становятся въ открытомъ полѣ лицомъ къ лицу противъ своихъ собратовъ, державшихся старины, рѣшая мечемъ тайную тяжбу свою съ ними. Одна сила, не убѣжденіе, можетъ дѣйствовать въ Новгородѣ, и это положеніе вещей дѣлаетъ изъ Новогородцевъ, стоявшихъ въ открытомъ полѣ друзьями новой жизни, нравственно гнусныхъ рабовъ внутри Новгорода. Они сдѣсь обманъ и лицемѣріе: даже дѣти обманываютъ отцовъ и отцы дѣтей, братья братьевъ; всѣ полны согласія съ общимъ движеніемъ Новгорода, а между тѣмъ стараются возмутить это согласіе; [86] они торжественно клянутся даже именемъ Божіимъ въ единомысліи, въ дружбѣ къ тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ та-

---

[86] Сто Новгородцевъ отправились отъ Ярослава въ Новгородъ, для того, чтобы тайно дѣйствовать противъ Мстислава и указать ему путь изъ Новгорода.

ятъ гибель въ душѣ. [85] И это свободные Новгородцы! И это свободный Новгородъ, гдѣ убѣжденіе или дума прячется, какъ тать, лицемѣритъ, обманываетъ, клятвопреступничаетъ. Нѣтъ! Послѣ этого мы положительно можемъ сказать, что этѣ Новогородцы, скопившіеся подъ знамя новой жизни, не могли быть истинными сынами ея. Но не рѣшаемъ теперь, раздѣляли ли они внутренно ея требованія, состояли ли они изъ однихъ добрыхъ: для насъ и безъ точнаго разрѣшенія этого важнаго вопроса, которымъ мы займемся въ своемъ мѣстѣ, настоящее событіе имѣетъ обширнѣйшее значеніе. Новгородъ напрягаетъ теперь всѣ свои силы, всю мощь, для поддержанія старины, которую новая жизнь извнѣ старается смять, уничтожить: старина для него дорога, старина для него жизнь; и въ то же время самъ же Новгородъ, по видимому, до такой степени тяготится плодами этой старины, или до такой степени враждуетъ противъ нея, или измѣняетъ ей, что разрываетъ религіозно-святыя узы, клянется быть за старину, и—подымаетъ мечъ противъ нея, разрушаетъ семейную и гражданскую связь: братъ идетъ противъ брата, сынъ противъ отца, слуга противъ господина. Внутреннее недовольство противъ старины, или измѣна ей, достигаетъ въ настоящемъ событіи, можно сказать, ужасающаго размѣра. Въ это же время, обращая вниманіе на государственную форму, вы замѣчаете, что помыселъ о Князѣ высится надъ всѣмъ этѣмъ раздоромъ, и онъ-то одинъ роднитъ между собою противорѣчащія начала Новгорода: обѣ стороны—и враждующая противъ новой жизни, противъ идеи о господствѣ Княжеской власти, и возстающая противъ старины, обѣ онѣ примкнули къ помыслу о новой жизни, и та и другая имѣютъ во главѣ своей Князя—одна Мстислава, другая Георгія; безъ Князя та и другая, враждующія другъ противъ друга, готовыя на страшную, безпримѣрную борьбу, остаются въ видимомъ покоѣ, не предпринимаютъ другъ противъ друга ни чего: мно-

[85] Лѣтописецъ упоминаетъ о четырехъ Боярахъ, которые дали клятву стоять за старину, и тайно бѣжали въ станъ Георгія и Ярослава. «Побѣгоша къ Ярославу преступницы кресту, чѣловали бо бяху хрестъ честьный къ Мьстиславу съ всѣми Новгородьци, яко всѣмъ одинакымъ быти: Володиславъ Завидичь, Гаврила Игоревичь, Гюрьги Ольксиничь, Гаврильць Милятиничь, и съ женами и съ дѣтьми.» По имени и отчеству называются въ лѣтописяхъ этого времени одни Бояре; въ XIV столѣтіи уже встрѣчаются исключенія, и то рѣдко.

веніе открытой вражды совпадаетъ непосредственно съ мгновеніемъ, когда та и другая примкнули къ помыслу о Княжеской власти, когда та и другая отдали споръ свой на рѣшеніе Князя. [86] Только при непосредственномъ содѣйствіи помысла о Князѣ, только при воспріятіи формы новой жизни, Новгородъ признаетъ въ настоящій мгновеніе возможность исхода страшной внутренней борьбы. Такъ онъ дѣйствуетъ вездѣ безъ исключенія: безъ помысла о Князѣ жизнь не можетъ найти въ немъ исхода; безъ помысла о Князѣ Новгородъ безъ воли, мертвъ; но въ то же время какъ сдѣсь, такъ и вездѣ и всегда обнаруживается въ немъ недостаточность нравственныхъ силъ для полнаго сознанія и утвержденія помысла новой жизни: онъ самъ чувствуетъ, что одинъ только Князь можетъ водворить миръ въ его жизни, по чему, теряя одного Князя, онъ шлетъ съ призывомъ къ другому; но въ то же время не вѣритъ Князю, слѣдитъ за каждымъ шагомъ его, и этѣмъ недовѣріемъ возбуждаетъ полное недовольство въ самихъ Князьяхъ, заставляя ихъ пренебрегать бытомъ Новгорода и самимъ Новогородскимъ престоломъ, такъ что пребываніе въ Новгородѣ, посреди душной нравственной среды, дѣлалось для Князей невыносимымъ, и они бѣжали изъ нея, а одинъ, раздраженный недовольствомъ Новгорода на его распоряженія, даже далъ клятву бросить Новгородъ на произволъ его собственныхъ страстей, такъ что Новогородцы должны были просить, чтобъ онъ не отказывался отъ правъ своей Княжеской власти. [87] Не завоеваній искала новая

---

[86] Между державшимися старины не обнаруживалось слѣдовъ борьбы противъ новой жизни до тѣхъ поръ, пока не появился между ними Мстиславъ; напротивъ, до того времени они старались показать полную готовность къ миру (три посольства къ Ярославу); между тѣмъ какъ съ явленіемъ Мстислава они дерзко и немедленно же возстали противъ новой жизни; точно тотъ же покой обнаруживала сторона противная до тѣхъ поръ, пока Ярославъ и братъ его, Георгій, не возстали съ своими силами за новую жизнь.

[87] Такъ сдѣлалъ Ярославъ Всеволодовичъ въ 1228 году. Трудно рѣшить, Софійская, или Торговая, Сторона, или обѣ вмѣстѣ, были недовольны судомъ Ярослава; но Ярославъ не вынесъ этого недовольства, и далъ себѣ клятву предоставить Новгородцевъ ихъ же собственному суду и отказался рѣшить дѣло ихъ чрезъ своихъ судей, что, въ свою очередь, встревожило Новогородцевъ и заставило ихъ просить, чтобъ Ярославъ снялъ съ себя эту клятву; ибо, въ противномъ случаѣ, онъ не можетъ быть ихъ Княземъ. Нов. I, стр. 44. Въ 1222 году Всеволодъ

жизнь въ борьбѣ съ Новгородомъ: она нравственно страдала въ бытѣ его, и невольно вооружалась противъ него мечемъ. Новгородъ былъ родильница, которая мучилась и не могла разрѣшиться отъ бремени: ребенокъ могъ быть спасенъ помощію извнѣ, съ пожертвованіемъ жизнію матери,—и его спасала новая жизнь, увѣренная вполнѣ, что, не пожертвовавъ матерью, она погубитъ и ребенка. Провидѣнію, однако жь, угодно было дать родильницѣ силы еще долго и долго бороться съ этѣми страданіями и надѣяться на спасеніе.

Исходъ настоящей борьбы извѣстенъ: старина взяла верхъ; Георгій и Ярославъ были разбиты на голову, и Новгородъ далъ при этомъ возможность восторжествовать еще старому началу даже въ

Георгіевичъ, котораго Новогородцы старались удержать своимъ Княземъ, тайно бѣжалъ отъ нихъ: «Князь Всеволодъ побѣже въ ноць, утаивъся, изъ Новагорода... Новогородьци же печальни быша о томъ.» Тамъ же, стр. 38. Въ слѣдующій за тѣмъ годъ отказался отъ управленія Новгородомъ Ярославъ Всеволодовичъ, не смотря на просьбы Новгородцевъ, чтобъ онъ продолжалъ править ими: «Понде Князь Ярославъ, съ Княгынею и съ дѣтьми, Переяславлю; Новгородци же кланяхуться ему: «Не ходи, Княже!» онъ же понде по своей волѣ.» Вновь прибывшій послѣ того Князь, помянутый Всеволодъ Георгіевичъ, въ слѣдующій же годъ снова тайно бѣжалъ отъ нихъ: «Понде Князь Всеволодъ другое изъ Новагорода, въ ноць, утаивъся»... Михаилъ Всеволодовичъ, занявшій послѣ того престолъ Новогородскій, не пробылъ на немъ и года, объявивъ Новгородцамъ торжественно на вѣчѣ, что онъ не хочетъ у нихъ княжить: «Не хочю у васъ княжити... иду Цьрнигову... Новгородци же много уимаша й, молячеся, и не могоша его умолити.» Нов. I, стр. 39 и 41. Припомнимъ при этомъ впечатлѣніе, которое испытывалъ Князь Святославъ Ольговичъ, права Новгородомъ: «Тягота, брате, въ людѣхъ сихъ; а кого хочешь, того и посылай править ими,» и слова Всеволода Ольговича къ Святополку: «Новгорода не удержать тебѣ; пусть управляются своей силой, или ищутъ себѣ Князя, гдѣ хотятъ;» припомнимъ отвѣтъ внука Рюрика, когда Новогородцы просили у него дать имъ въ Князья котораго ни будь изъ сыновей его: «А развѣ кто можетъ согласиться княжить у васъ?».. припомнимъ и отношенія Новогородцевъ къ Ярославу Великому, когда онъ княжилъ у нихъ. Сдѣсь мы снова замѣтимъ, что, послѣ всего сказаннаго, легко можно понять, по чему Олегъ и потомки Рюрика утвердили постоянное мѣстопребываніе внѣ Новгорода, и оттуда уже правили имъ: почва Новгорода для новой жизни была неплодородная; такъ за чѣмъ же было и сѣять на ней, когда для новой жизни предлагались поля богатѣйшія и въ племенномъ смыслѣ роскошныя?

самомъ Великомъ Княжествѣ. Ростовскіе Бояре, докняжескіе старинные правители значительной части земель, вошедшихъ въ послѣдствіи въ составъ Московской Руси, вспомоществуя Новогородцамъ въ ихъ дѣлѣ, нашли себѣ и въ нихъ отвѣтъ по дѣлу собственному, и, при помощи ихъ, возведя своего Князя, Константина, представителя, подобно Мстиславу, старины, на Великокняжескій престолъ, сдѣлались по прежнему господами земель Владимиро-Ростовскихъ. Старина торжествовала теперь въ Новгородѣ, молилась и преклонялась предъ промысломъ Божіимъ, которому и приписала свое торжество. [88] Теперь она свободнѣй могла ити въ своемъ развитіи, успѣвъ уже въ третій разъ открыто противоборствовать жизни новой, стремившейся на нее изъ Сѣверо-Восточной Руси. Нравственно-мощныя силы новой жизни въ земляхъ Владимиро-Ростовскихъ быстро уничтожили успѣхъ старой жизни среди Великаго Княжества, и снова, въ лицѣ того же Георгія, сына Всеволодова, повели нападеніе на старую жизнь самаго Новгорода; но Новгороду, какъ будто суждено было испить, для примѣра цѣлой Руси, горькую чашу старины до самаго дна. Прежде нежели новая жизнь успѣла одержать какой ни будь рѣшительный верхъ надъ Новгородомъ, Великій Князь, Георгій, палъ въ неравной битвѣ съ врагами новыми, невѣданными, и думы и силы Великихъ Владимирскихъ Князей должны были надолго послѣ того сосредоточиться не на утвержденіи новой жизни въ Новгородѣ, а на поддержаніи самостоятельности земель Русскихъ, которымъ грозила бѣда со всѣхъ сторонъ: и со стороны Монголовъ, и со стороны Нѣмцевъ, и со стороны Литвы.

Еще въ самомъ началѣ владычества Монголовъ, съ величіемъ и торжественностью раскрылась предъ Новгородцами жизнь новая, въ лицѣ Ярослава Всеволодовича и сына его, Александра Невскаго: жизнь эта могла воспользоваться гибельнымъ положеніемъ, въ ко-

[88] По показанію Новогородскаго лѣтописца, не Новогородцы, а сила Божественная поразила, рукою Новогородцевъ, Ярослава и Георгія. По этому же, говоря о такой потери со стороны Новогородцевъ и о множествѣ павшихъ со стороны Ярослава и Георгія, этотъ же лѣтописецъ восклицаетъ: «О великъ, братье, промыслъ Божій!» Нов. I, стр. 35.

торое поставили Новгородъ Нѣмцы, завладѣвшіе уже всѣми Новогородскими землями, лежавшими по ту сторону Чудскаго озера, самимъ Псковомъ, Изборскомъ, Водьскою землею, Лугою, Тесовымъ и передовыми отрядами достигавшими уже самаго Новгорода; однако жь она не думала воспользоваться этѣмъ опаснымъ мгновеніемъ, а, напротивъ, устремила собственныя свои дружины, подъ предводительствомъ Александра, на спасеніе самобытности земель Новогородскихъ, одушевила этѣ дружины силою и бодростію, и спасла самобытность Новгороду и Пскову. Но не великодушіе, не нравственное сознаніе, а преимущественно физическая необходимость склоняла Новгородъ предъ новою жизнею: это благородное и мощное движеніе новой жизни не нашло сколько ни будь живаго отвѣта въ душѣ Новогородца, не оторвало его думъ отъ его идола — выгодъ вещественныхъ, какъ это мы увидимъ ниже въ отношеніяхъ Новгорода къ Невскому, не пробудило въ немъ чувства благоговѣнія предъ свѣтлымъ, благороднымъ движеніемъ Владимирской области. Напротивъ, строптивость младшихъ Новогородцевъ дошла къ сему времени до того, что предъ новою жизнію охотнѣй преклонялись теперь докняжескіе Бояре, нежели Сторона Торговая, нежели чернь.

Характеръ недовѣрія ни къ кому и ни къ чему, какое-то разложеніе жизни въ отсутствіи всякаго нравственнаго начала, печатлѣются теперь въ Сторонѣ Торговой рядомъ явленій. Ни Василій, сынъ Невскаго, княжившій въ это время въ Новгородѣ, ни Боярин, ни Посадникъ, ни высокая личность самаго Невскаго, спасителя Новгородской Руси, ни какая власть не могутъ дать покоя волнующейся страстями Сторонѣ. Не вѣримъ ни кому, не вѣримъ и себѣ: вотъ ея дѣйствительное теперь положеніе. Въ этомъ недовѣріи разрѣшаются узы семьи и религіи, исчезаетъ всякое нравственное единство. Не опережаемъ, однако жь, событія.

Первый предметъ, на который пало недовѣріе, былъ самъ Князь Василій: личность Невскаго не сдержала въ этомъ отношеніи Новгородцевъ Торговой Стороны. Они даже не обратились къ Невскому въ этомъ дѣлѣ; не довѣрили и ему посредническаго рѣшенія между его сыномъ и ими; устранили даже Бояръ въ этомъ рѣшеніи и изгнали Василія. Мало того, Невскій не только не могъ остановить на

себѣ довѣрія мятущихся, но даже самъ заподозрѣнъ былъ ими, какъ лицо, ищущее гибели Новгородцамъ: онъ врагъ ихъ. Противъ Невскаго они выставляютъ брата его, Ярослава, развивая такимъ образомъ семейную ссору послѣдняго до вражды гражданской и дѣлаютъ его главой своей. [89] Когда же Невскій рѣшился силою обуздать ихъ страсти и двинулся къ Новгороду съ войскомъ, Новгородцы сами вооружились, стали около города полками, и въ то же время на вѣчѣ Торговой Стороны раздалися клятвы, стоять до смерти на своемъ, не выдавать Князю никого изъ главныхъ супротивниковъ. Въ этѣхъ клятвахъ, въ этомъ рѣшеніи, младшіе являются совершенно отдѣльными отъ старшихъ: и это рѣшеніе, и этѣ клятвы, принадлежатъ единственно имъ, а Бояре, напротивъ, держатъ сторону Невскаго, хотя, въ ожиданіи Невскаго, наружно сохраняютъ согласіе съ младшими и, вмѣстѣ съ ними, становятся тоже подъ оружіе, какъ будто бы желая поддерживать ихъ рѣшеніе. Младшіе не обманываются этою наружностію и знаютъ, что въ старшихъ былъ совѣтъ золъ, «яко побити меньшіи, а Князя ввести на своей волѣ.» Еще вдали отъ Новгорода встрѣтилъ Александра перевѣтчикъ Новогородецъ, который, объяснивъ, что Ярославъ бѣжалъ изъ Новгорода, и что Новгородцы остаются безъ Князя, понуждалъ его наступать на Новгородъ быстрѣе. При приближеніи Невскаго къ городу, одинъ изъ Бояръ сдѣлалъ движеніе въ его пользу. Младшіе замѣтили это тотчасъ, пришли въ ярость и готовы были мгновенно стереть съ лица земли этого Боярина и расхитить имущество его: эта дума и рѣшеніе ихъ вызываютъ благороднѣйшую самотверженность со стороны бывшаго въ то время Посадника Ананія: «Братье, аже

---

[89] Во время ссоры съ Великимъ Княземъ, Новгородъ постоянно останавливаетъ вниманіе на Князѣ, находящемся съ Великимъ Княземъ, какъ и сдѣсь, при Невскомъ, въ разладѣ. Странно, что ни Карамзинъ, ни спеціально занимавшійся опредѣленіемъ отношеній между Князьями Рюрикова Дома, Г. Соловьевъ, не замѣтили этой разладицы, въ которой былъ Ярославъ съ своими братьями. Въ I-й Новгор. лѣтописи, подъ 1253 годомъ, мы встрѣчаемъ положительное свѣдѣніе объ этой разладицѣ: «Того же лѣта, на зиму, выбѣже Князь Ярославъ Ярославичъ изъ Низовскоѣ земли (Владимиро-Ростовской области), и посадиша его въ Пльсковѣ.» Въ этой же лѣтописи, подъ 1255 годомъ: «Выведоша Новгородьци изъ Пльскова Ярослава Ярославича, и посадиша его на столѣ, а Васалья выгнаша вонъ.» Стр. 55.

того (Михалка Твердиславича) убіете, убійте мене переже!» возразилъ имъ Посадникъ Ананія. Такимъ образомъ младшіе, раздражаясь въ своемъ киченіи сопротивленіями, переходили за предѣлы, въ которыхъ они могли сохранить при себѣ послѣдняго вождя-правителя. Твердая рѣчь Посадника яснѣй обозначала предъ ними ихъ совершенное одиночество и заставила отказаться отъ исполненія рѣшенія или, лучше сказать, отсрочить его, какъ это мы объяснимъ вскорѣ.

При этомъ внутреннемъ разъединеніи, при этомъ одиночествѣ, порывъ страсти младшихъ началъ стихать и въ отношеніи Невскаго, въ особенности, когда Невскій умѣрилъ свое требованіе. Но въ то время, когда стихалъ порывъ, когда Новгородцы отказывались отъ открытой битвы съ Невскимъ, смирялись передъ нимъ, ихъ клятва стоять до смерти и не выдавать Князю главныхъ сопротивниковъ, сдѣлалась игрушкою, и они, не обнаживъ меча, отказались отъ дальнѣйшей защиты Ананіи, когда Невскій, не согласившись на ихъ просьбу—отдать гнѣвъ Ананія, потребовалъ удаленія его съ Посадническаго мѣста: Ананія былъ удаленъ, Ананія, который за нѣсколько, можно сказать, минутъ предъ симъ такъ благородно и твердо высказался предъ ними и слова котораго послушали они даже въ минуту страстнаго своего киченія. За отсутствіемъ нравственнаго начала, страсти и страхъ распалагаютъ жизнію Новгородцевъ Торговой Стороны въ отношеніи къ власти: порывъ остылъ, страхъ взялъ верхъ, и Ананія—не глава ихъ: они отказались отъ него. При подобномъ состояніи ни какая власть Княжеская, или не Княжеская, не могла устояться въ Новѣгородѣ. Опора, которую предлагала теперь власти Софійская Сторона, какъ мы увидимъ ниже, не могла имѣть, и не имѣла, достаточнаго нравственнаго развитія. Даже открытое движеніе въ пользу Невскаго должно быть заклеймено, согласно съ сказаніемъ лѣтописца, именемъ измѣны къ Новгороду, по тому что въ основѣ его лежала не любовь къ порядку, къ стройности, а нелюбовь къ Князю. Но какъ значителенъ, какъ чувствителенъ сталъ перевѣсъ младшихъ въ Новгородѣ, какъ дика, необузданна сдѣлалась ихъ строптивость, этому могутъ служить доказательствомъ еще слѣдующія данныя. Михаилъ Твердиславичъ, о которомъ мы сейчасъ говорили и который рѣшительнѣе другихъ дѣйствовалъ въ пользу Невскаго, по утвержденію снова власти сего Князя въ Новгородѣ, немедленно же былъ назначенъ Посадникомъ, и младшіе, кото-

рые готовы были во время борьбы съ Невскимъ, погубить его, какъ измѣнника, теперь исполняютъ его волю, преклоняются предъ нимъ. Что жь они довѣряютъ теперь Невскому, довѣряютъ Михаилу Твердиславичу? Ни мало! Въ нихъ нѣтъ довѣрія ни къ кому, и Михаилъ Твердиславичъ, спустя два года послѣ своего назначенія, погибъ таки насильственною смертію, во время движенія младшихъ. Не эти ли же младшіе до такой степени вооружили юнаго Князя, Василія, что онъ въ томъ же году, какъ убитъ былъ Твердиславичъ, бѣжалъ предъ отцомъ своимъ? Чего боялся сей юноша Князь, когда шелъ къ Новгороду Александръ съ благою цѣлію удалить угрожающее Новгородской области опустошеніе со стороны Монголовъ, шелъ обложить Новгородцевъ мирнымъ образомъ поголовною данію въ пользу властителей родины? Этому юношѣ Князю, кажется, нечего было бояться, но онъ бѣжалъ въ Псковъ. Какія же причины могли побудить его къ этому? Противъ обложенія поголовною данью сильно возставали младшіе въ Новгородѣ, волновались, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ отказывались отъ послушанія въ этомъ отношеніи волѣ Александра, заставляли его два раза пріѣзжать въ Новгородъ съ послами Монгольскими, для окончанія этого дѣла мирнымъ образомъ, вооружались, готовы были на бой, а въ 1259 году поставили даже въ такое опасеніе самихъ пословъ, что Боярскія Дѣти, сколько ихъ ни было въ Новгородѣ, подъ начальствомъ сына Посадника, должны были, согласно просьбѣ этѣхъ пословъ, охранять ихъ; но страхъ и невозможность борьбы съ Монголами взяли, наконецъ, верхъ, и они согласились на дань. Обращая на это вниманіе и имѣя въ виду, что Василій бѣжалъ предъ отцомъ, въ первый, по настоящему дѣлу, пріѣздъ его въ Новгородъ, кажется, не остается сомнѣнія, что эти младшіе настроили думы юнаго Василія на свою сторону, представивъ предъ нимъ волю его отца волею насилія и тиранства, и что Василій, вооруженный этѣмъ противъ отца, не смѣлъ прямо, открыто, дѣйствовать противъ Невскаго, а избралъ средній путь — удалился, чтобъ не быть, вмѣстѣ съ младшими Новгородцами, судьею того, предъ которымъ онъ долженъ былъ благоговѣть, по естественному порядку вещей, или чтобъ, вмѣстѣ съ отцомъ, тираномъ не судить несчастныхъ Новогородцевъ. Такъ попирались святыя семейныя отношенія въ страстной привязанности Новогородцевъ къ земному. Какую же власть, какой порядокъ, какую святыню, младшіе Новогородцы не принесли бы послѣ

этого въ жертву своимъ страстямъ, если они готовы были чернить отца въ глазахъ сына, брата вызывать на брата, изъ клятвы дѣлать игрушку?.. Въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи исторіи Новогородской мы положительно убѣдимся и въ этомъ безсиліи семейнаго чувства, и въ томъ, что клятва была для Новогородцевъ игрушка, т. е., въ религіозно-нравственномъ безсиліи Новгородцевъ.

Въ дополненіе отношеній Новгорода къ Невскому, мы передадимъ еще одно ничтожное, по видимому, но весьма многознаменательное, въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи, событіе. Князь, спаситель Новгорода и подвластнаго ему Пскова отъ порабощенія Нѣмцами, занялъ было въ Новгородѣ сѣнокосы, которыми не пользовались прежніе Князья: Новгородцы оставили за нимъ пользованіе этѣми сѣнокосами; но это занятіе они назвали потомъ насильнымъ завладѣніемъ, и въ договорныхъ грамотахъ съ наслѣдниками Невскаго выговорили, чтобъ этѣ сѣнокосы были отданы обратно въ пользу Новгорода... [90] Какую страшную противоположность представляетъ во всемъ этомъ жизнь новая и жизнь старая! Новгородъ, истинный представитель старой жизни, дрожитъ за малѣйшее пожертвованіе своихъ выгодъ, и въ этомъ чувствѣ ревнуетъ даже Князя-спасителя до бездѣлицы, не довѣряетъ ему, считаетъ его врагомъ своимъ, когда онъ думаетъ мѣрами мирными предупредить опустошенія земли Новгородской; не довѣряетъ ему, когда онъ думаетъ наказать виновныхъ въ изгнаніи сына его, высказываетъ явную нелюбовь къ нему самымъ этѣмъ изгнаніемъ и призваніемъ къ себѣ на Княженіе брата его, Ярослава, отпадшаго въ то время отъ семьи и, слѣдовательно, бывшаго въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Александру. Другой совершенно голосъ слышится со стороны новой жизни; она не говоритъ Новгороду языкомъ Новгорода: область Владимиро-Ростовская сама по себѣ; ей нѣтъ дѣла до твоего опаснаго положенія, въ отношеніи Нѣмцевъ нѣтъ основанія, нѣтъ ни малѣйшей выгоды, дѣлать огромныя пожертвованія для твоего спасенія, тѣмъ болѣе, что она сама пала подъ гнетъ Монголовъ; нѣтъ, языкъ новой жизни другой, ея дѣла другія: она исполнила Ярослава и Невскаго любовію, кото-

---

[90] Пол. Соб. Госуд. гр. и дог. т. I, № 1 и 2.

рая не могла умѣститься въ тѣсныхъ рамкахъ областныхъ цѣлей, переливалась чрезъ этѣ грани и дѣлала изъ Новгородцевъ и Псковитянъ для Владимиро-Ростовскихъ земель братьевъ по языку и Вѣрѣ, подвигла Великаго Князя на спасеніе Новгорода и Пскова, исполнила силы и мужества самаго Невскаго при спасеніи имъ этого чуждаго роднаго, исполнила дружины великаго Княжества полною преданностію, полною довѣренностію, къ волѣ своихъ властителей, понесла ихъ бодро въ слѣдъ за Невскимъ на кровавую битву, на смерть, и, жертвуя любимыми сынами своими, при совершеніи святаго долга, спасая Новгородъ и Псковъ отъ порабощенія, не требовала возмездія, не кичилась, а благовѣйно преклонилась предъ исполнителями великаго, и въ этомъ чувствѣ благовѣнія, причла самаго Невскаго къ лику Святыхъ. Сдѣсь, при разсмотрѣніи событій, относящихся до Александра, мы стоимъ уже на той высотѣ, съ которой будущность Новгорода и отношенія его къ Великому Владимиро-Ростовскому Княжеству довольно ясно обозначаются сами собой. Монголы, задержавъ физически развязку этѣхъ отношеній сначала, разовьютъ потомъ въ Сѣверо-Восточной Руси огромныя нравственныя силы для уничтоженія даже самыхъ слѣдовъ жизни старой: рѣшительное столкновеніе ея съ Новгородомъ неизбѣжно. Уже отвѣтъ, который Новгородцы нашли въ земляхъ Владимиро-Ростовскихъ, при совершенномъ стѣсненіи Нѣмцами, отвѣтъ живой, братскій, безкорыстный, благородный, опредѣлялъ взглядъ Князей этой части Россіи на земли Новгородскія, показывалъ, что, не смотря на стремленіе Новгородской области къ областному разрыву съ областію Владимиро-Ростовской, сія послѣдняя единитъ ее съ собою и нравственно уничтожаетъ этотъ разрывъ. При усиленіи Владимиро-Ростовской области, Князья ея не могли не привести этой нравственной живой думы въ дѣйствительное исполненіе. Дума объ этомъ единствѣ живетъ въ Восточной Руси, и въ дальнѣйшей исторіи печатлѣетъ себя въ отношеніи Новгорода дѣйствіями, подобными тѣмъ, которыми высказался къ Новгороду Александръ. Болѣе блистательное дѣло этой думы совершено было сыномъ Невскаго, Дмитріемъ, въ обстоятельствахъ, схожихъ съ обстоятельствами, въ которыхъ находился Новгородъ къ своимъ новымъ сосѣдямъ, Нѣмцамъ, при самомъ Александрѣ, и точно такимъ же образомъ: живое содѣйствіе Сѣверо-Восточной Руси въ продолженіе спора Новгородцевъ и Псковитянъ съ Нѣмцами доказало послѣднимъ всю трудность

въ поколѣніи покушеній ихъ на самобытность Сѣверо-Западныхъ нашихъ областей, даже на борьбу съ ними. Новгородъ между тѣмъ въ это же время ни сколько не измѣняетъ основаній своей политики въ отношеніи Владимиро-Ростовскихъ земель. Вещественныя выгоды, какъ мы выше замѣтили, тѣсно связываютъ его съ сими землями: Князья этихъ земель—Князья Новгорода. Слѣдя за духомъ его дѣйствій, мы ни сколько не сомнѣваемся, что онъ готовъ былъ по прежнему призывать къ себѣ на княженіе Князей и изъ другихъ частей Россіи: изъ Кіева, Смоленска, Владимира Волынскаго, или Галича; но всѣ эти Князья, были теперь безсильны подать помощь Новгороду, въ случаѣ, если бы онъ вызвалъ къ открытой ссорѣ Великихъ Князей области Владимиро-Ростовской, а эта открытая ссора была бы неизбѣжна, при одномъ призваніи Новгородцами къ себѣ Князя изъ другой части Россіи. Быть можетъ, даже они готовы бы были еще, въ семъ отношеніи, итти на подобную ссору, если бъ выгоды еще болѣе важныя не приковывали ихъ къ Князьямъ Великимъ—это помощь, которую они получили отъ Владимиро-Ростовскихъ земель въ борьбѣ съ сосѣдями, поставлявшей, или грозившей поставить, ихъ не разъ въ крайне затруднительное положеніе; подобной помощи, во время владычества Монголовъ, они ни откуда не могли получить, кромѣ великаго Княжества. Вотъ по чему Князья Владимиро-Ростовскихъ земель теперь ихъ Князья. Несмотря, однако жъ, на эту зависимость отъ Князей Владимиро-Ростовскихъ, Новгородъ по прежнему стремится всѣми силами не допустить ихъ до своихъ областныхъ выгодъ. Сообщенное нами дѣло о занятыхъ Александромъ Невскимъ сѣнокосахъ достаточно опредѣляетъ положеніе Князей къ Новгороду въ этомъ отношеніи. Поддерживая свои выгоды противъ Князей, Новгородцы, согласно съ тѣмъ, дѣйствуютъ иногда и при Ханахъ, противоставляютъ этихъ Князей одинъ другому, пробуждаютъ между ними ревность. Теперь-то они достигаютъ той исключительности въ отношеніи Князей, черты которой мы представили при объясненіи ихъ отношеній въ княженіе Боголюбскаго. Теперь, въ живомъ стремленіи къ этой исключительности, Новгородцы думаютъ поставить самое Духовенство свое въ отношеніи къ центральной Духовной власти въ ту же, или еще большую, независимость, въ которой стояла уже Софійская и Торговая Стороны къ Князьямъ, и по этому, признавая эту средоточную власть главою своего Духовенства, не хотятъ,

однако жъ, чтобъ эта власть вмѣшивалась въ судъ ихъ собственнаго Архіепископа, желаютъ, стараются, поставить его въ семъ отношеніи внѣ власти Митрополита, и только послѣ открытой борьбы отказываются отъ этѣхъ намѣреній, приведенныхъ ими было въ исполненіе съ торжественнымъ составленіемъ для сего особой грамоты и съ клятвою стоять за это дѣло. [91] Когда же Сѣверо-Восточная Русь обнаруживаетъ твердыя Государственныя начала новой жизни, по которымъ ни какая подобная исключительность не можетъ быть допускаема, и пойдетъ рѣшительно и неуклонно къ утвержденію началъ своихъ во всѣхъ областяхъ, которыя она нравственно единила съ собою, къ утвержденію этѣхъ началъ въ самомъ Новгородѣ; тогда тщетно ищетъ Новгородъ противопоставить кого ни будь сему открытому движенію Сѣверо-Восточной Руси: Князья удѣльные, которые выручали Новгородъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, погасли совершенно съ силами своими въ Думѣ Государственной Москвы. Тогда-то стремленіе къ исключительности поставитъ Новгородъ въ послѣднее отчаянное противорѣчіе съ самимъ собою, съ тѣми думами, которыя улеглись, почти безъ его вѣдома, въ основаніе его жизни, съ которыми онъ несознательно цѣлыми столѣтіями свыкался, и которыя теперь, когда исключительность Новгородская, для поддержанія своего существованія, посягнула и на нихъ, не могли не встрепенуться, не возмутить душъ болѣе благородныхъ Новгородцевъ, не поставить ихъ въ такое положеніе, въ которомъ бы они сознали нравственную смерть въ собственномъ своемъ исключительномъ началѣ. Но подробное описаніе окончательной борьбы Новгорода съ Сѣверо-Восточною Русью мы сдѣлаемъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь же обозримъ подробно, что дѣлается въ самомъ Новгородѣ, при этомъ стремленіи его къ исключительности; посмотримъ, какъ онъ пользуется плодами ея и въ какихъ отношеніяхъ, подъ ея вліяніемъ, онъ становится къ своимъ областнымъ частямъ; но прежде всего мы необходимо должны сдѣлать дополнительное описаніе составныхъ частей, изъ которыхъ состоялъ самъ Новгородъ.

Раздѣляясь на три главныя части: на Софійскую и Торговую Стороны и Городище, Новгородъ подраздѣлялся еще на, такъ на-

---

[91] См. ниже.

зываемые, концы. По тому значенію, которое дается иногда этому слову Новгородскими лѣтописцами, могло быть въ Новгородѣ, какъ во всякомъ другомъ городѣ, неопредѣленное число концовъ: это были части города, простиравшіяся отъ Дѣтинца или срединной крѣпости къ границамъ городскимъ въ различныхъ направленіяхъ, а также тѣ части, которыя простирались отъ сихъ концовъ, когда самыя вошли въ составъ города или въ городское укрѣпленіе, далѣе, но не всѣ, а вѣроятно тѣ лишь, которыя были болѣе обстроены. Въ самомъ обширнѣйшемъ значеніи словомъ конецъ Новгородцы называли какія-то три части города также концами: Загороднимъ, Никольскимъ и Гончарскимъ; это по свѣдѣніямъ, случайно сохраненнымъ намъ Новгородскими лѣтописцами; [92] въ дѣйствительности же, можетъ быть, и многія части носили то же наименованіе. Отъ этихъ концовъ, въ обширнѣйшемъ значеніи, отличались концы, которые насъ занимаютъ. Наименованіе свое они получили, конечно, по тому же, что составляли цѣлое обывательскихъ построекъ, тянувшееся въ различныхъ направленіяхъ отъ крѣпости; но, при этомъ физическомъ раздѣленіи своемъ, они отдѣлились другъ отъ друга гражданскі, составляя собою въ Новгородѣ какія-то status in statu. Ихъ было пять: три на Софійской Сторонѣ, а два на Сторонѣ Торговой. [93] Одинъ изъ первыхъ назывался Неревскимъ, [94] и лежалъ по правую

---

[92] Нов. I, II и III, стр. 87, 145, 234 и 241.

[93] Г. Соловьевъ упоминаетъ о Онипоповицкомъ концѣ, и заставляетъ его играть даже роль въ исторіи Новгорода. Перечитавъ всѣ Новгородскія лѣтописи, мы не нашли нигдѣ ни малѣйшаго намека на существованіе въ Новгородѣ подобнаго конца, не только о какой ни будь роли его въ исторіи Новгорода. Нѣтъ сомнѣнія, что Г. Соловьевъ принялъ здѣсь нарицательное наименованіе Софійской, или Торговой, Стороны, за имя собственное, и при своемъ общемъ обычаѣ, поступать съ историческими данными произвольно, придалъ этому нарицательному наименованію одной изъ Сторонъ, наименованіе конца; ибо дѣйствительно выраженіе: Онипоповицы встрѣчается не разъ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, какъ встрѣчается и при описаніи того событія, гдѣ является у Г. Соловьева Онипоповицкой конецъ, но всегда въ значеніи обывателей оной (другой) половины, живущіе на иной половинѣ,» т. е., принадлежащіе къ Софійской, или Торговой, Сторонѣ, и безъ прибавленія слова конецъ.

[94] Наименованіе, до сихъ поръ сохраняющееся.

сторону нынѣшняго шоссе изъ Москвы въ С.-Петербургъ къ Волхову, захватывая, быть можетъ, небольшое пространство и по лѣвую сторону шоссе; другой Людинымъ, который обнималъ противоположную часть крѣпости; и третій Пруской улицею; [95] населеніе сего послѣдняго конца занимало узкую полосу между двумя первыми концами и выходило на старую дорогу къ Русѣ. Концы Торговой Стороны: Словѣнскій и Плотницкій. [96] Каждый изъ этѣхъ концовъ составлялъ собою цѣлое, дѣйствовалъ при внутреннихъ несогласіяхъ совокупно, [97] и имѣлъ свое управленіе, свою казну и своихъ представителей даже въ дипломатическихъ сношеніяхъ, даже свою печать, которая прикладывалась къ Государственнымъ договорнымъ актамъ. [98] Какъ ни занимательно бы было знать, на чемъ основывалась видимая самобытность Новгородскихъ концовъ, но всѣ заключенія по этому предмету, за совершеннымъ отсутствіемъ прямыхъ положитель-

---

[95] Наименованіе до сихъ поръ сохраняющееся. О томъ, что Пруская улица, а не Загородній конецъ, играла роль status in statu, считаю излишнимъ распространяться.

[96] Не существуетъ уже въ современномъ Новгородѣ наименованія: «Словѣнскій конецъ,» наименованія столь громкаго когда-то; но наименованіе: «Славянскій,» чуждое для простаго народа другихъ частей Россіи, знакомо простолюдину Новгородцу, и тайнымъ значеніемъ составляетъ въ его понятіяхъ какую-то особенность: одинъ изъ питейныхъ домовъ, устроенныхъ на Торговой Сторонѣ, противу городища, отличался, во время моего пребыванія въ Новгородѣ, надписью: «Славянскій.» Невольно вспомнишь стихъ Пушкина:

Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ!
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

[97] Цѣльность и самобытность концовъ во время внутреннихъ движеній Новгорода будутъ ниже изложены подробно.

[98] Депутаты отъ концовъ назначались только въ случаѣ важныхъ переговоровъ, на пр., въ 1363 г., для заключенія мира съ Нѣмцами, въ 1386 г., для переговоровъ съ Донскимъ, объ условіяхъ примиренія съ нимъ и для заключенія

ными, должны остаться не чѣмъ инымъ, какъ предположеніями. Но этому мы не вошли бы въ соображеніе объ основаніяхъ, которыя дѣлали обывателей каждаго конца цѣлымъ особымъ, съ гражданскою значимостію, если бъ нѣкоторыя изъ предположеній, по сему предмету, не получили у насъ довѣрія, и если бъ самыя соображенія наши не служили необходимымъ дополненіемъ къ очерку Новгородской исторіи и не разъясняли бы историческій бытъ Новгорода въ другихъ отношеніяхъ.

Въ началѣ настоящаго труда мы сказали, что Новгородцы отличались религіозностію: все, сказанное нами, послѣ того, по видимому, стоитъ въ страшномъ противорѣчіи съ этимъ показаніемъ; въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы представимъ Новгородцевъ еще болѣе въ невыгодномъ видѣ въ этомъ отношеніи, т. е., въ отношеніи страстной привязанности ихъ къ земному; но, за всѣмъ тѣмъ, наше показаніе о религіозности Новгородцевъ справедливо.

Въ томъ смыслѣ, въ какомъ, подъ вліяніемъ чувства любви, нераздѣльнаго съ религіозностью истиннаго Христіанина, мы считаемъ человѣка истинно религіознымъ, конечно, вы не можете найти религіозности въ Новгородцѣ: онъ былъ религіозенъ по своему, сообразно съ общимъ духомъ своей жизни. Чтобъ яснѣе понять нашу мысль, мы бы просили читателя представить себѣ изъ исторіи болѣе близкой къ намъ человѣка, обаяннаго сребролюбіемъ: его

самаго міра. Сколько можно заключить изъ концевыхъ печатей, приложенныхъ къ договорной грамотѣ съ Михаиломъ Ярославичемъ (1317 г.), каждый конецъ Софійской стороны имѣлъ во главѣ своей особаго Посадника (по печатямъ 4 Посадника одинъ общій и три концевыхъ), а каждый конецъ Торговой своего особаго Тысяцкаго (три одинъ общій, а два концевыхъ). Пол. соб. Руск. Лѣт. т. III, стр. 93 и т. V, стр. 229. Соб. Гос. грамотъ и договоровъ т. I, стр. 16, № 13. К. О. Малковскій опредѣляетъ значеніе Новгородскаго конца слѣдующимъ образомъ: «Каждый конецъ составлялъ въ извѣстномъ смыслѣ одно политическое цѣлое; самъ управлялъ своими дѣлами, имѣлъ вліяніе на дѣла одной изъ Новгородскихъ пятинъ, словомъ въ Государственномъ отношеніи конецъ имѣлъ точно такое же значеніе, какъ нынѣ каждый Губернскій городъ, но съ болѣе обширною властію.» Критическія изслѣдованія о происхожденіи Великаго Новгорода, въ XII № Временника изд. Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

сокровища—стяжаніе неправды, пота, слезъ и страданій ближняго; для этихъ стяжаній онъ превращалъ всѣхъ въ оружіе своей страсти, дѣлалъ изъ нихъ машины, съ утра и до вечера палилъ ихъ огнемъ страсти, чтобы получить отъ нихъ только то, что было бы цѣнно для него, т. е., цѣнно на вѣсъ золота; перегорѣвшія машины онъ бросалъ, какъ никуда негодныя, и замѣнялъ ихъ новыми машинами; и скажите, если вамъ случалось встрѣчать подобныхъ людей, пусть ихъ страсть была и другого рода, не замѣтили ли вы, до какой степени нѣкоторые изъ нихъ проникнуты страхомъ къ Господу: онъ пожиралъ благосостояніе людское, чтобъ удовлетворить своей страсти, и, счастливый въ этомъ удовлетвореніи, онъ думалъ, что это самъ Богъ содѣйствовалъ ему въ зломъ дѣлѣ, и онъ молился, благодарилъ Господа; изъ стяжанія страсти дѣлалъ пожертвованія въ пользу храма, созидалъ самые храмы; грозилъ ли ударъ его стяжаніямъ, онъ надѣялся на Господа, дѣлалъ обѣты, подобные своимъ пожертвованіямъ, въ полной надеждѣ на безконечныя силы Всевышняго, въ полной вѣрѣ, что Господь Богъ можетъ покровительствовать его злому дѣлу. Такова, а не другая, должна была быть и религіозность Новогородца, говоря вообще; исключеній не могло не быть, и исключеній, можетъ быть, довольно рѣзкихъ. Новогородцы наперерывъ другъ передъ другомъ основывали церкви: церквей въ Новгородѣ было множество. Страхомъ и трепетомъ проникалась душа Новогородца къ Господу, когда какая ни будь сила безъ образа, не одѣянная видимымъ, когда какая ни будь повальная болѣзнь разверзала обширныя могилы и наполняла ихъ трупами Новогородцевъ: это-то чувство страха заставляло ихъ тогда бросать ежедневныя свои занятія, бѣжать въ лѣса, валить тамъ деревья, готовить ихъ для постройки новаго храма, и, при дружномъ усиліи, однимъ днемъ воздвигать его. Такихъ однодневно устроенныхъ храмовъ было не мало въ Новгородѣ. [99] Какъ ни ошибоч-

[99] «Той же осени бысть моръ силенъ вельми въ Новѣгородѣ.... Великое множство Христіанъ умре по всимъ улицамъ.... и въ то время поставиша церковь древяну Святыхъ Святителей Аѳанасія и Кирилла во единъ день, и бревна возиша изъ лѣсу того же дни, и срубиша и освятиша единаго дне, и служиша (1390 г.). Нов. I стр. 95, и Нов. III стр. 233. Подъ 1417: «За всякъ день умираху толко, яко не успѣваху погребати ихъ.... Владыка Симеонъ, съ всею соймію съборовъ и съ Хри-

но, какъ ни ложно, было религіозное настроеніе Новогорода, но подобное одушевленіе, живое движеніе Новгородца подъ покровъ Господа, не могло не быть не умилительнымъ и не трогательнымъ. Самый истинный, высокій Христіянинъ, невольно задумался бы предъ нимъ. Въ минуты гражданскихъ ссоръ, когда Новогородцы, движимые страстями, съ вооруженною рукою шли другъ противъ друга, когда весь городъ былъ въ страшномъ смятеніи, и приносились въ жертву благосостояніе, самая кровь человѣческая; въ этѣ минуты общаго смятенія и раздора, торжественное явленіе Архіепископа съ соборомъ духовенства посреди враждующихъ, его воззваніе къ нимъ о мирѣ, водворяло миръ между ними. Готовились ли Новгородцы предпринять войну, они шли къ своему Архіепископу, и испрашивали его благословенія; получивъ благословеніе, ополчались, и когда выступали, уже готовые на битвы, шли снова принять благословеніе Архіепископа, на успѣшное окончаніе войны. Миръ, сколько можно догадываться, Новгородцы заключали не иначе, какъ съ благословенія Архіепископа, или, по крайнѣй мѣрѣ, положительно можно сказать, что Архіепископъ принималъ дѣятельное участіе въ заключеніи мира и въ окончаніи внѣшнихъ ссоръ и несогласій. [100] Кончалась ли

стіаны, съ кресты, обходи около всего города, молися Богу и Пречистѣи его Матери о престатіи гнѣва Божіа. А Христіане ови на конѣхъ, ови пѣши, изъ лѣса бревна привозивъ, поставиша церковь Св. Анастасію, въ память ея, и свяща ю Архіепископъ Симеонъ, того же дни, и святи ю и литургію съвърши; а въ остатонныхъ бревнахъ поставиша церковь Св. Илію конець Пруской улици, а Новотръжане такоже единѣмъ утромъ Св. Аѳанасія, и литургію съвръщиша.» Нов. I, стр. 107. Подъ 1552: «Архіепископъ Серапіонъ, повелѣніемъ Царя Государя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Росіи, помолився вкупѣ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ вельможи грады и со всѣмъ Христолюбивымъ народомъ, и поставиша двѣ церкви единаго дни древяныхъ, Св. Преподобнаго Кирилла, Бѣлозерскаго Чудотворца, и Св. мученика Христофора.» Нов III, стр. 251.

[100] Въ 1359 году четыре конца стояли подъ оружіемъ, готовясь на бой другъ противъ друга: «и пріиде Владыка Моиси изъ манастыря, а Олексѣй, поимя съ собою и Архимандрита и Игумени, и благослови ихъ, рекъ имъ: «Дѣти! не доспѣйте себѣ брани, а поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты; не съступайтеся на бои»—и пріяша слово его и разидошася.» Въ 1342 году, когда весь Новгородъ, раздѣлившись на двѣ враждебныя части, стоялъ подъ оружіемъ: «и Владыка Василей, съ Намѣстникомъ Борисомъ, до-

благополучно многотрудная война, они тѣлой общиной воздвигали

кончаша миръ межи ими; и възвеличенъ бысть крестъ, а діаволъ посрамленъ бысть.» Въ 1418 году было страшное внутреннее смятеніе: слышавъ же Владыка Симеонъ усобную рать промежи своими дѣтьми, испусти слезы изъ очію, и повелѣ предстоящимъ събрати съборъ свои: и въшедъ Архіепископъ въ церковь Святыя Софіа, нача молитися съ слезами, и облечеся въ священныя ризы, съ своимъ съборомъ, и повелѣ крестъ Господень и Пречистыя Богородица образъ взяти, иде на мостъ, и по немъ въслѣдующе Священицы, и причетъ церковныи, и Христоименитое людство, по немъ идоша, и мнози народи, испущающе слезы, глаголюще: «Да укроти, Господи, молитвами Господина нашего!» и людіе богобоязнивіи припадающе къ Святителевома ногама, съ слезами: «Йди, Господине, да уставитъ Господь твоимъ благословеніемъ усобную рать!» ови же глаголаху: «Да будетъ злоба сія на зачинающихъ рать!» И пришедъ Святитель, ста посредѣ мосту, и вземъ животворящій крестъ, нача благословляти обѣ странѣ; ови, взирающе на честный крестъ, плакахуся. Услышавъ же она страна пришествіе Святителево, и прінде Посадникъ, Ѳеодоръ Тимоѳеичъ, съ иными Посадникы и съ Тысячьскыми, поклонитися Владыцѣ. Владыка послуша моленіа ихъ, посла Архимандрита Варлама, и отца своего духовнаго, и Протодіакона, на Ярославль дворъ, да подадутъ благословеніе Степенному Посаднику, Василію Есиповичу, и Тысяцкому, Кузмѣ Терентьевичу, да идутъ въ домы свои, и разыдошася... и бысть тишина въ градѣ»... Въ 1397 году Архіепископъ Іоаннъ благословилъ Новгородцевъ на заключеніе мира съ Псковитянами: «приходиша послове Псковскіи въ Великіи Новъгородъ... и биша челомъ Господину Архіепископу Великаго Новгорода, Владыцѣ Іоанну: «Чтобы еси, Господине, благословилъ дѣтей своихъ, Великій Новъградъ, чтобъ Господинъ нашъ, Великій, Новъградъ, нелюбы отдалъ, а насъ бы пріялъ въ старину!» и Владыка Іоаннъ благослови Великій Новъградъ, дѣтей своихъ: «Чтобы есте, дѣти, мое благословеніе пріяли, а Псковичемъ бы нелюбья отдали, а свою братію молодшую пріяли бы есте по старинѣ; занеже, дѣти, видите, уже послѣднее время, были бисте за единъ братъ въ Христіанствѣ» и Посадникъ.... и Тысяцкій и Бояре, и весь Великій Новъградъ, благословеніе Господина своего, отца Владыки Іоанна, приняли, а отъ Псковичь нелюбье отложили, и взяша миръ по старинѣ;.. занеже не бящеть миру но 4 годы, и бысть Христіаномъ радость и веселіе, а діаволъ, видя Христіаномъ добро, плакашеся.» Примѣровъ, гдѣ Архіепископъ, по просьбѣ Новогородцевъ, принимаетъ участіе въ переговорахъ, для водворенія полнаго мира, слишкомъ много, и по тому мы считаемъ здѣсь излишнимъ приводить ихъ. О благословеніи Архіепископа на начатіе войны лѣтописецъ говоритъ не каждый разъ, какъ начиналась война, конечно, считая подобное упоминаніе, какъ вещь совершенно извѣстную, обычную, излишнимъ; но за то, гдѣ Новогородцы должны были отступить отъ этого порядка, онъ замѣчалъ въ своей лѣтописи. Такъ онъ замѣтилъ подобное отступленіе подъ 1342 годомъ: «Лука Варфоломѣевичь, не послушавъ Новгорода и Митрополита благословенія и владычьня, сковавъ съ собою холопевъ съ боемъ и пр..... и взя землю Заво-

въ память и въ благодарность Господу храмъ. [101] Ихъ вѣча, сословныя, какъ мы уже замѣтили, около храма Св. Софіи и Св. Николая Чудотворца. Самъ Великій Новгородъ съ своею областію былъ не что иное, какъ отчина и городъ Св. Софіи, по выраженію самихъ

ложскую, на Двинѣ вси погости на щитъ». Такъ въ 1406 году, пришедши на помощь Псковитянамъ, Новогородцы отказались отъ похода на Литву, говоря: «Намъ Великій Новгородъ не указалъ, ни Владыка благословилъ на Литву; идемъ съ вами на Нѣмци.» Впрочемъ, подъ 1398 годомъ, лѣтописецъ подробно объяснилъ порядокъ, какимъ испрашивалось благословеніе Архіепископа на войну противъ Великаго Князя, Василія Дмитріевича: «По Велицѣ дни, на веснѣ, Новогородци ркоша своему господину Владыцѣ, отцу Іоанну: «Не можемъ, Господине отче, сего насилія тръпѣти отъ своего Князя Великого, Василіа Дмитреевича, что у насъ отнялъ, у Святѣи Софіи и у Великого Новогорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину, но хотимъ поискати Св. Софіи пригородовъ и волостей, своей отчины и дѣдины,» и цѣловаша крестъ за единъ братъ, како имъ Святѣй Софіи и Великого Новагорода пригородовъ и волостей поискати, и быша челомъ Посадникъ Тимоѳей Юрьевичъ, Посадникъ Юрьи Дмитреевичъ, Василій Борисовичъ, и Бояре, и Дѣти Боярьскіа, и житьи люди, и купетскіи дѣти, и вси ихъ вои: «Благослови, Господине отче Владыко, поискати Святѣй Софіи пригородовъ и волостей; или паки изнайдемъ свою отчину Святѣи Софіи и къ Великому Новугороду, паки ли свои головы положимъ за Святую Софію и за своего Господина, за Великій Новъгородъ,» и Владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтей, и Воеводъ Новогородскыхъ, и всихъ вои; а Новогородци отпустиша свою братію, а рекъ имъ тако: «Поидѣте, Святѣй Софіи пригородовъ и волостей поищите, а своея отчины.» Новгор. I, стр. 88.

[101] Такъ, въ память побѣды надъ Андреемъ Боголюбскимъ, побѣды, которую Новогородцы приписали чудному заступничеству Знаменской Божіей Матери, устроенъ былъ, въ 1355 году, храмъ: «поставлены были двѣ церкви каменныхъ въ имя Святаго Знаменія Пресвятѣй Богородицы, на Ильинѣ улицы, повелѣніемъ Владыки Моисея и всего Новгородскаго сонмища людей, послѣ чудеси спустя 185 лѣтъ.» Новг. III, стр. 228. Въ 1412 году, въ память и въ благодарность Господу, за удачный походъ противъ Шведовъ, другой храмъ: «Того ради Архіепископъ Іоаннъ Великаго Новограда и Пскова, съ Воеводами Новогородскими и съ ихъ воинствомъ, како быша у Выбора, пометомъ Христіанскимъ, поставиша церковь каменну Соборъ Св. Архангела Гавріила.» Тамъ же, стр. 293. О случаяхъ, по которымъ устроены этѣ храмы, изъ 4-хъ собственно Новогородскихъ лѣтописей, упоминаетъ только одна; по этому, можетъ быть, были устроиваемы въ Новгородѣ и другіе храмы, по подобнымъ же случаямъ, но лѣтописцы, упомянувъ о постройкѣ ихъ, умолчали о случаяхъ, подавшихъ поводъ къ постройкѣ.

Новогородцевъ, котя страсти разрывали эту Новогородскую думу между небомъ и землею, не позволяли сосредоточиться въ ней, и это раздвоеніе замѣтно: и Новгородъ и Св. Софія то сливаются въ думѣ Новогородцевъ и обозначаются однимъ наименованіемъ Св. Софіи, то распадаются опять на два представленія, такъ что желаніе соединить ихъ вновь въ одно представленіе показываетъ въ лѣтописцѣ иногда явное усиліе. [102]

Такъ стремленіе Новогородца стать подъ покровъ Божій замѣтно всюду.

Обращаемся теперь къ объясненію происхожденія концовъ, съ ихъ какою-то цѣлостію, самобытностію, съ ихъ гражданскою значимостью.

---

[102] Въ 1215 году Новогородцы выразили свою думу о томъ, что Новгородъ не что иное, какъ городъ Св. Софіи, слѣдующимъ образомъ: «Къдѣ Святая Софіа, ту Новгородъ.» Новг. I, стр. 83. Чтобъ яснѣе представить себѣ эту думу въ настоящемъ выраженіи, нужно замѣтить, во первыхъ, что подъ словомъ городъ въ древности разумѣется срединное мѣсто, изъ котораго происходили всѣ Правительственныя распоряженія, или которое сосредоточивало въ себѣ Правительственную власть, а иногда цѣлую область, состоящую подъ этой властью; во вторыхъ, что Ярославъ, оставаясь въ Торжкѣ, вмѣстѣ съ Торжковцами и нѣкоторыми изъ Новогородцевъ, думалъ оттуда располагать дѣлами Новогородскими добровольно, или силой; и въ третьихъ, что главный храмъ Новгорода былъ устроенъ во имя Св. Софіи, и что, по этому, Св. Софія была главнымъ религіознымъ покровомъ Новгородцевъ. Въ 1201 году, Князь Мстиславъ привѣтствовалъ Новогородцевъ слѣдующими словами: «Кланяюся Святѣи Софіи, и гробу отца моего, и всѣмъ Новогородьцемъ.» Въ 1215 г., вызывая Ярослава на княженіе въ Новгородъ, Новгородцы говорили ему: «Поиди въ свою отцину, къ Святѣй Софіи!» Въ 1224 году, когда Великій Князь, Георгій, грозился двинуть противъ Новгорода ополченіе, Новгородцы приготовились къ отпору, готовые, какъ сказано въ Лѣтописи, умереть за Св. Софію: «Хотѣща умрети за Св. Софію.» Въ 1259 году, младшіе Новогородцы готовясь къ открытому возмущенію противъ поголовной дани Монголамъ, говорили другъ другу: «Умремъ честно за Св. Софію и за домы Ангелскыя..... положимъ главы своя у Св. Софьи» ..... Это выраженіе: «Умремъ за Св. Софію!» и подобные тому, разсыпаны всюду по Новогородскимъ Лѣтописямъ. Какъ примѣръ раздвоенія этой думы, я представилъ уже читателямъ въ концѣ 100-го примѣчанія на 89-й страницѣ. Такъ Новогородцы считаютъ пригороды и волости,

При несуществованіи въ Новгородѣ Государственной думы, общественное единство его должно было обусловливаться одною внѣшностію, не внутреннимъ, духовнымъ единствомъ, а по этому единства сего въ строгомъ смыслѣ не могло быть въ немъ, такъ какъ этому единству недоставало единства нравственнаго. Боярство могло составить цѣлую общину, но только въ отношеніи Торговой Стороны, и выразило это единство общимъ своимъ вѣчемъ около храма Св. Софіи; Торговая Сторона представляла изъ себя единое тоже въ отношеніи лишь Софійской, и цѣлость свою въ этомъ отношеніи высказала подобнымъ общимъ вѣчемъ своимъ около храма Св. Николая Чудотворца: здѣсь отдѣльныя выгоды одной Стороны противъ другой удерживаютъ каждую Сторону, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ цѣлости; каждая Сторона представляетъ единство при внѣшнемъ противоположномъ вліяніи одной на другую. Отнимите теперь у нихъ это взаимное противоположеніе, и каждая изъ Сторонъ въ отдѣльности потеряетъ связь, не будетъ имѣть условія, которое бы соединяло ее въ цѣлое; каждая Сторона, преслѣдуя свои вещественныя выгоды, жертвуя для этихъ выгодъ всѣмъ, не можетъ, въ этомъ общемъ своемъ стремленіи къ вещественнымъ выгодамъ, въ этомъ чисто внѣшнемъ условіи жизни, имѣть начала внутренняго единства, внутренней цѣлости; напротивъ, подобное стремленіе, въ каждомъ изъ сочленовъ Стороны, ставитъ его, въ отношеніи къ другимъ, въ положеніе ревности, соперничества, противоборства; каждый изъ сочленовъ, при стремленіи своемъ единственно къ вещественнымъ выгодамъ, посреди котораго забывается совершенно голосъ нравственнаго начала, голосъ любви къ храму, къ согражданамъ, къ родинѣ, видитъ въ своемъ сочленѣ только врага своимъ выгодамъ, соперника своему стремленію. Къ такому положенію, дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, приходила жизнь Новгорода, хотя тяготѣніе между Сторонами не позволяло ей дойти до совершеннаго распаденія. Но безъ нравственнаго начала ни какое общество, однако жь, не можетъ существовать, и оно, какъ мы замѣтили сейчасъ, было въ Новгородѣ, выразившись страннымъ образомъ — общностію храма, религіознымъ единствомъ и общимъ совѣ-

отнятые Великимъ Княземъ, то достояніемъ Св. Софіи, то достояніемъ Св. Софіи и Великаго Новгорода.

щимъ вокругъ этого храма, когда въ то же время размѣщеніе основной религіозно-государственной думы отразилось такимъ же размѣщеніемъ и въ храмѣ и въ общемъ совѣщаніи, такъ что Софійскій храмъ, видимо первенствующій въ Новгородѣ, долженъ былъ уступать первенство свое храму Св. Николая Чудотворца, главному вѣчевому храму младшихъ, и общія совѣщанія, вмѣсто того, чтобъ происходить единственно около храма Св. Софіи, на которую и старшіе и младшіе, какъ они сами говорили, готовы были положить свои головы, должны были, по духу ревности и неуваженія младшихъ къ старшимъ, происходить почти единственно около храма младшихъ.[104] Но, за всѣмъ этимъ видимымъ раздѣленіемъ храма, ре-

[103] Изъ сказаннаго нами выше о первенствѣ Софійскаго храма или о главномъ покровѣ Новгорода въ Св. Софіи, мы просимъ читателя остановить особенное вниманіе на событіи 1259 года, когда младшіе, которые имѣли свой собственный вѣчевой храмъ, вокругъ котораго они заставили собираться большей части и общія вѣча, хотѣли, будучи въ затруднительномъ положеніи, лучше умереть, чтобы только не платить половины дани Монголамъ, эти младшіе, не смотря на явную недоброжелательность ихъ въ то время къ старшимъ, не смотря на то, что старшіе были противъ нихъ, эти младшіе забыли тогда храмъ своихъ вѣчъ и стремились думой къ храму Св. Софіи: «Умремъ за Св. Софію!» «Перейдемъ на ту сторону (Софійскую или Боярскую), и положимъ головы свои около Св. Софіи!»

[104] Гдѣ лѣтописецъ положительно указываетъ мѣсто совѣщаній, мы всегда видимъ здѣсь Боярскія около храма Св. Софіи, а младшихъ Новгородцевъ—около храма Св. Николая Чудотворца. Такъ подъ 1384 годомъ Лѣтописецъ говоритъ, что три конца Боярской Стороны собирались для совѣщанія около Св. Софіи; подъ 1388 г. мы видимъ Боярское совѣщаніе тоже около храма Св. Софіи. Вѣчи младшихъ мы видимъ около храма Николая Чудотворца въ 1218, 1220, 1255, 1384 и 1417 годахъ. Общія вѣча всего Новгорода, Софійской и Торговой Стороны, около того же храма въ 1214, 1215, 1225, 1345, 1359. Изъ показанія лѣтописца подъ 1345 годомъ ясно видно, что предварительно общему совѣщанію, Софійская Сторона имѣла частныя совѣщанія, послѣ которыхъ она цѣлымъ вѣчемъ, подъ предводительствомъ Посадника, переходила на совѣщаніе общее, бывшее около храма Николая Чудотворца. Подъ 1230 годомъ лѣтописецъ замѣтилъ, даже описываетъ, когда еще двѣ Стороны не сходились на общее совѣщаніе, а только что открыты были по одному и тому же предмету ихъ частныя совѣщанія, одно около храма Святой Софіи, другое около храма Николая Чудотворца. Такимъ образомъ [illegible] что Софійская Сторона, имѣя свои собственныя [illegible] общему дѣлу,

[illegible] соединяетъ распадающіяся части. Задумывалъ кто силой посягнуть противъ общихъ выгодъ Новогорода, Новгородцы тотчасъ же ополчались противъ этого врага, не во имя выгодъ, а съ благословенія своего Духовнаго Главы, и, какъ будьте, не за выгоды. За храмъ Св. Софіи кричали они единодушно, и кипѣли ли тѣло раздоромъ за выгоды, но все таки вокругъ храма и [illegible] того же Главы смиряло раздоръ.

Такъ, когда выгоды стремятся противодѣйствовать всѣмъ нравственнымъ началамъ, грозятъ Новгороду совершеннымъ распаденіемъ, религіозное начало сосредочиваетъ Новогородцевъ вокругъ храма, вокругъ Главы Духовенства, и задерживаетъ это распаденіе. Между этими противоположными началами вращается вся жизнь Новогородца, живится ими попеременно и находится въ безпрерывномъ странномъ противорѣчіи сама съ собой, губя самое

сходилась для совѣщанія съ младшими около храма младшихъ. Замѣчательно также, что всѣ совѣщанія, касались ли они однихъ младшихъ, или младшихъ и старшихъ, это все равно, но гдѣ присутствовалъ самъ Князь, всѣ эти совѣщанія были около храма младшихъ. (Нов. I, стр. 92, 93, 96, 97, подъ годами 1214, 1215, 1220, 1225). Это событіе [illegible] ходѣ старшихъ для общаго совѣщанія, на Сторону младшихъ, отлично хорошо очерчиваетъ отношеніе трехъ началъ—Княжескаго, Боярскаго и Городскаго, между собою, и вполнѣ подтверждаетъ наше предположеніе, высказанное въ началѣ настоящаго труда, о томъ, что къ Княжескому началу прислонялась Торговая Сторона, и что если Бояре и правительствовали въ Новгородѣ, то эта власть опредѣлялась за нимъ на вѣчахъ младшихъ, обсуждавшихъ [illegible], или иначе, что младшіе, опираясь на Княжескую власть, дѣлались, какъ бы не участниками совѣщаній старшихъ, а болѣе судьями ихъ, заставляя ихъ вторично объяснять свои мнѣнія, высказанныя уже на Боярскихъ вѣчахъ около храма Св. Софіи, передъ вѣчемъ собственнымъ, около главнаго храма своей Стороны, храма Св. Николая. Общія вѣча около Софійскаго храма были безвозмездны, такъ, гдѣ собирались Новогородцы не для того, чтобъ судить о дѣлахъ, а чтобъ только слышать суть самаго Бога, предварительно сдѣлавъ рѣшеніе объ обращеніи къ суду Божіему на общемъ вѣчѣ около храма Николая Чудотворца (1415—1420); эти общія Софійскія вѣча касались выбора Архимандрита посредствомъ жребіевъ, положенныхъ на престолъ храма Св. Софіи: сонмище ожидало только рѣшенія, чей жребій будетъ угоденъ Господу.

себя. При началѣ разрушенія, Новгородъ долженъ былъ распадаться фиктивно на составныя свои части, и притомъ распаденіе каждая изъ сторонъ предоставитъ изъ себя общины, не группы поселенія, такъ что каждая купа могла быть самостоятельною, представлять изъ себя цѣлость, подобно тому, какъ отдѣльность каждой деревни, входящей въ составъ извѣстной волости, даетъ особенность и цѣлость обывателямъ ея, въ отношеніи обывателей другихъ деревень той же волости: «Это мы, это вы, наши и ваши,» непремѣнно и постоянно будетъ высказываться между обывателями разныхъ деревень, хотя бъ онѣ всѣ принадлежали къ одной волости. Здѣсь случайность схода людей въ купы, и каждая купа уже послѣ того отдѣляетъ себя отъ другихъ купъ. Особность при-сутствіи деревни, выразится у насъ непремѣнно устройствомъ ея обывателями своего собственнаго храма, во имя извѣстнаго избраннаго общимъ голосомъ въ покровители того или другаго Святаго, и тогда «наше и ваше» облечется въ религіозной покровъ, а деревня представитъ изъ себя еще большую особность и большее единство въ религіозномъ началѣ. Свѣча не понесется теперь мужичкомъ этой деревни въ храмъ другой деревни, онъ не принесетъ пожертвованія въ другой храмъ, какъ только по особенному случаю: онъ, въ отношеніи другихъ обыкновенныхъ храмовъ, не пользующихся особымъ почитаніемъ народа, всегда отличительно чтитъ свой собственной храмъ. Такъ всякая, случайно образовавшаяся, купа Русскихъ всегда выразитъ своею цѣлостью особность, хотя бы не было ни малѣйшаго семейнаго родства въ ней, и выраженіе: «наше и ваше» отдѣлитъ ее отъ другихъ купъ; а при продолжительности существованія ея и при достаточныхъ средствахъ эта особность выразится и храмомъ. Въ этомъ отношеніи каждый нашъ полкъ — вѣрный образчикъ Русской жизни: какъ цѣлое, онъ имѣетъ свой полковой храмъ, а какъ раздѣляющійся на ротныя купы, онъ имѣетъ столько образовъ, замѣняющихъ въ семъ случаѣ храмъ, сколько ротъ: свѣча солдата преимущественно ставится къ образу его роты, и рота въ своемъ образѣ составляетъ въ этомъ отношеніи уже отдѣльную нравственную купу, а не купу, случайно сложившуюся, согласно раздѣленію полка. Въ Новгородѣ деревнѣ, ротѣ соотвѣтствовала улица, и религіозное, связующее, начало соединяло улицу въ храмѣ. По этому-то народный разсказъ и самыя Новгородскія лѣтописи говорятъ намъ, что были въ Новго-

родѣ храмы уличные, т. е., устроенные общими средствами обывателей той и другой улицы, и что въ немъ были храмовыя общины. Такъ, подъ 1392 г. мы читаемъ въ Новогородской лѣтописи, что Посадникъ, Богданъ Авакумовичъ, съ своею братіею и съ уличанами, устроилъ каменную церьковь Св. Симеона, на Чюдинцевѣ улицѣ;[105] подъ 1402, что обыватели той же Чюдинцевой улицы устроили церковь во имя усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи;[106] подъ 1377, что Бояринъ Василій Даниловичъ съ обывателями Ильинской улицы на свой счетъ расписали церковь во имя Спаса.[107] Выраженіе встрѣчаемое въ Новогородскомъ народномъ разсказѣ, о которомъ мы будемъ говорить со всею подробностію ниже: «Никольская братчина» несомнѣнно свѣдѣтельствуетъ о раздѣленіи Новгорода на купы по храмамъ, такъ что каждый извѣстный храмъ сосредоточивалъ вокругъ себя извѣстную купу, которая составляла храмовую братчину; братчина сія, по тому же разсказу, имѣла, отдѣльно отъ другихъ Новгородцевъ, свои потѣхи, совершавшіяся, вѣроятно вокругъ сихъ же храмовъ, лицомъ, не принадлежащимъ къ братчинѣ, можно было сдѣлаться участниками этѣхъ потѣхъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія Церковнаго Старосты (который, безъ сомнѣнія, избирался изъ среды же братчины), которая, кажется, опредѣлялась самимъ Старостою.[108] Переходимъ теперь къ значенію концовъ.

Между этѣми небольшими купами по храмамъ и громадными купами по Сторонамъ, не могли не быть купы болѣе обширныя, нежели первыя, и менѣе обширныя, нежели вторыя, сложившіяся на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ тѣ и другія, т. е., по поселеніямъ и вокругъ храма: этѣ-то среднія купы, по нашему мнѣнію, были концы. Отдѣльность каждаго конца, по поселенію,

---

[105] Пол. Собр. Рус. Лѣт. т. IV, ст. 99, и т. III, стр. 96.

[106] Тамъ же т. III, стр. 102.

[107] Тамъ же, стр. 231.

[108] Въ собраніи Русск. пѣсенъ, изд. Сахарова, т. V: былины Русскаго народа, стр. 64 и 65.

неоспорима; каждый изъ нихъ занимаетъ, какъ мы замѣтили, отдѣльное пространство; эта отдѣльность или въ физическомъ отношеніи была въ древнія времена, можетъ быть, еще болѣе значительна; овраги, чаще и больше могли выражаться между ними столь же легко, какъ между улицами, а къ этому присоединялось религіозное связующее начало, и общій храмъ, который по болѣе отдаленное время было въ Новгородѣ безъ сомнѣнія, несравненно менѣе, нежели въ послѣдствіи. И такъ, что каждый конецъ между ними тогда имѣлъ бездѣ одного храма, и единство конца было полное; конецъ представлялъ тогда подобіе особаго цѣлаго, подобіе общества обывателей одной деревни. Игрища и сходки вокругъ общаго храма соединяли конецъ въ одну братчину: чаще и далѣе отдѣляли его отъ другихъ концовъ, и при увеличеніи храмовъ, при распаденіи Новгорода на меньшія братчины, держало его въ единствѣ противъ другихъ концовъ. Единство въ самомъ себѣ и эта относительная отдѣльность вмѣстѣ съ силою массы по народонаселенію, давали концу гражданскую значимость, выразились въ отсутствіе [illegible] Государственнаго начала, единовѣрнымъ и относительною [illegible]стію въ жизни гражданской. Что концы дѣйствительно имѣли свой общій храмъ, и что сей храмъ былъ сборнымъ мѣстомъ для концевъ, въ подтвержденіе этого мы имѣемъ положительное свидѣтельство, случайно переданное намъ Новогородскимъ лѣтописцемъ, при описаніи одного внутренняго раздора, подъ 1218 годомъ. По сему свидѣтельству, мы узнаемъ, что общимъ храмомъ для Неревскаго конца былъ храмъ Сорока Мучениковъ, и мало того, что этотъ храмъ былъ вѣчевымъ храмомъ сего конца, подобно тому какъ храмы Св. Софіи и храмъ Св. Николая Чудотворца были вѣчевыми храмами для Софійской и Торговой Стороны.[100] Однимъ словомъ, по нашему мнѣнію, конецъ былъ та же Никольская братчина въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, и, по значительности своего населенія, могъ дѣйствовать самобытно, согласно рѣшенію братчины, опираясь на свою физическую силу, что совершенно согласно съ вѣчевымъ бытомъ Новгорода. Голосъ конца, предварительно выраженію себя на общемъ

---

[100] И възвониша у Святого Николы Опиполовицы черезъ ночь, а Неревьскый конецъ у Святыхъ Сорокъ, тако же копаче люди на Търговище. Пол. собр. Русск. лѣт. т. III, стр. 36.

вѣчѣ, выражался въ вѣчѣ частномъ, и какъ голосъ братчины, долженъ былъ носить на себѣ печать единства, цѣлости на общемъ вѣчѣ, и это же единство выражаться въ своихъ дѣйствіяхъ конца въ отношеніи другихъ концовъ. Дальнѣйшимъ же развитіемъ сего устройства Новгорода было пріобрѣтеніе каждымъ концемъ голоса въ дѣлахъ дипломатическихъ. Не только концы, но даже улицы, въ слѣдствіе уличной братчины, могли получить въ глазахъ Новгородцевъ видъ какого-то гражданскаго единства, какой-то цѣлости: это вполнѣ подтверждается, во первыхъ, тѣмъ, что Прусской конецъ былъ не что иное, какъ улица; во вторыхъ, въ слѣдствіе уличнаго братства, которое лѣтописецъ замѣтилъ намъ, по крайней мѣрѣ, при разсказѣ о постройкѣ церквей.

По этому же, хотя нѣтъ слѣдовъ, что улицы, подобно концамъ, имѣли на вѣчахъ одинъ голосъ, и отдѣлялись ими отъ другихъ улицъ того же конца, но все таки въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться, хотя улицы и принуждены бывали уступать большинству голосовъ старшей братчины, выражая, однако жъ, особое свое мнѣніе при случаѣ на дѣлѣ.

Мнѣніе Г. Соловьева, [110] что единство и значеніе концовъ было темнымъ отдаленнымъ выраженіемъ родства между обывателями каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, выраженіемъ общаго происхожденія отъ одного родоначальника, мнѣніе, которое пріобрѣло вѣру, до такой степени поразительно своею несообразностію, что мы должны отвергнуть его, какъ чистую теорію, рѣзко противорѣчащую всей Новгородской исторіи, всѣмъ основамъ Новгородскаго быта. Ни къ одному изъ областныхъ городовъ древней Руси мнѣніе Г. Соловьева не можетъ имѣть меньшаго примѣненія, какъ къ Новгороду; ибо ни въ одномъ изъ нихъ семейное начало не имѣло болѣе жалкаго развитія, нигдѣ оно не было такъ забито, подавлено, какъ въ Новгородѣ. Здѣсь семья не только не достигла до понятія о родѣ, но даже, какъ мы видѣли уже, и какъ мы увидимъ ниже, не имѣла достаточныхъ силъ, чтобъ скрѣпиться единствомъ самой

[110] Въ сочиненіи: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ.» М. 1845.

въ себѣ; но если бъ даже мы не имѣли подобныхъ важныхъ свѣдѣній, то одни уже событія, по которымъ Новгородцы въ дикомъ движеніи своемъ, дѣйствуя противъ виновнаго въ ихъ глазахъ, дѣйствовали, съ тѣмъ вмѣстѣ, противъ членовъ одной семьи виновнаго, вклюная сюда и братьевъ его, но никогда противъ цѣлаго рода, одни уже эти событія говорятъ намъ о тѣхъ ограниченныхъ предѣлахъ, въ которыхъ развивалось семейное начало въ Новгородѣ: какъ же огромная масса народонаселенія Новгородскаго конца могла связаться въ одно цѣлое семейнымъ началомъ и представить единство чрезъ единство родоначальника? Самъ Г. Соловьевъ излагаетъ мнѣніе свое, на которомъ строитъ огромное зданіе, мнѣніе свое совершенно какъ предположеніе, не подкрѣпляя его ни какими доказательствами, которыхъ онъ, конечно, и не могъ отыскать въ Новгородской исторіи. Притомъ, если мы и примемъ мнѣніе Г. Соловьева, что каждый конецъ въ древности представлялъ собою особый родъ, то, при условіи, которое Г. Соловьевъ считалъ необходимымъ прибавить въ дополненіе своего мнѣнія, это мнѣніе представляется уничтоженнымъ въ самомъ себѣ, безъ силы, значенія и приложенія къ дальнѣйшему развитію Новгорода, когда концы являются живыми, дѣйствующими. Г. Соловьевъ, не отыскавъ въ историческомъ бытѣ Новгорода родоваго начала, самъ говоритъ, что воспоминанія о родовомъ единствѣ, объ единствѣ происхожденія, какъ начало живое, погасло въ концахъ въ пору доисторическую; но, выразившись уже разъ въ единствѣ каждаго изъ нихъ, оно удерживалось далѣе въ своемъ существованіи самимъ единствомъ каждаго конца.[111] Что жъ это такое? На чѣмъ же поддерживалось единство конца, когда погасло въ немъ начало, породившее это единство? Отлетаетъ душа, и если тѣло наше сохраняется въ прежней формѣ, то не долго, и дѣйствовать, тѣмъ болѣе, какъ движимое одной живой особой волей, не можетъ; концы же дѣйствуютъ и представляютъ изъ себя живое нѣчто. Что же теперь даетъ имъ цѣлость? Привычка? Но привычка не родство; либо привыкнуть другъ къ другу могутъ люди и не связанные собой ни какимъ родствомъ, когда въ то же время связанные

[illegible]

[111] Подлинныя слова Г. Соловьева: «Съ теченіемъ времени родовыя отношенія здѣсь исчезли; но пять концовъ съ своими старостами напоминали о пяти родахъ, изъ которыхъ составилось первоначальное народонаселеніе.»

родствомъ могутъ враждовать между собою, какъ это было въ Новгородѣ. И такъ единство и цѣлость концовъ во времена историческія у самаго Г. Соловьева держатся уже не на родовомъ началѣ, но на воспоминаніи объ единствѣ происхожденія, а на привычкѣ; слѣд., признавая живымъ началомъ единства концовъ уже не родовое начало, а привычку, намъ кажется, Г. Соловьевъ совершенно безполезно утверждаетъ, что въ доисторическія времена живымъ началомъ единства концовъ было родовое начало, а не привычка, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ для этого ни какихъ доказательствъ; ибо доказательства, что если было единство и цѣлость конца, въ слѣдствіе привычки, то въ прежнее время оно было въ слѣдствіе родоваго начала, конечно не доказательство: въ такомъ случаѣ каждая изъ деревень нашихъ, каждая рота, каждый полкъ, въ отдѣльности, тоже будутъ состоять изъ однихъ только родственниковъ. Однимъ словомъ, разбирая мнѣніе Г. Соловьева по настоящему предмету, мы невольно приходимъ къ мысли, что это мнѣніе, въ сущности, не мнѣніе, а какой-то странный оборотъ мысли, который можно выразить точнѣе слѣдующимъ образомъ: «каждый Новогородскій конецъ представлялъ изъ себя единое и цѣлое по тому, что былъ единъ и цѣлъ;» и на вопросъ: по чему концы сопротивопоставляются одинъ другому? Г. Соловьевъ отвѣчаетъ, что это происходитъ отъ того, что въ древности конецъ составлялъ родъ, состоялъ изъ однихъ родственниковъ; и по тому имѣетъ свое отдѣльное существованіе; когда же вопросъ измѣняется, и вы спрашиваете: а по чему онъ думаетъ, что въ древности каждый конецъ составлялъ особый родъ? На это Г. Соловьевъ дастъ вамъ одинъ отвѣтъ, что такъ какъ были въ Новгородѣ концы и имѣли отдѣльное существованіе, то, слѣд., каждый изъ нихъ представлялъ собою особый родъ. Вотъ они это и такъ!

И такъ, было ли первоначальное значеніе концовъ отъ ихъ самобытностію и цѣлостію, родовое, или не родовое, для разрѣшенія этого вопроса въ пользу родоваго быта нѣтъ данныхъ; но во времена историческія эта самобытность, цѣлость ихъ, уже держалась на другомъ началѣ. Принимая же въ соображеніе чрезвычайную способность Новгорода дробиться на братчины, подобнее храмовымъ, уличнымъ, и другимъ, о коихъ будетъ сказано ниже, мы считаемъ самый Новгородскій конецъ не чѣмъ инымъ, какъ братчиною, соединенною въ самой себѣ и отдѣленною отъ братчинъ другихъ концовъ особымъ

поселеніемъ и особымъ храмомъ, общимъ для цѣлаго конца. Такимъ образомъ Новгородъ, въ основахъ своей жизни, не представляетъ собою ни чего особаго отъ другихъ частей Россіи, выражаетъ собою общій народный духъ, общій народный Русскій складъ: основы эти тѣ же, какъ всюду у насъ, и различіе не въ нихъ, а въ ихъ силѣ, въ силѣ вліянія ихъ другъ на друга.

Новгородъ страдалъ безсиліемъ начала семейнаго; самъ сознавалъ болѣзнь свою, мучился и съ жалобами высказывался о своихъ страданіяхъ, объ этомъ отсутствіи любви въ жизни его, объ этомъ себялюбіи, сребролюбіи, зависти, объ этомъ братоненавидѣніи, которыя наполняли собой жизнь его. Жалобы эти проходятъ чрезъ всю Новгородскую исторію и придаютъ ей какой-то пустынный, могильный отпечатокъ. Вотъ образчики этихъ жалобъ: Подъ 1230 годомъ, послѣ описанія открытой борьбы между частями въ самомъ Новгородѣ и предъ разсказомъ о страшномъ голодѣ и морѣ, мы читаемъ въ 1-й Новгородской лѣтописи: «и Богъ, видя наше беззаконіе и братоненавидѣніе, и строптивость (непокореніе) другъ передъ другомъ, и зависть, и обращеніе крестной клятвы въ орудіе лжи, навелъ на насъ поганыхъ и обратилъ въ пустыню землю нашу.» Подъ 1268 годомъ, послѣ описанія кровавой Раковорской битвы, лѣтописецъ обращается къ своимъ братьямъ Новгородцамъ съ слѣдующими, весьма замѣчательными, въ настоящемъ отношеніи, словами: «Мы, видѣвши весь этотъ ужасъ, кажется, должны бы были покаяться въ грѣхахъ своихъ, но мы еще на большое зло воздвигаемся: братъ брату завидуетъ, и въ зависти готовы другъ друга съѣсть; даемъ мы крестную клятву, и снова преступаемъ ее.» Съ подобными же словами онъ обращается къ нимъ и по описаніи зари побѣды нашей надъ Монголами, въ 1383 году: «Въ лицѣ иноплеменниковъ, которые вооружаются на насъ, вооружаются грѣхи наши, да отступимъ отъ неправдѣ, отъ братоненавидѣнія, и отъ сребролюбія, и отъ насилія»... Гласъ вопіющаго въ безмолвной, мертвой пустынѣ! Нѣтъ отклика ему; жизнь, теряющая печать жизни, не сдерживается имъ, волнуемая страстями, несется своимъ токомъ; сребролюбіе и строптивость стираютъ слѣды любви къ собрату, будятъ зависть, ведутъ къ насилію, клятвопреступленіямъ, и братоненавидѣніе царитъ въ жизни Нов-

города. Семейное чувство любви, очевидно, не выводило Новгородца изъ его тѣснаго семейнаго круга въ жизнь гражданскую, не согрѣвало, не развивало въ немъ себѣ до чувства народности и чести-любія. Выступая за предѣлы семейнаго круга, Новгородецъ являлся себялюбцемъ, сребролюбцемъ, или, какъ Боярин, индивидомъ. Этимъ-то отсутствіемъ живаго проявленія семейнаго чувства въ жизни гражданской объясняются дико жестокія преслѣдованія Новгородцами и братчинами, также какъ частными лицами, своихъ согражданъ, преслѣдованія безъ всякихъ формальныхъ изслѣдованій, по проискамъ, по одному подозрѣнію, справедливому, или несправедливому, преслѣдованія явныя и тайныя. Примѣровъ подобнаго же жестокаго преслѣдованія Новгородская исторія представляетъ множество. Мы уже видѣли, какъ жестоко преслѣдовали Новгородцы своего Посадника Димитрія, съ его двумя братьями и съ дѣтьми, и все это было безъ формальнаго суда, по проискамъ съ одной стороны, и въ месть съ другой, за то, что Посадникъ, поставленный Новгородцемъ подъ двоякій ударъ, или со стороны сильнаго Князя, или со стороны Новгородцевъ, сопротивопоставленія наречно Князю, не пошелъ подъ ударъ Князя и не воспротивился волѣ его, когда онъ обязалъ Новгородцевъ, въ пользу Владимиро-Ростовской области, податями и повинностями, на которыя Новгородцы, изъ страха къ Великому Князю, сами не согласились, имѣя полную возможность, какъ отдѣльная область, не состоящая въ прямомъ подданствѣ къ Князю Владимиро-Ростовскому, отказаться, по вѣчевому рѣшенію, отъ исполненія этой воли. Они согласились при этой возможности отказаться, а Посадникъ, лишенный ихъ же согласіемъ всякихъ средствъ для противодѣйствія и лежащій теперь на смертномъ одрѣ отъ ранъ, полученныхъ имъ во время Рязанскаго похода, виноватъ, что они согласились, виноваты двое его братій приверженцевъ, виноваты дѣти его, и всѣ они лишены огромнаго своего достоянія, даже самому врагу Посадника, тѣмъ двумъ приверженцамъ и дѣтямъ его, нѣтъ мѣста въ Новгородѣ. Безъ суда, безъ формальнаго изслѣдованія, убитъ былъ, въ княженіе Андрея, другой Посадникъ, Захарій; при Невскомъ третій (Михаилъ Степановичъ); въ 1220 году такая же участь грозила Посаднику Твердиславу, но онъ имѣлъ много приверженцевъ на своей сторонѣ, которые силой спасли его отъ смерти. Такъ жестоко поступали Новгородцы съ лучшими своими согражданами: такъ же они

дѣйствовали въ отношеніи лицъ менѣе значительныхъ? Многіе примѣры говорятъ, что жизнь гражданина Новгородскаго не имѣла ни малѣйшей законной обезпеченности противъ произвола страстей. Убить своего согражданина для Новгорода значило не много; а разграбить открытымъ, какъ будто бы какимъ нибудь законнымъ, нападеніемъ, домъ и имущество согражданина, это была вещь обыкновенная! Нашъ исторіографъ задумывается надъ введеніемъ смертной казни въ XIV ст. и вообще надъ жестокостію наказаній, существовавшихъ тогда въ Москвѣ, и приписываетъ это вредному вліянію Монголовъ на наши нравы, одичавшіе и остервенившіеся, въ слѣдствіе ига Монголовъ: до какой степени справедливо сіе предположеніе, мы выскажемъ объ этомъ свое мнѣніе въ Исторіи Москвы; но эта натуральная одичалость, эта звѣрская страсть, неизвѣстно, въ настоящемъ отношеніи; всю исторію Новгорода, начиная съ первыхъ временъ до XVI столѣтія включительно, составляя собой общую черту ея. Самое избіеніе Варяжской дружины Ярослава, и избіеніе тогда же самимъ Ярославомъ многихъ Новгородцевъ, не дѣлали этой одичалости и страсти, какъ и дѣло грабежа, совершеннаго Новгородцами Боярами около 1118 году? Чувство семейное, говоримъ мы, было такъ слабо въ Новгородѣ, что не выступало почти за предѣлы семьи. Не братскія объятія простираетъ Новгородецъ своему согражданину, не брата видитъ въ немъ: они были чужды между собою, и встрѣча ихъ была холодна, полна недовѣрчивости; отношенія политическія расчетливы; ибо каждый Новгородецъ безъ участія смотрѣлъ на гибель своего согражданина, хладнокровно потомъ ему самъ эту гибель. Это еще поразительнѣй подтверждается измѣнами Новгородцевъ въ отношеніи къ Новгороду, ихъ доказательствомъ, изъ личныхъ своихъ видовъ, на благосостояніе родины, и самими подозрѣніями въ подобнаго рода измѣнахъ Новгорода, въ отношеніи Новгородца даже цѣлаго Новгорода. По подозрѣнію въ измѣнѣ, въ 1167 году, погибъ Посадникъ Захарій съ двумя другими Новгородцами. Въ 1193 году, выступилъ изъ Новгорода небольшой отрядъ подъ начальствомъ Ядрея, въ землю Югорскую, для собранія дани. Югра встрѣтила его съ оружіемъ въ рукахъ; однако жъ, не смѣя дѣйствовать наступательно, заключилась въ городахъ и искала хитростію изгубить дружину Новгородскую. Уже одинъ изъ городовъ ея взятъ Ядреемъ, другой осажденъ; осажденные не сдаются, но обѣщаютъ

въ дань серебро, соболи и другія дорогія вещи; увѣрялъ, что они покорны, но что не могутъ заплатить дани, по тому что ея нѣтъ въ оборѣ; просятъ отсрочки, и Ядрей медлитъ приступомъ; довѣряется имъ до того, что, по приглашенію ихъ, отправился даже въ осажденный городъ съ двѣнадцатью человѣками своей дружины и съ Священникомъ... Ядрей со всѣми пошедшими погибъ подъ мечами осажденныхъ. Между тѣмъ дружина Новгородская не знаетъ о гибели своего вождя, и 80 человѣкъ изъ нихъ вдаются въ тотъ же обманъ, какъ и самый вождь: заманивъ въ городъ, Югра всѣхъ почти ихъ избила, и только нѣкоторымъ готовила плѣнъ, или требовала отъ нихъ выкупа. Какая же сцена раскрывается между свидѣтелями гибели своихъ собратій! Ищите подобной между событіями другихъ частей Россіи, и вы не найдете; самое воображеніе ваше не можетъ представить подобнаго. «Послѣ сего,» говоритъ лѣтописецъ, т. е., послѣ избіенія коварнымъ образомъ многихъ Новгородцевъ, «Савка (одинъ изъ дружинниковъ Новгородскихъ) сказалъ Князю Югорскому: «Если ты, Князь, не убьешь Якова Прокшинича (боевой сотоварищъ Савки), и отпустишь его въ Новгородъ живымъ; то онъ опять приведетъ сюда дружины, для опустошенія земли твоей;» и Князь Югорскій далъ приказаніе умертвить Якова, при чемъ сей послѣдній, обратившись къ Савкѣ, сказалъ: «Братъ, да судитъ тебя Богъ за твоей злой измѣнѣ своимъ братьямъ, Новгородцамъ, и станешь предъ лицомъ Божіимъ и дашь отвѣтъ за кровь нашу!» сказавъ это, онъ немедленно, въ слѣдъ за тѣмъ, былъ умерщвленъ. Сей Савка прежде того тайнымъ образомъ сносился съ Княземъ Югорскимъ противъ братій своихъ, Новгородцевъ.[112] Вотъ образчикъ внутренняго распаденія Новгорода! Можно ли послѣ сего имѣть къ кому либо довѣренность, когда, измѣнивъ своей родинѣ, предательски выдавая дружину Новгородскую, соединясь съ врагами, губителями роднаго, самъ же Новгородецъ острилъ вражескій мечъ на сотоварища своей боевой жизни и остается непокойнымъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не палъ подъ ударами меча и не забрызгалъ его кровію своею?

[112] Нов. I, стр. 21.

И духъ недовѣрія исполняетъ дѣйствительно остатки этой небольшой дружины Новгородской: она не объемлется ужасомъ, не проникается чувствомъ негодованія при слухѣ о подобномъ предательствѣ; для нея, какъ будто бы, это вещь обычная, и каждый дѣлается только осторожнѣе, ожидая подобнаго же предательства со стороны другихъ своихъ сотоварищей; и вотъ на самомъ дѣлѣ находитъ новыхъ предателей, мнимыхъ, или дѣйствительныхъ. «Въ то время возвратился остатокъ дружины изъ Югры, убивъ тогда же Сбыкину Волосовича, Давида Нѣгоцевича и Моислава Поповича, а остальныхъ изъ обвиняемыхъ дозволивъ откупиться отъ наказанія деньгами: на тѣхъ и другихъ товарищи имѣли подозрѣніе въ измѣнѣ и въ тайныхъ сношеніяхъ съ Княземъ Югорскимъ; но справедливо ли было это подозрѣніе — одинъ Богъ знаетъ.»[113] Въ 1219 году посланные за данью въ сѣверовосточныя части Новогородскихъ владѣній держали путь свой чрезъ Владимиро-Ростовскія земли; но тамошніе Князья не пропустили ихъ чрезъ свои владѣнія, и они принуждены были возвратиться въ Новгородъ безъ дани: эта неудача въ исполненіи ими порученія произошла отъ измѣны Посадника и Тысяцкаго. Сіи послѣдніе, Твердиславъ и Якунъ, измѣнили Новгороду и нарочно посылали къ Великому Владимирскому Князю съ просьбою, чтобъ онъ не пропускалъ данниковъ Новогородскихъ чрезъ свои земли; весь Новгородъ вѣритъ этому, сильные сторонники Посадника, защищавшіе его постоянно, безмольствуютъ теперь, и Посадникъ и Тысяцкій смѣнены за свою измѣну,[114] которой никогда не было, не могло быть; ибо задерживать данниковъ Новогородскихъ на пути было столь же обыкновеннымъ орудіемъ Владимирскихъ Князей противъ Новгорода, во время недовольства ихъ на него, какъ и взятіе подъ стражу въ это время всѣхъ Новогородскихъ торговцевъ въ предѣлахъ Великаго Княжества; да и сами Новогородцы въ тотъ же годъ явно признали свое по-

[113] Тамъ же.

[114] И не пусти ихъ Гюрги, ни Ярославъ, сквозѣ свою землю, и придоша Новугороду въ лодьяхъ. И ста по полю шатры на зло. И замыслиша Твьрдиславъ и Якунъ Тысячьскый, заслаша къ Гюргу не пустити ихъ туда, и възвадиша городъ. Тогда отъяша посадничьство у Твьрдислава и даша Семену Борисовицю, а тысяцьское у Якуна, и даша Семьюну Емину. Нов. I, стр. 37.

дозрѣніе неосновательнымъ, выразивъ это признаніе введеніемъ, вскорѣ за тѣмъ, и Твердислава и Якуна въ должности, потерянныя ими. Въ 1233 году бѣглецы Новогородскіе, составлявшіе простую дружину Новогородскаго изгнанника, Боярина Бориса Нѣгоцевича, скрывшагося, вмѣстѣ съ другими Боярами, въ землѣ Чюдской, соединились съ Нѣмцами и, вмѣстѣ съ ними, устремились на одинъ изъ городовъ Новогородскихъ владѣній (Изборскъ), думая овладѣть имъ при внезапномъ нападеніи. Въ 1240 году Нѣмцы овладѣли Псковомъ, и начали тамъ господствовать: не завладѣніе предъ тѣмъ передовою крѣпостію, Изборскомъ, не гибель дружинъ самаго Пскова, стремившихся вырвать эту крѣпость изъ рукъ Нѣмцевъ, ввели Нѣмцевъ во владѣніе Пскова, а измѣна Твердила Ивановича и другихъ Псковитянъ, которые имѣли тайныя сношенія противъ роднаго своего города, для того, чтобъ тамъ господствовать, вмѣстѣ съ Нѣмцами. Такъ говорятъ всѣ Новогородскія лѣтописи; такъ говоритъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ Новогородскихъ, и одна изъ лѣтописей Псковскихъ; но вѣрить ли этому? Изборскъ былъ взятъ не измѣною, а силою; не измѣна, а сила, поразила Псковитянъ подъ Изборскомъ; не измѣна, а сила, уничтожила посадъ Пскова, и если Твердило считалъ послѣ того необходимымъ уклониться отъ дальнѣйшей борьбы съ Нѣмцами, явно высказывался по этому предмету, даже согласно съ этимъ убѣжденіемъ и дѣйствовалъ, то была ли тутъ съ его стороны какая ни будь измѣна? Въ чемъ же заключалась его измѣна?, не въ томъ ли же, въ чемъ заключалась измѣна Новогородскаго Посадника, Дмитрія? Говорятъ, что онъ измѣнилъ Пскову для того, чтобъ, вмѣстѣ съ Нѣмцами, господствовать въ немъ; но если онъ не былъ правителемъ Пскова, то переговоры съ Нѣмцами велъ не онъ, и, слѣдовательно, сдача города сдѣлана была не имъ; а если онъ былъ правителемъ, то господство Нѣмцевъ на столько же стѣснило его, на сколько стѣснило оно самихъ Псковитянъ, по чему ему не было ни малѣйшей выгоды въ семъ случаѣ согласиться, безъ крайней надобности, на сдачу города. И такъ городъ сданъ былъ Нѣмцамъ по необходимости, и въ этой сдачѣ не могло быть измѣны со стороны Твердила Ивановича; а если Твердило, при этой вынужденной сдачѣ, успѣлъ достигнуть того, что Нѣмцы подѣлились съ нимъ властію надъ Псковомъ, то подобное вниманіе къ нему Нѣмцевъ не можетъ служить сколько ни будь достаточнымъ основаніемъ къ

подозрѣнію, что Твердило воспользовался этимъ видимымъ вниманіемъ въ слѣдствіе услугъ, оказанныхъ имъ до того времени Нѣмцамъ противъ родины: между побѣдителями и невполнѣ побѣжденными долженъ былъ быть посредникъ, и имъ могъ быть и не Твердило, а другой кто либо изъ представительныхъ Псковитянъ. Тѣ же лѣтописи, говоря объ освобожденіи Пскова Невскимъ, разсказываютъ только о Нѣмцахъ и Чюди, которые засѣли уже къ тому времени въ Псковѣ, разсказываютъ о заточеніи ихъ Александромъ, и не говорятъ ни слова, какую при этомъ имѣлъ участь Твердило Иванович съ своими соумышленниками; но, конечно, ни Александръ, ни Новогородцы, ни сами Псковитяне не пощадили бы ихъ, если бъ дѣйствительно была съ ихъ стороны какая либо измѣна, и о подобной гибели не умолчали бы лѣтописцы. Самый духъ исторіи Пскова, какъ увидимъ ниже, заставляетъ считать это подозрѣніе въ измѣнѣ Твердила неосновательнымъ, какъ неосновательно было подозрѣніе Новогородцевъ въ измѣнѣ будьто бы Новгороду со стороны Твердислава въ 1219 году. Молчаніе другого Псковскаго лѣтописца относительно этой измѣны со стороны Твердила еще болѣе подтверждаетъ неосновательность сего подозрѣнія. Тѣнь сильнаго подозрѣнія въ измѣнѣ, наброшенная Новогородскимъ лѣтописцемъ на Псковитянъ подъ 1348 годомъ, была, какъ увидимъ ниже, то же одною лишь тѣнью настроенія самаго Новгорода видѣть всюду измѣны, или лучше тѣнью давней и продолжительной измѣны самаго Новгорода въ отношеніи Пскова, а не тѣнью дѣйствительной измѣны со стороны Псковитянъ. Въ 1270 году Новгородскій Тысяцкій, Ратиборъ, явно измѣнилъ Новгороду и, дѣйствуя за Князя Ярослава Ярославича, успѣлъ было вооружить полчища Монголовъ на свою родину и двинуть ихъ противъ нея. [115] Самое бѣгство, въ 1137 году, Посадника Константина и другихъ Новогородцевъ къ Князю Всеволоду, котораго не хотѣли видѣть у себя Новгородцы, въ сущности было не что иное, какъ та же измѣна Ратибора. Также измѣнилъ Новгороду Посадникъ Якунъ, бѣжавшій съ

---

[115] Уже бо бяше Царь отпустилъ рать на Новъгородъ, по Ратиборову лживому слову; рече бо Ратиборъ Царю: «Новогородци тебе не слушаютъ; мы дани прошали тобѣ, и они насъ выгнали, а инѣхъ избили, а домы наши разграбили, и Ярослава безчьствовали.» Новг. I, стр. 62.

Святославомъ, вооружившимъ уже противъ себя Новгородцевъ. Что значитъ и бѣгство, въ 1216 году, четырехъ Бояръ къ Ярославу, когда они дали уже клятву Новгороду стоять за одно съ нимъ противъ Ярослава? Всѣ этѣ явленія—дѣти одной и той же шаткости Новогородца въ отношеніи своей полной шаткости родины, и иначе быть не могло при этомъ противорѣчіи началъ, въ коихъ думала успокоиться жизнь Новогородская, при этой привязанности къ вещественному, при этѣхъ страстяхъ, которыя обращали всякое нравственное начало въ оруіде собственное. Да не будемъ обманываться долѣе: не ясная, отчетливая привязанность всѣхъ этѣхъ Новогородцевъ къ новой жизни влекла ихъ за Князьями противъ родины, а духъ сторонъ, ихъ личныя выгоды, стѣснительное положеніе въ Новгородѣ: они инстинктуально чувствовали необходимость въ превозобладаніи новаго начала, но это начало было для нихъ не болѣе какъ орудіемъ къ простору страстей, подавляемыхъ страстями другихъ. Да и въ явленіяхъ послѣдняго рода мы видимъ не нравственную борьбу Новогородской жизни въ самой себѣ, не нравственную привязанность этѣхъ бѣглецовъ Новогородцевъ къ новой жизни, а также дѣйствительную измѣну ихъ своей области. Подозрительность въ измѣнѣ, самую измѣну, Новгородъ носилъ въ нѣдрахъ своихъ: въ своемъ своекорыстномъ направленіи, въ отсутствіи любви къ родинѣ, въ духѣ партій и подозрѣнія въ измѣнѣ въ дѣлахъ черныхъ, какъ самая измѣна, возникали въ немъ безпрерывно, какъ на почвѣ родной имъ. Ни одна изъ частей Россіи въ семъ отношеніи не представляетъ своею исторіею такого страшнаго разъединенія между гражданами, такого поразительнаго отсутствія нравственныхъ началъ, какъ исторія Новгорода. Отсюда-то истекало недовѣріе вообще, равно какъ и недовѣріе въ помыслъ новой жизни, отсюда и несостоятельность Новгорода, его гибель. Это зло проникало всюду и отравляло всю жизнь. Въ 1316 году Новогородцы убили своего собрата, и трупъ его свергли съ Волховскаго моста: они обвиняли этого собрата въ измѣнѣ. [116] Тогда же одинъ

---

[116] Князь Михаилъ идетъ съ войскомъ противъ Новгорода: Еще не дошедшю Князю Михаилу до города, яша (Новогородцы) Игната Бѣска, и биша и на вѣчи, и свергоша и съ моста въ Волховъ; творяхуть бо его перевѣтъ державша къ Михаилу, а Богъ то вѣсть. Нов. I, стр. 71.

холопъ убилъ въ полѣ своего господина, и оправдывался предъ Новгородомъ тѣмъ, что его господинъ былъ измѣнникъ Новгороду, сносился чрезъ него, холопа, съ врагомъ Новгорода, Михаиломъ, Княземъ Тверскимъ. [117] Въ 1342 году Бояринъ Лука Варѳоломѣевичъ отправился изъ Новгорода громить землю Заволоцкую. Онъ успѣлъ поставить тамъ городокъ Орлецъ, забрать на щитъ всѣ Подвинскіе погосты, и вдругъ въ одной схваткѣ съ Заволочанами былъ убитъ. Но Заволочане ли, однако жь, во время битвы убили его? Лѣтописецъ говоритъ—да; чернь же Новогородская, самъ сынъ Луки, Онцифоръ, бывшій Посадникъ Матвѣй и другіе Бояре, что происки Посадника, своя же братья, избили Луку. [118] При этѣхъ измѣнахъ, при этѣхъ происках, при этомъ общемъ себялюбіи, Новгородецъ долженъ былъ потерять сочувствіе къ благородному, потерять вѣру въ людей; самый достойный могъ являться уже въ глазахъ его себялюбомъ недостойнѣйшимъ; и онъ рано уже началъ страдать этою болѣзнію подозрительности и недовѣрія къ благородству людей. Разсказъ лѣтописца подъ 1156 годомъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи особаго вниманія. Новогородцы, по этому разсказу, винили тогда главу своего Духовенства, Архіепископа Ни-

---

[117] Данилко Писцевъ убьенъ бысть, на рли, отъ своего холопа; обадилъ бо его бяше къ горожаномъ, тако река: «Посылалъ мя съ грамотами къ Михаилу Князю.» Тамъ же.

[118] И взя всю землю Заволоцкую по Двинѣ и вси погосты на щитъ. Въ то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Вагу, Лука же въ дву сту выѣха воевать, и убиша его Заволочане; а пріиде вѣсть въ Новъгородъ: «Лука убіенъ бысть,» и въсташа чрьныи люди на Опдрѣшка, на Ѳедора, на Посадника на Даніилова, а тако рькуще: яко тѣ заслаша на Луку убити, и пограбиша ихъ домы и села; а Ѳедоръ и Ондрюшко побѣгоша въ Копорью городокъ, и тамо сѣдѣша зиму всю и до великаго говѣнья. И въ то время пріиде Онцифоръ, и би челомъ Новугороду на Ѳедора и на Ондрѣшка: «Тѣ заслаша моего отца убити;» и Владыка и Новъгородъ послаша Архимандрита Есипа съ Бояры въ Копорью по Ѳедора и по Ондрѣшка, и они пріѣхаша и рькоша: «Не думали есмы на брата своего, на Луку, что его убити, ни засылали на него;» и Онцифоръ съ Матѳѣемъ възвони вѣче на Ярославѣ дворѣ; и посла Онцифоръ съ Матѳѣемъ Владыку на вѣче, и не дождавши Владыки съ того вѣча, и ударишя на Ярославль дворъ, и яша ту Матѳея Коску и сына его, Игната, всадиша въ церковь, а Онцифоръ убѣже съ своими пособники. То же бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша весь градъ, ся сторона собѣ, а она собѣ.

фонта, въ томъ, что онъ, будто бы, воспользовался богатствами Софійскаго храма, обобралъ этотъ храмъ, и съ богатствами, такимъ образомъ добытыми, удалился изъ Новгорода; между тѣмъ, по свидѣтельству лѣтописца, подтвержденному событіями, только одна подозрительность клеветала сдѣсь на Святителя заботливаго о нуждахъ своей паствы, на Святителя истиннаго въ дѣлахъ своихъ, бывшихъ уже предъ лицомъ самихъ же Новогородцевъ, на Святителя, [119] котораго, по выраженію того же лѣтописца, Новогородцы не достойны были имѣть.

Это-то неразвитіе семейнаго начала, эта холодность и жестокость отношеній, это себялюбіе и, непремѣнный плодъ ихъ, недовѣрчивость, рано поразили Новгородъ даже въ самомъ главномъ жизненномъ его мѣстѣ, раздвоивъ два начала, необходимыхъ для жизни Государственной и сдѣлавъ изъ нихъ начала враждебныя между собою. Мы говоримъ о распаденіи Новгорода на Софійскую и Торговую Стороны.

Начальный раздоръ между этѣми Сторонами относится ко временамъ доисторическимъ. Народный разсказъ сохранилъ, однако жь, преданіе объ немъ. Пусть лица этого разсказа и вымышлены, за всѣмъ тѣмъ содержаніе, нѣтъ ни какого сомнѣнія, взято изъ древней жизни Новогорода, принадлежитъ ей, и до такой степени было народно, что, переживая столѣтія, видоизмѣнялся вмѣстѣ съ измѣненіями Новогородскаго быта, дополнялся, и съ однимъ изъ своихъ измѣненій и дополненіемъ дошелъ до нашихъ временъ. Первая черта, которою означается въ этомъ разсказѣ древній Новогородскій Бояринъ, это—отсутствіе всякаго нравственнаго начала, кромѣ перваго начала семейной жизни—послушанія воли родительской и при

---

[119] Тои же веснѣ преставися Архепископъ Нифонтъ, Априля въ 21. Шьлъ бяше Кыеву противу Митрополита, нніи же мнози глаголаху, яко полупивъ Св. Софію, пошьлъ Царюграду; и много глаголаху на нь, въ собѣ на грѣхъ. О семъ бы разумѣти комуждо насъ: который Епископъ тако украси Св. Софію? Притворы испьса, кивотъ створи и всю извѣну украси, а Пльсковѣ Св. Спаса церковь създа камяну, другую въ Ладозѣ Св. Климента. Мьню бо, яко не хотя Богъ, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утѣху гроба его, отведе й Кыеву, и тамо преставися. Нов. I, стр. 12.

томъ не всегда; погруженіе жизни въ самыхъ грубѣйшихъ матеріяльныхъ наслажденіяхъ, страшный запасъ матеріяльныхъ силъ и стремленіе этѣхъ силъ къ простору; второю чертою Новогородскаго Боярина разсказъ представляетъ надменность или пренебреженіе къ низшимъ, которые обезразличиваются предъ нимъ всѣ въ имени мужика; третьею чертою Новогородскаго Боярина является стремленіе господствовать. Этѣ же мужики, въ свою очередь, являются уклончивыми, хитрыми, но въ то же время готовыми на открытый бой, на кровопролитіе, готовыми жить своимъ умомъ. Между Боярами и этѣми мужиками находятся особыя лица, особаго рода богатыри. Вотъ основы, изъ которыхъ развивается разсказъ. Подробности его заключаются въ слѣдующемъ: Василій Буслаевичъ, сынъ одного изъ правителей Новогородскихъ, потерявъ отца, живетъ и воспитывается у своей матери, матерой вдовы Амельфы Тимофѣевны; но, почувствовавъ силу, онъ, какъ звѣрь, начинаетъ выходить на самобытный промыслъ, и общество довоспитываетъ уже его совершенно. Это окончательное воспитаніе состоитъ въ томъ, что онъ пьетъ и гуляетъ съ молодцами, удальцами Новогородскими, и вмѣстѣ съ ними потѣшается надъ младшими братьями, мужиками: колотитъ ихъ на игрищахъ по улицамъ, ломаетъ имъ руки и ноги, забиваетъ до смерти. Мужики Новогородскіе все люди Посадскіе, богатые, соединяются противъ нашего удальца Боярина; но что имъ дѣлать? Между удалымъ Бояриномъ и ими нѣтъ мирителя, кромѣ матери вдовы, Амельфы Тимофѣевны: и вотъ они несутъ жалобу на молодаго Боярина къ матерой вдовѣ, которая и увѣщеваетъ сына не пить вина до пьяна, не шутить шутокъ до смерти съ мужиками Новогородскими; что если онъ и побьетъ ихъ тысячу, а за тысячью имъ смѣты нѣтъ; но сынъ не страшится бѣды со стороны мужиковъ-то Новогородскихъ: ему страшнѣй слово материнское, и онъ, кланяясь ей до сырой земли, даетъ ей слово не ходить для потѣхъ на улицу на Рогатицу, [120] не сводить тамъ дружбы со удалыми молодцами, и перестать шутить шутки богатырскія; но, въ свою очередь, замѣчаетъ, однако жь, что не таланъ же ему сидѣть дома, не таланъ истратить силы, не испробовавъ ихъ; что придетъ время, и возметъ онъ въ руки мужи-

[120] На Торговой сторонѣ, въ Плотницкомъ Концѣ.

ковъ Новогородскихъ, и придутъ они къ нему съ покорѣніемъ; и въ то же время проситъ у матери позволенія потѣшиться съ мужиками Новогородскими дома, а для этого, да прикажетъ она родимая; своимъ словомъ, накурить зелена вина, наварить меду пьянаго. И вотъ Василій Буслаевичъ готовитъ потѣху мужикамъ Новогородскимъ у себя дома; для чего сейчасъ же, послѣ объясненія съ матерью, онъ отправляется во высокъ теремъ и пишетъ ярлыки зазывные словами мудрыми, и разсылаетъ ихъ съ бирючими по городу. Уже у него предъ домомъ чаны съ медомъ пьянымъ, съ зеленымъ виномъ, уже на зазывныя его грамотки, коими онъ приглашалъ къ себѣ на пиръ всю удаль молодецкую, идутъ къ нему, что ни лучшіе, что ни могучіе богатыри Новогородскіе, пьютъ однимъ духомъ огромныя чары зелена вина не спрашиваючи, а молодой нашъ хозяинъ, согласно обѣщанію, испробывая въ слѣдъ за тѣмъ ихъ богатырскую силу ясеновою палочкою, налитою свинцомъ, всего въ двѣнадцать пудъ, на ихъ богатырскомъ тѣлѣ, не нарадуется и не натѣшится ихъ могучей силѣ, принимаетъ ихъ какъ дорогихъ гостей, величаетъ ихъ названными братцами, прибавляя, что они лучше для него братцевъ родимыхъ; носитъ съ ними платье съ одного плеча, пьетъ, гуляетъ съ ними отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго; между ними—лица разнаго рода, есть и мужики, есть и дѣти Боярскіе. Наши Посадскіе мужики все люди богатые, между тѣмъ догадываются, къ чему клонятся потѣхи молодаго Боярина, опасаются удалыхъ намѣреній и думаютъ узнать ихъ положительно посредствомъ одной хитрости. Объясненіе ихъ между собою, по сему предмету, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оно было сдѣлано на сходкѣ или вечѣ, гдѣ господствовалъ голосъ одного старика, съ мнѣніемъ котораго они всѣ согласились. Одинъ старецъ говорилъ про Буслаевича: «Прежде шутилъ онъ шутки великія: сиротилъ людей, смѣты нѣтъ; а теперь задумалъ дѣло злое: прибираетъ насъ подъ свои руки крѣпкія, владѣть нами на своей волѣ. Не дѣтищу ругатися надъ мужиками Посацкими; поживемъ мы, люди посацкіе, своимъ умомъ. Созовемъ пиръ на цѣлый міръ для Василія Буслаевича. Будетъ онъ на пиру, ударимъ ему отъ всей поземщины, поднесемъ ему братину вина заморскаго. Будетъ станетъ пить, во хмѣлю промолвится; будетъ пить не станетъ, онъ зло на насъ мыслитъ. Будетъ не кормилецъ нашъ, сорвемъ ему буйну голову со могучихъ плечь. Насъ бѣлый

свѣтъ не охулитъ, не положитъ намъ остуды. Не одинъ онъ въ Новгородѣ: промыслимъ добраго молодца по сердцу.» Чрезвычайно какъ живо, въ этѣхъ немногихъ словахъ, обрисованъ бытъ Новгородскій, даже историческій; но онъ еще живѣй въ развязкѣ почетнаго пира, который былъ сдѣланъ для нашего молодаго Боярина. Мать, умная, предупредила сына, чтобъ онъ на пиру не пилъ много, не величался бы похвальбами предъ мужиками Новгородскими и держалъ себя скромно. Сынъ долго выдерживалъ этотъ характеръ, но, принужденный наконецъ выпить братину зелена вина, въ слѣдствіе общаго воззванія: «Кто хочетъ дружить Новгороду, тотъ пей зеленое вино до суха!» нашъ Бояринъ невольно высказалъ предъ мужиками свою думу тайную, завѣтную. «Заиграла въ немъ хмѣлинушка, закипѣла кровь молодецкая, и сталъ Васька похвалятися: «Глупые вы, неразумные мужики Посацкіе! Возметъ Василій Буслаевичъ Новгородъ за себя; править онъ будетъ мужиками Посацкими по своей волѣ; брать будетъ пошлины даточныя со всей земли: съ лову заячьяго и гоголинаго, съ заѣзжихъ купцевъ пошлины мытныя, а мужикамъ Посацкимъ лежать у ногъ моихъ.» Не понравилась нашимъ мужикамъ рѣчь эта, и закричали они всѣ во едино слово: «Младъ еще ты, дѣтище: незрѣлъ твой умъ; не бывать за тобой Новгороду; потерять тебѣ буйну голову! Не честь тебѣ съ нами жить; нѣтъ про тебя съ нами земли!» Разгорается при этѣхъ словахъ сердце молодецкое пуще прежняго, распаляется голова буйная: «Не честь мнѣ съ вами жить,» говоритъ тогда Буслаевичъ мужикамъ Новгородскимъ: «Иду съ вами перевѣдаться.» Встаетъ онъ изъ за стола дубоваго, встаетъ—не кланяется, да только и видѣли его. Дѣло должно было рѣшиться открытымъ боемъ. Мужики Посадскіе положили между собою: «битися, дратися со всею дружиною» (т. е., всѣми силами). Мольбы матери, испуганной за сына, не тронули ихъ; они отринули самые дары, принесенные ею, и хотѣли одной только гибели ея сына: «Намъ не надобно злата и серебра и каменья самоцвѣтныя: дорога похвальба Буслайченкова; намъ надобна его буйная голова!» говорили они въ отвѣтъ на ея моленія и дары, и собирались ратью сильною противъ Буслаева. Тогда мать, чуя бѣду, возвратившись домой, догадалася, схватила Ваську въ беремище, кидала въ погреба бѣлокаменные, задвигала двери засовами желѣзными, засыпала песками сыпучими. Бой долженъ былъ завязаться съ удалыми добрыми мо-

лодцами, которыхъ поилъ и кормилъ Василій Буслаевичь, т. е., съ его названными братцами, хотя и не всѣ они могли участвовать въ дѣлѣ, по тому что нѣкоторые въ это время были совершенно пьяны. Посадскіе мужики, разломавши ворота дома Буслаевыхъ, были, однако жь, оттѣснены въ улицу, гдѣ, послѣ долгаго боя и отступленія, наконецъ начали брать верхъ надъ строной Василія; но, узнавъ о положеніи дѣла и, вѣроятно, проспавшись, Василій однимъ богатырскимъ напоромъ сокрушаетъ погреба бѣлокаменные, въ которые заключила его мать, и своимъ явленіемъ вдохновляетъ своихъ молодцевъ, ломитъ силу Посадскихъ мужиковъ, устилаетъ ими улицы. Мужики Посадскіе тогда кинулись съ богатыми дарами къ матери, чтобъ она остановила свое милое дѣтище, да не побьетъ онъ ихъ всѣхъ, а оставитъ хоть на сѣмена; но мать, въ свою очередь, не хочетъ ни принять отъ нихъ даровъ, ни слушать моленій и отсылаетъ ихъ съ нечестіемъ. Бой между тѣмъ продолжается, и мужики Посадскіе пишутъ крѣпки записи: «Быть Новгороду за Ваською Буслаевичемъ.» Насыпаютъ чашу чистаго серебра, а другую чашу краснаго золота съ каменьями самоцвѣтными, идутъ къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ, Амельфѣ Тимофѣевнѣ. Пришли они къ терему высокому, бьютъ челомъ, поклоняются. «О сударыня матушка! прими ты дороги подарочки, и уйми свое чадо милое, молода Василія со дружиною? А и ради мы платить на всякъ годъ по три тысячи, на всякъ годъ будемъ носить съ хлѣбниковъ по хлѣбику, съ калачниковъ по калачику, съ молодицъ повѣнечное, съ дѣвицъ повалешное, со всѣхъ людей съ ремесленныхъ, опричь Поповъ и Дьяконовъ.» И на томъ ставили рѣчь свою мужики Посадскіе; на томъ окончился споръ между ними и Буслаевичемъ: мать словомъ своимъ и посланнымъ извѣстіемъ къ сыну о покорности мужиковъ, прекратила бой, а Василій принялъ условія и началъ править Великимъ Новгородомъ.[121] Здѣсь духъ произвола Бояр-

[121] Совѣтуемъ Г. Соловьеву обратить вниманіе на этотъ народный разсказъ, чтобъ точнѣе выразумѣть свою думу о родовомъ бытѣ въ Новгородѣ, о родовомъ бытѣ, изъ котораго онъ хочетъ развить Новогородскую исторію. Напрасно мы въ памятникахъ ищемъ слѣдовъ родоваго быта въ Новгородѣ; ихъ нѣтъ, а въ замѣнъ ихъ всюду слѣды распаденія болѣе нежели до семьи. Еще въ 1848 году мнѣ разсказывали въ Новгородѣ о существованіи тамъ двухъ церквей рядомъ стѣна объ стѣну, основанныхъ во имя одного и того же Святаго; церкви

скаго, стремленіе къ господству не находятъ, какъ мы уже замѣтили, ни какой прѣграды, какъ только въ чувствѣ семейномъ, въ волѣ матери; а гдѣ эта воля не является посредникомъ, тамъ все опредѣляетъ сила физическая: перевѣсъ ея на сторонѣ Боярина.

Водвореніе власти Княжеской стѣснило этотъ раздоръ между Сторонами, обвозжавъ докняжескихъ Бояръ въ ихъ произволѣ и лишивъ ихъ прежняго вліянія на область; но движеніе Торговой Стороны противъ новой жизни лишило область раскинувшагося надъ нею Княжескаго покрова, и заставило Ярослава ввести докняжескихъ Бояръ въ ихъ прежнія права, съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что Князь оставался главнымъ судьею и правителемъ въ области. Усиліе нѣкоторыхъ Князей, потомковъ Ярослава, поставить

этѣ недавно разрушились, а были основаны, по разсказу, двумя частными лицами, принадлежавшими къ Неревскому Концу и не хотѣвшими бывать въ церкви одинъ другого, хотя этѣ церкви и не были ихъ домашнія. Принимая въ соображеніе, что въ разсказѣ о Буслаевичѣ нѣтъ помину о вмѣшательствѣ въ дѣла Буслаевича какой либо Правительственной или Княжеской власти, мы относимъ все главное содержаніе этого разсказа къ временамъ древнѣйшимъ; но замѣчая въ то время слѣды быта новаго въ упоминаніи о Попахъ и Дьяконахъ, въ самомъ имени богатыря разсказа, равно какъ и въ грамотности его, а также въ постройкѣ каменныхъ зданій (бѣлокаменны погреба), мы считаемъ настоящій разсказъ однимъ изъ видоизмѣненій разсказа древнѣйшаго. Вмѣстѣ съ этѣмъ мы не можемъ не замѣтить здѣсь, что выраженія Нестора: «Возсташа родъ на родъ, быша въ нихъ усобицы, и начаша воевати между собою,» имѣютъ, какъ кажется, простѣйшій смыслъ, нежели какой думаютъ отыскать въ немъ новѣйшіе наслѣдователи: разсказъ о Буслаевичѣ есть вѣрный, хотя не полный, первообразъ быта Новогородскаго, даже историческаго. Въ Боярствѣ Буслаевича мы не можемъ сомнѣваться: во первыхъ, онъ стремится быть правителемъ въ Новгородѣ, и подъ конецъ успѣваетъ въ этомъ, а правители (Посадники) избирались въ Новгородѣ изъ однихъ только Бояръ; во вторыхъ, его отецъ былъ самъ подобнымъ правителемъ въ Новѣгородѣ; въ третьихъ, личность его противополагается всему сонмищу людей Посадскихъ, т. е., Торговой Сторонѣ, точно также какъ противоставлялись этой Сторонѣ Бояре; въ четвертыхъ, народный разсказъ позднѣйшаго времени, видоизмѣняя похожденія Буслаевича, причисляетъ его къ высшему сословію—къ Дворянству, въ составъ котораго, съ присоединеніемъ Новгорода къ Москвѣ, вошли и Новогородскіе Бояре; слѣдовательно, въ самомъ народномъ сознаніи даже позднѣйшаго времени онъ представлялся лицомъ высшаго сословія. Былины Руск. народа, въ Собр. пѣсенъ Руск. народа, т. V, стр. 59, 73, 77, 424, 433, 434, 435, 437, 438, 443, и 456.

въ полную отъ себя зависимость старое докняжеское начало, замѣтно, но оно, по выше изложеннымъ причинамъ, осталось безплоднымъ: грамоты, данныя Ярославомъ, торжествовали надъ этимъ усиліемъ, и, при ослабленіи въ Государствѣ средоточной Великокняжеской власти, при явныхъ движеніяхъ Новгорода противъ новой жизни, при движеніи его къ исключительности, власть Княжеская не находила уже себѣ опоры въ Новгородѣ и, слѣдовательно, поставлялась внѣ состоянія поддерживать равновѣсіе правды между двумя враждующими Сторонами, а тѣмъ болѣе поставлялся въ это положеніе Посадникъ, игравшій только вторую судебно-правительственную роль въ Новгородѣ. Каждая сторона, при этомъ положеніи дѣлъ, должна была открыто сопротивоставляться другой. Такъ дѣйствительно и было; и какъ управленіе, судъ и расправа сосредоточены были во власти Князя и Посадника, то и раздоръ между Сторонами не могъ не выразиться около этѣхъ точекъ. Мы видѣли уже, какъ подъ 1157 годомъ Стороны стояли открыто въ враждебномъ положеніи нѣсколько дней, готовые другъ противъ друга на бой, за Князя Михаила Георгіевича, при чемъ Торговая поддерживала Князя, а Софійская была противъ него. Между 1257 и 1259 годами младшіе изъ Новогородцевъ сильно волновались, не хотя платить поголовной дани Татарамъ, а въ то же время обвиняя Бояръ своихъ, что они, соглашаясь на эту дань, думаютъ только избыть тягость ея на младшихъ, и въ продолженіи этого времени убитъ Посадникъ, Михаилъ Степановичъ, и какой-то Миша. Пусть лѣтописецъ молчитъ о виновныхъ въ совершеніи убійства и о томъ, что убійство совершилось открыто при самомъ волненіи младшихъ, но имѣя въ виду открытое тогда волненіе младшихъ противъ распоряженія Невскаго, готовность ихъ на насилія и на бой, сдерживаемые только страхомъ, и принимая въ соображеніе, что Михаилъ высказывался въ пользу Невскаго, мы не можемъ сомнѣваться, что Посадникъ погибъ въ слѣдствіе тайнаго, или открытаго, движенія младшихъ, какъ стоявшій во главѣ Софійской Стороны и принадлежавшій къ одной изъ самыхъ значительныхъ фамилій ея. Въ 1333 году обѣ Стороны, вооружившись, стали одна противъ другой, готовые на междусобіе, но, къ счастію, подшедшій къ этому времени ледъ, разломалъ Волховскій мостъ и разобщилъ, такимъ образомъ, враждующихъ: о причинахъ вражды лѣтописецъ молчитъ. Въ 1342 году открытая вражда Боярина Онцифора противъ Посадника по-

ставила снова подъ оружіе одну Сторону противъ другой. Подъ 1388 годомъ мы читаемъ въ Новогородской лѣтописи: «Востали три конца Софійской Стороны (слѣдовательно, вся Сторона) на Посадника Осипа Захарьича, ударили въ вѣчевой колоколъ у Св. Софіи, и съ вѣча въ полномъ оружіи, какъ какая ни будь сильная рать, отправились къ дому Посадника, взяли и разнесли по бревнамъ домъ его, самъ же Посадникъ бѣжалъ въ Плотницкій Конецъ. Вся Торговая Сторона (т. е., Концы Плотницкій и Славянскій) поднялись за него, начали грабить и бить людей (конечно, принадлежавшихъ къ противной Сторонѣ), отгоняли силой перевощиковъ отъ берега, барки и суда изсѣкли. Это враждебное положеніе двухъ Сторонъ продолжалось двѣ недѣли, наконецъ водворился опять миръ между ними, и Посадникомъ, вмѣсто Осипа, избранъ былъ Василій Ивановичъ. Въ 1418 году, въ открытомъ общемъ внутреннемъ волненіи, обнаружились явные слѣды полнаго недовѣрія и ненависти между Сторонами: «Нѣкто Степанко, по внушенію дьявола, схвативъ Боярина, Данила Ивановича, Божина внука, и, держа его, закричалъ (вопіяше) къ бывшимъ подлѣ него людямъ: «Ой, друзья, помогите мнѣ противъ этого злодѣя!» Люди же, услышавши его вопль, бросились на Боярина, повлекли его, какъ злодѣя къ вѣчу; избили его до полусмерти (казнили его ранами близъ смерти); [122] потомъ утащили его полумертваго съ вѣча и бросили въ Волховъ съ моста. Нѣкто же людинъ, сынъ Лычковъ, соболѣзнуя объ участи Боярина, схватилъ его и втащилъ его къ себѣ въ челнъ. Преслѣдовавшіе Боярина закипѣли тогда негодованіемъ противъ этого рыбника, и разграбили домъ его. Спасенный Бояринъ, желая потомъ мстить безчестіе, нанесенное ему Степанкомъ, захватилъ его и началъ мучить, хотя (желая) «вредъ изцѣлити, паче большую язву въздвиже»... ибо какъ скоро услышали, что Степанко захваченъ, то ударили въ вѣчевой колоколъ на Ярославовомъ Дворѣ: толпы стекались со всѣхъ сторонъ, крича дикимъ голосомъ (кричаху, вопіюще): «По-

---

[122] Во II Новогородской лѣтописи (стр. 136) сдѣсь сдѣлано слѣдующее замѣчательное добавленіе: Бяше же и се дивно, или на укореніе богатымъ, обидящимъ убогія, или казнь діавола: жена нѣкая, отвергши женскую немощь, вземше мужскую крѣпость, выскочивъ посреди сонмища, даетъ ему раны (Боярину), яко нечестова глаголющи, «яко обидима есми имъ.» И свезши его (Боярина же) съ сонма, сринуша его съ мосту, яко разбойника и зло дѣюща людемъ много.

идемъ на того Боярина, да и домъ его расхитимъ,» и въ этомъ крикѣ слились толпы, всѣ вооружились, и, взявши знамя, хлынули на Козьмодемьянскую улицу (Софійская Сторона), [123] разграбили домъ помянутаго Боярина и много другихъ домовъ; а также на Яневѣ (то же Софійская) [124] улицѣ весь берегъ пограбили. Тогда Козьмодемьянцы [125] (жившіе на Козьмодемьянской улицѣ Бобре), опасаясь, чтобъ сторона противная не рѣшилась на что ни будь худшее («да негофѣе будетъ на нихъ»), отняли Степанка у Боярина, чтобъ выдать его своимъ врагамъ, и для этого отправились къ Архіепископу съ мольбою, да перешлетъ его, Степанка, Архіепископъ къ собранію людскому, отъ себя. Святитель же, послуша моленій ихъ, послалъ его съ Попомъ да съ своимъ Боярином; но когда противная сторона выручила Степанка, то какъ безумная («аки пьяны») вскипѣла гнѣвомъ на другого Боярина, на Ивана Невлича, жившаго на Чюдинцевѣ улицѣ (Софійская), [126] разграбила домъ его, а, вмѣстѣ съ нимъ, и много другихъ домовъ Боярскихъ, даже монастырь Св. Николая, что на полѣ, подъ предлогомъ, что будьто бы въ этомъ монастырѣ находятся житницы Боярскія. Потомъ, въ то же утро, разграбила множество дворовъ на Легощѣ улицѣ, [127] говоря: «Намъ супостаты суть;» когда же, въ слѣдъ за тѣмъ, она бросилась на Прускую улицу (Софійская Сторона), то встрѣтила уже отпоръ; «и оттолѣ нача злоба множитися:» прибѣжавъ на свою Торговую Сторону, кричали (рѣша), что Софійская Сторона хочетъ на нихъ вооружиться и разграбить дома ихъ; Софійцы, въ свою очередь, опасались нападенія со стороны противной; тогда начали звонить по всему городу; всѣ вооружились, и Софійцы и Торговцы; обѣ Стороны устремились къ, раздѣлявшему ихъ, Волховскому мосту, какъ на битву («аки на рать»); стрѣлы засвистали; раздался стукъ оружія и падали мертвые, какъ

---

[123] Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 136 и 250.

[124] Тамъ же.

[125] На Софійской сторонѣ. Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 136 и 250.

[126] Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 79 и 136.

[127] На Софійской сторонѣ. Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 136 и 233.

на войнѣ, и отъ возмущенія того великаго «встрясеся весь градъ, и нападе страхъ на обѣ стороны. Слыша же Владыко Симеонъ междоусобную рать промежи своими дѣтьми, и повелѣ предстоящимъ събрати сборъ (соборъ) свой... и бысть тишина въ градѣ.» [128]

Такъ двѣ Стороны враждовали одна противъ другой; но каждая изъ нихъ, въ свою очередь, не могла сохранить единства, и трещина въ Государственномъ зданіи проходила отъ Сторонъ Боярской и Торговой къ Концамъ, отдѣляя Конецъ отъ Конца одной и той же Стороны.

Славянскій Конецъ, отдѣлясь два раза отъ Плотницкаго, дѣйствовалъ одиноко: въ первый разъ противъ Стороны Софійской, во второй противъ нея же и Плотницкаго Конца. Первое отдѣленіе Славянскаго Конца относится къ 1359. Эту одиноко веденную имъ тогда борьбу противъ Стороны Софійской лѣтописецъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Богъ за грѣхи наши попустилъ діяволу и злымъ людямъ воспроизвесть свое злое дѣло, сильно взмести весь Новгородъ. Славянскій Конецъ отнялъ тогда Посадничество у Андрея Захаровича собственною своею волею, а не волею цѣлаго города, и тоже своею волею назначилъ въ Посадничество Селиверста Левонтѣевича. Все это дѣлалъ онъ на общемъ вѣчѣ, на Ярославовѣ Дворѣ. Обыватели его явились туда съ оружіемъ, и послѣ сильнаго спора съ обывателями Софійской Стороны, сшедшимися на Ярославовъ Дворъ какъ на совѣщаніе, а не на бой, безъ оружія, бросились на сихъ послѣднихъ, разогнали ихъ, и били и пограбили многихъ Бояръ, а Ивана Борисовича даже до смерти убили. Возвратившись на свою Сторону, Софійцы вооружились, чтобъ мстить безчестіе своихъ; обыватели Славянскаго Конца, съ своей стороны, не выпускали оружія, думая открытою силою защищать противъ Софійцевъ и свое достояніе и свои головы; слѣдующіе за тѣмъ три дня ни сколько не измѣнили враждебнаго положенія другъ къ другу, Софійской Стороны и Славянскаго Конца; послѣдній даже разметалъ въ это время Волховскій мостъ, чтобъ задруднить нападеніе на него Софійцевъ. Тогда посреди враждующихъ явился

[128] Нов. II-я, стр. 136.

оставившій было, по своему желанію, Архіепископство, Владыка Моисей, съ вновь избраннымъ Архіепископомъ, Алексѣемъ, окруженный Архимандритами и Игуменами, и, благословивъ, сказалъ имъ: «Дѣти! не подвигайтесь на междоусобную брань, не ослабляйте ею, раздоромъ своимъ, силы ваши, нужныя противъ поганыхъ (Шведовъ, Нѣмцовъ и Литвы), да не похвалятся поганые запустѣніемъ святыхъ храмовъ и всего Новгорода!» и Новгородцы приняли слово его, и оставили вражду свою; за всѣмъ тѣмъ села Сильвестровы взяты были на щитъ и много иныхъ селъ Славянскихъ, а и невиноватыхъ людей тогда много погибло; и дали Посадничество Никитѣ Матвѣевичу, и тако смирившася; не попустилъ Богъ до конца дьяволу порадоватися, но возвеличенъ былъ Крестъ въ роды родовъ. [129] Второе отдѣленіе Славянскаго Конца было въ 1384 году. Открыто враждебное положеніе его и четырехъ другихъ Концевъ продолжалось уже не три дня, а цѣлыя двѣ недѣли; вѣча не умолкали ни у Софійцевъ, ни въ Славянскомъ Концѣ. Дѣйствуя за Литовскаго Князя, Патрикѣя, которому Новгородцы было представили во владѣніе Орѣховъ, Кексгольмъ и половину Копорья, обыватели отдѣльнаго Конца сдѣлали попытку къ насилію, бросившись съ вѣча на домъ Тысяцкаго Осипа; но обыватели другого Конца Торговой же Стороны (Конецъ Плотницкій) сдѣлали имъ отпоръ и поколотили ихъ. Сей послѣдній Конецъ, вмѣстѣ съ Софійскою Стороною, поддерживалъ Орѣховцевъ и Корельцевъ, жаловавшихся на злоупотребленія и притѣсненія Патрикѣя. 9-го Февраля, для поддержанія своего дѣла, Софійская Сторона отъ обѣдни до вечерни стояла подъ оружіемъ. 10-го Февраля положено было ею, съ Плотницкимъ Концомъ, ударить на Конецъ Славянскій, и принудить его согласиться съ ихъ собственнымъ желаніемъ или рѣшеніемъ, но Плотницкій Конецъ отказался потомъ отъ сего нападенія, не обнаруживая, однако жъ, желанія дѣйствовать за одно съ Концомъ Славянскимъ. Сей послѣдній между тѣмъ, готовый на междоусобіе, вмѣстѣ съ Княземъ Патрикѣемъ, ожидалъ нападенія съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Софійская Сторона, въ своемъ новомъ вѣчевомъ собраніи, сдѣлала единогласное рѣшеніе относительно Патрикѣя, и выразила это рѣшеніе въ фор-

[129] Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 87.

мальномъ актѣ. Въ чемъ оно именно заключалось, намъ не извѣстно, также какъ остается не извѣстнымъ весь дальнѣйшій ходъ дѣла до окончательной развязки его. 11 числа, однако жь, Славянскій Конецъ все еще ожидалъ нападенія со стороны Софійцевъ, и, желая затруднить его, разобралъ часть Волховскаго моста. Наконецъ только послѣ двухнедѣльной тревоги всѣ Концы согласились на томъ, чтобъ дать во владѣніе Патрикѣя, вмѣсто помянутыхъ городовъ, Ладогу, Русу и Наровскій берегъ. [130]

Разъединеніе Боярской Стороны, какъ увидимъ ниже, обнаруживалось почти постоянно; но лѣтописцы положительно отмѣтили только шесть случаевъ, гдѣ тотъ, либо другой, Конецъ этой Стороны уже явно отпадалъ отъ другихъ Концовъ, не желая дѣйствовать съ ними за одно, или дѣйствуя противъ ихъ рѣшенія враждебно, или наконецъ дѣйствуя самобытно, безъ ихъ участія, и тѣмъ вызывая ихъ противъ себя. Этѣ явныя отпаденія Концовъ отъ своей Стороны принадлежатъ къ 1215, 1218, 1220, 1289, 1350 и 1421, и всѣ касаются или Неревскаго, или Прускаго, Концовъ.

Прускій Конецъ не вступалъ въ борьбу открытую противъ другихъ Концовъ и, по своему незначительному населенію, не могъ вступать въ нее: онъ дѣйствовалъ, какъ строптивый слабый противъ неумолимаго сильнаго, употребляя мѣры, которыя никогда и нигдѣ не могутъ быть признаны ни законными, ни нравственными. Такъ, подъ 1215 годомъ лѣтописецъ обвиняетъ обывателей Прускаго Конца въ убійствѣ Овстрата и сына его, Луготы. [131] Въ 1289 году тайнымъ убійствомъ, совершеннымъ на дворѣ самаго Архіепископа, подлѣ церкви Рождества Христова, Прускій Конецъ, отдѣлилъ себя отъ другихъ Концовъ Софійской и Торговой Сторонъ, такъ что сіи послѣднія, мстя за убійство, обдеклись въ оружіе, собрались на вѣчѣ около храмовъ Св. Софіи и Св. Николая Чудотворца, двинулись потомъ всѣ вмѣстѣ на сказанный Конецъ,

---

[130] Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 93, и IV, стр. 90.

[131] Нов. I, стр. 33: убиша Пруси Овъстрата и сынъ его, Луготу, и въвьргоша и въ греблю мьртвъ.»

разграбили его, пожгли дома, при чемъ сгорѣла и церковь во имя Св. Богородицы. [132] Такую же страдательную ролю игралъ Прускій Конецъ съ своими Боярами въ 1350 году: Новогородцы отняли тогда Посадничество у Ѳедора Даниловича, принадлежавшаго, безъ малѣйшаго сомнѣнія, къ Прускому Концу; но, не остановившись на этомъ, они, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, выгнали помянутаго Боярина изъ города, вмѣстѣ съ братомъ его, Михайломъ, и какими-то двумя другими лицами, и при этомъ разграбили не только дома всѣхъ сихъ преслѣдуемыхъ, но и весь Прускій Конецъ. [133] Отпаденіе Неревскаго Конца имѣло другой совершенно характеръ. Онъ два раза открыто измѣнялъ своей Сторонѣ, когда эта Сторона съ оружіемъ въ рукахъ стояла противъ Торговой Стороны, и одинъ разъ соединился съ сей послѣдней для того, чтобъ самовольно, безъ согласія двухъ другихъ Боярскихъ Концовъ, отмѣнить постановленіе общаго вѣча и сдѣлать, въ замѣнъ его, постановленіе новое, отъ собственнаго своего лица и отъ лица Торговой Стороны.

Подробности борьбы, въ которой Неревскій Конецъ соединялся въ 1218 году съ Торговою Стороною противъ двухъ Концовъ своей Стороны, разсказаны лѣтописцемъ слѣдующимъ образомъ: «Это было къ зимѣ. Биричъ Ябедничъ связалъ Матвѣя Душильцевича. Матвѣй между тѣмъ успѣлъ было убѣжать; но нѣкоторые изъ самихъ же Новогородцевъ, догнавъ его и схвативъ, привели на городище. Вдругъ разнеслась ложь по городу, что Твердиславъ выдалъ Матвѣя Князю. Въ ночь Торговая Сторона ударила въ вѣчевой колоколъ у Св. Николая (Ярославово Дворище), а Неревскій Конецъ у Св. Сорока мучениковъ, и сбирались люди на Твердислава. Когда же наступило утро, Князь, услышавъ шумъ и волненіе въ городѣ,

---

[132] Тамъ же, стр. 65. Убиша Самойла Ратьшинича, на владычнѣ дворѣ, у въсхода у Рожества Христова, по заутрени. Новогородци же съзвониша вѣче у Св. Софѣи и у Св. Николы, и снидошася въ доспѣсѣ: взяша улицу Прускую и домы ихъ разграбиша, пожгоша улицу всю, и церковь Св. Богородица сгорѣ.

[133] Тамъ же, стр. 85. Выгониша Новагородци изъ Новгорода Ѳеодора Посадника, и брата его, Михаила, и Юрья и Андрѣяна, а домы ихъ разграбиша и Прускую улицу всю пограбиша.

велѣлъ отпустить Матвѣя на свободу. Между тѣмъ жители Торговой Стороны, даже самые недоросли (дѣти) облеклись въ брони, двинулись какъ на брань; точно также поступилъ и Неревскій Конецъ; что жь касается до Загородцевъ, то они не приступили ни къ той, ни къ другой сторонѣ. [134] Тогда Твердиславъ, воззрѣвъ на образъ Св. Софіи (значитъ на Софійскомъ вѣчѣ), сказалъ: «Естьли я только виноватъ, да погибну здѣсь же! Если же я правъ, то ты, Господи, докажешь предъ людьми правду мою,» и съ Концами Людинымъ и Прускимъ двинулся на встрѣчу мятущихся. У городскихъ воротъ, подлѣ Волховскаго моста, встрѣтились враждующія стороны и открылась сѣча. Торговая Сторона и Неревляне не выдержали: послѣдніе побѣжали въ свой Конецъ, а первые на свою Сторону, разметавъ за собою мостъ. Людинъ и Прускій Конецъ, предводительствуемые Твердиславомъ, переправились на Сторону Торговую въ лодкахъ. «О, великое, братіе, чюдо сѣвади оканьный дія-волъ,—«продолжаетъ послѣ сего лѣтописецъ;»—«когда бяше брани быти на поганыя, тогда ся начаша бити межу собою, и убиша мужь Прусъ, а Концянъ другій, а оныхъ половиць Ивана Душильцевица, братъ Матеевъ, а въ Неревьскѣмъ конци Къснятина Прокопійница, иныхъ 6-ть мужь; а раненыхъ много (обѣихъ сторонъ);» и такъ въ вѣчахъ прошла цѣлая недѣля.—Въ 1220 году Торговая Сторона снова возстала, дѣйствуя отъ лица правителя-Князя, и двинулась противъ того же Посадника Твердислава, желая изгубить его; за Посадника поднялись помянутыхъ два Конца, Людинъ и Прускій, и Загородцы; но Неревскій Конецъ отпалъ отъ своей Стороны, хотя не извѣстно, дѣйствовалъ ли онъ открыто съ Торговою Стороною противъ своей Стороны, или, проученный въ 1218 г., отказался на этотъ разъ отъ подобнаго открытаго движенія. [135] Въ 1421 году тотъ же Неревскій Конецъ не вошелъ въ совѣщаніе съ двумя дру-

---

[134] Поселеніе, вѣроятно, позднѣйшее, бывшее за Людинымъ Концемъ и внѣ города.

[135] Опредѣливъ точно, какія части Новгорода отстаивали Посадника, лѣтописецъ не разъяснилъ составныхъ частей партіи противной, сказавъ только, что, вмѣстѣ съ Княземъ, вооружились противъ Твердислава Новогородцы; или же подъ словомъ: «Новогородцы» лѣтописецъ разумѣетъ однихъ обитателей Торговой Стороны. Мѣсто соединенія партіи, противной Посаднику, было около храма младшихъ.

гими Концами своей Стороны, по дѣлу, касавшемуся главнаго народнаго правителя Новгорода, а соединившись съ однимъ изъ Концевъ Торговой Стороны, сдѣлалъ съ симъ послѣднимъ самъ рѣшеніе по этому дѣлу. Лѣтописецъ описалъ это распаденіе слѣдующимъ образомъ: «Возстали два Конца, Неревскій и Славянскій, за Клементія Артемьина про землю, на Посадника Андрея Ивановича, и вооруженной рукой разграбили жилище его, и домы другихъ Бояръ напрасно; и при этомъ было убито Посадниковыхъ двадцать человѣкъ до смерти, а Неревлянъ два человѣка, и смиришася.» [136]

Такъ издалека уже видны значительныя трещины въ Государственномъ зданіи Великаго Новгорода, трещины, которыя, разваливъ сводъ на двѣ части, разошлись потомъ по всѣмъ пяти угламъ зданія. Меньшія трещины, издали не замѣтныя, при приближеніи становятся замѣтными—зданіе покрыто ими; на самомъ сводѣ еще болѣе трещинъ... Зданіе рухнется непремѣнно!... Но будемъ смѣлѣе, подойдемъ поближе, войдемъ внутрь его....

Мы уже замѣтили, что Софійскую Сторону составляли докняжескіе Бояре. Исключительность въ ея господствѣ имѣла одну внѣшнюю цѣль—не допускать никого до нарушенія этого господства, или иначе: мысль о самомъ господствѣ была и основою и конечною цѣлію сего стремленія къ исключительности; ни какой дальнѣйшей нравственной цѣли оно не имѣло. При этомъ положеніи нравственнаго развитія Новогородскаго Боярства, духъ себялюбія и личнаго соперничества долженъ былъ опредѣлять ихъ отношеніе другъ къ другу и ихъ пути къ достиженію этого господства. Бояринъ не могъ гордиться высокими нравственно-гражданскими достоинствами, высказывавшимися на дѣлѣ въ его собратѣ, какъ Бояринѣ, а напротивъ этѣ достоинства пробуждали въ немъ духъ недовольства, духъ вражды, по тому что мысль его о господствѣ не облекалась въ нравственныя принадлежности, имѣла, какъ мы уже сказали, конечною цѣлію самое же господство, удовлетвореніе честолюбія, а достоинства, выдвигавшія его собрата предъ толпою впередъ, заслоняли ему дорогу къ господству. По этому же Новогородскій Бояринъ не

---

[136] Новг. II, стр. 140.

могъ оставаться довольнымъ при одномъ господствѣ своей Стороны, всего Боярства, въ лицѣ его прдставителей, если онъ не входилъ въ число этѣхъ представителей прямо, или посредствомъ связей. Въ стремленіи къ завладѣнію дѣйствительнымъ господствомъ должны были сталкиваться Боярскія семьи другъ съ другомъ, и, при отсутствіи нравственнаго начала, развязка въ этѣхъ столкновеніяхъ должна была опредѣляться однимъ лишь стремленіемъ къ господству, а не помысломъ о благѣ, не чувствомъ благоговѣнія къ религіознымъ истинамъ, къ храму, порядку, къ власти, къ судьбамъ родины: ни храмъ, ни порядокъ, ни судьбы родины, не могли найти опоры себѣ въ Новогородскомъ Боярствѣ; и храмъ, и порядокъ, и власть, и судьбы родины, должны были кружиться въ его страшно грубомъ, невѣжественномъ стремленіи къ власти, къ господству, къ удовлетворенію тщеславія. Такими послѣдствіями должна была обнаружиться жизнь Новогороскаго Боярина, искавшаго власти не для чего другого, какъ голько для власти, для удовлетворенія своихъ страстей.

Оно такъ и было.

Въ продолженіи долгаго времени, въ XII и XIII столѣтіяхъ, играетъ важную роль въ этомъ господствѣ одна и та же семья, въ лицѣ отца, сына, внука и правнука. Прадѣдъ Михаилъ Степаницъ назначенный Посадникомъ въ 1180 году, на мѣсто Давида Неревиниця, смѣненъ былъ потомъ симъ же послѣднимъ, но когда именно, не извѣстно; съ 1186 по 1190 онъ снова является Посадникомъ; сдѣсь выступила противъ него другая семья, въ лицѣ Мирошки Нездиниця, который, смѣнивъ Михайла Степановича, [137] сидѣлъ на Посадничествѣ 13 лѣтъ, именно по 1203 годъ; и только добровольное его Постриженіе предъ смертію открыло Михайлу снова возможность сѣсть на Посадничество, [138] но не надолго; въ 1205 онъ потерялъ опять мѣсто Посадника, уступивъ его сыну

---

[137] Томъ же лѣтѣ отяша Посадницьство у Михала, и вдаша Мирошки Нездиницю.

[138] Томъ же лѣтѣ преставися Мисошька Посадникъ Новъгородскый, постригъся у Святого Георгія; и потомъ даша посадницьство Михалку Степаницю.

помянутаго Мирошки Нездинича Дмитрію, [139] противъ котораго такъ дико возсталъ Новгородъ въ 1209 году.

Послѣ смерти Дмитрія является на Посадничествѣ опять семья Михайла, въ лицѣ его сына, Твердислава. Противъ него было нѣсколько соперниковъ Бояръ, но онъ торжествовалъ надъ всѣми ими. Дмитръ Якуничъ, который въ 1211 году, принявъ Посадничество отъ Твердислава, уступленное ему симъ послѣднимъ добровольно, какъ старѣйшему, отправленъ былъ Мстиславомъ немедленно же въ Луки, для устройства тамъ крѣпости; послѣ того объ немъ не упоминается въ лѣтописяхъ Новгородскихъ, а между тѣмъ въ 1214 году на Посадничествѣ мы видимъ снова Твердислава; Георгій Иванковицъ посадничалъ только въ 1215 и 1216 годахъ, а потомъ уступилъ свое мѣсто тому же Твердиславу; Семенъ Борисовицъ, который былъ на Посадничествѣ только нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1219 году, уступивъ оное опять таки Твердиславу. Послѣ Твердислава, съ 1220 по 1230, мы видимъ Посадниками: Ивана Дмитровица, сына, какъ кажется намъ, бывшаго въ 1211 году Посадникомъ Дмитрія Якунича и внука того Якуна, который бѣжалъ изъ Новгорода съ Княземъ Святославомъ и на дочери котораго былъ женатъ Мстиславъ Ростиславичъ, внукъ Юрія Долгорукаго; [140] потомъ Внѣзда Водовика; съ бѣгствомъ же Водовика въ Черниговъ, послѣдовавшимъ за движеніемъ противъ него въ Новгородѣ, появляется опять та же семья въ лицѣ Степанка, внука Михайла и сына

---

[139] Тогдаже отяша посадницьство у Михалка, и даша Дмитру Мирошкиницю.

[140] Замѣчая изъ исторіи Михайла Степановича какую-то послѣдовательность въ сохраненіи права на Посадничество, мы не можемъ не допустить, что Посадничество сохранялось только между значительнѣйшими семьями, по крайней мѣрѣ, въ XII и XIII столѣтіяхъ. По этому, для возстановленія въ исторіи связи между лицами сихъ семей, намъ можетъ служить отечество Посадниковъ. Этѣмъ способомъ мы бы безошибочно возстановили для исторія весь родъ Михайла Степановича, тогда какъ, въ противномъ случаѣ, потеряли бы связь между лицами и этѣхъ родомъ, если бъ лѣтописцу, уже при погребеніи послѣдняго ея члена, не вздумалось сказать, что всѣ этѣ лица одна семья, или лучше еще, не вздумалось ему тронуться картиною могилъ прадѣда, дѣда, отца и правнука, правившихъ долгое время Новгородомъ и послѣ кровавой борьбы улегшихся покойно и рядомъ другъ подлѣ друга въ безмолвныхъ могилахъ.

Слава: Степанъ безсмѣнно посадничалъ до самой своей смерти, съ 1230 по 1243 годъ. Далѣе мы видимъ Посадникомъ Ананія, а за нимъ, еще при жизни его, въ 1255 году, является сынъ Степанка, Михайло, убитый въ 1257 году, во время движенія младшихъ въ Новгородѣ противъ поголовной дани Монголамъ. Это покойное, по видимому, возвращеніе Посадничества въ руки одной и той же семьи было въ дѣйствительности плодомъ сильной внутренней борьбы между сей семьей и другими Боярскими семьями, борьбы, тѣсно связывающейся съ борьбою двухъ Новгородскихъ Сторонъ и съ борьбою Новгорода противъ враговъ его исключительности. Въ первый разъ борьба эта дѣлается очевидною въ началѣ XIII ст. и находится въ тѣсной связи съ борьбою противъ Всеволода: сказанная семья явно держала сторону противъ Великаго Владимирскаго Князя. Со утвержденіемъ власти сего послѣдняго она появлялась на первомъ мѣстѣ недолго (1203—1205), и ее заступала другая семья, въ лицѣ Мирошки Нездинича и сына его, Дмитрія, посадничавшихъ 17 лѣтъ, съ 1189 по 1203, когда умеръ отецъ Дмитрія, и съ 1205 по 1209. Несвоевременность и паденіе власти Всеволода въ Новгородѣ предвозвѣстились гибелью представителя сей послѣдней семьи и вывели снова на первое мѣсто семью Михайлз. Точно въ томъ же противодѣйствіи къ Владимирскому Великому Князю находится эта семья и въ княженіи Георгія, сына Всеволода Георгіевича. Когда Новогородцы стали подъ руку Георгія и, не смотря на всѣ препятствія, старались удержать у себя брата его, Ярослава, въ это время Посадничество не въ рукахъ сказанной семьи имъ владѣетъ Иванъ Георгіевичъ; но коль скоро Новгородцы, подъ предводительствомъ Мстислава, одержали верхъ надъ Князьями Владимирской области (1116 г.), тогда на Посадничествѣ является опять та же семья. Замѣчательно еще, что Иванъ Георгіевичъ былъ, при своей смѣнѣ, удаленъ Мстиславомъ, вмѣстѣ съ двумя другими Боярами, въ Кіевъ. Послѣднее обстоятельство, какъ бы оно, по видимому, ни было совершенно случайнымъ, зависѣвшимъ будьто бы единственно отъ собственной воли Мстислава, говоритъ много. Безъ особенно важныхъ причинъ, Ивана Георгіевича не удалили бы изъ Новгорода: какія же они могли быть? Борьба Новгорода въ самомъ себѣ, за новое и старое начало, за подчиненность Великому Владимирскому Князю и за исключительность, отражалась въ особенности на главномъ его

чиновникѣ-правителѣ, т. е., на Посадникѣ. Противныя стремленія имѣли разныхъ представителей: столкновеніе этѣхъ стремленій влекло за собою неизбѣжно столкновеніе между самими представителями, и это столкновеніе должно было происходить преимущественно около Посадника, какъ главнѣйшей середы этой представительности, тѣмъ болѣе, что Посадникъ могъ быть кто ни будь одинъ, а отъ занятія Посадническаго мѣста ни кто изъ Бояръ не былъ прочь: это льстило ихъ честолюбію и сопряжено было съ обширными преимуществами. При сильномъ и безпрерывномъ иногда колебаніи жизни между двумя противоположными стремленіями, Посадникъ, представитель одного изъ этѣхъ стремленій, постоянно себялюбивыхъ, долженъ былъ опасаться вліянія на подвижную народную толпу представителя стремленія противоположнаго, и чѣмъ болѣе могло быть это вліяніе, тѣмъ болѣе должно было пробуждаться опасеніе: каждый представитель видѣлъ въ другомъ личнаго и опаснаго себѣ врага, такъ какъ оба могли употребить другъ противъ друга подвижность толпы. Но если одна сторона успѣвала взять верхъ надъ другою, то представитель первой легко измѣнялъ орудіе гражданской тревоги на орудіе политики, коимъ была для Новгородцевъ воля Князя, за которою они прятались съ своими опасеніями и видами, и которая, при торжествѣ одной стороны надъ другою, являлась сама представительницею торжествующей же стороны и, слѣдовательно, дѣйствующею въ видахъ и въ духѣ ея. Нѣкоторые изъ Бояръ и самихъ Посадниковъ, опасаясь гибельныхъ послѣдствій отъ подобнаго столкновенія, сами удалялись изъ Новгорода: Иванъ Георгіевичъ, послѣ смѣны своей, когда Великій Князь Георгій, коего сторону онъ держалъ, потерялъ уже противъ Новгорода битву, оставался все еще въ Новгородѣ, и это не могло не тревожить Твердислава, принадлежавшаго, какъ видно изъ выше изложеннаго, къ семьѣ значительной и честолюбивой, тѣмъ болѣе, что Новгородцы понимали уже, что, одержавъ въ рѣшительной битвѣ верхъ надъ силами Ростово-Владимирскихъ Князей, они не освобождались отъ власти сихъ Князей. [141] Но Твердиславъ, достигая цѣли и вы-

[141] Одержавъ верхъ надъ Андреемъ Боголюбскимъ въ 1169 году, Новгородцы склоняли потомъ главу свою и предъ самимъ Андреемъ, и предъ братомъ его, Всеволодомъ, отцемъ Георгія.

проваживая соперника изъ Новгорода, скрылся за волею Князя Мстислава, который былъ самъ представителемъ той же стороны, къ которой принадлежитъ Твердиславъ. Теперь понятно намъ и то неистовое гоненіе, которое воздвигъ Новгородъ противъ Посадника Дмитрія, его приверженцевъ-братьевъ [142] и дѣтей. Семья къ которой принадлежалъ Твердиславъ, какъ мы уже замѣтили, не встрѣчала въ Новгородѣ болѣе опаснаго соперничества, какъ въ семьѣ, къ которой принадлежалъ Дмитрій Мирошкиничъ; ибо сей послѣдній было вытѣснилъ его совершенно изъ Посадничества: очевидная сила вліянія на Новгородцевъ не могла быть поколеблена, какъ особыми страшными мѣрами, которыя, въ случаѣ неудачи, могли быть гибельны и для семьи соперничествующаго, какъ они были гибельны, на пр., въ 1230 году, для Посадника Водовика, о коемъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже. Не взволновавъ толпы, не возможно было достичь этого, при силѣ, какую имѣла семья Мирошки Нездинича, и не воспользовавшись особенно благопріятною къ тому минутою. Оно такъ и было. Задѣта была живая струна жизни—исключительность Новогородская, и Дмитрій виноватъ въ стѣсненіи Всеволодомъ этой исключительности; безъ его содѣйствія Всеволодъ никогда не успѣлъ бы достигнуть того, чего онъ достигъ въ отношеніи Новгорода; виноватъ во всемъ этомъ онъ, его семья, его братья, приверженцы, и толпа, жадная къ вещественнымъ выгодамъ, всколыхалась, и совершилась цѣль, желанная соперникомъ, а не толпой: семья Дмитрія погибла, но узда, накинутая Всеволодомъ, еще три года правила Новгородомъ совер-

---

[142] Да не покажется читателю выраженіе это, которое мы уже не разъ употребляли, страннымъ: оно очерчиваетъ яснѣе объемъ круга семейныхъ связей въ гражданской жизни Новогорода. Приверженцы Дмитрія названы въ лѣтописи его братьею, и по отечеству они очевидно не были ему родные братья. Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ были родственниками его, но вообще названы братіею въ томъ смыслѣ, въ какомъ слово братья употребляютъ Новогородскіе лѣтописцы часто, т. е., въ смыслѣ свои, составляющіе одно. Такъ, на прим., подъ 1193 годомъ одинъ изъ дружинныхъ, посланныхъ для собранія дани съ Югры, именуетъ своихъ содружниковъ братіею: «яко подумалъ еся на свою братію» (Нов. I, стр. 26, 30 и 31); такъ Посадникъ Ѳедоръ и Боярин Андрей, обвиняемые въ подосланіи убійцы на Боярина Варѳоломея, въ отвѣтной рѣчи своей называютъ этого Боярина братомъ: «не думали есмы на брата своего, Луку, что его убити, не засылали на него.»

шенно въ прежнемъ духѣ. Замѣчательно, какъ замыслъ этого ужаснаго дѣла былъ хорошо обдуманъ: при уничтоженіи семьи Дмитрія достались огромныя богатства сыну Великаго Князя, Святославу, и при томъ не въ наличности, а въ долгахъ, которые нужно было еще взыскать, такъ что скорое возвращеніе изъ ссылки приверженцевъ и дѣтей Дмитрія необходимо повлекло бы за собою и для Святослава, а, слѣдовательно, и для Великаго Князя, потерю всѣхъ этѣхъ богатствъ. Новгородъ пробуждалъ и подкупилъ сребролюбіе въ самомъ Великомъ Князѣ. Самая минута для приведенія въ исполненіе замысла избрана была благопріятнѣйшая: Дмитрія въ это время не было въ Новгородѣ, и, слѣдовательно, личнымъ вліяніемъ онъ не могъ задержать направленнаго противъ его семьи движенія въ самомъ началѣ, не могъ оправдаться передъ Новгородомъ въ взведенной на него клеветѣ. Вотъ куда влекли надменность и честолюбіе Новгородскаго Боярина, и вотъ какой обширный объемъ они могли имѣть въ жизни Новогородской, внутренней и внѣшней. Мы говоримъ и внѣшней; ибо, послѣ движенія противъ Дмитрія, оставался одинъ шагъ до движенія, совершеннаго Новгородомъ три года спустя подъ предводительствомъ Мстислава, противъ самаго Великаго Князя. Но семья Твердислава, оставаясь долгое время вѣрною самой себѣ, наконецъ, въ лицѣ одного изъ своихъ представителей, какъ мы увидимъ сейчасъ же, нашла сама ту же гибель, которую изготовляла для другихъ Боярскихъ семей. Какъ ни запутаны обстоятельства, какъ ни глубоко молчаніе лѣтописца, о новыхъ явленіяхъ подобнаго рода, послѣдовавшихъ за гибелью семьи Дмитрія и удаленіемъ изъ Новгорода Посадника Георгія Ивановича съ двумя другими Боярами, но мы не можемъ не видѣть въ отдѣленіи Неревскаго Конца отъ другихъ Концовъ Софійской Стороны, подъ 1218 и 1220 годами, мести, которую Концевая братчина воздвигла за себя противъ Твердислава. Борисъ Семеновичъ, избранный въ 1219 году Посадникомъ на мѣсто Твердислава, и чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ смѣненный снова симъ послѣднимъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежалъ къ Неревскому Концу. Еще въ 1218 году, какъ мы уже сказали, весь Новгородъ былъ въ тревогѣ, раздѣлившись на двѣ стороны, изъ коихъ одна открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, требовала смѣны Твердислава, или, по крайней мѣрѣ, дѣйствовала противъ него, а другая, столь же открыто и боемъ, его отстаивала. Сія послѣдняя состояла изъ Прускаго и Людина

Конца, а первая изъ Конца Неревскаго и Торговой Стороны. Въ томъ же самомъ открытомъ раздвоеніи мы видимъ Новгородъ послѣ смѣны Семена Борисовича, или въ слѣдъ за новымъ назначеніемъ Твердислава въ Посадники (1220). Людинъ и Пруской Концы съ Загородцами стояли за Твердислава, готовые на бой, а Неревскій Конецъ отказывался отъ поддержанія его, или, вѣроятнѣе, дѣйствовалъ еще открыто противъ него за одно съ Торговою Стороною, когда сія послѣдняя, съ оружіемъ въ рукахъ, искала, вмѣстѣ съ Княземъ, гибели Твердислава. Такимъ образомъ Людинъ и Пруской Концы выражаютъ себя въ представительствѣ Твердислава, когда въ то же время Неревскій Конецъ держитъ сторону противную, или, взявши самое крайнее, не раздѣляетъ мнѣнія Прускаго и Людина Концовъ о представительствѣ Твердислава. Въ продолженіи этой борьбы Семенъ Борисовичъ смѣнялъ въ 1219 г. Твердислава, и эта смѣна, успокоивъ Новгородъ, не возбудила недовольства ни въ Торговой Сторонѣ, ни въ Неревскимъ Концѣ, а только въ Прусскомъ и Людинѣ, которые въ 1220 г. силою отстаиваютъ вновь показавшагося на Посадничествѣ Твердислава. Сдѣсь мы видимъ, что какъ Твердиславу противоставляется Семенъ Борисовичъ, точно также и въ то же время противоставляются Концы Людинъ и Прусскій Концу Неревскому и Торговой Сторонѣ, и если Твердислава поддерживаетъ въ продолженіи этого времени, съ 1218 по 1220, только открытая сила Людина и Прускаго Концовъ, если эта сила постоянно направлена къ одному, именно къ сохраненію Посадничества за Твердиславомъ, то по тому назначеніе Семена Борисовича въ 1219 году на Посадничество было минутною уступкою со стороны помянутыхъ Концовъ, и, слѣдовательно, Семенъ Борисовичъ не былъ ихъ представителемъ, а былъ представителемъ Неревскаго Конца и Торговой Стороны. Но такъ какъ изъ Концовъ Торговой Стороны не избирались Посадники, слѣдовательно, Семенъ Борисовичъ принадлежалъ къ Концу Неревскому, былъ его представителемъ и поддерживался преимущественно имъ. Самыя враждебныя отношенія Семена Борисовича къ семьи Твердислава, о которыхъ мы скажемъ ниже, говорятъ положительно о непринадлежности его ни къ Людину, ни къ Прускому Концамъ, державшимъ, какъ мы видѣли сейчасъ, сильно сторону семьи Твердислава. И такъ отпаденіе Неревскаго Конца, въ 1218 и 1220 году, отъ другихъ Концовъ Софійской Стороны было плодомъ стремленія

этого Конца возвести на Посадничество одного изъ своихъ представительныхъ семей, плодомъ соперничества этихъ представительныхъ семей съ семьей Твердислава. Самыя казни, основанныя на клеветѣ и вызвавшія часть толпы противъ порядка, въ слѣдствіе которыхъ, въ 1220 году, Твердиславъ былъ сведенъ съ Посадничества и на его мѣсто назначенъ Семенъ Борисовичъ, по этому, принадлежатъ также Неревскому Концу. Не замѣчая, однако жь, чтобъ который ни будь изъ Концовъ Софійской Стороны, въ томъ числѣ и Неревскій, рѣшился открыто отпадать отъ Концовъ своей Стороны, съ цѣлію возведенія на Посадничество своей представительной семьи, мы, кажется, должны предположить болѣе уважительную причину отпаденія Неревскаго Конца, въ 1216, 1220 годахъ, нежели одно стремленіе сего Конца возвести на Посадничество Семена Борисовича, или кого либо изъ Бояръ, входившихъ въ составъ Конца, и этой причиной могли быть гибель Дмитрія Мирошкинича съ своей семьей и удаленіе изъ Новгорода Георгія Ивановича, или иначе сильныя казни и насилія, употребленныя со стороны самой семьи Твердиславовой, чтобъ удержать за собой Посадничество. Это предположеніе дѣлается несомнѣннымъ послѣ того, какъ мы замѣтили, что и Дмитрій Мирошкиничъ съ своимъ отцемъ, и Григорій Ивановичъ, были выставлены явно противъ семьи Твердиславовой, опиравшейся единственно на Людинъ и Прусской Концы. Пусть послѣ этого Твердиславъ клянется предъ образомъ Св. Софіи въ своей невинности, когда Торговая Сторона съ Неревскимъ Концомъ сдѣлали, въ 1218 году, открытое противъ него обвиненіе и движеніе; но обвиненіе было, и, быть можетъ, справедливое, хотя справедливое въ отношеніи только неправды и жестокости семьи Михаила Степановича, высказавшихся къ семьи Дмитрія. Честолюбіе его семьи, ея готовность на дѣла кровавыя, для удовлетворенія этого честолюбія, при всей бѣдности разсказовъ, которые мы имѣемъ о соперничествѣ между семьями, высказались невольно подъ перомъ Новгородскихъ лѣтописцевъ. Послѣ удаленія Твердислава изъ Посадничества, въ 1220 году, и послѣдовавшей ему въ томъ же году смерти, семья его сошла съ первой сцены: на Посадническомъ мѣстѣ мы видимъ съ того времени, въ продолженіи почти десяти лѣтъ, двѣ другихъ Боярскихъ семьи, въ лицѣ Ивашки Дмитріевича и Вгнѣзда Водовика, но въ 1230 году сынъ Твердисла-

за, Степанъ, пользуясь однимъ частнымъ, совершенно ничтожнымъ, случаемъ, развилъ свою вражду противъ соперничествующихъ съ его семьей другихъ Боярскихъ семей, въ общее волненіе Новгорода, принесъ на алтарь ея кровавыя человѣческія жертвы: погубивъ семью Посадника Водовика, погубилъ и бывшаго соперника его отца, Семена Борисовича. Это событіе Новгородскій лѣтописецъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: Возникла ссора между Степаномъ Твердиславичемъ и Водовикомъ Посадникомъ. За перваго изъ нихъ стоялъ Иванко Тимошкиничъ, и били сего Иванка ребята Посадника. Это случилось на Городищѣ. Утромъ же ударили въ вѣчевой колоколъ, толпы собрались на Ярославовомъ Дворѣ (Торговая Сторона), и съ вѣча хлынули на домъ Посадника и разграбили его. Посадникъ въ свою очередь поднялъ весь городъ. Семенъ Борисовичъ держалъ его сторону противъ помянутаго Иванка, а также противъ Якима Влунковича и Прокопія Лаишева. Уже на вѣчѣ, собравшемся вновь, стороны Посадника убила Влунковича, подъ предлогомъ, что онъ будто бы хотѣлъ сжечь домъ Посадника; другимъ послѣдствіемъ этого вѣча было сожженіе дома Прокишнича и разграбленіе многихъ другихъ домовъ; послѣ чего сторона противная искала только какъ бы укрыться отъ преслѣдованія: помянутый Якимъ бѣжалъ къ Князю Ярославу Всеволодовичу, другіе жь попрятались, но ихъ отыскали и порядкомъ поколотили и обобрали (уратившe). Послѣ того Иванко, виновникъ всей тревоги и убійства, былъ пойманъ Водовикомъ Посадникомъ и брошенъ въ Волховъ. Такъ сторона Посадника торжествовала; но не долго, однако жь, продолжалось ея торжество. 8 Декабря того же года, Князь Ростиславъ, управлявшій тогда Новгородомъ отъ имени отца, Князя Черниговскаго, выѣхалъ въ Торжокъ; 9-го же Декабря убили Семена Борисовича, разграбили домъ и село его, захвативъ и его жену; вмѣстѣ съ тѣмъ разграбили домъ и село Посадника Водовика, бывшаго въ это время въ Торжкѣ съ Княземъ Ростиславомъ, домъ и село брата Посадникова, Михайла; дома Даньслава, Бориса Тысяцкаго и многихъ другихъ. Самъ Тысяцкій успѣлъ убѣжать въ Черниговъ, куда бѣжали также Посадникъ Водовикъ, сынъ его, Петръ, и братъ Михаилъ. На мѣсто Водовика назначенъ Посадникомъ Степанъ Твердиславичъ; Тысяцкаго мѣсто также занялъ другой. Все имущество Посадника Водовика и убитаго Семена Борисовича было раздѣ-

лено. [142] Сынъ Степана, Михаилъ, достигъ до мѣста Посадническаго точно такимъ же путемъ, какъ и его отецъ, готовый пожертвовать своимъ товарищемъ Бояриномъ, благородно ставшимъ въ 1255 году между имъ и младшими Новогородцами, съ словами: «Братія! убейте меня прежде, чѣмъ вы убьете Михайла!» когда сіи послѣдніе, полные гнѣва и ярости противъ сына Степанова, готовы были устремитьсяна гибель его. [143]

Вотъ дѣла лучшихъ Новгородцевъ. Но оглянемся назадъ, повторимъ вкратцѣ, для ясности, исторію соперничествующихъ за Посадничество семействъ, съ 1180 по 1255 годъ. [144]

---

[142] Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 46.

[143] Отношенія Посадника Михайла къ Посаднику Ананію лѣтописецъ объяснилъ въ двухъ мѣстахъ и слѣдующимъ образомъ: подъ 1255 годомъ: Ананій «не вѣдяще бо, аже о немъ мысль злу свѣщаша самого яти, а Посадничьство дати Михалку;» подъ 1257 г.: «и къ Госпожину дни умре Ананья Посадникъ, а на зиму убиша Михалка Посадника Новогородци; аще бы кто добро другу чинилъ, то добро было, а копая подъ другомъ яму, самъ ся въ ню въвалитъ. Тамъ же стр. 55 и 56.

[144] Мы не имѣемъ возможности слѣдить за всѣмъ размѣромъ этѣхъ козней Боярскихъ семей другъ противъ друга; во первыхъ, по тому, что мы отклонились бы подробнымъ изслѣдованіемъ этого предмета отъ главной своей цѣли; во вторыхъ, по тому, что лѣтописцы, безъ всякаго сомнѣнія, передали намъ свѣдѣній не обо всѣхъ тревогахъ, порождавшихся этѣми казнями, * и разсказывая о другихъ тревогахъ, или вовсе не разъясняютъ причинъ ихъ, или разъясняютъ только кратко, намекомъ, или же указывая, что именно клевета породила тревогу, не доходятъ до источника, откуда эта клевета истекла и съ какою именно цѣлію была распущена. Но мы можемъ положительно сказать, что и страдательное положеніе Прускаго Конца въ 1350 г. было чистымъ плодомъ казней Боярина Онцифора Лукина. Событіе сіе стоитъ въ видимой связи съ событіемъ 1342 г. Еще и въ семъ послѣднемъ году Онцифоръ подымалъ тревогу въ цѣломъ городѣ и искалъ гибели главнаго изъ лицъ, пострадавшихъ въ 1350 г. Онъ еще тогда, какъ это мы объяснили, требовалъ отъ

---

* Это можно заключить изъ сравненія одной лѣтописи съ другой. На прим., движеніе Неревскаго Конца съ Торговою Стороною противъ Посадника въ 1321 году, когда дома Посадника и другихъ Бояръ были разграблены и двадцадть два человѣка убиты; это движеніе оставлено безъ вниманія составителями 1-й Новогородской лѣтописи, весьма, однако жъ, богатой подобнаго рода свѣдѣніями. Тревога, грабежъ, убійство—были обычны въ Новгородѣ.

Этѣхъ соперничествующихъ семей съ 1180 по 1257 годъ мы видимъ восемь: 1, семья Михайла Степановича; 2, Давида Нереневича; 3, Мирошки Нездинича; 4, Дмитрія Якунича; 5, Семена Борисовича; 6, Ивана Георгіевича; 7, Водовика, и 8, Ананія. Главная изъ нихъ была семья Михайла Степановича: въ продолженіи 77 лѣтъ она торжествуетъ своимъ первенствомъ надъ

Новгорода мести за отца, будьто бы погибшаго въ слѣдствіе коварства со стороны Посадника Ѳедора Даниловича, подославшаго, какъ онъ показывалъ, убійцъ погубить его отца, хотя положительно извѣстно, и онъ самъ объ этомъ не могъ не знать, что его отецъ погибъ въ слѣдствіе своей отваги въ битвѣ съ Заволочанами. Но клевета, взволновавъ Новгородъ, не вполнѣ удовлетворила его; ибо если Ѳедоръ Даниловичъ и не удержался тогда на Посадническомъ мѣстѣ, однако жь чрезъ два года снова занялъ его (1347). Въ 1350 году Онцифоръ достигъ уже желаннаго вполнѣ: столкнувъ Ѳедора Даниловича, занялъ его мѣсто самъ, и, преслѣдуя соперника, окончательно погубилъ его, выгнавъ его изъ Новгорода, вмѣстѣ съ братомъ его и двумя другими Боярами, расхитивъ и разоривъ ихъ имущество, ограбивъ и весь Конецъ, къ которому принадлежалъ Ѳедоръ Даниловичъ и который, конечно, поддерживалъ послѣдняго, какъ своего представителя. Мы даже можемъ объяснить себѣ, за что именно Онцифоръ рѣшился такъ дѣйствовать противъ Ѳедора и Прускаго Конца, если соберемъ разбросанныя въ лѣтописи краткія свѣдѣнія о положеніи Ѳедора Даниловича въ Новгородѣ и о ролѣ, которую онъ игралъ тамъ. Съ 1332 по 1350 онъ вытѣснялъ всѣ Боярскія семьи съ Посадническаго мѣста, четыре раза смѣняясь ими и четыре раза вытѣсняя ихъ. Личность Онцифора задѣта была этѣмъ страшно: еще дѣдъ Онцифора, въ 1332 году, долженъ былъ уступить Посадническое мѣсто Ѳедору; Ѳедоръ смѣнилъ въ томъ же году и пріятеля Онцифора, Матвѣя Коску, который, быть можетъ, въ месть за то, такъ усердно помогалъ Онцифору противъ Ѳедора въ 1342 году; Ѳедоръ смѣнилъ наконецъ и дядю Онцифора, Матвѣя Варѳоломеевича, уже послѣ того, какъ Онцифоръ было успѣлъ одержать надъ нимъ временный верхъ, посадивъ на мѣсто его помянутаго дядю, Матвѣя. Вотъ кто былъ Ѳедоръ Даниловичъ, и вотъ что тревожило Онцифора и заставляло его клеветать на Ѳедора еще въ 1342 году. Но и здѣсь не начало казней: начало скрывалось далѣе. Онцифоръ не очень льстился Посадническимъ мѣстомъ: онъ добровольно потомъ отказался отъ него. Бояринъ этотъ былъ человѣкъ отважный, неразсудительный, простой, религіозный, однимъ словомъ, былъ вполнѣ, какъ увидимъ ниже, сказочный герой Василій Буслаевичь XIV столѣтія, и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Ѳедора былъ, какъ мы полагаемъ, орудіемъ козней своей стороны, которая воспользовалась только семейными отношеніями Онцифора къ Ѳедору и потревожила больное мѣсто души Онцифора. Ѳедоръ Даниловичъ, какъ увидимъ ниже, былъ представителемъ Торговой Стороны.

всѣми остальными Боярскими семьями. На семьи Давида Нереневича и Дмитрія Якунича она не смотритъ, какъ на лично соперничествующія, и онѣ въ дѣйствительности, достигая Посадническаго мѣста, остаются на немъ самое короткое время, какъ будто бы для того только, чтобъ другія семьи успѣли въ это время повѣрить свои силы и опредѣлить, которой изъ нихъ должно располагать дѣлами Новгорода. Напротивъ семьи Мирошки Нездинича, Семена Борисовича и Водовика были въ кровавой враждѣ съ нею и надолго вытѣсняли ее изъ Посадничества. Она сама открываетъ эту вражду, и въ этой враждѣ Бояре раздваиваются: одни поддерживаютъ всѣми силами сомью Михайла Степановича, другіе не хотятъ подчиняться ей, и выставляютъ, въ лицѣ сказанныхъ трехъ семей, своихъ представителей. Въ этой же борьбѣ принимаетъ самое живое участіе и Торговая Сторона. Семья Михайла Степановича до конца остается вѣрною самой себѣ. Вездѣ, гдѣ только лѣтописцы представляютъ достаточныя данныя, она является представительницею Новгородскаго вельможества. Противъ Твердислава, сына Михайла Степановича, въ 1218 и 1220 году, Торговая Сторона два раза подымалась открыто. Внукъ Твердислава, соименникъ своего прадѣда, открыто враждовалъ съ Стороною Софійской противъ Стороны Торговой. Другія данныя, сообщаемыя по сему предмету лѣтописями, ведутъ насъ къ тому же самому заключенію. Мы видѣли, что Семенъ Борисовичъ были выставленъ противъ Твердислава; а какъ Твердиславъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, былъ представителемъ стороны вельможеской, по этому Семенъ Борисовичъ былъ представителемъ стороны, въ которой главную дѣйствующую роль играетъ Торговая Сторона, враждовавшая противъ Твердислава. Семенъ Борисовичъ не устоялъ въ этой борьбѣ, и въ томъ же году уступилъ Посадническое мѣсто опять Твердиславу, но, сходя на второй планъ, онъ остается вѣрнымъ себѣ и продолжаетъ борьбу противъ сына Твердиславова, Степана Твердиславича. Его тѣсная связь при этомъ съ Посадникомъ Водовикомъ указываетъ положительно на однородность Стороны, которой держался и тотъ и другой изъ нихъ, т. е., и Семенъ Борисовичь и Водовикъ; по этому нельзя не допустить, что самъ Водовикъ былъ представителемъ Торговой Стороны, а сынъ Твердислава, открытый врагъ того и другого, стороны противной. Этотъ выводъ подтверждается еще тѣмъ, что Тысяцкій держалъ

также сторону Семена Борисовича и Водовика; ибо извѣстно, что Тысяцкіе были представителями средняго сословія. Такимъ образомъ несомнѣнно, что сынъ Михайла, Степановича, Твердиславъ, внукъ Степанъ и правнукъ Михайло стояли во главѣ думъ Новгородскаго вельможества, были представителями его. Припоминая при семъ выше сдѣланное нами замѣчаніе, что сія же семья была вмѣстѣ съ тѣмъ представительницею Новгорода въ борьбѣ сего послѣдняго съ Всеволодомъ и Георгіемъ, стремившимися сломать старину Новгородскую, мы не можемъ сомнѣваться, что самая эта борьба была преимущественно борьбою Новгородскаго вельможества противъ новой жизни. Древніе правители, по этому, располагаютъ дѣлами Новгорода въ XII и даже XIII столѣтіяхъ: постоянное и продолжительное поддержаніе сказанною семьею своего вельможескаго правительственнаго значенія подтверждаетъ это несомнѣнно. Во второй же половинѣ XIII столѣтія борьба между Сторонами измѣняетъ характеръ внутренняго и внѣшняго быта Новгорода. Софійская Сторона, послѣ продолжительной борьбы, начинаетъ сознавать силу Стороны Торговой, и дальнѣйшая борьба Новгорода противъ новой жизни, съ своими безобразными явленіями жестокости и безвластія, принадлежитъ уже преимущественно Торговой Сторонѣ, которая долгое время опиралась на помыслъ о Князѣ, единственно для того, чтобъ только сломать вельможество, и дать за тѣмъ просторъ своимъ собственнымъ корыстолюбивымъ цѣлямъ и страстямъ. Гибель сказанной семьи, въ лицѣ правнука Михайла, полагаетъ начало этому торжеству для Стороны Торговой. Выводъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, совершенно совпадаетъ съ предшествующими и дальнѣйшими явленіями исторіи Новгорода, и событія, разъединенныя временемъ и, по видимому, основаніями, сливаются въ немъ въ одно живое цѣлое.

Теперь становится намъ нѣсколько яснымъ и безпримѣрное разложеніе Новгорода въ основныхъ началахъ при Георгіѣ Всеволодовичѣ, когда сынъ возсталъ на отца, отецъ на сына, господинъ на раба, и рабъ на господина, когда сами Бояре, этѣ представители старины, давали клятву держаться за старину, и измѣняли клятвѣ и держались за новую жизнь. [145] Это было не

[145] См. выше.

избѣжно во всякомъ случаѣ для Новгорода при быстротѣ рѣшенія вопроса, касающагося общихъ выгодъ. Жизнь новая извнѣ настаивала на своемъ, требуя отъ Новгорода преобразованія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, пожертвованій; старое правительственное начало боролось противъ нея; Торговая Сторона, какъ мы видѣли въ движеніи ея противъ вельможества, не могла не употреблять мѣръ, противорѣчащихъ основамъ ея финансоваго быта, чтобъ только защитить свои выгоды отъ вреднаго вліянія стараго порядка, не могла не желать содѣйствія извнѣ противъ этой старины, и она во имя Князя открыто возставала противъ старины, противъ Бояръ; личныя отношенія между вельможескими родами раздвоивали при этомъ самую Боярскую сторону, и часть ея, въ лицѣ Неревскаго Конца, какъ мы видѣли уже, соединялась съ Торговой Стороной. При Всеволодѣ и вельможество и Торговая Сторона дѣлали многія уступки въ пользу новой жизни: значитъ, видѣли необходимость въ этѣхъ уступкахъ; но дѣлая ихъ, они противорѣчили себѣ, и внутренно были полны недовольства, если исключимъ изъ этого добрыхъ Новгородцевъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ; по чему нужно было только явиться между ними военному генію Мстислава, чтобъ они бросились вырвать изъ рукъ Всеволода сдѣланныя уже ими уступки; но тщетно! Геній Мстислава далъ имъ возможность достигнуть этой цѣли, даже почти безъ битвы; а между тѣмъ, по своимъ торговымъ дѣламъ, по жизненнымъ припасамъ, однимъ словомъ, по своимъ важнымъ вещественнымъ выгодамъ, Новгородъ оставался и послѣ того въ полной зависимости отъ великихъ Владимирскихъ Князей. Эти выгоды заставляютъ Новгородцевъ снова преклониться предъ Владимирскими Князьями, ставятъ ихъ снова въ противорѣчіе съ самими собою, раздвояютъ ихъ на двѣ части, изъ коихъ каждая можетъ имѣть своихъ Дмитріевъ и своихъ Твердиславовъ изъ среды Бояръ разныхъ Концовъ. [186] Новая жизнь, между тѣмъ, въ лицѣ Георгія и брата его, Ярослава, полная силы и мощи, опережая народное развитіе, задумала снова нежданно уничтожить сторону Твердислава, и заставить, такимъ образомъ, Новгородъ под-

[186] Дмитрій представитель Новгорода по уступкамъ; Твердиславъ сосредоточивалъ въ себѣ партію противную. См. выше.

чиниться ея требованіямъ. Это рѣшеніе было выражено Георгіемъ и Ярославомъ со всею твердостію; и обращенія исключительности съ поклономъ и просьбами къ новой жизни были тогда напрасны: подъ знамена Георгія и Ярослава собирались силы цѣлаго Великаго Княжества. Въ столь затруднительномъ положеніи Новгородъ не могъ не раздвоиться: одни изъ Новгородцевъ, избѣгая во всякомъ случаѣ вредной тяжбы съ Княземъ Владимирскимъ, даже вредной и въ случаѣ удачи, могли быть готовы, какъ и при Всеволодѣ, покориться требованіямъ новой жизни; другіе, напротивъ, во что бы то ни стало, держались старины, или отрицали требованія новой жизни. Зависимость въ вещественномъ отношеніи отъ Князей Владимирскихъ Новгородъ со временъ Всеволода сознавалъ ясно. Тяжба съ нимъ съ каждымъ, можно сказать, днемъ становилась затруднительнѣе, съ большимъ и большимъ утвержденіемъ помысла о Князѣ и съ большимъ и большимъ сосредоточеніемъ въ немъ всѣхъ началъ, потерявшихъ было всякую связь, стоявшихъ даже въ враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Порабощеніе нравственнаго начала началомъ выгодъ вещественныхъ не давало возможности рѣшить предложенный жизнію вопросъ общимъ покойнымъ совѣщаніемъ, взаимными уступками, нравственнымъ убѣжденіемъ, а вопросъ между тѣмъ предложенъ былъ къ разрѣшенію слишко быстро и круто, и подъ угрозами, опиравшимися на силу: трудно было опредѣлить, при какомъ рѣшеніи выгоды Новгорода болѣе пострадаютъ. Личныя отношенія между семьями порождали еще большее раздвоеніе. Въ такомъ положеніи долженъ былъ находиться Новгородъ, когда новая жизнь, въ лицѣ Георгія и Ярослава, рѣшилась однимъ ударомъ сломать старину его: рѣшеніе Новгорода двоилось. Но было еще одно важное обстоятельство, которое окончательно разрывало связи семейно-религіозно-гражданскія: это матеріяльныя силы стороны, державшейся стараго порядка, или отрицавшей порядокъ новый. Тѣ, которые готовы были на уступку, въ случаѣ предъявленія своихъ мнѣній на вѣчахъ, были бы избиты и потоплены въ Волховѣ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ Новгородѣ, въ такихъ случаяхъ, съ людьми, не опиравшимися на силу, и они не надѣются въ семъ отношеніи ни на отца, ни на сына, ни на раба, ни на господина, ни на самое Небо, предъ которымъ клянутся и лгутъ, чтобъ только затаить свои мнѣнія предъ противниками и не погибнуть, но надѣятся на силу,

которою располагаютъ Георгій и Ярославъ, и устремляются въ станъ ихъ. При семъ мы не можемъ не замѣтить, что къ этому времени могло уже быть сознаніе въ вельможествѣ о близкомъ торжествѣ средняго сословія. Оно само теперь, Новгородское вельможество, могло искать опоры противъ Стороны Торговой. По этому борьба между думой объ угрожающемъ паденіи и думой о матеріяльной необходимости въ новой жизни для того, чтобъ, опираясь на силы ея, сохранить за Боярствомъ правительственное значеніе, возмущаетъ вельможескія семьи. Имъ грозитъ бѣда съ двухъ сторонъ: они должны признать полнымъ господиномъ своимъ Князя чуждаго, если уступить первенство свое Торговой Сторонѣ. Вельможеству та и другая мысль была чуждою и страшною; не для размышленія объ этомъ оставался одинъ моментъ: отцы не согласились съ дѣтьми, а дѣти съ отцами, изъ одной и той же семьи одни стали подъ знамя новой жизни, другіе подъ знамя старины. Вельможеству Новгородскому видимо было не по силамъ разрѣшеніе всѣхъ Государственныхъ вопросовъ, которые предлагала жизнь: съ одной стороны, какъ мы замѣтили, въ немъ недоставало для этого нравственныхъ началъ; съ другой, не ограниченныя требованія и кичливость Торговой Стороны не позволили покойнаго сужденія, и даже возможности удовлетворить эту Сторону, по тому что удовлетвореніе одного требованія, при грубой, невѣжественной заносчивости Стороны, должно было порождать новыя требованія, какъ это было въ отношеніяхъ ея къ Князьямъ.

Раздвоеніе, въ которомъ мы не разъ находимъ Софійскую Сторону, положительно говоритъ, что она въ самой себѣ не была единомысленна, а средства, къ которымъ ея стороннини прибѣгали, доказываютъ, что она была не разборчива на эти средства и, не удерживая ни сколько вражды между семьями, сама создавала орудія, гибельныя для ея собственнаго значенія, гибельныя для жизни всего Новгорода, орудія разрушительныя для порядка. Мы знаемъ теперь, что семьи выставляли соперниковъ предъ толпою народа измѣнниками, и своею клеветой страшно колебали толпу народную, и безъ того уже слишкомъ подвижную. Мы знаемъ, что клевета противъ Посадника Дмитрія до такой степени взволновала массу народную, что она не хотѣла даже дать мѣста для погребенія этого Посадника, и бросила бы трупъ его въ Волховъ, если бъ

не задержалъ ее Архіепископъ. Мы знаемъ, что вражда между семьями не удержалась, чтобъ не взволновать толпу народную противъ Твердислава, и для этого въ 1219 году распущены даже объ немъ ложные слухи, что будто бы онъ измѣнилъ Новгороду. Мы знаемъ теперь, что вражда между семьями два раза волновала толпу народную при Посадникѣ Водовикѣ, и въ этомъ волненіи убитъ Боярин Семенъ Борисовичъ, убитъ Влунковичъ и какой-то Иванко съ братомъ брошены въ Волховъ. Мы знаемъ, какъ при этѣхъ волненіяхъ жглись и грабились дома и села Бояръ Новгородскихъ; мы знаемъ, что личности между семьями разворили въ конецъ семьи Посадника Дмитрія, Посадника Семена Борисовича, Посадника Водовика, Посадника Ѳедора и брата его Михайла; знаемъ, наконецъ, какъ семьи, увлекаясь личной враждой, выбрасывали изъ среды Новгорода собственныхъ своихъ собратій и заставляли скитаться на чужбинѣ. Не припоминаемъ уже другихъ черныхъ явленій жизни Новгородской, которыя, по нашему мнѣнію, были плодомъ тѣхъ же личностей между семьями, если и совершались не безъ участія въ нихъ взаимной вражды между сторонами. [147]

И при этомъ свойствѣ дѣйствій вельможество Новгородское думаетъ сохранить свое значеніе! Нѣтъ, старшіе въ Новгородѣ,

---

[147] Гибель нѣсколькихъ Новогородцевъ въ 1134 году: «Почаша мълъвити о Суждальстѣй войнѣ Новъгородци, и убиша мужь свои, и съвергоша и съ мѣста;» гибель Георгія Ярославича въ 1136 г.: «убиша Гюргя Ярославиця и съ моста съвергоша;» позорное и жестокое преслѣдованіе Посадника Якуна съ братомъ его, Прокопіемъ, въ 1138 году: «мало не до смерти убиша, обнажившъше яко мати родила, и съвергоша и съ мосту; но Богъ избави—прибреде къ берегу, и болѣ его не биша, но взяша у него 100 гривенъ, а у брата его 100 гривенъ,... и заточиша Якуна въ Чюдь съ братомъ, сковавъше и руцѣ къ шьи;» гибель Посадника Захарія, Боярина Неревина и Нѣзды въ 1167 году: «убиша Захарію Посадника, и Неревина, и Нѣзду бирвця, яко тверяхутъ с перевѣтъ держаще къ Святославу;» бѣгство Посадника Константина и преслѣдованіе нѣкоторыхъ Бояръ еще въ 1137 году; гибель Боярина Миши въ 1257 году, державшаго въ 1230 г. сторону Торговой Стороны: «тоя же зимы убиша Мишю;» убійство совершенное въ 1289 году, и послѣдовавшее за тѣмъ разоренье Прускаго Конца, вооруженное нападеніе въ 1421 г., когда разграбленъ былъ домъ Посадника Андрея Ивановича съ домами другихъ Бояръ, и убито двадцать два человѣка, и проч.

наставники и руководители его, были слишкомъ горды, слишкомъ безжалостны, лживы, слишкомъ привязаны къ земнымъ выгодамъ. Они должны были пасть: ихъ Вѣра была безъ дѣлъ, или, напротивъ, была полна дѣлъ, не согласныхъ съ духомъ истинной Вѣры, съ духомъ нравственности.

Да, соперничество между Боярскими семьями, съ его козняими, вызывавшими толпу народную на самыя безпорядочныя движенія, съ его убійствами, тайными и явными, съ клеветами, съ измѣнами общимъ выгодамъ Новгорода, какъ отдѣльной, подобно Чернигову, Полоцку, Галичу, общинѣ, не могло не колебать все болѣе и болѣе значенія Боярскаго, уваженія къ Боярамъ со стороны младшихъ Новгородцевъ, и наконецъ не сдѣлать изъ нихъ тѣхъ супостатовъ, какими объявили ихъ младшіе Новогородцы, при движеніи своемъ противъ нихъ въ 1418 году.

Съ постепеннымъ паденіемъ Боярскаго значенія должно было послѣдовать и паденіе значенія самаго Посадника, какъ представителя Бояръ, и постепенное усиленіе младшихъ на избраніе Посадника. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ то и другое.

Паденіе значенія Посадника ясно уже обнаруживалось безващитностію его положенія, въ случаѣ недовольства на него и преслѣдованія или со стороны Сторонъ, или Концовъ, или частныхъ лицъ. Примѣровъ этому мы имѣемъ уже много. Вспомнимъ только Михаила Степановича, убитаго безъ суда и изслѣдованія въ 1257 году младшими; или положеніе Ѳедора Климовича, въ 1342 и 1350 годахъ, три раза уже избираемаго въ Посадники, а потомъ, когда вздумалось Боярину Онцифору погубить его, бросившаго отправленіе своей должности и бѣжавшаго отъ глупой толпы, возбужденнаго противъ него самаго низшаго народонаселенія Новгорода, въ Копорье, и наконецъ вытребованнаго оттуда для оправданій противъ обвиненія бездоказательнаго, или лучше еще, противъ явной козни, и безъ вины сѣченнаго, а потомъ, послѣ назначенія его снова въ Посадники (въ 1347 г.), раззореннаго и изгнаннаго изъ Новгорода. Такимъ же точно образомъ и другъ Ѳедора, Андрей Захарьевичъ, раздѣлявшій съ нимъ и бѣгство въ Копорье, и грабежъ со стороны черни, не нашелъ себѣ, въ 1369 году, за-

щитниковъ, когда одинъ изъ Концовъ Торговой Стороны задумалъ его смѣнить, и конечно, по тому не нашелъ защитниковъ, что одинъ изъ членовъ той же соперничествовавшей съ Ѳедоромъ семьи, [148] за смѣною его, занялъ его мѣсто.

Постепенное усиленіе вліянія младшихъ на избраніе Посадника выразилось такими рѣзкими и многозначительными дѣлами, что мы считаемъ нужнымъ сказать объ немъ нѣсколько подробнѣе.

Данныя по этому предмету почти всѣ уже нами переданы, и намъ остается только разсмотрѣть ихъ въ совокупности, разъяснить связь ихъ между собою.

Если мы сравнимъ младшихъ Новогородцевъ начала XIII ст. съ тѣмъ, чѣмъ они являются потомъ, ровно черезъ два столѣтія, мы не можемъ не поразиться разностію въ положеніи тѣхъ и другихъ, въ отношеніи Посадника. Въ 1218 году Торговая Сторона, при живомъ содѣйствіи даже одного изъ Боярскихъ Концовъ (Неревскаго), не имѣла столько силы, чтобъ удалить не желаннаго ею Твердислава съ Посадническаго мѣста; въ 1219 году, уже послѣ смѣны Твердислава, ея голосъ съ голосомъ Неревскаго Конца ни чего не значилъ противъ голоса двухъ другихъ Боярскихъ Концовъ, и не могъ ни удержать отъ удаленія Посадника, Семена Борисовича, представителя ея и Неревскаго Конца, ни уничтожить назначеніе въ Посадники, противъ ея воли и воли сего послѣдняго Конца, снова не желаннаго ими Твердислава. Въ 1220 году борьба окончилась также торжествомъ двухъ Боярскихъ Концовъ, которые силою поддерживали своего представителя и заставили Торговую Сторону отказаться отъ открытаго противодѣйствія ея избранію; ибо только послѣ этого формальнаго торжества двухъ, поддерживавшихъ его избраніе, Концовъ, Твердиславъ самъ добровольно отказался отъ своего Посадничества и удалился въ монастырь. Такъ безсильно, по видимому, было тогда вліяніе Торговой Стороны

---

[148] Двоюродный братъ Онцифора, Никита Матвѣевичъ, назначенный въ Посадники, послѣ уничтоженія открытою силою Софійской Стороны избранія, сдѣланнаго Концомъ Стороны Торговой.

на избраніе Посадника, и при этомъ безсиліи, въ отношеніи до-Княжескихъ Бояръ, она дѣйствуетъ еще не отъ себя, даже, какъ будто, не за себя, а отъ лица Князя, въ исполненіе воли его, для поддержанія его (въ дѣйствительности это было обратно), или если дѣйствуетъ и отъ себя, но не одна, а имѣя на своей сторонѣ цѣлую Концевую братчину Бояръ и волю самаго Князя. Князь стоитъ тогда во главѣ ея и, требуя исполненія ея думы, онъ выдаетъ только эту думу за думу собственную. [149] Но что жъ мы видимъ въ 1418 году? Посадникъ Боярской Стороны уже не ея Посадникъ: она сама, безъ Князя, противоставляетъ Боярству своего собственнаго, въ лицѣ Боярина Василія Осиповича; она съ этимъ Посадникомъ требуетъ отъ Бояръ господства ея голоса, господства ея суда, судитъ ихъ силою; мало того, заставляетъ Софійскую Сторону поклониться измѣнившему своей сторонѣ Боярину-Посаднику, чтобъ онъ съ Торговой Стороной оставилъ только открытую вражду противъ Стороны Софійской. Перемѣна страшная, хотя не избѣжная!

Уже и въ XIII столѣтіи можно было предвидѣть подобную развязку. Уже тогда Софійская Сторона стояла въ оборонительномъ положеніи, подобно тому, какъ въ 1157 году стояла въ оборонительномъ положеніи сама Торговая Сторона; [150] и пусть себѣ Твердиславъ добровольно отказался отъ Посадничества и удалился въ монастырь, но три года безпрерывныхъ опасеній предшествовали его добровольному удаленію, а внукъ его, тоже Посадникъ, во вто-

---

[149] Такъ, въ 1220 году, она дѣйствовала, противъ Посадника Твердислава, непосредственно отъ лица Князя Всеволода. За два года передъ тѣмъ обѣ Стороны стояли въ тѣхъ же отношеніяхъ къ тому же самому Посаднику, и хотя Торговая Сторона обнаружила движеніе не отъ имени Князя, но она смѣло и безошибочно могла полагаться на него, по тому что Князь открыто на вѣчѣ объявилъ, чрезъ своего чиновника, требованіе, совершенно согласное съ думой движенія Торговой Стороны; сверхъ того, Торговая Сторона открыла движеніе не одна, а съ однимъ изъ ближнихъ Концовъ. См. выше.

[150] Бысть котора зла въ людьхъ, и въсташа на Князя Мьстислава на Гюргевиця, и начаша изгонити изъ Новагорода; търговый же полъ сташа въ оружіи по немъ и съвадишася братья..... мало же крьви не прольяша межи собою..... и....., бѣжа Мьстиславъ изъ города. Новг. I, стр. 12.

рой половинѣ XIII столѣтія, погибъ уже при волненіи младшихъ насильственною смертію. Исторія XIV столѣтія была продолженіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ Торговой Стороны и съ тѣмъ вмѣстѣ усиленіемъ признаковъ внутренняго разрушенія Новгорода. Козни и соперничество между Боярскими семьями уже въ XIII ст. раскрывали возможность для Торговой Стороны найти между Боярами такія лица, которыя готовы были вести ее, или ити съ ней противъ своихъ же братій-Бояръ, противъ главы Боярства и всего Новгорода противъ Посадника; мало того, давали возможность Торговой Сторонѣ найти себѣ естественную опору въ цѣлой толпѣ Бояръ—въ цѣломъ Концѣ. [151] И не уже ли Торговая Сторона не понимала, что одно соперничество заставляетъ Бояръ измѣнить Боярству и соединиться съ нею противъ Боярства? Со временемъ Торговая Сторона въ каждую минуту могла расчитывать на эту измѣну, и, съ помощію Конца, или даже сама по себѣ, выставлять противъ главы Боярства, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и главы Новгорода, того или другого Боярина, державшагося ея собственныхъ выгодъ и потакавшаго страстямъ и произволу ея, не изъ любви къ ней, не по нравственной связи съ нею, а единственно по духу соперничества Боярскаго, и облекать это лицо властію Посадника. Въ 1359 году Торговая Сторона сдѣлала даже попытку возвести въ званіе главы своей и Боярства, въ званіе Посадника, одного выходца изъ среды своей, Боярина—новаго.

Въ дѣйствительности, кто такой былъ Сильвестръ Лентѣевичъ, котораго Славянскій Конецъ назначилъ тогда въ Посадники Великаго Новгорода? Лѣтописецъ не называетъ его Бояриномъ; говоря о разореніи селъ, принадлежавшихъ партіи Конца, онъ именуетъ ихъ также не Боярскими, а просто Славянскими; въ противоположности же лицамъ, принадлежавшимъ къ Концу и поддерживавшимъ Сильвестра, мы видимъ лица однихъ Бояръ, массу Бояръ, а не извѣстныя какія ни будь Боярскія семьи; самое выраженіе лѣтописца: «и доспѣша тогда обѣ стороны противу себѣ, Софійская сторона хотя мьстити безчестье братіи своей (т., е., Бояръ, которыхъ

[151] Неревскій, въ 1218 г.

принадлежащіе къ Славянскому Концу побили и полупили), [152] а Славянская отъ живота и отъ головъ», явно говоритъ также о различномъ гражданскомъ положеніи лицъ двухъ враждебно столкнувшихся сторонъ: одни стоятъ за честь, другіе только за состояніе и жизнь. Отъ чего также Софійская Сторона, послѣ уже того, какъ Славянскій Конецъ отказался отъ назначенія въ Посадники Сильвестра и согласился на избраніе Никиты Матвѣевича, или лучше еще послѣ того, какъ Архіепископъ склонилъ враждующихъ прекратить открытую вражду, отъ чего Софійская Сторона не удержалась въ предѣлахъ мира, а бросилась на села Сильвестровы и иныя села Славянскія, разорила ихъ, погубивъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, и села не виноватыхъ? Отъ чего это? Отъ чего такое яростное открытое преслѣдованіе Софійскою Стороною Сильвестра и иныхъ, изъ принадлежавшихъ къ Славянскому Концу и владѣвшихъ селами, преслѣдованіе, какого ни разу не обнаруживала доселѣ Сторона Софійская противъ Стороны Торговой? Время объяснить положительно значеніе Софійской и Торговой Сторонъ.

Всѣ безъ исключенія данныя говорятъ, что Софійская Сторона была стороною Боярскою, а Торговая Сторона—младшихъ Новогородцевъ. Вездѣ, гдѣ только лѣтописецъ говоритъ о Боярахъ и младшихъ Новогородцахъ, первые являются у него на Софійской Сторонѣ, вторые на Торговой; и тѣ и другіе представляются именно въ тѣхъ же враждебныхъ отношеніяхъ, въ какихъ представляется Торговая Сторона въ отношеніи Софійской. Говоря о Торговой, онъ не оставляетъ нигдѣ ни малѣйшаго намека о пребываніи среди ея Бояръ; но говоря о Софійской, онъ всюду видитъ тамъ Бояръ. Въ 1255 году, когда младшіе сосредоточились на Торговой Сторонѣ подъ предводительствомъ Ананія, и когда Бояре, по разсказу самихъ Новогородцевъ, измѣнили младшимъ, мы видимъ послѣднихъ на Сторонѣ Софіиской: оттуда они думаютъ «измясти» сторону младшихъ, Сторону Торговую. Въ борьбѣ Софійской Стороны съ Торго-

---

[152] И сътворися каторжъ не мала на Ярославли дворѣ, и сѣча бысть, понеже Славляне въ доспѣхѣ подсѣли и разгониша Зарѣчанъ, а они безъ доспѣха были, и бояръ многихъ били и полупили, а Ивана, сына Борисова, до смерти убили.

вою, подъ 1418 годомъ, мы видимъ уже положительно, что Торговая Сторона дѣйствуетъ не отъ лица Бояръ, толпой, и противъ толпы Бояръ, сосредоточившихся на Софійской Сторонѣ. Выраженіе: «намъ супостаты суть», употребленное тогда противъ Софійской Стороны, при разграбленіи ея открытыми нападеніями, не могло бы падать на всю Софійскую Сторону, если бъ она состояла не изъ однородныхъ началъ. Другое выраженіе Торговой Стороны, когда она грабила въ то же время Никольскій монастырь: «сдѣсь, вѣдь, житници Боярскія», указываетъ ясно, противъ кого именно было тогда движеніе ея. Самый начальный поводъ къ этому открытому возстанію Стороны на Сторону подтверждаетъ тоже: одинъ изъ поссорившихся былъ Боринъ, другой не Бояринъ, и Боринъ скрылся на Софійской Сторонѣ, а не Боринъ на Торговой, и за послѣдняго-то возстала Торговая Сторона на Сторону Софійскую. Сравнивая сказанія одной изъ Новогородскихъ лѣтописей съ другими, мы вполнѣ убѣждаемся въ нашихъ соображеніяхъ: тамъ, гдѣ, по другимъ лѣтописямъ, дѣйствуетъ Сторона Софійская, лѣтопись Софійская положительно называетъ эту Сторону Боярской, а гдѣ дѣйствуетъ Торговая, называетъ Стороною купеческою или чернаго народа. Такъ, когда подъ 1157 годомъ другія лѣтописи показываютъ, что Сторона Торговая вооружилась противъ другой Стороны на защиту князя Мстислава Георгіевича, помянутый лѣтописецъ говоритъ, что за Князя Мстислава Георгіевича вооружились противъ другой стороны купцы. [153] Точно также открытую борьбу 1418 года, названную, по другимъ лѣтописямъ, борьбою между Софійскою и Торговою Сторонами, тотъ же лѣтописецъ называетъ борьбою между Боярами и младшими Новгородцами (чернью). [154] Такъ наше предположеніе, опирающееся сначала на однихъ общихъ соображеніяхъ, было въ Новгородѣ живою былью, даже по разсказу самихъ

---

[153] Бысть котора въ людяхъ, и въсташа на Князя Мстислава Юріевича Новгородци, и начаша й изгонити изъ Новгорода; купцы же послаша по немъ въ оружіе, Зарѣчьская сторона со другою стороною мало крови не пріяша межи собою. Соф. I, стр. 160.

[154] И изыма Боярина того Степанка, и хотя творити отмщеніе; и за то сташа чернь съ одной стороны, а съ другой Бояры, и учинися пакости людемъ— много мертвыхъ. Тамъ же, стр. 261.

же Новогородцевъ.[155] Послѣ того не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что вездѣ, гдѣ Новгородскія лѣтописи говорятъ о Софійской Сторонѣ, тамъ они разумѣютъ Боярство.

По этому-то ни Сильвестръ Лентѣевичъ и никто изъ обывателей Славянскаго Конца, которыхъ села были разграблены, не могли принадлежать къ числу Новогородскихъ Бояръ и не названы лѣтописцемъ Боярами. Но этѣ Бояре не Бояре пользуются уже однимъ изъ Боярскихъ правъ—владѣютъ селами; мало того, Торговая Сторона, къ которой они принадлежатъ, рѣшается теперь открытой силою вдвинуть ихъ въ самое важное изъ правъ Боярскихъ—въ право посадничать, въ право быть главнымъ послѣ Князя судьею и правителемъ Новгородской области; слѣдовательно, быть главою и самихъ Бояръ. Вотъ куда шагнула Торговая Сторона, подъ вліяніемъ себялюбія, разъединявшаго самихъ Бояръ, и подъ вліяніемъ собственнаго своего стремленія къ исключительности: выставляя Князей противъ Бояръ и скрывая страстно свои выгоды отъ малѣйшаго соприкосновенія къ нимъ тѣхъ же Князей, она рѣшилась силою освободиться отъ столѣтняго господства надъ ней тѣхъ Бояръ, которыхъ права утвердилъ самъ Ярославъ Великій. Могли ли же послѣ этого Бояре оставаться въ обыкновенномъ своемъ положеніи, при подобномъ явномъ нарушеніи ихъ правъ? Конечно, нѣтъ; и вотъ по чему они, въ свою очередь, такъ страстно преслѣдовали Сильвестра и всѣхъ Бояръ не Бояръ, поддерживавшихъ его право на посадничество.

Пусть не совершенно удачна была эта попытка, пусть Софійская Сторона торжествовала еще, но мысль выразилась уже положительно, жила и, въ слѣдствіе сильнаго и дружнаго противодѣйствія, приняла только другое направленіе: Торговая Сторона старается послѣ того, по прежнему, найти главу для своей исключительности въ одной изъ старыхъ Боярскихъ же семей, и ей не трудно было сдѣлать это. Еще больше: за ней оставался выборъ между тѣми Боярскими семьями, которыя, по духу себялюбія и соперничества, готовы были дѣйствовать въ ея видахъ. Вглядитесь, какія дѣйствительно Боярскія семьи, съ половины XIII ст. и далѣе высятся надъ Новгородомъ, и вы увидите Посадническое мѣсто открытымъ

[155] Софійская лѣтопись составлялась въ Новгородѣ.

для семей, поддерживавшихъ Торговую Сторону. Одна изъ этѣхъ послѣднихъ семей боролась, при Посадникѣ Водовикѣ, въ 1230 г., противъ семьи Твердислава, постоянно защищавшей вельможеское начало, и была тогда же вытѣснена изъ Новгорода. Родоначальникъ ея былъ Бояринъ Миша. Съ 1257 по 1418 годъ она появлялась восемь разъ на Посадническомъ мѣстѣ: въ лицѣ двухъ сыновей Миши, въ лицѣ внука, правнука и двухъ праправнуковъ. [156] Вторая изъ сихъ семей въ самомъ началѣ второй половины XIII столѣтія стояла во главѣ Торговой Стороны, противъ Александра Невскаго, когда всѣ остальныя Боярскія семьи поддерживали Александра противъ сказанной Стороны; тогда она потеряла тяжбу и отодвинута была отъ Посадническаго мѣста. Родоначальникомъ ея былъ Ананій. Она мѣнялась съ первой Посадническимъ мѣстомъ, соперничала и тогда съ ней за это, и девять разъ стояла во главѣ Новгорода въ теченіи сказанаго времени (съ 1257—1418). [157]

---

[156] Михаилъ Мишиничъ, избиравшійся два раза; Юрій Мишиничъ; Варѳоломей Юрьевичъ, избиравшійся два раза и умершій въ званіи Посадника; Матѳѣй Варѳоломѣевичъ; Никита Матвѣевичъ, Онцифоръ Лукиничъ (Лука былъ сынъ Варѳоломея и родной братъ Матвѣя). О Посадникѣ Варѳоломѣѣ лѣтописецъ говоритъ подъ 1342 годомъ: «Представися рабъ Божій Варѳоломѣй, Посадникъ Новогородскій и сынъ Юрія Мишинича.» Народность родоначальника этой семьи удерживаетъ за нимъ въ лѣтописи вездѣ имя Миши, безъ всякихъ прибавленій, и переноситъ даже это применованіе на потомство. «Юрій Мишиничъ (вмѣсто Михайловичъ), сынъ Юрія Мишинича, Мишиничи — потомки Миши.» Изъ лѣтописей не видать, чтобъ кто ни будь изъ Михайловъ пріобрѣталъ въ Новгородѣ подобное народное ласковое наименованіе.

[157] Сынъ Ананія, Павша, избранъ былъ въ Посадники въ 1268 г., и посадничалъ въ продолженіи пяти лѣтъ; въ 1273 году смѣнялся на короткое время Михайломъ Мишиничемъ, но въ томъ же году снова утвержденъ на Посадническомъ мѣстѣ, на которомъ и оставался до смерти, послѣдовавшей въ 1274 г. Внукъ Ананія, Михаилъ Павшиничъ, избранъ былъ въ Посадники въ 1309 году и оставался на немъ два года, а въ 1315 году погибъ въ сраженіи противъ Михаила Тверскаго. Захарій Михайловичъ, правнукъ Ананія, возводился на Посадничество крамольными въ 1332 году, и въ томъ же году былъ смѣненъ лицомъ, имѣвшимъ тѣсную связь съ семьей, дѣйствовавшей въ послѣдствіи (1345 г.) согласно съ Стороною Софійскою, именно въ то самое время, когда соперника этого лица приняла подъ свое покровительство Торговая Сторона. * Сыновья Захарія, Ан-

---

* Матвѣй Коска, столь усердно помогавшій въ 1345 г. Онцифору Лукичу противъ Посадника Ѳедора Даниловича. См. Полн. Собр. Р. Л. т. III, стр. 76, и т. IV, стр. 53.

Торговая Сторона въ этотъ періодъ времени видимо господствуетъ въ избраніи Посадника. Не на думу, а на силу невѣжественной многочисленной толпы опирается теперь власть правителя. Потакая ей, ей же на гибель, и разваживая ее, Посадникъ могъ самъ же расчитывать на ея покровительство. Неоднократно упоминаемый нами Посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ отлично хорошо понималъ это положеніе дѣлъ въ Новгородѣ, и жертвуя началами высшими, дѣйствовалъ совершенно въ духѣ своего времени, и Торговая Сторона видимо поддерживала его: такъ, въ 1345 году, когда, въ слѣдствіе козней, Новгородъ раздвоился на двѣ стороны, Боярскую и небоярскую, первая была противъ него, вторая за него, и этотъ Ѳедоръ, смѣняемый въ должности Посадника другими лицами, четыре раза выходилъ на Посадническое мѣсто и долгое время управлялъ Нов-

---

дреянъ и Іосифъ были тоже Посадниками, и если первый возбудилъ противъ себя чѣмъ-то Торговую Сторону и былъ смѣненъ, то вторый, явный поборникъ Торговой Стороны, имѣлъ сильную опору себѣ въ Новгородѣ, и, смѣняясь не разъ, снова, какъ это мы объяснимъ ниже подробнѣе, показывался на Посадническомъ мѣстѣ. Степенный Посадникъ Василій, который въ XV ст. играетъ важную роль въ борьбѣ Сторонъ, былъ внукъ Захарія. Мы возстанавливаемъ эту семью на принятомъ нами основаніи. Имена: Ананій, Павелъ, какъ встрѣчающіяся такъ же рѣдко въ исторіи Новогородской, какъ и теперь между народомъ, могутъ въ настоящемъ случаѣ дать положительныя доказательства о принадлежности къ одному роду, къ одной семьѣ какъ Ананія, такъ и Павши Ананьевича, равнымъ образомъ и Михайла Паншинича. Слишкомъ же общее имя послѣдняго можетъ подать поводъ усомниться, дѣйствительно ли Захарій Михайловичъ былъ сынъ именно Михайла Степановича, а не другого какого Боярина, носившаго имя Михайла, и мы не можемъ положительно уничтожить это сомнѣніе, а сдѣлаемъ только два замѣчанія, именно: что исторія трехъ Боярскихъ семей XII, XIII и XIV столѣтій представляетъ достаточныя доказательства о переходѣ Посадничества отъ отца къ сыну, къ внуку и т. д.; и во вторыхъ, что если, при явномъ покровительствѣ Торговой Сторонѣ въ 1255 году, Ананій, не смотря на потерю въ томъ году Посадничества, именно за это покровительство, успѣлъ сохранить расположеніе Новогорцевъ до того, что сынъ и внукъ сохранили за собою семейное право на Посадничество, то по чему же не могъ сохранить этого права и правнукъ? Во всякомъ случаѣ, положеніе наше о торжествѣ фамилій, поддерживавшихъ Торговую Сторону, ни сколько не пострадаетъ, если мы будемъ видѣть въ Захаріи съ его потомствомъ и особую семью отъ семьи Ананья; по тому что потомки Захарія, какъ увидимъ ниже, выслились надъ Новгородомъ именно въ слѣдствіе того, что держались Торговой Стороны.

городомъ. Сынъ Посадника Захарія, Осипъ, бывшій тоже нѣкогда поборникомъ Торговой Стороны, вооружилъ противъ себя, въ 1388 г., всѣ три Конца Софійской Стороны, къ которой онъ самъ принадлежалъ и нашелъ открытую защиту для себя въ Торговой Сторонѣ, которая отстаивала его въ продолженіи двухъ недѣль, и хотя уступила Сторонѣ Софійской, согласясь на назначеніе въ Посадники, вмѣсто Осипа, Василія Ѳедоровича, но уступка эта была временная, по формѣ, по тому что въ 1390 году Осипъ снова является Посадникомъ, и въ 1394 году, вторично лишившись Посадничества, онъ въ 1398 году показывается вновь въ званіи Посадника. [186] Внукъ Захарія и сынъ Осипа, Василій, какъ мы видѣли, уже стоялъ во главѣ Торговой Стороны, въ противодѣйствіи Сторонѣ Софійской, и законность его положенія утверждена была тогда самою же Софійской Стороной.

Какъ ни занимательна была бы для насъ дальнѣйшая исторія, въ которой находятся Стороны въ отношеніи Посадниковъ, но, за совершенною недостаточностію свѣдѣній по этому предмету, какъ и вообще свѣдѣній, относящихся до назначенія и смѣны Посадниковъ, эта исторія скрывается отъ насъ. Не можетъ быть, однако жь, чтобъ лѣтописцы не сообщили намъ подобныхъ свѣдѣній, если бы были сильныя столкновенія или между Сторонами, или между Концами, относительно назначенія, или смѣны Посадника. Замѣтивъ же, какія огромныя уступки сдѣлала до этого времени Софійская Сторона въ пользу Торговой по настоящему предмету, могло бъ показаться вѣроятнымъ, что мысль, выраженная Торговою Стороною подъ 1359 годомъ и которой такъ сильно противодѣйствовала тогда Сторона Софійская, въ XV столѣтіи наконецъ осуществилась, уже безъ борьбы, послѣ уступки, сдѣланной Софійскою Стороною въ 1418 году; но Бояринъ Борецкій, двигавшій младшими Новогородцами въ послѣднія минуты существованія Новгорода, былъ не новый Бояринъ

---

[186] Въ 1-й разъ, какъ мы видѣли, онъ былъ смѣненъ въ 1388 году; когда именно Осипъ избирался во второй и въ третій разъ въ Посадники, лѣтописецъ не говоритъ положительно, упоминая лишь о вторичной смѣнѣ его въ 1394 году, и называя его послѣ того опять Посадникомъ, при описаніи посольства къ Василію Дмитріевичу въ 1398 году. Нов. I, стр. 96 и 100.

Новгорода, не Боринъ, выходецъ, вдвинутый въ число Бояръ, въ слѣдствіе своего богатства, Торговою Стороною: онъ былъ Боринъ старой семьи, принадлежавшей къ Неревскому Концу, [159] но Боринъ, котораго Боярская Сторона должна была считать въ отношеніи себя измѣнникомъ, по тому что вся она была противъ думы и дѣйствій Борецкаго: Борецкій воздвигнулъ свой планъ, полагаясь на Торговую Сторону.

Какъ бы то ни было, всѣ данныя по предмету, которымъ мы занимались въ эту минуту, показываютъ, что старое правительственное начало въ XIV ст. угасало уже въ своемъ значеніи, и что въ началѣ второй половины XIII столѣтія выступало уже начало новое, которое, разрушая Боярскую власть, еще сильнѣе, нежели самые Бояре, стремилось разрушить всякую попытку утвержденія власти Княжеской въ Новгородѣ, ревнуя Князей въ своихъ выгодахъ, до бездѣлицы, ограничивая, какъ мы уже выше замѣтили, даже въ свободномъ сбытѣ дани натурой: богатства, составляющія цѣль и основу жизни этого сословія, опредѣляютъ ихъ отношенія къ власти, и власть остается безвластною, дѣлается посмѣшищемъ, когда думаетъ соприкоснуться къ его выгодамъ. И этотъ духъ былъ не новый для Новгородца Торговой Стороны, не былъ плодомъ особыхъ событій: онъ лежалъ, повторяемъ еще разъ, въ основѣ быта середняго сословія. Таково было это начало и прежде, даже при Ярославѣ, уничтожая Княжескую Варяжскую наемную дружину; но тогда ему нужно было еще бороться съ сильнымъ Боярствомъ, и оно, безсильное для этой борьбы, сдерживало себя, затаивало свою главную думу, пряталось за Князьями, пользовалось значеніемъ Князей, ихъ силами, показывало, что оно будто бы желало утвержденія въ жизни помысла Княжескаго; но, ослабивъ Боярскую силу, оно объявило себя и въ отношеніи Князей началомъ открыто враждебнымъ, и въ этомъ духѣ, какъ мы увидимъ ниже, воспитывается ему наслѣдникомъ еще другое начало, которое попираетъ уже все святое, разрушаетъ всякій порядокъ въ дѣйствительности, начало чисто противугосударственное.

---

[159] Нов. IV, стр. 130, подъ 1477 годомъ, и Нов. I, стр. 70, подъ 1311 годомъ. Чудесный домъ (дворъ) Марѳы Борецкой былъ въ Неревскомъ Концѣ.

Въ началѣ пятнадцатаго столѣтія гражданскія связи между двумя Сторонами, въ слѣдствіе многостолѣтней безъисходной борьбы ихъ между собою, являются уже почти совершенно разрушенными. Себялюбіе Торговой Стороны безжалостно торжествовало тогда надъ себялюіемъ Стороны Софійской, и, какъ начало мертвое, не нравственное, не могло дать Торговой Сторонѣ, при этомъ торжествѣ, исхода правильнаго, не могло сдѣлать возвышенія ея надъ Стороною Софійскою возвышеніемъ нравственнымъ, и по этому, отдѣляясь отъ вліянія Софійской Стороны, Торговая Сторона не имѣетъ дальнѣйшей цѣли, кромѣ своей исключительности. По этому же Софійская Сторона, даже послѣ торжества Торговой Стороны, продолжаетъ прежнее свое существованіе, съ прежнею своею исключительностію во всѣхъ тѣхъ точкахъ, гдѣ эта исключительность не столкнулась еще съ исключительностію денежной Торговой Стороны. Она господствуетъ надъ Новгородскою областію, но только не въ отношеніи Торговой Стороны, или во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по основамъ своего денежнаго быта, Торговая Сторона не хочетъ принимать участія; только выгоды собственныя, а не области, Сторона Торговая вывела изъ подъ вліянія Стороны Софійской; въ ней думы объ области нѣтъ, какъ нѣтъ этой думы и въ Сторонѣ Софійской. Та и другая погружены въ собственныя свои выгоды, и смотрятъ на все остальное, какъ на орудіе своей исключительности, не мѣшаютъ другъ другу идти отдѣльными путями къ своимъ корыстнымъ цѣлямъ. Въ продолженіи многостолѣтней исторіи вы ни разу не слышите голоса любви Софійской Стороны къ (Сторонѣ) Торговой, старшихъ Новогородцевъ къ младшимъ. Сдѣсь нѣтъ ни Вышаты, который бы жертвовалъ собой, для того, чтобъ или вывести младшихъ изъ гибели, или погибнуть вмѣстѣ съ ними, ни тѣхъ думцевъ Кіева, которые отклоняли Святополка-Михаила отъ весенняго похода на Половцевъ, указывая, что этотъ походъ можетъ повлечь за собою разореніе для поселянъ; ни думцевъ, которые потомъ, присутствуя при торжественномъ совѣтѣ Святополка и Мономаха по этому же предмету, съ Христіянскимъ восторгомъ приняли мысль о необходимости этого похода для благосостоянія же поселянъ, когда Мономахъ раскрылъ передъ ними, что если походъ этотъ оставитъ поля не обработанными, то спасетъ села и деревни отъ совершеннаго опустошенія, не допуститъ Половцевъ перебить, или расхитить

самую семью поселянина, спасетъ жизнь и нравственное благосостояніе его. Сдѣсь нѣтъ и тѣхъ думцевъ, которые улеглись костями въ степяхъ Половецкихъ, принявъ высокую думу Игоря, своего витязя-Князя, что спасеніе собственное, съ выдачею на гибель младшихъ, хуже гибели отъ меча вражескаго. Сдѣсь, отъ начала до конца Новогородской исторіи, со стороны старшихъ слышится всюду совершенно противуположная дума. Когда, стремясь спасти отъ гибели и порабощенія свои родныя земли, отразить силы врага неодолимаго, нахлынувшаго на насъ въ лицѣ Монголовъ, старшіе въ цѣлой Руси сомкнулись въ ряды вмѣстѣ съ младшими, и вмѣстѣ съ младшими нисходили въ обширныя могилы, разверзаемыя предъ ними силою врага, въ это время Новогородскіе старшіе измѣняютъ младшимъ, или еще болѣе радуются, что иго Монгольское преимущественно ложится на младшихъ. Пусть Новогородскіе Бояре могли бы оправдывать себя передъ потомствомъ, что самое благоразуміе заставило ихъ уклониться отъ примѣра, который имъ дали старшіе всѣхъ другихъ частей тогдашней Руси въ борьбѣ съ Монголами, и добровольно безъ борьбы принять иго Монгольское; что это страшное тогда волненіе младшихъ, ихъ готовность погибнуть въ битвѣ открытой, но не быть данниками Монголовъ, было плодомъ безумія и отчаянія; что одно только сребролюбіе заставило младшихъ обвинять тогда своихъ старшихъ въ томъ, что послѣдніе возлагаютъ на младшихъ, не столь богатыхъ, какъ сами, тяжесть дани, равную съ собою; ибо подобнаго ропота не было въ другихъ частяхъ Руси, при введеніи въ нихъ точно такой же дани и на тѣхъ же основаніяхъ. Пусть виноваты сами младшіе во многомъ, но одни слова не могутъ оправдать и старшихъ, когда они не представляютъ намъ ни одного дѣла, въ которомъ бы они высказались великодушіемъ къ младшимъ. Ихъ дѣла не дѣла великодушія, а дѣла надменности; въ этомъ честолюбіи и жадности къ выгодамъ они полны раздора въ самихъ себѣ, другъ противъ друга; сѣютъ этотъ раздоръ въ цѣломъ Новгородѣ, выводятъ его и за предѣлы Новогородскіе; вооружаютъ младшихъ одни противъ другихъ; раздуваютъ кичливость ихъ все болѣе и болѣе противъ порядка и власти, чтобъ удержать эту власть въ рукахъ той или другой изъ своихъ семей, или чтобъ только не дать возможности перейти ей въ руки Князей. Монгольское владычество не лишило ихъ власти, а рабство области, положеніе младшихъ, не тревo-

жатъ ихъ. Они были храбры, отважны, въ этомъ мы должны отдать имъ справедливость; но въ нихъ семейное начало, начало любви было подавлено страстями, было слабо, не развилось въ любовь къ ближнему, въ любовь къ согражданину, а недовѣріе къ нимъ младшихъ, ихъ собственныя другъ противъ друга козни подавляли въ нихъ окончательно эту любовь: они пренебрегали младшихъ, и опасались ихъ, а младшіе, въ свою очередь, сперва не довѣряли имъ, а потомъ ненавидѣли ихъ, и грозили имъ или гибелью, или раззореніемъ. Какъ же послѣ того они могли стоять грудью за Новгородъ, когда половина Новгорода не хотѣла признавать ихъ защитниками, мало того—еще грозила имъ? И вотъ по чему они измѣняютъ младшимъ въ эту опасную минуту. Вотъ по чему они и послѣ отступаются отъ борьбы съ Литвою и съ Московскими Великими Князьями; вотъ по чему они и прежде отпадали отъ младшихъ въ княженіе Невскаго; отпадали наконецъ отъ нихъ и въ тѣ минуты, когда рѣшалась судьба Новгорода: причины видоизмѣнялись, но въ сущности оставались тѣми же. Не любовь къ родинѣ, даже не слава руководили ихъ поступками, а частное себялюбіе. Сдѣсь не слышится ни разу дума, высказанная Изяславомъ предъ битвой противъ Владимира Галицкаго, воинству Кіевской земли, старшимъ и младшимъ: «Братья и дружина! Никогда Русской земли и Русскихъ сыновъ Господь Богъ не забывалъ въ битвѣ, не обезславливалъ оружія ихъ; гдѣ Русскіе ни являлись, какъ воины,—честь была неразлучна съ ними; да поревнуемъ же, братья, въ сдѣшнихъ земляхъ, предъ чуждымъ воинствомъ [160] добыть честь, которою Господь Богъ благословляетъ насъ!» [161] И эта дума не одушевила бы Новогородца, какъ она вдохновила собой воинство Кіевское, смявшее почти однимъ ударомъ сильныя дружины Князя Галицкаго. Отъ славы, сопряженной съ возможностію гибели, Новогородцы откупаются, жертвуютъ даже языческимъ божествомъ своимъ. Таковъ характеръ взгляда на жизнь въ старшемъ Новогородцѣ въ подобныхъ случаяхъ.

---

[160] Венгерцы: они были въ битвѣ какъ союзники Изяслава.

[161] Ипат., стр. 67.

Холодность старшихъ къ положенію младшихъ, выразившись положительно разъ, разорвала связи между сословіями, поставила неправильно ихъ другъ къ другу, и младшій, какъ мы выразились, своею недовѣренностію и неуваженіемъ оскорбилъ старшаго, а старшій, полный силъ и отваги, взглянулъ послѣ того на младшаго, какъ на строптиваго. Любовь къ родинѣ не задержала ихъ въ этѣхъ неправильныхъ отношеніяхъ; власть Княжеская была безсильна въ Новгородѣ водворить миръ между поссорившимися сословіями, тѣмъ болѣе, что она преимущественно покровительствовала сдѣсь младшимъ. И вотъ первоначальное чувство перешло наконецъ въ ненависть. «Онъ только думаетъ», говорятъ младшіе въ 1259 году, «какъ бы только ему было легко, а не думаетъ, какъ то, что облегчаетъ его и даетъ просторъ ему въ жизни, ложится зломъ на младшихъ...». [162] Старшіе составляютъ злой совѣтъ, какъ бы избить младшихъ, толковали они еще въ 1255 году, [163] когда Александръ пришелъ къ Новгороду ополченіемъ, чтобъ наказать строптивость его. «Они супостаты намъ»! [164] кричали младшіе въ минуту волненія въ 1418 году. «Нѣтъ въ нашихъ старшихъ ни милости, ни правды»! раздавалось въ 1446 году по всей области Новогородской, и «младшіе кляли тогда старшихъ», прибавляетъ къ этому лѣтописецъ. [165] До какой степени унизились нравственно старшіе въ первой половинѣ XV столѣтія, даже трудно представить себѣ. Они поддерживали не только ябедниковъ, но даже спаивали честныхъ людей, чтобъ они, подъ пьяную руку, говорили отъ себя, при формальныхъ слѣдствіяхъ, выдуманную ими же, старшими, кле-

---

[162] Нов. I, стр. 57, подъ 1259: «творяху бо Бояре себѣ легко, а меншимъ зло».

[163] Тамъ же 55, подъ 1255: «и бысть въ вятшихъ совѣтъ золъ, яко побити меншіи, а Князя въвести на своей волѣ».

[164] Смотр. выше.

[165] Нов. IV, стр. 124. «А въ то время не бѣ въ Новгородѣ правды, и праваго суда, и возсташа ябедници, изнаряднма четы, и обѣты, и цѣлованіе на неправду, и начаша грабити по селомъ, и по волостемъ, и по городу, и бѣяхомъ въ поруганіе сосѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ, и бѣ по волости изъѣжа велика, и боры частыя, кричь, и рыданіе, и вопль, и клятва всѣми людьми на старѣйшины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права».

вету противъ людей, которыхъ они хотѣли изгубить, пользовались этою клеветою споеннаго ими, и бросали съ моста невинно оклеветанныхъ, разграбливали домы ихъ и захватывали имущество ихъ всюду, гдѣ только могли отыскать, даже въ самихъ церквахъ, гдѣ, по быту Новогородцевъ, имущество каждаго должно было оставаться неприкосновеннымъ. [166] Къ этому мы должны еще прибавить, что исторія XIV столѣтія встрѣчаетъ Новогородскихъ старшихъ, принадлежавшихъ къ самымъ представительнымъ семьямъ, во главѣ, какъ увидимъ ниже, удалыхъ разбойничьихъ, противогосударственныхъ шаекъ, и этѣхъ старшихъ Новгородъ послѣ того признаетъ не атаманами разбойниковъ, а своими примѣрными дѣтьми, выдвигая ихъ на поприщѣ гражданской значительности. Вотъ правители Новгорода въ XIV и XV столѣтіяхъ! Въ немъ нѣтъ и не было ни правителей, ни власти: власть въ Новгородѣ не облечена нравственною неодолимою силою, за которую Новогородцы и старшіе и младшіе, т. е., Софійская и Торговая Стороны, готовы положить свои головы, властію для той и другой Стороны была сила физическая. Одна эта-то власть, одна физическая сила, сжимающая ихъ общія непозволительныя выгоды, миритъ обѣ Стороны въ ихъ борьбѣ между собою: Архіепископъ, во имя Бога, можетъ только просить ихъ о мирѣ, склонять ихъ къ миру, и успѣвалъ склонять ихъ только на временный миръ; но жизнь бѣжала далѣе основнымъ своимъ токомъ, выбиваясь изъ подъ вліянія религіозныхъ думъ и бушуя страстями своими. Что значитъ сила въ Новгородѣ, этому служитъ разительнымъ доказательствомъ страдательное положеніе, въ 1289 и 1350 годахъ Прускаго Конца, ко-

---

[166] Тамъ же и стр. 126. Того же лѣта выведе Сокира Посадникъ ливца и вѣсца серебряного Ѳедора Жеребца на вѣче, напоивъ его нача сочити: «На кого еси лилъ рубли»? Онъ же оговори 18 человѣкъ, и по его рѣчемъ иныхъ съ посту сметаша, а иныхъ домы разграбиша и изъ церквей вывозиша животы ихъ, а преже того по церквамъ не искивали. И еще того же Ѳедора начаша безъправдивыи Бояре научати говорить на многихъ людей, претяще ему смертью; онъ же протрезвився рече: «На всѣхъ есмь лилъ, и на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею ливцы». Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи мнозѣ, а голодники, и ябедники, и посульники радовахуся, только бы на кого выговорилъ; и того самого смерти предаша, а животъ его въ церкви раздѣли и разграбиша. И бысть во градѣ мятежъ великъ.

торый, по своему населенію, былъ самый бѣдный изъ Новогородскихъ Концовъ, или положеніе Конца Славянскаго, въ 1348 году, при защитѣ имъ Литовскаго Князя, Патрикѣя, противъ четырехъ другихъ Концовъ Великаго Новгорода. Рѣшенія самаго вѣча утверждаются и разрушаются силой. Въ исполненіи своемъ оно почти постоянно покойно, не проникнуто увѣренностію, что ни кто не можетъ перерѣшить его рѣшенія; что нравственной силѣ его нѣтъ сопротивленія, или всякое сопротивленіе, какъ безнравственное и беззаконное, будетъ преслѣдоваться строго. Этой увѣренности нѣтъ въ Новогородцахъ; и не мудрено: силѣ всегда можетъ противопоставиться сила, какъ это и было въ Новгородѣ. Поразительно видѣть это недовѣрчивое волненіе Новгорода въ отношеніи собственнаго своего рѣшенія. Въ 1287 году, на пр., Новгородцы признавали бывшаго своего Посадника, Семена Михайловича, въ чемъ-то-виновнымъ; но, не потребовавъ отъ него объясненія, не судивъ его, Бояре и младшіе Новогородцы, облекшись въ оружіе, двинулись къ его жилищу изъ всѣхъ Концовъ, какъ на битву, по сказанію самаго Новогородскаго лѣтописца: и жалостная была картина, прибавляетъ онъ, приступая къ описанію, какъ толпы Бояръ и народа нахлынули на домъ Семена Михайловича съ шумомъ и завладѣли имъ. При этомъ нужно замѣтить еще, что Семенъ Михайловичъ или вовсе не былъ виноватъ въ винѣ, взведенной на него Новгородомъ, или же вина его была совершенно ничтожна, по тому что Архіепископъ, къ которому онъ скрылся, принялъ его сторону, и сами Новогородцы на другое же утро, послѣ своего движенія, приняли его снова въ любовь, которою Семенъ Михайловичъ однако жь не долго пользовался, по тому что чрезъ нѣсколько дней слегъ въ постель и умеръ. [167] Но подобныхъ примѣровъ мы имѣемъ уже много: не считаемъ нужнымъ увеличивать ихъ новыми. При общемъ внутреннемъ распаденіи власть не могла иначе удержаться, какъ на силѣ, въ отношеніи Торговой Стороны. Въ основѣ жизни послѣдней развивались еще болѣе гибельныя начала для гражданственности, нежели въ первой: надежда на возможность преображенія жизни съ этой стороны гаснетъ со временемъ совершенно.

---

[167] Бысть мятежъ великъ въ Новѣгородѣ на Семена Михайловича: въсташа на него

Мы уже замѣтили, что голосъ Торговой Стороны получилъ значительную силу не въ слѣдствіе нравственнаго возвышенія Торговой Стороны надъ Стороною Софійской; что по этому голосъ сей направленъ былъ не на поддержаніе нравственныхъ началъ и порядка въ жизни Новгорода, а сосредоточивался на поддержаніе вещественныхъ выгодъ за Стороною; что исключительное господство надъ этѣми выгодами составляло конечную цѣль для Торговой Стороны; показали также, какъ, въ стремленіи къ этой исключительности, она ревностно, подобно Сторонѣ Софійской, отклоняетъ самую власть Княжескую отъ прямаго вліянія на ея выгоды и, съ тѣмъ вмѣстѣ, на цѣлую область. Теперь мѣсто разсказать еще одно событіе, которое опредѣлитъ съ большею положительностію, какое именно нравственное, гражданское положеніе занимала она въ жизни Новгорода. Въ то самое время, когда Торговая Сторона видимо получила уже сильное вліяніе на дѣла общественныя, рѣшался вопросъ о злоупотребленіяхъ Литовскаго Князя, Патрикѣя. Мы видѣли, какъ крѣпко Славянскій Конецъ отстаивалъ силою этого Князя противъ Стороны Софійской, и настоялъ на томъ, что Патрикѣй остался владѣтелемъ Новгородскихъ пригородовъ, если и не тѣхъ, которые даны были ему прежде, по крайней мѣрѣ, соотвѣтственныхъ имъ. Что жъ давало Славянскому Концу эту крѣпость? Конечно, уже не чувство правды, не нравственное движеніе! Лѣтопись говоритъ, что, дѣйствуя вооруженною рукою противъ своихъ согражданъ за Патрикѣя, онъ былъ подкупленъ симъ Княземъ. [168] Какая же неправда, какія же злоупотребленія не нашли бъ послѣ сего себѣ отвѣта, если этѣ зло-

---

весь Новъгородъ, безъ исправы, пойдоша на него изъ всѣхъ Концевъ, яко сильная рать, всякый въ оружіи, силою великою. Жалостно видѣніе! И тако поидоша на дворъ его, и взяша весь домъ его съ шумомъ, а Семенъ прибѣжа къ Владыцѣ, и Владыка провади въ Святую Софію, и тако ублюде Богъ, и заутра снидошася въ любовь. Симеонъ же, по малѣхъ днѣхъ, разболѣся болѣзнію, лежавъ нѣколико дній, преставися. Нов. I, стр. 65.

[168] Бысть жалоба на Патрикѣя Князя къ Новгороду отъ городчанъ, и выѣха Князь въ Новгородъ, и подня посуломъ Славянскій Конецъ, и смути Новгородъ. И стояху Славлянѣ по Князѣ, и звониша вѣче на Ярославли дворѣ по двѣ недѣли, и проч.

употребленія имѣли только средства къ подкупу? Посредническая роль, которую по этому дѣлу взялъ другой Конецъ Торговой Стороны, послѣ всѣхъ дружескихъ сношеній съ Стороною Софійской, уже окончательно говоритъ, что начало вещественныхъ выгодъ господствовало надъ правдой и совѣстью въ Торговой Сторонѣ; что эта Сторона готова была отдавать на жертву Литовскому Князю своихъ же собратовъ, проживавшихъ въ пригородахъ и въ деревняхъ, за вещественныя выгоды, которыя Князь Литовскій могъ предложить ей за подобную жертву; что сила физическая была властію для Новгорода, и что нравственныя начала исчезали въ его общественной жизни предъ произволомъ страстей, коими исполнены были та и другая Сторона. Но чтобъ яснѣе видѣть всю справедливость, всю торжественность суда въ Новгородѣ, мы разскажемъ о судьбѣ Боярина Остафія Дворянинца. Бояринъ этотъ былъ Посадникомъ. Въ 1346 году нагрянулъ на Новогородскія владѣнія Ольгердъ съ огромными силами, опустошилъ берегъ Шелони, взялъ на щитъ Лугу, угрожалъ тою же участію Порхову и Опочкѣ, но этѣ послѣдніе города откупились отъ него. Врагъ торжествовалъ надъ Новогородцами, но это торжество было далеко еще не полное. Ольгердъ, выступивъ походомъ противъ Новгорода, винилъ помянутаго Боярина, Остафія Дворянинца, въ томъ, что будто бы онъ поругался надъ нимъ, называлъ его псомъ, и Новогородское ополченіе, вступившее противъ врага, безъ битвы возвратившись въ Новгородъ, излило свою ярость не на полчищахъ Литовскихъ, опустошившихъ Новогородскую область, а на своемъ же собратѣ, помянутомъ Боярынѣ: ударили въ вѣчевой колоколъ, собрались на вѣчѣ, осудили Дворянинца на казнь, и безъ палача тутъ же на вѣчѣ убили его, объяснивъ ему предъ казнію: «Ты причиной, что Литовскій Князь опустошилъ нашу область». [169] Какое глубокое уваженіе со стороны Новогородцевъ къ Княжескому достоинству, оскорбленному въ лицѣ Ольгерда! Знаемъ мы уваженіе Новгорода къ ихъ Князьямъ-правителямъ, и даже къ Великому Князю. И за чѣмъ же немедленно послѣ сдѣланнаго Ольгердомъ обвиненія, Новгородъ не

---

[169] Нов. I, стр. 83. А Новогородци выидоша противу ему (противу Ольгерда) въ Лугу и въспятившеся въ городъ (Новгородъ), позвониша вѣче и убиша Дворянинца Посадника на вѣчѣ, а рекъ ему тако: «Яко въ тебѣ волости наша взяша».

судилъ своего Посадника и не удовлетворилъ тѣмъ Ольгерда? За чѣмъ онъ, зная уже объ обвиненіи, высылалъ дружину противъ Ольгерда, оставляя совершенно въ покоѣ Остафія? И Новгородъ ли казнилъ Остафія потóмъ? Нѣтъ, его казнила дружина, назначенная для битвы съ Ольгердомъ и безъ битвы возвратившаяся въ Новгородъ, когда Ольгердъ грозною силою подвигался противъ нея, «взявъ уже» Шелону и Лугу на щитъ, а съ Порховскаго городка и со Опоки взя окупъ. Самая брань, позволенная Посадникомъ, въ отношеніи Ольгерда, показываетъ глубое уваженіе Новогородцевъ къ Властителямъ!... Себялюбіе и недовѣріе снимали въ Новгородѣ покровъ святости, торжественности и благородства съ жизни дѣйствительной. Нѣтъ ни кому и ни къ чему чувства благоговѣнія. Все можетъ быстро перейти въ предметъ подозрѣнія, клеветы, насилія, грабительства; и этѣ подозрѣнія, этѣ насилія, грабительства, не будятъ ни въ Софійской, ни въ Торговой Сторонѣ чувства негодованія до тѣхъ поръ, пока дѣло не коснется въ частности которой ни будь изъ нихъ самихъ. Мы видѣли, какъ въ 1418 году Софійская Сторона съ своимъ Посадникомъ позволила хладнокровно поругаться Торговой Сторонѣ надъ однимъ изъ своихъ собратовъ, и избить Боярина Данилу чуть-чуть не до смерти, а потомъ полумертваго бросить въ Волховъ; хладнокровно допустила разграбить домъ рыбника Лычка, выхватившаго Данила изъ Волхова; хладнокровно допустила раздраженнымъ на этого Боярина собраться вновь на вѣче для того, чтобъ буйно грянуть съ этого вѣча на Козьмодемьяновскую улицу, на которой былъ домъ Данила, потомъ ударить на Янову улицу, далѣе на Чудинцеву, Легощу, и разграбить всѣ этѣ улицы, разграбить даже Никольскій монастырь; хладнокровно допустила Торговую Сторону буйствовать такимъ образомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и наконецъ только, когда Пруская улица дала отпоръ неистовой толпѣ, когда Торговая Сторона слилась вся въ одно и облеклась въ оружіе, тогда только Софійская Сторона представила изъ себя единое одушевленное, воспрянула и сама вооружилась. Но гдѣ опять въ ней и сдѣсь мощь и благородная любовь къ порядку и уваженіе къ самой себѣ? Вооружилась, бьется, какъ на кулачномъ бою, страшится потомъ силы, проситъ мира, остается вполнѣ довольною, получивши отъ буйной толпы этотъ миръ, и главные виновники буйства остаются не наказанными.

И эта ли, скажемъ послѣ сего, страстно расчетливая, безъ благороднаго стремленія, распадшаяся община Новогородская могла дать отпоръ бодрымъ, благодарнымъ, слитымъ во едино дружинамъ Князя Московскаго XV столѣтія? Полное нравственное безсиліе обезоруживало буйныхъ Новогородцевъ предъ Иваномъ III. Каждый стремился сохранить свои выгоды, и онъ, какъ торгашамъ, предоставилъ имъ ихъ, лишивши общину свободы, права собираться на вѣче, заставивъ признать въ себѣ державнаго властителя своего. Не мощно-нравственный отпоръ разсыпалъ и полчища Андрея Боголюбскаго подъ Новгородомъ, какъ это мы объяснимъ ниже; не дружины Новогородскія удержали разливъ Нѣмцевъ по землямъ Славянскимъ, не онѣ спасли земли этѣ отъ постепеннаго порабощенія: и Новгородъ, съ своими землями, сдѣлался бы добычею Нѣмцевъ, какъ и наши Западные собраты, занимавшіе земли по всему южному берегу Балтійскаго моря, если бъ не спасли его дружины Сѣверо-Восточной Руси. Низовскія полчища, приведенныя сначала Александромъ Невскимъ, потомъ сыномъ его, Дмитріемъ, рѣшили въ XIII столѣтіи споръ съ Нѣмцами двумя кровавыми битвами, при Чудскомъ озерѣ и Раковорскою; они, роняя духъ на покореніе Славяно-Руссовъ и угрожая жестокими битвами и побѣдами, спасли Новгородъ, Псковъ, спасли Православіе въ Новгородѣ, Псковѣ, и сохранили ихъ для великихъ судебъ Россіи. Дружины и Кіевскія, и Черниговскія, и Суздальскія, и Владимирскія, и Смоленскія, и Московскія лили кровь свою за Новгородъ, и спасли самобытность его; но Новгородъ ревнуетъ ихъ, хочетъ побрататься съ ними, исключаетъ ихъ рѣшительно изъ своихъ выгодъ, и считаетъ ихъ даже врагами своими за малѣйшее требованіе, за всякое настояніе войти въ малѣйшія выгоды, коими пользуется община, или члены ея.

Конечно, послѣ этого Новогородская область не могла найти ни внутри, ни внѣ себя, искреннихъ защитниковъ, которые, изъ любви собственно къ ней, готовы бы были за нее погибнуть. Изъ личныхъ выгодъ младшіе Новогородцы возставали даже противъ спасителя Новгорода, Александра Невскаго, и въ тѣхъ же видахъ смѣнили Посадника Ананія, боясь упорствомъ своимъ собрать надъ собою гнѣвъ Невскаго. Мало того, въ тревогѣ о потерѣ богатствъ, сама же община, какъ мы выше объяснили, предательски

казнитѣ, въ лицѣ Посадника Дворянинца, своихъ достойныхъ защитниковъ, въ угодность отъявленнымъ своимъ врагамъ. Послѣ Раковорской побѣды, дрожа за свои выгоды, Новогородцы не измѣнили ль другому спасителю своему, Дмитрію, сыну Невскаго, и когда же? когда онъ велъ ихъ противъ ихъ же врага, Василія Ярославича! И сохраняя свои выгоды, не признали ли они этого же самаго врага своимъ Княземъ, смѣнивъ имъ Дмитрія Александровича? Не сами они опять добровольно стали подъ руку Георгія Даниловича, и приняли отъ него правителемъ брата его, Аѳанасія, чтобъ имѣть возможность держать противъ двоюроднаго брата его, Михайла Ярославича, а потомъ разбитые, заключившись въ Торжкѣ, не кричали ль шумно, что не выдадутъ врагамъ своего Князя: и что же въ слѣдъ за тѣмъ? Выдаютъ такп Князя Аѳанасія, вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ вельможей Князя Московскаго, признавъ въ то же время врага своего своимъ Княземъ!

Такъ не удивительно послѣ сего, что въ Новгородѣ не могли образоваться тѣ благороднѣйшія начала воинской силы, подобныя дружинамъ Кіевскимъ, Черниговскимъ, Владимирскимъ, даже Ростовскимъ, или дружинамъ, окружавшимъ престолы Тверской, Московскій, дружинамъ, которыя отстояли самобытность земли Русской, въ борьбѣ, съ Печенѣгами, Болгарами, Мордвою, Половцами и Татарами, которыя, одушевляемыя любовію и полною довѣренностію къ своимъ властителямъ, двигались всюду и лили кровь для защиты разныхъ частей Государства. Отсюда ли могли изойти Мнинны и Пожарскіе, приносившіе на жертву достояніе, жизнь, чтобъ только спасти свою родину, свою Вѣру, благоденствіе своихъ соотечественниковъ? Она ли, эта холодная, себялюбивая община, могла взлелѣять Великаго Петра, исполнить душу его безграничною любовію къ своему народу, какою исполненъ былъ самъ народъ срединной Россіи, или земель Кіевскихъ, Владимиро-Волынскихъ, къ своимъ властителямъ? Она ли могла, съ вѣчнымъ подозрѣніемъ и кознями, вѣчно кичливая, буйная, а для правды и порядка не сильная, игравшая и достойнымъ и великимъ, она ли, говоримъ мы, дрожащая за малѣйшія выгоды, могла приковать къ себѣ душею Великаго, это солнце родины, эту живую правду, эту полную самоотверженности любовь?... Новгородъ требуетъ жертвъ

отъ родины, — и не хочетъ ни чѣмъ пожертвовать для нея; хочетъ, чтобъ благородныя дружины, движимыя любовію и преданностію къ Князьямъ, лили кровь свою за него, — и не хочетъ признать ихъ своими братьями, подѣлиться съ ними своими сокровищами, страшится близко допустить къ своимъ богатствамъ даже самихъ Князей, слѣдитъ за каждымъ шагомъ ихъ съ какимъ то-подозрѣніемъ, торгуется, какъ мы уже видѣли, о малѣйшей бездѣлицѣ съ ними, торгуется даже съ Иваномъ III, когда сей держалъ уже въ рукахъ своихъ судьбу всего Новгорода. Духъ исключительности царитъ, и онъ, какъ мы уже замѣтили, такъ силенъ въ Новгородѣ, что Новгородцы не только хотятъ совершенно отдѣлиться отъ другихъ частей Руси въ дѣлахъ Государственныхъ, но даже въ дѣлахъ, касающихся Церкви, хотя попытка эта имъ и не удалась [170] (1385 года).

---

[170] А той зимы бысть цѣлованіе..... цѣловаша крестъ... Посадникъ... Тысяцкій... на рѣчи, на Княжи дворѣ, и всѣ бояре и дѣти боярскія, и житьи, и черныя люди, и вся пять Концовъ, что не зватися къ Митрополиту, а на судъ подняти двумя концемъ по два Боярина съ стороны, и по два житья человѣка; тако же Посаднику и Тысяцкому судити право по цѣлованью. Пол. Соб. Р. Л. т. IV, стр. 91; 1391 г.: Прiиде Митрополитъ Кипрiянъ въ Новъградъ..... и много глаголаша Новугороду, чтобы грамота подрати, что Новъгородъ покончавше, яко не ваться къ Митрополиту на Москву; и Новогородци слова его не прiяша, а грамоты не подраша, и Митрополитъ поиде изъ Новогорода, а на Новогородцевъ великое нелюбiе удержа.... 1393 г.: Взя розмiры Князь Великiй Василiй Дмитрiевичъ съ Великимъ Новымъгородомъ про грамоту, что записалъ Великiй Новъгородъ грамоту къ Митрополиту не зватися на Москву, а повѣтствуя тако: «Чтобы есте къ Митрополиту грамоту отослали; а есте цѣловали, а той грѣхъ Митрополитъ съ васъ снимаетъ», и великiй Новъгородъ того не похотѣлъ. И Князь Великiй взя у Новогорода пригородъ Тръжекъ съ волостьми, и Волокъ Ламскiй и Вологду, и волости много повоева, а Новогородцы взяша у Князя Великаго Устюгъ городъ, Устюжну, и много волости поимаша; и въ то время съ обѣ стороны кровопролитiя много учинилося, и Новогородци, не хотя видѣти большаго кровопролитiя въ крестьянѣхъ (какая сострадательность съ одной стороны, и готовность постоять за истину съ другой, а съ третьей какая обдуманность и какое сознаніе въ вѣчевыхъ рѣшеніяхъ вообще, какъ и въ рѣшеніи объ отпаденіи Новгорода отъ власти Митрополита!) послаша къ Великому Князю съ челобитьемъ по старинѣ, а къ Митрополиту послаша грамоту цѣловальную; и Митрополитъ словомъ повѣтствовавше: «Азъ у васъ грамоту цѣловальную емлю, а грѣхъ съ васъ снимаю, а васъ благословляю», а Князь Великiй Новогородское челобитье прiялъ, и вая миръ по старинѣ.....

Да, не въ средѣ Новогородской могла образоваться благородная Русская дружина, опора Вѣры, Престола и Государства, дружина, требующая довѣрія, любви и уваженія къ себѣ, и всегда готовая положить голову свою за Вѣру, Государя и Отечество. Если мы и видимъ, что вокругъ Князей скучивались лица, принадлежавшія къ Новогородской же общинѣ и дѣйствовавшія согласно волѣ Князя, но личныя выгоды заставляли ихъ рано, или поздно оставлять Князей, и они опять сливались съ общиной, или были избиваемы, или же, наконецъ, уничтожались политически. Княжеская дружина хотя постоянно показывается посреди Новгорода, но, безъ всякаго сомнѣнія, она образовалась изъ основъ другихъ частей Руси, а во всякомъ случаѣ была какъ тѣнь, безъ силы и значенія, безъ всякаго вліянія на общину. Посреди всѣхъ внутреннихъ раздоровъ между Сторонами, Концами и партіями, нигдѣ не слышится мирительный, или властительный голосъ ея; да и иначе быть не могло, по тому что, среди разгара страстей Новогорода, не было слышно мирительнаго, или властительнаго голоса даже самаго Князя. Въ покойныхъ совѣщаніяхъ вѣча нѣтъ со стороны Княжеской дружины также совѣщательнаго голоса. Въ продолженіи всей исторіи Новогородской мы видимъ ее только разъ на мѣстѣ вѣчей, но не съ совѣщательнымъ голосомъ, а съ оружіемъ въ рукахъ, и не для возстановленія немедленнаго же порядка, а ополчившеюся на бой вмѣстѣ съ Торговою Стороною противъ стороны Боярской. [171] Мы встрѣчаемъ ее не разъ посреди ратнаго поля; [172] видимъ, что она

---

[171] И възвади весь городъ (Всеволодъ Князь), хотя убити Твердислава..... и поиде Князь Всеволодъ съ Городища съ всѣмъ дворомъ своимъ, и скрутися въ брони аки на рать, и пріѣха на Ярославль дворъ; и снидоша Новогородци (какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, Торговая сторона, и, можетъ быть, Неревскій Конецъ) къ нему въ оружіи, и сташа полкомъ на Княжѣ дворѣ.

[172] Подъ 1192 г... Князь Ярославъ... дворъ свойославъ съ Пльскопци воевать; и шьдъше, възяша городъ Мѣдвѣжю Голову, и пожьгоша Новг. I, стр. 20. Подъ 1225: Князь же Ярославъ и Володимиръ съ сыномъ и съ Новоторжьци, Княжъ дворъ, Новгородцевъ мало, Торопцяне съ Князьмъ своимъ Давидомъ, поидоша по нихъ (на Литовцевъ, сдѣлавшихъ впаденіе)... и тако, Божіею помочью и Святыя Софіи, отъимаша всь полонъ, а самѣхъ избиша 2000. Тамъ же, стр. 42. Подъ 1245: «Заутра приспѣ Александръ съ Новгородци, и отяша полонъ весь, а Княжиць насѣче или болѣ 8; и отоле Новгородци въспятишя, а

въ лицѣ самаго Князя, или въ лицѣ заступающаго его мѣсто, Боярина, вмѣстѣ съ Новогородскимъ Посадникомъ, принимаетъ участіе въ высшихъ рѣшеніяхъ дѣлъ тяжебныхъ и уголовныхъ;[173] видимъ ее блюдущею за порядкомъ и властительницею городской темницы.[174] Но она судья, а голосъ Посадника можетъ отнять всю силу у ея рѣшенія. Князь рѣшаетъ дѣло не иначе, какъ по согласію съ Посадникомъ, и открытыя ими злоупотребленія и неправды не могутъ преслѣдоваться Княземъ безъ воли Новогородскаго Посадника. Дружина Княжеская видимо обязана блюсти за порядкомъ,—а въ областные города Князь назначаетъ постоянныхъ судей правителями изъ своихъ друзей. Но имъ сопротивоставляются судьи-правители Новогородскіе, въ лицѣ областныхъ Посадниковъ, и этѣ двѣ власти безъ сомнѣнія стояли другъ къ другу въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ стояла Княжеская власть къ Посаднику Новгородскому; Князь разсылаетъ, сверхъ того, временно изъ своей дружины судей для наблюденія за правдой въ самой области, но вѣчевыя сходки между тѣмъ, безъ суда и изслѣдованія, грабятъ, разоряютъ, преслѣдуютъ, забиваютъ гражданъ до смерти, и трупы ихъ бросаютъ въ Волховъ. Она судья и блюститель порядка, но не можетъ правдой и силой вырвать изъ произвола вѣча кого либо изъ преслѣдуемыхъ сходкою, взять его подъ покровительство закона, и покойно осудить его, если онъ виноватъ, или оправдать, если не виненъ; не имѣетъ права и преслѣдовать виновныхъ въ этомъ произволѣ. Сходки дѣлаютъ ее какимъ-то страдательнымъ властителемъ-суди-

---

Князь погонися по нихъ съ своимъ дворомъ, и би я и не упусти ихъ ни мужа;.... а самъ поима сына своего изъ Витебьска, поѣха въ малѣ дружинѣ, и срѣте иную рать... и тѣхъ изби. Тамъ же стр. 54. И нѣтъ сомнѣнія, что дружина Новогородскихъ Князей участвовала постоянно въ походахъ Новгорода, въ которыхъ были сами Князья.

[173] Высшую судебную инстанцію составляли въ Новгородѣ сперва одинъ Князь, а въ послѣдствіи Князь съ Посадникомъ; вторую—Княжескій Бояринъ съ Бояриномъ Новогородскимъ.

[174] Год. 1136. Новогородци винища Князя Всеволода, что онъ не блюдетъ смердовъ; въ 1218 г.: взявъ подъ стражу одного изъ своихъ собратовъ, Новогородцы привели его на Городище, и тамъ отдали его подъ стражу; подъ 1231 г.: Князь.... изъима Пльсковици, и посади я на Городищѣ въ Гридницѣ. П. С. Р. Л. т. III, стр. 7, 36 и 48. См. также Лаврентьевск. подъ 1071 г., стр. 77 и 78.

ею, который и видитъ несправедливость, а долженъ молчать и подчиняться произволу въ дѣлахъ, касавшихся жизни и достоянія гражданъ, безмолвно подчиняться этому произволу и тогда, когда онъ вздумаетъ сдѣлать и ее самое своей игрушкой. Она видимо также блюстительница порядка; но когда, въ враждѣ Сторонъ, Концовъ, семей и партій, нарушаются страшнымъ образомъ права личности и собственности, когда отправляютъ на тотъ свѣтъ Новогородцы другъ друга, она не имѣетъ права остановить этѣ беззаконія, возстановить порядокъ даже именемъ Князя; мало того, поставляется сама въ такое положеніе, что лица, представленныя ей самими же Новогородцами, какъ нарушители закона и порядка, и захваченныя во время этѣхъ тревогъ, выдаются ею, изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ и преслѣдованіе той или другой Стороны; [175] отъ наблюденія за сохраненіемъ внѣ закона и порядка въ гостиномъ дворѣ совершенно устраняется. [176] Безъ голоса примирительнаго, безъ голоса совѣщательнаго на вѣчахъ, безъ права защищать силой, или судомъ, отъ смерти и разоренія гражданина, преслѣдуемаго произволомъ, она лишена была даже того права, которымъ пользовался послѣдній Новогородскій Дворянинъ, лишена была права пріобрѣтать, какимъ бы ни было способомъ, Дворянскую недвижимую собственность: для нея нѣтъ подобной собственности въ земляхъ Новогородскихъ. [177] Мало того, лишивъ ее всѣхъ правъ лица нравственнаго Государственнаго, и заставляя ее исполнять только волю Сторонъ, Концовъ и партій, Новгородъ сохранилъ еще за собою право штрафовать ее, [178] сажать въ цѣпи, или подъ стражу, [179] или поставлять въ такое положеніе, что она тайно, какъ

---

[175] Пол. Соб. Р. Л. т. III, стр. 36.

[176] См. выше.

[177] См. выше.

[178] А на Ярославлихъ любъвницѣхъ поимаша Новогородци кунъ много, и на Городищанѣхъ (Кн. дружинѣ), а дворомъ ихъ не грабяче и даша на великый мостъ. Подъ 1229 г. Ипат. I, стр. 45.

[179] Тогъ 1210 г., Новогородцы не только дозволили Князю пришельцу заковать въ цѣпи Княжескую дружину Князя своего, Святослава, бывшую въ Торжкѣ, но и

какой ни будь преступникъ, скрывается отъ него. [180] Вотъ роль Княжеской дружины. Дружинникамъ своимъ Князь не имѣетъ права раздавать какія ни будь административно-полицейскія мѣста въ области: этѣ мѣста могутъ занимать только одни Новогородцы. [181] Роль дружины областной, напротивъ, при постепенномъ ослабленіи срединной правительственно-военной власти (Посадникъ), при явномъ часто недовѣріи, даже при явномъ принебреженіи къ ней, при этомъ буйномъ произволѣ суда вѣчеваго, гдѣ попирались достоинства, санъ и заслуга, должна была запечатлѣться полнымъ произволомъ, въ отношеніи обѣихъ Сторонъ, т. е., Стороны Боярской и Стороны Торговой. Такъ стремленіе къ исключительности, духъ себялюбія, братоненавидѣнія, заградили пути къ образованію Государственной личности въ Княжеской дружинѣ, и къ правильному формированію военнаго элемента, постоянно необходимаго для каждаго Государства. По этому, въ замѣнъ Княжеской дружины и независимо отъ дружины областной, должна была образоваться въ Новгородѣ дружина особаго рода, которая, отдѣляясь отъ толпы народной, не могла найти въ средѣ Новгорода, съ одной стороны, срединно-нравственной точки, вокругъ которой она могла бы правильно собираться, съ другой нравственнаго и физическаго противодѣйствія въ случаѣ своего уклоненія, дружина непокойная, и, при ложномъ направленіи самой общины, страшно опасная. Объяснимся подробнѣе.

Когда въ другихъ частяхъ Россіи вездѣ оброзовывалась Княжеская дружина, эта школа, этотъ разсадникъ высшихъ Государ-

---

сами посадили подъ стражу дружину его, бывшую въ Новгородѣ, заставивъ и самаго Святослава раздѣлить участь ея. Нов. I, стр. 31.

[180] На пр. подъ 1141: Святославъ же убоявъся и бѣжа, и съ женою и съ дружиною своею (Ипатьев. стр. 17); подъ 1224: поиде Князь Всеволодъ другое изъ Новагорода, въ ноць, утаивъся, съ всѣмъ дворомъ своимъ (Нов. I, стр. 41), и пр.

[181] Что волостей всѣхъ Новогордьскыхъ, того ся, Князи, не держати своими мужи, нъ держати муже Новогородьскыми. Догов. гр. 1263, 1270, 1305 и др. до самого паденія Новгорода. Тоже въ договорной гр. 1471 г., съ Иваномъ III тоже условіе.

ственныхъ соображеній, высшей Государственной дѣятельности, школа согласій, которая готовила людей не на службу того, или другого сословія въ отдѣльности, а на службу общую, на службу высшихъ Государственныхъ выгодъ, въ идеѣ Князя скрывался одинъ безразличный покровъ для всѣхъ сословій — идея общей правды, общаго благосостоянія. Князю нужны были слуги сознательные и не сознательные для выраженія этой идеи въ жизни народной, для устройства Государства сообразно съ нею, для защиты ея, которое было святымъ долгомъ ея; и отъ всѣхъ сословій, отъ всего народа отказали въ услуженіи Князю избраннѣйшіе, и образовываясь вызвавшею ихъ идеею, являлись передовыми свѣтильниками и вождями для всѣхъ сословій. Отдѣленіе чистѣйшихъ и болѣе жизненныхъ соковъ къ средѣ, къ сердцу Государственному, какъ мы видѣли, не вездѣ было одинаково, и, задерживаясь съ начала невѣжествомъ народа, къ XIV и XV ст. сдѣлалось обыкновеннымъ общимъ жизненнымъ процессомъ, давая Князю возможность, въ случаѣ нужды, совокупить свободно толпы защитниковъ общаго благосостоянія. Государство дробилось на сословія, по степени услугъ въ исполненіи требованій Государственной религіозно-нравственной цѣли, по степени сознанія этихъ требованій, но въ этой цѣли оно было едино. Въ самомъ низшемъ сословіи вѣковыя событія, высокіе образцы, развивавшіеся жизнію избраннѣйшихъ, собиравшихся около Князя и посвящавшихъ жизнь свою на многотрудную службу той великой цѣли, требовавшей жертвъ и жертвъ, труда, усилій, лишеній, даже жизни, эти событія, эти великіе образцы, говоримъ мы, запечатлѣлись глубоко хотя темнымъ сознаніемъ и пробуждали благоговѣніе предъ этими образцами, перенося его на всѣхъ сподвижниковъ Князя, въ дѣлѣ великомъ, въ дѣлѣ Божіемъ, въ защитѣ благосостоянія Государственнаго, въ водвореніи правды, порядка, въ осуществленіи и пробужденіи высшихъ религіозно-нравственныхъ требованій жизни, на все Дворянство, въ обширнѣйшемъ смыслѣ. Высокая цѣль ставила въ правильныя и уважительныя отношенія сословіе къ сословію и всѣ сословія передъ властію. Вотъ путь развитой основной части Россіи въ идеѣ Князя и въ первомъ, существеннѣйшемъ выраженіи ея, въ дружинѣ Княжеской, которая образуетъ въ послѣдствіи цѣлую массу Дворянства, цѣлое сословіе, сословіе не замкнутое, но оживляемое вновь отдѣляющимися отъ жизни народной элементами, освящавшимися въ идеѣ Князя. Въ

Новгородѣ не было ни чего подобнаго. Сословія не раскрылись сдѣсь для помысла общей правды, общаго покрова, для высшихъ религіозно-нравственныхъ требованій: помыслъ о вещественныхъ, земныхъ выгодахъ подавлялъ сдѣсь постоянно цѣли духовныя. Безсиліе семейнаго чувства—чувства любви и сострадамія, было причиной тому. Какое бы умственное образованіе вы ни дали Новгородцу, онъ, при безсиліи семейнаго чувства, при своемъ братоненавидѣніи, сребролюбіи, при своей несострадательности къ ближнему, при своей жестокости сердца, остался бы тѣмъ же себялюбомъ, только болѣе хитрымъ, болѣе ловкимъ, не столь жестокимъ по внѣшности. Новгородецъ нуждался въ образованіи сердца, въ развитіи органа сознанія высшей любви, имѣющей образецъ для нее въ страданіяхъ Спасителя до крестной смерти, изъ любви къ людямъ, за истину. Пусть грабятъ храмъ—Новгородецъ не оскорбится этимъ святотатствомъ; пусть поругаются надъ властію духовнаго религіознаго міра—это тоже не тревожитъ его; пусть поругаются надъ властію свѣтскою, держащею законъ и порядокъ, ведущею жизнь къ высшимъ духовнымъ цѣлямъ, охраняющею народъ со всѣми святынями его, и онъ—не понимаетъ, не сознаетъ, что этимъ поруганіемъ власти разрушаются законъ и порядокъ, разстроивается жизнь и благосостояніе народа, поругаются святыни, предъ которыми преклоняется народъ; пусть царятъ неправда, ложь, кляпопреступленіе, грабежъ, насиліе—нѣтъ дѣла до нихъ Новгородцу, пока они не касаются его лично. Но попытайтесь прикоснуться, даже во имя общей правды, высшихъ Государственныхъ требованій, къ сословнымъ выгодамъ—и Новгородъ станетъ тогда весь подъ оружіе, и гибель тогда каждому изъ Новгородцевъ, который бы раздѣлилъ эти требованія: его не медленно же, безъ дальнѣйшаго суда и изслѣдованія, убили бы, сбросили бы трупъ его въ Волховъ, а имущество разграбили бы, подобно тому, какъ поступлено было въ Новгородѣ съ Посадникомъ Дмитріемъ. Попытайтесь казнить, во имя высшей правды, во имя высшихъ Государственныхъ цѣлей—и Новгородъ застонетъ и ужаснется, назоветъ эту казнь страшнымъ насиліемъ, надъ которымъ и Святые задумаются и прольютъ даже слезы; а если соперничество между Боярскими семьями подыметъ тревогу на цѣлый городъ, гдѣ частная вражда разовьется во вражду общую и будетъ пожирать жертву за жертвою—Новгородецъ останется покойнымъ... Но

городъ не имѣлъ сердца, которое бы могло сознать внѣшнія религіозно-нравственныя требованія. Въ слѣдствіе непризнанія жизнію, или признанія слабаго, этихъ требованій, идея Князя, олицетворявшая собою покровъ этихъ требованій, не могла бросить корней въ жизни Новогородской; а въ слѣдствіе безсознательнаго сознанія этой идеи, Новгородъ не могъ дать Князю слугъ, для осуществленія въ жизни народной этого помысла, не могъ возродить въ средѣ своей Княжеской дружины; и по этому же Княжеская дружина оставется въ Новгородѣ до самаго паденія его отдѣленною отъ выгодъ сословій. Ни то, ни другое, ни третье, сословіе не отдѣлялось въ Новгородѣ передовыхъ вождей жизни, потому что жизнь не имѣла высшихъ цѣлей, кромѣ сословныхъ выгодъ, выгодъ Сторонъ, Концовъ, семей и партій. Военная младшая дружина отдѣлялась, безъ сомнѣнія, отъ всѣхъ сословій: нужно было защищать общинныя выгоды; но кончилась война, и эта дружина разсылалась по Сторонамъ, Концамъ и болѣе малымъ общинамъ и семьямъ, какъ членъ этихъ общинъ, или какъ прислужница, и дума объ общихъ выгодахъ, пробужденная навнѣ, какъ бы случайно, общею опасностію, не находила отраженія въ жизни мирной, мало по малу погасала. Между тѣмъ продолжительныя войны, поддерживая думу объ этихъ выгодахъ, образовывали людей не мирныхъ, людей, пріобучавшихся къ жизни Казацкой, къ жизни лихихъ набѣговъ, къ жизни хищничества. Кромѣ того, не во имя высшихъ духовныхъ требованій подымалась община и войною, и не высшія духовныя требованія опредѣляли свойство войны. Бояринъ и не Бояринъ, представители Сторонъ, оставались и посреди войны съ тѣмъ же свойствомъ, съ тѣмъ же взглядомъ, какъ и во время мира; а ихъ свойство было или дикая надменность, или строптиво-безжалостная сила, взглядъ ихъ взглядъ себялюба; и эта дико-надменная, или строптиво-безжалостная, сила, это себялюбіе, не могли скрыться и во время войны и были вождями младшихъ Новогородскихъ воиновъ. Образовавшаяся въ этомъ духѣ младшая дружина не находила мѣста себѣ въ обычной жизни Новгорода и слабо входила съ своими воинскими привычками въ большія и малыя общины, какъ членъ, принадлежащій къ нимъ; либо, оставаясь безъ всякаго значенія и смысла, должна была служить орудіемъ страстей, которыя оживляли и тревожили общину, губили законъ, правду, попирали всѣ высшія Государственныя религіозно-нрав-

ственныя требованія; между тѣмъ духъ удальства и хищничества, возращаемый войною, не могъ не искать себѣ предметовъ для дѣятельности, согласныхъ съ его природой. Такъ образуются въ Новгородѣ молодцы, которые, съ позволенія и безъ позволенія Новгорода, ходили въ чужія земли, для опустошенія ихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для добычи. Продолжительное мирное время грозило Новгороду другой бѣдой—разъединеніемъ по сословіямъ, по Концамъ, по партіямъ и совершеннымъ паденіемъ думы объ общей пользѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ образованіемъ толпы людей съ негражданскими качествами, еще въ большомъ размѣрѣ, нежели образовывала ихъ война. Соперничество между Боярскими семьями и кичливость младшихъ Новогородцевъ, сопутствуемые постоянно насиліемъ, убійствами, грабежами и разореніемъ, было страшною школою для отдѣлившейся отъ сословій толпы народной и прислонявшейся въ Новгородѣ къ привилегированнымъ сословіямъ, а въ другихъ частяхъ Руси входившихъ въ составъ дружинниковъ. Выкинутые изъ сословныхъ выгодъ, къ которымъ духъ исключительности Софійской и Торговой Сторонъ, пріурочивалъ ихъ, и дѣйствуя, какъ орудія Сторонъ, Концовъ, партій и семей, эта толпа проникалась духомъ кичливости, насилія, убійствъ, грабежа и хищничества, духомъ неправды, козней, духомъ беззаконія; и этотъ духъ негражданственности пораждалъ изъ нихъ крамольниковъ, вѣчниковъ, поджигателей, грабителей, ябедниковъ, лжесвидѣтелей и вообще лихихъ людей, людей подкупныхъ, готовыхъ всегда помогать открытою силою или Боярскимъ семьямъ въ враждѣ ихъ между собою, либо Сторонамъ, Концамъ, партіямъ, даже готовыхъ постоянно поддерживать и раздувать внутренній раздоръ и безпорядки для того, чтобъ дать пищи своему крамольному стремленію къ грабежамъ и хищничеству. Даже въ средѣ самыхъ дружинниковъ, получившихъ гражданскую значимость (Дѣти Боярскія) и употреблявшихся на мирную службу, въ должности судей, полицейскихъ чиновниковъ, въ должности сборщиковъ, не могли не образовываться подобнаго же рода люди, зараженные общимъ духомъ себялюбія, неправды, жестокости Сторонъ, Концовъ, семей и партій. Какой правды можно было ожидать отъ подобнаго рода людей, когда могъ подкупаться цѣлый Конецъ? Какую защиту отъ чиновника, когда Стороны, Концы и партіи могли въ самомъ же Новгородѣ безнаказанно бить людей, грабить и разорять ихъ?... Можно себѣ пред-

ставить, такимъ грабежемъ знаменовали себя подобнаго духа дружинники-чиновники вдали отъ Новгорода, въ особенности сборщики въ земляхъ Югры и Печеры: и этимъ-то однимъ духомъ нищенства и насилія мы объясним неоднократную гибель этихъ дружинниковъ-сборщиковъ? Съ другой стороны, былъ ли Посадникомъ Боярин, державшійся своей Стороны, и всѣ судьи, всѣ чиновники, разсыпанные по области, какъ подчиненные ему, конечно, поддерживали выгоды Боярскія на счетъ выгодъ двухъ другихъ сословій. Былъ ли Посадникомъ Боярин, представитель Торговой Стороны, онъ, чрезъ чиновниковъ, поддерживалъ въ области выгоды средняго сословія на счетъ выгодъ высшаго и низшаго сословій. Чиновникъ, дѣйствовавшій въ выгодахъ одной стороны, не могъ не преслѣдоваться стороною противной, если эта послѣдняя одерживала верхъ въ самомъ Новгородѣ; а свойство Новгородскаго преслѣдованія извѣстно намъ: избить до полусмерти, или даже до смерти, бросить мертваго, или полумертваго, въ Волховъ, а имѣніе разорить и расхитить; но если преслѣдованіе дарило жизнь преслѣдуемому, то куда могъ обратиться съ своею дѣятельностію дружинникъ, такимъ образомъ разоренный? Куда могли обратиться его сыновья?... Пристать ли къ сторонѣ Буслаевичей, поиться и кормиться у нея, или къ сторонѣ молодцевъ и лихихъ людей, грабителей, забедниковъ, пѣяницъ, кулачныхъ бойцевъ? Такъ, когда въ другихъ частяхъ Руси отдѣлялся отъ сословій лучшій сокъ, лучшій цвѣтъ, для высшихъ цѣлей Государства, складывался въ Княжескую дружину и образуя собой передовыхъ вождей въ религіозно-нравственномъ развитіи, въ Новгородѣ, напротивъ, все, что могло стать впереди и возвать Новгородцевъ къ высшимъ цѣлямъ, воззвать ихъ, по крайней мѣрѣ, къ думѣ объ общинномъ благоденствіи, было преслѣдуемо, и, въ замѣнъ начала благороднѣйшаго, ростилось начало въ полномъ смыслѣ предательское, предлинное, безнравственное, противозаконное, мятежное. И Новгородъ ни сколько не пугался его!

Явленія тревожныя рано уже начали обнаруживаться въ исторіи Новогородской съ этой стороны. Уже подъ 1228 годомъ мы читаемъ въ исторіи Новогородской: «Окаянный дьяволъ... воздвигъ крамолу великую со стороны простой чади; и собрались вѣчемъ на Ярославовомъ Дворѣ, а съ вѣча двинулись на дворъ Владыки, толкуя между

собой, что по тому долгое время стоитъ теплая погода, что Архіепископъ Арсеній, будьто бы, пріобрѣлъ Архіепископство происками, кознями противъ прежняго, смѣненнаго имъ, Архіепископа Антонія, и мздою за свое возвышеніе самому Князю. Пришедши къ Антонію, они схватили его, словно какого ни будь злодѣя, вытащили изъ палатъ, даже со двора, и заставили его скрыться въ церкви Св. Софіи, что на Хутынѣ, а на другой день снова посадили (прежняго) Архіепископа Антонія.» [18] Это дикое движеніе со стороны простой чади имѣетъ видимую связь съ послѣдовавшими, въ слѣдъ за тѣмъ, не менѣе странными, событіями, и мы остановимся еще нѣсколько мгновеній на немъ. Оно случилось во время отсутствія Князя Ярослава, на котораго Софійская Сторона и частію даже Торговая были недовольны. Принимая при этомъ въ соображеніе, что, во первыхъ, въ слѣдъ же за мятежомъ простой чади противъ Архіепископа открылась тревога въ цѣломъ городѣ, подъ вліяніемъ думы, что нѣкоторые изъ Новгородцевъ съ намѣреніемъ руководятъ Князя противъ общины, и слѣдствіемъ этой тревоги было новое вѣче, съ котораго Новгородцы двинулись съ оружіемъ на Тысяцкаго Вячеслава, и разграбили дворъ его, а также другіе дворы, принадлежавшіе брату Тысяцкаго, Богуславу, Владычему Стольнику Андреичу, Давиду и Судимиру, отрядивъ въ то же время часть своихъ на Старосту Душильца, съ тѣмъ, чтобъ имѣніе его разграбили, а самаго схватили и повѣсили; во вторыхъ, Новгородцы вновь звали тогда жъ Князя Ярослава, съ тѣмъ только, чтобъ онъ не стѣснялъ ихъ въ судѣ; въ третьихъ, что тогда же, послѣ бѣгства, оставленнаго Ярославомъ, Боярина, съ малолѣтными дѣтьми сего Князя изъ Новгорода, Новгородцы толковали, что Богъ знаетъ, за что разсердился этотъ Бояринъ; ибо они наказали только дурныхъ совѣтниковъ Князя, своихъ же братій, а не замышляли ни чего противъ самаго Князя; принимая въ соображеніе все это, и недовольство Софійцевъ и Торговцевъ, ихъ движеніе противъ лицъ, стоявшихъ близко къ Ярославу, и ихъ не желаніе видѣть Ярослава своимъ Княземъ иначе, какъ подъ сказаннымъ условіемъ, мы, кажется, не безъ основанія можетъ предполагать, что самое движеніе простой чади противъ Архіепископа Антонія было плодомъ коз-

---

[18] Нов. I, стр. 44.

ней Софійской же Стороны. Чадь была только темнымъ орудіемъ думы Софійцевъ, которые видѣли въ Архіепископѣ лицо, преданное Ярославу; ибо слова простой чади, что Антоній выискалъ у Ярослава свое Архіепископство и низвергнулъ такимъ образомъ прежняго Архіепископа, ясно говорятъ, что онъ былъ подъ особымъ покровительствомъ Ярослава, по убѣжденію самихъ Новгородцевъ, и, какъ обязанный всѣмъ Ярославу, онъ не могъ не дѣйствовать въ пользу его. Въ этомъ предположеніи подтверждаетъ еще насъ отсутствіе всякаго противодѣйствія со стороны Софійцевъ наглымъ, лишеннымъ всякаго смысла, поруганіямъ чади надъ Святителемъ своимъ, отсутствіе всякаго противодѣйствія даже въ низведеніи Арсенія съ Архіепископства; и если наше предположеніе вѣрно, то сами же старшіе Новгородцы тайно руководили и въ настоящемъ случаѣ своихъ младшихъ собратій на дѣла, въ которыхъ разрушались святыя связи между народомъ и властью, сами сознательно приготовляли ихъ къ движеніямъ противогосударственнымъ, которыя поведутъ Новгородъ къ совершенному внутреннему разрушенію. Какъ бы то ни было, простая чадь является въ настоящемъ случаѣ дѣйствующею по своей волѣ, свободно поругается надъ порядкомъ и святостію сана духовнаго главы Новгорода и остается безнаказанною; напротивъ, ея рѣшеніе признается цѣлымъ Новгородомъ. Подобное же незаконное движеніе со стороны простой чади мы замѣчаемъ въ 1337 году, и Новгородъ подчиняется этому движенію и рѣшенію чади, какъ закону: «Возстала простая чадь на Архимандрита Іосифа; собралась вѣчемъ, и заперла Іосифа въ церкви Св. Николы, и сидѣли около церкви ночь и день крамольники, сторожа его.» [183] Въ 1291 году этѣ «крамольники» грабили въ Новгородѣ купеческія лавки, и двухъ изъ нихъ, вѣроятно какъ главныхъ виновниковъ, народъ утопилъ въ Волховѣ. [184] Въ 1332 году этѣ крамольники свели съ Посадничества Ѳедора Ахмыла, и на его мѣсто посадили Захарія Матвѣевича; разграбивъ въ то же время у какого-то Семена Судакова домъ, и у брата его, Ксенофонта, села. [185] Въ 1342 году они играютъ еще большую роль:

---

[183] Нов. I, стр. 78.

[184] Тамъ же, стр. 65.

[185] Въсташа крамольници въ Новѣгородѣ и отъяша посадничьство у Ѳедора у

являются судьями Посадника и какого-то другого Боярина, разграбили ихъ домы и села, заставивъ ихъ самихъ бѣжать изъ Новгорода. [186] Потомъ же, когда Бояринъ Онцифоръ и бывшій Посадникъ, Матвѣй, потребовали отъ Новгорода формальнаго суда надъ Посадникомъ Ѳедоромъ, Софійская Сторона приняла рѣшеніе черни или, по крайней мѣрѣ, дѣйствовала противъ Посадника Ѳедора, а Торговая, возставшая за Ѳедора противъ Софійской, не возстановила правъ его на Посадничество: судъ крамольниковъ былъ судомъ окончательнымъ для Новгорода по настоящему дѣлу. Пожары очень часто пустошили Великій Новгородъ, и, при описаніи ихъ, лѣтописецъ не рѣдко упоминаетъ о злыхъ людяхъ, которые занимались грабительствомъ, даже разбоемъ, въ это время. Такъ, на пр., говоря о двухъ страшныхъ пожарахъ, бывшихъ въ 1311 году, онъ, послѣ описанія перваго, прибавляетъ: «а злые люди и не добрые, Бога не боясь, видя общее несчастіе—людямъ погибель, пограбили чужія имущества...» Послѣ описанія втораго: «а окаянные человѣцы, такоже Бога не боячеся, не помнящи суда Божьяго, не сожалѣя братій своихъ, пограбили чужыя имущества.» Въ 1349 году, когда почти весь Новгородъ былъ уничтоженъ пожаромъ, подобное грабительство сопровождалось убійствами и, между прочимъ, вторженіемъ въ храмъ, расхищеніемъ частныхъ богатствъ, снесенныхъ туда на сохраненіе, и покушеніемъ на святыни самаго храма: крамольники не допускали уже оныхъ выносить; но одно лишь быстрое распространеніе пламени, одна физическая невозможность, не позволила имъ дойти до сего крайняго предѣла святотатства: «а то злые люди.... не токмо у человѣка, у своего брата, Христіянина, пограбили, а иныхъ надъ своимъ имуществомъ побили, а имущество овладѣли, но грабили и въ святыхъ церквахъ.»

Ахмыла, и даша Захарьи Михаиловичу, и пограбиша дворъ Смена Судокова, а брата его, Сенефонта, села пограбиша. Тамъ же, стр. 76.

[186] И въсташа чрьныи люди на Ондрѣшка, на Ѳедора на Посадника на Данилова, а тако ркущи: яко тѣ заслаша на Луку убити, и пограбиша ихъ домы и села; а Ѳедоръ и Ондрюшка побѣгоша въ Копорью городокъ, и тамо сѣдьша зиму всю и до великаго говѣніа. Тамъ же, стр. 82. Что сдѣсь подъ словомъ чернь лѣтописецъ разумѣетъ не Торговую Сторону, это положительно видно изъ дальнѣйшаго разсказа его о настоящемъ же предметѣ.

Вотъ каковъ страхъ Божій въ насъ: тамъ, гдѣ мы видимъ гнѣвъ Божій надъ собою, тамъ, гдѣ воинову Христіанину слѣдовало бы бросить домъ свой, чтобъ спасать отъ гибели храмъ святой, тамъ мы, вмѣсто сокрушенія сердцемъ, вмѣсто слезъ, вмѣсто покаянія, еще на худшее зло подвизаемся! Загорѣлась церковь Святыхъ сорока Мучениковъ, отлично устроенная и украшенная иконами, и стѣнными писаніемъ, и кованіемъ и крутою; многіе предъ тѣмъ перетаскали въ нее изъ домовъ все свое имущество; церковь была заперта, и при ней было двое сторожей: сторожа были убиты, снесенныя имущества разграблены, а иконъ и книгъ грабители не допустили выносить, и оставили грабительство только тогда, когда пламя готово уже было объять весь храмъ. Около церкви храма Св. Богородицы найденъ мертвымъ Священникъ; конечно, онъ могъ погибнуть посреди пламени, но иные разсказываютъ, что его убили надъ имуществомъ, надъ товарами, посему церковь съ иконами и книгами совершенно сгорѣла, но не было замѣтно, чтобъ къ сему Священнику пламя прикоснулось даже сколько нибудь: «сего же ни власъ огнь прикоснуся,» а между тѣмъ все имущество, весь товаръ, было разграблено. Мудрено ли не было, послѣ этого Новгородцамъ, въ 1443 году, заподозрить своихъ же собратій въ поджигательствѣ: «въ тайнѣ ходите и людемъ не являетеся, и зажигаете градъ, и люди губите,» хотя лѣтописецъ и прибавляетъ къ этому разсказу, что Богъ одинъ знаетъ, откуда находятъ на людей испытанія, и что Новгородцы не могли быть въ это время судьями, по тому что были «въ скорби великій пожарнія и отъ простя смущени.» Въ 1230 году, при описаніи страшнаго голода и мора, когда мертвецы «по улицамъ, на площадяхъ и на великомъ мосту, были пожираемы псами», когда три скудельницы были наполнены безчисленнымъ множествомъ мертвыхъ тѣлъ, когда «бяше туга и печаль,» когда встрѣча на улицахъ съ пріятелями не разсѣявала скорби, и эта скорбь гнала человѣка домой, а дома одолѣвала тоска при видѣ, какъ дѣти одни плачутъ, прося хлѣба, другія умираютъ съ голода, лѣтописецъ представляетъ намъ, съ одной стороны, всю отвратительную холодность Новгородской общины: братъ надъ братомъ не сжалится, ни отецъ надъ сыномъ, ни мать надъ дочерью, ни сосѣдъ сосѣду не уломять хлѣба», съ другой—дикость и звѣрство простой чади: «иніи простая чадь рѣзала людей живыхъ и пожирали, а другія пожирали трупы, обрѣ-

ывая мясо съ нихъ, а иные злые люди начали также добрыхъ людей домы зажигать, гдѣ узнавали, что есть хлѣбъ, и разграбливали имѣніе ихъ.» [187] Такъ эта простая чадь, появившись рано въ Новгородѣ, проходитъ чрезъ XII, XIII, XIV и XV столѣтія съ своимъ характеромъ противогражданскимъ и печатлѣетъ свое существованіе во внутренней исторіи рѣзче, самобытнѣе, нежели младшіе дружинники эти въ другихъ частяхъ Руси, дѣтцки, отроки, а молодцы въ великомъ Новгородѣ. Но когда Новгородъ, славя въ своихъ младшихъ дружинникахъ удальство, молодечество въ ратныхъ подвигахъ, не хотѣлъ облагородить эти подвиги именемъ Вѣры, Отечества, не хотѣлъ почтить облагороженной храбрости дареніемъ младшимъ дружинникамъ соотвѣтственной гражданской и общественной значимости и въ настоящемъ и въ будущемъ, не хотѣлъ этого по тому, что подобный даръ потребовалъ бы пожертвованій со стороны Бояръ и промышленниковъ, ведшихъ безпрерывную борьбу именно только за сохраненіе своихъ богатствъ и привилегій, тогда младшіе дружинники, эти молодцы, подобно простой чади извергаемые изъ жизни гражданской, обратились съ своимъ удальствомъ и молодечествомъ на подвиги также противогражданскіе, въ которыхъ клеймилось позорнымъ клеймомъ и имя Христіанина и имя гражданина. Здѣсь простая чадь, кулачные бойцы и эти молодцы, пользовавшіеся правами гражданскими только временно, обезразличиваются между собою. До какой степени эта новая жизнь нашихъ молодцовъ была въ духѣ Новгородской общины, ясно видно изъ тѣсной связи ея съ жизнію самой общины. Мы сейчасъ видѣли, какую тревожную роль играла въ Новгородской исторіи простая чадь: произволъ, беззаконіе этой чади находили источникъ и силу въ самомъ же бытѣ, въ самомъ духѣ Новгорода. Молодцы, соединяясь съ простою чадью, съ кулачными бойцами, теперь увлекли эту тревожную толпу за предѣлы Новгорода, и тѣмъ же самымъ произволомъ, тѣмъ же беззаконіемъ, какъ и простая чадь, какъ и Стороны, гуляли на просторѣ внѣ Новгорода, и Новгородъ безъ суда и гнѣва смотрѣлъ на ихъ беззаконныя дѣла, онъ даже видимо уважалъ своихъ разбойниковъ и грабителей за ихъ похожденія. Въ числѣ лицъ, предводительство-

[187] Ник. I, стр. 47.

вавшихъ молодцами на грабежи и разбои, были лица, принадлежавшія, безъ малѣйшаго сомнѣнія, къ высшему сословію. Самое наименованіе подобныхъ вождей грабежа и разбоя по имени и отчеству говоритъ положительно объ уваженіи, которымъ они пользовались въ своей общинѣ: «ходиша, говоритъ, на пр., лѣтописецъ, люди молодые на Волгу для грабежа и разбоя», какъ увидимъ ниже, безъ Новгородскаго слова, «а Воеводою Есипъ Варфоломеевичъ, Василій Ѳедоровичъ, Александръ Обакоповичъ.» Мы знакомы также съ личностію Боярина Василія Буслаевича, который, послѣ разныхъ потѣхъ, успѣлъ подчинить своей волѣ мужиковъ Новгородскихъ. Съ измѣненіемъ положенія Боярина измѣнялся и разсказъ народный о Буслаевичѣ. По этому измѣненію, [188] Буслаевичъ хотя и окруженъ тѣми же послушными ему удальцами-молодцами, но въ немъ уже нѣтъ сословной борьбы, и жизнь раскрыла предъ нимъ, вмѣсто Новгорода, болѣе широкое поле для этого удальства-молодечества; [189] теперь онъ просто грабитель и разбойникъ, кото-

---

[188] Разночтеніе напечатано въ изданіи Г. Сахарева Русскихъ пѣсенъ, часть V, стр. 72—93. Мы считаемъ это разночтеніе произведеніемъ того времени, когда Новгородъ состоялъ уже подъ властію Москвы; но самыя похожденія героя разсказа взяты, безъ сомнѣнія, изъ преданій о подобныхъ похожденіяхъ Новгородцевъ въ XIV и XV столѣтіяхъ.

[189] Мы считаемъ дошедшее до насъ разночтеніе отрывкомъ или второю половиною разсказа, котораго первая часть остается намъ еще не извѣстною. Считать же этотъ отрывокъ продолженіемъ разсказа древнѣйшаго нѣтъ ни какой возможности: видимо, цѣлыя столѣтія готовили, изъ древняго первообраза Буслаевичѣ, Буслаевича новаго, жизнь котораго изображается въ отрывкѣ, и только одно изображеніе народное могло схватывать однородность первообраза, олицетвореннаго въ томъ и другомъ богатырѣ разсказовъ, обозначивъ эту однородность общимъ наименованіемъ обоихъ богатырей. Буслаевичъ и того и другого разсказа, правда, оба удальцы, оба потѣшаются надъ человѣчествомъ, но Буслаевичъ древняго первообраза не былъ разбойникомъ и грабителемъ и весь сосредоточенъ на сословной, внутри Новгорода, борьбѣ, на думѣ о господствѣ надъ младшими Новгородцами; въ Буслаевичѣ же позднѣйшемъ этой сословной борьбы мы уже не замѣчаемъ: очевидно, онъ принадлежитъ ко времени паденія значенія Посадника, и онъ, сверхъ того, думой сосредоточенъ не въ Новгородѣ, а внѣ Новгорода, и, по намеку его матери и по его собственному прямому показанію, былъ однимъ изъ тѣхъ разбойниковъ-грабителей, которыхъ представляетъ намъ исторія XIV и начало XV столѣтій. Дошедшій до насъ отрывокъ изъ разночтенія изобра-

рий разъѣзжаетъ на своемъ кораблике вдоль широкихъ рѣкъ и по озерамъ; теперь онъ, Новгородскій Боярин, Василій Буслаевичъ, потѣшается уже внѣ Новгорода, посреди міра крещенаго и не крещенаго; тамъ онъ калечитъ людей, забиваетъ ихъ до смерти и присвоиваетъ себѣ, съ своими удальцами, чужія богатства, а потомъ, на старости лѣтъ, отправляется, съ своими молодцами-удальцами, тѣмъ же путемъ, гдѣ производились обыкновенно молодецкіе Новгородскіе разбои, помолиться Богу въ Іерусалимъ, чтобъ, подъ старость, душу спасти отъ грѣховъ молодости, которая погубила и изгубила много людей. [190] Этотъ первообразъ Новгородскаго Боярина, по народному разсказу, находитъ полное олицетвореніе въ самой исторіи.—Боярин Лука Варѳоломеевичъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ значительныхъ фамилій. Самого его мы видимъ подъ 1333 годомъ однимъ изъ дипломатическихъ дѣятелей Новгорода; [191] сынъ его, Онцифоръ, является въ 1348 году начальникомъ отдѣльной Новгородской дружины, а въ 1350 году Посадникомъ; внукъ Луки, Юрій, также былъ два раза дипломатическимъ дѣятелемъ. [192] И этотъ Боярин, Лука, съ сыномъ своимъ, Онцифоромъ, были также, какъ это мы объяснимъ ниже, вождями вольницы, которая не хотѣла знать слова Новгородскаго; прибавьте къ сему, что Онцифоръ, подобно Василію Буслаевичу, съ своими молодцами-удальцами, въ 1345 году, прокладывалъ дорогу къ Посадничеству дядѣ своему силою, а въ 1350 году, сѣвъ самъ на Посадничество, загубилъ, силой же, всѣхъ соперниковъ и супостатовъ своихъ, допустивъ разгра-

---

живетъ жизнь Буслаевича въ ту пору, когда онъ уже рѣшился оставить свой разбои и грабежи для жизни мирной, и съ этой цѣлію возвратился въ Новгородъ, гдѣ задумалъ о спасеніи души своей и о путешествіи въ Іерусалимъ.

[190] Гой еси вы, гости корабельщики!
Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти.....
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути
Къ святому граду Іерусалиму.

Пѣсн. Нар. Русск., собр. Сахарева, т. V, стр. 79.

[191] Нов. I, стр. 76.

[192] Тамъ же, стр. 84, 85, 91, 92 и 105.

бить и ихъ имущество; прибавьте къ этому еще, что онъ потомъ добровольно отказался отъ Посадничества, какъ будто бы скучая безцѣльностью сословной борьбы, и что сыновья его, Юрій и Исаакъ, устроили въ Новгородѣ, на свой счетъ, три церкви, [193] и мы въ исторіи Боярской семьи Луки будемъ имѣть тотъ же самый первообразъ, который изображаетъ предъ нами народной разсказъ въ лицѣ Василія Буслаевича. Замѣчательно также, что удалыя похожденія Луки и Онцифора, отрицавшія волю Новгорода, не помѣшали послѣднему слиться снова съ общиной и стать даже во главѣ ея, сдѣлаться Посадникомъ.

Разорвавъ связи съ молодцами своими въ отношеніи правъ и привилегій гражданскихъ, не допуская ихъ до семейныхъ связей съ собой, до общественнаго сближенія съ привилегированными сторонами, надменно высясь надъ ними своимъ Боярствомъ и богатствами, Новгородская община видимо не думала чуждаться противогражданскаго, не Государственнаго, не Христіянскаго, характера, съ которымъ являются потомъ эти молодцы, и если иногда противодѣйствовала имъ, хотя слабо, то все таки въ видахъ выгодъ сторонъ. Общину не пугаетъ этотъ характеръ: она сочувствуетъ ему, отдѣляетъ отъ себя силы для развитія, осуществленія, его, но съ безмолвнымъ только условіемъ—не прикасаться къ ея собственнымъ выгодамъ. Отталкивая отъ выгодъ своихъ, не давая по этому ни какой гражданской значимости, не освѣщая воинскихъ подвиговъ ни именемъ Вѣры, ни именемъ отечества, она сама своимъ негражданскимъ, себялюбивымъ, характеромъ низводитъ младшихъ дружинниковъ на степень самую низкую, сближаетъ ихъ съ кулачными бойцами и простою чадью, обращаетъ ихъ воинское молодечество въ дикій произволъ, въ дикое удальство, и, отразивъ въ ихъ новомъ направленіи свой собственный противогражданскій, не Государственный, характеръ, характеръ разрушительный, община сторожитъ, по прежнему, свои выгоды и, указывая другія земли Русскія, какъ обширное поле для ихъ дикаго произвола и удальства, въ лицѣ же своихъ Бояръ, или, по крайней мѣрѣ, значительныхъ лицъ, ведетъ ихъ, вмѣстѣ съ кулачными бой-

---

[193] Тамъ же, стр. 97, и Нов. III, стр. 233 и 236, подъ 1395 и 1417 годами.

цами и простою чадью, на родныя Православныя Русскія земли, для убійствъ, разбоя и грабежа.

Какое странное противорѣчіе въ надеждахъ, желаніяхъ общины! Ростить въ себѣ начало противогосударственное и, указывая ему, для временнаго осуществленія его произола, другія земли Русскія, думать спастись самой, съ своими привилегированными частями, отъ этого произвола! Что можетъ быть тщетнѣй, безумнѣй подобнаго ожиданія! Корень злу завязался глубоко внутри самой общины; уже взросло изъ него вѣтвистое дерево, съ обширной семьей своей, оплодотворявшееся съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, и Новгородъ надѣялся, что плоды этого противозаконнаго дерева онъ караванами будетъ разсылать по другимъ частямъ Руси, не давая имъ возможности скопляться внутри области такъ, чтобъ имѣть на благосостояніе ея разрушительное вліяніе. Онъ забывалъ, что самый ядъ, которымъ растится дерево, скрывается въ самой общинѣ, и что этотъ ядъ изъѣстъ по составамъ всю общину, съ большею и большею жизненною дѣятельностію и, равъ вѣтвленіемъ и разрастаніемъ самаго дерева. Новгородъ долженъ былъ готовить сильный экстрактъ нравственнаго противоядія, но мы знаемъ его исторію, знаемъ его нравственныя силы: онъ не могъ этого сдѣлать. Въ XV ст. вся Новогородская область поражена была мучительнымъ изгнаніемъ дѣйствія этого яда и разрушенія. Тогда болѣе страшные насилія и грабежи производило противогосударственное начало внутри самой Новогородской области, нежели какія производились имъ въ другихъ частяхъ Руси. Боярство и здѣсь стояло въ главѣ его и, подобно Василію Буслаевичу, съ названными братцами, калѣчило людей, забивало ихъ до смерти: собирало, какъ мы увидимъ скоро, лжесвидѣтелей, научало ихъ говорить на вѣчахъ противъ людей невинныхъ, грозя смертію въ случаѣ ослушанія, и люди голодные, ябедники и посульники, радовались, если кого можно, оговаривали, и оговоренный предавался смерти, а имущество его, даже то, которое сохранялось въ церквахъ, доставалось имъ въ добычу и расхищеніе. Нѣтъ, если бъ Новгородъ не склонилъ главы передъ Москвой, если бъ онъ продолжилъ существованіе своего общиннаго устройства, то, въ разрушительномъ основномъ началѣ бытія, онъ обратилъ бы, перевоспиталъ бы, всѣхъ удалыхъ дѣтей своихъ въ исчадія полнаго произвола, пол-

ной безурядицы. Не обращаемся къ изслѣдуемому нами предмету, къ новой жизни младшихъ дружинниковъ Новгорода, къ кулачнымъ бойцамъ и простой чади, изъ которыхъ образуются цѣлыя шайки вольницы, грабителей и разбойниковъ, которыя законно пребываютъ въ самомъ Новгородѣ, открыто исходятъ изъ него на свой промыселъ, и столь же открыто требуютъ утвержденія правъ своихъ на вольность, безпорядки, грабежи и разбои.

Мы не будемъ въ настоящемъ случаѣ останавливаться на одномъ весьма замѣчательномъ явленіи исторіи Новгородской, именно на завоеваніи толпою Новгородскою земель Вятскихъ, и на основаніи ею тамъ особаго, ни сколько независимаго ни отъ Новгорода, ни отъ Княжеской власти другихъ частей Руси, владѣнія. Объ этомъ предметѣ дошли до насъ темныя данныя, и мы не можемъ утверждать, что этѣми завоевателями была вольница, которая не хотѣла слушать Великаго Новгорода и дѣйствовала въ завоеваніи совершенно независимо отъ митрополіи, хотя намъ кажется страннымъ допустить и то, чтобъ этѣ завоеватели дѣйствовали отъ лица митрополіи, когда мы не находимъ слѣдовъ, что или они сами или основанное ими владѣніе въ земляхъ Вятскихъ, состояли когда ни будь и въ какой ни будь зависимости отъ Новгорода. Мы не будемъ разъяснять предположенія, что отдаленныя части самыхъ Новгородскихъ владѣній могли заселиться также вольницею. Не станемъ разъяснять и того, совершены ли походы Новгородскихъ молодцовъ въ 1186 году на Емь, въ 1338 году на Устюжну, по волѣ Великаго Новгорода, или же самими молодцами, только въ видахъ Великаго Новгорода. Безъ сомнѣнія, скрылись отъ потомства многія случаи вольности этѣхъ тревожныхъ шаекъ, а другія дошли до насъ, по Новгородскимъ лѣтописямъ, въ слишкомъ краткомъ, или темномъ изложеніи, такъ что изъ разсказа собственно Новгородскихъ лѣтописцевъ трудно сдѣлать сколько ни будь положительное заключеніе о характерѣ быта Новгородскихъ молодцевъ. Это вполнѣ подтверждается изъ сравненія Новогородскихъ лѣтописей съ лѣтописями другихъ частей Руси, когда исторія Новогородскихъ молодцевъ соприкоснется съ исторіею сей послѣдней. По разсказу лѣтописцевъ другихъ частей Руси, сильныя шайки Новгородской вольницы въ продолженіи десяти лѣтъ, съ 1369 по 1379, являлись за предѣлами Новогородскими, въ Сѣверо-Восточныхъ областяхъ

нынѣшней Россіи, для разбоя и грабежа самаго дерзкаго и открытаго. Въ 1369 году, по этому разсказу, вышли изъ Новгородскихъ владѣній, для подобнаго промысла, двѣ шайки. Онѣ появились, одна на десяти судахъ или большихъ лодкахъ (ушкуи) на Волгѣ, а другая, не извѣстно, сколь значительная, на Камѣ: обѣ этѣ шайки сошлися въ предѣлахъ Казанской, или Нижегородской, Губерніи, и были разбиты уже подъ Болгарами. Въ 1370 году тоже подобныя шайки Новогородской вольницы два раза являлись на Волгѣ для грабежа, и причинили много зла: «и много зла створиша.» Въ 1371 году они напали на Ярославль и Кострому, и взяли оба этѣ города. Въ 1374 году они отправились Волгою, разграбили земли Вятскія и Болгарскія; думали взять самыя Болгары, но жители откупились отъ нихъ деньгами, заплативъ 300 рублей; въ слѣдъ за тѣмъ, раздѣлившись на двѣ части, двинулись одни (на 50 ушкуяхъ) внизъ по Волгѣ къ Сараю, а другіе (на 40 ушкуяхъ) вверхъ по Волгѣ: послѣдніе, вѣроятно, домой съ добычею, а первые продолжали разбой и грабительство въ земляхъ Засурскихъ и въ Мокшанахъ, а потомъ иссѣкли суда, сѣли на коней и двинулись по направленію къ Вяткѣ, разграбили многія села по рѣкѣ Ветлугѣ. Въ 1375 году подобная шайка Новгородской вольницы явилась опять около Костромы, разбила пятитысячную дружину изъ мѣстныхъ обывателей, и вторично овладѣла городомъ, грабила и опустошала его въ продолженіи цѣлой недѣли, и, забравъ съ собой все драгоцѣнное и удобное для перевозки, сжегши и потопя въ Волгѣ все остальное, полонивъ множество народа, этѣ разбойники отправились за добычею еще далѣе, внизъ по Волгѣ, напали на Нижній Новгородъ, взяли, разграбили и сожгли его; оттуда спустившись Каму, «на много пограбиша по Камѣ,» вернулись опять въ Волгу и, остановившись въ Болгарахъ, распродали Татарамъ всѣхъ заполоненныхъ ими въ Костромѣ и Нижнемъ Новгородѣ женъ и дѣвицъ, потомъ направились къ Сараю и къ самой Астрахани, «вездѣ гостей Христіанъ грабяще, а Бесерманъ грабяще и убивающе;» наконецъ попались обманомъ въ сѣти Монгольскаго Хана, Сальчея, и были всѣ перебиты. Въ 1379 году снова появились этѣ разбойники въ предѣлахъ нынѣшней Казанской Губерніи и Вяткѣ: Вятчане должны были двинуться на нихъ ратью, успѣли поразить ихъ, даже захватить ихъ Воеводу, по имени Вязана, котораго тогда же и казнили. Такъ разоблачаютъ передъ

нами внутренній бытъ Великаго Новгорода лѣтописцы другихъ частей Руси. Что же сказали объ этѣхъ и подобныхъ разбояхъ лѣтописцы Новогородскіе? [104] Прямо ни слова; а говоря о походѣ противъ Новгорода Василія Дмитріевича, замѣтили только, что походъ этотъ предпринятъ былъ Великимъ Княземъ въ слѣдствіе того, что онъ держалъ гнѣвъ про Волжанъ на Новгородъ, и что, обязавшись вознаградить за всѣ причиненные «тѣми Волжанами» убытки, Новгородцы пять тысячъ положили взыскать съ Заволочанъ, по тому что Заволочане были также на Волгѣ. Столь же хладнокровно и въ столь же скромныхъ чертахъ лѣтописецъ Новогородскій передаетъ намъ объ одной изъ этѣхъ, какъ будто бы, законныхъ для Новгорода шайкахъ разбойниковъ, которые грабили купеческія суда по Волгѣ въ 1366 году, выступивъ изъ Новгорода, для этого грабежа, открыто и торжественно: «ходили изъ Новгорода люди молодые на Волгу безъ Новогородскаго слова,» т. е., не по распоряженію Правительства, «безъ благословенія Архіепископа, а Воеводами у нихъ были Осипъ Варфоломеевичъ, Василій Федоровичъ и Александръ Абаконовичъ, и въ то же лѣто возвратидись всѣ здоровы въ Новгородъ.» Этотъ тонъ разсказа, это наименованіе продводителей разбойниковъ по отчеству, этотъ формальный выходъ на грабежъ, и столь же формальное возвращеніе съ разбоя, все это показываетъ, до какой степени сіи похожденія удальцовъ-разбойниковъ были для Новгорода дѣломъ обычнымъ, противъ котораго нравственная сторона ни сколько не возставала. Мы бы могли еще предположить, что лѣтописцу не совершенно были извѣстны похожденія Новогородской вольницы; но онъ самъ, въ слѣдъ за сказаннымъ описаніемъ, говоритъ: «и за то Князь Дмитрій Ивановичъ разгнѣвался и развергнулъ

[104] Всѣ свѣдѣнія объ этѣхъ разбояхъ почерпнуты изъ лѣтописей Ростовской (И. Г. Р. т. V, стр. 106, и IV-й Новогородской (Пол. Собр. Р. Л. т. IV). При семъ мы должны имѣть въ виду, что лѣтопись, названная Археографическою Коммисіей четвертою Новогородскою, составлена изъ лѣтописей разныхъ частей Россіи, слѣдовательно, въ настоящемъ отношеніи она можетъ быть названа столько же Новогородскою, сколько Псковскою, или Московскою. Археологическая Коммисія сама замѣтила это (Предисловіе къ IV т., стр. VII), и, конечно назвала ее Новогородскою не по тому, что она составлялась постепенно въ Новгородѣ, а единственно въ томъ отношеніи, что изложенныя въ ней данныя болѣе важны для объясненія Новогородской, нежели для объясненія исторіи другихъ частей Россіи.

миръ съ Новымъ Городомъ, сказавъ Новгородцамъ: «За чѣмъ вы ходили на Волгу и пограбили многихъ изъ моихъ купцовъ гостей?» [195] Подъ 1388 годомъ лѣтописецъ говоритъ еще: «Приходилъ Великій Князь Дмитрій войною на Новгородъ, держа гнѣвъ про Волжанъ... [196] и заключилъ миръ... а за Волжанъ взялъ Князь Великій у Новгорода 8000 рублей.» Вотъ что только отмѣтили Новогородскіе лѣтописцы о своихъ разбойничьихъ шайкахъ. Такъ, эта скромность Новгородскаго лѣтописца не вольно представила Великій Новгородъ еще болѣе съ дикой, противогосударственной, стороны, нежели какъ представляетъ ее Ростовскій лѣтописецъ: первый, умалчивая о многихъ похожденіяхъ вольницы или разбойниковъ, говоритъ о другихъ, какъ о дѣлѣ обычномъ для цѣлаго Новгорода, ни сколько не преслѣдуемомъ со стороны Правительства; второй же говоритъ только, что изъ среды Новогородской являлись огромныя шайки разбойниковъ, не опредѣляя отношеній этѣхъ разбойниковъ къ самой общинѣ. Мимоходомъ замѣтимъ сдѣсь также, что всѣ этѣ разбои Новгородцевъ, описанные и Ростовскимъ и Новогородскимъ лѣтописцами, совершались около того времени, когда Восточная Русь, подъ знаменемъ Москвы, во имя Вѣры и Отечества, готовилась на кровавую торжественную борьбу съ Мамаемъ, борьбу, для которой Новгородъ не далъ ни одного воина. Вотъ нравственно-ужасное положеніе Новгорода! Разсказъ Новогородскаго лѣтописца подъ 1442 годомъ о Лукѣ Варѳоломеевичѣ, говоритъ еще болѣе и отчетливѣе о внутреннемъ распаденіи Новгорода: уже слово и воля Новгорода къ первой половинѣ XV ст. рѣшительно не была закономъ для его вольницы, такъ что община является нравственно парализованною относительно этой вольницы, или вольница успѣваетъ достигнуть къ своему времени такого развитія, что беретъ верхъ надъ всѣмъ порядкомъ, устройствомъ, надъ волею самаго Новгорода, и духъ вольности, не знающей ни какого порядка, составляетъ уже духъ самой общины, хотя и встрѣчаетъ въ ней нѣкоторое сопротивленіе, нѣкоторую незрѣлость для подобной жиз-

---

[195] Нов. I, стр. 88.

[196] Выраженіе: «держа гнѣвъ про Волжанъ» объяснено въ Ростовской лѣтописи такъ: «держа гнѣвъ за то, что Новогородцы взяли разбоемъ Кострому.»

ни. Этотъ Лука Варѳоломеевичъ (замѣтьте опять вичъ, и вичъ положительно не простой), не смотря на запрещеніе вѣча, на неблагословеніе со стороны Митрополита и Новгородскаго Архіепископа, скопилъ съ собою холопей съ боевъ, и пошелъ съ ними за Волокъ, устроилъ тамъ городъ Орлецъ, увеличилъ свою шайку Емчанами, и предалъ грабежу и опустошенію всѣ погосты земли Заволоцкой; наконецъ, въ одной схваткѣ съ Заволочанами, этотъ молодецъ погибъ, и мы видѣли, какъ, подозрѣвая Посадника и двухъ другихъ своихъ собратій, въ подосланіи на этого Варѳоломеевича убійцъ, сами же Новгородцы, не участвовавшіе въ походѣ Луки, или, правильнѣе сказать, чернь, сдѣлали открытое движеніе противъ Посадника и этѣхъ двухъ лицъ, разграбивъ при семъ дома и села ихъ. Такъ неповиновеніе, нарушеніе всякаго порядка, грабительство и разбой, находятъ покровительство въ самомъ Великомъ Новгородѣ, и самое покровительство безнзказанно безчинствуетъ, разбойничаетъ. [188] Что же еще сказать, въ дополненіе къ описанію подобнаго паденія всѣхъ нравственныхъ началъ въ Новгородской общинѣ? Еще многое и многое; но утомителенъ разсказъ о черной сторонѣ жизни, какъ утомительно, я думаю, и самое чтеніе этого разсказа. Позвольте жь подышать чистымъ воздухомъ и перенестись въ область болѣе свѣтлыхъ созерцаній: совѣтую и вамъ, почтенные читатели, сдѣлать то же и оставить на время чтеніе дальнѣйшаго разсказа, къ которому я долженъ буду приступить, отдохнувъ нѣсколько душей.

Не завидно же было внутреннее состояніе Новгорода. Все исполнено въ немъ духа безначалія, вольности, буйства, насилія, начиная отъ главныхъ общинъ до самыхъ низшихъ слоевъ. Сосредоточиваемая на личныхъ выгодахъ Софійская Сторона давитъ Торговую; Торговая, выставляя противъ нея Князей, не поддерживаетъ ихъ, а, напротивъ, при малѣйшемъ еще кичится предъ ними и съ радостію оставляетъ однихъ и принимаетъ другихъ Князей, боясь утратить часть своихъ богатствъ; изъ той и другой общины исходятъ лица, на коихъ падаетъ подозрѣніе Стороны или Софійской, или Торговой, или той и другой вмѣстѣ, что они, для личныхъ своихъ выгодъ, измѣняютъ, продаютъ выгоды Сторонъ, и этѣ лица, быть можетъ, преслѣдуемыя лишь кознями сильныхъ семей и партій, гибнутъ безъ суда, по одному подозрѣ-

нію и имущество ихъ расхищается. Себялюбіе и отсутствіе истинныхъ гражданскихъ и Государственныхъ началъ въ той и другой Сторонѣ низводятъ, полныхъ дѣятельности и мощи, младшихъ сыновъ Новогорода до вольницы, которая готовится повергнуть самую общину въ совершенный произволъ и безурядицу. Недовѣріе и вражда, развившіяся въ слѣдствіе слабости семейнаго начала, поразивъ собою отношенія между двумя Государственными началами, между Боярствомъ и среднимъ сословіемъ, отразились оттуда снова въ жизнь частную и окончательно разрушили послѣднія связи жизни Новгородской. Тогда отсутствіе любви, замѣченное Новгородскими лѣтописцами въ жизни своей родины, не могло не дѣлаться еще болѣе замѣтнымъ и не вызывать новыя жалобы о зависти, сребролюбіи, строптивости, клятвопреступленіи, насиліи, объ этомъ разрушенномъ чувствѣ—братоненавидѣніи. Жизнь гибла въ самой себѣ безъ внѣшняго вліянія. Въ личныхъ выгодахъ все забыто: и любовь къ родинѣ, любовь и уваженіе къ старшему, къ достойному и великому, и святость сана, и святость гражданскихъ и семейныхъ отношеній.

Василій Пассекъ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

СВАДЕБНЫЯ.

I.

Свадебный обрядъ въ деревнѣ Подъяковлевой, Тульской Губерніи Новосильскаго Уѣзда.

(Разсказъ очевидца.)

Женился въ этой деревнѣ крестьянскій парень на крестьянской же дѣвушкѣ. Пропой невѣсты или, что то же, предварительная помолвка, происходитъ у нихъ обыкновенно, какъ и вездѣ почти въ крестьянскомъ быту. Наконецъ, на канунѣ ихъ свадьбы, въ домѣ невѣсты было празднество, подъ названіемъ Дѣвичникъ. Празднество это состояло въ слѣдующемъ: Невѣста, убравшись еще въ сумеркахъ, * во ожиданіи своего жениха, сѣла на лавкѣ верхняго пола. Подлѣ нея усѣлись: мать ея и замужняя сестра, которыя, до прибытія жениха, при появленіи какого либо посѣтителя голосили, оплакивая дѣвичью жизнь своей дочери, невѣсты. Между тѣмъ подруги невѣсты, разряженныя также въ сарафанахъ, сидя за накрытымъ бѣлою скатертью столомъ, пѣли слѣдующее:

---

* Убранство ея состояло: въ головной повязкѣ платкомъ по лбу и части головы такъ, что макушка вся бѣла открыта. Изъ подъ платка того виднѣлась на лбу мишурная узкая бахрама, а заплетенная коса, оканчивающаяся вплетенною въ нее широкою шелковою, коричневаго цвѣта, лентою, лежала вдоль спины. Одѣта была въ пунцовомъ, съ большими цвѣтами, сарафанѣ, а посверхъ него теплая, на ватѣ, нанковая, синяго цвѣта, поддѣвка съ фалдами, съ сборками назади и отъ лифа и, сверхъ сего, накрыта бѣлымъ полотномъ.

1.

Пыль, пыль по дорожкѣ, 2
Туманъ, туманъ по дубравкѣ;
Да по этой-то дорожкѣ, 3
Да по этой-то широкой, 3
Андреянъ сударь ѣдетъ; 3
Онъ плеткою машетъ: 3
Догадайся, Авдотья! 3
Промети дороженьку, 3
Выстели полотнами, 3
Шитыми ручниками! 3
Заглянь во чисто поле, — 3
Андреянъ сударь ѣдетъ: 3
Подъ нимъ конь играетъ, 3
Что соколъ летаетъ; 2
На емъ кунья шуба 2
Слѣды заметаетъ, 3
На емъ сафьянъ сапогъ, 2
Что травушка вянетъ, 2
На рукѣ золотъ перстень. 3

2.

Не во трубушку трубить,
Рано по зари, 2
Авдотьюшка плачетъ
По русой косѣ: 2
Ой свѣтъ, моя косушка,
Коса русая! 2
Да вечеръ мою косушку
Дѣвушки плели, 2
Золотомъ, серебромъ,
Косу обвили, 2
Алую ленточку
Въ косу уплели. 2

Богъ судья Андреянъ Васильичу,
Васильевичу, Васильичу:
Прислалъ ко мнѣ свашеньку,
Не милосливу, не жалосливу:
Стала мою косушку
Чесать и трепать, 2
Золото, серебро,
Рвать и бросать, 2
Алую ленточку
У ногахъ топтать. 2

3.

Тихая Волга на Дунай течеть,
Смирная Авдотья на думахъ сидить,
Думаеть Авдотья думу крѣпкую,
Думаетъ Никитична думу крѣпкую:
Какъ-то мнѣ быть, 2
Во чужи люди итить! 2
Какъ привыкать 2
Ко чужой семьѣ! 2
Какъ назвать 2
Свекра батюшкой! 2
Какъ назвать 2
Свекры матушкой! 2
Свекоромъ назвать, — 2
Будеть гнѣвъ держать, 2
Батюшкой звать, — 2
Мнѣ не хочется;
Быть склонить 2
Сердце дѣвичье: 2
Быть назвать 2
Свекры матушкой. 2

4.

Соловьюшка, соловей,
Отлетная пташечка,
И ой яли, али ляй,*
Али, али, али ляй!
Куда леталъ, отлеталъ? —
Я изъ саду да у садъ,
Зеленый садъ, виноградъ.
Да кто жь у насъ не женатъ?
Да кто жь у насъ холостой? —
Андреянъ сударь не женатъ,
Васильевичъ холостой.
Онъ и ѣздилъ, отъѣзжалъ,
Отъ села до села,
До тестина до двора,
До тестина терема,
До дѣвичьей комнатки,
До Авдотьиной кроватки:
Авдотьюшка, выди вонъ!
Никитична, выступи! —
Я бы рада вышла вонъ,
Мово батюшки дома нѣтъ, 2
А матушка во пиру, 2
А братъ съ сестрой во торгу,
Золотыхъ ключей не найду.
Андреянъ сударь поѣхалъ,
Поѣхавши, заплакалъ.
Авдотьюшка вышла вонъ,
Никитична выступила:
Андреянъ, сударь, воротись!
Васильевичъ, оглянись! —
Я бы радъ бы воротился:
Мой воронъ конь не стоитъ,
Буенъ вѣтеръ шляпу рветъ,
Ясно солнце лицо жжетъ, 2
Дробенъ дожжикъ въ лицо бьетъ.

---

* Послѣ каждаго двустишія повторяется.

5.

Рано въ Воскресенье 3
Синее море играло, 3
Авдотья потопала, 3
Ручки подавала: 3
Да кто жь меня вынеть, 3
Изъ синяго моря,
Изъ великаго горя? 3
Кидался, бросался, 3
Старый старичища, 3
Сѣдая бородища: 3
На дно моря тону, 3
За тебя замужъ не йду.
Рано въ Воскресенье и т. д.
Кидался, бросался, 3
Андреянъ съ поѣздомъ, 3
Васильевичъ со большимъ: 3
Съ дна моря выду, 3.
За тебя замужъ пойду. 3

6.

Андреянъ ѣхалъ мимо тестева двора,
Онъ ударилъ копьемъ въ ворота:
Дома ль, дома ль, Авдотьюшка душа?
Если спить—не будите вы ее!
А не спить—высылайте ко мнѣ!
Вышла, выходила, Авдотьюшка душа,
Вышла, выходила, Никитична душа,
Становилась на новое на крыльцо,
Простудила свое бѣлое лицо,
Воскричала громкимъ голосомъ своимъ:
Вы сестрицы, подруженьки,
Ужь вы бѣлыя голубушки!

Вы берите мои золоты ключи,
Отпирайте кованные сундуки,
Вынимайте разноцвѣтное сукно,
Вы и сшейте Андреяну кафтанъ,
Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
Во подолѣ не разширистый,
Ретиву сердцу прижимистѣй!

Наконецъ послышался звонъ колокольчиковъ: это былъ поѣздъ жениха со своею роднею и вообще съ поѣзжанами, въ томъ числѣ съ отцомъ и матерью крестными жениха и сватомъ; послѣдняго величаютъ еще и дружкомъ. Сватомъ выбирается лицо распорядительное, на обязанность котораго возлагается угощать виномъ гостей.

Услышавши звонъ колокольчиковъ, посторонніе зрители, находившіеся въ домѣ и сѣняхъ, вышли посмотрѣть на поѣздъ жениха, всѣ же остальные остались въ горницѣ. Мать обняла невѣсту руками и громче прежняго начала голосить и причитывать; ей вторила замужняя дочь: Отецъ невѣсты, сидя на скамьѣ, задомъ къ столу, погрузился въ какую-то думу, а подруги, по прежнему, пѣли пѣсни.

Три только человѣка изъ числа родственниковъ невѣсты вышли на дворъ.

Наконецъ подъѣхалъ и весь поѣздъ жениха къ воротамъ дома невѣсты. Изъ числа поѣзжанъ дружка, съ кнутомъ въ рукѣ, сталъ крѣпко стучать въ ворота, крича: «Хозяинъ, отвори! Пусти ночевать! Мы перемерзли.» Стоящіе на дворѣ, не отворяя воротъ, спрашивали: «Да кто же вы такіе?»—«Мы (отвѣчаетъ сватъ)—охотники: ѣздили ловить лисицъ, перепелицъ и красныхъ дѣвицъ, да вотъ и запоздали, а между тѣмъ намъ показалось, что сюда будьто бы шарнула лисичка, вотъ подъ этѣ ворота, въ этотъ дворъ!»—«Мы (отвѣчаютъ стоящіе на дворѣ), хотя и давно стоимъ въ этомъ урочищѣ, но ни какой лисички не видали: поищите скорѣй у сосѣдей!»—«Нѣтъ (говоритъ сватъ), за чѣмъ у сосѣдей? Мы хорошо видѣли, что сюда маргнула.»—«Ну, да пожалуй, мы пустимъ васъ ночевать: не будетъ ли отъ васъ что ни будь за это?»—«Я (говоритъ сватъ) за цѣною не постою, лишь бы отыскать краснаго звѣрка; будетъ при этомъ и выпивка и закуска.»

При этѣхъ словахъ ворота немного оттворились, и стоявшіе на дворѣ высунулись впередъ и потребовали обѣщанной платы. Сватъ вынулъ изъ одного кармана своего дубленаго полушубка бутылку вина, а изъ другого стаканъ, и сталъ ихъ угощать: поднесъ имъ по два стакана, ворота оттворились настежь, и поѣздъ двинулся на дворъ и остановился при входѣ въ сѣни. Сватъ отправился въ домъ осматривать помѣщеніе, а женихъ и всѣ, при немъ находившіеся, остались на своихъ мѣстахъ. Сватъ, войдя въ домъ и видя, что дѣвицы поютъ пѣсни, ударилъ по столу кнутовищемъ и загорланилъ: «Это что за народъ? Пошли вонъ изъ за стола! Да гдѣ же хозяинъ?» Хозяинъ, отецъ невѣсты, сталъ передъ сватомъ: «Для чего я тебѣ, голубчикъ, нуженъ?»—Какъ, для чего? Развѣ ты не понимаешь? Пустилъ насъ ночевать; говорилъ, что будетъ просторно и покойно, а между тѣмъ у тебя полонъ домъ народу?»—«Кто (отвѣчаетъ хозяинъ) обѣщалъ тебѣ просторъ и покой, съ того и взыскивай, а я тебѣ о томъ ни чего не говорилъ. Да, впрочемъ, что о томъ толковать? Попроси-ка лучше вотъ ихъ (указывая на дѣвицъ): онѣ тоже народъ заѣзжій, можетъ быть и уступятъ вамъ свои мѣста, и тогда вамъ будетъ просторно и спокойно.»—А что (говоритъ сватъ): и впрямь, не лучше ли съ ними обойтися поласковѣе и поторговаться, а натурой, пожалуй, ни чего не возьмешь.» Въ слѣдъ за тѣмъ, обратясь къ дѣвицамъ, онъ сказалъ: «Красны дѣвицы, перепелицы, сладкія пѣвицы! Уступите намъ свои мѣста: мы народъ заѣзжій, перезябли и нуждаемся въ покоѣ.»—«Пожалуй (отвѣчаютъ дѣвицы): что же намъ за это будетъ?»—«За цѣною (говоритъ сватъ) не постою и, кромѣ того, будетъ выпивка и закуска.»—«Если все это будетъ, то мы тотчасъ же и уступимъ.» Сватъ, вышедши къ поѣзжанамъ, взялъ у нихъ все, что нужно для угощенія дѣвицъ и, возвратясь, поставилъ на столъ три ржаныхъ пирога на деревянномъ блюдѣ, часть убоины, крупяной каравай на деревянной тарелкѣ и гривну денегъ; потомъ, доставши изъ за пазухи стаканъ и штофъ вина, сталъ подносить имъ вино (Всѣхъ дѣвицъ за тремя столами сидѣло 20 человѣкъ, между ними было 5 молодыхъ женщинъ). Это угощеніе продолжалось довольно долго, такъ какъ ни одна изъ дѣвицъ не отказывалась отъ вина и, кромѣ того, взявши стаканъ, кланялась свату. Выпивши, дѣвицы взяли пироги и убоину, каравай и деньги, и пошли черезъ сѣни на другую половину дома. Сватъ же отправился на дворъ за женихомъ и, взявши за руку, ввелъ его въ домъ, гдѣ они вмѣстѣ помолились Богу, по-

клонились присутствующимъ и прошли въ кутъ, гдѣ женихъ сѣлъ на лавкѣ. Мать жениха и прочіе родственники принесли въ коробкахъ съѣстные припасы, которые поставили на лавку, гдѣ сидѣлъ женихъ. Потомъ мать поставила на столы два крупичатыхъ круглыхъ пирога, служащихъ для украшенія стола и вмѣстѣ символомъ соединенія жениха и невѣсты. Этѣ пироги всегда должны стоять для украшенія, а съѣдаются только на 2-й день брака, на Княжомъ обѣдѣ. Когда пироги были поставлены, сватъ выдвинулъ жениха впередъ и усадилъ его на скамью, задомъ къ 1-му столу, а невѣсту свела съ верхняго пола замужняя сестра и поставила ее противъ жениха. Отецъ невѣсты заговорилъ: «Ну, дѣти! васъ слѣдовало бы свести чрезъ благословеніе отца духовнаго, но какъ его здѣсь нѣтъ, а образомъ вы уже благословлены, то повѣдайтесь вы между собою, и Богъ васъ тѣмъ благословитъ!» Послѣ этого они поклонились другъ другу въ поясъ, поцѣловались и опять поклонились. Потомъ женихъ, взявши за руку невѣсту свою, отправился на другую половину дома, такъ называемую холодную, гдѣ они и усѣлись на весь вечеръ, до самаго разъѣзда гостей. За тѣмъ начались обѣды, которыхъ бываетъ обыкновенно на Дѣвичникѣ три: 1-й столъ отъ жениха, для угощенія родственниковъ и гостей невѣстиныхъ; 2-й столъ отъ невѣсты, для угощенія родственниковъ и гостей жениха, и 3-й общій, для угощенія общихъ родственниковъ и почетныхъ лицъ. Столъ у нихъ состоялъ большею частью изъ наваренаго разныхъ сортовъ мяса: начинался студнемъ и оканчивался крупянымъ караваемъ. За столомъ сѣли въ слѣдующемъ порядкѣ: по одну сторону мужчины, по другую сторону женщины, а въ вышкахъ, подъ божницею, крестные отецъ и мать невѣсты. Когда всѣ усѣлись, зажгли передъ образами 2 восковыхъ свѣчи, и за тѣмъ всѣ встали, помолились и опять сѣли. Между тѣмъ сватъ началъ подносить гостямъ вино, поочередно, начиная съ крестовыхъ отца и матери. Дѣвицы, стоя посередъ избы, величали, сначала сидящихъ за столомъ, а потомъ находящихся въ избѣ. При каждой перемѣнѣ блюда сватъ обязанъ былъ подносить вино всѣмъ, сидящимъ за столомъ, а иначе они и не приступили бы къ ѣдѣ поданнаго блюда; на каравайцы же, которыми оканчивается столъ, ставятъ стаканы съ виномъ, каковое непремѣнно, не въ очередь, долженъ выпить рѣзака, безъ чего онъ и не смѣетъ приступить къ расчествованію.

Величальныя пѣсни поются за столомъ слѣдующія:

7.

ЖЕНАТОМУ ВЕЛИЧАНІЕ. *

А кто жь у насъ большой, набольшой,
И кто жь у насъ Воеводою?
Лёхъ, яли, али лёй **
Али, али, али, лёй!
Вадимъ сударь большой, набольшой,
Васильевичъ Воеводою,
Собирается въ свою вотчину,
Въ свою вотчину, во приданую.
Ой, Авдотьюшка, убирай меня!
Дочь Григорьевна, снаряжай меня!
Ой Авдотьюшка поупрямилась,
Дочь Григорьевна поспесивилась.
Ты напой коня изъ ведерочки,
Накорми коня изъ кошолочки!
Ой, Авдотьюшка поупрямилась,
Дочь Григорьевна поспесивилась.
Повели коня на сине море:
Синее море сколыхалося,
Бѣлая рыбица встрепенулася,
Вороны кони испужалися,
Во чисто поле разбѣжалися.

---

* Поющія «Величальныя пѣсни» во время столовъ на Дѣвичникѣ, въ домѣ невѣсты, называются: «Дѣвицами пѣвицами,». а на Княжемъ обѣдѣ въ домѣ жениха: «Женщинами игрицами.»

** Повторяется послѣ каждаго двустишія.

8.

Ой во садику, садику,
Во зеленомъ виноградничку,
Ой ля, ой ля, ой ля,*
Али ля, али ля, али ля!
Тутъ ходила, погуливала,
Молодая Боярыня, 2
Авдотья Григорьевна,
Сорывала два яблочка,
Два яблочка садовыхъ медовыхъ;
Она клала на блюдечко,
Возносила на высокій на теремъ,
Становила на дубовый столъ;
Дубовый столъ раскачается,
Два яблочка разшатаются.
Вадимъ сударь величается
Надъ своею молодой женой,
Надъ своею Боярыней,
Надъ Авдотьею Григорьевной:
Авдотьюшка, разобуй, разодѣнь,
Григорьевна, распоясшь ты меня!
Не хотѣлось бѣлыхъ ручекъ валять,
Не хотѣлось золотыхъ перстней ломать,
Ужь я роду купеческаго,
Я люблю сына отеческаго, 2
Вадима Васильевича!

9.

Ой на горкѣ, на горочкѣ,
На правой на сторонушкѣ,
Ой ля! (3) **
Али ля! (3)

---

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

** Повторяется послѣ каждаго двустишія.

Тутъ сидѣли два голубя,
Два голубя, да всѣ сизые,
Промежъ себя рѣчи говорятъ,
Про такого удалого молодца, 2
Михайла Ѳедотовича.
Онъ богатъ, онъ богатый человѣкъ,
Да богатѣй его нѣтути.
Онъ съ гривенки на гривенку ступалъ,
Полтинами по городу шибалъ, 2
Рублемъ ворота запиралъ, 2
Изъ неволи сиротъ выпускалъ:
Вы сироты, сироты мои,
Помолите Христа Бога обо мнѣ,
Обо мнѣ, объ удалой головѣ,
Объ Михайлѣ Ѳедотовичѣ!

10.

У насъ въ городѣ конопля росла, конопелюшка,
Ля али, али, али,
Али, ля, али, али! *
Конопелюшка—красная дѣвушка,
Красная дѣвушка, Гарафенушка,
Гарафенушка, дочь Васильевна.
Она звала братца играть на улицу:
Братецъ миленькій, голубчикъ бѣленькій!
Мы пойдемъ съ тобой играть на улицу:
Вы съ гуслями, а я съ ладонями.
Да не быть гуслямъ звончѣй ладоней,
Не быть свекру милѣй батюшки,
Не быть свекры милѣй матушки.

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

11.

Стелется, вьется,
По лугамъ травка зеленая:
Андрей жену цѣлуетъ,
Васильевичъ милуетъ:
Душа моя, Авдотьюшка,
Сердце мое, Никитична!
Роди жь ты мнѣ сыночка,
Роди сына у меня,
А дочерю у себя!
Учи сына грамотѣ,
А дочерю шелкомъ шить!

12.

А и кто жь у насъ на коню проѣзжалъ?
А и кто жь у насъ на ворономъ коню?—
Кузьма сударь на коню проѣзжалъ,
Пантелѣевичъ на ворономъ коню,
Авдотьюшка у верею̀шки стоить,
Дочь Ивановна по правой сторонѣ:
Ой, Авдотьюшка, прими мово коня,
Ивановна коня воронова!—
Не примаю, не примаю, другъ, коня,
За великую за грубость за твою:
Часто ѣздишь ты у гости безъ меня,
А постелюшка простыла безъ тебя,
Возголовице заиндивѣло,
Подушечки потонули у слезахъ!

13.

Александръ Петровичъ, свѣтъ,
Не ходи кругъ бережку!
Ли, али, али, али, *
Али, ля, али, али!
Не ходи кругъ бережку,
Не срони съ себя шапочку!
Во твоей во шапочкѣ
Да семьсотъ золотничковъ, 2
Во четыре ягодки, 2.
Дорогія каменья!
Александръ Петровичъ, свѣтъ!
Кто тебя шапкой дарилъ, 2
Кто тебя пожаловалъ?—
Ужь я самъ въ войну ходилъ,
Ужь я самъ Царю служилъ,
Царскаго дитя качалъ
Въ золотой у люлечкѣ, 2
Въ шелковой пеленочкѣ.

14.

У воротъ орѣшина,
У воротъ зеленая,
Ля, али, али, али, **
Али, ля, али, али!
А на той орѣшинѣ
Колыбель повѣшена;
Во той колыбели
Качался Боярскій сынъ, 2
Михаилъ Ѳедоровичъ.

---

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

** Повторяется послѣ каждаго двустишія.

Вы, братцы родные,
Ступите поближе, 2
Смахните повыше, 2
Чтобъ видно было далече!
Въ зеленомъ садочку
Татьяна гуляла, 2
Цвѣты сорывала, 2
Вѣночекъ свивала,
На головку вздѣвала,
Себя украшала.

15.

Подъ калинкою,
Подъ малинкою,
Ай, али, али, али *
Али, ля, али, али!
Спитъ, покоится
Добрый молодецъ, 2
Александръ Петровичъ.
У ногахъ стоять
Слуги вѣрные, 2
Дѣвки сѣнныя.
Будютъ, побужаютъ,
Добраго молодца, 2
Александра Петровича:
Ты устань, устань,
Добрый молодецъ, 2
Александръ Петровичъ!
Ты охочъ ходить
Во чисто поле, 2
На синее море,
За куницами,
За лисицами,
Все за красными
За дѣвицами.

---

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

16.

Спасибо, Александру Петровичу,
На твоемъ большомъ дару, *
На твоемъ большомъ дару,
На твоемъ на жалованьи!
Ой да спасибо тому,
Кто хозяинъ въ дому.
Спасибо Михайлу Ѳедоровичу,
За хлѣбъ за соль, за привѣтъ его!
То-то пили, то-то ѣли,
Душа сахарилась;
А закусочки у него
Да все сахарныя!

По окончаніи стола женихова и по выходѣ изъ за стола родственниковъ невѣстиныхъ, заняли ихъ мѣста родственники жениха, а столъ пошелъ отъ невѣсты.

Обстановка стола одна и та же. Разница только въ томъ, что, при послѣднемъ блюдѣ, отецъ невѣсты вызвалъ ее съ женихомъ передъ всѣми и сказалъ: «Дочь! Когда-то ты будешь хозяйкой, а теперь иди-ка ты торговать виномъ и собирать на мохорчики!» При этомъ онъ далъ жениху штофъ вина, а невѣстѣ тарелку съ поставленнымъ на ней стаканомъ; женихъ наливалъ вино въ стаканъ, а она подносила гостямъ, какъ сидящимъ за столомъ, такъ и всѣмъ, находящимся въ домѣ, и гости, выпивши вина, клали на тарелку деньги.

По окончаніи стола невѣстина, пошелъ столъ общій, послѣ котораго начались со стороны невѣсты подарки родственникамъ жениха, за что тѣ отдаривали ее деньгами. Подарки этѣ состояли въ полотѣнцахъ и бумажныхъ носовыхъ платкахъ.

Послѣ подарковъ послѣдовалъ разъѣздъ гостей. Провожая жениха, дѣвицы запѣли:

---

* Припѣвъ тотъ же, что и въ предыдущей пѣсни.

17.

Ой поецъ, пропоецъ, 2
Авдотьинъ батюшка!
Пропилъ свою дочку 2
За винную бочку;
Пропилъ свою чаду 2
За винную чару;
Проѣлъ свою дочну 2
На сладкомъ кусочку.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПО ДѢВИЧНИКѢ.

Часовъ въ 9 утра дружка отправляется со штофомъ вина опохмѣлять невѣстиныхъ родителей, а между тѣмъ на дворѣ жениха начинается приготовленіе къ поѣзду въ церковь для вѣнчанія.

Передъ отъѣздомъ всѣ садятся, потомъ встаютъ, молятся Богу, отправляются въ пуньку купать жениха. Сватъ съ образомъ идетъ впереди, потомъ дядька, держа за руку жениха, а потомъ и прочія лица. По окончаніи купанья пьютъ вино. Потомъ возвращаются въ хату и садятся на прежнихъ мѣстахъ. Отецъ жениха, съ образомъ въ рукахъ, выходитъ на средину избы; женихъ дѣлаетъ три земныхъ поклона, цѣлуетъ образъ и говоритъ: «Благослови, батюшка, въ Божій Судъ пойти, златъ вѣнецъ получить!» Отецъ отвѣчаетъ: «Богъ тебя благословитъ!» и за тѣмъ благословляетъ его образомъ, который, для той же цѣли, передается всѣмъ роднымъ жениха.

За тѣмъ слѣдуетъ, такъ называемый, отпуѣкной столъ. Разсаживаются, какъ и при прежнихъ обѣдахъ; потомъ, на чайномъ блюдечкѣ, подносятъ свахѣ масло коровье. Она встаетъ и говоритъ: «Батюшка родной, матушка родная! Благословите молодому Князю голову помаслить!» и, не ожидая отвѣта, продолжаетъ: «Батюшка крестный и матушка крестная! Благословите молодому Князю голову помаслить! Дружка, поѣзжане и всѣ званые и незваные! Благословите молодому Князю голову помаслить! И вы игрицы-пѣвицы! Благословите молодому Князю голову помаслить!» растираетъ масло и мажетъ имъ голову жениха. При этомъ поетъ:

Благослови, Господи, Кузьма Демьянъ!
Ладо мое! *
По сѣнямъ ходила,
На гвозди сбирала,
А на свадьбу ковала,
Для двухъ молодцевъ:
Первый молодецъ — Андреянъ сударь,
Другой молодецъ — Авдотьюшка.
У нашего Андреяна да три сестры:
Первая сестра голову маслить,
Вторая сестра голову чешеть,
А третья сестра хмелемъ осѣваеть.

За тѣмъ сваха мажетъ волосы всѣмъ сидящимъ за столомъ поѣзжанамъ, но не поетъ, а поютъ ту же самую пѣсню игрицы.

Помазавши волосы, беретъ гребень и причесываетъ жениха, а потомъ и прочихъ поѣзжанъ.

Послѣ того начался столъ. Всѣ, кромѣ жениха, ѣли и пили, а женихъ только приподнималъ поданное блюдо и просилъ гостей кушать. Кромѣ того, женихъ и дядька кланялись въ поясъ каждому, кому отецъ подносилъ вино.

По окончаніи стола всѣ вышли на дворъ. Впереди сватъ съ образомъ, за нимъ сваха съ хмелемъ, далѣе женихъ, дядька, поѣзжане и родственники. Всѣ поѣзжане стали около своихъ лошадей, держа въ рукахъ шапки. Сватъ, съ образомъ въ одной и съ кнутомъ въ другой рукѣ пошелъ около приготовленныхъ въ путь лошадей, а за нимъ шла сваха и осыпала ихъ хмелемъ, а поѣзжанамъ клала хмель въ шапки. Этотъ обрядъ повторялся три раза. Потомъ всѣ разсѣлись и поѣхали къ невѣстѣ. Невѣста, уже приготовленная къ отъѣзду, сидѣла на перинкѣ; съ нею рядомъ сѣлъ и женихъ. Посидѣвши немного, они встали, вышли на дворъ, чтобы сѣсть на повозки и ѣхать въ церковь. Дѣвицы схватили перинку и унесли ее на верхній полъ, гдѣ и запѣли:

---

* «Ладо мое» повторяется послѣ каждаго стиха.

19.

Дружки, подружки,
Забыли подушки.
Дружокъ безтолковый,
Подай намъ цѣлковый!
Дружокъ дубинникъ,
Подай намъ полтинникъ!
Постой-ка кобыла,
Постой, голубая;
На грядкѣ другая;
Постой ты третья,
На грядкѣ веретья.

Услыхавъ это, сватъ вернулся въ домъ и, возвратясь къ игрицамъ, сталъ съ ними торговаться за подушку. Онѣ сперва требовали рубль, потомъ полтинникъ, сошлись на двугривенномъ и штофѣ вина. Получивши перину, сватъ положилъ ее въ повозку невѣсты.

Потомъ всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ и поѣхали въ церковь.

Послѣ бракосочетанія женихъ съ невѣстой зашли въ церковную караулку. Тамъ сваха сняла съ невѣсты головной уборъ, и заплела ей волосы на двѣ косы; при этомъ показала, какъ надобно повязывать платокъ.

По пріѣздѣ домой жениха съ невѣстою, слѣдовалъ обѣдъ. Обрядъ обѣденный одинъ и тотъ же; разница только въ томъ, что женихъ съ невѣстой цѣлуются каждый разъ, когда отецъ подноситъ кому либо изъ гостей рюмку вина. Иногда пьющій говоритъ: «Горько!» и это значитъ, женихъ долженъ поцѣловаться съ невѣстой.

По окончаніи стола молодыхъ ведутъ въ клѣть. При чемъ игрицы поютъ:

20.

Меня младу у клѣтку ведуть,
Меня младу отъ стѣнки кладуть;
Не шелкова питка къ стѣнкѣ льнеть
Андреянъ Авдотьюшку къ сердцу жметь,
Андреянъ Авдотьюшку успрашиваетъ:
Кто тебѣ, Авдотьюшка, изъ роду милъ? —
Милъ мнѣ, милешенекъ, батюшка,
Мила мнѣ, милешенька, матушка.

Въ клѣти устроена для молодыхъ постель, передъ постелью столикъ. Туда имъ подаютъ разныя яства и питья, но предварительно подается зажаренная курица, у которой одно крылышко надрѣзано. Эта курица назначена «къ разорву.» Молодые берутся руками за крылышко и разрываютъ курицу. При этомъ у молодой остается только одно крылышко, а у молодаго остальная часть курицы, которая ими и съѣдается. Потомъ имъ подаются и другія блюда. Послѣ стола дядька и сваха выходятъ изъ клѣти, а дружка остается укласть молодыхъ въ постель, приказывая имъ раздѣваться какъ слѣдуетъ. Потомъ кладетъ молодую къ стѣнкѣ, а молодаго рядомъ съ нею, но такъ, чтобы молодая легла на руку молодаго, и на оборотъ, переплетаетъ имъ ноги и выходитъ изъ клѣти. При этомъ дѣвицы, стоящія у входа въ клѣть, поютъ:

21.

Куры на насѣсточку хочуть
Пѣтушокъ распѣваетъ,
Туда жъ поспѣваетъ.

Пропѣвши это, всѣ уходятъ въ домъ, оставивъ молодыхъ въ клѣти. На другой день, утромъ, дружка и сваха поднимаютъ молодыхъ съ постели и, одѣвши ихъ, приводятъ въ домъ, гдѣ ихъ поздравляютъ съ благополучнымъ препровожденіемъ ночи. Молодая даритъ гостямъ полотенца.

Потомъ слѣдуетъ «Княжой обѣдъ,» послѣ котораго всѣ гости разъѣзжаются по домамъ.

На другой день, молодая, вставши съ постели, беретъ вѣникъ и мететъ избу. Мать молодаго при этомъ говоритъ:

Избу мети,
И соръ подъ порогъ гнети,
И въ сору добра гляди!

толкуя ей, чтобы она не выносила на улицу (не разсказывала людямъ) того, что дѣлается въ домѣ.

Прежде метенія пола кто либо изъ семейства бросаетъ въ соръ деньги и вещи, чтобы узнать характеръ невѣсты: объявитъ ли она о своей находкѣ, или нѣтъ?

Если невѣста объявляетъ о своей находкѣ, то все найденное остается въ ея пользу, по тому что всѣ отказываются отъ потери, говоря, что это ея счастье.

Въ первые дни послѣ бракосочетанія занятіе невѣсты состоитъ въ метеніи пола и принесеніи воды и дровъ. Далѣе жизнь молодыхъ идетъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Зап. А. П. Чулковскій.

22.

Матушка! Да что въ полѣ пыльно?
Сударыня моя! Да что запылилось?—
Дитятко! Кони разыгрались,
Свѣтъ, милая моя! Вороные разыгрались. —
Матушка! Да чьи жъ это кони?
Сударыня! Да чьи вороные? —
Дитятко! Ивановы кони,
Свѣтъ, милая моя! Его вороные. —
Матушка! Коней-то, вѣдь, ловять,

Сударыня моя! Вороныхъ-то, вѣдь, ловять. —
Дитятко! Не бось, не пугайся!
Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ въ чужи люди. —
Матушка! По дорожкѣ ѣдуть,
Сударыня моя! По широкой ѣдуть.
Дитятко! Не бось не пугайся!
Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ тебя въ чужіе люди! —
Матушка! На дворъ, вѣдь, въѣзжають,
Сударыня моя! На широкій въѣзжають! —
Дитятко! Не бось, не пугайся!
Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ тебя въ чужіе люди! —
Матушка! Въ горницу входять,
Сударыня моя! Во новую входять!
Дитятко! Не бось, не пугайся!
Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ тебя въ чужіе люди! —
Матушка! За столъ ужь садятся,
Сударыня моя! За дубовой садятся! —
Дитятко! Садися, крестися!
Свѣтъ, милая моя! Господь надъ тобою!

Сообщ. А. И. Павловой, Т. Г. Новосильскаго У.

23.

НА СГОВОРѢ.

Ты стой, верба, стой, развейся!
Ахъ ранымъ рано!
Ранымъ рано стой, развейся!
Душа ль моя!
Къ нашей вербы будуть гости,
Ахъ ранымъ рано!
Семьсотъ Дворянъ, семьсотъ Бояръ,
Все большіе.
Стануть вербу сѣчь, рубити,

Ахъ ранымъ рано!
Станутъ вербу всѣмъ дѣлити,
Душа ль моя!
Обдѣлили свѣтъ Ивана,
Ахъ ранымъ рано!
Обдѣлили Петровича,
Душа ль моя!
Приходила къ вербѣ Марья,
Ахъ ранымъ рано!
Приходила Антоновна,
Душа ль моя!
Не досталось тебѣ вербы,
Ахъ ранымъ рано!
Доставалась красавица,
Душа ль моя!

Сообщ. И. В. Павловымъ.

II.

Свадебный обрядъ Тульской Губерніи Епифанскаго Уѣзда.

(Со словъ крестьянки деревни Ѳедосовки.)

На пропоѣ и на дѣвичникѣ невѣсту посадятъ отдѣльно одну куда ни будь; дѣвушки сидятъ за столомъ, приходитъ женихъ. Жениховые родные и гости кланяются на всѣ четыре стороны и сваты жениховы говорятъ: «Что вы сказали: просторная квартира, а потомъ занятая?» Сваха, или сватъ, невѣсты отвѣчаетъ: «Можно съ нимъ садиться: онѣ пустятъ!» Тутъ гости скажутъ дѣвушкамъ: «Пустите насъ! Вы ужь согрѣлись, здѣсь давно, а мы иззябли.» Тѣ говорятъ: «Намъ самимъ нужна квартира!» Гости: «Мы васъ кнутомъ!» Тутъ запоютъ:

Ты дуракъ, дружко,
Ты дуракъ, курвинъ сынъ!
Голова гладка!
Какъ у выблядка,
А зубы рѣдки
Какъ у чорта дѣтки!
Дѣвки дружка били,
Подъ печкой забили, 2
Ступой завалили, 2
Толкачами забили.

«А у насъ скалка готова!» (постукивая ею). «Нельзя ли намъ, дѣвушки, сойтиться?» и съ этѣми словами ставятъ имъ на столъ водку, пирогъ и говядину. Дѣвушки тотчасъ ототкнуть полштофъ и бросаютъ пробку.

Гости тутъ кладутъ денегъ на всѣ четере угла стола и посередъ стола.

Полштофъ они закрываютъ деньгами. Дѣвушки собираютъ со стола все и уходятъ, благодаря, въ другую комнату. Тамъ онѣ пьютъ и ѣдятъ принесенное гостьми. Сваты между тѣмъ садятся за столъ, сажаютъ родныхъ невѣсты.

Тутъ они подносятъ вино хозяевамъ и роднымъ невѣсты. Начинается обѣдъ.

Послѣ обѣда выводятъ къ нимъ невѣсту. Она здоровается съ женихомъ и со всѣми его родными. Немного посидѣвъ, женихъ съ невѣстой выходятъ изъ за стола. Жениху даютъ штофъ вина въ руки, невѣстѣ подносъ и рюмку. Женихъ наливаетъ въ рюмку вина, а невѣста обноситъ такимъ образомъ всѣхъ гостей, изъ которыхъ каждый кладетъ на подносъ деньги, а родные невѣсты дарятъ родныхъ жениховыхъ платками, полотенцами, за что тѣ опять дарятъ деньгами. Женихъ съ невѣстой выходятъ въ другую горницу, тамъ ихъ сажаютъ за столъ и ставятъ имъ закуску. Посидѣвъ немного, гости разъѣзжаются по домамъ, женихъ тоже уходитъ, прощаясь и цалуясь съ невѣстою и со всѣми родными, и уѣзжаютъ домой. Дѣвушки остаются ужинать у невѣсты, но, поужинавши, и онѣ уходятъ домой.

На сговорѣ, когда пріѣдетъ женихъ, дѣвушки поютъ:

1.

Какъ при вечерѣ было, вечерѣ,
У Настасьи было на сговорѣ,
Прилеталъ къ ней младъ ясменъ соколъ,
Ясменъ соколъ, добрый молодецъ,
Ясменъ соколъ залетный,
Добрый молодецъ пріѣзжій:
Онъ садился на окошечко,
На хрустальное аа стеклышко,
На серебряну рѣшеточку,
На золотую на прицѣлиньку;
Какъ увидѣла родна маменька:
Ахъ, дитё мое, дитятко, дитё мое милое!
Ты прими яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца пріѣзжаго!

2.

Какъ у насъ по саду рѣка текла,
По изюму разливалася,
Берега были хрустальные,
Желты пески виноградные.
Какъ у насъ въ городѣ Епифани,
Въ каменныхъ было палатахъ,
Противъ столика убраннаго,
Противъ дерева краснаго,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Сдѣсь чесалъ молодецъ русыё кудри,
Онъ чесалъ, приговаривалъ:
Прилегайте, мои кудри,
Къ моему лицу къ бѣлому!
Привыкай, Авдотья Михайловна,
Къ моему уму, разуму,
Ко здраву молодецкому!

3.

На маковкѣ соловей,
Онъ весь макъ притолокъ;
Миколай Александровичъ,
Онъ по зарѣку гулялъ, 2
Передъ зеркаломъ стоялъ, 2
Волоса свои чесалъ;
Расчесамши свои волоса,
Заставлялъ ихъ цѣловать:
Палагея Ивановна, поцѣлуй, радость моя! —
Миколай Александровичъ! Когда жь тебя цѣловать?
Меня милыя подружки
Въ садъ гулять меня зовутъ,
Подъ грушицей зеленой
Оставляютъ меня одное;
Не шуми ты, груша зеленая,
Не шуми ты надо мной!
Ежели будешь ты шумѣть,
Засушу, груша, тебя;
А не будешь ты шумѣть,
Снаряжу, грушу, тебя:
Куплю лентъ алыхъ, голубыхъ,
А по ленточкамъ жемчугу,

4.

Кустикъ, кустикъ, кустовой,
Ракитовой, листовой!
А кто у насъ холостой,
Да кто жь у насъ не женатъ? —
Андрей сударь холостой,
Ивановичъ не женатъ,
На ёмъ кафтанъ голубой,
Шапочка плисова,
Въ шапочки три узла:
Первый узелъ — гардамонъ,

Другой узелъ—любъ цвѣтокъ,
Третій узелъ,—василекъ,
На что жь тебѣ гардамонь? —
Чтобы мальчикъ горденъ былъ.
На что жь тебѣ василекъ? —
Чтобы мальчикъ веселъ былъ;
На что жь тебѣ любъ цвѣтокъ! —
Чтобы дѣвки любили,
Молодушки хвалили.

5.

Подари, Алексѣй сударь, подари!
Аль у тебя, сударь, денегъ нѣтъ?
Займи у товарища, друга милова,
Займи у свѣтъ Марьюшки!
Аль тебя деньга родила?
Аль тебя полушка вскормила?
Подари, сударь Алексѣй, подари,
Не рублемъ, полтиною,
Полтиною, золотою гривною,
Отъ гривны, что пожалуешь!

6.

У насъ на горѣ стоить елочка,
Подъ горой свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ свѣтъ Марьюка сидить,
Приходить къ ней батюшка,
Онъ звалъ свѣтъ Марьюшку съ собой:
Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка, со мной! —
Я не йду, не слушаю тебя:
Ночи темныя, не мѣсячныя,
Лѣса глухіе, караула нѣтъ,
Рѣки быстрыя, перевозу нѣтъ.

У насъ и т. д.
Приходила къ ней матушка,
Она звала свѣтъ Марьюшку съ собой:
Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка, со мной! —
Я не йду, не слушаю тебя, и пр.

У насъ и т. д.
Приходилъ къ ней Алексѣй государь,
Онъ звалъ Марьюшку съ собой:
Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка со мной! —
Я иду, иду, послушаю тебя:
Ночи видныя, мѣсячныя,
Лѣса глухіе, караула есть,
Рѣки быстрыя, перевозу есть.

7.

Когда пріѣдетъ женихъ, онъ закупаетъ у дѣвушекъ мѣсто, за которое кладетъ на столъ отъ двухъ до трехъ рублей. Всѣ разсядутся вокругъ стола: женихъ съ невѣстой сядутъ рядомъ и начинается угощеніе. Потомъ дѣвушки поютъ:

Какъ во горенкѣ пластовой
Сидять дѣвушки съ покоемъ,
Сидить молодецъ съ дѣвицей,
Какъ молоденькій паренекъ,
Точно ясный соколокъ,
Какъ Иванъ у насъ дѣтинка,
Точно ягодка малинка:
По горенькѣ пройдетъ,
Точно пава проплыветъ,
Станетъ рѣчи говорить,
Точно лебедь прокричитъ:
Встань, Авдотьюшка, душа,
Встань, Михайловна, душа!
Я впервой въ гости пришелъ,

Семь подарочковъ принесъ:
Я принесъ тебѣ подарокъ,
Штучно платье со каймой,
Съ золотою бахромой,
Какъ во ушки сережки жемчужные,
А на шею-то платокъ,
Точно аленькій цвѣтокъ.

8.

Стелется, вьется,
По лугамъ трава шелковая,
Цѣлуеть, милуеть,
Иванъ душку женушку,
Семеновичъ подушку:
Душка моя, женушка!
У насъ съ тобой животы
Съ тоски недѣлены.
Какъ пойдемъ мы съ тобой,
Во зеленъ садъ гулять,
Сорвемъ мы съ тобою
Два аленькихъ цвѣточка,
Пошлемъ мы съ тобою
Ко батюшкѣ гостинцы:
Ужь эти ли наши гостинцы
Въ честь пошли и въ славу!

9.

Какъ у рюмочки у серебряной,
Золотой у нея вѣнчикъ,
Какъ у Михайла у Ивановича,
Дорогой у него разумъ:
Гдѣ ни пьеть, гдѣ ни кушаеть,
Ночевать домой ѣдеть,

Какъ сказали Авдотьѣ,
Какъ сказали Михайловнѣ,
Сердечный другъ ѣдетъ,
Авдотья встрѣнь!
Михайловна встрѣнь! —
Мнѣ нѣкогда встрѣнь:
Я сына качаю, 2
Дорогова качаю, 2
Перемѣны себѣ чаю,
Я дочерю качаю,
Дорогую качаю, 2
Перемѣны себѣ чаю:
Куда я ни поѣду,
Все къ дочери заѣду;
Ужь откѣда ни поѣду,
Невѣстка встрѣчаетъ.

10.

Какъ у Авдотьи во горенкѣ,
У Михайловны во спаленкѣ,
Розанъ, во горенкѣ,
Очень рано на зарѣ,
Сдѣсь игралъ, гулялъ,
Молодецъ въ гусли,
А дѣвушки подпѣвали,
Очень рано на зарѣ,
Авдотья танцовала,
Михайловна танцовала,
Танцовала, пріустала,
Розанъ, розанъ, пріустала,
Очень рано на зарѣ,
Пріустала, пріустала,
У Ивана на колѣна,
У Семеновича на колѣна,
Розанъ, розанъ, на колѣна,

Очень рано на зарѣ,
Иванъ Авдотью пробуждалъ,
Михайловичъ пробуждалъ:
Встань, Авдотья, проснись!
Встань, Михайловна, проснись!
Отецъ и мать не чужіе,
А все таки же родные;
Розанъ, розанъ, родные,
Очень рано на зарѣ:
Они хотя увидять,
Никому не скажуть,
Они хоть побранять,
Да опять примолвять,
Розанъ, розанъ, примолвять,
Очень рано на зарѣ!

11.

Какъ на дубчикѣ два голубчика сидять,
Межъ собою разговаривають:
Кто жь у насъ молодчикъ молодой?
Кто жь у насъ удалая голова?»—
Алексѣй у насъ молодчикъ молодой,
Петровичъ у насъ удалая голова:
Онъ съ гривны на гривну переступаеть,
Онъ рублемъ ворота запираеть,
Онъ полтинникомъ отпираеть,
Сотнями по городу швыряеть,
Изъ неволи сиротъ выпущаеть:
Вы сироты, вы мои сироты!
Помолите Христу Богу обо мнѣ,
Объ моей объ удалой головѣ!

12.

Кто жь у насъ лебединъ?
Кто жь у насъ соколинъ? —
Лебединъ мой, лебединъ,
Лебедушка бѣлая. — *
Иванъ у насъ лебединъ,
Семеновичъ соколинъ:
Онъ по садику гулялъ,
Сапожкомъ травку топталъ, 2
Путь дорожку искалъ,
Путь дорожки не нашелъ, 2
Самъ заплакалъ да пошелъ, 2
Къ Авдотьѣ зашелъ,
Къ Михайловнѣ зашелъ:
Постой часикъ у воротъ,
Я сбѣгаю въ огородъ,
Не поспѣлъ ли виноградъ,
Не пора ли его брать,
На серебряный подносъ класть?
Какъ Иванъ Михайловичъ,
Да Авдотьѣ Семеновнѣ,
На серебряномъ подносѣ, 2
Виноградъ ей поднесъ.

13.

Соловейка моя молодая
Весь макъ притоптала,
Какъ Ив. В. передъ зеркаломъ стоялъ,
Русы кудри чесалъ,
Онъ, расчесавши русы кудри,
Просилъ Авдотью цѣловать,

---

* Этотъ припѣвъ повторяется гдѣ черезъ 2, гдѣ черезъ 3, стиха.

Михайловну миловать. —
Ив. В.! мнѣ нѣ время цѣловать:
Мои милыя подружки
Отпросили меня въ садъ гулять,
Во зеленомъ во саду,
Оставляли меня одною
Подъ грушей зеленой.
Ахъ ты груша зеленая!
Не шуми ты надо мною:
Если будешь ты шумѣть,
Засушу, грушу, тебя;
А не будешь ты шумѣть,
Снаряжу, грушу, тебя:
Три аршина лентовъ алыхъ,
По вѣточкамъ жемчугомъ.
Сударыня моя маменька!
Ты построй мнѣ новъ высокій теремъ
Со тремя окошками,
Съ окошками прекрасными:
Какъ первое окошечко
На чистое поле смотрѣть,
А второе окошечко
На зеленый садъ смотрѣть,
А третье окошечко
На синее море смотрѣть;
Какъ на синемъ морѣ.
Три корабли плыли:
Какъ первый корабь
Съ дорогими съ товарами,
А второй корабь
Съ брульянтами, конями,
А какъ третій корабь
Съ удалымъ молодцомъ, 2
Съ Иваномъ Семеновичемъ.
Сударыня маменька!
Поймай ты мнѣ тотъ корабь
Со удалымъ молодцомъ,
Съ Иваномъ Семеновичемъ! —

Дитё ль мое, дитятко, дитё мое милое!
Когда пора, время, придеть,
Самъ корабь къ берегу приплыветь,
Иванъ Семеновичь съ корабля долой сойдеть,
Съ корабля долой сойдеть,
Во высокъ теремъ зайдеть,
И тебя за ручку возьметь.

14.

На комъ, на комъ, кудри русы,
На комъ, на комъ, по плечамъ лежать,
По плечамъ лежать, словно жаръ горять,
Словно жаръ горять, словно полымя?
Со Москвы купцы соѣзжалися,
Они тѣмъ кудрямъ дивовалися:
Ужь чье это дитя, чье порожено? *
Въ чистотѣ дите все положено.—
На Алексѣѣ кудри русые,
На Михайловичѣ по плечамъ лежать,
По плечамъ лежать, словно жаръ горять,
Словно жаръ горять, словно полымя.

Зап. мною въ Рязанской Губерніи.

---

* Ужь и гдѣ эти кудри уродилися?
Ужь кому эти кудри чесать, гладить будеть?—
Что свѣтъ Агаѳьѣ Ѳаддѣевнѣ.
Ужь брала кудри на бѣлыя руки,
На бѣлыя руки, на златыя перстни.

15.

Какъ по лугу, лугу, по зеленому лугу,
Ходилъ голубь, ходилъ сизый, со голубушкой:
Какъ у голубя сизова золотая голова,
У голубушки головушка серебрянная; *
У Алексѣя молодая жена,
Молодая жена, что честная госпожа,
Всѣ товарищи его позавидовали:
Кабы это да моя, братцы, жена **
Я не билъ бы, не журилъ,
Я бѣлилъ, румянъ, купилъ, 2
На бѣлиться бъ ей велѣлъ:
Набѣлись, моя милая,
Нарумянься, душа! 2 ***
Тогда будешь хороша;
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
Во колясочкахъ возилъ,
А зимою на расписанныхъ саняхъ,
На расписанныхъ саняхъ,
На ямскихъ лошадяхъ:
Кони, кони, вороные,
Извощички молодые, 2
Въ рукахъ плети шелковые:
Они ѣдуть, погоняють,
Сами пѣсеники поють, 2
Молоду жену везуть.

---

* У голубушки золотая голова,
У голубушки позолоченая,

** Какъ пришелъ къ нему товарищь,
Позавидовалъ ему.

*** Нарумянься, Василиса,
Набѣлися, Ивановна!

16.

Не красенъ день безъ краснаго солнышка,
Не красна свадьба безъ родимой маменьки.
Родимый ты мой батенька!
Выйди на широкую улицу,
Посмотри на всѣ четыре стороны:
Не идетъ ли, не летитъ ли, моя родимая маменька?
Родимый мой батенька!
Родимая моя маменька!
На великое вы меня горе зародили,
Худою долей меня надѣлили,
Худымъ счастьемъ наградили:
Ни въ чемъ мнѣ счастья нѣтъ.
Что жь я такая за горькая,
Что жь я такая за несчастная зародилася?
Ужь куда я ни повернуся,
Ужь куда я ни оглянуся,
Все вокругъ меня никого нѣту,
Ни кто около меня не увивается,
Ни кто около меня не убивается.
Кабы ты была, моя родимая маменька,
Ты бы вокругъ меня увивалася,
Ты бы вокругъ меня убивалася,
А то безъ тебя мнѣ плохо,
А то безъ тебя мнѣ худо!
Разступися, мать, сыра земля,
Расколися, гробова доска,
Ужь вы раскройтесь, бѣлыя полотна
Возстань-ка, моя родимая маменька,
Ты возстань, пробудись,
Приди, приди, провѣдай
Меня горькую, несчастную!
Ужь какъ я сдѣсь горе терплю,
И больше перетерплю.

17.

Когда начнуть убирать невѣсту къ вѣнцу, отецъ беретъ образъ; невѣста, на колѣняхъ, молится Богу и голоситъ:

Благослови меня, родимый батенька!
Я не прошу у васъ ни злата, ни серебра,
Я васъ только прошу благословеньица.

Потомъ мать беретъ образъ: тѣ же самыя слова и передъ матерью; тѣ же и отцу крестному; потомъ сажаютъ ее за столъ съ дѣвушками, которыя запоютъ:

18.

Во полѣ лебедушка кричала,
Въ теремѣ Авдотья плакала,
Во высокіимъ Михайловна рыдала,
Жалобу на батюшку клала:
Богъ судья тебѣ, родимый батенька!
Вы меня молоду въ чужія руки отдаете,
Счастье съ любовью со двора вы долой шлете;
Засохнеть, заблекнеть, зеленый садъ безъ меня,
И засохнуть два аленькихъ свѣточка..
Родимый мой братецъ, ты вставай пораньше,
Ты вставай пораньше, поливай ихъ почаще:
Какъ первый-то свѣтъ—родимый мой батинька,
А другой-то свѣтъ—родимая моя маменька.

19.

Не тѣсенъ ли теремъ, не тѣсенъ,
Только хорошо теремъ сокрашенъ,
Разными красками расписанъ.
Не ученъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, не ученъ,

Только хорошо снаряженъ:
Снарядила его, матушка,
Отпускала его къ тещѣ въ домъ,
Чтобы его теща приняла,
Большимъ подаркомъ подарила:
Я тотъ подарокъ принимала,
Низкой я поклонъ отдавала.

20.

Заря ли моя, зорюшка,
Ой ляли, ой ляли! *
Зорюшка вечерняя,
Солнышко восхожее,
Высоко восходило,
Далеко свѣтило,
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море, 2
Черезъ быструю рѣчку, 2
Положи, милый, дощечку,
Чтобъ по той дощечкѣ
Ни кто не хаживалъ, 2
Никого не важивалъ.
Перешелъ Ѳедоръ сударь,
Перешелъ Алексѣевичъ,
Перевелъ невѣсту, свѣтъ Мирьюшку,
Перевелъ Васильевну,
Переведемши онъ ее цѣловалъ, миловалъ,
Цѣловамши, миловамши,
Крѣпко къ серецу прижималъ:
Другъ ты мой, свѣтъ Марьюшка,
Радость моя, Васильевна!
Ты меня состарила,
Безъ ума поставила,
Отца съ матерью забыла,

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Меня молодца полюбила,
Во высокъ теремъ водила,
Чаемъ, кофеемъ, поила,
Всѣ конфекты становила,
Рубашечкой подарила:
Рубашечка полотняна,
Моя Марьюшка молодая.

21.

Зеленая сосенка, желтый цвѣтъ!
По что тебя, Ѳедора Алексѣевича, долго нѣтъ?
Ждала я тебя день—тебя нѣтъ,
Ждала я другой—не бывалъ.
Писала бъ я письмо—не умѣю,
Писарей просить—не смѣю,
Сама бъ я пошла—боюся,
Роднаго батюшки стыжуся,
Родной матушки боюся.

22.

Не разливайся, мой милый Дунай,
Не выливай ручья въ чистомъ полѣ!
Въ чистомъ полѣ ковыль трава,
Во той ли травушкѣ бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога;
Мимо тутъ ѣхалъ Алексѣй Ѳедоровичъ,
Стегнулъ оленюшку плеточкою,
Что ему возговорить бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога:
Не стегай ты меня плеточкою,
Не въ кое время пригожусь я тебѣ:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,

Весь дворъ освѣчу, гостей твоихъ взвеселю,
Какъ большую гостью Марью твою,
Чтобъ Марья не плакала,
Чтобъ не слезила бѣлаго лица.

23.

На морѣ утушка купалася, полоскалася,
Всполоскнувши, сѣрая утка вскрикнула:
Придуть морозы крѣпкіе, снѣга глубокіе,
Выгонять утушку изъ синя моря,
Изъ синя моря, изъ крутыхъ береговъ.
Какъ мнѣ съ синимъ моремъ разстаться?
Съ крутыхъ бережковъ подыматься?
Въ теремѣ Марьюшка убиралася,
Въ теремѣ Васильевна снаряжалася,
Снаряжалась Марьюшка, восплакнула:
Какъ мнѣ съ дѣвушками разстатися,
Разстатися, распроститися?
Пріѣдеть Алексѣй сударь съ большимъ поѣздомъ.

24.

Катилися игрушки съ верхушки,
Покинули подружки Марьюшку:
Ворочусь я, игрушки подберу,
За подружками побѣгу.
Некогда игрушекъ подбирать,
Некогда подружекъ догонять.

25.

Какъ у насъ въ бору на клену
Висить колыбель на шелку,
На золоченомъ на крюку,
На серебрянномъ на кольцу;
Въ той колыбели Алексѣй спить,
Спать не спить, только такъ лежить:
Размахните меня, братцы,
Во Лотовинскую улицу,
Прямо къ Марьюшкѣ въ горницу!
Что моя Марьюшка дѣлаетъ?
Подъ окномъ сидить, чванится,
Мною молодцомъ хвалится!

26.

Городомъ я шла зарею,
Ко бору пришла тучею,
Ударила въ ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,
Сама я поплыла уткою,
На крыльцо я взошла павою,
Во новыя ворота лебедкою,
Во высокъ теремъ дѣвушкой,
Садилась за столъ съ молодцемъ,
Съ молодцомъ, содружникомъ,
Съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ,
Махнула платкомъ черезъ столъ:
Встаньте, Бояре, къ одной сторонѣ!
Слушайте, Бояре, что я стану говорить:
Сулилъ ты мнѣ, батюшка, семь городовъ,
Потомъ, родимый, не далъ одного.

27.

Охъ ты елка, ты елка, сосенка!
Всѣ ли на тебѣ, елка, сучья, вѣточки?
Всѣ ли на тебѣ тросточки?—
Всѣ ли на мнѣ сучья, вѣточки;
Только нѣтъ одной макушечки.
Всѣ ли у Марьи Васильевны,
Всѣ ли у тебя гости созваны?
За столомъ посажены. —
(Если нѣтъ отца:)
Нѣтъ у меня батюшки,
Благословить меня некому,
А снарядить меня есть кому
Вы дружки, полудружки,
Запрягайте своихъ воронихъ коней!
Вы ступайте ко Божьей церкви:
Вы взойдите на высокую паперть,
Ударьте въ большой колоколъ,
Пробудите моего батюшку:
Разступись, мать, сыра земля!
Расколися, дубовая доска!
Ты встань, проснись, мой батюшка!
Или сударыня, моя матушка!
Благословите меня горькую,
Меня горькую къ суду Божьему,
Къ суду Божьему—золотому вѣнцу!

28.

Во горенкѣ во новой
Стоитъ столикъ дубовой,
На столикѣ, на столѣ,
Стоить чара золота,

Полна меда налита:
Кому жь эту чару пить?
Кому ее подносить? —
Тимоѳѣю чару пить,
Егоровичу подносить. —
Роди сына, что въ меня,
А дочерю во себя!
Учи сына лапти плесть,
А дочерю шелкомъ шить;
Она у насъ золото.

29.

ПЛАЧЬ НЕВѢСТЫ.

Красота ль моя, красота, красота дѣвичья!
Родимыій мой батюшка, родимая моя маменька?
Заключили вы мою головушку во чужіе люди,
Во чужіе люди, во незнамые,
Къ чужому отцу и къ чужой матери:
Какъ чужой отецъ—не родимый батюшка,
Какъ чужая мать—не родимая матушка.

30.

КОГДА РАСПЛЕТАЮТЪ КОСУ.

Не въ трубушку мы трубимъ рано на зарѣ,
Авдотья плачеть Михайловна по русой косѣ:
Коса ли моя, косынька, русая коса!
Вечеръ эту косу дѣвушки плели;
Пріѣхала сваха немилосливая,
Начала эту косу рвать и метать,
И рвать и метать, на двѣ заплетать.

31.

Расплеталась руса коса, руса коса Софьина,
Выпадала лента алая, 2
Тутъ шли, прошли, два молодца,
Подымали эту ленту алую,
Подавали свѣтъ Софьюшкѣ:
Ты прими, свѣтъ Софьюшка!
Не твоя ли лента алая?

32.

Когда расплетутъ невѣстѣ косу, ее сейчасъ же посадятъ за столъ, гдѣ стоитъ хлѣбъ-соль. Посидѣвши немного, она выходитъ помолиться Богу и идетъ въ баню съ дѣвушками.

КОГДА ВЕДУТЪ ВЪ БАНЮ, ПОЮТЪ:

У воротъ банюшка стояла,
Жарко каменка горѣла,
Ай люли, люли, горѣла! *
Тутъ расплакалась Марьюшка,
Передъ батюшкой стоючи:
Государь ты, мой батюшка!
Подержи меня хоть годокъ,
Подержи меня хоть другой:
Я по улицѣ похожу,
Травку муравку потопчу,
И золотъ перстень поношу,
Ненавистниковъ подражню,
Ненавистниковъ молодыхъ,
Все ребятушекъ холостыхъ.

---

* Этотъ припѣвъ, съ повтореніемъ послѣдняго слова предыдущаго стиха, повторяется послѣ каждаго двустишія.

33.

Въ деревнѣ Бучалкахъ, когда женихъ подъѣдетъ ко двору, дѣвушки поютъ:

Долго, долго, соколъ не летитъ,
Долго, долго, Иванъ не ѣдетъ,
Долго, долго, Михайловичъ не ѣдетъ:
Знать нашъ соколъ за лѣса залетѣлъ,
За лѣса залетѣлъ, за лѣса дремучіе,
Иванъ пріѣхалъ, Михайловичъ подъѣхалъ.
(Входитъ въ горницу:)
Не сбуи вѣтры понавѣяли,
Не званые гости на дворъ взъѣхали,
Подломили сѣни новыя,
Сѣни новыя съ переходами,
Раздавили чару золоту,
Выпугнули соловья изъ тепла гнѣзда.

34.

КОГДА ПОВЕЗУТЪ НЕВѢСТУ КЪ ВѢНЦУ, ДѢВУШКИ ПОЮТЪ:

Какъ передъ нашими широкими воротами
Разлилося, разлелѣялось, синее море,
Унесло, улелѣяло, со двора три корабля:
Какъ первый то корабль съ красной дѣвицей душой,
А другой-то корабль съ перинами, съ подушками,
А третій-то корабль съ кованными сундуками.
Какъ выходила ея родимая маменька,
Какъ вскричала громкимъ голосомъ своимъ:
Дитё мое, дитятко, дитё мое милое!
Позабыла ты у меня, дитятко,
Позабыла ты трое ключей, три золотыхъ,

Позабыла ты у меня три волюшки:
Какъ первая-то воля—дѣвичья,
А другая воля—родимаго батеньки,
А третья воля—родимой маменьки.

35.

КОГДА ПРИВЕЗУТЪ ОТЪ ВѢНЦА:

Какъ шелковая ниточка къ стѣночкѣ льнеть,
Какъ Иванъ Авдотью къ сердцу крѣпко жметъ:
Ты скажи мнѣ, Авдотья, ты скажи мнѣ, Михайловна!
Кто жь тебѣ, мой свѣтъ, изъ руду милъ?—
Мнѣ милъ, милехонекъ, родимой батенька,
Родимый мой батенька и родная маменька.—
Ты неправду говоришь и не рѣчь ты кажешь.—
Какъ шелковая ниточка и пр.
Ужь мнѣ милъ, милехонекъ,
Ужъ мнѣ милъ мой милый другъ,—
Ты, Авдотья, правду говоришь и рѣчь ты сказываешь.

36.

Дунули вѣтры по чисту полю,
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролилися слезы по бѣлому лицу,
Что по бѣлому по Прасковьину;
Взговорила Прасковья душа:
Съ кѣмъ же мнѣ думушку думать и гадать?
Вздумаю-ка думушку съ родимымъ батюшкою —
Та ль мнѣ дума не вѣрна, не мила;
Вздумаю думушку съ родимой матушкою —
Та ль мнѣ дума не вѣрна, не мила;
Вздумаю-ка думушку съ Иваномъ Михайловичемъ —
Та мнѣ дума и вѣрна и крѣпка.

37.

КОГДА ПОДРУГИ БУДЯТЪ МОЛОДЫХЪ:

Дѣвушки, подружки мои!
Вы вставайте ранехонько,
Умывайтесь вы бѣлехонько,
Вы чешите голову гладехонько,
Надѣвайте вы платья цвѣтныя,
Вы берите ведра новыя дубовыя,
Вы ступайте на Дунай рѣку,
Вы поливайте крутыя горы,
Чтобъ Ивану не пройти,
Семеновичу не проѣхати!

38.

Въ чужихъ людяхъ живучи,
Много горя напримаешься:
День деньской на работѣ,
А ноченьки не доспишь,
Но на холоду и на голоду,
А пуще бойся тещи:
Носи платье, не снашивай,
Терпи горе, не сказывай!
Надо быть покорливой,
Головкѣ поклончивой,
Ко всѣмъ людямъ привѣтливой,
И на всяко дѣло смѣтливой.

Зап. всѣ мною.

III.

Свадебныя пѣсни Калужской Губерніи, Малоярославецкаго Уѣзда, въ селѣ Костинѣ.

1.

На канунѣ свадьбы, на Дѣвичникѣ, въ домѣ невѣсты ставятъ елку, обвѣшанную лентами, шелкомъ и свѣчами, и поютъ:

Ужь ты ель моя, елушка,
Зеленая сосенушка!
Всѣ ли на тебѣ сучки, вѣточки,
Всѣ ли на тебѣ верхушечки,
Золотыя макушечки?
Всѣ на мнѣ сучки, вѣточки,
Одного сучка нѣтути,
Самой верхушечки,
Золотой макушечки.
Ты Ѳедосья Никифоровна!
Всѣ ли они у тебя гости собраны?
Всѣ ли они у тебя посажены? —
Всѣ у меня гости собраны,
Всѣ у меня посажены,
Одного гостя нѣтути,
Что родимой матушки.

2.

Что летѣлъ соколъ изъ Новагорода,
А другой летѣлъ изъ Кіева,
А третій летѣлъ изъ каменной Москвы,
Три крылушка машутъ: Оттворяй ворота!
Ѳедосья по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Шелковымъ платочкомъ помахиваетъ:
Бояре, вы Бояре, вы Ѳедотовы!

Станьте, Бояре, вы къ одной сторонѣ!
Слушайте, Бояре, что я буду говорить:
Сулилъ мнѣ батюшка семь деревень,
Повыдамши батюшка,—нѣтъ ни чего!

3

Ай на морѣ утушка умывалася,
Свѣтъ сѣрая полоскалася,
Что чернилами начернилася,
Что смуглилами насмуглилася.
Во теремѣ дѣвушка полоскалася,
Свѣтъ красная полоскалася,
Что бѣлилами набѣлилася,
Что румянами нарумянилась,
Нарумянившись, слезно плакала,
По новымъ сѣнямъ похаживала:
А и свѣтъ-то мой, сѣни новыя!
Сѣни новыя съ переходами!
А и свѣтъ-то моя, воля вольная,
Воля вольная, нѣга нѣжная,
Воля батюшкина, нѣга матушкина!
А и свѣтъ-то, мой соловей въ саду,
Соловей въ саду, онъ рано вставалъ,
Голосисто пѣвалъ, меня младу разбужалъ.

4.

Ты рѣка ли моя, рѣчинька!
Ты рѣка ли моя быстрая!
Ты что жь течешь—не сколыхнешься?
Ты что жь течешь—не возмутишься,
Желтымъ пескомъ не оборотишься?
Ты душа ли, красная дѣвушка,
Красная дѣвушка, Ѳедосьюшка!

Ты что жь сидишь, не улыбнешься,
Не улыбнешься, не усмѣхнешься,
Со дружками рѣчь не сговоришь? —
Вы сестрицы, вы подруженьки!
Мы возмемъ-те по ведерочки,
Мы ульемъ-те горы крутыя,
Чтобъ нельзя было ни пройти, ни проѣхати,
Чтобъ ни пѣшему, да ни ѣзжему,
Ни тому сыну гостинному,
Ни Ѳедоту Акимову. —
Ужь вы братцы, вы товарищи!
Мы возмемъ-те по топорику,
Мы и срубимъ гору крутую,
Чтобы льзя пройти, проѣхати.

5.

КОГДА ЖЕНИХЪ И НЕВѢСТА ПРІѢДУТЪ ИЗЪ ЦЕРКВИ:

Гдѣ селезень былъ?
Гдѣ утка была?
Богъ васъ снесъ
За единый столъ;
Богъ вамъ велѣлъ
Одинъ хлѣбъ-соль ѣсть;
Богъ вамъ велѣлъ
Изъ одной чары пить.

6.

Какъ Ѳедотъ Акимычъ матушкѣ разсказывалъ:
То-то я, матушка, понаѣздился,
Божьяго звона понаслышался,
Дѣвичьей кротости понавидѣлся!
Богъ васъ снесъ за единый столъ.

7.

Какъ по рѣчушкѣ утенушка плаваетъ,
Напередъ ея селезенюшка восплывалъ,
Во глазушки утенушкѣ зазиралъ:
Куды же моя утенушка хороша!
Куды же моя свѣтъ сѣрая уборна! —
Не тобой я, селезенюшка, хороша,
Не тобой я, селезенюшка, уборна:
Меня матушка хорошею вывела,
Государыня хорошею убрала.
Какъ по сѣнюшкамъ Ѳедосьюшка ходила,
Какъ по новенькимъ Никифоровна гуляла,
Напередъ ея Ѳедотъ сударь выступалъ,
Во глазушки Ѳедосьюшѣ зазиралъ;
Куды жь моя Ѳедосьюшка хороша!
Куды жъ моя Ѳедосьюшка уборна! —
Не тобой я, Ѳедоръ Алексѣевичъ, хороша,
Не тобой я, Ѳедосьюшка, уборна:
Меня матушка хорошею родила,
Государыня хорошею убрала.

Поется и въ Тульской Губ., Новосильскомъ Уѣздѣ.

8.

Какъ по сѣнямъ, по сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ,
Ходила, похаживала, молодая Боярыня,
Будила, побуживала, сваво друга милова:
Ты возстань, возстань, мой милый другъ!
Пробудися, мой ладушка!
Оторвался твой воронъ конь
Отъ столба, столба точенаго,
Отъ колечка позолоченаго. —
Не тужи, моя Ѳедосьюшка,
Не тужи, моя Никифоровна!
Заберу я желѣзный тынъ,
Посажу я въ саду вишенья,
Черну ягоду, смородину.

Записаны всѣ Е. Г. Дурново.

IV.

Свадебныя пѣсни Рязанской Губерніи, въ деревнѣ Красной слободкѣ и Урусовѣ.

Не было вѣтру, вдругъ навѣяло,
Не было гостей, вдругъ наѣхало,
Полонъ дворъ, полна горница:
Наступили на новы сѣни,
Обломили сѣни новыя,
Раздавили чару золоту,
Упустили соловья изъ саду.
Восплакалась свѣтъ Марьюшка:
Свѣтъ-то мои, сѣни новыя!
Свѣтъ-то моя, чара золота!
Свѣтъ-то, мой соловей изъ саду!
Кто жь меня рано будить буде?
Рано будить, поздно утѣшать,
Да я у тебя, соловей, на рукѣ,
Я у тебя, Иванъ Васильевичъ!
Я тебя буду рано будить,
Я буду поздно утѣшать!

2.

Подплывали гуси, лебеди,
Подъ крутые береги:
Мы думали, гуси, лебеди,
Иванъ сы Боярами,
Авдотьюшка со свахами;
Иванъ сталъ на бережки,
На бѣломъ на камушки,
Онъ пишетъ письмо-грамоту,
Ни перомъ и не чернилою,
Своей горючей слезой;

Онъ и шлетъ къ своему батюшки,
Къ родной матушки:
Государь ты батюшка!
Государыня ты матушка!
Люба ль вамъ невѣстушка?
Дитё ли, мое дитятко,—
Дитё ли мое милое!
Намъ давно полюбилася,
За тебя взять хотѣлося,
За такого за Барина,
За Ивана Павловича.

3.

Растопись, баинька,
Разгорись, каменка,
Разсыпься, крупенъ жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,
По серебряномъ блюдечку!
Ты расплачься, Марьюшка,
Передъ своимъ роднымъ батюшкой,
Передъ своей родной матушкой:
Ты, родимый мой батюшка,
На что ты пиво варишь? 2
На что зелено вино куришь?
Али хочешь себѣ сына женить? —
Ты дитё ли, мое дитятко!
Я хочу тебя замужъ отдать,
Ни за Князя, ни за Барина,
За такова же крестьянина,
За Василья Васильевича.

4.

Что въ вечеру, при вечерѣ,
Что при Марьинѣ дѣвичничкѣ,
Что и Марьѣ сонъ привидѣлся:
Прилеталъ къ ней ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На золотой причалинѣ;
Что и увидѣла, усмотрѣла,
Марьина матушка:
Ты дитя ли, мое дитятко!
Ты сойди со высокаго терема,
Ты привѣть-ко яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца пріѣзжаго! —
Я бы рада его привѣтила:
Мой языкъ не воротится,
Животъ кровью обольется,
Сердце камнемъ оборотится,
Рѣзвы ноги подломятся,
Бѣлы рученьки опустятся,
Изъ глазъ слезы покатятся.

5.

Какъ Марья у матушки дорогая гостила,
Золотой метелочкою мела, повымела,
Мела, повымела, трое сѣни новыя,
Только одной не вымела,
Гдѣ сидить люта свекровь,
Съ тремя своимъ дочеремъ:
Ёны судили, баили,
Про чужую дитятку, 2
Про свою невѣстушку:
А не толь ёна сонливая,
А не толь ёна дремливая:

Солнышко еще за лѣсомъ,
А невѣстка спать идетъ;
Солнышко на уходѣ,
А невѣстка со спальни идетъ.

6.

Вѣнули вѣтры по чисту полю,
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролили слезы по бѣлому лису:
Съ кѣмъ мнѣ будетъ думушку эту думать?
Думать мнѣ думушку съ батюшкой —
Та ли мнѣ дума, не крѣпка, не вѣрна,
Тѣ ли мнѣ словеса не побычились.
Вѣнули вѣтры по чисту полю;
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролили слезы по бѣлому лису:
Съ кѣмъ мнѣ будетъ думушку эту думать?
Думать мнѣ думушку со милымъ дружкомъ —
Та мнѣ дума и крѣпка и вѣрна.

7.

Не бушуй, холоденъ вѣтеръ!
Не расшатай во бору сосну,
Не разбуди у Ивана жену!
Какъ вечоръ во пиру была,
Съ полуночи сына родила:
Кумъ былъ Долгоруковъ сынъ,
Кума была Шереметьева двора.

8.

Ужь вы сборы, мои сборы!
Собирала дѣвушка къ себѣ въ домъ,
Сажала дѣвушка за свой столъ,
Сама сѣла выше всѣхъ,
Скопила головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпше всѣхъ:
Думаю, подумаю: какъ мнѣ быть?
Какъ къ свекору, въ чужой домъ, притить?
Какъ мнѣ будетъ свекра назвать?
Назову я свекра батюшкой;
Назову я молодова: милый другъ!
Спеси, сгордости, убавлю,
А ума-то, разума прибавлю.

9.

Ай, рано, рано, по зарѣ,
Поймалъ соловей кукушечку,
По ей дѣвушки плакали;
Не сизу кукушечку, красну дѣвицу,
По ей дѣвушки плакали,
По ей красныя плакали:
Вы не плачьте, красны дѣвушки!
Мы давно соловья знаемъ:
Ёнъ не сизой соловей,
Ёнъ удалый молодецъ;
Мы въ одномъ садикѣ гуляли, 2
Мы въ одномъ теремѣ сиживали, 2
Мы за однимъ столикомъ кушивали, 2
Мы съ одной рюмочки волку пили.

НА ДѢВИЧНИКѢ ДѢВУШКИ ПОЮТЪ НЕВѢСТѢ:

10.

Куковала кукушечка,
Во сыръ боръ летаючи:
Плакала Марьюшка,
Къ столику припадаючи,
Батюшку величаючи,
Матушки причитаючи:
Государь мой батюшко!
Напиши мое личико
На дубовомъ столикѣ!
Государыня матушка!
Набери мою красоту,
На бранной скатерти,
Когда столикъ подвинните,
Про меня вспомяните,
А скатерть ускроете,
Три раза восплакните:
Какъ-то наше дитятко
На чужой сторонукѣ, 2
У чужова батюшки!

11.

Въ отхожей новой горенкѣ
Восковая свѣча топится,
А Константинъ свѣтъ Богу молится,
Самому Христу печалится.
Приходила къ ему матушка:
Сердечное ты мое дитятко!
Ты о чемъ Богу молишься,
Самому Христу печалишься? —
Родимая моя матушка!
Какъ же мнѣ Богу не молиться,

Самому Христу не нечалится?
Какъ по утру вставать мнѣ ранешенько,
Свою головку чесать гладешенько,
За своей-то мнѣ ѣхать суженой,
За своей за снаряженой.
Растеряють мою молодость
По ухабамъ и раскатамъ,
У насъ кони будутъ ренскіе, *
А поѣзжане будутъ пьяные.

12.

Много, много, у сыраго дуба,
Много листья и палистья,
Только нѣтъ у сыраго дуба
Золотой его вершиночки.
Много, много, у Пелагеи души,
Много сродцевъ и пріятелевъ,
Только нѣтъ у Пелагеи у души,
Что кормилица, своево батюшки,
И родимой своей матушки.

13.

Какъ Марьюшка въ добрый часъ породилась,
Межъ обѣдней и заутреней,
Вы саду подъ яблонькой,
Въ зеленомъ подъ кудрявенькой:
Малиной банила,
Калиной парила,
Рѣчью приговаривала:
Будь ты, мое дитятко,

---

* Очень бойкіе.

Безъ учбы будь умнешенько,
Безъ бѣлилъ будь бѣлешенько,
Безъ сурмянъ брови черныя,
Безъ румянъ румянешенька!

14.

Звонили звоны въ Данковѣ городѣ,
Звончѣй того въ селѣ Знаменскомъ;
Звонила звоны свѣтъ Марья душа,
Мимо ѣхалъ Иванъ господинъ;
Звону ея онъ заслушался,
Красоту ея онъ засмотрѣлся,
Пріѣхалъ домой, выхваляться сталъ:
Матушка! Видѣлъ я свою суженную,
Свою суженную, свою ряженную:
Ростомъ она и тонка и высока,
Лицомъ она бѣла и румяна,
Бровью она и черна и сурмяна.

15.

Я не знала млада, не вѣдала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала,
Молодая, спесивая,
Гордая, ломливая:
На сѣнюшки ступила,
Ни чего не молвила,
Подумамши, молвила:
Собирайся ты, умница,
Снаряжайся, разумница,
Ко суду Божію ѣхати,
Ко суду Божію, ко златому вѣнцу! —
Поди прочь, свашенька,
Отступись, подговорщица:
Мнѣ безъ тебя-то грустнехонько!

16.

Кого это величаемъ?
По отечеству величаемъ?
Дари игрецъ, не скупися,
Золотой гривной разступися!
Намъ игрицамъ много надо,
На бѣлые на бѣлилы,
На черные на сурмилы.
(Тутъ гости кладутъ деньги на тарелку.)
Спасибо, дружья братья!
Мы пиво твое выпили,
Золотую гривну вынули.

17.

Иванъ ходи по двору,
Кунья на немъ шуба до земи,
Соболья на немъ шапка до верху,
Божья на немъ милость до вѣку.
Какъ люди скажуть: Чей это такой?
Дарьюшка скажетъ: Мой господинъ!
Да мнѣ съ господиномъ вѣкъ вѣковать,
Да мнѣ съ господиномъ домъ наживать,
Да мнѣ съ господиномъ дѣтей восцитать.

18.

Угрюмъ, угрюмъ, ходить
Марьинъ батюшка:
Угрюма, угрюма, ходить
Марьина матушка:
Мела свой высокъ теремъ,
Потеряла свой золотъ перстень,

Не золотъ перстень потеряла,
Потеряла свое дитятко,
Потеряла свое милое,
Марья Андреевна.

19.

Веселъ, веселъ, ходить
Васильевъ батюшка;
Весела, весела, ходить
Васильева матушка:
Мела свой широкій дворъ
И свою новую горницу,
Нашла золотъ перстень
Съ дорогимъ съ камешкомъ:
Не золотъ перстень нашла,
Нашла себѣ дитятко,
Нашла себѣ милую,
Марью Андреевну.

20.

Летѣли голуби черезъ теремъ,
Вдарили крылами объ теремъ,
Думали думушку: дома ли Марьюшка?—
Ея дома нѣтъ.— Мы бъ ей сказали добрую вѣсть,
Что у Ивана въ домѣ есть:
У него въ домѣ кони вороные,
Онъ самъ собрался на коню,
Собрался на коню какъ соколъ;
Его батюшка спрашиваетъ:
Ты куда, дитё, собрался? —
Въ дорогу, батюшка, собрался:
Ты пожалуй-ко, батюшка, подмогу;

Тридцать человѣкъ пѣшковыхъ,
Пятьдесять коней верховыхъ,
Двѣ каретушки золотыя,
Двѣ свашеньки молодыя.

21.

Вечеръ, сы вечеру,
Да трое куръ пѣли,
Четвертая вскрикнула:
Иванъ сударь въ теремѣ,
Русы кудри чеше!
Про свою Авдотьюшку
Онъ и трехъословъ послалъ,
Четвертый самъ пошелъ:
Я не йду и не слушаюсь,
Я теперича не твоя:
Судьба Божья, батюшкина,
Порожденьице, матушкина.

22.

Марьи пѣсенку небезчестно слышати,
На дѣвичьемъ вечерѣ съ Князьями, со Боярами,
Со любовными свашеньками.

23.

Какъ сказали Иванъ съ Москвы ѣдеть!
Не успѣла свѣтъ Марьюшка кунью шубу вздѣть,
За рукавъ шубы схватила,
Середи двора вздѣла,
За воротами устрѣла,
И цалуеть, и милуеть,
А правды не скажеть;
Скажу тебѣ правду,

Рожу тебѣ сына,
Какъ бѣлаго сыра;
Рожу тебѣ дочку,
Какъ бѣлаго груздочка.
Какъ сына то качаю,
Перемѣны себѣ чаю;
Какъ дочерю качаю,
Перепутье себѣ чаю.

24.

Соколъ соколовичъ,
Иванъ Андреевичъ,
Онъ гулялъ по садику,
Гулялъ по зеленому,
Искалъ себѣ соколушку,
Лебедушку бѣлую,
Марью Андреевну;
Взялъ ее за рученьку,
Взялъ ее за правую,
Повелъ ее по садику,
Повелъ ее по зеленому,
Сталъ ее выспрашивать,
Изъ ума вывѣдывать:
Гдѣ же ты, Марьюшка, была?
Гдѣ же ты, Андреевна, росла! —
Росла-то я, росла, у батюшки,
Лелѣялася у матушки.—
Да что жь ты пила, ѣла? —
Я медъ, вино пила,
Сахаръ, изюмъ ѣла.

25.

Соколы, соколы, куда жь летали? —
Мы летали съ моря на море. —
Да что жь вы видѣли? —
Мы видѣли утену на морѣ. —
Да что жь вы ее не взяли? —
А крылушки ощипали,
Горячу кровь пролили.

26.

Какъ за нашими широкими воротами
Синее море разливалось,
Бѣлорыбица встрепехталась;
Рыболовцы по бережку ходили,
Бѣлой рыбицѣ говорили:
Бѣлорыбица, берегись!
Ужь и хочуть тебя, бѣлорыбица, уловить,
Ужь и хочуть на мелкія части разрубать,
На серебряной тарелкѣ раскладать,
Во высокъ теремъ носить,
На дубовой столъ становить,
Свѣтъ Марьюшку кормить.
Какъ за нашими широкими воротами
Разыгралися ребята молодые,
Расшутились купцы холостые,
А свѣтъ Марьюшки подружки говорили:
Берегись, свѣтъ Марьюшка!
Ужь и хочетъ тебя Иванъ сударь поцѣловать.
Догадалась, подруженьки, догадалась.

27.

Надъ рѣкою сосенька зелена стоить,
По той сосенки бѣлая лава лежить,
На той лавицѣ Марья сидить,
На той лавицѣ да Ивановна,
Чешется, гладится, русу косу плететь;
Вымося шелъ, вымося шелъ, родной батюшка.
Дитятко Марьюшко, пойдемъ домой!
Дитятко Ивановна, пойдемъ домой! —
Охти мнѣ, батюшка, я не хаживала,
Охти мнѣ, родной, я не хаживала:
Ноть темная, да не мѣсячна,
Рѣки глыбоки—переходу нѣтъ,
Горы высоки, да юсхода нѣтъ,

Надъ рѣкой сосенка зелена стоить,
По той сосенки бѣлая лава лежить,
На той лавицѣ Марья сидить,
На той лавицѣ да Ивановна,
Чешется, гладится, русу косу плететь;
Вымося шелъ, вымося шелъ, милый другъ:
Душечка Марьюшка, пойдемъ домой! —
Охти мнѣ, готовешенька:
Ноть видна и мѣсячна,
Рѣки мелки и переходъ есть,
Горы высоки и юсходъ есть.

28.

Какъ по погребу боченочекъ катается,
Какъ Иванъ сударь надъ женою надругается:
Ты и Марьюшка разуй, ты Егоровна разуй! —
Я бы рада разула, я не знаю, какъ назвать; 2
Я къ сосѣдушкѣ пойду, я спрошу, какъ назвать. 2
Я и поженьку разула, я Иваномъ назвала, 2
Я другую-то разула, я Степановичемъ назвала.

V.

Свадебный обрядъ Тверской Губерніи, Новоторжскаго Уѣзда, въ селѣ Селиховѣ и деревнѣ Кардовѣ.

На канунѣ брака, когда съѣдутся всѣ гости, бываетъ выборъ поѣзжанъ, который происходитъ слѣдующимъ образомъ: женихъ съ Подкнязьемъ, стоя за столомъ, кланяются, а отецъ, поднося вино и пиво, выбираетъ въ Тысяцкіе, потомъ сватью (мать крестную), Большаго Барина, Меньшаго Барина, двухъ Дружковъ.

Должность Тысяцкаго или отца крестнаго состоитъ въ томъ, что онъ выкупаетъ невѣсту и раздаетъ за нее дѣвушкамъ орѣхи. Бояре только занимаютъ одно званіе, а Дружки обязаны раздавать орѣхи, мыло и проч., принимать молодыхъ и класть въ постель. Послѣ выбора, готовятся къ поѣзду. Сядятся за столъ, молятся Богу; отецъ стоитъ съ образомъ, а мать съ хлѣбомъ и солью.

Женихъ молится Богу и кланяется отцу въ ноги, а Дружки поддерживаютъ его за руки и не даютъ кланяться до земли; отецъ благословляетъ его. Послѣ этого отецъ выходитъ на дворъ, запрягаетъ лошадей. Запрягши лошадей, выѣзжаютъ со двора въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва ѣдутъ Дружки, потомъ Тысяцкій съ женихомъ, далѣе Бояре. Отъѣхавъ нѣсколько саженъ, Дружки ворочаются назадъ, благодарятъ отца и мать за угощенье и доносятъ имъ, что Князь выѣхалъ со двора благополучно. Отправивши поѣздъ, въ домѣ жениха, трутень или кормовой идетъ въ конюшню къ овцамъ и готовитъ постель для молодыхъ. Подъѣзжая къ дому невѣсты, Дружки ѣдутъ къ невѣстѣ и спрашиваютъ отца: «Готова ли невѣста?» Если готова, принимаютъ ихъ въ домъ, а если не готова, то ворота будутъ заперты и отвѣчаютъ имъ: «Невѣсты дома нѣтъ: ушла въ лѣсъ по грибы.» Поѣздъ же стоитъ весь на дорогѣ и дожидается отвѣта Дружекъ. Дружки подъѣзжаютъ къ поѣзду и говорятъ, что все готово. Тогда весь поѣздъ ѣдетъ къ воротамъ невѣстинаго дома на дворъ, сватья невѣсты почтуетъ пивомъ жѣнихову сватью, и, вошедши въ избу, здороваются съ сватомъ и со всѣми родными; невѣста же сидитъ въ заднемъ углу, окруженная дѣвицами. Тысяц-

кій подходитъ къ дѣвкамъ и проситъ у нихъ невѣсты, но дѣвки не даютъ; Тысяцкій даетъ имъ денегъ; если мало дадутъ, дѣвки бросаютъ ихъ назадъ, и Тысяцкій съ ними торгуется и прибавляетъ денегъ. Потомъ невѣсту сдаютъ жениху; женихъ же, взявъ ее за руку, топчетъ ей три раза ногу (чтобы не была сердита). Послѣ этого, Тысяцкій беретъ за руку жениха, ведетъ за столъ и сажаетъ его на нарочно приготовленномъ мѣстѣ, т. е., на подушку; три раза молодыхъ поднимаетъ и опять сажаетъ на подушку: тутъ бываетъ угощеніе веліе и дары со стороны жениха. Угостившись, выходятъ изъ за стола и ѣдутъ въ церковь, дружки опять ворочаются въ домъ невѣсты, благодарятъ свата за угощеніе и зовутъ къ себѣ въ гости. Сватъ же, т. е., отецъ невѣсты, сажаетъ ихъ на мѣсто, но Дружки не садятся. Сватъ угощаетъ Дружекъ пивомъ и даетъ имъ пирогъ. Дружки отломятъ край пирога, но не ѣдятъ, а между тѣмъ, во время этого угощенія, запираются ворота. Дружки выходятъ изъ избы, глядятъ — ворота заперты; входятъ въ избу, и просятъ у свата пива; тогда всѣхъ, кто стоитъ около воротъ, угощаютъ пивомъ и даютъ закусить пирогомъ. Послѣ того отпираютъ имъ ворота: они выѣзжаютъ изъ воротъ, догоняютъ поѣздъ и, вмѣстѣ съ нимъ, ѣдутъ въ церковь.

Сообщено отцемъ Священникомъ Церкви Рожинскаго Погоста, Георгіемъ.

1.

Разшаталась грушица,
Разшаталась зеленая,
Передъ яблонькой стоючи:
Расплакалась Лизавета душа,
Расплакалась Тимоѳѣевна,
Передъ батюшкой стоючи,
Передъ матушкой возрыдаючи:
Государь, родимый батюшко!
Государыня, родимая матушка!
Нельзя ли думу отдумати,

Чтобъ меня замужъ не выдати?—
Ты дитя ли, мое дитятко,
Ты дитя ли мое малое!
И нельзя думу оддумати,
Чтобъ тебя замужъ не выдати;
По рукамъ у насъ ударено,
На словахъ у насъ положено.

2.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садика зеленаго,
Вылетало стадо лебедевъ,
Позади лети гусиное;
Отставала лебедушка
Отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ,
Не умѣла лебедушка
По гусиному кликати,
Ино стали гуси щипати:
Не щипите, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Что погодою, невзгодою.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садика зеленаго,
Выходила толпа дѣвушекъ,
Позади идутъ молодушки
Отставала Акулинушка
Отъ толпа, отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала Акулинушка
Ко толпы, ко молодушкамъ,
Не умѣла Акулинушка
На головушку управиться;

Ино стали люди журити:
Не журите, люди добрые!
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезли меня добры кони,
Что добры кони, Захаровы.

3.

Подите, мои родные,
На батюшкинъ на широкій дворъ,
Во матушкинъ во высокъ терекъ,
На мою свадьбу на младую,
На младую, на глупую!
Тихо соряжалися,
Тяжело подымалися.

4.

Какъ чесалъ Тимоѳѣй кудерушки
Костяной новой гребеночкой;
Онъ чесалъ, приговаривалъ:
Прилегайте, кудры русые,
Ко моей буйной головушкѣ,
Ко моему-то лицу бѣлому!
Привыкай-ка, любовь душа,
Къ мому уму, разуму,
Къ мому-то роду, племени! —
Тяжело мнѣ привыкать будетъ
Къ чужому отцу, матери,
Къ чужому роду, племени.

5.

Ну, погоди-ко, мой свѣтелъ мѣсяцъ!
Затепляйте свѣчу воска бѣлова,
Подвигайте столы дубовые,
Растилайте-ко скатерти браныя,
Становите ѣства сахарныя,
Нацѣдите пива пьянаго,
Наносите вина зеленаго!

Деревня Карпова.

6.

Не всѣ-то у насъ гости въ собраньицѣ,
Не всѣ они въ съѣзжаньицѣ,
Не тамъ ли родной матушки (батюшки),
Авось ли онъ не подойдетъ ли,
Не подойдетъ ли, не подъѣдетъ ли,
На мою-то свадьбу на младую,
На младую, на сиротскую?
Благослови ты меня, сиротушку,
Ко суду-то Божьему ѣхати!
У суда то Божья тяжело стоять:
Подломятся мои скоры ноги,
Опустятся мои бѣлы руки,
Ужахнется мое сердце,
Ужахнется, испужается!

7.

Ты рѣка ль, моя рѣченька,
Рѣка ли моя быстрая!
Что ты стоишь, не колыхнешься,
Съ берегомъ ты не сравняешься,
Съ желтымъ пескомъ не смѣшаешься?
Что ты, Аннушка, сидишь, не усмѣхнешься?

Говоришь ты, не промолвишься? —
На что глядя, мнѣ смѣяться?
Полонъ дворъ каретъ наѣхавши,
Полна горница гостей сида.
Нарядиться мнѣ кое есть во что,
Отпустить-то мнѣ есть кому,
Благословить-то меня не кому.
Ты, желанный братецъ, батюшка!
Ты выйди на широкій дворъ,
Ты возьми узду тесменную,
Что тесменную, ременную,
Обротай коня что ни лучшаго,
Что ни лучшаго, хорошаго;
Ты съѣзди къ Божьей церкви,
Ты ударь трожды во колоколъ,
Ты пусти гулъ по всѣмъ церквамъ,
Что по всѣмъ церквамъ, по сырымъ землямъ,
Разбуди кормилица батюшку,
Екима-то Софроновича;
Благослови ты меня, сиротинушку,
Къ суду мнѣ Божьему ѣхати,
У суда мнѣ Божьяго стояти;
У суда мнѣ тяжело стоять:
Какъ подломятся у меня скоры ноги,
Опустятся у меня бѣлы руки,
Ужахнется мое ретиво сердце,
Ужахнется, испугается,
У суда-то Божьяго стоючи!

8.

Какъ леталъ-то, леталъ, соколъ,
Съ горы на гору леталъ;
Какъ искалъ-то, искалъ, соколъ,
Стадо лебединое;
Какъ нашелъ-то, нашелъ, соколъ,

Стадо лебединое,
Ёнъ все стадо разогналъ,
Одное лебедушку ухваталъ,
Ахъ, что лебедушку душу,
Златокрыльцату свою.
Возмолилася лебедка
Свому яспу соколу:
Ты пусти, пусти, соколъ,
Въ стадо лебединое! —
Я тогда тебя пущу,
Сизы перышки ощиплю,
Златы крылушки обобью,
Горяцую кровь пролью.

Какъ и ѣздилъ-то Захаръ Князь,
По Слопихину по селу,
Какъ искалъ-то, искалъ, Князь,
Красныхъ дѣвушекъ толпу,
Какъ нашелъ-то, нашелъ, Захаръ Князь,
Красныхъ дѣвушекъ толпу;
Онъ всѣхъ дѣвушекъ распустилъ,
Только ее одну ухватилъ,
Свѣтъ Акулинушку свою,
Тимоѳѣевну свою.
Взмолилася Акулинушка,
Взмолилася Тимоѳѣевна,
Свому милому дружку:
Ты пусти, пусти, Захаръ Князь,
Ты пусти, пусти, Ѳедоровичъ,
Къ краснымъ дѣвушкамъ въ толпу! —
Я тогда тебя пущу,
Ко вѣнчаньицу свезу,
У вѣнчаньица постоимъ,
Косу русу расплету,
Ее на двое заплету.

Деревня Карцова.

9.

Свѣтъ ты, коса дѣвитья, 2, коса русая,
Расплелась моя коса, коса русая,
Развился мой шелковой гонтай, 2
Шелковый гонтай съ алой ленточкой,
Свалилась ты съ меня, съ младешеньки,
Вся честь, хвала, воля батюшкина,
Воля батюшкина, нѣга матушкина.
Бывало я, младешенька, на гулянье пойду,
На гулянье пойду—не спрашиваюсь,
Съ гулянья приду—не сказываюсь;
А теперь мнѣ, младешенькѣ,
На гулянье-то итить—спрашиваться,
Со гулянья-то итить—все сказываться.
У новыхъ- то воротъ понастоишься,
У дубовыхъ дверей понаслухаешься,
И на степеньку-то ступнешь—оступнешься,
Слово молвишь—обмолвишься.

10.

Подите вы, подружки-постушки,
Провѣдайте про мое горе,
Про мое горе про великое:
Какъ-то будетъ мнѣ, младешенькѣй,
Итить будетъ во чужи люди:
Во чужихъ во людушкахъ
Надо жить умѣючи,
Умѣючи, разумѣючи:
У сѣней-то настоишься,
У дверей наслухаешься,
За скобку возьмешься—попятишься,
Не про меня ли, молодешеньку,
Чужой отецъ съ матерью говорить?
Не про меня, ли говорятъ,
Не меня ли бранятъ?

11.

Недолго вѣночку на столбикѣ висѣть,
Недолго Ульянушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть;
Не трубушка трубила рано по зари,
Плакала Ульяна по русой по косѣ:
На свѣтъ моя косынька, русая коса!
Сегодня тебя, косыньку, дѣвки плетутъ,
Назавтра, моя косынька, сватья станутъ плесть,
Не та ли сватьюшка пріѣзжая,
Пріѣзжая сватьюшка, немилосливая,
Станутъ мою косыньку рвать, порывать,
Станутъ мою русую на двѣ заплетать;
Заплетутъ мою косыньку на двѣ косы
И весь крупенъ жемчугъ поразсыплется.

12.

Что были за гости, за пріятели?
Пропилъ ты меня, родной батюшка,
За стаканъ пива пьянаго,
За рюмку вина зеленаго;
Продумалъ ты меня, родной батюшка,
Продалъ во чужіе люди,
Во чужіе люди, незнакомые:
Ужь какъ-то мнѣ жить будетъ?
Ужь какъ-то мнѣ упаковать будетъ
На чужого отца съ матерью?
Что чужой отецъ съ матерью
Безъ желаньица уродилися:
Въ вечеру кладуть спать позднехонько,
По утру будютъ вставать ранехонько:
Вставай-ко, дитя не милое,
Не милое, не родное,
Не роженое, не хоженое!
Ступай-ко на работушку!
А работушка мнѣ не подъ силушку:
Обольюсь-то я, младешенька,
Своимъ горючимъ слезамъ!

13.

Соколъ, соколенка,
Залетная пташецка,
Леталъ по вишенья,
Залетѣлъ въ зеленый садъ,
Ухватилъ лебедушку,
Лебедушку бѣлую,
Привелъ ее къ батюшку:
Желанный мой батюшка!
Люба ль тѣ невѣстушка?—
Родимо мое дитятко!
Любо бъ тебѣ было,
А мнѣ послѣ тебя.—

Соколъ, соколенька,
Залетная пташецка
Леталъ по вишенья,
Залетѣлъ въ зеленый садъ,
Ухватилъ лебедушку,
Лебедушку бѣлую,
Привелъ ее къ матушкѣ:
Родимая матушка!
Люба ль тѣ невѣстушка?—
Родимое мое дитятко!
Любо бъ тебѣ было,
А мнѣ послѣ тебя.

14.

Ѣхалъ зять мимо тестева двора,
Онъ стучится у новыхъ у воротъ:
Дома ль тесть, дома ль теща моя,
Дома ль душенька, невѣста моя?
Услыхала Анисья душа,
Побѣжала по новыимъ по сѣнямъ,
Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
Ужь вы, матушки, нянюшки мои!
Вы берите золоты ключи мои,
Отпирайте кленовые сундуки,
Вынимайте подгребцовое сукно,

Ужь вы кройте Степану на армякъ,
Чтобъ не дологъ, не коротокъ ему былъ,
Чтобъ пошире, поразмашистѣе,
Чтобъ было ему можно на ворона коня вскочить,
Чтобъ было можно въ стремя ногу положить,
Поскорѣй душу невѣсту увидать,
Да Анисью, да милую свою!

15.

Растопися, баненька!
Разгорися, каменька!
Ты разсыпься, крупенъ жемчугъ,
Что по атласу, да по бархату!
Ты расплачься, невѣстушка,
Марѳа, душа Тимоѳѣевна,
Передъ батюшкой стоюци,
Передъ матушкой плакуци,
Благословенья просюци:
Благослови, родимый батюшка,
Еще родима матушка!
Благослови меня во цужи люди,
Ко цужому роду, племени,
Ко цужому отцу съ матерью;
Какъ цужой отецъ съ матерью
Безъ жалости уродилися,
Что безъ жалости, безъ милости:
Въ вецеру кладутъ спать позднехонько,
По утру будятъ ранехонько:
Ты вставай-ко, дитя не милое,
Ты вставай-кось, не роженное!
Ты вставай, сноха приведеная!
Кидай, кидай, волю батюшкину,
Бросай, бросай, нѣгу матушкину!
Привыкайко работушкѣ,
Ко великой ко заботушкѣ!

Дер. Карцово. Зап. мною.

VI.

Свадебный обрядъ Новгородской Губерніи, Валдайскаго Уѣзда, села Гоголева.

Въ сваты выбирается братъ, или ближній родственникъ жениха. Онъ отправляется въ домъ невѣсты; при входѣ въ избу крестится, поклонится на всѣ четыре стороны. Тутъ отецъ невѣсты, или кто другой изъ старшихъ въ домѣ, проситъ свата садиться, и онъ отвѣчаетъ:

Садиться не годится,
И стоять не хорошо,
Пришелъ я не кумиться,
Пришелъ я не свататься,
А пришелъ побрататься:
У тебя есть невѣста,
А у меня женихъ.

Нельзя ли свесть ихъ въ одно мѣсто?

Если согласны отдать дѣвушку замужъ, то отвѣчаютъ:

—«Невѣста согласна, и мы отдаемъ.»

Черезъ нѣсколько дней назначаются Смотрины. Женихъ къ этому времени приготовляетъ невѣстѣ въ подарокъ чулки, чуни, мыло и связку кренделей.

Когда начинаются смотрины, то при входѣ жениха въ избу, его встрѣчаетъ невѣста: онъ отдаетъ ей выше сказанные подарки, а она ему даритъ платокъ и тотчасъ же уходитъ за занавѣсъ. Женихъ и сватъ входятъ, садятся за столъ, на который ставятъ съ собой принесенную водку и кренделя; потомъ сватъ, стоя за столомъ, начинаетъ выкликать къ водкѣ и закускѣ, сначала всѣхъ родственниковъ невѣсты, словами:

Повыди, повыступи,
По новой по горенкѣ,
По свѣтлой свѣтлицѣ,
Къ винной чарѣ!»

(Имя того, кого выкликаетъ.)

Послѣ того, какъ всѣ родственники будутъ вызваны, женихъ самъ начинаетъ выкликать невѣсту:

Повыди, повыступи,
По новой по горенкѣ,
Изъ за задняго угла,
Изъ за занавѣси круглой,
Изъ за молодыхъ молодицъ,
Изъ за красныхъ дѣвицъ,
Ко винной чарѣ,
Къ золотой казны!
Сама себя покажи,
И насъ посмотри!

Невѣста молча выходитъ изъ за занавѣса, поклонится жениху, поцалуетъ образа и уходитъ опять за занавѣсъ. Женихъ и сватъ уходятъ въ сѣни, и черезъ нѣсколько минутъ возвращаются въ избу. Ихъ встрѣчаетъ невѣста съ умывальникомъ и полотенцами, и подаетъ имъ мыться. Жениху и свату она даритъ по полотенцу. Послѣ женихъ, сватъ и другіе гости садятся за столъ, начинается ужинъ, а невѣста уходитъ за занавѣсъ. Послѣ ужина сватъ и гости уходятъ въ сѣни, а женихъ къ невѣстѣ за занавѣсъ и окончательно ее сговариваетъ. Потомъ беретъ невѣсту за руку, прощается съ ней, она его провожаетъ до сѣней и онъ уходитъ. По уходѣ жениха дѣвушки начинаютъ пѣть:

1.

Ужь какъ Марѳушка измѣнщица,
Измѣнила всѣмъ подруженькамъ,
Ужь сказала, что я замужъ не пойду,
А сама-то спохваталася.

Невѣста отвѣчаетъ:

2.

Сестрицы, голубушки!
Отъ чего же мнѣ не йти замужъ?
Снарядиться мнѣ есть во что,
Благословить-то меня есть кому.»

Обнимая мать, начинаетъ плакать въ голосъ:

Пропила меня, родима матушка,
Что за винную за чарочку!

Съ этѣми же словами она обращается ко всему своему семейству, садится на лавку и причитаетъ:

3.

Ужь я сяду, молодешенька,
На свою тесову лавочку,
Подъ круглое окошечко;
Я пущу-то гулы звонкіе,
Недалеко, по поднебесью:
Вы слетите, гулы звонкіе,
Вы слетите въ чужу сторону,
Ко моимъ-то ко милымъ сестрамъ!
Пусть постоскнутся, посгрустнутся,
Пусть прилетятъ на легкихъ крылушкахъ,

Что ко мнѣ-то, молодешенькѣ,
Со чужой-то со сторонушки;
Поразмыкайте кручинушку!
Я спрошу у милыхъ сестеръ:
Какъ мнѣ жить будетъ, молодешеньки,
Во чужой во сторонушкѣ,
Со чужимъ со чужаниномъ,
У чужаго отца съ матерью?
Какъ упаковать, улаживать на ихъ,
На своего-то супостателя?

Замужнія сестры невѣсты, если находятся тутъ, то поютъ:

4.

Ужь мы не будемъ тебѣ сказывать,
Какъ жить на чужой сторонушкѣ,
Какъ упаковать, улаживать,
На чужаго отца съ матерью:
Ты узнаешь, мила сестра,
Какъ поживешь сама съ ними.
Не держи, наша мила сестра,
Ни подружекъ, ни милыхъ сестеръ:
Какъ подруженьки и милы сестры
Поосудятъ и осмѣютъ тебя;
А коль задумаешь, мила сестра,
Крѣпку думушку подумати,
Ужь ты выйди во чисто поле,
Припади ты къ бѣлу камушку:
Бѣлый камушекъ не просудливый,
Не просудливый, не насмѣшливый.»

Этимъ кончаются смотрины. Дѣвушки прощаются съ невѣстой и расходятся по домамъ. Во время смотринъ, съ общаго согласія, назначается день свадьбы. Невѣсту въ продолженіе этого времени навѣщаютъ всѣ знакомые. Дѣвушки помогаютъ ей шить приданое, утѣшаютъ ее, и всегда поютъ пѣсни, болѣе обыкновенныя, на примѣръ, слѣдующія:

5.

Дочь отъ матери уѣхала,
Уѣхала, не простилася,
Съ соловьями думу думала:
Соловьи ли вы, соловьюшки!
Не съ одной ли вы сторонушки?
Вы снесите моей матушкѣ,
Моей матушкѣ низкой поклонъ,
Моему батюшкѣ челобитьице:
Не ждала бы меня родна матушка,
Ни къ обѣду бы меня, ни къ ужину,
Ни къ поздому меня завтраку,
Ни къ честному меня празднику.

6.

Много, много, у сыраго у дуба,
Много листьевъ, много подлистьевъ,
Только нѣту у сыраго у дуба,
Золотой его вершиночки.
Много, много, у Анны души,
Много сродства и пріятелей,
Только нѣтъ у Анны души,
Что кормильца, родна батюшки,
Благословить-то ее некому
На чужую на сторонушку,
Ко чужому, ко чужанину,
Ко чужому отцу, матери,
А проводить-то ее есть кому,
Есть и братья, и милы сестры,
Есть и милыя подруженьки.

7.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Вылетало лебедей стадо,
А другое стадо гусиное;
Отставала лебедушка
Что отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ;
Не умѣла лебедушка,
По гусиному кричати,
Ее стали гуси щипати:
Не щиплите меня, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Что погодою осеннею.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Выходила толпа дѣвушекъ,
А другая шла молодушекъ;
Отставала Марья душа
Отъ толпы отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала Марья душа
Ко толпы ли да молодушекъ,
Не умѣла Марья душа
На головушкѣ оправити,
Ее стали люди хаити,
Ужь какъ Марья стала плакати:
Вы не хайте, люди добрые!
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезли меня кони добрые, 2
Что Василья Аѳанасьевича.

8.

Охъ ты волюшка, вольная,
Воля вольная, не заемная!
Не на вѣкъ ты намъ доставалася!
Доставалась волюшка, доставалась вольная,
Краснымъ дѣвушкамъ до замужества;
Замужъ вышедши, ни въ чемъ воли нѣтъ,
Ни въ житьѣ-бытьѣ, ни въ богатствѣ,
Только есть она во тяжелой работушкѣ;
А одинокимъ добрымъ молодцамъ до женитьбы,
А женатымъ, семейнымъ, до солдатчины.

9.

По борамъ, по борамъ, по борочкамъ,
Убита дорожка коврочкомъ:
Кто жь эту дорожку ковромъ убивалъ?
Убивалъ эту дорожку Арсеній Князь,
Ходючи и смотрючи Аграфену душу.
На бору, на бору, на клену,
Виситъ колыбелька на шелку,
Въ колыбельки лежитъ Аграфена душа,
Аграфена душа, свѣтъ Максимовна;
Приходилъ къ ей Арсеній Князь,
Возговорилъ ей Михайловичъ:
Слуги мои, слуги мои, дѣвушки,
Мои вѣрныя служаночки!
Качайте колыбель позыбчѣй,
Чтобъ увидѣть ей свекровъ дворъ
И свекровушкинъ теремъ!
Какъ увидѣла Аграфена душа,
Очень она возрадовалась,
Увидавши свекровъ дворъ;
А еще она возрадовалась,
Что увидѣла она Князя Арсенія,
Арсенія свѣтъ Михайловича.

На канунѣ свадьбы назначаются Вечерины. Передъ вечеринами ведутъ невѣсту въ баню; за невѣстой приходятъ дѣвушки и начинаютъ звать ее въ баню:

Просимъ милости пожаловать,
Во парну во баеньку,
Подъ шелковый вѣничекъ,
Подъ бумажный листочекъ!

Невѣста обращаясь къ отцу:

10.

Благослови-ко, родной батюшка,
Мою ластошку, милу сестру,
Порасплесть мою русу косу,
По единому по волосу,
По могучимъ моимъ плечикамъ!

Сестра начинаетъ расплетать, а невѣста не даетъ ей и говоритъ:

11.

Погоди, моя мила сестра,
Расплетать мою русу косу:
Пусть моя коса покрасуется,
Что во красной во мнѣ, дѣвушкѣ!

Послѣ этого невѣста сама же начинаетъ просить, чтобы ей расплели косу, причитая въ голосъ:

12.

Попрошу я, вамъ покланяюсь:
Расплетите мою русу косу,
Что русу косу, красу дѣвичью;
Вы возьмите, мои подруженьки,
Что мою ли косу дѣвичью,
И все красное дѣвичество!

Та, которая заплетаетъ ей косу, отвѣчаетъ:

13.

Мнѣ не надоть, моя подруженька,
Мнѣ не надоть твоя руса коса:
Я возьму, снесу, русу косу,
Что во полюшко во чистое,
Во лужки-то во зеленые,
Да во травушки шелковыя,
Во цвѣты-то во лазоревы:
Всѣ алы цвѣтики алѣются,
А моя коса увивается,
Во лазоревыхъ цвѣтахъ заплетается:
Какъ пойдетъ твоя родима матушка!
Во поля-то да во чистыя,
Во луга-то во зеленые,
Да увидитъ твою русу косу,
Позавернется ейно ретиво сердце,
Позавернется крѣпче камушка.

Невѣста остается съ распущенными волосами, пока не обвѣнчается. Только что расплетутъ косу, къ невѣстѣ пойдетъ или сестра, или подруга, звать ее въ баню, и причитаетъ:

14.

Подымись, моя родна сестра,
Что ити-то въ парну баенку,
Что смывать-то волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!

Невѣста встаетъ, подходитъ къ отцу и причитаетъ:

15.

Благослови, кормилецъ батюшка,
Что ити-то въ парну баенку,
Что смывать свою волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!

Съ этѣми же словами она обращается и къ матери.

Сейчасъ же послѣ этого дѣвушки покрываютъ невѣсту платкомъ, ведутъ ее въ баню и поютъ:

16.

Растопися, парна баенка,
Раскалися въ банѣ каменка,
Поразсыпься крупной жемчугъ,
По столамъ, столамъ дубовымъ;
Порасплачься, невѣста душа,
Передъ своимъ кормильцемъ батюшкой:
Ты кормилецъ, родной батюшка,
Для чего ты рано по утру встаешь,
Для чего ты пиво пьяное варишь?—
Для того я по утру рано встаю,
Для того я пиво пьяное варю,
Что твоихъ-то поѣзжанъ поить,
Что твоего-то свѣта суженаго,

Невѣста въ это время тихо плачетъ. Въ банѣ она угощаетъ подругъ лакомствами. По выходѣ изъ бани, только что невѣста станетъ подходить къ дому, не входя въ него, останавливается со своими подругами и начинаетъ плакать въ голосъ:

17.

Я иду, родимый батюшка,
Со своимъ милымъ подруженькамъ,
Ужь по новымъ-то по сѣнечкамъ;
Я вхожу, кормилецъ батюшка,
Что во новую во горенку,
Что во свѣтлую во свѣтлицу
Я изъ парной только баенки,
Пообмывши волю вольную,
Порастерявши красу дѣвичью,
По полямъ-то да почистымъ,
По лужкамъ-то по зеленымъ.

Входя въ избу, вмѣстѣ съ подругами, невѣста, поклонившись отцу, причитаетъ:

18.

Тебѣ спасибо, родимый батюшка,
Что за парную баенку;
Лишь попеняю тебѣ, батюшка.
Какъ здымулись твои рученьки,
Благословить меня молодешиньку!
Теперь благослови меня, родимый батюшка,
Что садиться за дубовый столъ,
Со своимъ милымъ подруженькамъ!

ВЕЧЕРИНЫ.

Невѣста входитъ за столъ и опять причитаетъ:

Благослови, родный батюшка,
За столы-то за дубовые,
Что за скатерти за барчныя!

Отецъ благословляетъ невѣсту и столъ, и всѣ садятся. Передъ каждой перемѣной блюдъ невѣста говоритъ:

19.

Вы покушайте, мои подруженьки,
Что со мной-то, молодешинькой,
Мои послѣднія послѣдушки,
Мои остатніе остаточки!

Послѣ ужина невѣста обращается къ отцу и матери и благодаритъ ихъ словами:

20.

Тебѣ спасибо, родный батюшка,
И родимая моя матушка,
Что накормили меня сытешинько,
Что напоили меня пьянешинько,
Да со милымъ подружинькамъ!

За тѣмъ дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни. Невѣста садится въ передній уголъ, т. е., подъ образа, и задумывается. Немного погодя, дѣвушки ей запоютъ:

21.

Не печалься, Марѳа душа,
Не печалься, свѣтъ Ивановна!
Мы тебя не полонить хотимъ:
Не одну тебя во чужи люди отдаемъ,
А дадимъ тебѣ еще свашеньку,
Да еще-то дадимъ кучера.

На эту пѣсню невѣста молчитъ, а дѣвушки за нея отвѣчаютъ:

22.

Всѣ кучера поразъѣдутся,
Всѣ свашеньки поразойдутся,
Одна я, млада, остануся,
У чужого у чужанина,
У чужого отца матери.

Тутъ дѣвушки начинаютъ пѣть разныя пѣсни, и въ числѣ ихъ слѣдующую: «Теща про зятя пирогъ пекла, и пр. См. Плясовыя пѣсни.

При пѣніи этой пѣсни дѣвушки пляшутъ. Невѣста же ходитъ по избѣ и приговариваетъ:

23.

Похожу я, молодешинька,
Что по новой своей горенкѣ,
Что по новой своей свѣтлицѣ,
Поищу я красы дѣвичьей,
А еще погляжу я, молодешинька,
На своихъ милыхъ подруженекъ:
У ихъ буйны головы причесаны,
Алымъ лентамъ пріувязаны,
Золотымъ булавкамъ пріуколоты,
А у меня, у молодешиньки,
Алы ленточки растеряны,
Булавочки пораскиданы,
Буйна головушка растрепана,
Краса дѣвичья порастеряна.
Какъ поищу я своей красы дѣвичьей,
Что по всѣмъ ли четыремъ угламъ,
Да во новой нашей горенкѣ:
Не нашла я красы дѣвичьей,
Ни въ которомъ-то уголушкѣ!

Въ это время пріѣзжаетъ женихъ. Его встрѣчаетъ невѣста. Они садятся рядомъ въ передній уголъ, а дѣвушки запоютъ:

24.

Кто же у насъ умный,
Кто жь у насъ разумный?
Арсеній у насъ умный,
Михайловичъ разумный:
На коня садится,
Подъ нимъ конь веселится,
Къ саду подъѣзжаетъ,
Садикъ разцвѣтаетъ:
Аграфена, выходи,
Свѣтъ Максимовна, выходи!
За бѣлы руки Арсенія брала,
За дубовый столъ сажала,
Чару водки наливала,
Арсенію подавала,
Усердно просила:
Выкушай, Арсеній Князь!—
Я не пью вина хмѣльнаго,
Я не пью вина зеленаго;
Я дарую, семь разъ поцѣлую,
Что ни свѣтъ душу, Аграфенушку.

По окончаніи этой пѣсни женихъ и невѣста встаютъ, благодарятъ дѣвушекъ за пѣсню. Дѣвушки поздравляютъ невѣсту съ женихомъ, а жениха съ невѣстой. Женихъ прощается и уходитъ. Дѣвушки тоже начинаютъ расходиться, а невѣста имъ причитаетъ:

25.

Погодите, мои подруженьки,
Погодите, мои голубушки!
Мнѣ не долго, молодешинькѣ,
Провести часы, минуточки,
Что со вамъ, милы подруженьки,
Что со вамъ, мои голубушки;

Мнѣ не годикъ съ вами годовати,
Одну ночку темну ночевати,
У своего кормильца, батюшки,
У своей ли родимой матушки.

Этѣмъ кончаются вечерины. Дѣвушки расходятся по домамъ, а невѣста плачетъ въ голосъ:

26.

Охъ, рожденна моя матушка!
Какъ на чужой дальней сторонушкѣ,
Налетятъ ли черны вороны,
Забодутъ быки не кладеные,
По утру станутъ будить ранешенько,
Въ вечеру будутъ класть позднешенько;
Я не знаю, молодешинька,
Ни обыча его, ни норову,
Ни ума его, ни разума.
Я о чемъ, мои подруженьки,
Попрошу васъ, да вамъ покланяюсь:
Какъ пойдете вы, подруженьки,
На веселое гуляньице,
А моя ли то краса дѣвичья,
За вами погонится,
За тонкой рукавъ ухватится,
А возьмите, да мои подруженьки,
Да мою-то красу дѣвичью,
И ввяжите въ алы ленточки,
Пускай съ вами покрасуется!
А еще, мои подруженьки,
Попрошу васъ, да покланяюсь:
Какъ пріѣдутъ мои недруги,
Мои недруги, разлучники,
Не мечитесь вы, подруженьки,
Что на ихну золоту казну,
Не отдавайте меня, молодешиньку!

На другой день назначается Свадьба. Невѣста встаетъ раньше всѣхъ, приготовляется къ вѣнцу, а совсѣмъ одѣвшись, садится и плачетъ въ голосъ:

27.

Я встаю-то, молодешинька,
Что ранымъ-то ранешинько,
Что умоюся бѣлешинько,
Что умоюся не ключевой водой,
А умоюся горючимъ слезамъ;
Я спрошу-ко, молодешинька,
Поспалось ли родной матушки,
Проспала ль она эту ноченьку?
А какъ мнѣ ли, молодешинькѣ,
Не спалась мнѣ темна ночинька,
Не спала я, думу думала:
Подошли-то морозы лютые,
Ознобили мое ретиво сердце.

Тутъ къ невѣстѣ начинаютъ собираться дѣвушки. Мать приготовляетъ столъ, такъ называемый «Княжій.» Когда дѣвушки соберутся, то запоютъ:

28.

Верею̀шки пошатнулися,
Вороточки распахнулися,
Къ намъ наѣхалъ полонъ дворъ гостей;
А ужь Мареушка не вѣрила,
Свѣтъ Ивановна не чаяла,
Какъ женихъ-то въ нову горенку вошелъ,
Ужь какъ Мареушку за рученьку беретъ,

Свѣтъ Ивановну за правенькую:
У ней ножки подкосилися,
Бѣлы ручки опустилися,
Ужь Какъ Марѳа ужахнулася,
Свѣтъ Ивановна испужалася.

Въ это время пріѣзжаютъ Дружки и, не входя въ избу, останавливаются у дверей, а невѣста, завидѣвъ ихъ, начинаетъ причитать, обращаясь къ брату:

29.

Попрошу я тебя, мой родимый братъ,
Ты возми-сь-ко-ся саблю вострую,
Засѣки пути, дороженьки,
Чистымъ ельничкомъ, березничкомъ,
Да еще горькимъ осинничкомъ,
Чтобы не напали мои недруги:
Разлучатъ они меня, молодешиньку,
Со всѣмъ родныимъ со племенемъ,
Да и съ милыимъ подруженькомъ.

Братъ идетъ къ порогу, за которымъ стоятъ Дружки, и спрашиваетъ:

«Что вы за люди?»

Дружки.

Мы дружки,
Вѣрные служки,
Отъ Князя молодаго,
Отъ Арсенія Михайловича.

Братъ.

Просимъ милости войти!

Дружки.

Намъ некогда: мы пріѣхали узнать, готова ли невѣста?

Братъ.

Готова.

Дружки прощаются и уѣзжаютъ, а черезъ нѣсколько времени пріѣзжаютъ со всѣмъ поѣздомъ и, не входя въ избу, останавливаются у порога, а дѣвушки въ это время стоятъ около стола.

Дружки.

Есть ли въ этомъ домѣ хозяинъ?

Дѣвушки.

Есть.

Дружки.

Дайте намъ дубоваго стола,
Поставить нашего Князя подъ святые образа.»

Обращаясь къ дѣвушкамъ:

Что вы за люди?

Дѣвушки.

Молодой Княгиньи вѣрныя служаночки.

Дружки.

Гдѣ же Княгинья? Отъ чего она не снаряжена и за столъ не посажена?

Дѣвушки.

Наша Княгинья въ парной баенкѣ, подъ шелковымъ вѣничкомъ

Дружки.

Опростайте намъ квартиру: что надо, то и заплатимъ.

Дѣвушки.

Дайте намъ золотой казны!

Дружки.

Кидаютъ мѣдныя деньги.

Дѣвушки.

Наша Княгинья больше этого стоитъ. Выкиньте намъ хоть маленькихъ да бѣленькихъ: мы баню топили, сто паръ башмаковъ из-

носили, косу Княгиньи расплетали. Если у васъ сыщется золотой казны, тогда и невѣсту возьмите; а коли не сыщется, то ваша невѣста въ зеленый дубъ посажена, золотыми ключами замкнута; этѣ ключи далеко спрятаны: намъ не сыскать, и вамъ не найти.

Дружки.

Высыпаютъ на столъ серебро.

Дѣвушки.

Нашей Княгиньи руса коса стоитъ больше этѣхъ стеколъ (выкидывая золотую монету, или мѣдную пуговицу); у нашей Княгиньи вотъ какія деньги есть, а за этѣ ваши стеклы не отдадутъ невѣсты.

Дружки прибавляютъ еще серебра. Дѣвушки, поблагодаривъ, спрашиваютъ: покажите намъ

Кто краснѣя красна солнышка,
Кто свѣтлѣя свѣтла мѣсяца!

Дружки.

Выводятъ жениха на середину избы.

Дѣвушки.

Дайте намъ море воды, кучу ржи, да коня ѣхать со двора!

Дружки даютъ пирогъ, чашку пива и мѣдную деньгу и говорятъ:

Дайте намъ стола,
У насъ хлѣбъ-соль свои.

Дружки посадятъ жениха за столъ въ передній уголъ, вмѣстѣ съ невѣстой, поставятъ на столъ съ собой принесенную закуску и водку, угощаютъ тѣхъ, которые съ ними въ поѣздѣ, а потомъ невѣстиныхъ родныхъ. Когда они кончатъ, то невѣста говоритъ:

Невѣстина хлѣбъ-соль тоже не поганая!»

и подаетъ три какія ни будь блюда, а четвертое: пряженники, которые раскладываютъ каждому, и всякій, кто ихъ ѣстъ, обязанъ положить денегъ на блюдо. Дѣвушки, выйдя изъ за стола, поютъ пѣсни жениху, который съ невѣстой и съ поѣзжанами сидитъ за столомъ. Женихъ и невѣста сами ни чего не ѣдятъ, а просятъ другихъ кушать.

30.

Да ужь кто жь тебѣ, Арсеній Князь,
Чесалъ буйну голову,
Завивалъ тебѣ русы кудри? —
Чесала родная матушка,
Завивала кудри мила сестра,
Что во путь-то, во дороженьку,
По свою ѣхать по сужену,
Что по сужену, снаряженну,
По Аграфену-то Максимовну. —
Съ Богомъ, съ Богомъ, мое дитятко,
Со Христомъ, мое рожденное!

Женихъ благодаритъ дѣвушекъ за пѣсню, и даетъ имъ денегъ. Онѣ опять запоютъ:

31.

Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удаленькій,
Онъ загуливалъ во высокій во теремъ,
Да за занавѣсь заглядывалъ,
Все за шитую, за браную,
Онъ высматривалъ, выглядывалъ,
Душу красну дѣвушку, Аграфенушку;

Онъ сталъ ей бѣлы рученьки сжимать,
Онъ сталъ ей золоты перстни ломать;
Говорила Аграфена душа,
Говорила свѣтъ Максимовна:
Ты Арсеній, свѣтъ Михайловичъ,
Не сжимай моихъ бѣлыхъ ручекъ;
Не ломай моихъ золотыхъ перстней!
Вѣдь не ты мнѣ золоты перстни купилъ,
Да не ты и золотые золотилъ:
Мнѣ купилъ ихъ родной батюшка,
Золотила родна матушка.

Женихъ опять благодаритъ дѣвушекъ, и онѣ запоютъ:

32.

Тебѣ спасибо, Князь молодой!
Тебѣ спасибо, Михайловичъ!
Не успѣли мы слова выговорить,
Не успѣли мы пѣсни спѣть —
Отъ тебя дары пошли,
Отъ тебя великіе,
Съ поклономъ съ низкімъ,
Съ словомъ со ласковымъ.

Послѣ этой пѣсни сваха вкладываетъ руку невѣсты въ руку жениха и ноги жениха въ ноги невѣстѣ. Это дѣлается для того, чтобы свадьбу не могли испортить.

Когда отобѣдуютъ, дружки говорятъ отцу и матери невѣсты:

33.

Умѣли дитя воскормити,
Умѣйте и благословити!

Дружки, обращаясь ко всѣмъ:

Званные и бранные, благословите!

Невѣста заплачетъ въ голосъ:

34.

Не прошу, кормилецъ батюшка,
Я ни злата у тебя, ни серебра,
Ни имѣнія, ни богатества;
Попрошу я, кормилецъ батюшка,
Что великаго благословеньица:
Благослови, кормилецъ батюшка,
Что во путь-то, во дороженьку,
На чужую на сторонушку,
Ко чужому отцу матери!

Невѣста и женихъ становятся передъ отцомъ на колѣни: отецъ благословляетъ и даетъ цѣловать образъ.

Послѣ благословенія, женихъ поведетъ невѣсту въ сани, чтобы ѣхать въ церковь, а дѣвушки запоютъ:

35.

Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!

Ударь во колоколъ
Да во звончастый,
Чтобы услыхала
Аграфена матушка,
Услышавши, заплакала:
Ко мнѣ сваты ѣдутъ,
Мое дитю берутъ,
Дитю рожденную;
Отъ меня дары везутъ,
Да дары все шитые,
Скатерти бранныя.

Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!
Пріударь во колоколъ
Да во звончастый,
Чтобы услыхала
Арсеньева матушка,
Услыхавши, возрадовалась:
Ко мнѣ сноху везутъ,
Ко мнѣ ларцы несутъ,
Со златомъ, со серебромъ,
Со круглымъ со жемчугомъ,
Со шитымъ шитьемъ,
Со браннымъ со скатертямъ.

По окончаніи этой пѣсни поѣздъ отправляется въ путь: впереди ѣдутъ Дружки, потомъ женихъ съ посаженымъ отцомъ, который называется Тысяцкимъ, въ третьихъ саняхъ ѣдутъ Бояре, а сзади всѣхъ невѣста со снахой. Невѣсту везетъ кучеръ, который называется возилой. Когда выѣдутъ за ворота, возила говоритъ: «У саней завертки лопнули: привязать не чѣмъ!» Невѣста даетъ ему полотенце, что повторяется нѣсколько разъ, и каждый разъ невѣста должна дарить полотенца. Мальчишки, и даже большіе мужики, загораживаютъ путь поѣзду, и Дружки, чтобы ихъ пропустили, бросаютъ орѣхи.

Обвѣнчавшись, молодые ѣдутъ въ домъ жениха. Ихъ сейчасъ же сажаютъ на лавку. Невѣста въ это время находится все еще подъ покрываломъ; тутъ выходитъ теща съ пирогомъ, которымъ аакрываютъ молодую. Бабы, поспоривъ нѣкоторое время съ мужиками: кто лучше: женихъ, или невѣста, запоютъ извѣстную уже пѣсню:

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Вылетало лебедей стадо,
А другое стадо гусиное,
Отставала лебедушка,
Что отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что къ стаду сѣрымъ гусямъ,
Не умѣла лебедушка
По гусиному кричати,
Ее стали гуси щипати:
Не щипите меня, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетала:
Занесло меня погодою,
Что погодою осеннею, и проч.

Послѣ этой пѣсни запоютъ:

36.

Не шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнетъ,
Михайлычъ Максимовну къ сердцу жметъ:
Ты скажи, скажи, Аграфенушка,
Кто жь тебѣ отъ роду милъ?—
А милъ мнѣ, миленекъ, родный батюшка,
Помилѣе того родна матушка. —
А это, Аграфенушка, неправда твоя,
А это, Максимовна, не истинная;
Скажу, скажи, Аграфенушка, правду всю,

Скажи, скажи, Максимовна, истинную! —
Я скажу, младешинька, правду всю:
Только мнѣ милъ одинъ Арсеній свѣтъ,
Милъ, милешенекъ, Михайловичъ!

Послѣ этого молодыхъ сейчасъ же поведутъ спать, а сваха и свекровь начинаетъ смотрѣть сундукъ съ дарами молодой. Дары состоятъ изъ шитыхъ полотенецъ, скатертей и т. п. Когда молодые воротятся, то свекровь начинаетъ изъ сундука дарить дары роднымъ, а невѣста, кланяясь, проситъ ихъ принять.

Тутъ начинается пиръ, какъ обыкновенно бываетъ вездѣ. На другой день, утромъ, свекровь печетъ блины; молодую посылаютъ за водой, и всѣ ее провожаютъ до воротъ. Когда она принесетъ воды, то всѣ родные стараются этой водой облить другъ друга три раза, и молодая должна сходить за водой три раза же. Когда она принесетъ въ послѣдній разъ воду, ее заставляютъ месть избу, и въ это время бросаютъ деньги.

Этѣмъ кончается свадьба.... Всѣ разъѣзжаются.

Всѣ записаны К. М. Шишкинымъ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

КНИГА ПЕРВАЯ.

ИСТОРІЯ РЕЛИГІОЗНАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ЧЕХАХЪ,

ОТЪ

ПРИНЯТІЯ ХРИСТІЯСТВА ДО ПОЯВЛЕНІЯ ГУСА, КАКЪ НАРОДНАГО ПРОПОВѢДНИКА.

(871 — 1402).

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Исторія религіознаго движенія въ Чехахъ отъ принятія Христіанства до изгнанія Славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря [1].

Съ окончаніемъ смутнаго періода, ознаменованнаго движеніемъ народовъ, положившимъ конецъ Западной Римской Имперіи, съ возстановленіемъ нѣкотораго порядка среди всеобщаго хаотическаго броженія, открылось вдругъ величественное зрѣлище: пле-

---

[1] **Источники**: *Balbini* Epitome historica Rerum Bohemicarum, lib. I, cap. 2, 3 и 10 (здѣсь содержится житіе Св. Вячеслава, заключающее въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о религіозномъ состояніи Чехіи въ то время). *Hagek* Annales Bohemorum, edidit *Dobner*, t. II. p. 553—555; t. III. p. 325; t. IV. p. 45—191, 195—7, 205—207, 345—348, 362, 406, 483 — 485; t. VI p. 10 — 22. Amos *Comenius* Historia persecutionum Ecclesiae Bohemiae, p. 1—19; по Чешски: Hystoria

мена Нѣмецкія, которыя дали свое имя новому порядку вещей, занимаютъ только углы твердой Европы, ея полуострова и прибрежную полосу земли: вся средина Европы, ея огромное тѣло, покрыто племенами Славянскими. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе тринадцати столѣтій; человѣчество сдѣлало великіе успѣхи по всѣмъ путямъ развитія: но какое явленіе поражаетъ насъ въ исторіи? Безпристрастный, свѣжій умъ, прослѣдивъ исторію Европы въ ея новомъ Христіанскомъ періодѣ развитія, поражается съ перваго взгляда тѣмъ, что вездѣ звучитъ имя племени Нѣмецкаго: оно совершаетъ великіе подвиги, развиваетъ науку, жизнь, искуство. Что же дѣлало племя Славянское, спроситъ историкъ? Исторія рѣдко и какъ бы неохотно упоминаетъ объ немъ; не уже ли жъ оно было осуждено на физическую и умственную апатію? Но на самомъ дѣлѣ Славянское племя не менѣе Нѣмецкаго дѣйствовало въ исторіи Европы Христіанской: оно по справедливости должно раздѣлить и славу его, не уступая ему ни политическимъ, ни умственнымъ развитіемъ. Изучая явленія Средневѣковой и Новой исторіи и стараясь подвести ихъ подъ одинъ главный законъ, мы примѣтили, что отличительнымъ характеромъ этого періода времени была постоянная борьба племени Славянскаго въ его многочисленныхъ вѣтвяхъ съ племенемъ Нѣмецкимъ, борьба, не всегда открытая, но всегда присущая и условливающая всѣ безчисленно разнообразныя явленія, которыми полна исторія. Внимательное проникновеніе въ смыслъ событія учитъ насъ видѣть взаимое дѣйствіе двухъ богатыхъ народностей, Нѣмецкой и Славянской, тамъ, гдѣ непривычный глазъ, или ослѣпленный пристрастіемъ, видитъ только развитіе первой. Тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе становятся явленія, чѣмъ разнообразнѣе силы, ихъ причиняющія; развитіе значительно

---

o těžkých protiwenstwjch Cýrkwé České, str. 1—20. *Stransky* Respublica Bohemiae, c. VI. p. 247—297. *Lenfant* Histoire de la guerre des Hussites, p. 1—9. *Pelzel's* Geschichte der Böhmen. S. 31 — 38. *Palatzky* Gesch. von Böhmen. S. 107 passim. *Dobrowsky*—Geschichte der böhmischen Litteratur. S. 46—57. *Мацѣевскаго* Исторія первобытной Церкви у Славянъ, стр. 20 и сл. *Gieseler* Lehrbuch der Kirchengeschichte, 3-ten Bandes I Abtheilung. S. 275—286. *Krasinsky* Historical Skecth of the rise, progress and decline of the reformation in Poland, p. 6—18.

ускоряется тамъ, гдѣ есть духовная борьба началъ, силящихся опередить другъ друга: чѣмъ болѣе этихъ началъ и чѣмъ самостоятельнѣе они, тѣмъ болѣе выигрываетъ человѣчество. Племена Нѣмецкое и Славянское носятъ глубокое различіе въ характерѣ; каждое изъ нихъ, отдѣльно взятое, обладаетъ высокими способностями, удивительною легкостью въ воспринятіи и развитіи образованія, возможностью безконечнаго совершенствованія и развитія; но, кромѣ этихъ лучшихъ даровъ своихъ, Провидѣніе каждому изъ этихъ племенъ дало особенную нравственную физіогномію, особенныя правила для дѣйствованія: оно поставило ихъ одно противъ другаго, съ тѣмъ, чтобы они развивались, соревнуя другъ другу, чтобы дополняли недостатки своего развитія и оба вмѣстѣ представляли высшее проявленіе духовной природы человѣка: борьба элементовъ Нѣмецкаго и Славянскаго, условившая все развитіе Новой исторіи, безконечно полезна для всего человѣчества.

Глубокое, коренное различіе характеровъ племени Нѣмецкаго и Славянскаго обнаружилось и въ образѣ принятія ими Христіанства и въ слѣдствіяхъ этого принятія для всего послѣдующаго развитія соперничествующихъ племенъ. Большая часть народовъ племени Нѣмецкаго приняла Христіанство отъ Западной Церкви, а большинство племенъ Славянскихъ получило проповѣдь Евангельскую отъ Церкви Восточной. Уже самое мѣстное положеніе подчинило народы Нѣмецкіе Римскому Епископу. Славяне занимали всю средину Европы, и потому были доступны Христіанству съ двухъ сторонъ; но не близость страны, не природное сосѣдство влекло ихъ къ Восточной Церкви, а какое-то внутреннее сочувствіе: оно такъ сильно, что Восточную Церковь совершенно можно назвать Славянскою, точно какъ Западной давно уже усвоено названіе Латинской. Преданіе изъ глубокой древности свидѣтельствуетъ о томъ, что Апостолъ Андрей первый проповѣдалъ Евангеліе Славянамъ и предсказалъ ихъ будущее значеніе. Съ того времени Христіанство съ Запада и Востока проникало къ Славянамъ и имѣло много отдѣльныхъ поклонниковъ, но ни одного еще народа. Въ VII стол. Ираклій, Императоръ Византійскій, принялъ въ свое подданство и крестилъ Бѣло-Хорватовъ. Шестый Вселенскій Соборъ упоминаетъ о Славянахъ, какъ о народѣ Христіанскомъ; съ 766 по 780 годъ на Патріаршемъ Константинопольскомъ престолѣ сидѣлъ Славя-

нинъ. Западная Церковь, которая всегда отличалась духомъ проселитства, съ своей стороны содѣйствовала распространенію ученія Евангельскаго. Обративъ къ Христіанству большую часть народовъ Нѣмецкихъ, Католическіе миссіонеры проникли и къ Славянамъ; но отличительнымъ характеромъ Западной Церкви уже тогда было стремленіе подчинить своимъ частнымъ цѣлямъ власть свѣтскую и пользоваться ею, какъ орудіемъ. Успѣхъ проповѣди Католическихъ миссіонеровъ зависѣлъ всегда отъ успѣха оружія Католическихъ воиновъ, а иногда одни и тѣ же люди были и проповѣдниками Евангелія и воинами. Карлъ Великій своими счастливыми походами внутрь земель Средней Европы распространилъ Христіанство между многими народами Славянскими и Нѣмецкими. Съ цѣлью проповѣдывать Евангеліе племенамъ Славянскимъ, онъ учредилъ Зальцбургское Архіепископство; Епископъ Пассавскій, Урольфъ, вытѣсненный съ своей епархіи сильнымъ своимъ сосѣдомъ, Зальцбургскимъ Архіепископомъ, удалился къ Князю Моравскому, Моймiру, и отсюда напоминалъ Папѣ, Евгенію II-му, о древности своихъ правъ, полученныхъ непосредственно отъ прежняго Архіепископа Лорхскаго. Существуетъ булла этого Папы отъ 824 года, которою Урольфу дозволяется основать четыре Епископства: два для Моравцевъ, Нитранское и Голомуцкое, и по Епископству въ Вѣнѣ и Старомъ Городѣ (Wetwar). Гизелеръ и Мацѣевскій признаютъ достовѣрность буллы, Палацкій считаетъ ее подложною. Достовѣрно то, что первый Зальцбургскій Архіепископъ, Арно, имѣлъ Ep-um Regionarium для Славянъ, и что Славяне, жившіе по Рабу, были крещены священниками Католическими; ими же занесено было Христіанство въ Великую Моравію при Моймірѣ. Здѣсь, въ 636 году, Адальрамъ, Архіепископъ Зальцбургскій, освятилъ въ г. Нитрѣ церковь во имя св. Петра, древнѣйшую у Сѣверо-Западныхъ Славянъ, о которой только сохранилась память; самъ Моймiръ и часть народа приняли Христіанство. Людовикъ Благочестивый, для предупрежденія безпрестанныхъ споровъ Архіепископа Зальцбургскаго съ Епископомъ Пассавскимъ, раздѣлилъ ихъ епархіи чертою чрезъ гору Лысую (Kahlenberg). Точно также и первые лучи Христіанства проникли въ Чехію съ Запада. 845 годъ памятенъ въ исторіи религіозныхъ мнѣній въ Чехіи; въ этомъ году, по свидѣтельству лѣтописца, Рудольфа изъ Фульды, Людовикъ II крестилъ, въ день Богоявленія, 14 знатныхъ Чеховъ съ ихъ людьми.

Трудно предполагать, чтобы потребность внутренняя могла быть такъ сильна въ столь многихъ лицахъ вмѣстѣ, что они сами поспѣшили на встрѣчу Христіанству, которое могли бы принять и въ отечествѣ. Впрочемъ, эти 14 знатныхъ Чешскихъ Леховъ, въ слѣдствіе какого ни будь политическаго переворота изгнанные, вмѣстѣ съ своими приверженцами изъ Чехіи, видѣли въ принятіи Христіанства вѣрное средство пріобрѣсть право на помощь Людовика II, съ которою они думали возвратиться на родину. Такимъ образомъ, уже тогда, въ IX стол., въ Чехіи обнаружилось политическое и религіозное раздвоеніе, по которому одна часть Леховъ постоянно ищетъ союза съ Нѣмцами, между тѣмъ какъ другая упорно защищаетъ свою независимость. Это пагубное раздвоеніе подало поводъ Людовику вмѣшаться въ дѣла Чехіи. Отселѣ Чехи постоянно и успѣшно противились вторженію Нѣмецкому, и извѣстіе о мнимой дани Карлу Великому донынѣ не утверждено. Но теперь Чешскіе Лехи, принявшіе Христіанство, признали надъ собою власть Людовика и, воротившись къ народу, принесли ему Латинское Христіанство и Нѣмецкое вліяніе; однако, народная, еще языческая, сторона возстала противъ нововводителей и изгнала ихъ изъ земли Чешской. Людовикъ жарко заступился за изгнанниковъ и, воскресивъ старую память о дани, велъ упорную и долговременную войну съ стойкими Чехами; эта война, съ различными промежутками, продолжалась около 20 лѣтъ, и это первая война Чешская, гдѣ дѣло идетъ о самостоятельности и религіозной свободѣ Леховъ. Такимъ образомъ первыя сѣмена Католичества въ Чехіи сдѣлались источникомъ внутренняго раздѣленія и войнъ внѣшнихъ: подъ личиною ученія Христіанскаго, въ Чехію проникло вліяніе Нѣмецкое и вступило въ бой съ сильнымъ еще народнымъ элементомъ. Западная Церковь имѣетъ въ образѣ своихъ дѣйствій то особенное свойство, что она интересамъ временнымъ подчиняетъ высшія духовныя блага; исторія показываетъ, что никогда проповѣдники Католичества не распространяли его безкорыстно, съ одною святою цѣлью внести ученіе Евангелія народамъ языческимъ; что Папы постоянно заботились столько же объ умноженіи своихъ подданныхъ и данниковъ, сколько и объ умноженіи послѣдователей Іисуса Христа, никогда не теряя изъ виду цѣлей политическихъ. Съ величайшею снисходительностью, дабы не сказать постыдною слабостью, смотрѣли Папы на состояніе Христіанства въ обращенныхъ племенахъ

Нѣмецкихъ: вельможи и Короли смѣло попирали церковные уставы. Самъ Карлъ Великій, положившій для новообращенныхъ Саксовъ смертную казнь за нарушеніе постовъ, нисколько не соблюдалъ чистоты брачнаго союза. Отсюда, племена Нѣмецкія, принявъ Христіанство, не сдѣлались еще чрезъ то Христіанами: между ними и истиннымъ Словомъ Евангельскимъ сталъ сонмъ Латинскихъ учителей, назвавшій себя сосудомъ истиннаго Христіанскаго ученія, Церковью и верховнымъ распорядителемъ всѣхъ духовныхъ благъ; къ нему-то прежде всего долженъ былъ прибѣгать народъ и у него искать заступничества предъ Всевышнимъ. Не боясь опроверженія, мы можемъ сказать, что народъ Нѣмецкій до самой реформаціи Лютера не зналъ Евангельскаго ученія, то есть, ничего болѣе, какъ только то, что ему было сообщено духовенствомъ. Тутъ-то лежитъ коренное основное различіе образа дѣйствій Восточной и Западной Церкви. Еще задолго до окончательнаго своего отпаденія отъ Апостольской Восточной Церкви, Западная Церковь организовалась въ сословіе духовенства, которое присвоило себѣ исключительное толкованіе Св. Писанія и право раздавать всѣ духовныя блага. Духовенство Западной Церкви видѣло въ народахъ своихъ подчиненныхъ и рабовъ; чтобы сохранить свое господство надъ ними, оно всячески старалось поставить себя выше народа, сдѣлать себя посредникомъ между имъ и Богомъ; съ этою цѣлью оно сдѣлало языкъ Латинскій, народу непонятный, нераздѣльнымъ Богослужебнымъ языкомъ; съ этою цѣлью оно ввело десятины и другія обременительныя для народа повинности; съ этою цѣлью оно отказалось отъ брака, чтобы поставить себя выше людей обыкновенныхъ; съ этою же цѣлью, наконецъ, оно предоставило себѣ полное пользованіе Св. Причастіемъ подъ обоими видами Тѣла и Крови Христовой. Все это клонилось къ тому, чтобы отдѣлить духовенство отъ народа, крѣпче связать его крѣпостью его частныхъ интересовъ. Ясно, что духовенство, организовавшееся въ привелигированное сословіе, аристократію, видѣло въ распространеніи Христіанства не цѣль, но средство, видѣло умноженіе своей паствы и усиленіе своего мірскаго значенія. *Инымъ* путемъ шла наша Православная, истинно Апостольская Церковь: распространяя Христіанство, она заботилась о томъ, чтобы вкоренить въ сердцахъ людей истинное ученіе Евангельское, т. е., особенно правила Евангельской практической нравственности, а не

о томъ, какъ духовенство Латинское, чтобы дать совершенно невѣжественному и полуязыческому народу внѣшность Христіанскую и умножить число своихъ прихожанъ. Отъ того-то наша Церковь обращаетъ вниманіе не на количество новообращаемыхъ, но на то, чтобы они вполнѣ усвоили себѣ Христіанское ученіе и жили сообразно съ его постановленіями; за то ученіе Православной Церкви, однажды проникши въ какой ни будь народъ, производитъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе на все его внутреннее бытіе. Славянскія племена представляютъ тому самый лучшій примѣръ: тайное непреоборимое сочувствіе влечетъ ихъ къ Православной Церкви, которая присылаетъ имъ смиренныхъ учителей, имѣющихъ цѣлью сообщить имъ ученіе Евангельское, а не повелителей, которые требуютъ покорности вещественной и духовной на языкѣ чуждомъ; которая не таитъ подъ спудомъ ни Св. Писанія, ни своихъ преданій, но смѣло передаетъ ихъ народу, которая не налагаетъ на него тяжкихъ повинностей для своей выгоды. Духовенство Православной Церкви никогда не принимало на себя характера сословія; напротивъ, оно постоянно жило съ народомъ и имѣло съ нимъ одни интересы. Славяне, народъ достигшій уже тогда высокой степени образованности, не той искуственной образованности, которая развилась въ послѣдствіи у Нѣмцевъ, но той природной образованности, которая состоитъ въ томъ, что всѣ члены народа представляютъ равное нравственное развитіе, готовность къ воспринятію и развитію высшихъ духовныхъ началъ. Къ тому же не забудемъ, что народъ Славянскій вольнолюбивъ въ высшей степени и не терпитъ тиранніи, въ какую бы форму она ни одѣлась, какими бы идеями она ни закрылась; ему нестерпимо было это владычество духовенства, видѣвшаго въ мірянахъ людей гораздо низшихъ себя и позволявшаго себѣ всякія утѣсненія. Католичество, въ своемъ крайнемъ стремленіи, врагъ политической свободы: примѣрами полна исторія. Если всего этого мало было, чтобы навсегда поселить въ Славянахъ нелюбіе къ Католичеству и Папству, то къ этому присоединились и народныя убѣжденія: люди Нѣмецкаго племени приносили Славянамъ духовныя сокровища Христіанства, но давали ихъ имъ цѣною народности ихъ. Напротивъ, проповѣдники Православія приносили чистое ученіе Евангельское, предлагали его народу Славянскому на его собственномъ языкѣ и не требовали за то никакого пожертвованія. Вотъ причины, почему всѣ Сла-

вянскіе народы, даже тѣ, которые получили Христіанство отъ Запада, постоянно любили Православную Церковь и навсегда удержали и подъ двойнымъ, политическимъ и духовнымъ, гнетомъ Католичества память о томъ времени, когда они, подъ сѣнью Православной Церкви, пользовались полною умственною свободою и политическими учрежденіями, читали Св. Писаніе и слышали Богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ, а въ духовенствѣ видѣли не господъ, но старшинъ, учителей и наставниковъ. Отъ того-то племена Славянскія, и забывъ ученіе Православной Церкви, сохранили какое-то глухое, темное понятіе о немъ, которое сказалось въ общихъ народныхъ движеніяхъ.

Хотя Западная Церковь имѣла послѣдователей между Славянами, однако обращеніе ихъ вполнѣ принадлежитъ Церкви Греческой. Ученые Греки, братья Кириллъ и Меѳодій, служатъ, такъ сказать, собирательными именами; подъ ними надобно разумѣть, какъ сейчасъ увидимъ, не только собственно извѣстныхъ Кирилла и Меѳодія, но вообще всѣхъ послѣдователей и проповѣдниковъ Восточной Церкви. Уже въ первой половинѣ IX го вѣка Моравія принадлежала къ Пассавской епархіи; но большинство народа, не понимавшее ученія, возвѣщавшагося на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, оставалось языческимъ, соблюдая одни внѣшніе обряды Христіанскіе. Около 863 году Князь Моравскій, Ростиславъ, просилъ у Греческаго Императора, Михаила, учителей, которые могли бы наставить народъ въ Христіанствѣ: Кириллъ и Меѳодій, уже прославившіеся обращеніемъ Козаровъ и Булгаръ, были присланы въ Моравію; здѣсь они кончили переводъ Св. Писанія и проповѣдью, понятною народу, скоро утвердили его въ правилахъ ученія Христова. Какъ электрическая искра, истина Евангельская, проповѣданная на языкѣ Славянскомъ, пробѣжала по всему огромному тѣлу Славянскому: около времени Апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія, большая часть народовъ Славянскихъ обратились къ Христіанству, а остальнымъ изъ нихъ теперь положено было начало просвѣщенію. Государство Моравское, заключивши въ своихъ огромныхъ предѣлахъ множество народовъ Славянскихъ, было все просвѣщено Христіанствомъ: Богослуженіе вездѣ совершалось на языкѣ Славянскомъ. Нѣмецкое духовенство, видѣвшее съ завистью успѣхи Кирилла и Меѳодія, обратилось къ Папѣ, Николаю, и представило ему дѣло проповѣди на языкѣ Славянскомъ ересью. Папа пригласилъ Апостоловъ Сла-

вянскихъ въ Римъ, дабы испытать ихъ мнѣнія: Кириллъ и Меѳодій оправдались совершенно, и, по смерти перваго, Меѳодій назначенъ отъ Папы, Адріана, Архіепископомъ Велеградскимъ (868). Красинскій думаетъ, что причины уступчивости Папъ и снисхожденія ихъ къ Славянскому Богослуженію надобно искать въ опасеніи ихъ, дабы Славяне, огорченные отказомъ, не перешли явно къ Греческой Церкви. Смуты, происшедшія въ Моравіи по случаю междоусобной войны между Растиславомъ и, его племянникомъ, Святополкомъ, принудили Меѳодія искать убѣжища у Коцела, Князя Блатенскаго; есть преданіе, будто бы Меѳодій самъ посѣтилъ Чехію и Польшу.

Обстоятельства и время крещенія Чеховъ передаются весьма различно, но вотъ что относительно этого можно сказать вѣрнаго. Въ 871 году Чешскій Князь, Боривой, сынъ Гостевита, прибылъ къ Моравскому Князю, Святополку, вѣроятно, чтобы вмѣстѣ съ нимъ подумать о средствахъ общей защиты противъ Нѣмецкаго Короля, Людовика. Здѣсь Боривой принялъ крещеніе, вмѣстѣ съ 30 вельможами, и, если вѣрить нѣкоторымъ, по убѣжденію Меѳодія. Отправляясь домой, Боривой взялъ съ собою многихъ священниковъ, въ томъ числѣ Петра Кейха, и Славянскія книги. Въ 872 году Людовикъ напалъ вмѣстѣ на Боривая и Святополка и одержалъ рѣшительную побѣду надъ первымъ. Распространеніе Католической Вѣры между Славянами сопровождалось вездѣ сильнымъ Нѣмецкимъ вліяніемъ, которое становилось ничтожно теперь, когда Славяне не только смѣло отстаивали свою политическую свободу подъ владычествомъ Святополка Моравскаго, но и получили себѣ Богослуженіе на народномъ языкѣ и чрезъ то скрѣпились новою могущественною связью. Отъ того цѣлью всѣхъ войнъ Нѣмецкихъ Государей есть подавить всякое самостоятельное развитіе Славянъ подъ какою бы то ни было формою. И дѣйствительно: Христіанство, возвѣщенное на языкѣ Славянскомъ, прояснило въ Славянахъ сознаніе ихъ народности и дало имъ общую, тѣсную внутреннюю связь. Умственное пробужденіе племенъ Славянскихъ именно начинается съ проповѣди Кирилла и Меѳодія. По свидѣтельству Бальбина, основанному на старинныхъ источникахъ, Меѳодій самъ былъ въ Чехіи и появленіемъ своимъ произвелъ всеобщую умственную перемѣну въ народѣ Чешскомъ: „Illud,—говоритъ Бальбинъ (p. 8.),—unum omnium pulcerrimum beneficii genus, quod cultum litterarum

Bohemis Methodius invexerit scholasque multis in locis aperuerit, ac praecipue in urbe Budecz, in qua olim Academiam quandam Ethnici habuerant, Christianis magistris commisit.“ Первыя церкви въ Чехіи были воздвигнуты въ честь Св. Климента, одна на Вышеградѣ, другая въ Лѣвомъ Градцѣ, столицѣ Боривоя, который скоро по возвращеніи своемъ изъ Моравіи построилъ въ г. Прагѣ, противъ Веселаго двора Князя Крезомысла, церковь въ честь Св. Дѣвы. Эта церковь, прозванная Тейнскою (Tynensis aut Teinensis, отъ тынъ, плетень, ограда), назначенная съ самаго Боривоя быть мѣстомъ Славянскаго Богослуженія, сдѣлалась въ послѣдствіи, въ теченіи всей Чешской религіозной борьбы, любимымъ сборнымъ мѣстомъ Чешскихъ патріотовъ. Такъ идеи, насаженныя съ вѣками, не истребляются никакими усиліями враждебными и воскресаютъ къ новому развитію въ благопріятную минуту. Христанъ или Страхквасъ въ житіи Людмилы разсказываетъ, что Боривой встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ языческой сторонѣ Чеховъ, которая, вооружившись противъ него, заставила бѣжать къ Святополку, а на его мѣсто избрала Строймира, но этотъ оказался неспособнымъ къ правленію, потому, будто бы, что, живя долго у Нѣмцевъ, позабылъ свой родной языкъ. Пользуясь этимъ, сильная сторона Боривоя предложила противникамъ вступить въ переговоры, и когда та вѣроломно взялась за оружіе, то и сама прибѣгла къ силѣ и, побѣдивъ ихъ, призвала назадъ Боривоя. Странскій разсказываетъ объ этомъ изгнаніи подъ 894 годомъ, и прибавляетъ, что Боривой, возвращаясь въ Чехію, убѣдилъ идти съ собою и Архіепископа Велеградскаго, Кирилла или, по Чешски, *Цыргу* (Crha), который просвѣтилъ народъ Христіанствомъ, поставилъ вездѣ Священниковъ и завелъ школы; онъ же проповѣдывалъ народу въ церкви Тейнской и народъ огромными толпами стекался къ нему; совершивъ обращеніе Чехіи, Кириллъ отправился, въ 902 году, въ Римъ „videndi magis, quam discendi causa.“ Не смотря на множество историческихъ промаховъ и анахронизмовъ въ повѣствованіи Странскаго, нельзя не примѣтить въ немъ слѣда народныхъ разсказовъ, которые свидѣтельствовали о томъ, что все религіозное и умственное развитіе Чехіи началось съ введенія Славянскаго Богослуженія, и что это Богослуженіе глубоко проникло въ народъ и привязало его къ себѣ. Какъ враждебно смотрѣло духовенство Нѣ-

мецкое на распространеніе Славянскаго Богослуженія, видно изъ слѣдующаго событія, разсказаннаго Anonym. de conversione Bojoar. et Carant. Еще въ 865 Адельвинъ, Архіепископъ Зальцбургскій, освятилъ нѣсколько церквей въ области Коцела, а Рихпальдъ, Архіерей Зальцбургскій, оставался тамъ дотолѣ, пока нѣкоторый Грекъ по имени Меѳодій новоизобрѣтенными Славянскими буквами языкъ Латинскій, ученіе Римское и достопочтенныя буквы Латинскія, философски замѣняя, привелъ всему народу въ презрѣніе тѣхъ, которые Богослуженіе отправляли на Латинскомъ языкѣ. Не стерпѣвъ этого, Архіепископъ Зальцбургскій отправился назадъ въ свою епархію. Папа Іоаннъ VIII, въ 870 году, писалъ къ Меѳодію, чтобы тотъ явился въ Римъ, „ut (слова Папы) ex ore tuo audiamus et cognoscamus, utrum sic teneas et sic praedices, sicut verbis et litteris te Sanctae Romanae Ecclesiae credere promisisti, aut non, ut veraciter cognoscamus doctrinam tuam.“ То есть: такъ ли ты вѣришь и такъ ли ты проповѣдуешь, какъ вѣрить и проповѣдывать изустно и письменно обѣщалъ Святой Римской Церкви, или нѣтъ, да подлинно узнаемъ твое ученіе. Папѣ донесли, что Меѳодій отправляетъ обѣдни на Славянскомъ языкѣ, и потому Папа запрещаетъ ему формально употреблять при Богослуженіи иной языкъ, кромѣ Латинскаго и Греческаго, но позволяетъ проповѣдывать на языкѣ Славянскомъ. Меѳодій оправдался вполнѣ передъ Папою, который, въ письмѣ къ Святополку Моравскому, отъ 880 года, рекомендуетъ ему Меѳодія, какъ человѣка, совершенно Православнаго, и приказываетъ всѣмъ Священникамъ повиноваться ему, какъ Архіепископу Велеградскому, а относительно Славянскаго Богослуженія говоритъ: «Славянскую грамоту, изобрѣтенную извѣстнымъ философомъ, «Константиномъ, вполнѣ одобряемъ и повелѣваемъ, чтобы на «этомъ языкѣ раздавались хвалы Богу и дѣламъ Его. Ибо Свя«щенное Писаніе учитъ насъ, что не на трехъ только, но на «всѣхъ языкахъ, должны мы прославлять Господа. Къ тому же, «нисколько непротивно Святой Вѣрѣ и Св. Писанію и пѣть обѣд«ни на Славянскомъ языкѣ, и читать различныя мѣста Ветхаго «и Новаго Завѣта, лишь бы только они были хорошо переведены «и истолкованы; равно какъ и совершать на немъ всѣ другія ча«сти богослуженія. Но повелѣваемъ, чтобы во всѣхъ церквахъ «вашей земли, для большей почести, Евангеліе читалось на языкѣ «Латинскомъ, а послѣ того для народа, Латинскій языкъ не ра-

вздумѣющаго, возвѣщалось на языкѣ Славянскомъ.» Духовенство Нѣмецкое, не смотря на столь ясное дозволеніе Папы совершать Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ, продолжало свои козьни противъ Меѳодія и его послѣдователей; самъ Святополкъ мало по малу охладѣлъ къ Меѳодію и равнодушно смотрѣлъ на то, что Епископъ Нитры, Нѣмецъ Викингъ, отказалъ въ повиновеніи Меѳодію, а по смерти этого Апостола Славянъ (885) явно гналъ его послѣдователей. Когда умеръ (894) знаменитый Святополкъ, два сына его, раздѣлившіе Моравію, пришли скоро въ столкновеніе другъ съ другомъ. Младшій, Святополкъ, прибѣгнулъ къ помощи Императора Нѣмецкаго, Арнульфа; доселѣ неизслѣдовано, за недостаткомъ источниковъ того времени, въ какой степени играли роль религіозныя распри въ междоусобіи дѣтей великаго Святополка. Достовѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что паденіе огромнаго государства, которымъ владѣлъ Святополкъ старшій, условлено было раздѣленіемъ въ самомъ народѣ, большая часть котораго была за Славянское Богослуженіе, но имѣла противъ себя двѣ, довольно сильныя, стороны, языческую и Нѣмецко-Католическую. Послѣдняя овладѣла умами Князей и чрезъ то отвратила отъ нихъ народъ, который, не имѣя духовнаго вождя, не зная, что предпринять, палъ, болѣе подъ гнетомъ духовнаго разъединенія, нежели Угорско-Нѣмецкихъ ополченій (907). Въ 895 году, по смерти Князя Чешскаго, Боривоя, два его сына, Спитигнѣвъ и Вратиславъ, отдались въ покровительство Римской Имперіи. Къ этому же времени надобно отнести рѣшительное и побѣдоносное вторженіе въ Чехію Католико-Нѣмецкаго элемента, который теперь всѣми силами старался истребить народное Славянское Богослуженіе. Слова Нѣмецкаго лѣтописца, Сигиберта изъ Гемблака, что Чехія приняла Христіанство уже при Спитигнѣвѣ, при сличеніи съ иными, уже намъ извѣстными, данными Чешской исторіи, кажутся не такъ странными и нелѣпыми, какъ съ перваго взгляда можно счесть ихъ. Духовенство Нѣмецкое очень хорошо видѣло то глубокое впечатлѣніе, которое произвело на Славянъ Богослуженіе, на ихъ языкѣ совершаемое, и предчувствовало, что несравненно легче было бы обратить ихъ въ Христіанство изъ язычества, нежели заставить забыть ихъ милую религіозную свободу. Отъ того-то Епископы Нѣмецкіе считаютъ привязанность Славянъ къ ученію и слову Меѳодія возвращеніемъ къ язычеству: „incessante corda eorum diabolo Chri-

stianitatem abhorrere coeperunt,« или: «Christianitas illis cepit vilescere.» Что же удивительнаго, если и Сигибертъ изъ Гемблака не считалъ Чеховъ, послѣдователей Меѳодія, Христіанами, и только съ того времени называютъ Чехію Христіанскою страною, какъ въ ней утвердилось Нѣмецко-Католическое Богослуженіе? Немногое, что мы знаемъ о Спитигнѣвѣ, приводитъ насъ къ тому мнѣнію, что онъ былъ самой ревностный послѣдователь Латинскаго Богослуженія и, что необходимо слѣдуетъ изъ того, ревнитель Нѣмецкой стихіи; онъ построилъ въ Будцѣ церковь во имя Св. Петра, что свидѣтельствуетъ о предпочтеніи его Римскаго престола и его преданій. По смерти Спитигнѣва и, брата его, Вратислава, въ народѣ Чешскомъ обнаружилось сильное броженіе, обличившее разныя стихіи, вошедшія въ жизнь Чешскаго народа. Вратиславъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Вячеслава и Болеслава, изъ которыхъ старшему было 18-лѣтъ; до совершеннолѣтія его должна была, по распоряженію Вратислава, править бабка Вячеслава, Людмила, получившая крещеніе отъ св. Меѳодія. Драгомира, вдова Вратислава, происходившая изъ языческаго рода Лютичей, Сѣверныхъ Славянъ, оспоривала правленіе у Людмилы, которая, наконецъ, добровольно отказалась отъ всѣхъ дѣлъ и удалилась въ замокъ Тетинъ: она воспитала Вячеслава и, между прочимъ, учила его Славянскимъ книгамъ. Людмила была и въ удаленіи отъ дѣлъ опасна для Драгомиры, которая, напослѣдокъ, лишила ее жизни. Чешскій народъ принялъ Христіанство не весь: значительная еще часть его оставалась вѣрна богамъ отцевъ своихъ. Христіанская сторона, состоявшая изъ послѣдователей Славянскаго и Латинскаго Богослуженія, чувствовала болѣе сочувствія къ Нѣмцамъ и искала съ ними сближенія; даже послѣдователи Славянскаго Богослуженія, по уничтоженіи Архіепископства Моравскаго, совершенно отрѣзанные отъ Восточной Церкви, должны были сблизиться съ стороною Латино-Католическою; но они, вмѣстѣ съ стороною языческою, питали сильное отвращеніе отъ ига Нѣмецкаго и любовь къ своей независимости. Главою языческой стороны, получавшей подкрѣпленіе отъ Сѣверныхъ, еще совершенно языческихъ, Славянъ, была Драгомира. Людмила была представительницею Христіанской стороны. Едва только Драгомира одержала верхъ, какъ и спѣшила подать помощь своимъ соотечественникамъ, боровшимся съ Императоромъ, Генрихомъ Птицеловомъ. Этотъ послѣдній проникъ до Праги, выгналъ Драго-

миру и, подавивъ языческую сторону, ввѣрилъ правленіе Чехіи Вячеславу 1-му, человѣку мягкосердечному и расположенному къ Нѣмцамъ; онъ согласился даже платить дань Императору. Этимъ поступкомъ онъ удалилъ отъ себя всю патріотическую сторону, которая явно стала во враждебное къ нему отношеніе съ тѣхъ поръ, какъ Вячеславъ сдѣлалъ Чехію сборнымъ мѣстомъ праздношатавшихся Нѣмецкихъ священниковъ и монаховъ и чрезъ то открылъ широкій путь Нѣмецкому владычеству. Народная Чешская сторона, состоявшая изъ ревнителей Славянскаго Богослуженія, съ негодованіемъ смотрѣла на предпочтеніе, оказываемое Вячеславомъ I-мъ Нѣмцамъ и избрала главою своею Болеслава, брата его. За убіеніемъ Вячеслава, въ послѣдствіи Святаго, послѣдовало изгнаніе всѣхъ Нѣмецкихъ священниковъ и прекращеніе зависимости Чехіи отъ имперіи. Храбрый и умный Болеславъ обратилъ прежде всего оружіе свое противъ Чешскихъ владыкъ, которые отъ его власти подчинились Императору, и успѣлъ всю Чехію привести въ свое владѣніе. Четырнадцать лѣтъ отстаивалъ Болеславъ свободу Чехіи противъ Императора Оттона, и уже подъ двойнымъ нападеніемъ Угровъ и Нѣмцевъ принужденъ былъ покориться на тѣхъ же условіяхъ, которыми прежде Вячеславъ возбудилъ всеобщее негодованіе Чеховъ. Торжество Нѣмцевъ всегда сопровождалось ущербомъ народнаго и преобладаніемъ Латинскаго Богослуженія; тоже случилось и теперь. Болеславъ, упорный защитникъ народности, послѣ побѣды Оттона I, явно склонился на сторону Католичества: онъ самъ призналъ святость убитаго имъ брата, Вячеслава, и самъ народъ Чешскій скоро забылъ, что Вячеславъ былъ приверженцемъ и распространителемъ всего Нѣмецкаго и принялъ его за своего покровителя и заступника предъ Богомъ. Болеславъ воздвигнулъ храмъ св. Виту, извѣстному Славянскому Святому, освятилъ его чрезъ Епископа Регенсбургскаго и перенесъ въ него мощи своего брата. Онъ же старался объ учрежденіи Папскаго Епископства, но умеръ (967), прежде нежели успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе. Дочь Болеслава I-го, Млада или Милада, «quae, ab ineunte aetate Litteris Latinis et omni doctrinarum genere exculta,» удалилась въ Римъ и жила здѣсь долгое время: постригшись въ монахини, она получила имя Маріи и не мало имѣла вліянія на Папу, котораго склонила на просьбу своего брата, Чешскаго Князя, Болеслава II-го, желавшаго учредить Епископство въ

Прагѣ. Въ 967 году Милада возвратилась изъ Рима, привезла съ собою буллу Папы Іоанна XIII, которою дозволяется учредить въ Прагѣ, при церкви св. мучениковъ Вита и Вячеслава, Епископство. «Verumtamen (пишетъ Папа) non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis, vel Russiae, aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta Apostolica, unum potiorem totius ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum, Latinis apprime litteris eruditum, qui verbi vomere novalia cordis gentilium scindere et triticum bonae operationis serere atque manipulos frugum nostrae fidei Christo reportare sufficiat, т. е.: Впрочемъ, не по обрядамъ и не по расколу Булгарскаго или Русскаго племени, и не на языкѣ Славянскомъ, но скорѣе, слѣдуя предписаніямъ и постановленіямъ Апостольскимъ, одного, кого хочешь, избери изъ духовныхъ, лучшаго изо всей Церкви, на это дѣло; особенно старайся, чтобы онъ зналъ хорошо Латинскую грамоту, чтобы онъ умѣлъ плугомъ Слова Божія разорать нетронутую почву сердецъ язычниковъ, сѣять добрую пшеницу и снопы жатвы сносить въ житницу Іисуса Христа.» Изъ этихъ словъ буллы видно, какъ Папа боялся, чтобы Славянское Богослуженіе, которое и есть «ritus aut secta Slavonicae linquae,» не сосредоточилось, не нашло себѣ точку опоры, въ лицѣ Епископа, и потому-то Папа наказываетъ непремѣнно избрать преимущественно человѣка, знающаго Латинскую грамату: «Latinis apprime litteris eruditum.» Странскій называетъ Миладу виновницею преобладанія Латинскаго Богослуженія. Какъ бы то ни было, а учрежденіе Пражскаго Епископства въ 973 году есть очень важное событіе въ исторіи религіозныхъ мнѣній въ Чехіи: съ этой минуты перевѣсъ на сторонѣ Католичества былъ рѣшительный. Первымъ Епископомъ избранъ былъ Саксонецъ Дитмаръ, хорошо знавшій Чешскій языкъ и за то любимый при Дворѣ. Сама Милада основала женскій монастырь Св. Георгія и содѣйствовала много распространенію и утвержденію ученій Западной Церкви. Еще при Болеславѣ I-мъ число язычниковъ было равно числу Христіанъ и онъ не оказывалъ предпочтенія ни тѣмъ, ни другимъ: сильный бунтъ народной или языческой стороны въ 941 г., которой средоѣ была Лучанская область, показала всю силу этой партіи. При Болеславѣ II-мъ язычники, видя, что все клонится къ ихъ вреду, возстали отчаянно въ 973 году: движеніе ихъ сосредоточивалось предпочтительно въ Сѣверовосточныхъ частяхъ Чехіи, прилегаю-

щихъ къ Кърконошамъ, но потомъ распространилось до самой Праги. Впрочемъ, побѣжденные не далеко отъ Праги, язычники покорились и послѣ того терпѣливо сносили власть Христіанскаго Государя. Изъ этого видно, что въ Чехіи и въ концѣ X стол., далеко народъ не принадлежалъ къ одному Латинскому Богослуженію; но бунты 941 и 973 указываютъ на то, какъ сильна была сторона языческая, а булла Папы свидѣтельствуетъ о существованіи и силѣ Славянскаго Богослуженія.

Девятилѣтнее Епископство Дитмара ознаменовано было обращеніемъ множества язычниковъ, но сила языческой стихіи или вообще стихіи Антикатолической, особенно обнаружилась при преемникѣ Дитмара, Войтѣхѣ или Адальбертѣ (982—997). Не смотря на то, что Войтѣхъ природный Чехъ, мы видимъ его безпрестанно предметомъ гоненія поселянъ, считаютъ язычниками; самъ Бальбинъ говоритъ, что этихъ (мнимыхъ язычниковъ) было болѣе, нежели Христіанъ. Войтѣхъ получилъ инвеституру на Епископство Пражское въ г. Веронѣ отъ Императора Оттона II-го; первымъ дѣломъ его было посѣтить Болеславу, орошенную кровью св. Вячеслава; отсюда, переодѣтый отъ страху язычниковъ, Войтѣхъ отправился къ своей матери, въ Любечи; но на возвратномъ пути оттуда былъ схваченъ язычниками и приведенъ къ начальнику одного села, который отпустилъ его, наказавъ порядкомъ. Можно догадываться, что Войтѣхъ своими связями съ Римомъ и Нѣмцами вооружилъ до того противъ себя сельское народонаселеніе, что не могъ показаться за стѣнами Пражскими: чрезъ шесть лѣтъ послѣ разсказаннаго нами происшествія, недалеко отъ Праги рыбаки, будто бы язычники, обошлись съ Войтѣхомъ очень грубо, за то, что онъ не имѣлъ чѣмъ заплатить за перевозъ. Эти происшествія съ Войтѣхомъ показываютъ, до какой степени дошло ожесточеніе между поселянами противъ духовенства Латинсчскаго, которое итало себя вправѣ требовать безвозмездно всѣхъ возможныхъ услугъ народа. Принужденный отъ преслѣдованій Чешскаго народа бѣжать въ Римъ, здѣсь Войтѣхъ, оправдываясь въ томъ, что оставилъ свою паству, взвелъ обвиненія на Чешскій народъ: «первое, что Христіане не соблюдаютъ праздничныхъ дней; второе, что браки совершаются по языческому обычаю, безъ помощи и благословенія священника; третье, что мертвыхъ хоронятъ не во храмахъ, но по холмамъ, лѣсамъ и другимъ мѣстамъ, и что надъ

ними зажигаютъ огни въ честь адскихъ боговъ; четвертое, что священники живутъ съ женами и упорно противятся повелѣніямъ Папы и его, Епископа Войтѣха. Не прежде, какъ послѣ 4-хъ-лѣтней отлучки, по настоятельному требованію Болеслава Благочестиваго и Архіепископа Майнцкаго, Войтѣхъ былъ присланъ въ Прагу, сопровождаемый Папскими легатами. Въ 993 году основанъ и освященъ Бенедиктинскій Бревновскій монастырь, который, какъ увидимъ, былъ постояннымъ поборникомъ Латинскаго Богослуженія. Не долго могъ оставаться Войтѣхъ въ Чехіи и, боясь попасть въ руки могущественныхъ Вершовцевъ, старыхъ соперниковъ Войтѣхова рода, убѣжалъ снова въ Римъ. Архіепископъ Майнцкій принесъ на него жалобу Папѣ, а Болеславъ Благочестивый не захотѣлъ принять его, присланнаго Папою Григоріемъ V; потому Войтѣхъ удалился въ Польшу и, обращая язычниковъ съ чрезвычайною ревностью въ Христіанство, убитъ въ 997 году. Скоро за нимъ послѣдовалъ и Болеславъ II. Этотъ Князь, не смотря на свою привязанность къ Католичеству, за которую онъ получилъ названіе *Благочестиваго* (Pius), предоставлялъ своимъ подданнымъ полную свободу вѣроисповѣданія и былъ недоволенъ на Епископа Войтѣха, который, въ чрезмѣрной ревности къ Католичеству, обращалъ въ него не только язычниковъ, но и тѣхъ, которые были просвѣщены Христіанствомъ отъ послѣдователей Меѳодія. Нѣтъ сомнѣнія, что эти послѣдніе, совершенно отдѣленные отъ Восточной Церкви и предоставленные самимъ себѣ, не могли сохранить во всей чистотѣ полученное ими ученіе и удержали изъ него только основу ученія и духъ враждебный Католичеству. Эти Христіане полу-Православные любили болѣе всего Славянское Богослуженіе и ненавидѣли вторгавшееся силою и хитростью Латинское; они ненавидѣли самое Католичество, но болѣе всего его Нѣмецкихъ священниковъ, которые своими притязаніями на господств возмущали чувство народной чести. Христіане Чешскіе, полу-Православные сходились съ еще сильною языческою партіею въ ненависти къ Нѣмцамъ, и потому обыкновенно у Католическихъ писателей величаются язычниками. Здѣсь въ Чехіи повторилось тоже самое явленіе, какое видимъ въ Англіи, внутренняя исторія которой въ Среднихъ вѣкахъ имѣетъ много сходства съ внутренней исторіей Чехіи. Англія получила первыя сѣмена Христіанства съ Востока, но послѣдователи Восточной Церкви, отдѣленные отъ своей матери, впали въ заблужденія, сохранивъ стой-

кій духъ народности и вѣроисповѣдной свободы и оказали сильное сопротивленіе Католическому духовенству, которое видѣло въ нихъ болѣе упорныхъ противниковъ, нежели въ язычникахъ. По этому мы смѣло можемъ заключить, что подъ внѣшнею борьбою язычества и Христіанства при обоихъ Болеславахъ скрывается другая борьба элемента, внесеннаго Православною Церковью въ жизнь Чешскаго народа, съ исключительными притязаніями на господство Католическаго духовенства. Какъ сильно было въ Чехахъ воспоминаніе о Славянскомъ Богослуженіи и привязанность къ нему, видно изъ сочиненія монаха Христана де Скала, въ мірѣ Страхкваса, брата Болеслава II-го, Vita S. Ludmillae. Въ началѣ его Христанъ разсказываетъ объ обращеніи Славянъ и превозноситъ великими похвалами Кирилла и Меѳодія, особенно указываетъ на дѣло, ими совершенное, переводъ Св. книгъ, и на позволеніе Папы и иныхъ Епископовъ; они «firmant, пишетъ Христанъ, partibus in illis (т. е., у Славянъ) Missarum solennia ceterasque Canonicorum horas hymnizari.» При этомъ должно вспомнить, что Христанъ монахъ, и потому естественный защитникъ Папства, писалъ это послѣ формальнаго запрещенія Славянскаго Богослуженія Папою. Еще иначе выражается на этотъ счетъ Христанъ далѣе, сказавъ, что Святополкъ «Metudii praedicationem melliflуam quasi respuit,» и за то навлекъ проклятіе Святаго, постигшее Моравію страшною участью при его дѣтяхъ и отдавшее ее въ руки враговъ ея; онъ говоритъ: «quorum (Moravorum) exempla nos videntur respicere, qui eisdem passibus conamur incedere, quoniam qui domum vicini sui conspicit concremari, suspectus esse debet de sua,» и этими словами ясно укоряетъ Чехію за оставленіе Славянскаго Богослуженія. Странскій справедливо замѣчаетъ, что въ концѣ X-го стол. всѣ Чехи состояли изъ людей трехъ вѣроисповѣданій: нѣкоторая часть, уменьшавшаяся мало по малу, была еще языческая, знатные люди держались Католичества, а масса народа сохраняла нѣкоторое воспоминаніе объ ученіи Восточной Церкви, принесенномъ сюда Меѳодіемъ. Нѣмецкое духовенство силилось всѣми средствами искоренить изъ памяти Чешскаго народа сожалѣніе о Славянскомъ Богослуженіи, но народъ твердо помнилъ, что ему прежде Нѣмецкихъ священниковъ, пришедшихъ съ требованіемъ повиновенія, принесли Христіанство люди, говорившіе къ нему понятнымъ ему языкомъ: къ нимъ то стремился народъ, искренно любя понятное ему Богослуженіе. Но и въ Чехіи съ начала X-го стол. Славянское

Богослуженіе начало мало по малу терять точку опоры и не въ состояніи было противиться вездѣ торжествовавшему Латинскому Богослуженію.

Послѣднимъ убѣжищемъ Славянскаго Богослуженія въ Чехіи былъ монастырь Сазавскій, представившій въ своей исторіи всѣ измѣненія, которымъ подвергалось Славянское Богослуженіе въ Чехіи. Мы уже видѣли, что простой народъ Чешскій, которому недоступно было знаніе языка Латинскаго, на коемъ совершалось все Богослуженіе, ни знаніе языка Нѣмецкаго, на коемъ, по свидѣтельству Энея Сильвія, проповѣдывалось слово Божіе при церквахъ и монастыряхъ, былъ лишенъ возможности слышать Славянское, ему понятное, Богослуженіе съ тѣхъ поръ, какъ всѣ церкви заняты были Латино-Нѣмецкимъ духовенствомъ. Вѣроятно, изъ этой потребности народа родилась возможность созданія монастыря, цѣлью которой было сохранить Славянское Богослуженіе; таковъ монастырь былъ *Сазавскій*. Одинъ братъ этого монастыря оставилъ намъ его исторію, въ видѣ продолженія лѣтописи Козьмы Пражскаго, исторію чрезвычайно замѣчательную. Въ княженіе сына Болеслава Благочестиваго, Олдриха, жилъ отшельникъ, именемъ Прокопій, родомъ Чехъ изъ деревни Хотунъ. Проникнутый знаніемъ Славянской грамоты, изобрѣтенной Святѣйшимъ Кирилломъ, Епископомъ (слова Сазавскаго лѣтописца), жилъ наединѣ съ Богомъ; онъ (Прокопій) былъ въ мірѣ примѣрнымъ священникомъ, честной и цѣломудренной жизни, но вдругъ, подъ вліяніемъ ревности по Богѣ, бросилъ жену, имѣніе, друзей и отрекся отъ самаго себя (imo semet ipsum sibi abnegans). Прокопій нашелъ одну уединенную пещеру и поселился тамъ. Въ 1032 году Олдрихъ охотившись, случайно наѣхалъ на пещеру, пожелалъ войти въ нее, увидѣлъ тамъ Прокопія и былъ приведенъ въ изумленіе его набожными рѣчами. Молва о святомъ отшельникѣ привлекла къ нему множество народа, и Прокопій, собравъ небольшую сумму денегъ, выстроилъ на берегу Сазавы церковь въ честь Св. Дѣвы; и при ней далъ убѣжище нѣсколькимъ Славянскимъ монахамъ Бенедиктинскаго чина, ушедшимъ отъ гоненія, свирѣпствовавшаго противъ нихъ въ Хорватіи. Брячиславъ, сынъ Олдриха, удѣлилъ Сазавскому монастырю часть добычи, награбленной въ Польшѣ, и подарилъ ему множество помѣстьевъ. Отецъ его также подарилъ знаменитый

земли этому монастырю. Прокопій, возведенный Брячиславомъ въ санъ игумена, предвидѣлъ, что не долго будетъ благоденствовать Славянское Богослуженіе, которое, благодаря славѣ о святости Прокопія, могло оставаться при его жизни въ Сазавскомъ монастырѣ, и предсказалъ, что противъ этого монастыря будетъ сильное гоненіе, которое будто продолжится 6 лѣтъ. Спитигнѣвъ II-й, сынъ и преемникъ Брячислава, въ слѣдствіе участія, принятаго Нѣмцами въ его междоусобіяхъ съ братьями, повелѣлъ имъ всѣмъ въ три дня оставить Чехы; онъ не исключилъ изъ этого повелѣнія и матери своей, Юдиѳи, которая нашла убѣжище у Андрея, Короля Угорскаго. Удаленіе Нѣмцевъ, въ ненависти къ которымъ Чехи принуждены были забывать свои распри и частныя ссоры, открыло свободное поле враждѣ, которую олатинившаяся часть Чеховъ питала къ оставшейся вѣрною Славянскому Богослуженію; кажется, что много здѣсь дѣйствовала въ духовенствѣ зависть къ той извѣстности и тому вліянію, которымъ пользовался Сазавскій монастырь отъ Чеховъ. «Instigante, пишетъ Сазавскій монахъ, zelo diaboli, multi aemuli conspirantes, aures principis favorabiliter compositis mendaciis obfuscantes per sclavonicas litteras haeresis secta hypocrisisque esse dicebant.» Въ слѣдствіе этихъ навѣтовъ, Спитигнѣвъ изгналъ Сазавскихъ монаховъ и ввелъ на ихъ мѣсто Латинскихъ: самъ онъ былъ въ высшей степени отданъ Католичеству и показывалъ всегда неограниченную преданность Папскому Престолу. Славянскіе монахи удалились въ Угрію, гдѣ уже жили Вратиславъ, братъ Спитигнѣва, и Юдиѳъ, мать обоихъ. Вратиславъ по смерти Спитигнѣва, наслѣдовалъ его престолъ и тотчасъ послалъ къ Угорскому Королю за Витомъ, игуменомъ Славянскихъ монаховъ, и за его братіею: «quos cum honore reduxit et in loco suo decenter restituit, quibus propitia consolatio affuit, quae ipsum locum omnium rerum profectibus abundantem redundantemque, in pristinum, imo in ampliorem, honorem enceniavit.» Вратиславъ, который, по выраженію Сазавскаго монаха, «toto cordis affectu Sazavam dilexit,» чтобы обезпечить для Чеховъ пользованіе Славянскимъ Богослуженіемъ, обратился къ Папѣ, Григорію VII, прося у него на то дозволенія. Палацкій думаетъ, что Вратиславъ сдѣлалъ это во исполненіе воли Чешскаго народа, выраженнаго на сеймѣ. Григорій VII отвѣчалъ на просьбу Вратислава слѣдующими замѣчательными и полными глубокаго смысла словами. «Что касается до твоей просьбы о томъ, чтобы

«мы позволили отправлять у васъ Богослуженіе, такъ какъ оно «отправляется на языкѣ Славянскомъ (officium secundum Slavonicam «linguam), то да будетъ тебѣ извѣстно, что мы никакъ не мо«жемъ исполнить твоего желанія. Такъ какъ мы часто думали объ «этомъ, то, наконецъ, нашли, что не безъ причины Всемогущему «Богу угодно было, чтобы Священное Писаніе въ нѣкоторыхъ мѣ«стахъ было непонятно; если бы, напротивъ, оно было ясно для «всѣхъ, то пришло бы въ презрѣніе или, превратно понятое люд«ми простыми, послужило бы источникомъ заблужденій. Да и то «не можетъ служить въ оправданіе, что нѣкоторые набож«ные люди терпѣливо сносили, или не поперечили тому, чего «требуетъ народъ въ своей простотѣ; такъ какъ и самая перво«бытная церковь прикрывала многое, что потомъ, при утверж«деніи Христіанства и распространеніи Вѣры, исправлено тща«тельнымъ изслѣдованіемъ. Въ слѣдствіе сего властью Св. Петра «повелѣваемъ, чтобы не было то, чего твой народъ неразум«но требуетъ, а тебя просимъ всѣми силами, во славу Всемогу«щаго Бога, противиться этому тщеславному побужденію.» Слова Папскаго отвѣта: «ne id fiat, quod a vestris imprudenter exposcitur,» и «quod simpliciter populus quaerit,» показываютъ, что Вратиславъ представилъ Папѣ просьбу всего Чешскаго народа, или, по крайней мѣрѣ, значительной его части. Запрещеніе Григорія VII не могло имѣть силы, потому что Вратиславъ призналъ Папою человѣка, противупоставленнаго Григорію VII Императоромъ Генрихомъ IV, принявшаго названіе Климента (Антипапа Гибертъ). Сазавскій монастырь, благодаря приношеніямъ Князей и народа, сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ монастырей въ Чехіи, и потому мѣсто игумена Сазавскаго монастыря было предметомъ безпрестанныхъ распрей. Раздоръ, происшедшій между Сазавскими монахами, обратилъ вниманіе Князя Брячислава II-го, который, чтобы положить ему конецъ, въ 1096 изгналъ всѣхъ монаховъ Славянскихъ: даже тѣ изъ нихъ, которые играли роль доносчиковъ, не получили пристанища и, не имѣя пріюта, возвратились снова въ Сазавскій монастырь, куда ихъ приняли, но гдѣ они не могли болѣе приносить никакой пользы: «по смерти ихъ (пишетъ Сазавскій монахъ) libri linguae eorum (Slavicae) deleti omnino et disperditi, nequaquam ulterius in eodem loco recitabuntur.» На мѣсто изгнаннаго игумена, *Божетѣха*, Брячиславъ поставилъ, съ согласія «cunctorum Primatum terrae» и Епископа Козьмы, Дитри-

ха Бревневскаго, который обязанъ былъ этимъ особенно тому обстоятельству, что «Latinis litteris sufficienter imbutus erat.» Козьма Епископъ называетъ этого Князя (Брячислава), истребившаго послѣднее убѣжище Славянскаго Богослуженія въ Чехіи, «acerrimum avitae religionis zelatorem abusuumque hucusque toleratorum vindicem et extirpatorem.» Не трудно догадаться, что подъ злоупотребленіемъ, доселѣ терпимымъ, разумѣется у него отправленіе Славянскаго Богослуженія, которое до 1096 года, въ теченіи слишкомъ двухъ сотъ лѣтъ, явно имѣло мѣсто въ Чехіи, опираясь на привязанность народа и не смотря на всѣ усилія Латинско-Католическаго духовенства. Лѣтъ за двадцать до уничтоженія Славянскаго Богослуженія въ Чехіи, оно было запрещено между Южными Славянами на Адріятикѣ. Въ 1059 году, на Соборѣ въ Салонѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ Легатъ Папы, Александра II-го, Мейнардъ, не велѣно было формально отправлять Богослуженіе на иномъ языкѣ, какъ на Греческомъ и Латинскомъ, давать духовный санъ тѣмъ, которые знали языкъ Славянскій (nec aliquis ejusdem linguae promoveretur ad sacras ordines); смѣшивая Готовъ-Аріанъ съ Славянами и Меѳодія съ Ульфилою, отцы Салонскаго Собора запретили строжайше Славянскую грамоту, изобрѣтенную еретикомъ Меѳодіемъ, который много написалъ на Славянскомъ языкѣ противъ обрядовъ Католической Церкви, за что и былъ онъ, по ихъ словамъ, наказанъ внезапною смертью. Такъ, почти въ одно и то же время, у двухъ Славянскихъ народовъ, значительно удаленныхъ другъ отъ друга, Католичество отнимаетъ право совершать Богослуженіе на языкѣ понятномъ народу. Хотя и послѣ этого тамъ и самъ встрѣчаемъ слѣды этого обычая, который не могъ быть истребленъ изъ памяти народа такъ скоро, какъ истребленъ въ церквахъ и монастыряхъ, однако явное совмѣстное съ Католическимъ существованіе Славянскаго Богослуженія кончилось въ концѣ XI-го стол. и въ Чехіи и въ Южныхъ Славянскихъ земляхъ при Адріятическомъ морѣ (особенно въ Приморскихъ городахъ).

Теперь взглянемъ назадъ на религіозное развитіе Чехіи въ разсмотрѣнный нами періодъ времени, прежде нежели пойдемъ далѣе въ жизнь Чешскаго народа и постараемся уловить въ ней воспоминанія о прошломъ и неопредѣленныя надежды на перемѣну въ будущемъ, прослѣдить, какъ мало по малу созрѣвало ве-

ликое религіозное движеніе, которое вмигъ обняло весь народъ и произвело величайшее вліяніе на судьбу его.

Чехія, по самому географическому положенію своему, предназначена для великой исторической дѣятельности. Еще въ концѣ VIII стол. Чехія была средоточіемъ Западныхъ народовъ Славянскихъ: со всѣхъ сторонъ окружали ее родные ей народы; только съ Юго-Запада она приходила въ непосредственное столкновеніе съ Нѣмцами, а прежде и тамъ жили соплеменные народы. Кромѣ того, до конца IV стол., непрерывная цѣпь родственныхъ народовъ тянулась между ея Юго-Восточными предѣлами и Восточною Имперіею. Огромное Королевство Святополка, на счетъ котораго существуетъ столько различныхъ мнѣній, включало въ себя и Чехію, которая обязана тѣсной зависимости своей отъ Моравіи благодѣтельнымъ свѣтомъ Христіанства. Народы племени Славянскаго имѣютъ удивительное *духовное сочувствіе*, и, хотя взаимно отдѣленные другъ отъ друга всѣми возможными внѣшними препятствіями, они не перестаютъ мыслить и чувствовать заодно, точно какъ братья-близнецы часто раздѣляютъ вмѣстѣ и внѣшнія и внутреннія ощущенія до такой степени, что если одинъ изъ нихъ занемогаетъ, то и другой раздѣляетъ его страданія. Такъ, *почти въ одно и то же время въ самыхъ отдаленныхъ Славянскихъ племенахъ пробудилась потребность слиться въ одно цѣлое, чтобы защищать себя отъ враговъ многочисленныхъ.* Великое Моравское Королевство выдвинуто было на сцену исторіи тѣми же, или сходными, обстоятельствами, которыя въ Восточной Европѣ положили основаніе Русской державѣ. Еще удивительнѣе: призванные въ одно время къ дѣятельности исторической, Славяне, на разныхъ концахъ Европы, въ одно и то же время призваны къ развитію дѣятельности нравственной принятіемъ Христіанства. Замѣтимъ здѣсь важное обстоятельство, которое поведетъ насъ, въ послѣдствіи, къ замѣчательнымъ выводамъ: *всѣ почти народы Нѣмецкіе прошли сквозь Аріанство къ Католичеству, между тѣмъ какъ Славяне получили Христіанство прямо отъ Церкви, сохранившей ученіе Христово сколько можно свободнымъ отъ всѣхъ погрѣшностей и вмѣшательства частныхъ мірскихъ интересовъ.* Другими словами: большая часть народовъ Нѣмецкихъ, т. е., низшія сословія, никогда не были Христіанами вполнѣ до самой Реформаціи Лютера: изъ суевѣрія языческаго они прямо перешли къ

суевѣрію Католическому; напротивъ того какъ исполнено смысла для безпристрастнаго глаза это повсюдное стремленіе Славянъ имѣть Богослуженіе и Св. Писаніе на языкѣ, имъ понятномъ, стремленіе, въ которомъ найлучшимъ образомъ выражается разумное, духовное пониманіе Христіанской Вѣры! Образъ дѣйствія Православной Церкви и служителей ея при обращеніи народовъ ко Христу существенно отличенъ отъ соотвѣтствующаго образа дѣйствія Католической Церкви въ томъ же самомъ случаѣ. Мы уже видѣли, какъ духовенство Католическое поставило себя выше народа, образовало касту, принявшую на себя должность стать между Богомъ и Его Откровеніемъ и народомъ, и удѣлать послѣднему столько лишь свѣта Евангельскаго, сколько сообразно съ интересами духовной аристократіи; оно стремилось къ тому, чтобы сдѣлаться верховнымъ распорядителемъ участи народа не только въ сей жизни, но и въ будущей. Духовенство Латино-Католическое смотрѣло какъ на свою неотъемлемую привилегію совершать Божественную службу на языкѣ Латинскомъ, ему только понятномъ; чрезъ то оно обособливалось, ставило себя выше народа, отъ котораго требовало десятины и другихъ вознагражденій, какъ по всей справедливости довлѣющихъ ему, верховному раздавателю наградъ въ сей и будущей жизни. Въ первый періодъ дѣятельности этой сильной, сплошной аристократіи духовенства, главнымъ, отличительнымъ его преимуществомъ было право чтенія и объясненія Библіи; отсюда понятно, почему Латино-Католическое духовенство видѣло посягательство на свое лучшее право со стороны тѣхъ, которые хотѣли сами читать и понимать Библію. Духовенство заняло, или думало занять, всѣ пути ко спасенію и не пропускало никого безъ своей воли; ибо очень понятно, что отъ него зависѣло дать то или другое направленіе нравственности цѣлаго народа произвольнымъ толкованіемъ Св. Писанія. Отъ того духовенство, завладѣвшее (простите намъ это выраженіе) монополіею спасенія, болѣе всего заботилось о сохраненіи ея за собою, и главнымъ средствомъ, естественно, было исключительное присвоеніе себѣ права толковать Св. Писаніе и исключительное отправленіе Богослуженія на языкѣ Латинскомъ. Отымите эти два права—и духовенство Латино-Католическое перестаетъ существовать, какъ привилегированное сословіе и теряетъ все свое значеніе. Напротивъ, духовенство Православное никогда не дѣйствовало массою, сословно, въ ви-

дахъ интересовъ отдѣльной касты: каждой Православный проповѣдникъ имѣетъ въ виду — внушить лицу или народу предписанія Христіанскаго ученія, сдѣлать его просвѣщеннѣе и лучше, и потому онъ никогда (это доказываетъ исторія) не опирается на внѣшнюю силу. Проповѣдникъ Греческій ищетъ довѣренности и любви народа, старается уяснить ему и влить въ него правила Христіанства, и потому онъ самъ изучаетъ его языкъ, самъ живетъ съ народомъ, знакомится съ характеромъ и свойствами его и дѣйствуетъ сообразно съ своими наблюденіями. Между тѣмъ какъ духовенство Латино-Католическое принуждаетъ народъ имѣть къ нему неограниченную покорность и довѣренность и по своей волѣ управляетъ убѣжденіями его, духовенство Греческое, уже по своей малочисленности и разрозненности, старается полюбиться народу, предлагаетъ свое ученіе его убѣжденію, а не навязываетъ его силою. Духовенство Латино-Католическое требуетъ, во имя Намѣстника (мнимаго) Св. Петра, неограниченной вѣры въ свои слова и повелѣнія, и дѣйствительно народъ обязанъ повиноваться, не имѣя подъ руками ничего такого, почему бы онъ самъ могъ судить, истину, или ложь ему предписываютъ. Когда Латинское духовенство въ каждомъ новообращенномъ народѣ прежде всего старается утвердить безпредѣльную вѣру въ авторитетъ Папы, или въ авторитетъ своего сословія, Православное духовенство требуетъ отъ народа вѣры въ Св. Писаніе. Духовенство Католическое старается отдѣлиться отъ народа, пріучить его къ рабской покорности каждому своему слову; наоборотъ, духовенство Православное не имѣетъ иныхъ интересовъ, кромѣ интересовъ народа, и нисколько не старается унизить его передъ собою.

Народы Славянскіе, отличающіеся и всегда отличавшіеся особеннымъ развитіемъ здраваго житейскаго смысла и еще болѣе непреоборимымъ отвращеніемъ отъ всякаго деспотизма, достигшіе, среди мирныхъ занятій земледѣліемъ, той степени духовнаго развитія, которая, если еще не производитъ великихъ умственныхъ плодовъ, за то одновременно обнаруживается въ цѣломъ народѣ, не могли понять, *какъ можно принять ученіе вѣры на слово*, не узнавъ его вполнѣ, слышать Богослуженіе, на языкѣ, вовсе непонятномъ, и во всѣхъ отношеніяхъ оказывать такую покорность духовной Аристократіи, которой нѣтъ и не было у нихъ никогда. Отъ того не найдете *ни одного Славянскаго народа, который бы вполнѣ добровольно принялъ Като-*

ническое ученіе. Высшее сословіе, всегда и вездѣ скорое теряющее основныя черты народнаго характера, было болѣе расположено къ Католичеству, и большею частью оно-то было орудіемъ Латино-Католическаго духовенства къ порабощенію народа. Во всякомъ случаѣ вольнолюбивый народъ Славянскій неохотно и не вдругъ поддавался духовному деспотизму и защищался долгое время силою отъ его притязаній. Несовмѣстность характера Славянскаго съ безпредѣльною, рабскою покорностью, какой требовали Папа и Католическое духовенство, была причиною, что это послѣднее ничего не могло успѣть, кромѣ частныхъ обращеній: такой порядокъ вещей продолжался за половину IX-го стол. Около этого времени въ Славянскихъ народахъ пробудилась сильная народная потребность къ Христіанству, которая, будучи потребностью цѣлаго народа, вскорѣ нашла себѣ удовлетвореніе. Настала минута благопріятная внутренней жизни Славянскихъ народовъ, и они теперь скорѣе усвоили Христіанство, нежели прежде усвоивали его отдѣльныя лица. Христіанство не было навязано Славянскимъ народамъ, а удовлетворяло ихъ внутреннія потребности, и потому было такъ полезно и плодоносно. Всѣ Славянскіе народы того времени, между иными признаками внутренняго сочувствія, имѣли языкъ, имъ всѣмъ понятный и различавшійся очень мало сообразно съ частными потребностями каждаго народа. Эта-то *общность языка, найлучшій признакъ внутренняго единомыслія*, послужила главнымъ средствомъ, проводникомъ Христіанства. Восточная Церковь сознала свое назначеніе приготовить Славянъ къ самостоятельному, умственному и вообще внутреннему, развитію посредствомъ Христіанства. Всѣ Славянскіе народы были уже подготовлены къ принятію Христіанства, и потому оно вмигъ сообщилось имъ, какъ только воспользовалось оно общностью языка Славянскаго; а этой общностью языка умѣла воспользоваться Церковь Восточная преимущественно передъ Западною. Въ самое короткое время Христіанство по обрядамъ Греческой Церкви, сообщилось Славянамъ въ Булгаріи, въ огромномъ Моравскомъ Царствѣ, въ Чехіи, Польшѣ и даже на Руси (при Аскольдѣ и Дирѣ). Народъ съ радостью и разумно принималъ Христіанство: онъ слышалъ Божественную службу на родномъ языкѣ, онъ могъ читать Св. Писаніе на этомъ же миломъ ему языкѣ. Отсюда сильная привязанность всѣхъ народовъ къ Славянскому Богослуженію. Подъ мнимо религіознымъ вопросомъ скрывался вопросъ

о жизни и смерти Славянскихъ народовъ, о томъ, сохранить ли имъ свою народную физіогномію, или добровольно отказаться и принять чужую? Замѣтимъ то благодѣтельное дѣйствіе, которое произведено было на Славянъ проповѣдью Восточной Церкви на ихъ языкѣ: только тѣ, справедливо замѣчаетъ Красинскій, изъ Западныхъ Славянскихъ народовъ сохранили свою политическую и духовную независимость, до которыхъ донеслось слово Евангелія на языкѣ Славянскомъ, такъ благодѣтельно и спасительно дѣйствовавшее на пробужденіе сознанія народности, которое возникнувъ однажды, никогда уже не могло быть подавлено. *Славянское Богослуженіе было знаменемъ благодати и спасенія для Славянскихъ племенъ, и только тѣ изъ нихъ сохранили свою нравственную физіогномію и политическое значеніе, которые стеклись подъ это знамя.* Къ тому же Славянское Богослуженіе такъ приходилось по сердцу всѣмъ Славянскимъ народамъ, что они не могли его забыть и среди самыхъ враждебныхъ обстоятельствъ. Восточная Церковь, давъ Славянамъ Богослуженіе и Слово Божіе на ихъ языкѣ, предоставила ихъ потомъ совершенно самимъ себѣ, не привязывая рѣшительными внѣшними узами къ себѣ. Причиной тому были: 1) совершенное отсутствіе духа прозелитства въ пастыряхъ Восточной Церкви, и 2); внѣшнія обстоятельства, на пр., нашествіе Угровъ, которое прервало всякое сообщеніе Славянъ съ Восточною Имперіею, и многія другія. Оставленные самимъ себѣ, новообращенные Славяне были цѣлью всѣхъ усилій Католическихъ проповѣдниковъ, которые болѣе всего находили сочувствіе въ высшихъ классахъ. Чехія особенно назначена была историческою по необходимостью мѣстомъ столкновенія, борьбы духовенства Католическаго и его значительной и сильной стороны съ направленіемъ свободнымъ и народнымъ, которое было вложено въ массу народа проповѣдниками Восточной Церкви. Чехія получила сперва Христіанство отъ Латино-Католическаго духовенства, но оно не могло еще приняться въ народѣ, который съ жадностью бросился на принесенное и ему понятное ученіе проповѣдниковъ Восточной Церкви. Но принялось ли и это послѣднее ученіе въ народѣ? Нѣтъ! Не смотря на то, что всѣ сочувствія народа были за ученіе Восточной Церкви, оно *не имѣло времени, чтобы вполнѣ быть усвоено народомъ*, который отъ Восточной Церкви получилъ не столько опредѣленное, догматическое ученіе, сколько *либеральное религіозное направленіе, враждебное въ высшей сте-*

пени притязаніямъ духовенства Латино-Католическаго. Восточная Церковь пробудила своимъ народнымъ Славянскимъ Богослуженіемъ *чувство народности въ Чехахъ*, подстрекнула ихъ *умственное развитіе* и, что всего важнѣе, внесла важнѣйшій элементъ въ жизнь и развитіе Чешскаго народа: это *вольное* (либеральное) *пониманіе Вѣры, основанное на знаніи Св. Писанія, враждебное всякому человѣческому авторитету.* Эта независимость, самостоятельность сужденій о Вѣрѣ съ быстротою молніи проникла въ кровь Чешскаго народа, т. е., лучшей неиспорченной Нѣмецкимъ вліяніемъ его части и сдѣлалась *отличительною чертою Чешскаго характера.* Духовенство Латино-Католическое успѣло привлечь на свою сторону высшіе классы Чешскаго народа; но что касается до низшихъ, то оно пыталось обезсилить, ихъ подвести подъ одинъ уровень и потомъ склонить предъ авторитетомъ своего сословія и Папы. Къ этому обезсиленію Чешскаго народа приступлено, прежде всего, съ цѣлью лишить его Славянскаго Богослуженія и чрезъ-то заставить по неволѣ прибѣгнуть къ власти духовенства. Латино-Католическому духовенству, въ союзѣ съ Князьями и вельможами, удалось, въ концѣ XI-го стол., лишить Чешскій народъ его любимаго Славянскаго Богослуженія, полагая, что онъ скоро вовсе его забудетъ и привыкнетъ къ Латинскому. Но въ народѣ Чешскомъ остался духъ *религіозной свободной пытливости, посѣянный Восточною Церковью*, который сильно проникъ сердца всѣхъ истинныхъ Чеховъ. Католическое духовенство радовалось тому, что всему Чешскому народу успѣло дать лоскъ Католицизма, что водворило вездѣ одно Латинское Богослуженіе; но оно ужаснулось бы, если бы заглянуло въ душу Чешскаго народа и увидѣло бы, какія чувства въ ней скрываются. Подъ этою Католическою внѣшностью, подъ этою мнимою покорностью, скрывалось чувство самой сильной вражды, самаго живаго негодованія, какое только можетъ питать народъ къ тѣмъ, которые беззаконно лишили его человѣческихъ правъ, подавили его народность. Къ счастію, Католическое духовенство (состоявшее, впрочемъ, почти все изъ Чеховъ), будучи въ силахъ уничтожить Славянское Богослуженіе въ Чехіи, не могло исторгнуть изъ сердца Чешскаго плодоноснаго сѣмени любви къ *религіозной свободѣ и народности, вложеннаго и развитаго Церковью Православною.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Исторія религіознаго движенія въ Чехахъ отъ изгнанія Славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря до появленія Гуса, какъ народнаго проповѣдника *.

(1095—1402.)

Съ изгнаніемъ Славянскихъ монаховъ въ 1095 году Славянское Богослуженіе перестало существовать въ Чехахъ совмѣстно съ Латинскимъ и никогда уже не отправлялось болѣе въ томъ видѣ, какъ прежде: монахъ Сазавскій прекрасно замѣтилъ касательно истребленія Славянскихъ книгъ въ Чехахъ въ 1095 году: »nunquam recitabuntur ulterius in eodem loco.» Съ 1095 года, столь памятнаго въ духовной жизни Чеховъ, Богослуженіе Славянское перестало раздаваться въ томъ видѣ, въ какомъ Меѳодій и, ученикъ, его, Кейхъ, приняли его въ Чехію: оно исчезло, оставивъ

---

* Источники: *Palacky's* Geschichte von Böhmen t. II. t. III. главы: первая, вторая и особенно третья (p. 154—239). — Lebensgeschichte des Röhmischen und Böhmischen Königs Wenceslaus, von Franz Martin *Pelzel*; сюда относится вся первая часть и нѣсколько второй; важны особенно приложенные къ первому тому: Acta in Curia Romana Johannis a Genzenstein, Archiepiscopi Pragensis III (Urkundenbuch p. 145—164). — Kayser Karl der Vierte, König in Böhmen, von *Pelzel*. 2 voll.; passim. — Geschichte der Böhmen, v. *Pelzel*, p. 76 sqq.—*Balbini* Epitome rerum Bohemicarum, p. 405—409.—*Gieseler's* Lehrbuch der Kirchengeschiechte, t. II, Abschnitt I. p. 280—292; Wilhelmi *Zeyfridi* Norimbergensis commentatio de Johannis *Hussi* martyris vita, fatis et scriptis, p. 73—79.— *Stransky* Respublica Bojema c. VI. §. 5. — Amos *Comenius* Historia persecutionum Ecclesiae Bohemicae, c. VI и VII. — *Lenfant* L'histoire de la guerre des Hussites et du concile de Basle. p. 3—50. —*Schroeckh's* Christliche Kirchengeschichte, tom. 33. pp. 328—331, tom. 34 p. 564—575. — *Krasinsky* Sketsch of the reformation. Poland. p. 15—57. — *Flacii* Catalogus testium veritatis. pp. 716—725, 760—769—771, 796; Appendix p. 192.—Johannis Hus et Hieronymi Pragensis in confessorum Christi historia et monumenta: Anatomia membrorum Antichristi etc. De carnalium abominatione etc. f. CCCXXXVII—CCCCXLIII.

видные слѣды въ духѣ Чешскаго народа. Притомъ оно слишкомъ было живуче, чтобы перестать существовать совершенно, и потому слѣды его видимъ сохранившимися отъ времени до времени; такъ извѣстная духовная пѣснь, доселѣ поющаяся въ Чешскихъ церквахъ, «*Gospodi, pomiluj ny*,» носитъ на себѣ несомнѣнный признакъ Славянскаго происхожденія. Сочиненіе этой пѣсни приписывали Св. Войтѣху, но мы знаемъ, что она уже пѣлась при посвященіи въ Епископы Дитмара. Славянскій переводъ Св. Писанія проникъ въ Чехію и, по извѣстію одного стариннаго житія Св. Вячеслава, этотъ Князь въ молодости учился книгамъ Славянскимъ. Истребленіе книгъ Славянскихъ при Сазавскомъ монастырѣ было очень вредно и для развитія Чешскаго языка, однако и послѣ 1095 тамъ и сямъ видимъ употребленіе Славянской азбуки, которая встрѣчается въ памятникахъ XI стол. Мацѣевскій говоритъ по этому случаю: «Житіе Св. Войтѣха и Слово, сказанное на его гробѣ Севером, Пражскимъ Епископомъ, доказываютъ, что Славянскій языкъ былъ еще въ употребленіи въ церквахъ Чешскихъ.» Слѣдственно, Богослуженіе и языкъ Славянскій могли быть сохранены любовью народа тамъ и сямъ въ отдѣльныхъ приходскихъ церквахъ, въ которыхъ, особенно если они находились въ мѣстахъ уединенныхъ, Богослуженіе на языкѣ Чешскомъ могло не прерываться до религіознаго броженія при Гусѣ, гдѣ давнее и подавленное негодованіе народа выказалось такъ энергически и потребовало Богослуженія на языкѣ своемъ, имѣя въ свѣжей памяти успѣхъ Богослуженія на языкѣ Славянскомъ. Трудно предположить, чтобы народъ Чешскій требовалъ такъ единодушно Богослуженія на языкѣ, ему понятномъ, если бы у него не было свѣжо въ памяти дѣйствительное отправленіе этого Богослуженія. Духовенство Католическое, стараясь болѣе и болѣе отдѣлиться отъ мірянъ, хотѣло какъ бы поставить себя выше обыкновенныхъ законовъ человѣческой природы, внѣ всѣхъ отношеній, имѣющихъ силу въ обществѣ человѣческомъ, побѣдить всѣ законы естества и чувства человѣческія, мало по малу потеряло право брака. Съ половины XI-го стол., особенно при Папѣ Григоріѣ VII, бракъ духовенства, наравнѣ съ его нецѣломудріемъ и симоніею, названъ Николаитскою ересью; но еще и прежде изъ среды самаго духовенства обнаружилось желаніе воспретить браки, и они были только что терпимы. Греческая Церковь, никогда не воспрещавшая браковъ бѣлаго духовенства,

привлекала къ себѣ сочувствіе всѣхъ людей, которые были оскорблены отрицательнымъ рѣшеніемъ Папъ относительно великаго вопроса о бракѣ священниковъ; потому всѣ, защищавшіе этотъ обычай первобытной Церкви, ссылались на примѣръ Греческой Церкви. Тѣмъ труднѣе было Католицизму истребить браки духовенства тамъ, гдѣ они вели свое начало отъ Греческой Церкви и потому считались законными, гдѣ самый народъ привыкъ къ этому и нисколько не удивлялся такому обычаю. Браки священниковъ вездѣ нашли себѣ упорныхъ защитниковъ, особенно въ Англіи, какъ извѣстно, получившей Христіанство отъ Церкви Греческой, и въ Чехіи, гдѣ браки священниковъ считались дѣломъ, совершенно законнымъ. Народъ Чешскій, стоявшій къ своимъ пастырямъ вовсе въ иномъ отношеніи, нежели какъ то было у другихъ народовъ Запада, принялъ сторону духовенства и защищалъ обычай, который былъ оставленъ здѣсь Восточною Церковью. Гаекъ разсказываетъ, что Легатъ Папскій, Петръ Кардиналъ, посланный Папою Целестиномъ для искорененія браковъ священниковъ, принялся за это дѣло съ величайшею ревностью и насильно разводилъ священниковъ съ ихъ женами: эти послѣдніе, опираясь, безъ сомнѣнія, на народъ, оказали сильное сопротивленіе Папскому Легату, котораго жизнь подвергалась опасности и который поспѣшилъ оставить Прагу. Такимъ образомъ Чехи постоянно заступались за самые слабые остатки Православія и обнаруживали упорное сопротивленіе возраставшимъ притязаніямъ Чешскаго духовенства. Прекрасно изображаетъ Коменскій то отношеніе, въ которомъ стояла Чехія къ мѣрамъ Католицизма: «Nunquam tamen, — пишетъ онъ, — nisi reluctans et coacta abominationum quidquam (quantum quidem per tenebras illas animadvertere illi licuit) admisit Bohemia. Unde factum, ut prae caeteris haereticorum nomen largiter Bohemis jam ab antiquo tribueret Roma.»

Мы видѣли уже, что ученіе Православной Церкви не могло вполнѣ утвердиться у Чеховъ, а что оно дало имъ враждебное расположеніе къ Католицизму. Странскій говоритъ, что обряды Греческой Церкви начали мало по малу искажаться, чему не мало способствовало и то, что языческая народная часть Чеховъ охотнѣе перешла къ Греческой, чѣмъ къ Латинской сторонѣ, и тѣмъ самимъ внесла въ ученіе первой свои прежнія заблужденія. Въ концѣ XI стол. въ Чехію проникли Вальденсы и

поселились въ окрестностяхъ гг. *Затца и Лунъ*; но они мало могли принести новаго въ Чехію, которая уже тогда представляла борьбу стихій, вытекшихъ изъ самостоятельнаго развитія Чешскаго народа. Причины Чешскаго броженія были глубже и основательнѣе тѣхъ причинъ, которыя участвовали въ происхожденіи Вальденсовъ. Чешскій народъ былъ богатъ сѣменами собственнаго развитія, которыя зрѣли мало по малу, обѣщая величественный плодъ въ будущемъ, и Вальденсы ничего не могли сообщить ему такого, чего бы онъ уже не имѣлъ. Кто желалъ бы изучить постоянное противоборство, таившееся въ Чешскомъ народѣ, и прослѣдить съ самаго начала постепенное вольное направленіе, столь противуположное авторитету, налагаемому Католичествомъ, прежде всего долженъ познакомиться со всѣми памятниками, до насъ дошедшими, умственной жизни Чеховъ въ ея самостоятельномъ развитіи. Вся умственная самостоятельная дѣятельность Чеховъ, сколько мы могли изучить ее, въ XIII и XIV стол., есть постоянно раздающійся, неумолкаемый голосъ противъ того двойнаго, политическаго и религіознаго, ярма, которое было наложено на Чехію Нѣмецкимъ и Католическимъ вліяніемъ, дѣйствовавшимъ вмѣстѣ, дружно во исполненіе общей цѣли обезличенія Чешскаго народа. Но, спросятъ, что же препятствовало Чехамъ тогда уже дружно возстать противъ враговъ своей народности и сознать свое самостоятельное бытіе? Пагубное *раздѣленіе* вкралось въ народъ Чешскій, раздѣленіе, имѣвшее глубокій корень свой. Еще въ 845 году 14 Леховъ Чешскихъ приняли Католич. Вѣру и съ нею признали ленную зависимость отъ Императора: съ этого года зависимость Чехіи, политическая и религіозная, была тѣсно связана одна съ другою. Вліяніе Нѣмецкой стихіи на жизнь Чешскаго народа всегда оказывалось преобладаніемъ Католичества: отъ того раздвоеніе Чешскаго народа на двѣ стороны, Католическую и Нѣмецкую, твердо стоявшую за Нѣмецкое вліяніе въ Чехіи, и народную, Чешскую, Антикатолическую. Отсюда видна тѣсная связь политическихъ вопросовъ жизни Чешскаго народа съ вопросами религіозными. Теперь противодѣйствіе народа было не возможно, доколѣ вліяніе Католичества и Нѣмецкой стихіи не развилось до самихъ крайнихъ слѣдствій, доколѣ самыя явныя оскорбленія народнаго и Христіанскаго чувства не заставили Чешскій народъ соединиться въ одно цѣлое и воспротивиться своимъ вра-

гамъ. Надобно было много и много времени и оскорбленій, чтобы вывести Чешскій народъ изъ терпѣнія; но, наконецъ, когда политическія и религіозныя страданія его перешли всякую мѣру, Чешскій народъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ, и развилъ дивную твердость воли и вообще всѣ самыя возвышенныя качества, какія только когда ни будь доставались въ удѣлъ народу. Слишкомъ заблуждаются тѣ, которые ищутъ корня историческому явленію всюду, гдѣ только его найдти не возможно: такъ и относительно великаго Чешскаго религіознаго броженія, котораго причинъ искали вездѣ, за исключеніемъ именно того мѣста, гдѣ они скрываются, т. е., всей предъидущей жизни Чешскаго народа, которая есть только, такъ сказать, приготовленіе къ славному народному періоду Чеховъ, коихъ первымъ представителемъ былъ Гусъ.

Большая часть духовенства въ Чехахъ прибыла сюда изъ Германіи; что касается до Чеховъ собственно, то они уже въ X стол. возбуждали опасеніе въ Папахъ своимъ самобытнымъ духомъ, и Іоаннъ VIII, дозволяя устроить Пражское Епископство, поставилъ главнымъ условіемъ, чтобы тотъ, кто будетъ удостоенъ Епископскаго престола, былъ непремѣнно искусенъ и свѣдущъ въ языкѣ Латинскомъ, т. е., другими словами, не Чехъ; въ слѣдствіе этого избранъ былъ Саксонецъ Дитмаръ. Естественно, что духовенство Нѣмецкое, наводнившее Чехы еще при Вячеславѣ Святомъ, дѣйствовало враждебно противъ всего Чешскаго, истребляло Богослуженіе Славянское, обряды Восточной Церкви: это увеличивало ненависть народа къ Католическому духовенству; но послѣднее имѣло на своей сторонѣ большую часть вельможъ и богатыхъ поземельныхъ собственниковъ, посредствомъ которыхъ оно успѣвало держать народъ у себя въ повиновеніи. Отъ того Чешскій народъ, дожидаясь благопріятной минуты для своего самостоятельнаго развитія, покорился всѣмъ внѣшнимъ требованіямъ Латино-Католическаго духовенства въ концѣ XII го стол. и долго, до самаго XV стол., во всей Чехіи видите одно и тоже ученіе, одни и тѣже обряды, народъ съ однимъ и тѣмъ же духомъ; но это одна наружность, подъ которою скрывалось сильное вѣроисповѣдное броженіе. Изучая какое ни будь великое событіе жизни народа, или человѣчества, и углубляясь въ причины, условившія самое возникновеніе событія и давшія ему именно такую, а не иную, форму, необходимо обращать вниманіе особенно на времена,

непосредственно предшествующія взрыву, потому что, если медленно и постепенно приготовляется великій переворотъ въ жизни народа, то, чѣмъ ближе становится время, въ которое этотъ переворотъ совершится, тѣмъ полезнѣе и любопытнѣе бываетъ наблюдать, какъ онъ мало по малу обличаетъ себя и свою силу, свои средства и свое направленіе. Никакая человѣческая сила не въ состояніи измѣнить историческаго хода событій, остановить его, или дать ему иное направленіе; но извѣстныя обстоятельства могутъ ускорить, или отдалить время, въ которое совершится великій переворотъ жизни народа; великіе историческіе дѣятели бываютъ въ состояніи умными средствами приблизить, или отдалить время переворота, притупить его силу; но удержать его они никогда не могутъ, какъ бы они ни были геніальны, потому что не въ ихъ власти измѣнить все прошедшее народа. Потому, изслѣдуя здѣсь ходъ развитія Чешскаго народа, приготовившій великое религіозное Чешское движеніе, вникая въ его причины и явленія, въ которыхъ оно вырывалось, еще не созрѣвъ, наружу, обратимъ особенное вниманіе на происшествія царствованія Карла IV и, его сына, Вячеслава IVго, по скольку въ нихъ выражается тогдашнее вѣроисповѣдное состояніе Чешскаго народа.

Недовольство народа Католическимъ обрядомъ выражается особенно въ той легкости и готовности, съ которою онъ принимаетъ различныя Антикатолическія ученія. Чешскій народъ съ жадностью хватался за все, что могло, хотя на минуту, удовлетворить его пытливому уму въ дѣлѣ Религіи: всякое ученіе, даже ни сколько не сообразное съ его характеромъ, казалось ему предпочтительнѣе Католическаго. Доселѣ очень мало занимались исторіею религіозныхъ мнѣній Чешскаго народа до Гуса; а этотъ предметъ чрезвычайно любопытенъ и важенъ. Мы уже видѣли, что Вальденсы въ концѣ XII стол. проникли въ Чехію; къ сожалѣнію, мы, за исключеніемъ подозрительнаго извѣстія, сообщаемаго Странскимъ, не знаемъ ничего о томъ, какъ народъ смотрѣлъ на новыхъ пришельцевъ и ихъ ученіе. Но едва ли ученіе Вальденсовъ могло найдти доступъ въ народѣ уже и по тому, что Вальденсы были Нѣмцы, слѣдовательно, не скоро могли, посредствомъ языка народнаго, сообщить Чехамъ свое ученіе. Но и по нашимъ, въ высшей степени ограниченнымъ, источникамъ, мы знаемъ, что въ XIV стол. дважды прорывались въ Чехію еретики

Западной Европы. Въ 1318 году въ Шлезіи и, сопредѣльной, Польшѣ и Чехіи распространилась ересь Дульціанъ (Dulcinianorum haeresis), которая, по словамъ Бальбина, была такъ названа потому, что предавалась самимъ позорнымъ чувственнымъ наслажденіямъ. Король Іоаннъ приказалъ сжечь 14 мущинъ и женщинъ «hac dulcedine voluptatis et Bacchanalium corruptis.» Подъ 1335 годомъ Райнальдъ говоритъ: «Haeretici quidam ex Germania in Bohemiam adrepsere.» Неизвѣстное намъ ученіе быстро распространилось по Голомуцкой и Пражской епархіямъ и испугало самаго Папу, Бенедикта XIII, который поспѣшилъ поставить двухъ инквизиторовъ ереси въ Прагѣ и Голомуцѣ и многими письмами убѣждалъ Короля Іоанна принять противъ еретиковъ рѣшительныя мѣры. Въ 1340 году Папа надѣлилъ Ульриха изъ Новаго Дома, вѣтви знаменитой фамиліи Розенберговъ, индульгенціями для похода противъ еретиковъ и въ буллѣ по этому случаю одарилъ согласившихся принять участіе въ походѣ тѣми же привиллегіями, какія получали отправлявшіеся въ Святую Землю. Чехи называли этихъ еретиковъ *Ямниками*, потому что жили по ямамъ и рвамъ, гдѣ предавались непозволеннымъ наслажденіямъ и откуда нападали на Католическихъ путниковъ, присоединяя ихъ къ себѣ, или убивая. Въ этихъ странныхъ и намъ вовсе невѣдомыхъ ученіяхъ и той легкости, съ какою каждое Антикатолическое ученіе распространялось по Чехахъ, видѣли ясно, что народъ Чешскій искалъ себѣ формы религіозныхъ мнѣній, которая вполнѣ удовлетворила бы его духовнымъ потребностямъ, что онъ, прежде нежели изъ глубины своего духа пытался создать вполнѣ желанное ученіе, предпочиталъ всякое религіозное ученіе тяжкому Католическому игу, равно оскорбительному и тягостному для всѣхъ интересовъ Чешскаго народа. Бальбинъ, ревностный Католикъ, старается смыть съ Чеховъ пятно въ ереси до Гуса, на котораго, какъ на исповѣднаго козла, онъ взваливаетъ всю, будто бы, вину Чешскаго народа, и потому и при этомъ случаѣ говоритъ, что еретики были все Нѣмцы; но булла Папская доказываетъ противное; а такъ какъ она наилучшимъ образомъ представляетъ религіозное состояніе Чехіи въ половинѣ XIV стол., то мы приводимъ слова Папы: «Benedictus servus servorum Dei, dilecto filio, nobili viro Ulrico, domino de Novadomo, Pragensis Diocesis, Baroni de regno Bohemiae. Petitio tua nobis exhibita continebat, quod in

terris, tuo Dominio temporali subjectis, in Pragensi et Olomucensi Diecoesibus consistentibus et etiam *in toto regno Bohemiae infiniti haeretici*, communiter Teutonici et advenae *non absque infectione cultorum fidei orthodoxae* periculose, proh dolor! in magna multitudine pullularunt, et quod dicti haeretici cum inquisitores haereticae pravitatis, autoritate Apostolica in iis partibus constituti, volunt procedere contra eos, *fugiunt et latitant ac Cathalicos capiunt, mutilant, expuliant et alias proditionaliter offendunt eosdem eorumque bona incendio ignis supponunt, et quod licet per* inquisitorem pravitatis multi infecti pravitate praedicta, abjuratis erroribus, devote redierunt ad agnitionem fidei orthodoxae, tamen post ejus absentiam in errores pristinos sunt relapsi, *conventiculas illicitas cum Magistris eorum, quos vocant Apostolos faciendo: qui etiam in tantum numerum excreverunt*, quod te tuosque subditos Catholicos ausi sunt temere diffidare, quare tu nobis humiliter supplicasti, ut cum tu pro exaltatione fidei *intendas exponere te et tuos ad haereticorum exterminium praedictorum*, providere tuae speciali saluti ac solita sedis Apostolicae clementia dignaremur; (Balbini p. 350)»: далѣе слѣдуетъ отпущеніе грѣховъ для тѣхъ, которые пойдутъ на еретиковъ.

Карлъ IV, безспорно одинъ изъ умнѣйшихъ Государей, какіе когда ни будь украшали престолъ любаго Европейскаго народа, играетъ очень важную роль въ исторіи Чеховъ. Происходя по матери отъ древняго Чешскаго Царственнаго дома, Премысла, Карлъ IV наслѣдовалъ отъ нея сильную привязанность къ Чешскому народу; извѣстно, что Елисавета, сестра Вячеслава III-го, была постоянно заступницею интересовъ своего народа и его матерью: она дѣйствовала часто за одно съ Чешскими Панами въ выгодахъ Чеховъ противъ своего мужа, Короля Іоанна, и была очень полезна своимъ вліяніемъ на него. Сынъ Нѣмца, Карлъ IV, въ душѣ оставался вѣрнымъ Чехомъ, но Чехомъ Католикомъ. Главною мыслью Карла IV-го было возвышеніе и благоденствіе Чехіи; но въ Карлѣ видимъ два, одно другому противуположныя, стремленія. Искренно любя Чешскій народъ, онъ прежде всего печется объ увеличеніи могущества Чехіи и благосостоянія ея жителей; нося вѣнецъ Императора Нѣмецкаго, Карлъ IV пользовался властью, сопряженною съ этимъ званіемъ, для того, чтобы Чехію усилить присоединеніемъ новыхъ областей, дарованіемъ новыхъ привиллегій, сдѣлать ее средой

могущественнаго государства. Эней Сильвій, превосходный политикъ, хотя плохой историкъ, нѣсколькими словами прекрасно изображаетъ всю политическую дѣятельность Карла IV-го: «Clarus profecto Imperator, nisi Bohemici regni gloriam magis quam Romani Imperii quaesivisset» Но, съ великою любовью славы своего отечества, Карлъ IV соединялъ безпредѣльную преданность къ Католицизму, которая заставляла его иногда дѣйствовать противъ интересовъ своего народа; отъ того съ одной стороны Карлъ IV является истиннымъ отцемъ своего народа, тщательнымъ и заботливымъ представителемъ его интересовъ, а съ другой дѣйствуетъ иногда въ видахъ политики Папства и Церкви и чрезъ то вредитъ своему народу. Карлъ IV постоянно находился подъ вліяніемъ двухъ, равно сильныхъ, чувствъ: безпредѣльной привязанности и покорности Церкви и чувства любви къ своему народу. Дѣйствія государственныя Карла IV-го отражаютъ въ себѣ постепенно то чувство, которое минутно брало перевѣсъ въ умѣ его. Но, прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію религіознаго броженія при Карлѣ IV-мъ, обратимъ вниманіе на состояніе Латино-Католическаго духовенства и на отношеніе его къ свѣтской власти и народу.

Уже въ концѣ XII-го стол. встрѣчаемся съ страннымъ явленіемъ жизни Чешскаго народа, явленіемъ, которое составляетъ особенность его развитія. Во всей Западной Европѣ съ конца XI столѣтія духовенство вполнѣ образовалось въ сословіе, даже въ государство, глава котораго, Папа, господствовалъ безпредѣльно надъ всѣми земными властями чрезъ посредство многочисленнаго духовенства, имѣвшаго одни и тѣже интересы съ нимъ. Между тѣмъ въ Чехіи до самаго XIII стол. духовенство, не смотря на безчисленныя привиллегіи, еще не сложилось въ цѣльное сословіе, не опредѣлило своихъ отношеній къ свѣтской власти и стояло несравненно ниже, чѣмъ въ какой ни будь землѣ Западной Церкви. Если бы не было никакихъ иныхъ доказательствъ въ пользу того, что Чехія получила ученіе Христово съ Востока, то этого одного обстоятельства было бы достаточно вполнѣ, чтобы доказать, что Богослуженіе Латинское проникло въ нее несравненно позднѣе и при совершенно иныхъ отношеніяхъ къ народу, чѣмъ въ странахъ Нѣмецкихъ. Не прежде начала XIII-го стол. Чешское духовенство, послѣ сильной борьбы съ свѣтскою властью и народомъ, успѣло присвоить себѣ

часть привиллегій, которыми духовенство Нѣмецкое давно уже пользовалось, и, тѣмъ не менѣе, никогда не могло пріобрѣсть высокаго значенія послѣдняго. Слѣдственно, Латинское Богослуженіе проникло въ Чехію при иныхъ отношеніяхъ и подъ другими условіями, чѣмъ въ земли Нѣмецкія. Здѣсь оно было нераздѣльнымъ господиномъ, и потому смѣло оставляло за собою тѣ права, какія ему заблагоразсудилось: напротивъ, въ Чехію оно проникло въ видѣ просителя, а не господина, и нашло здѣсь иное Богослуженіе, за которое были всѣ сочувствія народа, а потому приняло форму болѣе снисходительную, сдѣлало уступки, кои въ послѣдствіи надѣялось взять назадъ. Духовенство Латинское, проникнувъ въ Чехію, должно было по возможности отвлечь и Князя, и Чины, и народъ отъ Славянскаго Богослуженія; умами первыхъ двухъ, Князя и вельможъ, оно успѣло овладѣть не безъ великихъ уступокъ, потому что духовенство Латинское въ Чехіи не смѣло предписывать условій свѣтской власти. Но когда Славянское Богослуженіе было истреблено, когда народъ былъ привлеченъ видимымъ образомъ разными суевѣрными приманками, тогда духовенство попыталось пріобрѣсть равныя права съ своими братьями въ Германіи, и для того вступило въ споръ съ свѣтскою властью, имѣвшій мѣсто въ началѣ первой четверти XIII-го стол., при Премыслѣ Оттокарѣ. Въ концѣ XII стол. духовенство въ Чехіи не имѣло тѣхъ церковныхъ преимуществъ, которыми пользовалось духовенство въ Германіи. Духовные Чешскіе участвовали въ Сеймахъ въ качествѣ обыкновенныхъ землевладѣтелей; въ должностяхъ неусыпнаго управленія духовныя лица не принимали участія; при Дворѣ они были духовниками и капелланами, или писарями (Канцлерами) и нотаріями; въ рукахъ ихъ находилось все современное умственное движеніе. Духовенство въ своемъ главномъ представителѣ, Пражскомъ Епископѣ, обнаружило желаніе выйдти изъ своего скромнаго положенія и пріобрѣсти права духовенства Нѣмецкаго. Премыслъ Оттокаръ (1198—1230), умный и дѣльный государь, пользуясь единствомъ, царствовавшимъ въ Королевскомъ Чешскомъ домѣ, и несогласіями, происшедшими въ Германіи, гдѣ было два Императора (Оттонъ и Филиппъ) возвысилъ значительно могущество Чехіи, но въ своемъ стремленіи къ пользамъ ея былъ остановленъ упорною борьбою съ Андреемъ, Епископомъ Пражскимъ, хотѣвшимъ играть роль

Чешскаго Гильдебрандта, т. е., образовать изъ всего духовенства огромное сословіе, проникнутое одними интересами и дѣйствующее однимъ и тѣмъ же образомъ. Если бы Андрею удалось отдѣлить все духовенство отъ народа, сосредоточить вокругъ себя, противоставить стремленію свѣтской власти и вольному духу народа, то въ Чехіи народный элементъ былъ бы подавленъ окончательно и всякое движеніе его было бы тогда невозможно. Андрей, Пражскій Пробстъ и Верховный Писарь королевства, былъ посвященъ въ Пражскіе Епископы въ Римѣ Папою Иннокентіемъ II-мъ. Строгой нравственности и непреклоннаго характера, Андрей, изъ друзей Короля, сталъ его противникомъ и величайшимъ ревнителемъ правъ и преимуществъ Церкви. Прежде всего онъ объявилъ недѣйствительными многіе акты своихъ предшественниковъ, которые наносили ущербъ Пражской Церкви; съ духовенствомъ онъ обращался очень строго, не щадя и свѣтскихъ сановниковъ. Не признавая силы суда въ Цудахъ, онъ оспоривалъ его власть не только надъ духовными лицами, но и надъ людьми, живущими на земляхъ Церкви, воспретилъ всякой родъ инвеституры лицъ духовныхъ отъ свѣтскихъ, отказался платить государственныя повинности отъ помѣстьевъ Церкви и началъ собирать десятину по всей землѣ, дотолѣ получаемую отъ нѣкоторыхъ только помѣстьевъ. Дѣйствуя не въ интересѣ своего лица, но Католической Церкви, вообще Андрей причислилъ къ Епископскимъ помѣстьямъ и свои наслѣдственныя владѣнія. Эти требованія Епископа были встрѣчены сильнымъ сопротивленіемъ и со стороны Короля, и со стороны народа: послѣ трехлѣтней борьбы съ тѣмъ и съ другимъ, Андрей, 10 апр., 1217 года, наложилъ запрещеніе на всю Чехію и, видя себя не въ безопасности, бѣжалъ въ Римъ и жаловался Папѣ, Гонорію III, на всѣхъ Чеховъ. Въ отвѣтъ на это Король Чешскій приказалъ взять въ казну всѣ Епископскія имѣнія и ихъ управленіе ввѣрилъ своей Палатѣ. Архіепископъ Майнцкій приглашенъ былъ имъ въ Прагу и, послѣ разысканія всего дѣла и клятвы Короля, что онъ ничего не имѣлъ въ умѣ дѣлать противъ правъ, законно принадлежащихъ Чешскому Епископу, Архіепископъ, 29 мая, снялъ запрещеніе съ Чехіи. Папа Гонорій III перенесъ дѣло къ себѣ, сдѣлалъ строгій выговоръ Архіепископу Майнцкому за произвольное снятіе правильно наложеннаго церковнаго запрещенія и,

въ слѣдъ за этимъ послалъ къ Оттокару письмо, гдѣ изложены предметы жалобы Епископа; изъ этого письма и отвѣта на него, Оттокара, узнаемъ нѣсколько ходъ дѣла и цѣль обѣихъ споривших сторонъ. Въ отвѣтъ на обвинительныя статьи, изложенныя Папою, Оттокаръ оправдывается стародавними учрежденіями своей земли. Относительно десятины Оттокаръ пишетъ, что онъ не можетъ принудить народъ къ неслыханнымъ прежде десятинамъ и ни въ какомъ случаѣ не станетъ этого дѣлать; далѣе, онъ признается, что одинъ священникъ приговоренъ свѣтскимъ судомъ къ висѣлицѣ, но этотъ священникъ уже давно, забывъ свой санъ, присталъ къ разбойникамъ, съ ними пойманъ и, кромѣ того, былъ уличенъ въ дѣланіи ложной монеты. Что касается до права инвеституры духовныхъ лицъ отъ свѣтскихъ, то Король Оттокаръ соглашается отказаться отъ него, только съ тѣмъ, чтобы права покровительства лицъ свѣтскихъ остались во всей силѣ. Относительно участія духовенства въ государственныхъ повинностяхъ, участія, признаннаго древними Чешскими законами, Оттокаръ выражаетъ свое удивленіе, почему Папа называетъ его *неприличнымъ*. Епископъ и Папа требовали, чтобы права и привиллегіи духовенства (Immunitaten) были распространены и на всѣхъ людей, живущихъ на церковной землѣ. Изъ этого видно, что Оттокаръ являлся защитникомъ правъ своего народа отъ безпрестанно возставшихъ притязаній духовенства. Епископъ Пражскій требуетъ совершенной независимости своей Церкви отъ свѣтской власти, ищетъ устроить государство въ государствѣ, и самъ хочетъ стать во главѣ духовнаго государства. Чешскій народъ видѣлъ огромныя требованія духованства, видѣлъ, что онъ стремится къ господству надъ нимъ, господству самому безпредѣльному, и потому принялъ сторону Оттокара. Такимъ образомъ это не есть минутная ссора свѣтской и духовной власти, а напротивъ борьба народа съ духовенствомъ. Духовенство непремѣнно одержало бы верхъ, потому что оно было тогда всесильно, если бы раздѣленіе, существовавшее въ Чешскомъ народѣ, не нашло доступа и въ него. Часть духовенства оставалась чужда притязаніямъ другой и была постоянно на сторонѣ народа и Короля. Такимъ образомъ, когда Папа, не смотря на защитительное посланіе Оттокара, подтвердилъ запрещеніе, наложенное на Чехію Епископомъ Андреемъ, оно осталось безъ силы, и потому цѣль, которой достигнуть такъ желалъ

Папа, не была и не могла быть достигнута. Не только большинство членовъ Пражскаго Капитула, но и значительная часть сельскаго духовенства, даже Епископъ Оломуцкій, продолжали божественную службу; безсильный гнѣвъ Папы разразился проклятіями. Оттокаръ, чтобы умилостивить Папу, уговорилъ его прислать для переговоровъ пословъ. Когда Папа это исполнилъ, то Оттокаръ созвалъ Сеймъ Чешскаго государства въ Кладрубы для разсужденія о распрѣ съ Епископомъ. На Сеймѣ (1219) обнаружилось, что вельможи Чешскіе поддерживали притязанія Епископа, потому что они приняли слѣдующія шесть статей примиренія съ Епископомъ: 1) Только Епископъ можетъ ставить и смѣнять духовныя лица, но безъ нарушенія права покровительства; 2) Епископу принадлежитъ верховный судъ надъ всѣми лицами клира; 3) до возвращенія Епископа, Епископія будетъ ввѣрена лицамъ, коихъ угодно назначить Епископу; 4) весь ущербъ, который Епископъ могъ потерпѣть въ теченіи 3 мѣсяцевъ, будетъ вознагражденъ ему людьми частными, или Королевскою Палатою; 5) десятины впредь должны быть собираемы со всей земли на томъ же основаніи, на какомъ прежде съ нѣкоторыхъ мѣстъ; 6) Епископъ обязанъ служить вѣрно и повиноваться Королю. Эти статьи приняты были обѣими сторонами, но переговоры кончились ничѣмъ въ слѣдствіе того, что Премыслъ не хотѣлъ пожертвовать Епископу и Папѣ тѣми духовными лицами, которыя отказались привести въ исполненіе запрещеніе. Папа снова поразилъ запрещеніемъ Чехію. Попытка завязать опять переговоры съ Чехами кончилась ничѣмъ (1220). Въ 1221 году Папа рѣшился исполнить давнишнее желаніе Премысла Оттокара и прислалъ въ Чехію съ полномочіемъ Легата своего, Григорія de Crescentio; онъ заключилъ въ 1221 году (2 іюля) миръ между Чешскимъ народомъ и Церковью; въ слѣдствіе его Оттокаръ далъ грамоту Пражскому Епископу, по которой утвердилъ за нимъ всѣ прежнія привиллегіи и предоставилъ слѣдующія новыя: люди, живущіе на духовныхъ земляхъ, освобождаются отъ всѣхъ государственныхъ повинностей и взаимной поруки; верховная власть надъ этими людьми остается за Королемъ, но доходы съ нихъ принадлежатъ Епископу. По совѣту Кардинала Король Чешскій, 10го марта, 1222 г., издалъ грамоту, которою даровалъ всѣмъ Чешскимъ церквамъ и монастырямъ права, далеко не столь обширныя, какія далъ прежде Пражской Церкви. Такимъ обра-

зомъ ни духовенство, ни народъ Чешскій не могли хвалиться полною побѣдою, но невыгода была на сторонѣ послѣдняго. Оттокаръ вздумалъ вступить въ борьбу съ своимъ Епископомъ и съ Папою, опираясь на народъ и народную часть духовенства, но высшее сословіе, вполнѣ Католическое, обнаружило желаніе уступить требованіямъ Папы, и Король, по волѣ Сейма, долженъ былъ дать такія права Пражской Церкви, которыя дѣлали ее особымъ, независимымъ государствомъ; единственною выгодою Короля было то, что не все Чешское духовенство обнаружило тѣ же требованія, какія Пражскій Епископъ. Но какъ бы то ни было, теперь рядомъ съ народною и Королевскою властью стала третья, власть духовенства, отчасти враждебная двумъ первымъ. Всѣ послѣдующіе Короли Чешскіе склонялись то на сторону народа, то на сторону духовенства: послѣднее случалось чаще, но изъ Королей дома Люцельбургскаго, самихъ близкихъ къ вспышкѣ великаго религіознаго Чешскаго движенія, Іоаннъ или Янъ и Вячеславъ или Вацлавъ IV-й были на сторонѣ народа, хотя по весьма несходнымъ побудительнымъ причинамъ; Карлъ IV-й склонялся постоянно то на ту, то на другую сторону, но болѣе на сторону духовенства. Народъ Чешскій обнаружилъ столь сильное неудовольствіе на Епископа Андрея, что онъ принужденъ былъ бѣжать въ Римъ и тамъ умеръ въ 1224. Папа рѣшился сохранить въ свою пользу уступки, такъ дорого полученные въ Чехіи, и потому предоставилъ себѣ право утвердить Епископа Пражскаго: избранный Капитуломъ въ Епископы, Перегринъ, долженъ былъ отказаться отъ этой чести, и Папа избралъ Будилова, который скоро умеръ. Григорій IV по смерти его назначилъ Іоанна II-го, Пражскаго схоластика, но обстоятельства его избранія не извѣстны.

Между тѣмъ ни въ одной странѣ Западной Европы духовенство не пользовалось такими внѣшними выгодами, какъ въ Чехахъ, гдѣ высшее сословіе, которое приняло совершенно Католическій характеръ, и среднее осыпали всѣми возможными дарами духовенство: сами Короли шли и въ этомъ случаѣ впереди другихъ. Чехія всегда гостепріимно принимала священниковъ и монаховъ разнаго рода, которые здѣсь, еще со времени Вячеслава Святаго, необыкновенно многочисленны; можно сказать, что не было такого монашескаго ордена въ Западной Европѣ, который не имѣлъ бы въ Чехахъ своего представителя. Въ половинѣ XII-го ст. въ Чехахъ утвердились уже четыре монашествую-

щихъ ордена: Бенедиктинскій (самый древній), Премонстратенскій, Цистеріанскій и Мальтійскій; въ половинѣ XIII го стол., кромѣ этихъ орденовъ, видимъ еще тамъ Миноритскій и Нѣмецкихъ рыцарей, который имѣлъ надзоръ за всѣми богоугодными и общеполезными заведеніями. Но особенно размножились въ Чехахъ съ половины XIII стол. нищенствующіе монахи, преимущественно Доминиканцы. Они находились почти въ безпрерывныхъ стычкахъ съ бѣлымъ духовенствомъ, присвоивая себѣ обязанности этого послѣдняго. Извѣстно, что цѣлью нищенствующихъ орденовъ было дѣйствовать на простой народъ проповѣдью и воспитывать его нѣкоторымъ образомъ сообразно съ цѣлями Папства. Но Доминиканцамъ показалось недостаточнымъ проповѣдывать народу, и они, умножившись до чрезвычайности въ Чехахъ, начали крестить дѣтей, хоронить мертвыхъ и пр., чрезъ то уменьшали доходы приходскихъ священниковъ. Эти послѣдніе выпросили у Папы буллу, которою нищенствующимъ монахамъ воспрещено было вмѣшиваться въ должность приходскихъ священниковъ; но булла не произвела никакого дѣйствія, и Доминиканцы продолжали совершать требы приходскихъ священниковъ. Тогда произошло странное и богатое послѣдствіями событіе; выслушаемъ разсказъ о немъ изъ устъ лѣтописца, Франциска: «In vigilia Beati Jacobi Apostoli omnes unanimiter plebani et rectores ecclesiarum parochialium, omnibus suis convocatis plebezanis, ut convenirent in unum, et ipsi adversus Praedicatores, Minores et Augustinenses coeperunt literas papales populo publice ostendere, quae cedit de funerum sepultura, et quod ipsi fratres de ordine mendicantium saepe super hoc, per judices a Sede Apostolica datos ammoniti, ipsis acquiescere nollent, sed potius contumaciter resisterent et proterue. Ideoque illi Sacerdotes, qui ad hoc erant deputati, altis vocibus coeperunt extinctis candelis, pulsatis campanis, praefatos Fratres auctoritate Sedis Apostolicae acriter excommunicare, mandantes omnibus in virtute sanctae obedientiae et sub excommunicationis sententia, ut ipsos debeant evitare. Et ipsi fratres mendicantes, quia istud negotium esse venturum praesciverant, contra ipsos se occultis armis munierant et amicis, et venientes plures ipsorum ad ecclesias, in quibus excommunicabantur, cum impetu venerunt altisonis in audientia universi populi vocibus clamantes et dicentes: O vos miseri! Non Sacerdotes, sed sacrilegi homines, animarum occisores, populorum deceptores, quid facitis? cur contra nostras sententias promulgatis?

Vos ipsi estis excommunicati, adulteri, lusores, ebriosi, dolosi, omnibus criminibus irretiti. Nos justi, vos injusti. Nos omnibus portamus lumen, vos in tenebris ambulatis, duces coeci in foveam simplices deducendo. Et quidam ex ipsis mendicantibus audacter per medium populi accurrebant, ut illos, qui sententias proferebant, raperent et laederent et ab eis literas auferrent, quas legebant, et ipsi a Clero etiam injectione manuum graviter offendebantur. Ex hujusmodi convicio, in quo ipsi se mutuo confundebant, fit rumor et tumultus in populo magnus, partim Clericos, partim Religiosos verbis et verberibus adjuvando. Quidam percutiunt pugno impie, alii lapides tulerunt, ut jacerent in eos, alii evaginant cultellos, alii cum gladiis et fustibus currunt tanquam ad latrones. Hic Begardi Reginae et Layci quam plures sunt fratrum adjutores. Alii vero adjuvant Clerum et specialiter foeminae seculares. Hic revelantur ex multis cordibus cogitationes. Hic Frater truditur, alter percutitur, alius vulneratur, alius lapidatur. Illic Clericus trahitur, laeditur et alter sanguine rubricatur. Tumultat juvenis contra senem, senex contra juvenem. Surgit gens contra gentem... Tandem post moram longi et magni certaminis omnes mente confusi, prae ammiratione stupidi, ad sua loca redeunt singuli. Ubi duo vel tres congregati fuerunt, nil aliud loquuntur, nisi de hoc proelio, quod viderunt. Surgunt denique singulis diebus dominicis et festivis, Clerus contra Fratres, Fratres contra Clericos, excommunicationis sententias fulminantes. Fratres quidem quandam appellationem allegant, quam in principio opposuerant, cui Clerici deferre recusant. Tres ordines praedicti se concorditer uniunt in hoc facto et Clero pariter sic resistunt et dicunt: Papalis illa constitutio nostros ordines in Boemia non tangit, eo, quod non sit idem fructus nec funeralium usus in isto regno, qui in Lombardiae partibus habentur. Haec contentio usque ad festum Beati duravit Nicolai. Sed tunc interveniente arbitrio haec causa ad Sedem Apostolicam est relata. Interim praefati Fratres in civitatibus singulis, in villis et oppidis sunt passi ignominiam, damnum et turbationem. Nam ipsis tam verbis quam eleemosynis communicare plurimi noluerunt. Tandem ultimo diversis laboribus et expensis consummatis, amicabiliter concordaverunt (Lib. III, cap. 2. p. 182—184).»—Такія сцены не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на воспріимчивый народъ Чешскій, который не въ состояніи былъ не питать равнаго презрѣнія къ священникамъ и монахамъ, а плату при похоронахъ обносившихъ другъ друга передъ Папою

отлучавшихъ другъ друга и заставляли народъ принимать участіе въ ихъ распряхъ. При томъ и бѣлое духовенство и монахи, оспаривая одинъ у другаго вліяніе на народъ, ссылались на него въ своихъ преніяхъ, обличали пороки и плутовства свои и всѣми средствами пытались привлечь его на свою сторону. Всякая власть, внѣшняя и внутренняя, доколѣ сильна, покуда она опирается на твердомъ основаніи, на страхѣ, происходящемъ или отъ любви, или отъ ненависти. Въ Чехіи, въ разсматриваемое нами время, духовенство играло самую жалкую роль, находилось въ самомъ ложномъ положеніи: народъ не любилъ его за ту власть, которую оно считало себя въ правѣ надъ нимъ присвоить; свѣтская власть должна была помышлять о возвращеніи правъ, уступленныхъ духовенству. Множество примѣровъ можно привести въ доказательство того, что масса Чешскаго народа заключала въ себѣ несравненно болѣе духовнаго развитія, простаго и не затемненнаго суевѣріемъ разсудка, чѣмъ иной какой ни будь народъ того времени въ Европѣ: безъ суевѣрнаго страха смотрѣлъ онъ на своихъ духовныхъ пастырей и превосходно понималъ различіе ученія Вѣры и тѣхъ, которые проповѣдуютъ это ученіе; онъ чтилъ Вѣру и преслѣдовалъ дурныхъ пастырей; онъ всякій разъ соединялся съ властью, когда слѣдовало наказать какое либо духовное лицо. Въ 1339 году, по смерти Вратиславскаго Князя, Генриха, г. Вратиславль и его округъ, въ силу договоровъ, достались Чешскому Королю, Яну; онъ прибылъ сюда и хотѣлъ здѣсь занять крѣпость, Миличь, лежавшую на границѣ съ Польшею; эта крѣпость принадлежала Епископу Вратиславскому, Нанкеру, человѣку злого нрава. Король Янъ предложилъ Епископу продать ему Миличь; такъ какъ Нанкеръ отказалъ, то Король Янъ занялъ силою эту крѣпость. По прибытіи его въ Вратиславу, Епископъ Нанкеръ со всѣмъ духовенствомъ вышелъ къ нему на встрѣчу и потребовалъ, чтобы онъ ему возвратилъ Миличь. Король отказалъ: тогда Нанкеръ торжественно проклялъ его. Янъ былъ пораженъ такою дерзостью и сказалъ: «Какъ дерзокъ этотъ попъ; онъ ищетъ смерти, но я не хочу замараться его кровью.» Послѣ этого Король выгналъ изъ города Епископа и все духовенство, велѣлъ конфисковать всѣ владѣнія Епископа и Капитула; тоже самое поручилъ онъ сдѣлать всѣмъ Силезскимъ Князьямъ, которые съ радостью это исполнили. Происшествіе это достаточно показываетъ, какъ не вѣрно было положеніе духовенства относительно свѣтской вла-

сти и народа. Послѣ спора своего съ Епископомъ, Ланкеромъ, отецъ Карла IV-го, Янъ, въ 1340 году видѣвшись съ Папою, Бенедиктомъ XII-мъ, просилъ его освободить вновь присоединенную Силезію отъ нѣкоторой подати въ пользу Папы, которая называлась денаріемъ Св. Петра, на томъ основаніи, что Чехія всегда была свободна отъ платежа этого налога. Изъ этого видно, что Король Янъ вовсе не былъ такъ небреженъ о дѣлахъ Чехіи, какъ обыкновенно думаютъ: онъ смѣло и рѣшительно противился духовной власти, и не должно забывать, что ересь Дульціанистовъ 1318 и 1340 года случилось именно въ правленіе Яна, которое вовсе не сдавливало религіознаго развитія Чехіи. Замѣчательно, что молодой Маркграфъ, Карлъ, въ послѣдствіи Король Чешскій, съ ужасомъ смотрѣлъ на поступокъ своего отца съ Епископомъ Ланкеромъ, и всѣми силами пытался помирить и того и другаго. Мы увидимъ, что Карлъ I-й въ теченіи всего своего царствованія старается о томъ, чтобы привязать народъ къ духовенству, и обратно, чтобы связать ихъ узами общихъ выгодъ. Нареченный въ крещеніи Вячеславомъ, первенецъ Короля Яна, по 8-му году былъ привезенъ во Францію къ своей теткѣ, Королевѣ Маріи, супругѣ Карла, Короля Французскаго: здѣсь-то нашъ Карлъ получилъ образованіе, наилучшее по тому времени, но вмѣстѣ и вполнѣ духовное, которое пріучило его къ безусловной покорности Церкви и Папскому престолу. На образованіе ума и его направленіе у Карла I-го наиболѣе имѣли вліянія Іоаннъ Кара и Петръ Рожеръ, въ послѣдствіи Климентъ VI й. Съ 14-лѣтняго возраста Карлъ IV сопровождалъ своего отца въ его многочисленныхъ походахъ и вынесъ оттуда многостороннюю опытность и познаніе дѣлъ, столь необходимое въ Государѣ. Въ 1333 году Король Янъ назначилъ его правителемъ Чехіи: съ восторгомъ встрѣтили Чехи сына своей любезной Королевы, Елисаветы. Карлъ I-й вполнѣ проникается своею ролею Чешскаго Короля, и первымъ его дѣйствіемъ было выучиться снова языку Чешскому, который онъ забылъ при Дворѣ Французскомъ. Первыя дѣйствія Карла I-го были очень благоразумны; не входя въ ихъ разсмотрѣніе, замѣтимъ только, что Карлъ, не смотря на свою привязанность къ выгодамъ Церкви и Папскаго Престола, никогда не позволялъ управлять собою ни одному духовному лицу, но всегда дѣйствовалъ самостоятельно. Мы видѣли соблазнъ, произведенный въ Чешскомъ на-

родѣ споромъ духовенства съ монахами: Карлъ поспѣшилъ изъ Моравіи, гдѣ онъ тогда находился, и поступилъ очень благоразумно: онъ рѣшилъ, съ совѣта Епископа, Іоанна Пражскаго, чтобы монахи не вмѣшивались въ должность священниковъ, и даже, чтобы они, когда имъ нужно проповѣдывать къ народу на языкѣ Угорскомъ, Нѣмецкомъ, или иномъ какомъ, должны проповѣдывать въ предѣлахъ, нарочно для того отведенныхъ, и не иначе, какъ съ согласія Епископа. Карлъ строго наказалъ тѣхъ мірянъ, которые приняли участіе въ этой ссорѣ.

Далѣе, Карлъ IV-й не имѣлъ ни разу столкновеній съ церковною властью, чему причиною былъ не только миролюбивый и набожный характеръ его; а еще болѣе прекрасныя качества Арношта, перваго Архіепископа Пражскаго. Родомъ изъ знатной Чешской фамиліи, Арноштъ воспитывался въ Болонскомъ Университетѣ и былъ человѣкъ въ высшей степени ученый и съ тѣмъ вмѣстѣ ласковый и обходительный: онъ пользовался искреннею дружбою Карла IV-го. Такъ какъ Архіепископъ Майнцкій, Генрихъ Виннебургъ, былъ, за союзъ свой съ Людовикомъ Баварскимъ, отлученъ отъ Церкви, то Арноштъ былъ посвященъ въ Епископы Пражскіе самимъ Папою, Климентомъ VI (Петромъ Рожеромъ). Это случилось въ 1343 году. Въ слѣдующемъ 1344 году Карлъ обратился къ Папѣ съ просьбою не только освободить Пражское Епископство отъ зависимости Архіепископа Майнцкаго, но и возвысить это Епископство до степени отдѣльнаго Архіепископства. Между прочими доводами, приводимыми Карломъ въ пользу своей просьбы, главнѣйшіе суть: Архіепископство Майнцкое такъ далеко, что и Чешскимъ духовнымъ ѣздить туда трудно и разорительно, и самъ Архіепископъ Майнцкій всего на всего одинъ разъ лично осмотрѣлъ свою епархію; что несравненно полезнѣе будетъ и для народа Чешскаго и для духовенства имѣть своего Архипастыря, къ которому они могутъ прибѣгать въ случаѣ нужды; что языкъ Славянскій, которымъ говорятъ Чехи, составляетъ существенно отличный языкъ отъ языка Нѣмецкаго и остается непонятенъ какъ Архіепископу Майнцкому, и его духовнымъ. Долго обдумывалъ Папа эту важную мѣру, прежде нежели на нее рѣшился; такъ, наконецъ, онъ исполнилъ просьбу Карла, взявъ напередъ съ него клятву, что языкъ Славянскій совершенно отличный отъ языка Нѣмецкаго. Новому Архіепископу, Арношту, подчинены два Епископа областные: Епископъ Голомуцкій и Литомышльскій.

Изъ этого и другихъ примѣровъ видно, что Карлъ не рѣшался ни на что безъ согласія Папы, но въ послѣдствіи онъ сталъ дѣйствовать самостоятельнѣе. Въ томъ же 1346 г., памятномъ для исторіи Чехіи во многихъ отношеніяхъ, Карлъ обратился къ Папѣ Клименту VI съ просьбою дозволить ему основать монастырь, въ которомъ Богослуженіе совершалось бы на языкѣ Славянскомъ; до насъ дошла булла Климента отъ 9 мая, 1346 г.; въ ней говорится, что Карлъ, представилъ Папѣ, что многіе монахи Бенедиктинскаго ордена, совершающіе въ Славоніи и другихъ земляхъ Славянскихъ Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ съ разрѣшенія Папъ, изгнанные военными смутами изъ своихъ монастырей, остаются безъ пользы для Вѣры Христіянской; особенно замѣчательны слѣдующія слова буллы: «cum autem sicut ejusmodi insinuatio subjungebat in confinibus et circa partes Regni Bohemiae, quae de eadem linqua et vulgari existunt, sunt multi schismatici et infideles, qui cum eis sacra scriptura latine dicitur, exponitur vel praedicatur, nec intelligere volunt, nec commode ad fidem christianam possunt converti, dictique Monachi et Fratres, vulgares praedicatores ritum praedictum habentes in dicto regno et ipsius colonfinibus summe necessarii et utiles pro laude Dei et augmentatione christianae fidei esse noscantur etc.» Эти слова, которыя, вѣроятно, по общему обыкновенію, тогда господствовавшему, внесены изъ просьбы Карла, и по тому могутъ быть приняты за его собственныя, замѣчательны, во первыхъ, по тому, что вся Чехія и сосѣднія съ нею земли далеко не были тогда Католическими вполнѣ, и что въ нихъ «sunt multi *schismatici* et infidiles;» подъ послѣдними разумѣются, конечно, язычники, или Христіяне, сохранявшіе еще языческіе обряды; подъ первыми же тѣ, которые держались обряда Восточной Церкви. А такъ какъ таже просьба присоединяетъ, что на границахъ и въ частяхъ Королевства Чешскаго, которые говорятъ тѣмъ же простонароднымъ (Чешскимъ языкомъ), обрѣтаются многіе еретики и невѣрные, которые когда имъ Св. Писаніе по Латынѣ читается, объясняется или проповѣдуется, ни понимать не хотятъ, ни не могутъ быть легко обращены къ Вѣрѣ Христіанской, упомянутые монахи и братья, простонародные проповѣдники, имѣющіе вышеписанный (Славянскій) обычай, въ королевствѣ Чешскомъ и странахъ, ему сопредѣльныхъ, въ высшей степени необходимы и полезны для славы Божіей и умноженія Вѣры Христіанской. Здѣсь, изъ устъ са-

маго Карла IV-го, слышимъ признаніе, что въ Чехіи было еще много полу-Христіанъ и, что всего важнѣе, приверженцевъ Восточной Церкви. Другаго толкованія слову *schismatici* не можетъ быть, потому что, какъ всякому извѣстно, на языкѣ Римской Куріи слово *schismaticus* есть техническое для означенія насъ, послѣдователей истинной Церкви. Во вторыхъ: эти слова замѣчательны, по тому что въ нихъ выражается твердое намѣреніе Карла сдѣлать Чехію вполнѣ Католическою и употребить къ тому самой языкъ Славянскій, который народъ Чешскій привыкъ считать опорой своей народности. Въ слѣдствіе всего этого ясно, что Палацкій слишкомъ далекъ былъ отъ истины, предполагая, что Карлъ ввелъ Славянское Богослуженіе въ Чехію съ тѣмъ, чтобы привлечь Сербовъ къ соединенію съ Католическою Церковью и показать имъ, что они и послѣ этого соединенія сохранятъ свое Славянское Богослуженіе. Но вѣдь и самъ Палацкій даетъ разумѣть, что мысль о соединеніи Церквей обнаружилась у Карла гораздо послѣ построенія Славянскаго монастыря и введенія Славянскаго Ботослуженія и была болѣе слѣдствіемъ его, нежели причиною? Карлъ IV имѣлъ въ виду построеніе нѣсколькихъ монастырей, какъ это показываютъ слѣдующія слова буллы: «Item Marchio nobis humiliter supplicavit, ut eisdem Fratribus et religiosis, quod *in regno Boemiae et confinibus* supra dictis (слѣдственно, не въ одной Чехіи, но и въ сосѣднихъ Славянскихъ земляхъ) *loca eligere*, in quibus et circa quae possint stare, et verbum Dei exponere, praedicare et missis celebrare secundum ritum et consuetudinem partium ipsarum — licentiam dare dignaremur.» Но Папа формально отказываетъ въ этомъ и непремѣннымъ условіемъ предписываетъ Архіепископу Арношту «de quo (пишетъ Папа) plenam in Domino fiduciam gerimus — eisdem monachis — *unum locum duntaxat* in dicto regno vel ejus confinibus, in quo servare valeant dictum ritum.» Такимъ образомъ самъ Папа по странному чувству недовѣрчивости къ обряду Славянскому, воспрепятствовалъ Карлу сдѣлать Чехію вполнѣ Католическою, разрѣшивъ построить не болѣе какъ одинъ Славянскій монастырь. Угнетенные всегда довольны самою малою уступкою, и потому трудно предполагать, чтобы Чехи, если бъ они слышали повсюду Богослуженіе на языкѣ понятномъ, не забыли, наконецъ, закоренѣлой и исторически несомнѣнной непріязни къ Католичеству; но поступокъ Папы, вполнѣ обличавшій недовѣрчивость

его и къ Карлу и къ народу Чешскому, ни сколько не былъ способенъ возбудить въ немъ какое ни будь чувство признательности. 11го декабря, 1347 года, въ г. Нирнбергѣ Карлъ далъ грамоту на основаніе Славянскаго монастыря, для котораго назначилъ приходскую церковь Св. Козьмы и Даміана въ одномъ Пражскомъ предмѣстіи и посвятилъ новый монастырь памяти Славянскихъ (quasi) Католическихъ Святыхъ: Кириллу, Меѳодію, Войтѣху, Прокопію и особенно Св. Іерониму, который въ грамотѣ названъ переводчикомъ Св. Писанія съ Еврейскаго на языкъ Славянскій; новому монастырю были предоставлены значительные доходы съ Малаго Пражскаго города.

Построеніе Новаго Города Праги, которому самъ Карлъ 26-го марта, 1348 года, положилъ основаніе, замѣчательно по тому, что оно внесло въ столицу народный элементъ, доселѣ весьма искаженный обращеніемъ съ пришельцами разныхъ странъ. Новый Пражскій городъ былъ преимущественно мѣстомъ жительства низшихъ промышленныхъ сословій Чешскаго народа, вполнѣ сохранившихъ свою народность; кромѣ того, всѣ ремесленники изъ Стараго Города, гдѣ они безпокоили жителей шумомъ, были переведены въ Пражскій Новый Городъ. Въ Пельцелѣ читаемъ слѣдующее важное извѣстіе: «Um aber die Stadt bald zu bevölkern, rief er viele reiche Bürger und die besten Handwerksleute aus den übrigen Städten des Königreichs herbey und wies ihnen in der Neüstadt Prag Plätze zum bauen an.» Этимъ объясняется то сильное участіе въ религіозномъ движеніи, которое принялъ Новый Городъ. Карлъ хотѣлъ слить оба Пражскіе города, Старый и Новый, въ одинъ, и съ этою цѣлью не только Новому Городу далъ всѣ привиллегіи Стараго (и, кромѣ того, въ теченіи 12 лѣтъ освободилъ отъ всякихъ повинностей), но и велѣлъ срыть стѣны и засыпать землею рвы, отдѣлявшіе оба города; не смотря на то не въ его силахъ было уничтожить различіе въ характерѣ и духѣ жителей Стараго и Новаго Города, изъ которыхъ первые являются позднѣе представителями Католицизма, а вторые народнаго религіознаго движенія.

Переходимъ къ иному великому дѣлу Карла, имѣвшему сильное вліяніе на народъ Чешскій, къ устройству Университета въ Прагѣ, относящемуся къ 1348 году. Главною заботою Карла IV-го было сдѣлать Прагу средоточіемъ умственнаго и торговаго движенія Чехіи и чрезъ то ея столицею: здѣсь было отчасти непониманіе истинныхъ пользъ Чешскаго народа. Несправедливо бы-

ло бы отказать Карлу въ томъ, что все онъ дѣлалъ изъ любви къ Чешскому народу и прежде всего хотѣлъ видѣть его счастливымъ; но онъ полагалъ, что принесетъ величайшую пользу своему народу, если сдѣлаетъ его совершенно Католическимъ и доставитъ ему за то всѣ возможныя матеріальныя блага; всѣ его дѣйствія клонились къ тому, чтобы стереть народный характеръ Чеховъ, чтобы заставить ихъ и думать и дѣлать, какъ думаютъ и дѣлаютъ другіе. Карлъ, бывши еще въ отроческомъ возрастѣ въ Парижѣ, слушалъ охотно чтенія въ Парижскомъ Университетѣ и даже обнаружилъ желаніе основать въ послѣдствіи такой же въ Прагѣ. Мысль отрока исполнилъ Король Чешскій въ 1348 году. Въ Прагѣ давно уже были школы, гдѣ учили правовѣдѣнію и медицинѣ, но этѣ школы не носили названія Университета и состояли въ вѣдомствѣ частныхъ, по большей части духовныхъ, лицъ. Изъ нихъ Вячеславъ II-й въ 1294 хотѣлъ образовать Университетъ, но не могъ, по тому что былъ въ разладѣ съ Папою. Карлъ IV-й, пользуясь благорасположеніемъ Климента VI, отъ котораго онъ получилъ несравненно болѣе, чѣмъ отъ какаго инаго Папы могъ получить, испросилъ у него буллу на учрежденіе Университета въ Прагѣ и на преподаваніе при немъ Богословія. Важность, которую Университетъ Пражскій умѣлъ доставить себѣ при религіозномъ Чешскомъ движеніи, заставляетъ насъ сказать подробнѣе объ его устройствѣ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ представлялъ снимокъ съ Университета Парижскаго и былъ раздѣленъ на 4 факультета: Богословскій, Юридическій, Медицинскій и Философскій, и на 4 народа: Чешскій (съ Моравцами, Уграми и южными Славянами), Баварскій (Австрійцы, Швабы, Франконцы и жители береговъ Рейна), Польскій (также Силезцы, Литовцы и Русскіе) и Саксонскій (съ Мишнянами, Тюрингами, Верхне и Нижне-Саксами, Датчанами и Шведами). Карлъ призывалъ наставниковъ со всѣхъ сторонъ и обѣщалъ имъ богатое награжденіе и истинно Царскіе подарки; впрочемъ, имена профессоровъ, сообщенныя Бальбиномъ, хотя, по словамъ Палацкаго, и относятся ко времени, нѣсколько позднѣйшему (отъ 30 до 40 лѣтъ позже), однако замѣчательны по тому, что въ нихъ число Чеховъ равно числу Нѣмцевъ, а это представляетъ очень выгодное отношеніе для первыхъ. Мѣсто Канцлера Университета ввѣрено Арношту, Пражскому Архіепископу; Ректоръ для всего Университета избирался на годъ, равно какъ и Деканы факультетовъ. При самомъ осно-

ваніи Университета для него не было особливаго помѣщенія, и профессоры читали лекціи каждый въ своемъ домѣ. Въ Богословскомъ факультетѣ съ самаго начала было 5 профессоровъ: одинъ при Соборной церквѣ въ Пражскомъ замкѣ, а четыре — монахи разныхъ орденовъ и читали каждый въ своемъ монастырѣ. Многіе изъ профессоровъ были магистры Парижскаго и Болоньскаго Университетовъ. Уже въ слѣдующемъ 1349 году были розданы ученыя степени; но только нѣсколько лѣтъ спустя, когда число учащихъ и учащихся увеличилось, Карлъ основалъ правильный коллегіумъ изъ 12 профессоровъ и подарилъ ему библіотеку; потомъ присоединены были два новые коллегіума, и число студентовъ дошло до значительнаго количества (отъ 5 до 7 тысячь.). Карлъ искренно любилъ просвѣщеніе, самъ присутствовалъ часто на лекціяхъ профессоровъ и письмами убѣждалъ ихъ не приходить въ отчаяніе отъ первыхъ неудачъ и непріятностей. Учрежденіе Пражскаго Университета, принесшаго такіе великіе плоды въ послѣдствіи, имѣло благодѣтельное вліяніе на Прагу, которое тотчасъ обнаружилось: жаждавшіе просвѣщенія стекались сюда изо всей Чехіи и изъ многихъ сосѣднихъ странъ, даже изъ Франціи, Англіи и Италіи; послѣдніе приносили сюда деньги и чрезъ то поощряли промышленность и торговлю; но стеченіе Чеховъ изо всей Чехіи въ Прагу для образованія безконечно важнѣе, по тому что доселѣ вся умственная дѣятельность Чеховъ была разобщена, а теперь она сосредоточилась въ Прагѣ и могла высказаться вполнѣ. Пражскій Университетъ, сначала представлявшій рабскій снимокъ съ Университетовъ Парижскаго и Болоньскаго, сталъ въ послѣдствіи мѣстомъ, гдѣ развивались идеи народныя, гдѣ дѣйствовали люди, представители лучшей духовной стороны народнаго характера, мѣстомъ, гдѣ вырывались наружу идеи, колебавшія народъ, гдѣ высказывались его потребности; такъ что, если справедливо то, что Прага представляла тогда голову Чешскаго народа, то не менѣе справедливо и то, что Пражскій Университетъ сталъ мозгомъ этой головы, мѣстомъ зарожденія истинно народной Чешской мысли.

Подъ 1348 г. читаемъ у Бальбина о томъ, что Бичующіеся (Flagellantes) проникли въ Чехію; къ этому Бальбинъ присоединяетъ странныя извѣстія относительно ученія и дѣйствій этихъ Бичующихся: «Alteri alteri, vicini vicinis confitebantur peccata et absolvi se omni poena credebant, matronas praecipue juniores, in suas tenebras

et foedissimas abnoctationes trahebant; Arnestus Archiepiscopus flammis coetus illos impios dissipavit. Что же касается до Арношта, то онъ самъ заботился наиболѣе о дисциплинѣ духовенства, уже тогда до крайности развратнаго. Одинъ лѣтописецъ конца XIV стол. (см. Dobner, t. III, p. 40) замѣчаетъ объ Арноштѣ: «Item officium correcionis Clericorum instituit, in domo sua eundem correctorem cum notario et famulo tenuit, de necessariis providendo opportunis.» Впрочемъ, первою заботою и самаго Карла была чистота и однообразіе Католической Вѣры въ Чехіи; такъ, въ его законахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ: «Majestas Carolina,» которые онъ въ 1350 году предложилъ сейму Чешскому на утвержденіе, встрѣчаемъ слѣдующія четыре первыя статьи: 1) Sanctissimam Trinitatem universum populum regni nostri Boemiae, secundum quod Sacrosacta Catholica et Apostolica credit Ecclesia, humiliter revereri volumus et fateri. 2) Paganis aut Saracenis domicilium facere laremve fovere in regno Boemiae interdicimus penitus et vetamus. 3) Edicto nostro mortem pati haereticos decernimus, ut vivi in conspectu populi comburantur, flammari commissi iudicio. 4) Haereticos cujuscunque sectae inquiri et capi volumus, et captos per officiales praelatis aut inquisitoribus remitti, vel eorum certis nunciis assignari, praecipimus et jubemus. 5) Omnis sectae haereticos a quoquam, in domibus aut agris, aut aliter quoquomodo indifferenter receptari prohibemus omnino. Receptatores vero, aut credentes, aut complices, aut alias conscientes eis, sive fautores, bonis eorum omnibus confiscatis, relegendos a regno nostro in perpetuum esse censemus. Эти постановленія показываютъ, что Чехія не была совершенно свободна отъ еретиковъ, потому что странно было бы писать для будущихъ случаевъ. Шрекъ въ своей Исторіи Христіанской Церкви, по случаю изображенія религіознаго состоянія Чехіи въ XIV вѣкѣ, приводитъ третью статью вышеупомянутой «Majestas Carolina», но съ прибавленіемъ, которое выражено такъ: «Ketzer, das heisset, Bulgaren, Griechen und Waldenser;» справедливы ли эти слова, мы судить не можемъ. 74-я Статья этой «Majestas C.» даетъ невыгодное понятіе о поведеніи духовенства того времени въ Чехіи: ею возстановляется древній законъ, по которому Казна наслѣдовала имѣнія духовныхъ лицъ, и это сдѣлано по тому, что большая часть духовныхъ, умирая, отказывала имѣніе наложницамъ. Шрекъ пишетъ (33 т. стр. 330), будто бы Карлъ IV-й 57-ю своею статьею лишилъ дѣтей священниковъ самаго священ-

наго права получать по смерти отцовъ ихъ имѣніе, и присовокупляетъ, что Карлъ сдѣлалъ это для того, чтобъ предупредить еще (quasi) существовавшіе браки духовныхъ; но мы ничего этого не находимъ въ «Majestas Carolina», въ коей 57-я статья говоритъ о сбереженіи королевскихъ лѣсовъ; напротивъ, Шрекъ поставилъ здѣсь 57-ю вмѣсто 75-ой статьи, въ коей дѣйствительно читаемъ: «Sacerdotum et aliorum Clericorum ad sacros ordines promotorum filii, sicutde jure communi, ita et regni bona consvetudine, in patrum suorum haereditatibus seu bonis non succedunt et succedere denegantur omnino; quas haereditates, ad nostram regiam cameram devolvi et confiscari volumus et jubemus (см. Archiv Český, díl III, str. 148, издан. Палацкимъ).» Едва ли можно согласиться съ Шрекомъ, чтобы тутъ разумѣлись дѣти тѣхъ изъ бѣлаго духовенства, которые, не смотря на запрещеніе Папы и Государей, женились по обряду Греческой Церкви, слѣдовательно, будто бы браки духовныхъ въ Чехіи сохранялись и въ XIV стол., тѣмъ болѣе, что доказательствъ этому изъ источниковъ современныхъ вовсе нѣтъ, но скорѣе здѣсь рѣчь идетъ о дѣтяхъ духовныхъ, прижитыхъ «a mulieribus, quas turpiter cognitas tenuerunt,» и коимъ завѣщевать свое имущество запрещаетъ Карлъ въ 74-й статьѣ. У Бальбина находимъ извѣстіе о томъ, что Карлъ издалъ еще болѣе строгіе законы противъ еретиковъ въ 1376 году, нежели тѣ, которые были въ «Majestas Carolina;» вотъ слова Бальбина (p. 380.): «Ad 18 Sept. 1376 anno idem Imperator sanctionem severissimam edidit, qua omnes haereticos ex regno Bohemiae in perpetuum proscripsit, mandans insuper, ut quicuque haereseos et defectionis ab avita religione convincuntur, in rogo vivi flammis exurantur.» Къ сожалѣнію, болѣе подробныхъ извѣстій объ этомъ, столь важномъ, постановленіи Карла IV-го, нигдѣ не находимъ; Палацкій не говоритъ объ немъ ни слова, а Пельцель считаетъ его поддѣланнымъ позднѣе и по тому не обращаетъ на него особеннаго вниманія. Если этотъ Указъ объ еретикахъ дѣйствительно принадлежитъ Карлу, то въ немъ выражается ожесточеніе и досада человѣка и Государя, обманутаго въ своихъ планахъ и надеждахъ, увидѣвшаго, что та цѣль, къ которой онъ стремился, далеко не достигнута, и что всѣ его усилія произвели вовсе не то, что онъ желалъ видѣть. Глубоко Католическій, Карлъ полагалъ, что нѣтъ спасенія внѣ Католичества; онъ, по необыкновенному уму своему,

понялъ, что въ народѣ таится глубокое неудовольствіе противъ Католицизма и огорчился этимъ; ему казалось, что Чехи къ нему неблагодарны. Онъ не могъ видѣть того, что онъ коснулся стихій народной жизни, замысливъ лишить Чехію ея религіозной самобытности и народной личности. Отъ того послѣдніе годы царствованія Карла IV-го носятъ на себѣ печать глубокой грусти и нравственнаго утомленія; сколько прежде онъ часто посѣщалъ Чехію, столько теперь ее избѣгаетъ: цѣлые 4 года (съ 1373 по 1377) онъ вовсе не былъ въ Чехіи и послѣ кратковременнаго пребыванія въ ней, снова отправился въ Германію, откуда уже воротился, чтобы умереть въ Пражскомъ замкѣ. Грустныя мысли о будущемъ Чехіи, безпокоившія добраго Карла, отразились даже въ его лѣтописцахъ. Въ 1377 году, предпослѣднемъ своей жизни, Карлъ IV-й (разсказываетъ Гаекъ) смотрѣлъ изъ окна своего великолѣпнаго дворца въ Пражскомъ замкѣ на шумный городъ, разстилавшійся у ногъ его: подъ этою блестящею внѣшностью, подъ этимъ всеобщимъ благоденствіемъ и спокойствіемъ, проницательный взглядъ Карла примѣтилъ зародышъ страшнаго переворота, волненіе умовъ и страстей, угрожавшее разрушеніемъ его блестящему творенію (Прагѣ); онъ предчувствовалъ великое броженіе, которое произойдетъ послѣ его смерти, и, видя только вещественныя бѣдствія, а не внутреннюю пользу, имѣющую отъ нихъ произойти для Чешскаго народа, онъ невольно залился слезами. Придворные, его окружавшіе, не понимая чувствъ Монарха, удивлялись этому, и нѣкоторые изъ нихъ осмѣлились спросить его о причинѣ слезъ. «Я теряюсь,—отвѣчалъ Карлъ,—самымъ печальнымъ предчувствіемъ; ибо я предвижу, что мои сыновья будутъ ненавидѣть Чеховъ, и что одинъ изъ нихъ разрушитъ эти города. Ахъ! если бы я зналъ, который изъ сыновей моихъ сдѣлаетъ это, я предалъ бы его смерти собственными руками.» Его утѣшали, говорили, что Богъ все направитъ къ лучшему и не допуститъ зла. Карлъ отвѣчалъ въ глубокой горести только: «Дай Богъ! Я желаю этого.»

Теперь разсмотримъ развитіе Чешскаго народа отъ изгнанія Славянскихъ монаховъ до смерти Карла IV-го. Первое явленіе, которое насъ поражаетъ здѣсь, это удивительная внѣшняя набожность Чешскаго народа, являющаяся въ дѣлахъ благочестія: ни въ одной странѣ Европы не было такого множества и столь богатыхъ церквей и монастырей, какъ въ Чехахъ. Короли Чеховъ

стараются превзойти другъ друга въ милостяхъ къ Католическому духовенству; народъ соревнуетъ имъ и, съ своей стороны, дѣлаетъ всевозможное въ пользу Католическаго Богослуженія; но весь ли народъ обнаруживаетъ это сочувствіе къ Католическому Богослуженію? Безпристрастный историкъ долженъ отвѣчать, что только часть народа, и притомъ меньшая. Въ немъ болѣе и болѣе обозначалось разъединеніе на двѣ стороны, Чешскую народную и Антикатолическую, въ которой сохранялось глухое неудовольствіе противъ господствовавшаго порядка вещей, и на Католическую или Нѣмецкую, искавшую счастія Чехіи въ Католичествѣ и въ связи съ Нѣмцами. Первые, большею частью люди простые, сохранившіе всю чистоту Славянской крови, *безсознательно чувствовали вредъ союза съ Нѣмцами*, видѣли въ Католичествѣ начало враждебное народной жизни, невыносимый гнетъ, налагаемый на самостоятельное развитіе. Къ сторонѣ Чешской принадлежало сельское народонаселеніе, сохранившее еще темное воспоминаніе о господствовавшемъ когда-то въ Чехахъ Богослуженіи, по которому каждому доступно было Св. Писаніе и понятенъ Чинъ Божественной службы, по которому духовенство было равно народу, а не смотрѣло на него свысока, какъ на сословіе презрѣнное, не требовало отъ него безусловной покорности, а скромно учило и наставляло его. Эта народная сторона, не смотря на свою малочисленность, не принимала никакого участія въ дѣлахъ до самой вспышки религіозныхъ идей: причиной этого обстоятельства и того, что лѣтописцы почти вовсе ничего не пишутъ объ этой лучшей сторонѣ Чешскаго народа, считаемъ главнымъ образомъ то, что они не имѣли гдѣ высказать свое направленіе, составляя самую малую часть сейма до учрежденія Пражскаго Университета, въ которомъ, какъ въ фокусѣ зажигательнаго стекла, собрались всѣ, дотолѣ расходившіеся по пространству, лучи вѣроисповѣднаго движенія Чеховъ и произвели достопамятное дѣйствіе. Католическая сторона была вполнѣ привязана къ Католической Вѣрѣ; но и она состояла изъ людей, которые не вѣрили на слово духовенству, а разбирали и судили его поступки. Она слагалась изъ большей части дворянскихъ Чешскихъ фамилій, богатаго средняго сословія (мѣщанъ), жившаго по городамъ, и изъ малой части сельскаго сословія, и желала одного — сохраненія въ чистотѣ догматическаго и нравственнаго ученія Католической Церкви. Про-

никнутые самою глубокою набожностью, Чехи-Католики искренно любили Католическое Исповѣданіе и его служителей: отъ того-то они не щадили ничего, чтобы доказать свою привязанность и свое уваженіе къ Церкви и ея служителямъ, и потому осыпали ихъ пожертвованіями и подарками; но и Чехи-Католики примѣтили скоро, что духовенство, среди роскоши и уваженія, забыло святость своего сана и само попрало священнѣйшія правила нравственности и ученія Христова, погрязло въ чувственныя наслажденія и старалось вмѣшаться во власть свѣтскую, омрачить умы народа суевѣріемъ и держать его въ вѣчномъ младенчествѣ разума, лишь бы только сохранить надъ нимъ свое господство. Чешскій народъ, взятый въ массѣ, былъ тогда образованнѣйшій въ цѣлой Европѣ; этому быстрому образованію, разлитому по всѣмъ сословіямъ народа, Чехи обязаны были тѣмъ, что избѣгли судьбы племенъ одного съ ними происхожденія, которыя не имѣли времени развиться духовно. Думаемъ, что главною причиною ранней зрѣлости Чешскаго народа, высокой степени развитія его здраваго смысла, была борьба Исповѣданій Восточной и Западной Церкви, Исповѣданій, которыя столкнулись на почвѣ Чехіи и условили все позднѣйшее развитіе Чешскаго народа. Какъ бы то ни было, но Чешскій народъ никогда не представлялъ той грубой суевѣрной массы, въ которую слилось все низшее народонаселеніе Западной Европы. Здравый смыслъ, особенно развитый у племенъ Славянскихъ, не позволялъ Чехамъ дойти до той степени нравственнаго безчувствія и безжизненности, которой не былъ чуждъ тогда ни одинъ изъ самихъ въ послѣдствіи образованныхъ народовъ Европейскихъ. Сами Чехи-Католики отдавали достояніе свое, посвящали себя Богу и Его Церкви, но не развратному духовенству, не на удовлетвореніе его пороковъ, и потому страшная безнравственность духовенства Чешскаго возмутила до глубины души даже самихъ преданныхъ Католиковъ и заставила ихъ подумать о средствахъ возвращенія онаго къ его долгу, исправленія дурныхъ нравовъ и ограниченія нераздѣльныхъ притязаній. Только очень не многіе, составлявшіе крайнюю сторону Чешской Католической стороны, упорно готовы были защищать Католицизмъ въ его крайностяхъ и служителей его въ ихъ заблужденіяхъ и порокахъ: сюда принадлежали всѣ Нѣмецкіе богословы, дѣло которыхъ было защищать и оправдывать Каноническимъ правомъ всѣ правила и дѣйствія духовенства; далѣе, нѣкото-

рые Чешскіе вельможи и большая часть духовенства, которое, естественно, должно было отстаивать свои права и помѣстья, и могло дѣлать это съ успѣхомъ, по тому что, владѣя значительной частью поземельной собственности, оно имѣло большой вѣсъ. Присоедините сюда множество людей низшихъ сословій, которые пользовались слабостями духовенства, извлекали изъ нихъ значительныя выгоды и по тому готовы были защищать этотъ порядокъ вещей, и вы увидите, что Ультра-Католицизмъ имѣлъ толпу поборниковъ, если и не многочисленныхъ, за то готовыхъ употребить въ дѣло всѣ возможныя, позволенныя и непозволенныя, средства. Католицизмъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ развитъ Папами съ Григорія VII-го, является естественнымъ врагомъ всякой народности, какую бы форму она ни приняла; истинный и полезный членъ Католицизма долженъ былъ отрѣчься отъ своихъ личныхъ интересовъ, отъ интересовъ своего народа, и служить только общимъ цѣлямъ Папскаго единодержавія. Католицизмъ вездѣ является враждебнымъ народной стихіи: въ Чехахъ, какъ мы видѣли, онъ водворился по не многу, сначала принималъ тихій и скромный видъ, но, утвердившись нераздѣльно, особенно съ первой четверти XIII столѣтія, сбросилъ съ себя личину и сталъ во враждебное положеніе не только къ народу, сохранявшему воспоминаніе о Греческомъ Вѣроисповѣданіи, но даже къ высшимъ и среднимъ сословіямъ, искренно расположеннымъ къ ученію Западной Церкви. Духовенство никогда не пользовалось въ Чехіи тѣмъ безпредѣльнымъ вліяніемъ на умы, какимъ въ средніе вѣка въ остальной Западной Европѣ; оно чувствовало это, и по тому старалось подняться въ глазахъ народа, но не нравственнымъ значеніемъ, а притязаніями на свѣтское владычество. Чешскій народъ никогда не признавалъ рѣзкаго дѣленія на сословія. Отсюда стремленіе духовенства въ Чехахъ поставить себя несравненно выше народа, отдѣлиться отъ него тройными стѣнами своихъ исключительныхъ правъ и привиллегій было противно самому государственному устройству Чехіи. Дворянство, Католическое и Акатолическое, съ безпокойствомъ смотрѣло на свѣтскія притязанія духовенства, на безпрестанныя вторженія его во власть свѣтскую; часть народа Католическая хотѣла остаться совершенно Католическою, но хотѣла разумно вѣрить, съ правомъ собственнаго разсужденія; часть (большая) народа Акатолическая требовала религіозной формы не пришлой, но развившейся правильнымъ

образомъ изъ стихій народной жизни. Такимъ образомъ всѣ части Чешскаго народа, за исключеніемъ самой малой и испорченной, душею и тѣломъ преданной интересамъ духовенства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и своимъ, сходились въ одномъ недовольствѣ настоящимъ порядкомъ вещей и вмѣстѣ желаніемъ исправить нравы духовенства. Но и самое духовенство Чешское не все было заражено однимъ и тѣмъ же духомъ честолюбія, корыстолюбія и потворства всѣмъ страстямъ своимъ, не все дѣйствовало за одно, но распалось на двѣ части, изъ которыхъ меньшая, вышедшая изъ народа, готова была идти вмѣстѣ съ нимъ противъ другой, болѣе многочисленной, части. Тѣ же стихіи народнаго неудовольствія встрѣчались и у народовъ племени Нѣмецкаго, однако тамъ духовенство, дѣйствуя все въ виду одной общей цѣли и пользуясь раздѣленіемъ народа, господствовало надъ нимъ безпредѣльно; но по особенности Чешской жизни, въ Чешское духовенство вошли точно тѣже стихіи, которыя господствовали въ народѣ. Часть Чешскаго духовенства всегда заступалась за чистоту ученія Евангельскаго противъ суевѣрныхъ обрядовъ, выдуманныхъ, чтобы опутать неопытные умы, за народъ противъ притязаній на господство прочаго духовенства. Такимъ образомъ раздѣленіе, безсознательно существовавшее въ Чешскомъ народѣ, высказалось сознательно въ духовенствѣ. Съ той минуты, какъ лучшая часть приверженцевъ Западной Церкви признала поврежденіе въ внѣшней формѣ Церкви, необходимость исправленія дурныхъ нравовъ ея служителей, и та часть народа Чешскаго, которая имѣла въ виду отысканіе самобытной Чешской религіозной формы, сошлись въ одномъ желаніи и стремленіи и пошли однимъ и тѣмъ же путемъ, предоставивъ себѣ въ будущемъ болѣе полное удовлетвореніе. Такимъ образомъ два направленія религіозныя, вышедшія изъ различныхъ источниковъ, одно изъ кореннаго недовольства народа Католическою формою Вѣры, другое изъ чистосердечнаго желанія сохранить ее во всей чистотѣ, столкнулись, перекрестили другъ друга въ одной точкѣ, т. е., въ противодѣйствіи духовенству и недовольствѣ настоящимъ положеніемъ вещей. По видимому, борьба была слишкомъ неравна; развращенное духовенство Чешское не могло ни минуты устоять противъ дружнаго дѣйствія народа, одушевленнаго, при всемъ внутреннемъ разногласіи, однимъ желаніемъ положить конецъ безпорядкамъ, духовными причиненнымъ. Гдѣ же духовенство Чешское, какъ представитель дурной стороны Папскихъ стремленій

нашло себѣ опору? Въ Чехіи и въ Нѣмецкомъ вліяніи на Чехію. Предоставляя себѣ развить это при случаѣ ниже, здѣсь обратимъ еще вниманіе на отношеніе Королевской власти къ религіозному развитію народа, особенно на вліяніе, которое произвело на него царствованіе Карла IV-го.

Короли, которые хотѣли подавить религіозную и политическую свободу Чехіи, опирались больше всего на духовенство, какъ увидимъ въ послѣдствіи, потому что до Сигмунда исключительно, сколько мы понимаемъ Чешскую исторію, въ Чешскихъ Корояхъ не замѣтно никакого пристрастія къ абсолютизму. Напротивъ, почти всѣ Чешскіе Короли защищаютъ народъ противъ духовенства, что очень естественно, по тому что отстаивая интересы народа, они отстаиваютъ свои интересы. Таковъ споръ Премысла Оттокара I-го съ Андреемъ, Епископомъ Пражскимъ, также споръ Короля Яна съ Епископомъ Вратиславскимъ. Духовенство именно по тому не достигло здѣсь той степени могущества, какою пользовалось у Нѣмцевъ, что раздѣлилось на двѣ стороны: народную и Папскую; но, не смотря на свое раздѣленіе, духовенство Католическое только съ начала XIII стол. является какъ независимая и политическая сила. Дѣло независимости Чешскаго духовенства, начатое неудачно Св. Войтѣхомъ въ X стол., кончилось только въ началѣ XIII-го Съ того-то времени всѣ нападки и недоброжелательство народа, дѣйствовавшія прежде противъ Католической Церкви, имъ навязанной насильно, обратились теперь на духовенство, и чрезъ то выиграли въ силѣ и дѣйствіи. У насъ нѣтъ матеріаловъ подъ рукою, чтобы прослѣдить весь ходъ глухой борьбы народа съ духовенствомъ; но около половины XIV-го столѣтія эта борьба принимаетъ иной, болѣе опасный для духовенства, характеръ, по тому что и Католическая сторона увидѣла необходимость исправить дурные нравы священства и удержать его отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, т. е., иными словами, привести его въ то состояніе нищеты и скромности, въ которомъ былъ клиръ первобытной Церкви. Когда Карлъ IV-й вступилъ на престолъ, то онъ очень хорошо увидѣлъ раздѣленіе, господствовавшее въ духовенствѣ и въ народѣ Чешскомъ, но, въ слѣдствіе направленія своего воспитанія и позднѣйшихъ отношеній къ Папѣ, онъ сначала явился ревностнымъ представителемъ интересовъ Католицизма и защитникомъ Папства: всѣ его дѣйствія, безспорно свойственныя великому человѣку, имѣ-

ютъ цѣлью уничтожить въ Чехахъ всякое разнообразіе религіозныхъ мнѣній, подвести все подъ неумолимый и строгій уровень Католицизма. Сюда относятся три главныя учрежденія Карла IV-го: 1) Основаніе Пражскаго Университета; 2) Славянскаго монастыря и 3) Новаго города, изъ которыхъ каждое произвело совершенно иное вліяніе на жизнь Чеховъ, нежели какое произвести хотѣлъ Карлъ. Уже Странскій замѣтилъ, что Карлъ учредилъ Пражскій Университетъ съ тѣмъ, чтобы утвердить единство Католическаго Богослуженія въ Чехіи. Но Карлъ имѣлъ болѣе въ виду; онъ хотѣлъ измѣнить и религіозное и умственное развитіе Чеховъ: первое уничтожить совершенно, давъ, вмѣсто живаго постепеннаго развитія, мертвую массу, безобразную форму, до которой дошло тогда Богословіе; вмѣсто народнаго, хотя образовавшагося подъ сильнымъ Нѣмецкимъ вліяніемъ, умственнаго развитія, ввести однѣ схоластическія формы; однимъ словомъ, Карлъ IV-й, учреждая Университетъ, призналъ превосходство Нѣмцевъ, поставилъ ихъ учителями Чеховъ и вообще имѣлъ въ виду ввести въ Чехію и Нѣмецкій образъ мыслей и Нѣмецкое развитіе; но Чешскій народъ былъ уже достаточно образованъ изъ самороднаго источника, чтобы *не желать видѣть глазами Нѣмцевъ и мыслить ихъ умомъ*. Не только Нѣмцамъ не удалось первенствовать въ Университетѣ Пражскомъ, но скоро Чехи, выдвинутые внезапнымъ приливомъ потребности образованія, внесли свой народный элементъ и смѣло вступили въ борьбу съ Нѣмцами, имѣвшую для этихъ послѣднихъ непріятный исходъ. Карлъ IV-й учредилъ Университетъ еще съ тою цѣлью, чтобы онъ былъ разсадникомъ людей, которыми предназначено было потомъ утверждать вездѣ Католицизмъ дѣломъ и словомъ, мѣстомъ приготовленія учителей, которые имѣли сильное вліяніе на направленіе образованія молодыхъ. Какъ горько обманулся въ этомъ Карлъ! Стихія народной жизни такъ была еще сильна и живуча у Чеховъ, что не только не могла быть подавлена лекціями Нѣмецкихъ профессоровъ, но и сама проникла въ Университетъ и нашла себя достойныхъ представителей и защитниковъ. Великою заслугою Пражскаго Университета въ жизни Чешскаго народа, безъ сомнѣнія, можно назвать то, что онъ никогда не былъ чуждъ вопросовъ, которые занимали самый народъ, а напротивъ былъ полнымъ представителемъ умственнаго движенія его. Съ самаго начала въ него вошло то же самое раздѣленіе, которое су-

ществовало въ народѣ, и первый періодъ религіознаго Чешскаго движенія совершился въ стѣнахъ Пражскаго Университета. Такимъ образомъ то самое учрежденіе, которое Карлъ задумалъ съ тѣмъ, чтобы обезличить Чешскій народъ, послужило къ тому, чтобы проявить всю силу народной Чешской жизни. Если Карлъ IV-й хотѣлъ дать Чехамъ вообще образованіе цѣною ихъ народности и самобытности, то онъ же хотѣлъ съ помощью языка Славянскаго, столь любимаго Чехами, перелить въ нихъ свои Католическія убѣжденія и безусловную покорность Папѣ, столь несовмѣстную съ свободнымъ и мыслящимъ характеромъ; человѣкъ, воодушевленный благородною гордостью, требуетъ разумныхъ доказательствъ. Какую цѣль имѣлъ Карлъ IV-й при построеніи Славянскаго монастыря въ Прагѣ, видѣли выше: онъ хотѣлъ приманкою Славянскаго Богослуженія привязать Чеховъ къ Католицизму, особенно сельское народонаселеніе въ отдаленныхъ мѣстахъ Чехіи и Моравіи, гдѣ сохранились еще, какъ пишетъ Карлъ, «multi infideles et schismatici»: тамъ-то Карлъ думалъ основать Славянскіе монастыри и мало по малу на языкѣ, понятномъ народу, вкоренить въ немъ ученіе Католической Вѣры. Недовѣрчивость Папы разрушила всѣ предположенія Карла: ему позволено было основать одинъ монастырь, и онъ основалъ его въ Прагѣ, какъ въ средѣ народнаго движенія. Карлъ полагалъ, и съ совершенною справедливостью, что изъ Праги исподоволь Католицизмъ долженъ проникать въ народъ, и что по этому Славянскій монастырь необходимо долженъ быть устроенъ въ Прагѣ. Пельцель предполагаетъ, что учрежденіе Славянскаго монастыря имѣло сильное вліяніе на послѣдовавшее религіозное броженіе въ томъ отношеніи, что возбудило въ Чехахъ желаніе имѣть понятное имъ Богослуженіе во всей Чехіи, но трудно полагать, чтобы Славянскій монастырь могъ имѣть могущественное вліяніе на народъ въ такое короткое время, какое прошло до вспышки религіознаго волненія отъ учрежденія этого монастыря. Но нѣтъ сомнѣнія, что Университетъ и Славянскій монастырь имѣли сильное вліяніе на окатоличеніе жителей Праги. При построеніи Новаго Пражскаго Города Карлъ и не воображалъ, что въ немъ-то вспыхнетъ движеніе противу-Католическое: жители Стараго Города давно уже были совершенно преданы Католической Церкви, и если малая часть ихъ отражала въ себѣ недовольство, воспитанное въ массахъ еще проповѣдниками Восточной Церкви, то она была без-

сильна до такой степени, что борьба была невозможна. Карлъ IV-й, построивъ Новый Городъ и призвавъ въ него жителей изъ другихъ городовъ всего Чешскаго края, внесъ тѣмъ самимъ Чешское противу-Католическое начало, которое не могло оставаться долго спокойнымъ, но скоро пришло въ столкновеніе съ Католическимъ сильно вкоренившимся въ жителяхъ Стараго Города; это столкновеніе послужило знакомъ къ возстанію всей Чехіи. Такимъ образомъ Карлъ IV-й, вовсе не желая того, содѣйствовалъ въ высшей степени народному религіозному движенію; но онъ же и много повредилъ ему тѣми мѣрами, которыми старался утвердить народъ въ ученіи Католическомъ, чѣмъ еще глубже сдѣлалъ пропасть, отдѣлившую Чеховъ-Католиковъ отъ Чеховъ, сохранившихъ воспоминаніе о народной религіозной формѣ; онъ внесъ раздоры въ свой народъ и, конечно, безъ винѣ своей, посѣялъ сѣмена многихъ послѣдующихъ смутъ. Карлъ умножилъ число Чеховъ вполнѣ Католиковъ и чрезъ то силъ народнаго движенія противуставилъ упорную, отрицательную силу Католичества, которая постоянно вела борьбу съ народнымъ движеніемъ, выдержала двухсотлѣтній напоръ массы народа и, наконецъ, восторжествовала 8-го ноября, 1620 года, на развалинахъ славы и могущества своего народа. Католичество, какъ историческая сила, имѣетъ въ себѣ нѣчто ужасное, поразительное: холодное, неумолимое, оно не оставляетъ въ сердцѣ тѣхъ, которыми овладѣло, ни какого мѣста святому чувству любви къ своему народу, къ своему отечеству, заставляетъ ихъ служить орудіемъ интересовъ, вовсе имъ чуждыхъ. Такъ Славаты, Коловраты, Мартиницы, Лобковицы и другіе были слѣпыми орудіями притязаній Фердинанда II-го и содѣйствовали гибели своего отечества и своей собственной.— Впрочемъ, и дурная сторона жизни лицъ духовныхъ очень не нравилась Карлу, который, по благородству своей души, понималъ Католицизмъ въ идеальной его чистотѣ; потому Карлъ старался положить предѣлы любостяжательности, честолюбію и испорченности нравовъ духовенства. Въ 1358 г. жители города Хеба принесли Карлу жалобу на то, что духовенство покупаетъ очень много земель въ ихъ округѣ и, не платя за нихъ, сообразно съ своими привиллегіями, ни какихъ повинностей, взваливаетъ платежъ ихъ на горожанъ и тѣмъ разоряетъ ихъ. Карлъ не только запретилъ духовенству покупать новыя земли въ Хебскомъ округѣ, но и многія изъ вновь купленныхъ

приказалъ уступить мірянамъ за свою цѣну. Глубоко оскорбляла Карла страшная безнравственность духовенства: замѣчательны въ этомъ отношеніи его дѣйствія въ Германіи, гдѣ, въ 1359, на съѣздѣ въ Майнцѣ, Князья Нѣмецкіе отказались заплатить Папѣ десятину отъ всѣхъ духовныхъ имѣній. Когда посолъ Папы, Филиппъ Кабассола, Епископъ Кавильонскій, обратился къ Императору и просилъ его исполнить желаніе Папы (Иннокентія VI), то Карлъ съ негодованіемъ сказалъ: «Почему Папа, требуя такаго количества денегъ отъ духовенства, не подумаетъ о томъ, чтобы его исправить? Вы видите, какую жизнь ведутъ духовные; намъ извѣстно ихъ честолюбіе, надменность, пьянство, развратъ.» Въ мартѣ 1359 г. Карлъ отправилъ окружное письмо ко всѣхъ духовнымъ князьямъ Нѣмецкимъ, наказывая имъ строжайше, чтобы они занялись исправленіемъ подвѣдомственнаго духовенства, угрожая въ противномъ случаѣ позволить свѣтскимъ Князямъ удержать доходы духовенства до его исправленія. Конечно Карлъ, заботясь такъ ревностно объ исправленіи нравовъ Нѣмецкаго духовенства, не пренебрегъ тою же обязанностью у себя дома; но касательно средствъ и мѣръ для обузданія духовенства Чешскаго, намъ рѣшительно ничего не извѣстно, за исключеніемъ стараній Архіепископа Арношта. Карлъ полагалъ, что причиною постояннаго недоброжелательства Чешскаго народа къ духовенству было именно распутство послѣдняго, и что истребивъ этотъ поводъ жалобы, легко будетъ удержать народъ въ повиновеніи его духовныхъ властей. Но уже въ октябрѣ 1359 г. Карлъ снова возстановилъ всѣ церковныя отношенія въ томъ видѣ, какъ были прежде, и строжайше запретилъ свѣтскимъ лицамъ отбирать у духовныхъ лицъ имущество подъ предлогомъ ихъ безнравственности. Нельзя думать, чтобы, по тѣсной связи, существовавшей тогда между Германіею и Чехіею, эта воспретительная мѣра Карла не произвела сильнаго впечатлѣнія на духовенство, убѣдивъ его въ безнаказанности: зло увеличилось до крайности и не могло не вызвать противодѣйствія, которое дѣйствительно и обнаружилось изъ части духовенства, чуждаго пороковъ и неимовѣрныхъ притязаній большинства своихъ братій.

Прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію мнѣній и дѣйствій представителей оппозиціи, возникшей изъ лучшей части духовенства противъ дурныхъ стремленій, обнаружившихся въ большей его части, не можемъ не остановиться на мнѣніи Г. Па-

лацкаго, высказанномъ въ третьемъ томѣ его Исторіи Чешкой. Онъ говоритъ, что мнѣніе о томъ, что религіозное воззрѣніе Восточной Церкви вовсе не жило въ народѣ, какъ (замѣчаетъ онъ) утверждаютъ безъ основанія писатели позднѣйшіе, не основывается ни на чемъ, и что онъ при всемъ своемъ стараніи не могъ ничего открыть въ пользу его. Удивляемся, какъ у историка, столь дѣльнаго и основательнаго, какъ Г. Палацкій, могло вырваться такое произвольное и неосновательное мнѣніе. Что было бы положительнаго въ исторіи, если бы нѣсколько, слегка брошенныхъ, словъ, выражающихъ мягкое мнѣніе историка, служили достаточнымъ отвѣтомъ на великій историческій вопросъ? Что касается до Сазавскаго монастыря, то Г. Палацкій въ примѣчаніи (181) проситъ не забывать, что этотъ монастырь былъ не болѣе, какъ и монастырь Глаголицкій Карла IV-го, что монахи Сазавскаго монастыря всегда признавали Римскаго Папу, и, наконецъ что Чешско-Славянскій Игуменъ этого монастыря, Прокопъ, былъ причтенъ къ лику Святыхъ Папою Иннокентіемъ III (1204 г.). На это можно возразить: 1) Сазавскій монастырь возникъ самъ собою, сообразно съ потребностью Чешскаго народа, возникъ, какъ возникла большая часть монастырей нашихъ, и даже безъ позволенія Папы. 2) Если бы Сазавскій монастырь былъ только представителемъ Богослуженія на Славянскомъ языкѣ, то по чему бы монаховъ его изгоняли дважды, при Спитигнѣвѣ II и при Бретиславѣ II? 3) Сазавскихъ монаховъ именно упрекали въ ереси и уклоненіи отъ обрядовъ господствующей Церкви. 4) Что касается до причисленія къ лику Святыхъ Прокопія, Игумена Сазавскаго, то не забудемъ, что Папство относило къ числу Святыхъ людей, не изслѣдовавъ хорошенько обстоятельствъ ихъ жизни и дѣятельности.

Обращаемся къ представителямъ духовнаго противодѣйствія (оппозиціи) изъ Чеховъ.

Не нужно имѣть много смѣтливости и прозорливости, чтобы предузнать близкое паденіе той власти, внѣшней или внутренней, которая раздѣлится на двѣ стороны, имѣющія равное право на повиновеніе народа, и по тому ссылающіяся на его рѣшеніе. Какъ бы ни была глубоко въ корнѣ своемъ испорчена власть, но она долго можетъ сохранить свое вліяніе на народъ, который не прежде выходитъ изъ себя, какъ когда переполнится мѣра его страданій, доколѣ она дѣйствуетъ твердо и рѣшительно, послѣдовательно развиваетъ

свои начала и не представляетъ открытой стороны къ нападенію. Но если однажды вкрадется раздоръ въ представителей власти, то та власть на краю гибели: каждая изъ спорющихъ сторонъ старается опереться на народъ, ищетъ его сочувствій и, однажды пріобрѣтши ихъ, не щадитъ ихъ; каждая изъ враждебныхъ сторонъ, ища опоры въ народѣ, сама пробуждаетъ въ немъ сознаніе его могущества, сама заставляетъ его вспомнить о важности его дѣйствій и сужденій; однимъ словомъ, ставитъ его судьею себѣ и своему противнику. Этого мало: если представители какой власти разсорятся между собою, то они, не жалѣя другъ друга, и имѣя въ виду повредить каждый своему противнику, открываютъ общія плутни, сообщаютъ во всеуслышаніе злоупотребленія, которыми они умѣли пользоваться; однимъ словомъ, разоблачаютъ безсовѣстно все свое внутреннее развращеніе. Споръ духовенства свѣтскаго и нищенствующихъ монаховъ въ Чехіи сообщилъ народу свѣтлое понятіе о испорченности тѣхъ и другихъ. Какое понятіе могъ имѣть Чешскій народъ, достигшій высокой степени нравственнаго развитія о духовенствѣ, когда нищенствующіе монахи въ церквахъ обращались къ священникамъ съ такими апострофами: «Vos estis excommunicati, adulteri, lusores, ebriosi, dolosi, omnibus criminibus irretiti;» Вы прокляты, прелюбодѣи, игроки, пьяницы, обманщики, всѣмъ преступленіямъ причастны. Духовенство, съ своей стороны, всенародно отлучало отъ Церкви монаховъ. Тѣ же сцены повторялись и въ иныхъ странахъ Западной Европы; но тамъ они не имѣли такого нравственнаго вліянія на народъ, какъ въ Чехіи, по тому что тамъ народъ представлялъ массу людей, погрязшихъ въ крайнее суевѣріе, тогда какъ здѣсь онъ уже пришелъ въ духовную зрѣлость, испытывалъ своимъ умомъ и видѣлъ своими глазами, а не глазами духовенства. Потому нѣтъ сомнѣнія, что безразсудный споръ духовенства и нищенствующихъ монаховъ способствовалъ не мало къ уничтоженію въ народѣ и послѣдней искры уваженія, затаившейся въ немъ случайно, къ тѣмъ и другимъ, и познакомилъ его еще лучше съ глубокимъ нравственнымъ упадкомъ обоихъ. Нищенствующіе монахи проникли въ Чехію скоро послѣ своего происхожденія Духовенство постоянно отличалось нерадивымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, и по тому нищенствующіе монахи успѣли присвоить себѣ значительную часть ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правъ духовенства: съ этого-то времени за-

вязался жаркій споръ духовенства съ нищенствующими монахами, споръ, совершенно ослабившій нравственный авторитетъ обѣихъ сторонъ. Послѣдній Пражскій Епископъ, Іоаннъ изъ Дражицъ, имѣлъ частые ссоры съ Миноритами г. Литомѣрицъ, обвинялъ ихъ въ корыстолюбіи и неповиновеніи, и нѣсколько разъ отлучалъ отъ Церкви. Миноритъ г. Жатца предали погребенію церковному одного вельможу (1313 года), на котораго Епископъ Пражскій наложилъ церковное проклятіе за вредъ, нанесенный церковному имѣнію; по тому Миноритъ Жатца были отлучены отъ Церкви, доколѣ не принесутъ покаянія. Но они на это отвѣчали тѣмъ, что самаго Епископа обвинили въ ереси, именно, въ учрежденіи нѣкоторыхъ монастырей для, такъ называемыхъ, Магдалинитянокъ, которыя никогда не были дозволены Папою. Кромѣ того, Іоаннъ изъ Дражицъ встрѣтилъ враговъ и въ самомъ духовенствѣ. Литомѣрицкій Пробстъ, Генрихъ Шенбургъ, въ 1318 году принесъ на него жалобу въ Авиньонъ столь сильную, что Іоаннъ долженъ былъ самъ отправиться къ Папѣ, чтобы оправдаться, въ чемъ и успѣлъ, но не прежде, какъ въ 1329 г. Обвинительными статьями противъ него были: неповиновеніе Папскому Престолу, потворство ереси и Симонія. Скоро послѣ возвращенія его въ 1334 году въ Прагѣ и другихъ городахъ Чехіи дошло до рукопашной схватки между нищенствующими монахами и духовенствомъ, о которой мы выше сообщили разсказъ очевидца.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ враговъ нищенствующихъ монаховъ является *Конрадъ Вальдгаузеръ*. Онъ писалъ самъ о себѣ: «Ego Conradus in Waldhausen professus ordinis St. Augustini canonicorum regularium.» Матѳей изъ Янова называетъ его «Conradus Wolthausar;» на современной рукописи Чешскаго Музея читаемъ: «Postilla edita per D. Chunradum de Walthusa, plebanum in ecclesia b. Virg. in laeta Curia in civitate Pragènsi.» Имя: *«изъ Штѣкна»* (Конрадомъ изъ Штѣкна называли было нашего Конрада Вальдгаузера) принадлежало совершенно другому лицу, брату Цистерскаго ордена, М. Яну изъ Штѣкна, о которомъ упоминается подъ 1373-мъ и 1405 годами. Объ этомъ, истинно миѳическомъ, лицѣ знаемъ мало достовѣрнаго: Бальбинъ, такой знатокъ Чешской исторіи, пишетъ (p. 406): «Ego certi nihil de Conrado adferre possum.» Палацкій («Geschichte von Böhmen,» III B. I-te Abtheilung, S. 160—165) сообщаетъ намъ нѣсколько новыхъ и любопытныхъ подробностей объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ; отъ него узнаемъ, что Кон-

радъ Вальдгаузеръ былъ родомъ Австріецъ; Бальбинъ же думаетъ, что Конрадъ столько же Австріецъ по происхожденію, сколько извѣстный Матѳей изъ Янова Парижанинъ, и что первый получилъ названіе Австрійца отъ долгаго пребыванія въ Вѣнѣ, подобно какъ Матѳей отъ долгаго пребыванія въ Парижскомъ Университетѣ. Конрадъ Вальдгаузеръ былъ приглашенъ въ Чехію Розенбергами (около 1360) и сдѣлался проповѣдникомъ въ церквѣ Св. Галла. Проповѣдь его производила сильное дѣйствіе на народъ, который толпами стекался слушать его; онъ строго осуждалъ гордость, корыстолюбіе и роскошь Пражанъ: «Quasi in omnibus sermonibus argui superbiam Pragensium, avaritiam et luxuriam,» говоритъ Конрадъ Вальдгаузеръ самъ въ своей, еще не напечатанной, апологіи, изъ которой, какъ и изъ иныхъ современныхъ рукописей, Палацкій почерпнулъ извѣстія о дѣятельности его. Краснорѣчіе его было сильное, энергическое, но грубое, необработанное и не щадившее ничего и никого. Самъ Конрадъ удивлялся стеченію народа на свои проповѣди и говорилъ: «Отъ чего этотъ народъ показываетъ мнѣ «столько любви и привязанности, между тѣмъ какъ я не пере«стаю его бранить? Нищенствующіе монахи дѣлаютъ въ своихъ «проповѣдяхъ противное; они льстятъ народу, и что же? — Ихъ «церкви пусты.» Ѣдкое краснорѣчіе Конрада производило, сказываютъ, удивительныя дѣйствія: Пражскія женщины отказывались отъ роскошныхъ уборовъ и одѣвались въ простыя платья, ростовщики переставали брать лихву, люди распутные дѣлались образцами нравственности и проч. Необыкновенный успѣхъ проповѣдей Конрада возбудилъ противъ него зависть и ненависть духовенства, которыя еще увеличились, когда съ декабря 1363 года Конрадъ началъ проповѣдывать противъ нищенствующихъ монаховъ и симоніи духовенства. Когда въ началѣ 1364 года Генералъ Доминиканскаго ордена прибылъ въ Прагу въ качествѣ Папскаго Легата, Доминиканцы обвинили передъ нимъ Конрада въ двухъ еретическихъ мнѣніяхъ; не смотря на представленное Конрадомъ письменное возраженіе на всѣ эти обвиненія, Арношть заблагоразсудилъ назначить день и часъ, когда всѣ недовольные имѣли право принести жалобы на Конрада: они не явились, и Конрадъ былъ вполнѣ оправданъ. Это событіе еще усилило ревность Конрада къ исправленію нравовъ; въ маѣ 1364 года, во время пребыванія въ Прагѣ Герцога Рудольфа Австрійскаго, хо-

тѣлъ онъ свою борьбу съ нищенствующими монахами сдѣлать предметомъ проповѣди, но, наконецъ, послушался убѣжденій своихъ старшихъ и не произносилъ проповѣди, для того, чтобы народъ, и безъ того ненавидѣвшій монаховъ, не раздражить противъ нихъ еще болѣе: «Ipsi statim procuraverunt, quod fui patenti prece rogatus, ut talia obmitterem ista vice, timentes a populo amplius odiri, a quo, sua exigente hujusmodi meae indebitae vexationis culpa, diliguntur sicut lupi.» Рудольфъ Австрійскій старался убѣдить Конрада лестными предложеніями возвратиться въ Австрію, но тотъ объявилъ, что благодарность къ Карлу IV-му побуждаетъ его остаться въ Чехахъ. Скоро послѣ нищенствующіе монахи возобновили свои нападенія на Конрада: Доминиканцы выступили противъ него съ 18 ю, а Августины съ 6 ю предложеніями; послѣдніе упрекали его именно въ отступничествѣ противъ нихъ. Онъ написалъ подробную апологію, грубый тонъ которой даетъ понятіе и о прочихъ его сочиненіяхъ. Монахи теперешніе, говоритъ онъ между прочимъ, столько же не похожи на своихъ предшественниковъ, что святые учредители ихъ орденовъ, явившись среди своихъ послѣдователей, не только не были бы узнаны, но и побиты каменьями. Впрочемъ, весь споръ, который коснулся даже сосѣднихъ странъ, имѣлъ предметомъ только второстепенной важности вопросы церковнаго благочинія. Послѣдніе годы своей жизни до 8 дек., 1369 г., Конрадъ былъ проповѣдникомъ въ извѣстной уже намъ Тынской церкви, что достаточно указываетъ на особенное уваженіе, которое Императоръ Карлъ IV-й питалъ къ нему. Бальбинъ старается (p. 406 sqq.) всѣми силами очистить Конрада отъ подозрѣнія въ заблужденіяхъ и дѣйствіяхъ, противныхъ Католической Церкви, и по тому извиняетъ излишнюю рѣзкость выраженій его обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находился: «Probabile tamen est nimio dicendi ardore abreptum hominem dixisse, quae prudentibus non placerent, idque eo proclivius fuit, quod eo tempore (ut pridem dixi) Clerum inter saecularem ac Religiosos Mendicantes acerrimae contentiones, quae in caedes saepe desierant, vigebant.» Изъ сочиненій Конрада Бальбину случилось видѣть одну его проповѣдь въ старой рукописи Трѣбонскаго монастыря, подъ заглавіемъ: «Postilla Conradini de Austria, Concionatoris in laeta Curia seu in Tein Pragae, fuit hic vir illuminatissimus.» Кромѣ того, Бальбинъ говоритъ еще, что видѣлъ въ библіотекѣ Крум-

ловской огромный томъ рукописный, заключавшій въ себѣ одно сочиненіе Конрада подъ заглавіемъ «Accusationes mendicantium,» писанное въ 1364 году, и содержащее въ себѣ обвиненія нищенствующихъ монаховъ, ихъ возраженія и отвѣты на нихъ; но, замѣчаетъ онъ: «non licuit per tempus tam grande volumen evolvere,» нѣкогда было мнѣ просмотрѣть такой огромной томъ. Что, сверхъ выше изчисленныхъ сочиненій, есть и другія, принадлежащія Конраду, это доказываютъ слѣдующія слова Бальбина: «Sunt tamen, qui ejus quaedam opera legerunt putantque nimium licenciter de sacris personis loqui, atque etiam in Episcopos et Clerum acerbas invectivas componere, sed»—(замѣчаетъ простодушно Бальбинъ) «fortasse ab haereticis, qui post Conradum exstiterunt, opera ejus depravata sunt.» Бенешъ изъ Вейтмиля, извѣстный Чешскій лѣтописецъ, былъ современникомъ Конрада, котораго онъ зналъ въ лицо и о которомъ онъ выражается весьма уважительно. Разсматривая дѣятельность, и политическую и религіозную, Конрада, по крайней мѣрѣ сообразно съ нашими источниками, не можемъ не удивиться преувеличенію, съ которымъ смотрѣли на него нѣкоторые позднѣйшіе писатели: Коменскій называетъ его сотрудникомъ Милича и раздавателемъ народу таинства Св. Причастія подъ обоими; Странскій также говоритъ, что Конрадъ пріобщалъ народъ подъ обоими; но свободнѣе всѣхъ поступилъ Шрёкъ, который приписываетъ ему самыя странныя и уродливыя мнѣнія, особенно о монашествѣ. Въ другомъ мѣстѣ (T. XXXIII, S. 330) Конрадъ является у Шрёка защитникомъ Причащенія подъ обоими.... На какомъ основаніи опираются эти очень важныя (если бы они были справедливы) извѣстія, не знаемъ; замѣтимъ только, что мы имѣли подъ руками всѣ источники, на кои ссылается Шрёкъ, и нигдѣ не нашли ничего подобнаго. Выводя заключительное и рѣшительное мнѣніе о Конрадѣ Вальдгаузерѣ, опять таки оговариваемся, что наше сужденіе объ немъ будетъ основываться на выше приведенныхъ данныхъ, и можетъ легко измѣниться, когда мы будемъ имѣть случай читать «Accusationes Mendicantium,» безъ котораго невозможно составить себѣ ничего цѣльнаго о характерѣ Конрада. Его совершенно несправедливо отнесли къ числу дѣятелей великаго Чешскаго религіознаго движенія; это былъ человѣкъ строгой, даже суровой, нравственности, который оскорблялся развратомъ ему современнаго общества; съ ревностью началъ онъ исправлять его въ сво-

ихъ проповѣдяхъ. Сюда присоединился еще долговременный и ожесточенный споръ съ монахами, противъ которыхъ Конрадъ выступилъ защитникомъ правъ духовенства, но въ послѣдствіи онъ не щадилъ и своихъ собратій. Эта была благородная, рьяная личность, которая преслѣдовала пороки, подъ какою бы формою они ни скрывались, въ какихъ бы людяхъ ни находились; но уже это направленіе совершенно общее, представители котораго находятся во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, мало имѣетъ общаго съ ходомъ религіознаго движенія Чешскаго народа, и по тому носитъ на себѣ глубокій отпечатокъ его характера. Такіе люди, какъ Конрадъ, многочисленны. И дѣйствительно, что можетъ быть легче, какъ не нападать въ общихъ нападеніяхъ на всѣхъ и всякаго? Иное дѣло лице, созданное народомъ, имъ воспитанное, олицетворившее его новыя потребности; но таковъ не былъ Конрадъ. Есть люди холодные, нечувствительные, которые возстаютъ противъ пороковъ, не любя добродѣтели, которые остаются чужды народу среди него. Вѣдь и Капистранъ былъ исправителемъ нравовъ? Конрадъ смотрѣлъ на развратъ современный съ общей точки зрѣнія, а не съ народной, Чешской, и по тому онъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть названъ предшественникомъ Гуса, т. е., какъ мы понимаемъ значеніе слова предшественникъ, человѣкомъ, предугадавшимъ дѣятельность Гуса, высказавшимъ часть того, что этотъ послѣдній представилъ вполнѣ. Далеко нѣтъ! Такихъ людей, какъ Конрадъ, если и менѣе даровитыхъ, то не менѣе дѣятельныхъ бичей пороковъ въ ихъ общемъ видѣ, каждая страна Европы много производила въ то время. Конрадъ былъ представителемъ борьбы духовенства противъ монаховъ, и, какъ таковый, много содѣйствовалъ къ униженію тѣхъ и другихъ; но та же самая борьба повторилась и въ Парижѣ, и въ Англіи, и даже въ Германіи, и, однако, нигдѣ она не произвела ничего подобнаго величественному движенію религіозному, котораго главнымъ представителемъ является Гусъ.

Несравненно важнѣе дѣятельность *Милича*, имѣвшаго сильное вліяніе на народъ. Обстоятельства его жизни извѣстны гораздо болѣе, нежели жизнь Конрада Вальдгаузера; впрочемъ, многое доселѣ нерѣшено утвердительно. Нѣкоторые называли его долго Іоанномъ Миличемъ, но Палацкій доказалъ, что имя *Миличь* есть имя собственное, имя лица, а не фамильное прозвище. Миличь былъ родомъ изъ Кромѣржицъ (города въ Моравіи). Велесла-

винъ, Чешскій историкъ XVI-го стол., производитъ Милича отъ извѣстнаго дворянскаго рода пановъ изъ Миличина или Талемберга; но Бальбинъ (p. 407) говоритъ, что это неправда, и что Миличъ былъ бѣдный Моравецъ. Послѣднее обстоятельство по крайней мѣрѣ совершенно несправедливо; Миличъ имѣлъ достаточное состояніе, будучи владѣльцемъ помѣстья Тмань; потомъ сдѣлался онъ членомъ Пражскаго Капитула, въ продолженіи многихъ лѣтъ служилъ при дворѣ Императора Карла IV-го, и еще въ 1360—62 годахъ, въ качествѣ Подканцлера, сопровождалъ его въ путешествіи по Германіи. Осенью 1363 г. объявилъ онъ вдругъ свое рѣшеніе отказаться отъ всѣхъ почестей, должностей и бенефицій, чтобы въ совершенной нищетѣ служить Христу и Его Евангелію. Весьма неохотно терялъ Архіепископъ Арношть столь набожнаго и ученаго человѣка изъ своего Капитула: «Что могло быть для васъ лучше, какъ вашему бѣдному пастырю помогать въ управленіи стадомъ?» представлялъ онъ ему. Впрочемъ, ничто не могло удержать пылкаго и воодушевленнаго Милича; онъ отправился внутрь Чехіи, въ *Бискуповъ Тынецъ*, чтобы тамъ, въ качествѣ Капеллана или помощника тамошняго Священника, испытать свои силы въ проповѣдываніи Слова Божія, а также и въ спасеніи души. По прошествіи полугода воротился онъ назадъ въ Прагу и началъ, сперва у Св. Николая на Малой Пражской Сторонѣ, потомъ у Св. Эгидія въ Старомъ Городѣ. Не смотря на одинаковость цѣли и образа мыслей, изложеніе новаго проповѣдника существенно отличалось отъ изложенія Конрада Вальдгаузера. Какъ проповѣди Конрада были особенно полезны Нѣмецкимъ жителямъ Праги, такъ Миличъ обратился къ собственно Чешскимъ; краснорѣчіе Конрада состояло преимущественно въ ясномъ, обдуманномъ и грубо естественномъ возраженіи; Миличъ же производилъ особенное впечатлѣніе на своихъ слушателей игрою воображенія, духомъ таинственнымъ и многими образами, заимствованными изъ Апокалипсиса. Сначала имѣлъ онъ мало слушателей, да и тѣ позволили себѣ осмѣивать его странный выговоръ, «propter incongruentiam vulgaris sermonis,» говоритъ біографъ; кажется, это должно разумѣть о Моравскомъ выговорѣ, который Миличъ удержалъ въ своихъ проповѣдяхъ; но мало по малу число слушателей Милича умножалось и сдѣлалось, наконецъ, столь значительнымъ, что онъ, уступая желаніямъ и просьбамъ, долженъ былъ проповѣдывать въ одинъ день въ трехъ различныхъ мѣ-

стахъ, а раза въ продолженіи одного дня даже въ *пяти*. Какъ съ одной стороны народъ увлекался его пламенною и восторженною рѣчью, такъ съ другой стороны ученые удивлялись необыкновенной изобрѣтательности, живости и силѣ его духа. Даже ученѣйшій Чехъ того времени, Пражскій Схоластикъ, Войтѣхъ Ранконисъ изъ Еричино, въ 1355 году бывшій Ректоромъ Университета Пражскаго, воскликнулъ, какъ сказываютъ, однажды въ удивленіи: «Omne, quidquid ego pro sermone faciendo viris Literatis et illuminatis vix in uno mense comprehendere possum, Milicius vero tantum una hora suo studio comprehendit.» Отъ частаго и внимательнаго чтенія Св. Писанія, особенно Пророковъ и Апокалипсиса, духъ Милича принялъ направленіе сверхъестественное и чудесное. Ведя постоянную, ежедневную борьбу съ развращенностью нравовъ всѣхъ сословій своего времени, онъ нечаянно пришелъ къ мысли, которую почелъ важнымъ и страшнымъ открытіемъ; съ большею начитанностью и особеннымъ остроуміемъ составленное соображеніе и объясненіе содержащихся въ Библіи указаній на время пришествія Антихриста въ послѣднія времена міра, именно, мѣсто въ Евангеліи отъ Матѳея XXIV, 15: «Егда убо узрите мерзость запустѣнія, реченную Даніиломъ Пророкомъ, стоящу на мѣстѣ святѣ: иже чтетъ, да разумѣетъ!» сравнительно со славами Даніила: «Отъ времене же премѣненія жертвы всегдашнія, и дастся мерзость запустѣнія,» и пр. Миличь написалъ объ этомъ особенное отдѣльное сочиненіе «Libellus de Antichristo,» которое начинается слѣдующими словами: «In Christi nomine, qui est testis fidelis, amen. Qui audit, etiam dicat amen! et non exhorreat hoc audiens.» etc. Матѳей изъ Янова внесъ это разсужденіе въ свое большое сочиненіе: «De regulis veteris et novi Testamenti,» и именно, lib. III, tract. V., distinct. XI, гдѣ оно подраздѣлено на IV главы. Кромѣ того, Миличь не замедлилъ свое открытіе сообщить съ каѳедры въ сильныхъ выраженіяхъ. Тогда не было состоянія, не было возраста, въ которомъ онъ не умѣлъ бы найти слѣдовъ Антихриста. Все, что въ жизни человѣческой не согласуется съ чистою Христіанскою любовію, вѣрою и надеждою, все то казалось ему частью Антихриста. Особенно духовное сословіе, отъ Архіепископа до нищенствующихъ монаховъ, предлагало ему богатый матеріалъ для его строгихъ нравоисправительныхъ проповѣдей; впрочемъ, и свѣтскіе владыки и князья не избѣгли, наравнѣ съ простолюдиномъ, немилосердаго

осужденія. Когда Миличу разъ вздумалось среди великаго собранія сказать Императору Карлу IV въ лице, что онъ-то и есть великій Антихристъ, то Архіепископъ Очко изъ Влашима заставилъ его искупить такую дерзость долговременнымъ заключеніемъ въ темницѣ «Articuli XII contra Milicium praesentati in curia Romana. Primo, quod ipse tenuit et affirmavit, quod in anno domini 1366 Antichristus fuisset natus; et quia eandem opinionem dimittere noluit, fuit per D. Johannem Archiep. Prag. incarceratus.» Это яснѣе опредѣлено у Матѳея изъ Янова: «Indutus zelo quasi thoraci Imperatorem praedictum agressus digito indicavit, et dixit sibi cum omnibus, quod ille sit magnus Antichristus; propter quod carceres et vincula diutine est perpessus.» Впрочемъ, Императоръ, который всегда любилъ и уважалъ Милича, и послѣ этого случая не лишилъ его своего благоволенія: когда Миличь, тѣснимый Пражскими богословами за свое вѣроученіе, подалъ апелляцію Папѣ Урбану V, и для того, въ генварѣ 1367 года, лично отправился въ Римъ, то Карлъ IV снабдилъ его наилучшими рекомендательными письмами. Миличь, ждавъ тщетно долгое время прибытія въ Римъ Папы Урбана V, котораго туда ожидали, рѣшился, наконецъ, отправиться въ Авиньонъ на встрѣчу Папѣ, но и того прежде жителей Рима познакомить съ своимъ великимъ открытіемъ. Онъ велѣлъ прибить къ вратамъ церкви Св. Петра объявленіе о томъ, что онъ хочетъ, во всенародной проповѣди, возвѣстить всѣмъ о пришествіи, уже совершившемся, Антихриста на землю и соединить это съ приличными увѣщаніями. Вотъ какъ самъ Миличь описываетъ это событіе: «Quum jam desperassem de adventu Domini Nostri Papae, tunc praeparavi mi, iter volens accipere versus Avinionem; et interim irruit in me spiritus, ita ut me continere non possem, dicens mihi in corde: vade, intima publice per cartam, quam affiges ostiis ecclesiae S. Petri, sicut solitus fuisti intimare in Praga, quando eras praedicaturus, quod velis praedicare, *quod Antichristus venit*; et exhortaberis clerum et populum, ut orent pro domino nostro papa et pro domino nostro imperatore, ut ita ordinent ecclesiam sanctam in spiritualibus et temporalibus, ut securi fideles deserviant creatori, et dabis in scriptis Sermonem illum; ne mutentur verba tua, et ut materia divulgetur, ut mali in timorem mittantur et boni ferventius deo famulentur; secreta hujus rei domino summo pontifici reservabis.» Отсюда ясно, что Миличь не является проповѣдникомъ положительныхъ, однажды принятыхъ

мнѣній, но что онъ болѣе мечтатель, созидающій самъ себѣ несуществующіе образы и съ ними сражающійся. Онъ не только не носитъ въ себѣ никакаго враждебнаго чувства къ Папѣ, но даже ему намѣренъ сообщить то, что ему свыше открыто относительно Антихриста. Изъ приведеннаго выше нами мѣста узнаемъ, что Миличъ твердо вѣрилъ, что въ немъ говоритъ какой-то духъ, по приказанію котораго онъ (Миличъ) дѣйствуетъ: вездѣ, куда ни приходилъ Миличъ, тотчасъ спѣшилъ извѣстить народъ, что великій Антихристъ пришелъ, что всѣ люди должны молиться за Папу и за Императора, да устроятъ они Святую Церковь въ ея внѣшнемъ и внутреннемъ состояніи такъ, чтобы вѣрные въ безопасности могли служить Создателю. Изъ этого видно, что Миличъ предсказывалъ великій переворотъ въ Церкви, предвидѣлъ большія, имѣющія въ ней произойти, смуты, и по тому предостерегалъ и Папу и Императора, чтобы они приняли всѣ необходимыя мѣры для огражденія безопасности вѣрныхъ. Едва только Миличъ обнаружилъ намѣреніе сообщить народу свое открытіе относительно пришествія великаго Антихриста, какъ Римскій Инквизиторъ, Доминиканецъ, велѣлъ схватить его въ самой церкви Апостола Петра и заключить въ оковы: нѣсколько недѣль бѣдный мечтатель провелъ въ заключеніи у Миноритовъ въ Арачели. Доминиканцы Пражскіе радовались этому и заранѣе осудили Милича на сожженіе. Урбанъ V, прибывъ въ Римъ, велѣлъ освободить Милича, котораго близкія отношенія къ Карлу не были ему безъизвѣстны, обласкалъ его и предалъ суду его клеветниковъ; но Миличъ усильно просилъ никого не преслѣдовать за него: онъ имѣлъ долгіе разговоры съ Папою, о которыхъ, впрочемъ, совершенно ничего не извѣстно. Г. Палацкій замѣчаетъ, однако, что съ того времени Миличъ уже не съ такимъ жаромъ, какъ прежде, проповѣдывалъ объ Антихристѣ. По смерти Конрада Вальдгаузера Миличъ сдѣлался проповѣдникомъ при Тейнской церкви (1369), и, желая быть полезнымъ и для Нѣмцевъ, пріѣзжавшихъ въ Прагу по торговымъ и инымъ дѣламъ, въ преклонныхъ лѣтахъ началъ учиться языку Нѣмецкому отъ своего воспитанника («a suo scholari»). Онъ дѣйствовалъ не одними проповѣдями: тысячи людей прибѣгали къ нему за духовною помощью, и ни одинъ никогда не былъ обманутъ. Матѳей изъ Янова, лично знавшій Милича, говоритъ объ немъ: «Nullus erat, qui cum eo ipso habebat loqui vel agere, qui amorem et

gratiam atque suavitatem spiritus ab ipso non hauriret nullus qui non consolatus ab eo recedebat.» Но главною его заботою было образовать хорошихъ сельскихъ священниковъ и проповѣдниковъ Слова Божія: все свободное отъ другихъ занятій время онъ посвящалъ наставленію молодыхъ Клириковъ, которые, въ числѣ нѣсколькихъ сотень, приходили каждый день слушать его чтенія. Такъ какъ многіе приносили ему деньги и подарки, то онъ, не употребляя рѣшительно ничего для себя, раздавалъ ихъ нуждающимъ и употреблялъ на дѣла милосердія. Въ 1372 г. Карлъ IV-й, по совѣту Милича и другихъ священниковъ, приказалъ уничтожить извѣстный въ то время домъ разврата, называвшійся *Венатки* (Венеціею) и мѣсто подарилъ Миличу, который на собранную отъ подаяній сумму построилъ тамъ церковь Св. Магдалины и, рядомъ съ нею, домъ, гдѣ поселилъ обращенныхъ имъ грѣшницъ и нѣкоторыхъ бѣдныхъ, числомъ отъ 200 до 300 человѣкъ; этотъ первый страннопріимный домъ въ Чехіи и, можетъ быть, всей Германіи Миличъ устроилъ и содержалъ на счетъ сборовъ, доставленныхъ ему его увлекательнымъ, пылкимъ краснорѣчіемъ. Нищенствующіе монахи преслѣдовали Милича еще съ большимъ ожесточеніемъ, нежели Конрада Вальдгаузера, и даже, если вѣрить ревностному его ученику, Матѳею изъ Янова, посягали на жизнь его. Видя, что благосклонность Карла и Архіепископа Пражскаго постоянно ограждаетъ Милича отъ всякихъ гоненій, Доминиканцы принесли на него жалобу въ Римъ, въ которой обвиняютъ и свѣтскую власть въ потворствѣ заблужденій Милича; жалоба эта содержала 12 обвинительныхъ статей: 1) Миличъ учитъ о томъ, что Антихристъ уже пришелъ; 2 и 3) даетъ слишкомъ обширное понятіе роста (Wucher); 4 и 5) совѣтуетъ, какъ можно чаще пріобщаться Св. Таинъ; 6) покаявшихся распутныхъ женщинъ подчинилъ какому-то правилу монастырскаго житія, и, съ одной стороны, обращается съ ними слишкомъ строго, а съ другой осыпаетъ ихъ излишними похвалами; 7) весь Клиръ, отъ Папы до простаго монаха, называетъ испорченнымъ; 8) не уважаетъ нисколько церковнаго проклятія (здѣсь приведены, будто бы, слова Милича, въ которыхъ онъ говоритъ, что если Папа отлучитъ его отъ Церкви, то онъ найдетъ себѣ защиту у Императора); 9) занятіе свободными искуствами считаетъ грѣхомъ; 10) женщинамъ запрещаетъ носить и самые скромные уборы; 11) предпринимаетъ разныя излишнія нововведенія и перемѣны,

въ исполненіи которыхъ опирается на власть свѣтскую и чрезъ то вооружаетъ народъ противъ всего духовнаго сословія; 12) признаетъ необходимымъ лишить духовенство всякой личной собственности. Главнымъ орудіемъ враговъ Милича былъ Пражскій Магистръ, Іоаннъ Клонкотъ, жившій тогда въ Авиньонѣ; онъ успѣлъ убѣдить Папу въ томъ, что Миличь распространяетъ ужасную ересь, въ слѣдствіе сего, въ январѣ 1374 г., Папа отправилъ, въ самое краткое время, нѣсколько буллъ: одну къ Императору, Карлу IV, остальные Епископамъ Литомышльскому, Оломуцкому, Вратиславскому и Краковскому. Въ посланіи къ Императору Карлу IV-му Папа выражается такъ: «Plurium fide dignorum relatibus nuper ad nostrum pervenit auditum, quod quidem Mileczius Presbiter, olim Canonicus Pragensis, sub specie sanctitatis, spiritu elationis et temeritatis assumpto, et praedicationis officio, quod sibi non competit usurpato, multos errores non solum temerarios et iniquos, sed etiam haereticos et schismaticos, utique nimium scandalosos et periculosos, fidelibus praesertim simplicibus dicere, publice praedicare in tuo regno Bohemiae et aliis terris tuis praesumpsit hactenus et praesumit; nonnullas personas utriusque sexus ad ejus sectam, quam damnabiliter inchoavit, ac in errores detestabiles et reprobandus actus indicendo.» Изъ этихъ словъ видно: 1) что Миличь проповѣдывалъ по всей Чехіи и сосѣднимъ землямъ; 2) что онъ увлекалъ за собою многихъ не только въ отвратительныя заблужденія, но и въ преступныя дѣйствія. Какія были эти заблужденія и дѣйствія «non solum temerarii et iniqui, sed etiam haeretici et schismatici?» Думаемъ, что Миличь проповѣдывалъ къ народу во всей Чехіи, обличая передъ нимъ пороки духовенства и монаховъ, и, что главное, совѣтуя всѣмъ Пріобщеніе подъ обоими видами. Пражскій Архіепископъ, Очко изъ Влашима, былъ хорошо расположенъ къ Миличу, и потому не зналъ, что дѣлать, получивъ строгую Папскую буллу, и извѣстилъ его о томъ самъ. Но Папскій Инквизиторъ началъ слѣдствіе по дѣлу Милича, который увидѣлъ себя принужденнымъ отправиться снова въ Авиньонъ, весною 1374, но тамъ умеръ, прежде нежели произнесенъ былъ надъ нимъ рѣшительный приговоръ. Неизвѣстный авторъ жизни Милича, помѣщенной у Бальбина, въ его *Смѣси Чешской Исторіи*, пишетъ, что Папа очень ласково принялъ Милича и оправдалъ его; но Матѳей изъ Янова (въ мѣстѣ, приведенномъ у Палацкаго, стр. 172), лично знавшій Милича, пишетъ

что онъ умеръ подъ тяжестью обвиненія въ ереси, изгнанный изъ отечества: «Et ambo» (Конрадъ и Миличъ) in extremis articulis pro Christi Jesu veritate et justitia in medio tribulationis pessimae occubuerunt.» По смерти Милича основанный имъ странноприимный домъ, названный «Іерусалимъ,» подаренъ былъ Карломъ I-мъ Богословскому факультету Пражскаго Университета. Неизвѣстный авторъ житія Милича представляетъ его мученикомъ духовенства и отзывается о немъ очень невыгодно: «Malignus spiritus Plebanos, Praelatos, Religiosos ad furorem in eum suscitavit, ita ut praedicationem sibi saepius prohiberent et haereticum illum appellarent.» Слѣдующее мѣсто изъ того же житія показываетъ сильное враждебное расположеніе, которое Миличъ внушалъ народу къ духовенству: «Si verbis multis ac probrosis conviciabuntur, inter caetera vero dicebant: a principio praedicationis tuae nunquam pace fruimur, sed semper disturbia multa patimur.» Раздраженные клирики и монахи называли Милича то лицемѣромъ, то Бегардомъ, то Содомитомъ, но, не смотря на всѣ старанія, они не могли сдѣлать ему ни одного упрека изъ его жизни, потому что Миличъ въ образѣ жизни подражалъ первымъ отшельникамъ Христіанства и, по увѣренію автора его житія, не вкушалъ ни мясной, ни рыбной пищи, ни вина. Изъ самаго образа его дѣятельности видно, что онъ болѣе старался дѣйствовать словомъ, нежели письменными сочиненіями; однако отъ него осталось нѣсколько богословскихъ сочиненій, о которыхъ мы уже упомянули выше, въ самомъ въ Введеніи (стр. 45).

Вотъ немногія данныя, извѣстныя намъ объ этомъ, столь замѣчательномъ и историческомъ дѣятелѣ, данныя, которыми мы одолжены наиболѣе Палацкому. Удивительно и жаль, что многіе хорошіе историки предпочли повторять одинъ за другимъ данныя жалкія и подозрительныя, чѣмъ разработать, хотя отчасти, богатую мину, которая находится передъ ними нетронутой. Такъ и загадочный характеръ Милича, если бы и не былъ столь замѣчательнымъ историческимъ дѣятелемъ, заслуживаетъ особеннаго и внимательнаго изученія, какъ человѣкъ, раскрывающій въ своей жизни свойства, чрезвычайно характеристическія и оригинальныя; по этому и историческое значеніе Милича въ ходѣ религіознаго Чешскаго движенія можетъ быть опредѣлено только изъ его сочиненій, въ высшей степени замѣчательныхъ, судя по небольшому отрывку, изданному Г. Палацкимъ

въ его Чешской исторіи; до тѣхъ поръ всѣ изображенія Милича, какъ бы искусно ни были начертаны, не могутъ представить намъ и тѣни того, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, и будутъ только болѣе, или менѣе удачными догадками.

Относительно Милича съ полною достовѣрностью можно принять одно: «Миличъ имѣлъ сильное вліяніе на Чешскій народъ, и притомъ на самую лучшую, коренную, его часть, сельское народонаселеніе.» Въ этомъ отношеніи Миличъ стоитъ несравненно выше Конрада Вальдгаузера, проповѣдника всѣхъ временъ и народовъ, чуждаго всякаго народнаго характера. Напротивъ Миличъ самъ произошелъ изъ низшихъ сословій общества, сохранилъ вполнѣ Чешскій характеръ; даже слово его отзывалось грубостью народнаго выговора. Вся жизнь Милича прошла съ простымъ Чешскимъ народомъ, великое предназначеніе котораго онъ предчувствовалъ. Чтобы быть ближе къ народу, Миличъ добровольно оставилъ высшую церковную степень, оставилъ свое богатство и отправился изъ столицы Чехіи въ самыя уединенныя ея мѣста: здѣсь-то онъ познакомился съ положеніемъ несчастнаго народа, обращеннаго въ рабство жадными и честолюбивыми, клириками, съ его нуждами и потребностями; отсюда вынесъ Миличъ самое честное, благородное желаніе быть полезнымъ народу, но, при исполненіи этого желанія, онъ обманулся точно также, какъ и Карлъ IV-й. Послѣдній думалъ, что Чешскій народъ будетъ въ высшей степени счастливъ тогда лишь, когда онъ доставитъ ему всѣ возможныя матеріальныя блага; но благородный Чешскій народъ (или, по крайней мѣрѣ, лучшая часть его) не хотѣлъ купить цѣною ихъ гибели своихъ народныхъ началъ Не менѣе Карла IV-го обманулся и Миличъ въ выборѣ средствъ быть полезнымъ народу, облегчивъ его нравственное рабство. Миличъ не былъ врагомъ Католическаго порядка вещей, вѣрилъ въ возможность не только сохранить его, но и доставить благополучіе народу подъ его управленіемъ; но онъ видѣлъ необходимость поддержать его въ его идеальномъ совершенствѣ, а не въ томъ испорченномъ видѣ, въ какомъ являлся онъ во второй половинѣ XIV-го столѣтія. Миличъ полагалъ, что источникъ всего зла лежитъ не въ самомъ устройствѣ Церкви, но именно въ нарушеніи ея предписаній, и по тому онъ хотѣлъ научить всѣхъ строжайше исполнять ихъ. Миличъ былъ реформаторъ, который полагалъ все устроить по

идеальному образу, созданному имъ въ душѣ своей; во всемъ, начиная отъ Императора Карла IV-го до послѣдняго монаха Миличъ, думалъ видѣть, рядомъ съ Христовымъ благодатнымъ началомъ, примѣсь начала противуположнаго, которое не могло имѣть инаго источника, кромѣ духа злобы, и по тому онъ всенародно провозгласилъ, что великій Антихристъ уже въ мірѣ. Вся жизнь Милича была посвящена борьбѣ съ этимъ Антихристомъ. Снова повторимъ, что въ умѣ Милича не было и помина враждовать съ какою ни будь властью, будетъ ли то свѣтская, или духовная. Далекій отъ этой мысли, онъ надѣялся на содѣйствія Папы и Императора къ искорененію злаго начала, безъ вѣдома Церкви въ нее вкравшагося. Миличъ ни на кого не указывалъ, никого не называлъ Антихристомъ (ревность завлекла иныхъ Протестантскихъ писателей до того, что они не постыдились говорить, что Миличъ разумѣлъ подъ Антихристомъ самаго Папу: это мнѣніе вовсе не основательно), но онъ звалъ всѣхъ содѣйствовать къ истребленію злаго начала, хотя бы то было въ немъ самомъ; вездѣ, куда ни пріѣзжалъ онъ, первымъ его дѣломъ было познакомить всѣхъ съ великою тайною, призвать всѣхъ къ войнѣ съ Антихристомъ: эту мысль онъ развивалъ и въ Прагѣ, и въ Римѣ, и въ Авиньонѣ. Онъ вовсе не хотѣлъ гибели Католицизма, напротивъ, онъ желалъ вѣчнаго существованія, но Католицизму очищенному отъ всѣхъ его скверны. И что встрѣтилъ Миличъ въ этомъ благородномъ стремленіи? Первыя его проповѣди привѣтствованы насмѣшками того самаго народа, любовь къ которому была первою побудительною причиною дѣйствій Милича. Впрочемъ, скоро народъ устремился слушать его проповѣди: стеченіе было огромное, но проповѣдникъ увидѣлъ, что его слушаютъ съ удивленіемъ, хвалятъ его, а все очень не многіе повинуются его убѣжденіямъ. Сколько глубокой ироніи въ этомъ поступкѣ Милича, который предпочелъ всѣмъ прочимъ своимъ слушателямъ 300 распутныхъ женщинъ, обращенныхъ имъ на путь долга, училъ ихъ, жилъ съ ними и очевидно предпочиталъ ихъ общество всякому иному! А между тѣмъ онъ продолжалъ бичевать нещадно сторону, принадлежащую Антихристу, безъ различія, въ комъ ни встрѣчалъ ее, особенно же въ клирикахъ и монахахъ. Миличъ не представлялъ пороковъ и заблужденій ихъ въ ихъ наготѣ, но любовь къ добру заставляла его дѣлать ихъ еще ужаснѣе, еще отвратительнѣе, нежели они были въ дѣйствительности. Выведен-

ное изъ терпѣнія духовенство жаловалось Папѣ; но Папа лучше понималъ Милича и постоянно оправдывалъ его: онъ видѣлъ, что такой человѣкъ, какъ Миличъ, не опасенъ, уже по одному тому, что онъ не сражается съ дѣйствительными пороками, но съ идеальными, созданными его воображеніемъ, и что, по тому, его ничего не стоитъ обличить въ преувеличеніи. Но вдругъ Папѣ приносятъ вѣсть, что проповѣди Милича произвели необыкновенное дѣйствіе на народъ, который глухо высказалъ къ нимъ свое сочувствіе не только въ Чехіи, но и въ Силезіи, Моравіи и Польшѣ. А Папство, какъ и всякая иная подобная власть, всегда болѣе всего дорожило привязанностью неразумной (какъ думали прежде) массы народа: оно очень хорошо понимало, что ему не опасенъ никакой преобразователь, какъ бы онъ ни былъ великъ, если только масса народа не будетъ затронута. Потому очень понятенъ сильный испугъ Папы, такъ ясно высказывающійся въ буллахъ къ Епископамъ, когда онъ услышалъ о сочувствіи народа къ Миличу. И дѣйствительно, Славянское народонаселеніе Чехіи, Силезіи, Моравіи и Польши дошло до высшей степени нравственнаго напряженія: конецъ XIV и начало XV-го вѣка были временемъ перелома въ его естественномъ развитіи, временемъ поворота въ его внутренней жизни. Около этого времени разыгралась великая борьба Католицизма, въ источникѣ своемъ враждебнаго народности, съ кореннными началами жизни народовъ Славянскихъ, точно такъ, какъ вѣкъ спустя Нѣмецкія племена возстали, не менѣе рѣшительно, противъ Католицизма. Это было время кризиса, время бытія нравственнаго, или небытія, для племенъ Славянскихъ. Уже прежде многія племена Славянскія потеряли свою независимость и бытіе политическое, но они были еще такъ молоды, что ничего нельзя было предугадывать на счетъ ихъ будущей дѣятельности исторической. Теперь Католицизмъ объявилъ войну народамъ, сохранившимъ, не смотря на всѣ враждебныя противодѣйствія, кореннныя начала Славянскаго духа, неограниченную любовь къ свободѣ подъ какими бы то ни было формами, по тому что и при Самодержавномъ правленіи личная свобода мысли и дѣйствія можетъ быть ограждена болѣе, чѣмъ при любомъ Республиканскомъ порядкѣ вещей. Около этого времени Славянскія племена (Западныя) пришли на перепутіе, съ котораго вели два пути: одинъ къ религіозному и политическому рабству, другой къ самобытному развитію. Въ эту

великую эпоху, безъ вѣдома Западной Европы, рѣшалась ея участь; можно смѣло сказать, что *если бы въ XIV столѣтіи Католицизму удалось подавить духъ противоборства въ племенахъ Славянскихъ, то реформація Лютера съ ея безконечными для человѣчества слѣдствіями случилась бы цѣлыми вѣками позже, и царство Католицизма существовало бы несравненно долѣе.* Самый Католицизмъ никогда еще не предъявлялъ столь неограниченныхъ требованій, какъ около этого времени: но, и съ другой стороны, все, что было враждебнаго Католицизму и чисто Славянскаго, сознавая себя болѣе и болѣе, готовилось вступить въ смертный бой за свободу мнѣній съ Католицизмомъ. Около половины XIV стол., приверженцы Католицизма увидѣли противъ себя движеніе въ народѣ, сохранившемъ преданія Восточной Церкви и темное понятіе объ ея ученіи: вторые были несравненно многочисленнѣе первыхъ, но они не имѣли ни опредѣленной формы вѣрованій, за которую смѣло положили бы свои головы, ни одного предводителя, или и другими словами: не умѣли ни сосредоточить въ одинъ пунктъ свои частныя силы противодѣйствія Католицизму, ни дать себѣ вождя, который повелъ бы этѣ силы къ цѣли. Отличительная черта Славянскаго характера, черта, въ которой заключается неистощимый источникъ будущаго развитія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и печальный урокъ за все прошедшее — *особенное развитіе личности въ образѣ мыслей и дѣйствій*; эта черта влечетъ за собою *недостатокъ единства, согласія и парализируетъ всякое сопротивленіе.* Славянское народонаселеніе Чехіи, Силезіи, Моравіи и Польши (южной ея части) давно уже возстало бы противъ Католицизма во имя своихъ святыхъ, народныхъ началъ, если бы явился человѣкъ, который далъ бы ему, сообразную съ его характеромъ и развитіемъ, религіозную форму; но такой дѣятель не являлся, и благороднѣйшія силы оставались раздѣленными и безсильными. По тому полное ожиданія, Славянское народонаселеніе привѣтствовало въ Миличѣ защитника своихъ народныхъ началъ и религіозныхъ убѣжденій: оно думало видѣть въ немъ дѣятельнаго противника Католицизма. Но страхъ Папы, чтобы Миличъ не удовлетворилъ внутреннимъ требованіямъ Славянскаго народонаселенія и не повелъ его противъ Католицизма, былъ прежде времени и при томъ неоснователенъ. Миличъ самъ чувствовалъ испорченность Католицизма, но вѣрилъ въ возможность сдѣлать его чистымъ, и по тому онъ не имѣлъ въ виду ниче-

го положительнаго, а одно лишь отрицательное желаніе очистить Католицизмъ отъ дурныхъ элементовъ, въ него вкравшихся. При томъ, онъ дѣйствовалъ не хладнокровно, преслѣдуя свою цѣль по всѣмъ путямъ, смѣло идя прямо къ ней; но самая его проповѣдь противъ внѣшней испорченности Католицизма имѣла какой-то вспыльчивый, нетерпѣливый, лихорадочный характеръ: впечатлѣніе, ею производимое, было сильно, но мгновенно. А народъ не того хотѣлъ: ему мало было, чтобы передъ нимъ начертали яркими до преувеличенія красками то, что онъ имѣлъ передъ глазами, видѣлъ ежедневно; напротивъ, онъ желалъ болѣе существеннаго и сообразнаго съ его потребностями, а именно, религіознаго ученія, которое выходило бы изо всего его развитія и опиралось на его коренныхъ началахъ. Ученіе Милича было слишкомъ отвлеченно, чтобы соотвѣтствовать такимъ требованіямъ народа, который ищетъ доступной ему формы и для вопросовъ изъ его духовной жизни. Отъ того Миличъ не могъ удовлетворить тѣмъ ожиданіямъ, кои возбудилъ въ народѣ, и ученіе его по видимому не оставило въ немъ ни какихъ слѣдовъ.

Приведемъ же теперь къ немногимъ выводамъ вѣроисповѣдное развитіе Чеховъ при Карлѣ IV-мъ. Огромное вліяніе его на весь ходъ религіознаго Чешскаго движенія, внѣ всякаго сомнѣнія. Безспорно и то, что оно условливалось всѣмъ предшествующимъ развитіемъ народа; но, хотя матеріалы религіознаго движенія накоплены уже давно, очень могло случиться, что оно было бы отсрочено, или ускорено. Въ великихъ народныхъ движеніяхъ все совершается по самой строгой необходимости, на основаніи внутреннихъ законовъ человѣческаго развитія, и прихоть того, или другаго Правителя не въ состояніи бываетъ ни остановить, ни измѣнить ихъ; однако, та минута, когда, давно созрѣвши, народное возстаніе готово вспыхнуть, можетъ быть, отдалена, или приближена разными внѣшними обстоятельствами. Какое же спросятъ, значеніе Карла IV-го въ великомъ Чешскомъ религіозномъ движеніи? При всемъ расположеніи Карла IV-го къ Чешскому народу, онъ чрезмѣрною привязанностью къ Католицизму и благосклонностью къ его служителямъ вызвалъ сильное противодѣйствіе въ народѣ, въ которомъ давно уже таилось негодованіе и нерасположеніе къ Католическому духовенству. Всѣ усилія Карла сдѣлать Чешскій народъ вполнѣ Католическимъ повели только къ тому, что часть его, утратившая отли-

чительныя черты народнаго характера и принявшая совершенно Католическій характеръ, сложилась окончательно и рѣзко отдѣлилась отъ народа, бывшаго или равнодушнымъ къ Католицизму, или даже враждебно расположеннымъ къ нему. Но необходимо, чтобы человѣкъ, вышедшій изъ среды народа, созналь тѣ вопросы, которые безсознательно живутъ въ народѣ, и предложилъ бы имъ удовлетворительный отвѣтъ; такой человѣкъ не могъ еще явиться при Карлѣ IV-мъ. Латино-Католическое духовенство лучшею своею частью понимало опасность своего положенія въ отношеніи къ народу, и по тому стремилось къ тому, чтобы очистить Католицизмъ и чрезъ то продлить его существованіе. Вальдгаузеръ и Миличъ вовсе не представители Чешскаго народнаго движенія: они остаются еще совершенно въ кругу Католицизма, и не только не ищутъ ничего новаго, но усильно хотятъ возвратить Церкви хотя часть ея прежняго нравственнаго вліянія. Миличъ съ совершенною преданностью Католицизму, но не тому, который существовалъ тогда на дѣлѣ, а тому, какой представлялся его чистой и добродѣтельной душѣ, соединялъ и сочувствіе народнымъ потребностямъ; но онъ не понялъ стремленія народнаго, думая, что его въ состояніи удовлетворить очищенный Католицизмъ. Однако жъ, примѣръ его имѣлъ безконечно великое вліяніе на послѣдующихъ дѣятелей Чешскаго религіознаго движенія: они поняли, что всѣ ихъ расчеты съ Католицизмомъ кончены, что отъ него нечего уже ждать болѣе; всѣ попытки примирить народное стремленіе съ стремленіями Католицизма, попытки, произведенныя Миличемъ, окончились совершеннымъ разрывомъ. Отселѣ Католицизмъ и народъ пойдутъ разными путями: первый увеличиваетъ часъ отъ часу свои притязанія, какъ бы не видя глубокой пропасти передъ собою; второй, наученный опытомъ V вѣковъ въ несовмѣстности своихъ народныхъ началъ съ началами Католицизма, теперь, видя совершенную невозможность рѣшить дѣло мирными средствами, отбрасываетъ отъ себя Католическую внѣшность и вступаетъ въ смѣлый и рѣшительный бой съ притязаніями стороны Католической. При Карлѣ IV-мъ обѣ стороны, народная и Католическая, рѣзко обозначились, при Вячеславѣ IV онѣ вступаютъ въ явный споръ, въ высшей степени замѣчательный для всякаго, кто не ищетъ въ исторіи ни сказокъ, ни сентенцій, а изучаетъ духовное развитіе человѣка и народовъ.

Вячеславъ IV-й, сынъ строгаго Католика, Карла IV-го, воспитанникъ извѣстнаго своими добродѣтелями Архіепископа Пражскаго и даже въ послѣдствіи Кардинала, Іоанна Очка изъ Влашима, самъ былъ строгій Католикъ, и, однако же, его правленіе ознаменовано жестокимъ гоненіемъ на духовенство, даже началомъ борьбы, ниспровергшей Католицизмъ въ Чехіи. Разбирая побудительныя причины дѣйствій Вячеслава IV, находимъ, что онъ какъ человѣкъ, былъ Католикъ, но какъ Государь обязанный олицетворять выгоды своего народа, долженъ былъ иногда дѣйствовать совершенно противоположно своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ. Главною чертою характера Вячеслава IV было то, что онъ не терпѣлъ противорѣчія; своею наклонностью къ неограниченному господству онъ вооружилъ противъ себя не только Чешское духовенство, но и Пановъ, города и самый народъ; особенно Паны, доведшіе Королевскую власть до совершеннаго ничтожества, были его непримиримыми врагами. Первое столкновеніе съ духовенствомъ Вячеславъ IV имѣлъ въ 1379: Деканы соборовъ, Пражскаго, Гинко Клукъ и Кунешъ изъ Веселего не хотѣли признать Урбана VI истиннымъ Папою и держались стороны Климента VII; они были брошены въ тюрьму, откуда удалились потомъ къ Клименту VII; мѣста ихъ были отданы другимъ. Вячеславъ въ спорныхъ дѣлахъ духовенства съ городами почти всегда бралъ сторону послѣднихъ: въ 1379 г. въ г. Дорнмунтѣ духовныя лица отказывались платить подати съ городскаго имущества, какъ платили ихъ міряне; Вячеславъ подчинилъ ихъ городскому управленію. Но еще важнѣе поведеніе Вячеслава въ Вратиславѣ: тамошній Магистратъ, на основаніи вольностей, данныхъ городу, конфисковалъ бочку Свидницкаго пива, присланную Декану Капитула, его братомъ, Герцогомъ Рупрехтомъ Лигницкимъ. Деканъ Капитула (Domdechant) наложилъ запрещеніе на Вратиславу: народъ пришелъ въ уныніе, и Магистратъ принужденъ былъ принести жалобу Вячеславу на такой поступокъ духовенства. Вячеславъ самъ пріѣхалъ въ Вратиславу и убѣждалъ духовенство снять запрещеніе на время его пребыванія въ городѣ, но получилъ отказъ рѣшительный. Тогда Король бросилъ одного Аббата въ тюрьму, остальныхъ Канониковъ выгналъ на 2 года изъ города, а имѣніе церковное отдалъ на разграбленіе народу, который не заставилъ себя просить, и ограбилъ начисто все имущество Капитула. Споръ Вратиславскій продолжался цѣлые два года и заслужилъ названіе *Поповской*

войны. Но тотъ же самый Вячеславъ, подтверждая въ 1381 всѣ права и вольности Пражской Церкви, писалъ, что первая его забота состоитъ въ томъ, чтобы въ его правленіе всѣ вольности монастырей и церквей сохранялись неприкосновенными, назначивъ огромную пеню, въ 1,000 фунтовъ серебромъ, противъ нарушителей этѣхъ вольностей. Съ января, 1382 года, Вячеславъ IV далъ разрѣшеніе дворянину, Петру Штернбергу, продать его движимое и недвижимое имѣніе, находившееся въ Чехіи, *кому хочетъ, за исключеніемъ духовныхъ лицъ.* Пельцель замѣчаетъ, что такое исключеніе не въ пользу духовенства встрѣчается очень часто въ грамотахъ Вячеслава IV. Давая привиллегіи церквамъ и монастырямъ, Вячеславъ всегда имѣлъ въ виду чистую жизнь духовенства; такъ въ грамотѣ, данной Картезіанскому Пражскому монастырю, читаемъ: «attendentes vitam devotam et coelebem Religiosorum Prioris et Conventus, et ut eo liberius servire valeant altissimo, etc.»

Одною изъ главныхъ заботъ Вячеслава было положить конецъ порокамъ духовенства, которые дошли до нестерпимой наглости и не имѣли предѣловъ. Лучшимъ доказательствомъ этому слова самаго Папы къ Архіепископу Пражскому, который тогда, за свою примѣрную жизнь и таланты, былъ назначенъ Папскимъ Легатомъ въ округахъ Регенсбургскомъ, Бамбергскомъ и Мишенскомъ «In quibus castris, terris, villis et locis plurimae plebaniae et ecclesiae ac multitudo Cleri consistunt, quodque personae ecclesiasticae ibidem existentes sint nimium dissolutae, divinis officiis et honestis moribus non vacantes pluraque beneficia ecclesiastica se invicem non compatientia insimul damnabiliter detinentes, ex quibus indevotio populi, animarum pericula aliaque mala et scandala plurima subsequuntur, ipseque Imperator ex illis, quae ab ipsarum personarum diocesani ex superioribus minime corriguntur, plurimum conturbatur,» т. е., Въ которыхъ замкахъ, земляхъ, селахъ и мѣстахъ премногіе приходы, церкви и многочисленное духовенство находится, а духовныя лица, тамъ состоящія, очень распутны, не имѣютъ попеченія о Божественныхъ заповѣдяхъ и честныхъ нравахъ, многія церковныя должности, одна съ другою несовмѣстныя, достойнымъ порицанія образомъ удерживаютъ, изъ которыхъ безнравственность народа, гибель душъ и другія бѣдствія и соблазны многіе слѣдуютъ, и самъ Императоръ терпитъ большое смущеніе отъ тѣхъ, которые не подвергаются никакому исправленію со стороны Викарнаго и другихъ начальниковъ. — Не

менѣе дурное понятіе о нравахъ духовенства Чешскаго даетъ окружное посланіе Архіепископа Пражскаго, Іоанна Енштейна, которымъ онъ приглашаетъ на судъ безнравственныхъ священниковъ: «Ioannes etc. Relatus de te verisonus nostram contigit audientiam, quod tu profanae libidinis accensum facibus proprie dotis in curia continuo retineres concubinam, letifera turpiter milites in palaestra, tum quod singulis nocturnis diurnisque temporibus tabernarum nequiter insudas cauponibus.» Необходимость исправить нравы духовенства чувствовали многіе, а въ томъ числѣ и Вячеславъ IV. Матѳей изъ Кракова, лекторъ Богословія при Пражскомъ Университетѣ, около этого времени говорилъ, въ собраніи высшаго духовенства, рѣчь о необходимости исправленія нравовъ духовенства, особенно священниковъ (рѣчь этаго имѣетъ заглавіе: «De emendatione morum Cleri»). Вячеславъ особенно старался о томъ, чтобы священники не держали при себѣ женщинъ; часто въ расплохъ заставалъ того, или инаго изъ нихъ, и по томъ очень строго наказывалъ виновнаго: лѣтописцы разсказываютъ, что онъ въ молодости приказывалъ таковыхъ съ ихъ пріятельницами выставлять у позорнаго столба на посмѣяніе народу. Можетъ быть, это извѣстіе преувеличено; но то въ высшей степени достовѣрно, что Вячеславъ усердно пытался исправить нравы духовенства. Искреннее желаніе Короля сохранить Католицизмъ въ Чехіи и оградить его отъ всякихъ непріязненныхъ вторженій обнаруживается въ грамотѣ его, данной 15 Февраля, 1385, въ которой онъ повелѣваетъ всѣмъ Бургграфамъ и прочимъ Королевскимъ чиновникамъ содѣйствовать во всемъ Инквизитору, Доминиканскому монаху, при розыскѣ и поимкѣ еретиковъ. Какіе были эти еретики и въ чемъ состояло ихъ ученіе, вовсе неизвѣстно. Въ началѣ грамоты Вячеславъ IVговоритъ: «Salutaribus divorum predecessorum nostrorum, Imperatorum et Regum Romanorum, vestigiis inherentes, sanctum inquisitionis haereticae gravitatis negotium tanto desideramus ardentius promovere, quanto per aemulos fidei Catholicae nomen Domini nostri Jesu Christi, quod est super omne nomen, ejusque Sacratissimae Genetricis constat, quantum in ipsis est, crudelius blasphemari,» повелѣвъ всѣмъ вообще и каждому въ особенности: «constanter assistere et prompte parere et intendere» Инквизитору; далѣе, онъ, обращаясь къ Королевскимъ чиновникамъ, говоритъ: «Vos quoque Burggravii et ceteri officiati nostri, dum super arrestandis aliquibus, in fide

suspectis, per ipsum fueritis requisiti, qui sub nostra etiam residentes fuerint ditione, arrestationem talium nullatenus impedire, sed ipsi tales arrestare et ad locum congruum et securum eidem inquisitori representare curetis.» Потомъ, переходя къ городскимъ Магистратамъ, Король и имъ предписываетъ: «suaeque familiae ministretis expensas et cetera benevola suffragia opportuna impendere, turrim aliquam aut alium firmum locum pro conservatione eorundem, qui fuerint, sicut praemittitur arrestati, in locis, ubi dictus inquisitor deputatam et firmam ad hoc non habuerit mansionem, sibi absque contradictione aliqua assignantes, quo tales secure valeat conservare.» Видно, что эти поиски еретиковъ были соединены съ опасностями со стороны народа, какъ показываютъ слова грамоты, гдѣ Король, обѣщая чиновникамъ, которые окажутъ дѣятельную помощь Инквизитору, награду Бога: «cujus in hac parte res agitur,» прибавляетъ: «temporalem in personis et rebus non vereamini sustinere acrimoniam.» Духовенство безпрестанно находилось въ непріязненныхъ столкновеніяхъ съ Вячеславомъ; въ 1386 игуменья монастыря Св. Георгія въ Пражскомъ замкѣ оскорбила его, и за то была изгнана изъ Чехіи; она удалилась въ Римъ, гдѣ принесла жалобу на Короля, но не успѣла ни въ чемъ предъ Папою и умерла въ Римѣ. Между тѣмъ Король Вячеславъ IV, привыкнувъ съ дѣтства видѣть въ окружающихъ безусловную покорность, не терпѣлъ гордыхъ и надмѣнныхъ поступковъ духовенства и не пропускалъ ни одного случая къ тому, чтобы унизить его, а съ другой стороны, при малѣйшей уступчивости духовенства, онъ не только подтверждалъ привиллегіи, данныя ему предшественниками, но осыпалъ новыми, и едва ли которой ни будь изъ прежнихъ Чешскихъ Королей далъ духовенству столько грамотъ, подтверждавшихъ его давнишнія права и привиллегіи, какъ Вячеславъ IV-й. Казалось, духовенство, предчувствуя, что скоро народъ съ вооруженною рукою потребуетъ у него отчета въ злоупотребленіи духовной власти, хотѣло собрать во едино тѣ документы, которые дѣлали изъ него привиллегированное сословіе и на нихъ основать свое нравственное вліяніе. Особливо духовенство Пражское, преимущественно предъ духовенствомъ иныхъ церквей Чешскихъ, отстаивало свои права и пыталось разширить ихъ по возможности. Капитулъ Пражскаго собора очень часто спорилъ съ Королемъ; этотъ послѣдній, въ 1383 году, по смерти Земскаго Писаря,

бывшаго также и Каноникомъ, назначилъ на его мѣсто своего бухгалтера, Вячеслава изъ Стржибра, но Капитулъ не призналъ за Королемъ права назначать Канониковъ и ваканцію отдалъ Магистру Фридману, Билинскому Архидекану. Король предложилъ рѣшить дѣло чрезъ посредника, и избралъ имъ Пробста Св. Эгидія въ Прагѣ, Витка; однако Капитулъ отвергъ всякое посредничество. Дѣло Короля и Капитула длилось цѣлый годъ и, наконецъ, за первымъ признано было право назначать *одного* Каноника при Пражской Соборной церкви. Избѣгая на будущее время подобныхъ замѣшательствъ, Вячеславъ предписалъ высшему Чешскому духовенству замѣщать открывающіяся ваканціи придворными капелланами, которые содѣйствуютъ ему (Вячеславу) въ управленіи Государствомъ сообразно съ общественною пользою. Самъ Вячеславъ не отличался точнымъ исполненіемъ предписаній Католической Церкви: ея строгіе посты были ему очень тяжелы, и въ 1388 году онъ испросилъ себѣ позволеніе, значительно смягчавшее ихъ суровость. Даже, однажды въ присутствіи Архіепископа и многихъ духовныхъ лицъ, Вячеславъ обнаружилъ сомнѣніе на счетъ существованія Чистилища и его назначенія. Войтѣхъ Раконисъ изъ Ерничино, Деканъ Пражскаго Собора, написалъ, по этому случаю, въ отвѣтъ Королю, разсужденіе, подъ заглавіемъ: «Apologia Purgatorii.» Замѣтимъ, что вопреки мнѣнію многихъ писателей, очернившихъ Вячеслава во всѣхъ отношеніяхъ, онъ былъ человѣкъ образованный, читалъ очень бѣгло по Латыни и любилъ спорить о Богословскихъ предметахъ; но и здѣсь, какъ во всѣхъ иныхъ случаяхъ, онъ не терпѣлъ противорѣчія.

Въ маѣ 1389 видимъ первое возстаніе массы Пражскаго народонаселенія, гдѣ оно, не смотря на то, что дѣйствовало еще какъ слѣпое орудіе въ рукахъ духовенства, развернуло уже необыкновенную энергію и отрицательную силу. Духъ вѣротерпимости всегда отличалъ всѣ Славянскіе народы: такъ и Евреи, жившіе въ Чехіи, пользовались несравненно большимъ спокойствіемъ, чѣмъ въ Германіи, со стороны народонаселенія. Въ Прагѣ особенная часть города, окруженная стѣнами, служила мѣстомъ жительства множеству Евреевъ. Случилось одному Христіанскому священнику проходить съ Св. Тайнами въ рукахъ чрезъ Жидовскую часть города: Евреи сначала довольствовались тѣмъ, что поносили Господа и его служителя, но потомъ начали бросать каменьями, и тѣмъ принудили священника возвратиться назадъ. Евреи виновные были брошены

въ тюрьму. Но духовенство этимъ не удовольствовалось и жаждало мести не столько за оскорбленіе Св. Тайнъ, сколько за обиду, нанесенную его члену. Въ день Св. Пасхи многіе священники въ проповѣдяхъ подстрекали народъ противъ Іудеевъ, и вызывали его къ мести: огромныя толпы народа, воспламененныя фанатизмомъ, подъ предводительствомъ одного изувѣра, по имени Лешка, ворвались въ Жидовскую часть и предали все огню и мечу: дома были разрушены, болѣе 3 тысячъ Евреевъ убиты, или сожжены, и только нѣкоторыя женщины и дѣти ихъ были спасены Магистратомъ и крещены немедленно, чтобы защитить ихъ отъ народнаго неистовства. Народъ, думая, что отмстилъ за оскорбленіе Христа, разошелся по домамъ. Король Вячеславъ былъ тогда въ Хебѣ по дѣламъ Имперіи: узнавъ объ избіеніи Іудеевъ въ Прагѣ, онъ тотчасъ принялъ мѣры оградить ихъ въ прочихъ городахъ Чехіи и Германіи отъ подобной участи. Но, возвратившись въ Прагу, Король предалъ все дѣло забвенію: онъ видѣлъ, что народъ невиноватъ, что былъ воспламененъ фанатизмомъ; духовенство представило Вячеславу дѣло такъ, что Евреи были во всемъ преступны и наказаны по дѣломъ; тѣмъ не менѣе все захваченное у Іудеевъ имущество (болѣе 5 бочекъ серебра), на основаніи стариннаго права, было выдано Королю.

Главною заботою Короля Вячеслава IV было ослабить сильное Чешское Дворянство, въ которомъ онъ видѣлъ главное препятствіе своимъ планамъ Самодержавія. По моему мнѣнію стремленіе къ этой цѣли ввело его въ двойную борьбу, съ Чешскимъ дворянствомъ и духовенствомъ, борьбу, въ которой онъ былъ дважды плѣнникомъ и слѣдствія которой были всѣ не въ его пользу. Споръ Короля съ Чешскимъ Дворянствомъ завязался изъза владѣнія Коронными имуществами, которыя мало по малу перешли въ руки Пановъ въ слѣдствіе затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствъ Королей Чешскихъ; большая часть этихъ имуществъ, бывшихъ единовременнымъ источникомъ Государственныхъ доходовъ, была заложена еще Іоанномъ Люксембургскимъ и, по давности времени, считалась полною собственностью владѣвшихъ ими. Но Вячеславъ, видя, что доходы его совершенно истощились, рѣшился предъявить свои давнишнія права на Коронныя земли, занятыя духовенствомъ и дворянствомъ; послѣднія два сословія не хотѣли уступить добровольно и разстаться съ своими законными и незаконными пріобрѣтеніями; одинъ Архіепископъ Пражскій владѣлъ

семью городами, не считая множества замковъ и селъ, присвоенныхъ имъ въ смутныя времена. Въ 1389 г. Вячеславъ назначилъ сеймъ въ Прагѣ, на которой особенно пригласилъ тѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ, кои владѣли заложенными Коронными имуществами. Въ рѣчи, которою Вячеславъ открылъ засѣданія Сейма, онъ говоритъ, между прочимъ, что если такой порядокъ вещей продлится, то Чехія изъ Королевства станетъ Герцогствомъ, и въ заключеніе попросилъ у членовъ Сейма помочь ему въ возвращеніи Коронныхъ имѣній. Чины отвѣчали уклончиво и просили Короля оставить имъ то, чѣмъ они владѣли безпрепятственно при его предшественникахъ. Вячеславъ возразилъ на это угрозою, послѣ чего Сеймъ перешелъ къ инымъ дѣламъ. Спустя около полугода послѣ этого происшествія, Вячеславъ назначилъ Сеймъ въ г. Вилемовѣ, и, подъ страхомъ своего Королевскаго гнѣва, пригласилъ туда всѣхъ тѣхъ, которые завладѣли Коронными имуществами; здѣсь, на Сеймѣ въ Вилемовѣ, по деспотической волѣ Вячеслава, не только въ противность Чешскимъ кореннымъ законамъ, но и праву народному, нѣкоторые изъ вельможъ, отказавшихся возвратить ему Коронныя имущества, были казнены, остальные уступили волѣ Короля и удержали свои помѣстья, въ видѣ лена, пожизненно. Историографъ Чешскій, Палацкій, говоритъ (B. III. 1 Abth. S. 67, Anm. 76), что Сеймъ Вилемовскій есть басня, основанная на подобномъ, но также не совершенно доказанномъ, поступкѣ Короля Сигизмунда съ Уграми; въ доказательство того Г. Палацкій написалъ подробное критическое изслѣдованіе (помѣщенное въ Časopis Českého Museum, 1842, стр. 344—362). Мы сообщили извѣстіе о Вилемовскомъ Сеймѣ по другому Чешскому историку, Пельцелю, и, соглашаясь съ мнѣніемъ Палацкаго, что разсказъ о немъ басня, замѣтимъ, что онъ не совсѣмъ доказательно отрицаетъ существованіе борьбы Вячеслава съ Панами Чешскими за присвоеніе ими Коренныхъ и Государственныхъ имуществъ. Палацкій говоритъ: догадка, на которой опирается эта сказка (о Вилемовскомъ Сеймѣ), что всѣ Коронныя имущества Чешскія уже при Карлѣ IV (здѣсь поставленъ знакъ удивленія) и потомъ и при Вячеславѣ IV были заложены Панамъ, просто безразсудна («ist rein absurd»). Совсѣмъ не безразсудна. Извѣстно изъ собственныхъ записокъ Императора Карла IV, что, когда отецъ его, Король Чешскій, Іоаннъ Люксембургскій, прислалъ его, еще 16-лѣтнимъ юношею (онъ тогда по

силъ титулъ Маркграфа Моравскаго), въ качествѣ своего Намѣстника, то молодому Карлу даже негдѣ и нечѣмъ было жить, именно по тому, что всѣ Коронныя имущества были заложены. Просимъ припомнить еще, что Карлъ IV-й, нуждаясь безпрестанно въ огромныхъ денежныхъ суммахъ на исполненіе своихъ честолюбивыхъ относительно Чехіи замысловъ, платя наличными деньгами за Бранибоpъ, Силезію и Верхній Пфальцъ, долженъ былъ продавать и отдавать подъ закладъ различныя Коронныя имущества и привиллегіи, на что мы имѣемъ у Пельцеля собраніе множества документовъ и подлинныхъ актовъ. Источниковъ доходовъ у Королей Чешскихъ того времени не было иныхъ, какъ съ Коронныхъ имуществъ и серебряныхъ рудниковъ Кутной Горы, по тому что правильныхъ налоговъ на удовлетвореніе Государственныхъ нуждъ не существовало еще; на Сеймахъ Паны и города давали добровольныя вспоможенія по своему усмотрѣнію; общій поголовный налогъ, именуемый *берна*, могъ быть взымаемъ Королемъ Чешскимъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, при коронованіи, женидьбѣ, свадьбѣ дочерей и сыновей, былъ крайне отяготителенъ для народа и всегда влекъ за собою всеобщее неудовольствіе. Замѣчательно, что *берна* взымалась прямо Королевскимъ повелѣніемъ, безъ воли Сейма. Отсюда ясно, что, при недоброжелательствѣ Пановъ и недостаткѣ Коронныхъ имуществъ, проданныхъ, или заложенныхъ большею частью, единственный источникъ доходовъ, для всѣхъ Государственныхъ потребностей, были серебряные Кутногорскіе рудники. Отъ этого для Вячеслава совершенная невозможность дѣйствовать, не имѣя никакихъ денежныхъ средствъ, этого необходимаго «nervi rerum gerendarum». Что касается до мнимаго сокровища, которое будто бы Вячеславу оставилъ отецъ его, Карлъ IV, то гдѣ на то доказательства? Не есть ли это догадка? Иначе, за чѣмъ было бы Вячеславу IV просить Пану Бонифація IX уступить ему на годъ десятину съ доходовъ церковныхъ имуществъ, говоря, что ему нечѣмъ отправиться въ Римъ на Коронованіе? Всѣ обстоятельства царствованія Вячеслава IV свидѣтельствуютъ, что онъ приведенъ былъ въ совершенную невозможность дѣйствовать не лѣностью и не отвращеніемъ отъ дѣлъ, а непомѣрнымъ возвышеніемъ Пановъ и духовенства Чешскаго. Отсюда ясно, почему Вячеславъ, будучи самъ ревностный Католикъ въ душѣ, съ внутреннею радостью смотрѣлъ на дѣйствія Гуса и тайно ему покровительство-

валъ. Паны также приняли сторону Гуса, потому что онъ позволялъ имъ присвоивать церковныя имущества. Это счастливое стеченіе обстоятельствъ объясняетъ видимое неравенство силъ въ борьбѣ Гуса съ цѣлымъ духовенствомъ. Гораздо труднѣе было Вячеславу управиться съ Пражскимъ Архіепископомъ, который былъ самъ очень силенъ и числомъ помѣстьевъ, и множествомъ вооруженныхъ слугъ. Дворяне также заступались за помѣстья, которыя они считали законно пріобрѣтенными.

1391 годъ очень важенъ въ исторіи внутренняго движенія Чешскаго народа основаніемъ Виѳлеемской церкви, мѣста, гдѣ въ первые высказались вопросы, занимавшіе Чешскій народъ. Пришла, наконецъ, пора великому броженію, давно совершавшемуся въ груди Чешскаго народа, вырваться наружу, сказаться въ сильныхъ и мощныхъ движеніяхъ. Виѳлеемская церковь стала представительницею внутреннихъ потребностей Чешскаго народа: самое время ея основанія исполнено глубокаго смысла; оно показываетъ, когда въ Чехахъ созрѣлъ духъ народнаго противодѣйствія притязаніямъ Католицизма. До насъ дошла грамота Короля Вячеслава IV-го, отъ 2 сент., 1391 года, въ которой читаемъ: «Wenceslaus etc. Serenitatis nostrae accedens, personalem praesentiam strenuus Iohannes Mulheym, familiaris et fidelis noster dilectus, Majestati nostrae proposuit, qualiter fidelis noster dilectus Crux institor civis Pragensis, domum sive aream, prope ecclesiam parochialem Sanctorum Apostolorum Philippi et Iacobi Pragensem sitam, dictam Scalsky, dudum per ipsum comparatam, in cujus etiam existit possessione pacifica, pro erectione Basilicae in honorem Sanctorum Martyrum Innocentum, et ad aedificationem domus pro inhabitatione Capellanorum ejusdem capellae, qui praedicationis duntaxat habebunt, insudare labori, sacrique dogmatis fluenta sitientibus et justitiam fidelibus populis ministrare, zelo sincere deuotionis accensus, donauit, supplicans nobis humiliter et deuote, quatenus donationi praefatae domus et areae consentire ipsasque pro usibus Capellanorum et ecclesiae appropriare annectere, unire et incorporare gratiosius dignaremur.» Разсмотримъ теперь грамоту на основаніе (Stieftungsbrief) Виѳлеемской церкви, данную ея строителемъ, Іоанномъ изъ Мюльгейма; она такъ важна, что мы не можемъ не представить изъ нея извлеченій, показывающихъ и состояніе умовъ въ Чехіи, и объясняющихъ послѣдующія историческія

событія. Въ началѣ Іоаннъ говоритъ о важности проповѣди въ ученіи Христіанскомъ: слова достопамятныя, которыя не суть слова одного лица, но выражаютъ общественное мнѣніе того времени, слова, которыя мы услышимъ въ послѣдствіи изъ устъ Іоанна Гуса: «In nomine Domini. Amen. Misericors et Miserator Dominus, qui escam in semine verbi sui reliquit timentibus se, sic per Sanctorum Patrum instituta instituit, ne verbum Dei alligetur, quin immo actus ille caeterorum liberrimus et ecclesiae súae sanctae ipsiusque membris utilissimus, quem veteris novique testamenti Patres Sancti, immo et ipse Salvator noster constanter super opera ejus et etrenue isque ad mortem, prosequentes, fore optimum comprobarunt.» За тѣмъ слѣдуютъ слѣдующія твердыя и мощныя слова, вырвавшіяся изъ глубины души: «Nisi enim ipse verbi Dei et Sanctae praedicationis nobis se non reliquisset, nos Sodoma et Somorra fuissemus, qui et discipulis suis post resurrectionem suam manifestus apparens, in ejus perennem memoriam ipsam praedicationem per eos tradidit exequandam.» Тутъ слѣдуютъ побудительныя причины, понудившія Мюльгейма къ созданію Виолеемской Церкви: «Cum autem omnis ipsius actio suorum fidelium instructio esse censeatur, et ad quam sacrosanstis scripturarum eloquiis omnis Christi fidelis exhortatur, igitur ego, Ioannes de Milheym animae meae salutem multorumque Christi fidelium spiritualem refectionem desiderans, quomodo prouida consideratione pensans et in civitate Pragensi licet multa sint loca ad diuinos cultus ordinata, nihilominus tamen eadem per plurimos alios sacros actus occupantur pluries, sic quod nullus locus ad priuilegiatum praedicationis verbi Dei officium sit ibidem specialiter deputatus, sed praedicatores ipsi specialiter vulgaris Boemici eloquii, plerumque per domos et latebras coguntur, quod non congruit, diuagari, quemadmodum saepius notabiliter est compertum.» Здѣсь, послѣ повторенія вышеизложенныхъ побудительныхъ причинъ, Мюльгеймъ переходитъ къ самому храму: «Sano animo et deliberato ac digesto consilio, ad laudem, gloriam et honorem omnipotentis Dei etc. Capellam in honorem Sanctorum Innocentum in area prouidi viri Crucis, cuis majoris civitatis Pragensis, quam idem Crux, zelo deuotionis motus ad id pie donauit, sita in plebe et juxta ecclesiam Sanctorum Philippi et Iacobi Apostolorum in dicta ciuitate Prugensi, quam Bethlehem, quod interpretatur domus Panis, censui

appellandam hac consideratione, ut ibidem populus communis et Christi fideles pane praedicationis Sanctae refici debeant; in modo et ordine intra scriptis,» съ именнаго согласія Короля Вячеслава IV, «ac adhibito etiam consensu honorabilis viri Domini Ulrici, plebani dictae Ecclesiae Sanctorum Philippi et Iacobi Apostolorum, infra cujus fines et limites dictus locus consistit, cui pro iuribus suis Parochialibus et pro quouis praeiudicio, quod forte sibi ex hoc oriri praetenderetur, est per certum transactionem satisfactum, decreui et disposui erigendam.» Для этой церкви и проповѣдника, который долженъ при ней находиться (Rector capellae), Іоаннъ Мюльгеймъ жертвуетъ 9 копъ грошей Пражскихъ, полагая въ каждой копѣ ихъ шестьдесятъ, изъ доходовъ своего помѣстья, Преровъ, недалеко отъ Пардубицъ, предоставляя всѣ прочіе доходы съ того же помѣстья себѣ и наслѣдникамъ: «Salvo pluri per me auctore Domino imposterum addendo.» Доходы церковные должны быть взносимы Іоанномъ и его наслѣдниками дважды въ годъ, въ день Св. Галла и Св. Георгія, и при томъ на ихъ собственный счетъ. Если же наслѣдники Іоанна Мюльгейма не внесутъ въ надлежащій срокъ доходовъ церкви, то проповѣдникъ ея имѣетъ право заложить, и даже продать, помѣстье Преровъ, и взять кромѣ долга еще $^1/_3$ его и всѣ убытки. Если же, при какомъ нибудь несчастномъ случаѣ для Чешскаго Королевства, помѣстье Преровъ будетъ разорено и крестьяне будутъ неспособны къ взносу церковнаго дохода, то Іоаннъ Мюльгеймъ обязывается, за себя и своихъ наслѣдниковъ, выплатить его «de universitate bonorum meorum, ad Pardubitz pertinentium.» Далѣе Іоаннъ Мюльгеймъ предоставляетъ себѣ право назначать капеллана, который долженъ быть «praedicator vulgaris Boemici eloquii,» и передаетъ это право своимъ наслѣдникамъ. Девять копъ Пражскихъ грошей должны исключительно быть посвящены на содержаніе Чешскаго проповѣдника «usque dum ad numerum viginti sexagenarum grossorum praedictorum census annui fuerit per me aut largitione aliorum Christi fidelium donatus. Quo numero peracto (продолжаетъ Мюльгеймъ, намекая на алчность и корыстолюбіе современнаго ему духовенства, 1391, 24 Мая) de his tantum ipsum et non de pluri volo stare contentum, nisi ipse de suis propriis facultatibus sibi et suis successoribus ampliores voluerit redditus adaugere.» Здѣсь слѣдуетъ главное распоряженіе Мюльгейма: «Volo etiam et signanter

etiam hac adjungo ac intendo, ut dictus Capellanus ad sonum campanae diebus singulis ab ecclesia celebribus mane et facto prandio, et tempore aduentus et quadragesimae mane tantum horis solitis, et prout in aliis ecclesiis praedicari est consuetum, Verbum Dei communi populo ciuitatis in vulgari Boemico sit ad praedicandum astrictus, populum excessiue propter visitationem diuinorum in plebibus suis non retinendo. Ad officium autem Missae ipsum suae conscientiae duxi delinquendum.» Относительно ставленія проповѣдниковъ, Іоаннъ изъ Мюльгейма распорядился такъ: «Habita prima praesentatione per me de persona, quam voluero, eodem praesentato cedente aut decedente tres Magistri de Collegio Caroli Universitatis studii Pragensis, natione Boemi et seniores, assumpto ad se in Consilium Magistro ciuium majoris Ciuitatis Pragensis, qui fuerint pro tempore, mihi aut haeredibus et successoribus meis, tres personas habiles et idoneas, et quas meliores in veritate et utiliores in praedicationis officio, omnibus affectionibus, fauoribus et aliis circumductis, nouerint, praesentabunt et offerent, super quo eorum conscientiam coram Deo valo praesentibus onerari, ex quibus unum, qui mihi aut meis haeredibus et successoribus conuenientius videbitur aptior et utilis, ad instituendum et confirmandum loci ordinario praesentabo, aut mei haeredes nt successores praesentabunt, ipseque Capellanus seu Praedicator facere ibidem tenebitur residentiam personalem.» Если Кржыжъ (Crux), Пражскій купецъ, или иной кто нибудь пожелаютъ, пишетъ далѣе Мюльгеймъ, то могутъ опредѣлить еще одного проповѣдника на правахъ патроната: «Ita et non aliter, quodidem Capellanus in diuinorum celebratione singularitater non faciat, ne praedicationis officium in aliquo perturbetur, sed sit ad imperium praedicattor mei praedicti.» Особенно важно слѣдующее мѣсто, показывающее отношеніе тогдашнихъ священниковъ къ ихъ паствѣ, и злоупотребленія, которыми они безнаказанно пользовались: «Quia plerumque fieri solet, quod nonnulli quaerunt, quae sua et non quae sunt Iesu Christi, ut recepto beneficio et emolumento de officio et abore minime intendant, volo, ut praedicator praedictus, si colore quouis quaesito causa subterfugii aut praetextu visitationis aliquorum beneficiorum suorum, si quae habuerit, se a dicto officio absentauerit, quod hoc sibi facere non liceat, nisi causa subsit rationabilis et legitima et talis, ad quam sit eum merito necesse abesse, de scitu tamen et indulto loci ordinarii aut suorum generalium

in spiritualibus vicariorum, a quibus petita licentia et obtenta abesse poterit, idoneo et valente praedicatore in vicem sui et usque ad reditum substituto, secus si factum fuerit, eundem pro rata temporis absentiae ipsius anni duntaxat carere reditibus volo, structuris et fabricae ac aliis necessitatibus ipsius Capellae pene nomine irremissibiliter applicando.» Іоаннъ Мюльгеймъ старается предупредить бѣды, которыя могутъ случиться отъ корыстолюбія духовныхъ. Вообще замѣчательны его слова, гдѣ онъ говоритъ объ алчности лицъ духовныхъ: «et ne de oblationibus Christi fidelium..... haesitari valeat, vitenturque scandala, propter quae plerumque vitiorum mater auaritia nonnullos in labem depressit, de eisdem oblationibus et offertoriis ac aliis intuitu elemosynae ibidem porrigendis ita volui disponendum, ut nullus Praedicatorum et Capellanorum praedictorum se de eisdem aliqua ratione aut via seu colore futuris quibuscunque temporibus ingerat nec de eis quidquam suis usibus, sint pauca vel multa, applicet, sed his in communi gasophilacio repositis, et sub tribus seris intacte conseruatis, quarum primam clavem praedictus Praedicator, alteram Magistri et tertiam Patronus, aut cui duxerit committendam, conseruabunt, ut de eorum communi scitu et concordi consilio aptis et opportunis ac necessariis temporibus expositio et dispositio fiat in ordine subscripto.» Деньги собираемыя должны быть употреблены такъ: 90 грошей ежегодно должны быть взносимы приходскому священнику церкви Св. Іакова и Филиппа, за потерянныя ими права на домъ и церковь Виелеемскую; за симъ, какія останутся деньги, должны быть употреблены на поддержаніе церкви въ ея надлежащемъ видѣ: «His cessantibus,» продолжаетъ Мюльгеймъ, libri pro capella et studio praedicantis necessarii comparentur.» По пріобрѣтеніи достаточнаго числа книгъ, доходы церкви должны быть сберегаемы, доколѣ не соберется 20 копъ грошей, и тогда имѣетъ быть учрежденъ второй проповѣдникъ, совершенно на томъ же основаніи, какъ и предыдущій. По опредѣленіи и достаточномъ обезпеченіи содержанія новаго проповѣдника, доходы церковные должны быть откладываемы въ сторону, и когда соберется 5 копъ грошей, то необходимо долженъ быть содержимъ одинъ бѣдный студентъ Богословія, а если соберется 10, то два и т. д.; съ увеличеніемъ доходовъ должно умножаться число студентовъ Богословія: «Quorum studentium erectionem, dispositionem, modum,

ordinem, onus et formam Praedicatori dictae capellae et dictis tribus Magistris Collegii Caroli nationis Boemicae, qui fuerint pro tempore, maturius dirigendum inposterum reservo.» Въ грамотѣ Короля Вячеслава, данной 13 Сентября, 1391, дозволяется Іоанну Мюльгейму, который названъ единственнымъ строителемъ церкви, пожертвовать ей доходъ въ 30 копъ: грамота эта написана чрезвычайно благосклонно къ дѣлу, начатому Мюльгеймомъ, и обнаруживаетъ симъ образъ мыслей, если не самого Короля, то его ближайшихъ совѣтниковъ относительно этого дѣла. Послѣ многословнаго разсужденія о пользѣ проповѣди, сочинитель грамоты говоритъ: «Praedicatores seu divini verbi praecones stabilimento eiusdem sacrae fidei utiles et proficuos reputamus, illos signanter, qui sciunt et possunt sibi per vitae meritum et aliis profiteri per doctrinam etc. (Pelcel, Urkundenbuch zur Lebensgeschichte Konigs Wenceslaus. Prag, 1785, S. 101—108). Уже 5 іюля, 1391 года, Іоаннъ Помукъ, Викарій Пражскаго Архіепископа, утвердилъ проповѣдникомъ Виѳлеемской церкви Яна Противу «de Nova villa,» но не прежде какъ въ 1408 году Папа Григорій подвердилъ учрежденіе Яна изъ Мюльгейма. Не извѣстно, на какомъ основаніи Бальбинъ пишетъ (p. 418), что Виѳлеемская церковь построена купцомъ Іоанномъ Кржижомъ (Crux) въ 1392; что она заложена въ этомъ году, а окончена въ 1405 г., и къ ней только тогда опредѣленъ проповѣдникъ Яномъ изъ Мюльгейма, и что этотъ проповѣдникъ былъ Гусъ. Ниже увидимъ, что Гусъ былъ не первымъ, но третьимъ, проповѣдникомъ при Виѳлеемской церкви. Въ 1385 году (по Бальбину) Архіепископъ Пражскій, Іоаннъ, имѣлъ въ Прагѣ областной соборъ; Іоаннъ, гордый Прелатъ, стоявшій упорно за свои права, былъ вмѣстѣ умный и прозорливый человѣкъ: отъ него не укрылось броженіе, господствовавшее въ народѣ; онъ превосходно понималъ опасность своего положенія. Одинъ современный лѣтописецъ (у Добнера: Monumenta Boemiae t. III, p. 42) разсказываетъ это по своему: Іоаннъ, Архіепископъ Пражскій, говоритъ онъ, въ своемъ домѣ, подлѣ Пражскаго моста, видѣлъ сонъ, или лучше видѣніе, что народъ преслѣдуетъ духовенство, вырываетъ у него ключи власти силою, и понялъ грядущія бѣдствія Чехіи; онъ призвалъ на совѣтъ Доктора Астрономіи, Галла Великаго, который сказалъ ему то же самое. Отчаянное положеніе вызываетъ отчаянныя средства, и Іоаннъ, уже въ 1385 году, призываетъ ду-

ховенство соединиться съ нимъ и употребить всѣ средства, которыми оно можетъ располагать: «Omnia tela,» пишетъ онъ въ опредѣленіяхъ собора, «et anathemata aduersus haereses, aduersus bonorum ecclesiasticorum occupationem et aduersus Sacerdotum caedes vibrantur.» Впрочемъ, злоупотребленія духовенства и его безнравственность были такъ вопіющи, что Іоаннъ рѣшился сдѣлать нѣсколько уступокъ общественному мнѣнію и обуздать развратное духовенство: въ опредѣленіи этого собора узнаемъ, что нѣкоторые духовные совершаютъ всѣ духовныя дѣйствія относительно своихъ прихожанъ не иначе, какъ за чистыя деньги, и что Архіепископъ строжайше запрещаетъ эту Симонію; священникъ, который пріобщалъ Св. Таинъ, или совершалъ иное какое нибудь священное дѣйствіе за деньги, немедленно долженъ былъ оставить свои бенефиціи, а капелланъ былъ наказываемъ заключеніемъ въ Архіепископской темницѣ.

Вячеславъ не переставалъ покровительствовать Пражскому Университету: грамотою 13 Октября, 1392, онъ освободилъ Магистровъ, Докторовъ и Студентовъ этого Университета отъ всѣхъ повинностей и налоговъ, а равно и отъ всякой зависимости судебной отъ Пражскихъ Городовъ и подчинилъ во всѣхъ отношеніяхъ одному себѣ. Въ 1393 году давнишняя распря Короля Вячеслава съ Архіепископомъ Іоанномъ дошла до высшей степени раздраженія съ обѣихъ сторонъ и обнаружила вполнѣ безсиліе духовной власти. Іоаннъ Енштейнъ или Енценштейнъ былъ Епископомъ Мишненскимъ и потомъ Архіепископомъ Пражскимъ послѣ Іоанна Очка изъ Влашима, который сдѣланъ Кардиналомъ въ 1379 году. Іоаннъ Енштейнъ былъ человѣкъ веселый, любилъ пиры и удовольствія всякаго рода, и чрезъ то сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ Короля Вячеслава. Въ 1382 году въ Іоаннѣ сдѣлалась внезапная перемѣна: изъ свѣтскаго веселаго человѣка онъ сталъ угрюмымъ и молчаливымъ отшельникомъ и началъ вести жизнь самую строгую. Люди, его окружавшіе, полагали, что внезапная смерть Архіепископа Дѣвинскаго (Магдебургскаго), испустившаго духъ среди пляски, сильно подѣйствовала на Іоанна и послужила къ исправленію его жизни. Но болѣе важная перемѣна случилась въ душѣ Іоанна Енштейна; его дѣйствія исполнены глубокаго смысла и его самаго можно назвать Ѳомою Бекетомъ Чехіи. Всѣ усилія Іоанна клонились къ тому, чтобы поддержать

Католичество, которое становилось невыносимо для Чеховъ. Ни какой Король не можетъ отдѣлиться отъ выгодъ своего народа, потому что въ нихъ лежатъ и его собственныя. Такъ и Вячеславъ, хотя и по воспитанію и по убѣжденію Католикъ, не могъ не раздѣлять противокатолическихъ стремленій своего народа; придворные и совѣтники Вячеслава слѣдовали его примѣру. Что оставалось дѣлать Архіепископу противъ народа, вельможъ и Короля? Енштейнъ имѣлъ великія цѣли: видя шаткое положеніе свѣтской власти, явно непріязненное расположеніе умовъ народа, видя готовность вельможъ захватить огромныя церковныя имѣнія; однимъ словомъ, не видя ни чего, кромѣ опасностей, Іоаннъ Енштейнъ не пришелъ въ отчаяніе, но въ самыхъ опасностяхъ почерпнулъ удивительныя силы. Все истинное могущество духовной власти было нравственное: Іоаннъ рѣшился побѣдить всѣхъ своихъ враговъ духовными силами, но онъ зналъ, что эти послѣднія могутъ быть только тогда дѣйствительны, когда они опираются на нравственное основаніе; чтобы пріобрѣсть вліяніе на умы народа, такъ легко воспринимающаго внѣшнія впечатлѣнія, Іоаннъ измѣнилъ совершенно свой образъ жизни, сталъ вести жизнь истинно Апостольскую. Тогда онъ почелъ себя вправѣ вступить въ борьбу съ Королемъ и вельможами, надѣясь побѣдить ихъ нравственными силами; но онъ слишкомъ понадѣялся на нихъ; онъ не примѣтилъ, что основанія, на которомъ опирается всякая внѣшняя и внутренняя сила, у него не было, что сердца народа навсегда удалены отъ него. Тринадцать лѣтъ (1383—1396) шла почти безпрерывная борьба между Королемъ и вельможами съ одной стороны и Архіепископомъ съ другой; борьба была неравна, по тому что и не все духовенство стояло за Архіепископа, даже самый Капитулъ былъ противъ него; но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ борьбу, и честно удалился съ поля сраженія, убѣдившись въ своемъ безсиліи. Борьба Іоанна, Архіепископа Пражскаго, съ Вячеславомъ существенно отличается отъ борьбы Епископа Андрея съ Оттакаромъ Пржемысломъ I: здѣсь духовная власть старалась выйти изъ своего естественнаго круга, присвоить себѣ власть, ей не принадлежащую. Напротивъ, Іоаннъ не искалъ ни чего болѣе, какъ того, чтобы сохранить Церковь Чешскую въ ея прежнемъ положеніи и оградить отъ покушеній

Короля, вельможъ и народа. Дѣйствія этой борьбы намъ извѣстны вполнѣ: они драгоцѣнны, по тому что изъ нихъ превосходно узнаемъ положеніе духовной власти въ Чехіи: разсмотримъ же памятникъ, содержащій въ себѣ повѣствованіе о борьбѣ Іоанна Архіепископа съ свѣтскою властью, по скольку въ немъ узнаемъ черты народнаго движенія и состояніе Чехіи относительно Вѣроисповѣдныхъ мнѣній. Памятникъ этотъ—это подробная жалоба Архіепископа Іоанна Папѣ на всю Чехію, представляющая всѣ страданія духовной власти отъ свѣтской: «Acta in Curia Romana Iohannis a Genzenstein, Archiepiscopi Pragensis III.»

Уже 14 или 15 лѣтъ тому, пишетъ Іоаннъ (это было въ 1393), я наединѣ просилъ Короля отстать отъ многихъ поступковъ, которые могутъ повлечь его въ вѣчное осужденіе: онъ не только не повиновался мнѣ, но и причинилъ величайшіе убытки мнѣ и Чехіи. Тогда я, составивъ отъ лица моего и всего духовенства жалобу, поднесъ ее Королю, требуя по ней удовлетворенія. Ст. 1. Духовенство говоритъ, между прочимъ, что оно навлекло бы на себя не только негодованіе Апостольскаго престола и неблаговоленіе Божіе, но и заслужило бы всякое наказаніе отъ Его Королевскаго Величества, если бы, видя опасность, оно не довело до него о ней свѣдѣнія. Въ чемъ состоитъ эта опасность? Предоставимъ говорить здѣсь духовенству: «Cum amaritudine cordis et gemebunde referimus, lucedenter constet, sacramenta conculcari, claves ecclesiae et censuram ecclesiasticam contempni, iusticiam, processus et literas Apostolicas impediri, profanari ecclesias, multos ad beneficia intrudi, clerum opprimi, bona eius dirimi, libetrates quoque eeclesiasticas ad diuis Imperatoribus concessas et Regibus, ac clarae memoriae Progenitore vestro actas et defensatas, grauissime violari! Читая этѣ строки подумаешь, что они писаны среди ужасовъ Гуситскихъ войнъ, а между тѣмъ состояніе вещей, здѣсь описанное, дѣйствительно существовало еще за тридцать лѣтъ до ихъ начала. Далѣе духовенство продолжаетъ: «Ex quibus.... cultus Dei minuitur, nedum inhonoratur Deus, nomen Christi blasphematur et grande periculum vertitur fidej orthodoxae, sed etiam fama regalis nominis et Regni Boemiae plurimum denigratur.» Таково уже было состояніе Чехіи въ 1383, слѣд., почти за двадцать лѣтъ до появленія Гуса, какъ историческаго дѣятеля. Ст. 3. Королевскіе чиновники, Бургграфы, Судьи и др. священниковъ и монаховъ вызываютъ къ суду, наказываютъ ихъ и

въ случаѣ неповиновенія заключаютъ, ихъ въ темницы и отбираютъ ихъ имѣнія; такъ нѣкоторые Студенты были задержаны въ Новомъ Пражскомъ Городѣ и не были выданы Архіепископу, но представлены въ свѣтскій судъ, совершенно вопреки привилегіямъ и правамъ церкви. Ст. 4. Строжайше наказываются тѣ духовныя лица, которыя засѣдаютъ въ церковныхъ судахъ и рѣшаютъ дѣла клериковъ: «Proscribuntur, fugantur et persecutionem usque ad exterminium patiuntur cum magno periculo vitae suae. Ст. 5. Item sententia excommunicationis papalis, iuris Canonici et Episcopalis non curatur, immo et eam ferri illamque executioni mandari minatorie prohibetur, in quo utique claves ecclesiae—graviter contemnantur. Ст. 6. Item prohibetur—et impeditur, ne aliquis processus, rescripta et mandata Apostolica exequatur, sicut nouiter ad Sanctum Iacobum accidit, ubi executor mandati Apostolici enormiter tractus per ecclesiam et usque ad effusionem sanguinis laesus fuit, et in captiuitate seculari in Pragensi ciuitate in praetorio diu tentus et sic ecclesia fuit execrata, sacramenta contempta et sacra conculcata. Plures excommunicatorum in maiorem Dei contemptum intersunt absque timore diuinis etc. Ст. 7. Item multi, non intrantes per ostium, sed velut fures per intrusionem dampnabiliter occupant beneficia, et si qui huiusmodi intrusioni violenter resistere vellent, in periculo sunt personarum et rerum. Ст. 8. Item libertas matrimonii, quod utique Sacramentum est, contra Deum opprimitur, quia mulieres aut virgines vel rapiuntur impune, vel sub poena priuationis bonorum maritos contra voluntatem suam ducere compelluntur. Ст. 9. Clerus exhaereditatur per indirectum, quod est contra omne ius naturale:» у лицъ, поступающихъ въ духовенство, или монашество, Королевскіе чиновники отбирали ихъ наслѣдственное имѣніе. Ст. 10. Монастырямъ запрещается продавать помѣстья, а въ противномъ случаѣ помѣстья проданныя безъ согласія Короля, конфискуются его чиновниками. Ст. 11. Item monasteria, quae solum pro seruitorum, peregrinorum et pauperum hospitalitate ordinata sunt, tot cotidie diuitum hospitalitatibus importunis et indebitis vexantur, propter quod ipsa monasteria permaxime sunt exhausta exactionibus, taliis at steuris indebite onerantur, ob quod quasi insolubilia debita per monasteria sunt contracta.» Но кто не пойметъ важности статьи XII-й? Вотъ она: «Tot bona ecclesiarum, monasteriorum, hospitalium et aliorum sacrorum locorum

iam recepta sunt et cotidie per violentiam recipiuntur sine omni iudicio, etiamsi iuxta morem Regni ipsius sint intabulata, et de violentia conqueri volentibus audientia impie denegatur, ita quod cultus Dei in pluribus locis valde periit, et, proh dolor! clericus tam vilis habetur, quod Iudei, inimici Crucis Christi, melioris conditionis videntur esse, quam clerici.» Въ статьѣ 13-й духовенство проситъ Короля положить конецъ притѣсненіямъ, которыя терпитъ духовенство, понесшее убытокъ въ нѣсколько тысячъ марокъ, и которыя не могутъ доставить ни какой пользы самому Королю; въ заключеніе духовенство заклинаетъ Короля не слушать злыхъ совѣтниковъ, которые выставляютъ ему въ ненавистномъ свѣтѣ духовенство, «sine quo utique fides Chritiana subsistere non potest», и чрезъ то ведутъ его (Короля) къ погибели духовной. Архіепископъ отъ лица всего Чешскаго духовенства подалъ эту жалобу въ Королевскій Совѣтъ и ждалъ удовлетворенія. Не тутъ-то было: отвѣта долго не послѣдовало, и положеніе духовенства становилось все хуже и хуже. Ст. 14: «Nisi solus,» пишетъ Архіепископъ, «cum consilio Praelatorum meorum pro pace universali totius cleri per prolatas aliquas excommunicationis sententias et interdicti prouidissem totus clerus multis iniuriis et spoliis fuisset deuastatus, diuinusque cultus similiter diminutus et annihilatus.» Его жалобы, по собственному признанію, не только не принесли ни какой пользы, но снискали ему еще болѣе враговъ: правосудіе не было оказано Архіепископу, который говоритъ, что Королевскій Совѣтъ давалъ ему полное удовлетвореніе на словахъ, но не выдалъ ему ни одного изъ его многочисленныхъ враговъ. Вообще въ теченіи 4 лѣтъ моего Архіепископства, пишетъ Іоаннъ Енштейнъ, я потерпѣлъ убытку болѣе нежели на 40000 копъ грошей: «per spolia, guerras, munitionem castrorum, expensas magnas, cum magnis gentibus hinc inde pro pace et iusticia habenda equitando et laborando, neque eam idcirco habendo.» Далѣе слѣдуютъ новыя жалобы Архіепископа. Ст. 15. Когда онъ былъ въ качествѣ Королевскаго Писаря съ Вячеславомъ IV въ Нюрнбергѣ, народъ, въ его отсутствіе, вломился въ его дворъ и нанесъ много вреда его вещамъ и людямъ. Король потомъ помирился съ жителями Нюрнберга, но въ удовлетвореніе Архіепископу не выговорилъ ни чего, который съ досады конфисковалъ имущество Нюрнбергцевъ, находившихся въ его городахъ. Король Вячеславъ тотчасъ приказалъ возвратить это

имущество его надлежащимъ хозяевамъ. Въ ст. 16. Архіепископъ жалуется на Короля Вячеслава въ томъ, что онъ не исполняетъ своихъ обѣщаній и не уплачиваетъ своихъ долговыхъ обязательствъ. Ст. 17. Маршалокъ Короля (такъ разсказываетъ Архіепископъ), по имени Чухъ, началъ дѣлать на рѣкѣ, которую Архіепископъ считалъ своею собственностью, плотину для лова рыбы; люди Архіепископа разрушили ее и принудили такимъ образомъ Чуха принесть жалобу Королю, который призвалъ къ себѣ Архіепископа, выговаривалъ ему съ большимъ жаромъ, держалъ нѣсколько дней подъ стражею въ Карлштейнѣ «et interim quasi per totam Boemiam inuadi iussit bona ecclesiastica». Тогда все церковное имущество было разграблено, и люди, жившіе на церковныхъ земляхъ, до того обѣднѣли, что, если вѣрить Архіепископу, онъ шесть, или семь, лѣтъ не бралъ съ нихъ оброка. Ст. 18. Уже давно мнѣ (пишетъ Архіепископъ) принадлежало право свободно посылать мои суда внизъ по Лабѣ: но вотъ, по приказанію Короля, суда задерживаютъ. Что же дѣлаетъ Архіепископъ? «Cumque plurimas excommunicationes et interdicta in ciuitate Lithomericensi, quae dictum nauigium impedit, posuissem, nihil profuit.» Король и его Совѣтъ обѣщали правосудіе Архіепископу, призвали его къ себѣ и задержали, а потомъ выпустили, не сдѣлавъ ни чего рѣшительнаго. Положено было рѣшить дѣло третейскимъ судомъ; послѣ тысячи проволочекъ, судъ рѣшилъ въ пользу Архіепископа и приговорилъ жителей Литомѣрицъ къ уплатѣ всѣхъ проторей и убытковъ: «sed ipsi quamuis frivole ad Sedem Apostolicam appellauerunt; et alium iudicem impetrauerunt, ut semper protraherent iustitiam et nunquam finem litibus imponerent.» Ст. 19 показываетъ недовѣрчивость Архіепископа къ Пражанамъ: «In monte Pragensi censuales domos plures habui in solo ecclesiae meae aedificatas, quae nescio per quem modum ut dicitur, insidiose crematae fuerunt et reaedificari non permittuntur, et aliae detinentur, et sic certis censibus sum spoliatus, immo in illa parte domus Episcopalis violenter plurimas domos aliqui ciues de Regis permissione et in ecclesiae meae magnum detrimentum aedificauerunt, muro eas curiae meae applicantes, de quibus semper timeo furta fieri vel domum Archiepiscopalem concremari.» Ст. 20 показываетъ, что Король не только держалъ сторону своихъ подданныхъ противъ духовенства, но и поджигалъ первыхъ, обѣщая свое заступничество и безнаказанность.

Архіепископъ считалъ своею рѣку Велтаву отъ Пражскаго моста до плотины Мейнгриди, и требовалъ отъ всѣхъ рыбаковъ и перевозчиковъ ежегодной платы: «Rex ciuibus Pragensibus mandauit secrete, ut impediánt in nauigio, ut aquam tandem ibidem et insulam, quae etiam est Episcopalis, pro se usurpare per consequens possent, et eum pluries eos propterea excommunicassem, et plures cum eis terminos habuissem, nunquam tamen finem potui habere....» Ст. 21 выставляетъ Вячеслава въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ: «Rex, sicut pluries antea et post fecit, quemdam clientem, suum familiarem, dictum Hess, me diffidare et cui ipse gentibus et sumptibus auxilium praestitit, qui me et ecclesiam meam spoliis et multis dampnis laesit, ob quam causam saepius multas gentes me habere oportuit per plures menses.» Въ этомъ дѣлѣ посредникомъ былъ избранъ Іоаннъ, Епископъ Литомишльскій, котораго будто бы Вячеславъ заставилъ произнести рѣшеніе въ пользу Геса и приговорить къ уплатѣ 50 копъ Архіепископа Іоанна. Въ ст. 22-й читаемъ, что одинъ Бургграфъ, по имени Тѣвакъ, съ согласія Короля, отобралъ въ помѣстьяхъ Архіепископа и у людей его, кромѣ значительнаго числа меньшихъ животныхъ и лошадей, около пятисотъ коровъ по близости г. Рокицаны. Архіепископъ принесъ жалобу Королю, который изъявилъ сожалѣніе къ его несчастію; но когда Архіепископъ послалъ своихъ вооруженныхъ людей въ погоню за Бургграфомъ, и отогналъ у него часть скота, то Король вышелъ изъ себя и хотѣлъ предать смерти людей Архіепископа. Въ ст. 23. Архіепископъ изображаетъ такъ свое невѣрное и затруднительное положеніе въ Чехіи: «Ab illo tempore, sicut fui Archiepiscopus, multa alia particularia dampna, confusiones, calumnias, irreuerentias, a dicto Rege et a suis recepi et contra priuilegium Imperatorum et Regum Boemiae in libertatibus ecclesiasticis magnum detrimentum et impedimentum habui in pluribus locis, plura per castellanos Regis et ciuitates oppidis meis, villes et castris impedimenta facta sunt, pupliceque stratae remotae, pauperes mei captiuati et male tractantur, nemora ecclesiae usurpantur....» Въ стат. 24 Архіепископъ исчисляетъ убытки, которые онъ понесъ, когда вынужденъ былъ покинуть Чехію: онъ роздалъ все свое имущество на удовлетвореніе долговыхъ притязаній: «libros meos multum dilectos pro paecunia obligaui,» укрѣпилъ свои замки, оставилъ въ нихъ сильныя стражи, и для полученія денегъ на этѣ необхо-

димыя издержки, заложилъ свои брильянты и дорогія одежды въ Венеціи. Статьи 25 — 28 содержатъ полную исторію извѣстнаго спора Короля Вячеслава съ Архіепископомъ Пражскимъ, жертвою котораго былъ Викарій Архіепископа, Іоаннъ Помукъ. Мы не станемъ входить во всѣ явленія этого замѣчательнаго событія; изберемъ только тѣ черты, которыя имѣютъ болѣе отношеніе ко всему народу, а не условливаются личными недостатками свойствъ Вячеслава и Іоанна. Архіепископъ призвалъ къ своему суду младшаго Коморника, Сигизмунда, «ut super erroneis et haereticis et fidei contrariis per se dictis et factis responderet.» Это обвиненіе въ ереси было вымышленное, чтобы погубить Сигизмунда, и по тому очень легко догадаться, какъ въ народѣ пришли въ презрѣніе эти обвиненія въ ереси, такъ щедро раздаваемыя. Впрочемъ, этотъ Сигизмундъ, если вѣрить Архіепископу, обезглавилъ одного Студента духовнаго и одного жителя Новаго Пражскаго Города, также клерика сжегъ (enormiter cremauit). Когда Король требовалъ къ себѣ Архіепископа, и тотъ спокойно сидѣлъ въ замкѣ Рудницкомъ, то Король написалъ къ нему очень коротенькое письмо слѣдующаго содержанія: «Tu, Archiepiscope, mihi castrum Rudnicz et alia castra mea restituas, et recedas mihi de terra mea Boemiae. Et si aliquid contra me attentabis, vel meos, volo te submergere litesque sedare. Pragam veni.» Слова «mihi restituas» показываютъ, что Вячеславъ боролся съ Архіепископомъ не по странности своихъ свойствъ и не изъ минутной причуды, но на твердомъ нравственномъ основаніи: онъ хотѣлъ снова получить во владѣніе тѣ замки и земли, которые вассалы заняли въ разное время, пользуясь смутными обстоятельствами Королей. Большая часть этихъ бывшихъ Коронныхъ имуществъ принадлежала теперь дѣйствительно или въ видѣ залоговъ духовенству, или, что все то же, главѣ его, Архіепископу: Вячеславъ хотѣлъ принудить Архіепископа къ возвращенію хотя части бывшихъ Коронныхъ имуществъ. Упорное сопротивленіе Архіепископа вооружило противъ него Вячеслава, который болѣе всего любилъ уступчивость и покорность; сильное негодованіе Вячеслава оказывалось иногда въ жестокихъ и необдуманныхъ поступкахъ, которыхъ онъ самъ стыдился, какъ только приходилъ въ себя: явное сопротивленіе Архіепископа и его надменность, его желаніе постоянно стоять наравнѣ съ Королемъ, его наглое сопротивленіе повелѣніямъ Ко-

роля, раздражили вспыльчиваго Вячеслава и довели его до того, что онъ умертвилъ Іоанна Помука, котораго онъ считалъ главнымъ совѣтникомъ Архіепископа. При томъ безразсудные поступки Пражскаго Архіепископа вооружили Вячеслава противъ всего духовенства: «Proclamatum voce praeconia (на другой день послѣ утопленія Іоанна Помука) in ciuitate Pragensi fuit, ut non Presbyter in nocte iret, vel clericus, quod si aliquem ire contingeret; presbyter, quod caperetur, si clericus, quod eidem manus amputaretur.» Когда прошелъ первый порывъ гнѣва, Вячеславъ послалъ къ Архіепископу съ мирными предложеніями, но Архіепископъ сдѣлалъ требованія слишкомъ неумѣренныя, на которыя Вячеславъ никогда не могъ согласиться; однако тотъ призвалъ Архіепископа въ Прагу, за безопасность котораго поручились три вельможи. Король предложилъ ему слѣдующія условія: 1) простить отлученнаго отъ церкви Подкоморника, Сигизмунда, и признаться, что онъ отлучилъ его по навѣту своего Викарія (утопленнаго Іоанна Помука). 2) «Marchioni Procopio quod darem (слова Архіепископа) quaedam notabilia bona in Moravia на пять лѣтъ. Капитулъ сталъ на сторонѣ Короля и принудилъ Архіепископа согласиться на всѣ условія. Видя со всѣхъ сторонъ опасность, Архіепископъ всенародно простилъ Сигизмунда и объявилъ, что онъ это дѣлаетъ совершенно свободно, а въ душѣ твердо рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ взять назадъ свои уступки. Но, видя совершенную холодность народа, Архіепископъ не имѣлъ на что опереться, и по тому вынужденъ былъ терпѣть неслыханныя униженія. Его представили Королю Вячеславу и заставили на колѣняхъ просить у него прощенія: Король обошелся чрезвычайно сурово съ Архіепископомъ и сказалъ ему: «Quod amodo non excommunicarem suos officiales sine scitu suo.» Оскорбленный Архіепископъ не хотѣлъ ни совершать божественной службы, ни на ней присутствовать: «unde contra me non modicus clamor cum minis intonuit, plurimis dicentibus, si non interfueris et recedes, Rex iterum te contumacem et rebellem sibi inueniet, qui multis precibus me rogauerunt, ut remanerem et diuina officia per me peragerem:» Архіепископъ и на этотъ разъ принужденъ былъ уступить. Этимъ распри его съ Королемъ не кончились. Вячеславъ испросилъ у Папы праздновать въ 1393 юбилейный годъ въ Чехіи: начало празднества было возвѣщено безъ согласія и

вѣдома Архіепископа собирателемъ денегъ для казны Апостольской. Архіепископъ, оскорбленный такимъ пренебреженіемъ, думалъ было объявить юбилей недѣйствительнымъ; слухъ объ этомъ дошелъ до Короля, который пришелъ въ сильное негодованіе, особенно отъ того, что онъ уже совершилъ разныя набожныя дѣйствія, съ юбилеемъ сопряженныя, которыя, въ случаѣ объявленія Архіепископа, были недѣйствительны, и послалъ къ Архіепископу, приказывая ему въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, тотчасъ подтвердить юбилей: Архіепископъ согласился: «et mihi,» пишетъ онъ, «intimatum est, quod nisi illam literam Rex habuisset, cum magna turba armatorum, quam in praetorio maioris ciuitatis Pragensis congregauerat, super personam meam et familiam nocte illa irruisset.» Затѣмъ Король потребовалъ у Архіепископа, чтобы тотъ возвратилъ ему право патроната (о которомъ ниже) надъ всѣми Пражскими и иными церквами, выстроенными Королями, его предшественниками. Архіепископъ не далъ рѣшительнаго отвѣта и хотѣлъ проволочить дѣло: «Hanc vero iurisdictionem idcirco a me habere voluerunt, ut per prudentes veraciter fuit coniecturatum, quatenus clerum turbarent et plebanos, qui excommunicatos expepulerunl de ecclesiis, et interdicta et mandata tenent Apostolica et ordinaria, expellerent, et profanos ibi ponerent sacerdotes, quodque, sicut de his cognoscerent, sic et de aliis causis Ecclesiasticis multa mala et scandala perpetrarent.» Наконецъ узнавъ, что Король хочетъ требовать отъ него совершеннаго забвенія всего прошедшаго, Архіепископъ рѣшился оставить Чехію, и съ нѣкоторыми духовными лицами отправился въ Римъ. Изложивъ жалобу свою на различныя оскорбленія, которыя мы видѣли выше, Архіепископъ требуетъ у Папы такого удовлетворенія: «Praefatum Dominum Regem et dictos suos complices declaret fuisse et esse sacrilegos, homicidas et excommunicatos, et paenas contra talia perpetrantes tam a Iure, quam ab homine promulgatas, eos temere incidisse et tanquam tales denuntiandos et publicandos fuisse, denuntiari et publicari, cum potestate etiam aggrauandi et supponendi totam terram Boemiae Ecclesiastico interdicto, et ad praedicta omnia, et in eos procedendi simpliciter, summarie et de plano sine strepitu et figuris Iudicii et procedendi in praedictos ex officio et citandi personaliter eosdem praedictos sacrilegos in Romana Curia et extra, et etiam per Edictum in ipsa Romana Curia et partibus vicinis, cum non sit tu-

tus accessus ad eos, et priuandi praedictos clericos omnibus et singulis dignitatibus personalibus, officiis et beneficiis, quocunque nomine censeantur, quae obtinent et quae habere dignoscuntur, pro sufficientibus expensis et prouidendi de eis personis idoneis, etiam habentibus unum vel duo beneficia, nominanda per dictum Dominum Archiepiscopum.... cum potestate compellendi per censuras ecclesiasticas et alia iuris remedia praefatum Dominum Regem et dictos complices ad restituendum et emendandum omnia dampna per ipsum et suos illata complices.... cum potestate etiam denuntiationes et alia supra et infra scripta exequendi per simile edictum et inhibendi praefato Regi sub grauissimis poenis et censuris, quod de caetero libertatem ecclesiasticam in prouincia Pragensi nullatenus violet, dictaeque ecclesiae Pragensi eique Archiepiscopo nulla dampna inferat, aut inferri per suos faciat et permittat.» Папа, занимавшій тогда Папскій престолъ въ Римѣ, не могъ не быть чувствительно оскорбленъ обидами, нанесенными ему въ лицѣ Архіепископа; но онъ самъ находился въ опасномъ положеніи и принужденъ былъ щадить Вячеслава, опасаясь, чтобы онъ явно не перешелъ на сторону его противника, Авиньонскаго Папы. Къ тому же Вячеславъ спѣшилъ оправдаться, и послалъ своихъ пословъ въ Римъ съ опроверженіями на жалобу Архіепископа. Папа долженъ былъ притвориться совершенно довольнымъ, и Архіепископъ, возвратившись изъ Рима, и не получивъ ни какого удовлетворенія, самъ говорилъ: «Papa me iuvare non potuit.» Но Бонифацій IX не могъ забыть непріязненныхъ дѣйствій Вячеслава по отношенію къ духовной власти, и почти навѣрно можно сказать, что съ того времени онъ сталъ въ душѣ врагомъ Вячеслава и замыслилъ его низложеніе съ престола Нѣмецкой Имперіи. Что касается до Архіепископа, то онъ, видя совершенный упадокъ духовной власти въ Чехіи и невозможность возвратить ей прежнее значеніе, рѣшился сложить съ себя тягостное достоинство, что онъ и сдѣлалъ въ 1396 году. Сюда не принадлежитъ изслѣдованіе причинъ двукратнаго заключенія Вячеслава, но замѣтимъ только участіе, которое духовенство принимало во всѣхъ движеніяхъ противъ него. Въ 1396 году избранъ былъ Пражскимъ Архіепископомъ Вольфрамъ Скворецъ, который сталъ за одно съ Чешскими вельможами, возставшими противъ Вячеслава за покушенія на ихъ права; такимъ образомъ мы не видимъ уже въ немъ защитника нравственныхъ правъ Церкви, но одного изъ

вассаловъ Чешскихъ, который заступается за свои права, общія ему со всѣми землевладѣльцами. Дѣйствуя такимъ образомъ, т. е., предпочитая свѣтскія выгоды духовнымъ, Вольфрамъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ нѣкоторое значеніе: такъ онъ предсѣдательствовалъ въ Тайномъ Королевскомъ Совѣтѣ и т. п., но тѣмъ ниже упалъ онъ во мнѣніи народа, видѣвшаго его совершенное нерадѣніе къ исправленію духовенства. Впрочемъ, Вячеславъ, послѣ перваго своего плѣна, явно старался склонить на свою сторону духовенство многочисленными пожертвованіями, иногда, особенно въ 1396 году, весьма значительными (Pelzel, 332).

Въ 1397 году произошло событіе важное для Пражскаго Университета. Королева Польская, Ядвига, основала въ г. Прагѣ Коллегіумъ для 12 студентовъ и одного Магистра, и надзоръ надъ нимъ ввѣрила проповѣднику Виолемской Церкви. Въ 1399 году Вячеславъ тоже основалъ при Пражскомъ Университетѣ еще Коллегіумъ, и назвалъ его «Colleigum Wenceslai;» онъ далъ ему скромныя права и привилегіи. Университетъ Пражскій и прежде славнаго спора, вынудившаго Нѣмецкихъ студентовъ покинуть Прагу, приходилъ очень часто въ столкновеніе съ Папою, а голосъ въ пользу предпочтенія Чеховъ раздавался еще и прежде голоса Гуса у его послѣдователей, какъ это видно изъ словъ Бальбина, который (на стр. 394 Epitome rerum Boh.) говоритъ, что ему случилось видѣть, между рукописями Пражскаго Университета, одну подъ заглавіемъ: «Appellatio in causa Collegiorum studii Pragensis,» изъ 1385 года; другую, на заглавіи которой было написано: «Anno 1384 Dec. 2, ut videlicet soli Bohemi et in defectu eorum tantum alii in Collegiis recipiantur. Item alia appellatio Rectoris almae Universitatis studii Pragensis contra eundem Archiepiscopum. Protestatur Universitas se independenter ab Archiepiscopo, ut est in litteris, habere facultatem condendi studia Universitatis eaque interpretandi et plura (прибавляетъ Бальбинъ) in eam sententiam.» Вальфрамъ занималъ престолъ Архіепископскій въ Прагѣ до 1403 года, въ которомъ умеръ; тогда избранъ былъ на его мѣсто Іоаннъ Пушникъ, жадный и злонравный Каноникъ, открытый врагъ Вячеслава IV-го, но умеръ послѣ посвященія яко бы отъ яду. За тѣмъ избранъ Архіепископомъ Сбигнѣвъ Берка изъ Газенбурга, иначе Заяцъ, котораго дѣятельность идетъ объ руку съ дѣятельностью Гуса, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Что же общаго скажемъ о царствованіи Вячеслава IV? Какую роль игралъ онъ по отношенію къ Вѣроисповѣдному движенію народа Чешскаго? Первое, что мы можемъ извлечь изъ вышеприведенныхъ данныхъ, это: Вячеславъ не преслѣдовалъ своею жизнью и поступками одной твердой и опредѣленной мысли, не дѣйствовалъ по однажды принятымъ и неизмѣннымъ правиламъ, не имѣлъ въ виду никакой вѣрной цѣли, съ которою соображалъ бы всѣ свои дѣйствія, а онъ дѣйствовалъ такъ, на удачу, подъ вліяніемъ легкихъ впечатлѣній и чаще всего по совѣтамъ людей, его окружавшихъ. Но съ непостоянствомъ характера Вячеславъ соединялъ страстную охоту повелѣвать, и по тому очень неохотно сносилъ чуждое вліяніе, какъ только примѣчалъ его: всѣ его любимцы и совѣтники поплатились жизнью за свое мгновенное значеніе. Вячеславъ самъ, какъ человѣкъ, былъ добрый Католикъ, т. е., онъ такъ, по привычкѣ, соображался со всѣми предписаніями Церкви, позволяя, впрочемъ, иногда себѣ сомнѣніе на счетъ ихъ силы и дѣйствительности; но онъ никого не принуждалъ быть Католикомъ, и давалъ каждому полную волю слѣдовать тѣмъ Вѣроисповѣднымъ мнѣніямъ, которыя ему кажутся лучшими. Между тѣмъ Чехи хотя продолжали носить внѣшность Католическую, уже давно волновались Вѣроисповѣдными вопросами безсознательно. Хотя еще богословская полемика, разорвавшая послѣднюю Католическую внѣшность, не указала народу умственнаго пути для его убѣжденій и дѣйствій, не дала, такъ сказать, духовной пищи его внутреннимъ потребностямъ, однако въ немъ смутно выражалось недовольство его настоящимъ положеніемъ и стремленіе къ перемѣнѣ; это недовольство приводило его къ поступкамъ, противнымъ всякому началу законности, какъ то: къ истребленію Жидовъ и частнымъ возстаніямъ. Что же сдѣлалъ Вячеславъ посреди всеобщаго броженія? Онъ предоставилъ вещамъ пти своимъ порядкомъ, и хладнокровно смотрѣлъ на страшныя дѣйствія, вокругъ него совершавшіяся; впрочемъ, это хладнокровіе происходило въ Вячеславѣ не столько отъ внутренняго убѣжденія, сколько отъ склонности къ недѣятельности. Вячеславъ любилъ, чтобы ему оказывали безусловную покорность, и по тому естественно пришелъ въ непріязненное столкновеніе съ вельможами Чешскими, дорожившими своими правами болѣе, нежели жизнью. Города, опасаясь за свои вольности, также стали противъ Короля, и успѣли ограничить его

притязанія, а въ послѣдствіи даже объемъ его власти. Король, Чины и духовенство, занятые каждое своими частными сословными выгодами, вели между собою безпрестанныя распри, но не за идеи, а либо за помѣстья, либо за права, которыя висѣли на краю гибели, по тому что они навсегда исчезли въ хаосѣ, на время произведенномъ Вѣроисповѣднымъ движеніемъ, Король спорилъ съ духовенствомъ, а особенно съ его представителемъ, Пражскимъ Архіепископомъ, не по тому, чтобы онъ былъ недоволенъ Католичествомъ, но изъ чисто политическихъ, чтобы не сказать, коммерческихъ, причинъ. Архіепископъ, съ болѣе глубокимъ смысломъ, вступилъ въ эту борьбу, видя, что, подъ видомъ внѣшнихъ выгодъ, скрываются внутренніе, и что важна не потеря ленъ, но совершенное, внѣшнее и нравственное, безсиліе духовенства. Дворянство, въ союзѣ съ духовенствомъ, возстало противъ Короля за свои ленныя права. Но въ этѣхъ частныхъ движеніяхъ, въ этѣхъ мелкихъ борьбахъ, нѣтъ мысли, которая проникала бы ихъ: всѣ они отрывочны и разрозненны, не направлены къ одной общей цѣли. Король дѣйствуетъ по самому дурному побужденію, къ увеличенію своей власти, но не какъ власти Государя и Чешскаго Короля, а какъ отдѣльнаго лица. Какъ ничтожна была бы исторія этого времени, если бы она не давала отчета кромѣ какъ въ дѣйствіяхъ Короля, дворянства (или правильнѣе вельможества) и духовенства. Но безъ вѣдома этѣхъ трехъ силъ, мыслившихъ сосредоточить въ себѣ всю историческую дѣятельность, существовала еще и четвертая, которой предназначила судьба превзойти превосходствомъ всѣ три первыя и ихъ поставить въ зависимость у себя: это Чешскій народъ.

Занесемъ здѣсь выводъ безпристрастнаго наблюденія характера и исторіи племени Славянскаго вообще. Если нельзя не согласиться, что люди Нѣмецкаго племени опередили насъ въ утонченностяхъ образованности, превзошли даже; если принять въ расчетъ отдѣльныя лица, умственнымъ развитіемъ, то, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что образованіе племенъ Славянскихъ, т. е., образованіе народное, а не заимствованное отъ иныхъ народовъ, несравненно ровнѣе образованія Нѣмецкаго. Это послѣднее всегда можетъ быть только удѣломъ немногихъ, а масса народа останется чужда его, между тѣмъ какъ образованіе Славянское разлито по всему народу. Ни одинъ самостоятель-

но развивавшійся народъ Славянскій не имѣлъ, и не имѣетъ, особеннаго сословія, которому чуждо всякое нравственное развитіе, которое, не имѣя ничего своего, грозитъ безпрестаннымъ разрушеніемъ обществу; не имѣлъ, и не имѣетъ, черни, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Медленно идетъ развитіе у народовъ Славянскихъ, за то оно не носитъ въ себѣ зародыша своей гибели: оно основательно и прочно. Наблюдая сравнительно жизнь племенъ Славянскаго и Нѣмецкаго, мы пришли къ выводу, что образованіе у вторыхъ идетъ сверху внизъ, т. е., немногіе высшіе умы увлекаютъ за собою народъ на пути развитія, между тѣмъ какъ у первыхъ обратно: образованіе идетъ своимъ естественнымъ путемъ, снизу вверхъ. Доказательство тому разсматриваемое нами Вѣроисповѣдное развитіе Чешскаго народа: оно все принадлежитъ массѣ народа, которая тогда у другихъ народовъ Запада находилась въ крайнемъ состояніи закоснѣнія и бездѣйствія, или если выступала на поприще исторіи, то какою-то разрушительною, дикою, силою. Не то въ Чешскомъ народѣ: Вѣроисповѣдное движеніе, одна изъ лучшихъ эпохъ человѣчества, созрѣло, развилось и совершилось, въ кругу простаго народа, который увлекъ за собою всѣхъ, и Короля и прочія сословія. Образованіе народовъ Славянскихъ и ихъ политическое и религіозное развитіе совершается такъ: народъ не состоитъ изъ пустыхъ единицъ, но изъ людей, одаренныхъ удивительнымъ естественнымъ разсудкомъ; въ народѣ созрѣваютъ высшія потребности, и когда пришла пора народу измѣнить свое внѣшнее положеніе въ слѣдствіе внутренняго развитія, тогда изъ среды народа выходятъ люди съ высшими дарованіями, которые олицетворяютъ въ себѣ внутреннія движенія народа, и приводятъ ихъ къ его сознанію. Это система нравственнаго представительства, по которой въ историческихъ дѣятеляхъ Славянскаго племени видимъ не людей, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ своихъ частныхъ убѣжденій, но представителей народныхъ потребностей.

Что же дѣлалъ Чешскій народъ въ правленіе Вячеслава IV до появленія Гуса? Онъ яснѣе и яснѣе сознавалъ невозможность господствовавшаго порядка вещей и необходимость народнаго Религіознаго Исповѣданія. Если для народа бываетъ закрытъ путь умственнаго и нравственнаго развитія; если его насильно хотятъ удовольствовать извѣстною формою политическою; если ему вос-

прещено всякое средство къ обнаруженію своихъ потребностей, къ словесному, или письменному, изложенію своихъ мыслей, то стихія народная не можетъ иначе прорваться, какъ насильственно. Чешскій народъ не былъ, впрочемъ, въ такихъ обстоятельствахъ, по крайней мѣрѣ отчасти. Пражскій Университетъ сосредоточивалъ въ себѣ внутреннія движенія народа. Мы видѣли, что Карлъ I основалъ Пражскій Университетъ не для Чехіи, но болѣе для Германіи, чтобы умственною связью соединить два племени, ему подвластныя; мы увидимъ ниже, что Пражскій Университетъ послужилъ къ лучшему обнаруженію характера, столь различнаго племени Славянскаго и племени Нѣмецкаго. Въ царствованіе Вячеслава Пражскій Университетъ принималъ въ себя все болѣе и болѣе народныхъ статій и скоро сдѣлался представителемъ общественнаго мнѣнія. Мало этого: Виѳлеемская церковь стала, съ самаго начала своего существованія, средоточіемъ народно-Вѣроисповѣднаго движенія. Все это движеніе приготовилось въ народѣ, но безсознательно, или лучше безъ опредѣленой формы. Университетъ Пражскій, т. е., его Чешская часть, сознала, если не вполнѣ, то въ отдѣльныхъ чертахъ, религіозную форму народную, и сообщила народу оную чрезъ Чешскую проповѣдь въ Виѳлеемской церкви.

Изъ представителей лучшей части духовенства, желавшихъ возвратить Церкви прежнюю ея чистоту и значеніе, замѣчателенъ особенно Матѳей изъ Янова, а по мѣсту рожденія названный Пражскимъ. Онъ родился около половины XIV столѣтія, и въ довольно ранней молодости былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей Милича; еще при жизни его онъ отправился въ Парижъ, и въ теченіи 6, а по другимъ 8, лѣтъ учился тамъ Богословію и получилъ степень Магистра, отъ чего и по возвращеніи обыкновенно называемъ былъ «Mathias Parisiensis vel Magister Parisiensis»; потомъ онъ жилъ въ Римѣ и Нюрнбергѣ, но въ 1381 году получилъ мѣсто Каноника-духовника при Капитулѣ Пражскомъ, и въ этомъ званіи провелъ всю свою жизнь, простиравшуюся до 1394 года. Его дѣятельность была болѣе письменная: онъ оставилъ множество сочиненій богословско-полемическаго содержанія (по Бальбину: Boh. docta, pars 2, p. 178): «De frequenti communione; de hypocrisi; de unitate Ecclesiae; de Antichristo et praeceptis Domini; de abominatione in Ecclesia Dei; Regulae vete-

ris et novi testamenti.» По Палацкому все это части одного и того же сочиненія, которое содержитъ въ себѣ итоги богословской дѣятельности Матѳея. Это сочиненіе, котораго полнаго списка Г. Палацкому не случалось видѣть, но котораго всѣ части имѣются отдѣльно въ цѣлости, носитъ названіе: «De regulis veteris et novi testamenti,» но, по словамъ Палацкаго, правильнѣе могло бы быть названіе: «Изслѣдованіе объ истинномъ и ложномъ Христіанствѣ.» Оно состоитъ изъ 5 книгъ: «Liber. 1, De discretione spirituum in doctoribus et prophetis et de venerabili Sacramento;» «Lib. 2, De indicio et notitia falsorum et verorum Christianorum (въ ней два разсужденія: 1) De falsa specie sanctitatis s. hypocrisi; 2) De distincta veritate); Lib. 3, De regula generali, и въ ней разсужденія: 1) De regula in se; 2) De apostatis et prophetis; 3) De frequenti communione; 4) De universitate et unitate Ecclesiae; 5) De Antichristo; 6) De abominatione in loco sancto. Lib. 4 et 5, De rara et crebra communione.» Нѣкоторыя изъ сочиненій Матѳея вошли, по ошибкѣ, въ изданіе твореній Гуса и не мало способствовали къ тому, чтобы о немъ и его дѣятельности составить превратное понятіе. Теобальдъ говоритъ, что сочиненіе Матѳея изъ Янова «De Antichristo» ошибочно причислено къ сочиненіямъ Гуса; на этомъ основаніи Шрекъ отнесъ сочиненіе «Liber de Antichristo et membrorum eius anatomia» къ числу сочиненій Матѳея, но Гизелеръ замѣчаетъ, что мѣста изъ «Lib. de Antichristo,» разсѣянныя тамъ и самъ въ сочиненіи: «De abominatione in loco sancto,» вовсе не встрѣчаются въ: «Liber de Antichristo,» помѣщенной въ собраніи твореній Гуса; что скорѣе тамъ же находящійся отрывокъ: «De mysterio iniquitatis Antichristi» есть остатокъ подлиннаго сочиненія Матѳея: «De antichristo,» и, можетъ быть, прибавляетъ онъ, и сочиненіе: «De revelatione Christi et Antichristi» есть также остатокъ отъ того же сочиненія. Всѣ эти споры могутъ быть рѣшены только изданіемъ вполнѣ сочиненія Матѳея: «Regulae,» которое составляетъ сводъ всѣхъ его иныхъ сочиненій, подведенныхъ здѣсь подъ одну мысль. Въ началѣ этого сочиненія: «Regulae» Матѳей исчисляетъ источники его: 1) извѣстныя поученія другихъ, особенно Милича; 2) чтеніе Библіи, и 3) самый важный: тщательное и старательное наблюденіе того, что совершается въ наше время (sedula ac vigili consideratione eorum, quae in hoc seculo moderno geruntur): слѣд., изъ этихъ словъ мы имѣемъ право заключить, что сочиненіе Матѳея состоитъ изъ

изъ однихъ кабинетныхъ умствованій, но изъ практическихъ житейскихъ уроковъ, и содержитъ много историческихъ подробностей, уясняющихъ намъ всѣ запутанныя отношенія того времени; 4) сравненіе настоящаго съ уроками, предлагаемыми прошедшимъ. Но наиболѣе всего, пишетъ Матеей, я пользовался Библіею, и очень мало сочиненіями учителей Церкви; съ любовью, даже съ страстью, выражается онъ о Библіи.... «ipsa est, quam a iuuentute mea adamaui et vocaui ipsam amicam et sponsam meam, imo matrem pulchrae dilectionis, et agnitionis, et timoris, et sanctae spei; fateor, quod a iuuentute mea non recessit a me usque ad senectutem et senium, neque in via, neque in domo, neque dum occupabar, neque dum otiabar.» Главное основаніе истиннаго Христіанства полагаетъ Матеей: «veritas vitae et caritas proximorum;» онъ изъявляетъ глубокое сожалѣніе о томъ, что мѣсто этѣхъ основныхъ качествъ истиннаго Христіанина заняли человѣкомъ установленные обряды и человѣческія предписанія. Отсюда вытекаетъ самая цѣль книги: «Propositi igitur mei est, cum haec loquor, ut tales adinuentiones et obligationes ad ipsas essent diminutae et remissae, saltem quoad aliquam ipsarum partem, et quod solum dilectio Dei et proximorum, aut Dei praecepta alia solum esse populis tremenda et ad unquem usque adimplenda docerentur.» Богословско-полемическая дѣятельность Матеея сосредоточивается вокругъ вопроса: «О частомъ или рѣдкомъ пріобщеніи Св. Таинъ.» «Sciendum, пишетъ Матеей, quod in temporibus, quae nunc currunt, quaestio multum inualuit, praesertim inter communes et simplices, de manducatione quotidiana vel crebra a plebeis corporis et sanguinis Iesu Christi.» Изъ этихъ словъ видимъ, что уже масса народа начала не только привыкать къ вопросамъ богословско-состязательнымъ, но даже принимать въ нихъ рѣшеніи дѣятельное участіе. Богословы рѣшали этотъ вопросъ различно: иные въ пользу частаго причащенія, другіе противъ. Матеей былъ изъ числа первыхъ, и раздѣлялъ на этотъ разъ мнѣніе о ежедневномъ пріобщеніи Св. Таинъ съ многими Чешскими богословами того времени, какъ то: съ Пражскимъ Схоластикомъ Адальбертомъ Ранкони изъ Эричино, Матееемъ изъ Крокова, Докторомъ Богословія при Пражскомъ Университетѣ, Деканомъ Николаемъ Вендлеромъ изъ Вратиславы, Докторомъ Іоанномъ Горлеваномъ и многими иными. Не смотря на то, сторона, защищавшая рѣдкое пріобщеніе, одолѣла, и Областной

Пражскій Соборъ, 19 Октября, 1388 г., постановилъ, чтобы міряне пріобщались Св. Таинъ не иначе, какъ, по крайней мѣрѣ, однажды въ мѣсяцъ. Матѳей, упоминая объ этомъ событіи, не можетъ удержаться, чтобы не сказать, что слова Пророка Даніила: «и быть мерзость запустѣнія».... нашли себѣ полное оправданіе. Матѳей не могъ не возстать противъ суевѣрнаго обожанія образовъ и мощей, и проповѣдывалъ, у Св. Николая въ Старомъ Городѣ, по Чешски народу о необходимости внутренней сердечной, а не внѣшней, набожности. На Областномъ Соборѣ, въ 1389, Матѳей вынужденъ былъ отречься отъ нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ, какъ говорится въ формулѣ отреченія, не такъ опредѣленно, осторожно и благоразумно, какъ бы слѣдовало, и по тому подавшихъ поводъ къ заблужденію и соблазну; первое мнѣніе: «Dico primo, quod imagines Christi et Sanctorum non dant causam et occasionem idolatriae.» Слѣд., до отреченія Матѳей сильно возставалъ противъ обожанія иконъ. Другихъ статей отреченія, къ сожалѣнію, не знаемъ. Извѣстно только, что, кромѣ Матѳея, тогда же еще два духовныя лица, Яковъ и Андрей, принуждены были сдѣлать подобное же отреченіе. Но Матѳей не былъ вынужденъ отказаться отъ своего любимаго ученія о частомъ причащеніи, которое онъ по тому разработалъ совершенно, и посвятилъ ему большую часть своего огромнаго сочиненія: «Regulae.» Что касается вопроса о причащеніи подъ обоими видами, то хотя многіе писатели, какъ то: Коменскій, Странскій, Ланфанъ, приписываютъ Матѳею честь быть первымъ воскресителемъ этого важнаго вѣроученія, пришедшаго (будто бы) въ забвеніе въ Чехіи съ начала XIII-го стол., однако Г. Палацкій, имѣвшій подъ руками важнѣйшее сочиненіе Матѳея: «Regulae,» говоритъ, что въ немъ нигдѣ не разсуждается о пріобщеніи подъ обоими видами, хотя о немъ говорится на каждой страницѣ такъ, какъ бы это дѣло было совершенно извѣстное и доказанное. Разсмотримъ теперь сочиненіе Матѳея: «De abominatione in loco sancto,» которое помѣщено въ твореніяхъ Гуса подъ заглавіемъ: «De sacerdotum et monachorum horrenda abominatione desolationis in Ecclesia Christi» (заглавіе придумано какимъ нибудь Протестантомъ); далѣе слѣдуютъ слова: «Tractatio loci ex Oseae capite quinto. «Caput 1. Священники, назначенные именно для того, чтобы охранять Христіанъ отъ грѣха и идолопоклонства, служатъ теперь къ

тому, чтобы совращать своими безпрестанными спорами съ истиннаго пути: «Loquimur (священники) in ambone, praesertim ea de causa, quod communiter accidit, puta, quod quidam sacerdotes sua opinata affirmant, modis, quibus valent, asserendo; idem alii quidam ex aduerso positi negant, eadem coram populis iterum quanto coloratius possunt destruendo;» отъ чего происходитъ, что народъ «illaqueatur ad multas haesitationes et perplexitates.» Эти споры (controuersiae) духовенства гибельны; вотъ какъ о нихъ выражается Матвей: «Haec controuersia pessima et nocentissima et colorata sub speciebus manifestae pietatis et iam communis et usitata et inantiquata;» онъ ее называетъ мерзостью запустѣнія, стоящею на мѣстѣ святѣ. Что же остается дѣлать истинному проповѣднику Христа среди этихъ священниковъ, которые, вмѣсто того, чтобы указывать народу путь спасенія, сами ведутъ его на путь гибели? Ему, пишетъ Матвей, остается, какъ Спасителю, «mittere gladium in terram et inquirere pacem bonam.» Итакъ самъ проповѣдникъ не скрываетъ своего грознаго, карающаго, положенія, во всеуслышаніе говоритъ онъ: «Talis (истинный послѣдователь Христа), et singulariter praedicator, patitur contradictionem multam et est vir rixae et causa multa iurgiorum in populo, zelans manifeste pro virtute et veritate, non omittens ideo peccatores obiurgare.» Здѣсь читаемъ рѣшительное объявленіе войны, отъ лица чистой части духовенства, его искаженной, но, къ несчастію, несравнено большей части. Но не таковъ священникъ Антихриста: и онъ проповѣдуетъ о Христѣ Распятомъ, но не подражаетъ ему: «Potest enim de passionibus et cruce Iesu loqui huiusmodi Christianus, sed nullo modo poterit in iis delectari, vel dulciter cogitare, vel conferre. Quoniam ad contraria mouetur animus, et ea, quae sunt Christi crucifixi, sunt inimica suae affectioni.» Священники нашего времени, пишетъ Матвей, хотятъ угодить людямъ, а потомъ уже Христу: «Rigidam veritatem scripturae dissimulantes—volumus, ut vitam suauem et quietem habeamus et vitam aeternam et gaudiosam.» Не противъ однихъ священниковъ возстаетъ Матвей, но противъ всѣхъ ложныхъ Христіанъ; слѣдующія слова представляютъ намъ содержаніе его сочиненія: «Nos, moderni Christiani, conpingimus abominationem desolationis in Dei Ecclesia aut verius ipsimet efficimur abominationem coram oculis Domini Iesu, diuinae puritatis. Et primum et ante omnia nos, sacerdotes, qui nos ipsos et hanc vitam saecularem in

diligimus, et cum hoc Iesum crucifixum credimus, et confitemur fide, non ex amore Iesu, neque voluntate, fide formata, sed sua pueritia in ea instituti, et ex sola consuetudine in illis, quae sunt Christianitatis habilitati, timemus infernum timore seruili et desideramus ea, quae nobis per Iesum in futurum promittuntur obtinere non ex charitate Iesu, sed ex concupiscentia.» Не щадя, такимъ образомъ, заблужденій духовенства, Матвей обнаруживаетъ сильное сочувствіе къ народу, т. е., простому народу, о которомъ онъ выражается (cap. 3) съ большою любовью: «Semper etenim per contrarium a principio, Domini Iesu simplices humiles et discipuli a magnis et diuitibus hominibus huius mundi sunt perpessi. Quia illi sunt, qui ut plurimum magis offendunt Deum et eius veritatem et agitantur spiritu Antichristi. Cum pauperibus vero, plebeis et simplicibus pacem habent Sancti Dei, quia similia similibus ubique congaudent. Unde scriptum est: «et cum simplicibus sermocinatio eius.» Et iterum: «ad euangelizandum pauperibus misit me.» Онъ упрекаетъ злыхъ священниковъ въ дурномъ обращеніи съ народомъ: «Illi (sc. mali sacerdotes) in plebeios et pauperes simplices desaeuiunt et ibi sunt audaces et asperi ad loquendum.» Всего болѣе огорчаетъ проповѣдника то, что злые священники своими распрями въ дѣлѣ Вѣры вводятъ народъ въ сомнѣніе и заблужденія; эти распри, говоритъ онъ, умножились, когда появились монахи: «Plebs obedit suis sacerdotibus sine ulla contradictione uniuersa. At ubi aduenit conuentus religiosorum ad ciuitatem, ad familiam, vel ad villam, tunc mox inchoat conturbatio et contradictio primum inter sacerdotes in ambitione, dehinc et disturbium in populis et inobedientia, et irreuerentia plebium ad suos sacerdotes et sacerdotum minor sedulitas et maior negligentia ad curam suorum plebium.» И священники и монахи пользуются великими правами на народъ, которыя они употребляютъ къ его вреду. Священники имѣютъ за себя многія мѣста Свящ. Писанія, Папскіе статуты, краснорѣчіе, мудрость и творенія Докторовъ; владѣютъ своими каѳедрами свободно, говорятъ, что хотятъ, и имѣютъ на своей сторонѣ значительную часть народа. Что касается до монаховъ, то они имѣютъ въ рукахъ еще большее число средствъ дѣлать зло: «ita facti sunt monachi, ut nullum timeant. Habent potestatem super uniuersos ad se sponte venientes, praedicare, confessiones audire, sepulturam praebere, et alia

multa in plebibus faciendi (слѣдовательно, монахи настояли на своемъ и присвоили себѣ, послѣ упорной борьбы, часть правъ священниковъ); самъ народъ стоитъ за монаховъ, полагая, что священники нападаютъ на нихъ изъ зависти. Монахи имѣютъ много вліянія на народъ своимъ согласіемъ другъ съ другомъ: «Sunt adinuicem valde compacti, ut scuta fusilia, turmatim habitant et gradiuntur, et adsunt sibi praesidio, religio una puta alteri religioni et una quoque obumbrat alteram ad se inuicem protegendum.» И священники и монахи оспариваютъ другъ у друга власть надъ народомъ, и чрезъ то наносятъ ужасный вредъ Церкви: дѣйствія тѣхъ и другихъ Матѳей разсказываетъ такъ: «Hi utrique, videlicet, Sacerdotes et Religiosi, assumpserunt populum Christianum quasi duo cornua fortissima et alterutrum pugnantia, ad ventilandum, et distrahendum, et spoliandum, ut fere iam nullus bene valeat, nisi Dominus Iesus omnipotens illis malis occursare, quae Dei Ecclesia abinde iam patitur, vel iam a longinquo patiatur.» Проповѣдникъ предлагаетъ къ искорененію злаго раздора и мерзости запустѣнія въ Церкви различныя средства; онъ самъ, духовное лицо, отрекается отъ своего сословія и говоритъ: «Utinam igitur abscindantur, qui nos conturbant, de medio sancti populi Christiani, vel Saeerdotes, si sunt causa per suam auaritiam et inuidiam contra fratres, et ut manerent in cura animarum soli facti Religiosi: ut non essent occasio scizmatis Sacerdotum et plebium et inobedientiae Plebani ad Sacerdotes.» Инаго средства быть не можетъ: «Stantibus singulis ut nunc, ut saepe dictum est, illa contradictio damnosa saluti, nequaquam poterit remediari, seu abominatio desolationis stupenda de sancto populo eijci et expurgari.» Первый и величайшій вредъ Церкви со стороны священниковъ состоитъ въ томъ, что они не только сами не проповѣдуютъ истины, но и налагаютъ молчаніе на ея проповѣдниковъ: «Illi, qui deberent esse testes fideles praedicatorum Christi Iesu, eo quod notitiam et gubernacula legis Christi accepernnt, fiunt primi testes mendaces contra fideles Iesu discipulos.» Они даже сами стараются поймать на словѣ простаго проповѣдника истины, чтобы погубить его: «Sacerdotes astuti et sagaces, quasi vulpes in deserto, iam facti sunt captio et manifestus laqueus speculationi; nam illos, de quibus deberet gaudere simplex Iesu Christi nuntius verbi in sermone, illos oportet, ut magis timeat.» Употребляя всѣ средства, которыми они могутъ

пользоваться, противъ проповѣдниковъ истины, злые священники прикрываютъ все это благочестивою и набожною наружностью. Они никогда явно не противорѣчатъ истинѣ, какъ то; Ветхому Завѣту, Евангелію, учителямъ Церкви, но они пренебрегали его. Прекрасно выражается Матеей, упоминая о томъ, что представители Церкви сами затаили истину, которой проповѣдниками должны были быть: «Et isti, de quibus hic sermo, et diabolus in ipsis, quia sapientiam et scientiam sanctorum Iesu et magis Domini Dei crucifixi obtinuerunt et in suam potestatem subegerunt, exercitio ingenii et diutinis gloriis pro sua gladia et diuitias et delicias obtinendas. Et ipsam veritatem et scientiam dudum mortuam in eorum animabus, honeste sepelierunt in monumentis et sepulchris, libris, scilicet, magnis et splendidis et multis et de magno sumptu: ut ita coloratae et per indirectum plures pauperes Christi et sancti eius manerent per ipsos spoliati, famelici et denudati.» Если проповѣдникъ говоритъ снисходительно, и только изрѣдка, и то болѣе для приличія, касается дурной стороны духовенства, или монашества, то его обыкновенно хвалятъ и охотно посылаютъ народъ слушать его; но не такъ они поступаютъ съ безыскуственнымъ и откровеннымъ проповѣдникомъ Евангелія: «Si quendam simplicem suum et humilem Dominus Iesus miserit ad ipsos cum sua veritate et scientia fideli et cum suo spiritu zelotae, eundem talem, qui illis motibus est seriose contrarius in suis verbis et in moribus, viriliter detegens ipsorum hypocrisim et ficta fulcimenta, istum pati non possunt, sed grauis efficitur ipsis etiam ad videndum.

Два пути ведутъ въ Церковь: путь Христа и путь Антихриста. Первый состоитъ въ томъ, что лица, поступающія на различныя духовныя должности, призваны къ тому Богомъ, и приступаютъ совершенно приготовленные въ смиренномъ познаніи истины и съ сознаніемъ своей слабости и невѣдѣнія. Путь Антихриста есть: «per se et a se venire, promouere seipsum ad gradus, vel quocunque modo procurare promotionem suam ad sacerdotium, officium, beneficium, vel praebéndas, et loqui vel praedicare non a Deo.» Большая часть духовенства того времени идетъ путемъ Антихриста по словамъ Матеея: «Licet cantent, orent, missas suas multiplicent, horas suas singulas et ceremonias et doctrinas hominum rite et ordinate exerceant, sunt omnes in via et vita Antichristi.» Говоря о современномъ состояніи духовенства, Матеей старается удалить

отъ себя всякое подозрѣніе въ пристрастіи и въ отвращеніи; онъ желаетъ, чтобы Богъ на Страшномъ Судѣ произнесъ надъ нимъ судъ столь же нелицепріятный, какой онъ произноситъ надъ духовенствомъ и монахами. Сказавъ это, проповѣдникъ дѣлаетъ одинъ за другимъ слѣдующіе вопросы: «Quis nunc graditur ad gradus, vel ascendit ad templum Dei per viam Iesu Christi? Quis in veritate et sine simulatione humilis trahitur ad gradus Ecclesiae?» Но не уже ли вовсе нѣтъ вѣрныхъ послѣдователей Христа? Нѣтъ! Они есть, но не въ духовенствѣ: «Non deficiunt modo adhuc humiles et simplices Iesu crucifixi, de quacunque sint conditione vel statu, sive inter rusticos, sive inter burgenses sint, sive inter curienses et nobiles, sive literati sint, sive illiterati, dummodo spiritum Iesu sint habentes, humilitate et obedientia praepollentes.» Но эти истинные послѣдователи Христа избѣгаютъ духовныхъ почестей, «sicut stercus,» прибавляетъ Матеей, особенно въ настоящей время: «Et super omnia nunc in hoc tempore Antichristi, de quo tempore scriptum est: «prudens in tempore illo tacebit, quoniam tempus malum est.» Что же остается дѣлать истиннымъ послѣдователямъ Христовымъ? «In his diebus itaque latent sancti Dei et fideles idoneique ad promouendum, aliqui silent in quiete, aut qui non audent loqui, alii fugiunt de media communitate Christiana, quasi de medio Babilonis.» Въ церкви всѣ мѣста наполнены послѣдователями Антихриста: «Omnes, aut fere omnes, sedes vel cathedrae sanctae Ecclesiae sunt, vel fuerunt, repletae et occupatae de membris Antichristi et de illis, qui a seipsis venerunt, vel non zelo Iesu crucifixi, et qui illa, quae sua, sunt quaerunt, non quae Iesu crucifixi.» Сильно вознегодуютъ на меня (пишетъ Матеей) тѣ, которые прочтутъ сіи строки, но я бы ихъ попросилъ, вмѣсто гнѣва, помыслить, какимъ путемъ достигли они священныхъ должностей; а въ случаѣ, если они достигли не по внутреннему призванію, а изъ честолюбія, немедленно раскаяться, перейти къ І. Христу и отказаться отъ пребендъ и бенефицій, неправильно присвоенныхъ. Въ противномъ случаѣ ихъ постигнетъ небесная казнь: «Verumtamen tua damnatio est multo amplior (quam Pharisaeorum), qui Sanctos nunc ad te missos persequi non formidas..... Et inquam eadem generatio successione generis et possessione malitiae et iniquitatis, sed continue in maiore et minore excessu et abundantia iniquitatis, ita quod iam summum gradum suum, possibilem istius generationis iniquitatis videtur compleuisse. Unde, non nisi iam eius

messis et excussio est omni tempore expectanda quemadmodum in Sodoma et Gomorra fuit figuratum.» Эти слова очень замѣчательны: они показываютъ, что тотъ, кто высказалъ ихъ, превосходно понималъ то отношеніе, которое въ Чехіи существовало между духовенствомъ и народомъ, и предвидѣлъ будущее столкновеніе ихъ. Эти слова сказаны отъ души, отъ глубокаго убѣжденія, въ необходимости перемѣны, въ невозможности существовать долѣе испорченному, въ порчѣ порядку вещей. Истинные и простые сердцемъ Христіане оставались естественно исключены отъ духовныхъ должностей, которыя пріобрѣтались на многихъ, не совершенно честныхъ, условіяхъ: 1) ни одинъ клерикъ не могъ быть священникомъ, если онъ не имѣлъ прежде бенефиція; бенефиціи были пріобрѣтаемы какимъ нибудь искательствомъ, или родственными связями, или угожденіемъ и лестью предъ вельможами, или большимъ личнымъ вліяніемъ, или деньгами. Бенефиціи давались не достойнѣйшему, но хитрѣйшему и покорливѣйшему: «et omnia beneficia, tot habeant expectantes et occupantes se ipsa et litigantes pro se ipsis, ut iam dico, quod gradus et beneficia non suppetant numero se impetentium et expectantium.» Зло умножилось отъ непомѣрной жадности лицъ, которымъ мало становилось одной бенефиціи и которые старались присвоить объ бенефиціи какъ можно болѣе: противъ нихъ особенно вооружается Матѳей, говоря: «Deberet suspendi altius, quam omnes plebei fures et latrones pro suo crimine auaritiae sic publico, sic exfrenato, Christi sacerdotibus sic nociuo.» Отъ того всѣ церковныя должности сдѣлались предметомъ торговли, и самая Церковь представила исполненіе пророчества Даніилова: «мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ.» Злые духовные ищутъ церковныхъ бенефиціи и должностей для того, чтобы вести жизнь пріятную и покойную, и получать денежное награжденіе за исполненіе своихъ обязанностей, не теряя надежды и послѣ смерти получить значительную награду. Такіе духовные, ищущіе житейскихъ удовольствій и выгодъ въ исправленіи своей должности, стараются дѣлать ее необходимѣе и пріятнѣе народу, но не во внутреннемъ, нравственномъ отношеніи, а соединяя ее и съ великолѣпными и торжественными обрядами и прочими приманками внѣшняго Богослуженія: «Omnia Ecclesiae mandata, ceremonias et doctrinas et omnia obsequia pro eo diligenter faciunt et diligunt, et zelantur pro ipsis; quia abinde habent suam vitam et abundantiam bo-

norum omnium et honores. Ideo ipsa talia multiplicant, decorant et praeconisant, et praecipue corporalia exercitia et talia extrinseca, quae sunt ad oculos plebium, et super omnia, quae sunt allicientia populum simplicem et lucrosa.» Пренебрегая основою Христіанскаго ученія, но нравственною стороною, лицемѣрное духовенство старалось ослѣпить взоры народа торжественностію и пышностью внѣшнихъ обрядовъ: «Spiritualia autem, quae sunt vera et viuifica et quae propria religionis Christianae et viciniora saluti, puta fidem Iesu crucifixi, spem et charitatem, et crebrescentem seu frequentem misericordiae operationem et sacramentorum ministrationem et disciplinae timorisque Dei,-ea non valde student introducere ad populum, nec satagunt ad hoc fideles.» Лицемѣры духовные стараются болѣе всего утвердить свою власть въ народѣ и сдѣлаться предметомъ его набожнаго удивленія и обожанія, и гораздо менѣе, чтобы утвердить силу слова Божія въ народѣ. По словамъ Матеея, опаснѣе было оскорбить духовнаго, чѣмъ самаго Исуса Христа: «Magis timentur Domini huiusmodi, qui possint dare, aut nocere, quam Iesus crucifixus, maior crebrior inter nos sermo de ipsis, quam de Iesu Nazereno, atque ipsorum gratia et affabilitas magis nos delectant, quam mandata Iesu Christi. Magis sunt verba ipsorum nobis recentia et nos monentia, quam Iesu Emanuelis, imo mandata et doctrinae talium dominorum, quos tremimus et miramur, sunt nobis magis autentica et magis necessaria, Ecclesiae sanctorum celebriter praedicata, quam doctrina Euangelii et Prophetarum. Et securius homo audet loqui vel disputare de potestate Christi, vel de ipsius secretis, quam de potestate et secretis nostrorum praelatorum. Quoniam si quis diceret, vel faceret, blasphemium contra Iesum crucifixum, omnino non esset, qui pro eo irasceretur, vel doleret, aut qui haec puniret. Sed si diceret quis, vel faceret, aliquid contra statutum Papae, vel Regis, aut Principis, ab illis, qui cupiunt illis dominis suis plus, quam Deo, complacere, non fuerit impunitus.»

Лицемѣры-священники (пишетъ Матеей) вводятъ въ заблужденіе многихъ простодушныхъ Христіанъ, поблажая ихъ наклонности къ веселой и пріятной жизни, давая имъ обѣщанія, которыхъ они исполнять никогда и не будутъ въ состояніи: «Vae, vae illis, qui faciunt multas promissiones in populis, et excogitant atque adinueniunt multas iustificationes peccatoribus, in quibus Christiani, amici huius vitae, requiescunt et in nocte dormiunt pacis et diui-

tiarum, sine rigore poenitentiae et disciplinae, donec in inferno oculi ipsorum aperientur.... Quapropter supra modum illis vae, qui faciunt tales promissiones et iustitias propter quaestum qualemcunque.» Здѣсь Матвей нападаетъ на индульгенціи. «Veluti est promissio multarum indulgentiarum in festis suis, vel locis, ut habeant per hoc nomen et prae aliis accursum et applausum populorum: promissio literarum ab omni poena et culpa, promissio communionis fraternitatum et omnium orationum, vel missarum, vel omnium aliorum bonorum per confratres exercentur.» Замѣтно, что проповѣдникъ не рѣшается откровенно высказать свое мнѣніе на счетъ многихъ обрядовъ Церкви, о которыхъ онъ умалчиваетъ, сказавъ вообще: «quae quidem singula non facile possunt enumerari; quae nec ipsi certi sunt, si acceptabilia sunt Deo, imo plus odibilia Deo, nec sine offensa simplicium nominari possunt.» Обѣщанія прощенія и безнаказанности въ будущей жизни, продаваемыя мірянамъ, составили выгодную отрасль промышленности для священниковъ, ужъ не говоря о монахахъ: «quia in illis (nempe Religiosis) est supra modum nimis illa videre et manifeste: quod iam petitis literis quibusdam a suis superioribus, vel a Papa, mendaciis publice quaestuarii praedicatores eloquentissimi et electi ad emungendum pecunias a simplicibus, currunt fere ubique et discurrunt, multa peccatoribus rudibus et maxima promittentes, sed tantum illis, qui ipsis pecunias dant, vel promittunt se daturos, et in tantum impudice illud faciunt, ut manifeste sermones conuertant per totum ad pecunias habendas, et manifeste exigunt pro absolutionibus, confessione, missis et aliis huiusmodi inquientes, quod omnis, qui ipsis contribuerit munifice, erit particeps fraternitatis totius ipsorum: ubi tanta fiunt bona quotidie, tot missae, tot orationes, quod vix, vel raro, sit possibile quenquam damnari... In quibus (заключаетъ Матвей) talibus quaestuum cupidis collationibus, quanta fiant promissa inutilia peccatoribus, quanta mendacia, quanta vana, quantae iniuriae Iesu crucifixo in suo populo Christiano, quis digne poterit describere, aut enarrare?» За тѣмъ слѣдуетъ длинный родъ мистическихъ образовъ, заимствованныхъ изъ Пророковъ и Апокалипсиса, гдѣ таинственно обозначаются страшныя заблужденія духовенства и монаховъ; но этѣ образы слишкомъ отрѣшены отъ дѣйствительности и, представляя по большей части переложеніе образовъ, относившихся къ жречеству Еврейскому, мало замѣчательны; къ тому же они безпрестанно повто-

ряютъ одно и то же и омерзательны крайнимъ своимъ безстудіемъ, оскорбительнымъ для нравственнаго чувства. Но эти образы вырываются у него въ какомъ-то священномъ изступленіи; слѣдующія слова показываютъ, до какой сильной степени безпорядки духовенства, которое должно было служить примѣромъ благочестія, потрясли чувствительную душу Матеея и вызвали изъ нея поразительные образы и выраженія: «Sed, heu Domini mei o sacerdotes, ad quid defluximus? Ad quid nos deduxit cupiditas? Ad quid transfiguravit nos comparatio sagacissima et astutissima Antichristi? Quia ingressus ad interiores homines nostros, id est, ad animos nostros et ad principales mentes nostras. Et ecce omnis similitudo reptilium et animalium abominatio, et universa idola domus Israel, depicta erant in pariete, i. e., in nobis sacerdotibus et clericis, per totum. O altitudo satanae! O spiritualissima operatio daemoniorum et nequitia in coelestibus perfidissima, inscrutabilis et occulta, quis te poterit detegere? Quis te valebit corrigere vel increpare? O praesumptio nostra nequissima, unde creata es cooperire aridam malitiam et dolositatem illius! O nostra hypocrisis in praesenti, quid tibi faciemus?» Въ святой ревности своей Матеей обличаетъ пороки и развратъ всѣхъ сословій, и прежде всего изрекаетъ осужденіе надъ простымъ народомъ за то, что позволяетъ священникамъ распинать Христа: «Magnum est peccatum vulgi Christiani, qui Christum Iesum rursus in semetipsis crucifigunt et ostentui habent, id est, in vacuum accipiunt suas amarissimas pro se passiones et salutem ipsius sempiternam, existentes amatores huius vitae.» Но несравненно виновнѣе священники, которыхъ проповѣдникъ изображаетъ подъ видомъ 70 старшинъ дому Израилева: «Sed maior est damnatio septuagies seniorum Domus Israel, id est, nimis, quam populi communis, qui propter ipsorum negligentiam et malam vitam et maxime auaritiam suam tradunt plebibus rudibus Iesum ad blasphemandum et crucifigendum in seipsis.» Наконецъ преступнѣе всѣхъ Папа и Кардиналы, которыхъ Матеей не смѣетъ еще назвать по имени, но открываетъ слишкомъ ясно, чтобы кто нибудь не узналъ ихъ: «Sed adhuc nimium maior est abominatio supremi vel supremorum sacerdotum, qui existentes primi et proximi Christo Iesu et immediati discipuli et omnia secreta ipsius Iesu ipsiusque ingressum et egressum scientes, ipsum dulciter osculando quasi Magistrum et amicum, tradunt ob amorem huius vitae et gloriae et diuitiarum Magistratui templi, id est, inferioribus

clericis et sacerdotibus ad illudendun, conspuendum et pulcherrimam plenamque gratiarum faciem velandum et irridendum. Quod ipsi summo sacerdoti vel summis sacerdotibus, contigit tunc, dum officia et beneficia uniuersae Ecclesiae moliter et faciliter dispensant indignis clericis, dulciter et benigne gratiam facientes generalem et omnibus auaris et cupidis, qui sponte et rapide requirunt et petunt ab ipsis gradus in Ecclesia et beneficia et officia Ecclesiae sanctae.» Не менѣе сильно нападаетъ Матѳей на постороннее вкравшееся въ Церковь, особенно на соединеніе въ ней властей свѣтской и духовной: онъ избираетъ Апокалипсическіе образы для того, чтобы лучше и яснѣе представить свою мысль, воплотить ее. Такъ соединеніе свѣтской и духовной власти въ Папѣ онъ представляетъ подъ видомъ звѣря о двухъ рогахъ, изображеннаго въ Апокалипсисѣ: «Cornua duo sunt, id est, potestas dispensandi temporalia et spiritualia.» Потомъ онъ ту же мысль изображаетъ въ двухъ розгахъ, о которыхъ говорится у Пророка Захаріи: «Una virga est potestas super temporalia, secunda est auctoritas spiritualis vel potestas Ecclesiae in spiritualibus.» Замѣчательны слѣдующія слова Матѳея: «Et nota bene iam ambae virgae sunt praecisae secundum prophetiam; secunda virga praecisa fuit tunc, quando Graeci, propter dotationem Papae, a Romana Ecclesia recesserunt. Dehinc amplius, quando etiam Franci cum aliis partium occidentalium gentibus a Romano Pontifice recesserunt.» Эти слова показываютъ, какъ Матѳей и люди, съ нимъ бывшіе за одно, думали о нашей Православной Церкви, которая именно тогда отдѣлилась отъ Римской Церкви, когда въ эту послѣднюю вкрались земные выгоды. Эти же слова показываютъ, что Матѳей и его единомышленники (въ хорошемъ смыслѣ этого слова) считали истиннымъ Папою того, который сидѣлъ въ Римѣ. Главнымъ виновникомъ развращенія Церкви проповѣдникъ считаетъ Папу, и начало и происхожденіе этого развращенія изображаетъ такъ: «Veruntamen, salue iudicio meliori, ego puto coram Domino dulcissimo Iesu crucifixo, tunc illa omnia habuisse suum initium, quando Dominus Apostolicus contraxit ad se omnia beneficia et officia Ecclesiae, pro sua voluntate dispensando, et incoepit dispensatione beneficiorum totius Ecclesiae occupari, atque distributione bonorum temporalium se ipsum aggrauare. et conferre multa priuilegia et exemptiones ab obedientia, infinitis personis multiplicatis et diffusis per totam Ecclesiam et

subditis ordinarie aliorum: puta, ut essent sibi soli subiecti et a suis immediatis praepositis exempti, et de ipsorum subiectione atque obedientia liberati, habentes potestatem super terrenos subditos confessiones audiendi et auctoritatem praedicandi, quae volunt, et per consequens impediendi Dominos Curatos et ordinem sanctissimum conturbandi, alios ordines excogitando.» Тогда (пишетъ Матеей) Богъ взялъ отъ міра вторую розгу и далъ полную волю сатанѣ творить все въ воздаяніе за неправду Христіанъ, тогда произошли ужасныя слѣдствія, такъ рѣзко и ярко изображенныя Матеемъ въ прекрасномъ образѣ: «Et tunc incoepit tunica Domini Iesu inconsutilis desuper contexta per totum, a fimbriis suis disrumpi per singula, usque dum scissura ad summum orificii perueniretur, et corpus Ecclesiae ab inferioribus membris dilaniari, abundantium iniquitatis et refrigescentiam charitatis multorum superbundare ac dentibus scissurae incrementa in amplius extendi. Usque dum caput ipsum, Ecclesiae Vicarius, scinderetur. Quoniam tunc Christo Iesu et spiritu eius, qui solum colligat in unum suos Christianos, sublato de medio, completa est desolatio.» Современное ему состояніе Католической Церкви Матеей представляетъ ужасно поразительно:.. «Ita abduxit (satana) spiritualiter et successiue a virtutibus pulcherrimis et dulcissimis et a rigore ipsarum, ad quandam vanitatem vitae et tepiditatem abominabilem solum consuetudinum et rituum Ecclesiae Romanae, similiter in facie bene apparentium, sed in veritate Dei mortuorum et desolatorum a spiritu Iesu crucifixi, ita ut omnia fere Christianorum iam decora et honesta sint solum quasi pulchra imago exterius picta, sine spiritu et vita, sint quoque iustitia hominum propria, nimis remota et alieua a iustitia Dei, quae est solum in Iesu crucifixo: sit sanctitas pulcherrima et ordinata apud homines, sed nequaquam intime et in veritate Iesu Christi.» Развращеніе дошло до того, что «omnia turpia et omnia uitia, quae in primitiuo populo tantum erant horribilia et abusiua, quod non solum non erat licitum ipsa cogitare et concapiscere, sed etiam nec nominare, vel inspicere; non tantum sicut licita effecta parua peccata, vel venalia, sed iam quasi honesta, vel necessaria vitae huic Christianae.» Приведенное мѣсто изъ Апостола: «Nec commisceamini fornicariis,» указываетъ ясно, о какомъ порокѣ дѣло идетъ: «Iam in moderno populo Christiano committentes talia omnia turpia et carnalia, non tantum non sunt notabiles et non reprehendutur, neque corriguntur, a caeteris, sed

etiam non esse peccata talia, neque turpia communiter aestimantur. Et non solum hoc, sed etiam vice versa, qui alienant se strenue ab exercitio talium et a contubernio, propter Domini Iesu timorem et amorem, mox a vulgo Christiano huius mundi conuitiantur et confunduntur, et nota pessima singularitatum vel haeresum criminantur, propter quod tales homines deuoti, qui similia vulgo prophano non agunt, Bechardi vel Turspinii, aut aliis nominibus blasphemis, communiter iam nominantur, quod figuratum est in illis primis in Babylone, quibus alia nomina imposuerunt, quam habuerunt in terra Israel.» Дьяволъ съ тѣхъ поръ получилъ право искушать Церковь, какъ Папа присвоилъ себѣ верховное право раздавать всѣ священныя должности, т. е., принялъ на себя такое бремя (onus) «ad quod portandum et bene ac legitime dispensandum et ordinandum vix milia milium fidelium et sapientum Christi seruorum sufficiunt..... haec omnia et singula (злоупотребленія) tunc potissimum vigere inceperunt, ut paulo ante dictum est, cum Ecclesia Romana dotatione Constantini est obfuscata.» Изобразивъ всю мерзость запустѣнія, водворившуюся въ Церкви, Матвей говоритъ, что ея положеніе таково, что все должно быть измѣнено. Слѣдующее мѣсто въ высшей степени замѣчательно, какъ свидѣтельство человѣка необыкновеннаго ума объ отношеніяхъ, господствовавшихъ въ его время, отношеніяхъ, изъ которыхъ развились всѣ попытки преобразованія: «Ex istis ulterius aduerte incidentaliter, quos Dei Ecclesia nequit ad pristinam suam dignitatem reduci, vel reformari, nisi prius omnia fiant noua. Patet de templo Salomonis, puta, sicut clerici et sacerdotes, ita populus et plebs: vel omnes ii, qui modo student auaritiae a minimo usque ad maximum conuertantur et renouentur, tam populus, quam sacerdotes. Ego tamen pro nunc credo magis primum istorum, id est, quod iam tum surget novus populus, secundum nouum hominem formatus, qui secundum Deum creatus est. Ex quo noui clerici et sacerdotes prouenient et assumentur, qui omnes odient auaritiam et gloriam huius vitae, ad conuersationem coelestam festinando.... similiter patientur et successiue populus carnalis et sacerdotes et clerici defluent, et quasi a tinea consumentur.» Проповѣдникъ возстаетъ особенно противъ того, что внѣшніе обряды благочестія замѣнили присутствіе любви и благодати; священники, говоритъ онъ, думаютъ, что исполнили свою обязанность, если отслужили предписанныя правиломъ служ-

бы (canonicae) со всѣми обрядами и при томъ въ свое время, чинно и спокойно; но не въ томъ главная, святая обязанность священника: «Nihil magis necessarium et salubre magnis et paruis sacerdotibus, quam modus et cura salutis animarum... sed cura animarum est posterior, vel nouissima, vel forte nulla apud nos.» Въ святой ревности своей Матѳей не щадитъ и народа, и если онъ уподобляетъ Церковь любодѣицѣ Апокалипсиса, то онъ не преминуетъ сравнить народъ съ звѣремъ, на которомъ, въ мистическомъ смыслѣ Апокалипсиса, сидитъ любодѣица; особенно проповѣдникъ вооружается противъ Магистрата, или лицъ правительственныхъ: «Corpus vel carnes reipublicae et caput vel capita totum bestiale et terrenum, non habens unitatem spiritus Iesu Domini.» Замѣчательно то, что нашъ проповѣдникъ говоритъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной: «Reges et domini temporales, quia a sacerdotibus non expectant temporalem profectum, nec timent ab ipsis nocumentum, ideo ipsos timent minime, et per modicum reuerentur, et adhuc minime obediunt, nisi in his, quae ipsos delectant, vel volunt. Et nisi esset publica denuntiatio excommunicationis, verecundiaque abscissionis, quam solam timere omnino iniquorum est carnalium, etiam Papam ipsum prorsus non timerent.» Относительно схоластической богословской учености того времени замѣчательны слѣдующія слова Матѳея, показывающія, какое предпочтеніе отдавали Каноническому Праву предъ Св. Писаніемъ: «Nunc magis sunt in pretio doctrinae et studium ipsorum, quae vulgo Iura Canonica dicuntur, quam studium Bibliae, Prophetarum et Euangelistarum, et multo pinguiores transferunt ad studendum Iura et leges, quam sanctam Theologiam, et studentes talium legum et doctrinarum humanarum magis et citius promouentur, quam scribae et docti viri in lege Iesu Christi vel Theologiæ. Studentes talia (Iura Canonica) sunt mundi amatores et per consequens Antichristi, quod fere in omnibus Uniuersitatibus quasi minimus pauperum Christi Iesu, vel vir deuotus, sed omnes solum generosi secundum hoc saeculum diuites et pollentes ingenio et eloquentia, transferunt ad studium legum et Iuris Canonici, et ipsi concupiscunt cito ditari et honorari in hoc mundo, quod etiam fit cito ipsis et gloriose, dum aliquos titulos assequuntur. Verbum autem Iesu et doctrinas, scilicet, Theologiam solum pauperes et deuoti quaerunt studere, qui in hoc mundo sunt abiecti, et mundus ipsis et suae concupiscentiae viluerunt, nec facile

quisquam potest ditari assecla sscipturae anctae.» Проповѣдникъ нашъ является не менѣе смѣлымъ нововводителемъ и въ отношеніяхъ государственныхъ, какимъ и въ дѣлахъ Вѣры; такъ всѣ различія сословій онъ считаетъ изобрѣтеніемъ діявола: «Omnis multitudo varia religionum in populo unico Christiano nouiter adnentitia, omnis multitudo societatum in militibus, nobilibus et rusticis, et colligatio talium per varias observantias, adinuentiones et attractio hominum ad ipsas, vel invitatio quaelibet.... Omnia ista ad septem capita bestiae putabis pertinere, quia haec omnia Paulo non sunt visa in Ecclesia, sed solum nunc nouiter emerserunt, quando tempus pro bestia dispensatum inchoavit.»

Въ главѣ 56-ой Матѳей говоритъ о причащеніи подъ обоими видами, какъ неотъемлемомъ правѣ всѣхъ Христіанъ: «Sed quia omnes Christiani acceperunt et accipiunt maxima bona a Deo, bona coelestia, bona spiritualia, perpetua et diuina... quia etiam accipiunt ipsius sacramentum altaris et alia sacramenta, ubi est verum corpus ipsius et verus sanguis filii Dei, ubi habitat omnis plenitudo diuinitatis corporaliter secundum Apostolum.»

Объясняя всѣ понятія и образы Апокалипсиса изъ своего времени, проповѣдникъ, между прочимъ, говоритъ, что страшной голодъ поразитъ землю: «Non fames panis et vini istius carnalis, sed fames audiendi verbum Dei et communionis Domini Iesu sacramenti.» За этимъ слѣдуетъ указаніе на важное историческое обстоятельство того времени—пренебреженіе священниками ихъ обязанностей: «Non quasi omnes Sacerdotes parochiani et Sacerdotes ordinarii occupati mundo et diuitiis, satiati honoribus et diuitiis, ubique verbum Dei praedicare cessarunt, mortuo in ipsis zelo fidei animarum.» Относительно церковныхъ имѣній говоритъ проповѣдникъ слѣдующее: «Communiter in vulgo dicitur: bona clericorum, beneficia, praebenda et similia sunt bona pauperum, ex quibus, pauperes debeuent nutriri.» Слѣдственно, уже тогда мнѣніе общественное возставало противъ исключительнаго владѣнія церковными имуществами, присвоеннаго духовными лицами. Духовенство и монахи того времени употребили всю внѣшность богослуженія для своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей, и по тому старались украшать ее болѣе и болѣе, чтобы приманивать народъ: къ этимъ средствамъ причисляетъ Матѳей великолѣпіе храмовъ, стройное пѣніе, умноженіе числа миссъ, установленіе великихъ праздниковъ:

«Multae festivitates gloriosae sanctorum Dei in coelis, et istae sunt apud eos celeberrimae, in quibus omnia coram populis idonee exerceri possint, exponi et videri, ut eo magis laudabilis ipsorum populus videatur, cui Dominus sic abundanter benedixit;» поклоненіе лживымъ мощамъ: «multae sanctorum reliquiae antiquae et recentes, communes et aliae inauditae;» красивыя иконы чудотворныя и статуи: «pulcherrimae picturae et statuae, quae faciunt insignia portenta et miracula magna;» и особенно индульгенціи. Вотъ что говоритъ о нихъ нашъ проповѣдникъ: «Indulgentiae magnae et magna promissa omnibus accurentibus, et gratiae vix a hominibus credibiles, alias ita autenticae et a dominis Apostolicis ita roboratae per testes et per bullas, quod non est plus homini de psis ullo modo dubitare. Nam etsi contradiceret, vel non crederet (эти слова самой буллы), indignationem Dei omnipotentis incurreret. Et forte plaga manifeste puniretur, sicut iam multi, inquiunt, pro simili incredulitate sunt puniti.» Сравнивая монаховъ съ бѣлымъ духовенствомъ, Матѳей Яновъ считаетъ первыхъ болѣе опасными и вредными, нежели вторые: «quod, videlicet, sudorem, vel labores plebeiorum simplicium nimium cupide extrahunt et ebibunt, hoc magis super sacerdotes, qui plurimum solum sibi requirunt constitutum, vel consuetudine longa obseruatum.» Но священники и монахи одинаково торгуютъ духовными дарами: «Nam istis proprie sanctorum merita et suffragia veniunt ad quaestum..... isti sciunt in omnibus et ex omnibus quaestus suos cumulare et singula applicare ad lucrandum, et maxime illa, quae sunt sanctorum Dei, ut est patres suos extollendo, altaria pro sanctis multiplicando, suffragia sanctorum apud se lucere diffamando, reliquias eorundem et magnae virtutis statuas celeberrime praedicando, et multa similia, quae possunt comportare ipsis, ad lucrum exquisita, populis ostentando.»

Изъ этого видно, что Матѳей зашелъ гораздо далѣе, нежели Вальдгаузеръ и Миличъ и, какъ скоро увидимъ, далеко позади себя оставилъ самаго Гуса. Какая же роль назначена Матѳею среди представителей Вѣроисповѣднаго Чешскаго движенія? Исторія жизни и ученія Милича, который силился возстановить единеніе между Чешскимъ народомъ и Католичествомъ очищеннымъ, и самъ былъ жертвою своихъ благородныхъ усилій, показала совершенную невозможность того, чтобы Католичество удовлетворило внутреннимъ требованіямъ народа, обнаружила невозможность

Католичеству существовать совмѣстно съ обнаруженіемъ въ Чешскомъ народѣ стремленія къ новой Вѣроисповѣдной формѣ. Поборникомъ мысли о невозможности существованія Католичества, въ его тогдашнемъ видѣ, является Матѳей изъ Янова: стоитъ вспомнить его достопамятныя, выше нами приведенныя, слова: «Церковь Божія не можетъ быть возстановлена, ни преобразована, въ свое прежнее достоинство, если въ ней не передѣлать всего сызнова.» Миличъ являлся защитникомъ Католичества очищеннаго, такого, какимъ оно являлся его воображенію; Матѳей, наученный примѣромъ своего предшественника, является неумолимымъ гонителемъ Католичества, безжалостнымъ обличителемъ всѣхъ его заблужденій и преступленій. Въ самомъ началѣ своего разсужденія, нами разсмотрѣннаго, Матѳей говоритъ, что между нимъ и представителями Католичества (духовными, свѣтскими и монахами) о мирѣ не можетъ быть и рѣчи; что онъ пришелъ не для мира, а чтобы ввергнуть посреди ихъ мечъ; тысячу разъ повторяетъ онъ въ своемъ сочиненіи, что между нимъ и другими послѣдователями Христа съ одной стороны, и плотскимъ (carnales) духовенствомъ и монашествомъ, должна быть борьба кровавая и безпощадная, борьба на смерть; свою ненависть къ представителямъ Католичества онъ, въ порывѣ чувства, высказываетъ иногда ужаснымъ, безчеловѣчнымъ, образомъ: особенно замѣчательно заключеніе 37 главы. Сказавъ, что нынѣшняя Церковь Католическая испорчена въ корнѣ, и по тому осуждена на гибель, Матѳей, съ ужасающимъ хладнокровіемъ, говоритъ, что уже лѣтъ 50, или 70, назадъ тому Господь началъ казнить Церковь; что съ нѣкотораго времени начались слишкомъ часто свирѣпствовать морозы, и язвы, и войны, истребляющія множество Христіянъ. Но Матѳей радуется этому и говоритъ, что Господь все это посылаетъ для того, «quatenus ita clerus et populus auarus et inueteratus in malis, cupidus et superbus, citius tolletur de medio daretque locum sanctis Dei, per spiritum Iesu innouatis.» Изъ Чешскихъ преобразователей ученіе объ Антихристѣ развито первымъ, сколько намъ извѣстно, Миличемъ. Эта благородная, доселѣ не вполнѣ раскрытая, личность замѣчательна въ высшей степени. Между тѣмъ какъ Конрадъ Вальдгаузеръ, Штѣкна и другіе проповѣдники, ему современные, или его предшественники, нападали на нравы духовенства не столько по тому, что они считали ихъ вовсе несовмѣстными съ ученіемъ

Христіянскимъ, сколько болѣе такъ, по привычкѣ, для того, что уже давнымъ давно вошло въ обычай обличать пороки духовенства, которое тѣмъ не менѣе продолжало совершать ихъ, Миличъ первый (изъ Чешскихъ дѣятелей), наскучивъ этимъ безполезнымъ повтореніемъ одного и того же о порокахъ духовенства, рѣшился проникнуть въ ихъ источникъ, и искоренить его. Въ уединеніи его вдругъ поразила мысль, которую онъ считалъ откровеніемъ свыше, мысль о томъ, что все зло въ Церкви происходитъ отъ Антихриста. Миличъ посвятилъ всю свою жизнь борьбѣ съ Антихристовымъ началомъ въ Церкви, и призывалъ себѣ на помощь всѣхъ истинныхъ послѣдователей Христа, чтобы, общими силами, изгнать Антихриста. Мы видѣли послѣдствія этой борьбы, гдѣ Миличъ оставленъ былъ самому себѣ, но встрѣтилъ сильное, хотя еще глухое, сочувствіе въ Славянскомъ народонаселеніи Чехіи, Силезіи, Моравіи, Польши, сочувствіе, которое осталось безполезнымъ по тому, что Миличъ не далъ ему пищи. Матѳей Яновъ не только совершенно усвоилъ себѣ ученіе Милича объ Антихристѣ, но, развивъ его самобытно, довелъ до самыхъ крайнихъ выводовъ: онъ не только призналъ дѣйствительное существованіе Антихриста въ Церкви, но и представилъ Антихриста главнымъ правителемъ Церкви, которою онъ распоряжается чрезъ многочисленныя толпы священниковъ и монаховъ; истинные представители Христа, по его, очень малочисленные, или скрываютъ свои чувства, или терпятъ страшное гоненіе отъ служителей Антихриста. Матѳей дошелъ до того, что мнилъ видѣть въ современномъ ему состояніи Церкви осуществленіе всѣхъ пророчествъ относительно пришествія великаго Антихриста, содержащихся въ Апокалипсисѣ и сочиненіяхъ Пророковъ: все его огромное сочиненіе, нами разсмотрѣнное, содержитъ въ себѣ объясненія Апокалипсиса и Пророковъ изъ порядка вещей, тогда господствовавшаго въ Церкви. Онъ провелъ мысль, данную Миличемъ, сквозь всѣ современные ему образы, и нельзя не согласиться, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, что изъ проповѣдника онъ сталъ какимъ-то сатирикомъ и человѣкомъ, который дѣйствуетъ и говоритъ подъ вліяніемъ любимой мысли, не размышляя о томъ, до какихъ крайностей она можетъ его довести; но замѣтимъ, что Матѳей безпощадно развилъ мысль объ Антихристѣ, и не остановился ни передъ какими, самыми нелѣпыми, слѣдствіями. Разсмо-

трѣнное нами сочиненіе Матѳея представляетъ драгоцѣнныя извѣстія о состояніи духовенства и Церкви во второй половинѣ XIV столѣтія, извѣстія, важность которыхъ въ состояніи оцѣнить каждый историкъ. Но это же сочиненіе представляетъ, другою своею стороною, много такого, что создано воспламененнымъ воображеніемъ проповѣдника: самый неопытный глазъ легко различитъ тѣ мѣста въ сочиненіи Янова, гдѣ онъ говоритъ хладнокровно, разсматривая вещи сквозь призму здраваго сужденія, отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ увлекается своею любимою мыслію о пришествіи Антихриста и о мерзости запустѣнія въ Церкви. Но и какъ проповѣдникъ и какъ сатирикъ, Матѳей Яновъ чрезвычайно важенъ въ исторіи Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія. Миличъ призналъ Церковь испорченною отчасти, Матѳей былъ убѣжденъ въ томъ, что она вся до основанія испорчена, и явно проповѣдывалъ необходимость сильнаго переворота, который положилъ бы конецъ нестерпимому (по его мнѣнію) порядку вещей. Но вспомнимъ, что Матѳей высказывалъ не просто свои личныя мнѣнія, но что онъ былъ представителемъ Антикатолической стороны, мало по малу образовавшейся и развивавшей свои убѣжденія болѣе и болѣе. Эта сторона въ лицѣ Милича предлагала Католической Церкви единеніе и миръ на маловажныхъ уступкахъ, но въ лицѣ Янова она навсегда и окончательно отдѣлила свое дѣло отъ дѣла Католичества, и стала къ нему въ явно враждебное положеніе. Матѳей ничего не говоритъ отъ своего лица, но въ немъ слышится намъ голосъ всѣхъ тѣхъ, которые были возмущены ужасными безпорядками, вкравшимися въ Католическую Церковь. Матѳею суждена была роль разрушителя, и по истинѣ онъ ничего не пощадилъ, кромѣ основы Христіанскаго ученія; во всей внѣшности Католической Церкви онъ видѣлъ глубоко вкоренившіяся заблужденія. Читая сочиненіе Матѳея Янова, не знаешь, чему болѣе удивляться, смѣлости или лучше дерзости его мнѣній, или его нерѣшительности, робости. Изливъ, въ смѣлыхъ и благородныхъ словахъ, негодованіе противъ представителей Церкви, Матѳей самъ пугается того, что сказалъ прежде, и по тому старается убѣдить себя и другихъ, что онъ говорилъ по откровенію свыше, а въ противномъ случаѣ никогда не рѣшился бы говорить того, что сказалъ: «Confiteor coram piissimo Iesu crucifixo, quod ista, quae scribo et quae iam scripsi pridem, nec potuissem, nec sciuissem, nec

ausus fuissem scribere, nisi ipsemet iussisset per aeternam unctionem suam.» Но инымъ доказательствомъ нерѣшительности Матѳея и той стороны, которой представителемъ онъ былъ, служитъ заключеніе сочиненія «De abominatione,» гдѣ говорится: «Protestor, quod ista, quae sunt hic posita, et alia mea dicta et facta, humiliter subijcio cum omni obedientia filiali sanctae uniuersali Ecclesiae et ipsius correctioni et emendationi in omnibus et singulis, per me dictis, vel factis, aut in posterum faciendis.»

Сочиненія Матѳея мало имѣли вліянія на народъ; уже послѣ Гуса многіе обратились къ нимъ, какъ видно изъ словъ Магистра Пржибрама, который долженъ былъ отречься отъ сочиненій Гуса и Матѳея Парижскаго. Самое мистическое направленіе сочиненій Матѳея не могло удовлетворить существеннымъ потребностямъ народа; къ тому же Матѳей, не оставивъ во всемъ зданіи Католичества ничего не тронутаго, ничего такого, чтобы не требовало измѣненія, не пощадивъ ни одного сословія, ничего не предложилъ въ замѣну того, что онъ самъ преслѣдовалъ, какъ отжившее. Низвергая всю внѣшность Католичества, Матѳей самъ не создалъ ничего новаго, не предложилъ средствъ, какъ выйти изъ того ложнаго направленія, въ какомъ стояла Церковь относительно народа. Согласимся, впрочемъ, что чрезъ то Матѳей облегчилъ трудъ тѣхъ, которые за нимъ послѣдовали, но не ему суждено было набросать основанія новой Вѣроисповѣдной формы, вполнѣ удовлетворявшей новымъ внутреннимъ потребностямъ Чешскаго народа: это совершилъ Гусъ, и чрезъ то оставилъ свое имя всему Чешскому движенію. Сравнивая ученіе Гуса съ ученіемъ Матѳея, нельзя не согласиться, что послѣдній былъ несравненно смѣлѣе перваго въ своихъ Вѣроисповѣдныхъ преобразованіяхъ. И это совершенно понятно. Когда народъ, выросши изъ своихъ Правительственныхъ и Вѣроисповѣдныхъ оболочекъ, срываетъ ихъ съ себя и ищетъ новыхъ, которыя совершенно удовлетворяли бы его новому состоянію, то не вдругъ онъ ихъ находитъ, и много тщетныхъ попытокъ ему нужно бываетъ вытерпѣть, чтобы обрѣсть наконецъ то, чего онъ желаетъ. Въ такихъ-то народахъ любопытно слѣдить за движеніями ихъ, за ихъ стремленіемъ то къ той, то къ иной, формѣ. Съ приближеніемъ неожиданнаго, но тѣмъ не менѣе необходимаго, переворота въ жизни народа, наступаетъ тяжкое время: старыя отжи

лыя формы жизни бременятъ невыносимою тягостью, новыя еще не высказались: масса народа, въ которой всегда зарождаются великія движенія, тиха и спокойна; но кто знаетъ, что кроется въ ея глубинѣ? Она дожидается благопріятной минуты, собирается съ силами, по видимому, еще совершенно покорна несносной для нея власти. Самая же власть, будетъ ли то политическая, или религіозная, никогда не бываетъ такъ горда, такъ спокойна, такъ самоувѣренна, какъ тогда, когда ей угрожаетъ гибель, которой она не предугадываетъ: частныя вспышки, которыми предшествуется всякое поголовное возстаніе, подавлены счастливо, и успокоенная тѣмъ власть смѣлѣе, чѣмъ когда либо, даетъ чувствовать свое бремя. Это время перехода бываетъ самое тяжкое для людей мыслящихъ, сознающихъ тяжесть своего положенія: не предугадывая будущаго, видя во власти начало утѣшительное, въ народѣ одно хладнокровіе и равнодушіе, они почитаютъ себя совершенно оставленными, и по тому легко приходятъ въ раздражительное болѣзненное состояніе, въ которомъ они видятъ все окружающее въ болѣе черномъ свѣтѣ, нежели каково оно на самомъ дѣлѣ. Не видя, по видимому, исхода, конца, своему тягостному положенію, они или, оставляя дѣйствительность, удаляются въ міръ внутренній, и сдѣсь окружаютъ себя созданіями своего воображенія, или, обладая необыкновеннымъ талантомъ, бросаютъ проклятіемъ во все окружающее. Когда Матѳей Яновъ писалъ свои сочиненія, Католичество, не предугадывая своей гибели, пользовалось смѣлѣе, чѣмъ когда нибудь, своею властью, и немедленно подавляло всякое сопротивленіе. Самъ Матѳей былъ дважды приговоренъ къ отреченію отъ своихъ мнѣній. Антикатолическая сторона, еще не увѣренная въ опорѣ народа, считала свое дѣло проиграннымъ навсегда, и по тому хотѣла, по крайней мѣрѣ, записать для потомства свои жалобы, подать ему аппелляцію на Католичество, дошедшее до крайней степени самоувѣренности. Отчаяніе, которое такъ явно дышетъ въ малѣйшемъ произведеніи Матѳея, смѣнилось надеждою, когда Гусъ обратился къ народу съ новыми Вѣроисповѣдными основаніями, почерпнутыми изъ свойствъ и развитія самаго народа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Причины изъ развитія Чешскаго народа, приготовившія появленіе Гуса; политическія и религіозныя обстоятельства, условившія характеръ самаго народа и великаго двигателя.[1]

Чешское Вѣроисповѣдное движеніе не есть слѣдствіе простаго богословскаго спора, но оно возникло изъ жизни Чешскаго народа, приготовлено всѣмъ его развитіемъ. Богословскіе споры играютъ въ немъ, какъ въ послѣдствіи въ Нѣмецкомъ движеніи (Лютера), роль второстепенную: они по стольку важны, по сколько удовлетворяютъ внутреннимъ потребностямъ народа. Жестоко ошибется тотъ, кто станетъ искать начала Чешскаго движенія въ области богословскихъ споровъ: отвлеченные вопросы никогда не могутъ воспламенить, увлечь, за собой цѣлый народъ, если они не развились изъ его внутренней жизни. Разсматривая Чешское движеніе XV вѣка, болѣе и болѣе убѣждаемся въ томъ, что оно безконечно важнѣе и богаче слѣдствіями, чѣмъ какъ его обыкновенно представляютъ: оно условлено всѣми силами Чешскаго народа, всею его жизнью, съ первой минуты его пробужденія къ всемірно-исторической дѣятельности, т. е., съ принятія Христіанства; по тому вопросъ о началѣ и развитіи Чешскаго движенія есть вопросъ о жизни всего Чешскаго народа, и даже, какъ увидимъ, всѣхъ нашихъ Западныхъ братій.

Чехія, уже по самому географическому положенію, предназначена была быть мѣстомъ борьбы Славянскаго племени съ Нѣмецкимъ: послѣдній весь воплотился въ Католичество; естественно, что въ Чешскомъ народѣ должно было развиться стремленіе, враждебное Католичеству. Нельзя не признать, на основаніи исто-

---

[1] Источники: Monumenta historica Boemiae nusquam antehac edita, quibus non modo patriae aliarumque vicinarum regionum historia illustratur etc., collecta a Gelasio Dobner, t. IV, p. 23—95; alias t. VI, p. 435 sqq.—Lenfant Histoire des Hussites, p. 39 sqq.—Krasinsky Sketsch of the reformation in Poland, p. 50 sqq.—Pelzel—Lebensgeschichte Koenigs Wenceslaus, t. II.—Geschichte Kaisers Sigmunds, v. Joseph Aschbach, I-es Buch, capitel: 1, 3, 8, 9, 14, 15.

рическихъ событій, что народы Славянскіе никогда не дѣлали посягательства на жизненныя начала другихъ народовъ, никогда не навязывали имъ своихъ началъ, но всегда и при всякомъ случаѣ уважали народныя права. Противоположныя стремленія отличаютъ племя Нѣмецкое, котораго повсемѣстная монополія должна же, наконецъ, кончиться. Доселѣ мы все видѣли, и теперь еще часто видимъ глазами Нѣмцевъ: пора показать намъ, что и наше Славянское племя не даромъ составляетъ такую значительную часть человѣчества, что въ немъ кроется зародышъ великой будущности. И это не пустое слововыраженіе: преобладаніе Нѣмецкаго племени, обозначающее всю новою исторію, отъ самаго паденія Римской Имперіи, въ скоромъ времени кончится, и начнется новый періодъ историческаго развитія, быть можетъ, періодъ Славянскій. Что племя Славянское кроетъ въ себѣ источникъ всего великаго и прекраснаго, доказательство тому—исторія страданій его, гдѣ оно развило такое необыкновенное богатство и разнообразіе внутреннихъ началъ. Лучшее доказательство этому—исторія Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія, представленная, не какъ послѣдовательный рядъ богословскихъ споровъ, но какъ живое проявленіе началъ Славянскихъ, стремившихся выбиться изъ узъ, наложенныхъ на нихъ Католичествомъ. Католичество, съ своими стремленіями къ неограниченному господству надъ умами и лицами, несовмѣстно съ демократическимъ свойствомъ Славянскаго племени, которое сильно высказывается и сознается даже при самомъ противоположномъ порядкѣ вещей. Исторія показываетъ, что Католичество съ тѣхъ поръ, какъ Іерархическія стремленія Папъ развились вполнѣ, всегда было союзникомъ умственнаго и внѣшняго насилія тираніи: участіе, которое Папы принимали въ судьбѣ Итальянскихъ республикъ, объясняется самыми корыстными видами. Чтобы вполнѣ постигнуть ихъ, стоитъ взглянуть на несчастную Италію, намъ современную, гдѣ Католичество силится убить, не смотря ни на что, всякое внутреннее развитіе, и заковать навсегда народы въ оковахъ суевѣрія и низкаго рабства. Очень понятно, по чему Католичество явилось враждебнымъ началомъ въ Чешской исторіи: оно не могло ужиться съ Чешскими народными началами, и безпрестанно приходило съ ними во враждебное отношеніе. Чешскій народъ, воспитанный въ неограниченной, даже необузданной, любви къ свободѣ, не могъ сносить тяжелаго ига Католичества,

которое налагало оковы на все его развитіе. Должно замѣтить, что всякій приливъ Нѣмецкаго начала въ Чехію совпадалъ съ преобладаніемъ Католичества и утѣсненіемъ всего народнаго. Но отъ чего же, въ теченіе всей исторіи Чехіи, мы видимъ, что сами Чехи нерѣдко прибѣгали къ Нѣмецкимъ Государямъ, брали ихъ къ себѣ въ Короли, и подавали поводъ имъ вмѣшиваться во всѣ стихіи народнаго быта? Славянское племя представляетъ самое полное развитіе понятія о личности, несовмѣстное ни съ общепринятыми Государственными формами, ни съ отношеніемъ его къ инымъ племенамъ сосѣднимъ; но въ этомъ-то началѣ личности лежитъ зародышъ новаго Славянскаго развитія. Славянскій человѣкъ твердо сознаетъ свои права, свои личныя убѣжденія, и не промѣняетъ ихъ ни на какія другія: отсюда происходитъ то, что понятіе о народности, какъ о совокупности личностей, не сильно въ Славянахъ, и по тому-то они могли такъ слабо сопротивляться вторженію иныхъ народныхъ, но уже вполнѣ сложившихся, началъ.

Православное ученіе не могло не произвести на внутреннюю жизнь Чеховъ сильнаго впечатлѣнія, и при томъ весьма благодѣтельнаго въ томъ отношеніи, что Чехи ранѣе другихъ народовъ пришли въ умственное совершеннолѣтіе, сознали себя и свои народныя начала. Западная Церковь, обращая народы въ Христіанство, старалась прежде всего о томъ, чтобы дать имъ внѣшность Христіанскую, предоставляя себѣ заботиться въ послѣдствіи о томъ, чтобы Христіанство проникло въ жизнь народа. Напротивъ, Восточная Церковь обращалась къ самому обращаемому народу, и старалась прежде всего о томъ, чтобы перенести въ него нравственное ученіе Христіанское, чтобы просвѣтить сердца народа, и по тому Восточная Церковь старалась дѣйствовать на убѣжденія народа, и по тому пробуждала въ немъ сознаніе его народнаго достоинства и была первою побудительною причиною и самаго внутренняго развитія народа, съ которымъ она никогда не боролась; между тѣмъ какъ пробужденіе народныхъ началъ было всегда подозрительно и враждебно къ Католичеству, которое было навязано народамъ во время ихъ умственнаго малолѣтства и на которое они, съ сознаніемъ своего человѣческаго и народнаго достоинства, должны смотрѣть враждебно и непріязненно. Между тѣмъ какъ масса народа въ другихъ странахъ Европы еще не

принимала никакого участія въ умственномъ движеніи и жила совершенно прозябательно, народъ Чешскій раскрывалъ уже чрезвычайное богатство своихъ родныхъ силъ и въ своихъ дѣйствіяхъ представлялъ осуществленіе высшихъ помысловъ. Но внутреннее развитіе Чешскаго народа не въ отдѣльныхъ лицахъ, а всею его массою, началось съ проникновенія къ нему ученія Восточной Церкви. Мало по малу проникло потомъ Католичество въ Чехію, не вдругъ предъявило всѣ свои требованія: сначала оно, по видимому, также обращалось къ народу, терпѣло даже Богослуженіе на народномъ языкѣ, льстило народу, но потомъ отдѣлилось отъ народа и силилось поставить его въ то же рабское и безпомощное положеніе, въ какомъ находился простой народъ другихъ странъ относительно къ духовенству Католическому. Но тѣмъ не менѣе никогда въ Чехіи Католичество не достигало такой силы и вліянія на народъ, какъ въ иныхъ странахъ Европы, никогда не господствовало оно въ Чехіи нераздѣльно, никогда не успѣвало подавить вполнѣ народнаго противодѣйствія. Оно имѣло за себя Короля, высшее и часть средняго сословія, но масса народа была неподкупна и постоянно, подъ маскою Католической внѣшности, носила въ себѣ зародышъ недовольства Католичествомъ, которое равно оскорбляло всѣ ея понятія. Взглянемъ теперь на политическія судьбы Чехіи, по степени ихъ отношенія къ религіознымъ ея судьбамъ.

Первое, что мы здѣсь встрѣчаемъ замѣчательнаго, это отношеніе Австрійскихъ Герцоговъ къ Чехіи. Въ 1252 году Маргарита, вдова Римскаго Короля, Генриха, дочь Леопольда Австрійскаго и сестра послѣдняго Австрійскаго Герцога, Фридриха, оставивъ монастырь, куда она заключилась было по смерти Генриха, вышла замужъ за молодаго Пржемысла Отакара, наслѣдника Чешскаго престола, и принесла ему съ собою Герцогство Австрійское, Штирію и Хорутанію. Но Отакаръ не умѣлъ быть благодарнымъ къ Маргаритѣ, и въ 1261 г. отвергъ ее и женился на Кунигундѣ Угорской, дочери Ростислава, Князя Русскаго (сына Михаила, В. К. Кіевскаго и Черниговскаго). Это обстоятельство и рѣшительность, съ которою Отакаръ попиралъ права могущественнаго Дворянства сихъ земель, были причиною того, что эти земли также легко отпали отъ Чехіи, какъ и были легко присоединены къ ней. Въ 1271 году, по смерти Нѣмецкаго Императора, Ричарда, Князья

предложили корону Отакару, который отказался отъ нея, и по тому имѣлъ огорченіе видѣть, что ее надѣли на голову Рудольфа Габсбургскаго, его отъявленнаго врага. Въ измѣнникахъ не было недостатка, и тогда, съ помощію ихъ, Рудольфъ, 26 Августа, 1278 года, лишилъ Отакара Австріи, Штиріи, Хорутаніи и даже Моравіи (но ее только на 5 лѣтъ), и присоединилъ ихъ къ своимъ родовымъ владѣніямъ. Съ того времени судьба Чехіи тѣсно связана съ судьбою Австріи: послѣдняя не пренебрегала ни какими средствами, чтобы ослабить первую. Австрійскіе Герцоги, отъ Рудольфа Габсбургскаго до Фердинанда II, слѣдовали одной и той же политикѣ—возвышенію своего дома какими бы то ни было средствами: самые родственные союзы не препятсвовали имъ вредить Чехіи и ея Государямъ. Съ 1270-хъ годовъ начинается непрерывный рядъ козней, цѣлью которыхъ было ослабить Чехію и присоединить ее къ Австріи, и которыя совершенно восторжествовали уже только въ 1620 году. Главное мѣсто въ политической исторіи Чехіи занимаютъ отношенія ея къ Австріи, по видимому, несравненно ея слабѣйшей. Король Вячеславъ II, сынъ Пржемысла Отакара II, по политическимъ расчетамъ, принужденъ былъ жениться на дочери убійцы своего отца, Гутѣ Австрійской; тѣмъ не менѣе онъ нашелъ въ братѣ жены своей, Альбрехтѣ, злѣйшаго врага: извѣстно, что народъ Чешскій приписывалъ смерть своего послѣдняго Короля изъ дома Пржемыслова, Вячеслава III, сына Вячеслава II, и сестры Альбрехта, убійцѣ, подосланному Альбрехтомъ (1306 г., 4 Авг.). Какъ бы то ни было, но Альбрехтъ всячески старался упрочить Чешскую корону которому ни будь изъ своихъ сыновей: и дѣйствительно Рудольфъ, сынъ Альбректа, былъ провозглашенъ Чешскимъ Королемъ мимо трехъ сестеръ несчастнаго Вячеслава III-го. Но скоро онъ вооружилъ противъ себя Чеховъ, и только смерть (1307) спасла его отъ позора быть изгнаннымъ. Альбрехтъ выставилъ тогда въ Чешскіе Короли сына своего, Фридриха, но Чины Чешскіе и слышать не хотѣли о Королѣ Австрійскомъ. Генрихъ Хорутанскій избранъ въ Короли Чешскіе, какъ супругъ Анны, старшей сестры Вячеслава III-го, но въ 1311 году онъ былъ изгнанъ за то, что оскорбилъ права Чиновъ и народа. Чехи тогда обратились къ Императору Нѣмецкому, Генриху VII, Принцу Люксенбурскому, прося у него въ Короли себѣ его сына, Іоанна, съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ за себя Елисавету, вторую сестру Вячеслава III. Генрихъ VII со-

гласился съ радостью, и сынъ его коронованъ Чешскимъ Королемъ 7 Февр., 1312 года: съ нимъ на престолъ Чешскій вступилъ домъ Люксенбургскій и оставался на немъ 127 лѣтъ. Короли изъ дома Люксенбургскаго дѣйствовали относительно Чехіи совершенно иначе, нежели Короли изъ дома Австрійскаго: они уважали Чешскій народъ и его права. Конечно, всѣ они обнаруживали нѣкоторую любовь къ Нѣмцамъ, однако они заботились и о томъ, чтобы возвеличить и обогатить Чехію; это справедливо относительно Іоанна, Карла I и Вячеслава IV. Іоаннъ, правда, рѣдко посѣщалъ Чехію, налагалъ на нее огромныя и частыя берны (подати), но онъ очень мало вмѣшивался во внутреннее управленіе Чешскаго народа, который правился при немъ совершенно собою. Карлъ 1 умѣлъ держать въ равновѣсіи всѣ сословія Чешскаго народа, но никогда, сколько намъ извѣстно, не посягалъ на политическую ихъ свободу. Вячеславъ IV, съ своею страстью къ самодержавію и вмѣстѣ отвращеніемъ отъ всякаго усильнаго занятія, вооружилъ противъ себя могущественное Чешское Дворянство; впрочемъ, онъ любилъ народъ и народъ отвѣчалъ ему такою же любовью. Но Сигисмундъ снова держится политики Австрійскихъ Государей: онъ захватилъ въ плѣнъ коварнымъ образомъ своего брата, Вячеслава IV, и 19 мѣсяцевъ правилъ Чехіею, но вооружилъ своими самовластными поступками противъ себя всѣ сословія и оставилъ въ воспоминаніи народа самое невыгодное для себя впечатлѣніе, которое немало способствовало къ тому, что по смерти Вячеслава IV Чешскій народъ не согласился признать Королемъ Сигисмунда, и если въ послѣдствіи принялъ его, то на самихъ выгодныхъ для себя условіяхъ. При Карлѣ I снова установлены родственныя связи съ Австріею, одинъ изъ Герцоговъ которой, Рудольфъ, женился на Екатеринѣ I, дочери Карла I; съ нимъ-то Карлъ I заключилъ договоръ о взаимномъ наслѣдствѣ, по которому Чехія переходила къ Австріи, если изъ дому Люксенбургскаго не останется ни мужескаго, на женскаго, потомства; но и Австрія должна была, когда вымретъ родъ ея Герцоговъ, присоединиться къ Чехіи. Чешскій народъ никогда не хотѣлъ признать этого договора, и самъ Карлъ не обращалъ на него большаго вниманія. Въ послѣдствіи и Сигисмундъ выдалъ свою единственную дочь, Елисавету, за Альбрехта Австрійскаго, и чрезъ то далъ новое право Герцогамъ Австрійскимъ имѣть притязаніе на Чешскую корону.

Царствованіе Вячеслава IV есть самая запутанная пора въ Чешской исторіи: извѣстія объ его личномъ характерѣ и объ его государственной дѣятельности равно противорѣчащи, и Г. Палацкій ничего не сообщилъ новаго по этому предмету, и всѣ поступки Вячеслава и у него и у другихъ историковъ совершенно послѣдовательны: стоитъ взглянуть на ту мелочность, съ которую Г. Палацкій представилъ борьбу Вячеслава IV съ духовенствомъ, чтобы видѣть, до какой степени Г. Палацкій не понялъ ни свойствъ Вячеслава, ни его побужденій. Достовѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что Вячеславъ не любилъ высшаго Чешскаго Дворянства: съ самаго начала своего онъ окружилъ себя людьми, взятыми изъ средняго и низшаго Дворянства; понятно, что эти совѣтники находили свою пользу въ томъ, чтобы сѣять раздоръ между Королемъ и вельможами. Главною причиною его было то, что вельможи присвоили большую часть Государственныхъ имуществъ. Хотя Палацкій доказалъ, что Вацлавскій Сеймъ—чистая выдумка, но записка Вячеслава къ Архіепископу Іоанну изъ Енштейна, гдѣ Король требуетъ у него возвращенія своихъ городовъ и замковъ, указываетъ на главную причину раздора между Королемъ и Дворянствомъ, къ которому принадлежали и богатыя лица, владѣвшія землями. Высше Дворянство питало постоянную вражду къ Вячеславу; въ 1394 году союзъ Чешскихъ вельможъ, въ которомъ главную роль игралъ славный родъ Розенберговъ, при пособіи брата Вячеслава IV, Сигисмунда, и его двоюроднаго брата, Маркграфа Іоанна, захватилъ Вячеслава IV и держалъ его сначала въ плѣну въ самой Прагѣ; но когда въ ней обнаружилось движеніе въ пользу Короля, то отвезенъ въ Крумловъ, замокъ Розенберговъ, а оттуда въ замокъ Вильдбергъ въ Австріи; однако, съ помощью брата своего, Іоанна Лужицкаго, Вячеславъ возвратилъ себѣ свободу, но уже онъ сталъ не тотъ, каковъ былъ прежде. По свидѣтельству современнаго лѣтописца (Continuator Pulcavae; Dobner t. IV, p. 142), Вячеславъ съ того времени не довѣрялъ ни въ чемъ ни своимъ братьямъ, ни вельможамъ: «Rex itaque, продолжаетъ онъ, sibi familiares de hominibus simplicioribus elegit, talesque dilexit et plurimum adjuvit. Proceres Regni autem non curavit, sed sprevit.» Эти совѣтники Короля питали сильное нерасположеніе къ духовенству, которому они, при всякой возможности, чинили вредъ; они не обращали ни какого вниманія на безсильной гнѣвъ его, выражавшійся въ проклятіяхъ и отлученіяхъ отъ Церкви. Въ послѣдствіи Вячеславъ

не однажды имѣлъ причину раскаяваться въ томъ, что далъ полную волю народу, и хотѣлъ остановить его, но было уже поздно.

Чрезвычайно важный и любопытный трудъ написалъ бы тотъ, кто опредѣлилъ бы, на основаніи первоначальныхъ источниковъ, отношеніе Чешскаго духовенства къ Католическимъ священникамъ съ появленія Гуса; къ сожалѣнію, чрезвычайно мало свѣдѣній имѣемъ мы по этому предмету. Несомнѣнно, впрочемъ, то, что народъ былъ недоволенъ Католическимъ духовенствомъ. Главныя причины были слѣдующія: 1. Безнравственность или развратная жизнь духовенства. Чешскіе народъ былъ глубоко набоженъ, коего неудовлетворяла одна пышная внѣшность: онъ жаждалъ всею душею внутреннихъ убѣжденій. Конечно, народамъ Юга свойственно желать и плѣняться пышными обрядами, торжественными ходами и иными принадлежностями внѣшняго богослуженія. Но народъ Чешскій уже не былъ такъ легкомысленъ, не могъ дѣтски плѣниться одною внѣшностью; онъ достигъ уже высокой степени умственнаго развитія и въ состояніи былъ оцѣнить пустоту внѣшнихъ обрядовъ, подъ которыми не скрывалось ни одного глубокаго убѣжденія. Эней Сильвій пишетъ, что до движенія Гуситскаго ни одна страна въ Европѣ не имѣла такого множества великолѣпныхъ храмовъ, какъ Чехія; изъ другого источника извѣстно, что одна треть поземельной собственности въ Чехіи чрезъ пожертвованія перешла въ руки духовенства. Это доказываетъ то, что народъ Чешскій думалъ найти въ Католичествѣ отвѣтъ на вопросы своей внутренней жизни, и умѣлъ цѣнить и награждать достойныхъ священниковъ. Но духовенство или, по крайней мѣрѣ, большая часть его, было крайне неблагодарно къ народу и не удовлетворяло его потребностямъ. Оно думало, что исполнило всѣ свои обязанности къ народу, если отслужило для него предписанныя правиломъ службы; но народу было этого мало: онъ требовалъ главнымъ образомъ и прежде всего проповѣди, и полагалъ, что главная обязанность священниковъ есть проповѣдь слова Божія. Напротивъ, духовенство совершенно пренебрегло проповѣдію, и чрезъ то возставило противъ себя общественное мнѣніе, которое обвиняло его въ тунеядствѣ; говорило ему, что священники именно по тому и надѣлены такъ богато, чтобы быть совершенно свободными къ исполненію своей главной и священной обязанности—проповѣди слова

Божія. Отсюда и самый характеръ движенія народнаго былъ въ первомъ своемъ періодѣ словесный, проповѣдный. Часть духовенства, вышедшая изъ народа и дѣлившая всѣ его нужды и угнетенія, прежде всего высказала и сознала народныя потребности. Начало противодѣйствія части духовенства противъ другой большей могло имѣть и не слишкомъ чистый и благородный источникъ—естественное нерасположеніе бѣднаго къ богатому; но какія бы ни были тайныя побужденія, однако, главное то, что народъ Чешскій нашелъ отголосокъ своимъ требованіямъ въ части духовенства, и лица изъ этого-то духовенства были первыми, хотя и малоизвѣстными, дѣятелями Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія. Эти неизвѣстное священники сообщали народу чисто Католическія истины на понятномъ ему языкѣ; они не имѣли и въ помышленіи измѣнить что либо изъ ученій, давно принятыхъ Церковію; но уже по одному тому, что они отъ внѣшности Богослуженія обратились къ сущности ученія Христіанскаго, они рѣзко отличались отъ того духовенства, которое жило бенефиціями и пребендами и не имѣло времени думать о потребностяхъ народа. По тому-то и Вѣроисповѣдное Чешское движеніе началось проповѣдью и дѣйствовало сначала преимущественно чрезъ нее. Эта страсть къ проповѣдыванію замѣчательна въ первомъ періодѣ Чешскаго движенія: она простиралась до того, что не только міряне (главнымъ изъ нихъ былъ Іеронимъ Пражскій), но и женщины, охотно проповѣдывали. И это очень понятно: проповѣдники, принесшіе съ собою потребности народа и удовлетворительную для него Вѣроисповѣдную форму, должны были привести къ сознанію народа то, что они вынесли изъ глубины его же духа. Если бы Чешскій народъ уже выработалъ въ глубинѣ своего духа опредѣленную и вполнѣ удовлетворительную религіозную форму, то тогда нечего было бы говорить: слѣдовало бы только возстать и привести въ исполненіе; но совсѣмъ иное было на дѣлѣ. Чешскій народъ видѣлъ, что Католичество не совмѣстимо съ его народными началами; чувствовалъ всѣ оскорбленія недостойныхъ членовъ духовенства, оскорбленія не ему наносимыя, но самой святости нравственнаго Христіанскаго ученія; сознавалъ вполнѣ невозможность существованія настоящаго порядка вещей, но онъ не имѣлъ ничего еще, чѣмъ бы замѣнить Католичество. Въ немъ оставалось темное воспоминаніе о Православномъ ученіи, которое пришлось ему такъ по сердцу и

оставило послѣ себя пріятное воспоминаніе, но онъ не зналъ даже хорошо, чѣмъ оно отличается отъ Католичества. Отъ того-то Чешскій народъ охотно принималъ къ себѣ всѣ чуждыя ученія, но они не могли удовлетворить его потребностямъ. Для него нужна была Вѣроисповѣдная форма, вполнѣ сообразная съ его свойствами, которая основывалась бы на всемъ его прошедшемъ развитіи; но такой формы онъ не имѣлъ въ готовности. Нужно было много трудовъ, много неудачныхъ попытокъ, прежде нежели удалось ему найти эту форму. Въ этомъ отношеніи проповѣдь Чешская замѣчательна, представляя намъ путь, по которому Чешскій народъ шелъ къ своей Вѣроисповѣдной формѣ, развертывая передъ нашими глазами все развитіе Чешскаго духа въ теченіи религіознаго движенія. Ничего не могло бы быть лучшаго, какъ собрать и напечатать въ лѣточислительномъ порядкѣ всѣ проповѣди, какія до насъ дошли, народныхъ Чешскихъ проповѣдниковъ: въ этомъ сборникѣ, если бы онъ когда нибудь осуществился, мы нашли бы картину великую и достойную каждаго ума, картину развитія народнаго, картину того, какъ цѣлый народъ, или, по крайней мѣрѣ, лучшая его часть, искалъ вполнѣ удовлетворительныхъ убѣжденій, искалъ истины въ найлучшей для себя формѣ; тутъ могли бы мы прослѣдить всѣ періоды, всѣ малѣйшія измѣненія, совершавшіяся въ направленіи Чешскаго развитія. Это былъ бы найлучшій источникъ, и безъ него, признаемся откровенно, исторія Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія не возможна, т. е., не какъ ученическое упражненіе, не какъ повтореніе одного и того же, заимствованное изъ множества книгъ, не совершенно переваренныхъ головою, но самостоятельный историческій трудъ.

2. **Алчность духовенства къ собственности, не знавшая предѣловъ.** Если духовенство Чешское пренебрегло своею главною обязанностью — проповѣдью, то, съ другой стороны, оно вступило въ отношенія, для него вовсе не свойственныя, присвоило себѣ должности, самыя несовмѣстимыя съ назначеніемъ его сана. Пражскій Архіепископъ, Сбинекъ или Сбигнѣвъ изъ Газенбурга, былъ несравненно искуснѣйшій полководецъ, чѣмъ прелатъ. Пельцель (S. 517 приводитъ слѣдующее мѣсто изъ одного неизданнаго сочиненія полемическаго содержанія, принадлежащаго Гусу: «Sehet doch! Der

Burggraf ist ein Priester, der Vorsteher des Landtafel ein Priester, der Unterkämmerer ein Priester, der Königliche Küchenmeister ein Priester, der Landschreiber ein Priester!» Игуменъ монастыря Хотѣшевскаго былъ хорошій полководецъ (Сулко) и т. п. Духовенство очень вооружило противъ себя народъ этимъ стремленіемъ выйти изъ круга занятій, ему предназначенныхъ. Конечно, тотъ же порядокъ вещей существовалъ во всѣхъ земляхъ Западной Европы, но тамъ онъ былъ необходимъ, вытекалъ изъ прошедшаго, и на немъ основывался; тамъ онъ не имѣлъ ничего возмутительнаго, и народъ совершенно привыкъ къ нему. Но въ Чехіи такія стремленія духовенства были совершенно несовмѣстны ни съ свойствами народа, ни съ его отношеніями. Въ Чехіи духовенство не могло сначала имѣть никакого участія въ свѣтскихъ дѣлахъ, доколѣ было въ силѣ древнее Жупное право, и даже въ послѣдствіи каждое умноженіе власти духовенства было въ то же время ущербомъ правъ того, или инаго, сословія. Въ устройствѣ Чешскаго Государства для духовенства не было мѣста: вторгшись почти насильственно, духовенство нарушило равновѣсіе прочихъ сословій, и вооружило ихъ противъ себя. Духовныя лица, и по происхожденію, и по владѣнію поземельною собственностью, имѣли одни и тѣ же выгоды съ дворянствомъ и постоянно преслѣдовали одинѣ и тѣ же цѣли; но это согласіе духовенства и дворянства существовало только тогда, когда оба этѣ сословія должны были бороться противъ Королевской власти. Но когда эта послѣдняя, въ лицѣ Вячеслава IV, ниспала до совершеннаго ничтожества, дворянство немедленно разсорилось съ духовенствомъ. Главною причиною этого явленія было то, что духовенство владѣло значительною (третьею) частью помѣстьевъ; эти помѣстья пришли къ духовенству различными путями. Значительная часть была отказана Церкви умирающими, или подарена ей во исполненіе обѣта и т. п.; но духовенство не удовольствовалось этою частью, и пріумножало свои помѣстья частью куплею, частью въ видѣ залога: имѣя много денегъ, духовенство скупало имѣнія обѣднѣвшихъ дворянъ за безцѣнокъ, и чрезъ то умножало свою недвижимую собственность. Постановленіе о томъ, что духовенство не можетъ покупать ничего недвижимаго въ странѣ безъ согласія ея Государей, было чисто формальное, по тому что ни одинъ Государь не отказывалъ въ подтвержденіи условій и дого-

воровъ, предложенныхъ ему служителями Церкви, а, напротивъ, спѣшилъ какъ можно скорѣе удовлетворить ихъ притязаніямъ, считая грѣхомъ и святотатствомъ противостать имъ. Теперь дворянство силилось присвоить себѣ церковныя угодья и помѣстья. Мы уже видѣли, что Матвей Яновъ говорилъ отъ лица всего Чешскаго народа, что имѣнія церковныя суть имѣнія бѣдныхъ и сиротъ; напротивъ, духовенство хотѣло владѣть ими, какъ своею личною благопріобрѣтенною собственностью. Король и дворянство, каждый съ своей стороны, не хотѣли, и не могли, допустить того, чтобы духовенство укрѣпило за собою свои земли, и всячески поперечили ему въ томъ. Церковныя имущества не платили повинностей Государственныхъ, за исключеніемъ однихъ бернъ, которыя, впрочемъ, бывали только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и по тому доходы Государства и Король терпѣли великій ущербъ отъ умноженія Церковныхъ имуществъ. Мы видѣли, что Вячеславъ IV не только нѣсколько разъ воспрещалъ продажу и даръ имѣній церквамъ и монастырямъ отъ частныхъ лицъ, но и требовалъ у Архіепископа возвращенія Коронныхъ имуществъ, которыми онъ воспользовался при удобномъ случаѣ. Вячеславъ постоянно находился въ денежной нуждѣ, по тому что его доходы были очень невелики, и мы знаемъ, что онъ не пренебрегалъ самыми низкими средствами добыть себѣ денегъ. Не забудемъ и того, что духовенство одно имѣло тогда много наличныхъ денегъ, и, занимая ихъ при случаѣ Королю и дворянству, умножало свои владѣнія и свое значеніе: однимъ изъ главныхъ условій, на которыхъ помирился Чешскій Король съ Капитуломъ города Вратиславы, послѣ извѣстнаго спора за бочку Свидницкаго пива, было то, что новый Епископъ Вратиславы простилъ Королю долгъ въ 30,000 марокъ. Дворянство, безъ сомнѣнія, не менѣе Короля было обременено долгами, и по тому находилось въ зависимости у духовенства. Если Жиды Пражскіе, въ 1389 г., были избиты, не по тому что оскорбили священника, шедшаго съ Св. Причастіемъ, но по тому, что многіе Пражане хотѣли однажды навсегда развязаться съ долгами своими, то и дворянство не менѣе сильно хотѣло отнять у Церкви ея поземельную собственность и ею поддержать сво падавшее значеніе. Такимъ образомъ и дворянство, не раздѣлявшее Вѣроисповѣдныхъ стремленій народа, желало также переворота, который позволилъ бы ему наложить руку на Церковныя имущества, и по тому

охотно готово было поддержать всякое движеніе, которое клонилось къ разрушенію тягостнаго для него порядка вещей. Горожане или мѣщане, самый лучшій разрядъ Чешскаго народа, кромѣ того, что были чувствительно оскорблены безнравственностью духовенства и его гордымъ обхожденіемъ съ народомъ, пренебреженіемъ его лучшихъ обязанностей, имѣли еще безпрестанныя враждебныя столкновенія съ духовенствомъ въ области своихъ частныхъ, мірскихъ выгодъ. Безчисленныя права духовенства, исключенія въ его пользу, привилегіи, право исключительнаго пользованія тою, или иною, собственностью, все это было особенно вредно и несносно для городовъ: горожане встрѣтили въ духовенствѣ самое упорное и безразсудное сопротивленіе своимъ постановленіямъ и правамъ. Не было ни одного города, изъ такъ называемыхъ свободныхъ или Королевскихъ, который не имѣлъ бы безпрестанныхъ тяжебъ съ духовными лицами: то въ округѣ городской имѣнія Церковныя до того умножаются, что горожанамъ приходится платить несоразмѣрно тяжелыя подати, то городъ, иногда совершенно безъ намѣренія, нарушитъ одну изъ тысячи привилегій духовенства; однимъ словомъ, конца не было спорамъ городовъ съ духовенствомъ. Послѣднее, не могши сопротивляться открытою силою, приводило въ дѣйствіе всѣ пружины своей духовной власти, и, при малѣйшемъ посягательствѣ на свои права, сыпало во всѣ стороны отлученія отъ Церкви и запрещенія. Неминуемымъ слѣдствіемъ было то, что мало по малу горожане и вообще народъ привыкли до того къ частымъ отлученіямъ и запрещеніямъ, которыя ничего не стоило навлечь самымъ простымъ проступкомъ, что уже не обращали на нихъ никакого вниманія. Архіепископъ Іоаннъ Енштейнъ, въ «Acta in Curia Romana» жалуется, что городъ Литомѣрице (Leitmeritz) препятствуетъ ему пользоваться правомъ свободнаго плаванія по Лабѣ, принадлежащимъ будтобы Архіепископамъ и Епископамъ Пражскимъ съ незапамятныхъ временъ. Изложивъ весь ходъ своего дѣла съ этимъ городомъ, присоединяетъ: «cumque plurimos excommunicationes et interdicta in ciuitate Lithomericensi, quae dictum nauigium impedit, posuissem, nihil profuit, sed me dictus Rex et consilium eius, etc.».. Относительно своего спора съ г. Прагою за право рыбной ловли и перевозы по Велтавѣ Архіепископъ замѣчаетъ: «et cum pluries eos (nimirum cives Pragenses) propterea excommunicassem et pluries

cum eis terminos habuissem, nunquam tamen finem potui habere.» Кромѣ того Архіепископъ между общими главными пунктами своей жалобы приводитъ вторымъ: «claues ecclesiae et censurae Ecclesiasticae contemnuntur.» Легко догадаться, что главною причиною упадка духовныхъ наказаній была неосторожность самаго духовенства. Какъ бы то ни было, но, потерявъ право духовной цензуры, духовенство потеряло всякое вліяніе на умы народа, и по тому и въ важныхъ Вѣроисповѣдныхъ спорахъ не могло противоставить сильнаго и дружнаго отпора. Сочиненіе Матѳея Янова: «De sacerdotum et monachorum carnalium abominatione» заключаетъ въ себѣ много извѣстій о злоупотребленіяхъ, которыя вкрались въ Церковь чрезъ умноженіе ея имуществъ. Большая часть церквей и монастырей были основаны такъ: Король, вельможа, или вообще всякое частное лицо, желая, во спасеніе своей души и поминовеніе вѣчное, основать храмъ, жертвовалъ землю, строилъ на ней самое зданіе церкви, украшалъ его, потомъ приписывалъ часть помѣстій и ставилъ по своему выбору священника, или, если то былъ монастырь, игумена; съ того времени строитель монастыря и его наслѣдники сохраняли право покровительства надъ церковью, т. е., право ставить въ ней священниковъ по своему выбору. Такъ какъ Чехи были очень щедры къ служителямъ алтаря и охотно посѣщали церкви и давали богатые вклады, то церкви и монастыри имѣли очень большіе доходы: иногда, и въ послѣднее время это случалось часто, строитель предоставлялъ половину будущихъ доходовъ церкви и монастыря себѣ и своимъ потомкамъ; отъ того произошло, что многіе міряне строили церкви съ мыслью употребить свой капиталъ на выгодное предпріятіе, и брать съ него большіе барыши. Число церквей и монастырей умножилось чрезвычайно; изъ одной лѣтописи Чешской узнаемъ, что въ Чехіи, въ началѣ дѣятельности Гуса, было однихъ приходскихъ церквей 1836. Если пріймемъ въ расчетъ, что здѣсь не поименованы ни монастырскія церкви, ни второстепенныя приходскія или капеллы, которыя вовсе не походили на наши часовни, а, какъ увидимъ изъ описанія Виѳлеемской часовни или капеллы, не уступали никакому храму своею обширностью и великолѣпіемъ, ни коллегіяльныя церкви, находившіяся при коллегіяхъ (Collegialstiften), то найдемъ, что ни одна страна въ Европѣ не могла поспорить съ Чехіею въ набожности, по скольку она выражается

во внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Доходы съ монастырей и церквей были такъ велики, что Король Вячеславъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, требовалъ у Пражскаго Архіепископа, Іоанна Енштейна, возвращенія права покровительства надъ всѣми церквами, выстроенными Королями, его предшественниками, т. е., половины доходовъ съ этѣхъ церквей: «Omnes parochias in ciuitate Pragensi et multas dioecesis Pragensis siue capellas esse de iure patronatus suas et ad collationem regiam pertinere.» Легко догадаться, съ какимъ ужасомъ отвергъ отъ себя справедливое требованіе Короля Архіепископъ Пражскій: онъ даже не согласился на то, чтобы произведено было слѣдствіе на счетъ того, какія церкви принадлежатъ Королю по праву патроната. Частные люди, особенно богатые горожане и вельможи, крѣпко стояли за свое право патроната, и имѣли за него безпрестанныя ссоры съ высшимъ духовенствомъ. Такъ какъ рѣшительно всѣ церкви и монастыри были выстроены Королями, или частными лицами, и отъ нихъ получили, для своего содержанія, помѣстья и иные доходы, то, хотя надъ значительною часть этѣхъ церквей и монастырей міряне не имѣли никакого вліянія, или по тому, что не предоставляли себѣ права покровительства, или по тому, что, съ теченіемъ времени, оно пришло въ забвеніе; однако міряне не могли забыть, что эти церкви и монастыри принадлежали когда-то имъ, и по тому считали себя вправѣ, при первомъ случаѣ, взять назадъ пожертвованія своихъ предковъ. Отъ того въ Чехіи несравненно раньше, чѣмъ въ остальной Европѣ, созрѣло мнѣніе, что Церковныя имущества по праву принадлежатъ Государству, которое можетъ возвратить ихъ себѣ назадъ, когда ему заблагоразсудится, и что духовныя лица суть только временно управляющіе сими имуществами, а не полные владѣльцы ихъ. Отсюда произошло и то, что Вѣроисповѣдное движеніе Чешское приняло отчасти характеръ систематическаго отбиранія Церковныхъ имуществъ и возвращенія духовенства въ его первоначальное состояніе. Католическое духовенство вошло въ Чехію не по праву завоеванія, и по тому не имѣло сначала никакой собственности и никакихъ правъ: оно пріобрѣло послѣднія съ бою и въ ущербъ инымъ сословіямъ, но первую оно получало отъ Чешскаго народа, который почелъ себя вправѣ взять назадъ ее въ то время, когда духовенство пренебрегло своими обязанностями, и первое разорвало без-

молвный договоръ, заключенный съ народомъ. Что можетъ быть справедливѣе этого поступка народа? Онъ взялъ назадъ свое, и только!

3. Гордое обращеніе духовенства съ простымъ народомъ. Духовенство не исполнило своихъ обязанностей по отношенію къ народу, запуталось въ мірскихъ отношеніяхъ, оскорбило права и выгоды высшаго и средняго сословій, но оно исполнило мѣру своихъ проступковъ обхожденіемъ съ народомъ, деспотическимъ поведеніемъ по отношенію къ нему, совершеннымъ пренебреженіемъ его выгодъ. Матеей Яновъ упрекаетъ духовенство въ томъ, что низкое въ обращеніи съ высшими и богатыми лицами, оно утѣсняетъ народъ. И дѣйствительно, Чешское духовенство, въ концѣ XIV и началѣ XV, дошло до крайней степени неслыханнаго бестыдства: оно начало разсматривать народъ, какъ глупую черствую массу, у которой нѣтъ, и не можетъ быть, никакихъ высшихъ потребностей и которая годится только для того, чтобы выжимать изъ нея деньги. Духовенство Католическое присвоило себѣ монополію духовнаго образованія, и со времени учрежденія Пражскаго Университета утративъ ее, безпрестанно вело ссоры съ нимъ, и особенно съ его Чешскою частью. Мѣста священниковъ при приходскихъ церквахъ, не соединенныя ни съ какими бенефиціями, не удовлетворяли духовныхъ лицъ, которыя, какъ видно изъ сочиненій Гуса, соединяли иногда нѣсколько мѣстъ приходскихъ священниковъ для того, чтобы получать болѣе доходовъ. Понятно, что они не могли удовлетворить духовнымъ потребностямъ столь многочисленной паствы, и пренебрегали многими своими обязанностями. Изъ строительной грамоты Виѳлеемской церкви узнаемъ, что приходскіе священники часто, въ виду своихъ личныхъ выгодъ, покидали свою паству на долгое время. Главною цѣлью большей части духовныхъ лицъ было пріобрѣсть богатую бенефицію и жить весело и пріятно, исполняя коекакъ обязанности своего сана и должности. Такъ какъ раздача бенефицій зависѣла отъ свѣтскихъ лицъ, людей знатныхъ и богатыхъ, то духовныя лица вступали къ нимъ въ самыя низкія, рабскія, отношенія, лишь бы только пріобрѣсти ихъ расположеніе: получивъ, съ помощью какого нибудь вельможи, мѣсто, священникъ, или игуменъ былъ у него въ полной волѣ, и давалъ ему всѣ разрѣшенія и позволенія

(относительно разныхъ статей внѣшняго Богослуженія), какія тотъ требовалъ. Но всѣ уступки этѣ вымещались на народѣ, который вынуждали къ строжайшему соблюденію самыхъ мелочныхъ и незначительныхъ обрядовъ. Отсюда въ народѣ развились два чувства: 1, чувство отвращенія ко всѣмъ внѣшнимъ богослужебнымъ формамъ въ которыхъ онъ видѣлъ одинъ обманъ, одно желаніе привлечь болѣе народа, и выманить у него болѣе денегъ, подъ которыми онъ очень хорошо видѣлъ всю пустоту, все забвеніе сущности нравственнаго закона Христіанскаго; 2, чувство глубокаго презрѣнія и ненависть къ алчному духовенству. Народъ очень хорошо понималъ, что духовенство видѣло въ немъ безчувственную массу, которая годится только для того, чтобы добывать изъ нея золото. Глубоко оскорблено было живое и воспріимчивое чувство Чешскаго народа недостойнымъ поведеніемъ къ нему духовенства, которое, налагая на него всю невыносимую тяжесть обряднаго закона Католической Церкви, само смѣло попирало самые священные ея уставы, которые основываются на каждомъ здравомъ умѣ и нетронутомъ чувствѣ. А то и другое были развиты въ высшей степени въ народѣ Чешскомъ. Здравымъ умомъ своимъ онъ не постигалъ необходимости этихъ безчисленныхъ церемоній и обрядовъ; свѣжее, нетронутое чувство Чешскаго народа было возмущено совершенною несообразностью между дѣйствіями и словами священниковъ. Не будемъ входить въ описаніе ужасной безнравственности духовенства; замѣтимъ только, что Матѳей Яновъ уподобилъ его отвратительному идолослуженію жрецовъ Еврейскихъ, такъ рѣзко изображенному Пророками. Преувеличеніе здѣсь есть, но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что безнравственность Чешскаго духовенства не знала предѣловъ: доказательства тому: 1, всѣ проповѣди благородныхъ, лучшихъ членовъ духовенства; иные изъ нихъ были поражены до того страшною безнравственностью и лицемѣріемъ его, что совершенно выходятъ изъ себя при ихъ описаніи, и призываютъ гнѣвъ Божій казнить недостостойныхъ служителей его. Самое преувеличеніе ужасовъ, которымъ предавалось духовенство, проистекало отъ того, что его считали готовымъ на всѣ возможныя преступленія. 2, Перемѣна въ отношеніяхъ народа Чешскаго къ духовенству: возвысивъ, обогативъ, духовенство, народъ увидѣлъ, что онъ, своими пожертвова-

ніями, сдѣлалъ зло духовенству, давъ ему средства къ самой соблазнительной и тунеядической жизни. По свидѣтельству современныхъ лѣтописцевъ, не было народа болѣе щедраго къ духовенству; но когда духовенство удалилось съ истиннаго пути, то народъ сталъ его презирать въ такой же степени, въ какой прежде уважалъ и любилъ. Съ увеличеніемъ безпорядковъ въ духовенствѣ, народъ Чешскій ожесточался противъ него въ крайней степени. Еще подъ 1371 г. читаемъ, что Іоаннъ I Очко изъ Влашима, Пражскій Архіепископъ, основалъ особенный госпиталь для бѣдныхъ духовныхъ, которые не имѣли пристанища и немогли ити въ гошпитали мірянъ: «qui tamen clericis solent esse infesti,» замѣчаетъ лѣтописецъ. Бенешъ Вайтмиль, самъ монахъ Францисканскаго ордена, жалуется на нравы духовенства и, разсказавъ смерть одного клерика, игравшаго на флейтѣ, онъ замѣчаетъ: «Videte, clerici, quomodo diligit Dominus corizantes, et huiusmodi exemplo mores vestres corrigite!» Мы привели выше слова изъ жалобы Архіепископа, Іоанна Енштейна, гдѣ онъ жалуется горько на то, что клерикъ пришелъ въ такое презрѣніе по отношенію къ простому народу, что его считаютъ хуже Жида. Народъ былъ оскорбленъ духовенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, и по тому его движеніе приняло характеръ мстительны: онъ хотѣлъ возвратить духовенству хотя часть тѣхъ обидъ, которыя самъ сносилъ долго и терпѣливо. При разсматриваніи и оцѣнкѣ Вѣроисповѣднаго движенія Чешскаго не должно терять изъ виду, что народъ Чешскій не только возсталъ противъ религіозной формы, несообразной съ народностью Чешскою, но и противъ вѣковаго ига, наложеннаго на него духовенствомъ: онъ долженъ былъ не только созидать, но и истреблять старый, отжившій порядокъ вещей и его представителей. Отсюда мстительное свойство Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія, отсюда его разрушительный характеръ, Народу Чешскому опостылѣла эта Католическая внѣшность, прикрывавшая отсутствіе нравственнаго ученія Христіанскаго, а по тому онъ разорялъ храмы, истреблялъ священниковъ; но его гнѣвъ былъ вполнѣ справедливъ. Кто не извинитъ этихъ проступковъ Чешскаго народа, соразмѣривъ ихъ съ важностью и многозначительностью мысли, во имя которой они совершались? Пробужденіе народо и его мщеніе за несправедливости, которыхъ онъ былъ жертвою, бываетъ всегда ужасно: Французское по-

литическое движеніе конца XVIII ст. можетъ служить объясненіемъ и оправданіемъ насильственной стороны Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія XV столѣтія.

Такимъ образомъ Чешскій народъ отъ Восточной Церкви получилъ направленіе, враждебное Католичеству: оно развилось и поддерживалось въ немъ несовмѣстностью Католичества съ народными началами его жизни. Дальнѣйшее развитіе Католичества не только не усыпило народного неудовольствія, но раздражало его болѣе и болѣе своими крайностями, и наконецъ само вызвало его на открытую борьбу. Чешскій народъ не удовлетворялся Католичествомъ и, въ лицѣ своихъ представителей, искалъ сообразной съ своимъ развитіемъ Вѣроисповѣдной формы. Все могло бы еще кончиться въ области слова, но Католичество неосторожными поступками своими и ложнымъ отношеніемъ къ сословіямъ Чешскаго народа ускорило вспышку Вѣроисповѣдной борьбы, характеръ коей былъ условленъ всѣмъ историческимъ развитіемъ Чешскаго народа. Эта борьба была въ пользу народныхъ началъ, дотолѣ не признанныхъ: она была Вѣроисповѣдная отъ самыхъ свойствъ Чешскаго народа и обстоятельствъ, ихъ условившихъ; она имѣла главнымъ стремленіемъ дать перевѣсъ нравственному ученію Христіанскому предъ богослужебною внѣшностью, а это стремленіе сообщило Чешскому народу ученіе Восточной Церкви. Эта борьба, въ внѣшнихъ ея явленіяхъ, клонилась къ лишенію духовенства церковныхъ имуществъ и, кромѣ того, носила характеръ мстительный, условленный прежними оскорбленіями, которыя Чешскій народъ долженъ былъ отплатить подобными же оскорбленіями, что сдѣлалъ бы и всякой народъ на его мѣстѣ.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

ГЛАВА XX.

Какъ Персіяне женятся и справляютъ свадьбу?

Хотя Персіяне женятся, находясь иногда въ довольно близкомъ родствѣ; такъ, на примѣръ, братъ можетъ жениться на вдовѣ брата, отецъ и сынъ на состоящихъ въ томъ же родствѣ: на матери и дочери, какъ въ наше время было это въ Шамахѣ, гдѣ вдовецъ, имѣвшій двухъ сыновей, женился на вдовѣ съ двумя же дочерьми, и каждаго изъ сыновей женилъ на одной изъ этѣхъ дочерей. Но чтобы они допускали себѣ свободу и въ болѣе близкомъ кровномъ родствѣ, женились бы, на примѣръ, на родной матери, дочери, или на сестрѣ, какъ это могло быть у нихъ въ древности въ обычаѣ, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ писателей, на которыхъ указываетъ Брисонъ (Brissonius), во 2-й книгѣ «De Regno Persarum» (Parisiis, 1606), страница 213 и слѣдующая, то этого въ настоящее время болѣе нѣтъ. Да такого страшнаго разврата, каково кровосмѣшеніе съ родной сестрой, и не бывало въ Персіи до Камбиза, который въ первые ввелъ его своею неестественною любовью къ своей сестрѣ, которую онъ взялъ себѣ въ жены противъ воли своихъ Государственныхъ совѣтниковъ и въ противность закону, о чемъ можно прочесть у Геродота въ 3-й книгѣ, на страницѣ 173. Подобное же сдѣлалъ и Птоломей въ Египтѣ, когда онъ воспылалъ страстью къ сестрѣ своей; а чтобы имѣть возможность жениться на ней, онъ предоставилъ и всѣмъ подданнымъ въ странѣ полную свободу брать въ жены родныхъ сестеръ своихъ, какъ увѣряетъ о томъ Alexander ab Alexandro, въ 1-ой книгѣ, главѣ 24-й, на страницѣ 92 (Francofurti, 1594).

Когда юноша пожелаетъ вступить въ бракъ и имѣетъ при этомъ въ виду чью либо дочь, то о свойствахъ ея онъ освѣдомляется черезъ вторыя и третьи лица; ибо ни самъ онъ, ни родители, смотрѣть невѣсты не смѣютъ. Окажется ли она по его мыслямъ, тогда посылаетъ онъ двухъ изъ ближайшихъ друзей своихъ, находившихся при его обрѣзаніи, сватами къ отцу невѣсты, и поручаетъ имъ переговорить съ нимъ. При этомъ обычай у нихъ

такой, что сначала отецъ и друзья невѣсты дѣлаютъ видъ, будто они не очень-то рады и расположены принять предложеніе сватовъ, полагая, что иначе могутъ дать поводъ думать, что они охотно готовы сбыть дочь съ рукъ. Когда предложеніе принято будетъ благосклонно, родители съ сватами, какъ съ уполномоченными, толкуютъ о приданомъ или о дарѣ за невѣсту, который дается не родственниками невѣсты, но женихомъ, или его родственниками. Такое приданое дается со стороны жениха двоякимъ образомъ: или женихъ посылаетъ даръ за нѣсколько дней передъ свадьбой въ домъ невѣсты, и даръ этотъ родители ея могутъ удержать у себя, либо отдать его за дочерью, и въ этомъ случаѣ разсматривается, какъ награда родителямъ за то, что они хорошо воспитали дѣтя свое; или же женихъ даетъ обязательство на извѣстное количество денегъ, шелкъ, или шелковые товары; это приданое выдается собственно тогда, когда женихъ захочетъ разойтись съ невѣстой, уже послѣ совершенія брачнаго договора, который во всякомъ случаѣ долженъ быть скрѣпленъ подписью Kassi, или Molla. По заключеніи такой сдѣлки о приданомъ, невѣста и женихъ наряжаются, каждая изъ сторонъ, по одному Векилю (Wekil) или посреднику (Curator), которые идутъ, если это въ городѣ, къ Kassi или Духовному Судьѣ, а если въ селеніи, то къ Molla или Священнику, уполномоченному отъ Kassi, и просятъ о совершеніи союза (Copulation) отъ имени невѣсты и жениха (которые въ Персіи сами не являются и въ храмъ къ вѣнцу не ходятъ). Kassi, удостовѣрившись вполнѣ о добровольномъ согласіи на бракъ жениха и невѣсты, также родителей и родственниковъ ихъ, совершаетъ союзъ черезъ уполномоченныхъ посредниковъ, благословляетъ ихъ во имя Бога, Магумеда и Аали, и заключенный такимъ образомъ свадебный договоръ скрѣпляется подписью и печатью Kassi. Для такого дѣла эти 3 лица уходятъ обыкновенно въ какое ни будь сокровенное мѣсто, или запираются въ особую комнату, или же удаляются въ открытое поле, чтобы совершенно отдѣлиться отъ другихъ людей для того, чтобы новобрачнымъ ни кто не могъ причинить какого вреда, либо наслать на нихъ немочь (безсиліе). Ибо Персіяне очень способны и охочи продѣлывать чары разными вещами, особенно же узелками изъ лентъ. По этому, чтобы устранить такія чары, если случается, что союзъ (Copulation) долженъ быть совершенъ у Судьи, когда онъ сидитъ въ

Судья не можетъ оставить его (ибо для засѣданія въ Судѣ Судьи собираютъ иногда извѣстные дни и часы, по совѣту звѣздочетовъ), и въ присутствіи другихъ людей, то всѣ эти сторонніе люди должны держать руки, протянувши впередъ съ разогнутыми пальцами. Нашъ Персидскій Hakwirdi, оставшійся у насъ въ Голштиніи, испыталъ на себѣ подобную продѣлку съ чарами, бывши одержимъ немощью (безсиліемъ) въ продолженіи 2½ лѣтъ, какъ онъ самъ мнѣ это разсказывалъ. Когда онъ справлялъ свою свадьбу въ области Халхалъ, то одинъ изъ родственниковъ невѣсты, присутствовавшій при совершеніи брака (Copulation), отрѣзалъ отъ кафтана у него голубую ленту (ein blaw Band), продѣлалъ надъ этимъ бантомъ свои чары и засунулъ его въ стѣну. За тѣмъ, по истеченіи двухъ съ половиною лѣтъ, когда Гаквирди узналъ, что въ Серабѣ есть знахарь, гадатель по [illegible], могущій освободить его отъ немощи (въ Персіи тамъ и сямъ множество разныхъ вѣдьмъ и заклинателей), отправился онъ къ этому знахарю. Это былъ человѣкъ, разбитый параличемъ по рукамъ и ногамъ. Какъ только завидѣлъ онъ Гаквирди, тотчасъ же сказалъ ему: «Знаю твою просьбу: съ тобой сдѣлали такую-то продѣлку; но тебѣ можно помочь: ступай только и принеси сюда узелъ изъ стѣны»; при этомъ онъ сказалъ и мѣсто, гдѣ находился узелъ. Когда все это было исполнено, Гаквирди избавился отъ своей болѣзни.

При назначеніи дня свадьбы теперь уже не принимается во вниманіе весеннее равноденствіе, какъ это было нѣкогда въ обычаѣ, по свидѣтельству Страбона (lib. 15, pag. 504; Strabo, cum comment. Casauboni et versione Latina Xylandri, 1587), но каждому предоставляется свобода справлять свадьбу, когда хочетъ, въ теченіи всего года, за исключеніемъ мѣсяца Рамезана (Ramesan), когда у нихъ постъ, и Ашура (Aschur), когда они празднуютъ погребеніе Госейна, о чемъ было уже помянуто выше. Въ эти дни все у нихъ должно быть тихо и печально. Когда свадьба должна уже совершиться, то наканунѣ женихъ посылаетъ невѣстѣ серьги, браслеты и другіе наряды, по мѣрѣ своего состоянія, а также кой-что изъ продовольствія, что должно быть изготовлено и предложено въ угощеніе приглашеннымъ гостямъ изъ родственниковъ невѣсты и жениха, въ то вре-

мя, когда надо будетъ уже везти невѣсту. Но невѣста и женихъ на это угощеніе не являются. По окончаніи пирушки, когда уже наступитъ поздній вечеръ, невѣсту сажаютъ на лошадь, мула, или верблюда, и, покрытую краснымъ тафтянымъ капишономъ съ головы до колѣнъ, везутъ въ домъ жениха, въ сопровожденіи гостей невѣсты и со всевозможными потѣхами (играми) впереди. По пріѣздѣ въ домъ жениха, невѣста, съ нѣсколькими женщинами, подругами ея, усаживается въ особой комнатѣ, а мужчины въ другой, и сдѣсь опять приносятся разныя кушанья. Вскорѣ за тѣмъ невѣсту уводятъ въ опочивальню и къ ней впускаютъ жениха, гдѣ онъ впервые только можетъ вдоволь насмотрѣться на невѣсту. Если же, въ надеждѣ получить дѣвицу, онъ найдетъ себя обманутымъ, то можетъ обрѣзать ей носъ и уши и вытолкать ее вонъ отъ себя. Но обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣло ограничивается только бранью и тѣмъ, что молодая жена съ своими подругами поднимаются и тотчасъ же должны удалиться изъ дома свадьбы. Если же невѣста найдена будетъ дѣвицей, доказательства чего одна старая женщина должна показать друзьямъ и роднѣ жениха, то празднованіе свадьбы во всякомъ веселіи продолжается цѣлые три дня. Вызнавши такимъ образомъ свою невѣсту, женихъ оставляетъ ее въ комнатѣ, и самъ отправляется снова къ своимъ гостямъ, и веселится съ ними. Если случится, что между гостями есть люди ученые, не охотники до попойки, что бываетъ нерѣдко, то этѣ ученые усаживаются вмѣстѣ, особо, имѣютъ при себѣ свои книги, бесѣдуютъ и философствуютъ о разныхъ предматахъ. Это дѣлаютъ они и на другихъ пиршествахъ, которыя посѣщаютъ часто только для того, чтобы побесѣдовать, а не ради веселія, poculum hilaritatis. Стихотворцы (поэты), при такомъ веселіи, тоже обыкновенно подвизаются въ сочиненіи разнаго рода веселыхъ произведеній. Второй и 3-й день свадьбы проводятся во всякаго рода забавахъ; между прочимъ: выставляется большое деревянное блюдо, полное плодовъ, и по срединѣ его деревцо со множествомъ вѣтвей, увѣшанныхъ плодами и всякаго рода сластями (конфектами); если кто изъ гостей возметъ что ни будь съ вѣтки украдкой такъ, что женихъ не замѣтитъ этого, того женихъ долженъ чествовать чѣмъ ни будь; если же женихъ замѣтитъ снявшаго что либо съ вѣтки, то неловкій гость за каждую взятую имъ сласть обязанъ дать сто

новыхъ такихъ сластей. Иногда же и хорошихъ друзей своихъ, если они на другой день запоздаютъ и придутъ не въ надлежащее время, подвергаютъ также взысканію другого рода, а именно: въ комнату приносятъ лѣстницу, и виновнаго встягиваютъ на нее ногами вверхъ, такъ что голова и шея его коекакъ лежатъ на полу; за тѣмъ жгутомъ, свитымъ изъ носоваго платка, бьютъ его по обнаженнымъ подошвамъ, или же онъ долженъ откупиться отъ такого наказанія подаркомъ. Я самъ видѣлъ такую шутку однажды, когда, прощаясь при послѣднемъ отъѣздѣ изъ Шамахи съ бывшимъ учителемъ моимъ, Магебъ-Аали (Maheb Aali), долженъ былъ, по его приглашенію, войти въ одинъ домъ, гдѣ я нашелъ его и гдѣ праздновалась какая-то свадьба.

У Персіянъ есть и пляски, въ которыхъ мужчины съ мужчинами пляшутъ другъ противъ друга, по одному, или же разомъ по два человѣка. Женщины такимъ же образомъ отплясываютъ въ своемъ покоѣ, но музыканты не смѣютъ входить къ нимъ, а играютъ передъ запертыми дверьми ихъ покоя.

На другой день свадьбы женихъ идетъ рано утромъ въ купальню, или лѣтомъ въ рѣку, и моется, невѣста же моется на дому. Вечеромъ раздается гостямъ растертое зелье Хина (Chinne), которою Персіяне красятъ руки, какъ замѣчено было выше; передъ каждымъ гостемъ раскладывается бумажный, пестро-расписанный носовой платокъ, и въ него насыпаютъ двѣ ложки хины, и то и другое каждый можетъ взять съ собою домой. Послѣ этого слѣдуютъ свадебные подарки со стороны гостей, отъ каждаго по мѣрѣ его возможности.

Гости, черезъ чуръ уже выпившіе, остаются обыкновенно ночевать въ свадебномъ домѣ; ибо, такъ какъ въ городахъ по ночамъ содержится довольно сильный дозоръ, то никто не смѣетъ шататься на улицахъ въ неприличномъ видѣ и безъ фонаря. Тѣ же изъ гостей, которые въ здравомъ умѣ и безъ стыда могутъ возвратиться домой, даютъ дозору на водку, и просятъ его доставить ихъ въ свое мѣсто.

Упомяну здѣсь мимоходомъ подробнѣе о дозорѣ, по тому что въ Персіи существуетъ весьма похвальный порядокъ на счетъ

ночной стражи, которая постоянно и въ значительномъ числѣ ходитъ вездѣ по улицамъ. Въ Ардебилѣ такую стражу составляютъ сорокъ человѣкъ, которые должны наблюдать, чтобы улицы и дома были безопасны отъ воровъ и разбойниковъ, и если случится какое воровство, то стража эта должна вознаградить потерпѣвшаго. По этому въ Испагани мы хаживали бывало по ночамъ въ совершенной безопасности, часто цѣлыя полмили отъ монастыря до нашего жила, и если иногда сбивались съ дороги, то ночная стража съ свѣтильники провожала насъ до места. Въ Ардебилѣ случилось однажды, что Шахъ Абасъ, желавшій повѣрить бдительность и усердіе этой стражи, былъ захваченъ ею и поведенъ было въ темницу, но когда одинъ изъ стражниковъ узналъ Абаса, то всѣ они упали ему въ ноги, прося прощенія, которое тотъ охотно далъ имъ, сказавъ: «Днемъ я Царь, ночью же правленіе поручается вамъ.»

По окончаніи свадьбы, если случится, что новобрачные должны жить въ домѣ мужниного отца, молодая женщина не смѣетъ показываться отцу съ открытымъ лицомъ, и даже сказать съ нимъ слово, и только движеніями можетъ давать разумѣть свои мысли; иногда это продолжается цѣлый годъ, до тѣхъ поръ, пока отецъ не купитъ у нея рѣчь, что совершается посредствомъ подарка новаго платья, или какой матеріи; послѣ этого она свободно можетъ разговаривать съ нимъ; но все таки не можетъ ходить при немъ съ открытымъ лицемъ и показывать ротъ во время ѣды; по этому надъ ртомъ онѣ привѣшиваютъ привязанный къ ушамъ трехъугольный платокъ, похожій на наши пеленки для новорожденныхъ дѣтей и называемый ими Jaschmah, и подъ этотъ-то платокъ подносятъ въ ротъ кушанье и питье.

Вообще Персіяне держатъ своихъ женъ въ очень замкнутой жизни, не выпускаютъ ихъ ни въ мечеть, ни въ гости, и ни какому мужчинѣ, хоть бы и близкому родственнику мужа, пришедшему въ домъ его, жены не смѣютъ показывать лица своего: онѣ должны сидѣть въ своей комнатѣ, какъ въ темницѣ. По этому у Персіянъ есть поговорка:

Стряпню, женъ да деньги
Держи каждый въ тайнѣ.

Если женамъ нужно выйти куда ни будь по улицѣ, то онѣ ходятъ покрытыя бѣлымъ покрываломъ, или же богатыя возятся закрытыми въ ящикахъ на верблюдахъ, либо лошадяхъ. Такимъ-то образомъ Персіяне женятся и содержатъ своихъ законныхъ женъ. Но кромѣ того, они берутъ и еще двоякаго рода женъ. Такъ, именно, нѣкоторые берутъ себѣ за деньги (нанимаютъ) жену на извѣстное время, или мѣсяцы, и такихъ женъ называютъ они Миттеге (Mittehè). Такъ дѣлаютъ обыкновенно тѣ изъ Персіянъ, которые должны бываютъ уѣзжать изъ дому въ какое ни будь другое мѣсто и прожить тамъ нѣкоторое время, и которые при томъ не желаютъ посѣщать общественные дома терпимости. Понравится такая жена нанявшему, онъ привозитъ ее себѣ въ домъ. По истеченіи договорнаго времени такая жена, получивъ свою плату, можетъ себѣ ити куда хочетъ, или же, по обоюдному согласію, договоръ можетъ быть продолженъ. Третій родъ взятія женъ бываетъ тогда, когда кто купитъ невольницу, которую хозяинъ и можетъ имѣть по своему усмотрѣнію. Такія невольницы обыкновенно похищаются Дагестанскими Татарами у Христіянъ Грузіи и продаются Персіянамъ. Дѣти, которыхъ Персіяне приживаютъ отъ обоихъ послѣдняго рода сожительствъ, также содержатся ими и не устраняются даже отъ участія въ наслѣдствѣ, хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣти отъ законнаго (настоящаго) брака пользуются нѣкоторымъ преимуществомъ, когда это выговорено въ брачномъ договорѣ. Во всякомъ же случаѣ ни одни изъ всѣхъ этѣхъ дѣтей не считаются незаконорожденными. Въ этомъ отношеніи Персіяне походятъ на Египтянъ, которые одинаково, даже и тѣхъ дѣтей, которыхъ они приживали отъ служанокъ, или отъ купленныхъ невольницъ, не считали незаконорожденными, но законными, отъ брака рожденными, дѣтьми. Они оправдываютъ это слѣдующими основаніями: «Solum enim patrem, inquit Diodorus Siculus (lib. I, p. 72, edit. Hannoviae, 1604), generationis autorem esse, matremque alimenta tantum et locum infanti praebere arbitrantur. Arbores etiam, quae fructum edunt, mares, sed quae non ferunt, faeminas appellerunt.»

Если женщины собираются родить, страдаютъ и нескоро разрѣшаются отъ бремени, то родственники, друзья и даже

сосѣди, бѣгутъ въ училище, даютъ тамъ Моллѣ или учителю подарокъ, съ тѣмъ, чтобы онъ тѣхъ учениковъ, которые провинились въ чемъ либо и должны быть наказаны, пощадилъ, или простилъ, и чтобы они были отпущены домой. Персіяне думаютъ, что отъ этого и родильница скорѣе разрѣшится отъ бремени. По той же причинѣ они выпускаютъ на волю бывшихъ у нихъ въ клѣткахъ птицъ, даже покупаютъ ихъ нарочно у птицелововъ и выпускаютъ на свободу. Это дѣлаютъ они и тогда, когда кто ни будь лежитъ при послѣднемъ издыханіи, нескоро умираетъ и не можетъ выздоровѣть. Такой выпускъ на волю птицъ бываетъ и у Русскихъ, во время ихъ говѣнья, въ надеждѣ на то, что Богъ также разрѣшитъ и освободитъ ихъ отъ грѣховъ.

На сколько мужчины предоставляютъ себѣ власть свободно, по желанію своему, обращаться съ женщинами, на столько же, мало, напротивъ, дозволяютъ они своимъ женамъ, изъ одного подозрѣнія въ измѣнѣ, малѣйшую свободу разговаривать съ постороннимъ мужчиной, не говоря уже объ какомъ ни будь обращеніи съ нимъ. И если они что замѣтятъ въ этомъ родѣ, то отнюдь не смотрятъ на это сквозь пальцы, подобно тому, какъ сдѣлалъ это въ Римѣ Гальба, когда онъ принималъ у себя въ гостяхъ Мецената и замѣтилъ, что гостю захотѣлось похлебать съ его женою; онъ сѣлъ за столъ и притворился, что заснулъ, и когда одинъ изъ слугъ его, желая воспользоваться сномъ своего господина, взялъ со стола стаканъ съ виномъ, то онъ не выдержалъ и сказалъ: «Perfide, an nescis me soli Maecenati dormire?» »Вѣроломный, не знаешь развѣ, что я хотѣлъ показаться спящимъ не тебѣ, но Меценату только?» Нѣтъ, въ подобномъ случаѣ Персіяне очень ревнивы и мстительны, и совершенно справедливо то, что говоритъ о нихъ Юстинъ въ этомъ отношеніи: «Non ulla delicta adulterio gravius vindicant.» Приведу здѣсь только одинъ примѣръ: Въ области Ленкеранъ жилъ одинъ Персіянинъ, по имени Якубъ-Джанъ-Бекъ (Jakub-Tzan-Bek), kurtzi Tir kenan, или Царскій оруженосецъ, носившій за цимъ его лукъ и стрѣлы. Когда о женѣ его появилась недобрая молва и дошла до Шаха Абаса, то Шахъ сказалъ своимъ совѣтникамъ, что объ этомъ нужно увѣдомить бѣднаго мужа съ тѣмъ, чтобы онъ очистилъ домъ

свой, или же онъ не можетъ быть болѣе слугою его. Такой позоръ крѣпко возмутилъ Якубъ-Джанъ-Бека: онъ пошелъ домой и изрубилъ тамъ саблею жену, четырехъ дочерей, двухъ сыновей, и своихъ служанокъ, такъ что всѣхъ жертвъ было 12 человѣкъ, и такимъ образомъ онъ очистилъ свой домъ пролитіемъ такого количества крови для того только, чтобы остаться слугою Шаха. Вообще, Персіяне имѣютъ право, которымъ часто и пользуются на дѣлѣ, если застанутъ жену, оскверняющую съ кѣмъ чистоту брачнаго ложа, умертвить на мѣстѣ саблей обоихъ виновныхъ, и за это мужъ еще получаетъ въ даръ отъ судьи новое платье. Если мужъ въ подобномъ случаѣ не захочетъ, или не можетъ, по чему либо рѣшиться на убійство, то ему предоставляется свобода развестись съ женою.

ГЛАВА XXI.

О разводѣ и новомъ соединеніи мужа и жены въ Персіи и Турціи.

Въ Персіи считается весьма обыкновеннымъ дѣломъ, что, въ слѣдствіе любодѣянія и другихъ уважительныхъ причинъ, мужъ и жена разводятся другъ съ другомъ. Правда, сами по себѣ они не могутъ отказаться одинъ отъ другого и развестись, но, по представленію дѣла Судьѣ, должны быть разведены особымъ, установленнымъ для того, разводнымъ письмомъ. Женѣ и мужу одинаково предоставляется право расторгнуть бракъ и требовать отъ Судьи развода.

Намъ Персіянинъ разсказывалъ, что передъ отъѣздомъ изъ Персіи, въ Ардебилѣ была одна женщина, которая обвиняла мужа своего въ безсиліи (impotentiae), и когда, по этой жалобѣ, Кази спросилъ мужа: «За чѣмъ онъ, знавши за собою такой недостатокъ, женился?» то тотъ отвѣчалъ: «За тѣмъ, чтобъ она чесала мнѣ спину.» На это жена объявила: «Я ужъ достаточное время чесала тебѣ спину, но ты никогда еще за это не почесалъ меня.» Другая будто бы жаловалась: «Quod maritus usu membri, ad venerem destinati, relicto, parte viciniori abuteretur.» Оба этѣ брака были расторгнуты,

и въ послѣднемъ мужъ подвергнутъ былъ оскопленію. Когда разводъ сказаннымъ образомъ совершится, каждый изъ супруговъ можетъ снова вступить въ бракъ, когда и гдѣ хочетъ, но только жены могутъ вступить въ новый бракъ не иначе, какъ по истеченіи, со времени развода, 3-хъ мѣсяцевъ и 10-ти дней, частію для того, чтобы обнаружить, не беременна ли она отъ перваго брака, частію же для того, что если имъ опять придетъ охота соединиться, то чтобы не такъ уже скоро представлялся имъ случай къ тому. Но при этомъ у Персіянъ нѣтъ того гнуснаго обычая, который соблюдаютъ Турки, по ученію Ганифе (Hanife). Турки послѣ развода могутъ снова сходиться въ бракъ другъ съ другомъ; но если они трижды разводились, и захотѣли бы снова сойтись въ бракъ въ 4-й разъ; или же, если мужъ сказалъ только (хотя бы даже и въ гнѣвѣ): «Utz katala», т. е., Я уже трижды разводился съ тобою, то такіе супруги допускаются къ новому брачному сожительству другъ съ другомъ не прежде, какъ послѣ того, когда сторонній какой ни будь мужчина, котораго Молла для того нарочно и приводитъ, совокупится съ такою женою, и притомъ, или въ его присутствіи, или же надъ его головою, въ какомъ ни есть верхнемъ покоѣ. Извѣстіе это впервые слышалъ я отъ Персіянъ, а потомъ отъ одного жителя Константинополя, состоящаго нынѣ при нашемъ Дворѣ, а равно и отъ одного хорошаго пріятеля моего, Голландца, который нѣсколько лѣтъ провелъ между Турками, бывши частію въ Константинополѣ, въ качествѣ Секретаря Голландскаго Посольства, частію въ Алеппѣ, въ званіи Повѣреннаго отъ Голландскаго купечества. Обычай этотъ и теперь еще въ ходу у большей части сектъ, которыхъ считается тамъ 62. Нѣкоторые, по извѣстнымъ причинамъ, платятъ даже деньги такимъ временнымъ сожителямъ съ ихъ женами. А есть секты, которыя довольствуются тѣмъ, что исполняютъ этотъ законъ, кладя, для совокупленія съ женами, не способнаго еще къ тому мальчика.

По поводу этого обычая разсказывали слѣдующую былину: Въ Султаніи (въ которой тогда открыто господствовала Турецкая, но втайнѣ многими исповѣдывалась Персидская Вѣра) случилось, что тамошній Султанъ, въ пылу гнѣва, пересилившаго его, употребилъ противъ жены своей: «Utz katala,» заявилъ ей троекратный

съ нею разводъ, и, по Турецкому закону, супруги должны были разстаться. Вскорѣ за тѣмъ Султанъ раскаялся и охотно желалъ бы взять опять жену свою, но только не съ тѣмъ, чтобы прежде другой кто тронулъ ее; по этому онъ велѣлъ спросить своихъ духовныхъ особъ: «Не было ли гдѣ какого другого Имама, который бы разрѣшалъ получить снова жену свою, не тронутую сторонними человѣкомъ?» Когда же всѣ Турецкіе Муфти и Священники отвѣчали на это отрицательно, явился одинъ Молла, по имени Гасанъ-Каши, родомъ Персіянинъ, выше уже упомянутый, который въ это время также находился въ Турціи, и заявилъ, что онъ знаетъ одного такого Имама, который разрѣшалъ это. Хотя этого Гасана считали полоумнымъ, за его странныя и часто забавныя, выдумки, тѣмъ не менѣе ему также велѣно было явиться къ Султану. Входя къ Султану, Гасанъ не оставилъ своихъ башмаковъ у дверей, какъ это обыкновенно дѣлается, но, снявши ихъ, держалъ ихъ подъ мышкою, и когда Султанъ спросилъ его: Что это значитъ? Не думаетъ ли онъ, что его башмаки украдутъ у дверей?» Гасанъ отвѣчалъ: «Нехорошо, чтобы другой кто ни будь надѣлъ башмаки, которые я употребляю.» Этѣмъ онъ хотѣлъ указать на нелѣпость постыднаго обычая съ женами, съ которыми разводятся. «При Магумедѣ случилось,» продолжалъ онъ, «что у Ганифа, когда онъ сидѣлъ у Магумеда, также взяли башмаки, оставленные имъ у дверей.» Присутствовавшіе при этомъ Духовные начали смѣяться надъ Гасаномъ и сказали: «Вотъ и видна глупость Гасана! Если онъ не имѣетъ лучшаго доказательства для оспориваемаго имъ дѣла, кромѣ приведеннаго имъ, то онъ плохо доказываетъ; ибо Ганифе жилъ не при Магумедѣ, но гораздо позднѣе его.» На это Гасанъ-Каши возразилъ: «Если ни Ганифе и никто изъ васъ не жилъ при Магумедѣ, то откуда взяли вы такой гнусный законъ? Такъ какъ о никто не слыхалъ изъ устъ Магумеда, и его не найдете вы также и въ Алкоранѣ, то, слѣдовательно, законъ этотъ чистая ложь.» Онъ сослался за тѣмъ на толкованіе Алкорана, сдѣланное другомъ (бывшимъ учителемъ Ганифе), и доказалъ имъ, что мужъ имѣетъ полную власть, смотря по проступку жены своей, казнить ее всячески, угрожать ей, а при случаѣ даже и бить, и жена все таки должна оставаться при немъ. Это объясненіе Гасана очень понравилось Султану, и ему возвращена была супруга

его, ни кѣмъ не тронутая. Въ слѣдъ за тѣмъ Султанъ со всѣмъ городомъ принялъ Персидскую Вѣру, а Турецкихъ духовныхъ частію перебилъ, частію изгналъ вонъ изъ города.

Персіяне разсказываютъ и другой примѣръ, случившійся въ Константинополѣ. Турецкій Императоръ, Солиманъ, разгнѣвался однажды на свою супругу, и въ припадкѣ бѣшенства заявилъ противъ нея: «Utztala» (Utz katala). Но такъ какъ супруга была чрезвычайно красивая женщина, и Императоръ пожелалъ снова взять ее; то Каси (Kassi) поручено было привести Дервиша или монаха, называемаго у Турокъ Derwisrastkeli, въ которомъ нельзя было бы предполагать возможности плотскаго пожеланія. Монаха этого одѣли въ прекрасную одежду и по обряду отверженную супругу довѣрчиво уложили съ нимъ (Такое солежаніе совершается обыкновенно съ извѣстною обрядностію, какъ бы то было настоящее бракосочетаніе; иначе это было бы любодѣяніемъ. Послѣ такого солежанія временный мужъ долженъ также развестись съ временною женою, для того, чтобы прежній мужъ могъ снова взять ее себѣ). Но монаху понравилась супруга Императора, а монахъ ей, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ прежній супругъ; по этому они согласились и объявили, что не хотятъ разлучаться, а по закону ихъ силою ихъ также развести было не возможно. Устроившись такъ, они уѣхали потомъ въ Персію, гдѣ бывшая супруга Императора, обладая большимъ богатствомъ, сдѣлала изъ монаха знатнаго Вельможу. Такимъ образомъ Султанъ долженъ былъ лишиться своей супруги.

ГЛАВА XXII.

О воспитаніи дѣтей и училищахъ ихъ.

Такъ какъ Персіяне берутъ по нѣскольку женъ, то у нихъ много и дѣтей, и у инаго отца бываетъ по 20, 30 и болѣе дѣтей. Но теперь они воспитываютъ ихъ не такъ, какъ въ древности, когда держали ихъ въ заперти, оставляли на первые годы на попеченіе прислужницъ и въ продолженіи извѣстнаго времени

они не должны были показываться на глаза отцу. Страбонъ говоритъ (lib. 15, p. 504), что они не являлись на глаза отца ранѣе четырехъ лѣтъ; Геродотъ (lib. 1, c. 136) ранѣе 5; Валерій же Максимъ (lib. 3, c. 6) ранѣе 7 лѣтъ. И Геродотъ хвалитъ такой родъ воспитанія дѣтей; ибо, если случится, что они въ продолженіи этого времени умрутъ, то отцы не очень болѣютъ о томъ сердцемъ, такъ какъ они привыкли уже къ отсутствію ихъ.

Точно также теперь уже не такъ ревностно обучаютъ ихъ стрѣлянію изъ лука и верховой ѣздѣ, и только что выучатся они читать и писать, какъ пріучаютъ ихъ къ какой ни будь работѣ, или же оставляютъ ихъ при письмѣ и занятіи науками. Рѣдко найдется Персіянинъ, какого бы состоянія онъ ни былъ, который не умѣлъ бы читать и писать; ибо вообще дѣти посѣщаютъ тамъ училища съ весьма ранняго возраста. Ихъ мечети, (Mesziden) или храмы, въ которыхъ они молятся, суть въ то же время и училища ихъ, и въ каждомъ городѣ столько же училищъ, сколько улицъ; ибо каждая улица должна имѣть и содержать свою собственную мечеть (Mestzid), и въ каждомъ училищѣ состоитъ одинъ главный Молла или учитель, и одинъ Калифа (Califa), сотрудникъ Моллы (помощникъ, Collaborator) и замѣняющій его. Учитель сидитъ въ серединѣ, а мальчики вокругъ него, по стѣнамъ. Чтеніе ученики, какъ только выучатъ склады, должны начинать съ Алкорана, изъ котораго въ началѣ берутся только нѣкоторыя главы, а потомъ предлагается и излагается имъ и весь Алкоранъ. Послѣ Алкорана имъ даютъ Шихъ-Саади Кюлустанъ или Долину Розъ, и его же Бустанъ (Bustan) или Вертоградъ, наконецъ проходятъ Гафиса (Hafis), который также, какъ и Bustan, писанъ стихами. Стихи послѣдняго писателя считаются чистѣйшими и изящнѣйшими образцами Персидскаго языка; ибо полагаютъ, что это есть языкъ Шираса (или древняго Персеполя), который почитается матерью Персидскаго языка. Они читаютъ всѣ въ одно время довольно громко, одинъ и тотъ же текстъ, и покачиваются со стороны на сторону, будто тростникъ, колеблемый вѣтромъ; подобное покачиваніе видѣли мы въ Ардебилѣ, въ гробницѣ Шихъ-Сефи. Пишутъ Персіяне, въ школахъ и гдѣ бы то ни было, большіе и малые, всѣ держа бумагу на колѣняхъ. Бумага ихъ дѣлается, подобно нашей изъ полотня-

наго тряпья, у нихъ изъ тряпья бумажной матеріи, а иногда, если хотятъ сдѣлать потоньше и лучше, изъ шелковаго. Они выглаживаютъ ее камнемъ, которымъ трутъ краски, или гладкою раковиною, и дѣлаютъ ее такъ чисто, что на ней нѣтъ ни морщинки, ни волоска и на ощупь точно выполированная доска.

Чернила изготовляютъ они изъ гранатовой кожицы, а также изъ чернильныхъ орѣховъ и купоросу; для того же, чтобъ онѣ были гуще и удобнѣе для изображенія ихъ буквъ, которыя вообще состоятъ изъ широкихъ чертъ, они поджариваютъ, или поджигаютъ, рисъ, тоже ячмень, трутъ его въ мелкій порошокъ, и изъ всего этого дѣлаютъ твердую массу (тѣсто). Лучшія чернила, изготовленныя уже такимъ образомъ, привозятся изъ Индіи, въ твердыхъ кусочкахъ, длиною въ палецъ. Когда нужно употреблять чернила, то этѣ кусочки растираютъ съ древеснымъ клеемъ (въ жидкомъ состояніи?) и мѣшаютъ ихъ съ шелковымъ волокномъ (сырцемъ, составляющимъ верхнюю оболочку кокона шелковичнаго червя), изъ котораго и выжимаютъ чернильную влагу перомъ. Перья у нихъ берутся не изъ гусинаго крыла, какъ у насъ, а дѣлаются изъ тростника, или камыша, который срѣзывается нѣсколько толще нашихъ перьевъ; на видъ онѣ темноватаго цвѣта и привозятся частію изъ Шираса, частію же съ Аравійскаго залива, гдѣ растутъ въ изобиліи.

Провинившихся чѣмъ либо мальчиковъ не сѣкутъ тамъ, какъ у насъ, розгами по задницѣ, но бьютъ палками. Я видѣлъ однажды, какъ два мальчика связали ноги одного провинившагося и держали ихъ на шестѣ, а Молла наносилъ по голымъ подошвамъ его палкою довольно сильные удары. Подобнымъ же образомъ виновнымъ связываютъ иногда руки и бьютъ палкой по ладонямъ до того, что кровь выступаетъ изъ ногтей. Также, если испорченность нрава и проступокъ уже слишкомъ велики, и мальчика обуздать иначе нельзя, то рѣжутъ на подошвахъ у него кожу и въ нарѣзы посыпаютъ солью. Такъ какъ дѣти Персіянъ имѣютъ довольно грубую и упорную природу, и не очень-то боятся обыкновенныхъ наказаній, то по этому съ ними и обращаются такъ жестоко.

ГЛАВА XXIII.

Объ языкѣ и письмѣ (буквахъ) Персіянъ.

Персіяне имѣютъ свой собственный языкъ, имѣющій большое сродство съ Арабскимъ, и малое съ Турецкимъ. Въ ихъ языкѣ есть также множество словъ, частію совершенно Нѣмецкихъ, частію же до того похожихъ на слова Нѣмецкаго языка, какъ будьто онѣ заимствованы оттуда; упомяну здѣсь нѣсколько изъ такихъ словъ, на примѣръ:

برادر—Brader—Bruder—братъ; دختر—Dochter—Tochter—дочь;
بربر—Berber—Barbier—брадобрѣй; لب—Leb—Lippe—губы;
کل—Kal—Kahl—лысый, голый; ستارہ Starch—Stern—звѣзда;
نام—Nahm—Namm—имя; نو—Nau—Neu—новый;
دند—Bend—Band—узелъ; بهتر—Beheter—Besser, по Саксонски Bether—лучше; در Der—Thür, по Саксонски Döhr—дверь;
پستر—Buster,—Polster, по Саксонски Pust—подушка.

По этому-то нѣкоторые изъ новыхъ писателей того мнѣнія, что Персидскій языкъ имѣетъ большое сродство съ Древне-Нѣмецкимъ.

Маркъ Зуэрій Боксгорнъ (Marcus Zuerius Boxhornius), знаменитый Лейденскій Профессоръ, въ посланіи своемъ къ Николаю Бланкарду (Blanckardum), помѣщенномъ при изданіи объясненій его о Курціи, пишетъ слѣдующее: «Doctissimi aetatis nostrae homines censuere, Persicam linguam haud multum a Germana diversam: in quorum castra ego quoque viveri victus concedo. Quippe cum Persas ex Scythis ortos esse veterum etiam testimoniis abunde constet, neque alios majores Germani nostri agnoscant, aut agnoscere debeant, quam Scythas, cognatum quoque, et si dialectum, aut paulo diversam pronunciandi rationem exceperis, eundem harum gentium sermonem esse, necesse est.» То есть: Есть много ученыхъ мужей въ наше время, которые держатся мнѣнія, будьто Персидскій языкъ не очень-то далекъ отъ Нѣмецкаго, съ чѣмъ и я долженъ согласиться, убѣдясь въ справедливости такого мнѣнія. Поелику изъ древнихъ исторій извѣстно, что Персіяне имѣютъ свое происхо-

жденіе отъ Скиѳовъ, а Нѣмцы также не могутъ выводить своего происхожденія ни отъ какого другого народа, какъ только отъ Скиѳовъ же, то и нѣтъ ни чего ошибочнаго въ заключеніи, что языки этѣхъ народовъ одинъ и тотъ же, за исключеніемъ нарѣчной разности въ произношеніи.

Но, какъ я выше замѣтилъ о Гренландскомъ языкѣ, что въ немъ есть много словъ, сходныхъ съ Латинскими и Греческими, то тоже самое встрѣчается и сдѣсь. Съ Латинскими весьма сходны, на примѣръ, слѣдующія Персидскія слова:

پادر—Pader—Pateer—отецъ; مادر—Mader—Mater—мать;
موش—Musch—Mus—мышь; دند—Dend—Dens—зубъ;
قلم—Calem—Calamus—тростникъ; نه Ne—Ne—не;
یوغ—Jug—Jugum—ярмо; تو—Tu—Tu—ты;
دو—Du—Duo—два; نو—No—Novem—девять;
ده—De—Decem—десять; پارہ—Pare—Pars—часть.

Но что Геродотъ пишетъ (lib. 1, pag. 59), будто Персидскія имена всѣ оканчиваются на s (σ) или ss, то этого нѣтъ; а что онъ далѣе говоритъ: «Omnia nomina claudi,» то это можетъ быть; ибо большая часть именъ имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, или суть gravitona.

Что касается до изученія языка, говоритъ Брисонъ, то Греки полагали, что усвоить его было бы очень трудно; что особенно трудное въ немъ, это гортанное произношеніе. Совершенно иначе думаю и говорю я, съ Іоанномъ Граве, въ его Персидской Грамматикѣ (стр. 89), а именно, что изъ Восточныхъ языковъ нѣтъ ни какого другого, который бы требовалъ найменѣе правилъ, какъ Персидскій языкъ; ибо въ немъ весьма не много anomala, то есть, словъ и реченій, уклоняющихся отъ общихъ свойствъ и нашихъ Европейскихъ языковъ. Ѳемистоклъ, Греческій полководецъ, бывши уже въ лѣтахъ, принужденный бѣжать изъ Греціи и передаться Персидскому Царю, Ксерксу, для того, чтобы полюбиться болѣе послѣднему, выучился же, вѣдь, въ одинъ годъ Персидскому языку, какъ свѣдѣтельствуютъ это Діодоръ Сицилійскій, въ кн. II, стр. 41 (Hannoviae, 1604), и Квинтиліянъ, кн. II, глава 2, стр. 174 (Institut.

oratoriae. Basileae, 1529). И Алькивіядъ, прожившій только весьма короткое время у Перса Фарнабаза, усвоилъ же себѣ Персидскій языкъ, какъ это видно изъ Атенея (Athenaeus, cum animadv. Casauboni. Lugd. Batav., 1597), книга 12, стр. 535.

Въ настоящее время Персіяне весьма стараются говорить не только на своемъ родномъ языкѣ, но и по Турецки, особенно въ тѣхъ областяхъ, которыя часто проходимы были Турками и состояли даже подъ ихъ владычествомъ, а именно: въ Ширванѣ, Адирбейджанѣ, Еракѣ, Багдадѣ и Ерванѣ. Въ этѣхъ мѣстахъ дѣти воспитываются даже болѣе на Турецкомъ языкѣ. Особенно съ великою охотою говорятъ по Турецки тѣ, которые состоятъ при Шахскомъ Дворѣ въ Испагани, и отъ нихъ рѣдко услышишь Персидское слово. Точно такъ, какъ при Персидскомъ Дворѣ любимый языкъ Турецкій, такъ при Турецкомъ любимый языкъ Славянскій (Slavonische), при Индійскомъ Персидскій. Въ области же Фарсъ (которая издревле была настоящею Персіей и въ которой нынѣ главный городъ Ширасъ) говорятъ исключительно и чисто по Персидски.

О трехъ главныхъ языкахъ: Еврейскомъ, Греческомъ и Латинскомъ, Персіяне ни чего даже и не знаютъ, и языки этѣ тамъ не употребляются, а вмѣсто ихъ въ ходу Арабскій, который у Персіянъ имѣетъ такое же значеніе, какъ у насъ Латинскій, и религіозныя сочиненія ихъ и свободныя искуства пишутся большею частію на Арабскомъ языкѣ.

Что касается до письма, то Персіяне въ древнія времена имѣли собственныя свои буквы (Characteres) и азбуку. Но послѣ введенія въ Персіи ученія Магумеда и Алкорана, писаннаго на Арабскомъ языкѣ, Персіяне взяли Арабскую азбуку и письмо, которыя они и употребляютъ теперь, какъ свои собственныя. *

---

* Въ подлинникѣ, стр. 617, приводится за симъ начертаніе чиселъ Индѣйскихъ, Арабскихъ и Персидскихъ до 1000, также начертаніе и произношеніе буквъ языковъ: Арабскаго, Персидскаго и Турецкаго. Приложеніе ихъ сдѣсь въ переводѣ сочли мы излишнимъ. Перев.

ГЛАВА XXIV.

Объ Академіяхъ и свободныхъ искуствахъ Персіянъ.

Хотя въ Персіи не такъ много, какъ въ Германіи, людей, основательно изучающихъ свободныя искуства, тѣмъ не менѣе Персіяне весьма уважаютъ оныя, равно какъ и людей, въ нихъ свѣдущихъ; они называютъ такихъ людей Филосуфъ (Filosuf), философами. Для обученія искуствамъ тамъ и сямъ существуютъ Гимназіи и Академіи, называемыя у нихъ Медреса (Medressa), и въ нихъ учители (Praeceptores) Медерисъ (Mederis), какъ о томъ уже выше сказано. Важнѣйшія суть: въ Испагани, Ширасѣ, Ардебилѣ, Мешедѣ, Таврисѣ, Касвинѣ, Комѣ, Ештѣ и Шамахѣ, которымъ всѣмъ главный ихъ духовный начальникъ долженъ доставить содержаніе. Доходы на это содержаніе онъ собираетъ съ тѣхъ областей, которыя свободны отъ податей и другихъ повинностей и поборовъ, взимаемыхъ Шахомъ, а именно: съ области Коджегъ (Kochtzeh), лежащей при Ерванѣ, съ Уджаджджукъ (Utzatztzuk), у Карабаха, съ Табахмеликъ, находящейся между Грузіей и Карабахомъ, а также съ земель Агдашъ и Кермеру.

Науки и свободныя искуства, которыми они занимаются и которымъ обучаютъ, суть: Ариѳметика, Геометрія, Ораторское Искуство, Поэзія, Физика, Ѳеика, Астрономія, Астрологія, Законовѣдѣніе и Врачебное Искуство. У нихъ есть вся философія Аристотеля, писанная на Арабскомъ языкѣ, и они называютъ ее Дуня піала (Dunja piala), Poculum mundi, кубокъ міра или чаша, на томъ основаніи, что какъ кубокъ, служащій на пользу и удовольствіе, если уже черезъ чуръ употреблять его, можетъ послужить и во вредъ человѣку, такъ точно, думаютъ они, и философія или любомудріе, можетъ быть употребляема съ пользою и злоупотребляема. Ибо, говорятъ, вино и философія увлекаютъ, и если черезъ чуръ хватить этѣхъ двухъ напитковъ, то придешь къ одинаковой глупости.

Въ общихъ школахъ Ариѳметика преподается ученикамъ тотчасъ за тѣмъ, какъ скоро они выучатся уже читать и писать.

У нихъ въ ходу, особенно у простого народа, Индійскія числа, у ученыхъ же Арабскія; тѣ и другія изображены выше, вмѣстѣ съ азбукою. *

Краснорѣчіе (Oratoriam) они излагаютъ въ краткихъ правилахъ (praecepta), равно какъ и Поэзію; для практики ихъ читаютъ вмѣстѣ; ибо ораторскія, равно какъ и нѣкоторыя историческія, ихъ сочиненія украшены стихами, которые содержатъ въ себѣ тонкое правоученіе и богатыя мыслями поговорки или изреченія. По изяществу языка, Персіяне весьма охотно и прежде всего читаютъ Külustan высоко-прославленнаго во всемъ Востокѣ поэта Шихъ-Саади, котораго въ прошломъ году я издалъ на Верхне-Нѣмецкомъ языкѣ, съ примѣчаніями и изображеніями, рѣзанными на мѣди. Ибо поэтъ этотъ, вмѣстѣ съ изящнымъ слогомъ краснорѣчія, приводитъ и множество мудрыхъ Государственныхъ правилъ, изложенныхъ стихами, и въ Персіи нѣтъ человѣка, умѣющаго читать и писать, который бы не имѣлъ у себя въ домѣ этой книги; а кто хочетъ быть хоть не много ученѣе и поважнѣе, у того эта книга и въ головѣ, какъ это достаточно и съ удовольствіемъ можно замѣтить на ихъ пирахъ, во всякаго рода обращеніи ихъ другъ съ другомъ и въ разговорахъ; ибо при этомъ обыкновенно приводится стихотвореніе, содержащее въ себѣ какую ни будь вызывающую на размышленіе поговорку, или сравненіе. Сверхъ того, Персіяне охотно читаютъ исторію, особенно о жизни и смерти Алія, и о сынѣ его, Госейнѣ, какъ погибъ этотъ послѣдній въ войнѣ, которую велъ противъ Есида. Всѣ эти книги писаны ораторскимъ слогомъ (oratorio stylo). Кромѣ этихъ, у Персіянъ есть и другія, духовныя и свѣтскія, историческія книги и лѣтописи (Chroniken), повѣствующія объ ихъ Царяхъ, войнахъ и правленіяхъ, о дѣяніяхъ витязей чужеземныхъ и о разныхъ иныхъ событіяхъ; таковы, на примѣръ: твореніе Миркопда (Mirchond), Энвери (Enweri), Джами (Tzami), Валеги (Walehi), Нусегри (Nussegri) и многія другія; но между всѣми этими писателями превосходнѣйшимъ и добросовѣстнѣйшимъ считается Миркондъ, написавшій изящнымъ

* Въ переводѣ они опущены, какъ замѣчено выше. Перев.

языкомъ Персидскую лѣтопись, во множествѣ томовъ, которые стоятъ 200 и болѣе рейхсталеровъ, и нѣсколько частей которой находится, вмѣстѣ съ другими превосходными Персидскими, Турецкими и Арабскими сочиненіями, въ библіотекѣ Господина Якова Голія, Профессора Восточныхъ языковъ и Математики въ Лейденѣ и большаго моего пріятеля. Но надо знать, что исторической правдѣ Персіянъ (fidei historicae Persarum), или Персіянамъ, въ описаніи ихъ событій, въ особенности въ томъ, что касается ихъ Вѣры и Святыхъ, не слишкомъ-то много слѣдуетъ вѣрить: они наполняютъ иногда истинныя событія множествомъ придатковъ и часто пользуются вольностію поэтовъ и живописцевъ для того, чтобы сообщить особое значеніе какому ни будь обстоятельству и возбудить удивленіе. Ради забавы я хочу сдѣлать здѣсь отступленіе и привести баснословное повѣствованіе объ Александрѣ Великомъ, какъ оно у нихъ написано, хотя разумѣется, изъ пространнаго описанія ихъ я представлю только самое краткое извлеченіе.

ГЛАВА XXV.

Сказаніе объ Александрѣ, по описанію одного Персіянина и о двухъ братьяхъ Хиддеръ и Эліасъ.

Отечество Александра (называемаго Искандеръ) есть Юнанъ (Junahn), * т. е., Греція; отецъ былъ Бетлимъ (Betlimus), а мать дочь Царя Джимшида (Tzimschid), сына Кейкобата (Keikobath). Джимшидъ, весьма мудрый Царь, жилъ 700 лѣтъ и изобрѣлъ стрѣльбу изъ лука, сѣданье лошадей и кованіе подковами, рисовальное, искуство, дѣланіе палатокъ и приготовленіе вина. Александръ же порученъ былъ Аристотелю, для наученія отъ него мудрости, и онъ такъ крѣпко привязался къ своему учителю, что не хотѣлъ даже оставить его и въ первыя войны свои, гдѣ часто пользовался его совѣтами. Однажды Александръ спросилъ своего учителя, кому въ

---

* Іонія. О. Б.

древности принадлежала Грецiя, и когда онъ узналъ при этомъ, что ею обладалъ нѣкогда дѣдъ его по матери, то онъ удивился, какъ это онъ такъ низко палъ, что ни чѣмъ еще не владѣетъ. Въ то время ему едва исполнилось 15 лѣтъ. Вскорѣ послѣ этого отправился онъ съ своимъ учителемъ въ Стамбулъ (Stambul) или Константинополь, предложилъ тамъ, черезъ Аристотеля, Царю свои услуги повоевать, и такъ какъ Аристотель ловко расхвалилъ ученика своего за всѣ его доблести, то Царь послалъ его съ войскомъ въ Египетъ, который, равно какъ и лежащiя около страны и города, Александръ счастливо и скоро завоевалъ. Потомъ онъ отправился въ Геббесъ (Hebbes), гдѣ Геббесцы оказали сильное сопротивленiе и воевали противъ него на слонахъ. Такъ какъ Александръ мало причинилъ имъ вреда своими стрѣлами, то, по совѣту Аристотеля, онъ употребилъ хитрость: разбросалъ между слонами непрiятеля зажженный сухой тростникъ, наполненный нефтью (Oleum Petrol.), отъ чего слоны, не могущiе выносить огня, взбѣсились, кинулись другъ на друга и на своихъ хозяевъ и, такимъ образомъ, Геббесцы были побѣждены и покорились Александру.

Послѣ этого онъ отправился въ Сенгебаръ (Sengebar), жители котораго имѣютъ огромныя отвислыя губы и длинные зубы, и такъ какъ Царь ихъ укрылся съ знатнѣйшими людьми въ одной башнѣ, то Александръ хотѣлъ было, во что бы то ни стало, овладѣть этой башней, но Аристотель отсовѣтовалъ это, поставивъ ему на видъ, что если онъ овладѣетъ только городомъ, который былъ какъ бы корнемъ той башни, то, обрѣзавъ этотъ корень, дерево непремѣнно падетъ само собою. Отсюда онъ направился въ Емень (Jemen), взялъ Аравiю, потомъ Алеппо, Эрзерумъ, Діарбекъ, за тѣмъ пошелъ вверхъ по рѣкѣ Тигру въ Моселъ (Mosel; Мосулъ), опять внизъ въ Грузiю, все покорилъ себѣ на пути своемъ, и прибылъ наконецъ къ Ирану, въ Берде, гдѣ царствовала вдовствующая Царица, по имени Мелькегатунъ (Melkehatun). Эта Царица употребила значительныя издержки на то, что разсылала живописцевъ и портретистовъ, которые снимали портреты со многихъ государей, богатырей и, между прочимъ, принесли ей также и портретъ Александра. По этому, когда Александръ явился теперь къ ней подъ видомъ Посланника отъ Александра, то

она тотчасъ же узнала его по портрету, и пригласила его сѣсть за столъ откушать съ нею. Но на приготовленномъ столѣ, вмѣсто кушаній, разставлены были на большихъ блюдахъ только одно чистое серебро, золото и драгоцѣнные каменья. Когда же Александръ сказалъ, что этѣмъ нельзя насытить желудка и утолить голодъ, она отвѣчала: «Ради этѣхъ-то вещей, ты, Александръ, хочешь опустошить столько земель, которыя приносятъ богатую жатву и могутъ служить продовольствію людей. Если бъ ты имѣлъ сокровища цѣлаго свѣта, а не имѣлъ бы хлѣба, то ты не могъ бы поддержать свою жизнь. Смотри, я отдаю тебѣ все этѣ сокровища, но пощади только страну мою, чтобы земледѣліе въ ней не потерпѣло и осталось нетронутымъ.» Эта разумная рѣчь такъ понравилась Александру, что онъ оставилъ ей все, пощадилъ страну ея и мирно отступилъ изъ ея предѣловъ. Имя этой Царицы славно и понынѣ, за ея благое управленіе. Такъ какъ она была очень богата, то она не наказывала преступниковъ взысканіемъ съ нихъ денегъ, а заставляла ихъ рыть и складывать изъ камня могилы, для погребенія въ нихъ людей неимущихъ. Такія могилы и теперь еще попадаются тамъ и сямъ близъ Нахтджуана (Nachtzuan, Нахичевани). За тѣмъ Александръ отправился въ Ширванъ, построилъ городъ Дербентъ, вмѣстѣ съ длинною каменною стѣной черезъ вершины горъ до Чернаго моря, и на каждой мили поставилъ сторожевую башню, для наблюденія и защиты противъ вторженія Татаръ. Послѣ этого онъ прошелъ всю Персію, покоряя область за областью, и наконецъ устремился на Царя Дарія. Дарій находился въ то время въ Кирманѣ съ двумя стами тысячъ войска, на которое и двинулся Александръ; но въ первыя три сраженія, которыя даны были двумя враждебными сторонами, Дарій остался побѣдителемъ. Только въ 4-ю битву, когда Александръ велѣлъ вырыть множество ямъ и прикрыть ихъ, войско Дарія попадало во множествѣ въ этѣ ямы, отъ чего и проиграло сраженіе, и самъ Дарій захваченъ былъ въ плѣнъ. За тѣмъ Александръ отправился въ Хорасанъ, проникъ до Индіи, покоривъ своей власти на пути всѣ земли, и по просьбѣ Индійцевъ, противъ Пигмеевъ или Карловъ построилъ между горами желѣзную изгородь (Stacket, плетень, палисадъ), которая и должна была остаться до самаго Страшнаго Суда. Послѣ этого онъ усмиряетъ Узбековъ и снова

возвращается въ Геббесъ, для приведенія вторично къ повиновенію возмутившихся было тамъ жителей.

Покоривъ столькихъ Царей и захвативъ ихъ въ плѣнъ, Александръ написалъ къ Аристотелю, который въ то время при немъ не находился, не полезно ли будетъ всѣхъ тѣхъ Царей предать смерти? Когда же Аристотель отсовѣтовалъ ему это, поставляя на видъ, что въ такомъ случаѣ дѣти Царей явились бы мстителями, Аристотель отпустилъ ихъ всѣхъ на волю, кромѣ Дарія, котораго онъ приказалъ отравить ядомъ.

Послѣ этого Александръ предпринялъ путешествіе къ горѣ Кефъ (Keff), въ одно мѣсто, гдѣ, въ горномъ хребтѣ, находилась громадная и широкая пещера или бездна, называемая имя Суллематъ (Sullemath), въ которой царилъ непроницаемый мракъ, и гдѣ въ глубинѣ этой бездны текла вода безсмертія; сюда-то проникнуть пожелалъ Александръ. Но полагая, что ему трудно было бы найти оттуда обратную дорогу изъ бездны или пещеры, Александръ сказалъ: «Если бъ при мнѣ былъ какой ни будь разумный старецъ, который могъ бы посовѣтовать мнѣ въ этомъ дѣлѣ.» Ибо предъ симъ Александръ удалилъ отъ себя всѣхъ пожилыхъ людей, заселилъ ими Дербентъ и другія мѣста, при себѣ же удержалъ одинъ только молодой народъ. Въ числѣ этѣхъ молодыхъ были при немъ два брата Хиддеръ и Эллiасъ (Chidder и Ellias, Илія), которые, по сыновней приязанности своей, возили тайно съ собою старика отца своего. Этотъ-то старикъ далъ Александру такой совѣтъ, чтобы онъ поѣхалъ на кобылицѣ, а жеребенка ея привязалъ бы у входа въ пещеру, тогда кобылица сама собою найдетъ обрытный изъ пещеры выходъ, что Александръ и исполнилъ. Съ собою въ путь онъ взялъ однихъ только сказанныхъ двухъ братьевъ, весь же остальной народъ отпустилъ обратно домой. Проѣхавши нѣсколько времени, путники наши прибыли къ воротамъ, у которыхъ перекладина (порогъ) ярко блистала, и сдѣсь они увидѣли птицу, привязанную (пригвожденную) къ воротамъ. Птица эта спросила, чего хочетъ Александръ? Александръ отвѣчалъ, что онъ ищетъ воду безсмертія. За тѣмъ птица снова спросила: «Какъ поживаютъ на свѣтѣ?»—«Довольно плохо,» отвѣчалъ Александръ: «вездѣ въ ходу всевозможные поро-

ки.» Послѣ этого птица оторвалась и улетѣла; Александръ же отворилъ толчкомъ дверь и увидѣлъ внутри сидящаго Ангела, держащаго въ рукѣ трубу въ такомъ положеніи, какъ бы готовясь сей часъ же затрубить на ней. Александръ спросилъ его: «Кто онъ такой?» и Ангелъ отвѣчалъ: «Я Рафаилъ, и ожидаю съ нетерпѣніемъ, когда Богъ дастъ мнѣ повелѣніе возвѣстить трубою умершимъ послѣдній день суда. Ты же кто?» «Я—Александръ,» отвѣчалъ тотъ, «и ищу воду безсмертія.» На это Ангелъ подалъ ему камень и сказалъ: «Ступай, отыщи другой камень, который по вѣсу равнялся бы этому камню; тогда ты найдешь, чего ищешь.»—«А долго ли еще проживу я?» спросилъ Александръ.—«Ты умрешь не прежде,» отвѣтствовалъ Ангелъ, «какъ земля и небо около тебя обратятся въ желѣзо (нѣкоторые пишутъ: въ серебро и золото).» Александръ вышелъ вонъ, и сколько ни искалъ, не нашелъ ни одного камня, равнаго вѣсомъ данному Ангеломъ, въ слѣдствіе чего онъ подсыпалъ на одну чашу вѣсовъ нѣсколько земли, и тогда обѣ чаши установились ровно. Это означало, что Александръ только тогда сдѣлается безсмертнымъ, когда будетъ погребенъ. И когда послѣ этого Александръ упалъ однажды съ лошади въ пустынѣ Kur (или Ghur), и, по причинѣ великаго зноя, плотно поливщаго его и отъ земли и сверху съ неба, его положили не прямо на землю, но подложивъ подъ него его броню, а щитъ его держали надъ нимъ (другіе же говорятъ, что для этого употреблены были его кафтанъ, шитый золотомъ и серебромъ, и серебреный, обитый золотомъ, щитъ): тогда только впервые понялъ Александръ, на что намекало предсказаніе Ангела объ его смерти, и что теперь-то пришла смерть его. Вскорѣ за тѣмъ и умеръ Александръ. Тѣло его принесено было въ Грецію.

На такой конецъ Александра намекаетъ и Шихъ-Саади въ своемъ Кюлустанѣ, въ 3-ей книгѣ, въ главѣ 21-й. Также и о водѣ безсмертія въ 19-й главѣ 1-й и въ 20-й главѣ 2-й книги, гдѣ онъ касается этого такимъ образомъ:

Если черная туча изольетъ на тебя горе, не печалься:
Рѣка жизни также течетъ изъ мрака.

Кто не знаетъ изложеннаго выше, Персидскаго сказанія, для того непонятно будетъ и приведенное сейчасъ мѣсто изъ Кюлустана.

О двухъ братьяхъ Хиддерѣ и Иліи которыхъ Александръ бралъ съ собою въ пещеру, я долженъ добавить, что они напились изъ рѣки (источника) жизни, въ слѣдствіе чего живутъ и понынѣ, но только невидимо на свѣтѣ, Илія на сушѣ, а Хиддеръ въ водѣ. Но этому, если кто подвергается на водѣ какой либо опасности и сдѣлаетъ крѣпкое воззваніе: «Ja Chidder Nebbi!,» и при этомъ будетъ твердо увѣренъ, что Хиддеръ поможетъ ему, жизнь того будетъ спасена. По тому тѣ, которые испытали на водѣ бѣду, призывали этого пророка, и спаслись, приписываютъ помощь въ этомъ Хиддеру и ежегодно потомъ, по сдѣланному ими обѣту, совершаютъ въ честь его жертву, что обыкновенно дѣлается у нихъ въ Февралѣ мѣсяцѣ. Для этого они сзываютъ вмѣстѣ нѣсколько добрыхъ друзей, мужчинъ и женщинъ, ночью, разсказываютъ о своей опасности и спасеніи, и благодарятъ Небби (Nebbi). За тѣмъ садятся на полъ, мужчины и женщины особо, и угощаются отлично, но безъ вина. Для самаго Небби, въ особой комнатѣ, также выставляется нѣсколько блюдъ со всякими плодами и вареньями (конфектами), а посреди деревянное блюдо, полное муки изъ бѣлаго гороху, которая утыкана горящими восковыми свѣчами, и выставивъ все это уходятъ, говоря: «Хиддеръ Небби! Если жертва эта пріятна тебѣ, то дай знать о себѣ!» Если на другое утро на мукѣ окажется слѣдъ руки, ноги, или иной какой знакъ, то жертвоприносители радуются, сходятся и на другой день и веселятся. Но часто въ комнату эту пробираются тайкомъ женщины, дѣлаютъ рукой знакъ на мукѣ и говорятъ, что это сдѣлалъ пророкъ, собственно для того только, чтобы продолжить веселье.

Праздникъ этотъ празднуютъ и Армянскіе Христіяне: онъ называется у нихъ Насера (Nassera), и сопровождается питьемъ вина, чего Персіяне не дѣлаютъ.

Во время отправленія этого праздника, разсказывали мнѣ, случилось однажды въ Ардебилѣ, что одна молодая хозяйка, запрятала при такомъ веселіи, въ той комнатѣ, гдѣ стояла жертва пророку, одного молодаго гостя, и по временамъ входила туда къ нему и уходила. У нея былъ 4-лѣтній сынокъ, который нечаянно также забрелъ въ ту комнату, и увидѣвъ тамъ сторонняго

парня, началъ было плакать. Парень же, желая утѣшить его, далъ ему отъ жертвы яблоко, съ которымъ ребенокъ выскочилъ къ гостямъ и объявилъ отцу, что яблоко далъ ему Хидеръ Небби. Отецъ, не зная, какъ понять это, что будто Хидеръ Небби, противъ своего обыкновенія, сдѣлался видимымъ, идетъ самъ въ тотъ покой и находитъ тамъ парня сидящимъ въ особенномъ положеніи; парень же, замѣтивъ, что ему тоже воздадутъ подобающую жертву, или, пожалуй, и самъ сдѣлается жертвой, вскочилъ и бросился со всѣхъ ногъ вонъ. Жена оправдалась тѣмъ, что ни чего яко бы о томъ не знаетъ, не вѣдаетъ. Полагаю, довольно объ этомъ Персидскомъ сказаніи.

ГЛАВА XXVI.

О Персидскихъ стихотворцахъ (поэтахъ) и стихахъ ихъ.

Что касается до стихотворства, то оно до того любимо Персіянами, что, по моему, на свѣтѣ нѣтъ ни одного народа, который бы преданъ былъ ему болѣе ихъ. По всей странѣ вездѣ есть множество стихотворцевъ, которые не только излагаютъ на бумагѣ разнаго рода забавныя и важныя сочиненія и стихи, но и произносятъ ихъ, ради выручки какихъ ни будь денегъ, на собраніяхъ у знатныхъ господъ, на Майданахъ, въ гостинницахъ и на иныхъ пирушкахъ, и нерѣдко великія особы приглашаютъ къ себѣ такихъ стихотворцевъ, ради своего и гостей своихъ удовольствія.

Шахъ и Ханы также имѣютъ каждый своихъ собственныхъ стихотворцевъ, которые уже не дѣлаются уличными, не бродятъ по разнымъ мѣстамъ, но сидятъ по домамъ и занимаются тѣмъ, чтобы новыми сочиненіями своими доставить удовольствіе только господамъ своимъ, и иногда, когда они напишутъ что ни будь, исполненное мысли, или забавное, получаютъ отъ этѣхъ господъ богатое вознагражденіе.

Стихотворцевъ Персидскихъ тотчасъ можно различить отъ другихъ людей по ихъ одеждѣ. Они, также какъ и философы или мудрецы, носятъ бѣлые исподніе кафтаны, спереди распахнутые, съ просторными и широкими рукавами, подвязанные поясомъ, на которомъ виситъ сумка съ книгами, бумагой и чернильницей, для того, чтобы они сейчасъ же могли желающимъ написать и сообщить свои сочиненія и стихи. Посверхъ кафтана они надѣваютъ плащъ (Mantel) безъ рукавовъ, но чулокъ, какъ другіе Персіяне, они не носятъ, а имѣютъ штаны, съуживающіеся подобно чулкамъ, у самой ступни. Зимою же они носятъ носки или портянки, покрывающія только щиколодки. Они не носятъ также чалмы (Mendile) или толстой повязки, а только шапки. Уличные, т. е., тѣ стихотворцы, которые выходятъ на базары, повязываютъ черезъ правое плечо и лѣвую подмышку висящій флеръ или шарфъ; одѣтые такимъ образомъ, они стоятъ и читаютъ свои произведенія, направляемыя преимущественно противъ Турокъ и ихъ святыхъ. Объ этѣхъ поэтахъ можно выразиться словами Горація:

Scribimus indocti doctique poëmata passim.

Между ними бываетъ большая разница: одни сочиняютъ отличныя, другіе же, какъ это случается и у насъ, плохія произведенія, и не могутъ по этому достойно оправдывать названіе «Schaer» (такъ называются стихотворцы у Персіянъ). Этѣ послѣдніе довольствуются тѣмъ, что, украсивъ себя чужими перьями, шатаются по гостинницамъ и базарамъ, и получаютъ тамъ съ простаго народа по нѣскольку пуловъ (Pul) или шилинговъ за свое искуство. О такихъ-то художникахъ и сказалъ знаменитый Турецкій поэтъ Фюсули (Füssuli):

Schaer olmisch her derede bir kodokh,
Bis dahe schaeleri Elden koidukh.

Всякой молодой оселъ хочетъ быть поэтомъ;
По тому-то я совершенно оставляю теперь поэзію.

У Персіянъ есть превосходныя сочиненія древнихъ ихъ стихотворцевъ, на Турецкомъ и Персидскомъ языкахъ; ибо оба языка

этѣ у нихъ равно въ ходу, и они охотно читаютъ, какъ Турецкихъ, такъ и Персидскихъ, стихотворцевъ. Но лучшіе стихотворцы ихъ, оставившіе имъ свои сочиненія (на сколько они извѣстны мнѣ), суть слѣдующіе: Саади, Гафисъ, Фирдауси, Фюсули, Хагани, Эгели, Шемсъ, Наваи, Шагиди, Ферагседъ, Дегеки, Несими, и проч. (Saadi, Hafis, Firdausi, Füssuli, Chagani, Eheli, Schems, Nawai, Schahidi, Ferahsed, Deheki, Nessemi).

Способъ ихъ слагать стихи почти сходенъ съ Нѣмецкимъ; ибо они тоже стараются писать риѳмами, но при этомъ мало обращаютъ вниманія на то, если въ одномъ стихѣ слогомъ больше, чѣмъ въ другомъ.

Они не только заканчиваютъ стихъ однозвучными словами и слогами, какъ, на примѣръ, въ приведенныхъ нами выше стихахъ: Kuri, muri, sar, besar, и подобные тому, но повторяютъ также цѣликомъ однѣ и тѣ же слова, которыя иногда ставятъ въ началѣ, а также и въ серединѣ, стиха. Любятъ также они употреблять слова, имѣющія двусмысленное значеніе; или же располагать слова по фигурѣ удвоенія (Anadiplosis), чтобы чѣмъ заканчивается одинъ стихъ, тѣмъ начинался бы другой. Для образца я приведу сдѣсь пару стиховъ, такъ какъ подробнѣе говорить объ этомъ намѣренія у меня нѣтъ. Вотъ эти стихи:

جره جره چراغ ينعي چه
ادميرا دماغ يعني چه
جره جره چراغ ار تری بود
ادميرا دماغ از خري برد

Tzire, tzire, tziragh jáni tzae?
Adamira demagh Jani tzae?
Tzire, tzire, tziragh es teri bud,
Adamira demagh cheri bud.

Отъ чего трещитъ свѣча?
Отъ чего бѣсится и оретъ человѣкъ?
Въ первой недостаетъ сухого сала,
Въ другомъ есть примѣсь ослинаго жиру.

Сдѣсь украшеніе заключается, кромѣ начала и конца, еще и въ двухъ среднихъ словахъ: «teri,» влажный, и «cheri,» глупъ какъ оселъ.

Другой стихъ:

قلم بدست دبیران به از هزار درم
درم بدست نیاید مگر نوک قلم

Kalem be dest debirân beh es hasar derem,
Derem be dest neajed meker nauk kalem.

Сдѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ, которые добываютъ себѣ пропитаніе перомъ, именно:

Перо гораздо дороже тысячи гульденовъ;
Нѣтъ денегъ, оно всегда нѣчто добудетъ тебѣ.

Ихъ Studium juris или Законовѣдѣніе не далеко простирается, хотя у нихъ и есть нѣкоторые писанные законы, заимствуемые и изучаемые ими изъ Алкорана и изъ толкованія его (commentario), и законы этѣ они прилагаютъ на дѣлѣ вмѣстѣ со многими обычаями Кази (Kazi) и Диванбековъ (Diwanbek).

Въ Медицинѣ они слѣдуютъ Авиценѣ (Avicenna), большею частію имѣютъ чисто Галеново лѣченіе (Galenische), множествомъ напитковъ изъ травъ и корепьевъ, употребляютъ также много и наружныхъ средствъ, и иногда довольно странно обращаются съ больными. Въ Шамахѣ нашего врача пригласили къ одному больному, который опился водкою и лежалъ полумертвый. Этому больному, по совѣту ихъ врача, чернаго Араба, положили ледъ на голый животъ для утоленія жара, и когда нашъ врачь возразилъ противъ этого средства, то Арабъ совсѣмъ обидѣлся и полагалъ, что противное слѣдуетъ лѣчить противнымъ (злое злымъ выгонять). Если захвораютъ дѣти, или женщины, то врачей къ нимъ не зовутъ, а приглашаютъ повивальныхъ бабокъ, которыя обыкновенно койчему учатся въ лѣченіи. У Персіянъ

есть нѣсколько сочиненій по Медицинѣ, касающейся какъ людей, такъ и лошадей.

Нашего Врача, за его химическія средства, оказывавшія тамъ успѣшное лѣченіе, очень полюбили, такъ что даже Шахъ предлагалъ ему поступить къ нему на службу. Въ Шамахѣ онъ прославился до того, что наконецъ приходили и приносили къ нему въ комнату хромыхъ калѣкъ и слѣпыхъ, съ просьбою дать этѣмъ больнымъ новыя ноги и лица, полагая, можетъ быть, что онъ былъ новый Христосъ. Многіе изъ приходившихъ даже и поступали такъ, какъ при Господѣ Христѣ, именно: когда имъ оказана была помощь, то они уже не являлись сказать: «Спасибо!»

ГЛАВА XXVII.

Объ Астрономіи, большомъ глобусѣ, дѣленіи времени и календарѣ Персіянъ.

Studium Astronomicum или наука о небесномъ бѣгѣ; какъ въ древнія времена, еще при Магахъ, такъ и теперь находится у Персіянъ въ большомъ уваженіи; занимающіеся ею называются Минаджимъ (Minatzim), и получаютъ отъ Шаха и Хановъ опредѣленное жалованье, хотя не столько за научныя знанія о томъ, что касается до движенія звѣздъ, сколько за предсказаніе или предвѣщаніе чего либо по звѣздамъ о разныхъ дѣлахъ ихъ. Ни кто тамъ и не занимается Астрономіей безъ Астрологіи, и первую любятъ больше ради второй; ибо Персіяне считаютъ, что Астрономія есть только бѣдная мать, Астрологія же—ея богатая дочь, которая доставляетъ ей пропитаніе. Минаджимъ всегда носитъ при себѣ за пазухой свою Астролябію для того, чтобы, по заказу желающаго, тотчасъ же можно было составить задачу (Thema). Но у простолюдиновъ, за неимѣніемъ у нихъ часоваго указателя, посредствомъ котораго замѣчается моментъ (Moment), нельзя бываетъ установить, по часу рожденія, расположеніе звѣздъ также точно и хорошо, какъ у знатныхъ господъ, у которыхъ дѣлается это посредствомъ Астролябіи.

Въ преподаваніи Астрономіи у нихъ нѣтъ ни армилярной сферы, ни глобуса (Sphaera armillaris, Globus); по этому они очень дивились, увидѣвши у меня довольно хорошо устроенный глобусъ. На вопросъ мой: «Есть ли у нихъ такой же?» мнѣ отвѣчали: «Нѣтъ, но что въ древнія времена въ Персіи былъ, будьто бы, большой, искусный Felek (такъ Персіяне называютъ глобусъ), который уничтоженъ во время войны съ Турками.» Я полагаю, что это именно глобусъ, бывшій у Персидскаго Царя Сапора; онъ сдѣланъ былъ изъ стекла, и въ срединѣ его можно было сидѣть. Объ этомъ говоритъ Кардапъ (Cardanus) въ: «De subtilitate (Basileae, 1582), lib. 13: «Sapor Rex Persarum machinam tam grandem e vitro construi fecit, ut in ejus centro sederet, tanquam in terrae sphaerula, spectans sub pedibus etiam astra, exorientiaque ac occidentia sidera, ut sic mortalis cum esset, supra tamen omnem mortalitatis conditionem esse videretur.» Подобную сферу еще прежде него (Сапора) сдѣлалъ многоискусный Архимедъ, какъ это видно изъ приводимой здѣсь 21-й эпиграммы Клавдіяна (Claudianus Epigramm. 21):

Jupiter in parvo cum cerneret æthere vitro,
Risit et ad superos talia dicta dedit:
Huccine mortalis progressa potentia curæ?
Tam meus infragili luditur orbe labor.

Сказанный глобусъ Сапора сложенъ былъ изъ нѣсколькихъ кусковъ стекла, былъ хрупокъ и великъ лишь на столько, что въ срединѣ его могъ помѣститься только одинъ человѣкъ. Но тутъ упомяну я о другомъ, гораздо болѣе цѣнномъ, глобусѣ, именно о двойномъ глобусѣ, который устроенъ по приказанію Его Княжеской Свѣтлости, Герцога Фридриха Шлезвизъ-Голштинскаго, милостивѣйшаго моего Государя, здѣсь, въ столицѣ его (Готторфѣ). Это глобусъ въ поперечникѣ десяти футовъ съ половиною, и внутри его могутъ помѣститься 10 человѣкъ; сѣвши около круглаго стола, придѣланнаго вмѣстѣ съ лавками къ оси, можно, съ помощію внутренняго горизонта, видѣть звѣзды и солнце бѣгущими изъ ихъ собственнаго центра и движущимися по градусамъ эклиптики, восходъ и заходъ по порядку; снаружи же изображенъ земной шаръ, со всѣми его странами, городами,

рѣками и морями. Движеніе этого глобуса совершается сообразно съ движеніемъ неба, посредствомъ искусныхъ, громадныхъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе извѣстнымъ количествомъ воды потока, бѣгущаго изъ одной горы.

Персіяне измѣряютъ свой годъ по движенію солнца и луны, и по тому имѣютъ солнечные и лунные года (solares et lunares annos). Лунные года соблюдаютъ они именно по своей вѣрѣ, что касается до ихъ праздниковъ въ извѣстные дни мѣсяца. Такіе годы, если измѣрить ихъ послѣ двѣнадцатикратнаго возвращенія луны къ повому ея возрожденію, будутъ одиннадцатью днями короче нашего года. Начало ихъ лѣтосчисленія они ведутъ съ Геджиры (Hegira) или отъ бѣгства Магумеда изъ Мекки, которое по нашему лѣтосчисленію случилось въ 622 году, 16 Іюля, по Р. Х. По бѣгу солнца годъ измѣряютъ они, начиная его, именно съ весеннаго равноношія (Aequinoctio verno); такой годъ они называютъ солнечнымъ, считаютъ по немъ свои лѣта и говорятъ: «Я имѣю столько-то Навровъ» (Naurus), т. е., новыхъ годовъ. Я думаю, что такой солнечный годъ употреблялся и во времена Александра Великаго, какъ это явствуетъ изъ Квинта Курція, гдѣ разсказываетъ онъ о движеніи и порядкѣ войска Дарія (lib. 3, cap. 7): «Magi proximi patrium carmen canebant. Magos trecenti et sexaginta quinque juvenes sequebantur, puniceis amiculis velati, diebus totius anni numero.»

Новый Годъ ихъ или, какъ они его называютъ, Naurus, начинаютъ они, по исконному обычаю Персіянъ (какъ свѣдѣтельствуетъ Скалигеръ, въ «De emendatione temporum. Lugduni Batav., 1580, lib. 4, p. 285), въ тотъ самый день, часъ и минуту, когда солнце вступаетъ на равноденственникъ или достигаетъ знака (principium) Овна ♈, и самое важное дѣло ихъ Минаджиновъ состоитъ въ томъ, что они стоятъ съ своими Астролябіями, и по высотѣ солнца наблюдаютъ сказанное вступленіе его на равноденственникъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни обыкновенныхъ, ни солнечныхъ, часовъ. Когда же Минаджинъ объявитъ наконецъ о наступившей минутѣ, весь народъ начинаетъ ликовать и шумно веселиться. Что еще продѣлываютъ Персіяне при этомъ великомъ ихъ праздникѣ, я упоминалъ уже, говоря о Шамахѣ, гдѣ мы проводили этотъ праздникъ.

Что касается до Календаря ихъ, называемаго ими Takhwim, то Персіяне издревле имѣли свой особый Календарь, въ которомъ къ каждому дню всякаго отдѣльнаго мѣсяца прилагали они имя одного изъ своихъ Царей, или храбрыхъ богатырей, на примѣръ: 1, Оромазда (Oromasda), 2, Бегеменъ (Behemen), 3, Адарпагаштъ (Adarpahascht) и проч. Такія же имена прикладывались и къ годамъ, и каждые четыре года по порядку должны были имѣть этѣ имена, такъ что первые четыре года назывались Oromasda, вторые четыре года Behemen и т. д. Если жь имена этѣ должны были обозначать мѣсяцы, то прибавлялось слово «Mah,»—мѣсяцъ, какъ подробнѣе можно читать объ этомъ у Іосифа Скалигера (De emendatione temporum. Lib.3, pag. 198).

Но Календарь этотъ и счисленіе лѣтъ, въ томъ видѣ, какъ находятся они, въ числѣ другихъ, въ «Ephemeridibus Origani» (Francofurti, 1609), равно какъ и лѣтосчисленіе отъ Естеджирда (Jesdetzird), [1] совершенно оставлены, и теперь Персіяне употребляютъ Арабскій Календарь, мѣсяцы котораго суть слѣдующіе:

1.	محرم	Maharem.
2	صفر	Sefar.
3.	ربيع اول	Rebbi Ewel.
4.	ربيع اخر	Rebbi achir.
5.	جمادى اول	Tzemadi Ewel.
6.	جمادى اخر	Themadi Achir.
7.	رجب	Retzeb.
8.	شعبان	Schaabahn.
9.	رمضان	Ramesan.

[1] Jesdetzird былъ сынъ Шаберьяра и внукъ Хозроя; онъ былъ убитъ Отманомъ, сыномъ Офана, Сарациномъ, 16-го Іюня, 632 года, и съ этого времени Персіяне также вели особое лѣтосчисленіе. Объясненіе это заимствовано нами изъ Французскаго перевода Олеарія, Викфорта, изданія 1727 г. Перев.

10. شوال Schawal.

11. ذی القده Dsilkadae.

12. ذی الحجه Dsilhatze.

Отъ чего мѣсяцы этѣ получили свои названія, объ этомъ подробно описано въ: «Historia Arabum Ecchellensis, Сирянина (Syrers), на стран. 204 и слѣдующихъ (Parisiis, 1651), и значенія этѣхъ словъ относить должно ко времени, когда онѣ впервые придуманы. Такъ Maheram происходитъ отъ Harrema, воспрещать; ибо Арабамъ воспрещалось въ этомъ мѣсяцѣ начинать войну, или дѣлать нападенія, вылазку. Sefer отъ нѣкоторыхъ веселыхъ мѣстностей въ Аравіи, носящихъ это имя, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ у нихъ бывали ярмарки въ тѣхъ мѣстностяхъ, или же отъ Safara, быть пустымъ, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ у нихъ совершался походъ на войну, или разбой, и города ихъ оставались, слѣдовательно, пустыми. Rebbi Ewel и Rebbi Achir, первая и вторая весна; Tzemadi Ewel и Achir, отъ tzamada, вмѣстѣ, вкупѣ расти, или же замерзать, такъ какъ мѣсяцы этѣ совпадали тогда съ зимою. При этомъ Арабы не приняли во вниманіе, что мѣсяцы этѣ, по счисленію лунныхъ годовъ, не всегда совпадаютъ съ зимою, но иногда также и съ лѣтомъ. Не знаю также, могли ли, и какимъ образомъ могли, этѣ мѣсяцы слѣдовать вскорѣ за мѣсяцами Rebbi? Retzeb произошло отъ слова: страхъ; ибо это также одинъ изъ мѣсяцевъ, когда Арабы не смѣли воевать, или нападать на кого либо. Schaabahn, отъ слова раздѣлять, такъ какъ въ это время они раздѣлялись на нѣсколько кучекъ, чтобъ отыскать воду для водопоя стадъ ихъ. Ramesán, отъ великаго зноя солнечнаго, бывшаго въ это время года. Schawal, отъ воздыманія хвоста вверхъ, такъ какъ около этого времени верблюды бѣгались. Dsilkadae значитъ: сидѣтъ спокойно и тихо, такъ какъ это былъ опять такой мѣсяцъ, въ который они воевать не смѣли. Dsilhatze значитъ отказаться отъ праздника; ибо въ это время древніе Арабы, равно какъ и нынѣшніе, въ этомъ мѣсяцѣ отправляются на богомолье ко храму въ Мекку, Медину, и другіе города.

Счетъ дней въ Недѣлѣ начинаютъ они съ нашей Субботы, по тому что 7-й день, какъ день ихъ покоя и праздникъ, при-

ходится на нашу Пятницу; этѣмъ отличаются они отъ Іудеевъ и Христіянъ.

Имена ихъ дней слѣдующія:

1.	شنبه	Schembe, Суббота.
2.	یکشنبه	Jekschembe, Воскресенье.
3.	دوشنبه	Duschembe, Понедѣльникъ.
4.	سه‌شنبه	Seschembe, Вторникъ.
5.	چهارشنبه	Tscharschembe, Середа.
6.	پنجشنبه	Penschembe, Четверкъ.
7.	ادینه جمع	Adine vel Tzumeh, Пятница.

Такъ какъ Персіяне сходятся вмѣстѣ только по Пятницамъ и отправляютъ свое обычное богослуженіе, то и день этотъ, Tzumeh, называется у нихъ сходкой, собраніемъ. Изъ всѣхъ этѣхъ дней Tscharschembe (Середу) они считаютъ самымъ несчастливымъ для всего дѣлъ.

Астрологіи или звѣздочетству Персіяне приписываютъ чрезвычайно много, болѣе чѣмъ она это заслуживаетъ, и такое суевѣріе заимствовали они, безъ сомнѣнія, отъ древнихъ Халдеевъ, которые, какъ говоритъ Цицеронъ, въ своемъ сочиненіи: «De Divinat.» прославились ею. Они ни какъ не смѣютъ подумать того, что Салмазій (Salmasius) замѣчаетъ (De annis Climacteribus), въ порицаніе Астрологіи (хотя, впрочемъ, нѣсколько рѣзко): «Aut astra sunt Dii, aut nulla est Astrologia.» Персіяне, вмѣстѣ съ Арабами, полагаютъ, что звѣздами управляютъ духи Intelligentiae. Вообще, Персіяне сами по себѣ чрезвычайно суевѣрный народъ, и когда къ нимъ подвернется Мичаджимъ съ своимъ предсказаніемъ, то они легко приходятъ въ такое состояніе, что, по надеждѣ на что либо хорошее, или изъ опасенія чего либо недобраго, рѣшаются на дѣйствіе, котораго иначе бы они и не предприняли; это похоже на то, что Куропалатъ (Historiarum Compendium. Venetiis, 1570, pag. 44) пишетъ объ Ираклiѣ (Heraclio), который, когда звѣздочетъ

Стефанъ Александрійскій (Stephanus Alexandr.) предсказалъ ему, что онъ погибнетъ въ водѣ, приказалъ во всей странѣ разрыть и уничтожить плотины около прудовъ. Почти такимъ же образомъ набрался страху Манардъ (Manardus), знаменитый старый врачъ Феррарскій, когда ему было предсказано, что онъ погибнетъ въ ямѣ: онъ бѣгалъ всякихъ рвовъ и ямъ; но за тѣмъ онъ женился на молоденькой женщинѣ, и вскорѣ послѣ того умеръ. По этому, въ шутку, въ «Elogiis» Іовій (Jovii opera. Basiliae, 1578) о немъ написалъ слѣдующее двустишіе (Distichon):

In fovea qui te periturum dixit, Arupex,
Vates verus erat: Conjugis illa fuit.

По Астрологическому суевѣрію, Персы выкидываютъ въ каждомъ мѣсяцѣ (для своихъ дѣлъ) по семи дней, каковы, на примѣръ, послѣ новолунія: 3, 5, 23, 25-й, и въ этѣ дни они неохотно предпринимаютъ что либо особенное. Разнымъ часамъ дня также придаютъ они большое значеніе по планетамъ; равно присвоиваютъ часамъ 12 небесныхъ знаковъ, какъ, на примѣръ, первому часу Воскресенья знакъ Овна, второму часу знакъ Тельца и т. д. Знатные люди не начнутъ даже ни чего важнаго, не надѣнутъ новаго платья, не пойдутъ въ баню, не поѣдутъ на лошади верхомъ прежде, чѣмъ узнаютъ отъ Минаджима, хорошо ли это будетъ. Подобное суевѣріе въ начинаніяхъ видѣли мы въ Шамахѣ у Хана и Врача, о чемъ было уже нами сказано выше. Обыкновено занимаются Астрологіей и предсказаніями ихъ Гакимы или Врачи.

Такіе предсказатели иногда угадываютъ довольно удачно, но, разумѣется, они черпаютъ свои пророчества не изъ звѣздъ, а изъ другихъ обстоятельствъ. Иногда между такими звѣздочетами встрѣчаются и чернокнижники. Персіяне увѣряютъ, что всякій по природѣ своей склоненъ къ Астрологіи и пророчеству, если только во время рожденія его Меркурій стоялъ въ благопріятномъ положеніи; такіе люди и безъ наблюденія звѣздъ имѣютъ даръ предсказывать. Въ Исторіи Арабовъ, Сирійца (Historia Arabum Ecchellensis, Syri, p. 263), приводятся два удивительныхъ примѣра, заимствованные изъ «Gregorii Barhebrae Chronico,» lib.

9, именно: въ 198 году Геджиры (Hegirae) жилъ мужъ, который напередъ могъ предсказывать многія обстоятельства. У него было также такое кольцо, что если его надѣвалъ на палецъ кто ни будь другой, а не онъ, то ни какъ не могъ воздержаться отъ смѣха до тѣхъ поръ, пока не снималъ снова кольца. Кромѣ того, у него было перо, которымъ ни кто, кромѣ него, не могъ писать, ни даже двинуть рукою. Тогдашній Калифъ, Альмамунъ (Almamunus), приказалъ знаменитому въ то время Астрологу, Абумазару (Abumasar), составить тему (Thema) или гороскопъ этого человѣка, и было найдено, что его восхожденіе (Ascendens) имѣло знакъ Овна, на котораго смотрѣлъ Юпитеръ, хвостъ Скорпіона, а также и Венера; Солнце и Луна находились на томъ же градусѣ восхожденія (eodem gradu ascendentis). Другой примѣръ случился въ 363-мъ году Геджиры, когда одинъ Врачъ, по имени Таберъ Гаренфисъ (Taber Harenfis), могъ по движенію пульса узнавать, когда человѣкъ ѣлъ кашу съ кислымъ молокомъ и телятину. Причину такого своего дара угадывать такъ, какъ будто онъ лазилъ въ ротъ другого человѣка, Врачъ этотъ не могъ объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что даръ этотъ у него отъ природы. Гороскопъ этого Врача былъ также довольно счастливъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовали однѣ Астрологическія причины, и не примѣшивается ли сдѣсь доля чернокнижія, или другихъ какихъ обстоятельствъ.

Въ числѣ другихъ ихъ чародѣйныхъ искуствъ и предсказаній я считаю немаловажнымъ и то, когда они узнаютъ будущее посредствомъ жребія; и такихъ предсказателей встрѣчалъ я въ Испагани на Майданѣ или большомъ торжищѣ сидящими съ раскинутыми ихъ лавочками. Ихъ два рода, именно: Ремаль (Remal) и Фалькиръ (Falkir). Ремаль похожъ на Geomantae: онъ употребляетъ 6, или 8, игральныхъ косточекъ, вздѣтыхъ на двѣ мѣдныя проволоки, и предсказываетъ по жребію. Фалкиръ же совсѣмъ другого рода: передъ нимъ лежитъ 30, или 40, тонкихъ дощечекъ, длиною и шириною въ дюймъ, съ надписью на исподней сторонѣ; на одну изъ этѣхъ дощечекъ слѣдуетъ положить деньги и свой вопросъ о дѣлѣ, о которомъ желаютъ узнать предсказаніе. Что изъ этого беретъ себѣ прежде предсказатель, дѣло извѣстное. Онъ

беретъ деньги и дощечку, изрекаетъ при этомъ нѣсколько словъ и разсматриваетъ надпись. За тѣмъ у него есть длинная и широкая, книга толщиною въ 3, или 4, пальца, листы которой исчерчены страшными и милыми изображеніями Ангеловъ, чертей, драконовъ и всякихъ звѣрей и гадовъ. Онъ беретъ въ руки эту книгу, перелистываетъ ее, продолжая при этомъ постоянно что-то шептать, наконецъ останавливается на какомъ ни будь изображеніи, противъ котораго держитъ сказанную надпись и предсказываетъ. Я нѣсколько разъ хаживалъ, ради забавы, на торжища, и видѣлъ, какъ къ подобнымъ предсказателямъ приходили покрытыя покрываломъ женщины и спрашивали о своихъ отсутствующихъ мужьяхъ и сыновьяхъ: здоровы ли они, скоро ли возвратятся, не привезутъ ли мужья ихъ новыхъ женъ съ собою? Также о счастіи и несчастіи, и однѣ уходили отъ этѣхъ предсказателей съ пріятными, другія же съ сомнительными, отвѣтами.

ГЛАВА XXVIII.

О свѣтскомъ управленіи Персіянъ, и именно объ ихъ главѣ, Шахѣ, и о вѣнчаніи его.

Что касается до свѣтскаго управленія въ Персіи, то, какъ выше упомянуто, оно довольно сходно съ Русскимъ; ибо это Государство, какъ справедливо сообщаютъ о томъ всѣ историки, есть Монархическая Имперія (Imperium Monarchicum), гдѣ Царь имѣетъ самую большую, даже всю, власть дѣйствовать и повелѣвать по своему усмотрѣнію, можетъ издавать и отмѣнять законы, безъ всякаго совѣта и возраженія отъ кого либо, можетъ у каждаго отнять имущество, даже самую жизнь, хотя бы то былъ самый большій послѣ него вельможа. При этомъ у нихъ великая рабская покорность подданныхъ, такъ что каждый изъ нихъ, въ подобныхъ случаяхъ, при пролитіи ихъ крови, хотя бы и самый невинный, является покорнымъ и терпѣливымъ,

словно обреченная на жертву овца, какъ это видно будетъ изъ страшныхъ примѣровъ, случившихся при послѣднихъ Шахахъ, которые я не замедлю привести сдѣсь.

Царя своего Персіяне называютъ Шахъ (Schah), Падшахъ (Padschah), Падиша (Padischa), что все значитъ Царь, и произносятъ они это имя такъ: «Шахъ» (Schach). Когда же Турецкій Императоръ пишетъ къ Шаху, то не называетъ его Шахомъ, но Шихъ-Огли (Schich Ogli), т. е., сыномъ и потомкомъ духовной особы, или Пророка, о чемъ ниже скажу подробнѣе. Несправедливо говорятъ нѣкоторые писатели, что Персидскіе Цари, ради высокомѣрія, велятъ называть себя Хода (Choda), что по Персидски значитъ Богъ: у нихъ есть мужеское имя Ходабендъ, и такъ назывался отецъ Шаха Абаса. Само въ себѣ слово это означаетъ то же, что находящійся въ союзѣ съ Богомъ, подобно нашимъ именамъ: Gottfried (Готтфридъ), Gottlieb (Готтлибъ), т. е., успокоенный, умиреный и любимый Богомъ. Хотя, впрочемъ, Цари эти довольно кичливы и воображаютъ о себѣ болѣе, чѣмъ сколько имъ приличествуетъ, подобно тому, какъ сообщаетъ Марцелинъ о Царѣ Сапорѣ, который писалъ къ Римскому Императору: «nusquam a genuino fastu declinans.» Письмо это такъ начиналось: «Rex regum Sapor, particeps siderum, frater Solis et Lunae, Constantio Caesari, fratri meo, salutem dico.» Но я замѣчу сдѣсь, что въ настоящее время у нихъ въ обыкновеніи употреблять почти такія же выраженія по отношенію и къ Европейскимъ владѣтельнымъ особамъ, если только они пишутъ къ нимъ въ дружественномъ духѣ, и они думаютъ, что такой титулъ этѣмъ владѣтельнымъ особамъ можетъ приличествовать только ради высокаго ихъ, Шаховъ, положенія въ свѣтѣ, какъ это видно изъ того письма, которое Шахъ Сефи послалъ къ Его Княжеской Свѣтлости, Герцогу Голштинскому, о чемъ подробнѣе сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ. За тѣмъ у нихъ нѣтъ обыкновенія чествовать ихъ, въ письмахъ къ нимъ, прописаніемъ большаго титула, въ которомъ бы исчислялись подвластныя имъ страны. Про Шаха Абаса разсказываютъ, что въ просьбахъ къ нему онъ не терпѣлъ иного титула, кромѣ титула Шаха, и однажды, когда кто-то явился къ нему съ просьбой, въ которой значился большой титулъ, онъ сказалъ будто бы просителю:

«Твоимъ титуломъ ты не сдѣлаешь меня ни больше, ни меньше; скажи мнѣ только свою нужду!»

Многіе писатели называютъ послѣднихъ Персидскихъ Царей Софиньянцами (Sophinianer), да и самые Цари этѣ охотно придаютъ себѣ такое имя по уваженію къ своей Вѣрѣ, такъ какъ основатель ихъ секты назывался Шихъ Софи (или, какъ пишутъ нѣкоторые, Сефи); такъ назывались они подобно тому, какъ Французскій, на примѣръ, Король называется Христіаннѣйшимъ (Rex Christianissimus), Испанскій Католическимъ (Catholicus). Такимъ образомъ Персидскіе Цари назывались, на примѣръ: Исмаилъ Софи, Ейдеръ Софи (Ismael Sofi, Eider Sofi). Обстоятельство это надо имѣть постоянно въ виду при чтеніи исторіи сказанныхъ Царей; ибо нѣкоторые писатели погрѣшаютъ и часто приписываютъ Джиниду (Tzinid) (Guinet, какъ они называютъ его), иногда же Измаилу и другимъ Царямъ то, что слѣдовало бы приписать первому Софи.

Правленіе въ Персіи наслѣдственное; пока есть наслѣдники отъ законной супруги, наслѣдуютъ правленіе этѣ наслѣдники; за недостаткомъ же ихъ къ управленію призываются дѣти, прижитые отъ Chasse, т. е., отъ наложницъ и прислужницъ, такъ какъ въ Персіи незаконныхъ дѣтей нѣтъ, какъ упомянуто выше. Если же на лицо нѣтъ такихъ дѣтей, то призываются лица, ближайшія изъ Царскаго рода. Этѣ послѣдніе, равно какъ и тѣ, которые слывутъ происходящими отъ стараго Софи, называются Шихъ Эльвендъ (Schich Elwend), пользуются въ странѣ великою свободою, но вообще живутъ довольно бѣдно. Если нѣтъ недостатка въ первыхъ наслѣдникахъ, то остальные должны остерегаться, чтобы ихъ не извели болѣе сильные. Домы, гдѣ родятся Царскія дѣти, дѣлаются домами убѣжища (Asyla), и если случается, что они бываютъ внѣ столицы, въ иномъ какомъ мѣстѣ, то домы этѣ обносятся почетною стѣною, какъ, на примѣръ, мы видѣли это въ Гилянѣ, при Кескерѣ (Kesker).

Персидскій гербъ (Insigne) въ древности составлялъ полумѣсяцъ, какъ упоминаетъ Курцій въ 24-й главѣ 4-й книги: «Сае-

terum affirmant Solem Graecorum, Lunam esse Persarum, quotiens illa deficiat, ruinam stragemque illis gentibus portendi.» Въ настоящее же время, на оборотъ, Персіяне имѣютъ гербомъ своимъ солнце, а Турки, обладающіе и Греціей, мѣсяцъ, и Карлъ Пасхаль (Carolus Paschalius, въ своей: «Libro Coronarum» (Corona, Parisiis, 1610), полагаетъ, что Турецкіе Государи ввели полумѣсяцъ, (или возрастающій мѣсяцъ) въ свой гербъ по тому, что онъ означаетъ какъ бы разростающееся Царство, которое они стараются расширить и усовершенствовать. Такое же значеніе имѣли, можетъ быть, и Папскія шапки или короны, похожія видомъ на отверстый полумѣсяцъ. Въ настоящее время гербъ Персидскій составляетъ солнце, и при томъ изображенное на спинѣ льва, какъ это видѣлъ я въ разныхъ мѣстахъ Персіи написанное на стѣнахъ зданій. Но Шахъ Сефи ввелъ въ своей Государственной печати, которая величиною около полу талера, одну только надпись, посреди, именно такого содержанія: «Единаго Бога рабъ я, Шахъ Сефи, отъ всего сердца.»

А по краямъ кругомъ слѣдующее: «Аали! Пусть о тебѣ всякій говоритъ, что хочетъ, я же остаюсь навсегда другъ твой.» И далѣе: «Кто предъ дверью твоею не считаетъ себя прахомъ и землей, то, хотя бы онъ былъ Ангелъ, да будетъ прахъ и земля надъ главою его.»

Въ письмахъ своихъ къ Европейскимъ Государямъ онъ, Сефи, выказываетъ особое смиреніе, прилагая печать свою не на той сторонѣ, гдѣ пишется самое письмо, но на оборотѣ, внизу, каковыя письма, заключающія въ себѣ многое и болѣе замѣчательное, хранятся здѣсь въ Готторфѣ, въ Княжеской Библіотекѣ.

Вѣнчаніе Царей совершается не въ Вавилонѣ, какъ справедливо опровергаетъ Минадусъ (Minadous, Belli Turcopersici historia. Francofurti, 1601) нѣкоторыхъ писателей, впадающихъ въ подобную ошибку; но въ настоящее время и не въ Кафѣ (или Куфѣ, какъ дѣйствительно утверждаетъ онъ), но въ столичномъ городѣ Испагани, и при этомъ употребляются слѣдующіе обряды:

Ставится столъ, вышиною въ локоть, и покрывается столькими, богато тканными и вышитыми, коврами одинъ на другомъ, сколько было всѣхъ Царей этого (настоящаго) Исповѣданія, начиная счетъ съ Шаха Измаила Сефи; на этѣхъ коврахъ сажаютъ новаго Царя, и какимъ образомъ Шахъ Сефи, у котораго мы имѣли пріемъ, во время своего коронованія имѣлъ подъ собою 8 ковровъ, такъ какъ онъ былъ 8-й Шахъ послѣ Измаила. За тѣмъ важнѣйшіе Ханы подносятъ ему вѣнецъ (корону), который онъ трижды цѣлуетъ во имя Бога, Магумеда и Аали, третъ имъ о чело, послѣ чего Начальникъ Двора, называемый ими Леле (Lele), возлагаетъ ему оный на голову. Всѣ предстоящіе при этомъ громко провозглашаютъ счастіе новому Шаху, говоря: «Дай ему Боже, чтобы въ правленіи его одинъ годъ обратился въ тысячу лѣтъ!» За тѣмъ всѣ подходятъ къ Шаху, цѣлуютъ у него ноги, подносятъ ему богатые подарки, и остальную часть дня проводятъ въ великой радости и ликованіи. О присягѣ, или о завѣреніи въ своей вѣрности Шаху клятвою, съ обрядностями, у насъ употребляемыми, Персіяне ни чего не знаютъ.

Такъ какъ Персидское Государство весьма велико, заключаетъ въ себѣ превосходныя и обширныя области (изъ коихъ важнѣйшія описаны уже выше, во второй главѣ этой книги), то удаленныя отъ стольнаго города области этѣ управляются Ханами или Князьями, какъ бы Правителями, Намѣстниками и другими чинами, о чемъ вскорѣ сказано будетъ подробнѣе. Сдѣсь же мы хотимъ прежде, подобно тому, какъ сдѣлали это при описаніи Россіи, упомянуть вкратцѣ о послѣднихъ Шахахъ, царствовавшихъ въ Персіи въ теченіи послѣдняго столѣтія, и нѣсколько даже болѣе, съ приведеніемъ того, что было въ это время достойно замѣчанія, чтобы можно было познакомиться изъ этого и съ полицейскимъ управленіемъ Персіи. Надѣюсь, что это не будетъ непріятно благосклонному читателю, тѣмъ болѣе что, сколько мнѣ извѣстно, объ этомъ писано было немного. Все это я передамъ сдѣсь такъ, какъ самъ принялъ и узналъ отъ Персіянъ.

ГЛАВА XXIX.

О послѣднихъ Шахахъ Персіи, какъ они царствовали одинъ за другимъ въ теченіи около полутораста лѣтъ.

Въ предшествовавшей главѣ мы упомянули, что когда Турецкій Султанъ пишетъ къ Персидскому Шаху, то не называетъ его Шахомъ, т. е., Царемъ, а только Шихъ-Огли (Schich Ogli). Причина тому заключается въ томъ, что предки этѣхъ нынѣшнихъ Шаховъ происходятъ не отъ мужской линіи древняго Царскаго рода, какъ это увидимъ мы изъ слѣдующаго:

Гасанъ Падшахъ.

Шахъ Гасанъ Падшахъ (Hassan Padschah), названный за свою храбрость, великія войны и побѣды, Великимъ (Usum Cassan), какъ говоритъ Бизаръ, былъ Армянскій Князь, изъ области Текелу (Tekellu): онъ покорилъ силою оружія подъ свое владычество многія земли и, между прочимъ, Персію, и сдѣлался ея Царемъ. Онъ имѣлъ дочь, которую и отдалъ въ замужство за одного Шиха, по имени Ейдера изъ Ардебиля (по чему Персіяне и называютъ его Arduellis), правнука великаго Софи, такъ какъ онъ выказывалъ великіе знаки святости.

Шихъ Ейдеръ.

По смерти Гасана Падшаха (случившейся въ 1485 году), сынъ его, Якубъ (Jacub), былъ отравленъ своею женою, и ни какихъ дѣтей послѣ себя не оставилъ. Означенный же Шихъ, какъ Царскій зять, пользовавшійся, за свою святость, большимъ уваженіемъ въ народѣ, избранъ былъ Царемъ, такимъ образомъ Шихъ сдѣлался Шахомъ. Когда Турка (Турецкій Султанъ) узналъ о томъ, то вознегодовалъ, что такой Шихъ, отступникъ отъ ихъ Вѣры или еретикъ, будетъ обладать такимъ большимъ Государствомъ, и, полагая при томъ, что, по причинѣ своей святости, бывшій Шихъ не очень-то будетъ склоненъ къ войнѣ, Султанъ (Турка) пошелъ на него войною, преслѣдовалъ его, разбилъ, взялъ

въ плѣнъ и велѣлъ содрать съ него кожу (черезъ уши). Бизаръ говоритъ (lib. 10, p. 267), что Ейдеръ не былъ Шахомъ, но что Персидскій Шахъ Рустамъ (Rustam), изъ опасенія, что, по своему великому вліянію на народъ, онъ могъ бы сдѣлаться Шахомъ, приказалъ умертвить его; нѣкоторые даже разсказываютъ, говоритъ онъ далѣе, что случилось это не при Рустамѣ, а при Шахѣ Якубѣ; но онъ самъ не знаетъ, что вѣрнѣе. Персы же, въ своихъ лѣтописяхъ повѣствуютъ такъ, какъ разсазано мною выше. Когда такимъ образомъ Шихъ Ейдеръ былъ изведенъ, Турка захватилъ всѣ пограничныя и ближайшія земли, и сдѣлался обладателемъ лучшей части Персіи.

Шахъ Измаилъ Великій.

Шихъ Ейдеръ оставилъ послѣ себя только одного сына, по имени Измаила (Ismael), который, будучи малымъ ребенкомъ, принужденъ былъ бѣжать отъ Турки. Его принялъ къ себѣ одинъ знатный Гилянскій вельможа, по имени Пиръ Халимъ (Pyr Chalim), бывшій другомъ и родственникомъ отца его; у этого-то вельможи онъ воспитывался и упражнялся въ дальнѣйшемъ изученіи Вѣры отцевъ своихъ. Когда Измаилъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста и обнаружилъ въ себѣ превосходныя способности и неустрашимый духъ, и когда въ то же время распространилась молва, что отецъ его, бывшій знатокомъ въ Астрологическихъ свѣдѣніяхъ, будьто бы предсказывалъ, что его сынъ совершитъ великія дѣла въ пріобрѣтеніи земель и распространеніи Вѣры, то взоры всѣхъ обратились на Измаила. При такихъ обстоятельствахъ, однажды, когда Турка (Турецкій Султанъ) преспокойно сидѣлъ себѣ въ Царьградѣ, Измаилъ, по совѣту Пира, разослалъ преданныхъ ему гонцовъ въ близлежащія области и города, съ просьбою къ жителямъ оныхъ, прійти къ нему на помощь противъ Турокъ за Вѣру, благо отечества и для возвращенія подобающаго ему Царскаго престола. По этой просьбѣ сказанные жители охотно явились къ Измаилу, и вскорѣ къ нему стеклось множество народа, съ которымъ и вышелъ онъ изъ Латреджана, мѣста въ Гилянѣ, гдѣ находился Измаилъ, въ походъ, числомъ 20,000 человѣкъ; къ этому народу присоеди-

нились и жители другихъ областей, такъ что вскорѣ у него составилось войско въ 300,000 человѣкъ. Прежде всего войско это двинулось на Ардебиль, выгнало оттуда Турецкую стражу, безъ которой остальные жители вышли на улицу, идущую позади гробницы Шиха Софи, пали тамъ на колѣни, передались Персіянамъ и приняли ихъ Вѣру. Улица эта и понынѣ называется, въ слѣдствіи этого событія, «Уруми Магеле» (Urumi Mahele). Сдѣсь-то и съ этой поры сказанные жители получили красныя шапки и прозваніе Кизильбашей, какъ о томъ обстоятельнѣе сказано было уже въ 10-й главѣ настоящей книги.

Изъ Ардебиля Измаилъ пошелъ на Таврисъ, Шемаху, Ирванъ и благополучно возвратилъ себѣ всѣ этѣ и другіе вокругъ лежащіе города и страны, которыми Турки завладѣли было въ Персіи со смерти отца его, и за тѣмъ двинулся на Турецкія области, выдержалъ нѣсколько сраженій съ Турками и прогналъ ихъ съ поля бытвы, какъ разсказывается объ этой войнѣ подробно въ одномъ письмѣ Генриха Пена (Heinr. Peniae, бывшаго тогда въ той странѣ) къ Кардиналу де Савлисъ (Cardinalde Saulis), равно какъ описываютъ это и Персіяне. Описанія этѣ находятся у Лаоника Халкондила (Laonico Chalcondyla: «De rebus gestis Turcar.» на стр. 441). Такимъ образомъ Измаилъ завоевалъ Багдадъ или Вавилонъ, Бесре, Курдистанъ, Діарбекъ, Ванъ, Ерсерумъ, Ерсинганъ, Битлисъ, Адильчёвасъ, Алхатъ, Бердикъ, Карсъ и Ентакію. Подчинивъ въ короткое время всѣ этѣ города своему владычеству, онъ двинулся на востокъ, въ Кандагаръ, на границы Индіи, и сдѣлался обладателемъ и этой области. За тѣмъ онъ отправился въ Касвинъ, принялъ тамъ Царскій вѣнецъ и, отдохнувъ сдѣсь немного, пошелъ на Грузію, вступилъ въ войну съ тамошнимъ Государемъ, Симеономъ Падшой, одолѣлъ его и обложилъ землю его данью, обязавъ оную ежегодно доставлять ему по 300 кипъ шелку. Хотя Шахъ Измаилъ Софи въ этѣхъ войнахъ встрѣчалъ иногда сильное сопротивленіе, но Персидскіе воины его, убѣжденные въ томъ, что все это совершается ради Вѣры, были такъ одушевлены и стойки въ битвахъ, что самую смерть въ нихъ считали за ни что. Заявивъ себя такимъ счастливымъ и побѣдоноснымъ витяземъ, Шахъ Измаилъ пріобрѣлъ себѣ уваженіе разныхъ Азіятскихъ и Европейскихъ Государей, которые часто отправляли къ

нему своихъ пословъ и уполномоченныхъ людей, равно какъ и онъ къ нимъ, и такъ какъ онъ снова возвелъ Персидское Царство до почетнаго состоянія, и въ то же время крѣпко стоялъ и распространялъ ученіе Аали, высказывая самъ къ нему всегда благоговѣйное уваженіе, то бытописатели, имѣя при томъ въ виду, что онъ назывался еще и Софи, считали его за распространителя, а нѣкоторые изъ нихъ принимали его даже за перваго Софи и основателя Персидской Вѣры. Достигши 45 лѣтъ, Измаилъ умеръ въ Касвинѣ и погребенъ въ Ардебилѣ. Персіяне славятъ его, говоря, что онъ былъ великій любитель справедливости. Бизаръ говоритъ, впрочемъ, что Измаилъ поступалъ иногда не совсѣмъ-то совѣстливо; ибо, въ противность закону Персидскому, онъ ѣлъ иногда свинину и пилъ вино. Въ поруганіе же Оттоманскому Дому онъ держалъ даже при дворѣ своемъ свинью, которую и называлъ Баязетомъ.

Шахъ Тамасъ.

Шахъ Измаилъ оставилъ 4 сыновей, изъ которыхъ старшій Тамасъ (Tamas), хотя и наслѣдовалъ отцу въ правленіи, но не въ добродѣтели и счастіи. Остальнымъ двумъ, по назначенію отца, розданы были каждому извѣстныя области. Немного спустя послѣ начала правленія этого Шаха, Турецкій Султанъ, Солиманъ, выславъ главнаго полководца своего, Султана Мурата Пашу, снова отвоевалъ нѣсколько городовъ, которые Измаилъ взялъ было у Турокъ, за исключеніемъ Багдада и Вана, оставшихся во власти Персіянъ. Черезъ два года послѣ того уже самъ Турецкій Султанъ вторгся въ страну Шаха Тамаса съ сильною ратью, взялъ Таврисъ и поворотилъ къ Султаніи. Такъ какъ Тамасъ не успѣлъ еще тогда собрать къ себѣ столько войска, чтобы съ увѣренностію могъ противостать Туркамъ, то остался въ Касвинѣ. Между тѣмъ въ одну ночь сдѣлалась великая буря (въ началѣ Марта, не задолго передъ Персидскимъ Naurus или Новымъ Годомъ), съ проливнымъ дождемъ и грозою, отъ чего снѣгъ, покрывавшій окрестныя горы, растаялъ, побѣжалъ стремительнымъ потокомъ въ тѣснину, снесъ станъ непріятельскій, потопилъ множество верблюдовъ, лошадей, вмѣстѣ съ воинами, и самъ вождь

ихъ подвергся было великой опасности. Растаявшій снѣгъ былъ кроваво-красноватаго цвѣта. Непріятель, увидавши такой цвѣтъ, пришелъ въ ужасъ и оставилъ Персію. Хотя послѣ этого Турецкій Султанъ опять нападалъ на Персію и грабилъ ее, но наконецъ при городѣ Битлинѣ онъ былъ почти на голову разбитъ, а остальные Турки также принуждены были удалиться во свои св.

Шахъ Тамасъ царствовалъ 35 лѣтъ и умеръ въ 1576 году по Р. Хр., бывши 68 лѣтъ отъ рожденія. Персіяне не особенно лестно отзываются о немъ; онъ не былъ такимъ доблестнымъ Государемъ, котораго мысли были бы обращены на войну и который бы съумѣлъ достойно встрѣтить непріятеля; напротивъ, онъ потерялъ много городовъ и земель, пріобрѣтенныхъ отцомъ его. Кромѣ того, онъ не соблюдалъ и правосудія, самъ никого охотно не выслушивалъ, но приказывалъ своимъ чиновникамъ принимать всякія жалобы и судить, отъ чего въ его время были въ большомъ ходу всевозможные пороки, въ особенности бездна воровства, такъ какъ оно оставалось не наказаннымъ.

Самое достопамятное, хотя вовсе не достославное, совершенное имъ во время своего управленія, было то, какъ поступилъ онъ съ Индѣйцемъ Гюмаюномъ, о чемъ сказано выше (въ 30-й главѣ 5-й книги). За тѣмъ то, что онъ сдѣлалъ съ Армянскимъ Княземъ, о чемъ упоминаетъ Минадусъ (Minadous), во 2-й книгѣ своей «Belli Turco-Persici» (Francofurti, 1601). Въ Арменіи былъ одинъ владѣтельный Князь, Лавасапъ (Lavassap): когда онъ умеръ, то оставилъ двухъ сыновей, Симеона и Давида, и старшему изъ нихъ, по завѣщанію, предоставилъ правленіе. Это возмутило Давида; онъ привлекъ къ себѣ всякаго рода презрѣнную челядь, силою захватилъ братнину казну и снарядилъ такимъ образомъ довольно значительное войско противъ брата.

Князь Симеонъ II, въ ужасѣ передъ ратью брата, ежедневно возраставшею, не нашелъ ни какого другого средства къ спасенію, какъ просить о помощи Шаха Тамаса, который тотчасъ же послалъ къ нему 4 тысячи конницы, подъ начальствомъ одного Персидскаго полководца, съ приказаніемъ, если этотъ Полководецъ возьметъ въ плѣнъ Давида, то привести его живого съ

собою; въ случаѣ же, если Давидъ согласится принять Персидскую Вѣру и совершить надъ собою обрѣзаніе, то предоставить ему правленіе. Такого же отреченія отъ Вѣры полководецъ тотъ долженъ былъ потребовать въ то же время и отъ Князя Симеона, если только этотъ послѣдній желаетъ удержать за собою престолъ отца своего. Персы отправились въ Грузію, тотчасъ же захватили тамъ Давида, которому и предложено было сказанное условіе; обладая душею низкою, Давидъ не медля согласился отречься отъ Христіянства и быть послушнымъ Шаху, если только онъ получитъ правленіе. Что же касается до брата, Симеона, то, уважая Христіянскую Вѣру и Царство Небесное выше своего временнаго Княжества, онъ отвергъ предложенное ему условіе, въ слѣдствіе чего схваченъ и привезенъ былъ въ Персію, гдѣ и посадили его въ заточеніе въ крѣпости Кагакъ (Kahak); отступникъ же Давидъ, послѣ обрѣзанія, названъ Даутъ-Ханомъ (Dautchan) и назначенъ былъ только Управляющимъ (Губернаторомъ) надъ Тифлисомъ. По этому случаю Минадусъ (Minadous) приводитъ слѣдующую Эпифонему (изреченіе): «Discant alii hujus Simonis exemplo, quam periculosum sit, Barbaros ad sui defensionem in propriam ditionem attrahere.»

Симеонъ былъ храбрый воинъ и въ то же время Государь образованный, былъ также хорошій стихотворецъ и философъ; онъ такъ съумѣлъ поставить себя въ отношеніи къ Шахскому сыну, Измаилу, который тоже находился въ то время въ заточеніи, что пріобрѣлъ полную его довѣренность и самъ сблизился съ нимъ до того, что, во избѣжаніе вѣчнаго заключенія и въ надеждѣ снова возвратиться въ свою страну и къ своему народу, допустилъ Измаилу уговорить себя принять, хотя для виду только, Магометанскую Вѣру, за что Измаилъ обѣщалъ ему щедрые подарки и блестящую будущность, какъ только самъ онъ получитъ свободу и будетъ возведенъ на Царство. Такое обѣщаніе Измаилъ привелъ бы и въ исполненіе, если бъ тому не воспрепятствовала преждевременная смерть его. Но онъ успѣлъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать то, что Симеонъ освобожденъ былъ изъ темницы, и въ послѣдствіи, при Шахѣ Ходабендѣ, былъ употребленъ въ качествѣ военачальника противъ Турокъ.

Измаилъ II.

Шахъ-Тамасъ оставилъ много дѣтей, между которыми старшіе были: Магумедъ Ходабенде, Измаилъ и Ейдеръ. Ейдера отецъ любилъ больше другихъ, такъ что еще при жизни своей онъ поручалъ ему заступать свое мѣсто, а за тѣмъ и въ завѣщаніи своемъ назначилъ, чтобы Ейдеръ наслѣдовалъ послѣ него престолъ. Но послѣ смерти отца Ханы Царства нашли неблаговиднымъ, чтобы третьерожденный (т. е., 3-й сынъ), которому было едва 17 лѣтъ, предпочтенъ былъ первому наслѣднику, и хотѣли лучше избрать Ходабенде; по этому они и послали къ Ходабенде, находившемуся въ то время въ Хорасанѣ, гонца, съ просьбою, не благоугодно ли будетъ ему принять вѣнецъ. Когда же Ходабенде, не имѣвшій ни какой охоты къ управленію, отказался, Ханы призвали изъ крѣпости Кагакъ Измаила, бывшаго тамъ въ заключеніи уже нѣсколько лѣтъ по распоряженію отца. Причина заточенія Измаила заключалась въ томъ, что онъ былъ чрезвычайно дикъ и необузданъ, ходилъ въ мирное время съ шайкою набранныхъ имъ разбойниковъ къ Турецкимъ границамъ, и тамъ опустошалъ и грабилъ все, что ему попадалось.

Когда Ейдеръ узналъ, что Ханы хотятъ сдѣлать Шахомъ брата его, Измаила, то сталъ прилагать всевозможныя старанія, черезъ посредство одной изъ сестеръ своихъ, къ тому, чтобы его предпочли Измаилу. Сестра эта, хотя и показывала видъ Ейдеру, что охотно готова помогать его желаніямъ, но зная настроенія и замыслы Хановъ, и дѣйствуя съ ними за одно, предательски отрѣзала Эйдеру голову, послѣ чего Измаилъ и вступилъ на престолъ, на 43 году своей жизни. Минадусъ подробнѣе разсказываетъ всѣ этѣ обстоятельства, свѣдѣнія о которыхъ отъ Персіянъ я получить не могъ.

Когда Измаилъ II возведенъ уже былъ въ Царское достоинство, то его начало тревожить гнѣвное настроеніе за понесенное имъ поруганіе отъ томительнаго заключенія, и для того, чтобы узнать, кто изъ вельможъ въ Царствѣ былъ совиновникомъ прежняго его заточенія, онъ скрылся на нѣкоторое время и прика-

залъ объявить, что онъ будьто бы умеръ. Сдѣлалъ это онъ для того только, чтобы узнать, что тотъ и другой будутъ говорить объ его смерти. Тѣхъ, которые показались при этомъ подозрительными ему и которые отъ страха бѣжали изъ страны, Измаилъ преслѣдовалъ съ нѣсколькими тысячами войска до границъ Турціи, откуда Турецкій Султанъ, полагая, что отъ такого движенія войска можно опасаться непріятельскаго вторженія, прогналъ Измаила обратно назадъ. Шахъ Измаилъ воротился въ Касвинъ и приказалъ изрубить тамъ еще тѣхъ изъ оставшихся въ странѣ, которые казались ему вредными по чему либо. Вскорѣ за тѣмъ, именно на другой годъ правленія своего, Измаилъ, по проискамъ и убѣжденіямъ Хановъ, былъ отравленъ сестрою своею.

Шахъ Ходабенде.

Когда Измаила не стало, то Магумедъ Ходабенде, не желая, конечно, чтобы управленіе Царствомъ перешло въ чужія руки, отъ чего и жизнь самого его могла подвергнуться опасности, принужденъ уже былъ принять вѣнецъ. Принявъ правленіе, что случилось въ 1578 году по Р. Х., онъ ни чего болѣе не желалъ, говоритъ Бизаръ (lib 2, p. 308), какъ только, слѣдуя достохвальнымъ стопамъ своихъ предковъ, блюсти благо и достоинство Персидскаго Государства и возвратить снова мужественною войною то, что было утрачено изъ владѣній въ послѣднее время. Персіяне же говорятъ о Ходабендѣ совсѣмъ противное, именно: что онъ будьто бы никогда какъ слѣдуетъ за правленіе и не принимался, а тѣмъ менѣе имѣлъ охоту къ войнѣ, и что къ оружію онъ прибѣгалъ не прежде, какъ будучи вынужденъ къ тому крайнею необходимостію, и такъ какъ онъ былъ совершенно близорукъ, то у него вовсе не было ни какой охоты къ дѣламъ правленія, и онъ гораздо болѣе любилъ проводить время въ играхъ въ покояхъ женъ, чѣмъ на полѣ въ сраженіяхъ съ непріятелемъ. Счастье тоже не благопріятствовало ему въ войнѣ, отъ чего непріятели его, замѣтивши это, поднялись противъ Персіи, съ одной стороны на пали на нее Турки, а съ другой Узбецкіе Татары, и отняли у Персидскаго Государства многіе города и области, которыми и владѣли во все время, пока жилъ Магумедъ Ходабенде.

Въ это то время Турки, какъ повѣтствуетъ Минадусъ, въ одномъ сраженіи избили 5000 Персіянъ, а 3000 Персіянъ взяли въ плѣнъ и всѣхъ обезглавили. Турецкій полководецъ приказалъ всѣ этѣ отрубленныя Персидскія головы снести въ одно мѣсто, сложить ихъ въ извѣстномъ порядкѣ одну на другую и устроить изъ нихъ нѣчто въ родѣ укрѣпленія или окоповъ, и, сидя посреди этѣхъ головъ, полководецъ этотъ принималъ одного молодого Грузинскаго вельможу. Шахъ Ходабенде умеръ въ 1585 году по Р. Хр.

Шахъ Емиръ Гемзе.

Шахъ Ходабенде оставилъ 3-хъ сыновей: Емиръ Гемзе, Измаила и Абаса. Въ 1-мъ моемъ изданіи я по ошибкѣ помѣстилъ Абаса прежде Измаила и сказалъ, что Измаилъ умеръ прежде Емира Гемзе; по настоящимъ же свѣдѣніямъ и слѣдуя Персидскимъ писателямъ, дѣла этѣ происходили слѣдующимъ образомъ: Емиръ Гемзе, какъ перворожденный, вступилъ въ управленіе Царствомъ тотчасъ по смерти отца своего; но такъ какъ меньшой его братъ, Измаилъ, позавидовалъ ему въ этомъ и пожелалъ самъ получить вѣнецъ, то онъ, Измаилъ, и дѣйствовалъ въ этомъ духѣ, съ помощію нѣсколькихъ знатныхъ вельможъ, хорошихъ пріятелей своихъ, и довелъ дѣло до того, что Емиръ Гемзе, на 8-й мѣсяцъ своего правленія, былъ убитъ и вѣнецъ возложили на него, Измаила. Убійцы Емиръ Гемзе явились къ нему одѣтые въ женскія платья, и покрытыя, по обыкновенію женщинъ, пришли къ покоямъ Шаха; когда же стража и тѣлохранители остановили ихъ и пожелали узнать о причинѣ ихъ прибытія, убійцы отвѣчали, что они Ханскія или Княжескія жены, и что ихъ потребовали въ покои Шаха, но чего пожелаетъ отъ нихъ Шахъ, они не знаютъ. Этому повѣрили и убійцъ впустили. Но только что они вошли въ покои Шаха, какъ бросились на Шаха и убили его. Послѣ этого Измаилъ устроилъ такъ, что ему предоставленъ былъ вѣнецъ. Но объ этомъ убійствѣ скоро провѣдали, и Измаилъ, послѣ 8-ми мѣсячнаго правленія своего, поплатился тою же монетою.

Измаилъ III.

Когда Абасъ Мирза, самый младшій изъ братьевъ, пріѣхалъ однажды изъ Герата, гдѣ онъ былъ Правителемъ (Губернаторомъ), навѣстить своего брата, Шаха Емира Гемзе, и увидалъ, что другой братъ его, Измаилъ, захватилъ вѣнецъ обагренными въ крови руками, то опасаясь, чтобы Измаилъ не наложилъ руки и на него, поспѣшилъ возвратиться обратно въ Гератъ. На слѣдующій годъ Абасъ Мирза пріѣхалъ съ нѣсколькими изъ своихъ людей, которыхъ онъ имѣлъ при себѣ для охраны своей, въ Касвинъ, а Шахъ находился въ это время въ Карабахѣ. Воины обоихъ этѣхъ Князей часто ссорились между собою, отъ чего и между братьями возникло сильное неудовольствіе.

У Абаса Мирзы былъ одинъ Дворецкій (Hoffmeister), по имени Муршидъ-Кули-Ханъ, весьма почетный и храбрый воинъ. Этотъ Муршидъ-Кули-Ханъ, опасаясь, что новый Шахъ Измаилъ, будучи человѣкомъ необузданнымъ, можетъ обратить теперь вражду, которую онъ еще при жизни отца своего заявилъ къ брату своему, Абасу, въ тиранію, и направить ее какъ на него, Муршидъ-Кули-Хана, такъ и на его Государя, и имѣя при томъ въ виду, что если его молодой Государь достигнетъ вѣнца, то и онъ, Муршидъ-Кули-Ханъ, будучи въ силѣ у него, можетъ принимать участіе въ правленіи, началъ измышлять средства и пути, какъ бы исполнить это желаніе свое, для чего и составилъ тайный заговоръ съ бывшими Совѣтниками Емира Гемзе и нѣсколькими Ханами, надежными друзьями своими. Ханы тѣмъ охотнѣе согласились на содѣйствіе, что видѣли, что правленіе Измаила является совсѣмъ не такимъ, какимъ они его ожидали, и что, кромѣ того, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣла Измаила, съ прибытіемъ Абаса Мирзы, должны были принять еще худшее положеніе. И такъ они заключили сдѣлку съ придворнымъ Царскимъ бородобрѣемъ, называвшимся Худи (Chudi), чтобы онъ, во время бритья Шаха, перерѣзалъ ему горло, за что обѣщали доставить ему у Абаса Мирзы великую честь и достоинство. Худи Телакъ (Telak) прельстился этѣмъ предложеніемъ и обѣщаемою великою честью, выбралъ удобный случай и, въ присутствіи Хановъ, перерѣзалъ Шаху бритвою горло.

Ханы же, для того, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе народа въ соучастіи, тутъ же зарубили Худи саблями, за тѣмъ приказали изрубить его на мелкія части и сжечь этѣ части на кострѣ. Случилось это въ области Карабахѣ, когда Измаилъ [1] сбирался было ити войною на брата своего, Абаса, на 8-й мѣсяцъ его правленія.

Послѣ такого умерщвленія Измаила III [2] Абасъ Мирза тотчасъ же былъ посаженъ на Царство, съ великимъ ликованіемъ, пожеланіями счастія и добровольными приношеніями отъ подданныхъ разныхъ подарковъ; ибо превосходный умъ Абаса и испытанный добрый нравъ его давали надежду на лучшее управленіе и возбудили къ нему особенную любовь народа.

ГЛАВА XXX.

О правленіи Шаха Абаса и о томъ, что случилось достопамятнаго въ это правленіе.

Что касается до самой особы Шаха Абаса, то хотя онъ былъ не высокъ ростомъ, съ короткимъ туловищемъ и длинными ногами, но въ то же время былъ человѣкъ независимаго, богатырскаго духа, который также ревностно защищалъ честь своего званія, или состоянія, какъ и любилъ его. По этому-то и правленіе свое онѣ также началъ кровопролитіемъ. Когда Шахъ Абасъ увидалъ, что его Царское величіе недостаточно уважается, и именно со стороны его Дворецкаго, Муршидъ-Кули-Хана, обращавшагося съ нимъ запросто, по старой привычкѣ, а иногда и относив-

---

[1] Сдѣсь въ подлинникѣ явная ошибка: вмѣсто Измаила значится Гемза. Прим. Перев.

[2] Въ подлинникѣ сдѣсь опять повторяется таже ошибка: вмѣсто Измаила поставлено: Эмиръ Гемзе. Прим. Перев.

шагося къ нему съ грубыми и обидными выраженіями, особенно же послѣ того, какъ однажды на совѣтѣ Шахъ хотѣлъ высказать о дѣлѣ свое мнѣніе, а Муршидъ-Кули-Ханъ заставилъ его замолчать, говоря, что онъ еще дѣтя, не понимающее того дѣла,—то все это крѣпко раздосадовало молодаго Шаха. Онъ думалъ, что если это будетъ часто повторяться, то подданные будутъ мало уважать и бояться его; а по тому онъ высказалъ свои жалобы на это тремъ Совѣтникамъ своимъ, и именно: Мегеди-Кули-Хану (Mehedikulichan), Магумеду Устади-Шаги (Mahumed Ustahischahi) и Алли-Кули-Ханъ Шамлю (Allikulichan Schamli), которымъ онъ довѣрялъ найболѣе, и заявилъ имъ, что считаетъ за лучшее извести Дворецкаго. Когда же Совѣтники этѣ хотѣли отклонить его отъ такого намѣренія, то онъ твердо рѣшилъ на томъ, что хочетъ непремѣнно привести намѣреніе свое въ исполненіе, и при томъ именно черезъ посредство ихъ же самихъ. Такимъ образомъ это будетъ испытаніемъ ихъ вѣрности, и если они не исполнятъ его воли, то на нихъ падетъ немилость его невыносимою тягостью.

И такъ Совѣтники принуждены были по этому уступить, и однажды отправились, вмѣстѣ съ Шахомъ, ночью, въ покой Дворецкаго, гдѣ и нашли его спавшимъ, лежа на спинѣ съ открытымъ ртомъ. Шахъ Абасъ нанесъ первый ударъ саблей, черезъ ротъ, остальные послѣдовали его примѣру. Дворецкій, будучи крѣпкаго сложенія, вскочилъ, хотѣлъ было обороняться, но въ это время прибѣжалъ въ покой конюхъ его, разбуженный шумомъ; онъ явился съ топоромъ и спросилъ: «Что тутъ дѣлается?» Шахъ Абасъ отвѣчалъ: «Здѣсь идетъ дѣло о жизни врага моего—Муршидъ-Кули: помоги, и докончи начатое—тогда я сдѣлаю тебя Ханомъ, или Княземъ.» Слуга, въ надеждѣ возвыситься, тотчасъ же бросился на своего господина и окончательно зарубилъ его топоромъ до смерти. На другой день Шахъ приказалъ извести и избить весь родъ Муршидъ-Кули-Хана, чтобы разомъ оградить себя отъ всякихъ съ ихъ стороны непріязненныхъ дѣйствій; конюха же сдѣлалъ Ханомъ и назначилъ Правителемъ (Губернаторомъ) въ Гератѣ. Случилось все это въ 1585 го по Р. Х.

Такъ какъ Шахъ Абасъ понималъ, что было прилично имѣть въ виду доблестному мужу, занимающему такой престолъ, какой

онъ занималъ, и такъ какъ онъ зналъ, какъ широко простиралось нѣкогда его Царство при его предкахъ, и какъ съ теченіемъ времени оно было урѣзано Турками и Татарами, и приведено наконецъ въ такіе тѣсные предѣлы, то онъ ни чего столько не желалъ и не искалъ, какъ только возстановить благо и древнее достоинство своей страны, и тѣмъ возвеличить свое Царство. По этому-то онъ велъ многія замѣчательныя войны съ Турками и Татарами, и въ этѣхъ войнахъ былъ не менѣе счастливъ, какъ и мужественъ и твердъ.

Разсказывать сдѣсь все объ этѣхъ войнахъ было бы черезъ чуръ пространно и съ нашимъ намѣреніемъ не согласно; по этому я скажу тутъ только о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ войнъ, въ сжатомъ очеркѣ, заимствуя свѣдѣнія изъ лѣтописи, писанной однимъ Персіяниномъ. Не прошло еще 2-хъ лѣтъ, какъ Шахъ Абасъ занялъ Царскій престолъ, и вотъ поѣхалъ онъ однажды съ своими Ханами и знатными придворными людьми, верхомъ вокругъ города Касвина, и въ прогулкѣ этой спросилъ: «Есть ли гдѣ ни будь земля и страна лучше этой?»—Одинъ отвѣчалъ: «Хорасанъ»; другой: «Фарсъ»; третій: «Страна, которою владѣли Узбеки»; и когда онъ узналъ, что все это Татары отняли у отца его, онъ тотчасъ же, снарядивъ довольно значительное войско, направился съ нимъ къ Хорасану и пошелъ на Узбековъ. Узнавъ объ этомъ, Узбецкій Князь, Абдулла-Ханъ, выступилъ противъ него съ оружіе мъвъ рукахъ. Хотя въ началѣ враждебныхъ дѣйствій казалось, что сама природа и погода какъ бы ополчились вмѣстѣ съ Узбеками противъ Шаха Абаса; ибо между людьми его распространилась большая смертность, и въ теченіе нѣсколькихъ дней надъ войскомъ его свирѣпствовала страшная буря, съ градомъ и грозою, на сторонѣ же Узбековъ стояла постоянно прекрасная погода; однако Шаха Абаса ни что не поколебало, и онъ полагалъ, что все это были только чары Узбековъ, направленныя на него для того, чтобы устрашить его. Шесть мѣсяцевъ простояли непріятели въ полѣ, другъ противъ друга; наконецъ Шахъ Абасъ съ стремительною силой двинулся на врага, тотъ не выдержалъ и обратился въ бѣгство въ Мешедъ (Mesched). Три года Шахъ Абасъ оставался въ Хорасанѣ и управлялъ тамъ; за тѣмъ Абдулла-Ханъ снова поднялся, еще разъ желая испытать свое счастье въ битвѣ

съ Абасомъ. Враги опять воевали цѣлый годъ; наконецъ Шахъ разбилъ Узбековъ на голову, взялъ въ плѣнъ Абдуллу-Хана, вмѣстѣ съ отцемъ его, Тилехманомъ, и 3-мя сыновьями, находившимися также въ войскѣ, и приказалъ всѣмъ имъ отрубить головы. Послѣ этого Шахъ Абасъ отправился въ Испагань, и такъ какъ мѣстность тамъ чрезвычайно понравилась ему, то онъ рѣшилъ основать здѣсь свою столицу, приказалъ возвести богатыя зданія, и между прочимъ Аллакапи (Allacapi) или домъ свободы, и громадной величины храмъ Мегеди (Mehedi), а также много другихъ дорогихъ построекъ, о которыхъ уже выше упоминалось въ разныхъ мѣстахъ.

Спустя нѣсколько времени Шаху Абасу пришла охота пойти на Турокъ и возвратить отъ нихъ то, что они отняли изъ страны его въ предшествовавшія ему царствованія. Онъ послалъ соглядатаевъ поразвѣдать о состояніи Турокъ, преимущественно въ Таврисъ, находившійся въ то время въ ихъ обладаніи. Когда же онъ узналъ, что Турки совершенно спокойны и живутъ себѣ, не помышляя ни о какой войнѣ, онъ втайнѣ собралъ рать въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, со всею поспѣшностію двинулся съ нею на Таврисъ, отстоявшій отъ Испагани на 18 дней пути на верблюдахъ, и идучи безостановочно день и ночь (въ подобныхъ случаяхъ желаніе достигнуть своего намѣренія прогоняло сонъ отъ глазъ Шахъ Абаса), на шестой день достигъ до города. На пути еще, дошедши до горы Шибли (Schibli), гдѣ находился узкій проходъ и стояла Турецкая таможня, Шахъ Абасъ ѣхалъ впереди верхомъ, съ небольшимъ числомъ изъ важнѣйшихъ своихъ военачальниковъ; увидавъ его, таможенный начальникъ подумалъ, что то были купцы, по чему и потребовалъ съ нихъ уплаты пошлины. Шахъ Абасъ сказалъ ему на это: «Нашъ расходчикъ назади, и онъ заплатитъ пошлину.» За тѣмъ онъ подозвалъ къ себѣ Дзюльфакаръ Хана (Dsülfakar Chan), чтобы онъ удовлетворилъ таможеннаго сборщика. Въ то время, когда сборщикъ разсматривалъ деньги, другой Персіянинъ разрубилъ ему голову, послѣ чего перебили остальную стражу и безпрепятственно прошли мѣсто таможни. Когда Шахъ Абасъ съ войскомъ былъ уже близъ Тавриса, то, узнавши о прибытіи его, Альбаша (Allbascha), тамошній Правитель, хотя и вышелъ противъ него съ своими вои-

нами, какихъ только успѣлъ собрать наскоро; но такъ какъ силы его были не велики, то его одолѣли, взяли самого въ плѣнъ и городъ заняли. Посреди города былъ прекрасный замокъ или крѣпость, построенный тамъ Гасаномъ Падшахомъ (или Усумъ Касаномъ); крѣпость эта держалась еще цѣлый мѣсяцъ; но наконецъ измѣною взята и разрушена до основанія. Отсюда Абасъ пошелъ на Нахичевань (Nachtzuan), и такъ какъ слухъ о походѣ на него Персидскаго Шаха достигъ туда прежде, то тамошнія стража оставила городъ и бѣжала въ крѣпость Ирванъ. Въ Нахичевани Шахъ Абасъ тоже разрушилъ замокъ, называвшійся Кишкибалабанъ (Kischkibalaban), и за тѣмъ пошелъ на большую и сильную крѣпость Ирванъ, которую и взялъ послѣ девятимѣсячной осады. Послѣ этого онъ позабралъ всѣ вокругъ лежавшіе города и области, безъ особеннаго сопротивленія, кромѣ крѣпости Оруми (Orumi), которая лежала на высокой скалѣ и была сильно защищаема. Не могши взять этой крѣпости послѣ восьмимѣсячной осады, и дознавъ, что Курды, жившіе на границѣ съ нею и не подвластные Туркамъ, но составлявшіе сами по себѣ особый народъ, приходили къ Туркамъ на помощь и были главнѣйше причиною того, что крѣпость держалась еще, Шахъ Абасъ придумалъ хитрость, и послалъ съ гонцами къ важнѣйшимъ начальникамъ Курдовъ дорогія платья и деньги, съ просьбою, чтобы они ему, Абасу, въ осадѣ крѣпости не мѣшали и помогли бы, за что онъ обѣщалъ, по взятіи крѣпости, отдать имъ все, что только найдется въ ней. Курды, какъ народецъ, проживающій только хищничествомъ, охотно согласился на это; и когда, такимъ образомъ, съ помощію ихъ, крѣпость была взята, Шахъ Абасъ пригласилъ начальниковъ Курдскихъ на пиръ, въ свою палатку. Въ эту палатку онъ приказалъ сдѣлать только одинъ входъ, который былъ завѣшенъ полотномъ палатки такимъ образомъ, что въ самую средину ея можно было пройти только извилистымъ, змѣеобразнымъ, путемъ, въ которомъ, если кто пройдетъ шесть шаговъ, то слѣдовавшій за нимъ уже не могъ видѣть его за этими извилинами. Въ этомъ-то проходѣ Абасъ поставилъ двухъ палачей или убійцъ, которые должны были перебить, и перебили, по одиначкѣ всѣхъ приглашенныхъ гостей. Шахъ Абасъ поступилъ такъ изъ опасенія, что въ будущемъ люди эти въ крѣпости будутъ ему столько же опасны, сколько теперь они помогли ему.

За тѣмъ Абасъ покорилъ всю окрестную сторону и оставилъ въ ней, вмѣстѣ съ крѣпостью Оруми, стражу, подъ начальствомъ Кабанъ-Хана, а самъ пошелъ далѣе, взялъ Карабахъ и все пространство между рѣками Араксомъ и Куромъ (или Арасомъ и Киромъ), завоевалъ также Шемаху, послѣ семимѣсячной осады, и весь Ширванъ, и поставилъ тамъ Ханомъ, не разъ уже упоминаемаго зятя своего, Дзюльфакаръ-Хана. Когда жители Дербента услыхали, что Шахъ Абасъ такъ счастливо и успѣшно покорялъ все своей власти, и что онъ не далеко уже и отъ ихъ города, то они избили свою стражу (состоявшую изъ Турокъ) и добровольно передались Шаху Абасу. Послѣ этого Абасъ направился и вступилъ въ Гилянъ, привелъ снова къ покорности тамошніе упорные народцы, которые при Шахѣ Тамасѣ отложились было отъ владычества Персовъ. За тѣмъ, у Ленкерана, доступъ къ которому какъ бы замкнутъ былъ огромнымъ болотомъ, онъ устроилъ, изъ кустарника и песку, удобную дорогу и въ разныхъ городахъ и областяхъ посадилъ своихъ Хановъ, а именно: въ Астарѣ—Баиндуръ-Хана (Baindurchan), въ Кескерѣ — Мортуса-Кули-Хана (Murtusa Culichan), въ Рештѣ—Везира, въ Тюнкабюнѣ (Tünkabün) Гейдеръ-Хана (Heiderchan), въ Мазандеранѣ—Адама Султана (Adam Sultan), и въ Астарабадѣ—Госейнъ-Хана (Hosseinchan).

Возвративши снова и приведши къ покорности Гилянцевъ, вмѣстѣ съ другими помянутыми областями, отторгнутыми было отъ Царства Узбеками и Турками, Шахъ Абасъ пожелалъ предаться покою. Но едва прожилъ онъ мирно годъ въ Испагани, какъ пришла къ нему вѣсть, что Турка (т. е., Турецкій Султанъ), съ новыми великими силами, снаряжается опять войною на него и намѣревается вступить въ Персію съ 500,000 войска. Шахъ Абасъ немедленно также собралъ большую рать, расположился съ нею въ Таврисѣ, и ожидалъ тамъ непріятеля. Въ то же время всѣмъ городамъ и селеніямъ, лежавшимъ у Турецкихъ границъ, приказалъ, чтобы жители ихъ, со всѣми своими запасами, вышли оттуда и удалились бы во внутрь страны для того, чтобы непріятель не нашелъ себѣ ни какого продовольствія.

Когда Турки прибыли и расположились станомъ не далеко отъ Тавриса, Шахъ Абасъ приказалъ сдѣлать кличъ: «Не хочетъ ли кто быть охотникомъ-наѣзникомъ? Такіе пусть явятся къ

нему, и каждому изъ нихъ онъ будетъ платить по 50 рейхсталеровъ за всякую, принесенную ему, Турецкую голову, и все, что при этомъ достанется въ добычу, также отдастся имъ. Такихъ охотниковъ нашлось до 5000 человѣкъ, и ежедневно, особенно къ утру, они приносили Абасу множество головъ, а одинъ изъ нихъ, по имени Байрамъ Текель (Bairam Tekel), добылъ такимъ образомъ въ одну ночь пять головъ, за каковую ревность его Шахъ Абасъ въ послѣдствіи сдѣлалъ его Ханомъ или Княземъ.

Послѣ 3-хъ цѣлыхъ мѣсяцевъ выжидательнаго положенія, Джакалъ Огли (Tzakal Ogli) (такъ назывался Турецкій военачальникъ) послалъ къ Шаху Абасу съ требованіемъ выйти въ поле, объявляя, что онъ желаетъ дать ему сраженіе; при чемъ онъ велѣлъ сказать Абасу: «Если бъ онъ также надѣялся на Бога и счастье, какъ онъ, Джакалъ, то не боялся бы битвы.» Шахъ Абасъ тотчасъ же вышелъ въ поле: оба войска страшно бились цѣлый день, но къ ночи Турки, потерпѣвшіе большой уронъ, отступили, и когда на слѣдующее утро Шаху Абасу донесли, что Турки снялись станомъ и ушли, Абасъ не хотѣлъ вѣрить, полагая, что то была только хитрость со стороны Турокъ, по чему 3 дни и три ночи держалъ войско на готовѣ, въ надлежащемъ порядкѣ, и даже самъ не уходилъ во все это время съ поля въ свою палатку. Когда же онъ удостовѣрился, наконецъ, что непріятель возвратился въ свои предѣлы, то отправился въ горѣ Сегендъ (Schend), и тамъ расположился. Здѣсь три Хана, именно: Магмедъ-Ханъ Казакъ (Mahmedchan Kasak), Шагерухъ-Ханъ Ешаръ Schaheruchchan Efschar) и Исханъ Курджибаши (Ischan Kurtzibaschi), составившіе заговоръ противъ Шаха и подносшіе ему ядъ (который, впрочемъ, скоро замѣченный, не оказалъ отъ принятаго Шахомъ противоядія, на него ни какого вреднаго дѣйствія), были изрублены саблями.

Два года спустя Турка (Султанъ) съ войскомъ въ 300,000 человѣкъ снова напалъ уже на Ирванъ, шесть мѣсяцевъ осаждалъ эту крѣпость и, не взявши ее, отступилъ во свояси. За тѣмъ опять черезъ два года Турки явились въ другой разъ, подъ начальствомъ полководца Муратъ-Паши (Murat Pascha), захватили Таврисъ и владѣли имъ 4 мѣсяца. Въ продолженіе этого времени не-

пріятели пять разъ сразились другъ съ другомъ, и Персы иногда терпѣли сильный уронъ. Наконецъ Шахъ Абасъ одержалъ послѣднюю побѣду и снова отвоевалъ себѣ городъ. Послѣ этого Шахъ Абасъ отправился въ Ардебиль, гдѣ приказалъ казнить, уже не разъ упоминаемаго Шамахинскаго Хана, Дзюльфакаръ Хана, по настоянію своей жены, какъ это было уже сказано, и на мѣсто его назначилъ въ Шамаху Юсуфъ-Хана, родомъ Армянина, котораго Шахъ Абасъ купилъ еще въ дѣтствѣ и долгое время держалъ при себѣ въ качествѣ придворнаго прислужника.

Послѣ этого Персія находилась въ покоѣ въ продолженіи 20-ти лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока однажды Турки, подъ начальствомъ Халиль-Паши (Chalil Pascha), въ количествѣ 8 тысячъ человѣкъ, между которыми было много Крымскихъ и Перекопскихъ Татаръ, снова не вторглись въ предѣлы Персіи и не взяли Тавриса; противъ него Шахъ выслалъ Карджукай Хана (Kartzukhaichan), храбраго и счастливаго витязя, который, послѣ 8-мидневнаго сраженія, прогналъ непріятеля. Изъ этого сраженія Карджукай-Ханъ привелъ съ собою плѣнныхъ двухъ Татарскихъ Князей; Омерсебека (Omersebek) и Шагинкерай-Хана (Schahinkeraichan), одного Башу (Пашу) Египетскаго, одного Сирійскаго изъ Алепа и по одному изъ Арзерума и Вана. Но Шахъ рѣшилъ, что для него славнѣе и приличнѣе будетъ, когда онъ выкажетъ себя милостивымъ по отношенію къ этѣмъ плѣннымъ, а по тому подарилъ каждому изъ нихъ по новому платью и коню, и отпустилъ ихъ съ миромъ отъ себя.

Послѣ этого Шахъ Абасъ девять мѣсяцевъ простоялъ въ Грузіи, гдѣ, въ области Сеггенъ (Seggen), лежащей въ срединѣ Грузіи, явился Тамерасъ Ханъ (Tameras chan), сынъ Симеона, съ войскомъ, и вздумалъ воевать съ Шахъ Абасомъ, но онъ потерпѣлъ сильное пораженіе и потерялъ множество своихъ подданныхъ. Сдѣсь Шахъ Абасъ заплатилъ своимъ воинамъ жалованье за цѣлый годъ; но когда онъ узналъ, что воины весьма много изъ этого жалованья истратили на табакъ, то во всемъ своемъ станѣ запретилъ употребленіе табаку, и даже приказалъ обходить палатки и изслѣдовать, не пахнетъ ли гдѣ табакомъ; уличеннымъ въ нарушеніи такого запрещенія рѣзали носъ и губы.

Одинъ Персидскій купецъ, не знавшій этого запрещенія, явился въ станъ съ 9 тюками табаку, въ надеждѣ нажить деньги, а вмѣсто того потерялъ жизнь. Шахъ, узнавъ объ его прибытіи, приказалъ табачнаго продавца, вмѣстѣ съ табакомъ его, взвалить на костеръ и сжечь.

Изъ Грузіи Шахъ Абасъ отправился въ Гилянъ, гдѣ приказалъ умертвить сына своего, Сефи Мирзу (Sefi Myrsa), о чемъ далѣе скажу подробно.

Узнавъ, что Тамерасъ Ханъ снова завоевалъ мѣстности, которыя Шахъ Абасъ задолго предъ тѣмъ отнялъ у него, и что онъ сталъ тамъ съ своею ратью, Шахъ вторично послалъ туда войско, назначивъ полководцами и начальниками въ немъ Али-Кули-Хана (Aliculichan), Магмедъ-Ханъ Каджара (Mahmedchan Katzar), и Мортуса-Кули-Хана (Mortusaculichan) Талишскаго, вмѣстѣ съ другими Ханами. Когда же этѣ Ханы возвратились, не исполнивъ дѣла, и объяснили, что непріятель слишкомъ силенъ, Шахъ въ негодованіи приказалъ казнить высшихъ начальниковъ. На другой годъ онъ самъ пошелъ съ великою ратью противъ Тамераса и поклялся, что если онъ одержитъ побѣду, то распродастъ всѣхъ жителей Грузіи, по абасу за человѣка; одинъ абасъ равняется Любецкой маркѣ или 8-ми грошамъ. Такъ какъ Шахъ Абасъ оказался побѣдителемъ и набралъ несчетное множество плѣнныхъ, то случилось однажды, что одинъ простой воинъ, поднявъ руку вверхъ съ 2-мя абасами, обратился къ Шаху съ такимъ требованіемъ: «Эй, Шахъ Абасъ, продай-ка мнѣ пару хорошенькихъ дѣвушекъ!» Шахъ вспомнилъ тутъ о своей клятвѣ и приказалъ выбрать этому воину двухъ лучшихъ дѣвицъ за два абаса. Въ то время множество Христіянъ выведено было изъ Гурзіи въ Испагань, которыхъ потомковъ и мы еще тамъ застали.

Около этого времени Шахъ получилъ изъ Вавилона или изъ Багдада письмо отъ одного тамошняго Подбаши (Unter Bassa) (младшаго Баши), по имени Бекиркега (Bekirkeha), который предлагалъ предать ему городъ, такъ какъ главный Баша въ Багдадѣ умеръ, а его, Бекиркегу, повысить не желаютъ и не удостоиваютъ предоставить ему это мѣсто, но хотятъ посадить на него совсѣмъ

сторонняго человѣка, то за это онъ вознегодовалъ на Турокъ и желаетъ отдачею города отмстить имъ свою обиду; и такъ, пусть только Шахъ придетъ и возметъ городъ. Шахъ Абасъ поспѣшно отправился съ войскомъ къ Вавилону; но когда онъ подступилъ къ нему, то гнѣвъ Бекиркеги уже прошелъ, можетъ быть, и по тому, что онъ получилъ удовлетвореніе; онъ не захотѣлъ исполнить своего обѣщанія и прислалъ сказать Шаху, что къ услугамъ Кизильбаши онъ не имѣетъ ни чего, кромѣ пороха и дроби. Въ отмщеніе за такое оскорбленіе Шахъ Абасъ далъ великую клятву: во что бы то ни стало добыть городъ, или онъ не отойдетъ живымъ отъ него. Онъ держалъ городъ шесть мѣсяцевъ въ осадѣ, и наконецъ зимою уже провелъ подъ него мину (въ чемъ Персіяне очень искусны), взорвалъ часть городской стѣны на воздухъ и приступомъ вошелъ въ него. Такимъ образомъ Шахъ взялъ городъ, а съ нимъ и Бекиркегу, котораго онъ приказалъ нагого зашить въ сырую бычачью шкуру, положить на дорогѣ и кормить ежедневно; высыхая бычачья шкура сжимается и страшно-мучительно сдавливаетъ человѣка. Случилось, что мимо несчастнаго проходилъ однажды Шахъ Абасъ. Бекиркега вскричалъ къ нему: «О Шахъ Эйманъ(Eimman)! Сжалься, Шахъ, надо мною и помоги мнѣ!» Шахъ отвѣчалъ: «А за чѣмъ ты не помогъ мнѣ и заставилъ меня посидѣть за городомъ? Оставайся же теперь въ этой бычачьей шкурѣ и околѣвай!» Сынъ Бекиркеги упалъ въ ноги Шаху и оправдывался тѣмъ, что онъ не принималъ ни какого участія въ неправдахъ отца; Шахъ смиловался надъ нимъ, обѣщалъ заступить ему мѣсто отца и, въ знакъ своей милости, назначилъ Правителемъ (Губернаторомъ) въ Ширасъ, такъ какъ мѣсто это лежитъ среди Персіи и вдали отъ границъ.

Годъ спустя Турецкій Султанъ снова послалъ войско, подъ начальствомъ Гафисъ Ахмедъ Паши, взять Багдадъ. Шахъ освободилъ этотъ городъ отъ осады и простоялъ цѣлые 5 мѣсяцевъ близъ него, воюя съ Турками. А такъ какъ въ то время было чрезвычайно жаркое лѣто и великій зной, то Турки не могли выносить такъ, какъ Персіяне, по тому въ войскахъ Турецкихъ распространилась зараза, похитившая у нихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Въ слѣдствіе сего Гафисъ Ахмедъ, не исполнивъ дѣла, принужденъ былъ возвратиться въ Царьградъ. Около этого времени

Шахъ приказалъ построить городъ Ферабатъ въ Масандеранѣ, поводомъ чему послужила прекрасная мѣстность при селеніи Тагона (Tahonà), гдѣ въ Каспійское море впадаетъ рѣка, обильная рыбою.

Едва только пробылъ Шахъ Абасъ два года въ покоѣ послѣ описанной сей часъ Вавилонской войны, какъ Турецкій Султанъ поднялся еще разъ, снова желая попытать своего счастья надъ городомъ Багдадомъ, и послалъ туда Халиль-Пашу съ 500,000 войска. Для освобожденія города отъ осады, Шахъ послалъ впередъ храбраго витязя Карджугай-Хана, съ нѣсколькими, тысячами отборныхъ воиновъ, а самъ пошелъ въ слѣдъ за нимъ съ многочисленною ратью. Сдѣсь опять непріятели бились до шести мѣсяцевъ; наконецъ однажды Карджугай-Ханъ, воспользовавшись выгоднымъ положеніемъ, двинулъ всѣми силами своими на непріятеля и выбилъ его съ поля, такъ что Халиль-Паша принужденъ былъ бѣжать вплоть до Нефджеда (Nefized). Шахъ Абасъ, который не присутствовалъ при этомъ сраженіи, а сидѣлъ въ городѣ Багдадѣ, услыхавъ о такой великой побѣдѣ, выѣхалъ верхомъ на встрѣчу Карджугай-Хану, и когда приблизился къ нему, всталъ съ коня и сказалъ: «Любезный мой Ага! Черезъ тебя я одержалъ побѣду, болѣе которой я не могъ бы вымолить у Бога! Поди, сядь на моего коня: я буду слугою твоимъ!» Карджугай-Ханъ отнѣкивался отъ такой великой чести, говоря: «Нѣтъ, мой повелитель, это не подобаетъ. Вспомни, что я рабъ твой, и не унижай себя такимъ образомъ!» То же сказали и другіе Ханы. Но Шахъ возразилъ: «Я такъ хочу, мнѣ это нравится!» И такимъ образомъ виновникъ побѣды долженъ былъ сѣсть на Царскаго коня, а самъ Шахъ прошелъ подлѣ него пѣшкомъ 7 шаговъ въ качествѣ слуги, что сдѣлали и другіе Ханы. Объ остальныхъ битвахъ, которыя Шахъ Абасъ счастливо и успѣшно предпринималъ противъ вторгавшихся Турокъ и для подавленія часто повторявшихся возстаній Грузинъ и Армянъ, равно какъ и о взятіи имъ, за 6 лѣтъ до своей смерти, у Португальцевъ, съ помощію Англичанъ, острова Ормуса, излагать сдѣсь было бы излишне.

Европейскіе монахи очень хвалили Шаха Абаса, говоря, что онъ былъ добрымъ другомъ Христіянъ, неоднократно посѣщалъ

Августинскій монастырь, который былъ тогда только что построенъ въ Испагани, приглашалъ монаховъ къ своему столу, даже иной разъ ночью, такъ что они думали не разъ, что Шахъ имѣетъ что либо противъ нихъ, и приглашенія его могли стоить имъ жизни, по чему, отправляясь на зовъ, они обыкновенно прощались навсегда съ остальною братіею, но, вмѣсто того, Шахъ сажалъ приглашенныхъ за столъ, дружески бесѣдовалъ съ ними, оказывалъ имъ всякое добро, надѣвалъ на шею ихъ Rosarium, и Pater Noster (четки), часто вздыхалъ и говорилъ: «Я не знаю еще, какою истинною дорогою пойду!», и за тѣмъ благоговѣйно читалъ свою Фатагъ (Fatah), молитву которой содержаніе находится при описаніи Вѣры Персовъ. Къ бѣднымъ онъ былъ чрезвычайно сострадателенъ и всегда имѣлъ бдительный надзоръ надъ злоупотребленіями въ продовольствѣ ихъ. Часто, выѣхавъ изъ какого ни будь города, переодѣтый, подъ другимъ видомъ, возвращался опять въ него, ходилъ на торжищѣ по хлѣбнымъ и мяснымъ лавкамъ, повѣрялъ вѣсъ и пойманныхъ имъ обвѣсчиковъ и обманщиковъ строго наказывалъ. Однажды, въ Ардебилѣ, онъ приказалъ засадить въ печь одного богатаго хлѣбника за то, что тотъ не хотѣлъ продавать хлѣба, говоря, что когда пріѣдетъ Шахъ Абасъ съ своими воинами, то онъ долженъ будетъ наполнить имъ горла хлѣбомъ, и по тому теперь долженъ беречь его; а одного мясника за обвѣсъ приказалъ повѣсить голою спиной на крюкъ, на которомъ вѣшалась говядина.

Онъ имѣлъ обычай раздавать бѣднымъ только изъ тѣхъ именно денегъ, которыя онъ получалъ въ подать съ домовъ терпимости. Онъ говорилъ обыкновенно: «Что дается бѣднымъ, то не должно быть вымогаемо у другихъ и собираемо противъ ихъ воли. Поддашные, конечно, не совсѣмъ-то охотно удѣляютъ изъ кошелька своего; но пѣтъ денегъ, охотнѣе отдаваемыхъ, какъ тѣ, которыя идутъ въ дома терпимости.»

Шаха Абаса также высоко славили за то, что онъ требовалъ всегда праваго суда и справедливости въ судилищахъ. Судей, которые съ тяжущихся брали Русветъ (Ruswet) или взятки (тайные подарки), онъ предавалъ поруганію и строго наказывалъ. Такъ однажды, узнавши, что Каси или Судья Испаганскій, по одному важ-

ному дѣлу, взялъ съ каждой изъ тяжущихся сторонъ по 15 туменовъ взятку (Ruswet), и за тѣмъ уговорилъ ихъ покончить дѣло добрымъ миромъ, Шахъ опредѣлилъ судьѣ слѣдующее наказаніе: велѣлъ посадить его на осла, лицомъ къ хвосту, надѣвши ему на шею, посверхъ его богатой одежды, внутренности только что убитой овцы; при чемъ судья долженъ былъ держаться руками за хвостъ осла, и въ такомъ видѣ водить его вокругъ по всему Майдану. Впереди его шелъ Джарджи или глашатай, который громко провозглашалъ: «Такъ Шахъ поступитъ со всякимъ, кто, чтобы покривить правдой, возьметъ взятку!» Послѣ такой торжественной ѣзды Каси былъ высланъ изъ города.

Хотя Шахъ Абасъ былъ иногда очень строгъ, но въ странѣ своей управлялъ мудро и съ пользою, и по отношенію къ своему отечеству заявилъ себя такъ, что подданные его, жившіе при немъ, и теперь еще вздыхаютъ, вспоминая о немъ.

Онъ имѣлъ 3-хъ законныхъ женъ и нѣсколько сотенъ Хасе (Chesse) или наложницъ, отъ которыхъ прижилъ 3-хъ сыновей и нѣсколькихъ дочерей. Сыновья у него были: Сефи Мирза, Ходабенде Мирза и Имамкули Мирза. Перваго, старшаго, онъ прижилъ отъ Христіянки, невольницы изъ Грузіи, и этотъ сынъ былъ почтенный и многими способностями одаренный. Князь этотъ, достигши мужескихъ лѣтъ, провѣдалъ, что одинъ Шемахинскій купецъ подарилъ отцу его чрезвычайно красивую дѣвицу изъ Черкешенокъ; эту красавицу Сефи Мирза просилъ у отца, чтобы ее воспитать въ будущую жену ему, на что отецъ, весьма любившій его за то, что тотъ умѣлъ всегда угождать ему, охотно согласился, и такимъ образомъ дѣвица та отдана была матери Сефи на присмотръ и воспитаніе. Съ этой женой Сефи Мирза прижилъ потомъ сына, по имени Самъ (Sam) Мирзу, который наслѣдовалъ въ правленіи дѣду; ибо Шахъ Абасъ приказалъ умертвить сына своего, Сефи Мирзу, хотя единственно по одному только подозрѣнію, какъ это окажется въ слѣдующей за симъ главѣ.

ГЛАВА XXXI.

О безвинной и мученической смерти, которой Шахъ Абасъ повелѣлъ предать сына своего, Сефи Мирзу, и что сталось съ исполнителемъ убійства.

Когда управленіе стараго Шаха Абаса для нѣкоторыхъ Хановъ дѣлалось чѣмъ далѣе, тѣмъ строже и тяжеле, то они подумывали, что лучше было бы, если бъ Абасъ отправился къ своимъ предкамъ, а сынъ его вступилъ въ правленіе. Въ такихъ мысляхъ они подбросили однажды въ домъ Сефи Мирзы письмо, въ которомъ высказывали свое негодованіе на черезъ чуръ уже долго зажившагося Шаха, и свое желаніе, какъ бы только поскорѣе поздравить его, Сефи, съ вѣнцомъ и скипетромъ. Но Сефи Мирза, какъ человѣкъ правдивый и честный, принесъ письмо отцу и открылъ ему гнусную измѣну, будучи въ высшей степени возмущенъ ею. Отецъ, хотя и былъ, по видимому, весьма доволенъ вѣрностію своего сына, но онъ не могъ освободиться отъ всякаго его подозрѣнія, и по тому впалъ въ такой страхъ, что по ночамъ по три раза мѣнялъ свое спальное ложе, и наконецъ пришелъ къ заключенію, что отъ такого страха своего онъ можетъ освободиться не иначе, какъ смертію своего сына. Когда по этому Шахъ отправился однажды въ Гилянъ со всѣми своими придворными, и въ Рештѣ одинъ наушникъ подтвердилъ еще подозрѣнія Шаха, сказавъ ему, что онъ замѣтилъ, будто нѣкоторые Ханы замышляютъ что-то съ Сефи Мирзою противъ него, Шаха, то этотъ послѣдній потребовалъ къ себѣ, помянутаго уже выше, главнаго Начальника надъ войсками, Карджугай-Хана, и приказалъ ему умертвить Сефи Мирзу. Карджугай-Ханъ палъ Шаху въ ноги, снялъ съ себя саблю и заявилъ, что желаетъ лучше самъ потерять голову, чѣмъ посягнуть на голову Ханскаго сына. Ибо, продолжалъ онъ: «оказанная мнѣ милость и благодѣянія отъ твоего дома такъ велики, что я не долженъ даже и помыслить что либо недоброе противъ твоей крови, а не только совершить такое великое злодѣяніе.» Карджугай-Ханъ былъ родомъ и по Вѣрѣ изъ Армянскихъ Христіянъ, въ дѣтствѣ похищенъ Татарами, обрѣзанъ и какъ невольникъ проданъ Шаху Абасу. Такъ какъ онъ обнаруживалъ въ себѣ добрую природу, честность и особенную

храбрость въ воинскомъ дѣлѣ, то ему дали ходъ, опредѣлили на службу и наконецъ онъ былъ назначенъ Сердаремъ или главнымъ начальникомъ войскъ всей Персіи; онъ одерживалъ также надъ непріятелемъ одну побѣду за другою, такъ что Шахъ Абасъ изъ любви къ нему всегда называлъ его Ага, т. е., Князь или Государь. Этотъ-то храбрый витязь былъ наконецъ постыднымъ образомъ умерщвленъ однимъ Грузинскимъ Княземъ, по имени Мауровъ (Maurow). Когда Карджугай-Ханъ описаннымъ образомъ отказался отъ убійства, то онъ былъ отпущенъ, а убійство поручено было одному Дворянину, по имени Бебутбеку (Bebutbek). Этотъ охотно согласился на злодѣяніе, пошелъ вооруженный на встрѣчу Сефи Мирзѣ, который возвращался съ купанья верхомъ на мулѣ, въ сопровожденіи только одного мальчика, и, встрѣтивъ его, хватилъ за узду мула и сказалъ: «Слѣзай, Сефи Мирза! По повелѣнію отца твоего, ты долженъ умереть.» Сефи Мирза всплеснулъ руками, взглянулъ на небо и, вздохнувъ, произнесъ: «Боже! Чѣмъ заслужилъ я такую великую немилость отца моего? Горе предателю, виновнику моей гибели! Но да исполнится воля Бога и Царя!» Въ это время Бебутбекъ вонзилъ хенджe (Chentze, или Punger), кинжалъ, который Персіяне носятъ спереди, за поясомъ, дважды въ грудь Князя, такъ что тотъ упалъ на землю и тутъ же умеръ. Тѣло его 4 часа оставалось лежать въ болотѣ. За тѣмъ, когда оно было открыто, поднялся великій вопль и плачъ по убіенномъ, не только супруги и родственниковъ убитаго Князя, но и всего населенія города Решта, котораго, частію по незнанію о повелѣніи Царя, сбѣжалось къ Царскимъ палатамъ множество, вознило о злодѣйствѣ, требовало мщенія и осужденія всѣхъ тѣхъ, кто были виновны въ пролитіи неповинной Царской крови. Ханы и знатные вельможи разбѣжались отъ страха и оставили Шаха одного. Страхъ Шаха, происходившій прежде изъ одного только подозрѣнія, теперь удвоился отъ такого злодѣянія: онъ не показывался никому и сокрылся на нѣсколько дней. Такъ справедливо то, что говоритъ Тацитъ (Ann. lib. 15, pag. 610, ed. Francofurti, 1592): «Facinorum recordatione nunquam timore vacuus.» Царица, мать Сефи Мирзы, прибѣжала къ Шаху съ распущенными волосами и жалобными воплями, забывъ опасность, которой она черезъ это могла подвергнуться, накинулась на Шаха, частію въ слѣдствіе великой сердечной скорби, частію

по безпамятству, частію же по тому, что за свою всегдашнюю разумность она пользовалась его особымъ расположеніемъ; она нанесла ему даже побои и сказала: «Ты, Царь кровожадный! За чѣмъ сдѣлался ты убійцей собственной твоей крови, твоего имени и цѣлаго Царства! Кто же теперь будетъ царствовать послѣ тебя? Своимъ дѣломъ ты предалъ страну свою врагамъ твоимъ. И чѣмъ мой нѣжный сынъ, такъ сильно любившій тебя, заслужилъ такую смерть?» И много подобныхъ жалобныхъ рѣчей Царица говорила Царю. Шахъ Абасъ сидѣлъ словно оцѣпенѣлый, и наконецъ, заливши слезами, сказалъ: «Ахъ, что жь мнѣ дѣлать! Мнѣ наговорили, что съ нѣкоторыми Ханами онъ замышлялъ измѣну противъ меня! Теперь ужь не поможешь: дѣло ужь свершилось!»

Что о дѣлѣ этомъ Шахъ такъ же сердечно сокрушался, какъ нѣкогда Александръ объ убіеніи своего вѣрнаго друга, Клита, можно ясно видѣть не изъ одного только собственнаго признанія, но изъ послѣдовавшей за тѣмъ жизни и дѣйствій Шаха: десять дней онъ не выходилъ на дневной свѣтъ, сидѣлъ въ глубочайшей печали и не отнималъ платка отъ глазъ; цѣлый мѣсяцъ почти ни чего не ѣлъ и не пилъ. Въ продолженіи цѣлаго года носилъ печальное платье, и во всю потомъ остальную жизнь ходилъ въ самой простой одеждѣ, въ которой не было и признаковъ великолѣпія одежды Царской. Сдѣсь можно привести то, о чемъ сѣтуетъ Курцій въ одномъ мѣстѣ (lib. 8, c. 4): «Male humanis ingeniis natura consuluit, quod plerumque non futura, sed transacta, perpendimus.» Природа въ подобномъ случаѣ сообщила человѣческимъ страстямъ то не доброе свойство, что онѣ впервые справедливо обсуживаютъ, или видятъ, не тогда, когда что либо можетъ еще случиться, но только тогда, когда уже случилось что либо. Мѣсто, гдѣ совершено убійство Сефи, Шахъ велѣлъ обвести длинною каменною стѣною, сдѣлалъ изъ него Asylum или убѣжище свободы, и опредѣлилъ туда щедрые вклады для ежедневнаго кормленія бѣдныхъ. Но все это не могло уже возвратить сына къ жизни.

Послѣ 10 дней Шахъ выѣхалъ изъ Решта, отправился въ Касвинъ, и тамъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ тѣхъ Хановъ, ко-

торые заподозрѣны были имъ въ участіи съ сыномъ, а также наушника и доносчика на сына: за столомъ онъ приказалъ подмѣшать имъ въ вино яду, и, напоивши ихъ, продержалъ ихъ у себя до тѣхъ поръ, пока тѣ не попадали мертвые.

Бебутбекъ хотя послѣ этого и былъ назначенъ Даругою (Daruga) въ Касвинъ, а наконецъ и Ханомъ въ Кескоръ, но готовность его къ умерщвленію помянутаго Князя не осталась не наказанною для него и семейства его. Такъ, спустя нѣсколько лѣтъ, когда Шахъ Абасъ пріѣхалъ къ нему въ Касвинъ, то велѣлъ ему отрубить голову собственному своему сыну и принести ее къ нему, Абасу. Печальный вышелъ Бебутбекъ отъ Шаха, но тѣмъ не менѣе долженъ былъ исполнить строгое приказаніе его, и принесъ ему голову своего сына. Шахъ спросилъ у Бебутбека: «Какъ чувствуетъ онъ себя послѣ этого убійства?—«Ты легко можешь понять это, Царь!» отвѣчалъ ему Бебутбекъ со слезами. «То былъ мой единственный, любимый сынъ, надъ которымъ я долженъ былъ совершить дѣтоубійство. Сердце мое разрывается на части!»—«Теперь ты знаешь, Бебутъ, что должно было испытать и мое сердце, когда я твоими руками умертвилъ моего сына. Но утѣшься: наши сыновья оба тамъ, а мы оба сдѣсь испытываемъ съ тобою одинаковую участь!»

Спустя нѣсколько времени послѣ этого, Бебутъ Ханъ одному изъ своихъ слугъ пригрозилъ неизбѣжною смертью за то, что этотъ послѣдній, подавая ему на одномъ знатномъ пиру, послѣ обѣда, воду для омовенія рукъ (у Персіянъ обычай обносить теплою водою всѣхъ послѣ обѣда), подалъ воду довольно горячую, такъ что обжегъ Бебуту руки. Этотъ-то слуга согласился съ однимъ изъ своихъ товарищей, имя котораго также значилось въ черномъ спискѣ, и котораго ожидала подобная же казнь, избѣжать какъ ни будь угрожаемой имъ бѣды, и по такому-то согласію они напали ночью на порядочно выпившаго господина своего, убили его и убѣжали.

Шахъ Абасъ не хотѣлъ было преслѣдовать убійцъ, если бъ только Ханы и другіе знатные вельможи не потребовали того настоятельно, говоря, что если подобное убійство оставить не на-

казаннымъ, то въ будущемъ ни одинъ господинъ, сказавшій гнѣвное слово въ раздраженіи, не будетъ безопасенъ отъ своихъ невольниковъ. По этому убійцы были разысканы и преданы смертной казни.

Хотя Шахъ, какъ сказали мы, довольно ясно обнаруживалъ великое раскаяніе въ погубленіи своего сына, тѣмъ не менѣе можно было опасаться, что подобную же печальную драму онъ разыграетъ когда ни будь и съ Самъ Мирзою, сыномъ убіеннаго. По этому его мать содержала его у себя втайнѣ и не хотѣла болѣе приносить его къ дѣду. Но Шахъ Абасъ дѣйствительно любилъ мальчика внука, желалъ, чтобы онъ уцѣлѣлъ и былъ Шахомъ послѣ него; ибо другіе сыновья его, Ходабенде Мирза и Имамъ-Кули Мирза (Imamculi Myrsa), будучи дерзки и дики въ обращеніи съ отцомъ своимъ, подпали подъ гнѣвъ Шаха, и одному изъ нихъ онъ приказалъ выколоть глаза, а другого ослѣпить раскаленнымъ желѣзомъ, отъ чего оба они сдѣлались къ правленію неспособны.

Для того же, чтобы и этотъ наслѣдникъ не слишкомъ-то скоро заявилъ себя, не былъ бы слишкомъ бодръ и боекъ, и не подавалъ бы подданнымъ очень большихъ наеждъ, Шахъ Абасъ приказалъ, чтобы каждое утро давали ему по пріему, величиною съ горошинку, одуряющаго и опьяняющаго опіуму (который, какъ было сказано уже, Персіяне во множествѣ изготовляютъ и часто принимаютъ). Мать же Самъ Мирзы, какъ говорили нѣкоторые, давала ему вмѣсто того Тиріакъ (Tyriac) и другія предохранительныя противоядія.

Зимою 1629 года по Р. Х. Шахъ Абасъ отправился въ Ферабатъ, въ Масандаранѣ, гдѣ постигла его болѣзнь, которою онъ и былъ одержимъ 40 дней. Подумали было, что Шаха отравили; по чему врачъ его, Гакимъ Юсуфъ, чтобы извлечь ядъ, предписалъ больному пробыть сперва въ теплой водѣ 8 дней, а потомъ 4 дня въ тепломъ молокѣ, сидя въ нихъ по шею. Но какъ лѣченіе это ни сколько не помогло, и Шахъ началъ уже помышлять, что приходитъ конецъ его, то онъ потребовалъ къ себѣ бывшихъ тамъ при немъ 4-хъ изъ своихъ совѣтниковъ и придворныхъ, именно: Иса-Хана

Курджибаши (Isachan Kurtzibasch), Сейнель-Хана (Seinelchan), своего Тушмаля (Tuschmal) или кухмейстера, Темиръ-Бека (Temirbek), Овогли (Owogli) и Юсуфа Агу, камердинера, и объявилъ имъ, что, какъ замѣчаетъ онъ, отъ этой тяжкой болѣзни онъ иначе не отдѣлается, какъ только смертью; за тѣмъ онъ началъ распоряжаться и приказывать, какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы пошли дѣла послѣ его смерти. Говорилъ имъ о состояніи Персидскаго Царства и о томъ, какъ опасно было бы послѣ его стерти, если бы правленіе поведено было безъ особой осмотрительности и осторожности, Что хотя оба сына его, Ходабенде и Имамъ-Кули еще живы, но они лишены зрѣнія и къ управленію по этому допущены быть не могутъ; въ слѣдствіе чего онъ желалъ, и такъ указалъ и въ завѣщаніи, чтобы старшій сынъ его старшаго сына, Сефи Мирзы (по его повелѣнію умерщвленнаго), Самъ Мирза, наслѣдовалъ престолъ, и по имени отца своего назывался Сефи. Исполнить это въ точности сказанные Совѣтники должны были обѣщать ему клятвенно, и хотя одинъ изъ его мнимыхъ предсказателей заявилъ, что Самъ Мирза процарствуетъ только 18 мѣсяцевъ, Шахъ пожалѣлъ объ этомъ, но тѣмъ не менѣе сказалъ: «Пусть процарствуетъ, сколько можетъ, хотя бы даже 3 дня, только бы на главѣ его былъ Царскій вѣнецъ, которой слѣдовалъ отцу его.»

Тѣло свое Шахъ Абаса велѣлъ предать погребенію въ особомъ, указанномъ имъ, мѣстѣ; для того же, чтобъ не знали, гдѣ онъ лежитъ, отвезены три гроба въ разныя мѣста, именно: въ Ардебиль, Мешедъ и Вавилонъ, и погребены тамъ. Большинство же полагаетъ, что тѣло его отвезено въ Вавилонъ и погребено тамъ въ Неджефѣ (Netzeff), гдѣ находится гробница Аали; ибо, при завоеваніи Вавилона, когда онъ ѣхалъ въ Куфу, къ Неджефу (Netzeff), и увидѣлъ тамъ прекрасную мѣстность, то сказалъ, что онъ желаетъ сдѣсь по смерти имѣть мѣсто вѣчнаго покоя. Такимъ-то образомъ умеръ Шахъ Абасъ въ 1629 году по Р. Хр., на 63 году отъ рожденія и послѣ 45 лѣтъ правленія.

По причинѣ враждебныхъ сосѣдей, Узбековъ, а равно и Гилянцевъ, весьма склонныхъ къ возстанію, смерть Шаха хранили въ тайнѣ цѣлые 40 дней, пока не взошелъ на престолъ новый Шахъ, и для этого, по указанію самаго же Шаха Абаса, употреб-

лена была слѣдующая хитрость: мертвое тѣло его, одѣтое въ платье и съ открытыми глазами, посажено на обыкновенное Царское мѣсто, прислоненное къ ковру. Позади ковра сидѣлъ Камердинеръ его, Юсуфъ Ага, говорилъ вмѣсто Шаха и давалъ отвѣты Темиръ-Беку, который по обыкновенію докладывалъ Царю о дѣлахъ просителей, и вообще являвшихся къ Царю лицъ; объявлялъ также рѣшенія, а иногда черезъ коверъ поднималъ и опускалъ руки мертваго Абаса, такимъ образомъ, что этѣ приходившія сторонніе лица, видѣвши Царя въ комнатѣ его только издали, вполнѣ были увѣрены, что онъ живъ еще.

Между тѣмъ Сейнельханъ поспѣшно отправился въ Испагань, къ Даругѣ Хозровъ Мирзѣ (Chosrow Myrsa), котораго Шахъ Сефи въ послѣдствіи произвелъ въ Ханы, ради его высокой честности, открылъ ему, что Шахъ Абасъ умеръ, и что его послѣдняя воля и завѣщаніе было таково, чтобы Самъ Мирза немедленно возведенъ былъ на Царство.

Шахъ Сефи.

Сейнельханъ съ Хозровомъ отправились въ крѣпость, въ Таберикъ Кале (Taberik Kale), гдѣ жилъ Самъ Мирза съ матерью, съ намѣреніемъ взять оттуда сына и посадить на Царство. Но страшно испуганная мать, подумавшая, что тутъ кроется новая измѣна, направленная противъ жизни ея сына, воспротивилась выдать сына, и хотя Сейнельханъ и Хозровъ настоятельно просили ее, подробно и убѣдительно разсказали ей въ чемъ дѣло, но ни коимъ образомъ не могли, уговорить ее отпустить сына. Пробывши такъ 3 дня и 3 ночи у дверей и видя, что возведеніе Сама Мирзы на престолъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, не терпѣло дальнѣйшаго отлагательства, сказанные вельможи сбирались было уже пригласить и другихъ вельможъ и насильно ворваться въ покои. Узнавъ о такомъ непремѣнномъ намѣреніи ихъ, мать Сама со слезами отворила двери, обратившись съ такими словами къ сыну: «Ступай, дѣтя мое, черезъ руки убійцъ твоихъ, къ отцу своему! Богъ да отомститъ за тебя!»

Когда Сейнельханъ и Хозровъ Мирза вошли во внутрь покоевъ, Самъ Мирза стоялъ въ великомъ страхѣ, дрожалъ и тре-

петалъ весь; они же тотчасъ упали ницъ передъ нимъ, и стали цѣловать ему ноги, съ пожеланіями благополучнаго вступленія на престолъ. Тогда только ужасъ матери и сына смѣнился великою радостію. Немедленно повезли они наслѣдника въ дворецъ Диванъ-Хане (Diwanchane), посадили его, по обычаю ихъ, на небольшой столъ, на Kalitzae ahdalet, или на коврахъ правосудія, какъ они называютъ ковры, которыми покрывается столъ, созвали знатныхъ вельможъ, возложили на Сама вѣнецъ, наименовавъ его Шахомъ Сефи, и, съ искреннимъ цѣлованіемъ его ногъ и пожеланіями всякаго счастія, поздравляли его со вступленіемъ на Царство.

ГЛАВА XXXII.

Какъ Шахъ Сефи началъ свое правленіе пролитіемъ множества крови, о чемъ приводится здѣсь и нѣсколько примѣровъ.

Говорятъ, что когда этотъ Шахъ явился на свѣтъ, то у него обѣ руки были полны крови, и когда Шахъ Абасъ услыхалъ это, то сказалъ: «Ну, этотъ молодчикъ помоетъ порядочно свои руки въ крови!», что дѣйствительно и случилось; ибо Шахъ Сефи тотчасъ же началъ свое правленіе множествомъ кровопролитій и тиранствовалъ такъ, какъ ни одинъ изъ бывшихъ въ Персіи Шаховъ въ продолженіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Такъ, по наущеніямъ стараго Канцлера Государства, выше помянутаго Рустамъ Хана, главнаго военачальника и правителя Тифлискаго, а также по совѣтамъ и другихъ лицъ, онъ, частію посредствомъ разныхъ исполнителей его воли, частію же собственною рукою, порубилъ саблею и умерщвлялъ всѣхъ тѣхъ, которые были съ нимъ въ кровномъ родствѣ, а также и людей, бывшихъ главнѣйшими начальниками по разнымъ частямъ управленія страной. Въ слѣдствіе такихъ кровопролитій онъ сдѣлался наконецъ до такой степени свирѣпъ и кровожаденъ, что не щадилъ ни друзей, ни недруговъ, и часто, по ничтожнѣйшимъ причинамъ, безжалостно мучилъ и убивалъ людей, какъ это видно изъ примѣровъ, которые я хочу разсказать здѣсь въ немногихъ словахъ. Началъ онъ съ своихъ кровныхъ

родственниковъ, и приказалъ меньшому брату своему, Тамасу Мирзѣ, рожденному отъ Хассе или наложницы, выколоть глаза и посадить, вмѣстѣ съ другими, выше упомянутыми ослѣпленными же дядями его, Ходабенде и Имамъ-Кули, въ крѣпость Алимутъ (Alamuth), находящуюся въ 3-хъ дняхъ пути отъ Касвина, и вскорѣ за тѣмъ велѣлъ сбросить ихъ съ этой крѣпости на скалу, говоря, что они живутъ на свѣтѣ безъ всякой пользы.

Послѣ этого Царскій гнѣвъ палъ на Курджибашу, зятя его Иса-Хана, съ тремя его сыновьями, и къ избіенію ихъ Шахъ нашелъ слѣдующій поводъ: Иса-Ханъ былъ потомокъ Магумеда и Аали; отецъ его, Сеидъ-Бекъ (Seidbek), при Ходабендѣ, былъ Ханомъ и Правителемъ Ардебильскимъ. При Шахѣ Абасѣ Иса-Ханъ оказалъ такое мужество и храбрость, что Шахъ сдѣлалъ его сперва Юсбашею или военнымъ начальникомъ, а потомъ, извѣдавъ и великую вѣрность его, женилъ даже на своей дочери. Послѣ этого онъ всегда находился у Шаха Абаса въ большомъ почетѣ и употреблялся по важнымъ дѣламъ. Въ правленіе Шаха Сефи онъ служилъ главнымъ начальникомъ надъ стрѣлками изъ лука, которыхъ Персіяне называютъ Курджибаши. Съ своею женою (сестрою отца Шаха Сефи), Иса-Ханъ прижилъ 3-хъ сыновей, прекрасныхъ дѣтишекъ, которыми мать гордилась по справедливости. Однажды, когда эта мать въ разговорѣ съ племянникомъ своимъ, Шахомъ Сефи, у котораго она была въ особомъ уваженіи, пошутила и спросила: «Какъ это случилось, что уже болѣе двухъ лѣтъ имѣя столько женъ, у него нѣтъ и признака, чтобы можно было расчитывать на новорожденнаго наслѣдника, а вотъ она одна родила своему мужу 4-хъ сыновей?» Шахъ Сефи, отвѣчалъ ей на это, что еще молодъ, процарствуетъ долго и очень еще успѣетъ въ это время прижить себѣ наслѣдника. На что тетка возразила: «Какъ можетъ поле, недостаточно воздѣланное, зеленѣть и приносить плоды?» замѣтивъ при этомъ, что если онъ, Шахъ Сефи, въ будущемъ не поведетъ себя лучше въ этомъ отношеніи, то дѣло можетъ дойти до того, что по смерти его, одинъ изъ ея сыновей получше, заявитъ себя на его мѣстѣ. Хотя тутка эта жестоко уязвила въ сердце Шаха, однако жь онъ тогда не далъ этого замѣтить. Но на слѣдующее утро три несчастные брата, изъ которыхъ стар-

шему было 22 года, среднему 15 и младшему всего 9 лѣтъ, потребованы были въ садъ, размѣщены тамъ въ разныхъ мѣстахъ и всѣ обезглавлены Али-Кули-Ханомъ Диванъ-Бекомъ. Головы ихъ Шахъ приказалъ уложить въ золотую покрытую чашу, въ которой обыкновенно подается къ столу рисъ и къ обѣду велѣлъ пригласить мать. Шахъ припоминаетъ ей вчерашній разговоръ, открываетъ чашу, вытаскиваетъ изъ нея за носы головы ея дѣтей, одну за другой, и говоритъ: «Смотри, вотъ дѣти плодовитыхъ родителей!» При такомъ неожиданномъ и страшномъ зрѣлищѣ несчастная женщина онѣмѣла и какъ бы оцѣпенѣла, оставшись неподвижною на своемъ мѣстѣ. Но увидя за тѣмъ, что лицо Шаха звѣрски искривилось, и полагая, что и ей тутъ же грозила неминуемая смерть, она упала на землю, дрожа всѣмъ тѣломъ, цѣловала ноги Шаха и сказала: «Все это хорошо, да живетъ Шахъ долго и долго!» Послѣ этого Шахъ отпустилъ ее, призвалъ отца убитыхъ дѣтей и, показывая ему головы ихъ, спросилъ: «Какъ это нравится ему?» Но Иса-Ханъ затаилъ въ себѣ глубокую скорбь и сказалъ: «Мнѣ это ни сколько не больно, и если бъ Шахъ мнѣ приказалъ снять ихъ головы, то я охотно исполнилъ бы его волю. Я не желаю имѣть вовсе дѣтей, если они не угодны Шаху.»

Это была почти такая же трагедія, какую нѣкогда разыгралъ Персидскій Царь, Астіягъ, съ хорошимъ другомъ своимъ, Гарпагомъ, давши ему на пиршествѣ цокушать мяса собственнаго его сына, и за тѣмъ приказавъ голову и руки убитаго поставить въ закрытомъ коробѣ передъ отцемъ. Открывъ коробъ, Царь спросилъ: «Ты видишь теперь, какую дичь ты ѣлъ: какъ понравилась она тебѣ?» На это Гарпагъ отвѣчалъ: «Онъ видитъ это хорошо, и ему нравится все, что бы ни сдѣлалъ Царь (Цѣлую исторію эту можно прочесть у Геродота кн. 1, гл. 119). Вспоминая это происшествіе, Сенека говоритъ о гнѣвѣ (de ira): «Quid hac adulatione profecit? ne ad reliquias invitaretur.» Такъ случилось и съ Иса-Ханомъ; ибо хотя онъ такою покорною рѣчью и спасъ на этотъ разъ жизнь свою, но вскорѣ послѣ того все таки поплатился своею головою, вмѣстѣ съ другимъ вельможею; а онъ былъ одинъ изъ лицъ, помогавшихъ возведенію Шаха на престолъ. Около этого времени Шахъ приказалъ также снять голову съ одного знатнаго Князя и совѣтника своего, Джира-Хана (Tzirrachan), именно по слѣдующей причинѣ.

Такъ какъ Шахъ Сефи былъ очень расположенъ къ Джира-Хану, и даже далъ ему въ жены одну изъ своихъ прислужницъ (наложницъ), то часто шутилъ съ нимъ. Однаджы, когда Джира-Ханъ, бывши въ банѣ, запоздалъ къ обѣду, и явился къ столу съ особенно краснымъ лицомъ, Шахъ спросилъ его: «Не по тому ли онъ замѣшкался такъ въ банѣ, что ужь очень прилѣжно послужилъ своей новой женѣ?» На это Джира-Ханъ отвѣчалъ: «Да, ты угадалъ, Царь! Я дѣйствительно позалежался съ женой, только не съ моею, а съ женою Маршала Агаси-Бека (Agasibek),» который тутъ же стоялъ предъ Шахомъ съ золотымъ посохомъ. Такой отвѣтъ устыдилъ Шаха, а къ стыду въ немъ примѣшался и гнѣвъ, такъ что онъ опустилъ глаза въ землю, молча поднялся съ своего мѣста и ушелъ въ свой покой. Джира-Ханъ, замѣтивши, что онъ не во время и далеко уже зашелъ своей шуткой, также всталъ и отправился домой. Шахъ принялъ къ сердцу не столько самый поступокъ нарушенія брачной чистоты, сколько то посрамленіе, которое, казалось ему, онъ понесъ отъ дерзкой рѣчи, такъ безстыдно высказанной относительно его и Агаси-Бека, въ присутствіи множества вельможъ. По этому, освѣдомясь, что Джира-Ханъ ушелъ домой, онъ потребовалъ къ себѣ Маршала и сказалъ ему: «Ты слышалъ, Агаси, какъ обезчестилъ тебя Джира въ твоемъ домѣ, и теперь еще издѣвается надъ этѣмъ, при чемъ не пощадилъ и меня; за это ступай сей же часъ и принеси мнѣ сюда его голову!» Агаси-Бекъ пошелъ въ домъ Джира; Шахъ же, пождавши нѣкоторое время и видя, что Агаси-Бекъ приходитъ и не несетъ головы Джиры, послалъ другого нарочнаго въ домъ Джира-Хана узнать, какъ идетъ тамъ приказанное имъ дѣло. Посланный воротился съ извѣстіемъ, что оба, Агаси и Джира, сидятъ себѣ вмѣстѣ въ веселой и пріятельской бесѣдѣ и пьютъ. Шахъ расхохотался и сказалъ: «Ja Kurrumsak! т. е., Ахъ ты, снисходительный рогоносецъ!» Но за тѣмъ смѣхъ его тотчасъ же смѣнился бѣшенымъ гнѣвомъ; ибо онъ считалъ, что неисполненіемъ его приказанія ему нанесено еще большее оскорбленіе, и по тому съ великою поспѣшностію онъ повелѣлъ, чтобы Диванъ-Бекъ, или главный Земскій Судья, по имени Али-Кули-Ханъ (братъ Хана Таврискаго, Рустама), отправился въ домъ Джиры, снялъ головы съ обоихъ собесѣдниковъ, и повергъ бы ихъ къ ногамъ его.

Агаси-Бекъ, по внушенію собственнаго сердца, или же по тайному извѣщенію кѣмъ либо о послѣдовавшемъ строгомъ повелѣніи Шаха, ушелъ отъ Джиры и скрылся такъ, что въ продолженіи нѣкотораго времени его нигдѣ не могли найти. Джира-Ханъ же, понадѣявшись на Царскую милость и на то, что ему и прежде не разъ сходили съ рукъ его дерзкія рѣчи, остался дома, отъ чего и лишился головы, которая и была принесена къ Шахскимъ стопамъ. Агаси-Бекъ спасъ потомъ жизнь свою помощію Sijaret-name, о чемъ подробнѣе скажу при описаніи Вѣры Персовъ.

Послѣ этого дѣло дошло до знатнѣйшаго Князя, Сейнель-Хана (Seinelchan), Царскаго Дворецкаго, который съ Иса-Ханомъ прилагалъ великіе труды и стараніе о томъ, чтобы возвести Шаха Сефи на Царство. Къ этому происшествію можно приложить старую пословицу: «Malum consilium consultori pessimum.»

Въ 1632 году, когда Шахъ Сефи возвращался съ Вавилонской войны, въ которой онъ прогналъ Турокъ, осадившихъ было городъ Багдадъ, и когда онъ расположился станомъ съ войскомъ своимъ у Гемедана (Hemedan), нѣкоторые Ханы и военные начальники, сопровождавшіе его, имѣли однажды между собою откровенный разговоръ о великомъ тиранствѣ и кровопролитіяхъ, совершенныхъ уже столь юнымъ еще Шахомъ ихъ. Сейнель-Ханъ, бывшій также между разговаривавшими, отправился къ Шаху, разсказалъ ему за тайну все, имъ слышанное, и далъ ему при этомъ совѣтъ, чтобы онъ, если только желаетъ царствовать въ безопасности, отрубилъ головы тѣмъ изъ бесѣдовавшихъ, которые пользуются между ними найбольшимъ уваженіемъ. Шахъ отвѣтилъ на это: «По этому я долженъ начать съ тебя, какъ съ моего Дворецкаго; ибо ты старѣйшій изъ нихъ и тоже былъ съ ними на бесѣдѣ. Точно также поступилъ и мой дѣдъ, который убилъ своего Дворецкаго, и потомъ царствовалъ благополучно.» Сейнель-Ханъ же сказалъ: «Царь! Хоть сдѣлать это легко и мнѣ, прожившему уже свой вѣкъ, но тому что все равно умереть сего дня, или завтра, но и по смерти моей отсутствіе мое будетъ тебѣ во вредъ. Что я говорилъ тебѣ, я думалъ только, какъ бы тебѣ было лучше.» Послѣ этого разговора Шахъ побѣжалъ къ своей матери, которая также находилась въ томъ же мѣстѣ (ибо у Персовъ и

нынѣ также, какъ и при Царѣ Даріѣ, существуетъ обычай, чтобы мать, жены и другіе родные, сопровождали Царя въ походахъ), и открылъ ей донесеніе и совѣтъ своего Дворецкаго. На слѣдующій день мать Шаха потребовала Сейнель-Хана къ себѣ въ палатку, чтобы вывѣдать у него, кто именно были злоумышленниками противъ Шаха, сына ея. Шахъ же, увидя, что Сейнель-Ханъ находится у матери его, выскочилъ изъ своей палатки и, подобно скорѣе безумному, чѣмъ разсудительному человѣку, не говоря ни слова, зарубилъ его на глазахъ матери своей, изъ недобраго ли подозрѣнія его въ сношеніяхъ съ матерью, или по иной злобѣ, которую онъ возымѣлъ на него.

Объ этомъ Сейнель-Ханѣ приведу здѣсь еще нѣкоторыя свѣденія. За свой свѣтлый умъ и вѣрность онъ былъ очень любимъ Шахомъ Абасомъ и часто отправляемъ въ качествѣ Посла къ разнымъ Государямъ, и однажды въ Лагоръ, къ Индійскому Царю, по дѣлу о спорныхъ границахъ Кандагара. Отправляя его по этому послѣднему порученію, Шахъ Абасъ, схвативъ себя за рубашку, такъ увѣщевалъ Сейнель-Хана: «Какъ рубашка эта плотно прилегаетъ на мнѣ, такъ и ты, Сейнель, долженъ крѣпко прилежать ко мнѣ, и въ вѣрномъ исполненіи моего порученія держать и вести себя такимъ образомъ, чтобы ни честь моя, ни мое достояніе, не потерпѣли черезъ тебя ни малѣйшаго ущерба.» Что Сейнель-Ханъ и обѣщалъ исполнить торжественно, и что онъ исполнилъ потомъ въ высшей степени достойнымъ образомъ.

Въ Индіи существуетъ обычай, что представляющіеся Царю должны привѣтствовать его глубокимъ земнымъ поклономъ и, припавъ къ землѣ, поднять руку надъ своею головою. Этотъ же Посланникъ, Сейнель, являлся къ Царю всегда не склоняясь, не сгибая своего тѣла и привѣтствуя Могола только своимъ: «Ssalom Alek!» Царю показалось это оскорбительнымъ, и онъ поручилъ своимъ придворнымъ склонить Посла, сперва дружественными увѣщаніями, а наконецъ и обѣщаніями дорогихъ отъ Царя подарковъ, чтобы онъ представлялся съ большимъ приличіемъ и выраженіемъ ему большаго уваженія. Когда же Посланникъ не подался ни на что, говоря, что въ этомъ случаѣ онъ долженъ строго соблюдать представляемую имъ высокую честь своего Царя,

которую онъ цѣнитъ выше всѣхъ сокровищъ Индіи, и что, де, Шахъ Абасъ довольно богатъ и можетъ съ избыткомъ одарить его, Сейнель-Хана, то Индійскій Моголъ придумалъ хитрость: приказалъ противъ самаго Царскаго престола устроить низкую дверь, для того, чтобы Персидскій Посланникъ, будучи довольно высокаго роста, проходя въ эту дверь, по неволѣ долженъ былъ наклониться передъ Царемъ. Но Посланникъ, подошедши къ этой двери, тотчасъ же придумалъ въ отпоръ свою хитрость: онъ повернулся и вползъ въ дверь задомъ. Это разсердило Могола до такой степени, что онъ не только не далъ Посланнику ни какого подарка, который обыкновенно бываетъ довольно цѣненъ, но не велѣлъ даже ничтожной вещи отпускать для него безъ денегъ, въ слѣдствіи чего Посланникъ, чтобы продовольствовать себя и спутниковъ своихъ, долженъ былъ продавать серебряную посуду отъ своего стола и золотыя сѣдельныя украшенія. Подобнаго чествованія и поклоненія Ѳивскій Посолъ не хотѣлъ тоже удостоить Персидскаго Царя, Артаксеркса; но такъ какъ онъ хорошо зналъ, что, по обычаямъ Персидскаго народа, отъ Царя ихъ нельзя было ни чего получить и достигнуть иначе, какъ являясь къ нему съ низкимъ поклономъ, о чемъ его также упрашивали, то онъ обронилъ передъ самымъ Царемъ съ руки перстень (которымъ обыкновенно украшаются Посланники) и, поднимая его съ полу, наклонился, и тѣмъ какъ бы оказалъ Царю знакъ своего къ нему уваженія. Такимъ поступкомъ онъ не нанесъ ни какого униженія и своимъ Греческимъ Правителямъ, какъ сообщаетъ о томъ Еліянъ (Aelian. Variar. histor. lib. 1, cap. 21).

Моголъ, въ письмѣ своемъ къ Шаху Абасу, крѣпко жаловался на такое неуваженіе, оказанное ему Посланникомъ; но Абасъ, хоть и сказалъ на это, что Моголу подобало бы оказать чести болѣе, чѣмъ сколько оказалъ ея Посланникъ его, но въ то же время онъ и одобрилъ дѣйствія Сейнеля, назначивъ его пожизненно Ханомъ или Княземъ надъ многими землями и народомъ, каковы въ Гемеданѣ, Теркизинѣ, Кульпеянѣ и проч.; лично же Сейнель постоянно долженъ былъ состоять при особѣ Шаха и быть ближайшимъ его совѣтникомъ.

Такую-то вѣрность Сайнель-Хана Шаху Абасу, а равно и оказанную имъ при воцареніи Сефи, самому Шаху Сефи, приводила

теперь на память мать своему сыну, укоряя его, какъ несправедливо поступилъ онъ, умертвивъ Сейнель-Хана. Шахъ же, хоть и дѣлалъ видъ, что раскаявается въ своемъ поступкѣ, по немного спустя разыгралъ такую же трагедію съ Eahtemad döwlet, т. е., съ Государственнымъ Канцлеромъ, Великимъ Маршаломъ и многими другими, также какъ и съ самою матерью своею. Такъ случилось, что во время того же путешествія Шахъ расположился станомъ своимъ у горы Сегендъ (Sehend), лежащей въ мили на югъ отъ Тавриса, и такъ какъ Ханы, сопровождавшіе его, по обыкновенію, лично должны были держать по ночамъ стражу поочередно у палатки Шаха, то очередь дошла однажды и до Великаго Маршала, по имени Угурлу-Хана (Ugurluchan), а онъ сидѣлъ въ это время на пирушкѣ у Государственнаго Канцлера, Талубъ-Хана (Talubchan), у котораго былъ также и Таватаръ (Tawattar) или Секретарь, Гасанъ-Бекъ (Hassanbek), съ однимъ стихотворцемъ. Въ это-то время пришелъ Кишикджибаши (Kischiktzibaschi) или Страженачальникъ, по имени Мортуса-Кули-Ханъ (Mortusakulichan), къ пирующимъ и звалъ Угурлу-Хана на стражу. Но Талубъ-Ханъ, желая подолѣе удержать у себя своихъ гостей, хотя Страженачальникъ настойчиво требовалъ очереднаго, не вытерпѣлъ и сказалъ: «Поди прочь! Шахъ дѣтя еще, и ты одинъ можешь замѣнить ему стражу; мы же старые, почтенные мужи, достаточно храбро и вѣрно послужившіе въ своихъ должностяхъ, какъ это извѣстно всякому, и насъ любилъ самъ Шахъ Абасъ!» Пользуясь такимъ уваженіемъ, Ханы эти позволяли себѣ свободу говорить иногда о томъ, что ихъ употребляютъ наравнѣ съ прислугою. Когда же Страженачальникъ все таки не хотѣлъ уйти одинъ, и сказалъ еще въ добавокъ обидное слово, то Талубъ-Ханъ приказалъ своему слугѣ силою выпроводить Мортузакули, что слуга ревностно и исполнилъ, хотя съ непоправимымъ вредомъ для своего господина. Раненый въ голову Мортуса-Кули прибѣжалъ къ Шаху съ окрававленнымъ лицомъ и разсказалъ ему, что случилось при нарядѣ стражи. Шахъ велѣлъ ему держать это дѣло въ тайнѣ, до дальнѣйшаго рѣшенія. На слѣдующій же день Государственный Канцлеръ является къ столу и занимаетъ тамъ свое обычное мѣсто. Шахъ подзываетъ его къ себѣ и спрашиваетъ: «Чего заслуживаетъ тотъ, кто пользуется хлѣбомъ и высокою милостію своего повелителя, и за это оказываетъ ему неуваженіе и при-

чиняетъ вредъ?» Канцлеръ отвѣчалъ: «Кто поступаетъ такъ— достоинъ смерти!»—«Ты такой человѣкъ и есть!» подхватилъ тутъ Шахъ, и высказалъ Канцлеру тѣ бранныя слова, которыя тотъ говорилъ Страженачальнику, а также и то, какъ онъ воспрепятствовалъ стражѣ ити на свое мѣсто, и какъ пораненъ былъ его Стражепачальникъ, и хотя Канцлеръ старался всячески оправдаться, но Шахъ схватилъ саблю и разсѣкъ ею Канцлеру брюхо, такъ что у того, бывшаго предъ Шахомъ на колѣняхъ и сидѣвшаго на пяткахъ, внутренности вываливались на колѣна. Талубъ-Ханъ разскипулъ только руки, жалобно вскрикпувъ: «На Padschah aimahn!» и упалъ на полъ. За тѣмъ Шахъ приказалъ одному Рикѣ (Rika—родъ слуги Царскаго, похожаго на палача и всегда съ топоромъ) изрубить голову Талубъ-Хана на мелкія части.

Одинъ изъ бывшихъ при этомъ Царскихъ юношей (пажей), при видѣ такого страшнаго зрѣлища, отвернулся въ сторону съ лицомъ, исполненнымъ выраженія ужаса; Замѣтивъ это, Шахъ сказалъ: «Какое слабое у тебя зрѣніе, что ты не можешь видѣть этого.» И тотчасъ же приказалъ выколоть ему глаза. Мѣсто Канцлера въ послѣдствіи отдано было Сару Тагге (Saru Tagge), у котораго мы и были.

Въ тотъ же самый часъ, когда зарубленъ былъ Талубъ-Ханъ, Шахъ послалъ главнаго Судью своего, Али-Кули-Хана, съ приказаніемъ принести ему голову Великаго Маршала, Угурлу-Хана. Маршалъ только что пришелъ изъ бани (ванны), и хотѣлъ было одѣваться, какъ вошелъ къ нему Диванъ-Бекъ, съ двумя прислужниками. При видѣ его Маршалъ испугался до глубины сердца и сказалъ: «Ахъ, братъ! Ты вѣрно принесъ мнѣ недобрую вѣсть!» Судья и Маршалъ были хорошіе друзья между собою.—«Разумѣется, любезный братъ! Eahtemad döwlet'a Шахъ зарубилъ самъ, и теперь непремѣнно требуетъ и твоей головы. Покорись же терпѣливо своему горю!» Въ слѣдъ за тѣмъ слуги схватили Маршала и отрубили ему голову; Али-Кули-Ханъ прорѣзалъ на щекѣ отрубленной головы дыру и, засунувъ въ нее палецъ, понесъ такъ ее къ Шаху, который потрогалъ ее палкою и сказалъ: «А, вѣдь ты былъ храбрый человѣкъ, и мнѣ жаль видѣть тебя въ такомъ положеніи. Жаль мнѣ твоихъ отличныхъ усовъ!» (У Маршала были

такіе длинные усы, что онъ ихъ заматывалъ на затылкѣ и концы ихъ снова приводилъ впереди лица). Но ты самъ лучшаго не желалъ!» На его мѣсто Великимъ Маршаломъ назначенъ въ послѣдствіи Страженачальникъ, Мортуса-Кули-Ханъ.

Въ тотъ же день обезглавленъ былъ 3-й гость, Секретарь Гасанъ-Бекъ, только за то, что онъ былъ съ тѣми на пирѣ. (На этотъ-то примѣръ указывалъ выше отецъ Іосифъ при увѣщаніи Бругмана). Стихотворцу же, какъ 4 гостю на пирѣ, въ слѣдствіе сдѣланнаго на него доноса, яко бы онъ описалъ въ стихахъ строгую казнь своихъ 3 собесѣдниковъ, и стихи этѣ пѣлъ на Майданѣ, приказано было на Майданѣ же обрубить носъ, губы, руки и ноги, отъ чего тотъ также вскорѣ умеръ.

Послѣ этого Шахъ потребовалъ къ себѣ сыновей обезглавленныхъ Хановъ и сказалъ имъ: «Я умертвилъ отцовъ вашихъ: что вы объ этомъ думаете?» Сынъ Маршала бойко отвѣчалъ: «Что въ отцѣ? Шахъ мой отецъ!» и ему подарены за это всѣ имущества отца его, которыя въ подобныхъ случаяхъ отходятъ къ Шаху. Сынъ же Талубъ-Хана, робкій по природѣ, стоялъ пораженный и не могъ ни слова отвѣтить Шаху: у него отняли все отцовское наслѣдство.

Немного спустя Шахъ отправился въ Касвинъ и приказалъ созвать туда Хановъ или Князей изъ всѣхъ областей, и всѣ Ханы явились, кромѣ Кандагарскаго, Алимерданъ-Хана (Alymerdan-chan) и Кенджскаго (Kentze), Даудъ-Хана, человѣка крутого; оба этѣ Хана послѣдовали правилу лисицы: «Quia me vestigia terrent, cuncta te adversium retro spectantia nulla.» Въ доказательство же того, что они пребываютъ вѣрными и доброжелательными Шаху, послали въ поручительство и залогъ отъ себя, Алимерданъ-Ханъ—свою мать, одну законную жену и сына, а Даудъ-Ханъ—тоже одну жену и сына. Когда Шахъ не удовольствовался этѣмъ и хотѣлъ, чтобы они явились къ нему сами лично, то Алимерданъ-Ханъ передалъ крѣпость Кандагаръ и самъ отдался подъ защиту Индійцевъ, а Даудъ-Ханъ, предостереженный присланнымъ отъ Шаха Ахтой (Achta, т. е., прислужникомъ или евнухомъ), посовѣтовался съ своими хорошими друзьями, созвалъ къ

себѣ знатнѣйшихъ горожанъ, разсказалъ имъ о страшныхъ злодѣйствахъ Шаха Сефи, и заявилъ при томъ, что гораздо безопаснѣе было бы жить подъ властію Турокъ, къ которымъ онъ и намѣренъ бѣжать, чѣмъ подъ рукою молодаго, кровожаднаго Шаха. Тѣхъ, которые были не согласны съ его мнѣніемъ, всего 15 человѣкъ, онъ тутъ же въ замкѣ зарубилъ саблею, послалъ въ отвѣтъ Шаху ругательное письмо, а самъ бѣжалъ въ Грузію, къ Князю Тамерасъ-Хану, на сестрѣ котораго былъ женатъ, а оттуда къ Туркамъ, въ Царьградъ, гдѣ и принятъ былъ ко Двору Султана, Ибрагима, съ большимъ уваженіемъ. Послѣ него Шахъ Сефи отправилъ женъ обоихъ Хановъ и мать Алимерданъ-Хана въ открытый непотребный домъ, предоставивъ каждому право безчестить ихъ свободно. Сына Даудъ-Хана, какъ publicum scortum, отдалъ конюхамъ; Алимерданъ-Ханова же сына, о которомъ упоминалось выше, какъ мальчика весьма краснваго, Шахъ удержалъ при себѣ.

За тѣмъ Шахъ Сефи выписалъ къ себѣ, въ Касвинъ, брата бѣжавшаго Даудъ-Хана, Хана Ширазскаго (Schiras), Имамъ-Кули-Хана (Imamkulichan). Этотъ, хотя и былъ предувѣдомленъ, что если явится въ Касвинъ, то лишится головы, все таки явился, говоря, что никогда не повѣритъ, чтобы ему, за его вѣрную службу, оказанную имъ Государству, суждена была такая награда; но если бъ это было и такъ, то все таки онъ желаетъ лучше не имѣть вовсе головы, чѣмъ имѣть немилостиваго Государя и быть ему непослушнымъ. Но только что онъ явился ко Двору, какъ, безъ всякой причины, вмѣстѣ съ сыновьями, былъ умерщвленъ изъ одной только злобы противъ Даудъ-Хана. Тиранъ оставилъ было дѣтей живыми, но въ то время, когда старшій изъ нихъ, по совѣту добрыхъ друзей, бросился цѣловать ноги Шаха, одинъ паушникъ ложно заявилъ Шаху, что это былъ сынъ не Имамъ-Кули, а Шаха Абаса; ибо Шахъ Абасъ отдалъ Имамъ-Кули-Хану въ жены одну изъ своихъ наложницъ, которая была, будто бы, беременна этѣмъ мальчикомъ. Какъ только Шахъ услыхалъ это, то приказалъ тотчасъ же несчастнаго юношу, вмѣстѣ съ [1] братъ-

[1] Въ подлинникѣ ошибкой 14. Прим. Перев.

ляли его, отвести на Майданъ къ трупу отца, гдѣ всѣ они и были зарублены саблями (15-го Сентября). Шестьнадцатый братъ (у Имамъ-Кули было 16 сыновей), остававшійся въ Ширасѣ, бѣжалъ въ Аравію съ своею матерью, гдѣ у нея былъ отецъ, одинъ изъ Князей, и теперь находится въ Геббисѣ (Hebbise), въ 3 дняхъ пути отъ Бесре или Балсары (Besre, Balsara), гдѣ и живетъ богатымъ господиномъ.

Трупы убіенныхъ лежали на Майданѣ три дня и три ночи, представляя страшное зрѣлище, надъ которымъ неотходно сидѣла старушка, мать Имамъ-Кули-Хана и горько плакала. Узнавъ объ этомъ, Шахъ велѣлъ зарыть трупы.

Этого Имамъ-Кули-Хана и теперь еще жалѣютъ Персіяне. Онъ былъ чрезвычайно тучный и дородный человѣкъ, обладавшій огромнымъ богатствомъ, но при этомъ былъ благотворителенъ. Какъ и отецъ его, Алаверди-Ханъ, который построилъ въ Испагани мостъ, былъ храбрый и разумный воинъ, и во всѣхъ походахъ противъ непріятеля всегда заявлялъ себя самымъ богатырскимъ образомъ.

Около этого же времени Шахъ умертвилъ одну изъ обитательницъ сераля (женскихъ покоевъ), и совершилъ много другихъ убійствъ, большею частію собственною рукою, такъ что о немъ какъ нельзя болѣе можно сказать то, что Курцій (lib. 8, §. 2) сказалъ объ Александрѣ, при убійствѣ имъ Клита: «Detestabile carnificis ministerium occupat Rex.» Когда уже онъ имѣлъ въ виду какое либо кровопролитіе, то обыкновенно одѣвался въ одежду краснаго цвѣта. По этому, когда видѣли его въ такой одеждѣ, то каждый трепеталъ отъ страха.

Въ слѣдствіе такого тиранства и пролитія крови Шаху тайно данъ былъ ядъ, который, впрочемъ, какъ недостаточно сильный, причинилъ ему только двумѣсячную болѣзнь. Оправясь отъ болѣзни, Шахъ старался разыскать виновныхъ въ отравленіи его, обѣщалъ богатые подарки за открытіе ихъ; по этому изъ женской половины (сераля) явилась прислужница, не поладившая съ другими, и объявила, что ядъ данъ былъ Шаху

изъ женскихъ покоевъ и зачинщицею въ томъ была яко бы тетка Шаха, вдова Иса-Хана. Послѣ сего на слѣдующую ночь во Дворцѣ слышны были страшно жалобные крики. Бильдары (Bildar) или землекопы разсказывали, хотя это было имъ строго запрещено, что Шахъ приказалъ будьто бы выкопать въ саду большую и глубокую яму, и зарыть въ ней живыми 40 женщинъ, женъ и дѣвицъ.

Около того же времени скоропостижно померла и мать Шахова: говорили, что умерла она отъ заразы. Но полагаютъ, что и она отправлена по одной дорогѣ съ сказанными 40 женщинами.

ГЛАВА XXXIII.

Какъ Шахъ Сефи дѣйствовалъ на войнѣ, равно о женахъ его и смерти.

На войнѣ Шахъ былъ смѣлъ и въ началѣ даже побѣдоносенъ; ибо въ Гилянѣ побѣдилъ Карибъ-Шаха (Karib Schach), однажды отбилъ Турокъ отъ Вавилона, и, хотя съ большею потерею и кровавою рѣзнею, но взялъ крѣпость Ирванъ. Но при этомъ дѣйствовали болѣе храбрые и опытные военачальники и слѣпое счастье, чѣмъ разумное побужденіе, которое рѣдко встрѣчается въ дерзкой смѣлости. Примѣръ такой смѣлости представляетъ осада крѣпости Ирвана. Простоявъ подъ нею цѣлыхъ 4 мѣсяца безъ военнаго успѣха, Шахъ Сефи, съ нетерпѣнія и отчаянія, рѣшился самъ лично войти въ крѣпость и подвергнуться опасности, говоря, что до этого Турки ту же крѣпость взяли въ 3 дня, а онъ понапрасну потратилъ столько времени, осаждая ее, и по тому желаетъ лучше потерять жизнь, чѣмъ отступить съ позоромъ. Въ слѣдствіе сего онъ обмѣнялся уже одеждою съ однимъ изъ слугъ своихъ, чтобы не быть узнаннымъ непріятелемъ. Ханы и военачальники знали, что безъ великаго кровопролитія крѣпость взять было не возможно; но, не дерзая сами очень-то противорѣчить Шаху, бросились къ матери Шаха, чтобы она какъ ни будь уговорила своего сына и воздержала отъ намѣренія, которое ни къ чему не приведетъ,

какъ къ непремѣнной гибели; такъ говорили они по тому, что для того, чтобъ овладѣть крѣпостью, такъ сильно защищенною, они должны были жертвовать своею жизнію, чего имъ вовсе не хотѣлось. Но на всѣ представленія матери Шахъ Сефи отвѣтилъ ей пощечиной, схватилъ бердышъ и насильно хотѣлъ было бѣжать на непріятеля. Тогда воинскіе начальники бросились къ ногамъ Шаха и умоляли его дать хотя день сроку, когда они всѣ сами пойдутъ и еще, въ послѣдній уже разъ, попытаютъ свое счастіе. Шахъ уступилъ, и на слѣдующій день вся рать и вся челядь, кто только могъ нести лукъ и стрѣлы, двинулись на приступъ: крѣпость была взята, но потеря простиралась до 50,000 человѣкъ. Но не много спустя послѣ этого, когда Шахъ Сефи извелъ всѣхъ лучшихъ Начальниковъ и Офицеровъ своихъ, онъ потерялъ городъ Багдадъ, 26 лѣтъ находившійся подъ владычествомъ Персовъ.

Самое достохвальное, что Шахъ Сефи сдѣлалъ въ свое правленіе, какъ говорятъ Персіяне, было то, что онъ освободилъ бѣдный людъ, который Шахъ Абасъ вывелъ изъ Ервана, Нахичевани, Халеджа (Chaletz) и Грузіи, числомъ болѣе 7,000 человѣкъ, въ Ферабатъ, возложивъ на нихъ тяжкія работы по постройкѣ нѣсколькихъ дорогихъ зданій. Сефи дозволилъ всѣмъ имъ возвратиться во своя си, но, къ сожалѣнію, возвратилось изъ нихъ домой менѣе 300 человѣкъ; ибо всѣ остальные перемерли, по причинѣ перемѣщенія въ непривычный для нихъ климатъ.

Шахъ сильно предавался пьянству, и кто походилъ на него въ этомъ отношеніи, того онъ наиболѣе и любилъ, какъ о томъ выше приведено уже нѣсколько примѣровъ. Кромѣ того, высшее удовольствіе было его страсть къ женщинамъ и охотѣ, и въ нихъ онъ упражнялся больше, чѣмъ въ правосудіи и правленіи, о которыхъ не очень-то заботился.

У него было 3 законныхъ жены: одна—дочь Полковника, бывшаго когда-то погонщикомъ ословъ, или прислужникомъ, который на ослахъ доставлялъ воду на Царскую поварню. Однажды прислужникъ этотъ добылъ Шаху Абасу, на охотѣ, во время сильной жары, свѣжую, прохладную воду, которой ни кто

не могъ достать ему, и за это Абасъ подарилъ ему въ собственность селеніе, при Нахичевани, Биловъ (Bilow), въ которомъ этотъ крестьянинъ родился. Разбогатѣвши потомъ, онъ взятъ былъ въ число важнѣйшихъ придворныхъ слугъ, и въ этой должности, отличившись на войнѣ, сдѣланъ былъ Минбашей или начальникомъ надъ 1,000 человѣкъ войска. Его-то дочь, чрезвычайно красивую и еще дѣвочкой, Шахъ Абасъ подарилъ вдовѣ умерщвленнаго сына своего, Сефи Мирзы, съ тѣмъ, чтобы воспитать ее въ будущія жены сыну ея, Саму (въ послѣдствіи Шаху Сефи). Другая законная жена его была Христіянка, дочь Тамерасъ-Хана, Владѣтельнаго Князя Грузіи, которая выдана въ замужство за Шаха при заключеніи мира съ Тамерасомъ. Третья жена была Черкасская Татарка, дочь Бике (Bikae) и сестра, такъ часто уже упоминавшагося мною, Князя Мусала (Mussala). Она привезена была ему уже въ нашу бытность въ Персію. Мать проводила ее до рѣки Быстрой (Büstrow) и приказала сказать Шаху, «чтобы онъ содержалъ ее не какъ простую наложницу, а тѣмъ менѣе какъ невольницу, но какъ свою законную жену, и оказывалъ ей ту же преданность и любовь, какою пользовалась въ юности Княгиня его, Шаха Сефи, собственная мать, которая, хотя и была ея, Княгини, невольница и часто надѣвала ей башмаки, но была любима ею, какъ родное дѣтя. Если бъ она, Княгиня, узнала теперь, что дочь ея будетъ терпѣть недобрую долю у Сефи, то лучше теперь же сама бросила бы ее въ рѣку Быструю (Büstrow), и утопила бы вмѣстѣ съ нею и несчастіе дочери, но она желаетъ надѣяться, что дочь ея ожидаетъ найлучшая участь.»

Кромѣ этѣхъ законныхъ женъ, у Шаха было 300 Хасе (Chasse) или наложницъ; ибо гдѣ только можно было отыскать и купить особенно красивую дѣвушку или невольницу, ее тотчасъ же добывали для доставленія Шаху. Ханы и знатнѣйшіе вельможи сами, чтобы снискать милость, представляли ему собственныхъ своихъ дочерей, или дочерей своихъ родственниковъ. Такъ, въ наше время поступилъ Шемахинскій Калентеръ, который, узнавъ, что его хотятъ удалить отъ этой должности, подарилъ Шаху дочь брата своего, Калентера Дербентскаго, а Государственному Канцлеру — порядочное количество денегъ, въ

слѣдствіе чего онъ опять вошелъ въ милость и остался на своемъ мѣстѣ. Дѣвицы, которыя нравились Шаху, долженствовали быть не старше 18 лѣтъ. Шахъ имѣлъ обыкновеніе, когда приказывалъ иногда въ Испагани пообслѣдовать дома Армянъ и забирать тамъ самыхъ красивыхъ дѣвочекъ, брать этѣхъ дѣвочекъ въ свой сераль еще до 12-тилѣтняго возраста, чтобы онъ былъ увѣренъ въ сохраненіи ихъ дѣвственности. По этому-то Армянскіе Христіане, желая сохранить своихъ дочерей, чуть только онѣ красивы, выдаютъ ихъ замужъ прежде, чѣмъ онѣ достигнутъ надлежащаго для замужства возраста.

Такъ какъ Шаховъ сераль очень богатъ женами, то часто случается, что онъ поспитъ съ какою ни будь изъ нихъ только разъ, а съ иною и вовсе не поспитъ. За тѣмъ нѣкоторыхъ, не очень-то ему нравящихся, онъ отдаетъ знатнымъ вельможамъ, желая оказать имъ особую милость, въ жены, которыя въ такихъ случахъ всегда содержатся въ большемъ почетѣ, чѣмъ обыкновенныя жены.

Что Шахи Персидскіе имѣютъ такое множество женъ и наложницъ, это составляетъ одинъ изъ древнихъ Восточныхъ обычаевъ: такъ и въ Св. Писаніи читаемъ, что у Соломона было 700 женъ и 300 наложницъ. Нѣкоторые полагаютъ, что свѣдѣніе это не должно понимать буквально, но что сдѣсь яко бы говорится о женщинахъ, которыя содержались и кормились при храмѣ и дворѣ, занимаясь разными работами: шитьемъ, вязаньемъ, вышиваньемъ и пѣніемъ. Но я держусь того мнѣнія, что то были дѣйствительныя жены и наложницы Соломона, къ которымъ сердце его было такъ склонно. Шахъ Абасъ имѣлъ немного развѣ меньшее число женъ; да и вообще Восточные народы очень пылки и сладострастны по природѣ. По смерти Шаха большинство его женъ постигаетъ обыкновенно очень печальная доля.

Шахъ Сефи умеръ въ 1642 году, послѣ 12-лѣтняго своего правленія, или скорѣе тиранства. Полагаютъ, что какъ онъ былъ страшный извергъ, не щадившій никого, ни изъ высшаго и низшаго состоянія, ни мужчинъ, ни женщинъ, ни совѣтниковъ

своихъ, ни придворныхъ, ни слугъ, ни даже собственныхъ родственниковъ своихъ, но всѣхъ ихъ умерщвлялъ, какъ собакъ, часто безъ всякой причины, иногда же и по причинамъ важнымъ, то ему поднесли ядъ, отъ котораго онъ и умеръ. Хотя обыкновенно говорится: «Frons est index mentis,» или, какъ говоритъ Овидій (lib. 2 De arie amandi, r. 378): «In vultu pignora mentis habet,» т. е., что вообще на челѣ можно прочесть, каковъ нравъ человѣка; однако, по наружности Шаха Сефи нельзя было узнать, какой страшно-тиранскій и кровожадный нравъ былъ у него; ибо у него было чрезвычайно любезное и милое лице. Онъ не носилъ, какъ другіе Персіяне, длинно-висящихъ усовъ, былъ средняго росту, съ соразмѣрно-сложенными членами. Очеркъ его лица и вида, какъ онъ былъ на первомъ нашемъ къ нему представленіи, я привожу сдѣсь, на прилагаемомъ изображеніи. [1]

Шахъ Абасъ II.

Въ бытность нашу въ Персіи мы не могли узнать, имѣлъ ли, и сколько именно, дѣтей Шахъ Сефи. Но когда, въ 1643 году, я еще разъ былъ въ Москвѣ, то узналъ отъ одного Персидскаго Посла, что царствовалъ тогда одинъ изъ сыновей Шаха Сефи, по имени Абасъ, тринадцатилѣтній отрокъ, который и снарядилъ того Посла (о которомъ упомянуто выше) въ Москву, къ Его Царскому Величеству, чтобы продолжить ту дружбу, которую Государь, отецъ его, укрѣпилъ съ Великимъ Княземъ. На престолъ вступилъ онъ въ Маѣ мѣсяцѣ, 1642 года. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ Шахѣ я не имѣю.

Вотъ все о Шахахъ, какъ правили они въ Персіи, одинъ за другимъ, въ продолженіи полутораста съ лишнимъ лѣтъ.

---

[1] Подлинника стр. 508 — 509. О Б.

ГЛАВА XXXIV.

О Ханахъ и ихъ управленіи въ областяхъ, и о томъ, какъ они обязаны служить Шаху въ военное время. Также о военномъ дѣлѣ и войскѣ Персіянъ.

Такъ какъ Персія, какъ говорилось нѣсколько разъ, есть великое и широко раскинутое Царство, раздѣляющееся на множество областей, то Шахъ управляетъ и творитъ судъ въ отдаленныхъ отъ столицы краяхъ черезъ своихъ Хановъ, Султановъ, Калентеровъ, Даруѣ, Визирей и Кауховъ (Kaucha).

Въ Ханы производитъ и сажаетъ въ областяхъ Шахъ, по своему усмотрѣнію, людей, отличившихся обыкновенно храбростію и другими доблестями, или инымъ чѣмъ, что считается наравнѣ съ доблестію и чѣмъ люди этѣ оказали какую ни будь услугу Шаху и отечеству; по этому-то такихъ людей часто множество находится на лицо во время войны и при другихъ обстоятельствахъ, и въ надеждѣ поскорѣе достигнуть сказанной чести, они подвергаютъ жизнь свою опасностямъ, и за тѣмъ производятся въ Князья. Но такое Княжеское достоинство въ Персіи не есть наслѣдственное, которое переходило бы по кровному родству на остальныхъ членовъ семьи. Хотя дѣти этѣхъ Князей сами по себѣ пользуются особымъ почетомъ и наслѣдуютъ даже имѣнія отцовъ, но за ними не сохраняются ни Княжеское титло, ни должности отцовъ ихъ, если сами они не выслужили этого собственными своими доблестями, или же если это не предоставляется имъ по особой милости Шаха.

Возведенному въ Князья Шахъ жалуетъ порядочное количество земли и людей, чтобы онъ могъ поддерживать свое Княжеское достоинство, и имѣніемъ этѣмъ онъ владѣетъ во все время своей жизни. Но чуть только онъ навлечетъ на себя подозрѣніе, или ненависть Шаха, то его тотчасъ же казнятъ, при чемъ нерѣдко, чтобы скорѣе и вѣрнѣе покончить, поступается съ ними, какъ поступилъ Александръ съ Парменіемъ (Curt. lib. 7, cap. 3), а именно: въ то самое время, когда Князь начнетъ читать

Шахову грамоту, его тотчасъ же убиваютъ саблею. За тѣмъ Шахъ отбираетъ себѣ назадъ и все его имѣніе. Въ каждой области состоитъ только по одному Хану и по одному Калентеру, которые имѣютъ свое постоянное пребываніе въ главномъ городѣ. Ханъ, какъ управитель Шаха, обязанъ чинить судъ и правду, а также приводить въ исполненіе свои рѣшенія, и очень рѣдко случается, чтобы на суды ихъ приносились жалобы Шахову Двору. Калентеръ то же почти, что казначей или сборщикъ въ области, обязанъ собирать доходы и доставлять ихъ Шаху, или Ханамъ, съ своею отвѣтственностію за нихъ. Даруга то же, что сельскій староста. Хановъ же и Султановъ Шахъ посылаетъ также и въ качествѣ посланниковъ къ иностраннымъ Государямъ, и снаряжаетъ ихъ въ такія посольства слѣдующимъ образомъ: онъ поручаетъ обыкновенно доставить иностраннымъ Государямъ богатые подарки, для чего половина этѣхъ подарковъ берется изъ Шахова казнохранилища, а другую половину, вмѣстѣ съ остальными припасами и потребностями по посольству, обязана доставить область, въ которой Ханъ управляетъ. При этомъ часто дѣлаются значительные подлоги и укрывательства.

Въ нѣкоторыхъ, и даже въ большей части областей, Ханы обязаны содержать для Шаха извѣстное число воиновъ, которые, вмѣстѣ съ Ханомъ, и употребляются имъ въ дѣло въ случаѣ надобности. Но за то съ этѣхъ областей въ Шахову казну не собирается уже ни какой подати, кромѣ той, которую доставляютъ Таможни. Ханы обыкновенно приносятъ Шаху, именно къ Новому Году, значительные подарки. Нѣкоторыя области, особенно гдѣ нѣтъ Хановъ, а только Даруги, какъ, напримѣръ, въ части Грузіи и въ городахъ: Касвинѣ, Испагани, Кашанѣ, Тегеранѣ, Гемеданѣ, Мешетѣ, Кирманѣ, Ормусѣ и проч., за неимѣніемъ Хановъ, нѣтъ и ни какого войска; но за то эти области и города обязаны платить Шаху большую подать.

Такъ какъ Ханы въ областяхъ, особенно прилежащихъ къ границамъ непріятельскимъ, обязаны всегда имѣть подъ рукой и на готовѣ нѣсколько тысячъ воиновъ, то по этому нетрудно наскоро поставить на ноги и въ поле значительную рать. И такой порядокъ крайне необходимъ; ибо Шахъ и на право и на лѣво

окруженъ сильными непріятелями и часто долженъ бываетъ воевать съ ними; такъ онъ воюетъ съ Узбецкими Татарами, внутри и на границахъ Хорасана, съ Индійцами, за Багдадъ или Вавилонъ и Ирванъ, и при этѣхъ-то послѣднихъ мѣстахъ и крѣпостяхъ очень часто происходили всякія кровопролитныя сраженія, изъ которыхъ то тѣ, то другіе, выходили побѣдителями и обладателями этѣхъ укрѣпленій.

Въ Латинской лѣтописи о Сарацинахъ (De Saracenorum moribus historiae. Anno 1550, t. 3, pag. 124) говорится, что сотня Персіянъ, по выѣздкѣ своихъ лошадей и по легкости воинскаго вооруженія, смѣло ходятъ противъ 400 Турокъ, и вообще Персіяне ловкій, быстрый народъ, всѣ на коняхъ, даже пѣхотинцы, которые въ дѣлѣ сходятъ съ лошадей и бьются, какъ наши драгуны, и вооружены мушкетами, которые впервые ввелъ Шахъ Абасъ. Конница же у нихъ вооружена луками, стрѣлами и метательными копьями. У Персіянъ есть и металлическія пушки, только они употребляютъ ихъ больше при защитѣ въ крѣпостяхъ, чѣмъ при осадѣ и въ битвахъ на ровномъ полѣ. Всякаго рода Stratagemata, передвиженія и хитрости Персіяне ловко употребляютъ противъ непріятеля; такъ, при осадѣ Ирвана въ 1633 году они придумали и изготовили маленькіе стеклянные пузырки, наполненные ядомъ, и прикрѣпляли ихъ на стрѣлы, которыми стрѣляли во внутрь крѣпости; отъ этого воздухъ въ крѣпости напитался до того ядомъ, что у осажденныхъ пораспухли головы, руки и ноги, такъ что они сдѣлались совершенно неспособными къ дальнѣйшему сопротивленію.

Названія ихъ Офицеровъ и военныхъ начальниковъ суть слѣдующія: Сердарь—главный ихъ полководецъ или главнокомандующій; Курджибаши—начальникъ надъ 10, или 12, тысячъ стрѣльцовъ изъ лука; Минбаши — начальникъ надъ 1000 человѣкъ войска; Юсбаши — надъ сотнею, и Онбаши — надъ десятью человѣками.

Если кто изъ этѣхъ чиновъ отличится храбростію и совершитъ какое ни будь отважное дѣло, того, кто бы онъ ни былъ, щедро надѣляютъ подарками и возводятъ въ почетныя должно-

сти, какъ свѣдѣтельствуетъ это Геральдъ (Heraldus) въ 1-й книгѣ, въ главѣ 9-й (Adversaria. Parisiis, 1599), и чему я самъ могу привести нѣсколько примѣровъ на извѣстныхъ мнѣ лицахъ въ царствованіе Шаха Абаса и Сефи. Такъ Аребъ-Ханъ (Areb), Князь Ширванскій, былъ сынъ одного крестьянина въ Серабѣ, въ началѣ служилъ смотрителемъ надъ орудіями; когда же отличился храбростію на войнѣ, и принесъ съ поля битвы нѣсколько Турецкихъ головъ, отрубленныхъ имъ собственною рукою, то возведенъ былъ въ Ханы и посаженъ на управленіе въ покоренной при этой войнѣ области.

Ага-Ханъ (Agachan), сынъ пастуха овецъ (овчара), оказавши отчаянную храбрость при взятіи Вана (Wann), сдѣланъ былъ Ханомъ надъ своей родиной.

Карджукай-Ханъ, сынъ Армянскаго Христіянина, проданъ былъ, какъ невольникъ, Шаху Абасу, который произвелъ его въ Ханы и полководцы, и по отраженіи непріятеля отъ Багдада былъ удостоенъ такой высокой чести, что самъ Шахъ сопровождалъ его, ѣхавшаго на лошади, какъ стремянный прислужникъ его.

Сальма-Ханъ (Salmachan), родомъ Курдъ, бывшій прежде конюхомъ, и подобные ему, о которыхъ болѣе или менѣе упоминалось уже неоднократно въ разныхъ мѣстахъ этой книги.

Еще, на примѣръ, Емиръ Куне-Ханъ (Kanechan), былъ сынъ пастуха, жившаго въ обба (obba) или овчарнѣ: онъ сражался подъ Ерваномъ съ такою храбростію, что, по завоеваніи этой крѣпости, Шахъ сдѣлалъ его правителемъ всей этой области. Шахъ Абасъ чрезвычайно любилъ его, какъ это видно изъ слѣдующаго происшествія: когда черезъ нѣсколько времени Турки снова осадили крѣпость Ерванъ и съ уропомъ должны были отступить, Шахъ Абасъ пришелъ въ крѣпость, сталъ пить съ Емиръ Куне-Ханомъ совершенно по пріятельски, и пилъ до полуночи, при чемъ Ханъ, порядкомъ охмѣлѣвшій, схватилъ Шаха за усы, расправлялъ ихъ, отдѣляя одинъ отъ другого, и поцѣловалъ Шаха, который и принялъ этотъ поцѣлуй совершенно милостиво; когда же на слѣдую-

щее утро разсказали Хану его продѣлку, о которой онъ съ пьяну ни чего не помнилъ, то онъ пришелъ въ ужасъ, повѣсилъ себѣ на шею саблю и пошелъ къ покоямъ Шаха (у Персіянъ есть обычай: если кто думаетъ, что будетъ лишенъ за какую ни будь провинность жизни, то вѣшаетъ себѣ на шею саблю для умилостивленія Шахо). Шахъ приказалъ позвать Емира Куне-Хана къ себѣ въ комнату; но этотъ послѣдній не пошелъ, говоря, что не достоинъ вступить въ Царскій покой. Тогда Шахъ вышелъ къ нему самъ, снялъ съ него саблю, и отдалъ ее ему обратно, въ знакъ своей къ нему милости; но при этомъ запретилъ ему пить вино, такъ какъ напившись, онъ не помнитъ, что дѣлаетъ. Въ послѣдствіи времени Емиръ Куне-Ханъ, въ сраженіи противъ Мавра (Mauro), пораненъ былъ въ руку, и пользовавшій его врачъ (по наущенію же Хана) заявилъ, что, для излѣченія раны его, ему не слѣдуетъ пить воду. Въ слѣдствіе этого Шахъ снялъ свое запрещеніе и прислалъ ему въ подарокъ цѣлую свору, именно семь верблюдовъ, навьюченныхъ дорогимъ виномъ. Такимъ образомъ Шахъ выказалъ свою особенную любовь къ этому храброму витязю.

Если же кто изъ воинскихъ начальниковъ (Офицеровъ) выкажетъ какъ ни будь трусость, не устремляется на непріятеля, на примѣръ, имѣвъ для того удобный случай, то такого, хоть и не казнятъ смертію, но подвергаютъ великому посрамленію. Такъ случилось однажды съ Хорасанскимъ Ханомъ, Али-Кули-Ханомъ, послѣ того какъ онъ не напалъ на непріятеля, когда (по показаніямъ другихъ людей) имѣлъ подъ руками подходящій къ тому случай; и за это онъ долженъ былъ цѣлый день проходить въ женской одеждѣ, съ открытымъ лицомъ, вездѣ по стану между воинами, какъ это подробнѣе изложено мною въ 1-й книгѣ Персидской «Долины Розъ», въ 4-й главѣ, при разсказѣ одного забавнаго приключенія съ Царскимъ сыномъ. Кажется, что это былъ древній Персидскій обычай трусливыхъ воиновъ обзывать бабьей ругнею; Геродотъ говоритъ (lib. 9, c. 106): «Apud Persas summo opprobrio datur audire se muliere esse ignaviorem.»

Но какъ вообще Персіяне скупы на правду, точно также и на войнѣ они неохотно держатъ слово; на это, слышалъ я, особенно сильно жаловались при послѣднемъ завоеваніи Ирвана,

именно, будьто бы они, выпуская изъ города осажденныхъ, въ противность даннымъ всѣмъ имъ обѣщаніямъ въ безопасности, совершенно ограбили ихъ.

Годичное жалованье простаго воина, именно Курджи, т. е., стрѣльца изъ лука, составляетъ 300 рейхсталеровъ, и на это онъ долженъ содержать себя и лошадь; мушкетеръ же или Тюфенкчи (Tüfenktschi) получаетъ 200 рейхсталеровъ въ годъ жалованья.

ГЛАВА XXXV.

О доходахъ и богатствѣ Персидскихъ Царей.

Ежегодные доходы Шаха простираются до громадныхъ размѣровъ и, по сдѣланной намъ смѣтѣ, составляютъ болѣе 8 милліоновъ рейхсталеровъ; ибо не только области и города платятъ значительныя подати, но чрезвычайно большія деньги доставляютъ также таможни и пошлины съ разныхъ преимуществъ (и подарковъ). Одна богатая область Кандагаръ, таможенными и другими сборами, даетъ до милліона рейхсталеровъ. Ирванъ и Вавилонъ вмѣстѣ немного меньше. По описи Дефтера (Defter) или Канцелярій было высчитано, что предмѣстья, мѣстечки и селенія около одной Испагани ежегодно приносятъ по 40,000 рейхсталеровъ; а такихъ мѣстностей, съ подобною же промышленностію въ Государствѣ, множество.

Въ царствованіе Шаха Тамаса отошли было многія таможни, вмѣстѣ съ областями, которыя Шахъ Абасъ возвратилъ снова Персіи, а Сефи увеличилъ еще пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ новыхъ. Не только на границахъ, но и внутри страны, въ главныхъ торговыхъ городахъ, во многихъ мѣстахъ, гдѣ имѣются устроенные проходы и мосты, всѣ жители, какъ туземные, такъ и иностранцы, должны платить извѣстную пошлину. Товары, особенно шелкъ, приносятъ огромный сборъ: съ каждой кипы шелку, производимой въ странѣ, Шахъ получаетъ по 10 рейхста-

леровъ; а Гилянъ, на пр., доставляетъ 8000 кипъ, Масандеранъ 2000, Ширванъ 3000, Грузія и Арменія 5000, Карабахъ 2000 кипъ, не считая уже Хорасана и другихъ мѣстностей, которыя, хоть и не столь значительны, но даютъ также хорошія партіи.

При продажѣ каждой лошади, или мула, Шахъ получаетъ по одному абасу или по 8-ми грошей, пошлины; за продажу осла половину этого, съ продажи быка четверть талера или 6 грошей, и съ продажи овцы, которыхъ во всемъ Государствѣ продается нѣсколько сотъ тысячъ, одинъ казбеки или девять пфенинговъ. Каравансераи, въ которыхъ проживаютъ купцы, доставляютъ 50,000 рейхсталеровъ; ибо въ одной Испагани 24 каравансерая, и каждый даетъ отъ 2-хъ до 3-хъ сотъ туменовъ. Всѣ роды торговли даютъ извѣстную пошлину. Обильная рыбою рѣка въ Гилянѣ приноситъ 20,000 рейхсталеровъ; нефтяные колодцы 4,000 рейхсталеровъ. Бани и непотребные дома приносятъ болѣе тонны золота. За орошеніе садовъ, именно за пространство въ 40 локтей длиной и въ 30 шириной, вносится 9 абасовъ. Одна рѣка Сендерудъ въ Испагани приноситъ до 16,000 рейхсталеровъ. Армянскіе Христіяне, которыхъ въ странѣ нѣсколько сотъ тысячъ, платятъ пошлины по два рейхсталера съ каждаго человѣка.

Все, что только провольствуется какъ ни будь и живетъ не Царскимъ жалованьемъ, платитъ значительную подать, также какъ всѣ повитухи и множество другихъ, занимающихся какимъ ни есть дѣломъ лицъ, которыхъ не могу и поименовать. Сдѣсь можно сказать то же, что говоритъ символъ Флавія Веспасіяна (Flavii Vespasiani Symbolum): «Lucri bonus ador ex re qualibet.» Ежегодные подарки Хановъ и другихъ служащихъ лицъ также приносятъ большое количество; ибо теперь, какъ и въ древнія времена, никогда, имѣющій какое либо дѣло до Царя, не смѣетъ являться къ нему безъ приношенія, хотя бы самаго ничтожнаго. Такимъ образомъ Царская (казна) палата сокровищъ имѣетъ весьма много каналовъ, которыми все лучшее, какъ бы самый мозгъ страны, стекаетъ въ нее, а въ то же время и другія низшія власти не упускаютъ и своего. По этому-то въ Государствѣ очень немного поддашныхъ, имѣющихъ большія имущества; ибо обыкновенно, какъ поясняетъ Императоръ Траянъ, при этомъ случается

подобное тому, что дѣлается при страданіяхъ селезенки, именно: когда она очень увеличивается, то другіе члены тѣла уменьшаются и изнемогаютъ.

У Шаха Сефи мы видѣли огромное множество золотой посуды, о чемъ подробно изложено при описаніи перваго представленія (аудіенціи). Шахъ Абасъ оставилъ послѣ себя одной только посуды изъ чистаго золота, употребляемой обыкновенно при обѣденныхъ столахъ и другихъ пиршествахъ, 3,600 фунтовъ, и посудой этой и теперь еще щеголяютъ потомки его на торжественныхъ обѣдахъ. Цари эти еще таковы и теперь, какими Персіяне были во времена Ксенофонта (Basileae, 1572, lib. 8, p. 190); онъ повѣствуетъ, что если у нихъ было много посуды для пиршествъ, то они считали уже, что обладали драгоцѣннымъ сокровищемъ. Подобное же говоритъ и Атеней (Lugduni Batav., 1597), будто древніе не только славились своимъ богатствомъ, сколько своею серебряною и золотою посудою для питья (чарами, чашами); такого же понятія былъ Пиѳій (Pytheas), житель Аркадіи, который на смертномъ одрѣ завѣщалъ, чтобы, для прославленія его, въ надгробной надписи его было сказано слѣдующее: «То былъ хорошій и разумный человѣкъ, имѣвшій множество сосудовъ для питья.»

ГЛАВА XXXVI.

О служащихъ при Шахскомъ дворѣ по судебной и придворной части.

Важнѣйшіе Шахскіе военные чины (Офицеры) и придворные люди, бывшіе при насъ, въ царствованіе Шаха Абаса, были ничтожные люди, которыхъ Шахъ Сефи, по избіеніи самыхъ знатныхъ и разумнѣйшихъ главныхъ начальниковъ, вывелъ изъ ничтожества и подѣлалъ великими сановниками. Большинство ихъ происходило отъ Христіянскихъ родителей; ибо Персіяне довѣряютъ Христіянину, совершившему надъ собою обрѣзаніе, болѣе, чѣмъ рожденному отъ единовѣрцевъ ихъ, Туркамъ же совсѣмъ не вѣрятъ. Между этѣми (Христіянами по происхожденію), а также

и между нѣкоторыми знатными людьми въ Государствѣ, Шахъ имѣетъ множество евнуховъ, съ тою цѣлію, чтобы по смерти ихъ, такъ какъ они умираютъ безъ кровныхъ наслѣдниковъ, имущества ихъ переходили къ Шаху. Мы застали людей, служащихъ при дворѣ, въ слѣдующихъ должностяхъ и порядкѣ:

1. Eahtemad döwlet, Государственный Канцлеръ и Тайный Совѣтникъ Шаха. Званіе это (титулъ) получаетъ онъ отъ того, что имѣетъ обязанностію увеличивать и блюсти Царскую казну или богатство. Это былъ какъ бы Vice-Rex, который, когда Шахъ поручаетъ ему на время управленіе, все судитъ и дѣйствуетъ во всемъ по своему усмотрѣнію въ цѣломъ Государствѣ.

Хотя всѣ придворные служащіе охотно принимали подарки и дозволяли подкупать себя, но болѣе всѣхъ бралъ этотъ Канцлеръ. Такъ какъ черезъ руки его шли не только Государственныя и областныя, но и важныя гражданскія, частныя дѣла, то всякій, желающій быть выслушаннымъ и приглашеннымъ къ нему, долженъ былъ приходить съ полными руками. Онъ даже требовалъ подарковъ тамъ, гдѣ не хотѣли понять, что ихъ желаютъ получить (даже отъ Иностранныхъ Посланниковъ). Все это дѣлалъ онъ съ совершеннаго соизволенія Шаха; ибо Сару Тагге (Saru Tagge) не только сдѣлалъ Шаха наслѣдникомъ своего имѣнія, но имѣлъ еще обычай однажды, а иногда и по нѣсколько разъ, въ годъ приносить Шаху богатѣйшіе подарки, съ торжественной обрядностію (процесіей). Черезъ это и другіе знатные вельможи, имѣвшіе дѣло до Шаха, побуждались являться къ нему съ полными руками. Такимъ образомъ въ этомъ Канцлерѣ Шахъ имѣлъ каналъ, или жирную корову, посредствомъ которыхъ онъ высасывалъ, или выдаивалъ, незамѣтными неправдами богатства страны. При этомъ Сарю Тагге не боялся, чтобы Шахъ, изъ желанія получить наслѣдство его, сократилъ его жизнь; послѣдній сдѣлалъ бы въ такомъ случаѣ одинаковую глупость съ тѣмъ человѣкомъ, который убилъ курицу, носившую ему ежедневно по одному золотому яйцу.

Имя Канцлера этого (какъ сказано уже) Сарю Тагге; онъ былъ сынъ писца (переписчика книгъ) и родомъ изъ Масандерана. Выше мы уже подробнѣе говорили о немъ.

2. Курджибаши, Глава или Начальникъ 10, либо 12-ти, тысячъ стрѣлковъ изъ лука (Заведенныхъ Шахомъ Измаиломъ I-мъ, и бывшихъ въ дѣлѣ, во время описанной выше Вѣроисповѣдной войны); стрѣлки этѣ живутъ вездѣ по областямъ, какъ вольные люди и, въ случаѣ войны, собираются и становятся подъ начальство названнаго Главы. Такимъ начальникомъ при насъ былъ Джани-Ханъ, простой слуга изъ Шамлю при Шахѣ Абасѣ, сынъ крестьянина по происхожденію.

3. Meheter, Каммергеръ, евнухъ, всегда состоящій при Шахѣ и около него на торжественныхъ собраніяхъ, въ Царскихъ покояхъ и сералѣ и прислуживающій въ качествѣ палатнаго слуги (камердинера). Сановникъ этотъ имѣлъ такую же власть, а иногда и большую еще, чѣмъ Государственный Канцлеръ говоритъ при Шахѣ. Онъ назывался Шанеферъ (Schanefer), родомъ изъ Грузинскихъ Христіанъ, похищенный въ юности и проданный Шаху Абасу; сдѣсь онъ былъ оскопленъ и служилъ, въ числѣ другихъ евнуховъ, при Шахѣ Абасѣ въ качествѣ комнатнаго прислужника (мальчика).

4. Wakenuis, Палатный или Домовый Совѣтникъ и Секретарь (Cammer-Rath), который пишетъ Царскія письма, высочайшія повелѣнія въ подвластныя земли и подобныя грамоты; онъ ведетъ также счетъ доходамъ и долгамъ Государства. Подъ его начальствомъ состоитъ 40 писцевъ; назывался онъ Мирза Масюмъ (Masüm), былъ сынъ крестьянина изъ селенія Дерменъ (Dermen), лежащаго на горѣ Ельвендъ, при Касвинѣ. Въ этой мѣстности находится два селенія, Дерменъ и Сару (Saru), изъ которыхъ выходятъ лучшіе писцы. Такъ какъ писцы этѣ должны стараться научиться красивому почерку, то по этому, на поляхъ этѣхъ селеній, у пастушьихъ хижинъ, часто видишь множество молодыхъ людей, сидящихъ и упражняющихся въ краснописаніи.

5. Diwanbeki, Высшій, Главный Судья, который производитъ судъ, иногда вмѣстѣ съ Седеромъ (Seder) и Каси, какъ съ судьями духовными, которыхъ Персіяне называютъ Шегра (Schehra), иногда же съ свѣтскими судьями. Онъ обязанъ также, когда Шахъ велитъ лишить жизни кого либо изъ знатныхъ вель-

можъ, самъ ити для исполненія такого велѣнія. Сановникъ этотъ, по имени Али-Кули-Ханъ, Грузинецъ, вмѣстѣ въ двумя своими братьями, Рустамомъ, Ханомъ Таврискимъ, и Исанъ-Ханомъ, Юсбашей Испаганскимъ, еще малыми ребятами, проданы были, во время войны съ Грузіей, однимъ воиномъ Шаху Абасу и были оскоплены.

6. Kulargasi, Начальникъ Куламовъ (Kulam), невольниковъ или слугъ, которые продаютъ себя въ воины на Царскую службу; ихъ 8,000 человѣкъ, и они также, какъ и Курджи (Kurtzi), живутъ разсѣянные по странѣ, на Царскомъ жалованьи, но несвободны отъ Государевой службы. Этотъ сановникъ, по имени Сіаусбеки (Siausbeki), былъ также Грузинецъ, захваченный Шахомъ Абасомъ и начавшій службу съ Царскаго прислужника (юноши).

7. Eischikagasi baschi, Великій Маршалъ, начальникъ надъ 40 Eischikagasi, изъ которыхъ одинъ, Имамъ-Кули-Султанъ, былъ Царскимъ Посланникомъ къ Его Княжеской Свѣтлости, Герцогу Голштинскому. Этѣ Eischikagasi хотя и живутъ въ разныхъ мѣстахъ Государства, но по 4, или по 5, человѣкъ изъ нихъ, по очереди, цѣлые полгода обязаны постоянно находиться при Дворѣ и прислуживать тамъ. Они обыкновенно находятся у дверей, черезъ которыя проходятъ къ Шаху, по чему и называются привратниками, и суть какъ бы Подмаршалы, помогающіе, въ отправленіи обязанностей, Великому Маршалу. При представленіи Иностранныхъ Посланниковъ Шаху, Eischikagasi baschi стоитъ обыкновенно съ посохомъ (жезломъ) и подводитъ Посланниковъ за руки къ Шаху, какъ это было выше описано при нашемъ представленіи. Бывшій при насъ Eischikagasi baschi сперва служилъ Страженачальникомъ (Wachtmeister); но когда, по доносу его, прежній Маршалъ былъ казненъ, то онъ занялъ его мѣсто; назывался онъ Мортуса-Кули-Ханъ (Mortusaculichan), а родители его были пастухи, жившіе въ палаткахъ или шалашахъ. Этотъ родъ людей называется у Персіянъ Тюркъ (Türk).

8. Jesaul Söhebet, Маршалъ для гостей, который завѣдываетъ размѣщеніемъ или указаніемъ мѣстъ, подобающихъ Иностраннымъ гостямъ и другимъ лицамъ, приглашеннымъ къ Шахскому

столу; по этому онъ всегда находится съ посохомъ или жезломъ у входа въ Царскія палаты. Зовутъ его Шагеверди (Schaheverdi); отецъ его въ настоящее время состоитъ Правителемъ Дербента (Губернаторомъ), а дѣдъ былъ сынъ крестьянина, родомъ изъ области Серабъ.

9. Nasir, Дворецкій (Гофмейстеръ), котораго Персіяне называютъ также и Kerekjerak, Подрядчикъ, Закупщикъ. Онъ завѣдуетъ всѣмъ тѣмъ, что закупается для содержанія Двора. Имя его Самамъ-Бекъ (Samambek), сынъ простаго Кашанскаго горожанина.

10. Tuschmal, Начальникъ надъ поварской (Кухмейстеръ), заботящійся о кушаньяхъ и завѣдывающій поварнею и поварскою прислугою. Это былъ оставшійся сынъ знатнаго Сейнень-Хана, котораго самъ Шахъ зарубилъ саблею. Шахъ Сефи назвалъ его, въ память отца его, Сейнель-Бекомъ.

11. Dawattar, Писарь, Секретарь, который всегда носитъ при себѣ Царскую чернильницу и обязанъ намазывать чернилами печать, которую Шахъ имѣетъ на шеѣ, и, въ случаѣ надобности, подаетъ ему для намазыванія. По этому и названіе это происходитъ отъ Dawat, письменный приборъ или чернильница, такъ какъ Персіяне печати свои обыкновенно смазываютъ чернилами и прикладываютъ на бумагѣ. Имя этого сановника, бывшаго при насъ, было Угурлу-Бекъ (Ugurlubek); онъ былъ сынъ Емиръ-Куне-Хана, Хана Ерванскаго, и должность эту получилъ послѣ того, какъ Шахъ приказалъ убить предмѣстника его, Гасанъ-Бека.

12. Myrachurbaschi, Главный Конюшій (Шталмейстеръ), по имени Али-Бали-Бекъ (Alibalibek), былъ изъ племени Сенкене (Senkene), лежащаго за Ельвендомъ; родители его торговали рогатымъ скотомъ.

13. Myrischikar, Начальникъ соколиной охоты, по имени Хозровъ Султанъ, изъ Армянскихъ Христіянъ, предподчительно предъ другими любимый Шахомъ.

14. Sekbahnbaschi, Завѣдывающій псовою охотой, по имени Кара-Ханъ-Бекъ (Karachanbek), происхожденіемъ же изъ Сенкене (Senkene), отъ Тюркъ и пастуховъ.

15. Jesaul Kor, Поѣздовый Маршалъ, ѣдущій верхомъ передъ Шахомъ и палкой разгоняющій народъ съ дороги. Онъ состоитъ подъ начальствомъ Великаго Маршала, а подъ своимъ начальствомъ имѣетъ еще одного Есаула (Jesaul), котораго посылаетъ на всякаго рода послуги, а иногда приказываетъ вязать и плѣнныхъ.

16. Suffretzi, Шахскій Кравчій.

17. Abdar, обязанность котораго подавать Шаху пить воду, которую онъ долженъ хранить въ запечатанной кружкѣ, чтобы нельзя было подмѣшать въ нее яду.

18. Chasinedar, Казначей или Начальникъ Царской кладовой.

19. Ambadar, Управляющій хлѣбными запасами Царскими.

20. Jesaul Nesar, служитель, оберегающій туфли Шаха, когда онъ входитъ въ залу.

21. Mehmandar, Приставъ при Иностранныхъ Послахъ, обязанный находиться при нихъ постоянно, во все время пребыванія ихъ въ странѣ.

Должности не столь значительныя суть:

1. Kischiktzibaschi, Страженачальникъ.

2. Tzabedar, Смотритель за орудіями.

3. Tzartzi, Передатчикъ повелѣній, которыя объявляетъ приказы Шаха и разноситъ ихъ между народомъ. Онъ ѣздитъ также впереди Маршала.

4. Tzelaudarbaschi, Начальникъ надъ тѣми, которые подводятъ Шаху коня и держатъ его, когда Шахъ садится верхомъ.

5. Mustofi, Дворцовый Писарь, имѣющій подъ своимъ начальствомъ нѣсколько другихъ писцовъ.

6. Seraidar, Зодчій или Хоромничій, завѣдывающій возведеніемъ и поддержкою зданій. Klitar, Ключникъ.

7. Muschriff, Поварской Писарь.

8. Cannati, Конфектчикъ.

9. Scherbedar, Смотритель надъ пряностями и конфектами.

10. Omatzdar, который учитъ Шахскихъ пажей (прислужниковъ изъ мальчиковъ) и другихъ придворныхъ людей стрѣлять въ цѣль; то же, что при другихъ Дворахъ Распорядитель увеселеній (Ballmeister).

11. Bildar, Лопатчики или Землекопатели, которые всегда служатъ при Дворѣ и сопутствуютъ въ путешествіяхъ при Шахской свитѣ, чтобы копать ступеньки или лѣсенки по не проѣзжимъ дорогамъ, или по крутымъ и скалистымъ мѣстамъ, гдѣ верблюдамъ, имѣющимъ закругленную ступню, бываетъ неудобно ити; они работаютъ также при разбитіи палатокъ и роютъ въ землѣ глубокія ямы, чтобы добыть въ пути воду.

12. Schatir, Слуги, и Rika, Топорщики, часто исполняющіе обязанности палача и проч.

Всѣ этѣ придворные слуги или служащіе, смотря по своему положенію, получаютъ богатое жалованье, выдаваемое имъ, впрочемъ, не изъ Царскихъ казнохранилищъ, а взимаемое ими съ областей и селеній. Такъ Ханамъ отдается для этого извѣстная область съ нѣсколькими селеніями и мѣстечками, а другимъ чинамъ одно, два, три, или болѣе селеній, съ которыхъ они собираютъ себѣ подать въ опредѣленномъ размѣрѣ и имѣютъ въ нихъ даже право суда (Jurisdiction), за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ. Нѣкоторые же получаютъ свое жалованье отъ извѣстныхъ пошлинъ, а другіе, наконецъ, подати съ домовъ терпимости.

ГЛАВА XXXVII.

О лицахъ, засѣдающихъ съ Шахомъ (о Совѣтникахъ); о судопроизводствѣ, судѣ и наказаніи преступниковъ.

Кажется, въ Персіи и теперь еще существуетъ обычай, о которомъ пишутъ: Страбонъ, въ 15-й книгѣ, на 505 страницѣ (Strabo, cum commentariis Casauboni et versione Xylandri. 1587), и Атеней (cum animadv. Casauboni. Lugd. Batav., 1597), въ 4-й книгѣ, стр. 144, именно: «Persae de rebus maximis inter pocula consultant;» ибо Персіяне обыкновенно, при совѣщаніяхъ и толкахъ о важныхъ дѣлахъ, всегда накрываютъ столъ, уставленный яствами и напитками. Когда мы являлись къ Шаху на первое и послѣднее торжественное представленіе, и къ Государственному Канцлеру на тайное совѣщаніе, то при всѣхъ этѣхъ случаяхъ столы, или залъ, уставлены были конфектами, послѣ которыхъ не замедлили слѣдовать разныя кушанья и круговыя чаши съ виномъ.

Когда Шахъ бываетъ за столомъ въ торжественныхъ собраніяхъ, или сидитъ на судѣ, то обыкновенно съ нимъ возсѣдаютъ 10, или 12, изъ исчисленныхъ сейчасъ придворныхъ людей, военныхъ начальниковъ и, кромѣ того, Седеръ, Минаджимъ и Гакимъ. Этотъ Гакимъ есть Придворный Врачъ (Leib-Medicus), указывающій Шаху, какое кушанье здорово и какое вредно ему. Минаджимъ есть Астрологъ, обязанный объявлять Шаху счастливые и несчастные часы для какого либо дѣла, предпріятія, или распоряженія; ему вѣрятъ, какъ прорицателю (оракулу), и по тому безъ его совѣта Шахъ рѣдко предпринимаетъ что либо. Седеръ есть духовный глава, какъ Папа въ Католической Церкви; онъ избирается Шахомъ и Каси, долженъ быть ученѣйшій мужъ, отлично знающій Алкоранъ и законы изъ Алкорана, и если къ нему обратятся съ вопросомъ, нетолько въ духовномъ, но и въ свѣтскомъ, судѣ (большею частію по дѣламъ уголовнымъ), то онъ обязанъ высказать свое мнѣніе. По его же мнѣнію составляется иногда и приговоръ. Нѣкоторые приговоры постановляетъ Седеръ самъ, и тогда онъ самъ же прикладываетъ и свою печать на другой сторонѣ его, и посылаетъ такимъ образомъ приговоръ къ Шаху, который

подписываетъ: «Это мнѣніе Седера, которое мы утверждаемъ,» и прикладываетъ также внизу свою судную печать.

Обыкновенныя гражданскія и государственныя дѣла производятся свѣтскими судьями, которые также должны быть обучены праву и называются Орфъ (Orff). Нальникомъ своимъ они имѣютъ Диванъ-Бека или главнаго Государственнаго Судью, который не менѣе долженъ быть свѣдущъ въ Магометанскихъ законахъ.

Судебные дни суть: Понедѣльникъ и Четверкъ, и въ Испагани по этѣмъ днямъ судьи собираются въ открытое со сводомъ зданіе, помѣщающееся подъ Дворцовыми воротами Царскаго дома, выслушиваютъ тамъ тяжущіяся стороны и важныя дѣла представляютъ на усмотрѣніе Шаха, при своемъ мнѣніи.

Преступники въ Персіи наказываются жестоко. Такъ какъ Персіяне вообще народъ довольно грубый, весьма склонный ко всякаго рода порокамъ и мало обращающій вниманія на наказанія мягкія, то по этому съ ними и обращаются нещадно. Роды наказанія у нихъ различны, и часто судьи придумываютъ ихъ сами по своему произволу: обрѣзаніе носа, ушей, рукъ и ногъ, отсѣченіе головы, изсѣченіе саблею, сдираніе кожи и тому под. считаются наказаніями неважными и самыми обыкновенными, которыя и прежде издревле были въ употребленіи у Персіянъ, какъ это явствуетъ изъ Марцелина. Кто изнасилуетъ женщину, если она подтвердитъ свое обвиненіе троекратною клятвой, того лишаютъ члена, которымъ онъ совершилъ преступленіе.

По Персидскимъ законамъ брать лихву воспрещается, хотя втайнѣ ихъ и берутъ немало. Если про кого пройдетъ слухъ, что онъ беретъ лихву, то съ нимъ обращаются презрительно, какъ съ Жидомъ, и его уже не допускаютъ ни въ какія важныя собранія. Если жь на кого поступитъ жалоба во взятіи лихвы, то того постигаетъ тяжкая кара. Въ Ардебилѣ одному Персіянину, обвиненному во взиманіи лихвы по полутору рейхсталеровъ въ мѣсяцъ, были выбиты молоткомъ зубы. Такого ростовщика, по способу ихъ выраженія, они называютъ Судхуръ (Sudchur), т. е., лихвоѣдъ. Напротивъ того, дозволяется за взятыя въ займы деньги

закладывать сады, поля и другія имущества, которыми и пользуется заимодавецъ, и если, по прошествіи опредѣленнаго условіемъ времени, залогъ не будетъ выкупленъ, то заложенное имущество дѣлается собственностію заимодавца.

Шахъ Абасъ и Шахъ Сефи употребляли иногда дикіе и страшные роды наказанія преступникамъ, какъ объ этомъ отчасти и неоднократно уже упоминалось. Такъ, на примѣръ, нѣкоторыхъ преступниковъ они приказывали класть между двумя досками вмѣстѣ связанными, и пилить ихъ пилою по поламъ.

Одинъ Царскій Посланникъ, по имени Тейнксъ-Бекъ (Teinksbek), котораго Шахъ Абасъ посылалъ въ Испанію, разогналъ многихъ изъ сопровождавшихъ его, и когда, по возвращеніи своемъ, онъ объяснилъ Шаху вымышленную имъ причину, по которой отъ него бѣжали многіе изъ его спутниковъ, а толмачъ разсказалъ Шаху причинунастоящую, заключавшуюся въ томъ, что Посланникъ чрезвычайно жестоко обращался съ своими спутниками, то Шахъ собственною своею рукою и ножемъ отрѣзалъ Посланнику носъ, уши и кусокъ мяса изъ руки, и заставилъ его съѣсть все это въ такомъ сыромъ видѣ. Посланникъ Имамъ-Кули-Ханъ, пріѣхавшій съ нами въ Голштинію, поступалъ немного лучше съ сопровождавшею его прислугою; такъ, на пр., одному онъ приказалъ водить по голой спинѣ раскаленнымъ желѣзнымъ прутомъ, другому колотить обухомъ топора по пальцамъ до того, что они обратились въ безобразную мякоть, и прочее, и проч., такъ что 6 человѣкъ бѣжали отъ него, а нѣкоторые изъ нихъ остались въ Голштиніи, другіе же черезъ Италію возвратились въ Персію. Говорили, что Посланникъ поплатился бы также за все это своею жизнію, если бъ за него не похлопоталъ у Царя Государственный Канцлеръ.

ГЛАВА XXXVIII.

О Вѣрѣ Персіянъ; о различіи отъ Турецкой и отъ другихъ Магометанскихъ Исповѣданій.

Я не стану здѣсь распространяться о томъ, какая Вѣра у Персіянъ была въ древности, какъ они почитали и обожали солнце (которое они называли Митра (Mythra), мѣсяцъ, Венеру и огонь. Свѣдѣтельства древнихъ писателей обо всемъ этомъ старательно собраны Брисономъ (Brissonius, De regio Persarum principatu. Parisiis, 1606, lib. 2, pag. 157), къ которому я и отсылаю благосклоннаго читателя. Я же хочу дать здѣсь понятіе о современной Вѣрѣ Персіянъ и обрядностяхъ оной.

Такъ какъ извѣстно, что современные Персіяне, также какъ и Турки, слѣдуютъ одному ложному ученію Магумеда и имѣютъ одинъ и тотъ же Алкоранъ, а въ то же время, ради же ученія, суть непримиримые враги другъ другу, то Европейскимъ Христіянамъ очень бы хотѣлось знать, въ чемъ именно состоитъ различіе между обѣими этѣми Исповѣданіями?

Сколько мнѣ извѣстно, ни кто еще не сказалъ что ни будь вѣрное и обстоятельное о Вѣрѣ Персіянъ. Хотя Бусбекъ (Epistolae legationis Turcicae. Parisiis, 1505), въ 3-мъ письмѣ своемъ, на страницѣ 190, и пишетъ, что уже изъ разговора, веденнаго съ нимъ однимъ Турецкимъ Визиремъ, можно заключать, какъ далеки этѣ исповѣданія одно отъ другого, а именно: Турокъ этотъ сказалъ, будто бы, что они, Турки, ненавидятъ и считаютъ Персіянъ невѣрными болѣе, чѣмъ Христіянъ. Но что же можно извлечь изъ такого свѣдѣнія? То же самое я долженъ сказать и о томъ, что писали объ этомъ Іовій, Бизаръ, Минадусъ, а основываясь на нихъ и другіе, также и Англичанинъ Ѳома Гербетъ, каковыя всѣ свѣдѣнія частію весьма скудны, частію ошибочны, частію же касаются только Магометанской Вѣры вообще. Я же намѣренъ изложить здѣсь такія свѣдѣнія, которыя я собралъ и дознался отъ самыхъ Персіянъ, частію устно, частію письменно, частію же изъ личнаго моего наблюденія.

Персіяне, также какъ и Турки, называютъ себя Мусельманами (Muselman), отъ Арабскаго слова Салама (Salama), которое само происходитъ отъ Еврейскаго מלם, означающаго: освободилъ, liberavit, спасъ, сокрылъ, или сохранилъ. Прозваніе это впервыеъ возникло отъ того, что, при распространеніи Магометанской Вѣры, преслѣдовали и избивали мечомъ всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли произносить и принять слѣдующій символъ: «Ia illah illalahu Mahumeda resul allah,» т. е.: «Нѣтъ иного, кромѣ единаго Бога, и Магумедъ Пророкъ (Apostel) Его.» Кто же принималъ этотъ символъ, тотъ спасался отъ опасности смерти, и того называли: «Muselman.» Теперь прозваніе это означаетъ только то, что кто исповѣдуетъ Магометанскую Вѣру и живетъ по ней, тотъ спасется. По этому они называютъ и дѣтей своихъ Мусельманами тотчасъ послѣ ихъ обрѣзанія. Обрѣзаніе же совершаютъ надъ дѣтьми семилѣтними, восьми и девятилѣтними, и для того, чтобы они не чувствовали боли при отнятіи у нихъ извѣстнаго кусочка кожицы спереди, ихъ поятъ сладкимъ опьяняющимъ напиткомъ. Въ этомъ во всемъ, равно какъ и въ томъ, что у нихъ одинъ Алкоранъ, Турки и Персіяне совершенно сходны другъ съ другомъ; различіе же ихъ далѣе состоитъ именно въ слѣдующемъ:

1. Не въ одинаковомъ толкованіи Алкорана.
2. Въ различіи Имамовъ и Святыхъ.
3. Въ различіи церковной обрядности и обычаевъ.
4. Въ различіи чудесъ, совершенныхъ Святыми тѣхъ и другихъ.

Все это первоначально произошло отъ того, что Магумедъ въ завѣщаніи своемъ назначилъ Аали, племянника и зятя своего (Аали былъ сынъ брата Магумедова, и Магумедъ выдалъ за него свою дочь, Фатиму), своимъ наслѣдникомъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ, управленіи. Тесть же Магумеда, Абубекеръ, (Abubeker), а потомъ Омаръ (Omar) и Одсманъ (Odsman), будучи богатыми и сильными Князьями, весьма много способствовавшими величію Магумеда и распространенію его ученія, захватили престолъ для себя и царствовали на немъ, одинъ послѣ другого, выдавая, яко бы Магумедъ предоставилъ престолъ имъ; въ завладѣніи престоломъ имъ помогало также расположеніе и другихъ

знатныхъ вельможъ. Все это крайне было прискорбно для Аали и его родственниковъ, и хотя Аали воспротивился было сказаннымъ искателямъ престола, но, не будучи достачно богатъ и силенъ, долженъ былъ уступить и допустить, что ему предпочли Абубекера, Омара и Одсмана; онъ даже долженъ былъ перенести и то, что Абубекеръ отнялъ у него все его наслѣдственное имущество, говоря, что кто несетъ тягость управленія, тотъ долженъ обладать и имуществомъ.

Только по смерти сказанныхъ 3 Халифовъ Аали получилъ Калифатъ и правленіе, при чемъ онъ велъ великія войны, и оказалъ въ нихъ богатырскіе подвиги, какъ это видно изъ 1-й книги Ельмацина (Elmazin, in Historia Saracenorum Arabica. Lugduni, 1625, lib. 1). Хотя Аали и отвергъ нѣкоторые изъ законовъ, изданныхъ прежними тремя Калифами, и старался объяснить изъ Алкорана и нѣкоторыя положенія Магумеда, но тѣмъ не менѣе онъ оставилъ Алкоранъ неизмѣннымъ, со всѣми точными законами Магумеда. Такимъ образомъ, въ цѣлой Аравіи, Турціи и Персіи была одна Вѣра до 1363 года по Р. Х., когда въ Ардебилѣ появился одинъ ученый мужъ, по имени Софи (Sofi), который говорилъ, что происходитъ онъ изъ рода Аали, есть потомокъ одного изъ сыновей Госсейна, по имени Мусаи Касима (Musai Kasim); мужъ этотъ представлялся человѣкомъ великой святости и высокаго ума, по чему и называлъ себя Шихомъ (Schich), велъ строгую жизнь, держалъ себя такъ, какъ будто бы онъ не ставилъ ни во что ни свѣтъ, ни его великолѣпіе (пышность), ходилъ въ бараньемъ тулупѣ, не хотѣлъ надѣвать на себя ни какой шелковой одежды, а носилъ только шерстяную. По этому, нѣкоторые полагаютъ, что такъ какъ Арабское слово Суфъ, صوف Suff, означаетъ шерсть, то онъ собственно и долженъ называться Софи; но на это я могу сказать также, что такъ какъ онъ имѣлъ блѣдный, бѣлый, цвѣтъ лица (какъ говорятъ о немъ), то онъ могъ получить свое имя и отъ Персидскаго и слова Сефидъ, سفيد Sefid (бѣлый, блѣдный), тѣмъ болѣе, что нѣкоторые называютъ его и Сефи (Sefi). И это послѣднее согласно съ обыкновеніемъ Персіянъ давать названіе по цвѣту, какъ, на примѣръ, имя Сару Тагге, означающее желто-красный. Во всякомъ случаѣ, настоящее имя его, полученное имъ при обрѣзаніи, было Софи.

Софи теперь началъ открыто учить и писать, что первое наслѣдованіе Калифата долженствовало достаться Аали, какъ племяннику, зятю и истинному наслѣднику престола Магумеда; что честь эту у Аали и всего его рода, а по тому и въ поруганіе самаго Магумеда, отняли хищническимъ образомъ Абубекеръ, Омаръ, и Одсманъ, за что Богъ сильно прогнѣвался и повелѣлъ ему, Софи, надѣливъ его всевозможными для того дарами, возстановить честь Аали, такъ долго лежавшую во прахѣ (презрѣніи). Въ доказательство того, что Аали былъ истинный служитель Божій и чудотворецъ, Софи приводилъ множество чудесъ, который тотъ совершилъ и которыя Турки доселѣ держали въ тайнѣ. Аали же сдѣлалъ и законное или истинное толкованіе Алкорана, которое наслѣдникъ и послѣдователь его, Джаферъ-Садукъ (Tzafersaduk) оставилъ въ писаніяхъ. Въ этомъ толкованіи (Commentario) было нѣсколько законовъ, которые не согласовались съ законами, принятыми Турками по толкованію Ганифе (Hanife), но которые были лучше, сноснѣе этѣхъ послѣднихъ. Персіяне, какъ народъ вообще склонный ко всякой новизнѣ, толпами послѣдовали за Софи, приняли его ученіе и обрядность, которую онъ установилъ нѣсколько иначе, и наконецъ совсѣмъ отдѣлились отъ Турокъ, которымъ это было крайне прискорбно, и они тѣмъ еще пуще стали преслѣдовать Персіянъ мечомъ. Персіяне же, въ свою очередь, все болѣе и болѣе возвеличивали своего Аали, и прибавили, къ помянутому выше символу, еще слѣдующія слова: «Asly Welli alla» (praefectus, adjutor Dei, помощникъ Божій), такъ что символъ этотъ произносится теперь у нихъ такъ: «Ни кто другой, какъ единый Богъ, Магумедъ Пророкъ Божій и Аали вѣрный помощникъ Божій и правитель.» Персіяне говорятъ даже такъ: «Хотъ Аали и не самъ Богъ, но близокъ очень къ Божеству, и яко бы Алкоранъ, который Богъ хотѣлъ дать Аали, только по ошибкѣ попалъ въ руки Магумеда.» Этѣмъ они возвеличиваютъ Аали даже надъ Магумедомъ. А въ Персидской молитвѣ, которую церковникъ (Küster) ихъ выкрикиваетъ, когда, стоя на крышѣ церкви, сзываетъ Правовѣрныхъ на моленье, Абубекеръ, Омаръ и Одсманъ, предаются проклятію и посылаются въ преисподнюю самыми поносными словами. У нихъ также въ ходу слѣдующая бранная поговорка: «Kiri sek der deheni Abubeker, Omar Hanife bad!» (Testiculi canini sint super osillorum!), Поговорка эта — ужасъ для ушей

Турокъ, возбуждаетъ въ нихъ сердечную злобу противъ Персіянъ, въ особенности еще и по тому, что потомки Шиха Сефи, каковы, на примѣръ, Седединъ (Sedredin), Джинидъ (Tzinid) (a quibusdam Gutnet dictus), Айдеръ (Aider), и другіе, ревностно распространяли возникшее вновь ученіе, привлекли къ себѣ множество народу и сдѣлались могущественны до такой степени, что подѣлались наконецъ Царями, и такимъ образомъ изъ Шиховъ сдѣлались Шахами.

Такъ какъ Персіяне такъ высоко ставятъ Аали и приписываютъ ему небесныя добродѣтели и божескія силы, то и его потомки, которымъ, какъ бы по наслѣдству, сообщается доля его святости и чудесной силы, пользуются у нихъ большимъ, чѣмъ обыкновенные люди, почетомъ. По этому Персіяне начали посѣщать ихъ гробницы, молиться у нихъ съ большимъ благоговѣніемъ и приносить туда богатыя жертвы.

Аали оставилъ двухъ сыновей: Гасана (Hassan), и Госейна (Hossein), а отъ этого послѣдняго рождены: Сейнель Абединъ (Seinel Abedin), Магумедъ Багуръ (Mahumed Bagur), Джаферъ Садукъ (Tzafer Saduk), Муса Касумъ (Musai Kasum), Риза (Risa), Магумедъ Тагги (Mahumed Taggi), Алли Нагги (Alli Naggi), Госейнъ Аскери (Hossein Askeri), и Мегеди (Mehedi). Изъ всѣхъ этѣхъ лицъ Гасанъ, Сейнель, Абединъ, Магумедъ Багуръ, Магумедъ Тагги и Алли Нагги, погребены въ Мединѣ; Джаферъ Садукъ въ Вавилонѣ, а Госейнъ, Муса Касумъ и Госейнъ Аскери въ Кельбула или Куфѣ. Мегеди же не умиралъ, но ушелъ въ пещеру близъ Куфы, оставивъ у входа ея только башмаки свои, для того, чтобы передъ Страшнымъ Судомъ, когда башмаки его (уже теперь въ половину повернувшіеся къ пещерѣ) повернутся къ ней окончательно, такъ чтобъ Мегеди могъ прямо ступить въ нихъ, онъ снова пришелъ изъ пещеры и обратилъ людей къ Алкорану.

Всѣхъ этѣхъ, числомъ 12, Персіяне называютъ своими Имамами (Antistites, блюстителями Вѣры), и въ настоящее время, вмѣстѣ съ Шахомъ Софи они считаются самыми святыми мужами, и къ ихъ-то могиламъ ходятъ на богомолье, преимущественно тѣ Персіяне, которые не имѣютъ возможности совершать великое богомолье въ Мекку и Медину (о которомъ скажу въ другомъ мѣ-

стѣ). Такимъ богомольцамъ выдается письменное свѣдѣтельство, называемое Сіяретнаме (Sijaretname), въ томъ, что они поклонялись тамъ, и кому именно поклонялись. Свѣдѣтельства этѣ служатъ къ тому, чтобы по нимъ можно было видѣть, что имѣющіе ихъ исповѣдуютъ истинную Персидскую Вѣру. Также тѣ, которые впали въ немилость у Шаха и Хановъ, если они имѣютъ при себѣ такое свѣдѣтельство и предъявятъ его, могутъ тѣмъ спасти жизнь свою. Такъ поступилъ, бѣжавшій отъ насъ, Персидскій толмачъ Рустамъ, когда онъ снова оставилъ Христіянскую Вѣру, принятую имъ въ Англіи и перешелъ въ Персидскую. Тѣмъ же воспользовался и Джира-Ханъ, о которомъ говорено выше, и который, когда Шахъ Сефи приказалъ было отрубить ему голову, бѣжалъ въ Мешедъ, добылъ тамъ такое свѣдѣтельство о поклоненіи при гробницѣ Имама Ризы, предъявилъ оное Шаху (хотя и не лично), и тѣмъ спасъ жизнь свою.

Персіяне ежегодно празднуютъ дни погребенія сихъ Святыхъ, особенно же Аали и Госейна; но Турки не дѣлаютъ этого, и даже издѣваются надъ этѣмъ. Они, съ своей стороны, чествуютъ Абубекера, Омара и Одсмана, не менѣе ихъ чтутъ и своего толкователя Алкорана, Ганифе. Персіяне же считаютъ этого послѣдняго сбманьщикомъ и лжетолкователемъ, и разсказываютъ, что онъ былъ прислужникомъ у Джаферъ Садука, набралъ потихоньку воды, которою мылся этотъ Святой ихъ, ушелъ въ Турцію, излѣчилъ тамъ этой водой многихъ слѣпыхъ, совершалъ и другія чудеса, за что и возлюбленъ былъ Турками.

Персіяне говорятъ далѣе, что Шахъ Тамасъ, взявши Вавилонъ, вырылъ будто бы Ганифе, чтимаго Турками, покоившагося тамъ въ изящной гробницѣ, и сдѣлалъ изъ его Масара или усыпальницы конюшню, а изъ самой могилы его—отхожее мѣсто.

Хотя Магометане имѣютъ множество толкователей Алкорана, но важнѣйшими изъ нихъ, которые, по мнѣнію ихъ, одарены были особеннымъ духомъ толкованія ихъ Св. Писанія и которыхъ по этому они почитаютъ какъ бы святыми, считаются: Аали и Джаферъ Садукъ, которому слѣдуютъ и котораго чтутъ Персіяне, Ганифе у Турокъ, Шафеи (Schafei) у Узбецкихъ Татаръ, Гембили и Малеки (Hembili et Maleki) у Индійцевъ. Нѣкоторыя мѣста

въ Алкоранѣ чрезвычайно темны: иногда въ немъ въ краткихъ словахъ обозначается нѣсколько событій, которыхъ, пожалуй, никогда въ дѣйствительности и не бывало; для выполненія-то и болѣе подробнаго объясненія такихъ мѣстъ одинъ толкователь лжетъ болѣе другого; и удивительно, какъ это Персіяне (я говорю только о нихъ, по тому что былъ только у нихъ) могутъ вѣрить такимъ въ высшей степени нелѣпымъ баснямъ и очевидной лжи, которыми полны толкованія и дополненія ихъ Св. Писаній! Такъ, на примѣръ, въ нихъ говорится, какъ выскочилъ изъ камня конь Аалія, Дулдулъ (Duldul); какъ Ангелъ Гавріилъ принесъ ему, Аали, двойной мечъ, Джульфакаръ; какія чудеса совершилъ Аали имъ, этѣмъ мечомъ; какъ побѣдилъ семиглавнаго дракона, зарубилъ дьявола (о томъ, какъ онъ пировалъ съ Ангелами на небѣ, подробно разсказано мною въ Персидской «Долинѣ розъ»); какъ Султанъ Магмедъ Ходабенде, во время охоты при Куфѣ, нашелъ и вырылъ на холмѣ ящикъ съ такою надписью: «Сдѣсь погребены: Адамъ, Ной и Аали;» какъ Султанъ построилъ на этомъ мѣстѣ городъ Неджефъ (Netzef), и велѣлъ перенести туда гробницу Аалія, и многое тому подобное.

Желая приписать основателю своего Исповѣданія нѣчто божественное, Персіяне разсказываютъ множество чудесъ, которыя Софи совершилъ будто бы по божественной силѣ своей. Такъ, еще въ юности своей, пришедши однажды въ селеніе Сагеданъ (Sahedan), лежащее въ Гилянѣ, къ одному святому и мудрому мужу, Шиху Сагадъ (Sahad), и увидѣвши тамъ, что народъ съ большимъ трудомъ вырываетъ на полѣ сорную траву, Софи приказалъ зелью, чтобы оно само собою выходило изъ земли, и зелье то послушалось его. Увидя это, Шихъ Сагадъ сказалъ: «Этого не слѣдуетъ, мой сынъ, хотя ты и знаешь это искуство. Люди должны работать, иначе они будутъ только праздно шататься.» Такъ какъ рѣчь эта показалась Софи весьма мудрою, то онъ и поступилъ въ услуженіе къ Сагаду, и пробылъ тамъ 7 лѣтъ, въ которыя научился многому въ мудрости. Сказанное селеніе сдѣлалось въ слѣдствіе этого вольнымъ селеніемъ, каковымъ состоитъ оно и до сего времени.

Другой разсказъ. Когда Шихъ Софи, своимъ ученіемъ и святостію, сдѣлался извѣстенъ на всемъ Востокѣ, то его пожелалъ

увидѣть и посѣтить одинъ Хорасанскій Татаринъ, Темюрленгъ или Тамерланъ. При этомъ втайнѣ онъ придумалъ три испытанія, посредствомъ которыхъ хотѣлъ дознать, дѣйствительно ли Сефи такой Шихъ и святой, какъ про него говорятъ, и истинно ли его ученіе. Эти испытанія были именно слѣдующія: первое, если Сефи не выйдетъ къ нему на встрѣчу; второе, если рисъ, который подадутъ для ѣды, будетъ сваренъ не на овечьемъ, но на молокѣ дикихъ козъ; и третье, если ядъ, который онъ дастъ выпить Сефи, не повредитъ ему. Когда такимъ образомъ Темюрленгъ прибылъ въ Шамасбю (Schamasbü), гдѣ жилъ въ то время Сефи, и подошелъ уже къ его покою, Сефи оставался и сидѣлъ въ своей комнатѣ, пока не вошелъ туда Темюрленгъ; тогда Сефи всталъ и сказалъ: «Передъ Царемъ слѣдуетъ встать: извини, что я не встрѣтилъ тебя, но ты самъ пожелалъ этого для испытанія.» Затѣмъ онъ посадилъ Тамерлана прямо противъ двери, для того, чтобы онъ могъ видѣть на дворѣ, какъ, по желанію Сефи, дикія козы прибѣгали туда изъ пустыни и совершенно покорно становились тамъ и давали себя доить. Наконецъ, когда Сефи замѣтилъ, что ему предстоитъ еще выпить чашу яду, онъ надѣлъ на себя бѣлую рубаху, выпилъ ядъ и сталъ плясать кругомъ, обыкновеннымъ у Шиховъ способомъ, чтобы вспотѣть; за тѣмъ снялъ рубаху, выжалъ изъ нея ядъ съ потомъ, сдѣлавшійся совершенно зеленымъ, и, подавъ его въ стаканѣ Тамерлану, сказалъ: «Вотъ твой ядъ: онъ не причинилъ мнѣ ни какого вреда.» Послѣ этого Тамерланъ увѣровалъ ученію Сефи, подарилъ ему всѣ селенія, лежавшія около Ардебиля, съ нѣсколькими сотнями плѣнныхъ Турокъ, для того, чтобы и ихъ онъ обратилъ въ свою Вѣру.

Всему разсказанному здѣсь объ Аали, его потомкахъ и о чудесахъ Шиха Сефи, Турки вовсе не вѣрятъ, но смѣются только и издѣваются надо всѣмъ этѣмъ, что возбуждаетъ великое негодованіе въ Персіянахъ. Турки, впрочемъ, говорятъ, что Аали, какъ принадлежащій къ Магуметову роду, былъ мужъ святой и Имамъ, за что они чествуютъ его, и когда садятся на лошадей, то говорятъ: «Ну, Аали, да поможетъ Аали!» Это по тому, что Аали былъ и храбрымъ наѣзникомъ.

ГЛАВА XXXIX.

Объ обрядностяхъ Персіянъ передъ молитвой, во время и послѣ ея, равно и о самой молитвѣ.

Такъ какъ Софиніяне отвергаютъ законы, которые мимо Алкорана установлены Абубекеромъ, Омаромъ, Одсманомъ и Ганифе, и слѣдуютъ только законамъ Джаферъ Садука, то то же самое различіе вносятъ они и въ церковную обрядность и другіе обычаи, желая и въ нихъ имѣть нѣчто особенное для себя, и такимъ обрядностямъ придаютъ они такое великое значеніе, какъ бы онѣ составляли существенную часть самой Вѣры. Я коснусь здѣсь немного только тѣхъ обрядовъ, которыми сопровождается молитва ихъ. Когда Персіяне хотятъ отправиться на молитву, то они, также какъ и Турки, должны прежде омыться, именно такимъ образомъ: они засучиваютъ рукава по локти, и сперва моютъ руки, смачивая ихъ дважды отъ локтей къ кистямъ, потомъ правой рукой, тоже дважды, омываютъ лицо. Турки же берутъ воду обѣими руками, и трутъ ими трижды лицо, съ верху до низу и обратно, при чемъ полощутъ ротъ и носъ, набирая ими воды съ рукъ.

Персіяне два раза проводятъ мокрой рукой по головѣ, отъ затылка ко лбу, и за тѣмъ вытираютъ ноги до щиколки.

Турки же берутъ полную руку воды и смачиваютъ ею голову, а за тѣмъ влажной же рукой увлажняютъ и ноги, которыя до этого должны быть вымыты. Персіяне (по этого не дѣлаютъ Турки) вычищаютъ указательнымъ пальцемъ въ ушахъ, а большимъ трутъ около, за тѣмъ указательнымъ же пальцемъ потираютъ съ затылка черезъ голову до горла. Такія обрядности дѣлаютъ они еще дома, передъ тѣмъ какъ ити въ свою церковь. Женщины по городамъ не смѣютъ ходить въ церковь, чтобы не давать мужчинамъ поводъ къ недобрымъ помысламъ.

У Персіянъ есть камень, который при молитвѣ они прикладываютъ иногда ко лбу, а также и на землѣ кладутъ на немъ головою земные поклоны.

Камень этотъ сдѣланъ изъ сѣроватой земли, вырываемой при Неджефѣ и Куфѣ, гдѣ Госейнъ пролилъ кровь свою и по-

гребенъ вмѣстѣ съ Аали· (изъ другой земли камень не имѣетъ такой силы). Величиною и видомъ онъ такой же, какъ представленъ на прилагаемомъ при семъ изображеніи. [1] На немъ начертаны имена помянутыхъ выше 12 Имамовъ, вмѣстѣ съ Фатимой, супругой Аали, отъ которой тѣ Имамы произошли. Камни эти изготовляются Аравитянами (Araber) и доставляются ими въ Персію на продажу. Одинъ такой камень я вывезъ съ собою изъ Персіи и доставилъ въ Готторфскую Палату рѣдкостей. Турки не ставятъ ни во что такіе камни.

Пришедши въ церковь, начинаютъ съ молитвы «Alla ekber,» и Персіяне при этомъ опускаютъ свободно руки, а глаза потупляютъ въ землю, Турки же держутъ руки на груди. За тѣмъ Персіяне поднимаютъ руки и держатъ ихъ у обоихъ ушей, а лицо обращаютъ къ «Kible,» на полдень или югъ. Это по тому, что Мекка и Медина отъ Адирбейджана и Ардебиля, гдѣ возникло ихъ Исповѣданіе, лежитъ въ правой сторонѣ, на югъ. Я полагаю, что обычай этотъ заимствованъ ими у древней Христіянской Церкви; ибо Христіяне также избирали себѣ извѣстную страну свѣта, къ которой обращались, именно, на востокъ. По этому-то древніе устроивали и алтарь, передъ которымъ молились и отправляли богослуженіе, къ востоку, какъ повѣствуетъ о томъ Полидоръ Вергилій (Polydorus Vergilius: «De rerum inventoribus etc. 1590, lib. 5, c. 9, p. 433). Но Христіяне дѣлали это для того, чтобы помнить, что явился Христосъ, взошло солнце правды для нихъ; по этому-то, когда при Императорѣ Северѣ Христіянъ обвиняли въ томъ, что они поклоняются, будто бы, солнцу, Тертуліянъ опровергаетъ такое обвиненіе, объясняя сказаннымъ образомъ ихъ обращеніе къ восходу солнца, какъ объ этомъ можно прочесть въ его «Apologia adversus gentes,» cap. 16, p. 47 (въ «Opera Tertulliani. Parisiis, 1608).

Когда Персіяне стоятъ такимъ образомъ, обратясь на полдень, то начинаютъ молитву: «Allhemdo lilla;» заключивъ ее, они нагибаются, опершись руками на колѣни, и читаютъ молитву: «Subhana Rebbi» и проч., за тѣмъ повторяютъ: «Alla Ekber,» и становятся далѣе на колѣни, склоняютъ голову къ землѣ, прикладывая

---

1 Стр. подлинника 681. О. Б.

ее на, описанный сейчасъ, камень, читаютъ молитву: «Subhana Rebbi,» и воздѣваютъ потомъ руки къ верху.

Послѣ всего этого Персіяне совершаютъ заключительное моленіе на колѣняхъ, за тѣмъ встаютъ на ноги, поворачиваются на право и на лѣво и потихоньку произносятъ: «Ssalom alekum, Ssalom alekum!» Этѣмъ они привѣтствуютъ Ангеловъ, стоявшихъ какъ бы при нихъ и воздерживавшихъ сатану, для того, чтобы они невозмутимо могли совершить свое моленье. Турки привѣтствуютъ такимъ образомъ Ангеловъ еще до окончанія молитвы. Персіяне ходятъ, или вѣрнѣе, должны ходить, на молитву 5 разъ въ день: рано утромъ, при восходѣ солнца, въ полдень, послѣ обѣда, вечеромъ и отходя ко сну. Важнѣйшая изъ ихъ молитвъ есть: «Fatah» и «Alhemdo lilla,» которой содержаніе слѣдующее:

Во имя Бога, милосердаго, всемилостиваго! Слава Богу, Повелителю твореній, Царю послѣдняго суда! Тебѣ молимся, тебя, помощника въ скорбяхъ, призываемъ: веди насъ на путь истинный, но истинный путь тѣхъ, которымъ ты сдѣлалъ добро, а не тѣхъ, на которыхъ ты излилъ гнѣвъ свой, а также и не на путь тѣхъ, которые заблуждаются, ходятъ во тьмѣ. Аминь.»

Точно также, какъ всѣ главы Алкорана начинаются словами: «Bismilla rahman rahim,» т. е., Во имя Бога и проч., такъ и при всякомъ дѣлѣ и предпріятіи Персіянъ, у нихъ постоянно слышатся на устахъ слова: «Bismilla» и проч., а иногда: «Benahm ohnkinamesch herestzanehast,» т. е., во имя того, чье имя есть прибѣжище и защита душъ! Во время молитвы они держатъ себя съ великимъ благоговѣніемъ, и когда въ Испагани намъ часто случалось бывать въ большой мечети Мегеди (Mestzid Mehedi), и мы проходили мимо молившихся, то ни одинъ изъ нихъ ни на кого, бывало, и не взглянетъ, всѣ стоятъ, всегда опустивъ глаза въ землю, или воздѣвъ ихъ къ небу, какъ требуетъ того молитва ихъ. Нѣкоторые молятся и при этомъ кричатъ въ домахъ своихъ съ такой ревностью и такъ продолжительно, что у нихъ не хватаетъ наконецъ дыханія, и они падаютъ на землю, какъ бы въ обморокѣ, какъ это случилось мнѣ слышать однажды въ Шемахѣ, въ сосѣднемъ съ нашимъ домѣ: какой-то Персіянинъ молился тамъ такъ долго и громко, что наконецъ едва могъ повторять

только одно слово «Hakka,« т. е., Богъ, которое и повторилъ болѣе 50 разъ совершенно изнеможеннымъ и упавшимъ голосомъ, а за тѣмъ и совсѣмъ замолкъ. Бѣдные люди думаютъ, что такимъ усиленнымъ напряженіемъ усгъ они могутъ прямо отправиться на небо. Иные, какъ и Католики, употребляютъ при молитвѣ четки (Pater Noster), называемыя у Персіянъ «Möher Thesbih,» и состоящія изъ маленькихъ пуговокъ, трижды отдѣляемыхъ большими пуговицами, но молятся съ этѣми четками Персіяне совсѣмъ иначе, чѣмъ Католическіе Христіяне. Въ праздникъ, когда Персіяне отправляютъ свою молитву, одинъ изъ нихъ Хатибъ (Chattib) всходитъ на каѳедру и читаетъ нѣсколько главъ изъ Алкорана, объясняя ихъ. Нашей Библіи они не уважаютъ, говоря, что она искажена Іудеями и Греками, въ слѣдствіе чего, будто бы, Богъ и прислалъ Алкоранъ, какъ возстановленную и исправленную Библію. Когда, бывши въ Шемахѣ, я показалъ Минаджиму Халилю (Chalil), въ присутствіи другихъ Персіянъ, Пятикнижіе Моисея, напечатанное по Арабски, то хотя онъ и узналъ ихъ хорошо, но все таки сказалъ: «Chrab dur!» т. е., испорченное и негодное сочиненіе; Алкоранъ ихъ лучше.

О сотвореніи міра, объ Адамѣ, о другихъ Библейскихъ событіяхъ, равно какъ о Страшномъ Судѣ и вѣчной жизни, Персіяне имѣютъ странныя и забавныя ученія и вѣрованія, во многомъ уклоняющіяся отъ ученія Турокъ; но, чтобъ описать всѣ эти уклоненія, потребовалась бы цѣлая книга, которая, если только будетъ угодно Богу, появится въ другое время.

У Персіянъ въ обычаѣ также посвящать нѣкоторыхъ дѣтей своихъ, еще въ утробѣ матери, одному изъ своихъ Святыхъ, въ слуги, и по рожденіи такому ребенку пробиваютъ въ ухѣ дыру, въ знакъ его службы; отсюда-то происходятъ нѣкоторыя имена: Магумедъ-Кули, Имамъ-Кули, Аали-Кули, означающія: слуга, рабъ, Магумеда, Имама, или Аали. Случается это тогда, когда родители не имѣютъ долго дѣтей, или когда были они, да перемерли; даютъ также обѣты посвятить дѣтей въ монашество, какъ Абдаллъ (Abdallen); когда же такое дѣтя выростетъ и не пожелаетъ исполнить данный родителями обѣтъ, то можетъ откупиться деньгами отъ такихъ духовныхъ и священныхъ мѣстъ, или должностей.

Персіяне держатъ также четыренедѣльный постъ, Рушъ (Rusch) или, какъ обыкновенно называется онъ по Турецки, Оруджъ (Orutz), который, по закону Магумеда, начинается въ мѣсяцѣ Рамезанѣ, съ новолунія, и заканчивается слѣдующимъ новолуніемъ. Въ этотъ постъ они ни ѣдятъ, ни пьютъ, съ восхода до заката солнца; но послѣ они могутъ всю ночь пить, какъ угодно, и обыкновенно къ утру ложатся спать съ полнымъ брюхомъ; по этому они легко могутъ перемѣнить день на ночь и соблюдать такимъ образомъ постъ. Кто же не хочетъ соблюдать поста, какъ на примѣръ, дѣлалъ это Шахъ Сефи, тотъ, по закону, можетъ откупиться отъ этого раздачею милостыни.

ГЛАВА XL.

О Сеидѣ, Абдаллѣ, Дервишѣ и Календаренѣ.

У Персіянъ есть родъ людей, которыхъ они называютъ Сеидами (Seijd) и которые должны быть изъ племени и изъ потомковъ Магумеда, а слѣдовательно Аали, и люди эти пользуются въ странѣ большою свободою. Они подстригаютъ волосы въ нижней части головы только на два пальца шириною, остальные же отпускаютъ длинными и заплетаютъ въ косу. Они не смѣютъ жениться иначе, какъ изъ своего же племени, въ противномъ случаѣ должны платить Шаху большую подать. Они ходятъ въ бѣлыхъ одеждахъ и въ плоскихъ низкихъ башмакахъ; мендили (шапки или чалмы) ихъ описаны выше. Они не смѣютъ пить ни какого вина, ни даже присутствовать тамъ, гдѣ пьютъ вино, и хотя они и могутъ бывать на пиршествахъ, но на нихъ, вмѣсто вина, всѣ должны пить душабъ, описанный выше, или же только одну воду. Они не должны прикасаться къ собакамъ, не могутъ быть причастны лжи и не могутъ клясться иначе, какъ «Ewlademen», т. е.: «Клянусь моимъ рожденіемъ!», въ то время, какъ другіе клянутся: Богомъ, Аали, Шахомъ Сефи и Peyamber ba embia, т. е., племенемъ или родомъ Аали. Эти Сеиды, живущіе въ городахъ, вообще люди богатые, такъ какъ они обладаютъ собственными имѣніями (селеніями) и свободны отъ всякихъ повинностей, что и дѣлаетъ ихъ довольно спесивыми. Но

есть тамъ и такіе люди, которые выдаютъ себя за Сеидовъ, шатаются изъ города въ городъ, показываютъ свои свѣдѣтельства (Testimonia) и пробиваются только милостыней; такіе люди обыкновенно обманщики, ихъ зовутъ «Eher Seijd», т. е., святыни осла; иные изъ нихъ носятъ круглую серебряную коробочку съ волосами, которые выдаютъ за волоса Магумеда; они умѣютъ искусно выпускать эти волоса черезъ дырочку такъ, что иной можетъ подумать, что такое движеніе совершается самимъ волосомъ; они и продаютъ эти волоса по волоску и довольно дорого. Персіяне закладываютъ ихъ въ книгу, когда читаютъ и молятся.

Въ Гилянѣ, именно въ Кисмѣ (Kisma), былъ одинъ такой обманьщикъ, который черезъ полукруглый хрусталь зажигалъ солнцемъ хлопчатую бумагу, чѣмъ и заставилъ народъ повѣрить, что онъ дѣйствительно происходилъ изъ рода Магумеда, получилъ отъ него силу творить чудеса, и вообще находился въ союзѣ съ небомъ. Когда позднѣе я показывалъ, въ Голштейнѣ уже, бывшимъ у насъ Персіянамъ, что это явленіе совершенно естественно, и какъ можно зажигать бумагу на солнцѣ, даже въ суровую зиму, черезъ ночной сосудъ, наполненный холодною водою, даже черезъ простой кусокъ чистаго льду, который я изготовилъ выпуклымъ на блюдѣ, то Персіяне тѣ объявили мнѣ, что если бъ я сдѣлалъ это у нихъ, въ Персіи, то меня непремѣнно сочли бы за святаго, или за чародѣя.

Есть еще въ Персіи родъ духовныхъ людей, Абдаллы (Abdallen), которые также должны происходить отъ Аали, и которыхъ въ Турціи нѣтъ, а вмѣсто нихъ тамъ есть Дервиши, о которыхъ много похожденій разсказано въ Персидской «Долинѣ Розъ.» Абдаллы суть родъ монаховъ, ходятъ они одѣтые въ простыхъ кафтанахъ, иногда выстеганныхъ и прошитыхъ, какъ тюфяки; иные изъ нихъ просто увѣшиваются шкурою съ шерстью, и опоясываются посреди тѣла, какъ бы поясомъ, мѣдною змѣею, которую даетъ имъ ихъ глава (Meister), когда они провозглашаются Абдаллою, какъ свѣдѣтельство ихъ мудрости. Въ такой орденъ посвящаются только трое, именно: въ Суфиганы въ Ардебилѣ, Испагани и Мешетѣ, и посвящаются они Суфибашею, Верховнымъ главою Софиніянцевъ, о которомъ упомянуто было уже выше. Абдаллы встрѣчаются на торжищахъ и другихъ пло-

щадкахъ, тамъ и сямъ: они стоятъ, сзываютъ къ себѣ народъ, проповѣдуютъ ему о чудесахъ своихъ святыхъ, и порицаютъ Турецкихъ святыхъ: Абубекера, Омара, Одсмана, Ганифе, а также и святыхъ Узбецкихъ, выдумываютъ про нихъ разныя срамныя происшествія, для того, чтобы какъ ни будь обругать ихъ, проклинаютъ даже ихъ вмѣстѣ съ Турками, и такимъ образомъ распространяютъ и вкореняютъ преданія своей секты и ненависть къ Туркамъ въ молодежи, которой найболѣе находится обыкновенно въ такихъ сборищахъ. По этому-то Абдаллы не дерзаютъ и находиться по близости къ Турецкимъ границамъ. Между этими Абдаллами есть такіе молодцы, которые проматываютъ все, что надаютъ и набрасаютъ ему его слушатели, простолюдины; по этому такихъ молодцовъ называютъ Персіяне Календеранами (Kalenderan). Объ этѣхъ лжепроповѣдникахъ я представилъ подробныя свѣдѣнія въ моей Персидской «Долинѣ Розъ», въ 8-й книгѣ § 67-мъ. Это большею частію легкомысленный, развращенный, преданный Содомскому грѣху и грабежу, людъ, который, за исключеніемъ только того, что помогаетъ распространенію Вѣры, доставляетъ странѣ мало хорошаго. Иногда по ночамъ они уходятъ въ поле, прячутся тамъ въ какой ни будь норѣ, или засадѣ, ржутъ по лошадицому, для того, чтобы, когда лошади проѣзжающихъ станутъ отвѣчать имъ, они могли узнать, гдѣ находятся проѣзжіе, и за тѣмъ напасть на нихъ и ограбить. Никто ихъ охотно не пускаетъ къ себѣ и въ домъ; по этому при мечетяхъ строятся для нихъ небольшія часовни, чтобы они имѣли въ нихъ свое убѣжище. Въ Ардебилѣ такихъ убѣжищъ найболѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Случилось однажды, что въ селеніе Лекере (Lekere), лежащее въ 3 миляхъ отъ Ардебиля, пришелъ Абдалла къ одной молодой женщинѣ и просился къ ней на ночлегъ; женщина извинилась, что, за отсутствіемъ мужа, не можетъ дать ему ночлега у себя, но если бъ мужъ былъ дома, то не отказала бы ему. Абдалла, увидѣвъ, что хозяйка красива и пошла доить корову, пробрался потихоньку въ домъ къ ней и спрятался на постели, которую хозяйка, по обыкновенію своему, складывала днемъ вверху, на козлахъ, или станкѣ, чтобы на землѣ она не мѣшала. Между тѣмъ хозяйка пригласила дочь сосѣда, одну дѣвицу, къ себѣ пере-

ночевать. Когда обѣ женщины усѣлись было поѣсть, то хозяйка попросила дѣвицу достать къ столу еще одно кушанье, которое она положила на постель; дѣвица пошла, увидѣла за постелью Абдалла и подумала, что хозяйка сама запрятала его туда, для того, чтобъ поспать съ нимъ; по этому не осталась на ночь у пей и ушла. Абдалла, увидѣвъ, что онъ съ хозяйкой одинъ въ домѣ, вылѣзаетъ изъ своей засады, ласково привѣтствуетъ хозяйку и еще разъ просить ее о дозволеніи ему переночевать у нея. Испуганная такимъ нежданнымъ явленіемъ, хозяйка дозволила ему, и гость не замедлилъ повести рѣчь о раздѣленіи съ нею ложа. Хозяйка сдѣлала видъ, будьто согласна его желанію, и сказала, что пойдетъ прежде въ кладовую, принесетъ оттуда кой какое угощенье для него; но, вышедши въ кладовую, она затворилась въ ней, привалила къ двери нѣсколько мѣшковъ съ рисомъ, и оставила Абдалла въ домѣ одного, только съ своимъ малымъ ребенкомъ, лежавшимъ въ люлькѣ. Абдалла угрожаетъ ей убить дѣтя, если она не выйдетъ къ нему; но хозяйка отвѣчаетъ, что честь ей дороже ребенка, и что дѣтей она еще много можетъ прижить съ своимъ мужемъ. Послѣ этого Абдалла разрѣзалъ ребенка на 4 части своимъ большимъ ножомъ, который, словно широкій кинжалъ, люди эти носятъ на боку и называется Букданъ (Bukdan), и за тѣмъ отправился къ кладовой, вырылъ тамъ подъ дверным порогомъ дыру, въ которую и хотѣлъ пролѣзть. Хозяйка начала кричать и звать на помощь, и когда Абдалъ просунулъ уже голову и плечи во внутрь кладовой, она схватила попавшійся ей подъ руки сошникъ отъ плуга, и давай имъ рубить убійцу по головѣ и шеѣ, такъ что тотъ тутъ же и померъ. Такъ какъ кровь изъ убитаго обильно натекла въ кладовую къ хозяйкѣ, то при видѣ ея она впала въ обморокъ; пришли сосѣди и мужъ, разломали двери, увидали такую страшную картину и привели въ чувство хозяйку, которая, оправясь, припомнила, что когда убійца получилъ отъ нея первые удары по головѣ, то онъ просилъ о пощадѣ и говорилъ, что онъ дорого заплатитъ за кровь ея убитаго дѣтяти, что въ его Хиркалѣ (Chirkal, такъ назывался кафтанъ Абдаллы) много золота; по этому, съ убитаго сняли его кафтанъ и бросили пока въ то мѣсто за постелью, гдѣ спрятался было прежде убійца; бездыханное тѣло Абдаллы было сожжено, а скорбные отъ потери ребенка люди из

шли въ сказанномъ кафтанѣ, который весь былъ въ заплатахъ и заштопанъ, 800 червонцевъ.

Есть еще нѣсколько Дервишей, людей болѣе набожныхъ и кроткихъ, чѣмъ Абдаллы; только въ Персіи ихъ не такъ много, какъ въ Турціи. Но на этотъ разъ довольно о Персидской Вѣрѣ и о томъ, въ чемъ преимущественно заключается ея отличіе отъ Турецкой. Прибавлю здѣсь еще только слѣдующее: Турки приходятъ въ ужасъ, когда видятъ, что Персіяне ходятъ въ чулкахъ изъ зеленаго сукна, или шерсти; причина этому та, что Магумедъ носилъ шапочку изъ зеленаго сукна. Персіяне же, на зло Туркамъ, тѣмъ охотнѣе носятъ такіе зеленые чулки.

ГЛАВА XLI.

О погребеніи Персіянъ.

Если кто умретъ въ Персіи, то его ни какъ не оставляютъ лежать болѣе 3-хъ часовъ (хотя бы это и ночью), а тотчасъ же предаютъ землѣ. Но прежде трупъ долженъ быть чисто вымытъ дома, если умершій знатное лицо, или же въ выстроенной для того на кладбищѣ усыпальницѣ, называемой у Персіянъ Mördeschur Chane, какъ это случилось видѣть мнѣ въ Касвинѣ, на обратномъ нашемъ пути. Хоронили молодого человѣка, лѣтъ двадцати: еще не остывшее тѣло его, въ одеждѣ, несли на похоронномъ одрѣ, съ пѣніемъ; принесши въ усыпальницу, покойника раздѣли и опустили въ копань или прудъ, которыхъ было два въ усыпальницѣ, каждый въ 8 квадратныхъ локтей, и выложены эти пруды квадратными камнями; могильщикъ вымылъ тѣло; людей знатныхъ сажаютъ въ ванну и поливаютъ камфорной водой (Kasur) съ головы и по всему тѣлу, и за тѣмъ затыкаютъ хлопчатой бумагой всѣ отверстія у покойника, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Сказанному молодому покойнику надѣли за тѣмъ бѣлую рубаху, обернули въ выбойчатое полотно, положили опять на похоронный одръ (носилки), который тоже прежде вымыли, и понесли къ могилѣ. Могилы у Персіянъ роются просторныя, полыя, нѣкоторыя со сводами, а иныя на верху уложены досками, и тѣло кладется въ могилу съ боку. Но

сперва еще сказанное тѣло помѣщено было предъ могильной ямой, Мула прочиталъ что-то изъ Алкорана, приподнялъ нѣсколько голову покойника и опять опустилъ ее. За тѣмъ уже тѣло, безъ гроба, помѣщено было въ могилу, и положено въ ней на правомъ боку, къ Западу; ибо Персіяне говорятъ, что послѣдній день взойдетъ съ Запада, какъ объ этомъ подробнѣе говорится въ «Долинѣ Розъ», въ 5-й книгѣ, въ 20-й исторіи. Далѣе Мула взялъ горсть земли въ руку, прочиталъ еще какое-то изреченіе, бросилъ изъ руки землю на покойника, отошелъ на 7 шаговъ отъ него и опять воротился къ нему, прочиталъ еще изреченіе, и ушелъ потомъ со всѣми, бывшими тамъ, домой. Если покойникъ важная особа, то въ извѣстные дни дѣлается поминальное пиршество, только безъ вина, именно: на 3-й день послѣ погребенія. Когда же покойникъ былъ богатъ, то пиршество повторяется въ 7-й и въ 40-й, день при чемъ всякій разъ раздается бѣднымъ милостыня. Тоже повторяютъ такія пиршества и въ праздники, въ Наврусъ, Курбанъ (Kurban) и въ Рамезанъ.

Причины, для чего такъ торопятся похоронами, затыкаютъ покойникамъ всѣ отверстія и дѣлаютъ могилу полою, заключаются въ томъ, что Персіяне вѣруютъ, будто въ то время, когда Мула отходитъ отъ покойника на 7 шаговъ и снова возвращается, къ покойному въ могилу приходятъ два Ангела, по имени: Некиръ и Мункиръ (Nekir et Munkir), которые не должны найти въ могилѣ ни какой нечистоты. Тогда, будто бы, духъ покойнаго возвращается въ тѣло и дѣлаетъ половину его живою, такъ что умершій можетъ выпрямиться и сѣсть. Ангелы за тѣмъ осматриваютъ всѣ члены трупа, какъ они содержались на свѣтѣ и подъ конецъ спрашиваютъ: «Въ кого онъ вѣровалъ?» Покойный долженъ отвѣчать: «Въ Единаго Бога, Отца Небеснаго!»—«Кто твой Пророкъ?»—«Магумедъ!»—«Кто твой Имамъ?»—«Аали!» Когда на эти вопросы послѣдуютъ такіе правильные отвѣты и покойникъ дастъ удовлетворительный отчетъ о томъ, какое употребленіе дѣлалъ онъ изъ своихъ членовъ при жизни, то ему обѣщается блаженство. За тѣмъ Ангелы снова разлучаютъ тѣло отъ души. Но такое испытаніе, какъ говорятъ Персіяне, дѣлается только взрослымъ покойникамъ, а не малымъ дѣтямъ.

Чтобы заставить вѣрить, что и отецъ Аалія, Абуталибъ (A..thalib), также достигъ блаженства тѣмъ же ихъ способомъ, Персіяне говорятъ слѣдующее объ его умершемъ тѣлѣ: прежде онъ назывался Емирамъ и умеръ раньше Магумеда. Когда Ангелъ пришелъ къ нему въ могилу и спросилъ: кто его пророкъ? то хотя онъ и отвѣчалъ, что Магумедъ, но на вопросъ: кто его Имамъ? не отвѣчалъ; ибо до смерти своей не зналъ, что сынъ его, Аали, такъ возвеличится и сдѣлается Имамомъ. По этому Ангелъ Гаврінлъ пошелъ къ Магумеду и просилъ, чтобы Аалію было приказано пойти къ могилѣ своего отца и возгласить къ нему: «О отецъ! Я твой Имамъ, и я возьму тебя къ себѣ въ послѣдній день!» Отъ того Емирамъ получилъ и другое имя, т. е., его назвали Абуталибомъ, что значитъ: «Pater inquirens», т. е., отецъ, искавшій и нашедшій своего Имама.

Тѣло великихъ господъ и знатныхъ людей провожаютъ на кладбище съ почетною обрядностью, какъ мы видѣли это однажды въ Шемахѣ, когда хоронили одного благороднаго господина, который, съ радости отъ нашего прибытія, напился водки до того, что на другой же день умеръ. Похоронное шествіе при этомъ было такое:

1. Впереди несли на высокихъ, тяжелыхъ шестахъ, 6 знаменъ, которыя они употребляли и при встрѣчѣ насъ, но въ этотъ разъ знамена эти были свернуты.

2. Вели 4-хъ лошадей, одну за другой: первая везла на себѣ лукъ и стрѣлу, остальныя другое все изъ одежды покойнаго.

3. Ѣхалъ на бодромъ лошакѣ слуга и держалъ въ рукѣ мендиль или головную повязку бывшаго господина своего.

4. Шли два человѣка съ башенками (Nachal) на головахъ, прыгая и приплясывая. Башенки украшены были пучками перьевъ.

5. Несли 8 большихъ блюдъ съ печеньемъ (конфектами), посреди котораго стояли головы сахару, обернутыя голубою бумагой (голубой цвѣтъ есть печальный у Персіянъ); на каждой головѣ сахару прилѣплены были по три зажженныя восковыя свѣчи.

6. Шла музыка, изъ ручныхъ барабановъ (бубенъ) и мѣдныхъ тарелокъ, въ которыя били одновременно.

7. За тѣмъ шло множество людей въ бѣлыхъ повязкахъ: то были Суфиганы (Suffihan).

8. Два отдѣленія пѣвцовъ, которые, идучи кружкомъ, ломались довольно странными тѣлодвиженіями и прегромко кричали: «Ла илла илла ла» (La illa illala!) и: «Алла екберъ!» (Alla Ekber).

9. Шли три прислужника съ обнаженными правымъ плечомъ и рукою; на рукахъ и на лбу у нихъ были порѣзы или разрѣзанныя раны, такъ что изъ нихъ текла кровь.

10. Несли три дерева, на которыхъ висѣли красныя яблоки; три локона волосъ женъ покойнаго, которые онѣ вырвали у себя, или поотрѣзали, въ знакъ своей вѣрности мужу. На деревѣ, кромѣ того, навѣшено было множество кусочковъ красной и зеленой бумаги.

11. Несли самое тѣло восемь человѣкъ: на гробѣ лежалъ преизящный шелковый кафтанъ, подбитый курчавымъ бухарскимъ мѣхомъ.

12. Позади тѣла четыре человѣка несли мальчика, сидѣвшаго на высокомъ стулѣ и громко читавшаго Алкоранъ. За тѣмъ слѣдовало нѣсколько другихъ Персіянъ. Въ такомъ-то торжественномъ шествіи сказанное тѣло принесено было въ городъ, въ извѣстное мѣсто, откуда его назначено было отправить въ Вавилонъ, для постановленія его при Святыхъ. Шествіе это понятнѣе представлено на прилагаемомъ при семъ изображеніи. [1]

Этого будетъ достаточно о настоящемъ состояніи Персіянъ, хотя бы можно было сообщить еще нѣсколько болѣе, и даже приложить нѣсколько изображеній, рѣзанныхъ на мѣди, въ особенности о состояніи и Вѣрѣ Армянскихъ Христіянъ. Но такъ какъ слѣдующая, послѣдняя, книга, по нѣкоторымъ причинамъ, должна быть отпечатана прежде, чѣмъ окончена половина этой 5-й [2] книги, то, противъ ожиданія, мѣста оказалось для этого мало; по чему все не вошедшее теперь сюда я долженъ поберечь до другого удобнаго случая, который, можетъ быть, скоро и представится мнѣ.

---

[1] Стр. подлинника 686 — 687. О. Б.

[2] Въ подлинникѣ ошибкой сказано 4-й. О. Б.

V

СМѢСЬ

ИСТОРИЧЕСКІЕ

И

ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ

XVII и XVIII столѣтій,

собранные

МИХАЙЛОМЪ СЕВЕВСКИМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляемые сдѣсь старинные, разнообразнаго содержанія, акты достались мнѣ въ разное время и отъ разныхъ лицъ. Они составляютъ лишь часть всѣхъ, находящихся у меня, актовъ, число которыхъ простирается до 600. Изъ сихъ документовъ, далеко не одинаково важныхъ, я, для настоящаго Сборника, выбралъ лишь такіе, которые, въ томъ или другомъ отношеніяхъ, являются занимательными для любителей Русской старины. Одни изъ нихъ, по самому содержанію своему, представляютъ занимательность, не смотря на то, что обращики ихъ были не разъ печатаемы; другіе, не столь занимательные по содержанію, выбраны мною по тому, что они вообще рѣдко встрѣчаются въ сборникахъ нашей старинной письменности.

Всѣхъ нынѣ сообщаемыхъ мною актовъ 69: они, какъ я уже сказалъ, отобраны мною отъ другихъ актовъ, при томъ самымъ тщательнымъ образомъ разсмотрѣнныхъ; одно уже отношеніе цифръ 68: 600 достаточно свѣдѣтельствуетъ о строгости, съ какою произведенъ былъ мною выборъ.

За симъ тѣ акты, которые я нашелъ необходимымъ помѣстить въ настоящемъ Сборникѣ, относятся къ царствованіямъ: Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳедора Алексѣевича, Ивана и Петра Алексѣевичей, и обнимаютъ собою одно столѣтіе, а именно: съ 1623 года по 1723 г.; * нѣкоторые изъ сихъ актовъ отъ ветхости оказались неполными, иные сохранились лишь въ спискахъ;

---

* Исключеніе составляетъ лишь актъ подъ № 1, относящійся ко второй половинѣ XVI столѣтія.

но какъ тѣ, такъ и другіе включены мною въ настоящій Сборникъ, по тому что первые, не смотря на свою неполноту, содержатъ въ себѣ все таки болѣе или менѣе важныя данныя, а относительно вторыхъ нѣтъ ни какого повода сомнѣваться въ достовѣрности и совершенномъ сходствѣ ихъ съ подлинниками, что подтверждается, между прочимъ, и сличеніемъ съ этѣми списками однородныхъ по содержанію актовъ.

Упомянутые документы, какъ мы уже сказали, разнообразны и по содержанію, разнообразны и по формѣ. Въ составъ ихъ входятъ: Царскія грамоты по разнымъ дѣламъ, наказы и инетрукціи мѣстныхъ властей, челобитныя записи по разнымъ заключаемымъ договорамъ, акты слѣдственные, челобитныя крестьянъ къ помѣщикамъ и письма частныхъ лицъ конца XVII и начала XVIII столѣтій.

Принимая исходною точкою расиаденія документовъ на отдѣлы внутреннее ихъ содержаніе, мы составляемъ изъ актовъ, предлагаемыхъ въ настоящемъ Сборникѣ, четыре отдѣла:

I. Акты историческіе. Число ихъ тридцать. Разрядъ этотъ составляютъ: а) 10 Царскихъ грамотъ къ Псковскимъ Воеводамъ. Кромѣ того, сюда же должно причислить грамоту Стефана Баторія о Бѣловежской пущѣ; * б) Донесеніе о положеніи Польскихъ войскъ близъ Пскова; в) три документа, относящіеся до состоянія хлѣбныхъ запасовъ въ Козьмодемьянскѣ; г) Донесеніе Козьмодемьянскаго Воеводы о приходѣ воровскихъ Казаковъ; д) 11 челобитныхъ разныхъ лицъ; е) извѣтъ подкеларника Соловецкаго монастыря, Сильвестра; ж) Росписка въ принятіи денегъ на покупку рыбы для Царскаго обиходу; з) два документа: 1, Выпись изъ памяти о дачѣ Капитаномъ Надворной пѣхоты земли подъ дворы въ Москвѣ, и 2, Справка о службѣ Арзамасца Яхонтова.

Изъ числа этѣхъ документовъ представляются болѣе достойными вниманія: 1) грамота Польскаго Короля Стефана Баторія о Бѣловежской пущѣ, замѣчательная въ особенности по языку своему; 2) грамота Царя Алексѣя Михайловича, 1654 года, о пріемѣ отъ ино-

* Подлинникъ этой грамоты подаренъ мнѣ А. Н. Яхонтовымъ, а мною П. А. Муханову.

земца Стефана заподряженнаго вина, и 3) грамота Новгородскаго Воеводы Шереметева къ Шведскому Генералу, Грундель-Гельмфельту, о выдачѣ мощей Преподобнаго Арсенія. Изъ челобитныхъ преимущественно важны три челобитныя Стрѣлецкаго Головы, Ивана Мещеринова. Въ этѣхъ челобитныхъ содержится довольно подробное описаніе осады Соловецкаго монастыря и случившагося послѣ его взятія. Не менѣе замѣчательны, въ историческомъ отношеніи, донесеніе того же Мещеринова о приходѣ къ г. Козьмодемьянску воровскихъ Казаковъ, и челобитная его же о буйствѣ въ томъ же городѣ, гдѣ онъ былъ Воеводою, Черемисъ и Чувашъ. Къ документамъ важнымъ для исторіи Соловецкаго мятежа нельзя также не причислить и извѣтъ, 1673 г., подкелярника монастырскаго, Сильвестра, на мѣстнаго Архимандрита и Воеводу, Князя Волконскаго.

II. Акты, относящіеся до дѣлъ уголовныхъ. Документовъ этѣхъ девятнадцать. Относятся они къ царствованіямъ: Алексѣя Михайловича, Ѳедора Алексѣевича, Ивана и Петра Алексѣевичей. Изъ означенныхъ документовъ: 3 грамоты, 13 челобитныхъ, показанія по уголовному дѣлу Трубникова съ Мещериновыми, мировая запись, оканчивающая уголовную тяжбу, и проектъ возраженій Ивана Мещеринова на судѣ противъ взводимыхъ на него обвиненій стрѣльцемъ Аввакумомъ. Изъ числа этѣхъ актовъ замѣчательны для изображенія духа времени тѣ, которые касаются взаимныхъ наѣздовъ помѣщиковъ на имѣнія и грабежей этѣхъ имѣній. Замѣчательный въ этомъ отношеніи документъ составляетъ челобитная Ивана Мещеринова на Боярскихъ Дѣтей, Трубниковыхъ, замѣчательный еще и по тому, что онъ выставляетъ выпукло наше прежнее несложное, подъ часъ скорое и мало разбиравшее суть дѣла, уголовное производство. Проектъ возраженій Ивана Мещуринова, самъ по себѣ довольно любопытный, выигрываетъ въ своемъ значеніи тѣмъ еще, что подобныхъ документовъ не встрѣчается въ нашихъ печатныхъ собраніяхъ актовъ.

III. Акты, относящіеся до дѣлъ гражданскихъ. Этѣхъ актовъ одиннадцать. Изъ нихъ: а) грамота Патріярха Іоакима, 1670 г., о духовномъ завѣщаніи Василія Загряжскаго; б) три рядныхъ и одна сговорная записи второй половины XVIII столѣтія, одна пожилая дворовая запись 1692 г., двѣ поручныхъ записи временъ Алексѣя

Михайловича, запись, данная монастырскимъ крестьяниномъ о доставленіи въ Смоленскъ хлѣба, отпись 1694 г. о принятыхъ въ придное крестьянахъ, и челобитная 1684 г., о понужденіи къ принятію покупщикомъ имѣнія купчей. Не смотря на то, что рядныя записи были помѣщаемы въ историко-юридическихъ сборникахъ, мы привели нѣкоторыя изъ нихъ по тому, что документы этого рода представляютъ довольно важныя данныя по отношенію къ быту помѣщичьему. Поручныя записи по стрѣльцамъ, обусловливаемыя исключительностью ихъ службы на Соловецкомъ островѣ, представляютъ собою нѣкоторую разность въ обязательствахъ поручителей и въ самыхъ выраженіяхъ, сравнительно съ другими извѣстными подобными документами. Въ духовномъ завѣщаніи Загряжскаго замѣчательно упоминаніе о семейныхъ отношеніяхъ жены его къ родственникамъ.

IV. Челобитныя крестьянъ помѣщикамъ и письма частныхъ лицъ. Первыхъ документовъ четыре, писемъ частныхъ лицъ пять. Хотя какъ крестьянскія челобитныя, такъ и письма частныхъ лицъ, содержаніемъ не богаты, но первыя изъ нихъ въ особенности, независимо уже отъ того, что представляютъ собою образецъ тогдашняго Русскаго разговорнаго языка, изображаютъ намъ положеніе крестьянъ: челобитныя этѣ всѣ исполнены горькихъ жалобъ на безвыходную нужду. Что касается до писемъ частныхъ лицъ, то изъ нихъ обращаютъ вниманіе посланія Приказныхъ къ помѣщикамъ. О нихъ можно замѣтить, что относительно смысла и языка онѣ мало чѣмъ отличаются отъ крестьянскихъ челобитенъ, развѣ лишь витіеватостью пожеланій.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что въ документахъ, при ихъ печатаніи, сохранено правописаніе подлинниковъ, между прочимъ, и по тому, что въ нѣкоторыхъ актахъ, какъ, на пр., въ челобитныхъ крестьянъ, оно свѣдѣтельствуетъ о степени грамотности нашего люда. Послѣ каждаго документа помѣщена замѣтка объ его наружномъ состояніи.

Михаилъ Семевскій.

12 Октября, 1868 г.
С.-Петербургъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ
XVII — XVIII СТОЛѢТІЙ.

I.

АКТЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

1.

Грамота Польскаго Короля, Стефана Баторія, о Бѣловежской пущѣ.

Стефанъ Божью Милостю Король Польский, Великий Князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитъский, Мазовецкий, Лифлянтский, Княже Седмикгродское и иныхъ.

Паней Виленской, Старостиной Жомоитъской, Маршалковой Земской Великого Князства Литовского, Старостиной Ковенской, пани Яновой Ходкевичовой, Крыстыне, зе Зборова, а сыномъ пана Виленского, Александру и Каролюсу Ходкевичомъ, што, будучи на близко прошломъ Варшавскомъ сойме, в року тисеча пять сотъ осмдесятомъ минуломъ, дали есмо, з ласки нашое господарское, вамъ имене отъ отца вашого ку столу предка нашого славное памети Короля, его милости Жикгимонта Августа, заменою поступленое, называемое Свислочъ Ведже пущу Беловезскую всю в целости заховываючи, которая границами своими к тому именно Свислоцкому прилегла, и што бы пущи Беловезское ку Свислочи привлащоно было, то черезъ ревизоры наши мели есмо росказати отграничити, але ижъ для войны року прошлого то се стати не могло, про то на тотъ часъ ку той справе послали есмо Каштеляна Берестейского, Старосту Гомелского, пана Богдана Сапегу, Судю Земского Берестейского Адама Потея, а Секретара нашого Станислава Лопницкого, которымъ росказали есмо тамъ на певный часъ, то есть, вступивши в постъ великий, на другой недели у четвергъ, мѣсяца Февраля дватцать третего дня, в року теперъ идучомъ выехати, и подлугъ того, яко за Короля, его милость Жикгимонта

Августа, пуща Беловезская границы свои з именемъ Свислоцкимъ мела, тые же границы и теперъ поновити, а то, што бы се неслушне ку Свислочи привлащило, отъехати и ку пущи нашой Беловезской привернути вше бы, мы о томъ ведаючи, тамъ на тотъ часъ выехали, албо на свое месце кого выслали ку пригляденю поновеня и застановеня тыхъ границъ отъ помененыхъ ревизоровъ нашихъ, абы и данине нашой, сыномъ твое милости вчиненой, досытъ се стало, и пущамъ нашимъ уближене и змнейшене ни которое не дѣялосе, а черезъ тое застановене тыхъ посланцовъ нашихъ, и межи и границы, отъ нихъ положоные, абы з Свислоцкого именя въ пущу нашу Беловезскую ни чимъ се не вступовано и шкода не чинена, твоя бы милость, пани Виленская, а потомкомъ, пана Виленского приказуемъ, штобы есте пилне постерегати казали по звыклому обычаю. Писанъ у Варшеве лета Божого нароженя 1581, Февраля двадцатого дня.

Stephanus Rex. (M. П.)

Грамота писана скорописью четкою на полулистѣ обыкновенной желтоватой бумаги; подпись Короля подлинная, печать сплюснулась, и по тому нельзя видѣть, что было на ней. На оборотѣ: «Obwieszczenie Krola Stefana na exdywizja gruntow Bielowieskich od Swisłoczy do Chodkiewiczow wydane.» Ниже: «№ 16, № 17-mo, № 17-mo, thek. 2-da, folio 3, fas. 3-ty, fol. 326, ex fasc. 3.» Знаки препинанія раставлены нами для большей ясности.

2.

Грамота, 1651 года, Псковскому Воеводѣ, Князю Львову, и Дьяку Степанову, о ворѣ Дружинкѣ Бородинѣ.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича всея Русиі в нашу отчину во Псковъ околничему і воеводе нашему Князю Василью Петровичу Львову да діяку нашему Івану Степанову. Писали есте к намъ, что извещали васъ во Пскове все городные старосты Петрушка Сидоровъ да Івашко Давыдовъ на вѣдомово вора на Псковитина на посадцкого человѣка на Дружинку Бородина, что де онъ Дружинка к нимъ земскимъ

старостамъ и посадцкимъ людямъ приставливаетъ воровски и уграживаетъ и продаетъ напрасно; да онъ же говорилъ воровские рѣчи Псковскому казаку Олешке Обросимову и заводитъ прежнее воровство и мятежи. Въ сыску всякихъ чиновъ люди про то вамъ сказали тожъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, і вы того вора и завотчика и кликуна старого Дружинку Бородина за его воровство велѣли бить кнутомъ по торгомъ нещадно, а послѣ наказанья прислали его к намъ к Москве з женою и з детми с приставомъ и с провожатыми, да о томъ к намъ отписали, а отписку велѣли бъ подать и приставу с тѣмъ Дружинкою явитца в Новгородцкой чети Дьякомъ нашимъ, Думному Михайлу Волошенинову, да Алмазу Іванову, да Андрею Немирову. А в дороге велѣли есте приставу того Дружинку вести скована с великимъ береженіемъ, чтобъ онъ в дороге никуды не ушолъ и дурна надъ собою ни каково не учинилъ. Писана на Москвѣ лѣта 1651, Декабря въ 19 день.

Столбецъ. На оборотѣ грамоты надпись: «В нашу отчину во Псковъ Околничему і Воеводе нашему Князю Василью Петровичу Львову, да Діяку нашему Івану Степанову.»—«1651 году, Декабря въ 29 день, подалъ Государеву грамоту Новгородецъ Кремка Савельевъ.»

3.

Грамота Царя Алексѣя Михайловича, 1651 г., ко Псковскому Воеводѣ Львову, объ объявленіи Псковичамъ Царскаго благоволенія за поимку воровскихъ людей.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіі в нашу отчину во Псковъ околничему і воеводе нашему князю Василью Петровичу Львову да дьяку нашему Івану Степанову, Писали есте к намъ, что вы по нашему указу вора і заводчика Гаврилка Демидова з женою и з детми в великіі Новгородъ изо Пскова послали с приставомъ и с провожатыми к боярину нашему і воеводе ко Князю Юрью Петровичю Буйносову Ростовскому, да к дьяку к Василью Соѳонову о томъ отъ себя писали. Да к вамъ же Псковичи всякихъ чиновъ люди привели вора То-

милка Слѣпова. Приходитъ де тотъ воръ Томилка к стрелцу к Игнашку Муле и говорилъ, чтобъ имъ завесть мятежъ и кровопролитье по прежнему. І вы того вора и заводчика Томилка Слепова з женою и з детми изо Пскова послали в Великіе Новгородъ с товарищи ево с ворами и з заводчиками з Гаврилкомъ Демидовымъ и с Прошкою Козою, для того, чтобъ оне, во Псковѣ сидя за приставомъ, какого злого умыслу і воровства не затевали и смуты какие не учинили. И что вы того Томилка изо Пскова в Великіе Новгородъ послали, и мы, Великіе Государи за то васъ жалуемъ, милостиво похваляемъ. І какъ к вамъ сія наша Грамота придетъ, и вы бъ Псковичъ всякихъ чиновъ людей велѣли призвати к себѣ в съѣзжую избу, и намъ Государской милостивой указъ имъ сказали, что они воровъ межъ себя не таятъ и тѣхъ воровъ не держатъ и приводятъ к вамъ в съѣзжую избу. И мы великіе Государи за то ихъ Псковичъ похваляемъ, і они бъ впередъ такихъ воровъ у себя не укрывали и на нихъ навещали, чтобъ добрые люди отъ воровъ были бъ знатны, а воры бъ потому жъ были явны. Писано на Москвѣ лѣта 1651 Декабря въ 8 день.

Столбецъ. На оборотѣ грамоты надпись: «В нашу вотчину во Псковъ Околничему і Воеводе нашему Князю Василью Петровичу Львову, да Дьяку Івану Степанову.»

4.

Грамота, 1651 года, Псковскому Воеводѣ, Князю Василію Петровичу Львову, о дворѣ Псковитинина Ильи Хвостова.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіі в нашу отчину во Псковъ околничему нашему и воеводе Князю Василью Петровичю Львову, да дьяку нашему Івану Степанову. Билъ намъ челомъ Псковитинъ Илья Хвостовъ: отнятъ де у него въ Пскове в городе дворъ ево и отданъ Торопчанину Овонасью Іванову сыну Кормолину за то, что онъ Илья сидѣлъ во Пскове со Псковскими воры. А после де того у ево братьи опалныхъ дворовъ ни у ково не отнето. И намъ бы ево пожаловать того его двора у нево отымать не велѣть. И по нашему

указу у Псковитина Ильи Хвостова во Пскове в городе двора ево отымать не велено. И какъ к вамъ ся наша грамота придетъ, і выбъ у Псковитина Ильи Хвостова дворъ ево во Пскове за Псковою рекою отымать и Торопчанину Овонасью Кормолину отдавать не велѣли. Писано на Москвѣ. Лѣта 1651, Ноября въ 19 день.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: «В нашу отчину во Псковъ Околничему і Воеводе Князю Василью Петровичю Львову да Дьяку нашему Івану Степанову». «1651 Декабря в 23 день подалъ Государеву грамоту Подъячей Іванъ Матѳеевъ».

5.

Грамота 1654 г. Псковскому Воеводѣ Князю Ѳедору Григорьевичу Ромодановскому о приготовленіи Поляковъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержца. В нашу отчину во Псковъ Столнику нашему і Воеводамъ Князю Ѳедору Григорьевичю Ромодановскому с товарыщи. Апрѣля въ 6 числѣ писали есте к намъ, Великому Государю, а к вамъ писалъ изъ Лютина Воевода Василей Ломаковъ, а к Василью писалъ из Борисоглѣбова Воевода Іванъ Сумароковъ с проходцемъ о присылкѣ отъ Ковалера Юдицкаго подъ Борисоглѣбовъ на Курлянскую сторону драгуновъ пѣшихъ трехъ хорунгъ, чтобъ и с Курлянские стороны въ Борисоглѣбовъ не пропустить хлѣбныхъ запасовъ и харчей, а какъ Двина скроетца і в то время о промыслу и надъ Борисоглѣбовымъ. А въ Борисоглѣбове хлѣбныхъ запасовъ и денегъ нашимъ ратнымъ людемъ на дачу толко на одинъ Апрѣль мѣсяцъ, да і во Пскове де хлѣбными запасами и денгами четвертнаго збора скудно і в Борисоглѣбовъ послать нѣчево.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: «В нашу отчину во Псковъ Столнику нашему і Воеводе Князю Ѳедору Григорьевичю Ромодановскому с товарыщи». Окончанія грамоты недостаетъ.

6.

Грамота Царя Алексѣя Михайловича Псковскому Воеводѣ Андрею Васильевичу Бутурлину о взысканіи примольной муки съ мѣстныхъ цѣловальниковъ. 1654 г.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержца, в нашу отчину во Псковъ Околничему нашему і Воеводамъ Ондрею Васильевичу Бутурлину с товарыщи. По нашему Великого Государя указу путному ключнику Ѳедору Капустину велено доправить на мелничныхъ целовалникахъ, на Васке Балакиреве с товарыщи, на сорокъ на дву человѣка, примолную муку, противъ опыта Микифора Оничкова, противъ середней статьи, двѣсти пятьдесятъ одну четверть с осминою. И Ѳевраля въ 6 день писалъ к намъ, Великому Государю, Ѳедоръ Капустинъ: по счоту Дворцоваго Приказу Подъячего Елизарья Кузмина начтена та мука на целовалниковъ, на Онтошку Михайлова с товарыщи, на тридцать человѣкъ. І тѣ целовалники в той мукѣ стоятъ у него на правежѣ. И пришедъ де к нему в Дворцовой Приказъ земские старосты Савко Лялинъ да Давидка Бахаревъ тѣхъ целовалниковъ с правежу взяли и хотѣли тое муку заплатить всѣмъ городомъ. І онъ де Ѳедоръ для платежу той муки к нимъ старостамъ Приставовъ посылалъ и самъ имъ говорилъ многожды. И они старосты той муки не плотятъ и целовалниковъ на правежъ не даютъ и о томъ велѣти бъ ему нашъ Великого Государя указъ учинить. И по нашему Великого Государя указу тое примолную муку велено доправить вамъ. І какъ к вамъ ся наша Великого Государя грамота придетъ і вы бъ примолную муку на целовалникахъ велели доправить по прежнему нашему указу без недобору вся сполна, а доправя, велѣли бъ отдать путному ключнику Ѳедору Капустину съ роспискою, да о томъ к намъ Великому Государю отписать. А отписку велѣть подать в Приказе Болшаго Дворца Околничему нашему Ѳедору Михайловичу Ртищеву, да Думному нашему Дворянину Григорею Михайловичу Аничкову, да Дьякомъ нашимъ Прокоѳею Яхонтову, да Ондрею Селину, да Денису Саблукову. Писана на Москвѣ. Лѣта 1654, Ѳевраля въ 8 день.

Столбецъ. На оборотѣ грамоты надпись: «В нашу отчину во Псковъ Околничему нашему і Воеводе Ондрею Васильевичу Бутурлину с товарыщи».

7.

Грамота Ц. Алексѣя Михайловича Псковскимъ Воеводамъ Князю Ромодановскому и Князю Гагарину о пріемѣ отъ иноземца Стефена заподряженнаго вина. 1654 г.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержца, в нашу отчину во Псковъ Воеводамъ нашимъ Князю Ѳедору Григорьевичу Ромодановскому, да Столнику Князю Василью Михайловичу Гагарину, да Дъяку нашему Мине Гробову. Писали к намъ Великому Государю изо Пскова Околничей нашъ і Воевода Андрѣй Васильевичь Бутурлинъ съ товарыщи: нынѣшняго 1654 года, Генваря въ 29 день, билъ челомъ намъ, Великому Государю, Свѣйские земли торговой иноземецъ Юстько Стефенъ, а имъ во Пскове подалъ челобитную да листъ из Ругодива отъ Генерала Симона Грунденгенѳелма. А в челобитной де ево і в листу написано: в прошломъ во 1653 году Іюня во второй день, по приказу брата своего, Данила Стефена, уговорился онъ, Юстько, нашего Великого Государя кружечнаго двора з Головою с Ондрѣемъ Ларимновымъ поставить во Пскове на кружечной дворъ двѣ тысячи ведръ вина ценою по рублю по дватцати по семи алтынъ ведро серебряныхъ денегъ, на срокъ Августа къ 1-му числу прошлого 1653 году. И то вино на море вѣтромъ задержало на срокъ і вскоре после сроку тово вина во Псковъ привесть не изоспелъ. І в нынешнемъ во 1654 году Ноября въ 20 день то вино противъ уговору с Ондрѣемъ Ларимновымъ во Псковъ привезъ. Чтобъ намъ Великому Государю пожаловать ево Стефка велѣть то ево вино принять у нево во Псковѣ на кружечномъ дворе Головѣ нынешняго 1654 года по старой цене, по чему у него с Ондрѣемъ договорено в прошломъ во 1653 году. И Околничей нашъ і Воеводы Андрѣй Васильевичь с товарыщи того вина безъ нашего Великого Государя указу принять не смѣли. И какъ к вамъ ся наша Великого Государя грамота придетъ, і вы бъ велѣли подрядчику иноземцу сказать, толкобъ онъ то уговорное вино поставилъ противъ записи на срокъ, и у него вино принято было тотчасъ противъ той цены, по чему уговорился. А что онъ за-

мешкалъ какими ни есть причинами, а въ уговорной записи про замешканье никакихъ причинъ не написано, и у него ныне то вино бъ велѣли принять, а дать ему за то вино денегъ противъ той цены, почему въ томъ месяце, какъ привезъ въ куренее на Псковские кружечные дворы, вино ставилось или уговорщики ставили. Писано на Москвѣ. Лѣта 1654, Марта въ 9 день.

Столбецъ. На оборотѣ справа Бориски Протопопова и надпись: «В нашу отчину во Псковъ Воеводамъ нашимъ Князю Ѳедору Григорьевичю Ромодановскому, да Столнику Князю Василью Михайловичу Гагарину, да Дьяку нашему Мине Гробову. 1654 года, Марта 18. Степашко Гавриловъ».

8.

Грамота Царя Алексѣя Михайловича Псковскому Воеводѣ Князю Хованскому о прибавкѣ жалованья Псковитянину Родіону Кокошкину. 1661 г.

Отъ Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержца, в нашу отчину во Псковъ Боярину нашему і Воеводамъ Князю Івану Ондрѣевичу Хованскому с товарыщи. Пожаловали мы, Великіі Государь, Псковитина Родиона Семенова сына Кокошкина за Литовскую службу прошлыхъ 1659 и 1660 году и за сеунычество: в прошломъ во 1660 году присылалъ ево к Великому Государю с сеунчомъ ты, Бояринъ нашъ и Воевода Князь Іванъ Ондрѣевичь Хованской, с товарыщи з бою, что на реке Дитве Кущѣевича побилъ, велѣли ему нашего Государева жалованья придачи учинить к прежнему ево окладу помѣсному сто четвертей и денегъ восмь рублей і велѣно за службу и по родству написать по выбору. И какъ к вамъ ся наша Великого Государя грамота придетъ, і вы бъ велѣли во Псковскомъ списку Родиону Кокошкину за тѣ службы наше Государево жалованье помѣсного ево и денежного окладу придачу справить по сему нашему Государеву указу і велѣть ево написать по выбору. А ему, Родиону, велено на Государеве службе быть в полкѣхъ у тебя, Боярина нашего і Воеводы Князя Івана Ондрѣевича с товарыщи, по прежнему і велено ему на нашу

Государеву службу ѣхать, не заѣзжая, во Псковъ, без отмотчанья. Писано на Москвѣ. Лѣта 1661, Сентября въ 15 день.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: «В нашу отчину во Псковъ Боярину нашему і Воеводамъ Князю Івану Ондрѣевичу Хованскому с товарыщи. Ноября въ 23 день подалъ Родионовъ сынъ Кокошкинъ». На оборотѣ же справа Ѳедки Леонтьева.

9.

Акты, относящіеся до покупки во Псковѣ рыбы изъ дворцовыхъ доходовъ. 1665 г.

1.

1665 году, Декабря въ 9 день, по Государеве, Цареве і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіі Самодержца, грамоте іс Приказу Болшаго Дворца и по приказу Боярина і Воеводы Князя Івана Андрѣевича Хилкова, да Діаковъ Мины Гробова, да Ивана Микулина съѣзжей ізбы Подъячей Яковъ Болдинъ принялъ во Псковѣ Псковскихъ дворцовыхъ доходовъ приему Подъячего Власа Іпатова на покупку свѣжие рыбы щукъ і судаковъ двѣсте рублевъ. Принялъ Подъячей Яшка Болдинъ.

На оборотѣ столбца надпись: И того жъ 1665 году, Апрѣля въ 29 день, по Государеве, Цареве і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержца, грамоте тѣхъ дворцовыхъ доходовъ остаточные денги что остались за рыбною покупкою сто семьдесятъ семь рублевъ девять алтынъ три денги изъ съѣзжие избы у Подъячево Якова Болдина въ Дворцовой Приказъ принялъ я, Власко Іпатовъ, і въ съѣзжей избѣ в приходной книге нынешняго 1665 году о приеме тѣхъ денегъ я, Власко, росписался.

2.

Лѣта 1665, Декабря въ 9-ый день, по Государеву, Цареву і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіі Самодержца, указу Івану Патрекѣевичу Юсупову,

нынешняго 1665 году, Декабря въ 9 день, в грамоте Великого Государя, Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіі Самодержца, ис Приказу Болшаго Дворца за приписью Дъяка Протасия Никифорова во Псковъ к Боярину і Воеводе ко Князю Івану Андрѣевичу Хилкову, да к Дъякомъ к Мине Гробову, да к Ивану Микулину писано: указалъ Великіі Государь купить на Пскове на свой Великого Государя обиходъ свежие рыбы, щукъ і судаковъ болшихъ, на двести рублевъ. А то число денегъ на тое покупку взять із Государевыхъ Псковскихъ дворцовыхъ доходовъ у тебя, а Государевъ указъ к тебѣ із Приказу Болшаго Дворца послать. І по указу Великого Государя, Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіі Самодержца, на покупку свѣжие рыбы денегъ двести рублевъ изо Псковскихъ Государевыхъ дворцовыхъ доходовъ, о присылке в съѣзжую избу къ Боярину і Воеводе ко Князю Івану Андрѣевичу Хилкову, да Дъякомъ к Мине Гробову, да к Ивану Микулину учинити тебѣ тотчасъ. Діакъ Іванъ Микулинъ.

Столбцы. На оборотѣ втораго столбца справа Ивашки Болдырева и помѣта о записке въ съѣзжей избѣ присланной грамоты въ книгѣ особою статьею.

10.

Грамота Новгородскаго Воеводы Шереметева къ Шведскому Генералу Грундельгельмфелту о выдачѣ мощей Преподобнаго Арсенія. 1673 г.

Божиею милостию Великого Государя Царя і Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея великия і малыя і бѣлыя Росіі Самодержца, Московскаго, Киевскаго, Владимерскаго, Новгороцкаго, Царя Казанскаго, Царя Астроханскаго, Царя Сибирскаго, Государя Псковскаго і Великаго Князя Смоленскаго, Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятскаго, Болгарскаго, Государя і Великаго Князя Новагорода Низовскіе земли, Черниговскаго, Резанскаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Белоозерскаго, Чудского, Обдорскаго, Кондинского и всея сѣверныя страны повелителя и Государя

Иверские земли, Карталинские и Грузинскихъ Царей и Кабардинские земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей і иным многимъ Государствамъ и землямъ восточнымъ и западнымъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и обладателя, Его Царскаго Величества отчины Великаго Новаграда Бояринъ і Воевода и Намѣстникъ Смоленской Петръ Васильевичь Шереметевъ сосѣдственно и дружно вѣдомо чиню вельможнѣйшаго і высокорожденнаго Князя і Государя Карлуса, Божиею милостию Свѣйского, Готцкаго, Вендѣйскаго Короля и отчиннаго Князя, Великаго Князя Ѳинские земли, Арцуха Эстлянскаго, Лиѳлянскаго, Обрѣйскаго, Бременскаго, Ѳерденского, Стетинского, Померскаго, Касубскаго і Венденскаго, Князя Ругенскаго, Государя надъ Ижерскою землею и в Висмаре, также Пальцграфа Банернскаго, Гюлихскаго, Клевскаго и Бергенскаго Арцуха его Королевскаго Величества и Свейскаго Государства Генералъ-Губернатору надъ Ругодивомъ и надъ Ижерскою землею Симону Грундельгельмфелту, что по милосердому і расмотрительному указу привѣтнаго нашего Монарха, благочестиваго и христолюбиваго Великаго Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великия и малыя и бѣлыя Росиі Самодержца, Его Царскаго Величества, велено быть на ево Великаго Государя службе в древней ево Царской отчине в Новгороцкомъ Государстве мнѣ, Царскаго Величества Боярину и Воеводе і Намѣстнику Смоленскому, Петру Васильевичу Шереметеву; Царского жъ Величества Боярина і Воеводы на Князь Іваново мѣсто Петровича Пронскаго, а ему, Боярину Князю Івану Петровичу, велено быть к Москве, и по тому Великаго Государя нашего его Царскаго Величества указу Новгороцкое Государство я, Царскаго Величества Бояринъ і Воевода Петръ Васильевичь, у Боярина і Воеводы Князя Івана Петровича Пронскаго принялъ.

Да в нынешнемъ во 1673 году Великаго Государя нашего Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великия і малыя и бѣлыя Росиі Самодержца, Его Царскаго Величества в грамоте ис Посолскаго Приказа Царскаго Величества к Боярину і Воеводе и Намѣстнику Велико-Перьмскому, ко Князю Івану Петровичу Пронскому, писано: в нынешнемъ же во году Декабря въ 3 числѣ пріѣхалъ к Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, к Москвѣ изъ Свѣй иноземецъ Полковникъ Николай

Ѳанстаденъ, и по ево Полковникову пріѣзду вѣдомо Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, учинилось, что вельможнѣйшей Государь вашъ, его Королевское Величество, для сосѣдственные с Великимъ Государемъ нашимъ, с Его Царскимъ Величествомъ дружбы и любви, указалъ Преподобнаго Арсенія Чюдотводца мощи, которые после отнятія Деревеницкаго монастыря и Игумена Леонтея с братіею, остались за Свѣйскимъ рубежемъ в пустомъ Коневскомъ монастыре, отдать, и объ отдаче тѣхъ святыхъ мощей Его Королевское Величество писалъ с нимъ, Полковникомъ, к тебѣ, Королевскаго Величества Генералу, и тое Королевскую грамоту онъ, Полковникъ Николай Ѳанстаденъ, подалъ на Москве в Посолскомъ Приказе. И по указу Великого Государя нашего Его Царскаго Величества об отдаче тѣхъ святыхъ мощей к тебѣ, Королевскаго Величества Генералу, писалъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества Околничеі и Намѣстникъ Серпуховскоі Артемонъ Сергѣевичъ Матѳѣевъ листъ.

Писано столбцемъ.

11.

Челобитная Игумена Мирожскаго монастыря и Псковскихъ помѣщиковъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ всегородныхъ старостъ. 1623 г.

Царю Государю і Великому Князю Михаилу Феодоровичу всеа Руси бьютъ челомъ Псковскихъ монастырей твои Государевы богомолцы, Спасова Мирожскаго монастыря Игуменъ Герасимище і во всѣхъ Ігумновъ мѣсто, да холопи твои, Псковскіе помѣщики Олешка Татищевъ, і во всѣхъ Псковскихъ помѣщиковъ мѣсто. Нынешнего 1623 года, по твоей Государеве грамоте, велено, Государь, насъ, твоихъ Государевыхъ богомолцовъ, и насъ холопей твоихъ дать со Псковичи со всегородными Старосты въ ихъ самоволномъ владѣньи съ ямскихъ деревень в хлебномъ і в денежномъ доходе счетъ. Милосердый Государь, Царь і Великой Князь Михаило Федоровичь всеа Руси, пожалуй, Государь, насъ своихъ Государевыхъ богомолцевъ, и насъ холопей своихъ—вели, Государь, у

всегородныхъ Старостъ взять с тѣхъ ямскихъ деревень приходу и расходу выделные книги, какъ онѣ владѣли самовольно с твоего Государева, обирая подъяческое устроеніемъ въ свою і въ дьячью избу до счета. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: «Взять для спросу въ съѣзжей избѣ.»

12.

Челобитная Игумена Герасима и Псковскихъ помѣщиковъ о безпорядкахъ, допущенныхъ всегородными Старостами по ямскому дѣлу (Перв. полов. XVII стол.).

Царю, Государю і Великому Князю Михайлу Ѳедоровичу, всеа Русіи, бьетъ челомъ Преображенья Спасова Мирожского монастыря Игуменъ Герасимище і во всѣхъ Псковьскихъ монастырей мужскихъ і девичихъ Игуменовъ и Игуменей, да Псковъские помѣщики Дворяне и дѣти Боярские Олешка Татищевъ и во всѣхъ Псковъскихъ помѣщиковъ мѣсто. Нынешняго, Государь,..... били челомъ тебѣ, Государю, на Псковскихъ на всегородныхъ Старостъ, на Конона Солодовника с товарыщи, въ ямскомъ именье. И прислана во Псковъ твоя Государева грамота к твоимъ Государевымъ Воеводамъ, ко Князю Ондрѣю Васильевичу Хилкову, да к Ивану Федоровичу Наумову, да к Дъяку к Петру Овдокимову. Милосердый Царь Государь і Великіі Князь Михайло Ѳедоровичь, вели, Государь, к себѣ, к Государю, к Москве изо Пскова от своихъ Государевыхъ Воеводъ и отъ Дъяковъ отписать по той своей Государеве грамоте, какъ онѣ, всегородные Старосты, городомъ и засадами и пригороды в разоренее и после разоренея въ прошлыхъ годѣхъ ямъ стропли и подводы отпускали и ныне какъ устроенъ во Пскове подгороцкой ямъ. А въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ покамѣста онѣ, Псковичи, посадцкие люди, самоволствомъ до ямсково строенья владѣли ямъскими крестьяны і доходомъ однѣ. І о томъ по нынешней і по прежней своей Государеве грамоте вели, Государь, с ними счетъ дать. Царь Государь, смилуйся, пожалуй!

Столбецъ. Года не обозначено.

13.

Челобитная Дворянъ и жильцовъ Сотной сотни на Абакума Ѳевлева за поношенія ихъ безчестными словами. 1664 г.

..... Великому Князю Алексѣю Михайловичу..... и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу..... холопи твои дворяня и жильцы..... сотни Сатина на Абакума Ѳедорова сына Ѳевлева. В нынешнемъ, Государь, въ 1664 году на твоей Великого Государя службѣ какъ были у Бояръина и Воеводы, у Князь Ивана Семеновича Прозоровскаго, с Полскими и Крымскими людми въ Касулейчахъ, и на томъ боѣ тебе, Великому Государю, мы холопи твои служили и твоего Государева знамени нигдѣ мы, холопи твои, не отставали. Да у насъ же, холопей твоихъ, в сотне ранено пять человѣкъ—Князь Иванъ .... Трубниковъ, Григорій Челякинъ, Игнатей Челищевъ, Степанъ Демяниковъ. Да твоево Государева знамени пробито в трех местехъ, а подъ Головою нашимъ конь раненъ и подъ человѣкомъ ево лошадь ранили и у многихъ. Государь, сотенныхъ людей побиты и переранены люди, и лошади побиты жъ и переранены. А на томъ, Государь, бою с Головою нашимъ сотенныхъ людей толко сорокъ восемь человекъ. А онъ, Абакумъ, насъ холопей твоихъ называетъ не слугами, будто мы холопи твои на томъ бою тебе, Великому Государю, не служили и твоево Государева знамени не метали. А мы, холопи твои, на томъ бою тебѣ, Великому Государю, служили и отъ твоего Государева знамени нигдѣ не отставали и тѣмъ онъ, Абакумъ, насъ холопей твоихъ обезчестилъ. Милосердый Государь, Царь і Великій Князь Алексѣй Михайловичь, всея великия и малыя і бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожалуй насъ холопей своихъ, вели, Государь, по своему Государеву милостивому.....

Столбецъ безъ конца и съ обрывками.

14.

Челобитная Стрѣлецкаго Головы Ивана Мещеринова о пожалованіи его землею. (Врем. Царя Алексѣя Михайловича.)

Царю Государю і Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой, Голова Московскихъ Стрельцовъ, Івашка Мещериновъ: купленное, Государь, дворишко у меня холопа твоего, что я купилъ у Паѳнутьева монастыря в Беломъ городе, в приходе у Живоначальные Троицы, что у Покровскихъ воротъ, и былъ я, холопъ твой, на твоей Великаго Государя службѣ в Киевѣ, а безъ меня, холопа твоего, тотъ мой дворишко згорелъ. А подле, Государь, дворишка моего была пустая земля, длиннику тритцать семь сажень, а поперешнику в одномъ конце, что от города, три сажени безъ четверти, а в другомъ конце сажень с четвертию. И та, Государь, земля запустела до морового поветрея. И людишки, Государь, мою ту землю безъ меня, холопа твоего, пригородили к моемуж огородишку. Милосердый Государь, Царь і Великіі Князь Алексѣй Михаиловичь, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержецъ, пожалуй меня, холопа твоего, вели, Государь, ту пустую порожнюю землю отдать под огородишко мне холопу твоему. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Писано столбцемъ.

15.

Челобитная Стрѣлецкаго Головы Мещеринова о притѣсненіяхъ, дѣланныхъ ему Воеводою Княземъ Волконскимъ въ Соловецкомъ монастырѣ. (Времена Царя Ѳедора Алексѣевича.)

Царю Государю і Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу всея великия и малыя і бѣлыя Росіі Самодержцу. Бьетъ челомъ холопъ твой Івашко Мещериновъ. Въ прошломъ, Государь, во 1673 году, в Сентябре месяце, по указу блаженныя памяти отца твоего Государева, Государя нашего, Царя і Великаго Князя

Алексѣя Михайловича, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, посланъ я, холопъ твой, съ полкомъ на твою Великаго Государя службу, на Соловецкой островъ подъ Соловецкой монастырь, і велено мнѣ, холопу твоему, над Соловецкими ворами і измѣнниками чинить всякой воинской промыслъ со всякимъ радѣніемъ неотложно, чтоб ихъ воровство і мятежъ искоренить вскорѣ. І я, холопъ твой, будучи подъ Соловецкимъ монастыремъ і чинячи промыслъ над ворами полтретья года, и здѣлалъ я, холопъ твой, кругъ монастыря тринадцать городковъ земляныхъ и на нихъ велѣлъ нарубить роскаты деревяные и насыпать каменьемъ. И с тѣхъ, Государь, роскатовъ чинилъ я надъ ними ворами промыслъ. Да от тѣхъ же, Государь, городковъ шанцами я, холопъ твой, подшол подъ городъ в самые ближние мѣста и подвелъ подкопы подъ три башни. И бился я, холопъ твой, с ними ворами полтретья года, не щадя головы своей, на многихъ выласкахъ и на приступахъ. И милостию, Государь, Божиею и твоимъ Великого Государя счастиемъ, я, холопъ твой, с твоими Государевыми началными і ратными людьми городъ взялъ і воровъ всѣхъ порубилъ, а самыхъ пущихъ воровъ, для взысканія казны монастырской, велѣлъ оставить живыми. И после, Государь, взятья Соловецкаго монастыря, в Соловецкомъ монастырѣ живу я, холопъ твой, полгода. И Соловецкие, Государь, выходцы, Попы і старцы, на твой Государьской ангелъ и на праздники тѣхъ церквей, кои въ монастырѣ, пріносили мнѣ, холопу твоему, образу і в почесть приносили мнѣ, холопу твоему, келейную свою рухлядь и денги. А какъ, по твоему Великаго Государя указу, прислан на мое, холопа твоего, мѣсто Столникъ і Воевода Князь Володиміръ Волконской, да Дъякъ Алмазъ Чистовъ, і велено имъ переписывать і сыскивать про монастырскую казну, чтобъ вся монастырская казна была в целости, и мнѣ, холопу твоему, у той переписки велено съ ними быть. И монастырская казна по книгамъ в целости. А в роспросе передъ Столникомъ і Воеводою, передъ Княземъ Володимеромъ Волконскимъ, да предъ Дьякомъ Алмазомъ Чистовымъ, Соловецкие воры измѣнники, Попъ Леонтей, да Келарь Левка, да старецъ Ѳеоктистъ, мстя мнѣ, холопу твоему то, что я надъ ними ворами промыслъ учинилъ, і хотя службишку мою, холопа твоего, опорочить, сказали, будто онѣ ко мнѣ образы носили церковные і денги і рухледь ка-

зенную, а не свою келейную, і меня, холопа твоего, для того, по ихъ воровской скаске, в Соловецкомъ монастырѣ задержали. Милосердый Государь, Царь і Великій Князь, всея великія і малыя і бѣлыя Росіі Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, не вели, Государь, ихъ воровскимъ измѣнничьимъ лживымъ рѣчемъ повѣрить і вели, Государь, меня изъ Соловецкаго монастыря отпустить к Москве. А что они воры приносили ко мнѣ образа и денги и рухледь, назвавъ своею келейною, а нынѣ сказываютъ монастырьскою, и буде, Государь, по книгамъ сыщетца, что все они воры ко мнѣ приносили казенное монастырское, а не свое келейное, і вели, Государь, то все у меня, холопа твоего, принять в монастырскую казну, а которые, Государь, образы они, Попы і чернцы, приносили моево жъ полку к началнымъ людямъ, і тѣ образы и рухледь Столникъ і Воевода, Князь Володимеръ Волконской, да Дякъ Алмазъ Чистовъ, у нихъ начальныхъ людей у всѣхъ побрали в монастырь. А какъ изъ острова домой отпустили, и тѣ образы опять Архимандритъ Макарій отдалъ имъ же начальнымъ людямъ. А мнѣ, холопу твоему, онъ, Князь Володимеръ, мстя прежнюю свою недружбу, которые такіежъ образы и денги и рухледь Соловецкие Попы і старцы свою келейную ко мнѣ, холопу твоему, в почесть приносили на твоій Государьской ангелъ і на праздники тѣхъ церквей, кои въ Соловецкомъ монастырѣ безъ твоей Великаго Государя грамоты не принималъ и меня, холопа твоего, за тѣмъ держатъ и морятъ голодною смертію, а людишковъ моихъ з запасенымъ и с рухледишкою держатъ за карауломъ, и меня, холопа твоего, и людишекъ моихъ для запасу на ловь не пущаютъ и морятъ голодною смертію. А которыхъ я, холопъ твой, воровъ изменниковъ досталъ своею головою и оставилъ живыхъ для взыскания монастырския казны и держалъ ихъ в тюрмахъ, и тѣхъ воровъ онъ, Князь Володимеръ, на волю свободилъ, а вмѣсто, Государь, тѣхъ воровъ за мою службишку и за радительность меня, холопа твоего, моритъ голодною смертью, исполняючи свою прежнюю недружбу. А я, холопъ твой, в казну ни в которую монастырскую не хаживалъ и денегъ из никакой казны монастырской не имывалъ, а естьли бы мнѣ, холопу твоему, похотѣть корысну быть монастырскою казною, и я бъ холопъ твой, вшедчи въ городъ, монастырскихъ казенъ и не печаталъ бы; а то я, холопъ твой, самъ въ

казну не хаживалъ и начальныхъ и ратныхъ людей въ казну не пущивалъ, въ томъ, Государь, цлуюся на весь полкъ ратныхъ людей, которые у меня, холопа твоего, в полку были. Царь Государь, смилуйся.

Писано столбцемъ.

16.

Челобитная Стрѣлецкаго Головы Мещеринова о незаконныхъ поступкахъ Воеводы Князя Волконскаго на Соловецкомъ островѣ. (Конца XVII стол.)

..... и отъ Соловецкихъ воронъ.... и за ту свою службишку и радѣтелной промыслъ получилъ я, холопъ твой, к себѣ твою, Великого Государя, великую и неизреченную милость: прислана ко мнѣ, холопу твоему, изъ Новогороцкаго Приказа твоя Великаго Государя милостивая грамота с милостивымъ словомъ, а на мое, холопа твоего, мѣсто присланъ на Соловецкой островъ Столникъ і Воевода Князь Володимеръ Волконской, да Дѣякъ Алмазъ Чистовъ с началными и с ратными людми. И онъ, Князь Володимеръ, видя мои, холопа твоего, кругъ Соловецкаго монастыря промыслы — городки и шанцы и щиты и всякие промыслы, и онъ, Князь Володимеръ, мстя мнѣ, холопу твоему, прежнюю недружбу и хотя с меня, холопа твоего, взять взятковъ болшихъ, и тѣ городки и роскаты и в нихъ избу велѣлъ всѣ пожечь тотчасъ, а достальные на уголье пережечь. А тѣмъ угольемъ оковывали ему, Князю Володимеру, во все лѣто сундуки и ларцы. А тѣ сундуки и ларцы делалъ онъ, Князь Володимеръ, ис твоихъ, Великаго Государя, дубовыхъ казенныхъ бочекъ, которыя бочки, по твоему Великого Государя указу, присланы ко мнѣ, холопу твоему, в полкъ с вином отъ Архангельсково города для ради ратныхъ людей болныхъ и раненыхъ и изъ моихъ, холопа твоего, дубовыхъ винныхъ бочекъ, и твои, Великого Государя, казенные бочки, послалъ я, холопъ твой, на лодкахъ к отдаче к Архангельскому городу з Двинскими стрелцами. И онъ, Князь Володимеръ, тѣ бочки у стрелцовъ отнялъ и передѣладъ себѣ в сундуки і в ларцы. А в тѣхъ, Государь, городкахъ и в роскатахъ и в избахъ было по смѣте

бревенъ пяти и четырехъ и трехъ и двухъ саженъ болши дватцати тысячъ бревенъ. И онъ, Князь Володимеръ, пожегъ всѣ напрасно и писалъ на меня, холопа твоего, к тебѣ, Великому Государю, ложно, хотя меня, холопа твоево, огласить напрасно и службишку мою опорочить, и для тово онъ, Князь Володимеръ, и переписныхъ книгъ монастырскія казны не прислалъ многое время к тебе, Великому Государю, к Москве, и будто я, холопъ твой, монастырскую казну пограбилъ и нагрузилъ лодку и хотѣлъ будто отъ монастыря уѣхать и будто я, холопъ твой, и людишки мои хотѣли стрелять по твоимъ, Великого Государя, ратнымъ людямъ. И тѣмъ онъ, Князь Володимеръ, меня, холопа твоево, и людишекъ моихъ поклепалъ и огласилъ напрасно. А пограбилъ монастырскую казну и покралъ онъ самъ, Князь Володимеръ, а ныне онъ, Князь Володимеръ, пограбя и покрадчи монастырскую казну и мою, холопа твоево, рухлядь, которую онъ не написалъ въ переписныя книги и началныхъ людей животы, которые поставлены были у меня, холопа твоего, на лодьѣ Ротмистра Степана Потапова да Поручика Василія Гурковскаго. И онъ, Князь Володимеръ, Августа в первыхъ числехъ, нагрузя лодью, с платьемъ і всякою монастырскою казною и моею, холопа твоево, рухледью и начальныхъ людей животами, которые онъ, Князь Володимеръ, утая и укратчи, мою, холопа твоево, рухлядь и многихъ начальныхъ людей, в переписныя книги не вписавъ, хочетъ укратчи тѣмъ всѣмъ завладѣть напрасно.....

Писано столбцемъ. Начала и конца недостаетъ.

17.

Челобитная Никиты Кирѣевскаго о дачѣ ему пустоши. (Врем. Царя Ѳеодора Алексѣевича).

Царю Государю і Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росиі Самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой, Микитка Демидовъ сынъ Киреевской. В прошлых, Государь, годехъ билъ челомъ я, холопъ твой, блаженные памяти отцу твоему Государеву, Великому Государю Царю і Великому

Князю Алексѣю Михаиловичу всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу: в Дмитровскомъ уезде в Кузмодемянскомъ стану отдана третья пустоши Бекетова себѣ въ поместье, а третяя треть в той пустоши моя, холопа твоего. І в тое, Государь, пору, по указу блаженные памяти отца твоего Государева, Великаго Государя, в Дмитровском уезде во всех станех не порожних земель въ помѣстье давать было не указано. А ныне, Государь, после моего, холопа твоево, челобитья, билъ челомъ тебе, Великому Государю, о техъ дву третяхъ пустоши Бекетова Іванъ Ивановъ сынъ Чюлиздинъ, утая меня, холопа твоего, челобитья и будто я за деломъ не хожу. И я, холопъ твоі, в тое пору былъ на твоей, Великого Государя, службе и против ево челобитья дана ему твоя, Великаго Государя, грамота в Дмитровъ, велено про тое пустошь сыскать и отказать ему, Івану, в поместье за моимъ челобитьемъ. Милосердый Государь, Царь і Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, не вели, Государь, техъ двухъ третей пустоши Бекетова ему, Івану, отказать безъ очьной ставки. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Столбецъ.

18.

Челобитная Головы Московскихъ стрѣльцовъ Ивана Мещеринова, о службѣ его подъ Соловецкимъ монастыремъ. (Времени Царей Іоанна и Петра.)

.....вичу, Петру Алексѣевичу всея великия..... бьетъ челомъ холопъ вашъ разореной, Івашко..... во 1674 году, по указу отца вашего Государева..... Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михаиловича всея великия и малыя і бѣлыя Росіи Самодержца, посланъ я, холопъ вашъ, изъ Малороссійскаго Приказа с полкомъ на вашу, Великихъ Государей, службу на Соловецкой островъ на воровъ и изменниковъ Соловецкихъ, которые учинили противность Соборнѣй Апостольской Церкви і вамъ, Великимъ Государемъ, учинились непослушны. И по Великихъ Государей указу, велено над ними ворами за ихъ

злые умыслы і противство воинской промыслъ чинить, чтобъ онѣ воры от злаго начинанія престали и повинилися Соборнѣй і Апостольской Церкви і вамъ, Великимъ Государемъ, в винахъ своихъ добили челомъ. И онѣ, воры, отъ злаго своего начинания не престали, і вамъ, Великимъ Государемъ, учинились во всемъ противны. І по вашему Великихъ Государей указу, я, холопъ вашъ, ихъ воровъ осадилъ на крѣпко самою крѣпкою осадою і всякой воинскій промыслъ над ними ворами чинилъ, і многие шанцы і подкопы зделалъ і воду у нихъ. . . . . по мнѣ, холопѣ вашемъ, і по ратнымъ людямъ изо ста и двадцати пушекъ, і многихъ вашихъ Великихъ Государей начальныхъ і ратныхъ людей побили из пушекъ і из меднаго ружья, а человѣкъ с семьсотъ перераниля на выласкахъ и на приступахъ. И я, холопъ вашъ, отъ нихъ воровъ изувеченъ и оглохъ ото многія ихъ пушечныя стрелбы. И за помощию, Государь, Божиею и вашимъ Великихъ Государей счастьемъ, я, холопъ вашъ, с начальными і ратными людьми надъ ними ворами і измѣнниками промыслъ учинилъ і воровство ихъ искоренилъ и ихъ воровъ побилъ и ту Святую Лавру отъ нихъ воровъ свободилъ и все поморіе утишилъ и о томъ я, холопъ вашъ. . . . . .

Писано столбцемъ. Листъ этотъ въ началѣ и въ концѣ порванъ.

19.

Челобитная Ивана Мещеринова о выдачѣ ссудной записи на крестьянина Семена Агѣева. 1685 г.

Царемъ Государемъ і Великимъ Княземъ Иоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцемъ, бьетъ челомъ холопъ вашъ Івашко Івановъ сынъ Мещериновъ. Въ прошломъ, Государи. . . . . году билъ. . . . . мнѣ, холопу вашему, с воли во крестьяне Сенка Агѣевъ. . . . . на Москвѣ ссудную запись. И я, холопъ вашъ, ево женилъ на старинной своей дѣвки Танки Филиповой, и та ссудная у меня утерялась. А в Холопье Приказе записные книги в мутное время

издрали. Милосердые Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь всея великія і малыя і бѣлыя Россіі Самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, Государи, того моіво крестьянина на Сенку Агѣева і на жену ево Таньку Ѳилипову і на дѣтей дать ссудную, чемъ мнѣ, холопу вашему, впредь владѣть. Цари Государи, смилуйтеся.

Столбецъ. На оборотѣ подпись Мещеринова и помѣта о распросѣ Агѣева.

20.

Челобитная Ивана Кирѣевскаго о не правильномъ зачисленіи его съ братьями въ городовые дворяне. (1701 г.)

Великому Государю Царю і Великому Князю Петру Алексѣевичу, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой, Іванко Васильевъ сынъ Кирѣевской. Въ нынешнемъ, Государь, въ 1701 году по твоему Великаго Гусударя указу и по грамоте из Золотой Палаты, послана твоя Великого Государя грамота въ Дмитровъ городъ к Воеводе к Ондрею Петрову сыну Подлесову, а по той твоей Великаго Государя грамоте велѣно городовыхъ Дворянъ изъ недорослей дѣтей ихъ выслать к Москвѣ в Золотую Палату и записывать приѣзды свои. И по той твоей Великого Государя грамоте онъ, Воевода Ондрей Подлесовъ, присылалъ приказнаго Подъячаго Степана Ѳилипьева ко мнѣ, холопу твоему, и ко братьямъ моимъ мимо твоего Великого Государя указу, въ помѣстишко і в вотчинки наши, для высылки недорослей к Москвѣ в Золотую Палату. И онъ, Подъячей, написалъ в доездѣ своемъ, будто отецъ нашъ Василей Никитичь Кирѣевской служилъ тебѣ, Великому Государю, по городу в дворянахъ, и написалъ меня, холопа твоего, и братьевъ моихъ Василья да Микиту Кирѣевскихъ в малыхъ лѣтѣхъ из недорослей в городовые. А отецъ, Государь, мой служилъ тебѣ, Великому Государю, по Москвѣ в болшомъ полку, а не по городамъ во дворянехъ. И посылалъ онъ, Воевода, многие посылки в помѣстишко наше і в вотчинки. І от тѣхъ, Государь, от частыхъ посылокъ чинятца

людишкамъ нашимъ и крестьянишкамъ многія разоренія. Милосердый Великій Государь Царь і Великій Князь Петръ Алексѣевичь, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіі Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, Государь, в тоіі росписи именишка наши отмѣтить и изъ Золотой Палаты вели, Государь, послать к нему, Воеводе, Великого Государя указъ, чтобъ впредь от него Воеводы присылокъ не было и мнѣ и братьямъ моимъ и людишкамъ нашимъ і крестьянишкамъ разоренія не было. Великій Государь, смилуйся.

Писано столбцемъ. Бумага съ гербовымъ штемпелемъ.

21.

Донесеніе Воеводы Ивана Мещеринова о приходѣ къ г. Козмодемьянску воровскихъ Казаковъ. (Конца XVII стол.)

Служа и работая Великому Государю и слыша про приходъ воровскихъ Казаковъ, ровъ кругъ города и острога выкопалъ глубиною пяти саженъ, шириною семи саженъ и черезъ ровъ мосты подъемные зделалъ и стену новую зделалъ и колодезы и тайникъ зделалъ и обламы кругъ города и острога новые зделалъ, і всякіе городовые крѣпости учинилъ, какихъ тутъ не бывало. А делалъ все градцкими и уѣздными людми, и дворы и лавки у многихъ человѣкъ, очищая городовые и острожные стены, отламалъ и на томъ мѣсте выкопалъ ровъ. И которые воры Кузмодемянские Русские розныхъ чиновъ люди и дѣти ихъ и братья и племянники въ то время, какъ я былъ въ Кузмодемянскѣ, и они были въ воровскихъ Казакахъ человѣкъ четыре ста в Астрахани и подъ Симбирскимъ. И я без ихъ у многихъ дворы и избы разломалъ и перевозилъ, которые годились на то городовое и острожное строеніе, на катки и на обламы. Да ихъ же Русскихъ людей многихъ ставилъ на караулъ по городу и по острогу и по улицамъ и по перехресткамъ, а по иное время слушать по вестямъ. І всѣми людьми всякихъ чиновъ велѣлъ на карауле безсходно стоять отъ приходу воровскихъ казачишковъ потому, что

они, Кузмодемянцы, и братья и племянники были в тое пору в воровскихъ Казакахъ больши четырехсотъ человѣкъ, а стояли онѣ, собрався с иными ворами, в большомъ собранье, на Ангашинскомъ лѣсу, отъ Кузмодемянска въ щидесяти верстахъ, и хотели приходить подъ Кузмодемянскъ.

Писано столбцемъ.

22.

Челобитная Кузмодемьянскаго Воеводы Мещеринова о буйствахъ Черемисъ и Чувашъ. (1673 г.)

Царю Государю і Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой Івашко Мещериновъ. Жалоба, Государь, мне, холопу твоему, Кузмодемьянскаго уезду на Чювашу и Черемису разныхъ сотенъ і волостей, а имянъ ихъ я, холопъ твой, не знаю, а в рожу ихъ я, холопъ твой, и людишка мои многихъ узнаемъ. Въ нынешнемъ, Государь, въ 1673 году Ноября въ 29 день, въ шестомъ часу дни, приходили они, Чюваша и Черемиса, к дворишку моему, где я, холопъ твой, стою, собравься великимъ многолюдствомъ, человѣкъ съ шестьсотъ и болши, не ведомо, Государь, по какому умыслу, і на дворъ ко мне, холопу твоему, въ ворота ломились и черезъ заборъ на дворъ многие люди перелезли. И я, холопъ твой, съ людишками своими на великую силу отъ нихъ отбился. Милосердый Государь, Царь і Великіі Князь Алексѣй Михайловичь, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, Государь, ихъ Чювашу и Черемису роспросить, по какому они умыслу ко мне на дворъ ломились и на заборе многие сидели и черезъ заборъ на дворъ ко мнѣ лазили, сыскать тутошными соседми и околными людми. Царь Государь, смилуйся.

Узенькій столбецъ.

23.

Челобитная вдовы Кирѣевской о неправежѣ съ имѣній ея рублеваго сбора за Крымскіе походы. (1701 г.)

Великому Государю Царю і Великому Князю Петру Алексѣевичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержцу, бьетъ челомъ раба твоя, вдова Прасковьица, Иванова дочеришка, Васильевская жена Никитича Кирѣевскаго. Въ прошлыхъ, Государь, годехъ, по твоему Великаго Государя указу, изъ недоимочнаго Приказу присланы твои, Великаго Государя, грамоты въ Дмитровъ да въ Кашинъ в городъ. А по темъ твоимъ, Великого Государя, грамотамъ, велено за Крымскіе походы 195 и 197 годы править с крестьянскихъ дворовъ рублевыя деньги, і в прошломъ, Государь, въ 92 году, била челомъ я, раба твоя, тебе, Великому Государю, чтобъ техъ рублевыхъ денегъ за Крымскіе походы на крестьянишкахъ моихъ не править потому, что мужъ мой Василей Никитичь былъ на твоей Великаго Государя службѣ во 194 году под Ізюмомъ, а во 197 году в Крымскомъ походе и былъ на техъ твоихъ, Великаго Государя, службахъ с преѣзду и до отпуску, и о службѣ мужа моего с розряду справлевана, и противъ моего челобитья из недоимочнаго Приказа в Дмитровъ да в Кашинъ городъ дана с прочетомъ твоя, Великаго Государя, грамота к Воеводамъ—рублевыхъ денегъ на крестьянишкахъ моихъ править не велено. І тое твою, Великаго Государя, грамоту человѣченко мой, Ѳедка Васильевъ, в Дмитровѣ городе в Приказной избѣ подалъ Воеводѣ, і Воевода отдалъ тоѣ грамоту Подъячему Меркушке Аѳонасьеву. И онъ, Подъячей Меркушка, для своей бѣзделной корысти і взятковъ своровать, принявъ тоѣ грамоту у Воеводы, человѣченку моему не отдаетъ и до нынѣ и проситъ с меня рабы твоей многихъ взятковъ. І в техъ рублевыхъ сборахъ нынѣ в Кашинѣ в рабочаю пору держатъ в тюрмѣ крестьянишикъ моихъ, и оттого его Меркушкина воровства, что не отдаетъ тоѣ твоей, Великаго Государя, грамоты чинятца мнѣ, рабѣ твоей, и крестьянишкамъ моимъ великия убытки и разорения. І в техъ убыткахъ и разоренее своемъ и крестьянишакъ своихъ, я, раба твоя, на нѣго, Подъячего Меркушку Аѳонасьева, стану впредь в Судномъ Московскомъ Приказе бить челомъ тебѣ, Великому Госу-

дарю. Милосердый, Великіі Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичь, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержецъ, пожалуй меня, рабу твою, вели, Государь, из недоимочнаго Приказа с прежнего отпуску дать с прочетомъ свою Великаго Государя грамоту в Дмитровъ да Кашинъ городъ, чтобъ на крестьянишкахъ моихъ тѣхъ твоихъ Великого Государя рублевыхъ денегъ не править и крестьянишекъ моихъ из тюрьмы освободить. Великіі Государь, смилуйся, пожалуй.

Писано столбцемъ. Бумага съ гербовымъ штемпелемъ.

24.

Извѣтъ Подкеларника Соловецкаго монастыря Сильвестра о непристойныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ про Государя чернецомъ Манасійкою.
(673 г.)

Бьетъ челомъ—извѣщаетъ Богомолецъ твой, нищеі Соловецкаго монастыря Подкеларникъ, а Кирилова монастыря постриженой чернецъ Селиверстъ, на Столника і Воеводу, на Князя Володимера Волконскаго да на Архимандрита Соловецкаго монастыря Макарія в томъ, што они вашей Государьской чести, живучи во монастыре, не оберегаютъ, а сами пьютъ и бражничаютъ безпрестанно, а вашей Государской чести не брегутъ. В нынешнемъ, Государь, въ 1673 году въ Іулѣ мѣсяцѣ въ Соловецкомъ монастыре сидел взятой воръ изменникъ, родомъ Смолченинъ, чернецъ Манасійко и говорилъ при нихъ, Архимандрите и Князе Володимере, блаженныя памети про отца твоего, Великаго Государя нашего, и про тебя, Великаго Государя, не пристоиные слова—не толко написать, но и помыслить страшно—при многихъ старцахъ и при твоихъ Государевыхъ служилыхъ людяхъ. И они, Князь Володимеръ и Архимандритъ Макарей, приходили къ нему, черньцу Манасійке х тюрьме и сами не пристоіные речи от него Манасійка слушали и, за своимъ пьянствомъ, по се время, объ вашей Государской чести нераденіемъ, о томъ великом деле х тебе, Великому Государю, не писали к Москве. А которые братія старцы і служилые люди хотятъ о

томъ деле тебѣ, Великому Государю, весно учинить и оне, Князь Володимеръ и Архимандритъ, проведавъ, техъ людей сажаютъ въ смертныя темницы, уповая добить до смерти. Такожде проведавъ і про меня нищего, што хотелъ тебе, Государю, известно учинить о томъ деле, і они, проведавъ о томъ, держутъ меня въ монастыре и с острова не спущаютъ, штобъ я про такое великое дело тебе, Великому Государю, весно не учинилъ. А знатное, Государь, дело, что с того черньца Манасейка взяли они, Князь і Арьхимандритъ, скупъ большой, потому ево і берегутъ. А какъ онъ посоженъ в тюрму і к нему посылалъ Архимандритъ Макарей тайно одного полночи времени келейнаго своего молодова Дьякона Стеѳана; про то скажетъ Стеѳанъ. Пожалуй меня нищего своего богомольца, вели, Государь, про те непрістоіные рѣчи розыскать всемъ Соловецкимъ монастыремъ—съвященницамъ и братьею и своими Государевыми ратными людьми. А ихъ, Князя Володимера и Архимандрита Макарея, выслать вонъ, гдѣ ты, Великій Государь, укажешь, покаместа про то великое дело розыщутъ, штобъ, Государь, не боясь ихъ, сказали в правду в сыску. А какие, Государь, не пристоіные речи онъ, чернецъ Манасіико, говорилъ про ваше Царское Величество, и про то, Государь, не мошно на писме подать. А ноне ево, черньца Манасеіка, ис тюрмы они съвободили і ходитъ онъ в манастыре на напрости. Царь Государь, смилуйся.

Писано столбцемъ.

25.

Доносеніе Дружинки Крицицына Псковскимъ Воеводамъ о состояніи Русскихъ и Польскихъ войскъ. 1662

Государя Царя і Великого Князя Алексѣя Михаиловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіі Самодержца, Околничему и Воеводѣ Князю Тимофѣю Ивановичу, Ермолаю Дмитреівичу Дружинко Креницынъ челомъ бьетъ. В нынешнемъ во 1662 году Ноября въ 9 день писали вы ко мнѣ с проѣзжею станицею со Псковскими Казаки Ѳадѣйкою Мокѣевымъ с товарыщи. А велѣно мнѣ провѣдать подлинно, гдѣ нынѣ Бояринъ і Воевода и Намѣстникъ

Вятцкой Князь Іванъ Ондрѣевичь Хованской с полкомъ и куды пошолъ. И Польские и Литовские люди гдѣ нынѣ стоятъ и много ли ихъ ныне в зборе и кто у нихъ началные люди и куды ихъ походъ чаятъ и гдѣ ныне Полковникъ Артемей Ротѳормъ з драгуны и з Государевыми хлѣбными запасы, до полку здорово ли доѣхали, чтобъ вамъ про то было вѣдомо. А что у меня въ Опочкѣ впредь какихъ вѣстей про Польскихъ воинскихъ объявитца, и мнѣ бъ о томъ писать к вамъ почасту с нарочными гонцы. И мнѣ в Опочке вѣдомо есть, что Бояринъ і Воевода и Намѣстнихъ Вятцкой Князь Іванъ Ондрѣевичь Хованской с полкомъ ныне стоитъ в Полоцку, а куды ево походъ будетъ из Полоцка, того не вѣдомо. А Полские и Литовские люди Етманъ Чернецкой с полкомъ стоитъ на сей сторонѣ Двины реки в Старо обозе подъ Кушликовыми горами, а сколко ихъ в зборе есть и куды ихъ походъ чаятъ, того не вѣдомо впрямь. Да и то сказываютъ, что Полскоі Король Казимеръ пришелъ в Долгинево, а куды ево походъ чаютъ, того невѣдомо. А про Полковника Артемія Ротѳорма сказываютъ, что з Государевыми хлѣбными запасы пришолъ в Невль и ныне стоитъ в Невле. А Полскихъ и Литовскихъ людей из обозу и Себежа чаютъ походъ вскоре в Государеву сторону. А что у меня впредь какихъ вѣстей будетъ, и я вамъ тотчасъ учну писать наскоро.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: «Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, всеа великия і малыя і бѣлыя Росіі Самодержца, Околничему і Воеводѣ Князю Тимофѣю Ивановичу, Ермолаю Дмитреівичу». — 1662 года 15-го Ноября.

26.

Сказка, данная цѣловальникомъ Башкирцевымъ о расходѣ Государева хлѣба въ Козмодемьянскѣ. 1671 г.

1671 года, Марта въ 31 день, в Кузмодемьянскомъ в приказной избѣ Воеводе Івану Алексѣевичу Мещеринову Козмодемьянской житнишной целовалникъ Васка Башкирцовъ сказалъ: в нынешнемъ во 1671 году послѣ Воеводы Івана Семеновича По-

бединскаго і после низоваго казатскаго отпуску было въ Государевыхъ житницахъ Государева Кузмодемьянскаго посопнаго остаточнаго хлѣба двѣ тысячи триста семдесятъ четвертей съ осминою и полчетверика ржи, три тысячи шестьсотъ двѣ четверти с осминою и пополчетверика овса. Ис того числа при Старшинѣ при Ивашкѣ Микитинѣ, по ево Івашковой памяти дано на Государево жалованье Кузмодемьянскимъ стрельцамъ пятьсотъ восемьдесять четверт. съ полосминою и четверикомъ ржи, пушкарем да плотнику одиннадцать четв. съ полосминою ржи; ямщикомъ пяти человѣкамъ тридцать пять четвер. ржи, стрѣлецкимъ вдовамъ за умершихъ мужей ихъ осмнадцать чет. с полосминою ржи, да воровские казаки розымали у меня, цаловальника Васки, изъ Государевыхъ житницъ Государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ моево Васкина с товарыщи пріему моево Васкина с товарыщи двѣсти шеснадцать четв. ржи, триста двенадцать чет. овса. Да при Воеводе при Князе Даниле Аѳонасьевиче Борятинскомъ на Государево жалованье дано шляхтичу да стрелцомъ сто семдесять двѣ четв. ржи, столко жъ овса; да при Стряпчемъ і Воеводе при Петрѣ Ивановиче Аничкове дано Государевымъ ратнымъ людямъ Московскаго выборнаго Агѣева полку Шепелева солдатомъ и Московскимъ стрелцамъ на кормъ шестдесеть чет. ржи, да на Государево жалованье приходскихъ церквей Попомъ Дьякону, дьячку и пономаремъ из Кузмодемьянскихъ стрелцовъ кузнецамъ и сторожамъ і воротнику двѣсти пятдесятъ девять чет. с осминою ржи, столько ж овса. Всего в росходъ тысеча триста шестдесять. . . . . .

Писано столбцемъ. На оборотѣ подпись Попа Андрея Малахѣева вмѣсто цѣловальника Васьки Башкирцева. Окончанія недостаетъ.

27.

Сказка, данная Козмодемьянскими цѣловальниками Воеводѣ Мещеринову о хлѣбныхъ запасахъ. 1671 г.

1671 года Апрѣля въ 2 день в Кузмодемянской в приказной избѣ Воеводе Івану Алексѣевичю Мещеринову Кузмодемянские посадцкие люди житнишные целовалники, Ларка Серебреникъ,

Трупка Өедосѣевъ, Івашко Кожинъ, сказали: в Кузмодемянскомъ в Государевыхъ житницахъ Государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ приему нынѣшняго 1671 году на лицо тысеча пятьсотъ шестьдесять шесть чет: ржи, тысеча триста сорокъ шесть чет. овса, да мехавыхъ запасовъ, семь сотъ шестьдесять чет. муки ржаной, двадцать чет. крупы, двадцать шесть чет. толокно. То наша и скаска. И скаску писалъ Петрунка Өедосѣевъ. А чего того хлѣба не станетъ, і тотъ хлѣбъ на насъ на целовалникахъ.

Писано столбцемъ. Вмѣсто цѣловальниковъ, подписался Мосишко Ярославцовъ.

28.

Переводная память Козмодемьянскихъ стрѣльцовъ о взятомъ изъ Государевыхъ житницъ хлѣбѣ. 1671 г.

Се Матвѣй Өилимоновъ сынъ Щиголевъ, да я Тимоөей Өирсовъ сынъ Старожилцевъ, да я Тимоөѣй Гавриловъ сынъ Сапожникъ, да я Михайло Ильинъ сынъ Кирпишниковъ, Кузмодемянские пятидесятники стрелецкіе і десятники і всѣ Кузмодемянские стрелцы взяли есми в Кузмодемянскомъ, по приказу Воеводы Івана Алексѣевича Мещеринова, изъ Государевыхъ житницъ Великаго Государя хлѣбного жалованья Благовѣщенского сроку на нынешней на 1671 годъ: ржи и овса на старую додачу, на двѣсти на шестънадцать человѣкъ, по два четверика с осминою ржи, овса по тому жъ на человѣка, да нови на сорокъ четыре человѣка по три четверика с осминою ржи, овса по тому жъ на человѣка. А буде Великиі Государь на немъ, Воеводѣ на Іване Алексѣевиче Мещеринове, того хлѣба ржи і овса спроситъ, и намъ, пятидесятникомъ і десятникомъ і всѣмъ Кузмодемянихъ рядовъ стрелцамъ, отдать тотъ хлѣбъ рожь і овесъ весь сполна безо всякого мотчанья в тѣ житницы тотчасъ. На то послуси: Іванъ Поповъ, Илья Брюховъ, Петръ Өедосѣевъ. Память переводную писалъ пятисотной стрѣлецкой Өедка Григорьевъ. Лѣта 1671, Апрѣля въ 15 день.

Писано столбцомъ. На оборотѣ подписи Попа Аөанасія вмѣсто стрѣльцовъ и подписи послуховъ.

29.

Выпись изъ памяти о дачѣ Капитанамъ надворной пѣхоты земли подъ дворы въ Москвѣ. (Времени правленія Царевны Софіи.)

Ис Приказа Надворные пехоты Капитаномъ Михаилу Докучаеву да Петру Кромину с товарищи, 10 человѣкомъ, порожняго мѣста в Земляномъ городѣ межъ Тверскихъ и Никитскихъ воротъ, подле двора Стольника Івана Яковлева, в дачу имъ не дано потому, что ихъ, Капитановъ, многое число и на томъ месте поселитца, за множествомъ, имъ негде, а в дачу имъ дано подъ дворы земли за Мясницкими вороты, за Земляным городомъ, повадь Житнаго двора на Ольховце.

Писано столбцемъ.

30.

Справка о службѣ и награжденіи землями Арзамасца Василія Яхонтова. 1675 г.

.....Да в памяти изъ Розряду за приписью Дьяка Петра Кавелина 1675 году Ноября въ 28 день написано: в прошломъ 1655 году, на Государевой службе в первомъ Литовскомъ походе, Арзамасецъ Василей Яхонтовъ по наряду былъ в полку Боярина і Воеводы Князя Никиты Ивановича с товарищи вместо отца своего, а въ 1655 году и во 1656 году в другомъ Литовскомъ походе в полку у него ж Боярина Князя Никиты Ивановича Одоевскаго с товарищи Василей Яконтовъ былъ з городовъ за себя. По осмотру, на отпуску написанъ онъ, Василей, с тѣми, которые в томъ походе померли. А по указу Великаго Государя городовымъ дворянамъ, которые в томъ полку были вместо отцовъ своихъ в походе, велено придачи учинить отцомъ ихъ помѣстью 50 чет., а которые были в томъ же полку в другомъ Литовскомъ походе за себя, и тѣмъ противъ тогожъ.....

Писано столбцемъ. Отрывокъ.

II.

АКТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО ДѢЛЪ УГОЛОВНЫХЪ.

31.

Грамота Елецкому Воеводѣ Левшину по дѣлу о не высылкѣ Ефремовскимъ Воеводою Шишкинымъ нужныхъ къ слѣдствію людей. 1685 г.

Отъ Царей і Великихъ Князей..... на Елецъ Стольнику нашему и Воеводе Аѳанасью Ивановичу Левшину. Въ прошлом во 1684 году Апрѣля въ 30-ый день, да Августа 14 числа, посланы к тебѣ наши Великихъ Государей двѣ грамоты по челобитью Івана Мещеринова. А велѣно тебѣ на Ефремовъ к Воеводѣ к Григорію Шишкину послать кого пригожо, а челобитье его Иваново в покраденныхъ лошадехъ на Ефремовцовъ, на дѣтей Боярскихъ на Ѳилимошку Малцова с товарищи, і все подлинное дело і колодниковъ взять на Елецъ, а взять и по тому делу розыскивать по нашему указу и уложенью и по градцкимъ законамъ и по новымъ статьямъ чево доведетца, да что в томъ дѣлѣ розыску твоего будетъ или чево учинить будетъ немочно, о томъ велено писать. І в нынѣшнемъ во 1685 году Генваря 10 дня писалъ ты къ намъ: для пріему того дела и колодниковъ посылалъ ты на Ефремовъ къ Воеводѣ Григорію Шишкину Пристава Мишку Здобникова. І в нынешнемъ де во 1685 году Сентября 29, с Ефремова онъ, Григорей, писалъ и прислалъ к тебѣ челобитье Івана Мещеринова и колодниковъ, Ѳилимошку Малцова да Левку Полунина, к роспросамъ, и пыточные рѣчи і все подлинное дело, а товарищей де Ѳилимошкиныхъ оговорныхъ людей, Мишку Сапрыкина да Митку Екимова не прислалъ. А в отписке де своей писалъ, что онъ, Ѳилимошка, в краже Ивановыхъ двоихъ лошедей Мещеринова с Мишки Сапрыкина да с Митки Екимова с трехъ пытокъ зговорили, и Ноября въ 16 день Ѳилимошка Малцовъ на Ельце в роспросе и с пытки и с огня в краденыхъ двоихъ лошедяхъ Івана Мещеринова на Мишку Сапрыкина да на Митку Екимова говорилъ, что техъ лошадей онъ, Ѳилимошка, укралъ съ ними, Мишкою да съ Миткою, а на Ефремове

де и краже тѣхъ лошедей сговорилъ с нихъ, не перетерпевъ пытокъ. И Октября въ 30 день писалъ ты на Еѳремовъ къ Воеводе к Григорею Шишкину о присылке на Елецъ тѣхъ оговорныхъ людей, Мишки Сапрыкина да Митки Екимова. И онъ де, Григорей, Ноября по 16 число в нынѣшнемъ году к тебѣ не писывалъ и к тебѣ оговорныхъ людей не присылывалъ, невѣдомо для чево. И нынѣ билъ челомъ намъ, Великимъ Государемъ, Іванъ Мещериновъ: съ Ефремова де Воевода Григорей Шишкинъ прислалъ на Елецъ двухъ человѣкъ, Ѳилимошку Малцова да Левку Полунина, и розспросные ихъ речи, а товарищей де ихъ, Мишку Сапрыкина да Митку Екимова, не прислалъ для своей бѣзделной корысти, взявъ с нихъ воровъ большой скупъ, и намъ, Великимъ Государемъ, пожаловать бы ево велеть на Еѳремовъ дать ему о сыске тѣхъ воровъ, Мишки и Митки, нашу грамоту. І какъ к тебѣ ся наша грамота приидетъ, и ты бъ на Еѳремовъ к Воеводе Григорею Шишкину послалъ кого пригожо и Ѳилимошкиныхъ товарищевъ Малцева, Мишку Сапрыкина да Митку Екимова, велелъ взять к себѣ на Елецъ і взявъ, по тому делу розыскивать по нашему Государей указу и по уложенью и по градцкимъ законамъ и по новымъ статьямъ..... да что в томъ деле розыскъ твой будетъ или чево учинить тебѣ будетъ не мочно, о томъ къ намъ, Великимъ Государемъ, писать. А о томъ велеть подать в Приказе сыскныхъ делъ Боярину нашему Петру Васильевичу Шереметеву с товарыщи. А на Еѳремовъ к Воеводе Григорею Шишкину о присылке тѣхъ оговорныхъ людей, Мишки и Митки, нашъ указъ посланъ же.....

Столбецъ, мѣстами порваный.

32.

Грамота Ярославскому Воеводѣ Боркову по дѣлу о мнимо убитомъ крестьянинѣ пом. Волженскаго, въ Галицкомъ Уѣздѣ. 1685 г.

Отъ Царей..... в Ерославль Воеводамъ нашимъ Ѳедору Петровичу Боркову с товарыщи. Билъ челомъ намъ, Великимъ Государямъ, Столникъ нашъ Іванъ Ивановъ сынъ Мещериновъ: нонешнемъ де во 1685 году Апрѣля въ 21 день в Галичѣ в

приказной избѣ передъ Столникомъ нашимъ і Воеводою, передъ Княземъ Ѳедоромъ Шеховскимъ, да передъ Галицкимъ Губнымъ Старостою, передъ Кирилою Туфинымъ, билъ челомъ намъ Микифоръ Матвѣевъ сынъ Волженской Галицкаго уезду, Шербенской деревни Барановой, на крестьянъ ево, на Левку Савостьянова, на Петрушку Прокоѳеева, будто на Святой неделе ево Микифорова человека Волженскаго Купряшку Іванова и крестьянина Титка Еѳимова крестьяня ево Левка да Петрушка зарезали до смерти, и онъ, Микифоръ, с сотцкими и с понятыми в деревню ево Бараново приезжалъ и убитыхъ головъ своихъ крестьянъ въ домехъ искалъ и ничего полишнаго и убитыхъ головъ у него не нашолъ и двухъ человѣкъ крестьянъ ево, Левку да Петрушку, взялъ в Галичѣ к допросу. А в роспросе де крестьяня ево ни в чемъ не винилися. А нынѣ де ево Микифоровъ убитой крестьянинъ Титко объявился у него Микифора в дому живъ, а не убитъ и не зарезанъ. І Воевода Князь Ѳедоръ Шеховской, дружа ему, Микифору, для своей бѣзделной корысти, крестьянъ ево волочитъ и убытчитъ, Алешку и Петрушку хочетъ пытать напрасно. И намъ пожаловать бы его не велеть крестьянъ его, Левку и Петрушку, бѣзвинно пытать и то дело взять в иной городъ, куды мы укажемъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ в Галичь к Воеводе ко Князю Ѳедору Шеховскому послалъ кого пригоже і велелъ у него челобитье Микифора Матвѣева сына Волженскаго і Ивановыхъ крестьянъ Мещеринова, Левку и Петрушку, и ихъ приводные и розспросные речи і все подлинное дѣло за ево рукою взять к себѣ в Ярославль, а взявъ, по тому делу розыскивать по нашему указу, по Уложенью и по грацкимъ законамъ и по новымъ статьямъ, до чего доведетца; а его Ивановыхъ крестьянъ Мещеринова, Левку и Петрушку, буде до нихъ губное дело не дошло, велеть дать на поруки. Да о томъ к намъ писать, а отписку велеть подать в Приказе сыскныхъ делъ Боярину нашему Петру Васильевичу Шереметеву с товарыщи. Писано на Москвѣ, 1685 года, Майя въ 26 день.

Столбецъ. На грамотѣ помѣта Дьяка Бориса Остолопова и справа Подячаго Василья Токарева.

33.

Грамота помѣщику Мещеринову на поимку его бѣглыхъ крестьянъ. 1688 г.

Отъ Великихъ Государей Царей і Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича і Великие Государыни Благовѣрные Царевны и Великия Княжны Соѳіи Алексѣевны, всея великия и малыя і бѣлыя Росіі Самодержцевъ в Казань, в Свіяжскъ, в Синбирскъ, в Чебоксары, на Алатырь, [в Саранскъ—Бояромъ нашимъ і Воеводомъ і всякимъ приказнымъ людемъ. Билъ челомъ намъ, Великимъ Государемъ, Іванъ Мещериновъ: Ростовские де ево и Галицкихъ деревень многие крестъяне розбежались и, бегаючи, живутъ в понизовыхъ городехъ в Казани, в Свіяжску, в Синбирску, в Чебоксарехъ, на Алатыре, в Саранску. И в тѣ же понизовые городы, для тѣхъ бѣглыхъ крестъянъ, посылаетъ онъ и людей своихъ Гришку Степанова с товарищи. И намъ Великимъ Государемъ пожаловать бъ ево велѣть ему в Казань і в иные понизовые городы к Бояромъ і Воеводамъ дать нашу Великихъ Государей грамоту с прочетомъ. И какъ к вамъ ся наша грамота придетъ, для тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, Іванъ Мещериновъ кого людей своихъ и крестьянъ пришлетъ, і в городѣхъ Бояромъ нашимъ і Воеводамъ и всякимъ приказнымъ людемъ, для поимки тѣхъ бѣглыхъ его крестъянъ велѣть дать приставовъ и пушкарей и служилыхъ людей. А какъ тѣ крестьяне сысканы будутъ и об отдаче тѣхъ ево бѣглыхъ крестьянъ велѣть нашъ Великихъ Государей указъ чинить по нашему Великихъ Государей указу по соборному уложенью и по ново указнымъ статьямъ и по наказомъ. А прочетъ ся нашу Великихъ Государей грамоту и списавъ с неѣ списокъ, оставливали в приказной избе, а подлинную нашу Великихъ Государей грамоту отдавали людямъ его Ивановымъ или крестьяномъ, кто с сею нашею Великихъ Государей грамотою присланъ будетъ. Писано на Москве, лѣта 1688, Декабря въ 23 день.

Столбецъ. На оборотѣ подпись Дьяка Протопопова и справа Трошки Стодорина. У грамоты чернаго воску печать.

34.

Челобитная Алексѣя Мещеринова о произведенномъ въ его имѣніи грабежѣ. 1677 г.

Царю Государю і Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой Алешка Мещериновъ. Въ прошломъ, Государь, во..... году, Августа въ 21 день, в Переславское мое помѣстицо в селцо Вешняково приходили воры разбоемъ з болшимъ собраніемъ, человѣкъ со сто и болши, с пищалми и с садаки и с топорки и с бердыши, на полевую мою землю того селца Вешнякова и отогнали у меня, холопа твоего, стада пятнатцеть лошадей коней и мериновъ. А цѣна, Государь, тѣмъ лошадямъ сто пятнатцеть рублевъ. Да они же, воры, пожали на полевой же моей землѣ того жъ селца Вешнякова на десети четвертяхъ пшеницы, а по опыту той пшеницы было тридцетъ пять четвертей, да ячменя на пятнадцати четвертяхъ, а по опыту того ячменя было восмьдесять четвертей. И тотъ хлѣбъ пожавъ, увезли с собою. А иной многой яровой хлѣбъ потоптали и потолочили. Милосердый Государь, Царь і Великіі Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, Государь, с Москвы из разбойнаго Приказу на полишнее в Переславской уѣздъ Залѣскаго на слѣдъ для выимки тѣхъ моихъ лошадей и свознаго хлѣба дать Подъячего и Приставовъ на моихъ холопа твоего подводахъ и вели, Государь, тотъ свозной хлѣбъ и лошади, гдѣ людишка мои, опознав, вынятъ, и тѣхъ воровъ у ково вынутъ, вели, Государь, для полишнаго розыску взять к Москвѣ в розбойной Приказъ. Царь Государь, смилуйся.

Писано столбцемъ.

35.

Челобитная Мещериновыхъ на Іевлева, о нанесеніи роду ихъ безчестья. (Времени Царя Алексѣя Мих.)

Царю Государю і Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея великия і малыя і бѣлыя Росіі Самодержцу, бьютъ челомъ холопи твои, Івашко да Ѳедка да Олешка Алексѣевы дѣтишки Мещериновы, да Олешко да Івашко Івановы дѣти Мещериновы же. Жалоба, Государь, намъ холопямъ твоимъ на Авъвакума Ѳедорова сына Іевлева. Называетъ онъ, Авъвакумъ, прадѣда нашего, а нашего холопей твоихъ пращура і деда нашего, а нашего, холопей твоихъ, прадѣда гулящими людьми. А прадедъ нашъ Артемько, а прозвище Рахманинъ, а нашъ холопей твоихъ пращуръ, блаженныя памяти при Государе Царе і Великомъ Князе Іване Васильевиче всея Русіі, служилъ по Ростову по дворовому списку і убитъ на вашей Государевой службѣ в Соколе. І дѣдъ нашъ, а нашъ холопей твоихъ прадѣдъ Аврамей, а прозвище Іванъ, блаженныя памяти при Государе Царе і Великомъ Князе Василье Івановиче всея Русіи, служилъ из житья по Ростову же по дворовому списку и убитъ на вашей Государевой службѣ подъ Тулою, какъ сидѣлъ в Тулѣ воръ Петрушка да Ивашко Болотниковы, і помѣстья і вотчины за ними были в Ростовскомъ уѣздѣ, и нынѣ тѣ помѣстья за отцомъ нашимъ за Олексѣемъ і за нами, холопми твоими. І тѣмъ онъ, Авъвакумъ, насъ холопей твоихъ безсчеститъ напрасно. Милосердый Государь, Царь і Великіі Князь Алексѣй Михайловичъ, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержецъ, пожалуй насъ, холопей своихъ, вели, Государь, в томъ нашемъ бѣсчестье на него, Авъвакума, дать свой Царской судъ і управу. Царь Государь, смилуйся, пожалуй. *

Столбецъ. Года не обозначено.

---

* Смотри актъ подъ № 48.

38.

Челобитная холопа Мещеринова о бѣгломъ его крестьянинѣ Кириллѣ.
(Времена Царя Алексѣя Михайловича.)

Царю, Государю і Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу, бьютъ челомъ холопи твои Алешка Мещериновъ да Анъдрюшко Мневъской. В прошломъ, Государь, во сто шестдесять седмомъ году выменили мы, холопи твои, у Боярина у Бориса Івановича Морозова в Шуйскомъ уезде сельцо Бирдухино з деревнями. И мнѣ, холопу твоему, Анъдрюшкѣ, по розделу досталося в Шуйскомъ уезде деревня Отбабыково. И в нынешнемъ, Государь, во сто семьдесять первомъ году вы іюнѣ мѣсяце из за меня, холопа твоево, Анъдрюшки, изъ Шуйскаго уезду изъ деревни Отбабыковой збѣжалъ крестьянинъ мой Стенька Кириловъ из детьми, а сынъ же, Государь, ево Стенькинъ Ванька остался было за мною, холопомъ твоимъ, и после, Государь, того числа вскорѣ крестьянишка мои холопа твоего повезли было того Івашка ко мнѣ, холопу твоему, к Москвѣ, и онъ Івашко у крестьянишекъ моихъ з дороги ушелъ и нынѣ, Государь, тотъ мой бѣглой крестьянинъ, Стенька Кириловъ з женою и детьми, бегаючи, живетъ в Суздалскомъ уезде в Дуниловской волости. И пришедъ, Государь, тотъ мой бѣглой крестьянинъ к Москвѣ, бьетъ челомъ тебѣ, Великому Государю, называясь твоимъ Государевымъ крестьяниномъ Дуниловской волости, деревни Мохонцова. И тотъ, Государь, мой бѣглой крестьянинъ все затилъ, отбываючи отъ меня холопа твоего крестьянства, за тобою, Великимъ Государемъ, в Дуниловской волости николи не живалъ, а живалъ передъ сего за Павломъ Івановичемъ Волынскимъ в той моей деревнѣ Отбабыкове. И послѣ, Государь, Павла Волынскаго жилъ за Павловою женою Волынскаго за вдовою Ѳедосьею. Въ переписныхъ книгахъ тотъ мой бѣглой крестьянинъ в той же деревнѣ Отбабыкове за Павловою женою Волынскаго написанъ. А послѣ, Государь, Павловы жены Волынскаго та вотчина, по твоему Великаго Государя указу, изъ Поместново Приказу продана Думному Дьяку Семену Заборовъскому, и тотъ мой бѣглой крестьянинъ в той же деревнѣ Отбабыкове написанъ в отказныхъ книгахъ за Думнымъ Дьякомъ

Семеномъ Заборовскимъ. А какъ мы, холопи твои, у Боярина у Бориса Ивановича Морозова того крестьянина заехали в той же деревне Отбабыковѣ, и жилъ, Государь, со ста шестьдесять седмаго году за мной, холопемъ твоимъ, Анъдрюшкою. А нынѣ, Государь, уѣзжая воровски, тотъ мой крестьянинъ Стенька Кириловъ збежалъ изъ за меня холопа твоего в твою Государеву дворцовую волость и называется Стенькою Васильевымъ и приклепывается к иному отцу, хотя отъ меня, холопа твоего, отбыть от крестьянства. Милосердый Государь, Царь і Великій Князь Алексѣй Михайловичь, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего Анъдрюшку, вели, Государь, мнѣ на того моего бѣглово крестьянина дать свой Царской судъ и управу. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Писано столбцемъ.

37.

Челобитная тюремныхъ сидѣльцевъ Овсеиова и Грезина о скорѣйшемъ вершеніи ихъ дѣла. 1672 г.

..... Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея великия и малыя і бѣлыя Росіи Самодержцу..... А челобитную подали в Сумскомъ остроге в приказной избѣ Головѣ Московскихъ стрѣлцовъ Клементью Алексѣевичу Ивлеву тюремные сидѣлцы Сумляня Петрушко Овсеновъ да Спирка Грезинъ, а в челобитной ихъ пишетъ: в прошломъ в 1671 году, будучи в Сумскомъ остроге, мы бѣдные своимъ молодымъ малоумиемъ в церкви Николы Чудотворца да в часовне у Преподобнаго із казны изъ кувшиновъ деньги покрали. І в томъ дѣлѣ мы бѣдные пытаны і в той покраже тебѣ, Великому Государю, вину свою принесли і тое церковную казну отдали, і в томъ дѣле мы бѣдные сѣдимъ в тюрмѣ другой годъ і помираемъ голодною смертью. И чтобъ Великій Государь пожаловалъ ихъ велѣлъ в томъ своемъ милостивомъ Царьскомъ указѣ учинить, і насъ бѣдныхъ....

Столбецъ. Безъ начала и окончанія.

38.

Челобитная Ивана Рокина по дѣлу о блудномъ сожительствѣ его съ поповою дочерью Акулиною. (Времени Царя Ѳедора Алексѣев.)

Преосвященному Ворсоноѳію Митрополиту Сарскому і Подолскому бьетъ челомъ сирота Государевъ Ливенецъ Іванко Рокинъ. Въ прошломъ, Государь, во 1680 году была у меня на Ливнахъ передъ поповскимъ старостою Іваномъ Скуридинымъ очная ставка с поповою Ѳедоровою дочерью Акилиною в томъ, что я жилъ с нею полюбовно блудно и прижилъ робѣнка мужеска пола і в томъ во всемъ уличена. И то, Государь, дело с Ливенъ прислано к Москвѣ в твой Святителской Казенной Приказъ і выписано. А на выписке, Государь, по твоему Архиерейскому указу помечено: в прошломъ же во 1680 году велено ту Ѳедорову попову дочь Акилину выдать за меня и положить на насъ епитимію по правилимъ Святыхъ Отецъ для того, Государь, что та девка жила со мною полюбовно блудно. Да в прошломъ же 1680 году билъ челомъ тебѣ, Великому Архіерею Божию, Ливенецъ Ѳедоръ Андреевъ, а на Ливнахъ поповскому старосте подалъ изветную челобитную на нее попову Ѳедорову дочь Акилину в томъ же моемъ деле, что она со мною жила полюбовно и прижила робѣнка мужеска пола, а слался онъ Ѳедоръ на свидетелей, на невѣстку свою на братню роднаго жену на Василису, да на бабильку на Кузьмину жену на Марью, что она Марья у нѣе Ѳедоровой поповой дочери того робѣнка повивала, и в томъ у нихъ на Ливнѣхъ передъ поповскимъ старостою была очная ставка. А на очной, Государь, ставке, по общей ссылке оне вышеписанные свидетели тое девку Акилину во всемъ уличили противъ моево челобитья и дали сказки за своими руками, и то, Государь, дело и очные ставки и заручные сказки с Ливенъ присланы к тебѣ, Великому Архиерею, к Москвѣ в Казенной Приказъ. А я, сирота, Государь, живу по сіе число и проедаюся, и хощетъ то дело попадья Ѳедоровская жена вдова Овдѣя волокитою отбыть, чтобъ впредь отъ меня тебѣ Великому (Государю) Архиерею челобитья не было. Милостивый Преосвященный Ворсоноѳій, Митрополитъ Сарскій и По-

довскіе пожалуй меня сироту, вели, Государь, по тое вдову Ѳедоровскую жену попадью Овдотью и по..... девку Акилину и по техъ свидѣтелей по Василису..... по Кузмину жену Марью дать свою грамоту изъ своего Святителскаго Казеннаго Приказу..... к неповскому старосте к Івану Скуридину..... і за поруками к Москвѣ в свой Казенной Приказъ выслать, чтобъ мне сироте в конецъ не погибнуть и в конецъ отъ харчей не разоритца. Милостивый..... Митрополитъ, смилуйся, пожалуй.

Столбецъ, съ одной стороны порванъ.

39.

Челобитная старосты и крестьянъ деревни Нагорской, Дмитровскаго Уѣзда, о неправильномъ обвиненіи ихъ Боярскимъ сыномъ Плохово въ похвальныхъ рѣчахъ. 1684 г.

Царемъ Государемъ і Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержцемъ, бьютъ челомъ и являютъ сироты ваши Дмитровскаго уѣзду, Троицкой вотчины, села Ондреянова, деревни Нагорской, старостишко Архипко Ивановъ, да крестьянишка Савка Ѳоѳановъ, Артюшка Семеновъ, Мишко Ѳедоровъ, Еѳимка Микитинъ і все крестьянишка деревни Нагорской. Жалоба, Государь, намъ сиротамъ вашимъ на Дмитровца на сына Боярскаго, на Ѳедора Іванова сына Плохово. В нынѣшнемъ, Государи, въ 1684 году, роздалъ онъ, Ѳедоръ, на насъ сиротъ вашихъ всякимъ людемъ писмянные явки, будто мы, сироты ваши, на него Ѳедора похваляемся смертнымъ убойствомъ и поджогомъ. А мы, сироты ваши, на него Ѳедора смертнымъ убойствомъ и поджогомъ не похваляемся. А дворовые, Государи, ево Ѳедоровы люди бѣгаютъ отъ него, Ѳедора, по вся годы, и что в томъ ихъ побеге отъ ево Ѳедоровыхъ людей ему, Ѳедору, учинитца, а мы, сироты, въ томъ опасны себѣ напрасныхъ убытковъ. Да в нынѣшнемъ же, Государи, во 1684 году отнялъ онъ, Ѳедоръ, деревни Нагорской у крестьянина Костки Іванова лошать в

чюжемъ лесу на дороге, а не в своемъ, и тое, Государи, лошать и по се время не отдаетъ. Да онъ же, Государи, Федоръ бьетъ по вся годы нашихъ сиротскихъ скотскихъ пастуховъ на нашемъ же крестьянскомъ поле неведомо за что. Милосердые Государи, Цари і Великие Князи, Иоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержцы, пожалуйте насъ сиротъ своихъ, велите, Государи, челобитье наше принять и явку записать. Цари Государи, смилуйтеся, пожалуйте.

Столбецъ. На оборотѣ подпись Никольскаго села Ондреянова Попа вмѣсто крестьянъ.

40.

Челобитная Мещеринова о перенесеніи его дѣла изъ Суднаго Московскаго Приказа въ другой Приказъ. (Времени Царей Іоанна и Петра Алекс.)

Царемъ Государемъ і Великимъ Князьямъ Иоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержцемъ, бьетъ челомъ холопъ вашъ Івашко Мещериновъ. Приставили ко мнѣ, холопу вашему, изъ Суднаго Московскаго Приказу Дмитрей Арсенеевъ да Дьякъ Андрей Юдинъ изъ Суднаго Московскаго Приказу. А по вашему Великихъ Государей указу в Судномъ Московскомъ Приказе сидитъ Бояринъ Князь Юрій Семеновичь Урусовъ. У меня, холопа вашего, с нимъ Бояриномъ с Княземъ Юрьемъ Семеновичемъ старая не дружба: люди ево людишекъ моихъ били, и за тою, Государи, недружбою. мнѣ, холопу вашему, передъ нимъ Бояриномъ Княземъ Юрьемъ Семеновичемъ отвечать искать не мошно. Милосердые Государи, Цари і Великие Князи Иоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, Государи, то ихъ челобитье и приставные памети перенести в иной Приказъ, куды вы, Великие Государи, укажите. Цари Государи, смилуйтеся.

Столбецъ. Года не обозначено.

44.

Челобитная о крестьянскихъ ребятахъ, пойманныхъ на Москвѣ. (Времени Царей Іоанна и Петра.)

Бьетъ челомъ холопъ вашъ. В нынѣшнемъ, Государи, во.... году.... поймалъ я, холопъ вашъ, на Москвѣ бѣглыхъ своихъ крестьянскихъ робятъ, Алешку, да Кирюшку, да Степку Ѳедоровыхъ, і онѣ в роспросѣ сказали, будто вашего Великихъ Государей дворцоваго села Великаго і деревни Скородумова і ис тое Скородумова пришли къ Москвѣ. А жилъ де онъ Алешка съ братьями и съ матерью на Москвѣ в Огородной Слободе. И мать ихъ Василиска и братъ ихъ Сенка в Приказѣ не роспрашиваны. І хотя у меня, холопа вашего, тѣхъ моихъ крестьянскихъ робятъ отбить напрасно, Огородной Слободы Староста Іванъ Лутковъ, взявъ с техъ моихъ крестьянъ посулы болшіе, подалъ в Судномъ Дворцовомъ Приказе воровскую составную порушную запись. Милосердые, велите, Государи, ево старосту Івана і порутчиковъ и порушниковъ, хто в ихъ место руки прикладывалъ і Подъячего, хто тое воровскую составную порушную запись писалъ, в Судномъ Дворцовомъ Приказе роспросить порознь; а после роспросу велите, Государи, мне с ними очную ставку. А на очной ставке я ихъ воровъ і ту воровскую составную порушную запись уличу. І велите, Государи, тѣмъ моимъ крестьянскимъ робятамъ, Алешке з братьями, мать свою Василиску і брата своего Сенку, в Приказе поставить и роспросить в побеге. А буде онъ, Алешка, з братьями матери своей и брата своего в Приказе не укажетъ, не велите, Государи, ихъ самихъ ис Приказу выпустить, покамѣстъ онѣ мать свою і брата поставятъ по тому, Государи, что мать ихъ Василиска и братъ ихъ Сенка живутъ на Москвѣ на одномъ дворѣ.

Столбецъ. Черновая безъ обозначенія имени челобитчика, но судя по другимъ актамъ, слѣдуетъ приписать эту челобитную Ивану Мещеринову.

42.

Челобитная Ивана Мещеринова по дѣлу о буйственныхъ поступкахъ Боярскихъ дѣтей Трубниковыхъ. (Времени Царей Іоанна и Петра.)

. . . . . К Столнику і Воеводе къ Любиму Шакловитому посылана ваша Великихъ Государей грамота и с писцовыхъ и съ межевыхъ с старыхъ и съ новыхъ книгъ выписи и съ чертежа Василья Безобразова. А велено ему, Воеводе Любиму Шакловитому, на ту мою землю ѣхать самому и по тѣмъ выписямъ грацкой межи і той моей земли по темъ же выписямъ і по чертежу Василья Безобразова досмотрить, и буде та земля по ево досмотру і по темъ старымъ і новымъ выписямъ і по чертежу объявится в Елецкомъ уѣзде, а не въ Ефремовскомъ, і ему Воеводе велено противъ писцовыхъ наказовъ та земля по прежнему вашему Великихъ Государей указу отдать мне, холопу вашему.... и поновить ямы, кои они воры засыпали, выкопать, и чертежъ своему досмотру учинить і прислать к Москвѣ, а ихъ, Максима с товарыщи, с той моей земли сослать, і за то ихъ воровство і ослушанье и за насильное владенье учинить наказанье. І онъ Воевода по вашему Великихъ Государей на ту землю пріѣзжалъ и грацкой межи і той моей земли по темъ выписямъ и по чертежу Василья Безобразова досматривалъ. І та земля по ево Любимому досмотру объявилась в Елецкомъ же уѣзде, а не въ Ефремовскомъ, і онъ Воевода ту мою землю отказалъ мне, холопу вашему, і сынишку моему Алексѣю, і грани на той землѣ подновилъ, чертежъ той моей землѣ учинилъ, а іхъ воровъ, Максимка с товарыщи, с той моей земли сослать. І они воры, Максимка с товарыщи, вашему Великихъ Государей указу учинились непослушны; с той моей земли не пошли і крепостей никакихъ на ту землю не положили, і по немъ Воеводе і по посылнымъ людямъ изъ ружья стреляли, і каменьемъ бросали, і копьями і рогатинами кололи і бердышами, і навязавъ косы на шесты рубили, і на той моей земле окопався сидели, и подъ станы к нему Воеводе и детишкамъ моимъ ходили, и хотели детишекъ моихъ и людишекъ побить до смерти. І о томъ о всемъ ихъ воровстве і о не послушанье онъ, Воевода, писалъ къ вамъ Великимъ Государямъ в Помѣсной Приказъ, и до-

езды посылныхъ людей і роспросные ихъ, Максимковы с товарыщи, речи и чертежъ і описные книги за своею рукою прислать в Помѣсной же Приказъ. І въ нынешнемъ, Государи, во году, утая те все вышеписанные ваши Великихъ Государей указы і пріезды для разводу той земли писцовския Безобразова і Столника і Елецкаго Воеводы Любима Шакловитова, били челомъ вамъ, Великимъ Государямъ, они воры, Максимко с товарищи, на дѣтишекъ моихъ на Алешку да на Івашка, будто они пріезжали к нимъ ворамъ, собрався с людьми своими и со крестъяны великимъ собраниемъ, и будто Еѳремовскаго уѣзду село Кличино разорили и семьнатцать дворовъ в селе Кличине будто выжгли, и двенатцать человѣкъ служилыхъ людей и младенцевъ мужеска и женска пола будто побили до смерти, и тела ихъ будто в огонь пометали, и будто они жъ детишка мои женъ ихъ и дочерей имали к себѣ на постели і надъ ними будто ругались блудно. І противъ того ихъ, Максимкова с товарыщи, воровскаго ложнаго челобитья за то дѣтишкамъ моимъ по вашему Великихъ Государей указу приговоръ былъ къ смерти, і вмѣсто смертной казни учинено имъ наказанье і сосланы были въ ссылку на Самару въ Новобогородицкое, а помѣстья мои, холопа вашего, і дѣтишекъ моихъ, Чернские і Елецкие, жилые і пустые, у меня і у детишекъ моихъ взяты і отданы были імъ ворамъ, Максімку с товарищами. І по вашему Великихъ Государей указу, а по извѣту і по поимке Еѳремовцевъ же, Івана Ягунова да Івана Веселовскаго, і по розыску Степана Митусова і по повиннымъ роспроснымъ рѣчамъ ихъ же воровъ, Максима Трубникова да Платона Малцева с товарыщи, те люди, которыхъ они воры, Максимко с товарищи, в челобитье і в скаскахъ своихъ писали побитыми і пожженными, сысканы и живы, и привезены были в Помесной Приказъ. А иные из нихъ померли своими смертьми до той ссоры за долгое время в розныхъ годахъ, а иные в иные украйнные города сошли до той же ссоры за долгое же время. І по вашему Великихъ Государей указу они воры, Максимко с товарыщи, за то воровство і ложное челобитье кладены на плаху, и снявъ с плахи чинены имъ наказанья, а детишкамъ моимъ, Алешке да Івашке, по вашему Великихъ Государей указу і милостивому разсмотрѣнію изъ ссылки велено быть на вашей Великихъ Государей службѣ в Крымскомъ походѣ. А Чернские мои, холопа вашего, и сынишка моего Алешка жилые и

пустые поместья отданы мне, холопу вашему, по прежнему, а Елецкие помѣстья мне и детишкамъ моимъ не отданы і по сіе число. І ныне они воры, Максимъ Трубниковъ да Азарко Микулниковъ сотоварыщи, пріехали к Москвѣ и бьютъ челомъ вамъ Великимъ Государемъ о тѣхъ моихъ и детишекъ моихъ Елецкихъ поместьяхъ, о селце Локотцахъ. А селцо, Государи, Локотцо отписано на васъ Великихъ Государей, отписалъ ево Подъячій Семенъ Кузминъ безъ вашего Великихъ Государей указу, дружа и наровя имъ воромъ. А ему, Семену, того селца Локотцова и в наказе было не написано, чтобъ отписывалъ на васъ Великихъ Государей, а велено лишь однѣ пустыя земли раздѣлить, а селцо, Государи, Локотцы от деревни Ломской будетъ верстахъ въ семи и болши въ Елецкомъ уѣзде, а не в Еѳремовскомъ. І они воры і не дождалися вашего Великихъ Государей указу на то селцо Локотцы, пріехали в то мое селцо Локотцы с Кличинскимъ Попомъ, которой вмѣсто ихъ воровъ къ ихъ воровскимъ ложнымъ сказкамъ руки прикладывалъ, вѣдая за ними такое воровство і поклепное челобитье, и что было хлѣба моего в житницахъ молоченаго і не молоченаго, і на дворе моемъ лошадей и коровъ і овецъ и свиней і иной скотины і всякаго домашняго заводу, і они воры, Максимко с товарищами, с нимъ Попомъ с Иваномъ то все разорили і пограбили без остатку, и людишекъ моихъ з женами и з дѣтьми ограбя до нага, з двора збили. . . . . .

Столбецъ. Начала и конца недостаетъ.

43.

Челобитная Ивана Мещеринова о произнесеніи Карпомъ Сытинымъ похвальныхъ противу него словъ. (1679 г.)

Царю Государю і Велцкому Князю Ѳеодору Алексѣевичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцамъ, бьетъ челомъ холовъ твой, Івашка Мещериновъ. В нынешнемъ, Государь, во 1679 году, Ѳевраля въ 11 день, искалъ я, холопъ твой, в Московскомъ Судномъ Приказе передъ Бояриномъ передъ Княземъ Ів-

номъ Борисовичемъ Троекуровымъ с товарыщи на Карпе Евтиѳѣеве сыне Ситинѣ разорения отца и умышленнаго его приѣзду прошлого 1678 году: что онъ, Карпъ, собрався с людьми своими и со крестьяны со многимъ собраниемъ нарядным, умышленымъ дѣломъ, человѣкъ с полтораста и больши, с ружьемъ, с пищалми, и с саадаки, и с бердыши и с копьи, в Переславское поместье отца моего в селцо Вешняково приезжалъ онъ, Карпъ, с тѣмъ своимъ многимъ собраниемъ, и к двору отца моего приступалъ, и ворота высечь велѣлъ. И люди отца моего заперлись отъ нихъ в избахъ, и они у избъ верхъ сломали и потолокъ просѣкли, и окна высѣкли, и людей отца моего били и мучили, и всякое наругательство чинили. А онъ, Карпъ, у житницъ замки збилъ своими руками и что было в житницахъ и на дворѣ отца моего животовъ, денегъ и всякой рухляди домовой и посуды медной и оловянной и железной, и то онъ, Карпъ, все с людми своими и со крестьяны пограбилъ и перевозилъ к себѣ в деревню, и разоря и пограбя отца моего, і в Судномъ Московскомъ Приказе на судѣ похвалялся на меня, холопа твоего, онъ, Карпъ, передъ Дьякомъ передъ Тимоѳеѣмъ Савлуковымъ и передъ иными людьми, которые тутъ были. А в похвальбѣ своей онъ, Карпъ, говорилъ—заставлю де я тебя охать, и тѣмъ Карпъ меня, холопа твоего, обезчестилъ. А по какому умыслу хочетъ меня заставить охать, и я, холопъ твой, отъ тово ево умыслу опасенъ потому, что онъ родомъ Галичанинъ. Милосердый Государь, Царь и Великіі Князь Ѳедоръ Алексѣевичь, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержецъ, пожалуй меня, холопа твоего, вели, Государь, про ту ево похвальбу в Судномъ Московскомъ Приказе тѣми людьми сыскать, при которыхъ онъ, Карпъ, похвалялся, и вели, Государь, ево, Карпа, в той ево умышленной похвалбе роспросить, по какому онь умыслу на меня, холопа твоего, похваляется, Царь Государь, смилуйся.

Столбецъ. На оборотѣ акта помѣта: «1679 года Ѳевраля 21, Государь пожаловалъ велѣлъ о томъ учинить указъ Боярину Князю Івану Борисовичу Троекурову с товарыщи, чево доведетца».

44.

Челобитная крестьянина ном. Мещеринова Агѣева о наѣздѣ помѣщиковъ Толстого и Неклюдова на село Рождественское. 1685 г.

Бьетъ челомъ сирота вашъ Івана Алексѣевича Мещеринова человѣкъ его, Сенка Агѣевъ: в прошломъ, Государи, во 1684 году, прислалъ государь мой Іванъ Алексѣевичь меня сироту вашего в Чернскую свою деревню, въ село Рожественское, на реку на Плаву. А велено мнѣ, сироте вашему, по приказу Государя своего, Івана Алексѣевича, в Чернской деревне переписать всякой хлѣбъ и сено к новому году и мелкую скотину, гусей і утокъ. І в нынешнем, Государи, во 1685 году, Сентября въ 1-й день, Василей Кирилов сынъ Толстой да Микифоръ Васильевъ сынъ Неклюдовъ, собрався с людьми своими і со крестьяны, многолюдствомъ приехали на дворъ государя моего на устье реки Плавы, и учели они, Василей да Микифоръ с людми своими, государя моего на дворе стрелбу тровивъ утокъ. А подле двора напередъ по уткамъ стреляли из пищалей. А онъ, Василей да Микифоръ, заставили крестьянъ своихъ ловить рыбу. И я, сирота вашъ, говорилъ имъ, чтобъ утокъ не травили и рыбы бъ не ловили. И онъ, Государи, Микифоръ Неклюдовъ, подстрелилъ меня, сироту вашего, изъ винтовки в левую руку да въ правую щеку. І в то же число Василей Толстой с людми своими сняли с меня, сироты вашего, дватцать рублевъ денегъ, да каѳтанъ темнозеленой, да шапку красную с соболемъ, да опояску с ножемъ, а цена тому семь рублевъ съ полтиною. А как они, Василей да Микифоръ, на дворъ (во дворъ) пріехали, і въ то число государя моего дворовую молодицу Машку они били ослопомъ, и от того приезду дворовая государя моего девка Улка пропала безвесно, неведомо гдѣ дѣлася, после того нигде не объявилася. А та, Государи, дворовая молодица Машка отъ того их бою лежитъ при смерти чють жива. Пожалуйте меня, сирот своего, велите, Государи, челобитье мое и что на мне раны подстрелено изъ винтовки записать, а дворовой молодицы Машки бой ея велите, Государи, съ Черни послать и досмотрить. А что Государи, онъ Василей да Микифоръ с людми своими и с крестьяны приезжали на дворъ государя моего и что учинили какова разоренья, и то все напишетъ государь мой в исковой челобитной с ценою.

Столбецъ.

45.

Челобитная Ивана Мещеринова объ отводѣ отъ дѣла о порубленномъ лѣсѣ Тараса Блудова. 1696 г.

Великому Государю Царю і Великому Князю Петру Алексѣевичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой, Іванко Мещериновъ. В нынѣшнемъ, Государь, во 1696 году, по твоему Великаго Государя указу, а по неправымъ отпискамъ изъ села Преображенскаго Тараса Блудова изъ Приказу Большаго Дворца посыланы путной Ключникъ, а послѣ ево путнаго Ключника Ивана Бошунова, посыланъ Приказу Большаго Дворца старой Подъячій Гаврило Корзилинъ в подмосковную мою деревнюшку Раево для досмотру и описи будто посеченого островного лесу. И они, Иванъ и Гаврило, с островщиками и сторонними людми, в той моей деревнишке для досмотру и описи были і досматривали, и по ихъ осмотру в той моей деревнишке никакого островнаго лесу не явилось. Что людишка мои твоего Великого Государя островнаго лѣсу никогда не секали і не секутъ, і о томъ ведомо і в доездахъ ихъ Іванове и Гаврилове. А нынѣ, Государь, онъ же Тарасъ, исполняя мнѣ, холопу твоему, старую недружбу, в Приказъ Большаго Дворца писалъ к тебѣ, Великому Государю, что будто я, холопъ твой, островнаго лесу к той своей деревнишке многие десятины розчистилъ. И по твоему Великаго Государя указу, а по той ево неправой Тарасовой отписке из Приказу Большаго Дворца велено для досмотру жъ и описи посеченаго островнаго лесу в заповедномъ острове, і в твои Великаго Государя дворцовые, і в монастырские села и деревни и в мою, холопа твоего, деревнюшку для досмотра и описи будто посеченаго леса послать Столника Якова Румянцова да Подъячего, да с ними велено ехать и ему, Тарасу Блудову, і взять человѣка моего. А у меня, холопа твоего, с нимъ Тарасомъ старая недружба и многое мое челобитье на него Тараса есть и в Приказе Большаго Дворца в томъ деле. А та моя деревнюшка Раево построена до уложенья на помѣсной земле отца моего Алексѣя Авраамовича, а не в строву. А дача на тѣ пустоши на Раево и на Локтево

отцу моему в Помѣсномъ Приказе старая за долго до уложенья, и тое деревнюшку строилъ отецъ мой, и та моя деревнюшка близъ болшой Троецкой дороги і межъ монастырскихъ земель Троицы Сергиева монастыря села Ростоки на пустошехъ до Богоявленскаго монастыря. И тѣмъ монастырскимъ Троецкимъ и Богоявленскимъ землямъ і заповреднымъ островамъ межа писцовая учинена, и тѣ писцовые и мѣжевые книги и дачи все в Помѣсномъ Приказе. Милосердый Великіі Государь, Царь і Великіі Князь Петръ Алексѣевичь, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, не вели, Государь, ево Тарасовымъ неправымъ отпискамъ повѣрить, и ему, Тарасу, в тое мою деревнюшку за недружбою ехать и людишекъ моихъ напрасно и безвинно имать, а вели, Государь, противъ прежнего и сего моего челобитья из прежнихъ сказокъ справитца о всемъ с Помѣстнымъ Приказомъ. Великіі Государь, смилуйся.

Столбецъ.

46.

Мировая запись помѣщиковъ Вратскихъ съ помѣщикомъ Мещериновымъ, по дѣлу о грабежѣ крестьянами послѣдняго. 1663 г.

Се Беленинъ Василей Даниловъ сынъ Вратской, Серпеіскоі помещикъ, да сынъ ево Лука, да племянникъ ево Ермола Емельяновъ сынъ Вратской, нынешнего 1663 году Декабря въ 13 день, бежали мои крестьяне отъ Полскихъ Литовскихъ людей и отъ меня помешика. І въ то время товож числа крестьянѣ Івана Алексѣевича Мещеринова села Батишева, крестьяне Гришка Івановъ, да Лунка Микитинъ, да Демка Івановъ с детьми своими, согнали с пустыхъ дворовъ деревни Поборежникова животины: семь каровъ, да десеть овецъ, да пятеря свиней. И мы, я Василей, да сынъ мой Лука, да племянникъ мой Ермола, да я Гришка, да я Лунка, да я Демка, паговоря промежъ себя палюбна, не бивъ челомъ Великому Государю, не ходя в судъ, помирились в томъ—я Василе Даниловъ, да сынъ мой Лука, да племянникъ

мой Ермола запись дать. А буде, я Василе, или дѣти мои или племенники мои учьнутъ бить челомъ Великому Государю, и на насъ взять Івана Алексѣевича крестьяномъ ево села Батишева, Гришки, да Лунки, да Демки па сей записи двацать рублевъ. А запись писалъ Николской Демидко па ихъ веленью.

Узенькій столбецъ. На оборотѣ подписи Луки и Ермолая Вратскихъ.

47.

Показанія, данныя Ефремовскими жителями по уголовному дѣлу Трубникова съ Мещериновыми. *

1690 года, Генваря въ 29 день, Ефремовскаго уезду городскаго стану села Кличина церквы Введенія Пресвятыя Богородицы Попъ Дмитрей Гарасимовъ, да Ефремовцы дѣти Боярские, того приходу Введенія Пресвятыя Богородицы деревни Локотцовъ жители, Назаръ да Іванъ Ѳедоровы дѣти, да Іванъ Троѳимовъ сынъ Помогаевы, да Матвей Андреевъ сынъ Трубниковъ сказали:

Максимъ Трубниковъ с товарыщи написали в челобитной своей, будто у него Максима отъ Алексѣя да отъ Івана Ивановыхъ дѣтей Мещериновыхъ убиты до смерти сынъ ево Максимовъ Лазарь пяти лѣтъ да внукъ Кузма трехъ лѣтъ. А сынъ сво Лазарь да внукъ Кузма умерли своею смертью до приезду ихъ Алексѣева і Іванова за три годы і похоронилъ ихъ в селѣ Кличине у церквы Введения Пресвятыя Бородицы Попъ Іванъ Ивановъ.

Карпъ Мининъ написанъ в росписи убитымъ же, а онъ де, Карпъ, живъ, и ныне живетъ в деревни Ломской в своемъ дому.

---

* См. Челобитье по сему дѣлу Мещеринова подъ № 42-мъ.

Аврамъ Окороковъ в росписи написанъ убитымъ же, а онъ, Аврамъ, живъ, и до ихъ Алексѣева і Іванова приезду сшелъ года за четыре и ходитъ в мире.

Осипъ Өилимоновъ сынъ Окороковъ написанъ в росписи убитымъ же, а онъ де, Осипъ, умре своею смертью до ихъ Алексѣева і Іванова приезду за четыре года.

Луки де Окорокова дочь дѣвка Маланья написана в росписи убитою, а она, Маланья, умре своею смертью до приезду ихъ Алексѣева і Іванова за полтора годы, а похоронилъ ее, Маланью, онъ же Попъ Іванъ у той же церквы в селѣ Кличине.

Івана де Окорокова сынъ Аникей написанъ в росписи убитымъ же, а онъ де, Аникей, умре своею смертью до ихъ Алексѣева і Іванова приезду за полтора годы і похоронилъ его Аникея онъ же Попъ Іванъ.

Платона де Малцова сыцъ Иванъ да дочь Маланья написаны в росписи убитыми, а сынъ де ево Іванъ живъ, и ныне живетъ в дому у отца своего Платона в деревне Ломской.

Михайла де Окорокова сынъ Микифоръ в росписи написанъ убитымъ же, а онъ де, Микифоръ, умре своею смертью до приезду ихъ Алексѣева і Иванова за полгода, а похоронилъ де ево Микифора онъ же Попъ Іванъ.

А племянникъ де ево Михайловъ, Семенъ Микулинъ, в росписи написанъ убитымъ, а онъ де, Семенъ, і ныне живъ, і в приездѣ Алексѣя і Івана в тое деревню Ломское не былъ, а живалъ онъ, Семенъ, в Ливенскомъ уезде лѣтъ з двадцать.....

Столбецъ. Окончанія недостаетъ. На оборотѣ акта подпись Попа Дмитрея вмѣсто прихожанъ.

48.

Проектъ возраженій Ивана Мещеринова на судѣ противъ обвиненій его стрѣльцомъ Аввакумомъ. (Врем. Іоанна и Петра.)

..... А буде станетъ искать бесщестья своего, что я написалъ ево, что Корнило Песковъ укрываетъ ево воровство— дѣло сыскное у себя утаилъ.

И мнѣ молвить: я ево не бесщесщивалъ, а во всякомъ ево воровствѣ вѣдомо в Стрелецкомъ Приказе, да и потомъ онъ Абакумъ воръ и составщикъ, что затейнымъ воровскимъ своимъ умысломъ назвалъ дѣда моего и предеда гулящими людми, что будто і в Розряде они не написаны, а что Подъячей своровалъ Корнила Песковъ, укрываючи ево Абакума воровство, дѣло у себя утаилъ, ји я въ ево Корнилове воровствѣ бью челомъ Государю, чтобъ Государь указалъ мнѣ с нимъ, Корниломъ, дать очную ставку, а на очной ставке я ево Корнилово воровство уличу. А с тово с подлиннова сыскнова дѣла у меня списокъ есть, а далъ мнѣ тотъ списокъ Степанъ Карцовъ, чтобы Государи указали Степана допросить, хто ему тотъ списокъ с подлиннова дѣла списывалъ. Да не у одново у меня с тово дѣла списки, есть у Емелъяна Сатина, у Ѳедора Зыкова.

Буде онъ станетъ избами порочить, а мне говорить: я избъ никакихъ не имывалъ, а купилъ я себѣ три струба в лесномъ ряду на возахъ и велелъ ихъ скласть для ради бережья в слободе у себя для того, что я билъ челомъ Великому Государю за Москвою рекою о дворовомъ месте и хотелъ близко слободы дворъ свой строить, и какъ мне Великіі Государи того дворовато места не пожаловали, и я те свои струбы перевезъ к себе на старый свой дворъ, а что Бояринъ Илья Даниловичь, не жалуючи меня, не розыскалъ про те струбы и поверя доводчикове скаске, приказалъ мнѣ купить вместо техъ моихъ струбовъ иные струбы, и я купилъ вместо техъ своихъ струбовъ

Смотр. также актъ подъ № 85.

иные струбы, а стрелецкия избы никакихъ не сваживалъ, тѣмъ онъ воръ безчеститъ меня напрасно.

А шлюся я на ту память, какова память ко мне прислана объ отставке, что никаково моего воровства не объявилось, и пожаловали меня Великіе Государи указали отъ Приказу отставить не за воровство—за мои службы и за увечье, и указали Государи имя мое в Розрядъ отослать и написать по прежнему у своего Государева дела по Московскому списку, а какъ отъ болезни мне стало легче, и Великие Государи указали мне быть по прежнему у своево Государева дела, и в томъ я шлюся на отставную память и на Розрядъ, что моево воровства никакова не объявилось. Темъ онъ ведомой воръ и составщикъ и лживой довотчикъ напрасно меня безчеститъ, и я в томъ своемъ безчестье буду на него вора.....

Два узенькихъ столбца. Конца въ послѣднемъ столбцѣ недостаетъ.

49.

Прошеніе крестьянина Капитана Кирѣевскаго о нападѣ крестьянъ дер. Старова, пом. Неронова, на имѣнье Туеново. 1714 г.

Державнѣйшій Царь, Государь милостивѣйшіе. Прошедшаго, Государь, Декабря въ тридесять первый день, 1713 году, среди дня человѣкъ съ пятьдесятъ и больши, приехавъ нагло, на саняхъ и на дровняхъ нарядным дѣломъ, съ ружьемъ, і с копьи, и с пищали, и с рогатины, и съ бердыши и съ дубьемъ, въ Дмитровскую помѣщика моего, Капитана Івана Васильевича Кирѣевскаго, в вотчину, в селцо Туеново, позадь двора къ сѣну къ стогамъ, что сѣно помѣщика моего все, что было стогомъ, навили на всѣ подводы все безъ остатку и, навивъ, увезли. А ис тѣхъ приезжихъ людей помѣщика моего одного селца Туеонова человѣкъ его Илья Васильевъ узналъ Дмитровскаго уѣзду Кузмодемьянскаго стану крестьянъ вотчины Бориса Іванова сына Неронова, деревни Старова, Максима Григорьева, Данила Терентьева. А какъ онае

пріезжіе люди, навивъ, с сѣномъ изъ онаго селца поѣхали, и оной человѣкъ помѣщика моего, Илья Васильевъ, околнымъ тутошнимъ людемъ по деревнямъ разныхъ чиновъ помѣщикамъ, и прикащикамъ, и старостамъ, и крестьянамъ о такомъ нагломъ вышеписанномъ в вотчину помѣщика моего в нарядномъ в пріезде і в свозе оного сѣна словесно являлъ, и на то отстожье, гдѣ было сѣно в стогахъ, и на дорогу, по которой оное сѣно увезли, на слѣдъ околныхъ людей приводили. А помѣщикъ мой на твоей Государевой службѣ в Санктъ Питербурхе морскаго флоту въ сухопутномъ полку. Всемилостивѣйшій Государь! прошу Вашего Величества, да повелитъ державство ваше сие мое челобитье явочное в Дмитровѣ въ Приказной избѣ записать въ книгу, а в вышеписанномъ нарядномъ пріезде і въ свозе сѣна помѣщикъ мой тебѣ, Великому Государю, бить челомъ и онаго иска искать съ ценою будетъ впредь. Вашего Величества нижайшіі рабъ Капитана Ивана Васильевича Кирѣевскаго человѣкъ ево, Ермолай Степановъ. Генваря въ 4 день, 1714 года.

Просьба писана на гербовомъ листѣ.

III.

АКТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО ДѢЛЪ ГРАЖДАНСКИХЪ.

50.

Грамота Патріарха Іоакима о духовномъ завѣщаніи Василія Загряжскаго. 1670 г.

Въ лѣто сто осмдесять осмаго Марта в десятый день передъ Великимъ Господиномъ Святѣйшимъ Іоакимомъ Патріархомъ Московскимъ і всея Росіі Столникъ и Полковникъ Леонасей Леонасьевъ сынъ Поросуковъ, по челобитью Івана Іванова сына Волынскаго, положилъ ся духовную умершаго Василья Загряжскаго. Да Августа въ 20 день билъ челомъ Святѣйшему Патріарху Іванъ же Волынской: женился онъ на Васильеве женѣ Загряжскаго, на вдовѣ Овдотье. А после Василья Загряжскаго осталася духовная, а сидѣлцы де, которые у сей духовной сидѣли, живутъ въ дерев-

мяхъ своихъ в Боровскомъ уѣзде. И Святѣйшій Патріархъ пожаловалъ бы ево, велѣлъ тѣхъ сидѣльцевъ допросить. И по указу Святѣйшаго Патріарха послана грамота и ся духовная в Боровскъ Пафнутьева монастыря к Игумену Еѳрему, а велено Васильеи отца духовнаго и привацика души ево, Благовѣщенскаго Попа Ѳому Іванова, Максима Григорьева сына Загряжскаго, Василья Григорьева сына, да Іюду Васильева сына Болтиныхъ допросить: умершей Василей Загряжской ему, Попу Ѳомѣ, сынъ ли духовной былъ, и у сей ево духовной они, Попъ Ѳома и Максимъ Загряжской и Василей и Іюда Болтины сидѣли ль, и писана ся духовная по ево ль Васильеву веленью и при ево ль животѣ, і при цѣлом ли ево умѣ и разумѣ, и приказъ отъ нево таков ли былъ, как в сей ево Васильевой духовной написано, и у сей духовной ево ль Васильева і отца ево духовнаго Попа Ѳомы і Васильева руки приложены; а мѣсто Максима Загряжскаго Іванъ Загряжской к сей духовной руку приложилъ по ево ль веленью. И ся духовная ево ль и едино писмо рука. А сей духовной ему, Іюде, велено списать списокъ слово въ слово, да къ тому списку Попу Ѳомѣ и Максиму і Івану руки приложить и ся духовную с списком и з допросными рѣчмі прислать к Москвѣ в Патріаршъ Розрядъ. І в нынѣшнемъ во 1670 году, Декабря во 12 день, к Святѣйшему Патріарху писалъ Пафнутьева монастыря Игуменъ Еѳремъ умершаго Василія Загряжскаго отцу духовному Попу Ѳомѣ і Василью Болтину, духовную вычиталъ и допрашивалъ і взялъ скаски за ихъ руками, а к Максиму Загряжскому посылалъ из монастыря многажды, и онъ въ монастырь не поехалъ за скорбью, а Іюда де Болтинъ на Москвѣ. А в допросе Попъ Ѳома сказалъ по священству: у сей духовной онъ, Попъ Ѳома, и Максимъ Загряжской, и Василей и Іюда Болтины сидѣли, и умершей Василей Загряжской ему, Попу Ѳомѣ, сынъ духовной былъ и к сей ево Васильевой духовной онъ, Попъ Ѳома, руку приложилъ, и ся духовную они писали по ево Васильеву велѣнью, и при ево животѣ до смерти ево за мѣсяцъ всѣ вмѣсте і в цѣлом ево умѣ и разумѣ, и приказъ отъ него такой былъ, какъ в сей ево Васильеве духовной написано, и напередъ ихъ сидѣльцовыхъ рукъ къ сей духовной ево умершаго Васильева рука самого приложена. А Василей Григорьевъ сынъ Болтинъ, высмотря ся духовную умершаго Василья Загряжскаго, сказалъ: ся духовная

писана и у ней они сидѣли по ево Васильеву велѣнью и при цѣломъ ево умѣ и разумѣ до преставления его за многие дни. І то онъ вѣдаетъ: Благовѣщенской Попъ Василію отецъ духовной, а рука писмо ся духовная сына ево Васильева Іюды, писалъ при немъ Василье по ево веленью и при родичахъ ево и руку онъ, Василей, приложилъ при нихъ. І Великіі Господинъ Святѣйшій Іоакимъ Патріархъ Московскіі і всеа Росіі указалъ ся духовную умершаго Василья Загряжскаго, по свидѣтельству отца ево Васильева духовнаго, Благовѣщенскаго Попа Ѳомы, і Василья Болтина подписать и запечатать, и за своею святительскою рукою и печатью отдать ею духовную Івану Іванову сыну Волынскому. А с сей духовной списокъ слово в слово за своею жъ рукою и печатью оставить въ своемъ Святительскомъ Розрядѣ. А челобитье на сю духовную сына ево Васильева, Ильи Загряжскаго, что онъ билъ челомъ, чтобъ безъ очной ставки не свидѣтельствовать, Святѣйшій Патріархъ указалъ отставить. И по указу Великаго Господина, Святѣйшаго Іоакима, Патріарха Московскаго і всея Росіі, ся умершаго Васильева духовная и с неѣ списокъ подписаны и запечатаны. Лѣта сто девятдесятого году, Декабря в двадесять девятый день.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа я рабъ Божіі Василей Степановъ, сынъ Загряжской, пишу сію ізусную память, будучи въ скорой на смертной постели цѣлымъ своимъ умомъ и резумомъ, ково чемъ благословляю і что кому отдать і на комъ что долгу взять. А душу свою приказываю строить и поминать і тѣло свое погресть отцу моему духовному, Благовѣщенскому Священнику Ѳомѣ Ивановичу, да родственнику своему Максиму Григоръевичу Загряжскому, да племяннику своему Аѳонасью Аѳонасьевичу Поросукову, да женѣ своей Овдотье и сыну своему Илье. Да пожаловать тѣло мое погресть у церкви Благовещение Богородицы в селе Юрьевскомъ, і душу мою поминать ис пожитковъ моихъ по мочи своей и по росмотрению ихъ, прикашиковъ моихъ. А благословляю я жену свою—образъ Всемилостиваго Спаса, а дочь свою Ульяну—образъ Богородицы Казанскія, обложенъ в киоте, образъ Чудотворца Филиппа, образъ Михаила Архангела в окладе, дочерь свою Татьяну—образъ Покрова Богородицы обложенъ, образъ

Ѳилипа Митрополита, образъ Неопалимыя Купины. А что иные образы мои в окладе и без окладу, благословляю сына своего Илью. А долгу на мнѣ ничего нѣтъ. А мнѣ взять на Миките Григорьеве сынѣ Чаплине петнадцать рублевъ дѣнегъ, на Иване Рукине четыря рубли денегъ, что платилъ за него поруки въ Судномъ Московскомъ Приказе, на Василье Еремкине рубль денегъ. А что за женою моею Овдотьею Божия милосердия—образы окладные и не окладные и платья ее, что с собою принесла и нынѣ у нее есть, и бѣлье и посуда и всякое рухледь, и то все ей женѣ моей отдать, да ей же, жене моей, на прожитокъ помѣстье мое въ Боровскомъ уезде пустошь, что нынѣ деревня Порѣчье, а на ней поселены крепосные люди мои иноземцы четыре двора: Ромашка Ареѳьевъ з женою Настькою, з детми Гараска, Оска, Мишка Панкратьевъ з сыномъ Ондрюшкою, Ондрюшка Петровъ з женою и детми, Елисейко Ареѳьевъ, и тѣхъ людей ей, женѣ, отдать со всеми детми и з животы, и платьемъ, с рухледью, лошедьми и скотиною, и хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ и посеянымъ, и со всемъ домачнимъ строеніемъ и заводомъ. А которые дворовые люди живутъ во дворе, а крепости на нихъ на имя жены моей Овдотьи: Демка Васильевъ з женою и з детми, Мишка Григорьевъ з женою и з детми, Агапка Гавриловъ з женою и детми, девка Хаврошка. І те люди по крепостямъ отдаю со всеми пожитки, и с платьемъ, и со скотиною, и со всякою рухледью и с хлебомъ. Детемъ моимъ сыну Илье и дочерямъ до техъ дворовыхъ людей и до поселенныхъ дела нетъ. А сыну моему Илье Государево жалованье вотчина и помѣстья въ Боровскомъ уезде со крестъяны и домомъ, со всякимъ заводомъ и животы, платьемъ, служивая рухледь, і всякая посуда, і лошади, і скотина, і хлебъ всякой і люди дворовые крестъяня. А отпущенныхъ людей не будетъ, что у меня кабальныхъ нетъ. А дочери моей Ульяне приданая платья поделана, а вотчина за нею въ Шацкомъ уезде со крестъяны и съ ихъ крестъянски животы, а пожаловать дочь мою Ульяну построить государю моему Івану Івановичу Пашину, какъ ему Богъ по сердцу положитъ, за мужъ выдать, і вотчину писать за нею, а дочери моей Татьянѣ вотчина въ Невскомъ уезде со крестъяны и со всеми угодьи, опричь людей моихъ, которые въ той вотчинѣ живутъ, и что лошадей моихъ и скотины. А выдать ее замужъ с тою вотчиною и приданова дать против

большой сестры. А что осталось после первой жены моей Мареы платья, бѣлья въ большомъ коробе, и то раздѣлить имъ, Ульяне и Татьяне, а жена моя къ тому не приточна. А жене моей Овдотье и детемъ моимъ Илье и Татьяне жить вместе в ономъ доме моемъ сопча. Ей, Овдотье, любить какъ детей родныхъ, а имъ, Илье и Татьяне, почитать какъ мать родную и слушаться во всемъ, и дочь Татьяну выдать замужъ вопче. А будетъ дети моі не похотятъ с мачихою своею в одномъ дворе жить, и имъ поставить дворъ жене моей на помесной земле, где она похочетъ. А что племянники мои, Левъ да Онтонъ Загряжскіе, жену мою Овдотью поносятъ і оглашаютъ, говорятъ непристойныя слова, і темъ они всемъ жену мою клеплютъ и затеваютъ вымыслы своими: ничемъ тѣмъ она не точна. А пожаловать государю моему Максиму Григорьевичу і всемъ государемъ моимъ, которые у сей изусной памяти сидели, жены моей и детей во всемъ не покинуть и межъ ими росмотреть, і поучить, і отъ обидъ пожаловать поберечь, и противъ сей духовной исправить. А жене моей и детемъ быть передъ ними в послушаньи. А у сей изусной памяти сидели отецъ мой духовной, Благовещенской Попъ Ѳома, да Максимъ Григорьевичь Загряжской, Аѳонасей Аѳонасьевичь Поросуковъ, Василей Григорьевичь Болтинъ, Іюда Васильевичь Болтинъ. Іюда Болтинъ у изусной памяти сидѣлъ и сию изусную писалъ своею рукою.

Столбецъ. Духовное завѣщаніе помѣщено на оборотѣ. Въ заголовкѣ подпись Патріарха. Заглавная буква «К» писана вязью съ фигурными украшеніями. У грамоты печать краснаго воска съ изображеніемъ благословляющей руки.

51.

Рядная запись Ульяны Пузиновой и сыновей ея о выдачѣ въ замужество дочери Ѳедоры за Никиту Кирѣевскаго. 1665 г.

Се я, вдова Ульяна Борисова дочь Борисовская, жена Ѳедоровича Пузинова и с дѣтми своими, с Михайломъ да Микитою, сговорили мы: я, вдова Ульяна, дочь свою родную, а мы, Михайло и Микита, сестру свою родную, дѣвицу Ѳедору Борисовну, за мужъ

за Микиту Демидовича Кирѣевскаго. А благословляемъ я, вдова Ульяна, дочь свою, а мы, Михайло и Микита, сестру свою дѣвицу Ѳедору Божіимъ милосердіемъ: образъ Всемилостивѣйшаго Спаса, да образъ Пресвятыя Богородицы Казанские, обложенъ серебромъ, образъ Пречистой Богородицы Умиленіе на золоте, образъ благословенье Кнѣгини Анны обложенъ серебромъ, да чепь со крестомъ. Да приданаго платья: шапка шита золотомъ, шапка отласъ зеленой ожерелья жемчужноя женскія двое, серьги с жемчюгомъ, опашень багрецовой пуговицы серебреные обшивка шитая, лѣтникъ жолтый, охобень—парча черьвчата, охобень—дороги по зеленому, шубка двое—лисная теплая, на бѣлкахъ шубка кирлячкая теплая, охобень кумачной. І всего приданого на восмьдесять рублевъ. Да дѣвку Клавду, Марка Тиханова дочь Литовскаго полону. Да в Кашинскомъ уезде в вотчинной нашей деревнѣ Щепунове на жеребья крестьянъ нашихъ: Кондрашко Сергѣевъ с женою и съ своими дѣтьми, и с ево крестьянскими животы, и с пасынкомъ ево Ганкою і ево Ганкиною женою и животы. А не любо то приданое платье, и ему Миките взять на насъ по сей записи деньгами восмьдесять рублевъ. А будемъ я, вдова Ульяна, иль дѣти мои, Михайло и Микита, того приданаго за долерью своею, а мы за сестрою своею ему, Миките Кирѣевскому, и тѣхъ вотчинныхъ крестьянишковъ своихъ в деревнѣ Щепунове Кондрашкою, Сергѣемъ и с женою и с дѣтми и с пасынкомъ Ганкою и с женою ево и с дѣтми и животы на жеребей владѣть не дадимъ, и ему, Миките Кирѣевскому, по сей записи взять на насъ, вдовѣ Ульянѣ, и на насъ, Михайле и на Миките, триста рублей денегъ. А на то послуси Кузма Гореловъ, Степанъ Копыловъ, Прокоѳей Угрюмовъ, Василей Викентѣевъ. А запись писалъ Ивановские площади Подъячей Гришка Замощьской. Лѣта 1665 года Марта 11 дня.

Столбецъ. На оборотѣ подписи Никиты Пузикова вмѣсто матери и брата, подписи послуховъ.

52.

Рядная запись Алексѣя Мещеринова о выдачѣ въ замужество внуки его за Римскова Корсакова. 1680 г.

Се я, Алексѣй Аврамовъ сынъ Мещериновъ, зговорилъ внуку свою, девицу Анну Алексѣевну, сына своего дочь Алексѣя Алексѣевича, за Івана Дмитрѣевича Римскова Корсакова. А благословляю я, Алексѣй, внуку свою, девицу Анну, Божіимъ милосердиемъ: образъ Всемилостиваго Спаса обложенъ серебромъ чеканнымъ золоченъ, дцка кипарисная в киотѣ, образъ Іоанна Предтечи обложенъ серебромъ золоченъ, образъ Великого Чудотворца Николая обложенъ серебромъ золоченъ, крестъ золотой с каменеемъ с изумруды и с яхонты и с зернми бурмицкими, чепочка золотая, двѣ чепочки серебреныхъ золочены со кресты; да приданова платья — шапка низаная з жемчугомъ, серги — каменья изумруды и с зерны бурмицкими на золотѣ, другие серги двойчатки каменья яхонты да лалы съ зерны бурмицкими на золотѣ, ожерелья низаная жемчугомъ, семь перстенъ золотыхъ с изумруды и с искрами яхонтовыми; лѣтникъ желтъ камчатъ, во швы шитъ по черному бархату, шупка столовая червчетая сукно багрецъ, опошенъ сукно багрецъ пугвицы серебреные золочены, шуба отласная і вѣрхъ на соболяхъ, кружево золото с серебромъ плетеное з городами и с блѣстками, пугвицы серебреные золочены с ѳиніѳьтью, шуба соболья подъ камкою бѣлою, кружево кована золотое, пугвицы серебреные золочены с ѳиніѳьтью, шуба зелена объяринная на собольихъ пупкахъ, кружево золотное кованое, пугвицы королки бѣлые на серебрѣ, шуба кунья подъ отласомъ алымъ, кружево кованое золото с серебромъ, пугвицы серебреные золочены с ѳиніѳьтью, шуба кунья подъ камкою желтою, кружево немѣцкое кованое золото с серебромъ, пугвицы серебреные золочены с ѳиніѳьтью, шуба пески бѣлые по дорогамъ червчетымъ, пугвицы серебреные, шуба лапки песцовые, подъ дорогами червьчетыми пугвицы серебреные, шуба песцовая, подъ дорогами двоелишными пугвицы серебреные, телогрея отласъ желтой цвѣтъ, кружево кованое золотное, пугвицы серебреные золочены с ѳиніѳьтью, телогрѣя отласъ червьчетой, кружево серебреное кованое, пугвицы серебреные золочены с ѳиніѳьтию, телогрѣя кам-

чатая желтая, кружево кованое золотное з блѣстками, немѣцкія пугвицы серебреные золочены с ѳиніѳьтью, телогрѣя камчатая алая, кружево золотное ковано немѣцкое, пугвицы серебреные золочены с ѳиніѳьтью, телогрѣя червчетая, кружево плетѣное золото с серебромъ, пугвицы серебреные, телогрѣя червчета, пугвицы серебреные, пять ѳунтовъ серебреныхъ судовъ, постеля—изголовье пуховое и подушки пуховые, на постелѣ и на зголовье наволоки дорогилные, на подушкахъ наволоки отласные, одѣяло кунья подъ дорогами полосатыми грива отласъ цвѣтной. Да людѣі—баба мама Ульяна да три девки, ларецъ да всякая ларемная рухледь. Да вотчина в Чернскомъ уѣздѣ, въ Пятницкомъ стану, деревня Починокъ Тюринъ на рѣкѣ на Плавѣ, а в нихъ крестъянъ: во дворѣ Данилко Гарасимовъ, у него два сына да пасынокъ, во дворѣ Ерунька Терентьевъ, у него два сына, во дворѣ Петрунка Ѳилимоновъ, у него сынъ да дочь, во дворѣ Савка Алексѣевъ, у него два сына, во дворѣ Ѳомка Акимовъ, у него.... да у него жъ два сына в бѣгахъ, во дворѣ Гаврила Михайловъ, у него два сына, во дворѣ Оска Павловъ, съ матерьею да с женою, во дворѣ Гаврилка Терентьевъ з женою, да у него же дочь. А в той вотчине четвертныя пашни пятдесять четвертей в полѣ, а в двухъ по тому жъ. А тое я, Алексѣі, землю пятдесять четвертеі в полѣ, а в двухъ по тому жъ взялъ у сына своево Івана изъ выслуженой ево вотчины, а на тое землю крестъянъ я, Алексѣі, навозилъ изъ своихъ купленыхъ вотчинъ. А всего приданаго, платья і всякой кузни і низовья, даю я, Алексѣі, за внукою своею, за девицею Анною, на пятьсотъ рублевъ опричь вотчинъ. А выдать мнѣ, Алексѣю, внуку свою, девку Анну Алексѣевну, за мужъ за Івана Дмитрѣевича Корсакова в нынѣшнемъ во сто осмьдесять осиомъ году, Февраля въ осмый день.

Писано столбцемъ. На оборотѣ подписи: Мещеринова, послуховъ Зайцова, Загряжскаго, Михайлова, Ѳедора Мещеринова. Запись писалъ Ивановской площади Подъячій Давыдко Ларешниковъ. На оборотѣ же акта росписки Корсакова, что ему по рядной записи приданое платье все дошло сполна.

53.

Рядная запись вдовы Марьи Островской о выдачѣ въ замужство за Петра Исакова дочери Устиньи. 1686 г.

Се я, вдова Марья Максимова дочь Васильевская, жена Гавриловича Островскаго, в нынешнемъ во сто девяносто четвертомъ году, Декабря въ пятый день, зговорила я, вдова, дочь свою Устинью Васильевну за Петра Леонтьевича Ісакова за мужъ. А благословляю я дочь свою Божіимъ милосердіемъ: образъ Пречистыя Богородицы Одигитреи на золоте, образъ Казанские Богородицы в окладе, окладъ серебряной позолоченъ, образъ Николая Чудотворца в окладе, окладъ серебряной позолоченъ. Да я жъ, вдова Марья, с сыномъ своимъ Ѳедоромъ, даю ей приданаго: чепь серебряную, на ней пять крестовъ серебряныхъ позолоченыхъ, четыре пронизки серебряные, ожереліе низаное жемчугомъ, десять персней серебряныхъ, передруковье низаное жемчугомъ, да серги серебряные с жемчуги позолочены, другіе серги серебряные позолоченые, третьи серги серебряные лапчатые, да приданаго платья: шуба таѳтяная на белкахъ, пугвицы серебряные, охабень желтой, шуба теплая на зайцахъ, охабень киндячной, два охабня кумачныхъ, перина з изголовьемъ, две подушки, одеяло, всего приданаго на дватцать на пять рублевъ. Да я, вдова Марья, с сыномъ своимъ Ѳедоромъ, поступляюся зятю своему Петру Ісакову помѣстныхъ своихъ крестьянъ Ростовскаго уѣзду селца Новаго Земли Ондрюшку Максимова, Емелку Максимова, Евдокимка Максимова, да Митку Іванова, да брата ево Гришку Іванова з женами и з детьми и со всѣми крестьянскими животы. А всего крестьянскихъ мужскихъ десять головъ, да женскаго і девичья пола одинатцать душъ. А выдать мнѣ, вдове Марье, дочь свою, а мнѣ, Ѳедору, сестру свою девицу Устинью за мужъ за нево, Петра Леонтьевича Ісакова, на срокъ в нынешнемъ во сто девяносто четвертомъ году, Генваря въ десятое число, і Божие милосердіе, и приданое на дватцать на пять рублевъ на тотъ же срокъ дать, і крестьянъ двадцать одну душу, мужскихъ і женскихъ і девичьихъ, со всѣми крестьянскими животы, съ дворовымъ і хоромнымъ строеніемъ, отдать на тотъ же срокъ. А кой у нихъ крестьянъ ржаной хлѣбъ в земле сеянъ к нынѣш-

нему же ко сто девяносто четвертому году, отдать имъ, крестьянамъ. А что я, вдова Марья, с сыномъ своимъ Ѳедоромъ поступилась крестьянъ своихъ з женами і з детми і з крестьянскими животы, какъ писано в сей записи выше сего, і на тѣхъ крестьянъ на Москвѣ в Помѣсной Приказъ, іли гдѣ Великие Государи укажутъ, записать і укрепить за зятемъ своимъ, Петромъ Ісаковымъ, в нынешнемъ во сто девяносто четвертомъ году. А буде я, вдова Марья, дочь свою, а я, Ѳедоръ, сестру свою девицу Устинью за него Петра за мужъ на срокъ не выдадимъ, какъ писано в сей записи выше сего, іли Божия милосердия і приданаго на двадцать на пять рублевъ на тотъ же срокъ не здадимъ, і крестьянскихъ десять душъ, да женска і девичья полу одинатцать душъ, со всеми ихъ крестьянскими животы, и хоромнаго і дворового строения на тотъ же срокъ не выдадимъ ему, Петру Ісакову, і крестьяномъ ево, іли которая рожь сеяна в нынешнемъ во сто девяносто четвертомъ году имъ не отдадимъ, іли тѣхъ крестьянъ за нимъ, Петромъ, в нынѣшнемъ во сто девяносто четвертомъ году не укрѣпимъ, іли в чемъ ни есть противъ сей записи не устоимъ, на мне, вдове Марье, і на сыне моемъ, Ѳедорѣ, по сей записи за всякую неустойку..... рублей.

Столбецъ. На оборотѣ акта: подпись послуховъ и Попа Івана съ Ростовскаго посада, имѣсто Островской и ея сына. Актъ явленъ въ Помѣстномъ Приказѣ Боярину Князю Троерукову съ товарищи, крестьяне за Исаковымъ записаны и пошлины въ казну взяты.

54.

Сговорная запись, данная Павломъ Харламовымъ Ивану Маркову, о выдачѣ въ замужество за сего послѣдняго сестры Марьи. 1695 г.

Се я, Павелъ Савинъ сынъ Харламовъ, в нынешнемъ въ двѣсте третьемъ году, зговорилъ я, Павелъ, по приказу матери своей, вдовы Елены Ивановны Савинской жены Максимовича Харламова, сестру свою родную дѣвицу Марью Савину дочь за мужъ за Ивана Лазаревича Маркова. А благословляю я, Павелъ, ево, зятя сво-

его Івана Лазаревича, и ее, сестру свою дѣвицу Марью, Божіимъ милосердіемъ: образомъ Всемилостиваго Спаса под окладомъ серебрянымъ, да образомъ Пресвятыя Богородицы под окладомъ серебрянымъ же. Да приданаго даю я, Павелъ, за нею, сестрою своею Марьею, кузни серебряные и жемчужнаго саженья и всякаго платья, ценою на пятьдесять рублевъ, да къ ларцу дворовую девку Василистку Петрову дочь, да дворового человѣка Ерохонка Прокоѳьева з женою ево Настаскою. Да ис помѣстья отдаю своего с прожиточнымъ ея жеребьемъ в Бересномъ погосте в усадище Корловичахъ восмь четвертей с получетверикомъ, да во дворе крестьянинъ Никитка Никиѳоровъ з женою и дѣтми і со всѣми ево крестьянскими животы, да въ пустоше Отвилце полосмины с получетверикомъ, да в Опоцкомъ погосте в пустоше Осинове чертверть с четверикомъ и с полчетверикомъ, да в Илменскомъ погосте в пустоше в Поддубе тринадцать четвертей, и на тѣ четверти далъ ей сестры моей Марьи, ему Ивану Лазоревичу здаточная заручная челобитная і в Приказной Палате в Великомъ Новѣгородѣ у выписки объ даче того прожиточнаго помѣстья безспорно сказать и в допросѣ рука приложить, в нынешнемъ в двести третьемъ году до сроку, до Рождества Христова. А выдать мне, Павлу, тое сестру свою, девицу Марью, за него, Івана Лазаревича, в нынешнемъ в двесте третьемъ году ис усадбища своего Заборовья на срокъ послѣ Богоявленія Господня въ другое Воскресенье. А какъ онъ, Иванъ Лазоревичь, на тои сестре моей, девице Марье, женитца, и после тое женитбы на другой день на того дворового человѣка Ерохонка и на жену ево и на девку Василистку дать даная за рукою. А что сѣяна рожь на тое пустоши Подубье у меня, Павла, к нынѣшнему двѣсте третьему году, и та рожь зжать мне, Павлу, и взять к себѣ. А что в тое пустоши в Подубье останетца пашни двѣ четверти за ею, сестрою моею Марьею, прожиточнымъ жеребьемъ, и тѣми четвертями владѣть ему, зятю моему Ивану, и сестре моей Марье вѣчно и дѣтямъ ихъ. А будетъ я, Павелъ, ее, сестру свою девицу Марью, или мать моя вдова Елена Ивановна, за него, Ивана Лазаревича, на срокъ тотъ вышеписанной не выдадимъ, или в чемъ противъ сей зговорной записи в слове своемъ не устою, и на мне, Павле, взять ему, Ивану Лазаревичу, денегъ двѣсте рублевъ. А ся запись і впредь в запись и зговоръ в зговоръ. А у сей записи си-

дѣли Дворяня Иванъ Гавриловичь Брянцовъ, да Ѳедоръ Ивановичь Мяхкой. А зговорную запись писалъ по его Павлову велѣнію Порховской Николаевской дьячекъ Еремка Онтроповъ. Лѣта семь тысячъ двѣсте третьяго году, Октября въ третьиі день.

Столбецъ. На оборотѣ подписи послуховъ и Брянцова вмѣсто Харламова.

55.

Поручная дворовая запись отпущенника Кожемякина, данная помѣщикамъ Лермонтовымъ. 1692 г.

Се я, Костромитинъ посатцкой человѣкъ, Ерофей Ивановъ сынъ, Костромскаго подворья дворникъ, да я, Всемилостиваго Спаса, что въ Ярославле, Василей Никитинъ дворникъ, оба мы порутчики: въ нынешнемъ двухсотомъ году Сентября въ двадесять седмый день, поручилися мы Евтиѳею Петровичу, да Петру Петровичу Лермонтовымъ Григорія Микитина сына Брагина по отпущенникѣ ево Іванѣ Захарьевѣ сыне Кожемякинѣ в томъ, что жить ему, Івану, за нашею порукою у нихъ, Евтиѳея и Петра, на Московскомъ подворьѣ на Стретенке, в Тупомъ переулке, в надворничемъ..... И живучи ему Івану за нашею порукою, дурнымъ ни какимъ не промышлять, виномъ і табакомъ не торговать, съ воровскими людьми не знатца, и тотъ ихъ дворъ не обжечь и не обломить, стеречь и беречь и убытковъ никакихъ не учинить. А буде онъ, Іванъ, за нашею порукою живучи на томъ ихъ вышеписанномъ дворѣ в надворничествѣ, учнетъ какимъ дурнымъ промышлять, виномъ и табакомъ торговать и с воровскими людьми знатца, и на насъ порутчикахъ Великихъ Государей Царей і Великихъ Князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великия и малыя и бѣлыя Росиі Самодержцевъ, пеня, а пени что Великие Государи укажутъ. А у сей записи послуси Гаврило Яковлевъ. А запись писалъ Іановские площади Подъячей Стольника и Полковника Лаврентьева полку Панкратьевича Сухарева Левка Терской. Лѣта 1692, Сентября 27.

Писано столбцемъ. На записи помѣта: «Записать в книгу и пошлины взять по указу». На оборотѣ подписи послуховъ и помѣта о явкѣ акта въ Земскомъ Приказѣ. Вмѣсто Кожемякина руку приложилъ Священникъ Иванъ.

56.

Поручная запись Кемскихъ стрѣльцовъ по стрѣльцѣ Ивановѣ въ исправной его службѣ въ Соловецкомъ монастырѣ. 1671 г.

Се Соловецкого монастыря із Кѣмскаго города десятники Максимъ Алексѣевъ сынъ Некрасовъ, да Мокей Прокопъевъ, стрельцы Григорей Ѳотѣевъ сынъ, Ѳома Обросимовъ, Игнатей ..... Кирикъ Никифоровъ, Аникей Ивановъ, Иванъ Ѳедосѣевъ, Иванъ....., Ерофѣевъ, Леонтій Романовъ, Ѳедорко Ивановъ, Максимко..... Ѳедоръ Калининъ, Мартынъ Евсѣевъ поручились есмя Соловецкаго монастыря Архимандриту Иосифу і соборнымъ старцамъ по Максимѣ Иванове сыне в томъ, чтобы ему за нашею порукою на Царевѣ і Великого Князя Алексѣя Милайловича, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержца, службѣ в Кѣмскомъ городке в стрелцахъ и гдѣ Великіі Государь укажетъ на своей Царьской службе, и служба ему ратная всякая служить: на карауле стоять и на Немецкой рубежъ для вестей ходить и къ Государю свесть и по городомъ и Государевымъ Воеводамъ гонять, а в осадное время в Кѣмскомъ городкѣ и в иныхъ городѣхъ, гдѣ Государь укажетъ, рвы копать и тарасы рубить, тынъ и всякие градские крѣпости, і во всехъ Государю службахъ, а ни в чемъ не изменить, ни в Нѣмцы, ни в Литву не отъѣхать..... в городъ хлѣбные запасы всякие казенные носить и зелье и свинецъ на Государевѣ службѣ ему держать казенное. А испортитца у него пищаль иль которая поруха лучитца на Государевѣ службѣ, и намъ, порутчикамъ, за то цены не платить. А небереженеемъ своимъ на службѣ и на своей стрелбѣ у него пищаль испортитца и утеряетца, и ему и намъ порутчикомъ за то цена платить. А живучи ему за нашею порукою, не красть, ни розбивать, і убіиства ни котораго не учипить, корчмы и блядни не держать и зернью не играть и никакимъ воровствомъ не промышлять і из службы стрелецкие не бѣжать. А учнетъ онъ за нашею порукою красть иль розбивать и зернь..... и блядню держать, иль убіиство чинить, иль какимъ воровствомъ промышлять, иль изъ службы збежитъ, и на насъ, на порутчикахъ, Государева пеня, и хлѣбное и денежное жалованье і всякие убытки, что въ его воровствѣ ни

учинитца убытка. Жалованье годовое имать ему на два срока..... денегъ по три рубля..... ржи три четверти, а овса тожъ. На то послуси..... Матфей Евстратьевъ сынъ. Запись писалъ дьячокъ Петрушка Павловъ. Лѣта 1671, Сентября 13-го.

Писано столбцемъ. Актъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ порванъ.

57.

Поручная запись стрѣлецкихъ десятниковъ и рядовыхъ по стрѣльцѣ Хахинѣ. (Времени Царя Алексѣя Михайл.)

Се Кѣмскаго городка стрелецкие десятники Іванъ Ѳедосѣевъ, Мокѣй Прокопьевъ, Семенъ Ерофѣевъ і рядовые стрелцы Іашко Сидоровъ, Кирко Никифоровъ, Гришка Андрѣевъ, Михалко Петровъ, Іашко Васильевъ, Михалко Осиповъ, Ѳедка Калининъ, Ісачко Матвѣевъ, Еремка Ивановъ, Матвѣйко Тимоѳѣевъ, Елисѣйко Марковъ поручились есмы Соловецкаго монастыря Архимандриту Иосифу і соборнымъ старцамъ по..... в стрелцы по Варѳоломее Ѳедорове сыне Хахине въ томъ, что быть ему за нашею порукою на Государевой Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великия і малыя і бѣлыя Росиі Самодержца, службѣ в Кѣмскомъ городкѣ в стрелцахъ и гдѣ Великиі Государь укажетъ на своей Царьской службѣ быть, і служба ему всякая ратная служить: на карауле і в отъѣзжихъ стоять і на Немецкой рубежъ для вестей ходить і к Государю к Москве с вестью и по городамъ к Государевымъ Воеводамъ гонять, а в осадное время в Кѣмскомъ городке и въ иныхъ городахъ, гдѣ Великій Государь укажетъ, рвы копать и тарасы рубить, тыны і чеснокъ і надолбы і всякие градские крѣпости дѣлать, і во всемъ служить испряма, а ни в чемъ не изменить, ни в Нѣмцы, ни в Литву не отъѣхать і изза города в городъ хлѣбные запасы казенные всякие носить, а пищаль і свинецъ на Государевой службе ему держати казенное. А испортитца у него пищаль і которая поруха учинитца на Государевой службе, и ему и на порутчиковъ за то

цены не платить, а небереженеемъ своимъ на Государевой службе иль на своей стрелбѣ у него пищаль испортитца, иль утеряетца.....

Писано столбцемъ. Конецъ оборванъ. На оборотѣ подпись стрѣльца Кемскаго городка Ивана Сидорова вмѣсто поручителей.

58.

Запись, данная крестьянином Горицкаго монастыря Таракановым крестьянам помѣщика Кирѣевскаго, о доставленіи въ Смоленскъ сборнаго съ ихъ хлѣба. 1687 г.

Се я, Переславскаго уезду, Горицкаго монастыря села Соломидина, крестьянинъ Микита Володимеровъ сынъ Тороканов, подрядился есми, Микита, Дмитровскаго уезду, Козмодемянскаго стану вотчины Василья Никитича Киреевскаго, у старосты ево, у Ѳедора Дмитреева, и у всехъ крестьянъ, поставить мнѣ, Миките Тороканову, с крестьянскихъ и з бобыльскихъ с семѣнацати дворовъ Великихъ Государей стрелѣцкой и запросной хлѣбъ щесть кулей, и толокна и крупъ въ Смоленской, по нынешнему зимнему пути в нонешнемъ во 1687 году, мука ржаная и крупа и толокно ихъ мирское, и в томъ хлебѣ привести мнѣ, Миките, из Смолѣнска отпись за Дьячью приписью, а за провозъ отъ того хлеба взялъ я, Микита, у него, старосты у Ѳедора, и у всехъ крестьянъ по осьми гривѣнъ с куля противъ сей записи все сполна, и в томъ стрелѣцкомъ и в запросномъ хлебе ихъ крестьянъ убытка не доставить не котораго. А буде я, Микита Тороканов, по нынешнему зимнему пути въ Смоленске стрелѣцкого и запроснаго хлеба села Воронцова деревни Никотина не поставлю и отписей с Смолѣнска за Дьячью приписью не привѣзу и в томъ хлебѣ какой убытокъ имъ крестьяномъ учиню, и на мнѣ, Микитѣ, взять имъ, крестьяномъ Ѳедору Дмитрееву и всемъ крестьяномъ, по сей записи пятьдесятъ рублевъ денегъ, и въ томъ запросномъ и стрелѣцкомъ хлебѣ и в довозке и взятыхъ деньгахъ порукою по немъ, Миките, писались того села Соломидина крестьяне Петръ да Василей Микитины, да

Дмитровскаго уѣзду вотчины Ѳедора Тихоновича Зыкова села Будиміры Осипъ Трофимовъ въ томъ на себя запись далъ. А на послуси сиделъ Ѳедоръ Микифоровъ. А запись писалъ Дмитровскаго уезду Троецкаго монастыря казенной дьячекъ Степанъ Егуповъ по ево Микитину веленью и поручиковъ, кои в сей записи имяны писаны. Лѣта 1687, Генваря въ 3-й день.

Столбецъ. На оборотѣ подпись Златоустовскаго Попа Ѳедора вмѣсто Тараканова.

59.

Отпись крестьянина Ларіонова о крестьянахъ Мещеринова, отданныхъ въ приданое за дочерью помѣщика Галицкаго Уѣзда, Племянникова. 1694 г.

Се я, Галицкаго уезду Столника Сергѣя Ѳаустовича Племянникова, Кушкина стана, деревни Покровскаго, крестьянинъ Илья Ларионовъ, въ нынешнемъ двѣсти второмъ году, Октября въ 13 день, отдалъ я, по приказу государя своего Сергѣя Ѳаустовича, крестьянъ ево, Івана Алексѣевича Мещеринова, да сына ево Ильи Ивановича Мещеринова, Ростовской вотчины села Никольскаго Приказному ихъ человѣку, Ѳомѣ Костянтинову, противъ даной памяти на срокъ Октября в первый день нынешняго двѣсти втораго года, которыхъ онъ, Сергѣй Ѳаустовичь, ныне прислалъ в то село к отдачѣ крестьянъ, которыхъ далъ онъ, Сергѣй, за дочерью своею в приданое ему, Ильѣ Ивановичу: Ѳедьку Артемьева с женою ево Анушкою Анофріевою дочерью, да с сыномъ ево Дмитряшкою, да скотиною—кобыла бура, да корова, да телицу, да пятеро курей, да платья каѳтанъ шубной, каѳтанъ сермяжной, сараѳанъ да рубаха, да хлѣба ржи две четверти с осминою и с четверикомъ, овса три четверти с осминою, сѣмяни льнянова полчетверика; да Пименка Игнатіева с женою ево Ѳедоркою Козминою дочерью, да дочерью дѣвкою Лукѣшкою, да скотиною—лошадь меринъ сѣръ, да корову, да овцу да баранъ, да платья каѳтанъ шубной, каѳтанъ сермяжной, да у жены ево платья сараѳанъ да рубаха, хлѣба двѣ четверти съ полуосминою ржи, да овса двѣ четверти, ячмени три полуосмины; да Якушку Троѳимова с сыномъ его Пронкою, да с

дочерью дѣвкою Оксюткою, да скотину—кобыла каря, да платья каѳтанъ шубной, каѳтанъ сермяжной, да у дѣтей ево платья, у сына каѳтанъ шубной, каѳтанъ сермяжной, да у дочери сараѳанъ да рубаха, да хлѣба ржи двѣ четверти с четверикомъ, сѣмени конопляноваго с полчетверика, да льняноваго сѣмени с полчетверика, овса шесть четвертей. А отдалъ я тѣхъ крестьянъ с плугами, и с сохами, и с косами и с серпами. А что у нихъ было сѣна и соломы, и мякины, и листу осиноваго, и то они продали, а деньги у нихъ, крестьянъ. А отдалъ я, Илья, тѣхъ крестьянъ ему, Ѳомѣ, со всѣми ихъ пожитками противъ ихъ сказокъ. И в томъ я, Илья, у него, Ѳомы, в приеме тѣхъ крестьянъ отпись взялъ. А ца то послуси Осипъ Даниловъ, Семенъ Алексѣевъ. А отпись писалъ Ростовския площади Подъячей Никитка Ильинъ. Лѣта 1694, Октября 13 дня.

Столбецъ. На оборотѣ подписи послуховъ.

60.

Челобитная Ивана Мещеринова о понужденіи Арсеньева къ принятію купчей на имѣнія въ Звенигородскомъ Уѣздѣ. 1684 г.

Царемъ Государемъ і Великимъ Княземъ Иоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі Самодержцемъ, бьетъ челомъ холопъ вашъ, Іванко Мещериновъ. В прошломъ, Государи, 1683-мъ году продалъ я, холопъ вашъ, Дмитрею Арсеневу вотчину свою в Звенигородцкомъ уезде в Угорскомъ стану селцо Кузминское, да пустошь Михалково без жеребья, для оплаты невинныхъ долговъ своихъ, что доправилъ на мнѣ, холопѣ вашемъ, безъ вашего Великихъ Государей указа, бѣзъ суда и бѣз розыску Князь Іванъ Хованской, Московскимъ стрѣльцамъ шесть тысячь рублей денегъ. Да я, холопъ вашъ, поступился ему, Дмитрею, за двѣсти рублевъ ваше Великихъ Государей жалованье, а своего помѣстьица в томъ же сельце Кузминскомъ жеребья, да в пустоши Михалкове жеребей, да пустошь Коростье. І в томъ я, холопъ вашъ, далъ ему, Дмитрею, на себя

запись зарядомъ, что о тѣхъ жеребьяхъ и о пустоше Коростьеве бить челомъ вамъ, Великимъ Государямъ, что тѣ жеребьи и пустоши Коростье взялъ себѣ в вотчину, и дать ему, Дмитрею, купчая на срокъ прошлаго 1683 г. Сентября 1-го числа. А буде я, холопъ вашъ, на тотъ срокъ ис помѣстья въ вотчину тѣхъ жеребьевъ и пустоши Коростье не возьму, и на мнѣ ему, Дмитрею, зарядъ взять пятсотъ рублевъ. И онъ, Дмитрей, хотя на мне, холопе вашемъ, своемъ умысломъ зарядъ напрасно взять и своимъ челобитьемъ оспорить ту пустошь Коростье и на срокъ мнѣ в вотчину взять не дать, і взялъ на мнѣ, холопе вашемъ, по той записи будто за неустойку пятьсотъ рублевъ денегъ, и ту мнѣ запись выдалъ, и взялъ на меня, холопа вашего, онъ, Дмитрей, другую запись зарядою же въ пяти же стахъ рублехъ, что мнѣ тѣ вышеписанные жеребья в селце Кузминскомъ, да в пустоши Михалкове, да пустошь Коростье взять изъ поместья в вотчину жъ, и дать ему, Дмитрею, на ту вотчину купчая на срокъ 1685 года Сентября въ первое число. А буде на тотъ срокъ в вотчину себѣ не возьму и купчие ему, Дмитрею, не дамъ, и ему, Дмитрею, взять на мнѣ по той ево записи пятьсотъ же рублевъ денегъ. И я, холопъ вашъ, те свои вышеписанные жеребьи и пустошь Коростье в вотчину себѣ взялъ и купчую ему, Дмитрею, написалъ. И онъ, Дмитрей, хотя на мнѣ, холопе вашемъ, и по другой записи зарядъ пятьсотъ рублей взять, купчие у меня на ту вотчину не принимаетъ и къ списку руки не приложилъ, и говорилъ будто для того, что я, холопъ вашъ, не справясь с крепостми и с дачами в Поместномъ Приказе, билъ челомъ я, холопъ вашъ, вамъ Великимъ Государямъ о той пустоши Коростье в поместье самъ на себя. И сторожилъ земель і владелъ я, холопъ вашъ, бѣзъ дачъ больше дватцети летъ, і в обыску окольные люди сказали противъ моево челобитья. А та, Государи, пустошь Коростье по дачамъ объявилась за отцомъ моимъ Алексѣемъ Аврамовичемъ, а не в порожнихъ земляхъ. И нынѣ отца моево не стало. А иные, Государи, пустоши Коростья в Звенигородскомъ уездѣ, опричь тое что за отцомъ за моимъ написана, пустошь Коростье на речке на Капанке. А для того я, холопъ вашъ, не справясь с крепостми, билъ челомъ вамъ Великимъ Государямъ: какъ приежжали с Москвы в Ростовскую деревню по отца моево стрѣльцы и животы отца

моево розграбили и всякие письма и крѣпости изорвали. И та пустошь Коростье въ Помесномъ Приказе сыскалася в даче за отцомъ моимъ по менѣ Боярина Бориса Івановича Морозова. І въ выписке, Государи, моей какъ я билъ челомъ о той пустоши Коростье не ведаючи іс порожнихъ земель написано имянно, что та пустошь Коростье была отца моево, а нынѣ дана мнѣ, холопу вашему, в вотчину. А онъ, Дмитрей, хотя меня, холопа вашего, вдругорядь разорить напрасно, и по другой записи хочетъ зарядъ взять пятьсотъ же рублей, и купчие не принимаетъ, и к списку руки не приложитъ для того, чтобы на срокъ та вотчина за нимъ не записать, а ему бъ напрасно зарядъ взять. Милосердые Государи Цари і Великие Князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь, всея великия и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, для такова моево не виннаго разорения, не дайте, Государи, меня, холопа своего, вдругорядь напрасно разорить, і велите, Государи, тое купчую и списокъ купчие принять в Помесномъ Приказе, и за нимъ, Дмитреемъ, ту мою вотчину в записные вотчинные книги записать, и с купчие пошлины принять, и челобитье моё в книгу записать, чтобъ мнѣ, холопу вашему, по той записи в заряде и досталь отъ него, Дмитрея, разорену не быть.

Столбецъ. На оборотѣ подпись Мещеринова и помѣта: «1684 года, Августа въ 18 день, выписать».

IV.

ЧЕЛОБИТНЫЯ КРЕСТЬЯНЪ ПОМѢЩИКАМЪ И ПИСЬМА ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ.

61.

Письмо крестьянъ д. Кузьминской къ помѣщику Алексѣю Мещеринову.

Государю Алексѣю Аврамьевичу бьютъ челомъ и плачутца последние погиблые сироты твои государевы, крестъянца деревни Кузминской: староста твой государевъ, Сенка Яковлевъ, да Савка Степановъ, да Якушка, Митка, Дементьевы детишка, Онтипка Кондратьевъ, Овонка Сидоровъ и все сироты Кузминские крестъянишка. Погибли мы, сироты твои государевы, в конецъ, помираемъ голодомъ, ни пить, ни есть намъ нечево, стали ещадны и скудны, а на твою государеву работу наряжаютъ, а работать не за чемъ—голодны. Смилуйся, пощади, государь, сиротъ, пожалуй намъ сиротамъ на пашню овса и ячмени, чемъ жеребнишка обсеменить, по чему, государь, Богъ по сердцу твоему положитъ. Дай, государь, бѣднымъ скуднымъ свѣтъ собою видеть, напредъ чемъ быть сытымъ. Государь помилуй, сиротъ не умори.

Писано столбцемъ. Годъ не обозначенъ.

62.

Письмо крестьянина Ивана Антонова къ помѣщику Мещеринову. (Время Царей Іоанна и Петра.)

Государю Івану Алексѣевичу бьетъ челомъ бегълой твой крестьянинъ Івашко Онтоновъ. Прогневалъ тебя, государя, збежалъ я, сірата твой, из Рябинина. А жилъ я, государь, у Князя Петра Михаловича Долгорукова в деревне Гридине. А дочь я, государь, выдалъ тутъ же в деревне. А жилъ, государь, я у зяти

и робятишка тутъ покинулъ. И меня, государь, оне не знали, что я к твоему здоровью побрелъ. Умилостивись, государь, Іванъ Алексѣевичь, вели тутъ же мне жить у брата у Ганьки у бочара в селе Николскомъ. Смилуйся, государь, и пожалуй.

Писано на четвертушкѣ бумаги.

63.

Письмо старосты Михаила Ѳедорова къ помѣщику Мещеринову. (Конца XVII стол.)

Государю Алексѣю Абрамьевичу холопъ твой государевъ, Мишка Ѳедоровъ, челомъ бьетъ. Писалъ ко мнѣ ты, государь, холопу, велелъ бревна ронить трехъ саженъ и полутретьи. И крестьяня твои государевы мнѣ, холопу, отказываютъ, что онѣ голодны и клячи, и коровенка испродали, и на хлебъ приели, и яровые пашни пахать не за чемъ, да и не на чемъ, и есть нечево. А Микитинъ сынъ Ѳилка отшелъ отца в Кондратьевъ дворъ в пустой: ни клячы, ни коровенка нетъ, никакой животины, ни сеять нечемъ. Да пять телицъ твоихъ государевыхъ отелилися и телятъ подъ нихъ ссать подпускаемъ, и онѣ не не насысаютца и молока нетъ, титки отели. Да положили в великой четвергъ пять бычковъ, и по се время, дай Богъ, здоровы. А жеребята замытилися и захудали. И сечь не убирывали и пенья не копывали: крестьяня разбрелися в миръ. А Івану Черневу четверть ячьмени далъ. А мерины два вороныхъ и третьева мухортова отослалъ в Шумилово.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: «Государю Алексѣю Абрамьевичу».

64.

Письмо крестьянъ с. Рождественскаго къ помѣщику Мещеринову. (Конца XVII стол.)

Государю Алексѣю Ивановичю села Рожественнаго холопи ваши государьския, Гришка Степановъ, да Степка Матвѣевъ, челомъ бьемъ. Изволилъ ты, государь, к намъ, холопамъ своимъ, писать и по батюшкову указу, чтобъ намъ досмотрить на своемъ гумне хьлеба твоево Боярьскаго. И мы, государь, крестьянъ собрали и хьлеба досматривали, и только овса семдесять копенъ, а только оберетца овса на семена четвертей з дватцать, а въ житнице овса нѣтъ зерна. Гороху три десятины на поли зъгнили, а только умолочено гороху на семена. Да в житнице ячьменю четыре четверти на семена толко, да гречихи в житницѣ по три четверти, да ржи в гумнѣ немолоченой пятдесять копенъ, а ржи будетъ тритцать пять четвертей, а въ житницу не свезена, да семя конопляпова четверть. И мы, холопя твои, государь, у крестьянъ спрашивали: «какъ люди хъленъ прятали с поля, а вы где были»? И крестьяне сказали: «насъ де прикашщикъ о тѣ поры заставилъ просяня похать, да ячьнишка за тѣмъ у насъ холопей де и погнили». И за то прикашщика и старосту били въ два кънута, привезавъ къ санямъ, при всѣхъ крестьянахъ. Да въ Раеве, государь, хьлеба досматривали же: въ житнице ржи пять четвертей, да солоду арженова двенадцать четвертей, да ржи немолоченой въ гумнѣ.

Писано столбцемъ. Безъ окончанія.

65.

Письмо Приказнаго Тимоѳея Дмитріева къ помѣщику Ильѣ Мещеринову. (Начала XVIII в.)

Государь ко мнѣ милостивецъ Илья Ивановичь. Здравие твое государя моего да сохранитъ десница Вышнего Бога на веки и со всеми любящими тя человѣки. Челомъ бью, государь мой, за твою к себѣ милость, что милостиво насъ в забвеніи не оставилъ и о здравіі своемъ к намъ пишешь. Мы і напредки со усердиемъ о томъ отъ тебя приятства желаемъ. Да изволь ты, государь, писать к батюшке Семену, чтобъ у меня взять ведомость, какъ твое челобитье записано в книгу и чтобъ не утерялось твое явочное челобитье и записка бою крестъянъ твоихъ четырехъ человѣкъ. А у насъ того не водица, чтобъ пропадали в приказной избѣ челобитья. Противъ челобитья милости твоей все управно, і челобитье записано в книгу тогожъ числа, какъ на челобитной помѣчено. Такожде і осмотръ записанъ тожъ число, толко по милости своей не поставь насъ в забвеніи. По милости своей да и о преждереченномъ прошу милости, о чемъ я тебя, государя, просилъ, о Попѣ Семенѣ. Пожалуй, не равняй ево с панамаремъ. О семъ прося Тимоѳей Дмитрѣевъ, мѣсяца Сентября 21, нижайшій поклонъ приношу.

Писано столбцемъ. На оборотѣ: «Государю Илье Ивановичу».

66.

Письмо Григорія Кошелева къ Ивану Мещеринову. (Конца XVII вѣка.)

.... И того его челобитья и отписку не приискали, знать, что похвальба ево напрасная. А онъ, Гришка, записался Преображенскаго полку в драганы. Да ведомо тебѣ, государю моему, буди: велено брата твоего Івана Ивановича і Василья Ивановича Черткова отъ розыску взять к Москвѣ. І Василей Ивановичъ ны-

не уже на Москвѣ, і Шеховской сыщикъ на Москвѣ, а братъ твой будетъ в скорехъ числехъ. Да і тебѣ, государю моему, по наряду, на службѣ Великаго Государя велено быть въ большомъ полку, а стать в указныхъ местехъ в Ахтырскомъ, Марта 2 числа. И про то подлинно мне сказывалъ Савелей Васильевъ, і невозможно отъ того отбыть для того, что о томъ Государевъ именной указъ. Да и я о томъ довѣдаюся подлинно, и к тебѣ, государь, подлинную ведомость пришлю в скорехъ числехъ и..... на дачу дана тебѣ спрашиваютъ поворотныхъ денегъ на прошлой 1696 годъ за службы с вотчинъ, да по Вляскаго іску хотятъ править на людехъ твоихъ. І хотели ценить дворъ твой Московскій, і Сава принесъ в Розрядъ челобитную, чтобъ для нынешней службы отсрочить, и по тому челобитью для службы отсрочено. А что посланъ Подъячей Григорей Осиповъ и с которымъ высылки к Москвѣ, не ѣдитъ покамѣстъ, о всемъ доведаюся доподлинно, и о томъ к тебѣ, государь, учиню о всемъ ведомость. А что кои запасы есть и что кому велено роздать, и я за тою службою, безъ ведома твоего, давать не смею, что даромъ все пропадетъ. А о службе еще ожидаютъ из иныхъ странъ ведомости, да пожалуй, государь мой, при милости своей, не покинь въ какихъ делахъ батюшки моего. А я за тебя, государя, радъ волокиту великую принять і нужду. А нынѣ де жъ за скоростью написать не успѣваю. Велми с честью бьетъ писавый Гришка Кошелевъ.

Столбецъ. Первыхъ строкъ недостаетъ.

67.

Письмо Ивана Юрлова къ Ивану Мещеринову. (Второй половины XVII стол.)

Государю моему милостивому ко мнѣ, и милосердому, и заступителю, Ивану Алексѣевичю, Івашко Юрловъ, павъ на землю предъ ногами твоими, много челомъ бьетъ. Прошу, государь Іванъ Алексѣевичь, милости твоей і заступы, буди другъ мнѣ убогому, заступникъ. І твои, государь Іванъ Алексѣевичь, которые

были пріятели и хлѣбоѣдцы, и тѣ, государь, твои пріятели і хлѣбоѣдцы теперь на тебя жъ, Іванъ Алексѣевичь, составляютъ всякие ябеды и челобитныя і научаютъ бити челомъ Черемису. І будучи я, государь Іванъ Алексѣевичь, в толмачахъ і будто я былъ ушникъ і ябедникъ і миропродавецъ. І теперѣ, государь Іванъ Алексѣевичь, отъ тѣхъ твоихъ приятелей мнѣ убогому жить стало нельзя. І ты, государь Іванъ Алексѣевичь, буди і мнѣ убогому заступникъ. І которые, государь, приятели составляютъ ябеды і челобитныя, і тѣхъ, государь, имяна в сей грамотке писаны: Соборной церкви Попъ Василей Ѳедоровъ, Ѳадей Корѣповъ, Ларивонъ Серебреникъ, Тимоѳей Проскунинъ, Кирило да Іванъ Савиновы, Купреянъ Круковъ, Савелей Ѳоминъ, Мумара Санинъ, Микита Лазоревъ, Степанъ Сапожникъ. А грамотку, государь Іванъ Алексѣевичь, в Кузмодемьянскомъ нихто писать не смѣлъ. І я ѣздилъ въ Чебоксары писать. Писано Декабря 19.

Столбецъ. На оборотѣ надпись: Государю моему, пріятелю і заступителю, Івану Алексѣевичю.

68.

Челобитная помѣщиковъ Ростовскаго уѣзда, Мещеринова и Князя Шаховскаго, Митрополиту Димитрію о назначеніи въ село Карагачево Поповскаго сына Василія Леонтьева Попомъ. (Начала XVIII вѣка.)

Государю Преосвященному Димитрію, Митрополиту Ростовскому и Ярославскому, бьютъ челомъ помѣщики Ростовскаго уѣзда села Карагачева, Илья Ивановъ сынъ Мещериновъ, да селца Ликина Князь Семенъ Матвѣевичь сынъ Шаховской. Излюбили мы, помѣщики, тогожъ села Карагачева церкви Рождества Пресвятыя Богородицы попова сына Василья Леонтьева, чтобъ ему, по твоему Архиерейскому благословению, а по нашему излюбу, быть у той же церкви Рождества Пресвятыя Богородицы вторымъ Священникомъ въ поможенье отцу своему по тому, что тотъ Священникъ при старости, и церкве Божіи бѣс нѣкія не быть и душамъ христіянскимъ бѣс причастія не помереть. Мило-

стивый Государь, Преосвященный Димитрій Митрополитъ Ростовскій і Ярославскій, пожалуй насъ, вели ево, Василья, по своему Архіерейскому благословенью поставить в Попы. Смилуйся, пожалуй.

Столбецъ съ штемпелемъ. На оборотѣ подпись Мещеринова.

69.

Наказная память помѣщика Ивана Мещеринова человѣку его Григорію Степанову о розыскѣ бѣглыхъ крестьянъ. 1688 г.

Лѣта 1688 года, Декабря въ 26 день. Память человѣку моему, Григорью Степанову с товарыщи. Ѣхать ему в Ростовской уѣздъ, в Олексѣеву деревню Скарятина, а из Олексѣевы деревни ехать ему с Олексѣевымъ же человѣкомъ в село Никольское, часу не мешкавъ. А в селѣ Никольскомъ взять с собою трехъ человѣкъ крестьянъ, Івашка Алексѣева, Івашка Трофимова да Еѳимка Старостина, на моей лошеди, изъ Сидоровскихъ кобылъ выбрать которая лучше, а ему, Григорью, дать другую лошедь, кобылу ящика. И ехать имъ в Галицкую мою вотчину, в деревню Бухарино, деревнями, и пріѣхавъ бы ему в тѣ деревни, болши двухъ денъ не мѣшкать, і послать тотчасъ старосту прошлогодняго, что нынѣ былъ в работникахъ в Рыбинскѣ, Артюшку, по Князь Юрьева крестьянина Княжь Ѳедорова сына Щербатова по першку.... Да для опазныванья бѣглыхъ крестъянъ ему изъ Галицкие вотчины крестъянина два, которые ѣздили съ Алексѣемъ Ивановичемъ в Казань, взять ему из Галицкіе вотчины на Алатырь, и крестъянъ Івашка Алексѣева да Івашка Троѳимова оставить на Алатырѣ на постояломъ дворѣ і с лошедью, і провѣдать вотчину Боярина Петра Ивановича Матюшкина, и послать ихъ обоихъ, Ростовскихъ крестьянъ, будто милостины прошать в ту Петрову вотчину, и приказать имъ на крѣпко, чтобъ Аристка з дѣтми і Попова брата Корнилка провѣдали і в которой деревне и дворахъ онѣ живутъ, і проведавъ бы, одинъ ѣхалъ домой съ лошедью, а другой бы шелъ на Алатырь пѣшъ на тотже постоялой дворъ, і на Алатырѣ дождався ево, Григорія, да і про иныхъ моихъ бѣглыхъ

крестьянъ Ростовскихъ провѣдывалъ же, живучи на Алатырѣ, и пріѣхавъ ему Григорію с Алатыря въ Саранскъ..... и в тѣхъ деревняхъ ему тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ изловить и отвести ихъ в Саранскъ, а животы ихъ и лошеди и всякую скотину и хлѣбъ вели Мишке переписать, и оставить у хлѣба и у животины на дворѣ бабы по двѣ, чтобъ животину кормили. І про Демку і про дѣтей ево Алексѣева крестьянина Скорятина ево Кузки спрашивать на крѣпко і пытать, чтобъ ево сыскать же. И какъ Воевода тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ отдастъ, і изъ нихъ человѣка четыре бить челомъ Воеводѣ чтобъ велѣлъ в тюрму посадить, покамѣстъ женъ ихъ перевезутъ, и женъ ихъ дѣтей и лошеди, всѣ что у нихъ есть, прислать в Николское съ Алексѣевымъ человѣкомъ Скорятина и съ Еѳимкою Старостиным. А в Николскомъ до указу велѣть тѣхъ женокъ и дѣтей ихъ беречь на крѣпко, а Алексѣева человѣка Скорятина із Николскаго послать..... і у тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ..... и овцы и свині и куры продать, почему цена подыметъ, и денги привести с собою. А буде тѣ дѣти Боярские тѣхъ моихъ бѣглыхъ крестьянъ по прежнему ухоронятъ, і ему бить челомъ Воеводе, чтобъ велѣть ихъ взять в городъ, і подать в то время грамота Великихъ Государей об высылке к Москвѣ тѣхъ дѣтей Боярскихъ, чтобъ ихъ дать на поруки с записью, к отвѣту выслать к Москвѣ, і у Воеводы о той высылке взять к Москвѣ отписку противъ грамоты Великихъ Государей, і та отписка прислать къ Москвѣ с тѣмъ же Алексѣевымъ человѣкомъ, а самому ему ѣхать с Мишкою с товарыщи в Казань і подать Воеводе Великихъ Государей проѣзжая грамота, і от меня совѣтная грамотка, і противъ Алексѣевыхъ челобитенъ бить челомъ Воеводе, чтобъ далъ приставовъ, и противъ челобитья Алексѣева тѣхъ моихъ бѣглыхъ крестьянъ поймать, да и тѣхъ крестьянъ сколько ихъ поймавъ, всѣхъ что сказывалъ Князя Юрія крестьянинъ Щербатого..... и которыя женки привезены будутъ, и ты ихъ изъ Никольскаго привези к Москвѣ.... О томъ постарайся, чтобъ всѣхъ мужиковъ сыскать противъ росписи і сверхъ росписи, гдѣ про иныхъ мужиковъ скажутъ, і тебѣ бы ихъ сыскать. А есть ли ты мужиковъ сыщешь, і тебѣ за то быть пожалованымъ. И будучи тебѣ у моего дѣла, не пить и не бражничать і об моемъ дѣле радѣть не оплошно. Да ему же, ѣдучи с Алатыря в Казань, заѣхать в Кузмодемьянскъ к Михайлу

Григорьевичу, отъ меня подать совѣтная грамота і которые кабалы на Кузмодемьянскъ і на Кузмодемьянскую Черемису, і тѣ кабалы батьку всѣ подать, і о томъ с нимъ помыслить, можно ли мнѣ по тѣмъ кабаламъ денегъ хотя половину..... і ис тѣхъ крестьянъ, про которыхъ онъ Кузьма скажетъ, дать ему жонку да дѣвку..... будучи у моево дѣла, не пить і не бражничать і о томъ сыску радѣть. Да тебѣ же велено взять в Никольскомъ на расходы 2 рубли, да в Галиче 5 рублей. К сей наказной памяти Іванъ Алексѣевичь Мещериновъ печать свою приложилъ.

Тетрадка, въ 4 долю листа, на 3-хъ листикахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ истлѣвшая.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СБОРНИКА СЕМЕВСКАГО:

ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ АКТЫ

XVII—XVIII в.

стр.

Предисловіе..... I—IV.

I. Акты историческіе.

1. Грамота Польскаго Короля Стефана Баторія о Бѣловѣжской пущѣ.... 1
2. Грамота Царя Алексѣя Михаиловича Псковскому Воеводѣ Князю Львову и Дьяку Степанову о ворѣ Дружинкѣ Бородинѣ. 1651 г..... 2
3. Грамота Царя Алексѣя Михаиловича Псковскому Воеводѣ Князю Львову и Дьяку Степанову объ объявленіи Псковичамъ Царскаго благоволенія за поимку воровскихъ людей. 1651 г..... 3
4. Грамота Царя Алексѣя Михаиловича Псковскому Воеводѣ Князю Львову и Дьяку Степанову о дворѣ Псковитянина Ильи Хвостова. 1651 г.... 4
5. Грамота Царя Алексѣя Михаиловича Псковскому Воеводѣ Князю Ѳеодору Григорьевичу Ромодановскому о приготовленіи Поляковъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. 1654 г..... 5
6. Грамота Царя Алексѣя Михаиловича Псковскому Воеводѣ Андрѣю Васильевичу Бутурлину о взысканіи прямольной муки съ мѣстныхъ цѣловальниковъ. 1654 г..... 6
7. Грамота Царя Алексѣя Михаиловича Псковскимъ Воеводамъ Князю Ромодановскому и Князю Гагарину о пріемѣ отъ иноземца Стефена заподряженнаго вина. 1654 г..... 7
8. Грамота Царя Алексѣя Михаиловича Псковскому Воеводѣ Князю Хованскому о прибавкѣ жалованья Псковитянину Родіону Кокошкину. 1661 г. 8

Стр.

9. Акты относящіеся до покупки во Псковѣ рыбы изъ дворцовыхъ доходовъ. 1665 г. ... 9
10. Грамота Новгородскаго Воеводы Шеремева къ Шведскому Генералу Грундельгельмфелту о выдачѣ мощей Преподобнаго Арсенія. 1673 г. ... 10
11. Челобитная Игумена Мирожскаго монастыря и Псковскихъ помѣщиковъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ всегородныхъ старостъ. 1623 г. ... 12
12. Челобитная Игумена Герасима и Псковскихъ помѣщиковъ о безпорядкахъ, допущенныхъ всегородными старостами по ямскому дѣлу. (Перв. половины XVII стол.). ... 13
13. Челобитная дворянъ и жильцовъ Сатиной сотни на Аввакума Іевлева въ поношеніи ихъ безчестными словами. 1664 г. ... 14
14. Челобитная Стрѣлецкаго Головы Ивана Мещеринова о пожалованіи его землею. (Времени Царя Алексѣя) ... 15
15. Челобитная Стрѣлецкаго Головы Мещеринова о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ ему Воеводою Княземъ Волконскимъ въ Соловецкомъ монастырѣ. (Времени Царя Ѳедора Алексѣевича) ... —
16. Челобитная Стрѣлецкаго Головы Мещеринова о незаконныхъ поступкахъ Воеводы Князя Волконскаго на Соловецкомъ островѣ. (Конца XVII стол.). 18
17. Челобитная Никиты Кирѣевскаго о дачѣ ему пустоши. (Времени Царя Ѳедора Алексѣев.) ... 19
18. Челобитная Головы Московскихъ стрѣльцовъ Ивана Мещеринова о службѣ его подъ Соловецкимъ монастыремъ. (Времени Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей) ... 20
19. Челобитная Ивана Мещеринова о выдачѣ ссудной записи на крестьянина Семена Агѣева. 1685 г. ... 21
20. Челобитная Ивана Кирѣевскаго о неправильномъ зачисленіи его съ братьями въ городовые дворяне. 1701 г. ... 22
21. Донесеніе Воеводы Ивана Мещеринова о приходѣ къ городу Козмодемьянску воровскихъ Козаковъ. (Конца XVII стол.) ... 23
22. Челобитная Козмодемьянскаго Воеводы Ивана Мещеринова о буйствахъ Черемисъ и Чувашъ. 1673 г. ... 24
23. Челобитная вдовы Кирѣевской о неправежѣ съ имѣній ея рублеваго сбора за Крымскіе походы. 1701 г. ... 25
24. Извѣтъ Подкеларника Соловецкаго монастыря Сильвестра о непристойныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ про Государя чернецомъ Монасейкою. 1673 г. 26
25. Донесеніе Дружинки Криницына Псковскимъ Воеводамъ о состояніи Русскихъ и Польскихъ войскъ. 1662 г. ... 27

стр.

26. Сказка, данная цѣловальникомъ Башкирцевымъ о расходѣ Государева хлѣба въ Козмодемьянскѣ. 1671 г..... 28
27. Сказка, данная Козмодемьянскими цѣловальниками Воеводѣ Мещеринову о хлѣбныхъ запасахъ. 1671 г..... 29
28. Переводная память Козмодемьянскихъ стрѣльцовъ о взятомъ изъ Государственныхъ житницъ хлѣбѣ. 1671 г..... 30
29. Выпись изъ памяти о дачѣ Капитанамъ Надворной пѣхоты земли подъ дворы въ Москвѣ. (Времени правленія Царевны Софіи)..... 31
30. Справка о службѣ и награжденіи землями Арзамасца Василія Яхонтова. 1675 г..... —

II. Акты, относящіеся до дѣлъ уголовныхъ.

31. Грамота Елецкому Воеводѣ Левшину по дѣлу о невысылкѣ Ефремовскимъ Воеводою Шишкинымъ нужныхъ къ слѣдствію людей. 1685 г.. 32
32. Грамота Ярославскому Воеводѣ Боркову по дѣлу о мнимо убитомъ крестьянинѣ пом. Волженскаго въ Галицкомъ Уѣздѣ. 1685 г..... 33
33. Грамота помѣщику Мещеринову на поимку его бѣглыхъ крестьянъ. 1688 г. 35
34. Челобитная Алексѣя Мещеринова о произведенномъ въ его имѣніи грабежѣ. 1677 г..... 36
35. Челобитная Мещериновыхъ на Іевлева о нанесеніи роду ихъ безчестья. (Времени Царя Алексѣя Михаиловича). (См. также актъ подъ № 48). 37
36. Челобитная помѣщика Мещеринова о бѣгломъ его крестьянинѣ Кириловѣ. (Времени Царя Алексѣя Михаиловича)..... 38
37. Челобитная тюремныхъ сидѣльцевъ Овсенова и Грязина о скорѣйшемъ вершеніи ихъ дѣла. 1672 г..... 93
38. Челобитная Ивана Рокина по дѣлу о блудномъ сожительствѣ его съ поповою дочерью Акулиною. (Времени Царя Ѳедора Алексѣевича)..... 40
39. Челобитная старосты и крестьянъ деревни Нагорской, Дмитровскаго Уѣзду, о неправильномъ обвиненіи ихъ Боярскимъ сыномъ Плохово въ похвальныхъ рѣчахъ. 1684 г..... 41
40. Челобитная Мещеринова о перенесеніи его дѣла изъ Суднаго Московскаго Приказа въ другой Приказъ. (Времени Царей Іоанна и Петра). 42
41. Челобитная о крестьянскихъ ребятахъ, пойманныхъ на Москвѣ. (Времени Царей Іоанна и Петра)..... 43
42. Челобитная Ивана Мещеринова по дѣлу о буйственныхъ поступкахъ Боярскихъ дѣтей Трубниковыхъ. (Времени Царей Іоанна и Петра). (См. также № 47)..... 44

стр.

43. Челобитная Ивана Мещеринова о произнесеніи Карпомъ Сытинымъ похвальныхъ противу него словъ. 1679 г. 46
44. Челобитная крестьянина помѣщика Мещеринова, Агѣева, о наѣздѣ помѣщиковъ Толстого и Неклюдова на село Рождественское. 1685 г. . . 48
45. Челобитная Ивана Мещеринова объ отводѣ отъ дѣла о порубленномъ лѣсѣ Тараса Блудова. 1696 г. 49
46. Мировая запись помѣщиковъ Вратскихъ съ помѣщикомъ Мещериновымъ по дѣлу о грабежѣ крестьянами послѣдняго. 1663 г. 50
47. Показанія, данныя Ефремовскими жителями по уголовному дѣлу Трубникова съ Мещериновыми. 1690 г. (См. также № 42). 51
48. Проектъ возраженій Ивана Мещеринова на судѣ противъ обвиненій его стрѣльцомъ Аввакумомъ. (Времени Іоанна и Петра). (См. относящійся къ этому дѣлу актъ подъ № 35) 53
49. Прошеніе крестьянина Капитана Кирѣевскаго, о наѣздѣ крестьянъ дер. Старова, помѣщ. Неронова, на имѣніе Туфаново. 1714 г. 54

III. Акты, относящіеся до дѣлъ гражданскихъ.

50. Грамота Патріарха Іоакима о духовномъ завѣщаніи Василія Загряжскаго. 1670 г. 55
51. Рядная запись Ульяны Пузановой и сыновей ея о выдачѣ въ замужество дочери Ѳедоры за Никиту Кирѣевскаго. 1665 г. 59
52. Рядная запись Алексѣя Мещеринова о выдачѣ въ замужество внуки его за Римскова Корсакова. 1680 г. 61
53. Рядная запись вдовы Марьи Островской о выдачѣ въ замужество за Петра Исакова дочери Устиньи. 1686 г. 63
54. Сговорная запись, данная Павломъ Харламовымъ Ивану Маркову, о выдачѣ въ замужество за сего послѣдняго сестры Марьи. 1695 г. 64
55. Поручная дворовая запись отпущенника Кожемякина, данная помѣщикомъ Лермонтовымъ. 1692 г. 66
56. Поручная запись Кемскихъ стрѣльцовъ по стрѣльцѣ Ивановѣ въ исправной его службѣ въ Соловецкомъ монастырѣ. 1671 г. 67
57. Поручная запись стрѣлецкихъ десятниковъ и рядовыхъ по стрѣльцѣ Хахинѣ. (Врем. Царя Алексѣя Михаилов.) 68
58. Запись, данная крестьяниномъ Горицкаго монастыря Таракановымъ крестьянамъ помѣщика Кирѣевскаго о доставленіи въ Смоленскъ сборнаго съ нихъ хлѣба. 1687 г. 69

стр.

59. Опись крестьянина Ларіонова о крестьянахъ Мещеринова, отданныхъ въ приданое за дочерью помѣщика Галицкаго уѣзда Племянникова. 1694 г. 70
60. Челобитная Ивана Мещеринова о понужденіи Арсеньева къ принятію купчей на имѣнія въ Звенигородскомъ Уѣздѣ. 1684 г. 71

IV. Челобитныя крестьянъ помѣщикамъ и письма частныхъ лицъ.

61. Письмо крестьянъ дер. Кузьминской къ помѣщику Алексѣю Мещеринову 74
62. Письмо крестьянина Ивана Антонова къ помѣщику Мещеринову. (Времени Царей Іоанна и Петра) ..... —
63. Письмо старосты Михаила Ѳедорова къ помѣщику Мещеринову. (Конца XVII стол.) 75
64. Письмо крестьянъ села Рождественскаго къ помѣщику Мещеринову. (Конца XVII стол.) 76
65. Письмо Приказнаго Тимофея Дмитріева къ помѣщику Ильѣ Мещеринову. (Начала XVII стол.) 77
66. Письмо Григорія Кошелева къ Ивану Мещеринову. (Конца XVII в.) . —
67. Письмо Ивана Юрлова къ Ивану Мещеринову. (Второй полов. XVII в.). 78
68. Челобитная помѣщиковъ Ростовскаго Уѣзда, Мещеринова и Князя Шаховскаго, Митрополиту Димитрію Ростовскому о назначеніи въ село Корагачево Поповскаго сына Василія Леонтьева Попомъ. (Начала XVII стол 79
69. Наказная память помѣщика Ивана Мещеринова человѣку его Григорію Степанову о розыскѣ бѣглыхъ крестьянъ. 1688 г. 80

Примѣчаніе. Главнѣйшіе изъ актовъ, вошедшихъ въ составъ настоящаго Сборника—документы, относящіеся до фамиліи Мещериновыхъ, также до дѣлъ, Соловецкаго монастыря, обязательно сообщены намъ, въ подлинникахъ, Его Превосходительствомъ Статсъ-Секретаремъ А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, а именно: №№ 13 по 16, 18, 19, 21, 22, 24, 26 по 28, съ 33 по 36, 40 по 48, 52, 56, 57 и съ 59 по 69. Всѣ означенные акты поступили къ Андрею Парфеновичу, въ числѣ прочихъ бумагъ, отъ покойнаго брата его, Михаила Парфеновича Заблоцкаго-Десятовскаго. За тѣмъ акты, относящіеся до фамиліи Кирѣевскихъ и Загряжскихъ, предоставлены въ наше распоряженіе Александромъ Ивановичемъ Семевскимъ, пріобрѣвшимъ ихъ въ частныхъ архивахъ помѣщиковъ

Орловской Губерніи, а именно: № № 17, 20, 23, 49 по 51 и 58. А. И. Семевскимъ сообщенъ также актъ подъ № 10, добытый имъ въ одномъ изъ монастырей Олонецкой Губерніи. Грамоты Псковскимъ Воеводамъ, помѣщенныя подъ №№ съ 2 по 9, 11 и 12, подарены намъ Штатнымъ Смотрителемъ Псковскихъ Училищъ Михаиломъ Андреевичемъ Васильевымъ (нынѣ покойный); грамота подъ № 1 подарена намъ Предводителемъ Псковскаго Дворянства А. Н. Ахонтовымъ; актъ подъ № 25 сообщенъ намъ помѣщикомъ Великолуцкаго Уѣзда, Александромъ Николаевичемъ Креницынымъ (нынѣ покойный); всѣ остальные за тѣмъ акты настоящаго Сборника добыты мною въ разныхъ частныхъ архивахъ.

МЫСЛИ

ПО ПОВОДУ СОБЫТІЯ

25-го МАЯ, 1867 ГОДА.

СОЧИНЕНІЕ

И. П. ЛИПРАНДИ.

De toutes les conspirations contre la paix du globes la plus atroce à mon gré serait celle, où une partie perverse, abusant des declamations romaines contre les trônes, oserait dresser des tables des proscription contre les rois, et payer des assassins sur tous les points de la terre, pour prendre ses victimes. Ce délit abominable, que deux cent en de remords, de la part de la nation criminelle, pourrait à peine expier, n'est connu que d'une manière imparfaite dans les annales du monde.

De la philosophie de la nature (t. 2. p. 225 et suiv.).

МЫСЛИ

ПО ПОВОДУ СОБЫТІЯ

25-ГО МАЯ, 1867 ГОДА. [1]

Adorez vos rois, quand ils veillent et respectez les encore dans leur sommeil.

De la philosophie de la nature. T. 1, p. LXXIV.

Злодѣйское покушеніе Березовскаго вызвало множество Польскихъ заявленій и отголосковъ разныхъ партій, одно другого безобразнѣйшихъ. Аристократическая сторона революціи—Чертторыйскіе, Замойскіе, Сапѣги, Браницкіе «съ товарищи,» пріютившаяся подъ крыло, покровительствующей ей и вліяніемъ и матеріяльно, Франціи, въ адресѣ Наполеону III, отвергаетъ всякое участіе въ покушеніи злодѣя, протестуетъ противъ подобныхъ мѣръ, «которыми Исторія Польши будьто бы не запятнана!» и т. п. Съ другой стороны отъявленные демагоги, гнѣздящіеся въ Женевѣ, въ составѣ соціялистскихъ обществъ, комитетовъ, дѣйствуютъ со-

---

[1] Передовая статья газеты: «Русскій» (1867 г., Мая 29), начата словами: «Богъ спасъ еще Государя! Еще пуля пролетѣла надъ его головою, не задѣвъ ни одного волоса... Что сказать можно при этомъ? Можно только благодарить Бога, плакать, радоваться, молиться, трепетать, еще благодарить и, наконецъ

вершенно противоположно: они находятъ поступокъ Березовскаго высшимъ дѣломъ патріотизма, исполненіемъ желанія всѣхъ истыхъ Поляковъ, и съ своей стороны отправили благодарственный адресъ Парижскому Суду, сохранившему Польшѣ жизнь одного злодѣя больше.[2] Извѣстный Игнатій Хмѣлинскій, коноводъ одной изъ этѣхъ шаекъ, съ другими собратами своими, положили, чрезъ посредство единомышленниковъ, собирать, во всѣхъ Европейскихъ странахъ, деньги, съ цѣлію облегчить Березовскому бѣгство изъ мѣста заключенія[3] (а пожалуй, и удастся!),

---

оглянуться.» Далѣе многоуважаемый издатель высказываетъ святыя и теплыя истины, пропитанныя горячею любовью къ Государю и Россіи. Прочитавъ ихъ нѣсколько разъ, конечно, не я одинъ сказалъ: Да! надо «наконецъ, оглянуться,» и рѣшился набросать нѣсколько словъ о томъ же предметѣ: злодѣйскомъ посягательствѣ на священную жизнь Царя-Отца народа.

[2] Читатели помнятъ эту процедуру и защитительную рѣчь Адвоката, отличившуюся дерзкими, невѣжественными и пошлыми, выводами, подѣйствовавшими такъ сильно на совѣсть присяжныхъ, нашедшихъ въ злодѣйскомъ покушеніи облегчительныя обстоятельства, признанныя судьями и не опровергавшіяся Прокуроромъ!! Республиканскій ораторъ Жюль Фавръ, защищая Орсини по подобному же дѣлу, не заявилъ невѣжества, подобнаго Адвокату Березовскаго, и, вполнѣ развернувъ свою демагогическую пропаганду, провозгласилъ, обычнымъ подобныхъ витій слогомъ, что убійцѣ «слѣдовало бы воздвигнуть возлѣ эшафота статую.» Сдѣсь, въ строгомъ смыслѣ, не видно «облегчающихъ обстоятельствъ.» Ораторъ признаетъ эшафотъ, и онъ былъ воздвигнутъ. Совѣсть присяжныхъ говорила иначе, когда дѣло шло о своемъ Повелителѣ: она видимо различаетъ лица, противъ которыхъ покушеніе совершается.

[3] Такая подписка дѣлалась (а, можетъ быть, и теперь еще дѣлается). Въ Сентябрѣ прошлаго года Русскіе журналы извѣстили, что въ Ченстоховскомъ монастырѣ открыты были двѣ книги взносовъ; въ одной сказано, что «въ пользу Березовскаго,» и въ ней взносъ простирался до 6 тыс. руб. сер.; въ другой записано 3 тыс. руб. Впрочемъ, журналы не разъ говорили, что Березовскій бѣжитъ изъ Тулона, гдѣ онъ находился болѣе полугода. И дѣйствительно, обстоятельство это замѣчательно. Пересылаемые въ Каенну никогда не остаются въ Тулонѣ болѣе мѣсяца. Другіе журналы утверждали, что онъ будетъ освобожденъ! И это меня не удивляло по характеру, который приданъ былъ его тяжбѣ. Въ слѣдъ за симъ съ однимъ изъ нумеровъ Вѣнской газеты «Zukunft,» въ Генварѣ сего года, извѣщаютъ о побѣгѣ Березовскаго. Помянутая газета присовокупляетъ, что это не могло совершиться иначе, какъ съ содѣйствія Правительства (nur mit oben obrigkeitlichen Bewilligung). Дѣйствительно ли

«и воздвигнуть ему памятникъ въ одномъ изъ флигелей Батиньйольской школы, для поучительнаго примѣра слѣдующаго поколѣнія, за то, что онъ не выдалъ никого изъ своихъ соучастниковъ.» Издаваемая, въ Цюрихѣ, Польская газета «Niepodległość,» органъ Комитета Польской эмиграціи, называетъ покушеніе «общимъ дѣломъ Поляковъ,» и сознаетъ, что въ послѣднюю революцію Польская партія дѣйствій признала убійство средствомъ достиженія своей цѣли, и исчисляетъ совершенныя ею убійства: Подобнымъ-то людямъ наши друзья, Французы и другіе, пріютивъ къ себѣ, выдаютъ еще и содержаніе!

Таковы два мнѣнія, открыто заявленныя. Между ними есть множество другихъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ сказаннымъ.

Относительно Женевскаго общества, комитета, клуба, или правильнѣе, злодѣйской шайки Niepodległość и т. п. органовъ, и говорить нечего: они, по крайней мѣрѣ, во всеуслышаніе исповѣдуютъ свои задушевныя чувства. Но не то видится въ первой: она, какъ бы съ презрѣніемъ, гласно отвергаетъ и самую мысль тѣхъ, которые могли бы заподозрить ее въ томъ, что и она могла снизойти до средства покушенія на жизнь Государя, съ цѣлію возстановленія своей ойчизны: «Наша исторія, дескать, не запятнана такими дѣйствіями,» кричитъ она.

Надо быть черезъ чуръ уже дерзкимъ, чтобы, во всеуслышаніе, отрицать свою исторію, полную такихъ событій, и подносить подобный адресъ главѣ Франціи, въ которой убійство Королей своихъ представляетъ болѣе примѣровъ, чѣмъ каждое другое Государство. Что же? И Франція торжественно приняла такое заявленіе Поляковъ, рукоплещетъ ему, не смотря на то, что адресъ пятнаетъ средства покушенія на жизнь главъ Правительствъ! Но, съ другой стороны, надо сказать опять и то, что нѣтъ двухъ народовъ, во многомъ болѣе схожихъ, какъ народъ Французскій

бѣжалъ Березовскій, какъ давно уже многіе журналы предсказывали это, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ замѣчательно то главное, что наша Правительственная печать молчитъ и не успокоитъ общества, если это вымыселъ.

и Польскій: [4] оба издавна были народомъ безпокойнымъ, пресмыкающимся и легкомысленнымъ. Исторія ихъ въ сущности есть исторія рабства; постоянство никогда имъ не было извѣстно. Но обратимся ближе къ предмету.

И такъ посмотримъ, предъ кѣмъ Польскіе аристократы ищутъ очистить себя отъ тѣни, могущей пасть на нихъ въ обвиненіи гнуснаго покушенія, которое и сами признаютъ таковымъ. Въ исторіи Франціи мы находимъ, что въ 575 году два злодѣя умерщвляютъ Сигеберта, и въ томъ же году Меровія; въ 584, Хильперика, а въ 596 Теодебера. Въ 633 г. Клотарь упрекаетъ мать свою, Брюнегильду, въ убійствахъ десяти Королей, и отдаетъ ее на растерзаніе воинамъ. Въ 670 Хильдерикъ съ Королевой и сыномъ умерщвлены заговорщиками въ загородномъ ихъ пребываніи. Въ 678 Дагобертъ II подвергнутъ тому же. Въ 877 Карлъ Плѣшивый, въ 1226 Людовикъ VIII, въ 1272 старшій сынъ Филиппа Смѣлаго, въ томъ же году братъ Людовика XI и въ 1572 Королева Наваррская отравлены. Въ 1589 г. Клеманъ умерщвляетъ Генриха III. Генриха IV, послѣ многихъ покушеній, не вполнѣ удававшихся, наконецъ, въ 1610 году, Равальякъ закалываетъ. Со времени полувѣковаго царствованія Людовика XIV Французская исторія еще болѣе прежняго начала заключаться только въ одной исторіи, столицы и двора, а народъ, какъ и въ Польшѣ, находился въ рабствѣ. Развратъ при дворѣ, въ столицѣ и въ духовенствѣ, распространился до крайнихъ предѣловъ. Въ 1758 году Дамьенъ поражаетъ Людовика XV. [5] Кому же въ поданіи адреса должно удивляться: простодушію ли Наполеона III и его Франціи, или дерзости Польской ари-

---

[4] Сдѣсь я разумѣю двигателей народа; ибо этотъ послѣдній всегда и вездѣ подчиненъ вліяніямъ.

[5] Сколько въ промежутокъ этого времени было мятежей, междоусобицъ, заговоровъ, казней и убійствъ, отъ того происходившихъ: Герцоговъ Орлеанскаго и Бургундскаго, Кардинала Балю, Адмирала Колиньи, Принца Конде (Генриха I), Герцога Гюиза, Кардинала Гюиза, Маршала Бирона, Маршальши д' Анкръ, по отсѣченіи головы которой трупъ былъ брошенъ въ огонь; мать Короля Людовика XII-го становится въ головѣ мятежа противъ сына; казнь

стократической партіи, заявляющей, что ея исторія не запятнана цареубійствами?!

Въ 1793 Людовикъ XVI и Марія Антуанета оканчиваютъ жизнь на эшафотѣ! А сколько еще Королей, сгонявшихся съ престола, заключавшихся въ темницы и т. п.! Во время большой революціи, безпримѣрной въ исторіи своими ужасами, сколько появлялось формъ Правительствъ, одна другую изгонявшихъ до Консульства? Настала Имперія, и въ 1814 г. Парижъ, а за нимъ вся Франція, отрекаются отъ Наполеона I и просятъ содѣйствія къ тому у чужестранцевъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вызываютъ его опять и изгоняютъ ими же призваннаго Людовика XVIII, но чрезъ три мѣсяца Франція снова сама отрекается отъ Наполеона, а Король, въ 1815 г., вновь занимаетъ свое мѣсто. Въ 1830 она сгоняетъ Бурбона, Карла X, и призываетъ Людовика-Филиппа Орлеанскаго. Въ 1848 году прогоняетъ и его, и провозглашаетъ себя Республикой, вручивъ власть Ледрю-Роленамъ, Кошидьерамъ, Ламартинамъ и т. п., подъ разными фирмами и даже диктаторствомъ, но скоро устраняетъ всѣхъ Людовикъ-Наполеонъ, пытавшійся уже достигнуть и прежде власти чрезъ Страсбургъ и Булонь, [6] съ званіемъ Президента, 2 Декабря, 1852 г., провозгласилъ себя Императоромъ, съ цифрой III; [7] но и тутъ еще не остановились: покушенія на него слѣдуютъ одно за другимъ. Насчитываютъ съ 1789 г. до пятидесяти формъ правленія, которыя всѣ приходились не по нраву Французамъ. Непостоянство и

Монморанси въ 1628 г.; заговоръ Герцога Орлеанскаго и Суасонскаго въ 1636; заговоръ Сенъ-Мара противъ Людовика XIII; возмущеніе Принцевъ Конде, Конти и Графа Лонжевиля въ 1650 году! Всѣхъ неурядицъ и убійствъ, открытыхъ и тайныхъ, не перечтешь до большой революціи. Исторія Франціи въ этомъ отношеніи — двойникъ исторіи Польской.

[6] Сами же Французы прозвали его «бу-стра-па,» т. е., искавшій чрезъ Булонь и Страсбургъ достигнуть Парижа.

[7] Цифра III замѣчательна. За исключеніемъ Англіи, Европейскія Государства признавали Наполеона I, но II никто не признавалъ; Англія же никогда не признавала Наполеона иначе, какъ Генераломъ Бонапарте, и вдругъ признаетъ Людовика-Наполеона III-мъ!

легкомысліе суть главныя основанія ихъ свойствъ: одно красное словцо достаточно для возбужденія невѣжественной толпы, чтобы направить ее на тотъ путь, который ей укажется краснобаемъ. Твердостью она никогда не обладала.

Теперь заглянемъ въ исторію Польши, столь безупречную въ этомъ отношеніи въ устахъ ея патріотовъ. Сдѣсь не буду останавливаться на взаимныхъ раздорахъ, козняхъ, убійствахъ во время междуцарствія 1034 — 1041 годахъ: неурядица, въ полномъ смыслѣ слова, царила тогда, какъ и вообще, болѣе или менѣе, во всю исторію Польши. Болеславъ II, угрожаемый убійствомъ, въ 1081 г., спасся бѣгствомъ. Въ 1147 Владиславъ III изгоняется, и на его мѣсто призывается Болеславъ IV. Въ 1177 г. Мечиславъ III, по прозванію Старый, въ слѣдствіе заговора, изгоняется, и на его мѣсто ставится Казимиръ II, потомъ призывается опять Мечиславъ. Въ 1189 году Мечиславъ отравленъ и пр., и пр. Обращаюсь къ болѣе осязательному.

Въ 1227 году на Лешка, [8] прозваннаго Бѣлымъ, нападали убійцы въ домѣ, гдѣ онъ бралъ ванну. Лешко успѣлъ, однако же, уйти, но былъ настигнутъ и окруженъ близъ деревни Марценковки (въ Калишскомъ Воеводствѣ). Мужество его и малаго числа преданныхъ ему, ни къ чему не послужило: онъ былъ умерщвленъ 38-ми лѣтъ; а какой это былъ Государь, исторія свидѣтельствуетъ (Длугошъ, Кромеръ и другіе): «Онъ былъ Государемъ мудрымъ, скромнымъ, не имѣвшимъ почти ни какихъ недостатковъ. Простой въ своихъ обычаяхъ и въ обращеніи, онъ полагалъ извлекать довольно блеска изъ своего положенія, чтобъ

[8] При имени Лешко невольно приходится сказать о славолюбіи Поляковъ даже подъ перомъ ихъ первостепенныхъ историковъ; имъ извѣстны многіе подвиги предковъ ихъ. Сарницкій говоритъ, что Асармонтъ, жившій вскорѣ послѣ всемірнаго потопа, былъ родоначальникомъ Сарматовъ, а по тому и Поляковъ. Длугошъ и Мѣховскій начинаютъ Польскую исторію отъ Леха, правнука Яфетова. Кадлубко говоритъ, что Лешко I-й, золотыхъ дѣлъ мастеръ, въ Польшѣ, побѣдилъ Александра Македонскаго, а Лешко III былъ шуринъ Юлія Цезаря; что въ Нѣмецкомъ войскѣ, разбившемъ Римлянъ, подъ предводительствомъ Варра, находились Польскія вспомогательныя войска и т. д., и т. д.

не искать его въ пышности, ему принадлежащей, и это не изъ тщеславной хитрости. Онъ любилъ ставить себя въ уровень со всѣми, зналъ цѣну сердецъ, и пріобрѣталъ ихъ тѣмъ родомъ сложенія съ себя сана, на что немногіе Государи способны, хотя это такъ мало стоитъ для нихъ. Онъ проявлялъ величіе и роскошь только въ сооруженіяхъ, и смотрѣлъ на это тѣмъ же глазомъ, какъ и всѣ великіе люди смотрятъ на подобныя сооруженія. Они казались ему посмертнымъ ручательствомъ на добрую о немъ память, къ чему только и стремился, и добро, оказываемое своимъ подданнымъ, было лучшимъ памятникомъ его славы. Его путешествія были часты. Онъ переѣзжалъ изъ одной области въ другую, подъ видомъ удовольствія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ укрощалъ корыстолюбіе богатыхъ и облегчалъ бѣдствіе народа, судилъ самъ тяжбы и мирилъ враждующихъ. Собственныя забавы его превращались въ благодѣянія» и пр. Сдѣсь я привелъ довольно пространно отзывы объ этомъ Государѣ самихъ Польскихъ историковъ, чтобы показать свойства Поляковъ, которымъ, независимо отъ святости присяги, всякая добродѣтель, всякая признательность, чужды, и Турки очень хорошо подмѣтили свойства ихъ: въ одной изъ старинныхъ ихъ пословицъ, которыми они надѣлили всѣ народы, выражаются такъ: «Хочешь имѣть врага, окажи благодѣяніе Поляку!» Пойдемъ далѣе.

Въ 1296 году Премыславъ былъ умерщвленъ въ первый день Поста въ своей постелѣ заговорщиками, въ головѣ которыхъ были трое его родныхъ племянниковъ: Оттонъ Длинный, другой Оттонъ и Іоаннъ. Историки присовокупляютъ, что «эти измѣнники не устрашились содѣйствовать убійству Государя, котораго вся цѣль заключалась въ томъ только, чтобы содѣлать ихъ счастливыми и увѣнчать славой и т. д. Ему было отъ роду 37 лѣтъ. Сожалѣніе народа было тѣмъ болѣе чувствительно, что онъ не имѣлъ времени сдѣлать его на столько счастливымъ, какъ онъ того ожидалъ подъ его управленіемъ; но причины, побудившія злодѣевъ покуситься на его жизнь, составили его панегирикъ пролитіемъ слезъ по смерти его.

Въ 1303 г. Вячеславъ III умерщвленъ убійцами отца своего,

Въ 1312 году Владиславъ Локотокъ, въ слѣдствіе мятежа, изгоняется.

Въ 1433, во время царствованія Владислава V (Ягайла), смуты, дерзость, буйство и т. п. На Сеймѣ, въ Лепенцахъ, изрубленъ бунтовавшимъ Епископомъ актъ возведенія на престолъ.

Въ 1440 году Князь Черторыйскій, родственникъ Сигизмунда Литовскаго (предокъ настоящихъ Князей Черторыйскихъ), передъ собраніемъ Сейма, при посредствѣ своихъ спутниковъ, умерщвляетъ Сигизмунда, въ собственномъ дворцѣ его.

Въ 1459 году на Сеймѣ, въ Петрковѣ, Іоаннъ Рытвинскій, Староста Сендомирскій, съ дерзостью возсталъ противъ Казимира II, упрекая его за всѣ безпорядки, возникшіе въ его царствованіе, не скупясь въ этомъ случаѣ на угрозы.

Со времени прекращенія дома Ягайлова, сопротивленіе Дворянства, ихъ самоволіе, заговоры, бунты, не преставали дѣйствовать противъ Королей, и не разъ бывали нападенія на личность ихъ. * Въ 1600 году малый Сеймъ осмѣливается объявить Сигизмунда III лишеннымъ власти, а престолъ упраздненнымъ; Подчашій собираетъ Государственные Чины въ Варшавѣ, для избранія другого Короля; но на этотъ разъ козни были разрушены Въ послѣдствіи два раза нападали на него: первый разъ въ станѣ, во время смутъ Зборовскаго; другой разъ въ Варшавѣ, при входѣ въ храмъ Св. Іоанна. Сдѣсь Король спасенъ сыномъ своимъ, Владиславомъ, схватившимъ убійцу. [9]

Наконецъ, во время Барской Конфедераціи составился заговоръ противъ Короля Станислава-Августа, съ цѣлію схватить его,

---

* Пропущено нападеніе нѣсколько разъ Градовскаго на Сигизмунда Стараго или I-го, который все таки умеръ отъ яду въ постели. О. Б.

[9] И это покушеніе повторяется уже Нѣмцевичемъ въ жизнеописаніи Сигизмунда III-го.—Пекарскій два раза ранилъ его въ голову кинжаломъ. Преступникъ погибъ на пыткѣ. Пропущено также нападеніе на Короля Яна Собѣйскаго Верыги Даровскаго, которому присуждено за то отсѣчь обѣ руки и потомъ сжечь его. О. Б.

или передать въ руки Пулавскаго, главы Конфедераціи, либо же умертвить. На этотъ конецъ, 3 Сентября, 1771 г., заговорщики схватили въ ночь Короля въ самой Варшавѣ, ранили его въ голову и увлекли за городъ, гдѣ, пораженные, однако, страхомъ, разбѣжались. Одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, Косинскій, остался только при немъ и, бросившись въ ноги своему плѣннику, испросилъ помилованіе и освободилъ его. Тридцать заговорщиковъ, посягнувшихъ на жизнь его, произнесли въ костелѣ, на алтарѣ Богородицы, присягу на убійство слѣдующаго содержанія: «Мы, подвигнутые святою и религіозною ревностію, положили отмстить Станиславу-Августу, за поруганіе Бога, религіи и отечества, оскорбителю Божескихъ и человѣческихъ законовъ, сообщнику и защитнику безбожія и еретиковъ и пр. Клянемся предъ святымъ и чудотворнымъ ликомъ Матери Божіей освободить землю отъ того, который оскверняетъ ее, а по тому да поможетъ намъ Богъ!» * Такимъ образомъ Поляки призываютъ Бога и благословеніе на совершеніе убійствъ, и это было всегда и, какъ увидимъ, соблюдается и по нынѣ: ксендзы ихъ окропляютъ святой водой и самое оружіе, долженствующее служить на пролитіе крови обрекаемой жертвы!

Но довольно объ исторіи, которую Польское кичливое барство не признаетъ въ сказанномъ отношеніи, а пробѣжимъ намъ современное, и посмотримъ, дѣйствительно ли мысль о цареубійствѣ чужда Шляхетскимъ свойствамъ. Для сего пролистуемъ книгу Г. Смита («Исторія Польскаго возстанія» и пр. 1830—1831), въ составъ которой вошло все, что было только писано самими Поляками.

На стр. 56 (т. 1), видимъ, что на съѣздѣ злоумышленниковъ въ 1825 году, разсуждали о мѣрахъ задержанія Константина Павловича въ Варшавѣ. О судьбѣ, опредѣленной ему и Царской фамиліи, мнѣнія были противорѣчивы, а на стр. 93, въ томъ же году, нѣкоторые ученики Гимназіи имѣли намѣреніе умерт-

* Изъ нихъ Стравинскаго, Лукавскаго и другихъ присудили къ поносной смерти, но только двое изъ нихъ подверглись оной. О. Б.

вить Цесаревича на станціи, при перемѣнѣ лошадей. Въ головѣ заговора были двадцатилѣтній Тюръ и Молесонъ. [10] Послѣдній лично сознался Великому Князю. Кромѣ этѣхъ двухъ было еще четверо другихъ, посвященныхъ въ эту тайну.

На стр. 106, богатый молодой Дворянинъ, Титъ Дзялынскій, родственникъ Черторыйскаго, и другихъ знатныхъ фамилій, опредѣляетъ посягнуть на жизнь Государя и Царской фамиліи. Намѣреніе это передано было Гуровскому, а этѣмъ Высоцкому и Подпрапорщикамъ. Предложеніе принято было съ радостію и рѣшено привести оное (стр. 108) въ исполненіе, на парадѣ, на Саксонской площади, гдѣ долженъ былъ присутствовать Государь, юный Наслѣдникъ, нынѣ благополучно царствующій, и Великіе Князья, Константинъ и Михаилъ Павловичи. Одно только недоразумѣніе (стр. 109), замѣшательство, отклонило исполненіе сего. Подчашинскій, Мохнацкій, Мирославскій и др. въ печатныхъ сочиненіяхъ и не скрываютъ, что дѣло шло о смертномъ умыслѣ. Шпациръ, писавшій для Нѣмцевъ, говоритъ, что дѣло шло будьто бы только о взятіи подъ стражу (забавная уступка Нѣмецкаго торгаша!). [11] Неудавшійся умыселъ (стр. 110) на парадѣ предположили привести въ исполненіе на предстоящемъ народномъ праздникѣ.

Въ первыхъ числахъ Октября (стр. 117), шла о томъ же рѣчь противъ Константина Павловича, и на углахъ улицъ прибиты были объявленія, что съ Новаго Года Бельведеръ (мѣстопребываніе Великаго Князя) отдается въ наймы.»

На совѣщаніяхъ Высоцкаго, Урбанскаго, Земинскаго, съ нѣкоторыми другими, о лучшемъ способѣ начать мятежъ (стр. 121), смерть Великаго Князя была рѣшена, и должна была быть первымъ шагомъ; ибо «Лелевель замѣтилъ, что если онъ оста-

---

[10] Березовскому тоже двадцать лѣтъ.

[11] Въ другомъ мѣстѣ этотъ самый Шпациръ, какъ увидимъ, говоритъ, что одинъ Офицеръ прицѣлился въ Великаго Князя, но ружье осѣклось, и даже три раза, по его словамъ. Что жь? Развѣ тутъ дѣло шло о взятіи подъ стражу?

нется въ живыхъ, то, можетъ быть, нѣкоторыя войска будутъ колебаться принять ихъ сторону.» Нѣкоторые не хотѣли только, чтобы убійство было произведено Подпрапорщиками, а по тому «Набѣлякъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми гражданскими Чиновниками, вызвался взять это на себя,» и, по совѣщанію Набѣляка съ своими соучастниками, сторожили его на узкой улицѣ, по которой онъ ежедневно ѣздилъ на площадь, хотѣли преградить ему путь и «совершить убійство. По данному знаку, всѣ Русскіе Генералы должны были быть тотчасъ окружены на площади и взяты подъ стражу.» Но какъ Великій Князь ѣздилъ въ легкихъ дрожкахъ и очень скоро, то выполненіе показалось затруднительнымъ. «Набѣлякъ, вмѣстѣ съ неразлучнымъ спутникомъ своимъ, Гощинскимъ, нѣсколько разъ отправлялись въ эту улицу. Въ послѣдствіи измѣнили планъ и рѣшили привести его въ исполненіе ночью, въ самомъ Бельведерѣ. Такъ какъ Набѣлякъ не зналъ тамошняго расположенія и желалъ имѣть помощниками нѣсколькихъ Подпрапорщиковъ, то ему указали на Константина Тржесковскаго и еще на двухъ другихъ, которые хорошо знали Бельведеръ.» Заливскій долженъ былъ, согласно съ прежними предположеніями, начертать подробный операціонный планъ.

Стр. 124: «Въ тотъ же день Людвикъ Набѣлякъ принялъ присягу 82 Студентовъ и молодыхъ гражданъ, предназначенныхъ къ предпріятію противъ особы Великаго Князя. Вечеромъ, въ 7 часовъ, собрались у Подпоручика Боркевича представители Офицеровъ заговорщиковъ. Начертанный планъ былъ предложенъ и одобренъ ими. Онъ заключалъ въ себѣ три главныя статьи: умерщвленіе Великаго Князя, взятіе арсенала и т. д. Набѣлякъ, со Студентами и нѣсколькими Подпрапорщиками, долженъ былъ, съ наступленіемъ сумерекъ, ворваться во дворецъ Великаго Князя и привести въ исполненіе покушеніе на его жизнь. Изъ изслѣдованій уголовнаго Суда ясно видѣнъ смертный умыселъ; Мохнацкій и Заливскій отнюдь не отрицаютъ его. Послѣдній даже дѣлаетъ живые упреки Высоцкому, за неудачу въ выполненіи онаго.» Стр. 130. Набѣлякъ и предназначенные на убійство Студенты, какъ пишетъ Мохнацкій (т. 1, стр. 505), передъ тѣмъ, какъ ити «на совершеніе онаго, пошли на исповѣдь въ Кармелитскій монастырь.»

Часть, «предводимая Подпрапорщикомъ Тржесковскимъ, [12] имѣвшимъ между Польскою прислугой въ замкѣ близкаго родственника, а по тому хорошо знавшаго мѣстность замка, должна была устремиться въ ворота, отыскать Великаго Князя и умертвить его.»

Стр. 133. Когда проникли въ Бельведеръ, то, съ крикомъ: «Смерть тирану!» ворвались въ сѣни, разбили зеркало, люстру и проч.

Стр. 134. «Когда Фризе, камердинеръ, насильно захлопнулъ дверь комнаты, въ которой находился Великій Князь, убійцы, удержанные запертою дверью, которую они тщетно старались разломать, изливаютъ свою ярость на двухъ, находившихся въ комнатѣ, лакеевъ, смертельно изранивъ ихъ.... Спѣшатъ по лѣстницѣ внизъ, во дворъ, гдѣ товарищи встрѣчаютъ ихъ словами: «Великаго Князя уже нѣтъ въ живыхъ!»

Поводомъ къ тому было то, что Генералъ Жандръ, выбѣжавъ безъ шляпы на дворъ, чтобы позвать людей съ конюшни, [13] въ потьмахъ былъ принятъ мятежниками за Великаго Князя и заколотъ, по чему, «какъ достигшіе своего главнаго намѣренія, оставили Бельведеръ и обратились къ дальнѣйшему дѣйствію по составленной программѣ. [14]

---

[12] Въ ней, кромѣ его, были предводителяли Набѣлякъ и Гощинскій, всего 17 чел. Подпрапорщиковъ: Понинскій, Пашкевичъ; Студенты: Рупневскій, Немоевскій, Орпишевскій, Ротермундъ, Трежчинскій, Наеровскій, Янковскій, Витковскій и Рохъ. Всѣ изъ порядочныхъ фамилій.

[13] Великій Князь жилъ безъ караула (стр. 430) и довѣрялъ народу.

[14] Смитъ, на стр. 135-й, замѣчаетъ: «Противъ мнѣнія, что Великаго Князя хотѣли только увезти, говоритъ невозможность, чтобы девять молодыхъ людей могли силой увезти его изъ дворца, среди его многочисленной прислуги; и даже допуская, что они увели бы его, то куда бы помѣстили они Князя, такъ какъ въ эту минуту, въ, отстоящемъ почти на часъ ходьбы, городѣ не было ни одного мѣста въ ихъ власти и, сверхъ того, уже готовые по тревогѣ три кавалерійскіе полка, спѣшили со всѣхъ сторонъ и ни какъ не допустили бы увезти такого плѣнника.»

Стр. 140. «Великій Князь вторично чуднымъ образомъ избѣгъ явной опасности. Одинъ изъ заговорщиковъ, егерскій Подпоручикъ, Волощанскій, въ то время, когда Великій Князь увѣщевалъ солдатъ не забывать своего долга, намѣревался застрѣлить его. Онъ взялъ солдатское ружье и прицѣлился, но ружье осѣклось (по Заливскому и Шпациру, даже три раза). Послѣ чего онъ бросилъ ружье и скрылся въ темнотѣ. Когда узнали, что Великій Князь находился въ живыхъ и избѣгнулъ всѣхъ разставленныхъ ему сѣтей.... то заговорщиками, говоритъ Заливскій (стр. 24), овладѣлъ страхъ»... Изъ этого ясно, что всѣ намѣрены были посягнуть на жизнь его.

Когда бы Его Высочество, выйдя изъ Варшавы, остановился подъ оной, то мятежники положили (стр. 166), что «съ Великимъ Княземъ не слѣдуетъ болѣе вступать въ переговоры, а, оставивъ его заложникомъ, договариваться прямо съ Петербургомъ.»

Графъ Солтыкъ [15] (т. 1, p. 79) говоритъ: «Нужно было держать Великаго Князя въ заключеніи и пользоваться его особой, его именемъ и его подписью. Его нужно было волею, или неволею, противопоставить Императору Николаю и сдѣлать его средой, вокругъ которой собрались бы всѣ недовольные въ Россіи и въ войскѣ.... Должно было требовать отъ него либеральнаго почина въ пользу Польской независимости, и снизойти на его освобожденіе не иначе, какъ за большія уступки со стороны Императора Николая.» [16]

И такъ изъ всего выше сказаннаго можно ли отрицать, вмѣстѣ съ ясновельможными Панами: Замойскими, Черторыйскими, Сапегами, Браницкими и пр., что мысль о покушеніяхъ на жизнь Государей чужда имъ и ихъ исторіи? На такія завѣ-

---

[15] La Pologne. Précis historique de la révolution. Paris, 1838, 2 v.

[16] Когда Поляки отнеслись прямо въ Петербургъ, то Государь (стр. 273) отвѣчалъ на посланіе Поляковъ: «Развѣ въ Варшавѣ не было совершаемо убійство? Развѣ не покушались на жизнь Моего брата?»

ренія, дѣлаемыя во всеуслышаніе, надо имѣть большой запасъ наглости, или имѣть, какъ говорится, мѣдный лобъ и безмозглость, выражаемую вѣковою пословицей вообще о Полякахъ Взглянемъ наконецъ на послѣдній мятежъ съ этой точки зрѣнія.

Не сдѣлано ли было святотатственнаго покушенія, въ упоръ, изъ пистолета, на брата Государева, Великаго Князя Константина Николаевича, облеченнаго всею властію Царскаго Намѣстника? Не было ли такихъ покушеній на Графа Лидерса и на нынѣшняго Намѣстника, Графа Берга? И съ какими адскими подготовленіями было оно предпринято изъ дома Графа Замойскаго и т. д.?

Злодѣйскія покушенія, 4 Апрѣля, 1866, и 25 Мая, 1867 годовъ, наводятъ на многія размышленія. Къ какой цѣли могли стремиться Каракозовъ и Березовскій, посягая на Монарха, о великихъ душевныхъ качествахъ котораго говорить излишне? Личнаго оскорбленія (никогда совершенно не изглаживающагося въ оскорбленномъ), само собою разумѣется, быть не могло, по одному уже громадному разстоянію отъ этѣхъ двухъ лицъ. Патріотизмъ! Чего же тутъ могъ хотѣть Татаро-Армянинъ Каракозовъ? [17] Чего же въ этомъ отношеніи могъ ожидать Полякъ Березовскій, и тѣ, которые могли, какъ несомнѣнно и въ Каракозовѣ, развить мысль Цареубійства? Чего Польскій лжепатріотизмъ могъ ожидать отъ совершенія святотатственнаго преступленія надъ особой, такъ чтимой десятками милліоновъ освобожденныхъ рабовъ въ Россіи и въ самой Польшѣ, особой, предоставившей равноправность предъ закономъ семидесяти милліонамъ, съ небывалымъ, можетъ быть, до сего времени, благодушіемъ и кротостію выслушивающей всѣхъ и каждаго, всѣмъ и каждому, не различая народности, протягивающей руку помощи и милосердія? Что жъ? Думаютъ ли Поляки, что, поразивъ этого Царя-человѣка, въ то самое время, когда Онъ возвращаетъ изъ ссылки враговъ Россіи и своихъ; что же, повторяю, думали они, что при

---

[17] Въ старой Кіевской лѣтописи читается: «Въ лѣто 6667 (въ 1159 году) бысть же лесть (т.е., измѣна) въ Берендичахъ.... Сему же начальницы быша»... между которыми названъ и «Каракозъ Мнюзовичъ.» Ипат. стр.

наслѣдникахъ Его достигнутъ до несбыточной мечты своей, границъ 1772 г. и самобытности, которой въ сущности никогда не имѣли? На какомъ основаніи могутъ они предполагать, что, достигнувъ злодѣйскаго своего умысла, политическій строй Россіи долженъ измѣниться въ ихъ пользу? Такъ могутъ для себя разсуждать въ Европѣ, и по преимуществу только одни Французы, у которыхъ есть нѣсколько запасныхъ династій, царившихъ у нихъ и еще, независимо отъ Бурбоновъ и Орлеановъ, не мало и разночинцевъ, очень недавно властвовавшихъ надъ Франціей: тамъ могутъ дѣйствовать личныя страсти, личныя стремленія, но у насъ — дѣло иное!

Два раза Провидѣніе спасло Вѣнценосца, а вмѣстѣ съ тѣмъ спасло и безчисленное множество Польской же крови отъ неминуемой народной мести, и остановить ее, какъ справедливо замѣчено въ одной изъ Лондонскихъ газетъ, было бы свыше силъ самаго Правительства. [17] Принято ли все это въ соображеніе Польскими патріотами, такъ величающими себя въ переднихъ агитаціоннаго Пале-Рояля, въ отелѣ Ламберъ и другихъ, откуда направляли слѣ-

---

[17] Сильный никогда не бываетъ врагомъ слабаго и всегда великодушнѣе его, но ненависть къ Полякамъ народа (не изъ одного простаго званія) періодически возбуждается и питается самими Поляками, какъ бы при возобновленіи каждаго поколѣнія чрезъ 20, 30 лѣтъ. Такъ, послѣ Барской Конфедераціи наступилъ 1794 годъ: избіеніе въ Варшавѣ Русскихъ при Игельстромѣ; наступилъ памятный 1812 годъ; за тѣмъ, послѣ не прекращавшихся тайныхъ замысловъ, открыли мятежъ 1830—1831 годовъ, гдѣ варварски избивались Русскіе и даже женщины! Наконецъ, 1863 — 1865 годы превзошли все кровожадностью въ истязаніи Русскихъ, а 25 Мая, 1867 г. довершило раздраженіе Русскаго человѣка до такой степени, что онъ сопричисляетъ тайно, безотчетно, къ врагамъ своимъ даже и тѣхъ, у которыхъ жена Полька, вездѣ онъ видитъ измѣну, и на самое благодѣтельное дѣйствіе такихъ лицъ внутренно смотритъ съ недовѣрчивостью. И это распространяется даже и на тѣхъ чисто-Русскихъ, которые долгое время находились между Поляками на службѣ. Глубоко врѣзалось въ убѣжденіе народа, что, живя въ Польшѣ, можно очень скоро, незамѣтно, «ополячиться.» Имѣетъ ли эта причина основаніе, или нѣтъ, не вдаюсь въ разрѣшеніе оной. Впрочемъ, она довольно часто, хотя и не вподнѣ, выказывается и въ журналистикѣ.... Многіе утверждаютъ, что Православный, женившійся на Полькѣ (патріоткѣ) и остающійся въ краѣ, превращается въ сторонника Поляковъ, и становится болѣе ярымъ, нежели бы онъ самъ былъ Католикомъ.

пыхъ исполнителей темныхъ и разнообразныхъ, одной нелѣпѣе другихъ, козней? Но такъ направленныя, скоро начали скучиваться и составлять изъ себя независимыя одна отъ другой шайки, подъ различными наименованіями соціяльныхъ обществъ, клубовъ и т. п. Все это, повторяю, даетъ пищу на ближайшее разсмотрѣніе.

Волненіе умовъ, безпорядки, смуты и мятежи, существовали во всѣ времена, начиная съ глубокой древности, и порождались отъ многоразличныхъ причинъ и побужденій, но мысль о Цареубійствѣ проявлялась только періодически, и едва ли въ древнемъ мірѣ проистекала отъ цѣлей политическихъ и еще менѣе отъ изувѣрства, а носила болѣе характеръ частный. Только съ развитіемъ Католичества, и въ особенности Езуитизма, Цареубійство усиліями вѣроисповѣднаго изувѣрства возведено на степень ученія. Изъ числа почти четырехсотъ твореній послѣдователей Игнатія Лойолы, закрашивающихъ и оправдывающихъ всѣ злодѣйства, семьдесятъ пять имѣютъ цѣлію разрѣшать и оправдывать преступленія въ оскорбленіи Величества. Въ числѣ лицъ, составлявшихъ это общество, видимъ: Гиньяра, Гейна, Боеграфа, Палмію, Корнелія, Вальпода, Алагона, Дикастиля, Жерара, Шервина, Вольфа, Гере, Малагрида и многихъ другихъ, устно, письменно и печатно проповѣдывавшихъ Цареубійство и принимавшихъ въ томъ участіе лично, или косвенно. Встрѣчаемъ множество подстрекателей и руководителей смутъ и раздоровъ, [18] и бездну этѣхъ духовныхъ братій, вмѣщавшихъ въ себѣ всевозможныя степени разврата и готовыхъ на всякое преступленіе; не колебавшихся, въ покушеніяхъ своихъ ни на отравленіе, ни на другія убійства, ни на воровство и лихву, ни на распространеніе пасквилей и клеветы, ни на принятіе обязанностей шпіоновъ и т. д. Безнравственность же ихъ во всевозможныхъ

---

[18] Имъ приписываютъ вполнѣ день Св. Варѳоломея; религіозно-политическую Лигу, въ продолженіе которой они гласно навязывали Цареубійство, заговоръ о взрывѣ порохомъ въ Лондонѣ, отмѣну Нантскаго эдикта, избіеніе столькихъ семействъ, разореніе Франціи, разрушеніе Портъ-Рояля, и преслѣдованіе столькихъ благочестивыхъ и ученыхъ людей; возмущеніе въ Парагваѣ, сопротивленіе вооруженною силой, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и убійство Португальскаго Короля и т. д., и т. д.

видахъ, какъ и вообще Римско-Католическаго духовенства (можетъ быть отчасти и въ слѣдствіе безбрачія), вошла въ пословицу; многіе изъ Езуитовъ были уличены и въ Содомскомъ грѣхѣ. Впрочемъ, то же самое не встрѣчаемъ ли мы болѣе или менѣе въ различныхъ другихъ многочисленныхъ орденахъ Римско-Католической Церкви? [19] Самые Папы, Кардиналы и Епископы не были чужды происковъ для произведенія смутъ и злодѣйствъ, какъ, на примѣръ, Папа Бенедиктъ VI и другіе; [20] Кардиналы: Іоаннъ Балю, Цезарь Борджія братоубійца, измѣнникъ, Каетанъ и множество подобныхъ.... Самъ Кардиналъ Ришелье подозрѣвался во многихъ тайныхъ злодѣяніяхъ, совершенныхъ по его приказаніямъ: ему приписываютъ отравленіе Священника Беруля, во время совершенія обѣдни. Возмущеніе Португаліи въ 1642 году противъ законнаго Короля своего произведено было происками этого Великаго Министра и пр. Епископы: Гнѣзенскій, Яковъ Уханскій и др. Французскій Адріанъ Ламуретъ, были изъ числа рьяныхъ дѣятелей Французской революціи. Аббатъ Портокарело не проповѣдывалъ мира, союза и братской Христіянской любви, а совершенно противное. Убійство Вильгельма Оранскаго фанатикомъ Жераромъ совершено было по внушенію духовенства; Принцъ Конде (Генрихъ I), отлученный отъ Церкви Папою, чрезъ три года былъ отравленъ. Бабингтонъ, неистовый изувѣръ-Католикъ, покушался на жизнь Королевы Елисаветы Англійской. Езуитъ Петерсъ подстрекалъ мятежниковъ въ Англіи. Виклеръ и, ученикъ его, Священникъ Іоаннъ Баль, проповѣдывали противъ собственности землевладѣльцевъ и возмутили поселянъ въ Англіи. Докторъ Богословія, Пети, по поводу убійства Герцога Орлеанскаго Герцогомъ Бургундскимъ, Іоанномъ Безстрашнымъ, проповѣдывалъ ученіе, что «разрѣшается убивать тирановъ.» Францискъ Пижена, Священникъ, былъ неистовый возмутитель Кольдельеры: Николай Веласко и Францъ

---

[19] А такихъ орденовъ, начиная отъ перваго, Св. Антонія, основаннаго въ 310 году, до ордена Лигористовъ, въ 1735, однихъ только главныхъ насчитывается до двухсотъ.

[20] Въ 832 году Папа Григорій IV лично находился въ станѣ мятежниковъ противъ Короля.

Николай Вейсанъ, упорные демагоги, «превосходящіе Якобинцевъ.» Томасъ Торквемада, Доминиканецъ, лютѣйшій злодѣй. Не Августинскіе ли монахи, въ отмщеніе Папѣ, за неправившіеся имъ отпусты (индульгенціи), пострекнули Лютера и втайнѣ поддерживали его? Мари-Іосифъ Шалье, Священникъ, одинъ изъ самыхъ звѣрскихъ злодѣевъ большой Француской революціи, «тигръ не пресыщавшійся кровью.» Къ нему должно присоединить Цареубійцъ, подавшихъ голосъ на казнь Короля Людовика XVI, безъ аппелляціи, а именно: Священника Линде (Lindet), отличавшагося кровожадностью; Священника Монеля, Бенедиктинца Пультье-Дельмота, Людовика Ру, Августинскаго монаха Сенета и многихъ другихъ.[21] Яковъ Рене, Геберъ, предсѣдатель клуба Кольдельеровъ, были отъявленные злодѣи. Въ обвиненіяхъ Маріи Антуанеты этотъ послѣдній употребилъ выраженія, которыя «смутили и привели въ содроганіе и самыхъ судей», извѣстныхъ своею ненасытимою кровожадностію.

Сдѣсь можно бы указать еще на множество лицъ, но все это не можетъ еще достаточно пояснить сущность направленія духовенства этого Исповѣданія. Приведу сдѣсь только два эпизода, которые вполнѣ охарактеризуютъ его.

Вотъ какое мнѣніе Католическое духовенство имѣло объ убійствѣ Генриха III Доминиканцемъ Яковымъ Клеманомъ, подстрекаемымъ и напутствуемымъ своими духовными собратами, на совершеніе этого Цареубійства. Въ бумагахъ Езуита Гиньяра[22] найдено слѣдующее: «Яковъ Клеманъ совершилъ геройскій подвигъ, вдохновенный Св. Духомъ. Если можно вести войну съ Беарицами (такъ называли Королей Генриха III и Генриха IV),

---

[21] Священникъ прихода Св. Николая, Яковъ Ру, свирѣпый демагогъ, повѣренный въ злодѣйствахъ кровожаднаго Марата, былъ приставленъ стражемъ къ Людовику XVI въ Тамплѣ. Однажды Король просилъ его призвать зубнаго врача, Ру отвѣчалъ ему: «Не нужно!» и сдѣлавъ рукой движеніе гильотиннаго дѣйствія, присовокупилъ: «Твои зубы скоро исцѣлятся!»

[22] Гиньяръ былъ обнаруженъ только при покушеніяхъ на убійство Генриха IV-го, и въ то же время сдѣлалались извѣстными Буше, Фёарданъ и другіе.

то воюйте съ ними; если же нельзя воевать, то убивайте ихъ!» Правило это руководило не однихъ послѣдователей Лойолы: Іоаннъ Буше, Священникъ прихода Св. Бенедикта, подстрекая Клемана на совершеніе этого злодѣйства, говорилъ ему, что подвигъ этотъ «угоденъ Богу.» Эдмондъ Бургоинъ, Доминиканецъ, Пріоръ Якобинцевъ, обѣщалъ Клеману санъ Кардинала и блаженство въ будущей жизни, и потомъ съ каѳедры превозносилъ совершенное убійство. Кольдельерскій монахъ Феарданъ равномѣрно поощрялъ его. Клеманъ, изувѣръ отъ природы, такъ дружно подстрекаемый и поощряемый своими собратьями, вообразилъ себя «предназначеннымъ самимъ Богомъ для умерщвленія тирана,» какъ этѣ изступленные называли Королей. По совершеніи казни надъ Клеманомъ, онъ былъ причисленъ къ лику Праведныхъ; [23] его уподобляли Юдиѳи, отсѣкшей голову Олоферну. Портретъ Цареубійцы былъ поставленъ на алтаряхъ. Папа не противился тому и раздѣлялъ мнѣнія Лиги. Почти всѣ Католическіе богословы оправдывали это ученіе, которое разрѣшало убійства Владыкъ Государства, когда шла рѣчь, по ихъ мнѣнію, о защитѣ Церкви. Сорбонна объявила, что въ такихъ случаяхъ уничтожается присяга подданныхъ своему Государю, [24] и опредѣленіе это было

---

[23] Точно также, какъ Генрихъ Гарне, Ольдекорнъ, Тенесмондъ, повѣшенные въ Англіи, въ 1606 г., за покушеніе на Цареубійство въ извѣстномъ заговорѣ: «подрыва порохомъ,» были воспѣты Езуитомъ Іоанномъ Эвдемономъ и причислены къ лику мучениковъ Католической Церкви, и такъ значатся въ Катихизисѣ, составленномъ Патеромъ Канизіемъ, и множество подобныхъ тому примѣровъ. Слѣдовательно, и не удивительно, что въ настоящее время Папа Пій IX причислилъ къ лику праведныхъ своей Церкви Полоцкаго Архіепископа Кунцевича, совершавшаго неслыханныя злодѣянія въ огромныхъ размѣрахъ противъ Православныхъ. Да чуть ли Его Святѣйшество не помышляетъ и еще пожаловать въ свои Святые подобныхъ же изверговъ изъ Польскаго духовенства, въ родѣ Ковенскаго Ксёндза Мацкевича, съ фосфоромъ на головѣ, для уподобленія себя жителямъ неба, въ 1864 году.

[24] Какое сходство съ тѣмъ, что совершалось въ послѣдній мятежъ! Значитъ, Езуитство, со всѣми его безстыдными правилами, живетъ еще и, вѣроятно, умретъ только вмѣстѣ съ Католичествомъ между нашими подданными. Польскими Ксёндзами! Тотъ же предлогъ мнимаго угнетенія Католической Церкви; то же разрѣшеніе отъ присяги, благословеніе и окропленіе Св. водой оружія убійцъ и пр. На этомъ-то основаніи Польскіе Ксёндзы, въ началѣ послѣдняго мятежа

подписано семидесятью Докторами Сорбонны! Другіе богословы издавали такія же сочиненія не только противъ Государей, но появлялись и противъ самаго Намѣстника Св. Петра, словомъ, противъ всякой власти.

Послѣ этого не удивительно, что противъ Генриха IV, наслѣдовавшаго Генриху III, было столько заговоровъ о покушеніи на жизнь и тогда уже, когда онъ принялъ Католичество, а по тому и не могъ болѣе почитаться, въ глазахъ изувѣровъ-Езуитовъ, еретикомъ, какъ называли его прежде, или какъ теперь Поляки съ прочими Католиками называютъ насъ «Схизматиками.» Изъ многихъ (около пятидесяти) заговоровъ, составлявшихся противъ Генриха IV, были приводимы въ исполненіе слѣдующіе: покушеніе Доминиканца Петра Барьера, было открыто однимъ Якобинцемъ. При допросахъ, Барьеръ показалъ на одного Капуцына, на одного Парижскаго Священника и на одного Езуита, какъ соучастниковъ и подстрекателей. Второе покушеніе произведено въ 1594 году, Декабря 27, Іоанномъ Шателемъ. Король раненъ былъ ножомъ въ лицо и лишился зуба. Произведеннымъ слѣдствіемъ открыли, что Шатель, за два дня передъ совершеніемъ покушенія, совѣтывался со Священникомъ Гере и съ Езуитомъ Гиньяромъ, который укрылся отъ подозрѣнія во время убійства Генриха III, но въ настоящее время, изъ захваченныхъ бумагъ, какъ сказано выше, былъ обнаруженъ вмѣстѣ съ другими, достойными его, духовными отцами. [25] Въ слѣдъ за покушеніемъ Шателя, по приговору Парламента, Езуиты, призванные во Францію въ 1561

искали случая безпрерывными церковными ходами въ Варшавѣ вызывать наши власти на какое либо вмѣшательство для поддержанія порядка на улицахъ, и тогда начинались возгласы, что Вѣра и костёлы угрожаются, и за тѣмъ разрѣшеніе отъ присяги и т. д. Жаль, что въ свое время этѣ продѣлки не были разсмотрѣны съ настоящей точки. Въ 1864 году, въ одной изъ статей, я было коснулся этого предмета, но Цензура не разрѣшила напечатать ее, и на жалобу мою Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, П. А. Валуеву, съ приложеніемъ оттиска, я не получилъ отвѣта!

[25] Какъ, на примѣръ, Кордельерскій монахъ Феарданъ, подстрекавшій убійцъ, посягнувшихъ на Генриха III и Генриха IV-го.

г., Екатериною Медичи, въ 1595 были изгнаны изъ Франціи и сочиненія ихъ сожжены. Въ послѣдствіи, въ 1603 году, имъ позволено было опять жить во Франціи. [26] Они не разъ были изгоняемы и изъ другихъ Государствъ, но успѣвали вновь водворяться. Наконецъ, третье покушеніе Равальяка, 14 Мая, 1610 г., прекратило жизнь этого Великаго Государя. И послѣ сего Сорбонна не переставала питать тотъ же духъ, который руководилъ ее до Лиги и во время оной; такъ, уже въ 1620 г., она одобрила книгу Езуита Сантарело, проповѣдующую Цареубійство. Въ покушеніи Дамьена на жизнь Людовика XV, въ 1757 г., главное подозрѣніе пало на духовенство. Король получилъ ударъ ножомъ, но рана не была смертельна.

Самое возбужденіе Лиги и поддержаніе ея, также принадлежитъ не исключительно Езуитамъ, но вообще Католическому духовенству; полный планъ ея былъ составленъ Кардиналомъ Лотарингскимъ.

Папа Григорій XII одобрялъ и поощрялъ неурядицу мятежа посредствомъ своихъ орудій. Болѣе дѣятельнымъ былъ Езуитъ Матье, безпрерывно ѣздившій изъ Парижа въ Римъ и обратно, а по тому и прозванъ былъ «курьеромъ Лиги.» [27] Изъ духовенства разныхъ орденовъ составилась дружина или полкъ. Эти служители алтаря «въ латахъ и съ ружьемъ въ рукахъ, рыскали по всѣмъ улицамъ, возбуждая народъ къ мятежу.» Вообще духовенство было главнымъ дѣятелемъ и руководителемъ къ поддержанію усобицы. Іоаннъ Буше, Священникъ прихода Св. Бенедикта, въ продолженіе девяти дней, съ каѳедры, злодѣйски проповѣдывалъ противъ Генриха IV, уже Католика, и въ этомъ 1593 году личность Короля была въ большой опасности.

---

[26] Въ 1759 и 1760 годахъ Парижскій Парламентъ, разсматривавшій дѣло злостнаго банкрота, Езуита Лавалета, объявившаго несостоятельность свою на три милліона, открылъ многое, относящееся къ этому чудовищному ученію.

[27] Принцъ Наполеонъ, въ настоящее время уподобляется Матье, съ тою только разницею, что кругъ его дѣятельности обширнѣе, и направляющій его ищетъ тѣхъ же смутъ и неурядицъ внѣ границъ временнаго своего владычества.

Не вдаваясь въ глубь отдаленной Исторіи, видимъ, что въ половинѣ XVIII вѣка, во Франціи, Энциклопедисты потрясли это Вѣроисповѣдное изступленіе, [28] раздувавшееся и питавшееся въ народѣ отцами Католической Церкви изъ своекорыстныхъ видовъ и политическаго преобладанія надъ умами и властью. Но если, съ одной стороны, Энциклопедисты и ослабили Вѣроисповѣдное изступленіе на Западѣ, то, съ другой, породили и развели увлеченіе политическое, едва ли еще не сильнѣйшее, плодомъ котораго была большая Французская революція со всѣми ея адскими ученіями. Да и на этомъ поприщѣ Католическое духовенство не отстало отъ жажды Царской крови. Мы видѣли, что Французскіе революціонеры, по примѣру совершенной въ 1587 г. казни Маріи Стюартъ, а въ 1649 Карла I, [29] захотѣли и при осужденіи Людовика XVI и Маріи Антуанеты, придать замышленному Цареубійству тоже какъ бы формальность, законность. Въ судилищѣ этомъ, какъ уже замѣчено, Священникъ Линде, первый подалъ голосъ, чтобы приговоръ состоялся безъ аппеляціи. Къ нему пристали его собратья: Монель, Пультье, Дельмотъ, А. Ру, Сенетъ и многіе другіе; а какъ извѣстно, что приговоръ Людовика XVI имѣлъ въ большинствѣ только пять голосовъ, то, если бы достопочтенные отцы Католической Церкви воздержались отъ кровожадности своей, очень можетъ быть и

---

[28] Въ Испаніи, Португаліи и Италіи онъ постоянно слабѣлъ въ народѣ, болѣе или менѣе открывшемъ глаза на истинныя дѣла своихъ пастырей, и мало по малу началъ сбрасывать съ себя ихъ иго, и если онъ доселѣ встрѣчается въ первыхъ двухъ, то едва ли не заключается только въ кругу женскаго пола. Италія же почти вовсе освободилась отъ него. Но за то въ Польшѣ изувѣрство это существуетъ, конечно, чуть ли не въ большей еще степени, нежели когда либо оно существовалъ. Здѣсь Ксёндзы и многочисленные ордена монаховъ, тучныхъ, здоровыхъ Доминикапцевъ, Бернардинцевъ и т. п., насквозь пропитанные Езуитствомъ, дѣйствуютъ всевозможными путями, преимущественно на женскій полъ, какъ извѣстно, имѣющій въ Польшѣ безграничное вліяніе на мужеской. Словомъ, въ настоящее даже время, Католичество въ странѣ этой отличается отъ Католичества всѣхъ другихъ странъ, и по тому, часто на вопросъ, сдѣланный кѣмъ либо Поляку: «Какой Вѣры?» получается въ отвѣтъ: «Польской!»

[29] Въ 1649 году, Яковъ I-й, Король Шотландскій, былъ умерщвленъ на кровати, не безъ тайнаго Католическихъ монаховъ содѣйствія.

Царская кровь не была бы пролита: духовенство въ этомъ страшномъ судилищѣ составило перевѣсъ голосовъ. [30]

За тѣмъ посягательства на главъ Правительствъ какъ бы притихли на нѣкоторое время. Умолчу здѣсь о заговорѣ противъ Наполеона I, адской машинѣ Жоржа и другихъ; объ убійствѣ наслѣдника Франціи, Герцога Беррійскаго Лувелемъ; объ убійствѣ Президента Греціи, Каподистріи Мавромихали; объ адской машинѣ Фіеско, направленной противъ Людовика-Филиппа, и о другихъ на него покушеніяхъ, а равно и на нѣкоторыхъ Министровъ, удачно, или неудачно, произведенныхъ, а пробѣгу послѣднія двадцать лѣтъ, чтобы видѣть плоды современнаго развитія разныхъ утопій при главномъ первоначальномъ условіи, потрясенія Вѣры, которая одна только и смиряетъ хищно-животную природу человѣка. [31] Эти утопіи, породившія на Западѣ, въ началѣ въ нѣдрахъ Католической Церкви, и потомъ, слившись съ злодѣйскими политическими идеями, проникли, разными путями, въ остальную часть Европы, и не преставали, какъ видно, заражать недоспѣлые умы своими адскими ученіями. Чѣмъ же другимъ можно объяснить преступныя покушенія именно на главъ Правительства, какъ только не тѣмъ, что такъ совершенное злодѣяніе неминуемо повлечетъ за собой большіе или меньшіе без-

---

[30] Около того же времени Густавъ III-й былъ смертельно пораженъ Анкерстремомъ, въ маскерадѣ, пистолетнымъ выстрѣломъ. Не упоминаю о Султанахъ: характеръ этихъ умерщвленій совершенно иной.

[31] Во Франціи, по безграмотности народа, въ пору до большой революціи, потребовалось болѣе времени изгладить слѣды истинно Христіянскаго чувства, нежели въ Германіи, заявившей себя въ 1848—1849 годахъ. Та же цѣль потрясенія Вѣры руководила и у насъ обществомъ Петрашевскаго, у членовъ котораго найдено было много подобныхъ попытокъ, въ особенности толкованіе для простаго народа Десяти Заповѣдей и пр. Не имѣетъ ли это какой связи съ ежегодно усиливающейся кражей въ храмахъ? Особенно замѣчательно ограбленіе Св. мощей въ Кіевскихъ пещерахъ, чему едва ли прежде были примѣры, а въ запрошломъ, кажется, годѣ, въ газетахъ было упоминаемо о многихъ случаяхъ такихъ святотатствъ. Тѣ, которымъ вмѣнено въ обязанность слѣдить за народною нравственностью, конечно, могутъ лучше объяснить это, нежели частный человѣкъ.

порядки, анархію? Эта-то послѣдняя и нужна для демагоговъ, чтобы достигать своихъ цѣлей.

Не видѣли ли мы въ этѣ послѣднія двадцать лѣтъ послѣдовательно покушенія на жизнь владѣтельныхъ и царственныхъ особъ? Такъ, въ 1848 г. на жизнь Франциска V, Герцога Моденскаго.

Выстрѣлы, около Познани, въ карету, въ которой полагали Императора Николая I.

Въ 1850 г. артиллеристъ Зефелоге выстрѣлилъ въ Прусскаго Короля, Фридриха Вильгельма IV, и ранилъ его въ правую руку.

Въ томъ же году, Поручикъ Робертъ Петъ, напалъ съ палкой въ рукахъ на Королеву Викторію. Кончилось ли бы это тѣмъ только, если бы дерзнувшій на такой поступокъ не былъ тотчасъ схваченъ окружавшими Королеву, не извѣстно. [32]

Въ 1852 г. въ Марсели нашли адскую машину, которая должна была убить Императора Французовъ, Наполеона III.

Въ томъ же 1852 г., Священникъ Мартенъ Мерино, среди торжества, въ дворцовой галереѣ, ударилъ Королеву Изабеллу кинжаломъ, который встрѣтилъ сопротивленіе въ одеждѣ.

Въ 1853 г. Либени ударилъ кинжаломъ въ шею Императора Австріискаго, Франца-Іосифа.

Въ томъ же году Графъ Кавуръ объявилъ въ Итальянскомъ парламентѣ о покушеніи на жизнь Виктора-Эммануила.

Того же года неизвѣстный убійца ударилъ кинжаломъ Герцога Пармскаго, Фердинанда-Карла III, который отъ раны на другой день и умеръ.

---

[32] Впрочемъ, на нее было три покушенія, изъ коихъ послѣднее въ Августѣ текущаго года: въ Люцернѣ были арестованы Феніи, для сего нарочно прибывшіе. Покушеніе на Королеву Англійскую есть чисто плодъ ученія Цареубійства; она, по Конституціи, какъ ни кто болѣе изъ коронованныхъ особъ, лишена возможности дѣлать зло, или притѣснять кого либо.

Въ 1855 году Ливерари сдѣлалъ два выстрѣла по Наполеону III.

Въ 1856 Патеръ Фуентесъ прицѣлился изъ пистолета въ Испанскую Королеву Изабеллу II, во время торжественнаго выхода въ ея дворцѣ, но былъ обезоруженъ до спущенія курка.

Того же года Неаполитанскій солдатъ, Милано, напалъ, со штыкомъ въ рукѣ, во время развода, на Короля Фердинанда II.

1857 года Бартолети, Тибальди и Грило найдены виновными въ заговорѣ на жизнь Наполеона III.

Въ 1858 году на него же покушеніе Орсини своими бомбами. [33]

Въ 1861 году Оскаръ Бекеръ, въ Баденъ-Баденѣ, далъ два выстрѣла по нынѣшнему Прусскому Королю, Вильгельму, и ранилъ его въ затылокъ.

Въ 1862 году Аристидъ Друзіосъ стрѣлялъ въ Греческую Королеву, Амалію.

Въ 1864 выстрѣлъ въ упоръ въ Великаго Князя, Константина Николаевича, въ Варшавѣ.

Въ томъ же году убійство Черногорскаго Князя, Данила.

Въ 1865 году Италіянцы: Греко, [34] Трабуки, Императори и Скаліони взяты въ Парижъ передъ самымъ приведеніемъ въ исполненіе покушенія на Наполеона III.

---

[33] Нѣсколько другихъ на него же покушеній, открытыхъ полиціею предъ совершеніемъ оныхъ.

[34] Греко, бывшій ярый Езуитъ. Впрочемъ, немного заговоровъ бываетъ въ Католическомъ мірѣ, гдѣ бы служители его алтаря не участвовали, а равно не были бы дѣятелями смутъ. Вотъ и причина постоянной шаткости Государственнаго строя во всѣхъ Католическихъ Державахъ Стараго и Новаго Свѣта. Давно ли цѣлые монастыри присоединялись къ шайкамъ Гарибальди и проч.

Въ 1865 же Президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Авраамъ Линкольнъ, убитъ Вильямомъ Бусомъ.

Въ 1866 г. были совершены три покушенія: извергъ Каракозовъ стрѣлялъ по Императору Александру II.

Въ Индіанополѣ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ по Президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Джонсону, и

Въ Прагѣ покушеніе на Императора Франца-Іосифа: обстоятельство, оставшееся темнымъ.

Въ 1867 г. злодѣйское покушеніе Березовскаго, выстрѣлившаго въ Императора Александра II, въ карету, гдѣ, вмѣстѣ съ Его Величествомъ, находились: Наслѣдникъ Россійскаго Престола, Александръ Александровичъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, и Императоръ Французовъ, Наполеонъ III.

Въ томъ же году покушеніе на Испанскую Королеву Изабеллу II.

Въ текущемъ 1868 году покушеніе изъ пистолета въ Наслѣдника престола Саксонскаго, въ Дрезденѣ.

Выстрѣлъ и рана сына Королевы Викторіи, Герцога Эдинбургскаго.

Ожесточенное убійство Сербскаго Князя, Михаила Обреновича.

Покушеніе въ Александріи на жизнь Вице-Короля Египетскаго, проѣзжавшаго въ экипажѣ.

Открытый заговоръ на жизнь Турецкаго Султана.

Я умалчиваю здѣсь, въ этотъ же періодъ времени, о вынужденномъ бѣгствѣ изъ Франціи Людовика-Филиппа, изъ Греціи Короля ея, Оттона, коимъ угрожали покушеніемъ на жизнь; объ арестѣ и изгнаніи Румынскаго Князя изъ Румыніи и принужденномъ бѣгствѣ Королевы Испанской, Изабеллы II, съ Наслѣдникомъ Престола и пр. Умалчиваю также о покушеніяхъ въ этотъ періодъ на лицъ вліятельныхъ, служащихъ помѣхой демагогамъ къ приведенію въ исполненіе своихъ замысловъ, на примѣръ, объ

убійствѣ Графа Росси и Катарджи, о ранахъ Графа Лидерса, Генералъ-Полицеймейстера Трепова, Губернскаго Предводителя Дворянства Домейка и Статсъ-Секретаря Иностранныхъ Дѣлъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Сюарда о двукратномъ покушеніи кинжаломъ и изъ пистолета на Маркиза Велепольскаго, на Графа Берга, особенно обдуманнымъ адскимъ средствомъ, на Графа Бисмарка, въ упоръ на улицѣ, среди дня, нѣсколькими выстрѣлами. [25]

Въ 1864 году на съѣздѣ Польскихъ патріотовъ въ Дрезденѣ, подъ предводительствомъ Князя Сапѣги, въ числѣ другихъ находились: бывшій нашей службы Полковникъ Гауке (Босакъ), Гутри, Ксёндзъ Котковскій, В. Першибыльскій, Рупрехтъ Гейденрейхъ, Графъ Дзялынскій и множество другихъ. Между прочимъ составленъ былъ и заговоръ на жизнь Коронованныхъ особъ: «мысль эта въ послѣдствіи подхвачена была эмиграціей, и двое изъ убійцъ (Титъ Зинковичъ и бѣглый изъ Кіева Студентъ, Антонъ Юрьевичъ) задумали совершить покушеніе на жизнь трехъ Монарховъ, пребывавшихъ тогда на водахъ въ Кисингенѣ,» и что, по неимѣнію только денежныхъ средствъ подъ рукой, злодѣйское предпріятіе не было приведено въ исполненіе. Но можно ли положиться, чтобы такой недостатокъ могъ быть препятствіемъ и въ будущемъ, особенно нынѣ, когда вѣковая закваска вновь начала бродить, распространившись у всѣхъ соціалистовъ, [26] и не

---

[25] Не менѣе замѣчательно для наблюденія, полагаю, и то, что послѣ убійства Князя Гагарина, въ 1842 году, въ зданіи кабинета (Аничковскаго дворца), изъ пистолета, Финляндскимъ урожепцемъ, не слышно было такихъ покушеній до сего времени, какъ вдругъ два Прокурора новыхъ судовъ, одинъ въ столицѣ, другой въ провинціи, подверглись въ присутствіи, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, такому же покушенію, правда, не удавшемуся, но это все равно, и оба покусившіеся опять не Русскіе! Я не говоря уже объ оскорбленіи начальниковъ дѣйствіемъ.

[26] Въ 1837 году Членъ Лондонскаго Демагогическаго клуба, Конарскій, съ нѣкоторыми другими, подъ чужимъ въ пашпортѣ именемъ, пробирался, чрезъ Подольскую Губернію, въ Вознесенскъ, передъ смотромъ тамъ войскъ; но смекнувъ, что онъ узнанъ, удалился и былъ случайно схваченъ уже въ Вильнѣ, гдѣ и казненъ. Петрашевскій говорилъ тоже въ 1849 году, что «за границей образовалось тайное общество для изведенія Коронованныхъ особъ, и что нѣ-

далѣе, какъ въ Іюлѣ сего 1868 г., въ Брюсселѣ, противъ газеты: «Espiègle и Cigale» начато судебное преслѣдованіе, по обвиненію въ возбужденіи къ убійству иностранныхъ Государей? Поводомъ къ этому обвиненію послужило то, что газеты эти перепечатали манифестъ извѣстнаго демагога-эмигранта Феликса Пія, обнародованный, по случаю митинга, въ Лондонѣ, въ воспоминаніе Іюльскихъ дней 1848 года. Здѣсь, между прочимъ, Наполеонъ III поставленъ внѣ закона, и каждый имѣетъ право поразить его! Въ то же время газета «Pays» упоминаетъ о выпущенной въ народъ прокламаціи, въ которой, между прочимъ, восхваляются: Орсини и Березовскій, убійцы Сербскаго Князя Михаила, и къ этому же разряду людей она причисляетъ Хуареса, разстрѣлявшаго Максимиліяна, а въ ночь на 12 (24) Іюля Полиція сняла со стѣнъ Парижа, Монмартра, множество прокламацій, возбуждающихъ къ убійству Наполеона и т. д. При семъ нельзя не замѣтить, что если на Западѣ вѣроисповѣдное изступленіе преобразилось въ политическое, то Поляки, не утративъ перваго, присоединили къ нему и утопіи политическія, не только что со всѣми ужасами терроризма Французской революціи, но еще далеко перешли за оную.

Но ни одна изъ большихъ въ мірѣ революцій не представляетъ ни чего подобнаго жандармамъ-кинжалистамъ 1863 — 1865; никогда человѣчество не унижалось до такой степени, чтобы вызывать на эту должность и легко находить готовыхъ вонзить отравленный и окропленный Св. водой въ костелѣ кинжалъ, въ человѣка, вовсе убійцѣ не извѣстнаго, съ которымъ онъ не былъ ни въ какихъ столкновеніяхъ, ни въ какихъ сношеніяхъ и никогда не видалъ его!.. Въ большой Французской революціи, кровожаднѣйшей изъ всѣхъ, до нея бывшихъ, распаленныя страсти, личныя отношенія и озлобленіе, распространяли ужасъ, но совершаемыя въ то время казни производились не тайно, не

сколько человѣкъ назначены также въ Россію.» Другой разъ онъ опять упоминаетъ о таковомъ обществѣ. Наконецъ Женевскій и Цюрихскій Комитеты, какъ видно было выше, не одобряютъ ли и въ настоящемъ году такія покушенія?

закулисно, а гласно, на площадяхъ, чрезъ палача, всегда по распоряженію Конвента, или другихъ судилищъ не невидимыхъ, не подземныхъ, а такихъ, которыхъ мѣстопребываніе и дѣятели въ оныхъ были всѣмъ извѣстны и ни отъ кого не скрывались, а приговоры ихъ имѣли тѣнь формулированія юстиціи. Случалось иногда, что чернь, или сама ожесточенная противъ нѣкоторыхъ личностей, или подвигнутая внушеніями и краснобайствомъ какихъ либо площадныхъ демагоговъ, предавалась буйству, и, разстерзавъ человѣка, на котораго была направлена, въ ожесточеніи носила голову его на шестѣ; но таковое самоуправство рано или поздно часто жестоко наказывалось. Въ Варшавѣ 1830 года случались подобныя же сцены съ шестами, и здѣсь, напротивъ, онѣ поощрялись!! Послѣдній же мятежъ Поляковъ затмилъ своимъ звѣрствомъ все, что Исторія можетъ передать намъ ужаснаго относительно жестокостей самыхъ варварскихъ временъ. Словомъ, кровавые эпизоды прошедшаго ни что въ сравненіи съ бывшимъ 1863 — 1864 годовъ, скрывавшимся революціоннымъ Комитетомъ.

Въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Италіи и другихъ мѣстахъ крайняго Католическаго Запада, за нѣсколько цекиновъ иногда находятъ еще убійцъ для удовлетворенія какой либо личной злобы, возженной страстью. Но тамъ убійца большею частію нападаетъ на свою жертву ночью, на улицѣ, избѣгая быть замѣченнымъ и болѣе или менѣе подвергается встрѣтить оборону и погибнуть на мѣстѣ, или быть схваченнымъ. Жимдармы же-кинжальщики нагло, среди дня, на улицѣ, окруженные сочувствующими имъ свѣдѣтелями, или людьми подъ вліяніемъ ужаса, поражали жертву, или проникали въ домъ обреченнаго на смерть, и здѣсь, мало заботясь о томъ, чтобы не быть замѣченными, умерщвляли иногда и все семейство съ изощренною свирѣпостью. [37]

---

[37] Такъ между многими жертвами погибъ, среди самой Варшавы, полковникъ, иностранецъ Вихертъ, въ собственномъ своемъ домѣ, не только со всѣмъ семействомъ своимъ и прислугой, на лицо бывшей, но и комнатная собачка имѣла ту же участь. Это превосходитъ подвиги Іосифа Лебона, члена Конвента, неистовавшаго въ Аррасѣ, гдѣ, не довольствуясь отправленіемъ, кого хотѣлъ, на эшафотъ,

Но этого мало. Убійцы эті сформированы были въ систематически организированный корпусъ, легіонъ, никогда и нигдѣ до того времени не существовавшій. Здѣсь былъ главный и подвѣдомственные ему начальники, отдѣлы, награжденія нѣсколькими злотыми, похвальными листами, повышеніемъ и т. п. Вступившій въ легіонъ, давалъ въ костелѣ присягу на лишеніе жизни кого бы приказано ни было. Тутъ же окроплялся Католическою Св. водой вручаемый ему кинжалъ, часто покрытый ядомъ, и т. д. Исчадія эті не принадлежали ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, а по тому не могли и заразиться тѣми чудовищными утопіями, которыя воспаляютъ до безумія членовъ такихъ ученій; напротивъ жандармы-кинжальщики были хладнокровными, слѣпыми исполнителями! Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно знаменательно и то, что на такую обязанность большое число изъявляло свою готовность, [38] и что до сихъ поръ обнаруживаются принадлежавшіе этой адской когортѣ, проживавшіе въ обществѣ, которое знало эті личности, но не указывало, пока секретная сыскная полиція не открывала ихъ. Какой богатый предметъ глубокаго философскаго наблюденія для людей, слѣдящихъ за развитіемъ человѣчества! Въ числѣ очень частыхъ извѣстій, помѣщаемыхъ въ газетахъ объ обнаруженіи такъ скрывающихся кинжалистовъ, замѣчательна корреспонденція изъ Варшавы, отъ 9 (21) Іюля сего года (С.-Пет. Вѣд., № 191, 15 Іюля, и перепечатанная въ Русс. Инв. и пр.). Свѣдѣніе это такъ важно и видимо писано лицомъ, близко знакомымъ съ ходомъ дѣла, что я вношу сдѣсь большую часть онаго:..... «До сихъ поръ еще отъ

простеръ онъ свой республиканское изступленіе еще далѣе; такъ, узнавъ, что въ городѣ есть попугай, произносящій слова: «Vive le Roi!» предалъ казни и его!

[38] Здѣсь замѣчательно еще и то значительное число Нѣмецкихъ фамилій (какъ говоритъ одинъ изъ современныхъ мятежу журналовъ), бывшихъ въ составѣ жандармовъ-вѣшателей и участвовавшихъ въ другихъ тяжкихъ по мятежу преступленіяхъ. Это такъ поразительно, что, принявъ въ соображеніе численность Поляковъ и Нѣмцевъ, процентъ злодѣевъ изъ сихъ послѣднихъ далеко превышаетъ процентъ изъ первыхъ. Желательно бы видѣть здѣсь дѣйствительно только однѣ Нѣмецкія фамиліи, но сроднившіяся съ Поляками посредствомъ Католичества.... Предметъ, требующій блажайшаго разъясненія; но тутъ ему не мѣсто.

времени до времени открываются иногда совершенно неожиданнымъ образомъ дѣйствія бывшихъ членовъ революціонной организаціи, скрывавшихся въ теченіе многихъ лѣтъ, подъ ложными именами. Такъ, на примѣръ, Варшавскій старшій Фельдшеръ, Леонъ Длугошъ, былъ высланъ на жительство въ Имперію, подъ именемъ Петра Орловскаго, какъ простой мятежникъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ. Въ г. Уфѣ Длугошъ принялъ Православіе. Многіе изъ Русскихъ выразили, въ слѣдствіе этого, живое участіе къ нему и по тому предоставили мѣсто при Уфимскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ онъ служилъ подъ именемъ Петра Орловскаго до настоящаго года. Въ началѣ текущаго года Варшавскимъ властямъ сдѣлалось извѣстнымъ, что бывшій Офицеромъ и начальникомъ 2-го отдѣленія Варшавскихъ жандармовъ-кинжальщиковъ служитъ въ г. Уфѣ подъ именемъ Петра Орловскаго. Вытребованный въ Варшаву мнимый Орловскій сознался, что онъ дѣйствительно Длугошъ; что еще въ 1862 году вступилъ въ составъ конскрипціонной организаціи, выполнилъ преступную присягу, а подъ конецъ того же года былъ уже возведенъ въ Сотники, какъ успѣвшій навербовать цѣлую сотню кинжалистовъ. Въ Октябрѣ 1862 г. Длугошъ принималъ непосредственное участіе въ убійствѣ въ г. Плоцкѣ частнаго писца, Антона Юрчковскаго. Въ Маѣ 1863 года былъ поставленъ начальникомъ 2-го отдѣленія Варшавскихъ кинжалистовъ, подъ главнымъ начальствомъ Павла Ляндовскаго, передавшаго ему болѣе двадцати смертныхъ приговоровъ. По приказанію Длугоша убитъ кинжальщикомъ его, Альбертомъ Рыхли, чиновникъ Магистрата, Скавронскій; убійцѣ Длугошъ заплатилъ за это около десяти рублей. Въ Августѣ 1863 года Длугошъ, съ Фельдшеромъ больницы «Младенца Іисуса,» Львомъ Квабишевскимъ, отравилъ кинжалы почти всѣхъ Варшавскихъ кинжальщиковъ ядами и злокачественными матеріялами. Подчиненный Длугоша, ремесленникъ Александръ Тхуржницкій, снабженный отравленнымъ кинжаломъ, ранилъ, въ Маршалковской улицѣ, Доктора 3-й гвардейской артилерійской бригады, Мессершмидта. 23 Сентября (5 Октября), 1863 г., кинжальщики Длугоша убили, по приказанію послѣдняго, Доктора Германа, остановившагося въ Европейской гостинницѣ. Главному убійцѣ, столяру Антону Новаковскому, управлявшему дѣйствіями прочихъ, Длугошъ заплатилъ около ста рублей. Въ

концѣ Ноября, 1863 г., Длугошъ, по порученію Ржонда, выѣхалъ въ Радомскую Губернію, съ цѣлію учредить въ разныхъ городахъ жамдармовъ-кинжальщиковъ, что, впрочемъ, ему удалось сдѣлать только въ двухъ мѣстечкахъ. Наконецъ, избѣгая поимки, примкнулъ къ шайкѣ Босака (Гауке), по разбитіи коей арестованъ и подъ именемъ Петра Орловскаго высланъ въ Имперію на жительство, принялъ въ Уфѣ Православіе, получилъ казенное мѣсто и чуть было не женился на одной довольно богатой Дворянкѣ дѣвицѣ.» Далѣе корреспондентъ, М. У., между прочимъ упоминаетъ еще такимъ же образомъ о высланномъ въ Россію Александрѣ Водзвыцкомъ, мятежническомъ Офицерѣ, совершившемъ нѣсколько самыхъ безчеловѣчныхъ убійствъ въ бандѣ Кононовича, который тоже, переселившись въ Россію, принялъ Православіе и состоялъ домашнимъ учителемъ. Сколько же осталось еще Длугошей и Водзвыцкихъ въ Россіи? Какія сѣмена бросаютъ у насъ на почву, до того чуждую подобнымъ посѣвамъ! Какой богатый предметъ къ развитію! О немъ можно бы поговорить пространнѣе, но обращаюсь ближе къ настоящему.

И такъ, послѣ всего, этого можетъ ли кто ручаться, чтобы, въ данный моментъ, коноводы адскихъ ученій и такъ расплодившіеся клубы демагоговъ, вдругъ не вздумали опять пустить въ ходъ такихъ злодѣевъ, въ которыхъ, какъ видѣли, недостатка не будетъ?

Неистовство Поляковъ достаточно засвѣдѣтельствовано Исторіей. Кровожадность ихъ въ большую Французскую революцію изумила даже и туземныхъ изверговъ. Вотъ что, между прочимъ, находимъ въ исторіи о Лазовскомъ, въ числѣ другихъ соотечественниковъ своихъ поспѣшавшемъ на Французскую бойню: [89] «Онъ отличался звѣрствомъ и дерзостью между самыми неистовыми демагогами и былъ назначенъ Капитаномъ національной гвардіи, а 10 Августа, 1792 г., начальствовалъ артиллеріей, громившей Тюльерійскій дворецъ, и постоянно былъ въ головѣ самыхъ неистовыхъ сподвижниковъ этой кровавой поры. Онъ

[89] Weiss. Biographie univers. où dictionnaire historique etc. Paris, 1841, in 8, 6 v.

умеръ, не дождавшись исполненія надъ нимъ приговора; ибо ужасы, совершавшіеся имъ, и въ ту пору изумляли всѣхъ. Этому злодѣю (продолжаетъ Исторія), Робеспьеръ, въ Конвентѣ произнесъ похвальную рѣчь. Ему воздвигли памятникъ на Карусельской площади, подъ древомъ свободы; но послѣ 9 Термидора трупъ его былъ вырытъ изъ могилы и брошенъ въ живодерню» (a la voirie).

Событія же 1830—1831 годовъ, но преимущественно 1863—1865, въ живой у насъ памяти. Тутъ неистовствовали не одни организированные жамдармы-кинжальщики и вѣшатели, но всѣ шайки, съ своими «Довудцами» и Ксёндзами: ужаснѣйшія пытки, распарываніе живота, сдираніе кожи, выкалываніе глазъ, обрубливаніе членовъ, огонь, повторительные удары кинжаломъ, ядъ и т. п. истязанія [40] предшествовали окончательному умерщвленію: повѣшеніемъ въ нѣсколько пріемовъ, часто за ноги, за ребра, съ подложеніемъ огня, закапываніемъ въ могилы живыхъ, пригвожденіемъ къ деревьямъ и другими казнями изощреннаго звѣрства. Ни беременныя женщины, ни дѣти, ни младенцы, ни лица глубокой старости, не были изъяты: злодѣйство царило по всему крамольному краю.

И такъ изъ всего приведеннаго нельзя сказать въ строгомъ смыслѣ, чтобы злодѣйскія покушенія 4 Апрѣля и 25 Мая

---

[40] Изъ множества истязаній, бывшихъ у варваровъ и давно исчезнувшихъ, невольно останавливаешься на распарываніи живота (обычай этотъ существуетъ у Японцевъ, но они распарываютъ его сами себѣ, а это другое дѣло): не возобновлено ли оно Польскимъ духовенствомъ, какъ бы въ отмщеніе за то, что многіе изъ ихъ собратій Католическихъ монаховъ были подвергнуты этому тѣмъ, что ихъ вѣшали; такъ, на прим., Баланъ, Силокъ, Ольдекорнъ, Томасъ Гарне и двое другихъ Гарне, Баларъ и другіе братія, какъ значится въ Езуитскомъ календарѣ? Но здѣсь разница въ томъ, что это потрошеніе предъ повѣшеніемъ совершалось за тяжкія преступленія, за покушеніе на Цареубійство, а въ послѣдній мятежъ Ксёндзы подвергали тому мирныхъ поселянъ, не раздѣлявшихъ съ ними злодѣйскихъ замысловъ и вѣрныхъ присягѣ, плѣнныхъ, огражденныхъ большимъ или меньшимъ неприкосновеніемъ у самыхъ варварскихъ народовъ, нашихъ Православныхъ Священниковъ и т. д. Впрочемъ, изобрѣтательность Римскаго Католическаго Духовенства въ разныхъ орудіяхъ и при-

(какъ равно и большая часть выше изчисленныхъ за послѣднее время) были произведены членами какого либо высшаго тайнаго общества, пропитанными различными увлеченіями, вычитанными въ доктринахъ. Исключая Орсини, всѣ остальные могутъ скорѣе быть болѣе или менѣе причислены къ разряду жандармовъ-кинжальщиковъ, подготовленныхъ и возбужденныхъ наградами и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опять нельзя и отвергать, чтобы Березовскій не былъ орудіемъ своихъ соотечественниковъ демагоговъ (скучивающихся разными шайками около выходцевъ аристократовъ, наведшихъ его прямо, или косвенно, на это ужасное покушеніе). Мы видѣли, что одинъ изъ этѣхъ аристократовъ, Князь Сапѣга, предсѣдательствовалъ на конгрессѣ въ Дрезденѣ, гдѣ рѣшено было отправить убійцъ на трехъ Государей; слѣдовательно, тутъ является господствующею цѣлью «ученіе Цареубійства,» и это, по моему мнѣнію, подкрѣпляется тѣмъ уже, что у Березовскаго, независимо отъ разныхъ выписокъ, найдено было нѣсколько сочиненій, проповѣдующихъ это ученіе; стало быть, они имѣли положительное вліяніе на его рѣшимость къ покушенію, по крайней мѣрѣ, въ несравненно большей степени, нежели мысль спасенія «ойчизны.» Эта послѣдняя могла быть ему внушаема, статься можетъ, даже и изъ подъ руки только; а чтобы утвердить его въ оной, доставлены были ему и книги, писанныя ихъ святыми отцами. Французскіе слѣдователи, а за ними и судъ, краснорѣчиво выставили жалостное, самое бѣдственное, положеніе злодѣя, долженствовавшаго заложить послѣднее свое пальто, чтобы купить пистолетъ, но не видно, чтобы они обслѣдовали, откуда онъ заимствовался помянутыми сочиненіями о Цареубійствѣ?... Такія сочиненія всегда были очень цѣнны, а тѣмъ болѣе въ настоящее «время, да еще и во Франціи:» платятся во сто и болѣе разъ противъ обыкновенныхъ цѣнъ на книги. На какія же средства онъ пріобрѣлъ ихъ, и гдѣ? Ибо онѣ могли продаваться не иначе, какъ тайно; или наконецъ, кто могъ ему дать оныя? Но не только это, а даже не обслѣдованъ и кругъ его знакомства. [41] Но довольно о

ложеніи ихъ къ дѣлу для истязанія имѣетъ богатый источникъ въ описаніи пытокъ, совершившихся въ инквизиціяхъ.

[41] Также темными остались и средства, доставившія ему возможность быть въ

семъ; каждый, имѣющій здравый смыслъ, сдѣлаетъ свое заключеніе.

Относительно же покушенія Каракозова, то, при совершенномъ отсутствіи тѣхъ причинъ, которыя могли руководить Березовскаго, какъ Поляка, нашъ злодѣй ясно выходитъ изъ кружка доморощенныхъ демагоговъ, принявшихъ ученіе, проповѣдуемое на Западѣ. Ужасаешься, читая приговоръ Верховнаго Суда, 24 Сентября, надъ тридцатью четырьмя лицами, попавшими подъ отвѣтственность по покушенію Караковова. Какое сочетаніе личностей!? Не ясно ли и то, что одно только покушеніе Каракозова, приведенное уже въ исполненіе, и, къ счастію, Провидѣніемъ отклоненное, было единственнымъ поводомъ къ обнаруженію этого сборища! Иначе, общество бы зрѣло, увеличивалось, и тогда, можетъ быть, нашло бы и руководителей..... И какія преступленія тяготѣютъ надъ обвиненными! Такъ, одинъ изъ нихъ, для полученія средствъ къ развитію общества, вызывается убить отца своего и захватить его деньги, и для какой цѣли!!

Изъ сего опять видно, какъ это было уже замѣчено и въ 1849 году, по случаю дѣла Петрашевскаго, что корень этого зла разросся крѣпко. Ядъ, можно сказать, разлился всюду и напиталъ собой весь воздухъ общественной жизни нѣкоторыхъ сословій народа, или, вѣрнѣе сказать, то, что составляетъ наше общественное образованіе. Нынѣ корень зла состоитъ въ идеяхъ, а съ идеями не иначе можно бороться, какъ также идеями, противопоставляя мечтамъ истинныя и здравыя о вещахъ понятія, изгоняя ложное просвѣщеніе просвѣщеніемъ настоящимъ, обращая училищное преподаваніе и самую письменность въ орудіе, разбивающее и уничтожающее въ прахъ гибельныя мечты нынѣшняго вольномыслія, или лучше сказать, сумасбродства. Подобная борьба—единственное спасительное средство; [12] это доказано было въ

торжественномъ спектаклѣ (gala), билеты на который роздаются лицамъ извѣстнымъ, а при томъ за чрезвычайно возвышенную цѣну.

[12] Но естьли у насъ какой либо журналъ, органъ для здраваго направленія умовъ

1849 и 1850 годахъ, когда коммунизмъ и подобныя ученія были сильно развиты утопіями Фурье, Прудона и имъ подобными лжеучителями. Людовикъ-Наполеонъ наводнилъ Францію разными, заказанными имъ, брошюрами, выставляющими смѣшную сторону помянутыхъ мечтателей, и ученіе ихъ пало. Не видимъ ли мы то же самое и у себя, когда разрѣшено было возражать печатно на издѣлія Герцена, проникавшія къ намъ разными путями, которыхъ Правительство не могло преградить, и сводившихъ съ ума не одну молодежь? Нѣсколько здравыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» было достаточно, чтобы образумить восторгавшихся Герценомъ «съ товарищи,» и изданія его пали. По моему крайнему разумѣнію, не должно стѣснять въ опроверженіи всего дикаго, появляющагося противъ Россіи; это одно средство, чтобы уничтожить то явленіе, которое могутъ произвести разсѣваемыя злостныя бредни. Я убѣжденъ опытомъ что какія бы мѣры Правительство ни принимало противъ распространенія такихъ сочиненій, они всегда проскользнутъ въ руки тѣхъ, кому не слѣдуетъ читать, и въ незрѣлыхъ, или легкихъ, умахъ своихъ усвоивать направленіе вредныхъ сочиненій. Но не то будетъ, когда разъяснится вся нелѣпость содержанія, и если не совершенно изгладится у нихъ первое впечатлѣніе, то значительно будетъ уже поколеблено. Многіе безсознательно приписываютъ настоящее броженіе умомъ «духу времени.» [43]

общества? Нѣтъ такого, который бы не приплеталъ къ своимъ, иногда и дѣльнымъ, взглядамъ, политической болтовни и т. д. Какія сочиненія въ послѣднее время появились у насъ? Какими литературными издѣліями, въ 10 и 15 к., питаютъ народъ нашъ Впряги Аѳраксѣна двора, въ Москвѣ Никольской, Толкучки и т. п? Библіотеки выставлены на улицахъ почти на каждомъ шагу, напр., у Полицейскаго Моста, на каждомъ изъ четырехъ угловъ. сего поставлены будочки съ книгами, въ Москвѣ по Воскресеньямъ у Сухаревой Башни и на Смоленскомъ Рынкѣ? Размноженіе такого сбыта доказываетъ, что народъ требуетъ пищи; но не слѣдуетъ ли питать его пищей здоровой, а не той, которой питаютъ ее лари, будки, лотки и спичечники, разносящіе въ коробахъ такія книги?

[43] Это пресловутое выраженіе, усвоенное многими, часто служитъ преградой должной предусмотрительности. По моему крайнему разумѣнію, это избитое выраженіе: «духъ времени», въ томъ смыслѣ, какой часто оному придаютъ, есть

М. П. Погодинъ, какъ мы видѣли, сказалъ: «Наконецъ оглянемся!» Да, дѣйствительно должно оглянуться, но не будемъ оглядываться въ давнопрошедшее, а обратился только лѣтъ за пять назадъ, и при томъ къ предмету, подходящему къ знаменательной передовой статьѣ его, помѣщенной въ газетѣ: «Русскій» (Мая 29). И такъ:

выраженіе людей неспособныхъ и приписывающихъ все року, чтобы не сказать, не имѣющихъ въ себѣ основанія. «Противъ увлекательной силы этого «духа времени» говорятъ они: «нѣтъ преградъ, и человѣческая сила не остановитъ его!» Но Исторія опровергаетъ этѣ апоѳегмы и указываетъ, что во всѣ времена такой духъ проявлялся только тамъ, гдѣ Правительственныя лица не слѣдили за ходомъ событій и бразды управленія находились въ рукахъ временщиковъ безъ Государственныхъ способностей, чуждавшихся людей, коротко ознакомленныхъ съ разными отраслями управленія, и окружавшіе себя лицами или неспособными, или льстивыми, ищущими только стезей для возвышенія. Подобные сановники, кичливые по своему положенію, не вникали въ смыслъ учлищныхъ преподаваній, какъ основы будущности. Вѣра, единственная сила, смиряющая животную природу человѣка, была ими какъ бы забыта, при осязательномъ распространеніи демагогическихъ ученій однѣ другихъ ужаснѣе. Они не внимали воплямъ и справедливымъ жалобамъ, а по тому не внушали къ себѣ довѣрія народу, въ понятіи коего такіе сановники предавались безотчетному управленію. Подобный порядокъ вещей неминуемо вызывалъ вражду къ существующему положенію и въ геометрической пропорціи плодилъ недовольныхъ. Наше отечество изъято изъ общихъ правилъ другихъ Государствъ. У насъ всякая несправедливость, всякое стѣсненіе, есть зло, не приписываемое Государю; Его почитаютъ за источникъ одного добра, остальное же все приписывается исполнителямъ. Не то въ другихъ Государствахъ: тамъ все относится къ главамъ оныхъ. У насъ подвигнуть народъ прямо противъ Царя—немыслимо: сколько поговорокъ у Русскаго народа, оправдывающихъ выше сказанное! И такъ, не «духъ времени,» а недостатокъ разумныхъ и прозорливыхъ властей, былъ всегда причиной или совершеннаго паденія, или горестныхъ переворотовъ въ Государствахъ. Но и самыя политическія направленія зависятъ отъ случайностей; этѣ послѣднія пораждали тотъ, или другой, «духъ времени.» Не прибѣгая къ исторіи, возьмемъ намъ современное: не подай Русскіе помощи Австріи въ 1849 году, пламя, объявшее въ ту пору всю Европу, довело бы ее до безурядицы, которая, можетъ быть, превзошла бы своими явленіями большую Французскую революцію. Отбей мы второе нападеніе на Севастополь, и вообще дѣйствуй сообразно съ обстоятельствами, неминуемо долженствовавшими понудить Союзниковъ оставить Черное море, тогда и «духъ времени» былъ бы не тотъ, который послѣдовалъ за симъ, въ особенности при совокупленіи бѣдствій, послѣдовавшихъ тотчасъ отъ наводненіи во Франціи и отъ возстанія Индіи противъ притѣснителей ея, Англичанъ. Не оплошай Австрійцы при Сольферинѣ, не было

Знало ли высшее Правительство объ огромныхъ приготовленіяхъ къ послѣднему мятежу въ Царствѣ Польскомъ и въ девяти Западныхъ Губерніяхъ, гдѣ въ каждой, независимо отъ Губернскихъ полицій, находился и офиціяльный бдитель, въ званіи Губернскаго жандарскаго Штабъ-Офицера? Одинъ, уже извѣстный, адресъ Подольскаго Дворянства долженъ былъ обратить вниманіе, и, за всѣмъ тѣмъ, не было замѣчено, что, въ продолженіе двухъ лѣтъ костелы превращались въ арсеналы и пѣлись гимны, подстрекающіе противъ Правительства; что у многихъ помѣщиковъ бывали многочисленные съѣзды; что собирались въ склады: порохъ, оружіе; шились чамарки, конфедератки; изготовлялись боевые снаряды, древки для косъ и копій; что патріотки вышивали знамена, приготовляли корпію, облекались въ трауръ и т. д. Если всѣ помянутыя лица, поставленныя на стражу охранять Государство отъ безпорядковъ, и безчисленное множество Чиновниковъ по особымъ порученіямъ при двухъ Генералъ-Губернаторахъ, девяти Губернаторахъ и т. д., безпрерывно сновавшихъ по краю, не могли, не умѣли (наконецъ, пусть были и такіе, которые не хотѣли) проникнуть въ господствующій мятежный духъ общества, то, съ другой стороны, вѣдь все, выше исчисленное, было уже слишкомъ осязательно, чтобы не возбудить вниманія и не пробудить дремоты! А вотъ и болѣе: въ 1846 году, въ Парижѣ, было напечатано на Польскомъ языкѣ наставленіе,[*] какъ должно исподоволь приготовляться

бы того волненія умовъ, которое послѣдовало за тѣмъ. Не отвѣчай Россія мощно на угрозы Европы во время послѣдняго мятежа Поляковъ, конечно, демагогическіе провски породили бы «духъ времени» не тотъ, который послѣдовалъ за симъ. Наконецъ, восторжествуй Австрійцы при Садоевой, развѣ настроеніе умовъ въ Европѣ было бы то же, какое оно въ настоящее время, и «духъ времени», конечно, былъ бы уже не тотъ. Случайность, личныя способности и мощь власти создаютъ и направляютъ «духъ времени», о которомъ такъ кричатъ прогресисты и такъ подчиняются фаталисты и т. д. Собственно въ моемъ понятіи и отъ нѣсколькихъ доказательствъ достаточно въ опроверженіе безсознательнаго выраженія «духъ времени», въ томъ смыслѣ, какъ оно нѣкоторыми прикладывается къ развитію идей, которыя въ благоустроенномъ обществѣ должны быть обуздываемы; иначе же ихъ должно относить къ неспособности мыслить, или еще болѣе, къ зловредности. Довольно о семъ: какъ частный человѣкъ, можетъ быть, я сказалъ уже и много лишняго.

[*] Regulamina piechoty, kawaleriy, i artilleriy, z instrukcyią, wraz dla powstania etc.

къ неотмѣнно имѣющему послѣдовать возстанію въ нашихъ Западныхъ Губерніяхъ; какъ мало по малу обучаться военнымъ эволюціямъ для всѣхъ родовъ войскъ; какъ скрывать это отъ Москалей; словомъ, инструкція эта была бы достойна имѣть лучшихъ учениковъ, нежели мятежниковъ. Она была распространена повсюду и составляла довольно объемистую брошюру, распространена такъ, что мы, частныя лица, могли видѣть не безъ особеннаго затрудненія. Вмѣстѣ съ симъ, что же сказать о столь извѣстномъ «Польскомъ Катихизисѣ,» такой же обѣдни, гимнахъ и другихъ такихъ же изданіяхъ, неумѣстно называемыхъ «подпольными?» Напротивъ: ихъ можно было пріобрѣтать и сдѣсь, въ Петербургѣ, у Апраксистовъ, разумѣется, за извѣстную цѣну, и множество тому подобнаго. Но всѣ мѣстные бдители (исключая, конечно, Чиновниковъ-соучастниковъ, а ихъ было не мало) узнали о возстаніи тогда только, когда въ данное мгновеніе въ одну ночь, въ одинъ часъ, на огромномъ пространствѣ Царства и Западныхъ Губерній, внезапно, какъ бы изъ земли, выросли мятежныя шайки (заблаговременно сосредоточившіяся въ указанныхъ мѣстахъ) въ нѣсколько сотенъ, тысячъ человѣкъ, съ ногъ до головы вооруженныя, снабженныя лошадьми, одѣтыя большею частію въ единообразную приготовленную форму повстанцевъ, и предались варварскому избіенію безпечно погруженныхъ въ сонъ нашихъ Офицеровъ и солдатъ! Пусть въ Царствѣ Польскомъ, имѣвшемъ свою полицію, составленную, какъ оказалось, изъ заговорщиковъ и при тогдашнихъ условіяхъ управленія, это, пожалуй, и могло случиться; но въ Западныхъ Губерніяхъ, управляемыхъ общимъ Государственнымъ строемъ: и хотя и тутъ не мало было подобныхъ Чиновниковъ, но все таки это загадочно!! Сдѣсь, однако же, слѣдуетъ замѣтить, что такія опущенія произошли не по тому, чтобы лица, стоявшія въ главѣ этѣхъ обязанностей, не понимали оныхъ: упрекать ихъ въ томъ безусловно нельзя. Только одно главное мѣстное начальство могло бы дѣйствовать съ большею зоркостію и мощію, какъ относительно терпимости самыхъ дерзкихъ манифестацій (о которыхъ скажемъ нѣсколько словъ да-

---

etc. Paris, 1846. Брошюра болѣе трехъ соть страницъ мелкой убористой печати. Замѣчательно въ ней и предисловіе.

лѣе), такъ и употребленія уроженцевъ Католиковъ въ различныя должности, особенно, повторяю, послѣ адреса Подольскихъ Дворянъ, манифестаціи и повсемѣстно распущенныхъ революціонныхъ печатныхъ изданій; но и сдѣсь опять должно обратиться назадъ и съ грустью вспомнить ту пору, когда Польская партія пользовалась какимъ-то значеніемъ, преимуществомъ предъ Чиновниками Русскаго происхожденія... Указанія же изъ Петербурга лицами, имѣвшими право обращать вниманіе мѣстной власти, по доходившимъ до нихъ свѣдѣніямъ, по многоразличнымъ причинамъ не достигало благотворной цѣли; ибо дѣйствовать въ этомъ случаѣ не иначе можно было, какъ съ участіемъ главнаго мѣстнаго начальства края; а если у него исполнителями были большею частію туземные Католики, [45] въ такомъ случаѣ все сообщенное не только что было бы опровергнуто, [46] но и придало бы заговору болѣе таинственности, указавъ на предметъ, сдѣлавшійся уже извѣстнымъ, а равно и на лица, сообщавшія объ ономъ. [47] Таковой исходъ (а онъ всегда бывалъ таковымъ) только освящалъ заговорщиковъ. Отдѣльное же взятіе подъ стражу

---

[45] А въ столицѣ, въ ближайшихъ Вѣдомствахъ, лица въ нѣкоторыхъ степеняхъ вліянія того же исповѣданія и происхожденія, слѣдовательно, не совершенно чуждыя Польскаго Катихизиса и т. п.

[46] Дало Минкевича, нынѣ объявленное во всеобщее свѣдѣніе, торжественно доказываетъ, какъ мѣстныя власти опровергали все, доходившее до Петербурга.

[47] Я знаю по опыту, что указаніе иного Вѣдомства, хотя и облеченнаго на то властію, всегда не нравится главной мѣстной власти, а по тому замѣченное у ней упущеніе старается показать, что «хотя и имѣло о томъ свѣдѣніе, но, по устроенному наблюденію, не видитъ ни чего тревожнаго,» а за тѣмъ и подчиненные, понявъ положеніе главнаго своего начальника, назначенные для содѣйствія прибывшему лицу, будутъ, безъ всякаго даже соучастія въ злонамѣренности, на каждомъ шагу возбуждать препятствія, а иногда идутъ и далѣе. Различіе Вѣдомствъ, одного другому не подчиненныхъ, составляетъ тормазъ, задерживающій ходъ къ благосостоянію; такъ, если сегодня у меня воротникъ мундира черный, а завтра другого цвѣта, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, перемѣняется и взглядъ на дѣло, которое на канунѣ я видѣлъ иначе, чѣмъ на другой день. Объ этомъ можно бы было сказать многое, но сдѣсь замѣчу только, что когда соединяются разсуждать о дѣлахъ общихъ, то тотъ, кто болѣе другихъ владѣетъ даромъ слова, а иногда, вмѣстѣ съ тѣмъ, и иными условіями, одерживаетъ верхъ и т.д.

одного лица, принадлежащаго тайному обществу, имѣвшемуся уже въ виду, прежде, нежели все общество открывалось, служило знакомъ быть поосторожнѣе, припрятать то, что могло бы послужить къ обличенію.

Да и какъ объяснить равнодушіе главныхъ мѣстныхъ властей въ Царствѣ Польскомъ и въ Западныхъ Губерніяхъ, смотрѣвшихъ, въ продолженіе болѣе двухъ лѣтъ, на приготовлявшійся мятежъ уже не одними тайными путями, но прямо дерзко заявившій себя въ Варшавѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ, явно враждебными демонстраціями, дошедшими накопецъ до того, что изъ одной такихъ уличныхъ демонстрацій, сосредоточившихся около Дворца, отправлены были депутаты (въ числѣ ихъ изъ первыхъ былъ сапожникъ Гишпанскій), [48] съ требованіемъ (!) прекратить дѣйствія Правительственной полиціи и предоставить эту часть народному собранію!!! И что же? Негодяи этѣ, подъ жерлами Александровской цитадели, въ присутствіи войскъ, наполнявшихъ городъ, были удовлетворены!!! Слышишь и читаешь о всемъ, тогда совершившемся, на улицахъ, площадяхъ, около извѣстныхъ костеловъ, на разныхъ пространствахъ Царства и Западныхъ Губерніяхъ, предъ лицомъ главныхъ начальниковъ, предъ собраннымъ войскомъ, и рѣшительно теряешься въ заключеніяхъ: какимъ образомъ все это могло происходить, и дѣйствительно ли происходило? [49] Къ сожалѣнію и удивленію, все сказанное не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Въ продолженіе двухъ лѣтъ злоумышленники бушевали открыто, заставляя наши мѣстныя власти унижаться передъ ними, какъ говорится: «плясать по дудкѣ отъявленныхъ измѣнниковъ.» Какая была причина тому, сдѣсь я не разбираю, тѣмъ болѣе, что происходившія въ продолженіе двухъ лѣтъ буйства засвидѣтельствованы правительственно печатнымъ

---

[48] Замѣчательно, что въ каждомъ изъ послѣднихъ мятежей Поляковъ (1794, 1830 и 1863) сапожники играли одну изъ первыхъ ролей.

[49] Да проститъ меня читатель, если описываемое можетъ казаться мнѣ чѣмъ-то невѣроятнымъ: я принадлежу другой порѣ, словомъ, той, которая видѣла на опытѣ извѣстныя: привѣтствія «падамъ до ногъ; цѣлую паньски ручки» и т. п., словомъ, пору отъ Тильзитскаго мира до 1815 года.

словомъ. Изъ такихъ свѣдѣній, не подлежащихъ уже ни какому сомнѣнію, по преимуществу обращаетъ на себя вниманіе статья: «О послѣднихъ событіяхъ въ Царствѣ Польскомъ,» помѣщенная въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1865 года, въ 1-й книгѣ. Изъ содержанія статьи видно, что составитель ея былъ близкимъ свѣдѣтелемъ и глубокимъ изслѣдователемъ. Въ книгѣ: «Всеподданнѣйшій отчетъ Генералъ-Полиціймейстера въ Царствѣ Польскомъ за 1865 годъ,» и пр., съ замѣчательною точностію изложены всѣ помянутыя событія, и наконецъ, въ текущемъ, 1868, году, въ «Русскомъ Инвалидѣ» помѣщенъ рядъ записокъ другого очевидца, Г. Подвысоцкаго (вышедшія и отдѣльно). Записки эти знакомятъ съ событіями послѣдовательно, начиная съ 1860 года. Здѣсь подробно изложены мельчайшія продѣлки, приложены полные тексты мятежныхъ объявленій и воззваній и нашихъ распоряженій, какъ въ самой Варшавѣ, такъ и на всемъ пространствѣ Царства, въ продолженіе двухъ лѣтъ, предшествовавшихъ этому движенію въ 1863 году. Г.-М. Ратчъ, въ книгѣ своей собралъ много о подготовленіи въ Сѣверо-Западномъ краѣ къ послѣднему мятежу. Но съ событіемъ этимъ знакомитъ въ особенности Г.-М. Цыловъ, въ книгѣ: «Сигизмундъ Сѣракоскій и его казнь, съ предшествовавшими Польскими манифестаціями, въ Вильнѣ въ 1861 — 1863 годахъ. Изъ дѣлъ Виленской Слѣдственной Коммисіи по политическимъ дѣламъ составилъ Н. Цыловъ. Вильна, 1867 года.» Сочинитель былъ Предсѣдателемъ помянутой Коммисіи, а по тому, независимо отъ своего просвѣщенія и опытности, имѣлъ всю возможность начертить вѣрную исторію этого событія. Въ брошюрѣ этой болѣе всего занимательно терпѣніе, которое оказывала, въ продолженіе двухъ лѣтъ, мѣстная главная власть края, оставаясь равнодушною зрительницей такихъ враждебныхъ гласныхъ проявленій Правительству, которымъ дѣйствительно трудно было бы дать вѣру, какъ въ Вильнѣ, такъ и въ Варшавѣ, повторяю, полной войскъ и подъ жерлами орудій Александровской цитадели. Послѣ же помянутыхъ Правительныхъ заявленій сомнѣваться уже нельзя.

При такихъ манифестаціяхъ, продолжавшихся болѣе двухъ лѣтъ, тайной полиціи не много уже оставалось труда проникать въ тайные замыслы: замыслы были на площадяхъ, коноводы и

дѣятели на лицо и извѣстны. Это не то, что въ то же время происходило въ Петербургѣ отъ спрятавшагося за кулисы отъ ея наблюденій, знаменитаго Іоасафата Огрызка. Не подвизался ли онъ въ кругу разныхъ сословій? Вращаясь среди образованнаго общества снискивалъ покровительства, получалъ пособія и себѣ и другимъ, имѣлъ довѣріе у разныхъ лицъ (и при томъ замѣчательныхъ) для своей цѣли и, находясь на службѣ, въ сферѣ довольно высокой для личныхъ распоряженій, вмѣстѣ съ симъ не былъ ли онъ главой тайнаго общества въ Петербургѣ? Не имѣлъ ли онъ постоянныхъ членовъ этого злоумышленнаго общества въ разныхъ другихъ мѣстахъ, и не велъ ли съ ними дѣятельной переписки? Не умѣлъ ли онъ, на основаніи Польскаго Катихизиса, снабжать себя офиціяльными порученіями по службѣ въ мѣста, гдѣ открывалась ему необходимость быть для личнаго совѣщанія съ соумышленниками? Не совершалъ ли всѣ эти поѣздки на счетъ Русскихъ казенныхъ денегъ, получая подъемныя и прогоны? Не былъ ли онъ такъ не только что въ разныхъ Великороссійскихъ и Западныхъ, Губерніяхъ, но и въ Царствѣ Польскомъ, даже въ Краковѣ? Не отправлялъ ли онъ изъ Петербурга начальниковъ шаекъ изъ лицъ военныхъ, въ званіяхъ уже извѣстныхъ? Не давалъ ли онъ имъ средствъ и направленій? Не пріобрѣталъ ли адептовъ, заражавшихъ общество своими утопіями, и множество тому подобныхъ подвиговъ, совершавшихся имъ въ области дѣятельности тайной полиціи, которая должна была имѣть уже его въ виду, какъ недавно предъ тѣмъ сидѣвшаго въ крѣпости по подобному же дѣлу? [*]

А пожары, а подметныя письма и даже печатныя подстрекательныя воззванія, не появлялись ли здѣсь всюду? Молчу обо всемъ, что было подобнаго въ различныхъ мѣстахъ внѣ столицы. Было ли открыто пребываніе здѣсь Кельсіева и Богъ знаетъ еще кого? Открыты ли направлявшіеся поджоги? Извѣстны ли передаватели въ заграничную печать секретныхъ бумагъ разныхъ Вѣдомствъ, не одной, не двухъ, а цѣлыми архивами и т. д.?...

---

[*] Все сіе засвѣдѣтельствовано офиціяльно, печатно, но, къ несчастію, тогда, когда все уже совершилось.

Если что и открывалось, то уже послѣ, когда зло было совершено, и на что наводила одна случайность, одна неосторожность злодѣевъ.

Конечно, высшія тайныя полиціи вездѣ устраиваются на основаній условій, собственно принадлежащихъ той странѣ, въ которой онѣ должны дѣйствовать. [54] Условія этѣ основываются на глубокомъ изученіи всѣхъ обществъ и на умѣніи проникать личности. Съ обнаруженіемъ злодѣевъ и ихъ кружковъ во Франціи, не скрываютъ и тѣхъ, которые благонамѣренностію своею могутъ содѣйствовать къ сохраненію порядка. Англія и Франція безспорно имѣютъ едва ли не лучшія тайныя полиціи; но, не взирая на то, что

[54] Во время Конвента, окружные начальники должны были ежемѣсячно представлять въ оный особенный родъ таблицы всему народонаселенію ввѣренной части ихъ управленія. Изъ этѣхъ таблицъ, по подраздѣленіямъ своимъ, часто очень пространнымъ, въ Конвентѣ дѣлались извлеченія на одну, а много на двѣ, страницы, что совершенно и удовлетворяло Правительство; ибо итоги показывали ясно количество удобо и неудобо воспламеняющихся матеріяловъ (не называя личностей, что было дѣломъ особыхъ коммисаровъ), и по тому давало полную возможность принимать тѣ, или другія, мѣры. Съ назначеніемъ Бонапарта Консуломъ, таблицы этѣ получили болѣе единообразную форму, а по тому и извлеченія изъ оныхъ сдѣлались легче. Такъ это продолжалось до принятія имъ титула Императора. Тогда, упоенный счастіемъ, Наполеонъ сталъ уже менѣе заботиться о положеніи народа, не искалъ предупреждать его нужды, происходившія часто отъ случайностей и т. п. Онъ считалъ себя несокрушимымъ: таблицы начали сосредочиваться у хитраго и «себѣ на умѣ» Фуше; потомъ у неспособнаго по этой части Савари, и Наполеонъ началъ впадать въ одну послѣ другой ошибки, не зная даже о господствовавшемъ мнѣніи своихъ войскъ. Я имѣлъ случай, во время пребыванія моего въ Ретелѣ (съ 1815 по 1819 г.), видѣть этѣ таблицы у своего хозяина, Дю Ба де Франсе, бывшаго Военнымъ Министромъ во время терроризма, и, сколько понимаю, безъ такихъ таблицъ нѣтъ возможности имѣть полное понятіе о краѣ, которымъ начальствуютъ; всякая предпринятая безъ нихъ мѣра будетъ мѣрою «на удачу.» Въ 1827 году, въ родѣ такихъ таблицъ, составлялись Австрійскимъ Консуломъ Липою, въ Придунайскихъ Княжествахъ, о чемъ въ свое время, кому слѣдуетъ, было много донесено, съ приложеніемъ копіи одной изъ нихъ о Молдавіи. Имѣвшійся у меня оригиналъ извлеченій изъ такихъ таблицъ Франціи я передалъ Графу Перовскому: онъ созналъ необходимость оныхъ, поручилъ составить по разнымъ Губерніямъ требовательныя данныя, которыя и были сдѣланы, но, въ слѣдъ за симъ, оставилъ управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

оба помянутыя Государства отстоять одно отъ другого на нѣсколько десятковъ верстъ, двигатели и дѣйствія ихъ не одинаковы, а сообразны съ законами, характеромъ сословій и т. п., такъ что тѣмъ, чѣмъ можно достигнуть успѣха въ Англіи, не успѣешь во Франціи, и обратно. [88] Въ Англіи немыслимо, чтобы начальникъ тайной полиціи пугалъ вымыслами Главу Правительства, а во Франціи это бываетъ, съ цѣлію сказать послѣ: «Я, дескать, принятыми мѣрами устранилъ опасность!» Въ слѣдъ же за симъ слѣдуетъ и признательность Главы..... Въ Англіи агенты высшей тайной полиціи весьма рѣдко извѣстны. Самъ агентъ дорожитъ мѣстомъ (по одному тому уже, что съ онымъ сопряжено немалое содержаніе); ибо разъ онъ узнанъ, тотчасъ исключается и теряетъ навсегда возможность вступить по прежнему въ ту же должность. Во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ всѣ они болѣе или менѣе на перечетъ извѣстны, и не только что сами не скрываютъ своего занятія, а какъ бы величаются онымъ, но и употребляющіе ихъ мало о томъ заботятся: въ первой между политическимъ агентомъ и сыщикомъ проведена рѣзкая черта, во второй она не замѣтна и т. д.

Главная обязанность высшей тайной полиціи состоитъ главное въ томъ, что, наблюдая общій духъ и проникая въ суть двигателей, она разбиваетъ скопляющіяся тучи, прежде нежели соединеніе ихъ разразится и произведетъ пожаръ. Она всегда была одною изъ первыхъ отраслей управленія, по тому что, предназначаясь стоять на стражѣ Государства и охраненія Главы онаго, особенно же въ настоящее время, обѣщающее въ будущности еще болѣе сложности, а по тому и требующая въ устройствѣ своемъ болѣе умозрительности и опытности.

И такъ мы оглянулись только за пять лѣтъ: не слѣдуетъ ли теперь взглянуть съ той же точки и на настоящее, а тамъ, на основаніи этихъ двухъ взглядовъ, можно будетъ сдѣлать за-

---

[88] Я умалчиваю объ этой Правительственной отрасли въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ она дѣйствуетъ совершенно на другихъ основаніяхъ, не принятыхъ въ Европѣ, какъ это можно видѣть изъ краткаго очерка въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ,» Августа 15-го, 1868 года.

ключеніе и о томъ, что это настоящее можетъ обѣщать въ будущемъ.

Въ настоящее время положеніе Западнаго Края изображается въ двухъ видахъ: Правительственныя свѣдѣнія, печатаемыя въ газетахъ, говорятъ, что въ немъ «все обстоитъ благополучно, край русѣетъ отъ пріобрѣтенія Русскими землевладѣнія;» [53] что онъ умиротворяется и т. п., и доказательствомъ тому представляются многія изъ мѣръ, принятыхъ прежде для надзора: однѣ ослаблены, другія вовсе отмѣнены и т. д. Частныя письма, печатаемыя въ тѣхъ же газетахъ, и пріѣзжающіе изъ края, говорятъ иное. Торжественное празднованіе годовщины Барской Конфедераціи; проповѣди, произнесенныя по сему случаю проповѣдниками въ Парижѣ, въ числѣ которыхъ особенно отличался придворный духовникъ и великій раздаватель милостыни Императрицы Евгеніи, выкрещенный Жидъ, Аббатъ Бауеръ; открытіе во «Франціи, Австріи, Англіи, Швейцаріи Комитетовъ о возстановленіи «единой Польши въ границахъ 1772 года;» торжество въ Жолковѣ надъ памятникомъ Іоанна Собіевскаго, въ присутствіи Намѣстника Галиціи, Графа Голуховскаго, гдѣ произнесено было множество рѣчей въ помянутомъ духѣ; пріемъ, оказанный Князю Сапѣгѣ Наполеономъ, въ особенности же Императрицей, при представленіи его Императоромъ Францомъ-Іосифомъ; шныряньe Принца Наполеона, проповѣдывателя смутъ: все это, съ неумолкаемой печатью въ томъ же направленіи, не могло не имѣть вліянія на извѣстную легковѣрность Поляковъ,—и она отражается въ нихъ, по засвѣдѣтельствованію помянутыхъ писемъ, по мѣрѣ послѣдовательности получаемыхъ, часто и вычитываемыхъ въ газетахъ, свѣдѣній, а свѣдѣнія этѣ идутъ въ возрастающемъ направленіи. [54] Такъ,

---

[53] Этотъ доводъ, въ основаніи своемъ, очень шатокъ. При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ вводится, такъ называемое, Русское землевладѣніе, послѣднее не обѣщаетъ рѣшительно ни какой пользы; ибо въ этомъ краѣ Русскій элементъ и Православіе господствуютъ надъ Католичествомъ въ-четверо, но тамъ нужна Русская интеллигенція, которая бы сопоставилась Панамъ и Ксендзамъ, безъ чего разведется, въ замѣнъ, Русская Шляхта.

[54] Зная вполнѣ Канцелярскій строй, и въ особенности, что относится до Запад-

на примѣръ, въ Іюлѣ 1868 года, пишутъ, что въ Западныхъ Губерніяхъ Польскій языкъ началъ опять господствовать тамъ, гдѣ онъ не могъ быть и былъ запрещенъ; что трауръ дѣлается опять нерѣдкостью; что проглядываютъ и вещицы, носившіяся во время повстанья; что въ Варшавѣ, послѣ извѣстнаго поступка двухъ высшаго сословія барынь, не вставшихъ, по обычаю, при пѣніи въ театрѣ гимна: «Боже, Царя храни!» и оставшихся безъ наказанія, начали проявляться уличныя, вначалѣ мелкія, какъ и предъ послѣднимъ мятежомъ, дерзкія выходки молодежи, что вообще (какъ это свѣдѣтельствуется всѣми и пріѣзжающими) въ тамошнемъ воздухѣ «скопляется зловѣщее электричество, въ головахъ у Пановъ замутилось, чуется что-то недоброе» и т. д.; словомъ, все то, что исчисляютъ газеты, и по тому невольно вторишь выше помянутому очевидцу: «Послѣднихъ событій въ Царствѣ Польскомъ,» который, изложивъ происшедшее, восклицаетъ: «Если это могло случиться вчера, то не можетъ ли случиться и завтра?»

Во всякомъ случаѣ должно полагать, что, послѣ столь недавнихъ еще уроковъ, не станутъ ожидать, пока скопляющіяся тучи соединятся и разразятся громомъ, и что всѣ мѣры будутъ употреблены для устраненія матеріяловъ, могущихъ производить пожары. Но чтобы отклонить сіи послѣдніе, вѣдь недостаточно того, чтобы, увидѣвъ пламя, стараться потушить оное. Пожаръ не всегда обнаруживается вспышками пламени, не всегда даже обозначается и дымомъ: часто тлѣетъ онъ малой искрой гдѣ либо внутри зданія, и тогда можно бы было затоптать его ногой, если бы эта искра была примѣчена заблаговременно (чего, безъ помянутыхъ выше таблицъ, и ожидать нельзя), или нѣтъ еще и

наго Края, будьто бы оно не всегда изображается въ настоящемъ видѣ, по старой привычкѣ «не огорчать, а болѣе успокоивать,» преимущественно же при частой перемѣнѣ главныхъ начальниковъ, а этѣми большею частію, прежнихъ дѣятелей, и по тому невольно вѣрю болѣе частнымъ письмамъ, которыя представляютъ изобильные примѣры противному; даже въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ встрѣчаются такія данныя, которыя показываютъ, что до умиротворенія еще очень далеко. Чего же нужно болѣе, когда и общій голосъ, не опровергаемый и самими мѣстными властями, требуетъ большой бдительности стражи, поставленной для охраненія Государства?

некры, но въ домѣ господствуетъ крайняя неосторожность при обращеніи съ огнемъ, либо собрано множество удобовоспламеняемыхъ матеріяловъ, иногда безъ намѣренія, а иногда и съ злымъ умысломъ, чтобы, при первомъ удобномъ случаѣ, поджечь. Сдѣсь пока останавливаюсь.

Тацитъ говоритъ: «Мягкая снисходительность къ возмутившимся только усиливаетъ ихъ дерзость, и чѣмъ болѣе имъ уступаютъ, тѣмъ болѣе умножаются ихъ безразсудныя притязанія. Мятежныя толпы распространяютъ ужасъ, когда сами не бываютъ подвержены оному; но лишь только страхъ начинаетъ поражать ихъ, нѣтъ ни чего презрительнѣе ихъ.» Истина эта, оправданная вѣками, не была въ началѣ приложена къ послѣднему мятежу, а, напротивъ, полумѣрами и нерѣшительностью болѣе и болѣе питали возмутившійся элементъ, постепенно возраставшій до изумительной дерзости. Саллюстій замѣчаетъ, и очень справедливо, что «нерѣшительность пагубнѣе, нежели неотлагательно принятая рѣшимость, хотя бы она и оказалась неудачной.» Екатерина Великая, въ письмѣ своемъ къ Князю Таврическому (28 Октября, 1789 г.), сообщая о дѣлахъ, между прочимъ говоритъ:.... «Съ Прусакомъ употребляютъ, что возможно, но съ Поляками вообще нѣтъ ни чего исцѣлительнѣе, какъ ихъ бить!» и т. д. Въ настоящее время слышатся отъ нѣкоторыхъ успокоительныя завѣренія, что то, «что было вчера, не можетъ быть завтра,» по тому что въ настоящее время народъ, получившій свободу, остается на сторонѣ Правительства. Но это было такъ и въ предшествующіе два мятежа: ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ Западныхъ Губерніяхъ, народъ не принималъ участія въ возстаніи. Это послѣднее составилось подъ главнымъ руководствомъ Ксендзовъ, подстрекательствомъ женскаго пола, [55] изъ Пановъ-помѣщиковъ, изъ разношерстной Шляхты, изъ училищной молодежи, изъ ремесленниковъ, изъ фабричныхъ и бездонной сволочи, которыми наполняются города и которые всегда

---

[55] Польскій женскій полъ достаточно охарактеризовалъ себя во всѣхъ мятежахъ, идя рука объ руку съ ксендзами и монахами. Въ послѣдній же мятежъ онъ превзошелъ все, что только можно вообразить. Недоставало одного (а можетъ

готовы на произведеніе безпорядка, безъ всякой политической цѣли, а единственно ради грабежа и наживы, удовлетворенія мести, или страсти, своеволія, словомъ, чтобы воспользоваться, хотя временнымъ, безначаліемъ, на которое «довудцы» должны смотрѣть сквозь пальцы; бываютъ и такіе, которые просто идутъ, чтобы заявить свое молодечество. И какъ не ничтожно это меньшинство относительно къ народной массѣ, но эта послѣдняя вездѣ и всегда бываетъ подъ вліяніемъ этого меньшинства, и если прямо и не принимаетъ участія въ мятежѣ, то не менѣе того оно его питаетъ и преклоняется передъ ужасомъ меньшинства, которое этѣмъ послѣднимъ только и владычествуетъ. Г. Подвысоцкій, о которомъ было уже упомянуто, въ любопытныхъ запискахъ своихъ, какъ очевидецъ событій въ Польшѣ, собравъ всѣ, выходившія распоряженія, подтверждаетъ вышесказанное; онъ говоритъ, что «городское населеніе торговой и промышленной дѣятельности желало скинуть съ себя ярмо ужаса, въ которомъ уже болѣе года держали его возмутители. И, однако жь, ни у кого не было отваги высказаться открыто противъ насилія. Все покорствовало предъ горстью людей, распоряжавшихся отъ имени невѣдомаго таинственнаго начальства.» Само собой разумѣется, если бы большинство могло дѣйствовать съ тою же мощью и тѣми же средствами, какъ преступное меньшинство, тотда не могло бы быть и безпорядковъ, да и самое слово революція не могло бы имѣть своего существеннаго значенія, былъ бы простой переворотъ, и болѣе ни чего. Но, къ несчастію, въ такихъ случаяхъ народная масса увлекается краснорѣчіемъ въ ея духѣ, и тогда повинуется злоумышленникамъ, подобно тому, какъ стадо барановъ повинуется размаху бича, находящагося иногда въ рукахъ одного мальчишки. Такъ это было всегда и вездѣ, такъ это будетъ и въ будущемъ; Правительство же, не теряя своего достоинства, не

быть только по тому, что не было случая),—украсить себя шапками, съ надписью: «Proprieté national,» которыя были носимы рьяными революціонерками во Франціи, а въ 1849 году, во время осады Вѣны, множествомъ ея горожанокъ. Добродѣтельныя патріотки этѣ, съ надписью на шапкѣ: «Volkshabe» и «Freygut,» посѣщали батареи и барикады, съ цѣлію удерживать Офицеровъ и солдатъ на ввѣренномъ имъ посту. Надписи этѣ дозволяли прямо обращаться къ оригинальнымъ жертвоприносительницамъ патріотизма.

можетъ поощрить народъ встать на его защиту, не противъ иноземнаго врага (это другое дѣло), но противъ заблудшагося меньшинства другихъ такихъ же его подданныхъ, иначе послѣдствія усложнятся до степени, которая потребуетъ усилій несравненно большихъ..... Главное успокоеніе заключается далеко не въ томъ, что народъ въ Царствѣ и въ Западныхъ Губерніяхъ получилъ свободу, а въ зоркой бдительности за мелкими проявленіями, которыя, оставляя незамѣчаемыми, совокупленіемъ своимъ опять заставятъ себя замѣтить, и повлекутъ за собой необходимость уже тяжкихъ наказаній, кои всегда дѣлаютъ непріятное впечатлѣніе и на самихъ изрекающихъ оныя.

И. Лихранди.

О

КУРГАНАХЪ,

ГОСПОДСТВУЮЩИХЪ ВЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ виду извѣстныхъ вопросовъ о доисторическомъ и доарійскомъ населеніи Европы, я, въ 1863 году, обратилъ вниманіе на страну, которая, какъ мнѣ казалось, можетъ доставить много данныхъ для рѣшенія этихъ вопросовъ, именно: на Среднюю Россію, страну между верхнимъ теченіемъ Волги, Окою и верховьями Днѣпра и Двины.

Вотъ общія соображенія, руководившія мною въ выборѣ этого мѣста для изслѣдованія:

Средняя Россія, не прорѣзанная большими рѣками и покрытая въ древности непроходимыми лѣсами, никогда не была торнымъ путемъ для народовъ, двигавшихся съ Востока въ Европу. По этому однажды зашедшее сюда племя могло здѣсь жить наиболѣе спокойно и продолжительно, а, стало быть, должно было оставить по себѣ наиболѣе опредѣленныя черты своего первообраза и пережитыхъ имъ образованій. При современной же неопредѣленности всего, что касается древнѣйшаго, доарійскаго, населенія Европы, самое важное составляетъ именно какая нибудь опредѣленность въ данномъ отношеніи, хотя бы даже дѣло относилось не къ самой Европѣ, а къ ея окраинамъ. Далѣе, хотя извѣстная догадка, предполагавшая, что до прихода Арійскихъ племенъ, Европу населяли племена, принадлежавшія къ вѣтви племенъ Чудскихъ, не пріобрѣла доселѣ сколько нибудь прочныхъ

доказательствъ ни въ области языковѣдѣнія, такъ какъ языкъ древнихъ Ибровъ, судя по языку Басковъ, болѣе принадлежитъ къ вѣтви, такъ называемой, полисинтетической (къ разряду Американскихъ языковъ), чѣмъ къ аглутинирующей, высшее развитіе которой представляютъ Чудскія нарѣчія, но тѣмъ не менѣе, представленныя досель опроверженія этой догадки мнѣ кажутся столь слабыми, что покамѣстъ рѣшительно нельзя стоять ни за, ни противъ, ея: всѣ они состоятъ только въ болѣе, или менѣе, убѣдительномъ отрицаніи доказательствъ, предлагавшихся поборниками ея, но, въ замѣнъ того, не представили ни чего положительнаго. Какъ бы то ни было, но для насъ остается вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ, то, что Чудскія и сродныя съ ними племена были оттиснуты Германцами, Славянами и Литовцами съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ, т. е., что нѣкогда южныя границы Чудскихъ племенъ были далеко ниже тѣхъ, въ которыхъ застали ихъ положительныя свидѣтельства исторіи, именно свидѣтельство древнѣйшей нашей лѣтописи. Всѣ усилія нѣкоторыхъ ученыхъ отодвинуть жилища Чудскихъ племенъ во времена Геродота какъ можно далѣе на сѣверъ, къ границамъ, указаннымъ имъ Нестеромъ, не выдерживаютъ строгой критики, и если признавать Геродотовыхъ Меланхленовъ, Ѳисаготовъ и пр. за Чудскія племена, то необходимо придется подвинуть историческія границы Чуди далеко на югъ, именно около 700 верстъ къ сѣверу отъ Тавриды и Меотійскаго моря, стало быть, къ самымъ южнымъ предѣламъ Средней Россіи.

Съ того времени, какъ Средняя Россія была занята Славянами, Исторія освѣщаетъ уже всю Восточную Европу. Слѣдовательно, эта страна была послѣднимъ мѣстомъ доисторическаго существованія въ Европѣ доисторическихъ и, вѣроятно, неарійскихъ племенъ. Мы знаемъ, что по рѣкѣ Клязьмѣ (сѣвернѣе и южнѣе ея) жило племя, прозывавшееся «Мерею», на западъ отъ него «Весь», на востокъ же «по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома, языкъ свой, и Черемиса свой языкъ, Мордва свой языкъ.» Но какой народъ, до прихода Вятичей на Оку, жилъ на юго-западѣ отъ Мери и Муромы, это не извѣстно. Судя по многимъ раскопкамъ могилъ, произведеннымъ на сѣверъ отъ рѣки Москвы, весьма вѣроятно, что населеніе Мери доходило почти до самой этой

рѣки. Во всякомъ случаѣ, можно утвердительно сказать, что около рѣки Москвы начинается вполнѣ неизвѣстная доисторическая почва.

И такъ, вотъ мѣстность, съ которой, послѣ раскопокъ, произведенныхъ Графомъ А. С. Уваровымъ и Савельевымъ въ странѣ древней Мери, должно начать изслѣдованіе дославянскаго населенія этой части Европы. Отсюда, подвигаясь постепенно на юго-западъ, мы всего удобнѣе, точнѣе, можемъ изучить доарійское населеніе Средней Россіи, страны по рѣкамъ Двинѣ, Нѣману и Вислѣ, т. е., узнать: 1) Какъ далеко на югъ и западъ, до прихода Арійцевъ, простиралось здѣсь Чудское племя? 2) Чудскимъ ли, или какимъ нибудь другимъ, племенамъ принадлежитъ въ Средней Россіи, Бѣлоруссіи, Польшѣ и въ Прибалтійскихъ странахъ, древнѣйшій родъ кургановъ? 3) Откуда и когда проникала сюда та, или другая, образованность и проч.?

Такія соображенія заставили меня приступить прежде всего къ изслѣдованію древнихъ могилъ страны на югъ отъ рѣки Москвы, именно, по притоку послѣдней, по рѣкѣ Пахрѣ.

Здѣсь я нашелъ курганы видимо различнаго образованія, но господствующій родъ ихъ одинъ; остальные—рѣдкія исключенія. Ясно, что этотъ господствующій родъ кургановъ принадлежитъ тому племени, которое сидѣло здѣсь наиболѣе продолжительное время, и что прочіе курганы принадлежатъ, такъ сказать, мимоходившимъ людямъ.

На первыхъ я прежде всего и остановилъ свое вниманіе и, за недостаткомъ средствъ, мало по малу производилъ ихъ изслѣдованіе.

Не смотря на различную величину и отчасти даже форму этихъ кургановъ, всѣ они представляютъ поразительное сходство, такъ что, безъ всякаго сомнѣнія, могутъ быть отнесены къ могиламъ одного и того же племени. Малая разность въ положеніи остова, въ вещахъ и пр., указываетъ лишь на разность времени ихъ насыпки, что подтверждается и состояніемъ самихъ костей, различно сохранившихся, при совершенно ровныхъ почвенныхъ условіяхъ: въ одномъ курганѣ находимъ кости значительно высохшія

и готовыя къ разрушенію, въ другомъ гораздо болѣе свѣжія. Всѣ эти курганы имѣютъ видъ полушарій. Нѣсколько продолговатые изъ нихъ суть обыкновенно двойныя могилы, подсыпныя для другого покойника. Всѣ они были нѣкогда лѣсными, на что указываютъ мѣста давно изгнившихъ толстыхъ корней въ самой глубинѣ ихъ. Сыпаны они изъ мѣстнаго суглинка. Каждый курганъ насыпался единовременно, и если подсыпался, то не въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ то совершается въ Средней Азіи, гдѣ миноходящіе подкидываютъ земли на курганы въ память усопшему. Остовы обыкновенно помѣщаются на почвѣ или нѣсколько ниже, или выше ея. [1] Въ иныхъ круглыхъ (непродолговатыхъ, не подсыпныхъ) курганахъ нерѣдко встрѣчается по два остова, изъ которыхъ одинъ, мужской, помѣщается въ срединѣ кургана, другой, женской, рядомъ съ первымъ, въ головахъ его, отвѣсно къ нему. Я тщательно разсматривалъ въ такихъ курганахъ слои земли, образовавшіеся въ слѣдствіе осадка ея, и не находилъ сколько нибудь замѣтныхъ признаковъ той неправильности въ нихъ, которая указывала бы на разновременность погребенія того и другого. Слѣдовательно, можно допустить предположеніе, что жена погребалась около мужа или единовременно съ нимъ, или вскорѣ послѣ него, т. е., тогда, когда насыпь не успѣла еще прочно осѣсть. Если бы это предположеніе оказалось справедливо, то изъ него вытекаетъ другое: что, можетъ быть, не у однихъ Славянскихъ Руссовъ былъ обычай у женъ сходить въ могилу за умершимъ своимъ мужемъ.

Всѣ остовы обыкновенно находятся лежащими наклонно на лѣвый, а иногда на правый, бокъ; правая рука у нихъ помѣщается на груди, лѣвая на животѣ, или же обѣ руки на животѣ. Нѣкоторые изъ остововъ погребены на доскѣ, другіе просто на выжженной землѣ, третьи въ склепахъ изъ бревенъ, четвертые же наконецъ въ гробахъ, сколоченныхъ изъ досокъ, въ родѣ простаго

---

[1] Г. Богдановъ совершенно неосновательно полагаетъ въ своихъ: «Матеріялахъ для Антропологіи курганнаго періода Московской Губерніи» (стр. 13), что выше почвы полагался покойникъ въ тѣхъ случаяхъ, когда погребеніе совершилось зимою, «когда расчистка мѣста была затруднительна;» но насыпаніе кургановъ зимою несравненно болѣе затруднительно; однако они насыпались.

длиннаго ящика. Во многихъ (но не во всѣхъ) курганахъ находилось у ногъ остова по одному и болѣе горшковъ. Форма этѣхъ сосудовъ ни чѣмъ существенно не разнится отъ нынѣ употребляемыхъ у насъ кухонныхъ горшковъ. При мужскихъ остовахъ не было находимо ни украшеній, ни оружія или орудій; женскіе же имѣли разныя украшенія, какъ то: 1) широкія серебряныя ушныя навѣски (родъ серегъ), прицѣплявшіяся у висковъ, или надѣвавшіяся на ухо по одной, по двѣ и по три, съ каждой стороны; 2) проволочныя мѣдныя кольца, служившія для головнаго убора; 3) какая-то шерстяная ткань съ остатками дерева, или лубка, и шерстяная бахрома тоже отъ головнаго убора; 4) бусины изъ прозрачнаго кварца или зеленаго стекла, служившія привѣсками у праваго виска; 5) шейные витые обручи (гривны) изъ бронзы и мѣди, или ожерелье изъ бусинъ сердоликовыхъ и прозрачнаго кварца; 6) бронзовые и мѣдные браслеты, плоскіе и витые; 7) кольца на пальцахъ правой и лѣвой руки, а также иногда подъ пятою ноги; 8) запона или пуговица, состоящая изъ одной, или двухъ, вмѣстѣ связанныхъ, сердоликовыхъ бусинъ, помѣщающаяся у праваго плеча; 9) узкіе кожаные пояса, съ бронзовыми колечками и пряжками; 10) кожаные башмаки, отъ которыхъ сохранилась лишь часть подошвы; только на одномъ мужскомъ остовѣ сохранился довольно полно одинъ башмакъ: онъ сдѣланъ изъ грубой бычьей кожи; 11) на животѣ одной покойницы найденъ остатокъ какой-то большой, сложенной въ нѣсколько разъ, кожи, вѣроятно, кожанаго плаща. [2]

Всѣ этѣ вещи вообще до того однокачественны, что словно вышли онѣ изъ одной мастерской; а между тѣмъ, судя по костямъ и по громадному количеству этихъ кургановъ, трудно не допустить мысли, что иногда цѣлые вѣка раздѣляютъ одну могилу отъ другой.

Доселѣ въ этого рода курганахъ мною не было найдено ни монетъ, ни какихъ либо другихъ осязательныхъ признаковъ, по которымъ возможно было бы, хотя приблизительно, опредѣлить

---

[2] Съ свойствомъ этѣхъ вещей можно ознакомиться по небольшему собранію ихъ, поднесенному мною «Московскому Археологическому Обществу.»

время ихъ насыпки. Болѣе поздніе отличаются присутствіемъ въ нихъ желѣзныхъ вещей: гвоздей, колецъ, серпа, лошадиной узды и зеленоватаго стекла. Кремневые наконечники стрѣлъ, и въ особенности копій, изрѣдка попадающіеся въ насыпи кургановъ и зашедшіе сюда, конечно, совершенно случайно, вмѣстѣ съ другими мелкими камнями окрестной почвы, не имѣютъ ни какой видимой связи съ этѣми могилами и указываютъ или на то, что до насыпи этѣхъ кургановъ были нѣкогда въ употребленіи у населенія здѣшнихъ мѣстъ каменныя орудія, или что они отчасти оставались въ употребленіи и во времена насыпки этихъ кургановъ, подобно тому, какъ нѣкоторые инородцы Сибири до позднѣйшихъ временъ употребляли костяные и каменные наконечники копій.

Упомянувъ о каменныхъ орудьяхъ, я не могу пройти молчаніемъ замѣтки Г. Ворсо о томъ, что, какъ бронзовыя, такъ и каменныя, вещи, досель находимыя вообще въ Россіи, принадлежатъ преимущественно, если не исключительно, болѣе поздней формаціи. Что касается до каменныхъ топоровъ и молотовъ, то это отчасти справедливо; но о копьяхъ положительно этого нельзя сказать: послѣднія, находимыя даже въ Московской Губерніи, не всѣ носятъ на себѣ печать позднѣйшаго времени каменнаго періода. Во всякомъ случаѣ, изъ того, что доселѣ найденныя въ Россіи каменныя орудія не принадлежатъ къ древнейшему періоду каменаго вѣка, нельзя дѣлать вывода, что человѣчество вообще, и въ частности Чудскія племена, пришли сюда въ сравнительно недавнее время, т. е., по крайней мѣрѣ, во времена господства позднѣйшей каменной обазованности. Такой выводъ касательно всей Россіи мнѣ кажется будетъ слишкомъ торопливъ, и именно вотъ по чему: 1) На поверхности почвы сохранились слѣды преимущественно болѣе поздняго времени; слѣдовательно, каменныя орудія въ началѣ должны попадаться предпочтительно позднѣйшаго, а не древнѣйшаго, происхожденія. [3] 2) Всего 3—4 года минуло съ тѣхъ поръ, какъ стали у насъ обращать сколько нибудь дѣльное вни-

[3] Недавно въ числѣ ископаемостей Юрской формаціи, размытой Москвою рѣкой, мнѣ попалась половина молотка изъ мѣстнаго камня и по видимому принадлежащаго болѣе древнему періоду каменнаго быта.

маніе на каменныя орудія, и естественно, на первыхъ порахъ замѣчали лишь вещи особенно бросающіяся въ глаза искусною отдѣлкою. 3) Древнихъ могилъ вообще въ Россіи такъ мало доселѣ изслѣдовано, что ненахожденіе здѣсь могилъ каменнаго вѣка легко объясняется новостью у насъ изслѣдованія каменнаго вѣка. Любители Археологіи, по ихъ собственному свидѣтельству, не разъ, работая надъ Скиескими могилами юга Россіи, вскрывали могилы съ какими-то каменными орудіями; но какъ этѣ могилы не представляли ничего блестящаго, то до того не обратили на себя ихъ вниманія, что они даже не замѣтили хорошо въ нихъ способа погребенія и не сохранили попадавшіяся имъ каменныя орудія. 4) Почву Россіи опасно равнять съ Западомъ Европы: тамъ первожители могли быть застигнуты пришлыми племенами, обладавшими уже бронзовою культурою, въ періодъ пребыванія первыхъ еще при древнѣйшей каменной культурѣ, тогда какъ въ Россіи переходъ къ позднѣйшему каменному, и потомъ къ бронзовому, вѣку могъ совершаться постепеннѣе, благодаря близости ея къ Азіи. 5) Что касается до заволжской и приволжской, Сѣверной Россіи, то весьма вѣроятно, что древнѣйшаго каменнаго періода здѣсь вовсе не существовало, и что Чудское населеніе явилось сюда въ весьма позднее время, такъ какъ этотъ край, подобно Скандинавіи, не представляетъ достаточныхъ удобствъ для первобытнаго человѣчества, и что здѣсь только въ странахъ, изобилующихъ камнемъ, какъ, на пр., въ Олонецкой Губерніи, пришлецы продолжали выдѣлку каменныхъ орудій. 6) Если во Франціи, и даже у береговъ Балтійскаго моря, сохранились признаки существованія человѣчества съ первобытною каменною культурою, то, при помянутомъ отсутствіи у насъ дѣльнаго изслѣдованія каменнаго вѣка въ Россіи, нѣтъ и дѣльнаго основанія предполагать здѣсь отсутствіе признаковъ той же степени культуры на югѣ и въ Средней Россіи. Уже ли море, покрывавшее нѣкогда почти всю нынѣшнюю Россію, исчезло въ столь недавнее время, что сосѣдившія съ нимъ, и шедшія потомъ по осушенному его дну, племена могли уже обладать каменною культурою болѣе высшаго развитія, чѣмъ первобытные населенцы Европы? Мнѣ кажется это болѣе сомнительнымъ, чѣмъ существованіе въ Южной Россіи остатковъ древнѣйшаго каменнаго періода. Вѣдь и въ юго-западной Азіи, благодаря только особенному вниманію науки къ по-

бережью Средиземнаго моря и Месопотаміи, стали въ недавнее время открывать признаки бывшаго здѣсь нѣкогда каменнаго вѣка; а тамъ ли не быть ему во всемъ его развитіи? Какое же прочное основаніе мы имѣемъ отвергать возможность, что, при пробудившемся у насъ вниманіи къ доисторическимъ древностямъ, вскорѣ будутъ найдены въ Южной поднѣпровской, Западной подвинской и даже въ Средней Россіи, могилы каменнаго періода и, быть можетъ, даже мѣста выдѣлки каменныхъ орудій?

Что касается до Московской Губерніи (относимой мною больше къ приволжскому Сѣверу), то доселѣ здѣсь не встрѣчалось признаковъ могилъ каменнаго вѣка; но въ почвѣ разсѣяно немало кремневыхъ наконечниковъ копій и стрѣлъ; встрѣчаются такъ же и прочіе роды каменныхъ орудій. Этѣ вещи во всякомъ случаѣ указываютъ, что если въ здѣшнемъ краю никогда не жили племена, находившіяся при образованности чисто каменнаго періода, то, по крайней мѣрѣ, послѣднія нерѣдко заходили сюда въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцовъ, охотясь за звѣрями по бывшимъ тутъ дремучимъ лѣсамъ, и, слѣдовательно, жили гдѣ нибудь не вдалекѣ, въ нынѣшней, на пр., Орловской Губерніи.

Какому же племени принадлежатъ изслѣдованные мною курганы юга Московской Губерніи? Этотъ вопросъ болѣе всего занималъ меня, но доселѣ положительнаго отвѣта на него я не доискался во вскрытыхъ мною могилахъ.

Найденныя въ курганахъ вещи по видимому шли сюда преимущественно съ востока, изъ за Волги и Урала, вѣроятно до X вѣка. То обстоятельство, что нѣкоторыя изъ нихъ сдѣланы изъ простой мѣди, орудія же изъ бронзы, указываетъ лишь на различныя мѣста ихъ привоза (съ востока и юга, или запада), а не на большую, или меньшую, древность: простая мѣдь прежде бронзы употреблялась не только для украшеній, но и для орудій; она же употребляется для того и другого до послѣднихъ временъ; если вѣрить свидѣтельству Г. Кельсіева (см. «Галичина,» стр. 241), то Горцы-Галичане доселѣ льютъ для себя изъ старыхъ кострюль топорики, весьма схожіе съ древними Кельтскими. Сердоликовыя бусинами, которыми столь изобилуютъ наши курганы, доселѣ, по свидѣтельству Вамбери, Бухара въ большомъ количествѣ снабжа-

етъ кочевниковъ Киргизовъ, особенно падкихъ на такія украшенія. И такъ, при отсутствіи вещей мѣстнаго производства, мы не можемъ по найденнымъ вещамъ угадать, какому племени онѣ принадлежали. «Кички,» на существованіе которыхъ указываютъ остатки дерева, или лубка, при головномъ уборѣ женщинъ, погребенныхъ въ этихъ курганахъ, равно какъ и весь составъ украшеній каждой женщины, болѣе всего напоминаютъ намъ свойства вкуса нынѣшнихъ Мордовокъ, Чувашекъ и даже отчасти Зырянокъ; но остается вопросъ: много ли самостоятельнаго сохранилъ въ себѣ вкусъ этѣхъ послѣднихъ? Слѣдовательно, покамѣстъ по вещамъ не возможно опредѣлить племя, которому принадлежатъ эти курганы; по этому я обратился къ помощи Антропологіи, и вызвалъ на содѣйствіе мнѣ въ рѣшеніи этого вопроса Г. Богданова, Профессора Зоологіи при Московскомъ Университетѣ, который былъ такъ внимателенъ къ дѣлу, что, принявъ мое предложеніе, занялся Антропологіею, и вскорѣ приступилъ лично къ изслѣдованію кургановъ. Послѣдствіемъ его трудовъ было сочиненіе: «Курганное племя Московской Губерніи» (въ «Извѣстіяхъ Московскаго Университета,» 1865 г., № 3), и потомъ: «Матеріялы для Антропологіи курганнаго періода Московской Губерніи. М. 1867 г.»

Къ сожалѣнію, Г. Богдановъ, желая скорѣе покончить дѣло съ вопросами, отвергнуть мое сближеніе находимыхъ въ здѣшнихъ курганахъ череповъ съ черепами Чудскихъ народовъ, въ родѣ Мордвы и Чувашей, и развить замѣчаніе Академика Бера о длинноголовости и прогнатизмѣ одного черепа, доставленнаго послѣднему изъ кургана Московской Губерніи, недостаточно осмотрительно и, какъ мнѣ кажется, пристрастно обращался съ данными.

Не считаю умѣстнымъ здѣсь распространяться о причудливости названія «Курганное племя» (какъ будто только и было одно племя), или «Курганный періодъ» Московской Губерніи. Обращаюсь прямо къ дѣлу.

Самый уже способъ Г. Богданова для добыванія данныхъ можетъ въ каждомъ дѣльномъ ученомъ, не привыкшемъ легко обращаться съ научными предметами, возбудить нѣкоторое недовѣріе къ его изслѣдованіямъ, такъ какъ раскопки кургановъ совершались преимущественно не подъ его личнымъ надзоромъ, а

подъ присмотромъ и руководствомъ людей, большею частію совершенно чуждыхъ Археологіи, неопытныхъ, нерѣдко въ первые узнавшихъ, что эти курганы суть могилы людей. На сколько же могли быть основательны изслѣдованія этѣхъ многихъ сотрудниковъ почтеннаго Професора, раскопывавшихъ курганы въ разныхъ концахъ Московской Губерніи въ теченіе лѣта 1865 года?

Далѣе, Г. Богдановъ, получа всѣ добытые данные, не обращаетъ вниманія на то, какой формаціи былъ тотъ, или другой, курганъ, изъ котораго доставленъ ему черепъ, или цѣлый остовъ: принадлежалъ ли онъ къ господствующему роду кургановъ, или къ исключительнымъ здѣсь родамъ ихъ? найденъ ли остовъ въ основаніи кургана, или въ верхнихъ его слояхъ? зарытъ ли онъ былъ во время самой насыпки кургана, или случайно зашелъ туда въ послѣдствіи? Г. Богдановъ просто, безъ всякой Археологической критики, складываетъ доставленные ему черепа, такъ сказать, въ одну кучу по Уѣздамъ и измѣряетъ ихъ. Понятно, что, при такомъ пріемѣ, какъ бы точно и осмотрительно ни было совершено измѣреніе и сдѣланъ средній выводъ, эти измѣренія, и въ особенности средній выводъ, не могутъ представлять ни какого значенія для рѣшенія вопроса о типѣ племени, создавшаго господствующій въ Московской Губерніи родъ кургановъ; ибо, повторяю, во 1) самые курганы могли быть различнаго типа, принадлежать различнымъ племенемъ; во 2) большинство кургановъ заключаетъ въ себѣ теперь два, и даже три, наслоенія костей совершенно различныхъ временъ и племенъ, такъ какъ нерѣдко, въ позднѣйшія времена нашей исторіи въ древніе курганы погребались новые покойники, да и въ настоящее время частенько зарываютъ въ нихъ нѣкоторыхъ исключительныхъ покойниковъ и, между прочимъ, почти постоянно всѣхъ мертворожденныхъ и некрещенныхъ младенцевъ. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, дѣтскіе черепа, которые Г. Богдановъ въ большомъ количествѣ вводитъ въ свое изслѣдованіе, какъ черепа древнихъ младенцевъ, должны быть признаны совершенно не идущими къ дѣлу и во всякомъ случаѣ только путающими изслѣдованіе, такъ какъ Антропологія не на столько еще окрѣпла, чтобы могла, по полусгнившему черепу младенца, судить о типѣ этого черепа въ его совершенномъ развитіи.

Далѣе, у Г. Богданова, какъ самъ онъ сознается, заранѣе сложилось убѣжденіе, что это (курганное) племя — долихоцефалическое,» и вотъ онъ продолжаетъ: «Когда я желалъ ознакомиться ближе съ размѣрами для череповъ... то, отбирая измѣренія черепа, я бралъ столько же особенно длинныхъ, сколько и особенно короткихъ, желая, чтобы въ числѣ 25 череповъ были и крайнія формы. Отъ этого вышло, что ортокефалическіе черепа явились въ числѣ 8, subbrachycephalia 3, и даже 1 брахицефалическій; но если взять всѣ черепа коллекціи, то длинныхъ будетъ, по крайней мѣрѣ, въ трое больше, чѣмъ короткихъ» (стр. 16). Но по чему же, спрашиваетъ себя читатель, не взять было изслѣдователю именно всѣ черепа, чтобы устранить такимъ образомъ свой произволъ?.... Между тѣмъ выше, на стр. 15, мы читаемъ его же слова: при выборѣ череповъ «я не отбиралъ черепа извѣстной формы, но просто бралъ первые изъ бросившихся мнѣ въ глаза, стараясь только объ одномъ: выбрать лучше сохранившіеся.» Подобныя противорѣчія, даже относительно опредѣленія пріемовъ изслѣдованія, молодое кокетничанье строгою до кропотливости ученою отчетливостію, безстрастностію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, при «сложившемся его убѣжденіи,» постоянныя оговорки: «здѣсь получаются цифры не долихоцефализма, но это по тому, что сюда замѣшался такой-то и такой черепъ» и т. под., способны подорвать въ читателѣ должное довѣріе къ изслѣдованію, въ особенности же, если читатель будетъ имѣть терпѣніе дойти, на примѣръ, до такого мѣста (см. стр. 28): «Продольный діаметръ (черепа) у мужчинъ... maximum 198. Этотъ maximum встрѣчается, впрочемъ, у черепа, измѣнившаго нѣсколько свои первоначальные размѣры отъ давленія насыпи и отъ происшедшаго отъ того уменьшенія въ ширину и увеличенія въ длину.» Что это такое? невольно спрашиваешь себя. Ну, а если бы черепъ былъ совсѣмъ раздавленъ съ боковъ, то длина его, конечно, достигла бы 298! Что же изъ того слѣдовало бы? Не уже ли Антропологія не знаетъ, какъ измѣрять отъ шва до шва разрушившійся, или поврежденный, черепъ? Возможно ли представлять наукѣ подобныя несообразности? Послѣ этого мы въ правѣ предположить, что по тому именно большинство череповъ изъ нашихъ кургановъ кажется Г. Богданову длинноголовымъ, что, дѣйствительно, большинство ихъ лежитъ на

лѣвомъ, или правомъ, боку и можетъ быть нѣсколько сплюснуто съ боковъ тяжестью насыпи, и что другіе черепа, на оборотъ, представляются ему короткоголовыми, по тому что сдавлены со лба и затылка! Куда же годятся подобныя изслѣдованія?

Опасаясь утрудить подробнымъ разборомъ всѣхъ мелочей этого труда Г. Богданова, останавливаю здѣсь вниманіе только на самыхъ крупныхъ, основныхъ, мѣстахъ его: по нимъ можно судить объ остальномъ.

То же, что было сейчасъ замѣчено нами о пріемѣ Г. Богданова при измѣреніи череповъ, мы находимъ и въ опредѣленіи имъ роста, такъ называемаго имъ, курганнаго племени. Въ этомъ отношеніи довольно будетъ замѣтить только, что почтенный изслѣдователь судитъ объ его ростѣ не по итогамъ измѣренія остововъ, правильно разложенныхъ на столѣ въ кабинетѣ, гдѣ весьма достовѣрно можно набавить пространство для исчезнувшихъ хрящей и связокъ, а единственно по доставленной ему промѣркѣ костяковъ въ самой могилѣ, или вѣрнѣе, по промѣркѣ мѣста, занимаемаго въ могилѣ остовомъ; а эти промѣрки представляютъ намъ такіе курьезы:

На стр. 97: «Мужскіе остовы 2 арш. 8 верш., 1 арш. 12 верш., 3 арш. (кости раздвинуты отъ давленія насыпи), та же длина и тотъ же раздвигъ.» А если бы, спрашивается, насыпь раздвинула кости на 3 сажени, то какой изъ того выводъ можетъ сдѣлать Антропологія?—«Женскіе остовы: 2 арш. 5 верш., 2 ар. 14 верш., 2 арш. 12 в.»

На стр. 83: «2 арш. 6 верш., 2 арш. 5 верш. (кости лежали неправильно, и по тому мѣра меньше настоящей).» А по чему бы не больше? «2 арш. 11 в., 2 ар. 9 в., 2 арш. 10 в., 1 арш. 12 в. (безъ голеней), 1 ар. 13 в. (остовъ изогнутъ)» и т. под.

Изъ подобныхъ измѣреній можно, конечно, сдѣлать только одинъ выводъ, именно: что въ курганахъ, въ которыхъ остовъ погребенъ не въ глубинѣ материковой земли, кости погребеннаго, обыкновенно при послѣдующей осадкѣ насыпи, теряютъ правильность своего первоначальнаго положенія и вообще болѣе растягиваются. Такъ оно на самомъ дѣлѣ и бываетъ, если раздвиже-

нію костей не было случайно, или съ умысломъ, положено какое нибудь препятствіе. Нерѣдко, при томъ, и животныя, своими подкопами, и изгнивающіе корни деревъ способствуютъ перемѣщенію частей костяка. Но Г. Богдановъ, единственно на основаніи доставленныхъ ему измѣреній, гдѣ одинъ взрослый человѣкъ рав. 1 арш. 12 верш., другой 3 арш., 2 арш. 14, 12, или 10 в., дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Курганное племя было довольно высокаго роста и сильно сложенное. О ростѣ говорятъ какъ измѣренія костяковъ въ могилѣ (2 ар. 6 в. и 2 арш. 8 в. мѣра обыкновенная для мужчинъ, но и женщины попадались очень высокія), [*] такъ и почтенные размѣры череповъ» (стр. 17). Относительно «почтенности» размѣра череповъ замѣчу, что при раскопкахъ я, между прочимъ, имѣю обыкновеніе примѣрять на выкапываемые черепа свою шапку, и изъ 68 вырытыхъ мною основныхъ древнихъ череповъ ни одинъ не былъ на столько великъ, чтобы шапка моя была ему не только мала, но хотя бы въ пору; а между тѣмъ мой черепъ можетъ считаться вполнѣ нормальнымъ для средняго роста въ 2 арш. 6 верш. Въ собраніи Г. Богданова я тоже не встрѣчалъ древнихъ череповъ, принадлежавшихъ основнымъ остовамъ разсматриваемыхъ кургановъ, которые превышали бы объемомъ вырытые мною. Слѣдовательно, племя, насыпавшее эти курганы, не отличалось значительнымъ ростомъ, т. е., было не выше 2 арш. 4, 5 вершковъ.

Чтобы приблизить свое курганное племя къ первобытнымъ племенамъ каменнаго періода Европы, Г. Богдановъ такъ продолжаетъ свой очеркъ этого племени: «О силѣ сложенія племени говорятъ тѣ сильно развитыя возвышенія, которыя замѣчаются на мѣстахъ, соотвѣтствующихъ прикрѣпленію мускуловъ.» Конечно, весьма вѣроятно, что племя, ведшее полудикую охотничью жизнь, имѣло значительно развитые мускулы; но чтобы наглядиѣе судить о силѣ его сложенія, не мѣшало бы прежде всего сравнить его кости, если не съ костями нынѣшнихъ нашихъ Сибирскихъ инородцевъ, то хотя съ костями нашего сѣвернаго простолюдина. Доселѣ, на сколько я въ состояніи судить въ этомъ, далекомъ отъ моей спеціяльности, дѣлѣ, я не могъ замѣтить въ иско-

[*] 2 арш. 14 и 12 верш. какъ мы сейчасъ видѣли!

паемыхъ костяхъ признаковъ особеннаго развитія физической силы, и соображенія Г. Богданова въ данномъ случаѣ кажутся мнѣ значительнымъ преувеличеніемъ дѣйствительности.

«Племя (продолжаетъ Г. Богдановъ) было русоволосое, скорѣе темнорусое, чѣмъ свѣтлорусое, вѣроятно, съ голубосѣрыми глазами и низкимъ лбомъ.» Такъ какъ всѣ, находимые доселѣ, волоса при основныхъ въ курганахъ женскихъ остовахъ были чернаго цвѣта, нѣсколько порусѣвшіе отъ долгаго пребыванія въ землѣ, то предположеніе о голубосѣрыхъ глазахъ никуда негоже и основано просто на недосмотрѣнномъ фактѣ русоватости волосъ. «Можетъ быть (говоритъ далѣе изслѣдователь) женщины, съ ихъ ортогнотическимъ лицомъ и болѣе мелкими чертами его, и были не дурны, но про мужчинъ смѣло можно сказать, что они должны быть очень не презентабельны съ своими выдавшимися прогнютическими челюстями и зубами.» Я не отрицаю существованія, въ нѣкоторой степени, прогнатизма череповъ, принадлежавшихъ основнымъ остовамъ нашихъ кургановъ, но считаю нужнымъ замѣтить, что, благодаря смѣшенію Г. Богдановымъ древнихъ (основныхъ) остововъ съ позднѣйшими, случайно попавшихъ въ древніе курганы, Г. Богдановъ слишкомъ рѣзко отдѣляетъ племенной типъ женщинъ отъ типа мужскаго: женщины, какъ и мужчины, которымъ насыпались эти курганы, равно отличаются нѣсколько выдающимися челюстями, съ тою только разницею, что у женщинъ, какъ это замѣчается всюду, вообще черты болѣе нѣжны, округлены и наклонность къ прогнатизму не столь замѣтна.

Не смотря, однако, на это отсутствіе критики данныхъ и должной обдуманности пріемовъ при измѣреніи костей; не смотря на торопливые выводы, недосмотры и натяжки, подрывающіе довѣріе къ его изслѣдованію; не смотря, словомъ, на все, что употребилъ Г. Богдановъ, для подрыва своей основной, предпосланной самому изслѣдованію, мысли доказать, что типъ, такъ называемаго, курганнаго племени есть именно тотъ, какой представленъ Г. Беромъ, въ его описаніи курганнаго черепа Московской Губерніи, или даже болѣе древней, низшей, формаціи, мысль эта на самомъ дѣлѣ справедлива до извѣстной степени, на сколько она не преувеличиваетъ замѣтку Г. Бера: типъ черепа того племени,

которому принадлежитъ господствующій въ Московской Губерніи родъ кургановъ, дѣйствительно удлиненный, если смотрѣть съ верху, продолговато-овальный, съ нѣкоторою склонностью къ прогнатизму, лобъ узкій, не высокій и болѣе, или менѣе, отвалистый; въ большинствѣ случаевъ замѣтна въ верхней части черепа крышеобразность и сжатость съ боковъ.

Разсматривая когда-то присланный ему изъ Московской Губерніи черепъ, Академикъ Беръ не нашелъ въ немъ, какъ въ длинноголовомъ, сходства съ короткоголовымъ типомъ Западныхъ Финовъ, и отнесъ его къ болѣе древней, болѣе низкой, формаціи. По этому и Г. Богдановъ, опираясь на опредѣленія типа Западныхъ Финовъ, сдѣланныя Ретціусомъ, Беромъ и отчасти Велькеромъ, замѣчаетъ: «А такъ какъ нашъ курганный черепъ есть долихоцефалическій, то его и нельзя отнести къ Финскому племени въ тѣсномъ смыслѣ.» Воодушевляясь далѣе этою мыслью, онъ уже положительно утверждаетъ: «Оказывается, что первые заселенцы Средней Россіи не Финны по организаціи: это печально для тѣхъ, которые желали бы видѣть только доказательство того, что всегдашнее народонаселеніе Средней Россіи было изъ какой-то Чуди» и проч.

Но, къ сожалѣнію, существуетъ въ печати, позднѣе высказанное почтеннымъ Академикомъ Беромъ, мнѣніе о типѣ Финскихъ или Чудскихъ племенъ вообще. Въ статьѣ своей о Мекленбургскомъ черепѣ онъ говоритъ, что существуютъ несомнѣнно Финскія племена, имѣющія типъ длинноголовый, и дѣйствительно, чѣмъ далѣе идемъ мы отъ Балтійскаго моря къ Уральскимъ горамъ, тѣмъ, по видимому, все болѣе и болѣе Чудской типъ дѣлается длинноголовымъ: у Зырянъ уже черепъ значительно удлиненъ и сжатъ, а у Вогуловъ, по свидѣтельству Г. Бера, онъ достигаетъ поразительной длины и узкости. Слѣдовательно, какъ короткоголовость, такъ и длинноголовость, присущи Чудскимъ племенамъ. Какъ тутъ быть Г. Богданову? Не задумываясь долго, однимъ взмахомъ пера, онъ рѣшаетъ недоразумѣніе очень просто: «Тѣ Финскія племена, которыя имѣютъ типъ долихоцефалическій, образовали такой типъ въ слѣдствіе помѣси съ древними поселенцами этѣхъ странъ, долихоцефалами, или вѣрнѣе, сами образовались изъ этого древняго населенія посредствомъ, такъ сказать, офин-

нія ихъ, снабженія ихъ языкомъ и обычаями Финскими, что, слѣдовательно, они Фины не по организаціи, а только этнографически.» Поставляя, какъ конечную, такую догадку, Г. Богдановъ позабылъ противопоставить ей болѣе естественную для каждаго, кто признаетъ самостоятельную измѣняемость и развитіе черепа у каждаго народа, именно, что древній, низшей формаціи, типъ Финовъ, какъ и другихъ человѣческихъ племенъ, могъ быть болѣе, или менѣе, долихоцефалическій и прогнотическій, а болѣе развитой—брахицефаличеекій, какой находимъ у Западныхъ Финовъ и Угровъ, и что послѣдній, какъ выше развитой, вѣроятно образовался отъ различныхъ помѣсей и т. д.

Такимъ образомъ заключительныя слова Г. Богданова: «Нашъ результатъ, изъ принятаго нами способа изложенія цифроваго и фактическаго, ни какъ нельзя объяснять какимъ либо субъективнымъ мотивомъ: онъ вытекаетъ прямо изъ фактовъ, и его приговоръ рѣшителенъ, безсердеченъ и строго наученъ,» мнѣ кажутся вовсе не могутъ относиться къ его изслѣдованію, хотя въ немъ есть и факты и цифры, и много искренности, и результатъ, выводимый имъ о не Финскомъ, а какомъ-то до Финскомъ типѣ того племени, которое насыпало разсматриваемые нынѣ нами курганы, не только не рѣшителенъ, но почти не подвигаетъ впередъ рѣшенія, поднятаго мною въ 1863—1864 г., вопроса о томъ, какому племени принадлежатъ этѣ курганы. Я, по крайней-мѣрѣ, остаюсь при моемъ мнѣніи, добытомъ наглядным сравненіемъ добываемыхъ череповъ изъ этого рода кургановъ съ типомъ нынѣшняго населенія въ Рязанской Губерніи и съ типомъ Мордвы, Чувашей, что насыпало эти курганы племя Чудское, въ родѣ послѣднихъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе типа Чудскихъ и переходныхъ племенъ, и дальнѣйшія раскопки кургановъ въ Средней Россіи, конечно, приведутъ насъ, наконецъ, къ болѣе опредѣленнымъ выводамъ.

Алексѣй Гатцукъ.

ЗАПИСКА,

представленная Директоромъ Канцеляріи Главнокомандующаго 1-ю Арміею, Тайнымъ Совѣтникомъ Козачковскимъ,[1] Исправлявшему должность Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, Генералъ-Адъютанту, Графу Ламберту I-му,

въ Сентябрѣ 1861 года.

Положеніе Россіи въ Царствѣ Польскомъ донынѣ не улучшается. Правительство Русское болѣе и болѣе теряетъ нравственную силу въ народѣ, и въ той же степени пріобрѣтаетъ ее мятежная партія.

Послѣдніе симптомы этого извращенія общественнаго порядка весьма знаменательны.

Два человѣка избиты, едва не убиты на улицахъ, по подозрѣнію, что они шпіоны Правительства.[2] По избытку нравственнаго чувства, можно не любить, презирать людей, занимающихся гайными доносами, но шпіонъ есть слуга Правительства; удары, нанесенные ему палкою на улицѣ, суть удары достоинству и силѣ

---

[1] Скончавшимся въ Варшавѣ 1868 г. Перев.

[2] Одинъ изъ нихъ, извѣстный Грасъ, бывшій шпіонъ Фельдмаршала Паскевича, награжденный за то должностію Уѣзднаго Начальника, но потомъ выгнанный изъ службы; въ настоящее же время онъ не былъ шпіономъ. Перев.

Правительства. Слѣдуетъ замѣтить и то, что упомянутое нравственное чувство пренебреженія къ шпіонамъ почти не существуетъ въ Польшѣ. Напротивъ, между Поляками и Жидами они пользовались извѣстнаго рода уваженіемъ, какъ люди, могущіе при случаѣ, сдѣлать добро, или зло. Такъ называемые, секретные агенты, были, большею частію, всѣмъ извѣстны, хвалились своимъ званіемъ, и нерѣдко различные спекуляторы присвоивали себѣ званіе агентовъ.

Такимъ образомъ погоню за, такъ называемыми, шпіонами, повторившуюся еще въ прошлое Воскресенье, и погоню на Медовой улицѣ за человѣкомъ, который, купивъ у уличнаго мальчишки революціонныя пѣсни, разорвалъ ихъ, нельзя уже относить къ обыкновеннымъ уличнымъ безпорядкамъ: это быстрые шаги мятежа къ преднамѣренной цѣли—уронить Русское Правительство, поддержать мятежъ во всѣхъ, даже отдаленныхъ, сторонахъ, и распространить его между массами и людьми колеблющимися.

Наконецъ разбитіе лавки на Медовой улицѣ у кондитора Веделя, средя бѣлаго дня, за то, что онъ отказался дать патріотическую складку, доказываетъ, сколько сильными считаютъ себя мятежники, и какъ мало стѣсняетъ ихъ присутствіе Русскаго Правительства.

Повтореніе тѣхъ же безпорядковъ вчерашній день на улицахъ Медовой и Маршалковской, при чемъ одинъ полицейскій служитель почти убитъ, еще болѣе убѣждаетъ въ этой истинѣ: это уже не отдѣльные случаи, это система. Рядомъ съ Правительствомъ существуетъ другое Правительство, открыто не признающее власти и сильное своимъ терроризмомъ. При томъ обнаруживаетъ фосить, что всѣ жители вносятъ складки на дѣло мятежа.

Услужливые, двуличные, объяснители нынѣшнихъ Польскихъ дѣлъ, конечно, скажутъ и теперь, какъ и прежде, что это только чернь, люди безъ значенія, партія красныхъ и проч. Правда, это чернь, но къ этой черни принадлежатъ и люди лучшихъ фамилій, и важнѣйшіе сановники, и духовенство, и ученые, и граждане. Стремленія и виды этихъ господъ различны; но гдѣ идетъ ѣдѣло

объ уничтоженіи Русскаго Правительства, они всѣ за одно. Это капитальное средство, служащее одинаково всякимъ цѣлямъ. Конечно, лучшіе люди не пойдутъ марать руки въ уличной грязи: это не достойно ихъ, это и не безопасно (а самосохраненіе всегда было отличительнымъ качествомъ лучшихъ людей въ Польшѣ); но высылать авангарды, потерять даже нѣсколько обманутыхъ уличниковъ—это правило хорошей тактики: вредъ Правительству нанесенъ, и безчестнымъ газетчикамъ дана пища переиначивать происшествія и выводить заключенія по своему.

Говорятъ: каждый это слышалъ о существованіи здѣсь какой-то умѣренной партіи. Для Русскаго Правительства эта партія въ настоящее время не существуетъ. Если бы Правительство и могло опираться на партіяхъ, то ему рѣшительно не на комъ опереться въ Польшѣ. Оно находится въ необходимости искать опоры въ самомъ себѣ, въ своей силѣ, въ своихъ средствахъ. Когда моральная сила ослабѣваетъ, слѣдуетъ поддержать ее физическою—извѣстная мудрость всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Не возможно обманывать себя долѣе. Нельзя представлять себѣ нынѣшнее движеніе въ Польшѣ только слѣдствіемъ распространившихся за границею идей о народности, слѣдствіемъ небывалыхъ угнетеній, иностраннаго враждебнаго Россіи вліянія, отдѣльнаго заговора красныхъ Парижскихъ республиканцевъ и проч. Все это, безъ сомнѣнія, было, но все это служило не болѣе какъ орудіемъ къ доведенію Польши до настоящаго положенія. Теперь это уже дѣло второстепенное. Маски падаютъ. Теперешнее положеніе нельзя даже назвать бунтомъ: это—война, война междуусобная, одинъ изъ фазисовъ вѣковой исторической распри двухъ племенъ.

Борьба идетъ не за конституціонныя учрежденія, даже не за самостоятельность Польши, это только временные предлоги; Польша, т. е., заговорщики (а мы знаемъ число ихъ) хотятъ ослабить, унизить Россію, подчинить себѣ Славянскіе народы и разыгривать роль великаго Государства.

Конечно, это нелѣпыя мечты. Кто знаетъ историческую безразсудность Польскаго народа, не повѣритъ, чтобы онъ могъ

существовать самостоятельно въ какихъ бы ни было предѣлахъ. Но дѣло идетъ не о томъ, до чего достигнутъ Поляки, а объ ихъ замыслахъ, о характерѣ нынѣшняго движенія, о томъ, чего они желаютъ и гдѣ думаютъ остановиться. Понятно послѣ того, будутъ ли они довольствоваться какими либо уступками, и не считаютъ ли они ихъ только ступенями къ дальнѣйшимъ своимъ цѣлямъ, извлекая пользу изъ всякаго новаго затрудненія Правительства.

Но оставляя въ сторонѣ и самые замыслы Поляковъ, какъ фактически не опредѣленные и, по счастію, непонятные еще для большой части Поляковъ, нельзя не обратить вниманія на тѣ факты, которые не оставляютъ уже ни какого сомнѣнія, что нынѣшнее движеніе Польши есть не что иное, какъ война противъ Россіи, война безпощадная, болѣе грозная, чѣмъ бывшая въ 1831 году и могущая нанести Россіи тяжкія раны, если своевременно мѣры не будутъ приняты.

Такъ это дѣло понимали и понимаютъ сами Поляки, и, надобно отдать имъ справедливость, что они вели его съ проницательностію и энергіею, употребляя хитрости всякаго рода, за недостаткомъ физической силы.

Первымъ приготовленіемъ къ войнѣ служило образованіе Агрономическаго Общества: дѣйствія его извѣстны, и о нихъ нечего распространяться. Вообще, Правительство того времени не показало той прозорливости, безъ которой въ Польшѣ менѣе, чѣмъ гдѣ ни будь, можно обойтись. Цѣлый рядъ распоряженій содѣйствовалъ успѣхамъ заговорщиковъ, какъ въ послѣдствіи содѣйствовалъ успѣхамъ бунтовщиковъ. Наблюденіе за политическою частію уничтожено почти совсѣмъ. Военные Начальники въ Губерніяхъ упразднены; Канцелярія Намѣстника приведена въ упадокъ; полиція въ Варшавѣ, этомъ политическомъ центрѣ Царства, равно какъ и секретная полиція, поручены людямъ самымъ неспособнымъ.[2] Лучшіе Чиновники изъ Русскихъ отдалены. Издано

[2] Оберъ-Полицеймейстеръ Г.-М., вполнѣ неспособный; Секретной полиціи Г.-М., преданный Полякамъ, другъ и покровитель ихъ. Перев.

постановленіе объ уничтоженіи гражданскихъ чиновъ въ Царствѣ, и проч. тому подобное. Все это, безъ сомнѣнія, не было случайно, а дѣлалось происками заговорщиковъ. [4]

Это были приготовленія. Когда дѣло отчасти созрѣло, для начатія рѣшительныхъ дѣйствій избранъ былъ именно тотъ моментъ, когда Россія должна была наиболѣе ослабѣть, моментъ объявленія свободы крестьянскому сословію. Ожидали возмущеній въ Россіи; ожидали, что Правительство вынуждено будетъ употреблять громадныя средства для подавленія ихъ; ожидали, слѣдственно, что побѣда будетъ легче. Слава Богу! Этого не случилось, и надежда Поляковъ, какъ и многія другія ихъ надежды, не оправдалась. Не смотря на такія неудачи, они продолжаютъ дѣйствовать дерзко и смѣтливо.

Нѣтъ сомнѣнія, что Поляки, если бы могли, прежде всего прибѣгнули бы къ оружію, для уничтоженія Русскихъ и Россіи. Но легіоны существуютъ только въ проектѣ и служатъ единственно предлогомъ къ собиранію денежныхъ пожертвованій. Слѣдовало прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ; избраны были слѣдующія: возмущеніе всего народа, покровительство Иностранныхъ Державъ и общественнаго мнѣнія, распространяемаго черезъ лживыя журнальныя статьи.

Необходимо замѣтить, что подготовленія къ открытію дѣйствій не вполнѣ еще были сдѣланы; массы народа не были еще взволнованы, и крестьяне не привлечены на сторону помѣщиковъ. Къ этому принимались уже мѣры со стороны Агрономическаго Общества обѣщаніемъ для крестьянъ всевозможныхъ благъ, но краткость времени не дозволила этому исполниться. Парижскіе Профессора революцій печатно упрекали здѣшнихъ за безвременное открытіе дѣйствій. Въ здѣшнихъ газетахъ было напечатано

---

[4] Нельзя обвинять вполнѣ покойнаго Правителя, человѣка благонамѣреннаго, умнаго и просвѣщеннаго, но нѣсколько слабаго характеромъ. Къ прискорбію, надобно сказать, что всѣмъ антирусскимъ распоряженіямъ въ Польщѣ наиболѣе содѣйствовалъ человѣкъ, носящій имя Русскаго. Перев.

тогда оправданіе по этому предмету. Говорили въ то время, и это вполнѣ вѣроятно, что въ нынѣшнемъ году должны были быть сдѣланы попытки. Но необычайная и неожиданная уступка Правительства, передавшаго все управленіе бунтовщикамъ, ускорила ихъ дѣйствія.

Если программа заговорщиковъ не исполнилась, или исполнилась не вполнѣ, это было не по ихъ винѣ, даже не по винѣ нашего Правительства, которое давало имъ къ тому возможные способы. Расчеты не оправдались по причинамъ посторонним.

Такъ крестьяне, ненавидя помѣщиковъ за притѣсненія, держатся еще натуральнаго своего покровителя, Правительства, и не поддаются подстрекательствамъ помѣщиковъ и духовенства. Иностранныя Правительства не оказали соучастія въ Польскомъ дѣлѣ. Даже газетныя статьи, объ этомъ дѣлѣ присылаемыя, до того извѣрились за границею, что ни одинъ серьозный журналъ не печатаетъ ихъ.

Казалось бы, что за тѣмъ дѣло заговорщиковъ проиграно окончательно; между тѣмъ оно стоитъ для нихъ теперь еще въ лучшемъ положеніи. Это объясняется тѣмъ, что, къ несчастію, Поляки употребили въ дѣло еще одинъ способъ, единственный который имъ вполнѣ удался, способъ—**постоянно обманывать Правительство**, постоянно держать силу его скованною и связать великана гнилыми нитками, вести дерзкую и заносчивую войну, которая можетъ имѣть важныя для Россіи послѣдствія, при оставленіи дѣла въ этомъ положеніи.

Нѣтъ надобности описывать то, что всѣмъ извѣстно: въ какой степени содѣйствовали обезсиленію Русскаго Правительства въ Польшѣ ложные совѣты, фальшивое представленіе событій, лицемѣрная преданность. Вообще, Поляки обнаружили въ своихъ предпріятіяхъ много предпріимчивости, смѣлости и энергіи: не показали только правды и нравственнаго достоинства.

Дозволительно ли послѣ всего этого думать, что Польша успокоится хорошими учрежденіями; что порядокъ возстановится дѣй-

ствіемъ времени? Дозволительно ли думать, что война окончится безъ употребленія тѣхъ энергическихъ мѣръ, которыя употребляются каждымъ Правительствомъ всегда и вездѣ для своихъ кровныхъ подданныхъ, и которыхъ такъ тщательно до сихъ поръ избѣгаютъ во вредъ Россіи и къ пользѣ бунтовщиковъ?

При очевидной невозможности согласить желанія тѣхъ людей, которые нынѣ называютъ себя Поляками, представителями народа, съ интересами Россіи и настоящимъ благомъ Польши, Правительству остается ити твердо тѣмъ путемъ, къ благу всего Польскаго народа, который самъ собою ему открывается, не обращая далѣе вниманія на крики толпы и вѣроломныя декламаціи.

Прежде всего необходимо водворить немедленно общественный порядокъ, глубоко нарушенный въ своихъ основаніяхъ. Это тѣмъ необходимѣе, что Варшава находится во главѣ всѣхъ мятежныхъ предпріятій, даже въ границахъ Россіи.

Дѣло это не легкое, но возможное при тѣхъ средствахъ, которыми Правительство располагаетъ, если только этимъ средствамъ будетъ дано надлежащее развитіе.

Въ нынѣшней войнѣ, можетъ быть болѣе, чѣмъ въ каждой другой, наступающій имѣетъ важныя преимущества передъ обороняющимися: необходимо изъ печальнаго оборонительнаго положенія перейти въ наступательное и поддерживать его съ энергіею и устойчивостію, пока порядокъ не будетъ водворенъ совершенно. Государь, Россія, Исторія, оцѣнятъ заслугу Государственнаго мужа, который, побѣждая обыденныя препятствія, пойдетъ твердою стопою къ великой цѣли—благу Россіи и Польши. Сочувствіе современниковъ и любовь войска обезпечены ему заранѣе. Первымъ шагомъ къ переходу представляется естественно, объявленіе военнаго положенія въ городѣ и во всемъ Царствѣ.

Средство это при началѣ возмущенія было бы радикальное, мгновенно пресѣкающее зло. По этому оно и не допущено по происками бунтовщиковъ. Выставили военное положеніе мѣрою

кровожадною, арбитральною, стѣснительною для невинныхъ жителей, для торговли и промышленности. Все это, однако же, было несправедливо: военное положеніе не возбуждаетъ кровопролитія, а предупреждаетъ его, какъ мы это видѣли въ Варшавѣ въ теченіи почти 30 лѣтъ. Оно поддерживаетъ спокойствіе своею строгостію, но при томъ такъ мало стѣснительно, что объявленное въ 1834 году военное положеніе въ Царствѣ не снято и по нынѣ: о немъ забыли!

Касательно арбитральности или произвола, нечего и говорить: это только декламація, ни на чемъ не основанная, кромѣ желанія отнять у Правительства власть. Военное положеніе существуетъ у всѣхъ народовъ, существуетъ законно и употребляется безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти при каждомъ случаѣ, когда общественный порядокъ нарушенъ, или угрожается нарушеніемъ. Въ Россіи, по постановленіямъ, всѣ Губерніи, гдѣ располагается армія на военномъ положеніи, подлежатъ этому положенію. Но военное положеніе прямо противорѣчило замысламъ бунтовщиковъ, прямо уничтожало ихъ: оно подвергало Русскому суду преступленія противу общественнаго порядка, а бунтовщикамъ нужно было судиться Польскимъ судомъ, т. е., дѣлать все безнаказанно, какъ и въ самомъ дѣлѣ было: по этому они выставляли военное положеніе какимъ-то чудовищемъ, актомъ тиранніи и проч.

Покойный Намѣстникъ, видя, какъ пользуются Поляки сдѣланными уступками, а, можетъ быть, и внимая общему голосу Русскихъ, самъ признавалъ необходимость перемѣнить систему, и военное положеніе было уже приготовлено. По несчастію, одинъ изъ новыхъ членовъ Правительства, выдававшій себя за противника бунта, возсталъ противу этой мѣры и объявилъ, [5] что возметъ отставку, если она будетъ выполнена. Это остановило дѣло, [6] и Русское Правительство во все время было въ подчиненномъ положеніи.

---

[5] Этотъ членъ былъ Графъ и Маркизъ Велёпольскій. Перев.

[6] И не было бы кровопролитнаго дня 27 Марта. Перев.

Въ настоящее время военное положеніе не можетъ имѣть тѣхъ рѣшительныхъ послѣдствій, какія имѣло бы въ первые дни возмущенія: потеря времени въ подобныхъ дѣлахъ не вознаградима. Не менѣе того за немедленное введеніе военнаго положенія говорятъ слѣдующія соображенія:

По нынѣшнему развитію возмущенія, не возможно избѣжать объявленія военнаго положенія въ краѣ ранѣе, или позже. Это истина неоспоримая. Объявленіе его нынѣ дастъ Правительству силу къ укрощенію мятежа. Объявленіе позднѣе будетъ служить только къ личному его самосохраненію. [7]

Въ настоящее время военное положеніе представляетъ, между прочимъ, ту важную выгоду, что опредѣлитъ обстоятельно и логически дѣйствія войскъ и Воинскихъ Начальниковъ въ отношеніи къ народу. Присутствіе войскъ передъ народными толпами, передъ грабежами и убійствами, безъ права дѣйствовать оружіемъ, не только безполезно, но весьма вредно. Это дѣйствуетъ одинаково пагубно, хотя совершенно различно, на народъ и на солдатъ.

Но главная выгода военнаго положенія—это спасительный страхъ, который внушитъ оно черни и другимъ мелкимъ дѣятелямъ возмущенія. Люди эти вовлекаются въ заблужденія самыми пошлыми обманами, особенно увѣреніями въ безнаказанности. [8] Но вообще они трусливы, и какъ только будутъ увѣрены, что за всякій безпорядокъ имъ грозитъ преданіе военному суду, можно быть увѣрену, что они не пойдутъ на него, развѣ еще для опыта разъ, или два. Въ этомъ смыслѣ чѣмъ скорѣе и неожиданнѣе будетъ объявлено военное положеніе, тѣмъ большее произведетъ оно дѣйствіе. Но положеніе, по крайней мѣрѣ, на первые дни должно

[7] Военное положеніе объявлено 2 Октября. Перев.

[8] Легкомысленность Польскаго народа баснословна. Такъ, на примѣръ, съ недавняго времени этотъ народъ вдругъ сдѣлался серьознѣе и требовательнѣе. Причиною этому былъ пущенный слухъ, что, яко бы, Государь сказалъ Намѣстнику: «Дѣлай имъ всякія уступки, только сохрани мнѣ Польскую корону!» Можетъ быть это было поводомъ и недавнихъ происшествій. Перев.

быть строго и безпощадно, не въ примѣненіи наказаній (это дѣло второстепенное), и кровь людскую всегда должно беречь, а въ преслѣдованіи виновныхъ, чтобы, по Русскому выраженію, каждая вина была виновата, чтобы виновный былъ увѣренъ въ неизбѣжности наказанія. Впрочемъ, о формѣ и дѣйствіяхъ военнаго положенія здѣсь не мѣсто распространяться. Само собою разумѣется, что они должны быть весьма обдуманы и логически примѣнены къ могущимъ встрѣтиться случаямъ; при томъ, чтобы практика не была въ разладѣ съ теоріею.

Наконецъ, военное положеніе дозволитъ ввести въ Варшавѣ новую Полицію, безъ опасенія, что она будетъ деморализована, и окончитъ въ порядкѣ предстоящіе выборы гражданъ въ Городской Совѣтъ. Безъ этого выборы будутъ сдѣланы подъ вліяніемъ уличныхъ происшествій, и послѣдствія могутъ быть новымъ актомъ той грустной комедіи, которая продолжается уже болѣе шести мѣсяцевъ.

АППЕЛЛЯЦІОННЫЙ ОТЗЫВЪ

СТАРООБРЯДЧЕСКАГО СВЯЩЕННИКА, АЛЕКСАНДРА АРСЕНЬЕВА.

Въ Костромскую Духовную Консисторію Московскаго Рогожскаго кладбища Священника Александра Иванова Арсентьева,

Отзывъ.

Съ 22-го Мая сего года въ Костромской Духовной Консисторіи производилось дѣло, начавшееся, по отношенію Господина Московскаго Генералъ-Губернатора, присланному къ Его Преосвященству, Виталію, Епископу Костромскому и Галицкому, о приведеніи во исполненіе заключенія объ отсылкѣ меня именованнаго, какъ изобличеннаго въ дѣйствіяхъ ко вреду Православной Церкви, для поступленія по законамъ.

Духовная Консисторія, учинивъ справку о времени моей изъ села Боріева Чухломскаго Уѣзда отлучки, которая послѣдовала въ 1817 году, и, не находя за мной ни какихъ предосудительныхъ поступковъ, рѣшеніемъ своимъ опредѣлила: «Лишивъ меня за эту отлучку Священническаго сана, отослать въ Костромское Губернское Правленіе, на законное его распоряженіе, изображенное въ Указѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 26 Ноября, 1835 года, за № 12741.

Рѣшительное опредѣленіе, по разсмотрѣніи и утвержденіи онаго Его Преосвященствомъ 20 Іюня сего года, объявлено было

мнѣ узаконеннымъ порядкомъ. Съ горестнымъ прискорбіемъ выслушавъ неожиданный мною судебный приговоръ Епархіальнаго Начальства, и, не находя въ оном ни Высочайше утвержденныхъ въ 26 день Марта, 1822 года, правилъ относительно Старообрядческихъ Священниковъ, ни свѣдѣнія, отобраннаго Московскою Управою Благочинія отъ конторы Рогожскаго кладбища о мнѣ и другихъ Священникахъ онаго, ни предписанія Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора въ 1827 году, къ Московскому Оберъ-Полиціймейстеру послѣдовавшаго, съ изъясненіемъ Высочайшей Государя Императора воли, ни тѣхъ въ винновности моей уликъ и къ оправданію моему надлежащихъ справокъ, которыя требуются тома XV Свода Законовъ уголовныхъ, изданія 1842 года, статьями 1169 и 1175, я осмѣлился объявить свое неудовольствіе 22 Іюня того же года, обязываясь представить въ узаконенный срокъ апелляціонный отзывъ, что нынѣ и исполняю:

1.

Отлучка моя изъ Костромской Епархіи къ Москвѣ и проживаніе на Рогожскомъ кладбищѣ покрываются Высочайше утвержденными 26 Марта, 1822 года, правилами, въ коихъ о Священникахъ, находящихся при Старообрядческихъ церквахъ и молитвенныхъ домахъ, изображено такъ: «Буде они не сдѣлали ни какого уголовнаго преступленія, оставлять ихъ на мѣстѣ.» Эти Высочайше утвержденныя правила, безъ сомнѣнія, извѣстны и духовному и гражданскому начальствамъ.

2.

Такимъ образомъ, на основаніи выше означенныхъ правилъ, находясь невозбранно и безопасно на Рогожскомъ кладбищѣ по сіе время, былъ не безъизвѣстенъ и Московскому Начальству; ибо первое чрезъ Московскую Управу Благочинія, по предписанію Московскаго Гражданскаго Губернатора, требовало отъ конторы Рогожскаго кладбища, въ 1827 году, свѣдѣнія о находящихся на оном Священнослужителяхъ, и контора Рогожскаго кладбища, 21 Генваря того же года, дала о мнѣ знать, что нужное Правительству свѣдѣніе отобрано о мнѣ еще въ 1822 году Ро-

гожскою Частью, а по сему и Костромское Епархіальное Начальство не могло не знать о моемъ проживаніи на томъ кладбищѣ.

3.

Въ предписаніи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, послѣдовавшемъ въ томъ же 1827 году къ Московскому Оберъ-Полиціймейстеру, изъяснена Высочайшая Государя Императора воля, сообщенная Господиномъ Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы находящихся у Старообрядцевъ Московскаго Рогожскаго кладбища Священниковъ, въ числѣ десяти, и двухъ Діаконовъ, оставить въ покоѣ. Здѣсь именно въ числѣ ихъ находился и я. Сія священная Высокомонаршая воля объявлена старшинамъ кладбища, а чрезъ нихъ и мнѣ.

4.

Когда же обнародована была послѣдняя всенародная перепись по Россіи, то старшинами кладбища о всѣхъ находящихся на оном кладбищѣ Священникахъ, съ обозначеніемъ ихъ семействъ, была подана ревизская сказка; въ числѣ оныхъ и о мнѣ составлена, съ обозначеніемъ лѣтъ моихъ, по формѣ; таковая же вѣдомость подана и въ Московскую Ревизскую Коммисію, отъ которой на пріемъ ея, отъ 30 Апрѣля, 1834 года, выдана квитанція за № 1973. Всѣ сіи обстоятельства ясно указываютъ, что проживаніе мое на Рогожскомъ кладбищѣ было не тайное и не противное волѣ Правительства.

5.

Что же касается до того, что яко бы я, проживая на Рогожскомъ кладбищѣ дѣйствовалъ ко вреду Православія, въ доказательство чего, какъ полагаю, и присланы Его Преосвященству два дѣла, при отношеніи Господина Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, одно о бракѣ Частухина, а другое о бракахъ Лелина и Шеретина, то, какъ прежде въ данномъ мною временному отдѣленію Московскаго Земскаго Суда отзывѣ объяснялъ, что не только означенныхъ лицъ не вѣнчалъ, и ни какихъ для нихъ и для семействъ ихъ требъ не исполнялъ, но даже и ихъ

вовсе не зналъ и не знаю, такъ и нынѣ, по долгу Священства и совѣсти моей, повторяю: да и ни Частухинъ, ни Лелинъ, ни Шеретинъ, ни кто изъ нихъ меня въ повѣнчаніи ихъ не только ни какими законными уликами при слѣдопроизводствѣ не изобличили, но оправдали. При томъ же къ повѣнчанію браковъ на Рогожскомъ кладбищѣ проживающіе тамъ Священники не иначе приступаютъ, какъ будучи вполнѣ удостовѣрены о совершенной безпрепятственности во всѣхъ отношеніяхъ со стороны попечителей кладбища, такъ какъ по Указу Московскаго Губернскаго Правленія, отъ 29 Февраля, прошлаго 1836 года, за № 15494, на нихъ именно возложена обязанность не допускать никого изъ не принадлежащихъ къ Рогожскому кладбищу къ браковѣнчанію на оном. Милостивое и вмѣстѣ правосудное Правительство не оставитъ, безъ сомнѣнія, войти въ подробное разсмотрѣніе означенныхъ брачныхъ дѣлъ и самаго предбрачнаго порядка, на этотъ предметъ вообще на кладбищѣ установленнаго.

6.

Значущаяся въ выпискѣ изъ исповѣдной книги 1841 года по дѣлу Лелина и Шеретина, бывшая у меня на исповѣди, деревни Новинокъ, Анна Ѳедорова, есть дѣйствительно лицо Старообрядческое, издавна принадлежащее семейству той же деревни, крестьянки Пелагеи Дмитріевой, сына ея роднаго, Якова Семенова жена, а не та Анна Ѳедорова, которая есть дѣвица и вмѣстѣ дочь Ѳедора Лелина: сходство двухъ именъ, отчествъ и даже сословій въ такомъ многочисленнѣйшемъ количествѣ прихожанъ, какое состоитъ на Рогожскомъ кладбищѣ, весьма возможно, впрочемъ не ведетъ къ тому, чтобы, по тождеству именъ и отчествъ, одно лицо можно принимать за другое. Я твердо увѣренъ, что дѣвица Анна Ѳедорова Лелина никогда у меня въ духовности не была.

И такъ, изъяснивъ выше прописанныя обстоятельства, и чувствуя, что я на Рогожскомъ кладбищѣ проживалъ не только подъ защитою Правительства, но даже по Высочайшему соизволенію, нужнымъ нахожу присовокупить, по долгу сана моего и чистой совѣсти, и то, что я ко вреду Православной Церкви не только

ни чего не дѣлалъ, но даже и на мысли своей ни чего не имѣлъ. Если же въ данномъ мною въ Духовной Консисторіи допросѣ я и показалъ, что поступокъ мой не считаю предосудительнымъ, то по тому, что Монаршая власть, мудрыми своими законоположеніями и отеческою кротостію, сему благоснисходила и благоснисходитъ, какъ выше сего объяснено мною въ третьемъ пунктѣ настоящаго отзыва.

Такимъ образомъ, почитая опредѣленіе Костромской Духовной Консисторіи о лишеніи меня Священническаго сана, съ отсылкою въ Губернское Правленіе, съ силою законовъ не согласнымъ и по обстоятельствамъ дѣла не полнымъ, симъ покорнѣйше прошу оную Духовную Консисторію принять сей мой аппеляціонный отзывъ, и съ самымъ дѣлопроизводствомъ представить Святѣйшему Правительствующему Синоду, на милостивое его разсмотрѣніе, согласно тому, какъ изображено въ Уставѣ Духовныхъ Консисторій, въ статьѣ 181, Іюня 17 дня, 1841 года. Къ сему отзыву Священникъ Александръ Ивановъ Арсентьевъ руку приложилъ.

ПИСЬМО

ИНОКА ВОНИФАТІЯ КЪ РОДСТВЕННИКУ СВОЕМУ.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божіи, помилуй насъ!

Любезнѣйшій Петръ Васильевичъ!

Миръ тебѣ отъ Бога нашего, Іисуса Христа, такожде и всѣмъ домашнимъ нашимъ, въ Православіи пребывающимъ, радоваться желаю.

Время злото и вѣкъ золъ приближается, и въ нашемъ чину скорбное житіе наступаетъ: ужаеное зрѣлище поражаетъ каждаго благоразумнаго человѣка, и всѣ горестныя дѣянія наши передать нельзя безъ содроганія сердца.

Въ наши льстивыя времена очень трудно спасаться, не только всѣмъ Православнымъ Христіанамъ, въ миру живущимъ, но и намъ, черноризцамъ, предстоитъ лютый предѣлъ. Развѣ спастися могутъ только тѣ, кои, отложивши всѣ попеченія и заботы плотскія, возжелаютъ работати единственно Господеви, и въ законѣ его поучатися день и нощь. Они одни только могутъ познавати послѣднія времена сіи; ибо Духъ Святый поучаетъ ихъ различати и разумѣвати о сей мнимо вольготной жизни, которая готовитъ насъ къ вѣчной погибели, къ запустѣнію Церкви Христовой и ко всемірному сближенію съ Костеломъ Римскимъ, или яснѣе сказать, собираетъ всѣхъ во едино цѣлое стадо на служеніе Антихристу и ведетъ во адъ и муку кромѣшную.

Видно наступаетъ послѣднее время, когда и въ нашихъ краяхъ явились метрики, для вписыванія новорожденныхъ. Прежде сего у насъ не было. Откуда это взято, съ Римскаго обычая, или Великороссійскаго, не поймешь. Надо полагать, что это вводится какое ни будь новшество еретическое. Но, можетъ быть, вамъ лучше извѣстно, то напишите мнѣ объ этомъ.

Кореневскій монастырь и всѣ живущіе около его наши Христіане жалуются на разныя притѣсненія мѣстнаго начальства, которое изгоняетъ всѣхъ подвижниковъ древле-истиннаго Благочестія, а въ нашей Губерніи и около насъ въ прочихъ Губерніяхъ всѣ Православные Христіане хотя живутъ покойно, молятся ежедневно за возлюбленнаго Царя нашего, и отъ начальства имъ нѣтъ ни какого притѣсненія и насилія, но за то, видно за грѣхи наши, сами всѣ возмутились и смѣсились между собою отъ Окружнаго Посланія и распались на многія части. Теперь нельзя понять и разобрать, въ какомъ положеніи находится Вѣра наша? — Въ какомъ-то непроницаемомъ мракѣ невѣдѣнія! Все это надѣлали наши Владыки: Антоній Московскій и Софроній Калужскій, чтобы можно было имъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Прошу меня увѣдомить, что слышно у васъ о раздѣленіи нашихъ Христіанъ.

Въ настоящее время у насъ, въ селеніи Плоскомъ, священнодѣйствуетъ старый Іерей, Софроній, котораго знаетъ отецъ Пахомій, а Епископъ Софроній гдѣ теперь находится, ни кто у насъ не знаетъ; вѣроятно, проживаетъ въ Москвѣ, у зятя своего, Кузнецова, или въ Калугѣ.

Послѣ посланнаго вамъ письма, отъ 15 Сентября прошлаго года, я возложилъ все свое упованіе на Бога, его Пречистую Матерь, Преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ нашихъ и всѣхъ Святыхъ, и, надѣясь на ихъ защиту и помощь, началъ свое задуманное дѣло. Въ недальнемъ разстояніи отъ селенія Плоскаго есть большой садъ у одного благочестиваго крестьянина, именемъ Дорофея, у котораго я выпросилъ дозволеніе въ этомъ саду выкопать себѣ хату или землянку. Сей добрый крестьянинъ, уважая образъ Ангельскій и санъ иноческій, далъ мнѣ, Христа ради, лѣсу и печку чугунную, и я, съ помощію его, вырылъ своими руками

землянку или малую пещеру, и въ ней устроилъ себѣ хату въ три дни. Въ эту пещеру переселился 25 Октября, на канунѣ Великомученика Димитрія Селунскаго, и теперь живу въ ней, яко въ пустынѣ, благодаря Бога, что Онъ способилъ меня таковаго отшельническаго житія.

Теперь живу единъ съ сумою,
И Богъ всегда со мною.

Садъ, въ которомъ я живу, находится въ 17 верстахъ отъ города Тирасполя, въ 4 верстахъ отъ селенія Плоскаго, и въ 3½ верстахъ отъ Нѣмецкой колоніи. Въ этомъ саду родятся, въ большомъ изобиліи, Грецкіе орѣхи, сливы, яблоки, вишни, виноградъ, арбузы, дыни, боклажани и прочіе разные овощи; хата моя устроена въ горѣ и врыта на сажень въ землю, съ двумя окошками, снаружи и внутри всѣ стѣны обмазаны глиной, внутри потолокъ, полъ, столъ и скамейки устроены изъ земли, дверь у хаты сплетена изъ хворосту, около хаты поставленъ шалашъ земляной, а внизу подъ горою находятся двѣ крынницы и ставъ, выложенные камнемъ. Говорятъ, что тутъ прежде обитали Турки.

Въ настоящее время жить мнѣ очень трудно; надо разводиться вновь: нѣтъ у меня ни иконъ, ни книгъ, ни посуды, ни хлѣба, и Богъ кормитъ меня добрыми людьми. Мнѣ трудно прожить только одну зиму, а на лѣто буду жить своими трудами: сѣять хлѣбъ и сажать картофель, арбузы и прочіе овощи, и питаться яблоками, сливами и виноградомъ. Весною будутъ селиться около меня въ другихъ садахъ много иноковъ, какъ то: Аркадій, Іоиль, и Арсеній, и Сирахъ, которыхъ знаетъ отецъ Пахомій.

Какъ скоро вышлютъ мнѣ паспортъ, по полученіи коего я немедленно напишу вамъ, куда я намѣренъ ити, послѣ того я отправлюсь въ дорогу, зайду мимоходомъ въ Москву Бѣлокаменную и, можетъ быть, въ послѣдній разъ, погляжу на милую родину—колыбель моего воспитанія, повидаюсь со всѣми родными и близкими къ моему сердцу, побываю на Рогожскомъ кладбищѣ, окачу горячими слезами могилы своей родительницы, и отправлюсь

въ предположенный путь, и тогда Богъ вѣсть, что будетъ со мною. Хотя побывать въ краю родномъ будетъ крюку верстъ сотъ пять, но за то сердце у меня будетъ покойно.

Какъ трудно иноку лѣзть по этой скользкой лѣстницѣ, достигающей небесъ. Очень боюся, чтобы не оскользнуться и не упасть въ глубокій ровъ съ колючими терніями. Но, надѣясь на промыслъ Божій и святыя молитвы нашихъ Христіанъ, пойду по ней тихими шагами и, можетъ быть, если угодно будетъ Богу, и дойду до верхней ступени вѣчнаго милосердія; ибо Священное Писаніе гласитъ тако: «Мнози иноцы падаютъ и возстаютъ. Грѣхи всего міра, яко горсть песку въ морѣ, не могутъ сравняться съ непзреченными щедротами Бога Вездѣсущаго.»

Остаюсь въ ожиданіи письма; за тѣмъ прощайте! Да будетъ благословеніе Божіе надъ главою твоею отъ нынѣ и до вѣка. Смиренный инокъ Вонифатій.

Селеніе Плоское.
Августа 6 дня, 1868 года.

ПИСЬМА

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, И. И. ДАВЫДОВА, КЪ КНЯЗЮ Н. Н. ГОЛИЦЫНУ. *

1.

Ваше Сіятельство,

Милостивый Государь!

Не видя до сихъ поръ въ журналахъ описанія бала, даннаго Его Сіятельствомъ, Княземъ Сергіемъ Михайловичемъ, я рѣшился сдѣлать оное и представить Вашему Сіятельству. Давно бы я изготовилъ описаніе подробнѣйшее, если бы имѣлъ на это позволеніе; полагалъ, что это поручено кому либо другому. Впрочемъ, если дѣйствительно это уже кѣмъ либо сдѣлано, то препровождаемое при семъ описаніе да послужитъ, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ всегдашней готовности моей служить Его Сіятельству по возможности. Но несказанно радъ буду, если оно можетъ послужить статьею для «Молвы», ** гдѣ въ непрерывной связи описываются Высочайшія посѣщенія.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Сіятельства,

Милостивой Государь Князь,

покорнѣйшій слуга

Иванъ Давыдовъ.

Ноября 15-го, 1831 г.

---

* Правителю Канцеляріи Попечителя Московскаго Учебнаго Округа 1831—1835. О. Б.

** Газеты, издававшейся тогда при журналѣ «Телескопѣ.» О. Б.

2.

Ваше Сіятельство,

Милостивый Государь!

Отвезя къ Вашему Сіятельству статью для журнала и не имѣвъ чести застать Васъ дома, я надѣялся видѣться съ Вами въ Университетѣ, какъ это прежде бывало; но какъ Вы сегодня не изволили быть у насъ, и я не имѣлъ случая видѣть Ваше Сіятельство, то я рѣшаюсь письменно изложить, что намѣренъ былъ доложить Вамъ при личномъ свиданіи:

1. Если бы, къ величайшему моему удовольствію, угодно было Князю одобрить краткое описаніе бала, то надобно бы немедленно препроводить оное къ издателю «Молвы и Телескопа,» для напечатанія къ Середѣ; по тому что подобныя извѣстія пріятны по новости и свѣжести.

2. Мнѣ сообщено предположеніе Вашего Сіятельства, при представленіи меня къ Пряжкѣ, присоединить мое прошеніе. Осмѣливаюсь доложить Вамъ, что теперь можно бы представить просто, безъ объясненій, которыя пригодятся на случай вопроса. Впрочемъ, если и объясненіе присоединить изволите, то это ни мало вредить дѣлу не можетъ, а еще предупредитъ могущій возникнуть вопросъ. Буди на это воля Ваша!

3. Еще хотѣлось мнѣ изъяснить Вашему Сіятельству слѣдующее. На балѣ Министръ * нашъ удостоилъ меня разговора, и весьма продолжительнаго, который заключилъ онъ тѣмъ, что желаетъ видѣть меня у себя, о чемъ хотѣлъ дать мнѣ знать изъ своей Канцеляріи. Въ Пятницу, когда именно говорили мы о Министрѣ, я получилъ назначеніе быть у Министра. Явился я къ нему: принятъ былъ очень ласково. «Вниманіе къ Вамъ, сказалъ мнѣ Министръ, Князя Сергія Михайловича удостовѣряетъ меня въ достоинствахъ вашихъ.» На это отвѣчалъ я поклономъ. «По этому, продолжалъ онъ, я хочу, чтобъ Вы оставались въ ученомъ званіи.» Еще поклонъ. Далѣе спрашивалъ онъ о конкурсѣ на каѳедру Словесности. ** Я доложилъ ему, что срокъ этого

---

* Князь Ливенъ. О. Б.

** По случаю смерти Профессора А. Ѳ. Мерзлякова. О. Б.

конкурса прошелъ, подано разсужденіе отъ Глаголева, служащаго въ Петербургѣ; между тѣмъ какъ въ прошломъ году Совѣтъ избралъ меня на эту каѳедру, и нашъ Князь представлялъ меня на утвержденіе, но Министръ отказалъ, или лучше сказать, заставилъ меня отказаться. Тутъ еще онъ повторилъ прежнее, т. е., о вниманіи Князя Сергія Михайловича къ трудамъ моимъ и долговременнымъ несчастіямъ, и прибавилъ: «Я также съ моей стороны постараюсь сдѣлать для Васъ все, согласно съ волею Князя Сергія Михайловича.» Я поклонился и вышелъ. Возвратившись домой, послалъ я Его Свѣтлости программу или вступительную лекцію, за которую я столько страдалъ и которую желалъ онъ прочесть. * Вотъ содержаніе разговора моего съ Министромъ, о чемъ нетерпѣливо желалъ я сообщить Вашему Сіятельству, но и до сего времени не могъ этого исполнить, не имѣвъ случая Васъ видѣть.

Кажется, Его Свѣтлость, исполняя нынѣ всѣ прежнія представленія нашего Князя, хочетъ выполнить и представленіе, въ разсужденіи меня дѣланное въ прошломъ году. До сихъ поръ не знаю послѣдствій его обѣщанія. Къ кому же могу прибѣгнуть, какъ не къ Вамъ, Ваше Сіятельство? При случаѣ, я просилъ бы всепокорнѣйше Васъ, Сіятельнѣйшій Князь, довести до свѣдѣнія Его Сіятельства, что я, по требованію Министра, представлялся ему и слышалъ отъ него пріятное о себѣ, какъ слѣдствіе благодѣтельнаго вниманія и милостей ко мнѣ Князя Сергія Михайловича. Я надѣюсь, что со стороны Министра препятствій не будетъ во всемъ томъ, что только Его Сіятельству угодно будетъ сдѣлать для обновленія моего существованія.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства, Милостивый Государь Князь,

покорнѣйшій слуга Иванъ Давыдовъ.

1831 г., Ноября 16.

---

* «О возможности философіи, какъ науки. М. 1826 г., въ 8, 52 стр. За нее сочинитель былъ удаленъ съ каѳедры Философіи въ Московскомъ Университетѣ. О. Б.

3.

Сіятельнѣйшій Князь,

Милостивый Государь!

До сего времени не смѣлъ я утруждать Ваше Сіятельство письмами моими, зная, сколько Вы заняты въ настоящемъ случаѣ. Но слыша, что Вы и вдали вспоминаете о преданныхъ Вамъ, и заботитесь объ улучшеніи ихъ участи, я не могъ долѣе безмолвствовать. Самъ Богъ вознаградитъ Ваше Сіятельство за великодушное и благороднѣйшее защищеніе справедливости, а я всегда почту священнѣйшимъ долгомъ быть Вамъ признательнымъ и благодарнымъ.

Содержа твердо въ памяти и въ сердцѣ священныя слова Монарха, Августѣйшаго Отца Отечества, переданныя мнѣ благодѣтельнымъ нашимъ Начальникомъ, нынѣ я только умолялъ бы Его Сіятельство обратить на усердіе мое милостивое Высочайшее воззрѣніе. При множествѣ дѣлъ Его Сіятельства, отъ Васъ зависитъ, Сіятельнѣйшій Князь, привести на память это обстоятельство. Впрочемъ, доброе сердце Вашего Сіятельства болѣе меня выскажетъ въ пользу мою, а я присоединю: «Помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ!»

Уповая на высокое покровительство Ваше, съ глубочайшимъ почитаніемъ, безпредѣльною преданностію и всегдашнею благодарностью имѣю честь быть,

Сіятельнѣйшій Князь,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга

Иванъ Давыдовъ.

1832 г., Мая 19.
Москва.

4.

Милостивый Государь,

Князь Николай Николаевичъ!

Я имѣлъ честь быть у Вашего Сіятельства, чтобъ пожелать новорожденному здоровья и счастья, а Вамъ радостей. Вмѣстѣ съ симъ желалъ я предъ Вашимъ Сіятельствомъ ходатайствовать о добромъ и достойномъ И. П. Ф. Вѣроятно, онъ самъ уже умоляетъ Васъ; увѣренъ также, что Вы, Князь, по возвышеннымъ и благороднѣйшимъ чувствованіямъ сердца Вашего, расположены въ его пользу: но я, по драгоцѣнному Вашему ко мнѣ вниманію, осмѣливаюсь къ его дѣлу предъ Вами присоединить и мой голосъ просительный. Отъ Вашего Сіятельства зависитъ устроеніе участи того, который останется во всю жизнь Вамъ признательнымъ. Таковое благодѣтельное участіе Ваше въ судьбѣ его и я почту за величайшее, какъ бы мнѣ самому оказанное, благотвореніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, всегдашнею благодарностью и безпредѣльною преданностью имѣю честь пребыть

Вашего Сіятельства,

Милостивый Государь Князь,

покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Давыдовъ.

1834,
Мая 13.

ОБЪ УВОЛЬНЕНІИ

КІЕВСКАГО И МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТОВЪ ВЪ ЕПАРХІИ.[1]

Въ письмахъ Филарета (изд. А. Н. М. Кіевъ, 1869 г.), на стр. 109, напечатаны слѣдующія строки Святителя: «Семдесять седминъ опредѣлены для парода твоего, и для града святыни твоея: да совершится противленіе и запечатлѣются грѣхи, и очистится беззаконіе, и приведется правда вѣковъ, и запечатлѣется видѣніе и пророкъ, и помажется Святый Святыхъ. И вѣдай и разумѣй: отъ исхода слова о возстановленіи и о созданіи Іерусалима до Христа старѣйшины, седминъ седмь и седминъ шестьдесять двѣ. Возстановится и созиждется стогна и ограда, и при томъ въ тѣснотѣ временъ. И послѣ шестидесяти двухъ седминъ убіенъ будетъ Христосъ, и не за себя. Потомъ градъ и святилище разрушитъ народъ старѣйшины грядущаго; и конецъ его въ потопленіи; и до конца

---

[1] Приложеніе къ стр. 138 «Записокъ о жизни и времени М. М. Филарета.» См. кн. III на 1869 «Чтеній въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, отд. V, стр. 187. Прим. Редак. — Я не рѣшился передать въ моей книгѣ разсказъ Митрополита Московскаго о поводѣ къ увольненію изъ Петербурга его и Кіевскаго, полагая, что еще не полны свѣдѣнія о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя надломили довѣріе къ нимъ Императора Николая I. Теперь не точное, не ясное, ошибочное, просто сказать, истолкованіе такаго важнаго, для самостоятельности Синода, событія въ примѣчаніяхъ А. Н. М. къ изданнымъ имъ письмамъ М. М. Филарета, обязываетъ меня возстановить во всей полнотѣ разсказъ усопшаго и незамѣнимаго дѣятеля въ многовліятельномъ и независимомъ въ его время Синодѣ, въ пространномъ значеніи словъ Святѣйшаго и Правительствующаго.

брани предопредѣлены опустошенія. И укрѣпитъ завѣтъ для многихъ седмина единая. И посреди седмины прекратится жертва и приношеніе. И за птицею мерзости опустошеніе. И до рѣшительнаго совершенія воскапаетъ надъ опустошеніемъ.»

«Это съ Еврейскаго. Но чтеніе и смыслъ послѣднихъ словъ имѣетъ нужду въ повѣркѣ съ чтеніемъ, которому слѣдовали семьдесятъ толковниковъ.»

Къ этѣмъ-то строкамъ, вовсе не кстати, издатель привелъ разсказъ объ увольненіи двоихъ Филаретовъ, Московскаго и Кіевскаго, изъ Петербурга въ ихъ Епархіи. Вотъ это повѣствованіе:

«Весною 1842 года произошло важное событіе въ Сѵнодѣ.

«Написаны были три безъимянныя письма тремъ Митрополитамъ, Новгородскому, Кіевскому и Московскому, что въ Троицкой Академіи студенты пользуются литографическимъ переводомъ Пророчествъ, сдѣланнымъ въ неправославномъ духѣ. Всѣ три письма представлены были Оберъ-Прокурору; Владыка Московскій предчувствовалъ, что непріятныя будутъ отъ сего послѣдствія, тѣмъ болѣе, что литографія производилась въ духовной Академіи Петербургской, которую Оберъ-Прокуроръ только что принялъ подъ свое вѣдѣніе отъ бывшей Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. По его внушенію, Кіевскій Митрополитъ предложилъ, чтобы назначено было строжайшее изслѣдованіе по сему дѣлу въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ, а Владыка Новгородскій, Серафимъ, уже совершенно одряхлѣвшій, просилъ письменно Графа вступиться за Православіе (какъ будто ему угрожала опасность). Вскорѣ послѣдовало новое предложеніе Оберъ-Прокурора, будто въ Московской Академіи найдено еще 5 т. экземпляровъ, уже не литографированныхъ, а печатныхъ съ другаго перевода Библіи, еще худшаго, и о томъ было также донесено Государю, хотя Митрополитъ Филаретъ умолялъ, чтобы дано было ему двѣ недѣли времени для обличенія этого доноса, который дѣйствительно оказался ложнымъ. Когда же, въ началѣ весны, оба Митрополита, Кіевскій и Московскій, стали по обычаю проситься въ свои Епархіи, ихъ отпустили уже безъ возврата.»

«Митрополитъ Московскій, давно желавшій водвориться въ Москвѣ, безъ столь затруднительныхъ для его немощи поѣздокъ въ сѣверную столицу, не могъ, однако, не скорбѣть духомъ, что, послѣ многолѣтнихъ трудовъ по Сѵноду, его отпускали какъ бы по неудовольствію, и на него падала тѣнь подозрѣнія отъ несправедливыхъ нареканій. Я присутствовалъ при его отъѣздѣ, 15 Мая, и видѣлъ, какъ онъ плакалъ, прощаясь съ братіею въ церкви подворья, что невольно меня поразило, при его твердомъ характерѣ. Ему уже не суждено было болѣе возвратиться въ Петербургъ, хотя вскорѣ почувствовали недостатокъ его присутствія въ Сѵнодѣ. Онъ вздохнулъ свободно, когда увидѣлъ себя въ Москвѣ между своими, и это чувство отзывается въ первомъ его письмѣ ко мнѣ.» Вотъ, что написано въ этомъ первомъ письмѣ: «Путешествовалъ я благополучно, и пребываю, по благости Божіей мирно. Вечеромъ 15 дня въ Новгородскомъ Архіерейскомъ домѣ довольно постучался: но на утро предъ утренею, въ Софійскомъ и Знаменскомъ соборахъ обрѣлъ двери отверсты. Въ Воскресенье, въ Вышнемъ Волочкѣ, къ литургіи пришелъ въ соборъ благовременно, и въ тотъ же день достигъ Твери, гдѣ Преосвященнаго нашелъ здравствующимъ. Въ селѣ Завидовѣ, первомъ отъ границы въ Московской Епархіи, въ тѣснотѣ, между крестьянами и дѣтьми ихъ, я почувствовалъ себя дома. Праздникъ Святителя Алексія праздновалъ при мощахъ его съ вечерней службы. Между занятіями и людьми не вижу времени.»—Не вижу я тутъ ни печали, ни радости, ни намека на случившееся. Вижу спокойствіе духа. Но Г. Муравьевъ слышитъ и позже «отголосокъ печальнаго настроенія его духа послѣ удаленія изъ Петербурга;» и въ чемъ же? (стр. 115): въ простыхъ словахъ (по неполученію отвѣта на свое письмо отъ М. Серафима): «Печальна для меня мысль, что, естьли это не просто молчаніе, а намѣренное выраженіе холодности? Впрочемъ, я только печалюсь, а ни мало не гнѣваюсь, и молю Бога, да даруетъ миръ душѣ его, и да не не вѣдаетъ она, что имѣетъ во мнѣ для себя сына мира.»

Ошибочно приписываетъ онъ поводъ къ увольненію Митрополита отъ дѣлъ Синода литографическимъ листамъ, т. е., тре-

вогѣ, поднятой на переводъ Павскаго. Два дѣла о Павскомъ: одно, какъ о Законоучителѣ Государя Наслѣдника, другое, какъ о Преподавателѣ въ Духовной Академіи, возникли и рѣшены до опалы обоихъ Филаретовъ. Въ моихъ «Запискахъ» (стр. 89—91) разсказано, по разсказу Московскаго Митрополита, о томъ и о другомъ дѣлѣ. На литографическое изданіе Павскаго обратилъ вниманіе Синода Іеромонахъ Агаѳангелъ (позже епископъ Вятскій, а теперь Архіепископъ Волынскій). Не тотъ былъ поводъ къ удаленію изъ столицы двухъ Митрополитовъ.

А вотъ какъ это случилось, неожиданно для дѣйствующихъ лицъ, какъ въ Синодѣ, такъ и внѣ Синода: Какъ-то, въ частной дружеской бесѣдѣ двухъ Святителей, зашла рѣчь о неясности и невѣрности въ разныхъ мѣстахъ Славянскаго перевода Библіи. Разсуждая, какъ бы поправить важнѣйшія ошибки и неточности, не ожидая новаго переложенія, они пришли къ такому заключенію, что можно: гдѣ присовокупить истолкованіе, гдѣ замѣнить непонятное слово и неправильное выраженіе инымъ словомъ и выраженіемъ, гдѣ пояснить смыслъ въ краткомъ перечневомъ содержаніи (sommaire, summarium) въ оглавленіи той, или другой, книги, пѣсни, посланія, и т. д. Но по слову Божію (Луки глава 12, ст. 2 и 3): «Нѣтъ ничего сокровеннаго, что бы не открылось, ни тайнаго, чего бы не узнали. По сему, что вы сказали въ темнотѣ, то услышится во свѣтѣ, и что вы говорили на ухо внутри дома, то будетъ провозглашено съ кровель.»

Узналъ объ этомъ разговорѣ и Оберъ-Прокуроръ. Дѣятельный, воспріимчивый, пламенный, Графъ Николай Александровичъ является къ Филарету Московскому и, съ обычною ему прямотою, спрашиваетъ его: «Справедливъ ли дошедшій до него слухъ?» Святитель, съ свойственною ему искренностію, передалъ случившійся разговоръ, слово въ слово. Тогда Оберъ-Прокуроръ спросилъ: «Не рѣшится ли онъ дать ему записку о такомъ важномъ вопросѣ, чтобъ самому въ него вдуматься и оцѣнить мнѣніе двухъ старшихъ Членовъ Синода?—«Охотно!» сказано въ отвѣтъ: «Я не отрекусь отъ своихъ словъ, и что сейчасъ говорилъ Вашему Сіятельству, то же скажу и на письмѣ.» Получивъ записку и, провѣривъ, разумѣется, разсказъ одного Митрополита разсказомъ другого, онъ

долженъ былъ поговорить объ ней и первоприсутствующему Серафиму, который, съ закрытія Библейскаго Общества, постоянно былъ противъ перевода Библіи. Графъ, съ его, конечно, словъ велѣлъ, (для соблюденія Канцелярской тайны) въ своей Канцеляріи написать отъ него къ себѣ Отношеніе въ томъ смыслѣ, что нельзя допустить ни какихъ толкованій на Св. Писаніе. Государь, просмотрѣвъ Докладъ, согласился съ заключеніемъ одряхлѣвшаго Серафима.[2] При подписаніи Протокола о выслушаніи Высочайшаго отзыва, Филаретъ Кіевскій настаивалъ, чтобъ въ Протоколъ была введена справка о томъ, что въ Синодѣ не было сужденія объ исправленіи Славянской Библіи; что разговоръ объ этомъ былъ въ частной бесѣдѣ двухъ товарищей на дому; что если затѣвать дѣло, такъ надобно прежде предложить возбужденный вопросъ присутствію, отобрать мнѣніе всѣхъ членовъ, и тогда уже пойти съ Докладомъ къ Императору. Филаретъ Московскій, мало по малу, успокоилъ и убѣдилъ его не заводить тяжбы, въ сущности не съ Канцеляріей Прокурорской, а съ первоприсутствующимъ, на великій соблазнъ Церкви; онъ смиренно присовѣтовалъ не воздавать оскорбленіемъ за оскорбленіе, не гнѣваться, покориться.

Не менѣе того, отпрашиваясь на лѣто въ свою Епархію, онъ кротко, но твердо, высказалъ всю свою правду Оберъ-Прокурору, т. е., что лучше было бы провести это дѣло черезъ Синодъ.

«Что жъ, Вы развѣ не вернетесь въ Синодъ?»

—«Прикажетъ Государь, не могу ослушаться. А самъ по себѣ не вернулся бы.

«По чему?»

—«По тому, что такъ дѣло вести нельзя и опасно.»—Онъ опасался, чтобы соименный ему Митрополитъ не вошелъ въ явную, при случаѣ, борьбу съ первоприсутствующимъ въ Синодѣ.

---

[2] Докладъ, ни съ того, ни съ сего, поданный и, какъ думалъ М. М. Филаретъ, полагавшій, «что, за несогласіемъ первоприсутствующаго съ мыслями двоихъ изъ членовъ Синода, предположеніе ихъ само собою уничтожилось. Это справедливо; но не менѣе того, Оберъ Прокуроръ не могъ не довести до Высочайшаго свѣдѣнія о разногласіи трехъ Митрополитовъ по возникшему вопросу.

Увольняя его въ Москву, Государь всегда писалъ на докладѣ: «Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы возвратился къ такому-то сроку.» На этотъ разъ о возвращеніи уже ни слова. Такъ оба Филарета вернулись къ своимъ паствамъ, благословляя и благодаря Бога, а не сѣтуя и не плачучи, какъ сказано выше А. Н. М., и объяснится ниже, когда дойдетъ рѣчь до слезъ.

Не были бы удалены два друга-святителя, если бъ не молва въ народѣ, что, съ назначеніемъ Архіепископа Тверскаго членомъ Синода (15 Марта, 1819 г.), ни первоприсутствовавшіе, ни Прокуроры Синодальные, не имѣли ни какого значенія. Понятно, что каждый изъ нихъ, въ ихъ служебномъ положеніи, хотѣлъ быть не ученикомъ, а учителемъ, быть съ голосомъ, во всей силѣ слова, а не безотвѣтнымъ исполнителемъ постановленій присутствія. Привожу эту, столь общую человѣчеству, черту щекотливости самолюбія, ради только исторической правды, а вовсе не съ тѣмъ, чтобъ накинуть, хотя бы легкую, тѣнь на котораго либо изъ первоприсутствовавшихъ и Оберъ-Прокуроровъ, тѣмъ же менѣе на добрую память о благородномъ, полезномъ и ревностномъ дѣятелѣ въ царствованіе Николая, особенно благоволившаго къ нему именно за его съ собою правдивость и прямодушіе.

Мудрена природа человѣческая: одинъ и тотъ же человѣкъ и неуклонно-безстрашно говоритъ непріятныя иногда истины, и въ то же время смущается возраженіями на свои мысли, предположенія, заблужденія.

«Кто были у насъ лучшіе Оберъ-Прокуроры?» — спросилъ Графъ Протасовъ В. В. Скрипицына.

— «Я зналъ двухъ,» отвѣтилъ онъ: «одного очень хорошаго, и другого хорошаго.»

«Кто жь это очень хорошій?»

— «Полковникъ Графъ Протасовъ.»

«А хорошій?»

— «Генералъ-Адъютантъ Графъ Протасовъ.»

«Растолкуйте загадку!»

—«Полковникъ Протасовъ принялъ должность смиренно, повелъ дѣла осторожно, велъ себя твердо. — Генералъ-Адъютантъ Протасовъ захотѣлъ властвовать, забралъ силу въ руки, а съ тѣмъ вмѣстѣ сталъ порой дорожить и связями при Дворѣ.»

Валерій Валеріевичъ передалъ этотъ разговоръ М. М. Филарету, а онъ мнѣ. Когда я показалъ Скрипицыну этѣ строки, удивился онъ дагеротипной (свѣтописной) передачѣ своего разсказа Владыкой, послѣ многихъ лѣтъ!

Теперь о плачѣ. — Муравьевъ присутствовалъ при отъѣздѣ Митрополита изъ Петербурга и видѣлъ, какъ онъ плакалъ, прощаясь съ братіею въ церкви подворья. Ап. Ѳома усомнился въ воскресеніи Христа, и желалъ осязать раны Искупителя. Простительно и мнѣ усомниться въ строгой точности выраженія «плакалъ.» При силѣ и твердости характера, при невозмутимой сдержанности и самообладаніи Филарета, невозможно вообразить его плачущимъ и рыдающимъ!.. Могла навернуться слеза при прощаніи съ двумя, тремя, лицами изъ братіи, болѣе близкими, или глубоко-сердечно преданными ему, но плакать надъ всею, или со всею, братіею—это риторическая фигура, гипербола. Прослезиться очень легко въ иномъ случаѣ. А плакать, лить слезы, не въ природѣ его. Еще бы братія плакала, рыдала, сѣтовала и ручьями своихъ слезъ вызвала, исторгла слезы изъ пастырской души—это было бы естественно. Но онъ плакалъ, т. е., проливалъ слезы одинъ, а братія не плакала. Въ жизни его много было поводовъ къ слезамъ, однако никогда ни кто не полагалъ его слезливымъ. Не плакалъ же онъ, когда запрещено было ему говорить проповѣди при Дворѣ (мои «Записки,» стр. 107); когда люди отдалили отъ него Иннокентія Пензенскаго, котораго онъ любилъ; когда были запрещены его Катихизисы; когда онъ оставался подъ явной опалой въ Москвѣ; когда угрожали удалить его изъ нея въ Грузію? Не плакалъ онъ на людяхъ и по кончинѣ отца, матери, друга—К. А. Н. Голицына. Есть слезы печали, есть слезы и радости; есть слезы умиленія, есть слезы и ожесточенія; однѣ слезы—мірскія, другія—молитвенныя. Понятно, если и твердый Филаретъ прослезился на послѣдней, прощальной молитвѣ съ церковью, въ которой столько лѣтъ возносилъ жертву безкров-

ную, возносился духомъ въ небеса. Это понятно, какъ понятно и то, что не легко оторваться внезапно и навсегда отъ давняго круга друзей, пріятелей, даже знакомцевъ и товарищей; сойти съ поприща блистательной и многоплодной дѣятельности, покинуть самыя стѣны, съ домовымъ въ нихъ храмомъ и завѣтной келіей, съ которыми сроднилось сердце, въ которыхъ все, каждая вещь, каждый уголъ, напоминаетъ свѣтлые дни миновавшей молодости, мужанія и зрѣлости. Какъ не вздохнуть порой при воспоминаніи о прошломъ, въ невѣдѣніи о грядущемъ! Но вздохъ умиленія и слеза молитвенная—не плаканіе, малодушное при монахахъ Троицкаго подворья. Какъ душа постоянно осуждавшаго въ своихъ проповѣдяхъ и устныхъ бесѣдахъ «смѣхъ легкомыслія,» не доступна была смѣху и хохоту, такъ не погружалась она и въ слезы о житейскомъ. Улыбка—не смѣхъ, не хохотъ; слеза, подъ часъ блеснувшая въ очахъ — не плачъ, не рыданіе. Однако, скажутъ иные, самъ Іисусъ Христосъ плакалъ о Лазарѣ. Нѣтъ! Онъ не плакалъ надъ мертвецомъ, а мгновенно прослезился надъ бренностію человѣческой, и воззвалъ его отъ тлѣнія.

Видаясь съ Первосвятителемъ Московскимъ разъ и два въ Недѣлю, иногда и чаще, въ теченіе 25 лѣтъ (съ 1842, когда я покинулъ служебное поприще и поселился въ Москвѣ), я убѣдился не въ слезливости его, а въ веселонравіи:—признакъ спокойствія духа. Это веселонравіе не рѣдко проявляется въ его письмахъ и изреченіяхъ тонкой ироніей, приправленной Аттическою солью, или сопровождаемой жалостливой улыбкой. Повторю сказанное въ «Запискахъ» моихъ о немъ: «Постоянное спокойствіе духа рождаетъ мирную въ сердцѣ радость, глубокомысліе не несовтѣстимо съ веселонравіемъ и высокое краснорѣчіе съ врожденнымъ остроуміемъ.» Многія мѣста въ моей книгѣ подтверждаютъ эти слова. Такъ и въ письмахъ его къ Муравьеву.

Пишучи, на пр., замѣчанія, и на отдѣльныхъ листахъ, и на поляхъ, и между строкъ неисчислимыхъ рукописей А. Н. М., онъ извиняется передъ авторомъ тѣмъ, что «Госпожа» Грамматика говоритъ то, чего бъ не хотѣлъ самъ сказать; потомъ заставляетъ говорить и Логику; далѣе признается, «что не нравятся ему стихи, то дактило-хореическіе, то анапесто-ямбическіе, а частію невѣдомо

какіе. «Естьли неудобно писать постоянно Гомеро-ямбическими стихами: то не лучше ли было бы не притворяться, что пишите стихами?» (стр. 256—260). Такъ (стр. 267—268) молвивъ кстати о непрошенныхъ совѣтахъ: «Можно стучать въ запертую дверь съ молитвою, но съ совѣтами можно только войти въ отворенную,» кончаетъ письмо такъ: «Желаю, чтобы сонъ Іеромонаха сбылся, и чтобы Васъ рукоположили въ Архіерея, только не Арабскаго.»

Не въ веселомъ ли настроеніи высказалось сознаніе Митрополита, что онъ, вмѣсто епитиміи, читаетъ переводъ Муравьева Клопштоковой Мессіады? Впрочемъ, Андрей Николаевичъ и самъ привелъ одну черту его веселонравія. Собрался Владыка въ Россійскую Академію. Когда онъ сказалъ (говоритъ Муравьевъ) «лакею и кучеру, чтобы ѣхать на Васильевскій островъ въ Академію, никто изъ нихъ не зналъ, что за Академія: одинъ только форейторъ выручилъ, закричавъ: «Знаю: тамъ сова на воротахъ.» Митрополитъ засмѣялся (развѣ улыбнулся) и сказалъ: «Ну ступай, гдѣ сова на воротахъ: это ученая птица!» Здѣсь все: и веселое расположеніе всегда мирнаго духа, и остроуміе и тонкая.... какъ бы сказать... не эпиграмма, не иронія, а... скажу: замысловатость.

Много, и очень много, однако, и такихъ замѣчаній на сочиненія, предположенія, жалобы Муравьева, въ которыхъ безъ смягченій выставлены его ошибки, или незнаніе и заблужденія. Вотъ для примѣра, на выдержку взятое, письмо (стр. 312—313): «Выслушайте отчетъ въ нѣкоторыхъ дерзостяхъ, которыя мы съ цензоромъ себѣ позволили.

«Квадратъ не кажется намъ символомъ смерти, а овалъ воскресенія. И храмъ Софіи строенъ, конечно, не по Египетской символикѣ. Цензоръ положилъ исключить изъ текста указаніе на Египетъ: и я рѣшился пропустить все символическое изъясненіе чертежа храма.

«Царское одѣяніе, данное Патріарху, сей, по смиренію, переименовалъ въ саккосъ, вретище. Въ семъ есть причина не

возвращать сего переименованія Царю. Догадка, что малый омофоръ есть древній Архіерейскій, а большой перешелъ отъ Царя, поспѣшна. Это можно усмотрѣть взглянувшему на постепенность въ облаченіяхъ. Діаконъ носитъ иго Христово на одномъ рамѣ,—орарь, священникъ на обоихъ,—епитрахиль, Епископъ на обоихъ раменахъ, напереди и назади, и одѣвается крестомъ: это омофоръ и очевидно, большой, а не малый. На самыхъ древнихъ иконахъ всегда Епископы въ большихъ омофорахъ, а въ малыхъ даже никогда: это признакъ, что малый омофоръ есть новое изобрѣтеніе для удобства. И въ ризницахъ древнихъ малыхъ омофоровъ нигдѣ нѣтъ. По сему мы должны были догадку Вашу о первоначальности малаго омофора опустить.

Мы позволили себѣ также нѣсколькими выраженіями, чрезъ опущеніе, уменьшить продолженіе Вашего гнѣва на вошедшихъ въ бывшій Христіанскій храмъ съ покрытыми головами.»

Не удивляюсь, что безсребренникъ не отказывалъ Муравьеву въ жертвахъ вещами, деньгами, облаченіями и т. п., по непрестаннымъ просьбамъ его. Въ 35 лѣтъ этѣ жертвы составили значительную сумму. Не дивлюсь, по тому что онъ никогда и никому не отказывалъ въ пособіи. Онъ щедро сыпалъ деньги подаяніями и милостынею и посыпалъ серебромъ свой путь отъ земли къ небесамъ. Правда, онъ не отказывалъ и въ духовной милостыни—въ просмотрѣ и исправленіи чьихъ бы то ни было трудовъ, когда они заслуживали вниманія, и тратилъ свое время и свой трудъ на чужія писанія. Но тутъ, въ перепискѣ съ А. Н. М. онъ сорилъ своимъ временемъ и трудомъ! Онъ великодушно разсыпалъ, по безчисленнымъ рукописямъ послѣдняго, златотканную, мощную, свѣтлую рѣчь Вѣры, вѣдѣнія, мудрости и полагалъ твердое основаніе его писательной извѣстности. Конечно, долготерпѣливый Іерархъ не рѣдко тяготился этой работой и при томъ постоянно сѣтовалъ на небрежный, неразборчивый, мелкій, блѣдный почеркъ,—«мученіе и потеря времени» до того, что, напослѣдокъ, умолялъ оказать хоть столько же ему вниманія, сколько оказывается разносчикамъ съ почты писемъ, на которыхъ надписи всегда ясны. Упрекъ въ расхищеніи его времени, какъ бы невольно высказался на стр. 438. Муравьевъ упросилъ Вла-

дыку дозволить Почетному Гражданину Шпревичу написать его портретъ. И спасибо ему! Кто не пожелаетъ имѣть ликопись святителя старца? Кому не отрадно, вспоминая о немъ, поглядѣть, полюбоваться сходствомъ ликописи съ дорогими сердцу чертами и выраженіемъ его лица? По этому-то случаю сказано: «Если Вы хотѣли считать часы: то сдѣлали бы опытъ счесть часы, которыя употребляю для чтенія Вашихъ рукописей. Положимъ, что половина сего счета для меня, для моей пользы и удовольствія; но еще болѣе часовъ портрета составила бы другая половина; ибо читаю и для Васъ. Быхъ безуменъ хвалялся, Вы мя понудисте!»

Удивительна постоянная снисходительность учителя и постоянное упорство ученика, даже въ дѣлахъ церковныхъ, въ вопросахъ догматическихъ: ученикъ усиливается сказать свое послѣднее слово, въ своихъ примѣчаніяхъ къ посмертнымъ письмамъ учителя, которому такъ безпредѣльно обязанъ своимъ литературнымъ именемъ духовнаго писателя. Но «любы все терпитъ.» А Митрополитъ любилъ его, какъ любитъ пѣстунъ питомца, воспитатель воспитанника, благотворитель облаготвореннаго. Впрочемъ, эта благосклонность, это терпѣніе и снисходительность Пастыря добраго ко всѣмъ и каждому, объяснены имъ въ одномъ изъ писемъ его о любви Божіей [3] къ Начальницѣ Спасскаго общежитія: «Въ чадахъ Божіихъ любитъ любовь Божія: а она любитъ и недостойныхъ по снисхожденію и человѣколюбію.» Слѣдующія строки, которыми я заключаю мою замѣтку, чтобъ не сказать филиппику, показываютъ искреннее Филарета расположеніе къ Андрею Николаевичу:

«Мнѣ пусто стало, когда Вы меня оставили, и мнѣ пришло на мысль, не къ исходу ли моему обрекаете Вы меня Вашимъ прощаніемъ. Предчувствіе ли это, и близкое ли, вѣдаетъ Тотъ, въ рукѣ Коего власть и мѣра дней нашихъ. Но когда увидите, или услышите, мое отхожденіе въ путь всея земли: вспомните тогда Ваше отхожденіе отъ меня, и съ тою же близостію души

[3] Чтенія въ Московскомъ Обществѣ любителей Духовнаго просвѣщенія, кн. V, стр. 80.

къ душѣ, умилостивляющимъ словомъ вознесите мое имя и память предъ лице Судіи моего и Вашего. Какъ просто и паче другихъ снисходительно смотрите Вы на меня: такъ проста и свободна будетъ Ваша о мнѣ молитва. И такую молитву не уничижитъ заповѣдавшій, да будете яко дѣти.

«Вотъ Вамъ завѣщаніе мое. Желаю, чтобы Вамъ дано было много времени для исполненія онаго.»

Смиренный Первосвятитель Московскій дорожилъ молитвами ближняго, и въ духовномъ завѣщаніи просилъ молитвъ о себѣ всѣхъ и каждаго. [4]

Николай Сушковъ.

---

[4] Приложеніе къ моимъ «Запискамъ» LVII, стр. 150.

ЗНАЧЕНІЕ ЦЕРКОВНОЙ МОЛИТВЫ

О

СОЕДИНЕНІИ ЦЕРКВЕЙ.

(Замѣтка на замѣтку.) [1]

Еще въ 1860 году помѣщено въ «Прибавленіяхъ къ изданію Творенія Св. Отцевъ» [2] всемірно-успокоительное ученіе Московскаго Митрополита Филарета касательно «значенія церковной молитвы о соединеніи Церквей.» Многіе тогда изъ Римско-Католиковъ, особенно же изъ Протестантовъ, Реформатовъ и т. п., даже изъ Старовѣровъ [3] обрадовались такой всеобъемлющей любви Православной Церкви къ отдѣлившимся отъ нея Церквамъ и ко всѣмъ Христіянамъ, какую заповѣдалъ и проповѣдалъ Православный догматикъ-учитель въ немногихъ строкахъ о молитвѣ любви, которая, по Апостолу, долготерпитъ, милосердствуетъ, не гордится, не раздражается, все прикрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ.

Не было тогда ни какого возраженія святителю. Никто изъ ученыхъ, проповѣдниковъ и столповъ Вселенской Церкви, ни на Руси, ни на Востокѣ, не вошелъ съ нимъ въ словопрѣніе, и онъ до могилы пребылъ вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, какъ это видно

---

[1] Московскія Епархіальныя Вѣдомости 1869, № 45.

[2] Часть 19, прибавленіе 69.

[3] По реченію Митрополита—«Нововѣровъ.»

изъ моихъ «Записокъ.» Но вотъ появились въ печати «Письма его къ А. Н. М., [5] и одно изъ нихъ, не угадываю, по какому поводу и съ какою цѣлію, [6] озаглавленное такъ: «Какъ понимать молитву о соединеніи Церквей?» перепечатано, послѣ девяти лѣтъ отъ появленія отраднаго ученія касательно этого вопроса, въ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», 1869 г. № 39.

И вотъ, послѣ девяти лѣтъ, воспитанникъ Московской Духовной Академіи, Преосвященный Веніаминъ, Епископъ Рижскій, отвергаетъ ученіе Іерарха въ Замѣткѣ, помѣщенной въ 45 № тѣхъ же «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.»

По уваженію къ сану и лицу возражателя, я, разумѣется, не осмѣлюсь приложить къ его Замѣткѣ слова Превѣчнаго Учителя: «Нѣсть ученикъ надъ учителя своего, ниже рабъ надъ господина своего. Довлѣетъ ученику, да будетъ яко учитель его, и рабъ, яко господь его.» Всякій пастырь—учитель, отъ Бога поставленный: онъ обязанъ учить, подъ страхомъ отвѣтственности, по слову Апостола Павла: «Горе же мнѣ есть, аще не благовѣствую.... строеніе ми есть предано.» [7] Но я осмѣлюсь предложить нѣсколько замѣчаній на Замѣтку:

1. Учено-духовные, церковные, богословскіе и вообще религіозные вопросы, не разрѣшаются, какъ Гордіевъ узелъ, однимъ взмахомъ пера, т. е., бѣглой журнальной замѣткой и ссылкой на попавшія подъ руку книги заграничныя; они требуютъ подробнаго приведенія отвѣтовъ изъ Священнаго Писанія, изъ Постановленій Вселенскихъ Соборовъ, изъ Твореній Св. Отцевъ и Богослововъ. Имѣя все это въ Славянскомъ и Русскомъ переводахъ, намъ нѣтъ необходимости обращаться къ чужеземнымъ перево-

---

[5] Записки о жизни и времени святителя Филарета, Митрополита Московскаго. Москва, 1868 г.

[6] Письма Московскаго Митрополита Филарета. Кіевъ, 1869.

[6] А можетъ и не безъ цѣли. О. Б.

[7] 1 Кор. IX, 16. 17.

дамъ и толкованіямъ. Мы можемъ справляться съ подлинниками на Еврейскомъ и Греческомъ, а не въ Латинскихъ, ни Англійскихъ и проч. изданіяхъ. Не нужны намъ, при своихъ Требникахъ и Молитвенникахъ, Молитвословы, какъ давно, такъ и недавно, изданные иностранцами и иновѣрцами, пожалуй и одновѣрцами, хоть бы даже попавшійся на глаза Архіерея большой или великій Молитвословъ (Венеція 1863).

2. Если уже нужно было войти въ состязаніе съ усопшимъ учителемъ, хотя, конечно, сказанное имъ не поведетъ къ ереси, то слѣдовало обратиться не къ частному письму, случайно появившемуся въ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (не въ извлеченіи, какъ сказано въ Замѣткѣ, а цѣликомъ); слѣдовало обратиться къ печатному разсужденію Московскаго Митрополита, [8] въ которое письмо къ А. Н. М. вошло съ убавленіями и добавленіями; слѣдовало написать не замѣтку, а разборъ порицаемаго разсужденія. Рецензентъ усмотрѣлъ бы тогда, что задача предложена не такъ, какъ въ письмѣ; что слова: «о мирѣ всего міра» не выпущены изъ молитвы и не «оставлены безъ всякаго вниманія,» какъ утверждаетъ Замѣтка; что, говоря собственно о соединеніи Церквей, не для чего было толковать «о мирѣ всего міра,» что, въ сущности, это отдѣльное предложеніе, пожалуй, третья (по порядку первая) часть полной молитвы; что эта особая часть ни сколько не связывается съ двумя другими частями; что начало и конецъ письма къ А. Н. М. разнствуютъ съ приступомъ и заключеніемъ въ печатномъ разсужденіи: начало письма указываетъ на «латиномудрствующаго писателя,» обвинявшаго нашу Церковь въ томъ, что она, молясь о соединеніи Церквей, остается будто бы въ бездѣйствіи; а конецъ письма лично совѣтуетъ А. Н. М. не стѣснять Христіянской любви Православной Церкви и не утверждать, что она не молится объ соединеніи Римской Церкви, какъ, добавлю, Унитской, Армянской и другихъ Христіянскихъ Церквей. Впрочемъ, поощряя къ молитвѣ о соединеніи всѣхъ Христіанъ, онъ напоминаетъ, однако, А. Н. М. строгое церковное правило: «О

---

[8] И при Твореніяхъ Св. Отцевъ и при моей книгѣ о М. М. помѣщенному Прибавленіе послѣднее.

не сообщеніи въ молитвѣ съ разновѣрными: «Приходитъ мысль (сказано на стр. 247 его писемъ), не слишкомъ ли часто на листахъ Вашихъ посѣянъ Армянскій Патріархъ? А что онъ при прощаніи читалъ молитву надъ Вами, и прочіе Армянскіе Архіереи осыпали Васъ благословеніями, сіе провозгласить особенно сомнительно. Иное дѣло любознательному сыну Православной Церкви присутствовать при Богослуженіи Армянской Церкви и изучать оное: иное входитъ въ особенное произвольное общеніе молитвы съ Армянскою Іерархіею. Можетъ быть и Армяне соблазнятся, что ихъ Патріархъ читалъ молитву надъ головою Халкидонца.»

Не знаю кто «латиномудрствующій» писатель, ни его писанія въ книгѣ, или рукописи; но чей бы ни былъ голословный укоръ намъ въ бездѣйствіи, я укажу, въ отвѣтъ, на постепенное и постоянное отъ временъ Св. Равноапостольнаго Владимира обращеніе въ Вѣру истинную необъятной Россіи; на возсоединеніе, въ наше уже время, Унитовъ съ Православною Церковію, на дѣйствія нашихъ миссій, на пр., Алтайской; на проповѣданіе слова Божія за Байкаломъ, въ горахъ Кавказскихъ, на Курильскихъ, Алеутскихъ, островахъ и т. д.; на ежегодное по мѣстамъ присоединеніе иновѣрцевъ, Христіянъ и не Христіянъ, Израильтянъ и Раскольниковъ; на укоренившуюся Единовѣрческую церковь; на миссіонерское общество, вновь учрежденное; на непрерывныя, неисчислимыя жертвы народа и Правительства для поддержанія и построенія Православныхъ храмовъ, не только въ Россіи, а и за границей, въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ.

Что касается совѣта Господину А. Н. М., то, если онъ не покорился и тутъ, какъ во многихъ случаяхъ, совѣтамъ Пастыря, что видно изъ писемъ одного и оговорокъ, оправданій, разглагольствій, другого, то безполезно и заводить съ нимъ рѣчь о молитвѣ, на примѣръ, за оглашенныхъ, за всю братію и за всѣхъ Христіянъ, о молитвахъ, въ началѣ Христіянскаго ученія, за Императоровъ—язычниковъ, за предержащую власть, независимо отъ Вѣроисповѣданія, наконецъ о молитвѣ о воинствѣ, въ которомъ не только находятся иновѣрцы Христіяне, но и Евреи, и Мусульмане, Раскольники и Язычники.

Да и нѣтъ оговорки ни въ Требникахъ, ни въ Катихизисахъ, что дѣйствіе молитвы не распространяется на цѣлую треть на-

шихъ военныхъ силъ, если не болѣе, по числу въ ней разновѣрцевъ, отъ Римско-Католика до идолопоклонника. Прилагательное же къ воинству: «Православное» имѣетъ значеніе, въ смыслѣ собирательномъ, просто войска Православной земли, Государства, всей Россіи, далеко не всей Православной, какъ и ея воины.

3. Смиренномудрый Филаретъ, отдѣливъ молитвы поминальныя, при таинствѣ Евхаристіи, отъ моленія «въ обширномъ составѣ молитвъ, объемлющихъ весь міръ,» говоритъ о соединеніи и возсоединеніи, т. е., полномъ и всесовершенномъ погруженіи, такъ сказать, въ Православіе чуждыхъ, или отпавшихъ, Христіанскихъ Церквей отъ Вселенской (какъ совершилось возсоединеніе Унитской), а не о единеніи на правахъ равенства Инославныхъ [9] Церквей съ Православною, какъ сказано въ Замѣткѣ, какъ это допущено при переименованіи Старообрядчества въ Единовѣріе, [10] какъ этого желаетъ издавна Англиканская Церковь. Нѣтъ! Онъ постоянно былъ такого убѣжденія, что при соединеніи и возсоединеніи Иновѣрческихъ Церквей, обращаемыя въ Православіе лица, общества, церкви, должны безусловно отречься отъ своего Вѣроученія и Вѣроисповѣданія. Инаго сліянія и, тѣмъ болѣе, ни какого сближенія, требующаго обоюдныхъ уступокъ, онъ не допускалъ. Его творенія, его устныя бесѣды, его изреченія, въ его громадной перепискѣ съ разными лицами, вполнѣ объясняютъ богословскія основанія и непоколебимость

[9] Добавить бы для ясности, Христіянскихъ: «Инославныхъ Христіянскихъ» выражаетъ понятіе опредѣлительно; а иначе и правовѣрные Магометане (такъ величающіеся) причислятъ себя къ Инославнымъ. Слово это не имѣетъ на Русскомъ точнаго значенія. Есть другое: Иновѣріе. Отсюда Иновѣрцы, Иновѣрческое ученіе, исповѣданіе и т. п. Такъ и Православіе, Православные, т. е., право или достойно славящіе Бога (благочестивые, правовѣрующіе), суть выраженія точныя, удовлетворительно объясняющія свой смыслъ и на Греческомъ; но слова: Инославный, тогда какъ онъ лжеславный, Инославіе, т. е., лжеславіе, не примѣнимы ни къ какому Христіянскому Вѣроисповѣданію. По составу же слова: Инославіе, т. е., инако или иначе,—славіе, инако,—славный, инако,—славное исповѣданіе, ученіе и т. д., не имѣетъ оно смысла, будь хоть издавна, хоть недавно, допущено въ какую бы ни было терминологію.

[10] Старообрядческая Церковь переименована въ Единовѣрческую Императоромъ Павломъ, по совѣту Митрополита Платона.

Православныхъ убѣжденій Іерарха. Много разсѣяно мыслей и сужденій его относительно «соединенія и возсоединенія» въ моихъ «Запискахъ о жизни и времени святителя.» Въ нихъ приведено, на примѣръ, на стр. 119 — 122, 235 — 242 и другихъ, между прочими повѣствованіями, его мнѣніе объ Англичанахъ и Американцахъ, желающихъ единенія съ нами «на правахъ равенства,» что отвергаетъ и Замѣтка; въ нихъ разсказано о совѣщаніяхъ его съ Пальмеромъ, Юнгомъ, Гете (отцомъ Владимиромъ); въ нихъ изложены замѣчанія на ученіе Англиканской Церкви: въ нихъ опровергнута мнимая непрерывность Апостольскаго въ ней рукоположенія преемственно, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, отвергнуто все то, что нынѣ предлагается и разсказывается въ Докладахъ «Конвокаціи,» подъ такимъ оглавленіемъ помѣщаемыхъ въ Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, [11] и рѣшительно отвергается проводимая заново мысль о взаимнообщеніи Иновѣрческихъ Церквей съ Православною. Все это, вся жизнь Митрополита и послѣдніе дни его на землѣ, опровергаютъ всякій упрекъ ему въ желаніи единенія съ нами Разновѣрныхъ или (по слову Замѣтки) Инославныхъ Церквей на правахъ равенства. Опровергаетъ это и любвеобильное заключеніе его разсужденія: «Итакъ пусть благочестивая ревность молится преимущественно о благостояніи Святыхъ Божіихъ Церквей Православныхъ, и о сохраненіи въ нихъ благодатію Божіею единенія духа въ союзѣ мира. Но пусть и всеобъемлющая любовь Христіанская

---

[11] Поднимаемые и разрѣшаемые вопросы въ «Конвокаціи» помѣщаются вполнѣ и со всѣми прѣніями членовъ «въ Христіянскомъ Чтеніи,» издаваемомъ при С.-П. Дух. Академіи. Жаль, что доставляющій такія любопытныя Духовному Вѣдомству свѣдѣнія, Протоіерей, при нашемъ Посольствѣ, церкви въ Лондонѣ, Евгеній Ивановичъ Поповъ, не дополняетъ ихъ замѣчаніями, поясненіями и заключеніями съ чисто и строго Православной точки зрѣнія. Простая, безъ малѣйшаго опроверженія, передача рѣшительныхъ постановленій не Православнаго общества, можетъ произвести тревожные толки въ народѣ, ободрить Раскольниковъ и возбудить преждевременно въ неприготовленныхъ изданіяхъ сужденія о томъ, что будетъ принято, или непринято, господствующею въ Россіи Церковію. Впрочемъ, какъ этѣ, такъ и другіе, вопросы были предложены предстоятелемъ не Московской только, а Всероссійской, Церкви, по вліянію его на духовноправославное образованіе въ Государствѣ, по довѣрію и любви къ нему народа. Отвѣты на его вопросы (стр. 121 «Записокъ») взялись написать Дентонъ, Фрезеръ, Ниль, Медлъ, Казенду.

молится и о соединеніи всѣхъ Церквей, [12] и о возсоединеніи съ Православною Церковію уклонившихся отъ нея неправыми ученіями, да будетъ, по обѣтованію Господа нашего, Іисуса Христа, едино стадо, какъ уже есть Онъ единый Пастырь и Владыка своей Церкви на земли и на небеси, во времени и въ вѣчности.»

Такъ и послѣдняя бесѣда его со мною, за пять дней до дня кончины благочестиваго старца, его послѣдняя къ собесѣдникамъ рѣчь, его проповѣдь о любви и терпимости, выразила пространно то же ученіе, какое изложено въ разсужденіи, отвергнутомъ Замѣткою.

Вотъ оно: «Всякой, во имя Троицы крещенный, есть Христіанинъ, къ какому бы онъ ни принадлежалъ Исповѣданію. Истинная Вѣра одна: Православная; но и всѣ Христіанскія Вѣрованія, по долготерпѣнію Вседержителя, держатся, Евангеліе вездѣ у всѣхъ одно, да не всѣми одинаково понимается и изъясняется. Заблужденія отпавшихъ отъ Вселенской Церкви не упрекъ отъ рожденія воспитаннымъ въ томъ, или другомъ, Исповѣданіи. Простыя души въ простотѣ и вѣруютъ по ученію, имъ заповѣданному, не смущаясь религіозными прѣніями, для нихъ и недоступными. За нихъ отвѣтъ дадутъ Богу ихъ духовные руководители. Ученые богословы встрѣчаются во всѣхъ Христіанскихъ народахъ, и благочестивые люди бывали, и будутъ, какъ въ Греко-Каѳолической, Православной Церкви, такъ и въ Римско-Католической. Истинная вѣротерпимость не ожесточается средостѣніемъ, раздѣляющимъ Христіанъ, а скорбитъ о заблуждающихъ и молится «о соединеніи всѣхъ.»

---

[12] «Всѣхъ Церквей» согласовано съ текстомъ Литургіи Славенскимъ, а по тексту Греческому должно поставить: всѣхъ «Христіанъ.» Это одно и то же. «Если бы (слова М. Филарета) надлежало дать тексту ограниченное значеніе, то надлежало бы сказать: «о соединеніи всѣхъ Православныхъ.» Безъ сего ограниченія рѣчь необходимо даетъ слѣдующій смыслъ: «о соединеніи всѣхъ Христіанъ Православныхъ между собою и о соединеніи съ ними и съ Православною Церковію и прочихъ Христіанъ, не принадлежащихъ къ единству Церкви Православной.»

«Никогда (повторяю сказанное въ концѣ моихъ «Записокъ») ни о чемъ не говорилъ онъ при мнѣ съ такимъ одушевленіемъ, какъ въ эту послѣднюю съ нами бесѣду говорилъ о Христіанствѣ вообще. Глаза его, всегда выразительные и проницательные, сіяли вдохновеніемъ. Глубокая дума на челѣ смѣнялась улыбкой умиленія. То строгое, то кроткое, выраженіе лица какъ бы досказывало то, что слово не вполнѣ выражаетъ. Служитель, охранитель, проповѣдникъ Православія, онъ постепенно достигъ Евангельской всеобъемлющей любви ко всемірной братіи во Христѣ и какъ бы ниспровергъ всѣ средостѣнія, вкусилъ единенія вѣрованій въ своемъ сердцѣ вѣрою всей жизни своей; погруженный всѣмъ существомъ своимъ во всепобѣждающую, всеспасающую, любовь Христа Искупителя, въ свѣтъ незаходимый Духа Святаго, онъ какъ бы «увидѣлъ день Сына человѣческаго, увидѣлъ и возрадовался,» и какъ бы достигъ вожделѣнной поры, когда будетъ единъ Пастырь и едино стадо.

Николай Сушковъ.

1-го Декабря, 1869 г.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

1869 года, Мая 3-го дня.

1869 года, Мая 3-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Г. Вице-Президента, Князя А. Пр. Ширинскаго-Шихматова, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: А. Ѳ. Вельтмана, М. Л. Назимова, Графа Мих. Вл. Толстого, Ю. Д. Филимонова, А. И. Хмельницкаго, Н. В. Сушкова, П. В. Хавскаго, А. Н. Аѳанасьева, Н. В. Закревскаго, Соревнователей: И. И. Молнара и А. Е. Кудрявцева, и Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное Засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи Протокола предыдущаго Засѣданія, 21-го Декабря минувшаго года, происходило слѣдующее:

1. Д. Членъ и Секретарь Общества, О. М. Бодянскій прочелъ статью, соч. Н. Дубровскаго: «Патріяршіе выходы.»

За тѣмъ читаны были:

А. Отношенія.

2. Предварительнаго Комитета Археологическаго Съѣзда, отъ 26 Дек., 1868, № 88, о высылкѣ свѣдѣній о трудахъ своихъ Членовъ по изслѣдованію древностей въ Россіи, и присылкѣ отъ себя депутата для принятія участія въ занятіяхъ Археологическаго Съѣзда. Отвѣчено, что труды Членовъ находятся въ «Тру-

дахъ «Общества,» а депутатъ пришлется (каковымъ и былъ Д. Членъ Ю. Д. Филимоновъ).

3. Редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 24-го Дек., 1868 г., № 480, о доставленіи въ Редакцію Журнала Протоколовъ Засѣданій Общества, для извлеченія изъ нихъ интереснѣйшихъ для читателей Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія свѣдѣній. Отвѣчено, что Протоколы печатаются въ «Чтеніяхъ,» откуда Редакція можетъ ихъ заимствовать.

4. Карамзинской Общественной Библіотеки въ Симбирскѣ, отъ 29-го Дек., 1868 г., № 289, благодарность Обществу за «Чтенія» 1868 г., и просьба о продолженіи высылки ихъ въ 1869 г. Опредѣлено: «Чтенія» высылать, какъ и прежде.

6. Редакціи Минскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, отъ 24-го Февр., 1869 г., № 197, объ обмѣнѣ, а также о высылкѣ «Чтеній» даромъ Минской Общественной Библіотекѣ. Отвѣчено, что ни то, ни другое не можетъ быть удовлетворено, по скудости средствъ самаго Общества.

7. Секретаря Московской Духовной Консисторіи, П. П. Розонова, пол. 26-го Февр., о возвращеніи 18 руб. 43 коп. сер. въ Общество, въ замѣнъ истраченныхъ послѣднимъ за напечатаніе обертки, титуловъ, брошюровку и пр., къ особымъ оттискамъ статьи его: «Саввинское подворье въ Москвѣ,» помѣщенной въ 4-й книгѣ «Чтеній» 1868 г. Опредѣлено: деньги передать Г. Казначею Общества (и переданы).

8. Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 1-го Февр., 1869 г., № 54: «Отчетъ ея за 1865 и 1866 годы,» и просьба о высылкѣ ей изданій: 1. Славянскихъ Древностей, Шафарика; 2. Критико-литературнаго обозрѣнія путешественниковъ по Россіи, въ переводѣ А. С. Клеванова; 3. Книги Большаго Чертежа; 4. Сѣвернаго берега Понта Евксинскаго, и 5. Корсунскихъ Вратъ. Отвѣчено: такъ какъ первыя два изданія,—частная собственность, то они и не могутъ быть высланы никому; то же, что при-

надлежитъ Обществу и находится въ достаточномъ количествѣ, будетъ отправлено (и отправлено).

Б. Предложенія.

9. Редакціи Журнала «Дѣло,» пол. 28-го Дек., 1868 г., объ обмѣнѣ изданіями.

10. Правленія Новороссійскаго Университета, отъ 19-го Дек., 1868 г., № 668, объ обмѣнѣ на «Записки» его.

11. Редакціи Газеты «День,» органа Русскихъ Евреевъ, издающейся въ Одессѣ, отъ 18-го Марта, 1869 г., объ обмѣнѣ изданіями. Опредѣлено: всѣмъ отказать.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

12. Соревнователя Общества, А. А. Чумикова, изъ Гельсингфорса, пол. 19-го Февр., списки: 1. «Шведамъ, взятымъ въ сраженіи при Полтавѣ; 2. Шведамъ, сдавшимся Кн. Меньшикову при Переволочнѣ, и 3. Русскимъ, убитымъ при Полтавѣ; 4. Капитуляція Шведовъ при р. Днѣпрѣ.» Заимствовано изъ рукописи, писанной Шведскимъ Прапорщикомъ и Финляндскимъ уроженцемъ, Карломъ Фрисомъ, взятымъ въ плѣнъ и сосланнымъ въ Тюмень. Рукопись принадлежитъ Финляндскому литературному Обществу.

б. Статьями:

13. Д. Члена И. П. Липранди, пол. 20-го Дек., 1868 г., двѣ статьи: 1. Мысли по поводу событія 25-го Мая, 1867 г., и 2. Политическая почва Западнаго края въ настоящее время.»

14. Статскаго Совѣтника Н. А. Абрамова, изъ Семипалатинска, отъ 31-го Декабря 1868 г., статья: «Петръ Андреевичъ Словцовъ.»

15. Соревнователя Общества, Е. В. Барсова, изъ Петрозаводска, пол. 12-го Февраля: «Олонецкій монастырь Клименцы, съ

приписными къ нему пустынями, также съ Царскими и Іерархическими грамотами.»

16. Д. Члена Н. В. Сушкова: «Воспоминанія о Виленскомъ и Литовскомъ Митрополитѣ Іосифѣ и объ уничтоженіи Уніи въ Россіи.»

17. Д. Члена Архимандрита Леонида, изъ Цареграда, пол. 28 Февр., статья: «Объ актѣ 1466 года соединенія подъ общимъ управленіемъ Болгарскаго Рыльскаго и Русскаго Аѳонскаго монастырей.»

18. Николая Дубровскаго, пол. 6-го Марта, 1869 г., статья: Патріаршіе выходы.»

в. Книгами:

19. Заслуженнаго Профессора С.-Петербурскаго Университета, И. И. Срезневскаго: «Древніе Славянскіе памятники кссваго письма. Спб. 1868 г.»

20. Югославянской Академіи въ Загребѣ: «Rad. Kniga V. Zagreb, 1868.»

21. Новороссійскаго Университета, «Записокъ» его томъ 3-й, вып. 1-й. Одесса. 1868.

22. Императорскаго Московскаго Университета: «Рѣчи и отчетъ, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, 12-го Генваря, 1869 г. М. 1869.»

23. Д. Члена Графа М. В. Толстого: «Русскіе подвижники. Москва. 1869.»

24. Соревнователя Общества, Почетнаго Каноника Іосифа Малышевича (Гродненской Губерніи, Бѣлостоцкаго Уѣзда, въ с. Неводницѣ): 1. Statut W. X. L. изданіе 4, z przydatkiem Summaryuszow praw Konstytucyi. Wilno, 1744, fol; 2. Ibid. Trybanal obywatelom W. X. L, na sejmie Warszawskiem dany 1581. W., druk

Akad. S. J. 1744; 3. Ibid. Coaequatio jurium una cum ordinatione tribunaliorum et repartitioneque exercituum Mag. Duc. Litv.; 4. Вѣстникъ Западной Россіи. Книгъ 12. 1867—68; 5. Рукопись на Славянскомъ языкѣ, начин.: «Тысяча семсотъ шестого мѣсяца Марта перваго числа» и пр. in fol. (не нумеров. стр. 24); 6. 1623, Генв. 3, на Славян. Запись отъ Бурнаковой на Куковичы данъ (рукопись), fol. Не нумер. стр. 6; 7. на Польскомъ языкѣ съ 1764 г., Марта 7-го дня, запись приданаго на 2200 fl. или 330 руб. сер. złotem ważnem puri auri obrączkowej in regno bez braku currenti moneta и пр.» (рукопись).

25. Императорскаго Археологическаго Общества: 1. Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества. Часть XIII. Спб. 1868; 2. Словарь Джагатайско-Турецкій, изд. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ. Спб. 1868; 3. Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества. Томъ VI, отд. 1, выпуски 1—3.»

26. Императорскаго Харьковскаго Университета: «Протоколы Засѣданій Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета и Приложенія къ нимъ. 1868 г. № 5. Харьковъ, 1868.»

27. Императорскаго Московскаго Университета: «Московскія Университетскія Извѣстія, 9 книгъ за 1868.»

28. Д. Члена С. М. Соловьева: «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ XVIII. М. 1868.»

29. Якова Березина-Ширяева: «Матеріалы для библіографіи, или обозрѣніе Русскихъ и иностранныхъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ любителя историческихъ наукъ и словесности. Кн. VII о Русскихъ и иностранныхъ книгахъ, изданныхъ въ XIX вѣкѣ. Спб. 1869.»

30. Смитсоновскаго Учрежденія въ Вашингтонѣ: «Report etc. fur the Year 1866. Washington. 1867.»

31. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: «Записки. Томъ 7-й, съ 4 литографированными листами. Одесса. 1868; 2. Отчетъ съ 14 Ноября 1867 по 14 Ноября 1868. Одесса, 1869.»

32. Императорскаго Казанскаго Университета: 1. «Извѣстія и Ученыя Записки 1867 года. Выпуски V и VI. Казань, 1868; 2 Тоже 1868 г. вып. 1. Казань. 1869; 3. Теорія волнъ, происходящихъ отъ поступательнаго внѣшняго давленія. Почетн. Члена Казанскаго Университета, А. Попова. Казань, 1868.»

33. Д. Члена Макарія, Епископа Орловскаго: «Слово въ память тысячелѣтія со дня преставленія святаго равноапостольнаго Кирилла, просвѣтителя Славянъ, произнесенное Преосвященнѣйшимъ Макаріемъ, Епископомъ Орловскимъ и Сѣвскимъ, въ Семинарской церкви, 14 Февр., 1869 г. (Изъ 4-го № Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, 1869 г.»

34. Археологическаго Общества въ Москвѣ: «Древности.» Томъ 2-й, вып. 1-й. М. 1869.»

35. Императорскаго Археологическаго Общества въ С.-Петербургѣ: «Отчеты его за 1865—1866 годы.»

г. Вещами:

36. Поч. Члена Якова Ѳедоровича Головацкаго: его фотографическій портретъ.

37. Соревнователя Общества, Почетнаго Каноника Іосифа Малышевича: монетъ серебряныхъ 10, монетъ и жетоновъ мѣдныхъ 4.

Опредѣлено: матеріялы и статьи разсмотрѣть, книги и портретъ Г. Головацкаго сдать въ библіотеку, а монеты и жетоны въ минцъ-кабинетъ.

г. Заявленія:

38. За телеграммы изъ Петербурга и въ Петербургъ, по случаю посылки Депутата отъ Общества, для присутствованія при празднованіи 50-лѣтія Петербурскаго Университета, издержано 5 руб. Опредѣлено: возвратить истраченное по принадлежности.

Въ концѣ Засѣданія Секретарь и Д. Членъ Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную 1-ю книгу «Чтеній» 1869 г., заключающую въ себѣ $49^{5}/_{8}$ лист. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія. Война 1812 года. Замѣчанія на 2-й томъ «Исторіи Отечественной войны 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ, соч. Г.-М. Богдановича. Спб. 1859—60, въ 8-ку, 3 тома. Д. Члена И. П. Липранди.

II. Матеріялы Отечественые. Рускія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть 1. Пѣсни голосовыя или протяжныя.

III. Матеріялы Славянскіе. Widok przemocy na slabą newinność srogo wywartey или Историческія Записки о событіяхъ на Волыни Греко-Уніятскаго Луцкаго Капитула, Ѳеодосія Бродовича. Summariusz tych praw, dokumentów y wszelakich tranzakcyi, które w tey księdzi pod alfabetycznemi literami wzmiankowane, tu zaś per extensum położone są, т. е., Приложенія.

IV. Матеріялы Иностранные. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное Секретаремъ Посольства, Адамомъ Олеаріемъ. Перев. съ Нѣмецкаго П. П. Барсова. Книга IV.

V. Смѣсь. Письмо Ивана Никитича Романова изъ Москвы къ Митрополиту Филарету. Сообщ. Соревнователь А. А. Чумиковъ. Повѣсть о прихожденіи Свѣйскаго Краля съ Нѣмцы подъ градъ Псковъ. Сообщ, М. И. Семевскій. Смертный приговоръ Стенькѣ Разину и брату его Фролкѣ. Сообщ. М. Владыкинъ. О бывшемъ Тобольскомъ Намѣстничествѣ 1782—1797 г. Н. А. Абрамова. Іеромонахъ Константинъ Неаполитанскій (Новгородскій), Капелянъ Русскаго Императорскаго Резидента въ Константинополѣ, убіенный Турками 26 Декабря, 1742 года, и причтенный Греческою Константинопольскою Церковію къ лику Святыхъ. Д. Члена Архимандрита Леонида. О Татіанинской церкви Императорскаго Московскаго Университета. Съ планомъ Университскимъ, что на Моховой

дому съ прикосновенностями. Н. П. Розонова. Письма Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому и Зарайскому. Сообщ. Священникъ Н. Гумилевъ. Воспоминанія о Митрополитѣ Литовскомъ и Виленскомъ Іосифѣ и объ уничтоженіи Уніи въ Россіи. Д. Члена Н. В. Сушкова. Документы о Старообрядцахъ нашего времени. Продолженіе: 16—19. Сообщ. И. Г. Привѣтствіе Императорскому С-Петербургскому Университету, въ день его юбилея 9 Февраля, 1869 г. Замѣтка. О. М. Бодянскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Стран.

Новгородъ самъ въ себѣ. Василія Пассека..... 1 — 187

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть 1. Пѣсни свадебныя: Тульской, Калужской, Рязанской, Тверской и Новгородской Губерній. 411 — 510

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Очеркъ исторіи Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія. Д Члена А. С. Клеванова. Книга I-я: Отъ принятія Христіянства до появленія Гуса, какъ народнаго проповѣдника..... 117 — 272

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Подробное описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное Секретаремъ Посольства, Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмецкаго П. П. Барсова. Книга V, повѣствующая о Персидскомъ Государствѣ и его обитателяхъ (окончаніе)..... 797 — 920

V.

СМѢСЬ.

	Стран.
Историческіе и Юридическіе акты XVII и XVIII столѣтій, собранные М. И. Семевскимъ.....	1 — 88
Мысли по поводу событія 25 Мая, 1867 года. Д. Члена. И. П. Липранди.....	89 — 140
О курганахъ, господствующихъ въ Московской Губерніи. А. А. Гатцука.....	141 — 156
Записка, представленная Директоромъ Канцеляріи Главнокомандующаго 1-ю арміею, Тайнымъ Совѣтникомъ Козачковскимъ, Исправлявшему должность Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, Генералъ-Адъютанту, Графу Ламберту I-му, въ Сентябрѣ 1861 года.....	157 — 166
Аппелляціонный отзывъ Старообрядческаго Священника, Александра Арсентьева.....	167 — 171
Письмо инока Вонифатія къ родственнику своему..	172 — 175
Письма Профессора Московскаго Университета, И. И. Давыдова, къ Князю Н. Н. Голицыну, Правителю Канцеляріи Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.....	176 — 180
Объ уволненіи Кіевскаго и Московскаго Митрополитовъ въ ихъ Епархіи 1842 года. Д. Члена Н. В. Сушкова.....	181 — 192
Значеніе церковной молитвы о соединеніи Церквей. Д. Члена Н. В. Сушкова.....	193 — 200
Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 3-го Мая, 1869 года.....	201 — 208

ОПЕЧАТКИ

въ III книгѣ «Чтеній» 1869 года, Отд. V.

		Напечатано:	*Читайте:*
Стран.	Строк.		
241	3	презобои уютъ	презобилуютъ
—	—	—висится	высится
—	4	висятся	высятся

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Годъ 2, книги 2—9, по 2 руб. каждая.
Годъ 3, книги 1—9, по 2 руб. каждая.
Годъ 4, книги 1, 2 рубля.
Годы 1858, 1859, 1860, по 4 книги въ каждомъ, по 10 руб. годъ.
Годы 1861—1868, тоже по 4 книги, по 6 руб. годъ.
Все же изданіе, безъ пересылки, 114 руб.
За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 года.

25 книгъ, каждая по . . 1 р. 50 к.
а за всѣ безъ перес. . . 37 „ 50 „
съ пересылкой . . . . 45 „ — „

На пересылку всякой книги „Временника“ за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Алексѣя Егоровича Кудрявцева, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Коммиссіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

Славянскія Древности, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 ф.

О времени происхожденія Славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855 г., ц. 2 р., съ перес. 3 р.

Исторія Русовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго Георгія Конискаго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылки.

Гусъ и Лютеръ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., два тома, ц. 4 р.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860 г., ц. 1 р. 50 к.

О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма, соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стриннгольма, пер. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Путешествія Венеціянца **Марка Поло** въ XIII стол., съ объясненіями Авг. Бюрка, перев. А. Н. Шемякина, М. 1863 г., ц. 1 р. 50к., съ перес. 2 р.

Жизнеописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, перев. съ Нѣмецк. А. Н. Шемякина. М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Письма Филарета, Митрополита Московскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1868 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Письма Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго, къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому. М. 1869 г., ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

Записки Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 г. М. 1868 г., ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. серебр.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ

выходятъ и въ 1870 году, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріалы: Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая — шесть рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста — семь съ полтиной. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или къ Московскому книгопродавцу, Ивану Григорьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Базунову), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,

въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТЪ,

Князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ,

на Якиманкѣ, въ домѣ Нечаева.

СЕКРЕТАРЬ,

Осипъ Максимовичъ Бодянскій,

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещеринова.

БИБЛІОТЕКАРЬ,

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,

Въ Кремлѣ у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ,

Михаилъ Леонтьевичъ Назимовъ,

на Рождественкѣ, въ Университетской Клиникѣ.

АКТУАРІЙ,

Алексѣй Егоровичъ Кудрявцевъ,

на Моховой, въ новомъ зданіи Университета.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.